КАБИНЕТ ИСТОРИИ.
НЕ КОПИРОВАТЬ
И 305/I

М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1880 годъ.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.

1898.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

13732-45

2007052001

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллежскимъ вал., соб. д., 2 ст. Моск. уѣзда.

Мал. Карловъ

1880 г

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, МОСКВА

1880 годъ.

Указатель статей[1].

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы.[2]

Лучшій способъ ознаменовать 25-лѣтній юбилей царствованія Александра II. 23.

25-лѣтняя дѣятельность и нравственный обликъ Императора Александра II и Императрицы Маріи Александровны. 49.

Празднованіе въ Москвѣ 25-лѣтія царствованія Императора Александра II. 50—А. Б.

Національная и антинаціональная партія въ Россіи. 94—А.

Администрація.

Пенсіонный уставъ. 28.

Ростовщичество. 59.

Характеристика дѣятельности III отдѣленія за послѣднее время его существованія. 222—А.

Возраженіе на упреки газеты *Голосъ* III-му отдѣленію. 233.

Предстоящая ревизія восьми губерній. 266.

Военное дѣло.

Вопросъ о сокращеніи сроковъ службы и учрежденіи унтеръ-офицерскихъ школъ. 24. 330—А.

Вопросъ о снабженіи кавалерійскихъ офицеровъ лошадьми. 32—Б.

Нѣкоторые выводы изъ „Краткаго отчета“ по исполненію призыва къ воинской повинности въ 1879 году. 42—Б.

Неправильная постановка воспитательнаго дѣла въ нашей арміи. 77.

Новое положеніе объ эмеритальной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства. 79—Б.

Вредъ ограниченія служебныхъ правъ военнослужащихъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. 89—А.

Мѣры къ усиленію выпуска въ армію болѣе образованныхъ офицеровъ. 103—Б.

О необходимости согласовать способы продовольствія войскъ въ мирное и военное время и улучшить оружіе. 152.

Необходимость преобразованія военнаго провіантскаго вѣдомства. 285.

Необходимость измѣненій въ Уставѣ о воинской повинности въ виду бѣдствій отъ неурожая. 301—А.

Предполагаемая реформа Военнаго Министерства (отдѣленія строевой части отъ административной.) 334.

Крамола.

Статья кн. Н. Н. Голицына по поводу покушенія 19-го ноября 1879 г. 19—Б.

„Русскій народъ“ и „Петербургская интеллигенція.“ (Отвѣтъ Кавелину). 66.

„Либерализмъ“ нашей интеллигенціи какъ главное условіе развитія нигилизма (процессъ сообщниковъ Нечаева). 67. 75.

Патріотизмъ — залогъ побѣды надъ крамолой (русское общество наканунѣ Польскаго мятежа). 101. 94—А, стр. 195.

Образецъ слабости административныхъ дѣйствій въ борьбѣ съ крамолой (дѣло „инженера Сашки.“) 40—А.

Необходимость диктатуры для борьбы съ крамолой; приказъ ген. Гурко; телеграмма ген. Богдановича (по поводу взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ). 37—А.

Сообщеніе корреспондентовъ о взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ. 38.

Результаты дознанія о взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ. 42—А. стр. 88.

Сближеніе иностранными политиками нашего „нигилизма“ съ „панславизмомъ.“ 39. 44—Б.

Потребность въ твердой и энергической власти для борьбы съ крамолой. 44—А. 47—А. 51.

Назначеніе гр. Лорисъ-Меликова предсѣдателемъ Верховной Распорядительной Коммиссіи. 45—А.

Высочайшій указъ объ учрежденіи Верховной Распорядительной Коммиссіи. 46—А.

---

[1]) Цифры означаютъ нумера *Московскихъ Вѣдомостей*, а буквы А, Б, В означаютъ первая, вторая или третья статьи въ данномъ нумерѣ. Указаніе страницы при нумерѣ означаетъ часть статьи. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть обозначено лишь приблизительно.

[2]) Общіе вопросы касающіеся Россіи затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ помѣщенныхъ подъ другими рубриками

Нѣсколько словъ по поводу обращенія гр. Лорисъ-Меликова къ обществу за содѣйствіемъ въ борьбѣ съ крамолой. 47—А.

Покушеніе противъ гр. Лорисъ-Меликова. 51.

Неудовлетворительность нашей паспортной системы какъ полицейской мѣры. 45—В.

Нигилистическій катехизисъ. 70.

Дѣло Прасковьи Качки. 82—Б. 86—Б.

Три періода крамолы. 84.

Статьи *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 8-го января 1870 г. (отвѣтъ на обвиненія въ антиправительственномъ образѣ дѣйствій). 91—Б.

Кто наши революціонеры? 94—Б.

Вліяніе современнаго положенія дѣлъ въ Россіи на успѣхи крамолы. 213.

Доктрина международнаго нейтралитета не примѣнима къ крамольникамъ. 42—А. 52.

Признаніе Гартманна напечатанное въ Лондонской газетѣ. 68—А.

Толки иностранной печати объ охлажденіи между Франціей и Россіей. 72 стр. 144. 145.

Не сама-ли Россія повинна въ рѣшеніи Франціи? 79—А.

Пагубныя послѣдствія Гартманновскаго дѣла для Франціи. 80—В.

Намѣренная ложь французскаго правительства при отказѣ въ выдачѣ Гартманна. 86—А.

Стремленія Франціи загладить впечатлѣніе Гартманновскаго дѣла. 102, стр. 215.

Награда за попытку содѣйствія властямъ. 73.

Причина осужденія Булюбаша. 107—А.

Рѣшеніе Сената по дѣлу г. Булюбаша. 198.

Отношеніе печати къ „ренегатамъ нигилизма.“ 80—Б.

Свѣдѣнія о г. Дьяковѣ. 87.

Судебное разбирательство по дѣлу г. Дьякова. 93.

Послѣдствія несвоевременнаго обнародованія обвинительнаго акта по дѣлу Веймара. 132—А.

Нѣкоторыя интересныя подробности дѣла. 139.

По поводу перепечатыванія отчета о Кіевскомъ процессѣ. 297—Б.

„Революціонныя маріонетки“ (показанія Гольденберга). 308. 316.

Крестьянское дѣло.

Ослабленіе крестьянскаго семейнаго строя. 96.

Обращеніе хлѣбныхъ запасовъ въ денежные капиталы. 239.

Нѣсколько словъ по поводу статьи П. В. „Крестьянское дѣло и его современная постановка.“ 246. 251.

Литература, наука и искусство.

Кого чествуетъ Россія въ лицѣ А. С. Пушкина (по поводу открытія памятника.) 155.

Морское дѣло.

Аварія броненосца „Кремль.“ 170—А.

Необходимость сооруженія броненосцевъ для развитія нашихъ военно-морскихъ средствъ. 342—А.

Москва.

Вопросъ о перестройкѣ торговыхъ рядовъ. 288—Б.

Печать.

По поводу полемики г. Тургенева съ „Иногороднимъ Обывателемъ.“ 5—Б.

Излишнія хлопоты *Сѣверо-Германской Газеты* (о смѣнѣ русскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ). 40—Б.

Выговоръ *Сѣверо-Германской Газеты Новому Времени*. 25—Б.

Почтовое и телеграфное дѣло.

Русско-Германская телеграфная конвенція. 244—А.

Прибалтійскій край.

Особенности судебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ. 163.

Пути сообщенія.

Необходимость упорядоченія нашего желѣзнодорожнаго дѣла. 147. 150.

Несообразности желѣзнодорожныхъ тарифовъ. 154. 185, стр. 369.

Затруднительность перевозки грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. 157.

Неудовлетворительность условій передвиженія скота по желѣзнымъ дорогамъ и скотопрогоннымъ трактамъ, какъ причина вздорожанія мяса. 166. 299.

Проектъ переустройства нашихъ желѣзнодорожныхъ порядковъ. 185.

Желѣзнодорожныя злоупотребленія. Проектъ учрежденія „высшаго желѣзнодорожнаго совѣта.“ Необходимость судебной отвѣтственности для желѣзныхъ дорогъ. 190.

Неотложная необходимость постройки сибирской желѣзной дороги. 220. 225.

Къ вопросу о постройкѣ на казенныя средства Екатеринбурго-Тюменскаго участка Южно-Сибирской желѣзной дороги. 267.

Первый участокъ военной Закаспійской желѣзной дороги. 275.

Тарифная политика нашихъ желѣзныхъ дорогъ. 314. 318.

Попытки замять вопросъ о переходѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ изъ частныхъ рукъ къ государству. 325.

Образчикъ взаимныхъ отношеній публики и желѣзныхъ дорогъ. 330—Б.

Необходимость реформы желѣзно-дорожныхъ тарифовъ. 345.

Религія.

Японская Православная миссія. 89—В. 109. 115.

Русскія владѣнія въ Азіи.

Занятіе Бами. Разница между способомъ дѣйствій г. Скобелева и начальниковъ прошлогодней экспедиціи. 176.

Рекогносцировочная экспедиція въ Геокъ-Тепе. 201.

Очеркъ настоящаго положенія Ахалъ-Текинской экспедиціи. 229.

Тревога берлинской печати. Мѣры по снабженію дѣйствующаго отряда и его пути сообщенія. 281.

Важныя извѣстія касательно нашихъ Средне-Азіатскихъ дѣлъ. 344—А.

Сообщенія англійскихъ газетъ о ходѣ нашихъ военныхъ дѣйствій. 349.

Самоуправленіе.

Вопросъ объ измѣненіи 30-й, 31-й и 32-й статей положенія о земскихъ учрежденіяхъ. 306—А.

Сельское хозяйство.

Неосновательныя жалобы на отпускъ хлѣба за границу и подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ. 164. 169. 178.

„Статистическія данныя о земледѣліи и торговлѣ продуктами сельскаго хозяйства въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи“ соч. Кенига. 204.

Американская конкурренція нашей хлѣбной торговлѣ; можетъ ли Россія дать ей отпоръ? 209.

Сокращеніе нашего хлѣбнаго отпуска. Необходимость подъема нашего скотоводства. 212.

О мѣрахъ нашей лѣсоохранительной политики. 223.

Мѣры для борьбы съ бѣдствіями отъ неурожая и для предотвращенія неурожая въ будущемъ. 271.

Обзоръ результатовъ урожая 1880 года. 274.

Важное значеніе желѣзно-дорожныхъ тарифовъ въ вопросѣ о народномъ продовольствіи. 288—А.

Неправильные толки по поводу неурожая. 290, стр. 542.

Наша земледѣльческая статистика 292.

Хлѣбная спекуляція и мѣры къ ея пресѣченію. 295. 297—А. 302. 304. 311.

Дурныя послѣдствія неправильной системы продовольственныхъ пособій. 322.

Преувеличенныя жалобы на неурожай. Нашъ аграрный вопросъ. 336, стр. 624.

Продовольственная коммиссія. 348.

Статьи разнаго содержанія.

Мотивы поѣздки по Волгѣ министра Внутреннихъ Дѣлъ. 143.

Рѣчь К. П. Побѣдоносцева на выпускѣ дѣвицъ въ Ярославскомъ Епархіальномъ училищѣ. 170—Б.

Убійство О. Н. Скобелевой. 197.

Судебное дѣло.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта объ основныхъ положеніяхъ имѣющихъ служить руководствомъ при преобразованіи тюремной части и при пересмотрѣ „Уложенія о наказаніяхъ.“ 19—А.

Вопросъ о наказаніи убійцы полковника Куммерау. 122.

Злоупотребленія психіатріей на судѣ. 145—Б.

Необходимость смертной казни какъ кары за убійство. 257.

Торговля и промышленность.

Безплодныя жертвы съ цѣлью развитія русскаго желѣзнаго производства. Необходимость безпристрастной разверстки льготъ и субсидій. 78.

Вопросъ о топливѣ въ нашемъ чугунно-плавильномъ дѣлѣ. Намѣренныя жалобы на недостатокъ чугуна. 82—А.

Необходимость національной политики въ нашихъ экономическихъ вопросахъ. 175. 196, стр. 388.

Необходимость улучшенія нашего торговаго баланса. 196.

Необходимость вывести Россію изъ экономической зависимости отъ иностранныхъ державъ. 262.

Фальшивое указаніе на минувшую войну какъ на причину экономическаго кризиса. Толки о хронической недостачѣ хлѣба для народнаго продовольствія въ Россіи. 283.

Ошибки нашей экономической политики. Упадокъ льняной промышленности. 290, стр. 543.

Учебное дѣло.

Возобновившаяся агитація противъ учебной реформы. 36.

Система графа Строганова въ управленіи Московскимъ Университетомъ. 47—Б.

Коллегія С. С. Полякова. 91—А.

Неправильный способъ дѣйствій относительно учащейся молодежи. 99—Б. 107—Б.

Неосновательность надеждъ на уничтоженіе классической системы съ увольненіемъ гр. Толстого. 121—Б.

Обзоръ дѣятельности гр. Толстого въ качествѣ министра Народнаго Просвѣщенія. 125.

Постановленія коммиссіи 1874-го года касательно реформы высшихъ учебныхъ заведеній. 127—Б.

Маневръ *Голоса* передъ новой атакой противъ классическаго образованія. 132—Б.

Классическая система гр. Толстого. 180.

Истинныя цѣли „петербургскихъ реформаторовъ“ классической системы. 208.

Замѣтка *Правительственнаго Вѣстника* о студенческихъ безпорядкахъ. 276—Б.

Нѣсколько словъ по поводу увольненія князя Н. П. Мещерскаго отъ должности попечителя Московскаго Учебнаго Округа. 301—Б.

Возраженіе на выходку петербургской газеты (по поводу ст. 301—Б.) 306—Б.

Студенческіе безпорядки въ Московскомъ Университетѣ и ихъ истинные виновники. 338—Б.

Отвѣтъ *Русскимъ Вѣдомостямъ* (по поводу обвиненія *Московскихъ Вѣдомостей* во враждѣ къ учащейся молодежи.) 340.

Студенческіе безпорядки. Необходимость освободить профессорскія коллегіи отъ политическаго принципа. 341.

Отвѣтъ на порицанія образа дѣйствій *Московскихъ Вѣдомостей* въ университетской исторіи. 342—Б.

Отвѣтъ студенту Баженову (объ отношеніи *Московскихъ Вѣдомостей* къ учащейся молодежи). 344—Б.

Финансовые вопросы.

Бездефицитное сведеніе росписи на 1880 г.; надежды на ея бездефицитное исполненіе; необходимость сокращенія бюджетныхъ расходовъ. 4.

Фальшивое объясненіе вздороженія продуктовъ излишествомъ бумажно-денежныхъ знаковъ. Тяжелыя жертвы для изъятія кредитныхъ билетовъ. 16.

Экономическое и финансовое благосостояніе Россіи при наступленіи 1880 г. Тяжелыя жертвы для изъятія кредитныхъ билетовъ. Мнимо-чрезмѣрное обиліе денежныхъ знаковъ. 21.

Мнимо-чрезмѣрное обиліе денежныхъ знаковъ. Причина уплыва звонкой монеты за-границу кроется не въ бумажныхъ выпускахъ, а въ невыгодности нашего заграничнаго „разчетнаго“ баланса. 25—А.

Необходимость пересмотра нашего таможеннаго тарифа въ видахъ измѣнившихся условій нашего шерстянаго производства. 30. 65.

Необходимость пересмотра таможеннаго тарифа въ виду измѣнившихся условій нашей торговли саломъ и спеціализаціи нашей отпускной торговли. 35.

Необходимость преобразованія таможеннаго тарифа въ интересахъ нашей химической промышленности. 46—Б.

Необходимость отмѣны соляного акциза. Возмѣщеніе казнѣ соляного дохода. 54.

Тактика противниковъ таможенной реформы. Необходимость повышенія налога на привозное сырье. 56. 71.

Важность мнѣнія Москвы, какъ торговаго и промышленнаго центра, въ таможенномъ вопросѣ. Необходимость пересмотра таможеннаго тарифа. 99—А.

Выводы изъ отчета о таможенныхъ сборахъ. 103—А.

Необходимость повышенія пошлины на привозное желѣзо. 113.

Необходимость повышенія пошлинъ на чугунъ. 120.

Эгоистическіе расчеты агитаціи противъ измѣненія таможенныхъ пошлинъ. Необходимость повышенія пошлины на привозныя машины и желѣзо въ интересахъ русскаго земледѣлія. 129.

Наши чрезмѣрныя и безплодныя заботы о валютѣ. 133—А.

Новый желѣзнодорожный заемъ. 133—Б. 134. 138. 146.

Увеличеніе нашего таможеннаго дохода и надлежащая его эксплуатація. 161.

Отмѣна безпошлиннаго привоза изъ за границы чугуна и желѣза и измѣненіе таможенныхъ пошлинъ на желѣзо, сталь, металлическія издѣлія и машины. 182.

Новый товарищъ министра финансовъ Н. Х. Бунге и вопросъ объ исправленіи денежнаго обращенія. 189. 194.

Какимъ образомъ добиваться исправленія нашей валюты? Избытокъ бумажныхъ денегъ не есть наше главное финансовое и экономическое зло. 231.

Слабость вліянія бумажно-денежнаго обращенія на наши вексельные курсы. 236.

Мѣры предлагаемыя приверженцами національной и космополитической экономической доктрины для исправленія нашей бумажно-денежной системы. 253.

Фальшивые толки о вліяніи паденія вексельныхъ курсовъ на подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ и о вліяніи бумажно-денежныхъ выпусковъ на упадокъ вексельнаго курса. 280.

Матеріальныя невыгоды и нравственный вредъ отъ перемѣны ломбарднаго порядка на систему цѣнныхъ бумагъ. 287.

Необходимость устраненія розни между фискомъ и народнымъ хозяйствомъ. 309.

Послѣдствія отмѣны соляного акциза. 327. 332.

Источники замѣны соляного налога. 337. 353.

Отчетъ Государственнаго Контроля за 1879 годъ. 343.

Свѣтлыя и темныя стороны нашего финансоваго положенія. 346.

Государственная роспись на 1881 годъ и сокращеніе бумажно-денежныхъ выпусковъ. 351.

Отношеніе Германіи къ возвышенію нашихъ ввозныхъ пошлинъ. 355. 356—А. 362.

Статья Н. Х. Бунге „Замѣтки о настоящемъ положеніи нашей денежной системы и средствахъ къ ея улучшенію.“ 361.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Австро-Венгрія.

Нравственное растлѣніе мадьярской аристократіи. 9.

Руссофильская рѣчь барона Гюбнера и враждебная Россіи рѣчь Коломана Тисы. 22.

Иллюстрація къ комедіи Цислейтанской конституціи. Возрастающее вліяніе Транслейтаніи. 98.

Тревога австро-венгерской печати по поводу перемѣны англійской политики въ дѣлахъ Востока. 140.

Ликованіе Поляковъ и венгерскихъ патріотовъ по поводу поѣздки императора Франца-Іосифа въ Галицію; двойственное отношеніе къ ней вѣнской печати. 244—Б.

Манифестація императора Франца Іосифа противъ Россіи. Внутренняя неурядица въ Австро-Венгріи. Сомнѣніе въ существованіи Австро германскаго союза. 286.

Воинственныя приготовленія Австро-Венгріи и успокоительные толки европейской печати. 289.

Стремленіе австрійскихъ нѣмцевъ къ государственному единенію съ Германіей. 315.

Азія.

Приготовленія Китая къ войнѣ съ Россіей. 174. 224. 329.

Англія.

Антирусская агитація передъ парламентскими выборами. 10.

Тронная рѣчь королевы. Политика Англіи въ Аѳганистанѣ. 26.

Переговоры между Англіей и Персіей относительно Герата. 37—Б.

Уловки избирательной агитаціи. Слухъ о присоединеніи Англіи къ Австро-Германскому союзу. 74.

Борьба партій при выборахъ и газетные толки о результатѣ выборовъ. 80—А.

Вѣроятный исходъ выборовъ и связанные съ нимъ вопросы иностранной политики. 81. 82—В.

Причины паденія лорда Биконсфильда. Предположеніе насчетъ новаго кабинета. 88.

Назначеніе Гладстона премьеромъ. Опасеніе австрійской печати за судьбу Берлинскаго трактата. Мнѣнія газеты *Times* по тому же вопросу. 106.

Отреченіе Гладстона отъ своихъ прежнихъ рѣчей относительно Восточнаго вопроса вообще и Австріи въ особенности. 126.

Благопріятная для Россіи перемѣна англійской политики. 131—А. 136.

Дѣло Брадло о парламентской присягѣ. 171.

Значеніе личности Гладстона для направленія англійской политики. 210.

Отклоненіе палатой лордовъ билля о вознагражденіи ирландскихъ арендаторовъ. 211.

Безпорядки въ Ирландіи вслѣдствіе отклоненія палатой лордовъ билля о вознагражденіи ирландскихъ арендаторовъ. 234.

Неблагопріятный для Гладстона поворотъ въ англійскомъ общественномъ мнѣніи. 279.

Британскія затрудненія въ Ирландіи. Слухи о непрочномъ положеніи Гладстона и его восточной политики. 296.

Рѣчь Гладстона касательно восточныхъ дѣлъ. 303. 307.

Безпорядки къ Ирландіи. 313. 321. 356—Б.

Восточный вопросъ.

Несостоятельность Берлинскаго трактата какъ гарантіи общаго мира. 1.

Очеркъ дѣйствій европейскихъ державъ въ вопросѣ о Гусиньѣ и Плавѣ. Желѣзнодорожная конвенція между Австріей и Сербіей. 8.

Ошибка Россіи въ отношеніи къ Болгаріи. (По поводу пріѣзда князя Болгарскаго въ Москву). 32—А.

Переговоры между Германіей и Румыніей. Черногорскій вопросъ. Предлагаемая Черногоріи „компенсація“ за Гусинье и Плаву. 68—Б.

Толки иностранной печати относительно дальнѣйшаго хода дѣла по Восточному вопросу. 92. 95.

Новый эпизодъ въ Албаніи и дѣйствія новаго британскаго кабинета въ этомъ вопросѣ. 119.

Интрига европейской печати въ дѣлахъ восточной политики. 141.

Вопросъ о Греко-турецкой границѣ на Берлинской „дополнительной конференціи“. 156. 160. 162. 167. 173. 183.

Вопросъ о приведеніи въ исполненіе рѣшенія Берлинской дополнительной конференціи. 177. 181.

Роль Россіи въ вопросѣ о греко-турецкой границѣ. 184.

Сопротивленіе Турціи требованіямъ Европы относительно греческой границы. Вопросъ объ осуществленіи рѣшеній Европы по Черногорскому и Греческому вопросу. 191. 195. 199. 203, стр. 396.

Новая коллективная нота Портѣ по Черногорскому дѣлу. Непріязнь Франціи къ Англіи по поводу турецкихъ дѣлъ. 206.

Ложныя обвиненія Россіи въ коварныхъ замыслахъ на счетъ Болгаріи. 210, стр. 411.

Возможность присоединенія Румыніи къ Австро-германскому союзу. 216.

Полемика *Temps* противъ восточной политики Гладстона. 227, стр. 439.

„Европейскій концертъ“ и надежды Турокъ. 230.

„Бездѣйствіе„ европейскихъ державъ въ Черногорскомъ и Греческомъ вопросѣ. Задачи австровенгерской политики въ Восточномъ вопросѣ. Мнимая заботливость Европы о Восточной Румеліи. 232.

Приближающаяся развязка Черногорскаго вопроса. Свиданіе кн. Бисмарка съ барономъ Гаймерле. 245.

Статьи Кельнской газеты и рѣчь г. Гладстона касательно Восточнаго вопроса. 248.

Задачи восточной политики Гладстона. 255, стр. 482.

Переговоры Черногоріи съ Портою. 258.

Предложеніе Англіи понудить Порту подчиниться рѣшенію Европы относительно Черногоріи. 269.

Согласіе Турціи подчиниться рѣшенію Европы относительно Черногоріи. Обзоръ хода европейской политики въ Восточномъ вопросѣ. 272.

Заботы австро-германскаго союза о сохраненіи status quo на Балканскомъ полуостровѣ. 276—А.

Цѣль и образъ дѣйствій Россіи въ русско-турецкой войнѣ. 282.

Передача Дульциньо Черногоріи. Измѣнившееся рѣшеніе Европы относительно греческой границы. 320.

Германія.

Бѣдственное состояніе Силезіи. 7.

Толки германской печати о мнимыхъ вооруженіяхъ Россіи и ея „разслабленіи“. Проектъ усиленія германскихъ военныхъ силъ. 11. 12, стр. 25, 43, 53.

Тревожное вниманіе Германіи къ дѣйствіямъ французскаго правительства. Стремленіе Германіи сдѣлать Россію своимъ орудіемъ для устрашенія Франціи. 12.

Проектъ усиленія военныхъ силъ. 11, стр. 23. 15. 17—А, стр. 32. 18. 53, стр. 111. 58, стр. 118.

Отказъ кн. Бисмарка вступить на путь соглашеній съ римской куріей. 29.

Обсужденіе новаго военнаго закона въ германскомъ рейхстагѣ. Завѣренія Германіи въ дружбѣ къ Франціи. 58. 63.

„Канцелярскій кризисъ“ въ Германіи. 88, стр. 182. 300.

Законопроектъ военнаго налога. 105.

Пренія въ рейхстагѣ относительно учрежденія колоніи на островахъ Самоа. 112.

Пренія въ рейхстагѣ и протестъ Гамбурга по вопросу о включеніи Альтоны и Гамбургскаго предмѣстья св. Павла въ таможенную черту. 114. 121—А.

Вопросъ о мѣрахъ для устраненія въ рейхстагѣ неприбытія должнаго числа членовъ. 117.

Намѣреніе Германіи основать собственныя колоніи. 124.

Законопроектъ объ измѣненіи церковно-политическихъ законовъ. 127—А. 131—Б. 135.

Новѣйшій законопроектъ по церковнымъ дѣламъ. 153.

Новый „ускоритель стрѣльбы“ Лёве. 192.

Отвѣтъ „Сѣверо-Германской Всеобщей газеты“ на Шербургскую рѣчь Гамбетты. 227.

Тревога Германіи въ виду толковъ о возможномъ сближеніи между Россіей, Англіей и Франціей. 252, стр. 475.

Толки берлинскихъ газетъ о возобновленіи Тройственнаго Союза. 254, стр. 479.

Ослабленіе Турціи не выгодно для Германіи. 255, стр. 481.

Денежный кризисъ въ Германіи и его значеніе для Россіи. 259.

Грецiя.

Организація и составъ турецкой и греческой армій. Надежды Греціи на помощь Франціи. Отношеніе Германіи къ греческимъ военнымъ приготовленіямъ. 260.

Приготовленія Греціи къ войнѣ съ Турціей. Чего Греціи ожидать отъ Европы? 328.

Отношеніе Европы къ греко-турецкой распрѣ. 331. 335.

Разсужденія газеты *Times* о греко-турецкой распрѣ. 338—А, стр. 629.

Объ европейскомъ третейскомъ судѣ по дѣлу о размежеваніи греко-турецкихъ владѣній. 350.

Франція.

Обзоръ внутренней политики Франціи за истекшій годъ; тревога Германіи въ виду политическихъ событій во Франціи и Италіи. 3. 12, стр. 24.

Предстоящая перемѣна политики; тревога возбужденная этимъ въ Англіи. 17—А, стр. 33.

Стремленіе Франціи загладить впечатлѣніе Гартмановскаго дѣла. Борьба противъ католической церкви. 102. 187, стр. 372. 238, стр. 455.

Проектъ новаго французскаго закона о начальномъ обученіи. 142.

Три французскіе президента. Амнистія коммунаровъ. 168.

Военное празднество и внутреннія неурядицы. 187.

Департаментскіе выборы. Шербургская рѣчь Гамбетты о реваншѣ. 215. 219. 222—Б.

Разладъ между Фрейсине и Гамбеттой по поводу церковнаго вопроса. 238.

Дуэль г. Варнбюлера съ г. Ваддингтономъ. 247. 254, стр. 480.

Министерскій кризисъ. 252, стр. 475.

Новое министерство. 254, стр. 479.

Вліяніе Гамбетты на ходъ дѣлъ во Франціи. 310.

Разговоръ Сенъ-Вальe съ кн. Бисмаркомъ. 338—А.

Англо-афганское столкновеніе.

Пораженіе англійской арміи въ Афганистанѣ. 203, стр. 397. 205.

Политика Гладстона по отношенію къ Афганистану. 218.

Британскія затрудненія въ Афганистанѣ. 296, стр. 552.

Турція.

Нигилизмъ въ Константинополѣ. 45—Б.

Отношеніе Турціи къ перемѣнѣ правительств въ Англіи. 100.

Миссія Гошена. 145—А. 149.

Нѣмецкіе дѣльцы въ Константинополѣ. Толки о германо-турецкомъ союзѣ. 188.

Нравоученія Англіи и Германіи со стороны константинопольской газеты *L'Osmanli*. 243.

„Демонстраціи флотовъ". 261, стр. 492. 264. 265.

Общее обозрѣніе.

Обзоръ англійской, австро-венгерской и германской политики за истекшій годъ. 2.

Австро-германское соглашеніе. Политика Австріи на Балканскомъ полуостровѣ. Заявленія англійскихъ министровъ о Россіи. 5—А.

Сравненіе бюджетовъ европейскихъ державъ за 1865 и 1879 г. во *Francfurter Zeitung*. Лицемѣріе газеты *Times* по вопросу о военныхъ расходахъ. 14.

Дружественное настроеніе вѣнской печати къ Россіи. Враждебное отношеніе французской печати къ Австріи. Мирныя заявленія и военныя приготовленія Германіи и Австріи. 31.

Австро-Германскій союзъ. 72, стр. 145.

Условія принятія Россіи въ Тройной Союзъ. Недоброжелательное отношеніе Австріи къ мысли о Тройномъ Союзѣ. 261, стр. 493.

Затаенный антагонизмъ между Франціей и Германіей. 323. 352. 356—А, стр. 664.

1880 годъ.

№ 1.

Москва, 31-го декабря.

Истекшій годъ былъ годомъ исполненія Берлинскаго трактата, который долженъ былъ умиротворить Европу и послужить основаніемъ новому порядку вещей, какъ въ свое время трактаты Вѣнскій и Парижскій.

Увы, первымъ общимъ результатомъ Берлинскаго конгресса явилось то что существовавшія международныя связи ослабѣли, и открылась возможность новыхъ группировокъ, возбуждающихъ тревогу и опасенія. Отношенія между Германіей и Россіей которыя до конгресса казались на вѣки нерушимыми почему-то вдругъ стали казаться сомнительными. Всѣмъ кажется что Россія не можетъ быть довольна положеніемъ которое ей пришлось принять на конгрессѣ и результатами своей побѣдоносной войны, хотя Россія никакимъ дѣйствіемъ не выражала своего недовольства. Не только печать, но и политика Германіи приняла въ отношеніи къ Россіи тонъ недружелюбный. Насъ попрекали даже выгодами нашей хлѣбной торговли, находя будто она въ ущербъ Германіи. Даже неважный случай съ нѣмецкимъ торговымъ судномъ, задержаннымъ въ Нѣманѣ, былъ возведенъ въ посягательство на интересы Германіи, а между тѣмъ берлинскія газеты сочиняли вѣсти о небываломъ сосредоточеніи русскихъ войскъ на прусской границѣ. Не довольствуясь тѣмъ, какъ бы въ подтвержденіе что разрывъ прежнихъ отношеній есть фактъ совершившійся, Германія стала искать новой группировки и вступила въ какое-то соглашеніе съ Австріей. Пресловутой поѣздкѣ князя Бисмарка въ Вѣну старались придать видъ грозной демонстраціи противъ насъ, которую англійскій министръ привѣтствовать какъ „благую вѣсть великой радости.“

Это тревожное въ отношеніи къ намъ настроеніе германской политики обличаетъ только что она не имѣетъ прежней увѣренности въ Россіи. Суровый тонъ и суровыя мѣры въ отношеніи Россіи имѣли повидимому цѣлію запугать ее, заставить ее почувствовать себя въ безпомощномъ и изолированномъ положеніи и отказаться ото всякой свободы дѣйствій въ будущемъ.

Между тѣмъ, къ концу года, во Франціи произошла перемѣна правительства. На мѣсто безхарактернаго министерства, въ ней водворилась *de facto* диктатура г. Гамбетты, и мы видѣли какъ сразу чутко встрепенулась Германія при этой перемѣнѣ. Что перемѣна власти во Франціи болѣе важна для внѣшнихъ чѣмъ для внутреннихъ ея дѣлъ, это видно изъ рѣзкой перемѣны въ тонѣ сужденій французской печати. На мѣсто прежнихъ хвалебныхъ гимновъ Биконсфильду, и *Journal des Débats* и *République Française*, еще въ маѣ, заявляли о возрастающемъ во Франціи недовѣріи къ Англіи. Въ послѣднее же время, во французской печати, которая прежде съ такою непріязнію относилась ко всѣмъ цѣлямъ и интересамъ русской политики на Востокѣ, сталъ обнаруживаться болѣе симпатическій тонъ. Послѣ перемѣны во Франціи, вдругъ и въ Австріи стали раздаваться голоса совѣтующіе ей искать сближенія съ Россіей, такъ какъ отъ Германіи она не можетъ де ожидать безусловной помощи во всѣхъ случаяхъ.

Если Берлинскій трактатъ не оправдалъ надеждъ на прочное умиротвореніе Евро-

ны, то неудивительно что и въ подробностяхъ своихъ постановленій тѣмъ болѣе оказывается онъ несостоятельнымъ. Подробности эти касаются устройства Балканскаго полуострова, и мы теперь коснемся ихъ по порядку.

Въ началѣ года мы даже не знали находимся ли въ мирѣ или въ войнѣ съ Турціей. Трактатъ былъ сводомъ разныхъ условій постановленныхъ державами не бывшими въ войнѣ. Онъ внесъ много существенныхъ измѣненій въ Санъ-Стефанскій договоръ, но этотъ „прелиминарный трактатъ“ оставался не закрѣпленнымъ, и только 27-го января былъ наконецъ подписанъ въ Константинополѣ окончательный трактатъ о мирѣ между нами и Турціей. Затѣмъ все вниманіе великихъ политиковъ Европы устремилось на то чтобы Россія скорѣе исполнила свои обязательства, и ея войска убрались бы во свояси. Въ этомъ одномъ повидимому хотѣли видѣть всю суть берлинскаго трактата когда твердили о неуклонномъ исполненіи его какъ гарантіи общаго мира. Но въ этомъ отношеніи притворная тревога нашихъ недоброжелателей была излишня. Россія съ буквальною точностью исполнила все что отъ нея требовалось, и въ назначенный срокъ, 15-го іюля, послѣднія русскія войска отплыли изъ Бургаса на родину. Когда это совершилось, противники наши вздохнули свободно.

Искусственное раздѣленіе Болгаріи отозвалось неблагопріятно на устройствѣ обѣихъ половинъ. 10-го февраля Императорскимъ коммиссаромъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ было открыто въ Тырновѣ учредительное собраніе, на коемъ 17-го апрѣля и былъ выбранъ Болгарскимъ княземъ принцъ Александръ Баттенбергскій, принимавшій при нашихъ войскахъ участіе въ войнѣ за освобожденіе Болгарскаго народа. Къ сожалѣнію, наша заботливость не ограничилась этимъ: мы захотѣли одарить новое княжество патентованными учрежденіями по извѣстному шаблону. И вотъ, страна едва избавившаяся отъ баши-бузуковъ, уже испытала блага министерскаго кризиса, который принудилъ князя Александра распустить собраніе. *Правительственный Вѣстникъ* на дняхъ отрицалъ отвѣтственность въ этомъ Россіи, указывая что первоначальный русскій проектъ былъ измѣненъ Тырновскимъ учредительнымъ собраніемъ. Но чего же инаго и можно было ожидать отъ канцелярскаго сочиненія такихъ проектовъ? И зачѣмъ было возбуждать вопросъ объ ограниченіи и ослабленіи власти въ странѣ гдѣ своей власти еще не было и гдѣ нужно было прежде всего установить и укрѣпить ее. Остается надѣяться что здравый смыслъ умнаго и трудолюбиваго Болгарскаго народа, при ревностномъ участіи князя, выведетъ его на вѣрную дорогу.

Положеніе Восточной Румеліи все время также было окружено опасностями и затрудненіями. Благодаря стараніямъ Россіи, провинція по крайней мѣрѣ избавлена отъ присутствія турецкихъ гарнизоновъ, но не было недостатка въ интригахъ вызвать въ ней замѣшательства для предлога къ призванію ихъ. Въ апрѣлѣ былъ назначенъ, съ согласія державъ, генералъ-губернаторомъ этой провинціи на пять лѣтъ князь Богориди, или Алеко-паша, и когда, по уходѣ послѣднихъ русскихъ войскъ, онъ прибылъ вступить въ управленіе и ввести статутъ выработанный европейскою коммиссіей, тотчасъ же возникъ вопросъ, турецкій ли фесъ ему носить или болгарскій *колпакъ*. Наконецъ, и въ Филиппополѣ собралось провинціальное собраніе, но ему не до министерскихъ кризисовъ. Оно затруднено непомѣрно высокими окладами назначенными европейскою коммиссіей поставленнымъ ею чиновникамъ, да необходимостью отнести большія суммы на содержаніе мусульманскихъ выходцевъ, коихъ Порта поспѣшила массами и безо всякихъ средствъ препроводить обратно въ южную Болгарію.

Вообще нѣтъ угла на Балканскомъ полуостровѣ гдѣ бы Берлинскій трактатъ далъ успокоеніе. Различныя коммиссіи даже не окончили должнымъ образомъ разграниченія. Вопросъ объ Арабъ-Табіи умышленно остается открытымъ, благодаря интригѣ, которой выгодно сѣять раздоры. Независимость Румыніи еще не всѣми признана, такъ какъ не всѣ довольны ея рѣшеніемъ вопроса о политическихъ правахъ Евреевъ, а Германія еще ставитъ это признаніе въ зависимость отъ выгодъ для нѣмецкихъ акціонеровъ при выкупѣ Румынскимъ правительствомъ желѣзныхъ дорогъ выстроенныхъ берлинскими спекулянтами. Также на полудорогѣ остается и общее признаніе независимости Сербскаго княжества. Кромѣ того, Сербія съ большимъ трудомъ получила Вранью и под-

верглась вторженіямъ Албанцевъ. Наконецъ, она подвергается сильному давленію со стороны Австріи чтобы постройка желѣзныхъ дорогъ въ странѣ была отдана австрійской компаніи: полагаютъ что тутъ скрываются и другія требованія направленныя къ тому чтобы поставить страну въ полную зависимость отъ Австро-Венгріи. Черногорцы должны снова покупать цѣною крови свои завоеванія, утвержденныя за ними Берлинскимъ трактатомъ. Уже дважды была пролита кровь вслѣдствіе вторженій Албанцевъ на черногорскую территорію. Но какое до того дѣло ревнителямъ Берлинскаго трактата? Англія грозила флотомъ чтобы доставить занятіе скучавшему безъ дѣла Бекеръ-пашѣ, англійскій посолъ разрывалъ сношенія съ Портой изъ-за рукописей какого-то миссіонера, который притомъ оказался и не англійскимъ, а германскимъ подданнымъ. Но нѣтъ и признака чтобы кто-либо изъ представителей державъ поддержалъ безспорное право Черногоріи и настойчиво потребовалъ отъ Порты исполненія рѣшеній Берлинскаго конгресса. Только Россія предлагала нѣчто въ родѣ совокупнаго дѣйствія, но ея предложеніе было отклонено. Не говоримъ о Греческомъ вопросѣ, который обратился въ фарсъ.

Итакъ, на Востокѣ какъ и во всей Европѣ, вмѣсто твердости и успокоенія, все теперь становится подвижнымъ и сомнительнымъ...

№ 2.

Москва, 2-го января.

Положеніе Англіи, нашей соперницы на всѣхъ путяхъ, несмотря на задоръ ея политики, было очень тяжкое. Продолжительный торгово-промышленный кризисъ завершился неурожаемъ какого не запомнятъ съ начала нынѣшняго столѣтія. Цѣны на хлѣбъ поднялись весьма мало вслѣдствіе громаднаго привоза изъ Америки, но фермеры и помѣщики отъ этого терпятъ еще большій ущербъ. Аренды падаютъ, фермы пустуютъ, а въ Ирландіи бѣдствіе вызвало возобновленіе аграрной агитаціи, въ которой замѣтно участіе фенійскаго движенія. Совокупность неблагопріятныхъ условій отзывается возрастающимъ недоборомъ въ доходахъ, несмотря на обнаружившееся съ осени нѣкоторое оживленіе торговли, благодаря большому спросу изъ Америки на желѣзо. А это стало замѣтно ронять популярность торійскаго кабинета, тѣмъ бобѣе что войны которыя онъ велъ въ теченіе года, наряду съ успѣхами, ознаменовались и чувствительными неудачами. Въ Южной Африкѣ война начатая самовольно капскимъ губернаторомъ сэръ-Бартлемъ Фреромъ противъ Зулуевъ поразила извѣстіемъ что 22 января около 1.000 англійскихъ войскъ съ артиллеріей, по безпечности, были истреблены въ своемъ лагерѣ голыми дикарями вооруженными копьями. Не прежде какъ въ началѣ іюля лорду Чельмсфорду удалось отмстить за этотъ позоръ пораженіемъ вождя Сетевайо, который вскорѣ потомъ попался въ плѣнъ. Позднѣе война противъ другаго кафрскаго царька Секокуни была окончена безъ приключеній. Но трансваальскіе Буры не хотятъ помириться съ утратой независимости и, по послѣднимъ извѣстіямъ, найдено было нужнымъ арестовать президента ихъ комитета, нѣкоего Крюгера. Несмотря на одержанные успѣхи, эти африканскіе войны очень непопулярны въ Англіи, которая несетъ на себѣ всѣ расходы, не зная удастся ли возвратить ихъ обратно съ колоніи.

Война въ Афганистанѣ велась и ведется пока на средства Индіи. Въ началѣ года первая кампанія казалась конченною съ полнымъ успѣхомъ. Въ февралѣ скончался въ Ташкурганѣ Шпръ-Али, а сынъ его Якубъ-ханъ поспѣшилъ тотчасъ же вступить въ переговоры, которые и окончились 26 мая заключеніемъ Гандамакскаго трактата, по коему Англичане взяли себѣ въ качествѣ научной границы Хайберскій проходъ и долины Курума, Сиби и Пишина; кромѣ того, эмиръ обязался принять англійскаго резидента и подчиняться ему во внѣшнихъ сношеніяхъ. 24 іюля майоръ Каваньяри съ блескомъ прибылъ въ Кабулъ, а 3 сентября онъ самъ и вся его свита были умерщвлены при вспыхнувшемъ тамъ возмущеніи. Потребовалась новая кампанія для отмстки, и мѣсяцъ спустя генералъ Робертсъ двинулся въ походъ, разбилъ Афганцевъ подъ стѣнами столицы и занялъ ее. Якубъ-ханъ былъ низложенъ и отправленъ въ Индію. Опять все казалось спокойно, но въ декабрѣ отовсюду надвинулись массами племена, и Робертсъ, послѣ трехдневныхъ битвъ, оставивъ столицу, долженъ былъ запереться въ укрѣпленномъ

лагерѣ Ширпура. Успѣхъ этотъ такъ ободрилъ Афганцевъ что они отважились было безъ артиллеріи штурмовать укрѣпленія и, будучи разбиты, разсѣялись, а Робертсъ вновь занялъ Кабулъ еще до прибытія къ нему подкрѣпленія. Всѣ эти перипетіи однако нисколько не подвинули вопроса: что же будутъ дѣлать Англичане съ Афганистаномъ? Какимъ способомъ обратятъ его въ „дружественную, независимую и сильную страну?“ Успѣхи можно одерживать надъ горцами не имѣющими артиллеріи, но все это очень напоминаетъ нашу долгую исторію съ Кавказомъ. Угодно ли будетъ Англіи держать въ теченіе десяти, двадцати лѣтъ свыше 40.000 войска въ странѣ, какъ они держатъ теперь, хотя и эта сила не обезпечиваетъ отъ неожиданныхъ нападеній? А если, какъ ходятъ слухи, весною предполагаются еще экспедиціи на Гератъ, Балхъ и Бадакшанъ, то придется увеличить ее. Съ другой стороны, и оставить страну опасно по дурному впечатлѣнію какое это можетъ сдѣлать въ Индіи. Рѣшеніе этихъ вопросовъ будетъ зависѣть отъ участи самого правительства лорда Бекенсфильда, такъ какъ предстоящею весной, по всей вѣроятности, произойдутъ общіе выборы. Нынѣшній парламентъ очень деморализованъ и едва ли доживетъ до конца послѣдней сессіи. Партіи давно уже энергически готовятся къ избирательной борьбѣ.

Положеніе двойственной имперіи Габсбурговъ также не отличалось въ истекшемъ году ясностью и увѣренностью. Во внутреннихъ дѣлахъ монархіи совершился поворотъ: возбудившій сомнѣнія въ прочности дуализма. На іюльскихъ выборахъ автономисты одержали верхъ въ ущербъ такъ-называемой вѣрно-конституціонной, то-есть нѣмецкой, партіи, что повело къ переустройству цислейтанскаго министерства подъ предсѣдательствомъ графа Таафе и ознаменовалось вступленіемъ Чеховъ въ рейхсратъ; впрочемъ, надежды послѣднихъ отстоять свои права при новомъ порядкѣ пока очень слабы. Самымъ же выдающимся событіемъ въ Австро-Венгріи было удаленіе со сцены творца ея новой Восточной политики, графа Андраши. Вслѣдствіе ли упомянутаго результата выборовъ въ Цислейтаніи, или дѣйствительно по разстроенному здоровью, только онъ уступилъ свое мѣсто барону Гаймерле. Большія усилія были однако употреблены чтобы не дать подумать о какой-либо перемѣнѣ въ направленіи австрійской политики, и главнымъ образомъ при дѣятельной помощи германскаго имперскаго канцлера. Уже по извѣщеніи о своемъ выходѣ въ отставку, графъ Андраши сдѣлалъ визитъ князю Бисмарку въ Гастейнѣ, а послѣдній съ большимъ шумомъ отдалъ ему визитъ въ Вѣнѣ, причемъ эту демонстрацію выставляли какъ предостереженіе Россіи. Мы теперь знаемъ что и другаго рода заботы должны были занимать германскаго канцлера. Не знаемъ, всѣмъ ли въ самой Австріи по нраву *quasi*-вассальное подчиненіе Германіи, но, какъ видно, тамъ не вполнѣ полагаются на эту поддержку, ибо Австрійское правительство нашло нужнымъ усилить военныя средства монархіи и, при помощи автономистовъ, провело новый военный законъ въ рейхсратѣ. Даже и это, однако, не даетъ полной увѣренности, и въ послѣдніе дни появляются въ иныхъ вѣнскихъ газетахъ намеки что Австріи слѣдуетъ искать сближенія съ Россіей и дорожить ея дружбой, такъ какъ помощь Германіи не вполнѣ надежна.

Князь Бисмаркъ, впрочемъ, помимо разчета произвести нужное впечатлѣніе, и явно не безкорыстно оказывалъ Австріи свое высокое покровительство, и уже въ февралѣ стало извѣстно что Австрія согласилась на отмѣну 5 статьи Пражскаго трактата касательно Сѣвернаго Шлезвига, такъ что Германіи теперь нечего и безпокоиться чтобъ у нея кто могъ потребовать возвращенія его Даніи. Во внутреннемъ положеніи Германіи произошли важныя перемѣны. Въ мартѣ Германскій рейхстагъ отвергъ законопроектъ князя Бисмарка объ отвѣтственности парламентскихъ ораторовъ за свои рѣчи, такъ-называемый *Maulkorbgesetz*, и князь Бисмаркъ наказалъ національ-либераловъ за непокорность союзомъ съ консерваторами и партіей-центра, что дало ему возможность провести законы о тарифахъ и повело удаленіе національ-либеральныхъ вождей изъ рейхстага и изъ министерства. Выходъ въ отставку министра народнаго просвѣщенія доктора Фалька, извѣстнаго автора „майскихъ законовъ,“ возбудилъ въ ультрамонтанахъ надежду на компромиссъ между католическою церковью и Пруссіей и отмѣну этихъ ненавистныхъ клерикаламъ законовъ. До сихъ поръ не видно однако чтобы переговоры, о коихъ ходятъ слухи, привели къ чему-

нибудь положительному. Между тѣмъ, на бывшихъ осенью выборахъ въ Прусскій парламентъ, національ-либералы и прогрессисты потерпѣли полное пораженіе. Наученные несчастіемъ, національ-либералы вскорѣ смирились, и въ новомъ парламентѣ князь Бисмаркъ провелъ свои законы о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ государствомъ при ихъ помощи, когда на этотъ разъ партія центра оказалась не очень податливою на уступки. Такимъ образомъ, фарцинскій отшельникъ, какъ по внутреннимъ дѣламъ такъ и по внѣшней политикѣ, былъ все время по горло занятъ, кромѣ того что принималъ въ своемъ заточеніи визиты то французскаго посла графа Сенъ-Вальс, то англійскаго посла въ Петербургѣ лорда Дёфферина на возвратномъ пути къ своему посту, то графа Шувалова, покинувшаго свой постъ въ Лондонѣ. Вскорѣ же послѣ пресловутыхъ свиданій германскаго канцлера съ графомъ Андраши, въ германской печати, особенно въ той что получаетъ внушенія, начались непонятныя придирки къ Россіи, которыя и послѣ свиданія императора Вильгельма съ нашимъ Государемъ Императоромъ въ Александровѣ продолжались съ ожесточеніемъ. Только въ самую послѣднюю минуту взоры Германіи должны были обратиться совсѣмъ въ другую сторону.

№ 3.

Москва, 3-го января.

Если къ концу минувшаго года взоры Германіи, какъ и всей остальной Европы, отвлеклись отъ Востока и должны были обратиться на Западъ, то это произошло оттого что Франція въ эту минуту, подобно тому какъ и въ началѣ минувшаго года, сдѣлала сюрпризъ. Въ началѣ января прошедшаго года маршалъ Макъ-Магонъ былъ еще президентомъ Французской республики, а къ концу года въ ней образовалось правительство изъ людей „Національной обороны“ подъ рукой г. Гамбетты. Важное значеніе этой перемѣны для международныхъ отношеній никѣмъ уже не отрицается въ настоящую минуту, но оно еще болѣе выясняется изъ хода внутренней политики Франціи въ истекшемъ году. Новый кабинетъ въ большей части заграничной печати представляется болѣе радикальнымъ чѣмъ павшій кабинетъ Ваддингтона, и этимъ обстоятельствомъ хотятъ объяснить то тревожно-подозрительное вниманіе съ какимъ всѣ нему относятся. Правда, новое министерство вѣрнѣе выражаетъ собой то большинство палатъ которое нынѣ господствуетъ. Но въ томъ надо видѣть результатъ той перемѣны которая произошла еще въ началѣ минувшаго года. Объ перемѣны, то-есть паденіе маршала Макъ-Магона и паденіе кабинета г. Ваддингтона, находятся между собой въ тѣсной связи и были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ одна другой. Когда бывшіе предъ тѣмъ выборы дали республиканцамъ большинство и въ сенатѣ, подобно тому какъ они уже имѣли таковое въ палатѣ, то маршалъ Макъ-Магонъ, справедливо считавшій себя представителемъ союза консервативныхъ или монархическихъ фракцій, который тѣмъ временемъ уже обнаружилъ свою несостоятельность, счелъ несогласнымъ со своимъ достоинствомъ оставаться долѣе во главѣ дѣлъ и слѣдовать велѣніямъ большинства которому не могъ сочувствовать. Онъ предпочелъ передать и номинальную власть тѣмъ кому она принадлежала на дѣлѣ. Вслѣдъ за нимъ долженъ былъ удалиться и глава его послѣдняго кабинета, г. Дюфоръ, который лучше всѣхъ могъ бы представлять собой Тьеровскую консервативную республику. Кому же, послѣ того, должна бы принадлежать власть какъ не г. Гамбеттѣ, который столь же несомнѣнно и безспорно былъ вождемъ лѣвой какъ маршалъ до тѣхъ поръ считался блюстителемъ интересовъ правой? Если президентство г. Гамбетты, какъ говорятъ, еще не созрѣло, и во главѣ республики, съ общаго согласія, былъ поставленъ г. Греви, то слѣдовало тогда же ожидать, по крайней мѣрѣ, сформированія однороднаго кабинета, который вѣрно представлялъ бы собой большинство лѣвой. На дѣлѣ же, въ теченіе почти цѣлаго года, существовалъ гибридный и безцвѣтный кабинетъ г. Ваддингтона. Теперь уже не тайна что этотъ послѣдній выдвинулся впередъ лишь благодаря иностраннымъ внушеніямъ, убѣждавшимъ что его присутствіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ благотворно измѣнитъ де отношенія ко Французской республикѣ со стороны другихъ державъ, въ особенности Германіи и Англіи, тогда какъ его предшественникъ, герцогъ Деказъ, возбуждалъ сильное раздраженіе германскаго канцлера и хо-

лодно держался въ отношеніи къ Англіи со времени покупки ею Суэзскихъ акцій. Точно также не тайна что когда наступилъ послѣдній министерскій кризисъ, то два иностранные посла въ Парижѣ являлись къ г. Греви, изъявляя надежду что г. Ваддингтонъ останется министромъ иностранныхъ дѣлъ. Вся его заслуга была лишь въ томъ что онъ былъ *persona grata* для нѣкоторыхъ иностранныхъ кабинетовъ; во внутренней же политикѣ онъ слѣдовалъ за теченіемъ, лишь бы оставаться во главѣ дѣлъ. Въ кратковременный срокъ его премьерства проведены были важныя мѣры, но это не мѣры лѣваго центра. Палаты переѣхали изъ Версаля въ Парижъ, внесенъ законопроектъ объ устраненіи духовенства отъ участія въ народномъ образованіи, тысячами прощены и возвращены на родину ссыльные коммуники, наконецъ предъ самымъ паденіемъ г. Ваддингтонъ готовъ былъ принять и резолюцію направленную къ устраненію несмѣняемости судей. Все это входило въ радикальную программу, и все это покорно принималось г. Ваддингтономъ.

Между тѣмъ совершенно случайное событіе упростило отношеніе французскихъ партій. Трагическая смерть императорскаго принца, погибшаго въ Африкѣ, была тяжкимъ ударомъ для надеждъ бонапартистовъ, и въ ихъ рядахъ возникли раздоры. А такъ какъ выходило ясно что конкурренція за власть остается только между имперіей и республикой, то отсутствіе серіознаго имперіалистскаго претендента (каковымъ нельзя же считать Наполеона-Жерома) и развязало руки республиканцамъ, которые нетерпѣливо переносили господство лѣваго центра состоящаго изъ либераловъ орлеанистскаго пошиба. То чего слѣдовало ожидать тотчасъ по удаленіи маршала Макъ-Магона, состоялось лишь къ концу года. Между тѣмъ, промежуточное властвованіе г. Ваддингтона весьма кстати показало что онъ отнюдь не былъ нѣкіимъ воплощеніемъ консерватизма. О радикализмѣ его преемниковъ нечего говорить, такъ какъ бо́льшая часть ихъ служили и подъ его начальствомъ. Но о радикализмѣ г. Гамбетты сто́итъ сказать два слова. Онъ не могъ разумѣется порвать своихъ связей. Но въ его поступкахъ за послѣдніе годы явно преобладало стараніе пріобрѣсть довѣріе страны, а не партіи, и съ этою цѣлію онъ по возможности держался поодаль отъ борьбы партій, избирая для себя должности въ родѣ президента бюджетной коммиссіи, потомъ президента палаты,—должности требующія большаго такта и знакомства съ дѣлами. Наконецъ, продолжая стоять за кулисами, онъ образовалъ кабинетъ изъ лицъ вполнѣ ему преданныхъ. Изо всего этого явствуетъ что не внутреннее положеніе Франціи безпокоитъ заграничныхъ политиковъ, а то какимъ образомъ возрождающаяся Франція установитъ свои отношенія къ другимъ. До сихъ поръ Франція должна была идти на буксирѣ, теперь она сбирается идти своею дорогой.

Любопытнѣе всего какъ событія во Франціи отражались въ самой Германіи. Что касается офиціальныхъ сферъ, то тамъ видимо старались заставить повѣрить будто паденіе кабинета Ваддингтона не должно ни въ чемъ измѣнить установившихся со времени Берлинскаго трактата „сердечныхъ“ отношеній между обѣими державами. Черезчуръ демонстративное (по мнѣнію самихъ нѣмецкихъ газетъ) заявленіе въ этомъ смыслѣ германскаго посла въ день Новаго Года весьма плохо однако замаскировало ту тревогу которая овладѣла въ Германіи всѣми общественными сферами въ виду французскаго переворота. Маневръ не удался, и нѣмецкая печать всѣхъ оттѣнковъ съ каждымъ днемъ все откровеннѣе высказывается объ опасеніяхъ Германіи. А давно ли тѣ же самыя газеты, ликуя по поводу таинственнаго и ни въ какую осязательную форму не облеченнаго „соглашенія“ съ Австріей, проповѣдывали что этотъ союзъ установленъ единственно съ цѣлью „болѣе свободнаго дѣйствія“ Германіи на Востокѣ и ради борьбы съ опаснымъ якобы для Германіи панславизмомъ, такъ какъ со стороны Запада Германія вполнѣ де обезпечила себя, и въ случаѣ борьбы съ Франціей не нуждается ни въ чьей поддержкѣ, ни активной, ни пассивной? Нельзя лучше и откровеннѣе охарактеризовать упомянутаго выше маневра князя Бисмарка какъ это сдѣлала берлинская клерикальная газета *Germania*: „имперскій канцлеръ,“ сказано тамъ, „принялъ относительно новаго „министерства во Франціи положеніе вполнѣ противоположное той *холодной струѣ „воды*, которую онъ, по собственному его „выраженію, пустилъ нѣсколько лѣтъ тому „назадъ на тогдашній консервативный ка„бинетъ (Дюфора). Въ то время чужая ру-

„ка вмѣшалась и испортила дѣйствіе струи. „На этотъ разъ сочтено было нужнымъ „напередъ отнять у Россіи всякій поводъ „принять на себя роль покровительницы „Франціи и въ то же время направить фран„цузскую политику къ прежнему боязливому и осторожному образу дѣйствій „относительно Германіи. Съ этою цѣлью „имперскій канцлеръ скрылъ во глубинѣ „души всѣ тѣ сомнѣнія которыя новый „поворотъ французскихъ дѣлъ долженъ „былъ породить въ немъ, и предложилъ „демонстративнымъ образомъ свою дружбу „новому Французскому кабинету.“ На первыхъ порахъ эта попытка имѣла лишь то дѣйствіе что официальныя отношенія между обѣими державами остались безъ измѣненія, такъ какъ клевретъ Ваддингтона, г. де-Сенъ-Валье, подавшій въ отставку одновременно съ паденіемъ Французскаго кабинета, согласился на время остаться на своемъ посту. Германская печать довольствуется покамѣсть хотя этимъ, такъ какъ стало извѣстно что въ преемники г. Сенъ-Валье назначался г. Шальмель-Лакуръ, одинъ изъ тѣхъ друзей г. Гамбетты который, какъ и большинство теперешнихъ министровъ, былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ бывшаго диктатора во время его отчаянной борьбы противъ военныхъ силъ Германіи и о которомъ извѣстно что мысль объ отместкѣ, хотя и затаенная, составляетъ самую завѣтную его мечту, какъ и большинства французскихъ патріотовъ.

Другой предметъ тревоги для нѣмецкой печати есть вопросъ объ отношеніяхъ новаго Французскаго правительства къ Англіи. Однимъ изъ поводовъ успокоенія для Германіи насчетъ Франціи было непостижимое отношеніе французской печати, находившейся подъ вліяніемъ прежняго кабинета, къ дѣламъ на Востокѣ. Лишенное инициативы и безцвѣтное поведеніе кабинета Ваддингтона въ Восточномъ вопросѣ, какъ и напускная враждебность главнѣйшихъ органовъ французской печати къ Россіи и Славянамъ, выставлялись какъ „совокупное съ Англіей“ дѣйствіе, и нѣмецкая печать справедливо разсуждала что Франція до тѣхъ поръ будетъ находиться въ полномъ отчужденіи отъ Россіи пока ея образъ дѣйствій на Востокѣ будетъ имѣть хотя бы только наружный видъ солидарности съ Англіей. Такой видъ въ самомъ дѣлѣ старался придавать своей политикѣ кабинетъ Ваддингтона. А теперь уже обнаруживаются признаки инаго настроенія, и нѣмецкая печать отмѣчаетъ ихъ съ худо скрытою тревогой. Недавній дипломатическій эпизодъ въ Константинополѣ—грозное заступничество г. Леярда за магометанскаго муллу подвергшагося осужденію за участіе въ миссіонерской дѣятельности пастора Кёлера (германскаго подданнаго) было энергически поддержано, по свидѣтельству *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, представителемъ Германіи въ Константинополѣ. Зато *République Française*, органъ г. Гамбетты, отнесся крайне иронически къ послѣднему подвигу англійскаго представителя въ Константинополѣ и осыпала насмѣшками это лживое радѣніе Англіи интересамъ христіанства. Выходка вліятельной французской газеты произвела впечатлѣніе въ Берлинѣ: въ ней усматривается признакъ измѣненія политики Франціи по отношенію къ Англіи „сближеніе съ которою было руководящею мыслію кабинета Ваддингтона,“ причемъ припоминается что однимъ изъ главныхъ обвиненій со стороны друзей Гамбетты противъ этого кабинета было то что онъ этими самыми стараніями о сближеніи съ Англіей упустилъ наилучшій случай къ заключенію дѣйствительно выгоднаго союза съ Россіей.

Положеніе Италіи въ международной группировкѣ также становится вопросомъ. *Italia irredenta*, сообщество поставившее себѣ цѣлью присоединеніе къ Италіи тѣхъ частей ел кои до сихъ поръ еще остаются во владычествѣ чужихъ державъ, не только не прекратила своей агитаціи и пропаганды, направленной преимущественно противъ Австріи, но въ концѣ истекшаго года появились въ печати разоблаченія одного изъ видныхъ дѣятелей этого сообщества доказывающія что многіе члены прежняго и теперешняго кабинета тайно сочувствуютъ стремленіямъ сообщества и повидимому намѣрены при удобномъ случаѣ воспользоваться плодами его агитаціи. Надъ этимъ въ Германіи не могли не призадуматься, ибо италіянская политика, поставившая на своемъ знамени принципы *Италіи невозвращенной*, можетъ, какъ доказало прошедшее, дѣйствовать заодно съ Германіей *противъ* Австріи, но ужъ никакъ невозможно для Германіи разчитывать на союзъ Италіи въ томъ случаѣ если Австрія будетъ находиться въ тѣснѣйшемъ

единеніи съ Германіей, о чемъ такъ громко и съ такимъ удареніемъ заявлялось міру самой Германіей, а также устами британскихъ министровъ съ видимымъ стараніемъ произвести впечатлѣніе.

Такимъ образомъ, оказывается что разчитанное напередъ впечатлѣніе въ результатѣ своемъ не совсѣмъ совпало съ берлинскими ожиданіями. Эффектъ вышелъ далеко неполный, а по нѣкоторымъ пунктамъ даже совсѣмъ противоположный предварительнымъ выкладкамъ. Имѣлось въ виду, какъ утверждали нѣмецкія газеты, „развязать руки Германіи на Востокѣ," а на самомъ дѣлѣ связать свободу дѣйствій Россіи, демонстративно поставивъ ее въ положеніе „полной изолированности," а между тѣмъ на западномъ горизонтѣ Германіи появились ранѣе разчитаннаго времени тучи которыя тамъ старались представить навѣки разсѣянными, или по крайней мѣрѣ отнюдь не грозными.

№ 4.

Москва, 4-го января.

Опубликованная 1 сего января государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1880 годъ, равно какъ таковая же роспись на минувшій 1879 годъ, представляютъ собою факты весьма знаменательные. Обѣ сведены безъ дефицита, несмотря на то что Россія только что покончила дорого стоившую войну, наложившую и еще продолжающую налагать на ея бюджетъ громадныя тяжести. И, что особенно важно, это отсутствіе дефицита является результатомъ не усиленія налоговъ, а главнымъ образомъ естественнаго роста государственныхъ доходовъ, свидѣтельствующаго о развитіи ея производительныхъ силъ и возрастаніи народнаго благосостоянія. Этотъ отрадный фактъ производитъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе что одновременно почти вся западная Европа продолжаетъ находиться подъ гнетомъ экономическаго застоя начавшагося еще съ 1874 года, застоя, парализующаго тамъ источники государственныхъ доходовъ и создающаго серіозныя финансовыя затрудненія въ странахъ пользовавшихся долговременнымъ миромъ.

Бездефицитное сведеніе росписей тѣмъ знаменательнѣе что оно, послѣ всѣхъ толковъ объ экономическомъ и финансовомъ разстройствѣ Россіи, явилось какъ бы сюрпризомъ. Какъ мала и слаба была вѣра въ экономическія и финансовыя силы Россіи, свидѣтельствуетъ бюджетъ 1878 года: при составленіи его никто и не воображалъ чтобы можно было обойтись безъ дефицита, который и опредѣлялся почти въ $27^1/_2$ милліоновъ рублей. По истеченіи года, вмѣсто дефицита, какъ извѣстно, оказался избытокъ доходовъ надъ расходами чуть не въ 28 милліоновъ. Такой результатъ, конечно, не могъ не отозваться на составленіи послѣдующаго бюджета. Составители росписи на 1879 годъ, несмотря на увеличеніе расходной смѣты на $29^1/_4$ милліоновъ, уже имѣли полную вѣру въ возможность избѣжать дефицита; однако все еще казалось что бюджетное равновѣсіе можетъ быть соблюдено не иначе какъ при установленіи новыхъ налоговъ на сумму свыше 18 милліоновъ. Прошелъ еще годъ, и вотъ, при составленіи росписи на наступившій годъ, несмотря на новое увеличеніе расходовъ на сумму свыше 32 милліоновъ, признается уже возможнымъ почти совсѣмъ обойтись безъ возвышенія налоговъ, и даже безъ возстановленія введеннаго съ 1 января 1879, но вскорѣ затѣмъ отмѣненнаго по случаю появленія чумной заразы въ низовьяхъ Волги, сбора съ пассажирскихъ билетовъ на пароходахъ, исчисляемаго приблизительно въ милліонъ рублей. Все возвышеніе налоговъ въ 1880 году ограничивается суммой четырехъ милліоновъ, изъ коихъ два приходятся на повышеніе акциза съ пива, и два падаютъ на винокуренныхъ заводчиковъ вслѣдствіе сокращенія предоставляемаго въ ихъ пользу безакцизнаго перскура. Затѣмъ вся масса новыхъ обременившихъ бюджетъ расходовъ имѣетъ быть покрыта увеличеніемъ доходовъ единственно отъ ожидаемаго естественнаго ихъ роста.

Правда, отсутствіе дефицита въ бюджетной росписи само по себѣ не равносильно отсутствію его при дѣйствительномъ исполненіи бюджета. Размѣры доходовъ и расходовъ оказываются на дѣлѣ обыкновенно далеко не тѣ какіе предполагались по росписи. Это обстоятельство, конечно, способно вызывать нѣкоторый скептицизмъ по отношенію къ благопріятнымъ заключеніямъ росписей. Но въ какой мѣрѣ уважительны тѣ основанія на которыя можетъ у насъ опереться скептицизмъ по

отношенію къ нашимъ государственнымъ росписямъ?

Можетъ, конечно, послѣдовать недоборъ доходовъ противъ предположенной по бюджету суммы. Но въ тринадцатилѣтній періодъ (съ 1866 по 1878 годъ) было только три года въ которые подобный случай имѣлъ мѣсто: 1866, 1868 и 1877 *). Во всѣ остальныя десять лѣтъ постоянно оказывались не недоборы, а крупныя превышенія дѣйствительнаго поступленія доходовъ противъ предварительныхъ смѣтъ **). Не съ недоборомъ, а съ немалымъ превышеніемъ доходовъ противъ смѣты имѣли мы дѣло и въ минувшемъ 1879 году, какъ явствуетъ изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи на наступившій 1880 годъ. Тотъ осторожный методъ исчисленія предполагаемыхъ доходовъ какой практиковался во всѣ эти годы не былъ покинутъ и при составленіи новаго бюджета. Много ли же остается при этомъ шансовъ недобора доходовъ?

Равновѣсіе бюджета можетъ быть, конечно, нарушено и безъ недобора доходовъ вслѣдствіе сверхсмѣтныхъ кредитовъ, ассигнуемыхъ въ теченіе года послѣ утвержденія росписи. Цифры такихъ сверхсмѣтныхъ расходовъ ежегодно достигаютъ солидныхъ цифръ. Но вліяніе сверхсмѣтныхъ кредитовъ на бюджетное равновѣсіе ослабляется двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, вышеуказаннымъ постоянно-осторожнымъ, намѣренно-пониженнымъ исчисленіемъ ожидаемыхъ доходовъ, почти всегда дающимъ основаніе разчитывать на покрытіе сверхсмѣтныхъ расходовъ избыткомъ доходовъ. Во-вторыхъ, тѣмъ что при исполненіи росписи часть ассигнованій, какъ по росписи такъ и по сверхсмѣтнымъ кредитамъ, оказывается излишнею, почему открытые кредиты закрываются ежегодно на суммы довольно крупныя, часто превышающія десять милліоновъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, сверхсмѣтные кредиты 1878 года на сумму свыше 29 милліоновъ рублей не только не нарушили бюджетнаго равновѣсія, но и не помѣшали образоваться свободному излишку доходовъ почти на такую же цифру. Въ минувшемъ году, сверхсмѣтные расходы, какъ надобно полагать, достигали тоже весьма почтенной цифры, особенно если взять во вниманіе расходы вызванные чумною тревогой, усиленіе расходовъ по полицейскому надзору, Ахалъ-Текинскую экспедицію и тому подобныя обстоятельства. Однако, какъ явствуетъ изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, сверхсмѣтные расходы въ минувшемъ году ни къ какому дефициту не повели. Почему непремѣнно ожидать что они поведутъ къ нему въ наступившемъ 1880 году?

Не забудемъ что наша государственная роспись исходитъ отъ лица которое еще при исполненіи должности государственнаго контролера имѣло возможность вполнѣ ознакомиться со всѣми случайностями могущими ниспровергнуть бюджетныя предположенія; а увѣренность такого лица въ бездефицитномъ исполненіи росписи, конечно, имѣетъ не малый вѣсъ. Это не мѣшаетъ и въ нынѣшнемъ году, по прошлогоднему примѣру, дѣлать по поводу только что опубликованнаго бюджета замѣчаніе что существующее на бумагѣ бюджетное равновѣсіе можетъ не осуществиться на дѣлѣ. Такую возможность, конечно, нельзя положительно отрицать, какъ нельзя было отрицать ее и годъ тому назадъ. Но публика сама можетъ рѣшить въ чемъ болѣе вѣса, въ этихъ ли пессимистскихъ сомнѣніяхъ, или въ слѣдующихъ словахъ министра финансовъ, которыми онъ заключилъ свой всеподданнѣйшій докладъ о бюджетѣ на 1880 годъ: „Представляя Вашему Императорскому Величеству въ прошедшемъ году выводы по своду росписи на истекающій (1879) годъ, я выразилъ надежду что достигнутое при сведеніи росписей равновѣсіе доходовъ и расходовъ не будетъ нарушено при ея исполненіи. По имѣющимся въ Министерствѣ Финансовъ свѣдѣніямъ, я въ правѣ заключить что *надежда эта сбылась*. Съ такою же наде-

*) Именно недоборъ доходовъ противъ бюджетныхъ смѣтъ былъ:

Въ 1866 году	9.857.292	р.
„ 1868 „	4.405.228	„
„ 1877 „	9.374.392	„

**) Вотъ на какія суммы дѣйствительное поступленіе доходовъ превышало бюджетныя предположенія:

Въ 1867 году на	20.167.827	р.
„ 1869 „ „	29.214.313	„
„ 1870 „ „	31.529.349	„
„ 1871 „ „	37.496.013	„
„ 1872 „ „	35.284.720	„
„ 1873 „ „	25.958.581	„
„ 1874 „ „	26.680.697	„
„ 1875 „ „	27.822.739	„
„ 1876 „ „	2.518.173	„
„ 1878 „ „	67.723.727	„

ждой, основанною на тщательномъ изученіи росписи, и съ упованіемъ что съ Божіею помощію, надежда эта оправдается, вступаю я, Государь, въ новый 1880 годъ, въ которомъ Россія собирается праздновать двадцатипятилѣтіе благополучнаго царствованія Вашего Императорскаго Величества."

Въ виду этихъ словъ можно, кажется, отложить пока въ сторону пессимистскія сомнѣнія, не омрачая ими радостнаго впечатлѣнія производимаго отсутствіемъ дефицита въ бюджетѣ. Но всякая медаль имѣетъ свою оборотную сторону. Такъ и въ нынѣшней росписи нельзя не усмотрѣть одного существеннаго недостатка, именно, отсутствія сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ дѣятельности Высочайше утвержденной 29-го декабря 1878 года Особой Высшей Коммиссіи для изысканія средствъ къ сокращенію государственныхъ расходовъ.

Очень хорошо что наши бюджеты сводятся безъ дефицитовъ; очень хорошо что этотъ результатъ достигается не столько возвышеніемъ налоговъ сколько естественнымъ ростомъ доходовъ. Но было бы еще лучше еслибы въ достиженіи сказаннаго результата играла серіозную роль та разумная экономія которая предписываетъ сокращеніе расходовъ. Опытъ другихъ странъ показываетъ въ какихъ размѣрахъ, при доброй волѣ, возможно бываетъ сокращеніе бюджетныхъ расходовъ. Въ Англіи, въ 1786 году, они были сокращены на $14^1/_4\%$; въ Пруссіи, въ 1820, почти на 15%, во Франціи, въ 1832, на $12^3/_4\%$. Позволительно было ожидать что и въ нашемъ бюджетѣ найдено будетъ возможнымъ сократить расходы, если и не въ указанныхъ, то во всякомъ случаѣ въ серіозныхъ размѣрахъ. Но вмѣсто сокращенія, бюджетъ на новый годъ представляетъ увеличеніе расходовъ рѣшительно по всѣмъ вѣдомствамъ. Уменьшеніе расходовъ предположено только по „высшимъ государственнымъ учрежденіямъ," да и то въ размѣрѣ всего 25.748 рублей—сумма равняющаяся каплѣ въ морѣ по сравненію съ итогомъ бюджетныхъ расходовъ болѣе чѣмъ въ 625 милліоновъ.

Экономическіе успѣхи страны выражающіеся естественнымъ ростомъ доходовъ не могутъ ослаблять значеніе и настоятельность той задачи которая возложена на упомянутую Особую Высшую Коммиссію. Теперь все что дастъ возрастаніе доходовъ поглощается усиленіемъ расходовъ. Сокращеніе расходовъ, при одновременномъ ростѣ доходовъ, дало бы возможность приступить, если не къ уплатѣ государственныхъ долговъ, то къ отмѣнѣ вредныхъ въ экономическомъ отношеніи налоговъ, — отмѣнѣ которая не замедлила бы дать, помимо чисто экономическихъ, и выгодные финансовые результаты подъемомъ размѣра суммъ поступающихъ въ казну изъ прочихъ источниковъ дохода.

№ 5.

Москва, 5-го января.

А.

Едва успѣлъ наступить Новый Годъ какъ подтверждается все что мы недавно говорили о мнимомъ успокоеніи которое сулили ему въ наслѣдіе отъ минувшаго. Вчерашнія и сегодняшнія телеграммы передаютъ намъ рядъ заявленій сдѣланныхъ различными министрами иностранныхъ государствъ. Въ былое время второй Французской имперіи было обычаемъ ожидать какого-либо тревожнаго прорицанія отъ покойнаго Наполеона III. Въ послѣдніе годы, публичныя заявленія всяческихъ руководителей европейской политики слишкомъ прискучили: рѣдкій мѣсяцъ обходится безъ таковыхъ. Все же имъ продолжаютъ приписывать нѣкое значеніе, и публика ищетъ прочесть между строками смыслъ намѣченныхъ плановъ. Послѣднія заявленія интересны потому что сдѣланы министрами Англіи и Австро-Венгріи, двухъ державъ которыя особенно гордились Берлинскимъ трактатомъ. Право на первенство вниманія безспорно принадлежитъ австрійскому заявленію, какъ потому что это есть первое публичное выраженіе мнѣній новаго австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, барона Гаймерле, такъ и особенно потому что оно касается до сихъ поръ таинственнаго соглашенія Австріи съ Германіей, заключеннаго его предшественникомъ, графомъ Андраши. Запросъ объ этомъ былъ поставленъ въ коммиссіи австрійской делегаціи, и, отвѣчая, баронъ Гаймерле оказался не новичкомъ въ дѣлѣ загадокъ. Тѣсныя отношенія между обѣими монархіями начались де давно; графъ Андраши только поставилъ себѣ задачей

ихъ развитіе, причемъ со стороны Германіи встрѣтилъ полную упредительность. Затѣмъ мы читаемъ слѣдующія многозначительныя слова: „Берлинскій трактатъ *давалъ право надѣяться* что увѣренность въ сохраненіе мира пустила корни въ народахъ, но это успокоеніе, *по неожиданнымъ причинамъ*, не наступило въ полной желательной мѣрѣ.“ Итакъ, по словамъ одного изъ участниковъ Берлинскаго трактата, этотъ актъ не далъ чего ожидали. Вмѣсто увѣренности, онъ подавалъ только „надежду,“ да и та не состоялась „по неожиданнымъ причинамъ.“ Австрія, получившая за свое участіе въ конгрессѣ цѣлыя двѣ турецкія провинціи, все еще не была довольна; ей не удалось еще воспользоваться результатами и осуществить свои планы „въ полной желательной мѣрѣ.“ Отсюда и встрѣтилась надобность вновь сноситься съ Германіей, и обмѣнъ идей подтвердилъ де общность интересовъ „во всѣхъ великихъ вопросахъ и одинаковое пониманіе ихъ во всѣхъ могущихъ возникнуть послѣдствіяхъ.“ Далѣе, мы узнаемъ что это соглашеніе само по себѣ имѣетъ твердость и прочность какую только могутъ придать ему слова облеченныя въ какую-либо форму. Такъ мы и остаемся при гаданіи, было ли запечатлѣно это благодѣтельное соглашеніе формальною санкціей или осталось только при обмѣнѣ идей, хотя намекъ на одинаковое пониманіе „всѣхъ могущихъ возникнуть послѣдствій“ заставляетъ догадываться что уговоръ не могъ состояться иначе какъ на условіи *donnant donnant*, то-есть взаимной платы за услуги. Но особенно интересно прибавляемое австрійскимъ министромъ примѣчаніе что это единеніе двухъ значительныхъ державъ въ срединѣ Европы должно стать ядромъ къ которому можетъ присоединиться и всякая другая держава, преслѣдующая тѣ же мирныя цѣли. Что же это значитъ? Не то ли что всѣ остальныя приглашаются войти не разсуждая въ планы Австріи и Германіи, и тѣмъ доставить барону Гаймерле полное удовольствіе?

Его другое заявленіе въ той же делегаціи, въ телеграфномъ изложеніи, вышло еще менѣе ясно. Былъ сдѣланъ какой-то запросъ о Босніи и Герцеговинѣ, и министръ заявилъ что такъ какъ относительно этихъ провинцій было принято единогласное рѣшеніе Берлинскимъ трактатомъ, то и перерѣшить его невозможно иначе какъ также единогласно, а кстати прибавилъ что никто въ Европѣ не можетъ объявить несуществующими договорные пункты касательно Новаго Базара, коими обезпечено Австріи право занять эту область когда ей будетъ угодно. Слѣдуетъ разумѣть это такъ: Австрія не оставила своихъ плановъ дальнѣйшаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ, и никто ей въ томъ не могъ бы перечить, ибо на то ей дано право Берлинскимъ трактатомъ. О другомъ же постановленіи этого трактата, именно о передачѣ Черногоріи Портой Гусинья и Плавы, австрійскій министръ сказалъ только что Австро-Венгерское правительство „будетъ“ рѣшительно настаивать на передачѣ. Но удовлетворительнѣе было бы услышать что оно сдѣлало или дѣлаетъ въ этихъ видахъ. А между тѣмъ остается фактомъ что когда нѣсколько времени тому назадъ Россія предлагала совмѣстное участіе державъ для исполненія этой части трактата, то ея предложеніе было отклонено. Между тѣмъ, только сегодня изъ англійскихъ газетъ мы узнаемъ что это дѣло не такъ просто и что Порта за сдачу Гусинья требовала отъ Черногоріи возвращенія уже полученнаго ею округа Кучки-Крайны. Что же? Въ этомъ случаѣ доступно или нѣтъ перерѣшеніе единогласнаго постановленія Берлинскаго трактата?

Что касается заявленій англійскихъ министровъ, то хотя они не представляютъ ничего тревожнаго, но не дышатъ успокоеніемъ. Близость выборовъ должно-быть дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на умы товарищей лорда Биконсфильда, и въ ожиданіи рѣшенія своей участи они хотѣли бы связать съ собой и участь всей Европы. По крайней мѣрѣ, привѣтливый канцлеръ казначейства, сэръ-Стаффордъ Норткотъ, на банкетѣ въ Струдѣ, трогательно выражалъ надежду что англійскіе избиратели окажутъ эту услугу европейскимъ державамъ, которыя съ трепетомъ ждутъ узнать останется ли нынѣшнее англійское министерство во власти: необходимо де показать иностраннымъ державамъ что онѣ не должны разчитывать на пассивное положеніе Англіи, коего она конечно не будетъ держаться „когда обстоятельства потребуютъ чтобъ она изъ него вышла.“ Не можемъ судить насколько англійскимъ избирателямъ будетъ пріятно узнать что ми-

нистерствомъ предвидятся обстоятельства въ Европѣ для выхода Англіи изъ пассивнаго положенія.

Болѣе интересно для насъ заявленіе другаго англійскаго министра, г. Смита. Этотъ молодой министръ оказывается въ отношеніи къ намъ еще великодушнѣе чѣмъ г. Боркъ. Тотъ съ мѣсяцъ тому назадъ обѣщалъ не возражать противъ „законнаго“ развитія торговли и благосостоянія Россіи. Г. Смитъ идетъ далѣе и опровергаетъ заблужденіе будто Англійское правительство питаетъ вражду и зависть къ Россіи. Напротивъ, говоритъ онъ, вѣдь „Англія не желаетъ ни территоріи, ни стѣсненія торговли Россіи, и мы хотимъ поддерживать добрыя отношенія къ Россіи дотолѣ пока она сама будетъ ихъ поддерживать.“ Эти молодые англійскіе министры принимаютъ въ отношеніи къ намъ такой милостиво покровительственный тонъ что мы не знаемъ какъ и благодарить ихъ: они не хотятъ русской территоріи, и даже готовы питать къ намъ пріязнь, лишь бы мы сами съ ними не ссорились; то-есть намъ позволяется поддерживать виды Англіи.

Однако, неужели эти покровительственныя заискиванья серіозны? Не скрываются ли тутъ предложенія новыхъ какихъ-либо *quasi*-дружелюбныхъ соглашеній по дѣламъ Средней Азіи? Не даромъ газета *Times* убѣждаетъ свое правительство поскорѣе распутаться съ афганскими затрудненіями, чтобъ опростать руки на случай возможныхъ замѣшательствъ въ Европѣ, „поближе къ нашимъ берегамъ.“

Какъ ни глухи всѣ эти намеки, но они указываютъ что Новый Годъ начался не совсѣмъ подъ успокоительными знаменіями...

Б.

Помѣщая въ нынѣшнемъ нумерѣ объясненіе „Иногороднаго Обывателя,“ считаемъ долгомъ присовокупить нѣсколько словъ отъ себя по тому же поводу.

„Иногородный Обыватель“ позволилъ себѣ высказать сужденіе о фактахъ находящихся у публики предъ глазами. Оскорбившись его сужденіемъ, г. Тургеневъ отвѣчаетъ злословными намеками на какія-то обстоятельства публикѣ неизвѣстныя, не констатированныя, не доказанныя, даже не разказанныя ей. Дозволительно ли это? Всякій имѣетъ право судить о томъ что̀ предъявлено публикѣ,—но дозволительно ли прибѣгать къ злословію, особенно въ качествѣ аргумента для своей защиты? Голословныя ругательства никогда не служатъ доказательствомъ, а свидѣтельствуютъ только о слабости прибѣгающаго къ нимъ дѣла. Бросаясь грязью, не всегда попадешь въ кого мѣтишь, но всегда запачкаешься самъ.

Мы очень сожалѣемъ что г. Тургеневъ такъ далеко увлекся чувствомъ раздраженія, и увѣрены что самъ онъ въ послѣдствіи пожалѣетъ о томъ. Ища оскорбить голословною бранью человѣка даже въ отдаленномъ прошедшемъ, г. Тургеневъ, въ порывѣ гнѣва, забылъ что онъ тогда находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ этому человѣку и съ чувствомъ живѣйшей благодарности принималъ руку которую тотъ протягивалъ ему въ минуту невзгоды...

Удивляться ли послѣ того что г. Тургеневъ не счелъ недостойнымъ себя намекать на несчастный случай изъ недавняго прошлаго, бывшій съ тѣмъ же лицомъ? Самъ не зная въ чемъ дѣло и основываясь только на пасквиляхъ нынѣшнихъ друзей своихъ, онъ безславитъ человѣка съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, какъ будто совершившаго какое-то преступное дѣло, доказанное и раскрытое на судѣ. Лучше бы, въ минуту своего гнѣва, г. Тургеневъ разказалъ опредѣленно что̀ знаетъ о фактѣ: какъ бы ни былъ невѣренъ разказъ, искаженный фактъ былъ бы предпочтительнѣе голословнаго сужденія о неизвѣстномъ.

Случай на который намекаетъ г. Тургеневъ извѣстенъ намъ во всѣхъ его подробностяхъ. Въ нѣкоторой мѣрѣ мы сами были задѣты имъ. Бывшій другъ г. Тургенева былъ постояннымъ сотрудникомъ нашихъ изданій и пользовался нашимъ довѣріемъ, которое никогда не колебалось и вполнѣ оправдывалось имъ съ тѣхъ поръ какъ мы знали его. Но вотъ произошелъ случай котораго г. Тургеневъ коснулся, дѣйствительно подавшій поводъ къ сомнѣнію и нареканіямъ. Чѣмъ ближе человѣкъ стоялъ къ намъ, тѣмъ требовательнѣе должны были мы относиться къ нему и тѣмъ строже были мы въ оцѣнкѣ дѣла возбуждавшаго сомнѣніе. Мы разстались, и не прежде наши отношенія къ нему возстановились какъ выяснились для насъ всѣ обстоятельства дѣла и исчезли смущавшія насъ сомнѣнія. Случай о которомъ

идетъ рѣчь былъ чѣмъ хотите, неловкостью, ошибкой, легкомысліемъ, но не преступнымъ дѣломъ какое могло бы давать г. Тургеневу основаніе и право для его злословной выходки. Еслибъ автора *Отцовъ и дѣтей* спросили, не въ Парижѣ ли онъ находился въ началѣ нынѣшняго года, а онъ случайно запнувшись на словѣ, сказалъ бы нѣтъ, и сталъ бы потомъ безъ надобности путаться, доказывая свое alibi, то даже такое простое обстоятельство какъ жительство въ томъ или другомъ городѣ могло бы подать поводъ къ сомнѣніямъ и подозрѣніямъ. Нѣчто подобное случилось съ бывшимъ другомъ его. Безъ малѣйшей надобности, вопреки своимъ интересамъ, онъ набросилъ тѣнь таинственности на дѣло само по сеѣ не предосудительное. За эту ошибку онъ тяжко поплатился; но даетъ ли она право безславить и позорить его какъ это дѣлаетъ г. Тургеневъ? Такая ли это вина чтобъ отнимать у человѣка право голоса въ общественныхъ вопросахъ?

Мы представили комическій въ своей невозможности случай, какъ сталъ бы г. Тургеневъ отпираться отъ своего жительства въ Парижѣ. Но въ наши дни и невозможное становится возможнымъ. Г. Тургеневъ пошелъ дальше. Онъ хочетъ чтобы заявленіе за его подписью, напечатанное въ распространенной газетѣ, хранилось тѣмъ не менѣе въ тайнѣ. „Иногородный Обыватель“ выдалъ эту тайну: онъ доносчикъ, онъ сикофантъ. Какъ хорошо г. Тургеневъ вошелъ въ обычаи и нравы своихъ новыхъ друзей!

Мы думаемъ однако что г. Тургеневъ допустилъ бы нарушеніе этой тайны посредствомъ рукоплесканій и выраженій сочувствія. На новыхъ овацiяхъ которыя вѣроятно ожидаютъ его по возвращеніи въ Россію, онъ быть-можетъ со слезами умиленія преклонится заслышавъ гласъ гремящій сверху: „Спасибо! Молодецъ Тургеневъ! Ты честный человѣкъ!“ Однако могутъ быть на свѣтѣ и такіе люди которымъ почему бы то ни было не понравится печатное заявленіе г. Тургенева. Да, но такіе обязаны строго хранить секретъ, подъ страхомъ провалиться въ таръ-тарары безславія и позора. Въ такую-то бѣду и попалъ „Иногородный Обыватель.“ Онъ отозвался, порицательно, отнюдь однако не дѣлая нелѣпаго заключенія что г. Тургеневъ самъ зараженъ язвой нигилизма, находя напротивъ смѣшнымъ подозрѣвать его въ сочувствіи нигилистическимъ доктринамъ.

Дѣйствительно, было бы очень смѣшно подозрѣвать г. Тургенева въ сочувствіи нигилистамъ. Но тѣмъ хуже для него что, не сочувствуя имъ въ душѣ, онъ съ ними кокетничаетъ, въ то время когда всякій серіозный и твердый человѣкъ долженъ кто чѣмъ можетъ давать имъ суровый отпоръ. Чѣмъ же и сильна эта язва какъ не податливостью съ которою относится къ ней наша общественная среда? Вотъ почему людямъ съ авторитетомъ и именемъ г. Тургенева грѣхъ увлекаться суетнымъ исканіемъ популярности въ сферахъ не заслуживающихъ уваженія, стыдно бояться презрѣнныхъ ругательствъ когда долгъ велитъ сказать правдивое и крѣпкое слово, и такимъ людямъ должно гнушаться овацій которыя дѣлаютъ ихъ орудіемъ чуждыхъ имъ цѣлей.

Г. Тургеневъ создалъ Базарова и самъ запечатлѣлъ этотъ типъ именемъ нигилиста. Авторъ, конечно, не раздѣляетъ воззрѣній своего героя. Своимъ умомъ и сердцемъ онъ принадлежитъ къ типу *отцовъ*, сибаритовъ-эстетиковъ и *постепеновцевъ* сороковыхъ годовъ. Типъ Базарова ненавистенъ автору, но и страшенъ. Изображая типъ нигилиста, онъ придалъ ему характеръ цѣльности и силы, столь плѣнительный для юныхъ умовъ. Безъ маленькихъ черточекъ которыя авторъ внесъ въ эту фигуру по совѣту издателя журнала гдѣ впервые *Отцы и Дѣти* увидѣли свѣтъ, она быть-можетъ совсѣмъ покачнулась бы въ пользу нигилизма, и пустой, озлобленный, огрубѣлый studiosus medicinae вышелъ бы высокимъ идеаломъ для молодаго поколѣнія. При первомъ появленіи этой фигуры, въ лагерѣ людей Базаровскаго типа произошелъ расколъ: одни дѣйствительно рукоплескали автору за превосходный идеалъ, другіе освистали его, находя что въ этой фигурѣ сквозитъ его ненависть къ молодому поколѣнію. Г. Тургеневъ тогда молчалъ. Но прошло много лѣтъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, расплодилось нигилистовъ множество; они завладѣли нашею литературой, и голоса ихъ шумно понеслись на всю Русь. Тогда г. Тургеневъ, безпрерывно ругаемый и поносимый ими, вышелъ предъ публику съ изъявленіемъ своего истиннаго почтенія и совершенной преданности господину База-

рову, а въ доказательство своихъ чувствъ къ нему выдалъ издателя журнала, сославшись на свои разногласія съ нимъ во время печатанія. Значитъ, о симпатіяхъ г. Тургенева къ нигилистамъ засвидѣтельствовалъ онъ самъ, и только онъ самъ; но всѣ близко знающіе его, а въ томъ числѣ и „Иногородный Обыватель," ему не повѣрили. Они остаются убѣжденными что въ душѣ онъ питаетъ къ этому типу глубокую антипатію, и находятъ что онъ хочетъ только казаться сочувствующимъ для того чтобъ у нигилистовъ состоять въ фаворѣ. „Иногородный Обыватель" всегда принадлежалъ къ самымъ горячимъ почитателямъ его таланта и не разъ ломалъ за него копья въ литературныхъ турнирахъ; потому-то такъ и обидно было ему видѣть то что онъ называетъ его „кувырканьемъ..."

Г. Тургеневъ, повидимому, испугался какъ бы не попасть въ такую же бѣду какъ въ то время когда этотъ, столь теперь поносимый имъ, бывшій другъ его, протягивалъ ему руку, d'une façon si généreuse et si franche. Однако неужели онъ въ самомъ дѣлѣ убоялся что его сошлютъ, за сочувствіе нигилистамъ, въ „мѣста не столь отдаленныя?"

Говоря объ овацiяхъ которыхъ онъ былъ предметомъ и на которыя привлекалась учащаяся молодежь, г. Тургеневъ заявляетъ что не онъ шелъ къ этимъ молодымъ людямъ, а они пришли къ нему, „постепеновцу въ англійскомъ смыслѣ," ожидающему благъ отъ реформы сверху, а не отъ революціи.

Ахъ, господа, оставьте молодое поколѣніе идти своимъ путемъ, не ходите къ нему и не маните его къ себѣ! Дайте ему созрѣть и укрѣпиться въ своихъ силахъ, не эксплуатируйте его ни въ какую сторону. Съ Божьею помощію, оно дастъ намъ людей которые не будутъ походить ни на *отцовъ*, ни на *дѣтей* г. Тургенева.

Учащаяся молодежь должна учиться; ей рано думать о реформахъ. За то мы можемъ порадовать г. Тургенева интересною новостью: къ „постепеновцамъ въ англійскомъ смыслѣ" подошли таинственные вожаки нигилизма. Въ своихъ подметныхъ прокламаціяхъ уничтожители всего оставляютъ намъ жизнь, требуя только либеральной реформы, конечно также въ видахъ *постепенности*... Какъ бы нашимъ либераламъ не сыграть чужой игры!...

№ 7.

Москва, 7-го января.

„Наводненія и дожди почти повсемѣстно уничтожили жатву въ Верхней Силезіи и поставили жителей ея въ затруднительное положеніе." Такъ говорила берлинская, особенно офиціозная печать въ началѣ осени, полагая что доставивъ населенію возможность обильнаго заработка можно будетъ преодолѣть эти затрудненія. Ожиданія однако не сбылись. „Разомъ и дружно наступившая зима, съ мятелями и морозами, поставила жителей въ безвыходное положеніе," говорила та же печать въ концѣ осени, очевидно сваливая причину бѣдствія на „неблагопріятныя климатическія условія." Но и эта надежда не сбылась. Сначала въ мѣстныхъ силезскихъ газетахъ, а затѣмъ и въ остальныхъ, начали появляться статьи объяснявшія что „нужда" Силезцевъ обусловлена не одними наводненіями и морозомъ, но и положительнымъ обѣдпѣніемъ населенія, которое не имѣетъ даже такой одежи чтобы выйдя изъ дому работать на воздухѣ, что у жителей нѣтъ обуви, нѣтъ верхняго платья.

На помощь нуждающимся поспѣшила, наконецъ, частная благотворительность, но и она, несмотря на большія собранныя суммы, оказалась недостаточною. Въ палатѣ депутатовъ послѣдовалъ запросъ, какія мѣры думаетъ принять правительство противъ опасности грозящей населенію названной провинціи. Оппозиціонная печать поспѣшила обвинить правительство въ медленности и невниманіи къ нуждамъ голодающей провинціи...

Только послѣ этого палатѣ былъ представленъ законопроектъ о назначеніи въ пособіе жителямъ Силезіи шести милліоновъ марокъ. Правительство вдругъ проявило замѣчательную энергію: министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ поспѣшили на мѣсто, въ Оппельнъ, куда вызваны были ландраты всѣхъ нуждающихся уѣздовъ. „Войдя во всѣ подробности положенія каждаго уѣзда," министры убѣдились что они имѣютъ дѣло не со случайнымъ, а съ хроническимъ бѣдствіемъ, принявшимъ подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ ужасающіе размѣры. Оказалось что сто тысячъ душъ должны быть безусловно приняты на казенное продовольствіе, вмѣстѣ

со скотомъ, котораго у бѣдствующихъ набралось только до 20.000 головъ.

Въ рѣчи своей, при самомъ представленіи палатѣ этого чрезвычайнаго законопроекта, министръ финансовъ, очертивъ положеніе края, прямо заговорилъ о необходимости обширныхъ желѣзнодорожныхъ сооруженій, дренажа, наконецъ объ уничтоженіи ростовщичества „опутавшаго страну словно гигантская паутина.“

Палата съ одобрительнымъ вниманіемъ выслушала рѣчь министра, но это не помѣшало преніямъ 12 января, когда обсуждалось министерское предложеніе, принять не совсѣмъ благопріятный правительству характеръ. Вожакъ прогрессистовъ, г. Вирховъ, прямо поставилъ правительству въ вину что оно съ 1848 года не обращало никакого вниманія на положеніе провинціи, несмотря на то что уже тогда въ палатѣ ясно было выражено мнѣніе о возможности повторенія тамъ голода. Не менѣе рѣшительно говорили и другіе депутаты, заявляя что почва застигнутыхъ бѣдствіемъ мѣстностей далеко не такъ дурна какъ желаютъ это выставить, что во многихъ уѣздахъ она положительно хороша, но что условія въ которыя поставлено крестьянское хозяйство крайне неблагопріятны. Было обращено вниманіе на раздѣлъ угодій между наслѣдниками, вызывающій обѣдненіе, на отношеніе мелкихъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ къ крупнымъ помѣщикамъ. „Я утверждаю, сказалъ польскій депутатъ Стаблевскій, что Силезія есть Прусская Ирландія. Въ верхней Силезіи господствуетъ самый ужасный пауперизмъ. Тамошній крестьянинъ несчастнѣе негра.“ Только при такихъ условіяхъ, какъ замѣчало большинство ораторовъ, Евреи-ростовщики могли забрать мѣстныхъ землевладѣльцевъ въ свои руки, и у многихъ изъ нихъ, особенно у мелкихъ, оттягать участки при помощи обычныхъ въ подобной эксплуатаціи пріемовъ.

Эта эксплуатація нашла себѣ поддержку въ тѣхъ законодательныхъ мѣрахъ кои въ разное время были принимаемы въ видахъ германизаціи края, которой ростовщики въ свою очередь содѣйствовали обращая поземельные участки въ ходкій товаръ, легко переходящій изъ рукъ въ руки, благодаря чему германизація края шла неуклонно быстро. Пришлый, нѣмецкій элементъ быстро возрасталъ, и деревни Силезіи и Познани одна за другою мѣняли свои славянскія имена на германскія.

Результатомъ преній была передача законопроекта въ коммиссію, гдѣ, какъ ожидаютъ, онъ подвергнется значительнымъ измѣненіямъ, о которыхъ пренія вновь вызовутъ рядъ раскрытій внутренняго хозяйства, причемъ еще они должны обнаружить способы германизаціи славянскихъ областей Пруссіи.

Выражая готовность ассигновать требуемые правительствомъ 6 милліоновъ на поддержаніе нуждающихся, палата не упустила изъ виду санитарнаго состоянія провинціи, въ которой уже обнаружился тифъ. „Болѣзнь въ настоящее время, замѣтилъ депутатъ Гюне, имѣетъ спорадическій характеръ, но съ наступленіемъ болѣе теплой погоды должно ждать *тифозной эпидеміи*.“ Профессоръ Вирховъ замѣтилъ по этому поводу что хотя онъ не можетъ высказаться такъ рѣшительно какъ Гюне, но считаетъ не лишнимъ чтобы правительство было готово къ этому явленію „теоретически возможному.“

Рядомъ съ этимъ заявленіемъ, возникъ вопросъ о недостаточности медицинскихъ и санитарныхъ средствъ въ краѣ, и правительство вновь выслушало рядъ хотя и сдержанныхъ, но вѣскихъ упрековъ въ недостаткѣ заботливости относительно дѣла которое имѣетъ значеніе не для одной только Силезіи. И дѣйствительно, силезскій тифъ для Германіи можетъ быть поопаснѣе Астраханской чумы, отъ которой такъ энергически ограждалъ князь Бисмаркъ Германію. Силезскій тифъ не дастъ ли намъ повода къ принятію тоже заблаговременно карантинныхъ мѣръ противъ возможнаго запоса его въ предѣлы Привислинскаго края?

№ 8.

Москва, 8-го января.

Напечатанные во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты документы по неисполненному до сихъ поръ Портой дѣлу сдачи Гусинья и Плавы, имешо черногорская циркулярная нота къ великимъ державамъ съ приложеннымъ къ ней меморандумомъ, показываютъ что̀ значитъ пресловутый Берлинскій трактатъ и его исполненіе. Въ нихъ хронологически излагаются напрас-

ныя старанія Черногорскаго княжества получить территорію утвержденную за нимъ подписями великихъ дипломатовъ участвовавшихъ на конгрессѣ, въ томъ числѣ и уполномоченныхъ самой Порты, а также маневры помѣшать этому. Многимъ можетъ-быть не понравится напоминаніе черногорскаго меморандума что и передача Подгорицы состоялась лишь только благодаря угрозамъ Россіи, когда ея войска еще стояли въ Адріанополѣ. Что касается собственно Гусинскаго округа, то Порта въ началѣ отозвалась что вовсе не ея дѣло передавать мѣстность очищенную ея войсками и оставленную ея администраціей, хотя въ то же самое время скутарійскій губернаторъ возбуждалъ Албанцевъ воспротивиться передачѣ и надѣлялъ ихъ оружіемъ. Этотъ отвѣтъ Порты давалъ Черногоріи право приступить къ занятію безъ дальнихъ околичностей; но, во избѣжаніе кровопролитія и „въ довѣріи къ твердости великихъ державъ," правительство князя Николая рѣшилось ждать. Терпѣніе его, однако, увѣнчалось результатами совершенно противными ожиданіямъ.

Самое важное въ этомъ дѣлѣ есть то обстоятельство что Порта была со стороны самихъ державъ поощрена къ проволочкамъ. Когда международная коммиссія по проведенію границы приступила къ дѣлу, то оттоманскіе уполномоченные, вмѣсто того чтобы держаться Берлинскаго трактата, представили проектъ новой границы. Европейскіе коммиссары всѣ были согласны что турецкое требованіе неисполнимо, не соотвѣтствуетъ ни буквѣ, ни смыслу трактата, и однако, вмѣсто того чтобы прямо и безусловно отвергнуть проектъ Порты, непостижимымъ образомъ пошли на „сдѣлку," согласившись принять проведенную черту между моремъ и Гусинскимъ округомъ лишь за „временную!" Припоминая недавнее заявленіе австрійскаго министра что Берлинскія постановленія, какъ утвержденныя единогласно, не могутъ подлежать перерѣшенію, хотя это въ мысли барона Гаймерле относилось только Босніи и Герцеговинѣ, непостижимо какимъ образомъ делегаты европейскихъ державъ, скрѣпившихъ трактатъ своею подписью, позволили себѣ обозначать какое-либо изъ его опредѣленій какъ „временное," тѣмъ болѣе когда сами находили возраженія Порты „несообразными и неисполнимыми." Если разъ допустить такую неопредѣленность, то ни одно разграниченіе не можетъ считаться безспорнымъ, и выйдетъ что Берлинскимъ трактатомъ ничего окончательно рѣшено не было. А между тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію что вышеупомянутое заявленіе черногорскаго меморандума основано на фактѣ, въ которомъ можно убѣдиться изъ протоколовъ международной пограничной коммиссіи. Коммиссія эта еще болѣе поощрила къ неисполненію трактата, принявъ петицію подписанную не только мусульманами Гусинья, но и нѣкоторыми именитыми людьми, просившими чтобы Гусинскій округъ былъ взятъ обратно у Черногоріи. Всего этого было достаточно для поощренія Порты которая выгадала время и нашла предлогъ чтобы считать вопросъ объ этомъ округѣ спорнымъ и, взамѣнъ его, предлагать, въ вознагражденіе Черногоріи, территорію которая и безъ того принадлежала ей по праву.

Послѣ этого, всѣ дальнѣйшія проволочки и увертки Порты уже не представляютъ большаго интереса, будучи прямыми послѣдствіями неисполненія европейской коммиссіей своихъ прямыхъ обязанностей по точному проведенію границы. Наше вниманіе останавливается вновь на томъ пунктѣ когда опять выступаютъ великія державы, на этотъ разъ по приглашенію Порты, и вновь безплодно. Когда Черногорія, видя уклоненіе Порты отъ передачи Гусинскаго округа, готовилась было сама приступить къ занятію его, тогда только Порта вдругъ усмотрѣла что округъ этотъ можетъ быть переданъ Черногоріи не иначе какъ формальнымъ образомъ, и въ то же время просила вмѣшательства державъ, убѣждая ихъ воздержать Черногорію отъ экспедиціи и увѣряя что ею самою приняты всѣ мѣры для передачи Гусинскаго округа, „хотя бы ей даже пришлось сражаться съ собственными подданными." Державами тутъ не было ничего сдѣлано; онѣ только выразили Черногоріи свое желаніе чтобъ она повременила. Что же вышло? Вышло то что въ августѣ Черногорцы могли безъ выстрѣла вступить въ Гусинье; а въ октябрѣ пришлось бы брать его съ бою; теперь же, послѣ прибытія Мухтаръ-паши въ Албанію съ регулярными войсками, будто бы для передачи, въ Гусиньѣ стоитъ 15.000 оттоманскихъ подданныхъ, организованныхъ какъ регулярное войско, и уже были два кровавыя столкновенія

вслѣдствіе нападенія Албанцевъ на Черногорцевъ, которые ограничились только отраженіемъ.

Все это представляетъ тѣмъ болѣе возмутительную несправедливость что Берлинскимъ трактатомъ и безъ того уже была сокращена болѣе чѣмъ на треть территорія на которую Черногорцамъ дали право ихъ побѣды, такъ что имъ самимъ пришлось возвратить Портѣ занятыя ею мѣстности, а портъ Спицу передать въ собственность Австріи. Замѣтимъ, впрочемъ, что въ Черногорскомъ меморандумѣ нѣтъ и тѣни жалобы на дѣйствія державъ. Выражается только надежда что онѣ не потерпятъ чтобъ условія подписаннаго ими мирнаго трактата оставались мертвою буквой. Между тѣмъ, эти чрезвычайныя событія въ Албаніи причинили бѣдной Черногоріи убытокъ въ 2 милліона франковъ на вооруженія среди мира, уплаты коихъ она, по всей справедливости, и требуетъ съ Порты, наложивъ въ обезпеченіе своего требованія секвестръ на имущества мусульманъ въ территоріи имѣющей отойти къ Черногоріи.

До сихъ поръ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ какой пріемъ былъ сдѣланъ иностранными державами циркулярному обращенію къ нимъ со стороны Черногоріи. Сейчасъ полученная вѣнская телеграмма сообщаетъ объ отвѣтѣ Порты, въ которомъ нѣтъ никакого отвѣта, сколько можно судить по телеграфному сообщенію: все тѣ же увертки и лживыя отговорки.

Любопытно сравнить съ положеніемъ черногорскаго дѣла настойчивое дѣйствіе Австро-Венгріи въ отношеніи къ Сербіи по желѣзнодорожному вопросу, о чемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ были даны объясненія въ комитетѣ иностранныхъ дѣлъ венгерской делегаціи 10 января. Берлинскимъ трактатомъ права освобожденныхъ и получившихъ независимость княжествъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ были ограничены лишь общимъ образомъ, въ томъ смыслѣ чтобъ они не нарушали прежде заключенныхъ Портой конвенцій, и что онѣ должны условиться о соединеніи линій. Оказывается, однако, что Австрія въ то же время сумѣла устроить такъ что заставила Сербію заключить съ собой отдѣльную конвенцію 8 іюля 1878 года въ Берлинѣ, первою статьей коей оба правительства обязались исполнить соединеніе желѣзнодорожныхъ линій въ теченіе трехъ лѣтъ, причемъ Австрія бралась довести свои линіи до соединенія съ сербскими у Бѣлграда, а Сербія обѣщала, въ тотъ же срокъ, продолжить линію отъ Бѣлграда до Алексинца, и далѣе до болгарской границы, на соединеніе съ линіей Софійско-Константинопольскою, а съ другой стороны — до турецкой границы на встрѣчу линіи Митровица-Салоники (также не существующею). О значеніи и характерѣ обязательности конвенціи мы не можемъ судить, такъ какъ освѣдомляемся о ней въ первый разъ только изъ объясненій австрійскаго министра. Но изъ его объясненій видно что въ іюнѣ прошлаго года Сербское правительство, по требованію Австріи, прислало въ Вѣну г. Алимпича для переговоровъ, онъ же, однако, не былъ уполномоченъ подписать изготовленный проектъ конвенціи, въ коемъ въ пользу Австріи выговаривалось чтобы соединеніе южной вѣтви состоялось не прежде соединенія въ Бѣлградѣ съ австрійскою линіей, и чтобы сербскій тарифъ былъ согласованъ съ австро-венгерскимъ. Въ минувшемъ октябрѣ, Сербское правительство вмѣсто того, предложило чтобы вопросъ о соединеніи линій былъ рѣшенъ сообща на конференціи четырехъ заинтересованныхъ сторонъ, именно: Австріи, Сербіи, Порты и Болгаріи, что согласно и съ 38-ю статьей Берлинскаго трактата. Но Австрія на это не согласна; она требуетъ чтобы, на основаніи упомянутой спеціальной конвенціи, Сербія сперва условилась одна съ Австріей, а потомъ онѣ уже вмѣстѣ могутъ де сдѣлать предложенія Болгаріи и Портѣ. Съ этою цѣлью и отправленъ въ Нишъ баронъ Гербертъ съ инструкціями оставаться тамъ до улаженія дѣла, такъ какъ „невозможно“ де терпѣть долѣе никакой отсрочки. Въ заключеніе австрійскій министръ увѣдомилъ коммиссію делегаціи что ожидается вскорѣ прибытіе въ Вѣну сербскаго уполномоченнаго, и это заявленіе доставило коммиссіи большое удовольствіе.

Не явно ли отсюда что Австрія тщится насильно подчинить Сербію своимъ торговымъ и экономическимъ интересамъ, а затѣмъ, какъ писалъ недавно корреспондентъ *Times* изъ Софіи, всячески ищетъ пріобрѣсти вліяніе и на Болгарское княжество, хотя встрѣчаетъ тамъ сильное противодѣйствіе, по укоренившемуся въ населеніи недовѣрію къ ея намѣреніямъ?

№ 9.

Москва, 9-го января.

Телеграфъ и затѣмъ нашъ вѣнскій корреспондентъ сообщали намъ объ уличныхъ безпорядкахъ происходившихъ въ Пештѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней съ возрастающею силой, начиная съ 11 января. Дѣло доходило до кровопролитія, и нѣсколько человѣкъ пали жертвой взаимнаго раздраженія между уличною толпой и военною силой къ которой пришлось прибѣгнуть. Ближайшимъ поводомъ къ этому волненію была дуэль происходившая 10 января между членомъ аристократическаго „казино“ въ Пештѣ, барономъ Майтеньи, и редакторомъ одной венгерской газеты, г. Верховаемъ, который былъ тяжело раненъ въ грудь. Общественное мнѣніе столицы Венгріи было сильно раздражено противъ клуба мадьярскихъ „юнкеровъ“ за эту дуэль, что и повело къ безпорядкамъ. Но самая степень этого раздраженія показывала что причины его таятся гораздо глубже нежели временное возбужденіе, и то что всплыло теперь наружу представляетъ картину глубокой порчи и нравственнаго растлѣнія хваленой мадьярской аристократіи, двоюродныхъ братцевъ Туркамъ, кичащихся своею политическою зрѣлостью и присвоивающихъ себѣ владычество надъ иноплеменнымъ населеніемъ Венгерскаго королевства, не состоящимъ въ родствѣ съ витязями Аттилы. Нѣкоторя часть мадьярской печати занялась теперь обличеніемъ взяточничества и казнокрадства своихъ магнатовъ, въ чьихъ рукахъ сосредоточена вся власть въ странѣ. А давно ли тѣ же самые органы, изъ нѣжной заботливости о своихъ мусульманскихъ друзьяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, осыпали бранью и клеветами Россію и все славянское, и бѣшено отстаивали турецкое владычество надъ славянскими племенами? Теперь обнаружилось какое мѣрило политической и нравственной зрѣлости давала окружающая среда мадьяро-турецкимъ патріотамъ.

Публицистъ Верховай обнародовалъ въ своей газетѣ нѣсколько писемъ найденныхъ у одного проворовавшагося директора Пештскаго земельнаго банка. Изъ этихъ писемъ, принадлежащихъ многимъ высокостоящимъ общественнымъ дѣятелямъ Венгріи, въ томъ числѣ брату министра-президента Тисы, видно что расхищеніе банка было дѣломъ не одного уличеннаго директора, но большинства магнатовъ участвовавшихъ въ правленіи банка. Особенно компрометтирующіе факты въ этихъ письмахъ касаются графа Фестетича (Festetics), а этотъ графъ еще недавно гремѣлъ въ „казино“ противъ графа Виктора Зичи-Феррарисъ, за которымъ еще лѣтомъ этого года оказались очень неблаговидныя сдѣлки заключенныя имъ съ банкирскимъ домомъ Эрлангера въ то время когда онъ былъ членомъ кабинета Тисы. Графъ Зичи долженъ былъ признаться что принялъ отъ названнаго дома подарокъ во 100.000 гульденовъ. Когда эта сдѣлка была обнаружена, графъ Фестетичъ настоялъ на томъ чтобы графъ Зичи-Феррарисъ былъ исключенъ изъ числа членовъ пештскаго „казино.“ А теперь раскрытія Верховая доказали что самъ графъ Фестетичъ виновенъ въ поступкахъ еще болѣе грязныхъ нежели взяточничество въ коемъ онъ уличилъ графа Зичи: оказывается что онъ прямо подстрекалъ упомянутаго директора банка къ расхищенію банковой кассы. Майтеньи, родственникъ графа Фестетича, вслѣдствіе этихъ раскрытій вызвалъ г. Верховая, и эта дуэль была ближайшимъ поводомъ озлобленія пештскаго населенія противъ той клики которую этотъ публицистъ печатно назвалъ „бандитами во фракахъ.“

Впрочемъ, венгерскіе магнаты не со вчерашняго только дня подвергаются подобнаго рода позорнымъ уликамъ. Еще въ 1872 году, тогдашній венгерскій министръ-президентъ Лоньяй вынужденъ былъ выйти въ отставку подъ ударомъ обвиненія брошеннаго въ него въ засѣданіи парламента, обвиненія въ томъ что онъ, пользуясь своимъ официальнымъ положеніемъ, завѣдомо спекулируетъ биржевыми цѣнностями въ свою личную выгоду. Затѣмъ, въ прошломъ году, пало подозрѣніе на одного изъ вице-президентовъ, венгерской палаты депутатовъ, Варади, въ томъ что онъ торгуетъ орденами и другими знаками отличія, доставляя ихъ за деньги своимъ кліентамъ и пользуясь для этого своими близкими отношеніями къ теперешнему министру-президенту Тисѣ. Министръ финансовъ Сапари также недавно подвергся публичному обвиненію въ томъ что онъ, предпринимая понизить цѣнность одной процентной бумаги, поспѣшилъ сбыть облигаціи находившіяся у него въ рукахъ, и оправданіе министра ограничилось по-

казаніемъ что онъ сбылъ бумаги не свои собственныя, а своихъ близкихъ родственниковъ.

Таковы факты кои, въ числѣ многихъ другихъ сопоставляются австро-венгерскою печатью для объясненія уличныхъ смутъ происходившихъ въ венгерской столицѣ на прошлой недѣлѣ. Иные изъ органовъ этой печати утѣшаютъ себя тѣмъ что общественное раздраженіе, охватившее венгерское населеніе вслѣдствіе всѣхъ этихъ разоблаченій, должно де послужить залогомъ перемѣны къ лучшему. Но вотъ мнѣніе высказанное однимъ изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей въ Вѣнѣ по поводу событій въ Пештѣ, переданное вѣнскимъ корреспондентомъ берлинской *Національной Газеты*: „Венгерская аристократія," сказалъ этотъ государственный дѣятель, къ сожалѣнію, не названный корреспондентомъ, „приходитъ въ окончательный упадокъ. Взяточничество и казнокрадство давно укоренились въ Венгріи; но въ прежнее время они имѣли болѣе благодушный характеръ; начиная отъ гайдука и кончая шефомъ центральнаго управленія, брали всѣ къ кому приходилось прибѣгать за чѣмъ-либо, и обѣ стороны находили это совершенно въ порядкѣ вещей, точь-въ-точь какъ въ Турціи. Общественное мнѣніе нисколько этимъ не возмущалось, ибо таковъ былъ издавна установившійся обычай. Въ настоящее же время зло приняло болѣе острый характеръ: служители государства не просто берутъ предлагаемое, но настойчиво требуютъ и вымогаютъ приношенія." Объясняется де это тѣмъ что мадьярское дворянство, въ рукахъ котораго и теперь почти исключительно находятся всѣ публичныя должности, давно разорилось и пришло въ упадокъ. Еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ оно было близко къ банкротству, и еслибы дѣло было предоставлено своему естественному ходу, катастрофа была бы неизбѣжна. Спасеніемъ для мадьярскихъ юнкеровъ послужило дарованіе Венгріи правъ „автономіи и самоуправленія." Мадьяры забрали въ свои руки всѣ общественныя и государственныя должности, и разоренные владѣльцы помѣстій старались возмѣстить частными доходами по службѣ тотъ дефицитъ который оказывался въ ихъ наслѣдственныхъ вотчинахъ приходившихъ все въ большій упадокъ вслѣдствіе безпечности и разгула.

И это-то выродившееся племя деспотически и угнетательно властвуетъ надъ прочими народностями населяющими восточную половину „либеральной" имперіи Габсбурговъ!

№ 10.

Москва, 10-го января.

Рѣчи англійскихъ министровъ конхъ содержаніе приведено во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты, заслуживаютъ болѣе вниманія чѣмъ могло казаться съ перваго взгляда. Въ нихъ слѣдуетъ видѣть положительную декларацію что министерство лорда Беконсфильда рѣшилось наконецъ открыть вскорѣ общіе выборы, и что оно готово принять борьбу какъ вызываетъ его оппозиція, на почвѣ иностранной политики. По правдѣ, лордъ Беконсфильдъ пропустилъ самую удобную минуту для обновленія своего парламентскаго большинства, именно тотчасъ послѣ Берлинскаго конгресса, когда пожатые имъ лавры были еще свѣжи. Теперь они позавяли, и рѣчи его подручниковъ только пугаютъ избирателей новыми бѣдами.

Оставляя въ сторонѣ странные доводы англійскихъ министровъ что ихъ пребываніе во власти необходимо для счастія всего міра, и кощунственное призваніе г. Смитомъ даже воли Божіей на защиту праваго дѣла, то-есть сохраненія министерскихъ портфелей, нельзя не удивляться что оба говорившіе министра, сэръ-Стаффордъ Норткотъ и г. Смитъ, предвѣщаютъ возможность борьбы которая должна рѣшить удержитъ ли Англія свое первенствующее положеніе или войдетъ въ роль второстепенной, даже третьестепенной державы. Вопросъ предъ избирателями ставится прямо, хотятъ ли они сохранить Англію такою какъ она есть или навсегда отречься отъ войны? Въ послѣднемъ случаѣ имъ предвѣщаютъ покушенія на достояніе Англіи, которая картинно изображается въ положеніи ягненка въ баснѣ провинившагося предъ волкомъ въ томъ что пилъ изъ ручья.

Нѣтъ надобности пускаться въ догадки откуда хотятъ показать тучу. Волкомъ задирающимъ бѣднаго ягненка можетъ выступить, по словамъ г. Смита, одна изъ великихъ военныхъ державъ Европы. Ясно что рѣчь идетъ о Россіи. „Развѣ не дѣйствіе Англіи," восклицаетъ сэръ-Стаф-

фордъ Норткотъ, „въ критическую минуту обратило вспять русскую армію когда она была предъ вратами Константинополя?“ И г. Смитъ также объявляетъ за непререкаемый фактъ что Россія будто бы замышляла утвердиться на Босфорѣ, но Англія прямо де заявила на всю Европу что „этому не бывать,“ и русскіе баталіоны удалились во свояси. Онъ же ссылался на будущее доказательство исторіи что Афганистанъ былъ центромъ интригъ направленныхъ противъ Индіи. Когда рядомъ съ этимъ, туманно говорится о будущихъ опасностяхъ, даже о возможности войны въ коей Англіи чуть не придется отстаивать свое существованіе, то ясно кого должны разумѣть слушатели подъ таинственнымъ врагомъ всеобщаго спокойствія. Выводъ для нихъ тѣмъ проще и неизбѣжнѣе что лондонская печать въ послѣднее время на всѣ лады развивала тему что ни въ комъ какъ въ Россіи вся опасность. Въ англійскихъ газетахъ усердно перепечатывались всѣ розказни о небываломъ сосредоточеніи русскихъ войскъ на западной границѣ; даже сказка о калишскомъ происшествіи, послѣ опроверженія, повторялась какъ „подтвердившійся“ по должномъ разслѣдованіи фактъ, и все это сопровождалось надлежащими комментаріями. Кстати, въ подтвержденіе непомѣрнаго честолюбія Россіи, ищущаго исхода изъ внутреннихъ затрудненій, указывалось на ея замыслы въ Средней Азіи, коихъ не останавливаютъ и неудачи, на ея громадныя приготовленія къ походу на Мервъ. Отсюда слѣдуетъ что Россія не даетъ никому покоя ни въ Европѣ, ни въ Азіи. Когда все это уже растолковано публикѣ, министрамъ не было надобности высказываться прямѣе, да притомъ и не политично въ виду того что съ Россіей они состоятъ въ мирѣ и дружбѣ, которую, по ихъ словамъ, они страстно желаютъ сохранить, такъ какъ Англія не имѣетъ видовъ ни на вершокъ русской территоріи. Это непомѣрное великодушіе г. Смита возбудило смѣхъ даже въ его слушателяхъ. Тутъ же, въ этомъ самомъ лицемѣріи дружбы, брошенъ злобный намекъ на Россію: г. Смитъ не видитъ причины почему не быть съ нею въ мирѣ, лишь бы сама Россія оставалась въ мирныхъ и „честныхъ“ отношеніяхъ къ Англіи... Отнынѣ, слѣдовательно, Англія будетъ судьей нашей чести!

Итакъ не подлежитъ сомнѣнію что руссофобія будетъ лозунгомъ торійской партіи на предстоящихъ выборахъ. Насъ не удивляетъ это, ибо уже нѣсколько времени тому назадъ доходившія къ намъ вѣсти изъ Англіи заставляли ожидать возбуждешія тамъ сильной анти-русской агитаціи. Былъ даже слухъ что лордъ Биконсфильдъ выжидаетъ для общихъ выборовъ именно той минуты когда русскія войска двинутся на Мервъ, въ увѣренности что это извѣстіе возбудитъ страшное неудовольствіе въ Англіи и послужитъ въ пользу нынѣшнему кабинету. Въ числѣ наиболѣе рьяныхъ адептовъ патріотической школы лорда Биконсфильда есть не мало и такихъ которые недовольны даже нынѣшнимъ отношеніемъ Англіи къ Россіи, и не далѣе какъ на прошедшей недѣлѣ высказывалось что только „политика громкой угрозы противъ Россіи“ можетъ удержать нынѣшнее министерство во власти. Образовавшаяся еще осенью въ Лондонѣ такъ-называемая „Патріотическая Ассоціація,“ уже сильно проявлявшая свою дѣятельность на бывшихъ случайныхъ выборахъ, не только поставила своею задачей отстаивать отъ Россіи Гератъ (замѣтимъ вовсе не принадлежащій Англіи), но готова принять подъ свое покровительство и текинскихъ Туркменъ. На бывшихъ однако въ послѣднее время совѣщаніяхъ кабинета, какъ мы читали на дняхъ, рѣшено не заходить такъ далеко. „Россіи,“ объявляютъ намъ, „будетъ позволено безо всякаго вмѣшательства со стороны Англіи занять Мервъ если ей это угодно.“ Полагаемъ что эту милость не трудно истолковать иначе: министерство, конечно, знало что никакія возраженія противъ русской экспедиціи не будутъ допущены, а показать великодушіе очень кстати когда свои руки полны затрудненій въ Афганистанѣ. Тамъ Англія держитъ уже болѣе 40.000 войска, и на дняхъ еще посланы изъ Англіи подкрѣпленія; но несмотря на успѣхи генерала Робертса, занятыя англійскими войсками мѣстности составляютъ лишь небольшую часть владѣній Ширъ-Али. Подъ напоромъ Англіи, бывшій Афганистанъ распался, и англійскихъ политиковъ очень заботитъ участь Герата, Афганскаго Туркестана (Балхъ и другія владѣнія по Аму-Дарьѣ) и Бадакшана. И вотъ, въ одно время со злобными изобличеніями русскаго честолюбія, мы читали и намеки что нѣтъ де „серіозныхъ сомнѣній въ томъ что въ

нынѣшнемъ году Англія и Россія найдутъ *modus vivendi* въ Средней Азіи." Какъ видно, тутъ весьма нехитрая двойная игра: съ одной стороны, къ намъ подходятъ, какъ г. Смитъ, съ благожеланіями и предлагаютъ *modus vivendi*, а съ другой, раздувается руссофобія, которая можетъ пригодиться при переговорахъ, какъ это бывало прежде, чтобъ убѣдить насъ на полюбовныя сдѣлки. Тревожныя рѣчи англійскихъ министровъ не значатъ чтобъ они вправду видѣли неизбѣжность столкновенія съ Россіей, но фактъ раздуваемой руссофобіи, какъ избирательнаго маневра нынѣшняго кабинета, намъ необходимо принять къ свѣдѣнію при *quasi* дружелюбныхъ отношеніяхъ къ намъ Англіи.

Мы должны сдѣлать еще слѣдующее замѣчаніе. Быть-можетъ нынѣшній кабинетъ не будетъ имѣть успѣха на выборахъ, быть-можетъ оппозиція достигнетъ власти. Изъ такой неудачи мы отнюдь не расположены будемъ заключить что политика Англіи радикально измѣнится. Либералы только иначе приправятъ ее, и пожалуй выйдетъ еще хуже. Лордъ Беконсфильдъ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, услужилъ намъ что сумѣлъ выставить на показъ весь чудовищный эгоизмъ интересовъ Англіи и наглядно доказалъ невозможность какого-либо, на основаніи этихъ интересовъ, соглашенія между Англіей и Россіей. Притомъ, онъ вездѣ посѣялъ недовѣріе къ Англіи: отношенія къ ней Франціи, а также Италіи охладѣли; онъ оттолкнулъ Грецію, которая искала покровительства Англіи, и научилъ видѣть въ Англіи врага всѣхъ христіанскихъ населеній Турціи, не заслуживъ и ея признательности. Какою грубою ироніей звучатъ теперь слова г. Смита что Англія стояла „во главѣ колесницы свободы;" о „ея вліяніи на добро," о „благахъ ею разливаемыхъ по земному шару!" Теперь когда эта шулерская карта Англіи, якобы защищающей свободу, такъ позорно дискредитована, ею и либераламъ труднѣе будетъ пользоваться.

Притомъ, что касается послѣднихъ, мы до сихъ поръ слышимъ отъ нихъ только критику дѣйствій правительства, но не слыхали заявленій ихъ собственной будущей политики. Въ этомъ ихъ упрекаютъ и сторонники министерства, да и понятно что имъ неловко высказаться чтобы не дать противъ себя оружія въ руки противниковъ. Они не посмѣютъ прямо высказаться противъ анти-русской агитаціи. Въ Англіи есть немного вполнѣ безпристрастно и даже сочувственно относящихся къ Россіи людей, но это большею частью люди кабинетные и ученые, стоящіе въ сторонѣ отъ партій. Что же касается политическихъ либераловъ, то они быть-можетъ будутъ осмѣивать неосновательность припадка руссофобіи и давать вовсе не нужныя увѣренія что и они, не хуже лорда Беконсфильда, не поступятся выгодами Англіи въ пользу Россіи.

№ 11.

Москва, 11-го января.

Тревожное настроеніе сказавшееся довольно замѣтнымъ образомъ въ берлинской печати при самомъ наступленіи Новаго Года, въ виду важныхъ перемѣнъ во Франціи, смѣнилось нынѣ рѣчами успокоительнаго свойства. Императоръ Вильгельмъ лично подалъ сигналъ къ этимъ успокоительнымъ завѣреніямъ. Отвѣчая письменно на поздравительный адресъ, поданный ему отъ имени берлинскаго муниципалитета, императоръ выразился между прочимъ такъ: „Вашъ адресъ доставляетъ „мнѣ желанный поводъ высказать положи„тельнымъ образомъ мою надежду на то „что, съ помощью Всемогущаго Бога мо„ему вліянію удастся обезпечить Герман„ской имперіи блага мира." Комментируя эти слова, берлинская печать высказываетъ предположеніе что такая манифестація съ высоты трона понадобилась вслѣдствіе носившихся въ Берлинѣ слуховъ о словахъ совершенно инаго свойства сказанныхъ будто бы императоромъ Вильгельмомъ въ самый день пріема на Новый Годъ. Какъ бы то ни было, но теперь одна берлинская газета предъ другою спѣшитъ заявить что горизонтъ совершенно очистился отъ темныхъ пятенъ, и что тревожные слухи носившіеся еще не задолго предъ симъ были дѣломъ недобросовѣстной агитаціи со стороны англійской печати, такъ какъ Англія весьма заинтересована въ томъ чтобы вниманіе Россіи было отвлечено къ ея западной границѣ, дабы она не могла располагать полною свободой дѣйствій въ Средней Азіи.

Совершенно вѣрно что англійская печать торопливо и радушно открывала свои

столбцы всѣмъ слухамъ клонившимся къ тому чтобы представить отношенія между Россіей и Германіей натянутыми и чуть ли не открыто враждебными. Но источникомъ всѣхъ этихъ смутъ, надо сказать правду, была нѣмецкая печать.

Осенью, вслѣдъ за свиданіемъ въ Александровѣ, въ *Кельнской Газетѣ* появился рядъ телеграммъ и статей о сосредоточеніи будто бы на границахъ Германіи значительныхъ русскихъ силъ, о скопленіи въ Привислинскомъ краѣ половины русской арміи. Приводились даже нумера полковъ, запасныхъ и стрѣлковыхъ баталіоновъ и батарей.

Извѣстія эти были, конечно, сейчасъ же опровергнуты съ русской стороны; но это ни къ чему не послужило. *Кельнская Газета* настаивала на своемъ, оспаривая подъ конецъ сужденія и свѣдѣнія даже своихъ, германскихъ, газетъ, и требовала чтобы въ опроверженіе ея сообщеній русскіе *офиціальные* органы указали: или какія именно войска стоятъ западнѣе линіи Динабургъ-Кіевъ, или какихъ тамъ нѣтъ изъ числа указываемыхъ въ *Кельнской Газетѣ*, и съ какого времени. Требовалось, словомъ, опубликованіе подробной дислокаціи русской арміи.

Дислокація, конечно, не была опубликована, однако русская офиціальная военная газета сочла долгомъ на дняхъ заявить что въ Россіи не только не происходитъ никакихъ военныхъ приготовленій, но что составъ нашей арміи уменьшенъ на 36 тысячъ даже противъ нормы мирнаго времени.

Лживость толковъ о мнимыхъ вооруженіяхъ становилась слишкомъ ясна, нужно было перемѣнить маневръ. Хорошо, разсудили внушители, „военныхъ приготовле„ній теперь нѣтъ, но русская армія на„строена враждебно, намъ не нравится ея „духъ, который рано или поздно, смотря „по обстоятельствамъ, выразится въ дѣй„ствіяхъ,“ то-есть войной. Потребовалось привести какіе-либо доводы. Ихъ не было, и вотъ они сочиняются.

Въ Берлинѣ распускается слухъ о столкновеніи между русскими и прусскими офицерами. Сплетня эта передается сначала въ австрійскія газеты, принимающіяся, какъ выражается *Кельнская Газета*, „звонить объ этомъ во всѣ колокола.“ Подготовка сдѣлана, фонъ картины подмалеванъ. Затѣмъ набрасывается контуръ. Въ одно время, и почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ извѣстіе о столкновеніи передается во *Всеобщую Газету* и въ *Гамбургскій Корреспондентъ*. Требуется обобщеніе. Инціативу беретъ на себя мелкая газета, именно *Гамбургскій Корреспондентъ*: „то чувство непріязни,“ говоритъ эта газета, „которое прорвалось наружу въ Ка„лишѣ, несомнѣнно наполняетъ сердца всей „русской арміи и гнѣздится въ головахъ „умѣющихъ молчать до поры до времени.“ Ссора между офицерами расположенныхъ по сосѣдству войскъ, свидѣтельствуя о настроеніи арміи, имѣетъ де важное значеніе еще и потому что „армія въ государственномъ строѣ Россіи занимаетъ высокое положеніе,“ при которомъ чувства ея легко могутъ проявиться „въ дѣйствіи.“

Почти слово въ слово то же самое повторяетъ въ заключеніе *Кельнская Газета* въ особой статьѣ гдѣ говоритъ, между прочимъ, что это „высокое положеніе“ арміи имѣетъ тѣмъ большій вѣсъ что „среди „хаоса въ высшихъ сферахъ Петербурга „теперь нельзя даже опредѣлить какое на„правленіе приметъ русская политика въ „будущемъ.“

Замѣчательна, между прочимъ, роль которую играла при этомъ австрійская печать: въ толкахъ о русскихъ вооруженіяхъ она составляла только какъ бы „подголосокъ“ печати германской, въ настоящемъ же случаѣ ей дали первое мѣсто въ дѣлѣ сообщенія факта. Вся остальная партія сыграна тѣми же органами которые выдавались и во время толковъ о вооруженіяхъ.

Не странно ли послѣ всего этого въ той же *Кельнской Газетѣ* прочитать упрекъ русской печати будто бы возбуждающей взаимныя неудовольствія?

Даже *Agence Générale Russe*, и та замѣчаетъ что всѣ выдумки о вооруженіяхъ Россіи „своею настойчивостью и самымъ вы„боромъ органовъ для распространенія ихъ „раскрываютъ цѣлый враждебный планъ, „цѣли и намѣренія котораго легко понять.“

Что касается недавней замѣтки *Русскаго Инвалида* о томъ что въ декабрѣ состоялся приказъ о сокращеніи численнаго состава русской арміи на 36.000 ниже цифры мирнаго положенія и что имѣются въ виду еще дальнѣйшія сокращенія, то повидимому эта замѣтка не произвела въ Берлинѣ того впечатлѣнія на которое была разчитана. *Національная Газета* не

безъ ехидства замѣчаетъ что этому сообщенію органа русской военной администраціи „можно было бы“ и не повѣрить еслибы съ нимъ не совпало категорическое заявленіе императора Вильгельма.

Но мы, въ свою очередь, думаемъ что для успокоенія тревоги нѣмецкой печати едва ли и была надобность въ завѣреніяхъ нашей военной газеты. Вся эта напускная тревога была только ловкимъ маневромъ, дабы отвлечь вниманіе отъ того что̀ составляетъ предметъ истинной и постоянной тревоги для Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли что поддерживались какія-то крайне неопредѣленныя, неуловимыя опасенія насчетъ какихъ-то никому непонятныхъ и невѣдомыхъ замысловъ Россіи, и въ то же время настойчиво повторялось увѣреніе будто относительно Франціи Германія совершенно обезпечена? Внутренній переворотъ во Франціи, поставившій во главѣ управленія людей завѣдомо лелѣющихъ мечту объ „отместкѣ“ и о возвращеніи отнятыхъ Германіей провинцій, застали врасплохъ нѣмецкую „независимую“ печать и на первыхъ порахъ всячески подавляемая, но вѣчно присущая германскому обществу тревога, сказалась съ неудержимою силой. Но вскорѣ *mot d'ordre* былъ данъ свыше. Къ этому же времени приспѣло официозное опроверженіе изъ Петербурга, и это послужило удобнымъ предлогомъ ко внезапной замѣнѣ недавнихъ опасеній манифестаціями самаго успокоительнаго свойства. Намъ сдается, однако, что и эти манифестаціи не что̀ иное какъ своего рода маневръ.

Не довольствуясь замѣткой *Русскаго Инвалида*, берлинскія газеты приводятъ еще сообщеніе петербургскаго корреспондента вѣнской официозной газеты *Wiener-Abendpost*, въ которой также приводятся цифры доказывающія полнѣйшее отсутствіе какихъ-либо воинственныхъ замысловъ Россіи. Но этотъ корреспондентъ не довольствуется констатированіемъ факта сокращенія боевыхъ силъ Россіи, а старается доказать что Россія вынуждена къ этому тяжкими для ея финансовъ жертвами послѣдней войны. Этотъ аргументъ особенно отмѣчается берлинскими газетами. Имъ, повидимому, всего важнѣе показать, въ назиданіе Французамъ, что Россія лишена возможности дѣйствовать иначе. Берлинская печать обсуждаетъ съ этой точки зрѣнія вопросъ о возможности соглашенія между Россіей и Франціей, и въ этихъ разсужденіяхъ „разслабленіе“ Россіи выдвигается на первый планъ. Понятно что для *этого* вывода кстати пришлось „подлинное“ завѣреніе изъ Петербурга о сокращеніи русскихъ силъ.

А между тѣмъ, о сокращеніи военныхъ силъ Германіи не только нѣтъ рѣчи, но напротивъ телеграфъ только вчера принесъ намъ извѣстіе о значительномъ усиленіи оныхъ. Имперскій военный бюджетъ поставленъ, какъ извѣстно, внѣ вмѣшательства парламентскихъ партій и принятъ разъ навсегда на семь лѣтъ. Текущее семилѣтіе этого бюджета должно окончиться лишь въ 1881 году. Но въ предстоящую сессію рейхстага имѣется въ виду установить новый порядокъ, по которому не будетъ болѣе обязательно ежегодное созваніе рейхстага. Это измѣненіе конституціи, хотя и очень не по нутру либеральной партіи, пройдетъ вѣроятно въ предстоящую сессію какъ проходитъ все чего князь Бисмаркъ серіозно добивается. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно что въ 1881 году рейхстагъ вовсе не соберется, а въ эту-то будущую сессію ему пришлось бы установлять вновь дальнѣйшій семилѣтній военный бюджетъ. Поэтому бюджетъ этотъ будетъ предложенъ ближайшей сессіи рейхстага и телеграфъ сообщаетъ содержаніе онаго, предложенное 10 января на предварительное обсужденіе Союзнаго Совѣта.

Что̀ же оказывается? Несмотря на устраненіе *всякой* тревоги со стороны Россіи, несмотря на твердую надежду выраженную императоромъ Вильгельмомъ на дарованіе Германіи, чрезъ *его* вліяніе, благъ мира, германскую армію предполагается весьма значительно усилить въ ея численномъ составѣ и требуются крупныя надбавки суммъ на содержаніе оной! Усиленіе постоянныхъ расходовъ достигаетъ вслѣдствіе этого до семнадцати слишкомъ милліоновъ, а на единовременныя издержки потребуется около двадцати четырехъ милліоновъ.

Берлинскія газеты до сихъ поръ почти не говорили объ этомъ усиленіи имперскаго военнаго бюджета и будетъ очень любопытно познакомиться съ ихъ сужденіемъ по этому предмету. Посмотримъ какъ сумѣютъ онѣ согласовать этотъ дружный фактъ со своими усиленными возвѣщеніями благодати мира. Но можно напередъ сказать что берлинская печать умолчитъ о томъ что это усиленіе вооруженія Гер-

маніи есть только дополненіе того аргумента относительно Франціи, какимъ послужило для этой печати „безсиліе“ Россіи подтверждаемое де ея разоруженіемъ.

№ 12.

Москва, 12-го января.

Мы вчера замѣтили странный фактъ: въ то время какъ во всей германской печати въ послѣднее время были въ набатъ изъ какихъ-то опасеній будто бы внушаемыхъ Россіей, напоказъ выставлялась полная увѣренность въ безопасности Германіи со стороны Франціи. А между тѣмъ новое правительство образовавшееся во Франціи изъ людей національной обороны, преданныхъ г. Гамбеттѣ, должно было заставить берлинскихъ политиковъ обратить туда зоркое вниманіе. Берлинская *Post*, одинъ изъ органовъ германскаго канцлера, объясняла что извѣстная манифестація, во изъявленіе дружбы и довѣрія, со стороны германскаго посла, князя Гоэнлоэ, обращенная къ новому главѣ французскаго кабинета, г. Фрейсине, была имъ сдѣлана по собственному побужденію, а отнюдь не по порученію князя Бисмарка, хотя князь Гоэнлоэ увѣдомлялъ французскаго министра-президента что имъ была получена телеграмма отъ князя Бисмарка. Затѣмъ вниманіе было возбуждено статьей *Кельнской Газеты*, которая разъясняла что въ сущности князь Бисмаркъ вполнѣ равнодушенъ къ формѣ правленія во Франціи, и что радикальный г. Фрейсине для него столь же пригоденъ какъ и консервативный г. Ваддингтонъ, какъ былъ бы и самъ г. Гамбетта, но только съ оговоркой чтобы правители Франціи, кто бы они ни были, не помышляли объ отместкѣ. При подозрѣніи чего-либо подобнаго князь Бисмаркъ сумѣлъ бы сказать что-либо непріятное, такъ какъ онъ не привыкъ стѣсняться, но конечно, продолжала разсуждать *Кельнская Газета*, г. Фрейсине долженъ былъ дать вполнѣ удовлетворительныя увѣренія германскому послу который своимъ одобреніемъ сдѣлалъ его *возможнымъ*. „Не подлежитъ сомнѣнію, поясняетъ эта газета, что никакое министерство во Франціи не можетъ долго продержаться если князь Бисмаркъ будетъ дурно расположенъ къ нему.“ Мѣрило же его добраго или дурнаго расположенія указано въ заключеніи статьи: „никто не можетъ быть въ добрыхъ отношеніяхъ къ Германіи кто поддерживаетъ политическую дружбу съ Россіей.“ Это де князь Бисмаркъ и далъ понять въ Парижѣ.

Нѣсколько времени спустя, когда подобныя замѣчанія породили толки о вмѣшательствѣ Германіи во французскія внутреннія дѣла, полуофиціальная *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* нашла нужнымъ выступить съ опроверженіемъ, увѣряя что независимость Франціи всегда была уважаема Германіей. „Возможно,“ присовокупляла официозная газета, „что до прибытія графа Сенъ-Вальс, нѣкоторыя партіи во Франціи старались заручиться поддержкой Германскаго правительства, но достовѣрно что такой поддержки искали лишь партіи которыя желали прибѣгнуть къ *coup d'état*.“ Органъ французской правой, *Moniteur Universel*, энергически, однако, отвергаетъ этотъ намекъ будто министры 16-го мая заискивали благорасположенія князя Бисмарка.

Но болѣе всего обратило на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство. Новый французскій военный министръ, генералъ Фарръ, сразу сдѣлалъ большія перемѣны въ персоналѣ этого министерства. Многіе въ этомъ увидѣли не болѣе какъ обычную во Франціи ломку при смѣнѣ политическихъ партій во власти. Въ Германіи взглянули на это иначе, и печать ея почти въ одинъ голосъ утверждала что въ этихъ перемѣнахъ видно прямое вліяніе г. Гамбетты. Онъ де ужь давно окружилъ себя военнымъ штабомъ, военными адъютантами, даже беретъ уроки военнаго искусства. Онъ же руководитъ де по большей части перемѣщеніями офицеровъ высшаго ранга арміи, и не подлежитъ де сомнѣнію что его идеямъ слѣдуетъ во всемъ нынѣшній военный министръ. Консервативная *Крестовая Газета*, на дняхъ, по поводу этихъ перемѣнъ бросаетъ слѣдующія пропическія на счетъ г. Гамбетты замѣчанія: „Генералъ Фарръ сдѣлалъ большія перемѣны въ своемъ штабѣ, дабы имѣть возможность привести въ исполненіе свои идеи, или идеи г. Гамбетты, въ военной организаціи Франціи. Ему, конечно, очень трудно дѣйствовать иначе, такъ какъ его положеніе совершенно зависитъ отъ г. Гамбетты... Мы впрочемъ не скажемъ, слѣдуя мнѣнію многихъ военныхъ людей во

Франціи, что эти перемѣны будутъ имѣть дурное вліяніе на французскую армію вообще, и не будемъ съ увѣренностью утверждать, что европейскій миръ станетъ болѣе надеженъ отъ того что Франція стала менѣе опасною вслѣдствіе этихъ мѣръ. Мы только будемъ слѣдить съ величайшимъ вниманіемъ за результатами дальнѣйшихъ мѣръ, которыя военный министръ обязанъ будетъ принять."

Эти немногія замѣчанія, высказывавшіяся въ послѣднее время, уже достаточно показываютъ съ какимъ тревожнымъ напряженіемъ слѣдятъ теперь въ Германіи за малѣйшими дѣйствіями Французскаго правительства. Вопреки успокоительнымъ увѣреніямъ, очевидно, что въ Берлинѣ очень не довѣряютъ новому Французскому кабинету, а съ другой стороны хотятъ вынудить Россію къ объясненію что она по прежнему остается безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ преданною Германіи, и своей политики имѣть не будетъ. Насъ нарочно упрекаютъ въ непріязненныхъ намѣреніяхъ относительно Германіи для того чтобы мы все болѣе и болѣе увѣряли ее въ своей дружбѣ, а Франція между тѣмъ чувствовала бы себя по прежнему изолированною. Берлинскому военному штабу, состоящему подъ рукой фельдмаршала графа Мольтке, по увѣренію англійскихъ газетъ, въ подробности извѣстно даже все относящееся къ англійской арміи: ему должно быть не менѣе хорошо извѣстно и расположеніе нашихъ войскъ въ западныхъ губерніяхъ. Но хотятъ чтобъ мы все болѣе и болѣе заручались и истощались въ увѣреніяхъ своей безопасности для Германіи въ назиданіе Франціи. Съ сегодняшнею почтой мы прочли въ брюссельской *Europe*, отъ 19-го января, странное извѣстіе изъ Берлина, гласящее якобы Русское правительство адресовало къ кабинетамъ Вѣнскому и Берлинскому ноты самого миролюбиваго свойства, объявляя что оно даже „готово отвести войска которыя стоятъ на границахъ, если ихъ присутствіе въ глазахъ означенныхъ кабинетовъ способно смутить нынѣ господствующія дружественныя отношенія."

Дѣло не въ войнѣ, до которой еще очень далеко, дѣло въ политическомъ положеніи Европы. Не самостоятельная, связанная съ Германіей Россія лишаетъ и Францію всякой самостоятельности и значенія въ совѣтахъ Европы, между тѣмъ какъ Германія удерживаетъ свое господствующее положеніе.

Нельзя не удивляться той ловкости съ какою, безо всякихъ уступокъ съ своей стороны, германская политика ищетъ, какъ своего несомнѣннаго права, безкорыстныхъ услугъ въ ея пользу.

№ 14.

Москва, 14-го января.

При наступившей вдругъ необычайной скудности всякихъ политическихъ извѣстій, въ минуту всѣми признаваемаго какого-то крайне-тревожнаго напряженія, когда быть-можетъ зрѣютъ планы дальновидной политики, во *Frankfurter-Zeitung* появилось любопытное сравненіе бюджетовъ европейскихъ государствъ, ихъ національныхъ долговъ и военныхъ расходовъ, въ 1865 и 1879 годахъ. Франкфуртская газета указываетъ что въ этотъ промежутокъ времени съ 1865 по 1879 годъ нѣтъ ни одного европейскаго государства которое не увеличило бы своихъ расходовъ, а общая сумма расходовъ возрасла болѣе чѣмъ на одну треть (съ 398 до 585 милліоновъ фунтовъ стерлингъ). Увеличеніе разумѣется распредѣляется не равномѣрно между всѣми государствами. Финансовыя потребности Германіи, напримѣръ, болѣе чѣмъ удвоились, хотя самыми крупными бюджетами все-таки въ настоящее время остаются бюджеты Франціи и Россіи. Точно также увеличились въ это время и національные долги всѣхъ странъ за исключеніемъ развѣ Англіи и Голландіи, гдѣ оказывается нѣкоторое уменьшеніе долговъ (относительно Англіи это едва ли вѣрно, такъ какъ тутъ повидимому не берется въ разчетъ накопившійся въ послѣднія пять лѣтъ большой текущій долгъ). Вообще по вычисленіямъ нѣмецкаго статистика, сумма всѣхъ долговъ европейскихъ государствъ возрасла съ 2.626 до 4.324 милліоновъ ф. ст. Но его особенно интересуютъ военные расходы, такъ какъ на содержаніе арміи тратится болѣе четвертой части общей суммы европейскихъ бюджетовъ. Здѣсь особенно замѣтно постоянное возрастаніе расходовъ, въ коемъ державы стараются не уступать одна другой. Такъ Россія увеличила де свои военные расходы (на армію и флотъ) съ 22 до 36 милліоновъ ф. ст.; Англія съ 27 до

32; Франція съ 17 до 27; Германія съ 10 до 21 милліона ф. ст.; только Австрія и Италія будто бы за то же время нѣсколько сократили свои военные расходы.

Эти цифры даютъ поводъ лондонской газетѣ *Times* къ нравоучительнымъ замѣчаніямъ. Лондонскій публицистъ не становится, впрочемъ, въ ряды фанатическихъ друзей мира, видящихъ все зло въ существованіи постоянныхъ армій. Напротивъ, онъ признаетъ великую пользу этого учрежденія, находя его одною изъ самыхъ полезныхъ формъ распредѣленія труда. Но бѣда въ томъ что нынѣшніе военные расходы повсюду представляются лондонской газетѣ столь чрезмѣрными что грозятъ подавить державы, для пользы коихъ предназначены служить. *Times* съ прискорбіемъ замѣчаетъ что въ этихъ расходахъ кроется причина кошмара гнетущаго Европу.

О томъ что̀ слѣдуетъ считать причиной и что̀ послѣдствіемъ могутъ быть различныя мнѣнія. Не на оборотъ ли? Не кошмаръ ли гнетущій Европу вызываетъ эти чрезмѣрныя траты на вооруженіе? Всѣ чувствуютъ непрочность положенія, никто не довѣряетъ ему, никто не доволенъ имъ. Но въ статьѣ *Times* всего забавнѣе неподражаемое лицемѣріе какимъ мастерски владѣютъ Англичане когда берутся поучать другихъ. Съ какою сердечною заботливостію плачется лондонская газета при видѣ Россіи, расточающей огромныя суммы на военные бюджеты при ея де отчаянномъ, безвыходномъ внутреннемъ положеніи, между тѣмъ, какъ „всѣ заговоры, всѣ взрывы чумы и голода вопіютъ противъ безразсуднаго мотовства на защиту воображаемыхъ интересовъ.“ А къ вящему огорченію *Times*, и „трезвая, разумная Германія“ грѣшитъ тѣмъ же безразсудствомъ, хотя въ ея пользу приводится то смягчающее обстоятельство что „для Нѣмцевъ нынѣшняго поколѣнія война была необходимостью и долгомъ.“ Общій же выводъ тотъ что и „надъ просвѣщенною Германіей, какъ надъ погруженною во мракъ невѣжества Россіей, тятотѣетъ громовая туча международныхъ опасеній, зависти и честолюбія, омрачающихъ умы правителей и подданныхъ.“

Однако подобаетъ ли выступать въ роли строгаго проповѣдника клевретамъ лорда Биконсфильда, пресмыкающимся предъ его политикой и восхваляющимъ его присоединенія, его научныя границы? Острова Фиджи, независимая республика Трансвааль, Кипръ, половина Афганистана, захваченные Англіей,—это все не воображаемые интересы, и Богъ вѣсть еще какіе дальнѣйшіе планы походовъ на Герать и Балхъ, новыхъ присоединеній на западномъ берегу Африки (на которыя уже косятся во Франціи), не говоря объ англо-турецкой конвенціи! Да и относительно вооруженій, по самымъ цифрамъ *Франкфуртской Газеты*, Англія стоитъ на второмъ мѣстѣ, увеличивъ ихъ, въ указанный періодъ, съ 27 на 32 милліона. По разсужденію *Times*, военные бюджеты повсюду могли бы быть сокращены вдвое, и относительная сила и безопасность государствъ не уменьшилась бы ни на волосъ. Кому бы приличнѣе всѣхъ показать такой прекрасный примѣръ какъ не Англіи находящейся въ исключительно благопріятныхъ предъ всѣми условіяхъ и огражденной ото всякаго вторженія „серебрянымъ поясомъ“ и могущественнымъ флотомъ?

Нѣтъ, мы слышимъ обыкновенно иное когда рѣчь идетъ о военныхъ силахъ самой Англіи. Свои вооруженія Англичанамъ кажутся все недостаточными. Нынѣшній кабинетъ, тотчасъ по вступленіи въ должность, провозгласилъ что экономическое управленіе г. Гладстона оставило Англію съ „призрачнымъ флотомъ,“ *a phantom fleet*. Можно бы ожидать что оно поправило ошибку. Но вотъ на дняхъ *Субботній Обзоръ* (*Saturday Review*), обыкновенно преданная лорду Биконсфильду газета, взялась доказывать что и теперь англійскій флотъ, несмотря на всѣ потраченныя деньги, далеко не удовлетворяетъ тому что̀ отъ него потребуется въ великой войнѣ. Наконецъ, чисто военный органъ *Army and Navy Gazette* подтверждаетъ это находя никуда негодными большинство броненосцовъ числящихся въ спискѣ дѣйствительныхъ судовъ и объявляя что „военные корабли Франціи Россіи, Турціи, Германіи и Италіи могли бы смести устарѣлыхъ броненосцевъ Англіи съ поверхности моря.“ Военно-морскую англійскую газету пугаютъ даже китайскія канонирки, построенныя недавно въ Англіи: „Еслибъ эти небольшія суденышки только обладали большею скоростью, то они могли бы поспорить въ открытомъ морѣ съ громаднымъ *Inflexible* и вѣроятно потопили бы его прежде чѣмъ тотъ могъ бы имъ на-

нести серіозный вредъ." Дѣло въ томъ что англичане дѣйствительно озабочены состояніемъ своихъ морскихъ силъ. Слабость ихъ усматривается не въ томъ чтобъ онѣ не въ состояніи были состязаться съ броненосцами другихъ націй, а въ томъ что онѣ, кромѣ того и *прежде всего*, должны держать открытыми всѣ торговые пути, отъ коихъ зависитъ не только все процвѣтаніе Англіи, но въ настоящее время даже полученіе хлѣба котораго у себя дома не достаетъ на пропитаніе англійскаго пролетаріата. *Manchester Guardian*, органъ промышленной столицы Англіи, нисколько не сомнѣваясь въ способности Англіи поддержать свое морское преобладаніе, вполнѣ подтверждаетъ въ этомъ отношеніи разсужденія *Субботняго Обзора*. „Наши торговые пути," гласитъ манчестерская газета, „должны быть открыты во что бы то ни стало, но въ судахъ спеціально приспособленныхъ къ исполненію этой обязанности нашъ флотъ крайне слабъ. Намъ нужно болыпое число быстроходныхъ сильныхъ крейсеровъ, не покрытыхъ броней, но вооруженныхъ дальнобойными орудіями." Читая это, не можемъ не припомнить споры бывшіе у насъ по поводу крейсеровъ. Вотъ эти-то, ничтожныя по мнѣнію нашихъ интригановъ и наемныхъ зубоскаловъ, крейсеры болѣе всего и страшатъ Англію, и недостаточность ихъ въ ея флотѣ тревожитъ ея болѣе всего...

Впрочемъ, Англія и арміей своею очень озабочена. Вопросъ о томъ какъ привести ее въ наилучшее соотвѣтствіе съ потребностями служитъ постоянною темой для англійскихъ газетъ. Изобличенія же чрезмѣрности континентальныхъ вооруженій мы читаемъ въ англійскихъ газетахъ не въ первый разъ, и въ нихъ сказывается только досада что при современныхъ арміяхъ, особенно съ принятою повсюду общею воинскою повинностью, Англія, при всѣхъ тратахъ и усиліяхъ, не можетъ угоняться за другими.

№ 15.

Москва, 15-го января.

Проектъ новаго семилѣтняго военнаго закона для Германской имперіи, внесенный на дняхъ въ Союзный Совѣтъ, о содержаніи котораго извѣстилъ насъ вкратцѣ телеграфъ, былъ сюпризомъ и для германской печати. Нѣкоторыя берлинскія газеты незадолго предъ симъ сообщали, правда, неопредѣленные слухи о предстоящемъ увеличеніи военнаго бюджета; но эти слухи были немедленно офиціозно опровергнуты. Вслѣдствіе этого, эффектъ офиціальнаго текста законопроекта, обнародованнаго въ послѣднихъ полученныхъ нами берлинскихъ газетахъ, сказался въ нихъ съ большею силой чѣмъ могло быть желательно для нихъ самихъ, всегда крайне сдержанныхъ и осторожныхъ когда рѣчь идетъ о щекотливыхъ вопросахъ германской политики. Для вящаго смущенія берлинской печати вышло такъ что какъ разъ накунунѣ обнародованія законопроекта въ Берлинѣ получено было извѣстіе объ „успокоительной нотѣ," которую Россія, по словамъ одной брюссельской газеты, послала будто бы Германіи и Австріи съ выраженіемъ готовности еще уменьшить число войскъ расположенныхъ вдоль западной границы, дабы убѣдить эти державы въ томъ что она не питаетъ никакихъ воинственныхъ замысловъ. Берлинскія газеты, продолжая давно начатую игру, приняли этотъ слухъ съ видомъ серіозности и изъявили „надежду" что онъ подтвердится. А вмѣсто этого пришлось имъ на другой день давать своимъ читателямъ совершенно неприготовленныя объясненія по поводу дѣйствительнаго усиленія военныхъ средствъ собственной страны и смягчать впечатлѣніе этой мѣры соображеніями діаметрально-противоположными тѣмъ которыя еще наканунѣ высказывались съ напускною важностью по адресу Россіи. Разумѣется, объясненія эти оказались крайне натянутыми.

Ниже мы воспроизводимъ текстъ проекта новаго закона. „Новый септеннатъ и увеличеніе числа частей имперской арміи на „цѣлый корпусъ, таковы наиболѣе броса„ющіеся въ глаза пункты этого проекта," замѣчаетъ не безъ пааоса *Крестовая Газета*; но эти „бросающіеся въ глаза пункты" кажутся важнѣйшими только на первый взглядъ. При внимательномъ разсмотрѣніи проекта, не трудно разобрать что германская армія со вступленіемъ въ силу этого закона увеличится совсѣмъ не на корпусъ.

Статья первая, первымъ своимъ пунктомъ, опредѣляетъ что наличная численность арміи въ мирное время должна представлять собою одинъ процентъ той цифры

которой достигало населеніе Германіи въ 1875 году. Объяснительная записка указываетъ что постановленіе это влечетъ за собою увеличеніе мирнаго состава на 25.615 человѣкъ, а военнаго на 80—90 тысячъ. Это одно. Далѣе, пунктъ 3 той же первой статьи закона „въ дополненіе къ сущест„вующимъ обязанностямъ“ налагаетъ на людей состоящихъ въ такъ-называемомъ рекрутскомъ резервѣ (Ersatzreserve) 1-го класса новую: „люди этого резерва при„зываются къ военнымъ ученьямъ въ мир„ное время четыре раза.“ На эти учебные сборы назначено 20 недѣль: два раза по восьми и два раза по двѣ недѣли: время совершенно достаточное для надлежащей строевой подготовки рекрута сообразно съ требованіями боевой службы. Въ рекрутскомъ резервѣ 1-го класса, который до сихъ поръ не обучался въ мирное время, по указанію объяснительной записки, состояло къ 15 ноября 1878 года 190.935 человѣкъ; нѣтъ причинъ чтобы составъ этого резерва уменьшился и на будущее время. Дѣйствительно, наличный составъ мирнаго времени дѣйствовавшимъ до сихъ поръ закономъ былъ опредѣленъ въ одинъ процентъ населенія 1867 года, которое было менѣе населенія 1875 года приблизительно настолько же насколько цифра населенія этого послѣдняго года, принимаемая теперь за норму, менѣе дѣйствительнаго числа населенія настоящаго года. Рекрутскій же резервъ образуется въ Германіи вслѣдствіе невозможности, при данныхъ срокахъ дѣйствительной службы и наличномъ составѣ арміи, взять все то число людей на службу которое подлежитъ ей. Такимъ образомъ, до сихъ поръ ежегодно не добиралось среднимъ числомъ свыше 38.000. Точно то же должно быть и впредь. Въ рекрутскомъ резервѣ перваго класса люди эти числятся пять лѣтъ и въ случаѣ войны подлежатъ всѣ безъ изъятія призыву къ службѣ. Далеко не одно и то же призвать къ службѣ 190.000 новобранцевъ или такое же число уже обученныхъ военному искусству людей, особенно при настоящемъ состояніи вооруженія и боевыхъ требованій отъ пѣхотинца, и *Post* совершенно справедливо замѣчаетъ что новый законъ „подготов„ляетъ весьма значительную часть обязан„ныхъ воинскою повинностію людей къ „непосредственному вступленію въ армію“ „и что „это есть нововведеніе, если не вполнѣ соотвѣтствующее французской тер„риторіальной арміи, то во всякомъ слу„чаѣ такое которое можетъ быть постав„лено въ параллель съ нею.“ Короче говоря, пунктъ третій первой статьи новаго закона даетъ Германіи новую готовую военную силу во 190 тысячъ, а вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ увеличеніемъ постоянныхъ войскъ по военному времени на 90 тысячъ, *армія Германіи усиливается двумя стами восемьюдесятью тысячами готоваго войска.*

Таковъ результатъ новаго закона!

Для какой цѣли нужна Германіи эта новая сила, созданіе которой требуетъ единовременно 26 милліоновъ слишкомъ марокъ и ежегодно 17 милліоновъ, на это съ замѣчательною откровенностью отвѣчаетъ объяснительная записка, старающаяся въ то же время прикрыть эти дѣйствительные резоны другими менѣе тревожнаго характера. При пересмотрѣ дѣйствующаго закона, сказано въ названной запискѣ, надлежало обсудить „допускаетъ „ли онъ развитіе военныхъ силъ Германіи „въ той мѣрѣ какая обусловливается не„обходимостью?“ Отвѣтъ могъ де послѣдовать лишь отрицательный: оказалось что „наступилъ моментъ когда было бы опасно „оставить германскую военную силу въ „прежнихъ границахъ.“ Германія, сказано далѣе въ мотивахъ къ законопроекту, „за„нимаетъ центральное положеніе, которое „не устраняетъ возможности одновремен„ной войны на разныхъ фронтахъ,“ и заставляетъ ее оборонять длинную морскую и сухопутную границу и содержать гарнизоны во многочисленныхъ пограничныхъ крѣпостяхъ. Все это конечно заставляетъ имѣть значительную военную силу и тѣмъ бо́льшую если имѣется въ виду вести „энергическія наступательныя дѣйствія,“ хотя бы и съ цѣлями оборонительными. Наступающій долженъ быть сильнѣе своего противника. Это законъ военнаго дѣла. Но Германія будто бы, какъ сказано въ объяснительной запискѣ, слабѣе своихъ ближайшихъ сосѣдей Франціи и Россіи во всѣхъ родахъ оружія за исключеніемъ кавалеріи, числомъ коей она значительно, по собственному счету, превосходитъ ихъ и сознается не безъ гордости въ этомъ, такъ какъ „*наступательныя* дѣйствія не „мыслимы безъ многочисленной кавалеріи „развѣдывающей о непріятелѣ и прикры„вающей собственныя операціи.“

Обращаемъ вниманіе на эпитетъ „наступательныя.“ Когда у насъ идетъ рѣчь о вооруженіяхъ, то мѣриломъ принимаются обыкновенно потребности *оборонительныхъ* дѣйствій; наши сосѣди, напротивъ, считаютъ себя готовыми къ бою только приготовности къ *наступленію*, что конечно вѣрнѣе.

Таково назначеніе вновь создаваемой въ Германіи силы. Если размѣръ ея показался *Крестовой Газетѣ* корпусомъ, то лишь вслѣдствіе наружнаго сходства числа вновь формируемыхъ цѣлыхъ частей ея съ составомъ теперешняго 15 корпуса, сформированнаго изъ войскъ командированныхъ отъ другихъ корпусовъ. Возвратить эти части по принадлежности къ ихъ высшимъ военнымъ единицамъ давно уже признавалось необходимымъ: отчего же не воспользоваться для этого случаемъ пересмотра военнаго закона?

Высказывая свое одобреніе новымъ военнымъ мѣрамъ правительства. *Національная Газета*, руководящій органъ націоналъ-либераловъ, считаетъ нужнымъ нѣсколько ступевать свои недавнія діатрибы противъ Россіи по поводу сочиненныхъ въ Берлинѣ же слуховъ о русскихъ вооруженіяхъ, и тѣ выводы которые она изъ этого дѣлала относительно общаго положенія европейской политики. Миоическія вооруженія Россіи выставлялись какъ поводъ ко всеобщей тревогѣ и опасеніямъ. О германскихъ же вооруженіяхъ, офиціально возвѣщенныхъ, названная газета не только отзывается въ такомъ тонѣ который не оставляетъ сомнѣнія что представляемая ею партія поддержитъ правительство въ его новомъ предпріятіи, но еще старается доказать что предпріятіе это, „какъ само собою разумѣется,“ не должно имѣть никакого вліянія на сужденія объ общемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ. Германскія вооруженія суть де не что иное какъ послѣдствіе извѣстнаго принципа: *si vis pacem para bellum.*

Все это очень хорошо, и мы нисколько не имѣемъ въ виду послѣдовать недавнему примѣру берлинской печати, и забить тревогу по поводу увеличенія военныхъ силъ Германіи, хотя мы имѣли бы на это болѣе права насколько реальный фактъ дѣйствительнѣе намѣренно-лживой выдумки. Но мы и прежде не придавали никакой вѣры напускной тревогѣ берлинской печати, и вовсе не думали чтобы была необходимость опровергать распущенные ею же слухи о вооруженіяхъ Россіи „достовѣрными“ свѣдѣніями о томъ что русскія военныя силы не только не увеличиваются, но напротивъ значительно уменьшаются. Внимательному наблюдателю съ самаго начала было очевидно что „умыселъ другой тутъ былъ!“

№ 16.

Москва, 16-го января.

Вопреки общимъ разчетамъ, обстоятельства русской жизни въ послѣдніе годы сложились такъ что люди желающіе выставлять экономическія и финансовыя условія Россіи въ наихудшемъ видѣ очутились въ довольно неловкомъ положеніи. Опираясь на авторитетъ экономической науки, они предвѣщали и экономическій застой, и экономическую лихорадку, и хроническіе дефициты въ государственномъ бюджетѣ. Всѣ эти предсказанія должны были исполниться съ точностью астрономическихъ предсказаній о солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ. Ни одно изъ нихъ, однако, не сбылось: на дѣлѣ не оказалось ни застоя, ни лихорадки, ни дефицитовъ. Сами господа предвѣщатели всѣхъ этихъ напастей, въ виду непререкаемыхъ фактовъ, вынуждены были, *не безъ прискорбія*, признать на Руси вмѣсто лихорадки—экономическое здоровье, вмѣсто застоя—экономическое оживленіе, вмѣсто дефицитовъ—избытокъ доходовъ надъ расходами. Этихъ результатовъ оказалось однако недостаточно для того чтобы сдѣлать ихъ умнѣе.

Государственная роспись доходовъ и расходовъ на текущій годъ, какъ извѣстно, сведена безъ дефицита, причемъ министромъ финансовъ выражена твердая надежда что исполненіе росписи оправдаетъ бюджетныя предположенія. Никакихъ серіозныхъ сомнѣній въ этомъ пока не возникаетъ. Тѣмъ не менѣе, въ нашемъ бюджетѣ оказалось темное пятно, которое, разростаясь съ теченіемъ времени, должно омрачить весь нашъ финансовый горизонтъ. Это темное пятно—возрастающая дороговизна многихъ предметовъ, уже отзывающаяся на бюджетѣ и происходящая де отъ большаго количества денежныхъ знаковъ.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ, дѣйствительно, указывается на

возвышеніе цѣнъ предметовъ военнаго хозяйства, въ особенности провіанта и фуража. Вздорожаніе ихъ потребовало увеличенія бюджетныхъ расходовъ на провіантъ и приварокъ въ размѣрѣ 4.393.806 р. и на фуражъ въ суммѣ 3.435.515 р., итого на сумму 7.829.321 рублей.

Таковъ фактъ. Необходимо раздуть его, и въ этихъ видахъ наши экономисты не церемонятся прибѣгнуть къ явной фальши. На ряду съ увеличеніемъ расходовъ по военному вѣдомству, происшедшимъ отъ возвышенія цѣнъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ указывается значительное увеличеніе нѣкоторыхъ расходовъ по тому же вѣдомству вслѣдствіе *„предпринятыхъ въ войскахъ по плану 1873 года преобразованій.“* Всѣ эти расходы наша печать сочла за лучшее приписать дороговизнѣ и возвышенію цѣнъ на продукты, завѣряя что это явствуетъ будто бы изъ самаго доклада министра финансовъ*).

Не считая для себя обязательною вѣрность въ передачѣ фактовъ, наша печать, конечно, еще менѣе стѣсняется добросовѣстностью въ ихъ объясненіи. Вздорожаніе провіанта и фуража въ настоящее время есть явленіе общее во всей Европѣ, какъ въ странахъ съ бумажнымъ, такъ и съ металлическимъ денежнымъ обращеніемъ. Извѣстно что оно чувствительно отозвалось увеличеніемъ расходовъ по военному вѣдомству не въ одной Россіи, а напримѣръ и въ Германіи, о чемъ не мало было толковъ въ газетахъ. Министръ финансовъ, правда, не указываетъ прямо на этотъ фактъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ; но тѣмъ не менѣе онъ не находитъ возможнымъ объяснять вышеуказанное возвышеніе цѣнъ на предметы военнаго хозяйства единственно „общею дороговизной происходящею отъ большаго количества обращающихся въ государствѣ бумажныхъ денежныхъ знаковъ;“ впереди этой причины онъ ставитъ другую, непосредственную, очевидную и безспорную: *усиленный спросъ хлѣбовъ за границу.* Наши экономисты ничего этого знать не хотятъ. Фальшиво увеличивъ размѣры тягостей наложенныхъ на бюджетъ вздорожаніемъ продуктовъ, они сугубо, сознательно*) и настойчиво фальшивятъ, объявляя что это вздорожаніе порождено будто бы единственно „излишествомъ обращающихся бумажныхъ денегъ,“ что это де „косвенное послѣдствіе недавней войны“ и ничего болѣе. Кого, однако, хотятъ эти господа обмануть, утаивая въ данномъ случаѣ столь общеизвѣстный фактъ усиленнаго спроса хлѣба за границу и повсемѣстнаго въ Европѣ сильнаго подъема цѣнъ на него, не въ кредитной только, но и въ металлической валютѣ?

Приписавъ вредному вліянію бумажно-денежныхъ выпусковъ расходы которые дѣлаетъ наше правительство въ видахъ продолженія преобразованій въ войскахъ предпринятыхъ еще по плану 1873 года, и отнеся къ тому же вредному вліянію все то что является прямымъ результатомъ неурожая постигшаго бо́льшую часть Западной Европы, наши экономисты этимъ

*) Вотъ подлинныя слова всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ:

„По Военному Министерству... самое значительное увеличеніе расходовъ оказывается по статьямъ: на провіантъ и приварокъ 4 393.806 р. и на фуражъ 3.435.515 р. *отъ возвышенія цѣнъ на эти предметы,* на денежное довольствіе войскъ 3.127.624 р., на наемъ и содержаніе помѣщеній 758.920 р. и на госпитальную и врачебную части 484.699 р. *отъ продолженія предпринятыхъ въ войскахъ по плану 1873 года преобразованій.“*

Вотъ во что превращено это заявленіе министра финансовъ при передачѣ его въ передовой статьѣ газеты *Голосъ* (№ 4):

„Изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ мы узнаемъ что несмотря на сокращеніе состава армій, послѣдовавшее въ размѣрѣ 36 000 нижнихъ чиновъ, распущенныхъ по домамъ, несмотря на сокращеніе смѣтъ 1879 года въ расходахъ по статьѣ обмундированія войскъ на $4^1/_2$ милл. руб., пришлось, *вслѣдствіе дороговизны и возвышенія цѣнъ на продукты,* увеличить смѣты по провіанту и приварку на $4_{,1}$ милл., по фуражу на $3_{,1}$ милл., *по денежному довольствію войскъ на $3^1/_8$ милл., по найму и содержанію помѣщеній на $^3/_4$ милл., по госпитальной и врачебной части около $^1/_2$ милл., и проч.“*

*) Сознательно, ибо сами же эти господа говорятъ что „не всегда бываетъ легко опредѣлять, дѣйствительно ли вздорожали, вслѣдствіе неблагопріятнаго положенія рынка, предметы потребленія, или понизилась цѣна находящейся въ обращеніи монетной единицы, то-есть кредитнаго рубля.“ Но въ данномъ случаѣ эта трудность нисколько ихъ не останавливаетъ.

Неизвѣстно только съ какой точки зрѣнія опредѣляютъ они благопріятность и неблагопріятность положенія рынка: съ русской или съ чужеземной. Для государствъ не могущихъ довольствоваться своимъ хлѣбомъ и вынужденныхъ покупать его на сторонѣ, повышеніе цѣнъ на хлѣбъ есть несомнѣнно неблагопріятное положеніе рынка. Но можетъ ли быть названо такое положеніе рынка неблагопріятнымъ для страны производящей хлѣбъ въ избыткѣ и заинтересованной не въ покупкѣ, а въ сбытѣ его за границу?

не довольствуются. Для ихъ цѣлей нужно внушить публикѣ и кому слѣдуетъ что вредное вліяніе сдѣланныхъ по случаю войны бумажно-денежныхъ выпусковъ есть не случайное и временное только, но постоянное зло нашихъ финансовъ. Эта цѣль и достигается, между прочимъ, ссылкой на объяснительныя записки къ отчетамъ Государственнаго Контроля за 1877 и 1878 годы, изъ которыхъ де видно что „значительная часть сверхсмѣтныхъ кредитовъ была необходима потому что вздорожали предметы потребленія нужные для государственнаго хозяйства.“ Годы эти, какъ извѣстно, были годами чрезвычайныхъ бумажно-денежныхъ выпусковъ: отсюда читатель долженъ заключить какою тягостью легли эти выпуски на бюджетъ, какая изъ году въ годъ возрастающая дороговизна была ихъ результатомъ.

На этотъ разъ, въ ссылкѣ на контрольные отчеты за 1877 и 1878 годы, прямой фальши нѣтъ. Въ этихъ отчетахъ, въ числѣ сверхсмѣтныхъ расходовъ, подъ рубрикой „расходовъ исчисляемыхъ по смѣтамъ въ приблизительномъ размѣрѣ, который, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ и другихъ обстоятельствъ, оказался недостаточнымъ,“ дѣйствительно значатся крупныя цифры:

Въ	1877 году	18.302.228 р.
„	1878 „	6.678.246 „

На иного читателя указаніе на эти цифры, пожалуй, и произведетъ требуемый эффектъ. Не каждому придетъ въ голову что онѣ ничего не говорятъ ни въ пользу, ни противъ бумажныхъ выпусковъ послѣднихъ лѣтъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ требуется справка въ контрольныхъ отчетахъ не за два только, а за цѣлый рядъ лѣтъ, на которыя наши финансисты считаютъ неудобнымъ для себя ссылаться. Имъ на руку въ итогахъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ цифры показывающія что „вздорожали предметы нужные для государственнаго хозяйства“ въ 1877 и 1878 годахъ: это годы чрезвычайныхъ денежныхъ выпусковъ. Но вотъ цифры таковыхъ же сверхсмѣтныхъ кредитовъ указывающіе на вздорожаніе тѣхъ же предметовъ въ годы когда такихъ выпусковъ не было:

Въ	1869 году	6.316.472 р.
„	1870 „	9.521.841 „
„	1871 „	12.527.577 „
„	1872 „	16.950.850 „
Въ	1873 „	10.858.261 р.
„	1874 „	5.809.726 „
„	1875 „	5.401.103 „
„	1876 „	10.632.488 „

Какъ оказывается изъ этихъ цифръ, вздорожаніе разныхъ предметовъ производило въ нашихъ бюджетахъ и до послѣднихъ бумажныхъ выпусковъ ничуть не меньшія пертурбаціи какъ и послѣ этихъ выпусковъ. Какой же смыслъ имѣютъ ссылки на цифры только 1877 и 1878 годовъ, безъ упоминанія о предшедшихъ годахъ?

Наши экономисты знаютъ что вздорожаніе лишь въ малой мѣрѣ можетъ быть отнесено на счетъ бумажно-денежныхъ выпусковъ, и однако, вопреки очевидности, выставляютъ эти выпуски единственною причиной дороговизны. Они плачутся на вздорожаніе провіанта обременившее бюджетъ нѣсколькими милліонами рублей, но отнюдь не хотятъ упомянуть что высокія цѣны на хлѣбъ при усиленномъ спросѣ его за границу играютъ не послѣднюю роль не въ одной смѣтѣ расходовъ, но и въ смѣтѣ доходовъ. А вѣдь именно на этомъ усиленномъ отпускѣ хлѣба по высокимъ цѣнамъ основанъ разчетъ увеличенія суммъ ожидаемыхъ по бюджету текущаго года отъ таможенныхъ сборовъ противъ цифры занесенной въ прошлогодній бюджетъ. Невыгода съ одной стороны вознаграждается выгодой съ другой. Передержка на провіантѣ получаетъ у насъ такимъ образомъ значеніе какъ бы расхода по взиманію доходовъ, чего нѣтъ ни въ одной изъ другихъ странъ гдѣ вздорожаніе провіанта также какъ и у насъ не осталось безъ вліянія на возвышеніе статей расхода въ бюджетахъ.

Кривые толки, конечно, сами по себѣ не заслуживаютъ вниманія. Но экономическая доктрина, во имя которой изъ года въ годъ, изо дня въ день ведется непрерывная, не брезгающая никакою фальшью агитація, понынѣ причиняетъ у насъ не одинъ теоретическій, но и практическій вредъ. Не малыя жертвы приносятся ей и самимъ нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ. Значительная часть суммъ поступившихъ въ казну по Восточнымъ займамъ пошла и идетъ, согласно указаніямъ этой доктрины, на уплату долга Государственнаго Казначейства Государственному Банку, то-есть на изъятіе кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ въ періодъ военнаго времени. Быть-можетъ часть этихъ билетовъ и должна быть извлечена изъ обращенія въ эконо-

мическихъ интересахъ, но во всякомъ случаѣ не тѣмъ способомъ какъ это сдѣлано. Въ этомъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, сохраняетъ свою силу правило: ничего чрезъ мѣру. А мѣра тутъ едва ли соблюдена. Долгъ Казначейства Банку, доходившій въ августѣ 1878, по заявленію министра финансовъ, до 566.275.000 рублей, сократился къ 10 декабря 1879, какъ видно изъ баланса Государственнаго Банка, до 328.476.881 руб. Но сократить до этихъ же размѣровъ такъ-называемый временный выпускъ кредитныхъ билетовъ не оказалось возможности, несмотря на послѣдовавшее минувшею осенью повышеніе учетнаго процента. Изъ числа „временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ," къ 10 минувшаго декабря оставалось въ обращеніи 430.850.000 рублей, то-есть слишкомъ на 102 милліона болѣе долга Казначейства Банку. А это для нашего бюджета имѣетъ не малое значеніе, пожалуй не меньшее чѣмъ то вздорожаніе провіанта которое такъ заботитъ нашихъ газетныхъ финансистовъ. Эти слишкомъ 102 милліона выплаченные Банку для изъятія кредитныхъ билетовъ достались казнѣ не даромъ; это деньги занятыя, по нимъ ежегодно платится болѣе шести милліоновъ процентовъ и погашенія. А между тѣмъ экономическая жизнь, какъ всякій здоровый организмъ не поддающійся вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ, упорно противится тому чтобъ эти деньги пошли на предназначенное имъ употребленіе, противится въ такой мѣрѣ что еще недавно, минувшею осенью, вмѣсто изъятія, потребовался новый выпускъ бумажныхъ денегъ. Ради чего же легла на бюджетъ тяжесть уплаты процентовъ по этимъ 102 милліонамъ, когда сама жизнь требуетъ чтобы всѣ находящіяся нынѣ въ обращеніи бумажныя деньги оставались безпроцентнымъ долгомъ? И что у насъ за пристрастіе непремѣнно къ процентнымъ долгамъ; не только когда они необходимы, но и когда въ нихъ вовсе нѣтъ надобности? Послѣдній отчетъ Государственнаго Контроля, какъ вѣроятно помнятъ читатели, обнаружилъ что внѣшній заемъ 1877, столь тяжело павшій на нашъ бюджетъ, былъ заключенъ не для войны, не на покрытіе какихъ-либо расходовъ, а для того чтобы лежать въ сундукахъ иностранныхъ банкировъ не въ интересѣ Россіи, а ради спокойствія иностранной публики. Балансы Государственнаго Банка показываютъ, съ другой стороны, что и изъ числа суммъ занятыхъ внутри страны, свыше ста милліоновъ заняты единственно затѣмъ чтобы въ счетныхъ книгахъ Государственнаго Банка нѣкоторыя цифры были переписаны изъ однѣхъ графъ актива въ другія, безъ малѣйшей пользы для страны отъ такой бухгалтерской манипуляціи.

№ 17.

Москва, 17-го января.

А.

Всѣ были преисполнены миролюбія; только и рѣчи было что о разоруженіи. Упрекали только Россію за ея непомѣрное честолюбіе и войнолюбіе, въ то время какъ она одна изо всѣхъ державъ продолжала снимать съ себя свои доспѣхи и сокращать численный составъ своей арміи. Но вотъ грянула вѣстовая пушка; на европейскомъ горизонтѣ показался новый военный законъ, усиливающій до небывалыхъ прежде размѣровъ германскую армію. Болтовня кончилась; начинаются болѣе серіозные толки. Прежде всего въ самой Германіи встревожила публику эта новость. Въ Берлинѣ, какъ слышно, только и рѣчи что о новомъ военномъ законѣ. Политическіе люди не скрываютъ опасеній въ виду тяжкаго бремени налоговъ или долга которое эта мѣра должна возложить на народъ, и правительство употребляетъ всѣ возможные аргументы чтобы убѣдить общественное мнѣніе въ необходимости этой мѣры. Въ офиціальныхъ сферахъ также какъ въ офиціозной печати ссылаются на изреченіе фельдмаршала Мольтке что лучше задолго изготовиться на крайній случай чѣмъ быть застигнутымъ врасплохъ. Въ сосѣдней Австро-Венгріи, съ которою у Германіи заключенъ тѣсный союзъ, новости этой также не очень порадовались. Хотя она не совсѣмъ была неожиданною, однако произвела въ Вѣнѣ сильное впечатлѣніе, и всѣ находятъ далеко неблагопріятнымъ обстоятельствомъ тотъ фактъ что первыми осязательными послѣдствіями австро германскаго соглашенія, которое было возвѣщено какъ панацея въ виду тревожнаго состоянія Европы, являются поддержаніе австрійской арміи въ полной силѣ еще на десять лѣтъ и тотчасъ же

затѣмъ значительное увеличеніе дѣйствующихъ силъ Германіи.

Въ Англіи военная новость отозвалась еще тревожнѣе. „Въ этомъ дѣлѣ,“ восклицаетъ *Times*, „всего тревожнѣе раскрывшееся теперь страшное состояніе вооруженнаго перемирія въ которомъ Европа живетъ со дня на день. Громадныя грозовыя тучи нависли надо всѣмъ горизонтомъ, и случайная повидимому искра можетъ внезапно разрядить ихъ. Въ такое время Англія должна стараться быть какъ можно болѣе свободною отъ всякихъ ненужныхъ замѣшательствъ, дабы быть способною сказать свое слово въ критическую минуту, когда всѣ судьбы европейской исторіи можетъ-быть очутятся на вѣсахъ. Гораздо болѣе важныя рѣшенія для міра теперь на ставкѣ въ Европѣ чѣмъ въ какой другой части свѣта, и чтобы въ рѣшеніи ихъ Англія могла имѣть участіе она должна быть сильна.“

Вотъ какія страшныя вещи приходятъ въ голову людямъ которые вчера еще выражали благодушную увѣренность въ прочности установленнаго Берлинскимъ трактатомъ порядка...

Кстати или не кстати, но въ эту самую минуту и Франція намѣрена выйти изъ пассивнаго состоянія въ которомъ она доселѣ пребывала. *République Française*, органъ самаго вліятельнаго теперь во Франціи человѣка, восхваляя рѣшимость новаго министерства очистить дипломатическій персоналъ, говоритъ: „Канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ двигались силой толчка, и занѣмѣвъ въ византійской формѣ, заключились въ зловредной немощи которую стали облекать тѣмъ славнымъ именемъ *преданій*. Да, безъ сомнѣнія, французская дипломатія имѣетъ, или скорѣе имѣла, преданія на Западѣ какъ и на Востокѣ; но бюрократическое отупѣніе давно заглушило ихъ и замѣнило ихъ трудолюбивымъ бездѣйствіемъ и болтливымъ молчаніемъ. По-слѣднимъ словомъ дипломатическаго стиля считалось посылать агентамъ правительства инструкціи полныя уловокъ, недоразумѣній, двусмысленностей, въ коихъ они напрасно искали руководной нити французской политики. Канцеляріи нашего министерства иностранныхъ дѣлъ вели дипломатію противъ нашей же дипломатіи. Въ этомъ полагался верхъ тонкости. И эта столь бѣдственная для нашихъ интересовъ система, это скандалезное безсиліе, возводимое на степень непоколебимаго учрежденія, существовали еще вчера!“

Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть отреченія отъ недавней политики уклоненія и бездѣйствія которая считалась необходимостью для Франціи.

За то на Францію и устремилось теперь всеобщее напряженное вниманіе европейскихъ политиковъ. Она готовится выступить съ авторитетомъ и достоинствомъ великой державы, и принимаемая ею осанка заботитъ не только германскихъ политиковъ, но и англійскихъ. У насъ предъ глазами только что полученный нумеръ солиднаго и вліятельнаго органа лондонскихъ финансовыхъ сферъ, *Economist*. Оцѣнивая послѣднюю перемѣну министерства во Франціи какъ сосредоточеніе власти въ сильныхъ, энергическихъ и уже искусившихся во властвованіи рукахъ, въ Англіи тревожатся мыслью о направленіи какое будетъ дано возобновленнымъ силамъ Франціи. Или ее вовлекутъ или она сама вступитъ въ какую-либо борьбу,—такъ думаетъ *Экономистъ*,—а готовность Франціи выдержать борьбу, какъ самый фактъ ея возрожденія, не подвергается ни малѣйшему вопросу. Да и какъ сомнѣваться, когда въ теченіе девяти лѣтъ боевыя силы Франціи тихо, но рѣшительно увеличивались, до такой степени которая, по замѣчанію *Economist*, „можетъ-быть еще не вполнѣ свѣдома.“ Англійскихъ политиковъ заботитъ пуще всего желаніе догадаться гдѣ прежде завяжется борьба, и ихъ страшитъ неизвѣстность. Имъ уже мерещится что нынѣшніе правители Франціи, прежде мысли объ отместкѣ Германіи, чтобы возстановить увѣренность страны въ своихъ силахъ пустятся сначала въ малыя предпріятія какъ бы для пробы, подобно тому какъ датская война была пробой для Германіи. Какія же это малыя предпріятія? „Насъ не удивитъ,“ замѣчаетъ *Economist*, „если французская дипломатія несмотря на ея мирныя заявленія, обнаружитъ энергію и рѣшимость; насъ не удивитъ какое-либо подобное дѣйствіе съ ея стороны въ Восточной Европѣ.“

Такъ-то вдругъ пошатнулось въ мысляхъ политиковъ обезпеченіе Европы которое было слажено въ Берлинѣ! „Возрожденныя силы Франціи,“ продолжаетъ *Экономистъ*, „теперь достались въ руки чрез-

„вычайно энергическихъ людей которые „болѣе всего озабочены,—мы не говоримъ „отместкой, потому что они хладнокровны „и опытны,—но желаніемъ загладить чѣмъ-„нибудь память войны въ которой они бо-„ролись до конца и потерпѣли тяжкое по-„раженіе. Эти люди научились многому въ „свое кратковременное диктаторство и, „между прочимъ, великой германской тай-„нѣ что необходима медленная и терпѣ-„ливая организація дабы вполнѣ развер-„нуть мощь народа. Слѣдующую борьбу „Франція поведетъ не помощью *levée en* „*masse* революціоннаго свойства, а по-„мощью *levée en masse* по германскому об-„разцу,—и послѣдствія борьбы, каковы бы „они ни были, навѣрное будутъ очень „важныя.“

Припомнимъ кстати недавнее извѣстіе что даже Швейцарія готовится увеличить свои силы, не надѣясь что ея нейтралитетъ будетъ уваженъ въ случаѣ новой борьбы. Также въ Даніи палаты приглашали министровъ озаботиться усиленіемъ оборонительныхъ средствъ, чего бы то ни стоило Какъ видно и мелкія государства не чувствуютъ себя спокойными и спѣшатъ оградить свой нейтралитетъ...

Б.

Дѣло капитана 1-го ранга Баранова кончено. Поздравляемъ его и радуемся за него. Въ его дѣлѣ были два дѣла; одно касалось его святыни, какъ онъ выразился на судѣ, его боевой чести и чести русскаго флага, и это дѣло было главное. Онъ домогался суда надъ интригою покушавшеюся бросить тѣнь на одинъ изъ блистательнѣйшихъ морскихъ подвиговъ послѣдней кампаніи; но ему не удалось добиться удовлетворенія. Смущенный и взволнованный онъ нарушилъ обязанности дисциплины и вызвалъ судъ надъ самимъ собою.

Военно-морской судъ обвинилъ его въ нарушеніи дисциплины; но высшій судъ, непререкаемый судъ Государя, а въ Его Особѣ всей Россіи, оправдалъ его въ дѣлѣ его чести. Высочайшимъ повелѣніемъ отмѣнена кара долженствовавшая постигнуть капитана Баранова по приговору морскаго суда, отмѣнена въ „уваженіе его боевыхъ заслугъ.“ Все что̀ противники его могли сказать къ умаленію чести его подвига, все было сказано его обвинителемъ на судѣ, но верховный непререкаемый авторитетъ, все выслушавъ, рѣшилъ дѣло въ пользу капитана Баранова, вновь признавъ и подтвердивъ честь его заслугъ.

№ 18.

Москва, 18-го января.

Графъ Мольтке, *der geniale Schweiger*, самъ счелъ нужнымъ, какъ извѣстилъ насъ вчера телеграфъ, выступить публично со своимъ вѣскимъ словомъ въ оправданіе приращенія военныхъ силъ Германіи которое проектировано правительствомъ, не дожидаясь даже истеченія срока нынѣ дѣйствующаго военнаго закона, то-есть 31-го декабря 1881 года. Онъ не отложилъ своихъ объясненій до предстоящаго 12-го февраля открытія рейхстага, пренія котораго, какъ теперь уже заявляютъ берлинскія газеты, будутъ почти исключительно заняты новымъ закономъ, но поспѣшилъ обнародовать письмо писанное въ отвѣтъ неизвѣстному корреспонденту-мечтателю, наивно вздумавшему чувствительными словами завербовать знаменитаго фельдмаршала въ ряды приверженцевъ всеобщаго разоруженія и побудить его, въ то самое время когда подготовляется усиленіе германской арміи, „употребить свое вліяніе на императора въ видахъ сокращенія оной.“

Самый фактъ обнародованія этого письма графа Мольтке можетъ служить мѣриломъ того настроенія которое вызвала въ Германіи вѣсть о готовящихся военныхъ преобразованіяхъ. Сегодня полученныя нами берлинскія газеты буквально подтверждаютъ высказанное нами на основаніи ихъ первыхъ заявленій предположеніе что новая мѣра „была совершеннымъ сюрпризомъ для всѣхъ и что о ней до послѣдней минуты ничего не знали не только въ публикѣ, но и въ очень высокихъ сферахъ.“ Спрашивается, какая могла быть цѣль держанія въ столь строгомъ секретѣ мѣры для осуществленія которой, такъ или иначе, необходима поддержка народнаго представительства и общественнаго мнѣнія? Съ другой стороны, еслибы по какимъ-либо соображеніямъ этотъ секретъ былъ нуженъ въ интересахъ внутренней политики, то неизвѣстно какія фактическія побужденія заставили нарушить его теперь; проектъ внесенъ только на обсу-

жденіе Союзнаго Совѣта, а Союзный Совѣтъ не засѣдаетъ публично, и тайна могла быть сохранена еще долѣе, вплоть до самаго открытія рейхстага. Между тѣмъ обнародованіе письма графа Мольтке къ частному лицу доказываетъ что имѣется настоятельная надобность убѣдить общественное мнѣніе Германіи въ необходимости и неотложности военнаго преобразованія. Большинство голосовъ въ рейхстагѣ въ пользу военнаго закона не можетъ считаться безусловно обезпеченнымъ. Судя по отзывамъ органовъ различныхъ партій, князю Бисмарку придется для этого прибѣгнуть къ одной изъ тѣхъ перемѣнъ фронта, на которыя онъ такой мастеръ, но которыя до сихъ поръ всегда заранѣе подготовлялись посредствомъ печати. Партія центра, поддерживавшая князя Бисмарка въ его таможенной реформѣ при оппозиціи національ-либераловъ, видимо обманулась въ своихъ надеждахъ и до сихъ поръ напрасно ждетъ прекращенія „культурной борьбы," какъ награды за свою сговорчивость. Эта партія, судя по тону коимъ клерикальныя газеты обсуждаютъ военный законъ, будетъ всѣми силами противиться оному, и рѣшеніе въ пользу правительства состоится не иначе какъ при содѣйствіи національ-либераловъ, органы коихъ удивляются какъ можно было не подготовить заранѣе почву для соглашенія съ ними.

Все это ясно указываетъ что тайна нужна была не для успѣха дѣла внутри Германіи,—тутъ наоборотъ было выгодно избѣгать эффекта неожиданности,—а играли роль соображенія другаго рода. И нить разгадки не трудно найти если вспомнить ту агитацію которую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ германская печать, съ официозными органами во главѣ, усиленно вела противъ мнимыхъ вооруженій и сосредоточенія войскъ въ Россіи, агитацію завершившуюся извѣстнымъ завѣреніемъ органа нашей военной администраціи о томъ что русскія военныя силы приведены въ составъ который на 36.000 ниже комплекта мирнаго времени, и что имѣются въ виду еще дальнѣйшія сокращенія.

Припоминая этотъ фактъ, мы однако далеки отъ мысли чтобы маневръ разыгранный въ Германіи былъ прямо направленъ къ достиженію именно этого результата, и чтобы Германія имѣла дѣйствительно поводъ питать какія-либо опасенія въ виду того или инаго численнаго состава русскихъ войскъ. Разчетъ заключался не столько въ дѣйствительномъ умаленіи русской боевой силы, сколько въ томъ впечатлѣніи которое это сокращеніе должно было произвести на другаго, противоположнаго Россіи, сосѣда Германіи. Это-то впечатлѣніе достигнуто и усугублено новымъ военнымъ закономъ, выработаннымъ въ Германіи. И нѣмецкая печать, не стѣсняясь болѣе, прямо теперь высказывается что Франція „не настолько еще связана прельщеніями обращенными къ ней со стороны Россіи (?) чтобы не призадуматься надъ будущимъ, въ виду усиленія вооруженій Германіи," усиленія послѣдовавшаго непосредственно въ слѣдъ заявленію о сокращеніи русской боевой силы.

Возвращаемся къ самому проекту. Техническая сторона его требуетъ гораздо бо́льшаго вниманія нежели можетъ казаться на первый взглядъ.

Предполагаемый военный законъ создаетъ для Германіи новую военную силу въ 280.000 пѣхоты съ 240 орудіями. Естественно что это должно было подѣйствовать не совсѣмъ успокоительно на сосѣдей Германіи, даже на ея вѣнскихъ друзей. Столь же естественно что германская печать старается нѣсколько сгладить это впечатлѣніе и увѣрить что усиленіе арміи предпринято лишь „въ разчетахъ на далекое будущее,"въ чемъ, какъ выражается полуофиціозная *Post*, „легко убѣдить-„ся даже при поверхностномъ разсмотрѣ-„ніи законопроекта."

При „поверхностномъ"—пожалуй. Дѣйствительно, увеличеніе наличнаго состава арміи въ мирное время и обусловленное имъ формированіе новыхъ частей войскъ послѣдуютъ не сейчасъ, а чрезъ годъ слишкомъ. Пока первый поступившій въ эти новыя части солдатъ отслужитъ свой срокъ въ резервѣ и ландверѣ, т.-е. пока новая организація будетъ вполнѣ проведена и дастъ лишнихъ 90 тысячъ по военному времени, пройдетъ слишкомъ 13 лѣтъ, будетъ оканчиваться уже третій септеннатъ; но не въ этомъ все дѣло. Организація новыхъ частей только часть реформы, и притомъ далеко не главная. Сущность преобразованія заключается даже и не въ боевой только подготовкѣ 190 тысячъ человѣкъ состоящихъ въ рекрутскомъ резервѣ,—подготовкѣ которая можетъ быть однако начата немедленно

по утвержденіи новаго закона императоромъ.

Законопроектъ предложенъ не въ отмѣну кореннаго военнаго закона 2-го мая 1874 года, а лишь въ дополненіе его. Проектируемыя перемѣны войдутъ въ силу не одновременно, а по частямъ и въ разные сроки, указываемые особо. Только первый и второй пункты статьи первой, говорящіе о септеннатѣ и наличномъ составѣ войскъ въ мирное время, дѣйствительны лишь съ 1-го апрѣля будущаго года. На введеніе въ силу пункта третьяго той же первой статьи, устанавливающей обученіе рекрутскаго резерва, особаго срока не указывается, а въ статьѣ III закона сказано даже прямо что „распоряженія „объ исполненіи пункта 3-го статьи I дѣ„лаются императоромъ," не стѣсняемымъ при этомъ въ выборѣ опредѣленнаго времени года. Призывъ людей рекрутскаго резерва къ ученью можетъ быть сдѣланъ даже весной или лѣтомъ, чего повидимому и ожидаетъ законопроектъ, особо оговаривающій что служащіе на частныхъ судахъ не могутъ быть созываемы лѣтомъ, во время навигаціи. Этого мало. Составитель проекта тщательно устраняетъ всѣ затрудненія сопряженныя съ призывомъ къ ученью разомъ массы во 180 тысячъ, для которой почти невозможно назначить въ достаточномъ количествѣ благонадежныхъ инструкторовъ, не нарушая правильнаго хода занятій дѣйствующихъ войскъ. Единственное средство выйти изъ затрудненія, это включить всю эту массу временно въ ряды арміи. Законопроектъ предусматриваетъ такой случай и опредѣляетъ что „каждый призывъ къ службѣ въ „арміи считается учебнымъ сборомъ."

Не менѣе замѣчательно все что говорится въ законопроектѣ о продолжительности времени ученья и числѣ призывовъ къ нему. Люди могутъ быть собраны четыре раза, но не обозначено въ какой періодъ времени: не нарушая нисколько закона, ихъ можно созвать даже въ одинъ годъ всѣ четыре раза. На первый и второй призывы опредѣлено по восьми недѣль, то-есть по два мѣсяца, срокъ отяготительный, особенно если призывъ послѣдуетъ въ лѣтніе мѣсяцы. Объяснительная записка, признавая тяжесть этой повинности, указываетъ что сокращеніе учебнаго времени невозможно, такъ какъ, смотря по роду оружія, „на усвоеніе необхо„димѣйшихъ свѣдѣній требуется отъ 3 до „6 мѣсяцевъ," при томъ же „въ послѣднее „десятилѣтіе объемъ того что нужно уз„нать солдату значительно расширился."

Все это показываетъ какое серіозное значеніе придаетъ законопроектъ вводимому имъ обученію рекрутскаго резерва. Прусскую военную систему обвиняли въ недостаткѣ эластичности, указывали что она пригодна лишь для непродолжительныхъ и не особенно кровопролитныхъ войнъ, такъ какъ въ ней недостаточно развиты средства пополненія убыли въ полевыхъ войскахъ. Объяснительная записка признаетъ справедливость такого упрека, и прибавляетъ что въ настоящее время указываемый недостатокъ пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе, такъ какъ убыль въ началѣ кампаніи должна значительно увеличиться вслѣдствіе повсемѣстно принятыхъ мѣръ къ ускоренію мобилизаціи, дающихъ возможность уже въ началѣ войны разчитывать на столкновеніе большихъ массъ войскъ. Усовершенствованіе же оружія дѣлаетъ сраженія кровопролитнѣе прежняго. „Между тѣмъ," сказано далѣе, „какъ „потребность въ людяхъ *подготовленныхъ* „къ замѣщенію убыли увеличилась, число „ихъ въ Германской арміи не только не „стало больше въ послѣднее время, но ско„рѣй уменьшилось." Израсходовавъ этихъ людей, запасныя части лишаются „всякой „возможности пополнять какимъ бы то ни „было способомъ убыль въ дѣйствующихъ," такъ какъ на подготовку рекрутскаго запаса зачисляемаго съ объявленіемъ войны въ запасныя войска нужно болѣе или менѣе значительное время чтобы не понизилось качество войскъ. Этотъ недостатокъ устраненъ проектированнымъ закономъ окончательно; всѣ запасныя части уже въ моментъ мобилизаціи будутъ состоять изъ людей не только вполнѣ обученныхъ, но и достаточно дисциплинованныхъ.

Не менѣе важенъ и слѣдующій четвертый пунктъ первой статьи законопроекта, также вступающій въ силу въ срокъ зависящій единственно отъ усмотрѣнія императора. На первый взглядъ постановленіе содержащееся въ этомъ пунктѣ можетъ показаться неважнымъ, имѣющимъ будто бы значеніе лишь внутренняго военнаго распорядка. Тамъ сказано: „перемѣщеніе „изъ резерва къ ландверъ и увольненіе „изъ послѣдняго въ мирное время дѣлает„ся въ слѣдующій за окончаніемъ срока

„службы весенній контрольный сборъ.“ Но припомнимъ распорядокъ службы въ прусскихъ войскахъ. Три года подъ знаменами, четыре въ резервѣ, пять въ ландверѣ. Рекруты принимаются главнымъ образомъ осенью, и срокъ ихъ службы считается съ октября. Въ силу § 62 дѣйствующаго закона, съ поступленіемъ контингента новобранцевъ люди выслужившіе три года перечислялись *осенью же* въ резервъ, прослужившіе свой срокъ въ резервѣ перечислялись въ ландверъ, а люди ландвера въ ландштурмъ, призываемый въ случаѣ войны лишь особымъ, независимо отъ приказа о мобилизаціи, постановленіемъ. Такимъ образомъ, съ осени до весны германская арміи находилась въ періодѣ разслабленія, такъ какъ новобранцы, по признанію объяснительной записки, въ случаѣ мобилизаціи не могли выступить въ походъ, не имѣя достаточной военной подготовки.

„При перечисленіи въ ландверъ и ландштурмъ осенью,“ сказано въ объяснительной запискѣ, „армія лишалась 100.000 „обученнаго войска. Потеря эта въ прежнее время *была не такъ* важна; въ настоящее время она внушаетъ серіознѣйшія (ernsteste) опасенія.“ Чтобъ устранить эти опасенія, дѣлается перечисленіе въ ландверъ и ландштурмъ полгода спустя по истеченіи срока службы, именно весною, когда рекруты осенняго пріема будутъ въ состояніи стать во фронтъ, „хотя, вслѣдствіе этого, установленный конституціей и закономъ срокъ службы нѣсколько и увеличивается.“

Въ чемъ заключается причина этихъ *серіознѣйшихъ* опасеній, въ опубликованныхъ извлеченіяхъ изъ объяснительной записки не упоминается, но очевидно опасаются что Германія можетъ быть вовлечена въ войну зимой, именно въ моментъ разслабленія.

№ 19.

Москва, 19-го января.

А.

Въ области уголовнаго права важнѣйшимъ законодательнымъ актомъ за прошедшій годъ нельзя не признать Высочайше утвержденное 11 декабря мнѣніе Государственнаго Совѣта *объ основныхъ положеніяхъ имѣющихъ служить руководствомъ при преобразованіи тюремной части и при пересмотрѣ Уложенія о Наказаніяхъ.* Оно опубликовано 30 декабря. Это не есть законоположеніе въ строгомъ смыслѣ, и оно довольно своеобразно по своему содержанію. Начинается оно хвалою трудовъ двухъ коммиссій и одного комитета разработавшихъ вопросы о тюремномъ преобразованіи и объ установленіи новой лѣстницы наказаній. Государственный Совѣтъ признаетъ трудъ этихъ коммиссій отличающимся „замѣчательными достоинствами.“ „Каждое изъ существующихъ у насъ наказаній,“ сказано по поводу труда коммиссіи статсъ-секретаря Грота, „изслѣдовано въ историческомъ его „происхожденіи; затѣмъ внимательно изучено нынѣшнее состояніе карательной „системы не только у насъ, но и за границей и наконецъ на подготовленной такимъ образомъ почвѣ проектирована полная лѣстница наказаній, гдѣ всѣ отдѣльныя предположенія по возможности согласованы какъ съ современными требованіями науки, такъ равно и съ условіями нашей государственной жизни.“ Тѣмъ не менѣе, Государственный Совѣтъ, при разсмотрѣніи этого проекта подробной лѣстницы наказаній, „встрѣтилъ сомнѣніе „въ томъ предстоитъ ли надобность и возможность утвердить теперь же всѣ подробности предположенной системы наказаній. Опасеніе стѣснить такою мѣрою будущихъ составителей новаго Уголовнаго Уложенія привело къ заключенію что „въ настоящее время слѣдуетъ, не предрѣшая еще всѣхъ относящихся до упомянутаго важнаго предмета подробностей, „установить лишь въ общихъ чертахъ тѣ „главные типы карательныхъ учрежденій „къ устройству коихъ нужно безотлагательно приступить путемъ тюремной реформы.“ Изъ дальнѣйшаго видно что Государственный Совѣтъ озабоченъ нынѣ вопросомъ о карательной системѣ лишь въ той мѣрѣ насколько будущія карательныя *учрежденія*, то-есть тюрьмы разныхъ видовъ, имѣютъ быть подготовлены къ тому времени когда новое Уголовное Уложеніе возымѣетъ силу закона. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать что установленіе теперь же во всѣхъ подробностяхъ всей будущей лѣстницы наказаній безъ одновременной переработки законовъ установляющихъ разряды и признаки самихъ

преступленій дѣйствительно лишь стѣснило бы будущихъ составителей Уголовнаго Уложенія. Но въ подробныхъ мотивахъ коими сопровождается упомянутое мнѣніе Государственнаго Совѣта нѣтъ никакого указанія почему именно Уголовное Уложеніе во всей его цѣлости не разработано до сихъ поръ, почему и въ настоящее время признано невозможнымъ приступить прямо къ его составленію, а лишь имѣется въ виду „составить планъ производства „работъ по пересмотру дѣйствующаго Уло„женія о Наказаніяхъ“ и этотъ планъ работъ предварительно представить на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Отсюда видно что для переработки нашего уголовнаго кодекса еще ничего не сдѣлано; а между тѣмъ эта законодательная работа признана была существенно необходимою уже шестнадцать лѣтъ тому назадъ, при утвержденіи новаго судоустройства и судопроизводства, съ которымъ рѣшительно не гармонируетъ устарѣвшій кодексъ матеріальнаго уголовнаго права, тормозя на каждомъ шагу успѣшное примѣненіе новыхъ началъ уголовнаго процесса. Въ уголовномъ законодательствѣ установленіе лѣстницы наказаній и созданіе связанныхъ съ нею карательныхъ *учрежденій* составляетъ, собственно говоря, самую трудную часть работы, ибо тутъ приходится имѣть дѣло не съ одними теоретическими началами, но и съ практическими условіями времени, мѣста и народнаго быта, отъ коихъ завпситъ главнымъ образомъ тюремный вопросъ. Если эта часть труда могла быть покончена и притомъ съ большимъ успѣхомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ общее собраніе Государственнаго Совѣта, то почему не могла бы также успѣшно совершиться разработка второй, менѣе сложной половины? А то теперь приходится оставить втунѣ значительную часть уже готовой работы... Объединеніе Германіи началось въ 1866 году, въ томъ самомъ году когда у насъ введены были въ дѣйствіе новые законы о судопроизводствѣ. Окончательное объединеніе завершено было лишь въ 1871 году; но уже при существованіи Сѣверо-Германскаго Союза было приступлено къ составленію одного для всего Союза уголовнаго кодекса, и эта работа была ведена съ такимъ усердіемъ и поспѣшностью что новый кодексъ былъ совершенно готовъ къ тому времени когда Сѣверо-Германскій Союзъ превратился въ Германскую имперію и утвержденіе новаго уголовнаго кодекса было чуть ли не первымъ дѣломъ перваго имперскаго рейхстага въ 1871 году.

Впрочемъ, все къ лучшему. Быть-можетъ эта отсрочка была въ сущности внушена вѣрнымъ чувствомъ неполной состоятельности нашей нынѣшней интеллигенціи для такого дѣла какъ уголовное законодательство...

Основныя положенія принятыя Государственнымъ Совѣтомъ „для руководства при предстоящихъ тюремныхъ преобразованіяхъ и пересмотра Уложенія о Наказаніяхъ“ значительно видоизмѣняютъ и упрощаютъ существующіе у насъ до сихъ поръ многочисленные и разнообразные типы тюремныхъ учрежденій. На будущее время ихъ предполагается всего четыре. Во-первыхъ, каторжныя тюрьмы устраиваемыя преимущественно въ Сибири. Заключеніе въ каторжную тюрьму будетъ безсрочнымъ или срочнымъ, но оно всегда влечетъ за собою вѣчное поселеніе на мѣстѣ ссылки. Второй разрядъ тюремъ—исправительные дома съ одиночнымъ заключеніемъ на первыхъ порахъ и съ принудительною работой на все время заключенія, высшій размѣръ коего опредѣленъ въ шесть лѣтъ. Третій разрядъ есть простая тюрьма съ одиночнымъ заключеніемъ во все время содержанія, которое продолжается до одного года. Обязательная работа „по силамъ и способностямъ каждаго“ вводится и здѣсь. Наконецъ, четвертый способъ лишенія свободы есть арестъ на время до трехъ мѣсяцевъ, отбываемый при полиціи или въ арестныхъ домахъ мировыхъ учрежденій безъ принудительной работы.

Основныя положенія 11 декабря не упоминаютъ вовсе о тѣхъ видахъ наказанія, кои въ теперь существующей системѣ не связаны съ заключеніемъ въ какой-либо изъ тюремъ, а именно о смертной казни, которою по Уложенію о Наказаніяхъ караются многіе виды политическихъ преступленій, и о ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь, въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Равнымъ образомъ указанное мнѣніе Государственнаго Совѣта умалчиваетъ вовсе о лишеніи правъ, которое въ различныхъ видахъ сопровождаетъ, какъ добавочная кара, бо́льшую часть преступленій предусмотрѣнныхъ Уложеніемъ о Наказаніяхъ.

Совершенно понятно почему Государ-

ственный Совѣтъ, ограничившій свою задачу установленіемъ лишь тѣхъ видовъ наказаній кои связаны съ вопросомъ объ устройствѣ тюремъ, требующемъ предварительной подготовки, обошелъ молчаніемъ всѣ эти кары. Онъ не желалъ, какъ онъ самъ объясняетъ, стѣснить въ этомъ отношеніи будущихъ составителей Уголовнаго Уложенія. Полагаемъ что вопросъ о смертной казни для самыхъ тяжкихъ видовъ убійства также оставленъ открытымъ. Пора намъ перестать кичиться пустою и лживою фразой будто въ Россіи нѣтъ смертной казни. Но если она есть на дѣлѣ, то не зачѣмъ отрекаться отъ ней на словахъ. Есть снисхожденіе, есть помилованіе, но силу уголовнаго принципа не слѣдуетъ ослаблять въ угоду какимъ бы то ни было доктринамъ. Во всемъ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ теперь ни одного государства которое исключило бы смертную казнь за убійство изъ своего кодекса. *Напередъ* отречься отъ права подвергать этой карѣ виновника кроваваго преступленія, отнять у государства это право, нигдѣ не признано возможнымъ, а печальный опытъ доказываетъ эту невозможность и у насъ.

Б.

Издатель *Гражданина*, въ борьбѣ съ нуждою, долженъ былъ прекратить свое доброе и честное, хотя, надо правду сказать, неряшливое изданіе въ Петербургѣ. Надъ нимъ неистово глумились и изданіе его въ поруганіе продавали съ аукціона. Но онъ не терялъ духа и бодрости, и кто бы что ни думалъ о немъ, надо отдать справедливость его твердости и вѣрности долгу русскаго гражданина. Онъ родомъ изъ западнаго края, изъ Бѣлой Руси, выдержавшей искусъ тяжкаго гнета и борьбы за существованіе, откуда поэтому нерѣдко выходятъ люди съ крѣпкимъ и неуступчивымъ національнымъ чувствомъ. Судьба бросила его за границу, и вотъ, въ Берлинѣ, кое-какъ перебиваясь, онъ снова открылъ свое изданіе, назвавъ его на чужбинѣ *Русскимъ Гражданиномъ*. Странная судьба! Русскому патріотическому изданію не повезло въ Петербургѣ; оно дошло тамъ до истощанія и бѣжало въ чужіе края, между тѣмъ какъ все антирусское тучнѣетъ въ Невской столицѣ, услаждая собою ея интеллигенцію. Не на виду ли у всѣхъ съ одобренія цензуры, такъ тяжко оскорблявшей и стѣснявшей честную мысль и русское чувство, воспитывался нигилизмъ, составлялся его катихизисъ, проповѣдывались всѣ его доктрины, которыя нынѣ приводятся въ исполненіе... Да и теперь-то что дѣлается?..

Въ только что полученной нами книжкѣ *Русскаго Гражданина*, издаваемаго въ Берлинѣ, прочли мы замѣчательныя строки князя Н. Н. Голицына, молодаго, недавно выступившаго публициста, котораго статьи украшали и поддерживали *Гражданинъ* еще въ Петербургѣ. Можно многаго ожидать отъ дѣятельности которая начинается такъ хорошо. Князь Голицынъ съ нынѣшняго года взялъ на себя редакцію *Варшавскаго Дневника*, и эта газета, доселѣ полумертвая и едва влачившая свое существованіе, сразу оживилась и пріобрѣла значеніе. Мы хотимъ познакомить нашихъ читателей съ замѣчательною статьей князя Голицына въ *Русскомъ Гражданинѣ*, о которой заговорили выше. Это горячее, сильное, глубоко правдивое слово, вырвавшееся изъ сердца при первомъ извѣстіи о мрачномъ событіи 19 ноября. Бѣдный *Русскій Гражданинъ* на чужбинѣ затрудненъ въ своихъ выходахъ, и статья написанная 21 ноября появилась въ выпускѣ 31 декабря, въ Москвѣ же получена только теперь. Князь Голицынъ указываетъ прямо на источникъ зла, на растлѣнную часть нашей интеллигенціи... Перепечатываемъ бо́льшую часть его статьи озаглавленной *По прочтеніи депеши*.

„Богъ сохранилъ Царя и Россію!.. Въ четвертый разъ Провидѣніе спасаетъ отечество и охраняетъ его отъ неисчислимыхъ потрясеній и бѣдствій. Еще разъ чаша скорби и гнѣва насъ миновала... Осѣнимъ себя крестнымъ знаменіемъ! Горѣ имѣимъ сердца!.. Благодаримъ Господа.

„Но недостаточно только благодарить за благодѣяніе. Надо показать себя и достойными благодѣянія. Пора одуматься, отрезвиться; пора воскликнуть всѣмъ русскимъ обществомъ quousque tandem...

„Крамола должна быть искоренена“— такъ гласитъ Царское слово. Къ уничтоженію „зла пустившаго корни“ Русскій Царь вновь призываетъ русское общество...

„*Къ несчастію, есть не мало между нами безмолвствующихъ Іскаріотовъ, съ одной стороны лобзающихъ учителя, а съ другой — состоящихъ на службѣ у синедріона. Эти люди упорно стоятъ на*

мысли что зло можетъ быть искоренено только помощью государственнаго переустройства, и молча, но злорадственно присутствуютъ при ходѣ русской драмы, съ надеждой что власть не сегодня, такъ завтра сознается въ своемъ безсиліи и начнетъ переустраивать Россію по шаблону ихъ мечтаній и желаній! Эти Іуды не прочь подать иногда молчаливо даже руку помощи вражьей силѣ, подтолкнуть ее на новое злодѣйство, дабы тѣмъ скорѣе пододвинуть тотъ идеалъ о которомъ они мечтаютъ...

„Что же дѣлать? Гдѣ же эта крамола? Съ чего начать? Гдѣ намъ искать врага? Мы его не видимъ. Онъ ходитъ между нами какъ Антихристъ евангельскаго пророчества, о которымъ никто не въ состояніи сказать—онъ здѣсь или тамъ.

„Неправда! И эта неправда да не будетъ отвѣтомъ отъ имени всей Руси; ибо Русь никогда не лгала... Вы знаете гдѣ онъ, вы его видите и ощущаете...

„Другіе говорятъ: зло очевидно; но оно группируется и сосредоточено въ ничтожной *шайкѣ* или *горсти* злоумышленниковъ, съ которою легко справиться власти, и затѣмъ атмосфера очистится и всякая порча упразднится.

„Шайка и горсть? О, объ этомъ мы слышимъ давно! Скажемъ болѣе: эти единицы разбойниковъ и фанатическихъ злодѣевъ, по численности своей, не заслуживаютъ даже, можетъ-быть, названія „шайки и горсти," какъ понятія слишкомъ собирательнаго. Вопросъ не въ этомъ, но въ томъ—откуда появляется и зрѣетъ эта непреходящая и не умирающая горсть и шайка? Соки какого дерева ихъ питаютъ? Гдѣ корни этого дерева? .

„Изобразимъ себѣ графически внутреннее состояніе русскаго общества. Начертимъ себѣ мысленно вертикальную линію опирающуюся въ русскую землю и раздѣлимъ ее на нѣсколько частей. Внизу вообразимъ себѣ тотъ слой общества гдѣ только таятся первые зачатки порчи; второй слой—начало растлѣнія. Переходя все выше, отъ отдѣла къ отдѣлу, мы прослѣдимъ весь ростъ нашего нигилизма и соціализма, дойдемъ до анархистовъ, и на самой верхушкѣ, вѣнцомъ ихъ явятся тѣ злодѣи-варвары подвиги которыхъ заставляютъ содрогаться Россію. Корень всего этого лежитъ глубоко. Сколько ни срѣзывать верхушки, слѣдующій подъ нею слой рождаетъ отъ себя новыхъ замѣстителей, на подобіе того какъ въ мірѣ растительномъ, сколько ни коси сорной травы, она отъ этого ростетъ еще буйнѣе и гуще.

„Сознаніе въ винѣ — первый признакъ покаянія. Тутъ нужна тоже добрая доля смиренія, которую мы призываетъ на смѣну высокомѣрія и чванства пресловутымъ нашимъ *прогрессомъ*.

„....Прогрессъ! Возлюбленное дѣтище новаго русскаго общества! Не во твое ли имя все разрушалось и тлѣніе заносилось въ русскую жизнь?..

„Есть *два прогресса*. Благословенны и святы да будутъ тотъ ростъ и то преуспѣяніе которые дѣлаютъ людей лучшими, болѣе чистыми, любовными, которые просвѣщаютъ, облагораживаютъ, примиряютъ противорѣчія въ жизни, мирятъ науку съ вѣрой, укрѣпляютъ духъ...

„Но таковъ ли тотъ прогрессъ которымъ вы гордитесь, тотъ Оффенбаховскій канканъ съ веселымъ припѣвомъ Ви qui s'avance, съ которымъ вы прошли вдоль и поперекъ всю Русь, силясь превратить ее въ какую-то Russie du tra-la-là? Если *таковъ* вашъ прогрессъ, если *онъ* знаменуетъ только разрушеніе, если *онъ* побораетъ семью, вѣру, преданія, русскую честь, растлѣваетъ русскій духъ, создаетъ нигилизмъ, анархію, коммуну, съ цѣлымъ хоромъ дьявольскихъ злодѣевъ, посягающихъ на русскую святыню, и, какъ настоящіе жители преисподней, изъ нѣдръ земли покушающихся на жизнь нашего Царя—о, если онъ таковъ, то *да будетъ онъ трижды марань-аоа!*..

„Саженными буквами желалось бы вывѣсить эти слова вездѣ и всюду, взвалить ихъ на плечи древнихъ богатырей: пусть разнесутъ они ихъ вольными ходебщиками по дальнымъ весямъ, въ поученіе тѣмъ кого надлежитъ еще спасти, на видимость того „народа" надъ чистотой котораго вы такъ глумитесь и подстерегаете какъ будущую жертву. Дай Богъ спасти его, и тутъ борьба должна идти не на животъ, а на смерть. Пора намъ скинуть маски. Долой перчатки, скорѣй кольчугу и мечъ.

„Мечомъ погибнетъ вынувшій мечъ, и не мы первые его обнажаемъ.

„Есть для борьбы двоякій мечъ: булатъ стальной и мечъ духовный. Первый изъ нихъ въ рукахъ власти, порядка и правосудія. Духовный мечъ—вотъ нашъ удѣлъ для бѣднаго и богатаго, старца и юноши,

для всѣхъ сословій, отъ поденщика до вельможи, отъ церковника до епископа, отъ крестьянки до княгини, отъ бѣдняка до милліонщика. Дѣлъ много, жатва обильна. *Всѣ* мы призваны. Тутъ безграничная область для дѣятельности каждаго. Каждому изъ насъ дано бороться и устнымъ и печатнымъ словомъ, тѣмъ же оружіемъ которымъ развращались мы съ такимъ сладострастіемъ долгіе годы. Русская интеллигенція и русское слово! Да будутъ вамъ отпущены въ день суда тѣ преступленія которыми испещрили и осквернили вы русскую лѣтопись послѣднихъ 25 лѣтъ...

„Къ борьбѣ! Къ борьбѣ! Вѣчевой колоколъ гудитъ. Пусть образуется рать, хотя для этого не надо ей выходить въ поле. Общественное поприще, всякая дѣятельность, государственная, служебная, публичная, семья, домашній очагъ—вотъ поле дѣятельности, вотъ поприще для пропаганды добра и правды. Никакое снисхожденіе, укрывательство и защита тутъ не должны быть мыслимы. Кто не за идею добра, тотъ противъ нея, и служеніе Богу и мамонѣ признано преступнымъ уже очень давно.

„Тутъ не можетъ быть ни ссылокъ, ни уклоненій, ни отговорокъ...

„А отговорокъ куда какъ много. Вотъ, дай тому или другому учрежденію или сословію ту или другую льготу, привилегію, и оно непремѣнно совершитъ чудеса. Иначе—его дѣйствія парализованы, оно безсильно, и т. д.

„Старинное лукавство, и не дай Богъ опять услышать это отъ большинства Русской земли. Россія, повторяемъ, никогда не лгала, а это ложь и даже наглая. У каждаго—поприще подъ рукой. Взаимная солидарность въ добрѣ должна воздѣйствовать на каждаго члена общества и существованіе каждаго злодѣя, отвѣтственность въ появленіи его должна хотя бы въ милліонной части лежать отнынѣ на каждомъ членѣ русскаго общества. Только такою самопомощью и дружными усиліями зло и крамола могутъ быть искоренены; только солидарностью всѣхъ можетъ быть устранена смута. Никакое злодѣяніе отнынѣ, послѣ новаго призыва Царя, да не будетъ мыслимо, иначе исчезла съ лица земли русская честь, иначе упразднилась наша кормилица, многострадальная Русь Божья.... Этого не будетъ.

„Чудомъ сохранена жизнь Русскаго Царя. Какого ждать намъ еще знаменія дабы покаяться и принести плоды покаянія? Пусть новое двадцатипятилѣтіе новой Россіи станетъ началомъ новой русской эры, эры русскаго здраваго смысла, который, изъ одного сознанія жизненности и самосохраненія, сумѣетъ побѣдить терзающихъ Русь внутреннихъ враговъ съ вѣрою въ призваніе Россіи...

„Живъ Русскій Царь. Анаѳема измѣнѣ!..“

Князь Н. П. ГОЛИЦЫНЪ.

Спб., 21 ноября 1879 года.

№ 21.

Москва, 21-го января.

Каково бы ни было положеніе страны въ другихъ отношеніяхъ, но что касается финансовъ и экономическаго положенія, Россія встрѣчаетъ наступившій 1880 годъ, годъ юбилея, при условіяхъ которымъ можно только радоваться. Гроза войны, какою ознаменовались послѣдніе годы этого двадцатипятилѣтія, не только не истощила источниковъ народнаго богатства, но дала имъ новую силу. Такой результатъ тѣмъ лучше и знаменательнѣе чѣмъ менѣе можно было ожидать его.

Въ долгіе годы мира предшествовавшіе послѣдней войнѣ, послѣ освобожденія крестьянъ, общее оживленіе производительныхъ силъ страны, общее постепенное возрастаніе народнаго богатства, можно сказать, не прекращалось. Въ естественномъ его ростѣ, государство, послѣ многолѣтнихъ серіозныхъ затрудненій, получило наконецъ возможность черпать необходимыя средства на покрытіе своихъ возраставшихъ расходовъ. Но въ періодъ предъ наступленіемъ войны, вѣра въ этотъ естественный ростъ народнаго богатства поколебалась, надежда основать на немъ равновѣсіе бюджетовъ смѣнилась сомнѣніемъ Естественный ростъ государственныхъ доходовъ отъ постепеннаго возрастанія народнаго богатства, правда, допускался, но лишь какъ возможность, и только при условіи, *если внѣшнія событія не положатъ преградъ мирному развитію государства.* Да и при условіи сохраненія мира, все-таки не считалось возможнымъ ожидать увеличенія доходовъ изъ года въ годъ въ прежнихъ размѣрахъ.

Но вотъ внѣшнія событія положили пре-

грады мирному развитію государства. Началась большая, продолжительная и тяжкая война, которая велась при самой невыгодной обстановкѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, стоила много дороже Восточной войны 1853—1856 годовъ и возложила на государственный бюджетъ большія тягости. Какого попятнаго шага слѣдовало ожидать и въ ростѣ народнаго богатства, и въ зависящемъ отъ него поступленіи государственныхъ доходовъ? Предполагалось невозможнымъ выйти изъ этой войны безъ крайняго разоренія, безъ гибельнаго потрясенія всего экономическаго быта, безъ полнаго разстройства государственныхъ финансовъ. А что на дѣлѣ.

Вмѣсто экономическаго потрясенія, мы присутствуемъ при общемъ здоровомъ экономическомъ оживленіи, смѣнившемъ тотъ болѣзненный кризисъ застоя который еще такъ недавно переживали у насъ и земледѣліе, и промышленность, и торговля. Вмѣсто разстройства государственныхъ финансовъ, одинъ за другимъ слѣдуютъ бюджеты сводимые безъ дефицита, причемъ, что особенно важно, бюджетное равновѣсіе зиждется главнымъ образомъ не на новыхъ налогахъ, а именно на увеличеніи государственныхъ доходовъ вслѣдствіе возрастанія народнаго богатства и благосостоянія.

Въ этихъ экономическихъ и финансовыхъ результатахъ послѣднихъ лѣтъ какъ нельзя полнѣе оправдалось старинное русское присловье: „страшенъ сонъ но милостивъ Богъ.“ Тяжелое впечатлѣніе большей части этихъ страшныхъ сновъ, слава Богу, разсѣялось. Но далеко еще не ото всѣхъ подобныхъ сумрачныхъ грезъ мы освободились. Одна изъ такихъ грезъ не перестающихъ смущать умы есть воображаемое чрезмѣрное обиліе обрачающихся въ странѣ денежныхъ знаковъ: это де самое печальное послѣдствіе недавней войны. Мысль объ этомъ обиліи препятствуетъ многимъ цѣнить въ должной мѣрѣ несомнѣнно утѣшительныя явленія въ русской экономической жизни. На этой же мысли, какъ видно изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ министра финансовъ при представленіи бюджетныхъ росписей, сосредоточивается главнымъ образомъ вниманіе нашего финансоваго управленія. „Долгъ Казначейства Банку (Государственному),“ сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ предпосланномъ прошлогоднему бюджету, „простирается въ настоящее время (декабрь 1878 года) до 475.870.566 руб., и для производства столь значительнаго аванса Банкъ долженъ былъ усилить выпуски кредитныхъ билетовъ. Эти временныя заимствованія налагаютъ на Государственное Казначейство обязанность изыскать средства, если не для одновременной, то по крайней мѣрѣ для постепенной ихъ уплаты.“ И обязанность эта считается непреложною. Она не только признается, какъ многія другія, но и строго исполняется. Суммы поступившія въ казну по 2-му и 3-му Восточнымъ займамъ не пошли сполна на расходы вызванные минувшими военными обстоятельствами, по которымъ предстоятъ еще не малые платежи въ наступившемъ году, а можетъ-быть и въ слѣдующіе. „Образовавшіеся отъ означенныхъ займовъ, за покрытіемъ чрезвычайныхъ расходовъ, излишки,“ читаемъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о бюджетѣ на текущій годъ, „могли быть обращены на покрытіе долга Государственнаго Казначейства Государственному Банку.“ И возможность эта не осталась простою возможностью. Съ августа 1878 по декабрь минувшаго года, Казначействомъ уже уплачено Банку свыше двухсотъ милліоновъ рублей, а впереди, можетъ-быть, предстоятъ и дальнѣйшія такія же уплаты.

Дѣлаются эти уплаты ужь конечно не потому чтобы государственный Банкъ былъ для казны самымъ назойливымъ тягостнымъ кредиторомъ, съ которымъ прежде всѣхъ желательно раздѣлаться. Позволительно думать что раздѣлаться съ другими кредиторами изъ среды частной, особенно заграничной, публики, не состоящими отъ него въ такой полной зависимости какъ Государственный Банкъ, для государства много желательнѣе. Между тѣмъ государство занимаетъ деньги у публики чтобы расплачиваться со своимъ же Банкомъ. Имѣется при этомъ въ виду, само собою разумѣется, не настоятельность самаго долга Банку, а предполагаемая необходимость предоставленія ему средствъ для обратнаго изъятія кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ имъ въ 1876—1878 годахъ. Обременить страну новымъ долгомъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, наложить на народъ тягость ежегодной уплаты десятковъ милліоновъ процентовъ по этимъ займамъ, это представляется меньшимъ зломъ чѣмъ оставить въ странѣ денежное обращеніе въ существующихъ размѣрахъ.

Итакъ, нѣтъ тѣхъ жертвъ предъ которымп можно было бы остановиться для освобожденія страны отъ обилія въ ней денежныхъ знаковъ. Фактъ принесенія этихъ жертвъ и готовности на новыя находится внѣ сомнѣнія. Но можно ли сказать чтобы столь же несомнѣненъ былъ самый фактъ вреднаго денежнаго избытка въ странѣ?

Всѣ толки о существующемъ будто бы у насъ чрезмѣрномъ обилiи денежныхъ знаковъ основываются на томъ что до Крымской войны Россія довольствовалась ограниченною суммой кредитныхъ билетовъ, въ 300 милліоновъ съ небольшимъ, а нынѣ ихъ обращается около 1.150 милліоновъ.

Но Россія въ послѣднюю четверть вѣка далеко ушла отъ того экономическаго быта при которомъ могла довольствоваться 300 милліонами кредитныхъ билетовъ, такъ далеко что еслибы взять точкой отправленія не прежніе 300 милліоновъ идя отъ нихъ къ нынѣшнимъ 1.150 милліонамъ, а эту нынѣшнюю цифру и восходить отъ нея къ прежней 300-милліонной, то пришлось бы подивиться на что́ могла надобиться Россіи въ то время такая большая сумма бумажныхъ денежныхъ знаковъ помимо большаго, можетъ-быть такого же, количества обращавшейся звонкой монеты. Сельское хозяйство держалось барщиной и не требовало той денежной наличности которая стала необходимостью съ установленіемъ вольнонаемнаго труда. Массы продуктовъ перевозились съ мѣста на мѣста также безъ денежныхъ уплатъ за провозъ, въ силу того же крѣпостнаго права. Промышленность и торговля были такъ мало развиты что для ихъ оборотовъ также не могло требоваться много денегъ. Въ крестьянскомъ быту деньги нужны были главнымъ образомъ лишь для расходовъ съ коими сопряжено полученіе казной прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, а размѣры бюджета были тогда весьма ограниченные. Нѣсколько цифръ относящихся къ тогдашнимъ и нынѣшнимъ оборотамъ могутъ дать, правда, отдаленное, но все же нѣкоторое понятіе о томъ въ какой степени возрасла съ тѣхъ поръ потребность въ денежныхъ знакахъ.

Бюджетъ 1850 г. ограничивался 266 милліонами рублей. Бюджетъ на текущій 1880 годъ исчисленъ въ 666½ милліоновъ, кромѣ чрезвычайныхъ расходовъ и неизбѣжныхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, которые бываютъ особенно велики по желѣзнодорожному хозяйству. Исполненіе бюджета требуетъ, такимъ образомъ, втрое бо́льшаго денежнаго обращенія противъ прежняго времени.

По внутренней торговлѣ наша статистика не представляетъ пока собранныхъ и провѣренныхъ данныхъ для сравненія. Но она развивалась параллельно со внѣшнею, а по этой послѣдней имѣются официальныя цифры. Вотъ каковы были размѣры привоза и отпуска:

	Привозъ.	Отпускъ.
	Рублей.	
Въ 1848 году . . .	88.916.900	84.240.700
„ 1858 „ . . .	142.481.400	146.994.900
„ 1868 „ . . .	260.923.500	226.595.900
„ 1878 „ . . .	595.582.200	618.165.700

Приведенныя цифры говорятъ едвали не краснорѣчивѣе всего о размѣрахъ въ какихъ увеличилась потребность въ деньгахъ для экономическихъ оборотовъ. Не много нужно было наличныхъ денегъ чтобъ изготовить, скупить и доставить къ портамъ то количество продуктовъ которое составляло нашъ отпускъ въ 1848 и даже въ 1858 году, но во сколько разъ бо́льшая масса денегъ должна обернуться въ разныхъ рукахъ чтобы былъ возможенъ отпускъ въ размѣрахъ 1878 года? То же и по привозной торговлѣ. Не нужно было большихъ суммъ ни публикѣ, ни посредникамъ между ею и оптовыми торговцами привозныхъ товаровъ для того чтобы разошелся по рукамъ весь привозъ ихъ 1848 и 1858 годовъ. Но во сколько разъ бо́льшія суммы нужны для той же цѣли при размѣрахъ привоза 1878 года?

Весь итогъ привоза и отпуска въ 1848 году не доходилъ и до 175 милліоновъ; въ 1858 онъ только что приблизился къ 300 милліоновъ. Не мудрено что при такихъ размѣрахъ оборотовъ страны было довольно денежнаго обращенія въ размѣрѣ 300 милліоновъ, не считая звонкой монеты. Но въ 1878 году итогъ привоза и отпуска превышаетъ уже 1.200 милліоновъ. Велика ли въ виду подобныхъ оборотовъ цифра денежнаго обращенія въ 1.150 милліоновъ, при совершенномъ почти отсутствіи звонкой монеты?

Оборотъ на сумму свыше 1.200 милліоновъ рублей по одной только внѣшней торговлѣ! Каковы же должны быть итоги внутреннихъ оборотовъ! Не удивительно что при такихъ обстоятельствахъ жизнь такъ упорно противится исполненію каби-

нетной мысли сжатія денежнаго обращенія. Казначействомъ уплачены Государственному Банку сотни милліоновъ для изъятія кредитныхъ билетовъ. Но сто милліоновъ изъ этихъ денегъ остаются въ рукахъ Банка и нейдутъ на указанную имъ цѣль, какъ о томъ ни стараются. Можно, конечно, не поцеремониться съ жизнью и употребить противъ нея насиліе: масса кредитныхъ билетовъ будетъ тогда извлечена. Но какою цѣной будетъ достигнуто такое сжатіе денежныхъ оборотовъ? Цѣной затрудненія всѣхъ экономическихъ сдѣлокъ, цѣной паралиованія экономическаго развитія, цѣной попятнаго движенія того возрастанія народнаго богатства на которомъ зиждется для бюджета естественный ростъ государственныхъ доходовъ.

№ 22.

Москва, 22-го января.

Засѣданіе австрійской (цислейтанской) делегаціи 27-го января посвящено было преніямъ объ иностранной политикѣ. Давно признано что публичное парламентское обсужденіе щекотливыхъ вопросовъ международнаго свойства въ сущности совершенно безполезно и не можетъ быть искренне. Тѣмъ не менѣе австро-венгерскіе представители, кичащіеся своими конституціонными привилегіями, никогда не пропускаютъ случая „отвести душу“ на вопросахъ „высокой политики,“ тѣмъ болѣе что случай этотъ не можетъ повторяться для нихъ слишкомъ часто, такъ какъ ни цислейтанскій рейхстагъ, ни венгерскій парламентъ не имѣютъ права касаться иностранной политики, и обще-имперскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ ихъ засѣданіяхъ не участвуетъ и предъ ними не отвѣтственъ. Бюджетъ этого министерства, какъ и военнаго, разсматривается въ делегаціяхъ созываемыхъ ежегодно на короткое время, и въ этихъ-то делегаціяхъ одинъ день непремѣнно посвящается безплодному словопренію о предметахъ такъ-называемой высшей политики.

На этотъ разъ, однако, пренія были не лишены интереса, вопервыхъ потому что баронъ Гаймерле, преемникъ графа Андраши, долженъ былъ выступить въ первый разъ какъ публичный ораторъ, а вовторыхъ, пренія ознаменовались большою рѣчью одного изъ старшихъ австрійскихъ дипломатовъ давно уже сошедшаго съ публичной арены, барона Гюбнера, того самаго чье имя роковымъ образомъ связано съ воспоминаніемъ о той эпохѣ съ которой начался рядъ пораженій постигшихъ Австрію въ послѣднія двадцать лѣтъ. Онъ былъ представителемъ Австріи въ Парижѣ въ 1859 году, и къ нему обращены были знаменитыя слова Наполеона III въ день Новаго Года предвѣстившія войну. Баронъ Гюбнеръ счелъ нужнымъ именно теперь напомнить о себѣ публикѣ и, нужно отдать ему справедливость, дебютъ его на парламентской аренѣ былъ блестящій. Опытный дипломатъ оказался и весьма недюжиннымъ ораторомъ. Нечего говорить что органы нѣмецко-либеральной партіи, для конхъ одно имя барона Гюбнера, принадлежащаго къ старой школѣ австрійскихъ государственныхъ людей, глубоко ненавистно, осыпали его самою неистовою бранью. Но самая ярость съ которою накинулась на него вѣнская „либеральная“ печать доказываетъ что мысли имъ высказанныя еще не отжили свой вѣкъ въ австрійскихъ руководящихъ сферахъ; а сущность идеи которую онъ развивалъ въ пространной своей рѣчи заключалась въ томъ что Австрія должна всячески стараться сохранить дружественныя отношенія къ Россіи. Начавъ съ историческаго обзора событій кончившихся изверженіемъ Австріи изъ Германіи, баронъ Гюбнеръ намекнулъ что на первыхъ порахъ представлялась перспектива полнаго разложенія Австріи. Долгое время господствовало де убѣжденіе что Германія поставитъ цѣлію своего дальнѣйшаго развитія присоединеніе австро-нѣмецкихъ земель ко вновь созданной имперіи. Но теперь это убѣжденіе, по его мнѣнію, изчезло; живучесть Австріи подтвердилась де вновь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, говорилъ онъ, окрѣпло убѣжденіе что Австрія не совсѣмъ порвала нравственныя узы соединяющія ее съ Германіей и что Германія можетъ стать „добрымъ другомъ Австріи во дни мира и вѣрнымъ союзникомъ во дни опасностей и бурь.“ Германія, въ свою очередь, пришла мало-по-малу къ тому же убѣжденію, и это привело къ тѣснѣйшему сближенію установившемуся въ послѣднее время. Баронъ Гюбнеръ привѣтствуетъ это сближеніе главнымъ образомъ съ этой точки зрѣнія, убѣжденный что Германія столько же

нуждается въ Австріи сколько Австрія въ ней. Онъ очень симпатически относится къ тому что происходитъ во Франціи, но полагаетъ что теперешняя умѣренная республика легко можетъ быть низвергнута въ бездну коммуны, а въ этомъ случаѣ война, война для отмести Германіи, представляется ему весьма вѣроятною. Въ этомъ-то случаѣ союзъ съ Австріей доставитъ де Германіи драгоцѣнную опору и поддержку.

Другую темную точку на горизонтѣ баронъ Гюбнеръ усматриваетъ съ восточной стороны. Онъ указываетъ на то какъ, вопреки дружественнымъ отношеніямъ продолжающимъ неизмѣнно существовать между правительствами Россіи и Австріи, общественное мнѣніе въ обѣихъ странахъ принимаетъ все болѣе и болѣе тонъ взаимнаго раздраженія. Онъ очень хорошо знаетъ какъ настроено мнѣніе даже въ политическихъ сферахъ Австріи и особенно Венгріи; но онъ недавно объѣздилъ всю Россію отъ Кавказа до дальнихъ окраинъ ея на сѣверъ, и очень сожалѣетъ объ этихъ признакахъ взаимной вражды, ибо войну между обѣими державами онъ считалъ бы однимъ изъ величайшихъ бѣдствій для нихъ и для Европы. Онъ думаетъ, напротивъ, что Австрія должна основать свою политику на традиціонномъ принципѣ коимъ неизмѣнно руководился князь Меттернихъ во все время своего сорокалѣтняго управленія дѣлами Австріи, а именно на полномъ согласіи по всѣмъ вопросамъ съ Россіей и Германіей. Онъ полагаетъ что это возможно вполнѣ даже и теперь, если держаться почвы Берлинскаго трактата. Австрія глубоко заинтересована де въ томъ чтобы Балканскій полуостровъ не подпалъ подъ исключительное вліяніе какой бы то ни было державы. Но, съ другой стороны, ему хорошо извѣстно что Россія и не помышляетъ о какихъ-либо территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ на счетъ Турціи. Австрія въ свою очередь также не съ тѣмъ де заняла двѣ турецкія провинціи чтобы расширить свое могущество, а „чтобъ имѣть возможность оградить себя отъ опасностей угрожающихъ ей въ будущемъ.“ Поэтому австрійскій дипломатъ старой школы не видитъ повода къ тому взаимному раздраженію которое сказывается въ Россіи и Австріи, и полагаетъ что сближеніе и согласное дѣйствіе съ Россіей есть наилучшая политика какой Австрія можетъ слѣдовать.

Какъ ни неопредѣленны всѣ эти выводы барона Гюбнера, не считавшаго нужнымъ точнѣе указать въ какомъ видѣ представляетъ онъ себѣ будущую судьбу Балканскаго полуострова при окончательномъ паденіи турецкаго владычества, признаваемомъ имъ неизбѣжнымъ, нельзя не отмѣтить тѣхъ дружественныхъ мыслей которыя онъ высказалъ относительно Россіи. Онѣ заслуживаютъ вниманія потому что баронъ Гюбнеръ явился въ этомъ случаѣ выразителемъ взглядовъ которыми, какъ всѣмъ извѣстно, проникнутъ цѣлый кругъ государственныхъ людей въ Австріи пользующихся до сихъ поръ значительнымъ вліяніемъ и близко стоящихъ къ коронѣ. Этого послѣдняго обстоятельства не отрицаетъ и враждебная Россіи либеральная вѣнская печать, которая именно поэтому такъ яростно напала на барона Гюбнера за его „руссофильство.“

Но Австрія—страна противорѣчій: въ то время какъ въ цислейтанскомъ собраніи делегатовъ раздавался голосъ проповѣдывавшій дружбу съ Россіей, въ венгерской половинѣ Габсбургской монархіи также авторитетный голосъ совершенно иначе объяснялъ какъ цѣль теперешней оккупаціи Босніи и Герцеговины, такъ и будущую задачу австрійской политики на Балканскомъ полуостровѣ. Въ засѣданіи венгерской делегаціи, Коломанъ Тисса, братъ министра-президента, указывалъ на то что это занятіе имѣетъ наступательный характеръ; и что оно „есть только начало цѣлой системы дѣйствій имѣющихъ цѣлью вытѣснить Россію съ Балканскаго полуострова.“

Вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ будетъ, впрочемъ, еще на этихъ дняхъ предметомъ особыхъ преній въ австрійской делегаціи, когда будетъ разсматриваться статья бюджета относящаяся до расходовъ на оккупацію и на управленіе этихъ провинцій. Извѣстно какъ противники графа Андраши нападали на него за этотъ „ящикъ Пандоры“ принесенный имъ въ даръ Австрійской монархіи. Указывалось на то что приращеніе славянскаго элемента, „и безъ того слишкомъ многочисленнаго въ Австріи,“ грозитъ еще бо́льшимъ осложненіемъ неразрѣшимыхъ національныхъ противорѣчій и соперничествъ господствующихъ внутри Габсбургской монархіи. Въ настоящее время, однако, австрійскіе централисты, равно какъ и мадь-

ярскіе патріоты, повидимому примирились съ этою бѣдой; по крайней мѣрѣ уже не слышно прежнихъ жалобъ, а напротивъ каждая изъ половинъ имперіи желала бы включить въ составъ своихъ земель новыя провинціи когда рѣшенъ будетъ вопросъ объ окончательномъ присоединеніи ихъ къ имперіи Габсбурговъ.

№ 23.

Москва, 23-го января.

Наступилъ для нашего отечества великій юбилейный годъ. Совершилось двадцатипятилѣтіе славнаго царствованія. Сословія Русской земли собираются повсюду для совѣщаній чѣмъ бы ознаменовать это всеобщее празднество. Духъ который сказывается въ этомъ движеніи даетъ ему особенную цѣну. Всѣмъ хотѣлось бы почтить Монарха-Освободителя какимъ-либо добрымъ дѣломъ. Но какъ всегда, такъ и теперь, движенія нашего сердца лучше нашей сообразительности. Мы всегда готовы на доброе дѣло; денегъ мы не пожалѣемъ; мы утомимъ, если понадобится, и руки, и ноги свои для добраго дѣла, но мы не охотники пошевелить умомъ. Мы будемъ идти куда повадились, мы пойдемъ куда насъ толкнутъ, но мы рѣдко остановимся спросить себя: нѣтъ ли чего болѣе нужнаго, или болѣе должнаго, нѣтъ ли гдѣ бо́льшаго права на наше доброе дѣло. Повадились мы учреждать стипендіи по учебнымъ заведеніямъ, и ужь болѣе ничего знать не хотимъ, какъ будто нѣтъ другихъ болѣе существенныхъ надобностей, какъ будто не лежитъ на насъ другихъ долговъ, болѣе обязательныхъ. Мы проходимъ мимо вопіющей нужды, ничего не дѣлая чтобы помочь ей не потому чтобы мы были скупы и немилосерды, а потому что у насъ не достаетъ поворотливости мысли чтобы замѣтить ее и понять наши относительно ея обязанности.

Что́ обязательнѣе нашего долга предъ людьми пострадавшими за отечество, за всѣхъ насъ, за общее всѣмъ намъ дѣло? Гремѣла война, мы за ихъ спинами сидѣли въ полной безопасности, предаваясь игрѣ ощущеній то скорбныхъ, то радостныхъ, по свойству извѣстій долетавшихъ къ намъ съ боевыхъ полей; а они, эти люди, жребіемъ призванные за всѣхъ на боевую службу, несли страшныя тяготы и лишенія, подвергались неисчислимымъ опасностямъ, бились до смерти, десятками тысячъ тѣлъ своихъ усѣяли поля битвъ, оставивъ по себѣ безпомощныхъ вдовъ и сиротъ,—а изъ возвратившихся, всѣ ли возвратились цѣлы и невредимы въ подмогу, а не въ отягощеніе своимъ семьямъ? Что́, повторимъ, можетъ быть обязательнѣе нашего общественнаго долга предъ этими людьми? А много этихъ людей, предъ которыми общество находится въ неоплатномъ долгу. У казны не достало бы средствъ обезпечить ихъ должнымъ образомъ. Какъ бы ни были значительны суммы собранныя общественною благотворительностію на помощь этимъ пострадавшимъ за отечество людямъ или ихъ семьямъ, все оказалось бы ниже нужды и ниже нашего долга предъ ними... Война же, въ которой наши воины пролили свою кровь, была великимъ народнымъ дѣломъ. Недаромъ дѣло за которое они бились названо „святымъ.“ Этимъ славнымъ подвигомъ достойно завершилось славное двадцатипятилѣтіе; оно было послѣднимъ дѣломъ его. Чѣмъ же, казалось бы, ознаменовать юбилей двадцатипятилѣтняго славнаго царствованія, какъ не добрымъ дѣломъ въ пользу героевъ послѣдней войны? Чѣмъ лучше почтить Монарха, который самъ былъ посреди своего воинства, самъ несъ тяготы и лишенія войны, самъ въ сердцѣ своемъ испытывалъ боль и страданія этихъ людей, являясь между ними ангеломъ утѣшителемъ. .

И однако, сколько намъ извѣстно, наши земскія и городскія думы пока еще не подумали объ этомъ предметѣ для ознаменованія всеобщаго торжества. Нашлись сообразительные люди лишь на окраинѣ нашей обширной Имперіи, въ не совсѣмъ русской провинціи Русскаго государства. Въ Ригѣ подумали объ этомъ, и рѣшили почтить Всероссійскій юбилей общественнымъ пожертвованіемъ въ пользу нижнихъ военныхъ чиновъ изъ рижскихъ уроженцевъ участвовавшихъ въ послѣдней войнѣ, а также въ пользу ихъ вдовъ и сиротъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ участь инвалидовъ. Увы, не всѣ, далеко не всѣ изувѣченные въ бояхъ люди могли быть пристроены въ нашихъ инвалидныхъ домахъ и богадѣльняхъ. Но достойно ли великой страны и христіанскаго народа допускать чтобъ эти люди просили милосты-

ню выставляя на показъ свои раны? Не нужно инвалидныхъ домовъ, на что потребовались бы большіе сборы, не нужно архитектурныхъ зданій которыя съѣли бы бо́льшую часть собраннаго капитала, между тѣмъ какъ требуется въ данномъ случаѣ не строительное дѣло развивать, а также не мѣста и должности создавать, а помочь инвалидамъ. Въ предпринятомъ дѣлѣ все должно быть направлено къ его истиннымъ цѣлямъ. Пути должны быть прямые и кратчайшіе, способы самые практическіе.

Кстати. Мы получили недавно, съ юга, очень горячо написанное письмо, возбуждающее вопросъ о достойномъ обезпеченіи инвалидовъ. Почтенный авторъ этого письма скорбитъ при мысли о людяхъ всѣмъ жертвовавшихъ за отечество и оставляемыхъ безъ помощи. Онъ укоряетъ и государство, и общество въ недостаточной заботливости объ этомъ предметѣ, и желалъ бы открытія національной подписки для сбора инвалиднаго капитала. Это очень хорошо, но это слишкомъ размашисто. Пока капиталъ соберется и выстроятся инвалидные дома, инвалиды пожалуй не дождутся и перемрутъ. Вѣрнѣе другая мысль того же автора, екатеринославскаго помѣщика, организовать мѣстное пособіе въ земствахъ. Замѣчательны нѣкоторыя разсужденія его по этому вопросу. Онъ пишетъ:

„Земства должны принять во вниманіе что земскіе сборы взимаются главнымъ образомъ съ земель въ числѣ которыхъ не малая часть крестьянскихъ; что крестьянскіе земельные надѣлы почти нигдѣ чистаго дохода не даютъ, доставляя только, и то не вездѣ, продовольствіе своимъ хозяевамъ-земледѣльцамъ; что налоги, а слѣдовательно и земскіе сборы, падаютъ на трудъ крестьянина, въ видѣ работниковъ или найма земель на сторонѣ; что въ этомъ трудѣ участвовали до отдачи ихъ на службу солдаты взятые изъ сельскихъ сословій, а потомъ ихъ отцы, братья и сыновья, трудовыя копѣйки которыхъ лежатъ тяжелымъ вѣсомъ и во всѣхъ земскихъ сбереженіяхъ; что, наконецъ, цѣль земскихъ учрежденій есть та чтобы равномѣрно распредѣлить всѣ повинности и получше устроить жизнь всѣмъ земскимъ людямъ; что слѣдовательно всѣмъ имъ, и въ особенности владѣльцамъ болѣе или менѣе крупной недвижимой собственности, слѣдуетъ прежде всего подумать о тѣхъ, безъ службы которыхъ не только собственность ихъ, но и жизнь обратилась бы давно или обращалась бы каждую минуту въ Гамлетовскій вопросъ: „быть или не быть?“

Какъ на норму земскаго налога въ пользу инвалидовъ авторъ письма указываетъ $^1/_{10}$ копѣйки съ оцѣночнаго рубля на владѣльческія земли и городскія имущества, стоимость которыхъ по оцѣнкѣ составляетъ не менѣе 1.000 рублей.

Мы не беремся указывать городамъ и земствамъ въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ распредѣлить сборъ въ пользу инвалидовъ. Широкая организація этого дѣла пусть идетъ своимъ чередомъ: мы порадуемся ей. Но вопросъ котораго мы коснулись имѣетъ значеніе ближайшее. Мы возбуждаемъ вопросъ какъ бы лучше, между прочимъ, ознаменовать торжествуемый всѣми юбилей? Мы хотѣли бы только чтобы средства уже находящіяся въ распоряженіи и назначаемыя для этой цѣли пошли на помощь тѣмъ кто особенно въ ней нуждается и кто всѣхъ болѣе имѣетъ право на нее...

№ 24.

Москва, 24-го января.

Между русскою и германскою военными системами существуетъ большое сходство: основныя черты нашей организаціи взяты изъ Германіи. Но между ними есть и величайшее различіе. Германская система доведена въ своемъ развитіи до конца. Съ принятіемъ новаго законопроекта, дальнѣйшее увеличеніе численнаго состава германскихъ войскъ возможно только или посредствомъ увеличенія наличнаго состава въ мирное время пропорціонально приросту населенія, или путемъ сокращенія срока службы подъ знаменами. Срокъ службы въ Германіи по закону три, на дѣлѣ $2^1/_2$ года. Партія противная новому законопроекту соглашается подать голосъ въ его пользу если со стороны правительства послѣдуетъ согласіе на введеніе двухлѣтняго срока. Уступка требуется небольшая, въ дѣйствительности всего на полгода, но правительство признаетъ эту уступку невозможною, предпочитаетъ парламентскую борьбу, именно потому что принятіе двухлѣтняго срока оно признаетъ невозможнымъ

съ военной, технической точки зрѣнія, такъ какъ срокъ этотъ считается недостаточнымъ для надлежащаго обученія войска при усложнившихся боевыхъ требованіяхъ.

Въ совершенно иномъ положеніи находится наша армія, съ принятымъ въ ней срокомъ службы, шестилѣтнимъ по закону, четырехъ-пятилѣтнимъ на дѣлѣ.

Уже при самомъ обсужденіи основаній дѣйствующаго у насъ закона о воинской повинности было не мало лицъ, и въ коммиссіи и внѣ ея, доказывавшихъ возможность принять за норму не шести, а четырехлѣтній срокъ. Мнѣніе это было отвергнуто, главнымъ образомъ изъ опасенія что четырехлѣтній срокъ окажется недостаточнымъ при данномъ уровнѣ развитія рекрутскаго контингента, особенно при неудобствахъ нашего расквартированія войскъ и при нашемъ климатѣ допускающемъ меньшую сравнительно съ Германіей продолжительность учебнаго времени.

Опытъ показалъ что опасенія эти были напрасны, что принятые у насъ сроки службы, даже дѣйствительные, гораздо длиннѣе чѣмъ необходимо. Всего сильнѣе подтверждается это тѣмъ фактомъ что армія наша до сихъ поръ можетъ обходиться безъ особыхъ школъ для приготовленія унтеръ-офицеровъ, не взирая на то что число желающихъ остаться на сверхсрочной службѣ сравнительно весьма ограниченно. Какъ бы ни были малы требованія отъ унтеръ-офицера, размѣръ того что ему необходимо знать и умѣть далеко превосходитъ кругъ науки рядоваго.

Нужно еще прибавить что такой результатъ достигнутъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Методы обученія въ короткій сравнительно съ прежнимъ срокъ были у насъ почти вовсе незнакомы. Офицеры должны были и учить солдатъ, и въ то же время учиться какъ вести обученіе, а это естественно бываетъ сопряжено съ напрасною тратой времени.

Высшій экзаменъ, война, неопровержимо доказалъ что наша армія находится въ условіяхъ дозволяющихъ не только желать, но и достигнуть сокращенія сроковъ службы. Это признается и военнымъ начальствомъ; по крайней мѣрѣ, въ одной изъ статей нашего офиціальнаго военнаго журнала, три мѣсяца тому назадъ, было прямо сказано что „въ настоящее время у „насъ возбужденъ вопросъ о сокращеніи „срока дѣйствительной службы нижнихъ чи„новъ, вызываемомъ необходимостью уве„личить общее число людей состоящихъ „въ запасѣ какъ для укомплектованія дѣй„ствующихъ и резервныхъ войскъ до шта„та военнаго времени, такъ и для образо„ванія новыхъ частей, формируемыхъ въ „военное время."

Итакъ, сокращеніе сроковъ службы въ арміи не только желательно, но и положительно необходимо въ интересахъ самой организаціи и обезпеченнаго перехода съ мирнаго положенія на военную ногу.

Однако сокращеніе сроковъ службы въ войскахъ встрѣчаетъ у насъ и немалыя препятствія. Прежде нежели сократить сроки службы необходимо обезпечить комплектованіе арміи унтеръ-офицерами, безъ чего все обученіе нижнихъ чиновъ и дисциплина арміи могли бы пошатнуться. Въ Германіи, сверхъ привлеченія старослужившихъ унтеръ-офицеровъ къ сверхсрочной службѣ, существуютъ еще особыя унтеръ-офицерскія школы, числомъ шесть, дающія ежегодно 990 унтеръ-офицеровъ, обязанныхъ прослужить шесть лѣтъ, по два года за каждый годъ пребыванія въ школѣ. Воспитанники этихъ школъ составляютъ пятую часть всего состава унтеръ-офицеровъ по штатамъ мирнаго времени. Наша армія довольствовалась до сихъ поръ унтеръ-офицерами которыхъ готовила сама въ учебныхъ командахъ собираемыхъ при полкахъ. При теперешнихъ срокахъ службы, за вычетомъ времени на первоначальное освоеніе со службой и на прохожденіе курса учебной команды, оставался еще достаточный срокъ въ теченіе котораго полкъ пользовался службою подготовленнаго имъ унтеръ-офицера. При сокращенныхъ до 3—4 лѣтъ срокахъ, арміи пришлось бы увольнять бо́льшую часть своихъ унтеръ-офицеровъ въ запасъ на второмъ году ихъ унтеръ-офицерской службы, когда они только что вполнѣ освоятся съ нею на дѣлѣ. Но этого мало. При сокращеніи сроковъ службы, отъ унтеръ-офицеровъ потребуется гораздо болѣе служебныхъ свѣдѣній и умѣнья нежели какими они обладаютъ теперь, а между тѣмъ именно въ послѣднее время „кругъ" того что̀ солдатъ долженъ узнать, говоря словами объяснительной записки къ германскому военному законопроекту, „увеличился въ значительныхъ размѣрахъ."

Это вынуждаетъ учредить и у насъ особыя унтеръ-офицерскія школы, по образцу

германскихъ, въ которыхъ молодые люди подготовлялись бы къ унтеръ-офицерскому званію еще до поступленія на службу.

Что касается унтеръ-офицерскихъ школъ, то желательно чтобы расходы которые на нихъ могутъ потребоваться оказались производительными, чтобы собранные въ школу молодые люди учились тому что имъ дѣйствительно нужно знать, пріобрѣтали не праздныя, а дѣльныя познанія, то-есть прямо приложимыя къ ихъ дѣлу, къ ихъ службѣ. Унтеръ-офицерская школа должна быть чисто профессіональною. Мысль эта повидимому начинаетъ сознаваться у насъ. Въ появившемся въ *Военномъ Сборникѣ* проектѣ такой школы предлагается чтобъ „основою существованія школы была самая строгая дисциплина," конечно военная, чтобы школа образовала баталіонъ, и чтобъ ученики „старшаго, и если „можно то и средняго, курса прикоманди„ровывались къ войскамъ и исполняли „службу рядоваго." Учебная программа набросанная въ проектѣ не обширна и соотвѣтствуетъ цѣли. Въ младшихъ классахъ (двухъ) чтеніе письма, начальная ариѳметика, чистописаніе, *краткая исторія*, географія Россіи, знакомство по картамъ съ частями свѣта, главными государствами Европы и сосѣдними съ Россіей государствами Азіи, черченіе картъ и географическихъ фигуръ. *Главнѣйшія молитвы*. Въ старшемъ исключительно военные предметы „въ нѣсколько большемъ объемѣ противъ „курса учебныхъ командъ." Но не въ программѣ только дѣло, а въ томъ какъ будутъ исполняться эти программы. Что разумѣть подъ краткою исторіей? Не лучше ли ограничиться лишь свѣдѣніями изъ отечественной исторіи, но за то, кромѣ „главнѣйшихъ молитвъ," ввести Священную Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта и краткій катихизисъ? Все это необходимо ученику не только какъ будущему учителю и инструктору, но и какъ христіанину и сыну своего народа. Изъ географіи свѣдѣнія точно также должны быть ограничены дѣйствительно необходимымъ: Россіей и сосѣдними съ нею странами въ размѣрѣ толковаго чтенія карты. Самое изученіе должно быть строго приноровлено къ служебнымъ потребностямъ: крѣпости, учебные лагери, военно-административные округа, желѣзныя дороги, пароходные рейсы, этапные пути. Даже при изученіи ариѳметики не худо самыя задачи приспособлять къ тѣмъ какія понадобятся на службѣ.

Подготовленный такимъ образомъ унтеръ-офицеръ не будетъ тяготиться службою, будетъ заслуживать уваженія на своемъ мѣстѣ и не будетъ тянуться на другое. Могутъ однако спросить и спрашиваютъ, найдется ли достаточное число желающихъ поступить въ такія школы?

Будутъ или нѣтъ желающіе, это находиться въ зависимости не отъ программъ школы, а отъ служебной постановки унтеръ-офицеровъ и отъ окладовъ ихъ содержанія. Если они останутся въ томъ же положеніи, если унтеръ-офицеръ попрежнему будетъ мало чѣмъ отличенъ отъ рядоваго, то весьма естественно школы налагающія обязанность шестилѣтней службы не представляющей никакихъ выгодъ останутся пусты.

Необходимость поднять значеніе унтеръ-офицеровъ сознается въ арміи давно и не можетъ представить никакихъ препятствій. Что же касается расходовъ на содержаніе унтеръ-офицерскихъъ школъ, то они едва ли могутъ быть значительны, такъ какъ съ учрежденіемъ ихъ окажется возможнымъ сократить расходы на учебныя команды въ полкахъ и на содержаніе такъ-называемаго „образцоваго" (учебнаго) пѣхотнаго баталіона, при значительныхъ размѣрахъ затратъ приносящаго весьма сомнительную пользу арміи. Этотъ баталіонъ существуетъ исключительно въ видахъ поддержанія единообразія въ военномъ обиходѣ и обученіи войскъ, подготовляя „образцы." Одна изъ правильно поставленныхъ унтеръ-офицерскихъ школъ можетъ исполнять то же назначеніе и доставлять арміи дѣйствительно образцовыхъ инструкторовъ.

№ 25.

Москва, 25-го января.

А.

Стихнувшая было въ концѣ прошлаго года агитація противъ бумажныхъ денегъ возобновилась въ наступившемъ году съ особенною настойчивостью. Для обезпеченія себѣ успѣха, двигатели этой агитаціи пустили въ дѣло весь свой боевой арсеналъ. Вновь пошла обычная трескотня громкихъ фразъ о наукѣ и государствен-

номъ благѣ, о бѣдствіяхъ проистекающихъ отъ нынѣшнихъ кредитныхъ билетовъ и золотомъ вѣкѣ имѣющемъ наступить когда мы отъ нихъ избавимся. Пошли наглое искаженіе фактовъ и завѣдомая фальшь въ ихъ истолкованіи, запугиванье публики дороговизной и тонкая лесть предъ лицомъ стоящимъ во главѣ финансоваго управленія для привлеченія ихъ на свою сторону. Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, имѣется въ виду не разъяснить, а затемнить и запутать дѣло, не убѣдить, а уловить въ свои сѣти публику и особенно кого нужно изъ лицъ власть имѣющихъ.

Въ виду подобной агитаціи, считаемъ долгомъ возвратиться къ предмету о которомъ вели рѣчь еще на дняхъ.

Мнимо-чрезмѣрное обиліе ходящихъ въ странѣ денегъ, вотъ пунктъ въ который преимущественно направляетъ свои удары вышеупомянутая агитація. На этой струнѣ наши экономисты постоянно играли и прежде. Но прежде соблюдалось въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое приличіе. Дѣлались попытки доказать что количество денегъ въ странѣ дѣйствительно превышаетъ существующую въ нихъ потребность, указывалось на приливъ въ банки денегъ, на большое превышеніе итоговъ по вкладнымъ операціямъ предъ итогами операціи учетно-ссудной. Проценты по вкладамъ понижались, а вклады все-таки приливали; учетный процентъ понижался, а всѣхъ денегъ изъ банковъ все-таки не разбирали: прямой выводъ что размѣры денежнаго обращенія превышаютъ экономическую потребность. Теперь подобныхъ указаній болѣе не дѣлается, да и дѣлать ихъ въ видахъ агитаціи невозможно. Ссылаться на банковые обороты по вкладной и учетно-ссудной операціямъ значило бы теперь доказывать не изобиліе денегъ, а скорѣе противоположное. Время когда частные банки несли въ Государственный избытки своихъ денежныхъ средствъ, когда поэтому Государственный Банкъ былъ должникомъ частныхъ банковъ на почтенныя суммы въ нѣсколько десятковъ милліоновъ, это время прошло: изъ должника, Государственный Банкъ превратился въ кредитора частныхъ банковъ. Эти банки не только не тяготятся находящеюся въ ихъ распоряженіи денежною наличностью, но напротивъ хлопочутъ объ ея увеличеніи. Процентъ по вкладамъ поднятъ, но вызываемый этимъ подъемомъ приливъ денегъ все-таки не удовлетворяетъ спроса на нихъ предъявляемаго по учетно-ссудной операціи, несмотря на повышеніе учетнаго процента. Такимъ образомъ, та почва на которой наши финансисты единственно могли основывать свои мнимо-убѣдительныя доказательства преизбытка денегъ въ странѣ ускользнула у нихъ изъ-подъ ногъ. Но это ихъ не смутило. Не стало доказательствъ, и не нужно ихъ; будемъ только кричать громче и чаще: денегъ у насъ много, много, слишкомъ много...

Вести споръ съ господами надрывающими свои легкія въ этомъ крикѣ значило бы разыгрывать въ лицахъ извѣстную присказку: „нѣтъ стрижена,“ „нѣтъ брита,“ въ спорѣ мужика съ бабой. Но важно чтобы мыслящая публика имѣла въ виду факты на основаніи которыхъ могла бы сама судить, имѣется ли у насъ дѣйствительно этотъ преизбытокъ въ деньгахъ противъ котораго гремятъ наши газетные проповѣдники. На дняхъ мы привели нѣсколько фактовъ свидѣтельствующихъ въ какихъ размѣрахъ увеличилась въ Россіи потребность въ деньгахъ противъ прежняго времени. Торговый оборотъ, по одной внѣшней торговлѣ, въ тридцать лѣтъ увеличился слишкомъ въ *семь разъ* (со 173 милліоновъ въ 1848 году до 1.213 въ 1878); суммы ежегодно поступающія въ казну въ видѣ разныхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и другихъ доходовъ, а равно и ежегодные государственные расходы не удвоились только, а можно сказать утроились; въ подобныхъ же размѣрахъ возросли и разные другіе экономическіе обороты требующіе для своего совершенія перехода денегъ изъ рукъ въ руки; помимо того, масса отправленій экономической жизни обходившихся въ дореформенной Руси безъ посредства денегъ увеличила нынѣ собою сферу отношеній немыслимыхъ безъ постоянныхъ услугъ денежнаго обращенія. Этихъ фактовъ, полагаемъ, болѣе чѣмъ достаточно для убѣжденія что Россія, при нынѣшнемъ размѣрѣ своихъ бюджетныхъ, торговыхъ и иныхъ экономическихъ оборотовъ, не можетъ довольствоваться тою суммой денежныхъ знаковъ какихъ было для нея достаточно въ былое время. Пропорція въ которой возрасли у насъ разные требующіе денегъ обороты много выше той въ которой увеличилось количество обращающихся въ странѣ денегъ. Ни

о какомъ излишествѣ денегъ противъ экономической въ нихъ потребности не должно быть, поэтому, и рѣчи. И если нашей странѣ суждено не коснѣть, а развиваться въ экономическомъ отношеніи, то въ будущемъ ей понадобиться для ежедневныхъ и ежегодныхъ оборотовъ еще бо́льшая чѣмъ теперь масса денегъ. Въ этомъ убѣждаетъ примѣръ другихъ странъ, опередившихъ насъ въ экономическомъ развитіи, гдѣ, несмотря на широкую организацію системы банковъ, распространенныхъ повсемѣстно и своими услугами уменьшающихъ надобность въ наличныхъ деньгахъ, количество обращающихся денегъ, по отношенію къ численности населенія, въ нѣсколько разъ больше чѣмъ у насъ.

Наши финансисты хлопочутъ о возстановленіи размѣна и привлеченіи звонкой монеты на нашъ внутренній рынокъ. Но показывая намъ эту цѣль въ перспективѣ, они рекомендуютъ мѣры нисколько къ ней не приближающія, и стараются дискредитировать тѣ которыя дѣйствительно могли бы привести къ ней.

Правда, звонкая монета стала у насъ почти нумизматическою рѣдкостью. Но что̀ тому причиной? Много было рѣчей о золотомъ дождѣ изливаемомъ Европой на Россію, но на дѣлѣ золотой дождь идетъ въ обратномъ направленіи. Сколько ни заключалось въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій внѣшнихъ металлическихъ займовъ, они не дали Россіи ни золотника серебра и золота. Просмотрите офиціальныя таможенныя свѣдѣнія о провозѣ золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ чрезъ наши границы: что̀ вы увидите? Въ періодъ 1858—1868 годовъ привезено въ Россію золота и серебра всего на 118 милліоновъ рублей съ небольшимъ, а вывезено почти на 290 милліоновъ; въ періодъ 1869—1878 годовъ привезено съ небольшимъ на 102 милліона, вывезено почти на 262. Въ общемъ итогѣ въ 21 годъ утекло изъ Россіи золота и серебра, несмотря на всѣ займы и не принимая въ разчетъ тайнаго вывоза, болѣе чѣмъ на 331 милліоновъ. При такой *постоянной* наклонности золота и серебра уплывать за границу, всякія попытки водворить его въ странѣ, безъ устраненія причинъ вызывающихъ его отливъ, могутъ быть только работою Данаидъ. Это подтверждено опытомъ. Въ 1862 году заняли за границей золота, попробовали открыть размѣнъ; удержалось ли въ странѣ это золото? Нѣтъ, оно немедленно уплыло за границу, и размѣнъ пришлось прекратить. Въ 1876 году пустили въ обращеніе массы золота накопленнаго въ кладовыхъ Государственнаго Банка. Осталось ли оно въ странѣ? Нѣтъ, оно все до послѣдней копѣйки, и еще съ бо́льшимъ придаткомъ ушло за границу въ тотъ же самый 1876 годъ. Эту постоянную наклонность золота уплывать за границу приписываютъ избытку бумажныхъ денегъ: денегъ де слишкомъ много, и экономическая жизнь сама стремится избавиться отъ обременяющаго ее излишка; сбыть за границу массу бумажныхъ денегъ нельзя, онѣ не ходятъ на всемірномъ рынкѣ, а потому и выталкивается серебро и золото. Такъ думали и мы сами до опыта сдѣланнаго въ 1876 году. При избыткѣ ли денегъ въ этомъ году утекла за границу масса золота и серебра на сумму свыше 103 милліоновъ рублей? Нѣтъ, она утекла при крайнемъ недостаткѣ денегъ на потребности внутреннихъ оборотовъ. Этотъ недостатокъ былъ такъ великъ что та самая страна гдѣ безъ труда могутъ быть заключаемы трехсотмилліонные займы, не могла разобрать въ срокъ даже стомилліонный выпускъ банковыхъ билетовъ. Потребность въ деньгахъ для экономическихъ оборотовъ была такъ велика что несмотря на подъемъ учетнаго процента много выше чѣмъ поднимался онъ по случаю паники вызванной извѣстною Струсбергoвскою исторіей, у Государственнаго Банка не достало средствъ для удовлетворенія обращаемыхъ къ нему настоятельныхъ требованій по учетноссудной операціи. Понадобился выпускъ кредитныхъ билетовъ не на военныя надобности, а ради доставленія самому Государственному Банку средствъ для веденія его „коммерческихъ операцій.“ Этотъ фактъ наша печать обходила до сихъ поръ молчаніемъ, и потому онъ вообще мало извѣстенъ. Позволимъ себѣ, поэтому, остановиться на немъ нѣсколько подолѣе.

Такъ-называемые временные выпуски кредитныхъ билетовъ „на подкрѣпленіе кассъ конторъ и отдѣленій Банка“ начались въ октябрѣ 1876 года. Въ этотъ мѣсяцъ было выпущено ихъ на сумму 31.850.000 рублей. Но сколько изъ этой суммы требовалось собственно на нужды Государственнаго Казначейства? Загляните въ балансъ Государственнаго Банка къ

1 ноября 1876, и увидите что текущій долгъ Государственнаго Казначейства Банку равнялся къ этому числу всего съ небольшимъ $2^1/_2$ милліонамъ; вся же остальная сумма, свыше $29^1/_4$ милліоновъ, была поглощена коммерческими операціями Банка.

Въ декабрѣ 1876 года и въ первые три мѣсяца 1877 казна, можно сказать, совсѣмъ не нуждалась въ выпускахъ бумажныхъ денегъ. Хотя и не вполнѣ удавшійся, ноябрьскій внутренній стомилліонный заемъ далъ ей настолько достаточныя средства что вмѣсто „долга Государственнаго Казначейства по текущимъ расходамъ за его счетъ," въ балансахъ Государственнаго Банка вновь появилась отсутствовавшая три мѣсяца рубрика „текущихъ счетовъ разныхъ казенныхъ мѣстъ по Министерству Финансовъ." Банкъ оказывался такимъ образомъ должнымъ казнѣ:

Къ 1 января 1877	9.251.000	руб.
„ 1 февраля „	19 659.000	„
„ 1 марта „	40.755.000	„
„ 1 апрѣля „	35.356 000	„

Имѣя такія суммы на текущемъ счету въ Банкѣ, могла ли нуждаться казна въ выпускахъ бумажныхъ денегъ? А между тѣмъ временные выпуски представляютъ слѣдующія цифры:

Къ 1 января 1877	54.800.000	руб.
„ 1 февраля „	39 250.000	„
„ 1 марта „	38.900.000	„
„ 1 апрѣля „	45.350.000	„

Сложивъ приведенныя цифры, увидимъ что недостаточность нормальныхъ средствъ Государственнаго Банка для веденія его операцій выразилась суммами:

Къ 1 января 1877	64.051.000	руб.
„ 1 февраля „	58 909.000	„
„ 1 марта „	79.655.000	„
„ 1 апрѣля „	80.706.000	„

Думать что указанный недочетъ въ средствахъ былъ лишь результатомъ того что на рукахъ у Банка остались не разошедшіеся при ноябрьской подпискѣ банковые билеты 4-го выпуска нельзя. Весь итогъ принадлежащихъ Банку процентныхъ бумагъ, съ присоединеніемъ „расходовъ Банка, конторъ и отдѣленій" и „разныхъ выдачъ," составлялъ по банковымъ балансамъ всего:

Къ 1 января 1877	21.919.000	руб.
„ 1 февраля „	24.619.000	„
„ 1 марта „	30.574.000	„
„ 1 апрѣля „	34.596.000	„

Да и эти суммы никакъ не могутъ быть отнесены сполна на счетъ оставшихся за Банкомъ билетовъ, уже потому что по тѣмъ же рубрикамъ, еще до начала ноябрьской подписки, уже значились семимилліонныя цифры. Роль банковыхъ билетовъ 4-го выпуска въ балансѣ Банка сводится такимъ образомъ къ 1 апрѣля всего къ какимъ-нибудь 27 милліонамъ рублей, а этой суммѣ очень далеко до вышепоказаннаго восьмидесятимилліоннаго недота въ средствахъ Банка. Всѣ выпуски кредитныхъ билетовъ сдѣланные по 1 апрѣля 1877 года стало быть оказываются сдѣланными не для покрытія военныхъ расходовъ, а единственно для восполненія крайней недостаточности денежнаго обращенія въ странѣ. И что же, эта крайняя недостаточность денегъ удержала ли въ странѣ звонкую монету? Нѣтъ, какъ мы видѣли. Золото ушло за границу, какъ бы ничего этого не бывало.

Стало-быть главная причина постояннаго уплыва золота и серебра за границу не тамъ гдѣ ее указываютъ. Она заключается въ постоянной для насъ невыгодности нашего заграничнаго *разчетнаго* баланса. Намъ постоянно приходится уплачивать за границу много болѣе того сколько иностранцы должны уплачивать намъ, и разницу въ размѣрахъ обоюдныхъ платежей мы должны приплачивать либо золотомъ и серебромъ, либо выдачей на себя иностранцамъ долговыхъ обязательствъ. Пока этотъ разчетный балансъ не будетъ измѣненъ въ нашу пользу, до тѣхъ поръ не прекратится и необходимость постоянныхъ приплатъ съ нашей стороны, то-есть постоянный отливъ отъ насъ золота, а стало-быть до тѣхъ поръ не будетъ у насъ и условій при которыхъ звонкая монета получила бы возможность держаться въ странѣ на ряду съ бумажными деньгами, какъ обращалась въ былое время на ряду съ прежними ассигнаціями.

Еслибы наши агитаторы дѣйствительно добивались улучшенія нашего денежнаго обращенія, они не могли бы, въ виду сказаннаго, не признать что первымъ шагомъ къ открытію размѣна должно быть улучшеніе *разчетнаго* баланса. Но признать это они ни за что не хотятъ. Напротивъ, всѣ ихъ старанія направлены на то чтобъ отвести глаза отъ разчетнаго баланса, чтобы выставить всякія указанія на него не относящимися къ дѣлу. Направленная

противъ нашихъ кредитныхъ билетовъ агитація еще въ большей, если возможно, мѣрѣ направлена противъ всякаго помышленія объ улучшеніи разчетнаго баланса. Въ этихъ видахъ никакая фальшь не считается недозволенною.

Прежде всего дѣлается невинный подмѣнъ *разчетнаго* баланса *торговымъ* балансомъ, подмѣнъ цѣлаго одною изъ его частей. О томъ что въ разчетный балансъ, помимо итоговъ внѣшней отпускной и привозной торговли, входятъ всѣ платежи и по заграничнымъ государственнымъ и частнымъ долгамъ, и по всякимъ государственнымъ и частнымъ заграничнымъ издержкамъ, и по всякимъ переводамъ денегъ и цѣнныхъ бумагъ за границу и обратно, обо всемъ этомъ благоразумно умалчивается.

Затѣмъ дѣлается попытка доказать что балансы для нашего денежнаго обращенія не имѣютъ никакого значенія. Въ этихъ видахъ дѣлается указаніе на 1877 и 1878 годы, въ которые *торговый* балансъ былъ въ нашу пользу: вывозъ превышалъ привозъ въ 1877 на 207, въ 1878 на 12 милліоновъ. Смотрите, восклицаютъ эти господа, съ торжествомъ указывая на эти цифры, вотъ годы съ выгоднымъ балансомъ, а вѣдь въ эти-то именно годы и обнаружилось у насъ самое крупное паденіе вексельныхъ курсовъ, то-есть цѣны бумажныхъ денегъ. Вотъ за тѣмъ 1869—1875 годы; они, и особенно тѣ изъ нихъ которые непосредственно предшествовали восточнымъ замѣшательствамъ, отличаются наихудшими балансами, но вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшими курсами, наибольшимъ постоянствомъ. Послушать такихъ сужденій, такъ пожалуй можно придти ко мнѣнію что для улучшенія нашихъ курсовъ, для поддержанія цѣны нашихъ бумажныхъ денегъ ничто такъ не желательно какъ именно перевѣсъ въ нашемъ торговомъ балансѣ на сторону иностранцевъ!

Ссылаясь на указанные факты, эти господа забыли только прибавить что въ 1877 году, въ самый разгаръ войны, намъ, помимо расплатъ за привозные товары, нужно было оплачивать и заграничныя военныя издержки, и проценты по долгамъ, и другіе заграничные расходы, а итогъ всего этого былъ болѣе тѣхъ 207 милліоновъ на которые отпускъ превысилъ привозъ. Несмотря на это превышеніе, не иностранцы должны были приплатить намъ, по *разчетному* балансу, а мы иностранцамъ. Приплата должна быть сдѣлана звонкою монетой. Этой монеты у насъ мало, она утекала отъ насъ изъ года въ годъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. А тутъ ее вынь да положь. Какъ же ей не вздорожать противъ бумажныхъ денегъ, какъ этимъ послѣднимъ не потерять части своей цѣны? Затѣмъ, въ 1878 году, торговый балансъ показалъ перевѣсъ въ нашу пользу *въ 12 милліоновъ*. Но такой ли цифрой выражаются наши заграничные платежи чтобы подобный перевѣсъ могъ отозваться повышеніемъ курсовъ? По разчетному балансу на нашей сторонѣ былъ не перевѣсъ, а огромный недочетъ, необходимость большой приплаты.

Какой смыслъ имѣютъ затѣмъ указанія на торговые балансы предшествовавшіе военнымъ замѣшательствамъ? Въ 1873—1875 годы привозъ превышалъ отпускъ, послѣслѣдовательно, на 108, на 79, на 149 милліоновъ рублей, а курсъ былъ высокъ. Но припомните что это были годы послѣдовательныхъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ, выпусковъ металлическихъ облигацій Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита и т. д. и т. д. Приплаты иностранцамъ по разчетному балансу покрывались, такимъ образомъ, переходившими въ ихъ руки нашими долговыми обязательствами; въ золотѣ для этихъ приплатъ не было, поэтому, особенной надобности, не было стало-быть и причины къ его вздорожанію предъ бумажными деньгами.

Все это факты извѣстные каждому сколько-нибудь обращающему вниманіе на финансовые и экономическіе вопросы, и никто добросовѣстно относящійся къ этимъ вопросамъ не сочтетъ себя въ правѣ пренебречь подобными крупными фактами. Но чего ожидать отъ людей которые, имѣя предъ глазами цифры, разсуждая объ этихъ цифрахъ, находятъ возможнымъ выступить публично съ такимъ заявленіемъ что у насъ будто бы „съ 1869 года вывозъ все болѣе превышалъ ввозъ; таково общее движеніе торговаго баланса за десять лѣтъ, несмотря на разныя колебанія его изъ года въ годъ?“

Это говорится о десятилѣтіи въ которомъ, за исключеніемъ послѣднихъ 1877 и 1878 годовъ, преобладала именно крайняя невыгодность торговаго баланса, невыгодность не уменьшавшаяся, а *возра-*

ставшая, о десятилѣтіи, въ которомъ средній годовой недочетъ отпуска сравнительно съ привозомъ составляетъ въ первое трехлѣтіе (1869—1871) 14 милліоновъ, а въ слѣдующее пятилѣтіе (1872 — 1875) свыше 90 милліоновъ!

Сказаннаго достаточно чтобы составить себѣ понятіе о свойствѣ агитаціи съ которою мы имѣемъ дѣло. Стремясь на словахъ ко введенію у насъ металлическаго обращенія и къ возстановленію размѣна, она на дѣлѣ хлопочетъ о томъ чтобы загородить единственный путь которымъ можно и должно идти къ этой цѣли. Вмѣсто этого пути, она настойчиво указываетъ на другой, на путь сокращенія денежнаго обращенія, отнятія у страны тѣхъ денегъ помощію которыхъ, каковы бы онѣ ни были, страна успѣшно совершаетъ всѣ свои возрастающіе обороты,—отнятія безъ замѣны отнятаго чѣмъ бы то ни было. Сознаютъ или не сознаютъ эти господа что этотъ путь, на который они толкаютъ, еслибы страна послушалась ихъ, вексельныхъ курсовъ не исправитъ, звонкой монеты не водворитъ, но создавъ недостатокъ въ деньгахъ необходимыхъ для совершенія купли и продажи и прочихъ экономическихъ и финансовыхъ оборотовъ, сдѣлаетъ иные изъ нихъ совсѣмъ невозможными, породитъ страшный денежный кризисъ со множествомъ банкротствъ, затормозитъ естественный ростъ страны, ляжетъ тяжелымъ гнетомъ на всю экономическую жизнь и надолго нарушитъ установившееся у насъ бюджетное равновѣсіе?

Впрочемъ, нашимъ господамъ, держащимся девиза „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше," можетъ быть именно этого-то и желательно.

Б.

Агентство Вольфа, въ поученіе русской публикѣ, передаетъ выходку *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, которая повидимому очень оживилась съ пріѣздомъ своего знаменитаго патрона, фарнинскаго отшельника, въ Берлинъ. Она громитъ петербургскую газету *Новое Время* за то что та (давно уже) осмѣлилась не то что выдумать, а принять къ свѣдѣнію сообщеніе автора исторіи Польскаго возстанія, г. Берга, который пользовался для своего труда массою документовъ русскихъ и польскихъ,—сообщеніе о переговорахъ, которые будто бы велъ г. фонъ Бисмаркъ съ тогдашними польскими патріотами. Очень вѣроятно что весь этотъ разказъ есть не что иное какъ польская поддѣлка. Но почему же *Новое Время* должно отвѣтствовать за эту поддѣлку, или почему оно обязано изобличать ее не имѣя для того никакихъ матеріаловъ и предупреждая въ этомъ органы князя Бисмарка?

Мы вполнѣ согласны съ *Сѣверо-Германскою Газетой* въ ея негодованіи противъ попытокъ раздражать общественное мнѣніе и національное чувство двухъ сосѣднихъ народовъ, которыхъ правительства издавна находятся въ дружбѣ. Но почему же, виня русскую печать, она ничего не говоритъ о нѣмецкой? Что значатъ выходки русскихъ газетъ, большею частію случайныя и налетныя, въ сравненіи съ дѣйствительно злобными, постоянными, систематическими тенденціями многихъ германскихъ газетъ раздражающихъ общественное мнѣніе Германіи противъ Россіи? Какъ объяснить эту ядовитую, непримиримую вражду, неистощимую во лжи и клеветахъ, какою дышатъ напримѣръ *Кельнская Газета* или аугсбургская *Allgemeine Zeitung*, принадлежащія къ самымъ распространеннымъ и наиболѣе читаемымъ въ Германіи органамъ? Въ той же *Сѣверо-Германской Газетѣ* на дняхъ было напечатано опроверженіе гнусной выдумки о дракѣ между русскими и прусскими офицерами, о чемъ, послѣ официальнаго опроверженія, вновь сочиненъ разказъ въ *Биржевомъ Курьерѣ*. Русскія ли газеты выдумали эту ложь, онѣ распространяли и подтверждали ее?

Странно! Стоитъ ли только русской газетѣ просто привести, даже безо всякихъ возраженій съ своей стороны, какую-либо злобную выходку одной изъ германскихъ газетъ противъ Россіи, какъ уже русскую печать упрекаютъ за распространеніе вражды къ Германіи, а русскую публику за то что она будто бы находитъ удовольствіе во всемъ что питаетъ къ ней эту враждебность. Не куріозно ли это?

Мы искренно желаемъ чтобы между обѣими великими сосѣдними державами продолжалась дружба, на достойныхъ той и другой основаніяхъ. Мы желаемъ чтобы не только политика правительствъ, но и общественное мнѣніе обѣихъ странъ, а стало-быть и печать, были взаимно дружелюбно настроены; но мы полагаемъ что органъ князя Бисмарка поступилъ бы спра-

ведливѣе еслибы со своимъ упрекомъ обратился не къ одной русской печати, но и къ германской, и еще болѣе къ послѣдней чѣмъ къ первой.

№ 26.

Москва, 26-го января.

Открытіе англійскаго парламента въ нынѣшнемъ году совершилось весьма торжественно. Королева благоволила лично открыть послѣднюю предъ общими выборами сессію.

Въ тронной рѣчи, вслѣдъ за стереотипною фразой о дружественныхъ ко всѣмъ державамъ отношеніяхъ, императрица Индійская возвѣстила что послѣ закрытія парламента произошли дѣла такого свойства что сохраненіе мира можетъ считаться вновь обезпеченнымъ. Что же однако случилось послѣ августа прошедшаго года? Произошло какое-то соглашеніе между Австріей и Германіей, надѣлавшее много шуму въ Европѣ; произошла во Франціи правительственная перемѣна которая также произвела впечатлѣніе; наконецъ всѣ начали вооружаться: въ Австріи принятъ военный законъ коимъ удерживается восьмисотъ-тысячный составъ арміи еще на десять лѣтъ, а Германія значительно увеличиваетъ свои боевыя силы. Если тронная рѣчь усматриваетъ въ этихъ событіяхъ новую гарантію европейскаго мира, то пусть будетъ такъ, и мы этому радуемся, но не можемъ не замѣтить это эти безпрерывные толки о новыхъ гарантіяхъ мира болѣе колеблютъ нежели укрѣпляютъ увѣренность въ его прочности. Тотчасъ за фразой объ обезпеченіи мира, тронная рѣчь присовокупляетъ что „многое остается еще сдѣлать чтобъ исправить неурядицу причиненную войной во многихъ частяхъ Турецкой имперіи.“ Для этого вѣроятно нужно было и какіе-то „принципы установить.“ Это напоминаетъ намъ что и баронъ Гаймерле, въ австрійской делегаціи, недавно заявлялъ что дипломаты Берлинскаго конгресса и не претендовали радикально рѣшить Восточный вопросъ, а только де намѣтили путь для его дальнѣйшаго развитія. Но если многое еще предстоитъ сдѣлать на дальнѣйшемъ пути который былъ только „намѣченъ“ Берлинскимъ трактатомъ, то что же это за планы которые боятся выглянуть на свѣтъ Божій и осуществленіе коихъ возбуждаетъ тревожный вопросъ о сохраненіи мира?

Относительно внутреннихъ дѣлъ, англійская тронная рѣчь блѣднѣе даже обыкновеннаго. Она упоминаетъ, между прочимъ, о мѣрахъ принятыхъ для облегченія нужды въ Ирландіи, но объ этихъ мѣрахъ и вообще о крайне бѣдственномъ положеніи этой страны уже начались въ нижней палатѣ, по поводу отвѣтнаго адреса, пренія обѣщающія быть весьма продолжительными и интересными

Тронная рѣчь болѣе нежели кратка относительно положенія дѣлъ въ Афганистанѣ, которое въ настоящее время должно особенно интересовать Англичанъ. Нѣтъ сомнѣнія что это предпріятіе почти вовсе утратило популярность въ странѣ и имъ начинаютъ тяготиться, не предвидя скораго и легкаго результата. Королева возвѣщаетъ только что смутное положеніе Афганистана пока еще не дозволяетъ отозвать оттуда войска, выражая въ то же время желаніе чтобъ установились дружескія отношенія къ Афганскому народу и его *вождямъ*. За то нѣсколько болѣе узнаемъ мы объ афганской политикѣ Англіи изъ розданнаго парламенту дипломатическаго сборника и заявленій самого премьера въ палатѣ лордовъ. Кабинету лорда Биконсфильда давно хотѣлось доказать что походъ на Афганистанъ былъ необходимъ чтобы разстроить интриги Россіи. Въ англійской печати мы уже много времени тому назадъ читали намеки будто генераломъ Робертсомъ найдены въ Кабулѣ положительныя доказательства этихъ интригъ. Мы съ любопытствомъ ожидали появленія этихъ доказательствъ, и вотъ въ переданномъ по телеграфу содержаніи *Синей Книги* находимъ депешу генерала Робертса, въ которой онъ указываетъ, какъ на доказательство преступныхъ сношеній Россіи съ Афганистаномъ, на обиліе русской монеты (да ее и въ Англіи больше) и русскихъ товаровъ въ странѣ и на пристрастіе къ русскимъ модамъ между Афганцами. Далѣе генералъ дѣлаетъ слѣдующее глубокомысленное умозаключеніе: открылось что Ширъ-Али дѣлалъ военныя приготовленія всякаго рода, требовавшія большихъ средствъ,—а откуда они могли быть у эмира? Значитъ, Россія была въ заговорѣ противъ Индійской Имперіи!... Лордъ Станлопъ, въ нижней палатѣ, подтвердилъ что

дѣйствительно нѣкоторая русская корреспонденція найдена въ Кабулѣ, но, по зрѣломъ обсужденіи, найдено де не согласнымъ съ государственными интересами обнародовать ее, ни даже намекнуть на ея содержаніе, каковое заявленіе сопровождалось ироническимъ одобреніемъ оппозиціи.

Но вопросъ о русскихъ интригахъ, какъ оправданіе для вмѣшательства Англіи въ Афганистанѣ въ сторону. Лучше спросить что̀ Англія намѣрена дѣлать съ этою страной? На полное присоединеніе ея не рѣшается даже лордъ Биконсфильдъ. Эта мѣра была бы непопулярна въ Англіи, а главное она ослабила бы Индію постояннымъ отвлеченіемъ изъ нея небольшаго числа войскъ и огромными расходами. Не рѣшаются и оставить эту страну въ виду страшной ненависти къ Англіи возбужденной двукратнымъ въ теченіе одного года вторженіемъ. Эмира Якубъ-хана Англичане давно уже увезли въ Индію; а теперь его страну, какъ возвѣстилъ лордъ Биконсфильдъ, предположено раздробить на мелкія части, на отдѣльныя владѣнія, установивъ „разноплеменное управленіе въ Афганистанѣ," причемъ Англичане нѣсколько расширятъ и свою научную границу. Инструкція статсъ-секретаря Индіи лорда Кранбрука къ вице-королю гласитъ что нѣтъ надежды установить въ Афганистанѣ одно правительство которое имѣло бы шансы прочности; за то можно де согласить интересы отдѣльныхъ вождей съ безопасностью Индіи...

Итакъ, интересы Англіи требуютъ для своего обезпеченія чтобы страна гдѣ они замѣшаны была передана многовластію, и неизбѣжнымъ при этомъ междуусобіямъ въ которыхъ должны погибнуть всѣ начатки цивилизаціи, установившіеся въ этой странѣ. Вотъ проклятіе которое вездѣ тяготѣетъ на англійскихъ интересахъ, повсюду сопровождаетъ ихъ гдѣ они ищутъ себѣ обезпеченія. На европейскомъ Востокѣ, Англія ради своихъ интересовъ, выставляя ихъ символомъ цивилизаціи и свободы *all over the world*, поддерживала возмутительнѣйшее рабство, подавляла христіанскія народности, была ихъ злобнымъ и ожесточеннымъ врагомъ и всѣми неправдами отстаивала систему несовмѣстимую ни съ какими понятіями цивилизаціи, справедливости и человѣческой нравственности. Въ Индіи, владычество ея интересовъ, начиная съ Остъ-Индской компаніи по сіе время, ненавистно и губительно. Въ Китаѣ англійскіе интересы отравляютъ опіемъ массы населенія. Теперь въ Афганистанѣ англійскіе интересы ищутъ обезпечить себя разрушеніемъ всѣхъ основъ порядка и гражданскаго быта. Безопасность англійскихъ интересовъ требуетъ предать цѣлую страну взаимной враждѣ мелкихъ князьковъ которыхъ Англичане будтъ подкупать и толкать другъ противъ друга.

Вчера только прочли мы рѣчь одного парламентскаго балагура изъ либеральной партіи г. Коуэна, говорившаго на митингѣ своихъ избирателей въ Ньюкастлѣ. Онъ защищалъ политику Англіи, которая де тысячу лѣтъ стоитъ на стражѣ свободы; хотя многія изъ ея стяжаній пріобрѣтены путями неправыми, однако за нихъ де нужно держаться для счастія всего міра и всячески бороться противъ Россіи, которая въ контрастъ представлялась силой мрачною, давящею міръ и поглотившею уже 50 національностей и не оставляющею даже степи въ покоѣ... Какое гнусное фарисейство!

№ 28.

Москва, 28-го января.

Въ 1866 году, „въ видахъ сокращенія государственныхъ расходовъ," признана была необходимость кореннаго измѣненія нашего устава о пенсіяхъ, и при Министерствѣ Финансовъ учреждена для этого особая коммиссія.

Десять лѣтъ спустя, въ 1876 году, коммиссія эта представила проектъ положенія о пенсіонной кассѣ гражданскаго вѣдомства. Въ основу проектка были положены начала взаимнаго пожизненнаго страхованія, съ пятнадцати-процентнымъ вычетомъ изъ содержанія, причемъ съ лицъ поступившихъ на службу до изданія этого устава удерживалось бы только 9%, а остальное обязывалась вносить въ пенсіонную кассу казна. „Для полученія пенсій требовалась „совокупность трехъ условій пребываніе „на службѣ не менѣе десяти лѣтъ, достиженіе пятидесятилѣтняго возраста и оставленіе государственной службы." Ученые члены коммиссіи, академики В. Я. Буняковскій и К. С. Веселовскій, „высказались „противъ существеннаго измѣненія нынѣ „дѣйствующаго пенсіоннаго устава," на

томъ между прочимъ основаніи что главное начало этого устава, „обезпеченіе государствомъ, въ вознагражденіе заслугъ чиновника, его существованія въ старости „или болѣзни не можетъ быть безъ большихъ неудобствъ замѣнено какимъ-нибудь инымъ началомъ, напримѣръ началомъ взаимнаго страхованія.“ Въ этихъ же видахъ академики признавали необходимымъ „лучше обезпечить пенсіонеровъ „увеличеніемъ размѣровъ пенсій.“

Съ 1876 года до послѣдняго времени, о судьбѣ проектированнаго коммиссіей пенсіоннаго устава на началахъ взаимнаго страхованія было слышно очень мало; однако коммиссія не была закрыта, занятія ея продолжались и были направлены къ обсужденію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ статей пенсіоннаго устава, какъ вдругъ на дняхъ, въ одной изъ петербургскихъ мелкихъ газетъ (*Страна*), появилось извѣстіе что „выработанный пенсіонною коммиссіей, послѣ десятилѣтняго ея существованія проектъ новаго пенсіоннаго устава признанъ министромъ финансовъ *несвоевременнымъ*.“ Газета добавляла что „по слухамъ“ министръ предложилъ коммиссіи „заняться спѣшно“ исправленіемъ недостатковъ существующаго устава, на основаніяхъ указанныхъ министромъ, причемъ предложено, между прочимъ, взамѣнъ двухъ сроковъ выдачи пенсій, за 25 и 35 лѣтъ, принять одинъ *сорокалѣтній*, сокративъ притомъ число должностей дающихъ право на пенсію.

Извѣстіе это и по содержанію, и по изложенію казалось невѣроятнымъ. Трудно было повѣрить чтобы при пересмотрѣ положенія о пенсіяхъ, вмѣсто „лучшаго обезпеченія пенсіонеровъ,“ предложено было лишь затруднить возможность выслуги пенсіи.

День или два спустя, въ другой газетѣ, *Голосъ*, появились болѣе подробныя и опредѣленныя свѣдѣнія объ этой мѣрѣ. Подтверждается что министръ финансовъ съ государственнымъ контролеромъ признали несвоевременнымъ осуществленіе проекта коммиссіи составленнаго въ 1876 году. Въ инструкціи данной коммиссіи министръ финансовъ указалъ „ограничиться исправленіемъ недостатковъ нынѣ дѣйствующаго устава о пенсіяхъ“ и „частными въ немъ „улучшеніями не подвергая устава коренному измѣненію.“ Государственный контролеръ и министръ финансовъ склонились, слѣдовательно, на сторону академиковъ Буняковскаго и Веселовскаго и отвергли представлявшій „большія неудобства“ принципъ взаимнаго страхованія, которымъ коммиссія хотѣла замѣнить начало обезпеченія чиновника государствомъ „въ воздаяніе заслугъ.“ Министръ видимо призналъ и второе соображеніе академиковъ, необходимость увеличить размѣръ пенсій чтобы дѣйствительно обезпечить существованіе. Съ этою цѣлью, въ инструкціи указано что „наименьшій розмѣръ пенсій долженъ „быть опредѣленъ въ суммѣ дающей возможность удовлетворить необходимѣйшимъ потребностямъ жизни, примѣрно „300 рублей въ годъ,“ вмѣсто теперешнихъ десятковъ. Независимо отъ этого, инструкція усматриваетъ необходимость обезпечить семейства лицъ умершихъ на службѣ до выслуги опредѣленнаго числа лѣтъ и предлагаетъ „установить для назначенія „имъ пенсій особые сроки.“

Но озабочиваясь обезпеченіемъ „въ старости и болѣзни“ чиновниковъ „въ вознагражденіе заслугъ,“ министръ находитъ столь же необходимымъ предотвратить обремененіе государственнаго бюджета расходами на пенсіи, достигающими въ настоящее время весьма значительныхъ размѣровъ и все возрастающими. Въ этомъ отношеніи, министръ остается вѣренъ мысли которая пятнадцать лѣтъ назадъ, въ 1866 году, вызвала образованіе коммиссіи для пересмотра пенсіоннаго устава.

Въ самомъ дѣлѣ, и число пенсіонеровъ и расходы на пенсіи растутъ съ замѣчательною быстротой. Въ 1828 году было 26 тысячъ пенсіонеровъ, получавшихъ нѣсколько меньше трехъ милліоновъ. Чрезъ 20 лѣтъ, въ 1848 году, число пенсіонеровъ превосходило 70 тысячъ, а расходъ на нихъ простирается почти до $7\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Въ 1868 году число пенсіонеровъ достигло почти 152 тысячъ, а сумма пенсій $17\frac{1}{2}$ милліоновъ. Въ настоящее же время расходъ на пенсіи достигъ уже 22 милліоновъ, то-есть въ пятьдесятъ лѣтъ увеличился *въ восемь* разъ.

Въ предотвращеніе дальнѣйшаго увеличенія расходовъ на выдачу пенсій, министръ полагаетъ умѣстнымъ, при пересмотрѣ дѣйствующаго пенсіоннаго устава, „взамѣнъ нынѣ существующихъ двухъ сроковъ, дающихъ право на полученіе пенсіи въ полномъ и половинномъ размѣрѣ, „установить *одинъ срокъ примѣрно сорока-*

„*лѣтній*;“ уменьшить число должностей дающихъ право на пенсіи „замѣщая низ„шія должности гражданской службы по найму,“ и наконецъ „ограничить крайнею необходимостью“ число особыхъ пенсіонныхъ уставовъ дающихъ привилегіи служащимъ въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ и мѣстностяхъ.

Мѣры эти, конечно, поведутъ къ сокращенію расходовъ въ будущемъ. Но есть другой, столь же важный въ государственной экономіи вопросъ, — какъ отзовутся онѣ на служебномъ персоналѣ, и увеличеніе срока на выслугу пенсіи не повлечетъ ли за собою развитія какого-либо весьма неудобнаго обычая?

Государственная служба, по штатнымъ окладамъ жалованья и содержанія, представляетъ далеко меньшія выгоды нежели частная; но преимущество состоитъ въ пенсіи. Часто только пенсія и удерживаетъ чиновника на службѣ. Чѣмъ легче условія выслуги пенсіи, тѣмъ меньше можетъ быть содержаніе получаемое на службѣ. Примѣромъ тому можетъ служить Баварія, страна гдѣ служащіе получаютъ наименьшіе въ Германіи оклады, но пользуются болѣе легкими условіями для полученія пенсіи.

Если желательно сократить расходъ на пенсію, то придется увеличить содержаніе; въ противномъ случаѣ придется понизить требованія отъ лицъ ищущихъ мѣстъ въ государственной службѣ чтобъ имѣть возможность удобно и своевременно замѣщать вакантныя должности.

Все это хорошо извѣстно въ остальной Европѣ гдѣ, при значительныхъ срокахъ выслуги полной пенсіи, служащимъ предоставлена возможность получить пенсію въ случаѣ болѣзни гораздо раньше, и почти вездѣ за десять лѣтъ.

Вмѣсто того чтобы торопиться въ вопросѣ такой государственной важности какъ обезпеченіе жизни престарѣлыхъ слугъ государства, вмѣсто того чтобы спѣшно, на скорую руку, въ нѣсколько мѣсяцевъ (къ 1 мая), вершить дѣло которое и въ пятнадцать лѣтъ не могли рѣшить, не удобнѣе ли не торопясь разслѣдовать гдѣ, въ чемъ именно, заключается главная причина быстраго увеличенія числа пенсіонеровъ, нѣтъ ли въ служебныхъ правахъ и преимуществахъ чиновниковъ, въ ихъ содержаніи, чего-либо побуждающаго оставлять службу немедленно по выслугѣ пенсіи, имѣя еще полную возможность заняться частною службой. Фактъ этотъ у всѣхъ на глазахъ. На нашихъ, напримѣръ, желѣзныхъ дорогахъ, въ земскихъ учрежденіяхъ, служитъ не мало пенсіонеровъ, особенно военнаго вѣдомства. Причина этого факта не заключается ли прямо въ опредѣленіи пенсій только по должностямъ и ихъ разрядамъ, безо всякаго увеличенія въ случаѣ если пенсіонеръ остался бы на дальнѣйшую службу; не увеличивается даже и содержаніе его на службѣ. Служить долѣе становится не разчетъ имѣя возможность получить частную службу часто болѣе выгодную. Между тѣмъ, оставайся пенсіонеръ на службѣ, то и при нѣкоторомъ увеличеніи его содержанія расходъ государства былъ бы менѣе теперешняго когда приходится и пенсію платить, и выдавать жалованье преемнику пенсіонера.

Вошло напримѣръ почти въ обычай что бо́льшая часть полковниковъ, выслуживъ пенсію, прямо производятся въ генералы или съ увольненіемъ отъ службы, или съ зачисленіемъ въ запасныя войска. Есть ли надобность въ такой мѣрѣ ведущей лишь къ очисткѣ вакансій и дѣйствительному обремененію государственнаго казначейства? Практично ли, наконецъ, вводить на государственной службѣ какой-то „вольнонаемный трудъ“ безо всякаго обезпеченія будущности, въ то время когда даже въ различныхъ отрасляхъ общественной и частной службы изыскиваются средства для служащихъ. Не лучше ли пересмотрѣть штаты, сократить систему и формы дѣлопроизводства и сдѣлать возможнымъ, какъ это думаютъ теперь въ Баваріи, отправленіе службы меньшимъ числомъ служащихъ?

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ вопросъ о пересмотрѣ пенсіоннаго устава былъ вызванъ необходимостью изысканія „способовъ „къ сокращенію государственныхъ расхо„довъ.“ Въ настоящее время такимъ же точно вопросомъ занята особая *высшая* коммиссія при Комитетѣ Министровъ, успѣвшая найти и указать на нѣкоторые дѣйствительно непроизводительные расходы, въ родѣ содержанія квартиръ въ 70 и 40 комнатъ, для „разныхъ администраторовъ.“ Подобныхъ непроизводительныхъ расходовъ, составляющихъ роскошь въ бюджетѣ, у насъ не мало. Не лучше ли рѣшительнымъ сокращеніемъ именно этихъ расходовъ облегчить бюджетъ чѣмъ затруднять выдачу пенсій за долгую и трудную службу?

№ 29.

Москва, 29-го января.

Князь Бисмаркъ возвратился на дняхъ въ Берлинъ и пріѣздъ его породилъ цѣлый рядъ слуховъ одинъ другому противорѣчащихъ которые доказываютъ только съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ нѣмецкая публика слѣдитъ за каждымъ его шагомъ. Въ наше время желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ князь Бисмаркъ окруженъ удивительною таинственностью. Сельское уединеніе въ которомъ онъ пребываетъ бо́льшую часть года, не переставая оттуда руководить всѣми дѣлами внутренней и иностранной политики Германіи и Пруссіи, не мало способствуетъ никогда неизсякающей легендѣ о князѣ Бисмаркѣ. Императоръ Вильгельмъ, которому князь Бисмаркъ служитъ первенствующимъ совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ государственнаго управленія, не видалъ его съ 22 іюня прошедшаго года, дня отъѣзда императора въ Эмсъ. Коренныя перемѣны совершившіяся съ тѣхъ поръ въ международныхъ отношеніяхъ Германіи, перемѣны о коихъ всѣ говорятъ, между тѣмъ какъ сущность ихъ никому въ точности неизвѣстна, состоялись безъ личнаго совѣщанія между главою государства и его министромъ. Было лишь извѣстно что въ октябрѣ, по возвращеніи князя Бисмарка изъ его „знаменательной“ поѣздки въ Вѣну, замѣститель его, графъ Штольбергъ-Вернигероде, ѣздилъ съ особымъ порученіемъ отъ князя Бисмарка къ императору Вильгельму, находившемуся въ то время въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ завершено было пресловутое соглашеніе съ Австро-Венгріей и, повидимому, не безъ колебаній со стороны императора, такъ какъ въ то время настойчиво поговаривали объ отставкѣ которую требовалъ князь Бисмаркъ въ случаѣ непринятія его предложеній.

Судя по внѣшнимъ фактамъ сопровождавшимъ послѣдній пріѣздъ князя Бисмарка и зорко отмѣченнымъ берлинскою печатью, дѣло и на этотъ разъ не обошлось безъ какихъ-то „фрикцій,“ столь нетерпѣливо переносимыхъ имперскимъ канцлеромъ, хотя берлинская печать тщетно старается придумать что именно могло бы въ настоящее время послужить поводомъ къ разногласію между императоромъ и княземъ Бисмаркомъ,—разногласію улаженному какъ и всѣ прежде бывшія, причемъ на этотъ разъ роль посредника выпала на долю наслѣднаго принца.

Князь Бисмаркъ прибылъ изъ Фарцина въ Берлинъ 27 января. Немедленно посѣтилъ его наслѣдный принцъ, имѣвшій съ нимъ совѣщаніе которое продолжалось нѣсколько часовъ. Въ этотъ самый день назначенъ былъ отдѣздъ наслѣднаго принца въ Пельи (въ Италію), гдѣ проводитъ зиму его супруга съ дѣтьми. Но послѣ свиданія съ княземъ Бисмаркомъ наслѣдный принцъ отсрочилъ свой отъѣздъ. Аудіенція князя Бисмарка у императора состоялась на другой день; затѣмъ наслѣдный принцъ имѣлъ съ нимъ вторичное совѣщаніе и тогда только уѣхалъ. *Магдебургская Газета*, коей корреспонденціи изъ Берлина пользуются авторитетомъ достовѣрности, утверждаетъ что дѣло шло объ устраненіи „канцлерскаго кризиса“ вслѣдствіе навязываемыхъ князю Бисмарку придворными сферами указаній по вопросу соглашенія съ папскою куріей; что императоръ Вильгельмъ возложилъ на наслѣднаго принца соглашеніе съ имперскимъ канцлеромъ, и что послѣдовавшая затѣмъ аудіенція у императора окончилась полнымъ торжествомъ князя Бисмарка. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ папскою куріей наслѣдный принцъ будетъ принимать, согласно сообщенію берлинскихъ газетъ, самое дѣятельное участіе, такъ какъ онъ предполагаетъ въ скоромъ времени посѣтить Римъ, гдѣ будетъ имѣть свиданіе съ Италіянскимъ королемъ, а по всей вѣроятности и съ папой.

Но въ чемъ именно заключаются эти безконечные переговоры съ папскою куріей, какъ далеко они подвинулись и въ какихъ пунктахъ возникло разногласіе по этому предмету между княземъ Бисмаркомъ и придворною сферой,—это и въ Берлинѣ никому изъ публики невѣдомо: ходятъ лишь различныя догадки основанныя на образѣ дѣйствій преемника г. Фалька въ министерствѣ исповѣданій, г. фонъ-Путткаммера. Послѣдній, съ самаго вступленія своего въ должность, при всякомъ удобномъ случаѣ, заявлялъ о своемъ желаніи и готовности отступить отъ системы своего предмѣстника и прекратить „культурную борьбу.“ Либеральныя газеты, для коихъ г. фонъ-Путткаммеръ „бѣльмо на глазу,“ терялись въ догадкахъ о томъ какъ князь Бисмаркъ относится къ преемнику

г. Фалька, дѣйствуетъ ли новый министръ согласно съ канцлеромъ въ духѣ примиренія, или же здѣсь замѣтно вѣяніе тѣхъ сферъ которыя ведутъ борьбу противъ князя Бисмарка, вслѣдствіе чего онъ держится въ постоянномъ отдаленіи отъ двора? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, и отвѣтъ въ *своемъ* смыслѣ, либеральная нѣмецкая печать усмотрѣла въ полемикѣ между римскою газетой *Аврора* и берлинскою *Провинціальною Корреспонденціей*, возникшею по тому поводу что римская газета въ льстивыхъ выраженіяхъ, не скрывающихъ однако внутренней ядовитости замѣчанія, выставила дѣло такимъ образомъ что вопросъ объ окончательномъ примиреніи между католическою церковью и Германскою имперіей находится всецѣло въ рукахъ князя Бисмарка, причемъ высказана была надежда что онъ сумѣетъ возвыситься надъ своими прежними „заблужденіями“ и сдѣлаетъ всѣ необходимыя уступки, такъ какъ церковь въ свою очередь „ни въ чемъ уступать не можетъ“ и вынуждена настаивать на полной отмѣнѣ майскихъ законовъ. На это прусская министерская газета не замедлила отозваться замѣткой породившею много толковъ, ибо въ ней усмотрѣно было указаніе на продолжающуюся борьбу между канцлеромъ и его таинственными противниками при дворѣ, а вмѣстѣ и отреченіе князя Бисмарка отъ солидарности съ г. фонъ-Путткаммеромъ. *Провинціальная Корреспонденція* доказывала что князь Бисмаркъ вовсе не единственное отвѣтственное лицо за всѣ дѣйствія Прусскаго правительства, и что церковныя дѣла относятся преимущественно къ вѣдомству, а стало-быть и къ отвѣтственности министра исповѣданій. Со времени появленія этой замѣтки, національ-либералы подняли голову почуявъ возможность новаго сближенія съ княземъ Бисмаркомъ. Это сближеніе въ настоящее время уже почти совершилось. Партія центра видимо потеряла надежды на удовлетвореніе ожиданій возбужденныхъ или поддержанныхъ г. фонъ-Путткаммеромъ. Любезности послѣдняго, которыя пока не выразились ни въ чемъ существенномъ, и не могли выразиться доколѣ остаются въ силѣ прежніе законы, имѣли цѣну въ глазахъ клерикаловъ лишь насколько въ нихъ усматривался признакъ подготовлявшейся будто бы отмѣны ненавистныхъ имъ майскихъ законовъ. Но тутъ ихъ постигло разочарованіе: князь Бисмаркъ, какъ оказывается, столь же далекъ отъ „путешествія въ Каноссу“ какъ и въ самую горячую пору дѣятельности г. Фалька. Партія центра съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждается что на отмѣну майскихъ законовъ разчитывать нельзя; подъ мягкою перчаткой, надѣтой въ прошедшемъ году, ультрамонтаны вновь почувствовали опять желѣзную руку которая не привыкла разжиматься.

Наканунѣ собранія имперскаго рейхстага, личное вліяніе князя Бисмарка повидимому приведетъ къ новой перетасовкѣ политическихъ партій, коими онъ умѣетъ орудовать какъ никто, переставляя ихъ по своему усмотрѣнію, согласно своимъ видамъ, отнюдь не раскрывая своихъ послѣднихъ цѣлей ни предъ сегодняшними друзьями, ни предъ вчерашними противниками.

Вотъ обстоятельство на которое слѣдуетъ обратить вниманіе и которое сразу переноситъ насъ въ сферу обще-европейской политики: германскій канцлеръ, предпринимая свою борьбу съ католическою церковью, видѣлъ въ ней чуждую силу, входившую внутрь страны и грозившую стать препятствіемъ къ ея полному объединенію. Эта сила грозила Германіи опасностію какъ поддержка партикуляризма внутри ея и какъ союзница ея врага, съ которымъ разчетъ рано или поздно неизбѣженъ. Но вотъ, по волѣ рока, новое правительство французское, искренне республиканское, тоже нашлось вынужденнымъ вступить въ борьбу съ тою же церковію, видя въ ней препятствіе къ своему упроченію, — въ борьбу ожесточенную, стремясь ограничить ея вліяніе, и пуще всего вырвать школу изъ ея рукъ. Школа и у насъ служитъ предметомъ ожесточенной борьбы, свидѣтельствующей какую великую важность имѣетъ это дѣло. Ни одна изъ реформъ нынѣшняго царствованія, даже крестьянская, не подвергалась такимъ яростнымъ и настойчивымъ нападеніямъ, какъ учебная. Но у насъ борьба за школу идетъ не между государствомъ и церковію; у насъ враждебная и церкви и государству сила, погоняя Панургово стадо, пытается вырвать и низшее и высшее образованіе изъ рукъ государства...

Борьба, начавшаяся между республиканскою Франціей и духовенствомъ, измѣняетъ положеніе дѣлъ въ Германіи и развязываетъ руки ея канцлеру. Оттого-

то онъ и не торопится выступать на путь соглашеній съ Римскимъ престоломъ который нашелъ себѣ врага въ его врагѣ. Германская имперія можетъ продолжать свою политику по отношенію къ Римской церкви и поддерживать во всей силѣ майскіе законы, убѣждаясь что католическая партія не будетъ теперь союзницей Франціи и съ этой стороны не грозитъ опасностію для Германіи.

№ 30.

Москва, 30-го января.

Между многими фактами характеризующими нынѣшнее положеніе Европы, нельзя не отмѣтить рѣзко обозначившагося, почти повсемѣстнаго, общаго стремленія къ таможеннымъ реформамъ, къ опредѣленію международныхъ торговыхъ сношеній на иныхъ чѣмъ прежде основаніяхъ. За таможенною реформой въ Германіи имѣетъ послѣдовать таковая же въ Австро-Венгріи, не мало озабоченной нынѣ заключеніемъ новаго торговаго трактата со своимъ сильнымъ сѣвернымъ сосѣдомъ—трактата, имѣющаго быть однимъ изъ многихъ результатовъ поѣздки германскаго канцлера въ Вѣну. Чуть ли еще не въ большей мѣрѣ озабочена та же Австро-Венгрія заключеніемъ торговаго и желѣзнодорожнаго договора со своею слабою, маленькою южною сосѣдкой Сербіей, договора который могъ бы лишить ее всякой экономической самостоятельности. Надо полагать что это хорошо понимаютъ въ Бѣлградѣ; тамъ тоже очень усердно занимаются переговорами о таможенныхъ трактатахъ; два изъ нихъ, съ Италіей и Англіей, уже заключены; другіе, съ Россіей, Швейцаріей и Бельгіей, близки къ утвержденію; только переговоры съ Австро-Венгріей мало подвигаются впередъ, несмотря на поѣздки спеціальныхъ агентовъ изъ Вѣны въ Бѣлградъ и обратно. Одновременно идутъ горячія пренія о пересмотрѣ таможеннаго тарифа во французскомъ парламентѣ, и въ то же время, въ Америкѣ, опредѣленіе принциповъ таможенной политики входитъ въ составъ программъ издаваемыхъ по поводу предстоящихъ президентскихъ выборовъ.

Только у насъ пока о пересмотрѣ таможеннаго тарифа нѣтъ рѣчи. Въ этомъ отношеніи сдѣлано исключеніе для одной только металлической промышленности, въ видахъ поднятія коей учреждена особая коммиссія. Нѣтъ сомнѣнія что наше желѣзное производство со страхомъ и надеждой взираетъ на эту коммиссію, съ нетерпѣніемъ ожидая отъ нея мѣръ которыя оградили бы его отъ подавляющей иностранной конкурренціи. Эта конкурренція все усиливается, наши внутренніе рынки все болѣе и болѣе заполоняются иностранными металлами, какъ свидѣтельствуетъ только что опубликованная вѣдомость о ходѣ нашей внѣшней торговли по 1 декабря 1879 года. Ввозъ разныхъ сортовъ желѣза дошелъ въ прошломъ году до небывало высокихъ цифръ; что же касается привоза чугуна, то онъ растетъ просто въ невѣроятной прогрессіи. Вотъ цифры привоза къ намъ иностраннаго чугуна не въ дѣлѣ:

Съ	1	янв.	по	1	дек.	1872 . . .	1.553.816 пуд.
„	1	„	„	1	„	1873 . . .	1.975 571 „
„	1	„	„	1	„	1874 . . .	2.671.095 „
„	1	„	„	1	„	1875 . . .	3.389.896 „
„	1	„	„	1	„	1876 . . .	2.797.164 „
„	1	„	„	1	„	1877 . . .	2.933.942 „
„	1	„	„	1	„	1878 . . .	6.005.768 „
„	1	„	„	1	„	1879 . . .	10.996.868 „

На какихъ мѣрахъ, въ виду такого положенія дѣлъ, остановится вышеупомянутая коммиссія, пока неизвѣстно. Достовѣрныхъ свѣдѣній о ея рѣшеніяхъ относительно размѣровъ таможеннаго покровительства какое предполагается оказать отечественной желѣзодѣлательной промышленности, пока еще нѣтъ если не считать распространеннаго на дняхъ Международнымъ Телеграфнымъ Агентствомъ извѣстія идущаго изъ неизвѣстныхъ источниковъ. Это телеграфное извѣстіе гласило: „Коммиссія назначенная для пересмотра таможенныхъ пошлинъ на привозные металлы окончила занятія и представила свои соображенія министру финансовъ для внесенія ихъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Размѣры пошлинъ коммиссія опредѣлила слѣдующимъ образомъ: чугунъ безпошлинно; желѣзо сортовое 35 коп. за пудъ; листовое 50 коп. за пудъ, издѣлія изъ чугуна и желѣза и машины — 1 руб. за пудъ и земледѣльческія орудія 30 коп. за пудъ.“ Повѣрить такому извѣстію значило бы допустить со стороны коммиссіи злую иронію относительно русскихъ желѣзныхъ заводчиковъ. Не для того, конечно, назначалась эта коммиссія чтобы,

при чрезмѣрно растущемъ ввозѣ чугуна, снять съ него и ту ничтожную пошлину которою онъ, если не на дѣлѣ то хоть номинально, обложенъ по существующему тарифу, оставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ безо всякаго измѣненія нынѣшнія пошлины на желѣзо!

А между тѣмъ, не одна металлическая промышленность, для своего поддержанія и развитія, нуждается въ пересмотрѣ таможеннаго тарифа. Его требуютъ интересы большей части отраслей отечественнаго производства. Чтобы не далеко ходить, остановимся для примѣра хоть на шерстяномъ производствѣ. Въ томъ ли положеніи находится оно нынѣ въ какомъ было въ эпоху установленія нынѣ дѣйствующаго тарифа? Нѣтъ, тогда шерсть имѣла у насъ преимущественно характеръ статьи отпускной торговли; теперь она сдѣлалась предметомъ торговли привозной. То же и сало.

Общій характеръ нашей внѣшней торговли шерстью тотъ что отпускъ ея сокращается, а привозъ растетъ. Въ періодъ 1857—1868 годовъ, средній годовой отпускъ шерсти выражался цифрой 13.696.000 рублей, при среднемъ годовомъ ввозѣ на сумму всего 4.852.000 р. Въ послѣднемъ же десятилѣтіи (1869—1878) мы видимъ уже обратную пропорцію: средній годовой отпускъ шерсти понизился до 11.090.000 р.; средній годовой привозъ ея болѣе чѣмъ утроился, поднявшись до 15.142.000 рублей. Таковы средніе выводы; взятый же въ отдѣльности, послѣдній годъ сказаннаго десятилѣтія представляетъ цифры изъ коихъ явствуетъ что привозъ къ намъ иностранной шерсти превышаетъ отпускъ ея слишкомъ вдвое. Именно, въ 1878 году

Отпущено шерсти на . . .	11.961.230 р.
Привезено шерсти на . . .	24.487.205 „

Таможенныя свѣдѣнія за одиннадцать мѣсяцевъ прошлаго года (по 1 декабря) показываютъ измѣненіе этой пропорціи еще къ большей невыгодѣ отпуска предъ привозомъ: первый много сократился, второй значительно выросъ сравнительно съ 1878 годомъ. Въ этомъ году, хотя и слишкомъ вдвое меньшій по цѣнѣ (вслѣдствіе преобладанія простой предъ мериносовою шерстью) отпускъ шерсти былъ по крайней мѣрѣ по количеству болѣе привоза. Именно отпускъ доходилъ до 1.160.000 пудовъ, при ввозѣ въ 795½ тысячъ пуд., то-есть превышалъ привозъ слишкомъ на 360 тысячъ пудовъ. Въ теченіе же одиннадцати мѣсяцевъ 1879 года мы видимъ отпускъ шерсти всего въ 893 тысячи пудовъ, а привозъ ея между тѣмъ дошелъ до 912 тысячъ пудовъ, превысивъ отпускъ почти на 20.000 пудовъ.

Въ виду такого положенія дѣлъ, можно конечно утѣшаться несомнѣннымъ развитіемъ у насъ шерстяной фабрикаціи. Усиленный спросъ на шерсть предъявляемый нашими фабрикантами можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ и сокращающагося отпуска, и растущаго привоза шерсти. Но при лицевой сторонѣ дѣла, нельзя упускать изъ виду и изнанку его. Нельзя радоваться тому что наша шерстяная промышленность становится все въ бо́льшую зависимость отъ иностранцевъ относительно необходимаго ей сырья, тогда какъ могла бы сполна довольствоваться отечественнымъ. Если дать этой зависимости усилиться, какой кризисъ пришлось бы переживать нашей шерстяной фабрикаціи въ случаѣ прекращенія привоза иностранной шерсти, напримѣръ, вслѣдствіе войны, всегда возможной, а при современномъ положеніи Европы и весьма вѣроятной?

Однимъ изъ мотивовъ послѣдовавшаго годъ тому назадъ обложенія пошлиной хлопка привозимаго къ намъ чрезъ европейскую границу было выставлено, какъ извѣстно, то соображеніе что эта пошлина послужитъ для нашей хлопчато-бумажной фабрикаціи побужденіемъ замѣнять въ своемъ производствѣ американскій и остъиндскій хлопокъ персидскимъ и бухарскимъ, что̀ должно повести къ уменьшенію зависимости этой фабрикаціи отъ европейскихъ рынковъ. Прекрасно. Но не въ большей ли еще мѣрѣ представляется полезнымъ, въ тѣхъ же видахъ ослабленія зависимости отечественной фабрикаціи отъ иностранцевъ, принять таможенныя мѣры въ пользу своей шерсти? Обложивъ 40-копѣечною пошлиной привозный хлопокъ, слишкомъ непослѣдовательно оставлять вдвое болѣе цѣнное привозное сырье, шерсть, при вдвое болѣе низкой 22-копѣечной пошлинѣ. Нѣтъ никакого основанія оказывать *бухарскимъ* и *персидскимъ* производителямъ хлопка вчетверо большее покровительство чѣмъ *русскимъ* овцеводамъ.

Само собою разумѣется что повышеніе пошлины на шерсть-сырецъ, необходимость коего указывается вышеприведенными фактами и соображеніями, должна сопровож-

даться подъемомъ пошлинъ и на другіе виды привозной шерсти: шерсти крашеной, шерсти искусственной, шерстяной пряжи, а равно и шерстяныхъ издѣлій. Иначе и относительно шерстяной промышленности можетъ повториться то что уже случилось съ хлопчато-бумажною. Пошлина наложенная на хлопокъ, безъ соотвѣтственнаго возвышенія пошлинъ на издѣлія изъ него, легла всею своею тяжестью на отечественныя филатуры и обратилась какъ бы въ премію иностраннымъ филатурамъ, чѣмъ онѣ, конечно, не замедлили воспользоваться. Это наглядно свидѣтельствуется таможенными свѣдѣніями о нашей прошлогодней внѣшней торговлѣ. Привозъ хлопка сократился на 421 тысячу пудовъ; привозъ бумажной пряжи одновременно увеличился на 358 тысячъ пудовъ, то-есть, приблизительно на то количество которое могло быть выдѣлано изъ массы хлопка оказывающейся въ недочетѣ. Эта замѣна привоза хлопка привозомъ пряжи является для нашей обрабатывающей промышленности не малымъ ущербомъ,—въ нѣсколько милліоновъ рублей избавить ее отъ этого ущерба можетъ только пересмотръ таможеннаго тарифа.

№ 31.

Москва, 31-го января.

Вѣнская печать, по крайней мѣрѣ та ея часть которая получаетъ внушенія изъ правительственныхъ сферъ, видимо старается въ послѣднее время представить весьма дружественными взаимныя отношенія между Россіей и Австро-Венгріей. Общее вниманіе обратила на себя помѣщенная на дняхъ во *Fremdenblatt* корреспонденція изъ Петербурга, посвященная новому представителю Россіи при Вѣнскомъ дворѣ, г. Убри. Корреспондентъ вѣнской офиціозной газеты, воздавая похвалу преемнику г. Новикова, указываетъ что на него возложено устранить во взаимныхъ отношеніяхъ между обѣими державами тѣ элементы охлажденія которые сказались въ недавнее время помимо истинныхъ желаній руководящихъ сферъ, издавна проникнутыхъ чувствами искренней дружбы, чему подтвержденіемъ послужило еще недавно посѣщеніе Вѣнскаго двора Наслѣдникомъ Русскаго престола. Это дружественное настроеніе ведетъ де свое начало еще со времени императора Николая, который неоднократно высказывалъ убѣжденіе что интересы Австріи и Россіи въ значительной мѣрѣ совпадаютъ.

Ощутительная перемѣна въ настроеніи вѣнской печати наступила одновременно съ не менѣе рѣзкою перемѣной тона французской вліятельной печати относительно Австріи. Парижская республиканская печать была крайне раздражена извѣстною рѣчью въ австрійской делегаціи барона Гюбнера, который отнесся весьма скептически къ теперешней французской республикѣ, и обсуждая выгодность для Австріи разнаго рода политическихъ комбинацій оцѣнилъ очень низко выгоды союза съ Франціей. Заявленія стараго дипломата были приняты какъ выраженіе не одного лишь личнаго мнѣнія, а какъ взглядъ весьма вліятельной политической, близкой ко двору сферы, и французскіе органы были тѣмъ непріятнѣе поражены этою манифестаціей что она совершенно противорѣчила тому что извѣстно было о настроеніяхъ этой сферы. Особенно рѣзко высказалась по этому поводу противъ Австріи *République Française*, газета занимающая нынѣ первенствующее мѣсто среди французской печати. Органъ г. Гамбетты съ нѣкотораго времени сталъ спешально заниматься дѣлами на Востокѣ, и сужденія этой газеты о положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, представляя полный контрастъ съ тѣмъ что проповѣдывалось тою же и прочими французскими газетами во время войны, проникнуты нынѣ живѣйшею симпатіей къ славянскимъ племенамъ и къ будущности недавно возникшихъ славянскихъ государствъ. Французская газета старается показать что Австро-Венгрія есть самая враждебная для будущности этихъ государствъ сила и предвидитъ жестокую борьбу изъ-за нихъ между Россіей и Австріей. Она находитъ что узы благодарности и соплеменности связущія эти княжества съ Россіей, равно какъ симпатіи коими Россія всегда будетъ пользоваться среди славянскихъ подданныхъ самой Австріи, такъ прочны и глубоки что шансы этой борьбы будутъ для Австріи далеко не равны, и что ихъ не уравновѣситъ даже поддержка ожидаемая Австріей отъ ея теперешняго могущественнаго противника. Все это приводитъ французскую газету къ тому заключенію что путь на который вступила

Австрія, будто бы стремящаяся совершенно устранить Россію на Востокѣ, есть путь исполненный для Габсбургской монархіи великихъ опасностей и роковыхъ послѣдствій въ случаѣ пораженія.

Вѣнская и берлинская печать зорко слѣдитъ за всѣми этими проявленіями худо скрываемыхъ волненій овладѣвшихъ французскими политическими сферами въ виду новыхъ политическихъ комбинацій, дѣятельно готовящихся въ настоящее время, но очевидно еще не созрѣвшихъ. Не трудно угадать куда клонятся всѣ эти политическія выкладки съ такимъ рвеніемъ разрабатываемыя французскою печатью.

Агентство Вольфа служитъ не просто телеграфнымъ агентствомъ разсылающимъ извѣстія, но какъ бы трубою разносящею направо и налѣво замѣчанія и выговоры. Сегодня сдѣлано замѣчаніе по адресу французской печати, которая толкуетъ де въ воинственномъ смыслѣ оборонительныя мѣры принимаемыя Германіей въ виду возрастающихъ боевыхъ силъ у своихъ сосѣдей, хотя по правдѣ сказать французская печать (какъ и русская) не дѣлаетъ этихъ мѣръ предметомъ усиленной агитаціи, какъ это было недавно въ Австріи и Германіи по поводу вымышленныхъ, какъ разъ противоположныхъ истинѣ, слуховъ, о „русскихъ вооруженіяхъ.“ Германскій военный законъ, увеличивающій, согласно вычисленію приводимому въ самихъ берлинскихъ газетахъ, общую численность боевой силы Германіи съ 2.500.000 до 3.100.000, нынѣ уже одобренъ Союзнымъ Совѣтомъ и не замедлитъ получить утвержденіе и Рейхстага.

Австрійскій военный законъ, обезпечивающій неизмѣнность его на десять лѣтъ впередъ, уже вступилъ въ силу. Въ то же время на дняхъ только поднятъ вопросъ о необходимости расширить австро-венгерскія укрѣпленія и въ особенности о превращеніи въ крѣпость самой столицы Габсбургской монархіи, для чего предполагается окружить ее цѣпью фортовъ на подобіе тѣмъ какими огражденъ со всѣхъ сторонъ Парижъ. Слухъ этотъ, пущенный *Пештскимъ Ллойдомъ*, съ особенною настойчивостью поддерживается „свѣдущими“ корреспондентами изъ Вѣны и Пешта берлинскихъ газетъ, причемъ мысль эта отнюдь не подвергается порицанію и невызываетъ никакихъ алармистскихъ возгласовъ, хотя, въ числѣ прочихъ объясненій, необходимость укрѣпленія Вѣны мотивируется и тѣмъ что „Австро-Венгрія не можетъ не принять къ свѣдѣнію возрастающую боевую силу Германіи.“

Въ свою очередь, мы также отнюдь не съ тою цѣлью указываемъ на эти факты чтобы почерпнуть въ нихъ поводы къ какимъ-либо опасеніямъ. Мы только желаемъ указать на искусственныя тревоги нѣкоторыхъ органовъ иностранной печати, когда они сами выдумавъ „русскія вооруженія,“ ударили въ набатъ.

Много есть основаній предположить что мирныя заявленія, коими сопровождаются указанныя военныя приготовленія, соотвѣтствуютъ вполнѣ положенію дѣлъ. *Національная Газета*, какъ сообщаетъ сегодня берлинское агентство, насчитала до семи разъ повторенное слово *миръ* и *мирный* въ тронной рѣчи открывшей сессію Рейхстага. Если и вѣрно то что мысль объ укрѣпленіи Вѣны возникла вслѣдствіе усиленія военныхъ средствъ Германіи, то и это вовсе не можетъ служить указаніемъ на непрочность того сближенія которое установилось между обѣими державами. Чѣмъ менѣе союзы между государствами зависятъ отъ взаимнаго добраго расположенія и чѣмъ болѣе зиждутся на равенствѣ силъ, тѣмъ они прочнѣе.

№ 32.

Москва, 1-го февраля.

А.

Привѣтствуемъ Его Высочество князя Болгарскаго въ Москвѣ хранящей священные завѣты и преданія нашей исторіи, въ Кремлѣ, гдѣ Царемъ-Освободителемъ сказано было мощное слово рѣшившее судьбу Болгаріи. Дай Богъ князю Александру I успѣха во всемъ и счастія его народу! Дай Богъ чтобы призванный къ жизни народъ Болгарскій и его князь были нераздѣльны во всемъ, и чтобы никогда между ними не возникалъ вопросъ о *моемъ и твоемъ!* Въ ихъ единеніи вѣрнѣйшій залогъ будущаго страны. Этимъ единеніемъ всего вѣрнѣе будетъ обезпечена самостоятельность ея развитія и ея связь съ единовѣрною и единокровною Россіей...

Какъ жаль что Россія не удовольствовалась избавленіемъ Болгаріи, а взяла на

себя задачу устраивать освобожденную страну по чужому шаблону. Ничего слишкомъ, говорилъ мудрецъ древности. Прибавить къ дѣлу что-нибудь лишнее часто значитъ умалить его цѣну, даже испортить и совсѣмъ погубить его. Освободить родственное и единовѣрное племя на Востокѣ отданное Богомъ подъ защиту Россіи, вступиться за поруганное человѣчество, спасти столько людей обреченныхъ на гибель такъ-называемою цивилизованною Европой, это было дѣломъ по истинѣ святымъ, соотвѣтственнымъ величію Россіи и христіанскому духу ея народа. Но сочинять учрежденія для страны едва освобожденной, это дѣло вообще сомнительнаго свойства, и намъ неподручное. За успѣхъ перваго ручалось могущество Россіи, ея историческое призваніе и духъ ея народа, а за вторую задачу чѣмъ могли мы взяться? Нашею либеральною интеллигенціей, тѣмъ что есть у насъ наименѣе годнаго и что чуждо историческаго духа Россіи. Что могла бы и что должна была дать Россія освобожденной ею Болгаріи? Сильную, свободную и безспорную власть. Вотъ великое благо въ которомъ нуждаются эти населенія, пребывавшія четыре вѣка подъ тяжкимъ игомъ и лишенныя всякой гражданской организаціи. Прежде всего требовалось установить власть которая возвышалась бы надъ всѣми партіями. Требовалось дать новоосвобожденной странѣ вооруженную силу и призвать народъ къ выбору князя, а затѣмъ предоставить имъ самимъ устроиться въ послѣдствіи. Мы создали войско, но прежде чѣмъ дали ему вождя, а странѣ правителя, сочли нужнымъ писать для ней конституцію... Вслѣдъ за великимъ и грознымъ подвигомъ освобожденія, страна еще не остывшая отъ борьбы, еще не омывшаяся отъ крови, становилась театромъ фарса который былъ бы также забавенъ какъ турецкій парламентъ 1876 года еслибъ онъ не грозилъ бѣдной Болгаріи послѣдствіями слишкомъ жестокими, еслибъ онъ не вносилъ начала смуты и шатанія въ эту страну, которая болѣе всего нуждается въ спокойствіи подъ охраной сильной власти...

Да поможетъ Богъ властителю Болгаріи, уже успѣвшему стяжать себѣ народную любовь, устроить все въ своей странѣ согласно съ благомъ народнымъ обезпечить въ ней всѣ законные интересы, оградить личную свободу и общественный порядокъ, сохранить ее въ Славянствѣ и въ союзѣ съ Россіей, и предотвратить всякое пагубное многовластіе...

Οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιραίη...

Б.

Даемъ мѣсто интересной замѣткѣ Армейца о снабженіи офицеровъ нашей кавалеріи лошадьми и о выборѣ сорта послѣднихъ.

Вопросъ о снабженіи офицеровъ нашей кавалеріи хорошими лошадьми обсуждается уже много лѣтъ, но и до сихъ поръ не подвинулся ни на шагъ впередъ. Какъ и прежде, наши офицеры покупаютъ лошадей на свои средства, какъ и прежде покупаютъ лошадей какихъ придется, лишь бы по фигурѣ, росту, отчасти и масти подходили онѣ къ обычнымъ требованіямъ отъ офицерской лошади.

Всѣ понимаютъ какъ важно чтобы кавалерійскій офицеръ сидѣлъ на хорошей походной и боевой лошади, но между спеціалистами тянется споръ о породѣ лошадей, споръ который можетъ быть всего болѣе препятствуетъ правильному разрѣшенію вопроса. Одни совѣтуютъ покупать кровныхъ заводскихъ коней, другіе степныхъ.

Авторъ замѣтки принадлежитъ къ числу опытныхъ офицеровъ. Онъ совершилъ съ отличіемъ походъ за Балканы и притомъ въ чинахъ не малыхъ. Болѣе чѣмъ кто другой онъ можетъ быть судьею въ вопросѣ, какія лошади нужны нашимъ офицерамъ. Долгая служба ставитъ его въ возможность близко знать средства какими располагаютъ наши кавалерійскіе офицеры.

Средства эти весьма ограниченны, и затрата трехсотъ рублей для офицера дѣло весьма серіозное. Между тѣмъ, при существующемъ порядкѣ покупки офицерами лошадей, дѣйствительно добрая лошадь обходится часто далеко дороже. Заплативъ дорого, офицеръ вынужденъ усиленно беречь свою лошадь, ѣздить на ней меньше чѣмъ нужно и желательно, особенно въ суровое время года и по трудной дорогѣ. А это не остается безъ вреднаго вліянія и на служебныя занятія офицеровъ, а пожалуй и войскъ.

Между тѣмъ, при настоящихъ боевыхъ требованіяхъ отъ кавалеріи болѣе нежели важно чтобы въ мирное время лошадей не

холили, чтобъ офицеры болѣе ѣздили на нихъ въ полѣ упражняясь въ тѣхъ трудныхъ обязанностяхъ кои падаютъ на долю кавалерійскаго офицера въ военное время. Кавалерія должна маскировать стратегическія движенія арміи, она должна обнаруживать своевременно намѣренія и дѣйствія противника, оставаясь цѣлыми днями на конѣ, дѣлая дальніе разъѣзды и набѣги. На полѣ сраженія, въ настоящее время кавалерійской части придется располагаться далѣе отъ боевыхъ линій и стало-быть проходить подъ выстрѣлами артиллеріи и пѣхоты бо́льшія чѣмъ прежде разстоянія. Между тѣмъ, скорость огня въ послѣднее время усилилась, и отъ кавалеріи требуется способность проходить очень быстро весьма большія разстоянія. Въ Германіи обращаютъ большое вниманіе на развитіе въ кавалеріи всѣхъ этихъ свойствъ, сознавая что въ будущихъ войнахъ ей суждено играть важную роль, что значеніе ея не умалилось какъ думали было одно время, а напротивъ даже увеличилось.

Германская кавалерія стоитъ на высотѣ своего призванія; но тамъ офицеры не имѣютъ ни нужды, ни повода жалѣть лошадей.

Совершенно справедливо желать чтобъ офицеры сидѣли на такихъ же выносливыхъ лошадяхъ на какихъ сидитъ весь полкъ въ которомъ они служатъ; точно также не только желательно, но и положительно необходимо чтобы лошади офицеровъ, по своимъ качествамъ, были выше солдатскихъ. Но для этого, какъ полагаетъ *Армеецъ*, необходимо дать офицерамъ возможность *добывать* такихъ лошадей безъ хлопотъ и лишнихъ затратъ. Авторъ хочетъ чтобъ офицеру было гдѣ купить лошадь. Но въ этомъ ли только дѣло? Армеецъ очевидно останавливается предъ болѣе широкимъ, но кажущимся пока нерѣшимымъ вопросомъ о снабженіи офицеровъ кавалеріи казенными лошадьми.

Вопросъ этотъ далеко важнѣе нежели можетъ казаться съ перваго взгляда. Необходимость имѣть свою лошадь съ приборомъ и дорогой сравнительно мундиръ служатъ причиною того что служба въ кавалеріи для людей безъ собственныхъ и довольно приличныхъ средствъ становится невозможною. Это ограничиваетъ размѣры тѣхъ источниковъ изъ которыхъ комплектуется офицерами наша кавалерія и понижаетъ уровень и образованіе офицеровъ и уровень требованій. Дѣйствительно, по закону вольноопредѣляющійся въ кавалерію долженъ содержать себя на свой счетъ и представить надлежащее удостовѣреніе въ этомъ. Въ наше кавалерійское среднеучебное заведеніе могутъ попадать на казенный счетъ только весьма немногіе, остальные же должны содержаться въ училищѣ два года на свой счетъ и сверхъ того представить нѣкоторое матеріальное обезпеченіе своей состоятельности, по крайней мѣрѣ на первое время службы.

При такихъ условіяхъ поднять требованіе военнаго образованія кавалерійскаго офицера весьма затруднительно. Между тѣмъ, въ нашей военной литературѣ едва ли не каждый день толкуется о необходимости поднятія этого уровня и заявляется что̀ „въ настоящее время кавалерійскому „офицеру военное образованіе нужнѣе не„жели всякому другому.“ И дѣйствительно. Если офицеры пѣхоты, напримѣръ, могутъ довольствоваться лишь тактическими знаніями, особенно въ младшихъ чинахъ, то кавалеристу необходимо знакомство со стратегіей чтобъ ясно сознавать что̀ слѣдуетъ высмотрѣть, какъ смотрѣть и гдѣ чего искать.

Иное дѣло еслибы наши кавалерійскіе офицеры получали лошадей отъ казны. Необходимость имѣть свои средства для службы была бы устранена, и приливъ желающихъ служить сталъ бы значительнѣе.

Расходъ на пріобрѣтеніе лошадей для кавалерійскихъ офицеровъ не можетъ быть такъ великъ чтобы пересиливать всѣ другія, болѣе важныя, соображенія. Содержаніе же этихъ лошадей по 5—6 на эскадронъ не можетъ быть обременительно, тѣмъ болѣе что въ мирное время есть полная возможность въ той же мѣрѣ уменьшить комплектъ лошадей солдатскихъ.

№ 35.

Москва, 4-го февраля.

На дняхъ, въ № 30 *Московскихъ Вѣдомостей*, мы обратили вниманіе читателей на бросающійся въ глаза контрастъ между повсемѣстнымъ стремленіемъ къ таможеннымъ реформамъ и болѣе чѣмъ холоднымъ отношеніемъ къ этому дѣлу у насъ въ Россіи. Разныя государства, одно за другимъ,

подвергаютъ критикѣ законы коимъ донынѣ подчинялись ихъ международныя торговыя сношенія, провѣряютъ насколько эти законы соотвѣтствуютъ измѣнившимся условіямъ, спѣшатъ передѣлать ихъ сообразно государственнымъ интересамъ. Ни о чемъ подобномъ у насъ и не слышно, какъ будто бы обстоятельства не требовали никакихъ измѣненій въ нашихъ тарифахъ, какъ будто бы наше таможенное законодательство было идеальнымъ совершенствомъ.

Хороша или дурна была та экономическая политика которая выразилась въ дѣйствующихъ у насъ понынѣ тарифныхъ нормахъ, въ какой мѣрѣ эти нормы, въ эпоху ихъ установленія, были приноровлены къ дѣйствительнымъ условіямъ и интересамъ нашей страны, это вопросъ котораго мы теперь не касаемся. Допустимъ что нашъ тарифъ, въ то время когда былъ изданъ, былъ именно такимъ какого требовали обстоятельства. Но удовлетворителенъ ли онъ съ точки зрѣнія нынѣшняго положенія страны? Въ прежнихъ ли экономическихъ условіяхъ находится Россія, тѣмъ ли именно она богата теперь чѣмъ была богата въ былое время, тѣми ли продуктами расплачивается она нынѣ съ Европой за привозимые оттуда товары какими расплачивалась прежде, сохранилась ли прежняя пропорція, съ одной стороны, между статьями отпуска, съ другой, между статьями привоза?

Характеристическій отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ даетъ, между прочимъ, исторія нашей внѣшней торговли саломъ. Была пора, и еще на памяти живущихъ нынѣ людей, когда сало было самою главною статьей русскаго отпуска, когда отпускъ сала превышалъ даже отпускъ хлѣба, игравшаго въ нашей отпускной торговлѣ лишь вторую роль. Смотря на нынѣшній ходъ дѣлъ, этому, конечно, трудно даже повѣрить. А между тѣмъ вотъ среднія цифры годоваго вывоза сала и хлѣба (въ рубляхъ серебромъ) по пятилѣтіямъ начиная съ 1824 года: *)

	Сала на	Хлѣба на
1824—1828	9.760.420 р.	5.212.840 р.
1829—1833	12.139.400 „	12.882.020 „
1834—1838	13.528.660 „	7.453.780 „
1939—1843	13.847.260 „	14.385.440 „

*) См. *Сборникъ Статистическихъ Свѣдѣній о Россіи издаваемый Статистическимъ отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, кн. I., статью М. Заблоцкаго: „Сравнительное состояніе внѣшней торговли Россіи за послѣднія 25 лѣтъ (1824—1848).

Въ слѣдующіе періоды времени, подобнаго отношенія между отпусками хлѣба и сала болѣе уже не повторялось: хлѣбъ навсегда занялъ первое мѣсто въ нашей отпускной торговлѣ. Тѣмъ не менѣе, сало долго не переставало играть въ ней видную роль. Въ первое пятилѣтіе послѣ Крымской войны, годовой отпускъ сала еще выражался цифрами не только въ 14, но и въ 18 милліоновъ рублей; затѣмъ онъ сталъ понемногу падать, но все же въ среднемъ выводѣ за двѣнадцать лѣтъ (1857—1868) годовой отпускъ сала простирался свыше 12.360.500 рублей. Рѣшительный же упадокъ отпускной торговли саломъ относится лишь къ послѣднему десятилѣтію (1869 — 1878), въ которомъ средній годовой вывозъ сала понизился до цифры 4.373.800 рублей.

Но отъ сокращенія размѣровъ заграничной торговли русскимъ саломъ до превращенія сала въ предметъ привоза въ Россію, казалось, все еще было очень далеко. Сало, правда, нѣсколько лѣтъ уже значилось въ статьяхъ привоза, но цифры которыми этотъ привозъ опредѣлялся были такъ ничтожны сравнительно съ цифрами отпуска *) что на нихъ можно было не обращать вниманія, подобно тому какъ не обращается вниманія на цифры ежегоднаго привоза въ Россію изъ-за границы пшеницы, ржи, овса, ячменя и т. п. Таможенныя свѣдѣнія за минувшій годъ заявили до сихъ поръ еще неслыханный у насъ фактъ: отпускъ русскаго сала за границу въ одиннадцать мѣсяцевъ по 1 декабря выразился цифрой всего 348.530 пуд.; въ тѣ же одиннадцать мѣсяцевъ привозъ сала изъ-за границы достигъ 432.902 пудовъ. Привозъ сала превысилъ отпускъ на 94.000 пудовъ! Изъ статьи отпуска сало сдѣлалось видною статьей привоза. Кто въ прежнее время могъ бы ожидать этого?

О подобной же метаморфозѣ изъ пред-

*) Вотъ цифры привоза и отпуска сала въ послѣдніе годы:

	Привезено:	Отпущено:
Въ 1872	39.583 пуд.	655.548 пуд.
„ 1873	84.880 „	784.922 „
„ 1874	140.964 „	544.690 „
„ 1875	228.170 „	411.585 „
„ 1876	44.247 „	666.407 „
„ 1877	7.268 „	1.110.729 „
„ 1878	11.583 „	619.301 „

мета вывоза въ предметъ привоза случившейся съ шерстью мы достаточно говорили въ вышеупомянутомъ № 30 *Московскихъ Вѣдомостей*. Но не съ одними только названными продуктами совершается эта метаморфоза. Весь характеръ нашей отпускной торговли совершенно не тотъ что былъ прежде. Нашъ отпускъ все болѣе и болѣе спеціализуется. Изъ поставщиковъ разнообразныхъ товаровъ на европейскіе рынки мы все болѣе превращаемся въ поставщиковъ лишь немногихъ продуктовъ, главнымъ образомъ хлѣба, льна и лѣса, преимущественно же хлѣба. Всѣ прочіе продукты разныхъ отраслей русскаго хозяйства не имѣютъ нынѣ въ нашемъ отпускѣ не только того значенія какое принадлежало имъ пятьдесятъ, сорокъ, тридцать, даже двадцать лѣтъ тому назадъ, но и того которое оставалось еще за ними въ годы предшествовавшіе изданію таможеннаго тарифа. Въ общей цѣнности нашего отпуска, въ 1828 году на долю хлѣба приходилось лишь $8^1/_3\%$, чрезъ десять лѣтъ, въ 1838 съ небольшимъ 18%, еще чрезъ десять лѣтъ, въ 1848 году $28^3/_4\%$; вся остальная сумма распредѣлялась между другими отпускными товарами. Въ двѣнадцатилѣтній періодъ предшествовавшій изданію послѣдняго тарифа (1857—1868 годы) на долю хлѣба приходилось, среднимъ числомъ, 37% изъ общей цѣны отпуска. Въ слѣдующія же десять лѣтъ (1869—1878) отпускъ хлѣба превысилъ отпускъ всѣхъ прочихъ нашихъ товаровъ вмѣстѣ взятыхъ; а въ одномъ 1878 году, въ отдѣльности, цѣнность вывезеннаго хлѣба составляла уже болѣе трехъ пятыхъ всего отпуска (болѣе $61,_4\%$), такъ что на долю всѣхъ прочихъ товаровъ оставалось едва $38^1/_2\%$. Разумно ли, при столь радикально измѣнившихся условіяхъ, оставаться при прежней экономической политикѣ, которая можетъ быть и была хороша въ свое время?

Можно, конечно, только радоваться тому что нашъ хлѣбъ, несмотря на сильную американскую конкурренцію, имѣетъ хорошій сбытъ за границу. Но, между прочимъ, въ виду этой конкурренціи, нельзя не видѣть и слабой стороны нашего отпуска именно въ исключительномъ преобладаніи въ немъ только одного продукта. Размѣры сбыта хлѣба, болѣе чѣмъ всякаго другаго товара, подвержены разнымъ случайностямъ урожая и неурожая у насъ и въ странахъ нуждающихся въ привозномъ хлѣбѣ, и для государства было бы выгоднѣе чтобы въ сбываемыхъ за границу избыткахъ производства играли должную роль и другіе продукты, менѣе зависящіе отъ такихъ случайностей. Хорошо что развивается наше земледѣліе, но не хорошо что отстаютъ отъ него другія отрасли хозяйства, и еще хуже что нѣкоторыя изъ этихъ отраслей не только не развиваются, а падаютъ. Въ Россіи, при неизмѣримости ея пространства и разнообразіи естественныхъ условій, имѣется достаточно простора для развитія, на ряду съ земледѣліемъ, и скотоводства, и каменноугольной, и горнозаводской, и обрабатывающей промышленности. Такъ, напримѣръ, наше мериносовое овцеводство пришло въ упадокъ, а между тѣмъ нѣтъ причинъ почему бы оно не могло у насъ процвѣтать, не только не въ ущербъ земледѣлію, а еще къ его выгодѣ. Въ послѣднее время у насъ шли нескончаемые толки о губительномъ для земледѣлія хлѣбномъ жучкѣ. Этотъ жучокъ былъ предметомъ многихъ изученій и изысканій; одно изъ наиболѣе обстоятельныхъ изслѣдованій объ его распространеніи сдѣлано профессоромъ Линдеманомъ Какія же данныя раскрыты этимъ изслѣдованіемъ? Вредное вліяніе жучка стоитъ между прочимъ въ зависимости отъ недостаточно старательной обработки земли; небрежность обработки является результатомъ недостатка рукъ для воздѣлыванія всей взятой подъ хлѣбопашество земли, а чрезмѣрное расширеніе запашекъ было, между прочимъ, послѣдствіемъ сокращенія мериносоваго овцеводства; землю, на которой прежде паслись отары овецъ, по необходимости пришлось засѣять чтобъ она не осталась бездоходною.

Между тѣмъ, можно ли сказать чтобы на нашъ таможенный тарифъ не падало укора въ томъ что именно онъ былъ одною изъ причинъ упадка нашего мериносоваго овцеводства, какъ онъ же былъ причиной упадка и нашей металлической промышленности? Не напрасно сѣтовали наши овцеводы на непомѣрно низкую пошлину съ привозной шерсти, прежде чѣмъ приступили къ сокращенію числа своихъ стадъ. Трудно было русскому овцеводству удержаться при условіяхъ покровительства почти вчетверо меньшаго чѣмъ то какое въ прошломъ году признано полезнымъ

оказать *персидскому* и *бухарскому* хлопчато-бумажному производству. При иномъ тарифѣ, были бы иные результаты. Наглядное доказательство тому представляетъ наше свеклосахарное производство между тѣмъ какъ шерсть изъ предмета вывоза превратилась въ предметъ привоза, сахаръ изъ разряда привозныхъ товаровъ перешелъ въ статьи отпуска.

№ 36.

Москва, 5-го февраля.

Писаревъ, испортившій столько головъ между мальчиками и дѣвочками изучавшими его обильныя писанія дома и въ школѣ (въ школѣ тогда господствовала русская словесность), былъ самый искренній изо всѣхъ проповѣдниковъ нигилизма. „Когда взята школа," писалъ онъ въ 1865 году, „тогда побѣда упрочена, *тараканъ „пойманъ*. Взять школу значитъ упрочить „господство своей идеи надъ обществомъ." Онъ надѣялся тогда что само начальство введетъ въ школы „послѣдовательный реализмъ" и дастъ „реальнѣйшія предписанія." Надежды его не сбылись, начальство смѣнилось, послѣдовательный реализмъ не послѣдовалъ. Совершилась реформа нашей школы; самая существенная изо всѣхъ нынѣшняго царствованія послѣ отмѣны крѣпостнаго права. *Тараканъ* не былъ пойманъ, и русская наука была спасена. Но противники реформы, проигравъ бой, не унывали. Они были увѣрены что реформа останется только на бумагѣ, за неимѣніемъ силъ привести ее въ исполненіе. Они ошиблись какъ и крѣпостники которые не вѣрили въ дѣло освобожденія даже послѣ того какъ оно стало закономъ, считая его лишь докучною шуткой которая прекратится оставивъ все въ прежней силѣ. Учебная реформа, ко славѣ Государя и къ чести его министра, не осталась праднымъ словомъ, но дѣйствительно была исполнена. Большія трудности были побѣждены, и основанія дѣла положены твердою, вѣрною и разумною рукой; найдены средства удовлетворить всѣмъ потребностямъ новой школы; все было предусмотрѣно, и заранѣе приняты мѣры чтобы дѣло могло и упрочиться, и плодотворно развиваться. Не только наличныя гимназіи были поставлены въ уровень требованій новаго устава, но безпрерывно открывались новыя, и въ учебныхъ силахъ недостатка не оказалось.

Въ обществѣ никакого ропота не слышалось; люди темные не пускались въ сужденія, а люди просвѣщенные скоро поняли значеніе и пользу совершившейся перемѣны, и мы помнимъ какъ при объѣздѣ министромъ нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ (особенно въ 1875 году) представители земства, дворянства и городовъ благодарили его, въ рѣчахъ умныхъ и запечатлѣнныхъ искренностью, за реформу, дѣйствіе которой почувствовалось уже на первыхъ порахъ. Но чѣмъ вѣрнѣе и лучше шло дѣло, тѣмъ безпокойнѣе становились его противники. Началась агитація, были подожжены страсти которыя резоновъ не слушаютъ и очевидности не видятъ, пущены въ ходъ всѣ средства софизма и лжи. Въ прошломъ году, послѣ покушенія 2 апрѣля, агитація достигла неслыханной дерзости. Самые повидимому несовмѣстимые элементы вступили въ связь и принялись дѣйствовать какъ бы по общей командѣ. Dii superi и dii inferi соединили свои усилія. Цѣлью этихъ усилій было добиться прежде всего удаленія министра народнаго просвѣщенія. Въ газетахъ безпрерывно возобновлялись слухи о выходѣ его въ отставку, и назывались кандидаты на его мѣсто. Агитація распалилась тѣмъ сильнѣе что министръ, по Высочайшему повелѣнію, предпринимаетъ дальнѣйшую необходимую реформу, которая касается университетовъ.

На прошлой недѣлѣ сыпался градъ пуль и ядеръ. Газета *Times*, между прочимъ, принесла намъ подметное посланіе изъ подпольной типографіи отъ какихъ-то русскихъ реалистовъ къ русскому обществу. Этотъ листокъ былъ присланъ кѣмъ-то изъ Москвы берлинскому корреспонденту лондонской газеты, которая нашла интереснымъ отвести этому чудовищному документу два столбца своей мелкой печати и посвятила ему цѣлую передовую статью.

Русскіе реалисты, comme de raison, изрыгаютъ неистовыя ругательства на Русское правительство обвиняя его въ обскурантизмѣ и приглашая общество побить его и все поломать. Правительство, по ихъ увѣренію, задерживаетъ прогрессъ, преслѣдуетъ науку, препятствуетъ просвѣщенію, и въ этихъ видахъ вводитъ классическую систему въ гимназіи. Таинственные просвѣтители на-

ши надѣются смутить этимъ вздоромъ русское общество, какъ будто оно не знаетъ и не помнитъ что въ Россіи власть всегда была единственною силой прогресса, и что только она заботилась о насажденіи науки въ странѣ, что и университы, и гимназіи, и реальныя училища, все это сознано правительственною иниціативой, что косность въ этомъ дѣлѣ всегда оказывалась напротивъ въ обществѣ, что власть прибѣгала то къ принудительнымъ, то къ поощрительнымъ мѣрамъ чтобы привлекать людей къ ученію. Въ Англіи нѣтъ ни одного университета, ни одной „грамматической школы," основанной правительствомъ. Въ Германіи бо́льшая часть гимназій учреждены на средства городскихъ обществъ; да и на правительственныя гимназіи казна выдаетъ лишь часть суммъ необходимыхъ на ихъ содержаніе, остальное же дополняется мѣстными обществами. А у насъ? Въ Москвѣ и Петербургѣ содержится ли хотя бы одна прогимназія на городскія средства?

Всѣ реформы, начиная съ Петра Великаго и кончая нынѣшнимъ освободительнымъ и преобразовательнымъ царствованіемъ, совершались по иниціативѣ свободной верховной власти. Надобно считать русскую публику до безконечности глупою чтобъ обращаться къ ней съ подобною рѣчью. Именно въ томъ-то и состоитъ характеристическое отличіе прогресса въ Россіи что онъ совершался исключительно самодержавною властію.

Лондоская газета не могла, еслибъ и хотѣла, сочувственно отозваться о мнѣніяхъ высказанныхъ „русскими реалистами." Въ Англіи, промышленной, торговой, реалистической Англіи, нѣтъ другихъ учебныхъ заведеній кромѣ классическихъ, и никакихъ реальныхъ училищъ не существуетъ. Англійская газета даже не понимаетъ что̀ это за люди, русскіе реалисты, и называютъ ихъ студентами-реалистами. Но минуя ихъ жалобы какъ нелѣпыя, *Times* дѣлаетъ куріозное замѣчаніе: если де реалистамъ-студентамъ душенъ спертый въ ихъ аудиторіяхъ и въ ихъ читальныхъ комнатахъ воздухъ, то въ этомъ виновато не одно правительство, но и климатъ, а потому пусть де они попробуютъ, не приглашая публику ко всеобщей ломкѣ, просто-напросто открыть окно, чему въ лѣтніе мѣсяцы, со стороны климата, препятствій не должно представиться. *Times* заключаетъ этимъ таинственнымъ намекомъ свою статью, въ которой между прочимъ сердобольно указываетъ на безвыходное положеніе Россіи. Ея правительство, по дикости ея народа, не можетъ де сразу поставить ее въ уровень съ цивилизованными странами Европы, а между тѣмъ телеграфы, газеты, безпрерывныя сношенія съ заграничнымъ міромъ, раздражаютъ интеллигентные классы русскаго общества, наводя ихъ на сравненіе своего съ чужеземнымъ и вотъ де возникаетъ вопросъ почему Россія не похожа на другія европейскія государства... Да, надо правду сказать, такой вопросъ возникаетъ, и наша интеллигенція (мы говоримъ о массахъ, не объ отдѣльныхъ людяхъ, не объ исключеніяхъ) ничего иного не желаетъ какъ походить на другихъ. Но истинное зло Россіи именно и заключается въ той гнилой части ея интеллигенціи которая стыдится своей страны и чуждается своего народа. Эта-то интеллигенція и есть наша язва отъ которой мы должны во что̀ бы то ни стало освободиться; это-то и есть то фальшивое образованіе которымъ мы страдаемъ живя чужимъ умомъ и на все свое смотря чужими глазами.

Недавнія событія послужили пробой народовъ. Русскому ли народу послѣ этого испытанія отрекаться отъ себя, другимъ ли привозиться надъ нимъ?

Въ чемъ намъ завидовать другимъ странамъ? Возьмемъ ли церковь,—мы обладаемъ христіанствомъ въ его неизмѣнномъ со временъ апостольскихъ существѣ; церковь глубоко коренится въ нашей народной жизни; она была творящею силой нашей исторіи; она слилась съ нашею народностью и внесла въ нее самое христіанское въ христіанствѣ начало: духъ милосердія и самоотверженія. Въ другихъ же странахъ церковь ведетъ ожесточенную борьбу съ государствомъ, положительная вѣра изчезла въ массахъ, и религія превратилась въ фарисейскій decorum высшихъ классовъ.

Не въ политическомъ ли отношеніи завидовать намъ другимъ? Но мы имѣемъ то чего теперь у другихъ нѣтъ—безпорную, непотрясенную, нераздѣльную, единую со всѣмъ народомъ государственную власть. Въ этой безусловности власти, въ этой независимости ея и единствѣ съ народомъ заключается величайшее политическое благо. Такую власть нельзя создать искус-

ственно и по произволу гдѣ она не установлена вѣками или гдѣ она однажды сбита съ мѣста. Были въ наши времена сильные люди въ Европѣ, но они не могли при всѣхъ усиліяхъ и геніальности придать своей власти то значеніе какое составляетъ ея сущность въ нашемъ отечествѣ. Завидовать ли другимъ въ томъ что у нихъ это основное начало обезславлено, выброшено на площадь и жадно вырывается другъ у друга толпами? Не парламентаризму ли должны мы завидовать, этому истасканному въ Европѣ шаблону, этой пошлой доктринѣ вездѣ потерявшей кредитъ, которая можетъ быть годна только какъ средство постепеннаго ослабленія власти и перемѣщенія ея изъ рукъ въ другія? Много перемѣнили мы арлекинскихъ костюмовъ, стараясь подражать чужимъ модамъ. Не дай Богъ облечься въ этотъ... Не введи насъ въ искушеніе .. Россія, если ей суждено жить, не можетъ повторять зады чужихъ народовъ. Ея величіе, глубокая особенность ея исторіи и народности, все указываетъ что она есть нѣчто sui generis и должна идти своимъ путемъ.

Въ чемъ же завидовать? Народъ нашъ могучъ и исполненъ жизненныхъ силъ; страна наша велика и обильна... У насъ есть Польша гдѣ народное богатство и довольство растетъ не по днямъ, а по часамъ, и нѣтъ у насъ умирающей съ голоду Ирландіи, нѣтъ заполоненныхъ растовщиками Силезіи и Галиціи, нѣтъ пролетаріата какъ органической болѣзни; нѣтъ такой ужасной нищеты и оморзительнаго огрубенія человѣчества какія гнѣздятся въ другихъ странахъ подъ позолотою цивилизаціи, творящей промышленныя чудеса на свободныя деньги собранныя съ разныхъ концовъ міра политикой обмана, коварства и хищенія.

Чего же не достаетъ намъ? Народу нашему не достаетъ достойной его интеллигенціи. У насъ нѣтъ науки и всего того что отъ ней исходитъ. Наше образованіе, поверхностное и подражательное, не вноситъ свѣта въ нашу жизнь и способно только возмущать ее. Мы лишены своихъ, нами самими выработанныхъ понятій, чтобы видѣть и разумѣть окружающее. Юношеству изъ котораго выходятъ наши государственные дѣятели, наши ученые и учители, не доставало правильнаго и достаточно высокаго умственнаго воспитанія для приготовленія къ высшимъ такъ-называемымъ либеральнымъ профессіямъ, не доставало школы равносильной той гдѣ воспитывается интеллигентная Европа. Эта школа теперь намъ дарована, и ее-то интрига, не гнушающаяся никакихъ коалицій, силится отнять у Россіи. Подъ именемъ какой-то реальной системы, хочетъ она возвратить насъ къ прежнему низкопробному и растлѣвающему воспитанію, которое дѣлало насъ данниками чужой мысли и порождало именно то фальшивое образованіе за которымъ мы дѣйствительно не можемъ не презирать себя и не стыдиться себя при сравненіи съ другими.

Благонамѣренная газета *Голосъ* подкрѣпляетъ санитарными соображеніями свои доводы противъ серіознаго ученія. Статья посвященная сему предмету рисуетъ картинку россійскаго юношества весело бѣгающаго по полямъ вмѣсто того чтобы сидѣть въ душной комнатѣ за книгой. Мораль басни клонится къ тому чтобъ отмѣнить классическую систему, которая заставляетъ дѣтей учиться, чѣмъ де подрываетъ ихъ здоровье или выбрасываетъ ихъ на путь политическихъ убійцъ. Авторъ статьи предупреждаетъ возраженіе, которое вздумало бы сослаться на другія страны Европы, гдѣ дѣти учатся еще серіознѣе и гдѣ школа требуетъ отъ нихъ гораздо болѣе чѣмъ у насъ. Онъ объясняетъ что въ другихъ странахъ климатъ лучше и мягче. Европа однако велика, и климатъ въ ней не одинаковъ, а между тѣмъ въ Германіи какъ во Франціи, въ Швеціи какъ въ Италіи, юношество учится серіозно. Нигдѣ не слышно санитарныхъ жалобъ на хорошее и основательное ученіе. Вездѣ поощряютъ молодежь къ прилежанію; нигдѣ не поощряютъ ее, особенно черезъ газеты, къ лѣности и бунту противъ требованій школы. Да и въ нашемъ отечествѣ климатъ не вездѣ одинаковъ; есть у насъ край не пользующійся особыми привилегіями по крайней мѣрѣ со стороны климата, гдѣ издавна ведется серіозное ученіе и господствуетъ классическая школа. Образованіе въ интеллигентныхъ сферахъ Балтійскаго края стояло всегда безспорно выше чѣмъ въ какой-либо другой части Россійской Имперіи, и не слышно чтобъ оттуда выходили люди съ разстроеннымъ здоровьемъ и чтобы тамошнія гимназіи были разсадниками нигилистовъ.

Чувствительная аргументація благонамѣреннаго *Голоса* противъ серіознаго уче-

нія даже въ Петербургѣ возбудила негодованіе. Даже дипломатическій *Journal de St.-Pétersbourg* вышелъ изъ своей сферы и вмѣшался въ педагогическій вопросъ. Въ немъ появилась чья-то сильная обличительная противъ *Голоса* замѣтка. Но вниманіе наше обращаетъ на себя другая, въ томъ же нумерѣ франко-русской газеты помѣщенная статья, очевидно упавшая въ нее изъ верхнихъ слоевъ атмосферы.

Почетная статья въ *Journal de St.-Pétersbourg* начинается и оканчивается англійскимъ изреченіемъ „men, no measures,"—„люди, а не мѣропріятія." Авторъ, какъ удостовѣряетъ насъ редакція въ почтительныхъ вводныхъ строкахъ, есть другъ юношества, педагогъ, посвятившій ему всю свою жизнь, патріотъ et un admirateur des classiques. Мы охотно вѣримъ всему, но сомнѣваемся чтобъ это таинственное лицо было когда-нибудь педагогомъ или слѣдило за дѣломъ воспитанія.

Статья открывается слѣдующими словами: „Печальныя событія которыхъ страна наша была театромъ въ теченіе минувшаго года снова поставили школьный вопросъ на дневную очередь общественнаго мнѣнія." Другу юношества и патріоту слѣдовало бы выразиться точнѣе и сказать такъ: прискорбныя событія прошлаго года подали поводъ интригѣ снова поднять школьный вопросъ.

Вотъ какъ было дѣло: Чрезъ нѣсколько дней послѣ покушенія 2-го апрѣля, органъ *официозный*, издаваемый въ Петербургѣ, *Agence Générale Russe*, нашелъ возможнымъ привести это покушеніе въ связь съ классическою системой, что и послужило сигналомъ къ батальному огню по всей линіи петербургской печати. Намъ пріятно отдать почтенному quasi-педагогу справедливость въ томъ что онъ не раздѣляетъ мнѣнія о зловредности классической системы, находя что возлагать на нее отвѣтственность за нигилизмъ было бы крайне ошибочно, противно и фактамъ и датамъ. Слава Богу, мы получили такимъ образомъ авторитетное свидѣтельство что классическая система неповинна въ прискорбныхъ событіяхъ прошлаго года. Зло объясняетъ авторъ, началось прежде чѣмъ поднялся споръ между системами классическою и реальною. По его мнѣнію, никакая система не можетъ быть повинна въ развитіи этого зла. Смѣшивать политику съ педагогическими вопросами, говоритъ онъ, значило бы только вносить въ нихъ смуту. Замѣчаніе вѣрное, и интрига которая разыгрываетъ свою политику на вопросахъ школы есть дѣло по истинѣ преступное. Но запретъ смѣшивать политику съ педагогическими вопросами никакъ не можетъ значить чтобы для государства было все равно какая бы система ни господствовала въ узаконенныхъ имъ школахъ, правильная или неправильная, удвлетворительная или неудовлетворительная. Авторъ, какъ „admirateur des classiques," отдаетъ предпочтеніе классической системѣ. „Опытъ десяти вѣковъ, говоритъ онъ, доказалъ превосходство древнихъ языковъ какъ воспитательнаго способа для нѣкоторыхъ классовъ общества, и намъ слѣдуетъ воспользоваться этимъ способомъ." Все это вѣрно; но что значитъ „для нѣкоторыхъ классовъ?" Для какихъ? Классическая школа признается повсюду какъ путь къ университетскому образованію: значитъ ли что къ университетамъ доступъ долженъ быть открытъ только для нѣкоторыхъ сословій, долженствующихъ снабжать насъ и государственными дѣятелями, и учителями, и судьями, и врачами?

Почтенный авторъ, указывая на опытъ десяти вѣковъ, напрасно говоритъ о разныхъ учебныхъ системахъ которыя между собою спорятъ. Спорить можно обо всемъ, и мнѣній можетъ быть безконечное множество. Но на дѣлѣ есть все-таки только одна система ведущая къ университескому образованію по всѣмъ спеціальностямъ. Въ университеты допускаются молодые люди не по сословіямъ, а по степени умственной зрѣлости. Допустить неприготовленныхъ къ занятіямъ наукой, значитъ и уронить это дѣло, и вмѣсто пользы причинить вредъ учащимся, а чрезъ нихъ государству. Мы опять спрашиваемъ можетъ ли государство быть равнодушно къ условіямъ въ какія поставлено дѣло образованія будущихъ слугъ его и просвѣтителей народа? Если допустить что государство можетъ равнодушно относиться къ этому вопросу, то почему не исполнить требованіе тѣхъ студентовъ-реалистовъ которымъ газета *Times* совѣтуетъ открыть въ лѣтніе мѣсяцы окно? Почему не открыть доступа всѣмъ въ аудиторіи, не спрашивая учились ли они чему-нибудь и какъ учились? Подпольные реалисты требуютъ въ сущности только того что у насъ и ве-

лось въ прежнее время и чего также требуютъ благонамѣренные реалисты *Голоса*.

Воздавая справедливую хвалу министру народнаго просвѣщенія за то что онъ какъ истинный государственный человѣкъ призналъ достоинство классической системы не вступая въ фальшивые компромиссы которые могли бы лишить ее значенія, почтенный авторъ тѣмъ не менѣе сожалѣетъ что министръ не удовольствовался послѣдовательнымъ проведеніемъ реформы на бумагѣ, а рѣшился и на дѣлѣ исполнить ее также безо всякихъ уступокъ и компромиссовъ. Намъ кажется, напротивъ, что въ этомъ-то и заключается истинная заслуга министра. Что стало бы съ крестьянскимъ вопросомъ еслибъ эта великая реформа была только на бумагѣ послѣдовательно проведена, на дѣлѣ же только отчасти исполнена? Не ведутъ ли такія реформы къ результатамъ нерѣдко худшимъ чѣмъ самое зло которое ихъ вызвало?

Авторъ не безъ цѣли начинаетъ и оканчиваетъ свою статью знаменательнымъ изреченіемъ „нужны люди, а не мѣропріятія.“ Нѣтъ, еще разъ, онъ не педагогъ; ему не извѣстны обстоятельства педагогическаго дѣла, и мы смѣемъ утверждать что лица съ которыми онъ по этому предмету совѣщался ввели его въ заблужденіе. Именно въ томъ-то и заключается достоинство учебной реформы исполненной графомъ Толстымъ что она дала намъ не только хорошій уставъ, но и людей. До реформы педагогическое дѣло находилось у насъ въ плачевномъ положеніи. Послѣ разгрома постигшаго въ 1840 году наши духовныя семинаріи, и послѣ удара нанесеннаго нашимъ гимназіямъ въ 1849 году, мы совершенно обанкрутились въ дѣлѣ науки. И прежде дѣло это не стояло у насъ высоко; мы никогда не были мастерами и всегда были только учениками въ этомъ дѣлѣ; мы даже не могли снабдить нашу школу учебниками грамотно и безъ ошибокъ переведенными съ нѣмецкаго или французскаго. Какого же добра можно было ожидать отъ нашихъ семинарій и гимназій сороковыхъ годовъ? Безъ ужаса нельзя вспомнить о тогдашнемъ положеніи нашего учебнаго дѣла предъ реформой. Досточтимый авторъ прекрасно изобразилъ картину нашего нигилизма, de cette aberration de l'esprit, pour ne pas dire l'idiotisme. Онъ не находитъ примѣра чего-либо подобнаго въ другихъ странахъ. Дѣйствительно, это *одуреніе* есть специфическій продуктъ русской обакрутившейся школы. Коренные нигилисты съ которыми мы теперь имѣемъ дѣло принадлежатъ тому времени, и отъ нихъ идетъ зараза.

И вотъ, благодаря реформѣ, совершилось именно то чего требуетъ критикъ говоря что вся сила въ людяхъ, а не въ мѣрахъ. Древніе языки возвысили не только нашу учебную программу, но и нашъ учебный персоналъ. При данныхъ обстоятельствахъ, они сослужили намъ двойную службу. Они привели къ намъ съ собою массу преподавателей получившихъ свое научное образованіе въ европейскихъ гимназіяхъ и университетахъ. Мы всегда были въ необходимости приглашать къ себѣ иноземныхъ ученыхъ. Наша Академія Наукъ всегда главнымъ образомъ рекрутировалась изъ нихъ. Доходило до того что Петербургская Духовная Академія предоставляла у себя иновѣрцу преподаваніе если не богословія, то философіи. Но никогда призывъ учебной помощи со стороны не былъ такъ хорошо соображенъ съ пользою русской школы какъ при исполненіи послѣдней реформы. Приготовляясь къ ней, министръ возъимѣлъ по истинѣ счастливую мысль воспользоваться педагогами изъ западныхъ Славянъ. Съ помощію свѣдущихъ и вліятельныхъ лицъ, въ славянскомъ педагогическомъ мірѣ, особенно въ Австріи, набранъ былъ контингентъ учителей древнихъ языковъ которые должны были подвергнуться испытанію въ предметахъ своей спеціальности и выдержать долговременный искусъ въ особо учрежденномъ для этого въ Петербургѣ институтѣ для усовершенствованія себя въ русскомъ языкѣ. Славяне, въ томъ числѣ не мало Русскихъ изъ Галиціи, могли вскорѣ хорошо освоиться съ родственнымъ языкомъ, а въ началѣ реформы, когда новая программа въ большей части гимназій вводилась съ низшихъ классовъ, вовсе не требовалось утонченнаго знанія русскаго языка. Съ теченіемъ же времени эти пришедшіе къ намъ съ запада соплеменники становились вполнѣ Русскими по языку какъ по подданству, и теперь многихъ изъ нихъ нельзя отличить отъ природныхъ Русскихъ. Присутствіе этихъ новыхъ, неожиданно явившихся въ нашемъ учебномъ мірѣ интеллигентныхъ силъ не могло не отозваться благотворными резуль-

татами въ нашихъ гимназіяхъ. Эти люди не всѣ равнаго достоинства, но всѣ или почти всѣ (а всѣхъ ихъ вошло къ намъ, полагаемъ, не менѣе полутораста) умственно дисциплинированные и зрѣлые люди, владѣющіе предметомъ своей спеціальности и знакомые собственнымъ опытомъ съ дидактическими пріемами европейской школы. Противъ этихъ людей шипѣла зависть, кипѣла злоба; враги реформы возненавидѣли въ нихъ дѣятелей способныхъ обезпечить ея успѣхъ. Да и теперь, мы увѣрены, нашъ отзывъ о нихъ вызоветъ ругательства въ извѣстной части печати. Но мы также увѣрены что почтенное лицо къ которому обращаемъ мы свою рѣчь не усомнится ни въ компетентности, ни въ правдивости нашего отзыва.

Говоря о соплеменникахъ, не можемъ не упомянуть и о иноплеменныхъ филологахъ, изъ Германіи, Даніи и другихъ странъ, привлеченныхъ преобразованіемъ нашей школы и усердно посвятившихъ себя этому нашему національному и въ то же время общекультурному дѣлу. Великое, съ убѣжденіемъ предпринятое дѣло всегда имѣетъ привлекательную и одушевительную силу. Замѣчательна энергія съ какою въ этомъ случаѣ. Нѣмцы, вообще столь тугіе въ усвоеніи русскаго языка, овладѣли имъ, и нѣкоторые въ совершенствѣ, чему конечно много способствовало ихъ высокое филологическое образованіе.

Борьба которую должно было выдержать дѣло реформы раскрыла его важность, а побѣда которую она одержала оживила вѣру въ будущность русской классической школы. И вотъ нашлось и между природными Русскими, не большое, но уважительное при началѣ число болѣе или менѣе даровитыхъ филологовъ, которымъ не было надобности учиться по-русски, а оставалось только укрѣпиться въ своей спеціальности, призываемой къ плодотворной дѣятельности.

Лучшимъ указателемъ возвысившейся учебной дѣятельности можетъ служить учебная литература. Она безпрерывно обогащается цѣнными вкладами; и въ немногіе годы послѣ реформы сдѣлано у насъ по этой части болѣе чѣмъ въ столѣтіе.

Итакъ, *ten, no measures.*

Но на этой счастливой комбинаціи нельзя было успокоиться. Это было временнымъ распоряженіемъ, превосходно сослужившимъ дѣлу реформы при началѣ. Нужно было открыть внутренніе, не оскудѣвающіе разсадники педагогическихъ дѣятелей какихъ требовала новая система. Справедливо не полагаясь на наши филологическіе факультеты, упавшіе до того что напримѣръ въ Кіевѣ на филологическомъ факультетѣ вовсе не преподавалось греческаго языка, а фигурировала только „Римская словесность“ безъ латинскаго языка, въ преподаваніи г. Модестова,— министръ предусмотрительно, еще до реформы, учредилъ въ Петербургѣ высшую нормальную школу, подъ именемъ Филологическаго Института. Послѣ въ такой же институтъ преобразованъ былъ Нѣжинскій лицей графа Безбородка. Параллельно съ этимъ, устроенъ въ Лейпцигѣ, при тамошнемъ университетѣ, семинарій для образованія филологовъ-преподавателей, и туда министерство отправляетъ съ каждымъ годомъ все большее и большее число молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ или уже поступившихъ въ университеты. Первоклассные германскіе ученые, какъ Липсіусъ въ Лейпцигѣ, Наукъ и Лукіанъ Мюллеръ въ Петербургѣ, руководятъ занятіями этихъ студентовъ, готовя ихъ къ учительскому званію. Нельзя сказать чтобы наши гимназіи не оставляли желать ничего лучшаго и чтобы всѣ онѣ были равнаго достоинства, но всѣ онѣ отстоятъ отъ прежнихъ не на одно, а на многія поколѣнія, многія же могутъ и теперь съ выгодой поспорить съ соотвѣтственными учебными заведеніями въ другихъ европейскихъ странахъ, напримѣръ Австріи.

Именно учебная реформа и дала намъ людей, а не простую мѣру. О; еслибы точно тоже можно было сказать и о другихъ нашихъ реформахъ, напримѣръ о судебной!

Дозволимъ себѣ указать почтенному quasi-педагогу на ошибку проскользнувшую въ его статьѣ: Учебная реформа совершилась не въ 1867 году, а въ 1872 и даже въ 1873 году. Нѣнѣшій министръ народнаго просвѣщенія дѣйствительно вступилъ въ управленіе въ 1866 году; но реформу свою онъ могъ совершить только черезъ шесть-семь лѣтъ послѣ того. Эти годы были тяжкою переходною эпохой нашей школы, временемъ борьбы за идею реформы, временемъ броженія и шатанія школы, вербовки въ тайныя сообщества и самоубійствъ.

Идея реформы, слава Богу, была сохра-

нена во всей чистотѣ; дѣло реформы не было испорчено компромиссами; но благоразумная постепенность была соблюдена. Вмѣсто восьмаго класса, сначала былъ принятъ двухлѣтній курсъ седьмаго класса, причемъ лучшіе ученики выпускались послѣ седьмаго года ученія. Греческій языкъ вводился постепенно, и отъ него увольнялись воспитанники старшихъ классовъ. Когда вопросъ былъ рѣшенъ и борьба прекратилась, въ нашихъ гимназіяхъ воцарилось спокойствіе. Учащееся юношество начало дѣйствительно учиться и стихла манія самоубійствъ, о которой говоритъ авторъ, смѣшавъ даты.

Пора бы, наконецъ, кинуть фальшивую мысль будто всѣ вступающіе въ гимназіи должны непремѣнно проходить весь восьмилѣтній курсъ ея и поступать затѣмъ въ университеты. Какъ у насъ такъ и въ другихъ странахъ, масса учащихся не можетъ или не хочетъ долго учиться. Если гимназистовъ выбывшихъ до окончанія курса считать недоучками, то этотъ титулъ долженъ принадлежать всѣмъ не бывшимъ въ гимназіяхъ. Недоучками въ этомъ смыслѣ будутъ всѣ учившіеся только въ народныхъ училищахъ; недоучками будутъ также всѣ остановившіеся на курсѣ уѣздныхъ и городскихъ училищъ. Если недоучки въ этомъ смыслѣ могутъ быть опасны и вредны, то надобно закрыть всѣ низшія учебныя заведенія изъ которыхъ нельзя прямо прыгнуть въ университетъ.

Гимназія ведетъ къ высшему образованію, но сама она есть среднее учебное заведеніе и соотвѣтствуетъ разнымъ степенямъ общаго образованія средней руки. Ея восьмилѣтній курсъ распредѣляется также и въ этомъ смыслѣ, и отдѣльныя части ея курса пользуются каждая своими правами. Четырехклассная прогимназія соотвѣтствуетъ, по возрасту учащихся и по степени образованія, городскому училищу; шестиклассная прогимназія шестиклассному реальному училищу. Что будутъ дѣлать одни, то будутъ дѣлать и другіе. Гимназисты 4-го класса будутъ образованы не хуже, а по нашему мнѣнію лучше чѣмъ учащіеся въ городскихъ училищахъ. Точно также шестиклассная прогимназія какъ школа общаго образованія средней степени даетъ образованіе не хуже, а по нашему лучше получаемаго учениками реальныхъ училищъ. Они могутъ поступать во военную службу на льготныхъ условіяхъ и пріобрѣтать спеціальное военное образованіе въ особыхъ училищахъ. Каждый можетъ остаться на своемъ мѣстѣ и заниматься промысломъ отца. Тысячи среднихъ профессій нуждаются въ людяхъ грамотныхъ и болѣе или менѣе образованныхъ. Желающіе посвятить себя какому-либо занятію требующему спеціальныхъ познаній могутъ всего лучше пріобрѣсти ихъ на практикѣ, какъ это бываетъ въ Англіи, въ конторахъ, на фабрикахъ, на фермахъ, при желѣзныхъ дорогахъ; также въ особыхъ спеціальныхъ училищахъ. Но не всѣмъ быть профессорами, судьями, учеными, врачами, не всѣмъ быть и министрами. Воспитанники гимназій не окончившіе курса и не поступившіе въ университеты отнюдь не могутъ быть вреднымъ или опаснымъ элементомъ въ обществѣ. Образованіе сообщаемое въ гимназіи на разныхъ степеняхъ ея курса можетъ только пріучить молодые умы къ основательности и правильности мышленія, не заражая фальшивымъ многознаніемъ и верхоглядствомъ. Если въ политическихъ процессахъ фигурировало нѣсколько юношей изъ неокончившихъ курса въ гимназіяхъ, то обстоятельство оконченнаго или неоконченнаго курса не имѣетъ въ этихъ случаяхъ никакого значенія. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить что всѣ эти молодые люди принадлежатъ къ прежнему, смутному, времени школы. Пропаганда коснулась ихъ еще въ гимназіяхъ, и нѣкоторые прерывали свои учебныя занятія убѣждаясь изъ запрещенныхъ изданій (а также и изъ одобренныхъ и даже офиціозныхъ) въ безполезности классическаго ученія, какъ недавно показывалъ на судѣ одинъ изъ этихъ несчастныхъ. Ни въ одномъ случаѣ не было доказано чтобъ они попадали въ преступныя сообщества по нуждѣ и были лишены возможности снискивать себѣ пропитаніе честнымъ трудомъ. Вообще недоучекъ этого рода даже изъ стараго времени попавшихъ въ политическіе процессы несравненно менѣе чѣмъ недоучекъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ этой-то средѣ главнымъ образомъ вербовала пропаганда своихъ людей, здѣсь-то зараждалась и распространялась зараза. Встрѣча неприготовленныхъ и незрѣлыхъ умовъ съ идеями высшаго преподаванія, вотъ начало того умопомѣшательства или того идіотства предъ которымъ останавливается

въ изумленіи почтенный авторъ статьи *Journal de St.-Pétersbourg*. Вотъ почему государство не можетъ не заботиться чтобы къ университетской наукѣ приступали молодые умы достаточно къ ней приготовленные, maturi, умы дисциплинированные, достаточно владѣющіе собой, способные осилить идеи и вопросы возбуждаемые университетскимъ преподаваніемъ.

Въ заключеніе мы не можемъ не поблагодарить автора статьи, на которой остановились такъ долго, за интересное указаніе на истинный источникъ агитаціи противъ учебной реформы. Противники реформы, говоритъ онъ, были побиты, но они не считаютъ себя побѣжденными. Итакъ, вотъ причина почему борьба возобновляется! Кто же эти противники побитые, но не признающіе себя побѣжденными? Когда шелъ споръ о самыхъ основаніяхъ реформы, русская публика не принимала въ немъ участія и своими симпатіями склонялась даже въ пользу реформы какъ о томъ свидѣтельствуютъ бывшія тогда заявленія разныхъ земствъ и городскихъ обществъ. Нѣсколько профессоровъ, учителей старой школы, и члены петербургскаго Педагогическаго Общества, равно какъ издатели и редакторы *Голоса* и *Вѣстника Европы*, не могутъ же считаться серіозными противниками; они не имѣли бы ни силы, ни охоты возжигать снова борьбу по дѣлу окончательно рѣшенному и приведенному въ исполненіе. Серіозными противниками только и могутъ быть правительственныя лица высказавшіяся противъ реформы, при ея обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ такомъ случаѣ что̀ значитъ „побиты, но не побѣждены?“ То ли что нѣкоторыя лица оспаривавшія реформу до рѣшенія остались при своемъ мнѣніи и послѣ того какъ она стала закономъ? Увы, люди остаются при своемъ мнѣніи, не всегда по убѣжденію, а часто потому что не хотятъ убѣдиться! Вольному воля; но различіе во мнѣніяхъ не оправдываетъ агитаціи ни явной, ни тайной (еще менѣе тайной) противъ рѣшенія Верховной Власти, обязательныхъ для всѣхъ, а особенно для лицъ, отъ ней, и только отъ ней, принявшихъ свой авторитетъ.

Мы, русскіе люди, безусловно покоряемся рѣшеніямъ Законодателя, потому что Его сердце въ рукѣ Божіей, потому именно что Его рѣшенія отъ счета голосовъ не зависятъ. Мы покоряемся имъ какъ судьбѣ, смиряя предъ ними свое самолюбіе, а убѣжденіе искреннее успокоиваемъ вѣрою что ходомъ событій и то что смущаетъ насъ обратится во благо.

№ 37.

Москва, 6-го февраля.

А.

Вчера, въ глубокую ночь, почти предъ выходомъ нашего листка, получили мы изъ Петербурга извѣстіе о пожарѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, вслѣдствіе лопнувшей газовой трубы. Сегодня телеграфировали намъ правительственное сообщеніе о случившемся по неизвѣстной причинѣ взрывѣ, отъ котораго погибло много нижнихъ чиновъ караула отъ Финляндскаго полка... Нельзя было не догадываться объ ужасномъ значеніи взрыва, но только благодаря телеграфнымъ сообщеніямъ изъ Берлина и Парижа о поздравленіяхъ, молебствіяхъ въ русской церкви и негодованіи обычно выражаемомъ въ подобныхъ случаяхъ печатью, мы впервые опредѣленно извѣстились что вчера, въ 7 часу вечера, совершилось новое, ужаснѣйшее изо всѣхъ покушеніе...

Боже, какъ быстро мы идемъ! Выстрѣлы на улицѣ, адская машина подведенная подъ рельсы желѣзной дороги, взрывъ въ самомъ дворцѣ!

Богъ охраняетъ Своего Помазанника. Только Богъ и охраняетъ Его.

Много злоумышленниковъ перебывало въ рукахъ правосудія; много произведено и производится слѣдствій, но ничего не выходитъ наружу, и всякому предоставляется дѣлать свои предположенія и догадки о крамолѣ которая въ продолженіи двадцати лѣтъ издѣвается надъ Россіей, надъ ея правительствомъ, надъ всѣмъ народомъ Русскимъ. Судятся люди ничтожные, явно служащіе орудіемъ несвѣдомаго имъ самимъ замысла, а все что̀ позначительнѣе ускользаетъ...

Вскорѣ послѣ 2 апрѣля была принята повидимому серіозная мѣра, учреждены временныя генералъ-губернаторства съ обширными полномочіями. Тогда же осмѣлились мы выразить мнѣніе что мѣра эта окажется полумѣрой, и что никакихъ серіозныхъ послѣдствій ожидать отъ нея нельзя. Къ несчастью такъ и выходитъ. Тогда же ка-

залось намъ необходимымъ сильное центральное дѣйствіе власти. Борьбу съ организованною крамолой, которая конечно не между мальчишками получила свое происхожденіе, необходимо сосредоточить въ одной сильной рукѣ; необходимо чтобъ одинъ правительственный органъ, облеченный полнымъ довѣріемъ Государя, имѣлъ диктаторскую власть для борьбы со зломъ. На немъ должна лежать вся отвѣтственность, и ему должны быть предоставлены всѣ средства дѣйствія. Прочія власти должны безпрекословно способствовать ему во всемъ, что относится къ предмету его полномочія. Не вмѣшиваясь въ спеціальности управленій, въ технику разныхъ вѣдомствъ, онъ долженъ имѣть полную свободу дѣйствій въ дѣлахъ и вопросахъ политическаго свойства. Отъ него должно исходить направленіе и соглашеніе дѣйствій генералъ-губернаторовъ; ему должны быть предоставлены контроль и провѣрка, и никакія формальности процедуры не должны имѣть силы предъ его полномочіемъ.

Чѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе была бы такая диктатура, тѣмъ быстрѣе было бы ея дѣйствіе. Необходимо такое же въ сущности дѣйствіе, сосредоточенное и полномочное, какое оказалось столь успѣшнымъ въ борьбѣ съ польскою революціонною организаціей. Опытъ того времени не можетъ не убѣдить насъ что полумѣры только усиливаютъ и раздражаютъ зло...

Пока мы дописывали эти строки, въ поздній часъ получены дальнѣйшія извѣстія изъ Петербурга. Ужасное событіе раскрывается вполнѣ. Приказъ генералъ-адъютанта Гурко по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа говоритъ о злоумышленникахъ прокравшихся во Дворецъ и о динамитѣ. Телеграмма генералъ-майора Богдановича сообщаетъ потрясающія подробности. У злоумышленниковъ былъ въ точности разчитанный планъ. Еслибы не случайное обстоятельство, еслибы Царскій обѣдъ послѣдовалъ въ обычное время, еслибы Государь Императоръ получасомъ ранѣе вступилъ въ столовую... Повторилось то самое что случилось въ Москвѣ 19 ноября.

Такъ-то доводится намъ праздновать двадцатипятилѣтіе по истинѣ славнаго, освободительнаго и преобразовательнаго Царствованія!

Приказъ генералъ-адъютанта Гурко по войскамъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа (*по телеграфу*):

„Вчера, въ 7 часу пополудни, подъ помѣщеніемъ главнаго корпуса Зимняго Дворца, отъ воспламененія значительнаго заряда динамита, произошелъ взрывъ. Избравъ время обычнаго Высочайшаго обѣденнаго стола и направивъ ударъ къ разрушенію столовой Его Величества, дерзкій злоумышленникъ очевидно обнаружилъ тѣмъ адскій замыслъ на священную Особу Государя. Богъ спасъ драгоцѣнную жизнь Своего Помазанника, вновь проявивъ неизреченную и великую ко всѣмъ намъ милость, за которую поспѣшимъ возблагодарить Господа въ горячей и единодушной молитвѣ.“

ПЕТЕРБУРГЪ, 6 февраля. Вѣсть о вчерашнемъ вечернемъ крушеніи въ Царскихъ палатахъ облетѣла мгновенно столицу и съ утра все населеніе взволнованное и радостное бросилось во храмъ Божій съ благодарственною молитвой за чудесное избавленіе Царя и Царственной Семьи отъ великой и ужасающей опасности. При звонѣ колоколовъ митрополитъ Исидоръ прибылъ въ Исакіевскій соборъ гдѣ совершилъ молебствіе въ сослуженіи съ митрополитами Московскимъ и Кіевскимъ, четырьмя архіереями, восемью архимандритами и духовенствомъ столичныхъ церквей. Предъ началомъ молитвы первосвятитель отечественной церкви, съ архіерейскаго амвона, произнесъ глубоко знаменательное слово, прерываемое слезами. Вся паства за нимъ плакала на взрыдъ. Въ это же время совершалась молитва и въ Дворцовой церкви. Гвардія и армія Русскаго Царя и Его сановники тѣснились во всѣхъ залахъ. Тутъ же сгруппировалось множество дамъ. Появленіе Царя подъ руку съ Цесаревной и Наслѣдника престола съ Царственною Семьей вызвало необычайный восторгъ, прерываемый восклицаніями и слезами. Этотъ же восторгъ, эти слезы возобновились послѣ незабвенныхъ словъ произнесенныхъ Государемъ по поводу вчерашняго событія. Вотъ подробности дѣла насколько они успѣли выясниться: обѣдъ Государя бываетъ въ 6 часовъ, но вчера, по случаю пріѣзда брата Императрицы Принца Александра Гессенскаго, обѣдъ неожиданно замедлился на полчаса. Въ ту самую минуту когда къ столовой подходили съ одной сто-

роны Государь съ принцемъ и княземъ Болгарскимъ, а съ другой всѣ члены Царственной Семьи, кромѣ больной Императрицы, раздался страшный взрывъ: случись онъ минутою позже, великому горю не миновать. Какая-то адская сила разбросала столы, посуду, выбила стекла и ранила двухъ прислужниковъ. Присутствіе духа Государя разомъ успокоило всѣхъ окружающихъ. Вскорѣ были доложены Его Величеству подробности катастрофы: Жертвами взрыва оказались по первому дознанію восемь убитыхъ и 45 раненыхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, занимавшаго вчера дворцовый караулъ. Взрывъ произошелъ въ подвалѣ, гдѣ устроено центральное отопленіе; газы, пробивъ сводъ подвала, перешли въ находившуюся надъ нимъ караульню, пробили ея сводъ и произвели страшное сотрясеніе находившагося надъ нимъ пола Царской столовой. Движеніе воздуха было такъ сильно что перебито нѣсколько сотъ стеколъ не только во Дворцѣ, но даже въ нѣкоторыхъ зданіяхъ по набережной Невы. Въ 8 часовъ Государь Императоръ осчастливилъ раненыхъ своимъ посѣщеніемъ, а въ полночь посѣтилъ ихъ вторично. Сегодня, подъ развалинами свода, открыто еще два трупа. Движеніе по улицамъ громадное. Толпа тѣснится на дворцовой площади, всѣ жаждутъ знать послѣдствія и причины вчерашняго потрясающаго событія. Городъ съ утра украшенъ флагами. *Генералъ-майоръ Богдановичъ.*

Б.

Со времени открытія англійскаго парламента, лордъ Беконсфильдъ уже два раза опровергалъ въ публичномъ засѣданіи палаты лордовъ извѣстіе о томъ что Англія освободила Персію отъ обязательства не занимать Герата. Но, странное дѣло, эти настойчивыя опроверженія, сопровождаемыя впрочемъ разнаго рода увертками, не только не произвели впечатлѣнія на которое они повидимому были разчитаны, но подали поводъ къ болѣе настойчивымъ толкамъ о томъ же предметѣ. *Times*, первая пустившая въ ходъ этотъ слухъ, подкрѣпленный телеграммой изъ Тегерана *Агентства Рейтера*, коего связи съ правительствомъ всѣмъ извѣстны, отнюдь не смутилась возраженіями главы кабинета и заявила что она поддерживаетъ вполнѣ точность своего перваго сообщенія, причемъ эта газета вдается въ подробныя разсужденія о выгодахъ и невыгодахъ для Англіи распространить свое владычество до указаннаго пункта, отнюдь не скрывая что „дозволеніе“ Персіи занять Гератъ было бы ничѣмъ инымъ какъ плохо-замаскированнымъ англійскимъ занятіемъ. Цѣль этого притворства, какъ намекаетъ *Times* довольно прозрачно, заключается въ томъ дабы избѣжать тѣхъ послѣдствій какія Россія поставила на видъ Англійскому правительству на случай завладѣнія самой Англіей Гератомъ. *Times* понимаетъ что въ виду возраженій Россіи лорду Беконсфильду необходимо прибѣгнуть къ изворотамъ; но съ другой стороны лондонская газета очень мало этимъ стѣсняется и повидимому полагаетъ что для Россіи достаточно и этихъ формальностей явно противорѣчащихъ истинѣ чтобъ удержать ее отъ принятія въ свою очередь тѣхъ мѣръ которыя сочтены необходимыми въ случаѣ завладѣнія Англіей Гератомъ. А на этотъ счетъ имѣются любопытныя и довольно опредѣленныя указанія въ *Синей Книгѣ* розданной при открытіи Британскаго парламента.

Но предварительно слѣдуетъ напомнить историческія событія изъ коихъ возникло обязательство Персіи относительно Герата. Въ теченіе этого столѣтія Персія неоднократно пыталась присоединить Гератъ къ своимъ владѣніямъ, и каждый разъ встрѣчала въ этомъ энергическое противодѣйствіе со стороны Англіи. Въ послѣдній разъ, попытка эта была сдѣлана въ 1856 году, и по этому поводу дѣло дошло до открытаго разрыва между Персіей и Англіей; англійскія войска готовы были высадиться въ Персидскомъ заливѣ, вслѣдствіе чего персидское войско направленное на Гератъ было отозвано назадъ и затѣмъ, по трактату заключенному между Персіей и Англіей въ Парижѣ 4-го марта 1857, Персія обязалась не предпринимать никакихъ завоевательныхъ походовъ противъ Афганистана вообще и противъ Герата въ особенности. Гератъ составлялъ тогда особое государство и имѣлъ своего султана который однако находился въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Афганскому эмиру. Въ 1862 году Достъ-Магометъ окончательно присоединилъ Гератъ къ своимъ владѣніямъ, а въ 1871 году Якубъ-ханъ, сынъ эмира Ширъ-Али, будучи назначенъ губернаторомъ Герата, отложился отъ отца и вновь образовалъ изъ Герата самостоятельное хан-

ство, гдѣ продержался до 1874 года. Въ этомъ году Ширъ-Али удалось одолѣть непокорнаго сына который заключенъ былъ въ тюрьму; но послѣ смерти его и воцаренія Якубъ-хана въ Кабулѣ, братъ послѣдняго, Эюбъ-ханъ, въ свою очередь завладѣлъ Гератомъ, но продержался здѣсь недолго. По низверженіи его, въ Гератѣ настала въ послѣднее время полная анархія и въ Англіи зашла рѣчь о томъ чтобъ одновременно съ походомъ на Кабулъ, предпринята была особая экспедиція изъ Кандагара дабы завладѣть Гератомъ. Въ это время предпринята была Россіей экспедиція противъ Теке-Туркменовъ. И вотъ англійская *Синяя Книга* даетъ намъ теперь нѣкоторыя указанія на дипломатическія пререканія которыя были вызваны обоюдными предпріятіями Англіи и Россіи въ Средней Азіи.

Маркизъ Солсбери, какъ видно изъ *Синей Книги*, сообщилъ 9 іюля 1879 года лорду Дёфферину что онъ имѣлъ въ тотъ день разговоръ съ графомъ Шуваловымъ, причемъ указалъ ему что по слухамъ Россія предпринимаетъ экспедицію къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря имѣющую цѣлію занятіе Мерва. На это графъ Шуваловъ отвѣтилъ что онъ довелъ до свѣдѣнія своего правительства заявленіе прежде сдѣланное ему лордомъ Солсбери о томъ что „правительство ея величества будетъ взирать не безъ неудовольствія на операціи которыя угрожали бы Мерву, или нарушили бы неприкосновенность персидской территоріи.“ Графъ Шуваловъ завѣрилъ что ни того, ни другаго Россія не имѣетъ въ виду; что цѣль экспедиціи ограничивается усмиреніемъ хищническаго племени Туркменовъ, и что въ случаѣ удачи дѣло ограничится округленіемъ границъ русскихъ владѣній между Красноводскомъ и Чикишляромъ, причемъ самый крайній пунктъ новой границы будетъ отстоять отъ Мерва не менѣе чѣмъ на 250 километровъ. Недѣлю спустя лордъ Дёфферинъ доноситъ своему правительству о разговорѣ который онъ имѣлъ съ г. Гирсомъ, повторившимъ въ сущности то же что говорилъ графъ Шуваловъ лорду Солсбери съ добавленіемъ что русскимъ войскамъ предписано строжайше соблюдать неприкосновенность Персидской территоріи.

Далѣе лордъ Дёфферинъ сообщаетъ о разговорѣ который онъ имѣлъ по тому же предмету съ барономъ Жомини. Повторивъ снова увѣреніе что экспедиція генерала Лазарева не имѣетъ ни какой иной цѣли какъ усмиреніе Туркменовъ, и что крайній пунктъ предположеннаго движенія русскихъ войскъ не приблизится къ Мерву далѣе разстоянія въ двѣсти верстъ, г. Жомини, согласно донесенію англійскаго посла при Россійскомъ дворѣ, добавилъ при этомъ слѣдующее: „хотя мы въ настоящее „время не имѣемъ въ виду дойти до Мер„ва, ни вообще предпринять что-либо что „могло бы имѣть видъ угрозы противъ „Англіи, вамъ однако не слѣдуетъ заблуж„даться. Результатъ нашего теперешняго „предпріятія будетъ намъ служить въ по„слѣдствіи операціоннымъ базисомъ про„тивъ Англіи въ томъ случаѣ если Бри„танское правительство займетъ Гератъ и „тѣмъ будетъ угрожать нашему положенію „въ Центральной Азіи.“ Лордъ Дёфферинъ заявилъ что не существуетъ никакого предположенія занимать Гератъ *британскими* войсками и что, по его мнѣнію, было бы вообще легко придти къ какому-либо взаимному соглашенію, во избѣжаніе тѣхъ раздражающихъ подозрѣній которыя возбуждаются фактами подобными закаспійскому походу русскихъ войскъ и которыя „отзываются неблагопріятно на взаимныхъ отношеніяхъ правительствъ обѣихъ державъ не только по поводу азіятскихъ, но и по поводу европейскихъ дѣлъ.“

Затѣмъ, 26 августа, лордъ Дёфферинъ доноситъ о новомъ объясненіи которое онъ имѣлъ съ г. Гирсомъ по поводу заявленія сдѣланнаго въ то время въ засѣданіи парламента г. Стангопомъ секретаремъ по индійскимъ дѣламъ, заявленія по смыслу котораго Россія какъ бы обязалась предъ Англіей ни въ какомъ случаѣ не занимать Мерва. Г. Гирсъ оговорился предъ лордомъ Дёфферинымъ что первое его заявленіе по этому предмету было повидимому истолковано слишкомъ широко: онъ сказалъ „что занятіе Мерва не входитъ въ программу теперешней экспедиціи;“ но этимъ онъ вовсе не хотѣлъ сказать что „при иныхъ обстоятельствахъ и въ виду непредвидимыхъ теперь событій не будетъ сочтено необходимымъ занять Мервъ русскими войсками, и что Русское правительство вовсе не имѣло въ виду торжественно обязаться на всѣ времена не занимать Мерва.“

Лордъ Дёфферинъ поспѣшилъ заявить что по его мнѣнію усматривается противорѣчіе между первымъ и вторымъ заявле-

ніемъ; но ему было повторено что никакого противорѣчія нѣтъ, и что первое заявленіе относится лишь до программы экспедиціи предпринимаемой теперь, а второе имѣетъ въ виду будущее, относительно котораго Россія, какъ само собою разумѣется, желаетъ сохранить полную свободу дѣйствій.

Эти-то указанія заключающіяся въ *Синей Книгѣ* служатъ лучшимъ комментаріемъ къ переговорамъ по поводу Герата, которые, по сознанію лорда Биконсфильда, ведутся теперь съ Персіей. Англійская печать настойчиво продолжаетъ утверждать что рѣчь идетъ о снятіи съ Персіи обязательства которое она приняла на себя по трактату 1857 года и о *дозволеніи* ей занять Гератъ. Но всякій понимаетъ что подъ этимъ дозволеніемъ будетъ подразумѣваться приказъ Персіи касательно занятія Герата съ тѣмъ чтобы дѣйствительное владычество надъ онымъ находилось въ рукахъ Англіи. *Times* выставляетъ дѣло именно въ такомъ видѣ. „Уже теперь," замѣчаетъ эта газета, „поговариваютъ о „томъ что персидское занятіе Герата долж„но быть *гарантировано* присутствіемъ „тамъ англійскихъ офицеровъ и англій„скихъ агентовъ."

Такимъ образомъ, ясно что̀ должно будетъ разумѣть подъ „освобожденіемъ Персіи отъ обязательства не занимать Герата." Но вопросъ въ томъ, согласится ли Персія разыграть для Англіи предназначенную ей роль? Англійская печать повидимому полагаетъ что Персія сдѣлаетъ то что̀ будетъ ей указано съ достаточною настойчивостію. Это правда. Съ государствами подобными Персіи нужно умѣть говорить энергически, и нечего разсыпать предъ ними утонченныя дипломатическія любезности. А если держаться относительно Персіи того языка который одинъ только вразумителенъ для азіятскихъ властелиновъ, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ что Россія, которая во много разъ опаснѣе для Персіи чѣмъ Англія, сумѣла бы разстроить и ту новую англійскую интригу которой Персія назначаетъ служится прикрытіемъ.

№ 38.

Москва, 7-го февраля.

Всѣ интересы умолкаютъ предъ ужасающимъ событіемъ 5 февраля. Ни о чемъ другомъ нельзя думать, всѣ ждутъ только извѣстій объ этомъ событіи. Спѣшимъ передать публикѣ всѣ полученныя нами отъ разныхъ корреспондентовъ сообщенія съ ихъ повтореніями и разнорѣчіями впрочемъ небольшими:

1.

„*Петербургъ*, 7 февраля. Снова провидѣніе спасло Русскаго Царя. 5 февраля, въ 6 часовъ 15 минутъ вечера, въ подвальномъ помѣщеніи подъ главною гауптвахтой Зимняго Дворца произошелъ взрывъ. Первоначально полагали что взрывъ причиненъ лопнувшими газовыми трубами, но тщательный осмотръ удостовѣрилъ ихъ исправность. Взрывъ произведенъ, какъ засвидѣтельствовано компетентными лицами, динамитомъ, приблизительно въ количествѣ четырехъ пудовъ, что̀ равняется дѣйствію около 20 пудовъ пороху. Результатъ приведенный въ ясность сегодня въ полдень ужасенъ. Восемь солдатъ погибли на мѣстѣ, пятьдесятъ изувѣчены. Изъ нихъ двое умерли, двѣнадцать въ безнадежномъ состояніи. Видъ пострадавшихъ представлялъ потрясающую картину. Среди массы обломковъ мусора, валялись отдѣльные оторванные члены. Нужны были усилія многихъ людей чтобъ извлечь несчастныхъ изъ образовавшейся груды обломковъ, глухіе стоны изувѣченныхъ и крики ихъ о помощи производили раздирающее душу впечатлѣніе. Но самое ужасное то что въ этомъ дѣлѣ видна злодѣйская рука снова поднявшаяся на жизнь священной особы Царя-Освободителя. Главная гауптвахта находится прямо подъ залой въ которой въ этотъ день предназначался въ 6 часовъ пополудни Царскій семейный обѣденный столъ съ участіемъ Князя Болгарскаго и отца его, Принца Гессенскаго. Обѣдъ случайно былъ отложенъ до $6\frac{1}{2}$ часовъ. Вслѣдствіе взрыва произошелъ обвалъ почти всего пола солдатской караульной комнаты и нѣкоторой части потолка ея; обнажились деревянныя связи и поднялась даже часть паркета обѣденной залы. Находившійся въ залѣ для окончательной сервировки стола лакей контуженъ. Всѣ двери и окна об-

ширнаго внутренняго двора разбиты; въ обѣденной залѣ многіе предметы отъ взрыва повреждены и опрокинуты. Въ Помпейской галлереѣ разбиты стекла. Въ моментъ взрыва, въ обѣденной залѣ и нѣкоторыхъ сосѣднихъ залахъ и корридорахъ погасли газовые рожки.

„Съ быстротой молніи ужасная вѣсть облетѣла столицу. Всюду негодованіе къ злодѣямъ, ликованіе по поводу новаго чуднаго спасенія Царя и глубокая скорбь о мученикахъ и страдальцахъ. Высказывается желаніе почтить память погибшихъ жертвъ паннихидой во всѣхъ церквахъ, а также обезпечить осиротѣвшія семьи и судьбу страдальцевъ общественною подпиской."

2.

„*Петербургъ*, 7 февраля. Столовая, когда вошли въ нее послѣ взрыва, представляла такую картину: все газовое освѣщеніе въ ней потухло, въ разбитыя окна несся морозъ, въ полу зіяло большое отверстіе, но сервированный столъ былъ не тронутъ и стоявшій на немъ канделябръ колеблющимися огнями освѣщалъ комнату. Снизу неслись раздирающіе стоны раненыхъ въ караульнѣ.

„Столовая, подъ которой произведенъ былъ взрывъ, расположена какъ разъ надъ комнатой для нижнихъ чиновъ главной гауптвахты, помѣщающейся внутри дворцоваго двора, по лѣвому его фасу отъ входа въ ворота со стороны Александровской Колонны. Подъ гауптвахтой находится подвалъ; въ немъ помѣщалась небольшая мастерская гдѣ работали три столяра, изъ которыхъ одинъ исчезъ; подвалъ состоялъ подъ наблюденіемъ старика унтеръ-офицера. Взрывомъ разбило своды подъ гауптвахтой и подъ столовой, но полъ ея устоялъ. Караульные вслѣдъ за взрывомъ полетѣли въ подвалъ, поражаемые падавшими сверху камнями. Къ мѣсту происшествія быстро прибыла рота Преображенцевъ изъ сосѣднихъ казармъ, куда и перенесли раненыхъ. Говорятъ, никакихъ слѣдовъ подкопа не обнаружено. Взрывъ, надо полагать, произведенъ динамитомъ или порохомъ принесеннымъ въ подвалъ въ большомъ количествѣ. Взрывъ былъ настолько силенъ что вдоль всей стѣны Дворца у гауптвахты образовалась трещина; окна до самаго верхняго этажа включительно, разбиты."

3.

„*Петербургъ*, 7 февраля. Наскоро сообщаю нѣсколько свѣдѣній о событіи въ Зимнемъ Дворцѣ. Несомнѣнно что взрывъ произведенъ былъ динамитомъ. Мины никакой не было, но динамитъ былъ положенъ въ одной изъ комнатъ подвальнаго этажа находящейся прямо подъ помѣщеніемъ караула. Взрывъ былъ ужасенъ. Выломало весь сводъ; находившихся въ караульной солдатъ (Финляндскаго полка) приподняло вверхъ, и затѣмъ они провалились въ подвалъ. 10 человѣкъ убитыхъ и много тяжело раненыхъ. Надъ караульней, пострадавшей столь сильно, находится столовая, гдѣ именно въ то время (6½ часовъ) долженъ былъ происходить обѣдъ. Злоумышленники очевидно разчитывали что динамитъ подѣйствуетъ сильнѣе, и что взрыву подвергнется и столовая.

„Динамитъ положенъ былъ въ комнатѣ подвальнаго этажа, гдѣ жили четыре лица: престарѣлый вахтеръ, находящійся во Дворцѣ уже 15 лѣтъ, и три плотника или столяра. Вахтеръ и два плотника оказались налицо и арестованы; они говорятъ что ничего не знаютъ, что когда произошелъ взрывъ, то они не были въ комнатѣ, ибо ходили обѣдать. Третьяго плотника не оказалось. Гдѣ онъ, неизвѣстно. Онъ поступилъ для работы во Дворцѣ всего два мѣсяца тому назадъ. Думали не погибъ ли онъ. Но теперь все разрыто, все изслѣдовано, а его нѣтъ и слѣда. Теперь легко составить себѣ понятіе какъ все это совершилось. Господи, когда же это кончится! Когда же *захотятъ* наконецъ положить этому предѣлъ!"

4.

„*Петербургъ*, 7 февраля. Изъ жертвъ катастрофы 5 февраля большинство, именно 33, было перевезено въ Придворный госпиталь Конюшеннаго вѣдомства; 17 человѣкъ, перевозка которыхъ не внушала опасеній, отправлены 6 февраля въ госпиталь Финляндскаго полка. Изъ оставшихся рядовой Селенинъ умеръ сегодня 7 февраля. У несчастнаго оказались переломленными обѣ голени и бедро. На лицахъ пострадавшихъ полное спокойствіе и сознаніе исполненнаго долга. Среди раненыхъ находится придворный лакей Коровяковъ, бывшій въ моментъ взрыва на кухнѣ граничащей съ караульною комнатой. Боль-

ные пользуются безукоризненною госпитальною обстановкой, вызвавшею Высочайшее одобреніе. Находящіяся въ полковомъ госпиталѣ жертвы катастрофы, подобно несчастныхъ своимъ товарищамъ, были осчастливлены Августѣйшимъ вниманіемъ."

Теперь всѣ черты этого ужаснаго и позорнаго дѣла обозначились. Какимъ болѣзненнымъ чувствомъ должны отозваться всѣ эти подробности во всякомъ человѣкѣ у кого сердце сколько-нибудь на мѣстѣ и есть смыслъ въ головѣ! Настойчиво дѣлаются попытки совершить величайшее изъ злодѣяній,—зачѣмъ?—только для того чтобы совершить, только потому что оно велико. Зачѣмъ этимъ людямъ нужно зажечь Россію, повергнуть ее въ хаосъ? Они сами не знаютъ. У нихъ нѣтъ другой цѣли кромѣ разрушенія. Преступныя дѣйствія стараются оправдывать себя какою-либо цѣлію; но здѣсь злодѣйство служитъ само себѣ цѣлію. Преступленіе для преступленія, злодѣйство для злодѣйства! Всякое гнусное дѣло считаютъ эти люди дозволительнымъ, лишь бы только оно могло способствовать къ совершенію другаго, еще болѣе гнуснаго. Какой позоръ для того общества гдѣ эти люди могутъ гнѣздиться и находить себѣ притоны! Холопы дьявола, рабскіе исполнители плана, ни начало, ни цѣль котораго имъ невѣдомы, эти люди омерзительнѣе простыхъ злодѣевъ не украшающихъ себя титуломъ политическихъ преступниковъ. Посмотрите чего уже стоила, въ самой неудачѣ своей, эта проклятая затѣя, такъ ухищренно приведенная въ исполненіе! За что погибли эти русскіе люди, эти честные воины, недавно бившіеся на поляхъ Турціи, солдаты доблестнаго лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка? За что осиротѣли ихъ семьи, недавно обрадованныя ихъ возвращеніемъ? Честь этимъ воинамъ, вѣчная память погибшимъ, помощь пострадавшимъ;—и всенародное проклятіе злодѣямъ!

Нельзя не назвать измѣнниками и предателями людей которые мирволятъ этимъ безсмысленнымъ злодѣямъ или хотятъ соблюдать нейтралитетъ въ отношеніи къ нимъ. Это слабодушіе, этотъ умственный развратъ именующій себя либерализмомъ, въ нѣкоторой части нашего образованнаго общества, нашей интеллигенціи, вотъ что дѣлаетъ возможными эти позорныя явленія, вотъ что поощряетъ крамолу и даетъ духъ и смѣлость ея слугамъ. Испытаніе Божіе поражаетъ насъ въ самомъ больномъ нашемъ мѣстѣ. Оно указываетъ намъ что должны мы врачевать въ себѣ. Пора, давно пора образумить этотъ фальшивый либерализмъ и отнять у него власть надъ незрѣлыми умами. Пора пробудить чувство долга въ людяхъ гоняющихся за правами. Во всѣхъ отправленіяхъ нашего общественнаго организма давно уже чувствуется нездоровое разслабленіе; необходимо принять и въ правительственныхъ дѣйствіяхъ и въ законодательствѣ направленіе укрѣпляющее общественную нравственность.

Злоумышленная крамола не уймется пока государственная власть не покажетъ ей свою силу и тѣмъ не отниметъ у нея надежды поколебать государство. Попытки прекратятся когда крамола убѣдится въ ихъ безнадежности.

Со всѣхъ концовъ несутся поздравленія нашему Государю. Не можемъ не радоваться этому сочувствію всѣхъ странъ и всѣхъ партій; но въ то же время не можемъ и не скорбѣть что такъ часто повторяется поводъ къ этимъ поздравленіямъ. Наше народное достоинство не можетъ не страдать видя что о насъ сожалѣютъ какъ о странѣ самой революціонной въ свѣтѣ...

№ 39.

Москва, 8-го февраля.

Со всѣхъ концовъ міра несутся поздравленія по случаю новаго адскаго покушенія. Рядомъ съ официальными заявленіями обычнаго смысла и тона, телеграфъ успѣлъ уже передать и о нѣкоторыхъ сужденіяхъ которыя мы не можемъ обойти молчаніемъ.

Вліятельнѣйшая лондонская газета, *Times*, сочла нужнымъ по этому поводу замѣтить что изо всѣхъ людей живущихъ въ Россіи всего менѣе можно сѣтовать на самого Царя. Фраза эта получила бы лучшій смыслъ еслибъ имѣла положительную, а не отрицательную форму. Русскій Царь есть предметъ безусловной преданности и любви своего народа. Никогда царская власть не была столь обильнымъ источникомъ народнаго блага какъ въ Россіи въ истекшее двадцатипятилѣтіе. Всегда Русскій народъ благоговѣйно чтитъ самодержавную власть своихъ государей, но ни-

когда не было столько причинъ ему любить своего Царя какъ въ эти достопамятныя двадцать пять лѣтъ. Не думаетъ ли кто въ Лондонѣ что злоумышленники покушающіеся на жизнь Русскаго Царя служатъ органомъ какого-либо народнаго недовольства? Едва ли кто искренно думаетъ это. Нѣтъ, враги Его суть вмѣстѣ, и еще болѣе, враги Русскаго народа. Удары которые направляются противъ Особы Государя назначаются Россіи. Злодѣи ищущіе жизни Его не имѣютъ никакого повода враждовать противъ Него лично. Повергнуть Россію въ бездну смутъ, вотъ цѣль злоумышленной крамолы, по ея собственному признанію, вотъ для чего направляются злодѣйскія покушенія противъ Главы нашего государства. Опасность преслѣдующая Государя есть наша общая всенародная опасность.

Фраза лондонской газеты неожиданно въ тотъ же день получила комментарій въ Берлинѣ, въ устахъ одного изъ вліятельныхъ членовъ германскаго парламента, вожака „имперской партіи," г. Кардорфа.

Телеграфное извлеченіе изъ вчерашней рѣчи г. Кардорфа получено было нами поздно ночью, и въ спѣшномъ переводѣ нашего бюллетеня телеграфныхъ извѣстій сказанное этимъ ораторомъ передано было не совсѣмъ точно и съ ослабленіемъ смысла. Вотъ точный переводъ соотвѣтствующаго мѣста нашей вчерашней берлинской телеграммы: „Г. Кардорфъ нахо„дитъ что усиленіе германской арміи ста„ло необходимостью вслѣдствіе измѣнив„шагося политическаго положенія. Оно „требуется не въ ожиданіи войны для от„мести (Revanche-Krieg) со стороны Фран„ціи, а въ огражденіе отъ восточныхъ со„сѣдей Германіи. Дерзкіе нигилисты пре„слѣдующіе кроткаго Русскаго Царя сво„ими преступленіями, это тѣ же панслА„висты которые хотятъ завоевать Констан„тинополь въ Берлинѣ."

Итакъ, если вѣрить заявленію вожака германскихъ рейхсконсерватиновъ, Германія вооружается отнюдь не въ виду возможнаго разчета съ Франціей, а противъ восточнаго сосѣда, а восточный сосѣдъ— это нигилисты злоумышляющіе противъ жизни Русскаго Царя. Какъ бы хорошо было еслибы Германія въ самомъ дѣлѣ объявила войну нигилистамъ и забрала бы ихъ къ себѣ въ плѣнъ! Но ораторъ называетъ нигилистовъ панславистами, слѣдуя въ этомъ установившемуся въ нѣкоторой части германской печати обычаю смѣшивать разнородное и подставлять одинъ терминъ вмѣсто другаго, что въ обыкновенномъ обиходѣ называется подлогомъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, эти господа думаютъ что панслависты и нигилисты одно и то же понятіе? Но изо всѣхъ партій въ Германіи въ ближайшемъ родствѣ съ нигилистами состоятъ соціалъ-демократы, разнясь отъ нихъ только тѣмъ что имѣютъ въ своей странѣ raison d'être, между тѣмъ какъ нигилисты въ Россіи не имѣютъ никакой почвы и служатъ орудіемъ чуждой Русскому народу и враждебной крамолы, направляемой изъ другихъ странъ подъ именемъ *Интернаціоналки*. Стало-быть соціалисты противъ которыхъ въ Германіи недавно изданъ законъ тоже панслависты? Они также преслѣдуютъ своими покушеніями императора Германскаго. Гёдель стало-быть также панславистъ?

Никто въ Россіи не рвется въ Константинополь, тѣмъ менѣе кружнымъ путемъ черезъ Берлинъ. Никто въ Россіи не помышляетъ о присоединеніи славянскихъ племенъ къ Россійской державѣ. Все это выдумки, которыя служатъ только уловкой политикѣ для прикрытія иныхъ видовъ. Подъ именемъ панславизма, господа подобные г. Кардорфу разумѣютъ просто-на-просто Россію, которая помнитъ свои преданія, вѣритъ въ свое призваніе и можетъ имѣть свои интересы, свою національную политику, никому впрочемъ не враждебную и никогда не замышлявшую похода черезъ Берлинъ на Константинополь, къ стѣнамъ котораго она подходила недавно кратчайшимъ путемъ и не вошла въ него не потому что не могла, а потому что не хотѣла. Подложно смѣшивая *панславизмъ* съ *нигилизмомъ*, эти политики желающіе разрознить Русскаго Государя съ его народомъ, въ безусловномъ единеніи которыхъ состоитъ вся сила Русской державы, готовы обозвать нигилизмомъ и нашу недавнюю войну на Востокѣ. Вотъ до чего доходитъ ложь и зло современной политики! Гёдель выходитъ панславистомъ, а эти честные, доблестные, самоотверженные русскіе воины, положившіе животъ свой за Вѣру, Царя и Отечество — нигилисты. Дѣло которое Повелитель Русскаго народа назвалъ „святымъ" и приступилъ къ нему благословясь, бросается въ разрядъ гнусныхъ злодѣйствъ направляе-

мыхъ тайною крамолой противъ Россіи въ лицѣ ея Повелителя...

№ 40.

Москва, 9-го февраля.

А.

Всего печальнѣе то что такъ-называемыя политическія преступленія вошли у насъ какъ будто въ обычай. Къ нимъ стали относиться чуть ли не также какъ къ мелкимъ воровствамъ или къ скандаламъ въ пьяномъ видѣ. Слѣдствія по этимъ дѣламъ идутъ тѣмъ же черепашьимъ ходомъ какъ и по всякимъ другимъ. Мѣры предупрежденія политическихъ преступленій, какъ и мѣры пресѣченія прикосновеннымъ къ нимъ лицамъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, тѣ же что и относительно преступленій и проступковъ иного рода, а примѣняются едва ли не съ большими либеральными послабленіями. Возьмемъ хоть недавно разбиравшееся въ Одессѣ дѣло Гориновича. 10 іюня 1876 года былъ найденъ на одной изъ одесскихъ площадей обезображенный полутрупъ этого несчастнаго человѣка, и только *черезъ три съ половиной года* дѣло это дошло до суда. Возьмемъ другое дѣло, къ которому самъ Гориновичъ привлекался какъ подсудимый. 31 мая 1874 года сдѣланъ былъ обыскъ въ подозрительной башмачной мастерской Іогана Пельконена въ Саратовѣ, поведшій къ извѣстному обширному слѣдствію на которое положено столько энергическаго труда прокуроромъ Саратовской судебной палаты Жихаревымъ,—и лишь черезъ *три года и четыре съ половиной мѣсяца*, 18 октября 1877 года, состоялось первое судебное засѣданіе по этому столь прискорбной памяти дѣлу о преступной пропагандѣ. 24 іюля 1878 года произошли извѣстные кровавые уличные безпорядки предъ зданіемъ Одесскаго военно-окружнаго суда по случаю произнесенія приговора надъ Ковальскимъ, и лишь 25 іюля прошлаго года, начался судъ надъ виновными въ этихъ безпорядкахъ. Въ виду такихъ и подобныхъ имъ примѣровъ, даже какъ-то не вѣрится что мы живемъ въ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. А пока дѣла тянутся „на долгихъ,“ сколько слѣдовъ заметается, сколько подробностей забывается, сколько открывается обстоятельствъ пособляющихъ виновнымъ увернуться отъ отвѣтственности, пользуясь отчасти притупившимся отъ времени вниманіемъ властей и слѣдователей къ дѣлу, а то и просто побѣгомъ. Случаевъ когда скрывались политически-неблагонадежныя лица отданныя подъ надзоръ полиціи такъ много что не перечтешь; также не перечесть и побѣговъ изъ-подъ ареста, изъ тюремъ, изъ мѣстъ ссылки. А въ концѣ концовъ выходитъ что судебные приговоры падаютъ большею частью лишь на второстепенныхъ и третьестепенныхъ участниковъ преступленій, между тѣмъ какъ Дейчи, Стефановичи, Бухановскіе и ихъ высшіе командиры разгуливаютъ на свободѣ, составляя и исполняя новые преступные планы. Такова общая судьба нашихъ политическихъ процессовъ, которой не избѣгли даже процессы Мирскаго и Соловьева: и тутъ рука правосудія могла покарать лишь орудія преступленія, а не тѣхъ кѣмъ эти орудія были направлены... Не избѣжалъ этой судьбы и недавно окончившійся процессъ о покражѣ 1.579.688 руб. 75 коп. изъ Херсонскаго казначейства. Сравнительно съ другими, дѣло это велось успѣшно. Большая часть похищенныхъ суммъ найдена и возвращена въ казну. Но и въ этомъ дѣлѣ главный участникъ, распоряжавшійся проведеніемъ подкопа подъ казначейство, получившій такую извѣстность „инженеръ Сашка“ избѣжалъ суда предъ который предстали менѣе важные его сообщники...

Дѣло это не напрасно было, въ теченіе болѣе чѣмъ семи мѣсяцевъ, предметомъ общаго интереса. Въ немъ дѣйствительно не мало сторонъ привлекающихъ вниманіе. Разумѣемъ тутъ не судебный приговоръ, не то что происходило на судѣ,—на этомъ мы вовсе не останавливаемся. Не имѣемъ также въ виду ни громадности похищенной суммы, ни дерзости покушенія. Практика нашихъ кредитныхъ учрежденій пріучила насъ къ расхищеніямъ предъ которыми меркнетъ даже и полуторамилліонная кража въ Херсонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ хронику послѣднихъ лѣтъ занесено не мало преступныхъ дѣяній предъ которыми, по дерзости замысла, блѣднѣютъ такіе пустяки какъ подкопы съ цѣлью кражи. Что теперь можетъ показаться дерзкимъ послѣ взрыва динамита подъ Царскою столовой въ Зимнемъ Дворцѣ! Гораздо су-

щественнѣе въ дѣлѣ тѣ его черты которыми характеризуются особыя обстоятельства современнаго положенія, придающія духъ и отвагу злоумышленникамъ...

Въ Херсонѣ, гдѣ дѣло шло не объ однихъ политическихъ, но и о денежныхъ интересахъ, преступники были быстро разысканы и накрыты. Мы имѣемъ теперь достаточныя свѣдѣнія о личности которая въ маѣ прошлаго года наняла квартиру въ домѣ сосѣднемъ съ Херсонскимъ казначействомъ, и проживала въ ней подъ именемъ жены доктора Никитиной, не возбуждая ни въ комъ подозрѣнія. Это 33-лѣтняя дама, Елена Иванова Россикова, урожденная Виттенъ, дворянка, небезызвѣстная въ близкомъ сосѣдствѣ съ Херсономъ, въ отдѣленномъ отъ него лишь рѣкою Днѣпромъ Днѣпровскомъ уѣздѣ *) Таврической губерніи, гдѣ повидимому имѣла нѣкоторыя связи, судя по тому что при ея посредствѣ днѣпровскій предводитель дворянства принялъ въ свое имѣніе конторщикомъ человѣка привлеченнаго къ отвѣтственности по обвиненію въ преступной пропагандѣ. Не совсѣмъ безызвѣстна была г-жа Россикова и въ самомъ Херсонскомъ уѣздѣ, гдѣ, въ селѣ Константиновкѣ, проживала въ 1877 году съ какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ, и откуда скрылась послѣ того какъ вблизи означеннаго селенія былъ найденъ свертокъ книгъ преступнаго содержанія. На виду была эта дама и у Херсонскаго жандармскаго управленія. Всего за два съ половиной мѣсяца предъ тѣмъ какъ она подъ именемъ Никитиной поселилась по сосѣдству съ казначействомъ, рѣшено было этимъ управленіемъ привлечь ее къ дознанію, въ виду близкихъ отношеній ея къ Фелиціи Левандовской и Соломону Виттенбергу, столь извѣстнымъ по разбиравшемуся Одесскимъ военно-окружнымъ судомъ дѣлу о 28 лицахъ обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ. Публика, мы думаемъ, не могла еще забыть этого дѣла, изъ котораго она впервые узнала о покушеніи готовившемся къ проѣзду Государя Императора въ августѣ 1878 года чрезъ Николаевъ, гдѣ Виттенбергъ съ сообщниками заложили проводники и запалы и приготовили все необходимое для взрыва...

Почти одновременно съ Еленою Россиковою былъ выслѣженъ и „инженеръ Сашка.“ Личность этого „Сашки“ перестала быть загадкой. Это, какъ и большая часть главныхъ актеровъ въ политическихъ процессахъ послѣдняго времени, одинъ изъ многихъ привлекавшихся къ Жихаревскому слѣдствію о преступной пропагандѣ и отпущенныхъ потомъ на всѣ четыре стороны. Это бывшій слушатель Петербургскаго Технологическаго Института, сынъ капитана 1-го ранга, Ѳедоръ Юрковскій, задержанный въ 1874 году вмѣстѣ съ извѣстнымъ Иваномъ Ковальскимъ (казненнымъ въ Одессѣ въ 1878), Иваномъ Дробязкинымъ (осужденнымъ по дѣлу Гориновича), своею любовницей Анной Алексѣевою (осужденною нынѣ по дѣлу Херсонскаго подкопа) и другими лицами. Впрочемъ, интересъ заключается не въ личности Юрковскаго, а въ его исчезновеніи послѣ того какъ онъ не только былъ выслѣженъ, но и находился въ рукахъ полиціи.

При какихъ обстоятельствахъ совершилось это исчезновеніе?

Юрковскій не разъ появлялся въ городѣ Алешкахъ то подъ своимъ, то подъ чужимъ именемъ. Подъ своимъ именемъ пріѣзжалъ онъ туда за семь или за восемь мѣсяцевъ до исторіи съ подкопомъ подъ Херсонское казначейство хлопотать объ опредѣленіи на должность волостнаго писаря въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, причемъ являлся и къ упустившему его въ послѣдствіи исправнику Маловичку. Затѣмъ, уже подъ именемъ Андрея Алексѣева, проживалъ онъ въ Алешкахъ и до отъѣзда въ Херсонъ для совершенія своего инженернаго подвига, и по возвращеніи оттуда съ частью украденныхъ изъ казначейства денегъ. Проживалъ онъ въ квартирѣ на окраинѣ города. Жильцы этой квартиры обратили на себя вниманіе, какъ люди подозрительные даже съ паспортной точки зрѣнія, еще раньше чѣмъ начался подкопъ подъ казначейство; мѣстный полицейскій надзиратель докладываетъ о нихъ исправнику, и исправникъ поручаетъ ему „наблюдать“ за ними.

4-го іюня обнаруживается въ Херсонѣ кража полутора милліона. На другой день, 5 іюня, Маловичко получаетъ отъ Херсонской полиціи сообщеніе о случившемся и о примѣтахъ похитителей съ просьбой принять безотлагательныя мѣры къ розыску. На слѣдующій день, 6 іюня, пріѣ-

*) Уѣздный городъ Днѣпровскаго уѣзда — Алешки.

ѣзжаетъ въ Алешки одинъ изъ херсонскихъ полицейскихъ чиновниковъ, г. Добровольскій, узнаетъ посредствомъ разспросовъ что въ Алешкахъ въ послѣднее время поселилось подозрительное семейство Алексѣевыхъ, и что въ самый день херсонской кражи вернулся изъ Херсона въ Алешки съ поклажей одинъ изъ членовъ этого семейства, Андрей Алексѣевъ, при обстоятельствахъ не оставляющихъ сомнѣнія что онъ есть именно то лицо которое ищутъ. Обо всемъ этомъ Добровольскій сообщаетъ исправнику, приглашая произвести обыскъ въ квартирѣ Алексѣевыхъ и арестовать Андрея Алексѣева. Въ кратковременную бытность Добровольскаго въ Алешкахъ, этотъ обыскъ и арестъ не производятся, потому что подозрительная квартира заперта, а жильцы ея въ отлучкѣ—уѣхали купаться за десять верстъ въ соленомъ озерѣ. Но подготовительныя мѣры приняты: на дворѣ сосѣдняго дома поставленъ полицейскій караулъ. Жильцы подозрительной квартиры возвращаются домой позднею порой. Обыскъ и арестъ ночью признаются неудобными и откладываются до утра.

Настаетъ утро 7 іюня. Исправникъ освѣдомляется что жильцы подозрительной квартиры проснулись; стало-быть можно приступить къ дѣлу. Около 5 часовъ утра, исправникъ появляется въ квартирѣ Алексѣевыхъ и мирно бесѣдуетъ тамъ съ „Андреемъ Алексѣевымъ“ или „Сашкой,“ то-есть съ Осдоромъ Юрковскимъ, и съ его любовницей, Анной Алексѣевой. Ихъ бесѣда по временамъ прерывается появленіемъ то полицейскаго надзирателя состоявшаго при сторожевомъ постѣ, то помощника исправника. Но и тотъ и другой изъ словъ и знаковъ исправника заключаютъ что ни они сами, ни находившіеся на сторожевомъ посту десятскіе не нужны, и всѣ они расходятся. Ни обыска, ни ареста не производится. Исправникъ, по собственному его показанію занесенному въ обвинительный актъ, „не счелъ нужнымъ прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ,“ которыхъ отъ него не требовали „категорически.“

Въ то же утро, немного спустя, бывшій на сторожевомъ посту полицейскій надзиратель встрѣчаетъ „Андрея Алексѣева“ уже свободно идущимъ по базарной площади, но не останавливаетъ его „считая себя не въ правѣ вмѣшиваться въ распоряженія своего непосредственнаго начальника, не сдѣлавшаго распоряженія объ его задержаніи.“ Еще немного спустя, въ тотъ же день, въ 10 часовъ утра, пріѣзжаетъ въ Алешки изъ Херсона прокуроръ Лангъ, но отъ „Сашки“ уже и слѣдъ простылъ.

Исправникъ Маловичко былъ по крайней мѣрѣ подъ судомъ и приговоренъ къ исключенію изъ службы. Впрочемъ, онъ поступалъ по обычаю, согласно общей системѣ разслабленія. Припоминаемъ, между прочимъ, случай изъ обвинительнаго акта по Жихаревскому слѣдствію. Одинъ изъ послѣднихъ дѣятелей тогдашняго „хожденія въ народъ,“ членъ одного изъ петербургскихъ революціонныхъ кружковъ, именно „кружка артиллеристовъ,“ бывшій воспитанникъ Михайловскаго Артиллерійскаго училища, перешедшій оттуда въ Медико-Хирургическую Академію, Тепловъ, попадается въ руки полиціи въ Муромѣ. Онъ арестованъ, у него найдены компрометтировавшія его бумаги, при заарестованіи сдѣлано имъ категорическое заявленіе „что онъ никакихъ властей не признаетъ,“ и послѣ всего онъ отпущенъ, и задерживается вновь уже въ послѣдствіи, послѣ розысковъ, въ Данковскомъ уѣздѣ. Поразительна не столько преступность чиновниковъ по винѣ коихъ политическіе преступники ускользаютъ безъ слѣда,— поразителенъ общій характеръ отношенія агентовъ власти къ дѣлу своего долга.

Полицейское „наблюденіе“ надъ семействомъ Алексѣевыхъ въ Алешкахъ нисколько не помѣшало „Андрею Алексѣеву“ совершить свое преступное дѣло въ Херсонѣ (туда отъ Алешекъ черезъ Днѣпръ рукой подать). Но въ Алешкахъ ли только полицейскій надзоръ такъ мало дѣйствителенъ?

Херсонское жандармское управленіе признаетъ нужнымъ привлечь Елену Россикову къ слѣдствію, въ которомъ идетъ дѣло, между прочимъ, о страшномъ покушеніи. Эта самая Россикова живетъ у него подъ бокомъ въ Херсонѣ занимаясь подкопомъ, и жандармское управленіе ничего о томъ не вѣдаетъ, хотя располагаетъ средствами не меньшими тѣхъ какія даютъ анархистамъ возможность провѣдывать важныя для нихъ канцелярскія тайны. Но одно ли Херсонское жандармское управленіе оказывается въ подобномъ положеніи?

Херсонскій полицейскій чиновникъ, помощникъ частнаго пристава, въ моментъ когда всѣ херсонскія власти выбиты изъ

обычной колеи полуторамилліонною кражей, командируется въ сосѣднюю губернію, въ городъ Алешки, по дѣламъ службы. Имъ обнаруженъ слѣдъ героя этой кражи. Остается поймать звѣря. Но наступаютъ сумерки, пора вернуться домой, и херсонскій полицейскій чиновникъ спокойно, „исполнивъ возложенную на него *прямую* обязанность,“ ѣдетъ обратно въ Херсонъ, не заботясь о томъ какъ и чѣмъ завершатся рекомендованные имъ арестъ и обыскъ. Все подобное у насъ въ порядкѣ вещей.

Полицейскій надзиратель въ Алешкахъ, которому еще за полторы недѣли поручено было наблюдать за Алексѣевыми, встрѣчаетъ выслѣженнаго звѣря на свободѣ, но и не думаетъ остановить его или слѣдить за нимъ, потому что не сдѣлано „распоряженія объ его задержаніи.“ Начальникъ этого надзирателя, исправникъ, не обыскиваетъ и не арестуетъ того же звѣря, потому что обыскъ и арестъ не потребованы отъ него „категорически.“ Не тѣми ли же соображеніями руководятся многія лица стоящія и на болѣе высокихъ ступеняхъ административной лѣстницы?

Арестъ и обыскъ въ данномъ случаѣ показались исправнику крайними мѣрами; такія мѣры ему антипатичны. Онъ, должно быть, тоже господинъ либеральнаго пошиба, и также какъ верхнія власти заботился о популярности между двигателями либеральныхъ идей и быть-можетъ видѣлъ въ Сашкѣ провозвѣстника прогресса... Не такъ ли и высшія, тонъ всему дающія власти, нерѣдко поступаютъ? А вѣдь въ среднихъ-то мѣрахъ и полумѣрахъ и заключается корень того зла которое своими проявленіями держитъ въ недоумѣніи всю страну, подвергая въ ней вопросу все сверху до низу.

Б.

Агентство Вольфа настойчиво продолжаетъ угощать насъ статьями *Сѣверо-Германской Газеты*. Вотъ новый совершенно оригинальный способъ заставить публику въ чужихъ краяхъ читать извѣстную газету, знакомиться съ ея мнѣніями и запечатлѣвать ихъ въ своемъ сердцѣ. Строгая газета, такъ замѣтно оживившаяся въ послѣднее время, все разъясняетъ намъ смыслъ вооруженій признаваемыхъ необходимыми Германіей. Все дѣло де въ томъ что въ Россіи и Франціи находятся во власти партіи которыя помышляютъ о союзѣ этихъ двухъ странъ. Что касается таковой партіи въ Россіи, то одинъ изъ ораторовъ Берлинскаго парламента вчера неожиданно объяснилъ намъ что это нигилисты, панслависты тожь...

Говоря серіозно, въ этихъ настойчивыхъ и немножко суровыхъ обращеніяхъ газеты князя Бисмарка къ русской публикѣ нельзя не усмотрѣть желанія произвести нѣкоторую перемѣну въ русскомъ правительственномъ персоналѣ. Говоря проще, желаютъ непремѣнно настоять на томъ чтобы портфель иностранныхъ дѣлъ въ Россіи перешелъ въ другія руки....

Мы думаемъ что хлопоты *Сѣверо-Германской Газеты* во всякомъ случаѣ излишни. Наши сношенія съ державами не зависятъ отъ господства какой-либо партіи въ Россіи. Ихъ направляетъ рука самого Главы Государства. Германія можетъ быть совершенно увѣрена что никакихъ враждебныхъ замысловъ противъ нея со стороны Россіи не имѣется; но надо же признать и за Россіей какъ за всякою державой право имѣть свои маленькіе интересы и сохранять нѣкоторую свободу дѣйствій, безъ каковой никто не сталъ бы дорожить ея дружбой...

№ 42.

Москва, 11-го февраля.

А.

Виновникъ покушенія 19 ноября, Гартманнъ, арестованъ въ Парижѣ. Идетъ рѣчь о его выдачѣ. Въ международныхъ сферахъ господствуетъ доктрина ограждающая политическихъ преступниковъ. Но что такое политическіе преступники относительно которыхъ правительства другихъ странъ могутъ и должны соблюдать нейтралитетъ? Нейтралитетъ имѣетъ смыслъ между воюющими сторонами. Если въ государствѣ идетъ открытая или глухая междуусобная борьба, мы понимаемъ что другія правительства не могутъ считать себя въ правѣ вмѣшиваться въ чужое дѣло и принимать сторону одной части населенія противъ другой, или одной династіи въ ея споръ съ другою. Франція, страна революцій, представляетъ наилучшій примѣръ политическихъ партій, въ борьбу которыхъ иностранныя правительства не могутъ и не

должны вмѣшиваться. Эти партіи имѣютъ каждая свое относительное право, каждая держала когда-то верховную власть въ своихъ рукахъ и имѣетъ въ народѣ приверженцевъ остающихся ей вѣрными, имѣетъ свое болѣе или менѣе многочисленное воинство отстаивающее честь ея знамени и готовое добиваться торжества ея дѣла. Теперь во Франціи господствуетъ республика, но когда-то господствовала тамъ старая монархія которая пала въ борьбѣ, но не отреклась отъ своего права. Точно также Наполеоновская династія есть великій историческій фактъ въ исторіи Франціи. Есть партія іюньской монархіи, господствовавшей какъ и Наполеоновская имперія на революціонной почвѣ. Каждая изъ этихъ партій, домогаясь обратно принадлежавшей ей нѣкогда власти, можетъ оказаться во Франціи преступною. Но въ предѣлахъ другаго государства люди такой партіи не будутъ считаться преступными если ими не нарушены законы общіе всѣмъ государствамъ, если они ни поджигатели, ни тайные убійцы, ни мошенники. Республиканская партія, въ свою очередь, держала верховную власть революціонной Франціи въ своихъ рукахъ, и потому республиканецъ взбунтовавшійся во время господства монархическихъ партій, точно также имѣлъ право на нейтралитетъ иностранныхъ правительствъ.

Но можетъ ли международная доктрина ограждающая такимъ образомъ политическихъ преступниковъ примѣняться къ той крамолѣ которая, къ стыду нашему, такъ долго держится у насъ, отвергаемая всѣмъ народомъ, поддерживаемая только измѣнниками и предателями, поощряемая только слабостью и нерѣшительностью правительственнаго противъ нея дѣйствія,—можетъ ли она примѣняться къ такъ-называемому нигилизму, поставившему себѣ цѣлію разрушеніе всѣхъ основъ общежитія и для достиженія этой цѣли совершающему дѣйствія оскорбляющія законы всѣхъ на свѣтѣ государствъ и совѣсть всѣхъ на свѣтѣ религій? Людей этихъ называютъ политическими преступниками, но конечно не въ томъ же смыслѣ какъ во Франціи можетъ называться политическимъ преступникомъ взбунтовавшійся бонапартистъ, легитимистъ, республиканецъ.

Неужели достаточно совершить гнуснѣйшее изъ покушеній, проклинаемое не только народомъ гдѣ оно совершилось, но и всѣми народами, для того чтобы получить титулъ политическаго преступника и въ этомъ званіи имѣть право на убѣжище?

Правительственный Вѣстникъ сообщилъ во всеобщее свѣдѣніе первые результаты дознанія о взрывѣ 5 февраля въ Зимнемъ Дворцѣ. Однимъ изъ участниковъ оказывается, какъ и предполагалось съ самаго начала, человѣкъ проживавшій въ подвальномъ помѣщеніи подъ караульней, подъ видомъ столяра, и стоявшій въ связяхъ съ другими лицами, уже прежде арестованными. Дѣйствительное имя и званіе его неизвѣстны. Проживалъ онъ въ Зимнемъ Дворцѣ по фальшивому, искусно поддѣланному паспорту.

Трудно было понять какъ допущена покупка дома изъ котораго проведенъ подкопъ подъ полотно Курской дороги лицомъ предъявившимъ фальшивый видъ. Но что значитъ этотъ случай предъ фактомъ проживанія по фальшивому паспорту во Дворцѣ?

Казалось бы, во Дворецъ, ни на какую должность, ни къ какому занятію не могутъ быть допускаемы лица, въ чьей благонадежности нѣтъ полной увѣренности. То ли мы видимъ? Вотъ, напримѣръ, вахтеръ надзиравшій за помѣщеніемъ подъ караульней гдѣ работали столяры. Слѣдовало бы думать что это какой-нибудь надежный, заслуженный гвардеецъ. Такъ мы и думали читая въ одномъ изъ напечатанныхъ нами писемъ что этотъ вахтеръ находился во Дворцѣ уже пятнадцать лѣтъ. На повѣрку же, это оказывается неосновательнымъ слухомъ который пронесся среди суматохи въ самый вечеръ преступленія. Вахтеръ поступилъ во Дворецъ только съ прошлаго августа. Объ его прошломъ извѣстно лишь то что онъ служилъ гдѣ-то въ Вильнѣ, потомъ въ Кіевѣ, и невѣдомо гдѣ находился и чѣмъ занимался послѣ.

При одномъ обыскѣ сдѣланномъ въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ покушенія 19 ноября, былъ найденъ въ числѣ другихъ бумагъ планъ Зимняго Дворца. Одно мѣсто на этомъ планѣ было, какъ слышно, отмѣчено какимъ-то знакомъ. Неизвѣстно было ли на это обращено должное вниманіе—и не произошелъ ли взрывъ 5 февраля именно въ томъ мѣстѣ которое отмѣчено этимъ знакомъ?

Б.

Въ № 33 *Правительственнаго Вѣстника* опубликованъ обычный „Краткій отчетъ“ по исполненію призыва къ воинской повинности въ 1879 году. Цифры этого отчета даютъ возможность сдѣлать нѣсколько выводовъ не лишенныхъ интереса въ виду вѣроятнаго у насъ перехода къ сокращеннымъ срокамъ службы подъ знаменами, вызываемаго потребностями нашей военной организаціи.

Все число лицъ подлежавшихъ вынутію жребія достигало, въ 1879 году, цифры 759.188.

Подлежавшихъ призыву и не имѣвшихъ права на льготы по семейному положенію было около половины этого числа, приблизительно 375.000 человѣкъ; изъ нихъ неспособныхъ къ военной службѣ, по даннымъ отчета, должно быть около трети, и затѣмъ оставалось для исполненія набора до 250 тысячъ. Изъ нихъ принято 211 тысячъ. Должно было остаться за жребіемъ 39 тысячъ, а между тѣмъ на дѣлѣ оказалось необходимымъ во всѣхъ губерніяхъ брать льготныхъ не только третьяго, но даже втораго разряда, и притомъ въ пропорціи довольно значительной: изо льготныхъ третьяго разряда около 3%, изо льготныхъ втораго около 1%. Это объясняется довольно значительною неявкой къ пріему по всѣмъ губерніямъ и принятою системой разверстки.

Сокращеніе срока службы повлечетъ за собою увеличеніе ежегоднаго контингента. Такъ, съ принятіемъ, напримѣръ, четырехлѣтняго срока службы, сокращеннаго отпусками, ежегодный контингентъ пришлось бы съ 218 тысячъ поднять до 250. При этомъ, если оставить нынѣшніе порядки, число льготныхъ привлекаемыхъ на службу возросло бы въ значительной степени Между тѣмъ, при иной, болѣе равномѣрной развертклѣ контингента призываемыхъ можно было бы избѣжать призыва льготныхъ, даже и при усиленныхъ контингентахъ.

Но и не замѣняя системы разверстки, было бы вполнѣ возможно устранить призывъ льготныхъ, опредѣливъ что въ случаѣ недостатка въ данной мѣстности лицъ не пользующихся льготами, недостающее число пополняется изъ остатка ихъ по всей губерніи и даже изъ остатковъ прежнихъ лѣтъ. Кромѣ того слѣдовало бы смотрѣть на льготы какъ на отсрочку и призывать къ жребію въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, всѣхъ чье право на льготу утратилось въ это время.

Все это не имѣлось въ виду нашимъ уставомъ отчасти потому что принятый срокъ службы былъ великъ, а слѣдовательно годовой контингентъ относительно малъ, но главнымъ образомъ по той причинѣ что коммиссія разрабатывавшая проектъ устава находила не удобнымъ безпокоить, по примѣру Германіи, человѣка заставляя его два-три года подъ рядъ являться къ вынутію жребія. Между тѣмъ, на дѣлѣ выходитъ что церемонія съ одними ведетъ къ явному ущербу, а можетъ-быть и къ разоренію другихъ, затрудняя въ то же время весьма простой, казалось бы, при численности нашего населенія переходъ къ болѣе короткимъ срокамъ службы.

При послѣднемъ призывѣ надлежало взять 218.000 человѣкъ, дѣйствительно же принято и зачтено по рекрутскимъ квитанціямъ съ небольшимъ 215.000, такъ что оказался недоборъ въ 2.619 человѣкъ, изъ коихъ 2.312 Евреевъ. Недоборъ съ остальнаго населенія ограничивается ничтожною цифрой 307, весьма легко объясняемою принятою у насъ системой разверстки годоваго контингента между губерніями и уѣздами.

Совсѣмъ не то представляетъ цифра недобора съ Евреевъ. Она свидѣтельствуетъ о достигающемъ до чудовищныхъ размѣровъ уклоненіи отъ воинской повинности, противъ котораго оказывается почти безсильною и та особая установленная въ маѣ 1878 года мѣра въ силу коей, въ счетъ слѣдующаго съ Евреевъ контингента, могутъ быть взяты, вмѣсто уклонившихся, даже имѣющіе право на льготу по первому разряду. Такихъ лицъ въ отчетномъ году, дѣйствительно, взято свыше пятисотъ; но это, какъ видно, не измѣняетъ положеніе дѣла. Нужны болѣе существенныя мѣры къ пресѣченію способовъ уклоняться отъ призыва. Въ самомъ дѣлѣ, въ истекшемъ году къ вынутію жребія призывалось до 40.000 Евреевъ, изъ коихъ не явилась цѣлая треть. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ число неявившихся поразительно: въ Бессарабіи, напримѣръ, въ Ковенской, Виленской и Подольской губерніяхъ, число неявившихся простирается до двухъ третей призыва.

Но и это еще не объясняетъ столь значительнаго недобора, такъ какъ въ рек-

рутскія присутствія все же явилось слишкомъ 23.000 Евреевъ. По даннымъ отчета, число вовсе или временно неспособныхъ къ военной службѣ составляетъ вообще около трети всего числа подлежащихъ призыву, а слѣдовательно изъ оставшихся налицо Евреевъ представлялось бы возможнымъ принять даже не 10, а 12—13 тысячъ. Что-нибудь одно: или еврейское населеніе значительно слабѣе физически, или же причина недобора есть нѣчто предосудительное. Цифры отчета не въ пользу перваго предположенія...

№ 43.

Москва, 12-го февраля.

Сѣверо-Германская Всеобщая Газета; съ усердіемъ и настойчивостью достойными лучшаго дѣла, продолжаетъ свой оригинальный походъ противъ „колоссальныхъ вооруженій“ Россіи, а услужливое агентство Вольфа не менѣе настойчиво продолжаетъ придавать этимъ разсужденіямъ ту усиленную и всемірную огласку коей могущественнымъ орудіемъ служитъ телеграфъ, по существу своему вовсе не предназначенный для такого рода „публицистическихъ“ цѣлей. Поневолѣ подумаешь что во всемъ этомъ есть система, и что въ этой системѣ не послѣднюю роль играетъ телеграфный способъ оглашенія офиціозныхъ размышленій, повидимому *ad hoc* и сочиняемыхъ.

На этотъ разъ берлинскій офиціозный органъ разоблачаетъ планы русской военной администраціи объ устройствѣ укрѣпленій на нашей западной границѣ у Ковна, Бѣлостока и Гродна, и доказываетъ что планъ этотъ не можетъ быть внушенъ Русскому правительству дѣйствительными опасеніями нападенія со стороны Германіи, а потому остается де предположить что эти укрѣпленія „имѣютъ своею цѣлью только произвесть на Русскій народъ впечатлѣніе что есть основаніе бояться нападенія Германіи“. Едва ли есть надобность опровергать подобнаго рода „предположенія“. Ихъ натянутость и искусственность не могутъ не броситься каждому въ глаза. Мы бы охотно уклонились вовсе отъ ознакомленія нашихъ читателей съ этого рода „спѣшными сообщеніями“ изъ Берлина, ибо мы вовсе не считаемъ себя обязанными содѣйствовать тѣмъ цѣлямъ для коихъ это дѣлается. Но еслибы мы не стали печатать этихъ странныхъ телеграфныхъ сообщеній, то это не помѣшало бы оглашенію ихъ чрезъ другія газеты. А давъ имъ по необходимости мѣсто, мы не можемъ оставить ихъ безъ оговорки.

Мы не станемъ спорить съ лейбъ-органомъ князя Бисмарка о фактѣ подавшемъ этой газетѣ поводъ къ послѣдней замѣткѣ, тѣмъ болѣе что мы не посвящены, подобно этому органу, въ предположенія и планы русской военной администраціи. Для насъ гораздо важнѣе тотъ способъ аргументаціи посредствомъ котораго стараются внушить Россіи что она не должна заботиться о безопасности своей границы. И это проповѣдуется въ то самое время когда въ самой Германіи огромное приращеніе военныхъ силъ есть дѣло рѣшенное. Можетъ ли быть что-либо безцеремоннѣе подобной выходки? Но и помимо этого, кому неизвѣстно что до сихъ поръ германская военная администрація не предавалась бездѣйствію и окружила Германію со всѣхъ сторонъ цѣпью громадныхъ крѣпостныхъ сооруженій, на что потрачено, со времени послѣдней войны съ Франціей, болѣе *4.000 милліоновъ марокъ*, какъ еще на дняхъ было заявлено въ засѣданіи германскаго рейхстага? Укрѣпленія эти одинаково ревностно возводились какъ на западной такъ и на восточной границѣ Германіи, и въ такое время когда отношенія между Германіей и Россіей были самыя дружественныя. Никому и въ голову не приходило усматривать въ этихъ предусмотрительныхъ мѣрахъ что-либо тревожное, какое-либо противорѣчіе взаимной дружбѣ обѣихъ державъ которую князь Бисмаркъ провозглашалъ тогда превыше всякихъ башень. Теперь же намъ стараются внушить что Россія не можетъ быть въ этомъ отношеніи равноправна съ Германіей, и что вообще она не можетъ, не навлекая на себя подозрѣній въ воинственныхъ замыслахъ, принимать у себя тѣ мѣры военнаго огражденія какія признаетъ необходимыми. Почему же такъ? А потому, отвѣчаютъ намъ изъ Берлина, что Германія есть „мирная держава“, и нападенія отъ ней Россія *ни въ какомъ случаѣ* опасаться не можетъ; Россія же, наоборотъ, возводя укрѣпленія на своей границѣ, *ни въ какомъ случаѣ* не можетъ

этого дѣлать для цѣлей обороны, а если дѣлаетъ то развѣ затѣмъ чтобы создать операціонный базисъ для будущей наступательной войны противъ Германіи.

Еслибы была надобность серіозно опровергать двойную фальшь въ послѣднемъ положеніи, то бы могли бы съ гораздо большею основательностью перевернуть его. Изо всѣхъ европейскихъ державъ Германія въ послѣднія пятнадцать лѣтъ обнаруживала наибольшую подвижность и духъ отважной предпріимчивости; она потрясла весь строй европейскаго материка и произвела перемѣны которыя перемѣстили центры тяготѣнія и политической устойчивости. Но и за всѣмъ тѣмъ, въ самой Германіи, сознаютъ что великія перемѣны совершившіяся по ея иниціативѣ и ея военною силой далеко не кончены. Многое осталось еще недодѣланнымъ; германское единство во многомъ еще не обезпечено, да оно можетъ казаться германскому патріотизму и неполнымъ, ибо значительная часть бывшаго Германскаго Союза осталась за предѣлами новой имперіи. На существующемъ теперь *statu quo* Германія не успокоилась. Кто же можетъ предвидѣть какими путями Германія вынуждена будетъ искать довершенія, или по крайней мѣрѣ упроченія, своего единства и могущества, въ какія ей придется вступать политическія комбинаціи, съ кѣмъ бороться, противъ кого направить свои удары? Чтобы не далеко ходить, мы можемъ указать на мотивы къ новому военному закону въ коихъ Германское правительство само указываетъ что положеніе Германіи таково что ей необходимо имѣть наготовѣ усиленныя, сравнительно съ другими державами, средства *наступленія*. Напротивъ, Россія, менѣе всѣхъ прочихъ европейскихъ державъ, имѣетъ надобность въ какомъ бы то ни было территоріальномъ приращеніи, и о завоевательныхъ замыслахъ съ ея стороны нельзя говорить добросовѣстно, а можно лишь пускать въ ходъ завѣдомо лживыя фразы въ родѣ той которую употребилъ на дняхъ депутатъ рейхстага г. Кардорфъ, приписавъ „панславистамъ“ планъ завоеванія Константинополя въ Берлинѣ. Стало-быть, если гадать о возможностяхъ, то политика задора имѣетъ наибольшіе шансы въ Германіи и наименьшіе въ Россіи.

Но въ этомъ случаѣ мы не вѣримъ въ искренность *Сѣверо-Германской Газеты* и вовсе не допускаемъ чтобъ она въ самомъ дѣлѣ питала тѣ опасенія насчетъ затаенныхъ цѣлей коими будто внушается предположеніе о различныхъ крѣпостныхъ сооруженіяхъ предположенныхъ, по ея же словамъ, на русской западной границѣ. Мы не можемъ допустить чтобы подобныя мысли искренно проповѣдывались тою самою газетой которая, на дняхъ только, 20-го февраля, разсуждая на другой ладъ на ту же тему опасности угрожающей будто бы со стороны Россіи Германіи, заключила свою замѣтку слѣдующими словами: „Но самымъ надежнымъ ручательствомъ „(для Германіи) всегда будетъ не столько „пріязнь нашихъ сосѣдей, сколько наша „собственная военная сила.“

Нельзя отнять и у Россіи права разсуждать такимъ же образомъ, а если справедливо что у насъ наконецъ подумали о томъ что наша западная граница не можетъ оставаться въ томъ беззащитномъ состояніи въ какомъ она была до сихъ поръ, то изъ этого разумѣется отнюдь не слѣдуетъ что Россія пренебрегаетъ пріязнію своего сосѣда, или что она питаетъ какіе-либо коварные замыслы.

Совершенно вѣрно что Россія и въ свою очередь не имѣетъ повода опасаться въ настоящее время нападенія Германіи. Вопреки всѣмъ толкамъ къ какимъ подалъ поводъ образъ дѣйствій Германіи во время и послѣ окончанія послѣдней Восточной войны, вопреки австро-германскому союзу надѣлавшему такого шума, мы и теперь убѣждены что ни Россіи, ни Германіи нѣтъ ни повода, ни интереса ссориться между собою. Но кромѣ согласія основаннаго на равенствѣ взаимнаго могущества и взаимности интересовъ, возможны и иного рода отношенія между двумя державами, изъ коихъ одна будетъ располагать всѣми способами дѣятельно осуществить свои виды и въ случаѣ надобности дать отпоръ всякому противодѣйствію, а другая будетъ въ такомъ положеніи что ей придется слѣдовать по стопамъ первой, а въ иныхъ случаяхъ отрекаться отъ себя и подчинять свои интересы чужимъ, по невозможности избѣжать давленія извнѣ.

Не съ этою ли цѣлью, не для того ли чтобы поставить Россію въ такое положеніе, *Сѣверо-Германская Газета*, купно съ офиціознымъ телеграфомъ, такъ усердствуютъ въ послѣднее время?

Едва мы дописали эти строки какъ получили отъ нашего всегда хорошо свѣдущаго вѣнскаго корреспондента извѣстіе что выходка канцлерской газеты въ Берлинѣ не одобряется въ австрійскихъ правительственныхъ сферахъ и признается „капризнымъ задираніемъ“ Россіи и Франціи. Но вотъ еще телеграмма прямо изъ Берлина, и отъ того же Вольфа: оказывается что мы нашли союзника въ самой *Съверо-Германской Газетѣ*. Кто-то изъ „значительныхъ сферъ“ доказываетъ (неужели и это нужно доказывать?) канцлерскому органу что каждое самостоятельное государство, а стало-быть и Россія, имѣетъ неоспоримое право укрѣплять свои границы какъ сочтетъ за нужное.

№ 44.

Москва, 13-го февраля.

А.

Salus reipublicae—suprema lex. Всѣ законы подчиняются требованіямъ безопасности государства когда оно въ опасности. Послѣдовательныя, растущія въ дерзости попытки тайной крамолы противъ Царя и Царствующаго Дома не вошютъ ли о рѣшительныхъ мѣрахъ для спасенія государства? Когда государство въ опасности, прежде всего требуется чтобы власть была совершенно свободна въ своихъ дѣйствіяхъ. Всѣ стѣсняющія ее формальности отмѣняются, всѣ учрежденія замедляющія ея дѣйствіе пріостанавливаются въ своихъ отправленіяхъ. Въ Англіи, при подобныхъ обстоятельствахъ, давно былъ бы пріостановленъ актъ *Habeas corpus*. А намъ, въ виду опасности грозящей государству, добрые люди совѣтуютъ еще болѣе связать себя по рукамъ и ногамъ—и предлагаютъ конституцію какъ панацею всѣхъ золъ!

Нѣтъ, не только очевидная въ эту минуту опасность угрожающая государству, но и хроническое состояніе Россіи требуютъ нестѣсненнаго дѣйствія власти, уважающей себя, проникнутой святостію своего призванія, разумной и зоркой. Вотъ реформа какой всего болѣе ожидаетъ Россія! Все въ ней оживится, все ободрится, все успокоится когда повсюду обнаружится дѣйствіе власти здоровой и немнительной, сознающей свою силу и проникнутой чувствомъ своимъ обязанностей. Только такого дѣйствія ожидаетъ Россія чтобы стряхнуть съ себя кошемаръ и поправиться во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Чары подъ которыми мы томимся, которыя парализуютъ нашу жизнь, роняютъ нашъ духъ, ослабляютъ наше положеніе какъ великой державы, дѣлаютъ насъ позорищемъ для цѣлаго міра,—исчезнутъ какъ только захотимъ мы встать на наши здоровыя ноги убѣдившись что онѣ не стеклянныя.

Государство въ опасности потому что у насъ завелась шайка злодѣевъ и убійцъ направляемыхъ тайною крамолой и поощряемыхъ слабостью отпора. Шайка эта ничтожна по своей численности. Она и не пытается поднять народныя массы, которыя мгновенно истребили бы ее еслибъ она осмѣлилась выказаться предъ ними. Она сосредоточила свои адскія усилія противъ особы Монарха чтобъ однимъ ударомъ поколебать Россію въ ея основаніяхъ и повергнуть ее въ бездну анархіи.

Кто же эти наши враги? Недостаточно ловить одичалыхъ и развращенныхъ исполнителей зла. Надо поразить ихъ въ томъ что̀ порождаетъ и вызываетъ ихъ, что̀ поддерживаетъ ихъ увѣренность, что̀ придаетъ ихъ организаціи дѣйствительную силу. Прежде всего требуется чтобы дѣйствующія власти провѣрили свои дѣйствія и досмотрѣли персоналъ своихъ совѣтниковъ и исполнителей. Кто поручится что между агентами законнаго правительства не находятся агенты тайной крамолы какое бы ни было ея происхожденіе? Опытъ очень недавняго прошлаго долженъ бросить намъ свѣтъ и на настоящее положеніе. Сила польской революціонной организаціи 1863 года заключалась не въ тѣхъ жалкихъ членахъ *жонда* и *начельникахъ мяста*, которые точь-въ-точь походятъ на нынѣшнихъ нигилистовъ фигурирующихъ въ политическихъ процессахъ. Сила заключалась въ тѣхъ связяхъ которыя революціонная организація имѣла въ администраціи и полиціи законнаго правительства. Въ Царствѣ Польскомъ почти вся мѣстная администрація и полиція были въ заговорѣ. Въ западныхъ губерніяхъ администрація и полиція были полны сознательныхъ или безсознательныхъ его пособниковъ. Наконецъ, Сѣраковскіе, Огрызки и столько другихъ служатъ доказательствомъ что заговоръ имѣлъ своихъ руководителей да-

же въ самой центральной администраціи Имперіи.

Какъ во время польскаго мятежа такъ и теперь, злонамѣренная крамола опасна тѣмъ что ея агенты, страшась ея, болѣе повинуются ей чѣмъ слуги законнаго правительства повинуются ему въ исполненіи своихъ обязанностей. Кромѣ своихъ прямыхъ агентовъ, крамола теперь, какъ и во время польскаго мятежа, имѣетъ не мало повсюду попустителей, благодаря политической деморализаціи распространившейся въ интеллигентныхъ сферахъ нашего общества и хаосу незрѣлыхъ понятій которыя въ немъ тогда бродили, а теперь еще болѣе. Послѣ польскаго мятежа дѣла наши осложнились: появились разныя новыя учрежденія, благодѣтельныя въ своей основѣ, но еще не установившіяся и недостаточно соглашенныя между собою и съ цѣлымъ, и потому производящія нездоровое броженіе въ умахъ. Вожаки крамолы, послѣ долгихъ колебаній и споровъ между собою, предпочли воспользоваться моментомъ и дѣйствовать рѣшительно, оставивъ прежній планъ постепеннаго отравленія народа. Поощряемые переходнымъ положеніемъ, они употребляютъ теперь отчаянныя усилія чтобъ однимъ ударомъ потрясти государство...

Пора намъ проснуться, пора развязать себѣ руки и перестать стыдиться и чего-то конфузиться въ пользованіи властью когда дѣло идетъ о спасеніи и пользѣ государства. Какъ только главные ея органы дадутъ всѣмъ почувствовать что они понимаютъ свои обязанности и начнутъ съ неуклонною энергіей и разумною послѣдовательностью дѣйствовать, полагая въ основу всему безопасность и пользу государства, здравый смыслъ подниметъ голову, и повсюду заговоритъ чувство чести и патріотизма. Все для всѣхъ связано съ безопасностью государства. Все колеблется когда оно колеблется. Все человѣческое, всякое общежитіе, всякая цивилизація, всякая свобода, возможны лишь въ оградѣ твердаго государства. Только увѣренное въ себѣ и совершенно безопасное государство можетъ являться съ достоинствомъ среди другихъ державъ и отстаивать съ честію свои національные интересы. Только спокойное за себя и незыблемое государство можетъ служить вѣрнымъ обезпеченіемъ всѣхъ законныхъ правъ и всякаго добраго дѣла внутри...

Б.

Агентство Вольфа неутомимо продолжаетъ свое. Каждый день получаемъ мы чрезъ него какое-нибудь назиданіе, и телеграфъ заставляетъ насъ распространять въ русской публикѣ завѣдомо невѣрныя воззрѣнія чужой печати. Мало того что наши дѣла подвергаются лжетолкованіямъ, хотятъ чтобы русская печать была ихъ органомъ. *Провинціальная Корреспонденція*, извѣстный официозный берлинскій органъ, опять сближаетъ нигилистовъ съ панславистами. Панслависты, говоритъ этотъ органъ, были возбудителями войны на Востокѣ. Но Россія ведетъ войны на Востокѣ не со вчерашняго дня. Исторія Россіи полна восточныхъ войнъ. Не какою-либо партіей панславистовъ привлечена Россія къ Востоку; она привлечена къ нему всею своею исторіей. Если мы должны усвоить себѣ точку зрѣнія *Провинціальной Корреспонденціи*, то и Петръ Великій, и Екатерина II, и Николай I окажутся панславистами, нигилистами тожь.

Мы не стали бы печатать подобныя сообщенія; но что толку? они появятся въ другихъ русскихъ газетахъ. Остается пожелать чтобы *Международное Телеграфное Агентство* отказалось принимать и разсылать ихъ.

№ 45.

Москва, 14-го февраля.

А.

Совершилось то чего слѣдовало ожидать. Правительство рѣшилось дѣйствовать противъ крамольнаго заговора который держитъ въ тревогѣ всю Россію. Мы уже знаемъ лицо облеченное полновластіемъ въ дѣлѣ государственной безопасности. Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ ознаменовалъ себя важными заслугами и въ военное и въ мирное время; есть полное основаніе надѣяться что новое, столь высоко отвѣтственное дѣло къ которому призываетъ его довѣріе Монарха, будетъ ему по силамъ. Для дѣла къ которому онъ призванъ требуется умъ обширный, проницательный и гибкій, и энергія характера, не допускающаго никакихъ сдѣлокъ съ совѣстію, ставящаго выше всего испол-

неніе долга и, при добротѣ и мягкости, чуждаго суетнымъ, слишкомъ къ сожалѣнію обыкновеннымъ у насъ увлеченіямъ нравиться всѣмъ, даже противникамъ и врагамъ. Можно имѣть полную увѣренность въ успѣхѣ дѣла поскольку успѣхъ будетъ зависѣть отъ личныхъ качествъ графа Лорисъ-Меликова; но многое, къ сожалѣнію, будетъ зависѣть и отъ обстоятельствъ среди которыхъ онъ призванъ дѣйствовать. Встрѣтитъ ли онъ вполнѣ искреннее содѣйствіе со стороны всѣхъ высокихъ властей которыми онъ будетъ окруженъ въ Петербургѣ? Не возбудятся ли соперничества, не заговорятъ ли то тамъ, то тутъ самолюбія и капризы? Не возникнетъ ли съ разныхъ сторонъ противодѣйствіе если не явное, то глухое, которое бываетъ хуже явнаго? Будемъ и въ этомъ отношеніи надѣяться что, сильный довѣріемъ Монарха, графъ Лорисъ-Меликовъ сумѣетъ, благодаря своему такту, преодолѣть трудности задачи. Всякій честный и благомыслящій человѣкъ будетъ и желать ему успѣха, и способствовать по мѣрѣ силъ.

Борьба со зломъ принявшимъ острый характеръ должна неизбѣжно повести и къ разъясненію общаго положенія нашихъ дѣлъ. До сихъ поръ правительственное дѣло распадалось на разныя спеціальности. Теперь придется на все взглянуть при свѣтѣ цѣлаго.

Мы не знаемъ ни состава, ни программы верховной коммиссіи во главѣ которой поставленъ графъ Лорисъ-Меликовъ, а потому и воздерживаемся отъ всякихъ сужденій касательно ея задачи; но должно надѣяться что она будетъ только въ помощь, а никакъ не въ стѣсненіе личной инціативѣ, столь существенно необходимой для успѣшнаго дѣйствія. Тамъ гдѣ требуется живое, зоркое, отвѣтственное дѣйствіе, коллегіальное устройство никуда не годится. Во всякомъ случаѣ мы совершенно увѣрены что сильное и сосредоточенное дѣйствіе власти, при данныхъ обстоятельствахъ, не только не стѣснитъ здоровыхъ силъ страны, но напротивъ оживитъ ихъ, освобождая отъ деморализаціи, невольно овладѣвающей умами при видѣ странныхъ въ Россіи явленій возможныхъ только въ эпоху безвластія и государственнаго разстройства...

Б.

Сегодня *Сѣверо - Германская Газета* предлагаетъ намъ обсудить вопросъ справедливо ли и можно ли, судя по историческому опыту и устройству Германіи, считать вѣроятнымъ чтобъ она носилась съ планами нападенія на своихъ сосѣдей. Намъ кажется что лучше не обсуждать подобнаго вопроса, а равно не обсуждать и другаго предлагаемаго намъ тѣмъ же путемъ: нуждается ли Россія въ укрѣпленіи своей границы, такъ какъ она обладаетъ обширною территоріей. Потому мы не сочли и нужнымъ помѣщать въ своихъ столбцахъ слишкомъ пространную телеграмму Вольфова агентства.

За то изъ Константинополя получены двѣ слишкомъ лаконическія телеграммы которыя имѣютъ большой интересъ. Въ Константинополѣ, повидимому, тоже готовился взрывъ. Открытъ злоумышленникъ у котораго нашлись разрывные снаряды. Стало-быть нигилизмъ не ограничивается Россіей. Въ Россіи онъ называется нигилизмомъ, въ другихъ мѣстахъ соціализмомъ; не знаемъ какъ назвать его въ турецкомъ явленіи. Когда оказывается надобность онъ открываетъ свои дѣйствія и въ Турціи. Просимъ припомнить обстоятельства низложенія и смерти султана Абдулъ-Азиза. Откуда ни возмись вдругъ явилась масса либеральныхъ мусульманскихъ студентовъ, о какихъ прежде не было и слуха, и которые, на глазахъ ничего не понимавшаго населенія, производили революціонные маневры на стамбульскихъ улицахъ. Потомъ, когда миновала надобность, не стало уже слышно ни о софтахъ, ни объ улемахъ: они изчезли также какъ и знаменитый парламентъ который былъ открытъ съ такою торжественностію. Теперь орудіемъ заговора является человѣкъ съ греческимъ именемъ, но англійскій подданный, у котораго есть братъ принявшій мусульманство и повидимому также участвующій въ заговорѣ. Дѣло это, говоритъ телеграфъ, окружено таинственностію. Посмотримъ не успѣшнѣе ли нашихъ будутъ турецкіе слѣдователи въ раскрытіи таинственности.

В.

Злоумышленникъ проживавшій въ подвальной мастерской Зимняго Дворца подъ видомъ столяра и скрывшійся послѣ взрыва

5 февраля не былъ человѣкомъ безпаспортнымъ: у него былъ паспортъ, правда, фальшивый, но очень искусно поддѣланный. У человѣка купившаго близь Курской дороги домъ откуда подготовленъ былъ взрывъ 19 ноября тоже былъ паспортъ, также фальшивый, но настолько удовлетворяющій существующимъ порядкамъ что имѣя его въ рукахъ онъ могъ спокойно проживать въ столицѣ и даже совершать крѣпостные акты. Еленой Россиковой когда она поселилась рядомъ съ Херсонскимъ казначействомъ чтобъ ограбить его, равнымъ образомъ былъ представленъ для отмѣтки въ полицію документъ на имя жены доктора Никитиной, не возбудившій ни въ комъ подозрѣнія. Вообще, случаевъ появленія и проживанія съ фальшивыми, а иногда и съ подлинными, но чужими видами, судебная хроника по такъ-называемымъ политическимъ дѣламъ представляетъ множество. Въ виду подобныхъ примѣровъ, самъ собою возникаетъ вопросъ насколько дѣйствительною полицейскою мѣрой служитъ наша паспортная система, и можно ли на ней успокоиться въ обстоятельствахъ подобныхъ теперешнимъ.

Мелочныя, но докучныя хлопоты по выправкѣ и прописке паспортовъ причиняютъ людямъ не малыя безпокойства и трату времени. Для бѣднаго люда эти хлопоты, помимо того, сопряжены съ чувствительными расходами. На крестьянъ и мѣщанъ паспортная система ложится не только налогомъ, но и положительны ъ стѣсненіемъ экономической дѣятельности, между прочимъ вслѣдствіе злоупотребленій и произвола общественныхъ властей выдающихъ паспорты. Для полиціи надзоръ за соблюденіемъ паспортныхъ формальностей тоже дѣло очень не легкое, отнимающее не мало времени и возвышающее цифру расхода на содержаніе полицейскихъ канцелярій. Мы привыкли ко всему этому и сжились съ вытекающими изъ паспортной системы неудобствами. Мало ли что представляется неудобнымъ? Но если нѣкоторымъ неудобствомъ покупается серіозная общественная гарантія, съ нимъ должно мириться. Паспорты долго казались именно такою гарантіей. Но вышеупомянутые и подобные имъ случаи невольно заставляютъ усомниться, точно ли можно смотрѣть на нихъ какъ на гарантію отъ людей вредныхъ и опасныхъ.

Затрудняя свободныя движенія людей мирныхъ, паспорты, какъ оказывается, нисколько не стѣсняютъ дѣятелей трущобнаго міра. У каждаго изъ нихъ, какъ только кому понадобится, является на лицо паспортъ которымъ можетъ быть обманутъ даже привычный и опытный глазъ. Паспортная система, повидимому, служитъ для нихъ даже удобствомъ. Запасшись фальшивымъ или чужимъ паспортомъ, эти дѣятели появляются и поселяются гдѣ хотятъ, въ полной увѣренности что по исполненіи обычной формальности прописки паспортовъ, никто ими не поинтересуется пока они не покажутъ когтей. Нужды нѣтъ что лицо предъявившее паспортъ и его прошлое никому не вѣдомы; въ паспортѣ значится что это саратовскій мѣщанинъ или крестьянинъ такой-то волости; паспортъ по внѣшности совершенно такой какъ и тысячи другихъ предъявляемыхъ для прописки; онъ сливается съ ихъ общею массой, и за бумагой человѣкъ уже почти не обращаетъ на себя вниманія.

Не затрудняя возможности ускользать отъ полицейскаго надзора людямъ которые должны быть преимущественнымъ предметомъ этого надзора, паспорты вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не помогаютъ полиціи находить этихъ людей послѣ того какъ они, компрометтировавъ себя такъ или иначе, оказываются исчезнувшими безслѣдно.

Между тѣмъ, мы видимъ что Гартманнъ пайденъ и задержанъ во Франціи безъ помощи паспортныхъ формальностей. Какъ ни велика масса людей стекающихся туда со всѣхъ концовъ свѣта, какъ ни часто передвиженіе тамъ людей изъ однѣхъ мѣстностей въ другія, Гартманну не удалось затеряться, и онъ не ускользнулъ отъ наблюденія парижской полиціи когда она приложила старанія къ его разысканію. Въ Англіи о паспортной системѣ не имѣютъ и понятія; но отсутствіе паспортовъ не препятствуетъ англійской полиціи въ разысканіи кого ей нужно, и розыски, сколько извѣстно, идутъ тамъ много успѣшнѣе нашихъ. Невольно спросишь себя, слѣдуетъ ли полагать попрежнему всю силу полицейской охраны въ паспортной системѣ, и если еще не время помышлять объ ея отмѣнѣ, то не слѣдуетъ ли рядомъ съ ней, не полагаясь на нее, принимать болѣе дѣйствительныя и серіозныя мѣры въ видахъ общественной безопасности?

№ 46.

Москва, 15-го февраля.

А.

Обнародованъ Высочайшій именной указъ коимъ учреждается Верховная Распорядительная Коммиссія по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Высочайше назначается только предсѣдатель Коммиссіи, а составъ ея предоставляется его выбору. Слѣдовательно, члены коммиссіи будутъ только его совѣтниками и помощниками, не стѣсняя его иниціативы. Всѣ полномочія и вся отвѣтственность остаются на немъ. Это очень важно для успѣха дѣла къ которому призывается графъ Лорисъ-Меликовъ.

Изъ указа явствуетъ что районъ дѣятельности новоучрежденной Коммиссіи будетъ столь же обширенъ какъ и Россійская Имперія; но Коммиссія имѣетъ опредѣленное, спеціальное, исключительное назначеніе. Дѣло ей ввѣряемое есть одна изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ функцій государственнаго управленія которою обезпечивается безопасность государства и общественное спокойствіе. Это есть то что называется полиціей которая до сихъ поръ не была у насъ сосредоточена въ одной рукѣ и не имѣетъ общей самостоятельной организаціи. Условія нашего общественнаго быта и государственнаго устройства быть-можетъ давно уже требовали сосредоточенія этой важной отрасли управленія, ея самостоятельности и улучшенія ея организаціи. При нынѣшнихъ же обстоятельствахъ, это становится необходимостію, и вотъ учреждается Верховная Коммиссія которая въ сущности есть не что иное какъ высшее полицейское управленіе имѣющее своею ближайшею цѣлію преслѣдованіе и искорененіе крамолы злоумышляющей противъ государства. Пользуясь ошибками и бездѣйствіемъ съ которыми относились къ этому злу до послѣдняго времени, оно разрослось и приняло опасные размѣры, такъ что полицейская власть выдвигается впередъ и пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе которое и выражается въ новоучрежденной Верховной Коммиссіи. Она не вмѣшивается въ управленіе отдѣльныхъ вѣдомствъ, но въ виду своей задачи, она простираетъ свое дѣйствіе на всѣ вѣдомства въ полицейскомъ или политическомъ отношеніи. Она не входитъ въ спеціальности разныхъ отраслей управленія, но она требуетъ содѣйствія всѣхъ цѣлямъ высшей полиціи которая ей ввѣрена.

Быть-можетъ, для успѣха дѣла окажется вскорѣ полезнымъ соединить всѣ части полицейскаго управленія непосредственно въ рукахъ лица призваннаго Высочайшимъ довѣріемъ къ борьбѣ съ крамолой подкапывающеюся подъ государство и возмущающею общественное спокойствіе. Имѣя непосредственно подъ своею рукою всѣ органы полицейскаго управленія, власть его пріобрѣла бы несомнѣнно большую реальность и его распоряженія были бы вѣрнѣе обезпечены не только въ общемъ направленіи своемъ, но и въ подробностяхъ исполненія. Власть тѣмъ дѣйствительнѣе и тѣмъ лучше можетъ отвѣчать за свои дѣйствія, чѣмъ *непосредственные* подчинены ей всѣ ея исполнительные органы.

Слово съ которымъ графъ Лорисъ-Меликовъ обратился къ обществу должно произвести на всѣхъ благомыслящихъ и честныхъ людей наилучшее дѣйствіе. Оно должно успокоить и обнадежить всѣхъ. Всѣ съ радостію и всѣми силами будутъ способствовать правительству; надобно только чтобы правительство ясно для всѣхъ ставило свои требованія, чтобъ оно не колебалось въ нихъ и руководилось во всемъ истинно понятою государственною пользою.

Б.

До двадцатипятилѣтняго юбилея славнаго царствованія Государя Императора остается всего три дня. Повсюду идутъ дѣятельныя, спѣшныя приготовленія къ тому чтобы достойно отпраздновать этотъ юбилей. Готовится къ выходу въ свѣтъ не мало изданій посвященныхъ истекшему двадцатипятилѣтію. Въ числѣ такихъ трудовъ, одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ займутъ, конечно, изготовляемые разными вѣдомствами обзоры всего сдѣланнаго и совершившагося по ихъ частямъ въ нынѣшнее царствованіе. Между прочимъ и Министерство Финансовъ, какъ извѣстилъ насъ вчера телеграфъ, приготовляетъ отчетъ о наиболѣе крупныхъ мѣрахъ по своему вѣдомству, отчетъ, въ который войдутъ также свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ таможенныхъ и акцизныхъ сборахъ, о дѣя-

тельности Департамента Мануфактуръ и Торговли, о кредитныхъ учрежденіяхъ.

Польза подобныхъ изданій несомнѣнна. По истеченіи двадцати пяти лѣтъ ознаменованныхъ рядомъ реформъ почти по всѣмъ частямъ, естественно оглянуться на прошлое, провѣрить сдѣланное, взвѣсить его результаты, отмѣтить требующее исправленія, остановиться на пробѣлахъ, облегчивъ себѣ тѣмъ составленіе программы дальнѣйшей дѣятельности. Любому вѣдомству есть чѣмъ вспомянуть минувшія 25 лѣтъ, есть на что̀ указать со справедливою гордостью. Но по каждому вѣдомству есть не мало и недодѣланнаго, или не разъясненнаго. Понятенъ двойной интересъ съ какимъ ожидаются юбилейные отчеты и обзоры по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Есть надежда что эти отчеты послужатъ исходною точкой для дальнѣйшихъ мѣръ, и представятъ данныя для опредѣленія ихъ характера. Это не лишено значенія по всѣмъ частямъ, но едва ли не особенно важно по части экономической и финансовой, болѣе многихъ другихъ нуждающейся въ преобразованіяхъ.

Недавно, въ №№ 30 и 35 *Московскихъ Вѣдомостей*, мы имѣли случай сдѣлать нѣсколько указаній на факты свидѣтельствующіе, между прочимъ, о настоятельной необходимости пересмотра и преобразованія нашего таможеннаго тарифа. Вопросъ о тарифахъ теперь въ ходу во всей Европѣ. Разныя государства, въ которыхъ не совершалось даже и слабаго подобія тѣхъ великихъ перемѣнъ сверху до низу какія пережила Россія, заботятся объ измѣненіи своихъ тарифовъ, хотя со времени изданія прежнихъ едва прошло десятилѣтіе. Мы же, при всей громадности нашихъ реформъ, живемъ почти четверть вѣка при тарифѣ составленномъ до этихъ реформъ, когда не было еще физической возможности принять въ соображеніе внесенныя ими въ экономическую жизнь коренныя перемѣны. Правда, нынѣ дѣйствующій тарифъ изданъ всего двѣнадцать лѣтъ назадъ; но онъ, какъ извѣстно, былъ лишь вторымъ изданіемъ тарифа 1857, и ничѣмъ сколько-нибудь существеннымъ отъ него не отличается. Нашъ тарифъ приноровленъ къ тѣмъ условіямъ въ какихъ оставило Россію прежнее царствованіе; онъ былъ ничѣмъ инымъ какъ дальнѣйшимъ приложеніемъ и развитіемъ началъ положенныхъ въ основу таможеннаго преобразованія предпринятаго въ 1850 году. Все съ тѣхъ поръ измѣнилось въ Россіи, для описанія этихъ перемѣнъ требуются цѣлые томы, но таможенное законодательство осталось при прежнихъ взглядахъ и нормахъ какъ окаменѣлость не принимающая участія въ кипящей вокругъ нея жизни.

А между тѣмъ тарифъ есть для экономической жизни условіе первостепенной важности. Отъ него зависятъ процвѣтаніе и упадокъ, жизнь и смерть разныхъ отраслей экономической дѣятельности. Подъ покровительствомъ тарифа создались и развились наши хлопчато-бумажныя мануфактуры и свеклосахарное производство; подъ вліяніемъ тарифа пришли въ упадокъ наша металлическая промышленность и наше мериносовое овцеводство. Измѣненіемъ тарифа соотвѣтственно обстоятельствамъ не трудно вновь поднять эти важныя отрасли народнаго хозяйства и вызвать къ жизни многія другія, о развитіи коихъ при дѣйствующемъ тарифѣ нельзя и думать.

На одну изъ такихъ важныхъ отраслей народнаго хозяйства, ожидающихъ отъ пересмотра тарифа условій для своего процвѣтанія, обратилъ недавно вниманіе публики ординарный профессоръ Московскаго Университета г. Марковниковъ въ заслуживающей полнаго вниманія рѣчи произнесенной имъ на университетскомъ актѣ 12 минувшаго февраля. Его спеціальность химія, и онъ представилъ въ своей рѣчи *) очеркъ современнаго положенія и нуждъ русской химической промышленности. Какое же впечатлѣніе оставляетъ по себѣ эта дѣльная рѣчь?

Потребность въ красильныхъ и другихъ химическихъ матеріалахъ въ Россіи быстро возрастаетъ, а наше химическое производство не только нейдетъ впередъ, но напротивъ сокращается. Иные заводы закрылись, другіе уменьшили производство. За то быстро растетъ привозъ красильныхъ и химическихъ продуктовъ изъ-за границы. При отечественномъ годовомъ производствѣ на сумму всего какихъ-нибудь 7 милліоновъ рублей, привозъ красокъ и химическихъ матеріаловъ дошелъ въ 1878 г. до 38 милліоновъ! Наши фабрики и про-

*) Она издана Московскимъ Университетомъ въ видѣ отдѣльной брошюры подъ заглавіемъ: *Современная Химія и русская химическая промышленность.*

мыслы нуждающіеся въ краскахъ и химическихъ матеріалахъ находятся такимъ образомъ въ полнѣйшей зависимости отъ иностранцевъ, зависимости, которая тяжело можетъ дать себя почувствовать въ случаѣ пріостановки внѣшней торговли вслѣдствіе всегда возможной европейской войны. И такое положеніе вовсе не результатъ естественныхъ условій нашей страны. Напротивъ, Россія имѣетъ всѣ условія къ тому чтобы изготовлять у себя дома бо́льшую часть, почти всю массу нужныхъ ей красокъ и химическихъ продуктовъ. Есть и матеріалы, есть и химики. Препятствіемъ успѣшному ходу дѣла является лишь тарифъ. „Однимъ изъ главныхъ условій для поднятія нашей химической промышленности," справедливо замѣчаетъ г. Марковниковъ, „должна быть увѣренность что она найдетъ на время необходимое для ея развитія достаточную охрану отъ иностранной конкурренціи." А этой охраны нынѣ дѣйствующій тарифъ не даетъ. Характеристическій обращикъ въ этомъ отношеніи представляетъ таможенная пошлина съ соды. Во Франціи до 1860 года привозная сода оплачивалась пошлиной въ 1 р. 25 к. съ пуда, затѣмъ пошлина была понижена до 57 коп. У насъ же съ 1850 года сода оплачивается только 10 копѣйками! Удивляться ли въ виду этого что у насъ совсѣмъ нѣтъ содовыхъ заводовъ?

Ходячее мнѣніе упрекаетъ нашу промышленность въ недостаткѣ предпріимчивости. Не отрицая этого г. Марковниковъ ставитъ, однако, на видъ что тамъ гдѣ условія были благопріятны, не было недостатка въ русскихъ предпринимателяхъ. Примѣромъ можетъ служить развитіе въ послѣдніе годы производства керосина, который быстро сталъ вытѣснять американскій. Не о недостаткѣ предпріимчивости свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ что „тотчасъ за открытіемъ искусственнаго ализарина, въ Россіи появились два завода, но они скоро закрылись по невозможности конкуррировать съ нѣмецкимъ фабрикатомъ." При существующемъ тарифѣ за многія предпріятія было бы слишкомъ рискованно браться, ибо можно опасаться что иностранные заводчики временнымъ пониженіемъ цѣны могутъ убить пропзводство въ самомъ его зародышѣ.

Вообще, съ какой стороны ни взглянуть на дѣло, нашъ устарѣлый понынѣ дѣйствующій тарифъ не выдерживаетъ критики. Во многихъ случаяхъ разныя привозныя статьи обложены пошлиной въ градаціи прямо противоположной той какая требовалась бы экономическими условіями страны; многіе предметы роскоши обложены гораздо ниже предметовъ необходимой потребности. Напримѣръ, съ шелка, который Россія могла бы сама производить въ изобиліи, взимается ничтожная пошлина, въ одинъ или съ небольшимъ въ одинъ процентъ съ цѣны. Съ деревяннаго масла, котораго, по условіямъ климата, мы производить не можемъ и удешевленіе коего очень важно для многихъ производствъ, взимается пошлина въ 25 или болѣе процентовъ. Между тѣмъ шелка ввезено въ 1878 году почти на 12 милліоновъ, лишь на два милліона менѣе чѣмъ деревяннаго масла, и нѣтъ никакихъ даже чисто-фискальныхъ соображеній которыя помѣшали бы увеличить доходъ съ привознаго шелка, давшаго казнѣ только 122 тысячи руб., безъ большой потери въ доходѣ съ деревяннаго масла, привозъ котораго съ пониженіемъ пошлины не замедлилъ бы возрасти. Соль, одинъ изъ самыхъ необходимыхъ продуктовъ, обложена выше всѣхъ другихъ предметовъ. Ея ввезено въ 1878 году на 6.346.843 руб. (кредитныхъ) и при этомъ взято съ нея пошлины 3.836.730 металлическихъ рублей, около 60 копѣекъ съ рубля стоимости. Одновременно ввезено слишкомъ на $5^1/_2$ милліоновъ руб. разныхъ мѣховъ, большею частію предметовъ роскоши. Сколько съ нихъ взыскано пошлины? Меньше 300 тысячъ рублей, съ небольшимъ 5 копѣекъ съ рубля стоимости. Но это еще не достаточно характеризуетъ наши тарифные распорядки. Мѣха бываютъ разные, дорогіе и дешевые; посмотрите какую разницу полагаетъ между ними тарифъ. Вотъ дешевые мѣха, привозимые подъ именованіемъ „шкуръ всякихъ кромѣ особо поименованныхъ:" съ нихъ взимается по 7 слишкомъ копѣекъ съ рубля стоимости. Но вотъ мѣха другой категоріи: собольи, чернобурые, лисьи, илковые, шеншилла и проч. Слѣдовало бы ожидать что съ такихъ мѣховъ, какъ предметовъ роскоши, пошлина взимается въ высшей пропорціи. Нѣтъ, пошлина съ нихъ берется *вчетверо меньшая*, менѣе 2 копѣекъ съ рубля стоимости.

Противъ пересмотра тарифа у насъ въ послѣднее время часто выставлялся тотъ аргу-

ментъ что пошлины и безъ того повышены установленіемъ уплаты ихъ золотомъ. Но развѣ эта мѣра могла устранить тѣ поражающія неравенства обложенія и несоотвѣтственность ихъ съ государственными интересами, обращики коихъ приведены выше? Повышеніе пошлинъ требуется совсѣмъ иное, не огульное, а съ разборомъ.

Будемъ надѣяться что предстоящее появленіе въ свѣтъ приготовляемаго къ юбилею Министерствомъ Финансовъ историко-статистическаго труда подастъ поводъ къ пересмотру тарифа именно въ этомъ смыслѣ.

№ 47.

Москва, 16-го февраля.

А.

Начальникъ Верховной Распорядительной Коммиссіи призываетъ общество къ содѣйствію въ борьбѣ съ крамолой. Давно уже обращались къ обществу съ подобнымъ призывомъ, и нѣтъ сомнѣнія что все здоровое, благомыслящее и честное въ обществѣ принимаетъ его къ сердцу. Но практическихъ послѣдствій можно ожидать только при условіи чтобы правительство своимъ образомъ дѣйствій дало тонъ и направленіе умамъ и ясно опредѣлило чего оно требуетъ отъ общества. Нерѣшительность и безхарактерность въ правительственныхъ дѣйствіяхъ можетъ, напротивъ, привести въ уныніе общество во всемъ что есть въ немъ здороваго и благомыслящаго.

Нельзя желать всякаго содѣйствія, нельзя искать всякаго пособничества. Отъ иныхъ пособниковъ да сохранитъ насъ Богъ! Будемъ ли мы сильнѣе если къ намъ не узнаваемо явятся съ пособіемъ враги? Было ли бы правительство сильнѣе, если-бы въ ряды его совѣтниковъ или исполнителей проникли обманомъ, подъ благовидною личиной, люди враждебные государству? Не возрастала ли бы его слабость пропорціонально такой поддержкѣ? Напротивъ правительство будетъ тѣмъ сильнѣе чѣмъ будетъ рѣшительнѣе и зорче въ выборѣ пособниковъ, чѣмъ менѣе неблагонадежные или нездоровые элементы въ обществѣ будутъ имѣть вѣсъ въ его совѣтахъ.

Въ обществѣ, не установившемся и переживающемъ переходную пору, кромѣ злонамѣренныхъ людей, бываетъ много малодушныхъ и неразумныхъ, людей надменныхъ мнимымъ знаніемъ, фантазеровъ и пустослововъ. Будутъ ли помощь и содѣйствіе такихъ людей полезны правительству? Боже сохрани насъ отъ самой тяжкой и пагубной изо всѣхъ ошибокъ: всему безъ испытанія вѣрить и всѣмъ стараться угодить. Не всякому духу вѣрьте, говоритъ апостолъ, но испытуйте духи. Вотъ великое правило для всякаго человѣка призываемаго къ отвѣтственной дѣятельности. Вотъ при какомъ условіи правительство, глава и разумъ народа, можетъ обращаться къ пособію и поддержкѣ разныхъ въ обществѣ людей претендующихъ на роль просвѣтителей и руководителей.

Всегда, а особенно въ переходныя эпохи, правительство должно имѣть характеръ. Оно будетъ тѣмъ успѣшнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ чѣмъ опредѣленнѣе и явственнѣе будетъ его характеръ, и чѣмъ строже оно будетъ въ выборѣ своихъ путей. Стараться всѣмъ понравиться и всѣмъ угодить безъ разбору—плохой способъ пріобрѣсти популярность, за то наилучшій чтобъ уронить свой кредитъ и растерять свое дѣло. Правительство будетъ тѣмъ популярнѣе, т. е. тѣмъ любимѣе народомъ, чѣмъ менѣе будетъ гоняться за популярностью, заботясь только о наилучшемъ пути и держа при всякомъ дѣлѣ государственную пользу на умѣ и народное благо въ сердцѣ.

Рѣшительность и характеръ дѣйствуютъ обаятельно. Ничто такъ не привлекаетъ людей какъ сила убѣжденія. Правительство дѣйствующее съ характеромъ быстро переладитъ въ своемъ смыслѣ общественное настроеніе. Не правительству гоняться за минутными увлеченіями толпы, которая обыкновенно сама не знаетъ чего хочетъ и повинуется всякой интригѣ. Вѣрьте если хотите мнѣнію человѣка, но никогда не вѣрьте мнѣнію толпы.

Умъ прежде всего познается по способности освобождать и очищать всякое дѣло отъ словъ въ которыя оно бываетъ закутано, и проникать до его сердцевины. Не нужны ни консервативныя, ни либеральныя мѣры; нужны только полезныя мѣры, и всякій честный человѣкъ поспѣшитъ со своимъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ къ такому дѣлу отъ котораго должно или можно ожидать добра и пользы.

Б.

Когда заводится у насъ рѣчь объ университетахъ не рѣдко можно встрѣтить обращеніе ко временамъ когда во главѣ управленія Московскимъ учебнымъ округомъ стоялъ графъ С. Г. Строгановъ. О временахъ этихъ упоминается и официально и приватно, на собраніяхъ и въ адресахъ, въ статьяхъ и рѣчахъ „Свѣтлыя преданія“ этой эпохи выставляются какъ бы въ укоръ нынѣшнему времени; возвращеніе къ нимъ рекомендуется какъ наилучшее преобразованіе. При этомъ весьма рѣшительно повѣтствуется что эпоха управленія графа Строганова была чѣмъ-то въ родѣ золотаго вѣка университетскаго самоуправленія и разказывается что знаменитый попечитель „проводилъ въ жизнь“ начала „автономіи“ дарованной де университетамъ уставомъ 1835 года и расширенной нынѣ дѣйствующими постановленіями. Проницательному читателю и внимательному слушателю предоставляется самимъ дорисовать картину университетской корпораціи распоряжающейся по своему усмотрѣнію подъ охраною попечителя, приводящаго въ исполненіе рѣшенія профессорскихъ собраній.

Нельзя не согласиться что чествуемая эпоха дѣйствительно была эпохой процвѣтанія Московскаго университета и его „свѣтлымъ временемъ,“ правдивая исторія котораго представила бы не мало поучительнаго и для нашего времени. Къ сожалѣнію, исторія любопытной эпохи въ изображеніи новѣйшихъ лѣтописцевъ менѣе всего имѣетъ общаго съ правдивостію, и свидѣтельствуетъ только о значительномъ запасѣ смѣлости повѣтствователей, забывшихъ повидимому что не вымерло еще поколѣніе дѣйствовавшее въ изображаемое ими время.

Какъ дѣйствовалъ знаменитый попечитель и какимъ путемъ: не въ новѣйшей фантазіи, а въ прошлой дѣйствительности, старѣйшій изъ рускихъ университетовъ, ввѣренный его управленію, былъ доведенъ имъ до состоянія процвѣтанія?

Блаженны, говорятъ, народы не имѣющіе исторіи. Именно въ такомъ блаженномъ состояніи былъ совѣтъ Московскаго Университета въ продолженіи четырнадцатилѣтняго попечительства графа Строганова. Историкъ который вздумаетъ перелистывать совѣтскіе протоколы за этотъ промежутокъ времени не встрѣтитъ въ нихъ и слѣда той кипучей совѣтской дѣятельности какую можно усмотрѣть въ университетскихъ протоколахъ новой эпохи, и которая главнымъ образомъ выражается въ столкновеніяхъ ихъ членовъ между собою и цѣлой коммиссіи съ попечителями. Не только не было „исторій,“ но даже незамѣтно чтобы какія-либо серіозныя дѣла касавшіяся университета подвергались обсужденію въ совѣтѣ. Занесутъ въ протоколъ какое-нибудь начальническое распоряженіе переданное на бумагѣ, а чаще ректоромъ на словахъ, отмѣтятъ экзаменъ, выдадутъ, по утвержденіи, дипломъ, запишутъ ходатайство какого-нибудь факультета о книгѣ или инструментѣ и т. п. Все безцвѣтно и вяло въ административной дѣятельности профессорской корпораціи, никто не борется за права, никто не стоитъ на стражѣ интересовъ. Но въ то же время университетская жизнь въ смыслѣ научной и учебной дѣятельности несомнѣнно процвѣтаетъ. Центръ тяжести управленія находится въ попечителѣ, дѣйствующемъ по своему усмотрѣнію.

Графъ Строгановъ вступилъ въ управленіе Московскимъ университетомъ въ августѣ 1835 года, о чемъ совѣтъ университета и получилъ извѣщеніе въ засѣданіи 26 августа. Въ протоколѣ того же засѣданія значится что новый попечитель утвердилъ экзаменаторовъ для вступающихъ въ университетъ и правила испытанія, изъявилъ согласіе чтобъ были баллотированы въ ординарные профессоры экстраординарные профессоры Эйнбродтъ и Іовскій. Съ первыхъ дней вступленія главною заботой новаго попечителя было обновленіе личнаго состава преподавателей. Профессоры, какъ Ивашковскій, Василевскій, Снегиревъ, были въ непродолжительный срокъ уволены по прошенію и болѣзни. Въ университетъ вступило значительное число новыхъ преподавателей. Какъ происходило ихъ назначеніе и какъ вообще дѣлалось назначеніе профессоровъ во время попечительства графа Строганова? Во весь этотъ періодъ университетъ фактически былъ, можно сказать, лишенъ права избранія, хотя такое и было ему предоставлено уставомъ 1835 года. За все это время мы не припомнимъ *ни одного* профессора или адъюнкта вступившаго въ университетъ по совѣтскому избранію, и можемъ припомнить десятки вступившихъ по назначенію безъ всякихъ баллотировокъ. Вотъ какая

была въ тѣ годы автономія! Самый порядокъ какимъ происходили назначенія заслуживаетъ вниманія, и полагаемъ не безынтереснымъ привести нѣсколько примѣровъ.

Въ протоколѣ засѣданія совѣта Московскаго Университета 4 сентября 1835 года занесено предложеніе попечителя въ которомъ онъ сообщаетъ „о назначеніи въ оный Университетъ пятерыхъ возвратившихся изъ Германіи русскихъ ученыхъ, а именно: докторовъ философіи Шаховскаго и Крюкова и медицины Филомаѳитскаго, магистра философіи Чивилева и кандидата философіи Печерина, не утверждая ихъ ни адъюнктами, ни профессорами." По выслушаніи предложенія, „призваны были въ собраніе доктора Шаховской, Крюковъ и Филомаѳитскій, отъ которыхъ и отобраны свѣдѣнія о главномъ предметѣ каждаго изъ нихъ." Согласно этимъ свѣдѣніямъ назначено преподаваніе. Подобнымъ образомъ, безъ утвержденія адъюнктами или профессорами причислены были къ университету въ томъ же мѣсяцѣ доктора законовѣдѣнія Рѣдкинъ, Крыловъ и Баршевъ. По введеніи въ дѣйствіе новаго устава, молодые преподаватели были назначены экстраординарными профессорами, а чрезъ два года повышены, по ходатайству попечителя, въ ординарные.

Не лишено интереса какъ состоялось назначеніе профессора Армфельда на каѳедру судебной медицины. Армфельдъ состоявшій ординаторомъ при университетской больницѣ былъ въ началѣ 1834 года отпущенъ за границу, съ сохраненіемъ на службѣ, для занятія науками. Въ февралѣ 1836 года, попечитель сообщилъ совѣту „что его сіятельствомъ назначены путешествующему отъ сего университета въ чужихъ краяхъ доктору медицины Армфельду предметомъ занятій—судебная медицина, исторія и литература медицины съ оставленіемъ за границею до 1 сентября 1837 года съ тѣмъ что ему предоставлена будетъ въ университетѣ каѳедра судебной медицины если онъ по возвращеніи окажетъ себя достойнымъ. *Приказали:* предложеніе попечителя пріобщить къ дѣлу и объ изъясненномъ распоряженіи его сіятельства увѣдомить медицинскій факультетъ." Когда въ 1837 году Армфельдъ возвратился, попечитель увѣдомилъ совѣтъ что возвратившійся изъ-за границы докторъ Армфельдъ „желаетъ занять каѳедру судебной медицины." Попечитель предложилъ „допустить его къ пробной лекціи и если удовлетворитъ требованіямъ факультета, поручить ему преподаваніе." Графъ Строгановъ самъ былъ на пробной лекціи, остался доволенъ и въ октябрѣ того же года сообщилъ совѣту что министръ, по его представленію, назначилъ Армфельда исправляющимъ должность ординарнаго профессора со всѣми правами этого званія, кромѣ выбора въ деканы и ректоры.

Какъ былъ назначенъ Грановскій? Въ маѣ 1836 года попечитель увѣдомилъ совѣтъ что „государь императоръ по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, основанному на ходатайствѣ ея сіятельства, въ четвертый день того мѣсяца изъявилъ высочайшее соизволеніе на отправленіе кандидата Петербургскаго университета Тимоѳея Грановскаго для усовершенствованія по части всеобщей исторіи въ Берлинъ на два года съ производствомъ ему на содержаніе за границей по 3.580 рублей въ годъ и съ обращеніемъ расхода на счетъ экономическихъ суммъ Московскаго Университета." По возвращеніи въ 1839 году Грановскій былъ опредѣленъ преподавателемъ всеобщей исторіи въ Московскій Университетъ и оставался въ этомъ званіи до 1845 года когда по защищеніи магистерской диссертаціи былъ утвержденъ въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора. Непосредственному выбору попечителя обязанъ былъ Московскій Университетъ назначеніемъ Леонтьева, Кудрявцева, Соловьева и многихъ другихъ.

Повышеніе преподавателей въ профессорской іерархіи въ свою очередь обращало на себя значительное вниманіе попечителя руководившагося и въ этомъ дѣлѣ своимъ усмотрѣніемъ. Съ первой же поры своего попечительства онъ далъ понять что менѣе всего намѣренъ смотрѣть на свою должность какъ на инстанцію назначенную чтобъ утверждать совѣтскія представленія. Совѣтъ ходатайствовалъ о повышеніи Г. Е. Щуровскаго въ званіе ординарнаго профессора по каѳедрѣ минералогіи. Попечителю повышеніе показалось нѣсколько преждевременнымъ. Объ отвѣтѣ его узнаемъ изъ протокола засѣданія 23-го сентября 1836 года, гдѣ значится: „На представленіе совѣта объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Щуровскаго ординарнымъ профессоромъ его сіятельство отвѣтствуетъ что если г. Щуровскимъ бу-

дутъ представлены еще опыты отличнаго преподаванія минералогіи и геогнозіи и сверхъ того новыя ученыя сочиненія по онымъ, подобныя изданнымъ имъ по зоологіи, то его сіятельство не преминетъ ходатайствовать о вознагражденіи его званіемъ ординарнаго профессора." Утвержденіе послѣдовало лишь въ 1838 году.

Приведенныхъ примѣровъ полагаемъ достаточно чтобы показать какъ стояло дѣло назначенія профессоровъ въ эпоху графа Строганова. Дѣло преподаванія и испытанія находилось также подъ бдительнымъ наблюденіемъ попечителя. Онъ посѣщалъ лекціи, разсматривалъ программы и бывали случаи — возвращалъ ихъ для пополненій и измѣненій. Замѣтивъ въ 1837 году ослабленія въ испытаніи ново-вступающихъ немедленно требуетъ объясненія причинъ почему такое ослабленіе произошло. Попечитель входилъ въ мелочи дѣла и замѣтивъ, напримѣръ, однажды въ спискѣ предположенныхъ къ выпискѣ журналовъ *Gazette des Tribunaux* дѣлаетъ распоряженіе о невыпискѣ этого изданія.

Какъ смотрѣлъ графъ Строгановъ на университетскую автономію, лучше всего можно видѣть изъ возраженія его на предположенія министра (въ 1842 году) касательно преобразованія въ ходѣ университетскаго преподаванія и испытаній. Сообщивъ попечителю свои соображенія, министръ предложилъ ему „внести это дѣло на разсмотрѣніе совѣта Московскаго Университета и о мнѣніи онаго со своимъ заключеніемъ представить въ свое время." Проектъ этотъ встрѣтилъ въ графѣ Строгановѣ самаго рѣзкаго противника. Онъ даже отказалъ министру во внесеніи дѣла въ совѣтъ, хотя оно вполнѣ входило въ профессорскую компетенцію, и мотивировалъ свой отказъ слѣдующими соображеніями. „Правила," писалъ онъ, „служившія до настоящаго времени основаніемъ внутренняго порядка въ Московскомъ Университетѣ никогда не были обсуждаемы въ совѣтѣ. Возложенныя на членовъ онаго трудныя обязанности со времени преобразованія университетовъ приводились всегда въ исполненіе по одному настоятельному и сильному вліянію мѣстнаго начальства. Вызванные теперь на свободное и гласное толкованіе сихъ мѣръ, гг. профессоры сдѣлаются судьями въ собственномъ дѣлѣ, довѣріе къ существующему порядку поколеблется, а разгласка сихъ сужденій будетъ имѣть еще невыгоднѣйшее вліяніе на самихъ студентовъ, тѣмъ болѣе что новое предположеніе является какъ выраженіе убѣжденій министерства. Признавая подобный приступъ къ столь важному дѣлу несогласнымъ съ общепринятымъ въ Россіи порядкомъ, я не рѣшился передать совѣту университета предложеніе вашего высокопревосходительства, а долгомъ почитаю представить вамъ, м. г., собственныя мои по этому предмету заключенія."

Какъ происходило въ Московскомъ Университетѣ устройство новыхъ учрежденій, возведеніе построекъ и вообще распоряженія по хозяйственной части? Понятіе о томъ можно получить припомнивъ какъ сдѣлана была, напримѣръ, капитальная перестройка въ 1843 году университетской обсерваторіи на Трехъ Горахъ.

Построенная въ началѣ тридцатыхъ годовъ обсерваторія Московскаго Университета имѣла значеніе весьма скромнаго учебнаго пособія, далеко не стояла на уровнѣ современной науки и не могла идти въ сравненіе не только съ Пулковскою, но и съ обсерваторіями нѣкоторыхъ другихъ русскихъ университетовъ, уже довольно роскошными. Около 1842 года возвратился изъ-за границы адъюнктъ Драшусовъ, занимавшійся въ лучшихъ обсерваторіяхъ и хорошо знакомый съ устройствомъ этого рода учрежденій На него графъ Строгановъ, помимо всѣхъ университетскихъ инстанцій, личнымъ и непосредственнымъ распоряженіемъ возложилъ все дѣло приведенія Московской обсерваторіи въ уровень съ современными научными требованіями. Въ 1849 году А. Н. Драшусовъ, составилъ, при содѣйствіи архитектора Авдѣева, планъ новаго устройства зданія обсерваторіи. Планъ былъ представленъ попечителемъ министру, былъ разсмотрѣнъ и одобренъ Академіею Наукъ и удостоенъ Высочайшаго утвержденія. Надзоръ за работами, заказъ художникамъ новыхъ снарядовъ на значительныя суммы были возложены исключительно на А. Н. Драшусова, исполнившаго дѣло съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Всѣ распоряженія и пріобрѣтенія происходили помимо университета, по личному разрѣшенію попечителя. Правленіе получило только предписанія объ уплатѣ той или другой суммы.

Говорить ли о надзорѣ за студентами? Кому неизвѣстно что все дисциплинарное

вѣдѣніе студентовъ было въ ту эпоху въ рукахъ инспектора, находившагося въ непосредственномъ подчиненіи попечителю, независимаго отъ ректора и совѣта, ежедневно являвшагося къ графу Строганову и получавшаго отъ него приказанія и наставленія.

Мы сдѣлали точный очеркъ системы какою руководился графъ Строгановъ въ своемъ управленіи Московскимъ Университетомъ. Самая смѣлая фантазія едва ли усмотритъ въ ней хотя бы одну черту той системы какая чествуется нынѣ подъ именемъ системы самоуправленія. Но есть нѣчто болѣе смѣлое чѣмъ фантазія. Это обманъ Сказать правду, большихъ успѣховъ въ умственной и нравственной области мы не сдѣлали въ послѣдніе годы, но отлично навострились обращать печать въ орудіе обмана и интриги...

№ 49.

Москва, 18-го февраля.

Совершилось двадцатипятилѣтіе славнаго царствованія. Не наступила еще пора для исторической оцѣнки его дѣяній. Оно, къ счастію Россіи, продолжается, и Богъ да продлитъ его на многая лѣта! Съ дальнѣйшимъ теченіемъ его, созрѣетъ посѣянное, созрѣвшее дастъ плодъ, неясное опредѣлится и что не слажено то сладится. Оцѣнка исторіи впереди. Но мы, современники, мы испытавшіе всѣ благодѣянія этого царствованія, мы уже давно оцѣнили его и славимъ Бога судившаго намъ жить и дѣйствовать подъ солнцемъ этого благословеннаго царствованія. Да почувствуетъ возлюбленный Государь нашъ, освободитель и обновитель нашъ, да почувствуетъ Онъ по величію дѣлъ своихъ всю силу народной любви къ Нему! Да обрѣтетъ Онъ во глубинѣ Своей Царственной совѣсти, открытой предъ Богомъ, благодать исполненнаго подвига!

Велика честь, но и тяжко бремя Царской власти. Государь Императоръ вступилъ на Престолъ въ годину страшнаго испытанія которому подвергалось наше Отечество. Старое время кончалось, и новое царствованіе должно было начать для Россіи новую жизнь. Созрѣлъ вопросъ котораго рѣшеніе должно было стать задачей новаго царствованія, — вопросъ великій, проникавшій во глубину всего народнаго быта и касавшійся самыхъ жизненныхъ интересовъ. Не случайность, не произвольное рѣшеніе выдвинуло новое царствованіе на путь преобразованій; то было велѣніе Промысла, и новый Властитель Россіи былъ Его предызбраннымъ орудіемъ. Россія дотолѣ была могущественнымъ механизмомъ во столько-то милліоновъ человѣческихъ силъ. Но она не была націей. Русскій народъ былъ скрытая и невѣдомая міру сила. Онъ былъ подъ спудомъ; онъ не былъ въ прямыхъ отношеніяхъ къ верховной власти. Надъ нимъ тяготѣло частное владѣльческое право, онъ былъ рабомъ. Русское Государство не было живою народною силой, Русское правительство не знало русскихъ національныхъ интересовъ и руководилось въ своей политикѣ только отвлеченными принципами или мотивами личнаго свойства. Русскій Царь былъ вождемъ своей арміи, но не вождемъ своего народа. Закрѣпощеніе въ которомъ находился нашъ народъ было историческою необходимостью, подъ которою проходили всѣ народы. Это была повинность безъ которой не обошлось образованіе ни одного великаго государства. И не одни крестьяне были закрѣпощены въ Россіи, но и владѣльцы ихъ были въ крѣпостныхъ отношеніяхъ къ государству. Екатерина освободила русское дворянство. Несравненно труднѣе было приступить къ освобожденію крестьянства отъ владѣльческаго права. Задача была такъ трудна что Августѣйшій Родитель нынѣ Царствующаго Государя Императора, при всемъ могуществѣ своемъ, при всей энергіи своего характера и чувствуя всю необходимость рѣшенія этой задачи, отступалъ предъ нею въ слабыхъ и нерѣшительныхъ попыткахъ. Вотъ задача павшая на Государя вступившаго на Престолъ Россіи 19 февраля 1855 года, при громѣ войны въ которой соединила свои усилія противъ насъ почти вся Европа. Мы бились на Востокѣ, тогда какъ и теперь за чистое, за святое дѣло, и тогда какъ теперь русскій солдатъ умиралъ доблестно за Вѣру, Царя и Отечество. Но тогда военное могущество Россіи было механизмомъ, а не живою органическою народною силой. Жизнь лишена была свободы, государство лишено было жизни и не обладало тѣми средствами какія дастъ жизнь. Скрѣпя сердце, Государь заключилъ миръ и на развалинахъ Севастополя, и весь отдался рѣшенію великой

задачи завѣщанной прошедшимъ и долженствовавшей открыть новую эру въ исторіи нашего Отечества. Россія устранилась отъ участія въ дѣлахъ Европы, и вскорѣ оказалось что не Россія пострадала отъ этого, а пострадало тогдашнее равновѣсіе Европы. Ея удаленіе было сигналомъ событій быстро перемѣщавшихъ центры тяжести и слѣдовавшихъ одно за другимъ до послѣдняго времени въ неумолимомъ преемствѣ.

Освобожденіе крестьянъ было первою при вступленіи на Престолъ мыслію Государя, и вскорѣ по заключеніи мира Онъ приступилъ къ рѣшенію этой великой задачи. Ровно чрезъ шесть лѣтъ по Его воцареніи, 19 февраля 1861 года, милліоны Русскаго народа пріобрѣли гражданскія права. Великое преобразованіе совершилось безъ потрясеній и легко, но не легко для Державнаго Преобразователя. Пусть всякій припомнитъ какъ въ иныхъ случаяхъ трудно бываетъ принять рѣшеніе въ тѣсной сферѣ частныхъ дѣлъ и въ домашнемъ обиходѣ. Пусть же всякій подумаетъ чего должно было стоить хозяину громадной страны съ восьмидесятимилліоннымъ населеніемъ рѣшеніе задачи такой важности и такого значенія. Сколько интересовъ слѣдовало принять въ разчетъ, сколько правъ сообразить и взвѣсить, сколько подводныхъ камней обойти, сколько препятствій преодолѣть, сколько обманомъ избѣжать, сколько вражды преодолѣть и предусмотрѣть. Только самодержавная, только отъ Бога зависящая власть могла безъ потрясеній совершить это дѣло. Но носитель власти, при подобныхъ рѣшеніяхъ, долженъ испытывать въ своей душѣ борьбу о которой никто изъ насъ не можетъ имѣть живаго представленія. Мы, грѣшные люди, не рѣдко рощемъ на власть, бываемъ недовольны, бываемъ нетерпѣливы; намъ кажется съ убѣдительною ясностію что не такъ, а такъ было бы лучше, что въ томъ или другомъ случаѣ можно было бы поступить смѣлѣе и рѣшительнѣе. Но хорошо намъ играть нашими ощущеньями на досугѣ, и внѣ всякой отвѣтственности совершать дѣла въ фантазіи и принимать рѣшенія безъ послѣдствій. Не таково положеніе лица облеченнаго верховною властію, чье слово есть законъ, чье рѣшеніе есть событіе...

Русское дворянство показало себя достойнымъ своей исторической чести; оно добровольно отказалось отъ своей давней привилегіи; оно само, по указанію Монарха, вырабатывало планы своихъ соглашеній съ крестьянами, изъ дворянства вышли исполнители реформы, которые съ высокою добросовѣстностью исполняли долгъ свой. Но столь застарѣлое, столь долго господствовавшее право, съ которымъ притомъ были связаны матеріальные интересы, не могло не оставить кое-гдѣ горечи и раздраженія. Съ другой стороны, реформа такого свойства, сопряженная съ отрицаніемъ, весьма естественно расшевелила людей безъ отечества, умы безъ исторической почвы, зараженные чужими революціонными идеями и духомъ отрицанія. И вотъ съ тѣхъ поръ началось у насъ броженіе, появилась крамола готовая вступать въ союзъ со всякимъ врагомъ Россіи и она слилась съ польскими революціонными элементами и получила отъ нихъ свою организацію. Черезъ два года послѣ реформы, возникъ польскій мятежъ поддержанный неразборчивою политикой нѣкоторыхъ державъ полагавшихъ что Россія не выдержитъ предпринятаго ея Государемъ преобразованія, и что въ ней вспыхнетъ революція. Извѣстны событія 1863 года. Освобожденная Россія тогда впервые показала себя. Никогда не являлась она столь цѣльною, столь крѣпкою, столь единою. Непріязненныя державы отказались отъ своихъ притязаній, европейская интрига была посрамлена, шляхетскій мятежъ былъ подавленъ ко благу крестьянскихъ населеній и мирныхъ жителей края. Съ тѣхъ поръ наша политика приняла національный характеръ какъ внутри такъ и внѣ, и русское мнѣніе получило въ ней голосъ.

Крестьянская реформа была началомъ всѣхъ другихъ преобразованій. Вслѣдъ за нею неизбѣжно слѣдовали и судебная реформа, и земскія учрежденія, организація арміи и параллельно со всѣмъ этимъ глубокое и существенное преобразованіе нашей школы, которое обезпечиваетъ прочность всѣхъ другихъ реформъ и дальнѣйшее, плодотворное развитіе ихъ въ будущемъ.

Въ исторіи не только русской, но и всякой другой, не окажется примѣра двадцатипятилѣтія столь обильнаго дѣяніями. Нѣтъ сферы народной жизни, нѣтъ отрасли государственнаго управленія которыхъ бы не коснулась обновляющая и благодѣ-

ющая рука. Сколько событій возвеличившихъ Россію и вмѣстѣ расширившихъ ея предѣлы при политикѣ существенно мирной, избѣгавшей всякихъ столкновеній. Пріамурская область, Зауссурійскій край, Кавказъ окончательно покоренный, Средняя Азія до Гималая,—наконецъ эта послѣдняя война наша на Востокѣ, самая блистательная и плодотворная изо всѣхъ войнъ какія вели мы когда-либо на Востокѣ, несмотря на все недоброжелательство и соперничество державъ старавшихся умалить о ослабить значеніе нашихъ успѣховъ.

Цѣня дѣянія нашего Государя, мы съ тѣмъ вмѣстѣ должны почтить въ Немъ Его нравственный обликъ, въ которомъ Русскій народъ не можетъ не признать черты своего историческаго духа. Его милосердіе, Его долготерпѣніе, Его самоотверженіе, Его смиреніе предъ Богомъ—вотъ дорогія, такъ говорящія русскому сердцу черты. Крамола, неоднократно покушавшаяся на хранимаго Богомъ Помазанника Его, и достигшая въ эти послѣдніе дни крайняго ожесточенія и неистовства, доживаетъ, мы увѣрены, свое послѣднее время, и Русская почва очистится отъ закравшейся въ нее нечисти. Новое лучшее поколѣніе готовится вступить въ жизнь, и Богъ дастъ, еще въ нынѣшнее благословенное царствованіе, обновленная имъ Россія уже дастъ свой плодъ и начнетъ жить своимъ умомъ.

Праздникъ Хозяина Русской Земли есть вмѣстѣ и праздникъ Его Царственной Хозяйки,—да укрѣпитъ Богъ Ея силы и подастъ Ей исцѣленіе! Рожденная не въ нашей странѣ, Она слилась всѣмъ сердцемъ и всѣми мыслями съ Русскимъ народомъ и всѣмъ бытіемъ своимъ стала Русскою. Въ идеальныхъ чертахъ женственности, скромности и кротости, въ глубокой преданности завѣтамъ христіанства, Россія скоро угадала и оцѣнила поистинѣ Русскую и православную Царицу. Чуждаясь громкой молвы и хваленій, Царица всегда строго ограничивала свою дѣятельность предѣлами жизни семейной, дѣлами воспитанія и милосердія. Въ годины скорби и испытанія, Россія встрѣчала всегда свою любвеобильную Царицу вездѣ гдѣ требовались утѣшеніе, помощь страждущимъ и молитва. Всѣмъ памятно какъ во время Крымской войны, когда вообще въ Европѣ еще такъ мало думали о жертвахъ войны, Государыня Императрица заботилась объ участи больныхъ и раненыхъ. Всѣмъ памятно какъ воодушевленные теплымъ участіемъ и живыми заботами Царицы, молодые люди спѣшили на помощь нашимъ героямъ, беззавѣтно отдаваясь святому дѣлу христіанскаго милосердія. Тогда не было еще и рѣчи о правильной организаціи Краснаго Креста, и отсутствіе удобныхъ путей сообщенія затрудняло до крайности доставленіе транспортовъ съ щедрыми Царскими дарами и пособіями на театрахъ военныхъ дѣйствій. Въ мирное время введено неусыпнымъ попеченіемъ Государыни учрежденіе *фельдшеричъ* и наконецъ вся организація Краснаго Креста... Въ прошлую войну русскія женщины направляемыя своею Царственною Руководительницей явили чудеса христіанскаго милосердія, изумившія и умилившія даже враждебную намъ Европу.

№ 50.

Москва, 19-го февраля.

А.

Мы старожилы въ Москвѣ и родились въ ней; но мы не помнимъ ничего подобнаго народному празднованію нынѣшняго дня. Московскія улицы съ утра до поздняго часа ночи, когда мы пишемъ эти строки, полны народомъ, ликующимъ, исполненнымъ одушевленія, оглашающимъ воздухъ кликами *ура*, но удивительно спокойнымъ самообладающимъ, трезвымъ... Никто не встрѣтилъ пьяныхъ среди этихъ оживленныхъ многочисленныхъ массъ, наполняющихъ улицы и площади городскія. Вотъ поразительный, всѣми замѣченный фактъ. Неудивительно громадное стеченіе народа, неудивительны народныя изъявленія преданности Царю: это въ Москвѣ обычное явленіе въ случаяхъ подобныхъ нынѣшнему, хотя повторимъ, старожилы не запомнятъ такого одушевленія и въ такихъ размѣрахъ. Но всѣмъ извѣстна наша народная слабость подгулять въ праздникъ, и какъ же не подивиться что среди несмѣтныхъ массъ народа, празднующихъ съ утра до ночи, соблюдается полная трезвость и совершенное спокойствіе? „Между нами сегодня вы не увидите пьяныхъ“, говорятъ люди изъ народа. Какое

свидѣтельство глубины, искренности и силы народнаго чувства! Сколько достоинства, сколько, скажемъ, благородства въ этой манифестаціи народныхъ массъ!

Нигдѣ никакихъ столкновеній съ полиціей. Повсюду порядокъ и спокойствіе при полной свободѣ праздничнаго одушевленія.

И вотъ, среди этого-то народа осмѣлилась свить себѣ гнѣздо гнусная крамола, которая дискредитируетъ Россію предъ цѣлымъ міромъ и совершаетъ злодѣйства которымъ нѣтъ имени! И наши власти не умѣли или не хотѣли съ нею справиться, не хотѣли коснуться корней зла, ограничиваясь ничтожными палліативными мѣрами...

Б.

Почти съ самаго разсвѣта народъ сталъ наполнять храмы гдѣ совершалась ранняя и поздняя литургія и молебствіе. Кремль никогда не вмѣщалъ въ своихъ стѣнахъ такого множества народа какъ сегодня. Съ 9 часовъ утра, подъ звонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ, гдѣ оканчивались молебствія послѣ ранней обѣдни, народныя волны со всѣхъ концовъ Москвы двинулись въ Кремлевскіе храмы. Къ 10 часамъ не только храмы, но и площади Кремлевскіе переполнились народомъ. Сплошная толпа народная отъ Воскресенскихъ воротъ до Успенскаго собора стала двумя живыми стѣнами. Прибытіе въ Кремль московскаго генералъ-губернатора высшаго представителя Власти въ Москвѣ, было встрѣчено громогласнымъ *ура*. Въ Успенскомъ соборѣ божественную литургію и благодарственное молебствіе совершалъ преосвященный Амвросій, епископъ Дмитровскій, въ сослуженіи съ высшимъ духовенствомъ; въ Чудовомъ монастырѣ преосвященный Алексій, епископъ Можайскій. Когда послѣ молебствія въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ присутствотали князь В. А. Долгоруковъ и дгругіе начальствующія и почетныя лица города, среди стоявшаго на площади народа появился московскій генералъ-губернаторъ, воодушевленное, громовое *ура* огласило воздухъ. Цѣлый часъ послѣ того народъ непрерывною толпой выходилъ изъ Кремля во всѣ ворота, наполняя Красную Площадь, откуда исподоволь расходился въ разныя стороны.

Всѣ лавки въ городѣ и на Кузнецкомъ Мосту были закрыты, торговля не производилась во многихъ магазанахъ на Тверской, Петровкѣ и даже въ большей части лавокъ Охотнаго Ряда. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, на многихъ фабрикахъ, въ заведеніяхъ ремесленныхъ совершались молебны. Многіе фабриканты угощали своихъ рабочихъ; нѣкоторые раздавали деньги и простили рабочимъ долги.

Въ политехническомъ Музеѣ, въ присутствіи московскаго генералъ-губернатора, приглашенныхъ почетныхъ посѣтителей и народа, было совершено молебствіе, послѣ котораго читался очеркъ двадцатипятилѣтняго славнаго царствованія. Чтеніе сопровождалось туманными картинами, изображавшими важнѣйшія событія изъ жизни Государя Императора, и окончилось народнымъ гимномъ, причемъ народу была роздана юбилейная брошюра. Во всѣхъ народныхъ читальняхъ также были устроены чтенія и раздавалась народу та же брошюра, заключающая въ себѣ краткій очеркъ двадцатипятилѣтняго царствованія Государя Императора.

Въ 2 часа дня, въ Экзерцигаузѣ былъ устроенъ отъ города безплатный концертъ съ участіемъ хора Общества Любителей Музыкальнаго и Драматическаго Искусствъ, Московскихъ Императорскихъ Театровъ, театральнаго оркестра и трехъ хоровъ военной музыки. На обширной эстрадѣ противъ средняго входа, со стороны Университета, помѣстилось до 900 человѣкъ исполнителей. Надъ эстрадой возвышался громадный щитъ съ вензелемъ Государя и медальйонами, на которыхъ были указаны года важнѣйшихъ событій настоящаго царствованія. Какъ эстрада, такъ и Экзерцигаузъ были украшены національными флагами. Противъ эстрады до самаго входа стояли ряды стульевъ, а по сторонамъ ихъ, до едва виднѣвшихся вдали боковыхъ дверей, стояли сплошныя народныя массы. Билетовъ было роздано 9.000, но всѣхъ присутствовавшихъ на концертѣ, вмѣстѣ съ исполнителями, было болѣе 11.000. Концертъ начался народнымъ гимномъ. Пѣніе хоровъ слилось съ музыкой оркестровъ, и торжественные, могучіе, стройные звуки пронеслись по обширному зданію. Заколебалась многотысячная народная толпа. Стѣны дрогнули отъ восторженныхъ кликовъ *ура*. Гимнъ былъ повторенъ, по требованію присутствовавшихъ пять разъ. Затѣмъ была исполнена оркестрами увертюра изъ *Жизни за Царя*. Хоры, при помощи оркестра, пропѣли народную пѣсню

Возлѣ рѣчки, возлѣ моста, и затѣмъ оркестры исполнили русско-сербскій маршъ *Чайковскаго*, но еще не успѣли докончить марша, какъ въ народѣ раздались крики: „гимнъ, гимнъ!“ Изъ программы концерта были выпущены двѣ пѣсни, и на эстрадѣ грянуло: *Славься, славься, нашъ Русскій Царь!* Послѣдовалъ новый взрывъ энтузіазма и новые крики: „гимнъ!“ Гимнъ былъ снова повторенъ, и на томъ окончился концертъ. Слѣдуетъ замѣтить что несмотря на многочисленность и разносоставность народной массы, присутствовавшей на этомъ концертѣ, порядокъ не нарушался, даже не замѣтно было обычной въ подобныхъ случаяхъ давки при выходѣ.

Изъ Манежа толпы направились на Дѣвичье Поле, гдѣ было народное гулянье съ разными представленіями, каруселями и качелями. Замѣчательно что даже на гуляньѣ не было видно пьяныхъ.

Въ 4 часа московскимъ генералъ-губернаторомъ былъ данъ большой обѣдъ, на который были приглашены начальники отдѣльныхъ частей военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и почетнѣйшія лица города. Въ числѣ избраннаго общества приглашеннаго на обѣдъ, находились также оба викарія Московской каѳедры и нѣсколько лицъ почетнѣйшаго московскаго духовенства. Обѣдъ начался еще при дневномъ свѣтѣ, но въ срединѣ обѣда залъ вдругъ освѣтился тысячами огней, и князь В. А. Долгоруковъ провозгласилъ слѣдующій тостъ: „За здоровье Государя Императора, нашего возлюбленнаго Царя-Освободителя, благотворному царствованію Котораго сегодня исполнилось 25 лѣтъ! Пожелаемъ же Его Величеству продолженія Его достославнаго царствованія на многіе и многіе годы для счастія и славы дорогаго нашего Отечества!“ Слова князя В. А. Долгорукова были заглушены восторженными кликами *ура*; оркестръ, бывшій на хорахъ обѣденной залы, заигралъ гимнъ *Боже, Царя храни*. Звуки гимна долетѣли до площади, густо наполненной тѣснившимся народомъ. Раздалось громовое *ура* и не прекращалось до поздней ночи.

Еще до сумерекъ, народъ, въ ожиданіи иллюминаціи, сталъ выходить изъ домовъ на улицы и направляться къ Тверской площади. Къ 7 часамъ вечера, по Тверской уже двигалась непроницаемая народная толпа, а на Тверской площади собрались многія тысячи народа. Предъ домомъ генералъ-губернатора горѣла великолѣпная декорація съ изображеніемъ государственнаго герба и вензеля Государя Императора, а самый домъ былъ освѣщенъ газовыми гербами и вензелями Ихъ Императорскихъ Величествъ. На площади помѣщался хоръ военной музыки. Непрерывные клики *ура* приливомъ и отливомъ двигавшейся толпы народной заглушали даже военный оркестръ. Изрѣдка притихали эти клики, но съ тѣмъ чтобы подняться съ новою силой. И не одна Тверская площадь, всѣ главныя улицы были наполнены народомъ. *Ура* подхватывалось безчисленными голосами и неслось до самыхъ отдаленныхъ окраинъ Москвы. Это было невиданное еще зрѣлище, небывалое выраженіе единодушнаго чувства. Народъ видимо дорожилъ своимъ благороднымъ одушевленіемъ. Не желая осквернить его, онъ держалъ себя совершенно трезво и соблюдалъ полный порядокъ.

Домовладѣльцы не пожалѣли расходовъ на иллюминацію. Даже на окраинахъ Москвы вспыхивали бенгальскіе огни и ярко свѣтились транспаранты. Дома унизанные безчисленными флагами и залитые огнями, двигавшіяся по улицамъ народныя массы и стоявшій въ воздухѣ гулъ народныхъ кликовъ, все это представляло оживленную, торжественную картину. Въ шести мѣстахъ играли хоры музыки. Теплая и ясная погода содѣйствовала успѣху всенароднаго праздника.

Вечеромъ въ Большомъ Театрѣ шла опера *Жизнь за Царя*. Блестяще освѣщенная зала была полна зрителями. По афишѣ исполненіе народнаго гимна было назначено послѣ оперы. Но едва поднялась, послѣ увертюры, занавѣсь и послышались первые звуки хора, во всемъ театрѣ сверху до низу раздался одинъ неумолчный крикъ: „гимнъ, гимнъ!“ Находившіеся на сценѣ артисты исполнили желаніе публики. При восторженныхъ несмолкавшихъ крикахъ гимнъ былъ повторенъ девять разъ. Занавѣсь опускался и вновь поднимался, къ находившимся на сценѣ артистамъ присоединились нѣкоторые изъ бывшихъ за кулисами. Было замѣтно что исполнители были воодушевлены столько же какъ и слушатели. Наконецъ оказалось возможнымъ начать оперу. Она прошла чрезвычайно оживленно, и главные исполнители, гг. Абрамовъ, Додоновъ, Махина и Святловская, были награждены многочисленными рукоплесканіями. Какъ только въ

первомъ же хорѣ было произнесено имя Царя, оно было встрѣчено громкими кликами, сопровождавшими и всѣ патріотическія мѣста народной оперы. Знаменитое мѣсто въ третьемъ дѣйствіи: „лягу за Царя, за Русь!“ было повторено трижды. По окончаніи оперы вновь раздались торжественные звуки народнаго гимна. При кликахъ *ура* и громѣ рукоплесканій онъ былъ повторенъ двѣнадцать разъ. Въ театрѣ присутствовали генералъ-губернаторъ и многія власти столицы.

№ 51.

Москва, 20-го февраля.

Крамола хочетъ показать что она не падаетъ духомъ, не теряетъ своихъ надеждъ, что ее не пугаетъ рѣшимость власти подавить ее, и что она нисколько не смущена твердостію Русскаго народа. Въ рѣшимость власти она не вѣритъ, а надъ народнымъ чувствомъ издѣвается. Она и создана на то чтобы наругаться надъ Русскимъ народомъ.

Сегодня, графъ Лорисъ-Меликовъ, только что принявшій полномочія для рѣшительныхъ дѣйствій противъ этой крамолы,— именно сегодня, послѣ всенароднаго торжества, — подвергся на улицѣ, у дверей своего дома, злодѣйскому покушенію. Пуля злодѣя не посмѣла коснуться его, и замерла на пути. Чудеса творятся во очію! Злодѣйское покушеніе только возвыситъ заслуженную популярность графа Лорисъ-Меликова, только дастъ живѣе почувствовать его цѣну и привлечетъ къ нему народное сочувствіе, которое послужитъ ему самою лучшею опорой для рѣшительныхъ и дѣйствительныхъ мѣръ противъ зла. Не въ интеллигенціи петербургской, а въ Русскомъ народѣ слѣдуетъ искать опоры какъ въ этомъ, такъ и во всякомъ правительственномъ дѣлѣ.

Крамола выслала одного изъ закабаленныхъ ей людей сдѣлать демонстрацію, смутить власть и заставить ее капитулировать. Тайнымъ заговорщикамъ нужна была не столько жизнь главнаго начальника Верховной Распорядительной Коммиссіи (слишкомъ длинный титулъ для власти долженствующей дѣйствовать быстро, энергически и мѣтко!) — не столько жизнь его была нужна имъ,—онъ еще не имѣлъ времени начать свои дѣйствія и еще не успѣлъ наступить на хвостъ крамолѣ,— сколько нужна была демонстрація; нужно было произвести впечатлѣніе. Они, по всему видно, сохраняютъ надежду что дѣло ихъ не проиграно, и что рѣшимость искоренить крамолу недостаточно тверда. По всѣмъ признакамъ, замѣтнымъ для людей зрячихъ, „диктатура“ не произвела должнаго впечатлѣнія на сферы ожидающія „богатыя милости“ отъ дѣйствій крамолы. Эти сферы надѣются что правительство, для искоренія крамолы, пойдетъ путемъ какой она сама рекомендуетъ. Руководители заговора объявляютъ въ своихъ прокламаціяхъ что не успокоятся до тѣхъ поръ пока власть не дастъ Россіи либеральныхъ учрежденій. Оказывается что заговорщики хотятъ того же чего желаютъ и заграничные, и домашніе доброжелатели Россіи.

Власть, говорятъ, должна обратиться къ обществу и въ немъ искать себѣ опоры. Но къ какому обществу? Гдѣ эти элементы въ интеллигентныхъ сферахъ нашего общества на которые могло бы опереться правительство великой державы, несущей на себѣ отвѣтственность за народное благо и судьбы Россіи. Скажите, гдѣ въ эту минуту обнаруживаются такіе элементы? Не въ салонахъ ли петербургскихъ? Не въ фельетонахъ ли петербургскихъ газетъ? Не въ наукѣ ли нашей? Гдѣ эта наука, гдѣ ея плоды? Правительство въ настоящее время можетъ успѣшно исполнить свою задачу только строгою дисциплиной сверху до низу въ своихъ собственныхъ рядахъ. Развѣ можно въ эту минуту думать о представительствѣ какъ о полезной силѣ? Развѣ дозволительно думать о чемъ-либо подобномъ въ солидарности съ гнуснѣйшимъ заговоромъ, руководимымъ вражескою рукой?

Нѣтъ надобности обращаться къ обществу за поддержкой и пособіемъ. Оно само обратится къ правительству на всякую добрую помощь и содѣйствіе лишь бы только правительство должнымъ образомъ дисциплинировало своихъ дѣятелей сверху до низу и искало себѣ опоры въ патріотическомъ духѣ и русскомъ мнѣніи. Только дисциплина въ правительственныхъ рядахъ,—такъ чтобы всякій въ нихъ страшился уклоняться отъ своего долга и обманывать высшую власть,—и патріотизмъ въ образованныхъ сферахъ общества, вотъ

что̀ требуется, и вотъ о чемъ надо позаботиться; начать же необходимо съ дисциплины. Когда въ правительственныхъ сферахъ возобладаетъ духъ строгой дисциплины, сами собою оживятся и поднимутся всѣ здоровыя силы общества.

Нельзя не согласиться со слѣдующими словами петербургскаго корреспондента берлинской *Крестовой Газеты*: „Съ глубокимъ прискорбіемъ приходится еще и еще повторить что правительство слишкомъ слабо относится къ тѣмъ сферамъ которыя потворствуютъ фанатикамъ нигилизма, а потому нельзя сказать чтобы противъ нигилизма принимались серіозныя мѣры.“

№ 52.

Москва, 21-го февраля.

Вопросъ о выдачѣ Гартманна затянулся, хотя, по всѣмъ извѣстіямъ, личность злодѣя и виновность его въ адскомъ замыслѣ 19 ноября не подлежатъ сомнѣнію. Толки по этому поводу занимаютъ теперь главное мѣсто во всѣхъ органахъ европейской печати, и нѣтъ конца сужденіямъ и казуистикѣ въ томъ или другомъ смыслѣ. Само собою разумѣется что радикальные органы всячески агитируютъ противъ удовлетворенія Россіи. Это въ порядкѣ вещей. Но вотъ что̀ замѣчательно: руководящій органъ нѣмецкихъ ультрамонтанъ, газета *Germania* (редижируемая Поляками), воздерживаясь отъ принципіальнаго рѣшенія по этому вопросу, сочла нужнымъ указать теперешнему Французскому правительству что у него „былъ отличный выходъ изъ затруднительнаго положенія,“ коимъ онъ не сумѣлъ воспользоваться, а именно можно де было распорядиться такимъ образомъ чтобы Гартманнъ былъ подъ рукой выпровожденъ изъ Франціи, прежде чѣмъ огласилось его пребываніе въ ней. Этотъ іезуитскій намекъ характеризуетъ превосходящее всякую мѣру озлобленіе противъ Россіи которое постоянно высказывается въ упомянутомъ польско-нѣмецкомъ органѣ, особенно по поводу послѣднихъ событій въ Россіи.

Нельзя отрицать того что Французское правительство, дѣйствительно, находится въ нѣкоторомъ затрудненіи имѣя противъ себя въ данномъ случаѣ не только куновъ изъ лагеря коммунаровъ, но и бонапартистовъ, готовыхъ подать руку кому угодно, лишь бы имѣть случай для агитаціи. Въ виду этого, нѣтъ ничего удивительнаго что предположенія правительства сохраняются въ строжайшей тайнѣ. Сдержанность эту соблюдаютъ и всѣ близкіе правительству органы. *République Française*, напримѣръ, не проронила до сихъ поръ ни одного слова по вопросу о выдачѣ Гартманна. По слухамъ, замедленіе происходитъ вслѣдствіе того что до сихъ поръ еще продолжается процедура провѣрки личности обвиняемаго. Для того чтобъ одна страна предала лицо находящееся на ея территоріи и въ силу этого пользующееся покровительствомъ ея законовъ въ руки правосудія другой страны, необходимо въ точности убѣдиться что дѣло идетъ о виновникѣ дѣйствительнаго преступленія и что нѣтъ повода сомнѣваться въ тождествѣ обвиняемаго субъекта. На это мы сѣтовать не можемъ.

Иное дѣло если вопросъ идетъ не о провѣркѣ фактовъ. Парижскій корреспондентъ *Daily News* сообщаетъ, отъ 22 февраля, будто знаменитый французскій криминалистъ и президентъ государственнаго совѣта (высшаго административнаго учрежденія во Франціи), г. Фаустинъ Эли, высказался противъ выдачи, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ что считая даже доказанною виновность Гартманна въ московскомъ покушеніи, „нельзя при теперешнемъ положеніи вещей въ Россіи не признать въ этомъ преступленіи политическаго характера, и отнестись къ оному какъ къ преступленію общаго права.“

Въ подкрѣпленіе этого аргумента г. Эли будто бы ссылается еще на то что послѣ коммуны 1871 года французское правительство напрасно домогалось отъ европейскихъ государствъ выдачи бѣжавшихъ коммунаровъ.

Странное извращеніе понятій, непонятное со стороны столь значительнаго юриста, если только его мнѣніе вѣрно передано англійскимъ корреспондентомъ!

Начать съ того что положительное конвенціонное право выраженное во многихъ трактатахъ самой Франціи съ другими государствами о выдачѣ преступниковъ прямо высказано что „покушеніе противъ главы иностраннаго правительства или противъ члена его семейства, если въ этомъ покушеніи заключается составъ убійства

„или отравленія," не считается политическимъ преступленіемъ и не можетъ служить предлогомъ къ невыдачѣ обвиняемаго. Бо́льшая часть трактатовъ Франціи, въ коихъ содержится приведенное правило, заключены, правда, во времена Второй Имперіи: но въ 1877 году такой же трактатъ заключенъ республиканскимъ правительствомъ съ Даніей и въ трактатъ этотъ включено безъ измѣненія то же самое правило. Между Россіей и Франціей, правда, нѣтъ договора о взаимной выдачѣ преступниковъ; но въ дѣлахъ подобнаго рода международное право нигдѣ не связано съ писаннымъ закономъ, облеченнымъ въ формальный трактатъ, и даже самые ярые противники выдачи Гартманна не считаютъ возможнымъ опираться на этотъ формальный аргументъ.

Указаніе на каммунаровъ, коихъ выдачи Французы напрасно домогались, также характеризуетъ тѣ ухищренія къ коимъ прибѣгаютъ люди ослѣпленные ненавистью къ Россіи, ибо если Французское правительство не считало участниковъ парижской коммуны 1871 года политическими преступниками, то изъ этого слѣдуетъ конечно прямое заключеніе что таковыми не можетъ оно признавать и русскихъ революціонеровъ.

Но мы полагаемъ что между участниками Парижской коммуны и тою шайкой злодѣевъ которая именуетъ себя русскою революціонною партіей есть разница.

Принципъ политическаго убѣжища для иностранныхъ выходцевъ, признаваемый въ международномъ правѣ, писанномъ и неписанномъ, можетъ быть сведенъ къ принципу нейтралитета. Всякая попытка разрушить въ данной странѣ существующій государственный порядокъ и замѣнить его другимъ есть политическое преступленіе въ предѣлахъ этой страны. Но во многихъ странахъ существующій государственный порядокъ есть самъ результатъ переворота. Вездѣ въ Европѣ имѣются партіи представляющія собой обломки ниспроверженнаго въ прошедшее время порядка, партіи кои сами нѣкогда имѣли въ своихъ рукахъ власть, и въ силу этого сознающихъ за собою *право* домогаться возстановленія своей власти. Вотъ почему другія государства считаютъ себя обязанными соблюдать нейтралитетъ относительно этой междуусобной борьбы открытой или глухой, которая ведется въ какой-либо странѣ между различными партіями, изъ коихъ каждая опирается на свое право дѣйствовать отъ имени націи, которую представляетъ или когда-либо дѣйствительно представляла. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать (хотя бы съ натяжкой) и за приверженцами французской коммуны права на званіе политической партіи. Коммуна распоряжалась судьбой Франціи съ 1793 по 1795 годъ, а въ 1871 году она захватила въ свои руки столицу Франціи и продержалась въ ней нѣсколько мѣсяцевъ. Съ формальной стороны, источникъ ея власти былъ одинъ и тотъ же что̀ и для Временнаго Правительства, захватившаго власть во время войны, при разгромѣ армій и при паденіи правительства Наполеоновской имперіи.

Но что̀ такое „русская революціонная партія," и въ силу чего она можетъ имѣть притязаніе на нейтральное отношеніе къ ней иностранныхъ правительствъ въ ея злоумышленіяхъ и преступныхъ дѣйствіяхъ? Есть ли въ историческомъ прошломъ Россіи что-либо такое что̀ давало бы основаніе считать этихъ „борцовъ" представителями какой бы то ни было части Русской націи?

Русская исторія не знаетъ внутреннихъ переворотовъ, которые поколебали бы преемственность и непрерывность Верховной Власти, а потому въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть партіи которая могла бы подкладывать подъ дѣла преступнаго свойства политическіе мотивы и ссылаться на свое право воевать съ существующимъ правительствомъ. Въ Русскомъ народѣ никогда не было борьбы изъ-за власти. У насъ нѣтъ претендентовъ; нѣтъ низверженныхъ правительствъ.

Крамола, совершающая въ Россіи гнусныя злодѣянія, не имѣетъ никакого знамени и никакого лозунга кромѣ всеобщаго разрушенія. Если подъ нею скрывается какая-либо политическая партія, хоть бы напримѣръ польская, такъ пусть же она выброситъ свой флагъ...

Рядъ убійствъ и злодѣйскихъ покушеній не имѣющихъ примѣра въ исторіи, вотъ въ чемъ исключительно выразилась „политическая дѣятельность" той шайки которая именуетъ себя русскими революціонерами. Если *имъ* присвоить право на званіе политической партіи, то нѣтъ повода отказывать въ томъ же и сектѣ индійскихъ „душителей" для коихъ убійство есть религіозный догматъ.

№ 53.

Москва, 22-го февраля.

Въ понедѣльникъ, 1 марта, германскій рейхстагъ приступилъ къ обсужденію законопроекта объ усиленіи численности германской арміи, и уже при этомъ первомъ чтеніи совершенно выяснилось что нѣтъ и не было никакого повода опасаться за судьбу этого проекта. Отъ имени національ-либераловъ г. Беннигсенъ заявилъ что партія эта подаетъ свои голоса за проектъ, и даже вожакъ прогрессистовъ, г. Рихтеръ, весьма обстоятельно разобравшій основанія предполагаемаго закона, отнюдь не отвергалъ его въ принципѣ и не сталъ къ нему въ прямую оппозицію. Въ виду этого, оппозиція партіи центра не имѣетъ никакого значенія для исхода дѣла, хотя она не лишена интереса какъ указаніе на вновь обострившуюся культурную борьбу, прекратить которую князь Бисмаркъ, какъ видно, не въ силахъ, хотя не подлежитъ сомнѣнію что ему очень было бы желательно покончить съ этимъ, имъ самимъ вызваннымъ, внутреннимъ раздоромъ.

Но то обстоятельство что успѣхъ военнаго закона, какъ оказывается, и не могъ подлежать серіозному сомнѣнію, заставляетъ всѣхъ, въ томъ числѣ и германскую печать, снова оглянуться на странный эпизодъ разыгранный въ началѣ прошедшей недѣли берлинскою офиціозною печатью. Мы говоримъ о пресловутой замѣткѣ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, отъ 23 февраля, усмотрѣвшей завоевательные замыслы противъ Германіи со стороны Россіи въ томъ что имѣется въ виду по сообщенію той же газеты, укрѣпить нѣсколько пунктовъ на западно-русской границѣ. Замѣтка эта произвела сенсацію въ Германіи и во всей Европѣ, во всѣ концы которой поспѣшило передать ее офиціозное агентство Вольфа, и отозвалась чувствительнымъ пониженіемъ курсовъ на всѣхъ биржахъ Впечатлѣніе произведенное выходкой правительственнаго органа не уменьшилось, а развѣ усилилось опроверженіемъ которое *Сѣверо-Германская Газета* напечала на другой день противъ ея собственныхъ выводовъ, опроверженіе доставленное „изъ свѣдущаго источника.“ Среди безчисленныхъ толковъ которые вызваны были этими выходками офиціозной газеты были и такіе которые старались успокоить тревогу тѣмъ соображеніемъ что сенсаціонная замѣтка понадобилась для того чтобы лучше провести въ рейхстагѣ военный законъ. Но уже тогда многія берлинскія газеты возражали что серіозныхъ препятствій не предвидится и это вполнѣ подтвердилось при первомъ же чтеніи законопроекта. „Что же сей сонъ означалъ?“ спрашиваютъ теперь снова со всѣхъ сторонъ, и разумѣется вопросъ такъ и остается вопросомъ

Но протестаціи вызванныя въ самомъ Берлинѣ выходкой *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* были такъ рѣзки и характерны что онѣ сами по себѣ суть знаменательный фактъ который нельзя пропустить безъ вниманія. Органы всѣхъ партій единодушно возстали противъ офиціозной газеты, доказывая какъ несостоятельность соображеній о воинственныхъ замыслахъ Россіи, такъ и крайнее легкомысліе подобныхъ, ничѣмъ не вызванныхъ, „задираній.“ Органъ прусскихъ консервативныхъ и придворныхъ сферъ, *Крестовая Газета*, припомнилъ по этому поводу знаменитую статью другой офиціозной газеты, *Post*, изъ которой, въ началѣ 1875 года, изумленная Европа впервые узнала что Германія „предвидитъ“ въ ближайшемъ будущемъ войну съ Франціей, „вслѣдствіе чрезмѣрныхъ вооруженій“ этой державы. Напоминаніе *Крестовой Газеты* особенно интересно теперь, когда послѣ недавнихъ дипломатическихъ раскрытій, обнародованныхъ герцогомъ Деказомъ, бывшимъ въ 1875 году французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, констатировано что упомянутая статья *Post* вовсе не была громовымъ ударомъ изъ яснаго неба, какъ полагали въ то время, а знаменовала собою дѣйствительно собиравшуюся грозу, которая была разсѣяна не совсѣмъ по доброй волѣ тѣмъ кѣмъ внушена офиціозной газетѣ ея тревожная статья.

Не менѣе интересны возраженія которыя высказаны противъ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* органами національ-либераловъ, тѣхъ самыхъ, коихъ будто бы имѣлось въ виду склонить въ пользу военнаго закона. Національ-либералы не нуждались въ аргументахъ, ибо они напередъ рѣшили стать по этому дѣлѣ на сторону правительства, но въ то же время ихъ органы съ необычайною рѣзкостью возстали противъ умѣстности подобныхъ маневровъ со стороны органовъ

правительственной печати. При этомъ не оставлено было безъ вниманія и участіе которое приняло телеграфное агентство Вольфа въ этомъ дѣлѣ. Берлинская печать протестовала противъ усиленія впечатлѣнія чрезъ посредство офиціознаго телеграфнаго агентства почти въ тѣхъ же выраженіяхъ какъ и мы по полученіи берлинскихъ телеграммъ передавшихъ намъ содержаніе офиціозной замѣтки. *Національная Газета* настаивала далѣе на томъ что загадочная манифестація не можетъ не быть принята за внушеніе полученное свыше. „Отъ имени глубоко взволнованна-„го общественнаго мнѣнія мы просимъ раз-„яснить происхожденіе какъ первой, такъ „и второй офиціозной замѣтки," восклицали упомянутыя газеты, „и мы надѣемся „что къ намъ отнесутся настолько серіоз-„но и съ уваженіемъ что не будутъ от-„дѣлываться, какъ много разъ прежде, за-„мѣчаніемъ что *Сѣверо-Германская Все-„общая Газета* есть органъ независимый, „и что его редакція одна лишь несетъ от-„вѣтственность за то что въ ней выска-„зывается. Не можетъ быть никакого со-„мнѣнія что печатая какъ первую, такъ „и вторую замѣтку, редакція повиновалась „распоряженіемъ извнѣ." Тѣмъ не менѣе никакихъ разъясненій не послѣдовало, а редакція *Сѣверо-Германской Газеты* прибѣгла въ сотый разъ къ избитой отговоркѣ, въ которую никто не вѣритъ, будто она „собственнымъ умомъ" дошла до тѣхъ грубыхъ инсинуацій противъ Россіи, коихъ нелѣпость на другой день была доказана, по ея же свободному изволенію, на ея же столбцахъ. *Національная Газета* вынуждена была сама искать отвѣта на поставленный ею вопросъ. Это объясненіе тоже не лишено интереса: „Намъ пред-„ставлялось двоякое разъясненіе," замѣчаетъ она, „и мы не знаемъ которому изъ „нихъ отдать предпочтеніе. Быть-можетъ „съ начальствующаго мѣста послѣдовали „съ поразительною быстротой одна за дру-„гою двѣ взаимно противорѣчащія руле-„выя команды; или же первая команда бы-„ла исполнена съ крайнею неумѣлостью."

Намъ въ сущности все равно какое изъ этихъ объясненій имѣетъ за собою болѣе вѣроятности, тѣмъ болѣе что оба объясненія не отличаются опредѣленностію. Гораздо важнѣе то что сама берлинская печать, столь сдержанная и всегда готовая прикрывать всякое дѣйствіе правительства находящееся въ связи съ иностранными дѣлами, энергически настаиваетъ на томъ что непозволительная выходка *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* противъ Россіи не есть простая безтактность безотвѣтственнаго журналиста. Главнымъ же образомъ заслуживаетъ вниманія то единодушіе съ какимъ вся германская печать поспѣшила высказаться противъ оскорбленія нанесеннаго Россіи отрицаніемъ ея права на самостоятельность въ дѣлѣ національной обороны и ни съ чѣмъ несообразными инсинуаціями о ея воинственныхъ противъ Германіи замыслахъ. При этомъ обнаруживается какъ глубоко коренится до сихъ поръ въ Германскомъ народѣ убѣжденіе въ необходимости прочной и дружественной связи между Германіей и Россіей, то убѣжденіе которое еще на дняхъ столь горячо выражено маститымъ вождемъ Германской націи въ его письмѣ къ Государю Императору по случаю юбилея 19 февраля.

Не служитъ ли это доказательствомъ что рука направляющая германскую политику не такъ уже крѣпка какъ въ прежнее время? Быть-можетъ загадка которую берлинская печать напрасно старалась разгадать на этихъ дняхъ не лишена связи съ настойчиво повторяемыми слухими объ отпускѣ который намѣренъ взять князь Бисмаркъ „на неопредѣленное время."

№ 54.

Москва, 23-го февраля.

Повсемѣстныя торжества, которыми такъ горячо, такъ сердечно и благоговѣйно почтилъ Русскій народъ двадцатипятилѣтній юбилей великаго служенія своего Монарха Русской землѣ, окончились. Но мысль невольно продолжаетъ обращаться къ совокупности благихъ дѣяній наполнявшихъ собою истекшее двадцатипятилѣтіе. Все въ Русской землѣ обновилось и перестроилось. Но этимъ значеніе преобразованій еще не исчерпывается. Они сами собою ведутъ къ дальнѣйшему переустройству, обновленію и улучшеніямъ во всѣхъ сферахъ народной жизни. Какъ нельзя было остановиться на одной крестьянской реформѣ, которая повела за собой и судебную реформу, и созданіе земскихъ учрежденій, и преобразованіе всей народной вооруженной силы, и рядъ

другихъ преобразованій, такъ невозможно остановиться и теперь. Преобразовательной дѣятельности предстоитъ дальнѣйшее плодотворное развитіе. Совершившіяся реформы требуютъ многихъ дополненій. Какъ во всякомъ организмѣ, въ государствѣ всѣ его части, всѣ органы, всѣ отправленія должны вполнѣ соотвѣтствовать и служить другъ другу. Къ этому слѣдуетъ стремиться, и этимъ опредѣляются задачи предстоящей организаторской дѣятельности. Многое въ этомъ отношеніи уже намѣчено: преобразованіе податной системы, опредѣленіе правомѣрныхъ отношеній между нанимателями и нанимающимися, улучшеніе сельскаго благоустройства, облегченіе правильнаго переселенія изъ густо населенныхъ мѣстностей въ малонаселенныя и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря тому что многія реформы осуществились не со вчерашняго дня, опытъ далъ не мало указаній на нѣкоторыя ихъ стороны требующія улучшеній въ интересахъ общаго блага. Такъ въ судебной организаціи уже успѣли обратить на себя вниманіе многія несовершенства, особенно по слѣдственной части, устраненіе коихъ требуется не въ какихъ-либо либеральныхъ или консервативныхъ видахъ, но въ интересахъ общей пользы и той прямой цѣли ради которой были предприняты судебныя реформы. Такъ по предмету воинской повинности уже возникъ вопросъ о возможности сокращенія сроковъ дѣйствительной службы, которое, облегчивъ тягость повинности, сопровождалось бы усиленіемъ вооруженныхъ силъ государства. Не мало подобныхъ же мѣръ для развитія и упроченія благъ дарованныхъ уже совершенными реформами становятся необходимыми и по многимъ другимъ частямъ.

Трудно, почти невозможно, подвести итогъ сдѣланному; но трудно исчислить и задачи предстоящія къ рѣшенію. Не послѣднее мѣсто въ ихъ ряду занимаютъ поставленные временемъ экономическіе вопросы, вопросы объ улучшеніи условій народнаго хозяйства. Сколько такихъ вопросовъ давно уже созрѣло и неотступно требуютъ практическаго рѣшенія! Возьмите, для примѣра, хотя бы вопросъ о соляномъ налогѣ. Какъ давно уже признанъ этотъ налогъ крайне вреднымъ, и какъ настоятельно указывается со всѣхъ сторонъ необходимость его отмѣны! Мало того что онъ является въ сущности не косвеннымъ, а прямымъ налогомъ на податныя сословія; еще въ большей мѣрѣ представляется онъ вреднымъ какъ помѣха улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ препятствіе къ улучшенію и развитію скотоводства, и какъ задержка развитія обрабатывающей промышленности. Это такъ чувствуется всѣмъ промышленнымъ людомъ что минувшимъ лѣтомъ, во время поѣздки министра финансовъ по Россіи, ходатайство объ отмѣнѣ солянаго акциза было самымъ горячимъ и единодушнымъ изо всѣхъ съ какими обращались тогда къ нему представители русской торговли и промышленности. Въ неменьшей мѣрѣ сознана настоятельность этого дѣла и самимъ министромъ, объявившимъ тогда же что день когда состоится отмѣна солянаго акциза будетъ счастливѣйшимъ въ его жизни. Но этотъ счастливый день долженъ же наконецъ наступить. Борьба съ финансовыми затрудненіями, задержавшими донынѣ благодѣтельную мѣру отмѣны солянаго акциза, при доброй волѣ, не можетъ быть неодолимымъ препятствіемъ и не будетъ имъ какъ только финансовымъ вѣдомствомъ будетъ усвоенъ правильный взглядъ на экономическіе вопросы.

Съ препятствіями приходилось бороться при всякихъ улучшеніяхъ, и въ большинствѣ случаевъ предварительно составленное мнѣніе о значеніи этихъ препятствій оказывалось на практикѣ очень преувеличеннымъ. Нельзя не замѣтить того же и въ соляномъ вопросѣ. Трудность пріисканія иного источника для возмѣщенія казнѣ дохода получаемаго съ соли не столько дѣйствительная сколько мнимая. Вся эта трудность остается въ силѣ лишь пока держится мнѣніе что пересмотръ таможеннаго тарифа и повышеніе существующихъ пошлинъ на привозные товары было бы мѣрой „не либеральною.“ Но какъ скоро будетъ брошенъ этотъ взглядъ, какъ скоро впереди его будетъ поставленъ вопросъ о государственной пользѣ, затрудненія къ отмѣнѣ вреднаго налога не замедлятъ устраниться. Четырнадцать милліоновъ получаемыхъ казной отъ солянаго дохода не такая сумма которая не могла бы быть получена отъ повышенія непомѣрно низкихъ нормъ обложенія многихъ привозныхъ товаровъ. Повышеніе тарифа на привозные металлы и металлическія издѣлія, каменный уголь, краски, химическіе продукты, шерсть, шелкъ, мѣха и т. д. можетъ дать

казнѣ несравненно болѣе. Но, что особенно важно, такое перенесеніе налога съ соли на привозные товары было бы двоякимъ благодѣяніемъ для русскаго народнаго хозяйства. Безо всякой потери для казны, былъ бы устраненъ налогъ вредный для народнаго хозяйства и препятствующій его успѣхамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣнившіе его налоги были бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ подъему народнаго хозяйства, къ направленію капиталовъ на разработку лежащихъ нынѣ втунѣ богатствъ страны, къ оживленію коснѣющихъ и къ созданію новыхъ важныхъ отраслей промышленности Не въ низкомъ ли тарифѣ заключается причина застоя нашей горнозаводской и химической промышленности, нашего овцеводства, шелководства и многихъ другихъ отраслей производства подавляемыхъ иностранною конкурренціей? И что, кромѣ экономическихъ тенденцій, побуждаетъ держаться за храненіе этого тарифа? Съ точки зрѣнія этихъ тенденцій, пожалуй, нѣтъ ничего поразительнаго, напримѣръ, въ фактѣ на который указано въ помѣщенномъ во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты письмѣ „Горнозаводчика,“ что чугунъ выплавленный иностранцами не платитъ никакой пошлины въ то самое время когда русскіе горные заводы обязаны оплачивать особою горною пошлиной каждый пудъ чугуна выплавленнаго русскими рабочими изъ русской руды, на русскомъ топливѣ. Можетъ ли такой порядокъ считаться хорошимъ и справедливымъ съ точки зрѣнія не либеральныхъ или консервативныхъ (не знаешь какъ и назвать) взглядовъ, а государственной пользы и національныхъ интересовъ?

Какъ во всякомъ организмѣ, такъ и въ государствѣ, всѣ отдѣльныя части такъ тѣсно связаны между собою что все вредное этимъ частямъ вредно и цѣлому организму, и всякія частныя улучшенія увеличиваютъ благосостояніе общее. Это подтверждено на дѣлѣ каждою изъ благодѣтельныхъ реформъ нынѣшняго царствованія; это не замедлило бы обозначиться и въ случаѣ пересмотра таможеннаго тарифа съ цѣлію поощренія отечественнаго экономическаго производства. Россія страна преимущественно, но не исключительно земледѣльческая. Во многихъ ея мѣстностяхъ населеніе не можетъ жить однимъ земледѣліемъ и нуждается въ сторонніхъ промыслахъ и заработкахъ. Улучшеніе быта населенія въ такихъ мѣстностяхъ прямо зависитъ отъ степени развитія обрабатывающей промышленности. Чѣмъ шире она разовьется, тѣмъ болѣе займетъ рукъ, тѣмъ больше будутъ заработки рабочаго люда, тѣмъ менѣе отяготительны будутъ для него лежащія на немъ повинности, тѣмъ меньше будутъ недоимки въ сборѣ податей. У насъ любятъ по временамъ толковать о пользѣ развитія въ средѣ сельскаго населенія такъ-называемыхъ кустарныхъ промысловъ. А сколько такихъ промысловъ убито низкимъ тарифомъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ желѣзныя дороги облегчили сбытъ покровительствуемыхъ имъ предметовъ иностраннаго производства въ районахъ питавшихъ нашу кустарную промышленность! И сколько отраслей кустарнаго производства возродится и создастся вновь вслѣдъ за реформой таможеннаго законодательства!

У этой реформы, какъ и у всѣхъ другихъ, исполненныхъ и предстоящихъ, не будетъ, конечно, недостатка въ сильныхъ врагахъ. И эта реформа, подобно прочимъ, затронетъ не мало эгоистическихъ интересовъ, вооружитъ противъ себя всѣхъ паразитовъ живущихъ на счетъ народнаго организма не общею съ нимъ, а чуждою ему жизнью. Всѣ они, конечно, не замедлятъ пустить въ ходъ все свое вліяніе, всевозможные софизмы, всевозможныя средства затормозить дѣло. Безъ этого не обходилось и не обходится ни одно полезное преобразованіе. Но какъ не могло все это остановить хода уже совершенныхъ преобразованій, такъ и не остановитъ, безъ сомнѣнія, ни таможенной, ни многихъ другихъ реформъ выпадающихъ на долю начавшагося втораго двадцатипятилѣтія нынѣшняго благодатнаго царствованія. Прошедшее служитъ порукой за будущее.

№ 56.

Москва, 25-го февраля.

Въ ряду реформъ долженствующихъ послужить дополненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ благотворной преобразовательной дѣятельности истекшаго двадцатипятилѣтія, одно изъ первыхъ мѣстъ несомнѣнно принадлежитъ реформѣ таможеннаго законодательства. Потребность въ этой реформѣ до такой степени созрѣла что даже про-

тивники общаго пересмотра нашего нынѣшняго таможеннаго тарифа не находятъ ничего сказать въ его защиту, ничего возразить противъ „безчисленныхъ его несообразностей.“ Сами эти противники пересмотра тарифа признаютъ теперь *безспорнымъ* что онъ „въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, съ какой бы точки зрѣнія на него ни смотрѣть, фритредерской или протекціонистской, весьма неправиленъ, не соотвѣтствуетъ современнымъ потребностямъ русской промышленности и отсталъ отъ новѣйшихъ условій промышленной техники и всемірной торговли.“ Они только усвоили себѣ ту тактику которой такъ долго держались противники другихъ реформъ, нынѣ уже совершенныхъ, и въ особенности крестьянской. Не отрицая дурныхъ сторонъ крѣпостнаго права и связанныхъ съ нимъ порядковъ, крѣпостники силились только доказать что должно повременить постановкой крестьянскаго вопроса на очередь. Всѣ интересы страны, утверждали они, такъ или иначе сжились съ условіями крѣпостнаго права, и не слѣдуетъ волновать ихъ, а вмѣстѣ съ ними милліоны рабочаго населенія. Крестьянская реформа должна совершаться въ связи со многими другими, отсрочьте же ее до времени осуществленія этихъ другихъ реформъ. Точь-въ-точь такимъ же языкомъ говорятъ теперь противники измѣненія нашей таможенной системы. „Устраненіе несообразностей тарифа, безспорно, желательно,“ но „дѣло это теперь не на очереди, и говорить о немъ не совсѣмъ своевременно.“ Тарифъ устарѣлъ; онъ неправиленъ, онъ идетъ въ разрѣзъ съ потребностями экономической жизни Россіи, но „такъ или иначе, промышленные интересы сжились съ нынѣшнимъ тарифомъ и волновать ихъ и вмѣстѣ съ ними милліоны рабочаго населенія, въ нынѣшнее тревожное время, нѣтъ настоятельной причины. Вовторыхъ, таможенный тарифъ долженъ быть преобразованъ въ связи съ общею податною реформой.“ Трудный и сложный вопросъ объ этой послѣдней реформѣ, возбужденный еще въ 1859 году, слишкомъ въ двадцать лѣтъ очень мало подвинулся. Когда онъ будетъ рѣшенъ неизвѣстно. Будемъ же, въ ожиданіи пока онъ рѣшится, благодушно терпѣть всѣ признанныя несообразности тарифа, весь вредъ причиняемый тѣмъ что онъ не соотвѣтствуетъ экономическимъ нуждамъ и условіямъ страны!

Къ разсужденіямъ подобнаго рода присоединяются еще попытки запугать нашихъ мануфактуристовъ, ведущихъ, будто бы, какую-то агитацію въ пользу усиленія таможеннаго покровительства. Смотрите, обращаются къ нимъ петербургскіе экономисты, какъ бы отъ измѣненія тарифа не стало вамъ хуже: вѣдь „при пересмотрѣ таможеннаго тарифа несомнѣнно заговорятъ многіе и многіе русскіе (одни ли русскіе?) интересы кромѣ разжившихся на счетъ недавней выгодной для нихъ *конъюнктуры* золотаго тарифа и бумажно-денежныхъ выпусковъ... Нельзя, кажется, сомнѣваться что рѣшеніе вопроса, какимъ бы путемъ оно ни произошло, чисто бюрократическимъ, или съ вызовомъ экспертовъ, не можетъ соотвѣтствовать желаніямъ агитаціи...“

Не знаемъ какъ подѣйствуетъ такая угроза на нашихъ мануфактуристовъ, но полагаемъ что едва ли кто-нибудь понимающій дѣло повѣритъ чтобы таможенная реформа была нужна единственно въ интересахъ какого-то „одного тѣснаго кружка“. Нѣтъ, измѣненіе нашей таможенной политики требуется всею совокупностію экономическихъ интересовъ страны. Не какому-нибудь кружку лицъ, а всей странѣ тяжела и крайне невыгодна чрезмѣрная зависимость всей нашей промышленности отъ иностранцевъ. Освобожденіе ея отъ этой зависимости и усиленіе слишкомъ слабой нынѣ взаимной связи между разными отраслями отечественнаго производства, такъ чтобы каждая изъ нихъ поддерживала другія и, въ свою очередь, поддерживалась ими,—вотъ въ чемъ, а не въ выгодахъ отдѣльныхъ лицъ и кружковъ, заключается задача и цѣль столь желательной таможенной реформы. Надо совсѣмъ не имѣть понятія о ходѣ и положеніи нашей внѣшней торговли и внутренняго производства чтобы думать иначе.

Не въ чрезмѣрно низкихъ таможенныхъ сборахъ съ иностранныхъ *издѣлій* заключается главный недостатокъ нынѣшняго тарифа. Съ этой стороны, если не брать въ разчетъ металлическаго и механическаго производствъ, онъ еще представляется сравнительно удовлетворительнымъ. Ввозъ иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій не подавляетъ нашихъ мануфактуръ и, можно сказать, теряется, какъ капля въ морѣ, въ массѣ ихъ производства. Нельзя не радоваться такому росту молодаго колос-

са русской фабричной промышленности. Но очень печально что этотъ колоссъ стоитъ на хрупкомъ подножіи, что у него недостаточно связей съ русскою почвой, что онъ слишкомъ нуждается въ поддержкѣ изъ-за границы, такъ что ему пришлось бы переживать трудное время какъ скоро ему въ этой поддержкѣ было бы отказано: Сырье обрабатываемое на нашихъ фабрикахъ—хлопокъ, шерсть, шелкъ—сполна, или въ значительной части привозное изъ-за границы. Машины, на которыхъ это сырье обрабатывается, — привозныя. Химическіе продукты нужные для обработки, краски для окрашиванія пряжи и тканей, — тоже привозныя. И въ такомъ положеніи, вслѣдствіе долговременнаго дѣйствія ошибочной таможенной политики, находятся, за немногими исключеніями, почти всѣ отрасли нашего производства. Всѣ онѣ, въ случаѣ пріостановки подвоза изъ Европы, напримѣръ если вспыхнетъ европейская война, осуждены переживать тяжелый кризисъ.

Повторяемъ, не чрезмѣрностью ввоза иностранныхъ „фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ издѣлій“ характеризуется невзрачное положеніе созданное нынѣшнимъ тарифомъ, а чрезмѣрною массой заграничныхъ „сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ.“ Чтобъ убѣдиться въ этомъ, взгляните хоть на офиціальныя цифры за 1878 годъ. Весь ввозъ по европейской границѣ всяческихъ издѣлій, за исключеніемъ издѣлій металлическихъ (на $26^1/_2$ милл.), машинъ (на $76^1/_2$ милл.) и вагоновъ (на $8^1/_2$ милл.), не достигалъ и 64 милліоновъ рублей. Но разныхъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ для русскихъ фабрикъ, заводовъ и ремеслъ выпущено въ то же время изъ европейскихъ таможень чуть не на триста милліоновъ (на 294.592.000 рублей). Эта цифра даетъ нѣкоторое понятіе о размѣрахъ въ какихъ развилась у насъ обрабатывающая промышленность; но она же показываетъ до какой степени сильна зависимость ея отъ чужеземныхъ производствъ, отъ иностранныхъ рынковъ которые въ любую минуту могутъ быть для насъ закрыты.

Вошло въ обычай, какъ только заходитъ рѣчь о русской отпускной торговлѣ, покачивать головой и сѣтовать на то что наши фабрики и заводы не производятъ ничего для заграничнаго сбыта, что мы вызовимъ за границу только сырье. Дѣйствительно нашъ отпускъ въ Европу имѣетъ въ сущности только два подраздѣленія: жизненныхъ припасовъ (въ 1878 году на сумму почти до 400 милліоновъ) и сырья (почти до 200 милліоновъ); отпускъ же *издѣлій*, со включеніемъ канатовъ и рогожъ, не доходитъ и до 5 милліоновъ. Но какъ не великъ отпускъ нашего сырья за границу, привозъ заграничнаго сырья къ намъ въ полтора раза больше Не государства опередившія насъ въ промышленной техникѣ являются такимъ образомъ перерабатывателями нашего сырья; нѣтъ, мы взяли на себя эту роль по отношенію къ сырью заграничному. Иные экономисты, пожалуй, готовы будутъ выставлять это экономическимъ успѣхомъ, но не такъ это выходитъ съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. Иностранцы берутъ у насъ только то сырье котораго не могутъ сами производить съ выгодой: ленъ, пеньку и т. п. Мы беремъ у нихъ продукты которые съ успѣхомъ и огромною выгодой могли бы добывать и производить у себя дома: металлы, каменный уголь, химическіе продукты, краски, шерсть, шелкъ, кожи и т. д. Все это получаемое отъ иностранцевъ сырье, ровно какъ и машины для его обработки, достаются намъ, конечно, дороже чѣмъ обходятся имъ. Понятно что выдѣланныя изъ такого сырья издѣлія не могутъ быть продаваемы по такой цѣнѣ чтобъ имѣть заграничный сбытъ. Не въ этомъ ли, отчасти, простая разгадка ничтожной роли какую играютъ „издѣлія“ въ нашемъ отпускѣ?

Но въ томъ что наши „издѣлія“ не играютъ роли на всемірныхъ рынкахъ особенной бѣды нѣтъ; достаточно того что страна можетъ обходиться безъ многихъ чужихъ издѣлій, и съ этой стороны настоятельно нужно лишь чтобы производство металлическихъ издѣлій, машинъ, вагоновъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ было поставлено въ условія однородныя съ тѣми въ какихъ находится производство тканей. Но очень печально что всѣ наши производства пріучены обрабатывать не свое, а чужое сырье. Это лишаетъ промышленность твердыхъ основъ и въ то же время наноситъ всей странѣ еще тотъ ущербъ что отнимаетъ у нея всѣ выгоды производства сырья для собственныхъ фабрикъ, ремеслъ и заводовъ. Перерабатывая чужіе металлы, шерсть, шелкъ и т. д., окрашивая ткани привозными красками,

мы поощряемъ чужеземные горные промыслы, чужое овцеводство и шелководство, чужое химическое производство, осуждая на застой и упадокъ свои собственныя. Удерживая отечественную промышленность въ такихъ условіяхъ, мы даемъ хлѣбъ и заработокъ массамъ чужеземныхъ рабочихъ, лишая этихъ заработковъ родное населеніе. Пересмотръ тарифа долженъ устранить эту несправедливость. Не въ этомъ ли усматриваютъ наши экономисты опасность волненій въ средѣ милліоновъ рабочаго населенія? Это населеніе встревожится тѣмъ что ему будетъ дано больше заработковъ, больше средствъ къ уплатѣ податей и улучшенію своего быта! Какой складъ ума нужно имѣть чтобы додуматься до такого вздора!

Подобныя опасенія могли бы имѣть мѣсто еслибы пересмотръ тарифа былъ предпринятъ для приведенія его въ соотвѣтствіе не съ интересами государственной пользы, а съ фритредерскою доктриной; еслибъ онъ сопровождался уменьшеніемъ покровительства оказываемаго нынѣ нашимъ мануфактурамъ, что могло бы повести къ остановкѣ многихъ изъ нихъ и къ сокращенію числа рабочихъ рукъ, занятыхъ на этихъ мануфактурахъ. Но вѣдь желательно улучшеніе, а не ухудшеніе таможеннаго тарифа. Идетъ рѣчь о повышеніи налога на привозное сырье, но отнюдь не на подобіе установленнаго годъ тому назадъ, налога на привозный хлопокъ. Повышеніе налога на сырье безъ соотвѣтственнаго повышенія тарифа на то же сырье въ полуобработанномъ видѣ и на издѣлія изъ него не полезно, а вредно. Повысивъ пошлины, напримѣръ, на шерсть-сырецъ и на шелкъ-сырецъ, мы не поощримъ нашего овцеводства и шелководства, не побудимъ мануфактуристовъ перейти отъ иностранной шерсти и шелка къ отечественнымъ. Мы побудимъ только своихъ ткачей въ большей мѣрѣ пустить въ ходъ привозную шерстяную и шелковую пряжу; мы только отнимемъ заработокъ у русскихъ прядильщиковъ и передадимъ его цѣликомъ чужеземнымъ рабочимъ. Повысивъ, затѣмъ, пошлины на пряжу, и не повысивъ ихъ на ткани, можно оставить безъ заработковъ и производителей сырья, и прядильщиковъ, и ткачей. Пошлина на хлопокъ была мотивирована, между прочимъ, желаніемъ поощрить мануфактуристовъ къ замѣнѣ американскаго и ость-индскаго хлопка кавказскимъ, персидскимъ и среднеазіятскимъ. Но никакго побужденія въ такой замѣнѣ этою пошлиной создано не было. Явилось лишь побужденіе къ усиленному употребленію хлопчатобумажной пряжи, къ выгодѣ нѣмецкихъ и англійскихъ и къ ущербу русскихъ бумагопрядилень. Наши фритредеры, чтобы задобрить мануфактуристовъ и склонить ихъ на свою сторону, говорятъ что налогъ на хлопокъ желательно совсѣмъ уничтожить. Но только недальнозоркіе мануфактуристы могутъ быть пойманы на такую удочку. Хлопчатобумажный кризисъ вызванный Американскую междуусобною войной еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Всѣмъ памятны и старанія Англіи и открыть и развить для снабженія сырьемъ своей хлопчатобумажной промышленности новые рынки, дабы поставить ее внѣ исключительной зависимости отъ одного американскаго хлопка. Интересы нашей хлопчатобумажной промышленности равнымъ образомъ требуютъ ослабленія зависимости исключительно отъ хлопка получаемаго чрезъ европейскія таможни. Но чтобы налогъ на хлопокъ велъ къ такой цѣли, а не къ подрыву русскихъ мануфактуръ, нужно чтобы налогъ на сырье сопровождался подъемомъ пошлинъ и на то что изъ него вырабатывается.

№ 58.

Москва, 27-го февраля.

Германская печать когда-то очень жаловалась на то что европейское общественное мнѣніе недостаточно внимательно относится къ событіямъ внутренней германской политики, и что несмотря на умаленіе значенія и вѣса Франціи, послѣ постигшаго ее погрома, французскія дѣла все еще возбуждаютъ несравненно болѣе толковъ и неизмѣримо болѣе привлекаютъ вниманіе Европы нежели дѣла Германіи. Но въ послѣднее время для такого сѣтованія не было бы повода. Съ тѣхъ поръ какъ князь Бисмаркъ совершилъ свою поѣздку въ Вѣну и допослѣднихъ преній Германскаго рейхстага о новомъ военномъ законѣ, вся Европа слѣдитъ за каждымъ шагомъ германской политики съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, и пренія происходившія въ рейхстагѣ, то что тамъ го-

ворилось, какъ и то о чемъ умалчивалось, служатъ предметомъ самыхъ разнообразныхъ толковъ и сужденій. Едва ли, однако, эти безконечные толки, равно какъ и пренія рейхстага, отличавшіяся на этотъ разъ большою словоохотливостью, послужили болѣе къ разъясненію истиннаго положенія вещей нежели прежняя сдержанность бывшая въ обычаяхъ германской печати и германскихъ парламентскихъ ораторовъ, когда дѣло касалось щекотливыхъ вопросовъ иностранной политики.

Въ рейхстагѣ, во время двухдневныхъ преній 1 и 2 марта о военномъ законѣ было не мало говорено объ отношеніяхъ Германіи къ сосѣднимъ державамъ, едва ли не болѣе чѣмъ о самыхъ мѣрахъ предлагаемыхъ военнымъ закономъ. Этими отношеніями мотивировалась сторонниками военнаго закона необходимость увеличенія германской арміи, и на нихъ же ссылались его противники. Но князь Бисмаркъ въ этихъ преніяхъ не участвовалъ и все время отсутствовалъ. А это, разумѣется, лишало пренія той опредѣленности и живаго интереса которые придало бы имъ вѣское слово руководителя германской политики. Уклоненіе князя Бисмарка отъ участія въ преніяхъ послужило само по себѣ предлогомъ для всякаго рода толковъ и комментаріевъ, тѣмъ болѣе что причиной этого уклоненія, какъ теперь оказывается, не была болѣзнь. Черезъ два дня послѣ перваго чтенія военнаго законопроекта, князь Бисмаркъ давалъ у себя „парламентскій обѣдъ," на который получили приглашеніе выдающіеся представители всѣхъ фракцій рейхстага. Имперскій канцлеръ, по свидѣтельству берлинскихъ газетъ, представился своимъ гостямъ отнюдь не больнымъ и былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи. „Дѣло сошло очень гладко," сказалъ онъ своимъ гостямъ, „и я прихожу къ тому заключенію что лучше когда меня нѣтъ въ рейхстагѣ, гдѣ мое присутствіе раздражаетъ и волнуетъ." Но и у себя дома князь Бисмаркъ не сказалъ ни слова въ разъясненіе тѣхъ вопросовъ коими такъ много занимались ораторы рейхстага. Во все время обѣда, по свидѣтельству тѣхъ же газетъ, разговоръ не касался болѣе политики, и то что было загадочнаго и двусмысленнаго въ событіяхъ и офиціозныхъ заявленіяхъ Германскаго правительства въ послѣдніе дни такъ и осталось для всѣхъ загадкой.

Отозваніе князя Гоэнлоэ изъ Парижа и „временное" назначеніе его завѣдующимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ было однимъ изъ этихъ загадочныхъ событій. Парижскій корреспондентъ *Times* возбудилъ большую тревогу своими объясненіями по этому поводу, которыя клонились къ тому что отозваніе князя Гоэнлоэ знаменуетъ собою начало наступательной политики замышляемой княземъ Бисмаркомъ противъ Франціи. Берлинскія офиціозныя газеты поспѣшили опровергнуть выводы и указанія г. Бловица, а вслѣдъ затѣмъ самъ императоръ Вильгельмъ какъ бы далъ публичное удостовѣреніе въ томъ что отношенія между Франціей и Германіей остаются попрежнему „самыми дружественными." 1 марта онъ, вмѣстѣ съ императрицей, присутствовалъ на блестящемъ банкетѣ данномъ въ честь ему французскимъ посломъ при Берлинскомъ дворѣ, графомъ Сенъ-Валье. Нѣсколько дней спустя, во французской газетѣ *Temps*, служащей органомъ теперешняго Французскаго кабинета, появилась корреспонденція изъ Берлина въ которой сообщались, на основаніи „самаго достовѣрнаго источника," подлинныя выраженія въ коихъ императоръ Вильгельмъ высказался будто бы предъ графомъ Сенъ-Валье, и притомъ такъ что его могли де слышать всѣ присутствовавшіе на обѣдѣ, объ отношеніяхъ Германіи къ Франціи. Выразивъ свое полное удовольствіе по тому поводу что графъ Сенъ-Валье остался представителемъ Франціи въ Берлинѣ, императоръ, согласно упомянутой корреспонденціи, сказалъ: „Передайте г. Фрейсине мое сер„дечное сочувствіе его таланту и его твер„дости; я увѣренъ что эти чувства раз„дѣляетъ вся Германія. Очень сожалѣю „что здѣсь нѣтъ князя Бисмарка, который „сказалъ бы вамъ то же самое. Онъ все „еще очень страдаетъ, и еще на дняхъ, „при моемъ посѣщеніи, онъ бесѣдовалъ „со мною лежа въ постели." Далѣе императоръ Вильгельмъ сказалъ будто бы что нѣтъ ни одного слова правды въ распускаемыхъ слухахъ о разногласіи между нимъ и княземъ Бисмаркомъ, и увѣрилъ что князь Бисмаркъ, какъ и онъ самъ, желаетъ мира только мира, особенно съ Франціей, и что основываясь на донесеніяхъ князя Гоэнлоэ, онъ питаетъ полную увѣренность въ томъ что и Французское правительство проникнуто самыми искренними миролюбивыми намѣреніями.

Это сообщеніе газеты *Temps* было воспроизведено берлинскими газетами съ полнымъ довѣріемъ къ его правдивости, и сопровождалось въ нихъ успокоительными сужденіями о положеніи политическаго горизонта, значительно омрачившагося вслѣдствіе преній рейхстага о военномъ законѣ и того обстоятельства что князь Бисмаркъ счелъ нужнымъ держаться вдалекѣ отъ нихъ. Но всѣ эти толки и сужденія внезапно приняли другой оборотъ и породили большое недоумѣніе въ берлинской печати когда, 5 марта, въ одной берлинской газетѣ появилась офиціозная замѣтка въ которой заявлено что сообщеніе корреспондента *Temps* выдумано съ начала до конца, и что императоръ Вильгельмъ не имѣлъ никакого политическаго разговора съ графомъ Сенъ-Валье во время даннаго въ честь императора обѣда. Въ замѣткѣ прибавлено что нельзя не удивляться какъ могли повѣрить чтобъ императоръ Вильгельмъ сталъ высказываться предъ представителемъ иностранной державы о своихъ отношеніяхъ ко князю Бисмарку. Послѣднее замѣчаніе какъ бы отрезвило берлинскія газеты, которыя сознаютъ его справедливость и сами удивляются своему легковѣрію. Но если всѣ черезчуръ идиллическіе разсказы оказываются выдумской, то естественно рождается вопросъ: для какой цѣли все это было придумано и что̀ *не* выдумано въ толкахъ противоположнаго свойства пущенныхъ въ ходъ корреспондентомъ *Times*?

Національная Газета старается успокоить публику увѣреніемъ что отношенія между Германіей и Франціей все-таки самыя лучшія, и что одно уже присутствіе императора Вильгельма на обѣдѣ во французскомъ посольствѣ служитъ тому доказательствомъ; что касается отношеній къ Россіи, то по этому предмету имѣется де офиціальное удостовѣреніе въ письменномъ поздравленіи императора Вильгельма Императору Всероссійскому по случаю юбилея 19 февраля, которое контрасигновано княземъ Бисмаркомъ и которое, сверхъ того, сопровождалось, какъ утверждаютъ въ Берлинѣ, частнымъ собственноручнымъ письмомъ императора Вильгельма.

Вообще нельзя отрицать что въ органахъ германской и иной печати получающихъ внушенія изъ высшихъ сферъ замѣчается усиленное стараніе успокоить общественное мнѣніе, которое тѣ же самые органы нѣсколько ранѣе встревожили слухами всякаго рода. Быть-можетъ это былъ только маневръ съ цѣлью уравненія пути для новаго военнаго закона. Результатъ преній показалъ, однако, что не было никакой надобности прибѣгать къ такимъ драматическимъ средствамъ. А между тѣмъ впечатлѣніе произведенное указаннымъ маневромъ на большую публику едва ли такъ скоро изгладится, не смотря на новый *mot d'ordre* повидимому данный офиціозной печати.

№ 59.

Москва, 28-го февраля.

Русское законодательство было послѣднимъ въ ряду законодательствъ прочихъ странъ отмѣнившихъ постановленія объ ограниченіи роста на капиталъ. Экономическая доктрина приведшая къ тому взгляду что узаконенный ростъ противорѣчитъ, съ одной стороны, свободѣ денежныхъ сдѣлокъ и естественнымъ законамъ экономическаго оборота, а съ другой — отнюдь не препятствуетъ злоупотребленіямъ ростовщичества, возобладала повсюду въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и имѣла своимъ послѣдствіемъ отмѣну дѣйствовавшихъ по этому предмету во всѣхъ государствахъ законовъ, съ чѣмъ вмѣстѣ совпало и упраздненіе личнаго задержанія какъ способа взысканія съ неисправныхъ должниковъ. У насъ личное задержаніе за долги отмѣнено закономъ состоявшимся 7 марта прошедшаго года, а вслѣдъ затѣмъ, 28 марта, состоялся законъ „объ измѣненіи постановленій объ узаконенномъ ростѣ.“ По этому закону, во измѣненіе прежняго правила по которому не дозволялось взимать болѣе шести процентовъ въ годъ, опредѣленіе размѣра вознагражденія за пользованіе заемнымъ капиталомъ предоставлено свободному соглашенію должника и заимодавца. Съ тѣмъ вмѣстѣ потеряла силу и уголовная санкція указаннаго правила, заключавшаяся въ ст. 1.707 Улож. о Нак., по которой виновный во взятіи при отдачѣ въ заемъ денегъ болѣе установленныхъ по закону процентовъ подвергался: въ первый разъ взысканію не свыше тройнаго количества противъ взятыхъ имъ лихвенныхъ процентовъ, во второй разъ, сверхъ означеннаго взысканія, аресту отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, а въ третій тюремному заключенію отъ 8 до 16 мѣсяцевъ.

Послѣ изданія закона 28 марта, преступленіе ростовщичества было вычеркнуто изъ нашего уголовнаго кодекса и стало временно совершенно безнаказаннымъ. Но изъ того же закона видно что наше законодательство отнюдь не почитаетъ такого положенія вещей, продолжающагося впрочемъ до сихъ поръ, нормальнымъ. Отмѣна узаконеннаго роста совершалась у насъ, какъ и въ прочихъ государствахъ, не потому чтобы ростовщичество было признано дѣяніемъ безразличнымъ, не подлежащимъ карѣ, а скорѣе потому что установленіе высшей нормы дозволеннаго роста на практикѣ оказалось нецѣлесообразнымъ средствомъ къ предупрежденію этого рода преступленій. На первыхъ порахъ стремленіе къ устраненію стѣсненія экономическаго оборота взяло верхъ настолько что не было сочтено нужнымъ замѣнить чѣмъ-либо инымъ прежнюю уголовную кару за нарушеніе закона о нормальномъ ростѣ. Но дѣйствительность не замедлила и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, показать несостоятельность доктрины *laisser faire, laisser passer*. Ростовщичество дало себя почувствовать послѣ освобожденія его отъ всякихъ законныхъ стѣсненій и, по прошествіи не болѣе десяти лѣтъ послѣ отмѣны законовъ о ростѣ въ большинствѣ европейскихъ государствъ, общественное мнѣніе стало повсюду настойчиво требовать отъ законодательства установленія новыхъ мѣръ дабы искоренить или по крайней мѣрѣ ограничить зло развившееся до страшныхъ размѣровъ на почвѣ торжествовавшей въ 60-хъ годахъ экономической свободы. Вездѣ вопросъ о ростовщичествѣ былъ вновь выдвинутъ на первый планъ, и не мало вѣскихъ голосовъ высказалось за простое возстановленіе узаконеннаго роста. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Венгріи, уже въ 1877 году былъ изданъ новый законъ, ограничившій въ значительной степени состоявшуюся тамъ за нѣсколько лѣтъ до того отмѣну узаконеннаго роста. По этому закону ростовщичество оставлено безнаказаннымъ, но введенъ новый принципъ, въ силу котораго денежныя сдѣлки по которымъ размѣръ процента выговоренъ выше извѣстной нормы (8%) не пользуются покровительствомъ закона, не могутъ быть совершены нотаріальнымъ порядкомъ или обезпечены ипотекой и неподлежатъ принудительному взысканію по суду. Въ Цислейтаніи также уже выработанъ законопроектъ направленный противъ злоупотребленій заимодавцевъ, по которому, какъ сообщаютъ вѣнскія газеты, имѣется въ виду просто возстановить узаконенную норму, съ возвышеніемъ оной до 10%; но это возвращеніе къ старому порядку встрѣчаетъ много возраженій и, вѣроятно, подвергнется коренной переработкѣ въ рейхсратѣ.

Болѣе всего заслуживаетъ вниманія законопроектъ о ростовщичествѣ обсуждаемый теперь въ Германіи. Въ мотивахъ къ нему объяснено что послѣ отмѣны въ Германіи узаконеннаго роста закономъ отъ 14 ноября 1867 года, не заключавшимъ въ себѣ, подобно всѣмъ однороднымъ узаконеніямъ другихъ государствъ, никакихъ карательныхъ постановленій противъ ростовщичества, необходимость введенія вновь такихъ постановленій становилась съ каждымъ годомъ очевиднѣе. Но возвратиться къ прежнему порядку нормальнаго процента въ Германіи не сочтено полезнымъ. Всѣ торговыя палаты имперіи коимъ предложенъ былъ запросъ по этому предмету отозвались что отмѣна узаконеннаго роста не имѣла своимъ послѣдствіемъ вздорожанія кредита, и что возстановленіе законной нормы процента причинило бы большой вредъ, пошатнувъ установившійся уже порядокъ полной свободы соглашеній. Точно также признается нецѣлесообразнымъ сдѣланный въ Венгріи опытъ положить предѣлъ ростовщичеству лишеніемъ высокихъ процентовъ покровительства гражданскаго суда. Вотъ почему германскій законопроектъ построенъ исключительно на началахъ *уголовнаго* преслѣдованія за ростовщичество. Но въ чемъ слѣдуетъ усмотрѣть признаки наказуемаго ростовщичества, если гражданскій законъ не установилъ нормы высшаго дозволеннаго ко взысканію процента? Вотъ какимъ образомъ германскій законопроектъ формулуетъ это преступленіе: „виновнымъ въ ростовщичествѣ признается тотъ кто, эксплуатируя стѣсненное положеніе, или легкомысліе, или неопытность своего должника, выговоритъ себѣ такое вознагражденіе за ссуду своихъ денегъ которое, судя по даннымъ обстоятельствамъ, поразительнымъ образомъ превышаетъ обычный процентъ.“ За это положено до шести мѣсяцевъ тюремнаго заключенія и денежный штрафъ до 1.500 марокъ. Наказаніе это удвоивается если сдѣл-

ка ростовщичьяго свойства заключена подъ прикрытіемъ другою кажущеюся благовидною, если она облечена въ форму вексельнаго обязательства, или если у должника вымогались клятва, обѣщаніе подъ честнымъ словомъ, или тому подобное нравственное обязательство. Наконецъ, ростовщичество по ремеслу карается тюремнымъ заключеніемъ до 5 лѣтъ и денежнымъ штрафомъ до 15.000 марокъ. Сверхъ того, ростовщичьи сдѣлки, признанныя таковыми по суду, создаютъ для должника право обратнаго требованія всего имъ уплаченнаго за пользованіе занятымъ капиталомъ.

Сколько намъ извѣстно, германскій законопроектъ представляетъ собою первую попытку установить въ уголовномъ правѣ признаки ростовщичества помимо готовой и всегда точной квалификаціи имѣющейся при существованіи узаконеннаго роста. Разъ этотъ формальный признакъ устраненъ, приходится по необходимости довольствоваться другимъ гораздо менѣе постояннымъ и точнымъ, а стало-быть значительно расширить произволъ суда. Вмѣсто общей разъ на всегда установленной въ законѣ нормы процента, отступленіе отъ которой воспрещалось подъ страхомъ наказаній, уголовному судьѣ придется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ установить превышаетъ ли выговоренный въ данной денежной сдѣлкѣ ростъ „обычный процентъ,“ и если превышаетъ, то была ли сдѣлка плодомъ такъ-называемаго „психическаго принужденія.“ Нѣтъ сомнѣнія что такой пріемъ представляетъ много неудобствъ и противорѣчитъ одному изъ основныхъ принциповъ уголовнаго права по которому наказуемо лишь то дѣяніе которое напередъ въ точности опредѣлено закономъ какъ преступленіе. Но это не первый „основный принципъ,“ выработанный самодовольною и ни въ чемъ не сомнѣвающеюся доктриной, которому въ наше время приходится уступить предъ требованіемъ живой дѣйствительности. Мы обращаемъ особенное вниманіе на германскій законопроектъ о ростовщичествѣ и на предстоящія по поводу онаго пренія въ рейхстагѣ въ виду того что и у насъ предположено дѣйствовать противъ ростовщичества путемъ уголовной кары. Въ законѣ 28 марта вопросъ этотъ предрѣшенъ. Въ отдѣлѣ II этого закона сказано: „предоставить министру юстиціи, по сношеніи съ главноуправляющимъ Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и съ министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, внести на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проектъ правилъ о мѣрахъ взысканія за такія злоупотребленія заимодавцевъ которыя, съ отмѣной отвѣтственности за взятіе болѣе шести процентовъ въ годъ, должны быть почитаемы дѣйствіями ростовщическими.“

№ 63.

Москва, 3-го марта.

Коммиссія Германскаго рейхстага обсуждающая военный законопроектъ ведетъ дѣло съ необычайною быстротой. Въ настоящее время она, какъ извѣстилъ телеграфъ, уже обсудила и приняла первые три важнѣйшіе, параграфа законопроекта. Измѣненія предложенныя коммиссіей имѣютъ или формальный характеръ, или же направлены къ ближайшему, болѣе быстрому осуществленію основной мысли закона.

Дѣйствительно, первый параграфъ (статьи первой) законопроекта гласитъ что „во исполненіе статей 57, 59 и 60 имперской конституціи, наличный составъ арміи въ мирное время на періодъ съ 1 апрѣля 1881 по 31 марта 1888 года устанавливается въ одинъ процентъ населенія исчисленнаго къ 1 декабря 1875 года.“ Коммиссія предложила опредѣлить наличный составъ арміи прямо цифрой 427.274 человѣка, „а не по разчету одного процента съ численности населенія,“ какъ объясняетъ телеграфное сообщеніе изъ Берлина. Между тѣмъ никакой разницы между предложеніемъ коммиссіи и правительственнымъ нѣтъ, такъ какъ въ объяснительной запискѣ къ законопроекту населеніе Германіи къ 1 декабря 1875 года показано въ 42.727.360 человѣкъ. Слѣдующій, второй, параграфъ, опредѣляющій число войсковыхъ частей, есть прямое слѣдствіе предыдущаго, а потому коммиссія не сдѣлала, да и не могла сдѣлать въ немъ никакихъ перемѣнъ.

Перейдя къ важнѣйшему въ законопроектѣ § 3 (статьи первой), коммиссія предложила весьма существенное улучшеніе.

Этотъ параграфъ опредѣляетъ что „люди рекрутскаго резерва 1-го класса могутъ быть собираемы въ мирное время для обу-

ченія“ и что обученные „до конца полнаго срока службы въ запасѣ числятся въ первомъ классѣ.“ Далѣе сказано что „учебныхъ сборовъ назначается четыре: два первые по восьми и два послѣдніе по двѣ недѣли каждый.“ Правительство придаетъ этой мѣрѣ особое значеніе, какъ наиболѣе обезпечивающей боевую готовность арміи къ продолжительной, тяжелой кампаніи. „Мѣры повсемѣстно принятыя для ускоренія мобилизаціи,“ читаемъ въ объяснительной запискѣ, „даютъ возможность уже въ началѣ войны разчитывать на столкновеніе большихъ массъ войскъ. Усовершенствованіе же огнестрѣльнаго оружія дѣлаетъ сраженія кровопролитнѣе прежнихъ. Все это увеличиваетъ потребность въ людяхъ подготовленныхъ къ замѣщенію убыли, число коихъ въ германской арміи за послѣднее время не увеличилось, а скорѣе уменьшилось.“ Израсходовавъ этихъ людей, запасныя части лишаются „всякой возможности пополнять какимъ бы то ни было способомъ убыль въ дѣйствующихъ войскахъ,“ такъ какъ на подготовку людей рекрутскаго запаса призываемыхъ къ оружію съ объявленіемъ войны требуется „*не менѣе трехъ мѣсяцевъ.*“

Вводя обученіе рекрутскаго запаса въ мирное время, законопроектъ устраняетъ существенный недостатокъ Германской военной организаціи, но налагаетъ на населеніе весьма чувствительныя тягости, тѣмъ болѣе что въ рекрутскомъ запасѣ 1-го класса числится въ настоящее время 190 тысячъ человѣкъ, а экономическое положеніе страны далеко не благопріятно. Дѣйствительно Германія, даже по свидѣтельству полуофиціальныхъ органовъ, „наводнена цѣлою арміей нищихъ, доходящею по составу до численности нѣсколькихъ армейскихъ корпусовъ.“ Отрывать на 20 недѣль отъ работы 190 тысячъ человѣкъ значитъ увеличить и число просящихъ милостыню, и число семействъ „питающихся исключительно картофелемъ“ и „плохимъ кофе.“ Въ этихъ видахъ противники правительственнаго законопроекта желали чтобы какъ число учебныхъ сборовъ, такъ и ихъ продолжительность были сокращены.

Парламентская коммиссія какъ будто уступила отчасти этимъ требованіямъ назначивъ вмѣсто *двадцати* учебныхъ недѣль только восемнадцать и сокративъ вдвое продолжительность втораго сбора; число сборовъ оставлено, однако, прежнее.

Но за то коммиссія на двѣ недѣли увеличила время назначенное на первый учебный сборъ, опредѣливъ его продолжительность въ десять недѣль вмѣсто восьми положенныхъ правительственнымъ проектомъ. Такой срокъ гораздо болѣе обезпечиваетъ достиженіе цѣли указанной въ запискѣ къ законопроекту. Въ теченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ, при обычной въ германской арміи аккуратности въ ходѣ занятій и навыкѣ инструкторовъ, люди рекрутскаго резерва дѣйствительно могутъ пройти почти полный курсъ солдатскаго обученія, для чего требуется „не менѣе трехъ мѣсяцевъ,“ такъ что черезъ двѣ недѣли по объявленіи мобилизаціи они могутъ считаться уже *вполнѣ* подготовленными къ замѣщенію убыли въ войскахъ. На этомъ соображеніи и время втораго учебнаго сбора исчислено коммиссіей въ четыре недѣли (вмѣсто восьми опредѣленныхъ правительственнымъ проектомъ), изъ коихъ двѣ, надо полагать, назначаются на окончаніе ученья, а остальныя двѣ какъ и послѣдующіе сборы, на повтореніе пройденнаго.

Такимъ образомъ съ принятіемъ предложеннаго коммиссіей распредѣленія сборовъ боевая готовность арміи возвышается, а расходъ на обученіе уменьшается на сумму сбереженій отъ продовольствія въ теченіе двухъ лишнихъ недѣль.

Но не о сбереженіи какихъ-нибудь двухъ сотъ тысячъ марокъ заботилась, очевидно, коммиссія: Германскій военный бюджетъ далеко не чуждъ роскоши. Маленькое сбереженіе нужно развѣ какъ аргументъ въ пользу предложеній коммиссіи, какъ средство прикрыть ту дѣйствительную цѣль къ достиженію коей стремилась коммиссія и которая такъ явно указана въ слѣдующемъ, четвертомъ, параграфѣ закона. Этотъ параграфъ предлагаетъ, въ видахъ обезпеченія боевой готовности арміи, такое измѣненіе сроковъ перечисленіе изъ резерва въ ландверъ и изъ ландвера въ ландштурмъ которое равнозначаще съ увеличеніемъ опредѣленнаго конституціей общаго срока службы.

Правительственный проектъ задерживаетъ резервистовъ и людей ландвера въ службѣ лишніе полгода, дабы устранить необходимость, въ случаѣ мобилизаціи, брать въ походъ новобранцевъ послѣдняго

призыва не кончившихъ строеваго обученія; коммиссія увеличиваетъ время перваго учебнаго сбора для всѣхъ зачисляемыхъ ежегодно въ рекрутскій запасъ 1-го класса именно въ тѣхъ видахъ чтобы дать военному начальству въ первый же призывъ подготовить ихъ настолько чтобы, въ случаѣ войны, они могли быть употреблены на укомплектованіе дѣйствующихъ войскъ не слишкомъ понижая достоинство послѣднихъ.

Такимъ образомъ и въ коммиссіи „дѣло сошло также гладко“ какъ и въ палатѣ, хотя это и не обезпечиваетъ еще окончательнаго успѣха правительственнаго законопроекта. Агитація противъ законопроекта быстро возрастаетъ, несмотря на успокоивающія объясненія данныя правительственными коммиссарами въ коммиссіи.

Законопроектъ не можетъ разчитывать на слишкомъ значительное большинство, и всѣ усилія его противниковъ направлены въ настоящее время къ тому чтобы перетянуть на свою сторону нѣкоторыхъ депутатовъ принадлежащихъ къ большинству національ-либераловъ. Хлопочутъ объ этомъ прогрессисты, которымъ удалось, какъ сообщаютъ въ *Берлинской Биржевой Газетѣ*, вызвать протестъ противъ законопроекта даже въ тѣхъ избирательныхъ округахъ кои постоянно посылаютъ въ рейхстагъ національ-либераловъ, какъ, напримѣръ, въ Данцигѣ, Магдебургѣ, Гёрлицѣ и Нордгаузенѣ.

Будетъ или не будетъ имѣть успѣхъ эта агитація, правительство, повидимому, должно будетъ сдѣлать значительныя уступки. По крайней мѣрѣ правительственные коммиссары уже заявили въ коммиссіи что къ обученію будутъ призываться не всѣ безъ изъятія люди 1-го класса рекрутскаго резерва, а лишь часть ихъ. Но правительство видимо не желаетъ связывать себя этими обѣщаніями формально, внеся такое ограниченіе въ законопроектъ.

№ 64.

Москва, 4-го марта.

Заявленіе Британскаго правительства отъ 8-го марта, что парламентъ будетъ распущенъ еще передъ Пасхой и что новые выборы будутъ предписаны съ такимъ разчетомъ чтобы новый парламентъ могъ собраться не позже мая, было совершенною неожиданностью въ самой Англіи и, по выраженію нѣкоторыхъ органовъ оппозиціонной партіи, поразило страну какъ „громъ съ чистаго неба.“ Такое трагическое пониманіе событія, которое во всякомъ случаѣ должно было наступить не позже какъ въ теченіе года, указываетъ лишь на то что лордъ Биконсфильдъ ловко выбралъ моментъ и что противники его чувствуютъ себя мало подготовленными къ предстоящей рѣшительной борьбѣ и не слишкомъ довѣряютъ своимъ силамъ чтобъ имѣть твердую надежду на успѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, признаки въ послѣднее время были далеко неблагопріятны для партіи виговъ. Нѣсколько случаевъ частныхъ выборовъ, бывшихъ за послѣдніе мѣсяцы, окончились почти всѣ въ пользу теперешняго министерства. Особенно знаменательны были выборы въ Ливерпулѣ, а затѣмъ въ Лондонѣ, окончившіеся полнымъ торжествомъ торійскихъ кандидатовъ надъ представителями либеральной партіи, что вѣроятно и ускорило рѣшимость кабинета перенести глухую борьбу, которую онъ до сихъ поръ выдерживалъ со своими политическими врагами, на обширное поле общихъ выборовъ и дать имъ генеральное сраженіе. И въ этой общей борьбѣ лордъ Биконсфильдъ самоувѣренно опирается на своей внѣшней „бойкой“ политикѣ. Избирательная его программа, изложенная въ письмѣ его къ лорду намѣстнику Ирландіи, носитъ на себѣ тотъ же отпечатокъ какъ и всѣ политическія манифестаціи этого министра-авантюриста. Въ сотый разъ британскій премьеръ повторяетъ свою обычную фанфаронаду о томъ что страна ему обязана поддержаніемъ могущества Англіи и мира Европы. Для вящаго эффекта онъ прибавилъ къ этому еще новое хвастовство, утверждая что этотъ драгоцѣнный будто бы для Англіи миръ зиждется не только на дѣятельномъ участіи, но даже на авторитетѣ (ascendancy) ея въ совѣтахъ Европы. Лордъ Биконсфильдъ знаетъ Англичанъ и ихъ любовь къ густымъ и яркимъ краскамъ, и потому онъ не поколебался кинуть эту фразу, несмотря на то что она не могла не вызвать ропота неудовольствія въ той странѣ которая въ послѣднее время съ особенною настойчивостью присвоивала *себѣ* патентъ всеобщаго миротворца и во всякомъ случаѣ

имѣетъ болѣе права считать за собою преобладающій голосъ въ совѣтѣ Европы. Берлинская печать и отнеслась поэтому съ видимымъ раздраженіемъ къ новой выходкѣ англійскаго премьера. Даже газета *Times* находитъ что лордъ Биконсфильдъ на этотъ разъ нѣсколько пересолилъ и выразился не совсѣмъ осторожно. Но въ концѣ концовъ эта газета все-таки не недовольна манифестомъ главы кабинета. „Въ избирательныхъ воззваніяхъ," замѣчаетъ она, „декоративная живопись есть наи-„лучшій родъ искусства; она не выдержи-„ваетъ внимательнаго разсмотрѣнія вблизи, „но на извѣстномъ разстояніи она произ-„водитъ свой эффектъ."

Грубые эффекты къ которымъ такъ любитъ прибѣгать лордъ Биконсфильдъ давно, впрочемъ, потеряли свое дѣйствіе на большую европейскую публику, а какъ способъ вліянія на простоватое *yeomanry* призываемое къ избирательной урнѣ, съ нимъ можно легко примириться, и мы, по правдѣ сказать, не понимаемъ раздраженія берлинской печати, вліятельные органы которой поспѣшили отозваться на воззваніе лорда Биконсфильда, указавъ на то что Англія не только никогда не заботится о мирѣ изъ-за безкорыстной любви ко благу человѣчества, но что нѣтъ той войны которой Англія не содѣйствовала бы явно, или скрытно, разумѣется безъ непосредственнаго въ ней участія, если только для нея самой предстоитъ извлечь изъ этого какую-либо выгоду. Чувствительность обнаруженная въ этомъ случаѣ берлинскою печатью тѣмъ удивительнѣе что въ концѣ концовъ она все-таки желаетъ кабинету лорда Биконсфильда успѣха въ предстоящихъ выборахъ, полагая что „энергическая внѣшняя политика" послѣдняго болѣе желательна въ „интересахъ Европы" нежели то чего можно ожидать отъ его противниковъ еслибы власть перешла въ ихъ руки. Подъ интересами Европы въ данномъ случаѣ подразумѣваются точное и всестороннее исполненіе Берлинскаго трактата (на столько разумѣется, насколько онымъ положена преграда развитію интересовъ славянства) и антогонизмъ Англіи противъ Россіи. Но берлинская печать напрасно опасается чтобы въ этомъ отношеніи могли произойти какія-либо существенныя перемѣны въ политикѣ Англіи, въ случаѣ перехода власти въ руки торіевъ.

Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ избирательные манифесты которыми вожаки партіи виговъ не замедлили отозваться на воззваніе лорда Биконсфильда. Маркизъ Гартингтонъ, въ своемъ избирательномъ манифестѣ отъ 10-го марта, правда, рѣзко критикуетъ иностранную политику правительства и Берлинскій трактатъ коимъ оная увѣнчалась, но что касается Россіи, то относительно враждебности къ ея интересамъ и стремленіямъ воззваніе главы оппозиціи не оставляетъ желать ничего лучшаго нашимъ благожелателямъ какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Берлинѣ. Маркизъ Гартингтонъ только иначе смотритъ на результаты Берлинскаго трактата и вовсе не вѣритъ въ то чтобъ оный служилъ надежнымъ способомъ для прегражденія дальнѣйшаго развитія могущества Россіи, а результатомъ недавнихъ событій, который разумѣется ставится въ вину теперешнему кабинету, вожакъ оппозиціи признаетъ, съ одной стороны, увеличеніе силы Россіи, а съ другой „уничтоженіе независимости и цѣлости Турціи." Послѣдній упрекъ въ особенности замѣчателенъ въ устахъ той самой партіи которая такъ громко заявляла о своемъ сочувствіи несчастнымъ жертвамъ турецкихъ жестокостей и протестовала противъ поддержки Англіей варварскаго и отжившаго свой вѣкъ турецкаго владычества въ Европѣ. И г. Гладстонъ, патентованный другъ Славянъ, высказываетъ въ своемъ манифестѣ въ сущности то же самое, доказывая правительству что оно не сумѣло сохранить свое господствующее вліяніе въ Турціи и что Порта совсѣмъ вышла изъ повиновенія Англіи.

Все это лишь подтверждаетъ тотъ взглядъ котораго мы всегда держались относительно англійскихъ либераловъ, никогда не придавая особеннаго значенія ни ихъ возгласамъ противъ Турокъ, ни ихъ дружелюбію относительно Россіи. Вотъ почему мы можемъ съ полнымъ безпристрастіемъ взирать на предстоящую избирательную борьбу въ Англіи, которая обѣщаетъ быть особенно ожесточенною.

Торіи увѣрены что побѣда останется на ихъ сторонѣ. Въ этой увѣренности поддерживаютъ ихъ, какъ сказано, многократные успѣхи ихъ на частныхъ выборахъ послѣдняго времени. На этихъ частныхъ выборахъ виги имѣли неосторожность высказаться какъ бы въ пользу агитаціи

ирландскихъ *гомрулеровъ*, имѣя въ виду заручиться поддержкой этой партіи, располагающей нынѣ въ парламентѣ не менѣе какъ 70 мѣстами. Особенно это было выражено лордомъ Рамзеемъ выступившимъ недавно кандидатомъ на выборахъ въ Ливерпулѣ. Но это не только имѣло своимъ послѣдствіемъ пораженіе лорда Рамзея и потерю для виговъ одного изъ ливерпульскихъ мѣстъ, которыя всегда принадлежали этой партіи, но и сильно поколебало шансы ея въ странѣ вообще. Вотъ почему маркизъ Гартингтонъ, въ своемъ избирательномъ манифестѣ, высказался противъ ирландскихъ автономистовъ столь же рѣшительно какъ и лордъ Биконсфильдъ. Это, быть-можетъ, загладитъ неблагопріятное впечатлѣніе оставшееся послѣ ливерпульскихъ выборовъ. Но за то виги теряютъ всякую надежду привлечь на свою сторону Ирландцевъ.

Словомъ, лордъ Биконсфильдъ имѣетъ пока виды на полный успѣхъ, если только не наступитъ что-либо непредвидѣнное могущее снова подорвать въ глазахъ страны авторитетъ его политики, въ родѣ новаго пораженія англійскихъ войскъ въ Афганистанѣ. А вчерашняя телеграмма изъ Аллагабада объ отнятіи Чарикара у Англичанъ и о новомъ скопленіи тамошнихъ туземныхъ племенъ не предвѣщаетъ ничего добраго для британской арміи.

№ 65.

Москва, 5-го марта.

Съ разныхъ сторонъ, отъ представителей различныхъ отраслей промышленности, получаемъ мы въ послѣднее время одно за другимъ заявленія по вопросу о пересмотрѣ таможенныхъ пошлинъ на привозные металлы и металлическія издѣлія. Въ № 53 *Московскихъ Вѣдомостей* мы напечатали письмо объ этомъ предметѣ одного изъ нашихъ горнозаводчиковъ; въ № 59—статью одного изъ крупныхъ фабрикантовъ Московскаго района; ниже, читатели найдутъ замѣтку г. Шипова. И въ этихъ, и въ другихъ получаемыхъ нами статьяхъ по этому предмету, вопросъ разсматривается съ точки зрѣнія различныхъ интересовъ. Но съ какой бы стороны, въ какихъ бы видахъ онъ ни обсуждался, общій выводъ получается одинъ и тотъ же: необходимость серіознаго повышенія таможеннаго тарифа. Дѣло до такой степени разъяснилось что узкіе своекорыстные разчеты невольно отступаютъ на задній планъ предъ несомнѣнными общими выгодами всей русской промышленности, всего народнаго хозяйства. Не горнозаводчики только требуютъ повышенія пошлинъ на металлы не въ дѣлѣ, но и машинисты, которымъ, казалось бы, все равно изготовлять ли машины изъ отечественнаго или привознаго чугуна или желѣза, лишь бы эти чугунъ и желѣзо обходились имъ какъ можно дешевле. Не одни машинисты признаютъ необходимымъ повышеніе пошлинъ на привозныя машины, но и фабриканты, заинтересованные въ пріобрѣтеніи нужныхъ для ихъ фабрикъ машинъ по возможно низкой цѣнѣ. Имъ, конечно, выгоденъ нынѣшній безпошлинный привозъ машинъ для обработки волокнистыхъ веществъ, и тѣмъ не менѣе они высказываются за отмѣну безпошлиннаго ихъ привоза, за обложеніе ихъ таможенною пошлиной. И такой взглядъ установился въ средѣ фабрикантовъ уже давно. Наши фабриканты не разъ уже просили о наложеніи серіозныхъ пошлинъ на иностранныя машины, имѣя между прочимъ въ виду что чрезъ развитіе нашего механическаго производства положеніе собственныхъ ихъ фабрикъ упрочится.

Металлы, издѣлія изъ нихъ и машины—самая крупная изъ всѣхъ статей нашей привозной торговли. А между тѣмъ, во всемъ нашемъ неправильномъ и несоотвѣтствующемъ потребностямъ страны таможенномъ тарифѣ нѣтъ, можно сказать, ни одного отдѣла болѣе неправильнаго и менѣе соотвѣтственнаго государственнымъ интересамъ какъ именно тѣ его статьи которыя касаются привоза машинъ, металловъ и издѣлій изъ нихъ. Поразительные недостатки тарифа въ этомъ отношеніи въ такой мѣрѣ стали внѣ всякаго спора что вся сила вліяній противодѣйствующихъ давно необходимой таможенной реформѣ не могла задержать приступа къ пересмотру тарифа на предметы металлическаго и механическаго производствъ. Вотъ уже скоро годъ какъ назначена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Небольсина, на которую возложены подготовительныя работы по этому дѣлу. Къ сожалѣнію, о ходѣ работъ въ этой коммиссіи до сихъ поръ ничего неизвѣстно, и эта неизвѣстность ве-

детъ къ распространенію слуховъ приводящихъ въ смущеніе людей заинтересованныхъ въ судьбахъ русской промышленности. Сущность этихъ слуховъ та что никакихъ серіозныхъ улучшеній и облегченій для нашего металлическаго производства сдѣлано не будетъ, что все останется по старому, если не измѣнится къ худшему. Откуда идутъ эти слухи неизвѣстно; но они очень напоминаютъ тѣ вредныя русскимъ интересамъ вліянія о которыхъ говорилъ предсѣдатель Московскаго Биржеваго Комитета въ рѣчи обращенной къ министру финансовъ на обѣдѣ даннымъ въ его честь въ Москвѣ 19 сентября прошлаго года. Заявленный въ этой рѣчи, отъ имени московскаго биржеваго купечества составляющаго главное представительство мануфактурной промышленности всей центральной Россіи, рѣшительный протестъ противъ „тяжелаго гнета иноземныхъ ученій пагубно вліявшихъ на развитіе отечественной промышленности“ и противъ тѣхъ „враждебныхъ началъ которыя стремятся поколебать и умалить значеніе матеріальнаго благосостоянія нашего отечества,“ тогда же задѣлъ за живое многихъ въ Петербургѣ. Въ настоящее же время сторонники этихъ иноземныхъ ученій прямо обращаются къ людямъ разчитывающимъ на улучшенія для русской промышленности отъ законодательнаго пересмотра тарифа со внушеніемъ чтобъ они, въ этихъ разчетахъ, были вообще поосторожнѣе, что они „играютъ съ огнемъ,“ что результаты пересмотра тарифа не будутъ соотвѣтствовать ихъ ожиданіямъ, причемъ дѣлается намекъ что таможенные вопросы могутъ быть рѣшены и безъ вызова экспертовъ, „путемъ чисто бюрократическимъ...“ И это говорятъ люди которые въ то же время кричатъ о либеральныхъ реформахъ и о необходимости совѣщаться съ интересами страны.

На подобныя внушенія, конечно, не стоитъ обращать вниманія. Къ сожалѣнію, обстоятельства сложились такъ что въ нихъ можно, пожалуй, видѣть какъ бы подтвержденіе дѣлаемыхъ представителямъ русской промышленности предостереженій. У насъ было въ обычаѣ, при обсужденіи тарифныхъ вопросовъ, приглашать въ тарифныя коммиссіи представителей отечественной промышленности для выслушиванія ихъ мнѣній и заявленій. Это соблюдалось при пересмотрѣ тарифа въ 1868 году; это соблюдалось затѣмъ при обсужденіи вопроса о свеклосахарной промышленности и въ другихъ случаяхъ. Но въ коммиссію состоящую подъ предсѣдательствомъ г. Небольсина представители русской промышленности до сихъ поръ приглашены не были.

Думаемъ что это отнюдь еще не значитъ чтобы предполагалось вовсе обойтись безъ ихъ содѣйствія. Если въ вопросѣ несравненно меньшей важности, гораздо менѣе сложномъ и затрогивавшемъ интересы только юго-западныхъ и привислинскихъ губерній, считалось необходимымъ прислушаться къ голосу кіевскихъ и варшавскихъ сахароваровъ, то тѣмъ труднѣе допустить чтобы считалось излишнимъ разъясненіе подобнымъ же путемъ дѣла крайне сложнаго и представляющаго интересъ громадной важности для всей Россіи. Такое пренебреженіе къ мнѣнію русскихъ промышленныхъ людей, практически знакомыхъ со всѣми сторонами обсуждаемаго вопроса, тѣмъ менѣе вѣроятно что у всѣхъ еще въ свѣжей памяти слова министра финансовъ, сказанныя имъ пять мѣсяцевъ тому назадъ въ Москвѣ, на вышеупомянутомъ обѣдѣ 19 сентября. „На ваше содѣйствіе,“ сказалъ тогда генералъ-адъютантъ Грейгъ, обращаясь къ представителямъ русской торговли и промышленности, „я всегда буду разчитывать и всегда буду прислушиваться къ вашимъ совѣтамъ. Цѣну такихъ совѣтовъ я знаю уже теперь.“

Въ петербургской печати стараются какъ можно болѣе подорвать цѣну этихъ совѣтовъ, выставляя представителей русской промышленности и ихъ стремленія въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Имъ ставится въ вину даже то что они хорошо вели свои дѣла въ послѣдніе годы и увеличили при этомъ свои капиталы, какъ будто наживать капиталы дозволительно только англійскимъ коттонъ-лордамъ, но никакъ не русскимъ фабрикантамъ и промышленникамъ. Противъ пересмотра тарифа, о которомъ прежде не позволялось и заикнуться, теперь болѣе не возражаютъ: необходимость его разъяснена до очевидности. Но рекомендуется произвести этотъ пересмотръ какъ можно менѣе принимая въ разчетъ интересы отечественнаго производства. Устраненіе этихъ интересовъ въ данномъ случаѣ проповѣдуется подъ благовиднымъ предлогомъ заботъ о „меньшей братіи,“ объ уменьшеніи „дороговизны жизни все болѣе и болѣе угнетающей наши недоста-

точные классы," объ облегченіи налоговъ обременяющихъ де наши податныя сословія.

На дѣлѣ, однако, по отношенію къ таможеннымъ вопросамъ, нѣтъ противорѣчія между интересами недостаточныхъ классовъ и податныхъ сословій и интересами русской промышленности. Напротивъ, здѣсь тѣ и другіе интересы совершенно совпадаютъ. Большая ошибка смотрѣть на людей податныхъ сословій главнымъ образомъ какъ на потребителей, а не какъ на производителей. Источникъ ихъ благосостоянія въ ихъ личномъ трудѣ, и чѣмъ шире будетъ возможность съ выгодой прилагать этотъ трудъ, тѣмъ выше будетъ это благосостояніе. Въ этихъ видахъ необходимо возможно болѣе широкое развитіе всѣхъ отраслей производства какія возможны въ странѣ по ея естественнымъ условіямъ. Обиліе заработковъ, подъемъ цѣнъ на рабочій трудъ отъ усиленнаго спроса на него, вотъ что̀ нужно въ интересахъ рабочаго населенія. Дешевизна привозныхъ товаровъ и тѣхъ изъ отечественныхъ на которые цѣна устанавливается цѣною привозныхъ, сравнительно съ обиліемъ и высотой заработковъ, не имѣетъ тутъ даже и второстепеннаго значенія. Огромный привозъ въ Россію, напримѣръ, *грубыхъ холстинныхъ мѣшковъ* (это въ страну производящую массы льна!) хотя и не отмѣчаемый въ нашихъ таможенныхъ вѣдомостяхъ, но превосходящій по цѣнности торговые обороты по многимъ другимъ статьямъ*), нельзя сказать чтобъ особенно содѣйствовалъ благосостоянію рабочаго населенія. Но передача изготовленія этихъ мѣшковъ (въ 1878 году ихъ ввезено изъ-за границы на 5.744.907 р.) въ русскія руки была бы не малою выгодой для рабочаго населенія, часто не знающаго къ чему приложить свой трудъ въ долгое зимнее досужное время...

Народное богатство зависитъ отъ развитія національнаго труда, и чѣмъ болѣе народъ будетъ имѣть работы тѣмъ онъ будетъ богаче. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ нынѣшняго тарифа заключается именно въ томъ что онъ оказываетъ слишкомъ малое покровительство труду русскаго рабочаго населенія. Сотни милліоновъ ежегодно уплачиваемыхъ за привозные металлы, металлическія издѣлія, краски, химическіе продукты и т. д. даютъ хлѣбъ и обильные заработки иностраннымъ рабочимъ, между тѣмъ какъ значительная доля этихъ предметовъ, подобно холстиннымъ мѣшкамъ, могла бы производиться въ Россіи. Измѣненіе тарифа оживило бы у насъ эти производства и вмѣстѣ съ тѣмъ дало бы обильные заработки людямъ податныхъ и неподатныхъ сословій, и уровень благосостоянія въ цѣлыхъ обширныхъ районахъ поднялся бы отъ того несомнѣнно болѣе чѣмъ отъ незначительнаго удешевленія миткаля и ситца...

*) Вотъ цифры до коихъ простирался въ 1878 г. привозъ въ Россію нѣкоторыхъ товаровъ чрезъ Европейскія таможни:

Кофе на	5.704.000 р.
Сельдей на	5.493.000 „
Индиго на	5.083.000 „
Табаку на	4 984 000 „
Соды на	3.134.000 „
Хлопчато-бумажныхъ издѣлій на .	4 648.000 „
Шелковыхъ издѣлій на	3.046.000 „
Полотна на	1.932.000 „
Мѣшковъ холстинныхъ грубыхъ на	*5.744.000* „

№ 66.

Москва, 6-го марта.

На прошлой недѣлѣ, въ одной изъ петербургскихъ газетъ, К. Д. Кавелинъ почтилъ издателя *Московскихъ Вѣдомостей* замѣткой имѣющею характеръ личнаго, хотя и открытаго, письма. Находясь въ отсутствіи, *адресатъ*, говоря почтовымъ терминомъ, не могъ отвѣчать ему немедленно, и исполняетъ это теперь, избѣгая, по своему обычаю, мѣстоименія *я*.

Почтенный Константинъ Дмитріевичъ считаетъ себя принадлежащимъ къ сороковымъ годамъ, но неизвѣстно почему относитъ онъ къ тому же десятилѣтію и „М. Н. Каткова," который родился гораздо прежде, а живетъ пока и въ 1880 году. Пріурочивая себя къ сороковымъ годамъ, К. Д. Кавелинъ повидимому полагаетъ что каждое десятилѣтіе нарождаетъ своихъ дѣятелей которые съ наступленіемъ одиннадцатаго года должны слагать съ себя доспѣхи и оставаться простыми зрителями дальнѣйшихъ событій, не принимая въ нихъ участія. Сколько мы помнимъ, онъ дѣйствительно воздерживался отъ участія въ дѣлахъ міра сего, совершавшихся послѣ золотаго вѣка сороковыхъ годовъ. Были у насъ реформы, возстанія, войны, онъ хранилъ молчаніе. Мы отъ него не

слыхали гнѣвнаго и строгаго слова обличенія въ виду разврата который представляла наша печать и изъ котораго прямо вышли ученія нашихъ революціонеровъ, приводящія его теперь въ запоздалый ужасъ. За то мирный гражданинъ Аркадіи сороковыхъ годовъ нашелъ теперь это строгое и гнѣвное слово въ защиту петербургской интеллигенціи отъ „М. Н. Каткова.“ Сему послѣднему почтенный К. Д. Кавелинъ грозитъ чуть не тюрьмой, обвиняя его въ клеветѣ, а клевета, какъ извѣстно, есть очень дурной поступокъ, влекущій за собою тюремное заключеніе.

Намъ пришлось сказать что власти въ борьбѣ съ оказавшеюся у насъ крамолой можетъ надежно опереться не на интеллигенцію нашу, а на Русскій народъ. Почтенный К. Д. Кавелинъ видитъ въ этомъ клевету, и упрекаетъ насъ за то въ цезаризмѣ. Въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, „М. Н. Катковъ,“ по мнѣнію К. Д. Кавелина, предлагалъ Россіи въ образецъ для государственнаго устройства англійскія учрежденія, а теперь онъ будто бы рекомендуетъ ей Наполеоновскій цезаризмъ.

Но, достоуважаемый Константинъ Дмитріевичъ, развѣ въ настоящее время рѣчь идетъ о преобразованіи государственнаго устройства Россіи? Развѣ Распорядительная Коммиссія, съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ во главѣ, имѣетъ своимъ назначеніемъ не просто борьбу съ крамолой, а переустройство нашего образа правленія? Къ чему тутъ вопросъ объ англійской конституціи и Наполеоновскомъ цезаризмѣ? Мы всѣ читали Высочайшій указъ возложившій на графа Лорисъ-Меликова диктаторскія полномочія для искорененія злоумышленнаго заговора, и вопросъ заключается только въ томъ на что въ этой борьбѣ слѣдуетъ опереться—на петербургскія ли мнѣнія или на русскій патріотизмъ?

Цезаризмъ! Но гдѣ же Цезарь? Откуда взялся онъ? Откуда могла бы явиться въ Россіи мысль о системѣ правленія связанной съ именемъ Наполеона? Развѣ есть что-либо общее между русскою исторической монархіей, единою съ народомъ, незыблемою и священною въ его вѣрованіи, съ властію выброшенною на улицу и захваченною счастливымъ солдатомъ?

Отъ „Наполеоновскаго цезаризма“ предостерегала насъ покойная консервативная *Вѣсть*. Отъ той же самой бѣды предостерегаютъ насъ теперь съ либеральной точки зрѣнія. Увы, либерализмъ и консерватизмъ—сугубо пустыя прозвища въ нашемъ отечествѣ! Наши консерваторы и либералы розняться между собою въ частныхъ интересахъ, въ отвлеченныхъ принципахъ, въ своей фразеологіи, но они легко и дружно сливаются въ одну партію противъ всякаго русскаго дѣла и русскаго мнѣнія.

Что же касается англійскихъ учрежденій, то напрасно К. Д Кавелинъ думаетъ что пишущій эти строки когда-нибудь предлагалъ ихъ въ образецъ для государственнаго устройства Россіи. Правда, изо всѣхъ странъ цивилизованной Европы, для насъ какъ и для многихъ, Англія представляла всегда предметъ особенно интересный въ своемъ государственномъ устройствѣ. Но она интересовала насъ историческимъ духомъ своихъ учрежденій въ которыхъ все выросло и нѣтъ ничего по шаблону сдѣланнаго. Публицистъ къ которому г. Кавелинъ обращаетъ свою рѣчь указывалъ на Англію какъ на образецъ неподражательности политическаго быта, и раскрывая органическую связь ея учрежденій выражалъ, со всею энергіей къ какой былъ только способенъ, желаніе чтобы мы походили на нее самородностью своего развитія и стало-быть отнюдь не походили образомъ нашего устройства. Страна какъ Россія, съ громаднымъ народомъ имѣвшимъ столь оригинальныя судьбы, такъ явственно опредѣлившимся въ своей индивидуальности, не можетъ безнаказанно жить чужимъ умомъ и заимствовать какія бы то ни было формы для своего политическаго устройства. Если народъ подобный Русскому призванъ къ жизни, — то онъ долженъ внести въ исторію нѣчто новое, ему только свойственное. Онъ долженъ въ самомъ себѣ находить начала для своего устройства и законы для своего развитія.

Но оставляя въ сторонѣ неумѣстный вопросъ о преобразованіи государственнаго быта въ Россіи, возвратимся къ болѣе серіозному—о нашей интеллигенціи и о Русскомъ народѣ. Напрасно К. Д. Кавелинъ понялъ наши слова объ интеллигенціи въ такомъ смыслѣ будто всякій образованный и мыслящій человѣкъ въ Россіи представляетъ собою неблагонадежный элементъ. Такой странности никто не говорилъ и сказать бы не могъ. Самимъ же г. Кавелинымъ приводимыя въ его замѣткѣ слова наши уличаютъ его въ несправедливости

и опровергаютъ возводимую имъ на издателя *Московскихъ Вѣдомостей* напрасли ну. Рѣчь шла о патріотическомъ духѣ народа, на который власть должна опираться въ дѣйствіи противъ враговъ какого бы то ни было свойства внутреннихъ и внѣшнихъ Чѣмъ просвѣщеннѣе, чѣмъ интеллигентнѣе этотъ народный духъ, необходимый для правительства если оно хочетъ имѣть успѣхъ, тѣмъ лучше, тѣмъ желательнѣе. Русскій народъ не есть масса пьяныхъ мужиковъ какъ разумѣетъ его иной петербургскій сановникъ-консерваторъ или таковой же либералъ. Онъ представляетъ собою великую, сверху до низу, исторически организованную силу. Опираться на Русскій народъ не значитъ опираться только на его темныя массы, а на всю совокупность его организаціи на всѣ его сословія, поскольку каждое изъ нихъ остается вѣрнымъ историческому духу своего народа и подчиняетъ свой интересъ государственной пользѣ. Но нельзя сказать чтобъ интеллигенція носящаяся надъ Россіей и имѣющая свое средоточіе въ Петербургѣ, откуда она и распространяетъ повсюду свое дѣйствіе, нельзя сказать чтобъ эта интеллигенція была русскимъ народнымъ разумомъ, чтобъ она была органомъ русскаго патріотическаго духа, чтобъ она въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ управлялась русскими историческими началами...

Въ Петербургѣ, какъ и вездѣ, живутъ люди разнаго образа мыслей, и есть безъ сомнѣнія много такихъ которые столь же сильно какъ и мы чувствуютъ зло и пагубу этой безпочвенной и пустой интеллигенціи которая гнѣздясь въ административномъ центрѣ, пріобрѣтаетъ тамъ силу и становится властью.

Г. Кавелинъ требуетъ доказательствъ но доказательства самыя убѣдительныя всегда были у него предъ глазами. Никто не виноватъ если онъ не видитъ очевиднаго! Нигилизмъ со всѣми своими доктринами и послѣдствіями былъ несомнѣнно печадіемъ этой интеллигенціи, за оскорбленіе которой г. Кавелинъ готовъ подвергнуть насъ уголовной карѣ. Развѣ начиная съ блаженныхъ сороковыхъ годовъ по сіе время, бо́льшая часть петербургской печати не была органомъ тѣхъ самыхъ доктринъ которыя составляютъ сущность революціонной пропаганды въ нашемъ отечествѣ? Развѣ наша подпольная литература не есть въ сущности воспроизведеніе, только съ раскрытыми скобками и договоренными словами, того что развивалось въ *законной* печати? Развѣ наша молодежь, начиная именно съ сороковыхъ годовъ, благодаря правительственнымъ ошибкамъ происшедшимъ вслѣдствіе не русскаго духа который постоянно господствовалъ въ нашихъ дѣлахъ, не развращалась умственно въ реальной школѣ, въ какую превратились наши духовныя семинаріи и гимназіи именно сороковыхъ годовъ въ которыхъ замкнулъ нашъ почтенный возражатель свое духовное существованіе? Все познается по плодамъ своимъ. Какихъ же другихъ плодовъ можно было ожидать отъ этой интеллигенціи безъ жизненной силы, безъ почвы и корня, которая управляла нашими дѣлами и мнѣніемъ нашего общества? Она дѣлала слѣпыми нашихъ руководителей, она отнимала у насъ здравый смыслъ, она творила насъ вольными или невольными измѣнниками своей народности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и своему государству которое стоитъ и падаетъ съ русскою народностью. Время которое мы переживаемъ теперь не есть нѣчто совершенно для насъ новое. Пока почтенный К. Д. Кавелинъ почивалъ блаженнымъ сномъ сороковыхъ годовъ, мы въ началѣ шестидесятыхъ переживали время такое же какъ и теперь, съ тою только разницей что врагъ нашъ сталъ теперь искуснѣе, а мы еще не успѣли стать умнѣе. Тогда правительство сумѣло опереться на народъ. Ставъ народною силой, оно вызвало патріотическій духъ въ населеніяхъ. Растлѣнная интеллигенція смолкла, измѣна поблѣднѣла и притаилась, умы отрезвились, здоровая и сильная жизнь закипѣла въ обществѣ. Съ того времени впервые свободное слово въ Россіи перестало дичиться русскаго народнаго чувства преданнаго своему государству и свято чтущаго свою верховную власть. Съ того времени, безъ войны и усилій, Россія снова заняла подобающее ей мѣсто въ системѣ державъ... Но наше умственное малосиліе не долго могло выдержать высокій строй. Умами снова овладѣли чужія идеи, снова появились на сцену анти-русскіе элементы, снова подпали мы подъ власть обмана...

Не грѣхъ ли г. Кавелину требовать у насъ доказательствъ неблагонадежности той интеллигенціи о которой идетъ рѣчь? Какъ будто это еще требуетъ доказа-

тельствъ, какъ будто это не было уже доказано столь многими фактами! Насъ, васъ и всѣхъ приводятъ въ негодованіе гнусныя покушенія, которыхъ мы были свидѣтелями въ послѣднее время. Но развѣ принципъ этихъ покушеній, къ удивленію цѣлаго міра, не былъ торжественно оправданъ, одобренъ и прославленъ петербургскою интеллигенціей въ знаменитомъ судѣ надъ Вѣрой Засуличъ?

№ 67.

Москва, 7-го марта.

Ничѣмъ въ настоящее время нельзя такъ раздражить представителей той части нашей интеллигенціи которая любитъ называть себя „либеральною“ какъ напоминаніемъ что именно ихъ несообразительное потворство и ихъ легкомысліе въ общественныхъ дѣлахъ, не говоря о худшемъ, одно изъ главныхъ условій дозволившихъ сѣмени нигилизма развиться въ такой роскошный цвѣтъ. Очевидно, это больное мѣсто. Приходится, на самыхъ высокихъ нотахъ негодованія, отвергать „безумную шайку“ и приходить въ неописанное изумленіе откуда могла явиться такая компанія. Происхожденіе этой компаніи вопросъ дѣйствительно важный, и изученіе его способно вести къ весьма поучительнымъ заключеніямъ. Изученіе это не особенно и затруднительно: компанія составилась на нашихъ глазахъ въ промежутокъ немногихъ лѣтъ. Стоитъ вооружиться воспоминаніями о томъ что было не за сто или двѣсти лѣтъ, а почти вчерашній день. При самомъ незначительномъ усиліи памяти не трудно убѣдиться въ полной несостоятельности новѣйшей теоріи паденія ненавистной шайки съ неба. Напомнимъ недавнія событія, не съ цѣлью отыскивать виноватыхъ (въ этомъ было бы не много пользы, да и есть не мало смягчающихъ обстоятельствъ), а для того чтобы содѣйствовать отрезвленію мысли у обманутыхъ и къ укрощенію обманщиковъ.

Девять почти лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ 1871, происходилъ въ Петербургѣ первый публичный политическій процессъ въ Россіи: „о заговорѣ составленномъ съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи.“ Это обширное и сложное дѣло, какъ заявлялъ предсѣдатель суда, „которое въ лѣтописяхъ судебнаго вѣдомства займетъ не послѣднее мѣсто,“ обнимало 84 подсудимыхъ, раздѣленныхъ обвинительною властью на одиннадцать группъ съ такимъ же количествомъ обвинительныхъ актовъ. Въ первую группу попали одиннадцать подсудимыхъ, изъ которыхъ четверо (дворянинъ Успенскій, купеческій сынъ Кузнецовъ, литераторъ Прыжовъ и мѣщанинъ Николаевъ) обвинялись, кромѣ заговора, въ убійствѣ слушателя Петровской Академіи Иванова, совершенномъ въ сообществѣ и по подговору прибывшаго изъ Женевы въ 1869 году Нечаева (тогда ускользнувшаго отъ рукъ правосудія), остальные въ заговорѣ, а юная мѣщанка Дементьева въ распространеніи возванія *Къ обществу* приглашавшаго къ неповиновенію верховной власти и составленнаго литераторомъ Ткачевымъ, отъ имени якобы студентовъ. Такимъ образомъ, первый гласный политическій процессъ былъ вмѣстѣ и процессомъ объ убійствѣ совершеннымъ нигилистами. Слушатель Ивановъ, принадлежавшій самъ къ обществу, но желавшій дѣйствовать самостоятельно, былъ *устраненъ* по рѣшенію комитета, т. е. Нечаева, разбойнически задушенъ въ гротѣ Московской Петровской Академіи и стащенъ въ прудъ. Предъ судомъ было такимъ образомъ, съ одной стороны, возмутительное убійство, съ другой, безуміе нѣсколькихъ сбившихся съ пути молодыхъ негодяевъ, сентиментальное увлеченіе легкомысленной дамы (полковницы Томиловой), и глупость дѣвочки (Дементьевой), сманенной литераторомъ Ткачевымъ. Такова была первая серія пришедшихъ на судъ, за которою слѣдовали другія. Все печальное дѣло въ которомъ главнымъ образомъ фигурировали учащіеся Петровской Академіи и другихъ высшихъ заведеній, Медико-Хирургической Академіи, Технологическаго Института и университетовъ, свидѣтельствовало прежде всего о крайней распущенности господствовавшей въ этихъ заведеніяхъ. Въ этой ужасающей распущенности молодежи, не привлекаемой ни къ какому положительному интересу, не огражденной отъ развращающихъ вліяній, становившейся матеріаломъ и орудіемъ пропаганды, очевидно, было главное зло. Вотъ, казалось бы, та сторона которая должна была привлечь на себя вниманіе послѣ обнаружившихся на судѣ фактовъ. Ничуть не бывало. На судоговореніи распущенность эта получила

ложное освѣщеніе, а въ заведеніяхъ о которыхъ шла рѣчь все и послѣ суда осталось по прежнему, если не хуже. За то цѣлая масса фальшивыхъ понятій пущена была въ общество. Когда фальшивыя понятія проводятся въ печати, они могутъ оказывать очень вредное дѣйствіе, но по крайней мѣрѣ являются на свой страхъ и могутъ вызвать противодѣйствіе; вредъ усугубляется когда подобныя же понятія распространяются подъ сѣнью государственнаго учрежденія. Не становится ли тогда великое орудіе общественнаго воспитанія, судъ, орудіемъ общественнаго смущенія? Такъ, къ сожалѣнію, несомнѣнно было въ припоминаемомъ нами процессѣ.

Что, въ самомъ дѣлѣ, выяснилось на судѣ по отношенію къ той средѣ изъ которой вышла эта почти сотня обвиняемыхъ? Начнемъ съ вопроса о бѣдности учащихся. Освѣщеніе въ какомъ явился этотъ вопросъ на судъ не мало содѣйствовало тому что представленіе о безвыходной бѣдности учащихся, порождающей классъ *недоучекъ*, сдѣлалось общимъ мѣстомъ, всюду повторяемымъ и будто бы несомнѣннымъ. Послушать защитниковъ и прокурора, среда нашихъ учащихся въ высшихъ заведеніяхъ угнетена крайнею бѣдностью, не дающею молодому человѣку возможности кончить курсъ и выталкивающею его въ жизнь озлобленнымъ недоучкой. Такъ нарождается будто бы многочисленный умственный пролетаріатъ которымъ и пользуется пропаганда.

Но то ли говорятъ факты? Была ли въ самомъ дѣлѣ безвыходная бѣдность учащихся роковымъ условіемъ поступленія подсудимыхъ въ ряды революціонеровъ? Что виновные принадлежали къ умственному пролетаріату объ этомъ нѣтъ спора, но именно умственному и нравственному, вовсе не обусловленному бѣдностію. Изъ четырехъ главныхъ преступниковъ, убійцъ Иванова, Прыжовъ литераторъ 42 лѣтъ, авторъ нѣсколькихъ статей и довольно обширнаго труда, не лишеннаго интереса, объ исторіи кабака, считавшій своею спеціальностью изучать народъ въ самыхъ низменныхъ его слояхъ, таскавшійся между рабочимъ людомъ, могъ быть причтенъ къ тому что Французы называютъ литературною bohême, но во всякомъ случаѣ не былъ „бѣднымъ учащимся." Не былъ таковымъ и молодой слушатель Петровской Академіи Кузнецовъ, сынъ достаточнаго купца, не разъ, какъ обнаружилось изъ дѣла, жертвовавшій въ „общество" по сту рублей. Третій изъ убійцъ, жалкій полуидіотъ, мѣщанинъ Николаевъ, бывшій на побѣгушкахъ у овладѣвшаго имъ Нечаева, возведенный защитникомъ въ идеалъ человѣка увлеченнаго „идеей," былъ, по словамъ того же защитника, „незаконный сынъ бездушнаго богатаго отца и такой же матери," державшихъ его въ домѣ наравнѣ съ прислугой; ни въ какомъ заведеніи не учился, а „развился" благодаря встрѣчѣ съ семинаристомъ Орловымъ. Къ разряду „бѣдныхъ учащихся" онъ также причисленъ быть не можетъ. Четвертый преступникъ, дворянинъ Успенскій (22 лѣтъ) воспитанникъ Нижегородскаго дворянскаго института, по словамъ его защитника, поступилъ было въ Московскій Университетъ, но за неимѣніемъ средствъ не могъ продолжать ученіе. Этотъ, стало-быть, дѣйствительно принадлежалъ къ категоріи „бѣдныхъ учащихся." Но изъ разказа того же защитника явствуетъ что бѣдность Успенскаго ни въ какой связи съ поступленіемъ его въ тайное общество не находилась. Онъ вступилъ въ общество не въ то время когда, по повѣствованію защитника, угнетала его бѣдность, но въ то когда завѣдуя книжнымъ магазиномъ получалъ 600 руб. содержанія и слѣдовательно ни въ какой безвыходной бѣдности не находился, вступилъ же въ ряды революціонеровъ по охотѣ и самъ сдѣлался вербовщикомъ. Перебирая длинный списокъ подсудимыхъ не участвовавшихъ въ убійствѣ и обвинявшихся лишь по принадлежности къ заговору, встрѣчаемъ между ними одного князя жертвовавшаго на общество тысячу рублей, видимъ не мало слушателей Петровской Академіи и изъ числа получавшихъ стипендіи и изъ обезпеченныхъ собственными средствами, студентовъ Медико-Хирургической Академіи, повидимому даже не нуждавшихся въ казенномъ содержаніи, каковое получить весьма не трудно было въ этомъ заведеніи; видимъ сбитыхъ съ толку дѣвицъ стремившихся какъ Дементьева къ фиктивному браку чтобы, на пользу „общества," получить право распоряженія своимъ капитальцемъ. Но рѣшительно ни изъ чего не видно чтобы бѣдность была хотя сколько-нибудь пружиной толкавшею участниковъ общества къ поступленію въ его ряды. Напротивъ, весьма замѣтно что Нечаевъ

и его ближайшіе сподвижники старались набирать въ общество такихъ лицъ, которыя могли бы ему что-нибудь доставить. Нечаевъ вовсе не хотѣлъ плодить „голыдьбу“ въ набираемой шайкѣ. О бѣдственномъ матеріальномъ положеніи молодежи много можно было услышать въ показаніяхъ обвиняемыхъ на судѣ; но замѣчательно что сами-то обвиняемые были не изъ числа благотворимыхъ, а изъ числа благотворителей. Всѣ они ходатаи, хлопотуны, организаторы кассъ, яко бы необходимыхъ для „бѣдствующей части молодежи,“ зажиги и зачинщики волненій во имя гдѣ-то отдаленно находящихся „бѣдствующихъ.“ „Студенчество, показывалъ студентъ Енишерловъ, характеризуя желанія зачинщиковъ студентскихъ волненій, не могло остаться равнодушнымъ къ безпомощному положенію своихъ собратьевъ-бѣдняковъ, которыхъ жизнь состоитъ изъ одной безтолковой долбни, дающей отупленному и забитому студенту грошевую субсидію (стипендію) которой его лишить начальство можетъ своею властію (каковъ ужасъ!), по своему усмотрѣнію!“ Вотъ этотъ-то бродячій, неспокойный элементъ, именовавшій себя студенчествомъ, — элементъ, въ которомъ видную долю составляли кочующіе семинаристы, поставившіе себѣ задачей пробиться на свѣтскомъ поприщѣ, и озлобленно порвавшіе связи со своимъ сословіемъ, а также прибывшіе изъ своихъ странъ *восточные человѣки*, принесшіе съ собою пылкость крови и медленность соображенія, — элементъ неподатливый, иногда грубый, прежде всего нуждавшійся въ дисциплинѣ, а между тѣмъ распущенный, — и былъ тою средой въ которой по преимуществу дѣйствовали вербовщики въ родѣ Нечаева. Картины бѣдности являлись способомъ приманки, орудіемъ фальши, аргументомъ, знаменемъ, но дѣйствительная бѣдность имѣла самое отдаленное участіе въ работѣ вербовки. Семинаристъ Орловъ, сынъ бѣднаго священника Владимірской губерніи, повидимому, не имѣлъ никакихъ средствъ. Но на какія же деньги онъ разъѣзжалъ, отправляясь изъ Иванова въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ жилъ сбираясь поступить въ университетъ, куда впрочемъ не поступилъ, хотя подъ руководствомъ Нечаева принималъ самое дѣятельное участіе въ волненіяхъ поднятыхъ въ защиту „студентскихъ правъ;“ ѣздилъ затѣмъ въ Херсонскую губернію, въ Кубанскую область. Нельзя же безъ средствъ свершать такія поѣздки и жить не имѣя никакого занятія? На это обстоятельство на судѣ не было обращено вниманія. Не намекало ли оно довольно прямо на существованіе разряда лицъ, состоящихъ на жалованьѣ у пропагандистовъ, — стипендіатовъ своего рода. Казенной стипендіи Орловъ не получалъ и не добивался, такъ какъ сборы его поступить въ университетъ были только на словахъ; но есть полное основаніе думать что какою-то частною стипендіей онъ пользовался. На судѣ, впрочемъ, защитникъ и прокуроръ не спускались на почву соображеній практическаго характера. Защитникъ говорилъ больше о типѣ и чувствахъ семинариста-бурсака, краснорѣчиво описывая тройную броню какою защищено сердце таковаго бурсака. Были жертвовавшіе; были получавшіе субсидіи. Но не потому ли стипендіаты эти прибѣгали къ революціонной помощи что не имѣли пособія отъ казны для окончанія курса? И это не такъ. Такіе стипендіаты только прикрывались профессіей учащихся или готовящихся къ ученью, а дѣйствительно учащимися и быть не могли. Казенную стипендію можно получать ничего не дѣлая, а революціонную нельзя. Тутъ дѣла не мало. (Въ революціонныхъ рядахъ дисциплина строгая: на разбиравшемся на дняхъ процессѣ Богославскаго выяснилось что, по уставу Кіевскаго кружка, за первую неявку члена на сходку полагалось наказаніе розгами, а за послѣдующія смертная казнь.) Стипендіальныя суммы шли отчасти отъ тѣхъ кого въ кружкѣ Нечаева, съ его легкой руки, тогда уже звали „либералами.“ „Считая Нечаева человѣкомъ несостоятельнымъ, говорилъ студентъ Енишерловъ въ своемъ показаніи, я спрашивалъ его на какія средства онъ будетъ эмигрировать. На это онъ мнѣ ничего опредѣленнаго не отвѣчалъ, а отдѣлывался непонятными для меня намеками на русскихъ *либераловъ* да повторялъ свою любимую поговорку: „на то и живутъ богачи чтобъ ихъ голыдьба за носъ водила.“ Въ книгѣ протоколовъ захваченной у Успенскаго значилось: „Шакаевъ приглашенъ на Рождество въ Тверь Екатериною Алексѣевною П—овой: богатая либералка; хочетъ воспользоваться ею для достачи денежныхъ средствъ.“

Итакъ, бѣдность, бѣдственное положе-

ніе учащейся молодежи, невозможность по недостатку средствъ окончить курса и т. под. вовсе не были не только главнымъ, но даже замѣтнымъ обстоятельствомъ толкавшимъ сбитыхъ съ толку юношей въ революціонныя шайки. Вмѣсто басни будто бы эти люди дѣлались революціонерами потому что не могли окончить ученья, надлежало бы сказать что они ученья не кончали потому что сдѣлались пропагандистами, прямо ли или пройдя предварительно чрезъ званіе зачинщика въ какомънибудь „волненіи учащейся молодежи.“ Вербовщики менѣе всего заботились о недоучкахъ, которые дѣйствительно по бѣдности, лѣности, семейнымъ обстоятельствамъ или чему-либо подобному отстаютъ отъ прохожденія курса и расходятся въ разныя стороны уволившись изъ заведеній. Пропагандисты всегда сосредоточивали дѣятельность свою на пребывающихъ въ заведеніяхъ и работали внутри заведеній гдѣ имъ было удобно и просторно. Однихъ прямо смущали, другихъ,—возбуждая „волненія“ и „исторіи,“—толкали на путь съ котораго, по выходѣ или изгнаніи изъ заведенія, дѣйствительно труденъ поворотъ куда-либо кромѣ революціонныхъ шаекъ. Вотъ истинныя условія пропаганды въ рядахъ учащихся. Не то выходило по теоріямъ краснорѣчиво развивавшимся на судѣ. Выходило что корень и причина успѣховъ пропаганды „бѣдственное положеніе учащихся.“ Надѣлайте стипендій, организуйте кассы, сборы, сходки, и тѣмъ сдѣлайте волненія изъ періодическихъ хроническими, вотъ мораль которая на судѣ предлагалась.

„Кто изъ насъ, гг. судьи, не знаетъ, восклицалъ одинъ защитникъ, что нужда и бѣдность есть лучшая почва для революціонной пропаганды... Еслибы студентамъ было дано право кассъ, тогда они менѣе бы слушали Нечаева, тогда ихъ нужды были бы удовлетворены, тогда они имѣли бы возможность работать надъ наукой...“ Среда въ которой развилось преступленіе, указывалъ другой, „должна быть названа русскимъ мыслящимъ пролетаріатомъ... Обвиняемые принадлежатъ къ числу тѣхъ людей которые получивъ образованіе, сблизясь съ плодами науки (?), познакомясь съ европейскими идеями, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности оказываются едва имѣющими возможность существовать.“ Такое фальшивое освѣщеніе дѣла должно было внести не мало недоразумѣній въ общественное мнѣніе и не мало послужить къ смущенію учащейся молодежи, о которой повидимому была такая забота.

Еще важнѣе по послѣдствіямъ своимъ то фальшивое освѣщеніе въ какомъ явился на судѣ вопросъ о дисциплинарномъ строѣ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Одинъ изъ защитниковъ прямо объявилъ что „настоящее дѣло (дѣло о звѣрскомъ убійствѣ неудобнаго сообщника) есть дѣло нашей учащейся молодежи. Эта молодежь является намъ съ ея вѣрованіями и стремленіями.“ По мнѣнію защитниковъ и отчасти прокурора, молодежь эта поставлена начальствами высшихъ учебныхъ заведеній въ положеніе невыносимое, лишена „организаціи которая давала бы ей возможность жить.“ Волненія ея и требованія выходятъ такимъ образомъ явленіемъ не только понятнымъ, но совершенно законнымъ. Выводы эти, увѣрялось, вытекаютъ изъ фактовъ. Какіе же факты выяснились на самомъ судѣ? Значительная часть подсудимыхъ принадлежала къ Московской Петровской Академіи. Какіе же порядки были въ этомъ по истинѣ странномъ заведеніи, неизвѣстно для чего основанномъ? Объ этомъ можно узнать изъ разныхъ показаній на судѣ. „Касса въ Петровской Академіи, разъяснилъ свидѣтель Лунинъ, существовала съ самаго начала совершенно открыто, а тайный характеръ приняла послѣ исторіи 1866 года. До этого времени касса была почти официально признана, то-есть былъ представленъ уставъ, и директоръ обѣщалъ представить его на утвержденіе министра, но въ это время случилась исторія 1866 года и открытое существованіе кассы было прекращено. Съ самаго начала образованія кассы она возбуждала полное сочувствіе всѣхъ профессоровъ которые подписались въ пользу оной. Послѣ исторіи 1866 года тѣ кто до этого не внесли денегъ, не платили уже потомъ, и касса ограничивалась съ этого времени собственными средствами и сдѣлалась тайною, хотя тѣмъ не менѣе начальство ея не преслѣдовало. Такъ какъ касса была такъ-сказать тайнымъ обществомъ то было признано удобнымъ раздѣлить членовъ на кружки и вообще придать такой характеръ который не допускалъ бы столкновеній съ официальными людьми, по

крайней мѣрѣ они не имѣли бы права придираться; въ виду этого участники даже не упоминали въ разговорѣ слова касса, а говорили о ней какъ объ ученомъ предметѣ. Количество членовъ въ этихъ кружкахъ было ограничено шестью человѣками " Такимъ образомъ Нечаевская пропаганда застала въ Академіи уже готовую организацію какъ нельзя болѣе приспособленную къ переходу отъ экономическаго баловства къ баловству политическому. Что касается надзора за учащимися, то въ либеральной Академіи доставившей главный контингентъ въ „общество," надзора никакого не было. Пропагандисты жили по мѣсяцамъ въ этомъ дачномъ пребываніи празднаго юношества; изъ слушателей нѣкоторые чуть не ежедневно таскались въ Москву по порученіямъ „общества." Дачное существованіе украшалось присутствіемъ нигилистокъ. По показанію Лунина, дѣвица Бѣляева, напримѣръ, ушедшая изъ дома родителей чтобы жить своимъ трудомъ и болѣе независимою жизнію, „поселилась въ Академіи, въ квартирѣ гдѣ жили человѣкъ десять студентовъ." Когда директоръ вздумалъ было обратить вниманіе на пребываніе женщинъ, въ Петербургъ полетѣла на него коллективнал жалоба студентовъ министру, преподавшему разъясненіе пункта, считавшагося по видимому спорнымъ, а именно что студенты должны подчиняться распоряженіямъ директора. Таково было угнетенное, вслѣдствіе мѣръ строгости, существованіе Петровскихъ слушателей.

Какіе порядки были въ Медицинской Академіи въ Петербургѣ? Тамъ въ полномъ разгарѣ дѣйствовали сходки. О нихъ можно узнать изъ показанія студента Коринѳскаго, составителя проекта кассы взаимнаго вспоможенія какой онъ предлагалъ медицинскимъ студентамъ, — одного изъ главныхъ вожаковъ студентскаго волненія въ Академіи, начальствомъ „уволеннаго за безпорядки" которые, по разказу его, начальствомъ же допускались. „6-го и 7-го марта, показывалъ Коринѳскій, у студентовъ Медицинской Академіи начались сходки по ночамъ (!) допущенныя самимъ начальствомъ. 8-го, кажется, числа, конференціей намъ дано было позволеніе подать коллективное прошеніе, за подписью одного изъ студентовъ, по вопросу который насъ занималъ. 10-го у насъ обсуждалось содержаніе нашего прошенія которое мы намѣрены были подать въ конференцію съ ея же позволенія. Затѣмъ была назначена общая сходка для прочтенія этого прошенія. Я былъ выбранъ депутатомъ за нѣсколько мѣсяцевъ и разумѣется на этихъ сходкахъ участвовалъ: я не могъ не участвовать. Затѣмъ 11-го марта, утромъ, инспекторъ Медицинской Академіи сообщилъ мнѣ чтобъ я уговорилъ студентовъ разойтись. Меня поразило это обстоятельство. Мнѣ трудно было этому повѣрить, потому что сходки у насъ существовали de facto. Мы не видѣли никакихъ злоупотребленій съ своей стороны и удивились бы еслибы намъ было запрещено собирать сходки... Я уволенъ былъ изъ Медицинской Академіи по поводу безпорядковъ, но безпорядками, замѣчаетъ далѣе не безъ основанія Коринѳскій,—можно было назвать съ моей точки зрѣнія только тѣ сходки которыя были послѣ запрещенія 11-го марта," а на этихъ сходкахъ Коринѳскаго не было. Правдивость показаній Коринѳскаго нѣтъ никакой причины заподазривать. Кому знающему порядки нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній не извѣстенъ этотъ способъ дѣйствія полумѣрами, эти полуразрѣшенія, полузапрещенія, это сегодняшнее ухаживанье за тѣми кого завтра придется преслѣдовать, это обманываньe молодежи сочувствіемъ къ ея „стремленіямъ и вѣрованіямъ," это умыванье рукъ съ киваньемъ что не будь де откуда-то грубаго давленія, мы бы все позволили и разрѣшили, и являемся противниками „стремленій" только чтобы „не погубить намъ и вамъ дорогое учрежденіе, уступая горькимъ урокамъ опытности бѣлѣющей на нашихъ головахъ."

Въ университетахъ въ свою очередь сборища были обычнымъ явленіемъ. Въ курильнѣ Петербургскаго Университета сбирались, по словамъ Нечаева (переданнымъ Томиловою), до 400 человѣкъ. На сборищахъ фигурировали и Нечаевъ, тогда „слушатель" Петербургскаго Университета, и его сотрудники, къ университету вовсе не принадлежавшіе. Сходки бывали, повидимому, и въ праздники; на нихъ присутствовали женщины. По крайней мѣрѣ въ показаніи Томиловой читаемъ: „Въ *воскресенье* я отправилась съ моимъ знакомымъ въ университетъ. Прихожу, спросила: гдѣ вѣшалка студента Нечаева? Швейцаръ указалъ. Мы приходили. Нечаевъ ужь тамъ." Въ Москву изъ сѣверной сто-

лицы ѣдутъ „петербургскіе легаты“ отъ Медико-Хирургической Академіи и другихъ высшихъ заведеній, и являются на сборищахъ студентовъ Московскаго университета. Сборище въ анатомическомъ театрѣ, когда „легатъ“ Никифоровъ, студентъ Петербургскаго университета, дѣлалъ свое сообщеніе, было такъ многолюдно, по показанію Волховскаго (не-студента, бывшаго на сходкѣ), что негдѣ было пройти.

Похоже ли все это на угнетеніе учащихся строгими полицейскими мѣрами? Не бросается ли въ глаза, напротивъ, отсутствіе всякаго надзора и предоставленіе полной свободы всему дурному работать на просторѣ въ средѣ учащихся. Распущенность вела къ волненіямъ съ ихъ печальными послѣдствіями, изгнаніями, процессами, гибелью не одной сотни молодыхъ людей. Пропагандисты, Нечаевъ съ компаніей, надо отдать имъ справедливость, отлично понимали значеніе неустройства нашихъ высшихъ школъ и ловко пользовались имъ для цѣлей пропаганды. Нечаевъ, по показанію студента Енишерлова, разсуждалъ такъ: „Русское общество состоитъ изъ холоповъ въ которыхъ не вспыхнетъ революціонная искра какъ бы ее не раздували. Изъ этого общества студенческая среда наиболѣе благопріятна революціонной пропагандѣ, но и въ ней пропаганда тогда только будетъ имѣть успѣхъ когда скроется на первыхъ порахъ подъ какимъ-нибудь лично студенческимъ дѣломъ.“ Отсюда создавать, поддерживать, раздувать студентскія волненія сдѣлалось одною изъ главныхъ цѣлей пропагандистовъ. Въ книгѣ протоколовъ значится: „Нечаевъ передалъ объ исключеніи 18 человѣкъ медиковъ (въ Московскомъ университетѣ), и о произведенномъ этимъ волненіи въ университетѣ, которымъ предложилъ воспользоваться; для чего рѣшено было сообщить по всей организаціи о томъ чтобы поддерживать это волненіе, созывать сходки, намѣчать личности болѣе выдающіяся, и давать направленіе болѣе широкое чѣмъ студентская исторія. Намекать о существованіи въ обществѣ силы къ которой слѣдуетъ примкнуть всякому... Движеніе должно будетъ получить радикально демократическій характеръ и закончиться демонстраціей политическаго характера.“ Но напрасно пропагандисты открывали глаза на истинное значеніе возбуждаемыхъ между учащимися волненій. Противники пропаганды и нигилизма, судящіе, правящіе и направляющіе, оставались глухи и слѣпы. На судѣ взапуски доказывали что волненія учащихся ничего общаго не имѣютъ съ революціонною пропагандой; вина возлагалась не на отсутствіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ всякой дисциплины, — внѣшней, умственной, нравственной, — не на банкротство, неумѣлость, либеральниченье начальствъ, не на отсутствіе серіозной науки и какого-нибудь правильнаго ученія, не на слабость учащихъ, а на то что учащимся, которые, по теоріи одного изъ защитниковъ, должны быть естественными демократами и революціонерами, не даютъ надлежащихъ правъ. „Обвиненіе, какъ бы оправдывался прокуроръ, всегда признавало что студентскія волненія не заключаютъ въ себѣ само по себѣ чего-либо политическаго... Въ нихъ я не вижу само по себѣ ничего противозаконнаго.“ Студенты искали правъ „которыхъ безплодно домогались, въ которыхъ имъ было отказано,“ а злоумышленные люди воспользовались этимъ само по себѣ якобы законнымъ явленіемъ — вотъ какъ произошло дѣло, по повѣствованію прокурора, развивавшаго также и басню о недоучкахъ. Онъ находилъ что обвиняемые суть недовольные, сдѣлавшіеся таковыми потому что „не могли по разнымъ обстоятельствамъ окончить свое образованіе.“ Защитникъ, говорившій что настоящее дѣло есть дѣло русской учащейся молодежи, прямо находилъ что „еслибы въ руки учащейся молодежи переданы были тѣ интересы которые волнуютъ каждаго юношу (?), еслибъ учащейся молодежи было предоставлено право сходокъ, не явилась бы потребность въ тайномъ обществѣ; еслибы студентское движеніе не было подавлено репрессивными мѣрами, не явились бы люди со своею пропагандой, подготовлявшіе почву для Нечаева, не явился бы Нечаевъ.“ Другой защитникъ находилъ кассы и сходки такъ необходимыми для учащихся что выставлялъ ихъ условіемъ которое, какъ пища или воздухъ, должно давать „возможность молодежи жить.“

Что такія сужденія высказывались девять лѣтъ тому назадъ, еще неудивительно; высказывавшіе ихъ имѣли съ тѣхъ поръ полную возможность отрезвиться. Знаменательнѣе то что подобные фальши-

вые взгляды повторяются нынѣ послѣ такого количества плачевныхъ опытовъ. Еще на дняхъ можно было прочесть въ *Голосѣ* сѣтованіе на недопущеніе сходокъ и на тяжелую борьбу учащихся съ ежедневными потребностями „превращающую дѣло высшаго образованія въ аскетическое подвижничество.“ Вообще фальшивые аргументы удивительно живучи. На придумываніе новаго не много потрачено изобрѣтательности. Въ новѣйшее время очень любятъ поражать дѣйствующую школьную систему статистическими выводами. Но уже Нечаевъ на сходкахъ прибѣгалъ къ подобному пріему, высчитывая будто бъ изъ 50 оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ только 7 поступаютъ въ университетъ и высшія заведенія, а остальные гдѣ-то теряются (о неокончившихъ въ гимназіяхъ тогда еще рѣчи не было), а Томилова первое знакомство съ Нечаевымъ сдѣлала на желѣзной дорогѣ, принявъ его за учителя гимназіи и сѣтуя на трудность латыни для дѣтей (дѣло было еще за три года до гимназической реформы). Впрочемъ, о гимназіяхъ и о латыни тогда разсуждалось безъ нынѣшней злобы, и Нечаевъ даже далъ не дурной практическій совѣтъ – взять репетитора. Чего наговорилъ бы нынѣшней Томиловой нынѣшній Нечаевъ?...

№ 68.

Москва, 8-го марта.

А.

Будущій историкъ нашихъ дней отмѣтитъ яркою чертою фактъ о которомъ извѣстилъ насъ вчера телеграфъ изъ Лондона. Гартманнъ объявляетъ въ лондонскихъ газетахъ что онъ дѣйствительно былъ главнымъ виновникомъ Московскаго покушенія, и сообщаетъ о своемъ намѣреніи черезъ нѣсколько дней перебраться въ Америку! Что скажутъ на это французскіе министры, на дняхъ поспѣшившіе заявить что постановленіе о невыдачѣ Гартманна, мотивированное тѣмъ что ни самоличность обвиняемаго, ни участіе его въ Московскомъ покушеніи не доказаны, состоялось въ ихъ совѣтѣ единогласно, безъ колебаній и споровъ. Споровъ, конечно, не было, ибо никакихъ сомнѣній касательно личности и виновности Гартманна не могло быть, и французскіе министры лишь прикрыли свое позорное отступленіе предъ возгласами уличныхъ крикуновъ офиціальною ложью которая никого не обманула, а лишь послужила печальнымъ признакомъ безсилія и ничтожества той власти въ рукахъ которой находятся нынѣ судьбы Франціи.

Но эпизодъ разыгравшійся по поводу Гартманна въ Парижѣ блѣднѣетъ въ сравненіи съ новѣйшею фазой этого дѣла возвѣщаемою изъ Лондона. Въ революціонной Франціи Гартманнъ еще считалъ нужнымъ прибѣгать ко лжи и запираться, и Французское правительство вынуждено было прикрыть свое отступленіе тою же ложью. Но ложь, возмутительная сама по себѣ и повредившая Франціи какъ признакъ ея политическаго безсилія и внутренней неурядицы,—эта ложь, *horribile dictu*! —является теперь смягчающимъ обстоятельствомъ для Французскаго правительства! Преступнику нужно было офиціально отречься отъ самого себя и отъ своего гнуснаго дѣла чтобы дать Франціи благовидный предлогъ къ освобожденію его отъ заслуженной кары. Въ Парижѣ, открытое сочувствіе Гартманну какъ виновнику мрачнаго злодѣянія выражали лишь органы коммунаровъ; только газета какъ *Mot d'ordre* имѣла наглость провозгласить этого негодяя „гостемъ Франціи;“ правительство же, несомнѣнно желавшее предать преступника законной карѣ, поспѣшило выпроводить его съ французской территоріи когда желаніе это оказалось неисполнимымъ. И вотъ преступникъ перебрался въ Англію. Несмотря на строгій консерватизмъ англійскаго государственнаго строя, на прочность власти и безпощадность съ которою тамъ преслѣдуются всякія революціонныя книжки направленныя противъ тамошняго порядка, Англія всегда давала у себя притонъ революціонерамъ всѣхъ странъ и ревниво оберегала право убѣжища которое въ ней неизмѣнно находятъ всевозможные преступники, лишь бы злодѣянія ихъ прикрывались враждой къ тому или другому изъ законныхъ правительствъ. Нельзя было думать что Англія отступитъ въ этомъ случаѣ отъ своего обычая, хотя ее общественный голосъ въ печати не скупился на лицемѣрныя фразы негодованія при вѣсти о гнусномъ злодѣяніи этого Гартманна. На выдачу его Англіей нельзя было разчитывать. Но нельзя было также ожидать чтобы злоумышленникъ, прибывъ въ Англію,

тотчасъ же съ торжествомъ „учинилъ полное сознаніе“ чрезъ услужливое посредство англійской печати. Ступивъ на почву Англіи, Гартманнъ призналъ себя „гостемъ Англіи“ по праву, и его неслыханно-дерзкое признаніе есть какъ бы призывъ всего Англійскаго народа къ участію въ его злодѣяніи, ибо укрывательство преступника съ знаніемъ того что имъ совершено есть и по англійскому уголовному праву одинъ изъ видовъ сообщничества...

Б.

Телеграфъ изъ Берлина сообщилъ намъ о пребываніи тамъ президента румынскаго министерства, г. Братіано, имѣвшаго съ княземъ Бисмаркомъ продолжительное совѣщаніе предъ засѣданіемъ министерскаго совѣта, происходившимъ 18 марта. Г. Братіано остается въ Берлинѣ еще нѣсколько дней для переговоровъ. Въ чемъ эти переговоры заключаются неизвѣстно, но самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ о немъ сообщаетъ официозный органъ князя Бисмарка, обыкновенно очень сдержанный въ сообщеніяхъ этого рода, а теперь почему-то признавшій нужнымъ возвѣстить о переговорахъ между Германіей и Румыніей даже прежде чѣмъ переговоры эти окончены. Одновременно съ этимъ, тотъ же берлинскій телеграфъ передаетъ и толки по поводу этихъ переговоровъ. Оказывается что по словамъ румынскихъ оппозиціонныхъ газетъ поѣздка Братіано въ Берлинъ имѣетъ цѣлью заключеніе союза съ Германіей „на случай войны“ (?), а румынскій министерскій органъ, *Pressa*, опровергаетъ эти слухи, не намекая однако ни однимъ словомъ, какъ и ея берлинскій собратъ, объ истинной цѣли таинственныхъ переговоровъ. Вмѣсто фактическаго указанія на сущность переговоровъ—каковое указаніе лучше всего разъяснило бы дѣло—румынская официозная газета вѣщаетъ міру, чрезъ посредство берлинскаго официознаго телеграфа, слѣдующія загадочныя слова: „Дабы сохранить положеніе созданное Берлинскимъ трактатомъ, Румынія должна избѣгать всего что могло бы подать поводъ къ опасенію и стать угрозой для державъ участницъ Берлинскаго трактата.“ Итакъ Румынская „держава“ считаетъ нужнымъ выставлять себя также охранительницей Берлинскаго трактата и вмѣстѣ съ комическою важностью успокоиваетъ державъ-участницъ этого трактата увѣреніемъ что ея политика не будетъ заключать въ себѣ ни угрозъ, ни основаній для опасенія!

Ссылка на Берлинскій трактатъ, какъ на „обезпеченіе европейскаго мира,“ стала стереотипною фразой во всѣхъ официальныхъ заявленіяхъ послѣдняго времени. Всѣ тронныя рѣчи, при открытіи и закрытіи законодательныхъ собраній, неизмѣнно повторяли ее. „Точное“ исполненіе этого трактата, вотъ что на языкѣ официальной политики должно даровать Европѣ благодѣянія мира.

Какія же однако постановленія этого трактата остались до сихъ поръ не исполненными? Россія, съ своей стороны, не оставила неисполненнымъ ни одного изъ тѣхъ условій коими она ограничила результаты своихъ побѣдъ. Также ли точно приведено въ исполненіе то немногое что внесено было въ трактатъ въ интересѣ того дѣла ради котораго Россіей предпринята была борьба? Чтобъ убѣдиться въ томъ какъ лживы приведенныя фразы, достаточно указать на положеніе въ которомъ до сихъ поръ находится Черногорія. Между тѣмъ какъ Австро-Венгрія успѣла уже осуществить всѣ постановленія Берлинскаго трактата, награждавшія ее за войну которой она была лишь зрителемъ, Черногорія все еще напрасно домогается передачи ей того что куплено цѣною крови геройскихъ сыновъ ея и въ чемъ не рѣшилась отказать ей, на бумагѣ по крайней мѣрѣ, соединенная на конгрессѣ Европа, урѣзавъ впрочемъ ея пріобрѣтенія до послѣдняго предѣла. И вотъ, до сихъ поръ идутъ нескончаемые переговоры между Турціей и Черногоріей о передачѣ округовъ Гусинья и Плавы присужденныхъ князю Николаю Берлинскимъ трактатомъ. Въ сущности, это единственный пунктъ точно указанный Берлинскимъ трактатомъ который остался до сихъ поръ неисполненнымъ, ибо другое его постановленіе, также до сихъ поръ остающееся втунѣ,—регулированіе греко-турецкой границы,—лишь намѣтило это разграниченіе въ принципѣ, предоставивъ заинтересованнымъ сторонамъ придти по этому предмету ко взаимному соглашенію. О какомъ же изъ этихъ двухъ пунктовъ—единственныхъ которые остаются неисполненными—такъ хлопочутъ ревнители Берлинскаго трактата? Вопросъ о греческой границѣ затянулся до безко-

нечности. Но тутъ есть по крайней мѣрѣ отговорка что стороны не могутъ еще придти къ соглашенію которое впереди. Черногорія же хлопочетъ о своемъ *правѣ* не подлежащемъ уже никакому спору и утвержденномъ тѣмъ самымъ международнымъ актомъ который признается „лучшею гарантіей всеобщаго мира," Турція обязана передать Черногоріи присужденную ей территорію, но она отговаривается безсиліемъ исполнить это обязательство въ виду ея мятежныхъ подданныхъ, Албанцевъ, не соглашающихся очистить уступаемые округи. Такое же сопротивленіе Берлинскому трактату оказали и мусульманскіе подданные Турціи въ Босніи. Но Австрія давнымъ-давно сломила это сопротивленіе и сама взяла то что̀ ей присуждено. Черногорцы готовы поступить такимъ же образомъ и расправиться съ мятежными Албанцами; но этому настойчиво противится европейская дипломатія. Здѣсь, и лишь здѣсь, точное исполненіе Берлинскаго трактата не только не ставится необходимымъ условіемъ сохраненія мира, но напротивъ признается что исполненіе его какъ бы грозитъ нарушеніемъ установившейся гармоніи, и Черногоріи предлагаются разнаго рода сдѣлки долженствующія вознаградить ее за отреченіе отъ присужденной ей территоріи. Турецкое правительство, изъявившее свое согласіе на уступку которая выговорена на Берлинскомъ конгрессѣ и не исполнившая своего обязательства по „независящимъ отъ него обстоятельствамъ," казалось бы не имѣетъ уже права голоса въ этомъ дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе оно весьма развязно ведетъ переговоры съ Черногоріей и, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константинополя сообщаемымъ корреспондентами газетъ которыя никакъ не могутъ быть заподозрѣны въ пристрастіи къ Черногоріи, предложило ей „компенсацію" за Гусинье и Плаву, которая похожа даже на насмѣшку и „исключаетъ тѣнь надежды на то чтобъ это дѣло могло окончиться миролюбивымъ соглашеніемъ."

Но имѣются и другія предположенія, болѣе благопріятныя для Черногоріи, о коихъ повидимому шла рѣчь со стороны Россіи, которая одна въ этомъ дѣлѣ отстаиваетъ интересы Черногоріи. Предположеніе это заключается въ томъ чтобы, вмѣсто Гусинья и Плавы, ей было предложено морское побережье отдѣляющее нынѣшнюю границу Черногоріи отъ рѣки Бояна, служащей истокомъ Скутарійскаго озера въ Адріатическое море. Хотя на этомъ побережьи нѣтъ ни одной морской гавани, однако и этотъ проектъ возбудилъ ревнивые толки въ печати усматривающей въ Берлинскомъ трактатѣ „самый дѣйствительный оплотъ противъ Славянства," причемъ намѣренно умалчивается о томъ что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ лишь объ исполненіи того же трактата. Съ распространеніемъ Черногоріи до праваго берега рѣки Бояна, послѣдней, видите ли, все-таки предоставленъ будетъ выходъ въ море, такъ какъ рѣка Боянъ „быть-можетъ" окажется удобною для прохода значительныхъ военныхъ судовъ изъ моря въ Скутарійское озеро и обратно. Черногорія въ этомъ случаѣ пріобрѣла бы возможность создать если не теперь, то въ будущемъ, чрезъ углубленіе и регулированіе Бояна морской портъ. Со временемъ она, пожалуй, отниметъ у Турціи и все побережье Скутарійскаго озера, и тогда... что̀ же тогда? Тогда Италіи и Австріи, коимъ принадлежитъ исключительное владычество въ Адріатическомъ морѣ, придется подѣлиться имъ съ четвертою морскою державой, именно съ *Россіей!* Поэтому-то де Россія, давно будто бы стремящаяся захватить для себя какой-либо пунктъ въ Адріатическомъ морѣ, благопріятствуетъ указанной выше комбинаціи въ пользу Черногоріи.

Вотъ до какихъ галлюцинацій доходятъ иные дальновидные политики когда рѣчь идетъ объ удовлетвореніи легальныхъ въ глазахъ самой Европы правъ славянскихъ народностей! Но куріознѣе всего то что опасенія за владычество трехъ державъ, прибрежныхъ къ Адріатическому морю, высказываются не въ Вѣнѣ, Римѣ или Константинополѣ, а въ Берлинѣ.

№ 70.

Москва, 10-го марта.

Въ процессѣ сообщниковъ Нечаева разбиравшемся въ 1871 году, о которомъ мы вели рѣчь на дняхъ, въ числѣ предъявленныхъ на судѣ вещественныхъ доказательствъ былъ документъ не обратившій тогда на себя большаго вниманія. Документъ этотъ есть нѣчто въ родѣ нигилистическаго катехизиса, гдѣ излагаются отношенія революціонера къ самому себѣ,

къ товарищамъ, къ обществу и къ народу. Что такое русскій революціонеръ и какъ онъ долженъ дѣйствовать, вотъ что составитель документа имѣлъ въ виду изобразить въ формѣ которая не допускала бы никакихъ двусмысленныхъ истолкованій и выводила бы дѣло на чистоту. И въ этомъ отношеніи рѣзкая ясность катехизиса представляетъ совершенную противоположность съ тѣмъ туманомъ въ какой и защита, и обвиненіе облекали это дѣло „о ниспроверженіи существующаго порядка управленія въ Россіи.“ Что же такое русскій революціонеръ? Въ заключительныхъ словахъ документа есть на это самый опредѣленный отвѣтъ. „Сближаясь съ народомъ, сказано тамъ, мы прежде всего должны соединиться съ тѣми элементами народной жизни, которые со временъ основанія Московской государственной силы не переставали протестовать не на словахъ, а на дѣлѣ противъ всего что прямо и косвенно связано съ государствомъ: противъ дворянства, противъ чиновничества, противъ поповъ, противъ гильдейскаго міра и противъ кулака міроѣда. Но соединимся съ лихимъ разбойничьимъ міромъ, *этимъ истиннымъ и единственнымъ революціонеромъ въ Россіи* (avis европейскимъ правительствамъ задающимъ себѣ вопросъ о политическомъ характерѣ русскихъ революціонеровъ). Сплотить этотъ міръ въ одну непобѣдимую, всесокрушающую силу, вотъ вся наша организація, конспирація, задача.“ Въ своихъ бесѣдахъ Нечаевъ дополнялъ что русская исторія имѣетъ только двѣ эпохи, а все остальное не русская исторія: только въ эти два момента и жилъ Русскій народъ: эпоха Стеньки Разина, да эпоха Емельки Пугачева. Какая же цѣль такого пріятнаго союза? Цѣль эта разрушеніе, единственно и исключительно разрушеніе. „Наше дѣло—страшное, полное, повсемѣстное и безпощадное разрушеніе,“ сказано въ документѣ. Что выйдетъ изъ этого всеразрушенія, объ этомъ заботиться нечего. Это „дѣло будущихъ поколѣній.“ „Подъ революціей народною, поясняется въ § 23, товарищество разумѣетъ не регламентированное движеніе по западному классическому образцу, движеніе которое, всегда останавливаясь предъ собственностію и предъ традиціями общественныхъ порядковъ такъ-называемой цивилизаціи и нравственности до сихъ поръ ограничивалось вездѣ низверженіемъ одной политической формы для замѣщенія ея другою, и стремилось создать такъ-называемое революціонное государство. Спасительною для народа можетъ быть только та революція которая уничтожитъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи, порядки и классы Россіи.“ На судѣ обвиняемые утверждали—одни что и не читали этого документа, другіе что обладаніе этимъ документомъ было знакомъ отличавшимъ коммиссара или агента революціонернаго Международнаго Общества (Интернаціоналки), именемъ котораго дѣйствовалъ Нечаевъ. Въ настоящее время документъ этотъ поразителенъ именно тѣмъ что онъ является не теоріей революціи доведенной, казалось бы, до Геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости, а дѣйствительною программой, исполненною практически. Программа по истинѣ замѣчательная! Революціонеръ объявляется прежде всего человѣкомъ „обреченнымъ.“ „Революціонеръ, сказано въ первомъ параграфѣ программы,—человѣкъ обреченный. У него нѣтъ ни своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни чувствъ, ни привязанностей, ни даже имени. Все въ немъ поглощено единымъ исключительнымъ интересомъ, единою мыслію, единою страстью—революціей.“ Нечаевъ, въ разговорахъ со сманеннымъ имъ Кузнецовымъ, сыномъ не бѣдныхъ родителей, неоднократно жертвовавшимъ на „общество,“ любилъ употреблять слово „обреченный.“ „Ты теперь человѣкъ обреченный,“ говорилъ онъ, давая очевидно понять что изъ шайки возврата уже нѣтъ и что если шагъ впередъ ведетъ къ гибели, то къ гибели ведетъ и шагъ назадъ. Это, очевидно, та самая система устрашенія какою съ такимъ успѣхомъ пользовались мастера революціонныхъ дѣлъ во время Польскаго возстанія и убійствъ совершавшихся „обреченными“ кинжальщиками.

Замѣчательно выставляемое въ программѣ отношеніе революціонера къ „наукѣ.“ Извѣстно что между идолами нигилистической вѣры „наука“ въ смыслѣ истребительницы „предразсудковъ“ занимаетъ довольно видное мѣсто. Но революціонеру не до отвлеченностей. „Революціонеръ, гласитъ § 3, знаетъ только одну науку, науку разрушенія. Для этого, и только для этого, онъ изучаетъ теперь механику, физику, химію, пожалуй медицину. Для этого изучаетъ денно и нощно живую науку

людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій настоящаго общественнаго строя во всѣхъ слояхъ. Цѣль же одна – наискорѣйшее разрушеніе этого поганаго строя." Изученіе, очевидно, должно происходить въ казенныхъ лабораторіяхъ, кабинетахъ, мастерскихъ и всякаго рода научныхъ учрежденіяхъ. И нельзя не сознаться что такого рода „изученіе" довольно дѣятельно практиковалось въ послѣдніе годы; что пріобрѣтенныя нашими революціонерами химическія, артиллерійскія, саперныя, а также и физіологическія свѣдѣнія (ядъ *curare* доступный обыкновенно лишь занимающимся научными изслѣдованіями и тотъ бывалъ въ дѣлѣ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ, кажется, кіевскихъ процессовъ) были, по отношенію къ ихъ спеціальности, весьма основательныя. И мины подводились согласно новѣйшимъ научнымъ усовершенствованіямъ. Если припомнить какъ раздували неизвѣстные любители медицины странное ликованіе въ медицинской учебной средѣ Петербурга по поводу небывалой чумы и ошибочнаго заявленія научной знаменитости, то нельзя не подумать что между послѣдователями Нечаевской программы есть занимающіеся „пожалуй медициной." (Не броситъ ли нѣкоторый свѣтъ на дѣло ожидаемый процессъ сильно скомпрометтированнаго петербургскаго медика, владѣльца большаго дома?)

Параграфъ четырнадцатый гласитъ: „Съ цѣлью безпощаднаго разрушенія революціонеръ можетъ и даже часто долженъ жить въ обществѣ, притворяясь совсѣмъ не тѣмъ что онъ есть. Революціонеръ долженъ проникнуть всюду, во всѣ низкія и среднія сословія, въ купеческую лавку, въ барскій домъ, въ міръ бюрократическій, военный; въ литературу, въ III Отдѣленіе и даже въ Зимній Дворецъ." Проникъ ли въ III Отдѣленіе, это пока публикѣ не свѣдомо, но доступъ въ подвальный этажъ Зимняго Дворца оказался возможнымъ. Уроки заключающіеся въ этомъ параграфѣ напоминаютъ отчасти наставленія Польскаго катехизиса напечатаннаго въ *Русскомъ Инвалидѣ* въ 1863 году. Тамъ усиленно рекомендовалось служителямъ *справы* проникать въ государственную службу и стараться болѣе всего „попасть въ помощники, товарищи и вообще приближенные къ высшимъ сановникамъ," чтобы знать всѣ тайны правительства и дѣйствовать сообразно: „если правительство будетъ обмануто, то отвѣтитъ начальникъ." При этомъ указывалось на лесть какъ на средство дѣйствія наиболѣе сильное, какъ на „могущественный рычагъ противъ русскаго человѣка." „Русскій, сказано тамъ, при своей простодушной и грубой натурѣ весьма самолюбивъ, и названіе варвара его бѣситъ: чтобъ избавиться отъ этого ненавистнаго ему прозвища онъ готовъ всадить ножъ въ ребра своего собрата." Пути указываются и въ Нечаевской программѣ. Раздробивъ „поганое общество на нѣсколько категорій," программа въ § 18 останавливается на категоріи къ которой „принадлежитъ множество высокопоставленныхъ скотовъ, не пользующихся ни особымъ умомъ, ни энергіей, но пользующихся по положенію богатствомъ, связями, вліяніемъ, силою." Этихъ предписывается „эксплуатировать всевозможными манерами, путями; спутать ихъ, сбить съ толку и овладѣть по возможности ихъ грязными тайнами и сдѣлать ихъ своими рабами. Ихъ власть, вліяніе, связи, богатство и сила сдѣлаются такимъ образомъ неистощимою сокровищницей и сильною помощью для разныхъ предпріятій." Слѣдующій параграфъ указываетъ на „государственныхъ честолюбцевъ и либераловъ съ разными оттѣнками. *Съ ними можно конспирировать по ихъ программамъ*, дѣлая видъ что слѣпо слѣдуешь за ними, а между тѣмъ прибрать ихъ въ руки, овладѣть всѣми ихъ тайнами, скомпрометтировать ихъ донельзя, такъ чтобы возвратъ для нихъ былъ не возможенъ, и *ихъ руками мутить государство*." Особенно полезною оказалась удочка популярности, на которую мы такъ позорно падки, считая долгомъ либерализма угождать и ворамъ.

Любопытенъ нравственный образъ революціонера изображаемый программой. „Всѣ нѣжныя, изнѣживающія чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены въ немъ единою холодною страстью революціоннаго дѣла. У каждаго революціонера должно быть подъ рукою нѣсколько революціонеровъ втораго и третьяго разрядовъ, то-есть не совсѣмъ посвященныхъ. На нихъ онъ долженъ смотрѣть какъ на часть общаго революціоннаго капитала отданную въ его распоряженіе. Онъ долженъ экономически тратить свою часть капитала... Когда товарищъ попадаетъ въ бѣду, рѣшая вопросъ спасать его или нѣтъ, революціо-

неръ долженъ соображаться не съ какими-нибудь личными чувствами, но только съ пользою революціоннаго дѣла. Поэтому онъ долженъ взвѣсить пользу приносимую товарищемъ съ одной стороны, а съ другой трату революціонныхъ силъ потребныхъ на избавленіе, и на которую сторону перетянетъ такъ и долженъ рѣшить." Такъ, повидимому, не разъ и рѣшали. Послѣднія событія показываютъ что „трата капитала" началась изъ того слоя изъ котораго въ Польскомъ возстаніи 1863 года набирались жандармы-кинжальщики и жандармы-вѣшатели.

Такова программа. Какими путями, при какихъ условіяхъ удавалось такъ выдрессировать людей чтобъ они пошли исполнять подобную программу и явились фанатиками столь безумнаго и гнуснаго ученія? Разрушеніе не можетъ быть само себѣ цѣлью, но оно можетъ быть средствомъ. Есть стало-быть направляющая рука. Надо быть слѣпымъ чтобы не видѣть такой руки въ событіяхъ въ родѣ, напримѣръ, безумной сцены якобы „народнаго возстанія" у Казанскаго собора въ Петербургѣ въ эпоху объявленія войны. Кто употребляетъ эту chair à canon, кто пользуется этими холопами зла, которые дрессированы на то чтобы служить своего рода динамитомъ для своего отечества? Кто этотъ врагъ нашей страны который придумалъ для ея *революціонеровъ* программу, предъ которою отступили бы и Тамерланъ съ Батыемъ?

Очевидно, требуется произвести въ Россіи смуту... „Мутить государство," такъ и въ программѣ сказано. Разрушить, поломать и истребить всѣхъ и все, это пожалуй не совсѣмъ исполнимо; но замутить государство, это возможно, и смута уже производится... Эта цѣль достигается, а достигнуть такой цѣли желаютъ, конечно, всѣ недоброжелатели Россіи, какъ внутренніе такъ и внѣшніе. „Высокопоставленные мудрецы" и либералы въ вицмундирахъ имѣются въ виду для той же цѣли въ качествѣ *бѣлыхъ*, какъ люди револьвера и динамита въ качествѣ *красныхъ*.

Любопытно что тотъ же Нечаевъ который исповѣдывалъ вышеприведенную программу безусловнаго и безпощаднаго разрушенія всего въ Россіи кричалъ выходя изъ суда въ Москвѣ, послѣ произнесеннаго надъ нимъ приговора: „земская дума," „земскій соборъ!" Отправляясь на каторгу, онъ все-таки хотѣлъ оставить занозу въ обществѣ, разчитывая что если на полное разрушеніе всего не дрессированные „скоты" не пойдутъ, а отъ „либеральныхъ учрежденій" многіе будутъ не прочь.

№ 71.

Москва, 11-го марта.

Мысль о необходимости таможенной реформы зрѣетъ съ каждымъ днемъ и все болѣе становится общимъ убѣжденіемъ. Въ Москвѣ, главномъ центрѣ русской экономической жизни, необходимость пересмотра тарифа, естественно ощущается живѣе чѣмъ гдѣ-либо. Съ наибольшею силой и настоятельностью убѣжденіе въ этой необходимости стало высказываться послѣ того какъ въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года состоялось Высочайшее повелѣніе объ изысканіи источниковъ дохода которыми могли бы быть возмѣщены казнѣ подлежащіе отмѣнѣ подушные сборы. Тогда же въ Москвѣ была высказана мысль что именно на таможенный налогъ съ полнымъ удобствомъ и большою выгодой для всей страны могла бы быть перенесена значительная доля тѣхъ тягостей которыя несетъ народъ въ видѣ прямыхъ податей. Эту мысль, равно какъ и другую—о пріисканіи въ усиленіи таможеннаго дохода средствъ для замѣны соляного акциза, мы затѣмъ не разъ повторяли въ нашей газетѣ. Множество заявленій получаемыхъ нами съ разныхъ сторонъ убѣждаютъ насъ что повсюду и тѣмъ паче въ Москвѣ мысль эта была встрѣчена общимъ сочувствіемъ. Но съ самаго начала, статьи гдѣ проводились эти мнѣнія сильно не понравились кое-кому въ Петербургѣ, гдѣ на самую мысль о пересмотрѣ таможеннаго тарифа смотрѣли какъ на ересь.

Но жизнь беретъ свое. Необходимость таможенной реформы выяснилась въ такой степени что открыто возставать противъ нея сдѣлалось невозможнымъ даже для отъявленныхъ ея противниковъ; она стала внѣ спора. Произошла спѣшная перемѣна фронта, противники пересмотра таможеннаго тарифа вдругъ превратились въ сторонниковъ этого пересмотра. Тѣ самые люди которые чуть не на дняхъ ссылались на установленіе съ 1877 года золотыхъ пошлинъ какъ на аргументъ долженствующій устранить всякіе помыслы объ общемъ пере-

смотрѣ тарифа и замкнуть уста всѣмъ желающимъ его измѣненія, эти самые люди вдругъ заговорили что нашъ тарифъ никуда не годится, что таможенная реформа дѣйствительно очень желательна. Именно отъ нихъ слышимъ мы теперь самыя рѣшительныя порицанія нынѣ дѣйствующаго тарифа и за его „неправильность“ и за его „отсталость,“ и за его „безчисленныя несообразности,“ и за его „несоотвѣтствіе потребностямъ русской промышленности,“ и за его „невыгодность для казны.“ Итакъ, люди которые ранѣе указывали на эти вредныя стороны тарифа и желали ихъ устраненія—правы? Нѣтъ, противъ нихъ-то, особенно противъ „московской агитаціи“ и надобно всего болѣе быть на сторожѣ: она куетъ замыселъ непріязненный общему поступательному движенію государственной жизни!“ Въ чемъ же состоитъ этотъ замыселъ? Въ томъ что эта „агитація“ будто бы „съ ожесточеніемъ противится пересмотру таможеннаго тарифа въ общей совокупности съ податною реформой...“ Какова volte-face!

Перемѣнивъ фронтъ, противники нужнаго странѣ таможеннаго преобразованія остались тѣмъ же чѣмъ были. Напускной пылъ съ какимъ они указываютъ на связь обѣихъ реформъ, податной и таможенной, есть уловка которая клонится къ тому чтобъ отсрочить приступъ къ пересмотру тарифа. Никакого иного смысла не имѣетъ эта громкая фраза что „для преобразованій тарифа самое естественное мѣсто въ кругу общихъ податныхъ преобразованій.“

Взаимная связь реформъ не есть непремѣнное условіе для совершенія ихъ одновременно. Отсрочка таможенной реформы до разрѣшенія податнаго вопроса могла бы имѣть смыслъ лишь въ томъ случаѣ еслибы предварительный пересмотръ тарифа затруднялъ податную реформу, полагалъ ей преграды. Но если пересмотръ тарифа увеличитъ сборы съ привозныхъ товаровъ и тѣмъ дастъ казнѣ возможность отказаться отъ части того что даютъ прямыя подати; если устраненіе безчисленныхъ несообразностей тарифа и приведеніе его въ соотвѣтствіе съ требованіями русской экономической жизни поставитъ наше народное хозяйство въ правильныя условія, дастъ жизнь и правильный ростъ многимъ отраслямъ народнаго богатства; если въ силу этого возрастутъ средства народа къ уплатѣ налоговъ имѣющихъ замѣнить упраздняемыя подати,—развѣ все это будетъ затрудненіемъ и препятствіемъ, а не подспорьемъ для податной реформы? Развѣ успѣхъ ея требуетъ чтобы до приступа къ ней никакихъ улучшеній въ условіяхъ экономической жизни не допускалось?

Необходимость подготовки наилучшихъ условій для совершенія податныхъ преобразованій есть одна изъ важныхъ причинъ побуждающихъ желать чтобы къ дѣлу пересмотра таможеннаго тарифа было приступлено безотлагательно. Но эта причина не единственная. Таможенная реформа необходима и въ томъ случаѣ еслибы не имѣлось въ виду никакихъ иныхъ податныхъ преобразованій. Сознанный вредъ нельзя терпѣть, несообразности тарифа должны быть устранены. Этого не могутъ отрицать и господа домогающіеся отсрочки таможенныхъ преобразованій; они только ищутъ благовидныхъ предлоговъ для сохраненія сказанныхъ несообразностей на многая лѣта. Однимъ изъ такихъ предлоговъ представляется имъ задуманная податная реформа, другимъ—„нынѣшнее тревожное время.“ Въ тревожное время слѣдуетъ избѣгать волненій, а таможенная реформа взволнуетъ де массы интересовъ и „вмѣстѣ съ ними милліоны рабочаго населенія.“ Какая наглость! Ну, а податная реформа? Вѣдь она, кажется, еще глубже затрогиваетъ всѣ интересы и касается всей безъ исключенія массы народа. Почему же о податной реформѣ можно и должно судить и рядить, а о таможенной не слѣдуетъ? Или давать поводъ къ волненіямъ есть спеціальное свойство только таможенныхъ а не податныхъ преобразованій?

Кого, однако, хотятъ обмануть и запугать этою перспективой предстоящихъ будто бы, въ случаѣ пересмотра тарифа, волненій? Вѣдь опытомъ великихъ совершившихся преобразованій достаточно доказана неосновательность подобныхъ опасеній. Да и помимо этого опыта можно быть вполнѣ увѣрену что при разумномъ веденіи дѣла ни податныя, ни особенно таможенныя преобразованія не поведутъ ни къ какимъ волненіямъ. „Тревожность“ нынѣшняго времени не имѣетъ никакой связи съ тѣми интересами и массами населеній которые должны быть поставлены въ лучшія условія реформой податей и таможеннаго тарифа.

Встревожить промышленные интересы и

массы рабочаго населенія могла бы развѣ только такая таможенная реформа которая вела бы къ подрыву русскаго производства, къ оставленію русскихъ рабочихъ безъ работы. Но вѣдь о *такой* реформѣ, кажется, нѣтъ и рѣчи. Фритредерская доктрина, утративъ свой авторитетъ въ Европѣ, съ каждымъ днемъ теряетъ его и у насъ. Это сознаютъ сами поклонники этой доктрины, рабски ей преданные. И они уже не отваживаются нынѣ открыто выступать подъ ея знаменемъ, хотя и не теряютъ еще надежды провезти свой товаръ контрабандой, подъ чужимъ флагомъ, подъ маской безпристрастія, возглашая что таможенная реформа, чтобы быть дѣйствительною и плодотворною, не должна уклоняться „ни къ какимъ односторонним интересамъ и тенденціямъ, ни къ фритредерскимъ, ни протекціонистскимъ,“ а должна быть подчинена лишь „общимъ государственнымъ цѣлямъ.“ Все это, конечно, только слова, не болѣе. Эти господа попрежнему не допускаютъ мысли объ иномъ измѣненіи тарифа, кромѣ общаго его пониженія, ибо пересмотра тарифа, помимо этой цѣли, не допускаетъ ихъ доктрина. Но вѣра ихъ въ то что измѣненіе тарифа состоится именно въ такомъ смыслѣ, надо полагать, очень слабая, если они хлопочутъ болѣе всего о томъ чтобы къ пересмотру его не приступалось какъ можно долѣе. Они теперь перебираютъ аргументы въ силу которыхъ, въ случаѣ таможенной реформы, „можно съ большею вѣроятностью ожидать пониженія размѣровъ тарифа.“ Только эти аргументы таковы что въ убѣдительность ихъ едва ли вѣрятъ и тѣ кто ихъ приводятъ.

Вопервыхъ, къ общему пониженію тарифа должна будто бы повести забота о согласованіи тарифа съ началами податной справедливости, требующей возвышенія таможенныхъ сборовъ съ предметовъ потребляемыхъ богатыми классами и пониженія этихъ сборовъ съ предметовъ нужныхъ „бѣднѣйшему большинству народа.“ Судя по тону какимъ это говорится, можно подумать что бо́льшая часть привозныхъ иностранныхъ товаровъ именно принадлежитъ къ разряду потребляемыхъ простымъ народомъ. Но попытайтесь составить перечень иностранныхъ товаровъ нужныхъ большинству народа, то-есть податнымъ классамъ, а между обремененныхъ высокимъ таможеннымъ налогомъ, просмотрите съ этою цѣлью всѣ 240 статей нашего тарифа со всѣми ихъ поздраздѣленіями: много ли вы найдете такихъ товаровъ? Разъ, два и обчелся. За то предметовъ роскоши, обложенныхъ ниже чѣмъ предметы потребляемые людьми среднихъ классовъ, дѣйствительно можно найти не мало. Вообще, перебирая всѣ привозные товары, перелистывая длинный ихъ списокъ, на рѣдкой страницѣ встрѣтишь такой на который повысить таможенную пошлину значило бы увеличить тяжесть налоговъ лежащихъ на податныхъ классахъ. Но оказывается очень много товаровъ на которые повысить пошлину значитъ поощрить существующія отрасли народнаго хозяйства и увеличить заработки дающіе народу средства и къ жизни и къ уплатѣ податей. Зная все это, можно быть увѣрену что пересмотръ тарифа съ точки зрѣнія податной справедливости, и въ видахъ перенесенія части податной тягости съ прямыхъ на косвенные налоги, долженъ повести не къ пониженію, а къ повышенію общихъ размѣровъ таможеннаго обложенія.

Нѣтъ никакого основанія ожидать общаго пониженія тарифа и отъ подчиненія пересмотра его тому общему правилу что привозное сырье для производства коего нѣтъ въ странѣ благопріятныхъ естественныхъ условій должно быть возможно менѣе облагаемо таможеннымъ сборомъ. Соблюденіе этого правила потребуетъ пониженія пошлины на деревянное масло и на нѣкоторые другіе привозные продукты. Но помимо хлопка, въ огромной массѣ привозимаго въ Россію сырья, главную роль играетъ не то которое не можетъ быть производимо въ Россіи по ея естественнымъ условіямъ, а то которое Россія могла бы производить съ большою для себя выгодой, но не производитъ въ желаемыхъ размѣрахъ вслѣдствіе подавленія внутренняго производства тарифнымъ поощреніемъ заграничнаго привоза. Къ этому, а не къ иному разряду относятся привозимые къ намъ металлы, каменный уголь, краски, химическіе продукты, кожи, шерсть, шелкъ и т. д. Шелкъ, правда, у насъ пытаются поставить въ разрядъ продуктовъ къ производству коихъ не представляется въ Россіи благопріятныхъ условій. Но говорящіе это забываютъ что они говорятъ о странѣ отпустившей въ 1878 году за границу шелка сырца на 898.910 руб. и шелковыхъ коконовъ на 1.409.955 руб. Это, ко-

нечно, не особенно много; но достаточно для того чтобы видѣть какіе имѣются задатки для развитія шелководства когда вмѣсто нынѣшняго почти безпошлиннаго привоза шелка будетъ установлена на него достаточная пошлина.

Какими же еще затѣмъ соображеніями могла бы быть вызвана необходимость общаго пониженія нашего тарифа? Общій размѣръ западно-европейскихъ тарифовъ ниже нашего. Но какая же намъ до этого надобность? Западно-европейскіе тарифы ниже, а американскій вдвое выше нашего. Развѣ въ подражаніи кому бы то ни было заключаются тѣ „общія государственныя цѣли“ которымъ должна быть подчинена таможенная реформа чтобы быть плодотворною?

Вотъ еще куріозный аргументъ которымъ доказывается невозможность измѣненія тарифа въ смыслѣ его повышенія. Объявляется что „такое въ высшей степени односторонее разрѣшеніе государственнаго вопроса первостепенной важности никакимъ образомъ не можетъ быть допущено при его обсужденіи въ какой бы ни было сферѣ или правительственной инстанціи. Нельзя даже предполагать чтобы какой-нибудь честно и разумно мыслящій государственный человѣкъ согласился приступить къ этому дѣлу при такомъ напередъ навязанномъ ему рѣшеніи.“ Хорошо. Ну, а приступятъ ли къ этому дѣлу „честно и разумно мыслящіе государственные люди“ при напередъ навязанномъ рѣшеніи вопроса въ смыслѣ пониженія тарифа, и допустятъ ли „правительственныя инстанціи“ односторонность этого послѣдняго свойства? Какого мнѣнія на этотъ счетъ господа повидимому считающіе себя уполномоченными говорить отъ имени государственныхъ людей и правительственныхъ инстанцій?

Правильному взгляду на дѣло одинаково чужды и огульное повышеніе, и огульное пониженіе тарифа. Требуется лишь такое его измѣненіе которое было бы согласно съ дѣйствительными нуждами и условіями страны, а съ этой точки зрѣнія найдутся, конечно, въ нашемъ нынѣшнемъ тарифѣ и такія пошлины которыя должны быть понижены, и такія которыя нужно повысить. Но послѣднихъ гораздо больше, какъ въ томъ убѣждаетъ внимательное разсмотрѣніе тарифа въ связи съ нашими экономическими условіями.

№ 72.

Москва, 12-го марта.

Отъѣздъ князя Орлова изъ Парижа и предстоящій по словамъ французскихъ газетъ „отпускъ“ генерала Шанзи служатъ предметомъ всеобщихъ и оживленныхъ толковъ въ европейской печати. Нынѣ уже никто не сомнѣвается что этимъ знаменуется охлажденіе между обѣими державами. Даже французская печать, въ наиболѣе солидныхъ своихъ представителяхъ, должна наконецъ признать этотъ фактъ, который она всячески старалась замять, указывая на то что князь Орловъ предполагалъ уѣхать на время изъ Парижа еще задолго до дѣла Гартманна, и что этотъ отъѣздъ былъ только отсроченъ благодаря этому случаю. Послѣ освобожденія Гартманна, близкіе Французскому правительству органы, равно какъ телеграфное агентство Гаваса, дѣлали еще отчаянныя усилія представить дѣло въ такомъ свѣтѣ какъ будто этотъ случай отнюдь не испортилъ отношеній Франціи къ Россіи, и для этого даже пускались въ ходъ вымышленныя извѣстія въ родѣ того будто князь Орловъ, на другой день по освобожденіи Гартманна, присутствовалъ со всѣми членами посольства на балѣ у одного изъ французскихъ министровъ. Всѣ эти усилія не привели однако ни къ чему. Опроверженіе *Правительственнымъ Вѣстникомъ* извѣстія о присутствіи членовъ русскаго посольства на французскомъ балѣ, равно какъ несовсѣмъ привычный энергическій языкъ французскаго органа нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, указывали на то что правительство не пожелало смягчить впечатлѣніе произведенное на него слабодушіемъ людей управляющихъ нынѣ судьбами Франціи.

Мы печатаемъ сегодня письмо изъ Парижа въ которомъ изложены, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, весь ходъ дѣла Гартманна и позорный образъ дѣйствій нынѣшняго жалкаго правительства Франціи. Лицемѣрные изверты французской правительственной печати не достигли цѣли, и она перешла отъ уничиженія къ наглому запирательству. Такъ, органъ Гамбетты, *République Française*, отъ 19 марта, разразился злобною замѣткой противъ *Journal de St.-Pétersbourg*, въ которой безстыдно доказывается что фран-

цузское министер тво поступило такъ, а не иначе единственно потому что того требовала нелицепріятная французская Ѳемида. Она, слѣпая богиня, видите ли, оправдала Гартманна по недоказанности его самоличности и его вины. Органъ г. Гамбетты забылъ только объ одномъ, а именно что *трибуналомъ* поставившимъ этотъ приговоръ безъ оглашенія обстоятельствъ дѣла и соображеній на коихъ онъ основанъ былъ *совѣтъ министровъ* судившій дѣло при закрытыхъ дверяхъ...

Замѣчательно что германская печать, зорко слѣдившая за всѣмъ этимъ эпизодомъ, не совсѣмъ повѣрила или по крайней мѣрѣ дѣлаетъ видъ что не повѣрила въ охлажденіе франко-русскихъ отношеній. Одинъ провинціальный органъ, *Магдебургская Газета*, довелъ свою подозрительность до того что выставилъ предположеніе будто весь этотъ дипломатическій разрывъ есть не что иное какъ маневръ дабы тѣмъ вѣрнѣе скрыть тѣ таинственныя соглашенія направленныя противъ Германіи, о коемъ не перестаютъ де хлопотать въ Парижѣ и Петербургѣ. Но помимо этого куріознаго мнѣнія отдѣльной газеты, которая впрочемъ слыветъ правительственнымъ органомъ, самъ князь Бисмаркъ кинулъ въ публику замѣчаніе, которое въ сущности сводится къ тому же. На своемъ парламентскомъ обѣдѣ, коимъ имперскій канцлеръ вознаградилъ членовъ рейхстага за свое отсутствіе въ засѣданіяхъ, онъ въ „непринужденномъ разговорѣ“ коснулся между прочимъ и дѣла Гартманна и образа дѣйствій Французскаго правительства. Князь Бисмаркъ выразилъ мнѣніе что французское министерство иначе поступить не могло, въ виду опасности которой оно подверглось бы со стороны радикаловъ въ случаѣ удовлетворенія требованій Россіи. Онъ предвидѣлъ де этотъ исходъ съ самаго начала; но хотя де отъѣздъ князя Орлова изъ Парижа и служитъ признакомъ наступившаго въ Россіи раздраженія противъ Франціи, тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ что прочнаго вліянія на взаимныя отношенія между Россіей и Франціей этотъ случай имѣть не будетъ, и что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ прежняя интимность будетъ возстановлена.

Одновременно съ этимъ, нѣкоторая часть германской печати подхватила и принялась раздувать сообщеніе берлинскаго корреспондента лондонской газеты *Standard*, который освѣдомился будто бы изъ самаго достовѣрнаго источника что Россія прошедшимъ лѣтомъ сдѣлала Франціи формальное предложеніе заключить съ нею наступательный противъ Германіи союзъ, предполагая привлечь къ оному и Италію. Предложеніе это не было де принято г. Вадингтономъ, а князь Бисмаркъ, получивъ извѣстіе объ этомъ предложеніи Россіи, тогда же будто бы составилъ планъ своего союза съ Австріей, который и поспѣшилъ осуществить своею поѣздкой въ Вѣну.

Намъ хорошо знакома сдержанность и строгая дисциплина отличающая германскую печать въ дѣлахъ иностранной политики, и нельзя не убѣдиться съ перваго же взгляда въ искусственности всей этой тревоги. Богъ вѣсть откуда почерпнутыя сенсаціонныя извѣстія, въ родѣ сообщенія *Standard*, измышляются англійскими газетами, особливо торійскими, чуть не ежедневно. Но солидные органы германской печати весьма рѣдко обращаютъ на нихъ вниманіе, и если приводятъ оныя, то только ради куріоза. На этотъ же разъ всѣ почему-то какъ бы сговорились не только воздержаться отъ всякихъ ликованій по поводу явныхъ и для всѣхъ очевидныхъ фактовъ разрушившихъ призракъ франко-русскаго союза, но напротивъ стараются умалить значеніе этихъ фактовъ и все-таки поддержать существованіе призрака.

Съ другой стороны, австро-германскій союзъ, который совсѣмъ не призракъ, но о которомъ до сихъ поръ ничего опредѣленнаго въ печать не проникло, мало-помалу начинаетъ обрисовываться сквозь тумунъ въ который онъ былъ облеченъ. Наши предположенія, которыя мы высказывали съ самаго начала, что это не просто международный союзъ, а нѣчто болѣе тѣсное, подтверждаются теперь и германскою печатью. Вожакъ клерикаловъ, г. Виндгорстъ, сказалъ, въ одной изъ своихъ рѣчей въ рейхстагѣ, что связь установленная нынѣ между Германіей и Австріей есть связь „органическая.“ Князь Бисмаркъ подтвердилъ это, какъ сообщаютъ берлинскія газеты, на послѣднемъ пріемѣ у себя. Клерикальныя газеты, для коихъ исключеніе изъ Германіи австрійскихъ нѣмецко-католическихъ земель всегда было предметомъ горькихъ сѣтованій, прямо заговорили нынѣ о возстановленіи Германскаго Союза въ предѣлахъ Вѣнскаго Кон-

гресса. То же самое подтверждается въ статьѣ появившейся на дняхъ въ журналѣ *Gränzboten*, издаваемомъ извѣстнымъ г. Бушемъ, авторомъ книги о князѣ Бисмаркѣ, надѣлавшей недавно такъ много шума, и человѣкомъ весьма приближеннымъ къ имперскому канцлеру. Въ этой статьѣ объясняется что князь Бисмаркъ давно уже имѣлъ мысль объ австро-германскомъ единеніи и предложилъ оную тотчасъ послѣ войны 1866 года, но тогда она встрѣтила сопротивленіе со стороны графа Бейста. Послѣ же Берлинскаго конгресса, когда, по словамъ автора статьи, стало сказываться раздраженіе Россіи противъ Германіи и явилось предположеніе о возможности тайнаго соглашенія между Россіей и Австріей, князь Бисмаркъ съ настойчивостью возобновилъ свое предложеніе графу Андраши. По мысли князя Бисмарка, союзъ между Германіей и Австріей имѣлъ быть установленъ „на началахъ конституціонныхъ,“ то-есть такимъ образомъ чтобъ упраздненіе его было возможно не иначе какъ съ согласія всѣхъ законодательныхъ факторовъ обѣихъ странъ, въ Германіи—императора, союзнаго совѣта и рейхстага, а въ Австро-Венгріи—императора и парламентовъ Цисъ- и Транслейтаніи. Графъ Андраши вполнѣ де принялъ идею князя Бисмарка; но въ Австріи сочли пока неудобнымъ передать дѣло на гласное обсужденіе и утвержденіе тамошнихъ, не совсѣмъ надежныхъ парламентскихъ учрежденій. Вотъ почему дѣло пока не получило формальнаго оглашенія. Но „во всемъ прочемъ“ предложеніе князя Бисмарка принято де обѣими сторонами, хотя не безъ продолжительныхъ колебаній императора Вильгельма.

Но одно изъ двухъ: либо тѣсное единеніе съ Австріей было лишь средствомъ оградить себя противъ Россіи; тогда достаточно было бы установить оное на началахъ международнаго соглашенія. Либо истинная цѣль союза есть именно та о которой пока открыто говорятъ одни клерикалы, но которую не можетъ не имѣть и всякій германскій патріотъ, а именно то единство Германіи которое скорѣе было нарушено нежели установлено полнымъ вытѣсненіемъ Австріи изъ предѣловъ Германіи. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же указаніе на близкое осуществленіе этой завѣтной для Германіи мысли всегда сопровождается киваніемъ въ сторону Россіи?

№ 73.

Москва, 13-го марта.

5 февраля, въ самый день взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, въ городѣ Кременчугѣ совершался актъ правосудія.

Поводомъ къ судебному разбирательству послужили прокламаціи революціоннаго содержанія которыя наклеивались въ Кременчугѣ въ ночь съ 14 на 15 минувшаго декабря. Было заявлено подозрѣніе на три лица признанныя неблагонадежными въ политическомъ отношеніи и высланныя подъ надзоръ полиціи. Но не прокламаціи были предметомъ разбирательства, и не заподозрѣнные въ ихъ распространеніи были подсудимыми. Вниманіе суда было обращено на попытку содѣйствія властямъ въ обнаруженіи виновныхъ въ этомъ преступленіи Подсудимымъ былъ человѣкъ отважившійся на такую попытку, предсѣдатель Кременчугской земской управы, г. Булюбашъ. Люди находящіеся подъ полицейскимъ надзоромъ обвинили его въ клеветѣ и потребовали чтобъ онъ былъ наказанъ. Вмѣшательство г. Булюбаша не въ свое дѣло не обошлось ему даромъ: мировой судья заочно приговорилъ его къ шестинедѣльному аресту...

Краткое извѣстіе объ этомъ дѣлѣ появилось въ № 48 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 18 февраля. Нѣсколько новыхъ подробностей читатели найдутъ въ помѣщаемомъ ниже письмѣ г. Булюбаша по поводу напечатанной въ газетѣ *Недѣля* корреспонденціи изъ Кременчуга о происходившемъ тамъ 5 февраля у мироваго судьи Герике разбирательствѣ Корреспонденція эта очень характеристична. Въ ней все есть: и негодованіе противъ поступка г. Булюбаша указывающаго властямъ на несчастныхъ состоящихъ подъ полицейскимъ надзоромъ; и теплое сочувствіе къ этимъ „оклеветаннымъ“ жертвамъ которыя были „глубоко возмущены инсинуаціями такого тревожнаго свойства;“ и похвальный аттестатъ мировому судьѣ, который, „какъ и слѣдовало ожидать, взглянулъ серіозно на это дѣло;“ и восторгъ по поводу приговора произнесеннаго надъ г. Булюбашемъ, на которомъ де въ данномъ случаѣ „прекрасно оправдалась пословица: *отольются волку овечьи слезы*;“ и характеристика личности г Булюбаша помимо прямаго отношенія къ разбиравшемуся дѣ-

лу. Что онъ позволилъ себѣ высказать свою догадку „совершенно голословно," это даже „излишне прибавлять." Но онъ при этомъ нестерпимый, заносчивый хвастунъ, „часто выражающійся о себѣ такъ: *губернаторъ и я*," дѣлающій при встрѣчахъ на гуляньѣ „начальническимъ тономъ" замѣчанія мѣстному жандармскому офицеру, который, конечно, при этомъ не могъ не срѣзать его своимъ отвѣтомъ въ смыслѣ пословицы: знай сверчокъ свой шестокъ. Ко всему этому, онъ еще человѣкъ безсердечный. Къ нему, „какъ къ предсѣдателю земской управы, обращались съ просьбой объ исправленіи помѣщеній для заключенныхъ по приговорамъ мировыхъ судей—передѣлать печи, нары и т. п., потому что при той обстановкѣ какая существуетъ тамъ теперь положеніе заключенныхъ буквально невыносимо, въ особенности въ холодную пору," а онъ, г. Булюбашъ, на это отвѣчалъ „что де такими людьми которые попадаютъ въ заключеніе не стóитъ заниматься; если они умѣютъ туда попадать, такъ пусть же умѣютъ и сидѣть!" Хорошъ, нечего сказать! Такъ вотъ же теперь „ему выпало на долю испытать всѣ эти невзгоды на себѣ самомъ!"

Бѣды нѣтъ что во всемъ этомъ разказѣ нѣтъ ни слова правды. Что̀ за бѣда что требуемая корреспондентомъ передѣлка печей въ помѣщеніяхъ для заключенныхъ по приговорамъ мировыхъ судей уже исполнена еще въ прошломъ 1879 году; что никакой передѣлки наръ въ этихъ помѣщеніяхъ не требуется, потому что наръ вовсе нѣтъ, а имѣются для заключенныхъ желѣзныя кровати; что арестуемые по приговорамъ мировыхъ судей въ Кременчугѣ помѣщались до 1875 года при полиціи, и что именно вслѣдствіе доклада г. Булюбаша были устроены для нихъ особыя, болѣе удобныя помѣщенія? Кто же станетъ наводить справки на мѣстѣ и провѣрять прочтенное въ газетѣ извѣстіе? Что̀ за бѣда что описанный корреспондентомъ разговоръ между г. Булюбашемъ и жандармскимъ офицеромъ есть вымыселъ? Вѣдь публика не прочтетъ поданныхъ г. Булюбашемъ еще въ январѣ графу Лорисъ-Меликову и полтавскому губернатору докладныхъ записокъ, въ которыхъ изложено въ чемъ именно состояли разговоры предсѣдателя Кременчугской земской управы съ мѣстнымъ жандармскимъ офицеромъ, и не станетъ допрашивать объ этомъ мѣстныхъ уѣзднаго исправника, товарища прокурора и судебнаго слѣдователя, присутствовавшихъ при этихъ разговорахъ. Не будетъ публика провѣрять и того точно ли „совершенно голословно" заявлено г. Булюбашемъ на трехъ состоящихъ подъ полицейскимъ надзоромъ лицъ подозрѣнія въ томъ что они участвовали въ наклейкѣ прокламацій. Данныхъ, на которыхъ основывалось подозрѣніе, не могъ имѣть въ виду и мировой судья Герике: ему они не были и не могли быть сообщены. Онъ имѣлъ предъ собою лишь жалобу трехъ признанныхъ неблагонадежными лицъ да показанія представленныхъ только съ ихъ стороны свидѣтелей и ничего болѣе, такъ какъ повѣренный г. Булюбаша на судѣ не былъ уполномоченъ своимъ вѣрителемъ касаться существа дѣла, а предъявилъ только отводъ о неподсудности дѣла, какъ политическаго, мировымъ учрежденіямъ. Корреспонденту нужно было воздать хвалу судебному приговору бывшему торжествомъ людей зараженныхъ нравственною язвою, которая позоритъ наше отечество; ему еще нужнѣе было забросать публично грязью человѣка дерзнувшаго открыто стать на сторону правительства.

Случай съ г. Булюбашемъ очень поучителенъ. Онъ представляетъ собою яркую иллюстрацію къ нашему нынѣшнему положенію. Оказалось присутствіе вражескаго заговора, гнуснѣйшей крамолы. Совершился цѣлый рядъ злодѣйскихъ покушеній. Признано необходимымъ принять противъ зла исключительныя мѣры. Для успѣшности этихъ мѣръ требуется чтобы всякій спѣшилъ на помощь правительству. Всѣ не разъ уже слышали громкій призывъ содѣйствовать властямъ въ борьбѣ съ крамолой...

Но вотъ человѣкъ изъ среды общества, принявшій къ сердцу призывъ и возмущенный, какъ всякій честный человѣкъ, явленіями позорящими наше отечество Онъ сказалъ то что̀, по всему вѣроятію, у всякаго въ Кременчугѣ было на умѣ,— и вотъ...

Не дешево обходятся попытки содѣйствовать правительству. Не съ однимъ подпольнымъ міромъ приходится имѣть дѣло. Идя на помощь правительству, вы отдаете себя на растерзаніе *законной* печати, именующей себя органомъ „общественнаго мнѣнія," вы отдаете на жертву свое доброе имя, вы напередъ знаете что васъ по-

стараются забросать грязью. Этого мало, вы рискуете подвергнуться оскорбленію именно со стороны органовъ государственнаго порядка. Вы также какъ и г. Булюбашъ можете быть постигнуты обвиненіемъ и должны будете надолго лишиться спокойствія пока вамъ удастся стереть съ себя пятно незаслуженнаго приговора. Мы видѣли какъ мало, чтобы другимъ было не повадно, поцеремонились съ г. Булюбашемъ, человѣкомъ занимающимъ видное въ обществѣ положеніе, выборнымъ представителемъ всѣхъ сословій уѣзда. Чего же ожидать людямъ безвѣстнымъ? Винить ли ихъ если они, въ виду подобной перспективы, безучастно держатся въ сторонѣ? Вѣдь поступить иначе значитъ идти на самопожертвованіе, не ожидая себѣ ни откуда поддержки и поощренія. Нужно большое гражданское мужество, своего рода героизмъ, чтобы при такихъ условіяхъ открыто стать на сторону законной власти...

Не у частныхъ людей, а у правительства находятся въ рукахъ средства прекратить эти условія которыя не могутъ быть терпимы ни въ какое, тѣмъ болѣе въ нынѣшнее смутное время...

№ 74.

Москва, 14-го марта.

Роспускъ парламента былъ неожиданностью для всей Англіи, и засталъ либеральную партію врасплохъ. Но та горячо приняла вызовъ, и теперь идетъ ожесточенная борьба. Въ адресахъ и рѣчахъ представителей обѣихъ партій исчерпывается все что можетъ подѣйствовать на избирателей. Г. Гладстонъ изливаетъ цѣлые потоки рѣчей которые (хотя въ нихъ и повторяется одно и то же) должны производить большое впечатлѣніе, благодаря его краснорѣчію. Но въ то время какъ онъ и люди его партіи критикуютъ политику и дѣйствія настоящаго правительства, упрекая его въ растройствѣ финансовъ и упадкѣ торговли, въ неумѣніи сохранить миръ Европы и привлечь на свою сторону симпатіи угнетенныхъ христіанъ Балканскаго полуострова, въ пренебреженіи ко внутреннимъ реформамъ, въ несправедливостяхъ относительно Ирландіи и т. п., консерваливы, со своей стороны, развивая то что было высказано въ манифестѣ графа Биконсфильда, стараются запугать избирателей политикой либеральнаго правительства.

Pall Mall Gazette, при первомъ извѣстіи о распущеніи, доказывала что перемѣна въ англійской администраціи будетъ имѣть не малое значеніе для всего европейскаго континента, не только по своимъ немедленнымъ послѣдствіямъ, но и потому что всѣ европейскія націи имѣютъ де весьма опредѣленный взглядъ на политику которой стало бы держаться либерально-радикальное правительство въ Англіи. Въ передовой статьѣ отъ 19 марта, эта газета возвращается къ той же темѣ. Преобладающее въ Европѣ мнѣніе о либерально-радикальномъ правительствѣ, по мнѣнію этой газеты, заключается въ томъ что такое правительство никогда не допуститъ Англію употребить въ дѣло свою силу и что политика такого правительства будетъ слѣпо помогать русской политикѣ. *Пель-Мельская Газета* не утверждаетъ чтобы такое мнѣніе было вполнѣ справедливо, но указываетъ на его всеобщее распространеніе и на имѣющія произойти отсюда послѣдствія. Торжество либераловъ, по ея мнѣнію, было бы въ глазахъ европейскихъ націй усугубленіемъ могущества Россіи. Но интересно что это мнѣніе навязывается и намъ Русскимъ. „Нигдѣ, говоритъ помянутая газета, вѣра въ послѣдствія побѣды радикаловъ на выборъ не имѣетъ такой силы какъ въ самой Россіи. На эту тему русская печать имѣетъ разрѣшеніе (?) высказываться при всякомъ случаѣ, и ея ревнивую приверженность къ оппозиціи можно сравнить только съ приверженностью одной лондонской газеты (не *Daily News* ли?) которая поддерживаетъ дружескія сношенія съ русскимъ официальнымъ міромъ. Для Москвы и Петербурга всеобщіе выборы въ Англіи, это состязаніе друзей съ врагами.“ Такое убѣжденіе, по мнѣнію *Pall Mall Gazette*, можетъ быть важнымъ факторомъ въ русской политикѣ, ибо де всякій свѣдущій Русскій съ увѣренностью приписываетъ британской либеральной партіи большую симпатію къ панславизму, а панславизмъ есть де одна изъ важнѣйшихъ опасностей для европейскаго мира, и въ случаѣ торжества виговъ въ Англіи, Россія затѣяла бы войну которая потрясла бы всю Европу.

Мы не вѣримъ чтобы цитуемая газета

придавала серіозное значеніе такому мнѣнію. Оно высказывается только для того чтобы произвести впечатлѣніе на избирателей. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно привести заключеніе статьи. „Кто можетъ сказать," такъ оканчивается статья, „какія могутъ быть послѣдствія если по индійскимъ базарамъ и туркменскимъ кибиткамъ разнесется молва что Англійская имперія попала въ руки людей, которые не будутъ воевать ни при какихъ обстоятельствахъ, глубоко уважаютъ великаго Бѣлаго Царя, предпочитаютъ уступать территорію чѣмъ брать ее и, получивъ ударъ по щекѣ, готовы тотчасъ подставить другую? Едва ли послѣдствія такого слуха понравились бы и самому г. Гладстону."

Вотъ къ какимъ уловкамъ прибѣгаетъ избирательная агитація...

Но каковъ бы ни былъ результатъ предстоящихъ выборовъ, несомнѣнно то, что въ настоящее время всего менѣе можетъ быть рѣчь о какихъ-либо рѣшительныхъ движеніяхъ Англіи на поприщѣ иностранной политики... Пока не рѣшенъ внутренній вопросъ о томъ кому ввѣрить бразды управленія, не могутъ не быть отсрочены и всѣ вопросы касающіеся будущихъ внѣшнихъ отношеній Англіи.

Однако именно съ того времени какъ объявлено было распущеніе парламента, англійская печать пустила въ ходъ и настойчиво поддерживаетъ слухъ о вступленіи Англіи въ новое международное соглашеніе, о ея расположеніи примкнуть къ австро-германскому союзу. Подобнаго рода слухъ, распространяемый въ такое время, есть очевидно избирательный маневръ тѣмъ болѣе что о союзѣ говорится не какъ о совершившемся фактѣ, а какъ о предположеніи. Вотъ почему слухъ этотъ заслуживаетъ вниманія не самъ по себѣ, а потому впечатлѣнію которое онъ производитъ, съ одной стороны, среди англійскихъ избирателей, а съ другой, въ тѣхъ странахъ которыхъ слухъ этотъ касается. Торійскіе органы высказываются по этому предмету довольно осторожно, какъ бы оберегая свободу дѣйствій своихъ внушителей, на случай еслибы власть осталась въ ихъ рукахъ. Но самъ лордъ Биконсфильдъ далъ достаточный поводъ къ оживленію тревожныхъ слуховъ въ рѣчи произнесенной имъ 16-го марта въ палатѣ лордовъ, въ отвѣтъ на нападки лорда Гранвилля по поводу его избирательнаго манифеста. „Авторитетъ" (ascendancy) Англіи въ совѣтахъ Европы, о коемъ онъ говорилъ въ своемъ письмѣ къ лорду-намѣстнику Ирландіи и которое лордъ Гранвилль считалъ выраженіемъ неумѣстнымъ и несоотвѣтствующимъ той мѣрѣ вліянія которымъ Англія можетъ пользоваться, лордъ Биконсфильдъ мотивировалъ слѣдующими словами: „Я того мнѣнія что „теперешнее положеніе дѣлъ въ Европѣ— „критическое. Повсюду мы видимъ кол„лоссальныя арміи; новыя громадныя во„оруженія предлагаются, поддерживаются „и поспѣшно утверждаются. Этого одного, „еслибы даже не было другихъ поводовъ, „было бы достаточно чтобъ убѣдить мо„ихъ соотечественниковъ что теперь не „время ослаблять нашу дѣятельность и, „подобно Гамлету, парализовать нашу рѣ„шимость блѣдностью мысли."

Изъ этихъ словъ, не отличающихся опредѣленностью, распространители упомянутаго выше слуха вывели заключеніе что торійскій кабинетъ, если большинство избирателей выскажется въ его пользу, имѣетъ въ виду примкнуть къ Австро-Германскому союзу. Почему именно дѣлается такой, а не иной выводъ неизвѣстно; но слухъ такъ крѣпко держится что маркизъ Гартингтонъ, вождь партіи виговъ, счелъ нужнымъ въ свою очередь коснуться его въ своемъ обращеніи къ избирателямъ и высказался рѣшительно противъ союза.

Газета *Times* также не сочувствуетъ вступленію Англіи въ какой-либо опредѣленный союзъ. Вопреки лорду Биконсфильду она не предвидитъ въ ближайшемъ будущемъ никакихъ опасностей для мира, ссылаясь при этомъ на мирныя увѣренія, высказанныя недавно въ Итальянскомъ парламентѣ тамошнимъ министромъ-президентомъ г. Кайроли. Англія должна де сохранить за собою полную свободу дѣйствій и въ случаѣ нарушенія европейскаго мира выступитъ противъ того кто окажется виновникомъ такого нарушенія.

Берлинская печать, въ лицѣ выдающихся ея органовъ, очень недовольна этими соображеніями. Въ первый разъ мы встрѣтили въ берлинской печати прямое приглашеніе, обращенное къ Англіи, примкнуть къ Австро-Германскому союзу, а это-то и есть самая знаменательная черта въ недавно возникшихъ толкахъ о новомъ тройномъ союзѣ. Еще недавно намъ приходилось довольно часто встрѣчать въ ней

сѣтованія на своекорыстную англійскую политику, которая находитъ свой интересъ въ томъ чтобы возбуждать взаимную вражду между европейскими государствами. Англійская печать упрекалась въ томъ что она съ злорадствомъ взираетъ на охлажденіе между Россіей и Германіей, и послѣдняя фанфаронада лорда Беконсфильда о преобладающемъ голосѣ Англіи въ дѣлахъ Европы была встрѣчена въ Берлинѣ съ сарказмомъ. Теперь, напротивъ, тамъ стараются доказать что Англія дѣйствительно можетъ явиться „охранительницей европейскаго мира," но не при тѣхъ условіяхъ какія указываетъ лондонская газета, такъ какъ не трудно де было бы истинному виновнику будущей войны ввести Англію въ заблужденіе и создать такое положеніе при которомъ вызовъ послѣдуетъ не съ виновной стороны. Миръ можетъ де быть прочно обезпеченъ, если насчетъ образа дѣйствій Англіи, въ случаѣ войны, не будетъ никакихъ сомнѣній. А это по мнѣнію берлинской газеты, возможно лишь въ томъ случаѣ если напередъ будетъ извѣстно что Англія будетъ стоять на сторонѣ тѣхъ двухъ державъ которыя „однѣ несомнѣнно желаютъ мира," то-есть Германіи и Австріи. Берлинская газета „надѣется" что предположенія и намѣренія лорда Беконсфильда по этому предмету не сходятся съ соображеніями газеты *Times*.

Мнѣніе берлинской газеты отчасти находитъ себѣ подтвержденіе въ сегодняшней статьѣ торійской газеты *Standard*, содержаніе которой сочтено нужнымъ распространить путемъ телеграфа. Вотъ уже второй разъ какъ въ получаемыхъ нами телеграфныхъ сообщеніяхъ рѣчь идетъ о какой-то недавней выходкѣ г. Гладстона противъ Австріи. Намъ сообщаются различныя возраженія противъ сказаннаго г. Гладстономъ; но что именно сказалъ онъ, объ этомъ телеграфъ умолчалъ. Какъ бы то ни было, но горячая выходка органа лорда Беконсфильда за Австрію, какъ хранительницу англійскихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ, любопытна именно теперь.

Эта перемѣна тона относительно Англіи со стороны берлинскихъ газетъ быть-можетъ лучше всего подтверждаетъ что въ приведенномъ слухѣ заключается нѣчто болѣе чѣмъ газетные толки.

№ 75.

Москва, 15-го марта.

„Принадлежу къ русской соціально-революціонной партіи," такой отвѣтъ въ нынѣшнее время не разъ приходилось слышать предсѣдателямъ судовъ, при нашихъ такъ-называемыхъ политическихъ процессахъ, въ отвѣтъ на обычные вопросы о личности подсудимаго. Прежде, подобные подсудимые не дѣлали столь точнаго обозначенія своего общественнаго положенія, и признаваясь при уликахъ въ принадлежности къ тайнымъ кружкамъ и обществамъ, обыкновенно отрицали свое дѣятельное участіе въ „заговорѣ составленномъ съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія Россіи," какъ озаглавливались дѣла нигилистическихъ шаекъ. Но вотъ сдѣланъ шагъ впередъ, и слуги тайной крамолы находятъ возможнымъ считать себя „политическою партіей." Нельзя не признать что съ эпохи позорной памяти Каракозовскаго дѣла крамола можетъ занести въ свои лѣтописи не мало успѣховъ. Въ опубликованныхъ результатахъ слѣдствія по дѣлу о Каракозовѣ и его сообщникахъ, прежде всего поражало ничтожество тѣхъ элементовъ изъ которыхъ составлялись кружки и шайки замышлявшіе ниспроверженіе государственнаго порядка въ Россіи. „Живя въ Москвѣ, сказано въ офиціальномъ сообщеніи напечатанномъ въ *Сѣверной Почтѣ* 1866 года,—Каракозовъ принадлежалъ къ образовавшемуся тамъ тайному обществу, преимущественно изъ вольнослушателей университета, Петровской Земледѣльческой Академіи, нѣкоторыхъ студентовъ, гимназистовъ и иныхъ лицъ..." Общество существовало за нѣсколько лѣтъ, и въ концѣ 1865 года приняло общее названіе *Организаціи* (по польскому образцу). Изъ слѣдствія можно видѣть какъ развивались подобные кружки и общества. Начиналось съ праздныхъ словопреній о необходимости радикальныхъ перемѣнъ не только въ государственномъ строѣ Россіи, но кажется и въ устройствѣ солнечной системы (собранія Каракозовской компаніи имѣли спеціальное наименованіе *выпивокъ*, причемъ фигурировали штофы съ водкой). Въ эти компаніи проникали организаторы и вербовщики, составлялись кружки, дѣлались въ маломъ видѣ опыты „ниспроверженій" въ формѣ

волненій и исторій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; намѣчались люди, и ими пользовались ловкіе агенты: такимъ въ Каракозовскомъ дѣлѣ былъ учитель Худяковъ, находившійся въ сношеніяхъ съ эмигрантами и игравшій въ 1866 году въ отношеніи къ кружкамъ роль подобную той какую позднѣе, въ 1867 году, имѣлъ Нечаевъ. Слѣдствіе 1866 года довольно обстоятельно указывало на неустройство учебныхъ заведеній и на вліяніе извѣстной части печати какъ на главныя причины смущенія молодежи, толкавшія ее въ незаконныя сообщества. Соціалистическіе и нигилистическіе кружки, сказано въ офиціальномъ сообщеніи,—„поддерживались, съ одной стороны, направленіемъ преподавания въ значительной части учебныхъ заведеній, а съ другой, большею частію „журналистики, которая явно распространяла идеи соціализма и такъ-называемаго „нигилизма съ возбужденіемъ общественнаго мнѣнія противъ правительственной „власти и государственнаго управленія. Это „разрушительное направленіе мысли и ученія между молодымъ поколѣніемъ поддерживалось также заграничною революціонною прессой, находившею средства распространенія даже среди учебныхъ заведеній. Многіе изъ молодыхъ людей отправлявшихся за границу съ научною „цѣлью вступали тамъ въ сношеніе съ „агентами революціонныхъ обществъ и болѣе другихъ заражались соціалистическимъ направленіемъ“ (теперь это все дѣятели на разныхъ поприщахъ!), „которое „этимъ путемъ безвозбранно распространялось среди нашего молодаго поколѣнія... Значительная часть участниковъ, „сознаваясь чистосердечно и нѣкоторые выражая раскаяніе, высказывали что они „были вовлечены въ соціализмъ и противоправительственныя стремленія, кромѣ ослабленія вообще наблюдательной власти, „тѣми органами нашей литературы которые систематически распространяли все„возможныя разрушительныя начала.“ Вотъ съ какою рѣзкостью, въ правительственномъ сообщеніи, указано было зло, безпощадно погубившее столько сотенъ молодыхъ силъ! Вотъ гдѣ выработалась отрава...

Печальное событіе 1866 года застало университеты уже подъ дѣйствіемъ устава 1863 года, другія высшія заведенія подъ дѣйствіемъ постановленій того же духа, а Петровскую Академію подъ режимомъ который казался уже верхомъ „либерализма.“ Этимъ уставомъ и этими постановленіями относительно высшихъ учебныхъ заведеній было сдѣлано въ маломъ видѣ то что нынѣ разными намеками такъ настойчиво предлагается сдѣлать въ большихъ размѣрахъ: имъ была дана конституція которая свято соблюдалась властями. Государственная власть совсѣмъ ушла изъ аудиторій, съ экзаменовъ, изъ совѣтовъ и правленій этихъ учрежденій, и стала у дверей, какъ сила чуждая, которой надо было давать отпоръ, что конечно не могло содѣйствовать къ укрѣпленію ея авторитета. Агитація послѣ 1866 года не только не прекратилась, но дѣйствовала съ новою силой, и процессъ сообщниковъ Нечаева въ 1871 году, болѣе чѣмъ какой-либо, былъ процессомъ учащейся молодежи. Подсудимые, числомъ 87, въ огромномъ большинствѣ были изъ числа учащихся въ высшихъ заведеніяхъ; на судоговореніи только и слышалось о прокламаціяхъ и посланіяхъ къ студентамъ, о прокламаціяхъ и посланіяхъ отъ студентовъ, о положеніи студентовъ, волненіяхъ студентовъ, стихотвореніи къ студенту и т. д. Одинъ изъ защитниковъ съ наивнымъ паосомъ воскликнулъ: „настоящее дѣло—дѣло нашей учащейся молодежи.“

Этотъ процессъ поучителенъ еще въ одномъ отношеніи. На немъ въ первый разъ выступила на борьбу съ нигилизмомъ и пагубными увлеченіями сбитой съ толку молодежи новая сила,—гласный независимый судъ, наполнившійся преимущественно воспитанниками Училища Правовѣдѣнія и оживотворенный ихъ духомъ. Къ этому суду, долженствовавшему возвысить нашу общественную нравственность, привлечены были жалкіе, искалѣченные люди, жертвы разврата въ литературѣ, школѣ, обществѣ,—орудія пропаганды враждебной ихъ отечеству. Непререкаемою уликой ихъ развращеннаго безумія было убійство сообщника (Иванова), совершенное даже не въ пылу страсти, а хладнокровно, тупо, мерзко, словно свалили въ канаву бревно мѣшавшее пройти,—съ такимъ идіотскимъ пренебреженіемъ къ святости человѣческой жизни что чрезъ часъ послѣ убійства главный виновникъ его (Нечаевъ), будто нечаянно, почти въ упоръ стрѣляетъ въ соучастника (Прыжова), котораго начинаетъ считать тоже неудобнымъ, и тотъ, спасенный случаемъ, хорошо понимая въ чемъ

дѣло, тѣмъ но менѣе черезъ пять минутъ цѣлуется съ извергомъ. Не должно ли было это дѣло, правильно поставленное, раскрыть предъ глазами всякаго не утратившаго еще способности соображенія тотъ страшный склонъ который шагъ за шагомъ ведетъ безумца къ самымъ гнуснымъ преступленіямъ? А въ такомъ ли освѣщеніи явилось это дѣло на судѣ?

Присутствовавшіе на судѣ должны были вынести странное впечатлѣніе. Съ одной стороны, высокій трибуналъ изъ членовъ судебной палаты и сословныхъ представителей, вооруженный авторитетомъ государственной власти, но находящійся въ состояніи какой-то удивительной конфузливости, точно неувѣренный въ себѣ, предъ кѣмъ-то все извиняющійся, карающій нигилистовъ, но пасующій предъ нигилизмомъ; съ другой,— по собственнымъ словамъ нигилистовъ и особенно по изображенію ихъ защитниковъ, знаменитостей петербургской адвокатуры,— люди убѣжденія, *новые* люди, борцы за идею, жертвы „роковаго, но честнаго увлеченія," имѣющіе на судѣ скорѣе видъ военноплѣнныхъ чѣмъ преступниковъ предъ грознымъ правосудіемъ. Судъ начался эпизодомъ нѣсколько нарушившимъ было торжественность обстановки, и такъ описанномъ въ отчетѣ о засѣданіи: „Предсѣдатель, обращаясь къ подсудимымъ, предложилъ имъ объявить суду ихъ имена, отчества и фамиліи, званіе, лѣта, занятіе и мѣста жительства." На эти вопросы подсудимая Дементьева (юная нигилистка смененная литераторомъ Ткачевымъ который фигурировалъ въ томъ же процессѣ) отвѣчала смѣясь: „Александра Дмитріева Ткачева... ахъ что я! Дементьева." Предсѣдатель останавливаетъ смѣшливую дѣвицу, но спѣшитъ прибавить: „конечно, ваша участь можетъ быть рѣшена въ смыслѣ благопріятномъ для васъ, но тѣмъ не менѣе вы должны воздерживаться отъ неприличій, отъ неумѣстныхъ улыбокъ и т. п." Дементьева обвинялась въ напечатаніи въ своей типографіи воззванія *Къ обществу* (объ угнетеніи студентовъ) и въ распространеніи его. На судѣ, въ весьма длинной рѣчи, изложила она свои взгляды на положеніе студентовъ, на женскій трудъ, женскій вопросъ, фиктивный бракъ, и сообщила что ее очень занимаетъ планъ „женской реальной гимназіи въ которой женщины получали бы и реальныя познанія." Предсѣдатель рѣшается замѣтить: „такъ какъ вы уже весьма подробно и достаточно ясно изложили свои взгляды на женскій вопросъ, то я предложилъ бы вамъ перейти къ заключительному выводу." Приводятъ свидѣтелей къ присягѣ. Такъ какъ большинство ихъ изъ „новыхъ людей," то предсѣдатель считаетъ нужнымъ предупредительно пояснить имъ какъ иновѣрцамъ новаго рода: „для тѣхъ изъ васъ для которыхъ клятва не имѣетъ должнаго значенія; для тѣхъ кто не боится суда Божія, есть судъ земной въ формѣ уголовнаго наказанія." Особенно характеристиченъ при допросѣ разборъ судомъ мотивовъ почему Нечаевъ и его сообщники порѣшили убить Иванова. Въ разборѣ участвовали предсѣдатель и нѣсколько членовъ суда, и участвовавшіе такъ усердно вошли въ кругъ идей подсудимыхъ что разборъ принялъ видъ совокупнаго мирнаго обсужденія и судомъ и преступниками вопроса слѣдовало ли, съ точки зрѣнія интересовъ общества или не слѣдовало, убить Иванова. „Какимъ образомъ,— любопытствуетъ одинъ изъ членовъ суда обращаясь къ подсудимому Прыжову, — какимъ образомъ вы, вступая въ общество для достиженія благой цѣли мирнымъ путемъ... въ общество, которое имѣло цѣлью созиданіе, а не разрушеніе, какимъ образомъ вы начали именно съ разрушенія, то-есть съ убійства Иванова и другихъ преступленій?" Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, любопытствующій членъ съ подобнымъ же вопросомъ обращается къ другому подсудимому, Кузнецову: „Почему вы такимъ образомъ поступили, не можете ли объяснить?" Кузнецовъ ссылается на подчиненіе „невидимому комитету." „Но зачѣмъ вамъ было бояться комитета если комитетъ ничего дурнаго не предпринималъ?" добавляетъ членъ, и самъ дѣлаетъ нѣсколько поясненій, ссылаясь на показанія Успенскаго, который „предпочиталъ мирный путь, тогда какъ Нечаевъ имѣлъ претензію на революцію (почтенный членъ не рѣшился назвать Нечаева просто революціонеромъ, а назвалъ лишь имѣющимъ претензію на революцію, считая повидимому санъ революціонера ужь слишкомъ почетнымъ), и убѣдилъ Успенскаго вступить въ общество, въ виду несправедливостей которыя, по его мнѣнію, дѣлались съ его знакомыми и сестрой и т. п. Тутъ слѣдовательно есть нѣчто, но затѣмъ всѣ ваши

объясненія я никакъ понять не могу." Вмѣшивается другой членъ, одинъ изъ предводителей дворянства, и съ тѣмъ же вопросомъ объ убійствѣ Иванова обращается уже къ подсудимому Успенскому: „Не можете ли сказать намъ по крайней мѣрѣ, спрашиваетъ онъ, какимъ образомъ вы объясняете ту крутую мѣру (очень крутую—задушили, пристрѣлили и сволокли въ прудъ!) которую приняли относительно Иванова при тѣхъ обстоятельствахъ при которыхъ, какъ вы выразились вчера, имѣли цѣлью созиданіе, но не разрушеніе. Потрудитесь объяснить какъ вы пріурочиваете фактъ убійства Иванова къ этому роду вашихъ убѣжденій, — такой фактъ который представляется какъ бы исполненіемъ той программы которую вы отвергаете." Наконецъ Успенскій рѣшается имъ пояснить. Согласившись безъ спора что цѣль его и его сообщниковъ была „достиженіе общаго блага," онъ продолжаетъ: „поясню мою мысль примѣромъ. У больнаго дѣлается ампутація какого-нибудь члена для того чтобы сохранить и исцѣлить организмъ. Такимъ образомъ объясняется то дѣйствіе которое было совершено надъ Ивановымъ." Успенскій выясняетъ далѣе, какъ онъ выражается, математически вредъ какой могъ причинить Ивановъ еслибы сдѣлалъ доносъ. „Если насъ 80 человѣкъ и взять только годъ заключенія каждаго, то выйдетъ 80 лѣтъ заключенія за одного человѣка, а если заключеніе увеличить до 5 лѣтъ, оно выйдетъ 400 и т. д." Предводитель все-таки остается въ „недоумѣніи какъ такой родъ дѣла какъ достиженіе народнаго блага можно пріурочить къ убійству Иванова." „Вы говорили, продолжаетъ онъ допрашивать, что жизнь Иванова была вредна общему дѣлу, но смерть Иванова кому принесла вредъ?" Вступаетъ въ споръ предсѣдатель и, по поводу объясненія господиномъ Успенскимъ „своихъ мыслей путемъ сравненія," позволяетъ себѣ сдѣлать замѣчаніе что докторъ, приступая къ ампутаціи, прежде всего обыкновенно убѣждается что членъ дѣйствительно пораженъ, чего, по мнѣнію предсѣдателя, въ настоящемъ случаѣ сдѣлано не было. Успенскій отвѣчаетъ что онъ дѣйствовалъ „по внутреннему убѣжденію." „Вы стали на математическую почву, добивается предводитель... но вредъ который вы наносили убійствомъ не былъ ли болѣе того вреда который могъ бы принести Ивановъ?" На новую выкладку Успенскій уже не пошелъ.... Кончились допросъ и обвиненіе; наступила очередь защитниковъ. Не трудно представить себѣ какія полились рѣчи. Одинъ пояснялъ что „на политическія преступленія" (къ какимъ причислялось и задушеніе Иванова) не должно смотрѣть „съ вульгарной точки зрѣнія" большинства общества „воспитаннаго на абсолютныхъ началахъ теологическаго или метафизическаго свойства, которыя во многихъ случаяхъ съ воззрѣніями защиты сходиться не могутъ;" другой, съ немалымъ презрѣніемъ къ Русскому народу, доказывалъ что русскій юноша необходимо долженъ быть радикаломъ и соціалистомъ за неимѣніемъ у Русскаго народа ни исторіи, ни культуры, ничего въ прошедшемъ и ничего въ настоящемъ; и разбиралъ при какихъ условіяхъ, въ тайномъ обществѣ, можетъ быть съ нравственной стороны, въ извѣстной мѣрѣ, оправдано убійство члена; третій восторгался рѣчью своего предшественника, вознесшаго дѣло на такую высоту „на которой исчезаютъ всѣ юридическіе вопросы, всѣ отдѣльныя фактическія подробности, и остаются только глубокіе общественные вопросы имѣющіе существенное значеніе не только для этого дѣла, но и для всякаго кто принимаетъ участіе въ будущихъ судьбахъ нашего государства." Какова галиматья! Четвертый, находя повидимому что званіе революціонера слишкомъ почетно для убійцы Иванова, выражаетъ удовольствіе что его предшественники по защитѣ „сняли съ Нечаева ореолъ революціонера" (относительно Нечаева можно было не стѣсняться, такъ какъ его на лицо не было). „Правда, прибавляетъ онъ, Бакунинъ и Огаревъ посвятили Нечаева въ революціонные дѣятели. Посвященіемъ этимъ онъ сталъ очень высоко, но дѣло въ томъ что это былъ не Герценъ, который сразу вошелъ въ общественную жизнь. Это былъ человѣкъ самый обыденный." Не мало краснорѣчія потрачено защитникомъ на „студентскій вопросъ," на защиту „студентскихъ правъ" относительно кассъ, сходокъ и т. п., на обвиненіе начальствъ не исполнявшихъ „студентскихъ требованій" и своею неуступчивостію превращавшихъ вполнѣ законныя студентскія „движенія" въ дѣла политическаго и революціоннаго характера. Не забытъ конечно и „вопросъ женскій." „Я не хочу отрицать что г-жа Дементьева,—

съ увлеченіемъ воскликнулъ ея защитникъ, — такъ-называемая нигилистка. Но согласитесь, гг. судьи, что дѣло хорошее если эта дѣвушка стремится къ тому чтобы не только заработать самой кусокъ хлѣба, но и дать и другимъ возможность заработать этотъ кусокъ. Я могу указать и на другіе примѣры такихъ же нигилистокъ, которыя первыя показали Европѣ что Русская женщина не рождена для того только чтобы посѣщать увеселительныя заведенія Парижа и Баденъ-Бадена, но и чтобы работать надъ наукой!" Послѣднее слово по закону предоставлено подсудимымъ. Прыжовъ произнесъ стихи Гёте, надо полагать въ собственномъ переводѣ:

Жертвы валятся здѣсь
Не телячьи, не бычьи
Но неслыханныя жертвы—*человѣчьи*.

А Успенскій счелъ нужнымъ порисоваться въ длинной рѣчи въ которой дѣлалъ историческія ссылки, приводилъ примѣръ „Брута и Кассія поссорившихся наканунѣ Фарсальскаго сраженія, ибо между ними стала тѣнь Цезаря," и объяснилъ убійство Иванова тѣмъ что „нуженъ былъ великій примѣръ серіознаго, *честнаго* (честнаго!) отношенія къ дѣлу." Когда судъ по совѣщаніи объявилъ свое рѣшеніе, предсѣдатель обратился къ четыремъ подсудимымъ о которыхъ состоялся оправдательный приговоръ со словами: „Подсудимые Орловъ, Волховской, Коринѳскій и Томилова! Не угодно ли вамъ выйти на средину залы. *(Подсудимые вышли)*. Подсудимые! вы свободны отъ суда и отъ содержанія подъ стражей. Господа, отнынѣ вамъ мѣсто не на позорной скамьѣ, а среди публики, среди всѣхъ насъ."

Такъ происходила траги-комедія нашего перваго гласнаго *политическаго* процесса. И все это дѣлалось съ добрыми „умѣренно-либеральными" намѣреніями (изъ тѣхъ какими вымощенъ адъ...) Какому извращенію понятій должна была содѣйствовать вся эта процедура съ ея пошлостями, ея фразерствомъ,—приторно-гуманная на видъ, въ дѣйствительности же безжалостная и безпощадная, ибо послужила къ укрѣпленію обмана губившаго нашу бѣдную молодежь?..

№ 77.

Москва, 17-го марта.

„Главное достоинство русской арміи," говорилъ на дняхъ одинъ нѣмецкій военный писатель, „есть дисциплина. Всѣ вы„сокія качества поражающія насъ преимущественно въ русской арміи истекаютъ „изъ этой первой солдатской добродѣтели; „благодаря этому, русскій солдатъ терпѣ„ливо переноситъ труды и лишенія, охот„но слѣдуетъ за своимъ начальникомъ въ „бой, идетъ на встрѣчу всякой опасно„сти..." Благодаря этому, рота солдатъ, повинуясь командѣ, ложится прикрыть вмѣсто щита своими тѣлами пороховой погребъ готовый загорѣться во время всесокрушающаго пожара; благодаря этому, пятнадцать человѣкъ уцѣлѣвшихъ отъ неожиданнаго страшнаго взрыва, не теряясь, слѣдуя командѣ „въ ружье," являются готовыми исполнить долгъ воина; благодаря этому, „помня наказъ," часовые уничтоженнаго караула остаются на мѣстахъ, не сдаютъ своихъ постовъ новымъ людямъ, безъ прямаго личнаго приказа своего начальника. Благодаря тому же, канониръ Щетининъ находитъ что дѣлать въ минуту соблазна...

Но были попытки расшатать эту дисциплину и развратить нашу армію. Судебная хроника констатировала эти факты. На скамьяхъ подсудимыхъ появлялись офицеры участвовавшіе въ революціонной пропагандѣ и совращавшіе солдатъ; въ казармахъ читалась книжка *О семи Симеонахъ* и подобныя ей. Были попытки ввести пропаганду въ военныя школы.

Въ № 56 *Русскаго Инвалида*, подъ скромнымъ заглавіемъ *Армейскія Замѣтки*, извѣстный военный писатель, М. И. Драгомировъ, коснулся щекотливаго вопроса кому изъ офицеровъ можетъ быть довѣрено „водвореніе порядка въ умахъ и сердцахъ" солдатъ, ихъ воспитаніе.

Дѣлаютъ это дѣло почти повсюду молодые офицеры и даже „современные унтеръ-офицеры," которымъ еще „самимъ надо учиться;" ротные же командиры заняты едва ли не исключительно строевымъ, спеціальнымъ ученьемъ, которое почему-то стоитъ на первомъ планѣ, тогда какъ должно быть на оборотъ: „солдатъ плохо стрѣ„ляющій и колющій, не умѣющій ходить въ „ногу, все же солдатъ сносный, если онъ „честенъ и проникнутъ сознаніемъ долга

„такъ что одинаково исполнителенъ и на „глазахъ и за глазами... на оборотъ, от„личный стрѣлокъ, фехтовальщикъ, строе„викъ, никуда не годенъ какъ солдатъ если „онъ *не надеженъ*“ и „не только не го„денъ, *но опасенъ*,“ какъ зараза, а между тѣмъ „общеобязательная повинность вво„дитъ въ ряды арміи людей *различныхъ* „*складовъ понятій, различныхъ степеней* „*и сортовъ* развитія *)... Между новобран„цами можетъ попасться такой съ кото„рымъ не подъ силу будетъ справиться „не только унтеръ-офицеру, а и субал„тернъ-офицеру; и можетъ справиться „только человѣкъ послужившій, привык„шій орудовать властью и отвѣтственный.“

Какъ бы хорошо ни былъ подготовленъ теоретически молодой офицеръ, онъ не можетъ, по мнѣнію генерала Драгомирова, быть воспитателемъ солдата: „дабы проникнуться чувствомъ настоятельной необходимости въ воинскомъ организмѣ привычекъ исполнительности, порядка, подчиненія, мало понимать эту необходимость умомъ, а нужно принять ее въ плоть и кровь, нужно знать изъ опыта управленіе себѣ подобными.“

„Что важнѣе близко знать ротному командиру,“ спрашиваетъ ген. Драгомировъ, „то ли какъ человѣкъ ходитъ, дѣлаетъ ружейные пріемы, стрѣляетъ, или то на что онъ способенъ, *какъ думаетъ*, въ какой мѣрѣ надеженъ?“ Близко ознакомиться со всѣмъ этимъ возможно только тогда если „ротный командиръ пропуститъ послѣдовательно чрезъ свои руки всѣхъ поступающихъ къ нему новобранцевъ;“ только стоя у самаго дѣла ротный командиръ „натолкнется на все,“ только тогда и возможно будетъ ему дѣйствительно наблюсти чтобы въ казармахъ не попадались, какъ бывали примѣры, запрещенныя книжки, чтобы люди не сбивались съ толку проникающими въ ряды арміи неблагонадежными элементами „различныхъ степеней и сортовъ развитія,“ съ которыми не подъ силу справиться молодому офицеру, не совсѣмъ еще твердому въ правилахъ „органическаго статута военной корпораціи“ и по молодости и неопытности могущему даже увлечься идеями несоотвѣтствующаго „сорта.“

Только на дняхъ, въ мартѣ опубликованъ состоявшійся еще въ январѣ законъ, опредѣляющій что „когда распространеніе преступныхъ объявленій, воззваній, сочиненій или изображеній, публичное произнесеніе преступныхъ рѣчей, послѣдовали въ средѣ войска или эти воззванія и сочиненія составлены съ цѣлью распространенія ихъ среди военно-служащихъ,“ то „наказаніе возвышается на двѣ степени.“ Законъ этотъ вызванъ крайнею необходимостью; но это мѣра только отрицательная. Наказаніе постигшее виновнаго не прекращаетъ зла имъ причиненнаго; важнѣе принять мѣры къ предупрежденію зла. Въ числѣ такихъ мѣръ, предложенное ген. Драгомировымъ правильное воспитаніе солдата и близкое знакомство разныхъ командировъ съ образомъ мыслей лицъ имъ подчиненныхъ, занимаетъ конечно не послѣднее мѣсто, а между тѣмъ „нѣкоторые,“ пишетъ ген. Драгомировъ, „находятъ что обязывать ротныхъ командировъ самихъ воспитывать новобранцевъ даже якобы *противозаконно*,“ и что воспитаніе солдата попрежнему должно оставаться въ рукахъ неопытной молодежи какъ дѣло будто бы второстепенное. Надо думать что эти „нѣкоторые“—люди не безъ значенія, не безъ положенія въ арміи, не нули, о которыхъ и говорить не стоило бы.

По истинѣ странно что о такихъ ясныхъ вещахъ приходится у насъ серіозно спорить. Въ сосѣдней съ нами германской арміи, на всякаго кто заговорилъ бы иное посмотрѣли бы какъ на человѣка не совсѣмъ здороваго. Тамъ также были попытки ввести соціалистическую пропаганду въ ряды войска и поколебать дисциплину, но эти попытки тотчасъ же прекратились, и о нихъ уже давно и думать забыли.

На дняхъ, въ коммиссіи обсуждавшей измѣненія въ германскомъ военномъ законѣ, въ числѣ доводовъ въ пользу усиленія состава арміи, правительственные коммиссары указывали что „сосѣднія ар„міи не только ввели у себя общеобяза„тельную воинскую повинность, но и не„реняли почти до мелочей германскую си„стему воспитанія и обученія.“ Правительственный коммиссаръ былъ однако не вполнѣ освѣдомленъ: дѣйствительно, мы почти до мелочей переняли внѣшнія формы, но мы не досмотрѣли того духа которымъ эти формы держатся...

Слѣдуя указаніямъ генерала Драгомирова, мы пошли бы нѣсколько далѣе. Мы полагаемъ что пора намъ обратить внима-

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

ніе на хорошее приготовленіе хранителей дисциплины и преданій въ арміи, на устройство военной школы. Если у насъ должны быть особыя военныя школы, то онѣ должны тщиться воспитывать не какихъ-то „людей вообще," а будущихъ воиновъ, крѣпкихъ и твердыхъ въ дисциплинѣ ума и воли.

№ 78.

Москва, 18-го марта.

Въ ряду экономическихъ вопросовъ имѣющихъ особенную важность для Россіи, одно изъ первыхъ мѣстъ въ настоящее время занимаетъ вопросъ объ измѣненіи крайне неудовлетворительныхъ условій въ какихъ находится наша металлическая промышленность въ главныхъ ея отрасляхъ. Этотъ вопросъ разрабатывается особою коммиссіей Высочайше утвержденною при Министерствѣ Финансовъ; о немъ идутъ сужденія на открывшемся нынѣ въ Петербургѣ съѣздѣ представителей нашихъ чугунно-плавильныхъ и рельсовыхъ заводовъ; по тому же вопросу, то и дѣло появляются въ печати заявленія промышленниковъ заинтересованныхъ въ этомъ важномъ дѣлѣ. Одно изъ такихъ заявленій, „О таможенныхъ пошлинахъ на привозимыя изъза границы машины и металлическія издѣлія," читатели найдутъ ниже.

Вообще по ходу дѣлъ можно полагать что рѣшеніе вопроса не за горами. Каково оно будетъ и какъ отзовется на судьбахъ нашей промышленности, пока неизвѣстно. Можно лишь сказать что онъ будетъ тѣмъ благопріятнѣе для страны чѣмъ въ большей мѣрѣ удастся избѣжать тѣхъ ошибокъ которыя до сихъ поръ мѣшали постановкѣ этого дѣла въ условія прочнаго и плодотворнаго развитія, и парализовали всѣ усилія и пожертвованія которыя въ теченіи десятилѣтій дѣлались съ этою цѣлію правительствомъ.

Недостатка въ такихъ усиліяхъ и пожертвованіяхъ не было. Возьмите хоть машино-строительное и вообще механическое производство. Останавливалось ли правительство предъ жертвами для поощренія его развитія? Сочтите, во сколько милліоновъ рублей обошлось казнѣ предоставленное ею машино-заводчикамъ право безпошлиннаго полученія изъ-за границы чугуна и желѣза. Но оправдываются ли эти жертвы полученными результатами? Загляните въ напечатанный по распоряженію Министерства Финансовъ, составленный членомъ вышеупомянутой коммиссіи, г. Архиповымъ, *Обзоръ правительственныхъ мѣропріятій по развитію въ Россіи металлической промышленности*, съ приложенными къ нему цифровыми данными. Что вы увидите? Изъ 143 заводовъ получившихъ до 1876 года право безпошлиннаго пользованія заграничными металлами, только одинъ приготовлялъ машины и части машинъ въ количествѣ 100.000 пуд., да семь въ количествѣ отъ 50 до 90 тыс. пудовъ въ годъ; затѣмъ на 65 заводахъ машиностроеніе производилось въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, такъ что большинство этихъ заводовъ занималось только починкой машинъ, а остальные 70 заводовъ вовсе машиностроеніемъ не занимались. Вотъ и всѣ результаты крупныхъ жертвъ которыя приносились начиная съ 1861 года.

Иначе и быть не могло, лучшихъ результатовъ нельзя было и ожидать, потому что рядомъ съ поощреніемъ машиннаго производства были въ ходу условія совершенно его подрывающія. Что дѣлалось одною рукой, то раздѣлывалось другою. Эта едва зараждающееся производство вовсе не было ограждено отъ конкурренціи давно окрѣпшей заграничной промышленности. Громадная масса машинъ пропускалась въ Россію изъ-за границы или совсѣмъ безпошлинно, или съ уплатой пошлины меньшей чѣмъ та какою обложено желѣзо изъ котораго эти машины сдѣланы. Механическое производство поощрялось, но и заграничная конкурренція, подрывающая это производство, точно также поощрялась освобожденіемъ въ широкихъ размѣрахъ отъ платежа пошлинъ съ привозныхъ металлическихъ издѣлій. Право безпошлиннаго ихъ привоза щедро давалось и всѣмъ строившимся желѣзнымъ дорогамъ, и разнымъ предпринимателямъ водопроводовъ, газопроводовъ, конныхъ желѣзныхъ дорогъ, новыхъ фабрикъ и заводовъ. У русскихъ механическихъ заводовъ отнималась такимъ образомъ возможность исполнить серіозныя работы для новыхъ предпріятій; имъ не оставалось ничего болѣе какъ играть роль починочныхъ мастерскихъ.

Постройка желѣзныхъ дорогъ въ каждомъ государствѣ гдѣ имѣются естествен-

ныя условія для собственнаго желѣзнаго производства вызывала сильное оживленіе его. У насъ вышло наоборотъ. Но это не значитъ чтобы правительство у насъ не старалось поставить постройку дорогъ въ ту же связь съ отечественнымъ желѣзнымъ производствомъ какая приноситъ добрые плоды въ другихъ странахъ. Хотя наши желѣзныя дороги почти сполна построены изъ иностранныхъ метталловъ и металлическихъ издѣлій привезенныхъ безпошлинно, но принципъ постройки и ремонта желѣзныхъ дорогъ изъ своихъ матеріаловъ не терялся при этомъ изъ виду. При постройкѣ первой въ Россіи желѣзной дороги, Царскосельской, Обществу этой дороги было вмѣнено въ обязанность пріобрѣтать чугунъ и желѣзо въ Россіи, если только русскіе заводчики удовольствуются цѣной на эти металлы на 15% дороже цѣнъ по которымъ могли бы обойтись эти металлы съ провозомъ изъ-за границы. При постройкѣ Николаевской дороги, состоялось въ 1842 году Высочайшее повелѣніе чтобъ эта дорога была снабжена принадлежностями исключительно русскаго производства. Но рельсовый заводъ для нея былъ устроенъ въ Петербургѣ, гдѣ нѣтъ возможности добывать необходимые для производства матеріалы, почему онъ вскорѣ и прекратилъ свое существованіе, не поставивъ для дороги ни пуда рельсовъ, которые всѣ потомъ и были привезены изъ-за границы. Въ Петербургѣ же былъ устроенъ и заводъ для изготовленія подвижнаго состава и другихъ нужныхъ для дороги предметомъ, перешедшій вскорѣ въ руки г. Уайненса. Не дешево обошелся этотъ заводъ Россіи. Но „русскимъ“ онъ не былъ и не могъ быть. Не только при г. Уайненсѣ онъ дѣйствовалъ почти исключительно на иностранныхъ матеріалахъ, получая безпошлинно всѣ нужныя ему машины, приборы, издѣлія и металлы въ сыромъ видѣ, но и съ переходомъ его въ руки Главнаго Общества, онъ попрежнему употребляетъ преимущественно иностранные матеріалы. Въ 1852 году, при постройкѣ Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, было заказано нѣсколько милліоновъ пудовъ рельсовъ уральскимъ заводчикамъ. Заводы Демидова и Яковлева начали изготовлять и поставлять для этой дороги рельсы превосходнаго качества. Но когда постройка ея была передана Главному Обществу, оно сочло полезнымъ сократить размѣры заказовъ сдѣланныхъ уральскимъ заводчикамъ. Необходимость ускоренной, спѣшной постройки желѣзно-дорожной сѣти отодвинула временно на задній планъ заботу о томъ чтобъ она снабжалась принадлежностями приготовленными въ Россіи изъ отечественныхъ матеріаловъ. Но результаты постройки желѣзныхъ дорогъ исключительно изъ иностранныхъ матеріаловъ не замедлили дать себя почувствовать. Это обстоятельство, вредное нашей желѣзной промышленности, поставило все дальнѣйшее развитіе и даже поддержку существующей желѣзно-дорожной сѣти въ зависимость отъ иностранцевъ, а въ то же время громадный переводъ денегъ за границу въ уплату за привозные металлы и издѣлія не могъ остаться безъ вредныхъ финансовыхъ послѣдствій. Необходимость поднять русское желѣзное производство до уровня потребности желѣзнодорожной сѣти въ металлахъ была сознана сильнѣе чѣмъ когда-либо. 15 октября 1866 года состоялось Высочайшее повелѣніе чтобы всѣ заказы по желѣзнымъ дорогамъ исполнялись на будущее время внутри государства, несмотря ни на какія затрудненія или неудобства которыя могли бы представиться на первыхъ порахъ. Съ 1868 начались мѣры къ исполненію этого Высочайшаго повелѣнія. Въ теченіи десяти лѣтъ нѣсколькимъ заводамъ даны большіе казенные заказы на желѣзнодорожныя принадлежности по высокой цѣнѣ и съ выдачей задатковъ, въ тѣхъ видахъ чтобы всѣ заказы исполнялись изъ русскихъ матеріаловъ. Кромѣ того, за изготовленіе паровозовъ и рельсовъ изъ русскихъ матеріаловъ установлена значительная премія. Казенныхъ заказовъ съ указанною цѣлію сдѣлано въ десять лѣтъ болѣе чѣмъ на 130 милліоновъ рублей. Жертва принесенная при этомъ казной дѣлу развитія русскаго производства равняется десяткамъ милліоновъ рублей. Но соотвѣтствуютъ ли результаты принесенной жертвѣ? Наибольшую часть заказовъ получили заводы дѣйствующіе на иностранныхъ матеріалахъ. Создались заводы преимущественно тамъ гдѣ нѣтъ возможности добывать на мѣстѣ необходимые для производства матеріалы, при условіяхъ не представляющихъ никакой прочности для развитія производства по прекращеніи правительственныхъ субсидій. Организовалась цѣлая группа заводовъ по образу и подобію прежняго завода

г. Уайненса. Это ли нужно для того чтобы поставить русскую желѣзнодорожную сѣть въ независимое отъ иностранцевъ положеніе, создать условія для самостоятельнаго развитія русскаго производства?

Дорого обходящіеся казнѣ субсидіи и льготы оказались данными не русскому производству вообще, а лишь нѣсколькимъ предпринимателямъ. Эти господа извлекаютъ изъ нихъ большія выгоды, но тѣмъ кто этими субсидіями и льготами не пользуются, то-есть всей русской промышленности, отъ этого не легче, а тяжеле. Чѣмъ привилегированнѣе положеніе однихъ, тѣмъ угнетеннѣе положеніе другихъ. Не только нѣтъ равноправности для всей промышленности, но самое распредѣленіе привилегій оказывается прямо противоположнымъ справедливости. Безпошлиннымъ привозомъ иностранныхъ металлическихъ издѣлій пользовались преимущественно такія предпріятія которыя имѣютъ средства измѣряемыя милліонами и сотнями тысячъ рублей. Безпошлинный привозъ желѣза и чугуна даетъ большія выгоды только крупнымъ предпріятіямъ, выписывающимъ безпошлинные металлы сотнями тысячъ пудовъ. Заводчикамъ пользующимся этою льготой въ маломъ размѣрѣ, она даетъ выгоды очень небольшія. Кустарной же промышленности льгота безпошлиннаго полученія металловъ вовсе не предоставлена. И эта льгота, и казенные заказы и субсидіи главнымъ образомъ на руку спекулянтамъ, основывающимъ обширныя, но эфемерныя предпріятія съ разсчетомъ прекратить ихъ по исполненіи заказа. Примѣровъ такого временнаго существованія заводовъ, доставившихъ солидный барышъ ихъ основателямъ и затѣмъ закрытыхъ, какъ извѣстно, было уже не мало. Не въ такихъ эфемерныхъ предпріятіяхъ мы нуждаемся. Устраненіе условій дающихъ дѣлу такой оборотъ, предоставленіе всѣмъ заводчикамъ равно выгоднаго положенія, безпристрастная разверстка между ними всѣхъ льготъ и субсидій, направленіе ихъ туда гдѣ заводы могутъ основаться прочно, вотъ что было бы серіознымъ шагомъ къ дѣйствительному, а не мнимому оживленію нашей промышленности.

Въ основѣ всѣхъ отраслей металлической промышленности ложитъ чугуннолавильное производство, а на него-то до сихъ поръ у насъ и обращалось всего менѣе вниманія. Все наше машиностроительное, механическое, рельсовое и прочія металлическія производства тогда только станутъ самостоятельными и прочными когда будутъ опираться на русскій чугунъ. А между тѣмъ все поощреніе этихъ производствъ именно основывалось на принесеніи имъ въ жертву интересовъ выплавки русскаго чугуна.

Чугунно-плавильное дѣло, правда, не было совершенно забыто. Но много ли для него сдѣлано? Даны большія привилегіи компаніи Юза, данъ участокъ земли съ богатымъ минеральнымъ содержаніемъ, полумилліонная ссуда, субсидіи въ теченіе десяти лѣтъ на сумму до полутора милліона, выгодный казенный заказъ на $9^1/_4$ милліоновъ рублей, желѣзнодорожная концессія и т. д. Достигнуто этимъ то что въ 1876 году этою компаніей выплавленъ милліонъ пудовъ чугуна. Но этимъ самымъ поставлена преграда другимъ охотникамъ заняться чугунноплавильнымъ дѣломъ на югѣ Россіи: имъ пришлось бы конкурировать съ сильнымъ привилегированнымъ обществомъ, имѣющимъ въ своихъ субсидіяхъ и привилегіяхъ средства убить соперниковъ. А между тѣмъ югъ Россіи, гдѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ находятся богатѣйшія, неизмѣримыя залежи и желѣзныхъ рудъ и ископаемаго топлива, есть естественная область русскаго металлическаго производства, гдѣ оно имѣетъ наиболѣе данныхъ для своего развитія, гдѣ оно не встрѣтитъ для него такого препятствія какимъ является во многихъ мѣстахъ на Уралѣ оскудѣніе древеснаго топлива. Не милліоны, а сотни милліоновъ пудовъ чугуна могутъ и должны быть добываемы на нашемъ югѣ. Но это можетъ стать возможнымъ лишь при поощреніяхъ одинаковыхъ для всѣхъ, не ставящихъ никого въ исключительно привилегированное положеніе. Система поощренія отдѣльныхъ лицъ и компаній, система привилегій должна быть оставлена и замѣнена системой поощренія всей промышленности, всѣхъ посвящающихъ ей свои силы и капиталы, и размѣры и способы этихъ поощреній должны быть на первыхъ порахъ таковы чтобы существующія уже частныя привилегіи, пока онѣ остаются въ силѣ, не дѣлали ихъ только номинальными. Послѣ огромныхъ пожертвованій сдѣланныхъ на созданіе эфемерныхъ производствъ, нельзя скупиться на жертвы для созданія солиднаго и дѣйствительно полезнаго производства.

№ 79.

Москва, 19-го марта.

А.

Нынѣшнее правительство Франціи слишкомъ скоро подверглось испытанію которое обнаружило его несостоятельность. Франціи несомнѣнно предстоятъ новыя катастрофы прежде чѣмъ она возвратитъ свое значеніе въ Европѣ. Эта переходная фаза именуемая Французскою республикой не будетъ долговременна. Быть-можетъ, и не слѣдовало бы ставить на пробу эту эфемерную республику съ г. Греви во главѣ. Нельзя было не ожидать скандала отъ правительства для котораго даже Феликсъ Піа и Викторъ Гюго авторитеты. Правительство вынужденное опираться чуть не на коммунаровъ и находящееся въ зависимости отъ людей которые не многимъ чѣмъ лучше нашихъ Гартмановъ не можетъ считаться серіознымъ. Но, повторимъ, все-таки было бы лучше не подвергать это правительство испытанію котораго оно, очевидно выдержать не могло. Случай этотъ, быть-можетъ, ускоритъ ходъ дѣлъ во Франціи; но пока это не совсѣмъ выгодно отзывается на теперешнемъ положеніи Европы. Лучше было бы вовсе не требовать выдачи преступника отъ правительства ничтожнаго и слабаго, и не вводить его въ искушеніе...

Впрочемъ, люди которыми это правительство держится, быть-можетъ, думали что они угождаютъ Россіи завтрашней отказывая нынѣшней Россіи въ удовлетвореніи. (Въ своей грубой наивности, они быть-можетъ увѣрены что власть въ Россіи, если не завтра то послѣзавтра, достанется тому же Гартманну или Петру Лаврову, и что такимъ образомъ Франція тутъ-то и очутится въ настоящей дружбѣ съ Россіей. Мы такъ странно ведемъ свои дѣла что такая увѣренность могла весьма естественно утвердиться въ умахъ господствующей нынѣ во Франціи партіи. Впрочемъ, не только французскіе радикалы, но и умы болѣе серіозные начинаютъ сомнѣваться въ прочности нашего нынѣшняго положенія, видя какъ неясна и неопредѣленна наша правительственная программа, какъ силенъ повсюду господствующій у насъ обманъ, и какъ нагло предъявляетъ свои требованія вражеская крамола съ которою правительство борется-не-борется, какъ примыкающая къ правительству интиллегенція пассуетъ предъ этою крамолой, а законная печать съ нею перемигиваются. Преслѣдуются и подвергаются карѣ нигилисты обвиняемые въ намѣреніи ниспровергнуть существующій у насъ образъ правленія, и въ то же время ежедневно возбуждаютъ въ печати вопросъ о перемѣнѣ образа правленія, и вопросъ этотъ считается открытымъ, а въ иностранныхъ газетахъ, особенно французскихъ, безпрерывно появляются изъ Петербурга корреспонденціи заставляющія ожидать что если не сегодня, то завтра мы очутимся за Рубикономъ, и вмѣсто искорененія крамолы исполнимъ ея требованіе и отдадимъ себя въ ея руки.

Сейчасъ прочли мы интересное сообщеніе первоначально появившееся въ парижской газетѣ *Voltaire*. Ея лондонскій корреспондентъ разказываетъ свой разговоръ съ Гартманномъ, который объявилъ ему что партію къ которой онъ, Гартманнъ, принадлежитъ не слѣдутъ называты *нигилистами* (при этомъ корреспондентъ замѣчаетъ что Гартманнъ произносилъ это слово такъ: nighiliste, что̀ очень характеристично и доказываетъ подлинность сообщенія), а слѣдуетъ де называть ее *соціалистами*, что русскіе соціалисты имѣютъ мало общаго съ французскими и нѣмецкими, а болѣе де сходствуютъ съ ирландскими феніями.—„Ну, а еслибы спрашиваетъ корреспондентъ, дали конституцію? Прекратили ли бы вы ваши покушенія?“—„Можетъ-быть,“ отвѣчаетъ на это интересный собесѣдникъ который, къ позору нашего времени, нашелъ себѣ убѣжище въ странахъ гордящихся своею цивилизаціей. „Во всякомъ случаѣ продолжалъ Гартманнъ, „надо непремѣнно чтобы Россія получила конституцію.“ Негодяй положительно заявилъ при этомъ будто такъ-называемая у насъ диктатура, призванная для борьбы съ крамолой, того только и хочетъ чтобы даровать намъ конституцію. — „Скажите, наконецъ, каково дѣйствительное положеніе внутреннихъ дѣлъ въ Россіи?“ спрашиваетъ корреспондентъ.—„Кризисъ безпримѣрный въ исторіи міра,“ отвѣчаетъ Гартманнъ. „Все дезорганизовано. Соціализмъ пустилъ корни свои повсюду. Россія будетъ свободна или ея вовсе не будетъ.“—„Еще слово, какая роль женщины въ русской революціи?“—

„Самая важная. Русская женщина не такъ робка какъ Англичанка или Француженка. У насъ есть союзницы во всѣхъ классахъ общества.“

Слушая эти показанія преступника и сравнивая съ ними все то что доходитъ до свѣдѣнія европейской публики изъ самой Россіи, всякій по неволѣ придетъ къ заключенію что дѣло неладно... И нѣтъ ничего мудренаго что французскіе правители не выдали Гартманна дѣйствительно изъ опасенія какъ бы чрезъ это не поссориться съ Русскимъ народомъ, который быть-можетъ завтра или послѣзавтра провозгласитъ этого самаго Гартманна президентомъ россійской республики démocratique et sociale...

Дѣйствительно, явленіе безпримѣрное въ исторіи. Дѣйствительно, никогда не бывало столь наглаго, столь возмутительнаго обмана... И вся эта гнусная комедія происходитъ въ нашей жалкой, несчастной фальшивой интеллигенціи, объятой обманомъ и служащей притономъ и орудіемъ для вражеской крамолы злоумышляющей противъ Россіи, противъ Русскаго народа...

Б.

Приказомъ по военному вѣдомству за № 42 объявлено къ руководству новое положеніе объ эмеритальной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства и обнародованы льготы кои этимъ положеніемъ предоставлены какъ самимъ участникамъ кассы, такъ и ихъ осиротѣлымъ семействамъ.

Эмеритальная касса учреждена 25-го іюня 1859 года, по мысли выраженной въ Высочайшемъ указѣ военному министру отъ 17-го апрѣля 1859 года, для обезпеченія „существованія въ отставку заслуженныхъ чиновъ вѣдомства и семействъ ихъ.“ Вмѣстѣ съ утвержденіемъ перваго положенія о кассѣ, Государю Императору угодно было даровать на первоначальное образованіе кассы „особое денежное пособіе“ въ $7^1/_2$ милліоновъ. Благодаря щедротамъ Монарха, касса могла открыть свои дѣйствія по выдачѣ пенсій и пособій съ 1-го мая 1865 года, располагая капиталомъ въ 18 милліоновъ рублей.

На основаніи первоначальнаго положенія, полныя эмеритальныя пенсіи, выдаваемыя за 35 лѣтъ государственной службы, при 35 платныхъ годахъ, равнялись пенсіямъ выдаваемымъ изъ Государственнаго Казначейства. Пенсіи разчитывались по двумъ классамъ, то-есть за прослуженіе 25 и 35 лѣтъ, и въ каждомъ классѣ по 6 разрядамъ, въ зависимости отъ числа платныхъ лѣтъ. Но уже тогда раненымъ I класса, лицамъ удрученнымъ тяжкими неизлѣчимыми болѣзнями, предоставлена была особая льгота: они приравнивались къ лицамъ прослужившимъ 35 лѣтъ. Въ то же время „семействамъ убитыхъ въ сраженіяхъ, или при исполненіи служебныхъ обязанностей“ предоставлялись тѣ же права „какъ и семействамъ 35-лѣтнихъ пенсіонеровъ,“ то-есть имъ выдавалась пенсія всегда по I классу. Не были забыты семейства участниковъ кассы не выслужившихъ двадцати пяти лѣтъ: имъ назначались единовременныя пособія, хотя, правда, въ весьма скромномъ размѣрѣ.

Но при учрежденіи эмеритальной кассы всѣ разчеты ея дѣйствій были основаны на данныхъ вѣрныхъ лишь приблизительно, и потому тогда же было постановлено что, начиная съ 1860 года, каждыя десять лѣтъ положеніе о кассѣ будетъ подвергаемо пересмотру, въ видахъ „развитія сообразно средствамъ кассы размѣровъ и свойствъ разныхъ видовъ обезпеченія доставляемаго эмеритурой всѣмъ ея участникамъ.“

Первый пересмотръ состоялъ въ 1870 году, причемъ участникамъ кассы и ихъ семействамъ были предоставлены весьма обширныя льготы: оклады пенсій увеличены на 33 процента, назначены эмеритальныя пенсіи семействамъ всѣхъ членовъ эмеритальной кассы не выслужившимъ 25 лѣтъ, но участвовавшимъ въ кассѣ не менѣе пяти лѣтъ и, сверхъ того, вдовымъ матерямъ участниковъ, если они не получаютъ никакой пенсіи, была назначена половина эмеритуры выслуженной сыномъ.

Развитіе средствъ эмеритальной кассы было таково что оказалось полезнымъ на будущее время производить пересмотръ даже ранѣе истеченія десятилѣтняго срока, „если окажется въ томъ надобность.“ Въ силу этого, еще въ концѣ 1876 года, имѣя въ виду „постоянное, изъ года въ годъ увеличивающееся приращеніе эмеритальнаго капитала,“ предполагалось произвести новый пересмотръ, но вспыхнувшая весной 1877 года война заставила отложить это намѣреніе до осени минувшаго года.

Коммиссія, приступивъ въ октябрѣ къ пересмотру положенія и повѣркѣ средствъ

эмеритальной кассы, обнаружила что средства эти достигнутъ къ 1 января настоящаго года слишкомъ 68 милліоновъ, съ доходомъ въ $6^3/_4$ милліоновъ, на 56% превосходящимъ предположенія первой повѣрочной коммиссіи.

При такомъ процвѣтаніи эмеритальной кассы, было естественно ожидать и значительнаго увеличенія окладовъ, и новыхъ льготъ. Но пересмотръ 1879 года начинался при особыхъ условіяхъ: Необходимо было озаботиться обезпеченіемъ значительнаго числа жертвъ минувшей войны и „устроить участь осиротѣвшихъ ихъ семействъ," дать такъ сказать обратное дѣйствіе новому закону объ эмеритальныхъ пенсіяхъ. Это дѣло представлялось самымъ существеннымъ; „оно," какъ говорили мы въ октябрѣ, „должно быть первою заботой коммиссій, хотя бы для этого пришлось значительно сократить размѣръ тѣхъ улучшеній кои достанутся на долю лицъ выслуживающихъ пенсіи въ мирное время." Другую важную задачу, по нашему мнѣнію, представляло лучшее обезпеченіе семействъ членовъ кассы умершихъ на службѣ до выслуги двадцати пяти лѣтъ, такъ какъ въ этомъ именно обезпеченіи заключается одно изъ условій для того чтобы служащій отдавалъ всего себя службѣ не щадя живота. Обезпеченіе семействъ важно въ интересахъ государства, изъ средствъ коего образовался основный капиталъ кассы.

Посмотримъ съ этихъ точекъ зрѣнія на результаты работъ коммиссіи.

Первое что бросается въ глаза въ новыхъ измѣненіяхъ положенія объ эмеритальныхъ пенсіяхъ есть, какъ и въ 1870 году, значительное увеличеніе самыхъ окладовъ пенсій. Увеличеніе это достигло 17%, такъ что въ настоящее время высшій эмеритальный окладъ составляетъ уже полтора оклада государственной пенсіи. Озабоченная увеличеніемъ окладовъ, коммиссія какъ бы боялась заняться развитіемъ тѣхъ льготъ кои могутъ сократить размѣры этого увеличенія, льготъ для раненыхъ и для семействъ лицъ умершихъ отъ ранъ и усиленныхъ трудовъ на службѣ; даже уменьшила на будущее время размѣръ пенсій выдаваемыхъ семействамъ этихъ лицъ.

Все участіе коммиссіи къ раненымъ ограничилось предоставленіемъ имъ права получать пенсію по новымъ окладамъ и сверхъ того назначеніемъ *вновь* „раненымъ II класса которые, по засвидѣтельствованной неспособности продолжать какую-либо службу, будутъ уволены въ отставку до выслуги 25 лѣтъ" пенсій какъ бы за этотъ срокъ, *но по дѣйствительному числу платныхъ лѣтъ*, что, напримѣръ, даже для капитана въ настоящее время составитъ не болѣе 197 рублей, а въ большинствѣ случаевъ много менѣе.

„Выработавъ," сказано въ объяснительной запискѣ къ новому положенію, „*многія* (?) льготы, коммиссія признала необходимымъ: назначать пенсіи какъ бы за 25 лѣтъ государственной службы" семействамъ лицъ убитыхъ до выслуги этого срока на войнѣ или умершихъ отъ ранъ, „отмѣнивъ существующее нынѣ постановленіе о выдачѣ имъ пенсій какъ бы за 35 лѣтъ." Предположеніе коммиссіи стало утвержденнымъ правиломъ, а вмѣстѣ съ этимъ вдовѣ капитана съ дѣтьми придется получать 197 рублей вмѣсто 295, вдовѣ майра 216 вмѣсто 323, вдовѣ полковника 359, вмѣсто 539, и это лишь въ томъ случаѣ если чины эти были 19 лѣтъ вкладчиками кассы.

Вотъ сужденія высказанныя коммиссіей по этому предмету: „Эмеритальная касса предоставляетъ тяжело-раненымъ пенсію какъ бы за 35 лѣтъ не въ видѣ вознагражденія за извѣстныя увѣчья, но для облегченія участи страдальцевъ, для предоставленія имъ болѣе заботливаго ухода и помощи, а потому подобныя пенсіи должны считаться принадлежащими только самимъ участникамъ кассы, безъ перехода на семейства... Нельзя смотрѣть иначе какъ на особую милость даже и на то что эмеритальная касса приравниваетъ ихъ къ семействамъ лицъ умершихъ на службѣ. Иначе явилась бы та аномалія что служба до самой смерти давала бы семейству меньшія права..."

Коммиссія, къ сожалѣнію, не приняла въ соображеніе что изувѣченный на войнѣ или при исполненіи другихъ обязанностей военной службы, и потому неспособный нигдѣ служить, уже сослужилъ *полную* службу, какъ это признавалъ прежній эмеритальный уставъ, и что по ея проекту семейства лицъ умершихъ отъ ранъ и убитыхъ приравниваются къ семействамъ умершихъ на службѣ отъ обыкновенныхъ болѣзней.

№ 80.

Москва, 20-го марта.

А.

Лондонскія депеши говорятъ о начавшихся выборахъ въ парламентъ. Итакъ, борьба началась, и мы вскорѣ узнаемъ какой въ Англіи партіи достанется законодательная власть и управленіе дѣлами страны.

„Списокъ кандидатовъ, который мы печатаемъ сегодня утромъ, говоритъ газета *Times* въ № отъ 27 марта, дастъ нашимъ читателямъ возможность судить о размѣрахъ настоящей борьбы. Почти каждое мѣсто въ Англіи, Вельсѣ и Ирландіи должно быть взято съ бою. Въ Шотландіи затрудненій меньше, но и въ Шотландіи у каждаго консервативнаго кандидата есть противникъ. Рѣчи, которыя мы приводимъ ежедневно, показываютъ до какого напряженія доходитъ борьба и съ какимъ ожесточеніемъ она ведется съ обѣихъ сторонъ.“

Въ такомъ же смыслѣ выражается и *Saturday Review*. „Даже семейныя узы разрываются, восклицаетъ эта газета, и мнѣніе высказанное г. Гладстономъ что всякій честный политикъ долженъ быть готовъ къ борьбѣ съ близкими и родными, осуществилось въ Марльборо, гдѣ въ домѣ Бруса произошелъ расколъ и избирателямъ придется твердо знать имена дяди и племянника “

Переходя къ вопросу о результатѣ выборовъ, „кто,“ спрашиваетъ та же газета, „кто выигрываетъ въ этой ожесточенной распрѣ? Самый простой отвѣтъ тотъ что никто этого не знаетъ. Обѣ партіи очень увѣрены въ успѣхѣ и имѣютъ для этого повидимому достаточныя основанія. Конечно, невозможно чтобъ обѣ были правы, но и та и другая можетъ имѣть достаточныя основанія считать себя правою. Консерваливы отличаются единствомъ, и было гораздо болѣе случаевъ перехода либераловъ на сторону консерваливовъ чѣмъ консерваливовъ на сторону либераловъ. Съ другой стороны, либералы могутъ разчитывать на нѣкоторые избирательные округи, бывшіе всегда на ихъ сторонѣ и перешедшіе на послѣднихъ выборахъ на сторону консерваливовъ, и надѣяться возвратить ихъ на свою сторону. Къ тому же, и они стали обнаруживать единодушіе.“

Бросая испытующій взглядъ на отдѣльныя мѣстности, цитуемая газета приходитъ къ заключенію что даже и во внутреннихъ графствахъ, считавшихся до сихъ поръ твердынями торійской партіи, произойдетъ борьба, и еслибы вигамъ удалось произвести серіозное впечатлѣніе на избирателей въ графствахъ, то власть очень быстро очутилась бы въ ихъ рукахъ. „Всякое заключеніе о результатахъ выборовъ, продолжаетъ далѣе газета, было бы теперь еще гадательно. Результаты эти въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ могутъ зависѣть отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ. Само собою разумѣется что тамъ гдѣ на прошлыхъ выборахъ кенсервативное большинство было незначительное, или гдѣ въ настоящее время на сторонѣ либераловъ будетъ хорошій кандидатъ, а на сторонѣ консерваливовъ плохой, или гдѣ измѣнились преобладающія мѣстныя вліянія, или избиратели раздѣлились вслѣдствіе избытка кандидатовъ, само собою разумѣется что во всѣхъ этихъ частныхъ случаяхъ либералы могутъ разчитывать на успѣхъ. Вотъ все что можно сказать вообще, не зная въ подробности мѣстныхъ условій. Если подвести итогъ вѣроятнымъ шансамъ обѣихъ сторонъ можно придти къ заключенію что въ Англіи и Вельсѣ либералы могутъ разчитывать на пріобрѣтеніе сорока пяти мѣстъ, а консерваливы—тридцати. Но это еще не значитъ чтобы либералы пріобрѣли всего пятнадцать мѣстъ. Что касается Шотландіи, есть основаніе полагать что либералы могутъ выиграть тамъ четырнадцать мѣстъ, а консерваливы четыре. Относительно Ирландіи ни одинъ человѣкъ въ Англіи не возмется даже гадать о томъ что можетъ произойти. Но если основываться на общихъ соображеніяхъ, то пожалуй можно было бы сказать что консерваливы имѣютъ шансы проиграть тамъ тридцать мѣстъ и выиграть пять. Въ заключеніе можно сказать что оппозиція въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова можетъ надѣяться выиграть въ Шотландіи и Ирландіи. Что же касается Англіи, то результатъ выборовъ таится въ сердцахъ ея избирателей.“

Но какъ бы ни рѣшился вопросъ и кто бы ни восторжествовалъ, можно съ нѣкоторою вѣроятностью предсказать что партія которая побѣдитъ не будетъ имѣть значительнаго большинства въ будущемъ парламентѣ, и правительство выйдетъ слабое. Если побѣда останется за вигами, боль-

шинство ихъ будетъ вѣроятно малое, если же восторжествуютъ торіи, то оппозиція по всему вѣроятію будетъ гораздо сильнѣе чѣмъ теперь, и лорду Биконсфильду не такъ-то будетъ ловко продолжать свою „бойкую политику.“

Б.

Въ послѣдніе дни, въ газетахъ появляются корреспонденціи по дѣлу разбиравшемуся 5 марта въ Харьковскомъ окружномъ судѣ. Дѣло это, само по себѣ, не выходитъ изъ разряда самыхъ обыкновенныхъ; весь интересъ приданъ ему единственно личностью подсудимаго, Александра Дьякова, извѣстнаго въ литературѣ подъ именемъ Незлобина. Это человѣкъ участвовавшій много лѣтъ тому назадъ въ такъ-называемыхъ нигилистическихъ кружкахъ и ихъ дѣятельности, но затѣмъ порвавшій съ ними всякую связь и выступившій противъ нихъ въ литературѣ съ талантливыми и правдивыми изобличеніями той развращенной среды въ которой самъ нѣкогда вращался. Преступленія за которыя онъ судился относятся къ тому времени когда связи его съ этою средой еще не были разорваны; но судебная процедура имѣла дѣло уже съ совершенно инымъ, нравственно переродившимся, человѣкомъ. Не закоренѣлый, одичалый злодѣй и не рисующійся своимъ радикализмомъ мальчишка предстоялъ предъ судомъ, а человѣкъ сознавшій всю пагубу заблужденій своей первой молодости, и не на словахъ только, но на дѣлѣ доказавшій свою готовность загладить ихъ. Подобные случаи не часты, и нѣтъ ничего удивительнаго что печать остановила на этомъ случаѣ особенное вниманіе. Но какъ отнеслась она къ нему? Корреспонденціи трактующія объ этомъ дѣлѣ характеризуютъ какъ нельзя лучше ту обстановку въ какой мы нынѣ живемъ; онѣ въ этомъ отношеніи гораздо типичнѣе тѣхъ преступленій въ которыхъ обвинялся подсудимый.

Началась травля противъ Незлобина задолго до судебнаго разбирательства, когда еще не было и не могло быть извѣстно дойдетъ ли дѣло до суда. 23 сентября прошлаго года въ *Голосъ* появилось извѣстіе изъ Курска:

„Извѣстный сотрудникъ *Московскихъ Вѣдомостей*, г. Незлобинъ (псевдонимъ), авторъ пресловутой „Кружковщины,“ содержится въ настоящее время въ Курскомъ тюремномъ замкѣ. О томъ какимъ образомъ попалъ этотъ литераторъ-обличитель въ острогъ носятся различные слухи; они до того разнорѣчивы что имъ вполнѣ довѣрять нельзя. Одно достовѣрно что онъ обвиняется въ различныхъ мошенничествахъ.“

Туманная неопредѣленность и странный тонъ этого извѣстія требовали вниманія. Чтобы нѣсколько разсѣять этотъ туманъ, мы поспѣшили заявить то немногое что узнали объ этомъ „извѣстномъ сотрудникѣ *Московскихъ Вѣдомостей*“ и разказать вкратцѣ исторію нашихъ къ нему отношеній и его „сотрудничества“ въ нашихъ изданіяхъ. Но злорадное извѣстіе вызвавшее насъ на объясненіе было только сигналомъ къ дальнѣйшему. Въ *Голосъ* (отъ 26 сентября), а затѣмъ и въ другихъ газетахъ, была напечатана корреспонденція изъ Курска посвященная характеристикѣ Незлобина. Авторъ этой корреспонденціи хорошо знакомъ со всѣмъ прошлымъ Незлобина. Ему извѣстно многое что могли знать только офиціальные слѣдователи. Ему извѣстно что арестованный литераторъ „не кто иной какъ Александръ Александровичъ Дьяковъ, бывшій учитель народной школы, бывшій нотаріусъ, бывшій прикащикъ книжнаго магазина Кожанчикова“ и т. д. Ему, курскому корреспонденту, извѣстны всѣ тѣ изданія въ какихъ сотрудничалъ Дьяковъ, всѣ статьи какія онъ въ нихъ печаталъ, всѣ псевдонимы какими онъ подписывался. Онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи его письма, изъ которыхъ можетъ приводить выписки. При этомъ, задачею себѣ корреспондентъ поставилъ не раскрытіе фактической стороны дѣла, а нравственную характеристику арестованнаго, независимо отъ фактовъ которые привели его подъ слѣдствіе.

„Беллетристъ-пасквилянтъ,“ вотъ имя какимъ съ первыхъ же строкъ корреспонденціи окрещенъ арестованный. Въ этомъ наименованіи разгадка того озлобленія съ какимъ накинулись на него разные органы нашей печати. Беллетристъ-пасквилянтъ! Но какіе же онъ написалъ пасквили? Пасквилями оказываются фельетоны помѣщавшіеся въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (когда ихъ издавалъ г. Баймаковъ) въ видѣ писемъ изъ Цюриха, подъ заглавіемъ „Встрѣча съ Русскими за границей,“ затѣмъ разказы печатавшіеся за

подписью Незлобина въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, далѣе нѣсколько выпусковъ *Кружковщины* изданныхъ бывшимъ одесскимъ профессоромъ, нынѣ редакторомъ *Берега*, г. Цитовичемъ.

Публика достаточно знакома съ литературными произведеніями Дьякова или Незлобина. Въ нихъ авторъ, по собственному опыту знакомый съ тѣмъ міромъ который описывалъ, яркими красками и мѣтко схваченными съ натуры чертами изобразилъ тѣ нигилистическіе кружки откуда выходятъ наши революціонеры. Правдивость этихъ очерковъ подтверждается массою фактовъ выясненныхъ многими процессами. Но чѣмъ правдивѣе эти очерки, тѣмъ сильнѣе вызываемая ими злоба, тѣмъ настойчивѣе желаніе выставить ихъ автора „клубничнымъ обличителемъ молодаго поколѣнія, обличителемъ который на этомъ поприщѣ превзошелъ даже московскихъ Ванекъ-Каиновъ," а самые очерки — „обращающими на себя вниманіе публики лишь бьющимъ черезъ край цинизмомъ."

Еслибы г. Дьяковъ попрежнему оставался въ нигилистическомъ лагерѣ, еслибъ онъ въ своихъ очеркахъ держался мерзости покинутыхъ имъ лжеученій и воскурялъ ѳиміамъ своимъ прежнимъ сотоварищамъ, въ его произведеніяхъ не усмотрѣли бы „злоупотребленія литературнымъ дарованіемъ, ложно направленнымъ," но

Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ...

Вотъ его вина, предъ которою ничто все прочее. „Ренегатъ нигилизма," вотъ имя какимъ честятъ его теперь въ *законной* печати!

Не будь онъ отступникомъ нигилизма, и отношеніе къ нему печати было бы совсѣмъ иное. Въ него не кидали бы грязью, къ нему напротивъ относились бы со строгимъ соблюденіемъ церемоній. Припомните процессъ Мирскаго, припомните ту мелкую черту изъ внѣшней обстановки этого процесса, что этотъ подсудимый явился въ залу судебнаго засѣданія во фракѣ. Это никого не скандализовало, никому не показалось выходящимъ изъ порядка вещей. Но вотъ въ Харьковѣ предсталъ предъ судей „ренегатъ нигилизма" тоже во фракѣ, и это обстоятельство уже подчеркивается въ газетныхъ корреспонденціяхъ: „Къ числу интересныхъ подробностей самаго разбирательства дѣла отнесемъ костюмъ въ которомъ явился подсудимый. Черный фракъ, бѣлый галстукъ и такія же перчатки не совсѣмъ, кажется, соотвѣтствуютъ положенію подсудимаго которое занималъ на этотъ разъ авторъ *Кружковщины*. Скамья подсудимыхъ не зала маскарада, и садиться на нее въ подобномъ одѣяніи не покажется ли нѣкоторымъ фатовствомъ!?"

Отступнику нигилизма всякое лыко въ строку. Помимо глумленія надъ его превращеніемъ изъ пропагандиста-революціонера въ изобличителя нигилизма, для вящаго посрамленія его, употребляются серіозныя старанія доказать что онъ никогда и не былъ надежнымъ нигилистомъ; разыскивается въ дѣлѣ обстоятельство которое де „очень мало свидѣтельствуетъ о прочности тогдашнихъ радикальныхъ убѣжденій Дьякова..."

Насколько можно вѣрить въ правдивость судебныхъ отчетовъ сообщенныхъ корреспондентами при подобныхъ отношеніяхъ къ подсудимому, предоставляемъ судить читателямъ. Впрочемъ, Международное Телеграфное Агентство уже опубликовало телеграмму изъ Харькова увѣдомляющую что „нѣкоторыя подробности судебнаго разбирательства переданы въ газетахъ невѣрно." Несомнѣнно одно что Дьяковъ обвинялся въ составленіи подложнаго метрическаго свидѣтельства и въ проживательствѣ по паспорту дворянина Булгакова — имя подъ которымъ былъ онъ намъ извѣстенъ до арестованія его въ Курскѣ.

Нѣкоторыя газеты съ негодованіемъ и отвращеніемъ указываютъ на эти преступленія. Ни то что эти, а можетъ-быть и другія подобныя преступленія совершены подсудимымъ въ эпоху когда онъ принадлежалъ къ шайкѣ нигилистовъ, ни полное и доказанное его раскаяніе, ничто не трогаетъ ихъ. Въ своемъ внезапномъ ригоризмѣ онѣ забываютъ что принадлежность къ революціоннымъ кружкамъ почти всегда сопровождалась и сопровождается поддѣлкой паспортовъ и проживаніемъ съ чужими или подложными паспортами. Стóитъ припомнить о какой массѣ преступленій этого рода упоминается въ Жихаревскомъ слѣдствіи, и сотни виновныхъ въ этомъ преступленіи ни сколько не вызывали противъ себя негодованія нашей печати. Даже прокуратура, при безмолвномъ одобреніи печати, не сочла тогда нужнымъ внести въ число обвинительныхъ пунктовъ поддѣлку паспортовъ и проживаніе съ чужими видами. Но под-

вернулся „ренегатъ нигилизма,“ и взглядъ тотчасъ же измѣнился.

Въ чемъ именно и въ какой мѣрѣ виновенъ г. Дьяковъ, и насколько заслуженная имъ кара можетъ быть смягчена въ виду его раскаянія и того что онъ ѣхалъ въ Россію именно съ цѣлію принести повинную, объ этомъ мы не судимъ. Многое въ этомъ отношеніи еще недостаточно выяснилось. За то нынѣшнее направленіе печати стало внѣ сомнѣнія. Она ни на шагъ не ушла отъ дифирамбовъ персонѣ и оправданію Вѣры Засуличъ, въ лицѣ которой судились де „всѣ мы, все русское общество.“ Восторгается подвигомъ этой „гражданки,“ негодуетъ на Дьякова и видитъ пасквиль въ его писаніяхъ все одна и та же интеллигенція, кричащая о себѣ какъ о здоровыхъ силахъ на которыя должно де опереться правительство въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ...

B.

Что Франціи предстоятъ новыя катастрофы и что толчокъ къ тому будетъ данъ позорнымъ фактомъ покровительства оказаннаго нынѣшнимъ Французскимъ правительствомъ злодѣю, который замышлялъ гнуснѣйшее изъ покушеній съ помощію динамита и Румкорфова снаряда, это начинаетъ уже и теперь оказываться.

Берлинская *Національная Газета* справедливо замѣчаетъ что французскіе радикалы, которые по поводу Гартманновскаго дѣла испробовали свои силы, намѣрены повидимому начать новую кампанію въ пользу неограниченной амнистіи. Не задолго предъ симъ собирались въ Парижѣ „вольнодумцы“ X округа Парижа подъ предсѣдательствомъ „гражданина“ Бланки. На этомъ сборищѣ между прочимъ высказывалось что Французскій народъ (т.-е. радикальная сволочь его) показалъ на Гартманновскомъ дѣлѣ что стоило де ему только заявить свою твердую волю чтобы настоять на своемъ. Народъ де не долженъ теперь забывать свою силу, и на будущихъ всеобщихъ выборахъ онъ покажетъ де ее снова на побіеніи противниковъ полной амнистіи. Изъ Ліона въ *Національную Газету* телеграфируютъ что тамошніе радикалы намѣрены, на упразднившееся мѣсто депутата Милло, выбраннаго въ сенаторы, выставить кандидатомъ Рошфора, не включеннаго въ амнистію. Вообще, по свѣдѣніямъ изъ Парижа, президентъ республики и его правительство уже теперь чувствуютъ себя въ затруднительномъ положеніи не имѣя силъ дать какой-нибудь отпоръ своимъ *нигилистамъ*, которые во Франціи имѣютъ совсѣмъ иное значеніе и иную силу чѣмъ шайка потерянныхъ людей въ Россіи, которые служатъ орудіемъ несвѣдомыхъ имъ самимъ плановъ.

№ 81.

Москва, 21-го марта.

Выборы въ Англійскій парламентъ начались въ среду, 31 (19) марта, и окончатся лишь 12 апрѣля. Телеграфъ могъ сообщить до сихъ поръ лишь результаты первыхъ трехъ дней двухнедѣльнаго избирательнаго періода. Тѣмъ не менѣе, уже теперь дѣло приняло такой оборотъ что побѣда виговъ считается дѣломъ рѣшеннымъ. Въ этомъ смыслѣ высказался еще вчера консервативный органъ *Pall Mall Gazette*, котораго нельзя заподозрить въ поспѣшномъ преувеличеніи успѣха противниковъ. Но сегодняшнія телеграммы уже не оставляютъ никакого сомнѣнія касательно исхода выборовъ, что̀ признаютъ и министерскіе органы. До сихъ поръ выбраны лишь 277 депутатовъ (не много болѣе одной трети общаго числа членовъ палаты общинъ) и уже теперь виги пріобрѣли 48 *новыхъ* мѣстъ. Если успѣхи виговъ пойдутъ въ той же прогрессіи, то они будутъ имѣть въ палатѣ значительное большинство. Это тѣмъ знаменательнѣе что на всѣхъ частныхъ выборахъ, по случаю упраздненія отдѣльныхъ мѣстъ въ закрытомъ нынѣ парламентѣ, происходившихъ въ послѣдніе мѣсяцы, виги терпѣли пораженіе за пораженіемъ, что̀ и укрѣпило самоувѣренность теперешняго кабинета и побудило его къ распущенію парламента. Но тѣмъ полнѣе будетъ и разочарованіе лорда Биконсфильда.

Замѣчательно что европейскія биржи вчерашняго дня привѣтствовали вѣсть о вѣроятномъ паденіи торійскаго кабинета довольно значительнымъ повышеніемъ курсовъ, въ особенности на русскіе фонды.

Какъ бы то ни было, но въ виду направленія принятаго избирательнымъ движеніемъ въ Англіи, особенный интересъ получаютъ заявленія относящіяся до *иностранной* политики и заключающіяся въ

избирательныхъ рѣчахъ вліятельнѣйшихъ изъ ораторовъ либеральной партіи. Этихъ рѣчей произнесено такое множество что прослѣдить ихъ всѣ нѣтъ никакой возможности. Одинъ г. Гладстонъ произнесъ нѣсколько десятковъ рѣчей въ разныхъ мѣстахъ Англіи и теперь боленъ отъ утомленія. Г. Гладстонъ былъ безпощаденъ къ политикѣ, какъ внутренней такъ и внѣшней, своего антагониста, и вообще мало стѣснялся въ сужденіяхъ, даже когда рѣчь его касалась иностранныхъ державъ, такъ какъ онъ официально сложилъ съ себя званіе вождя партіи виговъ. Съ большею ѣдкостью говорилъ онъ объ Австріи, вмѣшавъ въ политику личность самого императора Франца-Іосифа, о коемъ англійскія газеты сообщали будто онъ затронулъ г. Гладстона въ разговорѣ съ британскимъ посломъ, и пожелавъ успѣха лорду Биконсфильду, назвалъ г. Гладстона зловреднымъ, будто бы даже „зачумленнымъ“ человѣкомъ. Это подало поводъ къ дипломатическимъ объясненіямъ и побудило сэръ-Генри Эллиота официально опровергнуть смыслъ словъ сказанныхъ ему императоромъ Францемъ-Іосифомъ, о чемъ телеграфъ въ свое время поспѣшилъ насъ увѣдомить, хотя мы тогда еще не могли знать въ чемъ дѣло. Тѣмъ не менѣе, случай этотъ выдвинулъ на первый планъ вопросъ объ отношеніяхъ между Англіей и Австріей, и въ то время какъ г. Гладстонъ и прочіе ораторы изъ партіи виговъ всячески отвергаютъ всякую солидарность между интересами Англіи и Австріи, причемъ г. Гладстонъ выразился что „на свѣтѣ нѣтъ уголка относительно котораго можно было сказать: здѣсь Австрія сотворила добро,“ официозный органъ торійскаго кабинета *Standard* старается доказать что Австрія есть необходимѣйшій союзникъ Англіи, какъ неусыпный стражъ ея интересовъ на Дунаѣ и какъ вѣрнѣйшій оплотъ противъ захвата Константинополя Россіей.

Не меньшее значеніе придается избирательнымъ рѣчамъ маркиза Гартингтона, который состоитъ теперь официальнымъ вожакомъ партіи виговъ. Въ рѣчи произнесенной имъ 25 марта онъ изложилъ программу своей партіи по отношенію къ Восточному вопросу, и рѣчь эта получаетъ нынѣ особенный интересъ въ виду возрастающихъ шансовъ этой партіи: „Въ случаѣ если либеральное правительство достигнетъ власти.“ сказалъ маркизъ Гартингтонъ, „мы можемъ напередъ сказать „что политика его не будетъ повтореніемъ „той которою теперешнее правительство „кончится какъ тріумфомъ, но которая въ „дѣйствительности потерпѣла рѣшительное „фіаско. Мы не поставимъ интересы и честь „Англіи въ зависимость отъ неприкосно„венности непреобразованнаго Турецкаго „правительства. Мы не будемъ считать „положеніе Турціи и отношеніе Турецкаго „правительства къ его христіанскимъ под„даннымъ какъ дѣло имѣющее интересъ „лишь для Турціи и Россіи, въ которое „мы не должны вмѣшиваться пока не за„тронуты извѣстные напередъ опредѣлен„ные интересы Англіи. Мы не будемъ ста„раться разрушить ладъ Европы когда по „счастливой случайности она придетъ къ „соглашенію касательно Турціи. Мы на„противъ употребимъ всѣ усилія чтобы „содѣйствовать такому соглашенію, и если „оно когда-либо еще разъ состоится, мы „приложимъ всѣ старанія осуществить его.“

Смыслъ послѣднихъ намековъ маркиза Гартингтона довольно ясенъ: онъ разумѣлъ ту фразу Восточнаго вопроса предъ послѣднею войной когда лордъ Биконсфильдъ отвергъ Берлинскій меморандумъ и тѣмъ сдѣлалъ войну неизбѣжною. Партія виговъ совершенно ясно понимаетъ что если это было сдѣлано въ разчетѣ на то что Россія, втянувшись въ войну, выйдетъ изъ ней ослабленною и пораженною, то разчетъ не оправдался. Война обошлась, правда, Россіи дорого, но результаты ея немаловажны. Россія не только вычеркнула изъ исторіи всѣ послѣдствія Крымской кампаніи 50-хъ годовъ; она не только возвратила себѣ отнятую у нея послѣ той кампаніи территорію, не только пріобрѣла значительныя приращенія въ Малой Азіи и новый портъ въ Черномъ Морѣ, но что еще важнѣе, она освободила и призвала къ жизни народы Востока, и ея обаяніе въ глазахъ христіанскихъ подданныхъ Турціи возросло и упрочилось надолго. Всего этого можно было избѣжать въ то время когда лордъ Биконсфильдъ разстроилъ европейскій концертъ, въ силу котораго была возможность для Англіи забрать въ свои руки дѣло преобразованія Балканскаго полуострова и принять на себя роль благодѣтельницы и покровительницы турецкихъ христіанъ, которая такъ улыбается г. Гладстону.

Не легко представить себѣ ту комбинацію

при которой англійскіе либералы предполагаютъ *теперь* исправить ошибки надѣланныя кабинетомъ лорда Биконсфильда и думаютъ возстановить кредитъ Англіи на Востокѣ, подорванный не только въ глазахъ тамошнихъ христіанъ, но и самихъ Турокъ. Во всякомъ случаѣ Россія можетъ спокойно взирать на дальнѣйшіе развитіе вещей.

Зато въ Австріи не на шутку встревожены по поводу ожидаемаго исхода англійскихъ выборовъ. То положеніе которое создано для Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, положеніе съ коимъ наконецъ примирились и крикливые вожаки тамошнихъ либераловъ, такъ нападавшіе на графа Андраши, и которое считалось владѣніемъ упроченнымъ, нынѣ вновь подвергается вопросу. Толкуютъ что съ паденіемъ торійскаго кабинета въ Англіи, пограничная линія Балканъ и Восточная Румелія,—созданія лорда Биконсфильда,—потеряютъ своего главнаго и пожалуй единственнаго защитника. Изъ словъ маркиза Гартингтона явствуетъ что Англія, подъ управленіемъ вигскаго кабинета, не стала бы противиться возстановленію Болгаріи въ тѣхъ границахъ кои намѣчены для нея Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Ни Италія, ни Франція не имѣютъ ни малѣйшаго повода ратовать за это эфемерное созданіе торійскаго кабинета. Но, что всего прискорбнѣе для Австріи, имѣются указанія что и Германія не считаетъ Восточной Румеліи такимъ дѣломъ Берлинскаго трактата которое не могло бы быть измѣнено тѣмъ же путемъ какимъ оно въ этотъ трактатъ и попало, то-есть чрезъ непосредственное соглашеніе между Англіей и Россіей.

Въ этомъ смыслѣ, съ большимъ хладнокровіемъ, высказывается вѣнскій корреспондентъ *Національной Газеты*, который къ этому прибавляетъ что было бы пожалуй выгодно, „въ интересахъ европейскаго мира,“ еслибъ искусственныя преграды, поставленныя естественному развитію вещей на Востокѣ Берлинскимъ трактатомъ, были вовсе устранены.

Во всякомъ случаѣ, готовящаяся въ Англіи перемѣна правительства вызоветъ новыя комбинаціи въ международной политикѣ.

№ 82.

Москва, 22-го марта.

А.

Мы продолжаемъ получать съ разныхъ сторонъ заявленія по ожидающему законодательнаго рѣшенія, крайне важному для всей Россіи, вопросу о металлической промышленности. Къ числу такихъ заявленій принадлежитъ и помѣщаемая ниже статья г. Авдакова „О необходимости развитія на югѣ Россіи чугуноплавильнаго производства на минеральномъ топливѣ.“ Спеціалистъ въ горномъ дѣлѣ, авторъ рядомъ вѣскихъ соображеній доказываетъ что именно югъ Россіи заключаетъ въ себѣ всѣ естественныя условія для широкаго развитія у насъ желѣзнаго производства, что именно на югѣ Россіи предстоитъ желѣзному дѣлу блестящая будущность если только этому дѣлу будетъ оказана надлежащая поддержка. Поддержка эта не потребуетъ отъ государства чрезмѣрныхъ жертвъ. Для успѣха дѣла нужно устройство путей сообщенія къ мѣсторожденіямъ желѣзныхъ рудъ; но требуются тутъ не тысячеверстныя желѣзныя линіи, а короткія вѣтви. Нужно чтобъ и существующія желѣзныя дороги пришли на помощь дѣлу, а не тормозили его своими порядками, какъ тормозятъ каменноугольное дѣло. Но измѣненіе этихъ порядковъ (вѣрнѣе: непорядковъ) ни для кого не было бы стѣсненіемъ: оно только возвысило бы доходность дорогъ увеличивъ массу перевозимыхъ по нимъ грузовъ, и тѣмъ самымъ умепьшило бы правительственныя приплаты по гарантіямъ. Требуется, далѣе, ослабленіе конкурренціи иностраннаго чугуна и желѣза; но повышеніе тарифа на привозные металлы было бы, при нынѣшнихъ условіяхъ, не жертвой со стороны казны, а напротивъ крупнымъ приращеніемъ ея доходовъ. Нужно, наконецъ, строгое соблюденіе условія чтобы всѣмъ желающимъ заняться желѣзнымъ производствомъ было оказываемо одинаковое, равное, чуждое личнаго пристрастія, поощреніе. Не требуется тутъ увеличеніе суммъ которыя правительство находитъ необходимымъ и возможнымъ жертвовать въ видахъ развитія металлическаго производства, а лишь употребленіе ихъ дѣйствительно для этой цѣли, а не на обогащеніе спекулянтовъ умѣющихъ ловко обдѣлывать свои дѣлишки.

Сказаннымъ исчерпывается все что̀ нужно для того чтобы русская желѣзная промышленность развилась и установилась твердо. И едва ли есть возможность оспаривать что наибольшіе шансы для ея развитія представляетъ намъ именно Югъ, гдѣ богатыя, неистощимыя желѣзныя руды находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ богатѣйшими, неисчерпаемыми залежами каменнаго угля. Во всемъ мірѣ добываніе чугуна въ огромныхъ количествахъ и удешевленіе его, въ силу этого, стало возможнымъ лишь вслѣдствіе перехода отъ древеснаго къ минеральному топливу при выплавкѣ чугуна. Когда въ Англіи чугунъ плавился древеснымъ топливомъ, размѣръ годоваго производства его не превышалъ шести милліоновъ пудовъ, и съ оскудѣніемъ лѣсовъ все уменьшался и уменьшался. Дошло до того что въ половинѣ прошлаго столѣтія все производство чугуна тамъ сократилось до ничтожной цифры одного милліона пудовъ.*) Не Англія снабжала тогда Россію желѣзомъ, какъ нынѣ, а Россія Англію, получавшую его отъ насъ въ количествѣ свыше двухъ милліоновъ пудовъ въ годъ. Но декорація измѣнилась когда въ Англіи обратились къ каменному углю. Размѣры добыванія чугуна стали расти въ быстрой прогрессіи; его было выплавлено тамъ (приблизительно)

Въ	1796	году	8	милл. пуд
„	1806	„	16	„ „
„	1826	„	37	„ „
„	1836	„	75	„ „
„	1846	„	140	„ „
„	1876	„	406	„ „

Нѣтъ никакихъ естественныхъ препятствій, а напротивъ, имѣются всѣ данныя къ развитію чугуннoплавильнаго дѣла въ подобныхъ же и еще въ бо́льшихъ размѣрахъ и на нашемъ югѣ. По своимъ естественнымъ условіямъ, онъ можетъ и долженъ быть не хлѣбнымъ только, но также каменноугольнымъ и желѣзнымъ рынкомъ Европы.

Нельзя не согласиться, далѣе, съ тѣмъ что и на Уралѣ настоящее развитіе горнозаводскому дѣлу, соотвѣтствующее роднымъ богатствамъ этого края, можетъ дать только каменный уголь мѣсторожденія и признаки котораго открыты тамъ во многихъ мѣстахъ. Будущность уральскаго горнозаводства зависитъ преимущественно отъ того въ какой мѣрѣ воспользуется оно Луньевскими и иными каменноугольными копями. Тѣмъ не менѣе, утвержденіе что „настоящая производительность древесноугольнаго чугуна близка къ *maximum* производительности“ кажется намъ, по отношенію къ Россіи, преждевременнымъ и опрометчивымъ. Оно не совсѣмъ вѣрно даже по отношенію къ Уралу, какъ ни велико тамъ оскудѣніе древеснаго топлива. Это оскудѣніе есть результатъ неразчетливаго пользованія имъ свыше естественнаго прироста прилежащихъ къ уральскимъ заводамъ лѣсовъ. Но это не значитъ чтобы довольствуясь только естественнымъ приростомъ нельзя было увеличить на Уралѣ выплавку чугуна на одномъ древесномъ топливѣ, не принимая въ разчетъ каменноугольнаго. При годичной выплавкѣ 17 милліоновъ пудовъ чугуна, уральскимъ заводамъ не достаетъ обычнаго лѣснаго прироста лишь потому что чугунъ тамъ же, на Уралѣ, перерабатывается въ желѣзо. Эта переработка и ведетъ главнымъ образомъ къ истребленію тамошнихъ лѣсовъ: чтобъ изготовить пудъ желѣза нужно втрое болѣе топлива чѣмъ для изготовленія одного пуда чугуна. Но еслибъ у уральскихъ заводчиковъ былъ подручный сбытъ не желѣза только, а чугуна; еслибы, напримѣръ, устроились на Камѣ сталерельсовые заводы работающіе на каменномъ углѣ Луньевскомъ или Донецкомъ, смотря по тому какой удобнѣе направить на нашъ великій водный путь; еслибы, въ виду этого, уральскіе лѣса шли на выработку не желѣза, а чугуна,—размѣры чугуннoплавильнаго производства на древесномъ топливѣ могли бы тамъ удвоиться, если не утроиться. Употребленіе каменнаго угля на выдѣлку чугуна не исключаетъ употребленія для той же цѣли и угля древеснаго, какъ свидѣтельствуетъ между прочимъ примѣръ Америки, Франціи и другихъ странъ, и древесному топливу предстоитъ еще играть въ Россіи не малую роль въ чугуннoплавильномъ дѣлѣ, хотя главное, первенствующее въ немъ значеніе и принадлежитъ каменному углю. При оскудѣніи лѣснаго матеріала въ однѣхъ мѣстностяхъ, Россія представляетъ одновременно мѣстности не знающія что̀ дѣлать со своими лѣсами, гдѣ эти лѣса гніютъ на корню, принося своимъ владѣльцамъ не доходъ, а убытокъ.

*) См. *Обзоръ горной производительности Россіи*, Чевкина и Озерскаго, въ *Сборникѣ Статистическихъ Свѣдѣній* изд. Имп. Геогр. Общ. Т. I., стр. 190.

Что получаетъ, напримѣръ, казна съ принадлежащихъ ей лѣсовъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ (болѣе $3^1/_2$ милліоновъ десятинъ)? 69 копѣекъ дохода съ сотни десятинъ, при 3 руб. 50 коп. расхода. А лѣсовъ, подобныхъ Верхотурскимъ, не мало на нашемъ сѣверѣ. Употребленіе ихъ естественнаго прироста на чугуннoплавильное дѣло дастъ имъ цѣнность и внесетъ жизнь въ лѣсныя пустыни. Есть основаніе полагать что среди этихъ лѣсовъ имѣются рудныя мѣсторожденія. Если они не разрабатываются и даже не изслѣдованы, то причина тому та что частныя лица, въ виду угнетеннаго положенія горной промышленности, не имѣли никакого побужденія приниматься за изысканія, а правительственныя учрежденія, за другими дѣлами, не имѣли досуга серіозно озаботиться приведеніемъ въ извѣстность минеральныхъ богатствъ страны. У насъ нѣтъ такихъ бюро для изученія этихъ богатствъ какія имѣются въ Австріи, Германіи, Англіи, Франціи, Америкѣ. Составители нашего бюджета, щедрые на многое, какъ нельзя болѣе скупы на расходы по изысканіямъ минеральныхъ богатствъ въ Россіи. Небольшая сумма удѣляемая на это дѣло сократилась въ теченіе послѣдняго десятилѣтія вчетверо и дошла до 28.000 рублей. Но такое отношеніе къ дѣлу не можетъ продолжаться.

Вообще естественныя условія Россіи таковы что при неизмѣримыхъ массахъ чугуна какія могутъ выплавляться въ ней на каменномъ углѣ, какъ въ Англіи, и на антрацитѣ, какъ въ Америкѣ, она еще надолго обезпечена возможностью выгодной выплавки большихъ количествъ чугуна и на древесномъ топливѣ. И въ такой-то странѣ идетъ нынѣ рѣчь „о невозможности пріобрѣсти на отечественныхъ рынкахъ потребное количество годнаго для выдѣлки стальныхъ рельсовъ чугуна!“ Заявленіе въ этомъ смыслѣ сдѣлано Министерству Путей Сообщенія и повело къ созыву засѣдающаго нынѣ въ Петербургѣ съѣзда горнозаводчиковъ.

Русскаго чугуна, благодаря печальнымъ экономическимъ условіямъ въ какихъ находится его добываніе, на рынкахъ дѣйствительно мало. Но жалобы на недостатокъ въ немъ, по стеченію обстоятельствъ, идутъ отъ лицъ которымъ именно этотъ-то недостатокъ и на руку, для которыхъ обиліе русскаго чугуна было бы ущербомъ. Непосредственная цѣль этихъ жалобъ—полученіе не русскаго, а иностраннаго чугуна. Въ удовлетвореніе ихъ, затраты на какія рѣшилось правительство для поощренія отечественнаго производства должны быть обращены въ поощреніе производства иностраннаго.

Признано необходимымъ развить въ Россіи самостоятельное рельсовое производство. Сдѣланъ былъ вызовъ желающихъ исполнить правительственные заказы рельсовъ на исключительно выгодныхъ условіяхъ, но съ обязательствомъ изготовлять ихъ изъ матеріаловъ русскаго производства. За желающими воспользоваться выгодами этихъ заказовъ дѣло не стало. Главную массу ихъ разобрали по рукамъ заводы основавшіеся въ мѣстахъ наиболѣе удаленныхъ отъ тѣхъ гдѣ добываются или могутъ добываться русскій чугунъ и каменный уголь. Принимая казенные заказы, петербургскіе и варшавскіе заводчики, конечно, знали и происходящую отъ географическаго положенія ихъ заводовъ трудность подвоза къ нимъ русскихъ матеріаловъ, и размѣры производства русскаго чугуна. Съ полнымъ знаніемъ всего этого принимали они на себя обязательство дѣлать рельсы изъ русскихъ матеріаловъ. Никто, по всему вѣроятію, не принуждалъ ихъ брать заказы на такомъ условіи. Они приняли ихъ добровольно. Но одно дѣло принять, и другое — исполнить условіе. Несравненно выгоднѣе получить мзду за исполненіе условія, а самого условія не исполнить. На неисполненіе условія и имѣлся несомнѣнный разчетъ при самомъ его принятіи. Желая чтобы рельсы дѣлались изъ русскихъ матеріаловъ, изъ русскаго чугуна, не скупясь на многомилліонные расходы для достиженія этой цѣли, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшило, конечно скрѣпя сердце, допустить употребленіе и иностранныхъ матеріаловъ въ тѣхъ случаяхъ когда невозможность пріобрѣтенія матеріаловъ на отечественныхъ рынкахъ будетъ несомнѣнно доказана. Чтобы не исполнить принятаго обязательства, заводчикамъ нужно теперь только доказать затруднительность для нихъ пріобрѣтенія русскаго чугуна, доказать то что заранѣе было извѣстно и дававшимъ, и принимавшимъ заказы! Удастся имъ доказать это, и дѣло въ шляпѣ. Казна заплатитъ дорогую цѣну за дешевую стряпню, а у русскаго чугуннoплавильнаго производства будетъ отнято предназначенное ему поощре-

ніе. Понятенъ, при такомъ положеніи дѣла, общій интересъ съ какимъ ожидается исходъ нынѣшняго горнозаводскаго съѣзда въ Петербургѣ.

Б.

Сегодня, въ Московскомъ окружномъ судѣ, началось разсмотрѣніе казуснаго дѣла Прасковьи Качки, слушательницы *высшихъ* женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, застрѣлившей студента Медико-Хирургической Академіи, Байрашевскаго, въ Москвѣ, въ квартирѣ студента Московскаго Техническаго Училища Гортынскаго, вечеромъ, среди веселой компаніи, состоявшей изъ студентовъ того же Училища. Вышеозначенная дѣвица пріѣхала для этой цѣли изъ Петербурга, и явившись на вечеръ къ студенту Гортынскому исполнила свой замыселъ. Убійство это было совершено съ небольшимъ за годъ предъ симъ 15 марта 1879: для нашего *скораго* суда это еще небольшой промежутокъ времени. Въ то время казалось несомнѣннымъ что преступленіе имѣетъ такъ-называемый политическій характеръ. Тогда была уже въ полномъ разгарѣ дѣятельность преступной крамолы; убійство слѣдовало за убійствомъ, покушеніе за покушеніемъ. Казалось весьма естественнымъ видѣть въ убійствѣ Байрашевскаго казнь, которая была совершена надъ колеблющимся или сомнительнымъ адептомъ. Незадолго предъ тѣмъ, въ гостинницѣ Мамонтова, было совершено именно такое же убійство. Разказывали что за тѣломъ Байрашевскаго при погребеніи не слѣдовалъ никто изъ друзей его; разказывали еще многое чѣмъ повидимому подтверждался политическій характеръ убійства. Сегодня печатаемъ мы прочтенный на судѣ обвинительный актъ, изъ котораго однако явствуетъ что дѣло это не имѣло никакого политическаго характера и что убійство совершено было только изъ ревности.

Судебное слѣдствіе уже окончено въ сегодняшнемъ засѣданіи, и будетъ сообщено въ нашей газетѣ въ подробномъ изложеніи. Но по свѣдѣніямъ полученнымъ нами отъ репортеровъ, факты вскрывшіеся при слѣдствіи не совсѣмъ согласуются съ тѣмъ характеромъ который приданъ преступленію въ обвинительномъ актѣ.

В.

Изъ Лондона летитъ депеша за депешей о побѣдахъ виговъ надъ торіями: торжество Гладстона надъ Биконсфильдомъ будетъ повидимому полное и блистательное. Очень вѣроятно что г. Гладстонъ, хотя и отказавшійся отъ предводительства своею партіей, приметъ премьерство, если большинство, по окончаніи выборовъ, окажется за его партіей столь значительнымъ какъ можно теперь ожидать.

№ 84.

Москва, 24-го марта.

Въ концѣ 1877 года, въ общемъ присутствіи Правительствующаго Сената для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, разбиралось обширное дѣло 193 подсудимыхъ обвинявшихся въ революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Громадное дѣло, къ которому была привлечена не одна сотня лицъ, окончилось оправданіемъ почти всѣхъ попавшихъ подъ судъ (обвинительный приговоръ вынесенъ противъ 19 лицъ, дѣйствительному наказанію подвергся, если не ошибаемся, одинъ Мышкинъ виновный въ убійствѣ). Напечатанный краткій отчетъ о процессѣ, представляющій рѣзкую противоположность съ подробнымъ отчетомъ о первомъ гласномъ политическомъ судѣ по дѣлу сообщниковъ Нечаева, даетъ лишь блѣдное понятіе о томъ что происходило на судѣ. Они доходили до неслыханнаго цинизма который, говорятъ, даже на нашихъ „либеральныхъ“ сенаторовъ произвелъ нѣкоторое мимолетное впечатлѣніе. Предъ судомъ была новая формація нигилистовъ, не просто рисовавшихся, какъ ихъ предшественники въ процессѣ 1871 года, своими „убѣжденіями“ предъ обширною публикой, но проявлявшихъ дерзкое и ядовитое озлобленіе.

Въ семидесятыхъ годахъ дѣло преступной пропаганды вступило въ новый періодъ. Въ предыдущее десятилѣтіе дѣятельность агитаторовъ направлялась главнымъ образомъ на распространеніе соціалистическихъ и революціонныхъ ученій въ средѣ учащейся молодежи, и на возбужденіе волненій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ агитаторы устраивали свои главныя квартиры и обсерваціонные пункты. Пері-

одъ семидесятыхъ годовъ (до сенатскаго процесса двухъ сотъ включительно) характеризуется главнымъ образомъ *хожденіемъ въ народъ* для распространенія революціонныхъ идей въ массахъ и подготовленія „общаго возстанія.“ Третій періодъ, наступленіе котораго блистательно ознаменовалось оправданіемъ Вѣры Засуличъ, есть нынѣ продолжающійся періодъ терроризаціи правительственныхъ властей покушеніями и убійствами.

Обвинительный актъ (такъ-называемое Жихаревское слѣдствіе) подробно слѣдитъ за образованіемъ многочисленныхъ кружковъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и другихъ мѣстахъ,—кружкокъ отъ которыхъ лѣтомъ 1874 года двинулась въ народъ цѣлая рать пропагандистовъ, къ осени же впрочемъ въ большинствѣ переловленная. Добытые слѣдствіемъ факты кружковъ прежде всего самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаютъ сочиненное въ новѣйшее время, усердно распространяемое и съ чужаго голоса повторяемое ученіе о *недоучкахъ* которые, вслѣдствіе недостаточной помощи, казенной и общественной, а также вслѣдствіе строгости (какая иронія!) требованій въ заведеніяхъ, не имѣютъ де возможности окончить курса ученія и лишенные будущности поступаютъ въ ряды нигилистовъ (еще на дняхъ было объ этомъ длинное повѣствованіе въ столь дружески расположенной къ намъ *Кельнской Газетѣ*). Слѣдствіе съ очевидностію показываетъ что участники кружковъ не потому попадали въ шайки что не имѣли возможности окончить курса, а потому и курса не оканчивали что попадали въ шайки и добровольно бросали ученье. „Время бросить ученье“ было даже призывнымъ лозунгомъ кружковъ семидесятыхъ годовъ. Пропаганда обращенная къ учащейся молодежи,—читаемъ въ обвинительномъ актѣ, — „сопровождалось обыкновенно указаніемъ на то что наука есть не что иное какъ средство эксплуатировать народъ и что счастіе народа можетъ-быть создано и безъ науки, почему интеллигентные слушатели-пропагандисты приглашались бросить ученье и идти въ народъ, причемъ объявлялось что сообщество располагаетъ денежными средствами которыми и будетъ снабжать своихъ новыхъ товарищей. Агитаторы въ средѣ праздной молодежи высшихъ учебныхъ заведеній набирали, какъ сказано въ томъ же актѣ, „людей занимавшихся чѣмъ угодно только не науками, а потому и крайне легко относившихся къ вопросу о выходѣ изъ учебныхъ заведеній.“ Порѣшивъ идти въ народъ, эти юноши выходили изъ своихъ заведеній, какъ сдѣлала, напримѣръ, на Пасхѣ 1874 года, цѣлая компанія лицъ собиравшихся на сходки въ квартиры Бладзевича и Гриценкова въ Петербургѣ Подобное же рѣшеніе „бросить ученье и помочь народу отъ притѣсненій, эксплуатаціи и его собственнаго невѣжества“ было принято на другомъ петербургскомъ собраніи, гдѣ „читали запрещенныя книги, разсуждали о безсмысленномъ положеніи народа и его невѣжествѣ, о стачкахъ рабочихъ, объ артеляхъ, объ интернаціоналкѣ.“ Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ агитаторовъ того времени, Коваликъ, „совѣтуя семинаристамъ (въ Харьковѣ) бросить ученье, доказывалъ имъ что наука дающая возможность эксплуатировать народъ должна быть изгнана... задача должна состоять въ разрушеніи существующихъ въ государствѣ порядковъ, такъ какъ въ послѣдствіи народъ уже самъ создастъ новый порядокъ и по всей вѣроятности введетъ общинное устройство, такъ что Россія будетъ представлять изъ себя федерацію множества мелкихъ общинъ, ни отъ кого не зависящихъ и никѣмъ не управляемыхъ.“ Уговаривая семинаристовъ идти въ народъ, Коваликъ разказывалъ имъ „что за границей и въ Петербургѣ образовалось революціонное общество и обязался высылать по первому требованію деньги тѣмъ кто согласится идти въ народъ; совѣтовалъ прежде всего отправиться на фермы въ Пензенскую и другія губерніи для изученья какого-нибудь ремесла, съ тѣмъ чтобы потомъ, подъ видомъ рабочаго съ фальшивымъ паспортомъ, ближе сойтись съ народомъ и успѣшнѣе вести дѣло революціонной пропаганды.“ Подобныя же наставленья дѣлалъ Рогачевъ семинаристамъ и гимназистамъ въ Пензѣ. Вообще съ революціонными примапками обращались не къ выбывшимъ изъ заведеній, — такихъ гдѣ было искать?—а къ пребывавшимъ въ заведеніяхъ и изъ нихъ сманиваемымъ. Идти въ народъ и оставаться въ то же время учащимся въ высшемъ заведеніи было затруднительно, хотя и такія чудеса не разъ бывали. Въ 1872 году „особою популярностью въ средѣ студенческаго міра пользовался студентъ Технологическаго Инсти-

тута Лисовскій, *посвятившій всю свою жизнь* къ сближенію съ рабочими" (не много же у него оставалось времени для занятій науками), а его пріятели, студенты Института, Медико-Хирургической Академіи и Университета усердно занимались не дѣломъ своимъ, а чтеніемъ лекцій рабочимъ по географіи, физіологіи, исторіи...

Пропаганда въ народѣ потерпѣла рѣшительную неудачу. Объ этомъ въ обвинительномъ актѣ есть не мало свидѣтельствъ со стороны самихъ пропагандистовъ. „Ты жалуешься, пишетъ къ своему собрату по дѣятельности подсудимый Аронзонъ, на неплодотворность твоей дѣятельности. Я могу тебѣ сказать что всѣ жалуются на это... Главная причина неплодотворности нашего дѣла заключается въ отсутствіи развитія со стороны угнетенныхъ и въ нашемъ собственномъ шалопайствѣ." „Шататься, сознается въ шифрованной запискѣ подсудимый Литошенко, студентъ Технологическаго Института, совсѣмъ не подходящая вещь: ужасное недовѣріе и тѣмъ больше чѣмъ больше радикальничать." Констатируя неуспѣхъ пропаганды въ народѣ, подсудимая Ободовская (изъ сельскихъ учительницъ) писала: „Живаго намъ дѣла теперь вовсе нѣтъ даже въ живомъ зародышѣ. Наши пропагандисты пропорхнули по Руси и нигдѣ не пристроились, потому вишь что все имъ мѣстности попадались не благодарныя; имъ приходилось отказаться отъ сладкой надежды что *ничего не дѣлал, живя на чужой счетъ*, ведя праздную жизнь въ средѣ рабочаго люда они могутъ дѣлать что-нибудь путное... Тысячи истратили они на свои демократо-туристскія странствованья."

Все это происходило въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

Потерпѣвъ полную неудачу въ народѣ, пропаганда нашла себѣ поощреніе въ „интеллигентныхъ" классахъ общества. Не говоря уже объ общей слабости отпора со стороны „отцовъ," о всякаго рода вздорѣ какой подъ именемъ новѣйшихъ и прогрессивныхъ ученій, послѣднихъ словъ науки вперялся „дѣтямъ" путемъ позволенной и непозволенной литературы, школьнаго преподаванія даже профессорскихъ чтеній, о слабости, податливости на обманъ и популярничаньи властей,—пропаганда встрѣчала въ интеллигентныхъ слояхъ рѣшительную поддержку. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей пропаганды, основателемъ кружка его имени, былъ дворянинъ Черниговской губерніи Коваликъ,—изобрѣтатель шрифта изъ непристойныхъ словъ, бывшаго въ большомъ употребленіи между нигилистками кружка, посредникъ между кружкомъ и русскими эмигрантами за границей. Явный пропагандистъ, онъ былъ однако выбранъ въ мировые судьи, нѣкоторое время былъ даже предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, имѣя своимъ сотрудникомъ секретаря съѣзда Каблица, въ свою очередь замѣшаннаго въ дѣло пропаганды. На пропагандиста Ярцева земствомъ его уѣзда была возложена обязанность попечителя Дмитровской земской школы, гдѣ учительницею была пропагандистка Ольга Шевырева. Блюститель школы посѣтивъ ее въ ноябрѣ 1879 года остановился ночевать у старосты и первымъ долгомъ счелъ сообщить ему что „было бы лучше еслибы въ Россіи была республика какъ во Франціи и въ другихъ земляхъ, увидѣвъ же духовнаго содержанія книги сказалъ что все это вздоръ, а въ дальнѣйшемъ разговорѣ доказывалъ что бѣднымъ слѣдуетъ подняться и перебить богатыхъ чтобы сравняться имуществомъ." Образъ мыслей Ярцева былъ въ такой мѣрѣ извѣстенъ въ уѣздѣ что когда онъ вмѣстѣ съ бывшимъ библіотекаремъ въ Торжкѣ, Румянцевымъ, отправился въ концѣ 1873 года въ Петербургъ, въ Новоторжскомъ уѣздѣ разнесся слухъ дошедшій и до властей что Ярцевъ поѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью совершить страшное злодѣяніе. Вслѣдствіе этого слуха Ярцевъ и былъ арестованъ въ Петербургѣ. Подсудимый Войнаральскій былъ въ концѣ 60 годовъ исключенъ изъ Московскаго Университета за безпорядки, высланъ подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію. Освобожденный изъ-подъ надзора, онъ немедленно избирается, при содѣйствіи либеральной интеллигенціи, въ должность мироваго судьи въ Городищенскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи. Какъ видно изъ обвинительнаго акта, весьма дѣятельными сотрудниками пропаганды были лица которымъ заправители земства разныхъ мѣстностей ввѣряли должности земскихъ врачей, учителей, учительницъ, акушерокъ и т. п. Въ обвинительномъ актѣ есть любопытное указаніе. Пропагандистъ Щиголевъ пишетъ пропагандисткѣ Веревочкиной, отсовѣты-

вая ей идти въ народъ и рекомендуя ей поступить въ сельскія учительницы: „мѣста намѣчены: одно въ деревнѣ *княгини-либералки*, которая гонитъ старую учительницу за то что та мало обращала вниманія *на пропаганду*.“ Бывали случаи что матери поощряли дочерей къ пропагандѣ и сами принимали участіе въ ихъ преступной дѣятельности. Такъ, вдова штабъ-капитана Субботина (въ Курской губерніи), отправивъ дочерей въ Цюрихъ, занималась пропагандой въ школѣ, которой была попечительницею. Около нея группировались учительница Завадская прибывшая изъ Цюриха, учитель Костеревскій, потерпѣвшій, какъ онъ выражался, фіаско, въ Ивановѣ-Вознесенскѣ за свои отношенія къ инспектору народныхъ училищъ и называвшій себя въ насмѣшку „благонамѣреннымъ народнымъ учителемъ,“ и нѣкто Постниковъ звавшій себя пролетаріемъ. „Посвятивъ себя революціонной дѣятельности, сказано въ обвинительномъ актѣ, и доведя своимъ потворствомъ всѣхъ трехъ дочерей своихъ до совершенія преступленій, Софья Субботина не пощадила и свою воспитанницу Вѣру Шатилову, которая руководимая Субботиною усвоила себѣ ел направленіе и вмѣстѣ съ нею занялась революціонною пропагандой.“ Ярославскій помѣщикъ Иванчинъ-Писаревъ занимался веденіемъ революціонной пропаганды въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ, устроилъ въ своемъ селѣ столярную мастерскую, гдѣ училъ рабочихъ пѣть революціонныя пѣсни, устраивалъ со съѣхавшимися къ нему пропагандистами народныя гулянья съ такими же пѣснями. Его дѣятельными сотрудниками были мѣстный земскій врачъ и земская акушерка, бывшая цюрихская студентка, жившая на одной квартирѣ со врачомъ. Въ обвинительномъ актѣ можно встрѣтить не мало указаній на участіе въ пропагандѣ земствомъ опредѣленныхъ врачей, акушерокъ, учителей, учительницъ. Земскіе дѣятели, изъ числа считающихъ себя и считаемыхъ принадлежащими къ „либеральному“ направленію, охотно пристраивали людей „съ новыми убѣжденіями,“ попросту пропагандистовъ, къ разнымъ зависящимъ отъ земства должностямъ и усердно ихъ отстаивали въ случаяхъ когда ихъ „полезная“ дѣятельность обращала на себя вниманіе священника, инспектора или иного правительственнаго органа, подбивая иногда цѣлыя собранія къ борьбѣ и протестамъ во имя своихъ правъ.

Самыя мѣры какія принимались для борьбы со зломъ прямо способствовали его усиленію и распространенію. Въ разрядъ государственныхъ преступниковъ попала масса испорченныхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ. Заговорщиками злоумышляющими ниспроверженіе законнаго правительства и всего государственнаго строя явились на первомъ планѣ праздные кочующіе школьники, бросившіе ученье семинаристы, техники, студенты, ихъ подруги, акушерки, курсистки, всякая сволочь невѣдомо для себя направляемая ловкими руками. Зло приняло спеціальный характеръ, обозначаемый общимъ именемъ *нигилизма*. Разрѣшаясь всякими преступленіями, зло это въ основѣ было педагогическою язвой и требовало разумныхъ исправительныхъ мѣръ на первыхъ ступеняхъ своего развитія, и съ тѣмъ вмѣстѣ прекращенія дезорганизаціи высшихъ учебныхъ заведеній. Ничего подобнаго сдѣлано не было; напротивъ, попускалось все чтобы зло могло развиваться на просторѣ. А потомъ бросали неводъ, захватывали что попадало и тащили на допросъ и судъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ; замахивались тяжелымъ мечомъ правосудія и опускали его не рѣшаясь разить мелюзгу возведенную въ санъ государственныхъ преступниковъ. Не умѣя придумать ни одной серіозной предупредительной мѣры, мы за то чрезвычайно легко подавались на всякія мѣропріятія благопріятныя развитію зла и прославляемыя тою литературой которая воспитала язву нигилизма. Достаточно вспомнить о женскомъ образованіи. Не образованіе, а нѣчто совсѣмъ иное—причина тѣхъ восторговъ какіе возбуждали всѣ эти женскіе курсы, акушерскіе, медицинскіе, высшіе, разные, создающіе классъ *курсистокъ* которому должна де завидовать Европа...

Съ другой стороны, процедура обысковъ арестовъ, содержанія подъ стражей, выпусканія изъ-подъ стражи, безконечнаго слѣдствія, торжественныхъ допросовъ, стала для пропагандистовъ своего рода политическою школой, въ которой завравшіеся ребятишки выработались въ неисцѣлимыхъ революціонеровъ, готовыхъ на всякое злодѣйство. Именно послѣ этого процесса началась открытая война озлобленной шайки. Дѣло объясняется тѣмъ

что обвиненіе въ результатѣ для большинства сводилось къ храненію и распространенію запрещенныхъ книгъ. Явно зараженныхъ пришлось признавать невинными. Очевидно требовались съ самаго начала мѣры иного характера—не длинная судебная процедура, въ силу законоположеній о злоумышленіяхъ стремящихся къ ниспровержснію государственнаго порядка, а мѣры исправительнаго характера. Была впрочемъ принимаема особая мѣра — административная высылка подъ надзоръ полиціи въ разные города; но это была мѣра не къ исправленію, а къ вящему озлобленію и къ распространенію заразы. Въ процессѣ видно какъ изъ Архангельска нѣсколько дѣвушекъ бѣжали изъ своихъ семействъ въ революціонную компанію послѣ того какъ высланные пропагандисты погостили въ городѣ.

Женскій элементъ пріобрѣтаетъ въ разсматриваемый нами періодъ весьма важную роль въ пропагандѣ. Недаромъ въ Нечаевскомъ катехизисѣ женщинамъ отведено видное мѣсто. „Горячихъ, преданныхъ, способныхъ, но не доработавшихся еще до настоящаго революціоннаго пониманія“ предлагается расходовать въ качествѣ революціоннаго матеріала на „безслѣдную гибель большинства и настоящую выработку немногихъ;“ а на вполнѣ посвященныхъ смотрѣть „какъ на драгоцѣннѣйшія сокровища безъ помощи которыхъ обойтись невозможно.“ Уже въ процессѣ сообщниковъ Нечаева фигурировало до десяти женщинъ. Ихъ было до сорока въ процессѣ 1877 года. На первомъ планѣ бывшія *цюрихскія студентки*, „къ развращенію которыхъ эмигранты прилагали особенное стараніе“ и которыя много содѣйствовали какъ установкѣ постоянныхъ сношеній съ заграничными революціонерами, такъ и организаціи контрабаднаго провоза чрезъ границу запрещенной печатной мерзости. Провозъ былъ организованъ недурно. Запрещенный товаръ прибывалъ кипами, ящиками, тюками, возами, чуть не обозами, и находилъ самый свободный доступъ въ среду учащихся: главные склады были, вѣроятно, въ казенныхъ учрежденіяхъ какъ мѣстахъ наиболѣе безопасныхъ. Далѣе слѣдовали слушательницы женскихъ курсовъ при Медико-Хирургической Академіи, учительницы и разныя дѣвицы смаленныя „развивателями“ разсѣянными на казенный счетъ по лицу Русской земли. Какое дѣйствіе оказывало иногда чтеніе запрещенныхъ книгъ, о томъ можно судить изъ письма подсудимаго Ѳедоровича къ подсудимой Веревочкиной. „Ну вотъ я у своихъ въ деревнѣ, писалъ онъ, пріѣхалъ я знаете и удивился не мало. Такую нашелъ перемѣну что страсть! И какъ бы вы думали отчего она произошла? Я вамъ не разказывалъ что сестры бывъ еще въ городѣ устроили чтеніе моихъ книгъ; потомъ онѣ взяли ихъ въ деревню, здѣсь еще разъ читали даже матери и какъ оказывается чтеніе это произвело на нихъ такое впечатлѣніе что онѣ совершенно переродились.“ Плохое состояніе преподаванія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ быстро возраставшихъ въ числѣ, не малое количество учителей и наставницъ съ „новыми идеями“ облегчали дѣло пропаганды. Студентъ Земледѣльческаго Института Данловъ, на деньги харьковскаго кружка странствовавшій по Кавказу среди молоканъ и духоборцевъ, въ одномъ молоканскомъ селеніи нашелъ свою знакомую Шавердову, о которой говоритъ въ своемъ письмѣ: „въ этой же деревнѣ проживала одна барышка-революціонерка изрядная, которую зналъ еще въ Тифлисѣ.“ Эта барынька была учительница женскаго института въ Тифлисѣ, давно находившаяся съ сношеніяхъ съ пропагандистами, замышлявшая съ нѣкоторыми переселиться въ Америку и основать тамъ коммуну. Воспитательница институтокъ (какъ засвидѣтельствовано о ней начальницей настоявшею на ея увольненіи) „имѣла самую дурную репутацію въ нравственномъ отношеніи и распространяла между воспитанницами института самыя превратныя понятія о бракѣ, религіи и повиновеніи начальству; по ея внушенію и иниціативѣ нѣсколько воспитанницъ уѣхало въ Цюрихъ.“ И сколько было подобныхъ дѣятелей и дѣятельницъ на педагогическомъ поприщѣ!

Не трудно догадаться къ какимъ послѣдствіямъ вело присутствіе молодыхъ особъ женскаго пола въ кружкахъ для которыхъ отрицаніе нравственности какъ предразсудка было однимъ изъ основныхъ догматовъ. Женскій революціонный матеріалъ былъ значительною приманкой для пропагандистовъ. Праздное шатаніе въ народѣ, бездѣльничество въ заведенной мастерской (въ Саратовской башмачной, съ обыска которой началось Жихаревское слѣдствіе, оказалась сдѣланною лишь пара

башмаковъ), услаждалось участіемъ персонъ изъ женской молодежи. Образовались коммуны самаго отвратительнаго свойства. Въ обвинительномъ актѣ съ нѣкоторою подробностію говорится о кіевской коммунѣ. Сожители именовали себя разными кличками „въ видѣ протеста противъ всего привилегированнаго и свойственныхъ послѣднему приличій.“ Большаго мира и согласія впрочемъ не было. „Сходки оканчивались въ большинствѣ случаевъ ссорами и драками;“ были, между прочимъ, драки на вилкахъ. Члены коммуны не довѣряли другъ другу. Впрочемъ, по словамъ (участницы коммуны) Идаліи Польгеймъ, „эти ссоры и драки оканчивались довольно благополучно: онѣ разрѣшались общею попойкой... Спали въ повалку мущины и женщины. Участвовавшій въ кружкахъ Ильсевичъ, придя однажды по приглашенію Ассельроде (студента, члена коммуны) въ коммуну, часовъ въ 10 утра, засталъ спящими въ повалку паръ пять-шесть женщинъ и мущинъ въ грязной и вонючей комнатѣ, среди разбросанныхъ кусковъ кожи и инструментовъ сапожнаго ремесла. Главой кіевской коммуны былъ нѣкто Ларіоновъ.“ Какъ высоко коммуна цѣнила дѣятельность Ларіонова видно изъ показанія Идаліи Польгеймъ, удостовѣряющей что когда Ларіоновъ объявилъ свое намѣреніе оставить коммуну если она, Польгеймъ, не согласится жить съ нимъ въ гражданскомъ бракѣ, то члены кружка стали упрашивать ее принести себя въ жертву обществу, вслѣдствіе чего она и была вынуждена отдаться Ларіонову не любя его.“ Припоминаемъ при этомъ яркій характеристическій разказъ Незлобина: „Кружокъ,“ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1875 года.

Въ этихъ вертепахъ подготовлялись событія третьяго періода крамолы, котораго мы свидѣтели нынѣ, періода болѣе серіознаго. Тотъ же Ларіоновъ подговаривалъ Гориновича поступить въ почтальйоны чтобы, въ случаѣ перевозки большой суммы, ограбить почту; предлагалъ Идаліи Польгеймъ сдѣлаться любовницей старика, богатаго курскаго помѣщика, чтобъ обобрать и отравить его. Варварское покушеніе на жизнь Гориновича, облитаго въ Одессѣ лѣтомъ 1876 года сѣрною кислотой, вслѣдствіе чего у него вытекли глаза, отвалились носъ и одно ухо и онъ только чудомъ остался живъ, предвѣщало будущіе подвиги.

„Къ осени 1874 года когда началось преслѣдованіе членовъ кружковъ и нѣкоторые изъ нихъ были арестованы, въ коммунѣ проявилось весьма сильное возбужденіе и, какъ видно изъ показаній Ларіонова, Гориновацъ и Идаліи Польгеймъ, было рѣшено противопоставить мѣрамъ правительства *собственныя мѣры устраненія, терроризовать такъ-сказать правительство, пустить въ ходъ пожары, синильную кислоту, нитроглицеринъ и револьверы.* Съ этою цѣлью Странскій пріобрѣлъ значительное количество морфія и хлороформа, каковыя вещества оказались у нѣкоторыхъ членовъ коммуны при ихъ задержаніи, и пробовалъ гнать синильную кислоту; Ларіоновъ же запасся свѣдѣніями о способѣ приготовленія нитроглицерина; Рогачевъ пріобрѣлъ револьверъ и, какъ показывалъ о томъ на дознаніи Гориновичъ, собирался ѣхать въ Петербургъ, говоря что совершитъ нѣчто ужасное...“

Послѣ процесса 1877 года эти приготовленія и замыслы были приведены въ дѣйствіе и исполненіе. Вѣра Засуличъ, при рукоплесканіяхъ петербургской интеллигенціи, открыла новую эру...

№ 86.

Москва, 26-го марта.

А.

Опубликованные нашимъ правительствомъ 23 марта подлинные документы по дѣлу Гартманна нельзя сказать чтобы прибавили какія-либо новыя существенныя черты къ этому любопытному казусу международнаго „права.“ Но они во всякомъ случаѣ имѣютъ важный историческій интересъ какъ поразительное указаніе на безсиліе и нравственную немощь теперешней Франціи, ибо ничто такъ не унижаетъ правительства великой страны какъ открытая и сознательная ложь. А болѣе разительный примѣръ такой лжи едва ли извѣстенъ въ лѣтописяхъ международныхъ сношеній. Окончательное рѣшеніе французскаго министерства, отъ 5 марта, объ отказѣ въ выдачѣ Гартманна, мотивировано *чисто-юридическими* соображеніями, и эти соображенія, въ свою очередь, почерпнуты изъ докладовъ „легальнымъ образомъ“ (на основаніи министерскаго циркуляра, отъ 12

октября 1875 года) затребованныхъ по инстанціямъ отъ прокурора республики при Сенскомъ трибуналѣ (соотвѣтствующаго нашему прокурору окружнаго суда), представившаго свое мнѣніе въ порядкѣ подчиненности прокурору Парижскаго аппеляціоннаго суда. Общій выводъ, къ коему послѣдовательно пришли всѣ эти инстанціи, вытекаетъ изъ одинаковыхъ посылокъ: что не удостовѣрено тождество Гартманна и что не доказана виновность его въ покушеніи 19 ноября. Не будемъ разбирать того явно фальшиваго и намѣренно извращеннаго аргумента въ силу коего Французское правительство, въ данномъ случаѣ, возложило на сторону обвиняющую обязанность доказывать виновность, тогда какъ по смыслу циркуляра, установившаго въ точности юридическія условія экстрадиціи, предоставлялось лишь обвиняемому подлежащему выдачѣ представить доказательство своей *невинности*. Указаніе правительственнаго сообщенія на случай съ русскимъ чиновникомъ Д., бѣжавшимъ всего за нѣсколько недѣль до дѣла Гартманна, когда Французское правительство дѣйствовало свободно, не подвергаясь давленію революціонной сволочи, доказываетъ яснѣе всего какъ недобросовѣстно извращенъ смыслъ дѣйствующаго во Франціи права чтобы только найти лазейку.

Но лазейка оказалась на дѣлѣ весьма сомнительною; она только рѣзче охарактеризовала преднамѣренность офиціальной лжи, предписанной прежде по начальству сверху внизъ, а затѣмъ повторенной послѣдовательно снизу вверхъ.

Русскимъ правительствомъ представлены были доказательства какъ виновности Гартманна, такъ и его тождества.

Относительно виновности сгруппированы слѣдующіе факты: Лицо, которое выставляется виновникомъ взрыва 19 ноября, явилось въ Москву въ началѣ сентября 1879 года; 15 сентября оно пріобрѣло, чрезъ нотаріуса, домъ изъ котораго произведенъ взрывъ. Въ этотъ домъ пріобрѣтатель, ложно именовавшійся Сухоруковымъ, переѣхалъ съ неизвѣстною женщиной 20-го сентября и немедленно отказалъ всѣмъ жильцамъ подъ предлогомъ перестройки нижняго этажа. Перестройка эта тотчасъ же и началась; а именно, вырыта была въ нижнемъ этажѣ, съ помощью нанятыхъ рабочихъ, „погребная яма,“ которая послужила началомъ галлереи. Послѣ вырытія погреба, когда наемные рабочіе были отпущены, окна нижняго этажа были заколочены и дверь снаружи заперта подъ предлогомъ перестилки половъ, и Сухоруковъ никого постороняго уже болѣе туда не допускалъ. Единственнымъ сообщеніемъ изъ подземной галлереи и нижняго этажа съ верхнимъ этажемъ служилъ люкъ, нарочно для того сдѣланный въ помѣщеніи Сухорукова. Сквозь этотъ люкъ, въ помѣщеніе Сухорукова проложенъ былъ гальваническій проводъ, посредствомъ котораго и произведенъ былъ взрывъ. Сухоруковъ жилъ въ домѣ отъ дня пріобрѣтенія онаго до дня взрыва, а послѣ взрыва, какъ доказано вещественными слѣдами, внезапно скрылся.

Что Сухоруковъ былъ ни кто иной какъ Гартманнъ доказываемо было со стороны русскихъ властей его фотографическою карточкой, въ которой всѣ лица имѣвшія дѣло съ владѣльцемъ указаннаго дома признали мнимаго Сухорукова. Въ Москвѣ у Гартманна былъ родной братъ, у котораго онъ бывалъ подъ собственнымъ именемъ, въ продолженіе того времени когда онъ подъ именемъ Сухорукова обдѣлывалъ свой адскій замыселъ въ другой, отдаленной части города. Почеркъ Гартманна на документахъ, несомнѣнно имъ писанныхъ, признанъ былъ экспертами *безусловно тождественнымъ* съ почеркомъ Сухорукова на нотаріальныхъ актахъ о пріобрѣтеніи и закладѣ дома откуда произведенъ взрывъ. У виновника покушенія былъ замѣчательный шрамъ на шеѣ, оказавшійся и у Гартманна при осмотрѣ его въ Парижѣ.

Но во время изслѣдованія дѣла въ Парижѣ, самоличность Гартманна подтвердилась еще многими другими обстоятельствами. Такъ онъ прибѣгнулъ первоначально къ системѣ полнаго запирательства, назвавъ себя различными нѣмецкими именами и утверждая что онъ прусскій уроженецъ, въ Россіи никогда не былъ и не знаетъ ни слова по-русски. А вслѣдъ затѣмъ онъ же написалъ по-русски письмо къ г. Фрейсине, въ коемъ отрицая свою виновность въ московскомъ покушеніи, признаетъ что онъ русскій подданный, Левъ Гартманнъ. Затѣмъ онъ опять отрекся отъ этого признанія и прибѣгнувъ къ обычному въ русской уголовной практикѣ пріему, сталъ обвинять начальника Парижской сыскной полиціи г. Масе въ вымогательствѣ этого

признанія. Французскому министерству и французской прокуратурѣ пришлось принять и этотъ аргументъ и выставить на позоръ своего же, и притомъ немаловажнаго чиновника, и онѣ, дѣлать нечего, принесли эту жертву офиціально признавъ „правдоподобнымъ“ столь невѣроятное объясненіе Гартманна. Въ подкрѣпленіе этого подозрѣнія, выставленнаго противъ французскаго чиновника въ защиту Гартманна, прокуроръ апелляціоннаго суда привелъ еще собственное соображеніе, которое затѣмъ принялъ цѣликомъ и поддержалъ, въ своемъ докладѣ президенту республики, хранитель государственныхъ печатей (министръ юстиціи). Оно заключается въ томъ что нельзя допустить что Гартманнъ, „такой разсудительный и умственно-развитой человѣкъ, могъ взяться за перо съ цѣлью признать тождество столь для него опасное по взводимымъ на него обвиненіямъ, важность коихъ ему, въ качествѣ виновника преступленія, была извѣстна лучше чѣмъ всякому другому и отъ которыхъ, еслибъ они подтвердились, не могло бы его защитить запирательство.“ Вотъ до какихъ тонкостей можетъ дойти юридическая изобрѣтательность! Гартманнъ не можетъ быть *признанъ* виновнымъ въ томъ, въ чемъ онъ письменно и собственноручно *признался*, потому что онъ не долженъ былъ бы въ собственныхъ интересахъ признаваться. Оказывается однако въ концѣ концовъ что Гартманнъ имѣлъ полное право думать что это признаніе не опасно. Стало-быть онъ *могъ* сдѣлать это признаніе помимо „психическаго принужденія“ со стороны ни въ чемъ неповиннаго г. Масе! Таковъ фальшивый логическій кругъ въ который сами себя запутали французскія власти, въ добавокъ вторично уличенныя тѣмъ же Гартманномъ послѣ того какъ онъ перебрался въ Англію, ибо тутъ онъ уже окончательно принялъ свое настоящее званіе, признавъ себя Гартманномъ и русскимъ революціонеромъ, о чемъ между прочимъ засвидѣтельствовалъ бесѣдовавшій съ нимъ въ Лондонѣ корреспондентъ парижской газеты *Voltaire*.

Таковъ вопросъ о тождествѣ. Что же касается вопроса о виновности, то сгруппированные выше факты говорятъ сами за себя, и сколько нужно безстыдства чтобы, въ виду *такихъ* доказательствъ, устраняющихъ всякую возможность сомнѣнія даже для судьи рѣшающаго дѣло по существу, имѣть смѣлость сказать публично слѣдующія лицемѣрныя слова заключающіяся въ докладѣ прокурора апелляціоннаго суда: „Я, какъ лицо судебнаго вѣ„домства, не могу утверждать что противъ „Гартманна существуютъ такія значитель„ныя доказательства виновности которыя „дозволили бы мнѣ, еслибъ я былъ слѣд„ственнымъ судьей во Франціи, сдѣлать „распоряженіе о передачѣ дѣла, о немъ, „Гартманнѣ, въ судъ разрѣшающій обви„неніе по существу.“

Одновременно съ обнародованіемъ обстоятельствъ дѣла Гартманна въ Россіи, римскій корреспондентъ *Times* сообщилъ анализъ циркуляра разосланнаго Французскимъ правительствомъ своимъ представителямъ за границей съ изложеніемъ объясненія хода дѣла Гартманна. Анализъ этотъ, помѣщаемый ниже, кажется достовѣрнымъ, преимущественно потому что числа въ немъ указанныя вполнѣ совпадаютъ числами съ обнародованныхъ въ Россіи подлинныхъ документовъ. Въ этомъ изложеніи любопытно и ново лишь одно указаніе; 29. февраля г. Фрейсине имѣлъ съ княземъ Орловымъ объясненіе: въ это время еще не прибыли изъ Россіи тѣ документы которые такъ ясно доказываютъ виновность Гартманна. Г. Фрейсине, настаивая на скорѣйшемъ представленіи этихъ документовъ, „указалъ на возбужденіе охватившее по этому предмету французское общественное мнѣніе.“ На это князь Орловъ замѣтилъ де что если имѣется въ виду отказать въ выдачѣ Гартманна, то желательно было бы чтобъ отказъ былъ основанъ на юридическихъ, а не на политическихъ соображеніяхъ, дабы не оскорбить чувствительности Россіи.

Не знаемъ насколько это сообщеніе вѣрно. Французскія газеты, созпающія позоръ дѣла Гартманна, стараются усомниться въ этомъ. Но если анализъ вѣренъ и если имъ имѣлось въ виду оправдать явную и намѣренную ложь заключающуюся въ офиціальныхъ актахъ Французскаго правительства и свалить вину на представителя Россіи, то цѣль эта едва ли будетъ достигнута. Князь Орловъ весьма естественно могъ добиваться того чтобъ отрицательное рѣшеніе Французскаго правительства не имѣло характера прямаго оскорбленія Россіи; каковымъ былъ бы отказъ основанный на политическихъ соображеніяхъ; но князь Орловъ добивался прежде всего

удовлетворенія требованія Россіи и по обстоятельствамъ имѣлъ полное право думать что Французское правительсто сдѣлаетъ это со спокойною совѣстью и съ сознаніемъ исполненнаго долга предъ дружественною страной и предъ требованіями правды и справедливости.

Для достоинства Россіи, дѣйствительно, менѣе оскорбительна та форма въ которую облеченъ отказъ Франціи. Но позоръ ея правительства, прикрывшаго явною ложью свое безсиліе предъ революціонною сволочью, отъ этого не уменьшился.

Б.

Дѣло Прасковьи Качки дѣйствительно казусное дѣло. Прежде всего поражаетъ въ немъ странная недостаточность и неполнота предварительнаго слѣдствія: самыя интересныя обстоятельства, которыя могли бы бросить свѣтъ на мотивы и характеръ преступленія, обойдены и оставлены безъ вниманія. Судебное слѣдствіе, оставаясь въ предѣлахъ обвинительнаго акта, при всемъ стараніи предсѣдателя, не могло восполнить эти недостатки.

Предварительное слѣдствіе, очевидно, было направлено такъ чтобъ избѣжать вопроса, не имѣетъ ли оно политическаго характера. Слѣдствіе шло раковымъ ходомъ по теоріи эволюціи; оно болѣе интересовалось нервною системой родителей обвиняемой и пьянствомъ ея отца, чѣмъ средою въ которой она вращалась и людьми съ которыми она находилась въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Отъ этой среды тщательно отвлекалось вниманіе слѣдователя, а среда эта во всякомъ случаѣ представляла болѣе интереса и болѣе могла способствовать и разъясненію дѣла чѣмъ врачебная экспертиза, которая вовсе и не требовалась. Но судъ въ этомъ не виноватъ. Изъ дѣла видно что Прасковья Качка, прибывшая въ Москву для того чтобы покончить съ Байрашевскимъ, старалась избѣжать катастрофы и сама написала анонимное письмо въ жандармское управленіе, указывая на себя какъ на пропагандистку, въ надеждѣ что охранители общественной безопасности поспѣшатъ ее взять подъ свой надзоръ и избавятъ ее отъ роковой необходимости совершить преступленіе. Для чего она обращалась къ жандармамъ? Если она боялась самой себя, то ей естественнѣе было бы просить своихъ друзей чтобъ они помѣшали ей совершить дѣло котораго она сама страшилась. Ея друзья были вмѣстѣ и друзья ея жертвы. А между тѣмъ, она и револьверъ свой держала въ комодѣ хозяина квартиры гдѣ убійство было совершено. Всего вѣрнѣе было бы предупредить Байрашевскаго чтобъ онъ убрался подалѣе отъ грѣха и поскорѣе уѣзжалъ бы изъ Москвы, тѣмъ болѣе что онъ и безъ того сбирался ѣхать на родину. Все это какъ и многое другое какъ-бы замято слѣдствіемъ. Единственнымъ мотивомъ остались ревность и запальчивость, какъ выразился прокуроръ, хотя изъ дѣла не видно чтобы преступленіе было совершено въ запальчивости. Оно было дѣломъ предумышленнымъ; къ нему Качка приступала не безъ борьбы, колебаній и страха. Что же касается ревности, то естественнѣе было бы ожидать порыва этого чувства въ первую пору, когда молодая особа только что узнала о невѣрности своего возлюбленнаго чѣмъ спустя годъ времени. Мы впрочемъ ничего не утверждаемъ: мы только заявляемъ что слѣдствіе оставило дѣло въ загадочномъ полумракѣ. Но отводить дѣло, вопреки очевидности, къ умоизступленію и безпамятству — совершенный скандалъ. Впрочемъ, къ чести московской медицины, на предварительномъ слѣдствіи только Dr. Державинъ и пытался объяснять дѣло умоизступленіемъ; прочіе врачи высказались рѣшительно противъ. На судебномъ слѣдствіи экспертиза была возобновлена, но и тутъ изъ приглашенныхъ къ ней врачей почтенные доктора Добровъ и Гиляровъ поддержали достоинство врачебной науки и не позволили себѣ злоупотреблять ею въ дѣлѣ правосудія.

№ 87.

Москва, 27-го марта.

Имя г. Дьякова или Незлобина (псевдонимъ которымъ подписаны многія изъ его литературныхъ произведеній) въ послѣднее время повторяется въ печати чаще чѣмъ имя Гартманна, и съ выраженіями несравненно бо́льшаго омерзѣнія. Изъявленія негодованія по поводу преступныхъ покушеній часто отзывались риторикой. Инымъ характеромъ отличаются появляющіяся одна за другою статьи о г. Дьяковѣ. О немъ

говорятъ съ искреннѣйшимъ негодованіемъ; каждое направленное противъ него слово дышетъ непритворнѣйшею злобой. Чему же служитъ органомъ нѣкоторая часть нашей „законной“ печати?

При такихъ обстоятельствахъ, полагаемъ не лишнимъ передать публикѣ все что̀ намъ извѣстно о г. Дьяковѣ, котораго печать, само собою разумѣется въ укоръ ему, честитъ сотрудникомъ обоихъ нашихъ изданій, *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей*. Повторимъ что̀ уже было высказано нами въ минувшемъ сентябрѣ, присоединивъ къ этому дальнѣйшія свѣдѣнія.

Вотъ что сообщили мы въ прошломъ году (*Моск. Вѣд.* № 245): „Въ 1875 году, былъ полученъ нами изъ Швейцаріи замѣчательный разказъ подъ заглавіемъ *Кружокъ*. Разказъ сопровождался скромно и умно написаннымъ письмомъ за подписью: А. Булгаковъ. Разказъ имѣлъ достоинства какъ по содержанію и направленію, такъ и въ литературномъ отношеніи; онъ отличался характеристическими чертами мѣтко схваченными съ натуры и явно свидѣтельствовавшими что авторъ по собственному опыту знакомъ съ тѣмъ міромъ который онъ описывалъ. Отсюда можно было заключить что Булгаковъ самъ когда-то принадлежалъ къ числу молодыхъ людей попавшихъ въ сѣти нигилистической пропаганды, но успѣлъ вырваться изъ нея и понялъ всю ея мерзость. При видѣ человѣка котораго Богъ избавилъ отъ лукаваго оставалось только радоваться. Присланный имъ разказъ былъ напечатанъ и произвелъ впечатлѣніе. Въ послѣдствіи мы получили отъ него еще нѣсколько разказовъ и очерковъ въ томъ же родѣ, большаго или меньшаго достоинства, которые и появлялись въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и нѣсколько писемъ изъ Сербіи и Черногоріи, которыя напечатаны въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ портфеляхъ редакціи имѣется и теперь одинъ доставленный имъ большой разказъ, подъ заглавіемъ *Пророкъ*. До 1877 всѣ наши сношенія съ авторомъ упомянутыхъ разказовъ были только письменныя; но въ концѣ 1877 года онъ пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ и прожилъ около мѣсяца. Личныя сношенія съ нимъ за это время подтверждали то мнѣніе о немъ какое можно было вынести изъ чтенія его очерковъ. Онъ оказался молодымъ человѣкомъ, который, какъ можно было заключать изъ его словъ, когда-то увлекался ходящими между молодежью лжеученіями, но давно отрезвился отъ нихъ и сталъ ихъ горячимъ и убѣжденнымъ противникомъ. На всѣхъ производилъ онъ пріятное впечатлѣніе; въ словахъ и обращеніи отличался скромностью, тактомъ и деликатностью. Въ Москву пріѣзжалъ онъ на время. По его словамъ, онъ поселился въ Прагѣ, гдѣ проходилъ курсъ въ тамошнемъ Политехникумѣ, избѣгая всего что̀ могло отвлекать его отъ учебныхъ занятій.“

Вотъ все что̀ мы знали объ авторѣ статей появившихся подъ псевдонимомъ „Незлобинъ“ до іюля прошлаго года, когда въ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* получено было отъ него, за печатью товарища прокурора Курскаго окружнаго суда, письмо, изъ котораго оказалось что истинное имя „Незлобина“ не Булгаковъ, а Дьяковъ. Изъ того же письма видно было что Дьяковъ возвращался въ Россію имѣя намѣреніе отправиться прямо въ Петербургъ чтобы повиниться предъ высшимъ правительствомъ въ своемъ прошломъ и просить о помилованіи и дозволеніи остаться въ Россіи, но былъ арестованъ на границѣ и препровожденъ въ Курскъ, гдѣ посаженъ въ тюремный замокъ и гдѣ надъ нимъ было начато слѣдствіе.

Что̀ было поводомъ къ заключенію его въ тюремный замокъ и назначенію надъ нимъ слѣдствія, въ какихъ дѣлахъ онъ замѣшанъ, въ чемъ подозрѣвается или въ чемъ обвиняется, обо всемъ этомъ мы не имѣли никакихъ свѣдѣній. Но каково бы ни было его прошлое, изо всего имъ писаннаго явствовало что онъ давно порвалъ съ нимъ всякую связь, и явка съ повинною служила тому подтвержденіемъ.

Читатели знаютъ съ какимъ злорадствомъ было объявлено въ газетахъ что г. Дьяковъ попалъ въ острогъ, что онъ „обвиняется въ различныхъ мошенничествахъ,“ безъ обозначенія въ какихъ именно. Мы обратились къ компетентному и высокостоящему лицу съ просьбою сообщить намъ достовѣрныя свѣдѣнія о дѣлѣ по которому Дьяковъ привлеченъ къ слѣдствію и содержится подъ стражей, изъявляя готовность взять его на поруки. Мы получили, отъ 8 октября, слѣдующія свѣдѣнія:

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ началѣ семидесятыхъ годовъ), Дьяковъ, будучи нотаріусомъ въ Александровскѣ, Екатеринославской губерніи, задумалъ оставить отечество и уѣхать въ чужіе края.

При ликвидаціи дѣлъ его нотаріальной конторы, у него оставались 43 р. 70 к. подлежавшіе взносу въ мѣстные городскіе доходы; деньги эти тогда же вручены были Дьяковымъ одному знакомому для передачи по принадлежности; по городскою управой не были приняты какъ внесенныя не подлежащимъ лицомъ. По этому дѣлу Дьяковъ привлекался къ слѣдствію, но Одесская судебная палата не нашла основаній предавать его суду, вслѣдствіе чего дѣло о немъ было прекращено. Затѣмъ, по объясненію Дьякова, ничѣмъ не опровергнутому, имъ дѣйствительно пріобрѣтенъ былъ за границею, отъ неизвѣстнаго лица, паспортъ на имя Булгакова, съ которымъ онъ и возвратился въ Россію съ цѣлью выразить раскаяніе и исходатайствовать у правительства прощеніе за минувшія заблужденія. На границѣ, въ Волочискѣ, Дьяковъ былъ задержанъ по подозрѣнію въ самоличности и препровожденъ въ Курскъ, такъ какъ оказавшійся при немъ паспортъ на имя Булгакова, дѣйствительно, выданъ былъ въ названномъ городѣ. Сверхъ того, Дьяковъ привлекается еще по дѣлу о подлогѣ въ метрической выписи, то-есть *въ преступленіи свойственномъ той средѣ къ которой онъ никогда по своимъ убѣжденіямъ принадлежалъ*. Затѣмъ другихъ какихъ-либо предосудительныхъ или позорящихъ его дѣяній слѣдствіемъ не обнаружено, вслѣдствіе чего судебнымъ слѣдователемъ признано возможнымъ измѣнить принятую противъ него мѣру пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ суда (заключеніе въ тюрьму). Съ Дьякова потребовано поручительство въ суммѣ 500 рублей.

Изъ дальнѣйшихъ полученныхъ нами свѣдѣній явствовало что Дьяковъ находился подъ слѣдствіемъ по двумъ дѣламъ производившимся у двухъ судебныхъ слѣдователей: 1-го участка города Курска и 2-го участка Богодуховскаго уѣзда. Первое изъ этихъ дѣлъ—о проживательствѣ по чужому паспорту подъ именемъ дворянина Булгакова, и второе—по обвиненію въ подлогѣ метрической выписки (до отъѣзда за границу) на имя казака Ковалевскаго. Въ началѣ октября слѣдствія по обоимъ дѣламъ были уже окончены и переданы прокурору Харьковскаго окружнаго суда, причемъ 5 октября, вслѣдствіе представленнаго г. Цитовичемъ денежнаго поручительства, сдѣлано было распоряженіе объ освобожденіи Дьякова изъ тюремнаго замка.

Прошло пять мѣсяцевъ, и дѣло достигло суда. Вѣрныхъ свѣдѣній о происходившемъ на судѣ пока не имѣется. Всѣ сообщенія по этому предмету идутъ единственно изъ враждебнаго подсудимому лагеря, сопровождаемаго злословіемъ которое однако сущности дѣла не измѣняетъ. Ни одно изъ тѣхъ преступленій какія ему приписываютъ никому, кромѣ его самого, вреда не причинили. Склонялъ или не склонялъ онъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ юношу Соколовскаго на путь пропаганды, Соколовскій, сколько извѣстно, пропагандистомъ не сдѣлался. Помышлялъ или не помышлялъ онъ объ ограбленіи почты, никакого покушенія къ такому ограбленію сдѣлано не было. Все это преступленія свойственныя той средѣ къ которой онъ нѣкогда принадлежалъ; но съ этою средой давно порваны имъ всякія связи. Присужденная ему кара, и по духу и по буквѣ закона, есть мѣра исправительная. Но была ли въ данномъ случаѣ надобность въ подобной мѣрѣ? Было ли справедливо, и было ли въ политическомъ отношеніи нужно предавать Дьякова истязателямъ?

Людей виновныхъ въ тѣхъ же самыхъ преступленіяхъ за какія судился Дьяковъ у насъ много, очень много. Одновременно съ нимъ, эти преступленія были совершены многими изъ увлеченныхъ, подобно ему, пропагандой. Другіе въ одно время съ нимъ и поддѣлывали паспорты, и проживали по чужимъ и подложнымъ видамъ. Эти преступленія совершенныя его бывшими товарищами, во многихъ случаяхъ точно также раскрыты слѣдователями какъ и преступленія Дьякова. До сихъ поръ сходство, но затѣмъ начинается большая разница.

Масса товарищей Дьякова, арестованныхъ около того времени когда онъ бѣжалъ за границу, вовсе не были судимы за поддѣлку и проживаніе съ чужими и фальшивыми паспортами. Чѣмъ руководилась обвинительная власть оставляя эти ихъ преступленія внѣ судебнаго преслѣдованія, мы не знаемъ. Извѣстно лишь то что мотивомъ къ освобожденію отъ судебной отвѣтственности не могло быть раскаяніе подсудимыхъ. Не выраженіе раскаянія съ ихъ стороны выслушивалъ судъ, а дерзкіе отказы отвѣчать и требованія чтобъ ихъ удалили изъ залы суда, такъ

какъ де они не желаютъ принимать никакого участія въ судебномъ слѣдствіи.

Къ совершенно иной категоріи принадлежитъ Дьяковъ. Онъ давно вырвался изъ сѣти пропаганды, и искренность его явствуетъ изъ того что онъ писалъ и печаталъ нѣсколько лѣтъ сряду. Онъ возвратился въ Россію именно съ цѣлью принести повинную. И вотъ онъ судится и приговаривается къ наказанію за то самое что безъ суда прощено не раскаяннымъ...

Какой урокъ изъ сопоставленія этихъ фактовъ должны извлечь тѣ изъ сбитыхъ съ толку молодыхъ людей которые, можетъ-быть, во глубинѣ души уже начинаютъ сознавать ложь и гнусность захватившей ихъ пропаганды?

Чего ожидать намъ отъ нашей печати, это мы видимъ: отзывы ея объ измѣнникѣ нигилистическимъ ученіямъ раздаются теперь...

Но какъ отнесутся къ нимъ органы правительственной власти? Найдутъ ли они тутъ себѣ поддержку, или органы власти будутъ карать „ренегатовъ нигилизма“ строже чѣмъ вѣрныхъ слугъ крамолы? Дѣло Дьякова имѣетъ въ этомъ отношеніи не частный, а общій интересъ.

Г. Дьяковъ, повидимому, еще не прошелъ всѣ предназначенныя ему судьбой мытарства. Онъ разчелся съ Харьковскимъ, но ему, говорятъ, предстоитъ еще видѣться съ Екатеринославскимъ окружнымъ судомъ за несоблюденіе законныхъ формальностей при представленіи въ Александровскую городскую управу 43 руб. 70 к., въ 1873 году, предъ поспѣшнымъ отъѣздомъ его за границу...

Стало-быть чтобъ отречься отъ нигилизма нужно имѣть большое гражданское мужество...

№ 88.

Москва, 28-го марта.

Рѣшительная побѣда одержанная на послѣднихъ выборахъ англійскими либералами замѣчательна не только сама по себѣ, но и потому что побѣда эта была совершенною неожиданностью. Еще за нѣсколько дней до выборовъ мы читали въ корреспонденціяхъ изъ Лондона что *пари* насчетъ исхода выборовъ держатся въ разчетѣ 10 противъ 1 въ пользу торіевъ. Насколько правительственныя сферы увѣрены были въ побѣдѣ видно и изъ того что королева Викторія уѣхала на континентъ наканунѣ выборовъ, имѣя въ виду проѣхать изъ Германіи въ Италію; между тѣмъ какъ теперь королева вынуждена будетъ измѣнить свои предположенія и наднихъ возвратиться въ Лондонъ, дабы рѣшить вопросъ объ устройствѣ будущаго кабинета и отпустить своихъ теперешнихъ совѣтниковъ, которые повидимому намѣрены подать въ отставку теперь же, не выжидая вотума недовѣрія палаты общинъ въ ея новомъ составѣ.

Въ средѣ самыхъ торіевъ господствуетъ ропотъ противъ лорда Биконсфильда за то что онъ былъ такъ непредусмотрителенъ и распустилъ парламентъ въ такое время когда въ странѣ наступила, какъ теперь оказывается, сильная реакція противъ его политики. Ему слѣдовало де обратиться къ избирателямъ вскорѣ послѣ Берлинскаго конгресса, когда онъ вернулся тріумфаторомъ изъ Берлина, и восторженныя овація ему „служили яснымъ указаніемъ всеобщаго одобренія его политики.“ Но такъ ли это? И не ошибаются ли тѣ кто толкуютъ въ этомъ смыслѣ тогдашнія овація лорду Биконсфильду? Несомнѣнно то что теперешнее пораженіе есть результатъ недовольства именно иностранною политикой правительства; но если это недовольство существуетъ, то оно не со вчерашняго дня овладѣло большинствомъ страны, ибо со времени Берлинскаго конгресса не случилось ничего такого что могло бы послужить достаточнымъ объясненіемъ такой крутой перемѣны. Берлинскій трактатъ, эта „великая мирная побѣда“ лорда Биконсфильда,— остался всеобщимъ лозунгомъ европейской политики, а неудачи понесенныя Англіей въ Индіи и въ южной Африкѣ были не такъ тяжки чтобы породить оказавшееся теперь неудовольствіе и во всякомъ случаѣ не могутъ быть поставлены въ вину правительству тѣми кто въ принципѣ одобрялъ бойкую политику премьера. Какъ же объяснить теперешнюю реакцію? Мы думаемъ что она гораздо проще объясняется тѣмъ что въ сущности никакой реакціи нѣтъ, и то что два года тому назадъ выставлялось какъ колоссальная овація лорду Биконсфильду было не чѣмъ инымъ какъ колоссальнымъ обманомъ, ловко аранжированнымъ съ помощью тѣхъ невидимыхъ, но могущественныхъ пружинъ,

коими Англійское правительство располагаетъ не менѣе всякаго другаго, когда имѣется надобность опереться на „общественное мнѣніе“ страны. Лордъ Биконсфильдъ хорошо зналъ то что̀ лишь теперь обнаружилось; онъ предвидѣлъ что общіе парламентскіе выборы, на которые трудно имѣть искусственное вліяніе въ виду принятой теперь системы тайной баллотировки, должны раскрыть всѣмъ глаза. Поэтому онъ и не торопился распущеніемъ парламента въ минуту „тріумфа“ и предпочелъ протянуть свою власть почти до самаго послѣдняго срока. Такимъ образомъ истина обнаружилась лишь теперь.

Какъ бы то ни было, но теперь, когда перемѣна неизбѣжна, не только въ Англіи, но и вездѣ въ Европѣ, всѣ заняты вопросомъ, что̀ же дальше? Кто будетъ главою новаго правительства и измѣнится ли отъ этого существенно направленіе иностранной политики Англіи вслѣдствіе порицательнаго приговора страны постигшаго прежнее правительство именно по поводу иностранной политики?

Истиннымъ главой оппозиціи и виновникомъ теперешней побѣды всѣми признается г. Гладстонъ, бывшій глава кабинета съ 1868 по 1874 годъ. Но въ 1874 году г. Гладстонъ сложилъ съ себя офиціальное званіе вождя партіи виговъ, и хотя онъ съ тѣхъ поръ не покинулъ политическаго поприща, какъ онъ заявилъ въ 1874 году, тѣмъ не менѣе сомнительно чтобъ онъ принялъ теперь порученіе королевы стать во главѣ новаго кабинета. Если г. Гладстонъ откажется отъ званія премьера, таковымъ по всей вѣроятности будетъ лордъ Гранвилль, бывшій въ прежнемъ кабинетѣ виговъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а портфель иностранныхъ дѣлъ приметъ г. Гартингтонъ. Но руководителемъ новаго правительства все-таки останется г. Гладстонъ. Газета *Times*, всегда съ особенною чуткостью выражающая настроеніе данной минуты и уже успѣвшая перемѣнить флагъ въ виду наступившей перемѣны, прямо заявляетъ что либеральный кабинетъ безъ Гладстона немыслимъ, хотя и полагаетъ что номинально главою кабинета будетъ лордъ Гранвилль. Что же касается будущаго направленія иностранной политики, то въ этомъ отношеніи *Times* высказываетъ увѣренность что и будущій кабинетъ долженъ будетъ стать на почву „нынѣ почти во всѣхъ пунктахъ исполненнаго Берлинскаго трактата и едва ли рѣшится идти далѣе онаго.“ Что̀ именно означаетъ эта послѣдняя таинственная фраза трудно отгадать, но что не слѣдуетъ ожидать радикальнаго поворота въ будущей политикѣ Англіи видно изъ того что *Times* въ то же время отмѣчаетъ сказанное маркизомъ Гартингтономъ въ одной изъ его избирательныхъ рѣчей что „должны быть исполнены обязательства въ коихъ замѣшана честь страны.“

Берлинскій трактатъ, такимъ образомъ, останется и впредь, по крайней мѣрѣ наружно, „основой европейской политики,“ что̀, конечно, не помѣшаетъ каждой державѣ, какъ и до сихъ поръ, стремиться къ своимъ цѣлямъ подъ прикрытіемъ этого общепринятаго флага.

По поводу того же Берлинскаго трактата, столь ревниво оберегаемаго, любопытно то какъ одинъ за другимъ сходятъ со сцены всѣ главные и наиболѣе дѣятельные его участники. Первымъ удалился графъ Андраши, затѣмъ г. Ваддингтонъ и графъ Шуваловъ. Теперь очередь дошла до лорда Биконсфильда и графа Солсбери. А на этихъ дняхъ возникла даже рѣчь объ отставкѣ князя Бисмарка.

Весь сыръ-боръ изъ-за отставки князя Бисмарка загорѣлся по поводу обстоятельства ничтожнаго до смѣшнаго. 4 апрѣля въ германскомъ Союзномъ Совѣтѣ разсматривался законопроектъ о введеніи въ пользу имперіи штемпельнаго налога на всякаго рода квитанціи, какъ между частными лицами такъ и выдаваемыя изъ казенныхъ учрежденій. Штемпельный сборъ этотъ опредѣленъ въ 10 пфенниговъ (3 коп. по нормальному курсу) съ каждой квитанціи. При этомъ законопроектъ установляетъ цѣлый рядъ изъятій и между прочимъ освобождаетъ отъ сбора квитанціи выдаваемыя почтой на денежные почтовые переводы и на посылки съ выплатой отправителю ихъ стоимости. Но при голосованіи въ Союзномъ Совѣтѣ оказалось что за это изъятіе подали голоса Пруссія, Баварія и Саксонія, всѣ же остальныя государства высказались противъ онаго, и оно такимъ образомъ оказалось отвергнутымъ, такъ какъ, по числу голосовъ коимъ владѣетъ въ Союзномъ Совѣтѣ каждое государство, сумма голосовъ второстепенныхъ государствъ превышаетъ не только голосъ одной Пруссіи, но и трехъ главныхъ государствъ Союза вмѣ-

стѣ взятыхъ. Сколько извѣстно, до сихъ поръ не было еще случая такого раздѣленія голосовъ въ Союзномъ Совѣтѣ. Но, вопервыхъ, вопросъ по поводу котораго сложилось такое большинство слишкомъ ничтоженъ, а вовторыхъ, нельзя же было не предвидѣть возможности подобной комбинаціи и по болѣе важнымъ вопросамъ при самомъ установленіи германской конституціи, авторомъ которой признается князь Бисмаркъ.

Вотъ почему чувствительность обнаруженная имперскимъ канцлеромъ по поводу 3-хъ-копѣечнаго налога на почтовыя квитанціи не могла не показаться слишкомъ искусственною. Съ самаго начала было очевидно что князь Бисмаркъ, не знаемъ уже въ который разъ, прибѣгнулъ къ своему обычному пріему, дабы добиться того что̀ ему желательно. А желательно ему, какъ оказывается, нѣчто гораздо болѣе важное нежели то что̀ послужило поводомъ къ послѣднему „канцлерскому кризису.“ Повидимому, онъ считаетъ теперешнюю политику благопріятною къ тому чтобъ измѣнить германскую конституцію въ смыслѣ болѣе выгоднымъ для прусскаго преобладанія и устранить на будущее время хотя бы только „теоретическую“ возможность сопротивленія ей со стороны второстепенныхъ государствъ которыя заключались въ указанномъ распредѣленіи голосовъ, присвоенныхъ каждому изъ членовъ Союза.

Рескриптъ императора Вильгельма на имя князя Бисмарка, который переданъ намъ вчера по телеграфу, служитъ подтвержденіемъ что князь Бисмаркъ и на этотъ разъ добился своего: отставка его не принята, и ему предоставлено вности „въ скоромъ времени“ предположенія о соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ.

№ 89.

Москва, 29-го марта.

А.

Въ № 77 *Московскихъ Вѣдомостей* намъ довелось высказать что „если у насъ должны быть особыя военныя школы, то онѣ должны тщиться воспитывать не какихъ-то „людей вообще,“ а будущихъ воиновъ, крѣпкихъ и твердыхъ въ дисциплинѣ ума и воли.“

Не къ тому однако, повидимому, клонится дѣло. Въ настоящее время, на воспитательной службѣ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ находятся какъ военные, такъ и гражданскіе чины. Послѣдніе составляютъ далеко болѣе половины всѣхъ служащихъ, и имъ предоставлены противъ первыхъ значительныя преимущества, обусловленныя впрочемъ совсѣмъ не бо́льшимъ сравнительно съ военными чинами образованіемъ или опытностью, а соображеніями канцелярскихъ удобствъ въ чинопроизводствѣ.

Правда, приказомъ 1870 года, за № 283, „въ видахъ привлеченія на службу въ военно-учебныя заведенія,“ въ томъ числѣ и въ военныя гимназіи, „наиболѣе образованныхъ офицеровъ,“ послѣднимъ были предоставлены нѣкоторыя льготы; но почти слѣдомъ за тѣмъ, съ изданіемъ штата 1873 года, воспитатели и нѣкоторые преподаватели всѣхъ безъ исключенія военно-учебныхъ заведеній лишены были права производства въ чинъ полковника; должность ихъ положена въ VIII классѣ и такимъ образомъ приравнена къ должности младшихъ чиновъ разныхъ канцелярій военнаго вѣдомства. Ограниченіе извѣстнымъ классомъ отразилось исключительно лишь на чинахъ военныхъ, такъ какъ гражданскіе чины производятся, несмотря на должность VIII класса, даже въ чинъ статскаго, а иногда и дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Наконецъ, почти на дняхъ, приказомъ по военному вѣдомству за № 38, въ видахъ опять-таки какихъ-то канцелярскихъ удобствъ и „соглашеній,“ у военныхъ чиновъ военно-учебнаго вѣдомства было отнято право и на производство въ единственный въ вѣдомствѣ штабъ-офицерскій чинъ подполковника; такимъ образомъ, худъ или хорошъ воспитатель или наставникъ, участь его заранѣе опредѣлена: онъ вѣчный капитанъ. Нужды нѣтъ что питомцы его, даже изъ посредственныхъ, выйдя на службу въ армію, при обычномъ у насъ производствѣ, лѣтъ чрезъ пятнадцать обгонятъ своего наставника и могутъ даже стать его прямыми начальниками.

Первое ограниченіе въ чинопроизводствѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ отозвалось на нихъ не совсѣмъ благопріятно: офицеры съ высшимъ образованіемъ почти перестали поступать на службу въ военно-учебное вѣдомство; новое стѣсненіе, и притомъ

столь существенное какъ лишеніе тѣхъ преимуществъ которыми служащіе уже пользовались, отзовется едва ли благопріятнѣе: не пойдутъ ли образованные воспитатели и наставники изъ военныхъ искать себѣ иной дѣятельности, не уменьшится ли число военно-служащихъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, не упадетъ ли цензъ ихъ образованія и опытности? А между тѣмъ, настоящее время требуетъ чтобъ у воспитательнаго дѣла стояли надежные, опытные люди, твердые въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, люди которые не имѣли бы нужды смотрѣть на свои обязанности какъ на временное занятіе, какъ на ступень къ другой должности открывающей лучшую карьеру. Трудно понять какая могла быть надобность лишать офицеровъ военно-учебнаго вѣдомства того сравнительно ничтожнаго преимущества коимъ они пользовались: тѣмъ что воспитатель или учитель получали чинъ полковника государство не вовлекалось ни въ какіе новые расходы; ни жалованье, ни пенсія отъ этого не измѣнялись. Увеличивался лишь эмеритальный окладъ, но это не могло вредить кассѣ, такъ какъ взносы воспитателей въ теченіе ихъ учебной службы въ суммѣ болѣе взносовъ армейскихъ подполковниковъ. Но не заботы о выгодахъ эмеритальной кассы были причиной ограниченія, такъ какъ гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства на той же должности получаютъ чины, оклады коихъ значительно превосходятъ окладъ подполковника.

Для чего же понадобилось измѣнять тотъ порядокъ который существовалъ уже много лѣтъ, съ которымъ всѣ свыклись, на прочность котораго разчитывалъ всякій поступающій на службу въ военно-учебное вѣдомство?

Ограниченіе служебныхъ правъ понятно лишь тогда если хотятъ сократить число наставниковъ изъ офицеровъ, но въ этомъ случаѣ было бы удобнѣе прямо ограничить это число какою-либо нормой, которая дала бы въ то же время возможность поднять требованія коимъ должны удовлетворять остающіеся въ вѣдомствѣ.

Впрочемъ, вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, какъ видно, не боится уронить цензъ наставниковъ. Оно имѣетъ два собственные разсадника учителей и воспитателей, это особые педагогическіе курсы при 2-й Петербургской военной гимназіи и учительская семинарія въ Москвѣ.

Это послѣднее учрежденіе, какъ оказывается изъ недавняго циркуляра по военно-учебнымъ заведеніямъ, дало уже не мало дѣятелей, находящихся на службѣ въ военныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, но составляющихъ истинное бремя для ихъ начальствъ. Выпущенные изъ учительской семинаріи педагоги не имѣютъ, какъ оказывается изъ упомянутаго офиціальнаго документа, никакого понятія о служебной дисциплинѣ и подчиненности, безпрестанно обращаются ко своимъ прямымъ начальникамъ съ „объясненіями,“ „претензіями“ и выраженіями неудовольствій, за что „подлежатъ прямо преданію суду,“ подъ который не отдаютъ ихъ только „во вниманіе къ молодости и педавнему нахожденію большинства ихъ на службѣ.“ Юные педагоги до того проникнуты, какъ видно, до надменности высокимъ о себѣ мнѣніемъ что рекомендуютъ начальству свои способности и достоинства, выражая недовольство поручаемымъ имъ тѣмъ или другимъ родомъ дѣятельности; не останавливаются они и предъ печатнымъ обличеніемъ мнимыхъ проступковъ и личныхъ качествъ своихъ прямыхъ начальниковъ. Потребовалось огульно напомнить всѣмъ выпущеннымъ на службу изъ учительской семинаріи педагогамъ что они состоятъ на военной службѣ и наравнѣ съ военными чинами „обязаны повиноваться безпрекословно своему начальству.“

Какіе воины могутъ выйти изъ рукъ такихъ педагоговъ? Нельзя не удивляться что ограниченіе правъ военно-служащихъ сдѣлано какъ разъ въ то самое время когда такъ ясно выразились неудовлетворительные результаты попытки содержать особыя школы для приготовленія наставниковъ въ учебныя заведенія военнаго вѣдомства.

Кому же нужно чтобы воспитывающій и учащій персоналъ военно-учебныхъ заведеній былъ ниже, моложе, податливѣе?

Б.

Съ истинною радостію печатаемъ мы сегодня рѣчь сказанную въ Св. Синодѣ, при нареченіи во епископа, досточтимымъ отцомъ архимандритомъ Николаемъ, такъ славно и такъ Богоугодно послужившимъ святому дѣлу проповѣди Евангелія въ сосѣдней намъ на отдаленномъ Востокѣ Японіи. Давно, давно ждетъ архипастыря на-

сажденная имъ Японская Православная Церковь, и никого не могла бы она привѣтствовать въ этомъ санѣ съ такою радостію какъ его, своего насадителя. Богъ призвалъ его къ великому дѣлу христіанскаго просвѣщенія, и онъ вполнѣ отдалъ себя этому святому призванію. Во имя Церкви, возвышающейся надъ народами и царствами, отецъ Николай положилъ свою душу на просвѣщеніе чужаго народа, духовно себя усвоилъ ему, и тѣмъ положилъ начало, если Богу будетъ угодно, его плодотворному сближенію съ нами. Публикѣ уже извѣстны успѣхи православной Японской миссіи. Въ нашей газетѣ сообщались примѣры обращеній напоминающихъ времена апостольскія. Въ Японскомъ народѣ оказалась живая воспріимчивость къ проповѣди Евангелія, и Православіе числитъ уже тамъ хотя еще небольшую, но ревностно и глубоко преданную ему паству. Да поможетъ Богъ просвѣтителю въ дальнѣйшихъ успѣхахъ! Да поможетъ ему Богъ насаждать на новой почвѣ истинный духъ нашей Церкви, а не одну внѣшнюю обрядность, которая не всегда проявляетъ, но иногда и закрываетъ собою духъ и истину. Въ нашихъ церковныхъ обычаяхъ есть кое-что случайное, неправильно получившее чуть не силу догмата. Живая проповѣдь Православія должна распознавать эти случайности не изъ Церкви идущія и приставшія къ ней отъ общественной среды, и не порабощать этимъ случайностямъ души новообращаемыхъ, а держать ихъ на высотѣ истинно православной, живой и животворящей Церкви.

Мы глубоко сочувствуемъ отцу Николаю въ его призывѣ къ пожертвованіямъ на дѣло Японской миссіи и въ его возраженіяхъ тѣмъ кто находитъ что намъ еще рано миссіонерствовать за предѣлами нашего отечества гдѣ числится не мало не обращенныхъ ко Христу населеній. Одно другому не препятствуетъ, напротивъ одно другому помогаетъ. Возбуждается духъ проповѣди и усердія, а гдѣ возбужденъ духъ, гдѣ есть усердіе, тамъ и средства находятся въ изобиліи. Скупясь для святаго дѣла, мы обманываемъ себя доводами что нужно приберегать средства для другихъ, ближайшихъ цѣлей. Нѣтъ, никуда и не пойдутъ эти средства, никто ими не воспользуется и изсякнутъ они даромъ; между тѣмъ какъ духъ высоко возбужденный неистощимо плодитъ себѣ средства... Процвѣтетъ Японская миссія,—повѣрьте, съ тѣмъ вмѣстѣ оживится духъ проповѣди и въ пустыняхъ Сибири...

№ 91.

Москва, 31-го марта.

А.

С. С. Поляковъ, неоднократно жертвовавшій большія суммы на дѣло просвѣщенія, сдѣлалъ новое значительное пожертвованіе, на этотъ разъ въ пользу С.-Петербургскаго университета. Новое пожертвованіе имѣетъ особенную важность не только по своимъ размѣрамъ (200.000 рублей), но и по своему назначенію. Это первый опытъ осуществленія мысли объ устройствѣ при университетахъ общежитій для студентовъ. Мысль эта высказанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ, встрѣтила одобреніе Министерства, обсуждалась въ совѣтахъ университетовъ и въ принципѣ получила утвержденіе. Благодаря щедрому пожертвованію С. С. Полякова, приносенному имъ въ память пребыванія Государя Императора на театрѣ военныхъ дѣйствій въ послѣднюю войну и въ ознаменованіе двадцатипятилѣтія славнаго царствованія, эта мысль нынѣ приходитъ къ осуществленію. Когда въ шестидесятыхъ годахъ былъ упраздненъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вся масса учащихся была поставлена внѣ всякаго воспитательнаго вліянія университета подчиненіемъ студентовъ вѣдѣнію полиціи наравнѣ со всѣми городскими жителями,—мѣры эти казались почему-то либеральными и рекомендовались какъ имѣющія принести большую пользу учащимся, поставляя ихъ въ болѣе свободныя отношенія къ университетскому начальству. Въ дѣйствительности же, новый порядокъ вышелъ главнымъ образомъ изъ желанія начальства освободиться отъ отвѣтственности въ дѣлѣ надзора и попеченія на пользу молодыхъ людей. Тяготы начальства дѣйствительно уменьшились, но студентамъ лучше не стало. При возрастающей дороговизнѣ жизни и весьма естественной нехозяйственности молодыхъ людей, выдача стипендій деньгами на руки поставила существованіе стипендіатовъ въ условія гораздо худшія чѣмъ тѣ какими они поль-

зовались въ студентскихъ нумерахъ, и вмѣстѣ лишила ихъ тѣхъ для занятій удобствъ какими они пользовались живя въ зданіи университета, вблизи ко всѣмъ учебнымъ пособіямъ. Упраздненіе института казеннокоштныхъ много содѣйствовало той раздробленности въ какой находится масса университетской молодежи, тому отчужденію отъ университета какое замѣчается нынѣ когда значительную долю студентовъ никто не видитъ въ университетѣ и не знаетъ. Въ послѣднее время, и въ обществѣ, и въ университетскихъ кругахъ, можно было услышать не мало голосовъ за возстановленіе студентскихъ общежитій. Но университетскія зданія гдѣ они помѣщались уже отошли подъ другія назначенія, и возстановленіе прежнихъ обширныхъ интернатовъ потребовало бы значительныхъ издержекъ и новой ломки. Цѣль можетъ быть достигнута постепенно и съ устраненіемъ неудобствъ большаго интерната посредствомъ учрежденія нѣсколькихъ общежитій по 30, 40, 50 человѣкъ, съ допущеніемъ нѣкотораго разнообразія въ устройствѣ, но съ общею цѣлью поставить учащихся въ возможно лучшія условія. Въ коллегію имѣющую именоваться „Коллегіей Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета учрежденною С. С. Поляковымъ“ будутъ приниматься на казенный счетъ лучшіе изъ недостаточныхъ студентовъ и на свой счетъ своекоштные студенты, которыхъ родители пожелаютъ помѣстить въ Коллегію. Она будетъ состоять въ вѣдѣніи попечителя округа и подъ непосредственнымъ начальствомъ университетской инспекціи, для чего одинъ изъ помощниковъ инспектора помѣщается въ зданіи Коллегіи. Для завѣдыванія ею въ хозяйственномъ отношеніи и для сбора пожертвованій образуется подъ предсѣдательствомъ попечителя особый комитетъ изъ попечителя Коллегіи дѣйств. ст. сов. Полякова, ректора и инспектора Университета, четырехъ выборныхъ профессоровъ, четырехъ лицъ изъ окончившихъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ и трехъ почетныхъ членовъ. Остается пожелать чтобы примѣръ почтеннаго жертвователя нашелъ подражателей. На актѣ Московскаго университета, въ нынѣшнемъ году, было заявлено о пожертвованіи г. Лепешкинымъ дома для устройства студентскаго общежитія. Съ тѣхъ поръ дѣло не подвинулось сколько извѣстно вслѣдствіе затрудненій возникшихъ при составленіи правилъ. Высочайше утвержденныя положенія касательно Коллегіи С. С. Полякова послужатъ, вѣроятно, нормой и для другихъ учрежденій этого рода.

Б.

Ничто не ново подъ луною. Разныя благонамѣренныя и почтенныя газеты обвиняютъ насъ въ разнузданности, въ опасной для общественнаго спокойствія агитаціи, въ попыткахъ возмутить народъ и подорвать авторитетъ власти. Все было бы у насъ спокойно и тихо еслибы не раздавался нашъ злонамѣренный голосъ. Точь въ точь то же самое говорилось десять лѣтъ тому назадъ, и мы находимъ не совсѣмъ не интереснымъ воспроизвести нашу статью изъ *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 8-го января 1870 года:

Нашъ революціонный вопросъ разъясняется понемногу. Зачѣмъ теперь понадобилось смущать русскую учащуюся молодежь и вербовать въ ней агентовъ въ какую-то таинственную организацію, якобы имѣющую своею цѣлію уничтожить на землѣ все что называется государствомъ? Зачѣмъ понадобилось напечатать столько разныхъ прокламацій превосходящихъ одна другую неистовствомъ, безобразіемъ и безсмысліемъ? Корреспонденты варшавскіе и петербургскіе нѣмецкихъ газетъ объясняютъ дѣло. Въ *Kölnische Zeitung*, въ *Ostsee-Zeitung*, въ *Neue Preussische Zeitung* читаемъ что въ Россіи дѣло нигилистической революціи должно кончиться пораженіемъ русской національной партіи. . Россія не должна имѣть національной политики, или, что то же, не должна имѣть самостоятельнаго существованія. Она должна управляться политикой разложенія, и ея правительство, уклонившееся отъ этого пути и вздумавшее поставить себѣ задачей скрѣпленіе государственнаго единства Россіи и оживленіе нравственныхъ и матеріальныхъ силъ ея народа, должно быть возвращено на путь истинный. Оно должно отказаться отъ національной политики и отъ пагубной, нелѣпой идеи государственнаго единства Россіи которая не имѣетъ будущаго. Русскій патріотизмъ надобно запретить; людей которые принимаютъ къ сердцу русскіе государственные интересы надобно объявить опасными сумасбродами, взять ихъ подъ надзоръ полиціи, во вся-

комъ случаѣ зажать имъ ротъ; по русской печати надобно отдать соотвѣтственный положенію дѣлъ приказъ. Все зло де въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, и въ ожиданіи удара который долженъ прекратить ихъ зловредное существованіе, всѣмъ прочимъ органамъ надобно сдѣлать внушеніе чтобъ они подъ страхомъ кары не дерзали изъявлять имъ сочувствія, а съ тѣмъ вмѣстѣ противъ этой зловредной газеты спустить собакъ со всѣхъ дворовъ. Вотъ сущность тѣхъ поученій которыя извлекаютъ корреспонденты нѣмецкихъ газетъ изъ революціонныхъ продѣлокъ обнаружившихся въ попорченной нигилизмомъ части русской учащейся молодежи. Вотъ въ чемъ смыслъ того пораженія національной партіи которое готовитъ де ей *консервативная* партія. „Открытіе нигилисти„ческаго заговора въ Россіи," пишутъ въ *Ostsee-Zeitung* изъ Варшавы, „не премі„нетъ вызвать сильную реакцію противъ „*національной демократіи* представляемой „*Московскими Вѣдомостями* (die durch „Katkoff vertretene nationale Demokratie) „и ослабить ея вліяніе по крайней мѣрѣ „въ правительственныхъ сферахъ. Уже „теперь со стороны *консервативной* пар„тіи въ Россіи слышатся трезвые голоса „которые указываютъ на близкое духов„ное сродство этой національной демокра„тіи съ нигилизмомъ и свидѣтельствуютъ „что послѣдній порожденъ и воспитанъ „первою; ибо хотя русская національная „демократія (то-есть Русскій народъ) внѣш„нимъ образомъ и придерживается цариз„ма, но тѣмъ не менѣе ея политическія, „соціальныя и религіозныя убѣжденія со„вершенно нигилистическаго свойства. Да„бы осуществить ихъ, она въ данномъ „случаѣ и пожертвуетъ царизмомъ. *Осо„бенно благодѣтельное вліяніе окажетъ „паденіе національной демократіи на дѣ„ла въ бывшихъ польскихъ областяхъ, рав„но какъ и въ балтійскихъ провинціяхъ.* „А потому здѣсь (въ Варшавѣ) какъ въ „польскихъ, такъ и въ офиціальныхъ кру„гахъ, смотрятъ съ напряженнымъ вни„маніемъ на возбужденную открытіемъ ни„гилистическаго заговора борьбу консер„вативной партіи противъ національной „демократіи." — „Открытіе соціалистскаго „заговора есть очень невыгодное дѣло для „нашихъ національныхъ демократовъ," пишетъ корреспондентъ изъ Петербурга въ *Kölnische Zeitung*: „открытіемъ этимъ *кон„сервативная* партія *пользуется* для того „чтобы предостеречь правительство отъ „ложнаго пути на который оно выступило „*съ 1863 года*."

Не ясно ли отсюда какой смыслъ соединяютъ въ свѣдущихъ сферахъ съ нашими нигилистическими заговорами и открытіями оныхъ? Ими надѣются просто-напросто обмануть Россію и перевернуть въ ней здравый смыслъ...

Національная политика есть политика демократіи: это уже считается доказаннымъ. Равномѣрно не подлежитъ сомнѣнію что эта національная демократія есть источникъ всего дурнаго, и что изъ ея развитія нигилизмъ черпаетъ свои революціонные замыслы.

Все это какъ нельзя болѣе поучительно, равно какъ и заявленіе берлинской феодальной *Kreuzzeitung* что національное направленіе въ Россіи есть дѣло *красныхъ*, и что національному направленію уже нанесенъ де сильный ударъ, въ доказательство чего приводятся дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ...

Все это, повторимъ, очень назидательно, но еще интереснѣе то что въ торжествѣ *консервативной* (со включеніемъ польской и нѣмецкой) партіи участвуетъ и нигилизмъ.

Послушайте какимъ тономъ заговорила *Недѣля*. Послушайте также какъ оживились тѣ безыменные сотрудники *Вѣстника Европы*, направленіе которыхъ также не подлежитъ сомнѣнію и въ которыхъ цензурный журналъ *Дѣло* признаетъ своихъ людей. Они говорятъ совершенно то же самое что̀ выше цитованные *консервативные* корреспонденты нѣмецкихъ газетъ.

Пусть гибнутъ мальчишки пойманные на удочку нигилизма,—вожди и глашатаи нигилизма потираютъ себѣ руки.

Между органами нигилизма и консервативною *Вѣстью* произошло полное сліяніе. Теперь уже окончательно нельзя различить отрицателей собственности отъ защитниковъ крупнаго землевладѣнія въ западномъ краѣ.

Нигилизмъ сознаетъ себя силой и принимаетъ осанку партіи находящейся во власти. Онъ негодуетъ противъ вредныхъ агитаторовъ. Бѣдную русскую національную печать онъ призываетъ къ суду, и становится грознымъ обличителемъ ея преступныхъ дѣяній и мятежныхъ свойствъ. Его благонамѣренный гнѣвъ падаетъ все-

го болѣе на насъ... Послушайте какъ обвиняютъ насъ прокуроры *Недѣли* издаваемой г. Генкелемъ! Уличая насъ въ мятежныхъ дѣйствіяхъ и въ агитаціи которая можетъ „произвести *не полезное*, *не „благотворное*, а напротивъ вредное *волненіе*,“ они восклицаютъ: „Кого болѣе „слѣдуетъ остерегаться русскому обще„ству: такихъ ли агитаторовъ каковъ, на„примѣръ, Нечаевъ, или такихъ каковы „редакторы *Московскихъ Вѣдомостей?*“ Это значитъ что господа прокуроры *Недѣли* требуютъ просто-на-просто чтобы насъ повѣсили, и это тѣмъ болѣе кстати со стороны этихъ грозныхъ блюстителей порядка и общественнаго спокойствія что редакторы *Московскихъ Вѣдомостей* въ подземныхъ прокламаціяхъ были рекомендованы жандармамъ-вѣшателямъ.

Итакъ, вотъ какъ выразились дѣла въ началѣ 1870 года: Кто „вреднѣе,“ Нечаевъ или редакторы *Московскихъ Вѣдомостей*?

Утѣшительнѣе всего та благонамѣренная ревность съ какою наши радикалы, начиная съ *Дѣла*, продолжая безыменными сотрудниками г. Стасюлевича и Генкеля и кончая *С.-Петербургскими Вѣдомостями*, преслѣдуютъ насъ, вредныхъ агитаторовъ, за всякое слово которое они подозрительно истолковываютъ въ сторону невыгодную для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и цензурнаго управленія. Принимая на себя охрану спокойствія страны, нашъ нигилизмъ весьма естественно принимаетъ на себя и заботы о поддержаніи авторитета власти...

№ 92.

Москва, 1-го апрѣля.

Очень много сенсаціонныхъ вещей было высказано съ разныхъ сторонъ при неожиданной вѣсти о побѣдѣ виговъ на выборахъ въ Англіи и о неминуемости паденія Биконсфильдовскаго кабинета. Пока оставалась еще тѣнь надежды на успѣхъ, сами торіи всячески старались напугать Англичанъ перспективой „пагубнаго“ союза съ Россіей. Такъ одинъ изъ членовъ теперешняго кабинета г. Стангопъ, предостерегая избирателей противъ голосованія за либераловъ, внушалъ имъ что въ случаѣ побѣды виговъ Восточный вопросъ поднимется вновь, и Англія въ союзѣ съ Россіей будетъ воевать противъ Турціи. Съ Австріей отношенія окончательно деиспорчены вслѣдствіе нападокъ на нее г. Гладстона, и такимъ образомъ Русская политика получитъ де поощреніе и все что достигнуто консервативами въ дѣлѣ обузданія замысловъ Россіи будетъ потеряно. Австрійскія газеты, въ свою очередь, предавались великой тревогѣ и предсказывали какую-то войну вслѣдствіе паденія лорда Биконсфильда, присвоивъ ему неожиданный для него самого титулъ миротворца.

Вся эта напускная тревога улеглась однако очень скоро, и органы европейскаго общественнаго мнѣнія, убѣдившись въ неизбѣжности предстоящей въ Англіи перемѣны, весьма скоро примирились съ нею, и по ихъ же словамъ выходитъ что „не такъ страшенъ чортъ какъ его малюютъ.“ Политическая интрига встрепенулась и спѣшитъ, примѣняясь къ новымъ обстоятельствамъ, эксплуатировать положеніе въ свою пользу. Наиболѣе выдающіяся изъ этихъ указаній заслуживаютъ отмѣтки.

Вѣнскій корреспондентъ *Times* посвятилъ цѣлый столбецъ своего телеграфнаго сообщенія, отъ 5 апрѣля, изложенію „успокоительнаго“ оборота принятаго настроеніемъ вѣнскихъ политическихъ сферъ въ виду англійскихъ выборовъ. Первоначально тревога, по словамъ его, улеглась въ виду неоднократныхъ увѣреній маркиза Гартингтона и другихъ либеральныхъ вождей, протестовавшихъ противъ мысли будто они имѣютъ въ виду ниспровергнуть то что сдѣлано прежнимъ кабинетомъ въ области иностранной политики, и увѣрявшихъ что они не менѣе своихъ предмѣстниковъ „готовы воспротивиться захватамъ (encroachments) Россіи.“ „Нельзя удивляться,“ продолжаетъ тотъ же корреспондентъ, „что здѣсь продолжаютъ вѣрить въ солидарность интересовъ Англіи и Австріи, и что существуетъ убѣжденіе что интересы эти будутъ признаны и впредь и выступятъ наружу какъ только это окажется нужнымъ.“

Самъ г. Гладстонъ поспѣшилъ загладить впечатлѣніе своихъ недавнихъ нападокъ на Австрію, и своимъ авторитетомъ подкрѣпилъ сообщенія вѣнскаго корреспондента *Times*. Въ самый день своего блестящаго тріумфа въ Эдинбургѣ, когда на улицахъ несмѣтныя толпы народа привѣтствовали его побѣду надъ лордомъ Далки-

томъ въ Мидлотіанскомъ избирательномъ округѣ шотландской столицы, г. Гладстонъ далъ аудіенцію корреспонденту вѣнской *Всеобщей Газеты* и высказалъ предъ нимъ слѣдующее: „Очень ошибаются тѣ кто думаетъ что политика либеральной партіи будетъ благопріятна расширенію могущества Россіи на Востокѣ. Я никогда не стану разрушать того что̀ служитъ дѣйствительно преградой успѣхамъ Россіи. Но дѣло въ томъ что многое изъ того что̀ было сдѣлано, сдѣлано прямо на руку Россіи.“

Neue Freie Presse, всегда руководящая хоромъ враждебной Россіи Вѣнской печати, усмотрѣла въ послѣднемъ эпизодѣ съ отставкой князя Бисмарка связь съ тѣмъ же вопросомъ о будущемъ направленіи восточной политики. Она доказываетъ что поводъ выставленный княземъ Бисмаркомъ слишкомъ ничтоженъ чтобы считать оный серіознымъ. Дѣйствительнымъ поводомъ слѣдуетъ де признать новое дружественное расположеніе къ Россіи, возобладавшее при Берлинскомъ дворѣ, которое въ связи съ перемѣнами въ Англіи грозитъ де разстроить всѣ планы князя Бисмарка. На это берлинская *Національная Газета* возражаетъ что въ Вѣнѣ напрасно тревожатся за участь созданнаго княземъ Бисмаркомъ австро-германскаго соглашенія. Что же касается тревоги по поводу паденія лорда Биконсфильда, то на это берлинская газета замѣчаетъ съ нѣкоторою таинственностью слѣдующее: „По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, лордъ Биконсфильдъ позаботился еще за нѣсколько времени до постигшаго его удара поставить себя въ такое отношеніе къ Австріи и къ Германіи чтобъ онѣ могли съ полнымъ хладнокровіемъ отнестись къ дальнѣйшей его участи.“

Весьма любопытнымъ дополненіемъ къ этому загадочному замѣчанію служитъ корреспонденція изъ Вѣны, отъ 6-го апрѣля, помѣщенная въ той же берлинской газетѣ. Корреспонденція высказываетъ нѣсколько точнѣе тѣ виды на дальнѣйшій ходъ дѣла по Восточному вопросу которые сложились подъ вліяніемъ наступившихъ перемѣнъ.

Корреспондентъ начинаетъ съ того что исходный пунктъ политики которою руководствовались графъ Андраши и лордъ Биконсфильдъ на Берлинскомъ конгрессѣ не можетъ не быть признанъ потерявшимъ свою силу. Исходный пунктъ этотъ заключается въ поддержаніи дальнѣйшаго существованія турецкаго государства, хотя и въ обрѣзанномъ видѣ. Время протекшее съ тѣхъ поръ доказало что турецкое государство есть химера, и что слѣдуетъ съ нимъ совершенно покончить. Въ этомъ, повидимому, будетъ заключаться новая политика Англіи; а потому и Австрія должна имѣть въ виду паденіе Турціи „если не желаетъ потерять свое положеніе на Востокѣ.“ Ей слѣдуетъ де всячески стараться чтобы Россія и Англія не согласились между собой насчетъ раздѣла Турціи. Самымъ дѣйствительнымъ къ тому средствомъ было бы полное единство дѣйствія съ Германіей, такое единство, которое опиралось бы не на международномъ соглашеніи, а на союзѣ установленномъ въ законодательномъ порядкѣ. Лишь въ этомъ случаѣ Германія могла бы оставить въ сторонѣ тѣ соображенія которыя связываютъ ее по отношенію къ Россіи и выступить совокупно съ Австріей рѣшающею силой въ спорѣ о будущемъ раздѣлѣ турецкаго наслѣдія. Но, прибавляетъ со вздохомъ корреспондентъ берлинской газеты, „конституціонное единеніе“ между Германіей и Австріей оказывается, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, непопулярнымъ въ Австріи. Повидимому, однако, корреспондентъ не считаетъ дѣла потеряннымъ, ибо онъ далѣе старается доказать что для Австріи все-таки остается лишь одинъ путь для дальнѣйшаго осуществленія своего призванія на Востокѣ; этотъ путь есть солидарность съ Германіей, и только съ Германіей, а не совокупное дѣйствіе съ Германіей и Англіей, какъ было при графѣ Андраши. Корреспондентъ думаетъ что время еще терпитъ, и что пройдетъ еще немало времени прежде чѣмъ станетъ кристаллизоваться теперешнее переходное положеніе. Тогда Австрія должна будетъ убѣдиться что, помимо полной и исключительной солидарности съ Германіей, для нея нѣтъ возможности выгоднымъ для себя образомъ принять участіе въ окончательной ликвидаціи турецкаго владычества. А пока корреспондентъ считаетъ нужнымъ напомнить одно средство, къ которому уже одинъ разъ прибѣгла австрійская политика и которое онъ особенно рекомендуетъ возобновить теперь, дабы парализовать успѣхи достигнутые панславизмомъ вслѣдствіе неразумной резногласицы господствовавшей между партіями въ Австріи во время послѣднихъ событій на Востокѣ. Сред-

стросно все обвиненіе товарища прокурора."

Почему было отдано такое предпочтеніе показанію Соколовскаго предъ показаніемъ Дьякова, не видно. Обстоятельства при которыхъ Соколовскій давалъ свои показанія не таковы чтобы могли поставить ихъ достовѣрность внѣ сомнѣнія. Соколовскій не сторонній, безпристрастный свидѣтель въ дѣлѣ: онъ участвовалъ въ поддѣлкѣ метрическаго свидѣтельства, дѣлалъ на немъ фальшивыя подписи. Являясь ко властямъ съ повинною, онъ находился въ положеніи при которомъ очень естественно не только смягчить все касающееся его собственнаго участія въ преступленіи, но и совершенно выгородить себя изложивъ дѣло такъ чтобы вся вина пала на другаго. Подавъ доносъ на Дьякова, Соколовскій беретъ его обратно, и взамѣнъ подаетъ другой; „то пишетъ онъ опроверженіе своего доноса и говоритъ что подложный документъ нашелъ въ Харьковѣ; то сочиняетъ опроверженіе своему же опроверженію и объясняетъ что писалъ его страха ради," такъ какъ де Дьяковъ угрожалъ взведеннымъ куркомъ. Далѣе, Соколовскій говоритъ что объ этихъ угрозахъ онъ заявлялъ двумъ священникамъ; но „оба священника говорятъ что ни о какихъ угрозахъ ничего имъ Соколовскій не говорилъ."

Во множествѣ судебныхъ дѣлъ отметались свидѣтельскія показанія, противъ которыхъ нельзя привести и десятой доли того что̀ приведено Дьяковымъ противъ показанія Соколовскаго. Самыя вѣскія улики не были признаваемы достаточными, напримѣръ, для обвиненія укрывателей Мирскаго. Въ дѣлѣ Дьякова, возбуждающія массу сомнѣній, голословныя показанія Соколовскаго были признаны за безспорную улику.

Теперь послушаемъ разказъ г. Дьякова о судьбѣ какая постигла его вслѣдъ за возвращеніемъ на родину съ цѣлію явиться въ Петербургъ и засвидѣтельствовать тамъ раскаяніе въ былыхъ заблужденіяхъ.

Перейти границу съ такою цѣлію оказалось не такъ легко какъ перейти ее убѣгая отъ правительства. Добраться до Петербурга чтобы принести повинную оказалось еще труднѣе. „1 іюля 1879 года," пишетъ г. Дьяковъ, „я былъ арестованъ на границѣ. Сперва я не давалъ никакихъ показаній, прося чтобы меня отправили въ Петербургъ, но въ Курскѣ мнѣ прямо объявили что отсюда меня не выпустятъ..."

Какія соображенія могли быть мотивомъ къ тому чтобы не допустить Дьякова немедленно явиться въ канцелярію шефа жандармовъ, непонятно. Но не въ этой задержкѣ главное дѣло. Интересны подробности касающіяся трехмѣсячнаго содержанія Дьякова въ Курскомъ тюремномъ замкѣ, на которое съ такимъ злорадствомъ указывалось въ извѣстныхъ органахъ нашей печати. Вотъ что̀ пишетъ онъ о своемъ тюремномъ заключеніи: „я былъ боленъ серіозно и опасно—не позволяли лѣчиться; я былъ голоденъ — не позволяли ѣсть за свои деньги, держали все время (3 мѣсяца) въ одиночномъ заключеніи, и прямо говорили что я нахожусь не только въ тюрьмѣ, но и *въ опалѣ*..."

Въ опалѣ... Это не описка, г. Дьяковъ подчеркнулъ эти слова въ своемъ письмѣ.

„Такими преслѣдованіями," продолжаетъ г. Дьяковъ, „я былъ вынужденъ измѣнить свое показаніе о паспортѣ г. Булгакова и сказать что не помню какъ и отъ кого досталъ паспортъ, но не отъ самого Булгакова."

Часъ отъ часу не легче! Кому и для чего могло быть нужно добиваться такого измѣненія показанія, выгораживать пособника того преступленія въ которомъ обвинялся Дьяковъ, и за которое онъ былъ посаженъ въ тюремный замокъ?

Выгороженный при слѣдствіи, г. Булгаковъ остался совсѣмъ въ сторонѣ и на судѣ. Обстоятельства касающіяся того какъ попалъ паспортъ Булгакова въ руки Дьякова признаны были не имѣющими значенія. Просьба подсудимаго произвести подробное слѣдствіе по этому предмету осталась не уваженною судомъ. „Мнѣ предложенъ былъ," пишетъ Дьяковъ, „только одинъ вопросъ: признаю ли я себя виновнымъ въ томъ что жилъ подъ именемъ Булгакова? Да, признаю; хотя за границей я жилъ подъ именемъ Александра Александровича Булгакова, а не Ѳедора Ильина, и паспортъ его въ теченіе пяти лѣтъ предъявилъ только одинъ разъ, въ Землинѣ, на сербской границѣ."

Характеристичны, при этомъ устраненіи г. Булгакова отъ всякаго отношенія къ дѣлу какъ при слѣдствіи, такъ и на судѣ, *одинаковыя описки* или *опечатки* какія оказались въ корреспонденціяхъ о процессѣ Дьякова появившихся въ разныхъ газетахъ. Благодаря этимъ опискамъ, самое имя Булгакова не упоминалось въ

этихъ корреспонденціяхъ, а было подмѣнено именемъ Богданова. Дьяковъ „взялъ заграничный паспортъ у курскаго губернатора на имя Богданова," читаемъ въ *Голосѣ* (№ 77). Доступъ за границу открылъ Дьякову „заграничный паспортъ выданный ему въ канцеляріи курскаго губернатора на имя Богданова," гласитъ корреспонденція *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 71). И притомъ замѣтьте: паспортъ взятъ Дьяковымъ, выданъ Дьякову, прямо, безъ чьего-либо посредничества; паспортъ имъ самимъ „выправленъ обманомъ" (*Голосъ* № 85).

Что̀ это, умышленное или неумышленное незнаніе того дѣятельнаго участія какое принималъ нѣкто Булгаковъ въ отправкѣ Дьякова за границу? Выше мы видѣли что паспортъ выправлялъ не Дьяковъ, а Булгаковъ, не только пославшій съ этою цѣлью телеграмму своему дядѣ, но и предпринимавшій поѣздку въ Курскъ гдѣ самъ передалъ Дьякову свой паспортъ и проводилъ его до станціи.

Интересно бы знать что за особа этотъ Ѳедоръ Ильинъ Булгаковъ, и подъ какою счастливою звѣздой онъ родился.

Приведемъ изъ письма Дьякова еще одну характеристическую подробность касающуюся судебнаго разбирательства 5 марта. „Прокуроръ, читаемъ въ этомъ письмѣ, обратился къ присяжнымъ такъ: „Обратите вниманіе, гг. присяжные засѣ„датели, что г. Дьяковъ, кромѣ этого пре„ступленія (подложнаго свидѣтельства) об„виняется въ растратѣ." А между тѣмъ, продолжаетъ г. Дьяковъ, въ дѣлѣ находится отношеніе Екатеринославскаго окружнаго суда, въ которомъ сказано совсѣмъ противоположное, то-есть что я за растрату не преслѣдуюсь, а возбуждено противъ меня преслѣдованіе только за самовольное оставленіе должности нотаріуса въ городѣ Александровскѣ. Отношеніе это на судѣ не было прочитано."

Присовокуплять ко всему вышеизложенному какіе-либо комментаріи со своей стороны, полагаемъ, было бы совершенно излишне. Но есть одно обстоятельство по поводу котораго намъ приходится оговориться. Нѣсколько словъ сказанныхъ нами въ передовой статьѣ № 80 *Московскихъ Вѣдомостей* по дѣлу Дьякова были приняты за намекъ что брань на него напечатанная въ *Голосѣ* 26 сентября прошлаго года въ видѣ корреспонденціи изъ Курска писана лицомъ близкимъ къ судебному міру, и мы получили по этому случаю изъ Петербурга разъяснительное письмо. Вѣрны ли сообщаемыя въ этомъ письмѣ данныя, не знаемъ. Но въ немъ утвердительно говорится что означенная „корреспонденція изъ Курска" писана не въ Курскѣ, а въ Петербургѣ, постояннымъ сотрудникомъ *Голоса* нѣкіимъ Ѳедоромъ Булгаковымъ.

№ 94. √

Москва, 3-го апрѣля.

А.

Нѣтъ ничего фальшивѣе толковъ о существованіи въ Россіи партій консервативной и либеральной. Какъ и вездѣ, у насъ есть и всегда будутъ частные интересы желающіе сохраненія или упраздненія какихъ-либо порядковъ. Такъ частному интересу помѣщиковъ была невыгодна отмѣна крѣпостнаго права. Такъ учителямъ нашихъ прежнихъ гимназій было невыгодно преобразованіе учебной системы, низводившее ихъ на второстепенное положеніе или вовсе упразднявшее. Такъ нѣкоторымъ кликамъ въ нынѣшнихъ профессорскихъ коллегіяхъ можетъ казаться невыгодною всякая перемѣна въ университетскомъ устройствѣ которая потребовала бы со стороны преподавателей болѣе серіознаго отношенія къ наукѣ и болѣе строгаго исполненія своихъ обязанностей. Чинамъ полиціи и административнымъ властямъ можетъ казаться неудобнымъ допущеніе гласности. Съ другой стороны, лѣнивымъ ученикамъ была бы пріятна отмѣна ученья и право *faire l'école buissonnière*, какъ недавно предлагалось въ одной либеральной петербургской газетѣ. Кому терять нечего тому выгодны перемѣны открывающія болѣе широкую возможность къ безнаказанному присвоенію чужой собственности. Всякій консерваторенъ когда дѣло идетъ о своемъ карманѣ или о своихъ правахъ, всякій либераленъ на чужой или на казенный счетъ. Словомъ, частныхъ интересовъ, и уважительныхъ и неуважительныхъ, есть безчисленное множество; но, какъ на этомъ зыбкомъ, безпрерывно мѣняющемся фундаментѣ, построить какія-либо постоянныя, общія, политическія партіи? Скажутъ: консервативную партію составляютъ люди за-

интересованные охраненіемъ порядка, а либеральную люди заинтересованные расширеніемъ свободы. Но почему одни будутъ заинтересованы охраненіемъ порядка, а другіе расширеніемъ свободы? Всякій порядочный человѣкъ заинтересованъ сохраненіемъ порядка, и всякому мила свобода. Порядокъ и свобода, это двѣ стороны, два конца, два полюса одного и того же; они вмѣстѣ стоятъ и вмѣстѣ падаютъ. Нельзя желать одного не желая другаго.

Но если у насъ нѣтъ, и быть не можетъ, политическихъ партій въ смыслѣ консервативной и либеральной, то къ сожалѣнію есть несомнѣнно двѣ другія партіи, которыя имѣютъ реальную основу и дѣйствительно проходятъ черезъ всѣ интеллигентныя сферы въ предѣлахъ Русской державы. Эти партіи могутъ быть названы національною и антинаціональною, русскою и антирусскою

Нѣтъ ничего нелѣпѣе вопроса о либеральныхъ или консервативныхъ мѣрахъ вообще, безъ отношенія къ кому-нибудь или къ чему-нибудь. Прежде всего требуется знать о какомъ субъектѣ мы заботимся, къ какому субъекту прилагаемъ мѣры. Политическимъ субъектомъ для насъ есть конечно Россія. Національная партія можетъ желать только того что̀ полезно Россіи, что̀ ей во благо, а не того что̀ либерально или консервативно. Наоборотъ, для людей антинаціональной партіи хорошо то что̀ ослабляетъ Россію въ ея государственномъ составѣ, что̀ вноситъ смуту въ ея общественную жизнь: чѣмъ хуже тѣмъ лучше, вотъ девизъ этой партіи. Обѣ партіи, національная и антинаціональная, не такъ легко разграничиваются какъ можно было бы ожидать по смыслу ихъ названій. Далеко не всѣ носящіе русское имя и къ православной церкви приписанные люди могутъ быть относимы къ національной партіи; наоборотъ, всякій политически честный русскій подданный, какого бы то ни было племеннаго происхожденія, принадлежитъ къ національной партіи. Къ сожалѣнію, наша свѣтская чернь, наши ученые и литераторы, большею частію или колеблются между обѣими партіями, или же примыкаютъ къ партіи антинаціональной. Вообще наша интеллигенція имѣетъ поверхностный, подражательный и космополитическій характеръ; она не принадлежитъ своему народу, и оставляя его во тьмѣ сама остается безъ почвы. Ея понятія и доктрины большею частію чужаго происхожденія и не имѣютъ никакого отношенія къ окружающей ихъ дѣйствительности, а потому никто такъ легко не поддается обману и не обнаруживаетъ столько политическаго легкомыслія какъ наши quasi мыслящіе люди.

Могутъ быть партіи со всякими оттѣнками, консервативнымъ, либеральнымъ, радикальнымъ которые на политической почвѣ, въ отношеніи къ Россіи, къ Русскому государству, составляютъ одну отрицательную партію. Партія эта велика и многочисленна обнимаетъ людей не имѣющихъ между собою ничего общаго кромѣ непріязни къ Русскому государству или къ Русскому народу, что̀ одно и то же,—непріязни природной или благопріобрѣтенной посредствомъ обмана и смуты. Каждая изъ разнородныхъ группъ во всемъ положительномъ можетъ находиться въ антагонизмѣ съ другими; но всѣ антинаціональныя группы сливаются до безразличія въ общемъ отрицательномъ направленіи. Такая партія не есть фантазія или гипотеза. Партія эта есть фактъ котораго нельзя не признать, въ которомъ не дозволительно сомнѣваться. Былъ моментъ,—моментъ еще памятный всѣмъ кромѣ нынѣ учащихся молодыхъ людей,—когда эта партія выступала даже съ оружіемъ въ рукахъ, хотя она гораздо опаснѣе когда дѣйствуетъ въ тишинѣ и скрытно... Мы видѣли во время польскаго мятежа какъ *бѣлые* и *красные*, глубоко рознясь между собою во всемъ, составляли одну рать противъ Россіи. Пышные магнаты принятые ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, сановники церкви, студенты съ соціалистическими идеями, голоштанная шляхта дававшая изъ своей среды жандармовъ-вѣшателей, совершавшихъ во множествѣ омерзительнѣйшія злодѣянія, повиновались одной командѣ и одушевлялись общимъ отрицательнымъ интересомъ. Всѣ эти элементы антирусской интеллигенціи составляли одинъ лагерь; всѣ они представляли собою притязанія національности которая была въ долговременной борьбѣ съ Россіей, вторгалась въ нее, овладѣвала ея историческимъ достояніемъ, захватывала части ея народа и наконецъ пала въ этой борьбѣ, но не отказалась отъ своихъ притязаній и ищетъ возстановить себя то мятежомъ, то обманомъ на развалинахъ Русскаго государства. Нерусская политика самой Россіи, въ нынѣшнее столѣтіе, подняла и усилила

эти притязанія и способствовала сложиться и усилиться польской партіи, которая представляетъ собою не народъ Польскій, а лишь нѣкоторые общественные классы, служащіе игралищемъ честолюбцевъ и иностранныхъ интригъ. Польскій народъ имѣлъ несчастную исторію, изъ него не выработалось цѣльнаго организма; въ немъ не установилось единовластіе, это необходимѣйшее условіе для народа предназначеннаго къ самостоятельной государственной жизни, и польская шляхетская республика пала болѣе отъ внутренней несостоятельности чѣмъ отъ внѣшняго толчка. Населенія польскаго языка, никогда не жившія общею государственною жизнью, лишенныя національнаго духа и патріотизма, считавшіяся *скотомъ*, большею частію растерялись и исчезли въ другихъ народахъ. Польская національность держится только въ шляхтѣ и есть какъ бы душа лишенная тѣла, но одержимая вожделѣніемъ матеріализоваться, найти себѣ тѣло. Она ищетъ возстановить свое погибшее государство на исторической почвѣ Русскаго народа, когда-то подпадавшей подъ польскую власть и ополяченной въ верхнихъ слояхъ своего населенія. Хотя польская партія не имѣетъ за собою народа, она тѣмъ не менѣе представляетъ собою опредѣленное національное начало. Ея антирусскій характеръ есть не что иное какъ ея польскій характеръ, но она находила себѣ сочувствіе и поддержку въ нашей космополитической интеллигенціи! лишенной національнаго характера, хотя номинально принадлежащей къ русской національности. Въ этой космополитической интеллигенціи повторялось то же явленіе что и въ польскомъ лагерѣ. И здѣсь *бѣлые* и *красные*, при всей розни между собою, сливались въ сочувствіи антирусскому движенію. Рознясь въ своей фразеологіи, либеральные и консервативные оттѣнки одинаково настраивались въ отрицательномъ смыслѣ, одинаково презрительно и озлобленно относились къ Россіи, одинаково мирволили замысламъ противъ ея народности и ея государственнаго единства. Намъ ставили въ упрекъ и надъ нами издѣвались за то что мы будто бы всѣхъ считаемъ измѣнниками. Мы только заявляли факты, и не мы были виноваты если факты, приведенные въ ясность, производили на всѣхъ даже на виновниковъ своихъ, впечатлѣніе измѣнническихъ дѣйствій. Вопросъ не въ намѣреніяхъ лицъ, а въ складѣ ихъ мыслей, въ направленіи которому каждый подчиняется, нерѣдко повинуясь толчку неизвѣстно кѣмъ и въ чьихъ видахъ данному.

Иныя почтенныя лица оправдываютъ и утѣшаютъ себя тѣмъ что при своемъ антирусскомъ образѣ мыслей или образѣ дѣйствій, они остаются вѣрны престолу. Увы, это заблужденіе, — заблужденіе ума или воли! Отдѣлять Русскій престолъ отъ Русскаго народа плохая служба престолу. Только неразрывною связью того и другаго, только крѣпкимъ единеніемъ ихъ держится наша Русь. Немного ослабьте эту связь, и вы почувствуете какъ все заколеблется. Космополитизмъ и не состоятельность нашей интеллигенціи имѣютъ своею виной отчасти именно это фальшивое раздѣленіе въ *умахъ* того что въ *дѣйствительности* нераздѣльно и едино.

Но возвращаемся къ 1863 году. Когда польскій мятежъ разыгрывался, наша печать, наше такъ-называемое общественное мнѣніе имѣло поистинѣ измѣнническій характеръ, такъ что польскіе патріоты были вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ возстанія и потому рѣшились дѣйствовать вооруженною рукой. Точно также иностранныя державы были увѣрены что Россія находится наканунѣ катастрофы которая поколеблетъ ее до основанія. Но все приняло иной видъ когда выступила русская національная партія, то-есть самъ народъ Русскій во всѣхъ своихъ сословіяхъ. Враги положили оружіе, и антинаціональная партія быстро стерлась. Все колеблющееся почувствовало себя русскимъ, образумилось, отрѣзвилось. Вмѣсто полу-Французовъ и полу-Поляковъ, боящихся показаться варварами, явились русскіе люди желавшіе быть самими собою. Тѣ же люди, когда овладѣваетъ ими историческій духъ своего народа, чувствуетъ себя иначе; пустословіе и празднословіе исчезаютъ, и здравый смыслъ вступаетъ въ свои права; у нихъ оказывается и умъ, и зоркость; они чувствуютъ почву подъ своими ногами. Все что въ эти минуты успѣваетъ совершиться запечатлѣно характеромъ величія и плодотворной силы. За то упадокъ народнаго духа въ обществѣ открываетъ его для всякаго обмана и смуты, усиливая антинаціональную партію всѣхъ именованій и видовъ.

Русское мнѣніе не можетъ быть такси-

ровано ни консервативнымъ, ни либеральнымъ. Эти категоріи нейдутъ къ нему; оно живетъ не въ отвлеченностяхъ; оно относится къ живому субъекту и, какъ выше замѣчено, можетъ желать только того что̀ этому субъекту пригодно и полезно. Идетъ ли рѣчь о реформахъ, національное мнѣніе не будетъ заботиться о томъ чтобы подладиться подъ чужое, угодить какой-либо доктринѣ или провести какой-либо принципъ, создать какое-либо симметрическое учрежденіе: но единственно о томъ чтобъ удовлетворить дѣйствительной потребности живаго организма. Для него не имѣетъ никакой цѣны то что̀ можетъ казаться красивымъ въ отвлеченномъ представленіи; для него имѣетъ цѣну только то что требуется пользой страны. Что̀ не полезно, то оно отметаетъ какъ вредное...

Б.

Кто наши революціонеры? Вопросъ этотъ задавали мы себѣ за десять лѣтъ предъ симъ. Ничто ни ново подъ луной! Куріозно припомнить какъ тогда представлялось это дѣло. Вотъ что̀ писали мы тогда:

(*Московскія Вѣдомости* 1870 года, № 4, отъ 6 января).

Кто наши революціонеры?

Заграничныя газеты полны извѣстій о революціи якобы кипящей теперь въ нѣдрахъ Россіи. Вся Россія, говорятъ, покрыта сѣтью заговора, который имѣетъ свои узлы во всѣхъ значительныхъ городахъ ея, а главный центръ въ Москвѣ.

Вы изумляетесь этому, вы думаете что надъ вами издѣваются. А между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, производятся политическіе аресты, ходятъ слухи о какихъ-то прокламаціяхъ, даже совершаются политическія убійства.

Что̀ же это такое? Кто же вожди этой великой русской революціи, и чего они хотятъ? Надобно наконецъ взглянуть прямо въ глаза опасности которою они насъ пугаютъ.

Вожди этой великой революціонной партіи осѣвшей всю Россію имѣютъ притонъ свой въ Швейцаріи. Женева, какъ прежде Лондонъ, вотъ тотъ пунктъ на земномъ шарѣ куда сходятся видимые нити этой организаціи. Счастливая Женева! Какая блистательная роль суждена этой скромной пуританской Женевѣ! Отсюда раздаются тѣ мощные голоса которыя потрясаютъ въ основаніяхъ величайшую Имперію въ мірѣ, всегда казавшуюся незыблемымъ колоссомъ. Отсюда сыплются воззванія къ топорамъ, отсюда отправляются къ намъ эмиссары, сюда бѣгутъ за вдохновеніями и приказаніями Худяковы и Нечаевы. Объ издателяхъ *Колокола* уже не говорятъ. Скипетръ русской революціонной партіи перешелъ въ руки къ другой знаменитости, къ тому Бакунину который въ 1849 году бунтовалъ на Дрезденскихъ улицахъ, попалъ за то въ австрійскіе казематы, былъ потомъ выданъ нашему правительству, сидѣлъ въ крѣпости, писалъ оттуда умилительныя и полныя раскаянія письма, былъ помилованъ и высланъ на житье въ Сибирь, гдѣ ему была дарована полная свобода, служилъ тамъ по откупамъ, женился тамъ на молоденькой Полькѣ изъ ссыльнаго семейства, сошелся со многими изъ соплеменниковъ своей жены, и когда разыгралось польское дѣло, бѣжалъ изъ Сибири, и въ 1863 году, вмѣстѣ съ нѣсколькими сорванцами польской эмиграціи, предпринималъ морскую экспедицію противъ Россіи, но предпочелъ высадиться на шведскомъ берегу. Вотъ онъ, этотъ вождь русской революціонной партіи, организаторъ заговора покрывшаго теперь своею сѣтью всю Россію. „Вѣрно то,“ пишутъ въ *Allgemeine Zeitung*, „что Бакунинъ есть основатель „и руководитель этого заговора, который „имѣетъ своею цѣлію ни больше, ни меньше какъ уничтоженіе всякаго государственнаго начала, отверженіе всякой личной „собственности и воцареніе коммунизма.“

Фигура интересная. Тѣнь ея ложится на всю колоссальную Россію.

Мы счастливы что имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о характерѣ и прошлой жизни этого великаго человѣка, и можемъ нѣсколько ближе ознакомить съ нимъ нашу публику, для которой онъ вдругъ получилъ столь неожиданное значеніе.

Случай свелъ насъ съ Бакунинымъ еще въ первую пору молодости. Мы знали его не долго, но близко, и видѣли его въ разныхъ положеніяхъ жизни. Въ молодости это былъ человѣкъ не безъ нѣкотораго блеска, способный озадачивать людей слабыхъ и нервныхъ, смущать незрѣлыхъ и выталкивать ихъ изъ колеи. Это была натура сухая и черствая, умъ пустой и безплодно возбужденный. Онъ хватался за многое, но ничѣмъ не овладѣвалъ, ни къ чему не

чувствовалъ призванія, ни въ чемъ не принималъ дѣйствительнаго участія. Не было человѣка, даже наилучшимъ образомъ расположеннаго къ нему и предубѣжденнаго въ его пользу, на кого бы не производилъ онъ безотчетно непріятнаго и отталкивающаго дѣйствія. Всякому было съ нимъ и тягостно, и неловко. Въ немъ не было ничего искренняго; всѣ интересы которыми онъ повидимому кипятился были явленіями безъ сущности. Одна впрочемъ черта въ его характерѣ была несомнѣнно реальная, одно свойство которое въ своихъ проявленіяхъ было у него и правдиво и искренно: это — способность жить на чужой счетъ и не дѣлать различія между карманомъ чужимъ и своимъ. Онъ всегда умѣлъ пристраиваться къ денежнымъ, податливымъ и конфузливымъ людямъ, и съ добродушіемъ временъ богатырскихъ соглашался хозяйничать въ ихъ кошелькахъ и пользоваться ихъ избытками. Какъ не дѣлалъ онъ практическаго различія между чужими и своими деньгами, такъ не дѣлалъ онъ различія въ своихъ потребностяхъ между дѣйствительными и мнимыми. Ему ничего не стоило вытянуть у человѣка послѣднія деньги съ тѣмъ чтобы тотчасъ же разсорить ихъ на вещи ему самому совершенно не нужныя. Денегъ не срывалъ онъ только съ тѣхъ у кого положительно нечего было взять.

Въ послѣдній разъ (въ 1841 году) мы видѣли его въ Берлинѣ, гдѣ подъ предлогомъ занятія философіей онъ предавался абсолютной праздности, хотя своею развязностью въ Гегелевой терминологіи озадачивалъ добродушнаго Вердера который съ мистическимъ одушевленіемъ преподавалъ въ Берлинскомъ университетѣ логику упомянутаго философа. Бакунинъ запечатлѣлся въ нашей памяти подъ весьма характеристическимъ образомъ. Однажды, въ честь одного знаменитаго профессора, студенты устроили факельную процессію. Множество молодыхъ людей собрались предъ домомъ юбиляра, и когда почтенный старецъ вышелъ на балконъ своего дома благодарить за сдѣланную ему овацію, раздалось громогласное *hoch*, и всѣхъ пронзительнѣе зазвенѣлъ у самыхъ ушей нашихъ знакомый голосъ: то былъ Бакунинъ. Черты лица его исчезли: вмѣсто лица былъ одинъ огромный разинутый ротъ. Онъ кричалъ всѣхъ громче и суетился всѣхъ болѣе, хотя предметъ торжества былъ ему совершенно чуждъ: и профессора онъ не зналъ, и на лекціяхъ его не бывалъ...

Послѣ того прошло около 30 лѣтъ, и Бакунину будетъ теперь подъ 60. Съ тѣхъ поръ мы не встрѣчались съ нимъ. До насъ доходили лишь общія свѣдѣнія и слухи о его похожденіяхъ и злоключеніяхъ. Но вотъ, въ 1859 году, когда онъ проживалъ уже въ Сибири и служилъ по откупамъ, мы неожиданно получили отъ него письмо въ которомъ онъ припоминалъ о нашемъ давнемъ знакомствѣ, и которое показалось намъ искреннимъ. Еще прежде разсказывали намъ что онъ, послѣ тяжкихъ уроковъ жизни, во глубинѣ строгаго заключенія, глубоко измѣнился, что умъ его отрезвился, что душа его проснулась, и что онъ сталъ простымъ и добрымъ человѣкомъ. Мы охотно повѣрили тону его письма, въ которомъ между прочимъ выражалъ онъ сочувствіе нашему журналу и давалъ намъ разумѣть что онъ былъ бы не прочь воспользоваться возвращенными ему гражданскими правами для того чтобы дѣйствовать какъ-нибудь на пользу общую. Мы предложили ему попробовать писать въ нашъ журналъ изъ его далекаго захолустья, которое для ума живаго и любознательнаго должно представлять такъ много новыхъ и интересныхъ сторонъ. Въ теченіе 1861—1862 годовъ получили мы отъ него еще два-три письма чрезъ ссыльныхъ изъ Поляковъ которые, бывъ помилованы, возвращались на родину. Оказывалось что онъ жилъ въ Сибири не только безъ нужды, но въ избыткѣ, ничего не дѣлалъ и читалъ французскіе романы. Но на серіозный трудъ, хотя бы и малый, его не хватало. Русскую литературу онъ не обогатилъ своими произведеніями. За то онъ былъ охотникъ писать письма къ знакомымъ. Въ письмахъ его къ намъ проглянулъ прежній Бакунинъ. Хотя тонъ ихъ былъ все-таки весьма умѣренный и благонравный, но отъ нихъ вѣяло пустымъ и лживымъ фантазерствомъ. Мѣстами онъ заговаривалъ тономъ вдохновенія, пророчествовалъ о будущихъ судьбахъ славянскаго міра и взывалъ къ нашимъ русскимъ симпатіямъ въ пользу польской націи. Письма эти не требовали отвѣта, и мы не находили нужнымъ продолжать съ нимъ переписку. Послѣднее посланіе получили мы отъ него уже въ эпоху варшавскихъ демонстрацій. Прежній Бакунинъ явился предъ нами во всей

полнотѣ своего ничѣмъ не поврежденнаго существа. Онъ потребовалъ отъ нашей гражданской доблести присылки ему денегъ, по малой мѣрѣ 6.000 рублей. Дабы облегчить для насъ это пожертвованіе, онъ дозволялъ намъ открыть въ его пользу подписку между людьми ему сочувствующими и его чтящими, которыхъ, по его разчету, долженствовало быть не мало. Зачѣмъ же вдругъ и такъ экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вотъ зачѣмъ: однажды осѣнило его сознаніе что онъ получалъ даромъ жалованье отъ откупщика у котораго числился на службѣ ничего не дѣлая, и онъ вдругъ сообразилъ что откупщикъ выдавалъ ему ежегодно, въ продолженіе трехъ лѣтъ, по 2.000 руб., единственно изъ угожденія генералъ-губернатору, которому Бакунинъ приходился сродни. Сознаніе это не давало де ему покоя, и вотъ онъ рѣшился во что бы то ни стало возвратить откупщику всю въ продолженіе трехъ лѣтъ перебранную отъ него сумму.

Благородный рыцарь, онъ хотѣлъ подаяніемъ уплатить подаяніе и изъ чужихъ кармановъ возстановить свою репутацію во мнѣніи откупщика. Мы не могли быть ему полезны, и письмо его осталось втунѣ. Но прошло затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы узнали что Бакунинъ все-таки добылъ сумму которую требовалось возвратить откупщику, но откупщику ея не возвратилъ, а бѣжалъ съ полученными деньгами изъ Сибири. Откупщикъ былъ только предлогомъ чтобы выманить деньги.

Вотъ главнокомандующій нашей революціи. Да откуда же, наконецъ, беретъ онъ деньги чтобы дѣлать революцію?

Предъ нами лежитъ теперь прокламація Бакунина выпущенная прошлою весной во время студенческихъ безпорядковъ въ Петербургѣ. Она озаглавлена такъ: „Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи.“ Никогда революціонный жаргонъ не доходилъ до такого безобразія, никогда поруганіе здраваго смысла не простиралось до такого цинизма, какъ въ этомъ гнусномъ издѣліи. Оно разчитано на двѣ стороны. Прямое дѣйствіе его направлено на самую испорченную и на самую незрѣлую часть нашей нигилиствующей молодежи. Съ другой стороны, оно разчитано на то чтобы произвести впечатлѣніе въ высшихъ слояхъ нашего общества и администраціи, и поддержать тамъ навѣты тѣхъ партій которыя дѣйствительно составляютъ заговоръ подъ прикрытіемъ якобы консервативныхъ началъ. Нельзя и на минуту допустить чтобы человѣкъ писавшій это воззваніе былъ искренень и самъ вѣрилъ дикому сумбуру своихъ словъ...

Бакунинъ поздравляетъ наше бѣдное молодое поколѣніе съ духомъ „противугосударственнымъ“ и „всеразрушительнымъ.“ Какой лестный и возбудительный комплиментъ для мальчишекъ! „Всеразрушительный духъ“ это священный недугъ, и еслибы „молодые братья“ выздоровѣли отъ этого недуга, то они „стали бы скотами.“ Этого мало: есть названіе хуже чѣмъ „скоты.“ „Вы,“ говоритъ онъ, „заслужили бы право называться всероссій„скими патріотами.“ Бакунинъ, какъ видите, не жалуетъ *всероссійскихъ патріотовъ*.

Итакъ, наши *всеразрушительные революціонеры* согласны въ этомъ чувствѣ вражды къ русскому патріотизму съ нашими такъ-называемыми консерваторами. И та, и другая партія на этой почвѣ союзны, и могутъ дѣйствовать заодно противъ русскихъ патріотовъ какъ въ западномъ краѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

„Гдѣ,“ восклицаетъ Бакунинъ, „источ„никъ того дико-разрушительнаго и холод„но страстнаго воодушевленія, отъ кото„раго пѣпенѣетъ умъ и останавливается „кровь въ жилахъ вашихъ противниковъ? „Холопская литература стала въ тупикъ „предъ вами; она тутъ просто ничего не „понимаетъ.“

Холопская литература, это русская патріотическая печать.

Въ чемъ же состоитъ ученіе *дико-разрушительной* революціи съ *холодно-страстнымъ воодушевленіемъ*, которая якобы покрыла своею сѣтью всю ненавистную ей Россію и имѣетъ своимъ средоточеніемъ сугубо ненавистную Москву? Уничтоженіе всякаго государства: вотъ чего хочетъ наша революція. „Всякое государство,“ проповѣдуетъ Бакунинъ, „какъ бы либе„ральны и демократичны ни были его фор„мы, ложится подавляющимъ камнемъ на „жизнь народа.“ Не нужно ни преобразованій, ни даже революцій имѣющихъ какой-нибудь смыслъ. Требуется, напротивъ, только „дико-разрушительное воодушевленіе.“ Долой всякое государство, какъ монархія всевозможныхъ видовъ, такъ и республика, хотя бы соціально-демократическая!

Спрашивается, кто кромѣ помѣшаннаго могъ бы не шутя проповѣдывать такой вздоръ? Кто допуститъ чтобъ эта нелѣпость могла стать началомъ серіознаго политическаго заговора, если только позади нѣтъ другаго заговора дѣйствительно серіознаго, которому нужно прибрать къ рукамъ и употребить въ дѣло самую незрѣлую или самую испорченную часть нашей молодежи?.. Да и откуда это ничтожество могло бы взять денегъ хотя бы на печатаніе прокламацій, не говоря уже о командировкахъ Худяковыхъ и Нечаевыхъ?..

„Въ недоумѣніи," продолжаетъ женевскій вождь русской революціи обращаясь къ своимъ молодымъ друзьямъ, „господа „московскіе и петербургскіе журналисты „рѣшили что ваше настоящее движеніе— „дѣло польскихъ подземныхъ интригъ. „Нельзя было выдумать ничего подлѣе и „глупѣе. Подлѣе, потому что вызывать „ярость свирѣпаго палача противъ изму„ченной жертвы, такое позорное престу„пленіе которое именно только въ нашей „холопски государственной Россіи возмож„но; глупѣе, потому что нужно дойти до „крайней степени тупоумія чтобы не за„мѣтить съ перваго раза пропасти лежа„щей между программой огромнаго боль„шинства польскихъ патріотовъ и про„граммой нашей молодежи, представитель„ницы и поборницы русскаго народнаго „дѣла."

Итакъ, между нашею революціонною партіей и польскимъ дѣломъ нѣтъ ничего общаго. Связь между ними выдумала русская „холопская" патріотическая печать. Это клятвенно удостовѣряютъ такъ-называемые наши консерваторы. Разказывали что какой-то важный господинъ въ Петербургѣ даже перекрестился когда узналъ что преступникъ 4-го апрѣля не Полякъ, а Русскій. Въ иностранныхъ газетахъ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ петербургскихъ салонахъ, высказывается весьма положительное убѣжденіе что всѣ антирусскія въ Россіи партіи суть единственные, консервативные элементы, а Русскій народъ исполненъ дико-разрушительнаго революціоннаго духа. Это скажетъ любой *панъ* съ Литвы или съ Волыни: теперь это внѣ всякаго сомнѣнія, въ этомъ удостовѣряетъ самъ вождь русской революціонной партіи. Всѣ мерзости чинимыя у насъ во имя революціи, всѣ эти воззванія къ топорамъ, поджоги, покушенія, убійства, все это есть дѣло русское, самобытное, самородное.

Мы согласны что никакая политическая партія, никакой серіозный заговоръ не можетъ имѣть своею программой дикій вздоръ Бакунинскихъ прокламацій. Нѣтъ сомнѣнія, никакая дѣйствительно опасная для государства партія не могла бы узнать себя въ этой безсмыслицѣ...

Кому нужно вносить эти quasi-доктрины въ беззащитныя головы ребятишекъ обоего пола, связывать ихъ призракомъ какого-то таинственнаго общаго дѣла, и поджигать ихъ на преступныя покушенія которыя навлекаютъ на нихъ всеобщія проклятія ихъ народа? Друзья народа не могутъ этого дѣлать: это могутъ дѣлать только его враги, кто бы они ни были.

Между доктринами о „дико-разрушительномъ и холодно-страстномъ воодушевленіи," съ которыми Бакунинъ обращается къ своимъ „молодымъ братьямъ," и польскимъ дѣломъ дѣйствительно нѣтъ ничего общаго. Польскіе патріоты не мальчишки. Они не могутъ считать чѣмъ-либо серіознымъ прокламаціи Бакунина и Нечаева. Они смѣялись надъ ораньемъ Герцена распространяя его листки въ нашей молодежи. Ихъ не можетъ плѣнять перспектива всеобщаго разрушенія въ которомъ должно исчезнуть всякое государственное начало, всякій порядокъ, всякій законъ, всякая власть и стало-быть всякая человѣческая свобода; они не могутъ находить ничего плѣнительнаго въ Стенькѣ Разинѣ, котораго Бакунинъ выставляетъ въ образецъ для своей молодой братьи.

Но если у Россіи есть враги, то имъ ничего не можетъ быть пріятнѣе какъ порча русской молодежи и поруганіе русскаго патріотизма. Врагамъ Россіи естественно позаботиться чтобы дать этому позору видъ революціонной организаціи Всякая мерзость для врага есть дѣло пригодное, и еслибы не было Бакунина, Нечаева e tutti quanti, то враги Россіи должны были бы создать ихъ.

Враги Россіи и создали ихъ. Наши такъ-называемые революціонеры, это орудіе въ рукахъ нашихъ враговъ.

Успокоивъ насъ что между польскими патріотами и русскою революціей нѣтъ ничего общаго, Бакунинъ не могъ оставить своихъ молодыхъ друзей безъ бли-

жайшихъ наставленій. Иной глупый нигилистъ пожалуй и въ самомъ дѣлѣ вообразитъ что онъ есть нѣчто самостоятельное и самородное, между тѣмъ какъ все его призваніе въ томъ только и состоитъ чтобы помогать врагамъ своего народа, кто бы они ни были. Нигилистъ долженъ отрицать собственность, но онъ долженъ въ то же время дружить хотя бы феодаламъ, лишь бы они были враждебны русскому государству.

Въ мірѣ нѣтъ ничего абсолютнаго. Оказывается что несмотря на пропасть которая отдѣляетъ русскую революцію отъ польской партіи, между ними всетаки есть маленькая связь.

Связь оказывается именно съ самою консервативною частію польской партіи, съ дворянскою.

Послушаемъ что говоритъ главнокомандующій въ своемъ воззваніи, вслѣдъ за вышеприведенными строками: „Между боль„шинствомъ польскихъ дѣятелей," говоритъ Бакунинъ, „и именно тою польскою „*шляхетско*-католическою партіей, кото„рой журналистика наша приписываетъ „наибольшее вліяніе на русскую молодежь, „и между нами есть *только одно* общее „чувство и одна общая цѣль: *это нена„висть ко Всероссійскому государству и „твердая воля способствовать всѣми воз„можными средствами наискорѣйшему раз„рушенію его*. Вотъ въ чемъ мы сходимся."

Только въ томъ, не больше.

Итакъ, маленькая связь есть. Польская шляхетская партія сходится съ нашимъ нигилизмомъ въ совершенной бездѣлицѣ. „Шагъ далѣе," продолжаетъ Бакунинъ, „и между нами открывается про„пасть: мы хотимъ окончательнаго разру„шенія всякой государственности въ Рос„сіи и внѣ Россіи; они мечтаютъ о воз„становленіи Польскаго государства."

Отношеніе обозначается довольно ясно. На долю нашимъ революціонерамъ достается честь служить орудіями ненависти противъ своего отечества и въ придачу дикій сумбуръ понятій который не заслуживаетъ назваться даже безуміемъ, и можетъ имѣть значеніе положительно только для недорослковъ или для круглыхъ дураковъ.

Но послушаемъ далѣе вождя русской революціонной партіи:

„Польскіе государственники," продолжаетъ Бакунинъ, „мечтаютъ не о добромъ, „потому что всякое государство, какъ бы „либеральны и демократичны ни были его „формы, ложится подавляющимъ камнемъ „на жизнь народную. Они мечтаютъ о не„возможномъ, потому что, впереди, госу„дарства будутъ только рушиться, а не „строиться. Они народо-ненавистною меч„той обрекаютъ свою родину на новую ги„бель и еслибъ имъ удалось возстановить „Польское государство, необходимо осно„ванное на шляхетствѣ, или, что все рав„но, на личной поземельной и наслѣдствен„ной собственности, они, безъ сомнѣнія, „сдѣлались бы столько же нашими врага„ми, сколько и притѣснителями своего соб„ственнаго народа. Если это случится, мы „станемъ войной противъ нихъ, во имя об„щенародной свободы и жизни. *А до тѣхъ „поръ мы имъ друзья и помощники, по„тому что ихъ дѣло—дѣло разрушенія „Всероссійскаго государства, также и на„ше дѣло.*"

Кажется, дѣло ясно, если не для дураковъ, то для людей сколько-нибудь мыслящихъ.

Прокламація Бакунина приводитъ намъ на память найденную послѣ подавленія мятежа въ Варшавѣ инструкцію Мѣрославскаго для польскихъ патріотовъ: имъ указывалось на русскихъ нигилистовъ, герценистовъ и *полу-Поляковъ*, какъ на лучшихъ пособниковъ польскому дѣлу. „Когда цѣль будетъ достигнута, училъ Мѣрославскій и Польша будетъ возстановлена, тогда мы этихъ пособниковъ нашихъ, если они въ то время окажутся, перевѣшаемъ." Но надобно полагать что они тогда не окажутся,—ужь потому одному что вожаки ихъ останутся безъ жалованья!..

Итакъ вотъ кто наши революціонеры.

Спрашивается, можетъ ли русское общество оставаться нейтральнымъ относительно этихъ революціонеровъ! Это не то что въ другихъ странахъ династическія партіи, не то что такъ-называемыя крайнія партіи. Нѣтъ, это отъявленные враги своего отечества, это друзья и пособники его враговъ, это ихъ созданія и орудія...

№ 95.

Москва, 4-го апрѣля.

Телеграфъ извѣщаетъ сегодня о возвратномъ путешествіи въ Англію предприня-

томъ королевою Викторіей, вопреки ея первоначальному предположенію продлить на нѣсколько недѣль свое пребываніе на материкѣ и посѣтить Италію. По этой же причинѣ, не можетъ состояться свиданіе королевы съ императоромъ Вильгельмомъ, при поѣздкѣ его въ Висбаденъ. Поспѣшное возвращеніе королевы несомнѣнно вызвано окончательнымъ исходомъ парламентскихъ выборовъ, который былъ для ней такимъ же сюрпризомъ какъ и для всѣхъ. По пріѣздѣ въ Кассель, двѣ недѣли тому назадъ, королева высказала одному изъ германскихъ принцевъ, какъ за вѣрное сообщаетъ одна берлинская газета, полную увѣренность что побѣда останется на сторонѣ торійской партіи. Повидимому, лордъ Биконсфильдъ рѣшился не выжидать предстоящаго открытія новаго парламента и неизбѣжнаго для него вотума недовѣрія, а желаетъ поступить на основаніи прецедента имъ самимъ установленнаго въ 1868 году, коему затѣмъ послѣдовалъ и г. Гладстонъ въ 1874, а именно передать власть въ руки своихъ торжествующихъ противниковъ до открытія парламента. По предложеніямъ англійскихъ газетъ, королева, возвратившись, немедленно призоветъ одного изъ вождей виговъ и поручитъ ему составленіе новаго кабинета. Весь вопросъ въ томъ будетъ ли призванъ г. Гладстонъ или кто другой. Первоначально предполагалось что королева, лично не расположенная къ г. Гладстону, обойдетъ его подъ тѣмъ предлогомъ что онъ самъ съ 1874 года отказался отъ званія главы партіи виговъ. Но въ послѣднее время усиливается увѣренность что г. Гладстонъ, которому принадлежитъ первенствующая роль въ совершившемся переворотѣ, долженъ будетъ принять на себя и отвѣтственность за его послѣдствія, и стать во главѣ управленія призваннаго „поправить ошибки павшаго правительства.“ Въ этомъ смыслѣ высказываются какъ друзья, такъ и противники либеральной партіи, и всѣ находятъ что нельзя допустить того что случилось во Франціи: г. Гладстонъ не можетъ быть чѣмъ-то въ родѣ Гамбетты,—не гласнымъ главою правительства.

Такимъ образомъ, всего вѣроятнѣе что новый англійскій кабинетъ будетъ кабинетомъ Гладстона. Большинство коимъ будетъ располагать этотъ кабинетъ въ Палатѣ Общинъ будетъ независимо отъ ирландскихъ гомрулеровъ, часть коихъ (ихъ всего 52), находящаяся подъ водительствомъ „интрансигента“ г. Парнелла, будетъ по всей вѣроятности составлять систематическую оппозицію. Новое большинство, какъ разчитываютъ, будетъ сильнѣе того какимъ располагалъ лордъ Биконсфильдъ на 40 голосовъ.

Впрочемъ, едва ли новое правительство въ Англіи будетъ сильное. Побѣда которую одержала партія виговъ въ сущности не совсѣмъ ихъ побѣда. Самая неожиданность оной показываетъ что на политическую арену стали выдвигаться силы коихъ значеніе не могло быть напередъ измѣрено и взвѣшено. Онѣ заявили себя съ бо́льшимъ могуществомъ чѣмъ можно было ожидать. Но это плохое предзнаменованіе для „старой Англіи.“ Ея устройство видимо расшаталось и едва ли долго устоитъ предъ напоромъ новыхъ элементовъ которые его осаждаютъ и успѣли уже сдѣлать широкія бреши въ его стѣнахъ. Дальнѣйшее расширеніе избирательнаго права и наконецъ тайная подача голосовъ, отнявшая у правительственныхъ классовъ самое дѣйствительное средство вліять на выборы, открыли въ законодательство доступъ элементамъ чуждымъ и частію враждебнымъ старинному устройству. Этимъ-то элементамъ, не принадлежащимъ собственно ни къ той ни къ другой изъ организованныхъ правительственныхъ партій, такъ-называемымъ независимымъ радикаламъ, и слѣдуетъ приписать неожиданный результатъ послѣднихъ выборовъ. Старая партія виговъ давно уже утратила свой характеръ и приняла болѣе неопредѣленное именованіе *либеральной* партіи, и къ ней подъ этимъ наименованіемъ примыкаетъ все возрастающее число не повинующихся ея командѣ членовъ. Новый кабинетъ, будетъ ли во главѣ его г. Гладстонъ или кто другой изъ вождей виговъ, долженъ будетъ опираться въ значительной мѣрѣ на людей независимыхъ. А это, какъ уже и предвидятъ въ Англіи, должно будетъ въ скоромъ времени повести ко внутреннимъ расколамъ, кои не замедлятъ обнаружить слабость нынѣшняго большинства сравнительно съ оттѣсненною въ оппозицію партіей торіевъ, которая хотя и меньше численностью, но за то отличается большею цѣльностью.

Для иностраннаго наблюдателя важнѣе вопросъ о томъ какое направленіе приметъ политика Англіи при новомъ управленіи.

Этимъ вопросомъ болѣе всего интересуется нынѣ общественное мнѣніе Европы, и нѣтъ конца различнымъ сужденіямъ, которыя приходится каждый день читать по этому предмету.

Мы уже имѣли случай указать на то какъ быстро измѣнилось мнѣніе сложившееся подъ первымъ впечатлѣніемъ извѣстій о паденіи кабинета лорда Биконсфильда. Въ числѣ увлекшихся были и нѣкоторыя изъ петербургскихъ газетъ, которыя неумѣренно возликовали по поводу этой перемѣны. Одна изъ берлинскихъ газетъ высказываетъ по этому поводу слѣдующія замѣчанія: „Русскимъ газетамъ предавшимся мечтаніямъ предстоитъ большое разочарованіе. Индивидуальное различіе между Гартингтономъ и Биконсфильдомъ исчезаетъ совершенно предъ тѣмъ что они имѣютъ общаго, а именно что оба они—Англичане. Англійскіе политики—все равно торіи ли они или виги — смотрятъ на Турцію какъ на придатокъ, а отчасти какъ на ключъ къ ихъ колоніальнымъ владѣніямъ, и смѣшно думать что они вдругъ откажутся отъ той ревнивой заботливости съ какою они до сихъ поръ оберегали эту добычу. Виги, будучи въ оппозиціи, всегда отличались нѣкоторою необузданностью; но достигнувъ власти, они неизмѣнно становились такими же холодными, разчетливыми и ревнивыми политиками какъ и торіи. Подобно древнимъ Финикіянамъ, Англичане нашего времени всегда имѣли слабость смотрѣть на чужую прибыль какъ на собственный ущербъ, и мы не думаемъ чтобъ они допустили въ этомъ отношеніи исключеніе въ пользу Россіи. Мы напротивъ думаемъ что изо всѣхъ невѣроятностей это была бы самая большая.“

Берлинская газета умалчиваетъ лишь объ одномъ существенномъ различіи между восточною политикой торіевъ и ихъ преемниковъ, выяснившемся съ достаточною ясностью и опредѣленностью; будущее правительство не будетъ подражать лорду Биконсфильду въ заклятой враждѣ къ христіанскимъ народамъ Балканскаго полуострова и въ его настойчивыхъ стараніяхъ во что бы то ни стало гальванизовать турецкаго мертвеца.

Но иное дѣло окончательная ликвидація турецкаго наслѣдія, которую уже предусматриваютъ будущіе преемники лорда Биконсфильда. Тутъ на первомъ планѣ вопросъ о Проливахъ а это уже не просто Восточный, но и Русскій вопросъ. Вопросъ этотъ долженъ возникнуть во всей его силѣ съ упраздненіемъ турецкаго владычества; и тутъ Россіи придется также тяжело считаться съ вигами какъ и съ торіями.

№ 96.

Москва, 5-го апрѣля.

Изъ Казани и Липецка, отъ г. Геркена и отъ г. Бланка (П. Б.), получили мы письма объ одномъ и томъ же предметѣ, о семейныхъ раздѣлахъ у крестьянъ. Поводомъ къ этимъ письмамъ послужила корреспонденція „Хлѣбнаго Торговца“ изъ Ельца, помѣщенная въ № 81 *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ этой корреспонденціи, говоря объ условіяхъ хлѣбной торговли въ близко знакомомъ ему районѣ и указывая на эксплуатацію крестьянъ скупщиками хлѣба, „Хлѣбный Торговецъ“ поставилъ мимоходомъ вопросъ: какія экономическія причины тяготѣютъ главнымъ образомъ надъ крестьяниномъ, и что именно сильнѣе всего заставляетъ его несвоевременно сбывать свой хлѣбъ за безцѣнокъ? Эту причину елецкій „Хлѣбный Торговецъ“ видитъ преимущественно въ крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ, замѣчая что ими экономическ я силы нашего крестьянина подрываются еще болѣе чѣмъ пьянствомъ. „Дѣлежи,“ говоритъ онъ, дошли въ послѣднее время до небывалыхъ размѣровъ; семейное начало ослабѣло вполнѣ: дѣлится братъ съ братомъ, а у обоихъ дѣти малолѣтки; дѣлится малолѣтній племянникъ съ дядей; дѣлятся сыновья съ отцами... Стоялъ полный крестьянскій домъ; три работника въ семьѣ, двѣ лошади, корова, десятокъ овецъ... Раздѣлились: избу-двойню сломали, дворъ сломали; двумъ досталось по лошади, третьему корова; овцы проданы, запасный хлѣбъ тоже проданъ; вырученныя деньги пошли на сломку и переноску строеній, а на концѣ села прибавились двѣ бобыльи избушки, ни риги при нихъ, ни сарая; сѣни забраны хворостомъ, окно заткнуто тряпицей... Подобныя избушки на окраинахъ деревень вырастаютъ въ послѣдніе годы какъ грибы...“

Гг. Бланкъ и Геркенъ не отрицаютъ ни заявленнаго „Хлѣбнымъ Торговцемъ“ факта, ни его крайне вреднаго экономическаго вліянія. Но и тотъ и другой предста-

вляютъ вѣскія соображенія противъ выраженнаго „Хлѣбнымъ Торговцемъ“ мнѣнія что „великое благодѣяніе оказано было бы крестьянамъ ограниченіемъ дѣлежа и дозволеніемъ дѣлиться лишь тѣмъ семьямъ кои по раздѣлѣ въ состояніи образовать полныя отдѣльныя хозяйства съ полнымъ крестьянскимъ инвентаремъ.“

„Остановить раздѣлы законодательными или административными мѣрами,“ пишетъ г. Геркенъ, „невозможно, да и не было бы полезно...“ „Запрещеніе дѣлиться мѣра уже испробованная давно. Такъ какъ самовольные раздѣлы не признавались при рекрутской очереди, то въ прежнее время за нихъ падала на виновныхъ ужасная кара—несоотвѣтствующее положенію семьи назначеніе съ нея рекрута; однако самовольные раздѣлы все-таки дѣлались, и дѣлались даже въ такомъ количествѣ что правительство сочло наконецъ необходимымъ признать совершенные самовольно раздѣлы.“ Притомъ, „всякій раздѣлъ (особенно у бѣдныхъ) до совершенія его долго живетъ въ сердцахъ и мысляхъ дѣлящихся, а потому и запретить его невозможно и не полезно: два ссорящіеся хозяина повели бы свое хозяйство еще хуже двухъ одинокихъ.“ Въ томъ же смыслѣ высказывается и г. Бланкъ. „Возможно ли,“ спрашиваетъ онъ, „въ видахъ экономическихъ интересовъ, насильственно заставлять не дѣлиться крестьянскую семью если въ таковой нѣтъ ладу?.. Если въ семьѣ ладу нѣтъ, то лучше ей, хотя бы и обѣднѣть, да раздѣлиться чѣмъ жить въ раздорѣ, при которомъ не мыслимо улучшеніе благосостоянія... Развѣ не предпочтительнѣй каждому жить хотя бы и въ бѣдности, и въ малой семьѣ, но въ мирѣ и согласіи, чѣмъ будто бы въ богатствѣ и большой семьѣ, да въ ссорѣ и дракѣ?“ Семейные раздѣлы большое зло; но еще большее зло тѣ ссоры родителей съ дѣтьми, братьевъ между собою и племянниковъ съ дядьми, ссоры иной разъ доходящія до убійствъ или увѣчья, коихъ многочисленные примѣры представляетъ наша судебная практика.

Общій выводъ изъ писемъ гг. Бланка и Геркена тотъ что семейные раздѣлы, столь пагубно отзывающіеся на экономическомъ бытѣ нашихъ крестьянъ, суть только симптомъ болѣзни. Эта болѣзнь—нравственное ослабленіе крестьянскаго семейнаго строя. Не всѣ небогатыя семьи дѣлятся, есть исключенія, замѣчаетъ г. Геркенъ, и эти исключенія „являются обыкновенно при условіяхъ доброй нравственности въ семьѣ. Обратное явленіе, стремленіе къ раздѣлу, замѣчается тотчасъ какъ только нравственность семьи начинаетъ портиться.“ Не прямо противъ раздѣловъ нужно, поэтому, дѣйствовать, а противъ условій ведущихъ къ порчѣ нравственности въ крестьянской средѣ, къ подрыву въ ней семейнаго начала.

Какъ на особенно вредное условіе въ этомъ отношеніи, г. Геркенъ справедливо указываетъ на пьянство. Глава семьи, таскающійся по кабакамъ, теряетъ авторитетъ; дѣти теряютъ уваженіе къ отцу-пьяницѣ. Но пьянство не единственная причина вносящая разладъ въ семейный строй крестьянскаго быта; есть и другія условія подрывающія его основы, и г. Геркенъ указываетъ на одно такое. Оно заключается въ формахъ нынѣшняго крестьянскаго самоуправленія: „оно держится не на старикахъ, какъ было прежде, а на молодежи.“ „Первый шагъ къ ослабленію семейнаго строя,“ справедливо замѣчаетъ г. Геркенъ, — „это уменьшеніе уваженія молодыхъ къ старикамъ, а оно есть прямое послѣдствіе уменьшенія ихъ прежняго вліянія въ общественныхъ дѣлахъ.“ Порядокъ или, точнѣе, непорядокъ водворившій неуваженіе младшихъ къ старшимъ въ общественномъ быту не могъ не сопровождаться неуваженіемъ младшихъ къ старшимъ и въ быту семейномъ. Молодежь взявшая верхъ надъ стариками въ общественныхъ дѣлахъ естественно не хочетъ признавать надъ собою власти старшихъ и въ своихъ семьяхъ, внося въ нихъ разладъ и разрушеніе той необходимой дисциплины, безъ которой не можетъ держаться ни одна семья. Обстоятельство указываемое г. Геркеномъ заслуживаетъ полнаго вниманія и серіознаго изученія. „Не надо себя обманывать,“ говоритъ онъ въ заключеніе своего письма: „первая причина обѣднѣнія крестьянъ—пьянство, вторая—дурное самоуправленіе. Всѣ остальныя причины суть ихъ послѣдствія... Еслибы можно было уничтожить или ослабить первыя главныя причины, то и послѣдствія ихъ исчезли бы или уменьшились бы постепенно сами собой.“

Но пьянствомъ и дурною организаціей крестьянскаго самоуправленія не исчерпываются многоразличныя обстоятельства

расшатывающія семейное начало. Сколько настойчивыхъ попытокъ не къ поддержанію, а къ подрыву этого начала дѣлалось у насъ повсемѣстно чрезъ посредство народной школы! Какіе только люди не бывали у насъ школьными учителями и учительницами, что только ими не проповѣдывалось! А во многихъ случаяхъ, благотворное ли вліяніе оказывалось даже болѣе серіозною воспитательною для всего народа школой—судомъ, съ его приговорами и всею обстановкой? Сколько разъ выходили изъ суда съ поникшею головой отцы, поруганные если не осужденные, за пользованіе отцовскою властью въ ея естественныхъ и не преступающихъ закона предѣлахъ? Сколько разъ, наоборотъ, выходили оправданныя и превознесенныя софистами XIX вѣка дѣти наругавшіяся надъ отцами и возмутившіяся противъ ихъ естественной и законной власти? Посудите какое впечатлѣніе должно было все это оставлять въ умахъ и сердцахъ крестьянъ, массами привлекаемыхъ въ суды въ качествѣ подсудимыхъ, свидѣтелей и присяжныхъ, и какими послѣдствіями должны были отзываться эти выносимыя изъ суда впечатлѣнія на прочности семейнаго строя. Обо всемъ этомъ стóитъ подумать. Семейный строй есть основа всего общественнаго и государственнаго строя.

Поддержаніе семейнаго начала, устраненіе тѣхъ причинъ которыя его расшатываютъ гораздо важнѣе для страны и народа чѣмъ даже отмѣна подушной подати, ускореніемъ коей г. Бланкъ рекомендуетъ заняться вмѣсто заботъ объ ограниченіи семейныхъ раздѣловъ. Одно не исключаетъ другаго. Отмѣна подушной подати, конечно, будетъ благодѣтельною мѣрой; но это не панацея ото всѣхъ золъ, и не слѣдуетъ преувеличивать ея значенія. Не подушная подать есть главная причина подрывающая крестьянское хозяйство; она не составляетъ даже главнаго элемента въ суммѣ ежегодныхъ платежей падающихъ на крестьянскую семью. По этому предмету интересныя данныя и соображенія читатели могли бы найти между прочимъ въ статьѣ К. Ѳ. Головина: „Подушная подать и обѣднѣніе крестьянъ,“ помѣщенной въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. „Люди убѣжденные въ томъ что подушная подать губитъ крестьянское хозяйство и что съ отмѣной ея все пойдетъ какъ по маслу,“ между прочимъ говоритъ г. Головинъ въ своей статьѣ, „забываютъ что подать эта составляетъ лишь 15—18% всѣхъ крестьянскихъ платежей, и что она лишь немногимъ выше совершенно добровольныхъ мірскихъ сборовъ, которые почти вездѣ колеблются между 1 р. 10 к. и 2 р. съ души.“ „Мы полагаемъ,“ говоритъ онъ далѣе, „что даже полное освобожденіе крестьянъ отъ подушной подати существенно ихъ положенія не измѣнитъ и недоимокъ не прекратитъ. Въ подтвержденіе этого мы укажемъ на то обстоятельство что сокращеніе крестьянскихъ платежей на 1 р. 80 к. съ души (стало-быть какъ разъ на сумму равную подушной подати), въ тѣхъ селахъ гдѣ произведенъ былъ обязательный выкупъ, не имѣло на бытъ крестьянъ никакого вліянія и недоимокъ нисколько не сократило.“ И это не покажется удивительнымъ если взять въ разчетъ что „винный акцизъ, почти исключительно оплачиваемый крестьянами, въ пять разъ превышаетъ суммой сбора размѣръ подушныхъ платежей крестьянъ.“

Все это свидѣтельствуетъ о необходимости, кромѣ отмѣны подушной подати, подумать и о другихъ мѣрахъ, особенно же объ устраненіи причинъ вносящихъ разладъ въ семейный бытъ крестьянъ. Плодотворныя въ нравственномъ отношеніи, такія мѣры не остались бы безъ серіознаго вліянія и на подъемъ экономическаго быта крестьянъ. Вѣдь не съ повальнымъ обѣднѣніемъ крестьянъ имѣемъ мы дѣло, а съ явленіемъ двоякаго характера: уцѣлѣвшіе многорабочіе дворы богатѣютъ, а одинокіе бѣднѣютъ. Но „добрая мирная крестьянская семья,“ по справедливому замѣчанію г. Бланка, „сама разумѣетъ что дѣлежъ въ крестьянскомъ быту можетъ повести къ разоренію или по меньшей мѣрѣ къ обѣдненію, и потому, безо всякаго внѣшняго насилія, сама дѣлиться не станетъ.“ Не прямо ли вытекаетъ отсюда задача озаботиться такими мѣрами общественнаго порядка которыя ограждали бы крестьянъ отъ соблазновъ подрывающихъ нравственный строй ихъ семейнаго быта.

№ 98.

Москва, 7-го апрѣля.

Приключившееся на прошедшей недѣлѣ въ Австріи парламентское „пораженіе“ ми-

нистерства производитъ на посторонняго наблюдателя комическое впечатлѣніе. Но оно не лишено интереса какъ характеристика внутренняго положенія Австріи; невольно спрашиваешь себя: возможно ли дальнѣйшее продолженіе комедіи именуемой цислейтанскою конституціей, которая тянется вотъ уже пятнадцать лѣтъ?

Обсужденіе бюджета на 1880 годъ, начавшееся лишь въ апрѣлѣ, то-есть по истеченіи цѣлой четверти бюджетнаго періода, поглотило цѣлую недѣлю на безплодныя „генеральныя пренія.“ Наконецъ, 13 апрѣля, приступили къ спеціальнымъ преніямъ, то-есть къ разсмотрѣнію росписи доходовъ и расходовъ по статьямъ. Тутъ-то и приключился парламентскій казусъ, привлекшій вниманіе Европы ко внутреннимъ дѣламъ Австріи. Ничтожная сумма въ 50.000 гульденовъ, которую правительство потребовало въ свое распоряженіе, или такъ-называемый диспозиціонный фондъ послужилъ поводомъ къ пораженію кабинета графа Таафе. Статья эта была отвергнута 154 голосами противъ 152, то-есть большинствомъ *двухъ* голосовъ. Это ничтожное большинство, которое стало возможнымъ лишь вслѣдствіе того что въ числѣ вотировавшихъ съ большинствомъ былъ *одинъ* чиновникъ министерства финансовъ,—такъ какъ въ противномъ случаѣ оказалось бы равенство голосовъ,—вызвало необыкновенную сенсацію въ „рядахъ оппозиціи“ и повлекло къ бурнымъ манифестаціямъ со стороны публики присутствовавшей въ засѣданіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ органы „вѣрно-конституціонной,“ то-есть нѣмецкой партіи, находящейся, какъ извѣстно, въ меньшинствѣ и не ожидавшей этого „тріумфа.“

Конституціонная партія тѣмъ не менѣе поспѣшила „воспользоваться плодами своей побѣды“ и потребовала чтобы графъ Таафе подалъ въ отставку. Онъ подчинился требованію парламентской рутины. Но случилось то чего можно было ожидать и что вѣроятно предвидѣли всѣ участники этой игры: прошеніе графа Таафе не принято, какъ сообщилъ телеграфъ, и ему предоставлено продолжать свой опытъ управленія „стоящаго выше партій,“ то-есть безплоднаго балансированія между непримиримыми политическими элементами, не примыкая ни къ одному изъ нихъ и сталобыть никого не удовлетворяя.

Графъ Таафе, повидимому, самъ сознаетъ невозможность продолжать эту неопредѣленную и двусмысленную политику. Еще до голосованія 19 апрѣля, во время общихъ преній о бюджетѣ, онъ намекнулъ въ своей рѣчи на необходимость измѣнить конституцію Цислейтаніи въ смыслѣ болѣе благопріятномъ для славянскихъ народностей Австріи. Это-то и вызвало бурю со стороны нѣмецкой партіи величающей себя „вѣрно-конституціонною.“ Вождь послѣдней, г. Гербстъ, категорически заявилъ министерству вотумъ недовѣрія, въ виду де того что высказанныя имъ предположенія „грозятъ опасностью интересамъ нѣмецкой національности въ австрійскихъ земляхъ со смѣшаннымъ населеніемъ.“ Большинство же, отвергнувшее диспозиціонный фондъ составилось вслѣдствіе того что вмѣстѣ съ Нѣмцами подали голоса Поляки и галицкіе Русскіе. Но чтобы характеризовать австрійскіе парламентскіе порядки достаточно привести здѣсь мотивы прочитанные отъ имени Русскихъ депутатомъ Ковельскимъ: „Мы заявляемъ,“ такъ гласитъ объясненіе, „что § 19 конституціи (о равноправности австрійскихъ народовъ) остался до сихъ поръ мертвою буквой по отношенію къ Русскимъ, и наше терпѣніе въ напрасномъ ожиданіи обѣщанныхъ улучшеній истощилось; мы испытываемъ гнетъ и пренебреженіе къ нашимъ историческимъ и политическимъ правамъ, и это происходитъ вслѣдствіе образа дѣйствій правительства, которое не только пренебрегаетъ исполненіемъ закона по отношенію къ Русскимъ, но видимо благопріятствуетъ нашимъ противникамъ, наши законныя притязанія въ дѣлѣ народнаго воспитанія, общественной службы и публичной жизни въ нашей провинціи остаются безъ всякаго удовлетворенія, и мы встрѣчаемъ лишь насмѣшки и злорадство; постоянные успѣхи Поляковъ убѣждаютъ насъ что мы не можемъ ожидать улучшенія отъ настоящаго правительства. Принимая далѣе во вниманіе что диспозиціонный фондъ употреблялся правительственными агентами во время послѣднихъ выборовъ дабы доставить Полякамъ незаконную побѣду надъ нами, мы считаемъ своимъ долгомъ подать свой голосъ противъ диспозиціоннаго фонда.“ И рядомъ съ этимъ вотировали противъ того же фонда и Поляки, вождь которыхъ г. Грохольскій, впрочемъ, пояснилъ что его партія не думаетъ заявить этимъ прямаго недовѣрія

правительству. Нужна ли лучшая иллюстрація той внутренней фальши которая господствуетъ въ „конституціонной“ жизни Цислейтаніи?

Если въ Цислейтаніи все идетъ врозь и таинственная рука какъ бы готовитъ расторженіе составляющихъ ее элементовъ, въ мадьярской половинѣ имперіи все напротивъ направлено къ объединенію. Тутъ мадьярское меньшинство совершенно откровенно угнетаетъ всѣ немадьярскіе элементы, не исключая и нѣмецкаго, и хотя Транслейтанія составляетъ по числу населенія меньшую часть имперіи, тѣмъ не менѣе Мадьяры получаютъ все большее вліяніе на общій ходъ дѣлъ въ Габсбургской монархіи, несмотря на то даже что первенствующимъ сановникомъ, управляющимъ иностранной политикой, состоитъ уже не графъ Андраши, а Нѣмецъ — баронъ Гаймерле. Обще-имперскій министръ финансовъ, г. Гоффманъ, на дняхъ уволенъ, и на его мѣсто назначенъ г. Слави, бывшій до сихъ поръ президентомъ Венгерской палаты депутатовъ. Г. Слави, по общимъ отзывамъ, призванъ быть „вторымъ Андраши“ въ совѣтахъ Австро-Венгерской короны и будетъ пользоваться гораздо большимъ вліяніемъ нежели прямой преемникъ графа Андраши по министерству иностранныхъ дѣлъ.

Обще-имперскому министру финансовъ, между прочимъ, непосредственно подчинена администрація Босніи и Герцеговины, и это одно служитъ указаніемъ что вліяніе г. Слави не ограничится одними финансами, такъ какъ вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ относится пока къ австрійской иностранной политикѣ связанной съ планами на дальнѣйшее наслѣдованіе турецкаго владычества. Въ противность цислейтанскимъ конституціоналистамъ, до сихъ поръ недовольнымъ даровыми пріобрѣтеніями Австріи по Берлинскому трактату, Мадьяры давно примирились съ раздѣломъ Турціи. Мадьярская печать, а съ нею и вѣнская официозная рѣшительно высказываются теперь за прекращеніе того не совсѣмъ опредѣленнаго положенія въ какомъ находятся вновь пріобрѣтенныя провинціи къ Габсбургской монархіи, и которое какъ бы допускаетъ возможность возвращенія ихъ Турціи. Пора де прекратить всякую двусмысленность въ этомъ отношеніи, „дабы вѣдомо было всѣмъ и каждому что провинціи эти стали навсегда неотъемлемою принадлежностью Австро-венгерской коро-ны,“ и включить ихъ въ число ея земель наравнѣ съ другими.

Но въ которую изъ двухъ половинъ имперіи включить Боснію и Герцеговину? Мадьяры полагаютъ что добыча эта принадлежитъ имъ, и назначеніе г. Слави какъ бы указываетъ на то что таковъ взглядъ и придворной сферы.

№ 99.

Москва, 8-го апрѣля.

Въ опубликованномъ на дняхъ краткомъ официальномъ отчетѣ о таможенныхъ сборахъ приведено нѣсколько фактовъ представляющихъ интересъ не только для людей спеціально занимающихся экономическими вопросами, но и для массы читающей публики. Одинъ изъ такихъ фактовъ есть быстрый ростъ Москвы какъ торговаго центра Россіи. Такимъ центромъ была она всегда и въ прежнее время, но далеко не во всѣхъ отношеніяхъ. Первенствующая роль въ торговлѣ привозными изъ-за границы товарами принадлежала всегда Петербургу. Въ этомъ дѣлѣ Петербургъ долгое время былъ почти монополистомъ, и Петербургская таможня была для государства важнѣе всѣхъ остальныхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Въ сороковыхъ годахъ, напримѣръ, около двухъ третей всѣхъ привозимыхъ въ Россію чрезъ Европейскую границу товаровъ оплачивались пошлиной въ Петербургѣ. Выпускъ иностранныхъ товаровъ изъ Московской таможни былъ въ восемь разъ менѣе *). Такая пропорція въ значеніи Москвы и Петербурга по торговлѣ иностранными товарами оставалась въ силѣ и во все первое дѣсятилѣтіе нынѣшняго царствованія, и колебанія въ ней были постоянно не въ пользу Москвы. Доходило до того что (напримѣръ въ 1864 году) при выпускѣ изъ Петербургской таможни иностранныхъ товаровъ на сумму свыше 82 милліоновъ, изъ Московской таможни не выпускалось ихъ и на 6 милліоновъ. Но начиная съ 1865 года дѣло приняло иной оборотъ.

*) Въ пятилѣтіе 1841—1845, средній годовой привозъ изъ-за Европейской границы простирался на сумму 65.351.000 рублей; изъ этой суммы ежегодно приходилось на долю Петербурга среднимъ числомъ 41.716.000 рублей, а на долю Москвы 5.311 000 р.

Не на милліоны, а на десятки милліоновъ руб. стали очищаться пошлиной товары въ Московской таможнѣ, и кончилось тѣмъ что эта таможня стала первою и самою главною изо всѣхъ таможень въ Россіи, оставивъ позади себя и Петербургскую, и выросшую въ послѣднее десятилѣтіе Ревельскую *).

Этотъ фактъ обозначился уже въ 1878 году, когда въ Москвѣ было очищено пошлиной товаровъ на 105 милліоновъ рублей, на $2^1/_2$ милліона болѣе чѣмъ въ Ревелѣ и на $7^1/_2$ милліоновъ болѣе чѣмъ въ обѣихъ Петербургскихъ таможняхъ, портовой и сухопутной, вмѣстѣ взятыхъ. Офиціальныя данныя за минувшій 1879 годъ подтверждаютъ что пріобрѣтенный Москвой перевѣсъ въ торговлѣ иностранными товарами суть не случайное, мимолетное явленіе, но упроченное преобладаніе, подобающее сосредоточеннымъ въ ней коммерческимъ и промышленнымъ силамъ.

Въ послѣднее время, съ той поры какъ мысль о необходимости пересмотра нашего таможеннаго тарифа стала болѣе и болѣе переходитъ въ общее убѣжденіе, въ Петербургѣ особенно настойчиво начали твердить будто въ тарифномъ вопросѣ ко мнѣніямъ Москвы и ея представителей не слѣдуетъ прислушиваться. Это де мнѣнія самыя односторонніи, ибо Москва городъ русскихъ мануфактуристовъ заинтересованныхъ въ сбытѣ только своихъ товаровъ, и въ силу этого враждебно настроенныхъ къ сбыту въ Россіи товаровъ иностранныхъ. И вотъ, на повѣрку оказывается что центръ русской мануфактурной жизни есть въ то же время и самый значительный въ Россіи рынокъ иноземныхъ продуктовъ, болѣе всѣхъ другихъ заинтересованный въ торговлѣ ими. Въ Москвѣ вносится въ казну много болѣе четвертой части всего итога таможенныхъ пошлинъ поступающихъ чрезъ всѣ наши европейскія и азіятскія таможни. Изъ общаго итога 61.113.000 металлическихъ рублей поступившихъ въ государственный таможенный доходъ, въ минувшемъ 1879 году на долю Московской таможни пришлось 17.419.000 рублей, почти вдвое болѣе суммы таможенныхъ сборовъ въ Петербургѣ, и слишкомъ втрое болѣе таковыхъ же сборовъ уплаченныхъ въ Ревелѣ. Но приведенною пропорціей значеніе Московскаго рынка въ торговлѣ привозными товарами далеко не ограничивается. Сверхъ огромной массы выписываемыхъ Москвою изъ-за границы товаровъ которые она оплачиваетъ пошлиной по полученіи въ Московской таможнѣ, едва ли меньшія массы иностранныхъ товаровъ выписываются тою же Москвой, но оплачиваются пошлиной въ портовыхъ и пограничныхъ таможняхъ—Петербургской, Ревельской, Вержболовской и другихъ. Хлопокъ, напримѣръ, почти вовсе не проходитъ чрезъ Московскую таможню; главныя массы его (въ 1878 году много болѣе двухъ третей всего привоза) идутъ черезъ Ревельскую таможню; но извѣстно что не Ревель, а Москва есть главный въ Россіи хлопковый рынокъ. Такую же служебную по отношенію къ Москвѣ роль исполняетъ Ревель и по выпискѣ машинъ на десятки милліоновъ. Каковъ же итогъ всей массы иностранныхъ товаровъ поступающихъ на московскій рынокъ, откуда ими снабжается весь обширный центральный и восточный районъ Россіи?

Москва, такимъ образомъ, въ нѣсколько разъ болѣе Петербурга, не говоря уже объ Одессѣ, Ригѣ и другихъ городахъ, заинтересована въ торговлѣ привозными продуктами; московскій коммерческій міръ, поэтому, живѣе всякаго другаго долженъ ощущать всякую перемѣну въ условіяхъ этой торговли. Но будучи главнымъ центромъ ея, и потому болѣе другихъ заинтересованная въ таможенныхъ облегченіяхъ, Москва въ то же время есть главный центръ русской промышленной жизни, глубоко заинтересованный въ томъ чтобъ эта жизнь не подрывалась несообразностями тарифа. Два противуположенныя стремленія по отношенію къ тарифному вопросу, такимъ образомъ, сходятся и перекрещиваются въ Москвѣ самымъ счастливымъ образомъ для того чтобы ни одно изъ нихъ не получило исключительнаго преобладанія, вреднаго общимъ интересамъ. Петербургскіе

*) Замѣчателенъ быстрый ростъ Ревеля какъ важнаго центра привозной торговли со времени постройки Балтійской желѣзной дороги. Вотъ на какія суммы выпускались иностранные товары изъ Ревельской таможни:

Въ	1869	году	на	1.365.132 руб.
„	1870	„	„	3.560.103 „
„	1871	„	„	13.707.805 „
„	1872	„	„	32 616.576 „
„	1873	„	„	21.158.620 „
„	1874	„	„	49 613.899 „
„	1875	„	„	50 751.782 „
„	1876	„	„	41.330.938 „
„	1877	„	„	42.670 929 „
„	1878	„	„	102.538 808 „

экономисты этого, впрочемъ, не хотятъ знать, и нечего такъ не опасаются какъ принятія во вниманіе при обсужденіи тарифнаго вопроса заявленій московскаго торговаго и промышленнаго мира, огуломъ обзываемаго въ петербургской печати „гостинодворскою публикой.“

Московская таможня, какъ мы видѣли, заняла первое мѣсто между всѣми прочими. Слѣдующія за ней мѣста принадлежатъ таможнямъ Петербургской и Ревельской. Не лишено значенія сравненіе этихъ трехъ таможень по роду выпускаемыхъ изъ нихъ товаровъ. Черезъ Ревель идутъ въ наибольшемъ количествѣ товары пропускаемые безъ пошлинно; въ 1878 году, напримѣръ, изъ общей цифры привоза черезъ Ревель во $102^1/_2$ милліоновъ, на долю безпошлиннаго привоза пришлось $73^1/_2$ милліоновъ. Черезъ Московскую таможню идутъ преимущественно товары обложенные сравнительно высокою пошлиной, въ Петербургскихъ же таможняхъ очищаются главнымъ образомъ товары низкопошленные. Такъ, въ 1878 году, съ каждаго кредитнаго рубля оцѣнки привозныхъ товаровъ, въ Москвѣ было уплочено болѣе 14 металлическихъ копѣекъ пошлины, а въ Петербургѣ только 9 копѣекъ.

Такая разница въ пропорціи пошлинъ къ стоимости привоза объясняется значительнымъ въ Петербургѣ процентомъ привоза безпошлинныхъ товаровъ (чрезъ Московскую таможню проходитъ ихъ ничтожное количество), между прочимъ металловъ. Но не безъ значенія тутъ, конечно, и тѣ большія злоупотребленія которыя обнаружены недавно въ Петербургской таможнѣ. Злоупотребленія эти, по газетнымъ извѣстіямъ, заключались главнымъ образомъ въ томъ что товары обложенные по тарифу относительно высокою пошлиной пропускались какъ низкопошленные. Въ одной ли Петербургской таможнѣ, такъ сказать на глазахъ центральнаго управленія, могли имѣть мѣсто подобныя злоупотребленія, или они еще въ большемъ размѣрѣ и съ меньшимъ опасеніемъ обнаруженія совершались и совершаются въ другихъ таможняхъ, на этотъ счетъ можно дѣлать пока только догадки. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію что эти злоупотребленія причиняютъ большой ущербъ казнѣ, и еще большій ущербъ русской промышленности. На эту послѣднюю сторону дѣла читатели найдутъ интересныя указанія въ письмѣ гг. Зворыкина и Маковскаго имѣющихъ торговый домъ въ Москвѣ и извѣстныхъ въ числѣ немногихъ у насъ производителей разныхъ видовъ гарусной тесьмы. Останавливаясь единственно на практической знакомой имъ отрасли производства и торговли, они заявляютъ, подкрѣпляя свое заявленіе вѣскими аргументами, что „злоупотребленія въ таможняхъ и контрабанда,“ по отношенію къ обширной отрасли такъ-называемыхъ игольныхъ и галантерейныхъ товаровъ, „дошли до невѣроятныхъ размѣровъ, такъ что перестали быть исключеніями и совершенно замѣнили собой предполагаемый правильный порядокъ ввоза и очищенія пошлиной этого рода товаровъ.“ Но вина тутъ лежитъ не на однихъ таможенныхъ чиновникахъ допускающихъ злоупотребленія. Во многомъ виноватъ самый тарифъ съ его крайними несовершенствами. „По нашему мнѣнію,“ замѣчаютъ между прочимъ, гг. Зворыкинъ и Маковскій, „возможность очищать высокопошлинный товаръ низкою пошлиною въ значительной степени зависитъ отъ неполноты таможеннаго тарифа, гдѣ цѣлая масса привозныхъ товаровъ вовсе не поименована, вслѣдствіе чего являющійся и не имѣющій названія въ тарифѣ товаръ долженъ быть относимъ въ какой-либо болѣе или менѣе соотвѣтствующей ему категоріи. Отсюда легко возникаетъ произвольное таксированіе ввозимаго предмета, а слѣдовательно и возможность отнести его къ разряду платящихъ низкую пошлину.“

Необходимость пересмотра тарифа заявляется здѣсь въ интересахъ отрасли промышленности коей представители не домогаются возвышенія пошлинъ.

Б.

На дняхъ обнародовано правительственное распоряженіе о лицахъ высланныхъ административнымъ порядкомъ изъ мѣстъ ихъ жительства, а также о состоящихъ на мѣстѣ подъ надзоромъ полиціи. Изъ числа такихъ лицъ одни подверглись высылкѣ или надзору за политическую неблагонадежность, другія, — изъ учащейся молодежи, — наказаны за участіе въ безпорядкахъ и за дисциплинарные проступки въ стѣнахъ учебныхъ заведеній. Нынѣ признано возможнымъ оказать снисхожденіе тѣмъ изъ нихъ которые по своему по-

веденію того заслуживаютъ; такихъ предполагается освободить отъ полицейскаго надзора, а высланныхъ возвратить.

Мѣрѣ этой нельзя не сочувствовать, особенно если она знаменуетъ перемѣну въ способѣ дѣйствія какому до сихъ поръ было принято слѣдовать относительно учащихся молодыхъ людей. Послабленіе и потворство нерѣдко шли объ руку съ жестокостью. Посадить студента въ карцеръ, это у насъ считалось чѣмъ-то ужаснымъ, между тѣмъ какъ это обыкновенная форма дисциплинарнаго наказанія и въ иностранныхъ университетахъ, и у насъ въ Дерптскомъ, наконецъ въ войскахъ подъ формой ареста. Какой-то „либеральный“ страхъ предо всякою серіозною мѣрой которая могла бы на первыхъ же порахъ остановить молодаго человѣка увлекаемаго на ложный путь, непонятное небреженіе о нравственныхъ нуждахъ молодыхъ людей, лишенныхъ поддержки и спасительной дисциплины, вотъ главная вина печальныхъ явленій въ средѣ нашей учащейся молодежи. Небреженіе и распущенность давали свои плоды. Тогда мы надѣвали тяжелые доспѣхи, прокурорскіе и жандармскіе, брали, допрашивали и писали, писали и допрашивали; тянули, тянули; кого надо было выпустить чрезъ день позабудемъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, ребятъ возведемъ въ санъ государственныхъ преступниковъ, а настоящаго преступника проглядимъ. Школьникъ, плохо учившійся въ своей школѣ, проходилъ новую,—школу тюрьмы,—и затѣмъ высылался административнымъ путемъ распространять пріобрѣтенную опытность между соотечественниками въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ послѣднее время составлены и на бумагѣ введены въ университетахъ „новыя правила.“ Много написано въ правилахъ; есть и карцеръ, и самый внимательный нравственный надзоръ. Но мѣра эта имѣетъ лишь фиктивный характеръ. Могутъ ли исполнители проникнуться серіозною увѣренностью что предписываемое должно быть исполнено когда упорно держится слухъ что новый университетскій уставъ будетъ отложенъ на неопредѣленное время, что министръ финансовъ непремѣнно откажетъ въ деньгахъ на необходимую реформу, и что найдутся защитники и покровители нынѣшнихъ порядковъ?

Милость къ погрѣшившимъ не то что оправданіе проступка. На душу не совсѣмъ испорченную, особенно юную, милость дѣйствуетъ спасительно; она поднимаетъ человѣка, тогда какъ безнравственное оправданіе дѣйствуетъ развратительно и гибельно. Но дай Богъ чтобы за милостью къ наказаннымъ послѣдовали добрыя мѣры въ пользу невинныхъ,—мѣры которыя привели бы въ порядокъ расшатанныя учрежденія, замѣнивъ духомъ истинной здоровой свободы, нераздѣлимой съ порядкомъ, безсмысленную и губительную распущенность...

Въ приторныхъ журнальныхъ восторгахъ слышится фальшивая нота. Она слышится въ толкахъ о недоучкахъ, въ требованіяхъ чтобы каждый учащійся, будетъ ли того достоинъ или нѣтъ, непремѣнно получалъ права окончившихъ курсъ, между тѣмъ какъ вся сила въ томъ чтобъ учащіеся были достойны этихъ правъ, становились дѣйствительно полезными людьми и чтобы такихъ было по возможности больше, а никакъ не въ томъ чтобъ облегчать пріобрѣтеніе правъ недостойнымъ. Нужны, напримѣръ, медики: небольшую, конечно, услугу оказали бы мы страждущему человѣчеству уронивъ требованія и надѣлавъ докторами грубыхъ неучей которые были бы годны не лѣчить, а морить народъ.

№ 100.

Москва, 9-го апрѣля.

При первомъ извѣстіи о распущеніи парламента, органы консервативной партіи въ Англіи подняли тревогу. Особенно *Pall Mall Gazette* забила въ набатъ. Въ мрачныхъ краскахъ рисовала она будущую судьбу Англіи и всей Европы если партія виговъ станетъ у дѣлъ. Европейскому миру, по ея мнѣнію, пришелъ бы конецъ; поощряемая г. Гладстономъ, Россія объявила бы войну, и ужь не Турціи, а Австріи, и въ войнѣ этой запутались бы всѣ великія державы, такъ что Европа была бы потрясена до основанія. Въ самомъ манифестѣ графа Биконсфильда былъ темный намекъ на опасности грозящія миру, и когда началась избирательная агитація, то ораторы торійской партіи, въ отвѣтъ на нападки ораторовъ оппозиціи, выставляли политику будущаго либеральнаго кабинета какъ чрезвычайно опасную для спокойствія Европы.

Трудно было разобрать что въ этихъ статьяхъ и въ этихъ потокахъ рѣчей было дѣйствительнымъ мнѣніемъ, что маневромъ избирательной агитаціи. Какъ до начала выборовъ, всѣ въ Европѣ ожидали торжества консерваторовъ, такъ и при первыхъ успѣхахъ либеральной партіи будущая политика новаго министерства была предметомъ толковъ европейской печати. Перемѣна правительства въ Англіи являлась событіемъ очень важнымъ по своимъ возможнымъ послѣдствіямъ и не могла не произвести нѣкотораго возбужденія въ общественномъ мнѣніи Европы. Особенно въ Турціи извѣстія о побѣдахъ виговъ произвели сильное впечатлѣніе. Христіане Балканскаго полуострова встрѣтили эти извѣстія съ чувствомъ общей радости; за то турецкій официальный міръ былъ весьма непріятно удивленъ перспективой побѣды партіи виговъ, и султанъ, по словамъ корреспондента *Times*, дрожалъ при мысли о новомъ англійскомъ министерствѣ.

Въ настоящее время итогъ выборамъ подведенъ, минута напряженныхъ ожиданій прошла. Въ Турціи также стали спокойнѣе. Не смотря на то что Порта такъ торопилась покончить съ вопросомъ о Черногорской границѣ, райи, по словамъ того же корреспондента, начинаютъ понимать что ораторы оппозиціи тратятъ значительную долю энергіи въ видахъ полученія министерскихъ портфелей, и что англійская политика не можетъ круто измѣниться вслѣдствіе того что власть переходитъ въ руки другой партіи. Съ другой стороны, и турецкій официальный міръ возвращается къ своему обычному апатическому равнодушію и старается убѣдить и себя, и другихъ что серіозной опасности нѣтъ.

Газета *Вакитъ*, полуофиціальный органъ Турецкаго правительства, въ обширной статьѣ, очевидно писанной въ Портѣ, хотя и сожалѣетъ о совершившейся перемѣнѣ, старается доказать что проигрышъ Турціи въ этомъ случаѣ далеко не такъ великъ какъ нѣкоторые полагаютъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, эта газета представляетъ цѣлый обвинительный актъ противъ Бекон сфильдова кабинета, содержащій въ себѣ семь пунковъ. Вотъ эти обвинительные пункты: 1) Требованія Россіи въ пользу Болгаріи получили де на Константинопольской конференціи одобреніе Европейскихъ державъ вслѣдствіе политики кабинета Беконсфильда. 2) Въ силу той же политики, Лондонскій протоколъ, призывая Турцію къ разоруженію въ то время когда Россія мобилизовала армію въ 400.000 или въ 500.000 человѣкъ (?), былъ подписанъ безъ вѣдома и безъ совѣта Турецкаго правительства. 3) Въ минуту предъ объявленіемъ войны кабинетъ Беконсфильда совѣтовалъ Портѣ не начинать враждебныхъ дѣйствій, но не дѣлалъ такихъ же представленій въ Петербургѣ. 4) Въ теченіе войны Англія не только не оказала никакой помощи Турціи, но своимъ холоднымъ и апатическимъ отношеніемъ къ дѣлу помѣшала другимъ державамъ сдѣлать какіе-нибудь шаги, въ то время какъ общественное мнѣніе въ Берлинѣ и все населеніе Венгріи были де благопріятно расположены къ Турціи. 5) Подъ конецъ войны, Англійскій флотъ прорвался чрезъ Дарданеллы и побудилъ этимъ Россію двинуть свои арміи къ Константинополю, а С.-Петербургскій кабинетъ, усмотрѣвъ слабое и безсильное положеніе Англіи, видѣлъ де въ ней не врага, а союзника. 6) Другимъ послѣдствіемъ политики кабинета Беконсфильда было то что на Берлинскомъ конгрессѣ Турція была разрѣзана на части и права ея принесены въ жертву. 7) Въ силу той же политики Кипръ перешелъ подъ власть и управленіе Англіи, взамѣнъ нравственной и матеріальной поддержки какой ожидала отъ ней Турція. Таковы, прибавляетъ въ заключеніе газета, результаты политики графа Беконсфильда.

Константинопольскій корреспондентъ газеты *Times* видитъ въ этомъ документѣ искаженіе фактовъ, однако нельзя не согласиться что Турція имѣетъ весьма мало основаній быть благодарною кабинету графа Беконсфильда.

Но представляетъ ли этотъ документъ дѣйствительное мнѣніе Турецкаго правительства? Не сочиненъ ли онъ съ какою-нибудь спеціальною цѣлью, подобно тому какъ сочиняются избирательныя рѣчи въ Англіи? Корреспондентъ отвѣчаетъ на это отрицательно. Онъ утверждаетъ что всѣ вышеприведенныя обвиненія отлично извѣстны всякому кто въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ посѣщалъ дворецъ султана и Порту.

Съ такой же точки зрѣнія смотритъ на этотъ вопросъ и газета *Terdjimani Hakikat*, органъ перваго министра Порты. Она старается доказать что Турціи нечего опасаться результата англійскихъ выборовъ.

Вотъ какъ заключаетъ она одну изъ своихъ недавнихъ статей:

„Либералы въ своихъ рѣчахъ высказываютъ мнѣніе что такъ какъ Турція не предприметъ реформъ, то нѣтъ надобности поддерживать ея цѣлость и независимость; но эти рѣчи и политика на которую они указываютъ не должны пугать насъ. Нынѣшнее правительство Англіи было очень далеко отъ того чтобы защищать цѣлость имперіи, какъ въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій бросивъ бѣглый взглядъ на карту Турціи до и послѣ войны. Что касается нашей независимости, то дѣлаются попытки вмѣшательства даже во второстепенные вопросы нашихъ внутреннихъ дѣлъ.“ (Дѣйствительно Турецкое правительство не смѣетъ огородить нѣсколькихъ саженъ набережной гдѣ-нибудь въ Смирнѣ если на это не дастъ разрѣшенія г. Леярдъ.) „Такимъ образомъ, вслѣдствіе перемѣны министерства въ Англіи мы теряемъ поддержку которая на самомъ дѣлѣ не была поддержкой. Если наше правительство будетъ на самомъ дѣлѣ искренно заботиться о реформахъ, какъ оно дѣлаетъ теперь, а не для виду только какъ оно дѣлало прежде, то намъ нечего бояться ни либеральной партіи въ Англіи, ни самодержавной власти въ С.-Петербургѣ. Еслибы власть находилась въ рукахъ либеральной партіи, она не могла бы вмѣшиваться болѣе чѣмъ это дѣлала Европа. Мы желаемъ только коллективной поддержки Европы, и мы можемъ пріобрѣсти ее, какъ это было двадцать лѣтъ тому назадъ, введеніемъ дѣйствительныхъ реформъ; потому что цѣлость и независимость имперіи столько же необходимы для Европы какъ и для самой имперіи. Если кто-нибудь въ этомъ сомнѣвается, то пусть только припомнитъ послѣднія событія и задастъ себѣ вопросъ какими элементами можно было бы замѣстить Турокъ. Единственнымъ разрѣшеніемъ его было бы отдать Востокъ въ руки того завоевателя который возбуждалъ до сихъ поръ такъ много ревности и страха. Такъ какъ не замѣтно никакого расположенія къ принятію такого рѣшенія, Турки будутъ слѣдовать политикѣ столь же умной какъ персидская, и тогда Англія не только потеряетъ всякое вліяніе въ Малой Азіи, но будетъ пожалуй неспособна поддержать свое вліяніе и на Кипрѣ.“

Неясный намекъ которымъ оканчивается эта статья, замѣчаетъ корреспондентъ англійской газеты, направленъ противъ угрозы которая постоянно смущаетъ обычное спокойствіе турецкихъ государственныхъ людей. Эти люди убѣждены де что Турціи нечего опасаться такого или другаго англійскаго кабинета пока она можетъ опереться на Россію; но ихъ чрезвычайно пугаетъ мысль о возможности *entente cordiale* между Лондономъ и Петербургомъ. Пока дѣлами руководилъ графъ Биконсфильдъ, такое соглашеніе было невозможно, и Турція могла склоняться то на ту, то на другую сторону смотря по надобностямъ минуты. Еслибъ Англія стала смущать ее своими требованіями, она могла бы опереться на Россію; еслибы Россія выказала агрессивныя намѣренія, Порта могла бы опереться на Англію. Такимъ де образомъ, по ихъ мнѣнію, существованіе имперіи могло бы продлиться надолго. Но всѣ эти соображенія разлетаются при возможности соглашенія между Лондономъ и Петербургомъ. Въ этомъ де отношеніи они видѣли въ графѣ Биконсфильдѣ свою твердыню, между тѣмъ какъ г. Гладстона подозрѣваютъ въ руссофильскихъ тенденціяхъ могущихъ въ концѣ концовъ повести къ соглашенію по Восточному вопросу. Вотъ въ чемъ, оканчиваетъ корреспондентъ, заключается по ихъ мнѣнію дѣйствительная опасность.

101.

Москва, 10-го апрѣля.

Когда подготовлялось Польское возстаніе, Россія казалась изрытою революціонными подкопами, и извѣстный Бакунинъ, собираясь въ Польшу,—когда возстаніе началось,—писалъ къ одному изъ членовъ *ржонда*: „если движеніе продержится только мѣсяцъ, то будетъ полная побѣда, потому что подъ Русское правительство подведены мины, хотя оно считаетъ себя прочнымъ.“ Но весь этотъ революціонный бредъ быстро исчезъ въ 1863 году какъ только пробудилось національное чувство въ Россіи. До 1863 года запрещенныя лондонскія изданія проникали въ Россію ежегодно въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, по свидѣтельству Герцена, „свободно литографировались въ Москвѣ подъ видомъ профессорскихъ лекцій и развозились студентами на извощикахъ цѣлыми кипами нисколько не упакованными и даже не прикры-

тыми," а къ концу 1863 года весь расходъ *Колокола* упалъ до 500 экземпляровъ. Другое затишье революціонной дѣятельности было въ эпоху поднятаго Восточнаго вопроса и освободительной войны. По заявленію редактора революціоннаго изданія *Впередъ*, въ это время „заграничная литература,—еще недавно насчитывавшая по нѣскольку одновременно выходившихъ въ Лондонѣ и въ Швейцаріи органовъ и выпускавшая въ свѣтъ десятки тысячъ книгъ, брошюръ, памфлетовъ и пр.,—почти замерла." Не случайны же эти совпаденія! Когда народный духъ дѣйствуетъ, обманъ теряетъ силу. Наоборотъ никогда крамола не получаетъ столько силы какъ въ эпохи общественнаго обмана.

Если прошедшее можетъ дать урокъ настоящему, то нынѣ особенно поучительно обратиться къ годамъ предшествовавшимъ польскому мятежу и возобновить въ памяти тѣ способы обмана и интриги какими вносилось разложеніе въ наше общество. За двадцать лѣтъ предъ симъ нынѣшнее молодое поколѣніе еще не было на свѣтѣ или было въ пеленкахъ; за то дѣйствующее теперь поколѣніе носитъ въ себѣ закваску внесенную въ то время въ наше воспитаніе.

Въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ Крымской кампаніи, предъ крестьянскою реформой, польская эмиграція вошла въ сношеніе съ издателями *Колокола* и безъ большаго труда обратила этихъ дилеттантовъ революціи въ орудія дѣла враждебнаго ихъ родинѣ. „Надо составлять, увѣщевалъ *Колоколъ* центры дѣйствія (комитеты) которые противопоставили бы правительству мощь общественнаго заговора... Надо умножать число образованныхъ офицеровъ... чтобы *не мѣшать Польшѣ освободиться*." Въ то же время началась по Россіи, и прежде всего въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, по образцу Варшавы и Вильны, организація тайныхъ обществъ, члены которыхъ подчинялись особымъ старшимъ назначеннымъ изъ-за границы во всѣ главные города. Члены набирались главнымъ образомъ между студентами университетовъ и учащимися въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ Петербургѣ особенно въ военныхъ). Вербовка производилась по системѣ троекъ. „Фамилій старшихъ,—показывалъ предъ Виленскою слѣдственною коммиссіей одинъ офицеръ, воспитанникъ Кіевскаго университета бывшій начальникомъ шайки въ возстаніи 1863 года,—никто не зналъ, только они знали другъ друга и сносились помощію особо избранныхъ людей; каждый изъ этихъ старшихъ имѣлъ трехъ повѣренныхъ. Каждый изъ этихъ трехъ, увѣрившись достаточно въ какомъ-либо человѣкѣ, принималъ его въ свою тройку и т. д." (Въ послѣдствіи система троекъ была замѣнена системой десятковъ.) Въ Петербургѣ главными дѣятелями заговора были вице-директоръ департамента неокладныхъ сборовъ Огрызко и капитанъ генеральнаго штаба Сѣраковскій. Огрызко на русскія деньги наслѣдниковъ Демидова, дѣлами которыхъ онъ управлялъ и которые потому открыли ему кредитъ, основалъ польскій журналъ *Слово* (вскорѣ запрещенный за помѣщеніе письма Лелевеля), устроилъ типографію значительныхъ размѣровъ, подъ видомъ переписки съ книгопродавцами, коммиссіонерами, издателями, велъ обширныя сношенія съ лицами преданными польскому дѣлу и пользовался при этомъ условною азбукой. Сѣраковскій руководилъ всѣми Поляками поступавшими въ Академію Генеральнаго Штаба. Въ 1860 году, тайныя польскія общества объединились и были подчинены особо устроенному *центральному комитету*.

Мы разказываемъ на основаніи свѣдѣній добытыхъ Виленскою слѣдственною коммиссіей и опубликованныхъ однимъ изъ ея членовъ, штабсъ-капитаномъ Гогелемъ въ 1867 году. Вербовка происходила по преимуществу на собраніяхъ которыя устраивались подъ видомъ литературныхъ вечеровъ въ разныхъ кружкахъ военныхъ и статскихъ. По отношенію къ „Панургову стаду" (какъ принято было между Поляками называть полякующихъ Русскихъ) были двѣ главныя задачи: привлечь въ хвостъ „организаціи" возможно большее число Русскихъ, особенно изъ молодежи, и другая, тогда важнѣйшая, дѣйствовать путемъ литературы и преподаванія, чрезъ тѣхъ русскихъ литераторовъ и ученыхъ которые,—одни завѣдомо, другіе сами того не подозрѣвая,—работали въ интересѣ польской пропаганды. Разчетъ былъ на полное, казалось тогда, отсутствіе патріотизма въ русскомъ обществѣ, почти стыдившемся что оно русское, и на плачевное состояніе учебныхъ заведеній куда цѣлыми потоками входили разлагающія вліянія. Достаточно вспомнить что Чернышевскій, находившійся въ тѣс-

ныхъ сношеніяхъ съ польскими кругами, былъ тогда главнымъ, хотя не офиціальнымъ профессоромъ петербургскихъ студентовъ, съ которыми проводилъ дни. Огрызко, по случаю изданія студентскаго сборника, былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ со множествомъ студентовъ. Лавровъ, въ Военной Академіи, обращалъ преподаваніе въ пропаганду и самъ заявлялъ что воспиталъ цѣлое поколѣніе революціонеровъ. Настроенную революціонно русскую молодежь комитетъ, не посвящая въ серіозное дѣло, охотно принималъ въ организацію во имя самыхъ разнообразныхъ цѣлей; одни записывались съ цѣлью соединенія всѣхъ славянскихъ народовъ, другіе въ видахъ возстановленія Малороссіи, третьи чтобы пропагандировать необходимость земскаго собора, иные съ соціалистическою цѣлью, а нѣкоторые „съ революціонною цѣлью вообще.“ Первою публичною демонстраціей устроенною по распоряженію „централизаціи“ въ Петербургѣ были похороны Шевченка. На могилѣ этого врага Поляковъ, къ концу жизни впрочемъ познакомившагося и сошедшагося съ Сѣраковскимъ, говорились рѣчи по-русски, по-малороссійски и по-польски. „По окончаніи похоронъ,“ сказано въ *Колоколѣ*,

„одинъ изъ студентовъ объявилъ всѣмъ присутствовавшимъ что завтра, то-есть 1 марта (1861 г.), въ католической церкви будетъ реквіемъ въ память убитыхъ въ Варшавѣ 13 и 15 февраля. Реквіемъ дѣйствительно состоялся; на немъ присутствовали К—въ, С—чъ и много другихъ профессоровъ. По окончаніи службы Поляки пропѣли свой національный гимнъ, Русскіе подтягивали. Полковникъ Константиновскаго корпуса Р. началъ переписывать кадетъ которые были въ костелѣ; это замѣтили, выпроводили полковника и на улицѣ освистали. Когда правительство узнало объ этомъ реквіемѣ, то были арестованы студенты заказывавшіе его и уговаривавшіеся съ ксендзомъ. Надъ ними была назначена коммиссія. Тогда русскіе студенты составили слѣдующую подписку: „Мы нижеподписавшіеся были 1 марта „на реквіемѣ въ память убитыхъ въ Вар„шавѣ, участвовали въ пѣніи національ„наго польскаго гимна, и потому просимъ „считать насъ равно отвѣтственными со „студентами изъ Поляковъ.“ Подписало около 300 человѣкъ не-Поляковъ. Подписка лежала въ студенческой библіотекѣ.

Осенью 1861 года начались студентскія волненія въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Нити волненій были въ польскихъ рукахъ, но рукъ не было видно. За то въ Москвѣ предводители процессіи на могилу Грановскаго (въ началѣ октября 1861 года), русскіе студенты, были въ кунтушахъ и чамаркахъ. Студентскіе безпорядки въ Петербургѣ повели ко временному закрытію университета. Не безъ значенья было то обстоятельство что многіе изъ профессоровъ принадлежали къ тому же литературному міру гдѣ вращались вожаки польскаго дѣла, гдѣ дѣйствовали Чернышевскій, Лавровъ и т. п. Одинъ изъ профессоровъ былъ соредакторомъ Огрызка по изданію *Слова*. Какими путями пытались въ то время дѣйствовать на профессоровъ, тому свидѣтельствомъ можетъ служить исторія съ проф. Костомаровымъ. Его пригласили изъ Петербурга въ Вильну, тамъ ухаживали за нимъ, возили по монастырямъ чтобъ убѣждать его помощію памятниковъ, отчасти какъ оказалось искусственно сфабрикованныхъ, что Литва есть край искони Польскій. Въ то же время о пріѣздѣ его въ Вильну Александръ Оскерко (товарищъ Огрызка, членъ „отдѣла по управленію провинціями на Литвѣ“) былъ извѣщенъ запиской гдѣ значилось что отправленъ изъ Петербурга „тонкорунный баранъ для усовершенствованія породы овецъ, которымъ многіе помѣщики овцеводы могутъ воспользоваться и который какъ рѣдкій экземпляръ требуетъ особаго попеченія.“ Забавно что одинъ не посвященный помѣщикъ, которому попала на глаза записка, принялъ ее въ буквальномъ смыслѣ и очень хотѣлъ воспользоваться тонкоруннымъ бараномъ для усовершенствованія породы своихъ овецъ. Когда проф. Костомаровъ поссорился съ польскими пропагандистами, его популярность между студентами (по показанію на слѣдствіи въ Виленской коммиссіи однимъ изъ членовъ Петербургскаго революціоннаго комитета) тотчасъ же пошатнулась: „студенты уходили изъ аудиторіи съ появленіемъ профессора.“

Подъ сѣнью польскаго комитета образовалось нѣсколько собственно русскихъ революціонныхъ кружковъ, слившихся въ одинъ подъ именемъ *Земля и Воля*. Огрызко имѣлъ тутъ постоянныхъ агентовъ.

Дѣятельнѣйшими членами общества были Николай Утинъ, Михайловъ, Чернышевскій, Серно-Соловьевичъ, Потебня, Худяковъ (внушившій въ послѣдствіи Каракозову мысль цареубійства) и другіе. По свѣдѣніямъ доставленнымъ Утинымъ Варшавскому комитету (какъ видно изъ дѣлъ Вилснской слѣдственной коммиссіи), въ составѣ русской революціонной организаціи находились „лица высокопоставленныя въ обществѣ и даже лица занимающія довольно важныя должности.“

По свидѣтельству Ткачева (Петербургскаго литератора судившагося по Нечаевскому дѣлу, успѣвшаго бѣжать и нынѣ революціоннаго вожака и издателя *Набата*), число членовъ общества *Земля и Воля* предъ польскимъ возстаніемъ доходило до 1.500 человѣкъ.

„Послѣ неудачи возстанія, говоритъ Ткачевъ, ареста многихъ изъ наиболѣе энергическихъ дѣятелей общества и начавшейся затѣмъ реакціи, общество распалось или лучше сказать разложилось на нѣсколько самостоятельныхъ революціонныхъ кружковъ. Такимъ образомъ эта тайная организація умерла, если можно такъ выразиться, своею естественною смертію; правительство несмотря на всѣ поиски *ничего не открыло*, ни одинъ изъ арестованныхъ членовъ не могъ быть судимъ за принадлежность къ ней. Большинство же изъ членовъ не только не подверглось никакимъ преслѣдованіямъ, но даже осталось и навсегда останется совершенно, абсолютно неизвѣстнымъ полиціи.“ (*Набатъ* 1878 г., стр. 39.)

Въ началѣ декабря 1862 года въ Петербургъ прибылъ членъ центральнаго Варшавскаго комитета Подлевскій, которому большую помощь оказывалъ пріятель и товарищъ его князь Трубецкой, корреспондентъ *Колокола*. Центральный комитетъ поручилъ Подлевскому чтобъ онъ „на основаніи полномочія и рекомендаціи Герцена и Бакунина вошелъ въ сношеніе съ русскими революціонерами и убѣдился въ настоящемъ положеніи революціонныхъ намѣреній и усилій въ Россіи.“ Посредникомъ долженъ былъ служить Петербургскій Польскій комитетъ. По возвращеніи своемъ, Подлевскій сообщилъ что организація русскаго комитета еще слишкомъ слаба, и что комитетъ даже не могъ опредѣлить срока революціи, во всякомъ случаѣ полагаетъ его никакъ не раньше лѣта 1863 года. Русскій комитетъ обѣщалъ всякую помощь, но совѣтовалъ раньше лѣта возстанія не дѣлать. Центральный Варшавскій комитетъ хорошо зналъ что „русская революціонная организація есть предпріятіе искусственное, не основанное на стремленіяхъ большей или даже хотя меньшей части русскаго общества.“ Но если дѣятельной помощи ждать было еще нельзя, то во всякомъ случаѣ посѣваемая въ обществѣ смута была какъ нельзя болѣе выгодна. Такъ именно и понималъ дѣло Огрызко, который на запросъ Варшавскаго ржонда, чѣмъ можетъ русскій революціонный комитетъ помочь возстанію, отвѣчалъ что русская организація не можетъ оказать прямой помощи, но будетъ „вліять на общественное мнѣніе Россіи въ нашу пользу.“

Польскимъ революціоннымъ агентомъ въ Москвѣ былъ Киневичъ, также входившій въ сношенія съ представителями *Земли и Воли*, которые завѣряли что многіе русскіе офицеры и солдаты перейдутъ въ ряды повстанцевъ, и что лѣтомъ вспыхнетъ возстаніе во внутреннихъ губерніяхъ. Не очень полагаясь на силу русскихъ революціонеровъ, Киневичъ на деньги Виленскаго комитета организовалъ безпорядки въ Казанской губерніи и издержалъ на это пятнадцать тысячъ рублей.

Дѣйствуя среди общества сбитаго съ толку, при космополитическомъ настроеніи, польская партія, плотно организованная, не могла не чувствовать своей силы. Заботясь всѣми путями держать общественное мнѣніе, Поляки презрительно трактовали нашихъ революціонеровъ, что̀ не мѣшало этимъ прислужникамъ изъ кожи лѣзть чтобы доказать свое усердіе.

Есть любопытный документъ — письмо варшавскихъ студентовъ къ русскимъ товарищамъ. Объявивъ Русскимъ благодарность за сочувствіе доказанное участіемъ въ народномъ торжествѣ посвященномъ поминовенію послѣднихъ мучениковъ Польской „независимости“ (паннихида въ Петербургскомъ костелѣ по варшавскимъ „жертвамъ“). Варшавскіе студенты прибавляютъ: „Несмотря однако же на нашу симпатію къ русской молодежи *жаждущей независимости Польши* (sic), мы должны смѣло сознаться что причины нашей розни слишкомъ глубоко вкоренились въ души наши, слишкомъ тѣсно связаны съ нашими преданіями и различіемъ нашихъ

относительныхъ положеній чтобы могли быть устранены однимъ заявленіемъ вашего къ намъ сочувствія... Вы *прежде всего либералы*, мы—Поляки .. Вы не понимаете что Польша претерпѣвшая столько отъ Россіи... должна была выработать въ себѣ извѣстнаго рода *ненависть*, которой и мы, хотя ваши искренніе друзья, *даже въ отношеніи къ вамъ противиться не въ состояніи*." Такъ относились Поляки къ своимъ революціоннымъ прислужникамъ изъ бѣдной молодежи которую ложное воспитаніе лишало патріотическаго духа. Тѣмъ способнѣе была эта молодежь дѣлаться орудіемъ въ рукахъ враговъ ея отечества. Польскіе вожаки сами откровенно объявляли что необходимо сѣять нигилизмъ въ Россіи, съ тѣмъ чтобы, когда Польша восторжествуетъ, перевѣшать нигилистовъ. Торжество Польши еще не послѣдовало, за то нигилизмъ далъ роскошные всходы.

Мы набросали черты обмана объявшаго наканунѣ Польскаго возстанія наше общество. Польское возстаніе разбилось о пробудившійся въ нашемъ обществѣ патріотизмъ. Съ тѣхъ поръ польская рука спряталась, но крамола осталась. Усилія направились на произведеніе „народной мужицкой революціи" (по выраженію подпольнаго листка отъ общества „народной расправы," тайно напечатаннаго въ Москвѣ, лѣтомъ 1869 года). И эти усилія разбились о здравый смыслъ народа. Нынѣ крамола въ заграничныхъ и подпольныхъ изданіяхъ заявляетъ что она оставляетъ пока народъ, отъ дѣятельности соціальной *переходитъ къ дѣятельности политической*, и всякому желающему и способному слышать объявляетъ что для нея теперь самый жизненный вопросъ есть „конституціонное движеніе..."

№ 102.

Москва, 11-го апрѣля.

Французское правительство всячески старается загладить впечатлѣніе оставленное непостижимымъ образомъ дѣйствій его по дѣлу Гартманна, и поправить, сколько возможно, легкомысленно испорченныя имъ отношенія между Франціей и Россіей. Иностранныя газеты, въ особенности французскія, настойчиво повторяютъ слухи что князь Орловъ вскорѣ возвратится на свой постъ въ Парижѣ, и этотъ слухъ находитъ себѣ видимое подтвержденіе въ томъ что генералъ Шанзи, о предстоящемъ отъѣздѣ котораго изъ Петербурга столько разъ возвѣщалось, до сихъ поръ не тронулся съ мѣста. Обнародованный 20 апрѣля въ *Times* циркуляръ г. Фрейсине къ представителямъ Франціи при иностранныхъ дворахъ, содержаніе коего передалъ намъ вчера телеграфъ, направленъ повидимому къ той же цѣли: Изъ телеграммы не видно когда писанъ этотъ циркуляръ, тотчасъ ли по окончаніи прискорбнаго эпизода или только на дняхъ. Президентъ французскаго совѣта министровъ заявляетъ что теперешнее правительство „не имѣетъ никакого желанія измѣнять политику Тьера," и что оно „употребило всевозможныя усилія чтобъ объяснить Россіи причины, исключительно легальныя, его отказа выдать Гартманна, и надѣется что эти усилія поведутъ къ болѣе спокойной оцѣнкѣ фактовъ великою страной, дружба которой дорога для Франціи." Не совсѣмъ понятно въ какомъ смыслѣ сдѣлана ссылка на покойнаго Тьера, такъ какъ при немъ, сколько извѣстно, не возникало вопроса въ родѣ поднятаго по поводу Гертманна. Можно напротивъ сказать навѣрное что Тьеръ во всякомъ случаѣ дѣйствовалъ бы искуснѣе и не допустилъ бы чтобы Франція такъ компрометтировала себя неловкими и для всѣхъ явно лживыми изворотами, какъ это случилось теперь. Одно лишь смягчающее обстоятельство обнаруживается изо всего хода дѣла въ пользу кабинета Фрейсине: онъ согрѣшилъ не по злому намѣренію, а по неумѣнію или безсилію противостоять напору со стороны... Подобное оправданіе имѣетъ смыслъ на судѣ, но не въ политикѣ. Правительство великой страны, не имѣющее собственной воли и исполняющее чужую, не многаго стóитъ, какія бы ни были у него „добрыя намѣренія." Франція дорожитъ дружбой Россіи, утверждаетъ г. Фрейсине въ своемъ циркулярѣ. Въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но дорожить дружбой Франціи, какъ и всякой иной державы, можно лишь насколько правительство управляющее дѣлами этой страны будетъ самостоятельно въ своихъ дѣйствіяхъ.

Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ серіознаго вниманія поднятая министерствомъ Фрейсине внутренняя борьба съ католическую церковью. „Культурную борьбу" кня-

зя Бисмарка противъ папскаго престола не даромъ сравнивали съ борьбой титановъ, и до сихъ поръ нельзя сказать чтобы Германская имперія была побѣдительницей. Напротивъ, имѣются признаки что и желѣзный канцлеръ чувствуетъ утомленіе и готовъ вступить въ соглашеніе лишь бы оно не имѣло характера слишкомъ постыднаго отступленія. И вотъ, въ то самое время какъ начинаетъ притихать культурная борьба въ Германіи и обѣ стороны серіозно заняты изысканіемъ способовъ къ примиренію, Французское правительство затѣваетъ ту же борьбу у себя. По силамъ ли она будетъ теперешнему правительству? Ему ли побороть могучаго противника котораго не осилилъ Бисмаркъ, да вдобавокъ въ странѣ гдѣ католическая церковь господствуетъ нераздѣльно?

Съ изданіемъ „мартовскихъ декретовъ," Французское правительство бросило перчатку католической церкви; но борьба еще не разыгралась и враждебности еще не сейчасъ начнутся. Какъ извѣстно, упомянутыми декретами безусловный запретъ положенъ лишь на орденъ іезуитовъ; всѣмъ же остальнымъ религіознымъ конгрегаціямъ данъ трехмѣсячный срокъ чтобы представить свои статуты и просить о формальномъ разрѣшеніи. Всѣ конгрегаціи кои этого не сдѣлаютъ въ указанный срокъ подлежатъ закрытію и принадлежащія имъ учебныя, благотворительныя и религіозныя учрежденія будутъ упразднены. Срокъ этотъ истекаетъ 29 іюня. Борьба начнется, такимъ образомъ, лишь съ этого времени. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ ордена и конгрегаціи католической церкви во Франціи уже теперь энергически протестуютъ противъ декретовъ и объявляютъ о своемъ рѣшеніи не подчиняться распоряженію правительства. Достанетъ ли рѣшимости у кабинета исполнить на дѣлѣ то что пока имѣетъ лишь силу на бумагѣ? Этимъ вопросомъ уже теперь задаются во Франціи, и люди свѣдущіе высказываютъ сомнѣнія.

Этому вопросу, между прочимъ, посвящена длинная корреспонденція помѣщенная въ газетѣ *Times*, отъ 15 апрѣля. Сужденія парижскаго корреспондента лондонской газеты по этому предмету, тѣмъ любопытнѣе что этотъ корреспондентъ, извѣстный г. Бловицъ, находится въ особенныхъ отношеніяхъ ко французскому кабинету, и то что высказывается въ его письмахъ о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, если не вполнѣ отражаетъ *явныя* намѣренія правительства, то во всякомъ случаѣ можетъ быть принято за попытку офиціозныхъ сферъ подѣйствовать на общественное мнѣніе и, что называется, подготовить почву. Г. Бловицъ отнюдь не увѣренъ въ томъ что министерство Фрейсине доведетъ начатое имъ дѣло до конца. Онъ предвидитъ слѣдующее: До 29 іюня не будетъ ничего сдѣлано ни съ той, ни съ другой стороны; правительство будетъ соблюдать установленный имъ самимъ срокъ; отъ конгрегацій не поступитъ ни одной просьбы о разрѣшеніи. По наступленіи срока, партія крайнихъ радикаловъ не преминетъ конечно обратиться съ запросомъ къ правительству о его дальнѣйшихъ намѣреніяхъ, и предложитъ *ordre du jour* выражающій увѣренность что правительство приступитъ немедленно къ исполненію своихъ декретовъ. Но г. Бловицъ отнюдь не раздѣляетъ этой въ сущности весьма естественной увѣренности и предсказываетъ что г. Фрейсине не приметъ такой резолюціи и потребуетъ чтобы палата заявила довѣріе правительству, предоставивъ ему примѣнить декреты когда и какъ оно само признаетъ нужнымъ. Слѣдуетъ де ожидать что довѣріе это будетъ дано въ требуемой формѣ теперешнимъ большинствомъ палаты. Затѣмъ, какъ полагаетъ г. Бловицъ, случится одно изъ двухъ: или г. Фрейсине послѣдуетъ примѣру г. Ваддингтона, который вышелъ въ отставку добившись вотума довѣрія отъ палаты. Корреспондентъ тутъ же перечисляетъ и составъ будущаго кабинета, который при теперешнемъ положеніи партій можетъ состоять лишь изъ людей того же пошиба что и теперешній кабинетъ, и стало-быть не болѣе рѣшительныхъ. Или же будутъ сдѣланы нѣкоторыя попытки дѣйствительно потѣснить религіозныя конгрегаціи. Тѣ, въ свою очередь, начнутъ судебные процессы противъ правительства въ порядкѣ административной юстиціи, на что они имѣютъ право по французскимъ законамъ. Процессы эти протянутся не менѣе года, а затѣмъ наступятъ общіе выборы предстоящіе въ 1881 году. Выборы эти конечно будетъ имѣть своимъ главнымъ лозунгомъ церковную борьбу, и дальнѣйшее направленіе ея будетъ уже зависѣть отъ результата выборовъ, то-есть отъ того какъ выскажется страна по этому вопросу.

Эти предсказанія корреспондента *Times*

не лишены вѣроятія. Но дѣло не столько въ томъ, что̀ окажется въ будущемъ, а что имѣется въ настоящемъ. И мы видимъ что г. Фрейсине отнюдь не серіозно затѣялъ борьбу и вовсе не приготовленъ къ тому чтобъ ее выдержать. Но если онъ къ борьбѣ не приготовленъ, то какая была надобность затѣвать ее и создавать для Франціи, и безъ того раздираемой внутренними несогласіями, новый источникъ смутъ и раздоровъ?

№ 103.

Москва, 12-го апрѣля.

А.

Возвращаемся къ официальному отчету о таможенныхъ сборахъ, по поводу котораго было высказано нами нѣсколько замѣчаній въ № 99 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Общій финансовый результатъ заявленный въ отчетѣ производитъ вообще благопріятное впечатлѣніе. Таможенный доходъ минувшаго 1879 года превысилъ бюджетныя ожиданія на 15 милліоновъ рублей и выразился еще не бывалою у насъ цифрой 91.424.892 кредитныхъ рублей (почти на шесть милліоновъ болѣе итога таможенныхъ сборовъ 1878 года). Но нельзя не видѣть что цифра эта велика лишь относительно, лишь по сравненію съ тѣмъ что̀ давали наши таможни въ прежнее время. Не такой доходъ могли бы давать казнѣ тѣ же таможни при иномъ таможенномъ тарифѣ и иныхъ таможенныхъ порядкахъ.

Оставляя пока въ сторонѣ вопіющія неправильности самого тарифа, остановимся на неправильностяхъ его примѣненія. Одна изъ такихъ неправильностей состоитъ въ томъ что тарифъ не для всѣхъ равно имѣетъ силу, а допускаетъ массу исключеній. Установленныя пошлины съ однихъ взыскиваются, съ другихъ нѣтъ. Какимъ вредомъ такое неравномѣрное примѣненіе закона къ разнымъ лицамъ отзывается на ходѣ торговли и промышленности, на этомъ мы теперь останавливаться не будемъ. Спросимъ лишь во что̀ обходится самой казнѣ указанное отступленіе отъ начала справедливой равноправности.

Вышеупомянутый официальный отчетъ не представляетъ данныхъ для сужденія о размѣрахъ потерь казны по этому пункту въ минувшемъ 1879 году; но мы имѣемъ подъ руками официальныя данныя для исчисленія подобныхъ потерь казны въ предшедшіе годы. Возьмемъ для примѣра 1878 годъ. Въ этомъ году отступленія отъ тарифа практиковались, сравнительно, въ гораздо меньшей степени чѣмъ въ другіе; и что̀ же, однако, оказывается? Невзиманіе установленныхъ тарифомъ пошлинъ обошлось казнѣ болѣе чѣмъ въ 5.643.000 металлическихъ рублей, *) что̀ составляетъ почти десять процентовъ всего полученнаго въ 1878 году таможеннаго дохода. Десять процентовъ! Есть на что̀ обратить вниманіе, особенно если взять въ разчетъ что содержаніе всѣхъ таможенныхъ учрежденій, всей пограничной стражи и таможеннаго крейсерства обошлось въ томъ же 1878 году только въ $8^{4}/_{10}\,\%$ съ итога таможенныхъ сборовъ. Не будь безпошлиннаго пропуска обложенныхъ пошлиной товаровъ, съ казначейства была бы сполна снята тяжесть всѣхъ расходовъ по таможенному вѣдомству.

Убыткомъ отъ невзиманія тарифныхъ пошлинъ дѣло не ограничивается: не для всѣхъ обязательна уплата этихъ пошлинъ, но и изъ тѣхъ съ кого онѣ взыскиваются, не для всѣхъ обязательна уплата ихъ золотомъ. Исключенія въ этомъ смыслѣ, впрочемъ, допускались въ 1878 году по европейской границѣ только для одного рода привозныхъ товаровъ, для металловъ не въ дѣлѣ. Лица и общества выписывающія эти металлы изъ-за границы раздѣляются, такимъ образомъ, на три категоріи: на платящихъ пошлину золотомъ, на платящихъ ее кредитными рублями и на не платящихъ никакой пошлины. Съ перваго, непривилегированнаго класса было въ 1878 году взыскано 6.560.257 металлическихъ рублей; со втораго разряда, вмѣсто металлическихъ, взято 2.522.086 кредитныхъ рублей; съ третьяго, привилегированнаго класса, слѣдовавшіе по тарифу 2.584.359 металлическихъ рублей вовсе не взысканы.

*) Именно, казна потеряла отъ невзиманія установленныхъ пошлинъ:

Съ металловъ не въ дѣлѣ	2.584.359	р.
„ металлическихъ издѣлій. . . .	1.882.720	„
„ машинъ и аппаратовъ.	563.125	„
„ прочихъ товаровъ (вагоновъ, экипажей, сшитаго платья, тканыхъ издѣлій, мебели, дерева цѣнныхъ породъ, металлическихъ пуговицъ, музыкальныхъ и иныхъ инструментовъ)	613.183	„
Итого . . .	5.643.388	„

Какъ бы ни были, однако, велики потери казны отъ явныхъ неправильностей въ примѣненіи тарифа, едва ли эти потери могутъ идти въ сравненіе съ тѣми какія бываютъ результатомъ тайныхъ нарушеній закона. Совершаются эти нарушенія и самими служащими въ таможенныхъ учрежденіяхъ, притомъ въ большихъ размѣрахъ, какъ показываетъ примѣръ Петербургской таможни; идетъ дѣятельная контрабанда и помимо ихъ. Это зло застарѣлое. Думали помочь ему увеличеніемъ содержанія служащихъ по таможеннымъ учрежденіямъ. Штаты были усилены. Тѣмъ не менѣе, злоупотребленія въ таможняхъ и контрабанда продолжаютъ процвѣтать. Терпитъ отъ нихъ казна, еще болѣе терпятъ правильная торговля и разныя отрасли русскаго производства. Смотрѣть на все это сложа руки нельзя. Необходимо думать о мѣрахъ къ пресѣченію зла. Сторонники свободной торговли во что бы ни стало не хотятъ знать никакихъ другихъ мѣръ противъ контрабанды и таможенныхъ злоупотребленій кромѣ пониженія пошлинъ. Но рекомендуемое ими лѣкарство во многихъ случаяхъ отозвалось бы на странѣ тяжеле самой болѣзни противъ которой прописывается. Чтобы не привлечь людей, чьи интересы особенно страдаютъ отъ злоупотребленій, къ дѣятельному участію въ таможенномъ надзорѣ чрезъ посредство избранныхъ ими лицъ?

Устраненіе допускаемыхъ нынѣ лицепріятныхъ неравенствъ въ примѣненіи тарифа; затѣмъ, уменьшеніе таможенныхъ злоупотребленій и контрабанды, увеличили бы таможенный доходъ на крупную сумму даже при нынѣ дѣйствующемъ тарифѣ. Но несравненно важнѣйшіе результаты получатся отъ пересмотра таможеннаго тарифа и устраненія массы заключающихся въ немъ неправильностей и несправедливостей. Пересмотръ тарифа требуется экономическими интересами страны; его требуютъ также и финансовыя соображенія. Таможенный доходъ получается нынѣ лишь съ немногихъ привозныхъ товаровъ; съ большей же ихъ части или вовсе ничего не взимается, или взимается лишь малая доля того что могло бы быть получено не только безъ ущерба, но съ большою выгодой для страны. Пропорція въ которой обложены налогомъ разные предметы поражаетъ своею несообразностью. Для наглядности, остановимся на нѣсколькихъ крупныхъ тарифныхъ подраздѣленіяхъ; вотъ по скольку металлическихъ копѣекъ пошлины взимается въ нашихъ таможняхъ по Европейской границѣ съ кредитнаго рубля стоимости товара: *)

	Съ кредитнаго рубля стоимости.		
Соли	60,1	металл.	коп.
Чаи	32,7	„	„
Напитковъ	25,9	„	„
Шелковыхъ издѣлій	25,6	„	„
Табаку	24,7	„	„
Бумажныхъ издѣлій	21,8	„	„
Шерстяныхъ издѣлій	21,5	„	„
Масла деревяннаго	17,2	„	„
Петролея	15,1	„	„
Металловъ не въ дѣлѣ	15,1	„	„**)
Фруктовъ	14,5	„	„
Кофе	11,7	„	„
Льняныхъ издѣлій	10,8	„	„
Рыбы	9,9	„	„
Металлическихъ издѣлій	9,8	„	„
Бумажной пряжи	9,6	„	„
Шерсти и шерстяной пряжи	6,9	„	„
Красокъ	5,5	„	„
Мѣховъ	5,3	„	„
Химическихъ продуктовъ	4,3	„	„
Часоваго товара	3,7	„	„
Вагоновъ	3,1	„	„
Машинъ и аппаратовъ	2,8	„	„
Шелка и шелковой пряжи	1,102	„	„

Всего поразительнѣе въ приведенной табличкѣ громадный налогъ на соль. Ея было привезено въ 1878 году на 6.346.000 кредитныхъ рублей, и съ этой суммы взыскано 3.836.000 металлическихъ рублей пошлины. Одновременно было привезено шелку-сырца и шелковой пряжи на сумму почти вдвое бо́льшую (на 11.905.955 руб.), а пошлины съ этого товара взято всего 122.000 руб.!

Съ соли, предмета первой необходимости, берется непомѣрно высокій налогъ, а въ то же время масса товаровъ на сумму въ двѣнадцать разъ бо́льшую (на $74^1/_2$ милліона, не считая хлопка) пропускается безпошлинно.

Съ соли взимается 60 копѣекъ; а съ такихъ предметовъ роскоши какъ привозные мѣха и часовой товаръ берется менѣе $5^1/_2$ и $3^3/_4$ копѣекъ съ рубля.

Но оставимъ соль въ сторонѣ; оставимъ въ сторонѣ и предметы роскоши. Сравнимъ налогъ на деревянное масло съ налогомъ

*) Дѣлаемъ разчетъ на основаніи офиціальныхъ данныхъ за 1878 годъ.

**) Въ дѣйствительности меньше, ибо часть пошлины съ металловъ, какъ выше сказано, поступила не металлическими, а кредитными рублями.

на краски и химическіе продукты. Съ деревяннаго масла взимается пошлина слишкомъ втрое бо́льшая чѣмъ съ красокъ и вчетверо высшая чѣмъ съ химическихъ продуктовъ. Чѣмъ можетъ быть объяснено такое неравенство? Красокъ было ввезено въ 1878 году на 17.350.000 рублей, а пошлины съ нихъ взято менѣе милліона; химическихъ продуктовъ привезено болѣе чѣмъ на $20^1/_2$ милліоновъ, а въ таможенный доходъ съ нихъ не поступило и 900.000 рублей; въ то же время привозъ деревяннаго масла не доходилъ и до 14 милліоновъ, а таможенный сборъ съ него превысилъ 2.400.000 рублей. Ради какихъ соображеній тарифъ налегаетъ въ такой мѣрѣ на деревянное масло и беретъ такъ мало съ красокъ и химическихъ продуктовъ? Конечно, необходимость заставитъ платить за деревянное масло какую хотите пошлину: доходъ казны съ этого продукта вѣренъ, ибо производство его въ Россіи, по естественнымъ условіямъ страны, невозможно. Между тѣмъ повышеніе налога на химическіе матеріалы и краски, увеличивъ доходъ казны, въ то же время дало бы жизнь отечественному химическому производству... Но что́ же отсюда слѣдуетъ?

Остановимся еще на одной изъ множества несообразностей нашего тарифа. Сравнимъ налогъ на привозные металлы не въ дѣлѣ съ налогомъ на металлическія издѣлія. По здравому смыслу, налогъ на издѣлія долженъ быть выше чѣмъ налогъ на сырой матеріалъ изъ котораго эти издѣлія приготовлены. На дѣлѣ же выходитъ, какъ видно изъ вышеприведенной таблички, что налогъ на металлическія издѣлія въ полтора раза менѣе чѣмъ налогъ на металлы, а налогъ на машины (даже не принимая въ разчетъ машинъ привозимыхъ по тарифу безпошлинно) слишкомъ въ пять разъ менѣе чѣмъ на металлы изъ которыхъ эти машины сдѣланы!

Всѣ эти и подобные имъ куріозы нашего тарифа признаны и уже болѣе не оспариваются. И тѣмъ не менѣе, во имя непонятныхъ соображеній, у насъ проповѣдуется нынѣ какая-то будто бы необходимость не приступать къ пересмотру тарифа, а отложить это дѣло въ долгій ящикъ. Вѣдь страна терпѣла до сихъ поръ весь вредъ приносимый ей несоотвѣтствіемъ тарифа ея интересамъ; отчего же не терпѣть его и впредь? Казна довольствовалась до сихъ поръ получаемымъ ею таможеннымъ доходомъ; почему не повременить заботой объ его увеличеніи...

Б.

На дняхъ газета *Берегъ* сообщила что главное управленіе военно-учебныхъ заведеній вошло съ представленіемъ о необходимости открыть *двѣ* новыя военныя гимназіи и увеличить число обучающихся въ спеціальныхъ военныхъ училищахъ. Сегодня мы дадимъ мѣсто справедливому сѣтованію на неожиданное затрудненіе поставленное тѣмъ же управленіемъ молодымъ людямъ желающимъ поступить въ военныя училища, выдержавъ для этого экзаменъ изъ курса *семи* (а не шести, какъ для вольноопредѣляющихся 2-го разряда) классовъ военныхъ гимназій.

Факты эти напрашиваются на сопоставленіе.

Реформа военно-учебныхъ заведеній, начатая въ 1863 году, была основана на уменьшеніи числа воспитывающихся въ учебныхъ заведеніяхъ съ общимъ курсомъ и числа выпускаемыхъ изъ военныхъ училищъ на службу офицерами. Опытъ доказалъ непрактичность этой мѣры, и съ тѣхъ поръ число военныхъ гимназій и обучающихся въ нихъ приходится годъ за годомъ увеличивать чтобъ удовлетворять все возрастающей потребности арміи въ болѣе образованныхъ офицерахъ.

Правда, при изданіи Устава о Воинской Повинности, въ 1874 году, возлагались въ этомъ отношеніи большія надежды на институтъ вольноопредѣляющихся 2-го разряда. Надежды эти однако не оправдались, и масса выпускаемыхъ изъ войсковыхъ юнкерскихъ училищъ офицеровъ все-таки состоитъ изъ вольноопредѣляющихся 3-го разряда, общая подготовка конхъ вынуждаетъ держать спеціальныя программы юнкерскихъ училищъ на относительно низкомъ уровнѣ.

Вотъ почему слѣдомъ за введеніемъ воинской повинности открывается новая третья всесословная военная гимназія (въ Москвѣ), затѣмъ въ 1875 году въ Тифлисѣ, въ 1876 преобразуются въ гимназіи три прогимназіи и наконецъ теперь проектируется учрежденіе еще новыхъ двухъ.

А между тѣмъ едва ли оказалась бы такая нужда въ открытіи цѣлой серіи новыхъ военныхъ гимназій еслибы мѣры къ

усиленію выпуска въ армію наиболѣе образованныхъ въ военномъ отношеніи офицеровъ были начаты не съ конца, а съ начала, еслибы вмѣсто устройства новыхъ гимназій просто увеличили комплектъ учащихся въ военныхъ училищахъ, что̀ дало бы возможность принимать туда большее число молодыхъ людей получившихъ воспитаніе внѣ заведеній военнаго вѣдомства.

На дѣлѣ, число поступающихъ въ военныя училища со стороны весьма значительно. Такъ, по официальнымъ даннымъ, за время съ 1869 по 1879 годы ежегодно поступало въ военныя училища по аттестатамъ среднихъ учебныхъ заведеній *невоеннаго вѣдомства* 105 и со стороны, по пріемному экзамену, 112, всего 217 лицъ, тогда какъ изъ военныхъ гимназій и однородныхъ съ ними заведеній военнаго вѣдомства поступало по 420 воспитанниковъ. Такимъ образомъ, число поступающихъ со стороны, которымъ предоставлялись вакансіи лишь не замѣщенныя военными гимназистами, было болѣе половины всего числа гимназистовъ и болѣе трети всѣхъ поступающихъ.

Нѣтъ сомнѣнія что по мѣрѣ развитія военныхъ гимназій число вакансій остававшихся на долю поступающихъ со стороны уменьшилось, что влекло за собою конкурренцію и вообще затрудненіе пріема, отклонявшія многихъ отъ желанія поступить въ военныя училища.

Можетъ-быть и теперь, вмѣсто открытія новыхъ военныхъ гимназій, какъ предположено, въ Варшавѣ и въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ, было бы полезнѣе необходимыя на это средства обратить на большее сравнительно съ предположеннымъ развитіе штата военныхъ училищъ.

№ 105.

Москва, 14-го апрѣля.

Полученныя сегодня нѣмецкія газеты принесли полный текстъ законопроекта о такъ-называемомъ „военномъ налогѣ“ (Wehrsteuer), задуманномъ Германскимъ правительствомъ почти одновременно съ увеличеніемъ численной силы войскъ.

Мысль о военномъ налогѣ въ Германіи далеко не новая, но ново то широкое развитіе которое предполагается дать этому налогу. Дѣйствительно, еще Виртембергскій военный законъ 1868 года опредѣляетъ что каждый подлежащій службѣ, но не принятый въ оную, вноситъ единовременно 34 марки. Отъ этого взноса освобождались только либо неспособные вслѣдствіе увѣчій и болѣзней, либо пользующіеся общественною благотворительностью. Нѣсколько позднѣе, въ Баваріи былъ введенъ также единовременный, но поразрядный взносъ отъ 5 до 171 марки, отмѣненный лишь дѣйствующимъ теперь имперскимъ военнымъ закономъ. Совсѣмъ иначе поставленъ вопросъ въ настоящемъ законопроектѣ, въ силу коего военнымъ налогомъ въ теченіе полныхъ *двѣнадцати лѣтъ* (сумма сроковъ службы въ рядахъ, резервѣ и ландверѣ) облагаются всѣ тѣ кои „буд„учи обязаны дѣйствительною военною „службой на самомъ дѣлѣ не отбываютъ „ея вовсе или отбыли не вполнѣ.“ Этого мало. Закону предполагается дать какъ бы обратное дѣйствіе, ибо къ платежу привлечены всѣ для кого военная служба стала обязательною послѣ 1-го января 1872 года. Такъ какъ законопроектъ по утвержденіи въ законодательномъ порядкѣ вступаетъ въ силу съ 1-го октября текущаго года, то къ платежу налога разомъ привлекается, по разчету нѣмецкихъ газетъ, до двухъ милліоновъ лицъ.

Казна, такимъ образомъ, получитъ съ самаго начала значительный доходъ, ибо каждый изъ облагаемыхъ платитъ ежегодно *три* марки, что̀ даетъ сумму въ 6 милліоновъ марокъ. Но независимо (§ 8 закона) отъ взноса обязательныхъ для каждаго трехъ марокъ, лица, имѣющія годовой доходъ свыше тысячи и до шести тысячъ марокъ, или ихъ родители, облагаются поразрядным налогомъ отъ десяти до полутораста марокъ. Получающіе же свыше шести тысячъ марокъ платятъ три процента съ дохода. Этотъ дополнительный окладъ, какъ ожидаютъ, долженъ доставить сумму которая вмѣстѣ съ ежегодными взносами въ три марки дастъ въ результатѣ двадцать милліоновъ марокъ ежегодно (около 10 милліоновъ рублей).

Не менѣе замѣчательна строгость условій освобождающихъ отъ вновь вводимаго налога. Такихъ условій только три: увѣчья полученныя при исполненіи служебныхъ обязанностей или вообще обстоятельства дающія солдату право на призрѣніе „какъ инвалиду,“ душевныя или физическія страданія дѣлающія человѣка не-

способнымъ къ труду, „въ томъ случаѣ „если у больнаго нѣтъ средствъ содержать „себя и тѣхъ кому онъ обязанъ давать „пропитаніе," и наконецъ третье „бѣдность „вынуждающая пользоваться правильно и „законно организованною общественною „благотворительностью."

Къ каждому законопроекту въ Германіи присоединяется особая объяснительная записка излагающая цѣль проектируемаго закона, причины его вызвавшія и вѣроятные результаты его примѣненія. Въ настоящемъ случаѣ записка эта еще не обнародована, но тѣ видимо официальныя статьи кои появлялись въ германской печати и особенно въ *Кельнской Газетѣ*, съ самаго возникновенія въ правительственныхъ сферахъ мысли о „военномъ налогѣ," бросаютъ свѣтъ на тѣ мотивы коими руководились составители законопроекта. „Первое что говоритъ въ пользу военнаго налога," читаемъ мы еще въ одномъ изъ февральскихъ нумеровъ *Кельнской Газеты*, „есть большая неравномѣрность въ рас„предѣленіи столь тяжелой повинности ка„кова военная." Одни несутъ ее двѣнадцать лѣтъ, другіе, благодаря счастливому нумеру или малому росту, освобождаются отъ нея совершенно. Было бы справедливо однако, замѣчаетъ газета, чтобъ и всѣ дѣйствительно несли обязанность содѣйствовать оборонѣ отечества если не личною службой, то хоть денежными взносами. Новый законопроектъ своею строгостью вполнѣ удовлетворяетъ этому требованію, которое выставляется большинствомъ органовъ печати тѣмъ болѣе законнымъ что всякій призванный къ службѣ подъ знаменами теряетъ не только тѣ три года въ теченіе коихъ онъ остается въ войскахъ, но гораздо болѣе: онъ отрывается отъ своего промысла и благодаря этому не только нейдетъ впередъ, не совершенствуется, но дѣлаетъ даже шагъ назадъ и отбывъ службу встрѣчаетъ сильную конкурренцію своихъ болѣе счастливыхъ сверстниковъ не попавшихъ въ ряды войскъ. Именно этимъ соображеніемъ объясняется почему законопроектъ не освобождаетъ отъ налога всѣхъ не принятыхъ въ военную службу вообще по физическимъ недостаткамъ къ коимъ относятся весьма многіе не лишающіе человѣка возможности трудиться и получать хорошій заработокъ, какъ напримѣръ малый ростъ, недостаточный вѣсъ или лопнувшая барабанная перепонка въ ухѣ.

Каково назначеніе суммы которую доставитъ новый налогъ, объ этомъ германская печать высказывается съ большею сдержанностью, замѣчая что „главная мас„са военнаго налога пойдетъ на общія „нужды военнаго вѣдомства," и такимъ образомъ облегчитъ для населенія тяжесть военныхъ расходовъ, а остальное предназначается на образованіе особаго фонда для выдачи пособій семействамъ выступившихъ въ походъ военныхъ чиновъ, такъ какъ пособія эти установленныя еще въ 1850 году слишкомъ недостаточны. Дѣйствительно, по этому закону женамъ выступившихъ въ походъ нижнихъ чиновъ выдается ежемѣсячно 24 фунта хлѣба или 18 муки и предоставляется право въ холодное время собирать въ казенныхъ и общественныхъ лѣсахъ валежникъ. Денежное пособіе выдается только семействамъ унтеръ-офицеровъ, и то въ размѣрѣ не свыше $4^1/_2$ марокъ въ мѣсяцъ. Недостаточность этого пособія вынуждаетъ оставленныя семейства искать или общественной благотворительности обременяя общины и приходы, или же просить милостыни, что и практиковалось во время Франко-Германской войны. „Государство, какъ справедливо замѣчаетъ *Кельнская Газета*, обязано обезпечить существованіе близкихъ тѣмъ кто стоитъ въ рядахъ его защитниковъ, и нѣтъ ничего справедливѣе какъ обложить для этого денежнымъ взносомъ всѣхъ кто благодаря обстоятельствамъ или слѣпому случаю не призванъ къ оборонѣ отечества."

Но этимъ еще не исчерпывается все назначеніе военнаго налога. На дняхъ союзному совѣту представленъ законопроектъ о вдовьихъ пенсіяхъ чинамъ гражданскаго вѣдомства. Вдовья касса образуется изъ трехпроцентныхъ вычетовъ изъ содержанія этихъ чиновъ. О военныхъ чинахъ при этомъ не упомянуто и полагаютъ что пенсіи вдовамъ офицеровъ и другихъ чиновъ военнаго вѣдомства имѣющимъ право на призрѣніе государствомъ ихъ семействъ точно также будутъ выдаваемы изъ доходовъ кои обѣщаетъ „военный налогъ."

О призрѣніи инвалидовъ Германія не имѣетъ особой нужды заботиться, такъ какъ они обезпечены весьма значительнымъ фондомъ образованнымъ изъ суммъ военной контрибуціи уплаченной Франціей.

У насъ едва ли не болѣе даже нежели въ Германіи было бы умѣстно введеніе во-

еннаго налога какъ потому что у насъ срокъ дѣйствительной службы вдвое длиннѣе германскаго, такъ и по той причинѣ что нашъ военный законъ освобождаетъ отъ военной службы слишкомъ многихъ „по семейному положенію.“ Сверхъ того, въ Германіи изъ лицъ одного возраста берется на службу около половины, у насъ только около четверти.

Правда что семействамъ лицъ призванныхъ на службу наше законодательство предоставляетъ пособія нѣсколько бо́льшія нежели германскій законъ 1850 года, но все же далеко недостаточныя для существованія, при отсутствіи другихъ средствъ къ жизни.

Едва ли введеніе военнаго налога могло бы встрѣтить у насъ неодолимыя препятствія, но взиманіе его пришлось бы организовать на иныхъ началахъ.

№ 106.

Москва, 15-го апрѣля.

Во главѣ новаго министерства въ Англіи станетъ г. Гладстонъ: это уже фактъ. Всѣ сомнѣнія о премьерствѣ основывались съ самаго начала не столько на нежеланіи г. Гладстона участвовать въ управленіи,—нежеланіи выраженномъ имъ публично въ 1874 году.—сколько на личномъ нерасположеніи къ нему королевы Викторіи. Королева была раздражена противъ вождя вигской партіи вслѣдствіе напечатанной имъ въ прошедшемъ году статьи, въ которой онъ указывалъ на замѣчаемое въ послѣдніе годы расширеніе прерогативъ короны и возставалъ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ противъ титула императрицы Индіи присвоеннаго королевѣ. Сверхъ того, г. Гладстонъ въ той же статьѣ не совсѣмъ одобрительно отозвался о покойномъ принцѣ Альбертѣ, супругѣ королевы, основываясь на біографіи принца, изданной въ пяти томахъ г. Мартиномъ при участіи и содѣйствіи королевы. Обнародованная въ этой біографіи подлинная переписка принца Альберта съ разными европейскими вѣнценосцами, въ особенности съ прусскимъ принцемъ-регентомъ, теперешнимъ германскимъ императоромъ, изъ которой явствуетъ что принцъ-супругъ игралъ весьма важную и вліятельную роль во всѣхъ выдающихся политическихъ событіяхъ Европы и велъ непосредственные дѣятельные переговоры съ иностранными державами, помимо отвѣтственныхъ министровъ и часто безъ вѣдома послѣднихъ, послужило для г. Гладстона подкрѣпленіемъ его аргументовъ, а это вдвойнѣ возстановило противъ него королеву, такъ какъ она еще менѣе переноситъ критику направленную противъ ея покойнаго супруга чѣмъ противъ нея лично

Но ни маркизъ Гартингтонъ, ни лордъ Гранвилль, къ коимъ первоначально обратилась королева Викторія, не рѣшились принять порученіе составить кабинетъ, и королева поставлена была въ необходимость возложить главное управленіе страной на того государственнаго человѣка которому принадлежитъ самая выдающаяся роль въ послѣднемъ политическомъ кризисѣ и который, такъ или иначе, не могъ бы уклониться отъ первенствующаго участія въ дальнѣйшемъ ходѣ событій. Требовалось чтобы главный двигатель оппозиціи, г. Гладстонъ, принялъ на себя и главную отвѣтственность за дальнѣйшую политику правительства.

Замѣчательно что по мѣрѣ того какъ стали возрастать шансы премьерства г. Гладстона европейская печать вновь стала обнаруживать большую тревогу по поводу восточныхъ дѣлъ, и даже европейскія биржи отозвались на послѣднія извѣстія изъ Лондона пониженіемъ курсовъ. Берлинская печать не скрываетъ своего недовольства по этому поводу. Но австро-венгерская печать волнуется больше всѣхъ. Лондонскій корреспондентъ *Новой Свободной Прессы* прямо обратился съ письменными запросами къ лорду Гранвиллю и къ г. Гладстону, требуя отъ нихъ категорическихъ отвѣтовъ. Корреспондентъ сообщаетъ что министерство Гладстона, по его мнѣнію, „равносильно возбужденію вновь тѣхъ вопросовъ которые считались окончательно разрѣшенными Берлинскимъ конгрессомъ.“ На этомъ основаніи, онъ счелъ себя въ правѣ спросить лорда Гранвилля и г. Гладстона „считаютъ ли они окончательнымъ теперешнее состояніе Босніи и Герцеговины, и допустятъ ли они возсоединеніе Восточной Румеліи съ Болгаріей?“ Будущіе англійскіе министры не сочли однако удобнымъ подчиниться этому новому способу „интерпелляціи,“ и на докучные вопросы представителя вѣнскаго листка не дали никакого опредѣленнаго отвѣта Но отъ

лицъ близко стоящихъ къ г. Гладстону корреспондентъ узналъ что онъ „замышляетъ образованіе на Балканскомъ полуостровѣ союза мѣстныхъ племенныхъ государствъ, съ исключеніемъ изъ онаго Австріи.“ Отъ самаго же г. Гладстона корреспондентъ получилъ отвѣтъ въ коемъ указывалось на рѣчь произнесенную имъ во время выборовъ въ Мидлотіанѣ (избирательный округъ въ Эддинбургѣ, гдѣ Гладстонъ одержалъ блистательную побѣду надъ торійскимъ кандидатомъ). Въ этой рѣчи г. Гладстонъ формуловалъ будущую иностранную политику въ слѣдующихъ пяти пунктахъ, которые хотя не отличаются ясностью, не могли однако придтись по вкусу австрійскому вопросителю: 1) Могущество Англіи слѣдуетъ возвысить экономіей внутри, а издержки по внѣшнимъ дѣламъ должны ограничиться лишь великими и достойными Англіи цѣлями. 2) Блага мира должны быть оберегаемы для всѣхъ, но особенно для христіанскихъ народовъ. 3) Слѣдуетъ сохранить всячески согласіе европейскихъ державъ. 4) Англія должна избѣгать всякихъ соглашеній могущихъ повести къ замѣшательствамъ. 5) Должна быть признана равноправность всѣхъ національностей. Нѣкоторымъ комментаріемъ къ этой программѣ служитъ то что въ той же рѣчи г. Гладстонъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ нападалъ на лорда Биконсфильда за то что тотъ своею политикой посѣялъ вражду къ Англіи въ славянскихъ племенахъ Балканскаго полуострова стремящихся къ свободѣ и независимости.

Другая, и притомъ офиціозная вѣнская газета, *Fremdenblatt*, принимая къ свѣдѣнію всѣ эти сообщенія, взираетъ съ безпокойствомъ на будущій ходъ дѣлъ на Востокѣ и полагаетъ что въ виду неизвѣстности возникающей вновь при перемѣнѣ министерства въ Англіи, Австріи остается лишь одно, а именно: еще тѣснѣе скрѣпить свой союзъ съ Германіей. Къ этому вѣнская газета присовокупляетъ что англійскіе либералы, сами того не сознавая, дѣйствуютъ на руку Россіи, ибо лозунгъ „Балканскій полуостровъ для Балканскихъ народовъ“ соотвѣтствуетъ де болѣе всего ея желаніямъ. А по мнѣнію вѣнскихъ газетъ ужь само собою разумѣется что то что соотвѣтствуетъ желаніямъ Россіи не можетъ не вызвать противодѣйствія „Европы.“

Послушаемъ однако что толкуютъ англійскія газеты, которыя во всякомъ случаѣ лучше знаютъ чего можно ожидать и чего опасаться отъ предстоящей перемѣны британскаго правительства. Газета *Times* не оставила безъ вниманія опасенія за судьбу Берлинскаго трактата, высказываемыя континентальною печатью. „Всѣ эти тревоги,“ замѣчаетъ лондонская газета, „возникли потому что партія г. Гладстона своимъ прошедшимъ образомъ дѣйствій подала сильный поводъ къ теперешнимъ сомнѣніямъ. Неудивительно что чужіе народы приняли болѣе серіозно чѣмъ слѣдуетъ яростныя нападки оппозиціи въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ на образъ дѣйствій англійскаго правительства.“ Но лондонская газета отнюдь не раздѣляетъ этихъ опасеній. Она лишь смущается при мысли о томъ что могутъ слишкомъ укорениться невѣрныя понятія о будущей политикѣ либеральнаго министерства, понятія вытекающія изъ сужденій о взглядахъ которые оно высказывало когда находилось въ оппозиціи. Поэтому она рекомендуетъ будущему министру иностранныхъ дѣлъ избѣжать всякихъ недоразумѣній на этотъ счетъ. Не должно де оставаться никакого сомнѣнія въ томъ что Берлинскій трактатъ будетъ и впредь поддерживаться Англіей. „То что новые министры говорили находясь въ оппозиціи будетъ преслѣдовать ихъ теперь какъ вполнѣ ими заслуженная Немезида, и имъ придется много стараться дабы разсѣять укоренившіяся заблужденія. Но мы увѣрены что они слишкомъ хорошо сознаютъ какимъ нареканіямъ подверглись бы они еслибы допустили вновь оживиться тѣмъ смутамъ которыя такъ недавно успокоены, и нѣтъ сомнѣнія что они дадутъ ясно понять всей Европѣ что политика къ которой обязалась эта страна будетъ и впредь съ твердостью поддержана.“

Въ другомъ мѣстѣ *Times* припоминаетъ что по словамъ г. Гладстона его политика по отношенію къ Восточному вопросу резюмируется въ словахъ „руки прочь!“ и что онъ „та собака которая лаетъ.“ Но только лаять недостаточно, а нужно умѣть и кусаться; а потому лондонская газета совѣтуетъ избѣгать всего того что можетъ возобновить англійскій лай на востокѣ, дабы не сдѣлаться смѣшными вслѣдствіе неспособности кусаться, или чтобы не впутаться въ новыя затрудненія, благо прежнія устранены Берлинскимъ трактатомъ.

Итакъ „сохраненіе Берлинскаго трактата," вотъ тотъ лозунгъ который, по компетентному мнѣнію англійской руководящей газеты, останется и впредь основой англійской политики. Мы съ самаго начала склонялись болѣе къ этому мнѣнію нежели къ тому которое порождаетъ столь преувеличенныя опасенія въ нашихъ добрыхъ друзьяхъ въ Вѣнѣ.

107.

Москва, 16-го апрѣля.

А.

Не успѣлъ затихнуть въ извѣстной части нашей печати гамъ вызванный судебнымъ разбирательствомъ 5-го февраля дѣла г. Булюбаша въ камерѣ одного изъ кременчугскихъ мировыхъ судей, какъ уже начался въ той же печати новый походъ противъ того же лица по поводу пересмотра его дѣла 1-го апрѣля въ Кременчугскомъ мировомъ съѣздѣ. Восторженныя рукоплесканія привѣтствуютъ судей приговорившихъ этого зловреднаго предсѣдателя Кременчугской земской управы къ тюрьмѣ. Всяческими поруганіями преслѣдуется подсудимый постигнутый ихъ приговоромъ. Имя его изо дня въ день безнаказанно волочится въ грязи и мерзости газетныхъ фельетоновъ. Онъ, какъ нѣкогда г. Цитовичъ за брошюры противъ нигилизма, in effigie выставленъ у позорнаго столба и преданъ сожженію...

Присутствуя при этой ежедневно совершаемой казни, невольно спрашиваешь себя: чѣмъ же вызвалъ г. Булюбашъ противъ себя такую злобу, чѣмъ оскорбилъ законъ и общество, какимъ злодѣяніемъ возмутилъ его совѣсть?

Недавно въ Москвѣ судилась Прасковья Качка, совершившая дѣйствительно одно изъ тягчайшихъ преступленій, она убила человѣка. Но ни убійца, ни самое убійство не вызвали ни малѣйшаго негодованія; напротивъ, къ нимъ отнеслись съ сочувствіемъ, а негодованіе навлекли на себя судьи трактовавшіе убійцу не съ тою степенью благосклонности какая требуется Дополнительное слѣдствіе при закрытыхъ дверяхъ, котораго потребовалъ судъ, было выставлено въ печати какъ безнравственный, позорный актъ насилія, напоминающій „застѣнки." Негодованіемъ было встрѣчено и то обстоятельство что Качка, по оправданіи ея въ убійствѣ, не была отпущена на всѣ четыре стороны, но, въ огражденіе людей которыхъ она могла бы убить въ припадкахъ унаслѣдованной ею отъ родителей душевной болѣзни, препровождена въ лѣчебницу для душевнобольныхъ.

Судились минувшею осенью въ Петербургѣ люди дававшіе убѣжище Мирскому послѣ сдѣланнаго имъ покушенія на жизнь бывшаго шефа жандармовъ. Укрывательство преступника никому, однако, не показалось дѣломъ возмутительнымъ.

Судилась Вѣра Засуличъ .. Но ея преступленіе выставлялось какъ гражданскій подвигъ, за который она и была награждена восторженными овваціями.

Но вотъ, судится заочно предсѣдатель Кременчугской земской управы. Онъ никого не убилъ, ни въ кого не стрѣлялъ, никакихъ преступленій не совершалъ и не укрывалъ, и однако все возстало противъ него, онъ предается анаѳемѣ. Что же онъ сдѣлалъ?

На наклеиваніе революціонныхъ прокламацій могутъ быть разные взгляды. Въ Кіевѣ недавно военный судъ строго покаралъ виновныхъ въ такомъ преступленіи. Въ другихъ городахъ могутъ полагать что людей распространяющихъ прокламаціи не только не нужно разыскивать, но не слѣдуетъ подвергать ихъ суду даже въ томъ случаѣ еслибъ они были пойманы на мѣстѣ преступленія. Г. Булюбашъ полагалъ что въ настоящее время, послѣ цѣлаго ряда злодѣйскихъ покушеній какими ознаменовала свою дѣятельность преступная крамола, честнымъ людямъ не слѣдуетъ держать нейтралитетъ между ею и государствомъ въ нѣдрахъ котораго она завелась. При первой же встрѣчѣ съ мѣстнымъ жандармскимъ офицеромъ, 15-го декабря, г. Булюбашъ заговорилъ съ нимъ о происшествіи минувшей ночи, и указалъ на лицъ которыя съ наибольшею вѣроятностью могутъ быть заподозрѣны въ наклейкѣ прокламацій.

Ни къ какимъ послѣдствіямъ сдѣланное имъ заявленіе не повело. Никакого разслѣдованія въ указанномъ г. Булюбашемъ направленіи сдѣлано не было. Кто наклеивалъ прокламаціи осталось неизвѣстнымъ. Можетъ-быть прокламаціи сами себя наклеили. Указанныя г. Булюбашемъ лица

никѣмъ потревожены не были. Они, какъ сообщаютъ въ газетахъ, „не только не были подвергнуты обыску, ихъ даже ни о чемъ не сочли нужнымъ спросить, ни жандармскій офицеръ, ни полиція; они не были привлечены ни къ какому слѣдствію или дознанію; никакихъ мѣръ относительно ихъ принято не было.

Проходитъ около мѣсяца. 11-го января г. Булюбашъ пріѣзжаетъ въ Кременчугскій Коммерческій Банкъ и встрѣчаетъ тамъ дворянина Мальшинскаго, который обращается къ нему съ вопросомъ „какое онъ имѣлъ столкновеніе на улицѣ съ жандармскимъ офицеромъ.“ Г. Булюбашъ отвѣчалъ что онъ дѣлалъ „заявленіе что прокламаціи были привезены въ Кременчугъ Зеньковскою, а расклеены по улицамъ города Несвицкимъ и Клячинымъ.“ Этотъ разказъ г. Булюбаша, вызванный обращеннымъ къ нему вопросомъ, слышалъ, кромѣ г. Мальшинскаго, еще поручикъ Остроградскій.

Въ вышеизложенномъ заключается весь corpus delicti г. Булюбаша, въ полномъ его объемѣ. Вотъ за что̀ приговоренъ онъ къ шестинедѣльному аресту. Сходятъ съ рукъ людямъ преступные выстрѣлы и укрывательство злодѣевъ, сходятъ съ рукъ убійства, но опасно, въ виду взявшей силу крамолы, не держаться пословицы „моя хата съ краю,“ и опасно также отвѣчать на иные вопросы...

11-го января г. Булюбашъ имѣлъ разговоръ съ гг. Мальшинскимъ и Остроградскимъ, а черезъ полторы недѣли 22-го января, выставляя свидѣтелями означенныхъ Мальшинскаго и Остроградскаго, Несвицкій и Клячинъ обратились къ мировому судьѣ съ обвиненіемъ г. Булюбаша въ клеветѣ и съ просьбой наказать его, „такъ какъ обвиненіе взводимое противъ нихъ Булюбашемъ, какъ лицъ состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, могло отразиться для нихъ весьма тяжелыми послѣдствіями.“ 24-го января къ ихъ прошеніямъ присоединилось прошеніе подвергнуть г. Булюбаша взысканію, поданное отцомъ Зеньковской, представившимъ въ послѣдствіи, какъ сообщаютъ въ газетахъ, свидѣтельство кіевской полиціи о томъ что его дочь не состоитъ подъ надзоромъ, и что неблагопріятныхъ данныхъ о ней у кіевской полиціи не имѣется. Прошенія приняты, и просителямъ дано полное удовлетвореніе. Мировымъ судьей г. Булюбашъ приговоренъ заочно къ тяжкому наказанію, и приговоръ этотъ утвержденъ мировымъ съѣздомъ съ особою помпой. На съѣздѣ, какъ пишутъ въ газетахъ, дѣло г. Булюбаша разсматривалось „съ необычною торжественностью,“ въ присутствіи десяти судей, при переполненной публикой залѣ суда, въ которую допускались лишь по билетамъ...

Торжество лицъ заподозрѣнныхъ г. Булюбашемъ въ наклеиваніи прокламацій далѣе идти не можетъ, и имъ чтобы подняться еще выше остается лишь оказать милость поверженному во прахъ противнику. По газетнымъ слухамъ, Несвицкій, Клячинъ и Зеньковская хотятъ подать въ съѣздъ заявленіе что они довольствуются приговоромъ, и не настаивая на его исполненіи прощаютъ г. Булюбаша.

Тяжелое впечатлѣніе производитъ вся эта комедія, гораздо болѣе тяжелое чѣмъ надѣлавшая въ свое время столько шума исторія съ г-жею Енкенъ, которая была обругана своей горничной и присуждена за то къ десятидневному аресту въ арестантскомъ домѣ, при рукоплесканіяхъ той же развращенной *богемы* которая рукоплещетъ теперь осужденію г. Булюбаша.

Онъ осужденъ потому что заявленныя имъ подозрѣнія могли худо отозваться на указанныхъ имъ лицахъ; но онъ осужденъ еще болѣе потому что его заявленія никакими послѣдствіями для этихъ лицъ не сопровождались...

Б.

Послѣдній политическій процессъ въ Москвѣ снова обнаружилъ фактъ уже извѣстный изъ прежнихъ процессовъ: шестнадцатилѣтніе мальчики,—не недоучки выброшенные изъ учебныхъ заведеній, но пребывавшіе въ школѣ,—попали въ разрядъ государственныхъ преступниковъ, сидѣли въ тюрьмѣ, находились три года подъ слѣдствіемъ и признаны по суду если не оправданными, то подлежащими исправительному наказанію въ родѣ карцера, которымъ казалось бы слѣдовало не кончить, а начать...

№ 109.

Москва, 18-го апрѣля.

Три недѣли тому назадъ, 27 марта происходило нареченіе начальника нашей ду-

ховной миссіи въ Японіи, отца архимандрита Николая, во епископа Ревельскаго, викарія Рижской епархіи. Нынѣ находится онъ въ Москвѣ, озабоченный сборомъ пожертвованій и пріисканіемъ средствъ для удовлетворенія духовныхъ нуждъ своей паствы и для продолженія своего апостольскаго подвига на дальнемъ Востокѣ.

Скоро минетъ двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ онъ посвятилъ себя этому подвигу. Поѣхалъ онъ въ Японію „съ мыслію узнать, благонадежна ли страна для насажденія вѣры Христовой," и страна оказалась благонадежною свыше ожиданій. Когда въ 1861 году прибылъ въ Японію іеромонахъ Николай Касаткинъ, на мѣсто священника въ православной церкви устроенной за два года предъ тѣмъ при русскомъ консульствѣ въ Хакодате, никто не имѣлъ и отдаленной мысли о возможности успѣшнаго распространенія православія между Японцами. Не было даже сколько-нибудь серіозныхъ предположеній объ учрежденіи въ Японіи православной миссіи, хотя миссіонеры другихъ христіанскихъ исповѣданій, ранѣе насъ приступившіе къ пропагандѣ, уже имѣли тамъ послѣдователей. Самъ отецъ Николай не торопился приступать къ миссіонерской дѣятельности, занимаясь пріуготовленіемъ себя къ этому великому дѣлу. Цѣлыя восемь лѣтъ посвятилъ онъ изслѣдованію почвы гдѣ предстояло ему сѣять евангельскую проповѣдь, изученію языка, исторіи, религіозныхъ вѣрованій и литературы Японцевъ, и переводамъ на японскій языкъ нѣкоторыхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Наконецъ, въ 1869 году, отецъ Николай прибылъ въ Россію ходатайствовать объ открытіи въ Японіи русской духовной миссіи.—Сколько же тамъ православныхъ христіанъ? спросили его.—Только трое, могъ онъ сказать; но къ этому отвѣту онъ уже присовокуплялъ съ глубокою вѣрой что чѣмъ болѣе знакомился онъ со страной, „тѣмъ болѣе убѣждался что очень близко время когда слово Евангелія громко раздастся тамъ и быстро пронесется изъ конца въ конецъ Имперіи." Онъ не обманулся въ своей увѣренности. Десять лѣтъ назадъ было только трое Японцевъ принявшихъ православіе, въ 1875 году ихъ было уже около 500, 16 марта 1876 числилось ихъ болѣе тысячи, лѣтомъ 1878 года число это возрасло до 4.115, а нынѣ число православныхъ Японцевъ уже болѣе шести тысячъ. Такъ растетъ японская православная паства, и вмѣстѣ съ тѣмъ множится въ ней число людей посвящающихъ себя дѣлу евангельской проповѣди. Лѣтомъ 1878 года считалось уже 6 священниковъ и 78 проповѣдниковъ (27 катехизаторовъ и 51 катехизаторскихъ помощниковъ) изъ Японцевъ трудившихся о распространеніи и утвержденіи православія въ Японіи.

Замѣчательны результаты достигнутые въ немного лѣтъ Русскою православною миссіей въ Японіи, и тѣмъ замѣчательнѣе чѣмъ ограниченнѣе были средства какими эта миссія могла располагать. Они не могутъ идти въ сравненіе съ тѣми какими располагаетъ католическая и протестантская пропаганда, начавшаяся задолго до основанія нашей миссіи, какъ только иностранцамъ открытъ былъ доступъ въ Японію. По адресъ-календарю изданному къ началу 1878 года, состояло въ Японіи: католическихъ епископовъ 3, патеровъ-миссіонеровъ 33, сестеръ милосердія 13; протестантскихъ: епископъ 1, миссіонеровъ разныхъ сектъ (преимущественно епископальной) 69, миссіонерокъ 29, итого 148 (не считая патеровъ, пасторовъ и катехизаторовъ изъ Японцевъ) и число это затѣмъ значительно увеличилось А какъ великъ личный составъ нашей миссіи? Возвратившись въ Японію, въ концѣ 1870 года, начальникомъ новооткрытой, но еще не сформированной миссіи, отецъ Николай цѣлый годъ долженъ былъ трудиться одинъ, безъ помощниковъ. Лишь въ 1871 году отправился на помощь ему миссіонеръ іеромонахъ Анатолій, а мѣста остальныхъ двухъ полагавшихся по штату миссіонеровъ оставались незанятыми до осени 1874 года, да и въ послѣдстіи миссія подолгу пребывала не въ полномъ составѣ; одно изъ четырехъ миссіонерскихъ мѣстъ по годамъ оставалось вакантнымъ, не говоря уже о томъ что новоприбывавшіе миссіонеры, при всемъ усердіи къ дѣлу своего служенія, не могли на первыхъ порахъ много содѣйствовать ему уже по одному незнанію Японскаго языка и условій мѣстной жизни. И что же? Все сдѣланное цѣлою арміей католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ менѣе достигнутаго двумя, тремя православными миссіонерами, гораздо позднѣе вышедшими на дѣло проповѣди. Число католическихъ и протестантскихъ христіанъ въ Японіи (за исключеніемъ католиковъ

на Кіусіу—возобновленнаго остатка христіанства бывшаго тамъ въ шестнадцатомъ столѣтіи), въ совокупности, гораздо менѣе числа христіанъ православныхъ.

Поразительны численные успѣхи православной проповѣди въ Японіи, но еще бо́льшаго вниманія заслуживаетъ сила религіознаго убѣжденія новопросвѣщенныхъ, не разъ обнаружившаяся въ случаяхъ гоненія среди языческаго міра. Намъ приводилось не разъ сообщать о подобныхъ случаяхъ и въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*; еще болѣе сообщалось о томо же въ *Миссіонерѣ*; нѣсколько подобныхъ случаевъ приведено и въ послѣднемъ донесеніи начальника Японской миссіи совѣту Православнаго Миссіонерскаго Общества. Читая простые разказы изъ жизни многихъ новообращенныхъ христіанъ въ Японіи, невольно переносишься мыслію въ первые вѣка христіанства. Памятенъ случай бывшій въ 1872 году въ Сендаѣ: восемь наиболѣе ревностныхъ христіанъ были тамъ заключены въ тюрьму, и до 120 человѣкъ были потребованы къ допросу; были допрашиваемы многіе еще не просвѣщенные крещеніемъ; были допрашиваемы десяти и двѣнадцатилѣтнія дѣти,—и даже отъ женъ и малыхъ дѣтей не слышалось на этихъ допросахъ ни слова слабодушія и страха. Памятна исторія перваго священника изъ Японцевъ, Павла Савабе. Это былъ ученый, враждебный христіанству бонза, жрецъ, при кумирнѣ, жившій въ довольствѣ и избыткѣ, и вотъ этотъ бонза, перейдя въ христіанство, безъ сожалѣнія отказывается отъ своего обезпеченнаго состоянія, обрекаетъ себя и свою семью нуждамъ, лишеніямъ и бѣдствіямъ, живетъ съ семьей въ ветхой и темной кладовой, подвергается неоднократно тяжкому тюремному заключенію за обращеніе въ христіанство и послѣ каждаго гоненія, съ новою силой принимается за евангельскую проповѣдь. Примѣръ Павла Савабе не единственный. И въ отчетахъ миссіи, и въ письмахъ изъ Японіи, часто встрѣчаются извѣстія о заключеніи въ тюрьму катехизаторовъ, объ отнятіи должностей и вмѣстѣ средствъ существованія у чиновниковъ принявшихъ христіанство, объ истязаніяхъ какимъ подвергаются принявшіе христіанство юноши и дѣвицы отъ своихъ остающихся въ язычествѣ родственниковъ, объ изгнаніяхъ изъ дома, о лишеніяхъ наслѣдства. „Нынѣ,“—читаемъ въ послѣднемъ рапортѣ начальника миссіи, „преслѣдованіямъ отъ сосѣдей подвергаются всѣ христіане въ Акита и Вакаяма; озлобленные язычники, подстрекаемые бонзами, злословятъ ихъ, всячески притѣсняютъ, грозятся разрушить или сжечь ихъ домы; и дѣйствительно, иногда, собравшись толпою, врываются въ домы во время катехизацій, ломаютъ и бьютъ все, пока подоспѣвшая полиція не остановитъ безпорядки и насилія.“ Но всѣ эти и подобныя имъ гоненія и притѣсненія ведутъ лишь къ утвержденію и распространенію христіанства. Приведемъ изъ вышеупомянутаго рапорта одинъ характеристическій въ этомъ отношеніи случай бывшій съ крестьяниномъ Петромъ Сато: „На его землѣ стоялъ небольшой храмъ съ древнимъ идоломъ, бывшимъ въ большомъ уваженіи по всей округѣ. Петръ, сдѣлавшись христіаниномъ, не могъ выносить чтобы на собственной его землѣ былъ притонъ суевѣрія, и потому, собравшись съ мѣстными христіанами, разрушилъ храмъ и изрубилъ въ щепки идола. Онъ еще не успѣлъ докончить послѣдней работы какъ сбѣжавшіеся язычники напали на него и избили почти до смерти, затѣмъ подали на него жалобу и полтора года таскали по судамъ разныхъ инстанцій. Кончилось, однако, тѣмъ что Петра оправдали, а враговъ его обвинили за самоуправство съ нимъ; впрочемъ, изъ враговъ бо́льшая часть въ теченіи суда успѣли сдѣлаться христіанами и братьями Петру.“

Кромѣ твердости въ вѣрѣ, не мало и другихъ чертъ изъ жизни новообращенныхъ японскихъ христіанъ переносятъ насъ во времена апостольскія. „Христіанство,“ читаемъ въ донесеніи, — „тѣми кто принимаетъ его, принимается вполнѣ и возможно полно осуществляется. Учится напримѣръ что какъ можно чаще нужно испытывать свою совѣсть и обновляться душой въ таинствахъ покаянія и причащенія Св. Таинъ, и христіане исповѣдуются и причащаются не однажды въ годъ и не четыре раза, по числу постовъ, а дѣйствительно такъ часто какъ кто только имѣетъ физическую возможность: каждое воскресенье здѣсь бываетъ толпа исповѣдниковъ и причастниковъ. Учится что посты нужно соблюдать и посты дѣйствительно соблюдаются въ такой степени что если человѣкъ не можетъ лишить себя мяса или рыбы потому что и безъ того никогда не ѣстъ

ихъ, то лишаетъ себя завтрака, ужина, или чаю, табаку и т. п. Учится что молитва за умершихъ спасительна для умершихъ и христіане послѣ обѣдни, кто только видитъ приготовленіе къ паннихидѣ, всѣ остаются молиться за умершаго къ какому бы приходу онъ ни принадлежалъ; смерть же въ своемъ собственномъ приходѣ принимается точно смерть въ семьѣ: всѣ кто только можетъ непремѣнно собираются проводить умершаго и помолиться за него; къ совершенію таинства бракосочетанія въ церкви собираются всѣ, кто только замѣтитъ вывѣшенное при церкви объявленіе объ имѣющемся быть вѣнчаніи. Учится что надо помогать бѣднымъ, и между христіанами заброшенныхъ бѣдныхъ, безпріютныхъ, вдовъ и сиротъ положительно нѣтъ; что надо посѣщать больныхъ, и для больнаго христіанина весь приходъ его, малъ или великъ онъ, дѣйствительно какъ родная семья; въ госпиталяхъ, гдѣ христіанамъ случается лежать, для язычниковъ всегда составляетъ предметъ изумленія отчего къ такому-то больному ходятъ такъ много и заботятся о немъ такъ усердно; „должно быть это важный человѣкъ,“думаютъ они... Усердіе христіанъ къ вѣрѣ выражается и въ томъ что самая проповѣдь не есть дѣло личное однихъ катехизаторовъ, а всей церкви; въ каждомъ приходѣ христіане избираютъ между собою старость, дѣло которыхъ преимущественно состоитъ въ томъ чтобы расширять для катехизаторовъ кругъ знакомства, находить и приводить къ нимъ новыхъ слушателей; но кромѣ старость и всякій христіанинъ и христіанка считаютъ своею обязанностію дѣлать то же. Побуждаемые тѣмъ же усердіемъ, христіане коль скоро число ихъ увеличивается до нѣсколькихъ десятковъ, тотчасъ заботятся о построеніи храма, причемъ обыкновенно разчитывается и на устройство при храмѣ помѣщенія для катехизатора или священника. Такъ въ Преображенской церкви, безъ всякаго участія миссіи, кромѣ разсмотрѣнія и одобренія плановъ, построены уже два храма: въ Такасимидзу и Санумѣ, и устроены молитвенные домы въ разныхъ другихъ городахъ; съ нѣкоторымъ участіемъ миссіи построены церкви въ Сендаѣ и Моріокѣ, безъ всякаго участія въ Сано, Одавара и Хачинохе. Усердствуютъ христіане и въ попеченіи о содержаніи своихъ катехизаторовъ и священниковъ. Въ Преображенской церкви христіане по деревнямъ отдѣлили отъ своихъ полей небольшіе участки и сообща обрабатываютъ ихъ; деньги же, вырученныя за продажу плодовъ, или плоды въ натурѣ обращаютъ на содержаніе катехизаторовъ и священниковъ; въ другихъ мѣстахъ христіане прямо жертвуютъ деньгами; словомъ, вездѣ дѣлаютъ что могутъ. Такъ однажды жена священника Павла Савабе, бесѣдуя съ православными христіанками, упомянула что нужно завести священную утварь: христіанки, которыя имѣли, тотчасъ же сняли съ себя головныя серебряныя украшенія, другія принесли изъ домовъ, и, собравъ все въ кучу, сдали отцу Павлу, прося позаботиться объ отливкѣ священной утвари...“

При всей ревности къ церкви новопросвѣщенныхъ японскихъ христіанъ, при всей ихъ готовности на жертвы и лишенія, миссія собственныхъ матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія всѣхъ своихъ существенныхъ потребностей не имѣетъ. Юной японской церкви необходима пока дѣятельная поддержка, и въ настоящій моментъ, когда она получила необходимаго ей архипастыря, болѣе чѣмъ когда-либо. Нужно умноженіе числа миссіонеровъ, нужно правильное обезпеченіе главныхъ учрежденій миссіи: катехизаторскаго училища, семинаріи, женскаго училища и т. д.; требуется сооруженіе въ Токіо каѳедральнаго собора; необходима до времени матеріальная поддержка людей посвящающихъ себя дѣлу проповѣди. На удовлетвореніе подобныхъ нуждъ, обозначавшихся уже давно, миссія не имѣла опредѣленныхъ средствъ. Однако благодаря неопредѣленнымъ и случайнымъ пожертвованіямъ, миссія имѣла все же возможность вести свое дѣло съ постепеннымъ расширеніемъ его, безъ перерывовъ и задержекъ. Не осталась миссія безъ помощи изъ Россіи даже въ ту недавнюю эпоху когда благотворительность Русскаго народа была почти исключительно направлена въ иную сторону зрѣлищемъ бѣдствій, страданій, слезъ и крови соплеменныхъ и единовѣрныхъ намъ христіанскихъ населеній Балканскаго полуострова. И при такихъ обстоятельствахъ, Японская миссія не была забыта, и не оскудѣвала оказываемая ей помощь. Да не оскудѣетъ же она нынѣ, при болѣе благопріятныхъ для пожертвованій условіяхъ и при большей въ нихъ

нуждѣ самой Японской церкви, для которой, съ прибытіемъ къ ней архипастыря, наступаетъ новая эра благоустроенія во всей полнотѣ канонической іерархіи, недостатокъ коей донынѣ много задерживалъ успѣшность ея развитія.

Японіи предстоитъ значительная будущность; въ этомъ кажется нельзя сомнѣваться. Тѣмъ большее значеніе имѣетъ обнаруживаемая нынѣ Японцами наклонность къ принятію именно православія. „Жизнь человѣческая," говоритъ предстоятель и насадитель Японской церкви въ статьѣ *Японія и Россія*, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ журнала *Древняя и Новая Россія*, —„по преимуществу жизнь духа, и только въ области духовной могутъ быть связаны и отдѣльные люди, и цѣлые народы истинно прочною связью. Въ этомъ отношеніи духовная миссія, преслѣдующая и обязанная преслѣдовать только духовныя, никакъ не мірскія цѣли, имѣетъ тѣмъ не менѣе и важное политическое значеніе. Счастлива будетъ Японія, если она, помимо католичества и протестантства, прямо приметъ истинное христіанство. Избѣжитъ она и папскаго гнета, и вмѣшательства въ государственныя дѣла ея, избѣжитъ и протестантскаго дробленія, и вновь религіознаго разложенія на подобіе того какое она переживаетъ нынѣ... Желательно и для Россіи чтобы сосѣдка ея сдѣлалась единовѣрною ей. Это несомнѣнно закрѣпитъ самую прочную связь между двумя народами, и дастъ имъ возможность многіе и многіе вѣка идти рука объ руку во взаимной дружбѣ, всегда взаимно помогая и охраняя другъ друга."

№ 112.

Москва, 23-го апрѣля.

На дняхъ телеграфное *Агентство Вольфа* весьма лаконически изложенною депешей изъ Берлина сообщило что рейхстагъ, при поименномъ голосованіи, отклонилъ предложеніе объ островахъ Самоа, несмотря на энергическія усилія статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ Гоэнлоэ и коммиссаровъ Куссерова и Рёло, доказывавшихъ важное торгово-политическое значеніе финансовой поддержки акціонерному „товариществу Южно-Океанской торговли," которое должно было принять въ свои руки дѣла обанкрутившагося торговаго дома Годефруа. Въ полученныхъ теперь нумерахъ германскихъ газетъ находимъ полный отчетъ объ этомъ засѣданіи (27 апрѣля) и цѣлый рядъ статей вызванныхъ рѣшеніемъ палаты и досказывающихъ то о чемъ лишь намекали въ парламентѣ правительственные ораторы.

Правительство придавало весьма большое значеніе отвергнутой палатою мѣрѣ, смотрѣло на нее какъ на „важное звено въ цѣломъ ряду усилій направленныхъ къ развитію германской торговли и мореплаванія въ водахъ Австраліи, усилій потребовавшихъ не малыхъ матеріальныхъ пожертвованій и не оставшихся безплодными." Торговые трактаты съ Гаваи и Тонга, учрежденіе консульствъ въ разныхъ пунктахъ Австраліи, все это было началомъ „разумной и энергической" колоніальной политики, имѣющей для Германіи особенное значеніе „въ виду необычайно усиливающейся эмиграціи." Дѣйствительно, въ послѣднія семь лѣтъ изъ Германіи переселилось въ Америку около *полумилліона* человѣкъ; „люди эти теперь потеряны для родины," замѣчаетъ близкая къ имперскому канцлеру берлинская *Post*, прибавляя что „было бы совершенно иначе еслибы вся эта масса переселенцевъ, группируясь за Океаномъ въ *нѣмецкихъ* торговыхъ и земледѣльческихъ колоніяхъ, оставалась въ связи и въ сношеніяхъ со своимъ отечествомъ." Къ этой цѣли и вели тѣ мѣры, въ ряду которыхъ „важнымъ звеномъ" являлась поддержка акціонерной компаніи на островахъ Самоа, съ обширными плантаціями и „необозримо широкимъ кругомъ дѣятельности" на перепутьи между Австралійскимъ материкомъ и „дружественными владѣніями" на островахъ Гаваи.

Противники правительственной политики взглянули на дѣло иначе: торговлю Германіи съ Австраліей они признали ничтожною, а учрежденіе колоніи на островахъ Самоа даже политически опаснымъ. „Мы съ нашими ничтожными морскими средствами," говорилъ, напримѣръ, депутатъ Лёве, „вторгаемся между Англіей и Америкой. Насъ нѣкоторое время, какъ незваннаго третьяго, будутъ терпѣть, но въ случаѣ столкновенія, что сдѣлаетъ нашъ флотъ, долго ли мы провладѣемъ нашими колоніями? Во избѣжаніе столкновеній слѣдуетъ отстраниться отъ такой политики."

„Напрасно думаютъ," прибавилъ ораторъ, „что на австралійскіе острова бросятся нѣмецкіе поселенцы: что они будутъ тамъ дѣлать? неужели они не найдутъ болѣе выгодныхъ для себя мѣстъ?"

Эти доводы не были оставлены сторонниками правительственнаго предложенія безъ сильныхъ возраженій. „Г. Лёве боится за нашъ флотъ въ случаѣ столкновенія съ Американцами и Англичанами въ Австраліи," говорилъ депутатъ Гоэнлоэ-Лангенбургъ, „но еслибы мы постоянно думали только о тѣхъ опасностяхъ съ которыми можемъ столкнуться, то конечно никогда и нигдѣ не сдѣлали бы ровно ничего. Развѣ не грозили намъ опасностями въ случаѣ столкновенія съ Франціей, но оно разрѣшилось нашею побѣдой. Мы показали что Германія достаточно сильна чтобъ оборонять себя. Еслибъ Америка или Англія вздумали оспаривать наши справедливыя притязанія въ пользу нашей торговли, мы, конечно, вынуждены были бы обороняться; я убѣжденъ что Германія сумѣла бы постоять за себя и противъ этихъ государствъ."

Отказъ палаты оказать поддержку вновь образующемуся акціонерному предпріятію въ глазахъ правительственныхъ ораторовъ гораздо опаснѣе нежели пока еще мало вѣроятное столкновеніе съ Англіей или Америкой въ далекомъ будущемъ. „Надо полагать," сказалъ статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ Гоэнлоэ-Шиллингсфюрстъ, „что противники настоящаго проекта едва ли вполнѣ ясно понимаютъ какой ударъ отрицательное рѣшеніе палаты можетъ нанести германской торговлѣ и германскому авторитету въ этихъ водахъ." Торговля съ полудикими народами развивается успѣшно только тогда если эти народы убѣждены въ силѣ націи съ которою имѣютъ дѣло, и островитяне отличаются въ этомъ отношеніи тонкимъ чутьемъ. Отказъ парламента повлечетъ за собою передачу владѣній названной компаніи на островахъ Самоа въ другія руки. Нѣмецкій флагъ развѣвающійся тамъ замѣнится англійскимъ или американскимъ, „это вызоветъ убѣжденіе въ нашей слабости, въ нашемъ пораженіи, и это убѣжденіе распространится по всей Австраліи, проникнетъ даже въ Японію." Какое же значеніе имѣли бы при такомъ убѣжденіи только что заключенные Германіей торговые трактаты, въ какомъ положеніи оказались бы тогда еще такъ недавно учрежденныя консульства? Между тѣмъ торговля Германіи съ Австраліей только что начинаетъ развиваться, и еще до сихъ поръ большая часть нѣмецкихъ товаровъ приходитъ на англійскихъ судахъ и часто съ англійскими клеймами, именно потому что число нѣмецкихъ фирмъ имѣющихъ свои факторіи въ Австраліи весьма ограниченно, благодаря чему нѣмецкія суда почти не находятъ себѣ обратныхъ грузовъ.

Въ Австраліи ежегодно ввозится товаровъ на полмилліарда рублей; 95 процентовъ этого количества посылаетъ Англія, и въ Лондонѣ, конечно, не могли оставаться равнодушными къ успѣхамъ нѣмецкихъ купцовъ. Когда сдѣлалось извѣстно о банкротствѣ Годефруа въ Сиднеѣ, Англичане, какъ замѣтилъ профессоръ Рёло, не скрывали убѣжденія что пришло удобное время вытѣснить изъ Австраліи нѣмецкихъ купцовъ. Но вотъ прошелъ слухъ объ учрежденіи на Самоа, съ помощью правительства, большой акціонерной компаніи; Англичане взглянули на это предпріятіе какъ на угрозу своимъ колоніямъ и не переставали интересоваться имъ: изъ Берлина въ Лондонъ и изъ Лондона въ Сидней шла правильная передача депешъ о всѣхъ перипетіяхъ этого вопроса, посылались подробные отчеты о парламентскихъ преніяхъ.

Теперь въ Лондонѣ могутъ успокоиться, но надолго ли? Близкія къ правительству нѣмецкія газеты не скрываютъ надеждъ что то „большинство которое ставитъ подобныя препятствія разумной и энергичной колоніальной политикѣ не просуществуетъ и года." и утверждаютъ что такая „дезорганизація парламентской машины" не можетъ быть терпима: необходимо образованіе надежнаго и прочнаго большинства, отсутствіе котораго такъ рѣшительно дало себя почувствовать.

Это „надежное и прочное" большинство, по мнѣнію нѣмецкихъ газетъ, можетъ быть создано въ Германіи безъ особаго труда путемъ уступки въ культурной борьбѣ. Въ ожиданіи этой уступки, въ видѣ понудительной къ ней мѣры, партія центра въ полномъ составѣ, не проронивъ ни одного слова во время преній, подала голоса противъ правительственнаго законопроекта и воспользовалась случаемъ показать что клерикальная партія есть сила съ которою имперскому канцлеру придется еще много считаться...

№ 113.

Москва, 24-го апрѣля.

Обсужденіе условій въ какія должно быть на будущее время поставлено русское желѣзное производство во всѣхъ его отрасляхъ, отъ выплавки чугуна до изготовленія сложныхъ машинъ, близится къ концу. Всѣ приходящія изъ Петербурга извѣстія согласно утверждаютъ что въ непродолжительномъ времени предстоитъ законодательное рѣшеніе этого важнаго вопроса.

Много зависитъ отъ того въ какомъ направленіи послѣдуетъ это рѣшеніе. Потребность въ желѣзѣ, въ разныхъ его видахъ, растетъ у насъ въ Россіи изъ года въ годъ. Это хорошій признакъ, это признакъ общаго промышленнаго развитія страны. Но очень печально то что по отношенію къ желѣзу, признаваемому первою основой всѣхъ отраслей народнаго хозяйства и первымъ двигателемъ его успѣховъ, мы находимся въ полной зависимости отъ иностранцевъ; и чѣмъ больше растетъ у насъ потребность въ желѣзѣ, тѣмъ сильнѣе становится эта зависимость. Всѣ отрасли народнаго хозяйства опирающіяся на привозное желѣзо находятся въ положеніи постоянныхъ данниковъ иностранныхъ производителей и продавцевъ желѣза, и размѣры этой дани поражаютъ своею громадностью. Въ одномъ 1878 году за привозные металлы, металлическія издѣлія и машины Россія уплатила болѣе 160 милліоновъ рублей,—сумма далеко превышающая стоимость всей массы ржи, ячменя и овса отпущенныхъ въ томъ году за границу. Иностранцамъ несомнѣнно выгоденъ такой ходъ дѣлъ. Имъ на руку что ни въ одной отрасли русскаго хозяйства нельзя сдѣлать шагу безъ помощи ихъ желѣза.

Останется ли Россія и впредь въ такой же какъ нынѣ зависимости отъ иностранцевъ по отношенію къ столь важному продукту какъ желѣзо, или же законодательнымъ рѣшеніемъ обсуждаемаго нынѣ вопроса будутъ созданы условія къ выходу изъ этой зависимости?

Рѣшеніе вопроса въ смыслѣ благопріятномъ прекращенію тяжелой зависимости отъ иностранцевъ не могло бы подлежать сомнѣнію, еслибы въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, иностранные интересы не находили себѣ сторонниковъ и горячихъ защитниковъ въ самой Россіи. Эти адвокаты иностранныхъ интересовъ пускаютъ нынѣ въ ходъ всѣ средства, всѣ доводы противъ постановки желѣзнаго производства въ Россіи на тотъ путь при которомъ оно могло бы развиться въ уровень существующей у насъ потребности въ желѣзѣ. Мѣры которыя повели бы къ такому результату выставляются вредными и разорительными для русскаго земледѣлія, для всѣхъ отраслей промышленности, для успѣховъ постройки и эксплуатаціи нашей желѣзноддрожной сѣти. Повышеніе пошлинъ на привозные металлы, металлическія издѣлія и машины, по увѣренію адвокатовъ иностраннаго желѣза, разстроитъ установившійся ходъ нашего народнаго хозяйства и разоритъ многихъ въ настоящемъ изъ-за „заоблачнаго великаго развитія металлическаго и механическаго дѣла въ неизвѣстномъ будущемъ...“

Никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе основательности этихъ увѣреній не приводится, и никакихъ данныхъ къ подтвержденію основываемыхъ на нихъ опасеній въ виду не имѣется. Ссылка на земледѣліе, при нашихъ нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ, имѣетъ значеніе преимущественно риторической фигуры, а не вѣскаго довода. Изъ массы привозимаго къ намъ желѣза, на нужды сельскаго хозяйства идетъ самая ничтожная часть; изъ общаго итога стоимости привозныхъ машинъ, на долю сельскохозяйственныхъ не приходится и двадцатой доли. Повышеніе тарифа на металлы и машины отозвалось бы поэтому на земледѣліи не особенно чувствительно, а развитіе отечественнаго механическаго производства будетъ сопровождаться для сельскаго хозяйства немалыми выгодами. Сельскимъ хозяевамъ ближе и удобнѣе будетъ обращаться къ близкимъ, подручнымъ заводамъ, чѣмъ къ далекимъ заграничнымъ, и особенности нашихъ мѣстныхъ условій и требованій, какъ можно полагать, будутъ въ большей мѣрѣ принимаемы во вниманіе и удовлетворяемы у себя дома чѣмъ за границей. Притомъ, самое повышеніе тарифа на чугунъ и желѣзо дастъ правительству средство возмѣстить земледѣльцамъ даже временныя невыгоды какими могло бы отозваться для нихъ это повышеніе. Сельское хозяйство, кромѣ желѣза, нуждается въ соли. Обратимте излишекъ таможеннаго дохода какой

получится отъ повышенія пошлинъ на громадныя массы привозныхъ металловъ если не на отмѣну, то хоть на пониженіе внутренняго солянаго налога? Не будетъ ли такъ гораздо выгоднѣе для сельскаго хозяйства?

Несравненно болѣе чѣмъ земледѣліе затрагиваются обсуждаемымъ нынѣ вопросомъ интересы обрабатывающей промышленности. Но отъ представителей этихъ интересовъ намъ не случалось слышать опасеній чтобы наши промышленныя дѣла могли придти въ разстройство отъ проектируемаго повышенія пошлинъ на чугунъ и машины. Напротивъ, изъ этой среды постоянно раздавались громкіе голоса доказывавшіе противное. Мало того, наши фабриканты, въ видахъ собственнаго интереса, не разъ просили о наложеніи серіозныхъ пошлинъ на иностранныя машины, имѣя въ виду что чрезъ развитіе механическаго производства упрочится положеніе ихъ фабрикъ.

Остаются интересы нашей желѣзнодорожной сѣти. Главный представитель этихъ интересовъ — правительство, давшее наибольшую долю средствъ на постройку дорогъ и ежегодно несущее на себѣ тяжесть приплатъ по ихъ эксплуатаціи. Но казна, этотъ главный представитель нашего желѣзнодорожнаго дѣла, давно уже рѣшила вопросъ между русскимъ и иностраннымъ желѣзнымъ и механическимъ производствомъ и рѣшила его не въ пользу иностраннаго желѣза. 15 октября 1866 года состоялось Высочайшее повелѣніе чтобы всѣ заказы по желѣзнымъ дорогамъ исполнялись на будущее время внутри государства, несмотря ни на какія затрудненія или неудобства которыя могли бы представиться на первыхъ порахъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, правительство не скупилось на жертвы для развитія у насъ производства рельсовъ и другихъ желѣзнодорожныхъ, принадлежностей изъ туземныхъ, а не привозныхъ матеріаловъ. Должна ли быть оставлена цѣль ради которой приносились эти пожертвованія? Слѣдуетъ ли отринуть мѣру которая обезпечитъ достиженіе этой цѣли не только безъ новыхъ жертвъ, а напротивъ съ сокращеніемъ тѣхъ которыя до сихъ поръ дѣлались?

Не дешевизной иностраннаго желѣза создана наша желѣзнодорожная сѣть, а настойчивыми усиліями правительства и громадными употребленными имъ на это дѣло средствами. Дѣлу постройки дорогъ принесена была временно въ жертву и наша желѣзная промышленность. Дальнѣйшей надобности въ подобной жертвѣ нѣтъ. Напротивъ, именно обезпеченіе будущности нашего желѣзнодорожнаго дѣла требуетъ широкаго развитія внутренняго желѣзнаго и механическаго производства. Но имѣются ли у насъ налицо данныя для такого развитія?

Отрицать эти данныя могутъ только люди не хотящіе помнить и не желающіе чтобы другіе вспоминали о Югѣ Россіи, гдѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ находятся богатѣйшія залежи желѣзныхъ рудъ и ископаемаго топлива. Эти залежи, нынѣ почти не эксплуатируемыя, ждутъ только приложенія труда и капитала. Но чтобы трудъ и капиталъ обратились на это дѣло, необходимо чтобъ оно было поставлено въ благопріятныя условія, чтобы предпринимателямъ не грозила ничѣмъ не стѣсняемая и непосильная для нихъ на первыхъ порахъ заграничная конкурренція.

№ 114.

Москва, 25-го апрѣля.

Полтора мѣсяца тому назадъ, на одномъ изъ парламентскихъ обѣдовъ князь Бисмаркъ высказывалъ увѣренность что засѣданія рейхстага „гладко“ начавшіяся принятіемъ военнаго закона также гладко и кончатся одобреніемъ всѣхъ финансовыхъ проектовъ, безпрекословнымъ принятіемъ дѣлаго букета новыхъ налоговъ и пошлинъ. На дѣлѣ вышло иное, и теперь уже приходится говорить о полной „дезорганизаціи парламентской машины,“ объ отсутствіи „надежнаго и прочнаго большинства,“ объ „угрожающемъ положеніи“ которое принимаетъ рейхстагъ относительно союзныхъ правительствъ и ихъ органа, союзнаго совѣта.

Дѣйствительно, отсутствіе „надежнаго“ правительственнаго большинства, рѣзко обнаружившееся во время преній по дѣлу объ островахъ Самоа, еще сильнѣе проявилось нѣсколько дней спустя при обсужденіи извѣстнаго запроса депутата Вольфсона, когда на сторонѣ правительства были только одни консерваторы.

„Правда ли, спрашивалъ г. Вольфсонъ,—

правда ли что Прусское правительство внесло въ союзный совѣтъ предложеніе о включеніи Альтоны и Гамбургскаго предмѣстья Св. Павла въ таможенную черту? Правда ли, далѣе, что это предложеніе послѣдовало безъ предварительнаго сношенія съ Гамбургомъ? Правда ли, наконецъ, что Пруссія настаиваетъ на этомъ включеніи даже и въ томъ случаѣ если Гамбургъ выскажется противъ него?"

На всѣ эти вопросы правительственный коммиссаръ Шольцъ отвѣтилъ утвердительно, отъ имени канцлера отказавъ въ какихъ-либо разъясненіяхъ по существу, несовмѣстныхъ съ конституціоннымъ значеніемъ союзнаго совѣта и съ обязанностями канцлера относительно этого учрежденія. Этотъ чисто формальный отвѣтъ вызвалъ видимое неудовольствіе палаты и запальчивыя рѣчи о „деспотизмѣ канцлера" идущаго де къ явному нарушенію конституціи, статья 34 которой прямо опредѣляетъ что „ганзейскіе города Бременъ и Гамбургъ, съ соотвѣтствующимъ надобности округомъ собственной или прилегающей территоріи, признаются вольными гаванями и остаются внѣ таможенной черты доколѣ не предложатъ сами о включеніи ихъ въ таможенный союзъ."

По мнѣнію выраженному Прусскимъ правительствомъ, это спеціальное право Гамбурга не можетъ быть признаваемо за постоянное, а есть лишь временная мѣра, и ея устраненіе представляется необходимымъ въ видахъ поддержанія города Альтоны, котораго торговля падаетъ отъ конкурренціи Гамбурга. Но такъ какъ пограничный таможенный надзоръ между Альтоной и предмѣстьемъ Св. Павла затруднителенъ, то Прусское правительство признаетъ необходимымъ включить въ таможенную черту и часть названнаго предмѣстья. Прусское правительство не входило по этому поводу въ сношенія съ Гамбургомъ въ тѣхъ видахъ что статья 34 конституціи относится непосредственно лишь къ самому городу, а не къ его окрестностямъ и не къ предмѣстьямъ.

Иначе смотритъ на дѣло сенатъ города Гамбурга, обратившійся въ союзный совѣтъ съ протестомъ противъ предложенія Пруссіи. По мнѣнію сената, предлагаемое Прусскимъ правительствомъ толкованіе 34 статьи конституціи есть прямое нарушеніе коренныхъ правъ Гамбурга, какъ члена союза, тѣмъ болѣе ощутительное что предмѣстье Св. Павла находится въ непосредственной связи съ городомъ и въ высшей степени важно для послѣдняго въ торговомъ и мореходномъ отношеніи, такъ какъ предмѣстье расположено вдоль Эльбы и въ немъ находятся значительное количество складовъ и морскихъ сооруженій и компанія американскаго судоходства, и такъ какъ жители предмѣстья занимаются преимущественно судовымъ арматорствомъ и связанными съ нимъ ремеслами.

Въ рейхстагѣ, при обсужденіи запроса Вольфсона, большинство стало на сторону воззрѣній Гамбургскаго сената какъ въ юридическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Такъ г. Вольфсонъ указалъ что предмѣстье Св. Павла, точно также какъ и городъ Гамбургъ, платитъ особый налогъ, что ежедневно чрезъ двѣ только заставы между Гамбургомъ и его предмѣстьемъ проходятъ около 120.000 пѣшеходовъ и проѣзжаютъ три тысячи повозокъ съ товарами. „Стѣснить это движеніе поставивъ таможенный барьеръ, это все равно что поставить заволоку въ здоровомъ мясѣ." Доводы Вольфсона произвели тѣмъ большее впечатлѣніе что вслѣдъ за нимъ депутатъ города Альтоны не менѣе рѣшительно высказался противъ прусскаго предложенія. „Говорятъ, сказалъ г. Карстенъ, что включеніе Альтоны въ таможенную черту вызывается желаніемъ покровительствовать ея торговлѣ, но на дѣлѣ должны существовать другіе мотивы, такъ какъ это включеніе, вмѣсто пользы, причинитъ Альтонѣ только ущербъ: населеніе будетъ платить большой налогъ, жизнь станетъ дороже, цѣнность земли и строеній упадетъ."

Естественно что населеніе Альтоны и Гамбурга недовольно предложеніемъ Пруссіи и смотритъ на него какъ на выраженіе яваго желанія Бисмарка заставить Гамбургъ отказаться отъ принадлежащихъ ему правъ и просить о включеніи его въ таможенную черту. Эти предположенія, прямо высказанныя въ рейхстагѣ, опираются между прочимъ на то что „вообще въ дѣйствіяхъ имперскихъ властей замѣтно нерасположеніе къ ганзейскимъ городамъ," вызвавшее рядъ мѣръ направленныхъ къ ихъ стѣсненію и обнаруживающихъ „цѣлую систему."

Но не о Гамбургѣ и его выгодахъ собственно ведутъ рѣчь ораторы оппозирующихъ партій: „на ихъ взглядъ дѣло идетъ о правахъ государствъ Союза, о тѣхъ именно правахъ въ силу которыхъ они посы-

лаютъ въ союзный совѣтъ своихъ представителей.“ Если легко лишить Гамбургъ извѣстнаго права, то также легко отнять подобное право у каждаго члена Союза.

Дѣло готово принять острый характеръ: въ отвѣтъ на протестъ Гамбурга, какъ увѣряютъ гамбургскія газеты, изъ Берлина по телеграфу распорядились отмѣнить таможенныя льготы которыми пользовались гамбургскіе торговцы скотомъ отправляемымъ за таможенную черту, а равно и нѣкоторыя другія привилегіи. Въ свою очередь, правленіе Гамбургскаго банка, въ качествѣ акціонера по изданію *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, слывущей органомъ князя Бисмарка, поспѣшило выразить порицаніе этому органу за „тенденціи явно враждебныя Гамбургу.“

Но можетъ, однако, случиться то что̀ предсказывалъ Миннигероде, можетъ случиться что и протестъ Гамбурга, и рѣчи парламентскихъ ораторовъ „окажутся безплодными монологами.“ „Въ драматическомъ искусствѣ, добавилъ не безъ иронiи Миннигероде, длинные монологи давно осуждаются, едва ли у мѣста они и въ парламентской политикѣ.“

№ 115.

Москва, 26-го апрѣля.

Въ напечатанномъ въ № 107 *Московскихъ Вѣдомостей* (отъ 17 апрѣля) воззваніи, начальникъ Русской духовной миссіи въ Японіи, преосвященный Николай, епископъ Ревельскій, объяснилъ цѣль своего нынѣшняго пріѣзда въ Москву. Онъ озабоченъ пріисканіемъ средствъ для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ православной церкви въ Японіи*). Этому великому дѣлу отдалъ онъ всего себя, всѣ свои силы и помыслы; ради него несъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ изумительные труды, возмѣщая личною энергіей недостатокъ средствъ; ради него двукратно предпринималъ онъ поѣздки изъ Японіи въ Петербургъ и Москву. Въ первый пріѣздъ его изъ Японіи, десять лѣтъ тому назадъ, онъ исходатайствовалъ первую помощь этому дѣлу — учрежденіе русской духовной миссіи въ странѣ гдѣ едва были посѣяны сѣмена православія. Не вотще была оказана эта помощь. Успѣхи достигнутые затѣмъ Миссіей въ восьмилѣтній срокъ превзошли всякія ожиданія, какъ могли видѣть читатели, между прочимъ, изъ краткихъ и не полныхъ свѣдѣній сообщенныхъ въ № 109 *Московскихъ Вѣдомостей*. Японская Православная Церковь, въ которой до учрежденія Миссіи числилось только три человѣка, состоитъ нынѣ болѣе чѣмъ изъ 6.000 христіанъ, разсѣянныхъ по всей Японской имперіи, но сплоченныхъ крѣпкою духовною связью, и уже выставившихъ изъ среды себя не малочисленный контингентъ проповѣдниковъ православія въ лицѣ шести священниковъ и 87 *) катехизитаторовъ и катехизаторскихъ помощниковъ. Но чѣмъ болѣе росла православная паства въ Японіи, тѣмъ ощутительнѣе становились недостатокъ матеріальныхъ средствъ Миссіи и ея численнаго состава, и въ особенности отсутствіе полноты канонической іерархіи. При громадныхъ разстояніяхъ раздѣляющихъ группы христіанъ, для удовлетворенія ихъ нуждъ въ совершеніи таинствъ и духовныхъ требъ необходимо большое число священниковъ. Но поставленіе священниковъ изъ Японцевъ донынѣ сопряжено было съ большими затрудненіями. Для рукоположенія перваго изъ японскихъ священниковъ нуженъ былъ пріѣздъ въ 1875 г. въ Японію покойнаго преосвященнаго Павла Камчатскаго. Прочіе пять священниковъ

*) Обращаясь въ своемъ воззваніи къ „Боголюбивымъ гражданамъ Москвы“ съ просьбою помочь Японской миссіи въ дѣлѣ построенія каѳедральнаго храма и помѣщенія для женскаго училища въ Токіо, преосвященный Николай заявлялъ что онъ останется въ Москвѣ до 5 мая. Мы извѣстились нынѣ что сборъ пожертвованій задержитъ его здѣсь еще на нѣкоторое время, и что отъѣздъ его изъ Москвы послѣдуетъ не ранѣе половины мая. Адресъ по которому должны быть доставляемы пожертвованія указанъ въ упомянутомъ воззваніи; но для неимѣющихъ подъ руками № 107 *Московскихъ Вѣдомостей* приводимъ его вновь.

Во все время пребыванія своего въ Москвѣ, преосвященный Николай лично принимаетъ пожертвованія на Саввинскомъ подворьѣ (на Тверской) ежедневно, отъ 7 до 9 часовъ утра и отъ 2 до 5 часовъ пополудни. По отъѣздѣ же своемъ проситъ присылать пожертвованія чрезъ сотрудниковъ Миссіи: въ Москвѣ: священника Вознесенской церкви, на Большой Никитской улицѣ, отца Гавріила Срѣтенскаго; въ С.-Петербургѣ: протоіерея Михайловскаго Инженернаго Замка, отца Ѳедора Быстрова и священника Благовѣщенской на Васильевскомъ Островѣ церкви, отца Іоанна Демкина.

*) Приведенное въ № 109 *Московскихъ Вѣдомостей* число проповѣдниковъ (78) относится къ 1878 году. Къ 1879 году число ихъ возросло до 87.

для снисканія священства должны были предпринимать лѣтомъ 1878 года поѣздку изъ Японіи во Владивостокъ и проживать тамъ въ ожиданіи прибытія туда камчатскаго архипастыря. Подобныя затрудненія могли быть устранены только дарованіемъ японскимъ христіанамъ постоянно пребывающаго въ нихъ средѣ епископа Обозначившіяся настоятельныя и неотложныя нужды Японской Миссіи побудили ея начальника предпринять вторую, нынѣшнюю поѣздку въ Россію. Она увѣнчалась успѣхомъ. Японская церковь получила архипастыря. Насадителю Японской православной церкви выпалъ жребій довершить свое служеніе ей въ качествѣ ея перваго епископа. Предстоящій трудъ церковнаго устроенія нѣсколько облегченъ ему увеличеніемъ, согласно его ходатайству, штата подчиненной ему Миссіи. Вмѣсто четырехъ, она будетъ впредь состоять изъ семи миссіонеровъ и двухъ миссіонерокъ или діакониссъ. Съ увеличеніемъ штата Миссіи, облегчено для нея и содержаніе учрежденныхъ ею семинаріи и катехизаторскаго училища, возрасли также и тѣ матеріальныя средства которыя необходимы ей для поддержанія и распространенія проповѣднической дѣятельности. Но увеличеніемъ штата далеко не все сдѣлано, и для удовлетворенія многихъ настоятельныхъ нуждъ у Миссіи по прежнему недостаетъ средствъ. Важнѣйшія изъ этихъ нуждъ указаны преосвященнымъ Николаемъ въ его воззваніи. Прежде всего необходимо построеніе храма при Миссіи, который былъ бы каѳедральнымъ соборомъ Японской церкви; затѣмъ нужно устройство помѣщенія для женскаго училища гдѣ, подъ руководствомъ русскихъ діакониссъ, воспитывались бы въ христіанскомъ духѣ дочери японскихъ православныхъ священниковъ, проповѣдниковъ и вообще христіанъ, и гдѣ приготовлялись бы изъ Японокъ діакониссы для руководства туземныхъ христіанокъ. Женское училище, въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, основано Миссіей въ исходѣ 1875 года, и при всѣхъ затрудненіяхъ въ пріемѣ, вслѣдствіе недостатка средствъ, въ 1878 году въ этомъ училищѣ было уже, со включеніемъ шести приходящихъ, 25 ученицъ. Но матеріальная обстановка его самая печальная.

Еще болѣе чѣмъ устройство помѣщенія для женскаго училища, необходимо Миссіи построеніе достаточно помѣстительнаго и прочнаго каменнаго храма въ японской столицѣ Токёо (Іедо) храма, по образцу коего сооружались бы затѣмъ храмы въ другихъ мѣстахъ страны уже на средства туземныхъ христіанъ. Неимѣніе такого храма ведетъ къ большимъ неудобствамъ. Христіанъ въ Токёо болѣе тысячи; кромѣ христіанъ, слушать проповѣдь при богослуженіи всегда собирается не мало язычниковъ; между тѣмъ домовая церковь при Миссіи едва вмѣщаетъ триста человѣкъ. Нуженъ храмъ вмѣстимостію на полторы тысячи христіанъ. Планъ и смѣты его сооруженія готовы; обойдется онъ въ 60 тыс. рублей. Но этой суммы у Миссіи нѣтъ, и ожидается она единственно отъ притока добровольныхъ пожертвованій.

Храмъ на сооруженіе коего собираетъ нынѣ пожертвованія преосвященный Николай, есть, говоря словами его ходатайства, „единственный который попроситъ Японская церковь у Русской; но онъ долженъ быть данъ какъ даръ отъ матери своей дщери, безъ котораго другіе дары не были бы полны.“ Помимо обычнаго богослуженія и проповѣди, этотъ храмъ долженъ будетъ служить и мѣстомъ ставшихъ обычными въ Японской церкви ежегодныхъ соборовъ, на которые являются съ правомъ голоса, кромѣ членовъ Миссіи, японскіе священники и проповѣдники и представители отъ японскихъ церквей или приходовъ. Соборы эти имѣютъ важное значеніе. Ими поддерживается постоянное общеніе между всѣми разсѣянными по Японіи христіанами; благодаря соборамъ самое дѣло проповѣди идетъ успѣшнѣе чѣмъ можно было надѣяться. На соборахъ, по усвоенному Миссіей порядку, ежегодно пересматриваются и утверждаются правила для руководства проповѣдникамъ и церквамъ и распредѣляются катехизаторы по мѣстностямъ гдѣ предстоитъ въ нихъ особая нужда и гдѣ должны они въ предстоящемъ году совершать свое служеніе; на соборахъ же даютъ они ежегодно отчетъ въ исполненіи возложеннаго на нихъ церковью служенія.

Построенный на русскія пожертвованія каѳедральный храмъ въ японской столицѣ навсегда останется видимымъ выраженіемъ духовной связи между Россіей и Японіей. Эта связь служитъ нѣкоторымъ противовѣсомъ тѣмъ враждебнымъ Россіи вліяніямъ которыя изъ году въ годъ, изо дня въ день силятся возстановить Японцевъ противъ Россіи. Враждебная Россіи пропаганда имѣетъ въ своихъ рукахъ силь-

ныя средства. Приступивъ къ реформамъ, учреждая у себя разныя школы по европейскимъ образцамъ, Японія пригласила инструкторовъ и учителей изъ Европы, преимущественно Англичанъ. Англійскій языкъ получилъ въ Японіи широкое распространеніе, сдѣлался преимущественнымъ языкомъ школы; на этомъ языкѣ издаются въ Японіи имѣющія обширный кругъ читателей газеты, свѣдѣнія и сужденія ихъ переходятъ въ многочисленныя японскія газеты, которыя читаетъ весь народъ,—неграмотныхъ въ Японіи почти нѣтъ. Можно судить какія мнѣнія о Россіи выноситъ народъ изъ этого чтенія, въ какомъ видѣ представляются ему Русскіе сквозь англійскую призму, какія клеветы и небылицы распространяются на нашъ счетъ. Серіозное противодѣйствіе имъ могутъ оказать Японцы принявшіе православіе, которымъ и Русскіе и русскій языкъ нынѣ не чужіе. Ихъ дѣти учившіяся и учащіяся въ основанной нашею Миссіей семинаріи усвоили себѣ русскій языкъ. На русскомъ языкѣ ведется въ семинаріи все преподаваніе. Ученики семинаріи не только съ жадностью читаютъ русскія книги и газеты, но и сами переводятъ съ русскаго на японскій языкъ сочиненія не только богословскаго, но и историческаго содержанія. Рядомъ съ распространеніемъ православія идетъ такимъ образомъ въ Японіи ознакомленіе туземцевъ съ Россіей...

№ 117.

Москва, 28-го апрѣля.

„Прощальный“ парламентскій вечеръ у князя Бисмарка, 5 мая, служитъ предметомъ большихъ толковъ въ депутатскихъ кругахъ германскаго парламента и именно въ связи съ извѣстнымъ предложеніемъ депутата Фёлька, настаивающаго на необходимости принять энергическія мѣры для устраненія случавшейся нерѣдко послѣ продолжительныхъ преній невозможности принять какое-либо рѣшеніе по обсуждаемому вопросу „за неприбытіемъ въ засѣданіе законнаго числа депутатовъ.“

Дѣйствительно, въ нынѣшнюю сессію большинство членовъ посѣщали засѣданія весьма неисправно и неохотно, особенно послѣ послѣдняго праздничнаго перерыва, когда бо́льшая часть засѣданій начиналась въ присутствіи лишь нѣсколькихъ десятковъ депутатовъ. Печатныя приглашенія появлявшіяся въ газетахъ отъ имени бюро разныхъ партій и особыя совѣщанія разныхъ группъ палаты не привели ни къ какому результату. Предложеніе Фёлька заставило и палату, и правительство обратить на этотъ предметъ серіозное вниманіе. Признана необходимость положить конецъ такому порядку вещей, но стороны расходятся во мнѣніяхъ относительно мѣръ пригодныхъ для этой цѣли.

Въ средѣ депутатовъ, значительное большинство высказывается въ пользу необходимости установить особыя суточныя деньги; другіе напротивъ находятъ что такая мѣра нисколько не гарантировала бы исправнаго посѣщенія палаты, такъ какъ чаще другихъ манкируютъ именно тѣ члены палаты кои всего менѣе могутъ быть заинтересованы суточными деньгами, какъ принадлежащіе къ наболѣе достаточнымъ классамъ.

Въ правительственныхъ кругахъ держатся совершенно иныхъ воззрѣній и признаютъ болѣе сообразнымъ съ обстоятельствами измѣнить извѣстнымъ образомъ порядокъ дѣлопроизводства рейхстага. Въ этомъ именно смыслѣ и высказался князь Бисмаркъ на парламентскомъ вечерѣ, замѣтивъ что всего удобнѣе воспользоваться тѣмъ же средствомъ которое, почти въ тѣхъ же видахъ, оказалось умѣстнымъ для Союзнаго Совѣта; именно, третьи чтенія всѣхъ законопроектовъ, а слѣдовательно и окончательное ихъ голосованіе производить отдѣльно отъ первыхъ двухъ чтеній, назначивъ для этого сравнительно непродолжительный періодъ времени, дабы доставить всѣмъ членамъ возможность принять участіе въ голосованіи.

На первый взглядъ, мѣра эта весьма похожа на раздѣленіе всѣхъ обсуждаемыхъ Союзнымъ Совѣтомъ законопроектовъ на *болѣе* и *менѣе* важные; на самомъ же дѣлѣ, между мѣрой принятою для устраненія субституціи въ Союзномъ Совѣтѣ и предложенною теперь для устраненія въ рейхстагѣ неприбытія должнаго числа депутатовъ есть большая разница.

Предложенія вносимыя въ Союзный Совѣтъ и признаваемыя болѣе важными обсуждаются двумя чтеніями съ такимъ промежуткомъ между ними чтобъ уполномоченные имѣли возможность испросить у своихъ правительствъ инструкціи по предме-

ту измѣненій предложенныхъ при первомъ чтеніи. Какъ на первомъ, такъ и на второмъ чтеніи должны, однако, присутствовать все одни и тѣ же лица, именно министры союзныхъ государствъ.

Совсѣмъ иное было бы въ рейхстагѣ съ принятіемъ мѣры предложенной княземъ Бисмаркомъ. Тамъ къ третьему чтенію и голосованію неожиданно являлись бы лица не бывшія на преніяхъ перваго и втораго чтенія; эти лица, не участвовавшія въ подробномъ разсмотрѣніи закона при первыхъ двухъ чтеніяхъ и появляющіяся только къ окончательному, чисто формальному голосованію легко привели бы палату къ совершенно неожиданнымъ результатамъ, тѣмъ скорѣе что въ связи съ такимъ раздѣленіемъ занятій, вѣроятно, пришлось бы, также по примѣру Союзнаго Совѣта, отказаться отъ голосованій при первыхъ двухъ чтеніяхъ. Такимъ образомъ всякій законопроектъ неизбѣжно достигалъ бы третьяго окончательнаго чтенія.

Но какъ только первое и второе чтенія потеряли бы практическое значеніе, какъ только пренія приняли бы „академическій“ характеръ, скамьи опустѣли бы еще болѣе; наиболѣе видные и вліятельные члены перестали бы являться въ засѣданія, и пренія обратились бы въ пустую формальность. Оппозиція почти потеряла бы свое значеніе, такъ какъ говорить при третьемъ чтеніи предъ неподготовленными и незнакомыми съ деталями дѣла слушателями почти совершенно безполезно: общіе выводы останутся безъ вліянія, вдаваться въ подробный разборъ нѣтъ времени.

Этого, повидимому, и желаетъ достигнуть имперскій канцлеръ, никогда не придававшій большаго значенія парламентаризму и видѣвшій въ немъ только помѣху своей политикѣ. Когда въ рукахъ князя Бисмарка было „надежное и прочное большинство,“ въ замышляемомъ теперь ударѣ парламентаризму надобности не было. Иначе стало дѣло въ послѣднее время, когда, по выраженію близкихъ къ канцлеру органовъ, такого большинства нѣтъ, когда „парламентская машина“ окончательно разстроилась,“ когда въ палатѣ, напримѣръ по дѣлу объ островахъ Самоа, принимается рѣшеніе идущее въ разрѣзъ со всѣми планами колоніальной политики имперскаго канцлера, когда этому канцлеру приходится открыто жаловаться на „усиливающееся проявленіе партикуляризма.“ Я усталъ, смертельно усталъ постоянно встрѣчать противодѣйствія моимъ стремленіямъ,“ сказалъ на дняхъ князь Бисмаркъ, въ палатѣ, давая понять что такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться.

Имперскій канцлеръ не изъ тѣхъ которые уступаютъ и кладутъ оружіе. Но онъ готовъ перемѣнить его: тѣ пріемы которые употреблялись прежде для образованія „надежнаго и прочнаго“ большинства стóятъ большаго напряженія силъ, не обходятся безъ тяжелой борьбы. Придумано средство достигнуть той же цѣли путемъ болѣе легкимъ. Этотъ путь могъ казаться имперскому канцлеру „испытывающему влеченіе къ покою“ тѣмъ болѣе пригоднымъ что проектъ о двухлѣтнемъ бюджетѣ, а слѣдовательно и о созывѣ парламента разъ въ два года, встрѣченъ въ палатѣ съ большимъ неудовольствіемъ, устраняющимъ мысль о его принятіи и въ будущую сессію. Совсѣмъ иная судьба ожидаетъ законопроектъ дающій возможность большинству депутатовъ появляться въ палатѣ лишь на короткое время: здѣсь на сторонѣ предлагающаго, кромѣ постоянныхъ сторонниковъ правительства, будутъ и всѣ тѣ кто тяготятся настоящею продолжительностью сессій, захватывающихъ наиболѣе дорогое для землевладѣльца время—весну—для преній нерѣдко совершенно безплодныхъ. На сторонѣ правительства въ этомъ случаѣ были бы и тѣ партіи, ораторы которыхъ говорятъ не для парламента, а только въ разчетѣ на извѣстный эффектъ внѣ стѣнъ его. Для этихъ партій устраненіе изъ палаты наиболѣе сильныхъ оппонентовъ при первыхъ двухъ чтеніяхъ есть дѣло давно желанное.

Не безъ причины органы князя Бисмарка такъ утвердительно замѣчаютъ что настоящее неблагопріятное большинство „не просуществуетъ и года.“ Не есть ли это косвенный намекъ что имперскій канцлеръ твердо рѣшился провести ту мѣру о которой какъ будто вскользь говорилъ на прощальномъ парламентскомъ вечерѣ?

№ 118.

Москва, 29-го апрѣля.

Судя по приходящимъ изъ Петербурга свѣдѣніямъ, вопросъ объ условіяхъ въ какія имѣетъ быть поставлено русское же-

лѣзное производство близится къ окончательной развязкѣ. Въ пятницу, 25 апрѣля, происходило, подъ личнымъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, засѣданіе заводчиковъ по вопросу о преміи на рельсы внутренняго производства. Въ тотъ же день, 25 апрѣля, разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ вопросъ объ измѣненіи относящихся къ желѣзу статей таможеннаго тарифа, причемъ въ засѣданіе были приглашены тринадцать экспертовъ. На какихъ основаніяхъ сдѣланъ этотъ вызовъ экспертовъ неизвѣстно; изъ газетныхъ сообщеній видно лишь что въ число ихъ отъ горныхъ заводчиковъ попали только два представителя. Изъ этого, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ заключать что при рѣшеніи вопроса не будутъ приняты во вниманіе представленія и соображенія другихъ горнозаводчиковъ, могущихъ разъяснить многое въ этомъ дѣлѣ. Вообще позволительно надѣяться что разработка разныхъ сторонъ вопроса на съѣздѣ горнозаводчиковъ не пройдетъ безслѣдно. До сихъ поръ этотъ съѣздъ обсуждалъ дѣло въ отдѣльныхъ коммиссіяхъ; но на этой недѣлѣ ожидается общее засѣданіе съѣзда, и постановленіямъ какія на немъ состоятся, безъ сомнѣнія, будетъ данъ надлежащій ходъ, вопреки всѣмъ усиліямъ фритредерскаго лагеря заглушить голоса людей наиболѣе компетентныхъ въ обсуждаемомъ нынѣ вопросѣ.

Направленіе въ какомъ ведется агитація противъ постановки русскаго желѣзнаго производства въ благопріятныя условія достаточно характеризуется нѣкоторыми появившимися въ послѣднее время газетными статьями. Сами по себѣ эти статьи не заслуживаютъ никакого вниманія; но нельзя относиться съ такимъ же пренебреженіемъ ко впечатлѣнію какое можетъ быть ими произведено въ горячее время окончательнаго обсужденія вопроса. Авторы этихъ статей тономъ мнимаго убѣжденія разсуждаютъ въ нихъ о тарифномъ вопросѣ не потрудившись даже справиться въ какомъ именно размѣрѣ обложены у насъ пошлиной разные виды желѣза. Съ большимъ апломбомъ толкуютъ они о существующемъ будто бы у насъ высокомъ покровительственномъ тарифѣ на рельсовое желѣзо въ 1 р. 25 к. съ пуда (sic), тогда какъ на дѣлѣ этотъ тарифъ ограничивается всего 20 копѣйками, о высокомъ, тоже будто бы существующемъ у насъ покровительственномъ тарифѣ на чугунъ въ 35 копѣекъ съ пуда (sic), тогда какъ этотъ тарифъ всего 5 копѣекъ, и т. д., не оставляя безъ искаженія буквально ни одной изъ относящихся къ желѣзу тарифныхъ нормъ. Эти господа прямо разчитываютъ на то что читатели „не долюбливаютъ“ цифръ въ газетныхъ статьяхъ и, увѣренные что никто этихъ цифръ провѣрять не станетъ, пишутъ съ плеча что̀ попало чтобы только произвести нужное имъ впечатлѣніе. А впечатлѣніе это должно быть то что русская горная промышленность не сто́итъ того чтобы обращать на нее вниманіе и ради ея измѣнять тарифъ или отмѣнять предоставленныя нѣсколькимъ лицамъ и обществамъ льготы безпошлиннаго привоза. Не сто́итъ! Но почему не сто́итъ? Потому что она въ послѣднія двадцать лѣтъ не успѣла сдѣлать такіе же успѣхи въ своемъ развитіи какія сдѣланы горною промышленностью другихъ странъ... Чего ждать отъ русской горной промышленности когда „ни высокій покровительный тарифъ, ни открывшійся рынокъ, ни значительный спросъ желѣза для желѣзныхъ дорогъ не оживили нашего желѣзнаго дѣла?“ И эта лѣнивая и не способная промышленность дерзаетъ нынѣ „поднимать вопль и домогаться уничтоженія привилегій которыми пользовались нѣкоторые виды привозимаго желѣза!“ „Но что̀ же мѣшало до сихъ поръ нашимъ заводамъ и желѣзодѣлателямъ не допускать этого льготнаго привоза? что̀ мѣшало имъ позаботиться захватить въ свои руки открывавшійся рынокъ?“

Въ виду такихъ нелѣпыхъ укоровъ нашей желѣзной промышленности, не будетъ излишнимъ припомнить нѣсколько фактовъ изъ печальной исторіи русскаго желѣзнаго производства въ послѣднія два десятилѣтія.

Первый ударъ желѣзной промышленности нанесенъ былъ изданіемъ тарифа 28 мая 1857 года, допустившаго привозъ въ Россію иностраннаго чугуна и желѣза съ уплатой низкой пошлины въ 15 коп. съ пуда чугуна, 40 коп. съ пуда желѣза полосоваго, рельсоваго и въ лому, и болѣе высокихъ пошлинъ съ другихъ сортовъ желѣза. Черезъ два года, 16 іюля 1859 года, этотъ тарифъ былъ вновь значительно пониженъ. Затѣмъ 25 декабря 1861 и 26 іюля 1863 года послѣдовали новыя пониженія тарифа. Съ 1-го же января 1869

года вступилъ въ силу нынѣ дѣйствующій тарифъ 5 іюля 1868 года, понизившій пошлины до 5 копѣекъ съ пуда чугуна и 20 коп. съ пуда рельсоваго желѣза. Таковъ-то на дѣлѣ „высокій покровительный тарифъ“ который долженъ былъ оживить нашу желѣзную промышленность! И этотъ низкій тарифъ оставался у насъ только на бумагѣ.

Несравнимо болѣе сильный ударъ чѣмъ пониженіе тарифа былъ нанесенъ русской желѣзной промышленности мѣрою принятою 8 мая 1861 года, въ ту самую пору когда нашимъ желѣзнозаводчикамъ приходилось переустраивать свои заводы вслѣдствіе освобожденія крестьянъ. Съ 8 мая 1861 года, наши желѣзнозаводчики должны были конкуррировать уже не съ низкопошлиннымъ только, а съ совершенно безпошлиннымъ привозомъ чугуна и желѣза. Взиманіе установленныхъ тарифомъ пошлинъ съ чугуна и желѣза сдѣлалось не правиломъ, а исключеніемъ. Такъ, напримѣръ, въ періодъ 1868—1877 годовъ, изъ 25 милліоновъ пудовъ чугуна около $22^1/_4$ милліоновъ прошли безпошлинно, а пятикопѣчная пошлина была взыскана менѣе чѣмъ съ 3 милліоновъ пудовъ; изъ 58 милліоновъ пудовъ рельсоваго желѣза, 47 милліоновъ пропущены безпошлинно, и лишь съ 11 милл. взята 20 копѣечная пошлина, и т. д. И это еще не все. Иностранный чугунъ и желѣзо привозились безпошлинно, а отечественные чугунъ и желѣзо должны были платить горную подать. Вотъ каково было то тарифное покровительство которымъ наши желѣзнозаводчики не умѣли будто бы пользоваться по своей „лѣни и промышленной неспособности!“

Не къ расширенію, а къ стѣсненію нашей горной промышленности вело при такихъ условіяхъ сооруженіе нашей желѣзнодорожной сѣти. При тѣхъ путяхъ сообщенія какія имѣли мы въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, затрудненія перевозки были у насъ почти одинаковы какъ для русскаго, такъ и для иностраннаго желѣза. Но въ концѣ шестидесятыхъ и особенно въ семидесятыхъ годахъ, къ услугамъ иностраннаго желѣза явилась у насъ цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ, давшая ему возможность проникать въ самую глубь Россіи и отовсюду вытѣснять русское желѣзо, которое между тѣмъ должно было бороться съ огромными неудобствами сообщеній. Этого мало. Желѣзнодорожное дѣло стоитъ у насъ такъ что бо́льшая часть дорогъ заинтересованы въ томъ чтобы понижать свой провозный тарифъ съ желѣза идущаго изъ-за границы противъ тарифа по которому перевозится тѣми же дорогами русское желѣзо. Это весьма важное обстоятельство. Благодаря ему, низкопошлинный и безпошлинный привозъ иностранныхъ чугуна и желѣза обращаются на дѣлѣ въ премированный.

Въ общемъ выводѣ, взвѣсивъ условія въ какихъ находилась наша горная промышленность въ послѣднія два десятилѣтія, приходится удивляться не тому что эта промышленность не развилась въ желательныхъ размѣрахъ, а тому что она не погибла окончательно и даже могла сдѣлать хотя небольшіе успѣхи, не уменьшивъ, а увеличивъ свое производство. Какая энергія, какая изворотливость нужна была нашимъ горнозаводчикамъ чтобы пережить этотъ тяжкій кризисъ длившійся цѣлыя два десятилѣтія! И они его пережили. Въ виду такого факта трудно сомнѣваться что наша желѣзная промышленность ждетъ только благопріятныхъ обстоятельствъ чтобы развиться въ размѣрахъ соотвѣтствующихъ обилію и богатству праздно лежащихъ нынѣ залежей рудъ и топлива. Но чтобы сравняться съ другими странами, если не превзойти ихъ въ размѣрахъ выплавки чугуна, нашей горной промышленности нужны, конечно, условія подходящія къ тѣмъ при какихъ развилась эта часть въ другихъ государствахъ. Извѣстно каковы эти условія въ Америкѣ. Но съ Америки у насъ не хотятъ брать примѣра въ тарифномъ дѣлѣ, должно полагать, потому что изо всѣхъ государствъ міра, Соединенные Штаты есть именно та страна которая по своимъ экономическимъ условіямъ имѣетъ наибольшее сходство съ Россіей. Примѣры Пруссіи и Америки безо всякихъ доказательствъ и безаппелляціонно отнесены нашими петербургскими экономистами къ категоріи примѣровъ „*наихудшихъ*.“ Не будемъ спорить. Ну, а при какихъ условіяхъ окрѣпло и развилось желѣзное дѣло въ Англіи? Ея примѣръ уже не можетъ быть признанъ „наихудшимъ.“ Что́ же, была ли она слѣпою поклонницей началъ свободной торговли въ то время когда ея промышленность находилась только на пути къ той степени развитія при которой можно не опасаться ничьего соперничества? Та-

кими ли пошлинами какъ наша ограждала она свое производство чугуна въ ту пору когда оно еще шло къ своему позднѣйшему развитію? Наши мудрецы приходятъ въ фальшивый ужасъ отъ мысли что на чугунъ можетъ быть наложена 15копѣечная съ пуда пошлина; а давно ли въ самой Англіи перестала взиматься съ привознаго чугуна пошлина именно въ этомъ 15копѣечномъ размѣрѣ? Замѣтимъ при этомъ что въ Англіи 15копѣечная пошлина считалась достаточною лишь въ тотъ періодъ когда чугуннолитейное дѣло уже сильно развилось, когда ежегодная выплавка чугуна стала доходить до 100 и 150 милліоновъ пудовъ въ годъ. Но прежде пошлины были гораздо выше, и напримѣръ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія Англичане нисколько не стыдились взимать съ привознаго чугуна по 80 копѣекъ съ пуда.

Послушать петербургскихъ доктринеровъ выйдетъ что наше желѣзное дѣло не заслуживаетъ таможеннаго покровительства потому что выплавка чугуна у насъ очень мала и въ 1877 году была менѣе 25 милліоновъ пудовъ. А вотъ Англія не смутилась даже тѣмъ что выплавка чугуна въ ней упала въ половинѣ прошлаго столѣтія до совершенно уже ничтожной цифры одного милліона пудовъ. Тамъ не сказали что столько упавшая промышленность не стóитъ вниманія. Тамъ дали этой промышленности жизнь высокимъ покровительнымъ тарифомъ. Въ Англіи хорошо знаютъ что именно слабо развитая промышленность требуетъ поддержки. Но нашимъ подражателямъ Англіи дѣло представляется въ обратномъ видѣ. Они готовы были бы оказать нашей промышленности всякія поощренія только въ томъ случаѣ еслибъ эта промышленность настолько развилась что перестала бы нуждаться въ какомъ бы то ни было покровительствѣ. Отъ недостаточно же развитой промышленности они отворачиваются съ презрѣніемъ. О ней нечего и думать; нужно думать только объ удешевленіи желѣза, то-есть о поощреніи привоза его изъ-за границы. Прекрасно. Только достигается ли эта цѣль льготами иностранному желѣзу? Съ 1861 года мы имѣемъ дѣло не только съ низкопошлиннымъ, но преимущественно съ безпошлиннымъ привозомъ чугуна и желѣза. Какіе же получены результаты? За исключеніемъ желѣза идущаго на потребности желѣзныхъ дорогъ, на удовлетвореніе остальныхъ нуждъ страны въ желѣзѣ, какъ видно изъ данныхъ 1877 года, идетъ нынѣ почти столько же пудовъ сколько шло и въ 1860 году. При всѣхъ льготахъ привозному желѣзу, „потребленіе желѣза въ теченіе 17 лѣтъ почти не возросло!“

Смѣло можно ожидать иныхъ результатовъ когда разовьется въ странѣ обширное отечественное производство, смѣло можно разчитывать что съ желѣзомъ будетъ то же что̀ стало съ сахаромъ. Лишь послѣ того какъ таможенное покровительство создало обширную свеклосахарную промышленность, понизились путемъ внутренней конкурренціи цѣны на сахаръ и усилилось въ большихъ размѣрахъ потребленіе его населеніемъ.

№ 119.

Москва, 30-го апрѣля.

Во время своей ожесточенной агитаціи противъ политики лорда Биконсфильда, г. Гладстонъ неоднократно самымъ рѣзкимъ образомъ высказывался противъ сохраненія турецкаго владычества въ Европѣ. „Турка,“ говорилъ онъ, „слѣдуетъ выпроводить со всѣмъ его багажемъ на ту сторону Босфора, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.“ Но когда г. Гладстонъ говорилъ это, онъ не занималъ даже того отвѣтственнаго положенія которое въ Англіи принадлежитъ главѣ „оппозиціи ея величества,“ такъ какъ, въ раздраженіи по поводу пораженія постигшаго его и его партію въ 1874 г., онъ офиціально заявилъ что удаляется въ частную жизнь и передалъ маркизу Гартингтону главенство надъ партіей виговъ. Теперь г. Гладстонъ, неожиданно для самого себя, очутился вновь руководителемъ британской политики, и нужно думать что прежнія его любезности Туркамъ смущаютъ его болѣе нежели самихъ Турокъ, ибо кто же такъ наивенъ чтобы предполагать что Гладстонъ, отвѣтственный глава британскаго кабинета, будетъ *дѣйствовать* такъ какъ *говорилъ* Гладстонъ въ роли независимаго народнаго трибуна и политическаго агитатора?

Что Турки этого не думаютъ и отнюдь не отказались отъ своихъ обычныхъ пріемовъ лицемѣрной увертливости, соединенной съ наглою увѣренностью что имъ безнаказанно сойдетъ съ рукъ всякое укло-

неніе отъ принятыхъ на себя „предъ лицомъ Европы“ обязательствъ, лишь бы результатъ былъ во вредъ славянскимъ народностямъ, — это доказываетъ новѣйшій эпизодъ въ Албаніи. Порта, которой терять нечего, остается вѣрна себѣ, хорошо сознавая въ то же время что ея опекунъ — европейская дипломатія — безсильнѣе ея самой когда дѣло коснется содѣйствія живымъ силамъ Балканскаго полуострова въ ихъ борьбѣ съ гальванизуемымъ мертвецомъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ о соглашеніи между Черногоріей и Турціей насчетъ возмѣщенія первой присужденныхъ ей Берлинскимъ трактатомъ округовъ Гусинья и Плавы, коихъ передача оказалась будто бы неосуществимою, компромиссъ неожиданнымъ образомъ состоялся: Черногорія согласилась принять другую часть албанской территоріи, и оставалось только привести конвенцію въ исполненіе и передать уступаемую территорію въ натурѣ. Что же сдѣлали Турки? Они очистили укрѣпленныя мѣста находившіяся на уступаемой территоріи, не предупредивъ объ этомъ черногорскихъ военачальниковъ за 24 часа, какъ было прямо выговорено въ конвенціи. Въ промежутокъ времени до появленія черногорскихъ войскъ, Албанцы успѣли занять эти укрѣпленія, заявивъ что ни за что не отдадутъ ихъ добровольно Черногорцамъ. Послѣднимъ оставалось брать эти укрѣпленія съ бою, отъ чего они благоразумно воздержались, справедливо утверждая что имъ нѣтъ повода проливать свою кровь и завоевывать то что имъ *присуждено* Европой и что они согласились принять единственно „изъ уваженія“ къ Европѣ, такъ какъ силой они сумѣли бы взять и тѣ два округа отъ коихъ, въ интересахъ мира и уступая увѣщаніямъ европейской дипломатіи, добровольно отказались. Ивотъ снова пошли писать дипломатическія перья! По иниціативѣ г. Леярда, еще продолжавшаго представлять интересы Англіи въ Константинополѣ, несмотря на паденіе своего патрона въ Лондонѣ, было сдѣлано Портѣ „энергическое“ представленіе по поводу допущеннаго отступленія отъ условій турецко-черногорской конвенціи и отъ Порты потребовано чтобъ она вновь заняла своими войсками укрѣпленія для передачи ихъ Черногорцамъ изъ рукъ въ руки. На это Порта отвѣтила что она „не въ силахъ“ вновь занять укрѣпленія и изгнать оттуда утвердившихся въ нихъ Албанцевъ. Этотъ отвѣтъ особенно характеристиченъ, если сопоставить его съ тѣми свѣдѣніями которыя сообщаетъ по этому поводу черногорская печать и которыя заслуживаютъ полной вѣры. „Кто хоть сколько нибудь знакомъ со старою школой турецкой государственной мудрости,“ читаемъ мы въ цетиньской газетѣ *Глас Црногорца*, „тотъ ни на минуту не станетъ сомнѣваться что съ Турками невозможно соглашеніе. Рѣшившись якобы удовлетворить требованіямъ Черногорцевъ, турецкіе сановники въ то же время уговорились между собой и составили планъ устроить все дѣло такъ чтобъ имъ снова остаться при своемъ. Какъ актеры уходятъ со сцены за кулисы для переодѣванія и потомъ въ другомъ костюмѣ и въ другой роли выходятъ на сцену,—такъ турецкіе воины выходятъ изъ занятыхъ ими укрѣпленій, *скидаютъ мундиры низамовъ, переодѣваются въ одежды Арнаутовъ* и вмѣстѣ съ ними опять занимаютъ тѣ же укрѣпленія. Когда же Черногорцы приходятъ и мирно требуютъ, въ силу договора, передачи этихъ укрѣпленій, Турки встрѣчаютъ ихъ въ *арнаутской одеждѣ* и стрѣляютъ въ нихъ.“

Возможно ли сомнѣваться что дѣло происходитъ именно такимъ образомъ? Ибо изъ кого же состоитъ турецкій низамъ и прочая сволочь наполняющая ряды турецкой „арміи“ какъ не изъ тѣхъ самыхъ азіятскихъ племенъ кои теперь въ Албаніи будто бы возстали противъ власти падишаха и туда же хлопочутъ о „сверженіи съ себя турецкаго ига?“ Но европейская дипломатія дѣлаетъ видъ какъ будто вся эта комедія есть серіозное дѣло и, не удовлетворившись объясненіемъ Порты насчетъ ея безсилія противъ „мятежныхъ“ Арнаутовъ, шлетъ Портѣ вторично коллективную ноту. Объ этой второй нотѣ, переданной 4 мая всѣми представителями державъ, сообщаетъ константинопольскій корреспонденъ *Times*, усматривающій въ ней начало той новой болѣе энергической въ пользу христіанскихъ племенъ политики которую намѣренъ де практиковать на Востокѣ новый британскій кабинетъ. Иниціатива этой второй ноты принадлежитъ уже не мѣстному представителю Великобританіи, а самому лорду Гранвиллю, новому министру иностранныхъ дѣлъ. Онъ умѣлъ де склонить къ этому шагу всѣ прочія державы, и, по словамъ корреспондента, Ту-

рецкое правительство на этотъ разъ „не на шутку встревожилось“ и чувствуетъ что на него надвигается гроза. Порта пришла де къ убѣжденію что она должна что-нибудь сдѣлать дабы удовлетворить требованіямъ Европы, и что новый кабинетъ не будетъ довольствоваться ея привычными изворотами.

Корреспондентъ, однако, и не намекаетъ на то что̀ предполагается предпринять въ случаѣ если Турецкое правительство сошлется и во второй разъ на свое безсиліе усмирить мятежныхъ Албанцевъ. А что его отвѣтъ будетъ именно таковъ, на это указываютъ телеграммы, спѣшно разсылаемыя изъ Вѣны въ послѣдніе дни, телеграммы, по которымъ „арнаутская крамола“ принимаетъ все болѣе широкое развитіе. По послѣднему извѣстію, переданному вчера *Международнымъ Телеграфнымъ Агентствомъ*, Албанцы уже провозгласили свою независимость. Турецкіе чиновники въ Скутари отрѣшены отъ должностей; турецкое знамя замѣнено албанскимъ, и войска Османъ-паши почти въ полномъ составѣ перешли на сторону Албанской лиги, отказавшись отъ подданства султану. Даже сдѣланы уже попытки учредить особую албанскую монархію. Но, сообщаетъ далѣе вѣнская телеграмма, Мирадитскій князь Пренкъ Бибъ-Дода, коему предложена корона Албаніи, отказался, „заявивъ что теперь еще нельзя окончательно порвать связь съ Портой.“ Отказавшись отъ подданства султана и сманивъ его войска на свою сторону, Албанцы, однако, не считаютъ возможнымъ порвать связь съ Портой!

Какое еще нужно доказательство что весь этотъ „мятежъ“ аранжированъ въ самомъ Константинополѣ дабы Порта могла дать Европѣ на вторую ноту такой же отвѣтъ какъ и на первую?

Любопытно, что̀ тогда предпримутъ британскій кабинетъ и его новый чрезвычайный и уполномочный посолъ г. Гёшенъ, посылаемый въ Константинополь дабы „временно замѣнить“ г. Леярда?

№ 120.

Москва, 1-го мая.

Главный экономическій вопросъ настоящей минуты—опредѣленіе тѣхъ условій въ какія должна быть поставлена на будущее время наша желѣзная промышленность. Ея интересы долгое время были отодвигаемы на задній планъ, въ теченіи десятилѣтій они приносились въ жертву иным настоятельнымъ государственнымъ нуждамъ, заботамъ о сооруженіи русской желѣзнодорожной сѣти. Но вотъ, наконецъ, именно заботы объ этой сѣти заставили подумать и объ отечественномъ желѣзномъ производствѣ. Дорогъ построено болѣе двадцати тысячъ верстъ, но будущность этихъ дорогъ не обезпечена. Безъ иностраннаго содѣйствія наши желѣзныя дороги существовать не могутъ. Подорванное условіями ихъ постройки, наше желѣзное производство оказывается въ такомъ положеніи что, въ случаѣ войны, не можетъ выставить того количества рельсовъ какое нужно нашимъ дорогамъ.

Необходимость поднять русское желѣзное производство настолько чтобъ оно могло вполнѣ удовлетворять потребностямъ желѣзныхъ дорогъ сдѣлалась очевидною. Затративъ многія сотни милліоновъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, правительство не могло остановиться предъ затратами десятковъ милліоновъ на обезпеченіе снабженія этихъ дорогъ необходимымъ металлическимъ матеріаломъ. Оно рѣшилось создать отечественное производство желѣзнодорожныхъ принадлежностей, чего бы это ни стоило. Оно вызываетъ желающихъ изготовлять эти принадлежности изъ *отечественныхъ* матеріаловъ, предлагая громадные заказы по исключительно высокимъ цѣнамъ и крупныя денежныя преміи за производство. Въ желающихъ воспользоваться этими выгодными заказами и преміями недостатка не оказалось. Заказы были разобраны. Но принимающіе заказы желаютъ воспользоваться всѣми этими выгодами безъ соблюденія того условія чтобы желѣзнодорожныя принадлежности изготовлялись изъ отечественныхъ матеріаловъ, то-есть безъ соблюденія именно того условія ради котораго правительство рѣшилось на милліонныя жертвы. Соблюденіе этого условія выставлено неисполнимымъ. Чтобъ исполнить его, нуженъ русскій чугунъ, а его будто бы нѣтъ и нельзя будто бы его получить въ необходимомъ количествѣ, и пока его нѣтъ подрядчики желѣзнодорожныхъ принадлежностей разчитываютъ изготовлять ихъ изъ иностраннаго чугуна, сохраняя за собой

исключительныя выгоды дарованныя именно за употребленіе не привознаго, а туземнаго чугуна.

Чтобы рѣшить вопросъ точно ли нѣтъ русскаго чугуна и дѣйствительно ли нѣтъ возможности получать его въ необходимомъ количествѣ, созванъ былъ въ Петербургѣ съѣздъ русскихъ горнозаводчиковъ. Этотъ съѣздъ еще не окончилъ своихъ занятій, но сдѣланныя на немъ заявленія уже теперь не оставляютъ сомнѣнія что недостатка въ русскомъ чугунѣ не будетъ, какъ бы ни была велика потребность въ немъ, если только будутъ соблюдены два условія: повышеніе пошлинъ на привозный чугунъ и совершенное прекращеніе, безъ всякаго изъятія, безпошлиннаго ввоза въ Россію чугуна и желѣза изъ-за границы. Размѣръ желательной пошлины на привозный чугунъ представителями разныхъ районовъ желѣзнаго производства въ Россіи опредѣляется различно. Западные, польскіе, заводчики опредѣляютъ minimum таможенной пошлины съ чугуна въ 10 к. съ пуда, южные заводчики требуютъ пошлины въ 15 коп.; восточные, уральскіе, горнозаводчики находятъ что она должна быть поднята до 28 копѣекъ съ пуда, а сѣверные заводчики повышаютъ эту цифру до 30 копѣекъ. Но относительно прекращенія безпошлиннаго привоза, разногласія нѣтъ. Оно одинаково выставляется всѣми заводчиками какъ условіе sine qua non.

Сдѣланныя горнозаводчиками заявленія очень не понравились подрядчикамъ по казеннымъ заказамъ на рельсы и другія желѣзнодорожныя принадлежности. Между этими подрядчиками и поклонниками „свободной торговли“ во что бы ни стало состоялась entente cordiale. На горнозаводчиковъ посыпались обвиненія въ „поползновеніяхъ на карманы всѣхъ потребителей желѣза,“ въ стремленіяхъ „собрать обильную дань со всего Русскаго народа.“ Ихъ домогательства выставляются прямо враждебными всѣмъ русскимъ экономическимъ интересамъ, и сельскохозяйственнымъ, и промышленнымъ. Они хотятъ де заставить Россію сдѣлать попятный шагъ изъ желѣзнаго въ „деревянный“ и „каменный“ вѣкъ.

Вся эта агитація противъ русской горной промышленности, очевидно, разчитана на незнаніе дѣйствительнаго положенія дѣла, незнаніе еще большее въ канцелярской средѣ чѣмъ въ публикѣ. Только въ разчетѣ на это незнаніе можно выставлять невыносимою тягостью для народа и предполагаемое повышеніе пошлины на чугунъ, и въ особенности отмѣну безпошлиннаго привоза. Только пользуясь этимъ незнаніемъ можно выставлять низкую, пятикопѣечную пошлину на чугунъ и безпошлинный привозъ чугуна и желѣза какимъ-то благодѣяніемъ для народа. Населеніе этимъ благодѣяніемъ не пользовалось. Не въ его пользу шла дешевизна низкопошлиннаго и безпошлиннаго чугуна и желѣза. Эта дешевизна была лишь для немногихъ, и, напримѣръ, кустарная промышленность ни льготой безпошлиннаго привоза, ни низкопошлиннымъ чугуномъ вовсе не пользовалась. Цѣны желѣза для населенія опредѣлялись не цѣной въ какую обходилось оно счастливцамъ получавшимъ его безпошлинно, а тою въ какую становилось тѣмъ кто отъ уплаты пошлины не освобождался. Иначе никто бы и не выписывалъ его съ уплатой пошлины въ 35 к. съ пуда сортоваго желѣза. Эта пошлина (принимая что для выдѣлки 60 пудовъ желѣза нужно 100 пудовъ чугуна) соотвѣтствуютъ пошлинѣ въ 21 к. съ пуда чугуна и подъемъ пошлины на провозный чугунъ до этой нормы почувствовали бы только тѣ кто нынѣ его выписываютъ, но не потребители изъ народа. Болѣе высокій подъемъ пошлины на чугунъ, напримѣръ до 30 копѣекъ, не останется конечно безъ вліянія на цѣны желѣза и подниметъ ихъ приблизительно на 15 коп. съ пуда. Это будетъ налогомъ на всѣхъ потребителей желѣза. Но не трудно разчесть тяжесть этого налога. Все потребленіе желѣза въ странѣ (за исключеніемъ потребностей желѣзныхъ дорогъ) опредѣляется нынѣ приблизительно въ 15 милліоновъ пудовъ. 15 копѣечный налогъ съ этого количества составитъ $2^1/_4$ милліона рублей. Цифра не малая; но, спросимъ, такою ли цифрой налога ложится на народъ безпошлинный привозъ чугуна и желѣза? Во сколько разъ бо́льшую сумму долженъ онъ платить казнѣ чтобы возмѣщать ей ущербъ отъ невзиманія пошлинъ, выгоды коего достаются не всему населенію, а немногимъ избраннымъ?

Нѣтъ, не выгоды населенія имѣютъ въ виду противники установленія необходимыхъ пошлинъ на привозный чугунъ. Выгодами населенія они не прочь поступиться. Вмѣсто повышенія пошлинъ, они ре-

комендуютъ, напримѣръ, выдачи изъ казны премій за выплавку чугуна. Тяжесть какою ляжетъ на народъ уплата этихъ премій не принимается въ разчетъ. Предполагается только задобрить этими преміями горнозаводчиковъ. Но горнозаводчики пока нейдутъ на такую сдѣлку и не торгуются чужими интересами, ограничиваясь указаніями условій при которыхъ русское желѣзное производство станетъ въ уровень всѣхъ обращаемыхъ къ нему требованій. Они домогаются покровительства желѣзному производству, но притязанія ихъ нейдутъ далѣе того что признается государственною необходимостью и въ Америкѣ, и въ Германіи, и что въ не очень давнее время признавалось необходимымъ въ самой Англіи. Ихъ домогательства идутъ не въ разрѣзъ, а въ полномъ согласіи съ общими экономическими интересами страны. Удовлетвореніе ихъ поведетъ не къ уменьшенію, а къ увеличенію доходовъ казны, и стало-быть не къ отягченію, а къ облегченію лежащей на народѣ податной тягости.

№ 121.

Москва, 2-го мая.

А.

Предъ самымъ закрытіемъ Германскаго рейхстага, которое произошло въ понедѣльникъ 10 мая, князь Бисмаркъ неожиданно для всѣхъ, въ первый разъ за всю сессію, явился въ засѣданіе и произнесъ рѣчь, которая, какъ всегда, произвела великую сенсацію и составляетъ нынѣ событіе дня въ Германіи, вызывая безчисленные и разнообразные комментаріи. Сверхъ этой рѣчи, князь Бисмаркъ въ послѣднюю недѣлю прибѣгнулъ къ цѣлому ряду ему одному свойственныхъ мѣръ, которыя далеко не отличаются единствомъ и видимою послѣдовательностью, но за то еще разъ доказываютъ то великое пренебреженіе, чтобы не сказать болѣе, которое руководитель германской политики питаетъ къ парламентаризму.

Тотъ поводъ по которому такъ взбудоражено нынѣ общественное мнѣніе въ Германіи, собственно говоря, ничтоженъ самъ по себѣ и имѣетъ чисто мѣстный характеръ, ограничиваясь интересами вольнаго города Гамбурга, и нужно знать топографію этого города и его окрестностей чтобы составить себѣ ясное понятіе о предметѣ пререканія. Сами члены рейхстага были поражены логическимъ скачкомъ князя Бисмарка, внезапно перешедшимъ отъ вопроса о таможенной чертѣ въ окрестностяхъ Гамбурга къ культурной борьбѣ и даже къ положенію Германіи среди прочихъ державъ. Но такова ужь парламентская тактика князя Бисмарка: онъ поразилъ своихъ слушателей, представивъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ борьбу между германскимъ единствомъ и духомъ партикуляризма, упрекая въ податливости ему даже г. Дельбрюка, бывшаго своего товарища и главнаго сотрудника по устройству Германской имперіи; онъ заявилъ что покинетъ свой постъ если дѣло будетъ идти такимъ образомъ, и ушелъ изъ засѣданія даже не выслушавъ возражавшихъ ему ораторовъ, увѣренный что слова его не пропадутъ даромъ. И онъ не ошибся.

Мы не будемъ подробно излагать мало насъ интересующій „Гамбургскій вопросъ“ надѣлавшій столько шума. Въ видѣ вознагражденія за прямодушную поддержку Пруссіи въ войну 1866 года, вольные города Гамбургъ и Бременъ сохранили, при учрежденіи Сѣверо-Германскаго Союза привилегіи порто-франко, коими при прежнемъ Германскомъ Союзѣ пользовались всѣ старинные ганзейскіе города, и эта привилегія сохранена за ними и при позднѣйшемъ преобразованіи Сѣверо-Германскаго Союза въ Германскую имперію. По имперской конституціи, Гамбургъ и Бременъ пользовались этимъ преимуществомъ какъ въ чертѣ самихъ этихъ городовъ, такъ и въ окрестностяхъ. Когда въ прошедшемъ году князь Бисмаркъ круто измѣнилъ свою экономическую политику и система таможеннаго покровительства сдѣлалась господствующею, онъ внесъ въ союзный совѣтъ предложеніе объ исключеніи смежнаго съ Гамбургомъ города Альтоны и Гамбургскаго предмѣстья Св. Павла изъ территоріи порто-франко, толкуя дѣло такъ что привилегія выговоренная въ имперской конституціи (ст. 34) для Гамбурга имѣетъ силу договорнаго права лишь для города въ тѣсномъ смыслѣ слова, а не для окружающей территоріи, и что измѣненіе таможенной черты отдѣляющей Гамбургъ отъ остальной, непривилегированной территоріи принадлежитъ союзному совѣту въ порядкѣ ад-

министративномъ, а не законодательномъ то-есть безъ участія рейхстага. Вовторыхъ, въ рейхстагѣ, одновременно съ указаннымъ предложеніемъ, былъ внесенъ на утвержденіе заключенный недавно съ Австріей новый трактатъ о судоходствѣ по Эльбѣ. По смыслу этого трактата, союзному совѣту также предоставлена возможность переносить, въ порядкѣ административнаго распоряженія, таможенную черту пересѣкающую доступъ изъ низовьевъ Эльбы въ территорію Германскаго таможеннаго союза, черту которая нынѣ находится выше Гамбурга. Сенатъ города Гамбурга внесъ въ союзный совѣтъ протестъ противъ перваго предложенія князя Бисмарка, доказывая что привилегія порто-франко дана Гамбургу и Бремену по конституціи не только въ чертѣ самаго города, но и для примыкающихъ къ онымъ округовъ, и что одностороннее распоряженіе союзнаго совѣта по этому предмету было бы нарушеніемъ конституціи. Этотъ протестъ встрѣтилъ сочувствіе въ большинствѣ рейхстага и выразился въ резолюціи составленной въ этомъ смыслѣ депутатомъ Ласкеромъ, которую намѣревались поддержать не только всѣ приверженцы свободной торговли, но и партія центра, дѣлающая теперь систематическую оппозицію всѣмъ начинаніямъ князя Бисмарка. Сверхъ того, стало извѣстно что представитель Баваріи въ союзномъ совѣтѣ намѣревался подать голосъ въ смыслѣ согласномъ съ Гамбургскимъ совѣтомъ. А по второму вопросу касательно судоходства по Эльбѣ открытымъ противникомъ замысла князя Бисмарка выступилъ г. Дельбрюкъ, который въ качествѣ докладчика коммиссіи предварительно обсуждавшей новый трактатъ о судоходствѣ по Эльбѣ, предложилъ рейхстагу утвердить этотъ трактатъ, съ тѣмъ условіемъ что перенесеніе таможенной черты по Эльбѣ можетъ быть совершено не иначе какъ путемъ закона, то-есть съ вѣдома и согласія рейхстага.

Эта-то оппозиція въ союзномъ совѣтѣ и рейхстагѣ, грозившая разстроить весь планъ посредствомъ котораго князь Бисмаркъ очевиднымъ для всѣхъ образомъ готовился принудить Гамбургъ, а затѣмъ и Бременъ, добровольно отступиться отъ своихъ привилегій и войти въ составъ таможеннаго союза, и вызвала съ его стороны тотъ рядъ энергическихъ шаговъ и заявленій коими ознаменовались послѣдніе дни сессіи рейхстага и придали дѣлу интересъ далеко выходящій за предѣлы вопроса о чертѣ гамбургскаго порто-франко. 6 мая князь Бисмаркъ разослалъ циркуляръ ко всѣмъ представителямъ Пруссіи при государствахъ входящихъ въ составъ Германской имперіи, въ коемъ разобранъ вопросъ объ Альтонѣ. Князь Бисмаркъ настаиваетъ на томъ что не слѣдуетъ допускать чтобы по этому предмету возникло пререканіе о смыслѣ германской конституціи. Онъ напоминаетъ что прежній Германскій Союзъ главнымъ образомъ потому и былъ слабъ что во Франкфуртскомъ сеймѣ шли вѣчные споры о конституціи. До сихъ поръ всѣ усилія его были къ тому направлены чтобы не допускать подобныхъ споровъ въ нѣдрахъ новой имперіи, и князь Бисмаркъ проситъ союзныя правительства избѣгать этого и теперь, присовокупляя что еслибы по вопросу о толкованіи статьи 34 конституціи въ союзномъ совѣтѣ оказалось большинство неблагопріятное прусскому толкованію, то онъ, князь Бисмаркъ, не рѣшился бы посовѣтовать своему государю подчиниться этому, явно неправильному, толкованію. Далѣе, князь Бисмаркъ взываетъ къ необходимости всѣми силами поддерживать единство Германіи, выражаясь такимъ образомъ: „По моему убѣжденію, положе„ніе Германіи само по себѣ и по отноше„нію къ ходу развитія прочихъ европей„скихъ державъ за десять лѣтъ слѣдовав„шихъ послѣ созданія германскаго един„ства должно усиленнымъ образомъ побу„ждать союзныя правительства всячески „поддерживать взаимное единеніе и избѣ„гать всего что могло бы замутить его.“

На другой день по обнародованіи циркуляра, князь Бисмаркъ явился въ рейхстагъ и въ отвѣтъ на предложеніе г. Дельбрюка по вопросу объ Эльбѣ, произнесъ рѣчь, сущность которой уже приведена нами вчера. Въ этой рѣчи князь Бисмаркъ еще рѣзче жаловался на духъ партикуляризма возрастающій въ Германіи и вновь прибѣгнувъ къ обычному себѣ пріему угрозъ удалиться отъ дѣлъ, говоря что онъ „смертельно усталъ“ и оставался до сихъ поръ на своемъ мѣстѣ лишь потому что „не желаетъ покинуть императора въ его преклонныхъ лѣтахъ;“ но что онъ все-таки уйдетъ если не исчезнетъ духъ партикуляризма, и что тогда онъ вынужденъ будетъ рекомендовать себѣ въ преемники министра который будетъ управлять опираясь

исключительно на консерваторовъ и ультрамонтанъ. Такимъ образомъ, либеральные приверженцы свободной торговли, нынѣ противодѣйствующіе ему по дѣлу о Гамбургѣ, будутъ де главными виновниками того что правительство очутится „на пути въ Каноссу.“

Заявленіе князя Бисмарка объ его усталости, а также его рѣзкія фразы противъ партіи центра, были совершенною неожиданностью, ибо не далѣе какъ во вторникъ на прошедшей недѣлѣ, на парламентскомъ вечерѣ у себя, князь Бисмаркъ держалъ совсѣмъ иныя рѣчи: онъ далъ тогда понять что имѣлось въ виду предложить Прусскому ландтагу уполномочить правительство пріостановить дѣйствіе „майскихъ законовъ“ въ видахъ соглашенія съ папскою куріей, которое близится къ своему осуществленію. Въ тотъ же день, въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, появилась замѣтка которою опровергались всѣ слухи о предстоящей отставкѣ князя Бисмарка, причемъ было прямо сказано что онъ *не чувствуетъ* прежней усталости и, собравшись съ силами во время пребыванія въ своихъ помѣстьяхъ, нынѣ ощущаетъ въ себѣ удвоенную энергію къ работѣ по всѣмъ предметамъ своего вѣдомства.

Сессія рейхстага, какъ и слѣдовало ожидать, кончилась миролюбиво. Союзный совѣтъ не постановилъ никакого заключенія по вопросу о толкованіи 34 ст. имперской конституціи, а резолюція г. Дельбрюка отвергнута рейхстагомъ и вопросъ объ Эльбѣ переданъ вновь въ коммиссію.

Объ „усталости“ князя Бисмарка не будетъ болѣе рѣчи впредь до новыхъ попытокъ съ чьей-либо стороны воспротивиться его волѣ.

Б.

Намъ сообщаютъ что нѣкоторыя гимназіи неожиданно получили подъ бандеролью, вмѣсто подпольнаго листка, нумера газеты *Страна*, даже въ двухъ экземплярахъ, заключающіе въ себѣ выходки по поводу увольненія бывшаго министра народнаго просвѣщенія. Интрига или крамола,—назовите какъ хотите, - увѣрена что теперь на ея улицѣ праздникъ. Къ счастію, она глубоко ошибается. Личная перемѣна въ управленіи не поколеблетъ ни въ чемъ основаній одной изъ самыхъ плодотворныхъ реформъ нынѣшняго царствованія, полагающей начало самостоятельному развитію науки въ нашемъ отечествѣ. Школа сю созданная находится подъ высшею охраной, и всѣ друзья ея, всѣ понимающіе какое заключается въ ней благо, могутъ оставаться совершенно спокойными за ея дальнѣйшія судьбы.

Вчера въ ночь, когда выходившій нумеръ нашей газеты былъ уже въ печати, получена была отъ нашего корреспондента телеграмма о прощаніи бывшаго министра народнаго просвѣщенія со служившими подъ его начальствомъ лицами. Графъ Д. А. Толстой имѣлъ, конечно, достаточное основаніе сказать слѣдующія сообщаемыя въ телеграммѣ слова: „Помогая моему преемнику, вы будете вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать и ту систему образованія которую такъ добросовѣстно и успѣшно вводили. Говорю такъ потому что я вполнѣ увѣренъ что система образованія указанная Государемъ Императоромъ будетъ сохранена *вполнѣ* и при моемъ преемникѣ.“

№ 122.

Москва, 3-го мая.

Нельзя не отмѣтить съ какимъ равнодушіемъ, можно сказать злорадствомъ, многіе органы европейской печати относились и относятся къ возмутительному факту убійства Куммерау, полковника русской службы, середи бѣла дня въ людномъ мѣстѣ турецкой столицы. Казалось бы что убійство это должно было причинить тревогу и негодованіе не въ одной только Русской колоніи Константинополя, ибо, насколько выяснено слѣдствіемъ, убійцей руководило не чувство ненависти къ Русскимъ въ особенности, а фанатическое озлобленіе изувѣра-мусульманина къ гяурамъ вообще. Но достаточно что жертвой этого фанатизма былъ Русскій и „симпатіи раздѣлились.“ Офиціальный міръ конечно продѣлалъ все что въ подобныхъ случаяхъ установлено долговременною практикой по той части умерщвленій христіанъ „во славу Аллаха:“ дипломатическія представленія Портѣ и всяческіе протесты были своевременно сдѣланы всѣми представителями европейскихъ державъ въ Константинополѣ. Тѣмъ не менѣе, со времени убійства прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, а убійца до сихъ поръ не понесъ заслуженной казни. „Усовершенствованная“ уго-

ловная процедура турецкаго правосудія началась съ возбужденія вопроса о психическомъ состояніи подсудимаго. Турецкимъ судебнымъ властямъ видимо желательно было освободить убійцу отъ наказанія на основаніи невмѣняемости. Но недавно обнародованное рѣшительное заключеніе психіатровъ что убійца дѣйствовалъ съ полнымъ разумѣніемъ и никакимъ разстройствомъ умственныхъ способностей не страдаетъ не только доказало лживость первоначальныхъ утвержденій турецкихъ властей, но и то что на нихъ нѣтъ возможности положиться на случай замѣны смертной казни другимъ наказаніемъ коего исполненіе зависѣло бы исключительно отъ нихъ. Когда дѣло идетъ объ огражденіи жизни Европейцевъ живущихъ въ турецкихъ владѣніяхъ отъ фанатической ненависти, смертная казнь есть въ сущности единственно дѣйствительная кара не только въ видахъ устрашенія, весьма полезнаго когда требуется произвести впечатлѣніе на толпу грубыхъ и невѣжественныхъ людей, но и потому что всякое иное наказаніе по необходимости изъято изъ контроля представителей Европы и зависитъ исключительно отъ органовъ турецкаго правительства, коихъ симпатіи въ этихъ случаяхъ всегда на сторонѣ осужденнаго. Вотъ почему европейскіе представители, коимъ приходилось заступаться предъ Портой за своихъ соотечественниковъ павшихъ жертвой турецкаго фанатизма, всегда домогались казни преступниковъ и въ большинствѣ случаевъ требованія ихъ были исполняемы, причемъ турецкое правосудіе не задавалось юридическими тонкостями и умѣло дѣйствовать суммарно. Припомнимъ случай бывшій четыре года тому назадъ въ Салоникахъ: 6 мая (24 апрѣля) 1876 года, тамъ были убиты французскій и германскій консулы разъяренною толпой мусульманъ которая возмутилась тѣмъ что эти консулы старались успокоить происшедшее между Турками и Греками столкновеніе по поводу одной болгарской дѣвушки изъявившей будто бы готовность перейти въ магометанскую вѣру. Спустя два дня послѣ этого событія, военныя эскадры всѣхъ европейскихъ державъ неслись на всѣхъ парахъ къ Салоникамъ и не далѣе какъ 17 мая, то-есть черезъ десять дней послѣ убійства, германскій *Имперскій Указатель* возвѣстилъ что наканунѣ казнены въ Салоникахъ шестеро изъ арестованныхъ вслѣдствіе безпорядковъ 6 мая. Болѣе подробныя свѣдѣнія, полученныя позднѣе, подтвердили что казненные не были настоящими виновниками убійства, коихъ и невозможно было доискаться, такъ какъ оно было совершено толпой единомышленныхъ людей. Державы, и во главѣ ихъ Германія, требовали примѣрнаго наказанія въ видахъ острастки, и Турецкое правительство смиренно покорилось.

Теперь дѣло идетъ не объ умерщвленіи совершенномъ разъяренною толпой и въ запальчивомъ состояніи фанатическаго возбужденія, а объ убійствѣ заранѣе обдуманномъ и хладнокровно исполненномъ. Доказано что убійца не былъ сумасшедшимъ. Турецкому трибуналу пришлось наконецъ произнести приговоръ, который не могъ быть иной какъ смертный. Но Турецкое правительство прибѣгло, если вѣрить извѣстіямъ изъ Константинополя чрезъ Вѣну и Парижъ, къ новому извороту дабы спасти голову почему-то особенно имъ оберегаемаго отъ дѣйствія правосудія убійцы русскаго полковника: султанъ испрашиваетъ согласія Русскаго правительства на смягченіе судебнаго приговора и на замѣну смертной казни пожизненною каторгой. Не знаемъ вѣрно ли это извѣстіе и какой отвѣтъ послѣдуетъ со стороны Россіи если къ ней дѣйствительно обратились съ подобною просьбой. Скажутъ что по русскимъ законамъ убійство не наказывается смертью. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду двухъ соображеній: вопервыхъ, есть полное основаніе полагать что „смягченіе“ наказанія, коего домогается Турецкое правительство, будетъ равносильно полному избавленію отъ наказанія убійцы, ибо по турецкому закону убійство наказывается смертью и неизвѣстно какое иное смягчающее обстоятельство въ пользу осужденнаго усматриваютъ Турки кромѣ того что жертва его преступленія есть Русскій. Второе соображеніе заключается въ томъ что милость оказанная преступнику была бы истолкована въ Константинополѣ не какъ милость, а какъ наглядный признакъ того что жизнь Русскаго во владѣніяхъ султана не имѣетъ такой цѣны какъ жизнь Англичана, Нѣмца или Француза...

Весьма справедливо высказывается по этому поводу газета *Nord*, отъ 11 мая, „Парижская телеграмма,“ сказано въ замѣткѣ этой газеты,—

„извѣстила вчера что султанъ поручилъ

просить Императора Всероссійскаго согласиться на помилованіе убійцы полковника Куммерау, нынѣ приговореннаго къ смертной казни. Мы не знаемъ достовѣрно ли это извѣстіе; впрочемъ оно не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго и представляетъ только новое доказательство до какой степени въ Турціи, гдѣ такъ поспѣшно наказываютъ убійцу мусульманина, трудно подвергнуть убійцу христіанина заслуженной имъ карѣ. Вотъ почему дѣло это съ самаго начала разсматривалось всѣми членами дипломатическаго корпуса въ духѣ солидарности. Всѣ были того мнѣнія что необходимо для безопасности иностранцевъ вообще чтобъ убійца полковника Куммерау былъ немедленно преданъ суду и наказанъ. Дипломатическія представленія послѣдовавшія за преступленіемъ были сдѣланы коллективно представителями державъ. Признанія подсудимаго, который объявилъ что онъ не имѣлъ личнаго неудовольствія противъ своей жертвы и умертвилъ полковника Куммерау просто потому что тотъ христіанинъ, ставили еще болѣе на видъ общность интересовъ въ этой области между всѣми правительствами которыя должны охранять въ Турціи жизнь своихъ подданныхъ. Дѣло идетъ не только о безопасности Русскихъ, но и о безопасности всѣхъ членовъ европейской колоніи. Милосердіе Александра II признано всѣми, но возникаетъ цѣлый рядъ весьма важныхъ соображеній которыя Императоръ Всероссійскій не можетъ не принять въ разчетъ если предположить что представленіе приписываемое султану было сдѣлано дѣйствительно."

№ 124.

Москва, 5-го мая.

Мысль объ основаніи собственныхъ колоній стала на очередь въ ряду политико-экономическихъ вопросовъ Германіи. Вопросъ этотъ всесторонне обсуждается въ брошюрѣ г. Фабри, носящей громкое заглавіе: *Нужны ли для Германіи колоніи?*

Исходя изъ этого вопроса, г. Фабри прежде всего разсматриваетъ три пункта: экономическое положеніе своей страны, современный кризисъ въ ея пошлинной и торговой политикѣ и мощное развитіе германскаго военнаго флота.

„Наше грустное состояніе, замѣчаетъ г Фабри, тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать что мы, лишь недавно, при звонѣ милліардовъ, считавшіе себя за очень богатыхъ, внезапно получаемъ выразительное напоминаніе о нашей бѣдности." Говоря о таможенной и торговой политикѣ Германіи, авторъ рѣшительно склоняется на сторону проведеннаго княземъ Бисмаркомъ мнѣнія. Третій пунктъ, какъ мы сказали уже, развитіе морскаго флота Германіи. Не раздѣляя мысли что сильный военный флотъ насущная потребность молодой имперіи (онъ считаетъ главнымъ ея оплотомъ сухопутное войско) и признавая такимъ образомъ германскій флотъ за безполезную роскошь, авторъ находитъ однако что въ виду необходимости колоній, сильный военный флотъ былъ бы для Германіи счастливою поддержкой, и говоритъ что съ этой точки зрѣнія онъ готовъ одобрить всѣ потраченныя на это дѣло усилія и суммы. „Весьма сомнительно, замѣчаетъ онъ, чтобъ и имперское правительство исходило въ своихъ военно-морскихъ предпріятіяхъ изъ этой же идеи; но если это такъ, то нельзя не похвалить искусства съ которымъ оно до-сегодня сохранило въ тайнѣ свою заднюю мысль."

Какъ бы то ни было, но колоніи, по его мнѣнію, необходимы. Изъ вызывающихъ эту необходимость обстоятельствъ самое крупное—систематическая эмиграція. Послѣ Ирландіи, доставившей въ теченіе нашего столѣтія наибольшій контингентъ переселенцевъ, Германія занимаетъ самое видное мѣсто. Въ послѣднія 50 лѣтъ число выбывшихъ изъ отечества доходитъ до 4.000.000 душъ. Потеря капитала соединенная съ этимъ истеченіемъ силъ достигаетъ ежегодно 300.000.000 марокъ, такъ что полная потеря за послѣднія 50 лѣтъ равняется 15.000.000.000 марокъ. „Что бы мы ни сказали про эти приблизительныя исчисленія, замѣчаетъ г. Фабри, все-таки въ вышеприведенныхъ цифрахъ кроется фактъ величайшаго политико-экономическаго значенія."

Но самое средоточіе всего высказаннаго г. Фабри въ разбираемой брошюрѣ группируется вокругъ слѣдующей, безспорно вѣрной мысли: „самъ по себѣ фактъ такого широкаго выселенія не есть еще что-либо печальное, такъ какъ онъ не только служитъ доказательствомъ присущаго народу духа предпріимчивости, но при зна-

чительномъ приростѣ нашего населенія, является естественною необходимостью. Темная сторона вопроса заключается лишь въ томъ что вмѣсто того чтобы вступить въ живое и производительное взаимодѣйствіе съ родною страной, этотъ огромный капиталъ рабочей силы и вызываемая имъ производительность *совершенно теряются для страны и обращаются на пользу другихъ государствъ, преимущество Соединенныхъ Штатовъ.*"

Дальнѣйшія страницы брошюры г. Фабри столь же интересны, но намъ достаточно приведеннаго. Упомянемъ только что отвѣчая на вопросъ: *гдѣ* на земномъ шарѣ искать Германіи наиболѣе удобныхъ мѣстностей для поселенія, авторъ останавливается на нижней, узкой части Южной Америки.

Еще въ прошломъ году *National-Zeitung* сдѣлала себя глашатаемъ этихъ мнѣній. Въ своихъ статьяхъ по колоніальному вопросу, она горячо защищала воззрѣнія его сторонниковъ, не дѣлая впрочемъ какихъ-нибудь существенныхъ вкладовъ въ его фактическую часть. Нынѣ она снова поднимаетъ голосъ. Не такъ давно, въ передовой статьѣ она опять обращаетъ вниманіе на усиленную эмиграцію изъ Германіи: изъ этой статьи мы заимствовали извѣстіе о переселеніи 1.500 семейныхъ ткачей въ Сѣверную Америку изъ одной только Верхней Франконіи. Но на голыхъ фактахъ не останавливается выше названный органъ: теперь онъ указываетъ и на мѣры къ смягченію тяжкихъ условій эмиграціи.

„Сѣверной Америкѣ, говоритъ *National-Zeitung*, Германія отдала уже много своихъ дѣтей; но неужели нѣтъ болѣе близкихъ странъ, гдѣ нѣмецкіе переселенцы столь же вѣрно и столь же легко нашли бы средства къ существованію? Неужели нѣтъ въ нашемъ сосѣдствѣ земель гдѣ они могли бы остаться въ болѣе тѣсномъ единеніи со своею метрополіей и чрезъ это приносили бы ей болѣе ощутительную пользу?"

И такія земли находятся. „Мы видимъ, продолжаетъ газета, что Балканскій полуостровъ, который, граница съ Австріей, не далеко лежитъ отъ насъ, нынѣ получаетъ новую политическую организацію, и мы не можемъ сомнѣваться что въ скоромъ времени еще большее будетъ сдѣлано на этомъ пути. На нашихъ глазахъ и не вдали отъ насъ возникаютъ новыя государства: Болгарія, Румелія, увеличенная Сербія. Мы уже много разъ указывали какъ велика стала площадь земли изъятой нынѣ изъподъ владычества Турокъ. Она еще увеличится, и тамъ вездѣ есть много мѣста для новыхъ поселенцевъ, много благопріятныхъ условій для земледѣлія, для промышленности, для всевозможныхъ предпріятій на пользу культуры. Въ лицѣ этихъ странъ Европа фактически обогащается новою культурною областью, и всѣ европейскіе народы равномѣрно приглашены принять участіе въ устроеніи..."

Итакъ, вотъ давно ожидаемое разрѣшеніе. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, ѣздить въ Америку, къ чему содержать съ этою цѣлью сильный военный флотъ, когда можно ближе и удобнѣе найти помѣщеніе голодающему избытку своего населенія? Развѣ не открыты теперь рукой услужливой Россіи эти богатыя и „пустыя" восточныя страны, доселѣ окружавшіяся на географическихъ картахъ чертой мусульманскихъ владѣній? Отчего же не занять эти „пустопорожнія" страны когда притомъ можно это сдѣлать не нахально, съ оружіемъ въ рукахъ, а вѣжливо, по чьему-то приглашенію? Вѣдь еслибы даже и произошли какія затрудненія при входѣ, то недостаточно ли развѣ, въ убѣжденіе несговорчиваго стража, назвать свое имя какъ „Европейскаго" народа и показать свой пригласительный билетъ?...

Мы однако полагаемъ что Европейскимъ народомъ называется всякій живущій въ Европѣ, и Славянскія племена имѣютъ на это имя такое же право какъ и всѣ прочія.

Но если нельзя отталкивать переселенцевъ, въ особенности изъ образованныхъ странъ, то слѣдуетъ во всякомъ случаѣ принимать ихъ индивидуально, предоставляя каждому участвовать въ общихъ правахъ и обязанностяхъ ихъ новаго отечества, а не гнѣздами на особомъ положеніи, такъ чтобъ они не могли вносить съ собою господство чуждой національности и иностраннаго государства...

№ 125.

Москва, 6-го мая.

Увольненіе графа Д. А. Толстаго отъ должности министра народнаго просвѣщенія, послѣ четырнадцати-лѣтняго управленія этою частію, сопровождается въ на-

шей печати истинною вакханаліей, которая творитъ свои оргіи не только на собственный счетъ участниковъ, но и на казенныя деньги. Офиціозные и оппозиціонные, либеральные и консервативные органы слились въ одинъ безстыжій гамъ, являя новое доказательство какъ несущественно у насъ различіе между тѣми и другими. Лишь не многіе органы нашей печати высказывались трезво и выражали негодованіе въ виду этихъ оргій, которыя совершались не подъ покровомъ ночи, а среди бѣлаго дня. Насъ особенно пріятно поразило одно изъ самыхъ скромныхъ петербургскихъ изданій,—*Петербургская Газета* издаваемая г. Баталинымъ,—какъ достоинствомъ своего тона, такъ и правдивостью и честностью своихъ сужденій.

Впрочемъ, объ учебной системѣ теперь не спорятъ. Самые заклятые враги ея наперерывъ стараются изъявить ей свое почтеніе и протестовать противъ всякой въ ней ломки. Требуются де лишь легкія перемѣны которыя оставили бы за ней имя и уничтожили бы ее безъ ломки. Обманъ у насъ вошелъ въ такое употребленіе что не считаетъ нужнымъ прикрывать себя. Классическая система есть де превосходное дѣло, но въ примѣненіи своемъ никуда не годится. Надобно, вопервыхъ, изгнать учителей которые улучшили и подняли нашу школу. Надобно ослабить древніе языки на которыхъ она основана, и ввести снова широкое изученіе россійской литературы въ видахъ наилучшаго развитія юныхъ умовъ. Надобно открыть воспитанникамъ реальныхъ училищъ доступъ въ университеты. Вообще нужно понизить ученіе до того чтобы различіе между хорошимъ и дурнымъ ученикомъ исчезло, чтобъ о требованіяхъ науки не было помину, чтобы школьникамъ предоставлена была полная свобода бить баклуши и чтобъ университеты были попрежнему открыты для всѣхъ настежь. Все бы де такъ и вышло еслибы бывшій министръ народнаго просвѣщенія не попалъ въ узы плѣна, какъ свидѣтельствуетъ одна изъ петербургскихъ газетъ. Вся де бѣда въ томъ что графъ Толстой находился въ плѣну у *Московскихъ Вѣдомостей*, и что онъ слушался совѣтовъ ихъ издателей.

Вотъ обычная уловка съ помощію которой плуты успѣваютъ дѣйствовать на людей слабыхъ и недальнихъ, которые полагаютъ самостоятельность въ томъ чтобы запираться для вразумленія и затыкать уши для истины, что̀ плутамъ только и надобно. Самостоятеленъ въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ только тотъ кто не боится за свою самостоятельность, ищетъ вразумленія, но умѣетъ отличать бѣлое отъ чернаго, истинное отъ ложнаго. Графъ Толстой могъ быть узникомъ только своего собственнаго разумѣнія и своего долга предъ Государемъ. Онъ былъ обязанъ согласоваться только съ волею пославшаго его, мнѣнія же которыя онъ могъ вокругъ слышать не могли быть навязаны ему ничѣмъ кромѣ его собственнаго убѣжденія. Реформа исполненная бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія не можетъ быть приписана ему, какъ не можетъ быть приписана Ростовцеву реформа освободившая крестьянъ. И то и другое было дѣломъ Верховной Власти управляющей судьбами Россіи. Обѣ реформы, какъ ни различны по характеру, тѣсно между собою связаны. Хотя учебная реформа ни во что̀ не вмѣняется газетными историками нашихъ дней, но она, вмѣстѣ съ отмѣной крѣпостнаго права, есть самое существенное и самое плодотворное изъ всѣхъ законодательныхъ дѣяній преобразившихъ Россію. Отмѣна крѣпостнаго права обращена къ прошедшему; учебная реформа есть посѣвъ будущаго, и судьба всѣхъ другихъ преобразованій зависитъ отъ того какой характеръ, высоту и силу пріобрѣтетъ наука въ нашемъ отечествѣ. Державный Преобразователь поставилъ Себѣ задачей, вмѣстѣ съ освобожденіемъ Своего народа, поднять уровень его образованія и обезпечить правильное и плодотворное развитіе науки. Министръ которому ввѣрено было исполненіе этой задачи, достославно исполнилъ первую и главную часть ея, которая касалась устройства школы ведущей къ высшему научному образованію. Россія впервые получила гимназіи достойныя этого имени. Изготовляя проектъ реформы, министръ поступалъ не случайно, а въ строгомъ соотвѣтствіи съ указаніями Государя, что̀ доказывается тѣмъ что Верховный Законодатель, при возникавшихъ въ правительствѣ разногласіяхъ по поводу учебной реформы, былъ постоянно на сторонѣ графа Толстаго. Въ дѣлѣ столь великой важности, министръ долженъ былъ вникнуть въ дѣйствительныя условія вопроса и построить свой проектъ на основаніяхъ вполнѣ доказанныхъ и испытанныхъ. Мы не

могли молчать въ виду возбужденнаго вопроса, и если наши показанія и заключенія оказывались вѣрными, то виноваты ли мы что наши противники оставили за нами привилегію правды? Истинная заслуга графа Толстаго состояла въ томъ что онъ серіозно понялъ возложенное на него порученіе. Какъ и подготовители крестьянской реформы, онъ принялъ мѣры чтобы реформа была правдою, и чтобы дѣло не осталось въ прежнихъ условіяхъ подъ фальшивымъ титуломъ. Нельзя упрекнуть его въ увлеченіи и поспѣшности,—скорѣе можно было пожалѣть что онъ слишкомъ долго готовился къ реформѣ, какъ бы оставаясь въ нерѣшимости между правдой и ложью манившею его на свои пути. Онъ вступилъ въ управленіе въ 1866 году, а законодательное рѣшеніе вопроса послѣдовало въ 1871 — 72 годахъ. Пять лѣтъ — не мало времени. Слѣдуетъ еще припомнить что тотъ же вопросъ обсуждался съ 1862 года, и что предмѣстникомъ графа Толстаго уже дѣлалась попытка реформы. Слѣдовательно, основанія этого дѣла обсуждались и устанавливались въ теченіи десяти лѣтъ, причемъ какъ графомъ Толстымъ, такъ и его предмѣстникомъ призывались къ совѣщанію со всѣхъ сторонъ свѣдущіе люди, отправлялись спеціалисты за границу, разсылались вопросные пункты къ знаменитымъ ученымъ и педагогамъ всѣхъ странъ. Свѣдѣнія и матеріалы собранные такимъ образомъ могутъ составить цѣлую библіотеку. Ни одна реформа у насъ не раждалась такъ продолжительно и тяжко какъ учебная, хотя для ума непредубѣжденнаго дѣло здѣсь было ясно какъ день. Всѣ разъясненія, изученія и соображенія приводили къ одному и тому же заключенію, ничего не прибавляя къ сущности вопроса, а только затягивали его разрѣшеніе возбуждая напрасную агитацію которая оставила надолго горечь и раздраженіе въ умахъ. Первый проектъ реформы внесенный предмѣстникомъ графа Толстаго въ Государственный Совѣтъ и составленный на основаніи тщательныхъ справокъ, превозносилъ въ принципѣ классическую систему какъ дѣло несомнѣнно и вполнѣ соотвѣтствующее предположенной цѣли приготовленія учащихся къ высшему научному образованію, но въ своемъ развитіи проектъ приходилъ къ отрицанію этой системы для Россіи. Что же касается графа Толстаго, то онъ, послѣ новыхъ пятилѣтнихъ справокъ и взвѣшиваній, признавъ въ свою очередь основный принципъ установленный его предмѣстникомъ, счелъ своимъ долгомъ остаться вѣрнымъ этому принципу въ развитіи и исполненіи своего проекта. Но министръ такъ былъ безпристрастенъ что самъ организовалъ оппозицію противъ своего дѣла, передавъ существенную часть реформы на разсмотрѣніе коммиссіи составленной имъ изъ противниковъ классической системы подъ предсѣдательствомъ самаго отъявленнаго ея противника, покойнаго Вортова. Всѣ аспираціи противныя реформѣ получили такимъ образомъ возможность столковаться и формулировать свой проектъ радикально противный самому принципу реформы. Вотъ одинъ изъ источниковъ постояннаго броженія и недовольства сопровождавшихъ потомъ управленіе графа Толстаго. Административное примѣненіе классической системы также предварительно обсуждалось и устанавливалось особыми коммиссіями, составленными изъ спеціальныхъ лицъ, причемъ выступили два направленія, и во главѣ одного былъ директоръ Историко-Филологическаго института Штейнманъ, а другое поддерживалось профессоромъ Леонтьевымъ. Первое настаивало на томъ чтобы преподаваніе древнихъ языковъ имѣло исключительно формальный характеръ, и чтобы чтеніе авторовъ, даже въ высшихъ классахъ, служило только средствомъ для изученія грамматики, между тѣмъ какъ покойный товарищъ нашъ, отводя въ учебномъ планѣ должное мѣсто граммматическому ученію, настаивалъ на томъ чтобъ оно служило напротивъ средствомъ къ разумѣнію авторовъ. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* мы высказывали что формальное ученіе должно сосредоточиваться главнымъ образомъ на латинскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ воспитательное значеніе эллинизма заключается преимущественно въ безсмертныхъ произведеніяхъ его генія, исполненныхъ неистощимаго богатства творческихъ идей и производительной силы и оказывающихъ на умы ничѣмъ не замѣнимое, оплодотворяющее и возбуждающее дѣйствіе. *) Къ счастію, про-

*) Вотъ что писали мы въ 1871 г. (*Московскія Вѣдомости* 1871, № 99). „Изученіе древнихъ языковъ называется обыкновенно умственною гимнастикой, но этимъ недостаточно опредѣляется ихъ значеніе при воспитаніи. Они не только формально развиваютъ умственныя силы учащихся, но и

тивоположное воззрѣніе которое въ чтеніи греческихъ писателей не хотѣло восходить далѣе Ксенофонта, и то только ради грамматики, не восторжествовало, однако все же оно болѣе или менѣе ограничило и стѣснило направленіе которое представлялъ и поддерживалъ въ министерскихъ совѣщаніяхъ нашъ покойный товарищъ. Реальный принципъ изученія классиковъ былъ спасенъ, но развитъ не вполнѣ. Впрочемъ, справедливость требуетъ оговориться что на первыхъ порахъ трудно было бы дать ему большее развитіе. Это былъ вопросъ будущаго,—будущаго близкаго благодаря хорошо положенному началу. А на ближайшей очереди стояла реформа нашихъ университетовъ, которые должны давать гимназіямъ учителей, равно какъ и дѣятелей на всѣ поприща требующія научнаго образованія.

Но за университетскою-то реформой и стало дѣло. Прежде наши университеты были только скудны и слабы, но послѣ неудачной организаціи ихъ въ 1863 году они стали сверхъ того безобразною аномаліей, требуя рѣшительнаго законодательнаго акта который вывелъ бы ихъ изъ ложнаго положенія и въ то же время поставилъ бы въ нихъ дѣло науки на надлежащую высоту и обезпечилъ бы ея самостоятельное развитіе и плодотворное дѣйствіе. За реформою гимназій неизбѣжно должна была слѣдовать правильная реформа университетовъ, безъ чего дѣло не могло считаться ни окопченнымъ, ни обезпеченнымъ. И дѣйствительно, вопросъ о пересмотрѣ университетскаго устава былъ поднятъ тотчасъ же послѣ того какъ вышелъ законъ о гимназіяхъ.

Одна изъ петербургскихъ газетъ, на этихъ дняхъ, имѣла безстыдство заявить будто университетскій вопросъ былъ возбужденъ нами изъ личной досады на то что покойный товарищъ нашъ, профессоръ Леонтьевъ, былъ забаллотированъ по окончаніи срока службы въ Московскомъ Универси-

---

оплодотворяютъ и обогащаютъ ихъ. Посредствомъ изученія этихъ языковъ учащіеся знакомятся не черезъ чужіе пересказы, а собственнымъ чувствомъ и собственною мыслію, съ великими основными фактами умственной жизни всего образованнаго человѣчества. Каждое слово этихъ языковъ есть уже фактъ историческій. Но, не ограничиваясь языкомъ, учащіеся вступаютъ въ самый міръ котораго языки эти были выраженіемъ. Они усваиваютъ себѣ содержаніе великихъ произведеній составляющихъ наслѣдіе всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и ихъ родящихъ между собою. Учащіеся собственнымъ живымъ изученіемъ знакомятся со всѣми видами умственной дѣятельности человѣка въ ихъ самыхъ простыхъ, чистыхъ и ясныхъ очертаніяхъ. Пріучаясь къ труду мысли, развиваясь всѣми духовными способностями, они изо дня въ день, изъ года въ годъ, вживаются въ исторію всемірной цивилизаціи. Читая съ своими воспитанниками древнихъ авторовъ, гимназія не пускается въ неумѣстныя научныя изслѣдованія; она не претендуетъ разрабатывать этотъ матеріалъ въ смыслѣ какой-либо спеціальной науки, и довольствуется только разъясненіями необходимыми для ближайшаго уразумѣнія читаемаго; но это чтеніе есть занятіе одного качества съ занятіями наукой въ высшемъ значеніи этого слова. Все здѣсь слѣдуетъ одно за другимъ въ естественной и строго логической постепенности, соотвѣтственно смѣняющимся возрастамъ воспитанниковъ и раскрытію сторонъ предмета ихъ изученія. Грамматическое ученіе классическихъ языковъ есть фактическая логика, которая не налагается на учащихся, но сама собой вырабатывается въ ихъ умѣ. Чтеніе авторовъ производится въ системѣ выработанной наукою и педагогическимъ опытомъ. Самое свойство чтенія таково что учащіеся не скользятъ посверхъ читаемаго, какъ это бываетъ при чтеніи писателей отечественнаго языка, но по необходимости вникаютъ отчетливо въ читаемое, добиваясь уразумѣнія полнаго смысла борьбою со всѣми подробностями выраженія. Тутъ нѣтъ простора никакой неопредѣленности; ежедневно въ умахъ учащихся проводится явственная черта между знаніемъ и незнаніемъ, и въ нихъ вырабатывается драгоцѣннѣйшее для науки чувство различія между ясно и неясно понятымъ.

„Въ образовательномъ дѣйствіи обоихъ древнихъ языковъ есть та разница что латинскому принадлежитъ преимущественно формальная сторона воспитанія, между тѣмъ какъ греческій наиболѣе способствуетъ внутреннему обогащенію учащихся, оплодотворенію духовныхъ силъ и возбужденію ихъ къ производительности. Вотъ почему общеевропейская гимназія начинаетъ свое воспитательное дѣйствіе съ латинскаго языка, и только съ третьяго года курса, когда уже пройдено элементарное грамматическое ученіе на латинскомъ матеріалѣ, приступаетъ къ языку греческому. При этомъ послѣднемъ хорошая школа не имѣетъ надобности останавливаться долго на граматическомъ ученіи, но пользуясь относительною зрѣлостью воспитанниковъ, скорѣе чѣмъ при латинскомъ языкѣ должна обращать ихъ къ чтенію авторовъ и быстро вводить своихъ воспитанниковъ въ литературу которая не имѣетъ себѣ подобной какъ по самородности, такъ и по богатству идей, по изяществу формъ, по полнотѣ проявленій человѣческаго духа—литературу въ которой нѣтъ ничего условнаго и заимствованнаго, но которая имѣла самое обширное и глубокое вліяніе, прямое или косвенное, на всѣ послѣдующія движенія и развитія человѣческой мысли. Она присутствуетъ какъ основная стихія во всѣхъ запутанныхъ и многосложныхъ комбинаціяхъ современной мысли, такъ что безъ ближайшаго знакомства съ греческою литературой не можетъ быть основательно объяснено и раскрыто никакое значительное направленіе въ области современной мысли.“

тетѣ. Циркуляръ съ которымъ министръ впервые обратился къ совѣтамъ университетовъ, спрашивая ихъ мнѣнія о пересмотрѣ университетскаго устава, появился прежде баллотировки профессора Леонтьева, имѣвшей столь печальный для университета исходъ, котораго никто не могъ и предвидѣть. Циркуляръ этотъ былъ для насъ неожиданностію, и еслибы мы были спрошены, то никакъ не могли бы посовѣтовать обращаться съ подобнымъ вопросомъ къ профессорскимъ коллегіямъ которыя вслѣдствіе ненормальности своего положенія не могли бы дать правдиваго и полезнаго отзыва. Тяжкія непріятности и преслѣдованія какимъ подвергались тѣ изъ профессоровъ которые имѣли достаточно гражданскаго мужества чтобы со всею искренностію высказаться между своими товарищами, показываютъ въ какой мѣрѣ профессорскія коллегіи организованныя уставомъ 1863 года допускаютъ свободу мнѣнія своихъ членовъ. Циркуляръ 1872 года былъ только ненужною прелюдіей къ дѣлу и не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Но спустя два года снова былъ возбужденъ въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о пересмотрѣ университетскаго устава. Въ 1874 году, въ комитетѣ состоявшемъ изъ всѣхъ министровъ имѣющихъ высшія учебныя заведенія въ своемъ управленіи,—народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, военнаго, морскаго, финансовъ, путей сообщенія, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи съ присоединеніемъ шефа жандармовъ, главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи и государственнаго контролера, были въ общихъ чертахъ установлены и Высочайше одобрены главныя основанія предположенной реформы. Такимъ образомъ, всѣ министры, по нашему наущенію, мстили университетамъ за нанесенную намъ обиду! Вотъ до какой наглости можетъ доходить ложь употребляющая печать своимъ орудіемъ! Можно ли ожидать чего-либо хорошаго отъ дѣла которое не отступаетъ ни предъ какимъ извращеніемъ истины?

Итакъ, восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ впервые возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ университетскаго устава, и почти шесть лѣтъ послѣ того какъ были установлены основанія предположенной реформы. Потребовалась еще enquête на мѣстахъ, и въ 1875 году была снаряжена экспедиція которая объѣхала всю Россію, посѣтила всѣ университеты и переспросила по одиночкѣ всѣхъ профессоровъ. Въ 1876 году собиралась въ Петербургѣ коммиссія съ участіемъ ректоровъ всѣхъ университетовъ. Наконецъ, всѣ свѣдѣнія, и нужныя и ненужныя, были собраны, всѣ мнѣнія были выслушаны. Прошелъ еще годъ, и еще годъ, и еще годъ; никакихъ свѣдѣній собирать болѣе не оставалось, никакихъ еще коммиссій составлять не приходилось, но реформа не двигалась. Преобразованіе среднихъ учебныхъ заведеній, такъ благополучно и блистательно исполненное, но не завершенное университетскою реформой, оставалось какъ бы не оконченнымъ дѣломъ, во всякомъ случаѣ не обезпеченнымъ на будущее время. Повидимому, министръ, утомленный выдержанною имъ борьбою или по другимъ причинамъ, затруднялся приступить къ дѣлу, откладывая его изъ года въ годъ. Поборники реформы приходили въ уныніе; за то противники ея подняли голову. Пріостановка реформы въ ея заключительной фазѣ нисколько не примирила съ министромъ противниковъ его дѣла,—напротивъ только ободрила и усилила ихъ вражду, такъ какъ вопросъ о реформѣ все-таки оставался открытымъ. Это была роковая ошибка. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда графъ Д. А. Толстой подготовлялъ и совершалъ преобразованіе среднихъ учебныхъ заведеній, его авторитетъ росъ вмѣстѣ съ успѣхомъ дѣла. Это былъ путь восхожденія. Самымъ блистательнымъ временемъ графа Толстаго были годы реформы гимназій отъ 1871 по 1875. Благоволеніе и довѣріе Монарха объявлялось ему всенародно и неоднократно. Интрига противниковъ прекратила свои дѣйствія, враждебная печать смолкла. Графъ Толстой сталъ однимъ изъ популярнѣйшихъ министровъ. Его объѣзды учебныхъ округовъ сопровождались овваціями отъ сословій, городовъ, земствъ. Но какъ только онъ пріостановился, правительственное положеніе его ослабѣло, агитація возобновилась, и враждебная печать принялась съ большею чѣмъ когда-либо ревностію распространять въ публикѣ систематическую ложь объ его управленіи. Увы, такъ всегда бываетъ на свѣтѣ! И вотъ теперь враги бывшаго министра съ худо скрываемою иронією, въ одномъ изъ своихъ органовъ благодарятъ его за то что онъ не исполнилъ ввѣреннаго ему дѣла преобразованія университетовъ...

Систематическая агитація противъ графа Толстаго не оставила ничего въ его управленіи безъ клеветы и поруганія. Ни при одномъ изъ министровъ народнаго просвѣщенія не было сдѣлано столько какъ при графѣ Толстомъ; не говоря уже объ его заслугѣ по преобразованію гимназій и введенію классической системы, сколько создано было имъ новыхъ-учебныхъ заведеній! При вступленіи его въ управленіе у насъ было всего 85 гимназій, 6 четырехклассныхъ прогимназій и 7 реальныхъ училищъ съ общимъ числомъ 26.000 учащихся; въ настоящее время 134 гимназій, 80 прогимназій (изъ нихъ 25 шестиклассныхъ) и 71 реальныхъ училищъ, и болѣе 70.000 учащихся; женскихъ гимназій и прогимназій было не много болѣе ста а теперь ихъ 249; городскихъ учительскихъ институтовъ для приготовленія учителей городскихъ (уѣздныхъ) училищъ не было вовсе,—теперь ихъ 10; учительскихъ семинарій для приготовленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ было 2, теперь ихъ 62; начальныхъ народныхъ училищъ было около 14.000, теперь безъ малаго 25.000 съ 1.100.000 учащихся. И что же? Въ виду этихъ столь очевидныхъ фактовъ, систематическая ложь агитацій успѣла въ самой же Россіи выставить графа Толстаго противникомъ просвѣщенія ретроградомъ, обскурантомъ!...

Однако не одни противники учебной реформы были врагами графа Толстаго. Вражда противъ него обострилась еще другимъ ферментомъ который, если поискать глубже, окажется въ основѣ всякой систематически враждебной агитаціи въ нашемъ отечествѣ. Никогда вражда противъ бывшаго министра не имѣла бы такого ядовитаго характера, не была бы такъ неотвязчива и изворотлива, еслибы къ ней не примѣшивалось антирусское начало. Графъ Толстой сталъ въ антинаціональномъ лагерѣ символомъ русской національной политики. Его возненавидѣли тамъ за систему принятую правительствомъ въ отношеніи къ Царству Польскому. Онъ отнюдь не былъ виновникомъ этой системы, но призванный къ исполненію ея въ сферѣ своего управленія онъ считалъ долгомъ исполнять ее по правдѣ. Русскій языкъ сталъ не на бумагѣ только, но и на дѣлѣ органомъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго. Какъ въ учебной его реформѣ противники его помирились бы съ нимъ еслибъ онъ совершилъ ее только на бумагѣ, а не поставилъ бы ее успѣшно и прочно на дѣлѣ, такъ и польскіе агитаторы не имѣли бы причины злобствовать противъ него еслибъ онъ только для виду исполнялъ требованія предписанныя ему національною политикой въ отношеніи къ Царству Польскому. Въ нашемъ несамостоятельномъ обществѣ всякая антинаціональная интрига дѣйствуетъ съ удивительнымъ успѣхомъ.

Послушайте какъ отзывается по поводу удаленія графа Толстаго органъ самой враждебной намъ польской партіи, клерикально-аристократической, краковская газета *Czas*:

„Въ Россіи совершилось событіе важное, отставка слишкомъ извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія графа Толстаго, событіе столь важное что трудно было повѣрить ему пока оно не было объявлено въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*... Поддерживаемый и съ права и съ лѣва (?), графъ Толстой, творецъ (?) ужасной системы русифицирующаго воспитанія въ Польшѣ, союзникъ графини Блудовой въ ея фанастической (?) дѣятельности на пользу православія, одинъ изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей въ преслѣдованіи (?) и насильственномъ обращеніи уніатовъ, наконецъ палъ, и это паденіе, хотя бы оно не имѣло послѣдствій для Поляковъ, есть во всякомъ случаѣ событіе которому порадуется веякій Полякъ въ Россіи... Въ Варшавѣ всѣ увѣрены что попечитель Апухтинъ будетъ отозванъ."

Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ въ какой мѣрѣ вѣрна или не вѣрна эта оцѣнка дѣятельности графа Толстаго; интересно только то что агитаторы польской національной идеи, вожаки польской *справы*, видятъ въ немъ символъ русской національной политики. Не думаемъ чтобы „всякому Поляку" былъ поводъ радоваться удаленію министра сдѣлавшаго не мало для народнаго просвѣщенія и въ Царствѣ Польскомъ и устроившаго университетъ въ Варшавѣ. Думаемъ во всякомъ случаѣ что благоразумные изъ Поляковъ не могутъ радоваться возобновленію старой интриги не предвѣщающей ничего добраго... Но хорошо ли Русскимъ людямъ превращаться въ стадо подгоняемое вожаками польской *правы* и радоваться паденію министра который, по ихъ признанію, служилъ вѣрнымъ органомъ русской національной политики?

№ 126.

Москва, 7-го мая.

Прошло не болѣе мѣсяца со времени окончанія выборовъ въ Англійскій парламентъ, такъ поразившихъ весь политическій міръ своимъ неожиданнымъ исходомъ. Главнымъ, можно сказать единственнымъ, лозунгомъ борьбы между торіями и вигами была иностранная политика и въ ней преимущественно Восточный вопросъ. Блистательная побѣда виговъ была принята за рѣшительный, хотя и не предвидѣнный приговоръ страны надъ „бойкою“ политикой лорда Биконсфильда; великое уныніе овладѣло Турками и всѣми ихъ явными и не явными покровителями, а многіе изъ друзей Славянъ увлеклись розовыми мечтами, и уже строились широкіе планы въ виду близкаго и окончательнаго прекращенія турецкаго владычества въ Европѣ. Нельзя сказать чтобы не было достаточныхъ поводовъ къ такимъ иллюзіямъ. Всѣ выдающіеся ораторы виговъ, и болѣе всего самъ г. Гладстонъ, такъ рѣзко и съ такою горячностью высказывались въ своихъ избирательныхъ рѣчахъ за свободу и независимость порабощенныхъ народностей Востока, съ такимъ негодованіемъ говорили о Туркахъ и всѣхъ ихъ пособникахъ, что трудно было усомниться въ искренности всѣхъ этихъ громкихъ фразъ. Лишь немногіе должнымъ образомъ оцѣнивали весь этотъ избирательный гвалтъ, и понимали различіе между рѣчами на площади и дѣйствіями въ качествѣ министровъ британской короны. Но за то только этихъ немногихъ не постигло разочарованіе.

Новый Англійскій кабинетъ разсѣялъ заблужденіе раньше чѣмъ можно было ожидать. Первымъ дѣломъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Гранвилля, была циркулярная нота къ европейскимъ державамъ о необходимости поддержать во всей его силѣ Берлинскій трактатъ, тотъ самый трактатъ который либералы съ такимъ ожесточеніемъ критиковали во время тріумфальнаго возвращенія виновника онаго въ Лондонъ и надъ которымъ они столько глумились въ своихъ рѣчахъ при послѣднихъ выборахъ. Но это еще ничто въ сравненіи съ поразительнымъ шагомъ самого г. Гладстона. Новый премьеръ счелъ нужнымъ принести торжественное и публичное покаяніе въ своихъ необдуманныхъ рѣчахъ относительно Восточнаго вопроса вообще и Австріи въ особенности, и этотъ безпримѣрный въ дипломатическихъ анналахъ актъ отреченія произвелъ громадное впечатлѣніе, и еще болѣе нежели циркуляръ лорда Гранвилля доказалъ какъ мало общаго между англійскимъ ораторомъ оппозиціи и тѣмъ же ораторомъ когда онъ становится носителемъ правительственной власти.

Г. Гладстонъ много разъ нападалъ на Австрію въ своихъ безчисленныхъ рѣчахъ произнесенныхъ имъ во время своей „агитаторской“ дѣятельности. Но въ послѣдній разъ его нападки на Австрію были включены имъ въ рѣчь произнесенную предъ избирателями въ Эдинбургѣ, въ то время когда результаты выборовъ уже выяснились и переходъ власти въ руки виговъ уже былъ дѣломъ рѣшеннымъ. Одинъ изъ вѣнскихъ корреспондентовъ сообщилъ въ то время что императоръ Австрійскій отозвался несочувственно о побѣдѣ виговъ. Ссылаясь на это сообщеніе, г. Гладстонъ весьма рѣзко напалъ на Австрію, на ея враждебную всякой свободѣ политику, и прямо сказалъ что новый кабинетъ отнюдь не будетъ поощрять ея замыслы на Востокѣ и не допуститъ Австрію продолжать ея себялюбивые и притѣснительные для народовъ Балканскаго полуострова планы. Такъ какъ это было высказано уже не въ видѣ предложенія независимымъ оппозиціоннымъ ораторомъ, а лицомъ намѣченнымъ голосомъ всей страны какъ будущій премьеръ, то представитель Австріи въ Лондонѣ, графъ Карольи, счелъ нужнымъ обратиться къ г. Гладстону съ запросомъ, по поводу этой рѣчи, на другой день послѣ того какъ состоялось назначеніе его первымъ министромъ. Австрійскій посолъ желалъ знать насколько эдинбургская рѣчь г. Гладстона заключала въ себѣ политическую программу будущаго главы кабинета. На этотъ-то запросъ г. Гладстонъ отвѣчалъ 4 мая письмомъ на имя графа Карольи, копія съ котораго была сообщена уже 6 мая г. Эллиоту, британскому послу при Вѣнскомъ дворѣ, и официально обнародована въ тотъ же день. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ, англійскій премьеръ прежде всего заявляетъ что „съ того момента какъ онъ призванъ кворолевой на постъ министра, онъ рѣшился не повторять и не поддерживать тѣхъ полемическихъ выходокъ которыя онъ до-

зволилъ себѣ противъ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ въ то время когда находился въ положеніи большей свободы и меньшей отвѣтственности." Этимъ заявленіемъ графъ Карольи едва ли могъ бы довольствоваться, ибо, съ одной стороны, само собою разумѣется что отвѣтственный министръ не такъ свободенъ въ своихъ публичныхъ рѣчахъ касательно иностраннаго государства какъ частный человѣкъ, а съ другой, все-таки оставался тотъ фактъ что г. Гладстонъ говорилъ объ Австріи весьма незадолго до вступленія своего въ должность и имѣя уже полную увѣренность что власть должна перейти если не къ нему лично, то въ руки его ближайшихъ друзей. Но г. Гладстонъ идетъ гораздо далѣе и прямо заявляетъ что его взглядъ на дѣло *измѣнился по существу*. Онъ говоритъ: „Что касается „моихъ замѣчаній объ иностранной поли„тикѣ Австріи, то я не скрою отъ васъ „что въ душѣ моей были серіозныя опа„сенія что Австрія будетъ играть на Бал„канскомъ полуостровѣ роль враждебную „свободѣ вновь эманципированныхъ на„родностей и справедливымъ надеждамъ „подданныхъ султана. Теперь вы были „такъ любезны и сообщили мнѣ что ваше „правительство не имѣетъ вообще жела„нія расширить тѣ права которыя оно „пріобрѣло по Берлинскому трактату, или „стремиться къ пріобрѣтенію новыхъ правъ, „и что такое расширеніе было бы прямо „противно видамъ Австро-Венгріи. Позволь„те мнѣ немедленно отвѣчать на это что „еслибъ я прежде имѣлъ подобное увѣре„ніе то я не произнесъ бы ни одного изъ „тѣхъ словъ которыя ваше превосходи„тельство справедливо признаете оскорби„тельными." Далѣе г. Гладстонъ сожалѣетъ что онъ „по несчастію или по собственной войнѣ" не былъ прежде посвященъ въ истинные виды австрійской политики, увѣряетъ что онъ „исторгнетъ изъ своего ума самое воспоминаніе" о прежнихъ имъ высказанныхъ словахъ, и признаетъ что настоящее его заявленіе должно получить такую же огласку какъ и прежнія его рѣчи.

Понятно что подобное заявленіе со стороны англійскаго премьера должно было произвести большую сенсацію. Въ самой Англіи оно очень не понравилось и значительно измѣнило то праздничное настроеніе какимъ сопровождалось торжество избирательной побѣды. Торійскіе органы, примолкшіе до поры до времени въ унылomъ сознаніи постигшаго ихъ партію пораженія, замѣтнымъ образомъ оживились и съ жадностью подхватили заявленіе г. Гладстона какъ желанный и весьма серіозный поводъ къ открытію своей оппозиціонной кампаніи. Нѣтъ сомнѣнія что послѣ предстоящаго въ четвергъ открытія парламента, новому правительству придется выдержать цѣлую бурю нападокъ по этому поводу, и это будетъ весьма естественно, ибо, какъ ни смотрятъ на „джентльменское прямодушіе" съ коимъ г. Гладстонъ поспѣшилъ публично сознать свою „ошибку," подобное самоотреченіе со стороны главы правительства великой страны никакъ не способствуетъ укрѣпленію авторитета этой страны, а Англичане въ этомъ отношеніи крайне щепетильны...

Не меньшее впечатлѣніе произвело письмо англійскаго премьера внѣ Англіи. Берлинская печать приняла съ большимъ удовольствіемъ это указаніе на то что новый Англійскій кабинетъ въ сущности намѣренъ идти по стопамъ своихъ предмѣстниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, берлинскія газеты далеки отъ того чтобы принять этотъ фактъ въ той сентиментальной простотѣ какимъ онъ представляется. Радѣніе Англіи о неприкосновенности Берлинскаго трактата и уничиженіе высказываемое ею относительно Австріи принимается какъ признакъ торжества той политики которая привела къ Австро-Германскому союзу и поставила оный на стражѣ порядка вещей созданнаго во время Берлинскаго конгресса. Союзъ этотъ былъ де привѣтствованъ прежними руководителями англійской политики. Партія виговъ была иного мнѣнія и думала что новому кабинету возможно будетъ проложить новые пути и стать въ иное положеніе относительно роли указанной Австріи на Балканскомъ полуостровѣ. Но не успѣли де они принять власть въ свои руки какъ сила вещей убѣдила ихъ въ невозможности бороться противъ того что сильнѣе ихъ, и они вынуждены были покориться необходимости и смиренно въ этомъ сознаться.

Что же касается австрійской печати, то само собою разумѣется что нѣмецкіе органы оной ликуютъ въ такой же степени какъ мѣсяцъ тому назадъ они унывали по случаю побѣды англійскихъ либераловъ. Вѣнскія газеты не только „великодушно

прощаютъ“ г. Гладстона, но заявляютъ о готовности возобновить старинную дружбу между Австріей и Англіей, подъ тѣмъ только условіемъ чтобы новый кабинетъ оставилъ свои симпатіи къ балканскимъ Славянамъ и убѣдился что единственно разумная политика на Востокѣ есть противодѣйствіе всѣми способами „панславизму“ и сохраненіе владычества Турокъ.

№ 127.

Москва, 8-го мая.

А.

Сегодня послѣдовало открытіе дополнительной сессіи прусскаго лантага, предназначавшейся первоначально лишь для окончательнаго обсужденія административной реформы. Обстоятельства сложились однако такъ что важнѣйшимъ предметомъ занятій станетъ законопроектъ о предоставленіи правительству права смягчать, а въ случаѣ надобности и пріостанавливать дѣйствіе майскихъ законовъ.

Вчера, стало-быть наканунѣ открытія палаты депутатовъ, императоръ совѣщался съ министромъ исповѣданій, на долю котораго выпала трудная задача положить начало прекращенію „культурной борьбы“ и провести законопроектъ противъ котораго самымъ энергическимъ образомъ протестуютъ именно тѣ въ чью пользу онъ, повидимому, направленъ.

Клерикальный центръ, большинство членовъ котораго, какъ замѣтилъ на дняхъ князь Бисмаркъ, состоитъ изъ патеровъ и лицъ избранныхъ подъ ихъ вліяніемъ, и слышать не хочетъ объ этомъ законопроектѣ, рѣшившись требовать не снисхожденія, не временной даже пріостановки дѣйствія майскихъ законовъ, а полной и безусловной ихъ отмѣны.

Рѣчь князя Бисмарка, произнесенная въ засѣданіи рейхстага 8 мая, произвела на клерикаловъ совсѣмъ иное впечатлѣніе нежели разчитывалъ канцлеръ. Партія центра, какъ видно, не смирилась, а напротивъ еще болѣе подняла свои притязанія. „Восьмое мая, говорятъ органы этой партіи, есть дѣло нашего торжества: имперскій канцлеръ вынужденъ былъ наконецъ открыто признать что мы составляемъ незыблемую и неодолимую силу“.

Въ сознаніи этой силы, поощряемомъ явною уступкой правительства, партія центра чуть ли не на другой же день по закрытіи сессіи положила вотировать противъ законопроекта который внесенъ теперь на обсужденіе ландтага.

Чего намѣрены требовать клерикалы въ ландтагѣ всего точнѣе выражено въ резолюціи принятой на созванномъ ими 13 мая въ Дартмундѣ съѣздѣ рейнскихъ католиковъ гдѣ присутствовало до 3.000 человѣкъ. Вотировавъ полное довѣріе клерикальной партіи въ ландтагѣ и рейхстагѣ, съѣздъ выразилъ желаніе чтобы правительство уступило наконецъ требованіямъ „уже давно заявленнымъ епископами и представителями католическаго населенія“. Образованіе духовенства, согласно пункту пятому этой резолюціи, должно быть всецѣло предоставлено церкви, безъ всякаго вмѣшательства свѣтскихъ властей. Орденамъ и конгрегаціямъ признаннымъ церковью требуется полная свобода дѣйствій и покровительства. Съѣздъ отказываетъ правительству даже въ той уступкѣ готовность на которую еще такъ недавно выразилъ папа въ письмѣ къ бывшему архіепископу кельнскому. Въ письмѣ этомъ, Левъ XIII соглашается чтобъ епископы представляли свѣтскимъ властямъ списки лицъ предназначаемыхъ къ занятію вакантныхъ духовныхъ мѣстъ. Съѣздъ, напротивъ, настаиваетъ чтобы свѣтскія власти отнюдь не вмѣшивались въ это дѣло, которое должно быть вполнѣ въ рукахъ властей духовныхъ, точно также какъ въ ихъ же рукахъ должна быть и вся дисциплинарная власть надъ духовенствомъ. Постановивъ такія требованія, съѣздъ не находитъ конечно возможнымъ вести рѣчь о какой бы то ни было сдѣлкѣ и, переходя къ законопроекту о смягченіи и пріостановкѣ дѣйствія майскихъ законовъ, открыто заявляетъ что согласиться на это значитъ „признать майскіе законы, сдѣлать вредную уступку абсолютизму, уничтожить права церкви и стѣснить гражданскую свободу католиковъ“.

Этого мало. Первые четыре пункта принятой съѣздомъ резолюціи, не воспроизводимые нѣмецкими газетами, посвящены исключительно изложенію притязаній клерикаловъ относительно школы, которую правительство всего болѣе старалось въ свое время охранить отъ вліяній клерикальныхъ притязаній.

На такой почвѣ, какъ замѣчаютъ нѣмецкія газеты, примиреніе невозможно. Уступить этимъ требованіямъ значило бы идти въ Каноссу и за прекращеніе культурной борьбы заплатить такою монетой которая, по выраженію князя Бисмарка, „въ Германіи не чеканится.“ Правда, клерикалы не отрицаютъ готовности къ примиренію, но они указываютъ путь который при этихъ условіяхъ представляется правительству и мало удобнымъ, и не сулящимъ достиженія цѣли. „Какъ истые сыны церкви, говорятъ члены съѣзда, мы готовы какъ и всегда безпрекословно подчиниться рѣшеніямъ папскаго престола, и въ особенности тѣмъ кои онъ признаетъ необходимыми для возстановленія порядка въ церковныхъ дѣлахъ въ нашемъ отечествѣ.“

Выходитъ что миръ можетъ быть подписанъ не въ Берлинѣ, а только въ Римѣ, а между тѣмъ надежды на благопріятный исходъ прямыхъ сношеній съ Римомъ, начатыхъ уже давно, очевидно падаютъ. Клерикальная партія, какъ замѣтилъ въ своей послѣдней рѣчи князь Бисмаркъ, есть самый вѣрный барометръ истинныхъ намѣреній папскаго престола Если клерикальная партія настроена миролюбиво, если она готова на уступки и поддерживаетъ правительственные проекты не относящіеся къ церкви, то это значитъ что можно разчитывать на уступку и въ Римѣ, и наоборотъ. Чѣмъ рѣшительнѣе оппозиція центра, тѣмъ меньше вѣроятія на соглашеніе съ папскимъ престоломъ.

А между тѣмъ правительство въ настоящее время болѣе нежели когда-либо чувствуетъ необходимость прекратить культурную борьбу которая расшатываетъ политическое могущество имперіи и ея внутренній бытъ. Только одно это сознаніе и могло вынудить правительство, при существующихъ обстоятельствахъ, внести въ ландтагъ законопроектъ котораго примѣненіе на дѣлѣ не можетъ привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. При такихъ условіяхъ, законопроектъ этотъ представляется лишь дипломатическимъ пріемомъ посредствомъ котораго разчитываютъ поддержать колеблющіеся переговоры, дать имъ новый болѣе рѣшительный толчокъ и успокоить въ то же время ту часть католическаго населенія которая держится хотя въ сторонѣ отъ притязанія клерикаловъ, но тѣмъ не менѣе испытываетъ всю тягость „культурной борьбы.“

Этимъ же объясняется почему князь Бисмаркъ намѣренъ остаться въ Берлинѣ до половины будущаго мѣсяца. Сессія ландтага продлится недѣль шесть и слѣдовательно канцлеръ будетъ имѣть возможность дѣйствовать на ходъ занятій даже въ томъ случаѣ если не сочтетъ удобнымъ принять непосредственное участіе въ его преніяхъ. Нужно прибавить что законопроектъ о предоставленіи правительству права смягчать и пріостанавливать дѣйствіе майскихъ законовъ, какъ утверждаютъ, будетъ внесено въ палату немедленно по ея открытіи и будетъ однимъ изъ первыхъ предметовъ занятій.

Б.

Въ № 125, мы упоминали о правительственномъ постановленіи касательно пересмотра уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Имперіи. Въ совѣщаніяхъ, бывшихъ по сему предмету въ 1874 году, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго министра Государственныхъ Имуществъ, нынѣ предсѣдателя Комитета Министровъ, графа П. А. Валуева, принимали участіе: министръ Военный, нынѣ графъ, Д. А. Милютинъ, министръ Финансовъ М. Х. Рейтернъ, министръ Внутреннихъ Дѣлъ А. Е. Тимашевъ, главноуправляющій II Отдѣленіемъ собственной Е. И. В. Канцеляріи князь С. И. Урусовъ, министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Д. А. Толстой, государственный контролеръ С. А. Грейгъ, шефъ жандармовъ А. Л. Потаповъ, министръ Путей Сообщенія К. Н. Посьетъ и министръ Юстиціи графъ К. И. Паленъ*).

Считаемъ не лишнимъ припомнить главныя заключенія, къ которымъ, послѣ пяти засѣданій, пришли эти совѣщанія:

1) Что нынѣшная организація высшихъ учебныхъ заведеній должна подлежать нѣкоторымъ измѣненіямъ, и что въ этихъ видахъ пересмотръ нынѣ дѣйствующихъ уставовъ составляетъ предметъ несомнѣнной потребности.

2) Что автономія профессорскихъ коллегій можетъ быть ограничена изъятіемъ изъ ихъ вѣдѣнія нѣкоторыхъ дѣлъ административно-полицейскаго свойства и установленіемъ другаго порядка назначенія про-

*) Въ статьѣ № 125, въ числѣ министровъ ошибочно упомянутъ управляющій Морскимъ Министерствомъ. Исправимъ кстати опечатку вкравшуюся въ нѣкоторыхъ экземплярахъ гдѣ вмѣсто Вороновъ напечатано Вортовъ.

фессоровъ и лицъ занимающихъ въ учебныхъ заведеніяхъ административныя или полицейскія должности. Первая изъ этихъ мѣръ, устраняя отъ преподавателей разныя мелочныя заботы по хозяйственной части, возвысила бы ихъ положеніе въ средѣ заведеній. Другая мѣра вызывается частыми затрудненіями въ замѣщеніи каѳедръ и необходимостью устранить вліяніе личныхъ недоразумѣній и даже вражды, возникающихъ между членами-коллегій.

3) Что правительственный контроль за направленіемъ преподаванія можетъ быть усиленъ, въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ, по ближайшему усмотрѣнію подлежащихъ вѣдомствъ въ тѣхъ размѣрахъ и формахъ, въ какихъ это будетъ признано удобнымъ и возможнымъ, по особому свойству и строю каждаго заведенія. Относительно университетовъ, министръ Народнаго Просвѣщенія считаетъ возможнымъ, не стѣсняя свободы преподаванія, ограничиться только отдѣленіемъ отъ него выпускныхъ экзаменовъ, учрежденіемъ особыхъ экзаменаціонныхъ коммиссій, по назначенію министра и съ приглашеніемъ депутатовъ отъ другихъ вѣдомствъ, исключая только испытанія на ученыя степени.

Далѣе признано необходимымъ обратить особое вниманіе на всю нынѣ дѣйствующую систему льготъ и пособій и впредь оказывать тѣ и другія съ систематическою разборчивостью. Настаивалось на возвышеніи размѣровъ учебной платы; но министръ Народнаго Просвѣщенія отозвался что онъ не считаетъ этого возвышенія возможнымъ.

Что касается важнаго вопроса объ экзаменахъ — постановлено что „надлежитъ воспользоваться нынѣ заявленными предположеніями министра Народнаго Просвѣщенія.“

Вотъ въ какомъ положеніи было дѣло о реформѣ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ 1874 году, когда на докладѣ совѣщанія Государь Императоръ изволилъ начертать: *исполнить*. Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ произведены реформы (Медико-Хирургическая Академія совершенно преобразована; но только три мѣсяца тому назадъ выработанный въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, согласно вышеприведеннымъ указаніямъ, проектъ былъ внесенъ бывшимъ министромъ въ Государственный Совѣтъ.

№ 129.

Москва, 10-го мая.

Немного времени, можетъ-быть всего нѣсколько дней, остается до постановленія того окончательнаго рѣшенія которымъ на долгій срокъ должны быть опредѣлены предстоящія судьбы русскаго чугуноплавильнаго, желѣзодѣлательнаго, рельсоваго и машиностроительнаго производства. Не безъ тревоги ожидается это рѣшеніе и представителями массы интересовъ непосредственно замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, и вообще русскими людьми понимающими его государственную важность. Дѣйствовавшая донынѣ торговопромышленная политика по отношенію къ чугуну, желѣзу и всевозможнымъ изъ нихъ издѣліямъ должна уступить мѣсто иной, болѣе соотвѣтственной экономическимъ условіямъ и нуждамъ Россіи. Но прежніе отжившіе свой вѣкъ порядки, при всемъ ихъ противорѣчіи общимъ интересамъ страны, для многихъ были выгодны; и пользовавшіеся этими выгодами, естественно, желаютъ и на будущее время сохранить ихъ за собой, во всякомъ случаѣ поступиться ими сколь можно менѣе. Къ достиженію этой цѣли направляютъ они всѣ свои усилія и средства, все свое пріобрѣтенное въ теченіе долгихъ лѣтъ не малое вліяніе въ канцелярскихъ и административныхъ сферахъ. Ихъ голоса громко раздаются и въ печати, и въ засѣданіяхъ разныхъ обществъ, и при обсужденіи относящихся къ дѣлу вопросовъ въ различныхъ коммиссіяхъ. Отъ того въ какой мѣрѣ будутъ эти голоса приняты во вниманіе при рѣшеніи дѣла зависитъ многое. При чрезмѣрной уступчивости заявляемымъ ими требованіямъ, задуманная и столь долго обсуждавшаяся мѣра, долженствующая открыть новую эру въ русской экономической политикѣ, можетъ оказаться ни къ чему не ведущею полумѣрой, или даже мертворожденнымъ недоноскомъ. Распространяемые время отъ времени слухи отличаются свойствомъ возбуждать опасенія именно такого исхода. Къ числу подобныхъ слуховъ, повидимому, принадлежатъ и тѣ о которыхъ упомнается въ помѣщаемой ниже петербургской телеграммѣ, и которые, какъ гласитъ означенная телеграмма побудили Общество для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ

ходатайствовать объ отсрочкѣ окончательнаго рѣшенія вопроса...

Всѣхъ болѣе заинтересованы въ сохраненіи или по крайней мѣрѣ въ возможно меньшемъ измѣненіи существовавшаго у насъ донынѣ экономическаго порядка иностранные производители и торговцы. Россія долго была для нихъ обширнымъ и самымъ выгоднымъ рынкомъ, покупавшимъ иностранные металлы и издѣлія изъ нихъ на сотни милліоновъ рублей. Этотъ рынокъ находился донынѣ въ полной отъ нихъ зависимости. Безъ иностраннаго желѣза и машинъ у насъ невозможенъ былъ даже ежегодный ремонтъ желѣзныхъ дорогъ и, можно сказать, нельзя было ступить шагу ни въ какой отрасли промышленности. Понятно, какими глазами, при такихъ обстоятельствахъ должны смотрѣть иностранцы на мѣры направленныя къ ослабленію этой зависимости широкимъ развитіемъ домашнихъ желѣзнаго и машиннаго производства, и къ стѣсненію русскаго рынка для заграничныхъ продуктовъ разширеніемъ его для продуктовъ отечественныхъ. Такія мѣры грозятъ иностранцамъ въ будущемъ потерей господства надъ обширнымъ русскимъ рынкомъ и извлекаемыхъ изъ него громадныхъ выгодъ. Возвысить голосъ въ защиту этихъ выгодъ иностранцы конечно не могутъ; но надежды на благопріятное имъ рѣшеніе вопроса они не теряютъ. Есть кому порадѣть въ ихъ пользу въ самой Россіи. Сбытъ въ Россіи иностранныхъ желѣза и машинъ на 160 милліоновъ рублей въ годъ требовалъ цѣлой массы посредниковъ, которые естественно, изъ личнаго интереса, желаютъ развитія, а не сокращенія дѣла которымъ донынѣ занимались. Къ числу такихъ посредниковъ принадлежатъ, какъ извѣстно, и торговцы иностранными желѣзными издѣліями, и владѣльцы передѣлочныхъ заводовъ и сборныхъ мастерскихъ. Ихъ прямая выгода въ сохраненіи существовавшей донынѣ тарифной системы и, само собою разумѣется, нельзя осуждать ихъ за то что они ее отстаиваютъ. Но нельзя упустить изъ виду что въ основѣ ихъ агитаціи противъ предстоящаго измѣненія таможенныхъ пошлинъ лежатъ эгоистическіе разчеты, хотя эта агитація и ведется во имя общерусскихъ экономическихъ интересовъ.

Повышеніе пошлинъ на привозныя машины и желѣзо во всѣхъ его видахъ, необходимое для упроченія въ Россіи обширнаго и самостоятельнаго желѣзнаго и машиностроительнаго производства, выставляется вреднымъ налогомъ на все населеніе, налогомъ, который грозитъ де тяжкимъ ущербомъ и русской промышленности, и русскому земледѣлію. Какое значеніе имѣетъ плачъ о нашей промышленности уже разъяснено, кажется въ достаточной степени. Представители промышленности сами изобличили господъ стремящихся насильно ихъ облагодѣтельствовать, заявивъ что промышленность не нуждается въ этомъ благодѣяніи, что пошлины лягутъ на нее далеко не тяжкимъ бременемъ, и что небольшія переплаты на машинахъ обратятся именно въ пользу промышленности если цѣною ихъ будетъ куплено въ будущемъ уменьшеніе зависимости отъ иностранцевъ въ основномъ элементѣ всякаго производства. Но что касается ссылки на интересы русскаго земледѣлія, то, при недостаточномъ практическомъ знакомствѣ съ предметомъ, ссылка эта многимъ можетъ показаться серіознымъ доводомъ противъ обложенія пошлинами если не привознаго желѣза вообще, то по крайней мѣрѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Этотъ доводъ, между прочимъ, побудилъ Вольное Экономическое Общество въ Петербургѣ ходатайствовать у правительства объ изъятіи сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій отъ предполагаемой пошлины. Этотъ доводъ можетъ, пожалуй, показаться вѣскимъ и въ глазахъ людей власть имѣющихъ. Если вѣрить газетамъ, при обсужденіи вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ, по Департаменту Государственной Экономіи, предположено, вопреки заключенію „коммиссіи для пересмотра существующихъ постановленій о таможенныхъ пошлинахъ и льготахъ по привозу изъ-за границы металловъ и металлическихъ издѣлій," оставить ввозъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій свободнымъ отъ пошлинъ. Утверждается при этомъ будто бы мнѣніе въ пользу безпошлиннаго ихъ привоза восторжествовало „благодаря настоянію министра финансовъ."

Такъ ли это, или нѣтъ, не знаемъ. Но во всякомъ случаѣ, никакого окончательнаго рѣшенія по этому вопросу еще не состоялось, и тѣмъ желательнѣе чтобы всѣ мало извѣстныя, а также умышленно затемняемыя его стороны были возможно полнѣе разъяснены.

Наибольшую смуту въ понятія вноситъ въ данномъ случаѣ предположеніе что интересы русскаго земледѣлія и интересы русскаго желѣзнаго и машино-строительнаго дѣла противоположны другъ другу. Но такъ ли это?

Слабая сторона нашего земледѣлія заключается въ слишкомъ малой роли, какую донынѣ играетъ желѣзо въ сельскомъ хозяйствѣ, въ крайне ограниченномъ приложеніи машинъ къ сельскохозяйственнымъ работамъ. Это обстоятельство, болѣе многихъ другихъ, ставитъ нашихъ земледѣльцевъ въ невыгодное положеніе сравнительно съ тѣми которые, какъ напримѣръ американскіе, ведутъ съ ними конкурренцію на всемірныхъ рынкахъ. Возможно большее распространеніе машиннаго хозяйства и улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ орудій было бы большимъ успѣхомъ нашего земледѣлія и сопровождалось бы огромными экономическими выгодами для всего государства. Если безпошлинный ввозъ иностранныхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій есть лучшее и наиболѣе дѣйствительное средство для достиженія указанной цѣли, возраженія противъ безпошлиннаго ихъ привоза должны умолкнуть. Но ведетъ ли на дѣлѣ это средство къ желаемому распространенію сельскохозяйственныхъ машинъ и усовершенствованныхъ орудій?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ многолѣтнимъ опытомъ. Безпошлинный привозъ практикуется уже нѣсколько десятилѣтій; а каковы данные имъ результаты, несмотря на сильное побужденіе ко введенію машиннаго хозяйства данное отмѣной крѣпостнаго труда? Только въ крупныхъ, да въ немногихъ среднихъ хозяйствахъ заведены машины, а въ огромномъ большинствѣ имѣній, не говоря уже о крестьянскомъ земледѣліи, о нихъ нѣтъ и помину. Да и тамъ гдѣ введены машины и усовершенствованныя орудія, со сколькими неудобствами сопряжено пользованіе ими? Эти неудобства заключаются въ самой конструкціи машинъ изготовленныхъ за границей по моделямъ приноровленнымъ къ условіямъ тамошняго, а не нашего земледѣлія, столь во многомъ не похожаго на иностранное; эти неудобства еще въ большей степени даютъ себя чувствовать при случающихся поломкахъ въ машинахъ, при затруднительности найти за доступную цѣну мастеровъ для поправки и мастерскія гдѣ можно было бы не очень дорого изготовить новыя части взамѣнъ сломанныхъ.

Таковы результаты безпошлиннаго ввоза, и иныхъ не предвидится отъ него въ будущемъ. Не того требуютъ интересы земледѣлія. Нужно машиностроеніе приноровленное къ мѣстнымъ условіямъ, а таковымъ можетъ быть только машиностроеніе отечественное. Нужно изготовленіе простыхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ доступныхъ и мелкому хозяину, и даже крестьянину, — а дать ихъ можетъ только внутреннее производство. Нужна распространенная по всей странѣ сѣть мастерскихъ гдѣ изготовлялись бы собственными средствами всѣ части молотилокъ, жней, сѣнокосилокъ, плуговъ, сѣялокъ, зерносушилокъ и проч.; нужны мастерскія въ которыхъ всѣмъ и каждому было бы сподручно обращаться за починкой машинъ или орудій въ случаѣ ихъ поломки; мастерскія, которыя, по вѣрному замѣчанію г. Бороховича, агронома по профессіи, способствовали бы распространенію машинъ и усовершенствованныхъ орудій въ народѣ и служили бы такимъ образомъ разсадниками улучшеній по сельскому хозяйству. Чѣмъ больше будетъ такихъ мастерскихъ, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ распространеніе машиннаго хозяйства, тѣмъ удачнѣе и приспособительнѣе къ мѣстнымъ условіямъ будутъ изготовляться сельскія машины и тѣмъ онѣ будутъ дешевле вслѣдствіе внутренней конкурренціи. Именно въ этихъ мастерскихъ и чувствуется у насъ сильный недостатокъ. А этотъ недостатокъ есть слѣдствіе, главнымъ образомъ, безпошлиннаго ввоза иностранныхъ машинъ и орудій. Та самая мѣра которая рекомендуется въ видахъ распространенія сельскохозяйственныхъ машинъ служитъ на дѣлѣ именно главнымъ препятствіемъ ихъ распространенію. Примѣръ другихъ странъ (въ особенности Америки конкуррирующей съ нами по сбыту хлѣба), гдѣ сельское хозяйство изобильно снабжено нужными ему машинами, показываетъ что не безпошлиннымъ ихъ привозомъ достигается постановка земледѣлія въ подобное положеніе, а поощреніемъ туземнаго машиностроенія.

Наложеніе пошлинъ на машины выставляютъ тяжелымъ налогомъ на земледѣліе. Это могло бы быть такъ еслибы привозныя сельско-хозяйственныя машины дѣйствительно имѣли у насъ повсемѣстно широкое распространеніе. Но этого нѣтъ.

Весь итогъ привоза земледѣльческихъ машинъ и орудій составляетъ лишь ничтожный процентъ въ общей массѣ всякихъ привозимыхъ машинъ, имѣющихъ иное, чуждое земледѣлію, назначеніе. Весь итогъ пошлинъ на земледѣльческія машины и орудія ограничивается поэтому небольшою суммой, уплата коей падетъ не на бѣдные классы, а на богатыхъ владѣльцевъ крупныхъ имѣній. Да и на этихъ послѣднихъ, какъ свидѣтельствуютъ обстоятельные разчеты сдѣланные г. А. Цубербиллеромъ, членомъ Харьковскаго Сельскохозяйственнаго Общества, въ замѣткѣ напечатанной въ *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ**), пошлина ляжетъ не цѣлыми копѣйками, а лишь дробями копѣйки съ пуда производимаго въ ихъ имѣніяхъ хлѣба. Эти дроби копѣйки лежатъ въ одной чашкѣ вѣсовъ, интересы всего русскаго земледѣлія, требующіе широкаго развитія отечественнаго машиностроенія — въ другой. Которая перетянетъ?

№ 131.

Москва, 12-го мая.

А.

Страсти возбужденныя борьбою партій въ Англіи все еще не успокоились. Торіи продолжаютъ издѣваться надъ г. Гладстономъ по поводу его объяснительнаго письма къ австро-венгерскому послу, графу Карольи. Не ограничиваясь глумленіемъ надъ его, какъ выражаются торійскія газеты, „безпримѣрнымъ уничиженіемъ“ предъ иностранною державой, завзятый торійскій органъ *Standard* сочинилъ даже письмо будто бы писанное г. Гладстономъ къ его предмѣстнику, лорду Беконсфильду, примѣнивъ къ главѣ павшаго кабинета, mutatis mutandis, тѣ выраженія которыя г. Гладстонъ употребилъ въ своемъ письмѣ къ графу Карольи. Эта грубая торійская шутка была приведена во вчерашнемъ, повоскресномъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* безъ объясненій, и наши читатели были такимъ образомъ цѣлый день подъ мистификаціей, которая впрочемъ едва ли могла обмануть кого-нибудь.

Ретрактація г. Гладстона въ отношеніи къ Австрійскому правительству не заключаетъ въ себѣ ничего унизительнаго и была весьма естественнымъ послѣдствіемъ объясненій данныхъ первенствующему министру Англіи австро-венгерскимъ посломъ: въ этомъ мы вполнѣ согласны съ соображеніями и доводами высказанными нашею уважаемою сотрудницей, которая своимъ правдивымъ, даровитымъ, исполненнымъ одушевленія и политическаго смысла словомъ много способствовала въ самой Англіи торжеству лучшаго взгляда на дѣла Востока. Мы соглашаемся также и съ тѣмъ что политика Англіи при переходѣ въ руки г. Гладстона, оставаясь конечно англійскою, становится свободною отъ того духа слѣпой вражды ко всему живому и просящему жизни на Востокѣ, какимъ была она исполнена находясь въ рукахъ Беконсфильда и Солсбери. Къ тому же, дѣла на Востокѣ такъ подвинулись что прежняя политика Англіи становится уже невозможною. Такъ какъ цѣль русской политики на Востокѣ состоитъ главнымъ образомъ въ поднятіи и оживленіи его христіанскихъ народовъ, то мы, къ счастію для нихъ, можемъ теперь дѣйствовать тамъ согласно съ лучшею англійскою политикой, для которой не годился лордъ Беконсфильдъ и которая призвала г. Гладстона ко власти. Намъ остается только усердно и достойно поддерживать наши добрыя преданія, чтобы не очутиться какъ-нибудь,— чего добраго!—противниками Англіи въ ея теперешнихъ заботахъ на пользу нашихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ. Для Англіи это дѣло новое; для насъ же это долгъ, законъ нашей природы, весь смыслъ нашего историческаго призванія на Востокѣ. Не только стыдно, но и пагубно было бы намъ отстать въ этомъ направленіи отъ либеральной политики нынѣшняго Британскаго кабинета.

Побѣда одержанная въ Англіи вигами уже отозвалась на дѣлахъ Европы благопріятнымъ образомъ. Мрачная комбинація, которая создана была въ Вѣнѣ пріѣзжавшимъ туда политическихъ дѣлъ мастеромъ, сразу утратила свою силу. Напрасно торіи хотятъ заставить думать будто все осталось по старому, и будто Гладстонов-

---

*) Эта же замѣтка напечатана въ № 127 *Московскихъ Вѣдомостей*, по недоразумѣнію, за подписью М. Не можемъ по этому поводу не выразить сожалѣнія что доставившій намъ эту дѣльную замѣтку не поставилъ насъ въ извѣстность что она одновременно доставлена въ редакцію другой газеты за полною подписью автора.

скій кабинетъ будетъ только доканчивать что они начали. Торіи радовались вѣнской комбинаціи; они, въ свою очередь, толкали Австрію на Востокъ, и была уже рѣчь о томъ какъ бы и Англіи присоединиться къ австро-германскому соглашенію. „Hands off!“ „Руки прочь!“ г. Гладстона,—слово отнюдь не утратившее значенія и послѣ письма его къ графу Карольи,—не походитъ на продолженіе Беконсфильдовской политики. Прямымъ послѣдствіемъ этой перемѣны была мгновенно происшедшая перемѣна въ отношеніяхъ къ намъ и Германіи, и Австріи. Князь Бисмаркъ, соединившій въ своихъ рукахъ судьбы обѣихъ этихъ странъ, долженъ былъ отказаться отъ своихъ дальнѣйшихъ плановъ, и теперь уже снова въ чести Drei-Kaiser-Bündniss или по крайней мѣрѣ Verhältniss...

Б.

Несмотря на то что германская печать отличается очень строго выдержанною дисциплиной, по всѣмъ вопросамъ въ чемъ-либо затрогивающимъ основы германскаго единства и будущность имперіи, она стала въ послѣднее время оказывать весьма замѣтное пессимистическое настроеніе. Органы всѣхъ партій наперерывъ другъ предъ другомъ стараются доказать что „такъ дѣло не можетъ далѣе идти,“ и ставятъ князю Бисмарку различныя требованія, смотря по интересамъ которые тотъ или другой органъ отстаиваетъ. Князь Бисмаркъ, въ своей недавней рѣчи въ рейхстагѣ, самъ подалъ сигналъ къ печальнымъ разсужденіямъ объ ослабѣвающемъ духѣ единенія и объ усиливающихся со всѣхъ сторонъ элементахъ партикуляризма, и эти заявленія показались тѣмъ болѣе зловѣщими что явныхъ признаковъ болѣзни никто въ точности не усматриваетъ и никому неизвѣстно какія побудительныя причины имѣлъ канцлеръ выступить публично съ такими сѣтованіями которыя въ его устахъ особенно знаменательны.

Не прошло еще полугода съ тѣхъ поръ какъ всѣ приверженцы германскаго единства усматривали „великій шагъ впередъ“ въ томъ тѣсномъ союзѣ съ Австро-Венгріей который князь Бисмаркъ „создалъ“ своею поѣздкой въ Вѣну, союзъ, коего основы и до сихъ поръ не оглашены, но о которомъ съ такимъ „восторгомъ“ возвѣщалось что онъ установленъ на условіяхъ болѣе тѣсныхъ нежели простое международное соглашеніе. Въ то же время князь Бисмаркъ дѣятельно продолжалъ свои переговоры съ папскимъ престоломъ, и папа Левъ XIII еще недавно первый далъ публичное подтвержденіе своей готовности вступить на путь соглашенія. Князь Бисмаркъ, въ свою очередь, заявилъ объ изготовленномъ законопроектѣ имѣющемъ цѣлью если не прекратить въ самомъ принципѣ великую борьбу между свѣтскою властью и притязаніями католической церкви, то установить временный *modus vivendi*, которымъ устраняется острый характеръ „культурной борьбы.“ Законопроектъ этотъ на дняхъ уже внесенъ въ Прусскій ландтагъ; онъ вполнѣ согласуется съ тѣмъ что по этому поводу предначерталъ князь Бисмаркъ во время бесѣды съ депутатами на своемъ парламентскомъ вечерѣ. Имъ не отмѣняются майскіе законы; но правительству даются полномочія приостанавливать ихъ дѣйствіе по усмотрѣнію, изъ чего естественно было заключить что правительство нуждается въ этомъ положеніи въ виду ожидаемыхъ уступокъ со стороны католической іерархіи, а отсюда, казалось бы, прямой выводъ что католическая партія, коей политическая оппозиція князю Бисмарку обусловливалась исключительно церковною борьбой, въ свою очередь положитъ оружіе. А эта партія и была единственнымъ видимымъ проявленіемъ той силы которая вела борьбу противъ имперіи; она такъ-сказать олицетворяла собою тотъ духъ партикуляризма, искоренить который князь Бисмаркъ поставилъ своею главною задачей послѣ основанія имперіи. Но именно теперь князь Бисмаркъ жалуется особенно на усиленіе этого ненавистнаго ему духа и бросаетъ новый вызовъ партіи центра, наканунѣ того дня когда имъ сдѣланъ первый шагъ къ прекращенію культурной борьбы. Противорѣчіе очевидное!

Въ свою очередь и партія центра далека отъ того чтобы склониться къ примиренію. Органы ея приняли относительно канцлера открыто-враждебный тонъ какого не было слышно со времени прошлогодней временной коалиціи между этою партіей и правительствомъ, при проведеніи съ ея помощью таможенныхъ законовъ. „Никто иной какъ князь Бисмаркъ,“ замѣчаетъ газета *Germania*, руководящій органъ нѣмецкихъ ультрамонтанъ, „породилъ то

мертвящее чувство всеобщаго недовѣрія и шаткости правъ которыя фальшиво именуются духомъ партикуляризма... Не скрывается ли истинный врагъ имперіи въ прусской маніи чрезмѣрной централизаціи?"

Въ другомъ мѣстѣ та же газета смѣло поднимаетъ вопросъ объ „усталости" князя Бисмарка и доказываетъ что усталость дѣйствительно существуетъ, усталость физическая и умственная. Иначе нельзя де и объяснить того факта что въ послѣднее время 83-лѣтній императоръ такъ часто пріѣзжалъ на домъ къ своему канцлеру для совѣщаній съ нимъ, избавляя его отъ необходимости являться съ докладомъ во дворецъ. Всего де естественнѣе было бы, въ виду этого „доказаннаго" утомленія, избавить князя Бисмарка отъ бремени всѣхъ дѣлъ, ограничивъ его обязанности исключительно иностраннымъ вѣдомствомъ. Но клерикальная газета не обольщается въ этомъ отношеніи и замѣчаетъ что хотя самъ князь Бисмаркъ говорилъ недавно о своемъ преемникѣ, однако всякій чувствуетъ что возможность такого преемника при его жизни представляется ему самому нелѣпостью. Поэтому партія центра должна де быть готовою къ борьбѣ и къ борьбѣ твердой и неуклонной, ничего не уступающей изъ своихъ основныхъ принциповъ, и ей нечего смущаться тѣмъ что князь Бисмаркъ недавно вновь повторилъ свое пресловутое слово о „Каноссѣ;" это слово потеряло де свое магическое значеніе и уже не имѣетъ прежняго значенія.

Чтобы примирить противорѣчіе между уступчивостью князя Бисмарка, сказавшеюся въ новомъ законопроектѣ, о коемъ онъ заявилъ ранѣе, и усилившимся среди партіи центра духомъ оппозиціи, въ Германіи придумали объясненіе что князь Бисмаркъ имѣетъ въ виду разстроить солидарность между этою партіей и папскою куріей, такъ какъ папа Левъ XIII гораздо менѣе требователенъ нежели германскіе ультрамонтаны. Но въ недавней своей рѣчи въ рейхстагѣ князь Бисмаркъ заявилъ что „поведеніе партіи центра служитъ для него барометромъ дѣйствительнаго, а не кажущагося настроенія папской куріи." Отсюда ясно что законопроектъ противъ котораго съ такою рѣшительностью протестуютъ нѣмецкіе клерикалы не есть результатъ тѣхъ переговоровъ которые такъ таинственно и долго велись между Берлиномъ и Римомъ. Переговоры эти, какъ слѣдуетъ думать, ни къ чему не привели, и князь Бисмаркъ вовсе не съ тою цѣлью внесъ свой законопроектъ чтобы привести дѣло къ миру, а напротивъ чтобы получить новое оружіе для борьбы. Добиваясь полномочія ослаблять по своему усмотрѣнію нѣкоторые изъ репрессивныхъ законовъ противъ католической церкви, князь Бисмаркъ имѣетъ лишь въ виду, съ одной стороны, показать что онъ готовъ былъ пойти на сдѣлку, а съ другой, въ точности намѣтить крайній предѣлъ тѣхъ послабленій которыя могли бы быть допущены въ интересахъ мира.

Во всякомъ случаѣ предстоящія въ прусскомъ ландтагѣ пренія по поводу предложенія внесеннаго 20 мая обѣщаютъ быть весьма интересными.

Трудно сказать въ чемъ собственно нѣмецкіе ультрамонтаны и сама папская курія, повидимому вполнѣ съ ними солидарная, почерпаютъ ту увѣренность съ которою они идутъ на возобновленіе притихшей борьбы съ имперіей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ самоувѣренность эта несомнѣнно находила себѣ опору во Франціи, гдѣ друзья іезуитовъ имѣли власть въ своихъ рукахъ. Теперь эта опора, по крайней мѣрѣ съ виду, совершенно исчезла... Кстати, интересенъ слѣдующій фактъ, подмѣченный лондонскимъ корреспондентомъ газеты *Germania*: перечисляя всѣхъ членовъ новаго англійскаго кабинета, онъ замѣчаетъ что почти всѣ они имѣютъ католиковъ въ своихъ семействахъ. Такъ г. Гладстонъ имѣетъ сестру католическаго исповѣданія (недавно умершую) и трехъ двоюродныхъ братьевъ принявшихъ католицизмъ; г. Брайтъ имѣетъ свояченицу католичку, лордъ Гранвилль сестру; недавно умершій братъ лорда Сельборна былъ католикомъ; въ семействѣ герцога Аргайля имѣется нѣсколько новообращенныхъ католиковъ. Сверхъ того, лордъ О'Гаганъ, лордъ-канцлеръ Ирландіи и маркизъ Рипонъ, вице-король Индіи — сами католики...

№ 132.

Москва, 13-го мая.

А.

Такъ-называемый „Веймаровскій процессъ" оконченъ. Въ продолженіе недѣли, пока онъ продолжался, читающая публи-

ка съ напряженнымъ вниманіемъ прочитывала телеграфные бюллетени и довольно пространные рефераты объ этомъ дѣлѣ „изъ залы судебнаго засѣданія,“ печатавшіеся во всѣхъ газетахъ. Какой интересъ возбудило это дѣло повсюду доказывается тѣмъ что и въ иностранныхъ газетахъ, за прошедшую недѣлю, мы также встрѣчаемъ телеграфныя сообщенія изо дня въ день о ходѣ процесса. Но и теперь, предъ объявленіемъ приговора, нельзя сказать чтобы публика была ознакомлена съ сущностью дѣла; можно сказать что сообщенное до сихъ поръ въ печати скорѣе затемнило нежели разъяснило то что̀ прежде было извѣстно по слухамъ. Мы и теперь не имѣемъ опредѣленнаго понятія о томъ какъ формуловано было обвиненіе противъ каждаго изъ подсудимыхъ и въ чемъ заключалась та связь между отдѣльными обвинительными пунктами, вслѣдствіе которой всѣ эти подсудимые совмѣстно предстали на судъ. Печатавшіеся до сихъ поръ рефераты „по принципу“ избѣгали изложенія того что̀ имѣло существенное значеніе, и слишкомъ подробно излагали то что̀ можетъ имѣть интересъ лишь въ связи съ содержаніемъ дѣла. Излагалась только „внѣшняя обстановка процесса;“ но при этомъ рефераты какъ бы контрабандой слегка упоминали обстоятельства касающіяся существа дѣла. Но этимъ-то отрывочнымъ, случайнымъ, анекдотическимъ указаніямъ публикѣ приходилось *догадываться* объ общей связи; отчетливаго понятія о процессѣ никто себѣ не составилъ и составить не могъ.

Объясненіе всему этому заключается въ томъ что по отношенію къ процессамъ, кои признано было необходимымъ изъять изъ общаго порядка суда и подчинить исключительной юрисдикціи военнаго суда, нѣсколько ограничены правила о судебной гласности, — сдѣлано распоряженіе чтобъ отчеты о дѣлахъ этого рода появлялись въ газетахъ не иначе какъ въ видѣ перепечатокъ офиціальнаго реферата помѣщаемаго въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, или въ мѣстныхъ органахъ администраціи. Мы понимаемъ побужденія подчинить судебные отчеты по дѣламъ этого рода особому контролю. Тенденціозные отчеты о многихъ политическихъ процессахъ сами могли бы послужить орудіемъ пропаганды. Такими отчетами наполнялись разныя революціонныя періодическія изданія, и многіе появлялись даже отдѣльно въ подпольныхъ брошюрахъ. Благомыслящая часть публики, конечно, болѣе довѣряла офиціальнымъ отчетамъ и въ нихъ придавала первенствующее значеніе обвинительному акту, всегда заключающему въ себѣ связное и обдуманное изложеніе всего существеннаго въ дѣлѣ въ томъ видѣ какъ оно представляется послѣ всей процедуры предварительнаго слѣдствія провѣряемаго нѣсколькими инстанціями. Офиціальные отчеты грѣшатъ обыкновенно лишь ненужными длиннотами въ изложеніи такъ-называемаго судебнаго слѣдствія, то-есть происходящаго на судѣ, воспроизводя стенографически всѣ неизбѣжныя на судѣ, но совершенно ненужныя читателю временныя недоразумѣнія судебнаго разбирательства, противорѣчія и безчисленныя повторенія, тогда какъ было бы совершенно достаточно ограничиться изложеніемъ того въ чемъ судебное слѣдствіе дѣйствительно измѣнило или дополнило содержаніе обвинительнаго акта.

Но въ дѣлахъ столь выдающихся какъ „дѣло Веймара“ публика нашихъ дней, пріученная газетами къ быстрому ознакомленію съ событіями, настойчиво домогается своевременныхъ свѣдѣній о ходѣ и содержаніи дѣла. Эта установившаяся потребность есть фактъ, съ которымъ приходится считаться, и она находитъ себѣ нѣкоторое удовлетвореніе если не прямымъ путемъ, то косвеннымъ. Такимъ косвеннымъ удовлетвореніемъ послужили въ данномъ случаѣ рефераты по дѣлу Веймара. Съ формальной стороны рефераты эти, трактуя лишь о внѣшней обстановкѣ процесса, не были прямымъ нарушеніемъ вышепомянутаго распоряженія. Но мы охотно сознаемся что все-таки не вполнѣ согласны со смысломъ этого распоряженія, и первые сожалѣемъ что и намъ пришлось прибѣгнуть къ этому способу. Мы двоякимъ образомъ были къ тому вынуждены. Вопервыхъ, мы не считали себя въ правѣ лишить нашихъ читателей тѣхъ, хотя бы отрывочныхъ и крайне недостаточныхъ, свѣдѣній, которыя наперерывъ одна предъ другою спѣшили сообщить газеты и что̀ разносилось въ летучихъ листкахъ *Международнаго Телеграфнаго Агентства*. Вовторыхъ, мы вовсе не предвидѣли что рефераты нашего петербургскаго корреспондента получатъ то значеніе, которое они получили единственно лишь потому что *Ира-*

вительственный Вѣстникъ, вопреки прецедентамъ прежнихъ процессовъ, до сихъ поръ медлилъ обнародованіемъ обвинительнаго акта. Еслибъ обвинительный актъ, какъ слѣдовало ожидать, былъ обнародованъ вовремя, тогда сообщенія нашего корреспондента имѣли бы лишь тотъ смыслъ, какой мы имъ только и придавали, начавъ печатаніе оныхъ, то-есть своевременнаго реферата о внѣшней обстановкѣ процесса. Сущность дѣла была бы извѣстна напередъ, и читателю не было бы надобности доискиваться ея по тѣмъ случайнымъ и отрывочнымъ указаніямъ на факты коихъ порою было невозможно не коснуться излагая внѣшній ходъ процесса.

По свѣдѣніямъ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ, печатаніе офиціальнаго отчета замедлилось вслѣдствіе болѣзни стенографа. Но стенографъ не нуженъ для того чтобъ имѣть возможность напечатать обвинительный актъ. Да едва ли и есть надобность въ стенографическомъ воспроизведеніи всего что происходило на судѣ въ данномъ и подобныхъ случаяхъ. Краткое изложеніе того въ какомъ отношеніи судебное изслѣдованіе измѣнило или подтвердило обстоятельства приведенныя въ обвинительномъ актѣ не только было бы болѣе соотвѣтствующимъ серіозному смыслу этого рода процессовъ, но и читалось бы съ гораздо большимъ интересомъ.

Только благодаря позднему обнародованію обвинительнаго акта вышло то что газетныя сообщенія о ходѣ процесса получили смыслъ и характеръ какихъ они не могли имѣть. Мрачное и тяжкое дѣло превратилось въ какой-то водевиль...

Б.

Быстрый успѣхъ введенной у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ классической учебной системы превзошелъ самыя пылкія ожиданія ея сторонниковъ. Не прошло и десяти лѣтъ какъ не только въ обществѣ, что вполнѣ естественно, но даже въ петербургской „честной“ журналистикѣ, что по истинѣ изумительно, произошелъ такой рѣзкій поворотъ въ пользу классической системы что мы глазамъ своимъ не вѣримъ. Ну можно ли было думать въ 1872 году что черезъ какихъ-нибудь восемь лѣтъ столь „честный“ органъ какъ *Голосъ* будетъ „проводить взгляды“ въ родѣ слѣдующихъ:

„Всѣ понимаютъ что польза древнихъ языковъ, въ настоящее время, заключается какъ въ изученіи ихъ законченнаго грамматическаго и лексическаго строя, такъ—и это по преимуществу—въ чтеніи образцовыхъ, по мысли и изложенію, писателей, въ постепенномъ ознакомленіи съ элементами богатой культуры, выработанной древнею жизнью и усвоенной новыми народами, наслѣдниками греко-римской образованности, въ возможности наглядно изучать на образцахъ послѣдовательно развившейся жизни двухъ великихъ народовъ древности законы развитія и паденія человѣческихъ обществъ. Если не всѣ эти задачи исполнимы при гимназическомъ образованіи, то для рѣшенія всѣхъ ихъ преподающая древніе языки школа должна дать матеріалъ и тѣмъ могущественно содѣйствовать какъ подготовленію юношества къ дальнѣйшимъ умственнымъ занятіямъ, такъ и просвѣтленію сознанія учащихся тѣми обильными средствами какими располагаетъ преподаватель двухъ образцовыхъ языковъ заключающихъ въ себѣ сокровищницу великихъ мыслей и лѣтопись дѣяній достойныхъ самаго внимательнаго изученія.“ (*Голосъ* № 126, 7 мая 1880).

И замѣтьте съ какою это говорится увѣренностью: всѣ, дескать, понимаютъ. Но если польза классическаго образованія такъ очевидна что ее „всѣ понимаютъ,“ то почему же *Голосъ* съ такимъ ожесточеніемъ возставалъ противъ древнихъ языковъ? Почему же онъ приписывалъ классическому образованію „мертвящее, тлетворное, разрушительное“ вліяніе? Или можетъ-быть „честные“ внушители и сотрудники *Голоса* теперь дѣйствительно „поняли“ то чего прежде не понимали? Можетъ-быть теперь они *искренно* раскаиваются въ своемъ прежнемъ заблужденіи и *искренно* сознаютъ что въ 1872 году правда была не на ихъ сторонѣ? Еслибъ это было дѣйствительно такъ, то мы порадовались бы ихъ *искреннему*, хотя и позднему сознанію въ прежнихъ заблужденіяхъ. Но мы привыкли къ различнымъ уловкамъ „честной прессы“ и потому понимаемъ что ея внезапное убѣжденіе въ пользѣ классическаго образованія есть на самомъ дѣлѣ только вызванная обстоятельствами перемѣна фронта для новой генеральной атаки противъ того самаго образованія. Данъ сигналъ, и они кричатъ: „Всѣ понимаютъ что польза древнихъ языковъ.“ и т. д. Потомъ

послѣдуютъ разныя предложенія будто бы для того чтобъ еще *улучшить* классическую систему, а на самомъ дѣлѣ для того чтобъ ее мало-по-малу сдѣлать безполезною, негодною, вредною. Затѣмъ совершится новая метаморфоза въ „честныхъ взглядахъ." „Всѣ понимаютъ что эта система вредна, и что ее слѣдуетъ уничтожить." Наконецъ опять воцарится блаженное время на Руси когда можно будетъ Писаревымъ прослыть „геніальными мыслителями и свѣтлыми головами" и вернуть въ свои руки „кормило русской интеллигенціи." Теперь мы пока присутствуемъ при первомъ актѣ предполагаемой комедіи, когда „честные" публицисты восторгаются „пользой древнихъ языковъ," но уже начинаютъ подготовлять публику къ тому взгляду который будетъ проводиться во второмъ актѣ, и будутъ доказывать что „та классическая система которая введена въ Россію искажаетъ самую сущность классическаго образованія и подлежитъ безусловному осужденію и радикальной реформѣ."

Это необходимое „подготовленіе публики" производится однако весьма наивнымъ образомъ. Такъ напримѣръ, въ той самой статьѣ изъ которой мы выше привели восторженную тираду о пользѣ древнихъ языковъ, употребляется для этого подготовленія слѣдующее весьма „честное" средство.

Во Франціи классическая система, какъ извѣстно, господствуетъ во всѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, точно также какъ въ Англіи, Германіи и другихъ европейскихъ странахъ. Но во Франціи система эта страдаетъ многими существенными недостатками. Поэтому, когда намъ пришлось вводить у себя классическое образованіе, мы приняли за образецъ не французскую, а германскую гимназію, какъ болѣе совершенную. Въ настоящее время Французы обратили вниманіе на недостатки своей системы и хотятъ подвергнуть свои лицеи и коллегіи реформѣ которая приблизила бы ихъ болѣе или менѣе къ германскому типу. Объ этой реформѣ теперь во Франціи естественнымъ образомъ очень много говорятъ и пишутъ. Что же дѣлаетъ упомянутая газета? Она перечисляетъ всѣ недостатки французскихъ гимназій, указываетъ на готовящуюся реформу и заключаетъ свою статью слѣдующими словами: „Не подлежащій сомнѣнію успѣхъ „ея (реформы) отразится благодѣтельнымъ „образомъ и въ другихъ странахъ, *и болѣе всего*, какъ нужно надѣяться, въ нашемъ отечествѣ." Понимаете ли? Выходитъ что и наши гимназіи страдаютъ тѣми же недостатками какъ французскія, и также должны подвергнуться реформѣ... Объ этомъ конечно прямо въ статьѣ не говорится, потому что это было бы уже слишкомъ чудовищною ложью, однако не говорится также ни слова о томъ что мы свободны отъ недостатковъ французской системы, и что Французамъ стоило бы только ввести у себя систему подобную нашей чтобъ избавиться отъ этихъ недостатковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же состоятъ эти недостатки? „Центръ тяжести лежитъ въ „письменныхъ упражненіяхъ: въ перево„дахъ трудныхъ мѣстъ съ французскаго, „въ писаніи латинскихъ стиховъ, въ писа„ніи подъ диктовку латинскаго текста, въ „составленіи рѣчей и диссертацій. О древ„ности, о томъ что въ изученіи ея пита„етъ умъ, чувство и волю, въ такомъ пре„подаваніи нѣтъ помина. При переводахъ „съ латинскаго на французскій читаются „не авторы, а главнымъ образомъ ихъ от„рывки, подобранные съ стилистическою „цѣлью, для чего существуютъ особые сбор„ники подъ названіемъ Excerpta, Concio„nes Selectae, и латинскія книги писанныя „новыми латинистами. Такая схоластиче„ски-риторическая система преподаванія „древнихъ языковъ, безспорно, составля„етъ одинъ изъ вопіющихъ фактовъ укло„ненія ото всякихъ началъ правильнаго вос„питанія. Поглощая бо́льшую часть школь„наго времени, отнимая наиболѣе силъ у „учащихся и не давая имъ ничего суще„ственнаго, ничего укрѣпляющаго и пита„тельнаго для ума, все ограничивая фор„мой, фразой, усвоеніемъ удачныхъ обо„ротовъ, искажая самую сущность клас„сическаго образованія, система эта под„лежитъ безусловно осужденію." Но въ нашихъ гимназіяхъ не пишутъ латинскихъ стиховъ, не пишутъ латинскаго текста подъ диктовку, не составляютъ латинскихъ рѣчей и диссертацій. Наши гимназисты читаютъ латинскихъ и греческихъ авторовъ, Цезаря, Цицерона, Ливія, Виргилія, Горація, Ксенофонта, Платона, Демосоена, Гомера, Софокла, а не какія-нибудь стилистическія Excerpta, Conciones Selectae или латинскія книги написанныя новыми латинистами. А если это такъ, то какимъ

же образомъ устраненіе всѣхъ этихъ недостатковъ „благодѣтельнымъ образомъ отра„зится и въ другихъ странахъ (въ какихъ? „ужь не въ Германіи ли?) и болѣе всего, „какъ нужно надѣяться, въ нашемъ отече„ствѣ?“ И по какому же праву можно послѣ того утверждать что „во Франціи се„ріозная, если не *радикальная* реформа „стала, *какъ и у насъ теперь*, вопіющею „необходимостью?“ Все это разчитано на наивность публики которая должна вынести изъ прочтенія статьи убѣжденіе что наша классическая система страдаетъ тѣми же самыми недостатками какъ и французская, что по этому „радикальная реформа стала у насъ вопіющею необходимостью,“ и что нужно будетъ обратиться къ сотрудникамъ упомянутой газеты съ покорнѣйшею просьбой о проведеніи у насъ этой *радикальной* реформы.

Эти господа уже теперь начинаютъ намекать что за новою реформой публика должна будетъ обратиться не къ кому-нибудь иному, а именно къ нимъ. Вотъ какіе мы находимъ въ той же самой статьѣ „подготовительные намеки“ въ этомъ отношеніи. Перечисливъ книги и брошюры вышедшія во Франціи по вопросу о гимназической реформѣ, авторъ статьи продолжаетъ: „Между тѣмъ, этимъ сочиненіямъ „предшествовало, ихъ сопровождало и за „ними слѣдовало множество *журнальныхъ* „и *газетныхъ* статей, которыя продолжа„ютъ разъяснять вопросъ до настоящей ми„нуты, настаивая на неотлагательности ре„формы средняго образованія. *Есть съ чѣмъ „или съ кѣмъ посовѣтоваться людямъ* взяв„шимъ на себя задачу преобразованія кол„легій и лицеевъ. Въ Парижѣ, на *совер„шенно свободныхъ* началахъ, образовалось „цѣлое общество ученыхъ и педагоговъ для „изученія вопросовъ относящихся къ гим„назической реформѣ, въ видахъ посиль„наго содѣйствія правительству въ рѣше„ніи трудной и сложной задачи. *Такъ дѣ„лаются дѣла въ просвѣщенныхъ странахъ „и такимъ путемъ рѣшаются важныя за„дачи общественнаго обновленія*... Въ стра„нѣ богатой общественною мыслію, счи„тающею за своею наукой и философіей „столѣтія славнаго существованія, притомъ „въ странѣ уважающей свою исторію и стоя„щей за строго національное развитіе, *духъ „преобразованія выходитъ не изъ взбалмош„ныхъ фантазій людей какого-нибудь арак„чеевскаго пошиба, не изъ канцелярскаго „каприза чиновниковъ*, для которыхъ не „существуетъ ни преданій исторіи, ни на„родныхъ особенностей, а указывается си„лой вещей, требованіями общественной „науки и осязательною государственною „пользой.“ Понимаете ли вы теперь? Наша учебная система должна подвергнуться теперь *радикальной* реформѣ, потому что ее у насъ ввели взбалмошные люди какого-то „Аракчеевскаго пошиба,“ да разные „капризные чиновники“ не совѣтовавшіеся съ сочинителями статей *Голоса* и съ членами извѣстнаго петербургскаго педагогическаго общества „образованнаго на совершенно свободныхъ началахъ;“ поэтому, дабы не повторить новой ошибки, правительство приглашается къ совѣщанію съ этими господами... Сколько тутъ *наивной* хитрости и лжи! Авторъ разбираемой нами статьи самъ долженъ сознаться, и сознаться съ видомъ одобренія, что во Франціи всѣ люди разсуждающіе о гимназической реформѣ „даже и не говорятъ о поль„зѣ и необходимости изученія древнихъ „языковъ, какъ о предметѣ который самъ „собою подразумѣвается и съ которымъ всѣ „согласны, по крайней мѣрѣ всѣ или поч„ти всѣ тѣ кто самъ учился въ школѣ и „имѣетъ понятіе о систематическомъ обра„зованіи.“ Ну, а что вышло бы у насъ въ Россіи въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда поднятъ былъ вопросъ о гимназической реформѣ, еслибы правительство вздумало послѣдовать совѣтамъ тогдашнихъ петербургскихъ журналистовъ, газетчиковъ и прочихъ „свободныхъ“ людей? Неужели гг. Писаревъ и Чернышевскій и тому подобные ученые педагоги, стремившіеся въ то время захватить школу въ свои руки, неужели и они высказались бы подобно французскимъ журналистамъ и педагогамъ въ пользу классическаго образованія? Что еслибы правительство вняло той вопіющей чепухѣ которая въ то время проповѣдывалась на страницахъ того же *Голоса*, который теперь говоритъ что „всѣ понимаютъ и т. д.?“ Страшно подумать о томъ чѣмъ у насъ были бы тогда гимназіи... Нѣтъ, слава Богу, что у насъ духъ преобразованія вышелъ не изъ взбалмошныхъ фантазій людей Аракчеевскаго или Писаревскаго пошиба, а „дѣйствительно изъ силы вещей, изъ требованій науки и осязательной государственной пользы.“ Лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство что у насъ по зрѣлому размыш-

ленію и изученію, а не по „канцелярскому капризу чиновниковъ," была введена классическая система въ лучшей ея формѣ, то-есть германской, а не французской. Приписывать недостатки французскихъ колегій русскимъ гимназіямъ есть вопіющая недобросовѣстность, отличающаяся вмѣстѣ съ тѣмъ такою безграничною „наивностью" что мы невольно удивились встрѣтивъ ее даже въ статьѣ такого „честнаго" органа какъ *Голосъ*. Правда, наше удивленіе значительно уменьшилось когда мы дочитавъ статью до конца замѣтили что она подписана „В. Модестовымъ."

№ 133.

Москва, 14-го мая.

А.

Ровно годъ тому назадъ, 14 мая, 1879, былъ объявленъ, подъ названіемъ Третьяго Восточнаго, трехсотмилліонный заемъ „для преподанія Государственному Казначейству средствъ къ покрытію чрезвычайныхъ расходовъ вызванныхъ минувшею войной." Въ первыхъ числахъ текущаго мая реализація этого займа окончилась. Всѣ слѣдовавшія по займу суммы, приблизительно 270 милліоновъ, или за вычетомъ уплаченныхъ въ продолженіи реализаціи процентовъ, 255 милліоновъ рублей поступили сполна въ казну. Не безынтересно знать какое назначеніе получила эта сумма, пріобрѣтеніе коей легло на бюджетъ, и стало-быть на податныя силы страны, ежегоднымъ платежомъ $16^1/_2$ милліоновъ рублей.

При самомъ объявленіи займа объяснялось, правда не официально, что собственно на платежи по расходамъ минувшей войны пойдетъ лишь часть имѣвшихъ поступить по оному суммъ, другая же часть будетъ употреблена на сокращеніе такъ-называемаго безпроцентнаго долга, то-есть на изъятіе кредитныхъ билетовъ, въ видахъ улучшенія русской валюты. Балансы Государственнаго Банка подтверждаютъ такое распредѣленіе добытыхъ займомъ денегъ. Около половины ихъ дѣйствительно пошло на сокращеніе безпроцентнаго долга Государственнаго Казначейства Государственному Банку. Этотъ долгъ къ 1-му мая 1879 года выражался въ балансахъ Банка цифрой 453.806.000 рублей; по балансу къ 28 апрѣля текущаго года онъ выражается уже цифрой всего 330.834.000 рублей.

Это уменьшеніе безпроцентнаго долга почти на 123 милліона не сопровождалось, впрочемъ, таковымъ же сокращеніемъ обращающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ. Изъятіе ихъ оказалось не такимъ простымъ дѣломъ какъ предполагалось. Въ моментъ объявленія займа, имѣлся, правда, въ виду цѣлый рядъ условій обѣщавшихъ успѣхъ этой операціи. Все, повидимому, указывало не только на изобиліе, но на избытокъ денегъ ищущихъ помѣщенія. Частный учетъ стоялъ низко, на $3^1/_4$—4 процентахъ. Частные банки тяготились притокомъ вкладовъ и должны были, для уменьшенія невыгодъ такого положенія, передавать часть ихъ въ Государственный Банкъ, который вслѣдствіе этого и состоялъ къ 1 мая должникомъ частныхъ банковъ на сумму свыше 54 милліоновъ. Въ общемъ итогѣ, вклады Государственнаго и частныхъ банковъ превышали размѣры учетно-ссудной операціи на $174^1/_2$ милліоновъ. Казалось что приблизительно на эту сумму можно было изъять кредитныхъ билетовъ безо всякаго затрудненія для экономическихъ оборотовъ. Но на дѣлѣ вышло иное. Прежде чѣмъ успѣли изъять изъ обращенія хотя бы одинъ кредитный рубль, отъ условій обѣщавшихъ успѣхъ задуманной мѣрѣ не осталось и слѣда. Дисконтъ быстро пошелъ въ гору; частные банки не только выбрали обратно изъ Государственнаго Банка тяготившіе ихъ прежде излишки вкладовъ, но стали сами кредитоваться въ немъ въ большихъ размѣрахъ и сдѣлались его должниками; вмѣсто огромнаго перевѣса вкладовъ надъ размѣрами учетно-ссудной операціи, сдѣлалось общимъ и постояннымъ обратное явленіе,—перевѣсъ итога учетно-ссудной операціи надъ итогомъ вкладовъ. Такія обстоятельства вынудили приступить не къ изъятію, а ко временнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ. Общій итогъ ихъ въ обращеніи, составлявшій къ 1-го мая прошлаго года 1.129.715.000 рублей, поднялся къ 1 января текущаго года до 1.162.515.000, то-есть увеличился почти на 33 милліона. Лишь въ послѣдніе четыре мѣсяца (какъ и въ предыдущемъ 1879 году) удалось изъять изъ обращенія кредитныхъ билетовъ на 52 милліона рублей, но въ общемъ

выводѣ бумажно-денежное обращеніе къ 28 минувшаго апрѣля сократилось противъ 1 мая 1879 года всего на 19.200.000 рублей, и при этомъ остается сомнительнымъ, можно ли будетъ обойтись безъ обратнаго выпуска изъятыхъ денегъ. Не одинаковая въ теченіе года напряженность экономическихъ дѣлъ, обыкновенно ослабѣвающая въ зимнее и весеннее время и затѣмъ усиливающаяся лѣтомъ и особенно осенью, требуетъ то меньшаго, то бо́льшаго количества денегъ, и весьма вѣроятно что условія дозволившія въ первую треть этого года сократить денежное обращеніе настолько измѣнятся въ послѣдней трети что временный выпускъ кредитныхъ билетовъ сдѣлается такою же необходимостью какъ и осенью прошлаго года.

На валюту, на уровень вексельныхъ курсовъ, эти перидіодическія колебанія размѣровъ денежнаго обращенія никакого замѣтнаго дѣйствія не оказываютъ. Перемежающіеся выпуски и изъятія кредитныхъ билетовъ идутъ сами по себѣ; курсы повышаются и понижаются тоже сами по себѣ, причемъ безпрестанно случается что курсы идутъ въ гору несмотря на выпуски, и подъ гору несмотря на изъятія бумажныхъ денегъ. Такъ, въ прошломъ году, несмотря на изъятіе 58 милліоновъ бумажныхъ денегъ въ первую треть года, курсы 1 мая были не выше, а ниже курсовъ 1 января; затѣмъ осенніе курсы, несмотря на выпускъ кредитныхъ билетовъ, оказались не ниже, а слишкомъ на два пенса выше майскихъ. Не то же ли видимъ и въ текущемъ году? Количество бумажныхъ денегъ сократилось,—а на много ли поднялись курсы?

Заботы о валютѣ играли большую роль при объявленіи Третьяго Восточнаго займа. Подъ вліяніемъ этихъ заботъ опредѣлена самая сумма займа. Обошлись странѣ эти заботы половиною платежей по займу, то-есть ежегоднымъ восьмимилліоннымъ бременемъ, хотя никакихъ результатовъ не получено и впереди не видно. И это не первый случай; это скорѣе сказка про бѣлаго быка. Изъ года въ годъ, многіе милліоны тратились у насъ на поддержку курсовъ. И результаты постоянно не оправдывали тѣхъ жертвъ какія приносились государствомъ съ этою цѣлью. Одною изъ самыхъ тяжкихъ въ ряду этихъ жертвъ была принесенная наканунѣ минувшей войны, когда для поддержки курсовъ была выброшена на биржу изъ кладовыхъ Государственнаго Банка накопленная годами масса золота. Извѣстно къ чему это повело. Валюты мы не улучшили, но должны были заключить печальной памяти внѣшній заемъ 1877 года чтобы добыть за неслыханно дорогую цѣну часть того золота которое сами выбросили за границу. Помимо многихъ другихъ невыгодъ, страна поплатилась при этомъ ежегоднымъ возвышеніемъ своего бюджета расходовъ болѣе чѣмъ на семь милліоновъ рублей... Подобною же безплодною жертвой оказывается и павшая на страну тяжесть уплаты процентовъ съ той части послѣдняго Восточнаго займа которая предназначена на улучшеніе валюты.

И не одними финансовыми тягостями и ущербами отзываются на насъ эти нескончаемыя и ни къ чему не приводящія заботы о валютѣ. Онѣ преслѣдуютъ насъ на каждомъ шагу даже въ дѣлахъ не имѣющихъ никакого отношенія къ финансамъ и экономическимъ оборотамъ. Что́ бы мы ни дѣлали, что́ бы ни намѣревались предпринять, мы прежде всего оглядываемся на биржу и вексельные курсы. А что́ если такой-то шагъ или такая-то мѣра не понравится на биржѣ и поведетъ къ паденію курсовъ? Вотъ мысль которая постоянно, какъ кошемаръ, тяготѣетъ у насъ чуть не надъ каждымъ начинаніемъ и дѣйствіемъ не только во внѣшней, но и во внутренней политикѣ. Попробуйте, напримѣръ, заикнуться хотя бы о необходимости улучшеній въ дѣлѣ нашей государственной обороны. Улучшенія несомненно нужны, средства на это имѣются, никакое правительство не сочтетъ постройку этихъ укрѣпленій за угрозу европейскому миру, политическое созвѣздіе въ Европѣ въ настоящую пору очень благопріятное, — но что́ заговорятъ на биржахъ? какъ отзовется это на вексельныхъ курсахъ? И непремѣнно найдутся люди которые не задумаются придать этому пришѣву силу непререкаемаго довода. И такъ во всемъ, чуть не на каждомъ шагу, и невѣдомо когда наконецъ перестанетъ тяготѣть надъ нашими дѣлами кошемаръ валюты, когда наконецъ сбросимъ мы съ себя это иго заграничной биржи, иго нами добровольно на себя наложенное...

Не одной Россіи приходилось переживать періоды паденія и шаткости валюты. Курсы американскихъ денегъ подъ конецъ

междуусобной войны Сѣвера съ Югомъ упали много ниже того уровня до котораго когда-либо опускался нашъ кредитный рубль. Объ улучшеніи валюты въ Америкѣ заботились; но тамъ эти заботы имѣли иной характеръ, не влекли за собою обременяющихъ страну безплодныхъ жертвъ, не были путами стѣснявшими правительство въ его политикѣ и никого не побуждали относиться къ биржамъ и къ котировкѣ иностранныхъ векселей съ такимъ какъ у насъ подобострастіемъ. И Америка вышла съ торжествомъ изъ своихъ курсовыхъ затрудненій: ея валюта возстановлена и упрочена Замѣчательно что достигнуть этотъ результатъ не въ то время когда для достиженія его приносились финансовыя жертвы въ видѣ заключенія займовъ для обращанія безпроцентнаго долга въ процентный, а послѣ того какъ подобная политика была отставлена какъ не соотвѣтствующая интересамъ страны и стѣснительная для ея экономическаго развитія. Исправилась валюта благодаря именно этому экономическому развитію, которому помогла преимущественно мощная поддержка оказанная внутренней промышленности высокимъ тарифомъ. Благодаря своему таможенному тарифу, Америка въ своей внѣшней торговлѣ достигла такого перевѣса отпуска надъ привозовъ что колебанія курсовъ не въ ея пользу сдѣлались невозможными. Подъ вліяніемъ выгодныхъ разчетныхъ балансовъ, становившихся изъ года въ годъ все болѣе выгодными, курсы неизбѣжно должны были идти въ гору. Но непонятныя соображенія мѣшаютъ намъ послѣдовать примѣру Америки. Мы останавливаемся предъ мыслью повысить нашъ таможенный тарифъ какъ бы предъ дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. Ужь не боимся ли мы и тутъ впечатлѣнія на биржи?

Неизвѣстно когда дойдетъ у насъ дѣло до общаго пересмотра тарифа. Но многое могло бы быть достигнуто и при нынѣшнемъ пересмотрѣ той его части которая касается желѣза во всѣхъ его видахъ. Всѣ уважительные экономическіе интересы, одинаково съ интересами казны, требуютъ серіознаго подъема пошлинъ на привозное желѣзо. Этотъ подъемъ пошлинъ не остался бы безъ вліянія, между прочимъ, и на нашъ международный разчетный балансъ, а стало-быть и на валюту, ибо желѣзо во всѣхъ его видахъ составляетъ много болѣе четверти, чуть не треть, всей суммы на какую привозятся къ намъ иностранные товары. Но поведетъ ли производимый нынѣ пересмотръ относящихся сюда статей тарифа къ подъему пошлинъ? Если вѣрить переданному намъ по телеграфу извѣстію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* результатъ пересмотра можетъ оказаться прямо противоположнымъ. Многія изъ пошлинъ проектированныхъ де общимъ присутствіемъ Государственнаго Совѣта 12 мая (напримѣръ, не сталь въ лому, на чугунныя, желѣзныя и стальныя издѣлія) значительно ниже тѣхъ какія установлены нынѣ дѣйствующимъ тарифомъ... Трудно даже представить себѣ тѣ соображенія какими можетъ быть мотивировано подобное пониженіе пошлинъ.

Б.

Вчера телеграфъ передалъ намъ текстъ Высочайшаго указа 12 мая о новомъ четырехпроцентномъ 150милліонномъ желѣзнодорожномъ займѣ подъ наименованіемъ „Консолидированныхъ облигацій Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ шестаго выпуска,“ а въ печатаемыхъ ниже биржевыхъ извѣстіяхъ приводятся и самыя условія подписки на заемъ, имѣющей продолжаться три дня, 19, 20 и 21 текущаго мая, въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ, Кіевѣ и Варшавѣ. Это первый опытъ выпуска консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій безъ посредства иностранныхъ банкировъ, первый опытъ объявленія подписки на нихъ не за границей, а въ Россіи, опытъ, которому нельзя не пожелать успѣха. Успѣхъ этотъ, можно сказать, обезпеченъ достаточною выгодностью условій займа для публики: 4% съ номинальной цѣны облигацій составляютъ на дѣлѣ болѣе $5\frac{1}{3}$% съ капитала нужнаго для пріобрѣтенія ихъ при подпискѣ. При выходѣ облигацій въ тиражъ, владѣльцы ихъ будутъ получать суммы на цѣлую треть большія тѣхъ за какія пріобрѣтутъ ихъ при подпискѣ. Это не маловажное обстоятельство, и оно конечно не останется безъ вліянія на уровень биржевыхъ цѣнъ выпускаемыхъ нынѣ облигацій, къ выгодѣ ихъ пріобрѣтателей. Тѣмъ желательнѣе чтобы возможно бо́льшая часть облигацій осталась при разверсткѣ за русскими, а не иностранными подпищиками, которые, конечно, не упустятъ случая сдѣлать новый русскій желѣзнодорожный заемъ предметомъ своихъ спекуляцій, конечно не къ нашей выгодѣ.

№ 134.

Москва, 15-го мая.

Въ немногихъ словахъ сказанныхъ нами вчера по поводу предстоящей на дняхъ подписки на консолидированныя облигаціи 6-го выпуска, мы привѣтствовали эту финансовую мѣру какъ первый опытъ желѣзнодорожнаго займа безъ посредства иностранныхъ банкировъ. Не дешево обходилось Россіи это посредничество, но оно долгое время считалось неизбѣжнымъ. Первые три выпуска 5% консолидированныхъ облигацій (9 января 1870 и 17 февраля 1871 года по 12 милл. ф. ст. и 27 марта 1872 года на 15 милл. ф. ст.) были сполна отданы въ руки Ротшильдовъ на самыхъ выгодныхъ для нихъ условіяхъ. *). Лишь при четвертомъ выпускѣ 5% же облигацій (14 ноября 1873 года на 15 милл. ф. ст.) и при пятомъ выпускѣ 4½% облигацій (29 марта 1875 года тоже на 15 милл. ф. ст.) были сдѣланы попытки къ нѣкоторому, далеко не полному, освобожденію изъ-подъ накладной Ротшильдовской опеки: часть облигацій этихъ двухъ выпусковъ была реализована чрезъ посредство нашего Государственнаго Банка. Но при этихъ попыткахъ не считалось еще возможнымъ допустить равноправность русскихъ и иностранныхъ пріобрѣтателей облигацій. Ротшильды и ихъ кліенты ставились въ привилегированное положеніе, имъ предоставлялась львиная доля выгодъ. Облигаціи 4-го выпуска были отданы имъ по цѣнѣ 91 за сто, между тѣмъ какъ тѣ же облигаціи въ то же самое время могли быть пріобрѣтаемы русскою публикой въ русскомъ Государственномъ Банкѣ лишь по 93 за сто. Точно также и при пятомъ выпускѣ, однѣ и тѣ же облигаціи реализовались чрезъ посредство Ротшильдовъ въ Парижѣ и Лондонѣ по 90 за сто, а чрезъ посредство Государственнаго Банка въ Россіи — по 92 за сто!

При предстоящей реализаціи четырехпроцентныхъ консолидированныхъ облигацій найдено, наконецъ, возможнымъ устранить столь обидное для русской публики неравенство. Въ 1880 году мы дожили наконецъ до того что русское финансовое вѣдомство уравняло русскихъ капиталистовъ въ правахъ съ иностранными банкирами. И этому нельзя не порадоваться, хотя русскіе капиталы могли бы разчитывать въ Россіи на нѣчто большее, на нѣкоторое предпочтеніе передъ чужеземными ...

Отмѣчая указанную благопріятную сторону условій новаго желѣзнодорожнаго займа, нельзя, однако, сказать чтобъ эти условія не оставляли ничего желать съ точки зрѣнія русской публики. Эта публика дѣлаетъ обычно всѣ свои разчеты и обороты на кредитныя деньги, а заемъ объявленъ въ металлической валютѣ, при существующихъ обстоятельствахъ вовсе ей не сподручной. Подписка на заемъ должна происходить въ Россіи, а между тѣмъ отъ подписчиковъ требуются взносы въ такіе-то сроки столькихъ-то металлическихъ рублей и копѣекъ — монеты почти не находящейся въ обращеніи. Въ объявленіи о подпискѣ сказано, правда, что подписчикамъ предоставляется дѣлать взносы кредитными билетами „по одному курсу 150 коп. за рубль металлическій,“ но каждый долженъ уже самъ высчитывать сколько кредитныхъ рублей должно внести вмѣсто 6 р. 25 к., 18 р. 75 к., 93 р. 75 к. и т. д. Разчетъ, конечно, не сложный, но странно что русской публикѣ приходится дѣлать его при платежахъ не за границей, а у себя дома, иныхъ же этотъ разчетъ можетъ даже затруднить въ вычисленіи представляемыхъ займомъ выгодъ. Какъ самый существенный элементъ, въ вычисленіи этихъ выгодъ должны входить соображенія о высотѣ и колебаніяхъ вексельныхъ курсовъ не только въ настоящее время, но особенно въ близкомъ и отдаленномъ будущемъ. Возможность этихъ колебаній обращаетъ для русской публики, могущей приносить въ Банкъ только бумажныя деньги, участіе въ новомъ займѣ въ дѣло риска и спекулятивной игры. Понизятся курсы противъ нормы 150 коп. за металлическій рубль, она окажется въ выигрышѣ; повысятся курсы — и она проиграетъ; поднимись курсъ до al pari, и этотъ проигрышъ будетъ таковъ что ожидаемые 5⅓ процентовъ на затраченный для пріобрѣтенія облигацій капиталъ об-

*) Помимо солидной комиссіонной платы, Ротшильды извлекали изъ нашихъ желѣзнодорожныхъ займовъ огромныя выгоды благодаря низкой цѣнѣ по какой уступались имъ облигаціи. Такъ, облигаціи 3-го выпуска были отданы имъ по цѣнѣ 87 за 100, облигаціи 2-го выпуска по 79 за сто, а облигаціи 1-го выпуска даже по 76 за сто, то-есть почти по той же цѣнѣ по какой теперь, безъ посредства иностранныхъ банкировъ, предположено реализовать уже не пятипроцентный, а четырехпроцентный заемъ.

ратятся съ небольшимъ въ $3^1/_2$ процента... Это не такого рода шансы чтобы служить для русской публики приманкой къ участію въ подпискѣ при отсутствіи гарантіи въ томъ что не будетъ принято никакихъ мѣръ къ подъему нашихъ вексельныхъ курсовъ валюты выше нормы опредѣленной въ условіяхъ займа, и въ виду непрекращающихся толковъ объ изъятіи кредитныхъ билетовъ изъ обращенія именно съ цѣлію подъема курсовъ. При такихъ обстоятельствахъ, подписка на заемъ въ металлической валютѣ становится выгодною спекуляціей лишь для банкировъ, и преимущественно для банкировъ иностранныхъ, а это обращаетъ объявленный внутренній желѣзнодорожный заемъ какъ бы во внѣшній, только реализуемый въ шести русскихъ городахъ, куда должны переводить свои капиталы иностранные банкиры.

Пока желѣзнодорожные займы реализовались сполна или большею частію за границей, какъ первые пять выпусковъ консолидированныхъ облигацій, естественно было заключать ихъ не въ кредитной, а въ металлической валютѣ. Но непонятно какія соображенія могли побудить къ предпочтенію металлической валюты при реализаціи займа не за границей, а въ Россіи. Расходы, на покрытіе коихъ предназначаются ожидаемыя отъ займа суммы, сколько извѣстно, уже сдѣланы, и сдѣланы не металлическими, а кредитными рублями. За истощеніемъ въ послѣдніе годы спеціальныхъ средствъ такъ-называемаго Желѣзнодорожнаго Фонда, этотъ фондъ пополнялся изъ средствъ Государственнаго Казначейства, которое черпало ихъ въ выпускахъ бумажныхъ денегъ и во внутреннихъ не металлическихъ займахъ. Суммы новаго займа пойдутъ на ликвидацію накопившагося такимъ путемъ долга Желѣзнодорожнаго Фонда Государственному Казначейству, долга бумажнаго, а не металлическаго. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ могъ понадобиться заемъ металлическій? Еслибы казнѣ нуженъ былъ непремѣнно металлъ, въ условія займа не было бы включено предоставленное каждому право вносить по опредѣленному курсу бумажныя деньги. Но этими деньгами можетъ быть внесена вся ожидаемая отъ него сумма, то-есть въ казну, вмѣсто $112^1/_2$ милліоновъ металлическихъ рублей, могутъ поступить $168^3/_4$ милліоновъ рублей кредитныхъ. Не проще ли было бы занять эту сумму выпускомъ облигацій въ кредитной валютѣ? Опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ что такіе займы могутъ быть съ успѣхомъ заключаемы въ Россіи даже и въ болѣе крупныхъ размѣрахъ.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить что внутренній заемъ не въ кредитныхъ, а въ металлическихъ рубляхъ представляетъ собою фактическое противорѣчіе теоретическимъ заботамъ объ упроченіи русской валюты. Для ея прочности требуется чтобы никакая другая монетная единица, кромѣ указанной кредитной, не принималась въ основаніе разчетовъ правительства не съ иностранцами, а со своимъ народомъ. Монетная единица обязательная для народа должна быть обязательною и для правительства въ его внутреннихъ финансовыхъ мѣрахъ. На этомъ условіи зиждется довѣріе къ государственной денежной системѣ. А внутренній металлическій заемъ является какъ бы нарушеніемъ этого условія. Онъ расширяетъ въ странѣ роль металлической монетной единицы, и ограничиваетъ и роняетъ значеніе узаконенной кредитной единицы. Государственные кредитные билеты, вмѣсто того чтобы служить главнымъ орудіемъ государственной финансовой операціи, становятся лишь вспомогательнымъ суррогатомъ. Вышеуказанное, очень возможное ощущеніе неудобства бумажныхъ денегъ при участіи въ металлическомъ займѣ также едва ли можетъ усилить кредитъ этихъ денегъ. На это не мѣшаетъ обратить вниманіе тѣмъ кого заботитъ упроченіе нашей валюты...

№ 135.

Москва, 16-го мая.

Очень интересныя извѣстія принесъ намъ въ послѣдніе два дня телеграфъ изъ Берлина. Мы говоримъ объ обнародованной въ газетѣ князя Бисмарка дипломатической перепискѣ по поводу такъ-называемой „культурной борьбы.“ Князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, вовсе не охотникъ посвящать читающую публику въ тайны своихъ дипломатическихъ сношеній. Съ большою настойчивостью отвергалъ онъ до сихъ поръ всякія притязанія какъ имперскаго рейхстага, такъ и прусскаго ландтага на тѣ „книги“ одного изъ цвѣтовъ

радуги кои представляются парламентамъ другихъ странъ, въ видѣ сборниковъ дипломатическихъ документовъ разосланныхъ и полученныхъ правительствомъ. Нѣмецкіе парламенты давно свыклись и примирились съ этимъ порядкомъ, утѣшая себя тѣмъ что и въ прочихъ странахъ правительства включаютъ въ эти сборники лишь то о чемъ они не имѣютъ причинъ умалчивать, иногда же, въ случаяхъ особенно затруднительныхъ, дипломатическіе документы нарочно сочиняются для включенія ихъ въ „книгу,“ а то что̀ существенно, но къ обнародованію неудобно, излагается не въ формѣ официальныхъ бумагъ, а какъ-нибудь иначе. Князь Бисмаркъ особенно тщательно оберегалъ тайну переговоровъ съ папскимъ престоломъ по поводу „культурной борьбы,“—переговоровъ, которые велись съ самого возникновенія этой борьбы и особенно дѣятельно съ тѣхъ поръ какъ Левъ XIII замѣнилъ Пія IX на папскомъ престолѣ. И вдругъ князь Бисмаркъ такъ рѣзко отступилъ отъ своихъ обычаевъ! Сообщеніе сдѣланное имъ 20 мая германскому послу въ Вѣнѣ, да притомъ еще „конфиденціальное сообщеніе,“ обнародовано 24 мая. А вслѣдъ затѣмъ та же официозная газета обнародовала и другіе документы разосланные въ теченіе мая мѣсяца изъ берлинской дипломатической канцеляріи, имѣющіе отношеніе къ тому же предмету. Все это находится въ связи съ предложеніемъ внесеннымъ 20 мая въ ландтагъ, имѣющимъ цѣлью „положить конецъ культурной борьбѣ,“ какъ гласятъ официальные мотивы предложенія. Дипломатическіе же документы, сколько можно заключить изъ телеграфнаго изложенія ихъ, равно какъ самый фактъ быстраго ихъ обнародованія, свидѣтельствуютъ скорѣе о томъ что „культурная борьба“ разгорается съ новою силой. Это кажущееся противорѣчіе нисколько не поражаетъ насъ. Читатели наши припомнятъ что таковъ былъ нашъ взглядъ еще при первомъ извѣстіи о внесеніи предложенія 20 мая въ ландтагъ. Но лихорадочная торопливость обнаруживаемая княземъ Бисмаркомъ при этомъ новомъ поворотѣ въ наиболѣе заботящемъ его вопросѣ внутренней германской политики, есть во всякомъ случаѣ явленіе необычайное, особенно если сопоставить оное съ высокомѣрнымъ спокойствіемъ которое продолжаетъ сохранять папская курія и съ тѣмъ пренебреженіемъ которое выказываетъ германская клерикальная партія къ этой новой попыткѣ германскаго канцлера добиться внутренняго мира. Съ этой-то точки зрѣнія новая фаза въ которую вступила германская „культурная борьба“ представляетъ интересъ далеко выходящій за предѣлы внутренней германской политики. Князь Бисмаркъ всегда смотрѣлъ на эту борьбу какъ на „интригу“ извнѣ. Нѣмецкихъ клерикаловъ онъ всегда отождествлялъ съ врагами Германской имперіи и не разъ открыто обвинялъ ихъ въ государственной измѣнѣ. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію что энергія и интенсивность борьбы ультрамонтанъ противъ германскаго канцлера всегда находилась въ прямомъ отношеніи къ политическому могуществу Германской имперіи. Клерикалы то выступали смѣлѣе, то смирялись и притихали, смотря по тому поднимались или падали фонды Германіи въ европейскомъ политическомъ мірѣ, такъ что бо́льшая или меньшая воинственность, обнаруживаемая нѣмецкими клерикалами, можетъ служить барометромъ европейскаго вліянія Германіи.

Законопроектъ „объ измѣненіи церковно-политическихъ законовъ“ внесенный 20 мая въ ландтагъ имѣетъ выдающеюся чертой то что всѣ эти измѣненія имѣютъ факультативный характеръ. Предполагается не отмѣнить или смягчить суровыя мѣры предписанныя „майскими законами,“ а облечь правительство обширнымъ полномочіемъ, въ силу коего оно могло бы по своему усмотрѣнію дѣлать послабленія, или же примѣнять упомянутые законы во всей ихъ строгости. Предѣлы этихъ полномочій очень широки. Самый важный пунктъ заключается въ томъ что правительству предоставляется дать амнистію епископамъ. Въ Пруссіи нѣтъ теперь ни одной занятой епископской каѳедры; всѣ девять епископовъ подверглись въ разное время судебному преслѣдованію за неповиновеніе законамъ государства и изгнаны изъ предѣловъ монархіи съ потерею сана. Четверо умерли въ изгнаніи, остальные же пятеро, также живя въ изгнаніи, признаютъ себя законными пастырями своихъ епархій, въ чемъ ихъ поддерживаетъ папскій престолъ. 4 параграфомъ законопроекта предоставляется коронѣ возвратить осужденнымъ епископамъ признаніе въ этомъ санѣ, не требуя для этого

установленной майскими законами присяги. Остальныхъ подробностей законопроекта мы здѣсь излагать не будемъ; достаточно сказать что ими дается возможность почти во всемъ превратить въ мертвую букву всю ту систему преобладанія государства надъ церковью коимъ такъ кичилась знаменитая „система Фалька“.

Либеральная партія сильно поражена этимъ предложеніемъ, которое во многомъ расходится съ ея коренными принципами. Либераламъ, сверхъ того, очень не по вкусу то что законодательному собранію предлагается отречься отъ своихъ привилегій и облечь правительство властью парализовать дѣйствіе законовъ. Но не со стороны либераловъ ожидается самое упорное сопротивленіе, а со стороны клерикаловъ. Главный органъ послѣднихъ, газета *Германія*, прямо называетъ предложеніе 20 мая „новою мѣрой культурной борьбы“ и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ нападаетъ на канцлера за его новый маневръ, и въ то же время заявляетъ что партія центра „безъ малѣйшаго признака боязни и безпокойства, скорѣе съ радостью, взираетъ на измѣнившуюся тактику и на возвращеніе къ прежнимъ пріемамъ открытой вражды.“ Этотъ возвратъ къ открытой враждѣ клерикальная газета усматриваетъ въ томъ что правительство, требуя себѣ полномочій на пріостановленіе и смягченіе майскихъ законовъ, оставляетъ за собою право и впредь примѣнять оныя во всей строгости, если не будетъ соотвѣтствующихъ уступокъ со стороны католическаго духовенства. *Германія* заявляетъ что клерикалы могутъ прекратить борьбу лишь подъ условіемъ полной и окончательной отмѣны майскихъ законовъ, но въ то же время съ злорадствомъ указываетъ на то что теперешній законопроектъ есть самъ по себѣ отступленіе отъ этихъ законовъ и первый шагъ въ Каноссу. Клерикалы не сомнѣваются что рано или поздно будетъ правительствомъ пройденъ и весь остальной путь.

Папская курія, съ своей стороны, также поспѣшила высказаться по поводу новой мѣры. Папскій престолъ отнюдь не одобряетъ той факультативной системы на которую рѣшилось Прусское правительство по отношенію къ майскимъ законамъ, и поручило монсиньйору Якобини, чрезъ котораго до сихъ поръ велись всѣ переговоры съ Германскимъ правительствомъ, заявить что курія беретъ назадъ уступку изложенную въ папскомъ *бреве*, коимъ изъявлялась готовность сноситься предварительно съ государственною властью касательно назначенія священнослужителей.

Такимъ образомъ церковная борьба въ Германіи опять въ полномъ разгарѣ. Трудно предсказать кто выйдетъ изъ нея побѣдителемъ. Но утомленіе замѣчается не на сторонѣ клерикаловъ.

№ 136.

Москва, 17-го мая.

Великое дѣло—твердый законъ и правый судъ. Безъ нихъ все мятется и колеблется. Но выше закона и выше суда благодать милосердія. Всякій воленъ въ своей обидѣ, но въ дѣлахъ государственныхъ, въ дѣлахъ правосудія, только Верховной Власти, надъ всемъ возвышенной, достоитъ дѣйствовать свыше закона. Только ей принадлежитъ право миловать не потрясая основъ правосудія. И когда находитъ она возможнымъ воспользоваться этимъ священнымъ правомъ, успокоеніе распространяется въ обществѣ. Это бываетъ знаменіемъ что общественное зло, подлежащее карѣ правосудія, теряетъ свою силу. Дай Богъ чтобы такъ и было, и чтобы дѣйствіе святаго милосердія нанесло одинъ изъ рѣшительныхъ ударовъ тому наваждѣнію подъ гнетомъ котораго мы такъ долго находимся...

Въ то же время нельзя не замѣтить что и внѣшнія условія слагаются нынѣ для Россіи самымъ благопріятнымъ образомъ, а это въ свою очередь должно находиться въ нѣкоторой связи съ ослабленіемъ нашей внутренней смуты. Пало правительство въ Англіи, которое при систематической враждѣ своей къ намъ, не могло не сочувствовать всякому нестроенію и смутѣ въ нашихъ дѣлахъ. Даже радикалы французскіе, изъ любви къ своей странѣ не желая ссорить ее съ Россіей, не хотятъ faire cause commune съ нашими революціонерами. Любопытно въ этомъ отношеніи письмо которое было найдено у одного изъ подсудимыхъ и приведено въ обвинительномъ актѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, давно ли вражда къ Россіи и тайное или явное противодѣйствіе ей были господствующимъ мотивомъ всей

такъ-называемой „европейской“ политики? Умолкли яростныя рѣчи направленныя противъ Россіи. Только лишь старый другъ нашей дипломатіи, маркизъ Солсбери, повторилъ на дняхъ со скамьи оппозиціи свои избитыя фразы о непримиримой враждѣ къ Россіи которыя онъ не церемонился высказывать и когда былъ министромъ, между тѣмъ какъ къ г. Гладстону придираются за то что онъ, не будучи еще официальнымъ лицомъ, не очень вѣжливо отозвался объ Австріи. Наконецъ, что̀ важнѣе, самыя дѣла слагаются такимъ образомъ что Россія можетъ не опасаясь ни открытаго озлобленія, ни скрытой вражды, прикрывающейся личиной дружбы, продолжать преданія своей вѣковой политики и въ извѣстной мѣрѣ встрѣтить содѣйствіе и поддержку со стороны своихъ вчерашнихъ враговъ. Не далѣе какъ осенью прошедшаго года, ближайшій союзникъ Россіи, Германія, приняла положеніе которое казалось внушеніемъ внезапно пробудившагося антагонизма. Было не совсѣмъ понятно откуда возникла такая перемѣна, которая явно противорѣчила стоявшему выше всякихъ сомнѣній дружескому расположенію маститаго Агамемнона Германіи къ Россіи. До сихъ поръ неизвѣстны въ точности планы вызвавшіе австро-германскій союзъ. Но что этотъ союзъ былъ обращенъ своимъ остріемъ противъ насъ, это всячески подтверждали ближайшіе органы германскаго канцлера, тѣ самые которые прежде настойчиво повторяли что Германія не имѣетъ никакихъ интересовъ на Востокѣ и никакихъ поводовъ къ антагонизму съ тамошними интересами Россіи. Тотъ же маркизъ Солсбери, въ своей изступленной ненависти къ Россіи, открыто привѣтствовалъ въ то время этотъ союзъ какъ „благую вѣсть великой радости.“ Нынѣ все указываетъ на то что хитроумная выдумка Австро-Германскаго соглашенія осталась на бумагѣ, если только была она облечена въ форму письменнаго акта. Набѣжавшая туча разсѣялась, и наши отношенія къ Германіи нынѣ вновь приняли тотъ дружественный и довѣрчивый характеръ который одинъ соотвѣтствуетъ личнымъ чувствамъ Монарховъ обѣихъ странъ и истинно-понятымъ взаимнымъ ихъ интересамъ. Австро-германское соглашеніе, если только оно дѣйствительно сложилось въ видахъ противодѣйствія Россіи, не могло не потерять силы съ того момента какъ палъ торійскій кабинетъ, который въ свой ненависти къ Россіи, готовъ былъ оказать поддержку всему что̀ могло бы обратиться ей во вредъ. Въ этихъ видахъ, кабинету Беконсфильда могъ представляться желательнымъ планъ который выдвигалъ Австрію на Востокъ, въ видахъ будущей ликвидаціи турецкаго наслѣдія. Поддержка, хотя бы только теоретическая, Англіи такому соглашенію парализовала политику Италіи въ дѣлахъ Востока и связывала руки Франціи. Въ результатѣ получалось „изолированное положеніе“ Россіи, о коемъ съ великимъ злорадствомъ и торжествомъ разсуждали еще такъ недавно не только англійскіе, но и нѣмецкіе органы, не говоря уже объ австро-венгерскихъ.

Паденіе торійскаго кабинета провело рѣзкую черту по всѣмъ этимъ, какъ казалось, вѣрно подведеннымъ разчетамъ. Кабинетъ виговъ отказывается отъ мысли поддерживать во что̀ бы то ни стало турецкое владычество, и въ то же время отвергаетъ всякое право Австріи на турецкое наслѣдіе. Лозунгъ его—предоставленіе Балканскаго полуострова естественнымъ и законнымъ наслѣдникамъ Турціи. Для Россіи важно уже то что *фактически* отъ этого выиграютъ христіанскія племена Турціи, ибо что̀ имъ въ пользу то требуется и политикой Россіи. Она искони стремилась лишь къ тому чтобъ избавить эти народности отъ мертвящаго мусульманскаго владычества. Ей одной обязаны онѣ своимъ возрожденіемъ и независимостію, и какими бы путями ни совершилось окончательное освобожденіе Балканскихъ народовъ, остается неизгладимый фактъ что она была ихъ единственною избавительницей, что она одна пролила за нихъ потоки своей крови, одна находила для себя достаточное удовлетвореніе въ освобожденіи единовѣрныхъ ей и единоплеменныхъ народностей. Кто бы ни содѣйствовалъ Россіи въ достиженіи *этой* цѣли, и каковы бы ни были побужденія внушающія такое содѣйствіе, тотъ становится ея союзникомъ, и тому она безъ всякой задней мысли можетъ подать руку. Въ настоящее время въ европейской дипломатіи поднята рѣчь объ исполненіи Берлинскаго трактата. Смыслъ теперешнихъ настояній далеко разнится отъ тѣхъ лицемѣрныхъ рѣчей которыя слышались по этому поводу во время управленія лорда Беконсфильда. Тогда тоже настаивали на исполненіи этого трак-

та, но лишь той его части которая клонилась къ ограниченію правъ Россіи добытыхъ войной. Но Россія всѣ свои обязательства исполнила, и теперь ей не можетъ не быть желательно исполненіе ея требованій, признанныхъ и утвержденныхъ трактатомъ. Заявленія по этому предмету исходящія отъ членовъ теперешняго Англійскаго кабинета нельзя не признать добрымъ предзнаменованіемъ согласнаго дѣйствія въ будущемъ. Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщаемыя ниже пренія палаты лордовъ 21 мая, особенно на слова герцога Аргайля.

№ 138.

Москва, 19-го мая.

Сегодня, въ 10 часовъ утра, началась и послѣзавтра, въ три часа пополудни, окончится подписка на консолидированныя желѣзно-дорожныя облигаціи 6-го выпуска. Въ какой мѣрѣ силенъ будетъ спросъ на эти облигаціи, до какой цифры дойдетъ подписка,—вотъ вопросы которые еще за нѣсколько дней до ея открытія живо интересовали людей биржеваго міра и не перестанутъ занимать ихъ до послѣдней минуты. Заблаговременно разчитанные шансы успѣха подписки съ часу на часъ провѣряются для возможно точнѣйшаго опредѣленія на какую именно сумму должна простираться номинальная подписка чтобы получить при разверсткѣ желаемое количество облигацій. Во избѣжаніе ошибокъ, крупные спекулянты на займы подписываются на нихъ большею частію не въ первые дни, а въ послѣдній, когда ходъ подписки достаточно выяснится. Такъ будетъ, вѣроятно, и съ нынѣшнимъ займомъ. Но вообще въ хорошемъ успѣхѣ его не сомнѣваются. Сперва думали было что заграничные капиталисты не примутъ въ немъ участія вслѣдствіе недовольства новымъ порядкомъ заключенія займа безъ посредства иностранныхъ банкировъ, но порученія изъза границы подписаться на крупныя суммы, полученныя еще до открытія подписки, ослабили возникавшія опасенія за ея результатъ.

При всемъ недовольствѣ новымъ порядкомъ реализаціи желѣзнодорожнаго займа, иностраннымъ капиталистамъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, нѣтъ и разчета устраняться отъ участія въ немъ. Такимъ устраненіемъ они только лишили бы себя случая выгодно помѣстить свои капиталы за хорошій процентъ и еще выгадать на предстоящемъ подъемѣ биржевой цѣны, подъемѣ, на который нельзя не разчитывать въ виду благопріятнаго положенія политическаго горизонта въ Европѣ. Отказавшись отъ этихъ выгодъ, устранившись отъ участія въ займѣ, они нисколько не угрозили бы Россіи, ни въ какомъ отношеніи не поставили бы ея въ затруднительное положеніе. Теперь не 1877 годъ, когда фіаско постигшее на первыхъ порахъ нашъ внѣшній заемъ отозвалось болью въ каждомъ русскомъ сердцѣ. Въ то время неудача займа могла казаться не малымъ затрудненіемъ въ тяжелое военное время, могла пораждать сомнѣнія въ силѣ нашего кредита вообще, тѣмъ болѣе что и успѣхъ первыхъ внутреннихъ займовъ (стомилліоннаго 4-го выпуска банковыхъ билетовъ и двухсотмилліоннаго Перваго Восточнаго Займа) оставлялъ многаго желать. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ что мы не только можемъ обойтись безъ помощи заграничнаго кредита, но и вообще очень мало нуждаемся въ немъ, гораздо менѣе чѣмъ иностранцы въ помѣщеніи своихъ капиталовъ въ нашихъ бумагахъ. Послѣ блестящаго успѣха громадныхъ финансовыхъ операцій давшихъ средства на покрытіе всѣхъ расходовъ военнаго времени, и послѣ участія принятаго иностранными банкирами въ прошлогоднемъ Третьемъ Восточномъ Займѣ, въ этомъ трудно сомнѣваться. Мало того, финансовая исторія послѣднихъ трехъ лѣтъ побуждаетъ нынѣ совершенно измѣнить взглядъ на самую неудачу внѣшняго займа 1877 года. Приходится не сожалѣть о ней, а радоваться и благодарить тѣхъ иностранныхъ банкировъ которые извѣстными, предпринятыми ad hoc, операціями подготовили эту неудачу. Благодаря ей выяснилась вся нежданная, негаданная обширность тѣхъ рессурсовъ коими располагаетъ Россія въ своемъ внутреннемъ кредитѣ, благодаря ей избѣгли мы ряда внѣшнихъ займовъ на самыхъ тяжкихъ условіяхъ которые усилили бы нашу зависимость отъ иностранныхъ банкировъ и биржъ, столь для насъ невыгодную.

Но если мы не имѣемъ нынѣ повода сожалѣть о неудачѣ внѣшняго займа 1877 года, то какія основанія имѣли бы мы скор-

бѣть о неудачѣ нынѣшняго желѣзнодорожнаго займа, еслибы даже непринятіе въ немъ участія иностранными капиталистами и дѣйствительно могло повести къ такой неудачѣ? Въ чемъ произошло бы для насъ затрудненіе, какое важное государственное дѣло затормазилось бы за недостаткомъ средствъ?

Идетъ подписка на желѣзнодорожный заемъ, но ожидаемыя отъ него суммы, сколько извѣстно, не предназначаются на постройку какихъ-нибудь новыхъ дорогъ. Эти суммы требуются лишь для ликвидаціи счетовъ между двумя государственными кассами, кассой Гесударственнаго Казначейства и кассой государственнаго же Желѣзнодорожнаго Фонда. Будутъ или нѣтъ ликвидированы эти счеты, для страны это, въ сущности, безразлично. Странѣ нужно только чтобы работы по развитію желѣзнодорожной сѣти не останавливались, и опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ что для этой цѣли въ заключеніи спеціальныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ нѣтъ настоятельной необходимости. Съ 1876 года такихъ займовъ вовсе не заключалось, и однако это обстоятельство не сопровождалось никакими остановками въ желѣзнодорожныхъ работахъ. Мало того, въ періодъ прекращенія выпусковъ консолидированныхъ облигацій, эти работы даже шли живѣе и на нихъ отпускались бо́льшія суммы. Такъ, въ пятилѣтіе 1871—1875 годовъ, ежегодный расходъ изъ Желѣзнодорожнаго Фонда колебался между цифрами $54,_9$ и $78,_1$ милліоновъ, а въ 1876 году эти расходы дошли до $79^1/_2$, въ 1877 до 80, въ 1878 до 85 милліоновъ... Не все ли равно для всѣхъ и каждаго что суммы эти шли подъ конецъ не изъ опустѣвшаго Желѣзнодорожнаго Фонда, а изъ Государственнаго Казначейства, изъ одного, а не изъ другаго казеннаго кармана? Никто отъ этого не былъ въ накладѣ, ни желѣзнодорожныя общества, ни финансовые рессурсы казны, ни экономическая жизнь народа. И никому изъ нихъ не будетъ хуже, если, въ случаѣ неудачи нынѣшняго займа, тѣмъ же порядкомъ будутъ ассигноваться суммы на желѣзнодорожныя сооруженія и на будущее время.

Но о томъ что́ было бы въ случаѣ неудачи нынѣшняго желѣзнодорожнаго займа нѣтъ пока никакого повода говорить, такъ какъ неудачи не предвидится. Интереснѣе остановиться на томъ вѣроятномъ назначеніи какое должны получить суммы имѣющія поступить по оному въ казну.

Въ № 327 *Московскихъ Вѣдомостей* за прошлый годъ, на основаніи данныхъ приведенныхъ въ отчетахъ Государственнаго Контроля, мы замѣтили что къ исходу 1880 года долгъ Желѣзнодорожнаго Фонда Государственному Казначейству достигъ приблизительно 116 милліоновъ рублей (кредитныхъ); въ теченіе 1879 и первой трети текущаго года долгъ этотъ продолжалъ расти, и едва ли онъ теперь менѣе всей суммы какая можетъ быть получена отъ объявленнаго займа ($168^3/_4$ милл. рублей кредитныхъ или $112^1/_2$ милл. рублей металлическихъ). Такимъ образомъ всѣ или почти всѣ суммы займа имѣютъ поступить не въ Желѣзнодорожный Фондъ, а въ Государственное Казначейство.

Для какихъ именно цѣлей понадобилось это подкрѣпленіе средствъ Государственнаго Казначейства, неизвѣстно. Можно лишь быть увѣрену что не на покрытіе текущихъ расходовъ обыкновеннаго бюджета, и также не на оставшіеся не покрытыми расходы минувшей войны. Бюджетъ на текущій годъ сведенъ безъ дефицита, министромъ финансовъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ по поводу государственной росписи выражена твердая увѣренность что предположенное по бюджету равновѣсіе доходовъ и расходовъ въ теченіи года не будетъ нарушено, и не случилось ничего такого что́ могло бы поколебать эту увѣренность. На покрытіе расходовъ минувшей войны имѣлись болѣе чѣмъ достаточныя средства въ суммахъ Третьяго Восточнаго Займа; говоримъ: болѣе чѣмъ достаточныя, въ виду того факта что значительную часть этихъ суммъ найдено возможнымъ употребить на иное назначеніе, на уплату долга казны Государственому Банку, и притомъ на уплату въ большемъ размѣрѣ чѣмъ въ какомъ могло быть совершено изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. На какія же за симъ надобности должны пойти суммы которыя дастъ нынѣшній выпускъ консолидированныхъ облигацій?

Всего желательнѣе, конечно, было бы чтобы деньги добытыя нынѣшнимъ займомъ дали Государственному Казначейству средства къ усиленнымъ отпускамъ суммъ на расширеніе и улучшеніе желѣзнодорожной сѣти и портовъ. Въ такомъ случаѣ заемъ не по имени только былъ бы желѣз-

нодорожнымъ, и выгоды доставленныя странѣ его употребленіемъ, можетъ-быть, помирили бы съ нимъ даже тѣхъ кто съ сожалѣніемъ смотритъ на фактъ объявленія его не въ кредитной, а въ металлической валютѣ. Но если вѣрить газетамъ, имѣется предположеніе дать суммамъ желѣзнодорожнаго займа назначеніе не имѣющее ничего общаго съ сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ, употребить ихъ на уплату долга Государственнаго Казначейства Государственному Банку...

Не хочется вѣрить такому предположенію, хотя, по бывшимъ примѣрамъ, и нельзя отрицать его возможность. Странное значеніе получилъ бы заемъ еслибы сказанное предположеніе обратилось въ дѣйствительность. Весь результатъ его ограничился бы бухгалтерскою манипуляціей послѣдовательнаго перемѣщенія суммъ изъ одного казеннаго кармана въ другой, а затѣмъ въ третій. Казенный желѣзнодорожный Фондъ расплачивается съ Государственнымъ Казначействомъ, это послѣднее расплачивается съ казеннымъ же Государственнымъ Банкомъ; въ концѣ концовъ, въ соотвѣтственныхъ графахъ бухгалтерскихъ книгъ вмѣсто однихъ цифръ появятся другія, и за достиженіе такой перемѣны будетъ уплачиваться ежегодно девятмилліоновъ рублей (шесть милліоновъ металлическихъ рублей) процентовъ по облигаціямъ...

Положимъ, проценты по этимъ облигаціямъ должны уплачиваться не казной, а желѣзнодорожными обществами, хотя въ дѣйствительности, при постоянно-громадныхъ недоимкахъ за желѣзными дорогами, не малую долю этихъ процентовъ приходится уплачивать казнѣ. Но еслибы даже этихъ приплатъ и не требовалось, сущность дѣла отъ того не мѣняется. Желѣзно-дорожныя общества обязаны платить казнѣ проценты, по остановленнымъ ею за собой облигаціямъ ихъ дорогъ, независимо отъ того, выпущены ли ею самой въ замѣнъ этихъ облигацій облигаціи консолидированныя, или нѣтъ. Выходитъ что заключается заемъ съ цѣлью освободить казну отъ бремени полученія процентовъ...

Люди приходящіе въ восторгъ отъ мысли что суммы желѣзнодорожнаго займа пойдутъ на уменьшеніе долга казны Государственному Банку, повидимому, не дѣлаютъ различія между сокращеніемъ этого долга и сокращеніемъ итога обращающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ. Но стоитъ просмотрѣть балансы Государственнаго Банка начиная съ осени 1876 года чтобъ убѣдиться что это не одно и то же. Изъятіе кредитныхъ билетовъ дѣло не легко исполнимое, какъ подтверждено опытомъ послѣдняго года. При твердой рѣшимости, можно, конечно, одолѣть представляемыя этимъ дѣломъ трудности. Но прежде чѣмъ рѣшаться, не обходимо хорошенько обсудить результаты такой рѣшимости. Эти результаты, кажется, не трудно предвидѣть. Искусственное созданіе непомѣрно высокой нормы учета, пониженіи курса всѣхъ цѣнныхъ бумагъ, подрывъ тѣхъ условій при которыхъ сдѣлались возможны у насъ внутренніе займы ставившіе насъ въ послѣднее время въ финансовомъ отношеніи въ сравнительно независимое отъ иностранцевъ положеніе,—вотъ къ чему можетъ повести неумѣренная забота о сокращеніи размѣровъ нашего денежнаго обращенія, вотъ чѣмъ хотятъ иные господа облагодѣтельствовать Россію

№ 139.

Москва, 20-го мая.

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Михайлова, Веймара и др. встрѣчаются нѣкоторыя интересныя подробности которыя стóитъ отмѣтить. Предъ судомъ очевидно на этотъ разъ была кучка „дѣятелей“ не изъ рядовыхъ. Если это были не сами генералы, то во всякомъ случаѣ офицеры дѣйствующей арміи какой-то партіи, объявившей войну Русскому государству и въ своихъ манифестахъ,—въ подпольной газетѣ *Земля и Воля*,—доказывающей необходимость политическихъ убійствъ тѣмъ что „въ отношеніи къ правительству соціально-революціонная партія находится въ такомъ же положеніи какъ народъ въ землю котораго вторгся непріятель, а потому онъ, являясь воюющею стороной, имѣетъ право поднять оружіе на своихъ враговъ.“ Выходитъ такимъ образомъ что мы всѣ, весь Русскій народъ съ правительствомъ во главѣ, вторглись во владѣнія соціально-революціонной партіи и она вынуждена обороняться...

Изъ захваченныхъ писемъ, клочковъ, записочекъ, уцѣлѣвшихъ отъ сожженія и истребленія при обыскахъ и приводимыхъ въ

обвинительномъ актѣ, видно что замѣшанныя въ дѣлѣ лица были въ близкихъ сношеніяхъ почти со всѣми замѣтными героями политическихъ процессовъ за послѣдніе годы. Не говоримъ уже о сношеніяхъ Веймара съ Соловьевымъ и Мирскимъ. Но и знаменитая Вѣра Засуличъ была въ пріятельской перепискѣ изъ Женевы съ Малиновскою и Колѣнкиной, стрѣлявшею въ жандармскихъ офицеровъ и сожалѣвшею „что ни въ одного изъ четырехъ прохвостовъ не попала.“ Засуличъ отговаривала Колѣнкину ѣхать за границу, „такъ какъ тамъ она не будетъ имѣть внѣшнихъ интересовъ для жизни, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ для нея есть дѣло и существуютъ жгучіе интересы.“ Въ одной запискѣ упоминается о Мирскомъ, который, какъ тамъ сказано, „ругается что до сихъ поръ не присылаютъ яду.“ Стефановичъ, организаторъ тайнаго общества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, жившій вмѣстѣ съ извѣстнымъ Дейчемъ, находился въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ той же Колѣнкиной, которая была посвящена во всѣ его замыслы и предпріятія. „Изъ обгорѣлыхъ „кусковъ корреспонденціи,“ сказано въ обвинительномъ актѣ, „которую Колѣнкина „и Малиновская успѣли сжечь до прихода „должностныхъ лицъ, видно что сожженные письма были посланы Софьей Лешернъ „фонъ-Герцфельдъ, Вѣрой Рогачевой, Павломъ Орловымъ, Вѣрою Засуличъ и другими лицами. При этомъ на одномъ изъ „обгорѣлыхъ кусковъ было упомянуто о „динамитной батареѣ. Кусокъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе, ибо по дѣлу о „28 лицахъ судившихся въ городѣ Одессѣ было обнаружено что въ августѣ мѣсяцѣ 1878 года предполагалось соціально-революціонною партіей произвести покушеніе на жизнь священной особы Государя Императора съ помощію взрыва „динамитной батареи.“ Наиболѣе уединеннымъ остается московскій подвигъ Гартмана и его неизвѣстныхъ сообщниковъ; нити этого дѣянія, насколько по крайней мѣрѣ можно судить по доступнымъ публикѣ свѣдѣніямъ, повидимому затерялись. Тѣсная связь пропагандистовъ между собою, эти всѣ тѣ же повторяющіяся имена, лучшее доказательство что наша партія дѣйствія у нихъ не многочисленна, и что сила ея не въ количествѣ и качествѣ ея дѣятелей, а главнымъ образомъ въ условіяхъ среди коихъ она дѣйствуетъ. За то надлежитъ отдать ей справедливость, она крѣпка дисциплиной какою никакъ не можетъ похвалиться вторгшійся въ ея владѣнія непріятель. И экономическая часть у ней въ порядкѣ, хотя средства не очень обильны, такъ что пятьдесятъ рублей считается суммой порядочною. „О дѣлахъ ничего не могу сказать, пишетъ одна изъ дѣятельницъ, нѣтъ пока ничего, а все изъ запоганыхъ распроклятыхъ денегъ... Боже мой, еслибы деньги!“ Но и грошъ ставится ребромъ. Прогоны, напримѣръ, выдаются чрезвычайно скромные: на поѣздку въ Варшаву (кажется изъ Вильны) хотя бы за тѣмъ чтобы привезти извѣстія что „тамъ имъ легче чѣмъ намъ,“ ассигновано 8 рублей 60 коп. съ 18 по 24 сентября (такъ можно усмотрѣть изъ счетовъ найденныхъ у Трощанскаго, того Трощанскаго котораго съ начала семидесятыхъ годовъ административно переводили изъ Вятки, куда былъ первоначально сосланъ, въ Курскъ, изъ Курска въ Мезень, изъ Мезени въ Холмогоры, откуда онъ и бѣжалъ благополучно въ 1876 году).

Въ числѣ судившихся видное мѣсто занимаетъ именующій себя Сабуровымъ. Онъ такъ и не открылъ своего имени, оставляя широкое поле для догадокъ. Человѣкъ, повидимому, не безъ юридическаго образованія, бойкій на слово, онъ, повидимому, былъ однимъ изъ главныхъ редакторовъ *Земли и Воли*. По крайней мѣрѣ у него, вмѣстѣ съ разными фальшивыми документами, въ замѣтной долѣ относящимися къ Ростову-на-Дону, найдены корректурные листы *Земля* и *Воля* и значительный запасъ статей, какъ напримѣръ, *По поводу собранія Русской народной партіи 6-го декабря 1876 года* (демонстрація у Казанскаго собора), *Безвыходное положеніе*, и другія, между коими заслуживаетъ вниманіе рукопись *О Чигиринскомъ дѣлѣ*, заключающаяся словами: „вездѣ народъ ждетъ только передовыхъ своихъ знаменосцевъ чтобы сплотиться вокругъ ихъ. Вездѣ онъ ждетъ только чьей-то инициативы. Наша обязанность взять ее на себя. Сближеніе съ народомъ достигается не однимъ перемѣщеніемъ себя въ его среду. Мы должны явиться передовыми выразителями его желаній, его стремленій, его идеаловъ...“ Любопытная замѣтка „о сущности конституціи,“ впрочемъ не попала еще въ редакцію и осталась въ портфелѣ подсудимаго Буланова, бывшаго сту-

дента Медико-Хирургической Академіи. Литературный жаръ выражающійся изданіемъ и распространеніемъ брошюръ, журналовъ и иныхъ произведеній революціонной публицистики, съ соотвѣтственными хлопотами по типографской части, еще повидимому не остылъ въ кружкахъ пропагандистовъ. У всѣхъ почти, при обыскахъ, найдены кипы этой „литературы," а на арестованномъ въ Петербургскомъ вокзалѣ Николаевской дороги студентѣ Левенталѣ захвачено болѣе двухсотъ экземпляровъ послѣднихъ произведеній подпольныхъ литераторовъ. Журнальный зудъ выражается между прочимъ желаніемъ помѣщать корреспонденціи о Россіи въ иностранныхъ газетахъ. Но тутъ произошелъ любопытный казусъ. Въ одномъ изъ писемъ захваченныхъ на Левенталѣ разказывается слѣдующій поучительный случай: „Я послалъ, говоритъ неизвѣстный авторъ письма,

„недавно чрезъ Артура Арну (членъ коммуны) двѣ корреспонденціи въ *Rappel*. Это одна изъ наиболѣе радикальныхъ газетъ, находящихся подъ вліяніемъ Виктора Гюго. Корреспонденціи эти были присланы изъ Россіи и переведены моею женой. Одна о положеніи политическихъ арестантовъ въ центральныхъ тюрьмахъ, а другая о казни Ковальскаго. Сегодня о первой полученъ отвѣтъ редакціи. Въ письмѣ говорится буквально вотъ что: „„Я чи„талъ корреспонденцію изъ Россіи и на„хожу ее очень интересною. Но надобно „положительно не любить Франціи чтобы „рѣшиться теперь, когда она еще не окрѣ„пла, раздражать въ нашихъ газетахъ „Россію, которая непремѣнно будетъ мстить. „Кромѣ того, я думаю что такъ какъ Рос„сія боится чтобъ Европа знала что дѣ„лается у нея дома, то выместить свою „злобу на несчастныхъ арестантахъ. Впро„чемъ я передалъ корреспонденцію Мери„су (зять Виктора Гюго), и если онъ най„детъ удобнымъ, то напечатаю, и тогда, „разумѣется, будетъ гонораръ за работу.““ Признаюсь, я этого никакъ не ожидалъ. Креатура Виктора Гюго боится печатать возмутительнѣйшіе изъ фактовъ, какіе только можно себѣ представить, изъ-за того что Россія можетъ мстить. Не войну же она имъ объявитъ, а поддерживать Францію она и безъ того не поддерживала до сихъ поръ. Видите. Петербургъ и за границей можетъ зажимать ротъ, но корреспонденціи о нашихъ башн-бузукахъ все-таки будутъ печататься въ Парижѣ. Рошфоръ недавно женился и взялъ громадное приданое, на которое затѣваетъ изданіе газеты въ Парижѣ. Онъ просилъ насъ сообщать всякія свѣдѣнія о Россіи и обѣщаетъ печатать всякіе факты, не стѣсняясь страхомъ мнимческой мести."

Такимъ образомъ оказывается что даже французскіе коммунары сторонятся отъ нашихъ революціонеровъ, дорожа интересами своего отечества, и даютъ между прочимъ урокъ патріотизма нашимъ либераламъ купно съ консерваторами.

Изъ того же любопытнаго письма можно узнать что „Питерскіе соціалисты" проводящіе время въ „постоянномъ болтаніи на сходкахъ" раздѣляются на два главныя мнѣнія. Одни утверждаютъ и пишутъ о томъ заграничнымъ редакторамъ русскихъ революціонныхъ изданій: „надо разбирать теоретическіе вопросы, *возбуждать умственную дѣятельность молодежи, воспитывать ее*; народныя книжки чепуха, умный пропагандистъ да и всякій не нуждается въ нихъ, онѣ только мѣшаютъ." Другіе, напротивъ, твердятъ что „слѣдуетъ возбуждать народъ къ бунту, теорію онъ самъ знаетъ, а на *молодежь наплевать*, вся-то она гроша не стóитъ." Недовольство весьма знаменательное. Къ сожалѣнію до сихъ поръ изъ трехъ разрядовъ пропагандистовъ, тѣхъ „что дѣйствуютъ среди молодежи, что работаютъ на фабрикахъ и заводахъ и что дѣйствуютъ въ деревняхъ," наибольшій успѣхъ выпадаетъ все-таки на долю перваго разряда. И тѣхъ что работаютъ на фабрикахъ, и тѣхъ что дѣйствуютъ въ деревняхъ, усмотрѣть и уловить не трудно; много труднѣе было уловить пропагандистовъ среди молодежи не охраняемой и пріучаемой къ праздности въ большинствѣ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Между подсудимыми Михайловъ и Левенталь бывшіе студенты. Изъ обвинительнаго акта явствуетъ что Михайловъ въ январѣ 1877 года былъ исключенъ изъ Московскаго университета за невзносъ платы за слушаніе лекцій. Не жертва ли это бѣдности и „безысходнаго положенія" исключеннаго студента, которому изъ двадцати пяти рублей пресѣчена карьера, какъ любятъ иногда живописать изобразители бѣдственнаго положенія русской учащейся молодежи? Обстоятельства дѣла не подтверждаютъ такого заключенія. Оказывает-

ся что студентъ Михайловъ, въ академическій семестръ второй половины 1876 года и въ началѣ 1877 года, слушалъ лекціи не въ аудиторіяхъ Московскаго университета, а въ Псковской губерніи, въ селѣ Воронинѣ, Торопецкаго уѣзда, гдѣ работалъ въ кузницѣ устроенной Николаемъ Богдановичемъ въ его имѣніи и работалъ вмѣстѣ съ Соловьевымъ, какъ видно изъ дѣла о покушеніи на цареубійство. Числится студентомъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и пропагандировать гдѣ-нибудь во Псковѣ, на Волыни или на Волгѣ—явленіе у насъ довольно заурядное. Послѣ января 1877 года, тѣмъ же полезнымъ ремесломъ занимался Михайловъ въ Хвалынскомъ уѣздѣ, а осенью того же года привелъ съ собою въ Москву хорошую вороную лошадь, на которой предполагалось увезти государственнаго преступника называвшаго себя сыномъ дьячка, Александромъ Крестовоздвиженскимъ.

№ 140.

Москва, 21-го мая.

Австро-венгерская печать начинаетъ мало-по-малу убѣждаться что политика которой намѣренъ слѣдовать новый Англійскій кабинетъ въ дѣлахъ Востока существенно разнится отъ политики прежняго кабинета, вопреки пресловутому письму г. Гладстона къ австрійскому послу, графу Карольи, которое подъ горячимъ впечатлѣніемъ минуты было привѣтствовано въ Вѣнѣ какъ великая побѣда австро-венгерской дипломатіи. Теперь даже слышится мнѣніе что эта дипломатія „попалась“ въ сѣти искусно ей разставленныя новыми руководителями британской политики, такъ какъ письму г. Гладстона, не содержащему въ себѣ никакихъ фактическихъ уступокъ или обѣщаній, предшествовало формальное заявленіе графа Карольи что Австро-Венгрія далека отъ мысли о дальнѣйшемъ расширеніи „сферы своего могущества“ на Балканскомъ полуостровѣ. Расширенію австро-венгерскаго вліянія *au delà de Mitrovitza*,—о чемъ столько мечтали разные ревнители австрійской „миссіи на Востокѣ,“—положена такимъ образомъ весьма недвусмысленная преграда. Иные пессимисты въ Вѣнѣ, ровно какъ въ Берлинѣ, идутъ еще далѣе въ своихъ пасмурныхъ предвидѣніяхъ. Они разсуждаютъ такимъ образомъ: До сихъ поръ еще неизвѣстно ничего опредѣленнаго о томъ какъ Англійскій кабинетъ относится къ положенію занимаемому Австріей въ Босніи. Ея права на эту страну основаны на титулѣ довольно двусмысленнаго свойства, сходномъ отчасти съ тѣмъ въ силу коего Австрія, до войны 1859 года, „имѣла право“ содержать гарнизоны въ сѣверныхъ провинціяхъ тогдашней Папской Области и пользовалась протекторатомъ надъ Тосканой и Моденой. Такія права, какъ показалъ печальный для Австріи опытъ, могутъ де не только подлежать оспариванію со стороны политическихъ противниковъ; но даже послужить поводомъ къ войнѣ. Берлинскій трактатъ не только предоставилъ Австріи право содержать гарнизоны въ Босніи и Герцеговинѣ, но возложилъ на нее и обязанность ввести добрый порядокъ въ тамошнее управленіе. Дѣло это весьма не легкое, и сопряжено съ большими издержками. Какъ рѣшиться на подобныя пожертвованія безъ увѣренности въ правѣ владѣнія и при опасеніи что въ одинъ прекрасный день можетъ послѣдовать приглашенія удалиться? А между тѣмъ, если ограничиться поверхностнымъ исполненіемъ принятой обязанности и не позаботиться объ улучшеніи быта страны, права на которую такъ двусмысленны, то это само по себѣ можетъ де послужить для недруговъ благопріятнымъ предлогомъ чтобы сказать что Австрія не исполнила тѣхъ обязанностей которыя она на себя приняла, и что поэтому она потеряла и право свое на владѣніе оными.

Понятно что всѣ эти разсужденія, не лишенныя основанія, наполняютъ тревогой сердца тѣхъ изъ австро-венгерскихъ публицистовъ кои хотя никогда сами не отдавали себѣ яснаго отчета о томъ чего Австро-Венгріи слѣдуетъ желать, чего опасаться, и однажды съ большою горячностью оспаривали политику графа Андраши, которая повела къ расширенію австро-венгерской власти на Балканскомъ полуостровѣ, но которые мирились между собою на непримиримой ненависти ко всякому проявленію и развитію живыхъ силъ выдвигаемыхъ исторіей и именуемыхъ этими ревнителями „панславизмомъ.“ Имъ чуется что въ теперешнихъ хлопотахъ дипломатіи объ исполненіи Берлинскаго трактата содержится совсѣмъ не тотъ смыслъ какой

тотъ же лозунгъ имѣлъ въ послѣдніе два года. Тогда тщательно выбиралось изъ трактата все что̀ служило къ отрицанію кровью добытыхъ правъ Россіи и покровительствуемыхъ ею христіанскихъ племенъ Востока, и вѣнская печать громче всѣхъ вопила о необходимости настоять на точномъ исполненіи Россіей всего что̀ ей было навязано на Берлинскомъ конгрессѣ. Но Россія исполнила все что̀ трактатъ заключалъ въ себѣ въ смыслѣ ограниченія результатовъ установленныхъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Оставалось мертвою буквой лишь многое изъ того что̀ хотя въ урѣзанномъ и изуродованномъ видѣ принято было изъ этого договора въ обще-европейскій инструментъ выработанный Берлинскимъ конгрессомъ. Турція до сихъ поръ не дѣлала ничего чтобъ исполнить наложенныя на нее обязательства по отношенію къ племенамъ оставленнымъ подъ ея непосредственнымъ владычествомъ. Съ Греціей велись нескончаемые переговоры о миролюбивомъ исправленіи ея границы съ Турціей, согласно указанію Берлинскаго трактата. Дипломатія какъ бы спеціально приняла подъ свою заботу эту дѣло и учердствовала безъ конца. Враждебная „панславизму“ печать, съ своей стороны, оказывала „поддежку“ притязаніямъ Греціи въ томъ убѣжденіи что удовлетвореніе оныхъ не можетъ быть пріятнымъ Россіи, совершенно забывая что единовѣрная Греція не менѣе чѣмъ славянскія земли обязана своею незавимостью Россіи, которая никогда не отрекалась отъ историческихъ узъ соединяющихъ ее съ Грецією. Но благодаря обычнымъ пріемамъ Порты, дѣйствовавшей въ увѣренности что ей все сойдетъ съ рукъ, эти переговоры до сихъ поръ не привели ни къ чему. Всего же замѣчательнѣе было „исполненіе“ Берлинскаго трактата относительно Черногоріи. Присужденное ей территоріальное приращеніе очень скоро оказалось „неисполнимымъ.“ Европейская дипломатія не сочла нужнымъ заводить по этому поводу пререканій и отстаивать свое рѣшеніе. Она дала свое согласіе на замѣну двухъ присужденныхъ Черногоріи округовъ, Гусинья и Плавы, другимъ гораздо менѣе цѣннымъ клочкомъ земли у Скутарійскаго озера. Ревнители Берлинскаго трактата изъ вѣнскихъ публицистовъ весьма одобряли этотъ обмѣнъ, такъ какъ этимъ путемъ устранялось опасное въ ихъ глазахъ сближеніе между черногорскую и сербскою территоріей. Затѣмъ произошла извѣстная наглая комедія разыгранная турецкими военачальниками на сѣверномъ прибрежьѣ Скутарійскаго озера. Турецкіе гарнизоны долженствовавшіе передать тамошнія укрѣпленія изъ рукъ въ руки Черногорцамъ удалились на минуту за кулисы чтобы перемѣнить костюмы и явиться въ видѣ „мятежныхъ“ Албанцевъ. Комедія эта доставила истинное удовольствіе вѣнскимъ публицистамъ. Они радовалось продѣлкѣ, указывая на то что Черногорія есть будто бы „форпостъ выдвинутый Россіей, дабы стать твердою ногой на Адріатическомъ морѣ,“ и что стало-быть нельзя не радоваться тому что и эта модификація Берлинскаго трактата оказалась „неисполнимою.“ Албанское „возстаніе“ пользовалось поэтому явною симпатіей въ Вѣнѣ, не смотря на то что и въ немъ отчасти сказался неудержимо совершающійся процессъ разложенія Турціи.

По всему этому самодовольству насталъ конецъ. Съ худо-скрываемою тревогой разсуждаютъ нынѣ австро-венгерскіе публицисты по поводу дипломатическихъ переговоровъ послѣднихъ дней. Имъ не нравится предпринятое по иниціативѣ Англійскаго кабинета коллективное дѣйствіе Европы, дабы побудить Порту исполнить свои обязательства. Англійскій чрезвычайный посолъ въ Константинополѣ, г. Гошенъ, который останавливался въ Вѣнѣ для переговоровъ съ г. Гаймерле, повидимому, не оставилъ тамъ пріятныхъ впечатлѣній. Мысль о дополнительной конференціи въ Берлинѣ также не нравится политикамъ вѣнской печати, хотя иные стараются успокоить себя тѣмъ соображеніемъ что конференція эта дастъ возможность князю Бисмарку отстоять интересы Австріи, согласно неизвѣстнымъ пунктамъ таинственнаго сентябрьскаго соглашенія. Высказывается также мнѣніе будто проектируемая конференція есть шахматный ходъ направленный противъ начинанія Англіи, съ цѣлью удержать „въ своихъ рукахъ“ главное вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣла. Но замѣчательно что политическія комбинаціи которыя строятся при этомъ основаны на томъ разчетѣ что Франція, вслѣдствіе недовѣрія къ Англіи, будетъ дѣйствовать заодно съ Австріей и Германіей!

Уже изъ этого можно заключить какъ измѣнилось положеніе европейской политики сравнительно съ прошедшею осенью

когда всѣ разчеты строились на „живомъ сочувствіи“ Англіи къ австро-германскому соглашенію, которому противопоставлялось франко-русское.

№ 141.

Москва, 22-го мая.

Вчера мы обратили вниманіе на замѣчательную перемѣну тона въ той части иностранной печати которая поставила себѣ главною задачей распалять вражду противъ Россіи и „панславизма“ и указали на то какъ, вмѣсто Англіи, эти органы считаютъ возможнымъ привлечь Францію къ заботамъ о неприкосновенности Турціи. Какъ ни странною съ перваго взгляда представляется политическая комбинація столь радикально противоположная недавнимъ еще выкладкамъ, выставлявшимъ какъ „величайшую опасность для мира Европы“ возможность союза между Франціей и Россіей, каковою возможностью мотивировалось какъ торжественное соглашеніе заключенное въ Вѣнѣ въ сентябрѣ прошедшаго года, такъ и увеличеніе военныхъ силъ Германіи — имѣются указанія на то что не дремлющая интрига уже примѣнилась къ новымъ обстоятельствамъ. Съ тѣхъ поръ какъ Франція, обезсиленная несчастною войной, потеряла свой прежній вѣсъ въ совѣтахъ Европы, интрига пользовалась ею съ особенною охотой и умѣла ворочать ею согласно своимъ сокровеннымъ видамъ. Лишенные возможности стоять твердо на собственныхъ ногахъ, руководители французской политики, начиная отъ герцога Деказа и кончая г. Фрейсине, уже не разъ являли примѣръ внезапныхъ поворотовъ то въ ту, то въ другую сторону по дѣламъ обще-европейской, то-есть Восточной политики. Всѣмъ памятно какой враждебный тонъ держала французская печать о Россіи и ея освободительныхъ стремленіяхъ на Востокѣ предъ войной и въ продолженіе самой войны. Затѣмъ наступила столь же мало понятная перемѣна: въ концѣ прошедшаго года французская официозная печать вдругъ преисполнилась сочувствія къ христіанскимъ народамъ Востока и стала безпощадно нападать на политику лорда Биконсфильда. Теперь опять новая перемѣна, заслуживающая въ особенности вниманія, въ виду проявившихся и съ другой стороны разчетовъ на то что Франція, изъ-за соперничества съ Англіей, будетъ противодѣйствовать восточной политикѣ ея новаго кабинета и съ этою цѣлью примкнетъ къ австро-германскому соглашенію. По извѣстіямъ усердно распространяемымъ туркофильскими органами, миссія г. Гошена была столь же неудачна въ Парижѣ какъ и въ Вѣнѣ. Французское правительство, какъ сообщаетъ парижскій корреспондентъ торійской газеты *Standard*, увѣрило англійскаго дипломата что оно охотно примкнетъ къ такому общему дѣйствію Европы которое было бы направлено къ огражденію Турціи; но что оно, подобно Австріи, отнюдь не сочувствуетъ мысли о конфедераціи христіанскихъ племенъ Балканскаго полуострова, которая была бы равносильна „раскрытію воротъ Константинополя для Россіи.“ Это извѣстіе какъ бы подтверждается статьей появившеюся 28 мая въ газетѣ *Temps*, которая подвергаетъ „безпощадной“ критикѣ предполагаемый планъ г. Гладстона относительно Балканскаго полуострова. Французская газета, коей близкія отношенія къ теперешнему правительству извѣстны, старается доказать что предполагая возможнымъ предоставить Балканскій полуостровъ тамошнимъ христіанскимъ племенамъ, англійскій премьеръ, вопервыхъ, замыслилъ неисполнимое, ибо какъ Россія, такъ и Австрія и Италія не могутъ де, въ силу исторической необходимости, не стремиться къ расширенію своей власти насчетъ остатковъ отъ турецкаго владычества.. А вовторыхъ, планъ г. Гладстона страдаетъ де явнымъ противорѣчіемъ: онъ хочетъ создать такой порядокъ вещей коимъ были бы нейтрализованы эгоистическіе замыслы на наслѣдіе Турціи со стороны нѣкоторыхъ державъ; но для этого онъ обращается къ тѣмъ же державамъ и вызываетъ къ ихъ единодушію въ такомъ пунктѣ гдѣ онѣ не могутъ не расходиться. А что де предприметъ г. Гладстонъ если вызываемое имъ рѣшеніе державъ не будетъ единодушнымъ, или если послѣ принятія единодушнаго съ виду рѣшенія державы станутъ противодѣйствовать приведенію онаго въ исполненіе? Возьметъ ли онъ на себя одного исполненіе этого рѣшенія, или же наоборотъ совсѣмъ отступится, предоставивъ арену борьбѣ вызванныхъ имъ самимъ интересовъ, еще разъ покажетъ міру безсиліе

англійскихъ манчестерскихъ теорій въ дѣлахъ иностранной политики?

Такъ приблизительно разсуждаетъ французская офиціозная газета по поводу несвоевременнаго, по ея мнѣнію, возобновленія Восточнаго вопроса по инициативѣ Англіи. Важны конечно не эти разсужденія, а тотъ фактъ что со стороны Франціи раздаются именно теперь подобныя мнѣнія. Это во всякомъ случаѣ доказываетъ что и теперь „единодушіе Европы," о коемъ на дняхъ заявилъ лордъ Гранвилль, такъ же недостижимо по отношенію къ Востоку какъ и прежде. Замѣчательно лишь то какія перемѣны и перемѣщенія возможны въ предѣлахъ этой неизбѣжной разноголосицы. Англія не ставитъ уже сохраненія турецкаго владычества неизмѣннымъ и главнымъ пунктомъ своей политики, и вотъ на смѣну ей являются стражами этой турецкой „неприкосновенности" Австрія, а за нею почему-то и Франція.

Но рѣчь вѣдь идетъ теперь вовсе не объ окончательной ликвидаціи Турціи, такъ пугающей французскую газету, а о точномъ исполненіи того акта который есть все-таки результатъ общаго соглашенія. Россія, исполнившая все что было въ Берлинскомъ трактатѣ ограничительнаго и умаляющаго ея успѣхи, можетъ нынѣ съ полною искренностью взывать къ необходимости не оставлять мертвою буквой всего того что было включено въ этотъ трактатъ къ выгодѣ тѣхъ за кого она заступалась. Есть ли поводъ для Франціи,—Франціи ясно сознающей свое призваніе и умѣющей отстаивать свою самобытность,—уклониться въ этомъ случаѣ отъ усилій кои имѣютъ цѣлію осуществленіе акта въ созданіи котораго она принимала столь дѣятельное и притомъ „безкорыстное" участіе?

Но, вмѣсто этого, французская печать злорадно указываетъ, вмѣстѣ съ австровенгерскою, на „неисполнимость" требованій предъявляемыхъ нынѣ Турціи по отношенію къ установленію черногорской границы. „Албанскій вопросъ" внезапно получилъ въ глазахъ извѣстной части европейской печати выдающееся значеніе, и настойчиво проповѣдуется тотъ взглядъ что и Албанцы имѣютъ ткое жо право на признаніе ихъ національныхъ стремленій какъ и Черногорцы. Нужды нѣтъ что право Черногоріи не есть нынѣ только теоретическое право, а что оно основано на формальномъ международномъ актѣ освященномъ всею Европой. Какая надобность европейской дипломатіи,—такъ разсуждаютъ указанные органы,—очень усердствовать по этому дѣлу и настаивать на формальномъ правѣ, которое въ данномъ случаѣ „сталкивается съ естественнымъ и нравственнымъ правомъ албанскихъ патріотовъ?" Можно ли де принудить Порту чтобъ она силой заставила своихъ единовѣрцевъ, не отрекшихся вполнѣ отъ ея подданства, отдать часть своей территоріи ненавистному ей и имъ племени Черногорцевъ? Это де противорѣчило бы принципамъ самого г. Гладстона, провозгласившаго себя защитникомъ національныхъ стремленій всѣхъ племенъ Балканскаго полуострова, не исключая и мусульманскихъ. „Вотъ почему намъ кажется что дипло„матія должна поступить *великодушно* и „отказаться отъ своего формальнаго пра„ва и если не признать открыто незави„симость Албанцевъ, то молчаливо тер„пѣть оную, предоставивъ Черногорцамъ „самимъ добыть, если могутъ, то что они „считаютъ своею собственностью." Послѣднюю выписку мы сдѣлали изъ нѣмецкаго журнала *Grenzboten*, издаваемаго извѣстнымъ г. Бушемъ который слыветъ весьма посвященнымъ въ сокровенные планы князя Бисмарка. Изъ другихъ источниковъ также сообщаютъ будто Германія склоняется къ тому взгляду что затрудненіе по поводу албано-черногорской границы отнюдь не можетъ быть разрѣшено насильственнымъ принужденіемъ Албанцевъ къ выдачѣ отчужденныхъ Черногоріи земель, а что слѣдуетъ признать автономію Албанцевъ подъ властью туземнаго князя признающаго надъ собою верховенство султана.

Съ другой стороны въ вѣнскихъ газетахъ встрѣчаются извѣстія съ „мѣста возстанія," на основаніи коихъ Албанская лига провозгласившая независимость Албаніи имѣетъ въ виду совсѣмъ иную цѣль, а именно подчиненіе Албаніи верховенству Австріи. Тамошніе католики, равно какъ и мусульмане, сообщаетъ корреспондентъ вѣнской *Всеобщей Газеты*, весьма склонны къ тому чтобъ Австрія заняла Албанію своими войсками и многіе пристаютъ къ Лигѣ лишь подъ этимъ условіемъ.

Насколько въ этихъ сообщеніяхъ содержится правды можно судить по тому что и возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ началось въ 1875 году подъ тѣмъ предлогомъ будто населеніе желаетъ присоеди-

нія къ Австріи. Но когда въ 1878 Австрія двинула „по праву“ свои войска въ Боснію, то мы знаемъ какъ охотно они были тамъ приняты.

Какъ бы то ни было, но эти извѣстія вѣнскихъ газетъ проливаютъ довольно яркій свѣтъ на происхожденіе албанскаго возстанія и на „непреодолимыя препятствія“ кои встрѣчаетъ удовлетвореніе законныхъ требованій Черногоріи.

Да, интрига не дремлетъ.

№ 142.

Москва, 23-го мая.

Во Французской палатѣ депутатовъ, въ непродолжительномъ времени, будетъ обсуждаться докладъ коммиссіи разсматривавшей проектъ новаго закона (законъ Бароде) о начальномъ обученіи. Докладъ изложенъ президентомъ коммиссіи, профессоромъ физіологіи Поль-Беромъ, и внесенъ въ бюро палаты въ концѣ прошлаго года. Нѣтъ сомнѣнія что проектъ такого радикальнаго свойства какъ представленный въ палату, въ которомъ предполагается полное удаленіе изъ школы религіознаго обученія, возбудитъ не мало бурныхъ преній и встрѣтитъ сильныхъ противниковъ которые не дешево уступятъ, если только уступятъ, побѣду въ открыто заявляемой войнѣ государства съ церковью, и не только съ церковью, но отчасти и вообще съ религіей. Имѣется въ виду не только вывести религіозное преподаваніе изъ школы, предоставивъ родителямъ заботу о воспитаніи дѣтей въ духѣ той или другой религіи и ограничивъ задачу школы сообщеніемъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, но и замѣстить Законъ Божій уроками нравственности и гражданственности (instruction morale et civique) долженствующими проникать своимъ духомъ все преподаваніе. Проектъ этотъ напоминаетъ широкіе проекты стараго революціоннаго времени. Задача берется обширная. Имѣется въ виду сдѣлать начальное обученіе во Франціи обязательнымъ, даровымъ и свѣтскимъ какъ по предметамъ такъ и по персоналу (instruction primaire obligatoire, gratuite et laïque quant aux matières et quant au personnel). Родители обязываются посылать дѣтей обоего пола, отъ шести до тринадцатилѣтняго возраста, въ государственныя или частныя школы (религіозное преподаваніе исключается и изъ частныхъ школъ, обязанныхъ слѣдовать программамъ государственныхъ и имѣть содержателями и преподавателями свѣтскихъ лицъ снабженныхъ дипломами). Можно обучать и дома, но въ такомъ случаѣ вмѣняется въ обязанность представлять обучаемыхъ ежегодно на экзаменъ. Родители дѣтей не выдержавшихъ экзамена лишаются права обучать ихъ дома и обязуются посылать ихъ въ школу. Предметы преподаванія въ дѣтскихъ школахъ (écoles enfantines) суть: уроки нравственности, чтеніе, письмо, наглядное обученіе (leçons des choses), начальныя упражненія въ пѣніи и гимнастикѣ; а въ собственно начальныхъ школахъ: уроки нравственности и гражданственности, чтеніе и письмо, французскій языкъ и элементы литературы; географія, особенно французская; исторія, особенно французская; нѣкоторыя общеполезныя свѣдѣнія изъ законовѣдѣнія и политической экономіи, начала естественныхъ, физическихъ и математическихъ наукъ, ихъ приложенія къ сельскому хозяйству, гигіенѣ и промышленнымъ производствамъ (arts industriels); ручныя работы и употребленіе орудій главныхъ ремеслъ; начала рисованія и музыки, гимнастика, а для мальчиковъ еще военныя упражненія. Въ высшихъ начальныхъ школахъ, при болѣе широкомъ развитіи той же программы, къ предметамъ преподаванія присоединяется одинъ, по крайней мѣрѣ, новый языкъ. Преподаваніе новыхъ языковъ можетъ имѣть мѣсто и въ низшихъ начальныхъ школахъ, но тамъ это не обязательно. Въ чемъ долженъ состоять новый предметъ, — уроки нравственности,—имѣющій занять пустое мѣсто остающееся по удаленіи религіи изъ школы, докладъ точно не указываетъ; составители не считаютъ себя даже компетентными для такихъ указаній, что конечно не мало ослабляетъ достоинство новаго изобрѣтенія. Они только намекаютъ на историческіе разказы, чтеніе, ежедневные случаи въ классѣ, какъ на матеріалъ способный давать поводъ къ „замѣчаніямъ нравственнаго порядка “Другой новый предметъ—уроки гражданственности, — есть также по мнѣнію доклада необходимый предметъ въ государствѣ основанномъ на народномъ верховенствѣ, гдѣ народъ есть царь, peuple souverain: „Что будетъ съ государствомъ, спрашиваетъ докладчикъ-физіологъ, если государь не имѣ-

етъ никакого познанія о своихъ правахъ, никакой заботы о своихъ обязанностяхъ?" Вѣроятно будетъ то что теперь и есть во Франціи, гдѣ народу-государю докладывали о томъ чего ему недостаетъ. Это впрочемъ далеко не единственное противорѣчіе въ докладѣ. Объявляется что новымъ закономъ, въ случаѣ его осуществленія, каждому родителю открывается возможность и вмѣняется въ обязанность дать своимъ дѣтямъ начальное образованіе, то-естъ совокупность начальныхъ знаній изъ области наукъ положительныхъ, „помимо всякой религіозной гипотезы и всякаго обученія догмѣ." Но затѣмъ немедленно забывается о скромной „совокупности точныхъ знаній," цѣлью школы полагается политическое воспитаніе въ строгой республиканской догмѣ и широкою дверью вводится элементъ едва ли безспорнаго научнаго характера. Всѣ классныя занятія и случаи должны содѣйствовать урокамъ гражданственности какъ и урокамъ нравственности: „диктантъ, книги для чтенія, даже прописи должны помогать имъ; а изученіе исторіи, въ особенности французской должно быть имъ въ нѣкоторомъ родѣ посвящено... Такъ возгрѣется въ сердцахъ юныхъ гражданъ культъ отечества и свободы." Составители широкаго плана не могли не замѣтить что задуманная ими школа едва ли въ состояніи будетъ двинуться съ мѣста если на нее дѣйствительно будетъ наложена программа столь нагруженная какъ та которая рекомендуется докладомъ. Впрочемъ возлагаются надежды на „разумную педагогію" которая должна де „чрезвычайно облегчать и для ученика и для учителя тягость протраммы по наружности столь нагруженной." „Не говоря о времени, указываетъ составитель доклада, нынѣ захваченномъ (envahi) религіознымъ обученіемъ въ ущербъ обученію нравственности и гражданственности и о томъ какое можетъ опростаться нѣкоторымъ сокращеніемъ области каллиграфіи и грамматики, мы полагаемъ что уменьшивъ упражненія чистой памяти, сдѣлавъ призывъ къ разуму, возбуждая умственное напряженіе и умножая случаи способные развивать духъ наблюденія, можно легко, на протяженіи шести лѣтъ, отъ шестилѣтняго до двѣнадцатилѣтняго возраста, ввести въ разумъ ребенка и укрѣпить тамъ свѣдѣнія составляющія наше начальное обученіе." Очевидно „совокупность точныхъ знаній" уходитъ на задній планъ. Имѣется въ виду: „усовершенствовать чувства, дисциплинировать воображеніе, утвердить разумъ, укрѣпить волю, очистить чувствія (épurer les sentiments), укрѣпить сознаніе. Такъ понятая педагогія чрезвычайно упрощаетъ дѣло." Какъ не удивительны такія качества „разумной педагогіи," но еще удивительнѣе живучесть французскаго фразерства. Прошло почти сто лѣтъ послѣ первой революціи, а какъ будто вчера только былъ объявленъ культъ богини разума! Для исполненія новаго плана предполагается по всѣмъ департаментамъ завести нормальныя школы для приготовленія учителей и учительницъ въ духѣ новой „разумной педагогіи." Недостаетъ революціонныхъ курсовъ, помощію которыхъ въ 1794 году хотѣли въ нѣсколько мѣсяцевъ наготовить учителей для всей Франціи. Курсы именовались революціонными, такъ какъ одна революція можетъ творить невозможное

Но въ новомъ французскомъ проектѣ есть сторона весьма заслуживающая вниманія нашихъ любителей „разумной педагогіи" и обученія на широкихъ началахъ положительнаго знанія съ изгнаніемъ богословія и истребленіемъ предразсудковъ. Они обыкновенно большіе партизаны французскихъ порядковъ, и еслибы какимъ чудомъ были перенесены во французскую палату депутатовъ, на лѣвую ея конечно сторону, то нѣтъ сомнѣнія съ ожесточеніемъ рукоплескали бы новому проекту. По отношенію къ вопросу о введеніи въ начальную школу естественныхъ, физическихъ и математическихъ наукъ, политической экономіи, отчизновѣдѣнія, законовѣдѣнія, разныхъ искусствъ и ремеслъ и другихъ полезныхъ знаній, могли бы даже заявить нѣкоторый пріоритетъ съ немень-шимъ правомъ какъ сдѣлалъ г. Модестовъ по поводу отвергнутаго въ одной французской коммиссіи мнѣнія нѣкоторыхъ ея членовъ о томъ чтобы начинать преподаваніе греческаго языка годомъ позже чѣмъ теперь. Видите: не одни мы такого мнѣнія, могутъ воскликнуть торжествующіе изобрѣтатели. Но во французскомъ проектѣ, кромѣ педагогики, которой и сами составители доклада не придаютъ существеннаго значенія, заявляя что дѣло должно уладиться помощію программъ составляемыхъ въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія, есть другая, дѣйствительно поучительная сторона. Нашимъ либераламъ

нравятся французскіе порядки. Но какъ въ либеральной, нынѣ почти радикальной Франціи смотрятъ на отношенія правительства къ дѣлу народнаго образованія? Какая роль предоставляется въ республиканской Франціи общественнымъ учрежденіямъ въ школьномъ дѣлѣ? Такая ли это роль какую для нашихъ земствъ и иныхъ общественныхъ единицъ требуютъ отъ нашего правительства поборники „либеральныхъ учрежденій," съ азартомъ рукоплескавшіе земствамъ выходившимъ изъ своей роли, и проповѣдующіе что школа съ программами и учителями должна быть подъ вліяніемъ, контролемъ, надзоромъ „общества" съ возможно полнымъ устраненіемъ правительства. Такъ ли во Франціи, поставляемой въ примѣръ? Радикальный проектъ народныхъ школъ на широкихъ основаніяхъ предоставляетъ конечно общественнымъ учрежденіямъ, имѣющимъ давать средства на школы, широкое участіе въ устройствѣ и управленіи этихъ школъ; имъ конечно поручается выборъ методъ, составленіе программъ, назначеніе учителей, начальствованіе и надзоръ? Нисколько. Согласно проекту, программы устанавливаются министерствомъ; учителей назначаетъ и увольняетъ директоръ народныхъ школъ, въ рукахъ котораго предполагается сосредоточить завѣдываніе начальными школами, правительственными и частными. Муниципальные совѣты никакого участія въ управленіи школами и назначеніи учебнаго персонала по проекту не имѣютъ, хотя всѣ издержки (кромѣ жалованія служащимъ) по устройству и содержанію всѣхъ начальныхъ и нормальныхъ школъ возлагаются на общины. Доставленіе со стороны общества, и притомъ обязательное, средствъ на школы, завѣдываніе которыми учебное и административное находится въ рукахъ правительственныхъ чиновниковъ, безъ всякаго участія общественныхъ представителей, — во Франціи считается нормальнымъ порядкомъ. Но то во Франціи. Тамъ правительству дозволяется для достиженія своихъ цѣлей не останавливаться предъ началомъ несмѣняемости судей. Не то въ Россіи. Здѣсь „прогрессъ" требуетъ чтобы правительство было слабо, безсильно въ борьбѣ со зломъ, и всѣ громадныя средства свои направляло къ тому чтобы собственными руками совершать дѣло разложенія, для чего были бы слишкомъ ничтожны силы нашихъ „революціонныхъ элементовъ..."

№ 143.

Москва, 24-го мая.

21 мая, съ курьерскимъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги, министръ внутреннихъ дѣлъ выѣхалъ изъ Петербурга въ предпринятую имъ поѣздку по Россіи. Его маршрутъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, почти совпадаетъ съ маршрутомъ прошлогодней поѣздки министра финансовъ. Статсъ-Секретарь Л. С. Маковъ ѣдетъ сперва въ Рыбинскъ, затѣмъ въ Нижній Новгородъ и въ заключеніе въ Царицынъ и Астрахань. Понятны были соображенія побудившія министра финансовъ направить свой путь именно по теченію Волги: эта рѣка не напрасно носитъ въ устахъ народа имя „кормилицы;" она самый главный изо всѣхъ нашихъ естественныхъ путей торговаго движенія, не потерявшій своего значенія и послѣ сооруженія цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ; къ Волжскому району примыкаютъ многіе изъ нашихъ внутреннихъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ. Непосредственное ознакомленіе съ такимъ райномъ есть дѣло первостепенной важности для лица стоящаго во главѣ финансоваго управленія, на которомъ, за неимѣніемъ у насъ особаго министерства земледѣлія, торговли и промышленности, лежатъ заботы и о согласованіи всякихъ финансовыхъ мѣръ съ многоразличными экономическими интересами. Но не менѣе, едва ли не болѣе, важно личное ознакомленіе министра внутреннихъ дѣлъ съ этими мѣстами, гдѣ, благодаря промышленному и торговому оживленію, и административныя задачи осложняются.

Есть и особыя временныя обстоятельства послужившія, какъ надобно полагать, побужденіемъ къ тому что именно Волгу и ея низовья избралъ министръ внутреннихъ дѣлъ цѣлью своей поѣздки. Область низовьевъ Волги, не мало уже потерпѣвшая и отъ прошлогодней чумной тревоги, пережила затѣмъ тяжелый годъ неурожая и необычайной безкормицы, всего тяжеле отозвавшейся на кочевникахъ. Послѣдствіями этихъ невзгодъ созданъ цѣлый рядъ вопросовъ требующихъ для своего разрѣшенія не только административныхъ, но мо-

жетъ-быть изаконодательныхъ мѣръ. Такъ, напримѣръ, если не преувеличены приходившія съ мѣстъ извѣстія что у кочевниковъ минувшею зимой вымеръ скотъ въ такомъ размѣрѣ что у нихъ не осталось ни средствъ, ни надежды жить попрежнему, приходится съ большею вѣроятностью предвидѣть коренную перемѣну въ образѣ жизни всего этого не малочисленнаго населенія, и серіозно къ тому готовиться. Подобные, вынуждаемые обстоятельствами, переходы отъ кочевой къ осѣдлой жизни совершаются не сразу и не легко; они сопровождаются полнымъ измѣненіемъ не только экономическихъ условій существованія, но всего бытоваго строя, всей привычной житейской обстановки. Облегчить сколько возможно тягость такого переворота для населенія, предупредить неурядицы какими онъ можетъ сопровождаться, разработать послѣдовательный рядъ измѣненій въ самой административной системѣ примѣнительно къ обстоятельствамъ, все это задачи, въ рѣшеніи коихъ нельзя руководиться одними учено-кабинетными или рутинно-бюрократическими воззрѣніями. Нужно знакомство на мѣстѣ съ особенностями края и его населенія для принятія тѣхъ или иныхъ мѣръ, нужно личное ознакомленіе и съ органами власти чрезъ кои эти мѣры должны быть приводимы въ исполненіе. Направляясь на низовья Волги, министръ внутреннихъ дѣлъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду разъяснить для себя какъ свойства и размѣры возбуждаемыхъ обстоятельствами вопросовъ, такъ и способы къ наилучшему ихъ разрѣшенію. Конечно, онъ увидитъ и услышитъ на мѣстѣ многое что́ вовсе не дошло бы до него путемъ бумажнаго производства или дошло бы въ неузнаваемомъ видѣ.

Само собою разумѣется, впрочемъ, что мѣстные вопросы Волжскаго низовья могутъ входить лишь какъ малая часть въ общую программу предпринятой поѣздки. Главный интересъ ея въ тѣхъ впечатлѣніяхъ какія вынесетъ министръ изъ собственныхъ наблюденій и бесѣдъ со свѣдущими людьми по вопросамъ имѣющимъ не мѣстное только, но общее значеніе, а такихъ вопросовъ, прямо или косвенно относящихся къ обширной области его вѣдомства, несчетное множество. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними занимаютъ относящіеся къ условіямъ нашего сельскаго быта. На эти условія нынѣшній министръ обратилъ серіозное вниманіе уже при самомъ вступленіи своемъ въ должность. Одинъ изъ первыхъ шаговъ его было учрежденіе уѣздныхъ полицейскихъ управленій, коимъ восполненъ существенный пробѣлъ въ сельскомъ благоустройствѣ. Но является еще рядъ другихъ пробѣловъ, и нынѣшняя поѣздка министра осталась бы навсегда памятною селибъ ею былъ поднятъ вопросъ объ улучшеніи нынѣшнихъ условій сельскаго управленія.

Люди близко стоящіе къ народу прямо указываютъ на существующіе сельскіе порядки какъ на одну изъ главныхъ причинъ того явленія которое въ печати принято называть „обѣдненіемъ“ крестьянъ. Послѣ ослабленія, а затѣмъ окончательнаго упраздненія института мировыхъ посредниковъ, крестьянское самоуправленіе, при данномъ ему устройствѣ, пошло вкривь и вкось, лишенное всякаго контроля. Лучшіе люди въ крестьянскомъ мірѣ болѣе или менѣе парализованы. Не соображенія справедливости или пользы руководятъ здѣсь дѣлами, а выставленное кѣмъ-нибудь лишнее ведро вина. Эксплуататоры крестьянъ захватываютъ ихъ „самоуправленіе“ въ свои руки, и оно становится лишь поощреніемъ пьянства. Родственныя узы слабѣютъ, подрываются основы семейнаго быта, учащаются случаи разорительныхъ раздѣловъ. Искать управы негдѣ: подъ рукой нѣтъ власти которая могла бы обуздать произволъ, а до крестьянскихъ присутствій, учрежденныхъ въ замѣнъ мировыхъ посредниковъ, слишкомъ далеко. Обращаться къ нимъ слишкомъ хлопотно, да и накладно: одно дѣло можетъ-быть и выгоритъ, за то по другимъ послѣдуетъ возмездіе отъ мѣстныхъ властей, которыя сумѣютъ „доѣхать“ жалобщика; со всякою же мелочью обращаться къ отдаленнымъ присутствіямъ невозможно. Таковъ общій характеръ сѣтованій на нынѣшніе порядки крестьянскаго управленія. Всѣ эти сѣтованія вопіютъ о разумномъ контролѣ. Если рѣшенія земскихъ собраній всегда могутъ быть опротестованы и пріостановлены, то какъ же за рѣшеніями волостныхъ правленій и сельскихъ сходовъ признается полная непогрѣшимость?

Какого именно рода контроль и руководство нужны для того чтобъ организація крестьянскаго управленія стала въ уровень съ дѣйствительными нуждами сельскаго люда, на кого этотъ контроль мо-

жетъ быть возложенъ, какія имѣются подручныя средства и способы къ лучшему устройству вообще сельскаго быта,—вотъ вопросы настоятельно требующіе рѣшенія...

№ 145.

Москва, 26-го мая.

А.

Турція, какъ и слѣдовало ожидать, намѣрена воспротивиться требованіямъ державъ касательно исполненія Берлинскаго трактата. Константинопольскій корреспондентъ газеты *Daily Telegraph* сообщалъ отъ 27 мая что Порта, въ виду пріѣзда г. Гошена, обнаружила энергическую дѣятельность. Въ совѣтѣ министровъ, Махмудъ-паша предложилъ вызвать въ столицу Мидхата и Саида, который былъ высланъ какъ бы въ изгнаніе на генералъ-губернаторство въ Малую Азію. По мнѣнію Махмуда, эти люди были бы необходимы для скорѣйшаго соглашенія съ державами, довѣріемъ которыхъ они пользуются. Такое предложеніе со стороны Махмуда, извѣстнаго противника Саида, произвело сильное впечатлѣніе на прочихъ пашей и, какъ говорятъ, весь кабинетъ принялъ его мнѣніе. Махмудъ предложилъ министрамъ подписать меморіалъ коимъ совѣтуется султану вызвать Мидхата и Саида. Подписались всѣ, не исключая и перваго министра. Но этотъ послѣдній, на особой аудіенціи у султана, объявилъ ему что хотя онъ и подписалъ меморіалъ чтобы не отставать отъ товарищей, но считаетъ своимъ долгомъ посовѣтовать ему не обращать на это никакого вниманія и положиться на искусство Савасъ-паши, съ которымъ ему де нечего опасаться г. Гошена. Замѣчанія его произвели такое впечатлѣніе на Абдулъ-Гамида что тотъ разорвалъ меморіалъ и отмѣнилъ отданный было уже по телеграфу приказъ Мидхату и Санду явиться въ Стамбулъ. Настроеніе султана, по словамъ корреспондента названной газеты, теперь таково, что г. Гошенъ на всѣ свои представленія встрѣтитъ простое *non possumus*.

Не въ лучшемъ свѣтѣ рисуетъ положеніе дѣлъ и корреспондентъ газеты *Times*. Въ депешѣ своей отъ 28 мая онъ говоритъ что султанъ и его министры твердо рѣшили противиться вмѣшательству державъ какъ коллективному такъ и частному. За такую политику, по словамъ корреспондента, стоятъ всѣ министры султана. На требованіе о приведеніи въ исполненіе Берлинскаго трактата собираются дать въ Константинополѣ приблизительно такой отвѣтъ: „Только три пункта трак„тата не приведены еще въ исполненіе. „Первый — это Черногорское затрудненіе „въ которомъ Порта честно исполнила свои „обязанности и просила державы назна„чить слѣдственную коммиссію. Второй— „касается греческой границы. Въ этомъ „вопросѣ примирительныя стремленія сул„танскаго правительства были встрѣчены „невозможными требованіями со стороны „Греціи. Что же касается вопроса о ре„формахъ для европейскихъ провинцій, то „Порта сдѣлала приготовленія и собирает„ся, согласно 23 статьѣ Берлинскаго трак„тата, передать свои соображенія въ меж„дународную коммиссію по дѣламъ Восточ„ной Румеліи.“ Въ этомъ предполагаемомъ отвѣтѣ не упоминается ничего о 61 статьѣ трактата въ которой предусматривается что Порта безотлагательно исполнитъ необходимыя реформы въ провинціяхъ населенныхъ Армянами, и что державы будутъ имѣть надзоръ за приведеніемъ въ исполненіе тѣхъ мѣръ которыя должны быть приняты для того чтобъ обезопасить эти провинціи отъ Черкесовъ и Курдовъ. А между тѣмъ положеніе населенія этихъ провинцій ужасное; Черкесы и Курды попрежнему безнаказанно убиваютъ и грабятъ, а администрація не предпринимаетъ рѣшительно ничего. Такъ видно и должно быть! Духъ съ какимъ будутъ встрѣчены представленія державъ отлично выразился въ недавней статьѣ газеты *Terdjiman Hakiket*, получающей внушенія отъ перваго министра Порты. Вотъ что сказано въ этой статьѣ:

„Мнѣнія о миссіи г. Гошена двоякаго „рода. Въ Перѣ замѣтно большое удовольствіе, и многіе находятся въ упоеніи ра„дости *воображая* что г. Гошенъ исхлопо„четъ для Черногорцевъ и Грековъ тер„риторіи на которыя они претендуютъ, а „для Армянъ привилегіи которыхъ они тре„буютъ. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній „объ этомъ предметѣ, но если мы допу„стимъ что новый англійскій посолъ чело„вѣкъ умный и даровитый, то мы должны

„предположить что вмѣсто того чтобъ уве-„личить затрудненія настоящаго положе-„нія онъ предпочтетъ отнестись къ дѣлу „осмотрительно и осторожно и этимъ об-„манетъ ожиданія тѣхъ кто не задумы-„вается употреблять нечестныя средства „къ осуществленію своихъ политическихъ „стремленій.“ Къ кому относится этотъ намекъ? ужь не къ Черногорцамъ ли?.. Но среди мусульманскаго населенія распространены де совершенно другія мнѣнія и чувства. „Положеніе мусульманскихъ вы-„ходцевъ разсѣянныхъ по провинціямъ Ад-„ріанополя и Салоникъ и во всѣхъ частяхъ „Азіи вызываетъ неописанное негодованіе, „потому что Европа, подъ предлогомъ ре-„формъ, не уважила ни имущества, ни „жизни, ни чести, ни религіи этихъ нес-„частныхъ людей. Будемъ однако надѣять-„ся что ликованія нашихъ враговъ и опа-„сенія мусульманъ окажутся одинаково „лишенными основанія. Для того чтобы „разсѣять тучи которыя омрачали гори-„зонтъ Востока въ теченіе послѣднихъ „трехъ или четырехъ лѣтъ, Европѣ слѣ-„довало бы дѣйствовать съ чрезвычайною „осмотрительностью чтобы не увеличить су-„ществующихъ затрудненій. Говорятъ что „какъ сэръ-Генри Леярдъ замѣненъ г. Го-„шеномъ, такъ и г. Фурнье будетъ замѣ-„ненъ г. Тиссо, а этого послѣдняго дип-„ломата выдаютъ за человѣка умнаго, пря-„модушнаго и хорошо знакомаго съ поло-„женіемъ дѣлъ на Востокѣ. Если эта оцѣн-„ка характера г. Тиссо вѣрна, то онъ, „безъ сомнѣнія, подтвердитъ наши надеж-„ды и приметъ въ разчетъ тяжкія испы-„танія чрезъ которыя недавно прошла Тур-„ція. Мусульманское населеніе Албаніи, „Аравіи и Малой Азіи, которое проливало „свою кровь и добровольно отдавало по-„слѣднюю лепту въ войнѣ окончившейся „несчастіемъ, будетъ смотрѣть съ край-„нимъ огорченіемъ на обидныя мѣры при-„нятыя противъ имущества, жизни и ре-„лигіи вѣрныхъ послѣдователей ислама, и „вмѣсто того чтобы допустить свое унич-„тоженіе, подобно мусульманамъ Болгаріи „и Восточной Румеліи, они предпочтутъ „умереть съ честью. Мы можемъ поэтому „заключить что г. Тиссо, подобно своему „сотоварищу г. Гошену, будетъ сообразо-„вать свои дѣйствія съ важностью поло-„женія.“

Итакъ, по мнѣнію цитуемой газеты, если г. Гошенъ и его товарищъ дѣйствительно умные и даровитые государственные люди, то они не будутъ ни на чемъ настаивать и все пребудетъ по старому. Статья эта, по замѣчанію хорошо свѣдущаго константинопольскаго корреспондента *Times*, написана подъ вліяніемъ официальныхъ внушеній. Такъ вотъ какъ будутъ встрѣчены представленія европейскихъ дипломатовъ. Можетъ-быть Порта и постарается отдѣлаться сначала примирительными увѣреніями и либеральными обѣщаніями, но если отъ нея потребуютъ чего-нибудь больше, то державамъ придется встрѣтить рѣшительную оппозицію или по крайней мѣрѣ упорное пассивное сопротивленіе, котораго нельзя будетъ одолѣть простымъ нравственнымъ давленіемъ. Порта скажетъ свое *non possumus* ссылаясь на фанатизмъ мусульманъ, который сама же постарается поджечь чтобы запугать Европу перспективой новой войны. Въ этомъ духѣ уже дѣйствуетъ шейхъ-юль-исламъ. Мусульмане Албаніи, Аравіи и Малой Азіи, сказано въ приведенной статьѣ, не похожи на мусульманъ Болгаріи и Восточной Румеліи. Они готовы умереть съ честью. Не упрекъ ли это Болгарскимъ и Румелійскимъ мусульманамъ? Можетъ-быть они очнутся и покаются и захотятъ также умереть честною смертью! Посмотримъ что-то сдѣлаетъ г. Гошенъ, и какъ выскажется европейскій концертъ?

Б.

Наши такъ-называемые „либералы“ не хотятъ допускать никакой критической оцѣнки приговоровъ присяжнаго суда. Бывали случаи приговоровъ по истинѣ непостижимыхъ; изъ суда нерѣдко выходили оправданными виновники страшныхъ злодѣяній. Еще чаще наши присяжные, сбитые съ толку туманными теоріями почерпнутыми изъ „новѣйшихъ выводовъ психіатріи,“ приводили дѣло къ тому же результату безнаказанности очевиднаго и никѣмъ не отрицаемаго преступленія, признавая подсудимаго дѣйствовавшимъ въ состояніи невмѣняемости. Собственно говоря эти аномаліи были въ порядкѣ вещей. Судъ присяжныхъ у насъ есть институтъ очень молодой, а вполнѣ успѣшное дѣйствіе его разчитано на среду зрѣло мыслящую и освоившуюся съ пріемами суда общественнаго, въ которой живо сознаніе не столько своихъ правъ, сколько своихъ обязанностей предъ требо-

ваніями правосудія. Трезвая и вполнѣ свободная критика одна лишь могла содѣйствовать уясненію истиннаго призванія присяжныхъ на судѣ. Свободная печать могла бы также съ успѣхомъ бороться противъ злоупотребленій „психіатріей," или лучше тѣми новомодными и ни съ чѣмъ несообразными теоріями, которыя наши адвокаты такъ часто и съ такимъ успѣхомъ развиваютъ предъ простодушными присяжными, принимающими за чистую монету эти мнимые „выводы науки." Но неумолимая цензура, какъ превентивная такъ и карательная, установлена была нашими псевдо-либералами въ этой области и не допускала никакой критики. Всякій кто осмѣливался высказывать неодобрительный отзывъ о томъ или другомъ рѣшеніи немедленно подвергался публичному оплеванію. Мудрено ли что не только простые люди въ званіи присяжныхъ, но и сами коронные судьи получили превратное понятіе о своихъ обязанностяхъ и добродушно увѣровали въ свою непогрѣшимость?

Но въ послѣднее время имѣются признаки реакціи сказывающейся въ самомъ обществѣ въ виду явно несообразныхъ приговоровъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ послѣдніе нумера полученныхъ нами одесскихъ газетъ. Протесты противъ оправдательныхъ приговоровъ надъ убійцами раздавались въ Одессѣ въ послѣднее время *на улицѣ*, и нужно сказать что одесская публика имѣла къ тому особенные поводы. 19 мая, на одной изъ одесскихъ улицъ, въ 10 часовъ утра, мѣщанинъ Дьяволовъ, съ истинно-діавольской злобой зарѣзалъ свою жену. Онъ возвращался съ ней отъ мироваго судьи, гдѣ состоялось по его дѣлу рѣшеніе (гражданское) коимъ онъ не былъ доволенъ, и сталъ ругать жену обвиняя почему-то ее въ неудачномъ исходѣ дѣла. Послѣ нѣсколькихъ возраженій съ ея стороны, разсвирѣпѣвшій мужъ набросился на нее съ ножемъ и нанесъ ей ударъ въ сердце. Раненая, *имѣя на рукахъ грудного ребенка*, упала на колѣни прося пощады; но убійца нанесъ второй ударъ, отъ котораго несчастная жертва упала мертвою. Убійца затѣмъ бросился бѣжать, но былъ пойманъ. „Въ собравшейся къ мѣсту происшествія публикѣ," читаемъ мы далѣе въ *Новороссійскомъ Телеграфѣ*, „слышно было негодованіе по поводу оправдательныхъ приговоровъ надъ убійцами, поощряющихъ эти преступленія."

Мы вполнѣ понимаемъ это негодованіе одесской публики въ виду двухъ процессовъ происходившихъ недавно въ Одесскомъ окружномъ судѣ, отчеты о которыхъ воспроизводимъ ниже изъ той же газеты.

Сущность этихъ дѣлъ разсмотрѣнныхъ одно 8, а другое 16 мая заключается въ слѣдующемъ:

Отставной прапорщикъ Тришатный, 5 февраля 1877 года, зарѣзалъ вдову надворнаго совѣтника Матрену Карпитскую. Карпитская была съ убійцей въ связи. Прапорщикъ жилъ и пьянствовалъ на ея счетъ; а когда у нихъ не осталось болѣе ничего, несчастная женщина поступила въ услуженіе и нанялась въ няньки. Тришатный, по его же словамъ, былъ „страшно возмущенъ" тѣмъ что Карпитская его оставила, и когда она отказалась возвратиться къ нему, „имъ овладѣло чувство мести, и онъ рѣшился ее убить. Для осуществленія своего намѣренія, *онъ за три дня до убійства купилъ ножъ*, но потерялъ его *и купилъ другой*, наканунѣ убійства, то-есть 4 февраля." Ножъ этотъ *онъ наточилъ*, и придя на другой день въ домъ гдѣ служила Карпитская, снова сталъ ее упрашивать оставить службу и возвратиться къ нему, а когда она опять ему отказала, онъ тутъ же нанесъ ей около 20 ранъ и убилъ ее на мѣстѣ. По изслѣдованію оказалось что Тришатный имѣлъ жену и двоихъ дѣтей, которыхъ онъ бросилъ на произволъ судьбы, предварительно промотавъ все состояніе жены. Присяжнымъ, кромѣ вопроса о фактѣ преступленія, былъ поставленъ вопросъ, „доказано ли что Тришатный, совершая это дѣяніе, находился въ болѣзненномъ припадкѣ приведшемъ его въ умоизступленіе и безпамятство?" и присяжные отвѣтили на этотъ вопросъ утвердительно, вслѣдствіе чего судъ призналъ его отъ суда свободнымъ, постановивъ отдать его на попеченіе роднымъ, родственникамъ, или опекунамъ. Изъ отчета напечатаннаго въ *Новороссійскомъ Телеграфѣ* не видно какое основаніе имѣлъ судъ усомниться въ нормальности душевнаго состоянія виновнаго *во время убійства*, въ коемъ сознался подсудимый, указавъ совершенно ясно самые мотивы преступленія. Можно лишь догадываться что поводомъ къ такому сомнѣнію послужило *теперешнее* состояніе подсудимаго (спустя слишкомъ три года послѣ убійства) заставляющее думать что онъ нынѣ страдаетъ ум-

ственнымъ разстройствомъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ былъ приведенъ на судъ? Людей лишившихся разсудка хотя бы и послѣ совершенія преступленія по закону не только не подвергаютъ наказанію, но и не судятъ. Если Тришатный лишенъ разсудка, то онъ не подвергся бы наказанію и въ томъ случаѣ еслибы присяжные признали его виновнымъ. Но мы недоумѣваемъ какимъ образомъ возможно было не признать его дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ въ виду его собственнаго сознанія о фактѣ убійства и о побужденіяхъ къ тому.

Еще поразительнѣе другое дѣло разбиравшееся нѣсколько ранѣе въ томъ же судѣ. И здѣсь на судъ предталъ убійца лишившій жизни свою любовницу. Подобно Тришатному, и это былъ человѣкъ ведшій распутную жизнь и не имѣвшій никакихъ опредѣленныхъ занятій. Подобно первому, и онъ дѣйствовалъ въ озлобленіи за то что убитая собиралась его покинуть.

Дворянинъ Шантырь (второй убійца) далъ показаніе, изъ котораго видно что онъ тоже вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣяніяхъ и что онъ тоже заранѣе обдумалъ свое преступленіе, ибо онъ купилъ револьверъ и взялъ его съ собою отправляясь въ гостиницу гдѣ совершено было убійство. На судѣ Шантырь не только никакихъ признаковъ умопомѣшательства не обнаружилъ, но напротивъ изъ отчета о судебномъ засѣданіи видно что онъ очень хорошо сознавалъ свою вину и старался смягчить оную слишкомъ обычнымъ въ этихъ случаяхъ пріемомъ, утверждая что въ моментъ убійства онъ „себя не помнилъ.“ Тѣмъ не менѣе и на этотъ разъ былъ поставленъ такой же вопросъ о вмѣняемости, на который присяжные дали такой же отвѣтъ. Судъ призналъ и Шантыря *по суду оправданнымъ*, съ тѣмъ чтобъ онъ былъ отданъ „до излѣченія“ родителямъ или родственникамъ на попеченіе.

Отчетъ *Новороссійскаго Телеграфа* о дѣлѣ Шантыря заканчивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Приговоръ этотъ произвелъ подавляющее впечатлѣніе на публику. Подобные приговоры просто возмущаютъ общественную совѣсть.“

Демонстрація со стороны одесской публики по поводу убійства совершившагося 10 дней послѣ этого приговора доказываетъ что это замѣчаніе было сдѣлано не даромъ.

Но и то ужъ хорошо что подобныя замѣчанія стали высказываться въ печати.

№ 146.

Москва, 27-го мая.

Объявленные Государственнымъ Банкомъ результаты происходившей 19-го, 20 и 21 мая подписки на консолидированныя желѣзнодорожныя облигаціи 6-го выпуска, можно сказать, превзошли ожиданія. Не только весь заемъ покрытъ, но заявленныя требованія на облигаціи превзошли предложенную сумму слишкомъ въ полтора раза: вмѣсто объявленныхъ 150 милліоновъ металлическихъ рублей, подписка дала 227.465.625 руб. металл. Такой результатъ тѣмъ знаменательнѣе что онъ полученъ несмотря на то что одна изъ самыхъ вліятельныхъ финансовыхъ группъ въ Европѣ отнеслась къ состоявшемуся нынѣ займу далеко не благосклонно. Три года тому назадъ, нерасположеніе этой группы банкировъ повело къ неудачѣ русскаго стомилліоннаго *пятипроцентнаго* займа по курсу ниже 75 за сто; въ настоящее время оно не могло помѣшать блестящему успѣху полуторастамилліоннаго *четырехпроцентнаго* займа по тому же курсу. Правда, въ настоящее время нерасположенная къ займу группа банкировъ не принимала энергическихъ мѣръ чтобы воспрепятствовать его удачѣ; русскія цѣнныя бумаги на сотни милліоновъ рублей не были нынѣ выброшены на биржи для продажи по неслыханно пониженнымъ цѣнамъ предъ самою реализаціей займа какъ въ 1877 году. Но въ настоящее время не представлялось и условій благопріятныхъ для повторенія такой канонады по русскому государственному кредиту. Во-первыхъ, нужный для нея порохъ уже растраченъ; во-вторыхъ, сдѣланный опытъ показалъ что этотъ порохъ былъ потраченъ даромъ. Неудача внѣшняго займа не поставила Россію въ безвыходное положеніе, а только побудила ее обратиться къ операціямъ по внутреннему кредиту, которыя доказали своимъ успѣхомъ что мнѣнія о необходимости будто бы для нея внѣшняго кредита не имѣютъ серіознаго основанія. А въ то же время искусственный уронъ русскихъ фондовъ за границей дорого обошелся ихъ владѣльцамъ, естественно не желающимъ подвергнуться вновь подобнымъ ущербамъ, каково бы то ни было нерасположеніе тѣхъ или иныхъ банкировъ къ новымъ русскимъ займамъ и условіямъ

на которыхъ они заключаются. Недовольные условіями и формой займа банкиры могли такимъ образомъ сдѣлать только одно—не принять въ немъ участія и держаться въ сторонѣ, чтобъ убѣдиться что если это и можетъ быть кому-нибудь невыгодно, то никакъ не Россіи и ея кредиту. Несмотря на воздержаніе многихъ банкирскихъ фирмъ отъ участія въ займѣ, 6-й выпускъ консолидированныхъ облигацій реализованъ вообще много выгоднѣе прежнихъ ихъ выпусковъ, за исключеніемъ только 5-го, который, впрочемъ, не былъ за то сполна разобранъ при подпискѣ, такъ что реализація его по необходимости затянулась.

Несмотря на устраненіе отъ займа многихъ заграничныхъ банкирскихъ фирмъ, нельзя полагать чтобы только что заключенный заемъ былъ обязанъ своимъ успѣхомъ преимущественно внутренней подпискѣ. Еслибы даже эта подписка происходила совершенно по той программѣ какая была объявлена въ извѣщеніи Государственнаго Банка напечатанномъ въ № 106 *Правительственнаго Вѣстника*, то-есть еслибъ она принималась только въ шести русскихъ городахъ (Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Ригѣ и Одессѣ) по одинаковому курсу 75 за 100,—и въ такомъ случаѣ можно было бы предвидѣть что иностранная подписка будетъ имѣть преобладающее значеніе, между прочимъ вслѣдствіе неудобства для внутреннихъ подписчиковъ металлической валюты въ которой объявленъ заемъ. Но подписка происходила не въ однихъ только русскихъ городахъ поименованныхъ въ предварительномъ официальномъ извѣщеніи. Изъ другаго официальнаго извѣщенія Государственнаго Банка, обнародованнаго въ № 115 *Правительственнаго Вѣстника* уже послѣ заключенія подписки, оказывается что она происходила „и за границей, гдѣ была открыта въ разныхъ мѣстахъ.“ Въ какихъ именно мѣстахъ, и на одинаковыхъ ли условіяхъ съ тѣми *на какихъ была объявлена внутренняя* подписка, официальное извѣщеніе умалчиваетъ, но частныя газетныя свѣдѣнія сообщаютъ что подписку на консолидированныя облигаціи 6-го выпуска, по порученію Государственнаго Банка, принимали нѣкоторые банкирскіе дома въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Бреславлѣ, Амстердамѣ и Лондонѣ, съ уступкой въ ихъ пользу $^1/_2$% коммиссіонныхъ. Это обстоятельство не могло не служить большимъ поощреніемъ для иностранныхъ подписчиковъ предъ внутренними, и имъ, въ связи со спекуляціей на разницу курсовъ при возможности дѣлать взносы какъ въ металлической, такъ и въ кредитной валютѣ, въ значительной мѣрѣ объясняются уже происходившія на биржахъ сдѣлки по продажѣ будущихъ облигацій по цѣнѣ ниже подписной. Въ виду такого, обнаружившагося уже по заключеніи подписки, обстоятельства, намъ приходится взять назадъ слова сказанныя нами въ № 134 *Московскихъ Вѣдомостей*, когда оно еще не имѣлось въ виду, и когда можно было думать что при новомъ желѣзнодорожномъ займѣ русскіе капиталисты дѣйствительно уравнены съ иностранными... Нѣтъ, мы все еще преимущественно гоняемся за иностранными капиталами, намъ все еще кажется лучше занимать у иностранцевъ за высшій процентъ и на менѣе легкихъ условіяхъ тѣ же деньги которыя предлагаются на болѣе выгодныхъ для казны условіяхъ въ самой Россіи. На это указываютъ, между прочимъ, самыя основанія разверстки облигацій между подписчиками Никакого различія между заграничными и внутренними подписчиками не дѣлается. Подписчики до десяти облигацій будутъ удовлетворены полностью, а затѣмъ всѣ прочіе получатъ около 66% подписаннаго количества, не принимая въ разчетъ гдѣ сдѣлана подписка, въ Москвѣ или въ Берлинѣ, въ Кіевѣ или въ Гамбургѣ. А казалось бы что лицамъ подписавшимся на облигаціи въ шести русскихъ городахъ поименованныхъ въ официальномъ извѣщеніи Государственнаго Банка съ полною справедливостью могло бы быть предоставлено преимущественное право удовлетворенія полностью, съ разверсткой между подписчиками непоименованныхъ въ означенномъ извѣщеніи иностранныхъ городовъ лишь той части облигацій которая не покрыта внутреннею подпиской. Согласный со справедливостью, такой порядокъ былъ бы выгоднѣе и казнѣ, уже потому что сократилъ бы сумму коммиссіонной уплаты заграничнымъ банкирамъ, то-есть удешевилъ бы реализацію займа и увеличилъ бы вырученную отъ него наличность.

Но дѣло сдѣлано, и существенный интересъ представляетъ теперь уже не то откуда и на какихъ условіяхъ добыты каз-

ной 112 милліоновъ металлическихъ или 168 милліоновъ кредитныхъ рублей, а то куда пойдутъ эти суммы поступившія въ распоряженіе правительства. Самымъ дурнымъ употребленіемъ ихъ было бы изъятіе на означенную сумму кредитныхъ билетовъ Благодаря ослабленію рабскаго подчиненія умовъ ходячей доктринѣ, противъ такого употребленія займа возстаютъ нынѣ даже тѣ кто сравниваютъ наши бумажноденежные выпуски съ ядомъ влитымъ въ организмъ экономической жизни Русскаго народа, забывая отъ какихъ тяжкихъ несомнѣнныхъ болѣзней избавленъ этотъ организмъ такимъ „ядомъ“ и какъ сомнителенъ причиненный имъ воображаемый вредъ. Предвзятое мнѣніе о ядовитости будто бы нашего бумажно-денежнаго обращенія не мѣшаетъ однако рѣшительному заявленію совершенно вѣрнаго убѣжденія что „въ настоящую минуту уменьшить 1.200 *) милліоновъ кредитныхъ билетовъ, разлившихся по государству, на какія-нибудь полтораста милліоновъ ни къ чему не поведетъ, кромѣ нѣкотораго усиленнаго колебанія курсовъ и разныхъ стѣсненій и неудобствъ, и не дастъ даже малѣйшей вѣроятности что мы хоть на шагъ приблизимся къ упроченію валюты.“ Предпочтительнѣе было бы просто оставить эти суммы вовсе безъ употребленія, хотя они добыты цѣной ежегоднаго платежа 9 милліоновъ однихъ процентовъ, не считая погашенія. Такая мысль уже высказывается въ печати: предлагается оставить суммы займа въ запасѣ на всякій случай, присоединивъ ихъ къ размѣнному фонду Государственнаго Банка. Какъ можно полагать, подобная мысль вызвана общимъ направленіемъ операцій съ размѣннымъ фондомъ, къ которымъ Государственный Банкъ приступилъ послѣ огромной растраты золота на поддержаніе курсовъ въ 1876 году, и которыя не прекращаются до послѣдняго времени. Цѣль этихъ операцій увеличеніе золотой наличности фонда на счетъ другихъ составныхъ его частей, серебра и цѣнныхъ бумагъ. Вслѣдствіе этихъ операцій, сумма послѣднихъ въ фондѣ, простиравшаяся 1 апрѣля 1877 года до $32^1/_2$ милліоновъ, сократилась нынѣ до $19^1/_2$ милліоновъ; масса серебра, превосходившая 1 апрѣля 1877 года $23^3/_4$ милл., сократилась до цифры меньшей 2 милл., а золотая наличность въ тотъ же періодъ увеличилась почти на 30 милліоновъ (со 121.889.000 р. до 151.767.000 руб.). Но есть ли необходимость увеличивать эту наличность еще на 112 милліоновъ рублей, и такова ли польза этого увеличенія чтобы ради ея нести бремя ежегодныхъ девятимилліонныхъ платежей? Дѣлать займы для скопленія неприкосновеннаго запаса золота значило бы возвращаться къ экономическимъ воззрѣніямъ временъ папы Сикста V, занимавшаго деньги за высокіе проценты чтобъ оставить въ наслѣдство своимъ преемникамъ полную казну на случай войны съ невѣрными и тяжкое бремя расплаты съ кредиторами. Не такимъ путемъ былъ пріобрѣтенъ у насъ металлическій запасъ растраченный въ 1876 году. Изъ года въ годъ онъ накоплялся покупкой золота на спеціально съ этою цѣлію выпускаемые кредитные билеты, что не возлагало на казну никакой тяжести по уплатѣ процентовъ, и операція эта, какъ извѣстно, не вела къ пониженію курсовъ, а сопровождалась ихъ повышеніемъ, по крайней мѣрѣ нисколько ему не препятствовала.

Оставить суммы займа безъ употребленія, въ запасѣ, было бы лишь меньшимъ зломъ сравнительно съ употребленіемъ ихъ на сокращеніе денежнаго обращенія, но желательно дать не то что менѣе вредное, а возможно болѣе полезное назначеніе занятымъ деньгамъ. Прямымъ полезнымъ назначеніемъ желѣзнодорожнаго займа было бы, конечно, расширеніе и улучшеніе желѣзнодорожной сѣти. Тѣмъ страннѣе впечатлѣніе производимое заявляемыми нынѣ въ печати возраженіями противъ употребленія только что заключеннаго займа на желѣзнодорожное дѣло. Вникая въ сущность этихъ возраженій, нельзя, правда, не признать что въ основѣ ихъ есть нѣчто заслуживающее вниманія. Это нѣчто заключается въ справедливомъ недовольствѣ тѣмъ порядкомъ какимъ обычно расходуются у насъ суммы желѣзнодорожнаго фонда, порядкомъ, благодаря которому „правленія желѣзныхъ дорогъ привыкли смотрѣть на государственную казну какъ на дойную корову.“ Дѣйствительно, желѣзнодорожныя правленія привыкли не дѣлать шагу безъ помощи казны, вымогать у нея субсидіи при каждомъ удобномъ случаѣ, возмѣщать изъ казенныхъ средствъ всякія недочеты происходящіе отъ путаницы и не-

*) Собственно $1.103^1/_2$ милл., какъ видно изъ баланса Государственнаго Банка на 12 мая.

порядковъ желѣзнодорожнаго хозяйства и т. д. Постоянная потачка такимъ домогательствамъ тяжело ложится на казну и страну. Нельзя не желать чтобы въ порядкахъ расходованія желѣзнодорожнаго фонда были сдѣланы необходимыя улучшенія. Но отъ такого желанія до прекращенія вообще казенныхъ расходовъ на желѣзнодорожное дѣло еще слишкомъ далеко. Это дѣло еще не поставлено и едва ли можетъ скоро стать у насъ на такую ногу чтобы могло идти впередъ и ширяться, безъ казенной поддержки, въ размѣрахъ требуемыхъ государственными интересами.

№ 147.

Москва, 28-го мая.

Въ теченіе десятилѣтій, одною изъ главныхъ заботъ было у насъ сооруженіе и расширеніе желѣзнодорожной сѣти. Ради этого дѣла, изъ года въ годъ отсрочивалось удовлетвореніе разныхъ настоятельныхъ государственныхъ нуждъ, приносились въ жертву важные экономическіе интересы, напрягались всѣ силы и средства страны, и государственный кредитъ, и государственный бюджетъ. Результаты этихъ жертвъ и усилій на лицо. Протяженіе желѣзнодорожной сѣти въ Россіи давно уже измѣряется многими тысячами верстъ, и къ 1 марта текущаго года длина открытыхъ для движенія линій составляла уже 21.226 верстъ, не считая финляндскихъ дорогъ (821 верста). Эта громадная экономическая (да и экономическая ли только?) сила, и чѣмъ болѣе она растетъ, тѣмъ настойчивѣе выступаетъ вопросъ объ управленіи этою силой. Безъ регулированія ея отношеній къ правительству и публикѣ, желѣзныя дороги не могутъ въ полной мѣрѣ удовлетворять своему назначенію. Но на эту сторону желѣзнодорожнаго дѣла до послѣдняго времени, какъ бы за недосугомъ, обращалось у насъ очень мало вниманія, такъ что едва ли есть страна гдѣ отношенія желѣзныхъ дорогъ къ правительству и публикѣ отличались бы такою неопредѣленностью какъ въ Россіи. Никто не знаетъ въ точности чего онъ въ правѣ, чего не въ правѣ требовать отъ желѣзныхъ дорогъ, и наоборотъ, какія предъявляемыя желѣзными дорогами требованія и условія должны считаться для всѣхъ обязательными, какія нѣтъ.

Эта неопредѣленность, тяжело отзывающаяся на интересахъ публики, вызывающая массу жалобъ и крайне невыгодная для государства, на руку только желѣзнодорожнымъ правленіямъ. Правленія эти сами или чрезъ посредство руководимыхъ ими собраній акціонеровъ опредѣляютъ свои отношенія къ публикѣ, и ставятъ ей тѣ или иныя условія, имѣя въ виду только свои выгоды и удобства; каждое правленіе считаетъ себя какъ бы облеченнымъ законодательною властью по отношенію ко всѣмъ нуждающимся въ желѣзнодорожныхъ сообщеніяхъ, и по пословицѣ „что городъ то норовъ, что деревня то обычай,“ каждымъ изъ этихъ законодателей устанавливаются свои порядки, съ которыми волей-неволей должна сообразоваться публика. Разнообразіе этихъ порядковъ нѣсколько регулировалось желѣзнодорожными съѣздами, но съ точки зрѣнія общихъ выгодъ распорядителей желѣзныхъ дорогъ, а не публики. Требованія правительства въ общемъ интересѣ большею частію встрѣчали со стороны желѣзнодорожныхъ правленій и съѣздовъ рѣшительный отпоръ, и вели лишь къ торгу о новыхъ *казенныхъ* субсидіяхъ. Для желѣзнодорожныхъ правленій создалось такимъ путемъ положеніе вассаловъ не платящихъ дани своему сюзерену, а напротивъ вымогающихъ у него деньги подъ всевозможными предлогами и ревниво охраняющихъ свои распорядки отъ чьего бы то ни было вліянія. Такое положеніе дѣлъ не только было терпимо, но какъ бы признавалось за правильное. Почти всякая относящаяся къ желѣзнымъ дорогамъ мѣра, задуманная правительствомъ, передавалась прежде всего на разсмотрѣніе желѣзнодорожныхъ съѣздовъ и лишь пройдя чрезъ ихъ цензуру приводилась въ исполненіе...

Такіе порядки не могутъ держаться вѣчно, и публика, конечно, не мало была порадована извѣстіемъ о первомъ шагѣ къ ихъ измѣненію. На дняхъ, какъ было сообщено въ петербургской телеграммѣ № 144 *Московскихъ Вѣдомостей*, Высочайше утвержденъ проектъ учрежденія желѣзнодорожнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ министра путей сообщенія. Уставъ этого новаго учрежденія еще не опубликованъ, и потому неизвѣстно въ точности каковы будутъ предѣлы его правъ и обязанностей,

какая вообще роль предоставляется ему въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ; но объ общемъ характерѣ новаго учрежденія можно судить по сообщеннымъ уже въ газетахъ свѣдѣніямъ. Между прочимъ, новоучреждаемый совѣтъ долженъ замѣнить собою бывшіе общіе съѣзды делегатовъ отъ правленій. Дѣла и вопросы обсуждавшіеся и рѣшавшіеся на этихъ съѣздахъ одними желѣзнодорожниками, въ ихъ исключительныхъ интересахъ, будутъ обсуждаться и рѣшаться въ новоучреждаемомъ совѣтѣ при совершенно иныхъ условіяхъ. Кромѣ представителей отъ желѣзнодорожныхъ обществъ, въ составъ совѣта войдутъ члены еще двухъ категорій: выборные отъ купечества и представители отъ разныхъ министерствъ. Всего въ совѣтѣ будетъ 105 членовъ; въ какой пропорціи раздѣлится это число между тремя ихъ разрядами пока неизвѣстно, но какова бы ни была эта пропорція, положительнымъ улучшеніемъ будетъ уже одно допущеніе представителей интересовъ публики и правительства къ обсужденію дѣлъ которыя донынѣ считались какъ бы подлежащими вѣдѣнію конфедераціи однихъ желѣзнодорожныхъ правленій.

Дальнѣйшимъ и гораздо болѣе важнымъ шагомъ ко внесенію правильнаго порядка въ желѣзнодорожное дѣло будетъ возвѣщенный общій уставъ, надъ выработкой коего трудится нынѣ коммиссія состоящая подъ предсѣдательствомъ графа Баранова. Только изданіемъ общаго устава можетъ быть положенъ предѣлъ тому произволу желѣзнодорожныхъ правленій который вызываетъ столько повсемѣстныхъ жалобъ, только изданіемъ этого устава будетъ положенъ конецъ неопредѣленности правъ и обязанностей желѣзныхъ дорогъ. Къ изданію желѣзнодорожнаго устава, безъ сомнѣнія, слѣдовало приступить давнымъ-давно. Но если мы очень запоздали этимъ дѣломъ, можно утѣшаться тѣмъ что наша поздняя законодательная работа въ значительной мѣрѣ облегчена какъ опытомъ таковыхъ же работъ въ другихъ странахъ, гдѣ достоинства и недостатки установленныхъ относительно желѣзныхъ дорогъ правилъ успѣли уже обозначиться, такъ и выяснившимися на практикѣ особенностями условій движенія пассажировъ и грузовъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, съ которыми коммиссія графа Баранова имѣла возможность подробно ознакомиться изучая дѣло на мѣстѣ. При такихъ условіяхъ, смѣло можно разчитывать на успѣшный и скорый ходъ работы возложенной на эту коммиссію, которой притомъ предоставлено нынѣ важное право внесенія своихъ заключеній прямо въ Государственный Совѣтъ.

Бо́льшая или меньшая удовлетворительность устава всего болѣе будетъ зависѣть отъ взгляда на права компаній. Въ этомъ отношеніи у насъ успѣли образоваться мнѣнія не выдерживающія критики. На желѣзныя дороги иные готовы у насъ смотрѣть почти какъ на собственность тѣхъ компаній кои ими распоряжаются и владѣютъ. Ограниченіе свободы правленій въ распоряженіи дорогами кажется какъ бы посягательствомъ на права собственности. Допущеніе подобныхъ взглядовъ въ какой бы то ни было формѣ и силѣ при выработкѣ желѣзнодорожнаго устава могло бы во многомъ парализовать ожидаемую отъ него пользу. Еслибы наша сѣть была построена желѣзнодорожными компаніями сполна на собственныя ихъ средства, и въ такомъ случаѣ интересы государства и людей поставленныхъ въ необходимость пользоваться этими дорогами не могли бы быть отданы въ безконтрольное распоряженіе построившихъ ихъ компаній. Посмотрите какъ взыскателенъ этотъ контроль въ Англіи, какъ обширны предъявляемыя тамъ къ желѣзнымъ дорогамъ требованія, до какой степени доходитъ тамъ отвѣтственность этихъ дорогъ предъ правительствомъ и публикой, и какъ строго вмѣненіе этой отвѣтственности. Но у насъ желѣзныя дороги построены не частными обществами какъ въ Англіи. Главнымъ строителемъ нашей сѣти было само правительство. Многія дороги построены казною и лишь потомъ переданы въ распоряженіе частныхъ компаній. Деньги на постройку другихъ дорогъ даны преимущественно также государственною казной. Ей принадлежитъ громадная масса и облигацій, и акцій желѣзныхъ дорогъ. Тѣ акціи и облигаціи, которыхъ казна не оставила за собой, выпущены большею частію подъ ея гарантіей, которая, какъ показываютъ бюджеты, не осталась номинальною. Помимо такого участія въ самой постройкѣ дорогъ, чуть не всѣ управляющія ими компаніи состоятъ у правительства въ неоплатномъ долгу, который ежегодно растетъ въ огромныхъ размѣрахъ. Итогъ этихъ долговъ, если еще не превысилъ, то скоро превыситъ итогъ капиталовъ вложенныхъ въ желѣзнодорожное дѣло частными ак-

діонерами. При такихъ обстоятельствахъ смѣшно отступать предъ мнимыми ихъ правами. Ихъ денежные интересы должны быть соблюдаемы, но главное, и не фиктивное только, а дѣйствительное, распоряженіе желѣзными дорогами должно быть сосредоточено въ рукахъ истиннаго собственника дорогъ, то-есть казны. Этого требуютъ интересы всей страны, чьи средства пошли на постройку сѣти и ежегодно идутъ на ея поддержаніе; этому не противорѣчатъ и интересы большинства самихъ акціонеровъ, далеко не всегда и не во всемъ солидарные съ интересами желѣзнодорожныхъ правленій.

№ 149.

Москва, 30-го мая.

Европейскій „концертъ“ въ отношеніи къ дѣламъ Востока всегда оказывался химерой. Толки объ этомъ концертѣ всегда были признакомъ того что медленный, но неудержимый процессъ разложенія Турціи вступилъ въ новую дальнѣйшую фазу, что опять зашевелилась та глухая борьба интересовъ которая одна искусственно задерживаетъ естественное развитіе вещей на Востокѣ, и что рѣчь о „концертѣ“ прикрываетъ новую и тщетную попытку отсрочить катастрофу. Но та сложная политическая игра, которая ведется вслѣдствіе затруднительности восточной задачи, сама по себѣ далеко не однообразна, и въ предѣлахъ затаенной борьбы, которая не прекращается, происходятъ замѣчательныя перемѣщенія и группировки. О томъ какъ измѣнилась роль Англіи въ этой борьбѣ лучше всего можно судить по тому какъ относится къ ея послѣднимъ ходамъ та печать которая продолжаетъ всѣми неправдами отстаивать „необходимость турецкаго владычества“ и которая еще такъ недавно возлагала всѣ свои надежды на Англію. Какъ далеко ушли мы въ этомъ отношеніи отъ недавняго прошлаго!

Когда, вскорѣ послѣ открытія Британскаго парламента, новый министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Гранвилль, возвѣстилъ о предстоящемъ коллективномъ шагѣ Европы, предпринимаемомъ по иниціативѣ Англіи, враждебная славянскому дѣлу печать въ Европѣ еще не выказывала никакой тревоги. Въ это самое время было обнародовано знаменитое письмо г. Гладстона къ графу Карольи. Это еще болѣе подкрѣпило увѣренность въ томъ что политика Англіи существенно не измѣнится, несмотря на перемѣну кабинета, и что стало-быть нѣтъ повода опасаться чтобы настала необходимость измѣнить въ чемъ-либо тотъ путь который „дальновидная политика“ намѣтила, какъ казалось, надолго, съ цѣлью подготовить сколь можно менѣе благопріятное для Славянъ и выгодное для ихъ враговъ рѣшеніе Восточнаго вопроса. Въ этомъ смыслѣ была принята на первыхъ порахъ и миссія г. Гошена. Газета *Times* не мало содѣйствовала такому „успокоенію“. Еще 29 мая она доказывала что чрезвычайный посолъ, отправляемый новымъ кабинетомъ въ Константинополь, не можетъ имѣть такихъ инструкцій которыя представляли бы существенное отступленіе отъ линіи намѣченной послѣ Берлинскаго трактата. „Такъ напримѣръ,“ разсуждала названная газета, „при переговорахъ по поводу албано-„черногорскаго затрудненія было бы опас-„но возбудить недовѣріе Австріи. При за-„ключеніи Берлинскаго трактата имѣлось „въ виду избѣгнуть такого взаимнаго по-„ложенія между Сербіей и Черногоріей, „при коемъ Россія получила бы возмож-„ность расширить свое вліяніе до крайня-„го западнаго предѣла Балканскаго полу-„острова, и было бы тщетно стараться „уладить теперешнее затрудненіе насчетъ „черногорской границы такимъ образомъ „чтобы чрезъ то ослабить власть Австріи „на промежуточную территорію отдѣляю-„щую Сербію отъ Черногоріи. Точно так-„же нужно будетъ съ крайнею осторож-„ностью затрогивать всѣ тѣ вопросы, кои „могутъ вызвать что-либо похожее на со-„вокупное европейское вмѣшательство, ибо „было бы невозможно исключить Россію „изъ такого вмѣшательства, а возвраще-„ніе подъ какимъ бы то ни было предло-„гомъ русскихъ войскъ на турецкую тер-„риторію было бы равносильно возобнов-„ленію главнаго затрудненія, надъ устра-„неніемъ котораго столько потрудился Бер-„линскій конгрессъ.“

Если инструкціи г. Гошена клонились къ тому чтобы тщательно избѣгать всего что̀ какимъ бы то ни было образомъ могло измѣнить невыгодное положеніе Россіи созданное Берлинскимъ трактатомъ, то можно было бы спросить какая вообще была

надобность посылать новаго посла на смѣну г. Леярду, который, казалось бы, достаточно надеженъ въ этомъ отношеніи? Органъ Лондонскаго Города не счелъ нужнымъ коснуться этого вопроса. Но эта руководящая лондонская газета вообще, повидимому, еще не выкинула новаго флага, и будучи не вполнѣ увѣрена въ прочности новаго кабинета, старается держать середину между восторжествовавшею партіей и ея побѣжденными противниками.

Другія, болѣе откровенныя, заявленія по поводу миссіи г. Гошена не замедлили обнаружить существенное различіе между политикой теперешняго и прежняго кабинета относительно Турціи, причемъ выяснилось также какъ мало видовъ и теперь на то чтобы по Восточнымъ дѣламъ было возможно единодушное дѣйствіе Европы. Еще не успѣлъ г. Гошенъ доѣхать до Константинополя какъ уже стали появляться то здѣсь, то тамъ слухи что предварительные переговоры, веденные имъ въ Парижѣ и Вѣнѣ, не привели ни къ чему. По истиннымъ ликованіемъ преисполнилась вся туркофильская печать при вѣсти о „неудачѣ“ которая постигла г. Гошена при первомъ его шагѣ въ Константинополѣ. Султанъ Абдулъ-Гамидъ, какъ единогласно утверждаютъ всѣ корреспонденціи изъ Турецкой столицы, наотрѣзъ отказался принять г. Гошена въ тотъ день когда была первоначально назначена его аудіенція. Султану не понравилась рѣчь заготовленная на этотъ случай англійскимъ посломъ, текстъ которой, согласно обычаю, былъ предварительно сообщенъ султану. Г. Гошенъ долженъ былъ совершенно передѣлать свою рѣчь и измѣнить въ ней все что султану не понравилось. Тогда только состоялась аудіенція. Изъ этого выведено было заключеніе что затѣя новаго англійскаго кабинета потерпѣла фіаско, ибо немыслимо де чтобы султанъ рѣшился на столь явное пренебреженіе къ новому представителю Англіи, еслибъ онъ не былъ увѣренъ что совокупное дѣйствіе Европы, коимъ вновь угрожаютъ Портѣ, есть только фикція, и что Турція можетъ попрежнему слѣдовать своему привычному пріему и упорно уклоняться отъ исполненія принятыхъ обязанностей вполнѣ увѣренная что если не та, то другая изъ европейскихъ державъ окажетъ ей тайную или явную поддержку.

Въ чемъ дѣйствительно заключается миссія г. Гошена — пока неизвѣстно. Точно также неизвѣстно содержаніе той коллективной ноты которая „изготовляется“ для Порты, но до сихъ поръ не изготовлена. Можно заключить что этотъ новый шагъ, предпринимаемый по иниціативѣ Англіи, встрѣтилъ болѣе затрудненій нежели казалось судя по первому, довольно положительному, заявленію лорда Гранвилля въ парламентѣ. Конференція, которая имѣетъ быть открыта въ будущую среду, въ Берлинѣ, будетъ заниматься исключительно вопросомъ о греческой границѣ. Другіе же два предмета „настоящій“ предъ Портой—вопросъ о черногорской границѣ и реформѣ въ Арменіи—будутъ составлять содержаніе коллективной ноты, но о нихъ не будетъ рѣчи на конференціи. Уже изъ этого раздѣленія и двойственнаго способа дипломатической обработки дѣла составляющаго „совокупный интересъ Европы по отношенію къ Портѣ“ видно что совокупности интереса въ дѣйствительности нѣтъ. Попрежнему каждый участникъ въ дѣлѣ имѣетъ въ виду прежде всего свою личную выгоду и преслѣдуетъ свои отдѣльныя цѣли.

Мы не настолько оптимисты чтобы думать что возможно полное соглашеніе между конечными видами Россіи и Англіи въ дѣлѣ ликвидаціи восточной проблеммы. Но мы думаемъ что есть держава коей виды на турецкое наслѣдіе болѣе коренным образомъ расходятся съ интересами Россіи нежели виды Англіи. Это Австрія. Разница въ восточной политикѣ между Австріей и Англіей заключается въ томъ что интересы первой враждебны прежде всего самимъ Балканскимъ Славянамъ; тогда какъ вторая опасается лишь будущаго столкновенія своихъ выгодъ съ интересами Россіи. Англія можетъ мириться съ автономными стремленіями Славянъ Балканскаго полуострова по скольку ими не предрѣшается вопросъ о Проливахъ. Австрія же, напротивъ, враждебна прежде всего Балканскимъ Славянамъ. Вотъ почему возможно согласное дѣйствіе между Россіей и Англіей до тѣхъ поръ пока нѣтъ повода поднимать вопросъ о Проливахъ (что въ ближайшемъ будущемъ отнюдь не предвидится).

А между тѣмъ не только вѣнская, но и берлинская печать, не скрывающая своего злорадства по поводу „неудачи“ г. Гошена, старается объяснить ее тѣмъ будто бы Россія, пользуясь нынѣ преобладаю-

щимъ вліяніемъ въ Константинополѣ, употребила это вліяніе на то чтобы подготовить представителю Англіи постигшее его пораженіе...

№ 150.

Москва, 31-го мая.

Послѣдній русскій желѣзнодорожный заемъ, по которому не только произведена разверстка облигацій между подписчиками, но уже и приняты отъ нихъ условленные взносы, не перестаетъ быть предметомъ толковъ и у насъ, и за границей. Возникшая по этому предмету полемика отличается довольно страннымъ характеромъ. Спорнымъ пунктомъ является вопросъ, удался или не удался заемъ. Поводъ къ пререканіямъ на такой почвѣ данъ лондонскою газетой *Times*, которая вдругъ оказалась болѣе посвященною въ подробности хода подписки на нашъ заемъ чѣмъ принимавшій оную русскій Государственный Банкъ, и выступила съ категорическимъ утвержденіемъ что подписка на консолидированныя облигаціи 6-го выпуска нигдѣ не имѣла успѣха. Параллельно съ этимъ увѣреніемъ, для его подкрѣпленія, распространялись за границей слухи о томъ что объявленный результатъ подписки достигнутъ искусственнымъ путемъ, что успѣхъ займа не дѣйствительный, а дутый. Странно, впрочемъ, не то что за границей распускаются подобные слухи,—когда же они тамъ не имѣли хода?—странно то что имъ придается значеніе, такое значеніе что предъ ними какъ бы теряетъ свой вѣсъ офиціальное заявленіе Государственнаго Банка о томъ что подписка дала болѣе 227 милліоновъ вмѣсто потребованныхъ ста пятидесяти. И это тѣмъ страннѣе что никто не можетъ сомнѣваться ни въ очевидной тенденціозности распространяемыхъ слуховъ, ни въ источникѣ откуда они идутъ. Всѣмъ извѣстно что *Times* по финансовымъ вопросамъ служитъ органомъ Ротшильдовъ; не менѣе извѣстенъ характеръ того отношенія въ какое стали къ нашему послѣднему займу эти сильные на биржахъ и не особенно разборчивые въ средствахъ банкиры, устраненные отъ участія въ этомъ займѣ и досадующіе на то что Россія, столь долго бывшая ихъ кліентомъ, не хочетъ болѣе оставаться покорною овцой которую они продолжали бы стричь по своему усмотрѣнію. Все это извѣстно и тѣмъ не менѣе у насъ готовы тревожиться возникшими при такихъ обстоятельствахъ недоброжелательными слухами и изыскивать средства для поддержанія будто бы подрываемаго ими авторитета заявленій Государственнаго Банка, предлагая между прочимъ опубликовать, въ этихъ видахъ, свѣдѣнія о размѣрахъ подписки на облигаціи въ каждомъ изъ мѣстъ гдѣ она принималась. Обнародованіе этихъ свѣдѣній желательно и не было бы лишено интереса для русской публики, для которой былъ сюрпризомъ пріемъ подписки за границей, а не въ однихъ только русскихъ городахъ упомянутыхъ въ приглашеніи къ ней. Но какую силу могло бы имѣть это опубликованіе въ смыслѣ опроверженія распускаемыхъ слуховъ? Что помѣшаетъ тѣмъ кто выражаетъ сомнѣніе въ вѣрности объявленнаго итога подписки заподозрить вѣрность и тѣхъ цифръ изъ которыхъ этотъ итогъ составился? Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Не пригласить ли ужъ иностранцевъ къ ревизіи книгъ Государственнаго Банка, на подобіе того какъ приглашались они года три тому назадъ къ ревизіи его кладовыхъ по случаю распущеннаго слуха что его металлическій фондъ существуетъ только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности? Какимъ бы торжествомъ было это для распространителей ложныхъ слуховъ, которыхъ всего болѣе поощряетъ именно то что ихъ вымысламъ придается серіозное значеніе! Послѣ долгой практики, пора кажется привыкнуть ко всѣмъ этимъ недостойнымъ и нахальнымъ продѣлкамъ и перестать обращать на нихъ вниманіе.

Въ данномъ случаѣ, совершенно равнодушное отношеніе къ толкамъ о займѣ тѣмъ естественнѣе что не только ложные слухи о неудачѣ, но и дѣйствительная неудача займа не имѣла бы для Россіи серіознаго значенія. Оригинальная особенность этого займа, какъ уже замѣчено въ печати, состоитъ въ томъ что никто не знаетъ для чего именно понадобились и на какое употребленіе пойдутъ доставленныя имъ суммы. Въ этомъ отношеніи дѣло доходитъ до того что возникаютъ и высказываются предположенія, за отсутствіемъ текущихъ настоятельныхъ нуждъ, просто приберечь занятыя деньги до времени когда такія нужды настанутъ...

Конечно, это своего рода крайность. Та-

кого отсутствія текущихъ нуждъ чтобы стать въ затрудненіе относительно употребленія имѣющихся на лицо суммъ, на дѣлѣ нѣтъ. Между прочимъ, не только нынѣ требуются, но и впредь въ теченіи еще долгаго времени будутъ требоваться большія затраты на нашу желѣзнодорожную сѣть, которая далеко еще не довершена даже въ главныхъ своихъ очертаніяхъ. Тѣ обстоятельства которыя съ самаго приступа къ сооруженію этой сѣти побуждали къ щедрымъ ассигнованіямъ денегъ на это дѣло продолжаютъ существовать и теперь. Мало того, новые расходы еще болѣе необходимы для оправданія уже сдѣланныхъ, для приведенія ихъ въ соотвѣтствіе съ тою цѣлью которая ихъ вызвала, хотя для производства подобныхъ расходовъ и нѣтъ необходимости въ иностранныхъ капиталахъ, какъ показалъ опытъ послѣднихъ лѣтъ. Задержка въ довершеніи желѣзнодорожной сѣти была бы крайне печальнымъ фактомъ, была бы даже несправедливостью по отношенію къ тѣмъ обширнымъ областямъ Россіи которыя донынѣ лишены удобствъ и выгодъ рельсоваго сообщенія, хотя все время, наравнѣ съ другими болѣе счастливыми областями, несли потребованныя постройкой финансовыя тягости. Не будемъ останавливаться на серіозныхъ соображеніяхъ не позволяющихъ откладывать надолго постройку многихъ важныхъ линій, между прочимъ Сибирской и Средне-Азіятской; но нельзя не указать на необходимость того дополненія нашей рельсовой сѣти которое настоятельно требуется нынѣшнимъ совершенно изолированнымъ отъ нея положеніемъ дорогъ построенныхъ на Уралѣ и за Кавказомъ, нельзя также не указать на настоятельность постройки такихъ дорогъ какъ напримѣръ Западно-Донецкая, о которой говоритъ въ помѣщаемой ниже статьѣ г. Авдаковъ. Эта дорога, не говоря уже о томъ насколько заинтересовано въ ней Екатеринославское земство, есть предметъ многолѣтнихъ ходатайствъ представителей каменноугольной промышленности Южной Россіи; эта же дорога, по заявленіямъ спеціалистовъ, есть необходимое условіе для развитія на югѣ Россіи, въ широкихъ размѣрахъ, чугуноплавильнаго производства. Пока эта дорога, какъ извѣстно, входящая и въ виды правительства, и другія подобныя ей не построены, пока рельсовая сѣть не дополнена главными недостающими ей линіями, едва ли должна идти рѣчь о томъ что дѣлать съ поступившими въ казну и остающимися свободными отъ иного назначенія суммами. Объ этомъ, по всей вѣроятности, и не возникало бы толковъ еслибы не имѣлось въ виду официальныхъ заявленій гласившихъ что „въ настоящее время пріостановлена вообще постройка новыхъ дорогъ при условіи денежнаго участія правительства въ предпріятіяхъ.“

Заявленія въ такомъ смыслѣ, имѣвшія несомнѣнно лишь временной характеръ, были вызваны, надо думать, сознаніемъ неудобствъ и невыгодъ для казны той системы которая практиковалась при постройкѣ дорогъ до послѣдняго времени. Система эта, дѣйствительно, не такова чтобы можно было пожелать сохраненія ея и впредь. Нельзя признать правильнымъ порядокъ при которомъ всѣ выгоды отъ эксплуатаціи дорогъ достаются на долю частнымъ обществамъ, сдѣлавшимъ малый вкладъ въ строительный капиталъ, а на долю казны, доставившей три четверти этого капитала, выпадаютъ одни только убытки и недочеты. Отъ линій дающихъ хорошіе сборы казна ничего или почти ничего не получаетъ, по малодоходнымъ же линіямъ ей приходится ежегодно и сильно приплачиваться. Честь и выгоды всякого успѣха, всякой хорошей стороны въ дѣлѣ эксплуатаціи принадлежитъ частнымъ обществамъ; отвѣтственность же за всѣ ея темныя стороны падаетъ на правительство. Всякое взысканіе съ дурно эксплуатируемой дороги обращается на дѣлѣ во взысканіе съ казны, невиновной въ желѣзнодорожныхъ упущеніяхъ и безпорядкахъ, и не достигаетъ поэтому цѣли, вовсе не служа побужденіемъ для виновной дороги къ лучшему веденію дѣла. Въ системѣ смѣшаннаго денежнаго участія казны и частныхъ обществъ въ постройкѣ дорогъ заключается такимъ образомъ и одно изъ препятствій къ улучшенію желѣзнодорожнаго хозяйства, и одна изъ главныхъ причинъ той тягости какою это хозяйство ежегодно ложится на государственный бюджетъ. Оставить такую систему и перейти къ другой было бы большимъ успѣхомъ. Но возможенъ ли въ настоящее время переходъ къ системѣ частныхъ дорогъ сооружаемыхъ на частныя средства безъ денежнаго участія правительства? Есть ли вѣроятность что частною предпріимчивостью могутъ быть

собраны капиталы нужные не для постройки какихъ-нибудь коротенькихъ вѣтвей, а для довершенія начатой желѣзнодорожной сѣти? Предоставленіе этого важнаго дѣла однимъ частнымъ капиталамъ и частной предпріимчивости, особенно при той репутаціи какую надолго утвердили за собой наши акціонерные распорядки, значило бы оставить надолго рельсовую сѣть въ ея нынѣшнемъ неоконченномъ видѣ, махнувъ рукой на всю массу государственныхъ интересовъ требующихъ ея дальнѣйшаго развитія. Это было бы еще хуже тѣхъ результатовъ какіе получаются при смѣшанномъ, казенно-частномъ, желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Но изъ этого послѣдняго есть выходъ и помимо передачи дѣла въ руки одной частной предпріимчивости. Неудобствъ смѣшанной системы не будетъ если дороги будутъ строиться сполна на казенныя средства и оставаться въ казенномъ управленіи.

Не пора ли признать что мысль будто правительство не можетъ само завѣдывать желѣзными дорогами, и что хорошо вести желѣзнодорожное дѣло могутъ только частныя общества, заинтересованныя де матеріально въ доставляемыхъ имъ выгодахъ, что эта мысль есть такое же увлеченіе, такая же ошибка какъ и многія другія подобныя мнѣнія. Свои-то выгоды частные распорядители дорогъ, конечно, соблюдаютъ, но ни казнѣ, ни публикѣ отъ этого не легче. Превозносимыхъ въ теоріи качествъ и результатовъ хозяйствованія частныхъ обществъ на желѣзныхъ дорогахъ не оказалось на дѣлѣ. Съ другой стороны, сила аргументовъ приводимыхъ обычно противъ казеннаго управленія много выдохлась. Ссылаются обыкновенно на непомѣрную дороговизну постройки Николаевской дороги и на ея малодоходность при казенномъ управленіи. Но забываютъ что эта дорога была первымъ опытомъ въ постройкѣ большой рельсовой линіи въ Россіи. Эта дорога обошлась очень дорого, но дороговизна постройки каждой версты этой дороги, сравнительно съ поверстною стоимостью другихъ линій, вообще сильно преувеличивается. Къ суммѣ израсходованной на самую постройку присоединяется огромная сумма платежей по займамъ сдѣланнымъ для ея сооруженія, и не только за время когда постройка производилась (а тянулась она болѣе восьми лѣтъ), но и за цѣлый рядъ лѣтъ послѣ открытія дороги, когда эти проценты не могли быть покрываемы доходами дороги. Этой системы не примѣняютъ обыкновенно къ исчисленію поверстной стоимости другихъ дорогъ; къ стоимости ихъ не причисляютъ казенныхъ приплатъ по гарантіямъ и итога иныхъ субсидій и ссудъ какія выдавались имъ послѣ постройки. Николаевская дорога была малодоходна, но эта малодоходность, помимо контракта съ г. Уайненсомъ, зависѣла между прочимъ и отъ одиночества дороги, отъ того что еще не были построены линіи которыя въ послѣдствіи стали передавать ей массы своихъ грузовъ и пассажировъ; притомъ, отъ своей малодоходности Николаевская дорога начала излѣчиваться, какъ извѣстно, еще при казенномъ управленіи, наканунѣ передачи ея въ руки Главнаго Общества. Признанные недостатки казеннаго управленія не принадлежатъ къ числу неисправимыхъ. Безукоризненная честность и способность не составляютъ привилегіи служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ при частномъ управленіи. Тѣ же самые люди не станутъ хуже отъ того что будутъ служить на казенной дорогѣ. Для наблюденія за ними, конечно, необходимъ серіозный контроль; но развѣ менѣе необходимъ такой контроль за хозяйствомъ на дорогахъ состоящихъ въ частномъ управленіи, и развѣ мало платится казна за отсутствіе или недѣйствительность такого контроля, парализуемаго препятствіями поставляемыми со стороны частной администраціи дорогъ?

№ 152.

Москва, 2-го іюня.

На дняхъ вышла книга г. Газенкампфа *Военное хозяйство въ нашей и въ иностранныхъ арміяхъ въ мирное и военное время*, изданная при содѣйствіи Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, профессоромъ которой состоитъ авторъ.

Сочиненіе это является какъ разъ вовремя, почти наканунѣ задуманнаго у насъ пересмотра всѣхъ положеній о хозяйственномъ управленіи военнаго времени. Учрежденіямъ этимъ, по слухамъ, предполагается придать бо́льшую противъ теперешняго самостоятельность, недостатокъ которой замѣтно обнаружился въ дѣйствіяхъ этихъ учрежденій въ теченіе минувшей войны.

Нужно замѣтить что бо́льшая часть этихъ положеній были изданы почти наканунѣ войны, слѣдомъ за начавшеюся мобилизаціей части нашихъ войскъ и спѣшною организаціей ихъ хозяйственныхъ учрежденій.

Такимъ образомъ, только что организованнымъ, а потому неопытнымъ учрежденіямъ, приходилось дѣйствовать на основаніи положеній которыя изучить они почти не имѣли возможности, а это тѣмъ важнѣе что хозяйственныя операціи мирнаго времени имѣютъ весьма мало общаго съ операціями времени военнаго. Г. Газенкампфъ весьма рельефно выставляетъ эту противоположность. „Цѣль всякаго заготовленія мирнаго времени, говоритъ г. Газенкампфъ, заключается въ томъ чтобы при извѣстномъ, точно опредѣленномъ качествѣ предметовъ, купить ихъ какъ можно дешевле.“ Для достиженія этой главной цѣли, вполнѣ возможно прибѣгнуть къ полной гласности операцій, опредѣлить время, мѣсто, количество поставки и даже сообразить цѣны по какимъ заготовленіе можетъ быть сдѣлано въ то или другое время. При такихъ условіяхъ, нормальнымъ пріемомъ всякаго заготовленія въ мирное время можетъ считаться поставка по подряду, съ торговъ, причемъ вполнѣ возможно успѣхъ всей операціи гарантировать соотвѣтствующимъ выборомъ торгующихся, устраняя одинхъ, привлекая другихъ. Является наконецъ возможность пріобрѣтать необходимые предметы прямо отъ производителей, такъ сказать изъ первыхъ рукъ. Совсѣмъ иначе становится дѣло во время войны. Тогда „возможная“ дешевизна заготовленія „хотя и сохраняетъ свое значеніе, но условіе это дѣлается второстепеннымъ. Преобладающее значеніе пріобрѣтаетъ, напротивъ, *быстрота заготовленія*.“ Въ мирное время можно заранѣе предвидѣть всѣ потребности войскъ, составить обдуманный планъ и методически привести его въ исполненіе. „На войнѣ ничего заранѣе предвидѣть нельзя: отлично обдуманный и вполнѣ приноровленный къ обстоятельствамъ планъ снабженія арміи можетъ вдругъ оказаться никуда негоднымъ при внезапномъ измѣненіи обстоятельствъ; мѣры уже принятыя для обезпеченія потребностей арміи, по той же причинѣ могутъ оказаться не соотвѣтствующими; заготовленія уже сдѣланныя въ извѣстныхъ пунктахъ, могутъ оказаться совсѣмъ не нужными,“—можетъ явиться необходимость даже истребить ихъ. Сверхъ того, всѣ операціи приходится держать въ секретѣ, такъ какъ изъ объявленій о количествѣ, времени и мѣстѣ заготовленія противникъ можетъ вывести довольно близкое къ истинѣ заключеніе о задуманномъ планѣ военныхъ дѣйствій.

При такихъ условіяхъ, пріобрѣтеніе предметовъ подрядомъ сданнымъ съ торговъ оказывается совершенно невозможнымъ. Остается только покупать предметы довольствія, предоставляя исполненіе этой операціи частью войскамъ, частью же особо командируемымъ для того въ разныя мѣста чинамъ интендантскаго вѣдомства. Этотъ послѣдній способъ получаетъ на войнѣ самое обширное примѣненіе, а между тѣмъ „приходится поручать заготовленіе первому подвернувшемуся чиновнику,“ ибо „штаты интендантскаго вѣдомства съ приведеніемъ на военное положеніе такъ разрастаются что для пополненія ихъ приходится принимать чиновниковъ на службу *безъ разбора*, да и разбирать уже некогда.“

Опытность и знаніе дѣла въ военное время имѣютъ конечно еще большее значеніе чѣмъ въ мирное, а между тѣмъ на войнѣ, вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ, „часто приходится поручать заготовленія совсѣмъ неопытнымъ чиновникамъ, такъ какъ опытные всѣ на перечетъ.“ Этимъ-то несвѣдущимъ и неумѣлымъ людямъ приходится однако „предоставить гораздо большую свободу и самостоятельность дѣйствій“ нежели въ мирное время людямъ опытнымъ. Къ довершенію всего, контроль надъ дѣйствіями въ военное время весьма затруднителенъ если не вовсе невозможенъ.

Но есть еще способъ снабжать войска необходимыми предметами на театрѣ войны, именно отдавая поставку всѣхъ необходимыхъ предметовъ въ руки какой-либо солидной коммерческой компаніи. Такой способъ извѣстенъ со временъ Лудовика XIV, и въ свое время былъ почти исключительнымъ во французской арміи. Однако способъ этотъ всегда и вездѣ оказывался весьма неудовлетворительнымъ: послѣдствіемъ его повсюду, какъ замѣчаетъ г. Газенкампфъ, были явленія весьма сходныя съ тѣми какія замѣчались у насъ во время винныхъ откуповъ, именно „полнѣйшая деморализація личнаго состава всѣхъ военно-хозяйственныхъ управленій и дурное снабженіе войскъ.“ Нѣчто подобное было

замѣчено и въ минувшую кампанію когда *особенныя обстоятельства* вынудили заключить контрактъ съ товариществомъ Грегора, Горвица и Когана, которое уже въ самомъ началѣ вызвало жалобы войска на недоброкачественность поставляемыхъ продуктовъ. Нужно замѣтить при этомъ что контрактъ съ этимъ товариществомъ не влекъ за собою и удешевленія цѣнъ, такъ какъ казна обязана была платить за забираемые продукты столько во что обошлись они товариществу, прибавляя еще десять процентовъ за комиссію.

Во всякомъ случаѣ, этотъ способъ въ сущности есть не иное что какъ та же покупка чрезъ особыхъ посредниковъ между дѣйствительнымъ продавцемъ и потребителемъ.

Изслѣдованіе затрудненій по снабженію войскъ необходимыми предметами приводитъ къ заключенію о необходимости согласовать способы пріобрѣтенія припасовъ въ мирное и военное время, отказавшись отъ системы большихъ подрядовъ и предоставивъ и въ мирное время большій просторъ покупкѣ необходимаго самими войсками, *на мѣстѣ*, за наличныя деньги по дѣйствительно существующимъ цѣнамъ, что какъ показываетъ теперь опытъ обошлось бы не дороже системы большихъ подрядовъ. Въ тѣхъ случаяхъ когда такая покупка на мѣстѣ представила бы затрудненія, можно командировать членовъ хозяйственнаго разряда въ мѣстности болѣе или менѣе удаленныя отъ мѣста потребленія, и такимъ образомъ доставить интендантскимъ чинамъ возможность пріобрѣсти необходимый для военнаго времени навыкъ.

Въ сочиненіи г. Газенкампфа собрано не мало данныхъ доказывающихъ что покупка войсками за наличныя деньги, въ военное время, даетъ блестящіе результаты даже тамъ гдѣ представляются особенныя къ тому затрудненія. Такъ въ 1870 году, во Франціи, несмотря на враждебное отношеніе жителей къ германскимъ войскамъ, эти послѣднія могли за наличныя деньги имѣть все въ изобиліи. Въ 1831 году, въ Польшѣ, когда фуражировка перестала давать удовлетворительные результаты, войска начали покупать овесъ и сѣно за наличныя деньги, и эти продукты тотчасъ появились въ достаточномъ количествѣ. Не даромъ говорятъ что золото есть наилучшій интендантъ. Но золотомъ надо умѣть распоряжаться, надо умѣть купить, а навыкъ въ этой операціи войска могутъ пріобрѣсти только въ мирное время.

Опытъ не разъ училъ насъ что импровизовать учрежденія на время войны нельзя, что мирная организація войскъ должна какъ можно ближе подходить къ организаціи военнаго времени, и что вообще нужно заблаговременно заботиться обо всемъ что можетъ оказаться нужнымъ въ случаѣ войны.

Si vis pacem, para bellum. До сихъ поръ мы какъ-будто забывали это правило, и всѣ до такой степени привыкли къ нашей забывчивости что еще не такъ давно одна изъ весьма вліятельныхъ берлинскихъ газетъ даже усумнилась, въ правѣ ли мы заботиться о надлежащей оборонѣ нашихъ границъ, и съ недовѣріемъ взглянула на только что задуманныя нами фортификаціонныя работы въ западной окраинѣ, въ то самое время когда въ Германіи уже оканчивалось исполненіе мѣръ къ развитію силы восточныхъ крѣпостей, задуманныхъ непосредственно послѣ кампаніи 1870 года.

Точно такимъ же образомъ, въ прошлую кампанію, мы явились на поля сраженій со старымъ, не соотвѣтствовавшимъ времени уставомъ и тактическими пріемами, и только минувшимъ лѣтомъ перешли къ тѣмъ формамъ, необходимость коихъ сознавалась всѣми задолго до войны и которыя были широко примѣнены въ иностранныхъ арміяхъ почти тотчасъ послѣ Франко-Германской войны

Минувшая война дала намъ почувствовать и необходимость имѣть хорошее оружіе. Наши войска, бо́льшая часть коихъ были вооружены винтовкою Кернка, нерѣдко оказывались въ весьма невыгодномъ положеніи сравнительно съ турецкими отрядами при ружьяхъ Пибоди-Мартини, что вынудило нѣкоторыхъ начальниковъ, какъ напримѣръ командира 16-й дивизіи, генерала Скобелева 2-го, вооружить часть людей доставшимися намъ турецкими ружьями.

Кампанія кончилась, и въ средѣ нашихъ техниковъ возникли сужденія совершенно противоположныя: стали доказывать что наша винтовка Бердана не только не уступаетъ турецкому малокалиберному ружью, но и превосходитъ его, и что разница между обѣими системами „вообще ничтожна и можетъ быть оставлена безъ вниманія.“

Не такъ отнеслись къ результатамъ на-

шего боеваго опыта за границей, особенно наши ближайшіе сосѣди, Австрія и Германія. На дняхъ, въ *Русскомъ Инвалидѣ*, былъ приведенъ подробный отчетъ объ обширныхъ изысканіяхъ произведенныхъ въ Австріи съ цѣлью улучшить стрѣльбу изъ принятаго тамъ ружья Верндля, значительно уступавшаго образцамъ Бердана и прусскому Маузеръ. Результаты изысканій, какъ описывается, превзошли ожиданія: удалось увеличить скорость стрѣльбы и получить возможность стрѣлять на самыя большія дистанціи съ успѣхомъ неменьшимъ, а да же большимъ, какъ и изъ принятаго у насъ образца Бердана. Интересно знать что такой блестящій результатъ достигнутъ посредствомъ лишь измѣненія патрона, т.-е. увеличенія вѣса заряда и пули.

Австрійцы только догнали насъ, а германская армія уже начинаетъ перегонять; по крайней мѣрѣ изъ Берлина въ *Кельнскую Газету* не далѣе какъ 6-го іюня писали: „Военное вѣдомство озабочено улучшеніемъ вооруженія пѣхоты, и въ послѣднее время коммиссія которой поручено производство изысканій и опытовъ достигла *блестящихъ* результатовъ.“ Здѣсь, какъ и въ Австріи, хлопочутъ не о введеніи новаго образца, а только о поднятіи балистическихъ достоинствъ существующаго оружія, слѣдовательно идутъ тѣмъ же путемъ какъ въ Вѣнѣ, руководясь экономическими соображеніями и смотря на употребляемыя теперь малокалиберныя однозарядныя системы какъ на переходныя, которыя будутъ существовать лишь до введенія вполнѣ удовлетворительной системы такъ-называемаго „магазиннаго ружья.“

У насъ можетъ-быть не менѣе чѣмъ гдѣ либо признаютъ важность развить быстроту стрѣльбы въ рѣшительныя минуты; въ этихъ видахъ, какъ извѣстно, производились даже опыты надъ особыми приборами, такъ-называемыми *ускорителями*. Но это только одна сторона дѣла: необходимо имѣть возможность открывать огонь съ разстояній неменьшихъ, и съ тѣмъ же успѣхомъ какъ противникъ; иначе, какъ и въ прошлую кампанію, пришлось бы безъ выстрѣла проходить значительныя пространства всегда подъ градомъ непріятельскихъ выстрѣловъ, что подрываетъ довѣріе войскъ къ своему оружію и не всегда можетъ такъ дешево обойтись какъ обошлось въ минувшую войну благодаря нравственному превосходству нашихъ войскъ надъ турецкими.

Между тѣмъ стрѣльба изъ существующаго у насъ образца Бердана (№ 2) можетъ быть улучшена, какъ говорятъ, даже измѣненіемъ достоинствъ нашего пороха, который вопреки распространившемуся было во время войны мнѣнію оказывается не слабымъ, а обратно „слишкомъ сильнымъ,“ какъ высказался въ *Военномъ Сборникѣ* одинъ изъ нашихъ авторитетовъ по оружейному дѣлу.

№ 153.

Москва, 3-го іюня.

Въ Германіи опять идутъ оживленные толки по поводу „канцлерскаго кризиса,“ такъ какъ князь Бисмаркъ счелъ нужнымъ на дняхъ бросить въ публику одно изъ тѣхъ своихъ якобы откровенныхъ, но въ сущности очень неопредѣленныхъ заявленій, которыя служатъ лишь указаніемъ что „всемогущій канцлеръ“ не такъ всемогущъ какъ кажется, и что гдѣ-то тамъ, въ тѣхъ высшихъ сферахъ, которыя скрыты отъ взоровъ публики, онъ продолжаетъ встрѣчаться съ „фракціями“ столь раздражительно дѣйствующими на его нервную натуру.

На этотъ разъ идетъ рѣчь не о полной отставкѣ князя Бисмарка, но лишь о его удаленіи отъ дѣлъ внутренней политики и ограниченіи его обязанностей вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Ближайшимъ поводомъ къ этимъ новымъ толкамъ послужилъ новѣйшій законопроектъ по церковнымъ дѣламъ, коимъ правительство предполагало „самостоятельно,“ то-есть помимо соглашенія съ папскою куріей, положить конецъ культурной борьбѣ. Законопроектъ этотъ еще имѣетъ обсуждаться во второмъ и третьемъ чтеніи въ палатѣ представителей; но о печальной участи его ожидающей уже теперь можно съ большою вѣроятностью заключить на основаніи результатовъ преній парламентской коммиссіи, которая двукратно отклоняла законопроектъ послѣ тщетныхъ усилій найти способъ добиться парламентскаго большинства. Результатъ этотъ весьма понятенъ, такъ какъ въ сущности законопроектъ никого не удовлетворилъ; ультрамонтаны съ самаго начала высказались противъ него, доказавъ этимъ что они во всѣ-

комъ случаѣ желаютъ быть стойкими гораздо болѣе нежели князь Бисмаркъ, такъ торжественно заявлявшій что онъ никогда не пойдетъ въ Каноссу. Законопроектъ заключаетъ въ себѣ очень много весьма существенныхъ уступокъ притязаніямъ католической іерархіи, между тѣмъ какъ со стороны папы было лишь заявленіе о готовности на „примиреніе," заключавшееся въ томъ что папа, считалъ возможнымъ предписать католическимъ епископамъ чтобъ они предварительно заявляли государственной власти о лицахъ предназначаемыхъ во священники. Это предписаніе было сдано въ февралѣ; но когда папскому престолу было сообщено объ уступкахъ на которыя Прусское правительство въ свою очередь изъявляетъ готовность, вышеупомянутое предписаніе не только не было издано, но папская курія напротивъ заявила что беретъ назадъ свое обѣщаніе и пойдетъ на сдѣлку не иначе какъ подъ условіемъ полной отмѣны „майскихъ законовъ."

Законопроектъ, какъ извѣстно, удерживаетъ въ силѣ майскіе законы, но предоставляетъ правительству власть парализовать дѣйствіе оныхъ, причемъ правительство не связано никакими условіями взаимности со стороны куріи. Либеральныя партіи, коихъ энергическимъ представителемъ явился г. Фалькъ, бывшій министръ исповѣданій и авторъ майскихъ законовъ, возстали противъ предложенія, доказывая что законопроектъ есть не что иное какъ вступленіе на путь въ Каноссу, то-есть изъявленіе покорности папѣ. Г. Фалькъ, въ своей рѣчи, произнесенной при первомъ чтеніи въ ландтагѣ, довольно прозрачно намекнулъ что князь Бисмаркъ не совсѣмъ по доброй волѣ рѣшился на этотъ шагъ. Дальнѣйшій ходъ дѣла весьма ясно подтвердилъ это предположеніе. Князь Бисмаркъ ни разу не явился въ ландтагъ чтобъ отстаивать своимъ вѣскимъ словомъ предложеніе правительства. Единственнымъ защитникомъ онаго въ ландтагѣ и въ коммиссіи былъ новый министръ исповѣданій, г. фонъ-Путткаммеръ, коего солидарность съ княземъ Бисмаркомъ крайне сомнительна, но котораго тѣмъ энергичнѣе поддерживаетъ старо-консервативная партія, имѣющая своимъ органомъ *Крестовую Газету*; партія эта всегда воевала противъ культурной борьбы, наравнѣ съ органами партіи центра, и находилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ прямо-враждебныхъ отношеніяхъ къ князю Бисмарку. Отношенія между г. фонъ-Путткаммеромъ и княземъ Бисмаркомъ лучше всего характеризуются недавнимъ эпизодомъ о „нѣмецкомъ правописаніи." Новый министръ просвѣщенія и исповѣданій издалъ циркуляръ предписывающій придерживаться во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ системы правописанія выработанной извѣстнымъ историкомъ Раумеромъ; а князь Бисмаркъ велѣлъ затѣмъ предписалъ чтобы подчиненныя ему мѣста и лица отнюдь не стѣснялись сказанными правилами.

Тѣмъ не менѣе, церковный законопроектъ выдается до сихъ поръ официально за такой актъ который придуманъ самимъ княземъ Бисмаркомъ, и официозные его органы осыпаютъ упреками либеральныя партіи за то что они „соединились съ клерикалами" чтобы провалить этотъ законопроектъ. Не куріозно ли такое обвиненіе ставящее злѣйшимъ противникомъ клерикаловъ въ вину ихъ противодѣйствіе мѣрѣ которая клонится исключительно къ ихъ же выгодѣ! И что же болѣе можетъ характеризовать двойственность и неискренность этой мѣры, прикрытой официально именемъ князя Бисмарка, какъ то что клерикалы дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ заодно съ либералами?

Но князь Бисмаркъ далъ публикѣ еще болѣе ясное указаніе что онъ участвуетъ во всемъ этомъ дѣлѣ только номинально. Въ *Кельнской Газетѣ* обнародованъ былъ 6 іюня разговоръ который князь Бисмаркъ имѣлъ на дняхъ „съ однимъ дипломатомъ." Этотъ-то разговоръ и вызвалъ новые толки о возобновившемся, хотя и видоизмѣненномъ „канцлерскомъ кризисѣ," а вмѣстѣ съ тѣмъ и обнаружилъ насколько новый оборотъ въ церковной политикѣ Германіи навязанъ князю Бисмарку вліяніемъ, хотя и невидимымъ, но болѣе могущественнымъ чѣмъ его собственная идея.

Князь Бисмаркъ также жаловался своему собесѣднику на несговорчивость парламентскихъ партій, отказавшихся поддержать церковный законопроектъ. Но предвидя паденіе онаго въ коммиссіи и въ ландтагѣ, онъ заявилъ что онъ не прибѣгнетъ къ распущенію ландтага, какъ предполагалось сначала, судя по указаніямъ г. фонъ-Путткаммера въ ландтагѣ. Другою альтернативой былъ бы его собственный выходъ въ отставку. Тутъ князь Бисмаркъ повторилъ свои, всѣмъ уже извѣстныя, фразы

о своемъ „крайнемъ утомленіи.“ Ему де лично наиболѣе былъ бы по сердцу такой исходъ дѣла. Но онъ связанъ де непремѣннымъ желаніемъ императора Вильгельма удержать его при дѣлахъ. Еслибъ онъ лично выступилъ въ ландтагѣ въ защиту законопроекта и потерпѣлъ бы пораженіе, тогда ему ничего де болѣе не оставалось бы какъ выйти въ отставку „хотя бы вопреки желанію императора.“ Слѣдовательно ему остается де лишь одинъ выходъ: совершенное воздержаніе на будущее время отъ всякаго участія въ дѣлахъ внутренней политики какъ Пруссіи, такъ и имперіи. Отнынѣ онъ будетъ де исключительно посвящать себя иностраннымъ дѣламъ

Нельзя сказать чтобы въ Германіи серіозно приняли это „самоограниченіе“ князя Бисмарка. Берлинская печать указываетъ что подобная комбинація вообще неисполнима. „Знаменитые государственные „люди всѣхъ временъ и народовъ, начи„ная отъ Перикла,“ замѣчаетъ *Національная Газета*, „всегда выказывали всю си„лу своего вліянія и значенія внутри го„сударства именно какъ руководители ино„странной политики. Можно ли допустить „чтобы для государственнаго человѣка та„кого закала какъ князь Бисмаркъ было „возможно подобное ограниченіе? Но сверхъ „того не слѣдуетъ забывать что князь Бис„маркъ не просто министръ иностранныхъ „дѣлъ, онъ канцлеръ федеративнаго госу„дарства, весьма сложнаго и искусствен„наго по своему устройству. Можетъ ли „иностранная политика имперіи быть ру„ководима лицомъ которое не состояло бы „въ то же время и канцлеромъ для внут„реннихъ дѣлъ и сношеній?“ Изъ этого выводится что новыя предположенія князя Бисмарка въ сущности не могутъ имѣть серіознаго значенія, и что все останется по старому.

Можно вполнѣ согласиться съ берлинскою газетой что все останется по старому, и что князю Бисмарку не удастся, даже еслибъ онъ этого искренно желалъ, ограничить свое вѣдомство одними иностранными дѣлами. Но этотъ послѣдній „канцлерскій кризисъ,“ болѣе чѣмъ всѣ предыдущіе, которые также ничѣмъ не кончились, можетъ служить указаніемъ что князь Бисмаркъ и до сихъ поръ не былъ полнымъ распорядителемъ въ своемъ неограниченномъ въ ширину вѣдомствѣ. Его жалобы на либераловъ по поводу ихъ образа дѣйствій въ дѣлѣ церковной борьбы очевидно только фиктивны. Либеральная партія, съ помощью которой онъ предпринялъ свой походъ противъ католической іерархіи, осталась во всемъ вѣрна своимъ традиціямъ, и нѣтъ ничего удивительнаго что она отказывается разрушить собственными руками то что ею создано и въ чемъ она усматриваетъ „величайшую заслугу предъ новою Германскою имперіей“ и лучшій залогъ ея силы и величія. Гораздо менѣе можетъ похвалиться послѣдовательностью самъ князь Бисмаркъ, если допустить что послѣднее предложеніе исходитъ изъ его личной инціативы. Но именно этого нельзя допустить если обратить вниманіе на его странный, исполненный противорѣчій образъ дѣйствій по этому предмету.

Коль скоро въ вопросѣ столь существенномъ и важномъ какъ отношеніе къ католической церкви князю Бисмарку пришлось преклониться однако предъ волей своего повелителя, то можно изъ этого заключить что и та область которую онъ теперь спеціально для себя отмежевалъ вовсе не абсолютно ему предоставлена. И въ иностранной политикѣ Германской имперіи властное слово ея маститаго монарха нерѣдко видоизмѣняетъ „дальновидные“ планы имперскаго канцлера.

№ 154.

Москва, 4-го іюня.

Въ мартѣ прошлаго года, при Московскомъ Биржевомъ Обществѣ, вслѣдствіе официальнаго приглашенія оказать содѣйствіе работамъ возложеннымъ на Высочайше учрежденную Коммиссію для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, образовался особый временный Комитетъ для разсмотрѣнія вопросовъ „о затрудненіяхъ и неудобствахъ представляемыхъ торговлѣ и промышленности желѣзными дорогами, и для обсужденія мѣръ необходимыхъ къ ихъ устраненію.“ Въ настоящее время этотъ Комитетъ окончилъ свои занятія, и мы получили возможность ознакомиться съ ихъ результатами, благодаря предсѣдателю Комитета, сообщившему намъ „Сводъ отзывовъ и соображеній Комитета.“

Съ большимъ интересомъ прочли мы эти

отзывы и соображенія касающіяся многоразличныхъ сторонъ желѣзнодорожнаго дѣла имѣющихъ важное значеніе для нашей торговли и промышленности. Изложенные спокойно и просто, эти отзывы не мало объясняютъ почему, какъ сказано въ *Трудахъ Высоч. Учрежд. Коммиссіи для Изслѣд. Желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи* (т. I, ч. 1, стр. 45 и 46), „въ настоящее время нѣтъ мѣстности въ которой житель съ крайнимъ озлобленіемъ не говорилъ бы о желѣзной дорогѣ, проведеніе которой было прежде такъ сильно желаемо имъ самимъ.“ Почти ни въ какомъ отношеніи желѣзныя дороги не представляются удовлетворительными, отвѣчающими тѣмъ надобностямъ для которыхъ построены и выкупающими тѣ жертвы которыхъ стоила ихъ постройка. Обсужденіе условій пассажирскаго движенія не входило въ программу занятій Комитета учрежденнаго Московскимъ Биржевымъ Обществомъ; тѣмъ не менѣе, и въ этомъ отношеніи сдѣлано имъ одно заслуживающее вниманія указаніе касающееся обременительности платы за проѣздъ по дорогамъ людей рабочихъ классовъ, которыя ежегодно массами отправляются изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей на заработки въ Москву и другіе центры торговой и промышленной дѣятельности, а также на югъ Россіи для сельскихъ работъ. Пассажирскій тарифъ такъ мало соразмѣренъ со средствами людей этого класса что „нерѣдко препятствуетъ имъ пользоваться удобствами проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ и заставляетъ отправляться на мѣста заработковъ пѣшкомъ.“ Вынужденное пѣшеходство параллельно рельсовымъ линіямъ,—какой болѣе сильный укоръ можетъ быть сдѣланъ желѣзнымъ дорогамъ, поддержаніе коихъ такою тягостью ложится ежегодно на бюджетныя средства доставляемыя преимущественно низшими классами народа! Частнымъ обществамъ, эксплуатирующимъ желѣзныя дороги, конечно, нѣтъ дѣла до интересовъ рабочаго люда, до непроизводительной траты ими труда и времени; но тѣмъ очевиднѣе становится необходимость правительственнаго вмѣшательства для понужденія дорогъ къ учрежденію 4-го пассажирскаго класса. Если 4-й классъ признанъ необходимымъ даже въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, то во сколько же разъ болѣе необходимъ у насъ, при нейдущей въ сравненіе съ Западомъ громадности разстояній въ Россіи?

Но главнымъ образомъ хромаетъ на нашихъ дорогахъ не пассажирское, а товарное движеніе. Чего стóитъ уже одинъ хаосъ представляемый товарными тарифами нашихъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ каждый молодецъ на свой образецъ, и каждый внесъ въ дѣло свою долю куріозовъ и путаницы. Тарифы на разныхъ дорогахъ разнообразны до чрезвычайности. Одинъ и тотъ же товаръ, напримѣръ сахаръ, на одной дорогѣ относится къ оплачиваемымъ по самой высокой таксѣ, по 1-му разряду, на другой дорогѣ онъ отнесенъ ко второму разряду, на третьей—къ третьему. Имѣющія важное значеніе въ промышленности и требуемыя ею въ большомъ количествѣ сѣрная, селитряная и соляная кислоты, вопреки ихъ физическимъ свойствамъ, отнесены нѣкоторыми дорогами къ числу опасныхъ, легко воспламеняющихся или самовозгарающихся веществъ и, помимо другихъ стѣсненій при перевозкѣ, таксированы вдвое выше противъ провозной платы по 1-му разряду, по $^1/_6$ и даже по $^1/_3$ к. съ пуда и версты; между тѣмъ на другихъ дорогахъ тѣ же кислоты перевозятся, безъ особыхъ стѣсненій, по тарифу въ четыре, въ пять, даже въ шесть разъ меньшему, по $^1/_{25}$—$^1/_{30}$ коп. Нерацiональность тарифовъ, несоразмѣрность провозной платы съ цѣной перевозимыхъ товаровъ превосходятъ всякое вѣроятіе. За провозъ махорки, цѣной отъ 1 р. до 1 р. 50 к. за пудъ, взимается то же что за провозъ иностранныхъ табачныхъ издѣлій цѣной отъ 40 до 400 р. за пудъ. Овечья, козья и коровья шерсть провозятся по той же таксѣ какъ и шелкъ. Сахаръ-рафинадъ провозится по низшему тарифу чѣмъ сахарный песокъ. Тарифъ на перевозку желѣзной руды выше чѣмъ на перевозку чугуна и желѣза, и т. д. Нѣтъ даже правильной номенклатуры товаровъ, такъ что одни и тѣ же товары одною и тою же дорогой относятся иногда къ разнымъ разрядамъ. Общей тарифной классификаціи нѣтъ. Число наименованій товаровъ въ тарифахъ иныхъ дорогъ доходитъ до 2.000 и даже до 2.500, на другихъ же дорогахъ ограничивается 400 и 500. Непоименованные въ тарифахъ товары относятся къ тому или иному, большею частію къ наивысшему, разряду тарифной платы, по усмотрѣнію начальни-

ковъ станцій или другихъ служащихъ, естественно боящихся отвѣтственности за недоборъ платы и нисколько не опасающихся перебора съ отправителей.

Разнообразныя неравенства и несообразности болѣе чѣмъ пятидесяти отдѣльныхъ разнокалиберныхъ тарифовъ усугубляются еще особыми тарифами *прямаго* сообщенія и такъ-называемыми спеціальными или дифференціальными. Эти послѣдніе вообще значительно ниже тарифа обыкновеннаго *внутренняго* сообщенія и нисколько съ ними не соразмѣрены, до того что перевозка товаровъ по внутреннему сообщенію, какъ свидѣтельствуютъ примѣры приведенные Комитетомъ Московскаго Биржеваго Общества, обходится на 25, на 75, на 100, на 160, даже на 200 процентовъ дороже чѣмъ по прямому сообщенію. Нельзя сказать чтобы тарифы прямаго сообщенія были низки и невыгодны для дорогъ. Но какою же непомѣрною высотой отличаются тарифы внутренняго сообщенія, если съ нихъ выгодно дѣлать скидки въ размѣрѣ до половины и даже до двухъ третей всей провозной платы! Чѣмъ можетъ быть оправдана такая неравномѣрность и должна ли она быть допускаема? Въ теченіе многихъ лѣтъ, всѣ у насъ привыкли острить и смѣяться надъ куріозами въ хозяйствѣ казенныхъ управленій. Но вотъ факты изъ сферы хозяйничанья частныхъ компаній. Благодаря ихъ тарифнымъ распорядкамъ, при доставкѣ хлѣба изъ Екатеринослава въ Симферополь представляется выгоднымъ отправить его по желѣзной дорогѣ черезъ Симферополь въ Севастополь, а затѣмъ уже провезти обратно по той же дорогѣ въ Симферополь... Это смѣшно, но это такъ. Пріемъ нѣкоторыхъ товаровъ перевозимыхъ по спеціальнымъ тарифамъ, а также сдача ихъ получателямъ, допускаются дорогами лишь на нѣкоторыхъ станціяхъ, и хлѣбъ изъ Екатеринослава можетъ быть принятъ къ перевозкѣ по спеціальному тарифу лишь на станцію Севастополь. Для доставки въ Симферополь его приняли бы по тарифу внутренняго сообщенія, а по этому послѣднему, перевозка до Симферополя обходится на 32 рубля съ вагона дороже чѣмъ по прямому сообщенію на разстояніе въ 73 версты далѣе, до Севастополя. Точно также пересылаемые съ юга въ Орелъ фрукты выгоднѣе направить сперва въ Москву, а затѣмъ уже провезти обратно въ Орелъ...

Поразительна неравномѣрность между тарифами прямаго и внутренняго сообщенія, но еще возмутительнѣе неравномѣрность тарифовъ прямаго сообщенія взятаго въ отдѣльности, смотря по тому въ какую сторону направляются товары по однимъ и тѣмъ же линіямъ прямаго сообщенія, за границу или изъ-за границы. Въ особомъ приложеніи къ своимъ „отзывамъ и соображеніямъ," Комитетъ Московскаго Биржеваго Общества помѣстилъ составленную имъ таблицу провозной платы при прямомъ сообщеніи изъ англійскихъ гаваней черезъ Ревель въ Москву, и изъ Москвы обратно. Скорбное чувство навѣваетъ эта таблица. Какой ни возьмешь изъ приведенныхъ въ этой таблицѣ товаровъ, тарифъ на провозъ его изъ Москвы въ Англію оказывается на 20, на 30, на 50, даже на 100 процентовъ выше тарифа за провозъ того же товара изъ Англіи въ Москву. Какое громадное поощреніе представляютъ подобные тарифы иностранному привозу, иностранному производству, и какъ стѣсняются ими русскій отпускъ, русское производство! Какъ мало вниманія обращается на это обстоятельство, какъ равнодушно обходятъ его при сужденіяхъ о таможенныхъ вопросахъ, въ какой тѣни оставляется оно даже при разсмотрѣніи условій конкурренціи русскаго желѣзнаго производства съ привозными металлами! Желѣзнодорожнымъ обществамъ, можетъ-быть, очень выгодно оказывать такое поощреніе иностраннымъ товарамъ предъ русскими. Но не затѣмъ, конечно, строились желѣзныя дороги, не затѣмъ и отдавались онѣ и въ частное управленіе чтобы сдѣлаться орудіемъ несправедливости по отношенію къ русскимъ интересамъ.

Огромными невыгодами отзываются на товарномъ движеніи вышеуказанныя несообразности желѣзнодорожныхъ тарифовъ, но одними ими этотъ тарифный хаосъ не исчерпывается. Пріобрѣтеніе тарифныхъ книжекъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ затруднено до крайности; товароотправители почти всегда не имѣютъ основаній для заблаговременнаго разчета во сколько обойдется перевозка такого-то товара въ такое-то мѣсто. Не всегда имѣютъ точныя свѣдѣнія о собственныхъ тарифахъ даже служащіе на желѣзныхъ дорогахъ: непрестанныя измѣненія тарифовъ разбросаны въ массѣ циркуляровъ, которые получаются безпорядочно на станціяхъ отправленія

и съ которыми справляться крайне затруднительно. Товароотправителямъ масса этихъ циркуляровъ совсѣмъ неизвѣстна, а справляться съ публикаціями объ измѣненіи тарифа, какія дѣлаются дорогами (если дѣлаются) то въ тѣхъ, то въ другихъ газетахъ, положительно невозможно. Все это ставитъ отправителей въ необходимость оставлять безъ провѣрки производимый дорогами разчетъ провозной платы. А между тѣмъ эти разчеты очень нуждаются въ провѣркахъ. „Небрежность въ составленіи дорогами разчетовъ," читаемъ въ отзывахъ Комитета Московскаго Биржеваго Общества, „доходитъ иногда до того что за товаръ одного и того же класса, отправляемый въ количествѣ нѣсколькихъ, одинаковаго вѣса, партій, въ одинъ и тотъ же разъ, однимъ и тѣмъ же лицомъ, взимается совершенно различная плата, причемъ разность ея достигаетъ иногда десятковъ рублей." Сколько лишняго противъ тарифа приходится часто при этомъ переплачивать, и какими затрудненіями обставлено истребованіе излишне перебранныхъ денегъ даже въ тѣхъ случаяхъ когда переборъ обнаруживается!

Мы остановились, на первый разъ, только на одной сторонѣ желѣзнодорожнаго дѣла, на тарифахъ. Но это еще не самая больная часть дорожныхъ порядковъ. Несравненно больше жалобъ вызываютъ мытарства какимъ подвергаются товароотправители при сдачѣ желѣзнымъ дорогамъ и полученіи отъ нихъ грузовъ; невѣроятный рискъ для хозяевъ товара съ какимъ сопряжена для нихъ желѣзнодорожная перевозка какъ вслѣдствіе небрежности служащихъ на дорогахъ, такъ и вслѣдствіе почти повсемѣстнаго отсутствія на желѣзныхъ дорогахъ необходимыхъ приспособленій для перевозки и храненія грузовъ; наконецъ тотъ постоянно грозящій отправителямъ шансъ что ихъ товары вовсе не будутъ приняты дорогами для перевозки по причинѣ такъ-называемаго скопленія грузовъ. Но недостаточно ли и однихъ тарифныхъ несообразностей, къ какимъ привела предоставленная самой себѣ частная эксплуатація желѣзныхъ дорогъ, чтобъ убѣдиться какъ необходима въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ знакомая съ его изгибами, честно сознающая свою правоту, недоступная никакимъ сдѣлкамъ, крѣпкая, чуткая власть, никогда не упускающая сдѣлать добро для народа и умѣющая сдѣлать...

№ 155.

Москва, 5-го Іюня.

Въ Москвѣ, на Красной Площади, высится памятникъ Минину и Пожарскому. Ихъ дѣяніе золотыми буквами вписано въ Русскую исторію, и воздвигнутый памятникъ будитъ въ насъ высокое чувство народнаго самосознанія и вѣру въ Промыслъ управляющій судьбами нашего отечества. То было въ смутную пору нашей исторіи, слишкомъ три съ половиною вѣка назадъ. Прервалось преемство царскаго рода; власть, такъ тяжко собранная и возвеличенная, утратила свою святость, переходя изъ рукъ въ руки путемъ преступленій, обмана, измѣны. Государство зашаталось. Русская земля казалось погибала. Иноземный врагъ уже владѣлъ Москвою. И вотъ тутъ-то, на голосъ простаго человѣка изъ народа, возстала вся Русская земля. Все поднялось, все вооружилось; все несло достояніе и кровь свою за вѣру и отечество. Великое, безпримѣрное народное движеніе, исполненное силы и духа и вмѣстѣ смиренное духомъ, простое и некичливое въ своемъ величіи! Иноземный врагъ былъ посрамленъ и изгнанъ, крамола раздавлена, государство спасено, и верховная власть бережно и безъ ущерба передана избраннику всей земли Русской, родоначальнику новаго царствующаго дома, открывшаго новую эру въ исторіи нашего отечества. И вотъ, въ Москвѣ, колыбели русскаго единовластія, поставленъ памятникъ вождямъ свободнаго народнаго подъема, которымъ спасено было Русское государство и въ которомъ впервые сказалось несокрушимое единство нашего народа и его духъ воспитанный церковью.

Доселѣ этотъ памятникъ, на общественной площади, высился въ нашей старой Москвѣ одиноко. Теперь къ нему присоединяется другой, посвященный человѣку, не водившему въ бой народныхъ ополченій, но также народному двигателю, великому русскому народному поэту, какъ общій голосъ славитъ нашего Пушкина...

Жизнь народа и его призваніе не исчерпываются дѣломъ государственной нужды. Когда тѣло сложилось и окрѣпло, душа освобождается для самостоятельной жизни. Развитіемъ внѣшняго могущества и вооруженною силой еще не обезпечено су-

ществованіе народа, еще не доказано его право на существованіе. Бывали громады скрѣпленныя внѣшнею силою, которыя исполнивъ свое временное назначеніе разсыпались во прахъ и исчезали. Великій народъ призванный къ жизни обладаетъ силою внутренняго единенія и проявляетъ свой духъ не въ однѣхъ заботахъ самохраненія, но и въ развитіи даровъ человѣческой природы. Чѣмъ производительнѣе творчество мысли среди народа, чѣмъ выше подъемъ духа въ его избранныхъ людяхъ, чѣмъ обильнѣе и плодотворнѣе раскрываются въ немъ дары Божіи, тѣмъ возвышеннѣе становится его положеніе въ мірѣ, и тѣмъ онъ любезнѣе и дороже для человѣчества. Надъ царствомъ нужды возвышается царство свободы, гдѣ каждый самъ себѣ царь и гдѣ властвуютъ только вѣчные законы истины, блага и красоты, гдѣ народъ достигаетъ высоты человѣчества, и куда утомленные трудомъ жизни обращаемъ мы взоры ища успокоенія, отрады и освѣженія силъ. Что была бы жизнь наша,— и была ли бы возможна жизнь человѣческая,—безъ этого царства чистой свободы?

Въ Пушкинѣ всенародно чествуется великій даръ Божій. Ему не доводилось спасать отечество отъ враговъ, но ему было дано украсить, возвысить и прославить свою народность.

Языкъ есть единящая сила народа. По древнему, глубоко знаменательному, церковно-славянскому словоупотребленію, народъ есть языкъ, языкъ есть народъ. Но въ нравственномъ мірѣ надежны и животворны связи лишь скрѣпленныя свободой и любовью. Кто же, скажите, кто не полюбитъ русскаго языка въ стихѣ Пушкина? Кто устоитъ противъ „живой прелести“ этого стиха?

Пушкинъ заставилъ не только своихъ, но и чужихъ, полюбить нашъ языкъ, и вотъ его великая заслуга.

Литературный языкъ совершаетъ долгій путь образованія. Когда пришелъ Пушкинъ, литературный языкъ былъ готовъ, но онъ былъ спрыснутъ только „мертвою водой.“ Поэзія Пушкина была ему „живою водой.“ Пушкинъ извлекъ изъ русскаго языка неслыханные звуки и „ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой.“ Пройдутъ вѣка и многое измѣнится, но языкъ Пушкинскаго стиха останется во всемъ обаяніи своей красоты и никогда не утратитъ своей силы и свѣжести.

Въ чемъ тайна животворной власти художника надъ языкомъ? Въ томъ что рѣченія для него не просто знаки общихъ понятій которыя безъ остатка передаются на всякій другой языкъ; но каждое чувствуется имъ какъ нѣчто само по себѣ, какъ живое существо, имѣвшее свои судьбы и носящее на себѣ отпечатокъ всѣхъ сочетаній чрезъ которыя доводилось ему проходить. Въ этомъ тайна того очарованія которое художникъ извлекаетъ изъ языка, и вотъ почему произведеніе истинно творческаго дара только приблизительно можетъ быть передано на другой языкъ.

Пушкинъ имѣлъ право сказать что онъ былъ „полезенъ живою прелестью“ своего стиха. Это не суетная похвальба, но мудрое разумѣніе. Никто не принесъ столько истинной пользы русской народности какъ Пушкинъ въ то время когда Богъ судилъ ему жить, и его произведенія стоятъ многихъ выигранныхъ битвъ.

Мы гордимся нашимъ Пушкинымъ какъ великимъ поэтомъ. Его поэзія не есть только переходная ступень нашего образованія, не есть только историческій моментъ остающійся позади и внизу во мракѣ прошедшаго. Пушкинъ стоитъ на высотѣ всемірнаго значенія. Русскій народный поэтъ, онъ имѣетъ полное право на почетное мѣсто въ пантеонѣ всѣхъ временъ и народовъ. На произведеніяхъ его зрѣлой поры лежитъ печать совершенства. Это міръ творчества, самородный и самобытный, какъ по веществу такъ по образу.

Онъ рано почувствовалъ свое призваніе. Еще въ дѣтствѣ мечталъ онъ о высотѣ куда влекла его невѣдомая сила. Въ лепетѣ пятнадцатилѣтняго мальчика уже слышится предчувствіе нерукотворнаго памятника на которомъ успокоился его духъ предъ концомъ земнаго поприща. Отъ дѣтскаго лепета до строгой и величавой думы на краю могилы протекло лишь двадцать два года.

Мы чествуемъ въ Пушкинѣ даръ Божій; но должны чествовать въ немъ и человѣка, за то что онъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ воспитанія и среды, не заглушилъ въ себѣ Божьяго дара и не солгалъ предъ своимъ призваніемъ. Какъ и всѣ въ то время, онъ учился „чему-нибудь и какъ-нибудь.“ Изъ своего воспитанія онъ вынесъ только званіе французскаго языка, безтолковую начитанность во французскихъ авторахъ прошлаго вѣка на-

полнявшихъ библіотеку отца, да еще сказки своей няни. Онъ самъ изобразилъ намъ ничтожество среды которая потомъ держала его въ своихъ оковахъ. Лишь одна была у него опора, одно спасеніе— его божественный даръ, его геній, который питалъ и направлялъ его, и былъ его карающею совѣстью когда легкомысліе и грубая чувственность овладѣли его воображеніемъ. Совѣсть художника спасала въ немъ и человѣка. Онъ обязанъ ей перлами своей поэзіи, и она же поднимала его нравственно. Онъ глубоко чувствовалъ двойство въ себѣ,—и свое ничтожество и высоту своего дара,—и правдивый стихъ его запечатлѣлъ это чувство. Въ тѣ минуты когда „божественный глаголъ“ касался его чуткаго слуха, совершалось его воспитаніе и созрѣваніе, и онъ, со своего Синая, возвращался каждый разъ съ новыми лучшими силами. Мысль его возвышалась и умудрялась; душа освобождалась отъ оковъ „хладнаго сна.“ Божественный гость его души, будившій ее мгновенными посѣщеніями, наконецъ водворился въ ней хозяиномъ. Только природныя черты напоминаютъ въ его музѣ прежнюю рѣзвую вакханку. Одухотворенный ликъ ея прекрасенъ, но задумчивъ и важенъ. Съ поэтомъ какъ бы наяву совершилось то что онъ повѣствуетъ яркими библейскими образами въ своемъ *Пророкѣ*. Серафимъ „перстами легкими какъ сонъ“ коснулся его зѣницъ и слуха. Предъ его мысленнымъ взоромъ раскрылись глубины человѣческаго сердца, и нѣтъ высоты на которую не восходилъ бы его созерцающій умъ. Онъ слышалъ:

И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ...

Но онъ до конца оставался вѣренъ особенности своего дара. Онъ не берется не за свое, онъ не философствуетъ, не проповѣдуетъ. Его мудрость вся въ образахъ его ясновидѣнія. Все у него до безконечности индивидуально. У него нѣтъ общихъ мѣстъ, нѣтъ голословныхъ мыслей, которыя пріискиваютъ себѣ приличную форму. Все у него, какъ у истиннаго художника, идетъ снизу въ верхъ и находитъ свою идею въ своемъ внутреннемъ просвѣтлѣніи. Все у него пережито въ сердцѣ или въ воображеніи, и все говоритъ прямо живому чувству.

Но чѣмъ выше поднимался его геній, чѣмъ зрѣлѣе становилась его муза, тѣмъ менѣе сочувствія находилъ онъ въ окружающей средѣ. Славу ему между современниками доставили его молодыя произведенія, но уже начиная съ *Полтавы* Пушкинъ падалъ въ ихъ мнѣніи. *Борисъ Годуновъ* былъ оцѣненъ лишь немногими, и то отчасти, и наша критика не посмѣла ставить его на ряду съ произведеніями иностранныхъ мастеровъ. Восьмая пѣснь *Онѣгина* навлекла на него упреки даже философствующей критики послѣдующаго времени, которая осталась недовольна поэтомъ за то что онъ не пустилъ свою героиню по всѣмъ по тремъ разнузданной страсти. Вся созданная изъ родныхъ намъ стихій, въ живой обстановкѣ уже уходящаго, уже ушедшаго быта, плоть отъ плоти нашей, типически русское, милое женское существо, съ искреннимъ сердцемъ и пылкимъ воображеніемъ, Татьяна не умѣла сдержать своихъ порывовъ предъ приличіями, но остановилась непреклонно предъ святынею долга. Критика вмѣнила эту черту въ вину поэту...

Какъ высоко, въ числѣ немногихъ, стоялъ этотъ человѣкъ, воспитанный своимъ геніемъ, надъ общимъ умственнымъ уровнемъ! Онъ чувствовалъ возраставшее охлажденіе къ нему публики, ему были досадны пересуды глупцовъ; но онъ ни разу не впалъ въ искушеніе и не унизилъ себя исканіемъ популярности. Онъ оставался въ одиночествѣ на своей высотѣ, не смущаемый ни хвалами, ни бранью. Благо тому кто испыталъ это священное одиночество! Благо тому кто на высотѣ своего дѣла, при исполненіи своего долга, остается наединѣ со своею совѣстью! „Ты царь, живи одинъ,“ говорилъ себѣ Пушкинъ, и въ этомъ не гордость сказалась, но покорность высшему что есть въ человѣкѣ, тому божественному что слышится во глубинѣ человѣческой совѣсти, при какомъ бы то ни было дѣлѣ. Да будетъ и въ этомъ нашъ великій писатель руководящимъ образцомъ и для нынѣшняго и для будущихъ поколѣній! Кто не испыталъ этого высокаго чувства независимости мысли не покорной ничему кромѣ долга, тотъ не знаетъ лучшаго что дано испытать человѣку и чего не можетъ замѣнить никакое опьяненіе тщеславія. Кто не ищетъ любви народной какъ Пушкинъ *(Поэтъ, не дорожи любовію народной)*, кто остается послушенъ лишь велѣнію Бога *(Велѣнью Бо-*

жію, о Муза, будь послушна), тотъ только пріобрѣтаетъ право на истинную любовь народную. Только то дѣло и прочно, и свято, и плодотворно, которое задумано и исполнено человѣкомъ наединѣ со своею совѣстію.

Не изъ среды которою Пушкинъ былъ окруженъ, но изъ своихъ вдохновеній вынесъ онъ и глубокое народное русское чувство, и свой историческій смыслъ, и свою вѣру въ назначеніе Русскаго народа. Въ поэзіи Пушкина найдемъ мы источники чистѣйшаго патріотизма. Его *Полтава*, его *Борисъ Годуновъ*, съ сыновнимъ чувствомъ посвященный имъ памяти Карамзина, впервые раскрывшаго книгу нашего прошедшаго, — всѣ обращенія Пушкина къ Петру Великому, его обращеніе *Къ клеветникамъ Россіи*, его мощный дифирамбъ на Бородинскую годовщину, свидѣтельствуютъ о глубинѣ его народнаго чувства и о силѣ его патріотизма просвѣщеннаго и возвышеннаго. Пушкинъ не былъ ни публицистомъ ни ораторомъ, да такихъ людей въ тѣ времена и не водилось на Руси; но прочтите строки, которыя выше нами поставлены, прочтите его отповѣдь враждебной намъ Европѣ. Эти патріотическія пѣснопѣнія вызваны событіями 1831 года и относятся къ вопросу величайшей для Россіи важности. Не говоримъ: какая сила слова, но какая сила гражданскаго чувства и ясность политическаго разума! Протекло тридцать лѣтъ, и возникъ тотъ же вопросъ, — но въ какомъ состояніи застигнута имъ наша литература, которая тогда получила уже голосъ и пустилась въ политику? Наша литература занималась тогда поруганіемъ и самого Пушкина, и всего что дорого русскому чувству и просвѣщенному уму; она старалась превзойти самихъ враговъ нашихъ въ клеветѣ на свою страну...

У насъ теперь все толкуютъ о политическихъ партіяхъ. Не принадлежалъ ли и Пушкинъ къ какой-либо партіи? Да, принадлежалъ. Воздавая хвалу Петру Великому, Пушкинъ цѣнитъ въ Преобразователѣ особенно то что онъ не презиралъ своей страны и вѣрилъ въ ея предназначеніе.... „Предназначеніе Русскаго народа," это сказано Пушкинымъ.

> Самодержавною рукой
> Онъ (Петръ) смѣло сѣялъ просвѣщенье,
> Не презиралъ страны родной,
> Онъ зналъ ея предназначенье.

Кто изъ этихъ словъ не узнаетъ партіи къ которой принадлежалъ Пушкинъ? Онъ принадлежалъ къ *Русской партіи*. Самое слово *Русская партія* есть слово Пушкина. Передавая, въ своемъ *Современникѣ*, записки Моро де-Бразе, иностранца служившаго въ войскахъ Петра Великаго, Пушкинъ останавливается на сѣтованіи этого авантюриста, который упрекалъ русскаго царя въ пристрастіи къ Русскимъ, и дѣлаетъ такое примѣчаніе:

„Благодаримъ нашего автора за драгоцѣнное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца что Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметевъ принадлежали къ партіи *Русской*."

Смерть постигла Пушкина на высотѣ его творчества, въ полнотѣ его силъ. Жизнь его не кончилась: она была прервана, какъ прерывается музыка когда порвется струна. Возблагодаримъ Бога за то что было намъ дано въ немъ и не будемъ роптать на его преждевременный конецъ, не будемъ напрягать мечту гаданьемъ что могъ бы еще создать его геній. Намъ есть чѣмъ довольствоваться и не выходя изъ предѣловъ даннаго. Судьба нашего поэта пророчески сказалась и въ самомъ характерѣ его творчества. Многія изъ его превосходнѣйшихъ произведеній имѣютъ видъ какъ бы прерваннаго развитія, хотя каждое представляетъ собою цѣльный моментъ. Въ этой характеристической чертѣ выразилась быть можетъ особенность Пушкинскаго генія. Онъ не выводитъ одно изъ другаго; онъ изображаетъ во всей художественной правдѣ отдѣльный моментъ не переходя изъ него въ другой. Даже обширнѣйшія и наиболѣе цѣльныя произведенія Пушкина представляютъ собою рядъ отдѣльныхъ моментовъ, слѣдующихъ не столько одинъ изъ другаго сколько одинъ за другимъ. Но за то какая цѣльность и законченность изображенія въ самыхъ на видъ отрывочныхъ произведеніяхъ!

Пушкинъ палъ въ бою чести, жертвой свѣтскихъ интригъ. Когда онъ палъ сраженный на смерть, еще страсть кипѣла въ немъ и рука искала противника. Но вскорѣ спокойствіе водворилось въ его душѣ. Два дня предсмертныхъ страданій были его духовнымъ торжествомъ. Разсказы очевидцевъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, какъ Жуковскій, Даль и другіе, свидѣтельствуютъ всѣми подробностями о нравственной высотѣ человѣка. Испытаніе смерти

оправдало и объяснило его. Онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ, со всѣми примиренный и всѣмъ простившій. Его послѣднія минуты открыли для всѣхъ тайну того великаго что всѣми въ немъ чувствовалось и за что его нынѣ чествуютъ.

№ 156.

Москва, 8-го іюня.

Вчера въ Берлинѣ происходило первое засѣданіе „дополнительной конференціи“ представителей европейскихъ державъ. Эта конференція есть результатъ „единодушнаго“ соглашенія о необходимости настоять предъ Портой на точномъ исполненіи возложенныхъ на нее Берлинскимъ трактатомъ обязательствъ. Что въ этомъ единодушіи весьма мало *прямодушія* доказывается уже тѣмъ что коллективное дѣйствіе Европы признано было необходимымъ раздробить. Требованія касательно черногорской границы и внутреннихъ реформъ въ Арменіи предъявлены третьяго дня Портѣ въ формѣ ноты европейскихъ пословъ въ Константинополѣ; въ Берлинѣ же рѣчь будетъ идти исключительно о греческой границѣ. На этомъ, по согласнымъ свѣдѣніямъ всѣхъ европейскихъ газетъ, въ томъ числѣ и берлинскихъ, въ особенности настаивала Австрія, нынѣ открыто принявшая на себя роль опекуна и хранителя „неприкосновенности“ Турціи, которую покойный торійскій кабинетъ разыгралъ такъ громко на словахъ и такъ неудачно на дѣлѣ. Но требованіе Австріи, какъ сообщаютъ столь же достовѣрнымъ образомъ, было поддержано Германіей, и рѣшено отнюдь не касаться на конференціи ничего кромѣ вопроса о Греціи.

За то Греческій вопросъ имѣется будто бы въ виду разрѣшить радикальнымъ образомъ. Заинтересованныя въ дѣлѣ стороны, то-есть Турція и Греція, устранены отъ участія въ конференціи. Рѣшеніе будетъ постановлено не единогласно, какъ бываетъ на конгрессахъ, а по большинству голосовъ и имѣется будто бы въ виду принудительное исполненіе рѣшенія. Въ чемъ будетъ заключаться способъ принужденія, разно говорятъ: одни утверждаютъ будто предполагается демонстрація флотовъ всѣхъ державъ предъ Константинополемъ, основываясь при этомъ на свѣдѣніяхъ послѣднихъ дней о передвиженіяхъ эскадръ находящихся въ Средиземномъ морѣ и въ томъ числѣ французской эскадры, двинувшихся недавно къ Безикской бухтѣ. По другимъ извѣстіямъ, державы рѣшили предоставить самой Греціи вступить во владѣніе тѣмъ что ей будетъ присуждено конференціей. Французское правительство, играющее въ Греческомъ вопросѣ самую выдающуюся роль и предложившее еще во время министерства г. Ваддингтона ту пограничную линію которую предстоитъ теперь обсудить, уже сдѣлало, по слухамъ, запросъ Греческому правительству, будетъ ли оно въ состояніи собственными силами забрать отчужденную ей отъ Турціи территорію, и получило въ отвѣтъ что греческая армія достаточно для этого многочисленна. Военныя приготовленія дѣятельно продолжаются, по тѣмъ же слухамъ, въ Греціи, и Франція, кромѣ дипломатическаго предстательства за нее, снабжаетъ де Грецію опытными офицерами. О возможности кровопролитнаго столкновенія поговариваютъ очень настойчиво при самомъ началѣ коллективнаго дѣйствія коего официальною цѣлью выставляется „предотвращеніе опасности новой войны.“

Развязка впрочемъ наступитъ еще не такъ скоро. Берлинская конференція соберется три-четыре раза и затѣмъ ея засѣданія будутъ отсрочены по крайней мѣрѣ на шесть недѣль. Въ это время делегаты-техники, которые даны въ подмогу каждому изъ дипломатовъ участвующихъ въ конференціи, отправятся на мѣсто и, слѣдуя данной имъ инструкціи, проложатъ въ натурѣ будущую греко-турецкую границу. По изготовленіи техническаго доклада по этому предмету онъ будетъ представленъ конференціи, которая соберется вновь въ іюлѣ или въ началѣ августа для постановленія своего окончательнаго рѣшенія. Острый кризисъ наступитъ такимъ образомъ лишь когда Турціи предложено будетъ исполнить рѣшеніе конференціи. Тотъ или другой исходъ дѣла будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ того будетъ ли городъ Янина присужденъ Грекамъ, или нѣтъ. Греки заявляютъ что они не примутъ границы въ которой не будетъ включенъ этотъ городъ, дорогой для нихъ не только потому что въ тамошней мѣстности греческое населеніе преобладаетъ, но и по историческимъ воспоминаніямъ. По

близости этого города была въ древности роща Додонскаго оракула, и въ Янинѣ началось возстаніе, которое привело къ освобожденію Греціи отъ турецкаго ига. Самъ король Георгъ, въ недавнюю бытность свою въ Парижѣ, высказался въ этомъ смыслѣ предъ корреспондентомъ газеты *Daily News*, присовокупивъ что онъ имѣетъ основаніе разчитывать по этому дѣлу на полную поддержку со стороны Франціи и надѣется склонить къ этому и англійскихъ министровъ. Турки же, въ свою очередь, и слышать не хотятъ объ уступкѣ Греціи Янины. Они говорятъ что уступка Янины была бы и уступкой Превезы, единственной хорошей гавани которою обладаетъ Албанія, а этого Турки ни въ какомъ случаѣ допустить де не могутъ. Мимоходомъ нельзя не отмѣтить этого характернаго заступничества Турокъ за „мятежныхъ“ Албанцевъ, коимъ такъ разительно подтверждается высказанное нами съ самаго начала этого куріознаго возстанія убѣжденіе что оно есть не что иное какъ комедія, имѣющая цѣлью отстоять неприкосновенность албанской границы со стороны Черногоріи и уклониться отъ исполненія уже совершенно точныхъ и не нуждающихся ни въ какихъ дополнительныхъ толкованіяхъ постановленій Берлинскаго трактата.

Какъ бы то ни было, но Турки, повидимому, отнюдь не упали духомъ и не слишкомъ опасаются грознаго постановленія конференціи; а каждый разъ когда въ виду „единодушной“ Европы Порта заявляетъ свою строптивость, въ этомъ одномъ можно усмотрѣть наилучшій и безошибочный признакъ что единодушія нѣтъ, ибо самоувѣренность и дерзость Порты всегда находится въ обратномъ отношеніи къ тому что именуется европейскимъ концертомъ. Обычная игра, въ которой такъ набили руку оттоманскіе политики, уже началась. Изъ Константинополя уже разсылаются телеграммы, въ коихъ то возвѣщается о смиреніи Турціи предъ авторитетомъ Европы, но съ оговорками о „невозможности“ осуществить ея требованія, то открыто заявляется о рѣшимости Порты воспротивиться „до крайности“ предписаніямъ европейской дипломатіи. Нѣсколько телеграммъ подобнаго свойства, одна другой противорѣчащихъ, получено вчера. Послѣдняя изъ нихъ, переданная чрезъ *Агентство Рейтера*, гласитъ: „Порта увѣдомила пословъ что рѣшенія конференціи не могутъ быть для нея обязательны, такъ какъ заинтересованныя стороны устранены отъ участія въ оной.“ Важно конечно не то *что* Порта заявляетъ о своихъ намѣреніяхъ относительно рѣшенія, которое будетъ принято въ не совсѣмъ близкомъ будущемъ, тѣмъ болѣе что одновременно съ этимъ имѣются и заявленія противоположнаго свойства. Но если заявленіе, о коемъ сообщается чрезъ посредство самого „достовѣрнаго“ вѣстовщика изъ Турціи, дѣйствительно было сдѣлано, то этимъ отчасти проливается свѣтъ на значеніе послѣдняго министерскаго кризиса въ Константинополѣ. Саидъ и Савасъ-паши замѣнены на дняхъ Кодри и Абеддинъ-пашами. Въ этой перемѣнѣ первоначально усматривали торжество Англіи и указаніе на то что вліяніе г. Гошена уже успѣло сказаться. Такъ истолковала эту перемѣну газета *Times*. Но не такъ думаютъ вѣнскія и берлинскія газеты, крайне недружелюбно относящіяся къ миссіи г. Гошена. Онѣ указываютъ на то что Абеддинъ-паша, назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ, Албанецъ по рожденію, и что это одно уже указываетъ что Порта рѣшилась оказать упорное сопротивленіе всякой попыткѣ отнять у нея Янину. На этомъ основаніи упомянутыя газеты бьютъ тревогу объ опасности угрожающей европейскому миру, утверждая что „въ противность Берлинскому конгрессу, который послужилъ дѣлу умиротворенія, дополнительная къ нему конференція можетъ содѣйствовать дѣлу войны.“

Но неужели можно еще убѣдить кого-либо что дѣло войны или мира можетъ зависѣть отъ того какіе паши попали въ милость къ падишаху, и кого изъ нихъ онъ проглалъ? О невидимыхъ интригахъ, о томъ чья рука въ данномъ случаѣ руководитъ безсильною, дряблою волей Оттоманской Порты, заставляя ее попрежнему возлагать свои надежды на глубокую рознь, прикрывающуюся фиктивнымъ единодушіемъ, умалчиваютъ вѣнскіе ревнители Турціи и ихъ берлинскіе доброжелатели. Но не трудно догадаться гдѣ нынѣ главный источникъ откуда турецкіе политики почерпаютъ для себя ободреніе.

Вѣнская *Политическая Корреспонденція*, коей близкія связи съ австрійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ всѣмъ извѣстны, привела на дняхъ письмо изъ

Букурешта въ коемъ „разоблачаются“ замыслы въ Болгаріи. Въ Шумлѣ идутъ де самыя дѣятельныя, хотя тайныя, приготовленія къ возсоединенію Восточной Румеліи съ Болгаріей. Турки однако давно де провѣдали объ этомъ и въ свою очередь готовятся дать отпоръ. Поэтому не о чемъ де безпокоиться.

Но какое же еще нужно ободреніе Туркамъ, убѣждающимся что имѣются зоркіе стражи которые оберегаютъ ихъ отъ небывалыхъ опасностей со стороны Болгаръ? И могутъ ли они вѣрить чтобы Грекамъ искренно сочувствовали въ тѣхъ самыхъ стремленіяхъ, о которыхъ Болгарамъ воспрещается и помышлять...

№ 157.

Москва, 7-го іюня.

Въ № 154 *Московскихъ Вѣдомостей*, говоря о „сводѣ отзывовъ и соображеній“ окончившаго недавно свою дѣятельность временнаго комитета Московскаго Биржеваго Общества по желѣзнодорожному дѣлу, мы остановились лишь на тѣхъ изъ нихъ которые касаются желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Но еще болѣе интереса представляютъ замѣчанія комитета о другихъ сторонахъ дѣла.

Отъ постройки желѣзныхъ дорогъ ожидалось прекращеніе всяческихъ затрудненій по перевозкѣ товаровъ съ мѣста на мѣсто. Именно въ надеждѣ устраненія этихъ затрудненій, постройка желѣзныхъ дорогъ привѣтствовалась всѣми съ такимъ восторгомъ. И что же? На затруднительность перевозки по желѣзнымъ дорогамъ слышатся едва ли не болѣе громкія и горькія жалобы чѣмъ на прежніе пути сообщенія которымъ онѣ пришли на смѣну. Трудъ вышеупомянутаго комитета вновь свидѣтельствуетъ съ какими неудобствами и затрудненіями почти во всѣхъ отношеніяхъ сопряжено пользованіе рельсовыми путями. Многихъ хлопотъ стóитъ сдать товаръ на желѣзную дорогу для перевозки; не мало хлопотъ нужно чтобъ и получить его съ дороги по прибытіи на мѣсто назначенія. Затѣмъ, все время пока онъ находится въ пути есть время безпокойствъ для товарохозяина за цѣлость и сохранность товара, за аккуратность и срочность его доставки...

Казалось бы, что̀ можетъ быть проще сдачи товара на станцію желѣзной дороги для отправленія по линіи! На много ли эта операція сложнѣе, напримѣръ, сдачи посылки на почту? Вы привезли товаръ, его приняли по накладной, осмотрѣли, взвѣсили, выдали квитанцію въ пріемѣ, разочли сколько слѣдуетъ за провозъ,—и конецъ, вы можете удалиться въ спокойной увѣренности что все остальное лежитъ уже на отвѣтственности желѣзнодорожнаго управленія. Нѣтъ, не такъ это дѣло дѣлается. Вы везете товаръ на станцію, но не имѣете увѣренности что у васъ его примутъ, что расходъ провоза до станціи не пропадетъ даромъ, и что вамъ не придется везти его со станціи обратно. Совершенно неожиданно для васъ, станція можетъ оказаться закрытою для пріема товаровъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь случайностей или просто скопленія грузовъ. Заблаговременно извѣщать публику о такомъ прекращеніи пріема грузовъ желѣзнодорожныя управленія находятъ излишнимъ, полагая достаточнымъ если объ этомъ будетъ вывѣшено объявленіе на самой станціи (безъ указанія даже срока на который она закрыта), или еще проще, если начальникъ станціи словесно объяснитъ грузоотправителямъ что она закрыта. Между тѣмъ грузъ не принятый дорогою для отправки не принимается ею и для храненія. Конечно, сюрпризы закрытія станцій не часты. Но не тотчасъ можетъ быть сданъ товаръ и при обычномъ ходѣ дѣла. Не говоря уже объ исключительныхъ случаяхъ, и при нормальномъ порядкѣ весьма часто приходится ожидать по нѣскольку дней пока привезенный на станцію товаръ будетъ нагруженъ въ вагоны. А пока онъ не нагруженъ, дорога не принимаетъ на себя никакой за него отвѣтственности, отказывая отправителю въ выдачѣ какого-либо документа въ удостовѣреніе поступленія товара на станцію. Квитанція въ пріемѣ товара выдается лишь по нагрузкѣ товара въ вагоны, и только съ момента выдачи квитанціи грузъ считается окончательно принятымъ. До этой минуты товаръ подвергается всѣмъ случайностямъ непогоды и расхищенія, средствъ для огражденія его отъ нихъ почти или и вовсе не имѣется. Безо всякой вины съ вашей стороны, привезенный вами на станцію товаръ можетъ, въ ожиданіи пріемки, подмокнуть,—и вотъ вамъ объявятъ что его не примутъ, что къ перевозкѣ не допускаются „товары имѣющіе слѣды подмочки“... или примутъ, но взявъ съ васъ

расписку снимающую отвѣтственность съ дороги за принятую кладь. Подобныя расписки объ освобожденіи дороги отъ отвѣтственности вымогаются отъ грузоотправителей подъ всякими предлогами, напримѣръ подъ предлогомъ неудовлетворительнаго состоянія упаковки, поврежденія тары, размѣровъ товарныхъ мѣстъ, и т. д. Вы можете сколько хотите доказывать неосновательность этихъ предлоговъ, но это ни къ чему не ведетъ, ибо возникающія по означенному поводу пререканія разрѣшаются самими желѣзнодорожными агентами... Что же касается жидкостей (спирта, вина, разныхъ маслъ и т. п.), то бо̀льшая часть дорогъ вовсе не принимаютъ ихъ для перевозки не взявъ расписки освобождающей дорогу отъ всякой отвѣтственности за цѣлость и исправную доставку клади, какъ бы ни была крѣпка и исправна посуда. Случится на станціи недостатокъ крытыхъ вагоновъ. Вы отправляете товары, напримѣръ шерсть или хлопокъ, которые, будучи надлежащимъ образомъ покрыты брезентами, могутъ быть перевезены безъ поврежденія и на открытыхъ платформахъ; зная это вы изъявляете согласіе на то чтобы вашъ товаръ былъ отправленъ въ открытыхъ вагонахъ. Но отправляя товаръ въ такихъ вагонахъ, дорога предварительно беретъ съ васъ подписку не предъявлять къ ней никакихъ претензій въ случаѣ поврежденія товара, а обезпечивъ себя такою подпиской, уже и не заботится о брезентахъ...

Много горечи должно накопляться на сердцѣ отправителя товара съ минуты привоза его на станцію до нагрузки въ вагоны; задержки грузовъ въ пунктахъ отправленія, иногда весьма продолжительныя, доходящія даже до нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вызываютъ особенно много жалобъ. Но тяжесть этихъ задержекъ не на всѣхъ равно падаетъ. Существуютъ правила очередной нагрузки, но въ дѣйствительности очередь соблюдается не всегда, и нагрузка нерѣдко производится по произвольнымъ распоряженіямъ дорожной администраціи. Кромѣ того, дороги вступаютъ иногда въ спеціальныя соглашенія съ нѣкоторыми лицами на перевозку опредѣленнаго количества товаровъ, и эти лица, кромѣ пониженія платы за перевозку, пріобрѣтаютъ, въ ущербъ другимъ грузо-отправителямъ, нѣкотораго рода монополію на перевозку товаровъ: отдавъ въ ихъ распоряженіе значительную часть подвижнаго состава, дорога затѣмъ отказываетъ другимъ въ пріемѣ грузовъ...

Не мало неудовольствій вызываетъ самая нагрузка, начиная съ процесса взвѣшиванія товаровъ. Вѣсы нерѣдко оказываются неправильными, провѣрка взвѣшиванія затруднительна и по недостатку вѣсовъ, и по разнообразію принятыхъ на разныхъ дорогахъ системъ вѣсовъ. Затѣмъ, нагрузка самими дорогами производится очень небрежно, хотя и за особую высокую плату. Во множествѣ случаевъ, отправители предпочитаютъ производить нагрузку предоставленныхъ имъ вагоновъ собственными средствами, но число товаровъ, нагрузка коихъ предоставляется самимъ отправителямъ, весьма ограничено. Большею частію они осуждены быть безмолвными зрителями небрежнаго обращенія съ ихъ собственностію, небрежнаго въ особенности когда дорога обезпечила себя подпиской грузо-отправителя слагающею съ нея всякую отвѣтственность за товаръ. А при этомъ вы еще не знаете впередъ сколько разъ будетъ подобнымъ же образомъ перегружаемъ вашъ товаръ въ дорогѣ, хотя бы вы отправили его и по „прямому“ сообщенію. По конвенціямъ прямаго сообщенія между дорогами, товары должны быть перевозимы безъ перегрузки; но это условіе часто не соблюдается, и отзывается это не на нарушителяхъ конвенцій, а на товаро-хозяевахъ.

Но, наконецъ, товаръ погруженъ, вы получили квитанцію съ разчетомъ стоимости провоза и увѣдомили о томъ получателя. Настаетъ его очередь мучиться. Когда именно придетъ товаръ на мѣсто назначенія неизвѣстно. Товаръ можетъ придти и позже, и раньше обязательнаго для дороги срока, разчитаннаго вообще въ крайне льготныхъ для дорогъ размѣрахъ. Почтовое вѣдомство извѣститъ васъ если по почтѣ придетъ посылка на ваше имя. Но желѣзныя дороги, за весьма немногими исключеніями, находятъ излишнимъ извѣщать получателей о приходѣ грузовъ на ихъ имя. Получатели должны сами имѣть хожденіе на станцію, чтобъ освѣдомляться прибылъ ли товаръ, и повторять эти хожденія изо дня въ день, иногда по нѣскольку разъ въ сутки. Но вотъ товаръ прибылъ. Получатель нанялъ вощиковъ для принятія и перевозки товара и ѣдетъ на станцію уплатить за провозъ ту сумму какая значится въ выданной отъ дороги квитанціи. Гарантированъ ли онъ въ томъ что по взносѣ этой

суммы товаръ будетъ ему выданъ? Нѣтъ, ему всегда можетъ грозить сюрпризъ что съ него потребуютъ больше чѣмъ значится въ квитанціи, причемъ, въ случаѣ неимѣнія при себѣ въ запасѣ лишнихъ денегъ, придется уѣхать со станціи ни съ чѣмъ. При взвѣшиваніи товара на станціи отправленія ошиблись въ вѣсѣ, или товаръ, напримѣръ шерсть, отсырѣлъ во время дороги и сталъ тяжеле,—за излишній вѣсъ долженъ доплатить получатель; при пріемкѣ товара ошиблись, отнесли его не къ тому тарифному разряду къ какому слѣдовало,—опять долженъ платиться получатель. А ошибки такого рода довольно часты и вслѣдствіе небрежности съ какою дѣлаются разчеты при выдачѣ квитанцій, и вслѣдствіе крайней путаницы въ самихъ тарифахъ и циркулярахъ о состоявшихся въ нихъ измѣненіяхъ, путаницы, съ которою не всегда въ состояніи справиться сами служащіе на желѣзныхъ дорогахъ. Недоборъ, мнимый или дѣйствительный все равно, съ получателя взыщутъ, и до полнаго разчета не только не выдадутъ товара, но и не допустятъ осмотрѣть прибывшій товаръ. А самому получателю не предоставляется никакихъ подручныхъ средствъ убѣдиться что съ него не берутъ лишняго. Ни въ квитанціи, ни въ другихъ выдаваемыхъ товаро-хозяевамъ документахъ не указывается ни класса товара, ни размѣра провозной платы съ пуда и версты, ни числа верстъ пройденныхъ грузомъ. Взысканіе съ дороги излишне перебранной провозной платы уже по одному этому весьма трудно. Но для провѣрки разчета по какому она сдѣлана товаро-хозяину все-таки дается срокъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ. Иное дѣло удостовѣриться въ самомъ важномъ для хозяина груза, въ его цѣлости и сохранности. Время которое прибывшій товаръ можетъ пробыть на станціи, безъ взысканій за полежалое, вообще очень краткое, осмотръ товара допускается лишь послѣ полной расплаты за провозъ и расписки въ полученіи товара, заявленія же, и притомъ непремѣнно письменныя, относительно несвоевременной доставки, недостачи или порчи товара, могутъ быть подаваемы только при самомъ пріемѣ грузовъ, и никакія позднѣйшія претензіи со стороны товаро-получателя уже не принимаются дорогой. Вообще подача такихъ заявленій обставлена на дорогахъ крайне стѣснительными условіями, такъ что въ моментъ принятія товара является нерѣдко не только затруднительною, но и невозможною.

Да и къ чему ведутъ подобныя заявленія, кромѣ того что вы рискуете нажить враговъ въ желѣзнодорожныхъ агентахъ, имѣющихъ возможность насолить вамъ въ будущемъ еще хуже? Вы заявляете, напримѣръ, что въ одномъ или въ нѣсколькихъ изъ числа тюковъ прибывшаго товара замѣчается похищеніе товара. Похищеніе несомнѣнно, оно доказывается и убылью вѣса въ тюкахъ, и поврежденіемъ упаковки. Но это ничего значитъ. Для провѣрки будутъ взвѣшены не поврежденные только тюки, а вся партія товара, съ общаго вѣса ея скинется опредѣленный процентъ на усышку и утечку, которымъ и покроется похищеніе, а затѣмъ дорога уже не несетъ никакой отвѣтственности. Товаръ назначавшійся для какой-нибудь ярмарки запоздалъ, несмотря на всю льготную для дорогъ продолжительность сроковъ доставки, прибылъ послѣ срока, ярмарка кончилась, товаро-хозяинъ несетъ большіе убытки. Какъ вознаградитъ его дорога за просрочку? Выдачей нѣсколькихъ процентовъ съ цѣны провоза, а въ самомъ крайнемъ случаѣ, при особенно большой просрочкѣ, возвращеніемъ провозной платы, и только. Товаръ попорченъ въ дорогѣ,—отъ отвѣтственности за его порчу дорога ограждена заранѣе взятою распиской. Не было взято такой расписки — начинаются долгія препирательства о размѣрахъ убытковъ. Приглашаются эксперты; но дороги въ большинствѣ случаевъ не признаютъ заключенія экспертовъ для себя обязательными, особенно при переходѣ дѣлъ на рѣшеніе судебнымъ порядкомъ. Обязательною остается лишь судебная экспертиза, не могущая вести къ цѣли уже по одному тому что производится нерѣдко спустя долгое время послѣ первоначальнаго осмотра товара. Наконецъ, въ случаѣ безспорной пропажи и порчи товара, велико ли вознагражденіе товаро-хозяина? Хорошо если товаръ малоцѣнный, тогда вознагражденіе выдастся въ размѣрѣ полной его стоимости. Но пропадаютъ преимущественно цѣнные товары, а дорога болѣе чѣмъ по 5 рублей за пудъ пропавшаго товара не выдаетъ, хотя бы цѣна его была въ двадцать разъ больше. Притомъ разчетъ за пропавшій товаръ обыкновенно затягивается, и ждать вознагражденія за него приходится по нѣскольку мѣсяцевъ,

по полугоду и болѣе. Если пропавшій товаръ будетъ разысканъ, хозяинъ имѣетъ право, возвративъ выданное ему вознагражденіе, получить въ замѣнъ свой товаръ. Но обратная выдача разысканныхъ цѣнныхъ товаровъ является, по замѣчанію комитета, не правиломъ, а „рѣдкимъ исключеніемъ.“ Напротивъ „бывали случаи что хотя разысканный дорогою пропавшій товаръ и продавался ею по его дѣйствительной стоимости, тѣмъ не менѣе товаро-хозяинъ вознаграждался лишь въ размѣрѣ пяти рублей, а весь излишекъ обращался въ пользу дороги...“ Пропажа грузовъ обращающаяся въ доходную статью дороги! Что̀ можетъ быть возмутительнѣе?

Всѣми средствами ограждая себя отъ отвѣтственности предъ публикой, дороги за то сами очень взыскательны. Всякая просрочка, всякая ошибка со стороны товаро хозяина влечетъ за собою взысканіе съ нихъ тяжелыхъ штрафовъ. Тутъ всякое лыко въ строку.

Мы остановились лишь на нѣсколькихъ, приведенныхъ въ запискѣ комитета Московскаго Биржеваго Общества, крупныхъ чертахъ того отношенія въ какомъ стоятъ желѣзныя дороги къ нуждающейся въ нихъ публикѣ, но сдѣланными указаніями не ограничиваются мытарства коимъ она подвергается. Всего въ газетной статьѣ нельзя было бы и перечислить. Въ большей или меньшей мѣрѣ, отъ порядковъ установившихся на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ приходилось терпѣть каждому кто имѣетъ съ ними дѣло.

Положить конецъ всему этому можетъ только властная рука правительства, и публика ждетъ не дождется когда эта рука возьмется наконецъ за это дѣло. Большія надежды въ этомъ отношеніи возлагаются на Высочайше учрежденную Коммиссію для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Скоро, 22 предстоящаго іюля, минетъ четыре года со времени ея учрежденія. Отрадно было бы думать что не долго уже остается ожидать добрыхъ плодовъ ея дѣятельности.

№ 160.

Москва, 10-го іюня.

Въ виду неудобствъ оказавшихся во время Берлинскаго конгресса вслѣдствіе того что газетнымъ корреспондентамъ много разъ удавалось добывать и публиковать свѣдѣнія о ходѣ совѣщаній прежде нежели принимаемы были окончательныя рѣшенія, отъ чего значительно страдала самая свобода совѣщаній, участники теперешней Берлинской конференціи начали съ того что взаимно обязались ни въ какомъ случаѣ не нарушать тайны своихъ занятій. Таково покамѣсть единственно достовѣрное свѣдѣніе которое имѣется о рѣшеніяхъ принятыхъ конференціей, и поэтому не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія сообщеніямъ разносимымъ изъ Берлина по телеграфу и въ газетныхъ корреспонденціяхъ по поводу происходящихъ тамъ дипломатическихъ переговоровъ. Будущее покажетъ дѣйствительно ли по вопросу о греческой границѣ водворилось такое согласіе между державами что не остается ничего лучшаго желать. Лордъ Гранвилль, говорившій публично (на банкетѣ рыбныхъ торговцевъ) за нѣсколько дней до открытія конференціи, не высказалъ большой увѣренности чтобъ „единодушіе“ Европы не разбилось въ концѣ концовъ о „различіе интересовъ, симпатій и мѣстныя амбиціи“ какія у каждой изъ державъ имѣются на Востокѣ. И нельзя сказать чтобъ и съ другихъ сторонъ относились съ особенною увѣренностью къ благополучному исходу предпринятаго нынѣ улаженія грекотурецкаго затрудненія. Достовѣрно лишь то что предложеніе Франціи, которое принято въ основаніе теперешнихъ совѣщаній и особенно благопріятно для Греціи, хотя не въ полнѣ удовлетворяетъ ея притязаніямъ, встрѣтило искреннее сочувствіе Британскаго кабинета и, какъ сообщаютъ берлинскія газеты, Россія съ своей стороны заявила что она тѣмъ охотнѣе дастъ свое согласіе чѣмъ шире будутъ удовлетворены желанія Греціи. Судя по тону нѣкоторыхъ берлинскихъ газетъ можно бы думать что и Германія считаетъ удовлетвореніе греческихъ требованій желательнымъ въ интересахъ мира и спокойствія Европы. Но рядомъ съ этими заявленіями, въ тѣхъ же газетахъ постоянно проводится та мысль что и по Греческому, какъ и по всѣмъ прочимъ вопросамъ касающимся Востока, Германія будетъ во всемъ поддерживать политику Австро-Венгріи, и хотя берлинскія газеты стараются доказать что Австрія прямо заинтересована тѣмъ чтобъ, усиливъ Грецію, воздвигнуть въ ли-

цѣ ея „оплотъ съ юга“ противъ захватовъ панславизма, весьма сомнительно чтобы въ Вѣнѣ раздѣляли вполнѣ эту точку зрѣнія. Австро-Венгерское правительство все болѣе входитъ во вкусъ своей новѣйшей роли преимущественно предъ всѣми другими оберегателя и опекуна Турціи, — роли которая упразднилась было съ паденіемъ кабинета Биконсфильда. Въ этомъ можно убѣдиться изъ текста официальнаго отвѣта даннаго Австро-Венгріей на приглашеніе принять участіе въ Берлинской конференціи. Этотъ отвѣтъ, отъ 7 іюня, обнародованъ (тогда какъ отвѣты прочихъ державъ обнародованы не были), и изъ него видно что Австро-Венгрія принимаетъ приглашеніе „дабы исполнить *посредничество* которое приняли на себя державы по ст. 24 Берлинскаго трактата“ въ дѣлѣ грекотурецкой границы. Оговорка о посредничествѣ, коею Австро-Венгрія формально ограничиваетъ задачу конференціи обратила на себя общее вниманіе, ибо ею указана та точка которую она намѣрена занять и которая отнюдь не совпадаетъ съ намѣреніемъ прочихъ державъ. Рѣчь идетъ, какъ извѣстно, не о посредничествѣ только, которое можетъ быть принято или нѣтъ спорящими сторонами, а о рѣшеніи по большинству голосовъ. Турецкое правительство, какъ извѣстно, тоже сообщило державамъ что оно „съ удовольствіемъ“ встрѣтило извѣстіе о созваніи конференціи. Но и Турція, подобно Австріи, придастъ оной лишь значеніе посредничества и будучи увѣрена что она не рѣшитъ ничего что противорѣчило бы независимости и верховенству султана. Она не признаетъ той коммиссіи экспертовъ которая состоитъ при конференціи и имѣетъ провести, согласно указаніямъ послѣдней, грекотурецкую границу. „Дѣйствія такихъ коммиссій,“ справедливо замѣчаетъ Турецкое правительство, „бываютъ слѣдствіемъ окончательныхъ рѣшеній.“ Но Турція не можетъ де признавать такой характеръ за постановленіями конференціи, къ участію въ которой она не допущена *Agence Générale Russe*, возстановляющая въ указанномъ смыслѣ невѣрныя свѣдѣнія, которыя прежде сообщались о формальномъ протестѣ заявленномъ будто бы Турціей противъ конференціи, и замѣчающая что тутъ вновь сказалась привычная Портѣ игра, къ которой она столь долго поощрялась Европой, находитъ однако что между этимъ отвѣтомъ и формальнымъ протестомъ есть значительная разница. Едва ли однако есть существенная разница между вызывающимъ протестомъ, который былъ бы несовмѣстимъ благоразуменъ при настоящей политической констелляціи, и заявленіемъ напередъ отнимающимъ всякую обязательную силу у будущихъ рѣшеній конференціи.

Австрійское заявленіе ни въ чемъ не разнится отъ заявленія Турціи. Въ виду этого, возможно ли предаваться иллюзіямъ на счетъ исхода теперешнихъ совѣщаній въ Берлинѣ, и думать что соединенной Европѣ удастся теперь то что такъ часто оказывалось безплоднымъ по отношенію къ Турціи? Дѣло не въ томъ какъ будетъ предложена пограничная линія на картѣ и какому изъ пяти проектовъ о новомъ размежеваніи турецкихъ и греческихъ владѣній, составленныхъ со времени Берлинскаго конгресса, будетъ отдано предпочтеніе. Быть-можетъ представитель Австріи присоединится на конференціи ко мнѣнію прочихъ державъ. Но Австрія, вмѣстѣ съ Турціей, напередъ оговариваются что рѣшеніе конференціи будетъ лишь дѣломъ посредничества, и что стало-быть Европа не будетъ имѣть права принудительно настаивать на исполненіи своего рѣшенія. Австрія повидимому не намѣрена допустить и того чтобы самой Греціи предоставлено было силой забрать тѣ части турецкой территоріи которыя будутъ ей присуждены Подъ видомъ разсужденій о „возможныхъ“ послѣдствіяхъ ожидаемаго постановленія конференціи, вѣнская печать и различные вѣнскіе корреспонденты берлинскихъ газетъ весьма ловко указываютъ Турціи тѣ извороты къ коимъ она можетъ прибѣгнуть дабы избавиться отъ грядущихъ „непріятностей.“ Такъ, Туркамъ дается понять что они имѣютъ полное право протестовать противъ нарушенія Берлинскаго трактата еслибы рѣшеніе конференціи было изложено не въ видѣ доброй посреднической услуги, а какъ обязательное для обѣихъ сторонъ постановленіе. Затѣмъ указывается на то что быть можетъ избранъ будетъ слѣдующій способъ: технической коммиссіи, коей поручено будетъ проведеніе границы въ натурѣ, необходимо дать военное прикрытіе, для защиты отъ мѣстныхъ разбойниковъ. Это прикрытіе можетъ состоять изъ значительнаго корпуса греческихъ войскъ, и по мѣрѣ того какъ будетъ пролагаться пограничная

линія, войска эти фактически завладѣютъ отведенною территоріей, и такимъ образомъ постановленіе конференціи окажется исполненнымъ на дѣлѣ; протестомъ Турціи и ея ревнителей будетъ противопоставленъ *fait accompli*. Предполагается что таковъ планъ придуманный Англіей. Но вѣнскіе публицисты указываютъ что Турція можетъ избѣгнуть этой непріятности, принявъ за объявленіе войны со стороны Греціи вступленіе ея вооруженныхъ силъ на турецкую территорію, чѣмъ въ самомъ началѣ были бы парализованы работы технической коммиссіи Далѣе, мы узнаемъ, на основаніи тѣхъ же вѣнскихъ сообщеній, что Турція дѣйствительно готовится къ отпору всякой попыткѣ Греціи силой пріобрѣсти то что ей присудитъ Европа. Несмотря на свои финансовыя бѣдствія Турція уже держитъ де на готовѣ, у границы съ Греціей, 45 баталіоновъ пѣхоты съ соотвѣтствующимъ количествомъ войскъ спеціальнаго оружія. Сверхъ того, само собою разумѣется де что въ случаѣ вооруженнаго столкновенія „будутъ играть роль и иррегулярные отряды заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ Турокъ.“ Другими словами, баши-бузуки будутъ снова призваны отстаивать *своими* средствами права ислама.

Все это указываетъ что Турки дѣйствительно могутъ, безъ особенной тревоги, взирать на грозу собирающуюся въ Берлинѣ.

Наканунѣ открытія конференціи, князь Бисмаркъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ дипломатовъ въ ней участвующихъ, причемъ въ приглашеніи было сказано что князь Бисмаркъ воспользуется этимъ случаемъ для интимныхъ совѣщаній о предстоящемъ дѣлѣ. Представители Греціи и Турціи не участвующіе въ конференціи не были приглашены и на этотъ обѣдъ. Греческій посланникъ, г. Рангабе, сострилъ по этому поводу, какъ сообщаютъ берлинскія газеты: онъ просилъ лорда Одо Росселя привезти ему съ этого обѣда *a large slice of turkey* *).

Англійскому послу едва ли удастся удовлетворить эту просьбу.

---

*) *Turkey* — по-англійски — индѣйка.

№ 161.

Москва. 11-го іюня.

Хотя таможенный доходъ далеко не имѣетъ въ нашемъ государственномъ бюджетѣ той роли какую могъ бы имѣть и какую играетъ, напримѣръ, въ бюджетѣ Соединенныхъ Штатовъ, тѣмъ не менѣе, относительное значеніе его въ ряду другихъ государственныхъ доходовъ растетъ въ прогрессіи, невольно обращающей на себя вниманіе. Это наиболѣе эластичный изо всѣхъ источниковъ дохода, отличающійся этимъ свойствомъ въ значительно большей степени чѣмъ, напримѣръ, питейные сборы. При всевозможныхъ мѣрахъ къ усиленію питейнаго дохода, онъ въ послѣдніе два года едва могъ удвоиться, между тѣмъ какъ таможенные сборы, безъ особыхъ о томъ стараній, утроились. Поэтому, при составленіи каждаго новаго годоваго бюджета, таможни постоянно сами собою выдвигаются на передній планъ какъ средство поддержанія бюджетнаго равновѣсія. Въ 1866—1868 годахъ полагалось что онѣ могутъ дать около $7^1/_2$ и $8^0/_0$ всего итога тогдашнихъ государственныхъ доходовъ; начиная съ 1873 года, несмотря на сильно увеличившійся бюджетъ, считалось нормальнымъ ожидать отъ таможень уже болѣе $10^0/_0$ всего итога доходовъ. При небывало крупномъ бюджетѣ 1879 года требовалось, для соблюденія бюджетнаго равновѣсія, чтобы таможни дали уже болѣе $12^2/_3$ всего итога доходовъ; при еще болѣе возросшемъ бюджетѣ на текущій 1880 годъ, отъ таможень требуется, наконецъ, болѣе $14^0/_0$ всей суммы обыкновенныхъ доходовъ.

Въ разчетахъ на ожидаемое поступленіе таможенныхъ сборовъ, финансовое вѣдомство никогда еще не обманывалось, если не брать въ счетъ единственный случай, исключительный 1877 годъ. Тѣмъ не менѣе, разчетъ получить въ текущемъ году отъ таможень болѣе $88^1/_2$ милліоновъ рублей показался многимъ черезчуръ смѣлымъ, что было замѣчено и въ печати вслѣдъ за опубликованіемъ бюджета. Но съ тѣхъ поръ прошло болѣе пяти мѣсяцевъ, и обозначившимися за это время данными устраняются, кажется, всякія сомнѣнія относительно осуществимости бюджетныхъ предположеній. Они оправдались бы даже въ томъ случаѣ еслибы поступленіе таможенныхъ сборовъ только приближалось къ

исключительно благопріятному поступленію ихъ въ прошломъ году: на бюджетномъ равновѣсіи нисколько не отозвалось бы даже нѣкоторое пониженіе таможеннаго дохода, до 3%, противъ прошлаго года. Но еженедѣльно публикуемыя офиціальныя свѣдѣнія свидѣтельствуютъ не объ уменьшающемся, а объ еще болѣе успѣшномъ чѣмъ въ прошломъ году поступленіи таможенныхъ сборовъ. Свѣдѣнія эти доходятъ до 5 текущаго іюня и показываютъ увеличеніе таможеннаго дохода противъ соотвѣтственнаго періода прошлаго года почти на $1^1/_2$ милліона рублей, или на 5%.

Итакъ, таможенные сборы, не по предположеніямъ только, а въ дѣйствительности дошли до того что составляютъ 14% въ общемъ итогѣ бюджета. И на этомъ ростъ ихъ, конечно, не можетъ остановиться. Но чѣмъ важнѣе становится этотъ источникъ государственныхъ доходовъ, тѣмъ бо́льшія заботы требуются о надлежащей его эксплуатаціи. Теперь дѣло это ведется рутиннымъ порядкомъ. Въ основаніи всего лежитъ устарѣлый тарифъ, признававшійся неудовлетворительнымъ даже въ самый моментъ своего изданія, а нынѣ совершенно уже не соотвѣтствующій ни экономическимъ условіямъ страны, ни интересамъ казны. Налогъ падаетъ на разнообразныя статьи крайне несправедливо и неравномѣрно. Съ огромной массы привоза взимается слишкомъ ничтожная пошлина, а со значительной доли иностранныхъ товаровъ не поступаетъ въ казну ни копѣйки, безо всякаго разумнаго основанія для такой льготы, такъ что доходъ получается главнымъ образомъ лишь съ небольшой части привозныхъ товаровъ. Въ общемъ, таможенный налогъ даетъ слишкомъ мало сравнительно съ цѣнностью привоза, и возрастаніе этого послѣдняго, хотя и сопровождается ростомъ таможенныхъ доходовъ, но не въ той пропорціи какъ бы надлежало, вслѣдствіе преобладанія безпошлинныхъ и низкопошлинныхъ товаровъ.

До сихъ поръ возвышеніе таможеннаго дохода было у насъ постоянно результатомъ возрастанія размѣровъ привоза. Но дальнѣйшій ростъ этого дохода на этомъ единственномъ основаніи можетъ обойтись странѣ слишкомъ дорого. Большой привозъ безвреденъ и выгоденъ для страны лишь при условіи что всѣ ея заграничные платежи покрываются ея отпускомъ. А этого у насъ нѣтъ. Нашъ отпускъ не только не покрываетъ всѣхъ заграничныхъ платежей, но за исключеніемъ немногихъ, выходящихъ изъ ряду лѣтъ, не уравновѣшиваетъ и стоимости ежегоднаго привоза иностранныхъ товаровъ. Такое положеніе дѣлъ указываетъ на необходимость принятія мѣръ для регулированія размѣровъ привоза, нѣкотораго ограниченія его, до той поры пока отпускъ получитъ надлежащее развитіе. Такія мѣры соединены не съ ущербомъ, а съ выгодой для казны. Возвышеніе тарифа, при общемъ его пересмотрѣ, увеличитъ таможенный доходъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно повело бы и къ установленію необходимаго равновѣсія между привозомъ и отпускомъ.

Конечно, однимъ возвышеніемъ тарифа не все еще было бы сдѣлано. Сдержать посредствомъ его непомѣрное развитіе привоза нужно между прочимъ для того чтобы предоставить себѣ нѣкоторый досугъ для устраненія тѣхъ неблагопріятныхъ условій въ какихъ находится наша отпускная торговля. Всего болѣе стѣсняютъ ее неустройство нашихъ путей сообщенія и портовъ. Наши отпускные товары, поступая на всемірные рынки, должны выдерживать конкурренцію сильныхъ противниковъ. Чтобы конкурренція эта не подавляла нашихъ производителей, прежде всего необходимо чтобъ они были поставлены по возможности въ равныя условія со своими соперниками. А много ли сдѣлано у насъ чтобы создать для нихъ такія условія? Возьмите въ примѣръ хоть хлѣбную торговлю, въ которой такимъ сильнымъ конкуррентомъ Россіи выступаетъ Америка. Она не только оспариваетъ у насъ европейскіе рынки, она по торговлѣ пшеницей уже завоевала себѣ первенство. Но виноваты въ этомъ не наши производители хлѣба, а отсутствіе у насъ тѣхъ удобствъ и преимуществъ какими пользуется хлѣбная торговля въ Америкѣ. Тамъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ портахъ имѣются и усовершенствованные магазины для хлѣба, и всевозможныя приспособленія для его нагрузки, удешевляющія перевозку хлѣба до послѣдней степени. Благодаря этимъ приспособленіямъ, изъ продажной цѣны хлѣба американскій производитель получаетъ такую долю о какой и не мечтаетъ русскій замледѣлецъ. У насъ стоимость перевозки хлѣба, вслѣдствіе разныхъ накладныхъ расходовъ, возрастаетъ такъ вы-

соко что изъ продажной цѣны хлѣба установляемой конкурренціей, на долю земледѣльца едва достается сумма окупающая расходы производства. Хлѣбъ привезенный на Американскую желѣзнодорожную станцію не только исправно доставляется по назначенію и обезпеченъ отъ непогоды, но провѣтривается, провѣвается и даже сортируется въ усовершенствованныхъ магазинахъ. Хлѣбъ привезенный на русскую желѣзнодорожную станцію валяется подъ открытымъ небомъ, мокнетъ и гніетъ, подолгу, иногда цѣлые мѣсяцы, ожидая отправки по назначенію. Сходную съ хлѣбомъ участь терпятъ и другіе русскіе товары. У нашихъ желѣзныхъ дорогъ, какъ не имѣется вагоновъ для перевозки хлѣба въ ссыпную, такъ не оказывается и вагоновъ съ необходимыми приспособленіями для перевозки иныхъ спеціальныхъ грузовъ. Возможно ли при такихъ условіяхъ широкое развитіе сбыта русскихъ продуктовъ? А къ этому еще присоединяется не разъ уже замѣченное неравенство въ самыхъ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, льготное для привозной и убыточное для отпускной торговли. На примѣры такого неравенства мы имѣли случай указывать, между прочимъ, въ № 154 *Московскихъ Вѣдомостей*. Провозъ товара изъ Москвы въ Англію оказывается на 20, на 30, на 50, даже на 100 процентовъ дороже провоза того же самаго товара изъ Англіи въ Москву...

Устраненіе подобныхъ нетерпимыхъ условій есть одна изъ настоятельнѣйшихъ задачъ настоящаго времени. Неотложное рѣшеніе ея необходимо, даже помимо заботъ объ уравновѣшеніи отпуска съ привозомъ, такъ какъ отъ желѣзнодорожныхъ неустройствъ, наравнѣ съ отпускною, страдаетъ и вся внутренняя торговля.

Противъ этого едва ли кто будетъ спорить. Но заботы о поддержаніи должнаго равновѣсія между привозомъ и отпускомъ многимъ у насъ не по сердцу. Въ особенности противна нашимъ доктринерамъ мысль о повышеніи тарифа, не только въ видахъ покровительства отечественному производству, но и съ цѣлію исправленія нашего международнаго разчетнаго баланса. Это значило бы послѣдовать примѣру Америки, примѣру, который имъ ненавистенъ. А между тѣмъ результаты къ какимъ пришла Америка, благодаря своему высокому таможенному тарифу, достаточно извѣстны. Одинъ изъ этихъ результатовъ есть возстановленіе металлическаго денежнаго обращенія, котораго у насъ такъ жаждутъ, ради котораго готовы рѣшиться на всевозможныя, самыя тяжкія жертвы. Этого результата нельзя отрицать, и было бы слишкомъ непослѣдовательно не отозваться о немъ съ похвалой людямъ видящимъ въ бумажныхъ деньгахъ величайшее изо всѣхъ золъ. Но въ виду этого, не прямая ли непослѣдовательность отвергать экономическую политику приведшую къ восхваляемому результату? Вѣдь подъемъ цѣны американскихъ *гринбаковъ* до al pari сдѣлался возможнымъ именно при условіи выгоднаго баланса, бывшаго результатомъ высокаго тарифа. Возстановленію металлическаго обращенія предшествовалъ неуклонно возраставшій перевѣсъ отпуска надъ привозомъ, въ слѣдующей поразительной прогрессіи:

	Привозъ.	*Отпускъ.*
	Въ милліонахъ долларовъ.	
Въ 1875	553,9	583,0
„ 1876	476,7	575,6
„ 1877	492,0	632,„
„ 1878	466,9	707,„

Отпускъ превышающій привозъ слишкомъ въ полтора раза! Не мудрено что, при такомъ взаимномъ между ними отношеніи, и американскіе курсы шли неуклонно въ гору, и находившіяся въ европейскихъ рукахъ американскія долговыя обязательства стали быстро переходить къ Американцамъ въ уплату за ихъ товары. Что же мѣшаетъ намъ стремиться къ такому же результату путемъ не жертвъ со стороны казны, а увеличенія ея таможеннаго дохода?

№ 162.

Москва, 12-го іюня.

Члены Берлинской конференціи тщательно хранятъ секретъ своихъ рѣшеній, не сообщая ихъ даже делегатамъ-техникамъ назначеннымъ для содѣйствія дипломатамъ. Техники, какъ видно изъ офиціальныхъ сообщеній *Шпперскаго Указателя*, собираются на совѣщанія непосредственно предъ засѣданіемъ конференціи, подготовляя для ней матеріалъ. Для этой цѣли назначены ото всѣхъ державъ лица особенно знакомыя съ мѣстностью и всѣми об-

стоятельствами дѣла. Въ ихъ распоряженіи находится богатый запасъ подробныхъ топографическихъ картъ, дающихъ возможность съ большою точностію опредѣлить начертаніе границы не прибѣгая къ весьма затруднительнымъ изслѣдованіямъ на мѣстѣ, кои пришлось бы, въ силу условій конференціи, исполнить безъ содѣйствія непосредственно заинтересованныхъ сторонъ, и даже можетъ-быть вопреки желанію той или другой изъ нихъ.

Не этими ли соображеніями руководился официозный внушитель *Кельнской Газеты* сообщивъ ея берлинскому корреспонденту за положительный фактъ будто мысль о посылкѣ на мѣста особой технической коммиссіи уже оставлена, и что пограничная линія между Турціей и Греціей будетъ окончательно установлена въ Берлинѣ и не въ общихъ только чертахъ, а въ подробности.

Но какъ бы ни была установлена въ Берлинѣ новая греко-турецкая граница, это будетъ только начертаніе на планѣ. Границу, даже самымъ точнымъ образомъ обозначенную, нужно еще *установить на мѣстѣ*, примѣнялсь къ тѣмъ условіямъ его конфигураціи коихъ никакая карта выразить не можетъ. Исполнить же это дѣло въ состояніи только безпристрастная международная коммиссія, между тѣмъ какъ Турецкое правительство уже теперь заявляетъ что не намѣрено допустить подобную коммиссію къ работѣ, такъ какъ это значило бы признать обязательный характеръ за постановленіями конференціи, въ которую она не допущена.

Не легко при такихъ условіяхъ провести новую границу. Опытъ Берлинскаго конгресса наглядно показалъ что границы, даже самымъ точнымъ образомъ обозначенныя, не обязываютъ ни къ чему. Турція и до сихъ поръ продолжаетъ владѣть тѣми территоріями кои по Берлинскому конгрессу должны принадлежать Черногоріи, такъ что Черногорцамъ можетъ-быть придется вновь отвоевывать то что уже пріобрѣтено ими цѣною крови. Австрія, которой казалось бы всего ближе быть исполнителемъ общаго рѣшенія Европы, „и слышать не хочетъ“ о какихъ бы то ни было понудительныхъ мѣрахъ, находя ихъ несовмѣстными съ добрыми отношеніями (которыя не помѣшали ей однако отхватить у добраго сосѣда двѣ провинціи); не соглашается Австрія и на то чтобъ исполнителемъ воли Европы выступила Италія, политикѣ которой въ Вѣнѣ не довѣряютъ подозрѣвая ее въ завоевательныхъ стремленіяхъ и въ желаніи съ этою цѣлью мутить воду „чтобы въ мутной водѣ, какъ выразилась на дняхъ одна изъ германскихъ газетъ, ловить рыбу.“ Еще менѣе возможно ожидать исполненія рѣшеній конференціи совокупными силами. Такимъ образомъ, всего вѣроятнѣе что дѣло ограничится дипломатическими представленіями въ Константинополѣ и Аѳинахъ, даже безо всякой поддержки демонстраціей флотовъ, на которую также не можетъ согласиться Австрія, все вслѣдствіе тѣхъ же соображеній „добраго сосѣдства.“

Но еще до конференціи былъ предусмотрѣнъ иной, болѣе энергическій, способъ разрѣшить затрудненіе. Были слухи будто „нѣкоторые кабинеты совѣтовали въ Аѳинахъ немедленно занять своими войсками ту территорію на которую Греція въ силу Берлинскаго трактата заявляла свои притязанія. Слухи эти были однако очень скоро опровергнуты, и толкц о послѣдствіяхъ такого оборота дѣла замолкли. Теперь вновь заговорили объ этомъ. *Агентство Гаваса* получило извѣстіе изъ Аѳинъ будто Греческое правительство рѣшилось созвать резервы и организовать „на всякій случай“ на своихъ границахъ корпусъ войскъ въ составѣ 38 тысячъ. Подъ этимъ „всякимъ случаемъ“ всего ближе разумѣть отказъ Турціи признать обязательную силу за рѣшеніемъ конференціи и уступить Греціи то что будетъ присуждено въ ея пользу въ Берлинѣ. Замѣчательно что это извѣстіе совпадаетъ съ толками что въ числѣ соображеній коими должна руководиться конференція, стратегическія соображенія займутъ видное мѣсто, и Греціи будетъ предоставлено все что можетъ способствовать хорошей оборонѣ пограничнаго пространства.

Естественно что и Турція, въ свою очередь, заранѣе заботится о мѣрахъ какъ бы удержать за собою важные въ стратегическомъ отношеніи пункты, а слѣдовательно и всю спорную область. Турція, какъ утверждаютъ, уже держитъ наготовѣ сорокъ пять баталіоновъ, которые очень могутъ пригодиться для поддержанія искуственнаго возстанія мусульманъ-Албанцевъ, подготовляемыхъ уже со времени Берлинскаго конгресса. Теперь делегаты Албанской Лиги открыто сходятся на совѣщанія

въ мечетяхъ Янины и собираютъ пожертвованія на глазахъ турецкихъ властей, пользуясь ихъ явнымъ потворствомъ. „Порта, замѣчаетъ *Аѳинскій Вѣстникъ*, надѣется возбудить въ Эпирѣ возстаніе, въ родѣ того которое помѣшало исполненію меморандума, подписаннаго въ Константинополѣ между Турціей и Черногоріей. Такимъ образомъ, заключаетъ упомянутая газета, послѣ окончательнаго вердикта Европы мы должны ожидать сопротивленія Албанцевъ-мусульманъ, поддерживаемыхъ турецкими полками которые будутъ продѣлывать ту же комедію какъ въ Герцеговинѣ и въ Гусиньѣ, будутъ дѣлать видъ что дезертируютъ съ оружіемъ и багажомъ."

Эти соображенія внушаютъ *Аѳинскому Вѣстнику* мысль совѣтовать правительству „поспѣшить сформированіемъ силъ которыя при первомъ признакѣ такого возстанія было бы возможно на заранѣе подготовленныхъ судахъ переправить съ Корфу и Эвбеи въ нѣсколько часовъ къ угрожаемымъ пунктамъ."

Какъ бы подтвержденіемъ опасеній *Аѳинскаго Вѣстника* служатъ недавнія перемѣны въ составѣ турецкаго министерства, при чемъ портфель иностранныхъ дѣлъ порученъ Аббединъ-пашѣ, родомъ Албанцу и, какъ пишутъ въ *Journal des Débats*, даже плохо знающему французскій языкъ. Въ послѣднее время Аббединъ-паша былъ салоникскимъ генералъ-губернаторомъ, но его главная заслуга предъ Портой заключается не въ исполненіи этой должности, а въ томъ что онъ былъ однимъ изъ главныхъ организаторовъ Албанской Лиги и зачинщикомъ сопротивленія въ Албаніи. Трудно думать чтобы султанъ поручая Аббединъ-пашѣ портфель иностранныхъ дѣлъ думалъ найти въ немъ человѣка способнаго побудить Албанцевъ къ уступчивости. Скорѣе было желаніе поощрить Албанцевъ и подкрѣпить Лигу, такъ сказать наканунѣ значительнаго расширенія круга ея дѣятельности.

Не явно ли что и на границахъ Греціи готовится не быстрое и энергическое осуществленіе твердо заявленнаго рѣшенія европейскаго ареопага, но такая же неурядица какая уже третій годъ длится на границахъ Черногоріи, не взирая ни на какія дипломатическія представленія, и служитъ къ ослабленію самой же Турціи, истощая и безъ того скудные финансы ея и въ конецъ разстраивая порядокъ и роняя авторитетъ власти въ тѣхъ провинціяхъ кои приходится волновать для поддержанія этой неурядицы.

Спрашивается, кому въ Европѣ нужно это постепенное ослабленіе Турціи, уже и теперь почти безсильной осуществить тѣ реформы которыхъ отъ нея такъ настойчиво требуютъ?

№ 163.

Москва, 13-го іюня.

Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, отъ 28 мая, есть только первый шагъ къ осуществленію давно сознанной необходимости преобразованія суда въ Балтійскомъ краѣ. Новый законъ ограничивается пока лишь введеніемъ въ этомъ краѣ мировой юстиціи по образцу существующей нынѣ во всѣхъ частяхъ Европейской Россіи; но въ немъ высказано вмѣстѣ съ тѣмъ (въ первый разъ официально) намѣреніе законодателя ввести въ этомъ краѣ судебные уставы 20 ноября 1864 года во всемъ ихъ объемѣ. Въ политическомъ отношеніи это указаніе есть самая выдающаяся черта закона 20 мая. Нужно впрочемъ замѣтить что въ тѣхъ окрестностяхъ Россіи которыя по своимъ племеннымъ и бытовымъ особенностямъ наиболѣе отдалены отъ условій народнаго быта коренной Россіи не было сочтено удобнымъ почастичное введеніе судебнаго преобразованія, начиная отъ мировой юстиціи. Въ Кавказскомъ краѣ и Царствѣ Польскомъ судебная реформа, хотя и видоизмѣненная сообразно съ мѣстными особенностями, была введена разомъ вся.

Положеніе о введеніи мировыхъ судебныхъ установленій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ дастъ нѣкоторыя указанія на характеръ предполагаемаго тамъ судебнаго устройства, и эти указанія представляютъ особенный интересъ если сравнить принципы балтійской реформы съ тѣми которые положены въ основаніе судебныхъ преобразованій на Кавказѣ и въ Царствѣ Польскомъ.

Отмѣтимъ эти особенности.

Въ указѣ 19 февраля 1875 года о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ Царствѣ Польскомъ, реформа эта мотивирована, между прочимъ, намѣреніемъ *достигнуть болѣе полнаго органическаго его*

сліянія и объединенія съ прочими частями государства.

Указъ 28 мая сего года мотивированъ менѣе подробно, и въ немъ не упомянуто о цѣли объединенія балтійскихъ губерній съ прочими частями Имперіи посредствомъ общаго судебнаго устройства.

Важнѣйшею особенностью судебнаго преобразованія въ Прибалтійскомъ краѣ, коему положено начало новымъ закономъ и которая, вѣроятно, будетъ сохранена и при послѣдующемъ введеніи судебныхъ учрежденій въ полномъ объемѣ, слѣдуетъ признать вопросъ о языкѣ. Въ Кавказскомъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, единственнымъ официальнымъ языкомъ правосудія признанъ русскій языкъ. Въ балтійскихъ же губерніяхъ допущена равноправность всѣхъ мѣстныхъ языковъ (нѣмецкаго, эстонскаго и латышскаго) съ русскимъ. Равноправность эта, впрочемъ, установлена лишь по отношенію къ публикѣ. Письменныя и словесныя обращенія къ суду лицъ участвующихъ въ дѣлахъ или привлекаемыхъ къ суду могутъ быть представляемы на каждомъ изъ указанныхъ языковъ. Но нѣмецкій языкъ допускается, сверхъ того, и для актовъ исходящихъ отъ суда. Въ п. 14 Правилъ 28 мая это положеніе формулировано такъ: „при изложеніи мировыми судьями и съѣздами протоколовъ, опредѣленій, рѣшеній и приговоровъ, равно какъ въ исполнительныхъ листахъ, независимо отъ русскаго, допускается употребленіе и нѣмецкаго языка.“ Менѣе важные акты, исходящіе отъ суда, какъ-то повѣстки и различнаго рода копіи, должны быть выдаваемы, соотвѣтственно желанію сторонъ, на одномъ изъ означенныхъ языковъ *и нарѣчій*. Подъ словомъ „копія“ здѣсь должно разумѣть не только простой списокъ акта, но и переводъ онаго въ томъ случаѣ если онъ написанъ не на томъ языкѣ на которомъ требуется копія. Резолюціи, сказано далѣе въ томъ же пунктѣ Правилъ, объявляются сторонамъ также на которомъ-либо изъ сихъ языковъ и нарѣчій. Русскій языкъ становится обязательнымъ лишь въ томъ случаѣ когда дѣло подлежитъ переносу изъ мѣстной судебной инстанціи въ высшую, находящуюся внѣ Балтійскаго края, причемъ жалобы и прошенія сторонъ, а также и отзывы и протесты прокуроровъ, приносятся исключительно на русскомъ языкѣ, а относящіеся къ симъ дѣламъ протоколы, опредѣленія, рѣшенія и приговоръ мировыхъ судебныхъ установленій, въ случаѣ составленія ихъ на нѣмецкомъ языкѣ, должны сопровождаться переводомъ на русскій языкъ, засвидѣтельствованнымъ въ вѣрности своей съ подлинникомъ.

На практикѣ, однако, разноязычіе балтійскихъ мировыхъ учрежденій сложится вѣроятно иначе. Едва ли можно ожидать чтобы русскій языкъ, при условіяхъ начертанныхъ для употребленія онаго въ новомъ законѣ, получилъ не только преобладающее, но и равное съ нѣмецкимъ языкомъ примѣненіе въ мировыхъ учрежденіяхъ Балтійскаго края. Мѣстнымъ нарѣчіямъ, латышскому и эстонскому, предстоитъ едва ли болѣе благопріятная участь. Причина этому та что, въ виду свободы въ выборѣ языка, предоставляемомъ самимъ судьямъ, они будутъ прибѣгать къ тому изъ языковъ который есть для нихъ свой. А нельзя сомнѣваться что для огромнаго большинства будущихъ мировыхъ судей балтійскихъ губерній своимъ языкомъ будетъ нѣмецкій. Высшей администраціи по судебной части не предоставлено возможности имѣть въ этомъ отношеніи какое-либо регулирующее вліяніе, такъ какъ будущій мировой судебный персоналъ въ этомъ краѣ весьма мало будетъ зависѣть отъ центральной власти. Выборное начало для мировой юстиціи, которое не было предоставлено ни Царству Польскому, ни девяти западнымъ губерніямъ, ни Кавказу, предоставлено Балтійскому краю во всей полнотѣ, съ сохраненіемъ института почетныхъ мировыхъ судей.

Вмѣсто земскихъ учрежденій, коимъ внутри Россіи предоставлено избраніе мировыхъ судей, въ Балтійскомъ краѣ учреждаются для этого особыя окружныя избирательныя собранія. Собранія эти имѣютъ даже болѣе широкія права относительно выборовъ нежели земскія собранія. Они могутъ выбирать, кромѣ почетныхъ и участковыхъ, и добавочныхъ мировыхъ судей. Они могутъ предоставить званіе мироваго судьи и такимъ лицамъ которыя хотя и не совмѣщаютъ качествъ требуемыхъ для того закономъ, „но пріобрѣли общественное довѣріе и уваженіе своими заслугами и полезною дѣятельностью.“ Имъ же предоставлено учреждать или не учреждать, по своему усмотрѣнію, должности переводчиковъ при съѣздахъ хотя было бы кажет-

ся вѣрнѣе учредить обязательно переводчиковъ не только при всѣхъ съѣздахъ, но и каждомъ мировомъ участкѣ, ибо въ противномъ случаѣ трудно представить себѣ какъ можетъ на практикѣ осуществиться тотъ просторъ въ выборѣ судебнаго языка который предоставленъ балтійской публикѣ закономъ

Не трудно предвидѣть что при столь широкихъ избирательныхъ правахъ предоставленныхъ мѣстному населенію, и въ виду ценза, довольно высокаго, требуемаго для должности мироваго судьи, выборы будутъ падать почти исключительно на лицъ принадлежащихъ къ господствующему въ краѣ сословію, то-есть на людей нѣмецкаго языка.

№ 164.

Москва, 14-го Іюня.

Въ послѣднемъ нумерѣ нашей газеты сошлось нѣсколько корреспонденцій касающихся народнаго продовольствія и хлѣбной торговли. Вздорожалъ хлѣбъ, и въ разныхъ мѣстностяхъ признается нужнымъ принимать мѣры къ обезпеченію продовольствіемъ бѣдныхъ городскихъ жителей, причемъ торговцы приглашаются дѣлать въ ихъ пользу скидки противъ рыночныхъ цѣнъ. Съ такимъ приглашеніемъ, какъ сообщаетъ нашъ калужскій корреспондентъ, обращалась недавно къ мѣстнымъ торговцамъ мукой Козельская городская дума, озаботившаяся вмѣстѣ съ тѣмъ закупкой хлѣба въ другихъ городахъ для продажи недостаточнымъ горожанамъ по цѣнѣ пониженной. Нашъ елецкій корреспондентъ, самъ принадлежащій къ числу хлѣбныхъ торговцевъ, сѣтуетъ на то что въ богатомъ Ельцѣ не сдѣлано до сихъ поръ попытки къ облегченію происходящихъ отъ дороговизны хлѣба лишеній мѣстнаго недостаточнаго люда, и въ укоръ своему родному городу указываетъ на примѣръ одного изъ сосѣднихъ уѣздныхъ городовъ, гдѣ богатый хлѣбный торговецъ продаетъ бѣдному люду ржаную муку по удешевленной цѣнѣ. И не на однихъ городскихъ жителяхъ отзывается дороговизна хлѣба. Въ замѣткѣ *Голоса крестьянина*, авторъ увѣряетъ что возвысившаяся цѣна на хлѣбъ „ложится тяжелымъ бременемъ не на кого другаго какъ на крестьянина.“ Корень зла видитъ онъ въ вывозѣ хлѣба за границу въ несоразмѣрно большомъ количествѣ съ прежними годами, и всѣ свои надежды возлагаетъ на земство, которое должно де обратиться къ правительству съ просьбой остановить до болѣе благопріятнаго времени сдѣлки по отпуску хлѣба за границу. И какъ бы подтвержденіемъ сужденій подмосковнаго крестьянина о несоотвѣтственности отпуска хлѣба за границу съ нынѣшними обстоятельствами является корреспонденція изъ Петровска, Саратовской губерніи, изъ центра хлѣбороднаго края, заявляющая что въ Приволжскомъ краѣ „жители выбились положительно изъ силъ вслѣдствіе продолжительнаго неурожая,“ и что этому краю вновь угрожаетъ засуха...

Очень печально это послѣднее заявленіе, идущее изъ Петровска. Неурожаи въ мѣстностяхъ гдѣ хлѣбопашество есть исключительное занятіе жителей всегда бываютъ бѣдственны. Только это бѣдствія случайныя и мѣстныя, каждый разъ требующія принятія исключительныхъ мѣръ, но мало отзывающіяся на всей странѣ. При обширности Россіи, неурожаи постигаютъ въ ней ежегодно то тѣ, то другія губерніи, безъ особаго вреда общему благосостоянію. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ неурожаи стали повторяться чаще прежняго, что указываетъ на возникновеніе общихъ, постоянно дѣйствующихъ причинъ. Въ однѣхъ мѣстностяхъ такими причинами оказываются обезлѣсеніе и связанная съ нимъ утрата почвою необходимой влаги. Въ другихъ на первомъ планѣ стоитъ хищническое истощеніе почвы нерациональнымъ, неразчетливымъ веденіемъ сельскаго хозяйства. По отношенію къ такимъ мѣстностямъ, помимо оказанія временной помощи, несомнѣнно требуется принятіе особыхъ мѣръ для настойчивой борьбы со зломъ, и каждый разъ какъ идетъ о нихъ рѣчь, невольно возникаетъ сожалѣніе что правительство не имѣетъ пока по этой части спеціальнаго правительственнаго органа, для котораго наше земледѣліе не было бы такимъ второстепеннымъ и побочнымъ дѣломъ какимъ естественно является оно для Министерства Государственныхъ Имуществъ. Но мѣстные неурожаи вообще не составляютъ еще общаго государственнаго бѣдствія, не влекутъ за собой общаго подъема цѣнъ на хлѣбъ; не имѣютъ общаго значенія и тотъ неурожай

о которомъ говоритъ нашъ петровскій корреспондентъ, и нѣтъ никакихъ основаній приводить его въ прямую связь ни съ нынѣшними цѣнами на хлѣбъ, ни съ размѣрами отпуска его за границу. И размѣръ отпуска, и общій уровень хлѣбныхъ цѣнъ опредѣляются иными условіями. Измѣнись эти условія, хлѣбъ былъ бы дешевъ, несмотря на неурожай въ приволжскомъ районѣ. Съ другой стороны, и при самомъ обильномъ урожаѣ въ этомъ районѣ, отпускъ хлѣба за границу могъ бы быть самый ограниченный. Ропотъ на заграничный отпускъ хлѣба при неурожаяхъ въ самой странѣ былъ бы справедливъ если-бы вслѣдствіе этого отпуска не доставало хлѣба для удовлетворенія потребностей въ постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностяхъ. Но такого недостатка нѣтъ. Внутри страны, несмотря на заграничный отпускъ, имѣются достаточные запасы хлѣба для направленія его туда гдѣ въ немъ оказывается нужда. Въ Астрахань, напримѣръ, было направлено съ верховьевъ Волги, какъ сообщаетъ *Саратовскій Справочный Листокъ*, даже „слишкомъ большое количество хлѣба, отъ чего цѣна на него тамъ быстро упала," такъ что хлѣботорговцы „были принуждены, чтобы не отдать его по невыгодной для себя цѣнѣ возвращать свои суда къ Царицыну." Если, такимъ образомъ, заграничный отпускъ не истощаетъ необходимыхъ для страны хлѣбныхъ запасовъ, какія же могутъ быть побужденія стѣснять его размѣры, хотя нѣкоторыя мѣстности и были постигнуты неурожаемъ?

Удешевить хлѣбъ для тѣхъ кто нуждается въ его покупкѣ? Для потребителей хлѣба это было бы очень выгодно. Но нельзя упускать изъ виду интересы производителей хлѣба, интересы первостепеннаго значенія въ странѣ гдѣ населеніе чуть не поголовно занято производствомъ хлѣба. Насильственно понижать цѣны на хлѣбъ значило бы жертвовать интересами громаднаго большинства населенія. Населенія Россіи достаточно натерпѣлись отъ низкихъ цѣнъ въ ту пору когда отсутствіе путей сбыта дѣлало невозможнымъ значительный отпускъ его за границу и сбивало цѣны его на мѣстахъ производства до послѣдней крайности. Не съ цѣлію пониженія, а въ видахъ подъема хлѣбныхъ цѣнъ строились наши желѣзныя дороги, открывавшія возможность заграничнаго сбыта. Для земледѣльческой страны подъемъ этихъ цѣнъ не ущербъ, а выгода.

Но на свѣтѣ бываетъ такъ что выгода однихъ часто сопровождается невыгодой для другихъ. Вздорожаніе хлѣба, выгодное производителямъ его, чувствительно отзывается на постоянныхъ покупщикахъ хлѣба, городскихъ населеніяхъ, и на временныхъ покупщикахъ, то-есть тѣхъ крестьянахъ которые производятъ хлѣбъ въ количествѣ недостаточномъ для прокормленія семьи въ теченіе цѣлаго года. Изъ среды этихъ именно разрядовъ населенія и раздаются нынѣ жалобы на дороговизну хлѣба, на несоотвѣтствіе цѣнъ хлѣба съ насущными средствами. Къ этимъ жалобамъ нельзя относиться равнодушно Большой похвалы заслуживаетъ благотворительная дѣятельность и частныхъ лицъ, и городскихъ и земскихъ учрежденій направленная къ тому чтобы доставить бѣднымъ людямъ возможность покупать хлѣбъ по доступнымъ имъ цѣнамъ. Но отсюда до принятія мѣры подобной стѣсненію заграничнаго отпуска, мѣры которая легла бы тяжкимъ гнетомъ на всѣхъ производителей хлѣба, очень далеко. Въ интересахъ покупщиковъ хлѣба, кромѣ временной помощи, требуются и общія мѣры, но не могутъ быть желательны мѣры несправедливыя въ отношеніи ко всему земледѣлію. Желательны лишь такія мѣры которыя увеличивали бы средства къ жизни, возвышали бы заработки, причемъ и подорожавшій хлѣбъ былъ бы по карману недостаточнаго люда. Это равно относится и къ городскимъ жителямъ, и къ крестьянамъ тѣхъ мѣстностей гдѣ земледѣліе не составляетъ единственнаго и главнаго ихъ занятія. Для тѣхъ и другихъ было бы, напримѣръ, благодѣяніемъ болѣе широкое и разнообразное чѣмъ нынѣ развитіе въ странѣ промышленной дѣятельности, которому, къ сожалѣнію, мѣшаетъ нашъ таможенный тарифъ...

№ 166.

Москва, 16-го Іюня.

Вздорожаніе мяса, особенно въ столицахъ, служитъ въ послѣднее время предметомъ общаго говора. Какъ тяжело отзывается этотъ фактъ на населеніи, объ этомъ нѣтъ надобности распространяться.

Если сельскій людъ у насъ привыкъ обходиться безъ мяса, то нельзя сказать того же о населеніи городскомъ. Для него мясо предметъ почти такой же необходимости какъ хлѣбъ и овощи. Между тѣмъ мясо дорожаетъ такъ что многіе изъ людей недостаточныхъ классовъ вынуждены сокращать его потребленіе, если не совсѣмъ отказывать въ немъ себѣ. Въ Петербургѣ уже замѣчены признаки такого сокращенія въ потребленіи мяса. Привозъ туда скота по Николаевской желѣзной дорогѣ въ минувшемъ маѣ мѣсяцѣ не составлялъ и двухъ третей майскаго же привоза въ прошломъ году: вмѣсто 12.647 головъ скота, привезено только 8.065. Приблизительно въ той же пропорціи, на 30—40 процентовъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, поднялись въ Петербургѣ и цѣны на разные сорты мяса. Въ Москвѣ мясо вздорожало не въ такой степени, но все же значительно. Явленіе во всякомъ случаѣ серіозное, и не удивительно что всѣ заинтересованы и разслѣдованіемъ причинъ возникшей дороговизны мяса, и изысканіемъ мѣръ къ ея устраненію.

Какъ на одну изъ общихъ причинъ нынѣшняго вздорожанія мяса указываютъ на гибельныя для скота условія минувшей зимы. Въ нѣкоторыхъ степныхъ мѣстностяхъ, зимняя безкормица повела чуть не къ поголовному истребленію скота; утверждаютъ что сократилась численность скота также въ южныхъ приволжскихъ и отчасти въ черноземныхъ губерніяхъ. Это обстоятельство несомнѣнно должно было оказать вліяніе на цѣны мяса. Однако, едва ли это бѣдствіе, постигшее лишь нѣкоторыя мѣстности, можетъ одно объяснить возникшую дороговизну мяса. Суровость минувшей зимы по мѣстамъ чувствительно сократила численность скота; но развѣ отъ этого могла много сократиться общая численность скота въ Имперіи, да еще и сократилась ли она? Положимъ что очень пострадавшія мѣстности, пока не оправятся, не въ состояніи посылать къ столицамъ и другимъ пунктамъ столь же многочисленные гурты какіе посылали прежде. Но развѣ въ замѣнъ того не можетъ быть усиленъ пригонъ скота изъ другихъ мѣстностей? Пусть эти мѣстности болѣе отдаленныя,—условіе нѣсколько бо́льшаго разстоянія не играетъ въ прогонѣ скота такого значенія какъ въ перевозкѣ товаровъ, и ложится на цѣны мяса несравненно меньшимъ процентомъ, при дешевомъ и даже даровомъ прокормѣ гуртовъ по скотопрогонным трактамъ, а даровой подножный кормъ для нихъ тѣмъ доступнѣе чѣмъ болѣе удалена мѣстность отъ центральныхъ пунктовъ куда гурты гонятся. Отчего же недочеты въ пригонѣ скота изъ пострадавшихъ мѣстностей не восполняются усиленнымъ пригономъ его изъ другихъ, хотя бы нѣсколько болѣе отдаленныхъ, въ такой мѣрѣ чтобы вздорожаніе мяса не становилось ощутительнымъ? Что̀ тутъ виною, рутинное направленіе торговли скотомъ, или своекорыстный разчетъ скотопромышленниковъ нажиться именно на случайномъ подъемѣ цѣнъ, не допуская такого скопленія скота на рынкахъ которое могло бы ихъ понизить? Возможно и то и другое. Но кажется справедливѣе будетъ признать тутъ еще третью причину, независимую отъ торговцевъ скотомъ, безъ которой, пожалуй, не были бы возможны ни своекорыстные разчеты, ни вообще неправильный строй нашей торговли скотомъ. Разумѣемъ состояніе скотопрогонныхъ трактовъ. О томъ въ какомъ положеніи они находятся едва ли нужно говорить послѣ тѣхъ свѣдѣній которыя были собраны о нихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ вырабатывался извѣстный проектъ положенія о передвиженіи рогатаго скота. Сдѣланный тогда осмотръ самыхъ важныхъ скотопрогонныхъ трактовъ показалъ что они, какъ гласитъ официальная записка, „вслѣдствіе запущенности и дурнаго содержанія, находятся въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи и представляютъ большія затрудненія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенную невозможность для прогона гуртоваго скота. Нерѣдко встрѣчаемое съуженіе дорогъ самовольными запашками; отсутствіе установленнаго закономъ огражденія полей отъ потравы; неисправность, а иногда отсутствіе мостовъ, гатей и перевозовъ; произвольные затѣмъ сборы при переправѣ скота чрезъ овраги и рѣки, а также за водопой и даже за одинъ лишь прогонъ скота по дорогѣ, при недостаткѣ подножнаго корма частію отъ потравы мѣстными стадами, частію же отъ захвата и запашекъ обрѣзовъ дороги мѣстными землевладѣльцами, — ставятъ прогонъ гуртоваго скота въ крайне затруднительное и мѣстами безвыходное положеніе. Вслѣдствіе такого разстройства дорогъ и встрѣчаемыхъ за-

трудненій въ доставкѣ скота, нѣкоторые изъ промышленниковъ въ послѣднее время прекращаютъ гонъ скота въ главныя мѣста сбыта его; другіе вынуждаются отыскивать, помимо скотопрогонныхъ трактовъ, обходные пути въ ущербъ себѣ и во вредъ мѣстному скоту; нѣкоторые же ведутъ скотъ прямо на салганы, устраиваемые теперь въ мѣстахъ самаго исхода гуртовъ, гдѣ въ дѣло употребляется лишь сало и кожа, мясо же продается за безцѣнокъ...“ Записка, изъ которой заимствованы приведенныя строки характеризующія положеніе скотопрогонныхъ трактовъ, относится къ 15 февраля 1876 года. А много ли они съ тѣхъ поръ улучшились? На много ли лучше достигнутые въ этомъ отношеніи результаты сравнительно съ успѣхами этого дѣла на желѣзныхъ дорогахъ? Отвратительны даже бойкіе обычные тракты,—каковы же другіе, по которымъ желателенъ былъ бы пригонъ скота при нынѣшнихъ исключительныхъ обстоятельствахъ? Будь скотопрогонные тракты въ исправномъ состояніи, мясо было бы много дешевле, и невзгода постигшая минувшею зимой нѣкоторыя мѣстности, по всей вѣроятности, отозвалась бы на его цѣнахъ гораздо менѣе чувствительно.

На цѣнахъ мяса, едва ли не болѣе чѣмъ на чемъ другомъ, оправдывается извѣстная пословица „за моремъ телушка полушка да рубль перевозъ.“ При покупкѣ каждаго фунта мяса, покупатель расплачивается и за неустройство скотопрогонныхъ трактовъ, и за наши желѣзнодорожные непорядки. Повсюду, и въ Англіи, и во Франціи, и въ Германіи, и въ Австріи, установленъ для перевозки скота возможно умѣренный тарифъ, и имѣются приспособленные къ этому дѣлу вагоны; скоту во время пути дается кормъ, пойло и отдыхъ; устроены приспособленія для посадки и выгрузки животныхъ; предписана обязательная скорость перевозки, и есть многія другія удобства. Такъ ли стоитъ это дѣло у насъ?

Желѣзнодорожными тарифами установлена такая высокая такса за перевозку скота что онъ относительно платы за провозъ почти приравненъ къ товарамъ перваго разряда. На это обстоятельство намъ не разъ приводилось указывать и въ настоящее время приходится повторять то же что было нами говорено четыре года тому назадъ. Для скота, конечно, большая честь значиться въ первомъ разрядѣ, но потребители мяса, а также торговцы скотомъ, много бы выиграли еслибы скотъ былъ переведенъ въ менѣе почетный изъ разрядовъ желѣзнодорожной тарифной градаціи. Отъ самихъ желѣзнодорожныхъ управленій надлежащаго пониженія тарифа трудно ожидать. Требуется пониженіе этого тарифа законодательною властью.

Но не одна высота провознаго тарифа, при громадности нашихъ разстояній, тяжело ложится на цѣны мяса. Еще сильнѣе отзывается на нихъ обстановка перевозки скота по желѣзнымъ дорогамъ. Хотя по уставамъ и концессіямъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ на нихъ лежитъ обязанность удовлетворять вполнѣ всѣмъ какъ мѣстнымъ, такъ и государственнымъ потребностямъ перевозки, и содержать въ надлежащемъ количествѣ подвижной составъ приспособленный къ перевозкѣ всякаго рода грузовъ,—исполнять эту обязанность наши желѣзныя дороги вообще находятъ излишнимъ. Даже самыя простыя приспособленія, въ родѣ стоекъ переплетенными веревками, нужныхъ при нагрузкѣ нѣкоторыхъ товаровъ, дѣлаются не иначе какъ средствами самихъ грузоотправителей. Никакихъ приспособленій, за малыми исключеніями, не имѣется и для перевозки скота, несмотря на многолѣтнія настоянія правительства чтобъ эти приспособленія были сдѣланы. Напрасно въ 1873 году требовалъ ихъ отъ желѣзныхъ дорогъ министръ путей сообщенія, напрасно вопросъ о желѣзнодорожныхъ приспособленіяхъ къ перевозкѣ скота восходилъ въ 1876 году на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Дѣло мало или совсѣмъ почти не подвинулось. Наступилъ 1880 годъ, и вотъ что читаемъ въ запискѣ временнаго Комитета Московскаго Биржеваго Общества для разсмотрѣнія вопросовъ по желѣзнодорожному дѣлу: „Мѣръ для удобной перевозки не принималось.“ Вагоны для перевозки скота „вполнѣ неудовлетворительны; исключая весьма немногіе на Николаевской дорогѣ.“ Такъ-называемые „приспособленные“ товарные вагоны для перевозки быковъ и лошадей отличаются отъ обыкновенныхъ товарныхъ только тѣмъ что имѣютъ по четыре окна, небольшіе и не отворяющіеся, а рѣшетокъ для вентиляціи нѣтъ никакихъ.“ Да и подобныхъ „приспособленныхъ“ вагоновъ достаточно только на Николаевской дорогѣ, на прочихъ же очень мало. При-

ходится ходатайствовать у правительства о томъ чтобы въ „приспособленныхъ“ вагонахъ были кольца для привязи, небольшія отверстія въ полу для стока жидкости и т. д. Ничего этого нѣтъ. За исключеніемъ Николаевской, по другимъ дорогамъ перевозка вообще совершается съ убійственною для скота медленностью. Напримѣръ, по Козловско-Рязанской линіи, по которой гуртоваго скота къ Москвѣ перевозится больше другихъ, „при 400-верстномъ разстояніи отъ Козлова до Москвы, скотъ получается чрезъ два и три дня нерѣдко даже на четвертыя сутки (тогда какъ перевозка скота отъ Москвы до Петербурга, при 600-верстномъ разстояніи, требуетъ всего 32 часовъ)... Скотъ во все время перевозки остается безъ корма и пойла, въ вагонахъ безъ всякой вентиляціи, отчего лѣтомъ въ жаркое время истомляется, тощаетъ, теряетъ вѣсъ, а тѣмъ и цѣнность вообще, причемъ бываютъ и случаи падежа. Истомленіе доходитъ до того что скотъ ложится, а легшаго затаптываютъ болѣе сильные... Кромѣ того, на многихъ станціяхъ нѣтъ удобныхъ платформъ для выгрузки; даже на самой важнѣйшей, Перовской, подъ Москвой, приходится заставлять быковъ прыгать съ платформъ, по тѣснотѣ послѣднихъ и недостаточности сходовъ, а если скотъ поломаетъ ноги, или разбѣжится, дороги ни за что не отвѣчаютъ...“

Дороги не отвѣчаютъ, но потребители мяса, то-есть вся публика, отвѣчаютъ ежедневно приплатой за фунтъ мяса... Для того же чтобы лишнее не приплачивалось требуется нѣсколько поболѣе энергіи со стороны власти которая смотритъ за желѣзными дорогами въ Россіи.

Тяжело отзывается на публикѣ дороговизна мяса. Но если эта дороговизна заставитъ наконецъ серіозно, не въ канцеляріяхъ только и на бумагѣ, а на дѣлѣ приступить къ рѣшенію не хитраго вопроса объ измѣненіи условій передвиженія скота по желѣзнымъ дорогамъ и скотопрогоннымъ трактамъ,—объ этой дороговизнѣ потребители удешевленнаго мяса будутъ вспоминать съ признательностью.

№ 167.

Москва, 17-го іюня.

Берлинская конференція оканчиваетъ свои занятія. Рѣшеніе о Греческой границѣ принято 13 іюня, а затѣмъ со слѣдующаго засѣданія конференція занялась вопросами находящимися въ связи со всякою территоріальною уступкой и сверхъ того нѣсколькими чисто формальными, въ числѣ которыхъ находится и вопросъ о порядкѣ сообщенія заинтересованнымъ сторонамъ о послѣдовавшемъ рѣшеніи Европы.

Какъ ни старались уполномоченные держать въ секретѣ свои рѣшенія, окончательный результатъ конференціи сталъ извѣстенъ ранѣе ея закрытія. Телеграфъ и вся офиціозная заграничная печать въ одинъ голосъ и съ большою подробностью утверждаютъ что конференція приняла французскій проектъ Греческой границы, по крайней мѣрѣ въ главныхъ пунктахъ.

Проектъ этотъ, дѣйствительно, вполнѣ удовлетворялъ условіямъ поставленнымъ въ Берлинскомъ трактатѣ, которыя должны были служить исходною точкой занятій конференціи. И на западѣ, и на востокѣ предложенная Франціей Греческая граница упирается въ моря въ пунктахъ предусмотрѣнныхъ Берлинскимъ трактатомъ, и затѣмъ въ Эпирѣ, почти на всемъ своемъ протяженіи, граница идетъ по рѣкѣ Каламѣ, какъ опредѣлено трактатомъ. Въ Оессаліи новая Греческая граница точно также почти совпадаетъ съ указанною конгрессомъ чертой, направляясь по водораздѣлу рѣкъ текущихъ съ Пинда и Олимпа, то-есть въ сущности идетъ по лѣвому берегу рѣки Саламбріи, въ весьма небольшомъ отъ нея разстояніи.

Эта перемѣна вызвана всѣми признанною необходимостью дать Греціи границу удобную въ оборонительномъ отношеніи, затруднивъ въ то же время для Турокъ, сколько это возможно, наступательныя дѣйствія.

Не менѣе того должны были подѣйствовать на рѣшеніе конференціи иныя, чисто политическія соображенія. Подручная германскому имперскому канцлеру берлинская печать, суля Греціи всяческія блага отъ установленной новой „естественной“ границы, съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на возможность развитія желѣзнодорожнаго дѣла: „до сихъ поръ, замѣчаетъ, напримѣръ газета *Post*, Греческое прави-

тельство не могло и подумать о значительной желѣзнодорожной линіи, которая была бы совершенно изолирована; теперь же, съ присоединеніемъ Эпира и Ѳессаліи, получается возможность связать будущую Греческую сѣть съ системою дорогъ центральной Европы," т.-е. прежде всего съ Австрійскою системой, чему въ Берлинѣ естественно придаютъ большое значеніе послѣ того какъ Австрія тѣсно примкнула къ Германіи, особенно въ Восточной политикѣ. Наконецъ, проектъ новой Греческой границы есть первый дебютъ Франціи въ активномъ участіи въ дѣлахъ Европы, отъ котораго она такъ долго вынуждена была воздерживаться. Въ политическія комбинаціи вошла новая сила съ которою, правда, еще нѣсколько ранѣе стали считаться въ Берлинѣ, „поставивъ принципомъ дѣлать угодное Франціи" во всемъ что не противно прямымъ интересамъ Германіи.

Приговоръ европейскаго ареопага состоялся. Греціи будетъ выданъ исполнительный листъ; но пожелаетъ ли Турція подчиниться рѣшенію и удовлетворить Грецію? Полагаютъ что конференція въ своемъ трудѣ приняла во вниманіе фактическія обстоятельства и согласіе державъ такъ *внушительно* что не представится надобности въ особыхъ экзекуціонныхъ мѣрахъ.

Такъ полагаютъ однако только въ Берлинѣ; ни въ Константинополѣ, ни въ Аѳинахъ не находятъ, какъ видно, теперешнее согласіе державъ болѣе внушительнымъ нежели на Берлинскомъ конгрессѣ, а между тѣмъ рѣшенія его были въ точности исполнены только Россіей. Въ Константинополѣ явно разчитываютъ на невозможность согласія Европы относительно экзекуціонныхъ мѣръ и дѣйствуютъ даже смѣлѣе нежели въ эпоху Берлинскаго конгресса. Не только комитетъ Албанской Лиги, явно поощряемой Турецкимъ правительствомъ, непосредственно обратился со своими представленіями къ конференціи,—представленіями идущими въ разрѣзъ съ ея рѣшеніемъ,—но даже турецкій посолъ въ Берлинѣ пригрозилъ конференціи, представивъ ей „отъ имени Албанской Лиги" списокъ вооруженныхъ средствъ этой новой политической силы. Говорятъ, будто этотъ списокъ, представляющій въ итогѣ 54 тысячи человѣкъ съ артиллеріей, вооруженныхъ дальнобойными ружьями, вызвалъ „только улыбку" военныхъ делегатовъ; но въ Аѳинахъ, гдѣ хорошо знаютъ что въ счетъ росписи войскъ Албанской Лиги входятъ въ дѣйствительности турецкія войска расположенныя на греческой границѣ, не до улыбокъ. Тамъ дѣлаются серіозныя военныя приготовленія и созываются резервы чтобы противопоставить силу силѣ. Думаютъ даже при первомъ албанскомъ движеніи въ Эпирѣ перебросить въ присужденныя Греціи области войска съ Корфу и Эвбеи, и такимъ образомъ разомъ принять положеніе предъ которымъ спасуетъ де Албанская Лига, то-есть на самомъ дѣлѣ Турція, руководимая албанскимъ министромъ и рѣшившаяся впередъ уже дать понять въ Вѣнѣ что не признаетъ рѣшеній Берлинской конференціи.

Самые настойчивые совѣты даются, повидимому, въ этомъ смыслѣ въ Аѳинахъ, какъ будто забывая что Грецію не можетъ на самомъ дѣлѣ предпринимать никакого рѣшительнаго шага относительно Турціи, располагающей значительнымъ флотомъ способнымъ разгромить Аѳины и высадить на берегъ Аттики серіозную военную силу.

Чья-то рука, очевидно, торопится ускорить развязку дѣлъ на Востокѣ, торопится вызвать такое усложненіе обстоятельствъ при которыхъ можетъ-быть потребуется уже не экзекуція, а настоящее военное вмѣшательство. Экзекуціонныя мѣры въ коихъ будто нѣтъ надобности могли бы однако устранить эти затрудненія и заставить Турцію безпрекословно исполнить волю Европы, уступить которой она не могла бы счесть несовмѣстнымъ со своимъ достоинствомъ самостоятельной державы. Съ экзекуціоннымъ исполненіемъ рѣшеній Европы Турція уже знакома: и не такъ еще давно она видѣла французскія войска въ Сиріи и уступила имъ безо всякаго сопротивленія.

Возражаютъ однако что нѣтъ державы которая, будучи не заинтересована непосредственно въ дѣлахъ Востока могла бы исполнить экзекуцію своими войсками не возбуждая опасеній. Австрія отказывается „какъ добрая сосѣдка," оглядываясь въ то же время недовѣрчиво на Италію будто бы ищущую пріобрѣтеній. Но интересы Франціи на Востокѣ чисто нравственнаго свойства, также какъ и ея покровительство Греціи. Франція вѣроятно и не отказалась бы исполнить рѣшеніе европейскаго ареопага еслибы только эта честь была ей предложена. Есть стало-быть сила для которой не желательно чтобы Франція при-

няла въ восточной политикѣ роль болѣе дѣятельную нежели дипломатическое представленіе въ совѣтѣ державъ. Не догадываются ли въ Константинополѣ какая это сила, и не къ ней ли адресованъ намекъ что энергическій образъ дѣйствій Греціи можетъ вынудить султана искать опоры въ славянскомъ населеніи Балканскаго полуострова?

При настоящемъ политическомъ созвѣздіи Европы, Германія болѣе другихъ державъ можетъ дѣлать развязки дѣлъ на Востокѣ. Къ этому можетъ побуждать Германію не только желаніе осуществить свои виды относительно того первенствующаго положенія которое должна де занять Австрія на Балканскомъ полуостровѣ, но и соображеніе что въ будущемъ Восточный вопросъ можетъ стать почвой для сближенія между Россіей и Франціей, призракъ котораго еще такъ недавно толкнулъ будто бы Германію къ тѣснѣйшему союзу съ имперіей Габсбурговъ.

№ 168.

Москва, 18-го іюня.

Недавно парижскій корреспондентъ *Times* очень мѣтко характеризовалъ „трехъ президентовъ“ олицетворяющихъ собою теперешнюю политическую Францію, президента республики, г. Греви, президента законодательнаго собранія, г. Гамбетту, и президента кабинета министровъ, г. Фрейсине.

„Парижане,“ такъ начинается корреспонденція, „неизмѣнно присутствующіе на „всѣхъ первыхъ представленіяхъ во Фран„цузской Комедіи, бываютъ свидѣтелями „слѣдующаго любопытнаго зрѣлища. Въ „парадной ложѣ возсѣдаетъ президентъ „республики; но зрители рѣдко обраща„ютъ свои взоры въ ту сторону, и мнѣ ни„когда не приходилось слышать, во время „разговоровъ въ антрактахъ, чтобы кто„либо интересовался мнѣніемъ г. Греви о „новой піесѣ. Но подъ парадною ложей „имѣется другая ложа, закрытая рѣшет„кой, за которою видѣется лишь неопре„дѣленное очертаніе того кто тамъ сидитъ; „къ этой ложѣ обращается вниманіе всей „залы, и въ антрактахъ всѣ интересуют„ся знать какого о піесѣ мнѣнія г. Гам„бетта, который постоянно занимаетъ эту „закрытую ложу. То что происходитъ въ „залѣ Французской Комедіи есть вѣрное „отраженіе того что въ болѣе крупныхъ „размѣрахъ совершается въ сферѣ внут„ренней и иностранной политики Фран„ціи. Г. Греви предсѣдаетъ въ парадной „политической ложѣ Елисейскаго дворца, „коей блестящая драпировка и позолота при„влекаютъ взоры непосвященныхъ, тогда „какъ въ закрытой ложѣ Бурбонскаго двор„ца г. Гамбетта рѣшаетъ судьбу разыгры„ваемой въ данную минуту піесы, коей раз„вязка обыкновенно сообразуется съ его „мнѣніемъ, часто даже капризомъ.“ Одинъ изъ членовъ теперешняго кабинета говорилъ корреспонденту что онъ видитъ г. Греви рѣже нежели всѣхъ своихъ знакомыхъ во Франціи. Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда шла рѣчь объ организаціи тогдашней Французской Республики, г. Греви высказался въ публичномъ засѣданіи палаты что въ „истой республикѣ“ президентъ есть только болѣзненный наростъ. Иронія судьбы возвела самого г. Греви на тотъ постъ который онъ провозгласилъ излишнимъ. На первыхъ порахъ это возбудило всеобщую насмѣшку надъ нимъ. Онъ одинъ остался серіознымъ, замѣчаетъ корреспондентъ, и со времени своего вступленія въ президентство повидимому поставилъ себѣ задачей доказать своимъ примѣромъ вѣрность провозглашенной имъ теоріи. Г. Греви болѣе чѣмъ когда-либо и нынѣ убѣжденъ въ ненужности президентства, и ему почти удалось убѣдить въ этомъ всѣхъ прочихъ. Корреспондентъ далекъ отъ мысли чтобы признавать г. Греви бездѣятельнымъ по недостатку нужныхъ для руководства политикой способностей. Если онъ прилагаетъ всѣ старанія къ тому чтобы какъ можно менѣе выдвигаться впередъ ограничиваясь ролью официальнаго представителя Франціи на парадахъ и торжествахъ разнаго рода, то это, по мнѣнію корреспондента, исключительно потому что таковъ его взглядъ на функцію президента и что онъ этимъ путемъ думаетъ достигнуть прощенія исторіи за то что согласился занять постъ, столь рѣшительно имъ осужденный тридцать лѣтъ тому назадъ. „Къ несчастію,“ прибавляетъ корреспондентъ, „ему „не удалось передѣлать характеръ Фран„цузовъ, которые упорно желаютъ видѣть „власть олицетворенною. Двадцать лѣтъ „цезаризма послѣдовавшихъ послѣ упомя„нутаго изреченія г. Греви еще болѣе укрѣ-

„нили французскій взглядъ на олицетво-„ренную въ одномъ человѣкѣ власть, и въ „то время какъ г. Греви старался доказать „неосновательность этого взгляда, публи-„ка сосредоточила свои взоры на другой „личности, которая удовлетворяла ея ин-„стинктивному требованію олицетворенной „власти.“ Личность эта есть г. Гамбетта. Онъ сумѣлъ мало-по-малу забрать въ свои руки дѣйствительную власть, верховное руководство всѣми дѣлами внѣшней и внутренней политики, и назначеніе министровъ, какъ и увольненіе ихъ, теперь его дѣло. Ваддингтоновскій кабинетъ еще пытался сохранить нѣкоторую независимость отъ г. Гамбетты; за это онъ и былъ свергнутъ, а новый кабинетъ Фрейсине, быть-можетъ, то же готовъ былъ бы зависѣть болѣе отъ своего прямаго и законнаго начальника г. Греви еслибы тотъ имѣлъ малѣйшее желаніе отстоять свою власть; но такъ какъ г. Греви этого не пожелалъ, то министрамъ осталось де только подчиниться единственно реальной власти г. Гамбетты, и г. Фрейсине сдѣлался первымъ министромъ президента палаты депутатовъ.

Послѣднія событія во Франціи подтверждаютъ эту мѣткую характеристику. Законъ *о полной амнистіи* всѣхъ участниковъ Парижской коммуны, внесенный 21 іюня въ законодательное собраніе, былъ принятъ въ тотъ же день большинствомъ 333 голосовъ противъ 140. Поправка къ закону, внесенная г. Марселемъ Бартомъ, о томъ чтобъ амнистія не была распространена на тѣхъ изъ осужденныхъ коммунаровъ кои виновны въ совершеніи общихъ преступленій (убійствъ, поджоговъ и т. п.), отвергнута 262 голосами противъ 185. При этомъ не мѣшаетъ припомнить что 3 марта прошедшаго года былъ принятъ предложенный Ваддингтоновскимъ кабинетомъ законъ коимъ президенту республики предоставлено широкое право помилованія коммунниковъ и въ силу этого полномочія даровано прощеніе не менѣе чѣмъ тремъ съ половиною тысячамъ участниковъ возстанія 1871 года. Но это было лишь *помилованіе*, то-есть прощеніе основанное на соображеніяхъ касающихся каждаго осужденнаго въ отдѣльности. Помилованные только освобождались отъ дальнѣйшаго отбыванія постановленнаго надъ ними судомъ наказанія; но администрація не имѣла права отмѣнить послѣдствій судебнаго приговора и возвратить прощеннымъ ихъ политическія права. *Амнистія* же есть полная отмѣна *de jure* всѣхъ судебныхъ приговоровъ той категоріи къ которой амнистія относится. Крайняя лѣвая именно этого добивалась при обсужденіи прошлогодняго закона; но Ваддингтоновскій кабинетъ энергически отвергъ амнистію, которая съ тѣхъ поръ и стала лозунгомъ радикальной партіи и ея настойчивой агитаціи, въ которой приняла дѣятельное участіе многочисленная толпа помилованныхъ и возвращенныхъ коммунаровъ. Въ декабрѣ прошедшаго года, предложеніе объ амнистіи было вновь внесено; г. Ваддингтонъ, который тогда еще былъ президентомъ кабинета, рѣшительно высказался противъ, и такъ какъ г. Гамбетта въ то время еще не считалъ нужнымъ высказаться въ пользу предложенія, то оно было отвергнуто большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 57. Въ минувшемъ февралѣ, уже при министерствѣ Фрейсине, г. Луи Бланъ возобновилъ предложеніе объ амнистіи; но г. Фрейсине, хотя и не высказался вполнѣ противъ предложенія, потребовалъ чтобы правительству предоставлена была свобода въ выборѣ момента для внесенія законопроекта по этому предмету, причемъ онъ обставилъ дѣло нѣкоторыми условіями. Радикалы требовали признанія неотложности предложенія Луи Блана; но и тогда большинство 313 противъ 115 голосовъ рѣшили дѣло не въ пользу радикаловъ, и неотложность была отвергнута.

Теперешній законъ, дарующій полное прощеніе и возстановленіе въ политическихъ правахъ всѣмъ безъ исключенія коммунарамъ и распространяющій, сверхъ того, прощеніе за всѣ политическія преступленія со включеніемъ печати, до 19-го іюня сего года, есть дѣло г. Гамбетты. Въ этомъ согласны всѣ извѣстія изъ Франціи; въ томъ же убѣждаетъ выдающаяся роль которую игралъ г. Гамбетта при обсужденіи законопроекта, и произнесенная имъ при этомъ рѣчь. По общему голосу всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей, г. Гамбетта почувствовалъ въ послѣднее время что авторитетъ его среди радикальной партіи очень пошатнулся, именно вслѣдствіе неопредѣленнаго и двусмысленнаго отношенія его къ вопросу объ амнистіи, чему въ особенности способствовали вернувшіеся изъ ссылки коммунары. И вотъ онъ счелъ благовременнымъ двинуть законопроектъ, удивившій всѣхъ своею ра-

дикальностью, и сумѣлъ добиться утвержденія той самой мѣры которой столько разъ тщетно добивались чистокровные радикалы.

Впрочемъ, радикалы отнюдь не отступились отъ своей вражды противъ теперешняго правительства и противъ г. Гамбетты. Уже послѣ внесенія законопроекта, Бельвильскій округъ въ Парижѣ, тотъ самый отъ котораго депутатомъ состоитъ г. Гамбетта, избралъ своимъ представителемъ въ муниципальный совѣтъ коммунара Тренке, который еще находится въ каторжной работѣ и не пользуется пока никакими гражданскими правами. Точно также и г. Гамбетта, въ своей рѣчи, отнюдь не оправдывалъ коммунниковъ; онъ напротивъ заклеймилъ словами негодованія „позорныя дѣла коммуны.“ Аргументація его въ пользу амнистіи была основана главнымъ образомъ на соображеніяхъ политическаго свойства. Онъ доказывалъ будто амнистія необходима именно для успѣшнаго противодѣйствія ультрарадикальной партіи, дабы отнять у нея поводъ къ агитаціи на предстоящихъ въ 1881 году общихъ выборовъ. Онъ считаетъ благоразумнымъ даровать амнистію именно теперь, за годъ до выборовъ, полагая что до тѣхъ поръ вернувшіеся агитаторы успѣютъ угомониться, и что избирательная борьба между крайними и умѣренными республиканцами не будетъ столь острою и непримиримою какъ разчитываютъ на то, въ своихъ личныхъ видахъ, партіи враждебныя республикѣ. Сверхъ того, органъ г. Гамбетты, *République Française* указываетъ на важность предстоящаго въ Парижѣ 14 іюля великаго военнаго праздника. Этотъ день (годовщина штурма Бастиліи) избранъ для того чтобы раздать новыя знамена всѣмъ частямъ Французской арміи. Устраненіе главнаго повода вражды между республиканскими фракціями придастъ де еще бо́льшую силу этому празднеству „возстановленія французской арміи...“

Этотъ знаменательный военный праздникъ, предстоящій въ Парижѣ, и возростающіе съ каждымъ днемъ шансы г. Гамбетты возбуждаютъ видимую тревогу въ Берлинѣ. Тамошнія газеты не скрываютъ того что изъ всѣхъ руководителей Франціи они менѣе всего довѣряютъ г. Гамбеттѣ, полагая что въ его честолюбивой головѣ скрываются какія-либо опредѣленные замыслы противъ Германіи, объ отместкѣ которой мечтаетъ каждый Французъ...

№ 169.

Москва, 19-го іюня.

Изо всѣхъ текущихъ явленій экономической жизни едва ли какое другое обращаетъ на себя большее вниманіе чѣмъ подъемъ цѣнъ на хлѣбъ съ его послѣдствіями. И въ печати, и въ публикѣ идутъ безпрестанные толки о вздорожаніи хлѣба и вызываемыхъ имъ вопросахъ. Нами было уже сказано нѣсколько словъ по этой части въ № 164 *Московскихъ Вѣдомостей*, но характеръ какимъ отличаются жалобы на дороговизну хлѣба и сужденія о ней побуждаютъ насъ возвратиться къ этому предмету.

Высказываются опасенія за будущее, подвергаются сомнѣнію результаты будущаго урожая. И нельзя сказать чтобы не было основаній для подобныхъ опасеній. Погода во многихъ мѣстахъ была очень неблагопріятна росту хлѣбовъ. „Южная и юго-восточная окраины Россіи не обѣщаютъ обилія плодовъ земныхъ,“ пишетъ авторъ помѣщаемой ниже корреспонденціи *Съ дороги:* „Неутѣшительное зрѣлище представляютъ поля начиная отъ Москвы вплоть до Крымскаго кряжа. Едва ли можно ожидать урожая по всему этому краю даже посредственнаго.“ Не совсѣмъ удовлетворительныя извѣстія о вліяніи погоды на урожай получаются и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей. Независимо отъ этого, не малый вредъ могутъ причинить вновь отродившіеся хлѣбные жучки, о которыхъ такъ много говорили въ послѣднее время и особенно въ прошломъ году. Появились по мѣстамъ и другіе виды насѣкомыхъ, повдающихъ хлѣбъ на корню. Наконецъ на нѣкоторыя мѣстности сдѣлала нашествіе саранча, причинившая въ прошломъ году столько вреда въ Закавказьѣ. Правда, обстоятельныхъ свѣдѣній для сужденій о видахъ на урожай по всей Россіи и о размѣрахъ недочетовъ предстоящей жатвы, сравнительно съ обычными ея результатами, пока еще нѣтъ. Точно также неизвѣстно насколько расширилась область обычно поражаемая въ послѣдніе годы хлѣбнымъ жучкомъ, и въ большемъ или меньшемъ количествѣ появился онъ въ мѣстностяхъ которыя стра-

дали отъ него въ прошломъ году. Равнымъ образомъ неизвѣстенъ и размѣръ площади опустошаемой саранчею. У страха глаза велики, и люди склонны преувеличивать передаваемыя ими дурныя вѣсти. Иногда такія вѣсти даже просто сочиняются. Къ числу такихъ вѣстей принадлежитъ, повидимому, сообщеніе *Саратовскаго Листка*, перепечатанное столичными газетами, о томъ что саранча перешла изъ слободы Николаевской за предѣлы Самарской губерніи и заняла мѣстность до колоніи Ровной. „Я проѣхалъ," телеграфируетъ изъ Астрахани, отъ 15-го іюня, министръ внутреннихъ дѣлъ, прочитавъ это извѣстіе, „Новоузенскій уѣздъ степью въ Букеевскую орду, отъ Ровной всѣ попутныя колоніи, но нигдѣ саранчи не встрѣчалъ и, несмотря на мои разспросы, никто мнѣ о ней не заявлялъ." Но и принимая во вниманіе преувеличенія, нельзя, повидимому, не признать серіозность возникающихъ опасеній. И чѣмъ эти опасенія серіознѣе, тѣмъ настоятельнѣе необходимость собрать возможно полныя свѣдѣнія о положеніи дѣла, дабы заблаговременно озаботиться обезпеченіемъ народнаго продовольствія тамъ гдѣ въ этомъ предвидится надобность. Если дѣйствительно „народное бѣдствіе обрушивается на Россію," какъ начинаютъ говорить въ газетахъ, необходимо къ этому приготовиться, заранѣе разчитать силы врага съ которымъ предстоитъ бороться, чтобы сообразно съ тѣмъ опредѣлить свойство и объемъ мѣръ для устраненія и облегченія грозящаго бѣдствія, и приступить къ принятію этихъ мѣръ не дожидаясь пока зло обнаружится во всей силѣ, и когда оказаніе помощи постигнутымъ бѣдою можетъ оказаться запоздалымъ...

Не затрудненія въ народномъ продовольствіи отъ ожидаемаго недорода хлѣба и истребленія его вредными насѣкомыми составляютъ, однако, главный предметъ идущихъ въ настоящее время толковъ, а нынѣшній высокій подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ. Указанія на предвидимый неудовлетворительный урожай, на жучковъ и саранчу дѣлаются большею частію для подкрѣпленія сужденій, которыя повторялись бы въ той же силѣ еслибы никакого неурожая не предвидѣлось. Не на участь людей живущихъ земледѣліемъ обращается главное вниманіе, а на затрудненія покупщиковъ хлѣба, которые де поставлены дороговизной его въ крайнее положеніе. Эта дороговизна есть результатъ усиленнаго заграничнаго спроса на русскій хлѣбъ, и потому, частію прямо, частію косвенно, высказывается мысль что полезно было бы остановить временно отпускъ хлѣба за границу, въ интересахъ той части населенія которая обычно питается покупнымъ хлѣбомъ.

Но, прежде всего, находятся ли у насъ эти покупщики хлѣба, оставляя въ сторонѣ исключенія, дѣйствительно въ „безвыходномъ положеніи?" Это пока вопросъ, и появляющіяся въ печати заявленія въ этомъ смыслѣ, кажется, грѣшатъ не малыми преувеличеніями. Вникните въ самый тонъ и выраженія въ какихъ дѣлаются эти заявленія. Нынѣшнія цѣны хлѣба, говоритъ одна газета, „голодъ для всѣхъ чей обѣдъ состоитъ изъ единственной краюхи чернаго хлѣба съ пустыми щами или съ квасомъ и лукомъ." „Бѣдному люду," замѣчаетъ другая газета, „приходится работать полуголоднымъ." Не риторическія ли это фигуры? Авторъ статьи „Голосъ крестьянина" въ № 163 нашей газеты утверждаетъ что поднявшаяся цѣна хлѣба „ложится тяжелымъ бременемъ не на кого другаго какъ на крестьянина" (разумѣются тутъ не крестьяне вообще, а крестьяне подмосковные и другіе находящіеся въ сходномъ съ ними положеніи), который де „во избѣжаніе голодной смерти, продаетъ и закладываетъ все необходимое въ семейномъ обиходѣ лишь бы прокормить голодную семью." Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Въ дороговизнѣ ли хлѣба лежитъ главная причина этихъ столь частыхъ у насъ, къ несчастію, случаевъ продажи и закладыванія крестьянами „необходимаго въ семейномъ обиходѣ?" Не стоятъ ли тутъ, впереди цѣнъ хлѣба, кабаки, трактиры, наконецъ лѣность, на которую такъ горько жаловались гласные изъ крестьянъ въ Московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи?

Далѣе, нельзя не замѣтить что сужденія по поводу нынѣшняго возвышенія цѣнъ грѣшатъ своею односторонностью. Выставляются на видъ только невыгоды и лишенія тѣхъ кто у насъ въ Россіи питаются покупнымъ хлѣбомъ, и умалчивается о вліяніи повышенныхъ хлѣбныхъ цѣнъ на благосостояніе людей которые ѣдятъ не покупной, а собственный хлѣбъ, и для

которыхъ возможность улучшить свой бытъ зависитъ именно отъ размѣра выручки за избытокъ производимаго ими хлѣба. Указанная односторонность сужденій довольно понятна. Тѣ кому отъ подъема цѣнъ хорошо не жалуются и не кричатъ, ихъ не слышно; но тѣмъ слышнѣе раздаются голоса людей покупающихъ хлѣбъ и платящихъ за него дороже чѣмъ прежде. Къ этому послѣднему классу, притомъ, почти поголовно принадлежатъ всѣ разсуждающіе о дороговизнѣ хлѣба, — и газетные корреспонденты, и сотрудники, и вообще городская интеллигенція. Возникающія то тамъ, то тутъ сѣтованія на подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ обсуждаются такимъ образомъ людьми которые ощущаютъ на самихъ себѣ невыгоды подъема хлѣбныхъ цѣнъ и не видятъ никакихъ отъ него выгодъ. Благодаря этому, въ общественномъ мнѣніи готовъ сложиться такой общій взглядъ на вздорожаніе хлѣба какой былъ бы совершенно умѣстенъ и вѣренъ въ Англіи, но представляется нѣсколько страннымъ въ Россіи. Въ Англіи отъ вздорожанія хлѣба, за исключеніемъ горсти фермеровъ, страдаетъ весь народъ поголовно; тамъ всѣ нуждаются въ покупкѣ хлѣба для своего продовольствія; огромное большинство населенія живетъ тамъ не земледѣльческимъ, а промышленнымъ трудомъ, да и та часть народа, которая посвящаетъ свой трудъ земледѣлію, плодами его не пользуется, своего хлѣба не имѣетъ, а получаетъ только заработную плату. При такихъ условіяхъ, дороговизна хлѣба естественно обращается въ народное бѣдствіе. Но у насъ условія совершенно противоположныя. Число людей совсѣмъ не занимающихся земледѣліемъ есть малый процентъ общей массы населенія страны. Земля принадлежитъ самимъ земледѣльцамъ. Огромная масса народа занята исключительно земледѣліемъ, и не только пропитывается собственнымъ хлѣбомъ, но продаетъ его избытки; вся эта масса народа выигрываетъ отъ вздорожанія хлѣба, и размѣръ пріобрѣтаемыхъ ею выгодъ не ограничивается тою суммой какую приходится приплачивать тѣмъ кто ѣстъ покупной хлѣбъ; къ этой суммѣ должно присоединить барыши отъ подъема цѣнъ на хлѣбъ какъ сбываемый за границу, такъ и поступающій въ громадныхъ количествахъ на винокуренія. Затѣмъ, другая значительная часть населенія, живущая, кромѣ земледѣлія, промышленнымъ трудомъ, если и не производитъ хлѣба для продажи, то большею частью имѣетъ его достаточно для своего прокормленія; на этой части населенія измѣненіе цѣнъ на хлѣбъ, можно сказать, не отзывается ни въ ту, ни въ другую сторону. Принимая все это въ соображеніе, едва ли позволительно провозглашать у насъ повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, выгодное для большинства населенія и безразличное для значительной его части, народнымъ бѣдствіемъ. Можетъ-быть это и бѣдствіе, только не общее, а частное, того сравнительно не большаго процента нашего населенія которое нуждается постоянно или временно въ покупномъ хлѣбѣ. Но и признавъ фактъ такого частнаго бѣдствія, едва ли можно допустить мысль что для облегченія его слѣдуетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ которыя, какъ напримѣръ стѣсненіе отпуска за границу, насильственно понизили бы цѣны хлѣба. Польза отъ такой мѣры для слабаго меньшинства населенія была бы ничтожна въ сравненіи со вредомъ какой она причинила бы громадному большинству, коего потери не опредѣлялись бы только тою суммой какую выгадало бы при этомъ меньшинство питающееся покупнымъ хлѣбомъ. Интересы этого меньшинства, конечно, не могутъ быть оставлены безъ вниманія, но чтобы помочь ему, желательно принятіе мѣръ которыя не были бы въ ущербъ всей странѣ, которыя были бы направлены не столько къ пониженію хлѣбныхъ цѣнъ, сколько къ увеличенію средствъ для его покупки. Возможенъ, конечно, случай когда сдѣлается необходимостью задержка въ странѣ хлѣба закупаемаго, даже уже закупленнаго для отправки за границу. Если положительный неурожай дѣйствительно грозитъ обширнымъ районамъ страны, если предстоитъ серіозная забота о продовольствіи цѣлыхъ массъ населенія всегда питавшихся своимъ, не покупнымъ хлѣбомъ, если при этомъ предвидится дальнѣйшее повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, было бы, полагаемъ, добрымъ дѣломъ скупить нынѣ же въ казну, по нынѣшнимъ цѣнамъ, не дожидаясь новаго ихъ подъема, количество хлѣба достаточное для снабженія хлѣбомъ тѣхъ у кого его не достанетъ. Пусть будетъ заключенъ заемъ для этой цѣли, пусть будетъ допущена при этомъ даже экспропріація хлѣба у закупившихъ его экспортныхъ конторъ, съ надлежащимъ

ихъ вознагражденіемъ. Все это можетъ быть оправдано государственною необходимостью. Но и рѣшаясь даже на такія мѣры, кажется, должно не разъ подумать прежде чѣмъ принять общую мѣру въ видахъ повсемѣстнаго удешевленія хлѣба запретомъ его отпуска. Насильственное удешевленіе хлѣба, при недородѣ его, можетъ превратить мѣстныя бѣдствія въ общенародное. Будутъ бѣдствовать не одни тѣ изъ живущихъ исключительно земледѣліемъ которые будутъ поставлены въ необходимость прибѣгать къ непривычной покупкѣ хлѣба, и чья участь можетъ быть облегчена раздачей или продажей по удешевленнымъ цѣнамъ хлѣба заблаговременно заготовленнаго казной или земскими учрежденіями; будутъ бѣдствовать и тѣ для кого послѣдствія неурожая выразятся лишь большимъ сокращеніемъ избытка хлѣба который, за удовлетвореніемъ собственной въ немъ надобности, можетъ быть пущенъ въ продажу...

Указывая на односторонность сужденій о нынѣшнемъ подъемѣ цѣнъ на хлѣбъ, мы однако очень далеки отъ признанія нынѣшнихъ хлѣбныхъ цѣнъ въ Россіи нормальными. Въ ходѣ нашей хлѣбной торговли несомнѣнно есть нѣчто неладное, вредно отзывающееся и на продавцахъ-производителяхъ, и на покупщикахъ, потребителяхъ хлѣба. Производители хлѣба несомнѣнно могли бы выручать за него болѣе даже при менѣе высокихъ цѣнахъ чѣмъ нынѣшнія, и потребители могли бы покупать его дешевле безъ ущерба для производителей если бы хлѣбная торговля у насъ имѣла правильную организацію. А какъ далеко ей до такой организаціи, показываютъ факты продажи хлѣба за границу по цѣнамъ ниже тѣхъ какія стоятъ на внутреннихъ рынкахъ...

На подобные факты, кажется, имѣлъ въ виду указать, между прочимъ, и авторъ вышеупомянутой статьи „Голосъ крестьянина," но выбранный имъ примѣръ былъ не совсѣмъ удаченъ. Изъ того что въ окрестностяхъ Москвы ржаная мука въ настоящее время 1 р. 40—45 к. за пудъ, а несмотря на это въ Петербургѣ въ послѣднее время рожь продавалась до 12 рублей четверть въ 9 пуд., — еще ничего не слѣдуетъ. Мука изъ пуда ржи цѣною до 1 руб. 33 коп. будетъ не дешевле, даже быть-можетъ дороже вышеприведенныхъ подмосковныхъ цѣнъ. Но имѣются въ виду факты дѣйствительно разительные. Были случаи,—на которые и указывается въ газетахъ,—были случаи обратной покупки у иностранцевъ проданнаго имъ хлѣба: конторы закупающія хлѣбъ для отправки за границу перепродавали его русскимъ торговцамъ, конечно за цѣну дававшую бо́льшій барышъ чѣмъ цѣна за которую можно было продать за границей...

Съ такими порядками хлѣбной торговли при которыхъ возможны подобные казусы трудно мириться. Обидное для русскихъ потребителей продешевленіе хлѣба при продажѣ его иностранцамъ показываетъ что и производители не получаютъ за него надлежащихъ цѣнъ. Не въ такихъ условіяхъ должна бы находиться торговля главнымъ предметомъ русскаго народнаго богатства... Но что̀ мѣшаетъ этой торговлѣ усвоить правильный ходъ, къ общей выгодѣ всѣхъ заинтересованныхъ въ ней сторонъ? Въ чемъ главный корень зла, въ спекуляціи ли дурнаго свойства наложившей руку на торговлю хлѣбомъ, или въ несовершенствахъ строя русской экономической жизни вообще?

Не малая доля отвѣтственности за неправильности въ ходѣ русской хлѣбной торговли падаетъ и на желѣзныя дороги. Перевозка хлѣба сопряжена со слишкомъ большимъ рискомъ какъ относительно доставки въ мѣсто назначенія безъ вреда его качеству, такъ и относительно своевременности прибытія куда слѣдуетъ. Одинъ уже этотъ рискъ вноситъ въ хлѣбную торговлю лишній элементъ игры, а уплата страховой за него преміи ложится и на производителей, и на потребителей хлѣба. Но едва ли еще не въ большей степени препятствуютъ установленію правильныхъ цѣнъ на хлѣбъ желѣзнодорожные тарифы. Эти тарифы разчитаны такъ чтобы побуждать грузоотправителей везти хлѣбъ непремѣнно въ конечные пункты рельсовой сѣти, къ портамъ (впрочемъ не ко всѣмъ) чрезъ которые хлѣбъ идетъ за границу. До этихъ портовъ хлѣбъ везется по пониженной таксѣ, по такъ-называемому спеціальному тарифу. Но если вы хотите перевезти хлѣбъ изъ одного внутренняго пункта въ другой, также внутренній, цѣну за провозъ его разочтутъ по обыкновенному внутреннему, гораздо болѣе высокому тарифу. Не трудно сообразить до какой степени можетъ это удешевлять цѣну хлѣба въ мѣстахъ отпуска за границу

сравнительно со многими внутренними рынками сбыта. Возьмемъ для примѣра хотя бы тотъ примѣръ на который намъ недавно приходилось указывать. Положимъ, вы отправляете хлѣбъ изъ Екатеринослава. Отъ этого города до Симферополя 630, а до Севастополя 703 версты. Но Севастополь конечный пунктъ, и за 703 версты до него дорога беретъ на 32 рубля съ вагона дешевле чѣмъ за 630 верстъ до Симферополя. Провезти хлѣбъ изъ Екатеринослава въ Севастополь и затѣмъ повернуть его на 73 версты назадъ по той же дорогѣ въ Симферополь, то-есть заставить его прокатиться 776 верстъ вмѣсто 630, будетъ все-таки выгоднѣе чѣмъ везти въ Симферополь прямо изъ Екатеринослава... И такъ по всей почти нашей рельсовой сѣти, по всѣмъ почти направленіямъ. При такихъ тарифныхъ порядкахъ нечего удивляться случаямъ обратной покупки, для отправки внутрь страны, хлѣба заготовляемаго въ портахъ для вывоза за границу...

№ 170.

Москва, 20-го іюня.

А.

13 іюня, телеграммою изъ Кронштадта, дано было знать что наканунѣ, въ 4 часа пополудни, снялась съ якоря и ушла въ море броненосная батарея *Кремль*, назначенная въ составъ отряда судовъ Тихаго Океана. 15 іюня, за батареею долженъ былъ послѣдовать ея конвоиръ, крейсеръ *Европа*, выходъ котораго пришлось отложить такъ какъ уже 14 іюня въ Петербургѣ стало положительно извѣстно что батарея *Кремль* зашла въ Гельсингфорсъ, вслѣдствіе поврежденій полученныхъ ею при столкновеніи у острова Гохланда съ датскимъ купеческимъ пароходомъ вышедшимъ изъ Кронштадта только четырьмя часами позднѣе *Кремля*.

Нѣсколько дней спустя, въ Петербургѣ узнали что поврежденія полученныя батареею *Кремль* „весьма значительны,“ и что броненосецъ, не рискуя идти изъ Гельсингфорса обратно въ Кронштадтъ одинъ, просилъ и получилъ особаго конвоира. Затѣмъ, 18 іюня, петербургскія газеты передали первыя извѣстія о самомъ столкновеніи и понесенныхъ нашимъ броненосцемъ поврежденіяхъ. Оказывается что столкновеніе произошло въ то время когда датскій пароходъ, дѣйствительно вышедшій изъ Кронштадта нѣсколько позднѣе *Кремля*, старался обогнать броненосецъ. *Купецъ* „получившій ударъ отъ *Кремля*“ не затонулъ только потому что шкиперу удалось бросить судно на отмель. Но не малы и поврежденія *Кремля*. „Тарань и носовая часть нашей пловучей батареи,“ сообщаютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, „сворочены и поломаны до первой переборки;“ починка этихъ поврежденій и устраненіе сильной течи судна требуютъ, какъ оказывается, столь значительнаго времени что батарея *Кремль* уже исключена изъ списка судовъ эскадры Тихаго Океана, причемъ вмѣсто нея назначенъ винтовой клиперъ *Жемчугъ*.

Вотъ все что пока извѣстно объ этой загадочной аваріи, приключившейся такъ не кстати въ то самое время когда отъ нашего флота требуется развитіе наибольшей силы и дѣятельности. Несомнѣнно что этотъ выходящій изъ ряда случай будетъ разслѣдованъ со всею подробностью. Дѣло не въ томъ чтобы разсортировать лицъ причастныхъ къ дѣлу и выяснить какимъ образомъ произошло самое столкновеніе и кто виноватъ въ немъ, купеческое судно или броненосецъ; важно знать причину почему броненосецъ только что изготовленный для дальней и серіозной военно-морской службы, слѣдовательно тщательно осмотрѣнный, получилъ при столкновеніи съ купцомъ, и притомъ *на ходу*, крупныя поврежденія въ самой сильной части своего корпуса, именно и предназначенной для того чтобы наносить удары. Правда, тараненье не безъ вреда и для бьющаго судна; сильный ударъ всегда до извѣстной степени расшатываетъ все крѣпленье, но опытъ показалъ что таранящее судно не можетъ еще сдѣлаться не способнымъ къ дальнѣйшему плаванью послѣ перваго же удара даже не въ купеческій пароходъ, хотя бы и желѣзный, но и въ сильный непріятельскій броненосецъ. Естественно что при случайномъ столкновеніи ударъ не могъ послѣдовать съ надлежащею правильностью, но этимъ еще нельзя объяснить полное разрушеніе всей носовой части нашего броненосца.

Легко можетъ быть что причина несчастія кроется въ какой-нибудь даже не важной оплошности командира или въ не-

досмотрѣ корабельнаго инженера. Бывали же у насъ случаи что только что построенныя суда, выйдя въ море послѣ тщательнаго казалось осмотра, на первыхъ же переходахъ требовали починки и „текли всѣми клепками.“ Но можетъ быть и иная причина, обнаружить которую тѣмъ важнѣе что это можетъ теперь, какъ разъ вовремя, устранить повтореніе подобныхъ явленій при обстоятельствахъ когда уже нельзя будетъ укрыться въ близкую гавань и выжидать прибытія особаго конвоира который помогъ бы добраться куда нужно.

Случись что-либо подобное въ морскомъ бою, дѣло можетъ и не ограничиться только гибелью пострадавшаго судна. Потеря его можетъ оказать дѣйствіе на исходъ боя, а можетъ-быть и всей операціи, если бой долженъ послужить средствомъ къ достиженію извѣстной цѣли. Все это тѣмъ важнѣе что *Кремль* предназначался къ дѣйствіямъ не въ близи отъ нашего военно-морскаго центра, а на дальнемъ Востокѣ гдѣ не было бы можетъ-быть ни средствъ исправить поврежденія, ни замѣнить потерянное судно другимъ. Но и теперь, какъ оказывается, сдѣлать это не легко. Броненосца пришлось замѣнить простымъ винтовымъ клипером, судномъ имѣющимъ совсѣмъ иной характеръ и назначеніе. Если послѣ всѣхъ споровъ кои шли въ послѣднее время о сравнительныхъ боевыхъ достоинствахъ крейсеровъ и броненосцовъ, морское вѣдомство признавало необходимымъ послать въ Тихій Океанъ броненосную батарею *Кремль*, то это рѣшеніе, именно, было вызвано серіозными соображеніями, кои не утратили своего значенія и теперь когда вмѣсто *Кремля* пришлось послать *Жемчугъ*. Или пришли теперь къ убѣжденію что броненосцы во флотѣ не очень нужны и могутъ быть легко замѣнены простыми крейсерами; между тѣмъ какъ за годъ, за два передъ симъ доказывалась ненадобность крейсеровъ? Можетъ-быть выборъ палъ на *Жемчугъ* лишь по той причинѣ что оно было вполнѣ уже готово къ выходу въ море, тогда какъ снаряженіе другаго во всякомъ случаѣ потребовало бы времени. Но есть ли причина слишкомъ торопиться? Обстоятельства заставившія усилить наши военно-морскія средства въ Тихомъ Океанѣ, сомнительныя отношенія къ Китаю, еще не выяснились, и выяснятся вѣроятно не чрезъ тѣ нѣсколько дней которые нужны для изготовленія къ плаванію начавшаго уже учебную кампанію военнаго судна.

Китайцы и сами еще, повидимому, не готовы къ дѣйствіямъ. Они только собираются съ силами и по извѣстіямъ изъ Лондона еще недавно купили въ Англіи шесть броненосцевъ со всѣми боевыми принадлежностями. Суда, какъ утверждаютъ, „въ скоромъ времени“ должны прибыть въ воды Китая и усилить его флотъ. Но именно это обстоятельство что предполагаемый будущій противникъ обратилъ вниманіе на пріобрѣтеніе броненосцевъ заставляетъ, казалось бы, и насъ придавать извѣстную цѣну числу ихъ въ эскадрѣ Тихаго Океана, тѣмъ болѣе что въ составъ ея назначено уже и безъ того не мало легкихъ судовъ, частью уже ушедшихъ, частью готовящихся къ выходу изъ Кронштадта.

Б.

Вступивъ въ должность оберъ-прокурора Св. Синода, К. П. Побѣдоносцевъ находитъ нужнымъ и должнымъ личными посѣщеніями ознакомиться съ мѣстными потребностями православной церкви, въ дѣлахъ которой онъ призванъ быть окомъ государственной власти помогающей и ограждающей. Недавно, какъ извѣстно, посѣтилъ онъ Ярославскую епархію и, пробывъ затѣмъ нѣсколько дней въ Москвѣ, возвратился въ Петербургъ, оттуда этимъ же лѣтомъ предприметъ новыя поѣздки. Въ Ярославлѣ 9 іюня, на выпускѣ дѣвицъ въ Училищѣ для дочерей священно- и церковно-служителей, состоявшемъ подъ покровительствомъ въ Бозѣ почившей Императрицы, Константинъ Петровичъ сказалъ выходившимъ воспитанницамъ напутственное слово которое не могло не оставить въ нихъ глубокаго и сильнаго впечатлѣнія. Мы радуемся возможности послужить органомъ распространенія этого прекраснаго и возвышеннаго слова посвященнаго памяти новопреставленной Царицы. Вотъ оно:

„Вы оставляете сегодня домъ вашего воспитанія. Шесть лѣтъ вы прожили здѣсь въ мирѣ, и то добро съ которымъ отпускаютъ васъ отсюда есть первое благо вашей жизни. Берегите его, внесите его съ собою въ домы родителей вашихъ, и храните всю жизнь, какъ сокровище, тѣ начала свѣта и истины которыя здѣсь по-

ложены въ васъ. Храните благодарную память о достопочтенной начальницѣ вашего воспитанія и всѣхъ ея сотрудникахъ.

„Храните благоговѣйно священную память усопшей благодѣтельницы вашей и покровительницы Государыни Императрицы Маріи Александровны, и молитесь за Нее. Она Сама желала этого и завѣщала всѣмъ любящимъ Ее поминать Ее на литургіи, когда приносится безкровная жертва на Престолѣ Господнемъ.

„Прихожу къ вамъ со свѣжей Ея могилы и приношу вамъ послѣдній завѣтъ Ея. Усопшая оставила вамъ всѣмъ въ завѣтъ украшавшія Ее добродѣтели. Возьмите ихъ себѣ: онѣ для васъ драгоцѣннѣе всякаго иного украшенія.

„Она завѣщала вамъ, вопервыхъ, крѣпкую, горячую вѣру свою и любовь къ Церкви Православной. Не въ ней Она родилась, но въ ней была воспитана, но душа Ея была способна увидѣть и почувствовать всю несказанную красоту и истину Православной Церкви въ ея ученіи и богослуженіи. Она скоро сроднилась съ нею и черезъ Церковь тотчасъ сроднилась съ народомъ, приняла въ Себя духъ его и стала намъ Своя, родная Императрица. До послѣднихъ дней жизни Она поминала съ глубокою признательностью тѣхъ кто ввелъ Ее въ Церковь и показалъ Ей нашу церковную красоту.

„Любите вы выше всего на свѣтѣ нашу святую Церковь, такъ какъ любитъ человѣкъ, однажды узнавши, верховную красоту и ничего не хочетъ промѣнять на нее. Иныя изъ васъ будутъ имѣть своихъ дѣтей, иныя будутъ наставницами чужихъ. Вы будете между ними апостолы добра и правды если передадите имъ эту любовь къ Церкви, введете ихъ въ Церковь, покажете имъ красоту церковную. Но истинѣ сдѣлаете великое дѣло и спасете многихъ отъ духовной смерти, выведете изъ мрака въ свѣтъ. Вамъ самимъ съ этою любовью къ Церкви не страшны будутъ никакіе соблазны лживыхъ ученій. Будете жить среди народа: только чрезъ Церковь можете вы сойтись съ народомъ просто и свободно и войти въ его довѣріе.

„Дальше завѣщала вамъ усопшая свою кротость, скромность и сдержанность Ей ли Царицѣ Русской было не блистать посреди людей? Но душа Ея не того требовала. Она не хотѣла блистать во внѣшности: вся Ея слава, по слову Пророка, была внутрь, и всѣ свои сокровища Она собирала внутрь себя, а не расточала въ праздномъ словѣ. И сила Ея изнутри дѣйствовала. Кто подходилъ къ Ней тотъ чувствовалъ присутствіе чистоты, ума, доброты, и самъ становился при Ней чище, свѣтлѣе, сдержаннѣе. Евангельское слово показываетъ намъ двухъ женщинъ которыя были любезны Христу Спасителю: Марѳу попечительную и суетливую хозяйку, и Марію, горѣвшую огнемъ любви и вѣры. Сестра жаловалась что Маріи мало помогаетъ ей въ хозяйствѣ. Но Господь оправдалъ Марію, сказавъ про нее что она благую часть избрала. Благо тому дому гдѣ есть своя Марія, которая, не допуская себѣ и дому своему погрязнуть въ дѣлахъ житейскихъ, горитъ въ душѣ вѣрою и любовію къ Божественному Учителю, и все въ домѣ своемъ одухотворяетъ тѣмъ же чувствомъ. Наша усопшая незабвенная Марія зоветъ васъ къ этому своимъ примѣромъ: Духа не угашайте въ себѣ и блюдите свято свое внутреннее сокровище. Не вѣрьте когда услышите нынѣшнихъ льстивыхъ проповѣдниковъ о женской свободѣ и вольности. То говорятъ лживые пророки вошедшіе въ міръ. Вамъ же сказано истинное слово: не мѣсто женщинѣ ни на каѳедрѣ, ни въ народномъ собраніи, ни въ церковномъ учительствѣ. Мѣсто ея въ домѣ, вся красота ея и сила во внутренней храминѣ и въ жизни, безъ словъ служащей для всѣхъ живымъ примѣромъ.

„Еще завѣщала вамъ усопшая Императрица свое милосердіе — великую женскую добродѣтель. Сердце Ея было сострадательно, дающая рука Ея не оскудѣвала, и вы знаете какъ Она посвятила всю Себя въ послѣдніе годы жизни великому дѣлу попеченія о больныхъ и раненыхъ въ минувшую войну. Сами вы увидите и почувствуете: всѣ наши высокія дѣла, наши печали и восторги, все проходитъ и исчезаетъ. Одно прочно: простыя дѣла милосердія: алчущаго напитать, жаждущаго напоить, нагаго одѣть, а выше всего темную душу освѣтить свѣтомъ Богопознанія, холодную согрѣть огнемъ любви — вотъ дѣла которыя пойдутъ вслѣдъ за нами.

„Наконецъ завѣщала вамъ Императрица Свое терпѣніе которымъ увѣнчалась Ея жизнь въ послѣднее время, исполненная великихъ страданій. Чѣмъ выше санъ, тѣмъ тяжеле служеніе, тѣмъ разнообразнѣе испытанія, тѣмъ чувствительнѣе печали. Мно-

го испытала усопшая наша Императрица. Богъ послалъ Ей великое горе—видѣть въ гробу нѣжно любимаго сына, прекраснаго юношу, образъ Ея и подобіе и по чертамъ лица и по свойствамъ душевнымъ. Она всю душу положила въ него, и въ ту пору когда онъ разцвѣталъ на радость всей землѣ нашей, смерть сразила его по судьбамъ Божіимъ и бездыханнаго положила предъ Матерью. Такое горе перенесла она, но не могла забыть его до послѣднихъ минутъ жизни своей. Сколько страдала она душой и отъ бѣдствій войны, и отъ злодѣйскихъ смутъ въ Россіи и въ столицѣ. Наконецъ, послѣднее время болѣзни было для Нея по истинѣ непрерывнымъ страданіемъ. Но никто никогда, даже изъ самыхъ близкихъ женщинъ служившихъ Ей, не слыхалъ отъ Нея ни вздоха, ни слова, ни движенія ропота или жалобы. Она знала что дни Ея сочтены, но положила всю жизнь въ Бога и Христа Спасителя, и каждую минуту готова была перейти въ лучшій міръ. Она молила Бога скончаться въ тишинѣ и молитва Ея была услышана. Однажды утромъ Она едва проснулась для новыхъ страданій какъ и заснула тихо, ни для кого незамѣтно, вѣчнымъ сномъ. Вѣруемъ что Она пробудилась для новой вѣчной жизни и, конечно, если Ей дано прозирать оттуда въ здѣшній міръ, чистая душа Ея въ эту минуту съ улыбкой смотритъ на васъ и васъ благословляетъ."

№ 171.

Москва, 21-го іюня.

Паденіе Бекенсфильдовскаго кабинета и замѣна онаго Гладстоновскимъ имѣли большое вліяніе на поворотъ къ лучшему въ томъ вопросѣ который составляетъ нынѣ самое чувствительное мѣсто въ общеевропейской политикѣ. Упрямое и ослѣпленное содѣйствіе Турціи въ ея предсмертной борьбѣ уступило мѣсто болѣе раціональному образу дѣйствій, признающему фактъ разложенія „мертваго тѣла," и новый англійскій кабинетъ, въ силу одного признанія этого факта, далъ возможность превратить, хотя отчасти, въ правду тотъ самый „европейскій концертъ," о коемъ такъ лицемѣрно и лживо говорено было во все продолженіе послѣднихъ восточныхъ замѣшательствъ, чему наглядымъ доказательствомъ служитъ результатъ Берлинской конференціи по вопросу о Греческой границѣ. Австро-Венгріи не удалось ея поползновеніе войти въ роль прежняго Британскаго кабинета и поставить *себя* опекуномъ надъ неприкосновенностью Турціи. Политическая группировка въ Европѣ видимо приняла другой, болѣе естественный видъ.

Вотъ почему существованіе Гладстоновскаго кабинета не можетъ не возбуждать интереса и за предѣлами Англіи, и почему общественное мнѣніе Европы съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ за тѣми вопросами внутренней англійской политики которые могутъ имѣть вліяніе на судьбу новаго кабинета, независимо отъ интереса который эти вопросы могутъ представлять сами по себѣ. До сихъ поръ новый кабинетъ еще не сталкивался съ вопросами на коихъ торіи и виги могли бы помѣряться силами. Лордъ Бекенсфильдъ не счелъ возможнымъ начать открытую борьбу по поводу иностранной политики, убѣдившись по исходу послѣднихъ выборовъ что большинство страны было далеко не въ пользу его „бойкой" политики, а въ дѣлахъ внутреннихъ новый кабинетъ еще не приступилъ къ проектированнымъ законодательнымъ реформамъ которыя могли бы дать почву для борьбы.

Тѣмъ не менѣе, борьба, и притомъ весьма серіозная, уже началась, и телеграфъ могъ съ часу на часъ принести намъ извѣстіе о парламентскомъ пораженіи Гладстоновскаго кабинета. Въ англійскомъ парламентѣ начались пренія по вопросу возникшему совершенно непредвидѣнно и случайно, но который правительство вынуждено было превратить въ кабинетный вопросъ. Мы говоримъ о „дѣлѣ Брадло" по поводу котораго внесенъ г. Гладстономъ билль въ измѣненіе существующихъ правилъ о парламентской присягѣ, пренія о которомъ должны были начаться вчера. Вотъ почему мы считаемъ не лишнимъ, въ дополненіе къ *Вѣстямъ изъ Англіи*, изложить здѣсь послѣдовательный ходъ этого казуснаго и характеризующаго англійскіе порядки случая, который не могъ быть вполнѣ понятенъ на основаніи отрывочныхъ телеграфныхъ и газетныхъ извѣстій.

Выбранный въ члены парламента рабочимъ населеніемъ крупный фабрикантъ го-

рода Нортгамптона, г. Брадло, журнальный дѣятель радикальнаго оттѣнка явился 3 мая въ первый разъ въ палату чтобы принести установленную вѣрноподданную присягу, безъ которой ни одинъ членъ парламента не можетъ принимать участія въ преніяхъ и голосованіяхъ палаты. Формула этой присяги значительно упрощена начиная съ тридцатыхъ годовъ этого столѣтія; изъ нея первоначально исключено было все что придавало ей характеръ вѣроисповѣдный въ смыслѣ протестантизма, черезъ что устранено было препятствіе для вступленія въ парламентъ католиковъ. Въ этой формулѣ, присягающій клялся „истинною вѣрой христіанина.“ Но затѣмъ, когда возникъ вопросъ о допущеніи въ англійскій парламентъ и Евреевъ, формула присяги была вновь измѣнена, и клятва по „истинной вѣрѣ христіанина“ была замѣнена клятвой „во имя Бога Всемогущаго.“ Съ тѣмъ вмѣстѣ, однако, закономъ 1866 года было сдѣлано исключеніе въ пользу религіозныхъ сектъ не пріемлющихъ присяги, квакеровъ „и другихъ“ какъ сказано въ законѣ, коимъ дозволялось, вмѣсто присяги (oath of allegiance), ограничиться торжественнымъ „подтвержденіемъ“ (affirmation). Тѣмъ же закономъ (§ 4) установленъ штрафъ въ 500 ф. ст., налагаемый по суду на тѣхъ изъ членовъ парламента кои примутъ участіе въ преніяхъ и голосованіи безъ принесенія присяги. Г. Брадло, явившись въ палату, обратился къ спикеру съ вопросомъ, „не будетъ ли сочтено возможнымъ дозволить ему, вмѣсто присяги, ограничиться клятвеннымъ обѣщаніемъ подобно сектантамъ не пріемлющимъ присяги, такъ какъ онъ по своимъ убѣжденіямъ не считаетъ клятвы во имя Бога обязательною для своей совѣсти.“ Спикеръ не счелъ себя въ правѣ разрѣшить этотъ вопросъ собственною властью, и предложилъ оный на разрѣшеніе палаты. Тогда г. Гладстонъ, высказавшись въ принципѣ за удовлетвореніе ходатайства г. Брадло, не счелъ однако возможнымъ сдѣлать по этому предмету прямое предложеніе въ качествѣ официальнаго предводителя Палаты Общинъ, но полагалъ нужнымъ назначить особую коммиссію для разрѣшенія юридическаго вопроса о томъ можетъ ли г. Брадло, въ силу закона 1866 года, воспользоваться правомъ предоставленнымъ для сектаторовъ не пріемлющихъ присяги. Коммиссія рѣшила вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, основываясь на томъ что атеистъ не можетъ, по смыслу закона, быть приравненъ къ тѣмъ кто, отказываясь присягать по религіознымъ мотивамъ, вполнѣ связываютъ свою совѣсть замѣняющимъ присягу „утвержденіемъ.“ Послѣ этого, г. Брадло вновь явился въ палату и заявилъ что въ виду непризнанія за нимъ права на отказъ отъ присяги, онъ требуетъ чтобъ его привели къ присягѣ по установленному порядку. На это послѣдовало возраженіе со стороны торіевъ что г. Брадло, самъ заявившій что клятва во имя Бога Всемогущаго не связываетъ его совѣсти, не можетъ быть допущенъ къ присягѣ. Послѣ продолжительныхъ преній по этому предмету, палата постановила назначить новую коммиссію для разрѣшенія вопроса о томъ можетъ ли г. Брадло быть допущенъ къ присягѣ Вторая коммиссія также рѣшила этотъ вопросъ отрицательно; но добавила къ своему докладу совѣтъ чтобы палата предоставила принципіальное рѣшеніе вопроса суду, а именно: чтобы предоставлено было г. Брадло принести клятвенное обѣщаніе, но съ тѣмъ что онъ можетъ быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности на основаніи 4-й статьи закона 1866 года, и тогда судъ рѣшитъ, обязанъ ли онъ былъ принести присягу, и если обязанъ, то онъ подвергнется штрафу, или же онъ будетъ оправданъ, что будетъ равносильно признанію что по смыслу указаннаго закона не только квакеры и прочіе сектанты, но и люди невѣрующіе могутъ вступать въ парламентъ безъ формальной присяги. Этотъ-то докладъ второй коммиссіи послужилъ предметомъ горячихъ преній 21 и 22 іюня, и во время этихъ преній личный вопросъ принялъ тѣ размѣры которые имѣ выдвинули его на первый планъ, поставивъ въ зависимость отъ него существованіе кабинета. Палата отвергла, большинствомъ 275 голосовъ противъ 230, компромиссъ предложенный второю коммиссіей, и постановила не допускать Брадло ни къ присягѣ, ни къ клятвенному обѣщанію. На другой день, г. Брадло, какъ извѣстно, вновь явился въ палату и допущенъ былъ къ представленію своихъ объясненій „у рѣшетки палаты.“ Онъ настаивалъ на томъ что палата не имѣла права дѣлать такое постановленіе, несогласное со смысломъ закона. Затѣмъ ему было приказано удалиться; Брадло отказался добровольно исполнить это приказа-

ніе. Палата постановила удалить его чрезъ „сержанта палаты.“ Но будучи выведенъ изъ залы, онъ появился вновь, и тогда, по предложенію предводителя оппозиціи, г. Норткота, поддержанному и г. Гладстономъ, онъ былъ отданъ подъ арестъ „сержанту палаты.“ Резолюція 22 іюня, при которой г. Гладстонъ и всѣ министры засѣдающіе въ Нижней Палатѣ подавали голоса съ меньшинствомъ, а также скандалъ *произшедшій на другой день*, когда Брадло былъ отданъ подъ стражу за неповиновеніе палатѣ, поставили Гладстона въ крайне неловкое положеніе. Достаточно сказать что всѣ постановленія Палаты послѣдовавшія 23-го іюня относительно г. Брадло до самого приказа о взятіи его подъ стражу, были приняты по предложеніямъ исходившихъ отъ главы оппозиціи г. Норткота, который, въ силу резолюціи 22 іюня былъ фактически вожакомъ Палаты по этому вопросу, и г. Гладстонъ самъ призналъ это положеніе, смиренно поддержавъ предложеніе г. Норткота объ удаленіи Брадло и объ его арестѣ. Общественное мнѣніе высказалось чрезъ вліятельнѣйшіе органы печати крайне неодобрительно противъ главы кабинета, обвиняя его въ томъ что онъ не сумѣлъ предупредить скандала энергически взявъ въ свои руки съ самаго начала руководство этимъ дѣломъ, вмѣсто пассивнаго предложенія о назначеніи коммиссій, коихъ противорѣчивыя и перѣшительныя заключенія только увеличили затрудненіе, изъ котораго не предвидѣлось выхода, ибо не могло подлежать сомнѣнію что вопросъ не былъ рѣшенъ окончательно прегражденіемъ г. Брадло доступа въ парламентъ безъ объявленія его мѣста вакантнымъ. А если объявить оное вакантнымъ и назначить новые выборы, то нельзя было сомнѣваться въ томъ что Брадло будетъ избранъ вновь, и тогда парламенту грозило повтореніе извѣстной исторіи съ Вильксомъ, который въ концѣ прошедшаго столѣтія болѣе 20 лѣтъ боролся съ Палатой Общинъ, отвергавшею его избраніе, тогда какъ его избиратели каждый разъ выбирали его вновь, пока Вилькъ одержалъ наконецъ побѣду и вступилъ въ Палату.

Множество запросовъ и предложеній за и противъ Брадло было внесено въ продолженіе прошедшей недѣли, и это доказывало какъ сильно заинтересовано было общественное мнѣніе Англіи этимъ дѣломъ. Оппозиція настойчиво требовала чтобы правительство выступило въ свою очередь съ опредѣленнымъ предложеніемъ, очевидно разчитывая что ей удастся нанести кабинету пораженіе, такъ какъ правительство не могло измѣнить своего взгляда, открыто высказаннаго, и ему, стало-быть, приходилось добиваться отмѣны постановленія 22 іюня, которое принято значительнымъ большинствомъ. Оппозиція надѣялась что большинство Палаты не рѣшится перерѣшить въ иномъ смыслѣ столь недавно рѣшенный вопросъ.

Г. Гладстонъ пошелъ однако на встрѣчу опасности и внесъ резолюцію которая была разсмотрѣна въ четвергъ. Резолюція эта заключается въ томъ что всякій вновь избранный членъ Палаты Общинъ, который пожелаетъ, вмѣсто присяги, дать торжественное обѣщаніе, долженъ быть допущенъ къ такой замѣнѣ, вопреки постановленію по этому предмету отъ 22 іюня. Г. Норткотъ внесъ поправку, по которой резолюція г. Гладстона должна быть отвергнута какъ противорѣчащая постановленію 22 іюня.

Такимъ образомъ, кабинетный вопросъ былъ поставленъ во всей формѣ, и притомъ въ формѣ довольно опасной для г. Гладстона, такъ какъ 22 іюня значительное большинство палаты высказалось уже въ смыслѣ противномъ законопроекту, причемъ всѣ министры засѣдающіе въ Палатѣ Общинъ подавали голоса съ меньшинствомъ. Само собою разумѣется что при подачѣ голосовъ по вопросу имѣющему значеніе кабинетнаго, виги вотировавшіе съ большинствомъ 22 іюня должны были серіозно подумать прежде нежели подать свой голосъ за предложеніе прямо направленное ко сверженію министерства. Но возможно было и то что попытка раскрыть двери парламента для людей „не имѣющихъ Бога въ душѣ“ (увы, сколько такихъ сидитъ въ парламентѣ!) отвратитъ отъ министерства значительное число его собственныхъ приверженцевъ.

Телеграфъ извѣстилъ насъ вчера что поправка г. Норткота отвергнута, а резолюція г. Гладстона принята. Такимъ образомъ первое нападеніе оппозиціи на новый кабинетъ окончилось ея собственнымъ пораженіемъ. Англійская Палата Общинъ столь ревниво оберегающая достоинство Британскаго парламента, доставила это торжество г. Гладстону, несмотря на то что

оно сопряжено было въ данномъ случаѣ съ нѣкоторымъ самоуниженіемъ.

Новый кабинетъ, выдержавъ эту пробу, доказалъ что сила его покамѣсть очень велика.

№ 173.

Москва, 23-го іюня.

Берлинская конференція по вопросу о Греческой границѣ окончила свое дѣло и безо всякихъ затрудненій. Новая граница проложена *на бумагѣ* съ полною опредѣленностью. Рѣшеніе это не только состоялось „съ полнымъ единодушіемъ," но конференціей составлена и коллективная нота въ которой состоявшееся рѣшеніе будетъ сообщено какъ Портѣ такъ и Греціи. По вычисленію извѣстнаго берлинскаго географа и картографа, г. Киперта, отсужденная Греціи часть турецкой территоріи обнимаетъ пространство въ 8.000 англійскихъ квадратныхъ миль съ 400.000 населенія по меньшей мѣрѣ. Г. Кипертъ находитъ лишь крайне непрактичнымъ оставленіе за Турціей части Загорскаго округа, утверждая что конференція допустила великую ошибку слѣдуя въ этомъ отношеніи много разъ опровергнутой практикой теоріи о водораздѣлахъ какъ „наилучшихъ естественныхъ границахъ." Не мѣшаетъ замѣтить что, какъ гласятъ извѣстія о ходѣ переговоровъ на конференціи, Россія высказывалась согласно съ этимъ мнѣніемъ нѣмецкаго географа и требовала присоединенія къ Греціи всего Загорскаго округа. Уже изъ этого можно судить какая намѣренная ложь заключалась въ намекахъ которые распространялись многими органами европейской печати, будто Россія, изъ-за какихъ-то скрытыхъ цѣлей, не сочувствовала дѣлу конференціи и не желала той выгоды которую должна получить Греція.

Позволительно напротивъ спросить, въ самомъ ли дѣлѣ всѣ прочіе участники конференціи искренно желаютъ чтобы Греція на дѣлѣ пріобрѣла то что ей присуждено на бумагѣ? Теперь когда дѣло идетъ уже не о теоретическомъ рѣшеніи, а о томъ какъ его осуществить, обнаруживается ясно что вся трудность задачи только наступила съ того момента какъ состоялось „единодушное" рѣшеніе. Какъ только вопросъ объ исполненіи этого рѣшенія выступилъ на первый планъ, хвалимое единодушіе внезапно исчезло, и если официальный міръ еще хранитъ пока наружный видъ единомыслія, то нѣтъ недостатка въ указаніяхъ что на дѣлѣ его нѣтъ и что Греческій вопросъ, какъ и всѣ прочіе вопросы на Востокѣ, таитъ въ себѣ элементы розни и столкновенія непримиримыхъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего любопытны уже успѣвшіе обнаружиться признаки разномыслія между Франціей и Англіей. Не успѣла конференція окончить свое дѣло какъ въ газетѣ *Temps*, слывущей органомъ весьма приближеннымъ ко Французскому правительству, появилась замѣтка крайне удивившая всѣхъ какъ по содержанію своему, такъ и по раздражительному тону относительно Англіи. Офиціозная французская газета съ ироніей замѣчаетъ что г. Гладстонъ напрасно тратитъ всѣ способы искушенія дабы побудить Францію принять на себя роль исполнительницы рѣшенія Европы. Франція ни въ какомъ случаѣ не дастъ де себя выманить изъ своего сдержаннаго положенія. Франція де, правда, взяла на себя инициативу въ дѣлѣ о Греческой границѣ; но Англія поступила де гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе предложивъ конференцію въ Берлинѣ и коллективную ноту европейскихъ представителей въ Константинополѣ. „Англія есть единственный и настоящій виновникъ новаго возбужденія во„сточныхъ затрудненій. Она *изобрѣла* ев„ропейскій концертъ, и ей одной пред„стоитъ озаботиться объ исполненіи рѣ„шенія которое она же продиктовала. Дер„жавы собрались въ Берлинѣ, дѣйствова„ли согласно въ Константинополѣ, весьма „вѣроятно что Англіи будетъ предостав„лено сдѣлать въ заливахъ Арты и Воло „тѣ демонстраціи какія она признаетъ нуж„ными. Но Англія крайне ошиблась бы въ „разчетѣ еслибъ она вообразила что мо„жетъ въ этомъ отношеніи разчитывать „на кого бы то ни было, за исключеніемъ „своихъ собственныхъ силъ. Г. Гладстонъ," замѣчаетъ *Temps* въ заключеніе, „очень „скоро будетъ поставленъ передъ слѣду„ющею дилеммой: или онъ приметъ на се„бя одного исполненіе постановленія кон„ференціи, или же онъ вынужденъ будетъ „сознаться что онъ зашелъ слишкомъ дале„ко провозгласивъ начало новой иностран„ной политики для Англіи, основанной на „единодушіи всѣхъ державъ."

Что политика провозглашенная г. Гладстономъ отличается радикально отъ политики его предшественника, это лучше всего подтверждается тою самою выпиской изъ французской официозной газеты которая здѣсь приведена. Греческій вопросъ, какъ подтверждаетъ и *Temps*, возбужденъ Франціей, и задолго до перемѣны англійскаго кабинета. Лордъ Бекконсфильдъ возражалъ противъ представленій г. Ваддингтона главнымъ образомъ изъ опасенія чтобы французское заступничество за Грецію не окончилось насиліемъ противъ Турціи. Теперь роли перемѣнились: г. Гладстонъ всѣми силами старается побудить Францію, какъ утверждаетъ *Temps*, дѣйствовать принудительнымъ образомъ противъ Турціи. А во Франціи теперь стали глумиться надъ европейскимъ рѣшеніемъ о которомъ ея правительство, повидимому, съ такимъ усердіемъ хлопотало! Гдѣ же скрываются потаенныя пружины заставившія французскихъ политиковъ такъ внезапно измѣнить свою политику?

Разстройство англо-французской гармоніи по дѣламъ Востока было принято въ Берлинѣ съ видимымъ и нескрываемымъ удовольствіемъ. Тамошняя печать уже злорадствуетъ видя что г. Гладстонъ „попался.“ Берлинскія газеты дѣлаютъ выкладки о томъ какихъ послѣдствій можно ожидать отъ исхода конференціи. Германія приняла де предложеніе о созывѣ конференціи подъ условіемъ чтобъ ей предоставлено было предсѣдательское мѣсто. Рѣшеніе состоялось, и она можетъ де сказать державамъ: „вотъ вамъ результатъ конференціи; поступайте какъ знаете.“ Она, безъ сомнѣнія, употребитъ все свое вліяніе дабы поддержать авторитетъ рѣшенія; но это вліяніе можетъ де быть только дипломатическаго и моральнаго свойства; оно дѣйствуетъ лишь аргументами, но не пушечными выстрѣлами. А Турція (это предвидитъ и не скрываетъ берлинская печать) едва ли станетъ слушать какіе-либо аргументы кромѣ *ultima ratio regum;* другими словами, Германія напередъ увѣрена что конференція послужила лишь къ тому чтобы доказать какъ легко европейскимъ державамъ сговориться на словахъ и какъ невозможно это согласіе на дѣлѣ.

Какъ бы для того чтобы дополнить иронію надъ состоявшимся соглашеніемъ, берлинская *Національная Газета* старается увѣрить всѣхъ, устами своего хорошо свѣдущаго и спеціально на это уполномоченнаго вѣнскаго корреспондента, что Австро-Венгрія отнюдь не являлась противницей Греціи на конференціи, что она, напротивъ, настойчиво поддерживала притязанія Греціи, чему подтвержденіемъ послужатъ де протоколы конференціи. Невѣрно де и то будто бы Австрія подстрекаетъ Турцію оказать сопротивленіе рѣшенію державъ. Корреспондентъ могъ бы прибавить что въ такомъ подстрекательствѣ нѣтъ никакой надобности, ибо сопротивляться можно тому о чемъ предъявляется требованіе съ открытою или подразумѣваемою угрозой принужденія. Но турецкимъ государственнымъ людямъ не трудно было предугадать то что̀ успѣло уже съ такою циническою откровенностью сказаться на другой день послѣ конференціи. Они знаютъ что имъ ничего не грозитъ и что они могутъ съ такимъ же безнаказаннымъ упрямствомъ воспротивиться исполненію постановленія конференціи относительно Греціи, какъ они съ успѣхомъ противятся рѣшенію Берлинскаго конгресса о расширеніи Черногорской территоріи.

Туркамъ, по всей вѣроятности, не придется противиться силой европейскому рѣшенію, ибо не только никакая держава не возьметъ на себя порученія дѣйствовать принудительно противъ Порты, но повидимому сомнительно чтобы самой Греціи была предоставлена свобода дѣйствій и чтобъ ей дано было добыть собственными силами свою новую границу.

Но чѣмъ меньше Туркамъ приходится заботиться о сосредоточеніи своихъ силъ, тѣмъ ретивѣе они на словахъ. *Политическая Корреспонденція*, признанный органъ австрійской дипломатіи, спѣшитъ повѣстить міру что султанъ подписалъ прокламацію обращенную ко всѣмъ мусульманамъ. Прокламація призываетъ правовѣрныхъ возстать на защиту ислама въ виду опасности угрожающей вѣрѣ Магомета и престолу халифа отъ христіанскихъ державъ, которыя хотятъ де разрушить Оттоманскую имперію, изгнать Турокъ изъ Европы и предать поруганію исламъ. Константинопольская газета *Пейкъ-Исламъ* печатаетъ фанатическія статьи противъ Англіи и Россіи, возбуждая магометанскихъ подданныхъ этихъ державъ къ возстанію на защиту гонимаго ислама.

Въ этой комедіи имѣются и черты трагедіи: въ Константинополѣ, какъ сообщаютъ

изъ того же источника, грабежъ, разбой убійства на улицахъ учащаются, и жертвы буйства почти исключительно христіане. Низшіе классы населенія страшно бѣдствуютъ.

Этимъ бѣдствіямъ никакія конференціи не помогутъ...

№ 174.

Москва, 24-го Іюня.

Въ газетѣ *Новое Время*, отъ 21 іюня, напечатана интересная корреспонденція г. Скальковскаго изъ Шанхая представляющая съ достаточною подробностію новѣйшія свѣдѣнія о китайскихъ военныхъ силахъ, почерпнутыя изъ мѣстныхъ источниковъ. Г. Скальковскій спѣшитъ сообщить эти свѣдѣнія въ тѣхъ именно видахъ что ко времени полученія его письма въ Петербургѣ „война между Китаемъ и Россіей сдѣлается близкою.“ Это считалось „весьма возможнымъ“ въ Шанхаѣ уже въ концѣ апрѣля когда писалъ г. Скальковскій.

Послѣднія, болѣе новыя извѣстія не опровергаютъ догадки русскаго корреспондента. Дѣйствительно, теперь уже стало положительно извѣстно что изъ двухъ придворныхъ партій въ Китаѣ, боровшихся по вопросу о войнѣ и мирѣ, верхъ взяла партія войны. Можетъ быть это-то обстоятельство и послужило поводомъ къ сочиненію басни о проигранномъ будто бы нами гдѣ то сраженіи. Война не объявлена; она только очень вѣроятна, хотя быть-можетъ и не такъ неизбѣжна какъ хотѣлось бы нѣкоторой части, будто бы доброхотствующей намъ, заграничной печати, строящей уже планы будущихъ нашихъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ. Этимъ особенно отличается берлинская печать наполняющая свои столбцы стратегическими соображеніями своихъ постоянныхъ, такъ-называемыхъ, „военныхъ репортеровъ.“ И дѣлается такъ конечно не безъ причины, тѣмъ болѣе что отношенія Германіи къ Китаю не только „продолжаютъ быть дружественными,“ но въ Пекинѣ нашли возможнымъ предоставить нѣмецкимъ купцамъ особыя льготы въ видѣ нѣкоторыхъ измѣненій въ давно уже заключенномъ торговомъ трактатѣ. Китайскую миссію въ Берлинѣ осаждаютъ просьбы лицъ желающихъ завербоваться на службу въ Китайскую армію на должности всевозможныхъ инструкторовъ. Въ концѣ мая миссія даже публично заявила что Китайское правительство пока не нуждается въ услугахъ такъ навязчиво ему предлагаемыхъ. Это объявленіе доказываетъ только какъ легко можетъ Китайское правительство пополнить свою армію тѣми элементами въ которыхъ она нуждается, и прежде всего офицерами. Нижними чинами китайская армія изобилуетъ. Г. Скальковскій исчисляетъ ее въ 850 тысячъ человѣкъ, считая тутъ и мѣстную милицію изъ Китайцевъ собственно. „Китайскіе солдаты, замѣчаетъ г. Скальковскій, живутъ въ собственныхъ домахъ, въ лагери не собираются и занимаются гражданскими профессіями;“ однако въ послѣднее время, особенно въ концѣ зимы, часть арміи была перевооружена и нѣсколько ознакомлена съ современными способами дѣйствій.

Китайскій флотъ, какъ выражается г. Скальковскій, еще образуется, хотя команда его состоитъ уже изъ шести тысячъ матросовъ съ 260 орудіями большаго калибра. Дѣйствительно, главную боевую силу флота, состоящаго изъ значительнаго числа крейсеровъ и канонирокъ домашней работы, въ апрѣлѣ составляли восемь большихъ стальныхъ канонирскихъ лодокъ, пріобрѣтенныхъ въ прошломъ году въ Англіи и вооруженныхъ орудіями крупнаго калибра, которыя по силѣ удара значительно превосходятъ „самыя лучшія орудія англійскаго флота.“ Канонирки эти длиною въ 127 футовъ и могутъ съ успѣхомъ дѣйствовать своими таранами, тѣмъ болѣе что и носъ и корма у нихъ устроены совершенно одинаково. Но однихъ канонирокъ для серіозной борьбы еще недостаточно, и Китайское правительство поторопилось пріобрѣсть въ Англіи, чуть не на дняхъ, шесть броненосцевъ съ орудіями и боевыми принадлежностями. На этихъ броненосцахъ должны прибыть въ Китай и англійскіе матросы.

Китайское правительство наученное прежними опытами обратило вниманіе и на береговую оборону, возведя на главныхъ пунктахъ и при входѣ въ большія рѣки сильные форты вооруженные большими орудіями, въ числѣ коихъ значительная часть изготовлены на фабрикѣ Круна. „При такихъ условіяхъ свозъ десанта, прорывъ въ гавани и на рейды, какъ замѣчаетъ

одна изъ нѣмецкихъ газетъ, представляется дѣломъ не легкимъ," тѣмъ болѣе что десантъ можетъ быть встрѣченъ почти всегда превосходными силами, „хотя и плохо обученнаго, но въ послѣднее время не дурно вооруженнаго сухопутнаго войска." Рѣчь идетъ здѣсь, конечно, о той сотнѣ тысячъ скорозарядныхъ ружей Ремингтона кои въ началѣ весны пріобрѣтены Китайцами въ Америкѣ.

Но все это не доказываетъ ли какъ полезно было бы послать къ берегамъ Китая уважительное число сильныхъ броненосцевъ? Крейсеры, столь необходимые въ войнѣ съ Англіей, едва ли могутъ быть столь же полезны при столкновеніи съ Китаемъ. Назначеніе крейсера — нанесеніе ударовъ торговлѣ богатой и широко развитой. Но гдѣ же у китайцевъ торговый флотъ? Ихъ товары идутъ на иностранныхъ судахъ и подъ чужимъ флагомъ. Для боя съ береговыми батареями нужны броненосцы вооруженные тяжелою артиллеріей, способные почти на вѣрное уничтожать слабыя военныя суда непріятеля.

„Какъ бы ни были энергичны мѣры принимаемыя Китайскимъ правительствомъ для усиленія своихъ военныхъ силъ оно едва ли даже можетъ думать о возможности продолжительнаго и серіознаго сопротивленія, какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ," говоритъ г. Скальковскій. Къ такому выводу приходитъ и бо́льшая часть статей въ германскихъ газетахъ; однако не всѣ. Были голоса, напримѣръ въ *Post* и аугсбургской *Allgemeine Zeitung*, обращавшіе вниманіе на обширность китайскихъ владѣній, на ихъ населенность и, наконецъ, на значительныя денежныя средства которыми располагаетъ Китайское правительство. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ съ особымъ удареніемъ упоминаетъ и г. Скальковскій. „Не имѣя государственнаго долга, говоритъ онъ, Китай располагаетъ такими денежными рессурсами, которые даютъ ему возможность при помощи европейскихъ добровольцевъ живо формировать весьма значительныя силы и на морѣ, и на сушѣ." Но въ этихъ же рессурсахъ Китай можетъ найти и средство сдѣлать войну продолжительною, упорною, заставить насъ развернуть значительныя военныя силы и сдѣлать большія затраты. „Китай, замѣчаетъ г. Скальковскій, есть такой противникъ которымъ едва ли слѣдуетъ слишкомъ пренебрегать." Пренебрегать нельзя никакимъ противникомъ, и этому насъ научилъ прошлогодній опытъ въ закаспійскихъ степяхъ, но не слѣдуетъ также и преувеличивать силу съ которой придется имѣть дѣло.

Силы воюющихъ не могутъ идти ни въ какое сравненіе. Съ одной стороны армія организованная и вооруженная на подобіе нашихъ войскъ до-Петровскаго времени, отчасти ружьями, въ большинствѣ же луками и стрѣлами, съ другой—армія усвоившая всѣ новѣйшіе успѣхи военнаго дѣла и еще такъ недавно совершавшая безпримѣрные въ военной исторіи подвиги.

Но этого мало. Успѣхъ и неудача, а потому и продолжительность борьбы зависятъ не отъ одного только числа ружей, пушекъ, кораблей или искусства главнокомандующаго, но и отъ всего строя страны, отъ силы и рѣшительности ея правительства, отъ его состава и отношенія къ исполнительнымъ органамъ. Если рѣшенія зависятъ лишь отъ дворцовыхъ интригъ, отъ того какая придворная партія возьметъ верхъ, всѣ дѣйствія властей неизбѣжно сдѣлаются медленными и нерѣшительными, какъ это и показываетъ весь ходъ китайскихъ сборовъ къ войнѣ. Не менѣе сильно долженъ отозваться такой правительственный строй и на дѣйствіяхъ главнокомандующаго. Интригующія партіи прямо или косвенно сократятъ его власть и полномочія. Онъ будетъ вынужденъ безпрестанно обращаться за особыми разрѣшеніями и такимъ образомъ терять время и упускать благопріятныя обстоятельства. При такихъ условіяхъ, пораженіе становится почти неизбѣжнымъ, а между тѣмъ, какъ замѣчаетъ *L'Echo du Japon*, избранный въ Китаѣ главнокомандующій Тзо не принадлежитъ на самомъ дѣлѣ къ числу особенно способныхъ Его сила въ придворной интригѣ. „Довольно одной серіозной неудачи, довѣріе войскъ исчезнетъ и Китайская армія будетъ деморализована." Да и не одна армія. Придворная партія взявшая теперь верхъ потеряетъ кредитъ и выставленный ею генералъ быть-можетъ подвергнется той же участи какъ и дипломатъ партіи противной, Чунгъ-Хо приговоренный къ смерти за прошлогодній договоръ о Кульджѣ.

№ 175.

Москва, 25-го іюня.

Нашъ петербургскій корреспондентъ передалъ намъ по телеграфу слухъ что въ Министерствѣ Финансовъ производятся изслѣдованія о соляномъ налогѣ, что работы по этому предмету приближаются къ окончанію, и что цѣль этихъ работъ—ходатайство объ отмѣнѣ этого налога. Слухъ этотъ повсюду встрѣчается общимъ сочувствіемъ. Иначе и быть не можетъ. Вопросъ о соляномъ налогѣ давно пересталъ быть предметомъ спора. Вредъ причиняемый странѣ этимъ налогомъ такъ великъ что убѣжденіе въ необходимости отмѣны его давно сдѣлалось всеобщимъ. Наше земледѣліе, скотоводство и промышленность ждутъ не дождутся того дня когда перестанетъ тяготѣть на нихъ соляной акцизъ, и когда они получатъ возможность пользоваться необходимою имъ солью и по доступной цѣнѣ, и въ достаточномъ количествѣ. Сообщенный нашимъ корреспондентомъ слухъ подаетъ надежду что этотъ день наконецъ настанетъ, и остается лишь желать чтобъ этотъ слухъ не остался только слухомъ.

Вѣсть о предполагаемой отмѣнѣ соляного налога, отрадная сама по себѣ, встрѣчается съ тѣмъ бо́льшимъ сочувствіемъ что многіе готовы видѣть въ ней признакъ усвоенія Министерствомъ Финансовъ національной политики въ экономическихъ вопросахъ. Выборъ источниковъ откуда должны быть возмѣщены казнѣ тѣ суммы которыя нынѣ она получаетъ отъ соляного дохода, дѣйствительно, можетъ послужить первымъ шагомъ въ усвоеніи національной экономической политики, и нельзя не пожелать чтобъ этотъ шагъ былъ сдѣланъ.

Вреденъ соляной налогъ, но едва ли еще не вреднѣе экономическая политика лишенная національнаго характера, и наша экономическая жизнь, за послѣдніе годы представляетъ, кажется, убѣдительныя тому доказательства. Экономическія условія въ эти послѣдніе годы были особенно выгодны для государствъ занимающихся преимущественно земледѣліемъ, каковы Россія и Америка. Урожаи зерновыхъ хлѣбовъ въ Западной Европѣ были въ это время особенно недостаточны для удовлетворенія потребностей тамошняго населенія, вслѣдствіе чего спросъ на привозный хлѣбъ возросъ тамъ до небывалыхъ размѣровъ. Вслѣдствіе этого, отпускъ хлѣба изъ Россіи и Соединенныхъ Штатовъ увеличивался изъ года въ годъ въ поразительной прогрессіи. Въ 1875 году, оба эти государства въ совокупности отпустили съ небольшимъ 40 милліоновъ четвертей, въ 1876 болѣе 47½, въ 1877 болѣе 54, а въ 1878 уже болѣе 83, въ 1879 около 88 милліоновъ четвертей. Этотъ громадный отпускъ хлѣба распредѣлялся между Россіей и Америкой почти по равнымъ частямъ. Конкурренція съ американскимъ хлѣбомъ, который вытѣснялъ нашъ съ европейскихъ рынковъ, была облегчена на первыхъ порахъ пониженіемъ нашихъ вексельныхъ курсовъ, а затѣмъ все усиливавшійся спросъ хлѣба сдѣлалъ то что обоюдная конкурренція какъ бы перестала отзываться на цѣнахъ. Вмѣстѣ съ усиленіемъ хлѣбнаго отпуска, росли и цѣны по которымъ хлѣбъ продавался какъ изъ Россіи, такъ и изъ Америки. Что̀ могло быть выгоднѣе для обѣихъ этихъ странъ? Какъ много должны были онѣ выиграть!

И Америка, благодаря своей національной политикѣ въ экономическихъ дѣлахъ, дѣйствительно много выиграла. Но можно ли сказать то же о Россіи?

Огромными суммами которыя выручены были Россіей и Америкой отъ необыкновенно обильнаго и выгоднаго отпуска хлѣба страны эти распорядились не только не одинаково, но прямо противуположными способами. Всѣ выгоды извлеченныя изъ необычайнаго развитія хлѣбной торговли Америка сполна оставила за собой. Мы же немедленно отдали эти выгоды заграничнымъ покупщикамъ нашего хлѣба.

Дѣло въ томъ что увеличивая свой отпускъ, Америка не только не увеличила, а напротивъ сокращала привозъ иностранныхъ товаровъ. Въ то самое время какъ отпускъ съ 583 милліоновъ долларовъ (въ 1875 году) возросъ до 708 милліоновъ долларовъ (въ 1878), привозъ иностранныхъ товаровъ въ Соединенные Штаты уменьшился съ 544 до 467 милліоновъ долларовъ. Въ 1875 году, въ торговомъ балансѣ Соединенныхъ Штатовъ, перевѣсъ отпуска надъ привозомъ былъ менѣе 40 милліоновъ, въ 1878 году этотъ перевѣсъ былъ болѣе 240 милліоновъ. Отсюда видно что изъ тѣхъ огромныхъ суммъ какія далъ Америкѣ усиленный отпускъ хлѣба, она не потратила ни одного доллара на

поощреніе чужеземной промышленности вмѣсто своей. Производители хлѣба и торговцы имъ въ Америкѣ, конечно, тратили выручаемыя за хлѣбъ деньги, но деньги эти шли на усиленную покупку продуктовъ внутренняго производства. Своими производительными и непроизводительными тратами американскіе земледѣльцы давали жизнь и движеніе не иностранной, а внутренней промышленности, увеличивая заработки рабочаго населенія не въ чужихъ странахъ, а въ своей собственной. Выгоды пріобрѣтенныя отъ хлѣбной торговли земледѣліемъ были такимъ образомъ въ то же время выгодами и всѣхъ прочихъ отраслей экономической дѣятельности, такъ что люди посвящающіе имъ свой трудъ не имѣютъ поводовъ жаловаться ни на отпускъ хлѣба за границу, ни на подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ.

То ли же самое видимъ мы у насъ? Въ послѣднее время только и слышны что жалобы на отпускъ нашего хлѣба за границу и на его дороговизну. Эти жалобы, преувеличены ли онѣ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ указываютъ что исключительныя выгоды полученныя земледѣліемъ отъ хлѣбной торговли не были въ то же самое время выгодами другихъ отраслей промышленности. Изъ суммъ вырученныхъ за массы русскаго хлѣба отпущеннаго за границу по высокимъ цѣнамъ, лишь малая доля пошла на усиленіе внутренняго спроса, на поддержку отечественной промышленности. Наша выручка за проданный иностранцамъ хлѣбъ пошла почти цѣликомъ на покупку чужестранныхъ товаровъ, на поддержаніе иностраннаго производства, на увеличеніе заработковъ чужеземныхъ рабочихъ. Съ построеніемъ желѣзныхъ дорогъ, уровень цѣнъ на хлѣбъ повсюду опредѣляется высотой ихъ на всемірномъ рынкѣ. У насъ теперь дорогъ хлѣбъ потому что онъ дорогъ вездѣ. Но при этомъ мы все время вели и по нынѣ ведемъ свои дѣла такъ чтобы облегчать дороговизну нашего хлѣба для иностранныхъ его покупщиковъ, увеличивая ихъ заработки усиленнымъ спросомъ продуктовъ ихъ работы, и въ то же время не только не даемъ увеличенія заработковъ своему населенію, а напротивъ, поощреніемъ иностранной конкурренціи, полагаемъ преграды возникновенію и развитію въ Россіи множества выгодныхъ отраслей производства, для которыхъ имѣются благопріятныя условія.

Разница въ результатахъ хлѣбной торговли для Россіи и для Америки громадная, и объясняется она, главнымъ образомъ, тѣмъ что американскій таможенный тарифъ согласованъ съ интересами страны, а нашъ нѣтъ. Американскій тарифъ затрудняетъ доступъ въ страну тѣхъ продуктовъ которые могутъ быть производимы въ ней самой, облегчая въ то же время привозъ тѣхъ товаровъ, которые, по естественнымъ причинамъ, въ странѣ не производятся. Нашъ тарифъ, наоборотъ, обременяетъ высокими пошлинами продукты которыхъ страна производить не можетъ, какъ напримѣръ чай, кофе, деревянное масло и т. п., и въ то же время поощряетъ низкими пошлинами или полнымъ освобожденіемъ отъ пошлинъ привозъ именно тѣхъ товаровъ которые удобно и съ большою выгодой для страны могли бы быть производимы въ ней самой. Бо́льшая часть производствъ находятъ въ нашемъ тарифѣ не поддержку, а препятствіе къ своему развитію. Лишь къ весьма немногимъ изъ нихъ тарифъ благосклоненъ, но эти немногія отрасли промышленности, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не могутъ дать достаточно работы всему множеству рукъ которое въ ней нуждается.

Дать этимъ нуждающимся въ работѣ рукамъ выгодное занятіе значило бы сдѣлать для нихъ не чувствительнымъ тотъ подъемъ цѣнъ на который нынѣ у насъ жалуются. Эта работа была бы имъ дана развитіемъ въ Россіи производства множества тѣхъ предметовъ которые нынѣ привозятся къ намъ изъ-за границы. Но чтобы дать жизнь этимъ производствамъ необходимо прежде всего пересмотрѣть и исправить нашъ таможенный тарифъ сообразно съ требованіями національной экономической политики. Предполагаемая отмѣна соляного налога, сопряженная съ необходимостію усиленія доходовъ изъ другихъ источниковъ, даетъ ближайшій поводъ къ пересмотру тарифа. Усвоеніе въ этомъ отношеніи національной политики поведетъ не къ сокращенію, а къ серіозному увеличенію государственныхъ доходовъ. Не какой другой, а именно таможенный доходъ составляетъ самую главную статью въ американскомъ бюджетѣ, оставляя далеко позади доходы получаемые съ питей и табаку. Нѣтъ основаній и намъ отказываться отъ увеличенія государственнаго дохода путемъ повышенія налога на привозные продукты.

№ 176.

Москва, 26-го іюня.

Русскій Инвалидъ, отъ 25 іюня, совершенно неожиданно принесъ телеграмму изъ Боржома, отъ 24 іюня, съ извѣстіемъ о блестящемъ началѣ новой экспедиціи въ землю Ахалъ-Текинцевъ. Оказывается что войска экспедиціоннаго отряда, состоящаго на этотъ разъ подъ командой хорошо знакомаго съ азіятскою войной и степными походами генералъ-адъютанта Скобелева, расположенные въ половинѣ іюня между Чекишляромъ и Дузъ-Олумомъ, 28 іюня заняли передовымъ отрядомъ урочище Ходжамъ-Кала. Немедленно затѣмъ генералъ Скобелевъ „съ легкою колонной“ предпринялъ „двухдневное движеніе“ къ Бами и Беурмѣ, и найдя что съ приближеніемъ нашей колонны жители бросили это селеніе, 11 іюня *окончательно* занялъ Бами всѣмъ передовымъ отрядомъ, распорядясь устройствомъ перваго опорнаго пункта въ землѣ Текинцевъ. Въ Бами, какъ гласитъ боржомская телеграмма, „устраивается укрѣпленіе и складъ запасовъ, перевозимыхъ какъ съ Атрекской линіи, такъ и изъ оставленныхъ Текинцами селеній.“ Отсюда, не торопясь, 16 іюня сотня казаковъ, съ двумя орудіями и ракетною командой, произвела поискъ къ Арчману, селенію лежащему верстахъ въ 26 за Беурмой далѣе въ глубь оазиса.

Сравнимъ эти дѣйствія съ прошлогодними. Тогда отрядъ, начавшій собираться съ весны, къ концу іюля все еще занималъ линію отъ Чекишляра до переправы Дузъ-Олумъ на Атрекѣ. Въ началѣ августа генералъ Лазаревъ, сформировавъ особый передовой отрядъ изъ 8½ баталіоновъ, 2 эскадроновъ и 7 сотенъ при 16 орудіяхъ, двинулъ его къ Ходжамъ-Кала на рѣкѣ Сумбарѣ, впадающей въ Атрекъ верстахъ во ста отъ Дузъ-Олума. Шестаго августа авангардъ отряда, на пути къ Ходжамъ-Кала, имѣлъ перестрѣлку съ конными Текинцами, а къ 14 августа занялъ селеніе Бендесенъ, по пути къ Бами, на перевалѣ черезъ Копетъ-Дагъ. Главныя силы этого передоваго отряда, къ тому же 14 августа, „были эшелонированы все еще между Дузъ-Олумомъ и Ходжамъ-Кала.“ „Въ такомъ положеніи, какъ замѣчаютъ полуофиціальныя реляціи *Кавказа* и *Русскаго Инвалида*, отрядъ застала смерть генерала Лазарева. Вступившій въ командованіе генералъ Ломакинъ въ тотъ же день, т.-е. 14 августа, распорядился сосредоточить весь отрядъ у Бендесена, откуда 22 августа, было предпринято движеніе къ Бами.“ Въ Бендесенѣ были оставлены всѣ тяжести и войска пошли въ глубь Текинскихъ владѣній, имѣя съ собою сравнительно небольшой верблюжій транспортъ съ продовольствіемъ *только* на 15 дней. Бами и Беурма заняты были 23, Арчманъ 24, а 28 августа, послѣ полудня, кипѣлъ уже несчастный штурмъ Денгиль-Тепе.

Такимъ образомъ генералъ Скобелевъ выигралъ, сравнительно съ прошлымъ годомъ, почти два съ половиною мѣсяца и притомъ въ самое важное время года. Въ прошлую экспедицію наши войска видѣли только жнивье; жатва на обширныхъ поляхъ оазиса была уже вездѣ убрана, Текинцы успѣли сдѣлать запасы и припрятать бо́льшую часть собраннаго хлѣба. Теперь вся жатва еще на корню и, слѣдовательно, въ свое время можетъ представить отличный источникъ продовольствія для войскъ экспедиціи. Этого мало. Движеніе генерала Скобелева именно въ эту пору было неожиданностью для Текинцевъ: они оставляли свои селенія очевидно съ большою поспѣшностью, бросая въ поныхахъ значительные запасы продовольствія. Съ мастерскою предусмотрительностью воспользовался генералъ Скобелевъ этимъ первымъ результатомъ своего неожиданнаго и быстраго движенія: брошенные жителями запасы приказано собрать и свезти въ особый складъ учреждаемый въ Бами, подъ охраной возводимаго тамъ укрѣпленія.

Одною изъ важнѣйшихъ причинъ прошлогодней неудачи былъ недостатокъ продовольствія въ дѣйствующемъ отрядѣ двинувшемся на легкѣ и трудность не только быстраго, но хотя бы только вполнѣ своевременнаго его подвоза изъ Чекишляра и Бендесена. Собрать все необходимое по разчетамъ число верблюдовъ и повозокъ, какъ извѣстно, не удалось. Надежды на подвозъ запасовъ изъ Персіи не оправдались. Экспедицію настоящаго года рѣшено было обставить въ этомъ отношеніи надежнѣе, устроивъ желѣзно-конную дорогу, на которую, однако, какъ видно, генералъ Скобелевъ не очень разчитываетъ. Дѣйствительно, дорогѣ этой, которую предполагалось строить по мѣрѣ дви-

женія отряда впередъ, предстояло бы, не включая рельсовъ, перевести около милліона пудовъ, то-есть *до четырехъ тысячъ вагоновъ* груза, что при возможномъ числѣ ихъ потребовало бы не меньше полутора мѣсяца, да и то при успѣшномъ ходѣ самой постройки, а на это, однако, не вполнѣ можно разчитывать, тѣмъ болѣе что желѣзно-дорожная рота въ концѣ апрѣля только еще формировалась въ центрѣ Россіи. Проложеніе желѣзно-конной дороги имѣетъ несомнѣнно большую важность; оно даже положительно необходимо при ограниченности и непрочности перевозочныхъ средствъ, какими можно располагать въ Закаспійскихъ степяхъ, но дорога эта можетъ принести пользу отнюдь не въ началѣ операцій, а подъ конецъ ихъ, давъ возможность что называется окончательно утвердиться въ краѣ и подготовить съ избыткомъ все необходимое для продолжительнаго пребыванія въ странѣ значительныхъ силъ, можетъ быть даже для ихъ зимовки, причемъ хорошо устроенные этапы этой дороги могли бы служить станціями для военно-почтовыхъ сношеній зимою, когда движеніе по рельсамъ станетъ невозможнымъ вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ и степныхъ снѣжныхъ мятелей.

Устройство прочнаго опорнаго пункта въ Бами, при самомъ входѣ въ Текинскій оазисъ, показываетъ что генералъ Скобелевъ намѣренъ вести экспедицію методически, ничего не предпринимая на скоро и на рискъ, какъ то было допущено въ прошломъ году. Генералъ Ломакинъ, занявъ 23 августа Бами, *чрезъ пять дней* былъ уже въ сотнѣ верстъ оттуда, подъ Денгиль-Тепе. Теперь генералъ Скобелевъ, 11 іюня окончательно занявшій Бами, *чрезъ тѣ же пять дней*, 16 іюня, предпринимаетъ только развѣдку къ Арчману, лежащему верстахъ въ сорока отъ Бами и всего въ 26 отъ Беурмы.

Генералъ Скобелевъ извѣстный своею предпріимчивостью очень хорошо понимаетъ что въ дѣйствіяхъ съ азіятцами нужно разчитывать на вѣрное и что энергія и быстрота движеній, развитыя въ ущербъ необходимой осторожности, могутъ испортить все дѣло. Онъ знаетъ что лихой набѣгъ предпринятый на рискъ и легкая удача не въ силахъ заставить покориться племена понимающія что врагъ какъ пришелъ такъ и уйдетъ. Совсѣмъ иное впечатлѣніе должно произвести на нихъ безостановочное, но методическое движеніе впередъ сопровождаемое укрѣпленіемъ прочно занятыхъ пунктовъ. Трудно думать чтобы Текинцы рѣшились окончательно пожертвовать жатвой и остаться на зиму ни съ чѣмъ. Не вѣрнѣе ли будетъ разчитывать что они, увидѣвъ какъ рѣзко отличается настоящая экспедиція отъ прошлогодняго набѣга, послѣ первой же крупной неудачи изъявятъ покорность? Но тогда то всего нагляднѣе выразится важное значеніе методическаго движенія; покоренная область будетъ *занята*, точно также какъ были занимаемы всѣ покоренныя нами земли Средней Азіи. Безъ такого занятія нѣтъ возможности удержать въ рукахъ сдѣланное пріобрѣтеніе и успѣхъ, какъ бы блестящъ онъ ни былъ, имѣетъ лишь эфемерное значеніе, и есть не болѣе какъ напрасная трата силъ, средствъ и времени: это слишкомъ хорошо доказано всѣми нашими дѣйствіями въ Средней Азіи и тяжелымъ опытомъ полустолѣтней Кавказской войны.

№ 177.

Москва, 27-го іюня.

Ведро и ненастье на политическомъ горизонтѣ смѣняютъ другъ друга съ удивительною быстротой въ наши дни. Сколько громкихъ словъ, офиціальныхъ и неофиціальныхъ, было потрачено по поводу „благополучно“ окончившейся 1 іюля Берлинской конференціи! Президентъ конференціи, князь Гоэнлоэ, закрылъ оную рѣчью въ которой указалъ что „быстрое и успѣшное окончаніе дѣла конференціи есть результатъ единодушія державъ и энергической и разумной дѣятельности ихъ представителей.“ Австрійскій посолъ, графъ Сеченьи, отвѣтилъ на это хвалебнымъ словомъ Германіи, ея миролюбію и особеннымъ заслугамъ въ дѣлѣ конференціи созванной по ея иниціативѣ. Въ томъ же духѣ выразили свои чувства и остальные члены конференціи. Затѣмъ подписана была коллективная нота составленная по редакціи предложенной представителемъ Франціи. Можно было думать, судя по торжественному и ликующему тону депешъ коими было возвѣщено это „знаменательное“ событіе, что главное уже сдѣлано и что дальнѣйшее, то-есть осуществленіе

того что рѣшено на бумагѣ, есть дѣло второстепенное и во всякомъ случаѣ обезпеченное. И какъ было не надѣяться что „соглашеніе“ будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ не одно только обогащеніе дипломатическихъ архивовъ новымъ международнымъ актомъ? Теперешняя конференція имѣетъ преимущество предъ тою которая выработала знаменитый Берлинскій меморандумъ долженствовавшій предотвратить послѣднюю Восточную войну. До сихъ поръ всѣ полагали что войны не было бы еслибъ Англія не разстроила тогда концерта и не отказалась подписать меморандумъ. Теперь всѣ подписи налицо, и концертъ полный.

Но не прошло и дня послѣ всѣхъ этихъ торжественныхъ заявленій какъ уже послышались иныя ноты внесшія рѣзкій диссонансъ во вчерашнюю гармонію. Еще прежде чѣмъ могло быть извѣстно какъ отнесется безсильное и дряблое Оттоманское правительство къ категорическому требованію единодушной Европы, начались уже рѣзкія пререканія о томъ кому предоставить, и предоставить ли кому-либо принужденіе Турціи къ исполненію „воли Европы.“ Со стороны Германіи и Австріи не замедлили раздаться голоса рѣшительно заявившіе что это не ихъ дѣло. Но за то австрійская официозная печать, а въ особенности *Политическая Корреспонденція*, слывущая привилегированнымъ органомъ австрійскихъ посольствъ во всѣхъ странахъ Европы, стала съ особеннымъ усердіемъ распространять слухъ, будто Англія и Франція уже порѣшили взять на себя исполненіе рѣшенія конференціи и что для этого имѣется въ виду соединенное дѣйствіе англо-французской эскадры. *Политическая Корреспонденція* не одинъ, а нѣсколько разъ повторила этотъ слухъ; но французская официозная печать съ такою же настойчивостью спѣшила его опровергнуть, и эти опроверженія были не просто отрицаніемъ факта, но рѣзкими и раздраженными выходками противъ Англіи, ясно указывающими что за всѣмъ этимъ скрывается какая-то игра. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ общее единодушіе державъ? И не правы ли Турки основывая всѣ свои дѣйствія на убѣжденіи что единодушіе Европы по отношенію къ дѣламъ Востока было и есть химера. Убѣжденіе это конечно почерпаетъ новую пищу въ полемическихъ статьяхъ газеты *Temps*, о коихъ мы уже имѣли случай говорить и которыя дополнились новою замѣткой, переданною намъ на дняхъ по телеграфу.

Берлинская официозная газета *Post* въ свою очередь поддерживаетъ маневръ пущенный въ ходъ изъ Вѣны: и она старается доказать Портѣ какимъ опасностямъ она подвергнетъ себя если откажется добровольно исполнить постановленіе Берлинской конференціи. Этотъ отказъ, разсуждаетъ берлинская газета, будетъ равносиленъ отрицанію Портой Берлинскаго трактата, коего прямымъ послѣдствіемъ была конференція. А такъ какъ Берлинскій трактатъ состоялся лишь въ видахъ устраненія Санъ-Стефанскаго договора и послужилъ „къ спасенію“ Турціи, то Турція сама де готовитъ себѣ гибель отрекаясь отъ спасительнаго трактата. Но турецкіе политики, не хуже берлинскихъ, знаютъ что Санъ-Стефанскій договоръ былъ устраненъ Европой не ради спасенія Турціи, а изъ-за вражды къ тѣмъ силамъ коихъ законное развитіе одно лишь можетъ привести къ естественной развязкѣ Восточнаго вопроса. Вражда эта существуетъ, и ею одною держится Турція, въ ней одной ея *raison d'être*, и доколѣ Турки будутъ имѣть въ ней своего могучаго союзника, имъ не страшно никакое единодушіе Европы... на бумагѣ. Европейская же печать изо всѣхъ силъ старается убѣдить Турокъ въ томъ что единодушіе существуетъ лишь на бумагѣ.

Лучшимъ доказательствомъ того какъ мало обращаетъ Порта вниманія на „утѣшительные“ результаты берлинскаго соглашенія можетъ послужить воззваніе съ коимъ на дняхъ новый турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ обратился къ горцамъ Албанской Лиги, той самой которая выставлялась еще недавно европейскою печатью новою опасностью для Турціи и которую мы съ самаго начала признавали замаскированною ратью султана. Абеддинъ-паша прямо подстрекаетъ Албанцевъ не соглашаться ни на какія уступки своей территоріи, ни къ сѣверу, Черногорцамъ, ни къ югу, Грекамъ. „Стремленію Черногорцевъ,“ пишетъ онъ, „завоевать албан„скую территорію къ счастію положенъ „предѣлъ, и я питаю убѣжденіе что и съ „другой стороны вопросъ будетъ разрѣ„шенъ въ нашу пользу. Порта защититъ „васъ противъ жадныхъ поползновеній ва„шихъ сосѣдей.“ До Берлинской конфе-

ренціи, когда Европа требовала отъ Порты исполненія ея единодушнаго рѣшенія относительно уступки присужденной Черногоріи территоріи, Порта еще считала нужнымъ лицемѣрить и прикрываться „открытымъ противодѣйствіемъ“ Албанцевъ нетолько Европѣ, но и ей самой. Теперь когда сугубымъ соглашеніемъ, основаннымъ на томъ же трактатѣ, предписана еще одна ампутація турецкому владычеству, Турки уже совершенно сбрасываютъ маску; министромъ иностранныхъ дѣлъ Порты становится Албанецъ по происхожденію, и онъ уже прямо обѣщаетъ своимъ единоплеменникамъ открытую поддержку въ ихъ сопротивленіи вліяніямъ Европы. Развѣ это не назидательно?

Одно лишь безпокоитъ серіозно вѣнскихъ и берлинскихъ ревнителей „единодушія“ Европы, они очень хорошо знаютъ что Россія одна не ограничивается словами и пустыми угрозами противъ Турціи, и въ то время какъ ихъ толки объ англо-французскомъ соглашеніи, направленномъ противъ Турціи, вызываютъ лишь демонстраціи противоположнаго свойства, убѣждающія Турокъ что съ этой стороны имъ нечего опасаться, дѣйствительно тревожныя размышленія внушаются вопросомъ о томъ не состоится ли соглашеніе между новымъ англійскимъ кабинетомъ и Россіей для совмѣстнаго дѣйствія на Востокѣ. Опасенія эти питаются въ самой Англіи и приверженцами старинныхъ традицій англійской политики. Вѣнская печать явилась выразительницей и этихъ опасеній. Въ вѣнской клерикальной газетѣ *Vaterland* появилась на дняхъ корреспонденція „свѣдущаго въ политическихъ дѣлахъ“ Англичанина. Корреспондентъ этотъ весьма сомнѣвается чтобы состоялось соглашеніе по Восточнымъ дѣламъ между Англіей, Франціей и Италіей, о коемъ такъ много говорятъ. По словамъ его, въ лондонскихъ политическихъ кругахъ питаютъ убѣжденіе что возобновленное нынѣ восточное затрудненіе едва ли окончится мирнымъ образомъ. Войнѣ на Востокѣ были бы пожалуй и рады еслибы „можно было быть увѣреннымъ что новыя событія совершатся тамъ въ то время какъ Россія будетъ занята войной съ Китаемъ.“ Англія могла бы въ этомъ случаѣ воспользоваться выгодой своего положенія и осуществить вполнѣ согласный съ ея интересами планъ реорганизаціи Балканскаго полуострова и Арменіи. Но къ ужасу англійскихъ политиковъ, коихъ мнѣніе излагаетъ корреспондентъ, кабинетъ Гладстона не только не старается о томъ чтобы силы Россіи были связаны въ Центральной Азіи и на границахъ Китая, но еще старается о томъ чтобы своимъ посредничествомъ предупредить разрывъ между Россіей и Китаемъ. „Такая глупость,“ прибавляетъ корреспондентъ, „почти невѣроятна,“ но со стороны Гладстона всего де можно ожидать. По словамъ корреспондента, г. Гладстона водитъ за носъ какая-то русская дама и сдѣлала изъ него приверженца Россіи...

№ 178.

Москва, 28-го іюня.

Виды на урожай улучшаются. Корреспонденты изъ разныхъ мѣстностей начинаютъ понемногу смягчать тѣ мрачныя краски которыми они въ послѣднее время рисовали положеніе полей. Напечатанный въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, отъ 26 іюня, рядъ телеграммъ, полученныхъ по запросу министра внутреннихъ дѣлъ, о состояніи хлѣбовъ въ 41 губерніи передаетъ большею частію благопріятныя вѣсти. Опасенія общаго бѣдствія отъ недорода хлѣба такимъ образомъ теряютъ свою силу. Уменьшается и значеніе жалобъ на дороговизну хлѣба. Становится сомнительнымъ чтобы цѣны хлѣба долго удержались на ихъ нынѣшнемъ уровнѣ. По мѣстамъ онѣ уже начали понижаться, и въ непродолжительномъ будущемъ должно, повидимому, послѣдовать дальнѣйшее ихъ пониженіе. Уровень ихъ будетъ зависѣть, конечно, не отъ результатовъ только нашей жатвы, но и отъ размѣровъ урожая какъ въ европейскихъ государствахъ куда мы сбываемъ нашъ хлѣбъ, такъ и въ Америкѣ и другихъ странахъ конкуррирующихъ съ нами по хлѣбной торговлѣ. Каковы будутъ тамъ урожаи, пока неизвѣстно, но общій характеръ получаемыхъ извѣстій тотъ что жатва тамъ будетъ обильнѣе чѣмъ въ послѣдніе годы. Недавно сообщалось, правда, что въ Германіи всходы померзли, такъ что пришлось перепахивать поля засѣянныя рожью и засѣвать вновь, но теперь мы уже читаемъ въ газетахъ что уборка хлѣба въ Германіи, а также въ Бельгіи и во Франціи, идетъ хорошо, хотя во Франціи и жа-

ловались мѣстами на излишніе дожди. Виды на урожай въ Англіи, по тѣмъ же газетнымъ свѣдѣніямъ, очень благопріятны и значительно лучше чѣмъ во всѣ послѣдніе годы. Затѣмъ въ Америкѣ урожай ожидается значительно бо́льшій противъ 1879 года. Возможно предвидѣть, такимъ образомъ, и усиленное предложеніе хлѣба изъ Америки, и ослабленіе спроса на него въ Европѣ, то-есть такое торговое положеніе при которомъ пониженіе цѣнъ сдѣлается неизбѣжнымъ.

Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, можно полагать что возникшая у насъ въ послѣднее время полемика о дороговизнѣ хлѣба и послѣдствіяхъ ея для русскаго населенія утратитъ свой нынѣшній характеръ и сохранитъ лишь теоретическое значеніе. Главный интересъ ея въ настоящую минуту преимущественно статистическій. Требуется опредѣлить цифрами какъ великъ въ Россіи процентъ населенія совершенно чуждаго земледѣлію, и какъ великъ съ другой стороны процентъ людей извлекающихъ прямую выгоду изъ подъема цѣнъ на хлѣбъ. Къ сожалѣнію, русская статистика не находится въ такомъ положеніи чтобы при спорныхъ вопросахъ съ удобствомъ можно было пользоваться ея цифрами. Мы прочли, напримѣръ, въ газетахъ утвержденіе что число людей совсѣмъ не занимающихся земледѣліемъ составляетъ въ Европейской Россіи „вѣроятно“ не менѣе 20% всего населенія, то-есть около 15 милліоновъ душъ. По какимъ цифрамъ и соображеніямъ сдѣланъ этотъ разчетъ, и на чемъ основывается его вѣроятность, неизвѣстно. Прямыхъ цифровыхъ данныхъ для его опроверженій не имѣется, но трудно, кажется, сомнѣваться въ преувеличенности упомянутаго разчета. Наше коренное городское населеніе вообще очень малочисленно; значительный процентъ въ населеніи городовъ составляетъ элементъ пришлый—сельчане приходящіе на заработки или въ свободное отъ сельскихъ работъ время, или и въ несвободное, но когда число рабочихъ рукъ въ семьѣ позволяетъ временно отдѣлить часть ихъ на посторонніе земледѣлію занятія и промыслы. Къ этой же категоріи людей не разрывающихъ связи съ земледѣліемъ принадлежитъ и большинство людей работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, и ихъ хозяева, вѣроятно, могли бы сообщить интересныя данныя о томъ какая значительная масса рабочихъ покидаетъ по временамъ ихъ заведенія когда наступаетъ пора покосовъ и иныхъ сельскихъ работъ требующихъ большаго числа рукъ. Еще въ большей силѣ то же самое можетъ быть сказано о нашихъ плотникахъ, каменьщикахъ, людяхъ занимающихся извозомъ и т. д. Затѣмъ, наше сельское духовенство почти поголовно занимается земледѣліемъ. Изъ какихъ же слагаемыхъ, въ виду этого, могъ бы получиться итогъ въ 15 милліоновъ людей совсѣмъ не занимающихся земледѣліемъ?

Одновременно съ преувеличеніемъ итога людей круглый годъ питающихся покупнымъ хлѣбомъ, мы наталкиваемся въ газетахъ на другую крайность, на сокращеніе до послѣдней возможности числа людей продающихъ производимый ими хлѣбъ и извлекающихъ выгоды отъ продажи его по хорошимъ цѣнамъ. Дѣлается гадательный разчетъ сколькими десятинами пахотной земли владѣютъ крестьяне, и сколькими помѣщики; затѣмъ, полагая огуломъ что помѣщичья десятина даетъ слишкомъ въ полтора раза болѣе хлѣба чѣмъ десятина крестьянская, вычитывается что изъ предполагаемаго итога 360 милліоновъ четвертей разнаго хлѣба и картофеля ежегодно производимыхъ въ Россіи, на долю крестьянъ приходится едва 200 милліоновъ, а на долю помѣщичьихъ хозяйствъ болѣе 160 милліоновъ четвертей. Отсюда выводится что продается хлѣбъ съ барышемъ почти исключительно изъ помѣстныхъ хозяйствъ: они отпускаютъ хлѣбъ за границу, они отпускаютъ хлѣбъ и картофель на винокуреніе, они снабжаютъ хлѣбомъ наше незначительное городское населеніе, и у нихъ же затѣмъ остается еще ежегодно свыше 50 милліоновъ четвертей разнаго хлѣба и картофеля на продажу именно наиболѣе нуждающимся жителямъ селъ и деревень. Изъ этого вывода вытекаетъ другой: огромное де большинство населенія Россіи несетъ убытки отъ дороговизны хлѣба и всѣхъ припасовъ, извлекаетъ же барыши лишь сравнительно ничтожное число хорошо и удовлетворительно обставленныхъ хозяйствъ въ помѣстьяхъ и деревняхъ...

Достаточно прочесть эти выводы и взглянуть на цифры изъ которыхъ они сдѣланы чтобъ убѣдиться сколько недоразумѣній по самымъ серіознымъ вопросамъ плодитъ у насъ отсутствіе сколько-нибудь сносной земледѣльческой статистики. Всѣ приведенные выводы измѣнились бы до неузна-

васмости еслибы былъ извѣстенъ итогъ десятинъ арендуемыхъ крестьянами у другихъ землевладѣльцевъ, и еслибы затѣмъ въ общей массѣ собственно помѣщичьихъ экономій былъ опредѣленъ процентъ имѣній гдѣ хозяйство идетъ не лучше чѣмъ у крестьянъ.

Но еслибы даже дѣйствительно львиная доля выгодъ отъ подъема хлѣбныхъ цѣнъ доставалась помѣщикамъ, едва ли въ этомъ обстоятельствѣ заключалось бы указаніе на необходимость мѣръ къ насильственному удешевленію хлѣба. Далеко не въ цвѣтущемъ состояніи находится большинство помѣщичьихъ хозяйствъ, и требуются мѣры для ихъ поддержанія, а не подрыва, точно также какъ требуются мѣры для улучшенія хозяйства крестьянскаго. Еслибъ и было доказано что крестьянамъ достается мало выгодъ отъ подъема цѣнъ производимаго ими хлѣба, во всякомъ случаѣ осталось бы безспорнымъ что не дороговизна хлѣба составляетъ главное зло ихъ быта. Въ большинствѣ случаевъ, какъ извѣстно, покупщиками хлѣба они дѣлаются не потому чтобы дѣйствительно имъ не доставало на прокормленіе плодовъ собственной жатвы, а потому что они пускаютъ въ продажу не одни избытки хлѣба, но и ту часть его которую должны были бы беречь про себя до новаго умолота. Изученіе и устраненіе условій которыя побуждаютъ крестьянъ къ такимъ неразчетливымъ оборотамъ какъ дешевая продажа своего хлѣба осенью и дорогая покупка того же хлѣба весною, вотъ что нужно въ интересахъ крестьянъ, а не удешевленіе хлѣба, которое можетъ заставить ихъ продавать еще большее количество изъ того хлѣба который нуженъ для собственнаго пропитанія. Затѣмъ, не могутъ быть, конечно, оставляемы безъ вниманія и интересы того меньшинства населенія которое или вовсе не занимается земледѣліемъ, или занимаясь имъ, не получаетъ со своей земли хлѣба въ количествѣ достаточномъ для собственнаго продовольствія отъ умолота до умолота. Нельзя не заботиться о томъ чтобъ у этого населенія были достаточные заработки. Насильственное удешевленіе хлѣба не увеличило бы, а по всей вѣроятности сократило бы эти заработки. Оно повело бы не къ расширенію, а къ сокращенію запашекъ и, стало-быть, къ уменьшенію спроса на трудъ сельскихъ рабочихъ. Но широкое развитіе разнообразныхъ отраслей промышленности, не сокращая этого спроса, создало бы новый, который не замедлилъ бы поднять до желательной нормы цѣну рабочаго труда въ Россіи. Примѣръ другихъ государствъ показываетъ чѣмъ преимущественно можетъ быть вызвано необходимое народу развитіе промышленности. Средство къ тому — таможенный тарифъ соображенный съ требованіями не космополитическихъ доктринъ, но національной *политики*. Этимъ средствомъ въ послѣднее время съ успѣхомъ воспользовалась Америка. Этимъ же средствомъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, создала свою промышленность и сама Англія, прежде чѣмъ сдѣлалась классическою страной свободной торговли.

Обстоятельства слагаются у насъ, однако, такъ что серіозное возвышеніе нашихъ таможенныхъ пошлинъ становится необходимостью даже помимо заботъ о развитіи промышленности и о доставленіи выгодныхъ заработковъ населенію. Привозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ все растетъ; за этотъ привозъ необходимо расплачиваться. Въ послѣдніе три года эта расплата нѣсколько облегчалась усиленнымъ отпускомъ хлѣба по высокимъ цѣнамъ. Но извѣстія объ урожаѣ въ Европѣ и Америкѣ не позволяютъ разчитывать ни на увеличенные размѣры, ни на повышенныя цѣны отпуска. Чѣмъ же будемъ мы доплачивать разницу между цѣнностью привоза и отпуска? Золотомъ? Но его у насъ нѣтъ. Нашими государственными и частными долговыми обязательствами, фондами, акціями и облигаціями? Не добрую будущность готовитъ странѣ такая расплата не изъ доходовъ, а изъ капитала, и нельзя допускать чтобъ она вошла въ обычай какъ нѣчто нормальное. Дефициты въ торговомъ балансѣ могутъ оказаться для страны много вреднѣе дефицитовъ въ государственномъ бюджетѣ. Опасность грозящая странѣ отъ перевѣса привоза надъ отпускомъ, впрочемъ, болѣе и болѣе входитъ въ общее сознаніе. „За невозможностью расширять свой отпускъ помѣрѣ надобности, намъ ничего не остается какъ принимать самыя рѣшительныя мѣры къ возможному сокращенію привоза,“ — вотъ отзывъ который мы съ полнымъ сочувствіемъ прочли въ одной изъ петербургскихъ газетъ, и который вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ что приходится намъ слышать съ разныхъ сторонъ въ частныхъ бесѣдахъ.

№ 180.

Москва, 30-го іюня.

Отставка графа Толстаго до сихъ поръ еще служитъ неисчерпаемою темой для всевозможнихъ разглагольствій. Вотъ что̀, между прочимъ, по этому поводу пишутъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1880, № 5, стр. 97 и 98):

„Безпристрастной исторіи не будетъ никакого основанія, ни повода заниматься министерствомъ графа Толстаго. Для всѣхъ министерствъ обыкновеннаго уровня есть и можетъ быть только одна истинная и единственно полезная исторія, это исторія злобы дня которая идетъ слѣдомъ за оставляющимъ свой постъ министромъ.... Исторію эту никакъ нельзя третировать свысока: она вещь не только не лишняя, но очень нужная, очень полезная, даже необходимая, и я думаю, для правильнаго развитія хода жизни въ обиходномъ ея теченіи, даже болѣе необходимая чѣмъ исторія монументальная.... *Что она не безпристрастна, это не бѣда.* Безпристрастія полнаго нѣтъ и въ исторіи монументальной. Но разница между этою послѣднею и исторіей злобы дня та что пристрастіе и безпристрастіе исторіи злобы дня вы можете повѣрить фактами, болѣе или менѣе вамъ извѣстными, которые при томъ *она вамъ и сама сообщаетъ, а кромѣ того, она и не претендуетъ на значеніе своихъ сужденій. Вы можете не обращать на нихъ никакого вниманія* и давать значеніе только фактамъ ею сообщаемымъ, и притомъ тѣмъ только въ достовѣрности которыхъ вы имѣете возможность убѣдиться."

Итакъ, вотъ „единственно полезная и даже необходимая" исторія! Она сама признается что она „не безпристрастна," она „не претендуетъ на значеніе своихъ сужденій" и сама приглашаетъ васъ „не при„давать значенія тѣмъ изъ сообщаемыхъ „ею фактовъ, въ достовѣрности которыхъ „вы не имѣете возможности убѣдиться." Эта удивительная исторія найдетъ слѣдовательно вполнѣ естественнымъ если мы не обратимъ никакого вниманія на ея сужденія, а къ сообщаемымъ ею фактамъ отнесемся съ крайнею осторожностью. Мы имѣемъ полную возможность провѣрить эти факты и убѣдиться въ ихъ недостовѣрности, и потому не имѣемъ права скрывать своего убѣжденія отъ публики, дабы предохранить ее отъ того обмана на который и разчитана вся эта „единственно полезная, небезпристрастная исторія злобы дня."

Провѣрка этихъ фактовъ представляетъ особый интересъ потому что всѣ они приводя въ доказательство парадокса будто графъ Толстой есть „злѣйшій врагъ классическаго образованія въ Россіи." Графъ Толстой „совершилъ тяжкое преступленіе:" онъ „загубилъ нашу классическую школу," восклицаютъ съ пафосомъ люди которые въ теченіе двадцати лѣтъ съ яростью кричали что древніе языки—величайшее зло для Россіи.

Мѣсяцъ тому назадъ, въ № 132 нашей газеты, мы уже указывали на эту метаморфозу, и притомъ предсказали что послѣ перваго акта комедіи, то-есть послѣ того акта въ которомъ правдивые публицисты восторгались пользой древнихъ языковъ, наступитъ второй актъ, когда эти господа начнутъ дѣлать разныя предложенія будто бы для того чтобъ еще улучшить классическую систему, на самомъ же дѣлѣ для того чтобъ ее сдѣлать безполезною, негодною и вредною. Теперь уже наступило начало этого втораго акта. Если наши предсказанія сбылись скорѣе нежели мы этого ожидали, то причиной тому послужила одна статья *С.-Петербурскихъ Вѣдомостей*, которая мѣткимъ ударомъ обнаружила скрытую батарею „честнаго, благороднаго и хорошаго лагеря." Вотъ что̀ писала эта газета въ своемъ № 115:

„Выходъ въ отставку графа Толстаго составляетъ *величайшее торжество* для него... Всѣ кто до сихъ поръ нападалъ на его систему сложили въ настоящее время оружіе и, точно сговорились, хоромъ поютъ что система проведенная графомъ Толстымъ и такъ энергично въ теченіе четырнадцати лѣтъ защищаемая имъ противъ всѣхъ нападеній и общества, и печати, и даже государственныхъ людей, эта система должна оставаться неизмѣнною и впредь, *разумѣется за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей вызываемыхъ потребностями времени*... Итакъ, наконецъ только теперь всѣ какъ бы прозрѣли. Систему графа Толстаго преслѣдовали всѣми способами, пока онъ ее проводилъ, защищалъ и отстаивалъ. Когда же, съ назначеніемъ новаго министра, явилось подозрѣніе не поведетъ ли это къ перемѣнѣ самой системы воспитанія, тогда всѣ, въ одинъ голосъ, стали ее восхвалять, оправдывать, защи-

щать, и всѣ въ одинъ голосъ *молятъ* объ оставленіи ея неприкосновенною! Значитъ, сознали ея необходимость и достоинство. Это общее сознаніе достоинствъ и необходимости системы воспитанія проведенной графомъ Толстымъ должно послужить ему лучшею наградою..."

Эта статья достигла своей цѣли. Наши рыцари переполошились и поспѣшили заявить что: „*С.-Петербургскія Вѣдомости* „могли вывести изъ сказаннаго въ нашей „печати нѣчто похожее на торжество про- „шедшаго и на мольбу о неприкосновен- „ности творенія только потому что *наша „печать, по печальной необходимости, „грѣшитъ тѣмъ что рѣдко называетъ „вещи ихъ именами, выражается недо- „статочно ясно и опредѣленно*, и говоря „противъ ломки *никогда не договаривала „до конца*—чего именно." (*Вѣстникъ Европы* 1880 № 6 стр. 806). Но теперь вдругъ, несмотря на „печальную необходимость," эти господа рѣшились назвать вещи ихъ именами, выразиться ясно и опредѣленно и договориться до конца. Теперь мы уже знаемъ какого классицизма они желаютъ и по какимъ они школамъ тоскуютъ. Они желаютъ возвратиться къ тому блаженному для нихъ времени когда изъ VII класса гимназіи выходили тѣ невѣжественные верхогляды которые были печальнымъ выраженіемъ нашего умственнаго банкрутства. Весьма естественно что наши современные Писаревы желаютъ упрочить за собой по возможности большій кругъ читателей, и потому всѣми силами стараются вернуть нашу школу въ то прежнее состояніе когда изъ нея выходили Базаровы. Поэтому теперь вы всюду встрѣтите въ „либеральной" печати восторженныя похвалы какой-то прежней классической системѣ которую будто бы „такъ безсовѣстно исковеркалъ графъ Толстой."

Посмотримъ однако поближе въ чемъ же состояло это „коверканье" по мнѣнію петербургскихъ публицистовъ. Самый полный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ *Вѣстникѣ Европы* (№ 6 стр. 807 и 808). Вотъ что говоритъ органъ г. Стасюлевича:

„Честь введенія классицизма въ нашу школу, а слѣдовательно и честь основателя классической системы принадлежитъ безспорно графу Уварову.... Со времени Уварова, *въ теченіе почти 50 лѣтъ, эта система, несмотря на событія 1848 года, не прекращалась*, а въ 60-хъ годахъ, при А. В. Головнинѣ, новый тогда гимназическій уставъ возвратилъ ей всю ея прежнюю силу, съ тѣми измѣненіями и дополненіями какія требовались новѣйшими успѣхами школьнаго дѣла во всемъ образованномъ мірѣ. Оставалось затѣмъ примѣнить этотъ уставъ во всей строгости и развивать постепенно его положенія, соразмѣрно наличнымъ преподавательскимъ средствамъ *и согласно дальнѣйшимъ успѣхамъ школьнаго дѣла, особенно въ Германіи*. Новое министерство, вмѣсто такой организаціонной работы, задалось мыслію *уничтожить всѣ слѣды дѣятельности своего предшественника* (а это самое опасное дѣло въ вопросахъ народнаго просвѣщенія) и начало съ уничтоженія гимназическаго устава выросшаго изъ Уваровской системы. Какая же система была поставлена вмѣсто того? Если мы сравнимъ новую систему графа Толстаго съ системой Уварова и продолжавшею ее системой Головнина, то мы должны будемъ сознаться что первая получалась изъ Уваровской посредствомъ простаго помноженія числа уроковъ латинскаго и греческаго языка для однихъ классовъ гимназій на цифру 3, а для другихъ чуть не на 4. Но одно простое ариѳметическое дѣйствіе не можетъ быть названо не только новою *системой*, но и системой вообще. Или иначе легко было бы плодить системы до безконечности; стóитъ помножить число уроковъ латинскихъ и греческихъ на цифру 5 или 6, и вотъ мы сдѣлаемся творцами новой системы, которая должна быть признана превосходящею систему графа Толстаго... Итакъ существенное въ системѣ графа Толстаго состояло въ томъ что̀ было сдѣлано уже Уваровымъ— и вотъ именно къ этому могли относиться *мольбы* печати, когда она въ одинъ голосъ выражала желаніе не дѣлать никакой *ломки*; но, конечно, печать не имѣла при этомъ въ виду сохраненія самаго *множителя* того ариѳметическаго дѣйствія посредствомъ котораго получилась *система графа Толстаго*."

Что̀ это такое, завѣдомая ложь или невѣдѣніе? Начать уже съ того увѣренія будто „со времени Уварова, въ теченіе почти *„пятидесяти лѣтъ*, его система, *несмотря „на событія 1848 года*, не прекращалась!" Да вѣдь это неправда! Еслибъ Уваровская система дѣйствительно продолжалась безъ ущерба для классическихъ языковъ и раз-

вивалась далѣе вплоть до реформы графа Толстаго, мы стояли бы теперь гораздо выше не только въ нашемъ умственномъ и нравственномъ, но и въ нашемъ матеріальномъ благосостояніи. Но бѣда именно въ томъ что Уваровская система продолжалась не 50 лѣтъ, какъ увѣряетъ *Вѣстникъ Европы*, а всего 16 (считая съ 1833 года, то-есть со времени вступленія графа Уварова въ должность министра народнаго просвѣщенія). Событія 1848 года вызвали, къ величайшему несчастію нашего отечества, полный разгромъ начатковъ классической системы положенныхъ Уваровымъ. Указъ 21 марта 1849 года ввелъ въ гимназіи бифуркацію и понизилъ въ классическомъ курсѣ число латинскихъ уроковъ съ $37\frac{1}{2}$ на 20, а число греческихъ (необязательныхъ) съ 24 на 10. Мало того, 1 ноября 1851 года произошла новая перемѣна: началась система Ширинскаго-Шихматова, сократившая число всѣхъ классическихъ гимназій съ 45 на *девять*, и это-то система, существовавшая до 1864 года, и произвела то поколѣніе невѣжественныхъ и немыслящихъ верхоглядовъ по которымъ такъ тоскуютъ эти господа. Но неужели всѣ эти историческія данныя неизвѣстны г. Стасюлевичу и его сотрудникамъ? Какъ же это можно однимъ почеркомъ пера превратить 16 лѣтъ въ полстолѣтіе? Хорошо же эти господа знаютъ исторію своего отечества если они до такой степени извращаютъ событія отстоящія отъ насъ всего на какія-нибудь 20—30 лѣтъ! Вотъ вамъ первый примѣръ того какъ достовѣрны тѣ факты которые намъ сообщаетъ новоизобрѣтенная, „очень полезная и даже необходимая, не безпристрастная исторія."

Ну, а какъ вамъ покажется другой фактъ сообщаемый этою исторіей, будто „система графа Толстаго получилась изъ *простаго ариѳметическаго дѣйствія*, посредствомъ *помноженія* числа Уваровскихъ уроковъ латинскаго и греческаго языка для однихъ классовъ *на цифру 3*, а для другихъ *чуть не на 4?*" Такъ, видите ли, графъ Толстой поступилъ вмѣсто того чтобы „развивать „Уваровскій уставъ въ Головнинской редакціи согласно дальнѣйшимъ успѣхамъ „школьнаго дѣла, особенно въ Германіи." Но извѣстно ли г. Стасюлевичу число латинскихъ и греческихъ уроковъ въ уставѣ графа Уварова, А. В. Головнина, графа Толстаго и въ германскихъ гимназіяхъ? Вѣроятно нѣтъ, а то бы онъ не напечаталъ абсурда о „простомъ ариѳметическомъ дѣйствіи." Вотъ эти числа:

	Уваровъ.	Головнинъ.	Толстой.	Германія.
Латинскій яз.	$37\frac{1}{2}$	34 *)	49	86
Греческій яз.	24	24 *)	36	42

Тутъ мы прежде всего не видимъ чтобы „А. В. Головнинъ, возвратилъ Уваровской „системѣ всю ея прежнюю силу, съ тѣми „измѣненіями и *дополненіями*, какія требовались „дѣла во всемъ образованномъ мірѣ, *особенно въ Германіи*." А что касается того обстоятельства что въ уставѣ графа Толстаго оказалось въ общей сложности больше латинскихъ и греческихъ уроковъ, чѣмъ въ уставахъ Уварова и Головнина, то не слѣдуетъ забывать что это произошло главнымъ образомъ отъ присоединенія *восьмаго класса* (въ Германіи и во Франціи въ гимназіяхъ *девять* классовъ). Притомъ же этотъ VIII классъ не былъ присоединенъ сразу въ видѣ обязательнаго для всѣхъ учениковъ лишняго года ученія, а сдѣлался онъ такимъ спустя лишь нѣсколько лѣтъ. Графъ Толстой сдѣлалъ именно то чего требуетъ г. Стасюлевичъ: онъ мало-по-малу, можетъ-быть даже слишкомъ мало, сталъ развивать уставъ Уварова согласно „успѣхамъ школьнаго дѣла, особенно въ Германіи." Такъ, напримѣръ, по латинскому языку у Уварова было $37\frac{1}{2}$ часовъ, а въ Германіи 86; для того чтобы сравняться съ Германіей не доставало $48\frac{1}{2}$ часовъ: графъ Толстой, однако, прибавилъ лишь $11\frac{1}{2}$ часовъ. Какую же нужно имѣть твердость чтобы не краснѣя говорить слѣдующее: „Если мы сравнимъ новую *систему графа Толстаго* съ системой Уварова „и продолжавшею ее системой Головнина, „то мы должны будемъ сознаться что первая получилась изъ Уваровской посредствомъ простаго помноженія числа уроковъ латинскаго и греческаго языка для „однихъ классовъ гимназіи на цифру 3, а „для другихъ—чуть не на 4." Давайте же сравнивать. Вотъ таблица въ которой показано сколько *въ каждомъ классѣ* назначено уроковъ по латинскому и греческому языку въ уставахъ Уварова, Головнина, Толстаго и въ уставахъ германскихъ гимназій:

*) Въ уставѣ 19 ноября 1864 г. было опредѣлено чтобы каждый урокъ въ гимназіяхъ продолжался $1\frac{1}{4}$ часъ; такимъ образомъ на латинскій языкъ приходилось въ недѣлю $42\frac{1}{2}$ часа, а на греческій 30 часовъ. Но уже 27 сентября 1865 г. министръ Головнинъ сдѣлалъ распоряженіе о сокращеніи гимназическихъ уроковъ съ $1\frac{1}{4}$ часа на 1 часъ.

	I кл.	II кл.	III кл.		IV кл.		V кл.		VI кл.		VII кл.		VIII кл.		IX кл.		Итого.	
	лат.	лат.	лат.	греч.	лат.	греч.	лат.	греч.	лат.	греч.	лат.	греч.	лат.	греч.	лат.	греч.	лат.	греч.
Уваровъ	6	6	6	—	6	6	6	6	4½	6	3	6	—	—	—	—	37½	24
Головнинъ	4	5	5	3	5	3	5	6	5	6	5	6	—	—	—	—	34	24
Толстой	8	7	5	5	5	6	6	6	6	6	6	7	6	6	—	—	49	36
Германскія гимназіи	10	10	10	6	10	6	10	6	10	6	10	6	8	6	8	6	86	42

Въ какихъ же классахъ графъ Толстой помножилъ число Уваровскихъ уроковъ на 3 и въ какихъ „чуть не на 4?“ Не въ третьемъ ли или четвертомъ классѣ, гдѣ у Уварова было по *шести* часовъ латинскаго языка, а у графа Толстаго только по *пяти*? А по разчету г. Стасюлевича графъ Толстой „посредствомъ простаго ариѳметическаго дѣйствія“ долженъ былъ возвысить въ этихъ классахъ число уроковъ съ 6 на 18 или „чуть не 24.“

Отечественныя Записки не знаютъ или не хотятъ знать что въ Россіи существовала „классическая система графа Уварова,“ продолжавшаяся, по увѣренію г. Стасюлевича, 50 лѣтъ до А. В. Головнина, „который возвратилъ ей всю ея прежнюю силу.“ Вотъ что пишетъ органъ г. Салтыкова:

„Изъ неподлежащихъ никакому сомнѣнію свѣдѣній очевидно что панегиристы графа Толстаго напрасно ему приписываютъ честь введенія у насъ системы классическаго образованія. Истиннымъ насадителемъ этого образованія былъ предшественникъ графа Толстаго, Александръ Васильевичъ Головнинъ. Еслибы насажденіе классическаго образованія продолжаемо было у насъ съ тою же осторожностію и мудростью съ какими оно начато было имъ, то очень возможно что мы теперь имѣли бы, рядомъ съ реальными гимназіями съ однимъ латинскимъ языкомъ, значительное (!) число и полныхъ классическихъ гимназій, а не ту жалкую имъ пародію какую представляютъ нынѣшнія quasi-классическія гимназіи... Въ существѣ дѣла гимназическіе уставы 1864 и 1870 (читай 1871) года ничѣмъ между собой не различаются. Оба имѣютъ одну цѣль: насажденіе въ Россіи системы классическаго образованія. Разница только въ томъ что уставъ 1864 года предусматриваетъ что *въ странѣ гдѣ до сихъ поръ классическаго образованія не было* (слышите, г. Стасюлевичъ?) его можно только насаждать постепенно, мало-помалу, чтобы дать возможность жителямъ нѣсколько познакомиться съ этою *новою* системой образованія... Новый уставъ 1870 (то-есть 1871) года ничего этого не предусматриваетъ или все это игнорируетъ“ и т. д. (*Отечественныя Записки* 1880, № 5, стр. 103 и 104).

Итакъ, одинъ изъ не безпристрастныхъ историковъ толкуетъ что до Головнина 50 лѣтъ въ Россіи существовала, несмотря даже на событія 1848 года, классическая система, а другой увѣряетъ что до Головнина никакого классическаго образованія въ Россіи не было. Кто же правъ? Ни тотъ, ни другой. Классическая система не изобрѣтена ни графомъ Уваровымъ, ни А. В. Головнинымъ, ни графомъ Толстымъ. Классическая система давнымъ давно уже процвѣтаетъ во всемъ образованномъ мірѣ, и сущность ея заключается не въ учрежденіи нѣсколькихъ школъ въ которыхъ желающіе могутъ, при большемъ или меньшемъ количествѣ уроковъ, учиться одному или двумъ древнимъ языкамъ, а въ томъ *непремѣнномъ требованіи* чтобы *всѣ* молодые люди приступающіе къ университетскимъ наукамъ имѣли *солидную подготовку*, основанную на серіозномъ изученіи какъ латинскаго, такъ въ особенности и *греческаго* языка, безъ котораго никакого классицизма существовать не можетъ. Такова именно классическая система во всѣхъ странахъ стоящихъ во главѣ научнаго движенія, въ Германіи, во Франціи, въ Англіи. Но таковою не была система графа Уварова, который пытался ввести у насъ греческій языкъ въ видѣ какого-то необязательнаго предмета роскоши; таковою не была и система Головнина, которая ввела у насъ подложныя классическія гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ. Графу Толстому всецѣло принадлежитъ честь насажденія у насъ, хотя и въ весьма скромныхъ размѣрахъ, того настоящаго, не фальшиваго классицизма, который такъ высоко поднялъ умственный и научный уровень западной Европы.

Итакъ наши передовые политики весьма

далеки отъ истины, если утверждаютъ что у насъ до 1871 года уже существовала *классическая система* образованія. Но напрасно уличать этихъ господъ: они нисколько не сконфузятся; также спокойно будутъ они увѣрять своихъ читателей что дескать „мы конечно не желаемъ ломки, „но наша печать при этомъ не имѣетъ въ „виду сохраненія самаго *множителя* того „*ариѳметическаго дѣйствія* посредствомъ „котораго получилась система Толстаго.“ И эти господа требуютъ чтобы новый министръ „соображался“ съ ихъ показаніями и сужденіями! Впрочемъ мы и забыли что это такіе люди которые сами „не претендуютъ на значеніе своихъ сужденій“ и указываютъ только на сообщемые ими „факты.“ Мы сейчасъ видѣли нѣсколько образцовъ этихъ „фактовъ;“ оказалось что всѣ они далеко не „достовѣрны;“ мы увидимъ что такимъ же свойствомъ отличаются и всѣ остальные „факты“ приводимые этими господами, которые присвоиваютъ себѣ названіе „честной, благородной и хорошей партіи.“

№ 181.

Москва, 1-го іюля.

Европейская печать продолжаетъ съ усердіемъ достойнымъ лучшаго дѣла разрабатывать вопросъ о томъ какая комбинація могла бы лучше всего привести къ исполненію на дѣлѣ принятаго на бумагѣ рѣшенія касательно размежеванія Турціи съ Греціей. Среди этого нескончаемаго потока словъ одни лишь Турки запимаются дѣломъ. Всѣ извѣстія изъ Константинополя согласны въ томъ что Турки имѣютъ въ виду пустить въ ходъ свои испытанныя на опытѣ средства дабы Грекамъ дорогою цѣной досталось присужденное Европой приращеніе. Въ Эпирѣ военныя приготовленія въ полномъ ходу, какъ сообщаютъ по телеграфу; муллы проповѣдуютъ священную войну противъ христіанъ; формируются отряды баши-бузуковъ изъ голодной и фанатической сволочи переполняющей улицы Константинополя, и эти отряды направляются въ Македонію, Оессалію и Эпиръ. Весьма серіозно предсказывается что въ этихъ провинціяхъ предстоитъ повтореніе тѣхъ Тамерлановскихъ избіеній коихъ театромъ къ стыду человѣчества была южная Болгарія четыре года тому назадъ. Англійское правительство, какъ передаютъ въ лондонскихъ министерскихъ газетахъ, не перестаетъ заявлять свои протесты противъ строптивости турецкихъ властей, и г. Гошенъ, спеціальный британскій посолъ, посланный для того чтобы „серіозно поговорить“ съ Турками, по словамъ тѣхъ же газетъ, рѣшился сложить съ себя свои обязанности. Турки вѣроятно отнесутся къ этому съ неменьшимъ хладнокровіемъ нежели къ прибытію г. Гошена. Но что же будетъ дальше? спрашиваютъ тѣ же англійскія министерскія газеты. Въ Эпирѣ грозитъ повтореніе Болгарскихъ ужасовъ, говоритъ *Daily News*: „Державы обязаны озаботиться о томъ чтобы Берлинская конференція не повлекла за собою такихъ послѣдствій. Новая граница должна быть мирнымъ образомъ уступлена Греціи. Спокойствіе Европы сильно пострадаетъ, если теперешнее увеличеніе Греціи будетъ сопровождаться такими же кровавыми событіями какъ война за греческую независимость.“ Все это такъ; но что же дѣлается, или предполагается сдѣлать дабы предотвратить бѣду? Державы, по словамъ той же газеты, будутъ посылать коллективныя и тождественныя ноты; онѣ будутъ рекомендовать султану языкомъ энергическимъ, граничащимъ съ угрозами, подчиниться требованіямъ Европы. Но, прибавляетъ *Daily News* съ ироніей, коллективныя ноты и угрожающія требованія — черты знакомыя въ исторіи отношеній Европы къ Турціи. Быть-можетъ даже что англійскій флотъ будетъ посланъ въ Константинополь; но если дѣло только тѣмъ и ограничится, то это лишь напомнитъ де прісмы министерства лорда Бекон-сфильда. Лордъ Салсбери не менѣе энергично нежели теперешніе англійскіе министры громилъ Турцію на словахъ во время Константинопольской конференціи и на первыхъ порахъ Берлинскаго конгресса. Онъ первый предложилъ чтобы Турція сдѣлала значительныя уступки Греціи. Но когда понадобилось нѣчто больше чѣмъ пустыя слова, то прогулки британскаго флота взадъ и впередъ по Средиземному Морю скоро убѣдили Турокъ что и это не такъ страшно какъ могло прежде казаться. Вотъ почему нужно де чтобы всѣ державы „дѣйствовали“ согласно.

Но въ чемъ же должно заключаться „дѣйствіе?“ Демонстрація *всѣхъ* флотовъ? Но мы узнаемъ изъ послѣднихъ телеграммъ

что и на подобное дѣйствіе возлагаются не особенно большія надежды. И въ самомъ дѣлѣ, Туркамъ и это не въ диковину. Еслибъ еще они имѣли поводъ опасаться что можетъ повториться нѣчто въ родѣ Наваринскаго погрома, они конечно серіозно призадумались бы. Но уроки исторіи не пропадаютъ даромъ и для нихъ, и они хорошо помнятъ какъ плачевно кончилось согласіе морскихъ державъ приведшее къ Наваринскому бою. Константинопольскій корреспондентъ *Times* сообщаетъ, отъ 3-го іюля, что, по мнѣнію преобладающему въ турецкихъ политическихъ сферахъ, державы не рѣшатся повторить тогдашней демонстраціи. Вотъ почему Порта твердо де рѣшилась не подчиняться добровольно предписанію Европы. Одни изъ турецкихъ государственныхъ людей рекомендуютъ открытое сопротивленіе, другіе, болѣе благоразумные, предлагаютъ „уступить съ протестомъ“ и съ виду подчиниться, но въ то же время поджигать подъ рукою мѣстныя мусульманскія населенія и оказать имъ всяческое содѣйствіе для борьбы противъ территоріальныхъ измѣненій, причемъ Порта будетъ официально прикрываться своимъ безсиліемъ обуздать и привести къ повиновенію „мятежныя племена.“ Этотъ второй, болѣе осторожный способъ и принятъ повидимому Портой. Но подстрекательство Албанцевъ совершается столь открыто при помощи единоплеменнаго имъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ Абеддинъ-паши что трудно допустить чтобы Порта дѣйствовала исключительно на свой собственный страхъ. Турки обыкновенно хорошо умѣютъ прикрывать свою потаенную игру, и они позаботились бы о болѣе искусной аранжировкѣ разыгрываемой комедіи, еслибъ не имѣли повода думать что она нужна лишь *pour sauver les apparences*, а что на самомъ дѣлѣ у Турціи есть болѣе надежные союзники среди ея противниковъ пристающихъ къ ней съ настойчивыми требованіями.

Возможно ли чтобы Турція вѣрила въ единодушіе этихъ требованій и въ угрозы ей расточаемыя въ виду разноголосицы и взаимнаго раздраженія уже успѣвшаго сказаться въ лагерѣ ея противниковъ? Нѣсколько разъ возникалъ слухъ о томъ что первенствующую роль въ ожидаемыхъ принудительныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи будутъ играть Англія съ Франціей. Предположеніе это имѣло за себя много вѣроятій. Франція такъ горячо заступалась за Грецію. Она первая предложила ту границу которая нынѣ утверждена Европой. Казалось что окрѣпшая Франція такъ-сказать отмежевала себѣ эту часть Восточнаго вопроса, дабы испробовать здѣсь вновь пріобрѣтенное вліяніе въ международныхъ дѣлахъ. Выступленіе Франціи на передній планъ по греческому вопросу могло тѣмъ болѣе казаться новою эрой для политики ея что заступничество за Грецію должно было повлечь за собой коренную перемѣну въ отношеніяхъ Франціи ко всѣмъ племенамъ призваннымъ замѣнить собою мертвящую силу турецкаго владычества, прекратить непонятную вражду къ Славянамъ, которая сказывалась во Франціи во время послѣдней войны, и сблизить эту державу съ Россіей. Съ другой стороны, французское дѣйствіе въ пользу Греціи, начавшееся по иниціативѣ Ваддингтона, и встрѣтившее тогда глухое противодѣйствіе со стороны прежняго англійскаго кабинета, имѣло на этотъ разъ всѣ шансы успѣха въ виду несомнѣнно измѣнившейся политики Англіи по отношенію къ вопросу о турецкомъ владычествѣ въ Европѣ. Не могло быть также сомнѣнія въ томъ что Россія вполнѣ искренно содѣйствовала бы удовлетворенію законныхъ притязаній греческой національности, не имѣя повода опасаться чтобы съ этимъ дѣломъ были связаны какіе-либо скрытые посторонніе замыслы. Весь ходъ Берлинской конференціи и ея „блестящій“ результатъ, казалось, вполнѣ подтвердилъ основательность этихъ соображеній. Тѣмъ не менѣе какая-то потаенная сила превратила и на этотъ разъ въ иллюзію розовыя мечты о согласіи Европы противъ Турціи.

Всего замѣчательнѣе что Франція, та самая Франція, которой принадлежитъ починъ всего дѣла о греческой границѣ, внесла первый диссонансъ въ установившійся какъ казалось дѣйствительный концертъ. Французскіе правительственные органы первые поспѣшили заявить что состоявшееся соглашеніе не имѣетъ ровно никакого практическаго значенія и что никому нѣтъ дѣла до того будетъ ли въ дѣйствительности исполнено то что рѣшено на бумагѣ. Французскія официозныя газеты почему-то стали выставлять Англію единственною державой имѣющею интересъ въ томъ чтобы рѣшеніе конференціи было

исполнено на дѣлѣ, и въ то же время заявляли что Франція ни въ какомъ случаѣ не будетъ „вынимать для Англіи каштаны изъ огня.“

Но каковы бы ни были скрытые покамѣсть признаки вновь сказывающейся разноголосицы и противорѣчія интересовъ, и какъ ни ободрительно все это дѣйствуетъ на упрямое сопротивленіе Турокъ естественному ходу историческаго развитія, остановить это развитіе едва ли кому-либо удастся. Расширеніе Греціи насчетъ Турціи мирнымъ образомъ едва ли совершится; но кровавую развязку еще менѣе возможно будетъ предотвратить.

№ 182.

Москва, 2-го іюля.

Въ №№ 179 и 180 *Московскихъ Вѣдомостей* опубликованы состоявшіяся 3-го іюня постановленія объ отмѣнѣ безпошлиннаго привоза изъ-за границы чугуна и желѣза и объ измѣненіи таможенныхъ пошлинъ на желѣзо, сталь, металлическія издѣлія и машины. Эти узаконенія вступятъ въ силу съ 1-го января будущаго 1881 года. Не безынтересно сравнить предстоящіе новые порядки съ отживающими свое время прежними чтобы составить себѣ понятіе о перемѣнахъ вносимыхъ новыми постановленіями въ условія нашей экономической жизни.

На первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ перемѣнъ стоитъ, конечно, отмѣна безпошлиннаго привоза чугуна и желѣза для машиностроительныхъ заводчиковъ. Дозволеніе этого безпошлиннаго привоза 8-го мая 1861 года было большою финансовою и экономическою ошибкой. Изъ года въ годъ дорого платились за нее и казна и вся страна, и платились совершенно напрасно. Допущенный, въ видахъ поощренія механическаго производства въ Россіи, безпошлинный привозъ чугуна и желѣза, какъ показалъ почти двадцатилѣтній опытъ, былъ мѣрою нисколько не ведущею къ этой цѣли. Результатомъ ея былъ не успѣхъ машиностроенія, а обогащеніе небольшой горсти лицъ пользовавшихся правомъ безпошлиннаго привоза и стоявшихъ въ привилегированномъ положеніи сравнительно съ массой людей которые этимъ правомъ не пользовались. Только эта горсть людей теряющихъ ничѣмъ не заслуженныя выгоды можетъ быть недовольна состоявшимся нынѣ постановленіемъ объ отмѣнѣ безпошлиннаго привоза чугуна и желѣза; вся страна, безъ сомнѣнія, единодушно ей порадуется. Не малый выигрышъ казны, которая будетъ впредь получать пошлины со всего привознаго чугуна и желѣза, а не съ небольшой только ихъ доли, будетъ выигрышемъ и всѣхъ плательщиковъ податей и налоговъ. Подъема же цѣнъ на чугунъ и желѣзо отъ отмѣны безпошлиннаго ихъ привоза вовсе не предвидится.

Желаніемъ поощрить машиностроеніе въ Россіи была внушена неудачная мѣра 1861 года; тоже желаніе лежитъ и въ основѣ важнѣйшихъ измѣненій тарифа сдѣланныхъ постановленіемъ 3-го іюня 1880 года. Но на этотъ разъ поощреніе будетъ не мнимое, а дѣйствительное, и сопряженное не съ пожертвованіемъ казеннаго интереса, а напротивъ съ увеличеніемъ государственнаго дохода ежегодно на нѣсколько милліоновъ рублей. Огромная масса машинъ для обработки волокнистыхъ веществъ провозилась до сихъ поръ безпошлинно; впредь съ нихъ будетъ взимаема 80-копѣечная съ пуда пошлина, и такою же пошлиной облагаются локомобили и другія машины которые донынѣ оплачивались всего 30 и 50 копѣйками съ пуда. Опытъ покажетъ достаточна ли для поощренія машиностроенія 80-копѣечная пошлина; опытъ покажетъ также насколько удобно назначеніе пошлины въ одинаковой нормѣ для всякаго вида машинъ, не принимая во вниманіе различій ни въ сложности ихъ устройства, ни въ ихъ цѣнности. Но во всякомъ случаѣ нельзя не признать что постановленіемъ 3-го іюня сдѣланъ серіозный шагъ къ постановкѣ русскаго машиностроенія въ условія благопріятныя его успѣхамъ. И условія эти будутъ тѣмъ благопріятнѣе чѣмъ менѣе будетъ допускаемо послабленій при взиманіи установленной пошлины съ машинъ. До сихъ поръ эти послабленія практиковались въ большомъ размѣрѣ, и значительная доля тѣхъ машинъ которыя подлежали оплатѣ 30 и 50 копѣйками съ пуда пропускались безпошлинно. Но одновременно съ прекращеніемъ льготъ по безпошлинному привозу чугуна и желѣза, какъ должно надѣяться, будутъ вѣроятно приняты мѣры и къ прекращенію льготъ по безпошлинному привозу машинъ. Тѣмъ кто пользуется этими льготами не

труднѣе, а много легче отказаться отъ нихъ чѣмъ фабрикантамъ волокнистыхъ веществъ.

Поощреніе оказываемое машиностроенію сдѣланными нынѣ измѣненіями въ таможенномъ тарифѣ не распространяется на отечественное производство сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій (безъ паровыхъ двигателей). Привозъ таковыхъ машинъ и орудій остается безпошлиннымъ и на будущее время. Но за то дается сильное тарифное покровительство вагоностроительному производству. Повышеніе относящихся сюда пошлинъ таково что съ каждой оси привознаго вагона придется впредь платить столько же и даже болѣе чѣмъ донынѣ платилось за весь вагонъ. Градація этихъ пошлинъ была до сихъ поръ такая: 75, 100, 175, 237½ и 300 рублей съ вагона, со сколькими бы осями онъ ни былъ. Теперь опредѣлена градація: 75, 110, 175, 225, 275 и 325 рублей съ каждой оси желѣзнодорожнаго вагона. Только пошлина съ вагоновъ для конножелѣзныхъ дорогъ опредѣлена не съ осей, а со штуки (200 рублей съ двуконнаго и 150 р. съ одноконнаго вагона). Подобный подъемъ пошлинъ несомнѣнно долженъ сильно подвинуть у насъ вагоностроеніе, конечно при томъ непремѣнномъ условіи чтобы тарифъ не оставался только на бумагѣ, какъ это у насъ случалось. Чтобы недалеко ходить, укажемъ примѣры изъ практики 1878 года, относительно коего имѣются официальныя данныя. Въ означенномъ году было привезено 420 желѣзнодорожныхъ платформъ, и ни съ одной изъ нихъ не была взыскана 75-рублевая пошлина; одновременно было привезено 871 пассажирскихъ вагоновъ 3-го класса, и только за 105 изъ нихъ уплачена узаконенная 175-рублевая пошлина, а остальныя 766 штукъ прошли безпошлинно. Должно надѣяться, впрочемъ, что подобные безпошлинные пропуски не будутъ впредь терпимы.

Оказать поощреніе машиностроенію вообще (за исключеніемъ производства сельско-хозяйственныхъ машинъ) и вагоностроенію въ особенности, такова, повидимому, главная, если не единственная цѣль сдѣланныхъ нынѣ измѣненій въ таможенномъ тарифѣ. Ожиданія что одновременно будетъ оказана тарифная поддержка всему русскому металлическому производству на этотъ разъ не оправдались. Пошлины на привозные металлы и металлическія издѣлія вообще не повышены, а понижены. Сталь не въ дѣлѣ, которая была обложена 80-копѣечною съ пуда пошлиной, впредь будетъ оплачиваться, смотря по сортамъ, 50 к., 35 к. и 20 к. съ пуда. Она во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ уравнена съ желѣзомъ, такъ что нѣтъ причинъ не соединить 95 и 97 статей тарифа въ одну. По отношенію къ пошлинамъ, нѣтъ никакой разницы между полосовымъ и сортовымъ желѣзомъ и полосовою и сортовою сталью, между желѣзомъ въ листахъ плитахъ и сталью въ листахъ и плиткахъ, между желѣзными и стальными рельсами, между желѣзомъ и сталью въ лому. Всякіе рельсы обложены одинаковою 45-копѣечною пошлиной, каковою оплачивались донынѣ рельсы изъ бессемеровской стали. Эту пошлину будутъ платить впредь и желѣзные рельсы, донынѣ обложенные 20 к. съ пуда, и рельсы изъ литой стали, съ которыхъ донынѣ взималось по 1 р. 35 к. съ пуда. По отношенію къ желѣзу однообразное 45-копѣечное обложеніе рельсовъ оказывается повышеніемъ пошлины. Но оно болѣе чѣмъ уравновѣшивается пониженіемъ пошлины на желѣзо въ лому: до сихъ поръ оно оплачивалось 35 к.; впредь съ него будетъ взиматься только 20 копѣекъ съ пуда.

Еще серіознѣе пониженіе пошлинъ съ металлическихъ издѣлій. Пошлины съ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, смотря по сортамъ, распредѣлялись до сихъ поръ въ слѣдующей градаціи: 1 р., 1 р. 35 к., 2 р. 50 к. и 4 р. 50 к., а градація новыхъ пошлинъ такая: 80 к., 1 р. и 2 р. съ пуда. Высшій размѣръ пошлины съ чугунныхъ издѣлій пониженъ съ 2 р. 50 к. до 1 р. Далѣе, пошлина съ желѣзной и стальной проволоки опредѣлена въ 1 р., вмѣсто нынѣшнихъ 1 р. 50 к., съ проволочныхъ издѣлій въ 2 р. 50 к., вмѣсто 3 р. съ пуда.

Перечисливъ важнѣйшія перемѣны внесенныя въ тарифъ распоряженіями 3 іюня, не останавливаемся на остальныхъ измѣненіяхъ, касающихся нѣкоторыхъ другихъ статей тарифа, дабы не утомить вниманія читателей. Прямымъ результатомъ указанныхъ перемѣнъ должно быть немаловажное увеличеніе привоза въ Россію стали, желѣза въ лому и металлическихъ издѣлій. Это увеличеніе привоза, какъ надобно полагать, съ лихвой покроетъ тотъ не-

дочетъ въ таможенномъ доходѣ который могъ бы произойти отъ пониженія пошлинъ. Съ этой стороны никакихъ опасеній не предвидится. Но въ какой силѣ и какомъ направленіи отзовется указанное пониженіе пошлинъ на внутреннемъ металлическомъ производствѣ?

Отвѣтитъ на этотъ вопросъ будущее. Впрочемъ, уже въ настоящее время мало кто увѣренъ въ томъ что постановленныя нынѣ пошлины останутся въ силѣ на долгій срокъ. Преобладаетъ мнѣніе что въ непродолжительномъ времени вопросъ объ условіяхъ нашей горной и металлической промышленности вновь будетъ поставленъ на очередь, причемъ не могутъ быть обойдены и тарифныя нормы обложенія привозныхъ металловъ, въ особенности оставшаяся безъ измѣненія 5-копѣечная пошлина на чугунъ не въ дѣлѣ.

№ 183.

Москва, 8-го іюля.

Появившійся въ *Neue Freie Presse* докладъ коммиссіи делегатовъ состоявшихъ при Берлинской конференціи, въ коемъ со всею подробностью изложено направленіе новой, установленной конференціей, пограничной черты между Грецією и Турціей, а также основанія коими руководилась коммиссія въ своемъ проектѣ, заслуживаетъ вниманія, хотя, какъ замѣчаетъ вѣнскій корреспондетъ *Кельнской Газеты*, „пройдетъ еще нѣсколько недѣль пока разсѣится туманъ окутывающій Греческій вопросъ,“ пока станетъ извѣстно суждено ли осуществиться новой греческой границѣ именно въ томъ видѣ какъ она проектирована конференціей.

Наибольшій интересъ въ настоящую минуту представляютъ, поэтому, пункты 24 и 25 этого доклада. Въ первомъ изъ нихъ коммиссія, сказавъ что „отъ высшей точки Олимпа граница спадаетъ къ Эгейскому морю по самой кратчайшей линіи, то-есть по такой которую перейти всего труднѣе, а оберегать всего лучше,“ прибавляетъ: „точное направленіе линіи можно будетъ опредѣлить лишь на мѣстѣ.“ Статья 25 развиваетъ эту мысль коммиссіи, оговаривающейся что она „не имѣла въ виду формуловать окончательное рѣшеніе, которое при осмотрѣ на мѣстѣ пришлось бы можетъ-быть отвергнуть.“

Итакъ, Берлинская конференція не установила окончательно греко-турецкой границы, а лишь намѣтила ея направленіе, хотя и съ бо́льшею точностью, чѣмъ это бывало прежде. При этомъ положеніи дѣла заинтересованныя стороны, даже въ случаѣ формальнаго согласія Порты признать рѣшеніе конференціи, не могли бы разобраться сами, безъ посредниковъ. Мы уже имѣли случай замѣтить что совсѣмъ не одно и то же провести границу на картѣ и трассировать ее на мѣстности, и что въ послѣднемъ дѣлѣ всегда представляется не мало затрудненій подающихъ поводъ къ пререканіямъ. Это еще справедливѣе въ томъ случаѣ когда граница указана на картѣ лишь въ общихъ чертахъ; делегаты-спеціалисты не рѣшились даже „формуловать окончательное рѣшеніе,“ въ тѣхъ видахъ что при работахъ на мѣстности легко можетъ потребоваться измѣненіе ихъ проекта, такъ какъ въ гористыхъ, сильно пересѣченныхъ мѣстахъ никакая карта не въ силахъ съ полною точностью выразить всѣ мѣстныя условія, соображаться съ коими, однако, вполнѣ необходимо при трассировкѣ границы. Надо прибавить что карты которыми располагала коммиссія и въ томъ числѣ карта австрійскаго генеральнаго штаба, коею она главнымъ образомъ руководилась, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ мѣстъ доклада, не грѣшатъ излишнею точностью и подробностью. Такъ напримѣръ относительно устья рѣки Каламы, составляющей западную часть границы, коммиссія высказываетъ только догадку что „можетъ-быть“ рѣка эта при впаденіи въ море образуетъ болотистую дельту; но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, рѣшить по картѣ оказалось невозможнымъ. Но окажется ли карта столь же неточною и въ другихъ пунктахъ по которымъ должна пройти граница и не послужатъ ли такія неточности новымъ источникомъ недоразумѣній?

Благодаря такому не окончательному установленію границы, Порта, и согласясь подчиниться рѣшеніямъ Европы, сохраняетъ возможность длить пререканія и удерживать за собою присужденныя Греціи области до той поры пока наконецъ удалось бы Греціи или посредникамъ отстранить силою или убѣжденіями представляемыя изъ Константинополя возраженія. Въ свою оче-

редь Грецiя, даже при согласiи на то державъ участвовавшихъ въ конференцiи, не можетъ одна занять присужденныхъ ей территорiй окончательно. Въ Аѳинахъ, какъ видно, вполнѣ сознаютъ это. и открыто заявляютъ что въ случаѣ отказа Порты подчиниться рѣшенiямъ конференцiи Греческое правительство предоставитъ Европѣ принять принудительныя мѣры, такъ какъ Грецiя не въ силахъ де справиться съ Турцiей оружiемъ и дать европейской пограничной коммиссiи возможность трассировать границу подъ эскортой греческихъ войскъ.

Не менѣе любопытны соображенiя делегатовъ о причинахъ вынудившихъ предпочесть предложенное Францiей направленiе границы въ западной ея части, именно по рѣкѣ Каламѣ.

Рѣка Калама, на которую указалъ де Берлинскiй конгрессъ, представляетъ по мнѣнiю коммиссiи вообще „хорошую пограничную линiю:“ первыя шесть верстъ отъ устья она протекаетъ по низменной мѣстности и образуетъ „можетъ-быть“ болотистую дельту; затѣмъ въ среднемъ своемъ теченiи, на протяженiи около сорока верстъ до впаденiя притока Вельцисты, Калама течетъ въ крутыхъ возвышенныхъ берегахъ и не имѣетъ удобныхъ переправъ, при ширинѣ рѣки свыше двадцати саженъ. Вообще же Калама „въ большей части теченiя“ представляется де естественнымъ препятствiемъ, трудно проходимымъ, образуетъ „родъ широкаго и глубокаго рва“ который не трудно оборонять и держать подъ надзоромъ. „Слабую сторону линiи Каламы“, признается наконецъ докладъ коммиссiи „составляетъ верховье рѣки, представляющее какъ бы брешь, гдѣ непрiятельская колонна легко могла бы пройти на Янину.“

Иначе смотрѣлъ на линiю Каламы русскiй коммиссаръ, признававшiй ее неудовлетворительною какъ съ административной и этнографической, такъ и со стратегической точекъ зрѣнiя. Въ этнографическомъ отношенiи, по замѣчанiю нашего коммиссара, линiя по Каламѣ оставляетъ за Турцiей все населенiе праваго берега этой рѣки, несмотря на то что въ составъ его входитъ въ семь разъ больше Грековъ нежели Албанцевъ; далѣе, съ административной точки зрѣнiя русскiй делегатъ замѣтилъ что лежащая по правому берегу Каламы каза Филатесъ принадлежала всегда къ Янинскому санджаку, а не къ Аргирокастро. Въ заключенiе, нашъ делегатъ указалъ на трудность обороны Янины, лежащей всего въ 20 верстахъ отъ пограничной черты, переходъ черезъ которую не представляетъ особыхъ затрудненiй.

Коммиссiя, соглашаясь что дѣйствительно населенiе праваго берега Каламы есть по преимуществу греческое, возразила что какая бы линiя ни была избрана, она, вслѣдствiе большой смѣшанности населенiя, никогда не можетъ удовлетворить вполнѣ этнографическому принципу, и что какъ разъ округъ Филатесъ, о которомъ упоминалъ русскiй делегатъ, населенъ преимущественно Албанцами-мусульманами и хотя дѣйствительно принадлежалъ къ Янинскому санджаку, но „по торговымъ сношенiямъ и политическому настроенiю больше сходенъ съ санджакомъ Аргирокастро.“ Вообще же коммиссiя, находя что предложенная Россiей пограничная въ этомъ мѣстѣ черта, направляющаяся гораздо сѣвернѣе, по высотамъ, и оканчивающаяся у озера Бутронто, предоставляетъ Грецiи весь бассейнъ Каламы, признала ее не вполнѣ согласною съ духомъ Берлинскаго трактата, которому такъ отвѣчаетъ де линiя Каламы. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы и восточную границу провести не чрезъ вершины Олимпа, а по Саламврiи, чего однако не рѣшилась сдѣлать коммиссiя, по такимъ же стратегическимъ и этнографическимъ соображенiямъ какъ и указанныя нашимъ делегатомъ.

Не есть ли это явное желанiе сохранить неприкосновеннымъ французскiй проектъ и не объясняется ли оно намѣренiемъ Германiи, ставшимъ извѣстнымъ задолго еще до конференцiи,—дѣлать угодное Францiи во всемъ что не затрогиваетъ прямо германскихъ интересовъ?

№. 184.

Москва, 4-го iюля.

Перепечатанный нами вчера изъ вѣнской *Neue Freie Presse* докладъ технической коммиссiи состоявшей при Берлинской конференцiи о греческой границѣ, который послужилъ основанiемъ для рѣшенiя самой конференцiи, имѣетъ еще другой интересъ кромѣ техническаго значенiя проектированной въ немъ греко-турецкой

границы, о чемъ мы говорили вчера. Изъ этого документа, обнародованнаго впервые (это стоитъ отмѣтить) газетой давно уже находящеюся въ близкой связи съ турецкою дипломатіей, впервые достовѣрно выясняется та роль которую играла Россія въ поднятомъ западными державами вопросѣ объ удовлетвореніи національныхъ требованій Греціи. Не мало клеветъ и злостныхъ компликаній распространялось по этому поводу противъ Россіи до и послѣ конференціи. Говорили будто бы Россія относится къ вопросу о расширеніи греческой территоріи если не открыто-враждебно, то съ затаеннымъ недоброжелательствомъ, и это объяснялось тѣмъ будто Россія отнюдь не желаетъ чтобы Греція получила свою законную долю изъ турецкаго наслѣдія, тогда какъ Европа именно потому и покровительствуетъ притязаніямъ Греціи, что въ усиленіи ея усматриваетъ „наилучшій оплотъ противъ захватовъ панславизма.“ Но что же оказывается на дѣлѣ? Россія, и только Россія, явилась заступницей за *полное* удовлетвореніе греческихъ требованій, и настаивая на томъ чтобы была избрана несравненно болѣе благопріятная для Греціи пограничная черта, привела въ подкрѣпленіе своего заявленія такіе аргументы, которые техники состоявшіе при конференціи могли опровергнуть лишь ссылкой на смыслъ 13 протокола Берлинскаго конгресса намѣтившаго крайне неопредѣленно и весьма неудовлетворительно, какъ признаетъ сама коммиссія, будущую границу. Въ пользу же русскаго предложенія, какъ наболѣе соотвѣтствующаго стратегическимъ и этнографическимъ требованіямъ, категорически высказался такой авторитетъ какъ г. Киперть, извѣстный знатокъ Балканскаго полуострова, на котораго техническая коммиссія и указываетъ въ своемъ докладѣ. Россія осталась одинокою со своимъ мнѣніемъ, и конференція большинствомъ 5 голосовъ противъ 1 утвердила границу предложенную Франціей. Пусть такъ. Но исторія не забудетъ того что Россія возвысила и на этотъ разъ свой голосъ за полное по возможности удовлетвореніе національныхъ стремленій Греціи и настойчиво домогалась этого удовлетворенія, которое было отвергнуто только потому что въ немъ усматривалось отступленіе отъ „принциповъ“ установленныхъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Не Россіи принадлежитъ роль оберегательницы этихъ принциповъ, и она не считала нужнымъ ревниво доискиваться „точнаго смысла“ 13 протокола. Но во всякомъ случаѣ безпристрастный историкъ и сами Греки будутъ знать насколько заключалось правды въ инсинуаціяхъ, будто бы Европа помимо Россіи призвана содѣйствовать осуществленію національныхъ стремленій Греціи и будто бы Россія не дружелюбно относится къ этимъ стремленіямъ.

Но будущему историку придется отмѣтить не это одно. Постановленіемъ берлинской конференціи дѣло только началось. Это постановленіе нужно еще исполнить, и мы уже знаемъ какой оборотъ приняло это „исполненіе.“ Среди безконечныхъ толковъ и изумительной разноголосицы, смѣнившей бумажное согласіе державъ, нельзя не отмѣтить въ особенности одинъ слухъ, который, подобно всѣмъ прочимъ слухамъ по предмету выполненія постановленій Берлинской конференціи, былъ пущенъ изъ Вѣны. Послѣ извѣстія о предполагаемомъ согласномъ дѣйствіи Англіи и Франціи, извѣстія послужившаго для того только чтобы вызвать рѣзкое опроверженіе со стороны Франціи обличившее всю неискренность послѣдней въ ея заступничествѣ за Грецію, — въ той же *Политической Корреспонденціи* сообщено было, будто бы Россія предложила Англіи послать 20,000 русскаго войска на англійскихъ судахъ дабы принудить Турцію къ уступкѣ Греціи присужденной ей территоріи. Это извѣстіе не замедлило вызвать цѣлую бурю протестовъ, особливо со стороны вѣнской печати. Но телеграмма изъ Петербурга, сообщенная въ парижскія газеты, положила конецъ этимъ толкамъ, категорически опровергнувъ упомянутый слухъ.

Мы ни на минуту не придавали этому слуху серіознаго значенія. Россія менѣе всѣхъ другихъ имѣетъ поводъ домогаться роли исполнительницы рѣшеній Европы въ греко-турецкой распрѣ. Во-первыхъ, это рѣшеніе состоялось несогласно съ ея мнѣніемъ. Во-вторыхъ, Россія вѣковымъ опытомъ убѣдилась, какъ мало искренности и серіозности во всѣхъ европейскихъ предпріятіяхъ затѣваемыхъ „сообща“ противъ Турціи. Все что до сихъ поръ *сдѣлано* на Балканскомъ полуостровѣ для удовлетворенія исторической необходимости и прогресса—сдѣлано Россіей, и только ею одной. Западная Европа всегда вмѣшивалась сюда лишь съ тою цѣлью, дабы, явно

или скрытно, затормозить естественный ходъ исторіи. Насколько послѣдняя Берлинская конференція составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе еще должно подтвердиться на дѣлѣ, и нельзя сказать чтобы предзнаменованія были въ пользу такого противоположнаго историческому опыту заключенія. Наконецъ, втретьихъ, Россія не можетъ не имѣть въ виду что то о чемъ хлопочетъ теперь соединенная Европа могло быть достигнуто съ гораздо меньшими затрудненіями два года тому назадъ, еслибъ Греція рѣшилась тогда дѣйствовать за одно съ Россіей. Въ то время греческимъ войскамъ не предстояло бы никакой трудности занять и удержать за собою все что нынѣ присуждено Греціи общеевропейскимъ трибуналомъ. Но та самая Европа, которая нынѣ такъ „настойчиво“ домогается удовлетворенія Греціи, всячески связывала свободу ея дѣйствій во время послѣдней войны. Англія грозила тогда Греціи своимъ флотомъ, и нѣтъ сомнѣнія что эта угроза была серіознѣе нынѣшней угрозы тѣмъ же флотомъ обращаемой къ Турціи. Западныя державы почти насильно удержали тогда Грецію отъ присоединенія къ Россіи противъ Турціи, обѣщавъ ей уладить ея дѣло и удовлетворить ее „мирнымъ путемъ“ по окончаніи войны. Россія подала свой голосъ на совѣщаніи по поводу этого мирнаго удовлетворенія, и Греція знаетъ теперь что Россія и нынѣ, какъ и тогда желаетъ чтобы Греція получила все то что составляетъ ея законную долю въ турецкомъ наслѣдіи. Рано или поздно, съ согласія Европы или вопреки ея, это законное желаніе будетъ удовлетворено. Сомнѣваться въ этомъ значило бы сомнѣваться въ исторической силѣ вещей и приписать политической интригѣ силу преобладающую надъ могуществомъ исторіи. Но когда рѣчь идетъ не о томъ чтобы признать это могущество и подчиниться его требованіямъ, а о „точномъ исполненіи“ одного изъ протоколовъ Берлинскаго конгресса, который былъ ни чѣмъ инымъ какъ постыдною попыткой затормозить историческій прогрессъ, Россіи болѣе чѣмъ какой-либо иной державѣ подобаетъ соблюсти полную сдержанность.

Но изобрѣтательность вѣстовщиковъ, придумывающихъ всевозможныя комбинаціи, не ограничивается сказаннымъ. Вмѣстѣ съ опровергнутымъ слухомъ о русскомъ десантѣ на англійскихъ судахъ, былъ пущенъ изъ Вѣны еще одинъ „пробный шаръ,“ едва ли не самый характерный. Въ *Нѣмецкой Петербургской Газетѣ* появилась недавно корреспонденція изъ Вѣны, въ которой указанъ новый и притомъ весьма радикальный способъ разрѣшенія вновь возникшаго Восточнаго затрудненія. Корреспондентъ прямо начинаетъ съ того что повидимому наступилъ послѣдній актъ Восточной драмы и можно ожидать всеобщаго взрыва на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Возсоединеніе двухъ разрозненныхъ половинъ Болгаріи будетъ-де по всей вѣроятности однимъ изъ первыхъ проявленій этого всеобщаго взрыва. Въ Вѣнѣ, по словамъ корреспондента, внимательно наблюдаютъ за ходомъ вещей, но „безъ особой тревоги.“ Тамъ знаютъ де что возсоединеніе Болгаріи совершится не безъ содѣйствія Россіи и даже считаютъ за достовѣрное что уже теперь будто бы происходитъ такое же движеніе изъ Россіи въ Болгарію, какое происходило четыре года тому назадъ въ Сербію. „Но,“ продолжаетъ корреспондентъ, „здѣсь опасаются не того чтобы Россія приняла какое-либо участіе въ новомъ Болгарскомъ движеніи, а лишь участія которое было бы противно интересамъ Австріи.“ Австрія должна де подвинуться далѣе на Балканскомъ полуостровѣ коль скоро возникнетъ „великая Болгарія.“ И вотъ, вѣнскіе политики думаютъ, по словамъ корреспондента, что между Россіей и Австріей возможно соглашеніе по поводу „третьяго и послѣдняго раздѣла Турціи,“ соглашеніе которое предотвратило бы грозу собирающуюся вновь на Востокѣ. Россіи нужно де только согласиться съ тѣмъ что Австрія должна получить вознагражденіе за соединеніе Болгаріи.

Никто не сомнѣвается что Австрія, принявшая на себя въ послѣднее время роль турецкаго опекуна по преимуществу, оберегаетъ турецкую неприкосновенность изъ чисто-своекорыстныхъ видовъ. Разлакомившись на даровую добычу доставшуюся ей отъ Берлинскаго конгресса, Австрія конечно не прочь была бы совершить дальнѣйшіе захваты съ помощью Россіи, а не вопреки ея сопротивленію. Но въ Вѣнѣ должны бы понимать и то что если Россія призвана содѣйствовать переходу турецкаго владычества въ руки его законныхъ наслѣдниковъ, то такимъ наслѣдни-

комъ никакъ не можетъ быть признана теперешняя имперія Габсбурговъ.

№ 185.

Москва, 5-го іюня.

Дѣятельность Высочайше учрежденной Коммиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи вступаетъ въ новую фазу. До сихъ поръ эта дѣятельность была лишь подготовительною; работы сосредоточивались главнымъ образомъ на изученіи дѣйствительнаго положенія нашего желѣзнодорожнаго хозяйства. Теперь наступаетъ очередь работъ организаціонныхъ, долженствующихъ положить конецъ неурядицѣ которая господствуетъ во всѣхъ безъ исключенія отрасляхъ желѣзнодорожнаго дѣла, и отъ которой страдаютъ всѣ заинтересованныя въ немъ стороны. Программа этихъ новыхъ важныхъ работъ уже выработана и утверждена окончательно. Съ сущностью ея читатели могли ознакомиться изъ напечатаннаго во вчерашнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* журнала Особаго Совѣщанія по высшимъ желѣзнодорожнымъ вопросамъ. Изданіе общаго желѣзнодорожнаго закона, учрежденіе высшаго желѣзнодорожнаго совѣта и учрежденіе мѣстнаго надзора за исполненіемъ желѣзными дорогами лежащихъ на нихъ обязанностей, вотъ три главные пункта выработанной программы. Вмѣстѣ съ ея утвержденіемъ, утверждено 20 іюня и положеніе Комитета Министровъ, коимъ предсѣдателю Высшей Желѣзнодорожной Коммиссіи, генералъ-адъютанту графу Баранову, предоставлено право вносить въ Государственный Совѣтъ проекты законоположеній которые имѣютъ быть составлены во исполненіе установленной программы. Учрежденіе финансоваго контроля надъ желѣзными дорогами не вошло въ кругъ задачъ Высшей Желѣзнодорожной Коммиссіи. Проектъ положенія объ отчетности желѣзныхъ дорогъ вырабатывается помимо ея; онъ почти готовъ, и государственный контролеръ, какъ было имъ заявлено, полагаетъ въ непродолжительномъ времени дать ему окончательное движеніе.

Итакъ, мы находимся теперь наканунѣ серіозныхъ шаговъ къ переустройству всего нашего желѣзнодорожнаго дѣла. Самымъ важнымъ изъ нихъ, основой всего дѣла, будетъ, конечно, изданіе общаго желѣзнодорожнаго закона. Этимъ закономъ, какъ явствуетъ изъ установленной программы, имѣютъ быть опредѣлены какъ обязанности и отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ по отношеніямъ ихъ къ правительству, между собою и къ публикѣ, такъ и общія основанія для установленія желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Само собою разумѣется что установленіе этихъ общихъ основаній неизбѣжно должно будетъ сопровождаться пересмотромъ разнообразныхъ тарифовъ существующихъ нынѣ на нашихъ дорогахъ.

Необходимость такого пересмотра давно сознана. Онъ требуется въ интересахъ всей страны, всей нашей торговой политики. Въ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, помимо большей или меньшей тягости ихъ для публики, заключается также могущественное орудіе и содѣйствія и противодѣйствія развитію разныхъ видовъ торговли и промышленности. Это орудіе, судя по тому какъ оно направлено, можетъ измѣнять до неузнаваемости характеръ правительственной торговой политики, выражающейся въ таможенномъ тарифѣ. Такъ оно и есть у насъ на самомъ дѣлѣ. Неодинаковые по отношенію къ товарамъ идущимъ отъ центра страны къ окраинамъ и отъ границъ внутрь страны, желѣзнодорожные тарифы во множествѣ случаевъ совершенно парализуютъ и значеніе таможеннаго тарифа во вредъ русскому производству. Установляемыя правительствомъ таможенныя пошлины, подъ вліяніемъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, часто обращаются лишь въ номинальныя. Привозная шерсть обложена у насъ 22-копѣечною съ пуда пошлиной; но въ тарифахъ прямаго сообщенія нашихъ дорогъ, напримѣръ, между Москвой и Лондономъ, плата за провозъ идущей изъ Лондона шерсти установлена на 20—25 к. ниже противъ таксы за провозъ шерсти идущей въ обратномъ направленіи. Какое же значеніе можетъ имѣть при этомъ таможенная пошлина? Кожи пропускаются изъ-за границы безпошлинно. Но допуская безпошлинный привозъ кожъ, правительство, конечно, было далеко отъ мысли устанавливать премію въ пользу привозныхъ кожъ и въ ущербъ русскимъ. Между тѣмъ желѣзнодорожные тарифы, напримѣръ по упомянутому сейчасъ направленію, создаютъ именно премію для привозныхъ соленыхъ и сушеныхъ телячьихъ и козьихъ

шкуръ въ размѣрѣ отъ 33½ до 45½ коп. съ пуда. Подобныхъ примѣровъ можно привести множество, и такое антинаціональное направленіе есть, можно сказать, общее свойство нашихъ нынѣшнихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Не отпоръ, а полное содѣйствіе своимъ цѣлямъ встрѣчаетъ въ нихъ направленная противъ русскихъ интересовъ торговая политика другихъ странъ. Многія нормы нашихъ тарифовъ прямо продиктованы Германіей. Другія установлены въ угоду Англичанамъ. Провозъ изъ Англіи въ Москву, напримѣръ, остъ-индскаго хлопка, допускается по уменьшенной противъ американскаго таксѣ (на 4½ к. съ пуда).

При такихъ обстоятельствахъ, пересмотръ желѣзнодорожныхъ тарифовъ будетъ надобно полагать, одною изъ первыхъ задачъ высшаго желѣзнодорожнаго совѣта Слухи объ учрежденіи этого совѣта ходили давно. Но по первоначальнымъ толкамъ полагалось что дѣло ограничится лишь преобразованіемъ нынѣшнихъ общихъ желѣзнодорожныхъ съѣздовъ, съ обращеніемъ ихъ въ постоянное учрежденіе и съ допущеніемъ въ ихъ составъ членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ и депутатовъ отъ грузоотправителей. Не таково, однако, значеніе проектируемаго новаго учрежденія Высшій желѣзнодорожный совѣтъ проектируется какъ особый центральный правительственный органъ имѣющій своимъ назначеніемъ высшій надзоръ за желѣзнодорожнымъ дѣломъ. Этотъ правительственный органъ долженъ не замѣнить съѣзды, а стать надъ ними и контролировать ихъ, давая имъ, какъ и всему желѣзнодорожному дѣлу, общее стройное направленіе. Общіе и частные желѣзнодорожные съѣзды имѣютъ быть сохранены, но не съ тѣмъ значеніемъ какое имѣли донынѣ. Этимъ съѣздамъ предполагается предоставить обсужденіе вопросовъ касающихся нѣсколькихъ или всѣхъ желѣзныхъ дорогъ лишь насколько эти вопросы не затрогиваютъ интересовъ правительства, промышленности или третьихъ лицъ. Но окончательное рѣшеніе вопросовъ затрогивающихъ эти интересы предоставляется высшему желѣзнодорожному совѣту; на него же предполагается возложить и разрѣшеніе возникающихъ между дорогами споровъ и разногласій.

Желѣзнодорожнымъ съѣздамъ и желѣзнодорожнымъ правленіямъ, съ осуществленіемъ готовящейся реформы, будетъ, какъ можно надѣяться, предоставлено дѣйствовать по своему усмотрѣнію лишь въ тѣхъ предѣлахъ въ какихъ это не противно государственнымъ и общественнымъ интересамъ. Господствовавшій доселѣ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ произволъ правленій по отношенію какъ къ тарифнымъ таксамъ, такъ и къ эксплуатаціи дорогъ имѣетъ быть пресѣченъ изданіемъ обязательныхъ для нихъ законовъ и постояннымъ всестороннимъ наблюденіемъ надъ желѣзными дорогами (за исключеніемъ технической части) какое долженъ имѣть желѣзнодорожный совѣтъ, съ министромъ путей сообщенія во главѣ—совѣтъ, коего безпристрастное отношеніе къ дѣлу гарантируется присутствіемъ въ его составѣ, кромѣ членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ, представителей какъ отъ желѣзнодорожныхъ обществъ, такъ и отъ лицъ заинтересованныхъ въ перевозкѣ. Наконецъ, гарантію противъ частныхъ проявленій желѣзнодорожнаго произвола представляетъ проектируемое учрежденіе мѣстныхъ уполномоченныхъ отъ лицъ заинтересованныхъ въ перевозкѣ для надзора, при участіи правительственныхъ инспекторовъ за сохранностью грузовъ при нагрузкѣ и выгрузкѣ, за правильнымъ взвѣшиваніемъ, за соблюденіемъ очередей и т. п.

Таковы открывающіеся нынѣ виды на предстоящее будущее желѣзнодорожныхъ порядковъ. Однимъ введеніемъ этихъ порядковъ, конечно, еще далеко не все будетъ сдѣлано для постановки нашей сѣти въ положеніе соотвѣтствующее политическимъ и экономическимъ нуждамъ страны. Требуется усиленіе провозоспособности, требуется исправленіе разныхъ техническихъ недостатковъ, требуется, такъ сказать, достройка нѣкоторыхъ линій. Понадобятся, безъ сомнѣнія, не малые расходы въ дополненіе къ тѣмъ которые уже сдѣланы донынѣ казной въ интересахъ желѣзнодорожнаго дѣла. И чѣмъ крупнѣе эти предстоящіе расходы, тѣмъ бо́льшую важность получаетъ установленіе финансоваго контроля надъ желѣзными дорогами. Проектъ этого контроля, какъ выше сказано, уже выработанъ Государственнымъ Контролемъ. Будемъ надѣяться что контроль этотъ окажется не бумажнымъ только, а дѣйствительнымъ, что онъ будетъ не только обнаруживать злоупотребленія, но и пресѣкать оныя строгими

взысканіями съ виновныхъ въ нихъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Затруднительность задачи состоитъ въ томъ что подобныя взысканія во многихъ случаяхъ могутъ оставаться лишь номинальными, или обращаться во взысканія съ самой казны, и безъ того ежегодно приплачивающейся по гарантіямъ. Но это затрудненіе не безвыходное. Правильный исходъ изъ него указанъ, между прочимъ, въ статьѣ „Дѣятельность Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи," помѣщенной въ №№ 180, 181 и 183 *Московскихъ Вѣдомостей*. Этотъ исходъ—отобраніе желѣзныхъ дорогъ отъ несостоятельныхъ обществъ временно или навсегда. Установленіе такой мѣры, кажется, есть единственное дѣйствительное средство побудить желѣзныя дороги къ соблюденію той экономіи которая требуется государственными интересами, но въ которой сами дороги нынѣ мало заинтересованы. Эта мѣра очень суровая, но это, конечно, не достаточная причина чтобъ отъ нея отказываться. Экономія въ расходованіи отпускаемыхъ на желѣзныя дороги суммъ, экономія которая сократила бы приплаты по гарантіямъ и увеличила бы размѣръ поступленій въ казну отъ желѣзныхъ дорогъ въ счетъ платежей по желѣзнодорожнымъ облигаціямъ и въ уплату выданныхъ желѣзнымъ дорогамъ ссудъ, есть дѣло первостепенной важности, стоящее впереди многихъ изъ числа задачъ возложенныхъ на Особую Высшую Коммиссію, Высочайше учрежденную 29 декабря 1878 года, съ цѣлью изысканія средствъ къ сокращенію государственныхъ расходовъ. Въ желѣзнодорожной экономіи—путь къ выходу изо многихъ финансовыхъ затрудненій и къ столь желаемому облегченію плательщиковъ податей, и это, конечно, не должно быть упускаемо изъ виду при рѣшеніи желѣзнодорожнаго вопроса.

№ 187.

Москва, 7-го Іюля

„Былъ ли когда-либо на землѣ народъ столь богатый контрастами, столь легко кидающійся изъ одной крайности въ другую, руководимый такъ часто минутными впечатлѣніями и такъ рѣдко твердыми правилами, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ всегда проявлялся то хуже, то лучше нежели предполагали? Народъ то падающій ниже общаго уровня человѣчества, то высоко надъ онымъ поднимающійся; народъ оставшійся настолько неизмѣннымъ въ своихъ основныхъ чертахъ что его можно еще теперь узнать по тѣмъ описаніямъ которыя были о немъ сдѣланы двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ, и въ то же время столь подвижный въ своихъ мысляхъ и настроеніяхъ что часто онъ становится неожиданнымъ зрѣлищемъ для самого себя и взираетъ съ такимъ же изумленіемъ какъ и чужеземцы на то что онъ только что совершилъ. Народъ болѣе чѣмъ какой другой привязанный къ своему очагу и къ своимъ домашнимъ привычкамъ, но, разъ оторванный отъ этого очага, способный проникнуть до другаго конца міра и отважиться на все; мало послушный по своему темпераменту, но въ то же время легче подчиняющійся своевольной, а иногда и деспотической власти своего повелителя нежели свободному и правильному управленію своихъ именитыхъ согражданъ; сегодня непримиримый врагъ всякаго подчиненія, а завтра одушевленный какою-то страстью повиновенія превосходящею способность къ тому самыхъ послушныхъ народовъ; ведомый на ниточкѣ пока нѣтъ строптивыхъ и весь крамольный какъ только гдѣ-нибудь данъ примѣръ неповиновенія; всегда вводящій чрезъ это въ заблужденіе своихъ повелителей, которые то слишкомъ его опасаются, то черезчуръ самоувѣренны. Народъ никогда не свободный настолько чтобы вынудить прекращеніе своего рабства и никогда не порабощенный въ такой мѣрѣ чтобы не быть въ силахъ разбить свои оковы. Народъ ко всему способный, но превосходный лишь въ военномъ дѣлѣ; болѣе страстно преданный случайности, произволу, успѣху, блеску и шуму нежели истинной славѣ; одаренный болѣе геройствомъ нежели добродѣтелью, геніемъ нежели здравымъ смысломъ; скорѣе способный изобрѣтать необъятные замыслы нежели всесторонне исполнять обширныя предпріятія. Самая блестящая и самая опасная нація въ Европѣ предназначенная быть для всѣхъ другихъ то предметомъ удивленія, то ненависти, то состраданія; то ужаса, но никогда равнодушія."

Такъ характеризовалъ своихъ соплеменниковъ Токвилль, одинъ изъ самыхъ блестящихъ и умныхъ Французовъ нашего сто-

лѣтія, и эта характеристика припоминается невольно по поводу „великаго національнаго празднества“ происходившаго въ Парижѣ въ среду, 14 іюля. Оно устроено было наканунѣ десятилѣтней годовщины того дня когда Наполеоновская Франція, вся охваченная какимъ-то кошмаромъ, безумно кинулась въ роковую войну и армія ея, при кликахъ „въ Берлинъ, въ Берлинъ!“ ринулась въ походъ не справляясь о своихъ силахъ и о силахъ противника и очень скоро почти цѣликомъ очутилась въ Берлинѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ въ качествѣ военноплѣнной. Теперь, по прошествіи лишь десяти лѣтъ, Франція ликуетъ и потѣшается, а ея грозный побѣдитель, вѣрный *своему* темпераменту, серіозно и сумрачно взираетъ на парижское военное празднество. Въ Германіи не особенно довольны этими манифестаціями, и какъ ни миролюбива была рѣчь произнесенная президентомъ Греви при раздачѣ новыхъ знаменъ „воскресшей“ арміи Французской республики, мысль о томъ что Франція сознаетъ себя вполнѣ окрѣпшею и готовою къ новой борьбѣ, наводитъ хладнокровныхъ Нѣмцевъ на размышленія не совсѣмъ успокоительнаго свойства.

Было бы, однако, весьма ошибочно судить о дѣйствительной силѣ Франціи на основаніи тѣхъ шумныхъ овацій, блестящихъ фейерверковъ и громкихъ словъ о „братствѣ и единодушіи“ коими ознаменовалось парижское празднество. Истинная крѣпость народа всегда соразмѣрна крѣпости его правительства, а теперешнее французское правительство далеко отъ того чтобы чувствовать себя крѣпкимъ. Само національное празднество только заглушило, но отнюдь не примирило глубокую рознь и непримиримую вражду которыя съ двухъ сторонъ подкапываютъ зданіе теперешней „умѣренной республики.“ Умѣренная партія, не говоря ужь о монархистскихъ партіяхъ, отшатнулась отъ правительства вслѣдствіе борьбы предпринятой имъ противъ католическаго духовенства. Борьба эта едвали будетъ по силамъ партіи г. Гамбетты. Германія располагала несравненно болѣе могучими средствами для подобной борьбы; ею руководила желѣзная воля германскаго имперскаго канцлера, а въ Германіи католики составляютъ лишь четвертую часть населенія. Тѣмъ не менѣе католическая іерархія сумѣла и тамъ устоять, и какъ разъ въ послѣднее время германская культурная борьба приняла оборотъ который явно обнаружилъ усталость со стороны государства и твердую самоувѣренность со стороны католической церкви. А во Франціи, гдѣ все населеніе исповѣдуетъ католическую вѣру, кабинетъ г. Фрейсине именно теперь предпринялъ борьбу съ католическимъ духовенствомъ и повелъ се болѣе насильственнымъ образомъ нежели она была ведена въ Германіи. Старинные декреты, на коихъ основывается при этомъ правительство, вслѣдствіе неутвержденія сенатомъ выработаннаго для того новѣйшаго законопроекта, стали приводиться въ исполненіе съ 29 іюня. Не одни клерикалы оспариваютъ законную силу этихъ декретовъ. Большинство французскихъ трибуналовъ, къ коимъ обратились изгнанные патеры іезуитскаго ордена, высказалось противъ законности правительственныхъ распоряженій, и дабы сломить противодѣйствіе судейскаго сословія, „умѣреннымъ республиканцамъ“ остается лишь прибѣгнуть къ мѣрѣ чисто-революціонной—къ лишенію суда его независимости упраздненіемъ принципа несмѣняемости судей. Легко представить себѣ какъ возопили бы тѣ же республиканцы противъ такого „акта деспотизма“ еслибы къ нему прибѣгло какое-либо изъ предшествовавшихъ монархическихъ правительствъ, изъ коихъ ни одно не отважилось на подобный шагъ. А республиканцы твердо на это рѣшились, и предложеніе объ этомъ будетъ въ скоромъ времени внесено въ законодательное собраніе. Понятно что при такомъ положеніи вещей правительству предстоитъ непримиримая вражда со всѣми умѣренными и консервативными фракціями, которыя, при всей взаимной непріязни, всегда будутъ дѣйствовать заодно коль скоро нужно будетъ положить преграду какому бы то ни было начинанію правительства.

Но консервативныя и умѣренныя фракціи не единственные и не самые опасные враги правительства. Соціалисты и крайніе радикалы относятся къ нему съ еще большею враждой. И кабинетъ г. Фрейсине, слѣпо повинующійся своему истинному властелину г. Гамбеттѣ, самъ подалъ руку дабы соединить разрозненныя силы коммунниковъ и создать изъ нихъ крѣпкую партію, грозящую бѣдой не только теперешнему правительству, но всему общественному порядку во Франціи. Амнистія, которой съ такою настойчивостью добива-

лось правительство, и непремѣнно къ національному празднику 14 іюля, уже успѣла обнаружить свои послѣдствія. Всѣ коноводы парижскихъ соціалистовъ, всѣ коммунники, не исключая и тѣхъ чьи руки обагрены кровью безчисленныхъ жертвъ коммуны и отъ коихъ несетъ еще запахомъ петролея, нынѣ въ полномъ сборѣ въ Парижѣ. Г. Гамбетта и его клевреты доказывали что полная и безусловная амнистія есть наилучшее средство обезсилить революціонеровъ, отнять у нихъ главный поводъ ко враждѣ противъ теперешняго порядка. Но не то оказалось на дѣлѣ. Коммунары не прониклись ни какими чувствами признательности за оказанную имъ столь незаслуженную милость. Явившись въ Парижъ, они немедленно подняли вновь „знамя непримиримой вражды“ противъ „буржуазіи“ и „ренегата Гамбетты“. Каждый изъ революціонныхъ вожаковъ немедленно основалъ свой собственный органъ, въ коемъ вражда, и вражда непримиримая, противъ существующаго „буржуазнаго“ порядка проповѣдуется на всѣ лады, а коммуна 1870 года выставляется идеаломъ и предметомъ стремленій для всѣхъ „честныхъ сыновъ отечества.“ И не одно французское отечество имѣетъ быть облагодѣтельствовано великими принципами коммуны: въ этихъ изданіяхъ парижскихъ коммунаровъ возвѣщено сотрудничество ихъ доблестныхъ единомышленниковъ за границей. Такъ Рошфоръ, основавшій журналъ *Непримиримый*, выставилъ въ числѣ своихъ „постоянныхъ“ сотрудниковъ нѣмецкаго соціалиста Гассельмана и... Гартманна! Какимъ образомъ этотъ послѣдній, болѣе знаменитый какъ „практикъ“ революціоннаго дѣла, возьмется за дѣло чтобы въ теоріи просвѣщать французскую публику, мудрено себѣ представить. Но дѣло не ограничивается этими куріозами и одними возгласами возвратившихся революціонеровъ. Гораздо серіознѣе пріемъ оказанный имъ парижскимъ населеніемъ. Рошфоръ вернулся въ Парижъ за два дня до національнаго празднества, и ему былъ сдѣланъ небывалый по своей восторженности пріемъ: до 50.000 человѣкъ встрѣтили на вокзалѣ желѣзной дороги „великаго изгнанника“ и его семью. Давка, за полнымъ отсутствіемъ полиціи, была такъ велика что нѣсколько человѣкъ поплатились жизнью, и на станціи не осталось ни одного цѣлаго стекла въ окнахъ. Въѣздъ Рошфора былъ настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. А въ день празднества первый нумеръ его революціоннаго листка разошелся въ количествѣ 140.000 экземпляровъ!

Во всемъ этомъ слишкомъ много тревожнаго и печальнаго для истинныхъ доброжелателей французскаго народа чтобы веселый шумъ и трескъ парижскихъ фейерверковъ могъ заслонить мрачный фонъ картины.

№ 188.

Москва, 8-го іюля.

Миссія г. Гошена, обязаннаго потребовать отъ Турціи серіозныхъ реформъ въ доказательство ея правъ на дальнѣйшее существованіе и на поддержку Англіи, дала неожиданный и повидимому не совсѣмъ пріятный для Англіи результатъ. „Дипломаты и финансисты Константинополя, пишетъ корреспондентъ *Times*, отъ 13 іюля, на дняхъ были не мало удивлены совершенно неожиданнымъ появленіемъ въ Константинополѣ нѣсколькихъ германскихъ дѣльцовъ, рекомендованныхъ, по просьбѣ султана, Берлинскимъ кабинетомъ въ качествѣ исполнителей радикальной реформы турецкихъ финансовъ и администраціи.“ Графъ Гацфельдъ, германскій посолъ, чрезъ посредство котораго, какъ теперь оказывается, султанъ обратился съ просьбой къ императору Вильгельму, сумѣлъ, какъ замѣчаетъ корреспондентъ, обдѣлать дѣло такъ быстро и скрытно что сотоварищи посла оставались въ совершенномъ о томъ невѣдѣніи до самаго исполненія желаній султана, который очевидно до убѣдился въ отчаянномъ положеніи дѣлъ и въ необходимости принять рѣшительныя мѣры чтобы такъ или иначе избавиться отъ международной финансовой опеки которою ему угрожали.

Извѣстіе это встрѣтило полное подтвержденіе со стороны берлинской и вѣнской печати, поторопившейся даже поправить его въ томъ смыслѣ что дѣло идетъ не только объ административной и финансовой, но и о судебной, а равно и военной реформѣ, такъ какъ султанъ еще ранѣе и съ такимъ же успѣхомъ хлопоталъ о присылкѣ нѣмецкихъ офицеровъ и вообще инструкторовъ. „Вполнѣ вѣрно, замѣчаетъ *Политическая Корреспонденція*, что

въ Константинополѣ формально учреждается военно-административная коммиссія изъ 12 лицъ; Нѣмцевъ, кои будутъ непосредственно и исключительно подчиняться султану." „И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, прибавляетъ берлинскій корреспондентъ *Кельнской Газеты;* сорокъ лѣтъ тому назадъ въ Турцію были приглашены нѣмецкіе инструкторы которымъ турецкая артиллерія обязана тѣмъ что уже четверть вѣка назадъ она стояла выше артиллеріи русской." „Еще проще, прибавляетъ лондонскій корреспондентъ той же газеты: *Порта поняла* наконецъ необходимость призвать нѣсколько дѣльныхъ финансовыхъ чиновниковъ. А такъ какъ ей нужны только дѣльцы, а не геніи съ готовыми планами полнѣйшей перестройки и съ претензіями, да въ добавокъ еще считающіе себя уполномоченными отъ своихъ правительствъ и потому предъявляющіе несоотвѣтственныя требованія, то она и обратилась не къ Франціи или Англіи, а къ графу Гацфельду и чрезъ его посредство въ Берлинъ, на Вильгемштрассе." Дѣло однако не такъ просто какъ старается выставить нѣмецкая печать. Обстоятельство что султанъ обратился со своей просьбой именно къ Германскому, а не къ иному правительству, замѣчаетъ тотъ же константинопольскій корреспондентъ *Times*, имѣетъ особое значеніе. Въ Звѣздномъ Кіоскѣ съ нѣкотораго времени очевидно убѣждены въ возможности понудить Германію выйти изъ европейской коалиціи и сблизиться съ Турціей. Мало того: какъ ни странно это можетъ показаться государственнымъ людямъ Запада, здѣсь считаютъ возможнымъ, и даже не въ далекомъ будущемъ, Германо-Турецкій союзъ.

Берлинская печать и даже *Кельнская Газета*, еще такъ недавно состоявшая на жалованьи у Турецкаго правительства, приходитъ въ негодованіе по поводу этой догадки англійскаго корреспондента о Германско-Турецкомъ союзѣ. Онѣ не скупятся на самую отборную брань чтобы выставить все „ничтожество," всю „смѣшную сторону," такой сумасбродной (alberne) догадки о возможности союза между Германіей и Турціей.

Правда, еще нѣсколько дней назадъ, во время засѣданій Берлинской конференціи, германская официозная печать, и особенно столь близкая имперскому канцлеру *Post*, говорила о необходимости раздѣла Турціи и о томъ что нынѣшнее политическое созвѣздіе такому раздѣлу въ настоящее время особенно благопріятно, но это не мѣшаетъ ей говорить теперь другимъ тономъ и приписывать мысли о раздѣлѣ Турціи „московскимъ патріотамъ, именующимъ себя славянофилами," снова де начинающимъ свою игру, и русскимъ газетамъ. И не даромъ, конечно, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, слывущая личнымъ органомъ германскаго канцлера и до сихъ поръ хранившая упорное молчаніе по вопросу о греко-турецкой границѣ, вдругъ заговорила въ тонѣ весьма дружественномъ къ Турціи. Не далѣе какъ въ нумерѣ отъ 17 іюля, сообщивъ о послѣдовавшемъ врученіи Портѣ графомъ Гацфельдомъ, какъ старшимъ изъ дипломатовъ, коллективной ноты сообщавшей о рѣшеніи Берлинской конференціи, названная газета съ особеннымъ удареніемъ замѣтила что въ случаѣ согласія подчиниться рѣшенію Европы, Порта можетъ разчитывать на снисхожденіе касательно способа исполненія этой воли и на „благосклонное вниманіе" къ мѣстнымъ затрудненіямъ, „дѣйствительно существующимъ."

Мысль о союзѣ между Германіей и Турціей не новая. Толки о немъ возникли слѣдомъ за октябрьскимъ соглашеніемъ между Австріей и Германіей, хотя, правда, и не въ германской печати. Но она не протестовала тогда противъ нихъ, и не расточала той брани которою разразилась теперь.

Любопытно что съ появленіемъ на берегахъ Золотаго Рога нѣмецкихъ дѣльцовъ и офицеровъ совпадаютъ усиленные толки той же нѣмецкой печати о большомъ числѣ русскихъ офицеровъ и солдатъ отправляемыхъ будто бы въ Болгарію, о цѣлыхъ транспортахъ оружія и патроновъ, явно де свидѣтельствующихъ о замышляемомъ соединеніи Румеліи съ Болгаріей и о совокупности дѣйствія послѣдней съ Греками противъ полумѣсяца, направляемомъ къ окончательной будто бы ликвидаціи Восточнаго вопроса и созданію, на мѣстѣ Турціи, независимыхъ славянскихъ государствъ. Берлинской печати дружно вторитъ и австрійская, подробно исчисляющая число посланныхъ лицъ и обозначающая ихъ чины и количество заказанныхъ Болгарскимъ правительствомъ въ Тулѣ и Москвѣ ружей.

Всякая попытка опровергнуть эти слухи

и толки и теперь оказывается также безполезною какъ и прошлою осенью, когда германская и австрійская печать были наполнены такими же подробными извѣстіями о русскихъ вооруженіяхъ и сосредоточеніи русскихъ войскъ на границахъ Германіи. Всякое возраженіе, какъ это и случилось съ газетою *Берегъ*, будетъ встрѣчено полнымъ недовѣріемъ: „посылка инструкторовъ, возразила *Кельнская Газета*, есть дѣло вовсе не такое безвредное (harmlos); въ Россіи видимо разчитываютъ на благорасположеніе Англіи.“ Любопытно бы знать на чье расположеніе разчитываютъ въ Берлинѣ...

№ 189.

Москва, 9-го Іюля.

Въ настоящую минуту предметомъ общихъ толковъ служитъ назначеніе бывшаго ректора кіевскаго университета Н. Х. Бунге товарищемъ министра финансовъ. Это назначеніе даетъ поводъ ко множеству предположеній о направленіи какое въ непродолжительномъ будущемъ должна принять наша финансовая политика и о тѣхъ мѣрахъ въ которыхъ эта политика имѣетъ выразиться. Н. Х. Бунге не принадлежитъ къ числу людей чьи взгляды на разные вопросы неизвѣстны публикѣ. Онъ много разъ имѣлъ случай публично высказывать свои мнѣнія и во множествѣ принадлежащихъ его перу газетныхъ и журнальныхъ статей, и въ отдѣльныхъ брошюрахъ и сочиненіяхъ, и въ примѣчаніяхъ коими снабжалъ переведенныя и изданныя имъ сочиненія иностранныхъ ученыхъ. Какія изъ этихъ мнѣній и въ какой мѣрѣ получатъ практическое примѣненіе съ назначеніемъ г. Бунге на вліятельный въ Министерствѣ Финансовъ постъ, вотъ вопросъ которымъ, естественно, публика живо заинтересована.

Думать что предстоящая его дѣятельность заранѣе опредѣлена тѣмъ что̀ высказывалось имъ въ качествѣ профессора и писателя-экономиста было бы, полагаемъ, не малою ошибкой. Вопросы, чего нельзя и что̀ возможно, не одинаково рѣшаются кабинетными учеными и людьми стоящими у власти. Если въ Англіи государственные люди, достигая власти, мало стѣсняются тѣми публичными заявленіями которыя дѣлались ими пока они находились въ оппозиціи, то тѣмъ не менѣе подобныя заявленія могутъ стѣснять дѣятельность государственныхъ людей у насъ, въ Россіи. Но естественно предполагать что финансовые вопросы, преимущественно занимавшіе г. Бунге когда онъ былъ профессоромъ, не перестанутъ занимать его и на новой должности. Однимъ изъ такихъ вопросовъ, какъ извѣстно, былъ о бумажно-денежномъ обращеніи. Надъ теоретической разработкой этого вопроса онъ не мало трудился, о чемъ свидѣтельствуютъ и множество его статей, и составленный имъ года два тому назадъ проектъ преобразованія денежной системы въ Россіи. Весьма вѣроятно что онъ употребитъ усилія къ тому чтобы подвинуть этотъ важный и давно обсуждаемый вопросъ.

Должно надѣяться, однако, что въ случаѣ приступа къ серіозному обсужденію этого вопроса, новый товарищъ министра финансовъ отнесется съ равнымъ безпристрастіемъ ко множеству проектовъ составлявшихся по этому предмету, не исключая и составленнаго имъ самимъ когда онъ былъ кіевскимъ профессоромъ, и что въ основу практическаго рѣшенія лягутъ не отвлеченныя доктрины, а дѣйствительныя условія страны. Во всякомъ случаѣ, можно надѣяться что при рѣшеніи указаннаго важнаго государственнаго вопроса не будетъ допущено той неосмотрительной поспѣшности къ какой были бы способны иные послѣдователи ходячихъ финансовыхъ доктринъ. Бывшему кіевскому профессору нѣтъ надобности напоминать что нельзя въ любое время принимать радикальныя мѣры къ возстановленію денежной единицы: онъ самъ это высказывалъ категорически. Сознавая, можетъ-быть даже преувеличивая вредъ разныхъ ненормальныхъ явленій въ нашемъ денежномъ обращеніи, онъ тѣмъ не менѣе, въ отличіе отъ другихъ нашихъ экономистовъ, прямо заявлялъ что „при лѣченіи экономическихъ недуговъ слѣдуетъ разчитывать на цѣлебную силу природы, vis medicatrix naturae.“ Для него всегда имѣлъ важное значеніе тотъ фактъ что экономическая исторія европейскихъ государствъ, кромѣ Англіи, не представляетъ примѣра чтобы *финансовая* операція относящаяся къ возстановленію металлическаго размѣна имѣла успѣхъ, причемъ замѣчалъ что примѣръ Англіи, въ виду различія обстоятельствъ, мало для насъ поучителенъ. Но г. Бунге никогда не отрицалъ поучи-

тельности для насъ примѣра Америки. И данный ею примѣръ, конечно, долженъ послужить критеріемъ для оцѣнки разныхъ проектовъ исправленія нашей денежной системы. Не мудрено что въ Англіи при ограниченности выпуска неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ правительство не затратило и одного фартинга для возставленія размѣна. Имѣя предъ глазами одинъ этотъ фактъ, можно было не вѣрить чтобы возможно было обойтись безъ большихъ жертвъ для достиженія той же цѣли при обширномъ бумажно-денежномъ обращеніи. Но вотъ Соединенные Штаты тоже безо всякихъ затратъ возстановляютъ свою денежную единицу, какъ не велика была масса обращавшихся въ странѣ гринбаковъ.

Извѣстенъ путь какимъ правительство Соединенныхъ Штатовъ достигло такого результата. Оно не побоялось идти наперекоръ ходячимъ политико-экономическимъ ученіямъ. Своимъ высокимъ таможеннымъ тарифомъ оно, съ одной стороны, обратило въ свою пользу торговый балансъ, съ другой, поставило свое внутреннее производство въ условія открывшія ему возможность широкаго развитія, огражденнаго отъ непосильной иностранной конкурренціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Америка признала сокращеніе процентныхъ государственныхъ долговъ дѣломъ болѣе настоятельнымъ чѣмъ уменьшеніе долга безпроцентнаго, что также изъ года въ годъ измѣняло международный платежный балансъ Америки къ ея выгодѣ. Такая финансовая и экономическая политика постоянно навлекала на американскихъ правителей всевозможныя порицанія и укоры въ полномъ невѣжествѣ, за которое де страна поплатится разореніемъ. Есть господа готовые повторять эти порицанія даже и теперь, въ виду достигнутыхъ этою политикой результатовъ. Но между лагеремъ этихъ неисправимыхъ доктринеровъ и г. Бунге было мало общаго даже и въ то время когда онъ занималъ профессорскую каоедру. Онъ не только признаетъ благотворное вліяніе экономической политики не теряющей изъ вида государственныхъ цѣлей, но отказывается даже признавать серіозными учеными тѣхъ экономистовъ которые ратуютъ за свободу торговли quand même и отвергаютъ значеніе торговаго и платежнаго баланса.

Существеннымъ пунктомъ во взглядахъ г. Бунге на мѣры къ улучшенію нашего денежнаго обращенія постоянно было то мнѣніе что рѣшительному шагу должны предшествовать мѣры подготовительныя, которыя бы косвеннымъ образомъ способствовали устойчивости лажа и появленію металлическихъ денегъ въ обращеніи. Но возможно ли добиться устойчиваго лажа и можетъ ли золото держаться въ странѣ при невыгодномъ разчетномъ международномъ балансѣ, при ежегодныхъ уплатахъ за границу, далеко превышающихъ тѣ суммы какія иностранцы платятъ за вывозимые изъ Россіи товары? Возможно ли уравновѣсить платежный балансъ, при огромной суммѣ процентовъ платимыхъ иностранцамъ по государственнымъ и инымъ долгамъ, безъ серіознаго поворота въ нашу сторону торговаго баланса, сокращеніемъ черезчуръ обширныхъ размѣровъ привозной торговли? Это сокращеніе легко и удобно можетъ быть достигнуто пересмотромъ и общимъ повышеніемъ нашего таможеннаго тарифа (конечно, при условіи что таможенныя мѣры не будутъ парализуемы желѣзнодорожными тарифами),—мѣра, въ которой теперь едва ли не болѣе чѣмъ во всякихъ другихъ нуждаются у насъ различныя отрасли внутренней промышленности.

Такой или нѣтъ характеръ будутъ имѣть мѣры долженствующія подготовлять рѣшеніе вопроса о денежномъ обращеніи, но во всякомъ случаѣ не лишено значенія то обстоятельство что одновременно съ назначеніемъ г. Бунге на должность товарища министра финансовъ возникъ слухъ о преобразованіи самого Министерства Финансовъ, съ цѣлію дать ему организацію болѣе благопріятную для интересовъ промышленности и торговли. До сихъ поръ, заботы объ этихъ интересахъ, можно сказать, терялись въ массѣ дѣлъ сосредоточенныхъ въ Министерствѣ Финансовъ, и составляли спеціальность лишь одного изъ цѣлой группы департаментовъ и канцелярій на которые оно раздѣляется. Нынѣ, какъ сообщено въ *Биржевомъ Вѣстникѣ*, выработанъ проектъ по которому предполагается раздѣлить Министерство Финансовъ на два: на Министерство Финансовъ въ тѣсномъ смыслѣ и на Министерство Промышленности и Торговли. Нельзя не пожелать чтобы слухъ о такомъ раздѣленіи оправдался. Этимъ было бы въ значительной мѣрѣ восполнено давно уже ощущаемое отсутствіе въ нашей администраціи органа который имѣлъ бы прямымъ сво-

имъ назначеніемъ попеченіе объ экономическихъ интересахъ страны, не будучи поставляемъ на каждомъ шагу въ необходимость приносить эти интересы въ жертву узкимъ фискальнымъ соображеніямъ. Чтобъ организація предполагаемаго новаго Министерства была полною, понадобилось бы только присоединить къ нему департаменты Земледѣлія и Горный (по скольку послѣдній касается завѣдыванія частною горною промышленностью) отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, по тѣмъ же соображеніямъ по какимъ желательно отдѣленіе Департамента Торговли и Промышленности отъ Министерства Финансовъ.

Чѣмъ болѣе вниманія будетъ обращено на экономическіе интересы страны, чѣмъ менѣе будутъ они отодвигаемы на задній планъ предъ интересами собственно фискальными, тѣмъ лучше будетъ для этихъ послѣднихъ. Тѣмъ болѣе будетъ и гарантій правильнаго рѣшенія вопроса объ исправленіи денежнаго обращенія. Это рѣшеніе должно быть результатомъ не кабинетныхъ доктринъ, а глубокаго и всесторонняго изученія какъ экономической исторіи, такъ и статистическаго матеріала, до сихъ поръ у насъ, къ сожалѣнію, почти не разработаннаго.

Путь къ рѣшенію задачи, въ общихъ чертахъ, указанъ, какъ выше замѣчено, историческимъ примѣромъ. Но представляется вопросомъ, должно ли у насъ стремиться къ той самой цѣли какая имѣлась въ виду и какой достигли по отношенію къ денежному обращенію въ Англіи и въ Америкѣ. Что выгоднѣе для страны, возстановленіе прежней цѣнности кредитнаго рубля, или упроченіе за нимъ той какую онъ имѣлъ въ послѣдніе годы? Въ какія условія, затѣмъ, должно быть поставлено бумажно-денежное обращеніе въ связи съ металлическимъ? Можетъ ли страна отказаться навсегда отъ того рессурса какой представляютъ въ критическіе моменты чрезвычайные бумажно-денежные выпуски, и какими гарантіями могли бы быть обставлены эти выпуски? Все это вопросы спорные, требующіе обстоятельнаго обсужденія прежде приступа къ рѣшительнымъ мѣрамъ по регулированію денежнаго обращенія. Ни одинъ изъ нихъ, однако, не можетъ служить препятствіемъ къ мѣрамъ подготовительнымъ, безъ принятія коихъ всякіе дальнѣйшіе шаги ожидало бы fiasco, къ мѣрамъ относящимся до приведенія въ должное положеніе нашего международнаго разчетнаго баланса и до постановки внутренняго производства въ условія необходимыя для успѣшнаго его развитія.

№ 190.

Москва. 10-го іюля.

На прошлой недѣлѣ, въ цѣломъ рядѣ нумеровъ нашей газеты (№№ 180, 181, 183 и 184) сообщались подробныя свѣдѣнія о дѣятельности Высочайше учрежденной Коммиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Точность этихъ свѣдѣній подтверждена обширнымъ правительственнымъ сообщеніемъ, появившимся въ № 147 *Правительственнаго Вѣстника*. Въ № 185 нашей газеты мы не замедлили привѣтствовать совершившійся теперь переходъ занятій Коммиссіи предсѣдаемой графомъ Барановымъ отъ работъ изученія и подготовки къ работамъ организаціоннымъ, къ составленію проектовъ объ улучшеніи нашего желѣзнодорожнаго дѣла.

Правительство рѣшилось, наконецъ, принять относительно желѣзныхъ дорогъ мѣры исключительныя. Желѣзныя дороги изъяты теперь изъ порядка общаго управленія; графу Баранову предоставлено вносить въ Государственный Совѣтъ проекты новыхъ „законоположеній“ по желѣзнымъ дорогамъ, „по частямъ или всѣ вмѣстѣ съ заключеніемъ министра путей сообщенія.“

Чрезвычайная мѣра принятая относительно желѣзныхъ дорогъ объясняется поразительными раскрытіями сдѣланными Коммиссіей. Она обнаружила въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ злоупотребленія страшныя, безпорядокъ невѣроятный, бездарность сказочную. *Правительственный Вѣстникъ* говоритъ что по свидѣтельствамъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, и при томъ отъ цѣлыхъ сословій занятыхъ той или другою отраслью хозяйственной и промышленной дѣятельности, „зло дѣйствительно велико.“ „Обнаружилось,“ читаемъ тамъ же, „что наблюденія, произведенныя во время объѣзда дорогъ каждою изъ подкоммиссій (всѣхъ ихъ было семь) въ отдѣльности, были *совершенно тождественны*.“ Эта тождественность и есть самое страшное раскрытіе. Ѣдетъ, положимъ, подкоммиссія отъ Москвы до Владикавказа, и на каждой ея остановкѣ ей заявляется одно

и то же: воровство постоянное. Укупорки мѣстъ цѣлы, но вмѣсто шелковыхъ матерій оказываются полѣнья или камни съ юмористическими записками; на ходу поѣзда, между двумя станціями, крадутъ живыхъ быковъ изъ вагона; хлѣбъ никогда не приходитъ въ цѣлости, его рвутъ крючьями и даже спеціальнымъ, приспособленнымъ для раструски, устройствомъ половъ въ складахъ; ведется особая торговля отметками хлѣба на станціяхъ, гдѣ кромѣ того содержатъ ими множество домашней птицы. Хлѣбные торговцы считаютъ постоянно копѣекъ по 20 и больше къ четверти на растрату на желѣзной дорогѣ, о чемъ и помину нѣтъ при перевозкѣ пароходами или гужомъ. По перевозкамъ товаровъ желѣзная дорога почти всегда дѣлаетъ переборъ противъ тарифа, взыскиваетъ деньги даже вдвойнѣ; такихъ переборовъ скопляется у иныхъ отправителей по тысячамъ, а возвращеніе ихъ идетъ крайне медленно и затягивается на годы. Нигдѣ, кромѣ Николаевской и Нижегородской желѣзныхъ дорогъ, нѣтъ приспособленій для храненія и перевозки грузовъ. На пропажу и порчу товаровъ, на переборы нѣтъ управы, — мѣстные суды не принимаютъ жалобъ, отсылая истцовъ въ Петербургъ, по мѣсту пребыванія правленія желѣзной дороги. Тарифы, по истинѣ безумные, наносятъ ущербъ самимъ желѣзнымъ дорогамъ: изъ Сызрани выгоднѣе везти хлѣбъ въ Москву и назадъ въ Коломну чѣмъ прямо въ Коломну. И вездѣ, на каждомъ шагу, все одно и то же. Параллельно Ростовско-Владикавказской желѣзной дорогѣ, а также Оренбургской, существуетъ огромное движеніе гужемъ; торговцы говорятъ: такъ вѣрнѣе и дешевле. А мы еще смѣялись надъ анекдотомъ что московскіе купцы пріѣзжали въ Петербургъ по шоссейному пути благодарить за желѣзный. Инспектора почти вездѣ даютъ отзывъ что на дорогѣ все благополучно.

Это по отношенію къ публикѣ, къ товароотправителямъ. А по отношенію къ государству, приплачивающему десятки милліоновъ по гарантіи желѣзнодорожныхъ бумагъ, повторимъ слова нашего компетентнаго корреспондента.

„Дороги не имѣющія надежды въ скоромъ времени выйти изъ гарантіи прямо даже заинтересованы въ томъ чтобъ эксплуатація шла какъ можно хуже, ибо чѣмъ хуже будетъ идти дѣло, тѣмъ скорѣе и больше онѣ могутъ надѣяться получить правительственныхъ субсидій.

„Каждая потребность въ новомъ сколько-нибудь значительномъ расходѣ по желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ влечетъ у насъ за собою новыя денежныя затраты со стороны правительства, которое, при томъ, почти не получаетъ уплаты по долгамъ за гарантію и прежнія ссуды. Какъ на одинъ изъ выдающихся примѣровъ несоотвѣтствія между валовымъ доходомъ и расходами по эксплуатаціи можно указать на дороги Харьково-Николаевскую и Либаво-Роменскую. Въ первой изъ нихъ средній (съ 1876 по 1879 годъ) расходъ по эксплуатаціи составляетъ 74,9% валоваго сбора, а на второй—93,4%, причемъ на Либавскомъ участкѣ доходитъ до 116,5%, то-есть является дефицитъ въ 16,5%.“

Коммиссія гр. Баранова предполагаетъ привести въ порядокъ наше желѣзнодорожное дѣло главнѣйше двумя мѣрами: a) новыми учрежденіями завѣдующими желѣзными дорогами и b) изданіемъ общаго желѣзнодорожнаго закона.

Дѣйствительно, у насъ нѣтъ спеціальныхъ желѣзнодорожныхъ учрежденій какія имѣются теперь почти вездѣ; у насъ вовсе нѣтъ желѣзнодорожнаго законодательства: перевозка по желѣзнымъ дорогамъ предоставлена у насъ вполнѣ произволу частныхъ компаній.

Правительственный Вѣстникъ заявляетъ что „общее стремленіе правительствъ всѣхъ странъ несомнѣнно указываетъ что желѣзнодорожныя предпріятія, благодаря особымъ условіямъ ихъ дѣятельности, не могутъ быть предоставлены самимъ себѣ, но должны быть подчинены дѣйствію правительственнаго контроля, который одинъ можетъ положить предѣлъ ихъ частнымъ стремленіямъ и оградить интересы государства.“ Официальная газета ссылается что даже въ Англіи, „этой странѣ самоуправленія,“ желѣзныя дороги подчинены дѣятельному контролю главнаго управленія торговли (Board of Trade) и желѣзнодорожныхъ коммиссаровъ (Railway commissioners). Во Франціи, по иниціативѣ Фрейсине, учрежденъ высшій совѣтъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ принятъ билль имѣющій цѣлью устранить главные недостатки американскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Важнѣйшее изъ проектируемыхъ у насъ теперь желѣзнодорожныхъ учрежденій — „высшій желѣзнодорожный совѣтъ“ — по-

лагается скопировать съ германскаго образца. *Правительственный Вѣстникъ* говоритъ:

„Подобно общему совѣту желѣзныхъ дорогъ (Landes-Eisenbahnrath) въ Пруссіи, и у насъ могъ бы быть учрежденъ высшій совѣтъ желѣзныхъ дорогъ, съ тѣмъ чтобъ онъ состоялъ изъ представителей трехъ элементовъ: правительственнаго, желѣзнодорожнаго и лицъ заинтересованныхъ въ перевозкѣ. Совѣтъ этотъ могъ бы состоять изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, между которыми могли бы быть распредѣлены дѣла эксплуатаціонныя, хозяйственно-административныя и надзоръ за расходованіемъ обществами желѣзныхъ дорогъ суммъ находящихся въ ихъ распоряженіи."

Необходимость высшаго желѣзнодорожнаго совѣта находится, впрочемъ, давно внѣ всякаго спора. Пожелаемъ счастливаго пересажденія къ намъ подобнаго учрежденія, но пожелаемъ также чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ перенесены были къ намъ вся энергія, вся дѣятельность власти оживляющая за границею эти учрежденія, которыя не медлятъ и не упускаютъ случая привести въ порядокъ порученное имъ дѣло.

Вотъ первое за что слѣдовало бы взяться: у насъ до сихъ поръ желѣзныя дороги не знаютъ никакой судебной отвѣтственности.

Способы отношеній западно-европейскихъ государствъ къ желѣзнодорожному дѣлу весьма различны; но вездѣ на желѣзныхъ дорогахъ можно найти судъ скорый и правый. Во Франціи онѣ подчинены строгой регламентаціи относительно всѣхъ подробностей ихъ службы. Цвѣтъ вагоновъ, сигналы, порядки движенія поѣздовъ, все опредѣлено министерскими инструкціями. Во Франціи главная сила контроля полагается въ этой регламентаціи, но рядомъ съ ней существуетъ серіозная судебная отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ предъ пассажирами и товароотправителями. Въ Англіи правительство не вмѣшивается въ хозяйство желѣзныхъ дорогъ, но за то оно привлекаетъ ихъ къ тяжкой судебной отвѣтственности за малѣйшее нарушеніе интересовъ пассажировъ и грузоотправителей. Системы принятыя въ Германіи, въ Австріи, въ Италіи составляютъ нѣчто среднее между французскими и англійскими порядками. Но во всѣхъ этихъ системахъ одинаково сохраняется принципъ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ предъ ихъ кліентами. Это есть первое основаніе порядка въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ.

У насъ желѣзныя дороги не подлежатъ никакой отвѣтственности предъ судомъ. Статьи 35 и 220 Уст. Гр. Суд. заставляютъ товароотправителей и пассажировъ начинать иски по мѣсту пребыванія правленія желѣзной дороги, то-есть въ Петербургѣ. Это равняется почти отказу въ правосудіи. Обиженный желѣзною дорогою на десятки, на сотни рублей, а таковыхъ большинство, не имѣетъ средствъ ѣхать въ Петербургъ судиться или нанимать адвоката. И вотъ благодаря этому, у насъ обычнымъ на желѣзныхъ дорогахъ явленіемъ стали потери и порча товаровъ, недоставка ихъ въ срокъ, переборы по тарифу...

Дѣло это такъ ясно что для приведенія его въ порядокъ не требуется сложныхъ законодательныхъ работъ. Нѣтъ никакого неудобства предоставить пассажирамъ и грузоотправителямъ искать вознагражденія на самомъ мѣстѣ причиненнаго имъ убытка. Отъ правленій желѣзныхъ дорогъ потребовалось бы только имѣть одного или двухъ адвокатовъ на линіи.

№ 191.

Москва, 11-го Іюля.

15 іюля Оттоманской Портѣ и Греціи передана наконецъ коллективная нота державъ сообщающая о состоявшемся рѣшеніи Берлинской конференціи касательно грекотурецкой границы, и приглашающая обѣ стороны исполнить волю Европы. Греческое правительство отвѣтило немедленно что оно подчиняется этому рѣшенію; Турція же, какъ телеграфируютъ изъ Константинополя, „обѣщаетъ дать отвѣтъ не позднѣе начала августа." Но подобно тому какъ и текстъ коллективной ноты сталъ извѣстенъ заранѣе чрезъ посредство вѣнскихъ газетъ, „вслѣдствіе близкаго разстоянія установившагося нынѣ между Вѣной и Константинополемъ," какъ объясняетъ одна изъ берлинскихъ газетъ, такъ и будущій отвѣтъ Порты уже теперь съ достовѣрностью передается всѣми вѣнскими газетами. Отсрочка не имѣетъ другой цѣли кромѣ выигрыша времени, и самый отвѣтъ не будетъ заключать въ себѣ ни согласія, ни категорическаго отказа очевидно съ тою же цѣлью проволочки. Турція

выступитъ со встрѣчнымъ предложеніемъ—отодвинуть проведенную конференціей границу настолько чтобы въ уступаемую Греціи территорію не вошли города Янина, Превеза, Метцово и Ларисса. Само собою разумѣется что никто не придаетъ этому предложенію серіознаго значенія, тѣмъ болѣе что Европа съ самаго начала не признавала за Турціей права голоса въ этомъ дѣлѣ; иначе гораздо проще было бы призвать и ее къ участію въ самой конференціи. Объясненія Турціи о томъ что она не можетъ, еслибъ и желала, удовлетворить требованіе державъ, вслѣдствіе сопротивленія которое оказали бы ея распоряженіямъ мѣстныя населенія, особливо Албанцы, точно также признаются лишь изворотомъ не заслуживающимъ вниманія. „Албанская Лига," читаемъ мы въ одной изъ берлинскихъ газетъ, „есть не что иное какъ то же Турецкое правительство, но искусно замаскированное. Всѣ эти албанскіе гарнизоны, затѣвающіе нынѣ побоища съ Черногорцами и готовящіеся дать отпоръ Грекамъ, все это только турецкая милиція которая охотно разойдется по домамъ коль скоро Порта отпуститъ ее, и которая непремѣнно разбредется, если Порта прекратитъ снабженіе этихъ отрядовъ деньгами, припасами и оружіемъ."

Казалось бы что при такомъ взглядѣ не зачѣмъ было бы потворствовать обычнымъ изворотнымъ пріемамъ турецкой дипломатіи, которыя въ данномъ случаѣ, въ виду „единодушія" Европы, коимъ такъ кичатся представители правительствъ въ своихъ официальныхъ заявленіяхъ предъ парламентами, являются просто насмѣшкой надъ европейскимъ концертомъ. Но европейская печать какъ и европейская дипломатія давно уже перестали смущаться явными противорѣчіями когда рѣчь идетъ о Турціи. Рядомъ съ обличеніями Турціи въ слѣпомъ упрямствѣ и коварной изворотливости, мы читаемъ не разсужденія о необходимости такъ или иначе покончить съ этимъ обиднымъ для Европы сопротивленіемъ, а укоры г. Гладстону за то что онъ выдвинулъ вновь всѣ эти вопросы и подозрительные намеки въ сторону Россіи готовящейся будто бы что-то такое предпринять противъ Турціи и вновь расшатать упроченную Берлинскимъ трактатомъ незыблемость турецкаго владычества. То и дѣло распространяются слухи о воинственныхъ приготовленіяхъ идущихъ будто бы въ Болгаріи, о массахъ добровольцевъ стремящихся будто бы туда изъ Россіи, объ оружіи подвозимомъ туда же, все это съ цѣлью попытки возсоединенія Болгаріи съ Восточною Румеліей. И тѣ самыя газеты, кои такъ сочувствуютъ на словахъ удовлетворенію національныхъ стремленій Грековъ, приходятъ въ ужасъ при одной мысли о томъ что и Болгары могутъ возымѣть замыселъ о соединеніи своей національности, какъ будто стремленіе Грековъ вытекаетъ не изъ одного и того же принципа что и стремленіе Болгаръ и какъ будто не одна и та же историческая необходимость, болѣе могучая нежели всякая дипломатія, приводитъ и тутъ и тамъ къ упраздненію турецкаго владычества. Но, сверхъ того, всѣ эти толки о болгарскихъ вооруженіяхъ оказались ложными. Бывшіе клевреты лорда Биконсфильда поспѣшили сдѣлать по этому предмету запросъ въ англійскомъ парламентѣ, и правительство опровергло ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Удивляться ли однако турецкому упрямству и той самоувѣренности съ которою Порта видимо готовится оказать сопротивленіе „единодушному" требованію Европы, когда ежедневно умножаются, стараніями европейской печати, признаки глубокой розни, недовѣрія и взаимнаго соперничества, худо скрываемыя наружнымъ и официальнымъ согласіемъ?

Ранѣе чѣмъ разрѣшится вопросъ объ исполненіи Турціей требованія Европы касательно греко-турецкой границы, Черногорскій вопросъ послужитъ мѣриломъ того насколько возможно какое бы то ни было воздѣйствіе Европы на Турцію. Англія, какъ сообщаетъ *Политическая Корреспонденція*, изъ достовѣрнаго источника, передала Портѣ 14 іюля требованіе чтобы конвенція заключенная 12 апрѣля, при посредствѣ итальянскаго посла г. Корти, объ уступкѣ Черногоріи, вмѣсто Гусинья и Плавы, округа Дульциньйо, было исполнено въ теченіе трехъ недѣль со времени передачи ей этого требованія. Въ случаѣ неисполненія онаго въ теченіе указаннаго срока, имѣется де въ виду принудить къ тому Порту посредствомъ морской демонстраціи, въ которой примутъ участіе военныя суда всѣхъ державъ. Всѣ державы уже изъявили де согласіе на эту мѣру, причемъ Австрія поставила условіемъ чтобы демонстрація совершилась безъ высадки войскъ на сушу. Трудно понять, въ чемъ

можетъ заключаться „принужденіе," если принуждающая рука напередъ связана запретомъ прикоснуться къ предмету спора. Вообще морскія демонстраціи, о конхъ такъ часто идетъ рѣчь въ послѣднее время, представляютъ нѣчто совершенно загадочное и ихъ не даромъ называютъ „академическими." Если же указанное сообщеніе вѣрно, въ чемъ кажется нельзя сомнѣваться, то мы недѣли черезъ двѣ не только узнаемъ наконецъ въ чемъ заключается „академическое дѣйствіе" военнаго флота и насколько Порта воспріимчива къ дѣйствіямъ этого рода, но и то въ чемъ можетъ заключаться развязка и греко-турецкаго дѣла, если только и по этому предмету состоится такое же соглашеніе. Нѣкоторыя газеты уже теперь впрочемъ объясняютъ какимъ образомъ флоты державъ могутъ, не вмѣшиваясь активно въ дѣло, содѣйствовать Греціи въ пріобрѣтеніи Ѳессаліи и Эпира: если соединенный флотъ будетъ охранять берега Греціи отъ нападеній турецкаго флота, то греческая армія можетъ де своими силами занять присужденную Греціи территорію и выдержать успѣшно борьбу съ турецкими войсками которыя будутъ посланы имъ на встрѣчу, или съ мусульманскими полчищами мѣстныхъ населеній которыя будутъ выдвинуты противъ нихъ тою же Портой. А если военное счастіе не будетъ благопріятствовать Грекамъ? Неужели соединенные флоты державъ останутся и тогда бездѣйственными зрителями кровопролитія, которое въ случаѣ торжества мусульманъ можетъ принять ужасающіе размѣры? И какова будетъ роль того же флота въ Адріатическомъ морѣ при развязкѣ Черногорскаго дѣла? Черногорія не нуждается, подобно Греціи, въ охранѣ противъ нападенія турецкаго флота, да и невозможно чтобы Турція открыто напала на Черногорію по поводу исполненія сдѣлки ею самою утвержденной. А съ Албанцами Черногорцы давно бы справились и безъ посторонней помощи, еслибъ имъ было дано на то дозволеніе и еслибъ они были увѣрены что ближайшая ихъ сосѣдка Австрія, которой увеличеніе Черногоріи ни въ какомъ видѣ не по вкусу, а въ особенности пріобрѣтеніе ею морскаго побережья, не будетъ подъ рукой всячески пособлять ихъ противникамъ.

Но извлекутъ ли Черногорцы какую-либо вещественную помощь изъ присутствія соединеннаго флота, при томъ куріозномъ условіи которое поставлено Австріей или нѣтъ, важно не столько это сколько осуществленіе наконецъ на дѣлѣ хотя въ какой-нибудь осязательной формѣ того европейскаго согласія о которомъ до сихъ поръ потрачено лишь много словъ. И если демонстрація по поводу Черногоріи состоится и поведетъ къ какому-либо реальному результату, то не будетъ повода уклоняться отъ повторенія оной и у береговъ Греціи.

Рѣзкія нападки на г. Гладстона и его кабинетъ стали повторяться особенно часто въ послѣдніе дни даже въ берлинской печати. Не оттого ли происходитъ это неудовольствіе что онъ наконецъ рѣшился перейти отъ слова къ дѣлу и предложилъ такое совокупное дѣйствіе, отъ котораго нѣтъ повода уклониться? А между тѣмъ чего добраго изъ этого что-нибудь да выйдетъ тогда какъ желательно чтобы ничего не вышло...

№ 192.

Москва, 12-го іюля.

Въ то самое время когда на Лоншанѣ происходила раздача знаменъ и съ такимъ блескомъ праздновалось возрожденіе французской арміи, а нѣмецкія газеты, даже спеціально военныя, разсыпались въ похвалахъ этой „новой" арміи, стрѣлковая школа въ Шпандау начала широкое испытаніе прибора предназначеннаго развить до послѣдняго возможнаго предѣла скорость стрѣльбы и тѣмъ дать германской арміи новый шансъ побѣды.

Сорокъ лѣтъ назадъ, Прусская армія была первою и единственною въ Европѣ рѣшившеюся ввести оружіе заряжаемое съ казны, дававшее возможность стрѣлять втрое скорѣе, а потому, какъ выражено въ секретномъ тогда регламентѣ, „и противустоять съ успѣхомъ втрое сильнѣйшему противнику."

Изобрѣтеніе Дрейзе было встрѣчено повсюду съ недовѣріемъ: прусской арміи сулили за него всякія боевыя невзгоды, „прусская тайна" была предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ, пока блестящія боевыя событія, оправдавшія всѣ надежды которыя возлагались въ Берлинѣ на „новое ружье," не заставили всѣхъ, и особенно Францію, торопливо перевооружать свою армію.

Теперь Германія рѣшается сдѣлать новый и рѣшительный шагъ въ дѣлѣ усовершенствованія оружія.

Фабрикантъ Лёве, одинъ изъ выдающихся ораторовъ прогрессистской партіи парламента, представилъ правительству особый изобрѣтенный имъ приборъ дающій возможность въ двадцать четыре секунды дѣлать двѣнадцать выстрѣловъ. Ружье съ навинченнымъ на него приборомъ обращается въ такъ называемое магазинное или въ ружье-револьверъ, которое не требуетъ особаго заряжанія предъ каждымъ выстрѣломъ: въ приборѣ Лёве помѣщается десять или одиннадцать патроновъ которые механически вводятся въ стволъ при обыкновенномъ открываніи и закрываніи казны.

По мысли, изобрѣтеніе Лёве не принадлежитъ къ „новостямъ“ военной техники. Магазинныя ружья извѣстны со временъ Американской междуусобной войны, ихъ испытывали и отчасти ввели въ Швейцаріи, ими была вооружена въ минувшую кампанію турецкая кавалерія.

Но эти опыты въ ограниченныхъ размѣрахъ были не въ силахъ побороть ходячихъ возраженій противъ магазинной системы, тѣмъ болѣе что рядомъ съ несомнѣнными выгодами ею представляемыми обнаружились и значительные, присущіе ей, недостатки.

Вслѣдъ за Берлинскимъ конгрессомъ, почти повсемѣстно испытывались гдѣ новое магазинное ружье, гдѣ, какъ напримѣръ въ Петербургѣ и во Франціи, особый „ускоритель стрѣльбы;“ но всѣ эти опыты имѣли болѣе научный нежели практическій характеръ.

Даже въ Австріи, гдѣ уже давно велись опыты надъ магазинными ружьями и гдѣ рѣшились было остановиться на ружьѣ Кропатчека, не нашли возможнымъ принять его немедленно и сочли за лучшее имѣть его въ виду, а пока заняться усовершенствованіемъ обыкновеннаго казнозарядnаго ружья, улучшивъ его баллистическія достоинства. Вездѣ ссылались при этомъ на недостаточность указаній боевого опыта, какъ будто забывая что этотъ боевой опытъ обыкновенно производится на чей нибудь счетъ и обходится или цѣною большихъ потерь въ людяхъ и матеріалѣ, или же цѣною полнаго пораженія, что̀ испытала еще недавно Австрія на поляхъ Богеміи.

Несмотря на общія опасенія, Германія смѣло становится во главѣ движенія настойчиво рѣшаясь ввести предложенный г. Лёве приборъ, точно также какъ въ свое время ружье Дрейзе, пока содержимый въ секретѣ. Для обсужденія предложеннаго нововведенія организована въ Берлинѣ, въ предсѣдательствѣ командира 3-го корпуса, изъ высшихъ чиновъ арміи, особая коммиссія, приговоръ которой состоится, какъ полагаютъ, во время большихъ осеннихъ маневровъ на которыя поэтому, вопреки установившемуся издавна обычаю, вовсе не приглашены иностранные гости. Исключеніе сдѣлано только для принца Артура, да и то лишь въ тѣхъ видахъ что онъ числится въ спискахъ 3-го корпуса участвующаго, вмѣстѣ съ гвардіей, въ этихъ маневрахъ.

Однако, выдержитъ или не выдержитъ испытанія приборъ Лёве въ томъ видѣ какъ онъ проектированъ изобрѣтателемъ, въ Германіи отъ него не откажутся. Въ принципѣ введеніе ускорителя, какъ крайне необходимаго прибора, дѣло рѣшенное безповоротно. Если опыты дадутъ неудовлетворительный результатъ, это поведетъ лишь къ дальнѣйшимъ изысканіямъ и улучшеніямъ предложеннаго механизма. „Въ правительственныхъ сферахъ,“ замѣчаетъ *Allgemeine Militär-Zeitung*, „твердо убѣждены въ необходимости теперь же воспользоваться приборомъ дающимъ возможность обращать, когда потребуется, существующее ружье Маузера въ магазинное. Необходимость эта тѣмъ настоятельнѣе де что повторительное оружіе уже обратило на себя вниманіе въ Америкѣ, Швейцаріи, Австріи, во Франціи и наконецъ въ Петербургѣ, гдѣ испытывался ускоритель Кренка, давшій завѣдомо удовлетворительные результаты.“ Германія, слѣдовательно, не можетъ де откладывать дѣло безъ опасенія остаться позади другихъ и вновь испытать всѣ тѣ неудобства неудовлетворительнаго сравнительно съ противникомъ вооруженія какія де пришлось ей испытать на поляхъ Лотарингіи и Шампани.

Рѣшеніе строго обдумано, и принято, какъ видно, не безъ борьбы. По крайней мѣрѣ берлинскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* открыто говоритъ что даже въ средѣ лицъ высшаго военнаго круга весьма многіе были противъ нововведенія, находя что приборъ Лёве, „напрасно отягощая солдата, поведетъ лишь къ быстро-

му расходованію патроновъ въ бою и къ подрыву „дисциплины стрѣльбы.“ Но этотъ доводъ, который всюду останавливаетъ принятіе магазинныхъ ружей и „ускорителей,“ въ Берлинѣ отвергнутъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, „какъ не прусскій,“ а навѣянный извнѣ. Все то же де говорилось и писалось и тогда когда дѣло шло и о ружьѣ Дрейзе оказавшемъ столько услугъ Германіи.

Итакъ, военному бюджету всѣхъ государствъ Европы поднесенъ пріятный сюрпризъ, замѣчаетъ вѣнская *Presse*, намекая на только что ассигнованный въ Австріи расходъ въ $8^1/_2$ милліоновъ гульденовъ на усовершенствованіе простаго казнозарядняго ружья Веридля, предпринятое съ цѣлью отсрочить, въ видахъ экономіи, введеніе магазиннаго ружья предложеннаго Кропатчекомъ.

Но вѣнская газета очевидно съ умысломъ не досказываетъ что берлинскій сюрпризъ есть пока послѣднее слово техники и оставляетъ далеко за собою всѣ извѣстные уже способы ускорить стрѣльбу. Приборъ Кренка, напримѣръ, испытанный въ Петербургѣ, по словамъ *Русскаго Инвалида*, позволяетъ слѣдать не болѣе 13 или 14 выстрѣловъ въ минуту, тогда какъ механизмъ Лёве даетъ въ то же время 24 выстрѣла, такъ какъ наполненіе прибора вновь патронами требуетъ только 12 секундъ. Такой скорости не обѣщаютъ даже дорогія ружья системъ Гочкиса и Кропатчека испытанныя въ Вѣнѣ и Шербургѣ. А между тѣмъ приборъ Лёве и его приспособленіе, по увѣренію берлинскихъ газетъ, стóятъ весьма дешево,—условіе важное, когда вещь должна изготовляться милліонами.

Появленіе прибора Лёве не лишено для насъ еще особой поучительности. Въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, Пруссія заботилась о поддержкѣ своихъ изобрѣтеній, отдавая имъ предпочтеніе предъ иноземными. Этому поощренію Германія обязана и ружьемъ Дрейзе, и пушками Круппа, и наконецъ ускорителемъ Лёве. У насъ поступаютъ какъ разъ обратно и покровительствуютъ преимущественно иностраннымъ изобрѣтеніямъ предоставляя имъ особыя предъ своими льготы. Еще на дняхъ, прямо въ видахъ поощренія иноземныхъ изобрѣтателей, они избавлены отъ нѣкоторыхъ платежей обязательныхъ для изобрѣтателей русскихъ.

№ 194.

Москва, 14-го іюля.

Толки вызванные назначеніемъ Н. Х. Бунге на должность товарища министра финансовъ начинаютъ понемногу принимать болѣе опредѣленную окраску. Рѣчь идетъ о цѣлой программѣ реформъ, и первенствующая роль въ ея исполненіи предоставляется не министру финансовъ, а его новому товарищу, которому де „будетъ предоставлена полная свобода дѣйствій.“ Какъ бы гарантіей этой свободы дѣйствій должно послужить то обстоятельство что министръ, по возвращеніи изъ поѣздки въ Ригу и Ревель, какъ сообщаетъ *Биржевой Вѣстникъ*, отправится въ весьма непродолжительномъ времени въ объѣздъ для осмотра всѣхъ нашихъ портовъ и водяныхъ путей сообщенія, а также для разузнанія на мѣстѣ нуждъ торговаго и промышленнаго міра. Эта поѣздка генералъ-адъютанта С. А. Грейга продлится отъ четырехъ до пяти мѣсяцевъ, и все это время „дѣлами Министерства Финансовъ будетъ завѣдывать исключительно тайный совѣтникъ Н. Х. Бунге.“ Это исключительное завѣдываніе, какъ утверждаютъ, пройдетъ не безслѣдно по отношенію ко многихъ вопросамъ коимъ имѣетъ быть дано движеніе. Между прочимъ, въ послѣдніе дни, по сообщенію *Биржеваго Вѣстника*, стали много поговаривать что самый проектъ переустройства Министерства Финансовъ и учрежденія отдѣльнаго Министерства Торговли и Промышленности будетъ не только окончательно выработанъ, но и осуществленъ до возвращенія министра изъ предпринимаемой имъ поѣздки.

Такъ ли это будетъ на самомъ дѣлѣ, съ участіемъ или безъ участія министра финансовъ совершится преобразованіе подвѣдомаго ему управленія, но во всякомъ случаѣ не это преобразованіе составляетъ главный пунктъ той программы которая связывается съ именемъ г. Бунге. Первое мѣсто въ ней занимаетъ регулированіе системы денежнаго обращенія въ Россіи. Преимущественно въ рѣшеніи этой задачи должна выразиться дѣятельность новаго товарища министра финансовъ, и самое назначеніе его на этотъ постъ состоялось, какъ передаютъ въ газетахъ, вслѣдъ за представленіемъ имъ проекта именно по этому предмету.

Въ чемъ именно состоитъ этотъ проектъ, и чѣмъ отличается онъ отъ прежняго проекта бывшаго кіевскаго профессора—пока неизвѣстно. Но должно надѣяться что опубликованіе его во всеобщее свѣдѣніе не заставитъ себя ждать. Могли быть болѣе или менѣе уважительныя побужденія не давать полной гласности тому проекту который былъ составленъ г. Бунге два года тому назадъ. То была, говоря относительно, черновая работа, съ которою можно было познакомить тѣсный кругъ близкихъ людей, но съ которою, пожалуй, было не совсѣмъ удобно выходить предъ большую публику. Притомъ, то была работа имѣвшая преимущественно, если не исключительно, ученое значеніе, къ которой, какъ естественно было предполагать, могли отнестись съ должнымъ вниманіемъ лишь присяжные экономисты, а не публика мало заинтересованная въ преніяхъ имѣющихъ только академическій характеръ. Теперь иное дѣло. Брульйонъ превратился, какъ видно изъ газетныхъ сообщеній, въ „тщательно выработанный проектъ," и съ назначеніемъ его автора на нынѣшній постъ получилъ уже дѣловой характеръ. Такой проектъ представляетъ огромный интересъ уже не для однихъ ученыхъ экономистовъ, не для одного бюрократическаго міра, но для всей публики. Нѣтъ того класса, нѣтъ, можно сказать, того человѣка, на которомъ то или иное рѣшеніе затронутыхъ въ проектѣ вопросовъ не отзовется болѣе или менѣе чувствительно. И въ интересахъ дѣла требуется чтобъ отзывы тѣхъ кому придется выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть дѣла были выслушаны и, по возможности, приняты во вниманіе. Думать что со стороны публики въ дѣлѣ ся денежнаго интереса нельзя ожидать дѣльныхъ отзывовъ значило бы смотрѣть на нее уже черезчуръ пренебрежительно. Если даже допустить что въ средѣ публики нѣтъ людей которые были бы въ состояніи оцѣнить теоретическія основы проекта, во всякомъ случаѣ нельзя не признать что въ средѣ ея не мало людей способныхъ по крайней мѣрѣ взвѣсить практическія его послѣдствія по сколько они ихъ касаются. А указанія въ этомъ смыслѣ несомнѣнно должны имѣть большую важность для финансовой администраціи.

Пока проектъ не опубликованъ, всѣ свѣдѣнія о немъ ограничиваются краткимъ и неизвѣстно насколько вѣрнымъ извѣстіемъ *Биржеваго Вѣстника* что сущность его состоитъ въ преобразованіи Государственнаго Банка въ привилегированный акціонерный и въ возстановленіи постоянной денежной единицы изъятіемъ изъ обращенія, помощію металлическаго займа, 380 милліоновъ кредитныхъ билетовъ. Столь краткихъ свѣдѣній слишкомъ недостаточно чтобы судить о преимуществахъ задуманнаго плана возстановить размѣнъ предъ однородными финансовыми операціями и у насъ и за границей, которыя г. Бунге строго осуждалъ за ихъ безуспѣшность. Сами по себѣ, указанные два пункта не представляютъ никакой гарантіи успѣха. Изъявъ 380 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, мы вернемся къ тому размѣру бумажно-денежнаго обращенія какое было у насъ до послѣдней Восточной войны; но много ли подвинетъ насъ это въ дѣлѣ возстановленія металлическаго обращенія? Оно одинаково было невозможно какъ при нынѣшнихъ, такъ и при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Не обезпечиваетъ возстановленія размѣна и учрежденіе привилегированнаго акціонернаго банка взамѣнъ Государственнаго. Подобные банки, какъ свидѣтельствуетъ экономическая исторія разныхъ государствъ, отлично уживаются съ неразмѣнностью бумажныхъ денегъ, и бывали случаи что со стороны правительствъ требовалась особая энергическая настойчивость чтобы побудить привилегированные банки къ возстановленію размѣна когда открывалась полная къ тому возможность. Трудно допустить, поэтому, чтобы въ указанныхъ двухъ пунктахъ заключалась существенная сторона проекта имѣющаго повести къ упроченію нашей монетной единицы, тѣмъ труднѣе что авторъ его постоянно придавалъ особое значеніе именно такимъ мѣрамъ которыя подготовили бы въ странѣ возможность металлическаго обращенія. Эта возможность, сокращеніемъ итога обращающихся бумажныхъ денегъ на 380 милліоновъ рублей и учрежденіемъ привилегированнаго акціонернаго банка, нисколько не достигается. Какъ бы ни былъ великъ размѣнный фондъ проектируемаго акціонернаго банка, онъ, при томъ положеніи въ какомъ обычно находится нашъ международный разчетный балансъ, не замедлитъ быстро растаять. Этотъ балансъ требуетъ ежегодно огромныхъ приплатъ иностранцамъ золотомъ, и банкъ долженъ ожидать ежегоднаго представле-

нія къ размѣну билетовъ на сумму приблизительно равную этимъ приплатамъ. Сомнительно чтобъ этотъ отливъ золота изъ кладовыхъ банка могъ быть сдержанъ сокращеніемъ денежнаго обращенія. Такимъ сокращеніемъ можетъ быть создано безденежье на внутреннихъ рынкахъ, можетъ быть затруднено развитіе производительныхъ силъ страны, но имъ не устранится спросъ на золото не для внутреннихъ потребностей денежнаго обращенія, а для заграничныхъ платежей. Лишь ограничивъ ежегодный отливъ золота за границу, мы создадимъ условія которыя поставятъ непрерывный размѣнъ бумажныхъ денегъ на прочныя основанія и оградятъ отъ гибельнаго кризиса какъ экономическую жизнь страны, такъ и самый банкъ на который будетъ возложена обязанность размѣна. Забота о предотвращеніи подобнаго кризиса, полагаемъ, важнѣе заботы даже объ упроченіи монетной единицы. Общій денежный кризисъ отзовется на всей странѣ несравненно тяжеле тѣхъ неудобствъ къ какимъ ведетъ неразмѣнность бумажныхъ денегъ. Примѣръ Америки наглядно показалъ какъ мало эти неудобства могутъ препятствовать экономическимъ и финансовымъ успѣхамъ, при выгодномъ торговомъ балансѣ. Устранить невыгодность нашего нынѣшняго разчетнаго баланса, есть въ настоящее время главная задача русской національной политики. Только съ разрѣшеніемъ ея мы сдѣлаемъ серіозный шагъ къ выходу изъ той постоянно возрастающей экономической зависимости отъ иностранцевъ въ которой нынѣ находимся, и устранимъ помѣху къ упроченію нашего внутренняго денежнаго обращенія.

№ 195.

Москва, 15-го іюля.

Отвѣтъ Порты на коллективную ноту державъ послѣдовалъ, если вѣрно сообщеніе *Neue Freie Presse*, ранѣе нежели можно было ожидать на основаніи извѣстій которыя распространялись изъ Константинополя чрезъ посредство вѣнскихъ газетъ. Но содержаніе отвѣта, которое эти газеты также наперед излагали, подтвердилось судя по вчерашнимъ телеграммамъ изъ Константинополя. Порта отклоняетъ линію разграниченія предложенную Берлинскою конференціей и изъявляетъ готовность войти въ переговоры о регулированіи границы, причемъ за Турціей должны быть оставлены Янина, Мецово и Ларисса. На что же разчитываетъ Порта рѣшившись съ такою неустрашимостью бросить Европѣ этотъ вызовъ? О томъ чтобы турецкое контръ-предложеніе было принято во вниманіе и чтобы по этому поводу начались новые переговоры не можетъ быть и рѣчи, и на это едва ли сама Порта серіозно разчитываетъ, такъ какъ наперед было рѣшено не давать ни Турціи, ни Греціи права голоса въ этомъ вопросѣ. Стало-быть Порта рѣшилась на активное сопротивленіе? Но возможно ли допустить подобное предположеніе еслибъ ей въ самомъ дѣлѣ грозило принужденіе со стороны соединенной Европы? Константинопольскій корреспондентъ *Daily News* сообщаетъ, отъ 18 іюля, что Турція приступила къ военнымъ приготовленіямъ: нѣкоторыя военныя суда стали снаряжаться къ берегамъ Эпира и Ѳессаліи; для нихъ понадобилось 10.000 тонъ угля, но владѣльцы угольныхъ складовъ отказались поставить уголь въ кредитъ, а наличныхъ денегъ для расплаты съ ними нѣтъ. Гобартъ-паша, этотъ „знаменитый“ адмиралъ коимъ лордъ Биконсфильдъ снабдилъ Турцію во время войны и который, какъ нужно думать, чувствуетъ себя нынѣ не совсѣмъ хорошо съ паденіемъ своего лондонскаго принципала, отказался, по словамъ того же корреспондента, принять на себя командованіе флотомъ. Очевидно, замѣчаетъ *Daily News*, что при такихъ обстоятельствахъ было бы безуміемъ со стороны Порты помышлять серіозно о сопротивленіи, а она по старой своей привычкѣ возлагаетъ всѣ свои надежды на разрушеніе европейскаго согласія. Но неужели и этотъ разчетъ Порты безуменъ? Англійская газета старается доказать что Турція находится въ этомъ отношеніи въ великомъ заблужденіи. Члены Англійскаго кабинета со своей стороны также всячески стараются поддержать убѣжденіе въ томъ что европейскій концертъ продолжаетъ существовать, и что готовится какое-то дѣйствіе. Но въ чемъ будетъ заключаться это дѣйствіе и какихъ результатовъ отъ него можно ожидать, этого англійскіе министры все еще не высказываютъ. „Теперь еще нельзя сказать какія мѣры приметъ Англія,“ заявилъ г. Дилкъ третьяго дня въ засѣда-

ніи парламента, „но во всякомъ случаѣ она будетъ дѣйствовать въ согласіи съ прочими державами.“ А г. Гладстонъ въ томъ же засѣданіи къ этому добавилъ что „безъ европейскаго конперта ничего нельзя сдѣлать. Все что было достигнуто хорошаго на Востокѣ совершилось лишь посредствомъ европейскаго концерта.“ Очень жаль что г. Гладстонъ не указалъ точнѣе того „хорошаго“ что было достигнуто на Востокѣ посредствомъ концерта, ни того когда этотъ концертъ существовалъ. Но Турки повидимому совсѣмъ иного мнѣнія: имъ слишкомъ еще памятна послѣдняя война, которую ужь никакъ нельзя признавать результатомъ европейскаго концерта, и благодаря которой кое-что достигнуто на Востокѣ вопреки концерту лишь урѣзавшему огромную долю того что пріобрѣтено было этою войной. Турки едва ли признаютъ „хорошимъ“ то что достигнуто войной. Но г. Гладстонъ долженъ бы согласиться что и Берлинская конференція, удовлетворившая (пока только на бумагѣ) притязанія Греціи, была прямымъ послѣдствіемъ все той же войны, такъ какъ эти притязанія Грековъ существуютъ не со вчерашняго дня, а ровно пятьдесятъ лѣтъ, то-есть съ тѣхъ поръ какъ соединенная Европа возвратила во власть Турокъ тѣ самыя провинціи кои нынѣ предполагается отдать обратно Грекамъ. До послѣдней войны никто офиціально не поднималъ греческаго вопроса, и не въ обиду будь сказано г. Гладстону, Турки лучше его знаютъ въ чемъ кроется для нихъ истинная опасность и что ограждаетъ ихъ въ безсильномъ сопротивленіи историческому ходу вещей. Тотъ же указанный выше корреспондентъ лондонской газеты даетъ указаніе на чемъ именно основаны теперешніе разчеты Турокъ, и мы думаемъ что именно здѣсь кроется весь узелъ теперешняго положенія. Турки, по словамъ корреспондента, не столько опасаются Греціи сколько Болгаріи; они чувствуютъ что будетъ невозможно надолго удержать Болгаръ отъ стремленія разрушить искусственное созданіе Берлинскаго конгресса отнявшаго у нихъ то что пріобрѣтено ихъ кровью. Коль скоро Греки получатъ свое, возможно ли будетъ воспретить Болгарамъ попытку внезь пріобрѣсти оторванную у нихъ лучшую часть ихъ страны? Но тутъ-то и кроется зародышъ европейскихъ разногласій и замѣшательствъ, а они и служатъ для Турціи лучшею опорой. *Daily News* полагаетъ что Порта ошибается и въ этомъ. По мнѣнію этой газеты и ея константинопольскаго корреспондента, политическая комбинація созданная лордомъ Беконсфильдомъ настолько измѣнилась что нынѣ никто не воспротивится возсоединенію Восточной Румеліи съ Болгаріей. Вообще названная газета высказывается въ тонѣ который могъ бы быть весьма утѣшительнымъ, еслибы допустить что онъ въ самомъ дѣлѣ замѣнилъ собою теорію послѣдствіемъ которой былъ Берлинскій трактатъ. „Было бы нелѣпо поддерживать то мнѣніе,“ замѣчаетъ *Daily News*, „что расширеніе Греціи не только не ослабитъ, а скорѣе укрѣпитъ Турцію. Турецкое владычество въ Европѣ есть аномалія; оно стало въ послѣднее время крайне вредною аномаліей, и дни его сочтены. Безумное сопротивленіе лишь ускоритъ конецъ, который долженъ наступить очень скоро.“

Турки же, напротивъ, думаютъ что сопротивляясь велѣніямъ Европы относительно Греціи и доведя такъ или иначе дѣло до вооруженнаго столкновенія, они создадутъ и для Болгаръ поводъ къ національному движенію, а имъ только этого и нужно. Ибо коль скоро выдвинется вопросъ о возсоединеніи Болгаріи, между европейскими державами немедленно возникнетъ глубокая рознь, ибо Австрія уже теперь формально протестуетъ противъ возсоединенія Болгаріи и стало-быть приметъ сторону Турціи, когда послѣдняя заявитъ о своемъ намѣреніи обезпечить себя со стороны Болгаръ чрезъ занятіе линіи Балканъ своими войсками, на что ей въ извѣстныхъ случаяхъ предоставлено право по Берлинскому трактату. Къ такому маневру Турки, судя по многому, очевидно готовятся съ большею поспѣшностью нежели къ отпору противъ Грековъ, и еслибы даже Болгары сумѣли побороть въ себѣ столь естественное стремленіе къ уничтоженію преграды разъединяющей ихъ родную страну и не подумали воспользоваться для этого ожидаемымъ благопріятнымъ моментомъ, то едва ли будетъ возможно удержать Болгаръ Восточной Румеліи отъ отчаяннаго сопротивленія противъ вторженія турецкихъ войскъ, а ихъ за-балканскихъ братьевъ отъ порыва придти имъ на помощь. Австрія „ни за что не допуститъ“ какого-либо движенія Болгаръ и въ случаѣ надобности не отступитъ и отъ

употребленія для этого своихъ военныхъ силъ, какъ неоднократно заявляли австро-нѣмецкіе органы печати. А въ то же время австрійскія военныя суда будутъ участвовать въ совокупной демонстраціи европейской соединенной эскадры направленной противъ Турціи. Неужели это возможно? Такъ какъ нельзя допустить подобное предположеніе, а въ то же время нельзя исключить возможности національнаго движенія въ Болгаріи, то уже изъ этого ясно что готовящееся совокупное дѣйствіе противъ Турціи, о коемъ продолжаютъ заявлять англійскіе министры, не опредѣляя точнѣе въ чемъ это дѣйствіе должно заключаться, будетъ чѣмъ-то крайне искусственнымъ и фальшивымъ. Дѣйствіе это либо не будетъ единодушнымъ, либо не будетъ дѣйствіемъ.

Турецкая дипломатія отлично понимаетъ эту дилемму, а потому и неудивительно что она не смущается ни пустотой своей казны, ни неимѣніемъ угля для своихъ судовъ, ни отказомъ самого Гобартъ-паши, и дѣлаетъ видъ что готовится дать отпоръ морской демонстраціи. Весьма быть можетъ что ничего и ненужно для того чтобъ успѣшно отразить подобную „демонстрацію.“ Турки очень хорошо знаютъ по опыту чѣмъ кончаются европейскіе концерты и нельзя удивляться что они не пугаются онаго и теперь.

№ 196.

Москва, 16-го іюля.

Судя по приходящимъ съ разныхъ сторонъ извѣстіямъ, трудно ожидать чтобы результаты жатвы въ текущемъ году оказались особенно благопріятными. Нѣтъ, правда, серіозныхъ поводовъ опасаться общаго народнаго бѣдствія отъ недорода хлѣба, но очень сомнительно чтобъ отъ урожая нынѣшняго года, за удовлетвореніемъ потребностей народнаго продовольствія, остался такой излишекъ хлѣба, при которомъ былъ бы возможенъ вывозъ его за границу въ размѣрахъ послѣднихъ лѣтъ. Предвидится значительное сокращеніе хлѣбнаго отпуска. Это сокращеніе уже начинаетъ обозначаться. Высчитываютъ что въ истекшемъ полугодіи, по 1 іюля, вывезено хлѣба на два, если не на три, милліона четвертей менѣе чѣмъ въ первую половину прошлаго года, отличавшуюся, какъ извѣстно, затишьемъ въ нашей отпускной торговлѣ хлѣбомъ. Послѣдовавшее за этимъ затишьемъ необычайное оживленіе въ остальные мѣсяцы повело къ тому что прошлогодній отпускъ хлѣба почти сравнялся съ отпускомъ 1878 года. Но подобнаго оживленія въ наступающей второй половинѣ текущаго года трудно ожидать. Недочетъ въ хлѣбномъ отпускѣ, по всей вѣроятности, будетъ расти изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и выразится къ концу года крупною цифрой.

Этотъ предвидимый недочетъ есть обстоятельство очень серіозное. Онъ тѣмъ важнѣе что мало надежды на возмѣщеніе его усиленіемъ оборотовъ по другимъ статьямъ отпуска. Между тѣмъ, привозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ все растетъ. Обычная невыгодность нашего торговаго баланса увеличивается такимъ образомъ съ обоихъ концовъ, и со стороны привоза, и со стороны отпуска. Хроническій недугъ нашего экономическаго быта принимаетъ такимъ образомъ острый характеръ.

Мы имѣли недавно случай замѣтить что опасность грозящая странѣ отъ невыгоднаго торговаго баланса начинаетъ входить въ общее сознаніе. Но многими эта опасность пока еще отрицается. Для многихъ еще имѣетъ значеніе ссылка на примѣръ Англіи, которая нисколько до не теряетъ и не бѣдѣетъ отъ постояннаго перевѣса привоза надъ отпускомъ, и нисколько на этотъ перевѣсъ не сѣтуетъ. Это до извѣстной степени вѣрно, хотя едва ли гдѣ съ бо́льшимъ вниманіемъ чѣмъ въ Англіи слѣдятъ за колебаніями въ торговомъ балансѣ, и хотя во время послѣдняго кризиса тамъ слышалось не мало жалобъ на временно усилившійся, сверхъ обычной мѣры, наклонъ торговаго баланса въ сторону привоза. Но примѣръ Англіи и другихъ странъ находящихся въ сходномъ съ нею положеніи нисколько къ намъ не примѣнимъ. Торговый балансъ имѣетъ большую важность не столько самъ по себѣ, сколько въ видѣ составной части международнаго разчетнаго баланса. Въ этотъ послѣдній, кромѣ платежей и полученій за товары, входятъ уплаты и полученія процентовъ по долгамъ, издержки путешественниковъ, расходы правительствъ производимые внѣ государственной территоріи, капиталы прибывающіе и убывающіе при эмиграціяхъ и т. п. Страна ничего не теряетъ, если невыгоды по нѣкоторымъ изъ со-

ставныхъ частей разчетнаго баланса возмѣщаются выгодами по другимъ частямъ. Въ такомъ именно положеніи находится Англія. Ея привозъ болѣе отпуска; путешествующіе по чужимъ странамъ Англичане тратятъ большія суммы. Но это не портитъ ея международнаго разчетнаго баланса; онъ все-таки обращается къ ея выгодѣ. Англія всесвѣтный кредиторъ: трудно было бы опредѣлить даже приблизительно ту огромную массу долговыхъ обязательствъ, по которымъ Англичане ежегодно получаютъ проценты чуть не со всѣхъ концовъ міра; кромѣ того, въ Англію же стекаются доходы съ принадлежащей Англичанамъ, внѣ территоріи Соединеннаго Королевства, громадной разнаго рода собственности. Масса этихъ ежегодныхъ процентовъ и доходовъ съ лихвой покрываетъ и всѣ недочеты торговаго баланса, и всѣ расходы англійскихъ путешественниковъ, и всѣ убытки какіе причиняютъ Англіи эмигранты переносящіе въ другія страны свои капиталы. Излишекъ привоза идетъ въ счетъ процентовъ и никакихъ платежей за собою не влечетъ. Этого излишка привоза даже недостаточно для уплаты всей суммы процентовъ, и недостаточность этого излишка для полной расплаты другихъ странъ съ Англичанами восполняется почти не прекращающимся притокомъ въ Англію бумажныхъ цѣнностей составляющихъ долговыя обязательства разныхъ народовъ.

Въ такомъ ли положеніи находимся мы? Есть ли въ ряду составныхъ частей нашего разчетнаго баланса хоть одна которая мало-мальски была бы намъ выгодна? Ни по одной изъ этихъ частей Россіи ничего не приходится получать изъ-за границы, а по всѣмъ приходится уплачивать. Мы не кредиторы, а должники и притомъ должники живущіе выше средствъ, небрегущіе собственнымъ хозяйствомъ, и потому ежегодно выдающіе на себя новыя долговыя обязательства, и этими же новыми долговыми обязательствами уплачивающіе и проценты по прежнимъ. При такихъ обстоятельствахъ, позволительно ли смотрѣть у насъ равнодушно на перевѣсъ привоза надъ отпускомъ? И не очевидно ли что задача національной экономической политики должна состоять именно въ томъ чтобы достигнуть обратнаго перевѣса отпуска надъ привозомъ, такого перевѣса который вознаграждалъ бы труднѣе устранимыя невыгоды другихъ составныхъ частей разчетнаго баланса?

Дорого платится Россія за тѣ космополитическія теоріи которыми, вмѣсто національной политики, управляются ея экономическіе обороты. Въ чемъ, если не въ этихъ доктринахъ главная причина нашего разорительнаго для страны разчетнаго баланса? Не въ угоду ли этимъ теоріямъ состоялись тѣ измѣненія въ нашемъ таможенномъ тарифѣ которыя довели привозъ иностранныхъ товаровъ до его нынѣшнихъ размѣровъ? Не этимъ ли же самымъ теоріямъ обязаны мы и тѣмъ печальнымъ обстоятельствомъ что въ рукахъ иностранцевъ скопилась и все продолжаетъ расти огромная масса русскихъ долговыхъ обязательствъ, по которымъ такъ трудно расплачиваться? Тяжелыя обстоятельства побуждаютъ наконецъ взглянуть на нашъ торговый балансъ съ точки зрѣнія не космополитическихъ ученій, а русскихъ національныхъ интересовъ. Расплата за привозные товары становится все труднѣе, все обременительнѣе для страны. Хроническая неправильность нашихъ разчетныхъ балансовъ давно сдѣлала иностранцевъ господами на нашихъ вексельныхъ и фондовыхъ рынкахъ. Они опредѣляютъ курсъ по какому должны считаться ихъ франки, пенсы и марки при расплатахъ за наши товары; они же опредѣляютъ курсъ нашего рубля при расплатѣ за ихъ товары. При такихъ курсовыхъ разчетахъ, дѣйствительная выручка за русскій товаръ можетъ оказаться ниже цѣны за какую онъ проданъ, а дѣйствительный платежъ за иностранный товаръ, наоборотъ, выше цѣны за какую онъ купленъ. Недостатокъ ежегоднаго отпуска для ежегодной расплаты съ иностранцами долженъ быть чѣмъ-нибудь возмѣщенъ. Что не заплачено товаромъ, должно заплатить государственными и частными долговыми обязательствами, фондами, акціями и облигаціями, какія иностранцы согласятся принять и по цѣнѣ для нихъ, а не для насъ выгодной.

Всѣ невыгоды этой тяжелой экономической зависимости отъ иностранцевъ не замедлятъ обозначиться сильнѣе чѣмъ обычно при предполагаемомъ крупномъ сокращеніи хлѣбнаго отпуска. Не побудитъ ли хоть это грустное обстоятельство сдѣлать наконецъ рѣшительный шагъ въ направленіи требуемомъ національными интересами?

№ 197.

Москва, 17-го іюля.

Трагическая смерть Ольги Николаевны Скобелевой, поразившая ужасомъ Болгаръ Филиппополя, какъ извѣщала первая полученная о Чирпанской катастрофѣ телеграмма, произвела на русскихъ людей тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе что общественное мнѣніе очевидно не можетъ согласить обстоятельствъ дѣла съ личностью убійцы, которымъ выставляютъ бывшаго офицера русской службы и героя прошлой войны Узатиса, кругомъ облагодѣтельствованнаго сыномъ покойной, рекомендовавшимъ его матери какъ надежнаго проводника въ ея благотворительныхъ поѣздкахъ по краю гдѣ еще далеко не улеглись политическія страсти, гдѣ идетъ ожесточенная борьба между національностями, гдѣ безопасность даже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ главнаго города вовсе не гарантирована.

Трудно понять чтобы генералъ Скобелевъ рекомендовалъ своей матери проводникомъ и хранителемъ человѣка котораго не зналъ и въ надежности котораго не былъ вполнѣ увѣренъ. Дѣйствительно, М. Д. Скобелевъ давно зналъ Узатиса. Онъ принялъ его охотникомъ въ свою дивизію и выдвинулъ какъ замѣчательнаго по своей храбрости офицера. По ходатайству генерала Скобелева, Узатисъ былъ зачисленъ подпоручикомъ, получилъ золотую саблю и Георгіевскій крестъ. Близкій къ ген. Скобелеву человѣкъ, недавно убитый докторъ Студитскій называлъ Узатиса „рыцаремъ безъ страха и упрека.“

А между тѣмъ говорятъ, какъ сообщаетъ нашъ петербургскій корреспондентъ, что генералу Скобелеву извѣстны были факты не въ пользу Узатиса. Разказываютъ, напримѣръ, что будучи во время похода домашнимъ казначеемъ генерала Узатисъ не оправдалъ его довѣрія. Но къ тому ли лицу относится этотъ фактъ: могъ ли быть домашнимъ казначеемъ у Скобелева строевой офицеръ Углицкаго полка, поступившій потомъ въ румелійскую милицію, или это было другое лицо оставлявшее въ Нижнемъ-Новгородѣ карточки съ помѣткой: „attaché au général Scobelef 2?“ Говорятъ также будто Узатисъ хлопоталъ попасть въ Ахалъ-Текинскій отрядъ которымъ командуетъ теперь Скобелевъ, но будто генералъ отдѣлался отъ этого ходатайства такимъ представленіемъ на которое послѣдовалъ рѣшительный отказъ со стороны Главнаго Штаба, что будто бы и вызвало месть удовлетворившую себя въ Чирпанскомъ злодѣйствѣ. Но убійство Ольги Николаевны Скобелевой, совершено не изъ мести: она ограблена. Сверхъ того, пока еще неизвѣстно который изъ трехъ братьевъ Узатисъ просился въ Текинскую экспедицію. Трудно думать что это былъ Узатисъ находившійся въ Румелійской службѣ. Въ этомъ случаѣ отказъ Главнаго Штаба становится совершенно непонятнымъ; его нечѣмъ было бы даже мотивировать. За удовлетвореніе ходатайства генерала Скобелева было все: и его право какъ командира выбирать лицъ своего штаба, и боевыя заслуги Узатиса, какъ видно, всѣмъ хорошо извѣстныя въ Петербургѣ. Служба въ Румеліи не могла представить препятствій: онъ поступилъ въ нее безъ согласія правительства и конечно не безъ отдѣльной рекомендаціи своего начальства. Другое дѣло отказать въ просьбѣ за какого-нибудь attaché или за Узатиса, хотя и участвовавшаго въ дѣлахъ, „но непроизведеннаго въ офицеры.“

Не менѣе темными и загадочными представляются и самыя подробности объ убійствѣ, о его открытіи и о поимкѣ убійцъ. Г-жа Скобелева, какъ гласятъ извѣстія идущія пока не офиціальнымъ путемъ изъ Константинополя и Филиппополя, отправилась въ Чирпанъ въ сопровожденіи состоявшаго при ней Иванова, горничной и кучера. На дорогѣ, когда уже стемнѣло, совершено преступленіе. По однимъ извѣстіямъ, на экипажъ неожиданно напалъ Узатисъ съ тремя (или четырьмя) какими-то личностями, тогда какъ по другимъ Узатисъ сопровождалъ Ольгу Николаевну изъ Филиппополя. На Иванова, кучера, и горничную бросились трое неизвѣстныхъ; Узатисъ выбралъ на свою долю нанести ударъ самой Ольгѣ Николаевнѣ. Все удается, но Ивановъ тяжело раненый, успѣваетъ ускользнуть отъ убійцъ и добраться до Филиппополя, откуда немедленно бросилась за злодѣями конная погоня, успѣвшая „при помощи разспросовъ и знанія мѣстности“ настигнуть злодѣевъ около Демен-Дере. Настигнутый Узатисъ рѣшается на самоубійство и тяжело ранитъ себя. Сообщники захвачены невредимыми: это были не то

Черногорцы (какъ могли очутиться тутъ Черногорцы?), не то Хорваты, не то Болгары. Однако въ преступленіи они не сознались. Уликою служитъ де только показаніе Иванова, а живъ ли еще Ивановъ, неизвѣстно.

Убійство совершено 6 іюля, въ половинѣ десятаго (по другимъ одиннадцатаго) часа вечеромъ; седьмаго числа въ Константинополѣ уже знали всѣ подробности сопровождавшія убійство. Выходитъ что тяжело раненый Ивановъ добрался до Филиппополя въ ту же ночь, пройдя по крайней мѣрѣ десятокъ верстъ и, надо полагать, очень быстро, если его не настигли погнавшіеся за нимъ убійцы. Странно и то что г-жа Скобелева, отправляясь съ деньгами и запасомъ медикаментовъ, выбрала для этой поѣздки поздній вечерній часъ въ странѣ гдѣ не водворилось спокойствіе и гдѣ необходимы провожатые.

Любопытенъ самый разчетъ числа убійцъ. На каждую жертву назначено какъ разъ по одному. Странно только, какимъ образомъ въ такомъ случаѣ могъ ускользнуть Ивановъ, тѣмъ болѣе что при неожиданности нападенія вооруженныхъ на безоружныхъ, да еще женщинъ, сопротивленіе жертвъ не могло быть продолжительно, и убійца бросившійся на Иванова, встрѣтивъ со стороны послѣдняго сопротивленіе, могъ получить скорую помощь своихъ сообщниковъ.

Весь разказъ такъ не правдоподобенъ что ему не вѣрятъ за границей и приписываютъ убійству политическій характеръ. Говорятъ, между прочимъ и польскія газеты, что покойная прибыла въ Румелію вовсе не съ благотворительными цѣлями, а чтобы руководить русскими эмиссарами будто бы наполняющими Румелію и возбуждающими населеніе къ возстанію въ пользу сліянія съ Болгаріей. Естественно желаніе отдѣлаться отъ самого вліятельнаго, а потому и самого опаснаго изъ этихъ эмиссаровъ. Убійство имѣющее видъ ограбленія могло представляться весьма удобнымъ для этого средствомъ, не возбуждающимъ лишнихъ толковъ и подозрѣній.

Какъ знать, можетъ-быть въ этихъ догадкахъ и есть если не вся, то хоть нѣкоторая доля правды. Кто снималъ показаніе съ Иванова, кто допрашивалъ Узатиса, къ какой дѣйствительно націи принадлежатъ сообщники, гдѣ, какимъ образомъ и у кого найдены нѣкоторыя вещи покойной, отчего не найдены остальныя, не отысканы деньги? Все это остается неизвѣстнымъ, объ этомъ даже не говорятъ, какъ будто весь интересъ дѣла сосредоточивается на личности Узатиса выставленнаго главнымъ виновникомъ преступленія и теперь уже не находящагося въ живыхъ. О слѣдствіи по дѣлу извѣстно пока, и то частнымъ путемъ, что нѣсколько друзей Узатиса и его родной братъ „также служившій у Скобелева и непроизведенный въ офицеры за какое-то дѣло“ арестованы и подвергнуты допросу. Но что же обнаружилъ этотъ допросъ? И что можетъ открыть слѣдователь въ дѣлѣ, когда не станетъ, а можетъ быть уже и не стало единственнаго свидѣтеля Иванова, который хотя былъ еще живъ 8 іюля, но находился уже въ безнадежномъ состояніи.

Будемъ ждать дальнѣйшихъ подробностей чтобы выйти изъ лабиринта догадокъ...

№ 198.

Москва, 18-го Іюля.

Извѣстное дѣло г. Булюбаша, предсѣдателя земской управы въ Кременчугѣ, разбиралось 10 іюля во 2-мъ отдѣленіи уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената. Несмотря на вѣскія заключенія товарища оберъ-прокурора г. де-Росси, Сенатъ оставилъ жалобу г. Булюбаша безъ послѣдствій и утвердилъ приговоръ Кременчугскаго мироваго съѣзда, постановившаго, согласно приговору мироваго судьи у котораго первоначально разбиралось дѣло, подвергнуть г. Булюбаша аресту на шесть недѣль за клевету. Итакъ, къ поношеніямъ какимъ подвергся г. Булюбашъ въ газетахъ окончательно присоединяется и кара судебная. Нѣсколько странно что газеты не ликуютъ нынѣ по случаю такого удовлетворенія ихъ ожиданій; даже немногія напечатали судебный отчетъ о кассаціонномъ приговорѣ, заслуживающемъ между тѣмъ полнаго вниманія. Кассаціонныя рѣшенія имѣютъ неоспоримую важность. Это уроки, разъясненія, указанія высшей судебной интстанціи, охраняющей точное приложеніе закона и разъясняющей его смыслъ въ случаяхъ возбуждающихъ недоразумѣнія. Каждое рѣшеніе ея не есть только частный случай, но и общее руководительное для судей указаніе. Сборникъ кассаці-

онныхъ рѣшеній есть настольная книга каждаго юриста. Гдѣ же было бы искать справедливости, безпристрастія, юридической мудрости, знанія и пониманія законовъ, еслибъ ихъ не оказалось въ Сенатѣ, высшемъ судебномъ трибуналѣ? Чего можно было бы ожидать еслибы правосудіе оказалось орудіемъ партій?

Изъ появившихся въ газетахъ краткихъ судебныхъ отчетовъ о дѣлѣ г. Булюбаша въ Кассаціонномъ Департаментѣ можно ознакомиться съ доводами товарища оберъ-прокурора предлагавшаго кассировать рѣшеніе Кременчугскаго съѣзда, но труднѣе составить себѣ понятіе о соображеніяхъ почему присутствіе Сената не согласилось съ доводами оберъ-прокурора. Между тѣмъ доводы эти имѣютъ несомнѣнный вѣсъ. Г. Булюбашъ обвинялся въ клеветѣ за то что заподозривъ нѣкоторыхъ лицъ находившихся въ Кременчугѣ подъ надзоромъ полиціи въ наклейкѣ прокламацій сообщилъ о своемъ подозрѣніи властямъ и не дѣлая изъ того тайны упомянулъ о немъ въ частномъ разговорѣ. „Но коль скоро Булюбашъ, замѣчаетъ товарищъ оберъ-прокурора, сдѣлалъ доносъ о преступномъ дѣяніи этихъ лицъ той власти которая могла возбудить противъ нихъ преслѣдованіе, то онъ уже не былъ обязанъ хранить свой доносъ въ тайнѣ, ибо не существуетъ такого закона который бы обязывалъ доносчика хранить въ тайнѣ обстоятельства сдѣланнаго имъ доноса и не разглашать ихъ.... Точно также если человѣкъ обвиняетъ кого-нибудь въ кражѣ и станетъ говорить другимъ что имъ возбуждено противъ такого-то лица обвиненіе въ кражѣ, то онъ не можетъ быть признанъ виновнымъ въ клеветѣ, такъ-какъ законъ не обязываетъ лицъ сдѣлавшихъ власти то или другое заявленіе и принявшихъ на себя отвѣтственность за такое заявленіе, хранить это въ тайнѣ... Еслибы признать приговоръ съѣзда правильнымъ, пришлось бы признавать что одно и то же сообщеніе можетъ считаться правдоподобнымъ въ качествѣ доноса и ложнымъ въ качествѣ клеветы, что очевидно было бы несправедливо и даже нелѣпо."

Трудно не признать правильности такой постановки дѣла, и чего бы не возводили на г. Булюбаша, въ разбиравшемся на судѣ дѣяніи его *нѣтъ признаковъ клеветы*, хотя онъ съѣздомъ и обвиненъ въ клеветѣ. Присутствіе Сената, въ резолюціи своей, какъ она появилась въ печати, не касается этого важнаго пункта, признавая его повидимому относящимся къ существу дѣла и въ этомъ качествѣ не подлежащимъ разсмотрѣнію. Резолюція гласитъ только „что къ *фактѣ виновности признанному съѣздомъ* 196 ст. Уст. о Нак. примѣнена правильно." Но виновности въ чемъ? Въ дѣяніи которое не было совершено. Развѣ не подлежитъ кассаціи приговоръ по дѣлу неправильно привлеченному къ суду?

Не менѣе важна, особенно какъ прецедентъ, резолюція Сената и по пункту касающемуся нарушенія Кременчугскимъ мировымъ съѣздомъ требуемыхъ закономъ формъ. Г. Булюбашъ указалъ что въ постановленіи приговора участвовалъ почетный мировой судья Цимбалистовъ, который былъ не только не въ форменной одеждѣ, но и безъ установленнаго для судей знака, и притомъ сидѣлъ не за судейскимъ столомъ, а сзади, во второмъ ряду. „По закону, указываетъ товарищъ оберъ-прокурора, судьи разрѣшающіе дѣло должны быть въ форменной одеждѣ и имѣть установленный знакъ, и несоблюденіе этого правила должно влечь за собою отмѣну приговора. Въ данномъ случаѣ, допущенное съѣздомъ нарушеніе этого закона не можетъ быть признано несущественнымъ, такъ какъ при этомъ нарушеніи закона есть такія особенности которыя придаютъ ему весьма серіозный характеръ. Дѣло въ томъ что въ засѣданіи съѣзда въ которомъ слушалось дѣло Булюбаша участвовало 10 судей. Слѣдовательно, почетный мировой судья Цимбалистовъ зналъ что въ его присутствіи нѣтъ надобности, такъ какъ составъ съѣзда превышалъ узаконенный комплектъ. Тѣмъ не менѣе Цимбалистовъ, не смотря на то что онъ былъ не въ форменной одеждѣ принялъ участіе въ разсмотрѣніи дѣла Булюбаша. Притомъ же настоящее дѣло было разрѣшено съѣздомъ по большинству голосовъ, а именно 5 голосовъ были за обвиненіе и 5 за оправданіе, и только голосъ предсѣдавшаго далъ перевѣсъ мнѣнію высказанному не въ пользу подсудимаго. Между тѣмъ, въ числѣ судей подавшихъ голосъ не въ пользу подсудимаго былъ и почетный мировой судья Цимбалистовъ. Слѣдовательно, участіе его въ настоящемъ дѣлѣ имѣло громадное значеніе, такъ какъ еслибъ его голосъ отстранить, то Булюбашъ былъ

бы оправдать, а въ данномъ случаѣ его голосъ послужилъ къ обвиненію Булюбаша." Это обстоятельство въ свою очередь не принято Сенатомъ въ уваженіе на томъ де основаніи что „изъ рапорта мироваго съѣзда и подлиннаго дѣлопроизводства усматривается что мировой судья Цимбалистовъ во все время разсмотрѣнія настоящаго дѣла находился въ составѣ присутствія съѣзда, и одно то обстоятельство что на немъ не было присвоеннаго должности мироваго судьи знака само по себѣ еще не можетъ лишать постановленный при участіи его, Цимбалистова, приговоръ мироваго съѣзда силы законнаго рѣшенія."

Прямое указаніе закона чтобы судья рѣшающій дѣло имѣлъ на себѣ знакъ своего званія было несомнѣнно нарушено. Г. Цимбалистовъ не имѣлъ на себѣ знака. Этого не отрицаетъ и съѣздъ въ своемъ оправдательномъ рапортѣ Сенату. Только съѣздъ утверждаетъ что г. Цимбалистовъ „находился въ составѣ присутствія съѣзда." Это отвергаетъ г. Булюбашъ, утверждающій что г. Цимбалистовъ не былъ въ составѣ присутствія и сидѣлъ сзади судей какъ зритель. При такихъ условіяхъ, то обстоятельство былъ или не былъ знакъ на г. Цимбалистовѣ перестаетъ быть простою формальностію. Г. Булюбашъ въ полномъ правѣ указывать на отсутствіе этого знака, при помѣщеніи къ тому же сзади судей, какъ на безспорное доказательство того что г. Цимбалистовъ не принадлежалъ къ составу присутствія. Еслибъ изъ числа судящихъ присяжныхъ выбыли по какимъ-либо причинамъ во время судоговоренія трое, и двое были замѣнены по закону запасными, а на мѣсто третьяго судья пригласилъ бы находившагося въ залѣ съ начала дѣла присяжнаго той же очереди, только не попавшаго по жребію въ число судящихъ,—то развѣ такой составъ присяжныхъ не послужилъ бы самымъ неопровержимымъ поводомъ къ кассаціи, хотя бы даже присоединеніе этого третьяго не имѣло ровно никакихъ послѣдствій? Съѣздъ въ рапортѣ указываетъ что въ засѣданіе явилось десять судей, а знаковъ имѣлось только девять и онъ разрѣшилъ г. Цимбалистову засѣдать безъ знака. Но было ли это занесено въ протоколъ? Если не было,—а такъ слѣдуетъ заключить изъ отчета,—то объясненіе съѣзда теряетъ свою силу. Судебныя формальности служатъ гарантіями. Ихъ нарушеніе, хотя бы малое, можетъ быть допускаемо лишь съ величайшею осмотрительностію и только въ тѣхъ случаяхъ не быть поводомъ къ кассаціи когда очевидно что нарушеніе не сопровождалось никакими послѣдствіями и выставляется подающимъ кассаціонную жалобу не въ тѣхъ видахъ чтобы получить правосудіе, а чтобъ его обойти. Такъ ли въ настоящемъ дѣлѣ? Каждый обвиняемый въ правѣ требовать суда *по закону* въ точномъ его примѣненіи. Получилъ ли его г. Булюбашъ въ Кременчугскомъ мировомъ съѣздѣ? Получилъ ли онъ его въ Сенатѣ?

Случай съ предсѣдателемъ Кременчугской земской управы, какъ бы ни казался мелкимъ, имѣетъ не малое значеніе какъ одинъ изъ характеристическихъ признаковъ положенія, и заслуживаетъ серіознаго вниманія...

Говорятъ будто пребывающіе за границей вожаки нашей революціи теперь чѣмъ-то недовольны. Полно, такъ ли? Не хитрятъ ли они? Чего же имъ нужно? Есть, напротивъ, основаніе полагать что эти почтенные мужи сдадутся или уже сдались на перемиріе... Только надолго ли?...

№ 199.

Москва, 19-го іюля.

Демонстрація флотовъ, какъ понудительная противъ Порты мѣра по Греческому и Черногорскому вопросамъ, есть дѣло рѣшенное. Не нынѣче, завтра грозная армада изъ 12—15 броненосцевъ, поставленная всѣми державами подъ команду англійскаго адмирала Сеймура, появится сначала въ Адріатическомъ морѣ, затѣмъ въ Эгейскомъ, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ даже въ Мраморномъ морѣ, предъ самымъ Константинополемъ, и... горе безумнымъ Туркамъ, не понимающимъ въ какомъ-то роковомъ ослѣпленіи что они готовятъ себѣ гибель собственными руками! Такъ выставляется дѣло съ официальной точки зрѣнія, и почти буквально такъ высказываются официозныя соболѣзнованія о печальной участи предстоящей Турецкому правительству. Но эти элегіи звучатъ исключительно на официозныхъ лирахъ. Совсѣмъ иное высказываютъ тѣ органы европейской печати, преимущественно нѣмецкой, которые не имѣютъ надобности поддѣлываться подъ уныло-торжественный тонъ правительствен-

ныхъ сообщеній, но за то гораздо вѣрнѣе отражаютъ дѣйствительное настроеніе. Здѣсь контрастъ поразительный, и никогда еще такъ явно не выступали наружу двоедушіе и фальшь дипломатической игры именуемой „Восточнымъ вопросомъ." Поразительно лишь то съ какою ироническою откровенностью напередъ разоблачается эта игра, какъ бы нарочно для того чтобы никто не былъ введенъ въ заблужденіе и не пугался. И менѣе всѣхъ обмануты и испуганы Турки! Самыя извѣстія, съ „достовѣрностью" сообщающія о готовящейся демонстраціи, идутъ преимущественно изъ Константинополя, точно рѣшеніе это принято „по зрѣломъ обсужденіи" въ большомъ совѣтѣ султана. И рядомъ съ этими извѣстіями, оттуда же сообщается о военныхъ приготовленіяхъ, но не съ цѣлью отпора возможному нападенію съ моря, не для войны съ Греціей или Черногоріей, а... противъ Болгаріи. Да и какая надобность Туркамъ готовиться къ защитѣ противъ броненосцевъ когда имъ со всѣхъ сторонъ внушаютъ что демонстрація будетъ „только демонстраціей" и ничѣмъ больше. Австрія торопится вооружить свои броненосцы долженствующіе присоединиться къ общей эскадрѣ; но она, при поддержкѣ Германіи, поставила непремѣннымъ условіемъ чтобы съ броненосцевъ не было высажено никакого войска на берегъ, а также чтобы броненосцы отнюдь не стрѣляли по какому-либо пункту турецкаго побережья. Не угодно ли разобрать послѣ этого, что такое означаетъ „морская демонстрація соединенной эскадры европейскихъ державъ?" Берлинская *Національная Газета* замѣчаетъ что эта демонстрація будетъ скорѣе похожа на военный парадъ или, еще вѣрнѣе, назначеніе ея въ томъ „чтобы наблюдать другъ за другомъ." Мы думаемъ что послѣднее есть дѣйствительно самое вѣроятное истолкованіе. И турки отлично это поняли, а быть-можетъ имъ это и объяснено подъ рукой, при тѣхъ „конфиденціальныхъ бесѣдахъ" коими обыкновенно сопровождаются официальные пріемы дипломатовъ являющихся въ Порту. Австрійскій посолъ въ Константинополѣ, баронъ Каличе, какъ сообщаетъ официозное Вѣнское телеграфное бюро, „дѣлаетъ Портѣ внушенія (о необходимости подчиниться рѣшеніямъ Европы) самыя энергическія и настойчивыя." Подумаешь что баронъ Каличе грозитъ Туркамъ бомбардированіемъ Константинополя? Но *Національная Газета* (самая солидная и воздержная изъ Берлинскихъ газетъ—о вѣнскихъ туркофилахъ мы ужь не говоримъ), разсуждая объ отношеніяхъ Австріи къ Турціи, высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Турція „могла бы найти въ настоящую минуту „свою естественную опору въ тѣхъ державахъ которыя не желаютъ предоставить въ распоряженіе Англіи и Россіи „остатки ея европейскихъ владѣній. Но пока Турція рѣшается противиться *всей* „Европѣ, она лишь играетъ въ руку своимъ врагамъ. Грозный языкъ Австріи противъ Турціи долженъ бы быть для послѣдней болѣе симпатиченъ нежели какія „бы то ни было мягкія слова."

Вообще берлинская печать очень мало стѣсняется въ своихъ подозрительныхъ заявленіяхъ противъ Англіи и противъ г. Гладстона въ особенности. А это едва ли не лучшее доказательство того что г. Гладстонъ дѣйствительно желаетъ подвинуть дѣло ликвидаціи турецкаго владычества, и что главнымъ его противникомъ въ этомъ дѣлѣ становится Австрія при поддержкѣ со стороны Германіи. Берлинская печать съ жадностью подхватываетъ всякое извѣстіе о какой бы то ни было неудачѣ г. Гладстона и болѣе всего опасается чтобы не состоялось тайнаго соглашенія по восточнымъ дѣламъ между Англіей и Франціей. Въ Берлинѣ очень сочувственно отнеслись къ раздражительной полемикѣ поднятой недавно противъ Англіи газетою *Temps*, полемикѣ столь явно противорѣчившей фактамъ и отрицавшей инициативу Франціи въ дѣлѣ греко-турецкой границы. Полемика эта вполнѣ успокоила берлинскихъ политиковъ, и они заранѣе злорадствовали предсказывая полную неудачу теперешняго „совокупнаго" вмѣшательства Европы, при которомъ имъ казалось что Франція вполнѣ на ихъ сторонѣ. Но вотъ недавно тучи омрачили эту свѣтлую перспективу: изъ Франціи отправленъ одинъ генералъ съ цѣлымъ штабомъ офицеровъ въ Грецію. Болтливая парижская печать немедленно разгласила этотъ фактъ, а оппозиціонныя газеты воспользовались имъ для нападокъ на правительство, обвиняя его въ какихъ-то скрытыхъ замыслахъ. Со стороны правительства было заявлено что французская военная экспедиція будетъ ограничиваться въ Греціи чисто-наблюдательною ролью, и что ей предписано отнюдь не принимать

никакого дѣятельнаго участія въ ожидаемомъ военномъ столкновеніи съ Турціей и даже не присутствовать на мѣстахъ битвъ. Но берлинская подозрительность не успокоилась этимъ заявленіемъ и въ берлинскихъ газетахъ появился слухъ будто г. Гамбетта, вопреки болѣе воздержнымъ членамъ правительства коихъ мнѣніе выражаетъ газета *Temps*, затѣваетъ какую-то дѣятельную политику и будто онъ выразился что „Грецiя будетъ его Шлезвигомъ," то-есть что онъ при предстоящемъ совокупномъ дѣйствіи по поводу греко-турецкой границы надѣется найти предлогъ для войны съ Германіей, подобно тому какъ Пруссія воспользовалась совокупною войной противъ Даніи чтобы разгромить Австрію. И вотъ снова предсталъ призракъ англо-французскаго соглашенія, который не даетъ покоя берлинскимъ политикамъ, и они то-и-дѣло убѣждаютъ Францію что она не должна внимать обольщеніямъ Англіи и вдаваться въ рискованныя предпріятія на Востокѣ, хотя еще въ недавнее время, когда г. Ваддингтонъ взялъ на себя починъ заступничества за Грецію и когда онъ въ этомъ встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны лорда Биконсфильда, тѣ же берлинскіе политики всячески поощряли Францію къ этому заступничеству, находя что борьба съ Англіей изъ-за Египта и Греціи есть наиболѣе подходящій поводъ къ тому чтобы Франція вновь выступила на арену международной политики. Вѣтеръ повернулъ въ другую сторону какъ только явилась возможность чтобъ это выступленіе Франціи на политическую арену совершилось не въ борьбѣ, а при содѣйствіи Англіи.

Но вотъ что еще замѣчательнѣе: въ Берлинѣ очень подозрительно смотрятъ на посылку французскихъ офицеровъ въ Грецію. Въ то же время берлинскія газеты, вопреки недавнимъ официальнымъ опроверженіямъ, подтверждаютъ вновь что прусскіе офицеры генеральнаго штаба, съ разрѣшенія правительства, приняли службу въ Турціи, рядомъ съ прусскими чиновниками финансистами, также недавно прибывшими въ Константинополь. И при этомъ никто не утверждаетъ что прусскимъ офицерамъ воспрещено принимать дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ турецкой арміи. А что если соединенная эскадра откроетъ враждебныя дѣйствія противъ Турціи? Неужели прусскіе офицеры, коимъ сохранены всѣ права службы въ тѣхъ частяхъ германской арміи гдѣ они служили до отправленія въ Турцію, будутъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ эскадры въ которой находятся и германскіе броненосцы?

Изъ одного этого факта отправки прусскихъ офицеровъ въ Турцію, помимо другихъ указаній, прямо явствуетъ что возможность какого-либо дѣйствія соединенной эскадры напередъ исключена изъ комбинаціи.

Но если такъ, то полезно ли принимать участіе въ такомъ предпріятіи которое быть-можетъ на то и разчитано чтобы доказать несостоятельность европейскаго концерта?

№ 201.

Москва, 21-го іюля.

Русскій Инвалидъ, отъ 19-го іюля, принесъ телеграмму изъ Боржома увѣдомляющую о предпріятіяхъ Ахалъ-Текинскаго отряда съ 1-го по 10-е іюля. Оказывается что отрядъ до сихъ поръ остается въ Бами. Селеніе это, какъ извѣстно изъ перваго донесенія генерала Скобелева, окончательно занято еще 11-го іюня, а затѣмъ укрѣплено и обращено въ прочный опорный пунктъ, куда свозилось продовольствіе какъ съ Атрекской линіи, такъ и изъ окрестныхъ селеній, брошенныхъ жителями.

Распоряженія сдѣланныя генераломъ Скобелевымъ немедленно по занятіи Бами свидѣтельствовали что онъ намѣренъ дѣйствовать не торопясь и только навѣрное. Послѣднія извѣстія вполнѣ подтверждаютъ это, давая въ то же время поводъ думать что командующій намѣренъ покончить съ противникомъ однимъ хорошо разчитаннымъ и заблаговременно подготовленнымъ ударомъ.

Правильный разчетъ можетъ быть сдѣланъ лишь тогда если обстановка противника и средства которыми онъ располагаетъ вполнѣ извѣстны нападающему. Добыть такія свѣдѣнія можно только посредствомъ хорошо организованныхъ дальнихъ развѣдокъ. И имъ, какъ видно изъ донесенія, генералъ Скобелевъ придаетъ большое значеніе, лично руководя развѣдочными партіями. Именно съ цѣлью „раскрытія силъ и расположенія Текинцевъ сосре-

доточившихся въ Геокъ-Тепе" былъ предпринятъ имъ 1-го іюля поискъ оконченный 10-го числа. Отъ Бами до Геокъ-Тепе считается 118 верстъ; путь этотъ былъ пройденъ туда и обратно въ девять дней колонною составленною всего изъ трехъ ротъ пѣхоты, трехъ сотенъ казаковъ съ 6-ю орудіями, четырьмя картечницами и ракетною батареей. Генералъ Скобелевъ шелъ чрезъ Арчманъ, Дурунъ, Акъ-Кала на Егяны, вездѣ встрѣчая небольшія конныя партіи Текинцевъ, и въ настоящемъ году очевидно дѣйствующихъ по прошлогоднему плану. Тогда всѣ селенія между Бами и „группою ауловъ Денгиль и Геокъ-Тепе" были оставлены безъ обороны. Разчитывая на такой образъ дѣйствій противника, можно было смѣло предпринимать эту экспедицію, которая на первый взглядъ кажется какъ будто рискованною. Но генералъ Скобелевъ не счелъ возможнымъ основывать успѣхъ главной задачи всего предпріятія исключительно на ошибкѣ противника: у Егянъ и Батыръ-Кала, всего въ одномъ небольшомъ переходѣ отъ Денгиль-Тепе, 5-го іюля былъ устроенъ „временный опорный пунктъ" дававшій маленькому отряду возможность держаться здѣсь пока удастся произвести тщательный осмотръ главнаго оборонительнаго пункта Текинцевъ, аула Денгиль-Тепе. Осторожность оказалась полезною. Утромъ 6-го іюля генералъ Скобелевъ съ частью своего отряда приблизился „съ боемъ" на 1.000 шаговъ ко „внѣшнимъ оградамъ укрѣпленныхъ ауловъ." „Значительныя массы" непріятельской конницы, также какъ и въ прошломъ году встрѣтившія наступленіе отряда, были отброшены, и затѣмъ произведены съемка окружающей аулы мѣстности и тщательный осмотръ укрѣпленій. Цѣль всей экспедиціи была достигнута, и около полудня генералъ Скобелевъ двинулся обратно, отбиваясь отъ насѣдавшей на него текинской конницы. Вечеромъ, отрядъ достигъ своего опорнаго пункта, оправился, и утромъ, благодаря наскоро набросаннымъ укрѣпленіямъ, отразилъ, на разсвѣтѣ 7-го іюля, новое нападеніе Текинцевъ, прекратившихъ затѣмъ свои попытки противъ отряда, спокойно вернувшагося 10-го іюля въ Бами.

Собранныя свѣдѣнія показали что Текинцы занимаютъ укрѣпленія Денгиль-Тепе такими же силами какія были собраны тамъ и 28-го августа прошлаго года, въ день неудачнаго штурма предпринятаго отрядомъ генерала Ломакина даже безъ предварительнаго осмотра укрѣпленій: около Денгиль и Геокъ-Тепе и нынче собрано до 10.000 Текинцевъ и Мервинцевъ со всѣмъ домашнимъ скарбомъ.

Сосредоточеніе въ одномъ пунктѣ такой силы естественно должно было привести къ мысли еще до серіознаго нападенія разстроить противника настолько чтобъ онъ не отважился на рѣшительное и, еще менѣе, на долгое сопротивленіе. Генералъ Ломакинъ въ прошломъ году не могъ исполнить это, вступивъ слишкомъ поздно въ Текинскій оазисъ. Теперь, благодаря своевременному и прочному занятію Бами, такія мѣры оказываются возможными. Уже немедленно по занятіи Бами всѣ окрестныя селенія брошенныя жителями, второпяхъ не успѣвшими захватить съ собою запасовъ продовольствія, были осмотрѣны, и хлѣбъ свезенъ въ Бами. Оставалось уничтожить запасы на разстояніи болѣе далекомъ и главнымъ образомъ въ мѣстахъ прилегающихъ къ пункту гдѣ сосредоточены главныя силы противника. Задача эта была, какъ свидѣтельствуетъ генералъ Скобелевъ, съ успѣхомъ достигнута рекогносцировочнымъ отрядомъ, истребившимъ сверхъ того „значительное количество посѣвовъ."

Послѣдствія такой мѣры налицо: „по доставленнымъ генералу Скобелеву свѣдѣніямъ, говоритъ боржомская депеша, недостатокъ запасовъ начинаетъ уже отражаться для непріятеля затрудненіемъ продовольствія и падежомъ скота," который конечно еще увеличитъ разстройство противника.

Остается только терпѣливо выждать дальнѣйшихъ послѣдствій принятой мѣры и, пользуясь временемъ, усилить затруднительность положенія противника.

Говоря о занятіи нашими войсками Бами, мы замѣтили что Текинцы едва ли рѣшатся окончательно пожертвовать всею жатвой и остаться на зиму ни съ чѣмъ, и что вѣрнѣе будетъ разчитывать что они, увидѣвъ какъ рѣзко отличается походъ генерала Скобелева отъ прошлогодняго набѣга, послѣ первой же крупной неудачи изъявятъ покорность. Разчетъ этотъ окажется тѣмъ вѣрнѣе чѣмъ глубже почувствуютъ Текинцы угрожающую имъ опасность и чѣмъ полнѣе будетъ первое нанесенное имъ пораженіе. Не въ этихъ ли

видахъ генералъ Скобелевъ остается цѣлый мѣсяцъ въ Бами когда такъ легко и скоро можно достигнуть главной текинской твердыни даже съ ничтожными силами? Хорошо знакомый съ жизнью, понятіями и образомъ дѣйствій средне-Азіятцевъ, генералъ Скобелевъ основываетъ успѣхъ дѣла не на удачѣ неожиданнаго штурма, а на истощеніи силъ и средствъ противника и на сбереженіи своихъ. „Состояніе нашихъ войскъ, замѣчаетъ боржомская телеграмма, не оставляетъ желать ничего лучшаго.“ И это есть прежде всего результатъ тѣхъ мѣръ къ обезпеченію продовольствія отряда которыя были приняты немедленно по занятіи Бами, и устранили повтореніе случившагося въ прошломъ году когда недостатки всякаго рода развили большую болѣзненность въ войскахъ отряда, ослабивъ до крайности его силу.

Итакъ, Текинская экспедиція на пути къ рѣшительной развязкѣ, ко времени которой на берегахъ Каспія вѣроятно уже будутъ собраны всѣ средства чтобъ обезпечить положеніе отряда послѣ прочнаго занятія края, когда коммуникаціонныя линіи отряда почти удвоятся, и когда наступитъ осенняя распутица затрудняющая до крайности движеніе транспортовъ, а потому и продовольствіе и всѣ сношенія въ этихъ мѣстахъ. Устройство рельсоваго пути, представляющееся въ настоящее время, въ виду возможности набѣговъ подобныхъ тому жертвой котораго сдѣлался въ концѣ іюня, на пути къ Бендесену, докторъ Студитскій, крайне затруднительнымъ, станетъ вполнѣ возможно какъ только Текинцы прекратятъ открытое сопротивленіе, хотя и тогда нельзя еще слишкомъ полагаться на ихъ обѣщанія. Занявъ край, нужно стать твердою ногой и устранить всякую возможность такихъ поворотовъ въ дѣлахъ какіе испытали Англичане зимою въ Кабулѣ и на дняхъ въ Кандагарѣ.

№ 203.

Москва, 23-го іюня.

Отказъ Порты подчиниться велѣнію Европы по дѣлу Греко-Турецкой границы подвинулъ еще на шагъ этотъ вопросъ, составляющій въ послѣдніе два мѣсяца предметъ важнѣйшихъ заботъ дипломатіи. Развязка во всякомъ случаѣ не заставитъ себя долго ждать. Но какова будетъ эта развязка? Если послушать органы упражняющіеся въ перифразахъ того что вѣщаетъ офиціальная дипломатія, можно думать что Европа только и ждала этого давно ожиданнаго отказа чтобы приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ также давно порѣшеннымъ и подготовленнымъ. Нашъ *Journal de St.-Pétersbourg* менѣе всѣхъ другихъ офиціозныхъ органовъ позволяетъ себѣ отступать отъ типическихъ пріемовъ уствоенныхъ для случаевъ этого рода; для него „согласіе державъ“ и „единодушіе общественнаго мнѣнія Европы“ суть не химеры, а реальныя силы и, по словамъ нашей французской газеты, „турецкіе государственные люди должны будутъ вскорѣ убѣдиться что общественное мнѣніе Европы уже свыклось съ мыслью о рѣшеніяхъ для коихъ отнюдь не требуется согласія Порты.“ Въ переводѣ на болѣе простой языкъ, это означаетъ (согласно толкованію заграничной печати въ которую сообщено было по телеграфу приведенное замѣчаніе *Journal de St.-Pétersbourg*) что державы никоимъ образомъ не поддадутся новой попыткѣ Порты затянуть дѣло и не согласятся на ея предложеніе перерѣшить вновь то что рѣшено Берлинскою конференціей. Но и въ самой Турціи, не только въ Европѣ, едва ли кто придаетъ серіозное значеніе вопросу о пересмотрѣ Берлинскаго рѣшенія въ теоріи. Серіозное значеніе имѣетъ вопросъ о практическомъ осуществленіи этого рѣшенія, и Турки потому только пытаются вновь возбудить пререканія на словахъ о Греко-Турецкой границѣ что они вѣрнымъ чутьемъ угадываютъ отсутствіе серіозной рѣшимости со стороны Европы перейти отъ слова къ дѣлу. *Journal de St.-Pétersbourg* убѣждаетъ что Европа остается при своемъ рѣшеніи; но будетъ ли что-нибудь сдѣлано для того чтобы рѣшеніе это было исполнено, объ этомъ тщательно умалчиваетъ названная газета, какъ умалчиваютъ о томъ и министры имѣвшіе случай высказываться предъ парламентами по тому же предмету. Гораздо любопытнѣе то что мы читаемъ въ офиціозныхъ органахъ австровенгерской печати. И здѣсь мы встрѣчаемъ обязательныя фразы о неизмѣнности рѣшенія принятаго на Берлинской конференціи и о невозможности допустить пересмотръ онаго. Но тамошніе правитель-

ственные органы не обходятъ молчаніемъ вопроса о томъ какъ пойдетъ дѣло дальше, и эти-то разсужденія весьма любопытны, ибо изъ нихъ можно составить себѣ дѣйствительное понятіе если не о томъ что̀ произойдетъ, и произойдетъ ли что-нибудь въ ближайшемъ будущемъ, то о томъ что̀ побуждаетъ Турокъ давать отпоръ рѣшенію державъ и не пугаться призрачныхъ угрозъ. Вотъ какъ разсуждаетъ вѣнская *Fremdenblatt* о положеніи созданномъ отвѣтомъ Порты на коллективную ноту державъ:

„Если Порта останется при своемъ *non „possumus*, если она будетъ настаивать на „своемъ отказѣ подчиниться совѣту Ев„ропы, тогда державы, правда, не объявятъ „Турціи войны дабы ввести Грецію во вла„дѣніе тѣмъ что̀ ей присуждено, но онѣ „будутъ спокойно, съ ружьемъ къ ногѣ, „взирать на разложеніе Оттоманской им„періи, ибо не можетъ быть сомнѣнія что „попытка Греціи пріобрѣсти присужденныя „ей провинціи послужитъ сигналомъ и для „Болгаръ къ пріобрѣтенію полной незави„симости. Тогда предъ Европой предста„нутъ важныя задачи и, къ сожалѣнію, „болѣе нежели сомнительно чтобъ эти за„дачи могли быть разрѣшены безъ пред„шествующей европейской войны. Но что̀ „бы ни случилось и какъ бы ни сложились „будущія обстоятельства, за Турцію, от„вергнувшую совѣты Европы, никто не „шевельнетъ рукой. Европа должна бу„детъ попытаться разрѣшить Восточный во„просъ безъ Турціи. Пусть подумаютъ объ „этомъ въ Константинополѣ прежде нежe„ли тамъ произнесутъ съ самоубійствен„нымъ легкомысліемъ свое послѣднее сло„во по Греческому вопросу.“

Трудно придумать болѣе ясный комментарій къ теперешнему положенію. Офиціозная вѣнская газета, повидимому, сама не замѣчаетъ всей лжи и прямыхъ противорѣчій которыя заключаются въ этихъ немногихъ строкахъ, но тѣмъ яснѣе должны замѣтить ихъ въ Константинополѣ, гдѣ всѣ разчеты давно уже основаны именно на этой лжи и на тѣхъ непримиримыхъ противорѣчіяхъ коп прикрываются, но только не скрыты, офиціальнымъ европейскимъ концертомъ. Турціи ввушается что Европа ей не объявитъ войны, то-есть другими словами что не будетъ сдѣлано никакой дѣйствительной попытки осуществить „окончательное и неизмѣнное рѣшеніе Европы.“ Значитъ Туркамъ нѣтъ никакой серіозной надобности добиваться измѣненія онаго на бумагѣ. Но и этого мало. Далѣе указывается на то что и самостоятельная попытка Грековъ осуществить признанное за ними право не обойдется безъ обще-европейскихъ замѣшательствъ. Болгары тоже захотъ де добиться полной независимости; начнется полное разложеніе Оттоманской имперіи, а это неминуемо вызоветъ европейскую войну. *Соединенная* Европа будетъ „спокойно взирать“ какъ Турки станутъ упорно отказываться исполнить ея предписаніе; но коль скоро будетъ сдѣлана даже помимо ея участія попытка принудить Турцію силой, вспыхнетъ европейская война, державы передерутся между собою и уже не будетъ соединенной Европы. Можно ли лучше разъяснить Туркамъ что конечная цѣль ихъ всегдашней политики, то въ чемъ коренится единственное условіе ихъ существованія—разъединеніе и взаимное соперничество державъ—можетъ при настоящемъ положеніи дѣлъ быть достигнута именно упорствомъ и противопоставленіемъ своего *non possumus* совѣтамъ Европы, противъ чего такъ ратуетъ съ перваго взгляда вѣнская газета?

Только въ англійскихъ правительственныхъ органахъ мы встрѣчаемъ откровенныя слова по поводу турецкаго сопротивленія. *Daily News*, самый близкій къ г. Гладстону органъ, высказывается въ томъ смыслѣ что Турція не посмѣла бы дать такой отвѣтъ еслибъ она была увѣрена что у державъ, или хотя бы у одной изъ нихъ есть серіозное намѣреніе принудить ее къ исполненію возложенныхъ на нее обязательствъ. И названная газета полагаетъ что „долгъ Англіи заключается въ томъ чтобъ заставить Турцію, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ и сопротивленія, исполнить то съ чѣмъ Англія связала весь свой авторитетъ и всю свою нравственную отвѣтственность, хотя бы прочія державы и отказались ей въ этомъ содѣйствовать.“

По всему судя, кабинетъ г. Гладстона дѣйствительно имѣетъ въ виду перейти отъ слова къ дѣлу. Но это рѣшеніе, если оно было принято, о чемъ свидѣтельствуютъ приведенныя слова *Daily News*, должно будетъ запнуться въ виду извѣстій полученныхъ изъ Индіи. Извѣстія эти произвели въ Англіи потрясающее впечатлѣ-

ніе, тѣмъ болѣе что они были совершенно неожиданны. За нѣсколько дней до этого, вѣсти изъ Афганистана подавали, напротивъ, поводъ къ наилучшимъ ожиданіямъ. Индійскому правительству удалось, чрезъ утвержденіе Абдуррахмана афганскимъ эмиромъ, добиться наконецъ установленія правильнаго управленія въ странѣ и осуществить желаніе новаго Англійскаго кабинета, коего оно никогда не скрывало, поскорѣе избавиться отъ тяжкаго наслѣдія лорда Биконсфильда и оставить предпріятіе стоившее Англіи столь многихъ и роковыхъ жертвъ. Но видно не такъ легко распутать легкомысленную затѣю автора „научной границы“ и Гандамакскаго договора. Въ то время какъ Кабулъ и восточный Афганистанъ, казалось, смирились предъ могуществомъ Великобританіи и избрали главою государства лицо указанное Англійскимъ правительствомъ, близъ Кандагара неожиданно сосредоточились мятежныя полчища подъ водительствомъ Эюбъ-хана, и напавъ на корпусъ генерала Борроу разбили его на голову. Дѣйствуетъ ли Эюбъ-ханъ на собственную руку, или же ему втайнѣ сочувствуютъ и восточные вожаки вмѣстѣ съ новымъ эмиромъ, который никогда не отличался приверженностью къ Англіи, пока неизвѣстно. Но несомнѣнно то что послѣдняя катастрофа надолго отдалила то полное замиреніе афганскаго затрудненія, коего такъ добивался кабинетъ г. Гладстона. Приходится посылать новыя подкрѣпленія на выручку англійской арміи разсѣянной по Афганской землѣ, дабы спасти ее отъ быть-можетъ грозящей ей участи арміи 1842 года. Такія подкрѣпленія придется отправлять не только изъ войскъ находящихся въ Индіи, но изъ самой Англіи. Понятно что эти новыя затрудненія, размѣръ и конечный исходъ коихъ нельзя предвидѣть, должны въ значительной мѣрѣ связать свободу дѣйствій Англіи въ Европѣ. Австрійская и германская печать именно съ этой точки зрѣнія и обсуждаетъ главнымъ образомъ извѣстіе о пораженіи генерала Борроу и не скрываетъ своего злорадства по поводу удара постигшаго министерство г. Гладстона. Вліятельнѣйшіе органы этой печати надѣются даже что новое пораженіе Англіи въ Афганистанѣ поведетъ къ паденію либеральнаго кабинета, коего долговѣчность ими вообще подвергается сомнѣнію.

Внезапная и повидимому серіозная болѣзнь постигшая главу Англійскаго кабинета, какъ о томъ сообщаетъ телеграфъ, можетъ значительно ускорить столь желанную для туркофиловъ перемѣну правительства въ Англіи.

№ 204.

Москва, 24-го іюля.

Недавно вышла въ свѣтъ первая часть *Статистическихъ данныхъ о земледѣліи и торговлѣ продуктами сельскаго хозяйства въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи*, – серіознаго труда предпринятаго П. Ѳ. Кенигомъ, директоромъ Николаевской желѣзной дороги. Ближайшимъ побужденіемъ приступить къ изученію означенныхъ статистическихъ данныхъ былъ для автора, какъ и слѣдовало ожидать по его спеціальности, преимущественно интересъ желѣзнодорожный. „Вопросомъ этимъ я занимался,“ говоритъ онъ въ предисловіи къ своему труду, „потому что Николаевская дорога составляетъ звено связывающее Петербургъ и Ревель съ сѣтью существующихъ и будущихъ Восточныхъ и Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ. Успѣхъ эксплуатаціи сихъ дорогъ во многомъ зависитъ и будетъ зависѣть отъ разныхъ приспособленій которыя остается предпринять и исполнить въ Петербургѣ, для того чтобы наша хлѣбная торговля поставлена была въ условія по возможности приближающіяся къ условіямъ и удобствамъ предоставляемымъ торговлѣ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.“ Но, какъ явствуетъ уже изъ приведенныхъ словъ, желѣзнодорожные интересы идутъ у автора рука объ руку, а не въ разрѣзъ съ интересами русской торговли, какъ это, къ сожалѣнію, большею частію замѣчается въ нашей желѣзнодорожной практикѣ. Забота о достиженіи успѣховъ желѣзнодорожной эксплуатаціи путемъ предоставленія разнаго рода удобствъ торговому движенію, сколько извѣстно, была вообще отличительною чертой дѣятельности г. Кенига и не осталась безслѣдною на тѣхъ дорогахъ коимъ была посвящена. На эти дороги, если не во всѣхъ, то хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ указывается какъ на похвальныя исключенія при общихъ жалобахъ торговаго міра на наше желѣзнодорожное хо-

зяйство Это бросалось въ глаза, между прочимъ, и при чтеніи записки составленной временнымъ комитетомъ Московскаго Биржеваго Общества по желѣзнодорожному дѣлу. Уже на первой страницѣ этой записки, при жалобахъ на общій большинству желѣзныхъ дорогъ недостатокъ въ брезентахъ, замѣчается что „желаемое исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ Нижегородская желѣзная дорога, имѣющая большее, сравнительно, количество брезентовъ.“ Затѣмъ, при жалобахъ на частыя кражи товаровъ во время перевозки, мы опять наталкиваемся на характеристическую оговорку: „кражи встрѣчаются вообще на всѣхъ, за исключеніемъ Нижегородской, желѣзныхъ дорогахъ.“ Далѣе, при заявленіи что отправители грузовъ избѣгаютъ отдавать ихъ на страхъ желѣзнымъ дорогамъ, а страхуютъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, въ страховыхъ обществахъ, опять находимъ оговорку: „Исключеніе изъ этого составляетъ только Нижегородская желѣзная дорога,“ не требующая отъ страхователей соблюденія тѣхъ отяготительныхъ и совершенно излишнихъ формальностей какими обставлено это дѣло на другихъ дорогахъ. При общей и совершенной неприспособленности нашихъ желѣзныхъ дорогъ къ перевозкѣ скота, одна Николаевская оказывается обладающею достаточнымъ количествомъ товарныхъ вагоновъ сколько-нибудь приспособленныхъ къ перевозкѣ быковъ и лошадей; относительная скорость перевозки скота достигнутая на этой дорогѣ ставится въ укоръ другимъ дорогамъ, перевозящимъ скотъ съ убійственною для него медленностью. Пополненіе подвижнаго состава спеціальными платформами для нагрузки длиннаго строеваго лѣса составляетъ пока вообще pium desiderium, а на Николаевской подобныя платформы уже имѣются. Эти и подобные имъ отзывы выборныхъ Московскаго биржеваго общества не лишены значенія; это—публичное признаніе услугъ обществу оказанныхъ немногими изъ числа желѣзнодорожныхъ дѣятелей, и одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ ряду этихъ немногихъ несомнѣнно принадлежитъ г. Кенигу.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній, къ изданію коего онъ приступилъ долженъ представить данныя для сужденія о тѣхъ мѣрахъ которыя необходимо принять у насъ дабы наша хлѣбная торговля получила усовершенствованные магазины для хлѣба и портовыя устройства, коихъ она нынѣ лишена, и недостатокъ коихъ, безполезно увеличивая разные расходы до погрузки хлѣба на суда, затрудняетъ установленіе цѣнъ могущихъ конкурировать съ заграничными. Послѣдняя, заключительная часть сборника, по плану автора, имѣетъ быть посвящена именно исчисленію и обсужденію мѣръ сказаннаго характера. Должно надѣяться что эти мѣры, на необходимость коихъ указываетъ директоръ Николаевской дороги, не замедлятъ осуществиться. Но значеніе предпринятаго имъ труда не ограничивается поставленіемъ и разрѣшеніемъ вопросовъ въ одной только области желѣзнодорожныхъ приспособленій. Матеріалъ долженствующій войти въ сборникъ г. Кенига такого рода что въ виду его сами собою выдвигаются важные вопросы затрогивающіе массу экономическихъ вопросовъ гораздо болѣе общаго свойства. Предъ читателями будетъ проведена обстоятельная параллель между земледѣльческою производительностью въ Россіи и Америкѣ, между нашею и американскою торговлей продуктами земледѣлія, между нашими и американскими желѣзными дорогами, водяными сообщеніями и перевозочными тарифами. Эта параллель, дополненная свѣдѣніями о количествѣ хлѣбныхъ продуктовъ покупаемыхъ нынѣ разными государствами Европы и о видахъ на будущее въ этомъ отношеніи, должна пролить яркій свѣтъ на существующія условія нашей торговой конкурренціи съ Америкой и на близкія и отдаленныя экономическія послѣдствія которыми эта конкурренція намъ угрожаетъ. Насколько и чѣмъ можетъ быть устранено или, по крайней мѣрѣ, уменьшено вредное для Россіи вліяніе американской земледѣльческой конкурренціи есть вопросъ далеко выступающій изъ предѣла желѣзнодорожныхъ и портовыхъ улучшеній.

Вышедшая первая часть статистическаго сборника г. Кенига не представляетъ пока всей полноты тѣхъ разносторонніхъ данныхъ какія нужны для сужденій по этому вопросу. Эту первую часть составляетъ переводъ вышедшаго въ 1879 году отчета Вашингтонскаго Департамента Земледѣлія объ всемъ касающемся земледѣлія и скотоводства и торговли ихъ продуктами за 1878 годъ. Соотвѣтственныя свѣдѣнія касающіяся Россіи составятъ предметъ второй части сборника, которая еще не

вышла въ свѣтъ. Для сравненій и выводовъ изъ нихъ, поэтому, недостаетъ пока матеріала. Но и помимо цифровыхъ сравненій, уже одно чтеніе Вашингтонскаго отчета производитъ сильное впечатлѣніе. Площадь посѣвовъ пшеницы въ Америкѣ растетъ изъ года въ годъ; въ 1878 году она была уже слишкомъ вдвое обширнѣе чѣмъ въ 1866, и неизвѣстно когда и на какихъ размѣрахъ это расширеніе пшеничныхъ посѣвовъ остановится. Избытокъ производимой пшеницы противъ потребностей мѣстнаго потребленія увеличивается въ быстрой прогрессіи, и въ той же прогрессіи растетъ вывозъ ея въ Европу. Дешевизна обработки земли въ Америкѣ и удешевленные способы перевозки позволяютъ Американцамъ продавать свою пшеницу по цѣнамъ которыя дѣлаютъ почти невозможнымъ соперничество съ ними со стороны западно-европейскаго земледѣлія. Быстрое расширеніе пшеничной площади въ Соединенныхъ Штатахъ сопровождается, поэтому, замѣтнымъ упадкомъ производства пшеницы въ Западной Европѣ. Англійскіе фермеры вынуждены сокращать посѣвы пшеницы, обращая землю изъ-подъ нихъ подъ луговодство и скотоводство. Французскіе земледѣльцы, тоже постигнутые этимъ пшеничнымъ кризисомъ, полагаютъ что для устраненія его необходимо установленіе высокихъ пошлинъ на привозный хлѣбъ. Этотъ пшеничный кризисъ не можетъ не отражаться на судьбахъ и нашего земледѣлія. Америка не грозитъ, правда, стѣсненіемъ заграничнаго сбыта производимыхъ въ Россіи ржи, овса и ячменя: вывозъ изъ Америки этихъ хлѣбовъ почти ничтоженъ. Но о будущности заграничнаго сбыта русской пшеницы нельзя не задуматься. Это нынѣ самая важная изо всѣхъ статей нашего отпуска, а между тѣмъ возникаютъ и уже высказываются опасенія что вывозъ ея изъ Россіи, подъ давленіемъ американской конкурренціи, можетъ совершенно прекратиться...

Подобныя опасенія, конечно, можно считать преувеличенными, но было бы большою ошибкой оставлять ихъ поэтому безъ вниманія. Сорокъ лѣтъ тому назадъ точно также могли бы казаться преувеличенными и не заслуживающими вниманія всякія опасенія о возможности упадка нашей отпускной торговли саломъ. Сало въ тѣ еще не очень отдаленныя времена играло въ нашемъ отпускѣ ту же роль какая нынѣ принадлежитъ пшеницѣ: его отпускалось на сумму бо́льшую чѣмъ всѣхъ хлѣбовъ вмѣстѣ взятыхъ. И что же? Изъ статьи отпуска сало наконецъ обратилось у насъ въ статью привоза. Менѣе ли возможна подобная метаморфоза и относительно пшеницы, въ виду успѣховъ достигаемыхъ Американцами, если со стороны Россіи не будетъ сдѣлано ничего для уравненія шансовъ борьбы съ ними на всемірныхъ рынкахъ?

Во всякомъ случаѣ, предпочтительнѣе преувеличивать опасность и обдумывать мѣры къ ея устраненію чѣмъ закрывать на нее глаза и сидѣть сложа руки. Обстоятельства несомнѣнно требуютъ чтобы наше земледѣліе и условія въ какихъ оно находится стали предметомъ болѣе серіозныхъ заботъ чѣмъ прежде. Эти заботы не могутъ ограничиваться однимъ предоставленіемъ русской торговлѣ тѣхъ удобствъ по перевозкѣ хлѣба какими давно пользуется торговля американская. Необходимо усиленіе и удешевленіе производства хлѣба возможно болѣе широкимъ распространеніемъ машиннаго хозяйства; въ этомъ отношеніи мы всего болѣе отстали отъ нашихъ заатлантическихъ конкуррентовъ. Нужны, далѣе, развитіе краткосрочнаго земледѣльческаго кредита, возможно болѣе правильная организація найма сельскихъ рабочихъ и еще многое, очень многое. Желательно, между прочимъ, и восполненіе того пробѣла который составляетъ у насъ отсутствіе земледѣльческой статистики, которая, говоря словами отчета Вашингтонскаго департамента земледѣлія, „имѣетъ предметомъ измѣрять объемъ ресурсовъ, сличать дѣйствительное производство съ возможнымъ, опредѣлять вліяніе излишняго производства на пониженіе цѣнъ, отмѣчать прогрессъ науки въ ея примѣненіи ко хлѣбопашеству и помогать сельскому обывателю идти въ уровень съ такимъ прогрессомъ.“

Въ виду важности предмета, нельзя не пожелать чтобы, вслѣдъ за первою, не замедлили выходомъ въ свѣтъ и остальныя части приготовляемаго И. О. Кенигомъ сборника *Статистическихъ данныхъ*. Этотъ сборникъ принесетъ пользу уже однимъ тѣмъ что обратитъ общее вниманіе на многіе вопросы обычно остающіеся въ тѣни, за неимѣніемъ данныхъ для ихъ обсужденія. Но если, какъ можно надѣяться, исполненіе будетъ соотвѣтствовать про-

граммѣ, онъ сдѣлается настольною книгой всѣхъ интересующихся условіями русскаго земледѣлія и хлѣбной торговли. Не малую важность представляетъ, впрочемъ, уже одно ознакомленіе русской публики съ отчетомъ Вашингтонскаго департамента земледѣлія. Къ этому отчету, полагаемъ, намъ не разъ еще придется возвращаться.

№ 205.

Москва, 25-го іюля.

Рапортъ генерала Борро, переданный по телеграфу, и послѣдовавшая за нимъ офиціальная депеша изъ Кветты, отъ 2 августа, очерчиваютъ положеніе дѣлъ въ Кандагарѣ снова въ томъ видѣ какъ передано первое извѣстіе о пораженіи объявленное вскорѣ преувеличеннымъ, что̀ казалось тѣмъ правдоподобнѣе что самое пораженіе было большою неожиданностью и для военныхъ, и для гражданскихъ властей Индіи. О движеніяхъ Эюбъ-хана и его силахъ Англичане уже давно имѣли довольно точныя свѣдѣнія, но полагали что двѣнадцать тысячъ Эюба не осмѣлятся противустать англійскимъ войскамъ въ открытомъ бою на равнинахъ въ окрестностяхъ Кандагара. Именно съ цѣлью предупредить попытку Эюба на Кандагаръ былъ выставленъ отрядъ Борро къ Кишкъ-и-Нахуду, на западъ отъ Кандагара, верстахъ въ семидесяти.

Разчетъ оказался невѣрнымъ, а молодой правитель Герата предпріимчивѣе и рѣшительнѣе нежели предполагали. Ахмедъ-Эюбъ-ханъ есть второй сынъ покойнаго Ширъ-Али, родной братъ Якубъ-хана. Онъ родился въ 1848 году. Въ настоящее время ему всего 32 года, но онъ хорошо знаетъ страну и ея средства, такъ какъ по волѣ отца онъ занималъ съ 1863 года должности правителя сначала въ Маймене, затѣмъ въ Балхѣ, и наконецъ съ 1873 года въ Гератѣ, гдѣ въ прошломъ году провозглашенъ эмиромъ послѣ взятія въ плѣнъ Англичанами его старшаго брата Якуба.

Въ распоряженіи Эюбъ-хана находились значительныя по составу и притомъ едва ли не на половину всего числа правильно организованныя войска съ хорошимъ оружіемъ и артиллеріей. Борро въ своемъ рапортѣ упоминаетъ о 7 регулярныхъ полкахъ Эюба и о „пяти или шести батареяхъ," въ числѣ которыхъ были и конно-зарядныя. Англійская бригада состояла, напротивъ, всего изъ 2 700 человѣкъ, именно изъ 6 ротъ 66-го англійскаго полка (всего 14 офицеровъ и 470 солдатъ), 2 ротъ саперъ, полка Бомбейской кавалеріи и двухъ конныхъ батарей, съ орудіями небольшаго калибра.

Съ такими силами Борро могъ выдержать даже отчаянное нападеніе Афганцевъ, но былъ слабъ для наступательныхъ дѣйствій противъ войскъ способныхъ, какъ показали недавніе еще случаи, открыто бросаться на орудія и подходить къ нимъ на тридцать шаговъ. Если Борро рѣшился атаковать, то на это могли вынудить его только стратегическія соображенія, отчасти уже начинающія открываться: англійскій генералъ могъ опасаться попытки Эюба обойти Кандагаръ и стать на пути сообщеній Англичанъ въ мѣстности болѣе удобной Афганцамъ для боя. Соображенія эти могли казаться англійскому генералу тѣмъ болѣе основательными что еще не задолго до выдѣленія его отряда войска Кандагара рѣшено было усилить бригадою генерала Файра.

Узнавъ о занятіи Эюбъ-ханомъ Маймунда, англійскій генералъ 27 іюля утромъ двинулся впередъ и въ 9 часовъ утра атаковалъ Афганцевъ, искусно расположенныхъ на позиціи. Центръ Афганцевъ составляли семь полковъ „регулярной" пѣхоты. На флангахъ были расположены по двѣ тысячи всадниковъ прикрывавшихъ пѣхоту. Резервъ, какъ средство управлять боемъ и парировать возможныя въ бою случайности, резервъ былъ устроенъ Эюбомъ съ большою предусмотрительностью: въ составъ его кромѣ иррегулярной пѣхоты вошли два регулярные полка. Резервъ былъ значителенъ, и это показываетъ что Эюбъ-ханъ дѣйствовалъ осторожно и принималъ мѣры на случай неудачи. Фронтъ Афганцевъ былъ прикрытъ артиллеріей хотя и худшаго чѣмъ у Англичанъ качества, но значительною по числу орудій. Борро дѣйствовалъ совсѣмъ противоположно, и повидимому придавалъ большое значеніе неожиданности нападенія. Его же рапортъ показываетъ что онъ началъ дѣло безъ серіозной рекогносцировки, вслѣдствіе чего оно вдругъ приняло такой оборотъ что англійскій генералъ не успѣлъ даже разобраться сколько батарей было у противника, пять или шесть. Свѣдѣнія полученныя изъ

Квегты *Агентствомъ Рейтера* доказываютъ что позиція занятая Афганцами и дѣйствительное расположеніе на ней войскъ еще менѣе были извѣстны Англичанамъ, дѣйствовавшимъ на удачу.

Бой, говоритъ Борро, начался артиллерійскимъ огнемъ, который непріятель поддерживалъ и „направлялъ съ такимъ искусствомъ что лучшее качество британскихъ орудій не возмѣщало недостатка въ количествѣ ихъ.“ Это было время когда генералъ Борро, разглядѣвъ противника, еще могъ съ честью, безъ пораженія выйти изъ дѣла. Въ слѣдующій моментъ уже было поздно. Англійская кавалерія первою перешла въ наступленіе. Афганская кавалерія, какъ сообщаютъ *Агентству Рейтера*, начала отступать, и обратясь въ умышленное бѣгство навела Англичанъ на засаду. Въ эту критическую для Борро минуту, Эюбъ-ханъ перешелъ въ наступленіе всѣми силами. Афганцы прорвались между англійскими орудіями и пѣхотой и, окруживъ ее, смяли сипаевъ и отбросили ихъ на 66-й линейный полкъ. „Войска пришли въ замѣшательство,“ и отступленіе началось.

Эюбъ, замѣчаетъ рапортъ Борро, преслѣдовалъ, „но не энергично,“ и остановился верстахъ въ 15 отъ Кандагара. Если-бы преслѣдованіе было сильнѣе, то потери Англичанъ были бы навѣрное больше, и Борро не удалось бы подъ конецъ собрать свою разстроенную кавалерію, высвободить пѣхоту, сомкнуть силы отряда. Преслѣдованіе было такъ слабо что „бо́льшая часть потерь во время отступленія была слѣдствіемъ жажды и изнеможенія“ на маршѣ послѣ боя, продолжавшагося съ утра далеко за полдень. Изнеможеніе было дѣйствительно такъ велико что солдаты бросали оружіе и амуницію. Въ руки Эюбъ-хана попалъ весь обозъ Англичанъ, два орудія, 1.100 ружей системы Мартини и Снайдера.

Такимъ образомъ, въ смыслѣ войска бригада Борро дѣйствительно перестала существовать, „уничтожена,“ какъ сообщила первая депеша объ этомъ дѣлѣ. Эюбъ могъ достигнуть и лучшихъ успѣховъ энергически преслѣдуя Англичанъ; онъ могъ захватить не два, а всѣ орудія, но такое преслѣдованіе во всякомъ случаѣ было бы рискованно и утомительно для войска, а Эюбъ имѣлъ причины беречь ихъ съ намѣреніемъ иначе воспользоваться побѣдой. Дѣйствительно, кавалерія Афганцевъ двинута уже на путь сообщеній Кандагара съ намѣреніемъ захватить транспорты; телеграфное сообщеніе Кандагара прервано.

Пораженіе Англичанъ произвело сильное впечатлѣніе на окрестныя племена которыя уже готовятся прервать сношенія между Кандагаромъ и Кабуломъ, гдѣ пока все еще настолько спокойно что генералъ Робертсъ нашелъ возможнымъ съ частію войскъ выступить къ Кандагару. Путь не легкій въ странѣ гдѣ „каждый житель врагъ“ и гдѣ мѣстность представляетъ всѣ удобства для нападенія. Еще неизвѣстно удастся ли Робертсу достигнуть Кандагара и что ожидаетъ Англичанъ въ самомъ Кабулѣ, откуда они уже собирались было уйти возвояси. Но именно эта затруднительность поправить неудачу и общая шаткость положенія вынуждаютъ Англійское правительство послать въ Индію такія подкрѣпленія, о которыхъ тамъ и не помышляли во время Ширпурскаго сидѣнья Робертса зимой. Не находится ли посылка въ Индію слишкомъ пяти тысячъ европейскихъ солдатъ въ связи съ тѣмъ потрясающимъ, по словамъ *Standard*, впечатлѣніемъ которое произвело неожиданное пораженіе Борро на туземцевъ. Новая неудача можетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія для англійскаго владычества въ Индіи.

№ 206.

Москва, 26-го Іюля.

Послѣ всѣхъ коллективныхъ нотъ Оттоманской Портѣ, со сроками и безъ оныхъ, по дѣлу Черногорскому и Греческому, послѣ отвѣта Порты преисполненнаго явной ироніи надъ европейскою дипломатіей, телеграфъ принесъ намъ извѣстіе... о новой коллективной нотѣ, переданной Портѣ 3 августа (22 іюля): ей опять дается трехнедѣльный срокъ для исполненія конвенціи 12 апрѣля относительно Черногоріи; если же и по прошествіи этого срока округъ Дульцинью не будетъ переданъ Черногоріи, то „Турція будетъ приглашена присоединиться къ державамъ.“ Это служитъ къ разъясненію того что́ должно разумѣть подъ непонятнымъ до сихъ поръ смысломъ „морской демонстраціи“ державъ. Турція будетъ участвовать въ этой демонстраціи противъ Турціи! Два дня тому

назадъ было сообщено чрезъ Вѣну изъ Константинополя что Порта предъявила требованіе чтобъ ея военныя суда участвовали въ обще-европейской демонстраціи флотовъ у Албанскаго берега, и что изъ Константинополя уже отправлены четыре броненосца къ Дульцинью. Извѣстіе это показалось многимъ шуткой, не приличною въ серіозномъ и „чреватомъ грозными послѣдствіями“ предпріятіи европейской дипломатіи. Однако извѣстіе оказывается вѣрнымъ. Съ одной стороны напередъ исключается всякая возможность какого-либо дѣйствія со стороны соединеннаго флота противъ Турціи въ Адріатическомъ морѣ, а съ другой, офиціально санкціонируется тотъ фарсъ, который Порта давно уже разыгрываетъ въ дѣлѣ Албано-Греческой границы, заставляя свои же войска переряжаться въ „мятежныхъ“ Албанцевъ и противиться силой уступкѣ Греціи того что ей слѣдуетъ по договору принятому Портой. Замѣчательнѣе всего то что державы и не скрываютъ что въ ихъ глазахъ сопротивленіе Албанцевъ есть не что иное какъ фарсъ. Если Турція въ самомъ дѣлѣ не въ силахъ усмирить строптивость Албанцевъ, — тогда понятно что Европа сама беретъ на себя исполнить свое рѣшеніе относительно Черногоріи и предоставляетъ Портѣ (которая въ этомъ дѣлѣ согласна съ Европой) принять участіе въ усмиреніи Албанцевъ. Но если такъ, то зачѣмъ же дается Портѣ еще трехнедѣльный срокъ на исполненіе того что она не въ силахъ была исполнить въ теченіе почти двухъ лѣтъ? Изъ того что срокъ этотъ данъ явствуетъ что державы открыто заявляютъ о своемъ недовѣріи къ водевилю съ переодѣваньями который разыгрывается у береговъ Скутарійскаго озера соплеменниками нынѣшняго турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ. Но въ такомъ случаѣ какъ же допустить присоединеніе турецкихъ военныхъ судовъ къ эскадрѣ предназначенной, въ случаѣ надобности, дѣйствовать насильственно противъ турецкаго низама въ костюмахъ Албанцевъ?

Сверхъ того участіе турецкихъ судовъ въ демонстраціи соединеннаго флота у береговъ Албаніи можетъ послужить иллюстраціей и ко второй задуманной демонстраціи,—по поводу Греко-Турецкой границы. Предполагается что европейскій соединенный флотъ сначала покончитъ съ Черногорскою границей, а затѣмъ пройдетъ изъ Адріатическаго въ Эгейское море, дабы содѣйствовать исполненію постановленія Берлинской конференціи. Какъ выразилось бы это содѣйствіе — неизвѣстно, ибо принудительныя мѣры напередъ исключены по настоянію нѣкоторыхъ державъ. Но если турецкія суда будутъ находиться въ составѣ эскадры, то демонстрація противъ Турціи немыслима уже ни въ какой формѣ. Ея дѣйствительно не будетъ. Такъ слѣдуетъ думать судя по вновь усилившейся политикѣ противъ „англійской затѣи“ не только со стороны австро-нѣмецкой, но и французской печати.

Газета *Temps*, а съ нею и другіе французскіе органы разныхъ партій, самымъ положительнымъ образомъ высказываются противъ всякаго участія Франціи въ греческо-турецкой распрѣ. Настойчиво поддерживается слухъ будто Французское правительство уже заявило о своемъ отказѣ принять участіе въ морской демонстраціи. Принцъ Вельсскій посѣтилъ на дняхъ Парижъ. Наслѣдникъ Англійскаго престола не такъ дѣятельно занимается политикой чтобы придавать значеніе его пріѣзду въ столицу Франціи, куда онъ частенько ѣздитъ. Тѣмъ не менѣе французская печать сочла нужнымъ на этотъ разъ отнестись подозрительно къ пребыванію принца Вельсскаго въ Парижѣ и встрѣтила его несовсѣмъ любезно, подъ тѣмъ предлогомъ что онъ будто бы явился для того чтобъ уговорить французское правительство пристать къ Англіи въ замышляемомъ ею дѣйствіи противъ Турціи. Въ это самое время получено было извѣстіе о пораженіи постигшемъ Англійскую армію въ Афганистанѣ, и парижская печать приняла оное съ худо-скрытою радостью предвидя что новое и неожиданное затрудненіе ослабитъ рвеніе англійскаго кабинета по турецкимъ дѣламъ. Чѣмъ объясняется эта подозрительность и непріязнь къ Англіи? Есть различныя объясненія. Самое ходячее изъ объясненій есть то что Франція не желаетъ связать себя на Востокѣ и хочетъ быть совершенно свободною въ своихъ дѣйствіяхъ чтобы въ данную минуту начать войну съ Германіей составляющую предметъ сокровенныхъ желаній всѣхъ Французовъ безъ различія партій. Но знаемъ такъ ли это. Но замѣчательно что нѣмецкая печать, зорко слѣдящая за всѣмъ что творится во Франціи, отнюдь не тревожится по поводу такого настроенія французской

печати, а напротивъ весьма довольна признаками возрастающаго разъединенія между Франціей и Англіей, хотя вовсе нельзя сказать чтобы нѣмецкая печать была вообще спокойна насчетъ отместки замышляемой во Франціи. Германская печать очевидно думаетъ что для Германіи нестолько страшна сама Франція съ ея преобразованною и усиленною арміей, сколько такое перемѣщеніе политическихъ силъ Европы, при которомъ Франція могла бы найти опору въ своей будущей борьбѣ противъ Германіи. Для германской печати ясно что коренное перемѣщеніе въ группировкѣ европейскихъ силъ и въ ихъ взаимномъ тяготѣніи обусловливается ходомъ вещей на Балканскомъ полуостровѣ и тою развязкой какую приметъ все ближе надвигающаяся ликвидація турецкаго наслѣдства. Трудно понять какимъ образомъ не замѣчаютъ этого французскіе политики, по крайней мѣрѣ тѣ кои руководятъ тамошнею печатью. Но нѣмецкая печать, конечно, не торопится разъяснить имъ это, и только старается всѣми силами усилить рознь Франціи съ Англіей и возбудить подозрительность противъ замысловъ г. Гладстона.

До какой степени простирается блужданіе и неустойчивость французскихъ взглядовъ на отношенія Англіи къ Франціи, видно и изъ того что французская печать первоначально привѣтствовала паденіе лорда Биконсфильда какъ чувствительный ударъ нанесенный политикѣ Германіи. Даже Греческій вопросъ, изъ-за котораго нынѣ идутъ такія жаркія пререканія, поднятъ былъ прежде всего Франціей въ видахъ отместки лорду Биконсфильду за его вѣроломную противъ Франціи политику въ Египтѣ; нынѣ же никто болѣе Французовъ не нападаетъ на кабинетъ г. Гладстона за то только что онъ задумалъ на дѣлѣ осуществить затѣю г. Ваддингтона объ удовлетвореніи законныхъ стремленій Греціи. И французскія газеты, съ неменьшимъ чѣмъ вѣнскіе туркофилы рвеніемъ, усматриваютъ „великую опасность“ въ томъ что при попыткѣ удовлетворить Грецію „неминуемо выступитъ на сцену и Болгарскій вопросъ,“ и туда же наполняютъ свои столбцы толками о „происках Россіи,“ наводнившей будто бы Болгарію и Восточную Румелію русскими офицерами и солдатами и только выжидающей перваго сигнала чтобы приняться за созданіе полной независимости Болгаріи.

Подумаешь что независимость и единство Болгаріи — важнѣйшая помѣха для осуществленія французскихъ мечтаній о возвращеніи Альзаса и Лотарингіи...

№ 208.

Москва, 28-го іюля.

Благодѣтели пекущіеся съ такою нѣжною заботливостію объ „улучшеніи“ нашихъ гимназій начинаютъ мало-по-малу сбрасывать свои личины, подъ которыми они недавно, къ великому изумленію русской публики, съ такимъ азартомъ разыгрывали роль „пламенныхъ защитниковъ классической системы.“ Теперь они уже говорятъ гораздо яснѣе и откровеннѣе, и безо всякихъ обиняковъ высказываютъ какой именно „реформы“ они требуютъ отъ новаго министра народнаго просвѣщенія. Такъ какъ главнымъ *лидеромъ* этой „реформенной лиги,“ поставившей себѣ задачей понизить уровень нашего образованія, состоитъ извѣстный фельетонистъ *Голоса* г. Модестовъ, то весьма естественно что ему принадлежитъ и починъ въ наступившемъ „откровенномъ“ направленіи.

Въ фельетонѣ появившемся въ № 189 органа г. Краевскаго, г. Модестовъ прямо заявляетъ что онъ отнынѣ будетъ „высказываться яснѣе и откровеннѣе чѣмъ какъ до сихъ поръ позволяли это обстоятельства, ибо въ такихъ важныхъ вопросахъ не должно быть мѣста *недоумѣніямъ*. Отъ вкоренившейся въ насъ привычки говорить все лишь въ половину, обиняками и какъ бы мимоходомъ, мы утратили способность понимать другъ друга и заводимъ споры тамъ гдѣ при прямомъ серіозномъ и искреннемъ отношеніи къ дѣлу не должно бы быть мѣста никакимъ препирательствамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы въ значительной, почти въ опасной для нашей будущности, степени *потеряли уваженіе къ самимъ себѣ, къ своему нравственному достоинству, потеряли сознаніе отвѣтственности за свои слова высказываемыя во всеуслышаніе и воображаемъ что нѣтъ никакого безчестія говорить завѣдомую ложь!*“ И вотъ чтобы покончить съ этимъ „опаснымъ воображеніемъ“ г. Модестовъ теперь торжественно заявляетъ что онъ неотвѣтственъ за тѣ слова которыя онъ *прежде* высказывалъ во всеуслышаніе. „Прежде,“ ви-

дите ли, „благоразуміе указывало принимать возможныя мѣры предосторожности. Желая указать пути къ лучшему устройству школы, я не считалъ возможнымъ начертить планъ гимназіи такъ какъ мнѣ подсказывала его цѣльная теорія. Я долженъ былъ исходить не изъ принципа, а изъ даннаго положенія, и на это я категорически указывалъ. Такимъ образомъ я прежде всего *счелъ нужнымъ* заявить что я не только не противникъ, но и пламенный защитникъ системы классическаго образованія." Г. Модестовъ доходитъ въ своей откровенности даже до того что посвящаетъ насъ въ тѣ тайныя причины которыя побудили его притвориться „*пламеннымъ* защитникомъ классической системы;" онъ, какъ оказывается, сдѣлалъ это „потому чтобъ обезопасить себя отъ преслѣдованій официальныхъ стражей этой системы," а кромѣ того „потому что къ этому обязывало его официальное положеніе какъ профессора римской словесности." „Впрочемъ," спѣшитъ загладить свою излишнюю откровенность г. фельетонистъ, „я сдѣлалъ это „и потому что изученіе древнихъ языковъ „и древнихъ авторовъ я всегда *считалъ* „опорою высшаго образованія, однимъ изъ „самыхъ могущественныхъ средствъ къ все„стороннему развитію умственныхъ способ„ностей. На этомъ правда и оканчивалось „мое *внутреннее* согласіе съ представите„лями *казеннаго* классицизма." *А внѣшнее* согласіе г. Модестова этимъ слѣдовательно не ограничивалось, онъ *находилъ нужнымъ* во всеуслышаніе выдавать себя за человѣка стремившагося ко той же цѣли къ которой стремились тѣ люди которыхъ онъ называетъ „представителями казеннаго классицизма," то-есть тѣ люди которые не довольствовались тѣмъ что „считали" на словахъ изученіе древнихъ авторовъ опорою высшаго образованія, но на дѣлѣ употребляли всѣ свои старанія чтобы высшее образованіе имѣло эту опору не только въ западной Европѣ, но и въ Россіи.

Мы теперь слѣдовательно знаемъ какую цѣну имѣютъ тѣ восторженныя похвалы которыя г. Модестовъ расточалъ классическому образованію для того между прочимъ чтобъ удержать за собою „официальное положеніе профессора римской словесности." Но если г. Модестовъ дѣйствительно рѣшился „отнынѣ избѣгать всякихъ недоумѣній, сознавать отвѣтственность за высказываемыя имъ слова и не говорить завѣдомой лжи," то ему слѣдовало бы пойти дальше по пути откровенности и не называть болѣе рекомендуемыя имъ реформы „улучшеніемъ" нашего гимназическаго образованія. Вслѣдствіе этого неправильнаго названія, онъ постоянно путается въ противорѣчіяхъ которымъ дивятся не только его противники, но и друзья (напримѣръ *Церковно-Общественный Вѣстникъ*). Въ своемъ послѣднемъ фельетонѣ онъ напримѣръ такъ выражается о классическомъ образованіи *въ западной Европѣ:* „Изученію древнихъ авторовъ и произведеній греко-римскаго искусства Европа обязана своимъ возрожденіемъ, выходомъ изъ средневѣковаго умственнаго рабства; этому изученію европейскіе народы обязаны лучшими плодами своей духовной культуры; оно создало рядъ высокихъ мыслителей, писателей и художниковъ; какъ же не цѣнить его образовательныя силы, какъ отказаться совѣмъ отъ такой умственной сокровищницы!" Если такъ говоритъ русскій человѣкъ желающій добра своему отечеству, то онъ, весьма естественно, будетъ всячески стремиться къ тому чтобъ и Россія наконецъ вышла изъ умственнаго рабства, чтобъ и въ ней классическое образованіе вызвало лучшіе плоды духовной культуры и создало рядъ высокихъ мыслителей, писателей и художниковъ. Итакъ, что же нужно сдѣлать для того чтобъ *улучшить* наше гимназическое образованіе? Очевидно что для этого необходимо *возвысить* его до уровня европейскаго классическаго образованія. А г. Модестовъ открыто заявляетъ что пока онъ держитъ въ рукахъ перо онъ не перестанетъ повторять своего убѣжденія въ необходимости *понизить* уровень нашего классическаго образованія. Такъ напримѣръ въ Германіи латинскій языкъ изучается въ гимназіяхъ въ теченіе 9 лѣтъ, а греческій въ теченіе 7; у насъ въ настоящее время опредѣленно первый языкъ 8, а на второй 6 лѣтъ; а г. Модестовъ ставитъ новому министру такую дилемму: или *понизьте* преподаваніе латинскаго языка до 6 лѣтъ, а греческаго до 4 и притомъ сдѣлайте этотъ послѣдній языкъ *необязательнымъ* или *уничтожьте* 90% существующихъ теперь гимназій и прогимназій. И это г. фельетонистъ называетъ *улучшеніемъ* классическаго образованія, въ то же время восторгаясь „образовательными силами умственной сокровищницы

древняго міра." Онъ самъ сознаетъ что мы въ своемъ образованіи *отстали* отъ западной Европы; и вотъ чтобы догнать ее онъ совѣтуетъ намъ учиться какъ можно *меньше* и *хуже*.

Но если самъ г. Модестовъ, вслѣдствіе разныхъ „обстоятельствъ," *не считаетъ* пока *нужнымъ* назвать свое улучшеніе настоящимъ его именемъ, то это за него сдѣлалъ одинъ изъ его товарищей по „реформенной лигѣ," который имѣлъ на столько мужества что прямо и откровенно высказалъ чего именно добиваются петербургскіе реформаторы. Этотъ русскій патріотъ, скромно подписывающійся конечными буквами „—*въ*," помѣстилъ въ № 1.575 *Новаго Времени* „письмо въ редакцію," въ которомъ чистосердечно заявляетъ слѣдующее: „Намъ нельзя равняться относитель„но экономическаго благосостоянія ни съ „однимъ изъ европейскихъ государствъ, „слѣдовательно, по условіямъ своего бы„та, мы не можемъ пока и мечтать чтобы „школа наша была вполнѣ *равносильна* и „*равноправна* со школами Англіи, Фран„ціи и Германіи. Какъ въ пищѣ, костюмѣ, „гигіеническихъ условіяхъ, такъ и въ об„разованіи, мы должны довольствоваться „пока порціями *меньшими* и *худшими*, чѣмъ „наши заграничные братья." Итакъ это ясно какъ день. Мы должны стараться не только о томъ чтобы самимъ оставаться рабами другихъ народовъ, но и о томъ чтобы наши потомки не выходили изъ этого умственнаго и нравственнаго рабства. Пусть хорошимъ воспитаніемъ пользуются дѣти Нѣмцевъ, Французовъ и Англичанъ, для русскихъ дѣтей достаточно и *худшаго* воспитанія; пусть тамъ на Западѣ это хорошее воспитаніе „создаетъ рядъ высокихъ мыслителей, писателей и художниковъ," намъ всего этого не надо; пусть „Европа обязана классическому образованію своимъ возрожденіемъ и выходомъ изъ умственнаго рабства," мы изъ этого рабства выходить не желаемъ и дѣтей своихъ изъ него не выпустимъ, а потому давайте намъ не *лучшее*, а *худшее* воспитаніе!—Вотъ такія слова, какъ слова этого господина мы дѣйствительно можемъ назвать искренними, ясными и опредѣленными; они прямо, безъ обиняковъ высказываютъ то что у г. Модестова и его товарищей давно уже вертится на языкѣ, но чего они пока *не считаютъ нужнымъ* говорить. Теперь уже дѣйствительно „въ такомъ важномъ вопросѣ не можетъ быть мѣста *недоумѣніямъ*," теперь мы понимаемъ другъ друга и не станемъ заводить споровъ тамъ гдѣ „при прямомъ серіозномъ и искреннемъ отношеніи къ дѣлу не можетъ быть мѣста никакимъ препирательствамъ." И въ самомъ дѣлѣ, развѣ нужно еще „препираться" съ этими господами? Мы желаемъ для Россіи *лучшаго* образованія, а они желаютъ *худшаго*. Очевидно мы съ ними никогда не сойдемся.

Мы удивляемся только почему откровенный корреспондентъ *Новаго Времени* не ограничился своимъ простосердечнымъ заявленіемъ, а счелъ еще нужнымъ выводить изъ него разныя требованія, которыя и безъ того уже сами собой изъ него вытекаютъ. Если кто для Россіи требуетъ худшаго образованія, тотъ конечно прежде всего постарается о томъ чтобы наши дѣти учились *какъ можно хуже* да чтобы серіозное ученіе было *необязательнымъ*. Такъ именно поступаетъ, какъ мы только что видѣли, г. Модестовъ, такъ точно конечно поступаетъ и господинъ, скрывающійся подъ заключительными буквами русскихъ фамильныхъ именъ—*въ*. Видя напр. что въ Германіи гимназическій курсъ продолжается *девять* лѣтъ, онъ, подобно фельетонисту *Голоса*, требуетъ сокращеніе нашего *восьмилѣтняго* курса; но съ *его* откровенной точки зрѣнія такое требованіе вполнѣ естественно: для Нѣмцевъ весьма полезно и даже необходимо учиться въ гимназіяхъ по девяти лѣтъ, они вѣдь—люди передовые, они стоятъ во главѣ цивилизаціи, имъ предназначено міровое господство, а для насъ, Русскихъ, и восьмилѣтній курсъ „черезчуръ длиненъ," намъ не суждено удивлять міръ своими учеными подвигами, такъ къ чему же намъ „напрасно тратить столько силъ, терпѣнія и средствъ чтобы пройти столь длинный искусъ, вслѣдствіе котораго наши молодые люди принуждены выходить изъ университета въ *тридцати*(?!) лѣтнемъ возрастѣ." Зная затѣмъ что въ Германіи ученики проходятъ въ I классѣ *всю* правильную латинскую этимологію, а у насъ только *половину* ея, этотъ—*въ* требуетъ чтобы „русскіе мальчики" проходили *гораздо* меньше, такъ какъ вѣдь не могутъ же они по способностямъ, прилежанію и здоровью равняться съ „нѣмецкими мальчиками," будущими распорядителями судебъ вселенной. Точно также и въ высшихъ классахъ. Пусть Нѣм-

пы читаютъ въ гимназіи отъ 15—20 древнихъ авторовъ, намъ, Русскимъ, за ними не угоняться, для насъ достаточно только *семи*, и притомъ конечно ихъ не слѣдуетъ читать въ такихъ „громадныхъ размѣрахъ," въ которыхъ они проходятся въ настоящее время въ нашихъ гимназіяхъ. Словомъ, необходимо какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ понизить уровень русскаго гимназическаго образованія противъ европейскаго на половину, а еще бы лучше на три или четыре четверти и тогда результатъ будетъ вѣрный: школа получится у насъ преотвратительная, т.-е. какъ разъ пригодная для варварской страны какъ Россія. Тогда изъ нашихъ гимназій будутъ выходить такіе субъекты, которымъ, правда, стыдно будетъ называться Европейцами, но среди которыхъ гг. Модестовы и гг. „—*вы*" будутъ чувствовать себя совершенно въ своей сферѣ. Тогда уже фельстонисту *Голоса*, не нужно будетъ прикидываться „пламеннымъ защитникомъ древняго міра," тогда онъ просто будетъ заявлять то что уже теперь рѣшился заявить корреспондентъ *Новаго Времени*, а именно что „учиться *намъ* у древняго міра нечего." Подъ словомъ *намъ* г.—*въ* подразумѣваетъ опять-таки однихъ только насъ, Русскихъ, ибо *европейскую* гимназію, основанную всецѣло на изученіи древняго міра, онъ самъ называетъ „идеаломъ школы, которую однако мы не должны смѣло пересаживать на нашу почву." На нашей почвѣ, видите ли, этотъ идеалъ не достижимъ, потому что онъ намъ, вопервыхъ, не нуженъ, а вовторыхъ, потому что у насъ все дѣло испортили Оффенбахъ и учитель русской словесности. „Въ *нашей* школѣ и жизни," говоритъ г.—*въ*, „выходятъ удивительные абсурды. Наука указываетъ на жизнь древнихъ только (!) какъ на зарю цивилизаціи, Оффенбахъ осмѣиваетъ ихъ вѣрованія, учитель русской и общей словесности говоритъ что подражаніе древнимъ въ европейскихъ литературахъ приводило къ смѣшному и пошлому, что существованіе Гомера сомнительно, поэтическія красоты его *подозрительны* (!), что Виргилій рабъ своего образца, а учитель древнихъ языковъ приходитъ въ восторгъ отъ тѣхъ же авторовъ и говоритъ о нихъ какъ о недосягаемыхъ идеалахъ для подражанія всѣмъ вѣкамъ и народамъ." Итакъ, композитора *Прекрасной Елены* нужно отнынѣ считать однимъ изъ факторовъ гимназическаго образованія!! А какіе же это „учителя русской и общей словесности" толкуютъ своимъ ученикамъ что подражаніе Шиллера, Гёте, Жуковскаго, Пушкина древнимъ „приводило къ смѣшному и пошлому," и что поэтическія красоты Гомера отличаются какою-то *подозрительностью*?..

Если *Голосу* извинительно имѣть фельетонистомъ г. Модестова, то нельзя не пожалѣть что и *Новое Время* принимаетъ въ свои столбцы всѣ несообразности какія ему пришлетъ первый встрѣчный корреспондентъ, требующій чтобы „мы въ образованіи довольствовались *худшими* порціями чѣмъ наши заграничные братья."

Куріознѣе всего то что эти господа въ своихъ заботахъ о пониженіи уровня нашего образованія ссылаются на экономическую бѣдность Россіи. Мы де такъ бѣдны что не можемъ хорошо воспитывать своихъ дѣтей. Но кто же намъ поможетъ если цвѣтъ нашего юношества, наша интеллигенція - будущіе руководители и учители нашего народа не будутъ воспитываться должнымъ образомъ. А между тѣмъ господа эти имѣютъ еще духъ требовать прогресса и выдавать себя за либераловъ! Къ какому же прогрессу можемъ мы быть способны, если будемъ коснѣть въ нашемъ умственномъ убожествѣ?

№ 209.

Москва, 29-го іюля.

„Американская пшеница уже начинаетъ прибывать къ портамъ Балтійскаго моря. Въ настоящее время на пути изъ Америки находятся двѣнадцать кораблей со пшеницей, изъ которыхъ два предназначены для Ревеля, остальные для Даніи."

На газетномъ извѣстіи такого рода нельзя не остановиться, хотя и неизвѣстно въ какой степени оно вѣрно. Невѣроятнаго въ немъ, впрочемъ, ничего нѣтъ. Возрастающее въ чрезвычайной прогрессіи производство пшеницы въ Соединенныхъ Штатахъ настоятельно требуетъ расширенія прежнихъ и открытія новыхъ рынковъ для ея сбыта. И Американцы, со свойственною имъ предпріимчивостью и энергіей, не упускаютъ ни малѣйшаго случая овладѣвать разными хлѣбными рынками и утверждать на нихъ свое господство вытѣсняя другихъ конкурентовъ. Англій-

скимъ рынкомъ они уже почти завладѣли. Въ 1858—1872 годахъ, въ Англію доставлялось русской и американской пшеницы, въ среднемъ выводѣ, почти поровну. Но въ слѣдовавшіе за тѣмъ 1873—1878 годы всякое равенство исчезло. Изъ общей массы пшеницы ввезенной въ Великобританію въ эти шесть лѣтъ, на долю Америки приходилось 48%, а на долю Россіи менѣе 19%. Въ минувшемъ 1879 году эта пропорція измѣнилась еще къ большей выгодѣ Американцевъ. Въ текущемъ же году, въ виду свѣдѣній о недостаточно обильномъ урожаѣ въ Россіи, открывается для нихъ особенно благопріятная перспектива—отвоевать у русской пшеницы и тѣ рынки которые еще оставались за нею. Понятно что они спѣшатъ воспользоваться обстоятельствами и отправляютъ свою пшеницу, между прочимъ, въ Данію. Не удивительно что при этомъ они дѣлаютъ попытку водворить свою пшеницу и въ самой Россіи, посылая два корабля съ нею въ Ревель...

Все это въ порядкѣ вещей. Но все же вѣсть объ ожидаемомъ появленіи американской пшеницы на русскомъ рынкѣ производитъ тяжелое впечатлѣніе. Конечно, два корабля со пшеницей не много значатъ; но вѣдь ими кладется только начало. И неужели это есть начало того конца который пророчатъ нѣкоторые пессимисты, высказывающіе опасеніе что пшеница, главный предметъ русскаго отпуска, обратится для Россіи въ статью привоза? Въ своемъ официальномъ отчетѣ за 1878 годъ, Вашингтонскій Департаментъ Земледѣлія, говоря о заграничномъ сбытѣ американской пшеницы, замѣчаетъ, между прочимъ, что Соединенные Штаты „быстро овладѣваютъ этою отраслью торговли, и другія страны Западной Европы не только уклоняются отъ конкурренціи съ ними, но даже открываютъ новые рынки для сбыта американскихъ хлѣбныхъ продуктовъ.“ Неужели наступаетъ время когда и Россія должна будетъ уклоняться отъ этой конкурренціи и открывать у себя рынки для американской пшеницы? Что же тогда мы сами будемъ производить, чѣмъ будемъ расплачиваться за массу привозныхъ товаровъ?

Можетъ или не можетъ русское земледѣліе дать отпоръ американской конкурренціи, удержать за собою и обратно отвоевать захваченныесю хлѣбные рынки? Можемъ или не можемъ мы, навстрѣчу обильнымъ волнамъ дешевой пшеницы которыми Америка наводняетъ нынѣ Западную Европу, высылать съ своей стороны въ такомъ же изобиліи столь же дешевую пшеницу? Имѣетъ ли страна достаточныя для того средства? Вотъ важный вопросъ возникающій самъ собою, вопросъ отъ рѣшенія котораго зависитъ правильная постановка нашей будущей экономической политики. Въ виду этого вопроса, недостатокъ у насъ сколько-нибудь удовлетворительной земледѣльческой статистики и отсутствіе органа который бы занимался ею серіозно, а не для вида только, становятся ощутительнѣе чѣмъ когда-либо прежде. Конкурренція та же война, и при экономической борьбѣ знаніе взаимнаго отношенія силъ также важно какъ и при борьбѣ кровавой. Между тѣмъ, давно уже находясь въ экономической борьбѣ съ американскимъ земледѣльческимъ производствомъ, борьбѣ принимающей все болѣе грозный характеръ, мы остаемся понынѣ, можно сказать, въ полномъ невѣдѣніи собственныхъ силъ. Мы не имѣемъ о нашемъ земледѣліи ни одного изъ тѣхъ необходимыхъ свѣдѣній которыя собираются и публикуются въ другихъ странахъ, и которыя придаютъ такой интересъ ежегоднымъ отчетамъ Вашингтонскаго Департамента Земледѣлія.

По этимъ послѣднимъ отчетамъ можно изъ года въ годъ прослѣдить ростъ пшеничнаго производства въ Америкѣ. Пятнадцать лѣтъ назадъ, въ 1865 году, въ моментъ окончанія междуусобной войны, было тамъ засѣяно пшеницей около $12\frac{1}{3}$ милліоновъ акровъ *); къ 1878 году, площадь пшеничныхъ посѣвовъ увеличилась слишкомъ въ два съ половиною раза и выражалась уже цифрой свыше 32 милліоновъ акровъ,—равной 11.893.000 десятинамъ. Цифра громадная, несомнѣнно долженствующая производить подавляющее впечатлѣніе, напримѣръ, во Франціи, гдѣ пространство земли засѣваемой пшеницей почти вдвое менѣе, не говоря же объ Англіи, гдѣ площадь подъ посѣвами пшеницы почти въ десять разъ меньше чѣмъ въ Америкѣ. Но Россія не Англія и не Франція Позволительно сомнѣваться чтобы въ Россіи былъ невозможенъ посѣвъ пшеницы на 12 милліонахъ десятинъ. Но сколько

*) Акръ равняется 889 квадр саженъ.

десятинъ на самомъ дѣлѣ засѣвается у насъ пшеницей, неизвѣстно, точно также какъ неизвѣстно сколько засѣвалось прежде. Не въ одной Америкѣ увеличивались въ послѣднія пятнадцать лѣтъ посѣвы пшеницы; сколько извѣстно, они въ то же время возрастали и у насъ, хотя, можетъ-быть, и не въ такихъ размѣрахъ. Много степей распахано, много земли изъ-подъ лѣсныхъ зарослей, изъ-подъ луговъ и пастбищъ обращено подъ пашню. Но никакихъ данныхъ о томъ какъ все это повліяло на расширеніе площади пшеничныхъ посѣвовъ въ Россіи у насъ не имѣется.

Не отъ одного числа засѣваемыхъ десятинъ зависятъ, конечно, размѣры производства пшеницы, а также и отъ средней производительности десятины въ каждой мѣстности гдѣ она сѣется. Въ Америкѣ внимательно слѣдятъ за этою стороной дѣла, и Вашингтонскій земледѣльческій отчетъ обстоятельно отмѣчаетъ сколько бушелей пшеницы получается среднимъ числомъ съ засѣяннаго акра въ каждомъ изъ штатовъ. Нечего и говорить о совершенномъ отсутствіи подобныхъ свѣдѣній у насъ въ Россіи. Нельзя поэтому судить насколько производительность американской почвы можетъ затруднять для Россіи конкурренцію съ Америкой въ производствѣ пшеницы. Извѣстно, впрочемъ, что земледѣліе въ Америкѣ отнюдь не отличается тою интенсивностью какая составляетъ, напримѣръ, особенность англійскаго земледѣлія. Англія, при *среднемъ* сборѣ 30 бушелей *) пшеницы съ акра, считала 1878 годъ недостаточно урожайнымъ. Въ Америкѣ же *средній* сборъ 13 бушелей съ акра былъ уже хорошимъ, значительно выше средняго. Въ переводѣ на наши мѣры, средній сборъ пшеницы въ Америкѣ въ 1878 году опредѣляется $6^1/_2$ четверти съ десятины. Вотъ тотъ размѣръ производительности почвы который должны мы принимать въ соображеніе при сужденіи о томъ насколько возможенъ для насъ благопріятный исходъ борьбы съ Америкой на европейскихъ хлѣбныхъ рынкахъ.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить что нѣсколько большій, нѣсколько меньшій сборъ съ десятины еще не имѣетъ рѣшающаго значенія. Какъ ни велико превосходство этого сбора въ Англіи предъ сборомъ въ Америкѣ, американскіе фермеры не унываютъ, и не имъ, а англійскимъ фермерамъ приходится плохо. И сколько можно судить, при отсутствіи надлежащихъ статистическихъ данныхъ, не въ пространствѣ хлѣбныхъ полей засѣваемыхъ пшеницей и не въ степени производительности почвы заключается для Россіи главная трудность борьбы съ заатлантическимъ соперникомъ. Въ дѣлѣ конкурренціи съ нимъ, относительная стоимость каждой четверти важнѣе количества четвертей снимаемыхъ съ десятины. На эту сторону дѣла должно быть, поэтому, обращено главное вниманіе. Только удешевленіе русской пшеницы сохранитъ за нею подобающее ей мѣсто на всемірныхъ рынкахъ.

Примѣръ Америки показываетъ что это удешевленіе возможно не только безъ ущерба, но и съ выгодой для производителей хлѣба. Когда цѣны хлѣба понижаются вслѣдствіе удешевленія производства, отъ такого пониженія цѣнъ выигрываютъ не одни потребители, но и производители хлѣба, которому открывается болѣе обширный и обезпеченный сбытъ. Въ этомъ существенная выгода широкаго примѣненія машинъ къ сельскому хозяйству, выгода давно всѣми признанная безспорною. Слабое, почти ничтожное распространеніе машинъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ есть, можно сказать, самая важная изо всѣхъ причинъ давшихъ хлѣбной торговлѣ на всемірныхъ рынкахъ неблагопріятный для насъ оборотъ. Нельзя сказать чтобы на эту сторону дѣла у насъ не обращалось вниманія. Но всѣ надежды въ этомъ отношеніи возлагались у насъ обыкновенно на безпошлинный привозъ сельскохозяйственныхъ машинъ изъ-за границы. Мѣра эта не дала, однако, до сихъ поръ тѣхъ результатовъ какихъ отъ нея ожидали. Объяснять ея неуспѣшность косностію нашихъ земледѣльцевъ едва ли было бы справедливо. Прямымъ опроверженіемъ этой косности служитъ исторія „сапожковскихъ молотилокъ.“ Пока не было этихъ молотилокъ, пока были въ продажѣ только дорогія молотилки чужеземной конструкціи, машинная молотьба дѣлала слабые успѣхи, и молотилки были принадлежностію только крупныхъ хозяйствъ. Но появились лѣтъ пять тому назадъ дешевыя, сторублевыя „сапожковскія молотилки,“ изготовляемыя кустарнымъ промысломъ, и машинная молотьба стала быстро распро-

*) Бушель—съ небольшимъ 11 гарнцевъ, такъ что на нашу четверть приходится съ небольшимъ $5^1/_4$ бушеля.

страниться. Въ минувшемъ году такихъ молотилокъ было построено и продано въ Сапожковскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ Рязанской губерніи уже болѣе 2.000 штукъ. Фактъ знаменательный, наглядно свидѣтельствующій какое значеніе могло бы *имѣть для нашего земледѣлія* развитіе самостоятельнаго русскаго машиностроенія, не дѣлающаго желаемыхъ успѣховъ, между прочимъ, именно вслѣдствіе безпошлиннаго ввоза иностранныхъ земледѣльческихъ орудій. „Смѣло можно сказать," сказалъ минувшею весной въ одномъ изъ своихъ докладовъ І. П. Шатиловъ, предсѣдатель Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, „что безпошлинный ввозъ не содѣйствовалъ, а замедлялъ распространеніе въ Россіи лучшей обработки земли," и трудно не согласиться съ этимъ выводомъ. Не безпошлиннымъ привозомъ вызвано широкое распространеніе машиннаго хозяйства въ земледѣльческой Америкѣ, а развитіемъ туземнаго машиностроенія, поддержаннаго мощнымъ таможеннымъ покровительствомъ.

Помимо удешевленія хлѣба помощію широкаго примѣненія машинъ къ его производству, въ Америкѣ энергически заботятся объ устраненіи всѣхъ причинъ возвышающихъ его цѣну для потребителя безо всякихъ выгодъ для производителя. Извѣстно какъ много сдѣлано тамъ для удешевленія его перевозки и внутри страны, и моремъ на европейскіе рынки. Есть надежда что въ этомъ отношеніи многое будетъ сдѣлано для русскаго земледѣлія высшею желѣзнодорожною коммиссіей состоящею подъ предсѣдательствомъ графа Баранова. Но весьма важно чтобъ ожидаемыя улучшенія не заставили себя ждать. Время не терпитъ.

№ 210.

Москва, 30-го іюля.

Насколько и въ Англіи, этой классической странѣ парламентаризма, направленіе внѣшней политики, то-есть важнѣйшей отрасли государственной жизни, зависитъ не отъ парламентскаго большинства, а отъ лица, это показало то радикальное измѣненіе въ отношеніяхъ Англіи къ Турціи и къ восточнымъ дѣламъ вообще которое наступило съ переходомъ власти въ руки г. Гладстона. Болѣзнь постигшая на дняхъ англійскаго премьера, отъ которой онъ нынѣ уже оправился, послужила еще большимъ подтвержденіемъ того что именно г. Гладстонъ, а не весь кабинетъ въ полномъ его составѣ, представляетъ собою направленіе нынѣшней политики Англіи. Въ настоящемъ случаѣ для насъ важно лишь поставить на видъ то впечатлѣніе какое болѣзнь г. Гладстона произвела во всей Европѣ и тотъ фактъ что на возможности исчезновенія его съ политическаго поприща строились нѣсколько дней совершенно новыя предположенія касательно исхода теперешнихъ восточныхъ затрудненій. Насколько г. Гладстону принадлежитъ первенствующая роль въ кризисѣ настоящей минуты, это сказалось теперь яснѣе чѣмъ когда-либо прежде. Мы узнаемъ что даже въ нѣдрахъ теперешняго кабинета г. Гладстонъ встрѣчалъ противодѣйствіе своимъ планамъ на Востокѣ, а этимъ отчасти объясняется та медленность и колебанія которыя не перестаютъ тормозить даже „благія начинанія" Европы относительно Турціи. Вотъ какъ разсуждала газета *Times* по поводу болѣзни г. Гладстона, когда исходъ ея еще былъ сомнителенъ: „Когда три года „тому назадъ война на юго-востокѣ Ев„ропы была жгучимъ вопросомъ дня, по„литика г. Гладстона по этому вопросу „коренньмъ образомъ разнилась отъ по„литики всѣхъ его теперешнихъ товари„щей по кабинету. Есть полное вѣроятіе „думать что и при теперешнемъ кризисѣ „ему пришлось бороться противъ пассив„наго сопротивленія большей части сво„его кабинета, и еслибъ его голосъ ис„чезъ изъ министерства, то это вѣроятно „радикальнымъ образомъ измѣнило бы ха„рактеръ нашего теперешняго междуна„роднаго дѣйствія. Мы, какъ слѣдуетъ „ожидать, заговоримъ менѣе рѣшитель„нымъ тономъ по вопросу о Греческой гра„ницѣ, и Черногорцамъ вѣроятно придет„ся горевать о вынужденномъ молчаніи „столь ревностнаго друга ихъ. Личная дѣ„ятельность г. Гладстона должна считать„ся факторомъ чрезвычайной важности при „развязкѣ теперешнихъ запутанныхъ во„просовъ, возникающихъ изъ исполненія „Берлинскаго трактата, и удаленіе этого „фактора, хотя бы на сколько-нибудь за„мѣтный промежутокъ времени, въ теченіи „настоящаго лѣта должно будетъ отозвать-

„ся важными послѣдствіями для развитія „европейской драмы.“

Еще рѣзче значеніе личности г. Гладстона для направленія англійской политики обнаружилось въ сужденіяхъ вызванныхъ въ иностранной, и преимущественно въ берлинской печати при первой оказавшейся возможности удаленія его отъ дѣлъ. Тамошнія газеты съ самаго начала не скрывали своей антипатіи къ г. Гладстону, который во время своей избирательной кампаніи предъ послѣдними парламентскими выборами высказался, по удостовѣренію тѣхъ же газетъ, что слѣдуетъ освободить Англію и Европу „отъ преобладанія Бисмарка.“ Германія, утверждаютъ эти газеты, тѣмъ не менѣе относилась весьма хладнокровно къ переходу власти въ руки г. Гладстона и не старалась ставить никакихъ ловушекъ, „хотя къ этому были безчисленные случаи,“ какъ выразился, по удостовѣренію тѣхъ же газетъ, одинъ выдающійся государственный человѣкъ Германіи. Германія простерла де свою уступчивость до того что согласилась на конференцію, и затѣмъ на коллективную ноту, даже на демонстрацію флотовъ „въ принципѣ.“ Если тѣмъ не менѣе политика г. Гладстона нынѣ все-таки не дѣйствуетъ, то въ этомъ она должна де винить сама себя. Но не въ томъ ли заключалась ловушка что предложенія г. Гладстона были приняты „въ принципѣ,“ причемъ Турціи подъ многоразличными видами, въ томъ числѣ и посредствомъ дружественной услуги, выразившейся въ посылкѣ султану прусскихъ чиновниковъ и офицеровъ, давалось совершенно ясно понять что далѣе „принципа“ дѣло не пойдетъ, изъ чего она сама уже могла заключить что нѣтъ великаго риска въ категорическомъ отказѣ на требованія Европы. Г. Гладстонъ, согласно достовѣрнымъ сообщеніямъ изъ Лондона, передаваемымъ въ австро-нѣмецкія газеты чрезъ посредство *Политической Корреспонденціи*, отнюдь не намѣренъ остановиться на полупути. Онъ продолжаетъ думать что турецкая строптивость смирится когда морская демонстрація перейдетъ изъ области принципа въ дѣйствительность. Но онъ знаетъ де что на осуществленіе этого предположенія весьма мало шансовъ, и потому онъ настаивалъ въ кабинетѣ чтобъ Англія въ случаѣ надобности дѣйствовала отдѣльно. Тутъ-то, по словамъ *Политической Корреспонденціи*, онъ наткнулся на сильное противорѣчіе со стороны значительной части кабинета. Ему выставлялось де на видъ что рѣшившись дѣйствовать Англія немедленно разстроила бы европейскій концертъ и могла бы разчитывать на „опасную подмогу“ со стороны одной Россіи. Англо-русское согласіе повидимому еще болѣе пугаетъ нѣмецкихъ политиковъ нежели совокупное дѣйствіе Англіи и Франціи. Мы уже неоднократно имѣли случай указывать какъ французская печать, съ усердіемъ которое представляется непонятнымъ для самихъ нѣмецкихъ газетъ, всячески открещивается отъ г. Гладстона и отъ оказанія какой-либо помощи той самой Греціи, которую годъ тому назадъ Франція приняла подъ свое спеціальное покровительство. На дняхъ нѣмецкія газеты получили успокоительное по этому предмету сообщеніе и изъ Петербурга. Въ эти газеты была передана „офиціознымъ телеграфомъ“ замѣтка появившаяся 4 августа въ *Agence Générale Russe*, въ которой сказано что „лучшая гарантія сохра„ненія европейскаго согласія заключается „въ тѣхъ роковыхъ послѣдствіяхъ кои по„влекло бы за собою изолированное дѣй„ствіе какой-либо одной державы.“ Стало-быть, такъ заключаютъ въ Берлинѣ, и Россія не одобрила бы принудительныхъ мѣръ противъ Турціи еслибы таковыя были приняты Англіей помимо прочихъ державъ. Та же замѣтка *Agence Russe* направлена къ тому чтобы разсѣять и другое опасеніе которое въ послѣднее время на всѣ лады высказывалось берлинскою печатью. Нашъ французскій листокъ считаетъ неосновательными всѣ „тревожные слухи“ относительно готовящагося въ Болгаріи и Восточной Румеліи движенія. „Впрочемъ,“ прибавляетъ *Agence*, „Болгарія и Восточная Румелія получили отъ Россіи совѣтъ и знаютъ что, по ея мнѣнію, у нихъ есть достаточно дѣла внутри чтобы вдаваться въ рискованныя предпріятія которыя могутъ лишь повредить ихъ благоденствію.“

Мы очень мало вѣримъ въ искренность той тревоги которую не перестаетъ высказывать австро-нѣмецкая печать по поводу Болгаріи и Восточной Румеліи, постоянно указывая на Россію, будто бы подготовляющую подъ рукой будущее „революціонное движеніе.“ Но мы можемъ увѣрить *Agence Générale Russe* что ея

успокоительная замѣтка, если таково было ея назначеніе, не достигла цѣли. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ усмотрѣли въ этомъ лишь проявленіе „двойственности“ политики Ростіи, и попрежнему обличаютъ ее въ коварныхъ замыслахъ на счетъ Болгаріи. А въ послѣдніе дни ставится Россіи въ укоръ и то что Румынія не обнаруживаетъ особаго рвенія къ отождествленію своей политики съ Австрійскою, о чемъ повидимому прилагаются всяческія старанія, но безъ ожидаемаго успѣха. Кабинетъ г. Братіано заподазривается въ какихъ-то скрытыхъ симпатіяхъ къ Россіи, и изыскиваются способы привлечь Румынію на свою сторону. Нѣкоторая надежда возлагается въ этомъ отношеніи на предстоящее путешествіе князя Карла, причемъ онъ по всей вѣроятности посѣтитъ императора Франца-Іосифа во время пребыванія Австрійскаго монарха въ Буковинѣ. Пока Румынамъ внушается какъ пагубно было бы для нихъ поддаться заманиваніямъ Россіи, и имъ напоминается что они только Германіи и Австріи обязаны тѣмъ что Россія не отодвинула своей границы до Серета. Особенно замѣчательна статья по поводу румынскихъ дѣлъ появившаяся на дняхъ въ журналѣ *Grenzboten*, издаваемомъ извѣстнымъ панегиристомъ князя Бисмарка Dr. Бушемъ. Въ статьѣ этой изобличается, кромѣ Россіи, и Англія, также будто бы замышляющая оттѣснить Австрію и Германію отъ устьевъ Дуная. „Но,“ оканчиваетъ съ угрозой органъ получающій прямыя внушенія отъ германскаго имперскаго канцлера, „союзныя державы средней Европы едва ли допустятъ „чтобы букурештскіе политики повергли „къ ногамъ своихъ добрыхъ друзей интересы Австро-Венгріи и Германской имперіи; хотя бы эти добрые друзья ихъ и „союзники были князь Горчаковъ и г. Гладстонъ.“

№ 211.

Москва, 31-го іюля.

Британская палата лордовъ въ засѣданіи 3 августа отвергла билль о вознагражденіи ирландскихъ арендаторовъ.

Фактъ этотъ имѣетъ немаловажное значеніе. *Daily News* находитъ повидимому нужнымъ успокоить своихъ читателей и разъяснить что совершившійся фактъ не есть пораженіе министерства. „Рѣшеніе палаты лордовъ,“ говоритъ эта газета, „не создаетъ новаго политическаго положенія, но порождаетъ весьма важныя соціальныя и административныя затрудненія, которыя должны будутъ обратить на себя самое серіозное вниманіе правительства. Пораженіе либеральнаго правительства въ палатѣ лордовъ есть событіе которое въ той или другой формѣ всѣ болѣе или менѣе предвидятъ. Общественное мнѣніе страны выражается въ голосахъ палаты общинъ, и мнѣніе лордовъ имѣетъ болѣе интересъ политическій, чѣмъ политическую важность. Эта палата не можетъ ни устроить ни разстроить министерства, и рѣшенія ея не имѣютъ вліянія на положеніе министерства, планы котораго могутъ быть ею разстроены.“ Какъ бы ни было вѣрно это замѣчаніе, но въ приведенныхъ строкахъ нельзя не замѣтить нѣкотораго огорченія. Билль о которомъ идетъ рѣчь проектированъ съ цѣлью оградить ирландскихъ арендаторовъ отъ притѣсненія землевладѣльцевъ въ тѣхъ случаяхъ когда они, по независящимъ отъ нихъ причинамъ, оказываются несостоятельными во взносѣ на срокъ установленной платы. Послѣдніе неурожаи въ нѣкоторыхъ округахъ Ирландіи совершенно разорили многихъ арендаторовъ. Затративъ почти все что имѣли на обработку и улучшеніе земли и хозяйства, задолжавъ землевладѣльцамъ и постороннимъ лицамъ, фермеры наконецъ сгоняются со своихъ участковъ хозяевами земли. Многіе изъ ирландскихъ землевладѣльцевъ принимали въ разчетъ бѣдствія послѣдняго времени и безвыходное положеніе своихъ арендаторовъ, и дѣлали имъ всевозможныя льготы въ видѣ отсрочекъ и скидокъ извѣстнаго процента съ арендной платы. Но такъ какъ очень многіе поступали иначе, и арендаторы зачастую, въ случаяхъ отобранія у нихъ аренды, лишались всего что имѣли, то это порождало между ними сильное раздраженіе, которое приводило нерѣдко къ открытому сопротивленію властямъ и полиціи, причемъ не обходилось иногда безъ насильственныхъ дѣйствій и даже убійствъ. Весьма вѣроятно, что такое сильное раздраженіе многочисленнаго класса фермеровъ могло бы стать важнымъ орудіемъ для гомрулерской партіи. Не даромъ графъ Беконсфильдъ, при распущеніи парламента,

въ письмѣ своемъ къ лорду намѣстнику Ирландіи, указывалъ на опасное положеніе дѣлъ въ этой странѣ. Участь ирландскихъ арендаторовъ всегда занимала г. Гладстона, а въ его мидлотіанскихъ рѣчахъ во время послѣдней избирательной борьбы находятся намеки что еслибъ у дѣлъ стало либеральное правительство, то оно позаботилось бы объ ихъ положеніи. Какъ ни коротка нынѣшняя парламентская сессія, новое правительство рѣшилось, однако, считая это крайне необходимымъ, представить на разсмотрѣніе сессіи билль о которомъ идетъ рѣчь. Сущность законопроекта заключалась въ томъ что если землевладѣлецъ, въ случаѣ неисправности арендатора въ платежѣ условленной на срокъ суммы, захочетъ отобрать у него аренду, когда такая неисправность произошла по независящимъ отъ арендатора причинамъ, то долженъ вознаградить его за всѣ издержки сдѣланныя на обработку и улучшеніе земли.

Надо было конечно ожидать что торіи и состоящая изъ землевладѣльцевъ палата лордовъ будутъ противниками новаго билля. Со стороны оппозиціи возражали что билль этотъ ограничиваетъ право собственности. Защитники билля отвѣчали на это что право собственности нигдѣ не безгранично, что оно можетъ и должно быть ограничиваемо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда этого настоятельно требуютъ общественные интересы. Затѣмъ вопросъ изъ теоретической сферы переходилъ на почву практическую. Споръ сводился къ тому—таково ли дѣйствительно положеніе дѣлъ въ Ирландіи чтобы предстояла дѣйствительная надобность въ такой экстраординарной мѣрѣ? Со стороны оппозиціи утверждали что положеніе ирландскихъ арендаторовъ далеко уже не такъ плохо чтобы можно было оправдать принятіе этой мѣры. Сторонники правительства утверждали что мѣра эта вынуждается злобой дня и предотвратитъ гораздо болѣе вредныя послѣдствія. Палата общинъ послѣ горячихъ преній и продолжительнаго обсужденія вопроса, высказалась въ пользу законопроекта. Билль перешелъ въ палату лордовъ. Огромное большинство голосовъ въ палатѣ лордовъ отвергшее билль свидѣтельствуетъ, по мнѣнію правительственныхъ органовъ, что въ верхней палатѣ, при обсужденіи билля, сказались не просто законодательныя соображенія, а землевладѣльческіе инстинкты самосохраненія. Отклоненіе законопроекта должно быть новою непріятностью для г. Гладстона. Ставъ премьеромъ, г. Гладстонъ хорошо сознавалъ какія ожиданія связываетъ съ его премьерствомъ восторжествовавшая либеральная партія. Первые шаги его въ иностранной политикѣ возбудили много надеждъ, и Восточный вопросъ вступалъ, повидимому, въ новую фазу. Но г. Гладстонъ не ограничился внѣшнею политикой. Въ нынѣшнюю же сессію онъ коснулся и финансовыхъ, и аграрныхъ вопросовъ. Отказавшись предложить билль о возстановленіи принудительныхъ законовъ для Ирландіи, онъ такъ-сказать открывалъ примирительную политику въ отношеніи къ этой странѣ. Этотъ шагъ выражалъ довѣріе къ здравому смыслу и инстинкту законности Ирландцевъ. Къ тому же онъ поселялъ надежду что нынѣшнее правительство этимъ не ограничится и сдѣлаетъ для нихъ еще многое. Но, кромѣ вопроса объ отношеніи Ирландіи къ Англіи, надо было помочь и внутренней ирландской безурядицѣ, и въ этомъ отношеніи г. Гладстонъ полагалъ прибѣгнуть не къ мѣрамъ принужденія, а къ искорененію самаго источника зла. Но билль не прошелъ въ палатѣ лордовъ. Противники билля указали на его неизбѣжныя послѣдствія. Они доказывали что новый законопроектъ поощряетъ арендаторовъ къ неплатежу аренды. Если арендаторы будутъ знать впередъ что ихъ нельзя согнать иначе какъ по уплатѣ сдѣланныхъ ими издержекъ, то перспектива получить вдругъ круглую сумму будетъ представляться имъ очень соблазнительною и они во многихъ случаяхъ не доплатятъ нарочно чтобы получить ее. Съ другой стороны, необходимость вознагражденія за издержки которыя могутъ быть оцѣнены весьма дорого въ высшей степени стѣснила бы землевладѣльцевъ и на самомъ дѣлѣ лишила бы ихъ права отобранія аренды.

Газета *Times*, въ послѣднее время такъ часто защищавшая мѣры правительства г. Гладстона, на этотъ разъ высказываетъ свое полное сочувствіе рѣшенію палаты лордовъ, находитъ что другаго и быть не могло и взываетъ ко здравому смыслу Ирландцевъ.

Правительственные органы напротивъ опасаются безпорядковъ въ Ирландіи и возлагаютъ на палату лордовъ всю отвѣт-

ственность за послѣдствія ея рѣшенія. „Отношенія ирландскихъ арендаторовъ къ землевладѣльцамъ (говорятъ они) остались тѣ же что были.“ Но билль долженствовавшій улучшить положеніе арендаторовъ былъ предложенъ правительствомъ и прошелъ въ палатѣ общинъ, то-есть нашелъ одобреніе у представителей общественнаго мнѣнія страны. Симпатіи ирландскихъ арендаторовъ останутся де за г. Гладстономъ. Они будутъ знать что онъ и партія во главѣ которой онъ стоитъ друзья имъ, и что торіи и лорды равнодушны къ ихъ интересамъ. Каждый разъ какъ властямъ придется силою приводить въ исполненіе приговоръ объ отобраніи аренды и можетъ-быть встрѣчать вооруженное сопротивленіе — сопротивляющіеся будутъ знать что правительство считаетъ ихъ дѣло справедливымъ, и если оно будетъ вынуждено къ принятію какихъ-нибудь исключительныхъ мѣръ, они будутъ знать что оно дѣйствуетъ противъ убѣжденія.

Тяжелъ долженъ быть для г. Гладстона этотъ первый годъ его премьерства. Афганское пораженіе, неудачи въ Африкѣ, дѣла на Востокѣ: все Биконсфильдовское наслѣдіе. А между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Ирландіи, повидимому, въ самомъ дѣлѣ серіозно. Британскій кабинетъ на послѣднемъ совѣщаніи рѣшилъ отправить значительный отрядъ войска въ Ирландію въ виду возможныхъ тамъ безпорядковъ.

№ 212.

Москва, 1-го августа.

Въ ряду фактовъ заявленныхъ въ только что опубликованной офиціальной вѣдомости о ходѣ нашей внѣшней торговли съ 1 января по 1 іюня текущаго года наибольшее вниманіе обращаетъ на себя крупное сокращеніе нашего хлѣбнаго отпуска. Онъ уменьшился слишкомъ въ полтора раза противъ соотвѣтственнаго періода прошлаго 1879 и слишкомъ вдвое противъ таковаго же періода 1878 года *). Ржи въ означенные пять мѣсяцевъ текущаго года вывезено всего 2.243.000 четвертей, вмѣсто 4.437.000 четв. вывезенныхъ въ тѣ же мѣсяцы въ прошломъ году; пятимѣсячный отпускъ пшеницы составилъ только 2.501.000 четвертей, вмѣсто прошлогднихъ 5.363.000 (въ первые пять мѣсяцевъ 1878 года пшеницы было вывезено 8.321.000 четв.). Правда, даже и столь сильно сократившіеся размѣры хлѣбнаго отпуска еще недавно казались многимъ чрезмѣрными и угрожающими совершеннымъ истощеніемъ запасовъ хлѣба внутри государства въ моментъ когда эти запасы особенно нужны. Необходимость ихъ сбереженія представлялась тѣмъ болѣе настоятельною чѣмъ тревожнѣе были газетныя извѣстія о видахъ на урожай въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ этихъ извѣстіяхъ было такъ мало утѣшительнаго что многіе серіозно опасались народнаго бѣдствія — голоднаго года, причемъ, подобно тому какъ это случилось за сорокъ лѣтъ предъ симъ, могла возникнуть нужда въ привозѣ хлѣба изъ-за границы для народнаго продовольствія. Въ виду такихъ опасеній высказывалась, между прочимъ, мысль, не требуется ли обстоятельствами чтобы вывозъ хлѣба изъ Россіи былъ временно совсѣмъ пріостановленъ. Но вся эта тревога оказалась, слава Богу, напрасною. Какъ извѣстно, полученныя министромъ внутреннихъ дѣлъ телеграммы отъ 56 губернаторовъ сообщаютъ благопріятныя свѣдѣнія объ урожаѣ нынѣшняго года. Результатъ жатвы, за исключеніемъ немногихъ губерній, обѣщаетъ быть выше средняго. Это значитъ что народное продовольствіе болѣе чѣмъ обезпечено, и что за обезпеченіемъ его должно остаться значительное количество хлѣба требующее сбыта. Какъ велико можетъ быть это количество, конечно, невозможно опредѣлить. Но если взять въ соображеніе что среднимъ урожаемъ, по офиціальнымъ даннымъ за 1870—1877 годы, считается у насъ сборъ 266 милліоновъ четвертей хлѣба, и что урожаи ниже средняго на 8 и даже на 38 милліоновъ четвертей въ 1876 и въ 1875 годахъ не были въ тѣ годы препятствіемъ къ вывозу хлѣба за границу въ количествѣ 22 и 25 милліоновъ четвертей безо всякаго стѣсненія во внутреннемъ продовольствіи, можно придти къ заключенію что при урожаѣ выше средняго не будетъ препятствій къ отпуску хлѣба въ размѣ-

*) Отпускъ хлѣба съ 1-го января по 1-е іюня былъ:

Въ 1878 году	18.411.150	четв.
„ 1879 „	13.949.579	„
„ 1880 „	9.136.141	„

рахъ близкихъ къ высокимъ цифрамъ послѣднихъ лѣтъ. Но дойдетъ ли дѣйствительно до такихъ размѣровъ хлѣбный отпускъ нынѣшняго года? Это зависитъ не отъ однихъ результатовъ жатвы и обилія хлѣбныхъ запасовъ въ Россіи, но еще болѣе отъ размѣровъ спроса на хлѣбъ въ Европѣ и отъ степени въ какой этотъ спросъ будетъ удовлетворенъ нашими конкуррентами на всемірныхъ хлѣбныхъ рынкахъ. А съ этой стороны обстоятельства далеко не таковы чтобы смѣло можно было разчитывать что огромные недочеты въ хлѣбномъ отпускѣ первыхъ пяти мѣсяцевъ будутъ восполнены усиленнымъ вывозомъ въ остальное время года. Но еслибы даже эти обстоятельства и обратились въ нашу пользу, во всякомъ случаѣ нельзя не признать что слишкомъ много пришлось бы наверстывать, и конечно трудно ожидать чтобы въ текущемъ году въ семь мѣсяцевъ могло быть отпущено за границу столько же хлѣба сколько было вывезено его во всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ 1877 года. Для этого понадобилась бы перевозка къ портамъ въ относительно короткій срокъ такихъ массъ хлѣба съ какими наши желѣзныя дороги, въ ихъ нынѣшнемъ состояніи, положительно не въ силахъ были бы справиться.

Между тѣмъ, нѣтъ страны для которой сокращеніе хлѣбнаго отпуска имѣло бы такое важное значеніе какъ для Россіи. Для нашего главнаго конкуррента по хлѣбной торговлѣ, для Соединенныхъ Штатовъ, колебанія въ размѣрахъ заграничнаго сбыта хлѣба, конечно, тоже не лишены значенія, но совсѣмъ не въ такой степени какъ для насъ. Въ 1878 году, напримѣръ, изъ Америки было вывезено хлѣба на такую же сумму какъ и изъ Россіи; но при этомъ хлѣбъ въ американскомъ отпускѣ вовсе не игралъ той господствующей роли какую онъ занимаетъ въ нашемъ. Вывозъ животныхъ и ихъ продуктовъ изъ Америки, по своей цѣнности, мало чѣмъ уступалъ отпуску хлѣба; обороты по сбыту хлопка были шире оборотовъ хлѣбной торговли; стоимость прочихъ отпускныхъ товаровъ представляла цифру еще болѣе крупную чѣмъ вызовъ хлопка. Хлѣбъ составляетъ такимъ образомъ лишь одну четвертую часть всего американскаго отпуска. Если въ этой четвертой части окажется въ какомъ-нибудь году недочетъ, онъ будетъ не особенно чувствителенъ для страны, и можетъ быть легко вознагражденъ успѣхами по тремъ другимъ равнозначащимъ частямъ отпускной торговли. Совсѣмъ не то у насъ. Никакихъ равносильныхъ хлѣбу статей въ нашемъ отпускѣ нѣтъ. Три пятыхъ его составляетъ хлѣбъ, и только двѣ пятыхъ приходится на всѣ остальные продукты вмѣстѣ взятые. При такомъ положеніи дѣла сколько-нибудь серіозные недочеты въ вывозѣ хлѣба по необходимости остаются у насъ ничѣмъ не вознаградимыми.

Это однообразіе отпуска составляетъ слабую нашу сторону, ведетъ ко многимъ невыгодамъ и грозитъ еще большими въ будущемъ. Главнымъ образомъ, именно вслѣдствіе этого однообразія нашего производства, борьба съ другими конкуррентами на хлѣбныхъ рынкахъ имѣетъ для насъ особенно опасный характеръ. Наши шансы слишкомъ не равны. У насъ замѣшана въ борьбѣ почти вся совокупность экономическихъ интересовъ страны, и въ случаѣ неуспѣха всѣ они должны пострадать; у Американцевъ же поставлена на карту лишь небольшая доля этихъ интересовъ. Этого, полагаемъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду. Обстоятельства требуютъ чтобы мы еще съ большею чѣмъ Американцы энергіей заботились объ удержаніи за собой всемірныхъ хлѣбныхъ рынковъ. И тѣ же обстоятельства ставятъ Россію въ необходимость озаботиться введеніемъ бо́льшаго разнообразія въ ея экономическое производство.

Нельзя допускать мысли что Россія обречена своими естественными условіями производить только хлѣбъ и ничего болѣе. Она всегда производила много хлѣба, но кромѣ хлѣба она можетъ производить и многое другое въ размѣрахъ далеко превышающихъ размѣры внутренняго потребленія. Скотоводство могло бы процвѣтать у насъ не менѣе чѣмъ въ Америкѣ. Еще на памяти живущихъ нынѣ людей продукты нашего скотоводства играли во внѣшней торговлѣ не только не меньшую, но еще бо́льшую роль чѣмъ зерновой хлѣбъ. Наше скотоводство упало, и ничего не было сдѣлано чтобы поддержать его; самыя причины повлекшія къ упадку не были подвергнуты надлежащему изслѣдованію. Но пора, давно пора взглянуть на это дѣло серіозно, тѣмъ болѣе что безъ надлежащаго развитія скотоводства самое земледѣліе не можетъ дѣлать желаемыхъ успѣховъ. Фактъ что Соединенные Штаты, при

вдвое меньшемъ населеніи, обладаютъ въ полтора раза бо́льшимъ количествомъ рогатаго скота чѣмъ Европейская Россія, почти одинаковымъ числомъ овецъ и вчетверо бо́льшимъ количествомъ свиней,— этотъ фактъ имѣетъ для насъ самое печальное значеніе. Не въ одномъ машинномъ хозяйствѣ, но въ изобиліи своего животнаго инвентаря американское земледѣліе идетъ впереди нашего. Вопросъ что̀ можетъ быть сдѣлано для подъема нашего скотоводства пріобрѣтаетъ поэтому особую важность. Устраненіе причинъ его упадка и препятствій къ его возрожденію должно быть безотлагательно поставлено на очередь.

Бѣдность земледѣльческаго инвентаря, какъ въ орудіяхъ такъ и въ животныхъ, объясняется обыкновенно весьма просто— недостаткомъ у насъ капиталовъ. Это общій недугъ и земледѣлія, и другихъ отраслей нашей экономической дѣятельности. Капиталами мы, дѣйствительно, не богаты. Но какъ же въ такомъ случаѣ помочь горю? Ходячій рецептъ извѣстенъ—привлеченіемъ капиталовъ изъ другихъ странъ гдѣ они находятся въ изобиліи. Этотъ рецептъ въ теченіи многихъ лѣтъ и примѣнялся у насъ при всякой возможности. Но желательныхъ результатовъ отъ него до сихъ поръ не получено, и пора, кажется, окончательно разувѣриться въ его годности. Не на чужіе капиталы слѣдуетъ разчитывать, а на накопленіе собственныхъ путемъ сбереженій. Но почему этимъ путемъ не накопляются у насъ капиталы въ необходимыхъ размѣрахъ? что̀ этому причиной? Этотъ вопросъ у насъ почти никогда не ставится, а между тѣмъ нельзя отрицать его государственную важность. Дать на него категорическій отвѣтъ, конечно, трудно, но вникая въ ходъ нашихъ дѣлъ, невольно приходишь къ мысли, что недостаточное накопленіе капиталовъ въ странѣ есть результатъ ошибочной экономической политики, непомѣрно поощряющей привозную торговлю. Подъ вліяніемъ этой политики, страна изъ года въ годъ тратитъ на покупку чужихъ продуктовъ сумму бо́льшую той за которую въ то же время можетъ быть продана та часть продуктовъ собственнаго ея производства которая остается за удовлетвореніемъ внутренняго потребленія. Не къ накопленію капиталовъ, а къ разоренію ведетъ подобный образъ дѣйствій въ частной жизни; конечно не къ накопленію, а къ разоренію, и къ переходу капиталовъ въ чужія руки долженъ вести онъ и въ жизни государственной. Какого накопленія капиталовъ въ странѣ можно ожидать хотя бы въ текущемъ году, въ которомъ покупка иностранныхъ товаровъ превосходитъ по своимъ размѣрамъ закупки прежнихъ лѣтъ, между тѣмъ какъ выручка за отпускные товары, вслѣдствіе сокращенія вывоза хлѣба, должна сильно уменьшиться?

№ 213.

Москва, 2-го августа.

Нѣсколько словъ сказанныхъ нами въ заключеніе нашей замѣтки по несчастному дѣлу Булюбаша въ № 198 *Московскихъ Вѣдомостей* были подхвачены. Мы объявлены опасными людьми подрывающими довѣріе къ правительству, чуть не анархистами. Это дѣлается въ томъ самомъ органѣ, тѣми же людьми которые съ безпримѣрнымъ безстыдствомъ укоряютъ въ сикофанствѣ всякаго кто не по нихъ скажетъ слово.

Наши слова были истолкованы въ томъ смыслѣ будто мы порицаемъ систему дѣйствій принятую графомъ Лорисъ-Меликовымъ въ борьбѣ съ крамолой, и что мы видимъ въ этихъ дѣйствіяхъ рядъ уступокъ анархистамъ.

Пока мы говоримъ, мы обязаны говорить правду какъ понимаемъ ее по нашему крайнему разумѣнію. Революція наша остается въ туманѣ; преступниковъ ловили, казнили и ссылали, но концы крамолы и доселѣ остаются неразъясненными. Извѣстно только то что она не встрѣчала должнаго сопротивленія. Общество находилось въ недоумѣніи, отдѣльныя власти дѣйствовали не разбирая гдѣ зло, и своими мѣрами не рѣдко вызывали и усиливали его; въ сферахъ интеллигентныхъ и вліятельныхъ обозначалось присутствіе какихъ-то партій недовольныхъ и злорадно смотрѣвшихъ на наши революціонные скандалы. Достаточно припомнить знаменитый процессъ Вѣры Засуличъ.

У насъ идутъ толки о какой-то консервативной и какой-то либеральной партіи, но такихъ партій у насъ не имѣется, и нѣтъ для нихъ реальной основы. За то у насъ есть люди старыхъ порядковъ, и есть люди новыхъ порядковъ, созданныхъ ре-

формами. Такъ крестьянская реформа создала мировыхъ посредниковъ, которые много способствовали ея успѣху. Это были дѣйствительно „лучшіе люди," оказавшіе незабвенныя услуги странѣ. Къ сожалѣнію, ими не воспользовались въ должной мѣрѣ, ихъ не обратили въ постоянное учрежденіе которое могло бы стать превосходнымъ, все въ себѣ соединяющимъ органомъ мѣстнаго самоуправленія; ихъ одолѣли и сжили со свѣта люди старыхъ порядковъ, которые были тогда еще въ полной и не надломленной силѣ. Затѣмъ явились земскія учрежденія которыя вызвали на свѣтъ массу новыхъ людей. Масса, впрочемъ, остается массой, но изъ нея выдѣляются люди честолюбивые, импульсивные, ищущіе вліянія и значенія. По своей идеѣ, земскія учрежденія должны были бы стать организаціей мѣстнаго самоуправленія, обнимающею въ одной системѣ всѣ мѣстныя власти какъ выборныя такъ и назначенныя. Но они не имѣютъ ничего общаго ни съ какимъ управленіемъ, они не находятся ни въ какомъ отношеніи ни къ сельскимъ обществамъ, ни къ волостямъ, ни къ земской полиціи. Окруженныя со всѣхъ сторонъ полувластями, сами они лишены всякой власти. Они такъ составлены и такъ поставлены что отнюдь не служатъ мѣстнымъ продолженіемъ общаго государственнаго управленія. Это какъ бы частныя общества, хотя и организованныя государствомъ, но ему чуждыя и отъ него отдѣльныя. Служатъ они машиной для выборовъ, для обложенія, для ассигновокъ, и призваны дѣятельно завѣдывать только исправленіемъ дорогъ и починкой мостовъ. Они какъ бы намекъ на что-то, какъ бы начало неизвѣстно чего-то, и походятъ на гримасу человѣка который хочетъ чихнуть, но не можетъ. Въ томъ видѣ и смыслѣ какъ они составлены и поставлены они по необходимости обречены быть очагомъ недовольства и агитаціи. . . . . .

Затѣмъ явилось на Руси небывалое дотолѣ учрежденіе, самостоятельно организованная судебная власть, отдѣльная и независимая отъ административной. Созданные этою реформой новые люди сначала были слабы и были окружены ревнивыми, непріязненно на нихъ смотрѣвшими силами. Какъ людямъ крестьянской реформы такъ и новому судебному сословію, въ эти критическія минуты его существованія оказывали мы усердную поддержку и брали его сторону въ его столкновеніяхъ съ другими властями. Съ живымъ сочувствіемъ слѣдили мы за первыми шагами новаго суда. Все чѣмъ можетъ способствовать независимое и убѣжденное слово дѣлалось нами въ пользу новаго учрежденія, которое такъ много обѣщало для нашего благоустройства. Нѣкоторыя неясности и недомолвки, нѣкоторыя неудачныя заимствованія, слишкомъ рабскія примѣненія ходячихъ доктринъ, не вредили идеѣ учрежденія и могли быть въ послѣдствіи легко устранены, пополнены и исправлены по указаніямъ опыта.

Перестоявъ критическое время, новое судебное сословіе быстро стало возрастать и усиливаться, чему много способствовало то что ядромъ его были главнымъ образомъ питомцы привилегированнаго училища, вдвойнѣ солидарные между собою и какъ товарищи по воспитанію, и какъ дѣятели одного поприща. Мало-по-малу эти новые люди, при громадныхъ правахъ своего учрежденія, поставленнаго подъ открытымъ небомъ, при солидарности своихъ членовъ сверху до низу, совсѣмъ одолѣли своихъ противниковъ и стали могуществомъ. Такъ-называемая *консервативная* администрація, собиравшаяся ограничить эту новую политическую силу и поставить ее на мѣсто, сама подчинилась ей и способствовала ея возвеличенію и преобладанію. Появленіе этихъ новыхъ людей производило, съ точки зрѣнія старыхъ порядковъ, странное дѣйствіе. Въ два-три прыжка они достигали вершины той же іерархической лѣстницы чиновъ и отличій по которой шагъ за шагомъ взбирались люди старыхъ порядковъ. Правительствующій Сенатъ, какъ высшее судебное учрежденіе, радикально измѣнился въ своемъ характерѣ и составѣ. Судебные дѣятели массами производились въ patres conscripti и становились сановниками имперіи. Но овладѣвъ полемъ, они, отчасти по самому характеру своего учрежденія, все же находились какъ бы въ оппозиціи къ правительству, которое, разумѣется, принадлежитъ къ старымъ порядкамъ. Пользуясь государственными отличіями, но не неся никакой отвѣтственности въ дѣлѣ государства, эти лица чувствовали себя только критиками въ вопросахъ политическихъ. Духъ антагонизма росъ вмѣстѣ съ ихъ усиленіемъ. Несостоятельность, неумѣлость и ошибки, которыхъ они были свидѣтелями,

оправдывали ихъ въ собственной совѣсти. Критика начала выражаться практически въ ходѣ и исходѣ судебныхъ процессовъ, и судъ становился какъ бы дѣломъ партіи...

Когда судебные люди были слабы, мы были постоянно на ихъ сторонѣ; когда они стали сильны, намъ поневолѣ иногда приходилось говорить не по нихъ, за что подвергались мы въ печати поруганію и выставлялись ненавистниками рода человѣческаго.

Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла когда графъ Лорисъ-Меликовъ былъ призванъ къ пресѣченію смуты, которая, пользуясь ошибками однихъ и злорадствомъ другихъ, доходила въ послѣднее время до крайнихъ неистовствъ. На кого было опереться? Люди старыхъ порядковъ были большею частію деморализованы и сбиты съ толку. Графъ Лорисъ-Меликовъ возымѣлъ мысль обратиться прямо къ людямъ новыхъ порядковъ вообще, державшимся въ сторонѣ и какъ бы въ оппозиціи и занимавшимся критикой; онъ пригласилъ ихъ принять участіе въ борьбѣ со зломъ, и сдѣлалъ шагъ имъ на встрѣчу, въ чемъ, сколько мы понимаемъ, и заключался смыслъ его обращенія къ обществу. Исторіи предстоитъ доказать что при данныхъ обстоятельствахъ быть-можетъ ничего иного не оставалось дѣлать. Пусть же новые люди войдутъ въ государственное дѣло и примутъ на себя свою долю отвѣтственности въ немъ; пусть они обновятъ собою старые порядки. Мы первые порадовались бы еслибъ опытъ удался. Но хорошіе и полезные дѣятели прежде всего должны доказать свое умѣніе критически относиться къ самимъ себѣ, доказать свою способность все видѣть и все оцѣнивать съ точки зрѣнія цѣлаго.

Если мы не имѣемъ никакихъ предубѣжденій противъ новыхъ дѣятелей, то не можемъ имѣть и въ пользу ихъ никакихъ предубѣжденій. Невольно является вопросъ, солидарны ли они, и въ какой мѣрѣ, съ нѣкоторыми органами нашей печати? Политическая агитація никогда, къ сожалѣнію, не бываетъ разборчива въ средствахъ и не гнушается никакими союзами. Если была солидарность, то останется ли таковая и впредь, или, другими словами, сохранятъ ли тѣ же органы свой прежній характеръ? Предположимъ что сохранятъ, и что солидарность останется: въ такомъ случаѣ подпольнымъ дѣятелямъ нѣтъ ни малѣйшей причины быть недовольными. Они могутъ успокоиться и притихнуть временно на этомъ удобномъ этапѣ. Мы не желаемъ дѣлать вышесказанное предположеніе; но подпольные дѣятели, по всему вѣроятію, такое предположеніе дѣлаютъ. Разубѣдить ихъ могли бы только рѣшительные факты, а вмѣсто того появляются признаки которые могутъ только внушать имъ увѣренность что праздникъ на ихъ улицѣ. Къ числу этихъ-то явленій нельзя не отнести и дѣло Булюбаша которымъ было вызвано наше замѣчаніе, или дѣло Дьякова, о которомъ намъ такъ часто приходилось говорить.

Въ этихъ и подобныхъ прискорбныхъ явленіяхъ невольно чуется что-то недоброе, что-то кусающее, духъ какой-то отместки жестокой, столько же какъ и напрасной, и въ то же время несообразительной. Предпринята „мягкая политика“ относительно пропагандистовъ, ихъ массами освобождаютъ и возвращаютъ изъ-подъ надзора полиціи, и вотъ въ то же время приговариютъ къ позорящему наказанію человѣка который въ первой молодости увлекался ихъ ученіями, но давно отрекся отъ нихъ и явился ихъ противникомъ и обличителемъ... О дѣлѣ г. Булюбаша мы уже не говоримъ...

Но если въ виду подобныхъ явленій подпольные дѣятели не могутъ не радоваться, то мы въ свою очередь постараемся не предаваться унынію. Будемъ надѣяться до конца; будемъ надѣяться что всѣ прискорбныя явленія которыя смущаютъ людей здравомыслящихъ и честныхъ изчезнутъ какъ wesenloser Schein, какъ признаки положенія существенно измѣнившагося; что люди старыхъ и новыхъ порядковъ сгруппируются вокругъ одного великаго общаго дѣла, и что свѣтъ разумѣнія укажетъ тѣмъ и другимъ что̀ дѣлать, что̀ измѣнить, что̀ поправить. Если опытъ удастся, заслугу графа Лорисъ-Меликова оцѣнитъ исторія; если не удастся, то слѣдуетъ винить положеніе среди котораго ему приходится дѣйствовать и которое не имъ было создано.

№ 215.

Москва, 4-го августа.

Окончившіеся на дняхъ выборы во французскіе департаментскіе генеральные совѣты имѣли важное политическое значеніе, и результаты ихъ привлекали къ себѣ общее вниманіе не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Это объясняется тѣмъ что генеральные совѣты департаментовъ играютъ выдающуюся роль при выборахъ сенаторовъ. Французская верхняя палата отличается, какъ извѣстно, весьма сложнымъ устройствомъ: кромѣ пожизненныхъ сенаторовъ назначаемыхъ самимъ сенатомъ, въ него входятъ 225 выборныхъ сенаторовъ. Одна треть этого числа выбываетъ чрезъ три года и пополняется посредствомъ новыхъ выборовъ. Выборы эти производятся по департаментамъ въ особыхъ избирательныхъ коллегіяхъ составляемыхъ изъ депутатовъ палаты отъ даннаго департамента, членовъ генеральнаго совѣта и делегатовъ отъ муниципальныхъ и окружныхъ совѣтовъ. Генеральные совѣты играютъ въ этомъ случаѣ первенствующую роль какъ по своей численности, такъ и по своему значенію въ мѣстномъ управленіи. Эти-то выборы, отъ коихъ въ прямой зависимости находится предстоящее въ будущемъ году избраніе 75 новыхъ сенаторовъ, дали резутьтаты вполнѣ благопріятные для той фракціи республиканской партіи которая нынѣ управляетъ Франціей. Избрано 902 республикандевъ и 372 консерваторовъ, такъ что республиканцы пріобрѣли около 300 новыхъ мѣстъ. Независимо отъ обезпеченія будущаго успѣха при частномъ возобновленіи состава сената, департаментскіе выборы послѣднихъ дней признаются важною побѣдой для правительства и въ настоящую минуту, такъ какъ ими опредѣлилось отношеніе страны къ церковной политикѣ правительства. Французскіе клерикалы возлагали большія надежды на эти выборы, и іезуиты, пользующіеся столь могущественнымъ вліяніемъ, употребляли, говорятъ, всѣ усилія чтобы побѣда осталась на сторонѣ противниковъ правительства, дабы тѣмъ доказать что большинство страны порицаетъ репрессивныя мѣры принятыя правительствомъ противъ духовныхъ конгрегацій и изгнаніе іезуитовъ. Сенатъ, въ теперешнемъ его составѣ, отвергъ, какъ извѣстно, законопроектъ по этому предмету одобренный палатой депутатовъ, послѣ чего правительство прибѣгло къ существующимъ, но давно забытымъ и сомнительнымъ въ ихъ юридической силѣ старымъ законамъ и декретамъ, изданнымъ противъ конгрегаціи со времень Наполеона I.

Теперь оказалось что клерикальная агитація потерпѣла фіаско, и правительственные органы ликуютъ усматривая въ послѣднихъ выборахъ „явное доказательство полной солидарности между правительствомъ и страной.“ Будущность республики, что въ данномъ случаѣ означаетъ президентство г. Гамбетты, представляется обезпеченною. Нельзя не согласиться что г. Гамбетта съ каждымъ днемъ выдвигается впередъ какъ истинный властелинъ Франціи. Но Франція такая страна гдѣ успѣхъ всегда привлекаетъ на свою сторону большинство, которое и служитъ доказательствомъ лишь силы и успѣха того кто въ данную минуту имѣетъ власть въ своихъ рукахъ. Припомнимъ знаменитый плебисцитъ который доставилъ Наполеону III восемь милліоновъ голосовъ. Кто могъ бы тогда сказать что нѣсколько мѣсяцевъ спустя имперія падетъ такъ легко и такъ позорно?..

Какъ бы то ни было, но въ настоящую минуту кабинетъ г. Фрейсине, а еще болѣе дѣйствительный глава правительства, г. Гамбетта, чувствуютъ себя прочно сидящими въ своемъ сѣдлѣ, и насколько Франція вообще способна вліять на общее положеніе европейской политики, должно считаться съ партіей бывшаго диктатора Франціи. Въ Германіи это хорошо понимаютъ, и г. Гамбетта сталъ тамъ предметомъ неуклонныхъ и пристальныхъ наблюденій.

Будущій президентъ Франціи научился говорить весьма сдержаннымъ языкомъ подобающимъ главѣ обширнаго государства, и нѣмецкимъ газетамъ до сихъ поръ не удалось разгадать его замыслы и его образъ мыслей насчетъ самаго жгучаго и завѣтнаго для каждаго Француза вопроса объ отместкѣ Германіи. Но нельзя сказать чтобы признаки тщательно подмѣчаемые въ Германіи были слишкомъ успокоительнаго свойства. Чѣмъ болѣе возрастало вліяніе г. Гамбетты, тѣмъ явственнѣе обнаруживалось что онъ болѣе всего занятъ мыслію о войнѣ и о приготовленіяхъ къ ней. Г. Гамбетта давно уже окружилъ себя

чѣмъ-то въ родѣ генеральнаго штаба, и высшія мѣста въ арміи, начиная отъ командировъ дивизій и корпусовъ и кончая военнымъ министромъ, г. Фарромъ, постепенно замѣщаются его друзьями.

Въ виду всего этого, послѣдняя публичная манифестація г. Гамбетты въ Шербургѣ должна была причинить не малую тревогу въ Германіи и вѣроятно не останется безъ вліянія и на ходъ теперешняго „общеевропейскаго" дѣла на Востокѣ. Морскія празднества въ Шербургѣ, продолжавшіяся съ большимъ оживленіемъ нѣсколько дней, были устроены въ *pendant* къ празднеству „возрожденія Французской арміи" 15-го іюля въ Парижѣ, въ которомъ представители французскаго флота не участвовали. Президентъ республики, г. Греви, отправился туда „въ сопровожденіи" президентовъ обѣихъ палатъ; но онъ, по обыкновенію своему, ограничился парадною ролью, тогда какъ г. Гамбетта взялся быть выразителемъ стремленій правительства, и рѣчь произнесенная имъ на одномъ изъ шербургскихъ банкетовъ не могла не произвести впечатлѣнія въ Германіи, ибо еще ни разу со времени послѣдней войны такъ громко и ясно не были высказываемы устами официальнаго лица сокровенныя стремленія Франціи и убѣжденіе что она должна добиваться возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ. Г. Гамбетта, правда, и на этотъ разъ воздержался отъ вызывающихъ фразъ и прямыхъ указаній; но его намеки были слишкомъ прозрачны. „Въ спокойной мудрости," сказалъ г. Гамбетта, „въ согла„шеніи добрыхъ намѣреній каждаго, Фран„цузы должны ждать отъ своихъ рукъ, отъ „*своего оружія* тѣхъ великихъ *исправленій* „какъ внутри, *такъ и внѣ*, которыя мо„гутъ быть основаны на правѣ. Мы или „наши дѣти можемъ питать надежду на „эти исправленія." Говоря далѣе о военныхъ силахъ Франціи, г. Гамбетта объяснилъ что на нихъ возлагается главная надежда. „Когда видишь что Франція упа„ла такъ низко," сказалъ онъ, „необхо„димо поднять ее чтобъ она снова заняла „свое мѣсто въ мірѣ. Если наши сердца „бьются, то ради того лишь чтобы до„стичь цѣли." Тутъ г. Гамбетта включилъ фразу которою какъ бы ослабляется впечатлѣніе его прежнихъ словъ. Франція заботится де такъ ревностно о своихъ военныхъ силахъ не ради погони за кровавыми идеалами, но для сохраненія въ цѣлости „того что осталось отъ Франціи;" но это очевидно была лишь дипломатическая фраза и притомъ очень мало вяжущаяся съ предыдущимъ и послѣдующимъ, и вовсе не замаскировавшая истиннаго смысла всей рѣчи. Ибо „то что осталось отъ Франціи" не подвергается никакой видимой опасности, и въ этомъ отношеніи нѣтъ надобности никому, а ужъ тѣмъ менѣе Франціи, добиваться исправленій, да еще „своимъ оружіемъ." Въ видахъ сохраненія того что осталось отъ Франціи нѣтъ надобности „разчитывать на будущность и быть увѣренными что если на землѣ существуетъ справедливость, то ея часъ придетъ."

Для Германіи и ея политическихъ комбинацій въ будущемъ важномъ конечно не то что Франція считаетъ себя призванною возстановить свое право и исправить временно постигшую ее, по ея мнѣнію, несправедливость. Германія ни на одну минуту не успокоилась на своихъ лаврахъ и не переставала готовиться къ новой войнѣ съ Франціей. Тамъ хорошо знаютъ что кому бы ни досталась власть надъ возстановленною въ своихъ силахъ Франціей, тотъ долженъ будетъ затѣять эту войну. Генералъ Мольтке еще въ прошедшемъ году высказался въ рейхстагѣ что Германіи предстоитъ еще на 50 лѣтъ забота и борьба за сохраненіе того что ею пріобрѣтено послѣднею войной. Но въ послѣдней рѣчи г. Гамбетты для Германіи будетъ новостью, вопервыхъ, то что во Франціи уже стали открыто говорить о необходимости новой борьбы, а вовторыхъ, что это высказываетъ человѣкъ которому быть-можетъ принадлежитъ ближайшая будущность Франціи.

Весьма любопытны будутъ сужденія нѣмецкой печати о рѣчи г. Гамбетты. Но пока мы встрѣчаемъ въ нихъ лишь телеграфное извлеченіе изъ ней, безо всякихъ комментаріевъ, причемъ, къ удивленію, многое оказывается значительно смягченнымъ въ телеграфномъ извлеченіи нѣмецкихъ газетъ.

№ 216.

Москва, 6-го августа.

Свиданіе въ Ишлѣ монарховъ Германіи и Австріи, и совпавшее съ тѣмъ посѣщеніе

Франца-Іосифа князьями Миланомъ Сербскимъ и Карломъ Румынскимъ, служатъ предметомъ толковъ въ германской и австрійской печати. Свиданію императоровъ Вильгельма и Франца-Іосифа придаютъ важное политическое значеніе потому въ особенности что оно есть первое со времени тѣснѣйшаго сближенія между Австріей и Германіей. Въ Ишлѣ, какъ замѣчаютъ, не было и не могло быть принято никакихъ новыхъ рѣшеній, но тамъ подтверждена прочность существующаго союза, на который, по словамъ берлинскихъ газетъ, императоръ Вильгельмъ далъ свое согласіе далеко не съ полною охотой и только уступая настояніямъ своего желѣзнаго канцлера.

Почти годъ тому назадъ, слѣдомъ за заключеніемъ Австро-Германскаго союза, возникли настойчивые слухи о присоединеніи къ нему Румыніи, какъ владѣнія интересы котораго „и на Дунаѣ и на Востокѣ совершенно тождественные съ Австрійскими побуждаютъ его искать такого сближенія.“ Но слухи эти не оправдались. Было не мало, положимъ, мелкихъ причинъ препятствовавшихъ Румыніи искать сближенія съ Австро-Венгріей, а послѣдней принять такое предложеніе, еслибъ оно послѣдовало. Румынія должна была прежде регулировать нѣкоторыя изъ своихъ внутреннихъ дѣлъ, рѣшеніемъ которыхъ имѣли основаніе интересоваться въ Вѣнѣ и особенно въ Берлинѣ. Не съ меньшей силой возобновились толки о присоединеніи Румыніи къ Австро-Германскому Союзу и во время дипломатическаго путешествія Братіано, встрѣченнаго весьма радушно и получившаго какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ „обѣщанія весьма выгодныя и сверхъ ожиданія.“ О чемъ велъ переговоры румынскій премьеръ съ германскимъ канцлеромъ осталось однако неизвѣстнымъ. Говорили что поѣздка имѣла въ виду династическіе интересы и признаніе Румыніи королевствомъ, чему однако никто не вѣрилъ. Тѣ же слухи возникли теперь вслѣдствіе поѣздки въ Ишль князя Карла, и не безъ повода если вѣрить букурештскому корреспонденту вѣнской *Presse* имѣвшему аудіенцію у князя Карла предъ самымъ отъѣздомъ его въ Австрію. Князь Карлъ, какъ говоритъ корреспондентъ, прямо сказалъ что считаетъ Австро-Германскій союзъ обѣщающимъ сохраненіе мира, въ которомъ нуждается Румынія, почему она „должна присоединиться къ тѣмъ державамъ которыя слѣдуютъ мирной политикѣ.“ Румынія, прибавилъ князь, постарается сохранить возможно долѣе миръ, но чтобы быть готовою на всякій случай, „она реорганизовала и перевооружила свою армію.“ Еще опредѣленнѣе высказался предъ корреспондентомъ Братіано, замѣтивъ что Румынія не прочь совершенно примкнуть къ Австро-Германскому Союзу.

Не намекаютъ ли слова румынскаго министра на то что Румынію приглашаютъ присоединиться къ этому союзу. На какой бы фронтъ ни пришлось повернуться, Румынія со своею „реорганизованною и перевооруженною арміей“ будетъ не изъ нашимъ союзникомъ. Въ Вѣнѣ, конечно, озабочены всего болѣе исходомъ восточныхъ затрудненій, и князь Карлъ очевидно не безъ намѣренія сказалъ корреспонденту австрійской газеты будто положеніе Восточной Румеліи теперь „совершенно таково какъ и Сербіи въ 1876 году,“ и что вопросъ о войнѣ и мирѣ на Востокѣ зависитъ лишь отъ того какъ отнесутся великія державы къ попыткѣ соединенія Болгаріи съ Румеліей, которое считается неизбѣжнымъ. При такихъ условіяхъ для Австріи союзъ съ Румыніей долженъ имѣть особую цѣну, такъ какъ онъ даетъ въ руки козырь

Румынія ближайшая сосѣдка Болгаріи и ея явное нерасположеніе можетъ заставить Болгарію быть сдержанною или изолировать съ той стороны откуда она могла бы разчитывать на помощь.

Безъ внѣшней помощи, за которою однако ревниво слѣдятъ даже и въ Лондонѣ, что доказываетъ послѣдняя *Синяя Книга*, Болгарія не можетъ сдѣлать и шага: ея военныя силы въ настоящее время ничтожны и въ крайнемъ случаѣ могутъ быть доведены всего до сорока тысячъ пѣхоты съ весьма слабою артиллеріей и вовсе безъ кавалеріи. На милицію Восточной Румеліи Болгарія не разчитываетъ. Въ Софіи не могутъ не знать что милиція эта, благодаря усиліямъ генерала Штреккера и его предмѣстника, совершенно дезорганизована и не въ состояніи даже служить кадромъ для народнаго войска. Это открыто заявляетъ филиппопольскій органъ *Народный Гласъ*, замѣчая что „каждому дружинному начальнику предоставлено дѣйствовать по своему усмотрѣнію,“ такъ какъ всѣ уставы и узаконенія изданныя Русскими при первоначальномъ устройствѣ этой

милиціи теперь просто отмѣнены, и войско не имѣетъ даже дисциплинарнаго устава. Въ *Русскій Инвалидѣ* пишутъ прямо что въ управленіи этимъ войскомъ водворился „полнѣйшій произволъ“ особенно чувствительный благодаря тому что всѣ старшіе начальники принадлежатъ къ разнымъ національностямъ

Правда, въ послѣднее время было не мало толковъ о сближеніи между Болгаріей, Черногоріей и Сербіей, будто бы даже мобилизовавшей уже свою армію, но эти толки теряютъ значеніе въ виду поѣздокъ нынѣшнимъ лѣтомъ князя Милана сначала въ Вѣну, а теперь въ Ишль. Напротивъ, поѣздки эти доказываютъ только что тѣ разногласія которыя еще такъ недавно были между Австріей и Сербіей устранены если не вполнѣ, то въ значительной степени.

Въ Берлинѣ могутъ имѣть еще и другіе виды на Румынію. Она можетъ пригодиться еслибы пришлось „повернуть фронтъ къ западу,“ противъ Франціи. Имѣть въ этомъ случаѣ надежнаго союзника въ тылу и на флангѣ не можетъ не казаться выгоднымъ въ случаѣ борьбы которой въ Берлинѣ ждутъ и къ которой очевидно готовятся. Это было прямо сказано въ мотивахъ къ военному законопроекту и теперь повторяется на всѣ лады въ разныхъ военныхъ изданіяхъ. Выставляютъ что самая торопливость съ которою ведутся опыты надъ ускорителемъ Лёве обращающимъ ружье Маузера въ магазинное обусловлена опасеніями что столкновеніе можетъ послѣдовать ранѣе нежели Германіи удастся исполнить тѣ реформы которыя установлены новымъ военнымъ закономъ, въ видахъ поддержанія ея военнаго превосходства. Еще на дняхъ, газета *Militär-Wohenblatt* замѣтила что „кто въ состояніи бросить въ противника въ данное время большее количество свинца, тотъ и будетъ побѣдителемъ.“ Это замѣчаніе имѣетъ особенное значеніе въ столбцахъ военной газеты, знающей какое вниманіе обращено въ послѣднее время во Франціи на оружіе и особенно ручное. Только что вышедшій въ Парижѣ выпускъ *Aide-mémoire à l' usage des officiers d'artillerie* поражаетъ даже Нѣмцевъ обиліемъ и обстоятельностью данныхъ относящихся къ оружію и его употребленію. Взять верхъ надъ французскими войсками качествомъ огня Нѣмцы уже очевидно не разчитываютъ, и естественно что все ихъ вниманіе обращено на быстроту стрѣльбы, дающую перевѣсъ въ количествѣ. Можетъ казаться что обезпечивъ себѣ линіей матеріальный шансъ побѣды можно избѣгнуть и самаго столкновенія. Но точно также и даже съ большимъ правомъ позволительно думать что всякая добавочная сила служитъ къ обезпеченію и тыла.

№ 218.

Москва, 7-го августа.

Нынѣшнему первенствующему министру Англіи приходится расплачиваться за грѣхи своего предмѣстника. Все было казалось отлично налажено для того чтобы безъ униженія британской гордости покончить съ затѣей бывшаго премьера. Правда, о британскомъ военномъ резидентѣ въ Кабулѣ не было уже и помину, вопросъ о Кандагарѣ оставался также открытымъ; но новый Афганскій эмиръ былъ уже провозглашенъ; и г. Лепель-Гриффинъ „отъ имени вице-короля ея величества королевы-императрицы“ выразилъ согласіе на его назначеніе. Эмиръ обѣщалъ свою дружбу Англіи, обязался не сноситься „ни съ какою другою державой“ (чего жь еще?) и слушаться во всемъ совѣтовъ Великобританіи. Все казалось слажено. Были ли при этомъ достигнуты сокровенныя цѣли графа Биконсфильда, это другой вопросъ; но наступила минута когда британскимъ войскамъ можно было съ честью, совершивъ подвигъ умиротворенія страны, удалиться на границу опредѣленную по Гандамакскому трактату. Афганскимъ безурядицамъ наступилъ, казалось, конецъ. Устроенный и дружественно расположенный къ Англіи Афганистанъ являлся результатомъ продолжительныхъ усилій британскаго войска.

Такова, казалось, была по крайней мѣрѣ официальная сторона дѣла. Надолго ли былъ бы дѣйствительно умиротворенъ Афганистанъ и насколько Англія могла полагаться на дружбу эмира, это лучше чѣмъ кому-нибудь другому извѣстно г. Гладстону. Онъ очевидно торопился воспользоваться благопріятною минутой для приличнаго удаленія войскъ чтобы развязать себѣ руки. Онъ какъ будто предчувствовалъ возможность неожиданныхъ случайностей. Онъ можетъ-быть видѣлъ что дѣйствующіе

тамъ британскіе генералы и политики ничего не могутъ понять въ хаосѣ афганскихъ отношеній, что ихъ задабриваніями, обѣщаніями и подкупами порождаются только новыя интриги и раздражаются мѣстныя страсти. Нѣкогда было взвѣшивать шансы въ пользу того или другаго кандидата на эмирство. Абдуррахманъ былъ утвержденъ, дѣло слажено, и оставалось только распорядиться выступленіемъ, какъ вдругъ телеграфъ принесъ извѣстіе о пораженіи генерала Борро. Не говоря уже о потерѣ болѣе тысячи жизней, событіе это было тяжкимъ ударомъ для британской гордости; къ тому же ослабленіе авторитета Англіи въ Азіи, и въ глазахъ индійскихъ туземныхъ князей должно было, казалось, стать неизбѣжнымъ послѣдствіемъ несчастнаго случая. Генералъ Примрозъ заперся въ Кандагарской цитадели, и Кандагару грозитъ блокада.

Всѣ планы рушились. При такихъ обстоятельствахъ, казалось, нечего было и думать объ очищеніи страны. Омыть позоръ пораженія британскаго войска скопищами Эюба, возстановить поколебленный британскій престижъ и упрочить положеніе дѣлъ въ краѣ — вотъ что представлялось теперь необходимымъ. Турецкіе политики и прочіе недоброжелатели угнетенныхъ народностей Балканскаго полуострова уже возликовали. Но г. Гладстонъ показалъ въ этомъ случаѣ твердость и настойчивость достойную государственнаго мужа. Убѣдившись разъ въ необходимости какъ можно скорѣе очистить Кабулъ, онъ и теперь не перемѣнилъ этого рѣшенія. Подкрѣпленія посланы, сдѣланы всѣ распоряженія о выручкѣ Кандагара, и сэръ-Фредерикъ Робертсъ изъ Кабула идетъ на помощь осажденному генералу Примрозу. Генералъ Файръ готовится выступить туда же. Сокрушеніе Эюбовыхъ полчищъ и наказаніе этого сердаря входитъ вѣроятно въ планъ предпринятыхъ дѣйствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано распоряженіе и о немедленномъ очищеніи Кабула, и генералъ Стюартъ уже выступилъ оттуда и находится на пути къ Гандамакской границѣ. О будущемъ говорить трудно, но кажется что съ точки зрѣнія истинныхъ британскихъ интересовъ нельзя не оправдать твердости и рѣшимости г. Гладстона.

Въ самомъ дѣлѣ, Англія должна выбирать одно изъ двухъ: или очистить Афганистанъ, или покорить его совершенно. Но послѣднее было бы безразсудно. Что выиграла бы Англія отъ подчиненія этой страны которая, по поговоркѣ Афганцевъ, не производитъ ничего кромѣ скалъ и воиновъ? Прошло бы полвѣка, если не болѣе, прежде чѣмъ Афганцы привыкли бы къ своимъ новымъ хозяевамъ, а въ теченіе этого времени пришлось бы постоянно содержать тамъ значительное войско, и громадныя издержки новымъ тяжелымъ бременемъ легли бы на индійскій бюджетъ, и безъ того уже невыносимо тяжелый. Афганцы не скоро помирились бы съ новымъ положеніемъ, и въ результатѣ Англія пріобрѣла бы новую порабощенную страну съ глубоко ненавидящимъ ее населеніемъ, не только бездоходную для нея, но стоящую громадныхъ денегъ и постоянныхъ безпокойствъ. Какія государственныя цѣли могли бы оправдать принятіе на себя такой обузы?

Все тотъ же кошмаръ русскихъ завоевательныхъ замысловъ и опасенія за Индію? Но овладѣвъ Афганистаномъ Англія только придвинулась бы къ Россіи и сама облегчила бы ей возможность достать ее въ случаѣ надобности. Все это слишкомъ хорошо понимаютъ государственные люди въ Англіи къ какой бы партіи они ни принадлежали, и покореніе Афганистана не входило въ разчеты графа Биконсфильда. Онъ позаботился только о „научной границѣ.“ Насколько эта научная граница, растянутая на огромномъ пространствѣ посреди враждебнаго населенія, полезна для защиты Индіи — это вопросъ. Авторитетные люди въ Англіи подвергали и подвергаютъ ее серіозной критикѣ. Но кромѣ научной границы, графъ Биконсфильдъ хотѣлъ добиться того чтобы между Россіей и Индіей находился покровительствуемый Англіей и дружественно расположенный къ ней Афганистанъ, который не смѣлъ бы „ни съ кѣмъ“ сноситься, „никого бы“ не слушался кромѣ Англіи; а для этого было необходимо чтобы порядки въ немъ были прочные, чтобы во главѣ его стоялъ мощный правитель съ которымъ можно было бы договориться; для того же чтобы можно было довѣрять ему требовалось пребываніе постояннаго англійскаго военнаго резидента въ Кабулѣ, который слѣдилъ бы за дѣйствіями и сношеніями эмира. Но какъ создать прочные порядки въ этой странѣ безурядицъ

и междуусобій? Никакое занятіе, какъ бы продолжительно оно ни было, не повело бы ни къ чему. Лишь только Англичане удалились бы оттуда, тамъ снова началась бы рѣзня. Если Англія желаетъ чтобы въ Кабулѣ устроилось что-нибудь прочное, она должна предоставить его самому себѣ. Пока тамъ стоятъ англійскія войска, пока дѣйствуютъ британскіе штыки и индійскія рупіи, кромѣ интригъ не можетъ быть ничего. И самъ Абдуррахманъ, этотъ теперешній ставленникъ Британцевъ, понималъ хорошо что пока Афганцы видятъ въ немъ чучелу англійскаго правительства, ему нельзя разчитывать на популярность; онъ и велъ себя такъ что кажется и до сихъ поръ не пріобрѣлъ еще полнаго довѣрія Англичанъ. Не даромъ чуть-чуть не въ каждой телеграммѣ извѣщали о его дружественномъ расположеніи. А если оправдается переданное по телеграфу извѣстіе что по свѣдѣніямъ *Daily News*, полученнымъ изъ Петербурга, Абдуррахманъ сносился съ Эюбомъ? Не окажется ли тогда что Британцы до сихъ поръ играли въ жмурки? Все это повидимому ясно понималъ г. Гладстонъ и тогда когда еще былъ частнымъ человѣкомъ. Теперь ставъ во главѣ администраціи, онъ вѣроятно въ этомъ вполнѣ убѣдился. Лордъ Гартингтонъ заявилъ въ палатѣ общинъ что распоряженіе о выступленіи британскаго войска изъ Кабула сдѣлано не изъ политическихъ видовъ, а въ виду стратегическихъ соображеній, и что рѣшеніе это принято по желанію того же генерала Робертса которому предстоитъ загладить впечатлѣніе произведенное пораженіемъ генерала Борро. Но политическія соображенія могли совпасть со стратегическими. Г. Гладстону необходимо покончить съ дорогою и безполезною затѣей графа Биконсфильда. У него много дѣла и безъ того, дѣла серіознаго. Надо подумать объ Ирландіи; приходится озираться и на положеніе дѣлъ въ Южной Африкѣ. А тутъ еще восточный вопросъ...

№ 219.

Москва, 8-го августа.

Шербургская рѣчь г. Гамбетты, въ которой впервые послѣ Франко-Германской войны открыто провозглашено было, устами самаго вліятельнаго во Франціи политическаго дѣятеля, что политика отмести и обратнаго завоеванія отторгнутыхъ провинцій есть завѣтная мысль республиканскаго правительства, была принята германскою печатью болѣе хладнокровно чѣмъ можно было ожидать. Это не значитъ, конечно, что въ Германіи мало заботятся о томъ какія стремленія питаютъ люди руководящіе дѣлами Франціи. Вѣнская нѣмецкая печать которая проникнута не менѣе горячимъ германскимъ патріотизмомъ чѣмъ самые національные изъ германскихъ органовъ, но неподчиненная той строгой политической дисциплинѣ въ какой держится германская печать, была по этому предмету гораздо откровеннѣе и не скрыла овладѣвшей ею тревоги. Вотъ что по этому поводу сказала вѣнская газета *Presse*: „Для Европы не столь интересно провозглашеніе идеи отместки, которой представителемъ всегда былъ г. Гамбетта, какъ то что онъ счелъ благовременнымъ повѣдать міру именно теперь о притязаніяхъ Франціи на Альзасъ-Лотарингію. Оговорка которую сдѣлалъ г. Гамбетта, что осуществленіе возвѣщенной имъ программы принадлежитъ *будущему*, есть не болѣе какъ фраза, ибо подъ будущностью нельзя въ данномъ случаѣ разумѣть ничего кромѣ благопріятнаго случая. Военныя силы Франціи нынѣ возстановлены, республика укрѣплена и политика ея свободна. Въ недавнее время она вознамѣрилась было связать себя въ пользу опредѣленнаго предпріятія на Востокѣ; но затѣмъ спохватилась и поспѣшно отступила отъ этого предпріятія за европейскій фронтъ, дабы тутъ занять новое положеніе предписываемое исключительно ея собственными интересами. При такихъ обстоятельствахъ программа провозглашенная въ Шербургѣ, и притомъ офиціально, имѣетъ несравненно болѣе важное значеніе чѣмъ всѣ прочіе манифестаціи французскихъ шовинистовъ, которые къ тому же гораздо рѣже повторялись въ послѣдніе годы. Казалось даже что мысль объ отместкѣ совсѣмъ заглохла, и что Французы окончательно отъ нея отказались. Но вчера возвѣщено было Европѣ, при громѣ шербургскихъ пушекъ, что думавшіе такъ находились въ заблужденіи. Въ Германіи также предавались этому заблужденію, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ какой отвѣтъ

„дастъ тамошнее общественное мнѣніе на „шербургскую программу. Лозунгъ по это- „му предмету будетъ данъ изъ Киссин- „гена (гдѣ нынѣ находится князь Бис- „маркъ), и мы полагаемъ что вся Европа „будетъ съ нетерпѣніемъ выжидать этого „отвѣта.“

Лозунгъ изъ Киссингена былъ данъ, повидимому, въ томъ смыслѣ что не слѣдуетъ бить въ набатъ. И берлинскія газеты поспѣшили заявить что манифестація г. Гамбетты отнюдь не тревожитъ Германію, и что вообще въ ней слѣдуетъ видѣть не столько политическую программу сколько застольную браваду человѣка „хорошо пообѣдавшаго“ и желающаго угодить крѣпкою фразой своимъ восторженнымъ слушателямъ. Но, странное дѣло; обсуждая такимъ образомъ французскую манифестацію, берлинская печать, какъ бы невольно, оглядывается постоянно на Востокъ, и доказывая что недавнее изреченіе, приписываемое г. Гамбеттѣ, что греческій вопросъ будетъ „его Шлезвигомъ“, оказалось пустою фразой, въ то же время сама усматриваетъ въ восточныхъ дѣлахъ отвлекающее средство противъ опасности грозящей Германіи со стороны Франціи. Берлинская *Post*, слывущая газетой близкою правительству, именно съ этой точки зрѣнія разсуждаетъ по поводу рѣчи г. Гамбетты. Она исходитъ изъ той основной мысли что Франкфуртскій миръ и созданныя имъ политическія перемѣны суть тотъ незыблемый фундаментъ на коемъ покоится, и долженъ покоиться, весь политическій строй Европы. Война Россіи противъ Турціи 1877 года была де ничѣмъ инымъ какъ попыткой измѣнить этотъ „прочно установленный“ порядокъ. Но неудачныя во всѣхъ отношеніяхъ послѣдствія этой войны доказали де что попытки подобнаго рода не могутъ имѣть успѣха. Каковы бы ни были броженія которыя оставила по себѣ эта война, несомнѣнно де что существующій порядокъ вещей, сложившійся вслѣдствіе побѣдъ Германіи, предохранитъ Европу отъ кризиса и всеобщей войны, которую въ иномъ случаѣ породили бы дѣла на Востокѣ. Берлинская газета представляетъ себѣ дѣло такимъ образомъ что г. Гамбетта думалъ было первоначально воспользоваться перемѣной англійскаго министерства и ненавистью г. Гладстона къ Австріи, съ одной стороны, а съ другой—противоположностію интересовъ Россіи и Австріи, дабы составить тройной союзъ изъ Россіи, Англіи и Франціи противъ австро-германскаго единенія. Но эта мечта г. Гамбетты должна де была разлетѣться какъ дымъ. „Какъ изъ Лондона, такъ и изъ Петер- „бурга должны были одновременно раз- „яснить французскимъ политикамъ что Ан- „глія и Россія суть враги на смерть и не- „примиримые соперники, а не добрые со- „юзники, какъ морочилъ своихъ слуша- „телей г. Гладстонъ во время избиратель- „ной кампаніи.“ Вотъ почему г. Гамбетта былъ де вынужденъ бросить мысль о томъ чтобы воспользоваться Греческимъ вопросомъ для цѣлей французской политики. Но дабы французскими умами, уже настроенными подъ вліяніемъ разыгравшейся фантазіи на извѣстный ладъ, не овладѣло уныніе, необходимо было утѣшить ихъ указаніемъ на то что Франція не отказалась отъ своихъ завѣтныхъ стремленій. И вотъ г. Гамбетта рѣшился на смѣлый шагъ и открыто высказалъ свои мечтанія, которыя суть мечтанія всѣхъ Французовъ. Этимъ онъ утѣшилъ общественное мнѣніе, а самому себѣ пріобрѣлъ новыя права на популярность.

Итакъ, берлинскія газеты успокоиваютъ себя, по собственному ли побужденію или вслѣдствіе указаній свыше, тѣмъ что Германія до тѣхъ поръ можетъ быть совершенно спокойна и не опасаться открытой вражды со стороны Франціи, пока послѣдней не удастся заручиться союзомъ, каковой союзъ былъ бы опасенъ еслибы по дѣламъ Востока могло установиться согласное дѣйствіе между Россіей и Англіей, и еслибы Франція примкнула къ этимъ двумъ державамъ для противодѣйствія австрійскимъ замысламъ. Но это невозможно, такъ какъ между Россіей и Англіей (въ этомъ берлинскія газеты увѣрены) возможна только смертельная вражда, а отнюдь не дружественное содѣйствіе.

Не странно ли что эти соображенія очень схожи съ тѣми какими руководствуются и турецкіе политики, всѣ разчеты коихъ, при упорномъ сопротивленіи европейскому концерту, основаны на томъ что въ сущности никакого концерта нѣтъ, и что подъ согласнымъ дѣйствіемъ скрывается взаимная вражда, соперничество и полное разногласіе. Въ самомъ ли дѣлѣ это такъ? Дѣйствительно ли нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія между политикой Россіи

и Англіи по восточнымъ дѣламъ? Мы думаемъ что всѣ дѣйствія кабинета Гладстона служатъ прямымъ опроверженіемъ этого взгляда; съ другой стороны, и Россія доказала своимъ заступничествомъ за Грецію на Берлинской конференціи какъ праздны и нелѣпы были всѣ толки о томъ будто бы Греція и содѣйствіе ея національнымъ стремленіямъ исключены изъ политической программы Россіи относительно Востока. Если въ соединенныхъ дѣйствіяхъ „Европы“ относительно Турціи за послѣднее время было хоть сколько-нибудь искренности и дѣйствительнаго согласія, то они были въ дѣйствіяхъ Россіи и Англіи. И это болѣе всего оказалось въ той озлобленной замѣткѣ по поводу Румыніи которою разразилась недавно противъ обѣихъ державъ офиціозная газета *Grenzboten*, замѣткѣ возбудившей немало толковъ въ европейской печати.

Что касается образа дѣйствій Франціи по Греческому вопросу и вообще по восточнымъ дѣламъ въ ихъ новѣйшей фазѣ, то двусмысленность онаго бросалась каждому въ глаза. Но берлинская печать сама неоднократно признавалась это этотъ образъ дѣйствій для ея непостижимъ, и что трудно придумать причину почему французская офиціозная печать неожиданно стала нападать на Англію и отреклась отъ всякой солидарности съ ней по Греческому вопросу, возникшему по иниціативѣ самой Франціи.

Но въ этомъ отношеніи наступила новая перемѣна въ послѣдніе дни. Шербургскія празднества ознаменовались чрезвычайно оживленнымъ обмѣномъ взаимныхъ любезностей между французскими представителями власти и англійскимъ адмираломъ, офиціально присланнымъ въ Шербургъ. А въ *République Française* на дняхъ появилась статья въ которой воздается полная справедливость „честной, правдивой и дѣятельной“ политикѣ г. Гладстона по восточнымъ дѣламъ.

Не служитъ ли это указаніемъ что берлинская газета *Post* быть-можетъ обочлась въ своихъ политическихъ выкладкахъ?

№ 220.

Москва, 9-го августа.

Усердный ходатай за Сибирскую желѣзную дорогу, генералъ-майоръ Богдановичъ, только что окончилъ предпринятую имъ въ интересахъ этой дороги поѣздку изъ Петербурга до конечнаго ея пункта въ Сибири до Артамоновской пристани на рѣкѣ Тоболѣ. Многолѣтній вопросъ о Сибирской дорогѣ такъ затянулся что матеріалы служившіе для сужденій о ней неизбѣжно должны были устарѣть. Г. Богдановичъ рѣшился на мѣстѣ провѣрить, освѣжить и дополнить эти матеріалы и вновь прислушаться къ заявленіямъ о промышленныхъ, торговыхъ и иныхъ интересахъ тѣсно связанныхъ съ дѣломъ составляющимъ предметъ его постоянныхъ заботъ. Съ результатами его 5.000, почти 6.000-верстной поѣздки читатели могли отчасти познакомиться изъ ряда телеграммъ какъ въ нашей, такъ и въ другихъ газетахъ. Факты заявленные въ этихъ телеграммахъ свидѣтельствуютъ что соединеніе центральной Россіи съ Сибирью рельсовымъ путемъ становится дѣломъ безотлагательной необходимости. Это общее убѣжденіе всѣхъ близко знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ на нашемъ Востокѣ. Постройка южной Сибирской дороги никогда еще не вызывалась болѣе настоятельными требованіями, не только для развитія внутренняго благосостоянія обширной страны, но и для успѣха мѣръ въ случаѣ особыхъ усложненій. Такъ высказался недавно главный начальникъ Западной Сибири генералъ-адъютантъ Казнаковъ, и въ томъ же смыслѣ высказываются представители всевозможныхъ интересовъ разныхъ мѣстъ лежащихъ по линіи Сибирской дороги въ многочисленныхъ ходатайствахъ объ ея сооруженіи съ которыми въ послѣднее время обращаются они то къ тѣмъ, то къ другимъ представителямъ высшей администраціи.

Подъ „особыми усложненіями“ о которыхъ идетъ рѣчь въ цитованной тюменьской телеграммѣ, и которыя заставляютъ сожалѣть что Сибирская дорога донынѣ не построена, разумѣются, конечно, возникшія въ послѣднее время недоразумѣнія съ Китаемъ, уже вызвавшія отправку въ Тихій Океанъ многихъ судовъ русскаго военнаго флота. Кромѣ посылки эскадры въ китайскія воды, эти недоразумѣнія могутъ потребовать сосредоточенія бо́льшихъ или меньшихъ военныхъ силъ и на сухопутной русско-китайской границѣ. Транспортировка войскъ къ этой границѣ въ самой Сибири облегчается достаточно ши-

рокимъ развитіемъ пароходства на сибирскихъ водахъ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ оно сдѣлало большіе успѣхи. Въ Тюмени, гдѣ на берегу рѣки Туры строятся изъ русскихъ матеріаловъ пароходы и морскія шхуны, могутъ быть собраны имѣющіеся уже на лицо 46 пароходовъ; эти пароходы и буксируемыя ими баржи, не встрѣчающіе при плаваніи вверхъ по Иртышу до самаго озера Зайсана никакихъ препятствій, могли бы, по разчетамъ пароходчиковъ, безпрепятственно перевезти изъ Тюмени въ самую глубь Южной Сибири, въ двухмѣсячный срокъ, стотысячную армію. Доставка подобной арміи въ Тюмень изъ Казанскаго и другихъ военныхъ округовъ, при существованіи Сибирской чугунки не представляла бы затрудненій.

Обстоятельство дѣлаютъ нынѣ ощутительными неудобства въ военномъ отношеніи къ какимъ привела слишкомъ долгая отсрочка постройки Сибирской желѣзной дороги, устанавливающей прямую связь Западно-Сибирскаго и Казанскаго съ Московскимъ и прочими военными округами. Но въ экономическомъ отношеніи неудобства этой отсрочки еще ощутительнѣе. Раздаются громкія жалобы на дороговизну хлѣба и мяса. А между тѣмъ, въ то же время, какія цѣны стоятъ на нихъ въ обширномъ зауральскомъ районѣ? Рожь въ Томскомъ и Бійскомъ округахъ стоитъ всего 25 коп., тогда какъ на пристаняхъ Волги и Камы цѣнится около рубля. Самарская и Саратовская губерніи страдаютъ отъ неурожая, а во многихъ мѣстностяхъ южной Сибири не достаетъ рукъ для уборки зерна съ полей. Послѣдняя зима была тяжела для южно-сибирскаго степнаго скотоводства; скотъ тамъ поднялся въ цѣнѣ, и несмотря на то говядина продается нынѣ въ Тюмени по 1 р. 20 к. за пудъ, то-есть 3 к. фунтъ. По приведеннымъ примѣрамъ можно судить какимъ уравнителемъ цѣнъ на первыя жизненныя потребности была бы Сибирская дорога. Не одними только мѣстными интересами тѣхъ районовъ которые имѣетъ прорѣзать эта дорога, какъ они ни обширны, опредѣляется ея значеніе. Мало того что она призоветъ къ новой жизни и Сибирь, и восточный берегъ Волги, связавъ съ центромъ государства изобилующій минеральными богатствами Уралъ, и плодоносныя земли за Ураломъ и за Волгой, Сибирская дорога обѣщаетъ произвести благодѣтельный переворотъ въ ходѣ какъ внутренней, такъ и внѣшней нашей торговли. Нашъ Востокъ имѣетъ для Россіи значеніе едва ли меньше того какое для Америки имѣетъ ея „дальній Западъ.“ Безъ огромной массы сырыхъ продуктовъ какую даетъ этотъ дальній Западъ для заграничнаго отпуска, конкурренція Америки не имѣла бы для насъ того опаснаго характера какой получила въ послѣдніе годы. Но не отъ того ли, между прочимъ, оказывается эта конкурренція столь тяжкою для насъ что ведется она съ нашей стороны только частью государства, снабженною желѣзнодорожною сѣтью, между тѣмъ какъ другая часть не принимаетъ во всемірномъ торговомъ движеніи почти никакого участія, будучи лишена средства для перевозки своихъ обильныхъ и цѣнныхъ, но громоздкихъ продуктовъ?

Понятны и вполнѣ уважительны соображенія почему при сооруженіи нашей желѣзнодорожной сѣти, ставились на первую очередь линіи соединяющія центръ страны съ ея западными и южными морскими и сухопутными границами. Но послѣ того какъ главнѣйшія изъ этихъ линій были построены, вполнѣ естественно должны были чаще и чаще обращаться съ запада на востокъ, къ магистральной линіи имѣющей современемъ прорѣзать Сибирь. Первая ея часть, линія которая соединила бы бассейнъ Волги съ бассейномъ Оби, уже съ шестидесятыхъ годовъ стала предметомъ хлопотливости со стороны представителей не мечтательныхъ, а дѣйствительныхъ экономическихъ интересовъ. И чѣмъ болѣе подвигались обсужденія и изслѣдованія направленія въ какомъ дорога должна быть построена, тѣмъ яснѣе становилась и ея государственная важность, и настоятельная неотложность ея постройки. Но судьба этой дороги и всѣхъ связанныхъ съ нею интересовъ не была счастливая. Разрѣшались и строились, при громадныхъ казенныхъ затратахъ, дороги не только второстепеннаго, но и третьестепеннаго значенія, а Сибирская дорога не шла далѣе проектовъ.

Извѣстны безконечные споры о направленіи какое слѣдуетъ для нея избрать. Шла сильная агитація противъ установленнаго вѣками направленія на которомъ успѣли образоваться важные экономическіе центры, сгруппировавшіе вокругъ себя массу экономическихъ интересовъ, дѣлались всевозможныя усилія направить дорогу по

безлюднымъ дебрямъ. Въ спорахъ къ которымъ вела эта агитація, вопросъ о направленіи Сибирской дороги былъ, подъ конецъ, разъясненъ. Въ этихъ спорахъ прошло десять лѣтъ. Наконецъ, вопросъ о направленіи былъ окончательно разрѣшенъ въ засѣданіи совѣта Министровъ 18 декабря 1875 года, въ предсѣдательствѣ самого Государя Императора; принято южное направленіе, отъ Нижняго на Казань и Екатеринбургъ до системы большихъ судоходныхъ сибирскихъ рѣкъ. Но вотъ уже скоро пять лѣтъ какъ вопросъ о направленіи рѣшенъ безповоротно и поставленъ внѣ спора, а Сибирская дорога попрежнему остается только въ проектѣ и не сдѣлано ни шага къ его осуществленію. Отчасти затормозили дѣло Восточныя замѣшательства и послѣдовавшая за ними война. Но вотъ прошло уже не мало времени и по заключеніи мира...

Въ числѣ многихъ обстоятельствъ побуждающихъ поторопиться этимъ давно рѣшеннымъ дѣломъ, нельзя не отмѣтить, между прочимъ, соображеній сходныхъ съ тѣми которыя ускорили приступъ къ постройкѣ Московско-Смоленской дороги. Какъ извѣстно, въ виду неурожая постигшаго Смоленскую губернію, правительство разрѣшило мѣстнымъ земствамъ немедленно начать земляныя работы по сооруженію полотна для проектировавшейся тогда Московско-Смоленской дороги съ отпускомъ изъ казны необходимыхъ денежныхъ средствъ. Это было серіозною помощью бѣдствовавшему населенію, и притомъ помощью въ наилучшей формѣ. Въ подобной же помощи нуждаются нынѣ населенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прилегающихъ къ Сибирской дорогѣ. Между прочимъ, экстренное Симбирское губернское собраніе постановило 11 іюля ходатайствовать о скорѣйшемъ открытіи работъ на Нижегородско-Казанскомъ участкѣ этой линіи, въ виду необходимости дать населенію Симбирской губерніи заработокъ по случаю неурожая нынѣшняго года, а также по случаю неурожаевъ въ низовьяхъ Волги, гдѣ Симбирцы находили заработки въ прежніе годы. Скорѣйшее открытіе работъ на названномъ участкѣ представляется губернскому земству тѣмъ болѣе необходимымъ что утвержденное направленіе захватываетъ сѣверные уѣзды Симбирской губерніи. Нельзя не пожелать чтобъ это ходатайство увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

№ 222.

Москва, 11-го августа.

А.

Важныя перемѣны въ правительственномъ персоналѣ, происшедшія въ эти послѣдніе дни, сопровождаются паденіемъ учрежденія давно потерявшаго смыслъ. Должность шефа жандармовъ упраздняется и такъ-называемая политическая полиція присоединяется къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Что учрежденіе это было безполезно, о томъ громко свидѣтельствуетъ исторія послѣдняго времени: оно ничего не предупредило, ничего не пресѣкло, и зло съ которымъ оно призвано было бороться не только не уменьшалось, но возрастало и усиливалось. При ближайшемъ разсмотрѣніи окажется что оно не только было безполезно противъ зла, но само способствовало его развитію. Оно имѣло смыслъ, и могло въ своемъ смыслѣ дѣйствовать, когда было частью соотвѣтствовавшей ему системы. Оно имѣло смыслъ когда всякое проявленіе мысли было на Руси подъ строжайшихъ запретомъ, когда не требовалось разбирать и различать мнѣнія, когда вся задача ограничивалась пресѣченіемъ всякаго умственнаго движенія. Но оно стало аномаліей съ той минуты какъ былъ признанъ принципъ свободы въ нашей народной и общественной жизни, и когда мнѣнію въ дѣлахъ политическихъ было даровано право гражданства. Машина III Отдѣленія оказалась совершенно несостоятельною когда пришлось разбирать здоровыя и нездоровыя, вредныя и безвредныя проявленія жизни, и нѣтъ сомнѣнія что оно своею дѣятельностію, — скажемъ болѣе — самымъ существованіемъ своимъ, развивало именно нездоровыя начала въ нашей общественной средѣ, въ нашей государственной жизни. Оно дѣйствовало во мракѣ, и въ этомъ полагало свою силу, въ этомъ была его особенность, его характеристическое отличіе. Оно не подлежало никакой повѣркѣ, оно ускользало отъ наблюденія. Никто не зналъ,—и иногда менѣе всѣхъ зналъ самъ начальникъ этого учрежденія,— какого политическаго свойства были его агенты, куда они тянули сознательно или безсознательно, и на какихъ данныхъ основывались мѣры которыя оно принимало. Принадлежа къ той системѣ которая отри-

цала всякую свободу жизни и уже потеряла свою силу, учрежденіе это вносило собою только смуту и ложь въ жизнь при ея измѣнившихся условіяхъ. Ему было подозрительно и противно всякое движеніе національнаго духа, всякое независимое мнѣніе, всякая самостоятельная мысль; за то подъ его сѣнью привольно и успѣшно возникали и развивались всякія анти-патріотическія стремленія. Подавляя и принижая народный духъ, въ которомъ вся наша сила, оно тѣмъ самымъ давало ходъ всему растлѣвающему, всякой апатіи, всякому безвѣрію, всякой политической безнравственности. Никто не поспоритъ, но вѣрно то что оно видѣло одинъ изъ главныхъ источниковъ революціоннаго движенія у насъ въ тѣхъ мнѣніяхъ которыя ищутъ норму нашего политическаго развитія въ нашей народности, въ нашей исторіи. Вѣрно то что въ виду недавнихъ преступныхъ скандаловъ, опозорившихъ наше время, его агенты становились органомъ интриги направленной противъ самаго дорогаго залога нашей будущности, противъ жизненныхъ условій науки въ нашемъ отечествѣ, противъ только что установившейся у насъ школы высшаго образованія. Исторія покажетъ въ какой мѣрѣ допускало оно развитіе и организацію мятежа угрожавшаго нашему государственному единству; исторія покажетъ какъ много способствовали ея мѣры распространенію тѣхъ самыхъ ученій которыя губили нашу молодежь и противъ которыхъ оно было призвано дѣйствовать. Оставляя молодые умы на жертву злоумышленной пропаганды и иногда само вызывая среди ихъ волненія посредствомъ своихъ agents provocateurs, оно разбрасывало раздраженныхъ и озлобленныхъ людей по всей странѣ и ими наполняло ея захолустья. Безсильное для борьбы со зломъ, оно было черезчуръ сильно въ подавленіи благотворныхъ движеній жизни, и вредило всего болѣе тому чему якобы служило...

Напрасно извѣстные органы нашей печати чураются этого упраздненнаго учрежденія: можно доказать, съ документами въ рукахъ, что духъ который въ этихъ органахъ высказывается жилъ и въ этомъ учрежденіи, что въ немъ откликались ихъ тенденціи и мнѣнія...

Б.

Германская печать, очевидно, вслѣдствіе указанія свыше, отнеслась съ большимъ равнодушіемъ, почти съ насмѣшкой, къ послѣднимъ проявленіямъ французскаго „шовинизма." Шербургская рѣчь г. Гамбетты выставляется нѣмецкими газетами какъ „великая глупость," такъ какъ со времени ея произнесенія внезапно переменились взаимныя роли Германіи и Франціи въ глазахъ Европы. До сихъ поръ на Германію „клеветали" будто она выжидаетъ лишь благопріятнаго предлога чтобы предупредить возстановленіе могущества Франціи и разгромить ее окончательно, такъ чтобы не имѣть болѣе причины опасаться нападенія съ ея стороны. Теперь же, благодаря вызывающимъ фразамъ г. Гамбетты, Европа узнаетъ что Франція возлагаетъ свои надежды на „будущее," т.-е. выжидаетъ удобнаго момента чтобы кинуться на Германію, и такимъ образомъ даетъ ей въ руки вполнѣ уважительный поводъ предупредить врага и сдѣлать его безвреднымъ. Но Германія не имѣетъ до надобности заботиться о своемъ обезпеченіи въ будущемъ, ибо и теперь уже ея пріобрѣтенія такъ упрочены и политическое ея положеніе такъ крѣпко что никакіе французскіе замыслы въ будущемъ для нея не страшны.

Таковъ общій смыслъ нѣмецкихъ замѣчаній по поводу встревожившихъ было всю Европу французскихъ воинственныхъ манифестацій. Что офиціальная Франція, а быть-можетъ и самъ г. Гамбетта, отчасти сознали необдуманность его недавней выходки, это доказывается позднѣйшими рѣчами г. Фрейсине и самого президента республики, равно какъ успокоительными замѣтками офиціозной французской печати, въ коихъ видимо проявилось желаніе ослабить впечатлѣніе шербургской рѣчи г. Гамбетты и отнять у Германіи всякій предлогъ къ рекламаціямъ. Сегодняшняя берлинская телеграмма, передающая замѣтку офиціозной *Сѣверо-Германской Газеты*, свидѣтельствуетъ что въ Германіи такъ и поняты эти успокоительныя рѣчи, хотя тамъ начинаютъ понимать что и при республиканскомъ устройствѣ во Франціи могутъ разыграться воинственные замыслы...

Но въ самомъ ли дѣлѣ Германія такъ увѣрена въ себѣ и съ такимъ равнодушіемъ взираетъ на военныя приготовленія Франціи, назначеніе которыхъ ясно для всѣхъ помимо нескромностей г. Гамбетты?

Не подлежитъ сомнѣнію что вооруженія Германіи, хотя и съ меньшею остентаціей,

идутъ одинаковымъ шагомъ съ французскими, и что война, когда бы она не наступила, не застанетъ Германію врасплохъ. Это знаютъ и Французы; но они утѣшаютъ себя мыслію, которая по временамъ высказывается и въ печати, что матеріальная тяжесть обоюдныхъ вооруженій далеко не въ одинаковой мѣрѣ обременяетъ обѣ стороны; финансовыя средства Франціи съ каждымъ годомъ вырастаютъ де, тогда какъ германское населеніе изнемогаетъ отъ чрезмѣрной тяжести налоговъ обусловливаемыхъ усиленіемъ арміи и новымъ вооруженіемъ. Вотъ почему Французы думаютъ что ихъ военныя приготовленія сами по себѣ, помимо замысловъ на открытую войну, достигаютъ цѣли, принуждая къ тому же противника, котораго вооруженія скорѣе истощаютъ нежели усиливаютъ.

Въ этихъ разсужденіяхъ нельзя не признать нѣкоторой доли истины, если ближе всмотрѣться во внутреннее положеніе Германіи, которое далеко не соотвѣтствуетъ самоувѣренному тону принимаемому германскою печатью когда рѣчь идетъ о внѣшнемъ политическомъ положеніи Германіи которое эта печать старается показать незыблемымъ и „навѣки“ упроченнымъ. Картина получаетъ совсѣмъ иной колоритъ какъ только обратить вниманіе на сужденіе тѣхъ же газетъ о томъ что дѣлается внутри Германской имперіи.

Германія переживаетъ въ настоящее время десятилѣтнюю годовщину своихъ великихъ побѣдъ надъ Франціей. Почти каждый день текущаго мѣсяца ознаменованъ воспоминаніями о блестящемъ рядѣ битвъ, начиная отъ Спихерна и Вёрта и кончая Седаномъ. Отдѣльныя части германской арміи празднуютъ эти годовщины; каждый нумеръ нѣмецкихъ газетъ приноситъ намъ описанія этихъ военныхъ празднествъ, и рескрипты, и рѣчи императора и наслѣднаго принца, въ коихъ воздается хвала прошедшимъ подвигамъ. Однако эти празднества остаются военными празднествами, и не только не видно чтобы народъ принималъ въ нихъ участіе, но напротивъ печать прямо указываетъ на равнодушіе и безучастіе населеній къ этимъ великимъ воспоминаніямъ. Нѣмецкій народъ занятъ иными, далеко нерадостными заботами; ему не до праздниковъ, и патріотическій восторгъ, на который Нѣмцы такъ падки и который на первыхъ порахъ послѣ войны сказывался съ такою силой, а подчасъ и въ карикатурномъ преувеличеніи, нынѣ уступилъ мѣсто какому-то мрачному унынію котораго не разсѣяли и теперешнія, изо дня въ день повторяющіяся, годовщины побѣдъ.

Другой, не менѣе знаменательный фактъ, характеризующій теперешнее общественное настроеніе Германіи, есть завершеніе постройки знаменитаго Кёльнскаго собора. 14 августа, ровно черезъ 632 года послѣ основанія этого колоссальнаго памятника готической архитектуры, увѣнчана была послѣднимъ орнаментомъ вторая изъ башень этого храма превосходящихъ высотой всѣ искусственныя сооруженія на землѣ. Романтическій король Пруссіи, Фридрихъ-Вильгельмъ IV впервые задался мыслью о довершеніи постройки сооруженіемъ обѣихъ не достававшихъ башень согласно сохранившемуся плану средневѣковаго архитектора. Кромѣ значительныхъ суммъ потраченныхъ на это казной, всеобщая подписка по всей Германіи служила, начиная съ сороковыхъ годовъ этого столѣтія, важною поддержкой великаго національнаго дѣла, которое съ самаго начала провозглашено было символомъ объединенія Германіи. Многіе сомнѣвались въ удачномъ окончаніи этого предпріятія, какъ сомнѣвались и въ томъ чтобы мечта о германскомъ единствѣ когда-либо осуществилась. И дѣйствительно, отстройка собора подвигалась медленно и много разъ останавливалась совсѣмъ, особенно послѣ смерти короля Фридриха-Вильгельма IV, пока Германія оставалась политически раздробленною. Лишь послѣ основанія новой Германской имперіи постройка пошла быстрѣе, и уже не останавливалась несмотря на „культурную борьбу“ возгорѣвшуюся въ Германіи и на враждебныя отношенія между имперскимъ правительствомъ и католическою іерархіей, въ вѣдѣніи которой находится соборъ.

Казалось бы что довершеніе постройки собора, совпавшее съ десятилѣтнею годовщиной германскаго единства, должно было послужить сигналомъ къ особому національному торжеству, такъ какъ Кёльнскій соборъ дѣйствительно является нынѣ величественнымъ символомъ конечнаго осуществленія многовѣковыхъ надеждъ и стремленій германской націи.

Но и этого событія было недостаточно чтобы расшевелить заглохшій энтузіазмъ германскихъ націоналовъ. Празднество 14

августа прошло тихо и почти незамѣтно не только во всей Германіи, но и въ самомъ Кёльнѣ. Не было никакого съѣзда къ этому дню; ни одинъ изъ членовъ царствующаго дома не прибылъ для участія въ торжествѣ, и въ самомъ соборѣ не было даже въ этотъ день торжественнаго богослуженія. Послѣднее объясняется тѣмъ что мѣстному духовенству воспрещено было принять участіе въ празднествѣ, потому что Кёльнскій архіепископъ, смѣщенный и изгнанный по суду, подобно большинству прочихъ епископовъ, за явное сопротивленіе законамъ государства, не былъ возвращенъ на свой постъ ко дню отстройки собора. Недавно принятый законъ объ измѣненіи и ограниченіи „майскихъ законовъ“ имѣлъ въ виду предоставить правительству право амнистіи изгнаннымъ епископамъ; но параграфъ объ этомъ отвергнутъ ландтагомъ. Стало-быть правительство не совсѣмъ виновно предъ клерикалами въ отсутствіи архіепископа; не говоря ужъ о томъ что партія центра имѣетъ и теперь всѣ шансы на то чтобы, въ соединеніи съ консерваторами, стать главною опорой правительства.

Но, положимъ, вмѣстѣ съ германскою либеральною печатью, что партія центра, не принявъ участія въ кёльнскомъ празднествѣ, слѣдовала лишь своей тактикѣ, и что она продолжаетъ дуться дабы тѣмъ вѣрнѣе добиться полныхъ уступокъ со стороны правительства и союза съ нимъ противъ либераловъ. Этимъ все-таки не объясняется безучастіе какъ либеральной, такъ и правительственной партіи въ этомъ національномъ торжествѣ. Кёльнскій соборъ есть не только католическая, но и національная святыня, и еслибы башни его были окончены нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то либералы не преминули бы привѣтствовать это событіе самыми восторженными манифестаціями и нисколько не смутились бы отсутствіемъ католическаго духовенства.

Безучастіе либераловъ знаменательнѣе нежели воздержаніе партіи центра. Послѣдняя всегда отсутствовала на празднествахъ германскаго единства и часто выслушивала (довольно равнодушно впрочемъ) упреки въ прямой враждѣ къ дѣлу объединенія Германіи. Національно-либеральная партія, напротивъ, выставляла себя всегда главною опорой этого единства Германіи и шумнѣе всѣхъ прочихъ торжествовала всякую побѣду и преуспѣяніе, матеріальное и духовное, національной идеи.

Но вдругъ и она примолкла. Причина этому заключается прежде всего въ томъ что національ-либеральная партія находится нынѣ въ періодѣ полнаго разложенія. Въ сущности она уже перестала существовать. Та часть ея (наименѣе многочисленная) которая, вмѣстѣ съ г. Бенигсеномъ, вступила въ компромиссъ съ правительствомъ по поводу послѣдняго церковнаго закона, выходитъ совсѣмъ изъ этой партіи, какъ сообщаютъ берлинскія газеты, а остальная часть ея по всей вѣроятности вновь сольется съ прогрессистами, и вожакомъ этой „большой либеральной партіи“ предполагается избрать г. Фалька, недавняго министра.

Г. Фалькъ, самый дѣятельный и самый вліятельный помощникъ князя Бисмарка, становится главою партіи которая образуется главнымъ образомъ съ цѣлью прямой и упорной оппозиціи тому же князю Бисмарку!

Одного этого факта достаточно чтобы доказать какъ далека теперешняя Германія отъ Германіи немногихъ лѣтъ тому назадъ...

№ 223.

Москва, 12-го августа.

Статьи В. А. Фролова о лѣсохраненіи не остались не замѣченными; съ разныхъ сторонъ мы получаемъ по поводу ихъ и письменные и устные отзывы. Одинъ изъ такихъ отзывовъ, письмо г. Киселева изъ Бѣлева (Тульской губерніи), гдѣ приводятся, между прочимъ, факты изъ мѣстной практики въ подтвержденіе высказанныхъ г. Фроловымъ мнѣній, мы помѣстили на дняхъ въ № 217 *Московскихъ Вѣдомостей*. Другіе доходящіе до насъ отзывы носятъ одинаковый съ этимъ характеръ, именно тотъ что г. Фроловъ попалъ на живой нервъ вопроса, указавъ на существеннѣйшую причину истребленія лѣсовъ въ Россіи въ послѣднее десятилѣтіе, — причину, устраненіе коей должно предшествовать всякимъ инымъ мѣрамъ лѣсохраненія.

Лѣсной вопросъ обсуждается въ печати уже много лѣтъ. Не мало чернилъ потрачено на то чтобы доказать громадный экономическій вредъ истребленія и государ-

ственную важность сохраненія лѣсовъ и разведенія ихъ тамъ гдѣ недостатокъ въ нихъ особенно ощутителенъ. Не мало дѣлалось указаній на обмелѣніе рѣкъ и исчезновеніе ключей, на распространеніе сыпучихъ песковъ, на частыя засухи, на наводненія, на вздорожаніе строеваго и дровянаго матеріала и на другія невыгодныя послѣдствія неправильнаго истребленія лѣсовъ. Съ этой стороны вопросъ, можно сказать, исчерпанъ. Возражать противъ необходимости серіозной лѣсохранительной политики едва ли кто-нибудь станетъ. Но нельзя того же сказать о самыхъ мѣрахъ въ которыхъ должна выразиться эта лѣсохранительная политика. Преобладавшія въ печати въ теченіе многихъ лѣтъ сужденія по этому предмету, если не принимать во вниманіе немногихъ, одиноко и слабо раздававшихся голосовъ, отличались замѣчательною односторонностію. Виновниками безпощаднаго лѣсоистребленія и всѣхъ происходящихъ отъ него бѣдъ обыкновенно выставлялись лѣсовладѣльцы, руководящіеся исключительно узкими и близорукими эгоистическими разчетами. Имъ объявлялась война во имя нарушаемыхъ ими общественныхъ и государственныхъ интересовъ. Какъ руководящая нить при развитіи нашего лѣснаго законодательства, постоянно рекомендовалось ограниченіе права лѣсной собственности, права владѣльцевъ хозяйничать въ своихъ лѣсахъ по своему усмотрѣнію. Во имя подчиненія выгодъ отдѣльныхъ лицъ общественной пользѣ, настойчиво доказывалось что государство имѣетъ не только право, но и обязанность заставить частныхъ лѣсовладѣльцевъ распоряжаться ихъ лѣсными богатствами сообразно съ требованіями общественнаго интереса, такъ чтобы выработанныя лѣсохозяйственной наукою положенія равно примѣнялись какъ къ лѣсамъ казеннымъ, такъ и къ дачамъ отдѣльныхъ лицъ и обществъ. Все должно быть регламентировано сверху и ничто не оставлено на произволъ лѣсовладѣльца. Тѣ изъ его лѣсныхъ дачъ, сохраненіе коихъ важно для укрѣпленія почвы на скатахъ горъ, для питанія источниковъ рѣкъ, для предупрежденія наводненій отъ ихъ разлитія, для защиты отъ песчаныхъ наносовъ, въ интересахъ народнаго здравія и т. п., должны быть объявлены заповѣдными, съ безусловнымъ воспрещеніемъ въ нихъ всякой рубки, какъ бы ни противорѣчило это интересамъ владѣльца. Во всѣхъ остальныхъ лѣсахъ, сбереженіе коихъ не имѣетъ равносильнаго значенія, оборотъ рубки все-таки долженъ быть установленъ закономъ, и за вырубку въ своемъ лѣсу участка болѣе дозволеннаго владѣлецъ долженъ подвергаться уплатѣ высокой денежной пени. Регламентація распространяется даже на пастьбу скота въ собственномъ лѣсу, даже на способы очистки этого лѣса отъ опавшей листвы и т. д.

Въ подкрѣпленіе этихъ доводимыхъ до крайности стремленій къ ограниченію права лѣсной собственности, причемъ лѣсовладѣлецъ низводится чуть не до роли лѣснаго сторожа въ своихъ дачахъ, дѣлаются обыкновенно ссылки на примѣры представляемые законодательствами разныхъ странъ Европы. Нѣкоторыми изъ этихъ законодательствъ, дѣйствительно, установлены серіозныя стѣсненія для владѣльцевъ относительно способовъ пользованія ихъ лѣсными дачами. Но слѣдуетъ ли отсюда что въ Россію долженъ быть перенесенъ букетъ составленный изъ стѣсненій разсыпанныхъ по всѣмъ этимъ законодательствамъ, и что страна будетъ облагодѣяна этимъ рафинированнымъ ограниченіемъ права лѣсной собственности?

Всякая мѣра хороша лишь поскольку соотвѣтствуетъ вызвавшимъ ее обстоятельствамъ. Такъ и поставляемые въ примѣръ лѣсные законы другихъ государствъ, весьма притомъ не одинаковые, имѣютъ лишь относительное достоинство и, пригодные въ одной странѣ, могутъ оказаться совершенно непригодными въ другой, живущей при иныхъ естественныхъ, экономическихъ и юридическихъ условіяхъ. Остановимся мимоходомъ лишь на этихъ послѣднихъ. Такъ ли поставлена у насъ юридическая собственность какъ состоитъ въ другихъ странахъ, пользуется ли она у насъ такою же охраной закона какъ за границей? Гдѣ, въ какой странѣ, практикуются въ такихъ размѣрахъ какъ у насъ самовольныя порубки, то-есть попросту воровство лѣса, и какое законодательство относится съ такою какъ у насъ снисходительностью къ лѣсокрадамъ? Повсюду лѣсная собственность считается неприкосновенною какъ и всякая и даже еще болѣе чѣмъ всякая другая, вездѣ она ограждена отъ покушеній. При такомъ положеніи дѣла остается ограждать лѣса лишь отъ злоупотребленій

въ пользованіи ими самихъ владѣльцевъ. Но у насъ лѣсъ есть собственность ничѣмъ не гарантированная, постоянно и безнаказанно расхищаемая, помимо владѣльца, каждымъ кому вздумается. Кража лѣса съ корня даже не считается у насъ уголовнымъ проступкомъ, равносильнымъ воровству. Взысканія съ самовольныхъ порубщиковъ, то-есть съ лѣсокрадовъ, по закону такъ ничтожны что становятся прямымъ поощреніемъ воровскихъ порубокъ. До тѣхъ поръ пока порубщикъ не побываетъ у мироваго судьи, онъ еще боится ожидающей его отвѣтственности, но пройдя процедуру суда и убѣдясь что ему, кромѣ присужденія къ незначительному штрафу, ничего не будетъ, онъ уже ничего не боится и убѣждается что лѣсокрадство выгодно обратить въ промыселъ, принимая въ разчетъ трудность поимки порубщика. При широкомъ и повсемѣстномъ развитіи этого промысла, при беззащитности лѣсовъ отъ воровскихъ порубокъ, какой смыслъ имѣли бы законы стѣсняющіе права лѣсной собственности? Могли ли бы въ такомъ случаѣ эти законы найти себѣ оправданіе въ необходимости жертвовать частными выгодами общественнымъ интересамъ? Эти интересы могутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, потребовать ограниченія права лѣсной, какъ и всякой иной собственности, но прежде всего и болѣе всего они требуютъ огражденія и обезпеченія этой собственности. Всякое дѣло должно начинать не съ конца, а съ начала, и въ дѣлѣ установленія у насъ правильнаго лѣснаго законодательства, законы охранительные должны предшествовать законамъ ограничительнымъ. Прежде мѣръ которыя стѣснили бы собственниковъ въ рубкѣ принадлежащихъ имъ лѣсовъ необходимы мѣры которыя затруднили бы для воровъ расхищеніе чужаго лѣса.

Не въ такомъ однако направленіи идетъ большею частью обсужденіе лѣснаго вопроса въ нашей печати. Она, правда, не всегда принимаетъ лѣсокрадовъ прямо подъ свою защиту, но вообще относится къ самовольнымъ порубкамъ въ чужихъ лѣсахъ снисходительнѣе чѣмъ къ рубкѣ лѣсовладѣльцемъ своего лѣса. Съ лѣсными собственниками, при обсужденіи лѣснаго вопроса, вовсе не церемонятся. Предлагается просто воспретить рубить лѣсъ, предписать такія-то и такія-то правила пользованія своимъ лѣсомъ, подъ страхомъ тяжкихъ взысканій за ихъ нарушеніе. По инымъ тономъ ведется рѣчь объ ограниченіи воровскихъ порубокъ. На европейскія законодательства по отношенію къ подобнымъ порубкамъ ссылокъ вообще не дѣлается. За то часто выражается лишь сомнѣніе, могутъ ли даже строгія кары удержать отъ порубокъ крестьянъ имѣющихъ нужду въ лѣсѣ для своихъ болѣе или менѣе настоятельныхъ потребностей. То обстоятельство что срубленный лѣсъ, пользующійся несравненно большею охраной закона чѣмъ лѣсъ на корню, мало или почти совсѣмъ не подвергается расхищенію, — это обстоятельство въ разчетъ тутъ не берется. Вмѣсто карательныхъ мѣръ, для сокращенія лѣсокрадства рекомендуются лишь мягкія мѣры которыя сдѣлали бы для крестьянъ порубки чужаго лѣса менѣе соблазнительными чѣмъ нынѣ. Въ этихъ видахъ, какъ на важную составную часть желаемаго лѣснаго закона, указывается на необходимость стройной организаціи продажи крестьянамъ дровянаго, строеваго, а гдѣ нужно, и подѣлочнаго лѣса изъ казенныхъ дачъ по возможно дешевой цѣнѣ, на необходимость поощренія разработки торфяныхъ болотъ съ цѣлью уменьшенія потребности въ древесномъ топливѣ и т. д. Снабженіе крестьянъ лѣсомъ по недорогой цѣнѣ изъ казенныхъ дачъ было бы, полагаемъ, дѣломъ хорошимъ. Но сомнительно чтобъ и возможность получить лѣсъ такимъ путемъ повела къ серіозному сокращенію добыванія лѣса даромъ, посредствомъ самовольныхъ порубокъ въ чужихъ дачахъ. Безъ предоставленія лѣсовладѣльцамъ и лѣсной стражѣ правъ при которыхъ эти мѣры не оставались бы только на бумагѣ, едва ли что-нибудь можетъ-быть достигнуто въ этомъ отношеніи. Нѣтъ спора что въ дѣлѣ охраненія лѣсовъ прежде всего желательно устраненіе причинъ побуждающихъ къ порубкамъ. Побудительною причиной лѣсокрадства служитъ его безнаказанность: ее-то и слѣдуетъ прежде всего устранить, ибо именно устраненіе безнаказанности всего скорѣе уменьшитъ соблазнительность самовольныхъ порубокъ.

Но если идетъ рѣчь объ устраненіи причинъ побуждающихъ крестьянъ рубить чужіе лѣса, тѣмъ необходимѣе остановить вниманіе на причинахъ побуждающихъ лѣсовладѣльцевъ сводить и продавать на срубъ свои собственныя лѣсныя дачи. Между тѣмъ имено эта сторона дѣла почти совсѣмъ

упускается изъ виду, какъ бы вовсе не имѣющая значенія для нашего лѣснаго законодательства. Статьи В. А. Фролова восполняютъ этотъ пробѣлъ, указывая тѣ изъ существующихъ условій которыя заставляютъ лѣсовладѣльца вырубать лѣса при всемъ желаніи сберечь ихъ неприкосновенными. Одно изъ этихъ условій заключается въ упомянутой негарантированности, въ беззащитности лѣсной собственности отъ ежедневныхъ покушеній со всѣхъ сторонъ. Не рубить лѣса, беречь его, не получать отъ него никакого дохода и видѣть какъ этотъ лѣсъ безнаказанно расхищается,—это не такое положеніе съ которымъ можно легко мириться. А выходъ изъ него пока одинъ—освободиться отъ лѣса, превратить его, продажей на срубъ, въ наличный капиталъ и тѣмъ доставить себѣ нравственное спокойствіе. Усиленіе охраны лѣсной собственности, сокративъ воровскія порубки, несомнѣнно устранило бы и одну изъ причинъ вырубанія лѣсовъ самими владѣльцами. На ряду съ этою причиной г. Фроловъ ставитъ другую, не менѣе важную, — нераціональное обложеніе лѣсныхъ пространствъ государственными и земскими налогами. Налоги эти весьма обременительны и крайне неравномѣрны даже въ близко лежащихъ одна отъ другой мѣстностяхъ, напримѣръ въ двухъ сосѣднихъ уѣздахъ. Они тѣмъ обременительнѣе что сберегаемый лѣсъ есть собственность не только не приносящая дохода, но еще требующая ежегодныхъ расходовъ на наемъ лѣсной стражи. Эти налоги являются прямымъ побужденіемъ къ скорѣйшему извлеченію дохода, къ продажѣ лѣса на срубъ. Такого побужденія не было бы еслибы налогъ взимался не со сберегаемаго лѣса, а со стоимости лѣса срубленнаго. Измѣненіе въ такой формѣ налога на лѣсную собственность въ высшей степени желательно. Оно, по всей вѣроятности, не было бы сопряжено съ ущербомъ ни для казны ни для земскихъ кассъ, но еслибы и предвидѣлся нѣкоторый ущербъ, вслѣдствіе столь желаемаго сокращенія лѣсныхъ порубокъ, предъ этимъ ущербомъ едва ли можно остановиться, если только важность лѣсосбереженія дѣйствительно сознана и признана дѣломъ общественной и государственной пользы. Освобожденіе лѣсовъ, пока они не рубятся, отъ всякаго налога было бы несомнѣнно самымъ сильнымъ поощреніемъ къ выращиванію лѣсовъ и ихъ сбереженію, и пока эта поощрительная мѣра не испытана, было бы преждевременно прибѣгать къ ограниченію права лѣсной собственности.

№ 224.

Москва, 13-го августа.

Съ прибытіемъ въ Петербургъ маркиза Тзенга наши отношенія къ Китаю начинаютъ измѣняться. Тзенгъ внимательно изучивъ документы посольскаго архива настойчиво рекомендовалъ своему правительству освободить изъ заключенія Чунгъ-Хоу подписавшаго извѣстный договоръ о Кульджѣ не понравившійся Пекинскому правительству и послужившій поводомъ къ непріязненнымъ отношеніямъ. Въ „помилованіи“ Чунгъ-Хоу маркизъ Тзенгъ видѣлъ первое условіе своей миссіи, чѣмъ и объясняется его особенная настойчивость въ этомъ дѣлѣ и рѣшимость обратиться со своимъ представленіемъ непосредственно къ императрицѣ-регентшѣ. Съ другой стороны уступчивость Китайскаго правительства въ этомъ дѣлѣ въ свою очередь свидѣтельствуетъ о желаніи мирнаго разрѣшенія возникшихъ затрудненій. Желаніе это подтверждается и донесеніемъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Пекинѣ, телеграфировавшаго въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ что „рѣшенія по неоконченнымъ дѣламъ исполнены удовлетворительно.“

Послѣ официальнаго пріема въ Царскомъ Селѣ, Тзенгъ донесъ своему правительству что можетъ достигнуть совершенно „благопріятныхъ результатовъ.“

Если подъ благопріятными результатами Тзенгъ разумѣетъ миролюбивое разрѣшеніе возникшихъ затрудненій, и если такова цѣль его прибытія, то предположеніе китайскаго посла можно счесть вполнѣ основательнымъ. Россія не имѣетъ ни повода, ни надобности враждовать съ Китаемъ. Мѣры до сихъ поръ принятыя нашимъ правительствомъ и отсылка въ Тихій Океанъ военной эскадры вызваны тѣми обширными военными приготовленіями которыя съ большою поспѣшностью и энергіей были ведены въ Пекинѣ въ теченіе почти цѣлаго года.

Несмотря на обширность приготовленій Китайскаго правительства и значительныя

средства затраченныя имъ на покупку судовъ и оружія за-границей, китайскій посолъ на пути въ Петербургъ и въ Петербургѣ могъ убѣдиться какимъ рискованнымъ дѣломъ была бы для Китая война съ такою державой какъ Россія.

Появившійся въ только что вышедшей августовской книжкѣ *Военнаго Сборника* очеркъ военныхъ средствъ Китая показываетъ какъ мало приготовлены китайскія войска къ столкновенію съ европейскою арміей. Европейское обученіе и отчасти вооруженіе вводятся въ китайскихъ войскахъ со времени Тяньдзинскаго договора, то-есть съ 1858 года, но все дѣло ограничивается пока тѣмъ что „правительство наняло иностранныхъ инструкторовъ, купило извѣстное количество европейскаго оружія, завело кое-какую артиллерію, устроило арсеналы, пороховой и оружейный заводы.“ Реформа не коснулась однако „организаціи арміи, такъ что въ общемъ современная армія Небесной Имперіи мало чѣмъ отличается отъ арміи 1842 года,“ которая не могла оказать хоть сколько-нибудь серіознаго сопротивленія отряду англійскихъ войскъ, проникшему до южной столицы, Нанкина. Да иначе и быть не можетъ. По закону на обязанности китайскаго военнаго министерства лежитъ общее управленіе арміей и флотомъ. На самомъ же дѣлѣ министерству подчиняется только гвардія, да въ слабой степени гарнизонъ Пекина, а остальныя войска подчинены губернаторамъ провинцій. Сверхъ того, военное министерство завѣдуетъ лишь строевою частью. Продовольствуетъ войска финансовое управленіе, вооружаетъ „строительная палата,“ техническія учрежденія военнаго вѣдомства находятся въ завѣдываніи министра публичныхъ работъ. Благодаря всему этому въ китайской арміи вовсе нѣтъ единства ни въ обученіи, ни въ снаряженіи, ни въ вооруженіи войскъ: „Нѣтъ двухъ провинцій гдѣ войска были бы одинаково вооружены и экипированы.“

Вся китайская военная сила достигаетъ до милліона солдатъ, изъ коихъ третья часть составляетъ дѣйствующія войска, а остальныя милицію, или такъ-называемую армію зеленаго знамени. Организація дѣйствующихъ войскъ чисто территоріальная; эти войска поселенныя и напоминаютъ нашихъ стрѣльцовъ. Содержаніе они получаютъ весьма ограниченное и солдаты содержатъ себя и свои семейства заработками, а потому правительство „только изрѣдка отнимаетъ у нихъ время на строевыя занятія,“ гораздо болѣе впрочемъ напоминающія балетъ нежели военныя упражненія. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ губернаторы, вооруживъ войска по-европейски, ввели однако или русскій старинный, или англійскій уставъ, да и то не вполнѣ. Армія зеленаго знамени, составляющая какъ бы національную милицію, совершенно не обучена и ея наличный составъ зависитъ отъ требованій минуты. Въ мирное время подъ ружьемъ содержится едва ли даже половина тѣхъ шестисотъ тысячъ коп числятся въ ней по спискамъ. „Когда вспыхнувшее возстаніе или другая какая причина, замѣчаетъ *Военный Сборникъ*, заставляетъ двинуть эти войска въ поле, то власти провинціи торопятся пополнить ряды, силой вербуя крестьянъ и вообще мирныхъ гражданъ. Эти импровизованныя войска всегда готовы пуститься въ бѣгство при первомъ удобномъ случаѣ, какъ это и было во время несогласій возникшихъ въ 1874 году съ Японіей, когда въ частяхъ назначенныхъ на островъ Формозу нижніе чины стали дезертировать массами, а тѣ изъ нихъ кого удалось обманомъ посадить на суда начали толпами бросаться въ море, когда узнали, куда ихъ везутъ.“

Больное мѣсто китайской арміи составляютъ офицеры, которые „и въ настоящее время не имѣютъ представленія о томъ, что должны знать войска, ни о порядкѣ размѣщенія и руководства войсками въ бою.“ Офицерскій экзаменъ состоитъ въ стрѣльбѣ изъ лука пѣшкомъ и съ коня, и въ метаніи, точно мячика изъ руки въ руку, четвероугольнаго камня вѣсомъ около 56 англійскихъ фунтовъ. При такомъ составѣ корпуса офицеровъ весьма понятно почему войска, даже вооруженныя по-европейски, почти не упражняются въ стрѣльбѣ: они стрѣляютъ почти исключительно холостыми патронами, ибо „иначе, какъ говорили Китайцы полковнику Сосновскому, немудрено и человѣка убить.“ При стрѣльбѣ на строевыхъ ученьяхъ требуется „побольше шума, дыма, огонь долженъ быть неумолкаемъ.“ Каковъ же расходъ патроновъ въ бою долженъ быть при такихъ понятіяхъ у войскъ вооруженныхъ скорозарядымъ оружіемъ и достанетъ ли имъ на день даже такого числа патроновъ—до 500 штукъ—какимъ довольствова-

лась армія турецкая. Заводъ Круппа изготовилъ для Китая 275 пушекъ, изъ которыхъ до 250 полевыхъ. Казалось бы, изъ этого могла быть сформирована весьма сильная артиллерія; но на самомъ дѣлѣ это только мертвый матеріалъ, такъ какъ въ артиллеріи нѣтъ правильной упряжи, строя и тактическаго маневрированія.

Самую слабую сторону китайской военной силы составляетъ флотъ, состоящій всего изъ 38 боевыхъ судовъ, преимущественно мелкихъ. Въ случаѣ войны флотъ этотъ долженъ былъ бы уйти подъ прикрытіе прибрежныхъ укрѣпленій, снабженныхъ крупповскими пушками, но и это убѣжище едва ли можетъ считаться вполнѣ надежнымъ, если еще до послѣдняго времени самыя сильныя и важныя изъ береговыхъ укрѣпленій, именно построенныя въ устьѣ рѣки Пей-хо и обороняющія доступъ къ столицѣ, были построены изъ глины съ амбразурами въ которыхъ „вмѣсто сводовъ положены досчатыя перекладины.“ Одинъ удачный выстрѣлъ изъ орудія даже небольшаго калибра можетъ разомъ уничтожить такую амбразуру и заставить замолчать стоящее около нея орудіе.

№ 225.

Москва, 14-го августа.

Нѣсколько дней тому назадъ, въ № 220 *Московскихъ Вѣдомостей*, мы упомянули что ко многимъ представителямъ высшей администраціи въ послѣднее время вновь стали поступать настоятельнѣйшія ходатайства о постройкѣ Сибирской дороги, идущія отъ представителей экономическихъ интересовъ важнѣйшихъ пунктовъ лежащихъ по ея утвержденному направленію. Телеграмма изъ Нижняго-Новгорода, отъ 12 августа, сообщила отвѣтъ послѣдовавшій на одно изъ такихъ ходатайствъ, шедшее отъ жителей Тюмени праздновавшихъ недавно трехсотлѣтіе основанія своего города. Мало утѣшительнаго найдутъ они въ этомъ отвѣтѣ. Тяжелое впечатлѣніе произведетъ онъ и вообще на всѣхъ непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ, на всѣхъ понимающихъ государственную важность такой желѣзнодорожной линіи какова Сибирская.

Эта дорога не принадлежитъ къ числу тѣхъ относительно коихъ нужно доказывать что ихъ дѣйствительно слѣдуетъ строить и разсуждать какому направленію должно быть отдано предпочтеніе. Давнымъ давно рѣшено что эта дорога въ высшей степени необходима, давнымъ давно опредѣлено и и утверждено Высочайшею Властью самое ея направленіе. Въ этихъ отношеніяхъ нѣтъ ни малѣйшихъ недоумѣній и разногласій между тѣми кто ходатайствуетъ о постройкѣ дороги и тѣми къ кому эти ходатайства обращаются. Весь вопросъ тутъ только во времени когда наконецъ будетъ приступлено къ исполненію давно состоявшагося окончательнаго, безапелляціоннаго рѣшенія. Какіе же виды открываетъ на этотъ счетъ отвѣтъ данный на Тюменьское ходатайство?

Къ постройкѣ Сибирской дороги будетъ приступлено: 1) когда это позволятъ средства Государственнаго Казначейства, 2) когда будетъ окончено приведеніе въ порядокъ существующихъ желѣзныхъ дорогъ и 3) когда будетъ окончено сооруженіе тѣхъ линій которыя настоятельно требуются нуждами отечественной торговли, промышленности и земледѣлія...

Послѣднее изъ этихъ трехъ условій, отъ которыхъ въ зависимость ставится приступъ къ постройкѣ Сибирской дороги, особенно поразительно. Очередь до нея дойдетъ послѣ того когда будутъ построены линіи настоятельно требуемыя нуждами отечественной торговли, промышленности и земледѣлія. Но развѣ безчисленныя ходатайства о ней, непрестанно возобновлявшіяся въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, не вызываются именно этими нуждами, и развѣ нужды эти не настоятельны? О какой изъ другихъ линій представители торговли и промышленности высказывались съ такою силой и убѣдительностью, какъ о Сибирской, отъ какой ожидали больше пользы? „Соединеніе Сибири съ Москвой посредствомъ желѣзной дороги,“ читаемъ въ одномъ изъ адресовъ представленныхъ по этому дѣлу торгующимъ на Нижегородской ярмаркѣ купечествомъ, „составляетъ настоятельную и неотложную необходимость *для всей внутренней торговли Имперіи* и для торговыхъ сношеній нашихъ съ Китаемъ и среднеазіятскими государствами.“ Въ томъ же смыслѣ постоянно высказывались и купечество торгующее на первой послѣ Нижегородской, Ирбитской ярмаркѣ, и весь торговый и промышленный міръ Москвы, Казани, Екатеринбурга, разныхъ городовъ

Западной и Восточной Сибири. „Отдаленность Сибири отъ центра Россіи," писалъ еще въ 1869 году бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири, покойный генералъ-адъютантъ Хрущовъ, „составляетъ главнѣйшую причину слабаго развитія этого края, богатаго всякаго рода естественными произведеніями. Одна только желѣзная дорога отъ рѣчной системы Западной Сибири до Москвы можетъ развить въ немъ торгово-промышленную дѣятельность и обезпечить его въ политическомъ отношеніи..." Какія же это линіи, предъ которыми, по своему торгово-промышленному значенію, должна отступить на второй планъ Сибирская, имѣющая соединить такіе пункты, какъ Москва, средоточіе мануфактурной дѣятельности, Нижній, съ его ярмаркой, Казань, съ ея фабриками и заводами, Екатеринбургъ, съ его горнозаводскимъ значеніемъ, наконецъ Тюмень, уже нынѣ важный рѣчной портъ обширной Обской системы, портъ, которому не достаетъ только желѣзной дороги чтобы стать складочнымъ мѣстомъ продуктовъ земледѣлія и скотоводства необъятныхъ и богатѣйшихъ полей и пастбищъ Южной Сибири? Но если и есть линіи столь же настоятельно нужныя какъ и Сибирская, почему не приступить къ ихъ постройкѣ одновременно, подобно тому какъ это было сдѣлано, напримѣръ, относительно Оренбургской, Уральской Горнозаводской, Фастовской и Привислинской желѣзныхъ дорогъ? Вообще, какъ-то даже странно и говорить объ опредѣленіи очереди для постройки Сибирской дороги въ виду того что еще десять лѣтъ тому назадъ, въ 1870 году, она будучи внесена въ сѣть предположенныхъ къ постройкѣ дорогъ, тогда же по Высочайше утвержденному журналу Комитета желѣзныхъ дорогъ, была поставлена *на первую очередь* и признана „самонужнѣйшею..."

Но и помимо всякихъ очередей, долго еще придется ждать сооруженія этой *самонужнѣйшей* дороги: если ему должно предшествовать приведеніе въ полный порядокъ уже существующей желѣзнодорожной сѣти. Это важное дѣло несомнѣнно потребуетъ не только энергическаго, но и многолѣтняго труда для своего совершенія. Не мало трудились надъ нимъ и до учрежденія спеціально съ означенною цѣлію особой высшей желѣзнодорожной коммиссіи, затѣмъ и самая эта коммиссія существуетъ вотъ уже болѣе четырехъ лѣтъ, а сдѣлано пока еще очень мало, и пройдетъ конечно много лѣтъ пока вся болѣе чѣмъ двадцатитысячеверстная сѣть перестроится какъ слѣдуетъ. Неужели же на все это время всякое дальнѣйшее развитіе сѣти должно совершенно пріостановиться? Неужели то что старыя дороги неудовлетворительны есть достаточный предлогъ совсѣмъ не проводить хорошихъ новыхъ дорогъ тамъ гдѣ онѣ представляются особенно необходимыми? Нѣтъ сомнѣнія что интересы страдающіе отъ неудовлетворительнаго состоянія разныхъ желѣзныхъ дорогъ весьма уважительны; но менѣе ли уважительны интересы страдающіе отъ неимѣнія никакого, ни хорошаго ни посредственнаго, рельсоваго пути между Нижнемъ и Сибирью?

Лишь положительный недостатокъ финансовыхъ средствъ могъ бы служить достаточнымъ оправданіемъ отсрочекъ въ постройкѣ этого пути. Если средства Государственнаго Казначейства не позволяютъ приступить къ этому важному желѣзнодорожному предпріятію, нечего дѣлать, должно смириться и терпѣливо ожидать когда финансовыя обстоятельства измѣнятся къ лучшему. Но можно ли сказать что нынѣшнія средства казны не позволяютъ ей приступить къ постройкѣ Сибирской дороги? Во много ли худшемъ положеніи находятся ея финансы нынѣ чѣмъ въ то время когда шло сооруженіе уже построенныхъ дорогъ? Всѣ официальные отчеты о нашемъ финансовомъ положеніи свидѣтельствуютъ что никакого серіознаго ухудшенія въ финансахъ нѣтъ. Притомъ, дороги строятся не на бюджетныя средства, а на деньги добываемыя кредитомъ, и успѣхъ послѣдняго, майскаго желѣзнодорожнаго займа показалъ что съ этой стороны никакихъ препятствій серіознымъ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ не имѣется. На бюджетъ ложатся только прилаты по гарантіи въ случаѣ малодоходности дороги. Но сибирская дорога не обѣщаетъ быть малодоходною. Еслибы даже доходы ея и оказались въ первые годы недостаточными для покрытія процентовъ на затраченный капиталъ, казна и въ такомъ случаѣ все-таки не осталась бы въ накладѣ. Не слѣдуетъ забывать огромнаго финансоваго значенія желѣзныхъ дорогъ, ихъ свойства усиливать податныя силы населенія тѣхъ районовъ на которые простя-

рается ихъ вліяніе. Тотъ бюджетъ который нынѣ выноситъ страна былъ бы ей не по силамъ еслибы не было сооружено существующей желѣзнодорожной сѣти. А Сибирская дорога принадлежитъ именно къ числу наиболѣе обѣщающихъ въ этомъ отношеніи, судя по тѣмъ обширнымъ и богато одареннымъ областямъ чрезъ которыя она пройдетъ и которымъ дастъ жизнь, и по тому конечному пункту до котораго должна быть доведена. Это не какая-нибудь Оренбургская дорога упирающаяся въ безплодныя и безводныя степи. За Тюменью лежитъ богатый край великаго бассейна Иртыша и Оби, имѣющій всѣ данныя къ тому чтобы получить значеніе сходное съ тѣмъ какое имѣетъ въ Европейской Россіи бассейнъ Волги. Оживить этотъ край въ экономическомъ отношеніи значитъ усилить вмѣстѣ тѣмъ и источники государственныхъ доходовъ.

№ 227.

Москва, 16-го августа.

Ровно двѣ недѣли спустя послѣ произнесенія г. Гамбеттой его пресловутой рѣчи въ Шербургѣ, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* дала на нее свой отвѣтъ, не скрывая что этотъ отвѣтъ внушенъ ей свыше. Этимъ и объясняется значительная пауза, такъ какъ князь Бисмаркъ только вчера вернулся изъ Киссингена въ Берлинъ. Но и запоздалый отвѣтъ правительственнаго органа заслуживаетъ вниманія, а телеграфное извлеченіе изъ него, которое было намъ передано, далеко не исчерпываетъ его содержанія. Берлинская газета начинаетъ съ того что она „въ интересахъ сохраненія мира“ воздержалась бы отъ всякаго отвѣта, еслибы оказалось что г. Гамбетта говорилъ отъ имени французскаго правительства. Но дальнѣйшія публичныя заявленія гг. Греви и Фрейсине доказали де что официальные представители Франціи далеко не солидарны во взглядахъ на будущее съ президентомъ французской палаты депутатовъ; стало быть, г. Гамбетта говорилъ за себя лично, а потому его манифестація есть достояніе публицистики и можетъ подвергнуться „свободному“ обсужденію.

Но тонъ этого обсужденія съ перваго взгляда убѣждаетъ что оно далеко не свободно, и что слова г. Гамбетты совсѣмъ не приняты въ смыслѣ частнаго мнѣнія, а считаются въ Берлинѣ за политическую программу будущей Франціи, программу съ которою Германія должна сообразоваться и будетъ сообразоваться. Вотъ почему замѣтка берлинскаго правительственнаго органа заслуживаетъ неменьшаго вниманія чѣмъ рѣчь которая подала къ ней поводъ.

Берлинская газета подтверждаетъ высказанное нами тотчасъ послѣ шербургской рѣчи мнѣніе что воинственные замыслы вожака французскихъ республиканцевъ должны поразить германскихъ политиковъ своею неожиданностью. Было ли то искренно, или притворно, но въ Берлинѣ всегда высказывалось мнѣніе что республика во Франціи представляетъ собою наибольшую гарантію мира. „До сихъ поръ,“ замѣчаетъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, „мы находились въ томъ убѣжденіи что республиканскіе правители Франціи настроены болѣе миролюбиво нежели Бурбоны или бонапартисты. Въ особенности г. Гамбетта пріобрѣлъ себѣ репутацію друга, можно даже сказать, „оберегателя мира.“ Но его рѣчь отъ 9 августа показала де что онъ намѣренъ построить свою будущность не на этой репутаціи, а на репутаціи „человѣка отместки.“ Эта неожиданность хотя не причинила паники въ Германіи, но была де тамъ встрѣчена съ удивленіемъ и съ искреннимъ сожалѣніемъ. „Германія останется по прежнему вѣрна своей мирной политикѣ, но увѣренность въ сохраненіи мира, которая составляетъ какъ во Франціи, такъ и въ Германіи основу благосостоянія, пошатнулась послѣ заявленія г. Гамбетты.“

Далѣе, берлинская газета старается доказать что воззваніе г. Гамбетты къ „справедливости,“ отъ которой онъ ожидаетъ возврата Франціи того что у нея отнято Германіей, есть ни что иное какъ возобновленіе старинныхъ традицій французской политики временъ Лудовика XIV и Наполеоновъ, ибо съ такимъ же основаніемъ можно было бы ожидать отъ исторической справедливости отнятія Любека и устьевъ Эльбы въ пользу Франціи, такъ какъ и они были нѣкогда въ ея рукахъ и подобно Альзасу обратно отвоеваны у нея Германіей. Германія должна де свыкнуться съ мыслью что миръ на западной границѣ находится въ опасности. „Мы не жалѣемъ,“ такъ заключаетъ официозная статья,

„что воинственный духъ, одушевляющій нашихъ сосѣдей нынѣ какъ и во все продолженіе трехъ послѣднихъ столѣтій, вынуждаетъ насъ искать свою безопасность въ сильной и готовой къ бою арміи. Бо́льшаго обезпеченія мы не ищемъ; но мы желаемъ и увѣрены что найдемъ въ арміи такое обезпеченіе."

Это послѣднее горделивое замѣчаніе было понято берлинскою „независимою" печатью въ томъ смыслѣ, что Германія ни въ какихъ союзахъ не нуждается чтобы въ случаѣ надобности дать отпоръ Франціи. Берлинская печать умалчиваетъ о томъ что и Любекъ съ устьями Эльбы возвращены были Германіи не совсѣмъ ея собственными силами, и что позднѣйшій актъ „исторической справедливости" — обратное отнятіе Альзаса и Лотарингіи у Франціи — хотя и совершенъ одними германскими силами, но что при этомъ Германія пользовалась такимъ надежнымъ прикрытіемъ ея фланга, на которое сами нѣмецкія газеты мало разчитываютъ въ случаѣ новаго столкновенія съ Франціей.

Разчеты нѣмецкихъ газетъ, на случай такого столкновенія, сколько можно судить по ихъ весьма осторожнымъ политическимъ выкладкамъ, основаны не столько на возобновленіи комбинаціи существовавшей десять лѣтъ тому назадъ, сколько на той отрицательной надеждѣ что Франція не найдетъ ни въ комъ дѣятельной поддержки, и что съ нею не трудно будетъ справиться если она не заручится надежными союзниками. Вотъ почему нѣмецкая печать съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ все что̀ служитъ указаніемъ на политическую рознь между Франціей и тѣми державами съ коими она могла бы идти рука объ руку по вопросу который составляетъ главный рычагъ европейской политики, именно по дѣламъ Востока. А въ этомъ отношеніи французская печать доставляетъ нѣмецкой весьма обильный матеріалъ для самодовольныхъ выкладокъ.

Странная и непонятная полемика, которую вліятельные и близкіе къ правительству французскіе органы вели противъ восточной политики теперешняго англійскаго кабинета, возобновилась съ вящею силой. Газета *Temps*, та самая которая и прежде болѣе всѣхъ ратовала противъ совокупнаго дѣйствія Англіи и Франціи, разразилась на дняхъ новою статьей по тому же предмету, которая возбудила восторгъ... въ Берлинѣ. Названная газета упоминаетъ о слухѣ, распространившемся въ послѣдніе дни, будто г. Гладстонъ предложилъ Франціи „вступить въ соглашеніе съ Англіей и Россіей" для солидарнаго дѣйствія противъ Турціи на случай если-бы Порта продолжала упорно отказываться отъ исполненія предъявленныхъ къ ней требованій. Французская газета полагаетъ что въ этомъ слухѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ, съ одной стороны, Англія находитъ въ Россіи единственную поддержку своимъ теперешнимъ предпріятіямъ противъ Турціи, а съ другой, Германія и Австрія рѣшились противодѣйствовать этимъ стремленіямъ и отсрочить до времени болѣе для нихъ благопріятнаго окончательную ликвидацію Турціи. Въ виду этого весьма де понятно что г. Гладстонъ долженъ придавать особенную цѣну присоединенію Франціи къ соглашенію, которое въ этомъ случаѣ могло бы перевѣсить австро-германскій союзъ. Но французская газета, со своей стороны, не только не сочувствуетъ англійскимъ стараніямъ, но утверждаетъ что старанія эти потерпѣли полное фіаско и злорадно глумится надъ безвыходнымъ положеніемъ въ коемъ очутился кабинетъ г. Гладстона вслѣдствіе того что онъ „сунулся въ воду не спросившись броду" и что всѣ разчеты его на Францію оказались лишенными всякаго основанія.

Впрочемъ газета *Temps* и на этотъ разъ не считаетъ нужнымъ разъяснить почему именно Франція такъ упорно уклоняется отъ дѣлаемыхъ ей предложеній (если таковыя дѣлаются), и въ какой мѣрѣ ея собственные интересы предписываютъ дѣйствовать на руку противоположному соглашенію, коего существованіе обусловлено не совсѣмъ дружелюбными видами относительно Франціи.

Но каковы бы ни были сокровенныя причины загадочной политики Франціи по дѣламъ Востока, несомнѣнно что берлинская газета имѣетъ полное основаніе думать что изолированная Франція для Германіи не страшна.

№ 229.

Москва, 18-го августа.

На дняхъ *Международное Телеграфное Агентство* сообщило телеграмму изъ Красноводска о настоящемъ положеніи Ахалъ-Текинской экспедиціи, могущую подать поводъ къ серіознымъ недоразумѣніямъ. Въ телеграммѣ этой, помѣченной 15 августа, сообщается что „передовой отрядъ экспедиціоннаго корпуса расположенъ на базѣ," что „наступательныя дѣйствія временно пріостановлены," хотя „рекогносцировки продолжаются." Нѣсколько ранѣе сдѣлалась извѣстною другая депеша, посланная самимъ начальникомъ экспедиціи, генералъ-адъютантомъ Скобелевымъ, нижегородскому генералъ-губернатору и датированная: „Чатъ, 10 августа." Сопоставленіе этихъ депешъ можетъ заставить подумать что пріостановлены не только дальнѣйшія дѣйствія „передоваго отряда" находившагося подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева, но что отрядъ этотъ оставилъ текинскій городъ Бами, еще недавно нами „окончательно" занятый и укрѣпленный, и отошелъ назадъ чрезъ Бендессенъ къ Чату, а можетъ-быть даже къ Чакишляру, пункту отправленія экспедиціи.

Толкованіе это было бы однако несправедливо, такъ какъ настоящая текинская экспедиція съ самаго начала была поставлена въ другія условія чѣмъ въ прошломъ году. Съ самаго занятія Бами генералъ Скобелевъ пользуется двумя путями сообщеній: однимъ на Чатъ и Чакишляръ, которымъ онъ дошелъ до Бами, другимъ прямо къ западу чрезъ Кизилъ-Арватъ, Айдинскіе колодцы къ Михайловскому заливу и Красноводску. Самое занятіе Бами и обращеніе этого пункта въ укрѣпленное складочное мѣсто обусловлено сказаннымъ направленіемъ путей сообщенія: Бами лежитъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ гдѣ пересѣкаются дороги ведущія отъ Красноводска и Чакишляра въ Текинскій оазисъ.

Этого мало. Отъ Бами чрезъ Кизилъ-Арватъ и Айдинскіе колодцы пролегаетъ кратчайшая дорога изъ земли Ахалъ-Теке къ Михайловскому заливу избранному пунктомъ откуда должна пройти въ глубь степей желѣзная дорога. Строить ее безъ прикрытія военной силы въ степяхъ по которымъ весьма удобно могутъ передвигаться текинскія партіи конечно невозможно. Занявъ Бами значительнымъ отрядомъ, генералъ Скобелевъ имѣлъ въ виду прикрыть предположенныя работы, и потому едва ли мыслимо чтобы Бами было оставлено какъ разъ въ то время когда работы по постройкѣ желѣзной дороги только-что начались. Такимъ образомъ остается лишь предполагать что именно Бами и образуетъ тотъ „базисъ" о которомъ идетъ рѣчь въ депешѣ *Международнаго Агентства*. Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе что депеша агентства говоритъ еще о какой-то „пріостановкѣ" наступательныхъ дѣйствій, которыя на самомъ дѣлѣ не начинались, а потому и не могли быть „временно пріостановлены." До сихъ поръ извѣстно только что генералъ Скобелевъ съ частью войскъ занимающихъ Бами предпринималъ нѣсколько дальнихъ и удачныхъ рекогносцировокъ, доходя до главнаго опорнаго пункта Текинцевъ, Денгиль-Депе. „Рекогносцировки продолжаются," говоритъ депеша, слѣдовательно въ расположеніи экспедиціоннаго корпуса и особенно его передоваго отряда занимавшаго Бами не послѣдовало никакой перемѣны, и если одна изъ послѣднихъ телеграммъ генерала Скобелева помѣчена на станціи Чатъ, то лишь потому что отсюда именно идетъ военный телеграфъ которымъ пользуется отрядъ. Еще недавно было даже извѣщеніе телеграфнаго вѣдомства что всѣ депеши въ отрядъ и изъ отряда направляются чрезъ Персію, которая и взимаетъ за это особый транзитный тарифъ въ размѣрѣ рубля за 20 словъ. Какая судьба постигла тотъ кабель который былъ, какъ извѣстно, заготовленъ для экспедиціи остается и до сихъ поръ неизвѣстно, точно также какъ и причины почему затянулась постройка желѣзнаго пути отъ Михайловскаго залива къ Бами. *Международное Агентство* передаетъ впрочемъ что успѣхъ работъ по сооруженію этой дороги „находится въ полной зависимости отъ доставки желѣзнодорожнаго матеріала, которая до сихъ поръ нѣсколько замедлена," но чѣмъ, объ этомъ не говорится ни слова. Первая желѣзнодорожная рота назначенная въ отрядъ формировалась въ Москвѣ еще въ апрѣлѣ, слѣдующая—сейчасъ по занятіи Бами въ концѣ іюня или началѣ іюля; въ рабочихъ силахъ недостатка, слѣдовательно, быть не можетъ. Съ другой стороны, самая мысль о проведеніи военной желѣзной дороги вдоль главнаго пути сообщеній, именно

отъ Михайловскаго залива, возникла еще прошлою осенью; въ распоряженіи администраціи былъ цѣлый годъ въ продолженіи котораго имѣлась вполнѣ возможность озаботиться подвозомъ желѣзно-дорожнаго матеріала, что было необходимо сдѣлать заблаговременно въ виду недостаточныхъ перевозочныхъ средствъ на Каспійскомъ морѣ. Между тѣмъ перевозка рельсовъ и другаго желѣзно-дорожнаго матеріала началась только въ іюлѣ, послѣ передачи Бендеро-Галацкой дороги. Впрочемъ, вообще снабженіе экспедиціи разными техническими приборами шло медленно: отрядъ, напримѣръ, былъ давно собранъ и началъ уже дѣйствія въ то время когда въ Петербургѣ еще производились опыты надъ опрѣснительными приборами назначенными для экспедиціи. Лазареты на широкую ногу устраиваются только теперь, въ половинѣ августа.

Устройство тыла экспедиціоннаго корпуса въ самомъ дѣлѣ лишь начинается, и окончится едва ли раньше сентября. Такъ какъ нельзя думать чтобы серіозныя дѣйствія экспедиціи были предприняты въ оазисѣ зимой, при опасныхъ степныхъ буранахъ, то остается предположить что медленность по устройству тыла не есть случайная, что она только результатъ исполненія того плана о которомъ шла рѣчь годъ тому назадъ, послѣ неудачи прошлогодней экспедиціи. Тогда говорили что будущій походъ признается необходимымъ совершить въ теченіе двухъ лѣтъ: въ первый годъ экспедиція должна утвердиться на окраинѣ оазиса и заняться устройствомъ своихъ сообщеній и подготовительными дѣйствіями, а со второй весны приступить къ рѣшительнымъ операціямъ.

Планъ этотъ въ послѣднее время, въ виду успѣшныхъ рекогносцировокъ генерала Скобелева, считался оставленнымъ; полагали что если возможно съ горстью людей пройти весь оазисъ и снять планъ Денгиль-Тепе занятаго десяткомъ тысячъ Текинцевъ, то занятіе этого пункта солидными силами не представитъ затрудненій, тѣмъ болѣе что летучія колонны передоваго отряда, истребивъ значительную часть продовольственныхъ средствъ противника, весьма ослабили и разстроили его силы. Оказывается, однако, что прошлогодній планъ остается во всей силѣ, и можетъ-быть не напрасно: разбить Текинцевъ, занять нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ, очевидно не трудно, но не легко покорить полукочевое воинственное племя: малѣйшая неосторожность или недосмотръ могутъ повлечь катастрофу. Примѣръ Англичанъ въ Афганистанѣ служитъ слишкомъ краснорѣчивымъ тому доказательствомъ, и не воспользоваться этимъ указаніемъ опыта было бы непростительно, тѣмъ болѣе что нѣтъ и причинъ торопиться развязкой дѣла, которое должно быть исполнено навѣрняка.

№ 230.

Москва, 19-го августа.

Телеграмма изъ Скутари, отъ 27 августа, сообщаетъ о попыткѣ Турціи побудить Албанцевъ къ добровольной передачѣ Черногорцамъ Дульциньйо. Попытка эта, какъ и слѣдовало ожидать, была неудачна. Вожди Албанцевъ, несмотря на убѣжденія спеціальнаго посланца Порты, Ризы-паши, остались де непоколебимы. Риза-паша хотѣлъ арестовать этихъ вождей, но Албанцы освободили ихъ, угрожая Ризѣ смертью. Жители Дульциньйо рѣшили де сжечь городъ если ихъ будутъ принуждать сдать его. Въ Скутари сильное волненіе.

Такъ гласитъ телеграмма посланная несомнѣнно изъ турецкаго лагеря, и этимъ начинается новый актъ албанской комедіи. Въ прошедшій понедѣльникъ, 23 августа, истекъ трехнедѣльный срокъ данный Портѣ для улаженія, такъ или иначе, черногорскаго дѣла. Въ отсрочкѣ, которой она, по своему обыкновенію, домогалась вновь, ей было „энергически“ отказано. Въ Европѣ заговорили и говорятъ до сихъ поръ о предстоящей демонстраціи соединенной европейской эскадры. Порта принялась будто бы сама усмирять строптивыхъ Албанцевъ, дабы не допустить до принудительныхъ мѣръ со стороны державъ. Но Порта оказывается безсильною, а Албанцы болѣе неукротимы чѣмъ когда-либо. Пусть расправится съ ними соединенный флотъ. Но вотъ прошла уже цѣлая недѣля послѣ срока, и не только ничего не слышно о расправѣ, но и самаго флота у береговъ Адріатики не видать. Промелькнули въ ежедневныхъ телеграммахъ два-три отрывочныя и частныя извѣстія о военныхъ судахъ то той, то другой державы, направляющихся въ Адріатическое море, „кто-

то" сообщилъ даже что соединенная эскадра уже поставлена подъ команду англійскаго адмирала Сеймура. Но официальный міръ хранитъ по этому поводу упорное молчаніе, и даже ни одинъ изъ неугомонныхъ „вопросителей" Британскаго парламента не счелъ нужнымъ обратиться къ правительству съ запросомъ, справедливы ли эти слухи и что вообще намѣрено предпринять правительство ея британскаго величества въ согласіи съ прочими державами, коимъ оно не перестаетъ кичиться, дабы срочное требованіе, столь настойчиво поставленное Портѣ и въ срокъ ею неисполненное, не оказалось „ударомъ по водѣ." Разъясненіе британскихъ министровъ было бы тѣмъ любопытнѣе, такъ какъ въ то же время европейскій концертъ подтвержденъ, на словахъ, новымъ дипломатическимъ актомъ. Мы говоримъ объ отвѣтной нотѣ переданной Портѣ 27 августа по вопросу о Греціи, нотѣ въ которой рѣшительно отвергается предложеніе Турціи еще пересмотрѣть и перерѣшить постановленіе Берлинской конференціи о греко-турецкой границѣ. Въ газетахъ появился уже самый текстъ этой отвѣтной ноты, редижированной Англійскимъ кабинетомъ и снабженной подписями всѣхъ прочихъ державъ. Портѣ внушается что она не можетъ разчитывать на пересмотръ дѣла, но что державы не прочь ступить съ нею въ переговоры о способѣ передачи Греціи присужденныхъ ей провинцій. Опредѣленнаго срока, какъ по Черногорскому дѣлу, державы здѣсь не назначили. Но именно по этому весьма важно и для Греческаго вопроса знать какъ примется Европа за исполненіе вступившаго уже въ „окончательную законную силу" рѣшенія по Черногорскому дѣлу, ибо только въ томъ случаѣ Порта убѣдится что съ нею не шутятъ и что ей не позволятъ играть комедію когда будетъ видно *какъ* европейское соединенное дѣйствіе перейдетъ изъ области словъ въ дѣло. Если же этого не будетъ, если и послѣ „тщетныхъ усилій" Порты побудить Албанцевъ къ смиренію и послѣ напрасной попытки принудить ихъ къ тому собственными силами, о чемъ Турція сама поспѣшила оповѣстить, ничего не будетъ сдѣлано со стороны Европы, то какое еще доказательство нужно Портѣ чтобы поддержать въ ней убѣжденіе что европейское согласіе, коимъ не перестаютъ ее запугивать, есть химера?

А это убѣжденіе Порты остается донынѣ совершенно незыблемымъ, несмотря на фразы „дружелюбныхъ увѣщаній" расточаемыхъ ей правительственными органами разныхъ державъ. *République Française*, отъ 28 августа, „надѣется что султанъ не подвергнетъ себя риску борьбы съ Греціей." „Спасеніе Турціи," продолжаетъ увѣщевать французскій органъ, „заключается единственно въ мирѣ, такъ какъ она должна будетъ уступить въ неравной борьбѣ. Воля Европы возобладала бы надъ всякою державой, а тѣмъ болѣе надъ Турціей доведенною до безсилія своими несчастіями и ошибками." Подумаешь что Турки серіозно замышляютъ вести войну противъ европейской коалиціи!

Times, въ свою очередь, усматриваетъ въ коллективной нотѣ державъ, переданной на дняхъ Портѣ, фактическое опроверженіе толковъ о томъ будто бы европейскій концертъ уже разстроился, или близокъ къ тому. Лондонская газета также убѣждаетъ Турцію что „настойчивость" державъ внушена имъ искреннимъ участіемъ къ ней и безкорыстнымъ желаніемъ спасти ее отъ новыхъ опасностей, ибо окончательное улаженіе Греческаго вопроса есть де наилучшій способъ предупредить возобновленіе „опаснаго" Болгарскаго вопроса.

Вообще „Болгарскій вопросъ" служитъ интригѣ для разныхъ цѣлей. Имъ запугиваютъ Порту, старясь доказать ей что тутъ именно кроется главная для нея опасность. Съ другой стороны, и защитники Порты играютъ на ту же тему и пугаютъ Европу Болгаріей, которая (разумѣется подъ руководствомъ Россіи) только того и ждетъ чтобы приступлено было къ принудительнымъ мѣрамъ противъ Турціи дабы поднять „знамя бунта" и провозгласить возсоединеніе Восточной Румеліи съ Болгаріей. Вѣнскій органъ турецкой дипломатіи, *Neue Freie Presse*, обнародовалъ даже на дняхъ явно сочиненный *ad hoc* текстъ тайнаго трактата заключеннаго между Болгаріей и Сербіей, по которому оба княжества обязались оказать другъ другу помощь въ пріобрѣтеніи путемъ войны отъ Турціи того что они считаютъ имъ принадлежащимъ. Румынская печать, подкупленная Австріей, въ свою очередь не перестаетъ бить въ набатъ по поводу Болгаріи, обличая злокозненные замыслы клонящіеся къ возстановленію Болгарскаго единства.

Удивительно ли что въ Константинополѣ умѣютъ понимать сущность дѣла за этою шумихой лживыхъ фразъ и противорѣчій? Логическій выводъ изо всего этого представляется тамъ яснѣе, ибо тамъ живѣе чувствуется неодолимая и роковая сила неотвратимой исторической судьбы, которая, помимо дипломатіи и политической интриги, поставила для Турокъ вопросъ о существованіи; а въ такія минуты некогда обольщать себя пустыми словами. Турки знаютъ что Болгары правы не менѣе Грековъ, желая покончить съ османскимъ владычествомъ осужденнымъ исторіей. Разница въ томъ что Болгары заплатили сверхъ того своею кровью и кровью единоплеменнаго народа за это право; Грекамъ оно должно достаться даромъ по приговору Европы. Но можно ли допустить чтобъ Европа серіозно хотѣла исполнить этотъ приговоръ, та самая Европа которая лишила Болгаръ половины того что̀ уже было пріобрѣтено ими и которая нынѣ увѣряетъ Турокъ что надо уступить Грекамъ дабы тѣмъ вѣрнѣе удержать въ порабощеніи Болгаръ? Турки убѣждаются что требованіе Европы, такимъ образомъ мотивированное, не можетъ основываться на справедливости. Но они и не заботятся о справедливости. Для нихъ важно знать насколько имъ грозитъ принужденіе. И они заключаютъ весьма послѣдовательно что принужденіе возможно было бы лишь тогда еслибъ Европа въ самомъ дѣлѣ была исполнительницею созрѣвшей исторической идеи, равно примѣнимой какъ къ Грекамъ, такъ и къ Болгарамъ. А такъ какъ этого нѣтъ, и слишкомъ явно выступаетъ внутренняя рознь порождаемая въ нѣдрахъ самой Европы эгоистическими стремленіями побороть или направить въ свою пользу историческій ходъ вещей, то Турки на этой розни и строятъ всѣ свои надежды.

Но исторія могущественнѣе дипломатіи и интригѣ не остановить того что̀ рѣшено историческою судьбой. Въ восточныхъ дѣлахъ несомнѣнно выиграетъ политика тѣхъ державъ чьи интересы солидарны съ историческимъ прогрессомъ. Вотъ почему Россія, болѣе всѣхъ прочихъ европейскихъ странъ, можетъ ждать терпѣливо.

№ 231.

Москва, 20-го августа.

Наша періодическая печать не перестаетъ заниматься обсужденіемъ финансовой программы которую, какъ предполагаютъ, усвоитъ себѣ теперешнее наше финансовое управленіе. Эта программа предполагается хорошо извѣстною. Первое мѣсто въ ней занимаетъ де возстановленіе металлическаго денежнаго обращенія, а затѣмъ уже, на второмъ планѣ, стоятъ реформа прямыхъ податей и заботы о балансѣ во внѣшней торговлѣ, причемъ придается особо важное значеніе разработкѣ рудныхъ богатствъ и развитію машиностроенія и вообще металлургической промышленности.

Въ сужденіяхъ по поводу этой программы уже обозначились довольно рѣзко два направленія. Одни выступаютъ горячими защитниками ея въ томъ видѣ какъ она передается и особенно перваго ея пункта; другіе, сочувственно относясь къ составнымъ частямъ программы, принимаютъ ее, однако, не иначе какъ съ поправкой относящеюся къ послѣдовательности требуемыхъ ею реформъ, и предлагаютъ начать съ того чѣмъ предполагается кончить.

Можетъ показаться что сторонники этихъ двухъ направленій совершенно напрасно спорятъ между собою, что нѣтъ большой разницы въ томъ какая изъ всѣхъ одобряемыхъ частей программы будетъ приведена въ исполненіе прежде, какая послѣ, лишь бы всѣ они были дѣйствительно исполнены. Но на дѣлѣ это не такъ. Порядокъ въ какомъ должны слѣдовать одно за другимъ преобразованія въ области нашего государственнаго хозяйства имѣетъ огромное значеніе, и только такая послѣдовательность реформъ можетъ быть одобрена при которой каждымъ сдѣланнымъ шагомъ облегчались бы дальнѣйшіе, а не наоборотъ. Никто не строитъ крыши пока не построенъ фундаментъ и не выведены стѣны; такъ точно и въ программѣ финансовыхъ реформъ на первомъ планѣ должны стоять тѣ которыя имѣютъ и могутъ послужить фундаментомъ для прочихъ. Если исправленіе торговаго и разчетнаго балансовъ, развитіе отечественной промышленности и реформа налоговъ будутъ много облегчены предварительнымъ возстановленіемъ металлическаго обращенія, — конечно слѣдуетъ начать прямо съ де-

нежной реформы. Но если, наоборотъ, самый успѣхъ денежной реформы зависитъ отъ исправленія баланса и развитія промышленности,—благоразуміе требуетъ чтобы денежная реформа была отсрочена до той поры пока рядомъ иныхъ мѣръ будутъ подготовлены условія которыя обезпечили бы ея осуществленіе.

Этимъ послѣднимъ путемъ, путемъ отсрочки денежной реформы, шли въ послѣднее время Американскіе Соединенные Штаты. Извѣстно къ какимъ результатамъ привела усвоенная ими финансовая политика. Ихъ торговый балансъ не оставляетъ ничего болѣе желать: національная промышленность во всѣхъ видахъ получила сильное и самостоятельное развитіе; налоги облегчены; массы американскихъ долговыхъ обязательствъ попавшихъ во время тяжкой междуусобной войны въ руки европейскихъ капиталистовъ быстро переходятъ обратно въ американскія руки, чѣмъ упрочивается финансовая и экономическая независимость страны отъ чужеземной эксплуатаціи; наконецъ, металлическое денежное обращеніе возстановилось въ Соединенныхъ Штатахъ само собою, безо всякихъ затратъ на это дѣло, такъ что правительству осталось только узаконить совершившійся фактъ.

Для Россіи несомнѣнно желательно достиженіе, по возможности, такихъ же результатовъ какіе достигнуты Америкой. Примѣръ ея для насъ весьма поученъ, особенно если принять во вниманіе значительное сходство нашихъ экономическихъ затрудненій съ тѣми которыя предстояло преодолѣть Соединеннымъ Штатамъ по окончаніи междуусобной войны. Слѣдуя ихъ примѣру, мы должны поставить базисомъ преобразованій въ области нашего государственнаго хозяйства исправленіе нашего международнаго баланса и развитіе отечественной промышленности, должны начать съ пересмотра законодательства касающагося торговли и промышленности, особенно съ пересмотра таможеннаго тарифа и реформы налоговъ, и осуществить затѣмъ цѣлый рядъ мѣръ коими было бы усилено внутреннее производство и облегченъ сбытъ его продуктовъ. Подобно тому какъ въ Америкѣ такая система повела къ исправленію валюты, она несомнѣнно повела бы къ ея исправленію и у насъ, правда, медленнымъ, но за то вѣрнымъ путемъ.

Этимъ медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ и предлагаютъ слѣдовать люди получившіе въ печати наименованіе экономистовъ-практиковъ. Но иной путь рекомендуютъ экономисты-теоретики. Слѣдуя ихъ совѣту, Россія должна начать финансовыя реформы прямо съ возстановленія металлическаго обращенія, чего бы это ни стоило, по тому самому рецепту, который былъ сочиненъ и пущенъ въ ходъ давнымъ давно, когда никто и не предполагалъ чтобы подобныя задачи могли быть разрѣшаемы тѣмъ же способомъ какимъ разрѣшены онѣ въ Америкѣ. Почему долженъ быть пренебреженъ поданный ею примѣръ, этого наши экономисты-теоретики не доказываютъ равно какъ не указываютъ преимуществъ рекомендуемой ими самими системы. Они только увѣряютъ что главное зло нашего финансоваго и экономическаго положенія заключается въ томъ что у насъ слишкомъ много бумажныхъ денегъ, и что изъятіемъ предполагаемаго ихъ излишка дѣло будетъ поправлено. Но въ самомъ ли дѣлѣ въ избыткѣ бумажныхъ денегъ заключается наше главное финансовое и экономическое зло, этого они не доказываютъ. Дѣлаются только ссылки на дороговизну охватившую не одинъ какой-либо родъ товаровъ, а болѣе или менѣе всѣ предметы поступающіе въ продажу. Но точно ли отъ избытка денегъ происходитъ эта дороговизна? Прекратится ли она въ случаѣ сокращенія денежнаго обращенія?

Дороговизна, на которую въ послѣднее время слышатся жалобы съ разныхъ сторонъ, есть несомнѣнно результатъ не одной, а многихъ причинъ. Не послѣднюю роль играютъ тутъ, между прочимъ, неурожаи постигавшіе въ послѣднее время западную Европу и удовлетворительность жатвы въ самой Россіи въ минувшемъ году, а отчасти и въ текущемъ; подъемъ цѣнъ на хлѣбъ долженъ былъ отразиться и на цѣнахъ другихъ предметовъ. Но помимо этой и другихъ случайныхъ причинъ возвышенія цѣнъ на многіе предметы, и можетъ-быть впереди всѣхъ ихъ, стоитъ общая причина вздорожанія заключающаяся въ пониженіи нашей валюты. Нельзя отрицать вліянія вексельныхъ курсовъ на цѣны всѣхъ привозныхъ товаровъ, нельзя также отрицать вліянія ихъ и на цѣны всѣхъ отпускныхъ товаровъ. Еслибъ уровень вексельныхъ курсовъ находился въ прямой зависимости отъ количества обра-

щающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ, нынѣшнюю дороговизну можно было бы съ полною основательностью приписать сдѣланнымъ во время послѣдней Восточной войны бумажно-денежнымъ выпускамъ. Но факты не подтверждаютъ этой прямой зависимости. По балансу Государственнаго Банка, къ 1-му текущаго августа кредитныхъ билетовъ въ обращеніи числилось у насъ 1.084$^1/_2$ милліоновъ рублей, и при этомъ вексельные курсы стояли:

На Парижъ . . . 265$^1/_2$, $^3/_4$.
„ Лондонъ. . . . 25$^5/_{32}$, $^1/_4$, $^3/_{16}$.

Три года тому назадъ, 1-го августа 1877 года, кредитныхъ билетовъ въ обращеніи было всего 874$^3/_4$ милліоновъ рублей, на 210 милліоновъ менѣе чѣмъ нынѣ, а курсы стояли не выше, а ниже нынѣшнихъ:

На Парижъ . . . 262, 263.
„ Лондонъ. . . 24$^{31}/_{32}$, 25$^1/_{32}$.

Эта разница въ 210 милліоновъ рублей остающаяся безъ значенія для уровня курсовъ есть фактъ заслуживающій полнаго вниманія. Не чрезмѣрностью бумажно-денежнаго обращенія объясняется и низкій курсъ въ 1877 году. Размѣры этого обращенія къ 1-му августа того года были лишь на 74$^1/_2$ милліона болѣе чѣмъ 1-го ноября 1874 года, когда курсы стояли:

На Парижъ . . . . 351, 350$^1/_2$.
„ Лондонъ. . . 33$^{17}/_{32}$, $^{15}/_{32}$.

Если разница на 210 милліоновъ можетъ оказываться для вексельныхъ курсовъ безразличною, то какъ же объяснять разницей въ 75 милліоновъ паденіе курсовъ съ 350 до 262 сантимовъ, съ 33$^1/_2$ до 25 пенсовъ! Какъ мало значитъ для курсовъ 75-милліонный выпускъ можно видѣть изъ того что 78-милліонный выпускъ кредитныхъ билетовъ сдѣланный въ 1870 - 1874 годахъ сопровождался подъемомъ валюты съ 308 до 351 сантимовъ.

Низкій уровень нашихъ вексельныхъ курсовъ объясняется гораздо проще и ближе къ дѣйствительности не размѣрами нашего бумажно-денежнаго обращенія, а постоянною потребностью въ огромныхъ массахъ золота для ежегодныхъ уплатъ за границей. Эта потребность растетъ изъ года въ годъ, и есть прямой результатъ невыгодности нашего международнаго разчетнаго баланса. Этотъ балансъ былъ крайне невыгоденъ и до Восточной войны; но вліяніе его на курсы парализовалось рядомъ крупныхъ ежегодныхъ заграничныхъ займовъ. Требовавшіяся отъ насъ по разчетному балансу приплаты съ избыткомъ покрывались суммами слѣдовавшими намъ отъ иностранцевъ за наши долговыя обязательства. Этими займами, а не скромными, сравнительно, размѣрами денежнаго обращенія объясняются высокіе вексельные курсы 1872 — 1875 годовъ. Прекращеніемъ подобныхъ займовъ и экстренною потребностью въ золотѣ для военныхъ надобностей было главнымъ образомъ вызвано то пониженіе курсовъ съ которымъ мы имѣемъ теперь дѣло и которое повело къ повышенію цѣнъ на товары.

Признавъ этотъ фактъ, должно признать вмѣстѣ съ тѣмъ что упроченіе нашей валюты находится въ несравнено большей зависимости отъ сокращенія потребности въ золотѣ для заграничныхъ уплатъ чѣмъ отъ сокращенія размѣровъ кредитнаго денежнаго обращенія. Большой заграничный заемъ съ цѣлію изъятія кредитныхъ билетовъ на крупную сумму, конечно, можетъ поднять курсы, но только временно, на время совершенія операціи. По окончаніи же ея, проценты по такому займу только увеличатъ невыгодность разчетнаго баланса, то-есть усилятъ потребность въ золотѣ для заграничныхъ расплатъ и стало-быть главную причину непрочности нашей валюты. Экономисты-теоретики хорошо сдѣлаютъ если обратятъ серіозное вниманіе на это важное обстоятельство, постоянно упускаемое ими изъ виду.

№ 232.

Москва, 21-го августа.

Прошло уже десять дней *послѣ* срока назначеннаго Портѣ державами для удовлетворенія Черногоріи; но, какъ мы и предвидѣли, морская демонстрація соединенныхъ флотовъ остается пока лишь гадательнымъ предположеніемъ, въ подкрѣпленіе коего не имѣется ни одного достовѣрно засвидѣтельствованнаго извѣстія о движеніи военныхъ судовъ къ берегамъ Адріатики, ни одного офиціальнаго заявленія отъ какого бы то ни было изъ правительствъ. Но уже этотъ отрицательный фактъ имѣетъ большое положительное значеніе. Порта знаетъ теперь на практикѣ то что ей

давно извѣстно было въ теоріи; она видитъ ясно что дальше словъ, хотя бы очень строгихъ и очень грозныхъ, дѣло не подвигается, и въ то время какъ другіе снова разсуждаютъ и опять „спѣшно“ совѣщаются о томъ что дѣлать по тому поводу что ничего не дѣлается, она *свое* дѣло дѣлаетъ. Войска, посланныя съ Риза-пашой дабы принудить Албанцевъ покориться, составятъ для этихъ послѣднихъ отличную подмогу въ томъ случаѣ если Черногорцы наконецъ потеряютъ терпѣніе и вздумаютъ попытаться собственными силами взять то что имъ слѣдуетъ. Что же касается греческихъ провинцій подлежащихъ передачѣ, то Порта, по послѣднимъ извѣстіямъ, направляетъ туда массы войскъ уже безъ всякихъ „благовидныхъ“ предлоговъ. Относительно Греціи Портѣ не указано никакого срока, а сама она отнюдь не изъявила еще покорности волѣ Европы какъ въ дѣлѣ Черногоріи. Значитъ, войска направляются туда съ явною цѣлью сражаться, если не противъ Европы, то противъ Грековъ, которые также были бы непрочь помѣряться собственными силами съ Турками и обойтись безъ посторонней помощи. Весьма вѣроятно что эти попытки увѣнчались бы успѣхомъ мѣсяца два тому назадъ. Теперь успѣхъ этотъ становится съ каждымъ днемъ сомнительнѣе. Кому же, спрашивается, пошло въ прокъ согласное „дѣйствіе“ европейскихъ державъ на словахъ? Правду говоритъ одна берлинская газета что не дѣло дипломатіи совершать великія предпріятія, особенно когда дѣло идетъ о территоріальныхъ перемѣнахъ; „дипломатія можетъ завершить и дать свою санкцію дѣлу оконченному; но народы должны сами подняться если желаютъ достигнуть своего блага.“ Берлинская газета, еслибъ она хотѣла довести свою откровенность до конца, могла бы добавить что безсиліе дипломатіи на самобытное совершеніе живаго дѣла не могло не выказаться въ данномъ случаѣ съ особенною рельефностью, такъ какъ дипломатія тутъ не завершила и не освятила того что „поднявшіяся для достиженія своего блага“ балканскія народности добыли цѣною своей крови, а напротивъ приложила всѣ старанія чтобы сгубить, урѣзать и искалѣчить плоды живаго народнаго подвига.

Теперь дипломатія хочетъ увѣрить Порту что Берлинскій трактатъ, сочиненный дипломатіей для этой мертвящей цѣли, сталъ нынѣ источникомъ жизни, и что она серіозно намѣрена настоять на осуществленіи всего того что трактатомъ установлено какъ бы Порта этому ни противилась. Но Турки взираютъ на этотъ трактатъ проще и естественнѣе. Они видятъ въ немъ „инструментъ“ разрушенія и подавленія, а не созиданія и освобожденія. Въ этомъ качествѣ онъ сослужилъ имъ хорошую службу, ибо и ихъ дѣло есть дѣло смерти, а не жизни. Но они не вѣрятъ чтобы Берлинскій трактатъ могъ быть обращенъ своимъ остріемъ *противъ* нихъ, и ежедневный опытъ убѣждаетъ нынѣ что Турки совершенно правы, и въ этомъ отношеніи гораздо проницательнѣе тѣхъ англійскихъ политиковъ которые принявъ отъ своихъ предшественниковъ власть и искренно желая кореннымъ образомъ измѣнить политику, наивно вообразили что они могутъ этого достигнуть съ помощью того самаго акта коего назначеніе противоположно ихъ цѣлямъ.

Англійскіе политики не только предприняли невозможное дѣло „возродить къ новой жизни“ христіанскія племена Балканскаго полуострова, ни въ чемъ не отступая отъ духа и буквы Берлинскаго трактата, но стараются, по крайней мѣрѣ на словахъ, дѣйствовать въ этомъ направленіи въ полномъ согласіи съ тѣми изъ участниковъ Берлинскаго трактата которые и теперь видятъ въ немъ то же что видѣли при самомъ составленіи его и вовсе не намѣрены измѣнить своихъ видовъ вслѣдствіе того что измѣнились виды Англіи. Теперешній Англійскій кабинетъ (могущій впрочемъ если не нынче, то завтра снова уступить мѣсто своимъ предмѣстникамъ) не прочь, какъ говорятъ, довести дѣло до полной и окончательной ликвидаціи Турціи и хочетъ построить интересы Англіи не на поддержаніи мертваго владычества Турокъ, а на содѣйствіи естественному развитію живыхъ силъ Балканскаго полуострова. Но Австро-Венгрія преслѣдуетъ совсѣмъ иные виды; она считаетъ себя „универсальною“ наслѣдницей Турціи и видитъ въ Берлинскомъ трактатѣ наилучшій способъ къ тому чтобъ исподоволь, безъ явныхъ и глубокихъ потрясеній, замѣнить владычество Турокъ своимъ владычествомъ. А дабы это могло совершиться ей необходимо чтобы Турки, подъ прикрытіемъ берлинскаго трактата, продолжали своимъ гнетомъ подавлять живой ростъ Балканскихъ

племенъ пока наступитъ часъ замѣнить турецкій гнетъ австрійскимъ. Вотъ для какой цѣли Австрія работала надъ созданіемъ Берлинскаго трактата; вотъ для чего онъ ей нуженъ пока. Отсюда ясно что теперешнее Англійское правительство, если только искренно то что̀ оно проповѣдуетъ, или вѣрнѣе, проповѣдывало устами своего премьера о Турціи, можетъ только противодѣйствовать Австріи, но отнюдь не идти съ ней рука объ руку и совокупно съ ней отстаивать неприкосновенность Берлинскаго трактата. Въ Вѣнѣ такъ и смотрѣли первоначально на г. Гладстона, не щадившаго Австріи, какъ и Турціи, и готовились было стать къ его правительству въ положеніе прямаго антагонизма. Но г. Гладстонъ поспѣшилъ ослабить силу своихъ прежнихъ словъ, и предпринявъ дипломатическій походъ противъ Турціи написалъ на своемъ знамени „совокупное и согласное дѣйствіе“ съ прочими державами, въ томъ числѣ и съ Австріей. Послѣдняя, какъ и Германія, не вздумала стать поперекъ дороги г. Гладстону. Онѣ не только предоставили ему выдающуюся роль во всѣхъ восточныхъ начинаніяхъ, коихъ было числомъ не мало со времени перемѣны правительства въ Англіи, но дали возможность хвалиться поддержаніемъ въ „полной неприкосновенности“ европейскаго согласія. Много грозныхъ нотъ и настойчивыхъ требованій предъявлено Портѣ, и всѣ коллективныя; но Порта выказала „изумительное“ упрямство, ничего до сихъ поръ не исполняя и прямо показывая что она и не намѣрена покориться, а европейское согласіе такъ и остается пустымъ словомъ, не только не колеблющимъ турецкаго упрямства, но напротивъ убѣждающимъ Турокъ что „соединенная“ Европа имъ всего менѣе страшна.

Мы неразъ уже имѣли случай указать какимъ оригинальнымъ образомъ европейская печать старается уговорить Турцію покориться волѣ Европы, указывая ей что опасность грозитъ ей со стороны Болгаріи и что она должна выдать Грекамъ Ѳессалію и Эпиръ, дабы не потерять Восточной Румеліи. Турки пока не выдаютъ ни того, ни другаго. Но самый аргументъ для нихъ назидателенъ и они извлекаютъ изъ него нужное для себя правоученіе о силѣ и значеніи европейскаго концерта. Заботливость о турецкихъ интересахъ въ Восточной Румеліи не ограничивается одними предостереженіями. Есть слухъ, который держится весьма упорно, будто возбужденъ вопросъ о предоставленіи Турціи права ввести свои войска въ Восточную Румелію для занятія линіи Балканъ.

République Française посвятила на дняхъ этому вопросу цѣлую статью, въ которой доказываетъ что было бы весьма опасно предоставить Турціи это право въ настоящее время. Не думайте что французскій республиканскій органъ принимаетъ къ сердцу интересы и свободу Болгаръ Восточной Румеліи. Ничуть. *République Française* напротивъ очень жалѣетъ что турецкія войска не вступили еще въ прошедшемъ году въ Восточную Румелію; но она находитъ что теперь уже поздно и что вступленіе Турокъ вызвало бы немедленно всеобщее возстаніе въ обѣихъ половинахъ Болгаріи, а этого слѣдуетъ де избѣгать во что̀ бы то ни стало, ибо болгарское возстаніе послужило бы сигналомъ къ пробужденію „панславизма.“

Опасенія Европы предъ панславизмомъ гораздо болѣе искренни и единодушны нежели ея настоянія въ пользу христіанскихъ племенъ Турціи. Это Турки хорошо знаютъ.

№ 233.

Москва, 22-го августа.

Многихъ должна была подивить статья въ газетѣ *Голосъ*, отъ 14 августа, по поводу упраздненія III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Въ этой статьѣ, какъ будто по *Московскимъ Вѣдомостямъ*, говорится и о благѣ тѣснаго единенія верховной власти съ народомъ, и о довѣріи котораго Русскій народъ заслуживаетъ, и о необходимости національной политики, даже объ антинаціональномъ направленіи въ которомъ упрекается упраздненное учрежденіе. Вслѣдъ за г. Цитовичемъ,—котораго еще такъ недавно позорили за это въ томъ же *Голосѣ* и въ родственныхъ ему изданіяхъ,—утверждается что наши революціонеры порождены духомъ крѣпостнаго права. Публицистъ *Голоса* съ негодованіемъ отзывается объ этихъ исчадіяхъ крѣпостнаго права, и не щадитъ героевъ *Современника* и самого Чернышевскаго котораго писанія имѣли для нигилистовъ силу евангелія, и духомъ котораго жила бо́льшая

часть нашей печати. Въ этой статьѣ есть все: и „Боже Царя храни," и радость за возвращеніе довѣрія къ Русскому народу, и великодушное отреченіе отъ выгодъ для *интеллигенціи*, и хвала мѣпіямъ которыя крѣпко держались народныхъ основъ. Зло состояло де въ томъ что между верховною властію и народомъ стоялъ шефъ жандармовъ, получившій особенную силу послѣ Каракозовскаго выстрѣла. Оказывается что съ 1866 года у насъ будто бы свирѣпствовала реакція, которая остановила теченіе нашихъ реформъ и объяла *бѣлымъ ужасомъ* всю Россію, что́ де и было причиной новыхъ революціонныхъ взрывовъ.

Правда то что съ 1866 года послѣдовала реакція противъ національнаго направленія въ нашей внутренней политикѣ. Всѣ мѣры которыя принимались въ Западномъ краѣ мало-по малу лишились силы. То же самое въ Балтійскомъ краѣ. Но во всемъ прочемъ никакой реакціи не послѣдовало. Новыя учрежденія не только не потерпѣли никакого ущерба, но еще усилились, особенно судебныя. Графъ Шуваловъ даже подѣлился правами жандармской полиціи съ прокурорами судебныхъ учрежденій. Земскія учрежденія также остались въ прежнемъ видѣ. Точно также не потерпѣла никакого ущерба свобода отъ предварительной цензуры дарованная русской печати не безъ вины *Московскихъ Вѣдомостей*, которыя и тогда не менѣе чѣмъ теперь поносились въ томъ же *Голосѣ* какъ органъ реакціонерный, потому что въ нихъ отстаивались русскіе національные интересы.

Правда, при вступленіи графа Шувалова въ должность покончилъ свое существованіе *Современникъ*, но журналъ этотъ погибъ не за что-либо иное, а именно за тотъ дурной духъ, въ которомъ *Голосъ* усматриваетъ теперь порожденіе рабства. Во всякомъ случаѣ, расправа съ *Современникомъ* не имѣла никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій для печати. То же самое что́ писалось въ *Современникѣ* продолжало процвѣтать и въ другихъ изданіяхъ, даже подцензурныхъ. Не было предмета о которомъ нельзя было бы толковать вкривь и вкось въ русской печати; не было нелѣпости которая бы въ нашихъ журналахъ не развивалась на всѣ лады. Большее или меньшее затрудненіе встрѣчали только вопросы національнаго свойства.

Съ другой стороны, въ тотъ же промежутокъ времени совершилось великое и многоплодное преобразованіе которое болѣе чѣмъ что-либо обезпечиваетъ будущность обновленной Россіи,—преобразована наша школа ведущая къ высшему образованію. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ ожесточеніемъ оспаривалась эта по истинѣ либеральная въ наилучшемъ смыслѣ реформа, какую борьбу она выдержала и какую недостойную роль игралъ при этомъ (и теперь продолжаетъ играть) *Голосъ* и другіе органы одного и не одного съ нимъ оттѣнка. Затѣмъ совершилась также несомнѣнно важная реформа—реорганизація арміи на новыхъ основаніяхъ, имѣющихъ глубокое народное значеніе. Многія другія, хотя менѣе важныя и обширныя, но все же либеральныя, законодательныя мѣры слѣдовали непрерывнымъ рядомъ одна за другою. Даже призывались городскіе головы и дворянскіе предводители съ совѣщательнымъ голосомъ въ Государственный Совѣтъ. Ничего похожаго на застой и никакихъ реакціонныхъ попытокъ кромѣ ослабленія національной политики на окраинахъ и вслѣдствіе того упадка патріотическаго духа, да еще постыдныхъ усилій возвратить дѣло науки въ нашемъ отечествѣ къ прежнимъ условіямъ, которыя были порождены малодушнымъ опасеніемъ ума; но это и теперь дѣлается, и еще гораздо хуже чѣмъ тогда.

Были конечно и такъ-называемыя крѣпостническія тенденціи, были чудаки которые мечтали о возвращеніи къ старымъ порядкамъ подъ тѣмъ или другимъ видомъ. Но эти тенденціи не выступали изъ области мечтаній и ни въ чемъ серіозномъ не выразились. Выходила въ то время газета которая выдавала себя за органъ консервативной партіи и дѣйствительно патронировалась весьма вліятельными лицами. Но въ основѣ своихъ тенденцій газета *Вѣсть* не многимъ чѣмъ разнилась отъ такъ-называемыхъ либеральныхъ органовъ. Въ сущности, она была органомъ антинаціональнаго направленія, которому служили и такъ-называемые либеральные органы, и ея консерватизмъ былъ такою же, сознательною или безсознательною, фальшью какъ и либерализмъ нашихъ либераловъ. *Вѣсть* не менѣе нынѣшняго *Голоса* была поклонницей „либеральныхъ учрежденій." Вообще, въ ея политической программѣ нѣтъ никакой существенной разницы съ

программою нынѣшнихъ такъ-называемыхъ либеральныхъ органовъ. Она радуется всѣмъ совершившимся реформамъ, она въ восторгѣ отъ новыхъ учрежденій, она преисполнена благоговѣнія къ principes généraux de la civilisation, она падаетъ ницъ предъ конституціей по ходячему шаблону. Правда, она съ негодованіемъ отзывается о красныхъ, о нигилистахъ, соціалистахъ и коммунистахъ, но также отзывается о нихъ теперь и *Голосъ*.

Весьма естественно что выстрѣлъ Каракозова не могъ остаться безъ послѣдствій. Былъ обнародованъ рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Графъ Панинъ потомъ составилъ правила о тайныхъ сообществахъ. Изгонялись изъ Западнаго края съ позоромъ, въ качествѣ демагоговъ и соціалистовъ, мировые посредники поставленные Муравьевымъ, хотя всѣмъ хорошо извѣстно что эти мнимые демагоги были только, какъ тогда говорилось, „русскіе дѣятели“ въ ополяченномъ краѣ. Разсылались еще по отдаленнымъ городамъ бунтовавшіе въ университетахъ молодые люди; но административныя распоряженія такого рода бывали всегда, бывали даже въ самый разгаръ крестьянской реформы, когда высылались цѣлыя группы дворянъ не сходившихся во взглядахъ съ редакціонными коммиссіями, о чемъ вѣроятно еще помнитъ бывшій въ то время тверской губернскій предводитель дворянства, нынѣ присяжный повѣренный, г. Унковскій. Нынѣшнее архилиберальное республиканское правительство во Франціи, ни мало не затрудняясь, смѣщаетъ и военныхъ, и административныхъ, и судебныхъ должностныхъ лицъ за политическій образъ мыслей, и изгоняетъ за то же цѣлыя религіозныя корпораціи...

Изъ положительныхъ мѣръ консервативнаго свойства, принятыхъ въ то время, можно указать только развѣ на нѣкоторый почетъ оказанный дворянству. Дворянамъ былъ предоставленъ пріѣздъ ко Двору; на предводителей дворянства была возложена обязанность надзирать за направленіемъ народнаго обученія въ первоначальныхъ школахъ. Вотъ и все.

Справедливость требуетъ сказать что за все то время когда во главѣ жандармской команды стоялъ графъ Шуваловъ общественное спокойствіе не нарушалось серіознымъ образомъ. Къ концу его управленія этою частью о Каракозовскомъ выстрѣлѣ почти совсѣмъ забыли. Причину тому надо искать не въ томъ что графъ Шуваловъ состоялъ въ должности шефа жандармовъ, а въ томъ что онъ пользовался особымъ довѣріемъ Государя и былъ дѣйствительною силой которой подчинялись, охотно или неохотно, всѣ прочія власти, такъ что при немъ было нѣчто похожее на дисциплину въ правительственныхъ рядахъ. Его преемники уже далеко не имѣли ни значенія, ни силы его. По его удаленіи, шефъ жандармовъ вошелъ въ рядъ другихъ правительственныхъ лицъ и утратилъ тотъ авторитетъ которымъ нѣсколько поддерживалась правительственная дисциплина.

Будемъ справедливы. Будемъ справедливы и къ людямъ сошедшимъ съ поприща, и къ учрежденіямъ отжившимъ свое время. Жандармское управленіе, въ основаніи своемъ, не было такимъ ехиднымъ учрежденіемъ какимъ обыкновенно выставляютъ его. Если въ послѣднее время оно пришло въ упадокъ и утратило свой смыслъ, то первоначально оно было существеннымъ дополненіемъ правительственной системы. Его главнымъ назначеніемъ былъ надзоръ за администраціей. Само оно не имѣло никакого спеціальнаго правительственнаго дѣла, какъ и Государственный Контроль надъ казенными суммами не завѣдуетъ ни какимъ расходомъ, ни приходомъ казны. Не будучи само замѣшано ни въ какую отрасль администраціи, жандармское управленіе могло повидимому и безпристрастнѣе, и удобнѣе наблюдать за дѣйствіями спеціальныхъ правительственныхъ властей, и бывало только въ немъ могли находить прибѣжище слабые отъ притѣсненія сильныхъ.

№ 223.

Москва, 23-го августа.

Положеніе дѣлъ въ Ирландіи становится серіознымъ. Мы уже указали нашимъ читателямъ что отклоненіе палатою лордовъ билля о вознагражденіи ирландскихъ арендаторовъ можетъ имѣть весьма неблагопріятныя послѣдствія; мы сообщили сущность этой мѣры и цѣль которую правительство имѣло въ виду. На другой же день пришлось намъ приводить извѣстія о многочисленныхъ и шумныхъ митингахъ въ Лидзѣ, Ливерпулѣ и другихъ мѣстахъ,

и о возмутительныхъ рѣчахъ и адресахъ произнесенныхъ и прочитанныхъ на этихъ собраніяхъ. Съ той поры почти каждый день получались свѣдѣнія о новыхъ митингахъ и о выходящихъ изъ ряда аграрныхъ безпорядкахъ. Извѣстіе о похищеніи ружей близь Корка съ норвежскаго судна *Juno*, которое молва приписала феніямъ, произвело впечатлѣніе. *Гомрулеры*, какъ и слѣдовало ожидать, не упустили удобнаго случая для агитаціи. Намѣреніе правительства облегчить бѣдственное положеніе ирландскихъ фермеровъ не осуществилось и ирландскіе сепаратисты хотятъ воспользоваться острымъ состояніемъ въ которое перешло теперь хроническое раздраженіе крестьянъ, чтобы сдѣлать что-нибудь для достиженія своихъ цѣлей. Эта партія можетъ надѣяться только на выигрышъ не рискуя ничѣмъ. Если она возбудитъ и безъ того уже раздраженныхъ поселянъ къ новымъ стачкамъ, насильственнымъ дѣйствіямъ и сопротивленію властямъ, которыя и безъ того уже слишкомъ часто повторялись, и все это дойдетъ до такихъ предѣловъ что правительство будетъ вынуждено созвать парламентъ (теперешняя сессія должна весьма скоро прекратиться) и испроситъ экстренныхъ полномочій для успокоенія страны, то хотя порядокъ и будетъ возстановленъ—неудовольствіе усилится, а это конечно на руку ирландскимъ агитаторамъ; если же въ послѣдствіи или одновременно съ этимъ правительство предложитъ парламенту новый законопроектъ въ родѣ отвергнутаго нынѣ палатою лордовъ чтобы помочь злу и ослабить неудовольствіе, и такой законопроектъ, какъ и надо ожидать, будетъ тогда утвержденъ парламентомъ, то *гомрулеры* затянутъ извѣстную пѣсню что Англія дѣлаетъ уступки Ирландіи только когда къ этому вынуждена, и что безъ самостоятельнаго парламента Ирландцамъ существовать невозможно. Правда государственные люди и публицисты Англіи не придаютъ слишкомъ большаго значенія рѣчамъ произносимымъ на подобныхъ митингахъ. Они хорошо знаютъ Ирландцевъ. Англичанинъ сдержанъ и высказываетъ менѣе того что̀ чувствуетъ и думаетъ; Ирландецъ горячъ и наговоритъ всегда болѣе того что̀ сдѣлаетъ или даже намѣренъ сдѣлать. Но въ настоящую минуту эти рѣчи, по впечатлѣнію которое онѣ производятъ на толпы раздраженныхъ фермеровъ, не могутъ не безпокоить и министровъ, и публицистовъ, и публику въ Англіи.

На Ливерпульскомъ митингѣ докторъ Комминсъ, членъ парламента, сказалъ что вскорѣ можетъ возникнуть вопросъ о „согнаніи самой палаты лордовъ вмѣсто ирландскихъ фермеровъ.“ Одинъ Американецъ прибывшій въ Ирландію для раздачи собраннаго имъ вспомогательнаго фонда на митингѣ фермеровъ въ Вестпортѣ выразилъ надежду что американскія деньги не достанутся ландлордамъ, и преподалъ нѣсколько совѣтовъ народу которые были встрѣчены громкимъ одобреніемъ. „Если землевладѣлецъ сгонитъ фермера, говорилъ онъ, а другой сниметъ его участокъ, пусть сниметъ! Не стрѣляйте въ него, но запретите вашимъ дѣтямъ играть съ его дѣтьми, и если жена его пойдетъ въ лавку, скажите торговцу что вы не станете покупать у него если онъ продастъ ей что-нибудь. Обращайтесь съ нимъ какъ съ человѣкомъ въ оспѣ. Если хозяинъ оставитъ ферму за собой, не позволяйте никому работать на ней. Если онъ поставитъ на ней свой скотъ, то едва ли этому послѣднему будетъ хорошо.“ На митингѣ въ Кильдарѣ, къ землевладѣльцамъ была обращена угроза единодушнаго дѣйствія трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, состоящихъ членами Ирландской лиги, если требованія народа не будутъ исполнены. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вывѣшиваются прокламаціи приглашающія фермеровъ собираться тысячами, чтобы показать что Ирландцы уже не боятся никакой силы.

Но дѣло не ограничивается рѣчами. Мы читаемъ чуть не каждый день извѣстія о новыхъ аграрныхъ преступленіяхъ, убійствахъ, открытомъ сопротивленіи властямъ, порчѣ чужой собственности и сборищахъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Такіе факты въ связи съ извѣстіемъ о рѣшеніи правительства отправить подкрѣпленія въ Ирландію не могли не причинить тревоги. Тревога эта усилилась еще болѣе когда разнесся слухъ что г. Форстеръ вызванъ ирландскими властями для того чтобъ обсудить на мѣстѣ тревожное положеніе страны. Хотя въ настоящее время министры и заявили что г. Форстеръ не былъ вызванъ нарочно, а ѣздилъ по обязанностямъ своего званія, что правительство не опасается никакого возстанія и не намѣрено отправлять новыхъ отрядовъ въ Ирландію, и что посланныя подкрѣпленія

назначены на помощь тамошнихъ констаблей, въ видахъ большаго обезопасенія жизни и имущества частныхъ лицъ; тревога все-таки не прекратилась, тѣмъ болѣе что правительство заявило при этомъ что въ случаѣ надобности созоветъ парламентъ и потребуетъ экстренныхъ полномочій.

Что касается палаты лордовъ, то ей достается не отъ однихъ агитаторовъ. Въ англійскихъ газетахъ поднялся вопросъ, соотвѣтствуетъ ли она своему назначенію. Въ настоящее время раздаются голоса что это учрежденіе устарѣло, что лорды мало занимаются переработкой и исправленіемъ биллей и только задерживаютъ законодательную работу страны. Если де такая палата продолжаетъ существовать, то лишь благодаря тому что весьма трудно замѣнить ее чѣмъ-нибудь другимъ; трудно найти способъ какъ произвести въ законодательномъ порядкѣ такую перемѣну, трудно изобрѣсти и самый проектъ.

Прислушиваясь къ такого рода толкамъ, торіальная газета *Standard* выражаетъ слѣдующее мнѣніе:

„Преобразовать эту палату разумѣется возможно, если она, какъ и всякое человѣческое учрежденіе, не исключая и палаты общинъ, далеко не совершенна. Въ будущемъ можно было бы жаловать только право на пожизненное перство и разнообразить ея составъ членами избранными палатой общинъ или всею страной дѣйствующею какъ одно избирательное цѣлое. Но въ чемъ это могло бы послужить радикаламъ? Опытъ научаетъ насъ что такая палата была бы также консервативна какъ и настоящая. Вновь возведенные перы не болѣе расположены въ пользу революціонныхъ проектовъ чѣмъ перы засѣдающіе по наслѣдству и сенаты избираемые въ колоніяхъ и континентальныхъ державахъ—какъ жалуются на это радикалы—въ такой же мѣрѣ наклонны пріостанавливать слишкомъ спѣшное законодательство какъ и аристократическая палата лордовъ. Нельзя сказать чтобы верхняя палата превышала свои права. За исключеніемъ того что лорды не имѣютъ контроля надъ финансовыми биллями, они сравнены въ правахъ съ представителями нижней палаты. Однако, въ теченіе послѣдняго полувѣка они весьма рѣдко отклоняли какой-нибудь билль который выражалъ желанія значительной части націи... Если палата лордовъ будетъ преобразована, она станетъ могущественнѣе, оставшись при этомъ столь же консервативною какъ и теперь. Какъ палата наслѣдственныхъ перовъ, она, хотя и чувствуетъ свою силу, сознаетъ что не служитъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія страны и воздерживается отъ употребленія своей силы въ дѣло. Преобразованная, она не усомнилась бы воспользоваться своими прерогативами и стала бы дѣйствительно опасною въ томъ самомъ смыслѣ въ какомъ радикалы, поднимающіе рѣчь объ ея уничтоженіи или преобразованіи, находятъ ее теперь. Поэтому они поступили бы благоразумнѣе оставивъ ее въ покоѣ."

Увѣщанія торійской газеты не помогаютъ. Сегодня же сообщаемъ мы лондонскую телеграмму, увѣдомляющую объ энергической атакѣ нападенія какую самъ г. Форстеръ повелъ противъ палаты лордовъ.

Таковы толки англійской печати. Если этотъ вопросъ былъ затронутъ теперь именно въ виду рѣшенія лордовъ относительно билля о вознагражденіи арендаторовъ, то это показываетъ какое значеніе придается въ Англіи этому рѣшенію и вызваннымъ имъ послѣдствіямъ.

Правительство заявило что не опасается возстанія. Въ самомъ дѣлѣ, фактъ похищенія оружія въ Коркѣ есть фактъ единичный и до сихъ поръ еще не разъясненный. Безпорядки на сѣверѣ Ирландіи имѣютъ скорѣй религіозный чѣмъ политическій характеръ. Но положеніе аграрнаго вопроса и необходимость обезопасить жизнь и имущество частныхъ лицъ доставитъ правительству много хлопотъ въ теченіе нынѣшней осени и зимы.

Убѣжденные въ справедливости своего дѣла, сознающіе что правительство имъ сочувствуетъ и что представители всего Соединеннаго Королевства въ палатѣ общинъ высказались за облегченіе ихъ участи и въ то же время подстрекаемые рѣчами агитаторовъ, фермеры, по крайней мѣрѣ огромное большинство ихъ, не станутъ платить и будутъ оказывать всякое сопротивленіе при отобраніи участковъ. Если теперь вывѣшиваются объявленія грозящія смертію всякому арендатору который вздумаетъ нанять ферму съ которой былъ согнанъ прежній наниматель, если подъ разными угрозами запрещено наниматься на обработку отобранныхъ фермъ, то можетъ дойти и до того что и состо-

ятельнымъ плательщикамъ будетъ запрещено, подъ такою же угрозой, выплачивать слѣдующую съ нихъ ренту. Въ какомъ положеніи будутъ тогда землевладѣльцы? Самые снисходительные между ними, готовые на вліянія уступки и отсрочки, очутившись вслѣдствіе почти всеобщаго неплатежа въ большой нуждѣ и понимая что во многихъ случаяхъ такой неплатежъ есть злонамѣренный, вслѣдствіе всеобщей стачки, будутъ настаивать на своемъ правѣ. Недаромъ г. Форстеръ взывалъ къ ихъ снисходительности и терпѣнію.

Обойдется ли правительство безъ экстренныхъ полномочій? Г. Форстеръ заявилъ что еслибы дѣло дошло до этого, то правительство потребуетъ одновременно гарантій противъ несправедливаго притѣсненія фермеровъ.

№ 236.

Москва, 25-го августа.

Съ разныхъ сторонъ слышатся жалобы на дороговизну. Вздорожали не одни привозные товары; въ большей или меньшей степени поднялись въ цѣнѣ и различные продукты туземнаго производства. Этимъ обстоятельствомъ всячески стараются воспользоваться люди признающіе бумажно-денежное обращеніе главнымъ зломъ нашего финансоваго и экономическаго положенія. Они спѣшатъ завербовать въ свой лагерь всѣхъ жалующихся на подъемъ цѣнъ. Всѣмъ имъ твердятъ изо дня въ день что дороговизна есть не что иное какъ упадокъ цѣны кредитнаго рубля, а этотъ упадокъ есть де прямой результатъ выпуска бумажныхъ денегъ въ послѣднюю войну и причиненнаго этимъ выпускомъ чрезмѣрнаго ихъ обилія. Вся де бѣда въ этомъ обиліи денегъ. Сократите ихъ число, и все де пойдетъ хорошо.

Общій подъемъ цѣнъ на все поступающее въ продажу былъ бы безусловно печальнымъ явленіемъ въ томъ случаѣ еслибы весь народъ состоялъ изъ ничего не производящихъ потребителей. Но на дѣлѣ этого нѣтъ. Масса народа состоитъ изъ людей которые, будучи потребителями, суть въ то же время и производители, а для производителей подъемъ цѣнъ не ущербъ, а выгода. Теряя на подъемѣ цѣнъ того что имъ приходится покупать, они одновременно выигрываютъ отъ подъема цѣнъ на свой трудъ, на свои продукты, и одно другимъ уравновѣшивается. Это уравновѣшеніе, конечно, не имѣетъ мѣста по отношенію къ людямъ живущимъ на неизмѣнно опредѣленныя средства, напримѣръ по отношенію къ чиновникамъ, на которыхъ подъемъ цѣнъ отзывается, естественно только невыгодною своею стороной. Возникающая отсюда затруднительность ихъ положенія должна быть признана достаточнымъ побужденіемъ къ пересмотру штатовъ разныхъ служебныхъ вѣдомствъ. Но это вопросъ болѣе административный чѣмъ экономическій. Въ общей же экономической жизни, тою дороговизной о которой идетъ рѣчь не причинено замѣтнаго стѣсненія. Потребители, говоря вообще, не только не сократили, но еще расширили, свой спросъ на всевозможные продукты, и возрастающій привозъ иностранныхъ товаровъ является наглядным тому подтвержденіемъ.

Не будучи общимъ бѣдствіемъ, подъемъ цѣнъ не есть, правда, и общее благо. Было бы несомнѣнно лучше еслибы сильнымъ развитіемъ внутренняго производства были понижены цѣны на его продукты, подобно тому, напримѣръ, какъ съ развитіемъ сахарнаго производства понизились цѣны на сахаръ, къ общей выгодѣ и производителей, и потребителей. Но вопросъ о развитіи производства отодвигается у насъ постоянно на задній планъ предъ вопросомъ о количествѣ обращающихся въ странѣ денегъ. Удешевленія продуктовъ думаютъ добиться главнымъ образомъ изъятіемъ изъ обращенія кредитныхъ билетовъ на нѣсколько сотъ милліоновъ рублей. Но при этомъ не представляется сколько-нибудь убѣдительныхъ доказательствъ что вслѣдъ за сокращеніемъ бумажно-денежнаго обращенія покупная сила рубля дѣйствительно возрастетъ и наступитъ желательная съ точки зрѣнія потребителей дешевизна товаровъ.

Это выставляется какъ бы непремѣннымъ результатомъ сокращеннаго денежнаго обращенія. Но именно тутъ-то сторонники этого сокращенія едва ли не болѣе всего ошибаются. Они полагаютъ что какъ только кредитныхъ билетовъ будетъ меньше, то и вексельные курсы станутъ выше, а съ подъемомъ курсовъ должны будутъ понизиться и цѣны на товары. А

между тѣмъ на дѣлѣ количество обращающихся въ странѣ денегъ и денежная валюта, какъ не разъ случалось намъ указывать, находятся отнюдь не въ такой связи какъ тутъ предполагается.

Что вексельные курсы не остаются безъ вліянія на уровень цѣнъ не только привозныхъ, но и отечественныхъ товаровъ, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Серіозный, а не мимолетный только, подъемъ или упадокъ курсовъ немедленно отзывается на цѣнахъ привозныхъ товаровъ, и хотя не сразу, но въ теченіи болѣе и менѣе долгаго періода времени поднимаетъ или роняетъ цѣны продуктовъ внутренняго производства. Такъ было, между прочимъ, и при упадкѣ курсовъ въ 1877 году. Привозные товары вздорожали сразу. Отечественные поднимались въ цѣнѣ по немногу. Первоначально слабый подъемъ цѣнъ нашихъ отпускныхъ товаровъ былъ равнозначителенъ для иностранцевъ большому ихъ удешевленію, что такъ кстати усилило нашъ заграничный отпускъ въ 1877 и 1878 годахъ и помогло странѣ съ торжествомъ выйти изъ поставленныхъ ей тогдашними обстоятельствами финансовыхъ затрудненій. Затѣмъ, усиленный спросъ на наши продукты выровнялъ ихъ цѣны съ тѣми какія стоятъ на всемірныхъ рынкахъ. Этими цѣнами регулируются нынѣ цѣны нашихъ товаровъ на внутреннихъ рынкахъ. Понятно что еслибы наши курсы вдругъ поднялись, цѣны привозныхъ товаровъ не замедлили бы понизиться, а затѣмъ понемногу стали бы понижаться и цѣны товаровъ отечественныхъ. Но будетъ ли подъемъ вексельныхъ курсовъ непремѣннымъ послѣдствіемъ сокращенія бумажно-денежнаго обращенія?

Исторія нашихъ вексельныхъ курсовъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ что, напримѣръ, внутренній заемъ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ рублей не есть у насъ дѣло особенно трудное. Сжечь поступившіе по займу кредитные билеты еще того легче. Но что получится въ результатѣ кромѣ обремененія бюджета солидною цифрой процентовъ по новому долгу, и поступленія на фондовый рынокъ большой массы новыхъ бумажныхъ цѣнностей?

Въ семь мѣсяцевъ текущаго года, по 1 августа, Государственный Банкъ уже извлекъ изъ обращенія не малое количество кредитныхъ билетовъ, на сумму 78 милліоновъ рублей. Отозвалось ли это на курсахъ? Нисколько.

Но можетъ-быть результатъ былъ бы иной еслибъ извлечено было бумажныхъ денегъ не на 78 милліоновъ, а на гораздо бо́льшую сумму, напримѣръ, еслибы сверхъ 78 милліоновъ, было изъято еще 200? Сдѣлавъ такое изъятіе, мы сократили бы наше денежное обращеніе до размѣровъ въ какихъ оно было ровно три года назадъ, стало-быть могли бы разчитывать и на возвратъ къ тогдашнимъ курсамъ. Но къ чему бы такимъ образомъ мы возвратились? Курсы три года тому назадъ были не только не выше, но даже нѣсколько ниже чѣмъ въ настоящее время.

Вообще наша финансовая исторія представляетъ примѣры замѣчательной нечувствительности стрѣлки вексельныхъ курсовъ къ измѣненіямъ въ количествѣ обращающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ. Триста милліоновъ разницы для этой стрѣлки ничего не значитъ. При 1.151 милл. рублей кредитныхъ денегъ, нашъ рубль оцѣнивается болѣе чѣмъ въ 270 сантимовъ, при 846 милліонахъ (на 305 милліоновъ менѣе), тотъ же рубль цѣнится только въ 255 1/2 сантимовъ. Позволительно ли же, въ виду подобныхъ фактовъ, агитировать во имя подъема вексельныхъ курсовъ за изъятіе бумажныхъ денегъ?

Много было говорено громкихъ фразъ о благодѣтельномъ золотомъ дождѣ изливаемомъ будто бы Европой на русскіе лѣса и степи. Но на дѣлѣ вотъ уже не первое десятилѣтіе какъ золотой дождь идетъ совершенно въ обратномъ направленіи. Этотъ дождь унесъ изъ Россіи то золото какое было накоплено въ ней въ былыя времена. Золота стало мало, а необходимость оплачивать золотомъ и излишекъ привоза сравнительно съ отпускомъ, и проценты по долгамъ и недочеты по другимъ статьямъ международнаго разчетнаго баланса, не только осталась во всей силѣ, но еще много выросла. Чѣмъ сильнѣе спросъ на золото, и чѣмъ его меньше въ странѣ, тѣмъ оно дороже по отношенію къ тѣмъ деньгамъ на которыя должно быть куплено. Этимъ отношеніемъ спроса къ предложенію и колебаніями въ нихъ, и опредѣляются у насъ преимущественно вексельные курсы. На эту сторону дѣла и должно быть обращено главное вниманіе тѣхъ кого особенно заботитъ низкій ихъ уровень. Ослабьте непрерывный отливъ

золота изъ Россіи,—это не замедлитъ отозваться на вексельныхъ курсахъ, въ желаемомъ вами направленіи. Въ виду недавняго примѣра даннаго Америкой, полагаемъ, едва ли можно объ этомъ спорить.

Долгое время, какъ всѣми такъ и нами, считалось за экономическій законъ что золото не можетъ приливать въ страну съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ, что отливъ золота изъ такой страны есть необходимое явленіе, ибо де неразмѣнныя *бумажныя деньги должны вытѣснять* изъ страны металлическія какъ ненужный товаръ. Но недавнимъ опытомъ доказано противное. Отливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Соединенныхъ Штатовъ прекратился и приливъ ихъ туда начался несмотря на неразмѣнность *гринбаковъ*. Съ возрастаніемъ количества золота въ странѣ, съ уменьшеніемъ его вывоза, понижалась его цѣнность и, наоборотъ, росла цѣнность *гринбаковъ*. Кончилось тѣмъ что премія на золото совсѣмъ исчезла, и бумажныя деньги стали ходить al pari еще до возстановленія размѣна правительственнымъ актомъ.

№ 238.

Москва, 27-го августа.

Знаменитая рѣчь г. Гамбетты въ Шербургѣ до сихъ поръ еще, подобно камню брошенному въ тихую воду, продолжаетъ поднимать отдаленные круги на поверхности политической пучины. Касательно истиннаго смысла этой рѣчи споровъ болѣе нѣтъ; всѣ въ самой Франціи согласны что рѣчь эта была прямымъ вызовомъ брошеннымъ Германіи, а такъ какъ г. Гамбетта признавался до сихъ поръ „дофиномъ Французской республики,“ то понятно какую сенсацію должно было произвести публично сказанное устами будущаго руководителя судебъ Франціи надежда и желаніе вновь помѣряться силами съ Германіей и возстановить „историческую справедливость.“ Это была программа будущаго, и при томъ недалекаго будущаго, такъ какъ, по общему мнѣнію, президентство Гамбетты наступитъ не позже истеченія семилѣтія на которое избранъ г. Греви. Всѣ взоры съ любопытствомъ были обращены на Германію, выжидая чѣмъ она отвѣтитъ на столь неожиданную манифестацію и какъ сложатся отнынѣ взаимныя политическія отношенія между обѣими державами, о коихъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, официально заявлялось что отношенія эти „не оставляютъ желать ничего лучшаго“ съ тѣхъ поръ какъ республиканская партія возобладала во Франціи. Но въ Германіи не поторопились отвѣтомъ: даже независимая печать обсуждала рѣчь президента французской второй палаты *крайне сдержанно и видимо старалась смягчить* возбужденную ею въ Германіи тревогу. Лишь двѣ недѣли спустя послѣ произнесенія рѣчи, официозный органъ князя Бисмарка высказался по этому поводу, и хотя *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* не скрыла того что слова г. Гамбетты приняты въ смыслѣ угрозы Германіи и что подобная программа въ устахъ вліятельнѣйшаго вожака французскихъ республиканцевъ была совершенною неожиданностью для Берлина, гдѣ республиканское правительство и самъ г. Гамбетта считались „порукой“ мира, но въ берлинской официозной замѣткѣ болѣе всего обратилъ на себя вниманіе тотъ оборотъ рѣчи которымъ проводилась разграничительная черта между г. Гамбеттой и теперешнею официальною Франціей. А теперь, по прошествіи еще двухъ недѣль, оказывается что слова эти не были простою фразой, и что между гг. Гамбеттой и Фрейсине дѣйствительно существуетъ не малое различіе, и ужъ никакъ нельзя сказать что г. Гамбетта есть душа нынѣшняго французскаго правительства, а г. Фрейсине — только слѣпой исполнитель его велѣній. Прежде такъ и было. Кабинетъ г. Ваддингтона былъ свергнутъ никѣмъ инымъ какъ г. Гамбеттой, и имъ же поставленъ въ главу новаго кабинета г. Фрейсине, который былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ людей бывшаго диктатора. Огромное вліяніе г. Гамбетты, при новомъ правительствѣ, обнаруживалось на каждомъ шагу; не только составъ кабинета, но и всѣ вліятельнѣйшія мѣста въ высшей администраціи, дипломатіи и даже въ арміи постепенно замѣщались его приверженцами. Зависимость г. Фрейсине отъ вліятельнаго президента палаты сказалась въ особенности при проведеніи закона объ амнистіи, о которой г. Фрейсине высказался при самомъ вступленіи своемъ въ должность совсѣмъ не въ томъ смыслѣ въ какомъ эта мѣра состоялась по волѣ г. Гамбетты. Точно также и мѣры принятыя Фран-

цузскимъ правительствомъ противъ католическаго духовенства были дѣломъ г. Гамбетты, и „мартовскіе декреты,“ коими правительство обошло преграду поставленную ему сенатомъ отвергнувшимъ, по настоянію Жюля Симона, новый законопроектъ о духовныхъ конгрегаціяхъ, были идеей имъ внушенною. Словомъ, вліяніе или, вѣрнѣе, господство бывшаго диктатора и будущаго президента республики были фактомъ столь очевиднымъ что въ немъ не сомнѣвались и съ нимъ открыто считались какъ враги, такъ и друзья г. Гамбетты. Съ особенною яростью нападали на него крайніе радикалы называя его „оппортунистомъ;“ бывшіе члены коммуны, вернувшіеся во Францію по его же настоянію, повели ожесточенную борьбу противъ него за то что онъ якобы измѣнилъ радикальному знамени изъ личныхъ цѣлей на власть и выставляли на видъ полную зависимость отъ него теперешняго правительства.

Но все это вдругъ измѣнилось съ той минуты какъ г. Гамбетта бросилъ свой вызовъ Германіи и высказалъ свое завѣтное желаніе стать во главѣ того національнаго движенія во Франціи которому нуженъ лишь рѣшительный вождь чтобы направиться противъ Германіи. Германская политика очень хорошо понимаетъ что возобновленіе борьбы зависитъ главнымъ образомъ отъ того, найдется ли во Франціи человѣкъ достаточно сильный и рѣшительный чтобы стать во главѣ движенія, которое можетъ быть вызвано въ каждую минуту. Въ Германіи болѣе всего опасались возстановленія монархіи во Франціи, разсуждая что кто бы изъ многочисленныхъ претендентовъ на французскій престолъ не достигъ цѣли, лучшимъ средствомъ укрѣпиться послужила бы для него война съ Германіей. Но г. Гамбетта далъ почувствовать что и республиканскій претендентъ можетъ быть опасенъ не менѣе монархическаго. Въ Германіи поспѣшили отвѣтить на это сомнѣніемъ въ неоспоримости его претендентства и вдругъ сомнѣніе это оказалось и во Франціи...

Г. Фрейсине очутился въ открытомъ антагонизмѣ съ г. Гамбеттой, и теперь не подлежитъ уже сомнѣнію что г. Гамбетта имѣетъ въ немъ политическаго противника, который не только не подчиняется безпрекословно его внушеніямъ, но вѣроятно отнынѣ будетъ прилагать всѣ старанія чтобы подорвать будущую кандидатуру г. Гамбетты на президентство республики. Указаніе *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* на отсутствіе солидарности между президентомъ палаты представителей и президентомъ кабинета во Франціи оправдалось скорѣе нежели можно было ожидать. Открытая распря возникла по поводу того самаго церковнаго вопроса по которому нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ г. Фрейсине слѣпо подчинялся внушеніямъ г. Гамбетты. 31 августа было крайнимъ срокомъ исполненія мартовскихъ декретовъ, коими правительство, основываясь на старыхъ законахъ первой республики и первой имперіи, изрекло запретъ на всѣ духовныя конгрегаціи, причемъ іезуитскій орденъ и всѣ его благотворительныя и воспитательныя учрежденія подлежали безусловной ликвидаціи и закрытію; остальнымъ же орденамъ и конгрегаціямъ предоставлено было въ извѣстный срокъ испросить у правительства разрѣшенія на дальнѣйшее существованіе ихъ учрежденій. Но ни одна изъ конгрегацій о подобномъ разрѣшеніи не просила и всѣ онѣ подлежали закрытію. Закрыты были однако только учрежденія іезуитскаго ордена. Всѣ же остальныя остаются пока нетронутыми, и какъ теперь оказывается между ими и правительствомъ состоялся компромиссъ заключающійся въ томъ что конгрегаціи, вмѣсто формальной просьбы о разрѣшеніи, подписали декларацію, въ которой заявляютъ что онѣ вполнѣ признаютъ обязательность существующихъ учрежденій и законовъ и отнюдь не связываютъ своего существованія съ тѣмъ или другимъ политическимъ устройствомъ; что „христіанское милосердіе“ есть ихъ единственный девизъ, и что онѣ не имѣютъ никакой надобности связывать свою судьбу съ измѣнчивою судьбой того или иного устройства свѣтской власти. Декларація эта, какъ сознаются французскіе клерикальные журналы, выработана и утверждена въ Римѣ, и правительство довольствуется ею и до сихъ поръ не принимало никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ какой бы то ни было изъ конгрегацій, кромѣ іезуитскихъ. Офиціальное опроверженіе отъ 6 сентября, о коемъ передано намъ по телеграфу, заключающееся въ томъ что правительство не вступало въ обязательства относительно исполненія декретовъ ни съ Ватиканомъ, ни съ нунціемъ, въ сущности ничего не опровергаетъ, ибо не въ томъ дѣло вступало ли оно

или нѣтъ въ какія-либо обязательства, а въ томъ что упомянутая декларація подписана всѣми представителями конгрегацій и правительство ими довольствуется; ибо конгрегаціи не закрыты и не будутъ закрыты, по словамъ самаго г. Фрейсине, высказавшагося въ этомъ смыслѣ на дняхъ въ рѣчи произнесенной въ Монтобанѣ.

Органъ г. Гамбетты, *République Française*, прикинулся сначала невѣрящимъ слуху о примирительныхъ намѣреніяхъ правительства относительно конгрегацій, несмотря на Монтобанскую рѣчь г. Фрейсине; но когда прошелъ срокъ 31 августа и факты оправдали этотъ слухъ, органъ г. Гамбетты пересталъ стѣсняться и объявилъ открытую войну г. Фрейсине, угрожая ему немедленнымъ свержениемъ. Органъ г. Фрейсине, газета *Temps*, въ свою очередь не остался въ долгу и отвѣчалъ не менѣе рѣзкими нападками на президента палаты.

Само собою разумѣется что эта возгорѣвшаяся борьба окончательно рѣшится лишь когда вновь соберется законодательное собраніе (что будетъ въ сентябрѣ); сумѣетъ ли г. Гамбетта заставить большинство палаты высказать порицаніе правительству за „противозаконное“ снисхожденіе къ католическому духовенству, или же наоборотъ г. Фрейсине привлечетъ большинство на свою сторону,—это скоро видно будетъ. Но въ настоящую минуту интереснѣе всего самый фактъ открытаго разрыва между правительствомъ и г. Гамбеттой, разрыва, коего исходною точкой явно послужилъ не тотъ вопросъ внутренней политики по поводу котораго возникла теперешняя полемика (ибо по этому предмету три мѣсяца тому назадъ господствовало полное единомысліе), а воинственная рѣчь г. Гамбетты.

№ 239.

Москва, 28-го августа.

Въ ряду обязанностей возложенныхъ на земство Положеніемъ о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ заботы о мѣрахъ по обезпеченію народнаго продовольствія. Относящіеся сюда вопросы вообще обращаютъ на себя мало вниманія и рѣдко бываютъ предметомъ серіознаго обсужденія въ земскихъ собраніяхъ при нормальномъ ходѣ дѣлъ, при достаточныхъ, обезпечивающихъ народное продовольствіе урожаяхъ. За то эти вопросы разомъ выступаютъ на первый планъ, заслоняя собою всѣ другіе, при наступленіи затрудненій въ продовольствіи, при недородѣ хлѣба въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ. Такъ и въ настоящемъ году заботы о народномъ продовольствіи и объ обсѣмененіи полей выпали на долю многихъ земствъ вслѣдствіе неурожая постигшаго разные уѣзды приволжскихъ и нѣкоторыхъ другихъ губерній. То тутъ, то тамъ созываются экстренныя земскія собранія для опредѣленія размѣровъ возникшей нужды въ хлѣбѣ и пріисканія средствъ къ ея удовлетворенію. За недостаточностію предназначенныхъ на этотъ предметъ средствъ находящихся въ распоряженіи земства, главною мѣрой помощи населенію являются большею частію заимствованія изъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала. Изъ этого капитала, вслѣдствіе земскихъ ходатайствъ, какъ извѣстно, уже разрѣшены недавно довольно крупныя ссуды для Самарской и Саратовской губерній, и кромѣ разрѣшенныхъ, вѣроятно, потребуются еще новыя. Помощію этихъ ссудъ, возникшая нужда въ хлѣбѣ, можно надѣяться, будетъ устранена. Но было бы очень печально еслибы нынѣшнія затрудненія не повели за собою никакихъ мѣръ къ предупрежденію ихъ повторенія и къ облегченію борьбы съ ними въ будущемъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ, система обезпеченія народнаго продовольствія у насъ не только не совершенствовалась, но падала, и основная мысль приходила въ забвеніе. Народное продовольствіе, въ силу этой системы, должно было обезпечиваться преимущественно накопленіемъ по всему государству достаточныхъ хлѣбныхъ запасовъ, причемъ денежнымъ продовольственнымъ капиталамъ отводилась лишь второстепенная, вспомогательная роль. Въ настоящее время, наоборотъ, народное продовольствіе обезпечивается главнымъ образомъ не запасами хлѣба, а покупкой его на счетъ денежныхъ продовольственныхъ капиталовъ. Неудобства этого послѣдняго порядка уже достаточно обозначились на практикѣ. На нихъ, между прочимъ, было недавно указано гласнымъ Д. И. Воейковымъ въ Сызранскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. „Земство разрѣшавшее кресть-

намъ продавать запасный хлѣбъ при нормальныхъ цѣнахъ для обращенія въ деньги," замѣтилъ онъ, между прочимъ, въ особомъ заявленіи поданномъ имъ собранію, „теперь будетъ свидѣтелемъ того какъ за вырученныя за пудъ хлѣба деньги удастся купить лишь полпуда."

Это заявленіе заслуживаетъ полнаго вниманія и имѣетъ значеніе не для одного Сызранскаго, а для всѣхъ земствъ разрѣшавшихъ продажу хлѣба изъ общественныхъ запасныхъ магазиновъ и замѣну денежными взносами сбора хлѣба въ эти магазины натурой. Эти сборы натурой, конечно, составляютъ для крестьянъ нѣкоторую тягость, но за то ими вполнѣ достигается та цѣль для которой они были установлены. Собранный въ пору нормальныхъ цѣнъ хлѣбъ получаетъ двойную цѣну въ пору нужды. Ссуда его крестьянамъ избавляетъ отъ покупки хлѣба по высокимъ цѣнамъ, дѣлаетъ менѣе чувствительнымъ подъемъ цѣнъ и облегчаетъ расплату за ссуду при урожаѣ, такъ какъ при расплатѣ взносится четверикъ подешевѣвшаго хлѣба за четверикъ дорогаго. Денежные взносы, взамѣнъ отсыпки хлѣба натурой, ведутъ, напротивъ, къ тому что сбереженія многихъ лѣтъ теряютъ половину своей цѣны именно въ ту минуту когда приходится ими пользоваться. Операція обращенія хлѣбныхъ запасовъ въ деньги и затѣмъ обратная покупка хлѣба на эти деньги въ голодный годъ дастъ населенію только половину того количества хлѣба которое было продано—результатъ одинаковый съ растратой другой половины. Половиннымъ количествомъ хлѣба, естественно, можетъ быть прокормлено лишь половинное число людей, обсѣменено половинное количество полей. Это ослабленіе мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ искусственно усиливаетъ нужду въ пособіяхъ со стороны и порождаетъ необходимость усиленныхъ заимствованій изъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала, который быстро таетъ, и большая часть коего числится въ долгу за разными губерніями. Между тѣмъ уплата этихъ ссудъ дѣло не легкое. За четверикъ купленный на занятыя въ тяжелое время деньги приходится при урожаѣ платиться двумя. Понятно въ какой мѣрѣ затрудняется этимъ для сельскаго населенія возможность поправиться послѣ неурожая.

Строго осуждать земства за допущеніе замѣны хлѣбныхъ запасовъ деньгами было бы, однако, не совсѣмъ справедливо. Мѣра эта не ими выдумана, а была имъ, такъ-сказать, подсказана изданными въ руководство имъ временными правилами. Въ дѣйствовавшемъ до того уставѣ о народномъ продовольствіи, замѣна денежными взносами сбора хлѣба натурой допускалась лишь въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Вообще же, до составленія полной пропорціи запасовъ въ сельскихъ магазинахъ (одна четверть ржи или пшеницы и полчетверти овса или ячменя на душу) такая замѣна не дозволялась; для промысловыхъ губерній допускалась нѣкоторая льгота, но лишь по отношенію къ добавочнымъ хлѣбнымъ сборамъ сверхъ установленной полной пропорціи. Временныя правила для земскихъ учрежденій по дѣламъ о народномъ продовольствіи поставили дѣло совсѣмъ иначе. Въ этихъ правилахъ (п. 3), объ обращеніи хлѣбныхъ общественныхъ запасовъ въ денежные капиталы говорится какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ, нисколько не противномъ Продовольственному Уставу, и постановляется лишь что опредѣленія сельскихъ сходовъ о такомъ обращеніи подлежатъ разсмотрѣнію и утвержденію уѣздныхъ земскихъ управъ. Между тѣмъ отношенія въ какія поставлены земскія учрежденія къ дѣлу обезпеченія народнаго продовольствія таковы что они, можно сказать, самими обстоятельствами побуждались разрѣшать и даже поощрять обращеніе хлѣбныхъ запасовъ въ денежные капиталы. Земство не можетъ входить въ какія-либо распоряженія по взносу, храненію и расходованію хлѣбныхъ общественныхъ запасовъ сельскихъ обществъ; все это предоставлено единственно усмотрѣнію общественныхъ сходовъ, и роль земскихъ учрежденій ограничивается тутъ единственно надзоромъ за ненарушеніемъ сходами правилъ о хлѣбныхъ запасахъ. Для осуществленія этого контроля, уѣздныя управы разсматриваютъ ежегодныя отчетныя вѣдомости о положеніи хлѣбныхъ запасовъ представляемыя сельскими обществами, и могутъ, если пожелаютъ, производить чрезъ своихъ членовъ ревизіи на мѣстахъ. Остающіеся въ полномъ завѣдываніи крестьянскаго самоуправленія запасные хлѣбные магазины естественно мало интересуютъ земскихъ дѣятелей. Ревизовать массу этихъ магазиновъ у нихъ

нѣтъ времени, а провѣрка представляемыхъ сельскими обществами вѣдомостей бываетъ затруднительною и ни къ чему не ведущею формальностью, исполненіе которой много упрощается въ случаѣ обращенія хлѣбныхъ запасовъ въ денежные капиталы. Такое обращеніе могло казаться хорошимъ дѣломъ и въ видахъ уменьшенія растратъ, которыя такъ обыкновенны въ крестьянскомъ самоуправленіи, и по отношенію къ общественному хлѣбу практикуются еще съ большею безцеремонностью чѣмъ по отношенію къ общественнымъ суммамъ.

Но правила поставившія земство въ сказанное отношеніе къ сельскимъ запаснымъ магазинамъ не даромъ же названы только „временными.“ Они давно требуютъ пересмотра, и можно надѣяться что на эту отрасль земскаго дѣла будетъ обращено должное вниманіе членовъ особой коммиссіи учрежденной при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ для пересмотра Земскаго Положенія.

Замѣна хлѣбныхъ запасовъ денежными капиталами, очевидно, есть мѣра не удачная. Но было бы ошибкой и простое возвращеніе къ прежней системѣ. Крупнымъ ея недостаткомъ, какъ намъ кажется, была крайняя дробность хлѣбныхъ магазиновъ, дѣлающая невозможнымъ всякій дѣйствительный контроль надъ ними, и предоставленіе ихъ въ завѣдываніе невѣжественныхъ и часто мало надежныхъ должностныхъ лицъ сельскаго самоуправленія. Организація хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, для того чтобъ ею достигалась государственная цѣль, должна быть иная. Эти магазины имѣютъ своимъ назначеніемъ обезпечивать населеніе отъ бѣдственныхъ случайностей неурожая, и въ качествѣ учрежденій подобнаго рода, они должны быть въ надлежащей мѣрѣ централизованы. Эта централизація была бы, полагаемъ, достигнута замѣной массы теперешнихъ магазиновъ однимъ или нѣсколькими на уѣздъ, смотря по мѣстнымъ удобствамъ и принимая въ разчетъ разстоянія при которыхъ ссыпка хлѣба для пополненія и освѣженія хлѣбныхъ запасовъ не была бы для населенія чрезмѣрнымъ затрудненіемъ. Контроль за немногими крупными магазинами былъ бы дѣломъ возможнымъ, и хлѣбъ собранный въ нихъ служилъ бы дѣйствительнымъ обезпеченіемъ народнаго продовольствія, чего ужь конечно нельзя сказать о мнимомъ количествѣ хлѣба находящагося въ общественныхъ магазинахъ по тѣмъ свѣдѣніямъ которыя поступаютъ въ уѣздныя управы тамъ гдѣ хлѣбъ не обращенъ въ денежные капиталы. Эти крупные запасные магазины служили бы для сельскихъ обществъ каждаго района своего рода сохранными и ссудными кассами — не денегъ, а хлѣба. Приносимая ими польза была бы еще больше еслибы между всѣми магазинами по всей странѣ установилась нѣкоторая связь и взаимная поддержка. При такомъ порядкѣ, мѣстные неурожаи гораздо меньшею тягостью ложились бы на общія средства чѣмъ это бываетъ нынѣ. Этимъ также значительно была бы парализована та эксплуатація голодающихъ мѣстностей хлѣбными торговцами, на которую часто и особенно въ послѣднее время слышится такъ много жалобъ. Наличность значительныхъ запасовъ хлѣба, въ той пропорціи какая установлена Продовольственнымъ Уставомъ, или въ той какая будетъ признана болѣе благоразумною, устранила бы возникающія нынѣ по временамъ опасенія что отпускъ хлѣба за границу можетъ перейти должные предѣлы, что вслѣдствіе его чрезмѣрности страна можетъ остаться безъ необходимаго ей самой количества хлѣба.

Денежные продовольственные капиталы, какъ губернскіе такъ и общій по Имперіи, должны и впредь, какъ нынѣ, служить важнымъ пополненіемъ системы хлѣбныхъ магазиновъ. Но часть ихъ, кажется, съ гораздо большею пользой могла бы быть обращаема не въ процентныя бумаги, какъ нынѣ, а въ хлѣбные запасы, въ годы урожаевъ и дешевизны хлѣба. Это кажется болѣе соотвѣтствовало бы ихъ назначенію, какъ оно было опредѣлено при самомъ учрежденіи денежныхъ сборовъ съ цѣлію составленія этихъ капиталовъ. Это было бы и выгоднѣе, если принять въ разчетъ что разница хлѣбныхъ цѣнъ въ урожайные и неурожайные годы такъ велика что ея никакъ не можетъ уравновѣсить накопленіе процентовъ въ промежуточные годы среднихъ урожаевъ.

№ 243.

Москва, 1-го сентября.

Выходящая на французскомъ и турецкомъ языкѣ новая константинопольская

газета *L'Osmanli*, издаваемая подъ особымъ покровительствомъ султана, помѣстила недавно въ своихъ столбцахъ весьма любопытную статью. Эта газета съ самаго начала очень опредѣленно и ясно высказала свою программу и ближайшую цѣль. Она заявила сразу что нѣтъ ни одной турецкой газеты издаваемой на французскомъ языкѣ которая вслѣдствіе этого обстоятельства могла бы имѣть полезное для Турціи вліяніе на общественное мнѣніе Европы. Всѣ прочія франко-турецкія газеты стоятъ де или за славянскіе, или за греческіе и румынскіе, или еще *какіе-нибудь*, но отнюдь не за оттоманскіе интересы. Пополнить этотъ пробѣлъ, раскрыть Европейцамъ глаза на Турцію которой они не знаютъ и не понимаютъ, растолковать *нѣкоторымъ державамъ* ихъ истинное отношеніе къ Турціи въ виду ихъ счетовъ съ другими и присовѣтовать какой политикѣ слѣдуетъ имъ держаться чтобъ она была столь же выгодна для нихъ какъ и для Оттоманской Порты, вотъ цѣль предположенная этою газетой. Послѣднее, то-есть совѣты государственнымъ людямъ Европы, составляетъ, какъ кажется, главное. *Osmanli* съ первыхъ же нумеровъ стала толковать о цивилизующемъ значеніи исламизма, котораго еще не оцѣниваетъ Европа; стала энергично опровергать всякія извѣстія о злоупотребленіяхъ турецкой администраціи и притѣсненіи угнетенныхъ народностей Балканскаго полуострова, и распространять со своей стороны слухи объ обидахъ претерпѣваемыхъ злополучными мусульманами. Но эта газета хорошо понимаетъ что опроверженіямъ и утвержденіямъ ея повѣрятъ не легко, а главное что идеи истины, добра и справедливости не имѣютъ большаго кредита въ европейскомъ концертѣ, и поэтому напираетъ на гораздо болѣе современный факторъ,—выгоду. Предположено растолковать, въ извѣстной очереди, всѣмъ великимъ европейскимъ державамъ ихъ настоящее положеніе въ отношеніи къ сосѣдямъ, и продиктовать ясно и раздѣльно ту политику которой имъ, въ силу этого положенія, слѣдуетъ держаться на Востокѣ. Англіи въ этомъ отношеніи уже досталось. Въ снисходительномъ тонѣ ей прочитано нравоученіе. Она де терпитъ теперь сама послѣдствія своей несчастной восточной политики. Подстрекаемая демонстраціями англійскихъ радикаловъ, *одна завоевательная держава* сильно расшатала европейское согласіе, установившееся съ 1856 года. Турецкій публицистъ повидимому игнорируетъ тѣ войны которыя съ той поры потрясали Европу. Онъ полагаетъ европейское согласіе въ томъ чтобы ни одна держава не вмѣшивалась въ турецкія дѣла, и чтобы Турціи было предоставлено поступать какъ угодно съ угнетенными національностями. „Англія нашла себя вынужденною, говоритъ онъ, передѣлывать Санъ-Стефанскій договоръ; она слишкомъ поздно замѣтила несчастныя послѣдствія своего невмѣшательства и вотировала кредитъ въ шесть милліоновъ фунтовъ. Затѣмъ послѣдовала русская военная миссія въ Кабулъ, и Афганская война, которая уже стоила Англіи двадцать пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, столько драгоцѣнныхъ жизней и которая можетъ весьма серіозно компрометтировать ея политическій и военный *престижъ* въ Индіи и Средней Азіи. Не угодивъ Россіи своимъ нейтралитетомъ (?) Англія возбудила противъ себя неудовольствіе общественнаго мнѣнія Турціи. Несмотря на свои таланты, которыми г. Гладстонъ такъ злоупотребляетъ противъ насъ, мы можемъ сказать откровенно что въ данную минуту онъ имѣетъ въ Турціи еще меньшую популярность чѣмъ князь Горчаковъ" (Бѣдный г. Гладстонъ!). „Развѣ потеря сочувствія и союза Оттомановъ не была бы потерей Англичанъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи?" спрашиваетъ далѣе *Osmanli*.

Коснувшись затѣмъ присоединенія Кипра и надежды Турокъ что г. Гладстонъ, ставъ во главѣ администраціи, просто-напросто возвратитъ имъ этотъ островъ какъ лишнюю обузу Англіи, турецкая газета прибавляетъ нравоучительно что дѣйствіе Англіи во имя идеи національности возымѣло вліяніе и на ея внутреннія дѣла, и вызвало неожиданныя хлопоты въ Ирландіи. „Если Турція понесла матеріальныя потери, прибавляетъ въ заключеніе газета, то послѣ нея Англія потеряла больше всѣхъ какъ въ нравственномъ такъ и въ матеріальномъ отношеніи, и мы желаемъ отъ души чтобъ она избавила и себя и другихъ отъ грозныхъ тучъ омрачившихъ горизонтъ Европы."

Таковы были обращенія *Osmanli* къ Англіи.

Теперь новый турецкій органъ обращается со своими указаніями къ Германіи. Ока-

зывается что эта держава, которая, по недавнимъ завѣреніямъ ея канцлера, такъ мало заинтересована на Востокѣ что не пожертвуетъ для разрѣшенія тамошнихъ затрудненій ни однимъ померанскимъ гренадеромъ, а по заявленію ея полководца должна разчитывать только на себя и быть готовою стать фронтомъ на всѣ четыре стороны, оказывается что эта держава не только можетъ извлечь большія выгоды изъ союза съ Турціей, но что союзъ этотъ для нея даже необходимъ.

„Турецкій союзъ, говоритъ *Osmanli*, является абсолютною политическою необходимостью для Германіи. Когда, нѣсколько времени тому назадъ, германская политика въ отношеніи къ Россіи потерпѣла внезапную и весьма замѣтную перемѣну, то *кооперація* князя Бисмарка съ Турціей была бы гораздо болѣе неудобною для Россіи чѣмъ всякое *сближеніе* между Вѣной и Берлиномъ. Со значительною военною силой, при своемъ географическомъ положеніи, Турція могла бы оказать весьма большія услуги Германіи. Если опять предположить столкновеніе между Германіей и Франціей, то Турція, принудивъ Россію остаться нейтральною, принесетъ величайшую пользу тевтонскому войску. Или, еслибъ Австрія возобновила нападеніе учиненное ею на Германію въ 1866 году (?), турецкая армія получила бы величайшее значеніе для Германіи.“

Такимъ образомъ, куда бы Германіи ни пришлось дѣйствительно стать фронтомъ, союзъ съ Турціей для нея, по мнѣнію турецкой газеты, не только полезенъ, но даже совершенно необходимъ. Послѣ такого *опредѣленія дѣйствительныхъ интересовъ* Германіи, цитуемая газета переходитъ къ чему-то въ родѣ упрека *честному маклеру*. „Что касается отношеній между Германіей и Турціей, должно сознаться что положеніе принятое княземъ Бисмаркомъ на Берлинскомъ конгрессѣ было не слишкомъ благопріятно для Турціи.“ Но это де легко объясняется заблужденіемъ въ которое былъ введенъ этотъ государственный мужъ. „Турція въ тѣ дни, продолжаетъ *Osmanli*, была жертвой настойчивой клеветы, и князь Бисмаркъ былъ доведенъ до убѣжденія (errare est humanum) что Оттоманы варвары, что они дышатъ избіеніемъ христіанъ... Съ той поры князь Бисмаркъ, подобно всѣмъ людямъ съ душою и здравымъ смысломъ, имѣлъ случай составить себѣ лучшее мнѣніе о Туркахъ. Онъ убѣдился въ жестокостяхъ совершенныхъ Болгарами надъ магометанами и знаетъ теперь хорошо кто угнетатели и кто угнетенные. Онъ знаетъ также кто нарушаетъ трактаты и кто соблюдаетъ ихъ.“ Послѣднее замѣчаніе весьма нравоучительно. Кто же лучше Турціи *соблюдаетъ* трактаты? Научившись отъ своихъ европейскихъ учителей въ дипломатіи что договоры иногда заключаются только для того чтобъ остаться договорами или чтобы затормазить дѣло, они отлично соблюдаютъ ихъ *не приводя ихъ въ исполненіе*. Берлинскій трактатъ былъ бы давно забытъ еслибъ былъ исполненъ. Теперь о немъ упоминаютъ каждый день. Чтобы подтвердить свое мнѣніе о счастливой перемѣнѣ въ убѣжденіяхъ германскаго имперскаго канцлера, турецкая газета указываетъ на *сдержанный образъ дѣйствій* Германскаго правительства въ переговорахъ относительно понужденія Порты.

Пріѣздъ и пребываніе на берегахъ Босфора г. Веттендорфа и другихъ германскихъ дѣльцовъ, несмотря на заявленія князя Бисмарка что обстоятельство это лишено всякаго политическаго значенія, произвело повидимому *весьма пріятное* впечатлѣніе въ Турціи и повидимому во многомъ обнадежило Порту и придало ей духу. На этихъ дняхъ турецкія газеты высказали увѣренность что великія державы вскорѣ убѣдятся въ совершенной безполезности морской демонстраціи, отзовутъ свои флоты и вступятъ въ новые переговоры съ Портой...

Берлинскій корреспондентъ газеты *Standard* полагаетъ что султанъ придаетъ слишкомъ большое значеніе пріѣзду г. Веттендорфа. „Однако, говоритъ эта газета, едва ли было бы преувеличеніемъ сказать что въ виду настоящихъ усложненій, Германія намѣрена воспользоваться Турціей какъ лишнею пѣшкой на міровой шахматной доскѣ...“

№ 244.

Москва, 2-го сентября.

А.

На дняхъ опубликовано утвержденное 20 іюня 1880 года соглашеніе между на-

шимъ правительствомъ и Германскимъ относительно таксъ для русско-германской телеграфной корреспонденціи. Главныя основанія этого соглашенія введены въ дѣйствіе еще ранѣе окончательной ратификаціи договора, именно съ 1 апрѣля текущаго года. За руководство принято рѣшеніе Лондонской международной телеграфной конференціи 1879 года, важнѣйшими пунктами коего были: пословный тарифъ и общее пониженіе таксы. О выгодахъ представляемыхъ введеннымъ со вчерашняго дня и внутри Россіи пословнымъ тарифомъ мы имѣли уже случай высказаться. Что же касается пониженія или лучше сказать опредѣленія таксы, то нельзя сказать чтобы въ нашемъ новомъ договорѣ съ Германіей она была опредѣлена особенно выгодно для Россіи.

Въ новой русско-германской министерской декларации значится что за каждое слово обыкновенной телеграммы взимается 27 сантимовъ, срочной телеграммы 81 сантимъ, и телеграммы съ провѣркой $40^1/_4$ сантимовъ. При этомъ: „за телеграммы исходящія изъ Европейской Россіи и адресованныя въ Германію никакихъ разчетовъ не производится, исключая плату за впередъ оплаченные отвѣты. За телеграммы исходящія изъ Германіи и адресованныя въ Европейскую Россію Германія уплачиваетъ Россіи за каждое слово: обыкновенной телеграммы 9 сантимовъ, срочной телеграммы 27 сантимовъ.“ Другими словами, общая выручка дѣлится на три части, одну часть беретъ себѣ Германія, а двѣ — Россія.

Къ сожалѣнію, та наглядная истина что русскія телеграфныя линіи значительно длиннѣе любой иностранной до послѣдней поры не принималась въ серіозный разчетъ на международныхъ телеграфныхъ конгрессахъ. Парижскою конвенціей 1865 года было опредѣлено что каждое изъ договаривающихся государствъ имѣетъ право вступить въ отдѣльный договоръ съ каждымъ другимъ относительно опредѣленія своихъ таксъ. И вотъ Германія назначила за депеши (кромѣ проходящихъ черезъ Австро-Венгрію) взимать по три франка, Россія же по пяти *). Такимъ образомъ выходило что Россія лишь въ $1^2/_3$ разъ считала свои проводы длиннѣе германскихъ. Однако на практикѣ даже и это ничтожное отношеніе не оправдывалось: такъ, напримѣръ, въ 1870 году, по разчетамъ было исчислено за международную корреспонденцію: въ пользу Россіи 695.349 фр., а въ пользу Германіи 503.464 фр. Дѣйствительно же балансоваго остатка получено отъ Германіи только 54.640 кр. руб. Это отношеніе существовало до 1872, т.-е. до телеграфной конференціи въ Римѣ. Вслѣдствіе политическихъ событій 1870—71 повлекшихъ за собою образованіе единой Германской имперіи, дѣйствовавшій дотолѣ Германо-Австрійскій телеграфный союзъ былъ упраздненъ; Австрія и Голландія выдѣлились изъ территоріи этого союза, а всѣ принадлежавшія къ нему германскія государства слились съ новообразовавшеюся имперіей. Германская имперія опредѣлила, правда, свою окончную и транзитную таксу въ три франка. Однако, въ мартѣ 1872 года, директоръ нашихъ телеграфовъ, тайный совѣтникъ Людерсъ, вступилъ въ Берлинѣ въ переговоры съ цѣлію выхлопотать болѣе выгодный для Россіи тарифъ, результатомъ коихъ было особое соглашеніе съ директоріей германскихъ телеграфовъ, по которому, въ видѣ исключенія въ пользу Россіи, опредѣлена плата за корреспонденцію Россіи съ Германіей въ $2^1/_4$ франка. Съ той поры до настоящаго времени, сравнительная средняя длина германскихъ и русскихъ проводовъ опредѣлилась отношеніемъ 1: 2.

Германіи, конечно, очень лестно мнить себя, хотя бы въ телеграфномъ отношеніи, половиною Россіи. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, вотъ въ чемъ вопросъ. Прежде всего подлежитъ разрѣшенію, что слѣдуетъ принимать во вниманіе при разчетѣ причитающихся двумъ сосѣднимъ государствамъ долей общей таксы: ихъ площадь или линейное протяженіе? На этотъ вопросъ не такъ легко отвѣчать какъ кажется. Представимъ себѣ два государства одинаковаго линейнаго протяженія, но разныхъ площадей: напримѣръ, Италію и Францію. Очевидно что Франція должна получить болѣе изъ общей таксы чѣмъ Италія; ибо, чтобы покрыть телеграфною сѣтью одинаковой густоты съ итальянскою свою болѣе обширную территорію, она должна была затратить большій капиталъ чѣмъ Италія. Эта истина выразилась напримѣръ на Петербургскомъ телеграфномъ конгрес-

*) См. *Сборникъ распоряженій по телеграфному вѣдомству* № 3, 1872 года, приложеніе, стр. 78 и 88

сѣ, въ постановленіяхъ коего значится что Франція беретъ за депеши обмѣниваемыя съ Италіей 2 франка, а Италія за депеши обмѣниваемыя съ Франціей только 1 франкъ (см. *Тарифныя таблицы* приложенныя къ *Инструкціи* составленной на Петербургскомъ конгрессѣ). Это соображеніе, вполнѣ справедливое для двухъ государствъ съ сѣтью одинаковой густоты, не приложимо къ Германіи и Россіи, такъ какъ густота сѣтей не одинаковая. Но дѣло въ томъ что Россія, ежегодно строящая телеграфы въ значительно большемъ количествѣ чѣмъ Германія, можетъ скоро поравняться со своею сосѣдкой, и тогда справедливое нынѣ отношеніе сдѣлается и въ этомъ смыслѣ несправедливымъ. Въ такомъ случаѣ, такъ какъ по площади Германія составляетъ лишь $^1/_6$ Европейской Россіи, то послѣдняя не можетъ уже довольствоваться отношеніемъ 1 : 2 въ распредѣленіи выручки. Впрочемъ, какъ мы сказали, въ настоящее время еще преждевременно говорить о площадяхъ, хотя Россія уже въ недалекомъ будущемъ должна будетъ имѣть въ виду показанное выше обстоятельство.

Но и съ точки зрѣнія линейнаго протяженія, недавно заключенная конвенція, кажется, не совсѣмъ справедлива. По направленію съ сѣвера на югъ, Германія занимаетъ 7° широты, Россія 23°; по направленію съ запада на востокъ (которое въ нашемъ случаѣ виднѣйшее) Германія простирается на 16°, а Россія на 48° долготы. Слѣдовательно, въ томъ и другомъ случаѣ линейное отношеніе Германіи къ Россіи выражается по меньшей мѣрѣ цифрами 1 къ 3, а не къ 2, какъ принято декларацией въ поклоненіе установившейся рутинѣ. При этомъ мы должны помнить что отношеніе 1 : 3 оправдывается лишь когда мы беремъ въ разчетъ ту узкую полосу которою Восточная Пруссія врѣзывается въ Россію; если же мысленно округлить границы Германіи и Россіи, напримѣръ, по меридіану проходящему нѣсколько западнѣе Варшавы, тогда наше отношеніе тотчасъ обратится въ 1 : 4.

Вышеупомянутая полоса играетъ въ телеграфномъ отношеніи очень важную роль. Она лежитъ на пути изъ Берлина въ Петербургъ, а также на одномъ изъ путей изъ Берлина въ Москву. Телеграммы направляемыя по этому тракту проходятъ въ обоихъ случаяхъ въ $^1/_3$ своего пути по германской и въ $^2/_3$ по русской территоріи. По всѣмъ вѣроятіямъ этотъ трактъ и послужилъ общею базой при опредѣленіи русско-германскаго телеграфнаго тарифа. Но дѣло въ томъ что имѣя русскую границу гораздо ближе Вержболова, именно въ Александровѣ, германское телеграфное управленіе ничѣмъ не обязано предпочитать дальній трактъ ближнему. Оно очень удобно можетъ посылать депеши на Варшаву. Русско-германская декларація дозволяетъ это въ полной мѣрѣ, и уже такъ ведется относительно телеграммъ адресуемыхъ въ Москву и во всѣ города Россіи южнѣе Москвы. Оказывается что телеграммы между Берлиномъ съ одной стороны и Петербургомъ и Москвой съ другой, направляемыя *viâ* Варшава, проходятъ: въ $^2/_{11}$ своего протяженія по германской и въ $^9/_{11}$ по русской. Кромѣ того слѣдуетъ помнить что при маломъ числѣ имѣющихся у насъ большихъ телеграфныхъ центровъ для международныхъ сношеній, большинство телеграммъ адресуемыхъ въ провинціальные города обязательно забѣгаетъ въ Москву. Отъ этого путь проходимый заграничными депешами по русской территоріи еще значительно удлиннятся. Такъ напримѣръ телеграмма изъ Берлина въ Астрахань, направленная на Варшаву и Москву, пройдетъ въ $^1/_9$ своего пути по Германіи и въ $^8/_9$ по Россіи. Но дабы не приводить примѣры относительно такихъ исключительно удаленныхъ пунктовъ какъ Астрахань, возьмемъ два центральные пункта, напримѣръ Эрфуртъ и Рязань. Отношеніе окажется $^1/_5$: $^4/_5$. Въ случаѣ двухъ крайнихъ пунктовъ, напримѣръ Кёльна и Екатеринбурга, это самое отношеніе выразится цифрами $^2/_9$: $^7/_9$

Вотъ въ какомъ видѣ представляется дѣло когда мы на него взглянемъ съ точки зрѣнія не международныхъ соглашеній, а элементарной географіи и справедливости. Быть-можетъ при теперешнихъ еще незначительныхъ телеграфныхъ сношеніяхъ Россіи сосредоточивающихся притомъ въ Петербургѣ и Москвѣ, затронутый нами вопросъ не представляетъ большой практической важности. Но нельзя не пожелать чтобы наши международные договоры устраивались на принципахъ обоюдной справедливости.

Б.

Въ первый разъ въ свое 32 лѣтнее царствованіе Австрійскій императоръ посѣ-

тилъ на этихъ дняхъ Галицію, начавъ свой объѣздъ (который продолжается до сихъ поръ) съ древней столицы Ягеллоновъ, „Славянскаго Рима," какъ знаменательно выражаются польско-латинскіе фанатики, то-есть съ Кракова, куда императоръ прибылъ 1 сентября. Здѣсь къ этому дню собрались со всѣхъ концовъ міра всѣ именитые представители польской шляхты, облеченные въ кунтуши и польскіе „національные цвѣта" и снарядивъ нарочито къ этому случаю цѣлый отрядъ „Крокусовъ" изображавшихъ изъ себя польское „національное войско." Поляки устроили императору самый восторженный пріемъ. Въ рѣчахъ коими они его привѣтствовали не было недостатка въ политическихъ намекахъ, которые императоръ, правда, пропускалъ мимо ушей, но это не помѣшало Полякамъ раздуть эту демонстрацію со свойственнымъ имъ однимъ увлеченіемъ въ историческій актъ первостепенной важности. Магнаты плясали мазурку предъ императоромъ, а мазурка, какъ извѣстно, не только танецъ, но и патріотическое священнодѣйствіе; они предложили императору реставрировать на свой счетъ древнюю резиденцію Польскихъ королей, замокъ Вавель, и превратить его въ императорскій дворецъ, на что императоръ изъявилъ согласіе подъ условіемъ чтобы городъ Краковъ выстроилъ на свой счетъ новыя казармы помѣщавшіяся прежде въ остаткахъ замка. Какъ же было не ликовать Полякамъ и не распѣвать *Jeszcze Polska nie zginęła?*

Императоръ Францъ-Іосифъ не подавалъ Полякамъ повидимому повода къ этой тенденціозной экзальтаціи. Тѣмъ не менѣе, Поляки не только вознеслись въ мечтаніяхъ о своемъ политическомъ возрожденіи по поводу пріѣзда императора, но всячески стараются представить эту поѣздку враждебнымъ шагомъ противъ Россіи. Еще болѣе нежели сами Поляки ликуютъ по поводу этой поѣздки неугомонные въ своей ненависти противъ Россіи венгерскіе органы печати. Послѣдніе, не исключая и офиціозныхъ, стараются доказать что поѣздка въ Галицію есть отвѣтный шахматный ходъ Австріи противъ „новыхъ аггрессивныхъ попытокъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ" (?) и съ жаромъ доказываютъ что возстановленіе Польши есть козырь коимъ Австрія можетъ во всякое время воспользоваться противъ Россіи и тѣмъ парализовать всякую попытку ея противъ Турціи, судьбы которой венгерскіе патріоты ближе всего принимаютъ къ сердцу. Что же касается вѣнской нѣмецкой печати, то чувства ею испытанныя по поводу галиційскихъ празднествъ отличались раздвоенностью. Съ одной стороны органы этой печати также не прочь были запутать Россію польскимъ привидѣніемъ; и они копились тѣмъ что Австрія чувствуетъ себя настолько окрѣпшею, опираясь на могучую поддержку Германіи, что она могла рѣшиться „бросить Россіи этотъ вызовъ." Но съ другой стороны австро-нѣмецкимъ централистамъ совсѣмъ не по нутру политика теперешняго цислейтанскаго кабинета, которая далеко не совпадаетъ съ программой нѣмецкихъ „либераловъ," и вотъ уже два года изыскиваетъ способъ къ удовлетворенію по возможности всѣхъ національныхъ особенностей племенъ входящихъ въ составъ Цислейтаніи, и между прочимъ признала равноправность языковъ въ мѣстныхъ школахъ и судахъ, гдѣ до послѣдняго времени господствовалъ одинъ нѣмецкій языкъ. Не подлежитъ сомнѣнію что поѣздка императора въ Галицію есть скорѣе всего результатъ этой внутренней „примирительной" политики, и что съ Поляками любезничаютъ въ силу тѣхъ же соображеній почему и Чехамъ сдѣланы въ послѣднее время важныя уступки по вопросу о языкѣ. Нѣмецкимъ централистамъ также ненавистны эти попытки въ Галиціи какъ и въ Богеміи. А такъ какъ всякая поблажка Полякамъ въ Галиціи заключаетъ въ себѣ новое притѣсненіе галицкимъ Русскимъ, то и выходитъ такой куріозъ что вѣнскимъ централистскимъ органамъ, проникнутымъ глубокою ненавистью ко всему русскому, приходится брать подъ свое покровительство „Русиновъ" въ то самое время какъ имъ такъ по сердцу приходятся краковскія демонстраціи въ смыслѣ враждебнаго политическаго акта противъ Россіи и такъ напрашиваются обычныя фразы о „преступленіи" Польскаго раздѣла и о возможности для Австріи „блистательно загладить свою вину въ этомъ дѣлѣ" и посредствомъ Польши парализовать свободу дѣйствій Россіи на Востокѣ.

№ 245.

Москва, 3-го сентября.

Сентября 11 (30 августа) въ Берлинѣ сошлись два діаметрально противоположныя извѣстія относительно демонстраціи флотовъ. Депеша изъ Вѣны утверждала что союзная эскадра выйдетъ въ море и направится къ Дульциньйо на слѣдующій день. Другое извѣстіе, отправленное изъ Константинополя чрезъ Лондонъ, при посредствѣ *Агентства Рейтера*, категорически удостовѣряло что по соглашенію между европейскими представителями въ Константинополѣ демонстрація отложена „на нѣсколько дней“ въ виду затрудненій съ которыми сопряжена для Порты передача Дульциньйо.

Правда оказалась на сторонѣ послѣдняго извѣстія; европейская эскадра до сихъ поръ не тронулась съ мѣста въ ожиданіи что движеніе это можетъ и не понадобиться. Вопросъ о передачѣ Дульциньйо приближается однако къ развязкѣ; это подтверждается движеніемъ къ Дульциньйо значительныхъ черногорскихъ силъ, о которомъ телеграфируютъ теперь изъ Рагузы въ *Times*. Для мирнаго занятія добровольно уступаемаго города пять тысячъ Черногорцевъ при трехъ орудіяхъ—силы слишкомъ крупныя, хотя ихъ можетъ-быть и недостаточно чтобы взять укрѣпленный городъ безъ посторонней помощи. На полное содѣйствіе европейскаго флота Черногорцы едва ли могутъ много разчитывать. Правда, адмираламъ предоставлена извѣстная свобода дѣйствій и выбора средствъ, и для исполненія своихъ рѣшеній они не обязаны испрашивать предварительнаго согласія правительствъ, они могутъ въ случаѣ надобности даже бомбардировать Дульциньйо, но имъ „строго“ запрещено свозить десантъ. Возможно что черногорскія войска направленныя теперь къ Дульциньйо предназначены замѣнить этотъ десантъ, дѣйствуя подъ покровительствомъ орудій эскадры, въ томъ случаѣ если Турки предпочтутъ уступить только силѣ.

Но передача Дульциньйо Черногорцамъ только начало конца. За ней должы послѣдовать новые переговоры и можетъ-быть новыя мѣры побужденія Порты исполнить другой приговоръ европейскаго судилища собиравшагося лѣтомъ въ Берлинѣ. И не передача Дульциньйо, а именно этотъ второй коллективный шагъ и опасенія осложненій которыя онъ можетъ вызвать заботятъ дипломатію. Свиданіе князя Бисмарка съ барономъ Гаймерле, возбудившее столько толковъ и догадокъ, объясняется теперь нѣмецкою печатью въ томъ смыслѣ что „событія на Востокѣ приняли такой оборотъ котораго не предвидѣлось и который требуетъ дополнительнаго соглашенія между министрами обоихъ государствъ.“ Такъ выразилась на дняхъ *Кельнская Газета*. „Свиданіе это, спѣшитъ теперь прибавить высокоофиціозное письмо *Политической Корреспонденціи* изъ Парижа, свиданіе это не мало не угрожаетъ европейскому миру и если можетъ заставить кого призадуматься, то только тѣхъ кто замышляетъ воспользоваться событіями на Востокѣ для новыхъ замѣшательствъ.“ Нѣсколько загадочныя выраженія этого офиціознаго письма разъясняются, впрочемъ, берлинскими газетами Такъ на догадки что во Фридрихсруэ были приняты рѣшенія на случай движенія Австрійцевъ къ Митровицѣ, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* не обинуясь отвѣтила замѣчаніемъ что „наступленіе Австрійцевъ едва ли устранимо, если Англія въ пользу греческихъ, а Россія въ пользу болгарскихъ стремленій обнажатъ мечъ.“ Это заявленіе близкаго имперскому канцлеру органа, замѣчаетъ берлинскій корреспондентъ *Кельнской Газеты*, „весьма замѣчательно.“ Въ томъ же духѣ высказываются и другія, болѣе независимыя нѣмецкія изданія, а *Магдебургская Газета* замѣчаетъ даже что въ Берлинѣ весьма озабочены признаками явнаго сближенія между Парижемъ и Лондономъ, а слѣдовательно и Петербургомъ.

Эти разъясненія даютъ настоящую окраску словамъ *Политической Корреспонденціи*, которыя сами по себѣ не что иное какъ буквальное повтореніе того что писалось въ нѣмецкихъ газетахъ прошлою осенью, когда состоялось извѣстное вѣнское соглашеніе: и тогда какъ теперь печать Австріи и Германіи настойчиво твердила что сближеніе между этими государствами есть „залогъ мира,“ и что оно „никому не угрожаетъ.“ Замѣчательно, однако, что именно съ прошлой осени въ военныхъ кругахъ Берлина и Вѣны обнаруживается усиленная дѣятельность по реорганизаціи и усиленію войскъ и по ихъ перевооруженію. Австрія обратила особен-

ное вниманіе на устройство своего обоза, который будто бы неотложно требовалъ улучшеній, и на усовершенствованіе ружей Вердля которыми вооружены ея войска. Въ настоящее время, передѣлка ружей въ полномъ ходу, несмотря на то что она требуетъ значительныхъ расходовъ. Въ новомъ видѣ австрійское ружье значительно превосходитъ по своимъ достоинствамъ принятое во Франціи ружье системы Гра. Въ Берлинѣ, ссылаясь на возможность такой политической случайности когда потребуется повернуть фронтъ одновременно на двѣ стороны, къ западу и къ востоку, озаботились усилить численный составъ арміи, сформировавъ нѣсколько новыхъ полковъ и улучшивъ систему пополненія убыли въ военное время. Теперь тамъ спѣшатъ ввести приборъ обращающій ружье Маузера, въ случаѣ надобности, въ магазинное. Не менѣе заботливости Германія обнаружила и въ дѣлѣ усиленія своего флота и укрѣпленія своего побережья, особенно военныхъ гаваней. Планъ устройства германскаго флота, правда, еще не исполненъ окончательно; но состояніе морской силы доведено уже до той степени что императоръ могъ на дняхъ высказать свое полное удовольствіе морскому министерству. Особенно замѣчательны были произведенныя нынѣшнимъ лѣтомъ опыты съ минами Уайтхеда, начатые теперь и у насъ.

Инженерное вѣдомство уже оканчиваетъ свои работы въ Альзасъ-Лотарингіи и на восточныхъ границахъ, гдѣ крѣпости приведены въ состояніе вполнѣ отвѣчающее требованіямъ современнаго военнаго искусства.

Примѣръ поучительный для сосѣдей...

№ 246.

Москва, 4-го сентября,

Едва ли можетъ подлежать спору что изданіемъ Положенія 19 февраля сдѣлано не все что̀ предполагалось сдѣлать для улучшенія быта крестьянъ. Крестьяне вышли изъ крѣпостной зависимости и получили земельные надѣлы. Но помимо этого, при самомъ обсужденіи Положенія, признавался необходимымъ рядъ другихъ мѣръ къ улучшенію крестьянскаго быта, каковы измѣненіе податной системы, организація вызываемыхъ экономическими условіями переселеній изъ однѣхъ мѣстностей въ другія, изданіе сельскихъ уставовъ, устраненіе тягостей паспортной системы. Принять всѣ эти мѣры разомъ, одновременно съ изданіемъ Положенія, было бы слишкомъ трудно; ихъ по необходимости пришлось отсрочить. Всѣ силы были устремлены на рѣшеніе главной задачи. Но послѣ того какъ эта задача рѣшена, мысль естественно должна была перейти къ тому что̀ еще не сдѣлано, что̀ еще предстоитъ сдѣлать. Помимо мѣръ намѣченныхъ при самомъ составленіи Положенія, въ 19 лѣтъ истекшихъ со времени его изданія, не могли не обозначиться, при новыхъ условіяхъ жизни, разные другіе пробѣлы реформы, требующіе дополненія. Все это должно было вновь возбудить вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго быта. Вопросъ этотъ дѣйствительно возникъ, и уже не мало времени съ большимъ жаромъ обсуждается въ печати. Главная тема посвященныхъ ему статей—недостаточность того что̀ сдѣлано для улучшенія крестьянскаго быта. Къ сожалѣнію, сужденія по этому предмету приняли крайне односторонне, тенденціозное и пессимистическое направленіе. Главное вниманіе обращается не на пробѣлы законодательства которые слѣдуетъ пополнить, а на состоявшіяся безповоротно рѣшенія. Все что̀ въ экономическомъ бытѣ представляется неудовлетворительнымъ сводится со всевозможными натяжками къ одной общей причинѣ — недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, къ аграрному вопросу, который разъ навсегда рѣшенъ Положеніемъ 19 февраля. Обсуждаемый только съ этой предвзятой точки зрѣнія, вопросъ о бытѣ крестьянъ нисколько не разъясняется, и всѣ вошедшіе въ моду толки о бѣдственномъ положеніи въ которое будто бы пришла страна послѣ освобожденія крестьянъ, нисколько не помогаютъ улучшенію ихъ быта. Тѣмъ бо́льшаго вниманія заслуживаютъ тѣ изрѣдка появляющіяся статьи въ которыхъ положеніе сельскаго люда обсуждается безъ предвзятыхъ мыслей, и которыя имѣютъ цѣлію безпристрастное указаніе того что̀ можетъ быть легко сдѣлано въ видахъ устраненія вредныхъ и созданія благопріятныхъ для крестьянскаго быта условій. Къ числу такихъ статей относится, между прочимъ, помѣщенная въ вышедшей на дняхъ августовской книжкѣ *Русскаго*

Вѣстника статья г. П. В. „Крестьянское дѣло и его современная постановка."

Авторъ равно чуждъ какъ пессимистическихъ, такъ и оптимистическихъ воззрѣній. Практически знакомый съ бытомъ деревенскаго населенія разныхъ мѣстностей, особенно въ нечерноземной полосѣ, онъ не отрицаетъ что въ періодъ истекшій со времени освобожденія многіе крестьяне и во многихъ мѣстностяхъ дѣйствительно обѣднѣли, но не находитъ возможнымъ признать чтобъ это обѣднѣніе было общимъ явленіемъ. Равнымъ образомъ, онъ не находитъ возможнымъ допустить чтобъ обѣднѣніе крестьянъ, тамъ гдѣ оно замѣчается, произошло вообще отъ недостаточности надѣловъ. Во всѣхъ толкахъ объ этой недостаточности кроется фальшь. Въ Положеніи 19 февраля сказано, между прочимъ, что „земля дается крестьянамъ для обезпеченія ихъ быта и повинностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ." Этимъ словамъ придаютъ тотъ смыслъ будто доходъ съ надѣла долженъ давать крестьянину вполнѣ достаточныя средства и для его содержанія, и для уплаты всѣхъ податей и сборовъ, со включеніемъ выкупныхъ платежей. И какъ только оказывается что крестьянинъ не можетъ жить *единственно* своимъ надѣломъ, то и заключаютъ отсюда о недостаточности надѣла. Но подобнаго значенія надѣлы не имѣютъ. Надѣлъ служитъ важнымъ обезпеченіемъ крестьянскаго быта, но при условіи приложенія труда также и внѣ этого надѣла. Что не отъ недостаточности надѣловъ происходятъ вообще тѣ случаи обѣднѣнія крестьянъ, о которыхъ идетъ рѣчь, это явствуетъ уже изъ одного того что при совершенно одинаковыхъ размѣрахъ надѣла, въ одномъ и томъ же селѣ одни дворы богатѣютъ, между тѣмъ какъ другіе приходятъ въ упадокъ. Не въ надѣлѣ стало-быть суть дѣла, а въ иныхъ обстоятельствахъ. На эти-то обстоятельства и слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

Степень благосостоянія крестьянъ зависитъ вообще отъ находящихся въ ихъ распоряженіи средствъ обрабатывать свои надѣлы и находить затѣмъ выгодное помѣщеніе для избытка своихъ рабочихъ силъ, которыхъ у крестьянина, какъ въ нечерноземной такъ и въ черноземной полосѣ, всегда болѣе чѣмъ нужно для обработки надѣла. Эти средства конечно не одинаковы и не могутъ быть одинаковы. Но есть *minimum* такихъ средствъ при которыхъ разореніе крестьянскаго хозяйства становится неизбѣжнымъ, при которыхъ надѣлъ теряетъ для него значеніе вслѣдствіе невозможности его обрабатывать, по крайней мѣрѣ одинаково съ другими. Разъ обезсилѣвъ, ставъ напримѣръ безлошаднымъ, крестьянскій дворъ рѣдко имѣетъ возможность оправиться. Будетъ ли это послѣдствіемъ пьянства, лѣни, семейныхъ раздѣловъ или несчастныхъ случайностей, результатъ одинъ и тотъ же: обезсилѣвшій дворъ надолго становится несостоятельнымъ. Не допускать крестьянъ приходить въ это состояніе рабочаго безсилія, вотъ что всего нужнѣе для подъема крестьянскаго благосостоянія. Изъ отзывовъ самихъ крестьянъ, справедливость коихъ подтверждена сдѣланными изслѣдованіями, оказывается что не столько подати обезсиливаютъ крестьянъ, сколько различныя случайности разстраивающія ихъ земледѣльческое хозяйство, каковы неурожаи, падежи скота, болѣзни самихъ крестьянъ и т. п. Всѣ эти случайности бывали всегда, бывали конечно и въ эпоху крѣпостнаго права. Но тогда они не вели къ такимъ печальнымъ результатамъ какъ теперь; крестьяне скорѣе и легче поправлялись; помѣщикъ въ собственныхъ интересахъ не давалъ упадать крестьянину, не допускалъ доходить его до того что ему нечѣмъ взяться за его дѣло. На это обстоятельство г. П. В. обращаетъ особенное вниманіе. „Отдавать преимущество крѣпостному порядку предъ нынѣшнимъ," говоритъ онъ, „разумѣется нельзя, тѣмъ болѣе нельзя отрицать что бытъ множества крестьянъ все-таки улучшился. Но въ то же время нельзя не замѣтить пробѣла въ нашемъ земельномъ устройствѣ, выражающагося въ отсутствіи такихъ учрежденій которыя могли бы замѣнить благоразумнаго помѣщика поддерживающаго крестьянъ въ ихъ борьбѣ съ несчастными случайностями, такъ тяжко отзывающимися на ихъ скромномъ хозяйственномъ бюджетѣ." Подобныя учрежденія, еслибъ ихъ удалось организовать, могли бы уменьшить вредное вліяніе на крестьянское хозяйство не только несчастныхъ случайностей, но и болѣе постоянныхъ причинъ ведущихъ къ разоренію, то есть лѣни и пьянства, на которыя такъ горько жаловались гласные изъ крестьянъ въ прошлогоднюю осеннюю сессію Московскаго уѣзд-

наго земскаго собранія. Помощью такихъ учрежденій, вѣроятно, могли бы быть устранены и тѣ печальные результаты какими сопровождается часто ревность не по разуму при взысканіи податей и недоимокъ, когда цѣной временной очистки недоимокъ плательщики превращаются въ хроническихъ недоимщиковъ.

Обѣднѣніе крестьянъ какъ результатъ обезсиленія крестьянскихъ дворовъ, вотъ существеннѣйшій выводъ какой дѣлаетъ г. П. В. относительно нечерноземной полосы. Другой его выводъ, подтверждаемый изслѣдованіями слѣланными въ Московской и Тверской губерніяхъ, тотъ что при всемъ значеніи промысловъ для населенія этихъ губерній, земледѣліе, обработка своихъ надѣловъ, все-таки и здѣсь служитъ главнымъ средствомъ поддержки крестьянскаго быта. Гдѣ земледѣліе въ упадкѣ, гдѣ крестьяне, обезсилѣвъ, бросаютъ свои земли,—а процентъ такихъ брошенныхъ ими земель довольно великъ,—тамъ встрѣчаются непокрытые дома, дѣти остаются безъ молока и вымираютъ, и наоборотъ благосостояніе крестьянъ растетъ гдѣ они не отвращаются отъ земледѣлія, гдѣ они устояли противъ обезсиливающихъ ихъ случайностей и вредныхъ примѣровъ.

Не лишены также интереса замѣчанія дѣлаемыя авторомъ о накопленіи недоимокъ въ выкупныхъ платежахъ за надѣлы. Эти недоимки вообще довольно велики, но онѣ много ниже тѣхъ какія ожидались при составленіи плана выкупной операціи. Разчитанная на 37 лѣтъ, уплата выкупной ссуды была опредѣлена 49-лѣтнимъ срокомъ, именно въ ожиданіи крупныхъ недоимокъ. Между тѣмъ поступленіе выкупныхъ платежей, идущее въ послѣдніе годы много успѣшнѣе чѣмъ въ первое время выкупной операціи, почти совпадаетъ съ окладомъ почему въ распоряженіи Государственнаго Казначейства накопился свободный остатокъ суммъ по выкупной операціи въ 38 милліоновъ рублей, остатокъ съ каждымъ годомъ возрастающій. Такой ходъ выкупной операціи прямо опровергаетъ распространяемыя мнѣнія объ общемъ упадкѣ и обѣднѣніи крестьянъ. Но въ то же время нельзя отрицать что для нѣкоторыхъ мѣстностей выкупные платежи слишкомъ высоки, такъ что самое накопленіе недоимокъ является тамъ результатомъ размѣра платежей, помимо случайныхъ и временныхъ причинъ подрывающихъ экономическія силы населенія. Необходимость пониженія выкупныхъ платежей въ такихъ мѣстностяхъ не можетъ подлежать сомнѣнію, и такая мѣра представляется тѣмъ болѣе справедливою что въ нечерноземной полосѣ выкупная стоимость душеваго оброка опредѣлена безъ отношенія къ цѣнности и доходности земли перешедшей въ собственность крестьянъ. Образовавшійся отъ выкупной операціи крупный остатокъ свободныхъ суммъ, по заслуживающему полнаго вниманія замѣчанію г. П. В., могъ бы быть употребленъ на облегченіе платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ они чрезмѣрны, или еще лучше на кредитныя пособія крестьянамъ, которыя, при условіи правильной выдачи, значительно увеличатъ ихъ платежныя средства. Еслибы помощію такихъ ссудъ удалось достигнуть подъема крестьянскихъ хозяйствъ упавшихъ отъ случайныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, побудивъ ихъ и давъ имъ средства обрабатывать запущенные земельные надѣлы, это не замедлило бы повести къ самымъ благопріятнымъ результатамъ. Поднялось бы благосостояніе не только тѣхъ кому такимъ образомъ была бы оказана прямая помощь, но ихъ сосѣдей, ибо, какъ оказывается по сдѣланнымъ наблюденіямъ, запущенныя полосы оказываютъ очень вредное вліяніе и на производительность сосѣднихъ, обрабатываемыхъ, полосъ пашни.

№ 247.

Москва, 6-го сентября.

Международное Телеграфное Агентство распространило вчера „пикантное" извѣстіе, которое не можетъ быть понятно безъ комментарій: Г. Ваддингтонъ, бывшій въ прошедшемъ году французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, вызвалъ на дуэль г. фонъ-Варнбюлера, виртембергскаго уполномоченнаго въ союзномъ совѣтѣ Германской имперіи и депутата Германскаго рейхстага. Въ телеграммѣ приведенъ поводъ къ вызову; но для знающихъ въ чемъ дѣло это объясненіе очевидно ошибочно. Въ этой телеграммѣ сказано что поводомъ къ вызову послужило „обвиненіе Варнбюлеромъ Ваддингтона будто послѣдній разоблачалъ сдѣланныя Россіей предложенія относительно участія французской эскадры въ коллективной демонстраціи флотовъ."

Французскій флотъ принимаетъ участіе въ готовящейся коллективной демонстраціи флотовъ на основаніи общаго соглашенія всѣхъ державъ. Этотъ фактъ явный и у всѣхъ на виду и стало-быть не можетъ быть рѣчи о какихъ-то тайныхъ предложеніяхъ по этому поводу. Г. Ваддингтонъ теперь не министръ и потому не могъ бы ничего открывать изъ переговоровъ послѣднихъ дней. Г. Варнбюлеръ, сколько извѣстно, ни въ чемъ подобномъ г. Ваддингтота не обвинялъ. Но г. Варнбюлеръ дѣйствительно говорилъ недавно публично о г. Ваддингтонѣ и возвелъ на него не шуточное обвиненіе имѣющее отношеніе къ Россіи, и нѣтъ сомнѣнія что г. Ваддингтонъ именно по этому поводу послалъ свой вызовъ виртембергскому министру. Дѣло вотъ въ чемъ:

Г. Варнбюлеръ стоитъ, какъ извѣстно, во главѣ протекціонистской партіи образовавшейся два года тому назадъ въ Германіи, и онъ былъ правою рукой князя Бисмарка при проведеніи лѣтомъ прошедшаго года извѣстныхъ таможенныхъ законовъ въ рейхстагѣ. Экономическое преобразованіе начатое въ прошедшемъ году далеко еще не кончено, и въ ближайшую сессію германскаго парламента предстоитъ внесеніе цѣлаго ряда новыхъ законопроектовъ въ томъ же духѣ строгаго покровительства отечественному производству. Приверженцы и противники новой системы уже начали свою дѣятельную агитацію по этому поводу въ странѣ, и общественное мнѣніе въ Германіи весьма чутко прислушивается къ толкамъ объ экономическихъ вопросахъ, которые при теперешнемъ бѣдственномъ положеніи выдвинулись на первый планъ, такъ что и вопросы „высшей“ политики интересуютъ главнымъ образомъ насколько съ ними связаны виды на облегченіе экономическихъ тяжестей. Такого рода рѣчь произнесъ недавно и г. Варнбюлеръ предъ своими избирателями въ Лудвигсбургѣ (въ Виртембергѣ), и въ виду той выдающейся роли которую ораторъ играетъ въ дѣлѣ экономическихъ реформъ, рѣчь эта обратила на себя всеобщее вниманіе въ Германіи. Г. Варнбюлеръ говорилъ главнымъ образомъ объ успѣхѣ какой, по его мнѣнію, уже достигнутъ прошлогодними реформами и о новыхъ мѣрахъ которыя еще остается предпринять. Подъ конецъ же, дабы доказать своимъ слушателямъ какъ необходимо усилить средства имперскаго правительства, онъ пустился въ политическія разсужденія и старался убѣдить ихъ въ томъ что принятый прошедшею осенью законъ объ усиленіи громадной арміи, вопервыхъ, сталъ возможенъ лишь благодаря таможенной реформѣ, и вовторыхъ, что усиленіе это было рѣшительно необходимо въ виду политическаго положенія прошедшаго года, которое г. Варнбюлеръ, согласно *Швабскому Меркурію*, главному органу германскихъ протекціонистовъ, изобразилъ слѣдующимъ образомъ:

При внесеніи военнаго законопроекта прошедшей осени было *офиціально* доказано, по словамъ г. Варнбюлера, что въ разстояніи двухъ часовъ отъ германской границы, по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, Россія держала наготовѣ огромную армію; майоръ саксонской службы фонъ-Трельгъ издалъ тогда спеціальную карту расположенія русскихъ войскъ, изъ которой было видно что 300-тысячная русская армія можетъ въ теченіе трехъ дней вторгнуться въ Германію у Бреславля. Вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалъ г. Варнбюлеръ, стало извѣстно что „Россія предложила Франціи заключить съ нею наступательный союзъ противъ Германіи и немедленно оный осуществить, за то что Германія допустила чтобъ Австрія заняла Боснію и Герцеговину.“ Это предложеніе Россіи было де послано въ Парижъ, а тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ (г. Ваддингтонъ) препроводилъ оное къ князю Бисмарку въ Гастейнъ. Князь Бисмаркъ тотчасъ прервалъ свое лѣченіе и отправился въ Вѣну, гдѣ и заключилъ извѣстный (въ дѣйствительности никому неизвѣстный) союзъ съ Австріей. Французскій министръ сообщавшій князю Бисмарку о предложеніи Россіи былъ затѣмъ свергнутъ г. Гамбеттой, а нынѣ, послѣ шербургской рѣчи послѣдняго, Германія знаетъ де чего ей слѣдуетъ ожидать отъ будущаго правительства г. Гамбетты. Сообщеніе г. Ваддингтона, по словамъ г. Варнбюлера, имѣло своимъ послѣдствіемъ не только заключеніе союза съ Австріей, но и дополненіе къ военному закону, въ силу котораго Германія можетъ теперь выставить въ поле на 300.000 солдатъ болѣе нежели прежде. Г. Варнбюлеръ думаетъ что какъ бы ни были тяжелы жертвы приносимыя для этого, но въ виду обнаружившейся опасности, раскрытіемъ которой Германія обязана г. Ваддингтону, каждый нѣмецкій па-

тріотъ долженъ съ полною готовностью поддержать тѣ мѣры кои даютъ правительству средства на такое усиленіе оборонительныхъ средствъ Германіи.

Понятно какую сенсацію подобное „разоблаченіе“ должно было произвести во Франціи. Газета *Télégraphe*, слывущая офиціознымъ органомъ теперешняго Французскаго кабинета, поспѣшила заявить что г. Ваддингтонъ никогда не сообщалъ князю Бисмарку ни о какихъ предложеніяхъ Россіи, и что Россія никакого предложенія относительно союза противъ Германіи Франціи не дѣлала. Но разнузданная печать французскихъ радикаловъ, обрадовавшись возможности лягнуть умѣренныхъ республиканцевъ, этимъ не довольствовалась. *Mot d'ordre*, газета Рошфора, стала доказывать что тотъ фактъ о которомъ гласно заявилъ г. Варнбюлеръ есть не что иное какъ государственная измѣна. „Страна ожидаетъ отъ г. Ваддингтона объясненій,“ восклицалъ г. Рошфоръ. И вотъ г. Ваддингтонъ, очевидно выведенный изъ терпѣнія инсинуаціями радикаловъ, рѣшился выступить на арену и не довольствуясь опроверженіемъ на словахъ того что сообщилъ о немъ публично виртембергскій министръ, а можетъ-быть вслѣдствіе несогласія послѣдняго взять назадъ свое „разоблаченіе,“ вызвалъ г. Варнбюлера на дуэль. Но и въ самой Германіи разоблаченіе г. Варнбюлера не только не было принято на вѣру, но было встрѣчено солидными органами печати съ порицаніемъ. Берлинская *Національная Газета* стала доказывать, на основаніи общеизвѣстныхъ фактовъ, что все разказанное г. Варнбюлеромъ есть чистая выдумка, пущенная въ ходъ съ цѣлью поддержанія той экономической агитаціи въ пользу новыхъ проектируемыхъ налоговъ которою заправляетъ г. Варнбюлеръ. *Національная Газета* очень рѣзко порицала такой способъ агитаціи и хотя она не назвала прямо князя Бисмарка, порицаніе этой газеты очевидно относилось и къ нему. По этому поводу завязалась полемика между названною газетой и офиціозною *Почтой*. Послѣдняя, хотя и не удостовѣрила прямо что сообщенное г. Варнбюлеромъ согласно съ истиной, но опровергала доводы *Національной Газеты*, доказывавшей полную невѣроятность разказа г. Варнбюлера. *Національная Газета*, съ своей стороны, не осталась въ долгу, и слѣдующими мѣткими словами охарактеризовала всю нелѣпость разказа: „Если вѣрить *Почтѣ*, то дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: Россія выдала Германію г. Ваддингтону; г. Ваддингтонъ выдалъ Россію князю Бисмарку; князь Бисмаркъ выдалъ тайну г. Ваддингтона г. Варнбюлеру; г. Варнбюлеръ выдалъ секретъ князя Бисмарка своимъ землякамъ въ Людвигсбургѣ, а *Швабскій Меркурій* все это разгласилъ на весь міръ и обогатилъ всемірную исторію новою сенсаціонною страницей.“

Любопытно какъ г. Варнбюлеръ отвѣтитъ на вызовъ г. Ваддингтона, и выиграетъ ли что-либо отъ всего этого эпизода историческая правда. Но берлинская газета, отославшая съ самаго начала разказъ г. Варнбюлера въ область тенденціозной басни, упустила лишь то изъ виду что въ словахъ г. Варнбюлера не все было миѳомъ. 300.000 Русскихъ готовыхъ ринуться на Германію, это выдумка; но 300.000 „лишнихъ“ германскихъ солдатъ о конхъ также упомянулъ г. Варнбюлеръ совсѣмъ не миѳъ.

И самая рѣчь бывшаго виртембергскаго министра-президента тоже не миѳъ и то что берлинская офиціозная газета старалась поддержать впечатлѣніе на которое она была разчитана, есть также фактъ имѣющій весьма реальное значеніе. Съ этой именно точки зрѣнія взглянули на дѣло въ Вѣнѣ. Тамошняя печать тоже не вѣритъ въ истину раскрытій г. Варнбюлера. „Но,“ прибавляетъ *Венская Всеобщая Газета*, „хотя разказанное г. Варнбюлеромъ и неправда, важно то что онъ это разказываетъ.“

Для вѣнскихъ газетъ эта намѣренная ложь важна. Можетъ-быть и такъ. Во всякомъ случаѣ эти выдумки не новы. Ровно годъ тому назадъ, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* трубила тревогу по поводу скопленія русскихъ войскъ близъ германской границы, и та самая карта на которую ссылался г. Варнбюлеръ была издана тогда же и выставлена въ зданіи рейхстага когда послѣдній собрался для обсужденія новаго военнаго закона. Результатъ былъ тотъ что германская армія увеличилась на 300.000 человѣкъ.

Но зачѣмъ теперь понадобилось подогрѣть прошлогоднюю басню?

№ 248.

Москва, 6-го сентября.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Кельнской Газеты*, отъ 14 (2) сентября, на обычномъ мѣстѣ, находимъ небольшое письмо берлинскаго корреспондента. Ни по формѣ, ни по тону изложенія письмо это не выдается изъ массы того что̀ приходится почти ежедневно читать въ этой завѣдомо туркофильской и недоброжелательной къ Россіи газетѣ. И однако берлинская офиціозная печать обратила на это письмецо особенное вниманіе какъ на весьма будто бы удачную характеристику европейскаго концерта. Офиціозная газета *Post* сочла даже нужнымъ in extenso воспроизвести замѣтку берлинскаго корреспондента *Кельнской Газеты*, получившую такимъ образомъ уже нѣкоторый интересъ и для насъ.

„Весьма дружественный и теплый пріемъ австрійскаго наслѣднаго принца въ Берлинѣ, заключаетъ эта замѣтка, характеризуетъ настоящее политическое положеніе.“ Принцъ Вильгельмъ, будущій наслѣдникъ Германскаго престола, состоитъ де въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ эрцгерцогомъ Рудольфомъ, съ которымъ сближаетъ его и сходство лѣтъ. Послѣ этого вступленія, корреспондентъ рѣзко поворачиваетъ прямо къ дѣлу. Извѣстно, говоритъ онъ, что Австрія и Германія весьма тѣсно связаны между собою по Восточному вопросу. Нельзя де ручаться за справедливость извѣстія будто Берлинскій кабинетъ опредѣленно заявилъ въ петербургѣ и Лондонѣ что Германія съ Австріей не потерпятъ возбужденія новыхъ замѣшательствъ на Востокѣ подъ филантропическими предлогами. Но можно де удостовѣрить что настроеніе въ нашихъ правительственныхъ сферахъ именно таково. За этими словами слѣдуютъ доводы ихъ вызвавшіе. Россія, конечно, слѣдуетъ де только своей всегдашней, „каждому ребенку извѣстной политикѣ,“ пользуясь всякимъ предлогомъ расшатывать Турцію и ускорять ея распаденіе. „Но нельзя де не пожалѣть что и Англія, руководимая гг. Гладстономъ и Чарлзомъ Дикомъ, забывъ свои традиціи, пошла тѣмъ же путемъ. Конечно Черногорцы храбры какъ и всѣ горцы: никто не препятствуетъ г. Гладстону восторгаться ихъ геройствомъ, хотя одинъ изъ англійскихъ еженедѣльныхъ листовъ и утверждаетъ что каждый Черногорецъ достигшій шестнадцатилѣтняго возвраста есть по европейскимъ понятіямъ разбойникъ и висѣльникъ. Рѣчь идетъ де теперь не о нравственныхъ качествахъ этого *интереснаго народца*, а о сохраненіи достигнутаго съ такимъ трудомъ спокойствія на Востокѣ и „было бы даже очень дурно еслибы спокойствіе Европы было нарушено ради того что г. Гладстону угодно настаивать на удовлетвореніи мельчайшихъ желаній Черногорскаго князя.“ Послѣ этихъ словъ, какъ бы спохватясь что по офиціознымъ извѣстіямъ Черногорскій вопросъ близится къ благополучной мирной развязкѣ, въ ожиданіи которой, какъ утверждаетъ теперь *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, бездѣйствуетъ союзный флотъ, корреспондентъ заговариваетъ о будущемъ Черногорскаго вопроса. Положимъ что угрозамъ державъ безо всякаго кровопролитія удастся подчинить „господству русскаго сатрапа въ Цетиньѣ“ населеніе явно того не желающее, то спрашивается еще сможетъ ли Черногорія удержать за собою пріобрѣтенныя области и подавить волненія? Сужденія свои *Кельнская Газета* заключаетъ такими словами: „вообще бѣда въ томъ что Англія, считавшаяся до сихъ поръ опорой охранительной политики на Востокѣ, заколебалась, и что ея политика зависитъ теперь отъ настроеній г. Гладстона окруженнаго разными русскими господами и госпожами. Говорятъ что Парижъ въ послѣднее время сблизился съ Лондономъ. Напротивъ, Италія, послѣ опыта по дѣламъ Туниса, склонна примкнуть къ Австріи и Германіи. Поживемъ увидимъ.“

Не выразила ли *Кельнская Газета* только съ большею опредѣленностью и со свойственною ей туркофильскою окраской тѣ же самыя мысли которыя на дняхъ высказывались всею офиціозною печатью Берлина и Вѣны? На дняхъ еще *Политическая Корреспонденція* замѣтила что сдѣлка, состоявшаяся при свиданіи барона Гаймерле съ княземъ Бисмаркомъ можетъ „заставить призадуматься тѣхъ кто замышляетъ воспользоваться событіями на Востокѣ для новыхъ замѣшательствъ.“ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, слывущая личнымъ органомъ германскаго канцлера, объяснила это загадочное за-

мѣчаніе сказавъ что Австрія должна будетъ двинуться къ Митровицѣ, „если Англія въ пользу греческихъ, а Россія въ пользу болгарскихъ стремленій обнажатъ мечъ.“ Было довольно ясно уже изъ этихъ словъ, о чемъ шла рѣчь при свиданіи между Гаймерле и Бисмаркомъ, и въ чемъ заключалось новое изданіе прошлогодняго вѣнскаго уговора. Теперь *Кельнская Газета* принимаетъ на себя ручательство за достовѣрность того факта что Австрія съ Германіей если еще не заявили, то могутъ заявить что онѣ не потерпятъ де никакого шага на Востокѣ при устанавливающихся отношеніяхъ между Парижемъ, Лондономъ и Петербургомъ. Воспроизведеніе такого ручательства въ официозныхъ газетахъ есть подтвержденіе его справедливости, а если такъ, то получаютъ совсѣмъ иное значеніе и переговоры съ Румыніей, и посылка въ Турцію нѣмецкихъ офицеровъ и чиновниковъ, возбуждавшая въ свое время догадки о возможности нѣкоторой сдѣлки между Германіей и Портой. Получаютъ особый вѣсъ и вновь возникшіе толки о попыткахъ привлечь Италію къ Австро-Германскому соглашенію. Любопытно что еще лѣтомъ, именно въ то время когда только что зашла рѣчь о способахъ исполненія рѣшеній Берлинской конференціи по греческому вопросу, вѣнскія газеты говорили что соглашеніе между Италіей и Австріей вполнѣ возможно при нѣкоторыхъ обоюдныхъ уступкахъ. Поворотъ былъ рѣзкій: почти накапунѣ, во время засѣданій, конференціи шла рѣчь что Италія намѣрена „ловить рыбу въ мутной водѣ“ на Востокѣ. Какая-то сильная рука вдругъ замирила прежнюю вражду между Австріей и Италіей, устранила взаимное недовѣріе, и рѣзче обрисовались двѣ политическія группы на которыя готовъ распасться европейскій концертъ, хотя о незыблемости его съ такимъ жаромъ толковали лѣтомъ австрійскія и берлинскія газеты.

Еще недавно можно было думать что восточная политика г. Гладстона есть не болѣе какъ отголосокъ избирательнаго маневра, и что не пройдетъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ какъ Англія, не встрѣчая достаточно единодушной и искренней поддержки со стороны прочихъ державъ, снова приметъ на Босфорѣ маску графа Биконсфильда. И въ самомъ дѣлѣ: такъ ли перемѣнились дѣла чтобы не возможно было представить себѣ новый поворотъ британскаго фронта? Но не давняя рѣчь г. Гладстона въ палатѣ общинъ показываетъ что политика Англіи на Востокѣ дѣйствительно вышла изъ своей старой колеи.

Г. Гладстонъ, ставшій особенно популярнымъ со времени своей послѣдней болѣзни, былъ встрѣченъ 4 сентября всеобщими продолжительными рукоплесканіями. Рѣчь его была вызвана заявленіями нѣсколькихъ ораторовъ оппозиціи.

„Если вы убѣдите Турцію, говоритъ г. Гладстонъ, что первою необходимостію на Востокѣ вы считаете сохраненіе турецкаго господства, не взирая на способы которыми оно проявляется, тогда вся ваша любовь къ національностямъ, все ваше желаніе реформъ, вся ваша гуманность и филантропія, искренность которыхъ я отнюдь не хочу ни на минуту заподозрить, окажутся напрасными въ глазахъ Турецкаго правительства. На этомъ основаніи были построены всѣ дѣйствія державъ въ періодъ Парижскаго трактата. Тогда разсуждали такъ: мы будемъ рекомендовать реформы и пользоваться всякимъ средствомъ въ нашей власти чтобы склонить Турцію ко введенію послѣднихъ. Но это введеніе реформъ должно содѣйствовать сохраненію неприкосновенности Турецкой имперіи. Не было ли чистымъ фарсомъ когда Европа все рекомендовала Турціи реформы, а сама говорила ей такъ: не вѣрьте, пожалуста, тому что мы говоримъ о реформахъ; это предметъ второстепенный: сохранить васъ тамъ гдѣ вы находитесь вотъ наша главная цѣль. Теперь же произошла перемѣна. Оттоманское правительство, хотя и замѣчаетъ что мы искренно стараемся избѣжать затрудненій и осложненій которыя повлечетъ за собою паденіе Турецкой имперіи, видитъ однако что отнынѣ въ нашихъ глазахъ сносное исполненіе обязанностей правительства по отношенію къ подданнымъ будетъ уже не вторымъ, а первымъ предметомъ, а также что если Турція не приготовилась исполнить эти обязанности сносимъ образомъ, чему къ сожалѣнію мы не имѣемъ еще убѣдительныхъ доказательствъ, то неприкосновенность и независимость Турецкой имперіи должны будутъ сами заботиться о себѣ.“ (*Громкія рукоплесканія*).

Рѣчь г. Гладстона интересна и въ другомъ отношеніи. Вотъ что сказалъ онъ о

Черногорцахъ: „Я слушалъ съ величайшею скорбью выраженія въ которыхъ членъ палаты отъ Ньюкасля говорилъ о Черногорцахъ, этомъ самомъ геройскомъ народѣ Европы. Онъ осмѣиваетъ ихъ страну, называя ее безплодною. Почему же она безплодна? Потому что это самое храброе изо всѣхъ восточныхъ племенъ предпочло пожертвовать своимъ имуществомъ, удалиться въ горы и удерживать тамъ свои уединенныя укрѣпленія въ то время какъ Оттоманское владычество все опустошало вокругъ."

№ 251.

Москва, 9-го сентября.

Возвращаемся къ статьѣ г. Д. В. *) „Крестьянское дѣло и его современная постановка," по поводу коей было сказано нами нѣсколько словъ въ № 246 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Говоря о существующихъ условіяхъ крестьянскаго быта и хозяйства, о томъ что въ этихъ условіяхъ представляется непормальнымъ и на что должно быть обращено особенное вниманіе, г. Д. В. проводитъ рѣзкую черту между тѣмъ что требуется интересами населенія различныхъ полосъ Россіи, черноземной и нечерноземной. Различія въ условіяхъ тутъ, дѣйствительно, такъ велики что мѣры которыя несомнѣнно были бы благодѣтельны для одной мѣстности могутъ вовсе не оказаться таковыми для другой, и наоборотъ. Если же взять въ разчетъ что и въ предѣлахъ одной и той же полосы, на пространствѣ одной губерніи, даже одного уѣзда, условія крестьянскаго быта часто бываютъ весьма неодинаковы, нельзя не согласиться съ авторомъ что мѣры къ подъему крестьянскаго хозяйства не должны быть плодомъ субъективныхъ фантазій кабинетныхъ сочинителей, склонныхъ все обобщать, а должны быть результатомъ изученія вопроса во всѣхъ его развѣтвленіяхъ на мѣстѣ.

Это не значитъ, конечно, чтобы въ условіяхъ быта крестьянъ разныхъ мѣстностей не было ничего общаго. Земельный надѣлъ составляетъ основное условіе обезпеченія крестьянскаго быта какъ въ черноземной, такъ и въ нечерноземной полосѣ. Но значеніе земли и земледѣльческаго труда для крестьянина тутъ и тамъ не совсѣмъ одинаково. Земледѣльческій трудъ и въ нечерноземной полосѣ служитъ важною поддержкой крестьянскаго быта; и въ промысловыхъ губерніяхъ благосостояніе крестьянъ растетъ преимущественно тамъ гдѣ они не отвращаются отъ земледѣлія; но это благосостояніе зиждется не на одномъ земледѣліи; помимо его они находятъ обильныя средства къ жизни въ промыслахъ и сторонихъ заработкахъ, и часто трудно бываетъ рѣшить, въ чемъ, въ этихъ заработкахъ или въ земледѣліи, находится главный центръ ихъ экономической дѣятельности. Для крестьянъ черноземной полосы земля и земледѣльческій трудъ составляютъ все. Никакихъ средствъ къ жизни кромѣ земледѣльческаго труда тамъ нѣтъ; сила привычки въ экономическомъ быту такова что, несмотря на желѣзныя дороги давно уже прорѣзавшія черноземный край, никакіе отхожіе промыслы тамъ не прививаются. Неприглядно бываетъ и въ нечерноземной полосѣ положеніе крестьянской семьи пришедшей въ то состояніе упадка когда въ ея распоряженіи не остается обычнаго хозяйственнаго инвентаря необходимаго для обработки земельнаго надѣла. Но гораздо печальнѣе и безвыходнѣе положеніе такой семьи въ полосѣ черноземной. Первая еще можетъ поправиться благодаря сторонимъ заработкамъ, при трудолюбіи и воздержности своихъ членовъ. Для послѣдней это почти невозможно. Ей остается лишь отдавать внаймы свой земельный надѣлъ и самой наниматься на земледѣльческія работы при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, открывающихъ нанимателю широкій просторъ для эксплуатаціи пришедшихъ въ несостоятельность. Домохозяинъ и владѣлецъ надѣла обращается въ батрака обрабатывающаго свою землю не для себя, а для съемщика. Не мало крестьянскихъ дворовъ пришло въ подобный упадокъ, и ихъ-то печальный бытъ и имѣется постоянно въ виду когда идетъ рѣчь объ обѣднѣніи крестьянъ, когда это обѣднѣніе выставляется результатомъ крестьянской реформы, о которой при этомъ иногда говорится будто она дала народу камень вмѣсто хлѣба. Конечный выводъ подобныхъ толковъ обыкновенно тотъ что помочь бѣдѣ можетъ лишь расширеніе крестьянскаго

*) Пользуемся случаемъ исправить опечатку вкравшуюся въ нѣкоторые экземпляры № 246 *Московскихъ Вѣдомостей*, гдѣ имя автора статьи обозначено неправильно П. В. вмѣсто Д. В.

землевладѣнія. Что крестьянинъ не имѣющій средствъ обрабатывать и ту землю какая у него есть тѣмъ менѣе способенъ обрабатывать увеличенное ея количество, это совершенно забывается. А между тѣмъ суть дѣла заключается именно въ этихъ средствахъ обработки земли. Тамъ гдѣ замѣчается оскудѣніе въ этихъ средствахъ, оно большею частію есть результатъ именно отсутствія такихъ учрежденій которыя исполняли бы по отношенію къ крестьянамъ ту роль какую исполняли прежде помѣщики, не допускавшіе, въ собственныхъ интересахъ, чтобы крестьянинъ оставался безъ необходимаго хозяйственнаго инвентаря. Отсутствіе подобныхъ учрежденій въ черноземной полосѣ еще ощутительнѣе чѣмъ въ нечерноземной, и введеніе ихъ тамъ было бы положительнымъ благодѣяніемъ, бо́льшимъ чѣмъ даже реформа и облегченіе прямыхъ податей. Созданіе такихъ учрежденій необходимо повсюду. Это общая потребность всѣхъ крестьянъ и черноземной и нечерноземной полосъ, потребность стоящая, можно сказать, впереди всѣхъ прочихъ. Но по отношенію ко многимъ другимъ вопросамъ о мѣрахъ улучшенія крестьянскаго быта, въ условіяхъ черноземной и нечерноземной полосъ оказывается существенная разница. Такъ, напримѣръ, вопросы о высотѣ выкупныхъ платежей и о переселеніяхъ съ однѣхъ земель на другія имѣютъ для черноземной и нечерноземной полосъ совершенно разное значеніе.

Для нѣкоторыхъ мѣстностей нечерноземной полосы выкупные платежи дѣйствительно слишкомъ высоки, такъ что, по мѣстамъ, являются одною изъ непосредственныхъ причинъ накопленія недоимокъ. Говоря вообще, выкупные платежи въ нечерноземной полосѣ выше ренты земельныхъ надѣловъ. Крестьянинъ не могущій самъ обрабатывать своего надѣла рѣдко можетъ въ этой полосѣ сдать его внаймы на выгодныхъ условіяхъ. Поэтому значительная часть поступившихъ въ надѣлы земель въ нечерноземной полосѣ пустуетъ. Ничего подобнаго въ черноземной полосѣ нѣтъ. Тамъ поземельная рента вдвое и втрое превышаетъ лежащіе на ней выкупные платежи, земли разбираются нарасхватъ, и владѣлецъ надѣла почти всегда найдетъ на него съемщика который заплатитъ за него арендную плату значительно превышающую итогъ всѣхъ падающихъ на крестьянина повинностей. Но высота выкупныхъ платежей является, поэтому, причиной затрудненій въ быту крестьянъ нечерноземной полосы, а иныя обстоятельства, какихъ не замѣчается въ нечерноземныхъ губерніяхъ.

Какъ для крестьянина нечерноземной полосы, внѣ обработки надѣла, имѣетъ большое значеніе выгодность труда посвящаемаго разнымъ промысламъ и сторонимъ заработкамъ, такъ для крестьянина черноземной полосы имѣетъ существенную важность выгодность труда прилагаемаго къ обработкѣ, кромѣ своего надѣла, сосѣднихъ земель частнаго владѣнія. Ему необходимо или нанимать эти земли, или наниматься на земледѣльческія на нихъ работы чтобы дать употребленіе своему труду и своему хозяйственному инвентарю. Ненормально высокій уровень арендной платы за земли и ненормально низкій уровень цѣнъ за земледѣльческія работы — вотъ экономическія условія которыя, по замѣчанію г. Д. В., всего тяжеле отзываются на черноземномъ крестьянинѣ. По мѣстамъ, происходящія отсюда для него невыгоды таковы что ими совершенно парализуются выгоды дешеваго пріобрѣтенія земельнаго надѣла. Эта ненормальность цѣнъ является результатомъ неправильнаго распредѣленія населенія по территоріи, которое мѣстами скучено, мѣстами разбросано. Конечно, эта замѣчаемая по мѣстамъ скученность почти нигдѣ не достигаетъ тѣхъ размѣровъ густоты населенія какіе считаются нормальными, напримѣръ, въ Западной Европѣ. Но при несходствѣ нашихъ условій съ заграничными, при совершенно иныхъ сельско-хозяйственныхъ пріемахъ, для кореннаго измѣненія коихъ еще не настало время, скученность населенія дастъ себя чувствовать какъ только численность его окажется выше той нормы при которой всѣ рабочія руки безъ остатка были бы заняты обработкой окружной земли существующими способами. Гдѣ такимъ образомъ населеніе скучено, тамъ съемщики земель, большею частію сами же крестьяне, на перебой повышаютъ арендную плату на землю до крайнихъ предѣловъ, при которыхъ извлеченіе необходимаго дохода изъ нанятой земли становится дѣломъ сомнительнымъ; малѣйшій недородъ хлѣба разрушаетъ всѣ надежды съемщика и можетъ вести къ его разоренію. Та же скученность

населенія въ одномъ пунктѣ причиняетъ пониженіе цѣнъ наемнаго земледѣльческаго труда вслѣдствіе изобилія рукъ ищущихъ работы не на сторонѣ, а на мѣстѣ. Конечно, это не общее явленіе въ черноземной полосѣ, но оно свойственно очень многочисленнымъ въ немъ околоткамъ, гдѣ арендная плата за землю доходитъ до 18, 20, 22 рублей за десятину, между тѣмъ какъ на недальнихъ разстояніяхъ, но не на такихъ однако куда крестьянину удобно было бы переноситься со своимъ хозяйственнымъ инвентаремъ, наемныя цѣны одинаковой по качествамъ земли ниже вдвое и болѣе чѣмъ вдвое. Выходъ изъ затрудненій возникающихъ отъ ненормальнаго, при существующихъ условіяхъ, подъема цѣнъ на землю одинъ—переселенія, и правильная организація ихъ для крестьянъ многихъ мѣстностей черноземной полосы, по справедливому замѣчанію г. Д. В., важнѣе пониженія налоговъ и уменьшенія размѣровъ выкупныхъ платежей. Это пониженіе повинностей было бы прямою выгодой для крестьянъ нечерноземной полосы, но въ полосѣ черноземной, при существующихъ затрудненіяхъ относительно переселеній, все что выигралъ бы крестьянинъ на уменьшеніи повинностей пошло бы не въ его пользу, а лишь на дальнѣйшій невыгодный ему подъемъ наемныхъ цѣнъ за сосѣднія земли. При всѣхъ замѣчаемыхъ случаяхъ обѣдненія въ нечерноземной полосѣ, стремленія къ переселеніямъ на другія земли тамъ вообще весьма слабы Не отъ переселеній, а отъ обработки земли на которой сидятъ и отъ развитія промысловъ могутъ они преимущественно ожидать улучшенія своего быта. Но для черноземныхъ крестьянъ промыслы не сподручны; за то они оказываются преимущественно наклонными и способными къ колонизаціи. О томъ какъ сильно стремленіе къ переселенію въ средѣ крестьянъ многихъ мѣстностей именно черноземныхъ губерній, едва ли нужно говорить. Если это стремленіе не имѣетъ нынѣ правильнаго исхода, если попытки крестьянъ переселяться большею частію оканчивались печально, и многіе изъ нихъ послѣ безобразныхъ скитаній возвращались домой нищими, виновато въ томъ единственно отсутствіе всякой организаціи переселеній. Иначе было бы еслибы дѣло переселеній было надлежащимъ образомъ организовано, еслибы переселяющимся оказывались необходимыя помощь и руководство. Организація переселеній конечно потребуетъ расходовъ на выдачу заимообразныхъ пособій переселяющимся. Какъ на источникъ откуда на первый разъ могли бы выдаваться эти пособія, г. Д. В указываетъ на 38 милліонный капиталъ накопившійся изъ остатковъ по выкупной операціи. Государственная важность подобныхъ переселеній несомнѣнна. Ими была бы усилена производительность народнаго труда. Плодородныхъ впустѣ лежащихъ земель у насъ неизмѣримыя пространства. Заселеніе ихъ усилило бы въ огромныхъ размѣрахъ производство хлѣба, нашего главнаго богатства, безъ сокращенія производства его въ мѣстахъ откуда переселенія ожидаются. „Въ густо населенныхъ черноземныхъ губерніяхъ,“ говоритъ г. Д. В., „даже при обширномъ поощреніи переселеній, всѣ земли попрежнему будутъ обрабатываться; рѣчь идетъ лишь о переселеніи избытка населенія, трудъ котораго теперь по большей части пропадаетъ непроизводительно въ розыскахъ заработковъ.“

Низкій уровень этихъ заработковъ населенія черноземныхъ губерній зависитъ, впрочемъ, не отъ одной густоты скученнаго по мѣстамъ населенія не находящаго въ близкой округѣ достаточнаго спроса на свою работу, вслѣдствіе чего сельскіе рабочіе одинъ предъ другимъ сбиваютъ цѣны своего труда. Еще въ большей степени эти низкія цѣны зависятъ отъ способа найма на работы задолго до работъ, съ выдачей денегъ впередъ. Неудобства этого порядка для обѣихъ сторонъ неисчислимы. Очевидная для крестьянина невыгодность цѣны по которой нужда заставила его подрядиться на работы, громадная разница между этою цѣной и тѣми какія стоятъ во время ихъ исполненія, служатъ всегдашнимъ соблазномъ къ неисполненію заключенныхъ договоровъ. Отсюда непрерывный рядъ взаимныхъ неудовольствій со всѣми ихъ печальными для обѣихъ сторонъ послѣдствіями. Устранить все это могло бы развитіе системы кредита для крестьянъ, при которой имъ не предстояло бы необходимости запродавать по баснословнодешевымъ цѣнамъ свой будущій трудъ. Необходимость для крестьянъ краткосрочнаго кредита не подлежитъ сомнѣнію. Въ видахъ поощренія учрежденій крестьянскаго кредита, правительство, какъ извѣстно, открыло ссудосберегательнымъ това-

риществамъ кредитъ въ Государственномъ Банкѣ. Но, замѣчаетъ г. Д. В., „мы живемъ въ странное время; друзья народа прокляли ссудосберегательныя товарищества; потому новыхъ не устраивается, старыя позабыты, переставъ быть модною игрушкой, и народъ нужающійся въ кредитѣ не можетъ получать его, несмотря на то что и суммы ассигнованы земствами, и кредитъ Государственнаго Банка готовъ къ услугамъ...“

№ 252.

Москва, 10-го сентября.

Министерскій кризисъ во Франціи о коемъ извѣщаетъ насъ телеграфъ, не можетъ не отозваться на общемъ политическомъ настроеніи настоящей минуты, и то что официозный телеграфъ изъ Парижа спѣшитъ „успокоить“ увѣреніемъ что кризисъ касается исключительно внутреннихъ вопросовъ скорѣе можетъ служить тому подтвержденіемъ нежели наоборотъ. Извѣстно что паденіе г. Фрейсине есть непосредственное послѣдствіе его столкновенія съ г. Гамбеттой по вопросу о конгрегаціяхъ, относительно которыхъ министръ-президентъ вздумалъ принять не совсѣмъ согласный съ его прежними предположеніями примирительный образъ дѣйствій, между тѣмъ какъ г. Гамбетта настаиваетъ на томъ чтобы правительство исполнило въ точности мартовскіе декреты и не принимало той декларации, коей редакція есть плодъ соглашенія г. Фрейсине съ Ватиканомъ, и которая должна была замѣнить установленную упомянутыми декретами прямую просьбу о разрѣшеніи съ представленіемъ на утвержденіе правительства статутовъ каждой конгрегаціи желающей избѣгнуть закрытія. Но извѣстно также и то что не въ этомъ преканіи была сила, но что вопросъ шелъ о томъ, останется ли г. Гамбетта хоть и неофиціальнымъ, но полновластнымъ распорядителемъ политики Франціи или нѣтъ. Самое разногласіе между нимъ и бывшимъ его клевретомъ, г. Фрейсине, началось съ памятной шербургской рѣчи г. Гамбетты, памятной въ особенности для Германіи, гдѣ почему-то были твердо увѣрены что республиканская Франція, олицетворяемая бывшимъ диктаторомъ, представляетъ гарантію мира съ Германіей тогда какъ торжество какой бы то ни было изъ монархическихъ партій немедленно повело бы къ войнѣ. Г. Фрейсине дѣйствительно оказался приверженцемъ мира и всячески старался загладить впечатлѣніе шербургской рѣчи; но борьба противъ г. Гамбетты оказалась ему не по силамъ, и вмѣстѣ съ торжествомъ послѣдняго угрожающій призракъ недавняго покоя Нѣмцамъ, какъ ни стараются они маскировать свои опасенія, стоитъ вновь предъ ними какъ въ первый день послѣ того какъ г. Гамбетта сбросилъ съ себя маску миролюбія и открыто провозгласилъ будущую программу французской политики направленную на „возстановленіе исторической справедливости.“

Къ этой тревогѣ для Германіи присоединяется другая, не менѣе, а еще болѣе важная. Въ виду явно противодѣйствующей роли которую принялъ на себя Австро-Германскій союзъ въ восточныхъ дѣлахъ несмотря на официальное участіе обѣихъ державъ въ „единодушномъ дѣйствіи“ Европы, которое по сю пору никакъ не подвигается далѣе словъ, въ послѣдніе дни настойчиво стали повторяться толки о подготовляющемся сближеніи между Англіей и Россіей,—сближеніи къ которому быть-можетъ примкнетъ и Франція. Не знаемъ насколько слухи эти имѣютъ реальное значеніе, но несомнѣнно то что въ Германіи взглянули на это дѣло очень серіозно, и по тону въ какомъ нѣмецкая печать обсуждаетъ возможность подобнаго сближенія легко судить какъ опасается Германія *такого* противовѣса австро-германскому единенію, основанному годъ тому назадъ въ Вѣнѣ и нынѣ вновь скрѣпленному при посѣщеніи барономъ Гаймерле князя Бисмарка въ его помѣстьѣ. Нѣмецкая печать рада всякому случаю могущему послужить указаніемъ на антагонизмъ между интересами Россіи и Англіи, а такъ какъ политика теперешняго Англійскаго кабинета подаетъ весьма мало поводовъ къ такого рода указаніямъ, то нѣмецкая печать вопреки своей обычной трезвости, даетъ волю фантазіи и вдается въ такія комбинаціи въ коихъ слишкомъ ужь явно проглядываетъ предвзятая тенденція.

Такъ, берлинская печать всячески старалась истолковать недавній министерскій кризисъ въ Турціи какъ результатъ англо-русскаго антагонизма и въ этомъ смыслѣ „дружески“ предостерегала г. Гладстона.

Абеддинъ-паша палъ, видите ли (такъ сообщаетъ *Національная Газета* на основаніи своихъ свѣдѣній изъ Константинополя) вслѣдствіе интригъ русскаго посла г. Новикова. Россіи не могутъ де быть сочувственныя настоянія Англіи о реформахъ въ Арменіи и вообще въ Малой Азіи, такъ какъ улучшеніе тамошнихъ порядковъ укрѣпило бы власть султана, а это де послужило бы въ будущемъ помѣхой къ дальнѣйшему расширенію владычества Россіи въ Малой Азіи. Англійскій посолъ, г. Гошенъ, успѣлъ де въ послѣднее время усилить свой авторитетъ въ Константинополѣ, и султанъ высказалъ это недавно небывалымъ вниманіемъ оказаннымъ супругѣ англійскаго посла. Но вотъ г. Новиковъ сумѣлъ де свергнуть министерство которое склонялось на увѣщанія Англіи относительно реформъ въ Малой Азіи, и г. Гладстонъ долженъ де призадуматься надъ этимъ пораженіемъ нанесеннымъ ему „дружественною“ рукой. Мораль этой басни для берлинской газеты та что трудно допустить чтобы между Россіей и Англіей возможно было полное единодушіе по дѣламъ Востока, такъ какъ де относительно Малой Азіи интересы Англіи и Россіи противоположны. Но почему именно Россія имѣетъ интересъ въ томъ чтобы турецкая безурядица въ Арменіи не была замѣнена лучшими порядками, этого берлинская газета не объясняетъ. Да и не важно знать въ силу какихъ соображеній такъ думаютъ въ Берлинѣ. Интересно лишь то что тамъ очень хлопочутъ чтобы найти или хоть выдумать поводъ по которымъ могло бы разстроиться согласное между Англіей и Россіей дѣйствіе по восточнымъ дѣламъ.

Сверхъ того, берлинская печать сильно озабочена и вопросомъ о Румыніи, который также заключаетъ въ себѣ элементъ для сближенія между Россіей, Англіей и Франціей въ видахъ противодѣйствія стремленіямъ Австріи. Еще недавно вопросъ о Румыніи казался берлинскимъ газетамъ вопросомъ рѣшимымъ всецѣло въ пользу австро-германской политики. Князь Карлъ посѣтилъ недавно Вѣну и Берлинъ. И здѣсь и тамъ ему былъ оказанъ особенно внимательный пріемъ, и печать настойчиво говорила о присоединеніи къ Австро-Германскому союзу Румыніи, долженствующей послужить передовымъ постомъ противъ Россіи и стражемъ австрійскихъ интересовъ на Дунаѣ. Затѣмъ предвозвѣщалось предстоящее въ ближайшемъ будущемъ возведеніе Румыніи въ санъ королевства въ награду за вступленіе ея въ этотъ союзъ. Но всѣ эти толки внезапно прекратились, и теперь берлинская печать стала наоборотъ доказывать что не слѣдуетъ слишкомъ торопиться съ румынскимъ вопросомъ (die Donaufrage im Augenblick zu brüskiren), ибо здѣсь возможно встрѣтить согласное противодѣйствіе не только Англіи и Россіи, но и Франціи, которая давно де привыкла смотрѣть на Румынію какъ на своего кліента на Нижнемъ Дунаѣ, и одна изъ вліятельныхъ французскихъ газетъ. *Journal des Débats*, стала въ послѣднее время съ большою рѣзкостью высказываться противъ притязаній Австріи на преобладаніе въ международной коммиссіи для надзора и регулированія судоходства на Нижнемъ Дунаѣ, установленной Берлинскимъ трактатомъ. Англія прямо заинтересована въ томъ чтобы прибрать это судоходство въ свои руки. А интересъ Россіи не допускать Австрію къ господству на Нижнемъ Дунаѣ очевиденъ. Вотъ почему благоразумная берлинская печать совѣтуетъ повременить чтобъ излишнею торопливостью по отношенію къ Румыніи не создать такой почвы на которой интересы Россіи, Англіи и Франціи могутъ соединиться для противодѣйствія видамъ Австріи и Германіи.

Сверхъ того, указывается и другой поводъ почему для Австріи не совсѣмъ безопасно содѣйствовать успленію румынской національной идеи. Въ Венгріи имѣется не менѣе двухъ милліоновъ Румынъ а въ Буковинѣ, принадлежащей къ Цислейтаніи, Румыны составляютъ большинство населенія. Провозглашеніе королевства Румыніи неминуемо отозвалось бы на этихъ румынскихъ населеніяхъ Австріи, и оживило бы прежнія мечты о созданіи Дако-Романскаго государства на низовьяхъ Дуная.

Словомъ, для Австріи „куда ни кинь все клинъ,“ и какъ ни старается она принять смѣлую осанку, опираясь на Германскій союзъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается что ей совсѣмъ не къ лицу пускаться въ рискованныя предпріятія и затѣвать „вопросы“ (будетъ ли то польскій, румынскій или иной), по той простой причинѣ что сама она не что иное какъ весьма сложный и очень крупный вопросъ...

№ 253.

Москва, 11-го сентября.

Возникшіе вслѣдъ за назначеніемъ г. Бунге на должность товарища министра финансовъ толки о громадномъ 380 милліонномъ займѣ, съ цѣлію погашенія кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ въ послѣднюю войну, и о преобразованіи Государственнаго Банка въ акціонерный, тоже въ видахъ реформы денежной системы, въ послѣднее время совсѣмъ затихли. Но газеты тѣмъ не менѣе не перестаютъ обсуждать возбужденные этими толками вопросы, и нѣкоторыя изъ высказываемыхъ при этомъ мнѣній очень не нравятся сторонникамъ извѣстной экономической доктрины, которые полагаютъ что кромѣ нихъ самихъ никто по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ не долженъ смѣть свое сужденіе имѣть. Заявленіе всякихъ не нравящихся имъ сужденій выставляется чуть не бунтомъ, и о немъ не говорятъ иначе какъ объ „агитаціи противъ финансовыхъ мѣръ необходимыхъ для исправленія нашей бумажно-денежной системы."

На дѣлѣ ничего подобнаго такой агитаціи нѣтъ. Напротивъ, бо́льшая часть появлявшихся въ послѣднее время статей по указанному предмету были посвящены именно разъясненію причинъ мѣшающихъ улучшенію нашей денежной системы и обсужденію мѣръ помощію коихъ эти причины могли бы быть устранены. Такъ, между прочимъ, разъяснено почти до очевидности что главная причина паденія и колебаній нашей валюты заключается вовсе не въ количествѣ нынѣ обращающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ, а въ хронической неправильности нашего разчетнаго международнаго баланса, постоянно для насъ невыгоднаго. Разъяснено что пока не будетъ принято мѣръ къ исправленію этого баланса, никакія иныя мѣры по упроченію нашей валюты не дадутъ серіозныхъ результатовъ. При этомъ доказывалось и доказывалось, кажется, довольно убѣдительно, что одно сокращеніе количества обращающихся кредитныхъ билетовъ не подниметъ ихъ курса, что на стрѣлку этихъ курсовъ не оказываетъ вліянія даже разница слишкомъ въ триста милліоновъ рублей въ размѣрахъ бумажно-денежнаго обращенія. Указывалось, далѣе, какъ чувствительна, наоборотъ, стрѣлка вексельныхъ курсовъ къ улучшеніямъ въ разчетномъ международномъ балансѣ, и при разборѣ составныхъ частей этого баланса обращалось особенное вниманіе на отношеніе стоимости привоза къ стоимости отпуска, которое съ наибольшимъ удобствомъ могло бы быть измѣнено къ выгодѣ страны при пересмотрѣ таможеннаго тарифа. На пересмотръ этого тарифа, въ связи съ пересмотромъ тарифовъ желѣзнодорожныхъ, указывалось какъ на главную задачу русской національной экономической политики. Измѣненіе тарифа не въ угоду космополитическимъ тенденціямъ, а въ интересахъ многообразной производительности страны и ея обогащенія, съ одной стороны, увеличило бы средства государственнаго бюджета и тѣмъ помогло бы осуществленію важной реформы прямыхъ податей и сборовъ, съ другой —облегчило бы исправленіе денежной системы. Конечная цѣль этого исправленія есть установленіе постояннаго размѣна бумажныхъ денегъ на звонкую монету по однажды навсегда утвержденному курсу. Этотъ размѣнъ можетъ быть установленъ прочно лишь при условіи чтобы Государственный Банкъ имѣлъ дѣло не съ однимъ отливомъ золота изъ его кладовыхъ, а также и съ его приливомъ. При существующемъ положеніи разчетнаго баланса приливъ золота не возможенъ. Мы ежегодно, сверхъ отпуска товаровъ, должны приплачивать иностранцамъ массу золота. Теперь это золото покупается дорогою цѣной всюду гдѣ можно, при существованіи размѣна оно добывалось бы изъ кладовыхъ Банка; къ этимъ кладовымъ былъ бы, такъ сказать, приставленъ непрерывно дѣйствующій насосъ для выкачиванія размѣннаго фонда, и пополненіе этого фонда заграничными займами было бы лишь трудомъ Данаидъ, который рано или поздно принудилъ бы пріостановить размѣнъ. Съ исправленіемъ торговаго баланса, которое возстановило бы равновѣсіе въ нашихъ ежегодныхъ разчетахъ съ иностранцами и устранило бы обычный нынѣ дефицитъ требующій приплатъ золотомъ, была бы устранена самая необходимость неумѣреннаго представленія кредитныхъ билетовъ къ размѣну. Потребности въ золотѣ для внутреннихъ расплатъ не предвидится. Эти расплаты, напротивъ, гораздо удобнѣе производятся бумажными знаками, а не металлическими. И чѣмъ больше разнообразныхъ про-

мышленныхъ предпріятій было бы вызвано къ жизни измѣненіемъ таможеннаго тарифа, чѣмъ шире развилось бы внутреннее производство, чѣмъ болѣе увеличилось бы число внутреннихъ сдѣлокъ, тѣмъ обильнѣе былъ бы притокъ золота въ кладовыя Банка въ обмѣнъ на нужные для этихъ сдѣлокъ кредитные билеты, тѣмъ прочнѣе стояло бы и самое дѣло размѣна.

Такова, въ немногихъ словахъ, сущность того что выставляется агитаціей противъ „мѣръ необходимыхъ для исправленія нашей бумажно-денежной системы.“ Именно указаніе-то этихъ мѣръ и объявляется агитаціей противъ нихъ. Это смѣшно, и на первый взглядъ не понятно. Но дѣло объясняется просто. Пересмотръ тарифа выгодный для русской, а не для всемірной экономической дѣятельности, исправленіе баланса выгодное для Россіи, а не для всѣхъ странъ имѣющихъ надобность сбывать въ нее избытки своего производства, это не такія мѣры съ которыми могли бы примириться адепты космополитической экономической доктрины. Но къ какой же цѣли они сами стремятся, какія мѣры рекомендуютъ для ея достиженія, и почему эти мѣры должны быть всѣми признаны за наилучшія и не подлежащія спору?

Какія это мѣры, этого пока не могутъ сказать сами ихъ сторонники. Прежде, въ недавнее еще время, въ основу всякой программы исправленія нашей денежной системы полагались обыкновенно колоссальные займы для извлеченія кредитныхъ билетовъ и искусственнаго подъема вексельныхъ курсовъ до al pari. Въ этомъ отношеніи не было, можно сказать, никакого различія между проектами по этой части. Въ лагерѣ экономистовъ-доктринеровъ и не полагали чтобы вопросъ могъ быть рѣшенъ иначе. Но теперь настали иныя времена. Благодаря происходившей въ послѣдніе годы полемикѣ, дѣло много разъяснилось и въ публикѣ распространились здравыя понятія о томъ неизмѣримомъ вредѣ который былъ бы результатомъ сильнаго сокращенія денежнаго обращенія или сильнаго искусственнаго подъема курсовъ. Чтобы расположить къ себѣ публику, теперь нужно публично открещиваться отъ мѣръ лежавшихъ въ основѣ вышеупомянутыхъ проектовъ. И вотъ наши газетные доктринеры начинаютъ *клятся и ротится* что ни „о внезапномъ изъятіи изъ народнаго обращенія нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ кредитныхъ билетовъ, будто бы кѣмъ-то проектированномъ,“ ни о „быстромъ и крутомъ возстановленіи первоначальной цѣнности бумажнаго рубля и возвышеніи до al pari его вексельнаго курса,“ они и не думаютъ. Все это относятъ они теперь къ числу „дикихъ финансовыхъ плановъ“ которые злокозненно приписываются имъ врагами хотящими де, во вредъ дѣлу, устрашить публику „чудовищностью затѣянныхъ будто бы и угрожающихъ всему нашему народному хозяйству мѣропріятій.“ Прекрасно, но что же эти господа думаютъ сдѣлать, какими средствами предполагаютъ лѣчить болѣзнь нашего денежнаго обращенія которую они такъ любятъ расписывать самыми мрачными красками? Объ этихъ средствахъ еще сами они между собою никакъ столковаться не могутъ. Одно несомнѣнно что рецептъ который имѣетъ быть прописанъ консиліумомъ врачей рвущихся къ постели больнаго денежнаго обращенія будетъ очень сложный, будетъ конгломератомъ множества средствъ, въ число коихъ можетъ-быть войдетъ, а можетъ-быть и не войдетъ, „изъятіе изъ обращенія *излишнихъ* кредитныхъ билетовъ.“ Для успокоенія публики прибавляется что это снадобье во всякомъ случаѣ будетъ даваемо паціенту въ умѣренныхъ дозахъ и съ соблюденіемъ разныхъ предосторожностей. Но успокоенная этимъ публика должна уже затѣмъ слѣпо вѣрить въ несомнѣнно цѣлебное свойство заготовляемаго лѣкарства, не допытываясь чего оно будетъ стоить, изъ чего будетъ составлено и какое дѣйствіе можетъ произвести на экономическій бытъ каждая изъ его составныхъ частей. Предполагается что этого никому, кромѣ занятыхъ составленіемъ рецепта, и знать не нужно. Но публика въ правѣ думать иначе. Не составителямъ рецепта, а ей придется за него расплачиваться, не на нихъ, а на ней отзовутся полезныя или вредныя послѣдствія лѣченія. И то что эти господа находятъ нужнымъ держать задумываемыя ими мѣры въ секретѣ невольно заставляетъ подозрѣвать что эти мѣры въ сущности не далеко ушли отъ тѣхъ которыхъ они нынѣ чураются, что предполагавшееся прежде крутое лѣченіе предполагается лишь замѣнить растянутымъ на большое число лѣтъ, причемъ вмѣсто потрясенія народнаго экономическаго организма послѣдуетъ болѣе

медленное его истощеніе. Устранить подобныя подозрѣнія могло бы лишь откровенное изложеніе проектируемыхъ плановъ бумажно-денежной реформы. Обсужденіе ихъ не можетъ повредить дѣлу этой реформы.

№ 254.

Москва 12-го сентября.

Новое министерство во Франціи окончательно организовалось, какъ извѣстилъ насъ вчера телеграфъ. Президентомъ совѣта министровъ назначенъ г. Жюль Ферри, бывшій въ кабинетѣ Фрейсине министромъ просвѣщенія, и удерживающій этотъ портфель и впредь. Но важнѣе нежели замѣна г. Фрейсине, какъ президента совѣта министровъ, былъ вопросъ о томъ кто будетъ призванъ замѣнить его какъ министра иностранныхъ дѣлъ. Нѣсколько дней, пока продалжался министерскій кризисъ, упорно держались слухи что на этотъ постъ будетъ призванъ г. Шальмель-Лакуръ недавно назначенный французскимъ посломъ при Сентъ-Джемсскомъ дворѣ, близкій другъ г. Гамбетты. Но портфель этотъ порученъ г. Бартелеми Сентъ-Илеру, который былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ Тьеру, но со смерти бывшаго президента держался въ сторонѣ и никакого официальнаго участія въ политической жизни Франціи не принималъ. Официозный телеграфъ изъ Парижа спѣшитъ по этому поводу повторить предъ Европой свои успокоительныя увѣренія. Республиканскія (вѣрнѣе правительственныя) газеты выражаютъ, по словамъ вчерашней парижской телеграммы, надежду что г. Бартелеми Сентъ-Илеръ и его умѣрность послужатъ для Европы залогомъ мирныхъ намѣреній Франціи. Оппозиціонная печать, т.-е. консервативныя газеты и органы непримиримыхъ, тоже соглашаются съ тѣмъ что назначеніе г. Бартелеми Сентъ-Илера служатъ гарантіей мирной политики.

Но всѣ эти успокоительныя завѣренія идущія изъ Франціи не достигаютъ своей цѣли. За границей, и преимущественно въ Германіи, никакъ не соглашаются принять то объясненіе французскаго министерскаго кризиса которое такъ упорно старается распространить французская правительственная печать и органы г. Гамбетты. Согласно съ мнѣніемъ, которое мы высказали тотчасъ по полученіи извѣстія о перемѣнахъ въ составѣ французскаго министерства, и берлинскія газеты въ одинъ голосъ утверждаютъ что вопросъ о духовныхъ конгрегаціяхъ былъ только предлогомъ къ кризису, а что въ дѣйствительности паденіе г. Фрейсине знаменуетъ собою полное торжество г. Гамбетты, и съ тѣмъ вмѣстѣ политики отместки надъ политикой мира. Антагонизмъ между гг. Фрейсине и Гамбеттой начался съ той минуты когда послѣдній счелъ нужнымъ обнаружить предъ міромъ одушевляющую его мечту о возвращеніи Франціи отнятыхъ у нея провинцій, а г. Фрейсине поспѣшилъ публично отречься отъ политики рискованныхъ предпріятій. Въ виду того что г. Фрейсине вытѣсненъ вліяніемъ г. Гамбетты, берлинскія газеты считаютъ вопросомъ второстепеннымъ кто именно замѣнитъ его какъ министра иностранныхъ дѣлъ. Г. Фрейсине, какъ сообщаютъ за достовѣрное изъ Парижа, мотивировалъ свой выходъ въ отставку указаніемъ на г. Гамбетту: онъ заявилъ г. Греви что не можетъ надѣяться на успѣшное веденіе дѣлъ съ такимъ составомъ министерства „въ коемъ большинство повинуется вліянію стоящему внѣ кабинета.“ Вотъ почему, какъ полагаютъ въ Берлинѣ, важно не то кто именно будетъ преемникомъ г. Фрейсине, а то что преобразованный кабинетъ можетъ существовать лишь при безусловномъ подчиненіи невидимому, но тѣмъ болѣе могучему вліянію г. Гамбетты. „Послѣдняя побѣда президента французской палаты,“ замѣчаетъ берлинская *Національная Газета*, „не можетъ не произвести сильнаго впечатлѣнія за границей и никоимъ образомъ не будетъ истолкована какъ признакъ мира. Политика отместки выдвигается, въ виду рѣчи недавно произнесенной въ Шербургѣ, на первый планъ, и этотъ взглядъ отнюдь не измѣняется вслѣдствіе того обстоятельства что люди подобные г. Шальмель-Лакуру во всемъ подчиняющіеся политическимъ взглядамъ бывшаго диктатора пока исключены изъ министерскихъ комбинацій.“

Одновременно съ этою нескрываемою тревогой, овладѣвшею германскою печатью, для которой г Гамбетта, со времени своей шербургской рѣчи, сталъ настоящимъ пугаломъ, вѣнскія, а затѣмъ и берлинскія газеты пустили въ ходъ и поддерживаютъ слухъ о возобновленіи Тройнаго Союза

между Германіей, Австріей и Россіей. Любопытно то что слухъ этотъ возникъ непосредственно послѣ „инцидента“ Варнбюлера и его „разоблаченій“ о подготовленномъ будто бы въ прошломъ году франко-русскомъ наступательномъ союзѣ противъ Германіи. Г. Ваддингтонъ, коего бывшій виртембергскій министръ такъ безцеремонно уличилъ въ томъ что онъ выдалъ тайное предложеніе Россіи князю Бисмарку и тѣмъ способствовалъ образованію Австро-Германскаго союза, не смолчалъ. Въ письмѣ къ издателю *Temps*, напечатанномъ 18 сентября, бывшій французскій министръ иностранныхъ дѣлъ говоритъ: „Столь изу„мительныя утвержденія, заявленныя пуб„лично человѣкомъ занимающимъ видное „положеніе въ Германіи, дѣлаютъ для ме„ня невозможнымъ хранить молчаніе. Я „заявляю самымъ фармальнымъ образомъ „что за все время управленія мною мини„стерствомъ между Россіей и Франціей не „было рѣчи ни о предложніи союза, ни о про„ектѣ трактата, ни вообще какихъ бы то ни „было переговоровъ. Фактъ сообщенный въ „Лудвигсбургской рѣчи и недостойная роль „мнѣ въ ней приписанная суть чистая вы„думка“.

Въ виду столь категорическаго опроверженія, на которое г. Варнбюлеръ съ своей стороны не возражалъ ни однимъ словомъ, берлинской печати, кажется, оставалось бы только молчать или прямо отрѣчься отъ нападокъ и инсинуацій противъ Россіи и ея воинственныхъ замысловъ. Если Берлинскія газеты дѣйствительно такъ проникнуты любовью къ „исторической правдѣ,“ то имъ слѣдовало представить совершенно новыя объясненія возникновенію австро-германскаго тѣснѣйшаго союза, который до сихъ поръ объяснялся исключительно стремленіемъ Россіи къ сближенію съ Франціей. Но „европейскій скандалъ,“ какъ сами берлинскія газеты называютъ выходку г. Варнбюлера и вызванное оною опроверженіе, отнюдь не смутили этихъ газетъ, и онѣ продолжаютъ по прежнему утверждать будто бы Россія питаетъ какіе-то затаенные замыслы, въ коихъ союзъ съ Франціей играетъ видную роль. Правда г. Ваддингтонъ удостовѣрилъ что ничего подобнаго предложенію союза со стороны Россіи во время его министерства не послѣдовало, и берлинскія газеты вполнѣ принимаютъ это удостовѣреніе и упрекаютъ г. Варнбюлера за его легкомысленное утвержденіе. Но онѣ припоминаютъ что князь Горчаковъ совѣтовалъ въ прошедшемъ году редактору одного орлеанистскаго журнала чтобы „Франція старалась быть сильною.“ На эту-то фразу, сказанную представителю партіи которая не имѣетъ никакихъ шансовъ достигнуть власти во Франціи, князь Бисмаркъ отвѣтилъ будто бы заключеніемъ австро-германскаго союза. А теперь Россія, по словамъ тѣхъ же берлинскихъ газетъ, старается вновь сблизиться съ Германіей и Австріей, и берлинская газета, изъ которой мы заимствуемъ это разсужденіе, находитъ это весьма естественнымъ, такъ какъ „только изъ этого союза Россія можетъ извлечь для себя истинную выгоду.“

Въ чемъ именно состоятъ эти выгоды, берлинская газета не объясняетъ. Но все что *до сихъ поръ* толковалось о „двойномъ“ союзѣ заключенномъ въ прошломъ году въ Вѣнѣ діаметрально противоположно какой бы то ни было выгодѣ Россіи, ибо на всѣ лады проповѣдовалось тогда о преимущественномъ правѣ Австріи на турецкое наслѣдіе и объ ея „миссіи“ всячески противодѣйствовать успѣхамъ „панславизма“ на Балканскомъ полуостровѣ, для чего она призвана де оберегать до поры до времени неприкосновенность турецкаго владычества, бороться противъ національныхъ стремленій Болгаръ, прибрать къ рукамъ Сербію и втянуть въ сферу своего вліянія Румынію, образовавъ изъ нея оплотъ противъ Россіи. Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій значенія Австро-Германскаго союза, довольно трудно догадаться какая выгода можетъ предстоять Россіи еслибъ она примкнула къ этому союзу.

Доказано что Россія, вопреки утвержденіямъ берлинскихъ газетъ, не домогалась союза съ Франціей. Съ неменьшею достовѣрностью можно сказать что ей нѣтъ никакой надобности домогаться вступленія вновь въ Тройной Союзъ, коего характеръ выяснился нынѣ гораздо болѣе нежели до Берлинскаго трактата.

За то Германія, въ виду того оборота который принимаютъ дѣла во Франціи, имѣетъ не мало побужденія обезопасить себя, по примѣру прежняго, на Востокѣ, и мы вполнѣ понимаемъ возникновеніе толковъ о Тройномъ Союзѣ насколько въ нихъ отражается это желаніе Германіи.

Такъ бы берлинскимъ газатамъ и говорить.

№ 255.

Москва, 13-го сентября.

Въ нумерѣ *Кельнской Газеты* (отъ 14 сентября) вновь появилась статья о политикѣ Германіи, написанная въ томъ же духѣ какъ извѣстное, обратившее на себя сочувственное вниманіе германской официозной печати письмо берлинскаго корреспондента названной газеты отъ 13 сентября. (см. № 248 *Московскихъ Вѣдомостей*). Между письмомъ и статьей о которой идетъ рѣчь есть однако небольшая разница: письмо держалось строго въ области дипломатической, статья перешагнула къ стратегіи, начавъ вопросомъ, въ интересахъ ли Германіи ослаблять Турцію, понуждая ее къ уступкамъ въ пользу Черногорцевъ, а затѣмъ конечно и Грековъ.

Политическое положеніе создавшееся въ Европѣ послѣ установленія союза между Австріей и Германіей не таково чтобы въ разчетахъ послѣдней было содѣйствовать постепенному уничтоженію Турціи какъ военной силы. Таковъ отвѣтъ на поставленный вопросъ. Дальнѣйшее изложеніе служитъ какъ бы рядомъ доводовъ къ такому заключенію. Но цѣль статьи заключается вовсе не въ обсужденіи именно этого вопроса. „Когда Россія, продолжаетъ *Кёльнская Газета*, вооружилась противъ Турціи, Германія расчистила предъ нею путь, Турція была раздавлена, и Россія повернулась къ намъ спиною, готовая вступить противъ насъ въ союзъ съ Франціей.“ Германія сумѣла де вовремя промѣнять традиціонный союзъ съ Россіей на союзъ съ Австріей. „Дастъ Богъ, Германія при этомъ и въ военномъ отношеніи также мало потеряла какъ и въ политическомъ. Естественно однако что отшатнувшаяся отъ насъ Россія должна была въ свою очередь искать союзника. Гдѣ, это ясно, точно также какъ и то что Франція не рѣшится вступить въ союзъ противъ Германіи пока не будетъ убѣждена что Германія, несмотря на собственную силу, въ случаѣ столкновенія окажется слабѣйшею стороной именно благодаря слабости созника.“ Вотъ почему ослабленіе Австріи входитъ де въ разчетъ противниковъ Германіи. „Но станетъ ли Австрія сильнѣе если военная сила Турціи будетъ окончательно сокрушена, когда Черногорія и Сербія усилятся на счетъ Турціи, когда Албанцы поднимутся противъ нея за передачу части ихъ территоріи Черногорцамъ, когда Восточная Румелія и Болгарія сдѣлаются въ полномъ смыслѣ слова русскимъ лагеремъ? Конечно нѣтъ, конечно это ослабитъ Австрію, а ослабленіе ея невыгодно для Германіи.“ И понятно почему: „вспыхни война, Австрія, предполагая что Россія не съ нею, вынуждена будетъ или очистить занятыя ею на Балканскомъ полуостровѣ позиціи, или же выставить бо́льшую часть своихъ войскъ противъ Черногоріи, Сербіи и Албанцевъ. Для Россіи же конечно будетъ не трудно спустить противъ Австріи и Болгарію съ Румеліей. Итакъ, во всякой войнѣ Россіи и Франціи противъ Австріи и Германіи, Россія привлечетъ на свою сторону весь Востокъ.“ На поддержку со стороны Турціи, которая въ такомъ случаѣ была бы конечно де на сторонѣ Австріи, едва ли можно разчитывать въ томъ случаѣ если „демонстрація“ затѣянная теперь Европой противъ Турціи достигнетъ цѣли которая есть именно ослабленіе Турціи. „Передача Дульциньйо только введеніе въ дѣло... Но что же можетъ, спрашиваетъ далѣе *Кельнская Газета*, заставить Германію содѣйствовать уступкѣ Дульциньйо Черногорцамъ и передачѣ Грекамъ двухъ провинцій въ то время когда Греція не въ силахъ водворить порядокъ и въ своихъ прежнихъ владѣніяхъ? Какой можетъ быть разчетъ ослаблять Турцію и вызывать компликаціи, исхода которыхъ нельзя предвидѣть? Европа не успокоится (таковъ отвѣтъ) доколѣ Турція вновь не станетъ уважительною военною силой.“ Германія должна противодѣйствовать всякимъ попыткамъ ослабить Турцію. „Ошибка сдѣланная въ 1876 и 1877 годахъ даетъ уже теперь жестоко чувствовать себя.“

Кого слѣдуетъ считать самымъ опаснымъ врагомъ Турціи, на этотъ вопросъ не обинуясь отвѣчаетъ теперь подручная германскому канцлеру берлинская *Post*. Лордъ Беконсфильдъ, говоритъ она, какъ истый государственный мужъ руководился планомъ поддерживать Турцію, и путемъ постепенныхъ реформъ въ ея внутреннемъ управленіи взять въ англійскую опеку Константинополь и азіятскія провинціи, не умаляя вліянія Франціи тамъ гдѣ оно уже успѣло укрѣпиться. Положеніе занимаемое Англіей въ Средиземномъ Морѣ лордъ Беконсфильдъ полагалъ всего вѣрнѣе обезпечить усиленіемъ астро-германскаго влія-

нія на Балканскомъ полуостровѣ. Совсѣмъ иначе поступаетъ г. Гладстонъ. Онъ замышляетъ завладѣть всею Турціей. Вопросъ только въ томъ какъ достигнуть этого. Всего ближе приведетъ къ этой цѣли тотъ случай когда „панславизмъ“ будетъ вовлеченъ въ войну съ Австріей, а Франція въ войну съ Германіей. Тогда у Гладстона будутъ де развязаны руки: онъ займется эманципаціей населеній Балканскаго полуострова, подчинитъ ихъ англійскому протекторату, точно также какъ и „вольный городъ Константинополь.“ Въ Азіи, вмѣсто „отжившей“ Турціи, на сцену будутъ выдвинуты „юныя силы Арабовъ,“ конечно также подъ эгидою Англіи.

Если Англія руководимая г. Гладстономъ является самымъ опаснымъ врагомъ Турціи, а слѣдовательно и Германіи съ Австріей заинтересованныхъ не только въ поддержаніи, но и въ возстановленіи силъ Турціи, то естественно то озлобленіе съ которымъ берлинская печать толкуетъ объ англійскомъ премьерѣ, и понятна та сила которая до сихъ поръ тормозитъ всѣ кажущіяся усилія призрачнаго Европейскаго концерта, вселяя Портѣ увѣренность что за нее найдутся заступники. Не правы ли были константинопольскія газеты, когда нынѣшнимъ лѣтомъ, при первыхъ извѣстіяхъ о готовящейся демонстраціи флотовъ, онѣ отозвались что Турція не имѣетъ поводовъ опасаться совокупныхъ дѣйствій, и что она попрежнему можетъ разчитывать на разность интересовъ державъ по дѣламъ Востока. Концертъ которымъ насъ пугаютъ, говорили турецкія газеты, есть не существующій призракъ, тѣмъ болѣе что Турція имѣетъ поводъ разчитывать на покровительство Германіи.

Въ чемъ же собственно заключается восточная политика г. Гладстона, которою такъ недовольны въ Берлинѣ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить недавняя статья (отъ 14 сентября) *Daily News*, органа близкаго къ англійскому премьеру. Статья эта съ замѣчательною откровенностью даетъ цѣлую программу будущаго, по ея мнѣнію единственнаго, рѣшенія Восточнаго вопроса. Г. Гладстонъ и лордъ Гранвиль знаютъ де съ абсолютною достовѣрностью что султанское правленіе въ Европѣ осуждено и что Турція предназначена въ непродолжительномъ времени къ раздѣлу. Единственный вопросъ или, лучше сказать, самый важный вопросъ заключается въ томъ между кѣмъ будетъ раздѣлъ,—между военными державами, Россіей и Австро-Венгріей, или между новыми національностями признанными освободить Востокъ Европы отъ тысячелѣтняго деспотизма и довести его плодоносную почву и энергичныя и даровитыя населенія до процвѣтанія и свободы которыхъ они были такъ долго лишены. „Г. Гладстонъ, вспоминаетъ *Daily News*, когда былъ еще частнымъ человѣкъ, воскликнулъ, обращаясь къ Австріи „„руки прочь,““ и мы не сомнѣваемся что находясь теперь у дѣлъ онъ готовъ сдѣлать это предостереженіе не одной только Австріи, но и Россіи. Ходъ событій призвавшій къ независимому существованію Греческое королевство и княжества Черногорское, Сербское и Румынское, освободившій на дѣлѣ Болгарію и на половину освободившій Восточную Румелію—будетъ продолжаться. Подобно тому какъ Молдавія и Валахія соединились вопреки запрещенію трактатовъ оказавшихся слабѣе естественныхъ силъ и народной воли, такъ и Болгарія и Восточная Румелія должны соединиться въ непродолжительномъ времени и получить полную независимость подъ властью единаго правителя. Территорія предназначенная Греціи Берлинскою конференціей не можетъ не перейти къ ней. Сомнительно только будетъ ли она уступлена мирнымъ путемъ, или достанется Греціи послѣ упорной и тяжкой борьбы... Точно также не можетъ подлежать сомнѣнію что остатки Турціи въ Европѣ прежде чѣмъ смѣнится одно поколѣніе перейдутъ изъ-подъ владычества султана къ той изъ новыхъ національностей которая по своимъ политическимъ качествамъ окажется наиболѣе достойною получить это наслѣдство. Въ чьи руки попадетъ Константинополь, въ руки ли Болгаръ или Грековъ—предсказать это невозможно; но что онъ перейдетъ изъ-подъ владычества султана, и что ни Россіи, ни Австріи не будетъ дозволено завладѣть имъ, очевидно для всякаго кто можетъ глядѣть на четверть вѣка впередъ... Австрія не можетъ удерживать его постоянно. Ея собственная будущность шатка. Другія державы не допустятъ чтобы Россія овладѣла Константинополемъ. Государственнымъ людямъ въ настоящее время нельзя говорить такъ откровенно—можетъ-быть они, будучи связаны традиціями и условіями, не властны даже и мыслить такъ

свободно и ясно какъ люди не знающіе офиціальныхъ путъ и не ожидающіе испытать ихъ. Но люди не обязанные прибѣгать къ хитростямъ и условнымъ увѣреніямъ, отъ которыхъ не могутъ освободиться министры и послы, должны говорить съ полною ясностью. Фактъ очевидный для всѣхъ у кого открыты глаза есть тотъ что магометанская теократія должна исчезнуть изъ восточной Европы, и что племена выносившія до сихъ поръ ея иго должны наконецъ рано или поздно пріобрѣсти независимость и самоуправленіе. Неизвѣстны только время и самый процессъ, мирнымъ способомъ или путемъ войны и насилія и какъ скоро все это совершится."

Въ заключеніе какъ бы прямо указывая на г. Гладстона и величіе принятой имъ на себя задачи, *Daily News* прибавляетъ что на государственныхъ людей имѣющихъ силу споспѣшествовать раннему и мирному разрѣшенію Восточнаго вопроса выпала одна изъ труднѣйшихъ и славнѣйшихъ задачъ какія когда-либо задавала исторія въ самые критическіе моменты.

№ 257.

Москва, 15-го сентября.

Во всемъ цивилизованномъ мірѣ правосудіе не сочло возможнымъ отказаться въ принципѣ отъ самаго тяжкаго изъ наказаній за самое тяжкое изъ преступленій. Вездѣ, за ничтожными исключеніями, за предумышленное убійство назначена по закону смертная казнь. Было, правда, время когда абсолютная отмѣна смертной казни составляла выдающійся пунктъ всякой либеральной программы; но и въ теоріи давно прекратились ожесточенные споры по этому предмету, и выдающіеся писатели самой чистой либеральной пробы, какъ Джонъ Стюартъ Милль и нѣмецкій криминалистъ Вехтеръ, рѣшительно высказались за сохраненіе смертной казни за предумышленное убійство. На практикѣ же отмѣна смертной казни совсѣмъ исчезла изъ либеральной программы: почти во всей Европѣ либералы имѣютъ нынѣ власть въ своихъ рукахъ и составляютъ большинство законодательныхъ собраній. Но за все послѣднее десятилѣтіе (со времени преній Германскаго рейхстага о смертной казни кончившихся удержаніемъ этой кары) вопросъ объ этомъ не поднимался, за исключеніемъ нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи, гдѣ смертная казнь была отмѣнена лѣтъ двадцать тому назадъ, но недавно по народному голосованію возстановлена. Всего характернѣе въ этомъ отношеніи Франція: съ тѣхъ поръ какъ тамъ установилась республика, политическій центръ тяжести перемѣщается все лѣвѣе и лѣвѣе; господствующая теперь партія есть уже радикальная. Викторъ Гюго, одинъ изъ апостоловъ ученія объ отмѣнѣ смертной казни, пользуется въ этой партіи большимъ почетомъ и вліяніемъ. Но ни самъ Викторъ Гюго, ни кто-либо изъ его приверженцевъ, ни тѣмъ менѣе правительство не подумало до сихъ поръ поднять вопросъ о смертной казни, которая не только продолжаетъ фигурировать во французскомъ кодексѣ, но и часто примѣняется на практикѣ. Еще на дняхъ, въ Парижѣ, на площади Ларокетъ, совершена казнь Менеклу, убившаго возмутительнымъ образомъ четырехлѣтнюю дѣвочку.

У насъ какъ разъ наоборотъ. Смертная **казнь за убійство давнымъ-давно отмѣнена нашимъ законодательствомъ.** Вопросъ о смертной казни за преступленія противъ частныхъ лицъ у насъ не существуетъ. Никто не поднимаетъ его въ теоріи. **Законодательная власть, какъ извѣстно, также** исключила смертную казнь изъ будущей „лѣстницы наказаній," которая разрабатывается и перерабатывается безъ конца, въ видахъ передѣлки нашего Уложенія о Наказаніяхъ, коего непригодность офиціально признана еще двадцать лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе наши „либеральные" юристы не находятъ лучшей темы какъ вопросъ о смертной казни, о которой они то и дѣло заводятъ рѣчь, усердно ратуя противъ нея и повторяя изношенныя фразы весьма богатой нѣкогда литературы этого вопроса. Впрочемъ наши либералы ратуютъ противъ смертной казни не въ тѣхъ случаяхъ когда она и у насъ примѣняется. Объ этомъ благоразумно умалчивается. Но тѣмъ усерднѣе наши Донъ-Кихоты сражаются противъ вѣтряныхъ мельницъ и ретиво доказываютъ что не слѣдуетъ наказывать смертью за убійство, за которое нашъ законъ и безъ того не полагаетъ смертной казни.

Но эта либеральная болтовня имѣетъ послѣдствія несовсѣмъ безвредныя. Всякій кто слѣдитъ за нашею судебною практи-

кой по уголовнымъ дѣламъ не можетъ не замѣтить поразительной мягкости приговоровъ постановляемыхъ нашими судами (именно коронными судьями) надъ убійцами. Необходимость усиленія законной мѣры наказанія за убійство была сознана нашимъ законодательствомъ вскорѣ послѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній. О томъ что это была насущная потребность, доказанная жизнью и безотлагательная, свидѣтельствуетъ то что законъ объ этомъ былъ изданъ въ 1872 году, не дожидаясь окончанія уже производившихся тогда работъ объ общемъ пересмотрѣ лѣстницы наказаній. По этому закону, наказаніе за многіе виды убійства возвышено съ 20 лѣтъ каторги до каторги безъ срока. Это не значитъ что судъ обязанъ къ каждому предусмотрѣнному закономъ случаю примѣнять высшую степень наказанія; но законъ несомнѣнно имѣлъ въ виду дать суду возможность назначенія болѣе строгой кары, предоставивъ ему примѣнять этотъ максимумъ въ случаяхъ особенно тяжкихъ; а вовторыхъ, рекомендовалъ суду бо́льшую сравнительно съ прежнимъ строгость противъ убійства вообще, такъ какъ и при смягченіи наказанія, обязательномъ для суда въ извѣстныхъ случаяхъ, ему данъ былъ расширенный масштабъ. Еслибъ этотъ масштабъ (безсрочная каторга) принимался какъ норма того наказанія которая требуется съ точки зрѣнія закона и правосудія за тягчайшіе виды убійства, то и при смягченіи наказаній въ большинствѣ случаевъ общій уровень наказаній за убійства долженъ былъ возвыситься.

Въ дѣйствительности же замѣчается совершенно противоположное явленіе: убійства наказываются нашими судами все мягче и мягче. Мы почти не запомнимъ за послѣдніе годы случая примѣненія высшей мѣры наказанія за убійство, установленной закономъ 1872 года. За то постоянно наталкиваемся на приговоры поражающіе своею слабостью, говоря прямо, несправедливостью. Ниже, въ отдѣлѣ *Судебной хроники*, мы приводимъ два приговора Петербургскаго окружнаго суда недавно состоявшіеся. Обращаемъ на нихъ вниманіе не потому чтобы въ нихъ представлялось что-нибудь выходящее изъ ряда вонъ, а напротивъ именно потому что такого рода снисходительность суда, никогда почти не назначающая высшей мѣры предоставленной ему карательной власти, и почти всегда спускающагося до низшей нормы, когда дѣло идетъ о пролитой человѣческой крови,—такого рода приговоры стали типическими въ нашихъ судахъ. Совершены возмутительныя убійства, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и съ цѣлью ограбленія. Въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ убитые пали жертвой своего довѣрія къ убійцамъ. Присяжные не дали убійцамъ снисхожденія, и по закону (п. 4 ст. 1.453 Улож. о Нак.) Львовъ могъ быть приговоренъ къ безсрочной каторгѣ, а убійцы Лебедева, какъ несовершеннолѣтніе, но вполнѣ закоренѣлые преступники, къ 20 годамъ каторги. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ судъ не перешелъ за самую низшую степень наказанія примѣнимаго въ данномъ случаѣ на основаніи закона.

Въ *pendant* къ этимъ приговорамъ укажемъ на приговоръ состоявшійся на дняхъ въ Лондонѣ. Нѣкто Перри, молодой человѣкъ 24 лѣтъ, судился за *покушеніе* на убійство, покушеніе совершенно не удавшееся, надъ своимъ товарищемъ Луисомъ, служившимъ съ нимъ въ одной конторѣ. Зная что Луисъ везетъ деньги въ другую контору, Перри подсѣлъ къ нему въ вагонъ подземной желѣзной дороги и напоивъ его въ дорогѣ портвейномъ съ примѣсью дурмана, воспользовался случаемъ когда они остались вдвоемъ въ отдѣленіи вагона и нанесъ ему ударъ въ голову. Въ это время вагонъ остановился у станціи; жертва преступленія, Луисъ, не былъ лишенъ вполнѣ сознанія ни отъ дурмана, ни отъ удара, и выскочилъ на платформу. Убійца былъ схваченъ. Судья не счелъ возможнымъ приговорить Перри къ смертной казни въ виду того что преступленіе не имѣло никакихъ послѣдствій для Луиса, но онъ приговорилъ Перри къ тридцати ударамъ плетьми (кошкой, with the cat) и къ 20 годамъ каторжной работы. И представьте, въ Англіи не только не возмутились этимъ „варварскимъ“ приговоромъ, но находятъ его вполнѣ справедливымъ. *Daily News*, первенствующій органъ либеральной партіи, совершенно одобрительно отозвался о наказаніи *кнутомъ*, находя его и справедливымъ для Перри, и полезнымъ въ видахъ устрашенія ему подобныхъ.

Что бы сказали на это наши либералы?

У насъ давно покончили съ вопросомъ объ устрашеніи какъ одномъ изъ элементовъ уголовной кары. А то что число кро-

вавыхъ преступленій возрастаетъ у насъ, и что человѣческая жизнь, жизнь мирныхъ гражданъ, цѣнится такъ дешево, и что вся „милость“ достается на долю убійцъ, это приводитъ въ умиленіе нашихъ ревнителей „прогресса.“

Еслибы какому-либо бытописателю нашихъ дней вздумалось написать „исторію либерализма,“ то нашъ доморощенный либерализмъ занялъ бы въ такомъ весьма интересномъ трудѣ особое мѣсто, и надъ главою о немъ будущій историкъ вѣроятно поставитъ: „либеральное варварство.“ Самобытнаго и новаго наши либералы ничего не внесли въ то движеніе мысли которое именуется либерализмомъ; въ положительномъ смыслѣ они пробавляются большею частью заимствованіями и шаблонными фразами, ставшими ходячею монетой на политическомъ рынкѣ; но въ отрицательномъ они отличаются многими, исключительно имъ принадлежащими, чертами...

№ 258.

Москва, 16-го сентября.

Въ только что полученной сентябрьской книжкѣ *Военнаго Сборника* находимъ довольно подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ перемѣнахъ въ организаціи и составѣ армій государствъ Балканскаго полуострова. Свѣдѣнія эти, интересныя сами по себѣ, являются какъ разъ кстати въ виду того оборота который готово принять дѣло о передачѣ Дульцинью Черногорцамъ.

Не далѣе какъ 15 сентября н. с. послы державъ принимающихъ участіе въ предстоящей демонстраціи флотовъ обратились къ Портѣ съ особою нотой въ которой настойчиво требовалось исполненіе Портою давно извѣстныхъ условій и выражалась надежда что она не замедлитъ доказать свою готовность исполнить обязательства. Надежда не сбылась, и султанъ, какъ передаетъ *Агентство Рейтера*, высказался предъ германскимъ посломъ Гатцфельдомъ въ томъ смыслѣ что предоставляетъ событія ихъ собственному теченію, возлагая всю отвѣтственность на Европу. Ожидать долѣе не представлялось ни надобности, ни возможности, и командующій соединенною европейскою эскадрой англійскій адмиралъ Сеймуръ приказалъ судамъ быть готовыми къ отплытію въ понедѣльникъ, 27 (15) сентября, а самъ съ нѣкоторыми изъ командировъ въ ночь съ 25 на 26 сентября вышелъ на пароходѣ *Helicon* для рекогносцировки албанскихъ водъ и возвратился къ эскадрѣ, наканунѣ дня назначеннаго началомъ дѣйствій. Все было готово, какъ вдругъ пришлось дать контръ-ордеръ и попрежнему остаться на якорѣ въ ожиданіи результата новыхъ переговоровъ съ Портою, начатыхъ на этотъ разъ Черногорцами. Въ то же время послѣдовали однако въ Константинополѣ представленія и другихъ державъ, изложенныя въ особой нотѣ, поддерживающей прежнія требованія.

Причины побудившія Черногорцевъ вступить въ переговоры достаточно объясняются послѣдними телеграммами изъ Рагузы. „Черногорцы, говоритъ одна изъ нихъ, отъ 27 (15) сентября, откладываютъ начатіе дѣйствій до выхода оттоманскихъ войскъ занимающихъ подлежащій уступкѣ округъ и повидимому готовыхъ отразить силу силой въ случаѣ нарушенія оттоманской территоріи.“

Несмотря на усердные толки германскихъ и австрійскихъ газетъ о полномъ упадкѣ военныхъ силъ Турціи, армія ея, какъ видно изъ данныхъ приводимыхъ въ *Военномъ Сборникѣ*, и по мирному и по военному положенію сильнѣе армій остальныхъ государствъ Балканскаго полуострова въ совокупности. Къ началу года, по спискамъ мирнаго состава, въ турецкой арміи числилось до 160 тысячъ, бо́льшая часть коихъ (свыше 120 т.) расположена въ Европейской Турціи и преимущественно въ ея западныхъ провинціяхъ. Дѣйствительно въ вилаетѣ Салоникскомъ, въ Оессаліи, Эпирѣ, Скутари и Коссовѣ въ январѣ мѣсяцѣ было до 70 тысячъ, а остальныя пятьдесятъ стояли въ окрестностяхъ Константинополя и въ Адріанопольскомъ вилаетѣ, но лѣтомъ часть войскъ изъ Константинополя перевезена въ Оессалію, Эпиръ и въ Верхнюю Албанію. Правда, Турецкое военное министерство находится въ отчаянномъ положеніи и лишено почти всякой возможности, въ случаѣ надобности, усилить свою армію, такъ какъ въ его распоряженіи находится всего только 35.000 обученыхъ резервистовъ. Кавалерія въ полномъ разстройствѣ, въ артиллеріи всего 500 орудій. Военный матеріалъ не могъ быть пополненъ послѣ войны по недостатку денежныхъ средствъ, кото-

рыхъ не достаетъ даже на то чтобы ввести вновь проектированную и уже одобренную султаномъ военную систему, привлекающую къ службѣ всѣхъ турецкихъ подданныхъ безъ различія національностей. Но усиленіе арміи и снабженіе ея въ изобиліи военнымъ матеріаломъ и не представляется необходимымъ для борьбы которая можетъ теперь представиться Турціи; ея средства слишкомъ превосходятъ силы Черногорцевъ, а высаживать войска европейская эскадра не имѣетъ права.

Точно также справедливо что войска Порты находятся въ жалкомъ состояніи. Оккупація Босніи австрійскими войсками, безпокойства въ Румеліи, несогласія съ Грецією и Черногоріей; возстанія въ Ѳессаліи, Македоніи, Сиріи и Аравіи заставили турецкое военное министерство „жить изо дня въ день, стараясь удовлетворять лишь насущнымъ потребностямъ и посылать подкрѣпленія туда гдѣ они были болѣе нужны;“ все это еще болѣе разстроило матеріальныя средства турецкаго военнаго вѣдомства, такъ что вотъ уже „много мѣсяцевъ ни одна войсковая часть не получаетъ жалованья, а въ послѣднее время даже и натуральное довольствіе выдается войскамъ неправильно.“ Офицеры и нижніе чины живутъ заработками на сторонѣ, которыхъ все же недостаточно для существованія. Дисциплина расшаталась до послѣдней степени и „случалось что солдаты массами продавали свое оружіе.“ И несмотря на все это турецкая армія продолжаетъ существовать и показывать готовность отразить силу силой, тогда какъ, замѣчаетъ *Военный Сборникъ*, всякая (?) другая армія давно распалась бы при такихъ условіяхъ. Турецкая армія чѣмъ менѣе въ ней наружной дисциплины, тѣмъ болѣе способна повторить тѣ комедіи которыя на памяти у всѣхъ продѣлывались во время занятія Босніи австрійскими войсками, когда турецкіе регулярные баталіоны въ полномъ составѣ, съ офицерами, переходили на сторону боснійскихъ мусульманъ поддерживаемыхъ подъ рукою турецкимъ правительствомъ. Но въ такомъ же положеніи находятся теперь и Албанцы, почти явно поддерживаемые Портою, которая не только не принимаетъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ для понужденія ихъ къ уступкѣ, но и не препятствуетъ имъ спокойно сосредоточивать свои силы у Дульциньйо, куда они въ послѣднее время стекались массами. Одни Албанцы, предоставленные самимъ себѣ, не въ состояніи сопротивляться наступленію Черногорцевъ, но Порта, какъ видно, не намѣрена выводить своихъ войскъ. Европейская эскадра, замѣтила на дняхъ *Кельнская Газета*, и сдѣлать тутъ ничего не можетъ: „Если подъ покровительствомъ ея пушекъ Черногорцы и займутъ Дульциньйо, то еще вопросъ, удержатъ ли де они эту территорію за собою: европейскій флотъ уйдетъ, а Черногорцы останутся съ глазу на глазъ съ Албанцами не желающими присоединенія и всегда готовыми броситься на Черногорцевъ, въ чемъ конечно не замедлятъ, будто бы вопреки волѣ правительства, поддержатъ ихъ и регулярныя турецкія войска.“

Въ такомъ положеніи Черногорцамъ оставался одинъ выходъ: еще разъ попытаться побудить Порту къ уступкамъ и къ добровольному выводу регулярныхъ войскъ. Срокъ данный на это Портѣ на этотъ разъ непродолжителенъ, и военныя дѣйствія послѣдуютъ быть-можетъ въ концѣ этой недѣли.

№ 259.

Москва, 17-го сентября.

Въ ряду экономическихъ явленій настоящаго времени, обнаруживающійся въ Германіи денежный кризисъ обращаетъ на себя особенное вниманіе и служитъ предметомъ общихъ толковъ. Но одно любопытство побуждаетъ слѣдить за этимъ кризисомъ и его развитіемъ. Это не есть фактъ только внутренней германской жизни, это результатъ международныхъ отношеній имѣющій не малое значеніе для многихъ странъ и особенно для Россіи, на долю коей достается въ настоящемъ случаѣ въ чужомъ пиру похмѣлье.

Внѣшніе симптомы кризиса заключаются въ томъ что въ Германіи появилась сильная нужда въ золотѣ для отправки въ Америку. При постоянной размѣнности обращающихся въ Германіи бумажныхъ денегъ, удовлетвореніе этой нужды сперва не встрѣчало препятствій. Банковые билеты Германскаго государственнаго банка стали въ большомъ количествѣ предъявляться къ размѣну, и получаемое въ обмѣнъ на нихъ золото тотчасъ же уходило въ Америку. Денежные обороты внутри страны отъ этого не страдали, прили-

вавшіе въ банкъ въ обмѣнъ на золото банковые билеты опять поступали въ обращеніе подъ учетъ векселей и иныхъ цѣнностей и затѣмъ вновь предъявлялись къ размѣну. Но такой ходъ дѣлъ естественно встревожилъ правленіе банка, которое, конечно, не могло спокойно видѣть что его металлическій фондъ служащій обезпеченіемъ всего бумажно-денежнаго обращенія и состоятельности самого банка быстро таетъ. Банкъ рѣшился принять мѣры къ огражденію своего металлическаго фонда. Послѣдовалъ сильный и быстрый подъемъ учетнаго процента; долго державшійся на низкомъ уровнѣ, дисконтъ былъ поднятъ до $5^1/_2$ и $6^1/_2$ %. Получать изъ банка путемъ учета банковые билеты для предъявленія ихъ къ размѣну стало тяжело и накладно. Но тѣмъ не менѣе предъявленіе билетовъ къ размѣну не прекращается. Помимо подъема учетнаго процента, банкъ нашелъ нужнымъ принять еще другую мѣру для огражденія своего фонда, онъ рѣшилъ отказывать въ размѣнѣ банкнотъ на золото, оставивъ безпрепятственный размѣнъ ихъ только на серебряную монету.

Окажутся ли принятыя мѣры достаточными для огражденія фонда и интересовъ Германскаго государственнаго банка, или понадобятся дальнѣйшій подъемъ учета и другія мѣры, покажетъ будущее. Но само собою разумѣется что затрудненный и прегражденный отливъ золота изъ кладовыхъ названнаго банка нисколько не могъ уменьшить оказавшейся въ странѣ экстренной нужды въ золотѣ. Только для удовлетворенія этой нужды пришлось изыскивать иные пути. Вмѣсто обмѣна на золото своихъ банковыхъ билетовъ, Германія прибѣгаетъ теперь къ обмѣну на золото находящихся въ ея рукахъ разнаго рода русскихъ бумажныхъ цѣнностей и долговыхъ обязательствъ. Вмѣсто германскаго, должно такимъ образомъ вывозиться въ Америку русское золото. Обычно сильная у насъ потребность въ этомъ металлѣ для заграничныхъ расплатъ, требуемыхъ отсутствіемъ равновѣсія въ нашемъ международномъ разчетномъ балансѣ, въ настоящее время увеличивается возложеніемъ на насъ обязанности расплатиться за недочеты внѣшнихъ германскихъ сдѣлокъ. Къ числу обстоятельствъ обусловливающихъ низкій уровень нашихъ курсовъ и многихъ бумагъ прибавилось такимъ образомъ еще новое. Затрудненія постигшія германскій денежный рынокъ влекутъ за собою затрудненія и для нашего денежнаго рынка, вслѣдствіе тяжкой зависимости въ какой послѣдній находится отъ перваго. До какихъ размѣровъ могутъ дойти эти затрудненія, сколько они будутъ продолжаться, и въ какой силѣ можетъ разыграться и отразиться на Россіи обнаруживающійся кризисъ, этого нельзя знать, но во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ быть наготовѣ и заблаговременно подумать о мѣрахъ которыми могли бы быть предупреждены или по крайней мѣрѣ ослаблены вредныя его послѣдствія. При обсужденіи этихъ мѣръ, конечно, одно изъ важнѣйшихъ условій составляетъ возможно болѣе ясное и точное понятіе о дѣйствительныхъ причинахъ тѣхъ экономическихъ явленій съ которыми приходится имѣть дѣло. Сбивчивость сужденій тутъ всего хуже.

Къ сожалѣнію, въ толкахъ о возникающемъ денежномъ кризисѣ, приходится замѣчать именно большую сбивчивость сужденій. Дѣлаются, между прочимъ, попытки объяснять экономическія явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, какъ результаты личной политики князя Бисмарка. Нѣтъ ничего удивительнаго если подобные взгляды излагаются въ Германіи, гдѣ для партій оппонирующихъ желѣзному канцлеру можетъ казаться выгоднымъ сваливать на него всю вину возникшихъ затрудненій. Но странно у насъ, въ Россіи, при обсужденіи этихъ затрудненій, слышать повторенія, съ чужаго голоса, сѣтованій на отсутствіе въ германской экономической политикѣ твердыхъ основъ, которыя де мѣняются сообразно съ замыслами германскаго канцлера по международной политикѣ, на переходы отъ фритредерской къ протекціонной системѣ, на колебанія между одно-металлическою (золотою) и двуметаллическою (золотою и серебряною) денежными системами.

Двуметаллическая система, конечно, имѣетъ свои выгоды и невыгоды. При извѣстныхъ условіяхъ, она можетъ вести къ отливу золота изъ страны. Но при такихъ обстоятельствахъ въ странѣ было бы стремленіе отдѣлаться отъ своего золота, а не добывать его изъ другихъ странъ, и спроса на русское золото для германскихъ нуждъ не было бы вовсе. Значитъ при существующихъ обстоятельствахъ, мы имѣемъ дѣло не съ результатами стремленій князя Бис-

марка водворить въ Германіи двуметаллическую систему.

Повышеніе германскаго таможеннаго тарифа могло имѣть результатомъ лишь сокращеніе, а не увеличеніе заграничныхъ расплатъ Германіи, и стало-быть не могло создать въ ней нужду въ золотѣ для такихъ расплатъ. Толки о связи нынѣшнихъ денежныхъ затрудненій въ Германіи съ тамошнею таможенною реформой не имѣютъ, по этому, никакого смысла.

Есть, правда, возможность привести происходящую нынѣ закупку въ Россіи золота для Германіи въ нѣкоторую связь съ видами германскаго канцлера по международной политикѣ. Но эта связь не та какая указывается въ ходячихъ о ней толкахъ, и прямо имъ противорѣчитъ. Эта связь можетъ заключаться въ той цѣли съ которою Германскій государственный банкъ усиленно покупаетъ теперь русское золото и, по послѣднимъ извѣстіямъ, уже успѣлъ пріобрѣсти нашихъ полуимперіаловъ на пять милліоновъ марокъ. Говорятъ будто надо ожидать что означенный банкъ въ скорости начнетъ отправлять это купленное имъ русское золото въ Америку. Сомнительно. Поднявъ учетъ и стѣснивъ размѣнъ своихъ банкнотъ въ заботахъ о сохранности своего золота, для огражденія его отъ уплыва въ Америку, Германскій банкъ едва ли озабоченъ направленіемъ закупаемаго имъ золота туда, а не въ свои кладовыя. Расплату съ Америкой онъ гораздо удобнѣе могъ бы предоставить стараніямъ частныхъ банкирскихъ конторъ на которыя, по международнымъ разчетамъ, пала эта обязанность. Но о пополненіи своего золотаго фонда, сокращеннаго размѣномъ, онъ долженъ позаботиться самъ, и политическія обстоятельства могутъ дѣлать эту заботу особенно настоятельною. Ошибка нашего Государственнаго Банка, допустившаго сильное сокращеніе запасовъ золота въ своихъ кладовыхъ какъ разъ наканунѣ послѣдней Восточной войны, надо полагать, оцѣнена въ Германіи и, по всей вѣроятности, не будетъ въ ней повторена. Во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ что Германскій Банкъ сталъ закупать золото въ Россіи вслѣдъ за появленіемъ на политическомъ горизонтѣ тѣхъ черныхъ точекъ которыя были вызваны извѣстною шербургскою рѣчью г. Гамбетты и послѣдовавшими затѣмъ перипетіями его борьбы съ г. Фрейсине.

Если это такъ, вопросъ, конечно, усложняется; мы получаемъ два параллельныя требованія на русское золото изъ Германіи: одно для Германскаго Банка, другое для германскихъ разчетовъ съ Америкой, стало-быть двѣ параллельныя причины пониженія нашихъ курсовъ и иныхъ затрудненій для нашего денежнаго рынка. Но пока дѣло не выяснилось, будемъ говорить только о второй изъ нихъ, находящейся внѣ сомнѣнія.

Разчеты съ Америкой — вотъ причина и германскихъ и нашихъ затрудненій. Это можетъ казаться страннымъ въ виду того что прямыя сношенія не только Россіи, но и Германіи съ Америкой, очень ограниченныя. И однако это такъ. Какъ Россіи, такъ и Германіи приходится расплачиваться не по своимъ, а по чужимъ счетамъ съ Соединенными Штатами. Россія платится за Германію, Германія за Англію. Этого не могутъ отрицать и тѣ кто желалъ бы объяснить все дѣло преимущественно направленіемъ внутренней и внѣшней германской политики. Они только придаютъ этимъ разчетамъ случайный, мимолетный характеръ, что̀ далеко несогласно съ дѣйствительностью. Дѣло, по ихъ изложенію, ограничивается слѣдующимъ:

Въ истекшемъ полугодіи европейскіе банкирскіе дома были усиленно заняты реализаціей множества займовъ государственныхъ, городскихъ и частныхъ, въ томъ числѣ и нашего майскаго желѣзнодорожнаго 150 милліоннаго займа: всего было выпущено разныхъ займовъ на сумму свыше четырехъ милліардовъ франковъ. Не всѣ страны равно участвовали въ ихъ реализаціи. Англія воздерживалась отъ прямаго въ нихъ участія, а германскіе банкиры, напротивъ, зарвались, подписавшись на суммы выше своихъ денежныхъ средствъ и пустивъ въ ходъ не только свои, но и чужія, именно англійскія деньги. Англичане охотно ссужали имъ свои деньги, изъ $2^1/_2$—3% въ годъ, съ уплатой по востребованію. Такимъ образомъ Германія оказалась въ долгу у Англіи. Съ этимъ долгомъ германскіе банкиры разчитывали расплатиться русскимъ хлѣбомъ, а чтобы выгоднѣе закупить его въ Россіи для Англіи, запаслись значительнымъ количествомъ русскихъ цѣнностей и кредитныхъ билетовъ. Но всѣ эти разчеты разбились о недостаточно удовлетворительную жатву и высокія цѣны на хлѣбъ въ Россіи. Вмѣсто

спроса на русскій хлѣбъ усилился спросъ на хлѣбъ американскій, и Германіи пришлось расплачиваться за Англію не съ Россіей, а съ Соединенными Штатами, что и вызвало нужду въ золотѣ и дальнѣйшія затрудненія.

Въ вѣрности изложенныхъ фактовъ нѣтъ повода сомнѣваться, но ограничиваться ими при объясненіи существующаго экономическаго положенія значитъ смотрѣть слишкомъ поверхностно, довольствуясь ближайшими поводами возникновенія экономическихъ явленій и не допытываясь до дѣйствительныхъ ихъ причинъ. Выходитъ такъ какъ будто бы вся бѣда произошла единственно отъ недостаточности урожая въ Россіи; будь этотъ урожай немного удовлетворительнѣе, и никакихъ расплатъ золотомъ съ Америкой и вызванныхъ ими затрудненій на германскомъ и русскомъ денежныхъ рынкахъ вовсе бы не было. Но такъ ли это?

Позволительно усомниться.

Присматриваясь внимательно къ международнымъ экономическимъ отношеніямъ, трудно не придти къ убѣжденію что затрудненія подобныя тѣмъ о которыхъ идетъ рѣчь, суть результатъ не мѣстныхъ и случайныхъ только, а также общихъ и постоянно дѣйствующихъ причинъ, и что въ силу этого, затрудненія грозятъ сдѣлаться хроническими. Въ числѣ этихъ общихъ причинъ, самое видное мѣсто занимаетъ измѣнившійся характеръ экономическихъ отношеній Америки къ Европѣ.

Была пора, — и съ тѣхъ поръ прошло еще немного лѣтъ, — когда Европа была кредиторомъ Соединенныхъ Штатовъ на большія суммы, и когда не Европейцамъ, а Американцамъ ежегодно, при обоюдныхъ разчетахъ, приходилось много приплачивать. Ежегодно шли изъ Америки въ Европу массы золота и въ уплату процентовъ по долгамъ, и въ уплату за излишекъ европейскаго привоза противъ американскаго отпуска. Дѣлались всевозможныя усилія убѣдить Американцевъ чтобъ они держались такой экономической системы при которой означенный порядокъ продолжался бы вѣчно, грозя въ противномъ случаѣ самыми печальными послѣдствіями. Но своенравные Янки не послушались и усвоили себѣ своеобразную національную экономическую политику. Главнымъ результатомъ этой политики было то что привозъ иностранныхъ товаровъ въ Америку сильно сократился, а отпускъ американскихъ возросъ. Разница между размѣрами привоза и отпуска не только устранила необходимость приплатъ золотомъ Европейцамъ, но еще потребовала приплатъ со стороны этихъ послѣднихъ. Въ счетъ этихъ приплатъ Американцы брали, между прочимъ, свои долговыя обязательства, и такихъ обязательствъ въ европейскихъ рукахъ осталось уже очень немного. За неимѣніемъ ихъ, приходится платить золотомъ, и размѣръ такихъ уплатъ растетъ изъ года въ годъ. Уже въ 1878 году американскій отпускъ превышалъ привозъ въ полтора раза, почти на 250 милліоновъ долларовъ. Въ минувшемъ и въ текущемъ годахъ, американскій отпускъ еще болѣе выросъ, и странамъ куда идутъ американскіе товары становится все труднѣе за нихъ расплачиваться. Расплачиваться за нихъ нужно теперь уже не продуктами только годоваго производства, а накопленными прежде капиталами, которые и переходятъ въ американскія руки.

Тяжесть этихъ уплатъ падаетъ не на одни только тѣ государства куда преимущественно идутъ массы американскихъ продуктовъ; косвенно, эти уплаты падаютъ и на другія страны, находящіяся въ долгу у прочихъ. Англія, вынужденная нынѣ болѣе всѣхъ платить Америкѣ, естественно заставляетъ платить за себя своихъ должниковъ. А въ числѣ этихъ должниковъ оказываются и Россія, и Германія.

Обѣимъ этимъ странамъ приходится нынѣ расплачиваться за фритредерское повѣтріе которому онѣ подчинились. Германія, подобно Россіи, долгое время жила въ долгъ. Въ теченіе долгаго времени она привозила къ себѣ массы иностранныхъ товаровъ, на милліарды превышавшія по стоимости количество ея отпуска. Разчеты за такой порядокъ должны были и поглотить все то что дала пятимилліардная контрибуція, и поставить Германію въ положеніе должника зависимаго отъ чужихъ денежныхъ рынковъ. То же самое въ еще большей степени видимъ мы въ Россіи.

Положеніе экономической зависимости отъ иностранцевъ, вотъ главное зло, вотъ причина почему чужіе разчеты съ Америкой отзываются на странахъ не имѣющихъ съ нею прямыхъ сношеній въ большихъ размѣрахъ.

Всесвѣтный кредиторъ, Англія стала нынѣ воздерживаться отъ участія въ заклю-

чаемыхъ другими странами займахъ. Это фактъ заслуживающій вниманія. Ей, повидимому, не до того теперь чтобъ искать помѣщенія для избытка капиталовъ. Для нея, кажется, настаетъ пора не раздачъ въ долгъ, а взысканія розданнаго въ долгъ. И всего тяжеле приходится, конечно, тѣмъ съ кого эти взысканія производятся.

Но можно ли намъ выйти изъ положенія должниковъ, изъ неизбѣжной при такомъ положеніи экономической зависимости? Примѣръ Америки показалъ что это очень возможно.

№ 260.

Москва, 18-го сентября.

Возвращаемся къ статьѣ сентябрьской книжки *Военнаго Сборника* о послѣднихъ измѣненіяхъ въ организаціи и составѣ армій государствъ Балканскаго полуострова. На очереди Грепія, которой слѣдомъ за Черногоріей придется испытать всѣ послѣдствія политики установившейся въ Вѣнѣ и Берлинѣ по отношенію къ Турціи, и на дняхъ съ такою откровенностью очерченной въ статьяхъ *Кельнской Газеты*. Въ Константинополѣ очевидно понимаютъ эту политику, направленную къ поддержанію тѣмъ или инымъ путемъ военнаго преобладанія Порты надъ войсками прочихъ государствъ полуострова. По крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключать это изъ словъ султана въ разговорѣ съ графомъ Гатцфельдомъ, когда Абдулъ-Гамидъ, войдя въ подробныя разсужденія о международномъ правѣ, замѣтилъ что онъ отказывается де вѣрить чтобы шесть могущественныхъ державъ дѣйствительно рѣшились проливать кровь небольшаго, но храбраго народа, единственное преступленіе котораго есть пламенная любовь къ отечеству. Рѣчь идетъ объ Албанцахъ поддерживаемыхъ Портой и готовящихся теперь къ энергическому сопротивленію всѣмъ рѣшеніямъ европейскаго концерта. Если султанъ отказывается вѣрить тому что Европа заставитъ Албанцевъ подчиниться ея постановленіямъ, то еще менѣе вѣроятно чтобы Порта сама заставила ихъ уступить Грекамъ часть ихъ „горячо любимой родины.“ Только въ этомъ смыслѣ можетъ быть истолковано и рѣшеніе Порты „предоставить событія собственному ихъ теченію, возложивъ всю отвѣтственность за послѣдствія на державы.“

Какъ бы ни кончилось крайне напряженное положеніе дѣла о передачѣ Дульциньйо Черногорцамъ, это послужитъ только прелюдіей тѣхъ событій на Востокѣ отвѣтственность за которыя, по мнѣнію Порты, отказавшейся подчиниться рѣшеніямъ Берлинской конференціи, должна пасть на европейскую дипломатію. Ключъ дѣла есть вопросъ о греческой границѣ. Въ ожиданіи когда наступитъ пора его рѣшенія, обѣ стороны готовятся къ столкновенію. Турція сосредоточила на старой греческой границѣ свыше 60 тысячъ войскъ и успѣла возвести сильныя укрѣпленія на важнѣйшихъ стратегическихъ пунктахъ. Въ свою очередь Греческое правительство еще въ концѣ лѣта приступило къ мобилизаціи своей арміи и продолжаетъ это дѣло съ величайшею энергіей. Къ 1 января настоящаго года, по словамъ *Военнаго Сборника*, греческое военное министерство располагало почти 44 тысячами солдатъ, то-есть на девять тысячъ болѣе противъ штатовъ военнаго времени. Этотъ излишекъ, вмѣстѣ съ контингентомъ текущаго года и вольноопредѣляющимися поступающими подъ знамена по случаю мобилизаціи арміи, долженъ идти на формированіе новыхъ частей войска. Число рекрутъ принимаемыхъ ежедневно, какъ сообщаютъ изъ Аѳинъ отъ 22 (10) сентября въ *Presse*, простирается до 500 человѣкъ, такъ что къ концу мобилизаціи греческая армія будетъ состоять изъ 60 тысячъ; лошади для арміи закупаются въ значительномъ числѣ въ Венгріи и въ Алжирѣ, пушки заказанныя Круппу уже готовы, а изъ Франціи доставлены спаряды и зимняя одежда для войска. Флотъ, самая слабая часть греческой военной силы, точно также не остался безъ вниманія: въ Лондонъ отправлены офицеры для закупки и заказа судовъ. Вооруженіямъ способствовало еще въ значительной мѣрѣ то обстоятельство что греческая пѣхота вооружена ружьями системы Гра, той самой которая принята и во Франціи. Это дало возможность быстро довести запасъ патроновъ до 300 на каждое ружье, т.-е. до количества вполнѣ достаточнаго для продолжительной горной кампаніи.

Греческая армія обладаетъ способностью къ продолжительнымъ движеніямъ и къ перенесенію тягостей службы при самомъ

незначительномъ продовольствіи. „Сомкнутый строй, замѣчаетъ *Военный Сборникъ*, мало подходитъ къ характеру греческаго пѣхотинца; всѣ его достоинства выступаютъ, главнымъ образомъ, при дѣйствіяхъ въ гористой мѣстности и въ разсыпномъ строѣ. Его способность примѣняться къ мѣстности замѣчательна; онъ какъ бы владѣетъ инстинктомъ сразу замѣтить каждый предметъ который можетъ представить защиту отъ непріятельскаго огня, и воспользоваться этимъ закрытіемъ не нарушая связи другъ съ другомъ, но и не сбиваясь въ кучки, легко обстрѣливаемыя артиллерійскимъ огнемъ. „Въ этомъ отношеніи греческая армія, несмотря на свою неопытность, должна взять перевѣсъ надъ турецкою, мало пріученною къ маневрированію и къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ въ разсыпномъ строѣ. Итакъ, по численному составу и по качествамъ войскъ противники почти равносильны. За Турціей остается однако важное преимущество: шестьдесятъ тысячъ, это все что можетъ выставить Греція при наибольшемъ напряженіи своихъ силъ, тогда какъ Турки располагаютъ сверхъ выставленныхъ уже на греческой границѣ еще значительными массами, которыя въ случаѣ надобности они могутъ притянуть на театръ войны, не считая войскъ Албанской Лиги. Итакъ, перевѣсъ въ силѣ остается на сторонѣ Турокъ, тѣмъ болѣе что благодаря очертанію своихъ морскихъ границъ Греки не могутъ двинуть въ Эпиръ и Оессалію всѣхъ своихъ войскъ, при слабомъ составѣ флота, необходимыхъ для береговой обороны полуострова.

Такимъ образомъ, несмотря на большія матеріальныя пожертвованія которыхъ требуетъ мобилизація, Греція не въ состояніи вести продолжительную борьбу съ Турціей безъ посторонней поддержки, конечно болѣе серіозной нежели та которую могла бы оказать европейская флотилія Черногорцамъ, особенно въ концѣ сентября, когда у береговъ Дульциньйо начнется сильное волненіе, причемъ стоянка судовъ у берега дѣлается невозможною, и пароходное сообщеніе прекращается почти вовсе. „Въ Греціи, какъ замѣчаетъ аѳинскій корреспондентъ *Presse*, существуетъ увѣренность что Франція не откажетъ въ такой поддержкѣ. Увѣренность эта выражалась впрочемъ еще лѣтомъ и не въ Аѳинахъ только: по крайней мѣрѣ берлинская печать постоянно указывала на Францію какъ на державу подававшую надежды Грекамъ, подстрекавшую ихъ къ мобилизаціи и къ твердому образу дѣйствій относительно Турціи.

Съ другой стороны, нельзя сказать чтобы германская печать относилась благосклонно къ усиліямъ дѣлаемымъ теперь Греціей. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ очевидно озабочены тѣми осложненіями которыя можетъ повлечь за собою дѣятельное европейское вмѣшательство въ греко-турецкую распрю. Эти заботы отражаются и въ усиленномъ вниманіи которое обращено тамъ на военныя преобразованія и на развитіе боевыхъ средствъ. Реформы требуютъ времени. Не этимъ ли желаніемъ выиграть время обусловлена и та необычайная терпѣливость которую обнаруживаетъ теперь дипломатія по вопросу о передачѣ Дульциньйо. Все идетъ такъ какъ будто дѣло только въ томъ чтобъ отдалить развязку Греческаго вопроса, которая, по замѣчанію офиціозныхъ берлинскихъ газетъ, неизбѣжно должна послѣдовать за рѣшеніемъ дѣла о Черногорской границѣ. Не даромъ же при первыхъ извѣстіяхъ о мобилизаціи въ Греціи нѣмецкая печать такъ увѣренно говорила что Греки могутъ все сдѣлать не торопясь, такъ какъ ихъ очередь наступитъ только „много мѣсяцевъ спустя.“

Продолжительное напряженіе всѣхъ силъ на которое дипломатія осудила Балканскій полуостровъ несомнѣнно истощаетъ силы всѣхъ его государствъ. Но это истощеніе, если вѣрить стратегамъ *Кельнской Газеты*, представляется въ военномъ отношеніи выгоднымъ для Австріи, убѣжденной что во всякой войнѣ не-турецкое населеніе полуострова будетъ не съ нею, а противъ нея. Правда, напряженіе силъ также, если не болѣе, вредно для обанкрутившейся Турціи, которая предполагается на австрійской сторонѣ; но это обстоятельство, во всякомъ случаѣ невыгодное, парализуется тѣмъ что Турція сильнѣе своихъ естественныхъ противниковъ, не включая конечно въ число ихъ Румынію, счеты которой закончены.

№ 261.

Москва, 19-го сентября.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ съ Адріатики, весьма похоже на то что демонстрація соединенныхъ флотовъ, это „великое дѣйствіе“ европейскаго концерта окончится великимъ европейскимъ скандаломъ. Не знаемъ въ который разъ прошелъ „крайній“ и „самый крайній срокъ“ поставленный Турціи уже не дипломатіей, а начальникомъ соединенной морской силы, англійскимъ адмираломъ Сеймуромъ, срокъ, по истеченіи котораго флотъ долженъ былъ *непремѣнно* приступить къ бомбардированію Дульциньйо и Албанскаго побережья для поддержанія наступательнаго дѣйствія сосредоточенныхъ близь албанской границы черногорскихъ силъ. Послѣдняя изъ этихъ отсрочекъ истекла 27 (15) сентября. Но Черногорцы все еще стоятъ не двигаясь съ мѣста, соединенный же флотъ вѣроятно двинется на дняхъ... чтобы совсѣмъ убраться изъ Адріатическаго Моря, гдѣ въ началѣ октября всегда свирѣпствуютъ сильныя бури, опасныя у береговъ для громадныхъ и тяжелыхъ па подъемъ броненосцевъ. Это предвидятъ и англійскія газеты. Когда флотъ уйдетъ, Черногорцамъ, по мнѣнію тѣхъ же газетъ, почти невозможно будетъ совершить то что было бы для нихъ легкимъ дѣломъ три мѣсяца тому назадъ, то-есть прогнать албанскую сволочь, ибо въ это время Албанцы сильно укрѣпились и, сверхъ того, весь отрядъ турецкихъ войскъ, приведенный Риза-пашей „для ихъ усмиренія,“ послужитъ, какъ теперь никто уже не сомнѣвается, имъ въ подмогу. Правду замѣчаетъ *Morning Post* что Черногорцамъ придется воскликнуть: „Избави насъ Богъ отъ друзей: не будь ихъ, мы бы давно справились со врагами.“

Не слѣдутъ забывать что, кромѣ Черногорскаго вопроса, европейскому „концерту“ предстоитъ еще Греческое дѣло, для котораго демонстрація въ Адріатикѣ имѣла послужить прелюдіей. Послѣ *такой* прелюдіи Грекамъ еще „очень долго придется ждать,“ какъ впрочемъ ихъ давно предупреждала нѣмецкая печать...

Нѣмецкая печать вообще оказалась въ этомъ дѣлѣ дальновиднѣе прочихъ и теперь она не скрываетъ своего злорадства по поводу не удавшейся затѣи г. Гладстона. Замѣчательно что одновременно съ этимъ германская печать стала съ большимъ усердіемъ обрабатывать мысль о возстановленіи Тройнаго Союза, на что мы уже имѣли случай обратить вниманіе. Въ послѣдніе дни „литература“ этого вопроса обогатилась значительно. Имѣются голоса и въ пользу и противъ такого возстановленія; но и приверженцы этой идеи, и ея противники одинаково выставляютъ дѣло въ такомъ свѣтѣ какъ будто Россія болѣе всего нуждается въ новомъ сближеніи съ Австріей и Германіей, причемъ Россіи дѣлаются надлежащія внушенія, и условіемъ *sine qua non* такого сближенія ставится полнѣйшее отреченіе Россіи отъ „панславизма.“ А что такое австро-нѣмецкая печать понимаетъ подъ этимъ словомъ, это мы давно знаемъ. Этотъ терминъ въ устахъ нѣмецкой печати имѣетъ болѣе отрицательное нежели положительное значеніе: все то что противорѣчитъ притязаніямъ Австріи на Балканскомъ полуостровѣ именуется въ Германіи панславизмомъ. Г. Гладстонъ тоже провозглашенъ панславистомъ съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ требовать справедливости христіанскимъ племенамъ Балканскаго полуострова, не скрывая при этомъ своего мнѣнія что теперешняя Габсбургская монархія есть злѣйшій врагъ этихъ племенъ.

Итакъ, Россіи предоставляется возвратиться въ объятія своихъ добрыхъ друзей, предварительно очистивъ себя отъ зловреднаго духа панславизма. Самымъ энергическимъ образомъ высказался въ пользу такого возстановленія прежняго „союза“ полуофиціальный органъ Альзасъ-Лотарингскаго намѣстника, генерала Мантейфеля, того самого, который въ прошедшемъ году „устроилъ,“ по выраженію берлинскихъ газетъ, свиданіе въ Александровѣ. *Альзасъ-Лотарингская Газета*, весьма рѣдко занимающаяся, какъ органъ мѣстной администраціи, высшею политикой, внезапно выступила на дняхъ съ пространною статьей по упомянутому вопросу, и статья эта обратила на себя всеобщее вниманіе. Въ ней указывается на то что Россія „пожалуй и права не считая образцовымъ и жизнеспособнымъ то устройство которое дано раздвоенной Болгаріи.“ Но Россія должна де имѣть въ виду что измѣненія возможны лишь при условіи согласнаго дѣйствія съ Австріей, которая въ свою очередь должна де убѣ-

диться что невозможно строить какія-либо прочныя и способныя къ жизни планы на поддержаніи такого обреченнаго на гибель государства какъ Турція. Приближается де время неизбѣжной развязки. Задача Германіи заключается въ томъ чтобы служить дружественнымъ посредникомъ между обѣими наиболѣе заинтересованными на Балканскомъ полуостровѣ державами, но съ тѣмъ чтобъ въ Петербургѣ окончательно отреклись отъ панславизма. Другими словами, Россіи предлагается отказаться отъ своихъ кровныхъ интересовъ въ пользу австрійскихъ, которая ни отъ чего не отказывается, и тогда Германія постарается чтобы между Австріей и Россіей воцарились миръ и согласіе. Но и при этомъ офиціозная газета дѣлаетъ оговорку, очень знаменательную; Германія, и при условіи самоотреченія Россіи, не будетъ ограничиваться ролью „честнаго маклера," возстановленіе Тройнаго Союза не упразднитъ болѣе тѣснаго союза заключеннаго въ прошедшемъ году между Германіей и Австріей. Этотъ союзъ, по выраженію офиціозной газеты, останется неприкосновеннымъ что бы ни случилось, „ибо онъ предназначенъ еще для другихъ цѣлей кромѣ дѣлъ касающихся Востока." Для какихъ еще цѣлей заключенъ этотъ союзъ, до сихъ поръ никому неизвѣстно. Но если вѣрно то что всякій союзъ основанъ на взаимномъ ограниченіи свободы дѣйствій, то Россію предполагается лишить всякой свободы въ ея дѣйствіяхъ на Востокѣ, Австрія же имѣетъ на всякій случай въ резервѣ свой болѣе тѣсный союзъ съ Германіей, который быть-можетъ связываетъ ее весьма во многомъ, но ужь никакъ не въ тѣхъ ея стремленіяхъ завладѣть наслѣдіемъ Турціи, которыя формулированы для нея въ Германіи знаменитою фразой *Drang nach Osten*.

Казалось бы, въ Вѣнѣ должны быть весьма довольны такою программой. Но тамъ слѣпая ненависть къ Россіи такъ велика что вѣнскими политиками овладѣваетъ тревога каждый разъ когда рѣчь заходитъ о какомъ бы то ни было сближеніи между Германіей съ Россіей. Имъ тотчасъ мерещится нѣчто враждебное Австріи. Вѣнскіе политики понимаютъ что соглашеніе интересовъ Австріи и Россіи на Востокѣ возможно лишь цѣною отреченія одной изъ нихъ отъ своихъ выгодъ, и подозрительность относительно Германіи настолько въ нихъ уничтожена чтобы не допускать возможности такой комбинаціи, при которой вся тяжесть потери оказалась бы на сторонѣ Австріи. Какъ бы то ни было, но въ Вѣнѣ прошелъ слухъ, проникшій и въ печать, будто всѣ эти толки о возобновленіи Тройнаго Союза только интриги направленныя къ тому чтобы свергнуть г. Гаймерле, теперешняго австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ посредствомъ этихъ толковъ имѣется де въ виду доказать что г. Гаймерле не сумѣлъ сберечь наслѣдія оставленнаго ему графомъ Андраши, то есть Австро-Германскаго союза. Эту интригу противъ г. Гаймерле затѣялъ де самъ графъ Андраши, уже успѣвшій отдохнуть и желающій снова взять въ руки управленіе австрійскою политикой.

№ 262.

Москва, 20-го сентября.

Денежныя затрудненія возникшія въ Германіи и уже отзывающіяся на русскихъ биржахъ были для многихъ совершенною неожиданностью. Сравнительная легкость съ какою въ текущемъ году заключались и реализовались въ Западной Европѣ многочисленные займы на огромныя суммы приводила къ мысли что европейскіе банки, биржи и капиталисты обременены деньгами которымъ постоянно ищутъ помѣщенія и которыя во всякую минуту предлагаются на выгодныхъ для заемщика условіяхъ, и эта мысль громко высказывалась въ газетахъ какъ не подлежащая спору. Германія оказывала особенное усердіе къ помѣщенію денегъ въ разныхъ займахъ, и отсюда можно было дѣлать выводъ что въ ней ощущалось особенное изобиліе праздныхъ капиталовъ. Но эта декорація перемѣнилась разомъ, изобиліе денегъ вдругъ смѣнилось ихъ недостаткомъ, и пошли въ ходъ толки о крайнемъ оскудѣніи германскаго денежнаго рынка.

Германскимъ банкирамъ дѣлаются при этомъ упреки зачѣмъ они дѣйствовали съ недостаточною осмотрительностью, переходили за предѣлы собственныхъ финансовыхъ силъ, злоупотребляя своимъ обширнымъ заграничнымъ кредитомъ. Ихъ неумѣренныя спекуляціи создали затрудненія и для самой Германіи, и для дру-

гихъ странъ, особенно для Австріи и Россіи, которыхъ фонды обращаются на германскихъ биржахъ въ громадномъ количествѣ. Будь германскіе банкиры сдержаннѣе и осмотрительнѣе, для всѣхъ этихъ странъ не возникло бы повода опасаться тѣхъ печальныхъ послѣдствій къ какимъ должны онѣ нынѣ готовиться если денежный кризисъ въ Германіи обострится и затянется.

Что нынѣшнее угнетенное положеніе денежнаго рынка вызвано, между прочимъ, и тѣмъ что германскіе банкиры не были достаточно сдержанны и осмотрительны, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Но намъ мало дѣла до того насколько они тутъ правы или виноваты. Насъ можетъ интересовать только тотъ фактъ что нѣкоторыя страны, и въ томъ числѣ Россія, находятся въ такомъ положеніи что могутъ подвергаться разнымъ серіознымъ невыгодамъ отъ того благоразумно или неблагоразумно ведутъ свои дѣла германскіе биржевые дѣльцы. Для насъ важно что за ихъ ошибки приходится платиться не одной Германіи, а также и Россіи, и что возможность такихъ расплатъ за чужіе грѣхи можетъ возникать для насъ неожиданно, въ любую минуту.

Обойти эту сторону дѣла нельзя; при настоящихъ обстоятельствахъ не могутъ умалчивать о ней даже тѣ кому особенно не по сердцу касаться ея въ финансовыхъ и экономическихъ вопросахъ. Послѣдствія могущія возникнуть для нашего финансоваго положенія и для нашихъ денежныхъ оборотовъ отъ того какъ повернутся денежныя дѣла въ Германіи поневолѣ заставляютъ обращать вниманіе на тѣсную связь русскихъ финансовъ съ иностранными денежными рынками и на зависимость нашего государственнаго и экономическаго кредита отъ спекуляцій заграничныхъ биржъ, въ особенности Берлинской. Къ сожалѣнію, какъ всегда такъ и теперь, въ этомъ отношеніи у насъ все ограничивается только признаніемъ невыгоднаго характера установившейся связи и тяжкихъ послѣдствій зависимости отъ иностранцевъ. Дѣлаются эти признанія такимъ тономъ какъ будто подобная зависимость для Россіи дѣло неустранимое. Объявляется что намъ можетъ быть не хорошо, очень не хорошо, если въ Германіи разыграется денежный кризисъ, но не говорится ни слова о томъ что могли бы мы сдѣлать дабы облегчить грозящее намъ бѣдствіе. Съ небольшимъ мѣсяцъ тому назадъ, въ одной петербургской газетѣ было, между прочимъ, напрямки сказано что толковать о зависимости отъ иностранцевъ и о мѣрахъ къ выходу изъ нея при сужденіи о финансовыхъ вопросахъ значитъ водружать въ экономической области знамя квасного патріотизма и племеннаго антагонизма. Эта пошлость никѣмъ въ настоящую минуту не повторяется, но она иными какъ бы принята къ руководству при сужденіяхъ о возникшихъ экономическихъ явленіяхъ опаснаго свойства, сужденіяхъ отличающихся чисто космополитическимъ характеромъ.

А между тѣмъ, выходъ изъ тѣхъ экономическихъ затрудненій которыя уже возникаютъ для насъ, и могутъ возникнуть впредь, заключается несомнѣнно въ обращеніи къ національной экономической политикѣ, въ принятіи согласныхъ съ нею мѣръ. Эти мѣры представляются нужными въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны для ослабленія того вліянія которое можетъ имѣть на Россію нынѣшній германскій кризисъ, съ другой — для постепеннаго ослабленія тѣхъ причинъ которыя ставятъ русскія экономическія дѣла въ зависимость отъ случайностей на иностранныхъ денежныхъ рынкахъ.

При всемъ убѣжденіи что не въ золотѣ заключается богатство народовъ, нельзя не признать что въ настоящемъ случаѣ вопросъ идетъ прежде всего именно о золотѣ. Всѣ трудности вопроса о нашей валютѣ и вексельныхъ курсахъ происходятъ отъ недостатка у насъ золота въ тѣхъ размѣрахъ какъ оно требуется для нашихъ заграничныхъ платежей. Вредное вліяніе нынѣшняго германскаго кризиса отражается у насъ прежде всего также усиленнымъ требованіемъ отъ насъ именно золота, котораго у насъ мало. Создать его у себя мы, конечно, не можемъ. Но можно уменьшить потребность въ немъ, сокративъ размѣры заграничныхъ платежей. Вотъ на что, кажется, надлежитъ обратить особенное вниманіе при существующихъ обстоятельствахъ.

О сокращеніи обязательныхъ платежей по прежнимъ счетамъ, конечно, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не можетъ быть рѣчи. Но должно подумать о сокращеніи текущихъ и будущихъ платежей. Нѣтъ никакой необходимости чтобы Россія закупала въ годъ заграничныхъ товаровъ на

500—600 милліоновъ рублей. Въ 1877 году она ввезла ихъ къ себѣ всего на 291½ милліоновъ рублей, и никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ такого уменьшенія привоза не оказалось. Напротивъ, оно выгодно отозвалось на всемъ ходѣ нашихъ экономическихъ дѣлъ. Точно также не произошло бы вредныхъ послѣдствій и отъ принятія мѣръ къ ограниченію размѣровъ привоза въ настоящее время. Между тѣмъ сокращеніемъ платежей за привозные товары была бы устранена одна изъ главныхъ причинъ отлива золота изъ Россіи, что не замедлило бы выгодно отразиться на нашей валютѣ. Усиленный сбытъ изъ Германіи въ Россію русскихъ цѣнныхъ бумагъ, которымъ угрожаетъ нынѣшній германскій кризисъ, утратилъ бы при этомъ тотъ опасный характеръ который можетъ получить при существующихъ условіяхъ. Средства идущія нынѣ на покупку товаровъ отъ иностранцевъ, оставшись свободными отъ уменьшенія этихъ покупокъ, съ полнымъ удобствомъ, безъ всякихъ затрудненій для нашего денежнаго рынка, могли бы быть обращены на покупку тѣхъ бумагъ которыми германскій рынокъ теперь тяготится. Переходомъ значительной массы этихъ бумагъ изъ чужихъ въ русскія руки была бы вмѣстѣ съ тѣмъ ослаблена зависимость нашихъ биржъ отъ Берлинской, которая, сбывая къ намъ эти бумаги, утрачивала бы и находящіяся нынѣ въ ея распоряженіи средства устанавливать на нихъ цѣны по своему усмотрѣнію. Мѣры къ выходу изъ текущихъ затрудненій повели бы за собою, такимъ образомъ, и ослабленіе общихъ причинъ которыми эти затрудненія вызываются.

Необходимость пересмотра нашего таможеннаго тарифа чувствовалась постоянно. Нынѣшнія обстоятельства служатъ прямымъ побужденіемъ не откладывать долѣе этого дѣла, а поспѣшить имъ, въ виду какъ сильно уменьшившихся размѣровъ нашего отпуска, такъ и денежнаго кризиса въ Германіи.

№ 264.

Москва, 22-го сентября.

На-дняхъ мы замѣтили что европейская морская демонстрація у западныхъ береговъ Турціи едва ли можетъ оказать Черногоріи какую-либо поддержку въ настоящее время года, когда у береговъ Дульциньйо начинается сильное волненіе, причемъ стоянка судовъ у берега дѣлается невозможною и пароходное сообщеніе прекращается вовсе. Полученныя сегодня иностранныя газеты вполнѣ подтверждаютъ наше предположеніе. Такъ въ берлинскую *Post* телеграфируютъ отъ 1 октября, изъ Вѣны, что по свѣдѣніямъ полученнымъ тамъ изъ Рагузы бо́льшая часть судовъ европейской флотиліи 4 октября н. с. должны были уйти изъ Гравозы въ Каттаро, такъ какъ при сильныхъ вѣтрахъ (бора), начало которыхъ ожидаютъ на дняхъ, стоянка на якорѣ у Гравозы не безопасна.

Итакъ, Туркамъ удалось дотянуть дѣло о передачѣ Дульциньйо до того момента когда и мнимая угроза становится невозможною. Какъ разъ съ этимъ временемъ совпадаетъ и перемѣна тона турецкой дипломатіи, вдругъ снявшей маску и вмѣсто просьбъ и предложеній предъявившей настойчивыя требованія. Вѣнская *Neue Freie Presse*, которая, по замѣчанію берлинской *Post*, какъ „завѣдомо туркофильскій органъ, можетъ многое знать,“ передаетъ будто султанъ уже приказалъ заготовить секретный фирманъ о назначеніи Риза-паши генералъ-губернаторомъ съ тѣмъ чтобъ онъ имѣлъ возможность принять мѣры къ энергической оборонѣ границы и къ организаціи албанскихъ войскъ, во главѣ которыхъ должны де быть поставлены турецкіе регулярные офицеры. Далѣе рѣчь идетъ о томъ что въ случаѣ если Черногорцы сосредоточатся въ значительныхъ силахъ на турецкой границѣ, то Албанцы и регулярныя войска предводимыя Риза-пашой должны будутъ вторгнуться въ Черногорію. Правда, фирманъ этотъ долженъ получить силу лишь въ случаѣ начала непріятельскихъ дѣйствій, кои въ этихъ мѣстахъ въ скоромъ времени пока не предвидятся, но онъ можетъ служить также и угрозою на тотъ случай еслибъ европейская дипломатія вздумала предпринять демонстрацію уже не противъ Дульциньйо, а напримѣръ въ Мраморномъ Морѣ, противъ Константинополя. Предложеніе въ этомъ смыслѣ, судя по послѣднимъ телеграфнымъ извѣстіямъ, дѣйствительно сдѣлано Англіей, но встрѣтило препятствія: Французское правительство отвѣчало что оно „на точномъ основаніи кон-

ституціи" не можетъ допустить участія своихъ военныхъ силъ въ какомъ бы то ни было враждебномъ дѣйствіи противъ другой державы безъ разрѣшенія палатъ. Странный отвѣтъ! Соглашалось же французское правительство на участіе въ демонстраціи противъ Дульциньйо, и командиры французскихъ судовъ были по послѣднимъ извѣстіямъ снабжены такими же полномочіями какъ и всѣ другіе, т.-е. имѣли право и стрѣлять по Дульциньйо еслибъ это оказалось нужнымъ. Выходитъ что Французское правительство, какъ и другія, не считало демонстрацію у Дульциньйо серіознымъ дѣйствіемъ ..

Мудрено заставить Турцію сдѣлать уступки въ пользу Греціи и Черногоріи давая въ то же время понять что настаивающій весьма озабоченъ не только поддержаніемъ существованія Турціи, но даже ея усиленіемъ въ своихъ прямыхъ интересахъ. А именно такъ поступаютъ и въ Парижѣ, и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ, гдѣ даже едва ли и убѣждены серіозно въ надобности требовать для Черногоріи того что̀ ей принадлежитъ и что̀ за нею признано всею Европой. Вѣнская печать не безъ основанія, конечно, начинаетъ заговаривать теперь о томъ что Черногорскій народъ вовсе и не желаетъ присоединенія Дульциньйо, и что этого добивается де только князь задумавшій развить въ своей странѣ торговлю и мореходство. Лучшимъ де тому доказательствомъ можетъ служить то что въ Антивари нѣтъ еще ни одного черногорскаго жилья, хотя многіе изъ Черногорцевъ получили въ подарокъ въ этомъ городѣ дома и усадьбы. Эти толки представляютъ только видоизмѣненіе того что̀ говорилось германскою печатью о передачѣ Эпира и Ѳессаліи Грекамъ, которые не могутъ де до сихъ поръ водворить порядокъ и въ своихъ прежнихъ владѣніяхъ.

А между тѣмъ по мѣрѣ того какъ осложняются политическія обстоятельства на Востокѣ, вооруженія заинтересованныхъ державъ становятся все болѣе энергичными. Австрія въ этомъ дѣлѣ заняла первое мѣсто и, по выраженію военнаго корреспондента *Post*, уже „успѣла сдѣлать весьма много для развитія боевой готовности своей арміи."

Но вотъ обстоятельство не лишенное значенія при настоящемъ положеніи дѣлъ. Современныя арміи стрѣляютъ готовыми мѣдными патронами, запасъ которыхъ на случай войны по значительности своей не можетъ быть изготовленъ въ одинъ годъ. И вдругъ во Франціи обнаружилось что мѣдные патроны не переносятъ храненія, что порохъ въ нихъ быстро портится, такъ что стрѣльба лежалыми патронами становится неудовлетворительною. Открытіе это, о которомъ со словъ *Comptes Rendus* подробно говоритъ и наша военная газета въ нумерѣ отъ 21 сентября, весьма способно ослабить ту военную самоувѣренность которая могла бы всего болѣе подвинуть Восточный вопросъ къ близкой развязкѣ.

№ 265.

Москва, 23-го сентября.

Европейскій скандалъ какимъ грозитъ окончиться „совокупное дѣйствіе" европейскихъ эскадръ у береговъ Албаніи возбудилъ негодованіе и въ берлинской печати. Ея вліятельнѣйшіе органы, подобно другимъ, негодуютъ на то что „единодушная" затѣя всѣхъ великихъ державъ потерпѣла такое фіаско. Но не думайте чтобы берлинская печать проповѣдовала необходимость дѣйствовать, чтобъ она негодовала на „европейскій концертъ" за то что онъ отступаетъ предъ угрозой турецкаго генерала Риза-паши, заявившаго адмиралу Сеймуру что онъ будетъ считать за *casus belli* всякую попытку Черногорцевъ занять присужденный имъ европейскимъ ареопагомъ клочекъ земли, если флотъ хотя единымъ выстрѣломъ съ моря поддержитъ наступательное движеніе черногорскихъ силъ. Берлинская печать не только не находитъ что отступать предъ подобною угрозой смѣшно, но напротивъ оправдываетъ султана и Риза-пашу, а негодуетъ противъ „своевольной" дипломатіи за то что она послѣдовала за г. Гладстономъ и подчинилась его настояніямъ... Уже изъ этого не трудно убѣдиться что въ Берлинѣ злорадствуютъ, и очень плохо скрываютъ свое злорадство. Прикидываясь возмущенными неудачей морской демонстраціи, берлинскія газеты глумятся надъ англійскимъ премьеромъ и спрашиваютъ его много ли взялъ онъ своею политикой „безпардонной" строгости съ Турками, и напоминаютъ ему о дѣлахъ въ Ирландіи которыя принимаютъ

такой роковой оборотъ что англійскому премьеру пора де оглянуться на себя и оставить Турцію въ покоѣ.

Парижскій корреспондентъ *Національной Газеты* 30 сентября сообщилъ по телеграфу извѣстіе, почерпнутое имъ, по его словамъ, изъ достовѣрнаго источника, будто султанъ обратился непосредственно къ императору Вильгельму съ просьбой о личномъ посредничествѣ дабы предотвратить дѣйствіе соединенныхъ флотовъ предъ Дульциньйо. Императоръ будто бы отклонилъ эту просьбу указавъ „на солидарность державъ и на необходимость привести въ исполненіе постановленія Берлинскаго трактата." Прямой смыслъ этого отвѣта, казалось бы, тотъ что если султанъ будетъ упорствовать и не исполнитъ того что отъ него требуютъ солидарныя между собою державы на основаніи Берлинскаго трактата, то не можетъ быть предотвращено принудительное дѣйствіе соединеннаго флота. Но никакого дѣйствія, какъ извѣстно, не послѣдовало, и *Національная Газета* не только не усматриваетъ въ этомъ противорѣчія съ отвѣтомъ императора, но какъ бы находитъ причинную связь между отклоненіемъ просьбы султана и продолжающимся бездѣйствіемъ соединеннаго флота. „Мы очень рады," замѣчаетъ *Національная Газета*, „и вполнѣ одобряемъ что Германія болѣе всѣхъ другихъ держится вдалекѣ отъ того что происходитъ предъ Дульциньйо." Отсюда можно бы заключить что берлинская газета держится того мнѣнія что Германія принимаетъ въ теперешнихъ событіяхъ на Востокѣ лишь пассивное участіе. Можно было бы спросить кто же виновникъ приключившагося фіаско? Развѣ Англія съ самаго начала не заявляла категорически что она готова дѣйствовать противъ Турціи даже одна? Неужели начальникъ англійской эскадры и другіе участники демонстраціи, болѣе близко принимающіе къ сердцу удовлетвореніе признаннаго и утвержденнаго Европой требованія Черногоріи, въ самомъ дѣлѣ отступили только потому что Риза-паша угрожалъ имъ войной? *Національная Газета* косвеннымъ образомъ отвѣчаетъ и на эти вопросы. Она говоритъ: „Европа сдѣлала угод„ное г. Гладстону; но сдѣлала такъ какъ „поступаютъ въ томъ случаѣ когда нуж„но довести *ad absurdum* легкомысленнаго „и упрямаго человѣка котораго нѣтъ воз„можности убѣдить другими доводами. Г. „Гладстону трудно будетъ выбраться изъ „болота въ которое онъ попалъ, и было „бы очень неблагоразумно подать ему ру„ку чтобъ его оттуда вытянуть." Берлинская газета не объясняетъ точнѣе кого она разумѣетъ подъ тою „Европой" которая для того только приняла участіе въ предложенномъ г. Гладстономъ общемъ дѣйствіи чтобы завести его въ болото." Но на основаніи дальнѣйшихъ аргументовъ той же газеты можно, путемъ исключенія, вывести что это слово слѣдуетъ понимать въ самомъ тѣсномъ смыслѣ. Такъ, указанная газета, отнюдь не стѣсняясь, доказываетъ что Россія, и только одна Россія, извлечетъ выгоду изъ „неразумной" затѣи г. Гладстона. Черногорія есть де *протежэ* Россіи, и если Черногоріи достанется Дульциньйо, то чрезъ это Россія пріобрѣтетъ морскую стоянку въ Адріатическомъ морѣ, а сверхъ того „униженіе" которое было бы нанесено достоинству султана чрезъ принудительныя дѣйствія противъ него соединенной Европы пошатнуло бы окончательно власть Турціи въ прочихъ ея владѣніяхъ; Восточная Румелія не замедлила бы подняться для возсоединенія съ Болгаріей, а этимъ былъ бы данъ толчекъ сокровеннымъ замысламъ Россіи...

Не смущается берлинская газета и въ виду того соображенія что требованіе предъявляемое Портѣ объ уступкѣ Дульциньйо не есть что либо произвольно сочиненное дипломатіей, а основывается на Берлинскомъ трактатѣ, который подписала и Турція и подписала съ большою для себя выгодой, такъ какъ Берлинскій трактатъ возвратилъ ей многое что было у нея отнято Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Берлинская газета, забывъ что сама она наканунѣ восхищалась отвѣтомъ императора Вильгельма, который также напомнилъ султану о Берлинскомъ трактатѣ, доказываетъ что Черногорцы должны сами завоевать то что имъ присуждено Европой, и что если Турція не хочетъ отдавать присужденнаго добровольно, то слѣдуетъ предоставить Черногоріи начать войну съ Турціей. Можетъ-быть Черногорія побѣдитъ: тогда она можетъ взять себѣ и больше того что ей отмежевано Европой. За то и Туркамъ нельзя отказать въ шансахъ которые можетъ имъ дать счастливый для нихъ исходъ войны. Если имъ удастся побѣдить Черногорцевъ, то и они могутъ отнять кое-что у Черногоріи.

Такъ теперь толкуютъ Берлинскій трактатъ. Совсѣмъ не то говорилось когда Австрія приступила къ занятію присужденныхъ ей (даромъ) турецкихъ провинцій. И тамъ сопротивленіе исходило первоначально отъ „мѣстнаго населенія.“ Но Турція не осмѣлилась открыто выступать противъ Австріи и не грозила ей войной за то что она брала свою добычу. Въ европейскомъ вмѣшательствѣ для приведенія въ исполненіе Берлинскаго трактата не было тогда надобности. Черногорцы тоже не нуждались ни въ чьей помощи чтобы справиться съ Албанцами; но „Европа“ вмѣшалась и Черногорцамъ было воспрещено дѣйствовать на свой страхъ. Между тѣмъ приспѣли войска изъ Турціи, посланныя въ Албанію будто бы для усмиренія строптивыхъ Албанцевъ. Затѣмъ дипломатія засуетилась въ пользу Черногоріи, и вотъ наконецъ явилась грозная армада пособить имъ. Въ результатѣ же оказывается что Черногорцамъ приходится вторично, но при условіяхъ менѣе благопріятныхъ, завоевывать у Турціи то что ими уже пріобрѣтено съ бою...

№ 266.

Москва, 24-го сентября.

Предметомъ общихъ толковъ въ настоящее время служитъ предстоящая сенаторская ревизія губерній Казанской, Костромской, Кіевской, Черниговской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Самарской. Еслибы ревизія эта ничѣмъ не отличалась отъ прежнихъ, еслибы цѣлью ея было только раскрытіе разнаго рода злоупотребленій и отступленій отъ установленнаго порядка, и въ такомъ случаѣ она не могла бы не обращать на себя исключительнаго вниманія уже въ виду только того что она разомъ распространяется на восемь губерній. Но общественный интересъ предстоящей ревизіи усугубляется особымъ ея характеромъ. Сенаторы Ковалевскій, Половцовъ, Шамшинъ и Мордвиновъ, согласно возложенному на нихъ порученію, при обозрѣніи тѣхъ губерній куда командируются, не ограничатся раскрытіемъ и пресѣченіемъ злоупотребленій. Въ программу ихъ задачи, какъ слышно, входитъ всестороннее изслѣдованіе мѣстнаго управленія. Они должны разъяснить дѣйствительное положеніе земскаго, городскаго и крестьянскаго управленія; роль какую играютъ органы администраціи и суда, взаимныя отношенія существующія между органами суда, администраціи и выборныхъ учрежденій, состояніе промышленности и торговли, положеніе въ какомъ находятся разные классы общества, между прочимъ сельское духовенство, и т. д. Результатомъ такихъ изслѣдованій, произведенныхъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ страны, должно быть указаніе цѣлаго ряда мѣръ касающихся всѣхъ сторонъ народной жизни.

Что таково именно значеніе предстоящихъ сенаторскихъ ревизій, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе послѣ тѣхъ словъ съ какими 6 сентября, черезъ три дня по опубликованіи Высочайшаго повелѣнія о производствѣ этихъ ревизій, графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ обратился къ редакторамъ петербургскихъ газетъ и журналовъ, которыхъ нарочно приглашалъ къ себѣ. Слова эти приблизительно переданы въ *Отечественныхъ Запискахъ*, откуда они перешли затѣмъ и въ другія періодическія изданія. Рекомендуя печати воздерживаться отъ сужденій по предметамъ которые могли бы только напрасно волновать умы, министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ нѣсколько указаній на существующую правительственную программу. Основная мысль задуманной программы состоитъ въ томъ чтобы согласовать и привести въ гармонію учрежденія новаго и стараго порядка, видоизмѣнивъ ихъ для этой цѣли въ чемъ окажется нужнымъ.

Эта мысль давно уже высказывалась, и нельзя не порадоваться что нынѣ сдѣланъ наконецъ серіозный шагъ къ ея осуществленію, которое, по мнѣнію графа Лорисъ-Меликова, потребуетъ отъ пяти до семи лѣтъ времени. Старыя и новыя учрежденія, не состоя между собою въ опредѣленной связи, не помогаютъ, а мѣшаютъ другъ другу. Дѣйствуя каждое врозь, безъ общей цѣли и программы, они оказываются безсильными исполнять свое назначеніе и только возбуждаютъ противъ себя общій ропотъ. Учрежденій и властей много, но власти нѣтъ, управленія нѣтъ, и населеніе не знаетъ къ кому обращаться со своими нуждами. Органы полиціи и администраціи, съ одной стороны, органы земскихъ учрежденій съ другой, стоятъ одинъ противъ другаго точно два непрія-

тельскіе лагеря. Крестьянское самоуправленіе выдѣлено совсѣмъ и находится въ сторонѣ. Мировая юстиція тоже. Все это будто особыя государства, имѣющія каждое свою особую политику. Устранить эту рознь, вывести мѣстное управленіе изъ того положенія въ которомъ оно постоянно напоминаетъ собою Крыловскую басню о Лебедѣ, Щукѣ и Ракѣ, вотъ задача поставленная странѣ можно сказать съ самаго момента освобожденія крестьянъ и перваго приступа къ дальнѣйшимъ реформамъ.

Задача эта не изъ легкихъ, и трудность ея рѣшенія главнымъ образомъ зависитъ отъ неправильной постановки данной съ самаго начала земскимъ учрежденіямъ. Эти учрежденія находятся въ неловкомъ, фальшивомъ положеніи, они безсильны вслѣдствіе того что не представляютъ собою продолженія общаго государственнаго управленія, а образуютъ какую-то параллельную ему систему. Сомнительно чтобы дѣло могло быть поправлено только преобразованіемъ полиціи и нѣкоторымъ расширеніемъ предоставленныхъ земскимъ учрежденіямъ полномочій. Вмѣсто пріисканія сколько-нибудь сноснаго modus vivendi, лучше позаботиться о полномъ сліяніи разнородныхъ властей и учрежденій въ одно цѣлое, къ общей выгодѣ какъ мѣстныхъ, такъ и государственныхъ интересовъ.

Желательно возможно болѣе широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія, желательна возможно бо́льшая самостоятельность органовъ этого самоуправленія. Желательно чтобъ оно распространялось на всѣ функціи мѣстной жизни, какъ на хозяйственныя такъ и на полицейскія. Но такая роль можетъ быть предоставлена ему лишь при условіи чтобъ оно, при всей своей самостоятельности, не образовало системы отдѣльной отъ общаго государственнаго управленія.

Именно въ такомъ смыслѣ рѣшенъ былъ этотъ вопросъ въ 1872 году въ Пруссіи. Въ основу его положена была комбинація выборовъ съ назначеніемъ. Во главу управленія каждымъ округомъ (уѣздомъ) поставленъ *ландратъ*. Онъ назначается королемъ, но и мѣстное населеніе не лишено нѣкотораго участія въ выборѣ лица на эту должность: каждый разъ какъ открывается вакансія, уѣздное земское собраніе можетъ рекомендовать нѣсколькихъ лицъ наиболѣе способныхъ занять ее. Ландратъ предсѣдаетъ въ земскомъ собраніи и вѣдаетъ всѣ дѣла мѣстнаго управленія, какъ полицейскія, такъ и хозяйственныя, но не одинъ, а совмѣстно съ предсѣдаемою имъ выборною коллегіей изъ шести членовъ избранныхъ собраніемъ. Округъ (уѣздъ) раздѣляется на Amtsbezirke (какъ бы волости). Во главѣ каждой такой волости стоитъ свой старшина (Amtsvorsteher). Онъ назначается оберъ-президентомъ провинціи, но не иначе какъ изъ списка мѣстныхъ жителей признанныхъ выборными людьми за достойныхъ къ исправленію этой должности. Въ лицѣ волостнаго старшины сосредоточена въ широкихъ размѣрахъ мѣстная полицейская власть въ ея разнообразныхъ приложеніяхъ. Назначенный отъ правительства, онъ отправляетъ свои обязанности во имя короля, но дѣйствуетъ не одинъ, а совмѣстно съ выборными представителями отъ общинъ и отдѣльныхъ крупныхъ имѣній. Наконецъ во главѣ каждой изъ этихъ общинъ стоитъ староста или сельскій судья (Schulze, Dorfrichter), съ двумя присяжными совѣтниками (Schöffen), выбранные своею общиной, утвержденные ландратомъ, съ одобренія состоящаго при немъ комитета (какъ бы земской управы). Въ крупныхъ имѣніяхъ функціи *шульца* исправляетъ самъ владѣлецъ, но не иначе какъ по правительственному утвержденію.

—

№ 267.

Москва, 25-го сентября.

Телеграфъ извѣстилъ насъ вчера что Комитетъ Министровъ постановилъ приступить немедленно къ постройкѣ на казенныя средства Екатеринбурго-Тюменскаго участка Южно-Сибирской желѣзной дороги, съ тѣмъ чтобы по образованіи акціонернаго общества для сооруженія всей линіи передать ему произведенныя работы.

Удивительная судьба Сибирской желѣзной дороги! За пятнадцать лѣтъ предъ симъ, какъ и теперь, всѣ признавали необходимость этой линіи. Но чѣмъ яснѣе становилась важность Сибирской линіи, тѣмъ болѣе являлось препятствій къ ея осуществленію. Много лѣтъ потрачено было на споръ о южномъ и сѣверномъ направленіи,—споръ разрѣшившійся мертворожденнымъ дѣтищемъ, поперечною Уральской

скою горнозаводскою дорогой, которая построена такъ что ни въ какомъ случаѣ не можетъ войти въ составъ большой линіи. Уклоны (спуски съ горъ и подъемы на горы) ея круче одной сотой, а такіе уклоны имѣются у насъ лишь на немногихъ малыхъ вѣтвяхъ: Волго-Донской, Ливенской, Поти-Тифлисской, военной Бендеро-Галацкой и пр. Всякая потребность нашей желѣзнодорожной сѣти, по какой-то неисповѣдимой судьбѣ, обращалась въ препятствіе и тормазъ для сооруженія Сибирской линіи. Между тѣмъ настроено не мало дорогъ второстепеннаго мѣстнаго интереса, съ которыми теперь не знаютъ что дѣлать. Наконецъ повелѣно немедленно приступить къ постройкѣ Екатеринбурго-Тюменскаго участка, причемъ имѣется цѣлью удовлетворить потребностямъ минуты, оказать помощь „голодающему населенію Приволжскихъ губерній."

Въ виду даваго Высочайшаго рѣшенія о занесеніи Сибирской дороги въ сѣть дорогъ стоящихъ на ближайшей очереди, въ виду всеобщаго сознанія важности Сибирской линіи, можно было ожидать по крайней мѣрѣ что окончательное рѣшеніе застанетъ уже готовыми всѣ необходимыя предварительныя работы. Но и этого, къ сожалѣнію, не оказывается.

На основаніи произведенныхъ казною изысканій, Министерство Путей Сообщенія сосчитало что постройка Екатеринбурго-Тюменскаго участка (304 версты) должна обойтись отъ 17 до 19 милл. руб. (62.500 руб. съ версты) безъ расходовъ реализаціи капитала *) или же отъ 10 до $10^1/_2$ милл. руб. (34.500 руб. съ версты) если взять рельсы и подвижной составъ изъ казенныхъ запасовъ. Эти запасы образуются, какъ извѣстно, вслѣдствіе того что казна ежегодно дѣлаетъ большіе заказы рельсовъ, паровозовъ и вагоновъ на разныхъ частныхъ заводахъ. Земляныя работы на Екатеринбурго-Тюменскомъ участкѣ незначительны; требуется лишь одинъ нѣсколько значительный мостъ черезъ рѣку Пыжму въ 40 саж. длины. Министерство Путей Сообщенія полагаетъ что для Екатеринбурго-Тюменской дороги достаточно будетъ двухъ пассажирскихъ и шести товарныхъ поѣздовъ въ день, и что при такой „пропускной способности" дороги, цѣна $34^1/_2$ тыс. руб. (безъ подвижнаго состава и рельсовъ) не будетъ высокою. Уральская горнозаводская дорога, пропуская два пассажирскіе поѣзда и только четыре товарныхъ, стоила въ соотвѣтственныхъ частяхъ сооруженія $48^1/_2$ тыс. руб. съ версты.

Надо думать что эти соображенія были составлены уже давно, еще во время перваго заявленія мысли о Нижегородско-Тюменской желѣзной дорогѣ. Съ тѣхъ поръ, однако, многое перемѣнилось. Техника желѣзнодорожнаго дѣла оказала большіе успѣхи. Прежде изысканія опредѣляли лишь трасировку желѣзныхъ дорогъ, ея земляное полотно. Теперь дознано что не меньшее значеніе имѣетъ выборъ „конструкціи и постройки подвижнаго состава." Это вошло уже въ учебники *). Можетъ ли годиться для Екатеринбурго-Тюменской дороги подвижной составъ изготовленный внѣ всякаго вниманія къ ея особенностямъ, къ ея „индивидуальности," какъ теперь выражаются? Надо замѣтить что отъ Тюмени до Екатеринбурга желѣзная дорога непрерывно идетъ въ гору, поднимаясь къ перевалу черезъ Уральскій хребетъ. Какова же будетъ эта главная, эта магистральная линія пропускающая всего только два пассажирскіе поѣзда и шесть товарныхъ въ день? Ясно что никакихъ изысканій относительно *пропускной способности* дороги и ея подвижнаго состава не было сдѣлано.

Министерство Путей Сообщенія предусматривало три способа постройки Екатеринбурго-Тюменскаго участка Сибирской желѣзной дороги:

a) вызвать конкурренцію солидныхъ строителей чтобъ образовать акціонерное общество, которому было бы предоставлено право на дальнѣйшее продолженіе Южно-Сибирской линіи отъ Екатеринбурга до Нижняго,

b) предоставить сооруженіе участка Обществу Уральской Горнозаводской дороги, съ тѣмъ чтобъ Екатеринбурго-Тюменскій участокъ могъ быть выкупленъ правительствомъ въ ближайшемъ будущемъ,

c) начать работы отъ казны, предоставивъ при томъ большую самостоятельность мѣстнымъ исполнителямъ, при усиленномъ надъ ними контролѣ.

Мотивы этихъ предложеній понятны.

*) И безъ причисленія капитала оборотнаго къ основному.

*) *Желѣзнодорожное дѣло. Руководство къ подготовленію служащихъ при поступленіи на желѣзныя дороги.* Д-ра Шмейлера. Перев. инж. Лестушевскаго. Спб. 1880. См. предисловіе.

Акціонерное общество для сооруженія всей линіи можетъ составиться удобнѣе чѣмъ для одного участка; постройка втораго и третьяго участка для заведеннаго дѣла обойдется дешевле чѣмъ для новыхъ строителей. Нельзя не одобрить также мысли о невозможности связать судьбу главной Сибирской линіи съ участью неудачной боковой вѣтви ея, а тутъ еще приходилось подчинять линію вѣтви. Относительно же способовъ казенной постройки, Министерство Путей Сообщенія ограничилось общими указаніями и повидимому не имѣло опредѣленнаго плана такихъ работъ

Министерство Финансовъ высказалось, какъ говорятъ, противъ передачи Екатеринбурго-Тюменскаго участка Обществу Уральской Горнозаводской дороги. Такая передача могла бы повести къ выпускамъ облигацій этой дороги, а Министерство находило неудобнымъ выпускать облигаціи. Оно не усматривало также средствъ для начатія работъ отъ казны; новый выпускъ облигацій невозможенъ де пока не будутъ помѣщены окончательно желѣзнодорожныя облигаціи послѣдняго уже объявленнаго выпуска; свободныхъ суммъ въ Казначействѣ нѣтъ; правда, имѣется до 130 милл. р. желѣзнодорожнаго фонда, но они получили уже опредѣленное назначеніе, — упроченіе и улучшеніе существующей сѣти.

Однако взглядъ Министерства Финансовъ, касательно недостатка средствъ въ казнѣ, встрѣтилъ сильныя возраженія. Петербургскія газеты сообщаютъ что министръ внутреннихъ дѣлъ энергически настаивалъ на необходимости немедленно приступить къ работамъ, чтобы помочь пострадавшему отъ неурожая населенію. И вотъ средства нашлись...

Постройка дороги прямо отъ казны принята, повидимому, въ видахъ скорѣйшаго предоставленія заработковъ нуждающемуся населенію приволжскихъ губерній. Образованіе частнаго общества требуетъ времени даже въ томъ случаѣ, когда, какъ теперь, находятся люди заявляющіе что готовы принять на себя сооруженіе дороги. А нужда не ждетъ, и затрудняться начатіемъ работъ на казенныя средства не было причины, тѣмъ болѣе что опытъ постройки Смоленской дороги уже показалъ что казна не понесетъ при этомъ убытка.

Въ послѣдніе годы, и у насъ и за границей, въ Англіи, Франціи и Германіи, было не мало толковъ о томъ что государство должно взять въ свои руки желѣзнодорожное дѣло. но рѣчь шла при этомъ не о постройкѣ дорогъ, не о строительной части, а о хозяйствѣ всего дѣла Съ этой точки зрѣнія совершенно безразлично будетъ ли строить дорогу одинъ крупный подрядчикъ, будутъ ли сданы работы раздробительно или, наконецъ, будетъ ли производить ихъ какая-либо коммиссія составленная изъ чиновниковъ-инженеровъ. Каждый изъ этихъ способовъ постройки можетъ быть и удаченъ, и нѣтъ: важно кто будетъ хозяиномъ уже построенной дороги, въ чьихъ рукахъ будетъ ея эксплуатація. Въ такомъ смыслѣ вопросъ разрѣшенъ въ послѣднее время въ Германіи, гдѣ правительство скупило у частныхъ владѣльцевъ нѣсколько большихъ дорогъ. Такъ смотрятъ и во Франціи, гдѣ также приступлено къ выкупу желѣзныхъ дорогъ въ казну.

Мы поступили бы какъ разъ наоборотъ еслибы построили дорогу отъ казны, а хозяйничать на ней пустили акціонерное общество. Поэтому рѣшеніе Комитета Министровъ надо понимать скорѣе какъ мѣру для скорѣйшей помощи населенію, а не какъ переходъ къ новымъ порядкамъ желѣзнодорожнаго дѣла.

Но достигается ли эта цѣль, то-есть помощь голодающему населенію Поволжья, постройкой именно Екатеринбурго-Тюменскаго участка, предпочтительно предъ другими? Участокъ этотъ весь лежитъ за Ураломъ, проходя по мѣстности гдѣ урожай въ нынѣшнемъ году былъ богатый. Напротивъ, онъ весьма удаленъ именно отъ тѣхъ населеній которымъ имѣется въ виду дать заработокъ,—отъ губерній Саратовской, Самарской, Оренбургской и пр. Иное дѣло еслибы кромѣ Екатеринбурго-Тюменскаго участка былъ выбранъ еще участокъ отъ Николо-Березовской пристани на Камѣ къ Екатеринбургу. Именно отъ этой пристани начинается самое широкое судоходство по Камѣ; онъ прямо и самымъ выгоднымъ образомъ связываетъ систему Оби съ притоками Волги. Подняться на заработки значительнымъ массамъ нуждающагося населенія Поволжья сюда и ближе и легче нежели переваливать за Уралъ. Что работы необходимы именно по сю сторону хребта, на это указываетъ и то обстоятельство что оренбургскій генералъ-губернаторъ, котораго на дняхъ ожидаютъ въ Петербургъ, намѣренъ, даже въ

виду предположенной постройки Екатеринбургско-Тюменскаго участка, ходатайствовать о немедленномъ начатіи въ Поволжьи еще другихъ желѣзнодорожныхъ работъ, въ видахъ предоставленія заработка крайне нуждающемуся населенію края.

— —

№ 269.

Москва, 27-го сентября.

Официозный телеграфъ не скупится на извѣстія о предстоящихъ новыхъ „мѣропріятіяхъ“ державъ противъ Турціи; но усердіе съ какимъ со всѣхъ сторонъ проповѣдуется, чрезъ посредство того же телеграфа, о необходимости сохранить европейскій „концертъ“ доказываетъ лишь то что публика совсѣмъ извѣрилась въ этой фразѣ. Вѣнская *Политическая Корреспонденція*, этотъ „коллективный“ органъ дипломатической лжи сообщаетъ что „Британскій кабинетъ имѣетъ уже въ рукахъ своихъ утвердительные отвѣты всѣхъ другихъ кабинетовъ на свое предложеніе, состоящее въ томъ чтобы въ видѣ принудительной мѣры занять какой-либо пунктъ въ Архипелагѣ.“ Къ этому названный листокъ прибавляетъ что командующій соединеннымъ флотомъ въ бухтѣ Теодо распорядился чтобы чрезъ 48 часовъ все было готово къ отплытію флота въ „другое мѣсто.“ Изъ этого достовѣрнымъ можно пока считать лишь то что соединенное дѣйствіе въ Адріатическомъ морѣ окончательно не состоялось. Одного этого факта достаточно чтобы признать пустыми фразами все разглагольствіе о дальнѣйшихъ совокупныхъ мѣрахъ. Одно изъ двухъ: либо согласіе между державами существуетъ и дѣйствительно сознана необходимость доказать Турціи на дѣлѣ что ей не будетъ дозволено издѣваться, какъ она до сихъ поръ дѣлала, надъ европейскимъ „концертомъ,“ либо согласія между державами нѣтъ и ничего серіознаго въ виду не имѣется. Но въ первомъ случаѣ немыслимо чтобъ европейская армада ретировалась отъ албанскихъ береговъ ничего не сдѣлавъ и оставивъ Албанцевъ, турецкаго пашу, Черногорцевъ, да и всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей, въ томъ убѣжденіи что флотъ отступилъ предъ угрозой Риза-паши, бросившаго вызовъ всей Европѣ и объявившаго что онъ сочтетъ за *casus belli* всякое наступательное дѣйствіе противъ Албанцевъ со стороны флота. Гораздо основательнѣе другое предположеніе, что бездѣйствіе флота есть слѣдствіе взаимныхъ *несогласій* между участниками демонстраціи. Но если такъ, то кто же повѣритъ что несогласіе, столь постыднымъ образомъ сказавшееся въ Адріатикѣ, превратится въ гармонію когда соединенный флотъ прибудетъ въ Архипелагъ? И почему же „занятіе *какого-либо* пункта въ Архипелагѣ“ признано нынѣ болѣе дѣйствительнымъ средствомъ образумить зартачившихся Турокъ нежели прямая помощь Черногорцамъ? Въ Адріатикѣ одно дѣло по крайней мѣрѣ было бы сдѣлано. Еслибъ Европа собственными руками отняла у Турокъ и передала Черногорцамъ то что она послѣднимъ присудила, то Турки убѣдились бы, вопервыхъ, что съ ними не шутятъ, и вовторыхъ, былъ бы установленъ прецедентъ и для Грековъ, которые притихли выжидая развязки Черногорскаго дѣла и довѣряя дипломатіи убѣдившей ихъ что придетъ и ихъ очередь. Турки же, которые съ самаго начала скептически относились къ европейскому концерту и строили всѣ свои разчеты не на этой пустой и лживой фразѣ, а на дѣйствительности, не дремали пока и на грекотурецкой границѣ. Турецкія войска сосредоточены нынѣ въ не маломъ количествѣ противъ Греціи; Албанцы снабжены оружіемъ и всѣмъ необходимымъ, и если Греки теперь вздумаютъ дѣйствовать на свою руку, то „жребій войны,“ по всей вѣроятности, выпадетъ не въ ихъ пользу, а Турки получатъ новое право отстаивать свое достояніе основываясь на привилегіи побѣдителя. Много ли въ этомъ случаѣ пособитъ Грекамъ соединенная европейская армада, если даже займетъ „какой-либо пунктъ“ въ Архипелагѣ?

Къ чему же сводятся возобновленныя и на всѣ лады повторенныя фразы о „сохраненіи европейскаго согласія?“ Едва ли кто обвинитъ насъ въ пессимизмѣ, если мы истолкуемъ эту фразу какъ признакъ того что и въ настоящее время взяла верхъ та сила которая поставила себѣ задачей парализовать всякое дѣйствительное движеніе и для которой во что бы то ни стало необходимо свести къ нулю всякую попытку предоставить свободу элементамъ окончательнаго разложенія Турціи и замѣнить мертвое живымъ. Сообщенія о томъ

что „согласіе“ сохранено означаетъ что эта тормозящая сила побѣдила, и что ничего не будетъ сдѣлано. Нѣсколько дней тому назадъ много поговаривали о томъ что г Гладстонъ „еще не угомонился“ и что можно ожидать самостоятельнаго дѣйствія Англіи противъ Турціи. Толковали что предстоитъ демонстрація Англіи и пожалуй Россіи противъ самого Константинополя. И вотъ что̀ писали по этому поводу изъ Вѣны въ одну изъ вліятельныхъ берлинскихъ газетъ: „Въ виду такого предположенія, рѣчь идетъ уже не о томъ, присоединятся ли прочія державы къ этому шагу или нѣтъ, а о томъ сумѣютъ ли онѣ этому воспрепятствовать. Такъ здѣсь смотрятъ на теперешнее положеніе. Въ дипломатическихъ кругахъ не слишкомъ предаются иллюзіи по поводу неудачи постигшей г. Гладстона вслѣдствіе неожиданно энергическаго отпора со стороны Турціи, ибо горячій темпераментъ руководителя англійской политики заставляетъ опасаться что онъ пожалуй придумаетъ нѣчто еще болѣе рѣшительное противъ Турціи.“ Очень не нравится въ Вѣнѣ и то что Черногорцы не захотѣли ничего предпринять противъ Турціи; тамъ ожидали что они ринутся въ бой и что ихъ постигнетъ нѣчто въ родѣ того пораженія которое постигло Сербовъ при Дюнишѣ. Опасались въ Вѣнѣ болѣе всего чтобы двѣ державы, то̀сть Англія и Россія, не предприняли отъ себя какого-либо принудительнаго дѣйствія противъ Турціи. И вотъ теперь всѣ эти опасенія разсѣялись и возвѣщено о томъ что никакихъ изолированныхъ дѣйствій отдѣльныхъ державъ не будетъ, а будетъ попрежнему „концертъ...“

Daily News, органъ теперешняго англійскаго министерства, чего-то ждетъ отъ „согласія державъ.“ По словамъ этой газеты, „употребленіе силы представляется неизбѣжнымъ,“ но скорѣе будетъ примѣнена блокада нежели бомбардированіе. Англійская газета поговариваетъ даже о низложеніи султана, если онъ будетъ упорствовать. Но не выражаются ли во всемъ этомъ скорѣе благія намѣренія Англійскаго правительства, нежели то что̀ въ самомъ дѣлѣ постановлено европейскимъ ареопагомъ? Не странно ли что въ то самое время когда англійская министерская газета, говоря какъ будто бы отъ имени вновь скрѣпленнаго европейскаго концерта, высказываетъ противъ Турціи столь грозныя вещи, — другой министерскій органъ, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, считаетъ нужнымъ напомнить что въ Берлинскомъ трактатѣ нѣтъ никакихъ постановленій по предмету контроля и надзора за исполненіемъ Турціей этого трактата, что модифицированное предложеніе объ этомъ Россіи не было принято конгрессомъ, и что „турецкій уполномоченный заявилъ что Порта готова исполнить трактатъ по скольку онъ ея касается, но не согласна ни имѣть контроля, ни подчиниться таковому?“ Зачѣмъ понадобилось такое напоминаніе, которое, къ тому же, сдѣлано Турціей уже много разъ? Неужели берлинская официозная газета въ самомъ дѣлѣ держится того мнѣнія что державы подписавшія трактатъ не имѣютъ права наблюдать за исполненіемъ онаго потому только что на Берлинскомъ конгрессѣ не было сочтено удобнымъ установить извѣстный опредѣленный способъ контроля надъ исполненіемъ трактата. Но самая Берлинская конференція, собранная въ виду затрудненій возникшихъ по исполненію трактата и постановившая *обязательныя* для Турціи рѣшенія не допуская никакихъ возраженій съ ея стороны, служитъ доказательствомъ тому что не таково юридическое толкованіе придаваемое трактату. А съ другой стороны Турція слишкомъ явно показала что она не только не хочетъ никакого „контроля,“ но что и самый трактатъ она приняла къ исполненію лишь насколько это представляло для нея прямую выгоду. Восточная Румелія стала вновь турецкою провинціей; турецкій генералъ-губернаторъ принялъ оную въ свое управленіе какъ разъ въ тотъ срокъ который былъ установленъ трактатомъ. Но ни Черногорія, ни Греція не получили того что̀ Турція обязалась имъ отдать.

Для какой цѣли *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* выступила теперь съ такимъ куріознымъ „напоминаніемъ“ мы въ точности еще не знаемъ. Но уже по этому одному легко судить о томъ, возможно ли ожидать большей искренности и правды отъ вновь затѣваемаго „единодушнаго“ дѣйствія державъ взамѣнъ прежняго которое окончилось скандаломъ.

№ 271.

Москва, 29-го сентября.

Въ текущемъ году Россія не была порадована хорошимъ урожаемъ. Помѣщаемыя ниже офиціальныя свѣдѣнія по этой части мало расходятся съ идущими съ разныхъ сторонъ частными извѣстіями и слухами. Не какая-нибудь небольшая мѣстность, а цѣлый обширный восточный приволжскій и заволжскій край, находится въ крайне затруднительномъ положеніи. Значительныя массы населенія въ этомъ краѣ голодаютъ уже теперь, и въ недалекомъ будущемъ бѣдствія голода могутъ принять еще болѣе грозные размѣры. Неурожай въ этомъ обширномъ районѣ, который обычно служитъ одною изъ нашихъ главныхъ житницъ, имѣетъ тѣмъ большее значеніе что и въ другихъ мѣстностяхъ, въ общемъ выводѣ, урожай можетъ быть признанъ не выше средняго.

На огромныхъ пространствахъ въ наиболѣе хлѣбородныхъ мѣстностяхъ хлѣба пострадали не отъ однихъ неблагопріятныхъ климатическихъ явленій, но также, и отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Недостатокъ хлѣба ощущается вслѣдствіе этого не въ однѣхъ только голодающихъ мѣстностяхъ, но и во многихъ другихъ. Цѣны на хлѣбъ очень поднялись и не показываютъ наклонности къ пониженію. Напротивъ, съ разныхъ сторонъ высказываются опасенія что онѣ пойдутъ еще въ гору, и неизвѣстно на какомъ уровнѣ остановится этотъ подъемъ цѣнъ, до какихъ размѣровъ дойдетъ дороговизна хлѣба въ предстоящую зиму и весну.

Въ виду такого положенія дѣлъ, вопросъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія естественно выступаетъ на первый планъ, становясь впереди всѣхъ другихъ финансовыхъ и экономическихъ соображеній. Этотъ вопросъ заботитъ теперь всѣхъ и каждаго, и необходимость принятія исключительныхъ мѣръ вызываемыхъ исключительными обстоятельствами все болѣе входитъ въ общее сознаніе. Необходимо прокормить населеніе мѣстностей постигнутыхъ неурожаемъ; желательно также, насколько возможно, положить предѣлъ ненормальному возвышенію хлѣбныхъ цѣнъ, которое можетъ стать общенароднымъ бѣдствіемъ. Въ этихъ видахъ, въ послѣднее время не разъ была заявляема мысль что не мѣшало бы временно стѣснить и даже пріостановить вывозъ хлѣба изъ Россіи за границу.

При обычныхъ обстоятельствахъ, о подобной мѣрѣ, конечно, не могло бы быть и рѣчи. Намъ необходимо не сокращеніе, а расширеніе нашей отпускной торговли, которая главнымъ образомъ состоитъ въ сбытѣ хлѣба. Нашъ отпускъ слишкомъ малъ для расплаты по всѣмъ нашимъ ежегоднымъ разчетамъ съ иностранцами, и эта недостаточность размѣровъ отпуска тяжело отзывается на всѣхъ нашихъ финансовыхъ и экономическихъ дѣлахъ. Происходящія отсюда невыгоды должны, конечно, возрасти въ случаѣ пріостановки вывоза хлѣба. Но какъ бы ни были велики эти невыгоды, онѣ во всякомъ случаѣ не могутъ равняться по важности съ затрудненіями въ продовольствіи населенія, если эти затрудненія вызываются недостаточностію наличныхъ хлѣбныхъ запасовъ. Изъ двухъ золъ должно избирать меньшее. Сбывать за границу можно только излишки хлѣба. Если въ данную минуту такихъ излишковъ не оказывается, если прежніе запасы хлѣба истощены усиленнымъ отпускомъ его въ предыдущіе годы, приходится задержать въ странѣ нужное ей самой количество хлѣба. Разчитывать что такое количество хлѣба останется въ странѣ само собою, безо всякой заботы о томъ правительства, было бы, пожалуй, очень рискованно; нельзя полагаться на авось въ дѣлѣ такой важности какъ обезпеченіе продовольствія многочисленныхъ населеній. Предусмотрительность частныхъ лицъ въ этомъ отношеніи у насъ очень сомнительна. Крестьяне часто продаютъ осенью хлѣбъ зная что весной имъ придется покупать его. Крупные сельскіе хозяева при продажѣ своего хлѣба нисколько не соображаются съ тѣмъ нуженъ ли продаваемый ими хлѣбъ для мѣстнаго продовольствія или нѣтъ. Недостаточно соображаются съ этимъ и хлѣбные торговцы, часто запродающіе будущій хлѣбъ въ то время когда еще нельзя знать въ какомъ отношеніи окажутся результаты жатвы ко внутренней потребности въ хлѣбѣ. Примѣръ такой торговой непредусмотрительности мы видѣли, между прочимъ, въ прошлогоднюю осень, когда саратовскій хлѣбъ катался взадъ и впередъ по желѣзнымъ дорогамъ, сперва проданный Саратовцами, а затѣмъ купленный

ими обратно. Но этого мало. Важную роль въ нашей хлѣбной торговлѣ играютъ агенты иностранныхъ торговыхъ конторъ, которые, скупая хлѣбъ для вывоза, не имѣютъ уже ровно никакихъ побужденій заботиться о томъ чтобы страна не осталась безъ хлѣба. Извѣстно что минувшею весной русскій хлѣбъ въ Пруссіи былъ дешевле чѣмъ въ Россіи.

Самая настоятельная и неотложная нужда въ настоящую минуту есть заготовка хлѣба въ количествѣ достаточномъ для прокормленія до будущей жатвы многочисленнаго населенія приволжскаго и заволжскаго края и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей. Для удовлетворенія этой насущной потребности уже отпущены изъ казны въ ссуду голодающимъ милліонныя суммы, и этимъ дѣло, конечно, не ограничится. Ожидается ассигнованіе для той же цѣли еще нѣсколькихъ милліоновъ, уже не изъ продовольственнаго капитала, который почти изсякъ, а изъ общихъ бюджетныхъ средствъ. Параллельно съ этими ассигнованіями рѣшено сдѣлать приступъ къ государственнымъ работамъ въ видахъ предоставленія заработка бѣдствующимъ населеніямъ. Предстоитъ открытіе работъ по постройкѣ Тюменьско-Екатеринбургскаго участка Сибирской желѣзной дороги. Государственная важность этихъ работъ не подлежитъ спору, и открываются онѣ какъ нельзя болѣе своевременно. Но едва ли обстоятельства позволяютъ ограничиться только ими. Обширныя государственныя работы суть испытанное средство оказанія помощи голодающимъ и наилучшая форма въ какой помощь можетъ быть оказана. Но чтобы помощь была дѣйствительною, нужно, вопервыхъ, чтобы размѣры работъ соотвѣтствовали оказавшейся нуждѣ, вовторыхъ, чтобы самыя работы производились въ мѣстностяхъ по возможности менѣе удаленныхъ отъ осѣдлости постигнутаго неурожаемъ населенія. Обоимъ этимъ условіямъ постройка Тюменьско-Екатеринбургскаго участка Сибирской дороги не удовлетворяетъ. Этотъ участокъ лежитъ слишкомъ далеко отъ Волги, за Уральскимъ хребтомъ, да и самыхъ работъ на немъ въ которыхъ можетъ принять участіе приволжскій рабочій людъ окажется далеко не столько сколько требуется. Было бы большимъ благодѣяніемъ для этихъ рабочихъ еслибъ объемъ работъ былъ расширенъ, еслибъ одновременно съ помянутымъ участкомъ было приступлено къ постройкамъ и по тѣмъ частямъ Сибирской дороги которыя лежатъ по сю сторону Уральскаго хребта, ближе къ пострадавшему краю. Но и этого едва ли будетъ достаточно. Кромѣ желѣзнодорожныхъ, желательны были бы и иныя требуемыя въ государственныхъ интересахъ работы, напримѣръ по облѣсенію и обводненію многихъ мѣстностей, гдѣ недостатокъ влаги признается одною изъ главныхъ причинъ часто повторяющихся неурожаевъ. Скупиться въ ассигнованіи средствъ на производство такихъ работъ не слѣдуетъ. Заботы о соблюденіи равновѣсія въ бюджетѣ несомнѣнно вполнѣ уважительны, но въ государственной жизни бываютъ моменты когда боязнь дефицитовъ можетъ быть вреднѣе самихъ дефицитовъ. Ради полезныхъ работъ, исполненіе которыхъ въ данное время можетъ спасти отъ голода и его бѣдственныхъ послѣдствій цѣлый обширный край, поддержать и поднять его экономическія силы, можно не задумываясь обратиться къ займамъ. То соображеніе что настоящее время положительно неблагопріятно для заключенія внѣшнихъ займовъ, такъ какъ у иностранныхъ банкировъ остаются еще на рукахъ консолидированныя облигаціи 6-го выпуска, едва ли можетъ имѣть тутъ какую-нибудь силу. Во внѣшнихъ займахъ вовсе нѣтъ необходимости; внутренніе займы, какъ не разъ убѣдительно было доказываемо, гораздо выгоднѣе для страны. Еслибъ и внутренній заемъ не удался, Государственный Банкъ, подъемомъ процента по безсрочнымъ вкладамъ и текущимъ счетамъ, можетъ привлечь въ свои кассы достаточныя для возникшихъ государственныхъ надобностей суммы. Наконецъ можно прибѣгнуть, въ случаѣ нужды, даже и къ выпускамъ кредитныхъ билетовъ.

Нынѣшній годъ есть годъ тяжелый, и впереди всѣхъ другихъ должна, поэтому, стоять забота о томъ чтобы помочь населенію пережить его. Въ этихъ видахъ можно помириться и съ пріостановкой хлѣбнаго отпуска, и съ расширеніемъ росходныхъ смѣтъ бюджета на полезныя государственныя работы, и съ сокращеніемъ бюджета доходовъ пріостановкой взысканія прямыхъ податей и недоимокъ не только въ голодающихъ мѣстностяхъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ, гдѣ населеніе поставлено неурожаемъ въ затруднительное

положеніе. Экономическіе результаты такой своевременно оказанной поддержки населенію не преминутъ возмѣстить въ слѣдующіе годы тѣ финансовыя жертвы которыхъ эта поддержка требуетъ.

Принять мѣры требуемыя исключительными обстоятельствами малоурожайнаго, труднаго для страны года, нужно прежде всего; но при этомъ нельзя не подумать также и о мѣрахъ которыя, по возможности, предотвратили бы повтореніе неурожаевъ и сопровождающихъ ихъ бѣдствій. Толки о подобныхъ мѣрахъ не прекращаются вотъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ, но постоянно все одними толками и ограничивается. А между тѣмъ давнымъ давно пора перейти отъ словъ къ дѣлу. Сколько было говорено и переговорено, напримѣръ, о необходимости облѣсенія и обводненія степныхъ мѣстностей, а сдѣланъ ли въ этомъ отношеніи хотя бы приступъ къ дѣлу? Задача эта, конечно, не изъ легкихъ. Но трудности ея не оказались непреодолимыми даже для народовъ стоящихъ на много низшей чѣмъ мы ступени цивилизаціи. Среднеазіятскіе варвары, полудикіе жители Бухары и Хивы, не пользуясь никакими пособіями науки и усовершенствованіями инженернаго искусства, достигли въ дѣлѣ ирригаціи громадныхъ результатовъ. Не будь у насъ небреженія къ своей почвѣ, и мы, вѣроятно, могли бы достигнуть весьма многаго въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе что климатическія и почвенныя затрудненія, съ которыми намъ нужно бороться, кажется, много легче тѣхъ какія преодолѣваются въ Средней Азіи, а находящіяся въ нашемъ распоряженіи научныя и иныя средства далеко превосходятъ тѣ какими тамъ вынуждены довольствоваться. Но небреженіе наше къ тому что̀ должно быть одною изъ постоянныхъ и важнѣйшихъ нашихъ заботъ таково что даже плоды заботливости варварскихъ народовъ о своей почвѣ иногда гибнутъ попадая въ наши руки. По преданіямъ, Крымъ, напримѣръ, былъ гораздо обильнѣе снабженъ водой пока находился подъ татарскимъ владычествомъ.

Въ числѣ причинъ повальныхъ неурожаевъ въ Приволжскомъ краѣ, не разъ упоминалось нераціональное веденіе сельскаго хозяйства, исключительное предпочтеніе оказываемое тамъ пшеницѣ предъ всѣми другими хлѣбами. За это и самый край, и вся Россія не разъ уже должны были дорого расплачиваться. Ввести посѣвы пшеницы въ должные предѣлы, установить возможно правильное отношеніе этихъ посѣвовъ къ посѣвамъ другихъ хлѣбовъ, становится дѣломъ большой важности. И этимъ дѣломъ, кажется, слѣдовало бы заняться серіозно и безотлагательно. Но какъ этою, такъ и другими подобными задачами у насъ повидимому и заняться некому. Невольно, въ виду этого, пожалѣешь что у насъ, въ странѣ преимущественно земледѣльческой, нѣтъ правительственнаго вѣдомства которое имѣло бы прямою, а не побочною своею задачей заботы о земледѣліи и его интересахъ.

№ 272.

Москва, 30-го сентября.

Телеграфъ спѣшитъ возвѣстить что Порта, послѣ невѣроятнаго упрямства выказаннаго ею въ послѣднее время, послѣ „въ высшей степени оскорбительной для Европы“ ноты своей отъ 4 октября, въ которой она поставила разныя условія для передачи Черногорцамъ Дульциньйо, соглашается на эту передачу „безусловно.“ Все это дѣло съ самаго начала казалось комедіей; комедіей казалось и негодованіе на поведеніе Порты; быть-можетъ и внезапное смиреніе Порты также комедія, которая однако легко можетъ перейти въ трагедію: одновременно съ упомянутымъ извѣстіемъ сообщаютъ о крови пролитой подъ Дульциньйо какъ разъ въ то время когда строптивость Порты уступала давленію европейскаго концерта. Солдаты Риза-паши уже не могутъ теперь стрѣлять въ Черногорцевъ въ качествѣ регулярнаго войска султана; но перерядившись въ Албанцевъ, которые, смотря по надобности, то являются вѣрноподданными султана, то бунтовщиками противъ его власти, солдаты Риза-паши будутъ продолжать прежнее дѣло, и Черногорцамъ все-таки придется вторично завоевывать то что̀ уже давно пріобрѣтено ими цѣною своей крови, и едва ли, послѣ всѣхъ приготовленій къ отпору на которыя Албанцамъ дано было столько времени и средствъ, благодаря заступничеству Европы за интересы Черногоріи, едва ли Черногорцамъ такъ легко будетъ взять то что̀ Порта якобы отдастъ имъ добровольно и „безусловно.“

Теперешнею политическою игрою многое разъясняется и въ прошедшемъ.

Въ 1875 году начались безпорядки въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Турціи, безпорядки очень обыкновенные въ этой несчастной странѣ. Никому, казалось, не было желательно раздуть эту искру въ пламя. Всѣ принялись повидимому дружно тушить искру. Но искра все разгоралась и превратилась въ пожаръ. Дѣло приняло такой оборотъ что Россія вынуждена была объявить Турціи войну. Кто же былъ ея главнымъ противникомъ и кто былъ на ея сторонѣ? Кромѣ Турціи, съ которою велась открытая война, прямо враждебною ей стороной являлась Англія, а на своей сторонѣ Россія мнила видѣть Германію. Правда, Германія заявила съ самаго начала что она не настолько заинтересована на Востокѣ чтобы жертвовать своими силами въ пользу того дѣла за которое выступила Россія; но цѣль, которую имѣла Россія въ виду, — освобожденіе христіанскихъ племенъ изъ-подъ тяжкаго ига, провозглашена была со стороны Германіи дѣломъ вполнѣ ей сочувственнымъ. Она не помогала Россіи во время войны, но сочувствіе и доброжелательство Германіи выставлялись при каждомъ случаѣ, а когда война кончилась, когда раздавленная Турція лежала у ногъ побѣдителя и Англія стала лицомъ къ лицу съ побѣдителемъ и старалась вырвать у Россіи плоды ея побѣдъ, руководитель германской политики принялъ на себя роль „честнаго маклера," и Берлинскій трактатъ явился плодомъ усилій Германіи примирить противоположные интересы и, какъ тогда казалось, непримиримо враждебныя стремленія Англіи и Россіи.

Но какъ только приступлено было къ исполненію Берлинскаго трактата, наступила внезапная перемѣна, совершенно переладившая общее положеніе европейской политики относительно Востока. Пало въ Англіи министерство Биконсфильда. Восточная политика была главною, даже единственною причиной его паденія, и оказалось что Англія совсѣмъ не солидарна съ тѣмъ что при этомъ министерствѣ объявлялось „интересомъ Англіи на Востокѣ." Министерство принявшее власть отъ торіевъ не только не продолжало прежней вражды противъ всѣхъ начинаній Россіи на Востокѣ, но напротивъ поспѣшило взять въ свои руки, насколько для него возможно было въ предѣлахъ международнаго трактата уже получившаго значеніе обязательнаго для всѣхъ акта, дѣло предпринятое Россіей на Востокѣ; оказалось что Англія и Россія могутъ тутъ идти во многомъ рука объ руку. Худшій противникъ Россіи превратился почти въ союзника ея, и ничто, казалось, не могло уже помѣшать полному осуществленію того что явилось результатомъ примиренія этихъ прежде непримиримыхъ противоположностей. Только Турція могла питать затаенный замыселъ и по возможности уклоняться отъ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ. Но кто же могъ придавать серіозное значеніе замысламъ Турціи въ виду согласія установившагося между противниками, на раздорѣ коихъ основаны были всѣ разчеты Турціи? Ей прикажутъ именемъ Европы, и она не посмѣетъ ослушаться. Такъ думали всѣ. Такъ въ особенности разсуждалъ новый англійскій премьеръ, который и принялъ на себя инициативу дѣла и сталъ настойчиво требовать отъ Турціи исполненія всего къ чему она обязалась.

Съ виду разчетъ этотъ какъ бы оправдался. Вся Европа „единодушно" поддерживала требованія предъявленныя Турціи и даже соглашалась принять участіе въ тѣхъ мѣрахъ принужденія, которыя были предложены Англіей. Но тутъ обнаружилось нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное: Турція, обезсиленная и разбитая Турція, осмѣлилась не повиноваться велѣніямъ Европы; съ другой стороны, ни одна изъ мѣръ принужденія принятыхъ Европой не приведена въ исполненіе.

Англійская газета *Spectator* высказала на дняхъ мысль что Турція, такъ явно и упорно отказывающаяся отъ Берлинскаго трактата, который принесъ ей наибольшую выгоду, тѣмъ самымъ лишаетъ этотъ трактатъ обязательной силы и для другихъ, и что Европѣ остается лишь, не прибѣгая ни къ какимъ принужденіямъ, признать возстановленнымъ въ силѣ Санъ-Стефанскій договоръ, который лучше и справедливѣе Берлинскаго. Таковы сужденія которыя раздаются нынѣ въ Англіи. За то въ Берлинѣ печать выводитъ совсѣмъ иное. Тамъ теперь прямо отрекаются отъ того положенія будто бы Германія не имѣетъ никакихъ интересовъ на Востокѣ. Нѣтъ, говорятъ теперь въ Берлинѣ, Германія имѣетъ тамъ прямой интересъ, и этотъ интересъ есть борьба противъ „панславизма," какъ выражаются

болѣе умѣренные органы, или противъ Россіи, какъ заявляютъ болѣе откровенные глашатаи интересовъ Германіи. То къ чему стремится г. Гладстонъ есть де „чистое безуміе,“ ибо онъ дѣйствуетъ на руку Россіи. Если де должно участвовать въ предлагаемыхъ имъ „европейскихъ“ предпріятіяхъ, то только для того чтобы парализовать его затѣи и помѣшать какимъ-либо одностороннимъ дѣйствіямъ Англіи въ соединеніи съ Россіей.

Вотъ какъ нынѣ перемѣнилось положеніе! Но не вѣрнѣе ли будетъ сказать что перемѣнилась только декорація, а положеніе осталось то же самое? Беконсфильдъ ли былъ самымъ серіознымъ противникомъ нашимъ на Востокѣ?...

№ 274.

Москва, 2-го октября.

Для разъясненія вопроса объ обезпеченіи народнаго продовольствія въ Россіи при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, для опредѣленія въ какой степени необходимо по этой части принятіе мѣръ общаго или мѣстнаго значенія, требуется прежде всего возможно полное ознакомленіе съ результатами жатвы нынѣшняго года во всей странѣ. Точныхъ данныхъ для такого ознакомленія, при отсутствіи у насъ правильной земледѣльческой статистики, не имѣется. Но нѣкоторое, приближающееся къ истинѣ понятіе объ урожаѣ нынѣшняго года дастъ опубликованное на дняхъ правительственное сообщеніе по этому предмету.

Заключающіяся въ этомъ сообщеніи свѣдѣнія, извлеченныя изъ донесеній земствъ и губернскихъ начальствъ, не касаясь Сибирскихъ губерній, а также Ставропольской губерніи, Кубанской области и прочихъ губерній и областей Кавказскаго намѣстничества, обнимаютъ почти всю Европейскую Россію съ небольшими лишь пробѣлами. Эти пробѣлы ограничиваются тѣмъ что въ офиціальномъ сообщеніи не приведено свѣдѣній объ урожаѣ озимыхъ хлѣбовъ въ двухъ уѣздахъ Саратовской губерніи (Кузнецкомъ и Петровскомъ) и въ трехъ уѣздахъ Черниговской (Черниговскомъ, Кролевецкомъ и Сосницкомъ), и вовсе умолчано объ урожаѣ какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ по всей землѣ Войска Донскаго и въ Черноярскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ Астраханской губерніи. Не эти пробѣлы, конечно, могутъ представлять затрудненіе при выводѣ общихъ заключеній изъ опубликованныхъ свѣдѣній, а развѣ растяжимость и недостаточная опредѣленность терминовъ которыми обозначается степень урожая въ разныхъ мѣстностяхъ. Именно для опредѣленія степени урожая какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ въ каждой мѣстности употребляется одинъ изъ четырехъ терминовъ: удовлетворительный, частію удовлетворительный частію посредственный, посредственный и неудовлетворительный. Но понятіе объ удовлетворительности не одинаково въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Одинаковый результатъ жатвы удовлетворителенъ для Тверской и не удовлетворителенъ для Тамбовской губерніи. Затѣмъ, въ неурожайный годъ можетъ быть признаваема удовлетворительною такая жатва которую, при общемъ урожаѣ, можетъ-быть, признали бы ниже посредственной. Эту возможность пониженія общей нормы при оцѣнкѣ урожая нельзя упускать изъ виду, хотя и неизвѣстно въ какой мѣрѣ это обстоятельство отозвалось на характерѣ тѣхъ донесеній на которыхъ основывались при составленіи офиціальнаго сообщенія объ урожаѣ нынѣшняго года въ разныхъ мѣстностяхъ.

Сдѣлавъ эту оговорку, попытаемся изложить общія заключенія къ какимъ даютъ поводъ опубликованныя свѣдѣнія.

Въ сельскохозяйственныхъ отчетахъ Европейскую Россію принято раздѣлять на двѣ половины, черноземную и нечерноземную. Къ первой относятъ губерніи сѣверныя, балтійскія, привислинскія, сѣверозападныя и среднія нечерноземныя *); ко второй восточныя приволжскія **), южныя степныя, югозападныя и среднія черноземныя ***). Этого дѣленія на двѣ половины и на девять районовъ, хотя оно и не вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру включенныхъ въ нихъ губерній, будемъ держаться и мы. Начнемъ съ нечерноземной половины.

*) С.-Петербургская, Новгородская Тверская, Псковская, Смоленская, Калужская, Московская, Владимірская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Вятская и Пермская.

**) Казанская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Самарская, Уфимская и Оренбургская.

***) Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Харьковская, Полтавская и Черниговская.

Для земледѣльцевъ трехъ сѣверныхъ губерній, Архангельской, Олонецкой и Вологодской, нынѣшній годъ былъ весьма благопріятнымъ. Здѣсь и озимые, и яровые хлѣба, и травы уродились удовлетворительно, только въ Олонецкой губерніи озими оказались посредственными. Но для общаго предовольственнаго вопроса жатва сѣверныхъ губерній почти не имѣетъ значенія. И при хорошемъ урожаѣ эти губерніи, по малому развитію въ нихъ земледѣлія, не могутъ обходиться безъ подвоза хлѣба изъ другихъ губерній. Можно ожидать нѣкотораго сокращенія спроса на хлѣбъ для сѣвера, можетъ-быть на полмилліона четвертей, вотъ и все.

Гораздо болѣе интереса представляетъ обширная средняя нечерноземная полоса, которая тянется отъ Урала до Финскаго залива. Урожай здѣсь оказался весьма не одинаковымъ. Говоря вообще, онъ въ этой полосѣ чѣмъ далѣе къ востоку тѣмъ лучше, чѣмъ западнѣе тѣмъ хуже. Въ *Пермской*, самой восточной изъ 13 губерній, включаемыхъ въ этотъ районъ, какъ озимые, такъ и яровые хлѣба оказались частію посредственными, частію удовлетворительными, что позволяетъ разчитывать здѣсь на избытокъ хлѣба противъ мѣстной потребности, избытокъ который можетъ быть направленъ на пострадавшее отъ неурожая Поволжье. Изъ сосѣдней *Вятской* губерніи, самой хлѣбной во всемъ районѣ, при посредственномъ урожаѣ озимыхъ и удовлетворительномъ яровыхъ, также можетъ быть вывезенъ не одинъ милліонъ четвертей на Поволжье, тѣмъ болѣе что для продовольствія сѣверныхъ губерній потребуется хлѣба менѣе чѣмъ обыкновенно. Затѣмъ, относительно *Нижегородской* губерніи можно также полагать что при урожаѣ удовлетворительномъ для одной трети и посредственномъ для двухъ третей губерніи, она будетъ имѣть избытокъ хлѣба противъ мѣстной потребности. Едва ли окажется такой же избытокъ въ губерніяхъ *Костромской* и *Ярославской*, хотя урожай тамъ вообще удовлетворительный, но можно разчитывать что населеніе обѣихъ губерній прокормится своимъ хлѣбомъ. Не столь обильна какъ въ Ярославской и Костромской была жатва въ губерніяхъ *Владимірской*, *Московской* и *Калужской*, но и здѣсь къ сѣтованіямъ на неурожай не представляется повода: урожай можетъ быть признанъ вообще среднимъ. Если для продовольствія этихъ губерній и понадобится подвозъ хлѣба изъ другихъ губерній, то едва ли въ большемъ количествѣ чѣмъ обыкновенно. Въ сходномъ положеніи находится и *Тверская* губернія, пострадавшая лишь отъ неурожая травъ. Но затѣмъ въ *Смоленской* губерніи мы уже видимъ два уѣзда, Ельнинскій и Дорогобужскій, постигнутые неурожаемъ озимаго хлѣба. Въ *Псковской* губерніи неурожай озими распространяется уже на три изъ восьми уѣздовъ. Этотъ неурожай тѣмъ серіознѣе что во всѣхъ прочихъ уѣздахъ обѣихъ губерній урожай ржи только посредственный. Правда, этотъ неурожай нѣсколько возмѣщается удовлетворительнымъ урожаемъ яровыхъ хлѣбовъ, но положеніе Псковской губерніи при этомъ отягчается неурожаемъ травъ. Наконецъ, въ наихуднемъ положеніи оказываются губерніи *Новгородская* и *Петербургская*. Яровые хлѣба въ обѣихъ сравнительно лучше озимей, особенно въ первой; но озими въ Новгородской губерніи оказались удовлетворительными только въ трехъ уѣздахъ, а въ семи посредственными, то-есть недостаточными. Крестецкій же уѣздъ постигнутъ неурожаемъ. Что же касается Петербургской губерніи, то тамъ оказался неурожай озимаго хлѣба въ пяти уѣздахъ, а въ остальныхъ трехъ онъ только посредственный. При этомъ въ большей части обѣихъ губерній неурожай травъ.

Не совсѣмъ благопріятные результаты урожая въ западной части средней нечерноземной полосы возмѣщаются, впрочемъ, избытками урожая въ Балтійскихъ, Западныхъ и Привислинскихъ губерніяхъ. Въ *Балтійскихъ* губерніяхъ жатва оказалась частію удовлетворительная, частію посредственная, и принимая во вниманіе что производство хлѣба здѣсь, при среднемъ урожаѣ, превышаетъ мѣстную въ немъ потребность, можно разчитывать и въ текущемъ году на нѣкоторый, хотя и не очень большой, избытокъ хлѣба. Въ *Сѣверо-Западномъ* краѣ урожай вездѣ удовлетворительный и лишь по мѣстамъ озими оказались посредственными, почему и здѣсь надобно ожидать избытка хлѣба для вывоза. Наконецъ въ *Привислинскихъ* губерніяхъ урожай тоже удовлетворительный и лишь частію посредственный, и стало-быть имѣется въ виду несомнѣнный избытокъ хлѣба. Правда, на западѣ Россіи оказали вредное вліяніе на жатву шедшіе

въ августѣ постоянные дожди, но общій характеръ положенія Западныхъ и Привислинскихъ губерній отъ этого мало измѣнился.

Общее впечатлѣніе выносимое изъ обзора результатовъ урожая во всей нечерноземной половинѣ Россіи то что не въ нихъ заключаются могущія возникнуть по продовольственной части затрудненія. Нѣкоторыя изъ губерній будутъ тутъ нуждаться въ подвозѣ хлѣба, какъ это всегда бываетъ, а не въ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ размѣрахъ. Не въ спросѣ хлѣба для удовлетворенія этой нужды лежитъ, поэтому, причина замѣчаемаго повсюду необычайнаго подъема хлѣбныхъ цѣнъ, а въ размѣрахъ урожая въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ хлѣбъ производится для сбыта.

И дѣйствительно, обзоръ результатовъ урожая во всей черноземной половинѣ Россіи приводитъ къ заключеніямъ мало утѣшительнымъ.

Наибольшее вниманіе обращаетъ на себя восточный Приволжскій районъ, уже сильно потерпѣвшій отъ неурожаевъ прошлаго и третьяго года. Самая несчастная судьба постигла *Самарскую* губернію: тутъ одинаковый неурожай и озимаго и яроваго хлѣба; даже урожай травъ оказался только посредственный. За Самарскою слѣдуетъ *Саратовская* губернія, гдѣ въ большей части неурожай, и лишь въ меньшей части жатва была частію удовлетворительная, частью посредственная. Нѣсколько лучше, но тоже неблагопріятно стоитъ дѣло и въ *Симбирской* губерніи: въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ не уродилось ни яровыхъ, ни озими, въ Симбирскомъ и Корсунскомъ уѣздахъ неурожай озимаго, въ Ардатовскомъ неурожай яроваго. Въ прочихъ уѣздахъ урожай большею частію только посредственный, и лишь въ одномъ Алатырскомъ уѣздѣ озими удовлетворительны, да въ трехъ уѣздахъ удовлетворительны яровые. Въ остальныхъ губерніяхъ восточнаго района — *Казанской*, *Уфимской*, *Оренбургской* и *Астраханской* — нѣтъ повода жаловаться, но и нечѣмъ особенно похвалиться. А между тѣмъ даже и отмѣнная жатва въ нихъ едва ли могла бы возмѣстить для страны дефицитъ въ сборѣ хлѣба причиненный неурожаемъ въ самыхъ хлѣбныхъ губерніяхъ района.

Другая житница Россіи, южныя степныя губерніи, находится не въ лучшемъ положеніи, хотя тамошнее населеніе и легче можетъ пережить невзгоду благодаря урожаямъ прошлыхъ лѣтъ. Неурожай на югѣ, можно сказать, еще болѣе повсемѣстный чѣмъ на востокѣ. Всего хуже положеніе Екатеринославской губерніи, гдѣ одинаково не уродились и озимые и яровые хлѣба. Не много лучше стоитъ дѣло въ *Таврической* губерніи, гдѣ неурожай озимаго хлѣба вездѣ кромѣ одного Днѣпровскаго уѣзда (да и въ немъ урожай только посредственный) и неурожай яровыхъ въ двухъ уѣздахъ, Бердянскомъ и Мелитопольскомъ (въ прочихъ уѣздахъ яровые посредственны), а равно и въ *Херсонской*, гдѣ общій неурожай озимаго и посредственный урожай яроваго, за исключеніемъ лишь Тираспольскаго уѣзда, въ которомъ яровые удовлетворительны. О результатахъ жатвы въ Донской области, какъ выше сказано, официальныхъ свѣдѣній нѣтъ. Но въ общемъ тамошняя жатва характеризуется идущимъ изъ Новочеркасска ходатайствомъ о пріостановкѣ вывоза хлѣба за границу. Затѣмъ, во всемъ южномъ районѣ удовлетворительный урожай оказывается только въ Бессарабіи.

Въ государственной экономіи, хлѣбные недочеты востока и юга могли бы быть восполнены хорошимъ урожаемъ въ средней черноземной полосѣ. Но каковъ тамъ урожай на дѣлѣ? Въ *Тамбовской* губерніи, самой хлѣбной во всей этой полосѣ, дѣйствовали повидимому тѣ же вредныя условія какими причиненъ неурожай въ сосѣдней Саратовской губерніи. Здѣсь въ трехъ уѣздахъ неурожай озимыхъ, въ двухъ неурожай яровыхъ хлѣбовъ; въ прочихъ уѣздахъ яровые удовлетворительны, но озими только посредственны и лишь въ трехъ уѣздахъ удовлетворительны. *Пензенская* губернія тоже отчасти какъ бы раздѣлитъ судьбу сосѣдней Симбирской: здѣсь неурожай озимаго хлѣба въ двухъ уѣздахъ, посредственный сборъ его въ половинѣ губерніи и удовлетворительный только въ трехъ уѣздахъ (яровые въ Пензенской губерніи удовлетворительны или частію удовлетворительны, частію посредственны). Въ *Курской* губерніи, два уѣзда постигнуты неурожаемъ какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ, при посредственномъ только урожаѣ во всѣхъ прочихъ уѣздахъ. Въ *Полтавской* губерніи видимъ неурожай озими въ Полтавскомъ уѣздѣ, посредственный урожай во всѣхъ прочихъ и удовлетворительный въ одномъ только Роменскомъ уѣздѣ; въ трехъ уѣздахъ той

же губерніи, въ томъ числѣ въ Полтавскомъ, неурожай яровыхъ (въ остальныхъ уѣздахъ яровые частію посредственны, частію удовлетворительны). *Черниговской* губерніи по сбору озимаго хлѣба особенно не посчастливилось: только въ меньшей части губерніи жатва посредственная, въ большей же части неурожай; правда, яровые не дурны: частію удовлетворительны, частію посредственны. Въ остальныхъ затѣмъ пяти губерніяхъ средней черноземной полосы, *Харьковской*, *Воронежской*, *Рязанской*, *Орловской* и *Тульской*, урожай можетъ быть признанъ только посредственнымъ или среднимъ, вообще не такимъ чтобъ онъ могъ служить возмѣщеніемъ недочетовъ по другимъ мѣстностямъ.

Благопріятнымъ оказался урожай только въ Югозападномъ краѣ. Здѣсь все уродилось удовлетворительно, и озими, и яровые, и травы, и только Подольская губернія нѣсколько отстала отъ Кіевской и Волынской тѣмъ что озими въ ней частію удовлетворительныя, частію посредственныя. Но розовое пятно, какимъ является Югозападный край на общей картинѣ результатовъ урожая во всей черноземной половинѣ Россіи, мало ослабляетъ впечатлѣніе мрачныхъ и сѣрыхъ красокъ какими она рисуется.

Въ общемъ утѣшительнаго не много. Число губерній и уѣздовъ которые могутъ потребовать спеціальныхъ мѣръ по обезпеченію продовольствія довольно значительно. Нужны ли общія мѣры, въ родѣ пріостановки отпуска хлѣба за границу, это пока еще вопросъ требующій обсужденія. Но принимая во вниманіе что урожай яровыхъ хлѣбовъ, въ среднемъ выводѣ, лучше чѣмъ урожай озими, можно полагать что указанную исключительную мѣру едва ли понадобится примѣнять къ отпуску овса и ячменя. Равнымъ образомъ сомнительно чтобы нужно было запрещать вывозъ пшеницы: конкурренція пшеницы идущей изъ Америки, гдѣ урожай ея оказался еще лучше прошлогодняго, сама собою остановитъ вывозъ пшеницы изъ Россіи при подъемѣ у насъ цѣнъ на нее вслѣдствіе недостаточнаго урожая. Но нельзя сказать того же относительно ржи, которая въ Америкѣ почти не производится. Въ видахъ обезпеченія народнаго продовольствія, временная пріостановка отпуска ржи можетъ оказаться мѣрою необходимою.

№ 275.

Москва, 3-го октября.

Вотъ уже дня два-три какъ съ Востока вѣетъ миромъ и успокоеніемъ. Можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ обойдется тамъ все благополучно, — по крайней мѣрѣ до будущей весны. Притихли также толки о возможномъ столкновеніи нашемъ съ Китаемъ. Ахалъ-текинская экспедиція также обошлась пока безъ серіознаго кровопролитія, и напротивъ вноситъ пока въ эти отдаленныя и дикія степи дѣло мира,— самый утонченный продуктъ цивилизаціи,— желѣзную дорогу, хотя она и строится для военныхъ цѣлей.

На дняхъ, говорятъ, должна быть окончена постройка и открыто движеніе по первому, двадцатипятиверстному участку военной Закаспійской желѣзной дороги. Дорога эта едва ли не первая попытка проложить рельсовый путь по песчанымъ маловоднымъ степямъ, и ея сооруженіе можетъ имѣть весьма важное значеніе не только для достиженія тѣхъ цѣлей ради которыхъ она задумана, но и вообще, какъ первый опытъ въ дѣлѣ проложенія удобныхъ сообщеній въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ до сихъ поръ съ величайшими затрудненіями и опасностями проходятъ только верблюжьи караваны.

Годъ тому назадъ, вслѣдъ за неудачей Ахалъ-Текинской экспедиціи, было рѣшено вмѣстѣ съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій въ Закаспійскомъ краѣ приступить къ сооруженію желѣзной дороги отъ Михайловскаго залива въ глубь Текинскаго оазиса. Съ этою цѣлью раннею весной начато было формированіе, по-ротно, желѣзнодорожнаго баталіона, а затѣмъ въ іюлѣ передовой отрядъ войскъ предназначенныхъ дѣйствовать въ Текинскомъ оазисѣ занялъ Вами и утвердился тамъ, построивъ укрѣпленія и склады продовольственныхъ запасовъ. Съ занятіемъ Вами кратчайшій путь отъ Красноводска и Михайловскаго залива къ Кизылъ-Арвату въ Ахалъ-Теке былъ прикрытъ отъ нападеній значительныхъ текинскихъ шаекъ, и представлялась возможность немедленно приступить къ работамъ. Дѣло однако замедлилось затрудненіями по перевозкѣ рельсовъ и другихъ грузовъ, такъ что только въ половинѣ или въ концѣ августа начались работы. На замедленіе въ начатіи

работъ могли впрочемъ имѣть вліяніе и другія причины, какъ это можно полагать въ виду направленія даннаго ближайшей къ Каспійскому морю части дороги. Отъ Михайловскаго залива она проложена сначала какъ разъ по старому руслу Аму-Дарьи. Если рельсовый путь, хотя бы и военно-временный, прокладывается по Узбою, то не ясно ли что рѣшеніе вопроса о поворотѣ Аму-Дарьи къ Каспійскому морю, начатое было въ прошломъ году, отложено надолго, во всякомъ случаѣ до окончанія Ахалъ-Текинской экспедиціи, для содѣйствія которой строится Закаспійская дорога. Общая длина пути исчислена въ двѣсти слишкомъ верстъ. Стоимость сооруженія всей дороги опредѣлена въ 7 милліоновъ 800 тысячъ рублей, что составитъ приблизительно около 35.000 на версту *).

Цѣна не особенно высокая, но ее нельзя признать и очень низкою если взять въ соображеніе что для постройки дороги въ Закаспійскомъ краѣ не требуется прибѣгать къ отчужденію земель и къ дорогимъ искусственнымъ сооруженіямъ. На всемъ пути не представится надобности въ сколько-нибудь значительномъ мостовомъ сооруженіи; все вниманіе строителей обращено только на водоснабженіе, хотя по послѣднимъ извѣстіямъ „вода оказалась на линіи въ большемъ изобиліи нежели ожидали сначала.“ Земляныя работы точно также не очень велики, и на большей части пути состоятъ лишь въ простой планировкѣ мѣстности.

Самое трудное и мѣшкотное дѣло собственно укладка пути, какъ это доказалъ уже опытъ постройки военной Бендеро-Галацкой дороги, имѣвшей приблизительно такую же длину какъ и строящаяся Закаспійская, но при томъ удобствѣ что работы могли быть производимы разомъ съ обоихъ концовъ, и что строителемъ были собраны большія перевозочныя средства необходимыя для доставки на линію матеріаловъ. Въ вышедшемъ прошлымъ годомъ сочиненіи инженера Лессара, *Военныя желѣзно-дорожныя постройки Русской арміи въ кампанію 1877—78 годовъ*, указано что вѣсъ рельсовъ, шпалъ и скрѣпленій на каждую версту Бендеро-Галацкой дороги достигалъ 8.100 пудовъ, а на весь путь свыше двухъ милліоновъ 400 тысячъ пудовъ, для поднятія которыхъ требовалось около $11\frac{1}{2}$ тысячъ подводъ. Для Закаспійской дороги потребовалось бы развѣ немного меньше, а такъ какъ въ степяхъ почти вовсе немыслимо добыть повозки въ достаточномъ числѣ, то пришлось разчитывать на перевозочную силу самой дороги и сооружать ее не разомъ на всемъ протяженіи, какъ Бендеро-Галацкую, а по участкамъ, подвигаясь впередъ такъ-сказать этапами. Того же требовало малое сравнительно число рабочихъ рукъ и необходимость обезпечить ихъ отъ нападеній хищниковъ.

Но работы по участкамъ и при столь затруднительныхъ условіяхъ требуютъ конечно и гораздо большаго времени, какъ это и показалъ теперь опытъ; такимъ образомъ, едва ли постройка всей линіи можетъ быть окончена до зимы, тѣмъ болѣе что въ осеннее время число рабочихъ дней должно значительно уменьшиться за непогодой. Еслибы къ работамъ было приступлено ранѣе, весной, то теперь онѣ приближались бы уже вѣроятно къ концу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе передоваго отряда вступившаго въ Ахалъ-Текинскій оазисъ было бы болѣе обезпечено на суровое время, когда движеніе караванов въ степяхъ затруднительно.

Впрочемъ, проложеніе рельсовыхъ путей въ военное время не только въ степяхъ, но и вообще есть дѣло новое, а потому и не вполнѣ подчиняющееся точному предварительному разчету. До минувшей кампаніи въ Турціи весьма немногіе вѣрили даже въ самую возможность значительныхъ желѣзнодорожныхъ сооруженій въ тылу арміи. Бывшіе до того примѣры болѣе или менѣе быстрой постройки короткихъ вѣтвей не дали благопріятныхъ результатовъ даже во Франко-Германскую войну. Правда, вѣтвь въ обходъ Меца, длиной въ 3 километровъ, была построена въ сорокъ дней, но зато небольшой путь (1.300 метровъ) на Уазѣ, съ мостомъ, потребовалъ трехъ мѣсяцевъ, то-есть почти столько же времени какъ и вся Бендеро-Галацкая дорога. Вотъ почему наши желѣзнодорожныя сооруженія въ минувшую войну вызвали общее удивленіе и совершенно измѣнили взглядъ на это дѣло. Но опытъ Фратештско-Зимницкой (83 версты) и Бендеро-Галацкой дорогъ, проложенныхъ въ культурной мѣстности, могъ дать лишь весьма немного указаній

*) Сверхъ имѣвшагося готоваго желѣзнодорожнаго матеріала.

для постройки Закаспійской дороги, тѣмъ болѣе что упомянутые пути сооружались почти совершенно тѣми же пріемами какъ и въ мирное время: работы были отданы подрядчику, производились наемными людьми изъ матеріала закупаемаго и заказываемаго по мѣрѣ надобности и отчасти на самомъ мѣстѣ работъ, къ которымъ приступлено разомъ на всемъ протяженіи дороги. Закаспійскій путь строится совершенно при иныхъ условіяхъ и иными способами, и не удивительно что то одно, то другое непредвидѣнное затрудненіе задерживаетъ ходъ дѣла. Число затрудненій увеличивается еще и тѣмъ что изысканія могли быть произведены только на скорую руку, тогда какъ при постройкѣ напримѣръ Галацкой дороги подъ руками были проекты составленные задолго до войны, ибо часть этой линіи до румынской границы была уже включена въ число предположенныхъ къ постройкѣ въ ближайшемъ будущемъ. Если и тамъ при производствѣ работъ, вслѣдствіе соображенія имѣющихся средствъ и времени, пришлось отчасти измѣнить первоначально предположенное направленіе пути, то такія измѣненія тѣмъ болѣе могутъ ожидаться на Закаспійской дорогѣ и еще болѣе замедлить ходъ постройки.

№ 276.

Москва, 4-го октября.

А.

Неожиданный *coup de théâtre* въ дипломатической комедіи разыгрываемой „соединенною“ Европой и внезапное смиреніе Порты на другой день послѣ ея дерзкаго отказа подчиниться европейскому требованію получаютъ свой настоящій смыслъ лишь въ связи съ берлинскими комментаріями къ послѣднему извѣстію изъ Константинополя. Берлинская печать отличается вообще въ послѣднее время особенною говорливостью, и это само собою есть знаменіе времени. Изъ Парижа телеграфируютъ, отъ 11 октября, въ *Національную Газету* что внезапная перемѣна въ рѣшимости султана „была послѣдствіемъ соединеннаго шага предпринятаго сообща представителями Германіи и Франціи въ Константинополѣ,“ что, по словамъ корреспондента, „придаетъ этому событію особенно отрадное значеніе.“ Далѣе въ ту же газету телеграфируютъ отъ того же числа изъ Вѣны что „австро-германскій союзъ стоитъ твердо на рѣшеніи противиться всякимъ *самовольнымъ* предпріятіямъ Россіи и Англіи, которыя могли бы повести къ какимъ-либо измѣненіямъ *status quo* на Балканскомъ полуостровѣ или подать поводъ къ *casus belli* противъ Порты. Ни въ какомъ случаѣ не будетъ дано согласія на дальнѣйшее продолженіе морской демонстраціи, при участіи Германіи и Австріи, даже если-бы Дульцинью не было передано. Конечная цѣль къ которой настойчиво будутъ стремиться обѣ союзныя державы будетъ заключаться въ поддержаніи *status quo* на Балканскомъ полуостровѣ.“

Словомъ, въ Берлинѣ радуются не тому что „совокупное дѣйствіе“ державъ повидимому имѣло хоть какой-нибудь успѣхъ, а напротивъ тому что дѣло ограничилось самымъ мизернымъ результатомъ, послѣ котораго обѣ союзника не только отступаются навсегда отъ всякихъ дальнѣйшихъ принудительныхъ мѣръ противъ Порты, но „твердо рѣшились“ воспротивиться чѣмъ бы то ни было попыткамъ привести къ удовлетворительному разрѣшенію ту путаницу и безурядицу которая обозначается дипломатическимъ терминомъ *status quo* на Балканскомъ полуостровѣ. О *status quo* обыкновенно хлопочетъ та сторона которая отстаиваетъ свое достояніе отъ чужихъ притязаній. Но въ данномъ случаѣ заботу о турецкомъ *status quo* принялъ на себя австро-германскій союзъ, тогда какъ сама Турція по имѣетъ рѣшимости утверждать что все обстоитъ благополучно, а напротивъ сама перечислила въ своей послѣдней нотѣ, отъ 3 октября, цѣлый рядъ еще неисполненныхъ ею обязательствъ. Турція, правда, утверждаетъ что она все исполнитъ сама. Но берлинскія газеты и не пытаются доказывать что Турціи можно вѣрить; онѣ не скрываютъ что всѣ эти обѣщанія останутся пустымъ словомъ, подобно всѣмъ прежнимъ. Сверхъ того Турція, или вѣрнѣе слѣпое упрямство султана, продолжаетъ отказываться отъ удовлетворенія греческихъ притязаній получившихъ европейскую санкцію. Все это признаютъ въ Берлинѣ. Тѣмъ не менѣе Греки, по словамъ тамошнихъ газетъ, и помышлять не должны о томъ чтобъ Европа повторила и въ ихъ пользу совокупное дѣйствіе которое

нынѣ „окончено“ въ пользу Черногоріи. Да и самимъ Грекамъ отнюдь не совѣтуютъ дѣйствовать собственными силами. Пусть Греки „вооружатся терпѣніемъ,“ и пусть продолжится въ Турціи неудержимо развивающійся процессъ разложенія. Австрія еще не совсѣмъ приготовилась, а быть-можетъ еще не придумала какъ велика должна быть ея доля въ добычѣ когда придется дѣлить турецкое наслѣдіе. Поэтому Австрія съ Германіей рѣшились стать на стражѣ и „принять мѣры къ охраненію будущаго наслѣдства,“ и будутъ считать „своевольнымъ дѣйствіемъ“ всякую попытку со стороны Англіи или Россіи направленную къ тому чтобы помочь живому вступить въ свои естественныя права послѣ мертваго.

Величайшая опасность для интересовъ Австріи, поясняется далѣе, заключается въ соединеніи Восточной Румеліи съ Болгаріей. Въ этомъ, по общему мнѣнію всѣхъ вѣнскихъ политиковъ, заключается де для Австріи весь узелъ Восточнаго вопроса. „Если Россіи удастся,“ пишетъ пештскій корреспондентъ *Національной Газеты*, „привести дѣло къ соединенію Болгаріи съ Восточною Румеліей, тогда Австро-Венгрія должна будетъ считать себя вытѣсненною съ Востока, и господство Россіи будетъ тамъ утверждено.“ Ни Греческому вопросу, ни Черногорскому дѣлу венгерскіе политики не придавали особеннаго значенія, и хотя демонстрація никому здѣсь особенно не нравилась, къ ней относились терпѣливо понимая что баронъ Гаймерле согласился на нее лишь затѣмъ чтобы связать Россію и Англію. Но если когда-нибудь выдвинется на первый планъ Болгарскій вопросъ—а въ свѣдущихъ кругахъ полагаютъ что это будетъ не позднѣе ближайшей весны—тогда Венгрія будетъ настаивать на необходимости энергическихъ дѣйствій для огражденія австро-венгерскихъ интересовъ. Этотъ вопросъ послужитъ „пробой огня“ для австро-германскаго союза. Но Венгерцы надѣются что *veto* Германіи въ Болгарскомъ вопросѣ принудитъ Россію къ умѣренности, и что такимъ образомъ миръ еще можетъ быть спасенъ.

Оказывается такимъ образомъ что раздвоеніе Болгаріи и несчастная мысль о „Восточной Румеліи“ сочиненная Берлинскимъ конгрессомъ, этотъ жалкій компромиссъ сфабрикованный при посредствѣ „честнаго маклера“ единственно ради избѣжанія вооруженнаго столкновенія между Россіей и Англіей, какъ всѣ тогда думали и говорили,—Восточная Румелія необходима для Австріи. Она, а не Англія, видитъ въ этомъ вопіющемъ насиліи надъ справедливостью и надъ историческимъ развитіемъ важнѣйшій залогъ своей выгоды на Балканскомъ полуостровѣ. Приверженцы и друзья лорда Биконсфильда напрасно чествовали его какъ создателя Берлинскаго трактата по возвращеніи его изъ Берлина въ Лондонъ, напрасно толковали будто *онъ* смастерилъ этотъ трактатъ и доставилъ Англіи безкровное завоеваніе, добившись разсѣченія пополамъ цѣльнаго и живаго историческаго организма. Теперь мы знаемъ что лордъ Биконсфильдъ присвоилъ себѣ чужую „заслугу,“ и овація возданныя ему въ Лондонѣ принадлежали другому и въ другомъ мѣстѣ. Сами берлинскія газеты признаютъ теперь что интересы Англіи и Россіи по отношенію къ законнымъ притязаніямъ истинныхъ наслѣдниковъ Турціи, то-есть христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, не только не противоположны, но напротивъ въ значительной мѣрѣ солидарны. Не химеры г. Гладстона, а истинно-понятая выгода Англіи требуетъ, по сознанію самихъ берлинскихъ газетъ, содѣйствія Балканскимъ народностямъ въ ихъ стремленіи окончательно избавиться отъ давленія турецкой мертвечины и выйти на полный просторъ исторической жизни. Этимъ путемъ Англія лучше всего обезпечитъ де обширный рынокъ для сбыта своихъ произведеній и сохранитъ свое морское преобладаніе въ восточной части Средиземнаго Моря. До тѣхъ поръ пока нейдетъ рѣчь объ обладаніи Константинополемъ, Россія и Англія могутъ де идти рука объ руку, и Англія можетъ, ни въ чемъ не поступаясь своими интересами, не только относиться равнодушно къ болгарскому движенію, но и содѣйствовать Россіи въ дѣлѣ возстановленія единой Болгаріи. Напротивъ, Австрія должна во что бы то ни стало противиться этому единенію.

Въ силу этихъ соображеній, берлинская печать понимаетъ нынѣ общее политическое положеніе Европы какъ борьбу между австро-германскимъ союзомъ, или „Союзомъ Двухъ Императоровъ,“ какъ стали теперь выражаться, съ одной стороны, и англо-русскимъ соглашеніемъ, съ другой.

Весь вопросъ де въ томъ къ какой сторонѣ примкнутъ Франція и Италія. Говоря вообще, трудно кажется допустить чтобы Франція пошла рука объ руку съ Германіей, а Италія съ Австріей. Но берлинская печать тѣмъ не менѣе обольщается мыслью что подобный союзъ возможенъ. Шербургская рѣчь г. Гамбетты, въ которой такъ выступила наружу затаенная мечта объ отместкѣ, забыта на время; берлинская печать старается сама себя увѣрить что Французское правительство въ тѣсномъ смыслѣ этого слова отказалось отъ всякихъ затаенныхъ замысловъ противъ Германіи, и доказываетъ что Франція должна относиться съ недовѣріемъ къ англійскимъ затѣямъ на Востокѣ, а потому и можетъ де въ этомъ дѣлѣ протянуть руку Австріи и Германіи. За Франціей же пойдетъ де и Италія.

Мы однако очень сомнѣваемся чтобы въ Берлинѣ, въ самомъ дѣлѣ, разчитывали на привлеченіе Франціи къ австро-германскому союзу. Тамъ издавна задались мыслью всѣми способами убѣдить Россію что она не можетъ имѣть своихъ видовъ на Востокѣ, а должна по необходимости сообразоваться съ интересами Австріи. Ново лишь то что интересы Австріи съ такою откровенностью выставляются діаметрально противоположными всякому живому дѣлу на Востокѣ.

Б.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано краткое опроверженіе извѣстій появившихся въ разныхъ газетахъ по поводу движенія возбужденнаго въ нѣкоторой части здѣшнихъ студентовъ во время пребыванія въ Москвѣ управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Впрочемъ, самый фактъ этого движенія не можетъ быть отрицаемъ. Дѣйствительно, между студентами ходила и обсуждалась петиція которую предполагалось подать прямо или чрезъ университетское начальство управляющему Министерствомъ. Опроверженію могутъ подлежать лишь толки газетъ объ этомъ фактѣ, и изъ *Правительственнаго Вѣстника* мы узнаемъ что дѣло не доходило до подачи студентами петиціи.

Къ сожалѣнію, *Правительственный Вѣстникъ*, опровергая газетныя извѣстія о поданной студентами петиціи, ничего не говоритъ о рѣчахъ вложенныхъ газетами въ уста самого управляющаго Министерствомъ, а между тѣмъ рѣчи эти въ газетной передачѣ тревожатъ и волнуютъ весь учебный міръ. Слова лживо приписанныя правительственному лицу и оставшіяся безъ должнаго опроверженія не могутъ не сопровождаться вредными для учебнаго дѣла послѣдствіями.

№ 278.

Москва, 6-го октября.

Нужно или не нужно для обезпеченія народнаго продовольствія прибѣгнуть къ такой мѣрѣ какъ временная пріостановка или стѣсненіе отпуска за границу всѣхъ или нѣкоторыхъ, видовъ хлѣба? Вотъ вопросъ обращающій на себя въ настоящее время особенное вниманіе и настоятельно требующій того или иного рѣшенія, въ виду высокаго уровня хлѣбныхъ цѣнъ и мало удовлетворительныхъ результатовъ жатвы нынѣшняго года. Обстоятельства таковы что принятіе мѣръ въ родѣ упомянутыхъ никого бы не удивило. Онѣ, можно сказать, ожидаются со дня на день, о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, ходившіе въ послѣднее время какъ на русскихъ биржахъ, такъ и за границей, слухи о томъ что графъ Лорисъ-Меликовъ недавно призывалъ къ себѣ нѣкоторыхъ хлѣботорговцевъ и спрашивалъ ихъ о запасахъ ржи въ Россіи и о причинахъ дороговизны хлѣба. Эти слухи оказались лишенными основанія, но не лишена значенія уже самая возможность ихъ возникновенія.

Единогласія по вопросу о томъ нужно или не нужно стѣсненіе отпуска хлѣба, само собою разумѣется, нѣтъ. Въ Сызранскомъ земствѣ, какъ извѣстно, еще минувшею весной поднимались голоса за обложеніе пошлиной вывозимой за границу ржи, съ цѣлію сократить ея вывозъ. Новочеркасская городская дума и мѣстное купечество, какъ сообщалось въ газетахъ, обратились недавно въ Петербургъ съ ходатайствомъ „о воспрещеніи вывоза хлѣба изъ портовъ Азовскаго моря за границу, для предупрежденія бѣдственныхъ послѣдствій отъ недостатка хлѣба необходимаго для продовольствія населенія.“ Въ Петербургѣ, на запросъ тамошняго городскаго головы о причинахъ дороговизны хлѣба и о сред-

ствахъ къ ея прекращенію, одинъ изъ мѣстныхъ хлѣботорговцевъ, г. Якунчиковъ, какъ передаетъ *Биржевой Вѣстникъ*, также высказался въ пользу прекращенія вывоза ржи за границу. Но другіе изъ тамошнихъ хлѣботорговцевъ, по словамъ той же газеты, отвѣчали на тѣ же вопросы совершенно въ иномъ родѣ. Вмѣсто сокращенія вывоза, рекомендовались ими, въ видахъ удешевленія хлѣба, улучшеніе Маріинской водяной системы, пониженіе тарифовъ по желѣзнымъ дорогамъ, уничтоженіе разныхъ притѣсненій и поборовъ и, особенно, повышеніе вексельнаго курса. Въ низкомъ вексельномъ курсѣ главная де причина дороговизны.

Что улучшеніе Маріинской системы, пониженіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ и устраненіе притѣсненій и поборовъ желательно и при всякихъ условіяхъ должно повести къ добрымъ результатамъ, объ этомъ не можетъ быть спора. Но къ нынѣшней дороговизнѣ хлѣба все это не имѣетъ никакого отношенія. Всѣ рекомендуемыя улучшенія и въ прошломъ году, и третьяго года были желательны не менѣе чѣмъ теперь. Точно также не выдерживаетъ критики ссылка въ данномъ случаѣ на вексельные курсы. Они стоятъ низко; но развѣ много выше стояли они и въ прошломъ, и въ 1878 году? Просмотрите изо дня въ день таблицы вексельныхъ курсовъ за послѣдніе три года, и вы увидите что курсы, въ каждомъ году отдѣльно, колебались, можно сказать, въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ, что и въ 1878 и 1879 году были цѣлые періоды, и довольно продолжительные, когда курсы стояли *ниже* чѣмъ въ настоящее время. А между тѣмъ въ прошломъ году ничего подобнаго нынѣшнимъ цѣнамъ на хлѣбъ не было, хлѣбныя же цѣны 1878 года уже и вовсе не подавали никакихъ поводовъ къ жалобамъ.

Имѣя это въ виду, ссылаться на вексельные курсы для объясненія хлѣбной дороговизны значитъ только сбивать людей съ толку, напускать туманъ на ясное дѣло. Не уровнемъ вексельныхъ курсовъ могутъ быть объясняемы такіе сообщаемые въ газетахъ факты какъ предъявляемый въ Кишиневѣ и Одессѣ спросъ на хлѣбъ для отправки внутрь страны, или привозъ въ Россію хлѣба изъ Лондона и Штетина. Въ этихъ фактахъ, если только они вѣрны, можно видѣть лишь указаніе на недостаточность хлѣбныхъ запасовъ, на вздорожаніе хлѣба граничащее съ голодными цѣнами. Ничего подобнаго не случалось у насъ сорокъ лѣтъ, со времени того голоднаго года который такъ трудно переживался во многихъ мѣстностяхъ страны и вызвалъ привозъ иностраннаго хлѣба въ Россію.

Не указанія на вексельные курсы, а тщательныя соображенія о размѣрахъ нынѣшняго урожая и существующихъ запасахъ хлѣба, оставшагося отъ прежнихъ лѣтъ, требуются для того чтобы занимающій нынѣ всю Россію вопросъ былъ рѣшенъ не опрометчиво, а согласно съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, съ государственною потребностью. Главнымъ затрудненіемъ при рѣшеніи вопроса является отсутствіе у насъ земледѣльческой статистики. У насъ никто не знаетъ сколько именно хлѣба даетъ жатва въ урожайные и малоурожайные годы, и какая часть урожая нужна ежегодно для полнаго удовлетворенія внутренней потребности въ хлѣбѣ. Всѣ соображенія по этой части должны быть, поэтому, болѣе или менѣе гадательны. Но нѣкоторыя основанія для сужденій все-таки имѣются.

Въ теченіи семи лѣтъ, съ 1870 по 1876, Россія ежегодно отпускала за границу, среднимъ числомъ, болѣе 22 милліоновъ четвертей хлѣба. Вывозъ его въ такихъ размѣрахъ не истощалъ внутреннихъ запасовъ и не сопровождался никакими затрудненіями, хотя урожаи въ эти годы, конечно, не были одинаковые. Были въ указанное семилѣтіе два малоурожайные года, 1871 и 1875, но имъ предшествовали два наиболѣе урожайные, 1870 и 1874, такъ что недочеты жатвы недостаточно-урожайныхъ лѣтъ легко возмѣщались обиліемъ прошлогоднихъ остатковъ. Запасы хлѣба въ странѣ оказывались поэтому постоянно достаточными для удовлетворенія какъ внутренняго, такъ и заграничнаго спроса.

Въ 1877 году отпускъ хлѣба поднялся до 30½ милліоновъ четвертей, слишкомъ на 8 милліоновъ выше средней нормы. Въ 1878 году эта средняя норма была превышена уже на цѣлые 20 милліоновъ четвертей, такъ какъ отпускъ хлѣба дошелъ до 42 милліоновъ четвертей. Но истощенія хлѣбныхъ запасовъ отъ такого расширенія отпуска произойти не могло. Оба эти года были урожайные, близко подходящіе,

по результатамъ жатвы, къ 1874 и 1870. Конечно, вывозъ лишнихъ 28 милліоновъ четвертей противъ средней нормы уменьшилъ на это количество запасы которые должны были остаться для слѣдующихъ лѣтъ, но запасы эти все-таки были не малые.

Результаты жатвы прошлаго 1879 года оказались не вполнѣ благопріятными. Не совсѣмъ-то удовлетворительнымъ, судя по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, былъ урожай и въ Югозападномъ краѣ, и въ Херсонской губерніи, и въ Бессарабіи, и въ восточной части Донской области, и почти во всей центральной нечерноземной полосѣ, но особенно недостаточенъ былъ урожай въ губерніяхъ Черниговской, Саратовской, Самарской, Астраханской и Оренбургской. Однако нѣтъ основаній полагать чтобы сборъ хлѣба въ прошломъ году былъ менѣе чѣмъ, напримѣръ, въ 1871 и 1875 годахъ. Опасаться усиленнаго хлѣбнаго отпуска было, поэтому, излишне. Вывозъ хлѣба дошелъ до 40 милліоновъ четвертей. Это, конечно, должно было сократить хлѣбные запасы оставшіеся отъ урожайныхъ 1877 и 1878 годовъ, но что дѣло не могло дойти до полнаго истощенія хлѣбныхъ запасовъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. За удовлетвореніемъ внутренней потребности въ хлѣбѣ, изъ этихъ запасовъ могло еще быть отпущено въ текущемъ 1880 году до 1 августа болѣе 15 милліоновъ четвертей хлѣба. Но было бы, полагаемъ, уже большимъ оптимизмомъ думать чтобы послѣ этого могли оставаться въ странѣ значительные и свободные остатки хлѣба. Въ виду прошлогодняго, можетъ-быть средняго, но все-таки недостаточно удовлетворительнаго урожая, отпускъ 55 милліоновъ четвертей съ 1 января 1879 до 1 августа 1880 имѣетъ несомнѣнно большое значеніе. Пополнить запасы хлѣба должна была жатва нынѣшняго года. Но пополнила ли она ихъ въ той мѣрѣ въ какой это необходимо?

Въ № 274 *Московскихъ Вѣдомостей*, разсматривая офиціальныя свѣдѣнія объ урожаѣ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, мы могли вывести изъ этихъ свѣдѣній лишь мало утѣшительныя заключенія. Сравнительно въ болѣе обезпеченномъ положеніи оказываются районы, вовсе не отличающіеся большимъ производствомъ хлѣба. Тѣ же районы, гдѣ хлѣбъ производится для сбыта почти на половину, постигнуты неурожаемъ. Возможно, конечно, что результаты жатвы на дѣлѣ лучше чѣмъ нынѣ кажется, за то можно также опасаться что дѣло стоитъ хуже чѣмъ это явствуетъ изъ опубликованныхъ офиціальныхъ данныхъ, что посредственные урожаи въ иныхъ мѣстностяхъ далеко не означаютъ урожаевъ среднихъ. Такъ, напримѣръ, въ Курской губерніи урожай, за исключеніемъ двухъ особенно несчастливыхъ уѣздовъ, названъ посредственнымъ. Значитъ ли это что мѣстное продовольствіе обезпечено? Заявленіе Курской губернской земской управы (въ объясненіи причинъ почему не могла состояться мѣстная сельско-хозяйственная выставка), гласящее что „*крайне неудовлетворительный* урожай всѣхъ почти произведеній сельскаго хозяйства наложилъ на Курскую губернію тяжелую заботу о предстоящей зимѣ," невольно заставляетъ усомниться въ этомъ. Но если такъ, то пожалуй не много меньшія заботы о предстоящей зимѣ выпадутъ и на долю губерній Воронежской и Рязанской, гдѣ урожай и озими и яровыхъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, тоже только „посредственный."

Очевидно что не вексельные курсы, а недостаточность урожая есть причина необычайнаго подъема цѣнъ на хлѣбъ. Спросъ на хлѣбъ повсюду большой, а въ предложеніи его мало. Изъ разныхъ центровъ хлѣбной торговли слышатся жалобы на недостаточность хлѣбныхъ подвозовъ. Судя по этому, упадка цѣнъ который былъ бы невыгоденъ для производителей хлѣба, въ случаѣ пріостановки отпуска, ожидать нельзя. Хорошее вознагражденіе обезпечено производителямъ и продавцамъ хлѣба уже однимъ внутреннимъ спросомъ. Интересы не производителей и торговцевъ, а интересы потребителей хлѣба стоятъ теперь на первомъ планѣ. И чтобъ оградить ихъ отъ голода, временная пріостановка вывоза если не всѣхъ хлѣбовъ, то по крайней мѣрѣ ржи, представляется мѣрой о которой нельзя не подумать. Пріостановка вывоза хлѣба, кромѣ огражденія имѣющихся въ странѣ хлѣбныхъ запасовъ отъ ухлыва за границу, вмѣстѣ съ тѣмъ оградила бы хлѣбныя цѣны и отъ неблагопріятнаго дѣйствія на нихъ вексельныхъ курсовъ. Переставъ быть отпускнымъ товаромъ, хлѣбъ выйдетъ изъ сферы ихъ вліянія, распространяющагося на всѣ предметы вывоза, хотя и далеко не въ такихъ размѣрахъ какъ это утверждали нѣкоторые петербургскіе хлѣботорговцы давая свои отвѣты петербургскому городскому головѣ.

Высказывается, правда, мнѣніе что уплывъ русскаго хлѣба за границу въ настоящее время нѣтъ основаній опасаться даже и въ томъ случаѣ если не будетъ установлено никакихъ стѣсненій по вывозу онаго. Вслѣдствіе болѣе удовлетворительнаго чѣмъ въ прошломъ году урожая въ Европѣ, тамъ ожидается вообще сокращеніе спроса на привозный хлѣбъ. Сократившійся же спросъ уже вполнѣ покроется привозомъ хлѣба изъ Америки и другихъ странъ, помимо всякаго подвоза изъ Россіи гдѣ хлѣбъ поднялся до такихъ цѣнъ которыя отбиваютъ охоту покупать его безъ крайней необходимости. Но указывающіе на это обстоятельство не отрицаютъ что до времени пока полученный въ Европѣ отъ послѣдней жатвы хлѣбъ поступитъ на рынки, вывозъ русскаго хлѣба не прекратится; не прекратится также отпускъ русскаго хлѣба на покрытіе состоявшихся заранѣе запродажъ, и равнымъ образомъ не скоро прекратится и требованіе на нашъ хлѣбъ, въ особенности на рожь, для Германіи, наиболѣе нуждающейся въ хлѣбѣ. Между тѣмъ устраненіе спроса на хлѣбъ для удовлетворенія всѣхъ этихъ существующихъ понынѣ заграничныхъ требованій не совсѣмъ лишено значенія въ вопросѣ объ обезпеченіи у насъ народнаго продовольствія, конечно если нѣтъ преувеличенія въ представленіи о степени неудовлетворительности урожая нынѣшняго года. Кромѣ того, при настоящихъ обстоятельствахъ, нельзя совсѣмъ упускать изъ виду и возможность вывоза хлѣба изъ Россіи не для дѣйствительной надобности въ немъ за границей, а въ разчетѣ поднять у насъ этимъ вывозомъ и безъ того непомѣрно высокія цѣны, и затѣмъ продать въ Россію нашъ же хлѣбъ когда, какъ опасаются, цѣны поднимутся еще выше. Хлѣботорговцы, можетъ-быть, и не поддадутся на такую удочку. Но, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, не послѣднюю роль въ нашей хлѣбной торговлѣ играютъ агенты иностранныхъ торговыхъ конторъ, скупающіе хлѣбъ чрезъ подручныхъ людей, помимо посредничества хлѣботорговцевъ, прямо у крестьянъ. Крестьяне же могутъ нынѣшнею осенью продать значительную часть того хлѣба который чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ придется имъ самимъ покупать. Нѣкоторые изъ губернаторовъ уже нынѣ обезпокоены возможностью такихъ продажъ и разсылаютъ циркуляры предписывающіе разъяснять крестьянамъ вредъ отъ непредусмотрительности. Но разчитывать на практическіе результаты подобныхъ циркуляровъ едва ли возможно. Пріостановка же хлѣбнаго отпуска несомнѣнно задержала бы въ Россіи хлѣбъ такъ непредусмотрительно продаваемый, и тѣмъ хотя отчасти уменьшила бы вредныя послѣдствія этой повальной у насъ непредусмотрительности.

Противъ пріостановки хлѣбнаго отпуска выставляется еще одинъ аргументъ — неблагопріятные результаты его для нашего торговаго баланса. Усиленная, исключительная невыгодность этого баланса въ настоящее время представляется, впрочемъ, неизбѣжною даже и безъ принятія обсуждаемой мѣры. Это обстоятельство весьма серіозное. Но ради парализованія вредныхъ его послѣдствій нельзя жертвовать еще несравненно болѣе важными интересами обезпеченія народнаго продовольствія. Есть иныя средства нѣсколько исправить балансъ, если не со стороны отпуска, то со стороны привоза. Чѣмъ больше экономическихъ затрудненій порождаетъ неудовлетворительность нынѣшняго урожая, тѣмъ настоятельнѣе даетъ себя чувствовать потребность сокращенія привоза подъемомъ таможенныхъ пошлинъ по главнымъ статьямъ не дожидаясь откладываемаго съ года на годъ общаго и всесторонняго пересмотра таможеннаго тарифа.

№ 279.

Москва, 7-го октября.

Исполнитъ ли Порта свое послѣднее обѣщаніе, въ этомъ берлинскія газеты весьма сомнѣваются, справедливо замѣчая что Европа знаетъ по опыту какое значеніе слѣдуетъ придавать турецкимъ обязательствамъ и „безусловнымъ“ обѣщаніямъ. Но за то эти газеты не сомнѣваются что послѣднимъ заявленіемъ Порты положенъ конецъ активному европейскому вмѣшательству. Въ этомъ онѣ не сомнѣваются и злорадствуютъ неудачѣ постигшей г. Гладстона. Высказывается даже надежда что вслѣдствіе этой неудачи теперешній кабинетъ не долго продержится и вновь уступитъ мѣсто торійскому правительству. Признаки наступившаго въ настроеніи англійскаго общественнаго мнѣнія поворота,

неблагопріятнаго г. Гладстону, усматриваются до въ послѣднихъ манифестаціяхъ газеты *Times*, этого барометра политическаго ведра и ненастья въ Англіи. Органъ Лондонскаго Города, дѣйствительно, принялся въ послѣдніе дни съ большимъ усердіемъ раскрывать „всю важность“ обнаруженнаго Портой старанія и доказывать что Европа должна вполнѣ довольствоваться этимъ и не пускаться въ дальнѣйшія рискованныя предпріятія, кои могутъ создать серіозную опасность для европейскаго мира. Партія торіевъ, притаившаяся до сихъ поръ и безмолвно присутствовавшая при радикальной перемѣнѣ англійской политики относительно Востока, также зашевелилась. 11 октября въ Лидзѣ происходилъ митингъ на которомъ произнесъ политическую рѣчь лордъ Джорджъ Гамильтонъ, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Беконсфильда. Онъ рѣзко напалъ на г. Гладстона за то что тотъ, занимаясь дѣлами Турціи, оставляетъ безъ должнаго вниманія то что происходитъ въ Ирландіи. Торійскій ораторъ умолчалъ, разумѣется, о томъ что происходящее нынѣ въ Ирландіи есть прямое послѣдствіе несостоявшагося ирландскаго билля, который тогдашнее правительство озаботилось провести въ Палатѣ Общинъ немедленно по вступленіи своемъ въ управленіе, но который былъ отвергнутъ Палатою Лордовъ усиліями торійскихъ перовъ съ лордомъ Беконсфильдомъ во главѣ. Лордъ Гамильтонъ доказывалъ далѣе что то что именуется европейскимъ концертомъ есть ни что иное какъ союзъ Англіи и Россіи противъ Турціи, союзъ „неслыханный“ и „чудовищный“ по мнѣнію торіевъ, такъ какъ политика Англіи на Востокѣ „должна быть“ діаметрально противоположна политикѣ Россіи.

Сверхъ того, въ Берлинѣ придаютъ чрезвычайное значеніе установившемуся согласію съ Франціей по Восточнымъ дѣламъ. Подобно Германскому и Австрійскому кабинетамъ, и Французское правительство заявило де что оно считаетъ покончennымъ коллективное предпріятіе Европы противъ Турціи и ни въ какихъ дальнѣйшихъ принудительныхъ мѣрахъ участія не приметъ. Въ Парижѣ, правда, смотрятъ на дѣло нѣсколько иначе. Тамошняя оппозиціонная печать (какъ радикальная, такъ и монархическая) хотя и одобряетъ воздержаніе Франціи отъ „рискованныхъ предпріятій“ вдали отъ Французской границы, но то обстоятельство что Франціи приходится идти какъ бы рука объ руку съ Германіей по вопросу о Восточныхъ дѣлахъ служитъ для этой печати поводомъ къ рѣзкимъ нападкамъ на правительство которое обвиняется чуть не въ измѣнѣ. Есть и другіе признаки, не совсѣмъ гармонирующіе съ оптимизмомъ берлинской печати насчетъ Франціи. Г. Гамбетта, пребывающій теперь въ Швейцаріи, имѣлъ тамъ, какъ сообщаютъ въ Берлинѣ, продолжительное совѣщаніе съ княземъ Горчаковымъ. Русскій посолъ въ Берлинѣ, г. Сабуровъ, на дняхъ взялъ де двухнедѣльный отпускъ и уѣхалъ въ Парижъ, куда прибылъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Въ Парижѣ также находится въ настоящее время и англійскій второй секретарь иностранныхъ дѣлъ сэръ-Чарльзъ-Дилкъ, который ведетъ де какіе-то дѣятельные переговоры съ французскими министрами. Все это кажется подозрительнымъ берлинской печати. Несовсѣмъ благонадежна и Италія въ глазахъ берлинскихъ политиковъ. Италія никакъ де не хочетъ понять что какъ ни различны ея интересы и интересы Австріи въ дѣлахъ Востока, она все-таки должна дѣйствовать въ соглашеніи съ нею, отказаться отъ своихъ притязаній на Тріестъ и на исключительное господство въ Адріатическомъ морѣ, такъ какъ еще де хуже будетъ для Италіи если Славяне добьются своего и Балканскій полуостровъ достанется имъ, а чрезъ нихъ господство Россіи распространится до предѣловъ Италіи. Но Итальянское правительство настолько де слѣпо что оно этого не видитъ и подчиняется внушеніямъ г. Гладстона, ожидая отъ Англіи содѣйствія къ пріобрѣтенію Туниса.

Еще одна забота возникла на дняхъ для берлинскихъ политиковъ: Румынія, которую уже совсѣмъ-было зачислили въ Австро-Германскій союзъ и считали важнѣйшимъ „форпостомъ“ противъ Россіи на юго-востокѣ, вдругъ перемѣнила фронтъ и, какъ сообщаютъ за вѣрное изъ Букурешта въ берлинскія газеты, отступилась отъ Австро-Германскаго союза и вновь примкнула къ Россіи. Возстановленіе добрыхъ отношеній между Россіей и Румыніей ознаменуется де на дняхъ назначеніемъ русскаго посланника въ Румынію. Этотъ внезапный поворотъ выставляется

результатомъ, съ одной стороны, коварной политики Россіи, которая сумѣла де побороть „справедливое негодованіе“ Румыніи за отнятіе у нея части Бессарабіи и принудить ее къ капитуляціи, а съ другой, слабости и бездѣйствія австрійской политики, не сумѣвшей воспользоваться благопріятнымъ для нея настроеніемъ въ Букурештѣ и оказать Румыніи такое же дѣятельное прикрытіе противъ Россіи какое Россія оказываетъ Сербіи противъ Австріи.

Въ сущности не можетъ быть ничего естественнѣе указаннаго поворота въ политикѣ Румыніи если вѣрно то что сообщаютъ по этому поводу берлинскія же газеты. Румыніи пришлось бы забыть все свое прошедшее, забыть что Россіи, и ей одной она обязана своимъ существованіемъ, еслибъ она приняла на себя ту роль которую сулили ей съ тѣхъ поръ какъ состоялся Австро-Германскій союзъ. Не бездѣйствіе Австріи, а скорѣе слишкомъ ужь безцеремонная притязательность ея и стремленіе захватить въ свои руки все низовье Дуная заставили повидимому образумиться румынскихъ политиковъ. Извѣстный „предварительный проектъ“ (*avant-projet*) предложенный прошедшимъ лѣтомъ Австріей, проектъ, по которому она, при поддержкѣ Германіи, присвоиваетъ себѣ первое мѣсто въ коммиссіи „прибрежныхъ государствъ,“ которой по Берлинскому трактату предоставляетъ надзоръ и заботу за судоходствомъ на Дунаѣ отъ устья до Желѣзныхъ Воротъ, возбудилъ единодушную оппозицію со стороны всѣхъ великихъ державъ (за исключеніемъ Германіи), равно какъ Сербіи, Болгаріи, Румыніи и даже Турціи. Все протяженіе Дуная отъ устья до Желѣзныхъ Воротъ находится внѣ предѣловъ владѣній Австріи, и ея требованіе занять первенствующее мѣсто въ коммиссіи, въ которой по смыслу трактата ей вовсе нѣтъ мѣста, не могло не открыть глазъ и Румыніи и дать ей почувствовать какая будущность готовится ей подъ гегемоніей Австріи, которой ей совѣтовали подчиниться добровольно.

Какъ бы то ни было, но злорадство берлинской печати по поводу разстроившагося европейскаго концерта оказывается, судя по свѣдѣніямъ той же печати, нѣсколько преждевременнымъ. Вѣрно лишь то что концертъ разстроился. Но развѣ съ самаго начала кто-нибудь вѣрилъ въ этотъ концертъ и ожидалъ чтобъ отъ него вышло что нибудь путное? Развѣ тѣ же самыя берлинскія газеты не доказывали и прежде что Австрія и Германія для того лишь приняли участіе въ „совокупномъ дѣйствіи“ чтобы парализовать *всякое* дѣйствіе?

Значитъ комбинація сложившаяся теперь во всякомъ случаѣ менѣе лжива и лицемѣрна нежели прежній „концертъ!“ Кто же теряетъ при такомъ болѣе естественномъ и правдивомъ порядкѣ вещей?

№ 280.

Москва, 8-го октября.

Трудно представить себѣ какая масса фальши по отношенію къ экономическимъ и финансовымъ вопросамъ распространяется въ публикѣ чрезъ посредство печати и принимается на вѣру многими неспособными или не имѣющими досуга вникнуть въ дѣло и уяснить себѣ его дѣйствительное положеніе. Одна изъ такихъ фальшей заключается въ постоянномъ стремленіи объяснять почти все что есть неудовлетворительнаго и печальнаго въ нашихъ финансахъ и экономической жизни преимущественно низкимъ уровнемъ нашихъ вексельныхъ курсовъ. Какое бы ни возникло затрудненіе, его не замедлятъ выставить результатомъ упадка денежной валюты. Что пониженіе валюты сопровождается иногда многими неудобствами, что оно ведетъ къ подъему цѣнъ на привозные и отпускные товары, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но всему есть мѣра, а у насъ преувеличеніе вліянія вексельныхъ курсовъ доходитъ до Геркулесовыхъ столбовъ. Такъ, между прочимъ, дѣлаются попытки внушить публикѣ что и нынѣшняя дороговизна хлѣба есть прямой результатъ паденія курсовъ. Видя одновременно подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ и нынѣшнее паденіе курсовъ, многіе, пожалуй, повѣрятъ такому толкованію, что, конечно, и разчитывается. Но стоитъ навести небольшія справки чтобъ убѣдиться какъ мало оно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Хлѣбныя цѣны поднялись необычайно, до неслыханной у насъ высоты; если такой подъемъ ихъ есть слѣдствіе паденія курсовъ, то и это паденіе должно быть тоже необычайное, неслыханное. А между тѣмъ на дѣлѣ ничего подобнаго

нѣтъ. Къ концу минувшаго сентября курсы на Петербургской биржѣ понизились до 24 пенсовъ на Лондонъ и до 255 сантимовъ на Парижъ, и былъ только одинъ день когда дѣлалась попытка понизить ихъ ниже 24 пенсовъ, послѣ чего они опять нѣсколько повысились. Это, конечно, низкій уровень курсовъ, но онъ много выше того на которомъ они стояли въ разное время за послѣдніе три года. Вотъ какія курсовыя отмѣтки дѣлались на Петербургской биржѣ въ первыя или ближайшія къ первымъ числамъ слѣдующихъ мѣсяцевъ:

	На Лондонъ. пенс.	На Парижъ. сант.
Октябрь 1877	$22^{13}/_{32}, 17/_{32}$	$234, 234^1/_4$
Апрѣль 1878	$23^1/_2, 3/_{16}, 3/_8$	$244^1/_2, 244, 245^1/_2$
Май	$23^5/_{32}, 23$	$241^1/_2, 239^1/_2$
Ноябрь	$23^{13}/_{16}, 1/_2, 19/_{32}$	$248, 246, 246^1/_2$
Декабрь	$23^7/_{16}, 3/_8$	$245^3/_4, 1/_2$
Январь 1879	$23^{21}/_{32}, 25/_{32}, 11/_{16}$	$249, 249^1/_2$
Февраль	$22^{13}/_{16}, 23$	$242, 242^1/_2, 1/_4$
Мартъ	$23^{17}/_{32}, 7/_{16}$	$247^1/_2, 247$
Апрѣль	$23^{13}/_{32}, 3/_8$	$246^3/_4, 247$
Май	$23^1/_{32}, 1/_8, 1/_{16}$	$243, 242^3/_4$
Іюнь	$23^1/_2, 9/_{16}$	$248, 248^1/_2$

Эти курсовыя отмѣтки значительно ниже нынѣшнихъ, а между тѣмъ онѣ не сопровождались дороговизной хлѣба. Мало того, хлѣбъ началъ сильно дорожать именно одновременно съ подъемомъ курсовъ. Они поднялись въ іюлѣ прошлаго года, и затѣмъ, съ августа 1879 по августъ текущаго 1880, почти ни разу не падали ниже 25 пенсовъ и 260 сантимовъ за рубль, а между тѣмъ цѣны на хлѣбъ все расли и расли. Но всѣ эти недавніе факты не принимаются въ разчетъ и умалчиваются тѣми кто желаютъ объяснить нынѣшнюю дороговизну продовольствія положеніемъ въ какомъ находится наша валюта.

Не меньшая фальшь пускается у насъ въ ходъ для объясненія причинъ самого упадка вексельныхъ курсовъ. Ихъ уровень ставится въ прямую зависимость отъ количества обращающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ. Нынѣшнее паденіе курсовъ, напримѣръ, выставляется *прямымъ послѣдствіемъ* сдѣланныхъ недавно небольшихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Въ теченіи недѣли, съ 15 по 22 сентября, было выпущено ихъ на *семь* милліоновъ. Страшныя укоризны посыпались за это на Государственный Банкъ и управляющаго онымъ Е. И. Ламанскаго. Этотъ выпускъ семи милліоновъ кредитныхъ билетовъ имѣлъ де послѣдствіемъ паденіе нашего курса на 5%. Дальнѣйшее его пониженіе объясняется послѣдовавшимъ затѣмъ, въ недѣлю съ 22 по 29 сентября, новымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ на *девять* милліоновъ рублей. Кажущуюся правдивость этимъ объясненіямъ даетъ то обстоятельство что въ данномъ случаѣ пониженіе курсовъ и бумажно-денежные выпуски совпали по времени. Но стоитъ навести небольшія справки, и станетъ очевидно до какой степени слаба, въ дѣйствительности, причинная связь между этими двумя одновременно случившимися фактами.

Нынѣшніе небольшіе выпуски кредитныхъ билетовъ, составляющіе въ общей сложности, съ 11 августа по 29 сентября, сумму 33 милліоновъ рублей, не представляютъ собою чего-нибудь необыкновеннаго, небывалаго у насъ въ мирное время. Подобный же выпускъ кредитныхъ билетовъ сдѣланъ былъ, какъ извѣстно, осенью прошлаго года. А много ли были понижены тогдашнимъ выпускомъ вексельные курсы? Не къ эпохѣ ли этихъ выпусковъ относится самый высшій уровень курсовъ, какой только былъ у насъ въ теченіи всего 1879 года?

На то какъ слабо вообще у насъ соотношеніе между колебаніями въ количествѣ обращающихся бумажныхъ денегъ, съ одной стороны, и колебаніями курсовъ, съ другой, мы не разъ уже обращали вниманіе читателей. Но чтобы сдѣлать очевиднѣе всю нелѣпость объясненія упадка курсовъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ на сумму какихъ-нибудь семи, девяти, или и 33 милліоновъ, приведемъ слѣдующіе факты изъ нашей финансовой исторіи послѣдняго десятилѣтія.

Съ 1 января 1870 по 1 ноября 1874, итогъ кредитныхъ билетовъ увеличился болѣе чѣмъ на 78 милліоновъ рублей. Курсы же, вмѣсто того чтобы понизиться вслѣдствіе такого выпуска бумажныхъ денегъ, повысились съ $29^7/_{16}, 3/_8$ до $33^{17}/_{32}, 15/_{32}$ пенсовъ, съ 308, $306^1/_2$ до 351, $350^1/_2$ сантимовъ.

1 іюня 1877, всѣхъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніи было менѣе $833^1/_2$ милліоновъ рублей. 1 октября 1879, итогъ бумажныхъ денегъ въ странѣ былъ болѣе $1.151^1/_2$ милліоновъ. Разница превышаетъ 318 милліоновъ. На сколько же эта огромная разница понизила курсы? Ни на сколько. Курсы 1 октября 1879 года были выше курсовъ 1 іюня 1877.

Тонъ какимъ говорится о сдѣланныхъ недавно выпускахъ кредитныхъ билетовъ можетъ совершенно извратить въ глазахъ публики значеніе этой мѣры. Между тѣмъ она не есть что-нибудь чрезвычайное и неожиданное. Это пока не болѣе какъ реакція послѣ усиленнаго извлеченія кредитныхъ билетовъ которымъ ознаменовалась первая половина текущаго года.

На возможность такой реакціи мы указывали еще минувшею весной. Мы уже тогда говорили что операцію изъятія и въ нынѣшнемъ году можетъ постигнуть та же судьба что и въ прошломъ; что какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ году необходимость можетъ заставить не только пріостановить изъятіе, но и вернуть обратно изъятое. Такъ и случилось. Съ 1 января по 11 августа, кредитныхъ билетовъ было изъято изъ обращенія ровно на 80 милліоновъ рублей. Съ 11 августа по 29 сентября пришлось выпустить бумажныхъ денегъ на 33 милліона. Но это не какой-нибудь новый выпускъ, это лишь отдача обратно странѣ нѣкоторой части отнятыхъ у ней предъ тѣмъ денежныхъ знаковъ. Несмотря на сдѣланные выпуски, размѣры денежнаго обращенія въ настоящее время все-таки на 47 милліоновъ рублей менѣе чѣмъ они были 1 января.

Господа порицающіе Государственный Банкъ за обратную отдачу странѣ части того что недавно было у нея отнято утверждаютъ будто сдѣланные въ послѣднее время выпуски денегъ были „совершенно не нужны.“ До спхъ поръ принято думать, прибавляютъ они, „и такое мнѣніе встрѣчается преимущественно въ органахъ заграничной печати,“ что выпуски новыхъ кредитныхъ билетовъ производятся Государственнымъ Банкомъ исключительно для покрытія требованій казны. Но въ недѣлю ознаменованную, напримѣръ, девятимилліоннымъ выпускомъ, такихъ требованій почти не было. Эти девять милліоновъ выпущены для удовлетворенія требованій не казны, а публики, частію столичной, преимущественно же провинціальной. На этомъ основаніи изрекается сугубое осужденіе мѣры принятой нашимъ Государственнымъ Банкомъ.

Какихъ мнѣній держится заграничная печать о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ вообще и о нашихъ бумажно-денежныхъ выпускахъ въ частности, на это, кажется, давно бы пора уже перестать обращать вниманіе. Кому же неизвѣстно что заграничная печать преисполнена лжи и лживыхъ толкованій относительно всего что у насъ дѣлается? Но господа толкующіе о русскихъ дѣлахъ въ Россіи не могутъ не знать что такъ-называемые временные выпуски бумажныхъ денегъ, съ самой той минуты какъ они начались, дѣлались для удовлетворенія требованій отнюдь не одной только казны, но также и публики. Итогъ временнаго выпуска большею частію, почти постоянно, значительно превышалъ цифру такъ-называемаго „текущаго долга Государственнаго Казначейства“ Государственному Банку. 1 января сего года 446 милліоновъ временно-выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ дѣлились на двѣ части: 327½ милл. составляли выпускъ для надобностей казны и около 118½ милл. составляли выпускъ для надобностей публики. 29 минувшаго сентября, означенная пропорція измѣнилась такъ: изъ 399 милліоновъ, почти 373 оказываются выпущенными для надобностей казны и только 26 милліоновъ для надобностей публики. Полагается, должно-быть, что публикѣ не слѣдуетъ дѣлать и такой поблажки. Вмѣсто удовлетворенія предъявляемыхъ ею требованій, банкъ долженъ де былъ поднять свой учетный процентъ...

Подъемъ учета, усиленіе дороговизны и безъ того дорогаго у насъ кредита, вотъ что рекомендуется безъ всякаго разсужденія о томъ какъ отзовется такая мѣра на интересахъ всей торговли и промышленности. Какое впечатлѣніе произвела бы эта мѣра въ Россіи, это мало занимаетъ рекомендующихъ ее господъ и оказывается недостойнымъ ихъ вниманія. А въ то же время они серіозно говорятъ о „весьма подавляющемъ впечатлѣніи“ какое произвела на англійскія финансовыя сферы возможность повышенія учетнаго процента въ Англійскомъ Банкѣ... Одна западная Европа должна имѣть привилегію пользоваться дешевымъ учетомъ, а Русскихъ въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, можно держать въ какомъ хотите черномъ тѣлѣ. Отъ русской промышленности и торговли требуется чтобъ онѣ успѣшно конкурировали съ иностранными, а что первымъ капиталы достаются вдвое и втрое дороже чѣмъ послѣднимъ, на это никакого вниманія не обращается. И въ какое время предлагается повысить и безъ того высокій учетъ? Когда промышленность осо-

бенно нуждается въ поддержкѣ кредита вслѣдствіе постигшаго страну неурожая и сокращающагося поэтому сбыта ея продуктовъ.

Кромѣ подъема учета, Государственному Банку, взамѣнъ обратнаго выпуска недавно изъятыхъ изъ обращенія денегъ, рекомендуется еще и другая мѣра — продажа принадлежащихъ ему процентныхъ бумагъ. Нечего сказать, хорошъ совѣтъ, своевременна была бы такая продажа! Сами же совѣтчики жалуются на пониженіе нашихъ цѣнныхъ бумагъ. И изъ Парижа, и изъ Лондона эти бумаги массами посылаются для продажи на Берлинской и Петербургской биржахъ; на эту послѣднюю, кромѣ Лондона и Парижа, присылаются наши бумаги еще и изъ Берлина. Пусть же Государственный Банкъ еще болѣе затруднитъ положеніе бросивъ на рынокъ часть принадлежащихъ ему бумагъ, и еще болѣе уронитъ ихъ цѣны! Послушавшись такого совѣта, управленіе Банка, пожалуй, дѣйствительно вызвало бы „биржевой крахъ и панику," которые только въ воображеніи совѣтниковъ могли быть послѣдствіемъ недавнихъ весьма небольшихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Не продажей своихъ бумагъ, а скорѣе покупкой того излишка ихъ, который, вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, обременяетъ нынѣ нашъ фондовый рынокъ, оказалъ бы Государственный Банкъ всей странѣ ту услугу которая требуется отъ него нынѣшними обстоятельствами, хотя бы для такой покупки и потребовалось нѣсколько усилить уже сдѣланные выпуски денегъ.

Не эти выпуски произвели нынѣшній упадокъ вексельныхъ курсовъ и не они грозятъ возможностью дальнѣйшаго ихъ упадка въ будущемъ. Недостаточный урожай и вслѣдствіе того сильное сокращеніе нашего отпуска, при большихъ прежнему и даже большихъ прежняго размѣрахъ привоза, вотъ обстоятельство уже достаточно объясняющее почему упали курсы. Но къ этой причинѣ присоединяется еще другая. Общее положеніе международнаго денежнаго рынка очень неблагопріятно. Золото изъ Европы уплываетъ въ Америку. Сперва оно уходило изъ Германіи, теперь стало все болѣе и болѣе уходить также изъ Франціи и Англіи. И Германскій, и Французскій, и Англійскій банки, можно сказать, одинаково чувствуютъ опасность грозящую цѣлости ихъ размѣнныхъ фондовъ. Не одинъ Германскій, но и Французскій банкъ нашелъ нужнымъ прекратить выдачу золота. А нужда въ немъ отъ этого, конечно, не уменьшается. Эта нужда служитъ одною изъ главныхъ причинъ почему повсюду въ Европѣ русскія цѣнныя бумаги въ такомъ обиліи предлагаются въ продажу, почему онѣ массами препровождаются на русскія биржи для обмѣна на золото. Не покупать этихъ бумагъ значило бы допускать безграничное паденіе ихъ цѣны, покупка же ихъ увеличиваетъ и безъ того громадные платежи лежащіе на насъ по расчетному международному балансу. При такомъ положеніи дѣлъ, пониженіе нашей валюты есть дѣло неизбѣжное, и къ удержанію ея на желаемой высотѣ едва ли есть другой правильный путь кромѣ сокращенія нашихъ заграничныхъ платежей. Эти платежи уменьшатся если уменьшится привозъ иностранныхъ товаровъ. Вотъ задача выдвигаемая на первый планъ существующими нынѣ обстоятельствами.

№ 281.

Москва, 9-го сентября.

Германская печать находитъ теперь особенное удовольствіе грозить Англіи то Австріею, то замыслами Россіи въ Средней Азіи и на дальнемъ Востокѣ. На-дняхъ еще аугсбургская *Allgemeine Zeitung* напечатала корреспонденцію изъ Сингапура, серіозно утверждающую будто нѣ „мыслящіе" Англичане въ Остъ-Индіи весьма озабочены появленіемъ гигантскаго (riesig) русскаго флота въ Китайскихъ водахъ и не вѣрятъ чтобы русскія вооруженія въ Тихомъ Океанѣ были направлены только противъ Китая: Русскіе планы гораздо де обширнѣе и могутъ быть опасны для Англичанъ!

Что же касается нашей Ахалъ-Текинской экспедиціи, то германская печать озабочена ею гораздо болѣе чѣмъ англійская, и очень тревожится какъ бы мы не вздумали занять Мервъ, который лежитъ де въ сферѣ англійскихъ интересовъ. Пугая Англичанъ, она твердитъ что ходъ нашихъ военныхъ дѣйствій предпринятыхъ минувшимъ лѣтомъ показалъ необходимость занятія Мерва, причемъ для содѣйствія войскамъ направленнымъ со стороны Ка-

спійскаго моря въ текинскія земли „рѣшено“ двинуть еще другой отрядъ изъ Туркестанскаго округа чрезъ Бухарскія владѣнія прямо на Мервъ.

Между прочимъ идетъ рѣчь и о томъ зачѣмъ въ сѣверныхъ городахъ Персіи русскіе агенты закупаютъ значительныя партіи хлѣба, которыя и отправляютъ въ Дузъ-Олумъ, къ пункту извѣстной переправы черезъ Атрекъ на пути изъ Чекишляра чрезъ Бендесенъ въ Бами.

Послѣдовавшее 4 октября открытіе движенія по первому участку Закаспійской желѣзной дороги отъ Михайловскаго залива до Молла-Кары подастъ, конечно, новый поводъ къ агитаціи въ печати, къ новымъ соображеніямъ берлинскихъ газетъ, которыя теперь ближе самихъ Англичанъ принимаютъ къ сердцу англійскіе интересы.

Кстати о закупкѣ хлѣба въ Персіи. Очень можетъ быть что подрядчики по снабженію войскъ Ахалъ-Текинской экспедиціи дѣйствительно закупаютъ хлѣбъ въ Персіи, находя доставку оттуда въ Дузъ-Олумъ болѣе сходною нежели перевозку изъ Россіи, частью по желѣзнымъ дорогамъ, частью водой. Изъ сѣверныхъ провинцій Персіи, съ Рюргеня, къ Атреку ведетъ нѣсколько путей которыми хлѣбъ можетъ быть весьма удобно и недорого доставленъ въ Дузъ-Олумъ.

Ахалъ-Текинская экспедиція съ самаго начала была разчитана на два года, причемъ въ первый предполагалось только утвердиться на окраинѣ оазиса и затѣмъ все вниманіе обратить на устройство тыла дѣйствующаго отряда и его пути сообщенія. Исходною точкой дѣйствій отряда, теперь какъ и въ прошломъ году, былъ Чекишляръ, откуда чрезъ Дузъ-Олумъ, Чатъ и Бендесенъ проходитъ главный путь сообщенія передоваго отряда занимающаго Бами. Вотъ почему съ самаго начала экспедиціи на путь этотъ обращено особое вниманіе: онъ дѣятельно разрабатывался войсками и въ настоящее время уже приспособленъ къ движенію значительныхъ транспортовъ. Путь этотъ имѣетъ однако важный недостатокъ. Берегъ у Чекишляра весьма отлогій и на большое пространство заливается волнами; суда должны останавливаться далеко въ морѣ, что затрудняетъ ихъ выгрузку. Неудобства эти заставили обратить вниманіе на устройство другой дороги, по которой было бы удобнѣе доставлять тяжести привозимыя моремъ и эвакуировать больныхъ. Такимъ путемъ избрана дорога ведущая отъ Михайловскаго залива къ Кизылъ-Арвату. Еслибы рельсы отсюда въ Бами были уже проложены, то всѣ транспорты съ продовольствіемъ назначенные для отряда пошли бы тутъ, и закупать хлѣбъ въ Персіи не представлялось бы надобности. Теперь же совершенно обратно: затруднительная выгрузка въ Чекишлярѣ дѣлаетъ доставку изъ Персіи сухимъ путемъ выгодною. Этому способствуетъ и сама постройка Закаспійской дороги, обусловливающая доставку моремъ къ Михайловскому заливу около двухъ съ половиною милліоновъ груза въ видѣ рельсовъ, шпалъ, скрѣпленій, локомотивовъ, вагоновъ. При ограниченномъ числѣ судовъ на Каспійскомъ морѣ перевозка этихъ тяжестей должна поднять цѣны фрахта и вообще сдѣлать морскую доставку провіанта затруднительною, тѣмъ болѣе что кромѣ желѣзнодорожныхъ принадлежностей приходится перевозить и другіе предметы снабженія экспедиціоннаго отряда. Очень понятно почему закупка идетъ именно теперь и, какъ говорятъ, въ большихъ размѣрахъ. Экспедиціонный отрядъ на зиму остается въ мѣстахъ своего настоящаго расположенія; заготовки необходимо окончить до наступленія времени степныхъ снѣжныхъ метелей, дѣлающихъ движеніе транспортовъ крайне затруднительнымъ и опаснымъ.

Снабженіе экспедиціоннаго отряда всѣмъ необходимымъ для зимовки въ Текинскихъ предѣлахъ дѣйствительно весьма заботитъ военное начальство. Мѣры въ этомъ смыслѣ принимаются уже начиная съ августа, когда окончились дѣйствія отряда, то-есть прекращены производимыя имъ развѣдки. Грузовъ предстоитъ перевести весьма не мало, и открытый участокъ желѣзной дороги, всего въ 25 верстъ, кромѣ строительныхъ матеріаловъ для дальнѣйшаго проложенія пути, уже „безостановочно перевозитъ интендантскіе транспорты.“

Послѣднее обстоятельство заставляетъ думать что дальнѣйшая постройка дороги пойдетъ быстрѣе нежели предполагалось и что большая ея часть будетъ окончена ранѣе наступленія зимы. Иначе нѣтъ основанія везти съ берега въ степь „безостановочно“ пѣлые транспорты, которые затѣмъ пришлось бы перевозить далѣе въ Бами или Кизылъ-Арватъ уже обыкновен-

нымъ порядкомъ, по пути болѣе трудному нежели идущій отъ Чекишляра. Работы на окрытомъ теперь участкѣ, какъ сообщаютъ въ Петербургъ изъ Красноводска, сильно затруднялись въ техническомъ отношеніи сыпучими барханами, съ которыми наши строители встрѣтились впервые. Впрочемъ и независимо отъ этого обстоятельства уже при самомъ проектированіи пути имѣлось въ виду что наибольшаго труда и времени потребуютъ именно нѣсколько первыхъ десятковъ верстъ дороги, и что затѣмъ работы пойдутъ успѣшнѣе.

Къ чему же однако все это клонится? Какими результатами можетъ увѣнчаться эта тяжелая экспедиція, уже такъ дорого намъ стоившая? Что бы ни вышло, событія въ Средней Азіи не принадлежатъ къ числу тѣхъ которыя совершаются по плану и могутъ легко оцѣниваться съ какой-либо телеологической точки зрѣнія. Здѣсь событія сцѣпляются роковымъ образомъ, толкаютъ другъ друга, и Ахалъ-Текинская экспедиція быть можетъ увѣнчается неожиданнымъ результатомъ и приготовитъ почву къ лучшему чѣмъ когда-либо соглашенію взаимныхъ интересовъ Россіи и Англіи. Послѣднія событія на Востокѣ сдѣлали же возможнымъ то что до сихъ поръ казалось совершенною невозможностію,— дружное и искреннее согласное дѣйствіе обѣихъ державъ на Балканскомъ полуостровѣ что, какъ мы видимъ, очень не нравится ихъ общимъ друзьямъ и союзникамъ по европейскому концерту...

№ 282.

Москва, 10-го октября.

Въ парижскомъ журналѣ, *La Nouvelle Revue*, помѣщена въ обѣихъ польскихъ книжкахъ безыменная статья, подъ заглавіемъ: *Русско-Турецкая война по неизданнымъ документамъ*. Авторъ статьи, воздавъ высокую хвалу доблестямъ русской арміи, подвиговъ которой въ прошедшую войну онъ былъ очевидцемъ, высказалъ въ цѣломъ рядѣ вопросовъ свои недоумѣнія по поводу неудачъ первоначально постигшихъ русскую армію, а равно и о томъ почему блестящій успѣхъ кампаніи не привелъ къ результатамъ какихъ слѣдовало ожидать послѣ полнаго разгрома Турціи. Статья эта обратила на себя общее вниманіе, такъ какъ ей приписывалось официозное происхожденіе, на что служило отчасти указаніемъ самое ея заглавіе. 15 октября, въ томъ же журналѣ, появилась новая статья, также анонимная, изложенная въ видѣ письма на имя редактора, заключающая въ себѣ отвѣтъ на возбужденные авторомъ первой статьи вопросы. Этому отвѣту приписывается также официозное происхожденіе, и имъ возбуждено еще болѣе толковъ нежели первою статьей, причемъ не обошлось, со стороны берлинскихъ газетъ, безъ ироническихъ замѣчаній о странности этой полемики поднятой на страницахъ французскаго республиканскаго журнала издаваемаго г-жой Аданъ.

Не знаемъ на сколько вѣренъ настойчиво подерживаемый слухъ о „компетентности“ авторовъ какъ обвиненія, такъ и апологіи Русскаго правительства. Но нельзя обойти молчаніемъ это пререканіе уже по тому значенію которое придается ему въ иностранной печати.

Опровергая доводы первой статьи, авторъ апологіи возстаетъ противъ предположенія будто Россія, предпринявъ послѣднюю войну съ Турціей, исполнила планъ заранѣе обдуманный, желанный и подготовленный съ 1876 года, и будто цѣлью этой войны было завоеваніе Константинополя. Затѣмъ слѣдуетъ подробное изложеніе всего хода восточныхъ затрудненій, начиная съ возстанія въ Герцеговинѣ и всѣхъ дипломатическихъ переговоровъ предшествовавшихъ объявленію войны. Всѣ эти слишкомъ памятные факты служатъ автору апологіи къ тому чтобы доказать что авторъ первой статьи исходилъ изъ совершенно невѣрнаго положенія, утверждая что война была дѣломъ желаннымъ и подготовленнымъ. Общее положеніе дѣлъ въ Европѣ, равно какъ въ самой Россіи, было до такой что Русское правительство должно было всѣми силами противиться войнѣ, и если она тѣмъ не менѣе началась, то Россія была увлечена въ нее противъ воли. „Мы констатируемъ, но не судимъ,“ замѣчаетъ авторъ возраженія. „Быть можетъ исторія „упрекнетъ Русское правительство въ томъ „что оно поддалось увлеченію зная что „оно противно интересамъ страны. Съ поли„тической точки зрѣнія всегда ошибочнѣе „дозволить увлечь себя въ войну противъ „собственнаго желанія. Чрезъ это теряет„ся свобода дѣйствія, выборъ благопріят-

„ной минуты, возможность напередъ под-„готовить свои силы, свои союзы и выгод-„ныя обстоятельства. Главнымъ образомъ „теряется при этомъ выгода перваго на-„тиска, который, будучи сильнымъ и энер-„гическимъ при хорошо принятыхъ мѣ-„рахъ, можетъ превозмочь всѣ препят-„ствія и повести къ успѣху, тогда какъ „колебаніе и нерѣшительность приводятъ „если не къ полной неудачѣ, то къ полу-„успѣху, далеко не соотвѣтствующему раз-„мѣрамъ усилій.“ Тѣмъ не менѣе, Россія дала де увлечь себя въ войну уступая чув-ству своего народа, который не могъ и не хотѣлъ оставаться хладнокровнымъ и безучастнымъ зрителемъ ужасовъ совер-шавшихся на Востокѣ.

Начавъ войну, доказываетъ далѣе авторъ апологіи, Россія хорошо знала что ни положеніе Европы, ни состояніе Тур-ціи (?) не допускали радикальнаго разрѣ-шенія Восточнаго вопроса въ Константино-полѣ, въ исключительныхъ интересахъ Россіи. Чтобъ избѣгнуть всеобщаго пожа-ра, война должна была быть кратковре-менная и дѣйствительно умѣренная. Было пред-положено поэтому объявить европейскимъ кабинетамъ что Россія обязывается не пере-ходить чрезъ Балканы если Порта будетъ просить о мирѣ прежде чѣмъ русскія вой-ска достигнутъ Балканскаго хребта. Графу Шувалову даны были инструкціи въ этомъ смыслѣ. Но въ главной квартирѣ это распо-ряженіе возбудило живѣйшее возраженіе. „Какимъ образомъ обязаться не перехо-„дить Балканъ, когда весь планъ кампа-„ніи заключался въ томъ чтобы, прик-„рывъ оба фланга, перейти Балканы и „двинуться быстро на Адріанополь и прину-„дить султана къ подписанію мира?“ Графу Шувалову было послано приказаніе не дѣ-лать указаннаго заявленія; но приказаніе пришло поздно. Графъ Шуваловъ уже успѣлъ сдѣлать заявленіе, и ему велѣно взять это заявленіе обратно.

„Повторяемъ,“ сказано далѣе, „мы лишь „констатируемъ, но не судимъ. Исторія „быть-можетъ признаетъ роковою ошибкой „эту идею *умѣренной войны*. Трудно со-„гласовать войну и умѣренность. Событія „показали что если Россія была заинте-„ресована сократить и ограничить борьбу, „Турція наоборотъ имѣла полный разчетъ „затянуть и расширить оную въ увѣрен-„ности что она рано или поздно вызоветъ „вмѣшательство Европы.“

Тѣми же соображеніями, почему Россія рѣшилась вести „умѣренную“ войну, объ-ясняется де и то что въ распоряженіе главнокомандующаго былъ данъ въ нача-лѣ войны сравнительно слишкомъ мало-численный контингентъ войскъ, на что особенно сѣтуетъ авторъ первой статьи. Имѣлось лишь въ виду „дать строгій урокъ“ турецкому упрямству и въ то же время показать Европѣ на дѣлѣ что Россія не задавалась никакими обширными и завое-вательными замыслами. Но такъ какъ въ 1876 году, когда мобилизована была Рус-ская армія, война не начиналась, то „Тур-ція воспользовалась зимнимъ временемъ, и съ помощью кредита оказаннаго ей Ан-гліей, она дополнила и усилила свои воору-женія и успѣла поставить подъ оружіе все способное къ войнѣ населеніе... Вслѣд-ствіе этого, а также по причинѣ неудачъ постигшихъ на первыхъ порахъ послѣ пере-хода черезъ Дунай русскую армію, при-шлось дополнить ряды новыми и значи-тельными подкрѣпленіями и придать перво-начально предположенной простой военной экскурсіи размѣръ серіозной и обширной войны.“

Объяснивъ затѣмъ причины „кажущих-ся“ колебаній и неуспѣховъ при началѣ войны и блистательный ходъ ея послѣ па-денія Плевны, авторъ переходитъ къ раз-рѣшенію послѣдняго и важнѣйшаго, вопро-са, „почему русская армія остановилась подъ стѣнами Константинополя, когда ей достаточно было, казалось бы, протянуть лишь руку чтобы, занявъ Галлиполи, пред-упредить вступленіе англійскаго флота въ Дарданеллы?“

По мнѣнію автора, этотъ самый вопросъ и служитъ лучшимъ опроверженіемъ того предположенія, будто завоеваніе Констан-тинополя входило въ разчеты Россіи. Если побѣдоносное движеніе русскаго войска бы-ло остановлено въ ту минуту когда ниче-го бы уже не стоило забрать турецкую столицу и тѣмъ увѣнчать свой доблестный подвигъ, то это потому что Россія хотѣ-ла де этимъ доказать и доказала искрен-ность своихъ первоначальныхъ увѣреній, а также потому что она желала избѣжать вооруженнаго столкновенія съ Англіей. Правда, успѣхи русской арміи были такъ быстры и могучи что, по сознанію автора, никто не былъ подготовленъ поддержать силою дипломатическое вмѣшательство вы-званное упорнымъ недовѣріемъ къ безко-

рыстію Россіи. Но русское правительство само де предвидѣло невозможность для Англіи остаться пассивнымъ зрителемъ событій. „Каково было бы," спрашиваетъ авторъ, „положеніе англійскаго кабинета еслибы плодомъ двухлѣтнихъ усилій его политики было развѣвающееся на глазахъ Болгарскаго народа русское знамя на стѣнахъ Константинополя?" Столкновеніе съ Англіей было де предотвращено благодаря этой предусмотрительности. „Мы думаемъ," восклицаетъ авторъ, „что Русскому правительству нельзя отказать въ извѣстной заслугѣ въ виду того что оно, послѣ столь доблестной и сопряженной съ такими тяжкими жертвами войны, не пожелало выйти за предѣлы умѣренности."

Однако далѣе мы читаемъ вотъ что:

„Правда, въ виду того что послѣдовало затѣмъ" (то-есть послѣ рѣшимости воздержаться отъ занятія Константинополя), „въ виду тяжкаго сопряженнаго съ „громадными издержками и оскорбительнаго для достоинства Россіи положенія, въ „которое была она поставлена въ теченіе „шести мѣсяцевъ, въ виду недовѣрія и „недоброжелательства кабинетовъ, которыя проявлялись все съ большею силой „и осаждали ее на почвѣ дипломатіи, въ „виду той коалиціи которая привела ее, „побѣдоносную державу, — которая вела „гуманную и христіанскую войну и по„несла съ безпримѣрнымъ самоотверженіе„мъ столь великія тягости, — въ качествѣ „обвиняемой предъ лицомъ враждебнаго „ареопага собраннаго въ Берлинѣ, кото„рый принялся разсѣкать и урѣзывать по„двигъ ея безкорыстія, — Россія *могла ра„скаяться въ своей умѣренности*. Мы идемъ „дальше и утверждаемъ что въ виду того „что теперь совершается на глазахъ у „всѣхъ, при видѣ возродившагося изъ сво„го пепла мучительнаго замѣшательства „именуемаго Восточнымъ вопросомъ, ко„торый попрежнему тяготѣетъ надъ спо„койствіемъ Запада и всеобщимъ миромъ „и попрежнему плодитъ безвыходныя за„трудненія въ настоящемъ и порождаетъ „угрозы въ будущемъ, Европа сама должна пожалѣть что ея вмѣшательство приве„ло къ такому непригодному заключенію."

Авторъ высказываетъ убѣжденіе что если исторія произнесетъ въ будущемъ строгій обвинительный приговоръ, то этотъ приговоръ падаетъ главнымъ образомъ на Европу.

Европа! Опять Европа! Приговоръ надъ Европой! Увы, приговоръ долженствующій пасть карой на вѣроломную Европу повиснетъ на воздухѣ!... Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что къ будущему суду исторіи призывается не какая-либо реальность, а entitas, отвлеченное понятіе, простой терминъ!... Что же касается тѣхъ реальныхъ силъ, которыя могли быть тутъ виновны въ чемъ-нибудь, то берлинскія газеты сами удивляются почему въ статьѣ ни разу не названъ руководитель германской политики. Въ Берлинѣ досадуютъ на то что князю Бисмарку не отмежевана та доля виновности которая тамъ видимо вмѣняется ему въ заслугу.

Въ заключеніе припомнимъ то что высказывалось въ свое время, до войны, и не во французскомъ журналѣ, а въ самой Россіи, въ средѣ Русскаго народа. Вотъ что писали мы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1877, № 79) при объявленіи войны:

„Итакъ, война... Была ли возможность избѣжать ея? Но *избѣжать* ея не слѣдовало. Если можно было предотвратить ее, то развѣ только политикой ультиматума, политикой Царскаго слова въ Кремлѣ, политикой чистаго отъ всякой политики христіанскаго движенія въ нашемъ народѣ, удивившаго и смутившаго нашихъ противниковъ. Вспомнимъ какъ мгновенно Порта покорилась рѣшительному требованію Россіи. Не было тогда рѣчи ни о достоинствѣ Турціи, ни о Парижскомъ договорѣ гарантирующемъ ея независимость. Порта безусловно приняла предписанный нашимъ Государемъ столь невыгодный ей срокъ перемирія, и отказалась отъ своего, несмотря на британскую поддержку. Порта, мы увѣрены, согласилась бы на дѣйствительныя гарантіи въ пользу своихъ христіанскихъ провинцій, еслибы благовременно убѣдилась въ совершенной серіозности предъявленнаго ей требованія. Серіозное требованіе значитъ неуступчивое требованіе. Либо дѣйствительныя гарантіи, либо никакихъ. Послабленіе въ требованіи заставляло думать что мы не дорожимъ его предметомъ, или не чувствуемъ себя въ силахъ настоять на немъ. Согласились ли бы Турки на временное занятіе своихъ провинцій для водворенія въ нихъ лучшаго порядка? Туркамъ никогда не могло быть пріятно подобное вмѣшательство, но извѣстно что они уступали серіознымъ требованіямъ въ этомъ смыс-

лѣ! Имъ надо было только увѣриться что мы сами увѣрены въ своемъ дѣлѣ. Но съ той минуты какъ пошла рѣчь о европейскомъ концертѣ, дѣло заколебалось, запуталось и — пропало. Одно изъ двухъ: или отстаивать дѣло христіанъ, или искать согласія съ англійскою политикой, такъ откровенно и такъ непримиримо ему враждебною. Дипломатія европейскаго концерта выбросила весь грузъ изъ своей барки, и занялась налегкѣ эволюціями которыя не имѣли для восточныхъ христіанъ никакого значенія, а Турокъ раздражали и возбуждали... Вмѣсто обезпеченія христіанъ, дипломатія поставила себѣ другую задачу, можетъ-быть очень почтенную, но не имѣющую ничего общаго съ первою: доказать миролюбіе Россіи. Не избавить безоружныя населенія отъ баши-бузуковъ, а доказать русское миролюбіе,—вотъ что вдругъ потребовалось. Вопросъ подмѣнился. Какъ тогда говорили, дѣло было перенесено на почву умѣренности. Въ какихъ же честолюбивыхъ и корыстныхъ видахъ должны мы были неумѣренно показывать свою умѣренность?

„Если политика ультиматума могла предотвратить войну, то къ войнѣ неизбѣжно вела политика европейскаго концерта. Мы доказывали наше миролюбіе, а у Турокъ прибывалъ духъ по мѣрѣ того какъ они обманчиво убѣждались въ слабости и неискренности Россіи, и фальшивый духъ возросъ у Турокъ до того что они сами уже не въ состояніи справиться съ нимъ. Они собрали и напрягли всѣ свои силы. Два года дипломатическихъ ухаживаній за ними подняли въ нихъ самоуваженіе до невѣроятной высоты, и теперь Порта не могла бы еслибъ и захотѣла пойти на мирное соглашеніе.

„Итакъ, политика европейскаго концерта, политика уступокъ и мира во что бы то ни стало, роковымъ образомъ влекла насъ къ войнѣ. Напрасны были предостереженія, неотвратимое совершилось. Такъ было угодно Богу! Въ 1863 году (увы, мы забыли его уроки!) не было войны, но она была бы неизбѣжна еслибы великодушная рѣшимость нашего Государя не положила конецъ той поистинѣ самоубійственной политикѣ которой мы тогда слѣдовали въ нашихъ дѣлахъ... Это было счастіемъ, потому что война въ то время не имѣла смысла; она была бы напраснымъ кровопролитіемъ. Иное дѣло теперь! Возблагодаримъ Бога что Его святая воля судила намъ быть современниками великаго дѣла къ которому готовила Россію вся ея исторія. Искусная политика твердости привела бы насъ къ мирному исходу, но къ результатамъ несущественнымъ и малымъ. Политика уступокъ приводитъ насъ къ событіямъ великаго значенія. Но пусть же знаютъ миролюбцы что ихъ совѣты были не къ миру, а къ войнѣ. Да примирятся они съ этимъ какъ мы примиряемся съ послѣдствіями ихъ политики, и да почтутъ они въ себѣ орудіе Промысла который черезъ нихъ отнялъ разумъ у нашихъ враговъ...

„На этихъ дняхъ, въ статьѣ писанной очевидно офиціознымъ перомъ, прочли мы слѣдующее: „„Никакія дипломатическія ноты, никакіе протоколы не принимаются „Портою до тѣхъ поръ пока она не получитъ полной увѣренности что можетъ „быть принуждена силой оружія къ исполненію того чего отъ нея требуютъ.““ Но зачѣмъ же не говорили вы такъ прежде, или зачѣмъ вы не слушали когда говорили вамъ это другіе? А теперь поздно проповѣдывать эти истины, потому что Порта сама называется на войну, которая стала для нея внутреннею необходимостью...

„Теперь вы можете говорить что хотите. Время ваше кончилось. Вы уже сдѣлали свое дѣло. Война неизбѣжна. Восточный вопросъ выступаетъ изъ тѣсныхъ границъ въ которыхъ онъ доселѣ заключался, и никто не можетъ предвидѣть какъ онъ разыграется. Возложимъ на Бога наши упованія. Мы сильны правотою, безкорыстіемъ, святостью нашего дѣла. Наши интересы въ этомъ дѣлѣ — интересы, человѣчества и христіанства.“

А вотъ что писали мы за полтора мѣсяца до объявленія войны:

„...Нѣтъ, мы должны сознаться,—лучше вполнѣ сознаться,—мы пропустили самую благопріятную пору для дѣйствія за два мѣсяца предъ симъ, когда истекалъ нами самими такъ энергически предписанный срокъ перемирія. Тогда говорили что въ зимнюю пору начинать кампанію неудобно; но для нашего противника это было бы вдвое и втрое неудобнѣе. Разница между нашимъ неудобствомъ и неудобствомъ противника была бы нашею чистою выгодой. Нѣтъ въ мірѣ солдата который былъ бы менѣе затрудненъ не-

удобствами зимней кампаніи чѣмъ русскій. Онъ уже перенесъ самое трудное въ зимней кампаніи, онъ вытерпѣлъ 30 градусный морозъ на походѣ. Зима на Дунаѣ только облегчила бы движеніе нашихъ войскъ, и чего бы ни стоилъ намъ переходъ черезъ Дунай, онъ стоилъ бы менѣе чѣмъ истраченная нами съ того времени сумма на содержаніе бездѣйственно дѣйствующей арміи. Не настаивалъ ли въ 1853 году покойный Императоръ на открытіи зимней кампаніи, не настаивалъ ли онъ на этомъ съ силою полнаго и глубокаго убѣжденія какое бываетъ только въ умѣ и сердцѣ хозяина дѣла, при живомъ чувствѣ отвѣтственности за исходъ его? Къ сожалѣнію, въ тогдашнихъ совѣтахъ Императора были люди не оправдавшіе своей способности послужить ему въ исполненіи великаго дѣла, и о ихъ косность сокрушилась энергическая рѣшимость Государя. Зимняя кампанія не состоялась, а кто знаетъ быть-можетъ этимъ обстоятельствомъ иначе опредѣлился бы исходъ тогда предпринятой великой войны...

„Каковы бы ни были неудобства перехода нашей арміи черезъ Дунай въ минувшемъ декабрѣ, мы нашли бы тамъ союзниковъ надежныхъ и преданныхъ, стоявшихъ въ оружіи, исполненныхъ еще непоколебленнаго довѣрія къ намъ, ожидавшихъ насъ, призывавшихъ насъ и отвлекавшихъ на себя силы Турокъ. Два-три полка брошенные въ Сербію имѣли бы огромное значеніе. Вообще появленіе нашей арміи за Дунаемъ подняло бы духъ въ этихъ несомнѣнныхъ союзникахъ нашихъ (мы все по сторонамъ ищемъ друзей и союзниковъ, а отталкиваемъ тѣхъ кого далъ намъ Богъ), и оживило бы движеніе христіанъ въ провинціяхъ Турціи; все что медлило и колебалось схватилось бы за оружіе; албанскія племена, которыя и теперь шевелятся, были бы тогда въ полномъ возстаніи. Наше вторженіе въ Турцію не должно имѣть никакихъ завоевательныхъ видовъ: это было сказано и въ этомъ наша сила; это глубоко соотвѣтствуетъ истиннымъ требованіямъ настоящаго положенія, и истиннымъ интересамъ Россіи, и ея народному чувству. Наши противники должны признать это и признали бы это тѣмъ легче въ виду совершившагося факта, и наше вторженіе получило бы характеръ не столько войны сколько военной экзекуціи. Во всякомъ случаѣ враждебное намъ вмѣшательство было бы затруднено въ ту пору болѣе чѣмъ во всякую другую. Гостепріимный Понтъ бываетъ въ эту пору самымъ негостепріимнымъ, и еслибы даже наши отношенія къ западнымъ сосѣдямъ не были еще окончательно разъяснены и установлены, мы были бы въ выгоднѣйшемъ положеніи для того чтобы съ ними поладить. Въ зимнюю пору мы во всякомъ случаѣ были бы болѣе обезпечены отъ внезапнаго нападенія и менѣе были бы стѣснены въ нашихъ дѣйствіяхъ опасеніями за свой флангъ. То ли теперь? Турки поспѣшно заключаютъ миръ съ обоими княжествами и получаютъ возможность сосредоточить противъ насъ всѣ свои войска. Они имѣли время оправиться, изготовиться, выписать Крупповскія орудія. А между тѣмъ обаяніе могущества Россіи на Востокѣ конечно не возросло, христіанскія населенія приходятъ въ уныніе. Наши западные друзья видятъ насъ теперь въ положеніи болѣе затруднительномъ чѣмъ тогда, и потому при всемъ добромъ ихъ расположеніи къ намъ, по всему вѣроятію, намъ придется дороже заплатить за ихъ дружбу, которая въ политическомъ мірѣ никѣмъ, развѣ только нами, даромъ не дается. Уже въ тонѣ дружелюбныхъ къ намъ державъ дѣйствительно замѣтно нѣкоторое повышеніе и бо́льшая неопредѣленность. А между тѣмъ вотъ наступаетъ весна съ ея распутицей. Неужели эта пора благопріятнѣе для похода чѣмъ назадъ тому два мѣсяца?

„Но пройдутъ еще недѣли. Когда же предвидится пора болѣе благопріятная чѣмъ теперь? Съ каждымъ днемъ ослабляемъ мы себя и внутри и въ своемъ внѣшнемъ положеніи. Идетъ невидимая борьба, и съ каждымъ днемъ выигрываютъ въ ней наши противники. Недавно какая-то статья, похожая на переводъ съ французскаго, въ одной петербургской газетѣ, совѣтуетъ по французской поговоркѣ, reculer pour mieux sauter... Увы, быть можетъ и прыгнуть послѣ будетъ некуда! Чтобы возвратить намъ свое прежнее положеніе, быть-можетъ придется намъ выдержать борьбу, очень тяжкую, которая потребуетъ всѣхъ силъ нашей страны. Такъ представляется дѣло человѣческому разумѣнію, если взглянуть на него съ русской точки зрѣнія и извлечь его изъ каверзъ французской рутинной фразеологіи, которая нерѣдко держитъ въ плѣну нашу мысль и лишаетъ ее

чуткости. Dixi et levavi animam. Въ дѣлѣ столь великомъ было бы грѣхомъ не высказаться съ полною искренностію...

„Но надъ человѣческими соображеніями возвышается Промыслъ Божій; человѣческія дѣйствія пресѣкаются Его рѣшеніями. Довѣримся Ему болѣе чѣмъ своему разумѣнію. Худшее превратитъ Онъ въ лучшее, хотя и не въ то какое люди имѣютъ въ своихъ мысляхъ и цѣляхъ. Мы непоколебимо вѣримъ въ судьбы Россіи и вѣримъ въ благословеніе Божіе почіющее на нынѣшнемъ царствованіи, котораго двадцать вторую годовщину готовится праздновать Россія вмѣстѣ съ великимъ дѣломъ освобожденія милліоновъ ея народа." И такъ далѣе...

№ 283.

Москва, 11-го октября.

Одесскія, а слѣдомъ за ними и прочія газеты сообщили на дняхъ извѣстіе что г. министръ финансовъ въ Одессѣ произнесъ рѣчь въ которой коснулся причинъ нынѣшняго экономическаго кризиса. Въ этой рѣчи онъ будто бы указалъ главнымъ образомъ на то что переживаемый теперь торговый кризисъ есть „неизбѣжное послѣдствіе бывшей продолжительной Восточной войны." „Необходимо принять въ соображеніе," —читаемъ въ опубликованномъ отрывкѣ министерской рѣчи,—„то что всегда послѣ войны, даже войны неудачной, а не такой славной и побѣдоносной какою была наша послѣдняя война, всегда послѣ застоя произведеннаго войной является особое оживленіе въ торговлѣ, промышленности и всѣхъ отрасляхъ производительности, а за симъ слѣдуетъ періодъ реакціи. Это также вѣрно какъ то что послѣ осени бываетъ зима, послѣ весны—лѣто."

Газеты, особенно въ послѣднее время, не разъ влагали въ уста министрамъ странныя рѣчи которыя не могли быть произнесены ими уже по самому ихъ положенію, рѣчи, и по направленію, и по тону, и по выраженіямъ мало чѣмъ отличавшіяся отъ газетныхъ фельетоновъ. Но остается въ силѣ тотъ фактъ что признается возможнымъ объяснять нынѣшнія экономическія затрудненія какъ послѣдствія минувшей войны, что есть газеты которыя толкуютъ ихъ именно такимъ образомъ.

Такіе толки были у насъ въ полной силѣ еще до войны. Какъ неизбѣжный будто бы результатъ ея предсказывались Россіи всевозможныя экономическія бѣдствія. Эти предсказанія не сбылись. Война стоила намъ громадныхъ жертвъ людьми и деньгами, вслѣдствіе желанія вести не просто войну, а „умѣренную войну." Тѣмъ не менѣе война сопровождалась у насъ не упадкомъ, а подъемомъ народнаго благосостоянія. Предъ ея началомъ страна переживала тяжкій экономическій кризисъ. Во время войны она отъ него избавилась, и народное хозяйство пошло здоровымъ ходомъ.

Даже зловѣщіе предсказатели не могли отрицать этихъ экономическихъ успѣховъ. Въ виду безспорныхъ фактовъ, оставалось только относиться скептически къ ихъ прочности, да пользоваться всякими неблагопріятными случайностями и ихъ послѣдствіями, съ цѣлію выставить ихъ прямымъ результатомъ послѣдней войны. Это постоянно и дѣлалось. Какъ извѣстно, на счетъ этой войны ставились, между прочимъ, и прошлогодняя ветлянская чума, и вся причиненная ею паника со всѣми ея экономическими послѣдствіями. Долго настаивать на этомъ оказалось, однако, невозможнымъ. Доказано что чума была занесена на низовья Волги даже не изъ Турціи, а изъ Персіи, именно изъ Решта. Предположеніе что чума занесена къ намъ изъ Турціи возвращавшимися оттуда войсками было не согласно съ истиной; но въ этомъ предположеніи, по крайней мѣрѣ, не было ничего невозможнаго, ничего такого что было бы явною нелѣпостью. Чума не была занесена, но могла быть занесена изъ Турціи. Но какими судьбами тессенская муха оказывается послѣдствіемъ минувшей войны, это превосходитъ всякое разумѣніе.

Вслѣдъ за недостаточно обильнымъ урожаемъ прошлаго года, жатва въ текущемъ году оказалась положительно неблагопріятною. Повсемѣстно люди озабочены вопросомъ о насущномъ продовольствіи. Поставщики хлѣба въ казну начинаютъ отказываться отъ исполненія контрактовъ заключенныхъ ими съ провіантскимъ вѣдомствомъ. При высокихъ, по случаю неурожая, хлѣбныхъ цѣнахъ, грозящихъ подняться еще выше, органы земскаго и городскаго самоуправленія почти повсемѣстно заняты задачей какъ облегчить для

небогатыхъ классовъ населенія покупку хлѣба и многіе просятъ пріостановить вывозъ хлѣба. Когда самый хлѣбъ становится такимъ образомъ не по средствамъ многочисленнымъ классамъ населенія, когда вынуждены покупать его во многихъ мѣстностяхъ населенія жившія сбытомъ хлѣба, странно было бы ожидать отъ этихъ населеній чтобъ они не сократили своего спроса на разные продукты обрабатывающей промышленности. Невзгода постигшая земледѣльцевъ сама собою обращается въ невзгоду и для фабрикантовъ, заводчиковъ и торговцевъ. Затруднительное положеніе первыхъ неизбѣжно создастъ кризисъ и для вторыхъ.

И вотъ намъ говорятъ что этотъ кризисъ есть неизбѣжное послѣдствіе бывшей войны! Страна имѣетъ дѣло съ послѣдствіями неблаговременныхъ холодовъ, засухъ и дождей, съ опустошеніями причиненными хлѣбнымъ жукомъ, гессенскою мухой и другими бичами земледѣлія,—а ее увѣряютъ что все это есть какая-то реакція послѣ вызваннаго войной особаго оживленія!

Нѣтъ, не съ экономическою реакціей имѣемъ мы дѣло. О такой реакціи могла бы идти рѣчь еслибъ ей предшествовала промышленная горячка. Но ничего лихорадочнаго въ ходѣ нашей промышленности въ послѣднее время не могли замѣтить даже тѣ кто особенно наклонны были видѣть въ обнаружившемся вслѣдъ за войной оживленіи экономической дѣятельности нѣчто ненормальное. Это оживленіе можетъ казаться ненормальнымъ развѣ тѣмъ кто принимаетъ за норму то угнетенное положеніе, тотъ кризисъ какой переживала русская промышленность въ 1875—1876 годахъ.

Никакого застоя война у насъ не порождала. Застой былъ не во время войны, а *прежде*. Промышленность оживилась *не послѣ* войны, не вслѣдъ за ея прекращеніемъ, а въ то время какъ она еще шла. И не будь неурожая, не было бы и того ухудшенія въ положеніи дѣлъ которое теперь выдается за реакцію.

Эти толки о реакціи могутъ имѣть только вредное дѣйствіе. Наступаетъ кризисъ, желательны мѣры которыя помогли бы странѣ пережить его и облегчили бы его тягость. Но, скажутъ, вѣдь это только временный періодъ реакціи, онъ не вѣченъ, какъ не вѣчно было и оживленіе которое ему предшествовало, и стало-быть пройдетъ самъ собою, и все устроится какъ быть слѣдуетъ, безъ хлопотъ. Былъ періодъ оживленія, оказались важные экономическіе успѣхи, были желательны мѣры чтобъ упрочить эти успѣхи. Но о чемъ хлопотать, когда за этими успѣхами неотвратимо должна послѣдовать реакція?

Не можемъ не замѣтить что уже въ самомъ текстѣ приписываемой министру финансовъ рѣчи находится фраза заставляющая усомниться чтобъ ему могло принадлежать вышеупомянутое странное истолкованіе нынѣшнихъ экономическихъ затрудненій какъ прямаго послѣдствія минувшей войны. „Если текущій годъ неурожайный," сказалъ между прочимъ генералъ-адъютантъ Грейгъ, „то будемъ надѣяться что будущій годъ будетъ удачный, и экономическое положеніе само собою поправится." Ожидать улучшенія отъ урожайнаго года значитъ признавать ухудшеніе результатомъ неурожайнаго года, и относить это послѣднее къ результатамъ прошлой войны нѣтъ никакой надобности.

Кстати о неурожаѣ.

Неурожай въ текущемъ году заставилъ многихъ подумать обезпечивается ли урожаемъ народное продовольствіе въ Россіи, не истощены ли запасы хлѣба оставшіеся отъ прошлыхъ лѣтъ большими отпусками въ теченіе 1877—1879 годовъ и не слѣдуетъ ли поэтому пріостановить отпускъ, если не всѣхъ видовъ хлѣба, то по крайней мѣрѣ ржи, въ которой ощущается особенная надобность. Этимъ обстоятельствомъ не преминули воспользоваться господа давно уже проповѣдующіе что большой вывозъ хлѣба не только въ настоящее время, но и вообще составляетъ наше истинное несчастіе, что мы отпускаемъ за границу не избытки хлѣба, а насущное продовольствіе народа, который вслѣдствіе этого изъ года въ годъ болѣе и болѣе голодаетъ. Такія сужденія обыкновенно подкрѣпляются цифрами. Берутся эти цифры между прочимъ изъ *Сборника Свѣдѣній по Департаменту Земледѣлія и Сельской Промышленности*, гдѣ сообщаются собираемыя обычнымъ канцелярскимъ путемъ свѣдѣнія о посѣвахъ и урожаяхъ хлѣбовъ въ Россіи. О томъ можно ли полагаться на эти свѣдѣнія до какой степени они достовѣрны, обыкновенно умалчивается. А между тѣмъ эти цифровыя свѣдѣнія таковы что центральный статистическій комитетъ прекратилъ печатаніе

ихъ въ своемъ *Временникѣ;* объяснивъ въ одномъ изъ его выпусковъ совершенную недостовѣрность цифръ относящихся къ посѣвамъ и урожаямъ и полную потому непригодность ихъ для какихъ-либо выводовъ. Но ссылками на завѣдомо невѣрныя цифры дѣло не ограничивается. На ряду съ подобными официальными цифрами пускаются еще въ ходъ и цифры просто сочиненныя. Образчикъ такихъ сочиненныхъ цифръ за цѣлый рядъ лѣтъ представляетъ передовая статья по хлѣбному вопросу помѣщенная въ № 279 газеты *Молвы.* Приводятся эти выдуманныя цифры затѣмъ чтобы сказать что „съ 1870 года по 1876 почти ни одинъ годъ не можетъ быть названъ вполнѣ урожайнымъ.“ Явною нелѣпостью такого заключенія наши публицисты нисколько не затрудняются. Въ своихъ цифрахъ они дошли до того что ухитрились исчислить,—только имъ вѣдомымъ способомъ,—всѣ хлѣбные запасы какіе только оставались въ Россіи ко времени жатвы 1876 года всего въ два милліона четвертей! Затѣмъ эта послѣдняя жатва дала будто бы на 25 милліоновъ четвертей хлѣба менѣе чѣмъ сколько нужно для народнаго продовольствія. И вотъ, не безъ паоса восклицаютъ они въ заключеніе, въ этотъ неурожайный 1876 годъ, „когда недостача хлѣба на насущное пропитаніе достигла 23.000.000 четвертей, крайняя нужда въ деньгахъ заставила сбыть за границу 22.000.000 четвертей хлѣба необходимаго на продовольствіе.“ Эта воображаемая недостача 23 милліоновъ четвертей хлѣба на народное пропитаніе въ 1876 году приводится затѣмъ въ видѣ доказательства что и въ 1877 и 1878 годахъ лишнихъ 28 милліоновъ четвертей (на столько хлѣбный отпускъ этихъ двухъ лѣтъ превосходитъ среднюю норму отпуска за прежніе годы) „не было и не могло быть.“

Трудно понять съ какою практическою цѣлію доказывается помощію подобныхъ натяжекъ и выдумокъ хроническій характеръ недостачи хлѣба для народнаго продовольствія въ Россіи. Какой выводъ долженъ сдѣлать читатель: тотъ ли что вывозъ хлѣба не желателенъ и въ случаѣ урожая, или тотъ что нѣтъ повода видѣть нѣчто исключительное требующее особыхъ мѣръ въ нынѣшнемъ положеніи, на томъ основаніи что для населенія недостатокъ продовольствія дѣло обычное, о которомъ не стоитъ заботиться?

№ 285.

Москве, 13-го октября.

Неурожай настоящаго года отзывается и на хозяйственныхъ операціяхъ провіантскаго вѣдомства. Дня два назадъ, въ *Кіевлянинѣ,* было сообщено о затрудненіяхъ относительно продовольствія войскъ Кіевскаго округа, такъ какъ подрядчики, вслѣдствіе дороговизны хлѣба, оказались несостоятельными по исполненію контракта. Въ тотъ же день одна изъ петербургскихъ газетъ передала что и поставщики провіанта для Московскаго округа обратились съ ходатайствомъ объ отсрочкѣ обязательной поставки до будущаго урожая, объясняя свою просьбу тѣмъ что при возрастающей дороговизнѣ хлѣба они, исполняя контрактъ, понесли бы убытокъ до четырехсотъ тысячъ рублей.

Войти въ положеніе подрядчиковъ значило бы принять на счетъ казны милліонные убытки. Заключая контрактъ, казна несомнѣнно имѣла въ виду гарантировать себя отъ непредвидимыхъ расходовъ вслѣдствіе возможнаго колебанія цѣнъ. Залогъ вносимый подрядчикомъ при заключеніи контракта, по закону, обезпечиваетъ казну отъ всякихъ убытковъ вызываемыхъ неисправностью поставки. Съ другой стороны, подрядчикъ включаетъ въ условную плату извѣстный процентъ въ вознагражденіе за рискъ.

Казалось бы что затѣмъ казна не имѣетъ уже надобности входить въ положеніе поставщика и предоставлять ему какія-либо льготы въ виду тѣхъ или другихъ обстоятельствъ встрѣтившихся при исполненіи контракта. Но бываютъ случаи когда такое требованіе, при всей законности, можетъ стать несправедливымъ. Спрашивая на торгахъ извѣстныя цѣны, подрядчикъ конечно могъ и долженъ былъ предвидѣть колебаніе цѣнъ и нѣкоторое ихъ возвышеніе вслѣдствіе измѣненія тѣхъ или другихъ условій рынка, но бываютъ обстоятельства исключительныя, бываютъ бѣдственные годы народной нужды, которые выходятъ изъ предвидѣнія. Такія обстоятельства — для поставщика force majeure и могутъ служить ему извиненіемъ въ неисправности.

Отказъ признать эту причину неисправности уважительною, какъ то дѣлается во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, вы-

нудилъ бы только контрагентовъ включать въ заподрядныя цѣны бо́льшую премію за рискъ, что̀ равносильно значительному и притомъ постоянному искусственному поднятію цѣнъ, а слѣдовательно и увеличенію расходовъ казны, начиная уже съ заподрядовъ на предстоящій годъ. Убытки при этомъ естественно будутъ больше нежели тѣ какіе можетъ причинить временная выгода контрагентамъ, вызванная исключительными обстоятельствами.

Но если убытки во всякомъ случаѣ такъ или иначе должны пасть на казну, а барыши остаться на сторонѣ поставщиковъ, то въ чемъ же заключаются дѣйствительныя выгоды подряднаго способа снабженія войскъ хлѣбомъ даже и въ мирное время, и почему этому способу должно быть даваемо постоянное преимущество предъ всякимъ другимъ?

Въ довольствіи войскъ у насъ принята смѣшанная система: весьма значительная и при томъ важная часть необходимыхъ продуктовъ пріобрѣтается самими войсками или непосредственно на рынкѣ или отъ мелкихъ поставщиковъ: послѣднему пріему предпочтеніе дается далеко не вездѣ да и то лишь вслѣдствіе большой простоты и удобства контрольной отчетности. Ни мясо, ни овощи интендантствомъ не заготовляются даже въ военное время, а между тѣмъ не слышно чтобы войска затруднялись въ этой части своего продовольствія. Были, правда, заявленія высшаго войсковаго начальства что пріобрѣтеніе на отпускаемыя средства требуемаго количества мяса не только затруднительно, но почти вовсе невозможно, но эти заявленія относились лишь къ указанію недостаточности установленнаго денежнаго отпуска и порядка его исчисленія, а не къ трудности находить предметы въ мѣстахъ расположенія или въ ближайшихъ окрестностяхъ.

Правда, подрядный способъ при обыкновенныхъ условіяхъ облегчаетъ составленіе бюджетныхъ смѣтъ и гарантируетъ казну отъ непредвидимыхъ расходовъ, но за то онъ необходимо вовлекаетъ ее въ постоянные излишніе расходы которые не легко даже исчислить. Заготовляемый хлѣбъ подвергается большему числу перевозокъ, для храненія его необходимо содержать особые склады, оплачивать мышеядь и раструску, и содержаніе можетъ-быть даже двойнаго комплекта людей приставленныхъ къ дѣлу снабженія, контрагентскихъ агентовъ и цѣлаго штата провіантскихъ чиновниковъ, являющихся только посредниками между продавцами-подрядчиками и потребителями, то-есть войсками. Въ общей сложности, съ жалованіемъ, столовыми и разъѣздными деньгами, провіантское вѣдомство обходится далеко не дешево, такъ что выгоды гуртовой покупки изъ однѣхъ рукъ становятся при этомъ весьма сомнительными. Ко всему этому нужно присоединить еще что ставшій казеннымъ имуществомъ и свезенный въ склады хлѣбъ легко можетъ подвергаться порчѣ, такъ что и казна бываетъ въ убыткѣ, и войска въ необходимости принимать хлѣбъ худшаго качества чѣмъ продаваемый за тѣ же деньги на рынкѣ. У насъ по закону допускается такъ-называемое „сдабриванье“ хлѣба находящагося въ складахъ, въ случаѣ надобности смѣшивая не совсѣмъ удовлетворительный куль смотря по его качеству съ однимъ или двумя кулями удовлетворительной муки. Очень можетъ быть что то же дѣлается и торговцами, но въ этомъ случаѣ войска имѣютъ полную возможность брать или не брать признаваемый недостаточно хорошимъ куль, тогда какъ они всегда бываютъ вынуждены принять таковой изъ провіантскаго склада.

Въ войскахъ имѣется достаточное число чиновъ хозяйственнаго разряда, на которыхъ пала бы обязанность закупать хлѣбъ по мѣрѣ дѣйствительной надобности; казна получила бы прямой барышъ только отъ одного сокращенія штатовъ.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, возбужденъ, и уже обсуждается, вопросъ о реформахъ по интендантскому вѣдомству, необходимость коихъ доказана минувшею кампаніей. Самою неудовлетворительною частью вызвавшею наибольшія нареканія оказалась опять, какъ и въ кампанію Крымскую, провіантская часть. Не доказывается ли этою повторительною несостоятельностью необходимость въ коренномъ преобразованіи этой части военнаго хозяйства, въ томъ смыслѣ чтобы провіантское вѣдомство изъ органа исполнительнаго превратилось въ распорядительный и контролирующій, приспособленный лишь къ исчисленію потребностей войскъ и соображенію мѣръ по снабженію ихъ исключительно въ военное время, предоставляя войскамъ самимъ заботиться обо всемъ необходимомъ въ мирное время? Выгода по-

лучилась бы при этомъ двоякая: казна осталась бы въ барышѣ; а войска пріобрѣли бы навыкъ обходиться безъ помощи интендантства, какъ это нерѣдко встрѣчалось и будетъ встрѣчаться въ военное время.

Въ прекрасномъ сочиненіи о военномъ хозяйствѣ профессора Академіи Генеральнаго Штаба Газенкампфа, второй томъ котораго только что вышелъ, приведено не мало данныхъ указывающихъ на пользу такой реформы. Въ военное время, говоритъ между прочимъ г. Газенкампфъ, всегда встрѣчается недостатокъ въ опытныхъ и благонадежныхъ интендантскихъ чинахъ, такъ какъ съ приведеніемъ интендантскаго штата на военную ногу приходится несоразмѣрно увеличивать его, принимая людей безъ разбора. Ничего подобнаго не могло бы быть еслибы въ войскахъ образовался запасъ ознакомленныхъ практически съ продовольственнымъ дѣломъ офицеровъ, которыми можно было бы въ военное время располагать по усмотрѣнію.

№ 286.

Москва, 14-го октября.

Вчерашній отвѣтъ Австрійскаго императора на рѣчи президентовъ австро-венгерскихъ делегацій, созванныхъ въ этомъ году въ столицѣ Венгріи, не можетъ не подать повода къ новымъ толкамъ и догадкамъ насчетъ того что готовится въ закрытой для непосвященныхъ взоровъ дипломатической кухнѣ. Императоръ упомянулъ о затрудненіяхъ встрѣченныхъ при исполненіи Берлинскаго трактата и объ усиліяхъ его правительства, въ согласіи съ прочими державами, къ устраненію этихъ затрудненій. Правительство его будетъ и впредь употреблять вліяніе Австро-Венгріи въ смыслѣ посредничества и успокоенія, и ревностнѣйшимъ образомъ стараться объ охраненіи мира и договорнаго права. „Но," прибавилъ императоръ, „при всѣхъ обстоятельствахъ я буду считать заботу объ интересахъ монархіи своею первою обязанностью, и я надѣюсь что делегаціи вникнутъ въ мотивы внесенныхъ правительствомъ предположеній и серіозно позаботятся о безопасности монархіи и преуспѣяніи арміи." Мотивы внесенныхъ въ делегаціи предположеній не обнародованы, и пренія о нихъ будутъ, по обыкновенію, происходить при закрытыхъ дверяхъ, такъ что публика не узнаетъ что именно угрожаетъ „безопасности" Австро-Венгерской монархіи. Но въ чемъ заключаются самыя предложенія, о коихъ идетъ рѣчь, это извѣстно; правительство требуетъ въ ординарномъ бюджетѣ 4.005.117 гульденовъ болѣе противъ прошедшаго года на военныя издержки, а въ экстраординарномъ бюджетѣ потребовано 7.000.000 гульденовъ прибавки на усиленіе австрійскихъ крѣпостей. Но и это, по словамъ нашего вѣнскаго корреспондента, не все, и имѣется въ виду потребовать еще 17 милліоновъ на расширеніе и усиленіе тѣхъ обширныхъ крѣпостныхъ работъ которыя уже много лѣтъ производятся у сѣверной и сѣверовосточной границы Австріи.

Само собою разумѣется что свѣдѣнія эти, насколько въ нихъ заключаются положительные факты, не могутъ не быть приняты во вниманіе. Эти официальныя заявленія не то что прошлогодніе вымыслы берлинскихъ официозныхъ газетъ о громадныхъ вооруженіяхъ Россіи на западной границѣ; во всякомъ случаѣ въ нихъ больше правды нежели въ увѣреніяхъ о „ревностнѣйшихъ стараніяхъ Австріи соблюсти согласіе между державами," съ коими рядомъ сами австрійскія газеты открыто сознаются что сопротивленіе оказываемое Портой европейскому концерту есть прямой результатъ внушеній австрійскаго представителя въ Константинополѣ, который, вкупѣ съ представителемъ Германіи, дѣйствовалъ такимъ образомъ что султанъ возложилъ всѣ свои надежды на внутреннее несогласіе между державами соединившимися для совокупнаго дѣйствія.

Но мы все-таки склонны думать что и послѣдняя манифестація австрійскаго императора, которую, какъ мы убѣждены, не замедлятъ истолковать въ смыслѣ угрозъ противъ Россіи, есть только продолженіе той игры въ запугиванье которая вотъ уже цѣлый годъ ведется противъ Россіи. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ стараются доказать Россіи что она не можетъ имѣть своихъ особыхъ дѣлей въ политикѣ, и должна по дѣламъ Востока руководиться не своими интересами, а тѣмъ что желательно Германіи и Австріи. Вотъ почему, съ такою настойчивостью австро-германская печать старается доказать что дни кабинета г. Гладстона изочтены, и что ирландское бѣд-

ствіе вскорѣ образумитъ англійскую публику и приведетъ къ паденію правительство которое не хочетъ обратить вниманіе на то что происходитъ дома и ставитъ себѣ фантастическія задачи на Востокѣ. Значитъ де Россія не должна имѣть никакихъ разчетовъ на содѣйствіе Англіи, такъ какъ не нынче-завтра тамъ снова вступитъ въ управленіе партія Биконсфильда.

Что касается Франціи, то австро-нѣмецкая печать съ торжествомъ указываетъ что Франція *уже* примкнула къ державамъ поставившимъ себѣ цѣлью противодѣйствовать рискованнымъ замысламъ г. Гладстона. Франція выставляется союзницей Германіи и Австріи! Во Франціи, правда, крикуны то и дѣло возвышаютъ голосъ противъ „активнаго участія“ Франціи въ теперешнихъ европейскихъ предпріятіяхъ на Востокѣ. Но кто же болѣе всего вопіетъ о необходимости для Франціи воздержаться отъ участія въ „европейскихъ“ предпріятіяхъ, и какіе выставляются къ тому мотивы? Франція должна имѣть въ виду „свое собственное дѣло“ и для него держать наготовѣ всѣ свои силы,—вотъ какъ мотивируются всѣ протесты противъ участія французскаго флота въ европейской демонстраціи; вотъ на чемъ основываются и возраженія противъ дальнѣйшаго активнаго заступничества въ пользу Греціи. Отплата Германіи и выжиданіе благопріятнаго момента для удара, вотъ *idée fixe* французскихъ патріотовъ, и въ такомъ свѣтѣ смотрятъ они на все. Разыгравшійся на дняхъ въ Парижѣ громкій скандалъ по поводу раскрытыхъ на судѣ интимныхъ отношеній бывшаго военнаго министра, генерала Сиссе, съ одною нѣмецкою дамой, которую большинство парижскихъ газетъ обвиняетъ въ томъ что она была „шпіонкой“ и добыла для Германіи изъ канцелярія французскаго военнаго министерства новый регламентъ мобилизаціи французскихъ войскъ,—этотъ скандалъ и сопровождающіе оный толки французской печати всѣхъ оттѣнковъ можетъ послужить мѣркой того какой запасъ озлобленія и ненависти противъ Германіи таится до сихъ поръ во всѣхъ классахъ французскаго народа. А между тѣмъ, берлинская и вѣнская печать продолжаетъ утверждать, когда рѣчь зайдетъ о восточныхъ дѣлахъ, что Франція чуть не примкнула формальнымъ образомъ къ пресловутому Австро-Германскому союзу.

Въ самой Австріи внутреннія дѣла находятся въ критическомъ положеніи, и едва ли руки ея раздвоеннаго правительства развязаны для какихъ-либо обширныхъ предпріятій. Всѣ попытки министерства Таафе установить миръ и согласіе въ цислейтанской половинѣ имперіи, чрезъ удовлетвореніе законныхъ притязаній его разнокалиберныхъ населеній, окончились полнѣйшею неудачей, что впрочемъ можно было предвидѣть съ самаго начала. Единственное послѣдствіе попытокъ графа Таафе есть то что нѣмецкое населеніе Цислейтаніи раздражено до крайности противъ правительства, негодуя за то уже что его право на преобладаніе среди славянскихъ населеній подвергалось вопросу, и это неудовольствіе австрійскихъ Нѣмцевъ находитъ отголосокъ, подчасъ весьма рѣзкій, въ Германіи. Въ Венгріи съ каждымъ днемъ усиливается партія крайнихъ, стремящихся къ „полной автономіи“ Венгріи, и старый вожакъ этой партіи, Кошутъ, снабдилъ венгерскихъ радикаловъ новою пищей для агитаціи, обнародовавъ на дняхъ свои мемуары, въ предисловіи къ которымъ онъ вновь проводитъ свою давнюю мысль что виновникъ австро-венгерскаго соглашенія, Францъ Деакъ, погубилъ Венгрію связавъ судьбу ея съ Цислейтаніей, между тѣмъ какъ, по мнѣнію Кошута, Венгерцы могутъ спасти свое самобытное существованіе противъ напора панславизма лишь при полной политической независимости отъ имперіи Габсбурговъ, „въ тѣсномъ союзѣ съ возстановленною Польшей,“ и поставивъ главною задачей своей политики охраненіе независимости Турціи. Эти бредни стараго мадьярскаго революціонера могутъ служить мѣркой того какую „объединенную“ силу представляетъ собою держава именуемая Австро-Венгріей.

Наконецъ, нельзя не указать на то что въ послѣднее время явилось не мало скептиковъ, которые почему-то усомнились въ самомъ существованіи таинственнаго Австро-Германскаго союза, коимъ берлинская печать такъ пугаетъ остальную Европу не сказавъ до сихъ поръ на чемъ союзъ этотъ основанъ.

Въ этомъ отношеніи замѣчательна статья появившаяся 19 октября въ *Daily News*, органѣ теперешняго Англійскаго правительства. Упомянувъ съ ироніей о восторженныхъ выраженіяхъ, въ коихъ графъ Солсбери привѣтствовалъ въ прошедшемъ году извѣстіе о заключеніи Австро-Германскаго

союза, англійская газета говоритъ слѣдующее: „Мы и въ то время замѣчали что не можетъ быть болѣе шаткаго основанія къ какому-либо прочному созданію европейской политики, и что даже какъ ступень къ достиженію такого результата сказанный союзъ представляется чѣмъ-то весьма ненадежнымъ и неустойчивымъ. Германія, подъ руководствомъ князя Бисмарка, не есть держава вступающая въ прочныя единенія. Она пользуется союзами какъ орудіями для своихъ цѣлей и бросаетъ ихъ какъ только минуетъ въ нихъ надобность. А Австрія всего менѣе пригодна какъ постоянная союзница, ибо прежде нежели состоять въ соглашеніи съ другою державой, ей необходимо обладать согласіемъ внутри себя." Австро-Германскій союзъ, по словамъ названной газеты, представляется теперь уже многимъ химерой, а между тѣмъ султанъ основываетъ свою политику на убѣжденіи въ прочность этого союза, присоединяя сюда и Францію.

Султанъ, быть-можетъ, искренно въ это вѣритъ. Но германская печать едва ли...

№ 287.

Москва, 15-го октября.

Въ европейскомъ денежномъ мірѣ совершается въ настоящее время не совсѣмъ обычное движеніе. Между разными странами идетъ въ нѣкоторомъ родѣ борьба за золото. Оградить свое золото отъ перехода въ другія страны и по возможности привлечь къ себѣ чужое; такова въ послѣднее время почти общая программа главныхъ національныхъ банковъ, на которыхъ лежитъ задача регулировать денежное обращеніе. Прежде всего эта программа была пущена въ ходъ въ Германіи; Германскій Банкъ первый высоко поднялъ свой учетный процентъ и стѣснилъ размѣнъ своихъ банковыхъ билетовъ на золото. Недавно послѣдовалъ его примѣру Французскій Банкъ, который тоже стѣснилъ размѣнъ на золото и повысилъ свой дисконтъ съ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ процентовъ. Произойдетъ ли то же самое въ другихъ странахъ, пока неизвѣстно, но золотымъ вопросомъ озабочены повсюду, между прочимъ и въ Лондонѣ, и въ Амстердамѣ.

Причинъ выдвинувшихъ вопросъ о золотѣ на передній планъ, конечно, не одна, а нѣсколько. Тотъ фактъ что инищіатива въ принятіи мѣръ къ охранѣ существующихъ запасовъ золота принадлежитъ не какимъ другимъ странамъ, а именно Франціи и Германіи, и что Германскій Банкъ поспѣшилъ прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ и къ закупкѣ золота, между прочимъ въ Россіи, вслѣдъ за извѣстною Шербургскою рѣчью г. Гамбетты, не лишенъ значенія и невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Но помимо политическихъ, большую роль въ данномъ случаѣ играютъ причины экономическія. Въ области международныхъ экономическихъ сношеній Америка заняла совершенно иное чѣмъ прежде положеніе. Не она теперь, какъ въ былое время, обязана уплачивать Европѣ массы золота, а Европа должна нести ей золотую дань за пріобрѣтенное американскимъ хлѣбомъ господство на европейскихъ рынкахъ и за потерю того значенія какое имѣли прежде продукты европейской промышленности на рынкахъ американскихъ. Усиленный спросъ на золото созданъ необходимостью расплачиваться съ Америкой, куда оно и уплываетъ и изъ Англіи, и изъ Франціи, и изъ Германіи.

Подъемъ учета, стѣсненіе размѣна банковыхъ билетовъ на золото и тому подобныя мѣры принимаемыя послѣдовательно главными европейскими банками побуждаютъ искать золота внѣ кладовыхъ этихъ банковъ, главнымъ образомъ, путемъ продажи цѣнныхъ бумагъ. Между прочимъ, стремленіе продавать обратно въ Россію пріобрѣтенныя прежде русскія бумажныя цѣнности стало на европейскихъ биржахъ почти общимъ, что̀ не можетъ не отзываться на нашихъ вексельномъ и фондовомъ рынкахъ, осложняя дѣйствіе другой неблагопріятной причины — причиненнаго недостаточнымъ урожаемъ сокращенія нашей отпускной торговли, не сопровождающагося соотвѣтственнымъ сокращеніемъ привоза. Вексельный курсъ понизился; понижаются и цѣны фондовъ и иныхъ бумагъ. Пока, правда, серіознаго пониженія цѣнныхъ бумагъ еще не замѣтно, но на него уже жалуются, и постоянно вялое настроеніе биржъ внушаетъ опасенія многимъ владѣльцамъ бумагъ. Эти опасенія могутъ еще возрасти если оправдаются слухи о предполагаемомъ повышеніи и такъ уже высокаго учетнаго процента въ Государственномъ Банкѣ. Повышенный учетъ заставитъ многихъ искать необходимыхъ

денежныхъ средствъ не въ помощи кредита, а въ продажѣ бумагъ, обильное предложеніе коихъ на рынкѣ, конечно, должно будетъ уронить ихъ цѣну.

Для людей близко стоящихъ къ фондовой биржѣ и ведущихъ на ней постоянные обороты это можетъ не составлять никакой бѣды. На пониженіи цѣнныхъ бумагъ точно также наживаются огромныя состоянія какъ и на ихъ повышеніи. Шансы потерь и прибылей напередъ соображаются и учитываются биржевыми дѣльцами, а крупными въ ихъ средѣ запросто подготовляются. Ихъ мало что можетъ тутъ застать врасплохъ. Безъ колебаній въ цѣнахъ бумагъ имъ нечего было бы дѣлать; они живутъ этими колебаніями. Но въ иномъ положеніи находятся люди для которыхъ цѣнныя бумаги служатъ средствомъ не игры, а помѣщенія ихъ сбереженій.

Первый, существенный интересъ людей дѣлающихъ сбереженія и ищущихъ имъ выгоднаго помѣщенія состоитъ въ томъ чтобъ эти сбереженія, принося достаточный постоянный и вѣрный доходъ, оставались цѣлыми, не подвергались никакому риску. Никто, конечно, не посѣтуетъ если его капиталъ вырастетъ безо всякихъ съ его стороны о томъ стараній. Но каждому дѣлающему сбереженія больно когда эти сбереженія сокращаются безо всякой его въ томъ вины. Выигрышъ и проигрышъ уравновѣшиваются въ глазахъ игрока. Но для тѣхъ кто вовсе не желаетъ пускать въ игру свое состояніе трудно мириться съ проигрышемъ накопленнаго, и въ виду колебаній цѣнныхъ бумагъ грозящихъ такимъ проигрышемъ, невольно приходитъ на мысль вопросъ, какая была необходимость создать такой порядокъ вещей при которомъ рискъ игры сдѣлался неизбѣжнымъ при помѣщеніи всякихъ сбереженій.

Этотъ порядокъ изданна господствовалъ въ Западной Европѣ. Но у насъ онъ нововведеніе. До 1857 года о немъ, можно сказать, у насъ и слуха не было. Было въ ходу небольшое количество бумагъ, которыя и покупались желающими, но массѣ публики не было до нихъ никакого дѣла. Она несла свои сбереженія въ государственныя кредитныя установленія, гдѣ они давали умѣренный, но достаточный доходъ, сперва 5, въ послѣдствіи 4 процента. Вклады и принимались и возвращались во всякое время, и полностью и по частямъ. Никакимъ колебаніямъ, никакому риску ломбардные билеты не подвергались. Ни балансы европейской и американской торговли, ни разныя мѣры принимаемыя чужестранными банками, ни скопленіе тучъ на политическомъ горизонтѣ, нисколько вкладчиковъ не касались. Что бы и гдѣ бы ни случилось, ихъ сбереженія не могли отъ этого уменьшиться ни на копѣйку. Они были также прочны какъ незыблемо прочно само государство которому они ввѣрялись.

Что было дурнаго въ такомъ порядкѣ, зачѣмъ понадобилось его разрушить?

Ломбардъ не находилъ помѣщенія для всѣхъ притекавшихъ въ него вкладовъ. Временно это было дѣйствительно такъ. Но было ли это достаточнымъ поводомъ къ тому чтобы заградить притокъ сбереженій въ ломбарды? Рядъ вскорѣ потомъ послѣдовавшихъ займовъ за проценты, много превышавшіе ломбардный, показываютъ что избытокъ вкладовъ былъ не препоной, а подспорьемъ удовлетворенію государственныхъ нуждъ, не предусмотрительно отвергнутымъ. Широкое развитіе коммерческихъ операцій нынѣшняго Государственнаго Банка, замѣнившаго собою прежнія кредитныя установленія, показываетъ какъ не трудно было бы найти избытку вкладовъ выгодное странѣ помѣщеніе и въ томъ случаѣ если бы не предвидѣлось надобности въ государственныхъ займахъ. Заботы объ изъятіи кредитныхъ билетовъ изъ обращенія у насъ не прекращаются даже когда это изъятіе идетъ прямо въ разрѣзъ съ нуждами экономическихъ оборотовъ. Ради такого изъятія дѣлались и одобряются займы за высокіе проценты. А совершившееся само собою изъятіе, за умѣренные четыре процента, въ то время когда это временное изъятіе соотвѣтствовало экономическому положенію страны, было встрѣчено какъ зло требующее прекращенія, и этою мѣрой былъ именно разгромъ Ломбарда.

Извѣстно какія финансовыя затрудненія были созданы этимъ разгромомъ, извѣстны и его экономическія послѣдствія для всей страны. Акціонерная горячка, искусственно созданная пониженіемъ процента по вкладамъ, въ короткое время развѣяла по вѣтру сотни милліоновъ сбереженій, сократила сумму капиталовъ въ странѣ накануне момента когда въ нихъ представилась особая нужда, и повела къ необходимости въ усиленной мѣрѣ обращаться

за капиталами къ иностранцамъ, становясь тѣмъ въ финансовую отъ нихъ зависимость.

Не всѣ были увлечены акціонерною лихорадкой, какъ она ни заразительна и сами увлекшіеся ею были отчасти излѣчены печальными ея послѣдствіями. Стремленіе къ прочнымъ, не рискованнымъ помѣщеніямъ капиталовъ не прекращалось. Но какіе имѣются исходы для такого стремленія? Процентъ по текущимъ счетамъ и безсрочнымъ вкладамъ въ Государственномъ Банкѣ слишкомъ низокъ и невыгоденъ, нисколько не соотвѣтствуя наемной цѣнѣ капиталовъ. Этотъ процентъ нѣсколько выше по вкладамъ срочнымъ, но тутъ вкладчикъ имѣетъ предъ собою невыгодную перспективу невозможности распорядиться своимъ сбереженіемъ въ ту пору когда въ немъ встрѣтится непредвидѣнная надобность: залогъ или учетъ вкладнаго билета поглотили бы всѣ выгоды повышеннаго процента. Проценты по вкладамъ въ частныхъ банкахъ вообще выше казенныхъ, но они очень измѣнчивы: то повышаются, то понижаются. Притомъ, сами частные банки, какъ показалъ примѣръ Коммерческаго Ссуднаго Банка въ Москвѣ, не представляютъ непререкаемой гарантіи за сохранность вкладовъ. О городскихъ общественныхъ банкахъ въ этомъ отношеніи едва ли нужно и говорить. Поневолѣ приходится помѣщать свои сбереженія въ бумагахъ и подчиняться всей измѣнчивости ихъ курсовъ. А измѣнчивость эта очень велика не только въ акціяхъ, но и въ облигаціяхъ. Пассивное участіе въ шансахъ биржевой игры стало дѣломъ необходимости. Теряли цѣлыя состоянія люди увлеченные акціонерною лихорадкой, но подвергались чувствительному риску потерять не малую часть своихъ достатковъ и люди избиравшіе для помѣщенія своихъ капиталовъ самыя солидныя, казалось бы, бумаги. Такъ, напримѣръ, люди обмѣнявшіе въ 1859 году свои ломбардные билеты на банковые пятипроцентные и имѣвшіе въ 1867 году необходимость продать ихъ, могли почесть себя счастливыми если *теряли* при продажѣ только *пятую часть* своихъ сбереженій; у иныхъ эта потеря доходила до *четвертой* части всей суммы *). Не часто, конечно, повторяются случаи потерь въ подобныхъ размѣрахъ на солидныхъ бумагахъ, но они всегда возможны, и въ меньшихъ размѣрахъ отзываются на сбереженіяхъ чуть не каждый годъ. И чѣмъ менѣе люди способны слѣдить за биржевою игрой, чѣмъ далѣе стоятъ они отъ тѣхъ кто держитъ ея нити въ своихъ рукахъ, тѣмъ болѣе грозятъ имъ случайности непредвидимыхъ потерь.

Но матеріальныя невыгоды для простой, не биржевой публики перехода отъ прежняго ломбарднаго порядка къ системѣ цѣнныхъ бумагъ, кажется, все еще не такъ важны какъ причиненный этою перемѣной вредъ нравственный. Параллельно съ большими потерями постоянно идутъ незаслуженныя обогащенія. Одного случай лишаетъ части пріобрѣтеннаго долгимъ трудомъ и настойчивою экономіей; другой, не трудясь и не стѣсняя себя въ расходахъ, видитъ неожиданное возрастаніе своего состоянія вслѣдствіе подъема бумагъ. Такая параллель роняетъ вѣру въ трудъ и экономію и толкаетъ на путь легкой наживы. Прежде на Руси не было ни почвы, ни матеріала для биржевой игры; теперь она стала дѣломъ обычнымъ и входитъ въ нравы; отъ этой игры только одинъ шагъ къ инымъ еще менѣе честнымъ средствамъ обогащенія; число рыцарей легкой наживы все растетъ, и газеты то и дѣло наполняются описаніями ихъ подвиговъ. Все въ этомъ отношеніи стало у насъ на заграничную ногу. Таковъ уже характеръ нашего европеизма. То что у иностранцевъ дѣйствительно хорошо, что составляетъ ихъ силу, то мы перенимаемъ туго и неохотно. Но слабыя стороны ихъ быта, то что составляетъ его болѣзнь, мы прививаемъ у себя не колеблясь и съ полнымъ успѣхомъ. У насъ любятъ восторженно говорить о европейской наукѣ, но не только не переносятъ ея къ себѣ, не подготовляютъ почвы на которой она могла бы укорениться, а напротивъ стараются остановить, задержать, обратить вспять всякій шагъ къ насажденію у насъ серіозной науки. Противъ ажіотажа мы готовы ежеминутно произносить громкія филиппики, а между тѣмъ раньше всего другаго занялись акклиматизаціей въ Россіи этого чужеземнаго растенія и выростили его на славу. Сбереженія дѣлаемыя русскою публикой поставлены въ зависимость разомъ и отъ своихъ домашнихъ, и отъ всемірныхъ биржевыхъ спекуляцій.

*) Цѣна этихъ билетовъ на Петербургской биржѣ въ 1867 году колебалась между $80^1/_2$ и $75^1/_2$ за сто.

Устранить то что есть дурнаго въ создавшемся такимъ путемъ порядкѣ вещей трудно. Но возможно принять мѣры къ ограниченію пораждаемаго имъ зла. Одною изъ такихъ мѣръ было бы открытіе для сбереженія такого же прочнаго и выгоднаго помѣщенія какимъ были ломбардные вклады. Подъемъ казеннаго процента по безсрочнымъ вкладамъ до нормы соотвѣтствующей цѣнѣ капиталовъ въ Россіи, по всей вѣроятности, былъ бы привѣтствованъ въ Россіи большою массой людей благомыслящихъ. Усиленный притокъ вкладовъ далъ бы Банку средства, между прочимъ, и для покупки избытка выносимыхъ нынѣ на биржи бумажныхъ цѣнностей, покупки, которая была бы конверсаціей процентныхъ долговъ выгодною и для казны, какъ пониженіе платимыхъ процентовъ, и для владѣльцевъ бумагъ, которые были бы ограждены отъ потерь коими грозитъ имъ шаткое настроеніе фондоваго рынка. Пониженіе вкладнаго процента и послѣдовавшій за нимъ разгромъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій причинили не мало зла, создали много неудобствъ. Эти неудобства во многомъ были бы уменьшены обратною мѣрой подъема вкладнаго процента и преобразованіемъ Государственнаго Банка соотвѣтственно той роли какую онъ долженъ играть по нашимъ, а не по заграничнымъ условіямъ.

№ 288.

Москва, 18-го октября.

А.

Вопросъ о народномъ продовольствіи въ настоящее время господствуетъ надъ всѣмъ. Страна постигнута неурожаемъ. Народная нужда сказывается вездѣ, и вездѣ возникаютъ тревожныя опасенія какъ пережить это тяжелое время, какъ продовольствовать многочисленныя населенія въ мѣстностяхъ наиболѣе постигнутыхъ бѣдствіемъ. Земства, которымъ, приходится лицомъ къ лицу вѣдаться съ народною нуждою, просятъ задержать выпускъ хлѣба за границу. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о вексельномъ курсѣ отступаетъ далеко назадъ предъ вопросомъ о народномъ продовольствіи. Но насъ утѣшаютъ сообщеніемъ что отпускъ хлѣба изъ Россіи будетъ все-таки идти попрежнему. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ чтобы запретить заграничный отпускъ хлѣба, не въ томъ даже чтобъ обложить вывозимый хлѣбъ болѣе или менѣе высокою таможенною пошлиной. Требуется только принятіе такихъ мѣръ которыя помѣшали бы хлѣбу уходить въ большой массѣ за границу и притомъ изъ сосѣдства мѣстностей постигнутыхъ голодомъ. Тарифы желѣзныхъ дорогъ въ этомъ вопросѣ имѣютъ огромное значеніе. Но вотъ, въ дополненіе къ вышеупомянутому сообщенію что вывозу хлѣба при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ никакихъ препятствій чинимо не будетъ, приходитъ извѣстіе о мѣрахъ къ усиленію отпуска хлѣба за границу, и именно изъ мѣстностей ближайшихъ къ постигнутымъ нуждою. Если вѣрно извѣстіе сообщаемое *Берегомъ*, Грязе-Царицынская желѣзная дорога на дняхъ понизила тарифъ на перевозку хлѣба въ Германію и Австрію. Предвидѣли ли этотъ случай авторы появившагося въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщенія о безпрепятственномъ отпускѣ хлѣба изъ Россіи? Не только не стѣсняется вывозъ хлѣба за границу въ пользу внутреннихъ рынковъ, но хлѣбъ искусственно отвлекается за границу. Это искусственное отвлеченіе давно существующее благодаря тарифамъ спеціальнаго прямаго сообщенія желѣзныхъ дорогъ все усиливается, безо всякаго вниманія къ „настоящему экономическому положенію“ Россіи. Дѣло въ томъ что желѣзнодорожные тарифы вѣдаются другимъ вѣдомствомъ которое вовсе не обязано заботиться о народномъ продовольствіи.

Государственное значеніе желѣзнодорожныхъ тарифовъ признано повсюду. Въ доказательство того намъ не для чего ссылаться на энергическія заявленія князя Бисмарка, на чрезвычайныя по своей тщательности изслѣдованія г. Фрейсине. Нашъ кратковременный желѣзнодорожный опытъ уже представляетъ много доказательствъ того же. Желѣзныя дороги могутъ сегодня убить кирпичные заводы въ Коломнѣ (фактъ), завтра подорвать мельницы въ Серпуховѣ (фактъ), послѣ завтра обезцѣнить хлѣбъ въ Пензѣ (фактъ). Они могутъ при своихъ союзахъ и общемъ и по группамъ вывезти весь хлѣбъ изъ извѣстной мѣстности съ тѣмъ чтобы потомъ по удвоенному тарифу везти его въ ту же обездоленную мѣстность.

Въ нашей нынѣшней „Почтѣ“ есть еще другое куріозное извѣстіе которое сообщаетъ что вслѣдъ за Сѣверною Америкой, уже начинающею снабжать насъ своимъ хлѣбомъ, даже Южная Африка выступаетъ конкурренткомъ на наши внутреніе рынки. *Вѣдомости Одесскаго Градоначальства* извѣщаютъ что изъ порта Св. Елизаветы, на Восточномъ берегу Мыса Доброй Надежды, прибылъ въ Одессу корабль *Alba* съ грузомъ грязной испанской шерсти. „Это первый корабль прибывшій въ Одессу изъ Южной Африки,“ замѣчаетъ офиціальная газета. А давно ли мы чрезъ Одессу отпускали въ изобилін шерсть изъ нашихъ южныхъ степей? Давно ли высказывались надежды на блестящую будущность Южной Россіи? Въ самомъ дѣлѣ: сверху чуть не аршинъ чернозема, внизу каменный уголь и тутъ же почти желѣзная руда, — кажется, всѣ условія благосостоянія на лицо... А дѣло кончается тѣмъ что даже шерсть, которую мы отпускали за границу, везутъ къ намъ изъ Канской земли...

Б.

Во вчерашнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* мы сообщили подробныя свѣдѣнія о засѣданіи Московской Городской Думы по вопросу о перестройкѣ здѣшнихъ торговыхъ рядовъ. Печальное впечатлѣніе производятъ эти извѣстія: дѣло снова затянулось въ долгій ящикъ; еще долго будутъ красоваться теперешніе ряды „угрожая опасностью для пребывающихъ въ нихъ людей“ и служа „источникомъ распространенія болѣзней.“

Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, еще въ 1869, наша Городская Дума заявила что дальнѣйшее существованіе городскихъ рядовъ признается ею „неудобнымъ и опаснымъ“ и начала хлопотать о перестройкѣ этихъ рядовъ. Оказалось, однако, что эти ряды принадлежатъ частями на правѣ собственности 500 лицамъ и учрежденіямъ, что безъ ихъ согласія ничего нельзя сдѣлать, и что согласить это многое множество къ какому-либо рѣшенію нѣтъ никакой возможности. Послѣ всѣхъ десятилѣтнихъ хлопотъ и всевозможныхъ комбинацій, Дума приведена теперь къ необходимости просить законодательнаго рѣшенія на обязательное отчужденіе лавокъ владѣльцевъ не подающихся ни на какое соглашеніе и имѣющихъ въ виду задержать возможно долѣе ряды въ ихъ теперешнемъ видѣ. Угрозой этого отчужденія Дума полагаетъ заставить лавко-хозяевъ образовать изъ среды себя общество для перестройки рядовъ и надѣется что тогда перестройка совершится.

Тщетная надежда!

Условія и основанія организація насильственно учреждаемаго общества послужатъ, какъ видно, лишь причиной новыхъ затрудненій и проволочекъ въ дѣлѣ постройки. Дѣйствительно организованному по проекту Думы обществу предоставляется полгода на выработку устава, который поступитъ затѣмъ въ Думу, будетъ разсматриваться ею въ трехмѣсячный срокъ и затѣмъ поступитъ на утвержденіе правительства. Такъ пройдетъ болѣе года. Но вотъ общество окончательно устроилось, уставъ утвержденъ,—начинается составленіе проекта постройки. Срока на это не опредѣлено. Что же мѣшаетъ искусственно созданному обществу заниматься этимъ опять хоть цѣлый десятокъ лѣтъ, тѣмъ болѣе что проектъ постройки немыслимъ доколѣ не опредѣленъ размѣръ средствъ коими строители могутъ располагать; что также зависитъ отъ рѣшеній общества?

Дѣло въ томъ, что рѣшеніе крупныхъ задачъ городскаго хозяйства какъ перестройка рядовъ или канализаціи Москвы, требующихъ наложенія на городъ большихъ затратъ, вовсе не подъ силу городскому управленію. Оно не призвано производить реформы; оно по самой сущности своей консервативно, и не можетъ возбуждать въ своей средѣ инціативу обширныхъ предпріятій; оно можетъ заботиться съ успѣхомъ о лучшемъ и дешевѣйшемъ способѣ мощенія и освѣщенія улицъ, устройствѣ рынковъ и боенъ, но видоизмѣнять видъ города: построить мостъ черезъ Неву въ Петербургѣ, канализовать Москву, оздоровить ея ряды,—лишь государственная власть можетъ ставить такія задачи.

№ 289.

Москва, 17-го октября.

Успокоительныя увѣренія что „все обстоитъ благополучно“ въ европейской политикѣ и что никакія опасности не угрожаютъ распаденію европейскаго концерта

послѣ того какъ султанъ „смирился“ предъ волей Европы, вотъ въ послѣдніе дни лозунгъ всей европейской печати. Смиреніе султана оказывается очень подозрительнаго свойства. Дульциньйо до сихъ поръ не передано... Но стóитъ ли въ сотый разъ возвращаться къ наскучившей всѣмъ темѣ о передачѣ Дульциньйо и о вѣроломствѣ Турокъ? Вниманіе заслуживаетъ не это, и въ сущности весь этотъ вопросъ о Дульциньйо такъ ничтоженъ что для искреннихъ друзей Черногоріи едва ли имѣетъ серіозное значеніе все то о чемъ теперь идутъ „дѣятельные“ переговоры на берегахъ Бояны. Но почему-то теперь настала надобность выставлять „совокупное предпріятіе“ Европы принявшимъ совершенно удовлетворительный оборотъ, европейскій концертъ спасеннымъ и всеобщій миръ обезпеченнымъ. Для совершенно безпристрастнаго наблюдателя вся эта комедія по поводу Дульциньйо могла бы развѣ послужить „доказательствомъ противнаго:“ изъ того что такая малость потребовала такой широкой *mise en scène*, стольких броненосцевъ въ Адріатическомъ морѣ, стоящихъ въ немъ безо всякаго дѣла, но продолжающихъ претерпѣвать всѣ невзгоды тамошнихъ осеннихъ бурь, для того чтобы доказать незыблемость общаго соглашенія, — изо всего этого карикатурнаго несоотвѣтствія между громадностью средствъ и ничтожествомъ цѣли можно лишь заключить что соглашенія на дѣлѣ нѣтъ, или что ему грозитъ каждую минуту какая-либо новая опасность. *Этимъ*, и только этимъ объясняется и полное бездѣйствіе соединеннаго флота, и наглость Турокъ, и наконецъ лицемѣрныя успокоенія расточаемыя теперь всѣми „свѣдущими“ органами, начиная отъ газеты *Times* и кончая нашею *Agence Générale Russe*. Изъ обнародованной на дняхъ австрійской *Красной Книги*, заключающей въ себѣ сборникъ дипломатическихъ документовъ отъ 13 іюля 1878 до 27 августа 1880, мы узнаемъ, между прочимъ, кѣмъ и для какой цѣли была задумана демонстрація флотовъ. Предложеніе объ этомъ исходило отъ Англійскаго кабинета, и тамошній министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Гранвилль, сообщивъ свою мысль о демонстраціи австрійскому послу графу Карольи, 3 іюля сего года, имѣлъ въ виду нѣчто гораздо болѣе серіозное и обширное нежели то что теперь считается достигнутымъ (а въ сущности вовсе не достигнуто). Лордъ Гранвилль, вопервыхъ, предлагалъ демонстрацію флотовъ для дѣйствительной, матеріальной помощи Черногоріи; имѣлось въ виду, въ случаѣ надобности, послать канонирскія лодки въ рѣку Бояну и въ Скутарійское озеро. Послѣ такого ввода князя Черногорскаго во владѣніе тѣмъ что ему присуждено, лордъ Гранвилль полагалъ что одного моральнаго дѣйствія будетъ достаточно чтобъ устранить сопротивленіе Турокъ и по Греческому вопросу. Изъ той же *Красной Книги* видно что Австрія, при поддержкѣ Германіи, свела это предложеніе къ нулю. Она настояла на томъ чтобы посылка канонирскихъ лодокъ, въ которой только и могло выразиться дѣятельное участіе броненосцевъ въ операціяхъ противъ турецкаго побережья, была исключена изъ программы „общаго дѣйствія;“ она же возстала противъ того чтобы Черногорцамъ было предложено отъ имени Европы открыть военныя дѣйствія съ суши въ случаѣ сопротивленія Турокъ и Албанцевъ. Итакъ фіаско какимъ увѣнчалось это общеевропейское предпріятіе можетъ быть отнесено вполнѣ на счетъ Австріи: благодаря ей, Туркамъ дано было осязательное доказательство что европейскій концертъ есть химера, и они теперь знаютъ и то что вопросъ объ удовлетвореніи притязаній Греціи не угрожаетъ Турціи никакими новыми демонстраціями.

А все-таки *mot d'ordre* далъ чтобы считать дѣло уладженнымъ ко всеобщему удовольствію, и Грекамъ со всѣхъ сторонъ даютъ „благоразумные“ совѣты чтобъ они не надѣялись на повтореніе демонстраціи въ ихъ пользу, чтобъ они „вооружились терпѣніемъ“ и сами тоже ничего не предпринимали.

Что же однако означаютъ эти успокоенія? Въ самомъ ли дѣлѣ рѣшено довольствоваться добытыми результатами и оставить Восточный вопросъ въ томъ положеніи въ какомъ онъ теперь находится?

Нѣтъ, „успокоеніе“ наступило лишь на поверхности; въ глубинѣ же производится непрерывная работа и идутъ приготовленія къ ожидаемымъ на Востокѣ событіямъ. Несмотря на внутреннюю неурядицу въ Австріи и на крайнее истощеніе ея финансовъ, мы видимъ что тамъ напрягаются всѣ силы для какихъ-то военныхъ цѣлей; во имя „интересовъ монархіи,“ австро-венгерскіе министры требуютъ отъ своихъ

парламентовъ крупныхъ денежныхъ ассигновокъ. Венгерская печать, которую Европа знаетъ лишь по выпискамъ приводимымъ въ вѣнскихъ газетахъ, вовсе не стѣсняется въ откровенномъ изложеніи истинныхъ видовъ австрійской политики. Мадьяры призываются къ предстоящей борьбѣ за огражденіе спеціальныхъ интересовъ Венгріи въ дѣлахъ Балканскаго полуострова, а всякому извѣстно что подъ спеціальными интересами Венгріи разумѣется противодѣйствіе всему живому во владѣніяхъ Турокъ и подавленіе „панславизма;“ къ этому въ послѣднее время присоединились еще бредни о возстановленіи Польши, въ которой мадьярскіе патріоты усматриваютъ лучшаго союзника для борьбы со Славянами.

Кстати припомнимъ недавній эпизодъ съ австрійскимъ наслѣднымъ принцемъ Рудольфомъ. Въ бытность свою въ Берлинѣ, мѣсяца полтора тому назадъ, принцъ Рудольфъ имѣлъ интимный и „совершенно частный“ разговоръ съ лордомъ Гоутономъ, тоже бывшимъ въ то время въ Берлинѣ. Въ этомъ разговорѣ принцъ Рудольфъ высказалъ Англичанину что по его мнѣнію Австрія могла бы уступить Россіи Константинополь, лишь бы Австрія получила Эгейское прибрежье и городъ Салоники. Содержаніе этого разговора впервые сообщено было (и это нужно отмѣтить) въ *Кельнской Газетѣ*. Лордъ Гоутонъ протестовалъ въ письмѣ къ издателю *Times*, но не противъ самаго содержанія сообщенія, а противъ „нескромности кого-либо изъ тѣхъ немногихъ лицъ которымъ онъ передалъ содержаніе разговора,“ косвенно такимъ образомъ подтверждая сообщеніе газеты.

Не странно ли что наслѣдникъ австрійскаго престола счелъ нужнымъ передавать Англичанину о сокровенныхъ видахъ питаемыхъ будто бы австрійскою политикой, и что, „вопреки желанію,“ этотъ интимный разговоръ получилъ такую огласку какъ разъ въ то время когда въ Вѣнѣ и Берлинѣ съ такимъ явнымъ неудовольствіемъ относятся къ установившимся добрымъ отношеніямъ между Россіей и Англіей?

№ 290.

Москва, 18-го октября.

Послѣдствія неурожая тяжело сказываются въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ, на каждомъ изъ многихъ милліоновъ скромныхъ семейныхъ бюджетовъ. Цѣны на хлѣбъ удвоились и даже мѣстами утроились. Многочисленныя населенія обширныхъ областей терпятъ голодъ, отъ котораго могутъ быть спасены только энергическою и хорошо организованною системой пособій.

Нельзя не признать что одну изъ самыхъ неотложныхъ государственныхъ задачъ составляетъ въ настоящее время пріисканіе и немедленное принятіе мѣръ которыя, такъ или иначе, помогли бы населенію пережить тяжелое время. Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ и чрезвычайныхъ мѣръ. Не видать ничего исключительнаго въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, созданномъ недочетами урожая и разными невзгодами какія обрушились въ текущемъ году на наше земледѣліе, можетъ только слѣпой или кто нарочно закроетъ глаза и, взявъ себѣ девизомъ „хоть знаю, да не вѣрю,“ умышленно станетъ выставлять факты въ невѣрномъ свѣтѣ.

За людьми готовыми приложить старанія къ тому чтобы дать нынѣшнимъ обстоятельствамъ невѣрное освѣщеніе, конечно, дѣло не станетъ. Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ уже проводится настойчиво мысль что нынѣшнія экономическія затрудненія отличаются не острымъ, а хроническимъ характеромъ. „Въ томъ-то и дѣло,“ назидательно проповѣдуется въ этихъ газетахъ, „что не нынѣшній только годъ тяжелъ, а тяжелы были и предшествовавшіе годы во все прошлое десятилѣтіе. Если въ нынѣшнемъ году такъ рѣзко и рѣшительно сказались затрудненія въ нашей народной жизни, то это—лишь характерное проявленіе того обѣднѣнія, о которомъ такъ опредѣлительно и дружно заявлено было земствами, около 15 лѣтъ назадъ, въ самомъ началѣ введенія земскихъ учрежденій“ и т. д.

Чего хотятъ господа ведущіе такія рѣчи? Неужели они разчитываютъ убѣдить кого-нибудь что нынѣшній годъ въ экономическомъ отношеніи мало отличается, напримѣръ, отъ 1877, 1878 и даже 1879 годовъ? Указывать на желательныя реформы и ограничиваться этимъ въ ту минуту когда

народу необходима неотложная помощь чтобы пережить исключительно тяжелый, рѣзко отличающійся отъ другихъ годъ, указывать на эти реформы при такихъ обстоятельствахъ значитъ сулить журавля въ небѣ когда нужна синица въ руки, значитъ давать камень вмѣсто хлѣба. Толкуйте сколько хотите и объ обременительности паспортной системы, и о ненормальности общаго экономическаго и финансоваго строя и о повальной недоимочности плательщиковъ, и о безличіи и безсиліи органовъ общественнаго управленія, и о неудовлетворительности учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, наконецъ о размѣрахъ крестьянскихъ надѣловъ, но не маскируйте этими толками результатовъ постигшаго страну неурожая и вызванной имъ необычной нужды.

Въ газетѣ гдѣ обыкновенно помѣщаются статьи фритредерскаго пошиба въ одной передовой статьѣ между прочимъ сказано: „Выходитъ что мы собственными руками и совершенно сознательно вспоили и вскормили народную нужду до такихъ внушительныхъ размѣровъ."

Въ этихъ словахъ слышится какъ бы невольное покаяніе. Нельзя не признать что экономическое развитіе страны шло у насъ не такимъ ходомъ какъ было бы желательно, что оно во многомъ было задержано разными мѣрами бывшими плодомъ сознательно усвоенной ошибочной экономической политики. Сюда главнымъ образомъ принадлежатъ измѣненія таможеннаго тарифа въ угоду чужимъ доктринамъ и почти полное устраненіе государства отъ желѣзныхъ дорогъ. Подъ неуклоннымъ дѣйствіемъ этихъ и подобныхъ имъ мѣръ одна за другою падали разныя отрасли русскаго народнаго хозяйства. Подорвана и осуждена на застой вся горнопромышленная дѣятельность и тѣсно связанныя съ нею металлическое и машинное производства. Едва влачатъ существованіе многочисленныя и обширныя отрасли химическаго и красильнаго производства. Упали и овцеводство, и скотоводство. Шерсть считается въ числѣ отпускныхъ товаровъ, но привозится ея къ намъ на сумму гораздо большую чѣмъ отпускается. Такой же перевѣсъ привоза надъ вывозомъ оказывается относительно кожъ. Сало изъ первостепенной статьи отпуска стало статьей привоза. И такъ чуть не по всѣмъ отраслямъ народнаго производства. Сфера выгоднаго приложенія народнаго труда постоянно сжималась какъ бы въ желѣзныхъ тискахъ. Все вниманіе сосредоточивалось на привозной торговлѣ, на продуктахъ иностраннаго производства, которымъ всячески облегчался доступъ въ Россію. Русское производство должно было соперничать съ чужеземнымъ какъ само знаетъ. Отъ него требовалось чтобъ оно вело конкурренцію съ иностраннымъ на равной ногѣ, между тѣмъ какъ никакого равенства ни въ условіяхъ производства, ни въ условіяхъ перевозки между тѣми и другими нѣтъ. Почти всякому производству въ Россіи, почти всякому сбыту нашихъ произведеній приходится бороться съ такими затрудненіями о которыхъ наши заграничные конкурренты имѣютъ понятіе развѣ по наслышкѣ. Одинъ за другимъ, наши продукты вытѣсняются не съ иностранныхъ только, но и со внутреннихъ рынковъ, шагъ за шагомъ, благодаря нашимъ тарифамъ таможенному и желѣзнодорожнымъ, завоевываемыхъ иностранцами.

Не въ этомъ, конечно, лежитъ непосредственная причина переживаемыхъ нынѣ чрезвычайныхъ затрудненій. Но экономическая политика мало заботившаяся о поддержкѣ народнаго труда и разработки естественныхъ богатствъ страны затруднила перенесеніе тѣхъ невзгодъ какими всегда сопровождаются неурожаи. Внѣ земледѣлія, у насъ слишкомъ мало рессурсовъ изъ которыхъ населеніе могло бы черпать средства къ жизни. Хлѣбъ дорогъ, необходимо расширеніе способовъ зарабатывать деньги для его покупки, а между тѣмъ не прекращающееся дѣйствіе созданной фритредерскою доктриной таможенной политики продолжаетъ подрывать промышленные заработки. Очередь упадка дошла, между прочимъ, до нашей льняной промышленности.

Мы давно уже имѣли случай обратить вниманіе читателей на угрожающую ей судьбу. Когда вышелъ въ свѣтъ официальный *Обзоръ Внѣшней торговли Россіи за 1878 годъ*, мы были поражены неожиданнымъ для насъ фактомъ что въ итогѣ привозимыхъ изъ-за границы льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій (на сумму 9.088.000 р.) главную роль играютъ не какіе-нибудь продукты усовершенствованной, заграничной фабрикаціи, а *грубые холстинные мѣшки*, которыхъ въ 1878 году по таможенной оцѣнкѣ было ввезено на 5.744.000 рублей. Мы тогда

же отмѣтили этотъ характеристичный въ ходѣ нашего производства фактъ, и не могли не остановиться на печальномъ его значеніи для нашей народной экономіи. Но мы еще не имѣли тогда достаточныхъ данныхъ для полной его оцѣнки. Между прочимъ, могло казаться что чрезвычайно усилившійся привозъ грубыхъ холстинныхъ мѣшковъ былъ случайнымъ и преходящимъ явленіемъ, которое могло быть вызвано необычайнымъ расширеніемъ хлѣбнаго отпуска, при невозможности быстраго расширенія производства мѣшковъ въ уровень съ возникшимъ на нихъ спросомъ. Помѣщенная въ № 288 *Московскихъ Вѣдомостей* статья „Наша льняная промышленность и джутовый мѣшокъ“ проливаетъ новый свѣтъ на это дѣло. Не потому привозятся къ намъ мѣшки что наша промышленность не успѣваетъ заготовлять ихъ, а потому что заготовленный этою промышленностью мѣшечный холстъ нейдетъ съ рукъ, ибо его вытѣснилъ поощряемый низкою пошлиной привозный джутовый мѣшокъ. Привозъ его въ 1879 былъ еще гораздо болѣе чѣмъ въ 1878. Соперничать съ нимъ по цѣнѣ наши холщевые мѣшки не могутъ. Но не къ выгодѣ хлѣбной торговли ведетъ эта дешевизна джутовыхъ мѣшковъ. Дешево, да гнило, и дешевое выходитъ на дорогое. Джутовый мѣшокъ не выдерживаетъ больше двухъ транспортовъ хлѣба, между тѣмъ какъ русскій холщевый выдерживаетъ отъ 6 до 8 перевозокъ. Не выигрываетъ хлѣбная торговля, а между тѣмъ наша льняная промышленность, начавшая было развиваться, поставлена въ самое критическое положеніе. На 200,000 веретенъ она перерабатывала льна на сумму до десяти милліоновъ рублей въ годъ. „Изо льна при фабричной разработкѣ получается около двухъ третей очеса и около одной трети льна чесанаго. Низкіе сорта очеса идутъ на пряжу для мѣшечнаго полотна, средніе для равентуха и фламскаго полотна, употребляемыхъ преимущественно для арміи и флота. Чесаный ленъ идетъ на пряжу для тонкихъ полотенъ, скатертей и салфетокъ. Часть русскаго льна представляетъ собою низкіе сорта, очесокъ съ которыхъ только и можетъ быть употребленъ для мѣшечнаго полотна и ему подобнаго, грубаго.“ И вотъ сбытъ этого послѣдняго вдругъ прекращается. Происходящія отсюда невыгоды ложатся всею тяжестью на прочія отрасли льняной фабрикаціи. Большая часть прядильщиковъ и полотняныхъ фабрикантовъ поставлены въ необходимость на треть или на половину сократить производство, отпустивъ съ фабрикъ соотвѣтственное число рабочихъ и уменьшивъ спросъ на ленъ поставить тѣмъ въ затрудненіе производящихъ его крестьянъ. Одновременно пострадала обширная отрасль кустарной промышленности: десятки тысячъ рабочихъ занимавшихся ткачествомъ и шитьемъ мѣшковъ лишились заработковъ.

И въ какое время происходитъ это сокращеніе заработковъ? Когда заработки всего нужнѣе, когда на нихъ основывается вся надежда прокормиться цѣлымъ семьямъ. И бѣдствіе тутъ не ограничивается только тѣми кто остался безъ работы. Вынужденнымъ предложеніемъ своихъ услугъ за какую бы то ни было цѣну, они могутъ понизить заработную плату и тѣхъ у кого работа имѣется.

А вѣдь со льняною промышленностью лишь повторяется то что происходитъ и происходило, вслѣдствіе сходныхъ причинъ, со многимъ множествомъ отраслей русскаго производства. Главное богатство рабочихъ людей есть трудъ ихъ рукъ, но спросъ на этотъ трудъ малъ. А что тому причиной? Пусть подумаютъ объ этомъ тѣ кто при каждомъ случаѣ бросаютъ камнями и грязью въ людей указывающихъ на необходимость неотложнаго исправленія тарифовъ въ интересѣ народнаго труда. Пусть чаще повторяютъ они себѣ вырвавшееся у нихъ сознаніе: „мы собственными руками и совершенно сознательно вспоили и вскормили народную нужду.“

№ 292.

Москва, 20-го октября.

Въ послѣднее время, публикѣ то и дѣло приходится читать въ разныхъ газетахъ статьи наполненныя цифрами относящимися къ нашей земледѣльческой статистикѣ. Эти цифры кладутся въ основу сужденій о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ первостепенной государственной важности, и выводимыя изъ нихъ заключенія по этимъ вопросамъ поражаютъ своею смѣлостью и рѣшительностью. Эти заключенія выставляются какъ нѣчто безспорное, какъ приговоръ неумолимой логики цифръ.

Откуда взялось это увлеченіе нашею земледѣльческою статистикой? Въ силу чего пріобрѣла она у насъ вдругъ такое важное практическое значеніе?

Нѣтъ никакого сомнѣнія что статистическія данныя вообще могутъ и должны быть принимаемы во вниманіе при обсужденіи тѣхъ вопросовъ, которые находятся въ близкой связи съ ихъ предметомъ. Но при этомъ степень важности статистическихъ данныхъ и выводовъ опредѣляется, вопервыхъ, степенью точности цифроваго матеріала, вовторыхъ, степенью полноты съ какою эти данныя обнимаютъ разныя стороны предмета статистическихъ изслѣдованій. Невѣрныя цифры не имѣютъ никакого значенія, ни научнаго, ни практическаго. А отличается ли сколько-нибудь удовлетворительною полнотой и вѣрностью наша земледѣльческая статистика, вдругъ получившая у насъ такой ходъ и вошедшая въ такую честь? Объ этомъ авторы статей, безпрестанно ссылающіеся на нее въ подкрѣпленіе разныхъ своихъ мнѣній, какъ бы сговорились умалчивать. Они пустились въ краснорѣчіе цифръ, скрывая отъ публики что это вздорное краснорѣчіе, что эти цифры не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью, что наша земледѣльческая статистика есть только пародія на статистику, что положеніе и ходъ нашего сельскаго хозяйства изображаются въ ней также какъ лица въ портретахъ того живописца чья кисть

....всегда надъ смертными играла,
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

Требуютъ чтобы вся русская государственная политика сдѣлала поворотъ по указаніямъ выводовъ изъ земледѣльческой статистики, а между тѣмъ эта статистика такова что, по сознанію самого Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности, у насъ въ настоящее время, въ 1880 году, даже о количествѣ пахатныхъ земель по уѣздамъ и губерніямъ никакихъ „болѣе или менѣе достовѣрныхъ данныхъ не имѣется." Самъ этотъ департаментъ, разрабатывающій и публикующій стекающіяся къ нему цифровыя свѣдѣнія о нашемъ земледѣліи, не увлекается результатами своей работы, сознавая что его цифры произвольны и чрезвычайно далеки отъ истины. Въ предисловіи къ тѣмъ статистическимъ даннымъ о посѣвѣ и сборѣ хлѣбовъ въ Европейской Россіи, на которыя у насъ теперь ссылаются какъ на Евангеліе, онъ дѣлаетъ, между прочимъ, такія оговорки: „Свѣдѣнія о сборѣ и посѣвѣ хлѣбовъ и картофеля собираются различными органами, дѣйствующими не съ одинаковымъ успѣхомъ. Независимо отъ неточности того пути какимъ собираются такого рода свѣдѣнія, послѣднія добываются еще и различными способами, отчего самая погрѣшность въ показаніяхъ не одинакова. Не всѣ хлѣбные производители доставляютъ испрашиваемыя отъ нихъ свѣдѣнія." По нѣкоторымъ губерніямъ и уѣздамъ за иные годы вовсе никакихъ свѣдѣній не имѣется, или имѣются свѣдѣнія относящіяся только къ части земель, напримѣръ только къ крестьянскимъ и городскимъ, но не къ помѣщичьимъ. „Не рѣдко даются невѣрныя показанія или умышленно, или потому что во время собиранія свѣдѣній сами хозяева иногда еще не знаютъ въ точности какое количество ими собрано. Въ тѣхъ случаяхъ, когда размѣръ сбора опредѣляется по площади занятой тѣмъ или другимъ хлѣбомъ и по урожайности, нерѣдко самая площадь въ точности неизвѣстна или выражается въ разнообразныхъ единицахъ (десятина хозяйственная, казенная и т. п.). При вычисленіи размѣровъ сбора по урожаю выраженному самъ-столько-то, не всегда принимается въ соображеніе что нѣкоторыхъ хлѣбовъ высѣвается на десятину не одна четверть, а больше или меньше четверти, и что норма посѣва даже одного и того же хлѣба въ разныхъ мѣстахъ не одинакова." Ко всему этому присоединяются ошибки въ отчетахъ на основаніи коихъ департаментъ составляетъ свои статистическія таблицы. Цифры относящіяся къ одному хлѣбу оказываются иногда занесенными въ графу другаго хлѣба; иногда итоги оказываются неравные суммѣ отдѣльныхъ слагаемыхъ, причемъ остается неизвѣстнымъ, ошибочно ли подведенъ итогъ, или же невѣрно одно изъ слагаемыхъ, и какое именно. Цифры опредѣляющія сколько сѣется у насъ хлѣба самъ Департаментъ Земледѣлія и Сельской Промышленности признаетъ крайне сомнительными. Цифры сбора хлѣбовъ еще сомнительнѣе. Да и можетъ ли быть иначе когда понынѣ, за малыми исключеніями, „обычный порядокъ собиранія свѣдѣній о сборѣ и посѣвѣ состоитъ въ разсылкѣ исправниками бланковъ въ волостныя правленія,

гдѣ затѣмъ и проставляются цифры..." волостными писарями. Нечего сказать, надежный и достовѣрный статистическій источникъ! Относительно бо́льшую достовѣрность Департаментъ признаетъ лишь за цифрами опредѣляющими степень урожайности, которыя получаются дѣленіемъ количества посѣва на количество сбора, то есть отъ дѣленія одной сомнительной цифры на другую тоже сомнительную. Какова же должна быть вообще достовѣрность цифръ нашей земледѣльческой статистики при такихъ условіяхъ, и какой вѣсъ могутъ имѣть основанные на ея цифрахъ выводы?

Что волостные писаря смотрятъ на подачу свѣдѣній о посѣвахъ и сборахъ хлѣбовъ какъ на пустую формальность; что выставляемыя ими цифры въ казенныхъ бланкахъ имѣютъ значеніе единственно канцелярской отписки; что онѣ изъ года въ годъ повторяются лишь съ такими измѣненіями какихъ требуетъ не дѣйствительность, а желаніе избѣжать запросовъ и представленія по нимъ объясненій и дополнительныхъ свѣдѣній; что волостныя правленія постоянно оказываются прямо заинтересованными въ извращеніи дѣйствительнаго положенія дѣлъ во избѣжаніе усиленнаго натиска на нихъ по сбору недоимокъ,—это всѣ знаютъ, въ этомъ едва ли у кого можетъ возникнуть сомнѣніе. И вотъ плоды фантазіи волостныхъ писарей вдругъ получаютъ значеніе государственное, и соотвѣтственно имъ предлагается направить „бѣгъ роднаго корабля!" Что̀ это значитъ, нашло ли на самихъ газетчиковъ затменіе, подъ дѣйствіемъ котораго они прониклись вѣрой въ цифровыя измышленія волостныхъ писарей, или же они сознательно морочатъ публику, въ разчетѣ что она не станетъ провѣрять какимъ путемъ добыты тѣ цифры на которыя ей безпрестанно указываютъ?

Разные господа захватившіе въ свои руки значительную часть періодической печати уже достаточно пріучили насъ не удивляться никакимъ искаженіямъ правды, никакому безцеремонному обращенію и съ цифрами, и съ иными фактами. Къ какой цифровой и нецифровой лжи ни прибѣгали они съ цѣлію, напримѣръ, сбить съ толку умы по учебнымъ вопросамъ? И съ какимъ наглымъ цинизмомъ заявляли они при этомъ что не находятъ и нужнымъ держаться на почвѣ истины! То же самое творится теперь по вопросамъ относящимся ко всему строю экономическаго быта.

Съ нѣкоторыхъ поръ, какъ бы по данному mot d'ordre, въ печати появилось и все растетъ стремленіе поднять на Руси аграрный вопросъ, шедшій параллельно съ подпольными стараніями пустить въ народъ слухи о предстоящихъ дополнительныхъ надѣлахъ,—слухи которые не могли не обратить на себя вниманіе правительства и вызвали въ прошломъ году извѣстный министерскій циркуляръ. Однимъ изъ средствъ пропагандированія аграрнаго вопроса постоянно служитъ истолкованіе совершившейся великой крестьянской реформы какъ акта не облагодѣявшаго, а разорившаго Русскій народъ. Въ этомъ смыслѣ пишутся книги, безпрестанно цитуемыя затѣмъ въ газетныхъ статьяхъ, съ превознесеніемъ авторитетности сочинителей, и не мало барановъ изъ Панургова стада подхватываютъ и пережевываютъ эту подаваемую имъ пищу. Какъ удобный аргументъ для сказанной пропаганды подхвачены и завѣдомо невѣрныя и не имѣющія никакого значенія цифры нашей официальной земледѣльческой статистики. Что̀ лучше этихъ цифръ могло бы послужить дѣлу аграрной пропаганды? Населеніе растетъ; въ двадцать лѣтъ оно, конечно, увеличилось на 15 или на 20 милліоновъ. А сборъ хлѣба по цифрамъ выведеннымъ изъ донесеній волостныхъ писарей остался совершенно такой же какой былъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ какихъ огромныхъ размѣрахъ увеличилась площадь пахатной земли вслѣдствіе постройки обширной желѣзнодорожной сѣти, какая масса земель бывшихъ прежде подъ пастбищами и лѣсами отошла подъ посѣвы хлѣбовъ, и какъ все это должно было измѣнить прежніе размѣры посѣва и сбора хлѣба,—обо всемъ этомъ, само собою разумѣется, не дѣлается и помина. Раздѣливъ воображаемое неизмѣнное количество сбора хлѣбовъ на число населенія, не трудно уже вывести что двадцать лѣтъ тому назадъ на каждаго человѣка въ Россіи приходилось ежегодно хлѣба и картофеля около $2^1/_2$ ($2_{,47}$), а теперь не приходится и 2 четвертей ($1_{,98}$). А такъ какъ полагается что на одного человѣка нужно въ годъ среднимъ числомъ $2^1/_4$ четверти хлѣба, то и дѣлается выводъ что двадцать лѣтъ тому назадъ, до крестьянской реформы, у русскаго населенія оста-

вались кое-какіе лишки хлѣба, то нынѣ этому населенію уже недостаетъ хлѣба на собственное продовольствіе, такъ что въ среднемъ выводѣ все оно не ѣстъ хлѣба досыта. Вотъ де къ какому бѣдствію привело страну освобожденіе крестьянъ. Остается ждать что и нынѣшній неурожай будетъ сполна поставленъ на счетъ не исключительно неблагопріятнымъ метеорологическимъ явленіямъ, не хлѣбнымъ жукамъ, гессенской мухѣ и инымъ энтомологическимъ причинамъ, а прямо крестьянской реформѣ и установленнымъ Положеніемъ 19 февраля размѣрамъ крестьянскихъ надѣловъ.

Ни къ чему другому кромѣ фальшивыхъ, тенденціозныхъ выводовъ и не можетъ быть пригодна наша земледѣльческая статистика въ ея нынѣшнемъ положеніи. Но совсѣмъ иное значеніе могла бы она имѣть еслибы была поставлена какъ слѣдуетъ, какъ ведется, напримѣръ, сельскохозяйственная статистика въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ это дѣло серіозное, и не удивительно поэтому что въ тамошній департаментъ земледѣлія постоянно обращаются съ запросами и члены конгресса, и государственныя учрежденія, и лица интересующіяся спеціальною статистикой, и что число такихъ запросовъ растетъ изъ году въ годъ. Но ужь конечно этого не было бы еслибы тамошнія статистическія цифры собирались людьми стоящими на ступени умственной и нравственной благонадежности нашихъ волостныхъ писарей.

Для незнакомыхъ съ тѣмъ какъ организовано дѣло сельскохозяйственной статистики въ Соединенныхъ Штатахъ, приведемъ нѣсколько строкъ объ этомъ предметѣ изъ статистическаго сочиненія г. Кенига, директора Николаевской желѣзной дороги, на которое намъ уже приводилось обращать вниманіе читателей. „Для собиранія, классификаціи и изданія статистическихъ данныхъ относящихся до сельскаго хозяйства, каждое графство (или уѣздъ) имѣетъ одного утвержденнаго корреспондента и трехъ помощниковъ, обязанныхъ ежемѣсячно отвѣчать на запросы департамента земледѣлія относительно состоянія посѣвовъ, площади ими занятой, урожая, количества домашнихъ животныхъ и проч. Корреспонденты эти избираются мѣстными обществами земледѣлія, а въ случаѣ неимѣнія таковыхъ — народными представителями въ конгрессѣ. Жалованья никакого не получаютъ. Отдѣленіе статистики централизуетъ у себя свѣдѣнія доставляемыя корреспондентами (до 4.000 человѣкъ) и частными лицами, переводитъ иностранныя полезныя статистическія свѣдѣнія, собираетъ документы разныхъ штатовъ, коммерческихъ палатъ, желѣзнодорожныхъ и промышленныхъ обществъ; находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ членами конгресса, съ разными комитетами, земледѣльческими журналами и проч.“

Все это даетъ богатый статистическій матеріалъ; причемъ онъ не только собирается, но и провѣряется свѣдѣніями получаемыми помимо утвержденныхъ корреспондентовъ. Такая статистика заслуживаетъ вниманія. А наша? Стоитъ ли она той бумаги на которой печатаются ея цифровыя данныя, не говоря уже о содержаніи людей которые ею занимаются?

№ 293.

Москва, 21-го октября.

Съ наступленіемъ парламентскаго періода въ западной Европѣ открылся новый, болѣе достовѣрный чѣмъ газетныя сообщенія, источникъ политическихъ извѣстій. Тронныя рѣчи и официальныя заявленія министровъ въ отвѣтъ на различные запросы если и не проливаютъ яркаго свѣта на то что продолжаетъ совершаться въ тиши дипломатическихъ кабинетовъ, во всякомъ случаѣ даютъ болѣе надежную основу для догадокъ и предположеній разнаго рода. Официальныя манифестаціи коими знаменуются открытія парламентскихъ сессій служатъ предметомъ комментаріевъ не только въ положительномъ, но и въ отрицательномъ отношеніи; въ тронныхъ рѣчахъ принимается къ свѣдѣнію и то что сказано и еще болѣе что умолчано. Такъ, 27 октября послѣдовало открытіе Прусскаго ландтага и въ тронной рѣчи по этому поводу ни однимъ словомъ не упомянуто объ иностранной политикѣ. Почти все содержаніе рѣчи наполнено заявленіями о финансовыхъ мѣрахъ и предположеніяхъ: въ ней заключается совершенно неожиданный и весьма пріятный для прусскаго населенія „сюрпризъ,“ а именно заявленіе о томъ что таможенная реформа и возвышеніе нѣкоторыхъ сборовъ, пред-

принятыхъ въ прошедшемъ году, дастъ правительству возможность употребить четырнадцать милліоновъ марокъ на уменьшеніе нѣкоторыхъ наиболѣе тяжкихъ прямыхъ налоговъ. Указывается еще на твердую рѣшимость Прусскаго правительства продолжать начатое имъ дѣло принятія прусскихъ желѣзныхъ дорогъ въ руки казны. Все это служитъ доказательствомъ какъ энергически и дѣятельно князь Бисмаркъ, принявшій лично портфель прусскаго министра торговли, занимался этимъ непривычнымъ для него дѣломъ. Но и берлинскія газеты сознаются что князь Бисмаркъ всегда и вездѣ руководится своими высшими политическими цѣлями и что онъ посвятилъ столько времени и труда на спеціальную отрасль управленія не для этой отрасли, что могло бы быть предоставлено свѣдущему спеціалисту, а въ своихъ общихъ политическихъ видахъ. Тѣмъ не менѣе тронная рѣчь говоритъ только о результатахъ дѣятельности князя Бисмарка въ его новомъ качествѣ финансиста и совершенно умалчиваетъ объ его политическихъ видахъ.

Замѣчательно что и отвѣтная рѣчь Австрійскаго императора на привѣтствіе австро-венгерскихъ делегацій (замѣняющая тронную рѣчь) ни словомъ не упомянула объ отношеніяхъ между Германіей и Австріей. Нашлись пессимисты въ Берлинѣ и Вѣнѣ, которые усматривали въ этомъ признакъ ослабленія австро-германскаго соглашенія, а нѣкоторые стали даже поговаривать что соглашеніе это нынѣ уже распалось и что совершилось сближеніе между Австріей и Россіей. Но толки эти вскорѣ разсѣялись послѣ рѣчи австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, барона Гаймерле, произнесенной имъ въ засѣданіи делегаціи 26 октября. Онъ сказалъ слѣдующее: „На вопросъ о томъ дѣйствуютъ ли Австрія и Германія между собою согласно по текущимъ восточнымъ вопросамъ, особенно по дѣлу демонстраціи флотовъ, я могу съ полною опредѣленностью отвѣчать утвердительно. Обѣ державы дѣйствовали и дѣйствуютъ совершенно тождественно: даже инструкція начальникамъ австрійской и германской эскадръ была дана тождественная, и я могу подтвердить что Германія какъ въ этомъ, такъ и въ прочихъ вопросахъ касающихся Австріи, самымъ тщательнымъ образомъ поддерживаетъ интересы Австріи.“

На другой день баронъ Гаймерле вновь говорилъ предъ делегаціями объ иностранной и преимущественно о восточной политикѣ и подтвердилъ, между прочимъ, что Австрія потому главнымъ образомъ приняла участіе въ демонстраціи что эта демонстрація состоялась бы и помимо ея участія. Вообще же Австрія противится де всякой направленной противъ Турціи мѣрѣ, которая могла бы въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи привести Австрію къ вооруженному столкновенію съ Турціей, ибо Австрія искренно желаетъ де сохранить неприкосновенность Турціи въ предѣлахъ установленныхъ берлинскимъ трактатомъ.

Какъ бы комментаріемъ къ этимъ заявленіямъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ можетъ послужить рѣчь произнесенная лордомъ Солсбери на консервативномъ банкетѣ въ Таунтонѣ, 27 октября. Вообще торійская партія прервала молчаніе которое она соблюдала со времени своего пораженія. Въ самомъ ли дѣлѣ теченіе англійскаго общественнаго мнѣнія отклонилось вновь въ сторону торійской партіи, въ самомъ ли дѣлѣ „промахи“ кабинета г. Гладстона въ Ирландіи и его „сентиментальная“ политика на Востокѣ ослабили его недавнюю популярность, какъ утверждаютъ его берлинскіе критики, объ этомъ трудно судить пока не возобновилась сессія англійскаго парламента (а она должна возобновиться лишь въ началѣ февраля, созваніе же его въ чрезвычайную сессію мало вѣроятно). Но рѣчь съ которою выступилъ противъ г. Гладстона одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ бывшаго торійскаго кабинета, есть во всякомъ случаѣ знаменіе времени, и она обратила на себя всеобщее вниманіе какъ въ Англіи, такъ и въ остальной Европѣ.

Лордъ Солсбери началъ свою рѣчь съ безпощадной критики послѣдняго „совокупнаго“ дѣйствія противъ Порты, предпринятаго по иниціативѣ Англіи. „Еще недавно, сказалъ онъ, казалось непостижимымъ какимъ образомъ Турція осмѣлилась оказать явное сопротивленіе такому грозному дѣйствію.“ Но все становится де понятнымъ послѣ обнародованія австрійской *Красной Книги*. Австрія, какъ оказывается изъ официальныхъ документовъ, обставила демонстрацію такими условіями при коихъ никакое дѣйствіе не было мыслимо. Совершенно такое же дѣйствіе демонстраціи было бы достигнуто еслибы, вмѣсто

броненосцевъ, были посланы въ Адріатику „украшенныя флагами ванны," а такъ какъ султану все это было хорошо извѣстно, то для лорда Солсбери совершенно понятно почему султанъ ничуть не испугался грозной на видъ демонстраціи. И бывшій торійскій министръ отдаетъ Австріи полную справедливость и вмѣняетъ ей въ особенную заслугу то что затѣя предпринятая по иниціативѣ Англіи окончилась такимъ фіаско. Онъ всячески клеймитъ политику г. Гладстона, „которую можно объяснить либо свойственною ему сентиментальностью, либо совершенно непостижимымъ стараніемъ замѣнить давнюю дружбу и интимность Англіи съ Германіей и Австріей союзомъ съ Россіей." Политика Россіи была де всегда враждебна Англіи, а указанныя державы суть естественныя ея союзники въ Европѣ. Г. Гладстонъ виновенъ въ томъ что онъ измѣнилъ традиціямъ англійской политики, которая отличалась устойчивостью и послѣдовательностью, а нынѣ стала зыбкою какъ морская волна. Онъ, лордъ Солсбери, рѣшительно несогласенъ съ тѣмъ положеніемъ будто державы, высказавшись въ пользу извѣстныхъ территоріальныхъ измѣненій въ Турціи, имѣютъ право и основаніе настаивать предъ Турціей какими-либо иными способами, кромѣ дипломатическихъ представленій, на исполненіи своихъ рѣшеній. Поэтому онъ думаетъ что и Греція не можетъ претендовать на дѣятельную помощь со стороны Европы въ пріобрѣтеніи ею того что ей присуждено Берлинскою конференціей. Словомъ, торійскіе политики проводятъ какъ разъ ту самую теорію которую недавно развивалъ органъ князя Бисмарка, доказывая, на основаніи протокола Берлинскаго конгресса, что Порта не можетъ быть принуждена силою къ тому что ей въ Берлинѣ предписано.

Теорія эта забываетъ однако слѣдующее: то что возложено на Порту Берлинскимъ конгрессомъ есть только часть, и весьма малая, того что возложено было на Порту Санъ-Стефанскимъ договоромъ, а къ послѣднему она была *принуждена* силою оружія, которая есть единственный реальный источникъ международнаго права. Берлинскій трактатъ былъ льготой для Турціи; онъ уменьшилъ объемъ возложенныхъ на нее принудительнымъ образомъ обязательствъ; но изъ того что обязательство уменьшено со стороны того кто имѣетъ право требовать бо́льшаго, отнюдь не слѣдуетъ что прекратилась сила *всего* обязательства. Съ юридической точки зрѣнія, стало-быть, не выдерживаетъ никакой критики тотъ аргументъ что Турція имѣетъ право не подчиниться требованіямъ Берлинскаго трактата, въ силу того что державы не обязались принуждать ее къ тому. Обязательства возложенныя на Турцію въ силу войны, и согласіе Порты подчиниться принужденію предшествовали Берлинскому трактату и этого Берлинскій трактатъ отнюдь не уничтожилъ. Въ виду юридическихъ соображеній приводимыхъ берлинскою офиціозною печатью, Россія всегда можетъ опереться на этотъ аргументъ.

Притомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду что теорія эта возникла уже *послѣ того* какъ состоялась коллективная демонстрація флотовъ съ участіемъ и германскихъ броненосцевъ. Значитъ, и Германія признавала прежде право державъ дѣйствовать противъ Турціи принудительно.

Но само собою разумѣется что дѣло не въ фальшивой теоріи проповѣдуемой нынѣ въ Берлинѣ и Вѣнѣ и поддерживаемой англійскими торіями, а въ томъ насколько послѣдняя манифестація лорда Солсбери служитъ признакомъ приближающейся перемѣны въ англійскомъ управленіи. Въ Берлинѣ повидимому считаютъ такую перемѣну вѣроятною и на нее разчитываютъ. Посмотримъ.

№ 295.

Москва, 23-го октября

Въ объясненіяхъ причинъ дороговизны хлѣба господствуетъ полное разногласіе. Дѣлались, между прочимъ, попытки приписать вздорожаніе хлѣба понижепію денежной валюты, упадку вексельныхъ курсовъ. Но лживость подобнаго объясненія прямо бросается въ глаза. Пониженіе курсовъ противъ прошлаго года такъ ничтожно что вліяніе его на хлѣбныя цѣны можетъ быть лишь самое незамѣтное, а мы имѣемъ дѣло съ небывалымъ подъемомъ цѣнъ. Больше *похоже* на правду *указаніе* на неудовлетворительные результаты жатвы нынѣшняго года. Но таковы ли на самомъ дѣлѣ недочеты этой жатвы чтобъ ими одними могъ быть вполнѣ объясненъ фактъ возникшей дороговизны, и такъ ли идутъ дѣла на хлѣбныхъ рынкахъ чтобъ

это объясненіе могло быть принято какъ безспорное?

Что въ нынѣшнемъ году Россія, взятая въ цѣломъ, не можетъ похвалиться урожаемъ, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Но точно также несомнѣнно что неурожай отнюдь не былъ повсемѣстнымъ. Не малое число губерній и уѣздовъ постигнуто недородомъ хлѣба, но тѣмъ не менѣе всѣ они взятые вмѣстѣ составляютъ относительно умѣренный процентъ въ сравненіи со всѣмъ пространствомъ, со всѣмъ населеніемъ страны. Притомъ на ряду съ губерніями и уѣздами потерпѣвшими отъ неурожая, можетъ быть названо не меньшее, а большее число губерній и уѣздовъ гдѣ жатва дала хорошіе результаты. Въ большей же части страны урожай, сколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, былъ частію средній, частію посредственный, то-есть, можетъ-быть и недостаточный, но едва ли въ такой мѣрѣ чтобы недостача не могла быть восполнена хлѣбными запасами оставшимися отъ прежняго времени. Это, конечно, должно было бы поднять цѣны хлѣба, но подъемъ подъему рознь, и дороговизна въ той степени и силѣ до которой она дошла и грозитъ дойти въ близкомъ будущемъ выходитъ изъ тѣхъ предѣловъ въ которыхъ она могла бы быть объясняема единственно результатами жатвы. Эти результаты неудовлетворительны, но живописуется эта неудовлетворительность такими преувеличенно мрачными красками которыя заставляютъ заподозрить правдивость описаній. Невольно вспоминаются прошлогодняя Ветлянская чума, ея дѣйствительные размѣры и тѣ чудовищныя описанія къ которымъ она подала поводъ. Какъ раздувалось тогда бѣдственное для всей Россіи значеніе появившейся въ Ветлянкѣ болѣзни, такъ раздувается нынѣ значеніе неудовлетворительнаго неурожая.

Заподозрить правдивость идущихъ о немъ толковъ побуждаетъ прежде всего повсемѣстность подъема хлѣбныхъ цѣнъ. Онѣ повысились до небывалаго уровня не только тамъ гдѣ хлѣбъ не уродился, но и тамъ гдѣ урожай былъ хорошій. Между тѣмъ бо́льшая часть толковъ о неурожаѣ основывается именно на фактѣ подъема цѣнъ. Но принявъ этотъ критеріумъ пришлось бы заключить что жатва дала чуть не одинаковые результаты и въ неблагополучномъ Поволжьѣ, и въ благополучномъ Приднѣпровьѣ, въ мѣстностяхъ отдаленныхъ другъ отъ друга на такія разстоянія которыя почти не допускаютъ взаимнаго выравненія хлѣбныхъ цѣнъ, особенно такого быстраго какимъ оно оказывается на дѣлѣ.

Эта быстрота повсемѣстнаго выравненія хлѣбныхъ цѣнъ, затѣмъ замѣчательно быстрый ходъ ихъ повышенія невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе. Съ каждою недѣлей, почти съ каждымъ базарнымъ днемъ, цѣны идутъ все въ гору, иногда крупными скачками. Съ цѣнами хлѣба повторяется то же самое что происходило съ цѣнами разныхъ фондовъ и акцій въ памятный періодъ процвѣтанія такъ-называемой Демутовской биржи въ Петербургѣ. Участіе спекуляціи въ подъемѣ хлѣбныхъ цѣнъ становится съ каждымъ днемъ все болѣе очевиднымъ. Свидѣтельствующіе объ этой спекуляціи факты уже начинаютъ накопляться. Сентябрьская исторія въ Нижнемъ-Новгородѣ пролила нѣкоторый свѣтъ на это дѣло. Нижегородская губернія не принадлежитъ къ числу пострадавшихъ отъ неурожая. По всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, тамъ уродилось хлѣба достаточно не только для продовольствія мѣстнаго населенія, но и для отправки за предѣлы губерніи. И вдругъ въ одну недѣлю, съ 12 по 19 сентября, ржаная мука поднялась съ 1 р. 45 к. до 2 р. 10 к., по офиціальнымъ, и даже до 2 р. 25 к. за пудъ, по частнымъ свѣдѣніямъ. Искусственность этого подъема цѣнъ не подлежитъ сомнѣнію. Тѣ же самые монополисты по хлѣбной торговлѣ, Блиновъ и Бугровъ, которые подняли цѣны въ такихъ размѣрахъ, тотчасъ же и понизили ихъ до 1 руб. 40 коп., а затѣмъ и болѣе, какъ только было имъ сдѣлано надлежащее внушеніе со стороны администраціи. То же что въ Нижнемъ несомнѣнно происходитъ и въ другихъ мѣстахъ. Изъ разныхъ мѣстностей одни за другими приходятъ свѣдѣнія что наличные запасы хлѣба находятся въ крѣпкихъ рукахъ, что хлѣбные торговцы воздерживаются отъ продажи хлѣба даже по нынѣшнимъ высокимъ цѣнамъ, ожидая еще бо́льшаго повышенія. Размѣры имѣющихся хлѣбныхъ запасовъ, конечно, тщательно скрываются. Такъ, напримѣръ, назначенная Петербургскою городскою думой особая хлѣбная коммиссія могла опредѣлить всѣ находящіеся въ Петербургѣ хлѣбные продовольственные запасы лишь ничтожною цифрой что-то око-

ло 288 тысячъ четвертей. Но едва ли кто сомнѣвается въ томъ что тамошніе торговцы имѣютъ въ своемъ распоряженіи несравненно большіе запасы, что они только прижались съ цѣлію еще выше поднять хлѣбныя цѣны. По дошедшимъ до упомянутой коммиссіи свѣдѣніямъ, читаемъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, крупные петербургскіе хлѣботорговцы покупали ржаную муку отъ 8 до 9 и никакъ не выше 10 руб. за куль, а продавалась она ими до рѣкостава по 19 р.; вслѣдъ же за рѣкоставомъ цѣна была еще поднята сразу на 3 р. 50 к. за куль, причемъ нѣкоторые, не довольствуясь и этимъ, ничего не продавали изъ своихъ складовъ, выжидая еще высшихъ цѣнъ. Сегодня, однако, какъ извѣщаетъ помѣщаемая ниже телеграмма, цѣна ржаной муки сразу понизилась на два рубля, какъ только состоялось разрѣшеніе правительства отпускать муку для продовольствія изъ интендантскихъ складовъ.

Вотъ какого рода факты имѣются въ виду. Удивительнаго въ нихъ ничего нѣтъ. Недостаточные урожаи всегда и вездѣ сопровождались спекуляціями на подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ. При обильныхъ урожаяхъ онѣ въ широкихъ размѣрахъ невозможны. Вся масса громадныхъ хлѣбныхъ излишковъ не можетъ быть скуплена въ немногія руки. При обиліи хлѣба не продавать его изъ складовъ нельзя: покупатель найдетъ себѣ сколько захочетъ хлѣба помимо складовъ. Но когда хлѣба въ обрѣзъ, когда излишковъ хлѣба немного, ими не трудно завладѣть и очень выгодно запереть двери хлѣбныхъ амбаровъ предъ толпящимися покупателями.

Сколько всего хлѣба дала минувшая жатва неизвѣстно, сколько имѣется по всей странѣ наличныхъ хлѣбовъ запасовъ также неизвѣстно, но не подлежитъ сомнѣнію что помимо того вліянія какое естественно оказываетъ на хлѣбныя цѣны бо́льшая или меньшая ограниченность хлѣбныхъ запасовъ, большую, если не главную, роль въ нынѣшней дороговизнѣ играетъ спекуляція монополистовъ по хлѣбной торговлѣ, которымъ не трудно притомъ войти и во взаимное между собою соглашеніе. Неотложно принять рѣшительныя мѣры противъ этой спекуляціи, вотъ что́ требуется прежде всего нынѣшними обстоятельствами, вотъ прямой путь къ пониженію хлѣбныхъ цѣнъ. Не только частныя лица, но и органы городскаго и земскаго самоуправленія не имѣютъ достаточныхъ средствъ для борьбы съ хлѣбными спекулянтами стремящимися къ обогащенію путемъ разоренія нуждающихся населеній. Но у правительства есть средства обуздать и побороть эту вредную спекуляцію. Уже одинъ недавній нижегородскій примѣръ показываетъ что́ можетъ быть сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Прежде всего, кажется, повышатели хлѣбныхъ цѣнъ должны бы быть лишены оказываемой имъ въ этомъ дѣлѣ правительственной помощи. Многіе изъ хлѣбныхъ монополистовъ имѣютъ возможность держать въ крѣпкихъ рукахъ свои хлѣбные склады и скупать повсемѣстно хлѣбъ лишь благодаря кредиту который имъ дается Государственнымъ Банкомъ и его конторами и отдѣленіями. Прекращеніе этого кредита спеціально для хлѣбныхъ монополистовъ, можно полагать, вынудитъ многихъ изъ нихъ пустить заготовленный хлѣбъ въ продажу и понизить на него цѣны, а появленіе его на рынкѣ заставитъ и другихъ хоть нѣсколько разжать крѣпкія руки въ которыхъ нынѣ хлѣбъ держится. Подъемомъ учета указанная цѣль едва ли можетъ быть достигнута. Подъемъ учета стѣснитъ денежныя средства всей торговли и промышленности при обстоятельствахъ когда требуется оказать имъ всяческую поддержку, но не стѣснитъ хлѣбной спекуляціи, которую не устрашитъ никакой высокій учетный процентъ когда имѣется въ виду наживать рубль на рубль. Подѣйствовать на этихъ спекулянтовъ можно только вычеркнувъ ихъ имена изъ списка лицъ пользующихся кредитомъ Государственнаго Банка.

Другой сильный ударъ игрѣ на повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ можно нанести двинувъ на рынки хлѣбные запасы которыхъ она не успѣла или не могла захватить въ свои руки. Такихъ запасовъ не мало по всей Россіи. Какъ ни плохо организована у насъ система обезпеченія народнаго продовольствія, но въ сельскихъ запасныхъ магазинахъ всетаки имѣются въ наличности большія массы хлѣба. Оставаясь въ этихъ магазинахъ тамъ гдѣ въ данную минуту продовольствіе мѣстнаго населенія обезпечено, этотъ хлѣбъ не что́ иное какъ мертвый капиталъ. Направленный туда гдѣ въ немъ нуждаются, онъ сдѣлаетъ благое дѣло. Помимо этого хлѣ-

ба, во многихъ мѣстностяхъ точно также какъ и въ Петербургѣ можетъ быть производима продажа хлѣба изъ интендантскихъ складовъ, поскольку это не затруднитъ продовольствіе войскъ. Наконецъ, не малая конкурренція по внутренней хлѣбной торговлѣ могла бы быть создана пріостановкой или стѣсненіемъ отпуска хлѣба за границу. Закупленный для вывоза хлѣбъ былъ бы принужденъ идти на внутренніе рынки и предложеніе его на продажу, надо полагать, не осталось бы безъ вліянія на цѣны. Это, повидимому, очень хорошо понимали тѣ петербургскіе хлѣботорговцы которые недавно такъ рѣшительно высказались противъ этой мѣры. Стоитъ правительству двинуть на рынки нѣкоторое количество хлѣба, и можно быть увѣрену что вслѣдъ затѣмъ не замедлятъ поступить въ продажу многіе изъ тѣхъ запасовъ которые нынѣ придерживаются ихъ владѣльцами частію изъ опасенія чтобъ они не попали въ руки хлѣбныхъ монополистовъ, частію въ разчетѣ идти въ хвостъ спекуляціи и выиграть на ея игрѣ.

Хлѣбные запасы которые желательно двинуть на рынки во многихъ случаяхъ удалены на значительныя разстоянія отъ мѣстъ куда требуется ихъ направить. Но это не составитъ затрудненія для правительства, которое имѣетъ возможность распорядиться всею системой нашихъ желѣзнодорожныхъ сообщеній, потребовавъ при этомъ чтобы желѣзнодорожные тарифы были немедленно измѣнены въ интересахъ внутренней перевозки хлѣба. Этой перевозкѣ хлѣба, въ видахъ обезпеченія народнаго продовольствія и пониженія хлѣбныхъ цѣнъ, само собою должно быть отдано преимущество предъ другими подобными грузами. Желѣзныя дороги такъ долго и такъ усердно дѣлали сбавки со своихъ тарифовъ въ интересахъ снабженія хлѣбомъ иностранцевъ что не будетъ несправедливымъ если ими будетъ сдѣлано нѣчто подобное и для снабженія хлѣбомъ внутреннихъ русскихъ рынковъ.

№ 296.

Москва, 24-го октября.

Послѣднія извѣстія о внутреннихъ и колоніальныхъ дѣлахъ Великобританіи, въ виду инициативы принятой этою державой въ разрѣшеніи современныхъ затрудненій на востокѣ Европы, если всѣ подтвердятся, представляютъ мало утѣшительнаго для христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова. По слухамъ распространившимся въ Пешаверѣ, въ Кабулѣ полная анархія и Абдуррахманъ убитъ. Правда, это еще только слухъ, но самый фактъ что индійскія власти на запросъ изъ Англіи были не въ состояніи прямо опровергнуть извѣстія вслѣдствіе перерыва сообщеній съ Кабуломъ и новая корреспонденція близкой г. Гладстону *Daily News*, извѣщающая что въ прилегающихъ къ Кабулу округахъ господствуетъ совершенный безпорядокъ, придаютъ слуху нѣкоторое значеніе.

Еслибъ это извѣстіе подтвердилось, то г. Гладстону, несмотря на все его желаніе, не скоро еще пришлось бы развязаться съ несчастнымъ Афганскимъ вопросомъ. Когда теперешнее правительство рѣшилось наконецъ провозгласить Абдуррахмана эмиромъ, несмотря на недовѣріе къ нему, какъ человѣку пользовавшемуся русскимъ гостепріимствомъ, и считало уже что афганскія затрудненія по крайней мѣрѣ временно покончены, оно находило возможнымъ вывести войска изъ Кабула, но было внезапно озадачено извѣстіемъ о пораженіи британскаго войска. Однако г. Гладстонъ повидимому такъ твердо рѣшился раздѣлаться съ Афганистаномъ что одновременно съ генераломъ Робертсомъ, выступившимъ для сокрушенія Эюба и освобожденія осажденнаго имъ Кандагара, генералъ Дональдъ Стюартъ вывелъ войска изъ Кабула и повелъ ихъ обратно въ Индію. Эта рѣшимость объясняется опасеніемъ что Абдуррахманъ утратилъ бы всякую популярность еслибъ англійское войско осталось долѣе въ Кабулѣ. Генералъ Робертсъ разгромилъ Эюба, лишнія войска были выведены изъ Афганистана и оставалось только рѣшить вопросъ о Кандагарѣ. Оставлять его за собою правительство, повидимому, не хотѣло, считая это излишнею обузой. Передать его снова ненадежному Ширъ-Али или еще неутвердившемуся Абдуррахману, значило почти навѣрное отдать его въ руки бѣжавшаго Эюба, который далеко не потерялъ духа послѣ понесеннаго имъ пораженія. Азіятскія полчища привыкли терпѣть пораженія отъ Европейцевъ и не привыкли побѣждать ихъ. Поэтому, одна побѣда застав-

ляетъ ихъ позабыть о десяти пораженіяхъ. Эюбъ сталъ героемъ въ глазахъ Афганцевъ. Прошли слухи что Персія готова оказать ему всякую помощь, что онъ дѣйствуетъ теперь въ союзѣ съ Магометъ-Джаномъ и, заручившись расположеніемъ родственниковъ и сторонниковъ Якуба, готовится повторить нападеніе на Кандагаръ; а въ Кандагарскомъ округѣ оставлено немного войска, и еслибъ Абдуррахманъ былъ точно убитъ, то оказалось бы что всѣ жертвы Англичанъ какъ людьми такъ и деньгами не принесли имъ никакой пользы и что вся эта затѣя повела только къ тому чтобъ ослабить ихъ авторитетъ и военный prestige въ Средней Азіи и Индіи. Понадобилось бы возстановлять этотъ prestige, снова отправлять войска въ Афганистанъ, а можетъ-быть и изъ Англіи въ Индію: и ужъ неизбѣжно оставаться пока въ Кандагарѣ чтобъ онъ не достался въ руки ихъ врагу и побѣдителю.

Что касается южно-африканскихъ колоній, то надежда на быстрое и легкое усмиреніе Басутовъ, повидимому, исчезла, и хорошо если удастся обойтись безъ посылки туда подкрѣпленій. Телеграфъ уже извѣстилъ насъ что правительство обнародовало полученное съ мыса Доброй Надежды извѣстіе о возстаніи африканскихъ племенъ, большинство которыхъ взялось за оружіе, и что положеніе считается весьма опаснымъ.

Но всего серіознѣе положеніе Ирландіи. Агитаторы не дремлютъ и на безпрерывныхъ митингахъ внушаютъ народу что царству лэндлордовъ пришелъ конецъ, что не платя имъ аренды, отказываясь работать на нихъ и продавать имъ необходимые продукты и всячески терроризуя ихъ, они заставятъ ихъ такъ или иначе отказаться отъ своихъ земель и убраться подобру по-здорову. Дѣйствительно, положеніе землевладѣльцевъ, судя по послѣднимъ корреспонденціямъ, стало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ невыносимо. Но съ аграрнымъ вопросомъ агитаторы стараются связать свои сепаратистскіе планы, а г. Парнеллъ прямо заявилъ что хотя и сочувствуетъ улучшенію быта фермеровъ, но не взялся бы за это дѣло еслибы не видѣлъ въ немъ начатка движенія которое должно повести къ законодательной самостоятельности страны. Ирландскому народу сулятъ помощь деньгами и вооруженными людьми (Ирландцами изъ Америки), и нѣкоторые изъ серіозныхъ органовъ англійской печати не считаютъ невозможнымъ осуществленіе этихъ посуловъ въ удобную для того минуту. *Pall Mall Gazette* находитъ что, въ случаѣ еслибъ Англія втянулась въ серіозную войну, Ирландія связала бы ее по рукамъ и по ногамъ.

Естественно что такое положеніе дѣлъ не можетъ не тревожить общества въ Англіи безъ различія партій. Этимъ объясняется пущенный недавно въ Австріи слухъ о томъ что г. Гладстонъ намѣренъ отказаться отъ премьерства въ пользу маркиза Гартингтона, слухъ опровергнутый изъ Лондона. А между тѣмъ ораторы торійской партіи пріободрились и рѣзко критикуютъ политику министерства. Лордъ Солсбери, который самъ подписался подъ Берлинскимъ трактатомъ, на консервативномъ митингѣ, въ Таунтонѣ, доказывалъ прямо что Англіи нѣтъ никакого дѣла до расширенія черногорской территоріи; что если Англія и подписалась подъ Берлинскимъ трактатомъ, то она нисколько не обязана настаивать силой на его исполненіи; что же касается присужденія Эпира и Оессаліи въ пользу Греціи, то Европа имѣетъ де на это также мало права какъ на присужденіе Литтиха въ пользу Франціи. Такія рѣчи, передаваемыя тотчасъ же по телеграфу, едва ли могутъ склонять Турцію къ уступчивости: въ Константинополѣ рады вѣрить что большинство Британской націи не сочувствуетъ г. Гладстону, и что положеніе его далеко не прочно.

Еслибъ Англія дѣйствительно, въ силу собственныхъ затрудненій, была принуждена отказаться отъ дѣятельной роли въ разрѣшеніи Восточнаго вопроса, или въ ней произошла бы перемѣна министерства неблагопріятная для Славянъ и Грековъ, то балканскіе христіане, такъ долго находящіеся въ состояніи возбужденнаго ожиданія, утративъ послѣднюю надежду на помощь, быть-можетъ примутся сами добывать свое. Не вспыхнулъ ли бы тогда общій пожаръ на Востокѣ, и къ какимъ послѣдствіямъ могъ бы онъ *повести* вмѣсто мирнаго и спокойнаго *исполненія* постановленій Берлинскаго трактата? Тронная рѣчь короля Эллиновъ и заявленія г. Кумундуроса въ греческой палатѣ указываютъ на рѣшимость Греческаго правительства дѣйствовать не дожидаясь евро-

пейской помощи. Если же Грецiя двинется, то это можетъ стать сигналомъ для всѣхъ неудовлетворенныхъ.

Таковы могли бы быть послѣдствiя британскихъ затрудненiй. Но надо надѣяться что извѣстiе объ убiйствѣ Абдуррахмана не подтвердится. Хотя оно еще и не опровергнуто официально, но въ полученномъ сегодня нумерѣ *Times* отъ 1 ноября находимъ корреспонденцiю изъ Калькуты отъ 31 октября въ которой сказано что послѣднiя извѣстiя полученныя въ Симлѣ изъ Кабула вполнѣ удовлетворительны и нисколько не подтверждаютъ тревожныхъ слуховъ распространившихся о тамошнемъ положенiи дѣлъ. И что бы ни говорили ораторы оппозицiи и торiйскiе органы равно какъ и враждебныя восточной политикѣ г. Гладстона европейскiя газеты, британскiй премьеръ, какъ видно, не смущается и продолжаетъ на Востокѣ дѣйствовать не слабѣя въ своей энергiи и настаивая на своихъ требованiяхъ.

Что же касается прочности его положенiя въ которомъ злорадно сомнѣваются на континентѣ, то въ Англiи не могутъ не сознавать что всѣ теперешнiя ея затрудненiя суть наслѣдiе Биконсфильдова кабинета, что г. Гладстону приходилось доселѣ только поправлять ошибки бывшаго премьера, и что правительство вѣроятно предупредило бы то что совершается теперь въ Ирландiи и обезоружило бы агитацiю, еслибы палата лордовъ не отвергла билля о вознагражденiи фермеровъ. Г. Гладстонъ отдѣляетъ аграрный вопросъ отъ сепаратистскихъ стремленiй *гомрулеровъ* и насколько сочувствуетъ дѣйствительнымъ нуждамъ бѣдствующихъ фермеровъ, настолько же твердъ въ своей рѣшимости бороться противъ агитацiи.

№ 297.

Москва, 25-го октября.

А.

Безполезно спорить о томъ что составляетъ главную причину теперешняго неимовѣрнаго возвышенiя цѣнъ на хлѣбъ во всей Россiи,—недоборъ ли хлѣбовъ и травъ въ разныхъ мѣстностяхъ, или громадная спекуляцiя хлѣботорговцевъ, поспѣшившая воспользоваться мѣстными неурожаями. Оба фактора дѣйствуютъ параллельно, но главная роль принадлежитъ, кажется, спекуляцiи. Ничѣмъ инымъ какъ спекуляцiей и стачкой торговцевъ нельзя объяснить ни Нижегородской исторiи хлѣбныхъ цѣнъ упавшихъ въ одинъ день на 80 к. съ пуда вслѣдствiе увѣщанiй администрацiи и побитiя толпою нѣсколькихъ прикащиковъ, ни усугубленiя цѣны хлѣба въ Петербургѣ въ теченiе двухъ мѣсяцевъ, ни этой повсемѣстности вздорожанiя идущаго неимовѣрно быстро и скачками.

Недоборъ хлѣбовъ въ разныхъ мѣстностяхъ есть фактъ котораго ничѣмъ не передѣлаешь; никакими мѣрами нельзя удвоить или утроить количество собраннаго хлѣба и сѣна. Остается лишь, по возможности, ослабить послѣдствiя факта и подвозить хлѣбъ въ нуждающiяся мѣстности. Иное дѣло торговая спекуляцiя; съ нею надо вступить въ рѣшительную борьбу. Средствъ для борьбы имѣется не мало. Стачку торговцевъ можно раскрыть и преслѣдовать по закону какъ всякую стачку; можно назначить таксу на хлѣбъ, подкрѣпляя ее открытiемъ спецiальныхъ пекарень, что предлагаетъ для Москвы кн. Д. Д. Оболенскiй; можно сдѣлать общественныя закупки хлѣба и продавать его по пониженнымъ цѣнамъ, особенно для бѣдныхъ. Но кромѣ этихъ обычно и повсюду принимаемыхъ въ подобныхъ случаяхъ мѣръ, можно принять еще мѣры соотвѣтствующiя особымъ, современнымъ обстоятельствамъ. Есть условiя чрезвычайно облегчающiя развитiе спекуляцiи хлѣбомъ, условiя не существовавшiя въ прежнiе голодные годы, но въ этихъ же условiяхъ заключаются и новыя, небывалыя прежде средства для борьбы со зломъ.

Въ теченiе трехъ лѣтъ, 1877—1879, чрезвычайно развился отпускъ нашего хлѣба за границу и достигъ небывалыхъ размѣровъ. Множество торговыхъ домовъ въ портовыхъ городахъ затратили свои капиталы на эти громадныя операцiи; множество конторъ и агентовъ заведены этими домами въ главнѣйшихъ городахъ Россiи по линiямъ желѣзныхъ дорогъ; не только на пристаняхъ и базарахъ, но и по деревнямъ являлись во множествѣ коммиссiонеры и скупщики хлѣба не только для мѣстныхъ купцовъ, но и прямо для морскихъ портовъ. Очень часто скупали хлѣбъ даже на корню. Громадный отпускъ хлѣба за границу покрылъ всю Россiю сѣтью

торговой спекуляціи хлѣбомъ. Теперь заграничный вывозъ хлѣба упалъ, но куда же дѣвался закупленный спекуляціей хлѣбъ и какъ вывертываются теперь изъ бѣды капиталы затраченные въ это дѣло? Они не могли быстро выйти изъ операціи и за насыщеніемъ иностранныхъ рынковъ принуждены были обратиться къ эксплуатаціи внутреннихъ. Неурожай въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, повидимому, далъ толчокъ къ повороту и поднялъ надежды на возможность наверстать въ самой Россіи тѣ высокія цѣны по коимъ хлѣбъ, благодаря, между прочимъ, низкому курсу, продавался на заграничныхъ рынкахъ.

Спекуляція всегда сопровождала у насъ неурожаи и иногда жестоко ихъ эксплуатировала. Но прежде это была спекуляція заключенная въ предѣлахъ отдѣльныхъ мѣстностей, по необходимости разрозненная. Теперь Россія покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ; безъ прямой стачки, безъ особыхъ усилій стала возможною въ наши дни спекуляція захватившая всю сѣть желѣзныхъ дорогъ, всѣ главные торговые рынки.

Проведеніе желѣзныхъ дорогъ, сблизившее отдаленные торговые города, прямо вело къ сліянію интересовъ торговаго класса и облегчало путь спекуляціи, а тутъ случилось еще то обстоятельство что у насъ отдали все тарифное дѣло желѣзныхъ дорогъ на полный произволъ частныхъ компаній. Желѣзныя дороги неизбѣжно должны были сойтись при такихъ порядкахъ съ крупнѣйшими представителями торговли и обратиться къ служенію ихъ частнымъ интересамъ. Спекуляція не только пользуется теперь такою громадною силой какъ желѣзныя дороги, но еще находитъ полную возможность обратить ихъ въ свое орудіе и хозяйничать на нихъ.

Крупные торговые капиталы сосредоточены у насъ въ портахъ, въ Москвѣ и немногихъ другихъ внутреннихъ городахъ. Случилось такъ что желѣзныя дороги представляютъ всѣ выгоды дешеваго провоза портамъ, Москвѣ и немногимъ городамъ. По уставамъ желѣзныхъ дорогъ, онѣ обязаны возить товары не свыше извѣстной цѣны и не дѣлая притомъ никакихъ льготъ для отдѣльныхъ отправителей; но желѣзнымъ дорогамъ предоставлено понижать тарифы, и эти спеціальные пониженные тарифы отданы на ихъ полный произволъ; тутъ можно дѣлать льготы какимъ угодно мѣстностямъ и отправителямъ. И вотъ что напримѣръ дѣлается: Зарайскъ, конечно, далеко отсталъ по капиталамъ отъ Москвы, и онъ платитъ за провозъ вагона хлѣба изъ Саратова 136 р. 80 к., а Москва 92 р. 58, т.-е. на 44 р. 22 к. дешевле, хотя Зарайскъ на 101 версту ближе къ Саратову. Сызрань богаче Раненбурга, и вотъ провозъ вагона хлѣба отъ Сызрани въ Петербургъ (1.520 в.) стоитъ 152 р., а изъ Раненбурга (935 в.)— 186 р., т.-е. на 34 р. дороже. И такихъ примѣровъ можно привести безъ числа.

Случается что какой-либо желѣзной дорогѣ какой-нибудь портъ вдругъ почему-то гораздо больше понравится чѣмъ другой. Саратовской дорогѣ почему-то Ревель понравился больше Риги, и за провозъ въ Ревель она стала брать дешевле. Въ Ригу изъ Саратова надо заплатить за вагонъ хлѣба 229 р. 55 коп., въ Ревель 181 р. 60 к. Повидимому, не все ли равно правленію дороги куда ѣдетъ хлѣбъ по ея рельсамъ, въ Ригу или Ревель, но нѣтъ, ей нравится Ревель. Юговосточная подкомиссія желѣзнодорожнаго изслѣдованія искала разумнаго объясненія этому факту, и не нашла. То же самое случилось и съ Грязе-Царицынскою дорогой. Еще пѣжнѣе расположены сердца нашихъ желѣзнодорожниковъ къ прусскимъ портамъ. Едва Либава стала нѣсколько подниматься какъ прежніе тарифы тотчасъ отмѣнили, а ввели новые, толкающіе грузы въ Кенигсбергъ. Петербургская подкомиссія, бывшая подъ предсѣдательствомъ графа Баранова, говоритъ:

„Несмотря даже на вводимыя въ Германіи такъ-называемыя *боевыя* противъ нашей торговли пошлины, Главное Общество (находящееся теперь въ рукахъ г. Уайнеса, замѣтимъ мы) упорно отказывается отъ установленія какихъ-либо дифференціальныхъ (пониженныхъ) тарифовъ прямаго сообщенія съ Ригою и Либавою, сохраняя таковые только для прямаго сообщенія съ заграничными портами и предоставляя русскимъ отправителямъ въ Ригу и Либаву пользоваться въ прямомъ сообщеніи лишь тѣми высокими тарифами которые существуютъ для мѣстныхъ отправокъ С.-Петербурго-Варшавской, Либаво-Роменской и Риго-Динабургской дорогъ."

Желѣзныя дороги могутъ удовлетворять самымъ разнообразнымъ требованіямъ. Саратовская дорога, какъ извѣстно, граан-

тирована мѣстнымъ земствомъ; налогъ по этой гарантіи доходитъ до 11_{11} копѣйки съ десятины. Повидимому, налогъ этотъ долженъ бы возбуждать жалобы. Однако, ни крупные торговцы, ни крупные землевладѣльцы не жалуются. Одинъ богатый купецъ заявилъ юговосточной подкоммиссіи гр. Баранова: „налогъ по гарантіи намъ не во вредъ, а въ пользу.“ И дѣйствительно, провозъ пуда зернового хлѣба изъ Саратова до Петербурга стоитъ теперь $26^1/_2$ к., а изъ Тамбова—$35^1/_2$ к. Эти девять копѣекъ разницы на пудъ дадутъ 3 р. 26 к. съ десятины, а за вычетомъ 11 к. гарантіи 3 р. 15 к., а съ сотни десятинъ 315 р.

Вотъ что разказываетъ Кіевская подкоммиссія относительно сдѣлокъ съ отдѣльными лицами:

„Кромѣ спеціальныхъ тарифовъ предназначенныхъ для всѣхъ отправителей, желѣзныя дороги, какъ извѣстно, заключаютъ еще особые договоры съ отдѣльными лицами. Такіе договоры въ большинствѣ случаевъ сохраняемые въ тайнѣ, даютъ совершенно несправедливыя привилегіи нѣкоторымъ спекуляторамъ и торговцамъ въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Въ 1879 году, циркуляромъ г. министра Путей Сообщенія эти исключительные договоры въ пользу нѣкоторыхъ частныхъ лицъ запрещены, но такое запрещеніе нисколько не устраняетъ возможности существованія ихъ, хотя бы въ нѣсколько измѣненной формѣ. При отсутствіи надлежащаго правительственнаго контроля, секретныя тарифныя сдѣлки могутъ быть совершаемы всегда, вопервыхъ, подъ видомъ возвращенія переборовъ, которые никакому контролю не подлежатъ, вовторыхъ, посредствомъ пониженія тарифной ставки для извѣстныхъ станцій. Если отправителями извѣстнаго товара на какой-нибудь станціи являются одно или два лица (напримѣръ, крупный спекулянтъ или заводчикъ), то пониженіе тарифа для этой станціи есть несомнѣнно пониженіе въ пользу извѣстнаго лица.“

Есть и еще пріемъ: въ тихомолку понизить тарифъ на короткое время для того чтобъ N. N. могъ вывозить свой товаръ со скидкой, а затѣмъ возстановить прежній, общій тарифъ. Засвидѣтельствована же одною изъ подкоммиссій исторія газоваго завода въ Москвѣ, добившагося еще проще скидки на провозъ иностраннаго угля...

Портовые и крупные торговцы внутреннихъ рынковъ стали у насъ полными распорядителями желѣзнодорожной сѣти, но здѣсь въ самомъ злѣ заключается и врачеваніе его. Желѣзнодорожныя компаніи, по большей части неоплатные должники правительства вполнѣ отъ него зависящіе, могутъ стать могучею силой для борьбы со спекуляціей если того потребовать отъ нихъ. Всѣ пріемы которыми желѣзныя дороги дѣйствуютъ въ пользу спекуляціи могутъ быть обращены противъ нея.

По книгамъ отправки грузовъ со станцій можно тотчасъ же узнать какъ размѣры стачки хлѣботорговцевъ такъ и фирмы въ ней участвующія; можно опредѣлить также съ большою достовѣрностію сколько куда свезено хлѣба въ склады и въ запасъ. Уяснивъ положеніе дѣлъ, надо организовать соотвѣтствующую обстоятельствамъ систему тарифовъ и ввести ее тотчасъ въ дѣйствіе, къ чему никакихъ препятствій не имѣется. Тарифы устанавливаются у насъ безъ сроковъ и измѣняются въ любую минуту. Измѣненія тарифовъ могутъ не только остановить искусственный вывозъ хлѣба изъ нуждающихся мѣстностей за границу, въ порты и большіе города, но и вызвать подвозъ хлѣба къ нуждающимся мѣстностямъ. При этомъ необходимо измѣнить также условія мелкаго мѣстнаго движенія. Теперь накладные сборы по перевозкамъ на небольшія разстоянія, за нагрузку и выгрузку, сборы далеко не оправдываемые закономъ, часто вдвое превышаютъ провозную плату.

Завтра, здѣсь въ Москвѣ, соберется съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ II группы, а въ нее входятъ дороги ведущія въ наиболѣе пострадавшія мѣстности, въ Саратовъ и Самару. Посмотримъ что сдѣлаетъ этотъ съѣздъ въ виду теперешнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. На наши желѣзныя дороги „увы, такъ много грѣховъ ужасныхъ налегло“ что слѣдовало бы ихъ представителямъ хоть разъ показать себя въ уровень съ потребностями государства оплачивающаго эти дороги.

Общій съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ окончился. На разсмотрѣніе этого съѣзда успѣли передать вопросъ объ удешевленіи мяса, но не успѣли поставить вопроса о хлѣбѣ. И относительно завтрашняго съѣзда никакихъ особыхъ мѣръ не принято. Если онъ ничего не сдѣлаетъ, то не трудно созвать

его еще разъ уже вмѣстѣ съ полномочными представителями правительства. Повидимому, это уже и имѣется въ виду.

Б.

Возобновляемъ сегодня печатаніе судебнаго отчета о политическомъ процессѣ о 29 лицахъ разбиравшемся въ Кіевскомъ военно-окружномъ судѣ. Процессъ этотъ не потерялъ интереса и въ настоящее время, несмотря на то что онъ разбирался около полугода тому назадъ, и даже въ виду начавшагося сегодня въ Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ новаго процесса, въ коемъ, по слухамъ, фигурируютъ главные виновники послѣднихъ революціонерныхъ скандаловъ и самые члены „исполнительнаго комитета." Есть немало указаній изъ коихъ можно заключать о тѣсной связи между Кіевскимъ дѣломъ и тѣмъ которое нынѣ разбирается въ Петербургѣ. Достаточно указать на то что по официальному удостовѣренію заключающемуся въ отчетѣ о Кіевскомъ процессѣ „дознаніе о дворянинѣ Кобылянскомъ, вслѣдствіе возникшаго на него обвиненія въ убійствѣ бывшаго харьковскаго губернатора князя Крапоткина, согласно распоряженію кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, выдѣлено изъ общаго дѣла и отправлено въ III Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи." По слухамъ сообщеннымъ петербургскими газетами, въ предстоящемъ петербургскомъ процессѣ будетъ раскрыто и это убійство, о виновникахъ котораго сообщалось до сихъ поръ столько разнообразныхъ и противорѣчивыхъ слуховъ.

Воспроизвести цѣликомъ отчетъ о Кіевскомъ процессѣ, печатаемый, и до сихъ поръ неоконченный, въ видѣ особаго приложенія къ *Кіевскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ*, нѣтъ никакой возможности. Сказанное приложеніе заключаетъ уже теперь около 200 страницъ въ 8-ю долю листа убористаго шрифта. Но помимо этого чрезмѣрнаго для ежедневной газеты объема, форма изложенія официальнаго отчета такова что интересъ дѣла скорѣе ослабляется нежели усиливается по мѣрѣ накопленія огромной массы подробностей, въ коихъ теряется общая связь дѣла. Для *читателя* воспроизведеніе всего что говорится на судѣ не можетъ имѣть никакого интереса какъ потому что читатель не судья, такъ и потому что результатъ судебнаго изслѣдованія, которое одно имѣетъ значеніе, упраздняетъ многое что имѣло смыслъ и о чемъ было необходимо говорить прежде чѣмъ былъ добытъ результатъ. Такъ напримѣръ, въ политическихъ процессахъ обвиняемые большею частью выступаютъ первоначально подъ фальшивымъ именемъ и съ фальшивымъ паспортомъ. Въ послѣдствіи, такъ или иначе, обнаруживается настоящее имя и званіе даннаго субъекта. Для судьи важно знать что такой-то именовалъ себя первоначально такъ-то, и что по разслѣдованію лживое показаніе обнаружено и оказалось то-то. Но есть ли надобность включать въ судебный отчетъ всѣ эти утомительныя для вниманія читателя и стереотипно повторяющіяся подробности о томъ какой фальшивый паспортъ, за чьею фальшивою подписью и печатью и за какимъ нумеромъ былъ предъявленъ обвиняемымъ, когда вслѣдъ затѣмъ сообщается раскрытое дознаніемъ настоящее его званіе? Такими или подобными подробностями совершенно ненужнымъ образомъ растягиваются до безконечности отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ по политическимъ процессамъ; печатаніе ихъ продолжается много мѣсяцевъ послѣ окончанія процесса, и подъ конецъ ихъ перестаютъ вовсе читать, между тѣмъ какъ знакомство съ этими процессами въ высшей степени важно, ибо изъ нихъ, и только изъ нихъ, общество получаетъ возможность на основаніи достовѣрныхъ фактовъ изучать гнѣздящуюся въ немъ язву.

Перепечатывая официальный отчетъ изъ *Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, мы не дозволяемъ себѣ никакихъ передѣлокъ; мы лишь выкинемъ изъ него излишнія подробности, въ родѣ указанныхъ выше, и всѣ повторенія объ одномъ и томъ же фактѣ. Въ этомъ видѣ отчетъ представляетъ несомнѣнный интересъ. Стоитъ обратить вниманіе на „документы," то-есть разнаго рода записки, письма и замѣтки захваченные у подсудимыхъ, вводящіе насъ въ кругъ „идей" этихъ общественныхъ „преобразователей" и дающіе возможность прислушаться къ ихъ откровеннымъ рѣчамъ и помышленіямъ. Не все ясно въ этихъ писаніяхъ, такъ какъ большая часть этихъ писемъ писаны шифромъ и подъ вліяніемъ опасеній о томъ что они могутъ попасться въ руки слѣдственной власти; но и то что въ нихъ понятно составляетъ небезын-

тересный матеріалъ для характеристики умственнаго уровня нашихъ революціонеровъ. Такова напримѣръ программа Бунинскаго и признанія „инженера Сашки“ (показанія Ѳедора Юрковскаго, будутъ приведены при дальнѣйшемъ изложеніи процесса). Не безынтересно также что кіевскіе революціонеры, какъ оказывается изъ писемъ одной изъ подсудимыхъ (Шейвы Шехтеръ), весьма интересовались процессомъ Качки въ Москвѣ и предвидѣли что ее оправдаютъ. Убійство (Байрашевскаго) совершенное Качкой признано, какъ извѣстно, не политическимъ и на основаніи приговора присяжныхъ не вмѣнено Качкѣ въ преступленіе.

Еще важнѣе тѣ подробности Кіевскаго процесса изъ коихъ видно что прошедшею зимой *динамитъ* былъ обычною принадлежностію арсенала нашихъ революціонеровъ, и кіевскіе агитаторы имѣли въ виду пустить его въ ходъ тѣми же способами какіе примѣнены были при адскихъ замыслахъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Теперешній Петербургскій процессъ, быть-можетъ, раскроетъ ближайшую связь между кіевскими и столичными „пиротехниками.“

Вообще Петербургскій процессъ, судя по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ кои до сихъ поръ проникли въ печать, представляетъ большой интересъ для всего русскаго общества, и мы въ правѣ надѣяться что въ этомъ случаѣ законное любопытство всего читающаго міра будетъ удовлетворено скорѣе и болѣе внимательнымъ образомъ нежели это дѣлалось до сихъ поръ при политическихъ процессахъ, и что не повторится то что было при процессѣ Веймара и Мирскаго, когда газетные репортеры, присутствовавшіе въ засѣданіи, вынуждены были ограничиваться сообщеніемъ такъ-называемаго „внѣшняго хода дѣла,“ не касаясь самаго содержанія разбирательства, которое выяснилось спустя болѣе недѣли послѣ начала процесса, когда въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появился полный текстъ обвинительнаго акта.

Обвинительный актъ, есть фундаментъ всего судебнаго разбирательства. Онъ вносится готовымъ и законченнымъ въ судъ, и съ него начинается процессъ. Если сочтено неудобнымъ предоставить полную свободу газетнымъ репортерамъ въ сообщеніи того что происходитъ на судѣ, то не видно причины, почему по крайней мѣрѣ обвинительный актъ не можетъ быть немедленно обнародованъ.

№ 299.

Москва, 27-го октября.

Въ числѣ предметовъ подлежащихъ обсужденію открывшагося сегодня съѣзда представителей второй группы желѣзныхъ дорогъ видное мѣсто занимаютъ вопросы о перевозкѣ хлѣба и мяса и о мѣрахъ которыя могли бы быть приняты желѣзными дорогами для удешевленія этихъ продуктовъ. Это придаетъ засѣданіямъ съѣзда особый интересъ. Чтобы принять участіе въ его совѣщаніяхъ по этимъ предметамъ прибыла въ Москву особая депутація отъ Петербургской думы. Московская дума, надо полагать, не менѣе Петербургской заинтересована въ вышеозначенныхъ вопросахъ, но не сочла однако нужнымъ командировать въ съѣздъ своихъ депутатовъ, потому ли что не ожидаетъ серіозныхъ результатовъ отъ его рѣшеній, или потому что не надѣется чтобы присутствіе ея представителей на съѣздѣ могло въ чѣмъ-нибудь подѣйствовать на эти рѣшенія и измѣнить ихъ въ ту или иную сторону.

Перевозка мяса и его удешевленіе были главнымъ предметотъ сегодняшняго засѣданія съѣзда съ участіемъ Петербургской депутаціи. Эта депутація, какъ оказывается, прибыла въ Москву вовсе не для закупки хлѣба на ассигнованныя Петербургскою думой суммы, какъ можно было думать по газетнымъ извѣстіямъ, а именно для заявленія на съѣздѣ разныхъ требованій или желаній по перевозкѣ мяса, которымъ могли бы удовлетворить желѣзныя дороги принятіемъ соотвѣтственныхъ мѣръ въ интересахъ публики вообще и Петербургскаго городскаго населенія въ особенности. Конечно, это было не безызвѣстно представителямъ желѣзныхъ дорогъ, и на предварительномъ совѣщаніи, прежде чѣмъ депутаты были приглашены принять участіе въ засѣданіи, съѣздъ предупредительно постановилъ нѣсколько рѣшеній въ удовлетвореніе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ требованій съ коими депутаты имѣли къ нимъ обратиться.

Эти требованія касались пониженія тарифа по перевозкѣ скота и мяса, ускоре-

нія перевозки, устраненія разныхъ неудобствъ, которымъ подвергается скотъ во время пути и организаціи въ широкихъ размѣрахъ перевозки мяса въ спеціальныхъ вагонахъ-ледникахъ. Относительно послѣдняго пункта, бывшаго недавно предметомъ оживленныхъ толковъ, особенно въ виду сдѣланныхъ удачныхъ опытовъ доставки свѣжаго мяса изъ Оренбурга въ Петербургъ, соѣздъ рѣшилъ оставить вопросъ открытымъ. Сдѣланный въ маломъ размѣрѣ опытъ не имѣетъ въ его глазахъ рѣшающаго значенія. Техническія трудности сохраненія свѣжаго мяса при перевозкахъ на большія разстоянія представляются такими что желѣзныя дороги не считаютъ для себя возможнымъ нынѣ же преодолѣть ихъ, и не рѣшаются вводить въ свой подвижной составъ въ необходимомъ количествѣ вагоны спеціально назначенные для транспортировки свѣжаго мяса. Онѣ будутъ ждать усовершенствованій по этому предмету на иностранныхъ желѣзныхъ дорогахъ чтобы затѣмъ уже, если окажется возможнымъ, примѣнить это усовершенствованіе у себя. Но что касается другихъ пунктовъ, съѣздъ изъявилъ готовность пойти на встрѣчу требованіямъ публики. Онъ рѣшилъ и ввести нѣкоторыя улучшенія въ перевозку скота и мяса, и понизить провозный тарифъ на этотъ товаръ. Преположено сдѣлать кое-что для вентиляціи вагоновъ въ которыхъ перевозится скотъ, рѣшено держаться на русскихъ дорогахъ обязательнаго за границей правила чтобы скотъ не оставался въ пути безъ освѣженія, корма и пойла внѣ вагоновъ болѣе 28 часовъ сряду. Въ видахъ соблюденія этого правила постановлено устроить въ нѣсколькихъ пунктахъ, напримѣръ въ Козловѣ, особо приспособленныя помѣщенія куда перевозимый скотъ могъ бы быть выгоняемъ изъ вагоновъ для отдыха и подкрѣпленія силъ, причемъ дороги озаботятся снабженіемъ его водой. Для ускоренія перевозки предположено увеличить скорость передвиженія нагруженныхъ скотомъ и мясомъ вагоновъ до скорости средней между пассажирскими и обыкновенными товарными поѣздами. Далѣе, вагонамъ со скотомъ и мясомъ предоставляется преимущество очереди отправленія со станцій предъ всякими другими товарами. Наконецъ, зимній тарифъ по перевозкѣ скота и мяса на разныхъ дорогахъ второй группы въ предстоящемъ ноябрѣ будетъ пониженъ, такъ что въ общемъ выводѣ стоимость перевозки отъ мѣстъ отправленія до Петербурга, не считая накладныхъ расходовъ, сократится приблизительно на тридцать процентовъ противъ нынѣшней стоимости.

Осуществленіе всего этого на дѣлѣ будетъ конечно шагомъ впередъ, но едва ли этимъ можно удовольствоваться. И пониженный тарифъ все еще будетъ очень высокъ, принимая въ разчетъ громадность разстояній чрезъ которыя везется скотъ,— обстоятельство не позволяющее ссылаться на нѣкоторые западно-европейскіе желѣзнодорожные тарифы въ оправданіе высоты нашихъ. Зимній тарифъ много выше лѣтняго, а причина почему онъ не можетъ быть совершенно уравненъ съ этимъ послѣднимъ остается неясною для публики. Стоимость услуги желѣзныхъ дорогъ почти одинакова и зимой, и лѣтомъ. Повышая цѣну этой услуги зимой, желѣзныя дороги пользуются лишь отсутствіемъ въ это время той конкурренціи какую дѣлаютъ имъ скотопрогонные тракты, точно также какъ пользуются нынѣ отсутствіемъ конкурренціи монополисты по хлѣбной и мясной торговлѣ при повышеніи цѣнъ на свои товары. Но то что еще можетъ быть въ этомъ отношеніи извинительно для частныхъ лицъ, едва ли можетъ быть допускаемо на государственныхъ путяхъ сообщенія предоставленныхъ въ завѣдываніе желѣзнодорожныхъ обществъ. Далѣе, скорость передвиженія скота и мяса все еще далека отъ той которая желательна и возможность достиженія коей доказана Николаевскою желѣзною дорогой. Пунктовъ остановки для подкрѣпленія скота въ пути предположено устроить мало, на большихъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ, вслѣдствіе чего предположеніе вмѣнить владѣльцамъ скота въ обязанность непремѣнно пользоваться пунктами остановки можетъ оказаться стѣсненіемъ для тѣхъ кто посадилъ скотъ въ вагоны лишь за нѣсколько часовъ до прибытія на эти „скотскіе буфеты,“ какъ они были названы при совѣщаніяхъ. Заботы о снабженіи этихъ буфетовъ кормомъ для скота лежатъ на скотовладѣльцахъ, которымъ возбраняется, между тѣмъ, возить вмѣстѣ со скотомъ необходимый для него кормъ. Наконецъ, отсрочка вопроса о спеціальныхъ вагонахъ для перевозки свѣжаго мяса, на томъ основаніи что этотъ вопросъ не раз-

работанъ во всѣхъ деталяхъ за границей, причемъ самая перевозка такого мяса не достигла тамъ тѣхъ размѣровъ въ какихъ производится перевозка живаго скота и соленаго и копченаго мяса, тоже представляетъ мало утѣшительнаго. Во всякомъ случаѣ, для перевозки свѣжаго мяса тамъ уже многое сдѣлано; а у насъ ничего. Убытки понесенные нѣкоторыми предпринимателями при перевозкѣ свѣжаго мяса изъ Вѣны въ Парижъ, на что указывалось въ съѣздѣ какъ на аргументъ противъ немедленнаго приступа къ организаціи у насъ этой перевозки, не достаточно доказательны. Они могли зависѣть отъ случайностей которыя не окажутся непреодолимыми при доброй волѣ и болѣе заботливомъ чѣмъ нынѣ отношеніи служебнаго желѣзнодорожнаго персонала къ дѣлу.

Кромѣ того что рѣшено сдѣлать и чего рѣшено не дѣлать относительно желаемыхъ улучшеній по перевозкѣ мяснаго товара, происходившія сегодня на желѣзнодорожномъ съѣздѣ совѣщанія представляли особенный интересъ по объясненію причинъ необыкновеннаго вздорожанія мяса въ Петербургѣ. Между прочимъ заявлено что каковы бы ни были касающіеся этого дѣла желѣзнодорожные непорядки, какъ бы ни были справедливы раздающіяся противъ нихъ жалобы, дороговизна возникла независимо отъ этихъ непорядковъ. Не только по обѣщанному тарифу, но и по прежнему, дѣйствующему до сихъ поръ, провозъ мяса въ Петербургъ изъ мѣстъ отправленія повышаетъ его цѣну очень не много, и принимая въ разчетъ всѣ накладные расходы, петербургскія цѣны фунта мяса не должны были бы превышать московскія болѣе чѣмъ на одну или двѣ копѣйки. Между тѣмъ, мясо поднялось тамъ до 22 к. за фунтъ. Этотъ подъемъ цѣны не можетъ быть также объясняемъ недостаткомъ мяса въ Петербургѣ. По сдѣланному съѣздомъ статистическому разчету, количество скота и мяса которое было привозимо въ послѣднее время въ Петербургъ превышаетъ размѣръ тамошняго потребленія, полагая что каждый петербургскій житель, среднимъ числомъ, съѣдаетъ въ годъ столько же мяса сколько и житель Берлина или Вѣны. Остается признать что дороговизна мяса есть результатъ такой же спекуляціи на подъемъ его цѣнъ какая замѣчена по отношенію къ хлѣбу. Разчеты этой спекуляціи могутъ быть подорваны усиленною конкурренціей, вызвать которую должны усовершенствованія желѣзнодорожныхъ порядковъ по перевозкѣ. Будетъ ли въ этомъ отношеніи достаточно того что предположилъ сдѣлать съѣздъ? Вотъ вопросъ на который пока трудно отвѣтить, тѣмъ болѣе что отъ предположенія до исполненія еще далеко.

Гораздо важнѣе вопроса о дороговизнѣ мяса вопросъ о дороговизнѣ хлѣба. Первое явленіе мѣстное, второе общее. Что предполагаютъ сдѣлать желѣзныя дороги къ устраненію тѣхъ аномалій по перевозкѣ хлѣба которыми приданъ искусственный характеръ всей нашей хлѣбной торговлѣ, вотъ вопросъ на который всѣ нетерпѣливо ждутъ отвѣта. Недостатокъ времени не позволилъ съѣзду войти въ обсужденіе хлѣбнаго вопроса въ сегодняшнемъ засѣданіи. Онъ будетъ обсуждаться завтра.

№ 300.

Москва, 28-го октября.

Ежегодно, почти въ одно и то же время, въ Германіи возникаетъ такъ-называемый „канцлерскій кризисъ," сдѣлавшійся какъ бы „институтомъ" Германской имперіи. Кризисъ возникаетъ и проходитъ благополучно, но имѣетъ каждый разъ своимъ послѣдствіемъ какое-либо новое приращеніе громадной власти князя Бисмарка. Такъ было и въ этомъ году, но съ нѣкоторыми варіаціями, придающими дѣлу особенный интересъ. До сихъ поръ поводомъ къ испрашиваемому княземъ Бисмаркомъ увольненію отъ дѣлъ, неизмѣнно въ концѣ концовъ отвергаемому императоромъ, служило его „разстроенное здоровье." Благодаря этому поводу, руководитель внутренней и иностранной политики Германской имперіи устроился такъ что ему дано право вести все управленіе вдали отъ центра и отъ главы государства: князь Бисмаркъ живетъ почти безвыѣздно въ своемъ имѣніи Фридрихсруэ, куда къ нему не только начальники отдѣльныхъ частей внутренняго управленія отправляются съ докладами, но пріѣзжаютъ и представители иностранныхъ державъ при Германскомъ дворѣ, и каждый такой пріѣздъ знаменуется какою-либо новою фазой въ ходѣ европейской политики. Во время вновь возникшихъ на

днях слуховъ объ отставкѣ испрашиваемой княземъ Бисмаркомъ, уже не было рѣчи о болѣзни канцлера, а напротивъ заявлялось что здоровье его давно уже не было въ столь цвѣтущемъ состояніи. Какъ на причину неудовольствія князя Бисмарка, вслѣдствіе котораго имъ вновь былъ поставленъ кабинетный вопросъ, указано было то что ему, по происканъ его враговъ при дворѣ, ставилось препятствіе къ назначенію избраннаго имъ лица на постъ статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ. Этотъ постъ, какъ извѣстно, остается незамѣщеннымъ послѣ кончины г. фонъ-Бюлова, умершаго въ началѣ этого года. Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ завѣдывалъ съ тѣхъ поръ князь Гоэнлоэ, отозванный для того „временно“ изъ Парижа гдѣ онъ состоялъ представителемъ Германской имперіи, а должность германскаго посла въ Парижѣ исправлялъ также временно г. фонъ-Радовицъ, состоящій германскимъ посланникомъ въ Аѳинахъ. Князь Гоэнлоэ возвращается теперь въ Парижъ, какъ сообщаютъ берлинскія газеты официально, а г. фонъ-Радовицъ, какъ извѣщаютъ парижскія газеты, уже сдѣлалъ тамъ свои прощальные визиты, въ томъ числѣ и г. Гамбеттѣ, и возвращается въ Аѳины, гдѣ присутствіе его, въ виду осложняющагося дѣла между Греціей и Турціей, становится необходимымъ. А должность статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, къ общему удивленію, все еще осталась незамѣщенною. Это тѣмъ удивительнѣе что князь Бисмаркъ и на себя не принимаетъ этой должности, хотя это вѣдомство, казалось бы, болѣе сподручно ему нежели портфель прусскаго министра торговли, который онъ принялъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и не намѣренъ пока передавать въ другія руки, какъ заявляетъ официозно *Съверо-Германская Всеобщая Газета*. Эта же газета опровергла на дняхъ и слухъ и томъ будто князь Бисмаркъ подалъ въ отставку. Но берлинскія газеты, обыкновенно столь сдержанныя и осторожныя во всемъ что̀ касается отношеній между княземъ Бисмаркомъ и императоромъ, прямо заявляютъ на этотъ разъ свое недовѣріе къ официозному опроверженію, усматривая въ немъ лишь указаніе на то что кризисъ по обыкновенію миновалъ, но сомнѣваясь чтобъ ему удалось настоять и теперь на своемъ, такъ какъ должность покойнаго фонъ-Бюлова все еще остается вакантною. На эту должность, по словамъ тѣхъ же газетъ, князь Бисмаркъ прочитъ графа Гатцфельда, теперешняго германскаго посла въ Константинополѣ. Но „придворная камарилья“ воспротивилась де этому, энергически указывая на то что графъ Гатцфельдъ есть сынъ той самой графини Гатцфельдъ, которая пріобрѣла извѣстность своими странными отношеніями къ Лассалю. Придворные враги князя Бисмарка обвиняютъ его вообще въ какой-то интимности съ ближайшими друзьями этого знаменитаго соціалиста. Кромѣ графа Гатцфельда, князь Бисмаркъ чрезвычайно приблизилъ къ себѣ самаго интимнаго друга Лассаля, г. Лотаръ-Бухера. Послѣдній находится безотлучно при князѣ Бисмаркѣ и служитъ для него правою рукой не только по иностраннымъ дѣламъ, но и по дѣламъ внутреннихъ финансовыхъ и экономическихъ реформъ, предпринятыхъ въ послѣдніе годы. Г. Лотаръ-Бухеръ, сообщаютъ берлинскія газеты, не просто вѣрный исполнитель предначертаній имперскаго канцлера, но сумѣлъ подчинить его своему вліянію, и экономическія мѣры уже предпринятыя княземъ Бисмаркомъ, а еще болѣе предположенныя имъ въ ближайшемъ будущемъ, носятъ де на себѣ явный отпечатокъ идей Лассаля, который возлагалъ на государство главную задачу въ осуществленіи передѣлокъ общественнаго строя. О томъ что г. Лотаръ-Бухеръ остался до сихъ поръ вѣренъ идеямъ Лассаля свидѣтельствуетъ уже то что онъ еще недавно вновь издалъ ученые юридическіе труды Лассаля, исполняя его завѣщаніе, которымъ г. Бухеръ назначенъ единственнымъ наслѣдникомъ его авторскихъ правъ. При этомъ припоминается то что самъ князь Бисмаркъ два года тому назадъ отзывался о Лассалѣ въ восторженныхъ выраженіяхъ во время обсужденій въ рейхстагѣ закона о соціалистахъ.

Но не однѣми придворными сферами, подъ коими берлинскія газеты довольно прозрачно разумѣютъ императрицу Августу и ея приближенныхъ, ограничивается возрастающая агитація противъ князя Бисмарка: въ послѣднее время все сильнѣе раздается ропотъ противъ него со стороны союзныхъ германскихъ государствъ. Нѣкоторые изъ германскихъ монарховъ чувствуютъ де себя оскорбленными тѣмъ что имперскій канцлеръ слишкомъ прини-

зилъ значеніе и вліяніе Союзнаго Совѣта, коему по имперской конституціи предоставлена обширная власть въ имперіи. Въ одномъ изъ засѣданій Совѣта, въ прошедшую сессію, князь Бисмаркъ лично оскорбилъ баварскаго министра г. фонъ-Рудгарта, и послѣдній, равно какъ и представляемое имъ государство, не только не получили никакого удовлетворенія, но г. фонъ-Рудгартъ былъ смѣненъ и назначенъ баварскимъ посланникомъ въ С.-Петербургъ. Одинъ изъ союзныхъ германскихъ монарховъ выразился недавно, по словамъ тѣхъ же газетъ, слѣдующимъ образомъ о князѣ Бисмаркѣ: „Онъ—все, а мы ничего. Имперія управляется изъ Фридрихсруэ, и министры германскихъ государствъ каждую недѣлю обращаются съ вопросомъ къ своимъ государямъ, спрашивая ихъ что теперь дѣлать, такъ какъ внутренняя политика имперіи вновь приняла другое направленіе.“ Недовольныя союзныя государства ссылаются при этомъ на свою доказанную преданность Германскому Союзу и почтеніе къ императору, почерпая въ этомъ еще большее основаніе для жалобъ на министра который, по ихъ словамъ, „при всѣхъ своихъ отличныхъ достоинствахъ какъ государственный дѣятель не долженъ бы все-таки забывать что онъ не глава государства, а подданный императора.“

Вообще въ германской печати часто теперь слышатся жалобы и сѣтованія на всеподавляющее вліяніе князя Бисмарка, дѣйствительно безпримѣрное въ исторіи. Прежде только клерикальные органы позволяли себѣ иногда, и то осторожно, высказывать подобнаго рода сѣтованія. Теперь же ихъ воспроизводятъ, хотя и не отъ своего имени, и либеральные органы, добавляя къ этому что кризисъ, миновавшій въ настоящее время, не можетъ не возобновиться рано или поздно.

Либеральные органы, для которыхъ до послѣдняго времени необходимость князя Бисмарка для упроченія зданія Германской имперіи была аксіомой, видимо измѣнили свой взглядъ и довольно рѣзко критикуютъ экономическія предпріятія князя Бисмарка, усматривая въ нихъ, въ свою очередь, вліяніе идей Лассаля. Повидимому и нѣмецкая либеральная партія, по крайней мѣрѣ та ея фракція которая лѣтомъ этого года отпала отъ націоналъ-либераловъ, начинаетъ свыкаться съ мыслью о возможности обойтись и безъ князя Бисмарка, коему *Національная Газета*, ставшая теперь органомъ либераловъ-сецессіонистовъ, напоминаетъ фразу нѣкогда имъ самимъ сказанную: „j'étais trop longtemps au pouvoir...“

№ 301.

Москва, 29-го октября.

А.

Чѣмъ ранѣе и рѣшительнѣе будетъ начата борьба противъ торговой спекуляціи, тѣмъ успѣшнѣе будетъ и снабженіе нуждающихся мѣстностей хлѣбомъ по цѣнамъ доступнымъ населенію. Каждый день и каждая общественная мѣра указываютъ на необходимость приступить къ дѣйствію. На дняхъ, напримѣръ, въ силу 14 параграфа Устава о Воинской Повинности, во всей Европейской Россіи начнется обычный ежегодный призывъ къ вынутію жеребья. По закону, расходы казны по призыву незначительны, и въ общей сложности не должны превосходить одного рубля на каждаго новобранца (ст. 165.) Другое дѣло земство, на которое падаютъ всѣ издержки не только на путевое и квартирное довольствіе предсѣдателей и членовъ присутствій по воинской повинности, но даже часть канцелярскихъ расходовъ; ему приходится ежегодно отпускать значительную сумму относимую на общій по губерніи земскій сборъ.

Расходъ этотъ, чувствительный и при нормальныхъ условіяхъ, особенно обременителенъ въ настоящее время, когда на тотъ же губернскій сборъ должны пасть нѣкоторые чрезвычайные расходы по снабженію продовольствіемъ и на покрытіе возвысившейся цѣны жизненныхъ продуктовъ необходимыхъ для заведеній содержимыхъ земствомъ. Размѣръ расходовъ по призыву опредѣляется, правда, губернскимъ земскимъ собраніемъ, но оно не въ силахъ на самомъ дѣлѣ значительно уменьшить ихъ, такъ какъ расходы эти не могутъ стать меньше дѣйствительной потребности съ которою соображаются при ихъ исчисленіи. Растутъ цѣны, растутъ и расходы. Въ губерніяхъ Царства Польскаго всѣ расходы по призыву прямо относятся на счетъ казны. При настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, правило это было бы можетъ-быть справедливо распространить, по

крайней мѣрѣ временно, если не на всѣ губерніи Европейской Россіи, то хоть на тѣ гдѣ обнаруженъ несомнѣнный и притомъ значительный недоборъ хлѣбовъ и травъ, и гдѣ въ силу того придется сдѣлать значительныя льготы плательщикамъ земскихъ налоговъ. Гдѣ приходится дѣлать населенію ссуды не только на обсѣмененіе полей, но и на продовольствіе, тамъ необходимо сокращать всѣ прочіе расходы въ видахъ уменьшенія налоговъ.

Не менѣе заботъ должна вызвать и 169 статья Устава о Воинской Повинности, опредѣляющая что лица къ ней призываемыя обязаны являться въ мѣста призыва своихъ участковъ въ исправной одеждѣ и обуви, и до времени пріема на службу содержать себя на собственныя средства, причемъ отпускъ казеннаго содержанія начинается со дня явки на указанныя новобранцамъ сборные пункты. Такимъ образомъ, между вынутіемъ жребія и дѣйствительнымъ зачисленіемъ въ войска на казенное содержаніе проходитъ извѣстный промежутокъ времени, хотя не болѣе полутора мѣсяца. Промежутокъ этотъ въ обыкновенное время весьма полезенъ: онъ даетъ новобранцу свыкнуться съ мыслью о предстоящей службѣ и окончательно устроить свои частныя дѣла. При настоящихъ обстоятельствахъ, время это можетъ стать обременительнымъ для многихъ, и именно для бѣднѣйшихъ изъ числа призываемыхъ. Оторванные отъ своего постояннаго занятія, они могутъ не найти временныхъ занятій и слѣдовательно оказаться безъ средствъ къ существованію, а губернское или областное по воинской повинности присутствіе не имѣетъ возможности вникать въ положеніе этихъ людей; оно обязано распустить новобранцевъ по домамъ, руководствуясь общими указаніями данными ему по соглашенію министерствъ Военнаго и Внутреннихъ Дѣлъ. Если признается необходимымъ принимать особыя мѣры къ удешевленію хлѣба для бѣднѣйшаго населенія, то не будетъ несправедливымъ допустить немедленный пріемъ на службу и зачисленіе на казенное содержаніе тѣхъ изъ призванныхъ кто затруднится въ содержаніи себя въ теченіе обычнаго времени между призывомъ ко жребію и дѣйствительнымъ пріемомъ на службу. Если справедливы слухи что нижніе чины въ настоящемъ году не охотно пользуются правомъ на временные отпуски, опасаясь стать бременемъ для своихъ семействъ, то это можетъ послужить доказательствомъ въ пользу названной мѣры.

Сказанное касается если не до всѣхъ, то до большей части губерній; но есть мѣстности для которыхъ могутъ въ этотъ разъ потребоваться и другія льготы.

Въ мѣстностяхъ постигнутыхъ неурожаемъ новобранцы могли бы быть зачисляемы въ мѣстныя войска и въ теченіе зимняго времени при усиленныхъ занятіяхъ пройти всю нужную для солдата школу, съ тѣмъ чтобы съ наступленіемъ весны они могли воспользоваться отпускомъ и помочь семьѣ при полевыхъ работахъ. Въ военное время обученіе новобранца производится же въ сокращенный срокъ, иногда даже въ трехнедѣльный; нѣтъ, слѣдовательно, повода считать такую мѣру непригодною при другихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе что въ данномъ случаѣ солдатъ пропуститъ всего только одинъ лагерный сборъ что при дѣйствительномъ четырехлѣтнемъ пребываніи его въ войскахъ не можетъ много понизить его строевое образованіе.

Наконецъ не было ли бы въ настоящую минуту умѣстно расширить льготу по семейному положенію въ мѣстностяхъ особенно постигнутыхъ нуждой Къ лицамъ причисляемымъ къ первому разряду льготныхъ, то-есть призываемымъ на службу не иначе какъ по особымъ распоряженіямъ, относятся, между прочимъ, единственные сыновья въ семьѣ, хотя бы при отцѣ способномъ къ труду. Ко второму разряду отнесены единственные, способные къ труду сыновья отцовъ также способныхъ къ труду, но при братьяхъ моложе 18 лѣтъ; наконецъ къ третьему разряду, нерѣдко попадающему въ службу, отнесены „лица непосредственно слѣдующія по возрасту за братомъ находящимся по призыву на дѣйствительной службѣ или умершимъ на оной.“ Всѣ льготы по семейному положенію вызваны, слѣдовательно, желаніемъ законодателя поддержать благосостояніе семьи; но цѣль эта достигается теперь далеко не всегда. Не рѣдко можетъ случиться совершенно обратное: дѣйствительно, статья 45 вовсе не принимаетъ во вниманіе общее число всѣхъ членовъ семьи и ихъ положеніе; благосостояніе же семьи, по крайней мѣрѣ въ крестьянскомъ быту, зависитъ и отъ способности къ труду матери, и отъ числа малыхъ дѣтей женска-

го пола. Причина этого пропуска заключается несомнѣнно въ томъ лишь что женщины у насъ не обложены подушною податью, а между тѣмъ если за каждаго ребенка мужескаго пола внесеннаго въ ревизскую сказку крестьянинъ платитъ лишніе рубли, то на практикѣ онъ всегда почти пользуется и лишнимъ участкомъ земли. Отмѣна подушной подати, въ принципѣ, есть дѣло рѣшенное и вѣроятно въ скоромъ времени послѣдуетъ и дѣйствительная замѣна этого налога другимъ. Теперь можетъ-быть и вообще было бы своевременно произвести пересмотръ правъ на льготы по семейному положенію, сообразивъ ихъ съ дѣйствительными нуждами населенія. Семья съ двумя сыновьями, изъ коихъ старшему двадцать, а другимъ невступно восемнадцать лѣтъ, но безъ дѣвочекъ, почти всегда зажиточнѣе семьи съ двумя сыновьями работниками (т.-е. старше 18 лѣтъ, какъ указано въ законѣ), но со значительнымъ числомъ дѣвочекъ-малолѣтокъ. Крестьянинъ измѣряетъ тягость своего положенія обыкновенно по числу ртовъ приходящихся на каждаго мущину-работника. Съ другой стороны рабочій возрастъ на дѣлѣ у насъ начинается гораздо ранѣе нежели принимаетъ 45 статья Устава о Воинской Повинности. Мальчикъ въ 13 и 14 лѣтъ въ крестьянскомъ быту,—и не у насъ только, но почти вездѣ,—уже работаетъ и помогаетъ отцу, и въ лавкѣ, и на отхожемъ промыслѣ. Это, какъ извѣстно, служитъ одною изъ причинъ затрудняющихъ школьное дѣло и вынуждающихъ не только у насъ, но и въ Германіи, начинать каникулы въ сельскихъ школахъ ранѣе нежели въ прочихъ, именно ко времени весеннихъ работъ доступныхъ подросткамъ.

Въ нуждающихся мѣстностяхъ многосемейные нуждаются всѣхъ болѣе.

Б.

Увольненіе князя Н. П. Мещерскаго отъ должности попечителя Московскаго Учебнаго Округа,—самъ ли онъ призналъ или было признано неудобнымъ оставаться ему долѣе на этомъ посту,—не можетъ не возбудить тревожнаго недоумѣнія и въ учебномъ мірѣ, и въ просвѣщенныхъ сферахъ общества. Всѣ въ Москвѣ знаютъ князя Мещерскаго, независимость его положенія и характера, его преданность дѣлу своего служенія. Никакіе другіе интересы и побужденія не могли удерживать его на этомъ тяжкомъ, трудномъ, столь отвѣтственномъ въ настоящее время посту, кромѣ чистаго желанія пользы, кромѣ глубокаго убѣжденія въ важности ввѣреннаго попеченіямъ его дѣла. Князь Мещерскій дѣйствительно принадлежитъ къ числу всегда и вездѣ не многихъ лицъ, которыя въ государственной службѣ видятъ не средство, а цѣль для себя, исполненіе долга сопряженное не съ выгодами, а съ жертвами. Семь лѣтъ управлялъ онъ Московскимъ Учебнымъ Округомъ въ должности попечителя и шесть, если не ошибаемся, былъ помощникомъ попечителя того же округа. Онъ вынесъ изъ этой некратковременной службы и опытность, и вѣрность взгляда, и знаніе лицъ и дѣлъ въ сферѣ своего вѣдомства. На его долю выпало управлять учебнымъ округомъ въ трудную пору глубокаго и кореннаго преобразованія нашей школы, и всякій свѣдущій и понимающій дѣло человѣкъ признаетъ что нигдѣ въ Россіи школа не поставлена лучше и тверже чѣмъ въ Московскомъ округѣ. Здѣсь учебная реформа стала въ полной мѣрѣ правдою; здѣсь принялась она вполнѣ успѣшно, и въ краткое время своего существованія уже стала приносить видимые для всѣхъ плоды; здѣсь общество начало должнымъ образомъ цѣнить значеніе этой реформы, которая, если только ей устоять, будетъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ нынѣшняго царствованія; здѣсь и агитація противъ нея имѣла наименѣе успѣха. Случай однако хотѣлъ чтобъ именно Московскій Учебный Округъ прежде всѣхъ другихъ округовъ, даже Петербургскаго, подвергся ревизіи со стороны новаго управленія Народнаго Просвѣщенія, и тотъ же случай хотѣлъ чтобы, при новомъ управленіи, изо всѣхъ начальствующихъ лицъ этого вѣдомства первымъ былъ уволенъ отъ должности князь Мещерскій. Пожалѣемъ что дѣло нашего народнаго просвѣщенія лишается въ его лицѣ одного изъ своихъ достойнѣйшихъ дѣятелей, но будемъ въ самомъ дѣлѣ видѣть въ этомъ только прискорбную случайность, а не признакъ... Будемъ во всякомъ случаѣ надѣяться что въ Русскомъ обществѣ, въ его лучшей части, скажется наконецъ чувство правды, и что дѣло будущей Россіи, дѣло нашихъ дѣтей, нашей народности, найдетъ тутъ охрану и поддержку...

Многіе въ Москвѣ будутъ, вѣроятно,

связывать увольненіе князя Мещерскаго со сходками студентовъ здѣшняго Университета. Это было бы не основательно. Попечитель не имѣлъ и не могъ имѣть никакого отношенія къ этому дѣлу. Всѣмъ извѣстно что эти сходки происходили въ бытность самого управляющаго министерствомъ въ Москвѣ, и что онъ самъ сносился съ университетомъ безъ посредства и участія попечителя, равно какъ безъ сопровожденія попечителя объѣзжалъ округъ, посѣщалъ гимназіи и обращался къ учащимъ и учащимся.

№ 302.

Москва, 30-го октября.

Обсужденіе хлѣбнаго вопроса на съѣздѣ представителей второй группы желѣзныхъ дорогъ, съ участіемъ депутатовъ Петербургской городской думы, не привело ни къ какимъ результатамъ. Нельзя сказать чтобы съѣздъ отпустилъ петербургскихъ депутатовъ ни съ чѣмъ. Бо́льшая часть входящихъ во вторую группу дорогъ согласились дѣлать скидку въ 20%, со своихъ тарифовъ, исключительно для тѣхъ грузовъ хлѣба которые будутъ закуплены Петербургскою думой для розничной продажи петербургскимъ обывателямъ. Отказались сдѣлать эту скидку лишь немногія дороги, въ томъ числѣ Грязе-Царицынская, на томъ основаніи что на этихъ дорогахъ слѣдуетъ имѣть въ виду подвозъ хлѣба къ нуждающемуся Поволжью, а не къ столицѣ. Почему то же самое соображеніе не помѣшало той же Грязе-Царицынской дорогѣ понизить свой тарифъ по перевозкѣ хлѣба въ Германію и Австрію, объ этомъ никакой рѣчи на съѣздѣ не было. Но представителями желѣзныхъ дорогъ выражено было вообще сомнѣніе въ томъ что операція Петербургской думы по закупкѣ хлѣба будетъ имѣть желаемый успѣхъ даже и при вышеозначенной тарифной льготѣ. Высказывалось опасеніе что эта закупка хлѣба поведетъ лишь къ новому подъему хлѣбныхъ цѣнъ. По свѣдѣніямъ которыя были затребованы съѣздомъ изъ главныхъ пунктовъ отправленія хлѣбныхъ грузовъ на Петербургъ *), цѣны хлѣба повсюду стоятъ почти на одинаковой высотѣ, и тамъ гдѣ въ хлѣбѣ нуждаются, и тамъ гдѣ онъ имѣется въ обиліи. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, цѣны хлѣба такъ высоки что онъ, съ присоединеніемъ стоимости провоза, обошелся бы въ Петербургѣ дороже тѣхъ цѣнъ по какимъ продается тамъ изъ мѣстныхъ запасовъ. Оттуда гдѣ цѣны нѣсколько ниже можно бы съ нѣкоторою выгодой перевезти хлѣбъ въ Петербургъ; но едва ли удастся сдѣлать тамъ закупки хлѣба по этимъ сравнительно меньшимъ цѣнамъ. Всѣ эти хлѣбные рынки крайне чувствительны къ колебаніямъ спроса и предложенія со стороны. Прибылъ на базаръ десятокъ возовъ хлѣба, и цѣны тотчасъ же понижаются; появилось требованіе на сколько-нибудь значительную партію хлѣба, и цѣны тотчасъ быстрымъ скачкомъ поднимаются въ гору. Недостаткомъ хлѣбныхъ запасовъ такое положеніе дѣлъ объяснить нельзя, и въ районахъ желѣзныхъ дорогъ второй группы, по заявленіямъ ихъ представителей имѣющихъ возможность знать многое въ этомъ отношеніи, недостатка въ хлѣбѣ не замѣчается, за исключеніемъ, конечно, Саратовской, Самарской и частію Симбирской губерній. Цѣнами на хлѣбъ, очевидно, руководитъ спекуляція.

Какими мѣрами при подобныхъ обстоятельствахъ могло бы быть достигнуто удешевленіе хлѣба, что̀ должны сдѣлать въ этихъ видахъ желѣзныя дороги, въ какихъ направленіяхъ должны быть на нихъ понижены тарифы чтобы вызвать движеніе хлѣбныхъ грузовъ куда требуется? — съѣздъ призналъ свое полное безсиліе сдѣлать что-нибудь для рѣшенія или даже для разъясненія этихъ вопросовъ. Онъ рѣшилъ лишь обратиться къ высшей администраціи съ просьбой разслѣдовать положеніе наличныхъ хлѣбныхъ запасовъ въ разныхъ мѣстностяхъ страны и дать съѣзду указанія какія дороги откуда и куда должны возить хлѣбъ по удешевленнымъ тарифамъ.

Впрочемъ, отъ съѣзда нельзя было и ожидать иного рѣшенія. Производить изслѣдованія о томъ что̀ находится внѣ сферы спеціальныхъ желѣзнодорожныхъ интересовъ, обсуждать и принимать мѣры къ измѣненію не условій желѣзно-дорожнаго хозяйства, а общаго хода дѣлъ въ государствѣ, значило бы со стороны желѣзныхъ дорогъ врываться въ область того

*) Москва, Кораблино, Раненбургъ, Ряжскъ, Козловъ, Тамбовъ, Беково, Воронежъ, Усмань, Верда, Алексѣевка, Моршанскъ, Сосѣдка, Пенза, Самара, Елецъ.

что можетъ подлежать вѣдѣнію только самаго государства. Забота объ обезпеченіи народнаго продовольствія, объ огражденіи народа отъ эксплуатаціи его повсемѣстнымъ искусственнымъ подъемомъ хлѣбныхъ цѣнъ, есть задача правительства, а не частныхъ обществъ, какими бы лучшими намѣреніями ни были одушевлены люди управляющіе ихъ дѣлами. Только государственное правительство можетъ произвести требуемое указанною задачей разслѣдованіе въ должномъ направленіи, не увлекаясь въ стороны побужденіями и соображеніями частнаго свойства. Только оно можетъ установить требуемыя положеніемъ дѣлъ мѣры, соображаясь единственно съ дѣйствительными государственными потребностями и не послабляя этихъ мѣръ въ угоду частнымъ интересамъ.

Чѣмъ скорѣе будетъ приведено въ извѣстность количество существующихъ въ странѣ продовольственныхъ запасовъ, тѣмъ лучше. Это дѣло не терпитъ проволочки. Ходатайствующія нынѣ объ упомянутомъ разслѣдованіи желѣзныя дороги могутъ доставить для того обильный и весьма важный матеріалъ. Но не къ желѣзнодорожнымъ съѣздамъ слѣдуетъ обращаться за этимъ матеріаломъ, а прямо на желѣзнодорожныя станціи. По книгамъ отправки грузовъ со станцій, какъ мы уже замѣчали, можно опредѣлить куда, въ какомъ количествѣ и въ чьи склады былъ возимъ хлѣбъ, послѣ чего, принявъ въ разчетъ подобныя же данныя по инымъ путямъ привоза и отвоза, можно будетъ дознаться чьи руки направляютъ нынѣшнюю хлѣбную спекуляцію и какими хлѣбными запасами онѣ располагаютъ. Приблизительно такой же, но гораздо болѣе полный и обстоятельный разчетъ какой былъ сдѣланъ съѣздомъ для разъясненія дѣйствительно ли Петербургъ терпитъ отъ недостатка мяса и отъ этой ли причины оно поднялось тамъ въ цѣнѣ, можетъ быть сдѣланъ для разныхъ пунктовъ и относительно хлѣба. Чѣмъ скорѣе и точнѣе будутъ развѣданы силы и средства хлѣбной спекуляціи, тѣмъ легче могутъ быть выработаны обѣщающіе вѣрный успѣхъ пріемы для борьбы съ нею.

Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ такой борьбы несомнѣнно могутъ и должны быть желѣзныя дороги и ихъ тарифы. Это одно изъ самыхъ мощныхъ орудій въ свѣтѣ. Но результаты его дѣйствія зависятъ отъ того какъ и кѣмъ оно направляется. Предоставленныя собственнымъ ихъ тяготѣніямъ, руководясь своими спеціальными интересами, желѣзныя дороги будутъ служить обѣимъ сторонамъ, и неизвѣстно какой сторонѣ усерднѣе. Лишь строго подчиненные государственнымъ цѣлямъ, направляемые твердою рукой, желѣзнодорожные тарифы окажутъ дѣйствіе требуемое интересами государства. Условія при которыхъ разыгралась нынѣшняя спекуляція были въ значительной мѣрѣ результатомъ своеобразныхъ порядковъ въ установленіи нашихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Предоставленное на произволъ желѣзнодорожныхъ управленій, оно постоянно шло въ соотвѣтствіи лишь съ интересами частныхъ предпріятій и въ разрѣзъ съ общею пользой. Не одинаковою мѣрой мѣрили желѣзныя дороги тѣмъ кто въ нихъ нуждался; онѣ дружили только избраннымъ, только тѣмъ кому выгодно было дружить. Было бы несправедливо слишкомъ строго судить ихъ за это, тѣмъ паче видѣть въ этомъ злонамѣренность. Всякое частное предпріятіе руководится своими, а не общими интересами, извлекая свои выгоды изо всего что ему предоставлено, и странно было бы еслибы желѣзнодорожныя общества не извлекали выгодъ изъ предоставленной имъ свободы распоряжаться ихъ тарифами. А между тѣмъ, напримѣръ по хлѣбной торговлѣ, онѣ своими спеціальными тарифами поставили нѣкоторые русскіе и иностранные портовые города и небольшое число внутреннихъ пунктовъ въ такое привилегированное положеніе что другимъ соперничество съ ними сдѣлалось невозможнымъ, и они вынуждены были стать въ зависимое отъ нихъ положеніе. Имѣвшіе возможность платить за провозъ вдвое меньше сдѣлались монополистами, установителями хлѣбныхъ цѣнъ. Хлѣбъ отовсюду искусственно стягивался въ пункты особенно покровительствуемые спеціальными тарифами и отвлекался отъ пунктовъ откуда приходится отправлять его по двойной таксѣ.

Измѣненіемъ тарифа можетъ быть устранена выгодность сосредоточенія въ немногихъ пунктахъ и хлѣба и капиталовъ посвященныхъ хлѣбной торговлѣ, можетъ быть создана масса другихъ хлѣбныхъ рынковъ которые конкурренціей подорвутъ монополію нынѣшнихъ. Но напрасно было бы ожидать такого измѣненія тарифовъ

отъ инициативы желѣзнодорожныхъ обществъ. Оно можетъ быть постановлено лишь правительствомъ, у котораго не должно быть иныхъ интересовъ кромѣ государственныхъ и которое только съ ними должно сообразовать свои дѣйствія. Тутъ нужны не указанія только какія дороги, откуда и куда должны при нынѣшнихъ обстоятельствахъ возить хлѣбъ за удешевленную плату, но полное и постоянное сосредоточеніе въ рукахъ правительства всего тарифнаго дѣла, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Оставлять это дѣло въ частныхъ рукахъ невозможно какъ скоро признано что оно имѣетъ важное государственное значеніе и составляетъ силу способную парализовать правительственныя мѣры. Правительство должно было бы взять это дѣло въ свои руки и въ томъ случаѣ еслибы желѣзныя дороги были дѣйствительно частными предпріятіями, основанными на частныя средства. Но наши дороги построены главнымъ образомъ, если не исключительно, на государственныя средства и притомъ находятся въ неоплатныхъ долгахъ у казны. Народъ ежегодно, своими кровными деньгами, приплачиваетъ недочеты по эксплуатаціи этихъ дорогъ. При такихъ условіяхъ, можно только удивляться какъ могли донынѣ держаться существующіе порядки. Возникшія исключительныя обстоятельства показываютъ къ чему они ведутъ. Эти обстоятельства не позволяютъ медлить. Они требуютъ чтобы государство подчинило себѣ желѣзныя дороги въ такой же мѣрѣ какъ это бываетъ при мобилизаціяхъ.

Еще одно замѣчаніе, вызываемое тѣмъ что было говорено на желѣзнодорожномъ съѣздѣ по хлѣбному вопросу. Успѣхъ предположенной Петербургскою думою операціи представляется сомнительнымъ въ виду повсемѣстнаго подъема цѣнъ почти до одного уровня. Почти нѣтъ разчета перевозить хлѣбъ съ мѣста на мѣсто, а во многихъ случаяхъ просто убыточно. Между тѣмъ желѣзныя дороги не остаются безъ хлѣбныхъ грузовъ. Количество ихъ не такъ громадно какъ въ прошломъ и запрошломъ годахъ, но все-таки очень велико. Кто и ради чего занимается этою маловыгодною и частію убыточною перевозкой? Какой смыслъ она имѣетъ?

№ 303.

Москва, 31-го октября.

Обычный банкетъ у лорда-мера въ началѣ зимняго лондонскаго сезона служитъ для англійской политической жизни какъ бы замѣной безмолвствующаго до начала февраля парламента. На этомъ банкетѣ почти обязательно присутствуетъ весь кабинетъ съ премьеромъ во главѣ, отъ котораго всѣ заранѣе ждутъ „серіозной“ политической рѣчи, какъ бы резюмирующей дѣятельность кабинета за періодъ времени истекшій отъ закрытія парламентской сессіи. Лордъ Биконсфильдъ всегда пользовался этимъ случаемъ для того чтобы пустить въ ходъ какую-нибудь изъ своихъ удалыхъ выходокъ по вопросамъ о восточныхъ дѣлахъ. И г. Гладстонъ подчинился этому деспотизму англійскаго обычая, и на банкетѣ происходившемъ во вторникъ произнесъ большую рѣчь, сущность которой передана намъ третьяго дня и телеграфу. Г. Гладстонъ много говорилъ о восточныхъ дѣлахъ, но много ли высказалъ? Лондонскія газеты, сообщаетъ намъ телеграфъ, остались всѣ, безъ различія партій, довольны этою рѣчью, довольны главнымъ образомъ потому что онѣ почерпнули въ ней увѣренность что политика кабинета будетъ мирною политикой. Едва ли однако эти одобренія выражаютъ собою искреннее выраженіе англійскаго общественнаго мнѣнія, какъ искренно все то что говорилъ г. Гладстонъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ кто-либо до сего думалъ что Англія готовится къ войнѣ? Развѣ кому-нибудь приходило въ голову что турецкое упрямство, съ коимъ борется такъ повидимому настойчиво новое британское правительство, смирится лишь предъ силой оружія? Никто изъ друзей христіанскихъ народовъ Востока не ожидалъ отъ Англійскаго правительства такого подвига, и еще менѣе кто-либо изъ ихъ враговъ опасался этого. Но какъ враги, такъ и друзья имѣли слишкомъ достаточно поводовъ чтобъ убѣдиться въ томъ что восточная задача можетъ быть только заторможена, а никакъ не подвинута къ своему разрѣшенію „европейскимъ концертомъ.“ Между тѣмъ г. Гладстонъ указалъ на этотъ концертъ какъ на „единственный способъ достигнуть предустановленныхъ цѣлей на Востокѣ.“ Опытъ дѣй-

ствительности, весь этотъ скандалъ совокупной демонстраціи, надъ которою такъ зло посмѣялась Турція—и не одна Турція, но и большинство участниковъ демонстраціи,—слишкомъ явны и у всѣхъ на глазахъ чтобы принять за чистую монету то что теперь высказалъ англійскій премьеръ.

Вообще тонъ его рѣчи очень походитъ на иронію. Неизвѣстно только къ кому она болѣе относится, къ противникамъ ли г. Гладстона, или къ его собственнымъ, столь безплоднымъ усиліямъ. Что же какъ не иронія эта ссылка на лорда Биконсфильда, съ которой г. Гладстонъ началъ свою рѣчь о восточныхъ дѣлахъ? Новый кабинетъ лишь усвоилъ де точку зрѣнія бывшаго премьера, ожидавшаго большихъ благодѣяній для Европы отъ исполненія Берлинскаго трактата Новый кабинетъ добивался де лишь того, на что надѣялся и лордъ Биконсфильдъ, который ошибся только въ томъ что полагалъ исполненіе это возможнымъ въ короткое время, между тѣмъ какъ новый кабинетъ убѣдился что многія важныя постановленія трактата не исполнены и до сихъ поръ. Странно слышать подобное заявленіе (если въ немъ нѣтъ иронія) въ устахъ министра, чья политика еще такъ не давно подвергалась столь безпощадной критикѣ бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Лордъ Солсбери не находилъ достаточно рѣзкихъ выраженій чтобы заклеймить образъ дѣйствій новаго кабинета, именно по вопросу объ исполненіи Берлинскаго трактата. Онъ доказывалъ что международное право вообще и смыслъ Берлинскаго трактата въ особенности не даютъ Англіи ни малѣйшаго основанія добиваться отъ Турціи исполненія трактата какимъ бы то ни было принудительнымъ способомъ. Ту же самую теорію развивала *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* еще ранѣе. Но со стороны официозной нѣмецкой газеты тутъ нѣтъ по крайней мѣрѣ лицемѣрія: развиваемое ею положеніе вполнѣ гармонируетъ съ открыто заявляемымъ теперь стремленіемъ Германіи и Австріи соблюдать относительно Турціи „консервативную“ политику, то-есть оставить въ неприкосновенности все то неустройство, всю неурядицу которая господствуетъ нынѣ на Балканскомъ полуостровѣ, и по этой причинѣ, объясняютъ постоянно какъ берлинскія такъ и вѣнскія газеты, Германія и Австрія ставятъ всяческія преграды „необдуманнымъ и фантастическимъ затѣямъ“ г. Гладстона. По этой причинѣ онъ терпѣлъ до сихъ поръ неудачи во всемъ, и съ этою цѣлью поставлена была на сцену комедія европейскаго концерта.

Такъ было до сихъ поръ. Что же будетъ далѣе и какъ предполагаетъ г. Гладстонъ исправить постигшее его фіаско? Надѣется ли онъ что Турція наконецъ возьмется за умъ, и сама исполнитъ то чего онъ отъ нея требуетъ? „Мы трудились,“ говоритъ г. Гладстонъ, „для исполненія Берлинскаго трактата при посредствѣ европейскаго концерта и не желали предпринимать отдѣльныхъ дѣйствій.“ Что же достигнуто этимъ путемъ?

Г. Гладстонъ такъ резюмируетъ какъ цѣли своихъ стремленій по отношенію къ Турціи, такъ и то что по этимъ пунктамъ достигнуто: по Берлинскому трактату имѣлось въ виду исправленіе границы въ одной изъ турецкихъ провинцій (то-есть со стороны Черногоріи), „которое,“ прибавляетъ г. Гладстонъ, „однако еще не послѣдовало.“ Затѣмъ тотъ же трактатъ предписалъ Турціи сдѣлку съ Грецією, „до сихъ поръ не подвинувшуюся ни на шагъ.“ Наконецъ устраненіе большихъ злоупотребленій въ Арменіи и другихъ частяхъ Турціи; но и къ этому, по словамъ англійскаго министра, „не сдѣлано ни одного практическаго шага.“ Неужели же не иронія все то что г. Гладстонъ говоритъ объ европейскомъ концертѣ?

Но далѣе, глава Англійскаго правительства какъ бы совершенно серіозно рекомендуетъ этотъ концертъ какъ „могущественнѣйшее изъ всѣхъ средствъ.“

Что же означаетъ это явное противорѣчіе?

Въ газетѣ *Times* на дняхъ напечатана была статья, которая принята была съ большимъ сочувствіемъ въ Берлинѣ. Англійская руководящая газета доказывала что нѣтъ поводовъ къ антагонизму между политикой Англіи и Германіи по Восточнымъ дѣламъ. Берлинская печать въ свою очередь изъявляла готовность набросить „покровъ забвенія“ на прошедшіе промахи г. Гладстона и протянуть руку „естественному союзнику“ Германіи, то-есть Англіи. Въ это самое время, лордъ Одо Россель, британскій посолъ при Берлинскомъ дворѣ, прогостивъ нѣсколько дней у князя Бисмарка въ Фридрихсруэ, отправился въ Англію „къ своему семей-

ству," но посѣтилъ и г. Гладстона въ его помѣстьѣ, на что̀ берлинскія и лондонскія газеты указывали съ удареніемъ.

Припомнимъ, сверхъ того, что графъ Солсбери въ своей недавней рѣчи замѣчалъ г. Гладстону что онъ отступилъ отъ традиціонной политики Англіи, и протянувъ руку „вѣчному врагу" ея, то-есть Россіи, отвернулся отъ естественнаго ея союзника, Германіи.

Не въ этомъ ли разгадка? Не потому ли г. Гладстонъ такъ старался доказать что между его политикой и политикой лорда Беконсфильда нѣтъ противорѣчія, что онъ принялъ къ сердцу доводы графа Солсбери и, благодаря увѣщаніямъ г. Одо Росселя, въ самомъ дѣлѣ обратился на путь истинный?...

№ 304.

Москва, 1-го ноября.

Спекуляція хлѣбомъ, овладѣвшая всѣми нашими рынками, сама себя обличаетъ. Послѣ нижегородской исторіи мгновеннаго паденія цѣны на хлѣбъ, нѣчто подобное произошло и въ Петербургѣ. Вслѣдъ за принятіемъ правительствомъ нѣкоторыхъ, еще не совсѣмъ рѣшительныхъ мѣръ, цѣна печенаго хлѣба тотчасъ упала съ 6 на 5 к., а теперь появляются публикаціи о продажѣ хлѣба изъ пекарни Фетисовой по 3 к.; иные изъ оптовыхъ торговцевъ объявили о продажѣ муки по нѣсколько пониженной, хотя, правда, все еще дорогой цѣнѣ (причемъ петербургскія газеты объявляютъ что эти господа, пользуясь случаемъ, сбываютъ всю лежалую и затхлую муку). Еще болѣе обнаруживаетъ себя спекуляція не прекращающеюся вывозкой хлѣба изъ тѣхъ мѣстностей гдѣ цѣна его теперь выше въ тѣ мѣстности гдѣ она ниже. Въ мѣстахъ производства она теперь выше чѣмъ въ мѣстахъ потребленія, какъ справедливо замѣчено было на съѣздѣ представителей II группы желѣзныхъ дорогъ. Тутъ что-нибудь изъ двухъ: или спекуляція не надѣется чтобы цѣны удержались на теперешней высотѣ въ мѣстахъ производства, или она разчитываетъ что въ большихъ центральныхъ мѣстахъ потребленія легче поднять цѣны несмотря на непрерывный подвозъ туда хлѣба. Спекулятивный, особенно чрезвычайно быстрый подъемъ цѣнъ въ мѣстахъ производства, всегда вызываетъ панику производителей и сокращеніе подвоза хлѣба на рынокъ; всякій боится продешевить и ждетъ; уменьшеніе же подвоза поддерживаетъ ненормальныя цѣны, хотя потомъ инымъ производителямъ придется продавать свои запасы по упавшимъ чуть не на половину цѣнамъ. Крупная хлѣбная спекуляція закупила свои запасы заблаговременно по пониженнымъ цѣнамъ и легко можетъ рискнуть продать ихъ въ столицахъ и въ портахъ дороже чѣмъ на мѣстѣ, гдѣ продажа этихъ запасовъ тотчасъ понизила бы цѣны. А желѣзныя дороги попрежнему къ услугамъ спекуляціи и тащутъ хлѣба по спеціальнымъ пониженнымъ тарифамъ въ порты и столицы; вводятся даже еще новые спеціальные тарифы для сухопутныхъ таможень, такъ какъ порты теперь уже закрываются.

Бывшій въ началѣ этой недѣли съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ II группы, къ которой принадлежатъ дороги идущія въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности, какъ мы уже сообщали читателямъ, разсматривалъ вопросъ о перевозкѣ хлѣба и — ничего не сдѣлалъ, но надо отдать ему справедливость, съ величайшею любезностью ничего не сдѣлалъ. Съѣздъ обѣщалъ петербургскимъ депутатамъ скинуть еще 20 к. съ рубля для провоза хлѣба закупленнаго Петербургскою Думой, но затѣмъ сослался уже на совершенное незнаніе имъ теперешнихъ обстоятельствъ хлѣбной торговли. Ему неизвѣстно гдѣ нуженъ хлѣбъ, гдѣ сколько его имѣется. Третьяго дня мы обратили вниманіе читателей на то что иного рѣшенія отъ съѣзда и ожидать было мудрено; не можетъ же съѣздъ желѣзнодорожниковъ исполнять должность правительства или реформировать самого себя. Странно лишь, замѣтили мы, что по другому вопросу обсуждавшемуся на съѣздѣ, по вопросу о перевозкѣ мяса, съѣздъ оказался вполнѣ компетентнымъ, имѣющимъ всѣ данныя, и принялъ довольно значительныя мѣры. Правда, вопросъ о перевозкѣ мяса былъ внесенъ правительствомъ еще въ общій съѣздъ желѣзныхъ дорогъ бывшій въ началѣ октября въ Петербургѣ, и къ обсужденію этого вопроса и собранію относящихся сюда данныхъ было время приготовиться. А по хлѣбному вопросу надо было разбирать всѣ книги станцій...

Какъ бы то ни было, но относительно теперешней главной заботы, по вопросу о

хлѣбѣ, съѣздъ ничего не сдѣлалъ несмотря на заявленія предсѣдателя сдѣлать все возможное. Это служитъ, намъ кажется, еще однимъ доказательствомъ необходимости неотложной реформы теперешней системы желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

Они отданы у насъ, какъ извѣстно, на полный произволъ компаній. Уставы желѣзнодорожныхъ компаній опредѣляютъ предѣльную плату по классамъ, но столь возвышенную что съ этою платой провозится лишь самое ничтожное количество товаровъ. Почти вся масса грузовъ идетъ по спеціальнымъ пониженнымъ тарифамъ, которые вполнѣ предоставлены компаніямъ. Эти тарифы опредѣляются въ ничтожной долѣ согласно указаніямъ общаго съѣзда представителей желѣзныхъ дорогъ и затѣмъ почти вполнѣ самостоятельно частными съѣздами по группамъ. Какъ же организованы эти съѣзды? Постановленія ихъ не обязательны для отдѣльныхъ желѣзныхъ дорогъ; съѣзды эти составляютъ повтореніе польскихъ сеймиковъ гдѣ одинъ голосъ срывалъ съѣздъ: *nie pozwalam* одной компаніи часто дѣлаетъ невозможнымъ общее рѣшеніе группы.

Полное невмѣшательство правительства, неустройство общей организаціи желѣзныхъ дорогъ, крайній произволъ правленій и сдѣлка съ отправителями внесли въ желѣзнодорожные тарифы совершенный хаосъ, засвидѣтельствованный всѣми подкомиссіями изслѣдованія графа Баранова, которыя всюду заваливались жалобами. Мы не разъ говорили какія отъ того происходятъ послѣдствія, какъ много терпятъ отъ того и земледѣліе, и промышленность. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе.

Въ виду теперешней дороговизны хлѣба намъ случалось упоминать не разъ что быть-можетъ придется наложить вывозныя пошлины на хлѣбъ. По обыкновенію другія газеты встрѣтили наши слова крайне враждебно, а теперь уже сами толкуютъ о необходимости подобныхъ пошлинъ, какъ о лучшей уздѣ для хлѣбной спекуляціи. Но что значатъ таможенныя пошлины въ виду всемогущихъ желѣзныхъ дорогъ? Вотъ что свидѣтельствуетъ Кіевская подкомиссія изслѣдованія графа Баранова:

„Юго-западныя дороги понизили тарифъ для иностранныхъ товаровъ въ 3, 4, даже въ 7 разъ противъ тарифа для тѣхъ же товаровъ внутренняго производства и такимъ образомъ уничтожили для многихъ привозныхъ товаровъ всякое значеніе таможенной пошлины, а на нѣкоторые товары выдали даже премію сверхъ пошлины. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. На мѣдь въ листахъ таможенная пошлина назначена въ 60 к. съ пуда, но вслѣдствіе пониженія тарифа для привозной мѣди на разстояніи 804 вер. отъ Граева до Кіева съ 56 до 17 коп. съ пуда, она превратилась въ 21 коп. Такая же скидка въ 39 коп. съ пуда сдѣлана для привозныхъ изъ-за границы красокъ и красильныхъ веществъ, латуни, олова, пряжи всякой, за исключеніемъ бумажной; скидка въ 44 коп. съ пуда (съ 56 коп. до 12 к.) сдѣлана для иностраннаго холста, товаровъ изъ юфти; скидка въ $47^{3}/_{4}$ коп. (съ 56 коп. до $8^{1}/_{4}$ коп.) сдѣлана для жести бѣлой, мрамора и лабрадора, свинцовыхъ, цинковыхъ и чугунныхъ издѣлій. Очевидно что подобными пониженіями тарифа для привозныхъ иностранныхъ товаровъ желѣзныя дороги совершенно разстраиваютъ систему таможенныхъ пошлинъ и произвольно распоряжаются международною торговлей Россіи.“

Благодаря изслѣдованію графа Баранова, реформа въ системѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ стоитъ теперь на ближайшей очереди. Всѣ подкомиссіи признали необходимость изданія общаго закона относительно тарифовъ и болѣе правильной организаціи завѣдующихъ ими учрежденій. Признается необходимымъ установить правильныя и общія основанія для классификаціи товаровъ и оплаты ихъ перевоза, отмѣнить или ослабить спеціальные тарифы и дозволить въ нихъ измѣненія лишь съ разрѣшенія правительства, опредѣлить порядокъ публикаціи тарифовъ (обстоятельство весьма важное) и проч. Почти всѣ подкомиссіи находятъ также необходимымъ учрежденіе высшаго желѣзнодорожнаго совѣта изъ представителей министерствъ, желѣзныхъ дорогъ, земледѣлія, торговли и промышленности для завѣдыванія тарифнымъ дѣломъ. Подобный совѣтъ, какъ извѣстно, учреждается въ Германіи. Для мѣстнаго завѣдыванія дѣломъ Московская подкомиссія предлагаетъ присоединить къ мѣстной инспекціи выборный комитетъ изъ представителей торговли и промышленности, отъ отправителей и получателей грузовъ. Рижская подкомиссія предлагаетъ воспользоваться существующею уже организаціей съѣздовъ, допустивъ въ нихъ контрольное участіе правительства. Въ докла-

дѣ ея читаемъ: „Это участіе можетъ осуществиться или въ назначеніи предсѣдателя съѣзда отъ правительства, какъ это предлагаетъ Рига-Динабургская желѣзная дорога, или въ назначеніи отъ правительства контролирующаго члена, въ видѣ прокурора на съѣздѣ, какъ это предлагаетъ Орловско-Витебская дорога.“

Сами желѣзныя дороги пришли уже къ сознанію необходимости реформы. Это сознаніе сказалось также въ открытіи съѣзда II группы для депутацій и репортеровъ.

Мы не знаемъ какъ рѣшится вопросъ о реформѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, но кромѣ изданія общаго закона и введенія новыхъ учрежденій есть еще одна мѣра, забытая всѣми подкоммиссіями, но, какъ показываетъ примѣръ той же Германіи, долженствующая имѣть не меньшее значеніе: это прямой выкупъ желѣзныхъ дорогъ въ казну. Не для чего конечно скупать всѣ дороги, надо только купить главные узлы отъ которыхъ зависитъ множество линій. Такова у насъ Московско-Рязанская дорога, выкупить которую правительство уже имѣетъ право. Переходъ этой линіи въ казну сразу повліялъ бы не только на всѣ дороги II группы, коимъ она голова, но и на другія соприкосновенныя линіи.

№ 306.

Москва, 3-го ноября.

А.

Петербургскія газеты сообщаютъ что въ административныхъ сферахъ разсматривается теперь вопросъ объ измѣненіи статей 30, 31 и 32 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, въ томъ смыслѣ чтобы гласные отъ крестьянъ избирались „въ самыхъ волостяхъ волостнымъ сходомъ.“

Такое измѣненіе, касаясь порядка выборовъ, должно такъ или иначе оказать вліяніе на составъ гласныхъ отъ крестьянъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи, гдѣ они составляютъ въ среднемъ выводѣ около половины всего числа гласныхъ. А такъ какъ гласные губернскаго земскаго собранія избираются въ собраніяхъ уѣздныхъ, то задуманное измѣненіе не осталось бы безъ вліянія и на весь ходъ земскихъ дѣлъ въ губерніи.

По существующему положенію, гласные отъ крестьянъ въ уѣздное земское собраніе избираются на особыхъ съѣздахъ, число которыхъ различно въ каждомъ уѣздѣ и рѣдко совпадаетъ съ числомъ прочихъ административныхъ единицъ, волостей или становъ. Съѣзды эти образуются (ст. 30) изъ выборщиковъ, назначаемыхъ волостными сходами изъ своей среды, съ тѣмъ чтобы число ихъ отъ каждой волости не превосходило трети всего числа лицъ имѣющихъ право участвовать на сходѣ. Интересы сельскихъ обществъ входящихъ въ составъ волости обезпечиваются однако условіемъ чтобы въ составѣ выборщиковъ былъ непремѣнно хоть одинъ представитель отъ каждаго общества,

Въ назначенное время выборщики собираются на съѣзды въ опредѣленныхъ пунктахъ, въ большинствѣ случаевъ по станамъ, и выбираютъ все то число гласныхъ которое приходится на избирательный участокъ, представителемъ котораго служитъ каждый съѣздъ (ст. 31). Съѣздъ открывается лицомъ назначаемымъ отъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія изъ числа своихъ членовъ. Лицо открывающее съѣздъ предлагаетъ ему избрать изъ своей среды предсѣдателя, утверждаетъ этотъ выборъ и затѣмъ „разрѣшаетъ всѣ возникающія при выборѣ гласныхъ недоразумѣнія“ (ст. 32).

Составленные и открытые такимъ образомъ съѣзды избираютъ уже гласныхъ или изъ своей среды, или изъ числа участниковъ съѣзда землевладѣльцевъ и священнослужителей.

Такимъ образомъ, проектируемая перемѣна прежде всего отмѣняетъ надобность въ выборщикахъ, а слѣдовательно и въ ихъ съѣздахъ, предоставляя всѣ права послѣднихъ волостнымъ сходамъ. Вмѣстѣ съ этимъ должна измѣниться и разверстка числа гласныхъ между участками, коей совпали бы такимъ образомъ съ волостями. Новый порядокъ упрощалъ бы дѣло, предоставляя большее значеніе волости.

Главная особенность проектируемаго порядка есть введеніе прямыхъ выборовъ въ гласные отъ крестьянъ, имѣющее очевидною цѣлью увеличить число избирающихъ, и чрезъ это если не устранить, то затруднить посторонніе вліянія на самые выборы.

Дѣйствительно, почти съ самаго начала земскихъ учрежденій, съ первыхъ выборовъ, возникали жалобы на ходъ дѣлъ въ

съѣздахъ крестьянскихъ выборщиковъ, подвергавшихся многочисленнымъ и самымъ разнороднымъ вліяніямъ: были указанія и на мировыхъ посредниковъ, и на теперешнихъ непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, и на мѣстныхъ исправниковъ, и на мировыхъ судей; всѣ эти лица могли и дѣйствительно стремились руководить выборами въ гласные. Случалось что съѣздъ выборщиковъ избиралъ подъ этими вліяніями даже такихъ лицъ которыя по закону не могли быть избранными. Нѣкоторыя земства ходатайствовали о томъ чтобы волостные старшины, преимущественно избираемые гласными отъ крестьянъ, были лишены права быть гласными, такъ какъ они по своимъ полицейскимъ обязанностямъ прямо подчинены исправнику, слѣдовательно принадлежатъ къ „чинамъ мѣстной полиціи, "которые на основаніи 36 статьи Положенія не могутъ быть избираемы въ гласные.

Интересно что вопросъ объ устраненіи волостныхъ старшинъ отъ выбора въ гласные возникалъ еще и прежде и восходилъ на разсмотрѣніе Сената, но только по другимъ причинамъ, именно потому что съ должностью старшины законъ не допускаетъ соединенія другихъ должностей. Постановленіемъ 27-го сентября 1866 Сенатъ разрѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно, не признавъ *званіе* гласнаго должностью и находя что воспрещеніе старшинамъ быть гласными можетъ только устранить участіе многихъ полезныхъ дѣятелей въ дѣлахъ земства.

Но посторонніе вліянія на выборы едва ли устранятся проектируемыми измѣненіями, а можетъ быть даже усилятся, такъ какъ на рѣшенія волостнаго схода имѣетъ вліяніе не только старшина, но часто, и даже въ большой мѣрѣ, волостной писарь. Если при существующемъ порядкѣ выборовъ волостной старшина попавшій на съѣздъ выборщиковъ не всегда попадалъ въ гласные, то теперь при прямыхъ выборахъ, на сходѣ, шансы на избраніе его значительно увеличиваются.

Итакъ, волостной сходъ — не гарантія отъ посторонннихъ вліяній. Напротивъ, къ прежнимъ вліяніямъ можетъ присоединиться еще худшее, вліяніе такъ-называемыхъ міроѣдовъ заправляющихъ дѣлами схода, такъ что интригующему со стороны не будетъ надобности входить въ сдѣлки съ цѣлымъ сходомъ: онъ можетъ ограничиться одними міроѣдами. Такимъ образомъ, всѣ выгоды отъ проектируемаго увеличенія числа избирателей на дѣлѣ могутъ оказаться призрачными и останутся таковыми до тѣхъ поръ пока не послѣдуетъ болѣе глубокая реформа всего нашего мѣстнаго управленія съ земскими и крестьянскими учрежденіями. Задача не въ томъ чтобы предотвратить всякое вліяніе на крестьянскіе выборы, но чтобы дать мѣсто доброму вліянію, которое по возможности обезпечило бы ихъ свободу, оградило бы ихъ отъ посторонней интриги и отъ тиранніи „своего брата."

Б.

Нѣсколько словъ сказанныхъ нами по поводу увольненія князя Н. П. Мещерскаго отъ должности попечителя вызвали въ одной петербургской газетѣ выходку, которая также мало отличается правдою какъ и вкусомъ. Мы не будемъ пускаться въ объясненіе, но находимъ не лишнимъ протестовать противъ слѣдующей грубой неточности, напрасно бросающей тѣнь на Московскій университетъ: „Безпорядки (въ „Московскомъ университетѣ) бывали и при „попечителѣ князѣ Мещерскомъ, да еще „какіе — цѣлыя манифестаціи въ пользу „высланныхъ административнымъ порядкомъ." Московскій университетъ никогда не отличался безпорядками въ средѣ своихъ студентовъ. Были такъ-называемыя „студенческія исторіи," но сравнительно рѣдкія и неважныя; что же касается манифестаціи въ пользу высланныхъ административнымъ порядкомъ, то упрекъ этотъ не имѣетъ никакого основанія. Петербургскій публицистъ, очевидно, имѣлъ въ виду происшествіе бывшее въ Москвѣ 3-го апрѣля 1878. Но всѣмъ извѣстно что въ этой манифестаціи участвовали студенты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній: Техническаго Училища и Петровской Академіи, и всего менѣе студенты Университета. Напротивъ, изъ среды студентовъ Московскаго Университета выходили энергическія заявленія противъ агитаторовъ и всякихъ сходокъ посторонннихъ учебнымъ занятіямъ.

Какъ замѣчательный примѣръ безвкусицы нельзя не привести слѣдующихъ строкъ:

„Что будетъ съ нами (*Московскими Вѣдомостями*), если г. Георгіевскій выйдетъ

въ отставку, тотъ г. Георгіевскій который такъ много сочинилъ всевозможныхъ проектовъ и всевозможныхъ статей и панегириковъ для *Московскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Вѣстника?* Тогда будетъ плачъ и рыданіе и для собиранія драгоцѣнныхъ слезъ прійдется покупать мѣдные тазы въ Гостиномъ дворѣ и кипятить слезы въ самоварѣ чтобы паръ ихъ шелъ къ небесамъ во свидѣтельство истины."

Оставляя слезы, мѣдные тазы и самоваръ на литературной совѣсти петербургскаго публициста, мы находимъ не лишнимъ сдѣлать слѣдующую поправку въ томъ что̀ касается г. Георгіевскаго. Участіе въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ* не можетъ, мы полагаемъ, считаться чѣмъ-либо преступнымъ или предосудительнымъ. Мы издавна знаемъ и высоко цѣнимъ г. Георгіевскаго; но въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за все двадцатипятилѣтіе его существованія, отъ первой до послѣдней книжки, не было никакихъ статей г. Георгіевскаго. Что же касается *Московскихъ Вѣдомостей*, то онъ участвовалъ въ нихъ лишь въ первое время ихъ изданія подъ нашею редакціей. Затѣмъ онъ былъ приглашенъ Военнымъ Министерствомъ для участія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, а въ 1866 году сталъ редакторомъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, и съ тѣхъ поръ почти буквально ни одной строки его не было напечатано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. То что̀ въ вышеприведенной цитатѣ названо панегирикомъ можетъ относиться лишь къ рѣчи сказанной г. Георгіевскимъ въ память его учителя, покойнаго Павла Михайловича Леонтьева, въ засѣданіи Филологическаго Общества въ 1875, и напечатанной вмѣстѣ съ отчетомъ объ этомъ засѣданіи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Вообще, присланныя отъ кого бы то ни было статьи не печатаются отъ имени редакціи въ нашемъ изданіи, которое никогда ни къ кому не находилось въ обязательныхъ отношеніяхъ и служитъ органомъ только своего издателя.

№ 307.

Москва, 4-го ноября.

Полный текстъ рѣчи, произнесенной г. Гладстономъ въ прошедшій вторникъ на банкетѣ у лордъ-мера, мало разнится отъ того извлеченія которое было намъ передано по телеграфу. Не лишнимъ будетъ принять къ свѣдѣнію разсужденіе коимъ газета *Times* „предвосхитила" заявленіе англійскаго премьера объ иностранной политикѣ. Въ передовой статьѣ лондонскаго руководящаго органа, появившейся 9 ноября, т.-е. въ день банкета поутру, мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: „Если г. Гладстонъ коснется политики кабинета по „европейскимъ дѣламъ, то мы увѣрены „что заявленіе его будетъ имѣть тотъ „смыслъ что Англіи нѣтъ надобности отступать отъ общности дѣйствій въ конпертѣ „съ другими державами, которая соблю„далась до сихъ поръ и которая хотя и „медленно подвигается, есть однако самый „дѣйствительный способъ для разрѣшенія „международныхъ вопросовъ." Удивляться ли что та же газета, какъ поспѣшилъ сообщить телеграфъ, отнеслась съ „полнымъ одобреніемъ" къ рѣчи г. Гладстона, которая, относительно восточныхъ дѣлъ, была буквальнымъ повтореніемъ того что̀ заранѣе внушалъ ему органъ Лондонскаго Города.

Но мы имѣемъ теперь еще одинъ фактъ, въ добавленіе къ безчисленнымъ свидѣтельствующимъ какъ „дѣйствительно" средство рекомендуемое газетою *Times* и усвоенное Британскимъ правительствомъ. Подъ конецъ своей рѣчи, г. Гладстонъ заявилъ что въ теченіе полудня, предшествовавшаго банкету у лордъ-мера, получено нѣсколько телеграммъ изъ Константинополя посланныхъ по личному приказанію султана, и что въ послѣдней изъ нихъ султанъ сообщаетъ что онъ имѣетъ полное основаніе надѣяться что „нынче или завтра Англійскій кабинетъ получитъ добрыя вѣсти изъ Дульциньйо." На основаніи предшествовавшихъ телеграммъ султана, онъ, г. Гладстонъ, можетъ заявить что эти „добрыя вѣсти" будутъ заключаться въ извѣщеніи о передачѣ этого города Черногорцамъ. Въ телеграммѣ султана, по заявленію премьера, прибавлено что онъ желаетъ чтобы его сообщеніе стало извѣстно банкетѣ у лордъ-мера. Многочисленные гости встрѣтили однако это сообщеніе съ ироническимъ смѣхомъ, и они не ошиблись. Прошла уже цѣлая недѣля со времени этого сообщенія, подкрѣпленнаго авторитетомъ падишаха и британскаго премьера, а Дульциньйо все еще остается не

переданнымъ. Вопросъ о Дульциньйо есть всемірная комедія не имѣющая себѣ равной въ исторіи, замѣчаетъ по этому поводу одна берлинская газета.

Турки теперь уже совершенно открыто насмѣхаются надъ „европейскимъ концертомъ.“ Въ тотъ самый день когда султанъ спѣшилъ порадовать гостей лордъ-мера чрезъ посредство г. Гладстона, въ турецкой газетѣ *Terjimani Hakikat* появилось правительственное сообщеніе, содержаніе котораго константинопольскій корреспондентъ *Times* счелъ нужнымъ передать по телеграфу, усматривая въ немъ манифестъ обращенный къ мусульманскому населенію. Въ этомъ манифестѣ воздается въ напыщенныхъ фразахъ хвала султану и его совѣтникамъ, сумѣвшимъ „не только разстроить тайные замыслы г. Гладстона, но и провести и привлечь на свою сторону самого князя Бисмарка.“ Этого Турція достигла, по словамъ турецкаго манифеста, тѣмъ самымъ способомъ, о коемъ въ послѣдніе дни съ такою похвалой отозвались г. Гладстонъ на банкетѣ въ Лондонѣ, Французскій кабинетъ въ своей деклараціи предъ законодательнымъ собраніемъ и г. Гаймерле предъ австро-венгерскою делегаціей. Падишахъ и его ближайшій совѣтникъ Саидъ-паша, похваляются Турки, сумѣли поддержать и разжечь взаимное недовѣріе между европейскими державами и воспользоваться ихъ раздорами чтобы не исполнить ни одного изъ тѣхъ требованій которыя были поставлены Турціи отъ имени Европы. Турки называютъ, правда, несогласіемъ и раздоромъ то что на языкѣ дипломатіи именуется концертомъ; но и для константинопольской черни явно что рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же. Разница лишь въ томъ что Турки всегда называютъ вещи собственнымъ именемъ.

Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Гаймерле, позаботился впрочемъ разъяснить Турціи точный смыслъ того что̀ дипломатія со своей стороны разумѣетъ подъ единодушными требованіями Европы. Въ своей недавней рѣчи къ австро-венгерской делегаціи онъ заявилъ что ни Берлинскій трактатъ, ни постановленія Берлинской конференціи не заключаютъ въ себѣ никакихъ указаній на обязательную для Турціи силу этихъ актовъ, удостовѣривъ притомъ что въ этомъ отношеніи существуетъ полное тождество во взглядахъ Германіи и Австріи. Туркамъ, значитъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода тревожиться продолжающеюся до сихъ поръ стоянкой соединеннаго флота въ Адріатическомъ Морѣ. Зачѣмъ стоятъ тамъ европейскія эскадры, претерпѣвая страшныя невзгоды крайне негостепріимной въ эту пору Адріатики, это вопросъ на который ни г. Гаймерле, ни кто-либо другой изъ европейскихъ дипломатовъ, не могъ бы дать разумнаго объясненія. Но насколько это дѣло касается Турокъ, разъясненіе дано вполнѣ удовлетворительное: какова бы ни была цѣль продолжающейся понынѣ демонстраціи, въ ней нѣтъ ни малѣйшей угрозы противъ Турціи.

По всей вѣроятности, демонстрація продолжается потому что еще нужно придумать приличный предлогъ для того чтобы разойтись, а найти такой трудно. Но въ связи съ послѣдними заявленіями г. Гладстона, эта демонстрація имѣетъ очень краснорѣчивый смыслъ. Англійскій премьеръ утверждаетъ что онъ и прежде дѣйствовалъ и впредь дѣйствовать будетъ лишь въ соглашеніи съ прочими державами, и если есть возможность чего-либо достигнуть, то „концертъ“ есть де самое могущественное къ тому средство. Но г. Гладстонъ не рѣшился утверждать что предпринятое по его иниціативѣ *дѣйствіе* привело къ чему-нибудь. Онъ счелъ за лучшее совсѣмъ умолчать о соединенной эскадрѣ собранной подъ командой англійскаго адмирала въ Адріатикѣ. А въ это самое время отъ имени двухъ другихъ участниковъ „концерта“ заявлено официально что никакого дѣйствія противъ Турціи и не предполагается, и быть не должно. Если г. Гладстонъ зналъ что таковъ взглядъ этихъ державъ въ то время когда онъ предложилъ посылку флотовъ, то зачѣмъ же было посылать ихъ на посмѣшище Турокъ? Если же онъ не зналъ что дѣло кончится такъ позорно, то изъ этого ясно что онъ обманывался насчетъ истинныхъ намѣреній тѣхъ кого онъ считалъ дѣйствующими съ нимъ заодно. Что же значатъ эти вновь изъявляемыя надежды на согласное дѣйствіе державъ?

Въ намѣреніяхъ и настроеніи англійскаго премьера какъ будто произошла перемѣна, которую онъ лишь постарался приличнымъ образомъ прикрыть своею рѣчью на банкетѣ у лордъ-мера. Несмотря на восхваленія приближенныхъ къ правительству газетъ, это отступленіе г. Глад-

стона исполнено не совсѣмъ удачно. Трудно судить насколько онъ былъ къ тому вынужденъ силою вещей. Члены оппозиціи на банкетѣ не присутствовали. Но они не молчатъ. На дняхъ выступилъ съ рѣзкою критикой глава торійской партіи въ Палатѣ Общинъ, г. Норткотъ, сказавшій рѣчь на митингѣ въ Бристолѣ. Торійскій ораторъ высказался по вопросу о принужденіи Турціи совершенно такъ какъ и г. Гаймерле; но европейскаго концерта, по мнѣнію г. Норткота, не существуетъ. Торіи, конечно, возстановятъ оный, если имъ удастся снова пріобрѣсти власть въ свои руки, и концертъ окажется удачнымъ когда будетъ клониться во вредъ народностямъ Востока...

№ 308.

Москва, 5-го ноября.

Окончившійся процессъ шестнадцати политическихъ преступниковъ вновь привлекъ общее вниманіе къ язвѣ называемой русскою соціально-революціонною партіей. Оптимисты готовы видѣть въ этомъ процессѣ конецъ исторіи, особенно разыгравшейся въ послѣдніе два года, и утѣшаться мыслію что съ захватомъ участниковъ въ важнѣйшихъ преступныхъ дѣяніяхъ послѣдняго времени разорено наконецъ это революціонное гнѣздо, и разбросанные птенцы его если не переродятся, то изведутся сами собою. Люди опасливые не очень довѣряютъ затишью и, вспоминая что закрывшаяся язва не есть еще исцѣленіе, боятся, говоря языкомъ врачей стараго пошиба, не загнана ли болѣзнь внутрь. И тѣмъ и другимъ послѣдній процессъ можетъ дать не мало матеріала для соображеній.

Процессъ прежде всего замѣчателенъ по тѣмъ раскрытіямъ какія заключаются въ обширномъ показаніи лишившаго себя жизни подсудимаго Гольденберга; замѣчателенъ также по тому общему тону какой—насколько можно судить по отчету и о чемъ свидѣтельствуютъ очевидцы—обнаружился на этотъ разъ въ средѣ подсудимыхъ. Скандаловъ какими отличались прежніе процессы не было. Все прошло, такъ-сказать, прилично. Рѣчи были сдержанны, компетентность суда никѣмъ не отвергалась; о страшныхъ дѣяніяхъ говорится какъ бы о нѣкоторой печальной необходимости; ни малѣйшаго раздраженія противъ Гольденберга, несмотря на его раскрытія. Подсудимые мѣстами какъ бы помогаютъ суду въ разъясненіи обстоятельствъ дѣла; замѣтенъ разчетъ произвести впечатлѣніе; нѣкоторые внимательно подготовили свои рѣчи; даже весьма повидимому не прыткій Мартыновскій, сбившійся съ пути молодой межевой канцелярист, затвердилъ какую-то довольно сложную фразу, раза три къ ней возвращался, но не могъ довести до конца, такъ что предсѣдателю и не удалось возвратить его на почву фактовъ. Была лишь одна выходка, но и та повидимому не для парада и не безъ нѣкоторой искренности. Говоримъ о показаніи на вопросъ о заявленіи нѣроисповѣданія при началѣ процесса.

При обзорѣ процесса, прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе поразительная несоразмѣрность между важностію преступныхъ дѣяній и ничтожествомъ ихъ совершителей. Дѣло идетъ объ убійствѣ харьковскаго губернатора князя Кропоткина, о покушеніи на жизнь Самого Государя Императора 2 апрѣля 1879 года, о посягательствѣ на Его же особу чрезъ заложеніе минъ подъ Одессой и подъ Москвою, наконецъ о взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ. И кто же дѣятели? Двадцатичетырехлѣтній Еврей Гольденбергъ, неокончившій курса въ Кіевской прогимназіи; двадцатитрехлѣтній Ширяевъ, воспитанникъ Ветеринарнаго Института; двадцатидвухлѣтній „Полячокъ,“ какъ его звали въ кружкахъ, Кобылянскій; неокончившій курса въ Технологическомъ Институтѣ Квятковскій, студентъ Зубковскій, три слесаря, нѣсколько юныхъ нигилистовъ. Постарше и познавательнѣе — докторъ Буличъ, но онъ виновенъ только въ укрывательствѣ. Правда что почти всѣ эти дѣятели, хотя учебнаго курса и не кончили,—не по бѣдности, впрочемъ, а потому большею частію что предпочли казеннымъ стипендіямъ частныя отъ революціонныхъ комитетовъ,—прошли довольно полную революціонную школу. Почти каждый арестовывался, обыскивался, привлекался, содержался, отпускался, бѣгалъ, скрывался, былъ заграницей и вернувшись пребывалъ въ постоянныхъ странствіяхъ изъ города въ городъ. Ѣздили за границу и Гольденбергъ, и Ширяевъ, неизвѣстно кѣмъ-то обученный готовить динамитъ, и Зунделевичъ, и даже слесарь

Прѣсняковъ. Двадцатитрехлѣтняя дочь майора Иванова въ 1877 году привлекалась по дѣлу о демонстраціи на Казанской площади, въ 1878 по процессу 193-хъ, административнымъ порядкомъ была выслана въ Кемь, откуда, какъ водится, безъ замедленія бѣжала въ Петербургъ. Правда и то что за полтора десятка судившихся остались сотни разсѣянныя по разнымъ городамъ, особенно на югѣ. Правда наконецъ что главные участники преступленій, какъ Гартманъ, Халтуринъ (произведшій взрывъ во Дворцѣ) и многіе другіе успѣли скрыться. Тѣмъ не менѣе ничтожество элементовъ изъ какихъ сложена вся эта „русская революціонная партія“ такъ очевидно что питайся она собственными соками, не будь крайне осложняющихъ дѣло обстоятельствъ, пріобрѣтенное ею значеніе осталось бы необъяснимымъ чудомъ. Она принадлежитъ, къ сожалѣнію, почти исключительно къ тому кругу, который принято называть „учащеюся молодежью“ обоего пола. Достаточно прочесть показаніе Гольденберга чтобъ убѣдиться въ какихъ уже значительныхъ размѣрахъ удалось, особенно на югѣ, пустить въ эту среду ядъ пропаганды. Въ революціонной исповѣди своей Гольденбергъ свидѣтельствуетъ о томъ какое значеніе пропагандѣ этой придаетъ его партія, именуемая партіей террористовъ, которая присоединяетъ къ „пропагандѣ въ деревнѣ еще политическую борьбу, т.-е. борьбу за политическія права, съ цѣлью измѣненія нынѣ существующаго политическаго строя.“ Въ началѣ признанія своего, Гольденбергъ на первомъ планѣ между „средствами борьбы,“ для вызова, какъ онъ выражается, „болѣе или менѣе активнаго, а главное продуктивнаго народнаго движенія въ Россіи,“ помѣщаетъ „всевозможную агитацію среди молодежи и арміи, въ какой бы формѣ это волненіе умовъ ни выразилось—въ формѣ ли петицій, требованій, адресовъ и т. д.“ Даже устрашающія политическія убійства, какъ „средство борьбы,“ поставляются на второмъ планѣ, уступая первенство смущенію и уловленію молодежи. Изъ процесса можно видѣть какъ агитаторы надѣваютъ иногда на себя маску якобы ходатаевъ за студентскіе интересы. Въ обвинительномъ актѣ указывается что „изъ объясненій Зубковскаго (бывшаго кіевскаго студента) усматривается что во время совершенія убійства (князя Крапоткина) онъ былъ въ Харьковѣ исполняя порученіе кіевскихъ студентовъ къ студентамъ Харьковскаго Университета по поводу готовившагося адреса Государю Императору, съ ходатайствомъ о предоставленіи всѣмъ русскимъ университетамъ той организаціи какою пользовался Дерптскій Университетъ.“ Хорошъ уполномоченный!

Картина революціонныхъ кружковъ въ средѣ молодежи выходитъ въ показаніи Гольденберга довольно яркая. Мелькаютъ десятки именъ и особенно кличекъ. Все это сходится, расходится. Одни другихъ не знаютъ, хотя и дѣйствуютъ сообща, повинуясь какимъ-то обоюду-обязательнымъ указаніямъ; безпрерывно переѣзжаютъ изъ города въ городъ, отыскиваютъ по данному адресу неизвѣстное дотолѣ лицо, которое и вводитъ прибывшаго въ мѣстную среду соумышленниковъ; участвуютъ въ общихъ важныхъ предпріятіяхъ, видясь въ первый разъ въ жизни и зная другъ друга лишь подъ условною кличкой; иной разъ слѣдятъ одинъ за другимъ, очевидно, по чьему-то порученію. Общее выносимое изъ дѣла впечатлѣніе есть то что это театръ маріонетокъ. Въ кружкахъ идетъ революціонная болтовня, обсуждается все возможное, составляются, но лишь *теоретически*, всяческіе планы революціонныхъ предпріятій, убійствъ, возстаній, переворотовъ. Какой-нибудь прибывшій ораторъ воодушевляетъ присутствующихъ на сходкѣ до восторга, до неистовства. Гольденбергъ въ показаніи не можетъ удержаться отъ восхищенія вспоминая сходки въ Харьковѣ въ сентябрѣ 1879 года когда нѣкто Желябовъ (неразысканный, главный дѣятель въ подкопѣ близъ Александровска) „въ высшей степени развитая и геніальная личность“ развивалъ ученія террористической партіи о важности „широкой агитаціи въ средѣ молодежи, войска и общества.“ „Результатомъ, прибавляетъ Гольденбергъ, этихъ сходокъ было то что въ молодежи развилась какъ бы страсть къ нимъ и желаніе повторять ихъ почаще.“ Это одна сторона дѣла: то что̀ происходитъ на сценѣ, что̀ видятъ зрители и чѣмъ заняты актеры. Но есть другая, болѣе важная сторона: то что̀ происходитъ за кулисами, о чемъ и сами участвующіе въ игрѣ по большей части не имѣютъ понятія. Имъ предоставляется судить, рядить, вѣтвиться и соединяться, составляя и измѣняя программы. Но настоящія практическія рѣшенія при-

ходятъ откуда-то, имъ самимъ невѣдомо. Гольденбергъ въ значительной части своего показанія обнаруживаетъ искреннюю готовность раскрыть обстоятельства дѣла, и между тѣмъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ на судебномъ разбирательствѣ безъ труда обнаруживаютъ что ему оставалось неизвѣстнымъ многое даже въ такомъ дѣлѣ какъ съѣздъ въ Липецкѣ, устроителемъ котораго онъ считалъ себя и своихъ близкихъ. Онъ и Кобылянскій участвуютъ съ Соловьевымъ въ преступныхъ совѣщаніяхъ о цареубійствѣ когда въ сущности совѣщаться было уже нечего, такъ какъ Соловьевъ явно былъ лицомъ безповоротно уже обреченнымъ на страшное дѣло. Выяснившіяся на процессѣ обстоятельства не даютъ прямаго указанія на управляющую руку, по мановенію которой движутся эти революціонныя маріонетки, то выпускаемыя на сцены, то уводимыя за кулисы; но присутствіе ея чувствуется во множествѣ явленій...

№ 309.

Москва, 6-го ноября.

Отставка прежняго и назначеніе новаго министра финансовъ вызвали множество толковъ и изо всѣхъ толковъ выходитъ собственно лишь то что финансовое управленіе должно впредь идти не тѣмъ путемъ какимъ шло донынѣ. Какимъ же?

Въ теченіе десятилѣтій у насъ, можно сказать, не было вовсе финансовой политики. Подобно тростн вѣтромъ колеблемой, финансовое управленіе легко подчинялось всякимъ доктринамъ, потому что не руководилось національнымъ интересомъ, всегда чуткимъ и смышленымъ. Не дѣлая ничего чтобъ обезпечить русскому производству иностранные рынки, мы охотно предоставляли имъ всѣ способы утвердить ихъ господство на нашихъ. Финансовыя операціи у насъ подчинялись требованіямъ, почти предписаніямъ, иностранныхъ биржъ. Строя желѣзныя дороги, мы мало заботились о томъ въ чью пользу наклонить вѣсы эта могучая экономическая сила, и вышло такъ что эти съ громадными пожертвованіями построенныя дороги служатъ въ гораздо меньшей степени русскимъ чѣмъ чужеземнымъ интересамъ; на средства народа создалось орудіе эксплуатаціи его иностранною торговою политикой. Отсутствіе національной политики въ общемъ веденіи дѣлъ сказывается и въ системѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Не интересами страны вызывались разныя происходившія въ нихъ перемѣны, а лишь текущими нуждами фиска. Предъ бюджетными соображеніями отступали на задній планъ всякія другія. Предпочтеніе однихъ налоговъ другимъ основывалось не на выгодахъ страны, не на томъ въ большей или меньшей степени препятствуетъ налогъ ея экономическому развитію и обогащенію народа, а на большей или меньшей суммѣ какая поступитъ въ казначейство.

Это постоянное предпочтеніе интересовъ фиска интересамъ народнаго хозяйства было постоянно нашимъ зломъ. Въ немъ заключается и главная причина нашей финансовой косности, причина безконечнаго откладыванья необходимѣйшихъ финансовыхъ реформъ. Что эти преобразованія необходимы, что они возвысили бы народное богатство, возбудили бы производительныя силы страны, что наоборотъ отжившая свой вѣкъ финансовая система вредна и разорительна, въ этомъ никто не сомнѣвался. Но финансовое управленіе наше постоянно было парализовано опасеніемъ нарушить бюджетное равновѣсіе. При данныхъ условіяхъ, въ казну поступаетъ столько-то сотъ милліоновъ рублей дохода, а плоды новыхъ порядковъ, имѣющихъ замѣнить ее, когда-то еще обозначатся. Эти плоды впереди, а бюджетные дефициты появятся немедленно. Страна выиграетъ, но финансовое управленіе не сведетъ концы съ концомъ въ своей росписи. Всѣ знаютъ что пьянство разоряетъ и развращаетъ народъ, но серіозныя мѣры противъ пьянства могутъ причинить недоборъ по акцизу, между тѣмъ какъ питейный доходъ есть самая крупная статья въ бюджетѣ. Соляной налогъ давно признанъ однимъ изъ самыхъ вредныхъ, но за него крѣпко держатся опять въ силу фискальныхъ соображеній. Круговая денежная порука при взиманіи прямыхъ податей налагаетъ путы на народъ, мѣшаетъ свободному движенію людей и распредѣленію рабочихъ силъ въ странѣ, парализуетъ ихъ; но покончить съ круговою порукой не рѣшаются потому что она гарантируетъ беззаботное поступленіе крупныхъ суммъ въ казначейство. Такъ и

во многомъ другомъ: необходимое въ истинныхъ интересахъ народа постоянно откладывалось ради мнимыхъ интересовъ фиска.

Случайно установившаяся рознь между казною и интересами страны, вотъ аномалія нашей государственной жизни, отъ которой намъ прежде всего слѣдуетъ избавиться. Въ этой розни истинное зло нашего финансоваго положенія. Наши налоги, какъ извѣстно, вообще не отличаются желаемою эластичностью, а это потому что они не согласованы съ народною производительностью. Нашъ бюджетъ тяжеле для народа чѣмъ бюджеты другихъ странъ не потому чтобъ онъ былъ чрезмѣрно великъ;—общій итогъ его, раздѣленный на число населенія, даетъ на душу цифру много меньшую тѣхъ какими ложатся на населенія бюджеты другихъ государствъ;—бюджетъ нашъ тяжелъ потому что наша финансовая система изнуряетъ платежныя силы, и препятствуя подъему народнаго благосостоянія, искусственно держитъ народъ въ бѣдности. Эта система, взимая со страны все что можно взять, ставитъ казну въ затрудненіе каждый разъ когда взимаемаго оказывается недостаточно, и приходится обращаться къ плательщикамъ съ новыми увеличенными требованіями.

Какъ между народомъ и государствомъ, такъ и между интересами страны и фиска не должно быть ни малѣйшей розни. Правильною и вмѣстѣ истинно національною можетъ быть названа только такая финансовая политика которая стремится прежде всего къ подъему народнаго благосостоянія какъ основы финансоваго могущества государства. Не замѣчать что народъ терпитъ ущербъ далеко превышающій тѣ суммы какія съ него взимаются значитъ вести хищническое хозяйство.

Устранить рознь между фискомъ и народнымъ хозяйствомъ, создать систему при которой тѣ и другіе были бы приведены въ возможно полнѣйшее соотвѣтствіе, такова должна быть главная задача хорошей финансовой политики. Весьма возможно что рѣшеніе этой задачи не обошлось бы на первыхъ порахъ безъ нѣкотораго ущерба для казны. Но цѣль стоитъ жертвъ и всякихъ усилій. Мы не отступали ни предъ какими затратами сооружая нашу желѣзнодорожную сѣть. Тѣмъ менѣе слѣдуетъ бояться дефицитовъ имѣя въ виду преобразованіе финансовой системы. Приступая къ реформамъ, должно прежде всего проникнуться глубокимъ убѣжденіемъ что бюджетное равновѣсіе имѣетъ лишь второстепенное значеніе сравнительно съ заботой о подъемѣ производительныхъ силъ народа, и усвоивъ это убѣжденіе необходимо держаться его крѣпко, не колеблясь и не пугаясь. Что могутъ значить временные дефициты сравнительно съ изнуреніемъ народныхъ силъ неправильною финансовою системой? Недочеты казны съ лихвой возмѣстятся увеличеніемъ доходовъ при измѣнившихся къ лучшему условіяхъ экономическаго быта страны. Бюджетные недочеты, какъ сѣмена брошенныя на добрую землю, не замедлятъ вознаградить сѣятеля хорошею жатвой. Не посѣявъ, не пожнешь.

Никакая важная цѣль не достигается безъ борьбы съ серіозными препятствіями. Успѣхъ дѣла всего болѣе зависитъ отъ вѣры въ самое дѣло, и только эта вѣра можетъ дать силу преодолѣвать затрудненія какъ бы велики они ни были. Безъ вѣры въ великія послѣдствія крестьянской реформы, она никогда бы не совершилась. То же должно сказать и о реформахъ финансовыхъ. Въ томъ что эти реформы такъ долго заставляютъ себя ждать, нельзя не видѣть недостатка увѣренности въ благотворномъ значеніи ихъ для страны. И пока лица дающіе направленіе нашей финансовой политикѣ не проникнутся увѣренностію и не будутъ вполнѣ національны, ихъ политика останется безцвѣтною, безхарактерною и разорительною.

Разные слухи о мѣрахъ проектируемыхъ новымъ финансовымъ управленіемъ позволяютъ надѣяться что оно рѣшилось выступить на путь серіозныхъ финансовыхъ преобразованій и намѣрено идти путемъ національной экономической политики. Пожелаемъ же ему полнаго и наилучшаго успѣха...

№ 310.

Москва, 7-го ноября.

Во французской палатѣ представителей, созванной нынѣ въ чрезвычайную сессію, разыгралась въ самые первые дни ея засѣданій скандальная сцена, необычайная въ исторіи даже французскаго парламентаризма. Съ помощью призванной въ залу засѣданій военной силы, легитимистъ

Бодри д'Ассонъ былъ вытащенъ за ноги изъ залы, и заключенъ въ карцеръ, гдѣ онъ просидѣлъ два дня. Но слова этого депутата, которыми онъ навлекъ на себя такую мѣру, заставили многихъ призадуматься. Г. Бодри д'Ассонъ сказалъ что въ открывшуюся сессію онъ „надѣется присутствовать при агоніи республики." Нельзя сказать чтобы катастрофа которую предвидятъ легитимисты имѣла шансы совершиться въ смыслѣ для нихъ желательномъ: безсиліе монархическихъ партій во Франціи возрастаетъ съ каждымъ днемъ частью потому что онѣ сами не мало содѣйствуютъ тому чтобы подорвать свой политическій авторитетъ въ странѣ, частью вслѣдствіе правительственныхъ мѣръ изъ коихъ самымъ тяжкимъ ударомъ было недавнее энергическое исполненіе декретовъ противъ католическихъ конгрегацій, служившихъ могучею опорой для монахристовъ. Тѣмъ не менѣе, для внимательнаго и безпристрастнаго наблюдателя, пророчество г. Бодри д'Ассона представляется зловѣщимъ знаменіемъ. Чувствуется что кризисъ во Франціи неизбѣженъ и что такъ или иначе, но переворотъ неминуемъ.

Кто собственно управляетъ нынѣ Франціей? Таковъ вопросъ который повторяется все чаще и чаще и отвѣтъ неизмѣнно заключается въ томъ что судьбы страны не находятся въ рукахъ лицъ призванныхъ официально къ управленію. Президентъ республики, г. Греви, поставилъ себѣ задачей не имѣть своей воли и „подчиняться волѣ страны," то-есть большинству палаты. Но кто можетъ сказать какъ слагается и изъ какихъ элементовъ состоитъ та зыбкая и раздробленная на безчисленныя и враждебныя между собою котеріи „республиканская партія," которая численно преобладаетъ въ настоящее время, но не представляетъ ничего цѣльнаго и компактнаго? О министерствахъ же, смѣняющихъ одно другое съ такою быстротой, еще менѣе можно сказать чтобъ они представляли собою нѣчто прочное, цѣльное, сознающее свои цѣли въ будущемъ и располагающее средствами самостоятельно и послѣдовательно осуществлять свои виды. Министерства эти, съ самаго начала теперешней республиканской эры, то-есть со времени паденія маршала Макъ-Магона и его монархическихъ приверженцевъ, набирались по волѣ и указаніямъ г. Гамбетты, изъ людей слывшихъ его приверженцами, и въ данную минуту свергались по его же невидимому, но могущественному манію. На г. Гамбетту давно всѣ привыкли смотрѣть какъ на дѣйствительнаго правителя Франціи, какъ на единственнаго человѣка который имѣетъ опредѣленныя цѣли и знаетъ чего хочетъ. Но чего же именно хочетъ онъ? За нѣсколько лѣтъ предъ симъ еще можно было сомнѣваться, точно ли бывшій адвокатъ-говорунъ имѣетъ такое могущественное положеніе въ богатой умственными силами и политическимъ опытомъ странѣ. Теперь стало это очевиднымъ какъ для недруговъ, такъ и для друзей „диктатора." Нельзя сомнѣваться что г. Гамбетта имѣетъ въ виду современемъ занять и официально мѣсто главы государства. Что же замышляетъ онъ для Франціи и на какіе пути думаетъ онъ направить ея политику? Ни одинъ изъ честолюбивыхъ правителей Франціи не довольствовался задачами внутренняго управленія, и внѣшнія предпріятія были всегда единственнымъ средствомъ съ помощью котораго строптивая нація Французовъ удерживалась въ повиновеніи. Промѣнявъ свою адвокатскую мантію на президентскій мундиръ, г. Гамбетта, этотъ, какъ его бывало прославляли, „пламенный ораторъ," *научился молчать*, и это пока служитъ едва ли не самымъ серіознымъ доказательствомъ что въ немъ есть étoffe государственнаго человѣка.

Г. Гамбетта уже теперь имѣетъ самое рѣшительное вліяніе на ходъ дѣлъ. Онъ назначаетъ и свергаетъ министровъ. Но всѣ эти перемѣны совершаются за кулисами, и участіе его ни въ чемъ наглядно не выступаетъ. Это-то совершенно исключительное положеніе которое создалъ для себя г. Гамбетта раздражаетъ неугомонныхъ вожаковъ безчисленныхъ политическихъ фракцій внутри Франціи, и въ то же время поддерживаетъ тѣ тревожныя ожиданія съ какими въ Европѣ продолжаютъ смотрѣть на Францію. Тревога болѣе усилилась съ тѣхъ поръ какъ г. Гамбетта счелъ нужнымъ прервать молчаніе, и въ своей пресловутой рѣчи въ Шербургѣ довольно ясно намекнулъ на то что онъ отнюдь не раздѣляетъ мнѣнія о необходимости для Франціи покориться постигшей ее исторической судьбѣ, и что онъ мечтаетъ о возстановленіи „исторической справедливости." Въ Германіи эта выходка бу-

дущаго французскаго президента произвела великій переполохъ. Тамъ старались истолковать дѣло такъ, какъ будто г. Гамбетта компрометтировалъ себя рѣчью въ Шербургѣ. Офиціозный органъ князя Бисмарка намекнулъ по этому поводу, что германскій канцлеръ, обманувшись своимъ взглядѣ на г. Гамбетту, котораго онъ прежде считалъ другомъ Германіи, сумѣетъ отнять у него то вліяніе во Франціи которымъ онъ до тѣхъ поръ пользовался какъ бы съ одобренія и разрѣшенія князя Бисмарка. Вслѣдъ затѣмъ г. Фрейсине, тогдашній министръ-президентъ, произнесъ „примирительную“ рѣчь въ Монтобанѣ, которая послужила какъ бы подтвержденіемъ горделивыхъ намековъ берлинской офиціозной печати, ибо г. Фрейсине сталъ въ явное противорѣчіе съ идеями отместки высказанными г. Гамбеттой. Но не прошло и мѣсяца послѣ рѣчи въ Монтобанѣ какъ г. Фрейсине былъ свергнутъ. Перемѣна кабинета совершилась и на этотъ разъ безъ явнаго участія президента законодательнаго собранія и какъ будто по другому поводу, не имѣвшему никакого отношенія къ рѣчи въ Монтобанѣ. Тѣмъ не менѣе, общій голосъ утверждаетъ и доселѣ что г. Фрейсине палъ вслѣдствіе того что осмѣлился публично заявить взгляды разнорѣчившіе съ таковыми г. Гамбетты. Однако иностранная политика Франціи какъ бы вновь подтвердила могущество вліянія Германіи на французскія дѣла, такъ какъ съ тѣхъ поръ Франція открыто стала на сторону Германіи по восточнымъ дѣламъ, и въ нѣмецкихъ газетахъ вновь стала высказываться мысль что г. Гамбетта вынужденъ „смириться,“ и что новый кабинетъ, также какъ кабинетъ г. Фрейсине, отнюдь не намѣренъ идти по тому пути который намѣтилъ г. Гамбетта въ Шербургѣ.

Но при самомъ открытіи сессіи французскихъ палатъ, г. Гамбетта имѣлъ случай доказать что власть его нисколько не ослабѣла и что онъ попрежнему держитъ въ рукахъ своихъ судьбы министерства. Требованіе правительства чтобы законопроектъ о народномъ образованіи былъ поставленъ первымъ на очереди не было принято и министерство подало въ отставку. Кризисъ прошелъ благополучно, и послѣ изъявленія довѣрія кабинету, г. Ферри взялъ назадъ свое прошеніе объ отставкѣ. Но какъ первое постановленіе, коимъ оскорбилось правительство до того что рѣшилось выйти въ отставку по ничтожному въ сущности поводу, такъ и *вотумъ* довѣрія, были дѣломъ г. Гамбетты, вновь подтвердивъ что онъ располагаетъ возможностью карать и миловать министровъ. Власти его, какъ сказано, никто уже не оспариваетъ, но тѣмъ настойчивѣе напоминаютъ г. Гамбеттѣ что ему пора выступить изъ полумрака и, пользуясь столь обширною властью, принять на себя и всю отвѣтственность отъ которой онъ до сихъ поръ такъ искусно умѣетъ уклоняться.

Замѣчательно что такія увѣщанія особенно усердно расточаютъ г. Гамбеттѣ англійскіе правительственные органы, какъ *Daily News*, *Daily Telegraph* и самая газета *Times*. Органъ Лондонскаго Города не скрываетъ при этомъ что активное участіе г. Гамбетты въ управленіи должно неминуемо отозваться тревожнымъ образомъ на отношеніяхъ между Германіей и Франціей. Но и это желательнѣе чѣмъ теперешній порядокъ вещей который становится невозможнымъ...

Въ такой ли мѣрѣ желаютъ этой перемѣны въ Германіи?

№ 311.

Москва, 8-го ноября.

Спѣшимъ снять незаслуженное нареканіе на двухъ нижегородскихъ хлѣбныхъ торговцевъ Блинова и Бугрова, которымъ авторъ статьи „Продовольственный вопросъ“ приписалъ, повидимому смѣшавъ имена, игру на повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ въ Нижнемъ Новгородѣ, причемъ сообщался слухъ будто ихъ прикащики были побиты народною толпой. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, ничего подобнаго съ помянутыми торговцами не было; напротивъ, имъ принадлежитъ честь пониженія цѣнъ поднятыхъ спекуляціей до чрезмѣрной высоты.

Доказательства что торговая спекуляція есть главная причина вздорожанія хлѣба накопляются одно за другимъ. Кромѣ Нижняго Новгорода, извѣстно какъ быстро, вслѣдствіе принятія надлежащихъ мѣръ, понизились цѣны хлѣба въ Петербургѣ и Вильнѣ. Нашъ курскій корреспондентъ на дняхъ сообщилъ намъ еще болѣе знаменательный фактъ. Въ уѣздномъ городѣ Рыльскѣ цѣна ржаной муки поднялась во

второй половинѣ октября до 1 р. 70 к. за пудъ. Въ виду такой дороговизны, мѣстная городская дума рѣшила немедленно закупить до пяти тысячъ пудовъ ржи, перемолоть ее и продавать муку по покупной цѣнѣ. Не успѣла еще дума привести это рѣшеніе въ исполненіе, какъ цѣна разомъ упала до 1 р. 15 к., а затѣмъ понизилась до 1 р. ровно, — цѣны отъ которой всѣ давно уже отвыкли. Нѣчто подобное произошло и въ Тамбовѣ. Тамошняя дума, какъ извѣстно, рѣшила затратить 150.000 р. для закупки хлѣба и продажи его нуждающимся безъ барыша. Хлѣбъ въ опредѣленномъ размѣрѣ еще не закупленъ думой, а цѣны на хлѣбъ въ теченіе немногихъ дней упали съ 1 р. 70 к. до 1 р. 50 к. и 1 р. 40 к. за пудъ, такъ что дума рѣшила временно пріостановить свою хлѣбную операцію, ограничившись закупкой третьей части предположеннаго количества хлѣба. Это пониженіе цѣнъ тѣмъ интереснѣе что, по словамъ нашего тамбовскаго корреспондента, за отсутствіемъ снѣга, продовольственные припасы довольно плохо подвозятся въ городъ. Вообще замѣчаютъ что съ тѣхъ поръ какъ на хлѣбную спекуляцію обращено вниманіе, цѣны хлѣба почти повсемѣстно стали понижаться, хотя и по немногу. Поднявшіе ихъ хлѣботорговцы тотчасъ понижаютъ ихъ какъ только появляется какая-нибудь конкурренція которой они не могутъ устранить. О средствахъ же къ какимъ прибѣгаютъ они для устраненія этой конкурренціи дастъ нѣкоторое понятіе разказъ корреспондента *Казанскаго Биржеваго Листка* о случаѣ бывшемъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. Въ началѣ августа, пудъ ржаной муки стоилъ тамъ 1 руб. 30 коп. Вдругъ цѣна на него была поднята до 1 р. 60 к. за пудъ. Услыхавъ объ этомъ, окрестные крестьяне обрадовались и поспѣшили отвезти свой хлѣбъ въ городъ на продажу. Но какъ только привезли они хлѣбъ въ городъ, имъ стали давать только по 1 р., много по 1 р. 10 к. за пудъ: такая цѣна установилась временно и во всѣхъ хлѣбныхъ магазинахъ. Нечего дѣлать, не везти же хлѣбъ назадъ, пришлось продавать его по пониженной цѣнѣ. Но едва была такимъ образомъ скуплена мука у крестьянъ, цѣна ея сразу поднялась до 1 р. 80 к. Не лишенъ также интереса разказъ корреспондента *Саратовскаго Листка* объ обстоятельствахъ обусловившихъ неудачу операціи закупки хлѣба предпринятой Вольскою городскою думой на сто тысячъ рублей данныхъ для этой цѣли заимообразно г. Плигинымъ. Закупка хлѣба была поручена думой одному изъ гласныхъ. Онъ купилъ для города только 55.000 пудовъ ржи, объяснивъ что больше купить „не могъ, потому что ржи въ привозѣ не было.“ Между тѣмъ, въ то время когда онъ производилъ покупку, съ начала сентября, другими лицами, въ томъ числѣ и имъ для себя, куплены были на Камскихъ пристаняхъ сотни тысячъ пудовъ. Изъ числа закупленной для города ржи, 13.000 пудовъ были погружены въ негодную баржу, которая пошла ко дну, да и остальное количество тоже недошло до Вольска: грузъ замерзъ на полпути между Симбирскомъ и Самарой, хотя лицъ у пятнадцати или болѣе грузы успѣли придти благополучно. Въ результатѣ оказалось что на 100.000 рублей не было доставлено въ Вольскъ ни пуда хлѣба, который могъ бы поступить въ продажу конкуррируя съ хлѣбомъ мѣстныхъ торговцевъ, и мука дошла до 1 руб 85 коп. Въ виду этого, прибавляетъ корреспондентъ, „даже лица прежде никогда хлѣбомъ не торговавшіе запаслись рожью и уже берутъ отъ 25% до 30% на рубль въ первый же мѣсяцъ затраты капитала.“

Въ этомъ общемъ увлеченіи хлѣбною спекуляціей нѣтъ ничего удивительнаго. Почему де не нажить когда наживаютъ другіе, какъ не броситься на дѣло дающее необычайно высокіе барыши? Стремленіе къ искусственному подъему цѣнъ хлѣба, равно какъ и другихъ товаровъ, проявлялось по временамъ то въ тѣхъ, то въ другихъ мѣстностяхъ. Въ настоящее время хлѣбная спекуляція разыгралась по всей странѣ, и не трудно объяснить себѣ что дало ей толчокъ и создало выгодныя для нея условія.

Несмотря на довольно крупные итоги хлѣбнаго отпуска въ 1875 и въ 1876 годахъ, со стороны людей занимающихся этимъ отпускомъ раздавались въ то время громкія жалобы на невыгодность этой важной отрасли торговли. Начиная съ 1877 года, всѣ подобныя жалобы совершенно прекратились. Внѣшняя торговля хлѣбомъ получила небывалое до того развитіе и стала давать неслыханные прежде барыши. Къ обычнымъ торговымъ барышамъ присоединилась разница между прежнимъ от-

носительно высокимъ и установившимся, вслѣдствіе войны, пониженнымъ уровнемъ вексельныхъ курсовъ. Привлеченные этими барышами, люди толпами бросились закупать хлѣбъ для заграничнаго сбыта, и чѣмъ далѣе тѣмъ все бо́льшая масса людей и капиталовъ обращалась на это дѣло. Хлѣбная торговля вышла изъ прежней обычной колеи. На всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ проходящихъ по хлѣбороднымъ районамъ, во всѣхъ мѣстахъ гдѣ можно покупать хлѣбъ, скупщики хлѣба и ихъ агенты, русскіе и иностранные, кишѣли роемъ. На этихъ перепутьяхъ только и рѣчей было что о покупныхъ и продажныхъ цѣнахъ хлѣба, о барышахъ по этой торговлѣ, о выжиданіи выгоднѣйшихъ цѣнъ. Хлѣбъ закупался въ огромныхъ количествахъ не для немедленнаго сбыта, но чтобы придержать его въ ожиданіи благопріятной минуты, то-есть особенно высокихъ цѣнъ. Это придерживанье хлѣба вошло въ теченіе трехъ лѣтъ въ обычай и стало какъ бы общимъ правиломъ. Разчитанное сперва на заграничный сбытъ, оно съ теченіемъ времени и при измѣнившихся обстоятельствахъ обратилось на сбытъ внутренній. На заграничномъ сбытѣ сдѣлалось невозможнымъ наживать слишкомъ большіе проценты, къ которымъ между тѣмъ успѣли привыкнуть. Уровень заграничныхъ цѣнъ пересталъ повышаться, а между тѣмъ производители хлѣба потребовали въ свою пользу часть барышей достававшихся прежде торговцамъ, повысивъ на него цѣны благодаря конкурренціи хлѣбныхъ скупщиковъ. Поднять цѣны на всемірныхъ рынкахъ, въ виду конкурренціи Америки и другихъ странъ, нельзя; но мало обильный урожай далъ возможность поднять цѣны на внутреннихъ рынкахъ и получить на нихъ тѣ барыши какихъ не можетъ уже дать сбытъ за границу. При обильномъ урожаѣ, у производителей имѣлись бы для продажи такія массы хлѣба которыхъ торговцы не могли бы захватить въ свои руки, заготовленные ими запасы хлѣба не играли бы особенно важнаго значенія и остались бы у нихъ на рукахъ еслибъ они вздумали дорожиться; хлѣбныя цѣны установлялись бы тогда не столько торговцами сколько производителями, придерживать свои запасы ради выигрыша на подъемѣ цѣнъ не было бы разчета; вмѣсто чрезмѣрныхъ, имъ пришлось бы довольствоваться обыкновеннымъ торговымъ барышемъ. Но при отсутствіи сильной конкурренціи отъ предложенія въ продажу хлѣба новаго урожая, скупщики хлѣба почувствовали свою силу и значеніе своихъ запасовъ и, конечно, не преминули извлечь изъ обстоятельствъ всѣ возможныя выгоды.

Это отсутствіе внутренней конкурренціи заготовленнымъ торговцами хлѣбнымъ запасамъ и есть главная причина существующей дороговизны продовольствія. Гдѣ появляется нѣкоторая конкурренція, даже только опасеніе конкурренціи, цѣны хлѣба немедленно падаютъ, какъ это мы видѣли, напримѣръ, въ Петербургѣ, въ Нижнемъ, въ Рыльскѣ. Для того чтобы хлѣбныя цѣны понизились не оказывается даже нужды въ большихъ подвозахъ хлѣба, примѣръ чему представляетъ Тамбовъ. Гдѣ же торговцамъ удается избѣжать конкурренціи тамъ цѣны поднимаются несмотря на подвозъ и увеличеніе хлѣбныхъ запасовъ, какъ это случилось, напримѣръ, въ Ивановѣ-Вознесенскѣ и Вольскѣ.

Дѣло всей этой спекуляціи много облегчается не прекращающимся вывозомъ хлѣба за границу. Нейди хлѣбъ за границу, онъ долженъ былъ бы поступить въ продажу на внутреннихъ рынкахъ и своею конкурренціей понудилъ бы понизить продажныя цѣны имѣющихся на нихъ хлѣбныхъ запасовъ. Понятно, поэтому, что люди заинтересованные въ подъемѣ внутреннихъ цѣнъ всячески ополчаются противъ стѣсненія отпуска хлѣба за границу. Наоборотъ, люди желающіе пониженія хлѣбныхъ цѣнъ, между прочимъ нѣкоторыя земства, указывали на пріостановку вывоза хлѣба, или по крайней мѣрѣ на обложеніе его достаточно высокою пошлиной какъ на одну изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ возникшей дороговизны. Дѣло тутъ не въ томъ что вывозъ не оставитъ у насъ хлѣбныхъ запасовъ достаточныхъ для обезпеченія народнаго продовольствія. Дѣло въ томъ что предназначенный для вывоза, но остановленный на пути хлѣбъ сдѣлаетъ имѣющіеся запасы доступными для покупателей. Страннымъ характеромъ отличается этотъ вывозъ въ настоящее время. Внутреннія цѣны такъ высоки что съ присоединеніемъ стоимости провоза хлѣбъ долженъ обойтись дороже цѣнъ по какимъ онъ можетъ быть проданъ за границей. А между тѣмъ онъ все-таки вывозится. Ясно что онъ былъ

купленъ для вывоза по гораздо низшимъ цѣнамъ. Пожалуй, онъ и вывозится затѣмъ чтобъ опять вернуться къ намъ для продажи по цѣнамъ голоднымъ.

Хлѣбная спекуляція, заинтересованная удаленіемъ изъ страны хлѣба могущаго конкуррировать съ закупленными ею запасами, нашла себѣ сильнаго и усерднаго союзника въ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Всегда готовыя къ услугамъ крупныхъ хлѣбныхъ торговцевъ и согласуя измѣненія своихъ провозныхъ тарифовъ съ ихъ интересами, желѣзныя дороги подслужились имъ и въ настоящемъ случаѣ. Общій характеръ ихъ тарифовъ былъ тотъ что на внутренняго потребителя хлѣба провозъ его ложился вдвое и даже болѣе чѣмъ вдвое тяжеле чѣмъ на потребителя иностраннаго. Съ русскаго потребителя наши дороги брали по копѣйкѣ съ пуда за каждыя 40 и даже 30 верстъ провоза; для потребителя иностраннаго везли пудъ хлѣба за ту же копѣйку не 30 и 40, а 60 и 70 верстъ. Но при настоящихъ обстоятельствахъ, такимъ поощреніемъ вывоза хлѣба желѣзныя дороги не ограничились. Недавно обратило на себя вниманіе сдѣланное Грязе-Царицынскою дорогой пониженіе тарифа для хлѣбныхъ грузовъ идущихъ за границу. На дняхъ, нашъ елецкій корреспондентъ сообщилъ что на станціи Елецъ Орловско-Грязской желѣзной дороги вывѣшено объявленіе гласящее что тарифъ на перевозку зерновыхъ грузовъ идущихъ отъ Ельца до Кёнигсберга понижен на 50 рублей съ вагона. И это въ то время когда требуется не вывозить хлѣбъ изъ страны, а направить внутрь ея хлѣбные запасы находящіеся на окраинахъ!

Желѣзнодорожные тарифы по перевозкѣ хлѣба, въ связи съ дороговизной хлѣба, уже обратили на себя вниманіе правительства. На дняхъ этотъ вопросъ подвергнется въ Петербургѣ особому обсужденію. Утверждаютъ что уже рѣшено, въ виду нынѣшнихъ обстоятельствъ, предписать желѣзнымъ дорогамъ уравнять тарифы внутренняго сообщенія по перевозкѣ хлѣба съ тарифами прямаго сообщенія по какимъ хлѣбъ провозится къ портамъ. Но достаточно ли это? Такое уравненіе было бы необходимо при всякихъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Но однимъ устраненіемъ этой несправедливости вопросъ подлежащій рѣшенію нисколько не будетъ подвинутъ. Прекратится усиленное поощреніе вывоза хлѣба изъ мѣстъ гдѣ онъ нуженъ, но никакой задержки этого вывоза не послѣдуетъ. Уже по одной инерціи хлѣбные грузы будутъ продолжать идти по усвоенному цѣлымъ рядомъ лѣтъ направленію. Дать этимъ грузамъ то направленіе которое требуется нынѣшними обстоятельствами могло бы лишь такое измѣненіе желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, при которомъ провозъ за границу былъ бы дороже провоза въ обратномъ направленіи.

№ 3133.

Москва, 10-го ноября.

Англія гордится своими политическими учрежденіями и выдаетъ себя за страну обезпеченную отъ всякихъ смутъ. Политическіе выходцы и изгнанники отовсюду находили и находятъ въ ней безопасное убѣжище и гостепріимный кровъ. Еще недавно республиканское Французское правительство поторопилось спровадить на ту сторону Канала нашего пиротехника Гартмана. И вотъ, вездѣ гдѣ возникала смута, если это только вязалось съ британскими интересами, Англія не прочь бывала вмѣшаться въ чужія дѣла, выдавая себя защитницей свободы и прогресса. Но во глубинѣ ея собственнаго государственнаго быта таится опасный недугъ; недугъ этотъ — аграрный вопросъ.

Стремленія ирландскихъ сепаратистовъ сами по себѣ были бы не опасны для Англіи, но вожаки *гомрулерской* агитаціи связали въ послѣднее время свое дѣло съ нуждами бѣдствующихъ и голодающихъ фермеровъ и теперь Британскому правительству приходится самому опасаться серіознаго мятежа. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе дѣлъ въ Ирландіи принимаетъ грозный характеръ. Извѣстно что еще въ 1863 году ирландскіе выходцы образовали въ сѣверной Америкѣ особое общество, подъ названіемъ *фениевъ* (*fenians* отъ старо-кельтскаго слова *fence*, великанъ, воинъ) съ цѣлію отторженія Ирландіи отъ Англіи и учрежденія самостоятельной ирландской республики, и что въ 1865 году Англійскому правительству пришлось арестовать и подвергнуть суду весьма многихъ лицъ въ Ирландіи считавшихся участниками въ этомъ заговорѣ. Въ маѣ 1866 года, американскіе фенін устроили даже вторженіе въ Кана-

ду, не имѣвшее однако успѣха. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ мѣры принятыя правительствомъ, союзъ этотъ пустилъ мало-по-малу глубокіе корни въ Ирландіи, и хотя до всеобщаго возстанія, котораго ожидали 1 марта 1867 года, дѣло и не дошло благодаря зоркости администраціи, однако пришлось военною силой подавлять движеніе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Недавній случай похищенія оружія съ частнаго судна стоявшаго на якорѣ близь Корка, который повидимому такъ и остался неразслѣдованнымъ въ виду возобновившихся аграрныхъ безпорядковъ, обезпокоилъ общественное мнѣніе въ Англіи, и молва приписала его происканъ феніевъ. Ораторы *гомрулерской* партіи, изъ коихъ болѣе умѣренные добиваются только самостоятельнаго управленія (home rule), то-есть законодательной независимости, особаго парламента, воспользовавшіеся въ послѣднее время острымъ состояніемъ въ которое вступилъ аграрный вопросъ въ Ирландіи вслѣдствіе послѣднихъ неурожайныхъ лѣтъ, и старающіеся связать свои интересы съ интересами безземельныхъ земледѣльцевъ, въ возбудительныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ въ разное время на митингахъ, указывали между прочимъ и на помощь изъ Америки не только деньгами, но и вооруженными людьми. Нѣкоторыя серіозныя англійскія газеты сознавались прямо что высадка контингента американскихъ Ирландцевъ на берега острова есть дѣло далеко не невозможное, и что въ случаѣ какой-либо серіозной войны Ирландія связала бы Англію по рукамъ и ногамъ.

Рѣчь объ этомъ теперь возобновляется. Недавно телеграфировали изъ Лондона что по извѣстіямъ изъ Ирландіи тамъ опасаются въ настоящее время высадки американскихъ Ирландцевъ, объ отправленіи которыхъ изъ Нью-Йорка правительство имѣетъ де положительное увѣдомленіе, и что въ разныхъ мѣстностяхъ Ирландіи снова появились фенін, недовольные Парнеллонъ, называющіе его какъ и другихъ вождей лиги ирландскими Англичанами, и требующіе рѣшительнаго возстанія противъ англійскаго владычества.

Правда что судя по дѣлу капитана Бойкота въ средѣ самаго населенія въ Ирландіи есть противодѣйствіе. Рабочіе изъ оранжистовъ рѣшились помочь капитану Бойкоту; но для того чтобы пятьдесятъ человѣкъ рабочихъ могли благополучно достигнуть его резиденціи понадобилось около тысячи человѣкъ войска при двухъ полевыхъ орудіяхъ и цѣлыя массы конныхъ полицейскихъ, какъ для охраны ихъ такъ и для наблюденія за желѣзною дорогой и путемъ который имъ пришлось пройти пѣшкомъ. Такой фактъ краснорѣчиво говоритъ за себя. На митингахъ рабочихъ бывшихъ въ Портадаунѣ рѣшено не имѣть никакого общенія съ *гомрулерами* пока водворится порядокъ. Такимъ образомъ неурядица вызванная аграрнымъ вопросомъ можетъ усложниться еще и отъ религіознаго и племеннаго антагонизма.

Естественно что такое положеніе дѣлъ вызываетъ самыя серіозныя заботы правительства, и что ирландскія дѣла составляютъ главный предметъ обсужденія на происходящихъ теперь совѣтахъ министровъ. Извѣстно что кромѣ усиленія численности войска и полиціи въ Ирландіи, правительство рѣшилось пока только подвергнуть судебному преслѣдованію главныхъ вожаковъ ирландской лиги. Правительственные органы выставляли на видъ справедливость этой мѣры. Правительство не желало де принять крутыхъ мѣръ отъ которыхъ пострадали бы и безвинные, но намѣрено зажать ротъ главнымъ крикунамъ, а когда соберется парламентъ оно позаботится о томъ чтобы провести законодательныя мѣры требуемыя аграрными затрудненіями.

Консервативные и нѣкоторые либеральные органы возражаютъ, что если судебное преслѣдованіе вожаковъ увѣнчается успѣхомъ и лица привлеченныя къ суду будутъ осуждены, то они станутъ мучениками въ глазахъ народа; явятся другіе ораторы которые можетъ-быть съ большею осторожностью будутъ дѣлать то же самое; аграрныя же насилія во всякомъ случаѣ не прекратятся, и „главная цѣль всякаго правительства,“ какъ выразился г. Гладстонъ, „безопасность жизни и имущества“ все-таки достигнута не будетъ. Парламентъ долженъ собраться только въ февралѣ; только тогда правительство будетъ въ состояніи провести какую-нибудь мѣру которая устранила бы главный источникъ зла—неудовольствіе бѣдствующихъ земледѣльцевъ. Но представляется вопросъ можно ли дожидаться наступленія обычнаго срока парламентской сессіи. Еслибъ оказалось необходимымъ сейчасъ же пріостановить актъ *Habeas Corpus* и предоставить исполнительной власти право ареста

въ административномъ порядкѣ, то для этого нужно было бы сейчасъ же созвать парламентъ, а до Рождества уже недалеко, и если принять въ разчетъ сколько потребовалось бы времени для сбора парламента, соблюденія всѣхъ формальностей его открытія и горячихъ преній которыя были бы вѣроятно вызваны этою мѣрой, можно усомниться чтобы до праздниковъ было сдѣлано что-либо рѣшительное. Вотъ почему слухъ о созывѣ парламента въ январѣ (вмѣсто февраля) кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Наступающая парламентская сессія будетъ вѣроятно по преимуществу ирландскою сессіей, и г. Гладстону, къ сожалѣнію, едва ли останется много времени заниматься Восточнымъ вопросомъ.

№ 314.

Москва, 11-го ноября.

Не разъ была замѣчена тѣсная связь между желѣзнодорожнымъ міромъ и тузами хлѣбной торговли, поднявшими нынѣ цѣны хлѣба до неслыханной дороговизны. Совершенно невнимательныя къ интересамъ и удобствамъ публики вообще, желѣзныя дороги охотно подслуживались крупнымъ хлѣботорговцамъ, устанавливая въ угоду имъ то повышенные, то пониженные провозные тарифы въ требуемыхъ ими направленіяхъ. Но съ тѣхъ поръ какъ продовольственный вопросъ обратилъ на себя общее вниманіе и правительствомъ предположено обсудить его въ связи съ желѣзнодорожными тарифами, entente cordiale очень поколебалась. Своя рубашка къ тѣлу ближе, и желѣзныя дороги готовы нынѣ выдать головой хлѣботорговцевъ, лишь бы отстоять свои особые существенные для нихъ права и интересы. Этотъ поворотъ фронта совершился необыкновенно быстро, и выразился въ рѣзкой перемѣнѣ тона и смысла рѣчей какія ведутъ газеты служащія органами желѣзнодорожниковъ. Еще недавно такая газета, издаваемая въ Москвѣ, въ одно слово съ крупными хлѣботорговцами, доказывала что никакихъ стѣсненій хлѣбнаго отпуска не требуется. „Обозрѣніе иностранныхъ рынковъ," читали мы въ этой газетѣ, „даетъ утѣшительный выводъ что и безъ запрещенія вывоза наши запасы ржи, какіе еще сохранились, останутся въ странѣ," ибо „при тѣхъ цѣнахъ до какихъ дошла ржаная мука повсемѣстно, вывозъ за границу ничего не пойдетъ, за исключеніемъ грузовъ законтрактованныхъ ранѣе; наши цѣны на хлѣбъ уже внѣ всякой зависимости отъ заграничнаго спроса." Это говорилось 25 октября. Но прошло всего три дня, открылся въ Москвѣ желѣзнодорожный съѣздъ второй группы, и 28 октября, въ той же газетѣ, публика могла прочесть уже совсѣмъ иныя рѣчи. Пошлина на вывозимый хлѣбъ рекомендовалась уже какъ дѣйствительная мѣра для его удешевленія и отстаивалась цѣлымъ рядомъ доказательствъ. „Эта мѣра," говорилось, между прочимъ, „задержитъ чрезмѣрный вывозъ ржи за границу; если же она и не остановитъ вывоза, то задержитъ дальнѣйшее возрастаніе цѣнъ; въ самомъ худшемъ случаѣ она увеличитъ средства государственной казны на продовольствіе голодающихъ мѣстностей... Не слѣдуетъ забывать что пошлина на вывозимую рожь, хотя и временная, будетъ также реваншемъ по отношенію къ Германіи." Наконецъ, 10 ноября, новоусвоенное мнѣніе, въ той же газетѣ, высказывается еще рѣшительнѣе: „Безъ временной задержки заграничнаго вывоза, трудно разчитывать на успѣшность попытокъ удешевить хлѣбъ внутри страны... Затраты и жертвы, предпринимаемыя земствами и городами въ видахъ удешевленія хлѣба, могутъ пойти на пользу не внутреннихъ, а иностранныхъ потребителей, если только одновременно не будетъ затрудненъ отпускъ хлѣба за границу."

Все это такъ, и трудно сильнѣе отстаивать дѣйствительно необходимое при настоящихъ обстоятельствахъ ограниченіе, если не совершенное запрещеніе вывоза хлѣба за границу. Но не въ пошлинѣ на вывозимый хлѣбъ заключается суть дѣла для початныхъ органовъ желѣзнодорожнаго мірка. Эта пошлина для нихъ только громоотводъ, которымъ они разчитываютъ отвести ударъ готовый пасть на желѣзнодорожную „тарифную политику." Защитить эту политику, отстоять для желѣзныхъ дорогъ возможность и право вести ее и впредь какъ онѣ хотятъ, оставить опредѣленіе тарифовъ на ихъ благоусмотрѣніе, вотъ главная цѣль всѣхъ этихъ неожиданно появившихся аргументацій въ пользу пошлины на вывозимый хлѣбъ. Правительство не должно брать въ свои руки распоряженіе желѣзнодорожными тарифами: „эта

мѣра никакъ де не можетъ замѣнить вывозной пошлины, а при этой послѣдней, нѣтъ въ ней ни малѣйшей надобности."

На тарифную политику желѣзныхъ дорогъ заставила обратить вниманіе нынѣшняя дороговизна продовольственныхъ припасовъ. И вотъ дѣлаются всяческія усилія доказать что на эту политику не слѣдуетъ вовсе обращать вниманіе, а надо оставить ее въ покоѣ, потому что де „въ настоящей дорогизнѣ она неповинна." „Тарифная политика желѣзныхъ дорогъ осталась въ нынѣшнемъ году та же самая какъ и въ прежніе годы, и если въ недавнемъ прошломъ она вызывала дороговизны, то странно приписывать ей это дѣйствіе въ настоящее время." Подобная фраза можетъ показаться убѣдительною, но только для тѣхъ кто не пожелаетъ вникнуть въ сущность дѣла. Никто не говоритъ что желѣзнодорожные тарифы были прямою, непосредственною причиной нынѣшней дороговизны хлѣба. Но эти тарифы, болѣе всего другаго, создали тѣ условія при которыхъ только и могла разыграться торговая спекуляція поднявшая цѣны. Они усиленно поощряли и поощряютъ вывозъ хлѣба за границу, гнали и гонятъ его вонъ изъ страны въ то время когда онъ ей нуженъ. Они искусственно монополизовали хлѣбную торговлю, сосредоточили обороты по этой торговлѣ въ немногихъ рукахъ и пунктахъ. Кто долженъ возить хлѣбъ за двойную плату не можетъ соперничать съ тѣмъ кто возитъ его за половинную плату и долженъ уступить ему поле дѣйствія. И чѣмъ долѣе держалось это неравенство тарифовъ, тѣмъ тверже укоренился его результатъ, тѣмъ сильнѣе стали руки овладѣвшія запасами хлѣба въ странѣ, тѣмъ прочнѣе сплотилась торговая корпорація, диктаторски устанавливающая хлѣбныя цѣны. Ослабить ея значеніе, вызвать къ дѣйствію, наряду съ нею, массы другихъ торговыхъ силъ которыя могли бы съ нею конкуррировать, вотъ что требуется ходомъ дѣлъ, но это не входило и не входитъ въ „тарифную политику желѣзныхъ дорогъ." Это можетъ быть достигнуто лишь въ томъ случаѣ если правительство возьметъ распоряженіе желѣзнодорожными тарифами въ свои руки.

Напрасно, возставая противъ этой мѣры, московскій органъ желѣзнодорожниковъ замѣчаетъ что хлѣбъ не каменный уголь, что провозная плата въ продажныхъ цѣнахъ перваго не играетъ такой роли какъ въ цѣнахъ втораго, что стоимость перевозки поднимаетъ цѣну угля вчетверо и болѣе, а цѣну хлѣба лишь на нѣсколько процентовъ, причемъ этотъ процентъ тѣмъ ниже чѣмъ дороже хлѣбъ. Эта параллель между углемъ и хлѣбомъ ничего не доказываетъ. Пусть при нынѣшней 16-рублевой цѣнѣ четверти ржи въ Петербургѣ, пятидесятипроцентная разница между различными желѣзнодорожными тарифами по перевозкѣ хлѣба можетъ поднимать или ронять его цѣны всего на 6% или на 7% (при болѣе низкихъ, при нормальныхъ цѣнахъ хлѣба, значеніе разницы между спеціальными тарифами и тарифами внутренняго сообщенія выразилось бы несравненно высшимъ процентомъ). И пониженіемъ хлѣбныхъ цѣнъ на семь процентовъ пренебрегать не слѣдуетъ. Но не въ этомъ суть дѣла. Эти шесть, семь и болѣе процентовъ со всей цѣны хлѣба составляютъ спеціальный барышъ небольшой группы хлѣботорговцевъ жительствующихъ въ немногихъ пунктахъ и сбывающихъ хлѣбъ въ направленіяхъ покровительствуемыхъ желѣзнодорожною тарифною политикой, барышъ, которымъ никто кромѣ этой избранной группы торговцевъ не пользуется. Эти 6—7 процентовъ составляютъ премію даваемую желѣзными дорогами изъ казеннаго, то-есть народнаго кармана вывозителямъ хлѣба за границу. Такой придатокъ къ обыкновенному торговому барышу не можетъ не имѣть огромнаго значенія, и смотря по тому въ чью пользу онъ предоставляется, способенъ измѣнить все направленіе, весь строй хлѣбной торговли. Можетъ ли быть она оставлена въ крѣпостной зависимости отъ своенравной и своекорыстной „тарифной политики" желѣзныхъ дорогъ.

Въ защиту этой политики говорятъ что она, не будучи совершенною въ нѣкоторыхъ частностяхъ, была будто бы, въ общемъ, постоянно согласна съ основными государственными интересами. „Если дороги наперерывъ одна передъ другою понижали плату за перевозку хлѣба, особенно по линіямъ ведущимъ ко границѣ, то развѣ не шли онѣ въ этомъ случаѣ рука объ руку съ требованіями государства и съ желаніями всего общества?... Всѣ старанія государства направлялись къ тому чтобъ облегчить и расширить заграничный отпускъ земледѣльческихъ продуктовъ, да и на бу-

дущее время, когда минуетъ дороговизна, безъ сомнѣнія, опять придется хлопотать объ удобствахъ сбыта этой единственной вѣрной статьи нашего отпуска." Нѣтъ, не съ русскою государственною политикой согласовалась тарифная политика нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Государственный интересъ не можетъ состоять въ томъ чтобы поощрять одну внѣшнюю торговлю и въ то же время подавлять внутреннюю, какъ это дѣлали и дѣлаютъ желѣзныя дороги, предоставляя первой низкіе спеціальные, а второй высокіе тарифы внутренняго сообщенія. Ихъ спеціальные тарифы совсѣмъ не то что дифференціальные тарифы на заграничныхъ дорогахъ, напримѣръ, во Франціи. Это не просто скидка извѣстнаго процента съ провозной платы при проходѣ грузомъ извѣстнаго большаго разстоянія, безъ различія пунктовъ между которыми грузъ движется и направленія въ которомъ онъ идетъ. Это огромная премія для немногихъ пунктовъ и немногихъ направленій, идущая въ пользу иностранной торговли и иностранныхъ подданныхъ. Эти спеціальные тарифы, эту создавшую ихъ политику нашихъ желѣзныхъ дорогъ, несомнѣнно имѣлъ въ виду, смѣло на нихъ разчитывая, князь Бисмаркъ, когда, установляя пошлины на привозный хлѣбъ, увѣрялъ противниковъ этой мѣры что эти пошлины падутъ не на германскихъ потребителей хлѣба, а на русскихъ производителей, что хлѣбъ въ Германіи отъ этихъ пошлинъ не подорожаетъ, но германская казна обогатится на русскій счетъ, и что соперничество Либавы не подорветъ Кёнигсберга. Онъ не ошибся въ разчетѣ. Напрасно заботится Русское правительство о направленіи грузовъ помимо Кёнигсберга въ Либаву, напрасно тратитъ милліоны на улучшеніе Либавскаго порта. На ряду съ государственною политикой есть другая — политика нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Онѣ находятся въ союзѣ съ прусскими желѣзными дорогами, управляемыми Прусскимъ правительствомъ, и въ силу этого союза, съ одной стороны, поднимаютъ на семь рублей провозную плату съ вагона идущаго отъ Ельца на Ригу и Либаву, а вслѣдъ затѣмъ понижаютъ на пятьдесятъ рублей провозную плату съ вагона идущаго отъ Ельца до Кёнигсберга. Русскій хлѣбъ долженъ идти въ Пруссію и платить германскую боевую пошлину. Его принуждаетъ къ этому тарифная политика желѣзныхъ дорогъ, а Русское правительство должно преклониться предъ этою политикой и выплачивать дорогамъ гарантію, дабы ихъ услуги Прусакамъ и прусскому казначейству нашли не на доходы акціонеровъ, а на счетъ казны. И при этомъ говорится еще о какомъ-то „реваншѣ Пруссіи" за ея боевыя пошлины!

Пошлинами на вывозъ хлѣба, какъ и вообще таможенными пошлинами, можно многаго достигнуть, но при условіи чтобы дѣйствіе ихъ не парализовалось желѣзнодорожными тарифами. Желѣзныя дороги съ ихъ тарифами составляютъ громадную экономическую и политическую силу. Не подчиненная въ полной мѣрѣ государственной власти, она есть государство въ государствѣ, не имѣющее ничего общаго съ народными интересами. Можетъ ли оно быть терпимо?

Нѣтъ, это не можетъ быть терпимо, точно также какъ и систематическая ложь, которая повидимому составляетъ жизненную стихію нѣкоторыхъ органовъ нашей печати. Вотъ напримѣръ, тотъ же самый желѣзнодорожный листокъ, въ томъ же самомъ нумерѣ, безстыдно утверждаетъ будто мы отождествляемъ учащуюся молодежь съ революціонною партіей. Указаніе наше въ замѣткѣ о послѣднемъ политическомъ процессѣ на всѣмъ извѣстный фактъ что революціонную партію вербуютъ главнымъ образомъ изъ такъ-называемой учащейся молодежи обоего пола извращается въ высказанное будто бы нами обвиненіе всей учащейся молодежи какъ „гнѣзда крамолы и очага революціи," между тѣмъ какъ именно мы еще недавно припоминали объ энергическихъ заявленіяхъ въ средѣ московскихъ студентовъ противъ агитаціи вносящихъ смуту въ учебный міръ — фактъ почему-то оставляемый подъ спудомъ.

Забавно что восхваляя молодежь за вступленіе на путь петицій и новаго министра народнаго просвѣщенія за то что онъ будто бы выдвинулъ молодежь на этотъ путь, правдивый публицистъ не хочетъ знать недавно опубликованнаго распоряженія того же министра предписавшаго, по поводу студенческихъ совѣщаній и сходокъ въ Харьковскомъ Университетѣ, объявить студентамъ этого Университета что онъ „ни-„какой петиціи отъ нихъ ни въ какомъ „случаѣ не приметъ, и что забота о дѣй-„ствительныхъ нуждахъ возложена на не-

„посредственное начальство студентовъ, „т.-е. попечителя округа, что ему же при„надлежитъ обсужденіе мѣръ къ удовле„творенію этихъ нуждъ и что это обсуж„деніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть „предоставлено самимъ студентамъ."

№ 315.

Москва, 12-го ноября.

Австро-нѣмецкая партія централистовъ устроила 14 ноября „грандіозную демонстрацію" въ Вѣнѣ, которая была направлена противъ теперешняго цислейтанскаго министерства графа Таафе или, вѣрнѣе, противъ тѣхъ безплодныхъ попытокъ, посредствомъ которыхъ династія Габсбурговъ вотъ уже пятнадцать лѣтъ силится сплотить расшатанное зданіе своей монархіи и удовлетворить справедливыя притязанія своихъ славянскихъ подданныхъ, попытокъ, внушаемыхъ быть-можетъ добрымъ намѣреніемъ, но безплодныхъ потому что сама Австрійская монархія стала историческою аномаліей. Несмотря на всѣ старанія и громкія газетныя рекламы, которыя подготовляли и сопровождали вѣнскій политическій митингъ, онъ кончился ничѣмъ, и нѣмецкимъ агитаторамъ не удалось добиться даже категорической резолюціи въ которой суммировались бы пренія съѣзда. Но безвыходное политическое положеніе Австро-Венгерской монархіи тѣмъ не менѣе отлично обрисовывается этимъ съѣздомъ, а также сужденіями которыя вызваны имъ въ германской печати, зорко слѣдящей за политическою борьбой въ Австріи.

На съѣздѣ участвовало до 3.000 человѣкъ, и самую выдающуюся роль на немъ играли бургомистры всѣхъ большихъ городовъ Цислейтаніи, гдѣ нѣмецкій элементъ преобладаетъ. Съѣздъ ограничился отрицательнымъ результатомъ: онъ выразилъ недовѣріе министерству Таафе, но положительной программы никакой не выработалъ, хотя въ этомъ собственно и заключалась вся цѣль съѣзда. Это тѣмъ замѣчательнѣе что въ предложеніяхъ, и притомъ весьма опредѣленныхъ, не было недостатка. Участникамъ съѣзда была роздана, отъ имени его комитета, брошюра, въ которой, между прочимъ, выражены были слѣдующія требованія: образованіе нѣмецкой народной партіи (вмѣсто теперешней партіи централистовъ, или такъ-называемой вѣрно-конституціонной), упраздненіе австро-венгерскихъ делегацій и, что всего знаменательнѣе, установленіе государственнаго (а не международнаго) союза съ Германіей посредствомъ включенія этого единенія въ конституціи каждой изъ земель входящихъ въ составъ Цислейтаніи. Въ первый разъ со времени изгнанія Австріи изъ Германскаго Союза открыто сказалась здѣсь тщательно скрываемая тенденція австрійскихъ Нѣмцевъ возвратиться въ лоно Германскаго отечества; но и на этотъ разъ, какъ сказано, не достало смѣлости возвести такую программу въ символъ вѣры партіи, хотя никто и не возражалъ противъ нея.

Но каковы бы ни были скрытыя вліянія которыя удержали вѣнскій съѣздъ отъ официальнаго принятія сказанной программы, задушевная мечта каждаго австрійскаго Нѣмца сказалась наконецъ открыто. И австрійскіе ли только Нѣмцы питаютъ эту мечту?

Германская печать высказалась по этому поводу еще съ большею воздержностью. Но и она на этотъ разъ не сочла нужнымъ повторить свои обычныя фразы о томъ будто Германія и не помышляетъ возстановлять бывшій Германскій Союзъ въ его прежнихъ предѣлахъ. А вѣдь нужно же было что-нибудь возразить противъ требованій связать австро-нѣмецкія земли съ Германіей путемъ „конституціоннымъ," если эта мысль въ самомъ дѣлѣ не встрѣчаетъ сочувствія въ Германіи? Вмѣсто этого, германская печать всячески старается „поддержать" австро-нѣмецкихъ централистовъ въ затѣянной ими борьбѣ противъ анти-нѣмецкихъ тенденцій обнаружившихся въ монархіи Габсбурговъ, и убѣждаетъ ихъ въ томъ что они исполняютъ высокую историческую миссію продолжая эту борьбу.

Въ чемъ же заключается историческая миссія австрійскихъ Нѣмцевъ? Имъ припоминается изреченіе поэта обращенное къ Римлянамъ: Tu, Romane, memento imperio regere populos. „Нѣмцы сознаютъ что они одни поддерживаютъ цѣлость Австрійской имперіи, которую они же и основали," замѣчаетъ одна изъ берлинскихъ газетъ. Далѣе та же газета замѣчаетъ: „Австрійскій монархъ имѣетъ одинъ безошибочный критерій дабы испытать сердца своихъ народовъ: для этого ему стоитъ только узнать какъ относятся они къ Нѣмцамъ."

Значитъ, тѣ народы Австріи которые отрицаютъ право Нѣмцевъ на „владычество“ въ имперіи Габсбурговъ должны считаться мятежниками противъ своего монарха! Нужды нѣтъ что именно Нѣмцы, забывъ свою прежнюю кличку „вѣрно-конституціонныхъ,“ открыто обнаруживаютъ теперь стремленіе связать Австрію съ Германіей узами государственнаго права, то есть сломать нынѣшнее государственное устройство Австріи и поставить своего монарха въ вассальное отношеніе къ Германскому императору. Все-таки они одни вѣрноподданные Габсбургской династіи; одни они имѣютъ право на владычество.

Находятся впрочемъ и въ Германіи люди которые понимаютъ что славянскимъ племенамъ Австріи, составляющимъ двѣ трети всего населенія имперіи, трудно навязать въ настоящее время подобный взглядъ, и убѣдить ихъ что имъ ничего лучшаго не остается какъ вступить вновь въ государственное единеніе съ Германіей и тѣмъ явить свою покорность династіи Габсбурговъ и „господствующему“ народу. Въ Германіи хорошо знаютъ что австро-нѣмецкія придворныя сферы далеко не раздѣляютъ тѣхъ „патріотическихъ“ стремленій коими одушевлены демократическіе участники недавняго съѣзда, и что этимъ сферамъ едва ли улыбнется перспектива возстановленія прежняго единенія съ Германіей которое немыслимо въ настоящее время иначе какъ въ формѣ вассальныхъ къ ней отношеній. Болѣе дальновидные политики въ Германіи умѣютъ повидимому и съ этимъ мириться, лишь бы люди управляющіе судьбами Австріи исполняли то что признается до поры до времени ихъ главною задачей: служить оплотомъ и помѣхой противъ естественнаго роста славянскаго элемента на юго-востокѣ Европы. Въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе придается тому что австрійскія придворныя сферы состоятъ изъ „добрыхъ католиковъ“ и поддерживаютъ очень интимныя связи съ Ватиканомъ. Это имѣетъ свою хорошую сторону для дальновидныхъ германскихъ политиковъ, несмотря на то что Германская имперія такъ враждуетъ съ Ватиканомъ.

Берлинская *Національная Газета* имѣетъ въ Римѣ корреспондента, который умѣетъ поддерживать дружественныя отношенія къ обитателямъ папскаго дворца и чрезъ нихъ получаетъ свѣдѣнія о всемъ что дѣлается въ Ватиканѣ и о чемъ ведутся тамъ интимныя бесѣды. На дняхъ, этотъ корреспондентъ сообщилъ о весьма пикантномъ разговорѣ который онъ имѣлъ съ однимъ изъ „монсиньйоровъ.“ Прелатъ-собесѣдникъ, принадлежащій къ той категоріи которая недовольна папой Львомъ XIII за недостаточную энергію въ борьбѣ съ „врагами церкви,“ иронически замѣтилъ корреспонденту что „папа перешелъ въ лагерь панславистовъ.“ Замѣчаніе это вызвано тѣмъ что недавно папа издалъ энциклику въ которой предписывается праздновать во всей католической церкви день славянскихъ первоучителей Свв. Кирилла и Меѳодія. Въ энцикликѣ сказано что „въ виду измѣнившагося политическаго положенія во многихъ славянскихъ странахъ,“ папа желаетъ этимъ своимъ повелѣніемъ „доказать славянскимъ народамъ свою отеческую любовь.“

Крайняя партія въ Ватиканѣ, къ которой принадлежитъ собесѣдникъ нѣмецкаго публициста, недовольна этою энцикликой, такъ какъ для нея дороги традиціи Пія IX, а покойный папа до такой степени ненавидѣлъ Славянъ что во время послѣдней войны открыто призывалъ благословеніе Божіе на турецкое оружіе. Но нѣмецкій корреспондентъ думаетъ что папа Левъ XIII избралъ лучшую политику, и что эта политика внушена ему вѣнскими придворными сферами, гдѣ давно уже созрѣла мысль создать свой собственный, „австро-католическій панславизмъ,“ въ противоположность православно-русскому. Энциклика о Свв. Кириллѣ и Меѳодіи и есть де первый шагъ къ осуществленію этого тонкаго политическаго плана, который вполнѣ одобряется публицистомъ берлинской газеты, стоящей во главѣ той части нѣмецкой печати которая враждуетъ съ католическою церковью. Корреспондентъ выражаетъ лишь опасеніе что ни у папы Льва XIII, ни у рутинистовъ вѣнскихъ политическихъ сферъ не достанетъ ни умѣнія, ни смѣлости послѣдовательно и настойчиво осуществить эту идею. Такъ онъ полагаетъ что папѣ слѣдовало бы разрѣшить католикамъ-Славянамъ литургію на родномъ языкѣ, но до сихъ поръ въ Римѣ не могутъ до на это рѣшиться. А вѣнскіе политики, въ свою очередь, не могутъ усвоить себѣ необходимыхъ для новой идеи новыхъ пріемовъ, чему доказательствомъ служитъ де то какъ австрійскіе чиновники распоря-

жаются въ Босніи и Герцеговинѣ. Тамошнее христіанское населеніе, то-есть все населеніе этихъ провинцій (гдѣ число магометанъ простирается всего до 20.000) уже успѣло проникнуться такою же ненавистью къ Австріи какую прежде питало къ Турціи. И это весьма де понятно если принять во вниманіе что тамошняя администрація состоитъ по большей части изъ Мадьяръ, для характеристики коихъ достаточно указать тотъ фактъ что одинъ изъ этихъ администраторовъ послалъ недавно поздравительную телеграмму императору и подписалъ ее такъ: „императорско-королевскій мутесарифъ."

Мы понимаемъ глумленіе берлинскаго публициста надъ неспособностью австрійскихъ государственныхъ дѣятелей. Но неужели онъ думаетъ что съ помощью болѣе способныхъ и понятливыхъ чиновниковъ идея „австро-католическаго панславизма" станетъ осуществимою?

№ 316.

Москва, 13-го ноября.

Любопытнѣйшую часть оконченнаго политическаго процесса составляетъ обширное показаніе лишившаго себя жизни Гольденберга. Справедливость большей части раскрытій Гольденберга подтверждается обнаруженными слѣдствіемъ обстоятельствами дѣла. И нельзя не признать серіозности въ намѣреніи подсудимаго которое онъ выразилъ въ началѣ своего показанія—„раскрыть всю организацію и разказать все извѣстное." Тѣмъ не менѣе, документъ этотъ не можетъ быть принятъ во всемъ своемъ составѣ безъ осторожной критики. Необходимымъ къ нему дополненіемъ служатъ показанія какія дѣлались на судѣ другими подсудимыми, о которыхъ въ немъ идетъ рѣчь. Сдаваясь въ большинствѣ случаевъ предъ очевидностію фактовъ, не оспаривая и повидимому даже не желая оспаривать искренность показаній Гольденберга, подсудимые своими поясненіями, въ свою очередь, бросаютъ свѣтъ на нѣкоторыя важныя стороны дѣла. Не должно также упускать изъ виду что раскрытіе Гольденберга не есть актъ раскаянія. Онъ видитъ въ немъ, напротивъ, „подвигъ самоотверженія," отъ котораго у него „кровь бьется въ жилахъ," „слеза выступаетъ на глазахъ" и который онъ предпринимаетъ якобы „для блага той же молодежи, того же общества и той же дорогой намъ всѣмъ Россіи." Онъ ставитъ себѣ весьма опредѣленную задачу: содѣйствовать прекращенію строгихъ мѣръ противъ пропагандистовъ, „успокоивъ," какъ онъ выражается, правительство" чрезъ „представленіе ему настоящихъ размѣровъ революціоннаго движенія, съ показаніемъ что террористическая фракція не столь страшна и не требуетъ столь суровыхъ мѣръ къ ея подавленію." Онъ охотно идетъ на то чтобъ ему приписанъ былъ починъ въ дѣйствіяхъ гдѣ починъ этотъ ему не принадлежитъ, и будучи простымъ исполнителемъ, не прочь выставиться зачинателемъ и руководителемъ. Живя, какъ самъ говоритъ, „безъ опредѣленныхъ занятій," на средства революціонной партіи, онъ очевидно принадлежитъ къ разряду орудій, хотя въ показаніи стремится поставить себя въ разрядъ организаторовъ дѣла.

Наиболѣе видная роль принадлежитъ Гольденбергу въ убійствѣ харьковскаго губернатора, князя Крапоткина. Гольденбергъ былъ его убійцей. По показанію, ему принадлежитъ и самый починъ этого дѣла. Онъ де читалъ брошюру о тягостномъ положеніи политическихъ заключенныхъ въ харьковской тюрьмѣ и возымѣлъ мысль отомстить губернатору, въ вѣдѣніи котораго находилась тюрьма, и шумомъ происшествія „обратить вниманіе какъ правительства, такъ и общества на участь политическихъ заключенныхъ." Мотивы не новые, очень напоминающіе тѣ какіе уже были выставлены Вѣрою Засуличъ. Такъ или иначе, мысль объ убійствѣ князя Крапоткина была пущена въ Кіевскомъ кружкѣ изъ нигилистокъ и нигилистовъ. Вопросъ обсуждался теоретически, разбиралось „что выгоднѣе въ смыслѣ вліянія на общество"—убійство ли открытое, или изъ-за угла. Гольденбергъ ораторствовалъ, но не высказывалъ что именно онъ желаетъ убить князя. Былъ однимъ словомъ періодъ болтовни какимъ обычно зачинаются наши революціонныя дѣянія,—пагубной болтовни, затянувшей не мало молодежи въ трясину. Практическое значеніе дѣло получило лишь съ момента когда Гольденбергъ вошелъ въ сношенія съ агитаторами нѣсколько высшаго ранга чѣмъ его собесѣдники, съ Зубковскимъ, Орловымъ и съ казненнымъ въ послѣдствіи

Осинскимъ, людьми къ нему вовсе впрочемъ не близкими. Онъ получилъ отъ нихъ небольшую сумму на поѣздку въ Харьковъ, рекомендательную записку къ одному изъ членовъ Харьковскаго кружка и револьверъ. При этомъ, припоминаетъ Гольденбергъ, Зубковскій даже заплакалъ, „высказывая сожалѣніе о той участи какая меня можетъ постигнуть послѣ преступленія, если таковое, какъ я сильно желалъ, будетъ совершено не изъ за-угла.“ Фактъ заслуживающій вниманія, который былъ бы понятенъ еслибы Гольденбергъ дѣйствовалъ въ силу „обреченія,“ и который очевидно нѣсколько страненъ если дать вѣру Гольденбергу и признать что онъ дѣйствительно былъ такимъ рѣшительнымъ зачинателемъ какимъ онъ себя выставляетъ. Первая поѣздка въ Харьковъ не привела къ результату. Гольденбергъ вернулся не совершивъ предпріятія: онъ внялъ,—значится въ его показаніи,—соображенію Харьковскаго кружка что убійство было бы не своевременно, такъ какъ происходятъ свиданія родныхъ съ заключенными, которые де прекратятся если свершится убійство губернатора. Кіевскій кружокъ не удовлетворился такимъ объясненіемъ; Зубковскій предложилъ придать Гольденбергу пособника въ лицѣ Кобылянскаго, котораго, — замѣтимъ, — самъ Зубковскій зналъ только подъ кличкой, не имѣя понятія кто онъ на самомъ дѣлѣ. Со вторичнымъ отправленіемъ Гольденберга въ Харьковъ, Кіевскій кружокъ принялъ болѣе рѣшительныя мѣры, и самъ въ составѣ пяти членовъ прибылъ въ Харьковъ. „Тутъ только я узналъ,“ говоритъ Гольденбергъ, что Кобылянскій, онъ же Полячокъ, прибылъ въ качествѣ пособника для совершенія убійства.“ Не излишне отмѣтить этотъ интересный фактъ, мало согласный съ самостоятельностью какую старается придать себѣ Гольденбергъ въ показаніи. Не просто ли наблюдатель былъ къ нему приставленъ? Прибывшіе устраиваютъ „конспиративную“ квартиру; образуется въ Харьковѣ тайный Кіевскій кружокъ, и изъ Харьковцевъ Гольденбергъ встрѣчается, говоритъ онъ, съ однимъ студентомъ Козловымъ, отъ котораго получаетъ свѣдѣнія о лицѣ Крапоткина. Гольденбергъ пытается найти удобный случай къ совершенію убійства, но таковой не представляется. Пособникъ Кобылянскій заявляетъ ему что самъ совершитъ замышленное. Гольденбергъ грозитъ что размозжитъ голову тому кто помимо его убьетъ князя; 10 февраля, онъ рѣшается окончательно и говоритъ что если покушеніе не удастся, то покончитъ съ собою. Трудно соединить эти странныя болѣзненныя колебанія съ ролью зачинщика, но они весьма были бы понятны въ человѣкѣ обреченномъ послужить орудіемъ на исполненіе роковаго плана. Гольденбергъ прибавляетъ что онъ заготовилъ прокламацію для напечатанія послѣ удачнаго убійства, и вручилъ ее ѣхавшей изъ Кіева въ Петербургъ чрезъ Харьковъ Зинаидѣ Воскресенской. Прокламація дѣйствительно появилась отъ имени „исполнительнаго комитета.“ Въ ней объявлялось: „смерть за смерть, казнь за казнь, терроръ за терроръ.“ Ничего похожаго на мотивы личнаго озлобленія, какіе по показанію Гольденберга будто бы побудили его на убійство, въ ней не усматривается.

Въ другихъ частяхъ показанія Гольденберга, роль его и его присныхъ, какъ орудій чьей-то тайной воли, обнаруживается еще ярче. Тамъ уже нѣтъ надобности читать между строками.

Второе изъ дѣлъ о которыхъ даетъ показаніе Гольденбергъ есть покушеніе Соловьева на жизнь Государя Императора 2 апрѣля 1879 года. Какъ извѣстно, Соловьевъ не указалъ соучастниковъ. Гольденбергъ даетъ подробныя показанія о предшествовавшихъ покушенію совѣщаніяхъ. По словамъ его, „отправившись въ Петербургъ (въ мартѣ 1879 года), онъ задался мыслію возбудить тамъ вопросъ о цареубійствѣ и всесторонне обсудить его.“ Сначала толковали втроемъ: онъ, Зунделевичъ и Михайловъ, а затѣмъ присоединились къ нимъ Соловьевъ „появившійся тогда въ Петербургѣ,“ Кобылянскій и Квятковскій. Гольденбергъ предлагалъ себя въ исполнители преступленія. Предложеніе было отклонено, такъ какъ Гольденбергъ Еврей и найдено было болѣе подходящимъ чтобъ исполнитель былъ чистокровный Русскій. По той же причинѣ отклонено предложеніе Кобылянскаго какъ Поляка. „Тогда свои услуги предложилъ Соловьевъ и его признали совершенно годнымъ.“ Такъ является дѣло въ изложеніи Гольденберга. Иной свѣтъ бросаютъ показанія другихъ подсудимыхъ, данныя ими не въ видахъ какого либо смягченія ихъ участи, — въ этомъ отношеніи показа-

нія эти не могли имѣть значенія,—и очевидно болѣе согласныя съ обстоятельствами дѣла. Оказывается что сходки описанныя Гольденбергомъ никакого „рѣшающаго значенія имѣть не могли“ и вели только къ „теоретическимъ разсужденіямъ.“ „Соловьевъ, говоритъ Квятковскій, во всякомъ случаѣ совершилъ : бы покушеніе, такъ какъ онъ пріѣхалъ изъ Саратова съ этимъ намѣреніемъ“ родившимся у него, по увѣренію того же Квятковскаго, самостоятельно и „сдѣлавшимся его idée fixe.“ Былъ ли Соловьевъ лицомъ безповоротно обреченнымъ или падрессированнымъ до фанатическаго самообреченія, рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, было независимо отъ совѣщаній кружка, которому Гольденбергъ старается придать значеніе рѣшающаго комитета. Не въ подобныхъ кружкахъ истинный починъ этого и другихъ дѣлъ. Да и не одинъ кружокъ Гольденберга зналъ о миссіи Соловьева. О ней знало большинство „нелегальныхъ“ (то-есть безпаспортныхъ), пріѣхавшихъ въ Петербургъ и о выѣздѣ которыхъ изъ Петербурга предъ событіемъ, въ виду необходимо имѣющихъ послѣдовать обысковъ, было сдѣлано революціонное распоряженіе. Выѣхалъ и Гольденбергъ, который очевидно только вертѣлся около болѣе важныхъ агентовъ революціи: то онъ сопровождалъ Соловьева ходившаго покупать патроны, то видался съ Мирскимъ и слышалъ что тотъ объѣзжаетъ какую-то лошадь, не подозрѣвая вовсе о готовившемся покушеніи на генерала Дрентельна. Его не очень посвящали въ тайны. Все это свидѣтельствуетъ что онъ принадлежалъ къ разряду исполнителей или орудій. Это необходимо имѣть въ виду при анализѣ его раскрытій. Показаніе Квятковскаго вполнѣ подтверждается показаніемъ Зунделевича: „Сходки (упоминаемыя Гольденбергомъ) не могли, говоритъ Зубковскій, имѣть практическаго характера уже потому что у Соловьева было неизмѣнное рѣшеніе, независимо отъ того, склонится ли къ тому большинство или нѣтъ.“ Когда Соловьева спросили оставитъ ли онъ свое рѣшеніе если „члены народнической организаціи“ будутъ противъ него протестовать, онъ отвѣтилъ „что перемѣнить свое намѣреніе *не можетъ*.“ Сходки, поясняетъ Зунделевичъ, имѣли одно значеніе—„принять мѣры къ тому чтобы пострадало меньшее число лицъ“ и чтобы „предупредить нелегальныхъ.“

Перейдемъ къ третьему дѣлу раскрываемому Гольденбергомъ,—къ революціоннымъ съѣздамъ въ Липецкѣ и Воронежѣ. Гольденбергъ разказываетъ что въ концѣ марта 1879 года, предъ отъѣздомъ изъ Петербурга, онъ толковалъ съ нѣкоторыми изъ участниковъ въ дѣлѣ 2 апрѣля что въ случаѣ неудачи покушенія нужно будетъ свидѣться и потолковать о болѣе правильной организаціи террористической фракціи; затѣмъ возобновилъ тотъ же вопросъ въ Кіевѣ съ Зубковскимъ и Зунделевичемъ. Въ это время они начали списываться съ разсѣянными по разнымъ городамъ сочленами фракціи „на счетъ того гдѣ именно и когда устроить съѣздъ.“ Самъ Гольденбергъ на нѣкоторое время отправляется въ деревню къ кому-то изъ соумышленниковъ, ѣдетъ затѣмъ въ Черниговъ, „не зная вовсе города,“ и помощію рекомендательнаго талисмана вступаетъ немедленно въ мѣстный революціонный муравейникъ, но не встрѣчаетъ повидимому радушія и уѣзжаетъ въ тотъ же день въ Кіевъ. Въ своемъ описаніи черниговской поѣздки Гольденбергъ называетъ болѣе десятка лицъ съ которыми успѣлъ повидаться въ одинъ день; въ числѣ ихъ нѣсколько нигилистокъ, чиновникъ съ женою, бывшій студентъ-украйнофилъ и т. д.

Въ Кіевѣ Гольденбергъ встрѣчается съ бывшимъ студентомъ Колоткевичемъ, который пользовался „глубокимъ уваженіемъ всей революціонной партіи,“ и узнаетъ что съѣздъ назначенъ въ Липецкѣ, куда и „долженъ явиться въ двадцатыхъ числахъ іюня.“ На съѣздѣ главный вопросъ былъ де о повтореніи покушенія 2 апрѣля, но уже инымъ способомъ — помощію взрыва динамита на желѣзной дорогѣ. Предположено также убійство генералъ-губернаторовъ, одесскаго, кіевскаго и петербургскаго. Затѣмъ сдѣланы постановленія объ организаціи террористической партіи. „Съѣздъ продолжался нѣсколько дней, затѣмъ нѣкоторые поспѣшили уѣхать на съѣздъ находившійся въ Воронежѣ.“ Гольденбергъ отправился въ Кіевъ, затѣмъ въ Петербургъ и узналъ что динамитъ уже заготовляется. Таково въ краткихъ словахъ показаніе Гольденберга. Если сопоставить его съ показаніями другихъ участниковъ и съ выяснившимися обстоятельствами дѣла, то эпизодъ о съѣздахъ представляется въ иномъ освѣщеніи. Съѣздъ оказывается менѣе всего былъ дѣломъ Голь-

денберга и его близкихъ. „Онъ вѣроятно, показываетъ Квятковскій, *вовсе не зналъ* предварительныхъ разговоровъ о съѣздѣ.“ Это просвѣчиваетъ и въ показаніи самого Гольденберга, гдѣ онъ говоритъ что узналъ о назначеніи съѣзда въ Липецкѣ и о томъ что долженъ туда явиться отъ встрѣченнаго въ Кіевѣ Колоткевича. На съѣздъ онъ прибылъ, обнаруживается далѣе, опоздавъ нѣсколькими днями, и въ первыхъ важнѣйшихъ совѣщаніяхъ не участвовалъ. Изъ показаній Квятковскаго и Ширяева, очевидно болѣе свѣдущихъ чѣмъ Гольденбергъ, явствуетъ что замыселъ о новыхъ покушеніяхъ, съ замѣной единоличныхъ нападеній взрывами динамита, вовсе не составлялъ главной задачи съѣзда. Были отдѣльные разговоры и объ этихъ предметахъ, но истинная задача съѣзда была иная. Этому можно повѣрить. Въ революціонной партіи, практическія рѣшенія не предоставляются совѣщательнымъ собраніямъ, а приходятъ готовые. Да и употребленіе динамита не новость. Изъ дѣла о 28 подсудимыхъ, разбиравшагося лѣтомъ 1879 года въ Одессѣ, видно что еще за годъ до Липецкаго съѣзда, въ августѣ 1878 были попытки въ Николаевѣ произвести взрывъ динамита на пути проѣзда Государя Императора. Объ истинномъ характерѣ съѣзда можно получить нѣкоторое понятіе изъ показаній Квятковскаго и Ширяева, хотя они и отказались дать полное разъясненіе. Съѣздъ, оказывается, долженъ былъ служить проводникомъ новаго направленія принятаго революціонною партіей или ей даннаго. Направленіе это есть политическое въ отличіе отъ господствовавшаго прежде экономическаго, которое знаменовалось хожденіемъ въ народъ и не имѣло успѣха. „Старая программа, говорилъ на судѣ Ширяевъ, выработанная еще приблизительно въ 1876 году, обращаетъ исключительное вниманіе на экономическій бытъ, игнорируя политическіе вопросы; но нѣкоторыя изъ лицъ принадлежащихъ къ организаціи пришли къ сознанію недостаточности одной экономической дѣятельности и къ необходимости внести въ программу требованіе политической реформы, съ цѣлью передачи политической власти народу въ видѣ организаціи учредительнаго собранія.“ Что таковъ характеръ новаго, „политическаго“ направленія революціонной партіи, подтверждаетъ и Гольденбергъ, хотя и не по случаю съѣзда, куда онъ не попалъ къ началу. Онъ „не былъ, говоритъ Квятковскій, на засѣданіи на которомъ разсужденія касались сущности программы, такъ что объ этомъ ему впослѣдствіи передавали на словахъ.“ И Гольденбергъ также указываетъ на поворотъ въ направленіи революціонной партіи, отнынѣ, по его словамъ, рѣшившейся къ пропагандѣ въ деревнѣ присоединить „борьбу за политическія права, иначе сказать: заняться измѣненіемъ нынѣ существующаго политическаго строя и подготовленіемъ такого строя при которомъ соціальныя идеи могли бы правильно и свободно развиваться и соціальная партія получила бы право существованія, причемъ агитація и пропаганда въ деревнѣ шли бы успѣшнѣе.“ При этомъ за одно изъ самыхъ главныхъ средствъ борьбы принимается, по свидѣтельству Гольденберга (о чемъ мы имѣли уже случай упомянуть), „агитація среди молодежи и арміи, въ какой бы формѣ это волненіе умовъ ни выразилось, въ формѣ ли петицій, требованій, адресовъ и т. д.“

Гольденбергъ говоритъ далѣе въ своемъ показаніи о взрывахъ. Участіе его въ этихъ предпріятіяхъ третьестепенное, выражающееся безпрерывнымъ передвиженіемъ изъ города въ городъ съ разными порученіями. У Гольденберга, поясняетъ подсудимый Ширяевъ, „была манія какъ будто онъ принимаетъ на себя починъ самыхъ страшныхъ и опасныхъ дѣлъ,“ онъ выставляетъ себя зачинателемъ тамъ гдѣ „въ дѣйствительности онъ участія не принималъ.“ „Организація, прибавляетъ Зунделевичъ, въ отношеніи къ нему соблюдала тайну, такъ что онъ многаго не зналъ.“ Соблюдалось общее въ революціонной партіи правило не посвящать участниковъ въ сущность дѣла. Объ этомъ пріемѣ неоднократно упоминаютъ подсудимые. Даже члены исполнительныхъ комитетовъ не вполнѣ посвящены въ дѣла. Тѣ изъ нихъ, показываетъ Квятковскій, „которые участвовали въ извѣстномъ практическомъ предпріятіи, конечно, знали всѣ его подробности. Но *тѣ члены исполнительнаго комитета* которые въ извѣстномъ дѣлѣ участія не принимали знали о немъ только въ общихъ чертахъ.“ Но кто же возлагалъ эти предпріятія на однихъ членовъ съ исключеніемъ другихъ? Очевидно не самъ комитетъ, ибо иначе дѣло

во всей совокупности его было бы извѣстно всѣмъ членамъ комитета. Квятковскій говоритъ не о частностяхъ исполненія, а о точномъ знаніи замысла. Значитъ, и комитетъ былъ исполнителемъ чьихъ-то велѣній. Но чьихъ? Это остается покрытымъ тайной, играющею также важную роль въ дѣйствіяхъ „партіи.“ Въ этомъ отношеніи дѣло организовано, надо отдать справедливость, весьма искусно. Люди дѣйствуютъ за одно, не зная одинъ другаго, повинуются безусловно одинъ другому, зная что и приказывающій и исполняющій приказаніе только исполнители велѣній кого-то третьяго, остающагося въ тайнѣ.

Остановимся въ заключеніе на вопросѣ о денежныхъ средствахъ партіи. И факты прежнихъ процессовъ, и раскрытія послѣдняго свидѣтельствуютъ что значительное число молодыхъ людей обоего пола посвятили себя небывалой въ прежніе годы профессіи русскаго революціонера, и кромѣ революціонной болтовни и исполненія тайныхъ порученій, ничѣмъ не занимаются. И все это по большей части стипендіаты революціонной организаціи, не имѣющіе своихъ средствъ къ жизни, а получающіе ихъ изъ какихъ-то таинственныхъ источниковъ. Въ показаніяхъ подсудимыхъ можно часто встрѣтить упоминаніе какъ одинъ участникъ получалъ деньги отъ другаго, но при этомъ обыкновенно прибавляется: откуда тотъ взялъ, не знаю. Кромѣ того, затѣваются большія предпріятія, требующія денегъ. Откуда же деньги берутся? Вопросъ этотъ обратилъ на себя вниманіе составителей обвинительнаго акта. Къ сожалѣнію, для разрѣшенія его оказалось слишкомъ мало данныхъ, и онъ остался почти столь же неразъясненнымъ какъ совсѣмъ остающійся во мракѣ вопросъ о связи революціонной партіи съ ея заграничными вожаками и вообще вожаками. Въ обвинительномъ актѣ высказано предположеніе что средства эти въ значительной долѣ образовались изъ имущества казненнаго Лизогуба, владѣвшаго состояніемъ оцѣненнымъ болѣе чѣмъ въ полтораста тысячъ и которое, по мнѣнію обвинительнаго акта, пошло на цѣли пропаганды. Полтораста тысячъ, даже сто, если предположить что спѣшная реализація должна была сильно уменьшить цѣнность, сумма конечно не маловажная. Но судебное слѣдствіе отчетливо выяснило что изъ средствъ Лизогуба можетъ быть тысячъ десять пошло на пропаганду. Остальное въ революціонную казну не поступало. Это съ очевидностію слѣдуетъ изъ показаній подсудимыхъ. Такимъ образомъ, и послѣ раскрытій послѣдняго процесса вопросъ о средствахъ революціонной партіи остается столь же мало разъясненнымъ какъ и вопросъ о руководителяхъ. Маріонетки передъ нами, и не болѣе какъ маріонетки: это полагаемъ достаточно выясняется; но нити приводящія ихъ въ движеніе уходятъ вдаль.

№ 318.

Москва, 16-го ноября.

Въ № 314 *Московскихъ Вѣдомостей*, говоря о „тарифной политикѣ“ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, мы сдѣлали нѣсколько указаній на тотъ вредъ какимъ отозвалась эта политика на всемъ ходѣ нашей хлѣбной торговли. Но сказаннымъ дѣло не ограничивается. Мало того что желѣзныя дороги своими тарифами монополизовали хлѣбную торговлю въ немногихъ пунктахъ и рукахъ и тѣмъ подготовили необходимыя условія для разыгравшейся нынѣ спекуляціи на подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ. Мало того что онѣ, оставляя въ пренебреженіи внутреннюю торговлю, предоставляютъ всяческія выгоды и поощренія одной иностранной, и насильственно гонятъ изъ страны запасы хлѣба въ то время когда они ей особенно нужны. Мало того что онѣ, наперекоръ государственнымъ интересамъ, обращаютъ въ ничто всѣ усилія поднять значеніе русскихъ приморскихъ городовъ и приносятъ ихъ въ жертву иностраннымъ портамъ, принуждая русское земледѣліе, русскую хлѣбную торговлю и русскую казну платить Пруссіи дань которою пожелалъ обложить ихъ князь Бисмаркъ. Всѣмъ этимъ результаты желѣзнодорожной тарифной политики не исчерпываются даже по отношенію къ одному хлѣбу. Ея вредное дѣйствіе простерлось не на одну хлѣбную торговлю, но и на весь ходъ земледѣлія, на пріемы всего нашего сельскаго хозяйства. Оно росло только въ ширь, не улучшаясь качественно, не разнообразя своихъ продуктовъ, не увеличивая, а сокращая численность необходимаго земледѣлію скота, истощая почву посѣвами все однихъ и тѣхъ

же хлѣбовъ и не переходя къ усовершенствованнымъ сѣвооборотамъ, при которыхъ земледѣліе давало бы болѣе выгодъ, росла бы производительность почвы и не было бы столь благопріятныхъ какъ нынѣ условій для опустошительныхъ дѣйствій гессенской мухи, хлѣбнаго жучка и другихъ насѣкомыхъ. Но не въ одной приверженности сельскихъ хозяевъ къ рутинѣ заключается причина такой малоуспѣшности нашего земледѣлія. Помѣщаемая ниже статья г. Бороховича, спеціалиста въ дѣлѣ агрономіи, указываетъ, между прочимъ, на желѣзныя дороги и ихъ тарифы какъ на виновниковъ того что наше сельское хозяйство идетъ такимъ, а не инымъ путемъ. Угнетая внутренній сбытъ и внутреннюю торговлю и поощряя только заграничный сбытъ, желѣзныя дороги вынуждаютъ сельскихъ хозяевъ сообразоваться лишь съ этимъ послѣднимъ и производить въ возможно большемъ количествѣ лишь то что̀ удобно можетъ быть сбываемо за границу, т.-е. зерновой хлѣбъ и ничего болѣе.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, забытыя нынѣ письма русскаго консула въ Рѣкѣ, иначе въ Фіуме, обратили вниманіе публики на тотъ фактъ что за границей существуютъ обширныя предпріятія основанныя со спеціальною цѣлью перемола русскаго зернового хлѣба въ муку и для сбыта ея за тѣмъ въ разныя страны. Этимъ перемоломъ, между прочимъ, занимаются въ Рѣкѣ, откуда мука отправляется не только въ мѣстности прилегающія къ Средиземному Морю, но даже въ Бразилію. Много было по этому поводу толковъ о томъ какой ущербъ терпитъ Россія отъ того что сбываетъ свой хлѣбъ въ сыромъ видѣ, въ зернѣ, предоставляя иностранцамъ громадныя, многомилліонныя выгоды отъ его перемола, много укоровъ бросалось при этомъ въ лицо русскимъ людямъ за недостатокъ въ нихъ предпріимчивости необходимой для широкаго развитія у насъ столь выгодной мукомольной промышленности. А между тѣмъ въ чемъ заключается главная причина застоя у насъ мельничнаго дѣла? Въ ненормальности цѣнъ провоза по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, въ ихъ „тарифной политикѣ.“ Въ корреспонденціи изъ Ельца, помѣщенной въ послѣднемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, это разъяснено, можно сказать, до очевидности. Почти на всѣхъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ провозная плата на муку установлена на 20% выше противъ зернового тарифа. За вагонъ муки отправляемой, напримѣръ, изъ Ельца въ Ригу, взимается провозной платы 187 рублей, а за вагонъ ржи или пшеницы только 157 руб. Прибавьте къ этой тридцатирублевой разницѣ еще опасеніе что при извѣстномъ небрежномъ обращеніи желѣзныхъ дорогъ со вверяемыми имъ грузами мукѣ грозитъ бо́льшая опасность подвергнуться порчѣ во время перевозки, и станетъ ясно что нѣтъ разчета молоть муку у себя дома, да еще заготовлять для нея болѣе дорогую тару, а лучше ужь отпускать хлѣбъ въ зернѣ.

Трудно исчислить ущербъ который терпитъ Россія отъ преграды поставляемой желѣзнодорожною тарифною политикой развитію у насъ обширнаго мукомольнаго промысла. Отъ перемола каждой четверти зерна въ муку, говоритъ елецкій Хлѣбный Торговецъ, населеніе получало бы по 1 рублю заработка. До какой же цифры могъ бы дойти итогъ этихъ заработковъ при отпускахъ хлѣба простирающихся до 30 и 40 милліоновъ четвертей?

И все-таки потеря населеніемъ этихъ заработковъ отступаетъ на задній планъ предъ вредомъ какимъ стѣсненіе мукомольнаго промысла отзывается на нашемъ скотоводствѣ. Своею „тарифною политикой“ желѣзныя дороги отнимаютъ кормъ у русскаго скота и отдаютъ его иностранцамъ даромъ. Вотъ что̀ говоритъ по этому поводу елецкій Хлѣбный Торговецъ:

„При размолѣ десятипудовой четверти пшеницы получается чистой муки четырехъ сортовъ 7 пудовъ 25—30 фунтовъ; при размолѣ девятипудовой четверти ржи получается чистой пеклеванной муки 6 п. 20 ф. Отъ пшеницы остается при перемолѣ 2 п. 10 ф. крупныхъ и мелкихъ *отрубей;* ото ржи тоже 2 п. 10 ф. Отправляй мы зерно въ *переработанномъ* видѣ, эти отруби полностію оставались бы у насъ дома и служили бы поддержкой нашему скотоводству; но вслѣдствіе низкаго желѣзнодорожнаго *зернового* тарифа, сравнительно съ *мучнымъ*, иностранцамъ нѣтъ разчета покупать у насъ зерно въ переработанномъ видѣ, ибо, благодаря дешевизнѣ зерновой перевозки, иностранцы, покупая у насъ хлѣбъ въ зернѣ, *получаютъ отъ насъ отруби даромъ.* Постараюсь выразиться еще точнѣе: если, напримѣръ, иностранецъ купитъ *переработанную* четверть пшеницы (то-есть 7 п. 30 ф. пшеничной муки), то

онъ долженъ будетъ заплатить за нее провозной платы 2 р. 48 к.; если же купитъ эту самую четверть пшеницы въ *непереработанномъ* видѣ, то за 10 пудовъ онъ заплатитъ всего лишь 2 р. 60 к. Слѣдовательно, покупая хлѣбъ въ неразмолонномъ видѣ, въ зернѣ, онъ провезетъ еще два пуда 10 ф. *отрубей* за 12 коп. Относительно ржи несообразности желѣзнодорожнаго тарифа еще разительнѣе."

Скотоводство, искони бывшее одною изъ важнѣйшихъ отраслей нашего народнаго богатства, замѣтно для всѣхъ падаетъ у насъ чуть не съ каждымъ годомъ. Всѣ грустно качаютъ головой при видѣ этого печальнаго факта и вздыхаютъ о судьбахъ земледѣлія тѣсно связанныхъ съ успѣхами скотоводства. Необходимость отмѣны солянаго акциза ради поддержанія скотоводства и принятія энергическихъ мѣръ противъ скотскихъ падежей сознана всѣми. Но на ряду съ этими мѣрами не слѣдуетъ забывать и о необходимости огражденія скотоводства еще отъ иного бича систематически его поражающаго — желѣзнодорожной тарифной политики. Не поощреніе, а преграду своему развитію нашло скотоводство въ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, въ высотѣ ихъ тарифовъ и въ невыразимыхъ мытарствахъ какимъ подвергается скотъ во время перевозки, и въ дополненіе ко всему этому, желѣзнодорожные тарифы отнимаютъ еще у скота его кормъ. Не мудрено что нашъ заграничный отпускъ скотоводственныхъ продуктовъ падаетъ и представляетъ собою уже относительно ничтожную цифру, между тѣмъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ отпускъ продуктовъ скотоводства, по стоимости, почти равняется отпуску хлѣба. Тамъ процвѣтаетъ, между прочимъ, и даетъ громадныя выгоды сельскимъ хозяевамъ выкормка свиней въ огромныхъ количествахъ. У насъ же вслѣдствіе дороговизны и недостатка хлѣбныхъ отходовъ (отрубей), какъ замѣчаетъ нашъ елецкій корреспондентъ, выкормка свиней въ послѣднее время почти совсѣмъ прекратилась. Дороговизна и недостатокъ отрубей,—и рядомъ ежегодная отдача иностранцамъ семидесяти и болѣе милліоновъ пудовъ отрубей *даромъ*, потому что это требуется соображеніями желѣзнодорожной тарифной политики!

Для развитія и успѣшности земледѣлія требуется возможно болѣе широкое примѣненіе разнообразныхъ машинъ къ различнымъ сельскохозяйственнымъ работамъ. Опытъ всѣхъ странъ показываетъ что серіозную пользу земледѣлію оказываютъ преимущественно машины внутренняго производства. Эти послѣднія легче и лучше приноровляются къ мѣстнымъ условіямъ и скорѣе входятъ въ общее употребленіе, какъ между прочимъ показалъ примѣръ извѣстныхъ сапожковскихъ молотилокъ. Своими успѣхами въ земледѣліи Америка обязана главнымъ образомъ развитію своего машиностроенія, созданнаго тамъ и выросшаго благодаря сильному таможенному покровительству. У насъ отечественной фабрикаціи сельско-хозяйственныхъ машинъ никакого таможеннаго покровительства не оказывается. Иностранныя сельско-хозяйственныя машины ввозятся къ намъ безпошлинно. Но установляя ихъ безпошлинный привозъ, правительство, конечно, никакъ не могло имѣть въ виду убивать этою мѣрой отечественное машиностроеніе. Напротивъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, оно постоянно высказывало готовность, не скупясь на жертвы, пособить ему всякими путями кромѣ ограниченія иностранной конкурренціи. Но не отъ однѣхъ правительственныхъ мѣръ зависитъ наше машиностроеніе. Его судьбы подчиняются еще желѣзнодорожной тарифной политикѣ. А какова она по отношенію къ нашему машиностроенію?

Желѣзныя дороги, прежде всего, создали премію на привозъ иностранныхъ машинъ. Онѣ возятъ ихъ по пониженному тарифу прямаго сообщенія, между тѣмъ какъ русскія машины должны платить за провозъ по высокому внутреннему тарифу. За каждыя сто верстъ провоза, на каждый пудъ дарується такимъ образомъ въ пользу иностранныхъ машинъ отъ 4 до 14 копѣекъ преміи *), что при нашихъ громадныхъ разстояніяхъ и тяжеловѣсности машинъ имѣетъ огромное значеніе. Но это не все. Иностранныя машины перевозятся изъ портовъ до мѣста назначенія безъ перегрузки, съ платой только за ихъ дѣйствительный вѣсъ; русскіе заводчики за перевозку, напримѣръ, паровой молотилки вѣсомъ нѣсколько болѣе 200 пудовъ должны часто платить за полный вагонъ, то-есть за 600 пудовъ, причемъ машины, на разстояніи какихъ-нибудь 300—500 верстъ, перегружаются

*) См. статью „О земледѣльческихъ машинахъ" въ № 309 *Московскихъ Вѣдомостей*.

нерѣдко два раза и даже болѣе. Сколько переплатъ, сколько поломокъ! Для выгрузки и нагрузки иностранныхъ машинъ въ портахъ имѣются необходимыя приспособленія, паровые и ручные краны; для русскихъ машинъ ничего этого нѣтъ. Побуждаемыя взаимною конкурренціей, желѣзныя дороги, при перевозкѣ иностранныхъ машинъ, обращаются съ ними бережно, слѣдятъ за ихъ цѣлостью и въ случаяхъ порчи или поломки, немедленно вознаграждаютъ за нихъ. Никакихъ подобныхъ выгодъ русскимъ машиностроителямъ не предоставляется.

Въ томъ же смыслѣ, и иногда еще въ большей силѣ, ведется желѣзнодорожная тарифная политика почти по всѣмъ привознымъ товарамъ. Нѣсколько образчиковъ этой политики указаны, между прочимъ, Кіевскою подкомиссіей изслѣдованія графа Баранова.

Господа желѣзнодорожники находятъ все это въ порядкѣ вещей и домогаются чтобъ имъ и впредь предоставлено было вести ихъ тарифную политику какъ они знаютъ. За ними должно быть упрочено право распоряжаться произвольно международною торговлей Россіи, дѣлать всяческія уступки иноземнымъ интересамъ, отказывая въ нихъ интересамъ внутренняго движенія, поощрять преміями привозъ продуктовъ иностранной промышленности, подавляя въ зародышѣ туземную, наконецъ разстраивать и парализовать всякія мѣры государственной экономической политики.

Огромное значеніе самостоятельной желѣзнодорожной тарифной политики не ускользнуло отъ вниманія государственнаго человѣка стоящаго во главѣ правительства сосѣдней намъ страны. Онъ понялъ что желѣзныя дороги составляютъ громадную государственную силу, а государственная сила не можетъ оставаться ни въ чьемъ распоряженіи кромѣ самого государства. Только въ вѣдѣніи самого государства эта сила не будетъ обоюдоострымъ орудіемъ, направляемымъ то въ пользу, то во вредъ странѣ. Сознавъ это, князь Бисмаркъ, помимо палліативныхъ, мало дѣйствительныхъ мѣръ, немедленно приступилъ къ выкупу желѣзныхъ дорогъ у частныхъ обществъ, въ собственность государства. Менѣе ли необходима такая мѣра у насъ въ Россіи?

№ 320.

Москва, 17-го ноября.

Свершилось. Телеграмма изъ Цетинья отъ вчерашняго дня извѣщаетъ насъ что въ ночь съ субботы на воскресенье Черногорцы „мирно“ заняли городъ и Ульцинскій округъ (Дульциньйо). Нельзя не порадоваться этой столь долго и напрасно ожидаемой вѣсти, какъ ни ничтожна выгода достающаяся Черногорцамъ въ вознагражденіе за все ихъ геройство и страданія. Во всякомъ случаѣ положенъ конецъ одному изъ самыхъ печальныхъ эпизодовъ въ исторіи европейской дипломатіи, и мы понимаемъ какъ въ особенности долженъ быть доволенъ передачей Ульцина Англійскій кабинетъ, ибо окончательный неуспѣхъ европейскаго предпріятія начатаго по иниціативѣ Англіи, неуспѣхъ, коего такъ желали, нисколько того не скрывая, нѣкоторые участники этого предпріятія, поставилъ бы г. Гладстона въ безвыходное и смѣшное положеніе. Честь Англіи спасена, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, и многострадальная европейская эскадра, такъ долго и такъ безплодно терпѣвшая всѣ невзгоды бурной осени въ Адріатикѣ, можетъ разойтись и разойдется вскорѣ на всѣ четыре стороны чтобы болѣе не встрѣчаться. Но подвинулось ли отъ этого разрѣшеніе задачи которая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ была провозглашена Англійскимъ правительствомъ, съ которымъ мы дѣйствуемъ теперь, слава Богу, въ согласіи?

Увы! Отвѣтъ далеко не совпадаетъ съ ликованіями по поводу передачи Дульцинья или Ульцина. Во-первыхъ, изъ того что онъ мирно переданъ Черногорцамъ, еще далеко не слѣдуетъ что они будутъ и мирно владѣть этимъ городомъ. Уже теперь предсказывается многими что Черногорцамъ придется выдержать упорную борьбу съ Албанцами. Городъ расположенъ такимъ образомъ что Албанцамъ будетъ весьма не трудно постоянно тревожить его гарнизонъ нападеніями съ возвышенностей окружающихъ его со всѣхъ сторонъ. Такъ предвѣщаютъ съ видимымъ злорадствомъ мѣстные корреспонденты вѣнскихъ газетъ, и есть указаніе, что сами Турки не чужды этого коварнаго замысла. Планъ этотъ, если онъ существуетъ, очевидно построенъ на томъ что Албанцы снова примутъ на

себя привычную роль строптивыхъ мятежниковъ противъ воли султана, и почва для этого подготовляется заранѣе. Въ этомъ отношеніи, заслуживаетъ вниманія извѣстіе усердно распространенное изъ турецкихъ источниковъ, будто Дервишъ-паша овладѣлъ Ульциномъ послѣ упорнаго боя. Однако, извѣстно что городъ вовсе не осаждался Турками и что турецкія войска свободно входили и выходили изъ него во все время пока длились переговоры о передачѣ. Почему же Дервишъ-пашѣ вдругъ преградили вступленіе въ него? Упомянутое извѣстіе заслуживаетъ мало довѣрія еще и потому что оно сообщено было неодновременно съ сообщеніемъ о вступленіи турецкаго военачальника въ Дульциньйо, а лишь два дня спустя. Въ Константинополѣ очевидно спохватились что за Албанцами нужно и на будущее время удержать роль „бунтовщиковъ.“ И вотъ появилось извѣстіе объ „упорномъ боѣ“ между Турками и Албанцами, стоившемъ жизни 40 Албанцамъ. Турки побѣдили ихъ, и „честно“ исполнили свое дѣло. Но Турки не обязались охранять переданный Черногорцамъ округъ и на будущее время; дальнѣйшее уже будетъ дѣломъ между Албанцами и Черногорцами, за что Турецкое правительство въ виду всѣмъ извѣстной непокорности Албанцевъ отвѣчать не можетъ, да и Европѣ нѣтъ болѣе никакого дѣла до того удержатъ ли за собой Черногорцы то что имъ формально передано Турціей.

Но помимо этихъ предвидимыхъ послѣдствій, нынѣ формально оконченное совокупное дѣйствіе оставляетъ выдвинутую Англійскимъ кабинетомъ задачу въ худшемъ положеніи нежели до начала коллективной демонстраціи. Когда рѣшены были эти демонстраціи, всѣ и въ томъ числѣ Турція были увѣрены что принудительныя мѣры предпринятыя всею Европой суть логическое и необходимое послѣдствіе упорства Турціи предъ торжественно заявленною „единодушною“ волей Европы. Берлинская конференція установила будущую новую границу между Греціей и Турціей; никакіе протесты послѣдней не были приняты, и по порученію европейскаго ареопага была выработана во всѣхъ техническихъ подробностяхъ пограничная линія и единогласно утверждена конференціей. Можно ли было *тогда* сомнѣваться что для чего-нибудь велись эти пренія, для чего-нибудь работали такъ усердно дипломаты и состоявшіе при нихъ спеціалисты, что имѣло же какой-нибудь смыслъ непринятіе турецкихъ возраженій, въ коихъ предлагалась другая пограничная линія? Естественно было думать что приступивъ къ принужденію Турціи Европа твердо намѣрена настоять на своемъ, и тогда говорили о предстоящихъ занятіяхъ острововъ Архипелага, Анатолійскаго берега, даже Проливовъ. Когда „демонстрація“ направилась въ Адріатическое море, то толковали о томъ что это лишь первый шагъ или, вѣрнѣе, предостереженіе Турціи; пока Черногорія вступитъ, съ помощью Европы, во владѣніе присужденнымъ ей достояніемъ, Турція будетъ де имѣть время добровольно исполнить объявленное ей безъ права аппелляціи рѣшеніе насчетъ Греціи, въ противномъ же случаѣ грозная армада направится изъ Адріатики къ берегамъ Греціи и къ самому Константинополю...

Такъ думали въ августѣ. Теперь не только уже никто этого не думаетъ, но напротивъ всѣ говорятъ что Европа рѣшилась въ случаѣ надобности дѣятельно воспрепятствовать всякой попыткѣ Грековъ собственными силами привести рѣшеніе Европы въ исполненіе. Толкуютъ о коллективной демонстраціи... противъ Греціи! Вотъ какъ измѣнилось положеніе съ тѣхъ поръ какъ, къ ужасу султана, поспѣшно снаряжались и направлялись къ берегамъ Турціи грозные броненосцы всѣхъ великихъ державъ. Долго и неподвижно стояла армада въ Адріатическомъ морѣ. Султанъ воочію убѣдился что страхи его были совершенно напрасны и что, вмѣсто броненосцевъ, съ ихъ страшными пушками, можно было бы съ такимъ же успѣхомъ поставить, по выраженію графа Солсбери, рядъ украшенныхъ флагами ваннъ. Но пока „демонстрировалъ“ флотъ, подверглась пересмотру юридическая сила постановленія Берлинской конференціи относительно греческой границы, и было заявлено официальнымъ образомъ что окончательное рѣшеніе Европы, принятое на этой конференціи, вовсе не окончательное и даже не рѣшеніе, ибо никто де не обязался ни на конгрессѣ, ни на конференціи принудительно исполнить оное. Вѣсть о развязкѣ дѣла насчетъ Ульцина принята съ удовольствіемъ и въ Берлинѣ. Но тамъ довольны главнымъ образомъ тѣмъ что те-

перь соединенный флотъ можетъ разойтись, что не предвидится повторенія этой затѣи, что „такимъ образомъ европейскій миръ выходитъ окрѣпшимъ изъ положенія, въ коемъ ему грозили опасности съ разныхъ сторонъ.“

Въ чемъ же именно миръ оказывается болѣе окрѣпшимъ? Не говоря уже объ обязательствахъ Турціи относительно христіанскихъ народовъ оставшихся подъ ея владычествомъ, обязательствамъ, о которыхъ г. Гладстонъ еще недавно заявилъ что ни одно изъ нихъ не исполнено, гдѣ же гарантія что Греки откажутся отъ своихъ притязаній, что они не только перестанутъ разчитывать на содѣйствіе Европы къ исполненію того что ею постановлено, но и не пожелаютъ собственными силами добиваться осуществленія своихъ правъ?

Увѣренность берлинскихъ газетъ очевидно основана на томъ что Грецію предполагается принудить остаться въ покоѣ. Но чтобы принудить Грецію, „нравственнаго давленія“ пожалуй окажется недостаточно. Что же тогда? Неужели опять демонстрація флотовъ? Берлинская печать, вѣроятно, отнесется болѣе благосклоннымъ образомъ къ такой демонстраціи съ другаго конца.

Но все-таки не видно, почему миръ представляется теперь болѣе обезпеченнымъ.

№ 321.

Москва, 18-го ноября.

Еще недавно подвиги нашихъ нигилистовъ обращали на внутреннія дѣла Россіи особенное вниманіе европейской печати. Несмотря на слишкомъ хорошо извѣстную Европѣ твердость нашего государственнаго быта, въ этихъ фактахъ готовы были видѣть признаки серіозной революціи. Съ фальшивымъ сочувствіемъ посылали намъ по почтѣ совѣты и наставленія, предлагая для врачеванія свои либеральныя учрежденія. Но вотъ,—кто бы могъ подумать?—чередъ дошелъ до Англіи, и взоры континентальныхъ публицистовъ невольно обращены на дѣйствительно анархическое состояніе Ирландіи, несовмѣстное съ достоинствомъ цивилизованной страны. Здѣсь аграрный вопросъ существуетъ на самомъ дѣлѣ, а не въ праздныхъ фантазіяхъ.

Почти ежедневныя извѣстія о новыхъ угрозахъ, порчѣ и истребленіи собственности, убійствахъ частныхъ лицъ, полицейскихъ служителей на часахъ и во время обходовъ, и стяжавшая такую громкую извѣстность „экспедиція на выручку капитана Бойкота“ должны были и сами по себѣ возбудить всеобщее вниманіе, а въ виду роли принятой Англіей въ разрѣшеніи Балканскихъ затрудненій все это вызываетъ явное злорадство въ нѣкоторыхъ странахъ.

Neue Freie Presse высказываетъ мнѣніе что положеніе г. Гладстона шатко, и что окончательный ударъ въ скоромъ времени возвратитъ его къ литературнымъ занятіямъ. Не афганская война, не положеніе южно-африканскихъ колоній и не восточная политика и неудача морской демонстраціи пошатнули де его положеніе. Его де погубили ирландскія дѣла. Оранжисты изъ Ульстера, выкапывающіе картофель капитана Бойкота, роютъ де могилу репутаціи г. Гладстона какъ государственнаго человѣка.

Эти злорадныя надежды питаются извѣстіями изъ самой Англіи о разладѣ въ Британскомъ кабинетѣ и эксцентрическими рѣчами предводителей торійской партіи, которые сваливаютъ всю отвѣтственность за ирландскія неурядицы на Гладстоново министерство. Маркизъ Солсбери, въ застольной рѣчи, выразивъ удовольствіе по поводу того что иностранная политика правительства возвращается на путь какимъ слѣдовалъ графъ Биконсфильдъ (?), рѣзко критикуетъ ирландскую политику г. Гладстона. Коснувшись рѣчи его въ Гильдголлѣ, въ которой г. Гладстонъ объявилъ что еслибъ явилась „очевидная надобность въ принудительныхъ мѣрахъ, то правительство не замедлило бы принять ихъ,“ лордъ Солсбери спрашиваетъ когда же эта надобность станетъ наконецъ „очевидною,“ и чего еще ожидаетъ правительство въ виду ежедневныхъ извѣстій о происходящихъ насиліяхъ. Правительство показало энергію въ дѣлѣ капитана Бойкота, но возможно ли постоянно прибѣгать къ такимъ мѣрамъ? Вѣдь нельзя же посылать по семи тысячъ войска въ каждый округъ гдѣ агентъ какого-нибудь ландлорда находится въ осадѣ. Для этого не достало бы ни солдатъ, ни денегъ, и вожаки аграрной лиги отлично де понимаютъ это и могутъ весьма легко устроить подобныя положе-

нія и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, ирландскій агитаторъ Парнеллъ утверждаетъ что каждый фунтъ картофеля, выкопанный на поляхъ г. Бойкота, обошелся правительству по крайней мѣрѣ въ шиллингъ.

Г. Гладстона упрекаютъ еще и за то что въ одной изъ своихъ мидлотіанскихъ рѣчей онъ утверждалъ что положеніе Ирландіи сравнительно спокойно, и указываютъ на то что творится теперь. Однако, кто же виноватъ въ этихъ неурядицахъ? Ораторы консервативной партіи повидимому забыли, какъ справедливо замѣчаютъ имъ либеральные органы, про письмо графа Биконсфильда къ лорду-намѣстнику Ирландіи, въ которомъ тотъ указывалъ на чрезвычайно опасное положеніе этой страны. Стало-быть и въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ британскихъ затрудненіяхъ, г. Гладстонъ расплачивается за чужіе грѣхи.

Но кто бы ни былъ виноватъ, вопросъ серіозно интересующій теперь общественное мнѣніе Европы заключается въ томъ насколько прочно министерство г. Гладстона.

Въ такомъ кабинетѣ каковъ нынѣшній кабинетъ Гладстона не могло не возникнуть разногласія по поводу ирландскаго вопроса. Но вліяніе премьера на его сотрудниковъ повидимому такъ сильно что кабинетъ держится крѣпко. Кабинетскія совѣщанія составляютъ тайну, но ни г. Форстеръ, если онъ только дѣйствительно настаивалъ на принятіи экстренныхъ мѣръ, ни его противники не подали еще въ отставку. Враги восточной политики г. Гладстона радуются преждевременно. Что же касается ближайшей сессіи, то г. Гладстону предстоитъ несомнѣнно тяжелая борьба.

Въ Ирландіи необходима глубокая поземельная реформа. Это вполнѣ сознавалъ г. Гладстонъ когда вступалъ въ должность. Но реформа аграрная—дѣло не легкое и требуетъ времени. Г. Гладстонъ, ставъ министромъ, повидимому не хотѣлъ спѣшить разрѣшеніемъ этого вопроса. Въ тронной рѣчи королевы, при открытіи прошлой парламентской сессіи, не было по крайней мѣрѣ никакого указанія на внесеніе ирландскаго аграрнаго билля. Однако положеніе дѣлъ заставило его все-таки внести законопроектъ о вознагражденіи ирландскихъ арендаторовъ. Палата лордовъ отвергла этотъ билль, и раздраженные не сбывшимися надеждами ирландскіе пахари легко поддались подстреканіямъ вожаковъ агитаціи. Съ либеральной стороны всю вину за это возлагаютъ на палату лордовъ. Со своей стороны, консерваторы упрекаютъ министерство въ томъ что оно выступило съ незрѣлымъ проектомъ, который не могъ и не долженъ былъ пройти, и этимъ только раздразнило ирландскихъ фермеровъ подавъ поводъ къ несбыточнымъ надеждамъ. Телеграфъ извѣстилъ уже насъ что парламентъ предположено созвать въ январѣ, и что министерство представитъ на его обсужденіе новый билль воздерживаясь пока отъ репрессивныхъ мѣръ. Временная мѣра едва ли удовлетворитъ и успокоитъ возбужденныхъ агитаторами Ирландскихъ съемщиковъ; мѣра же болѣе рѣшительная встрѣтитъ навѣрное сильную оппозицію, тѣмъ болѣе что аграрныя преобразованія въ Ирландіи могутъ отозваться и въ самой Англіи...

№ 322.

Москва, 19-го ноября.

Газетныя сужденія о разныхъ предметахъ относящихся къ продовольственному вопросу отличаются, по необходимости, кабинетнымъ характеромъ, основываясь на фактахъ получаемыхъ изъ вторыхъ рукъ. Необходимо провѣрять ихъ наблюденіями на мѣстѣ, наблюденіями людей близко стоящихъ къ дѣлу и имѣвшихъ возможность въ теченіи долгой практики хорошо ознакомиться съ разными его сторонами. Обильный матеріалъ для такой провѣрки должны представлять доклады земскихъ управъ и сужденія по нимъ земскихъ собраній, конечно кромѣ тѣхъ случаевъ гдѣ они относятся къ своему дѣлу лишь формально или смотрятъ на него сквозь подсунутые имъ тенденціозные очки. Какой свѣтъ могутъ пролить на продовольственный вопросъ серіозно и безъ предвзятыхъ взглядовъ составленные доклады земскихъ управъ, показываетъ между прочимъ полученный нами докладъ Аткарской уѣздной земской управы 15-му мѣстному очередному уѣздному земскому собранію о положеніи продовольственныхъ средствъ Аткарскаго уѣзда, о степени нужды могущей постигнуть тамъ въ предстоящую зиму сель-

ское населеніе, и о мѣрахъ которыя могутъ быть приняты къ ея удовлетворенію. Докладъ этотъ тѣмъ интереснѣе что онъ рисуетъ намъ положеніе одного изъ уѣздовъ Саратовской губерніи, входящей, вмѣстѣ съ Самарскою и частію Симбирской, въ составъ голодающаго района.

Какъ видно изъ этого доклада, тамошнему земству приходится бороться съ большими затрудненіями, при весьма невыгодныхъ условіяхъ. Но эти затрудненія и невыгодныя условія созданы не столько нынѣшнимъ неурожаемъ сколько общею ошибочною постановкой и неправильнымъ веденіемъ дѣла обезпеченія народнаго продовольствія въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, особенно въ послѣдніе четыре года. Урожай оказался ниже средняго, но отнюдь не было полнаго неурожая какой ставилъ бы все населеніе въ безвыходное положеніе. Пшеница уродилась плохо и дала среднимъ числомъ 20 пудовъ съ десятины; рожь, вмѣсто средней нормы 50 пудовъ, дала отъ 20 до 40 пудовъ съ десятины тридцатки; овесъ отъ 6 до 12 четвертей (среднимъ урожаемъ считается 10 четвертей); тѣмъ не менѣе сборъ хлѣба, по разчетамъ управы, которые не выше, а ниже дѣйствительныхъ, былъ: ржи до 2.757.000 пудовъ, пшеницы до 1.734.450 пудовъ, овса до 291.830 четвертей, гречихи до 44.520 четвертей,—цифры не малыя для крестьянскаго населенія во 170.000 душъ обоего пола. За отдѣленіемъ необходимой части собраннаго хлѣба на посѣвъ, серіозныя затрудненія по продовольствію могутъ быть лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда, и въ бѣдственное положеніе поставлены неурожаемъ только особенно бѣдныя семьи. Для дѣйствительно необходимой помощи населенію, по предположеніямъ управы, достаточно находящихся на лицо общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ и мѣстнаго продовольственнаго капитала, какъ ни сократились они въ предыдущіе годы; но неизвѣстность размѣровъ въ какихъ съ наступленіемъ зимы будутъ поступать справедливыя ходатайства о пособіи на продовольствіе нѣкоторыхъ селеній, благосостояніе коихъ подорвано какъ неурожаемъ и градобитіями, такъ и пожарами и скотскими падежами, дѣлаетъ необходимымъ заимствованіе 50 или 60 тысячъ рублей изъ полумилліоннаго государственнаго продовольственнаго капитала назначеннаго на Саратовскую губернію. Вотъ все что требуется нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ. Но управа очень озабочена печальною перспективой будущаго. Требованія пособій изъ запасныхъ продовольственныхъ средствъ сдѣлались хроническими, ежегодно предъявляются цѣлыми массами и доходятъ до крайней степени преувеличенія, причемъ земству постоянно предстоитъ трудная задача рѣшать какія изъ этихъ требованій и въ какой мѣрѣ заслуживаютъ удовлетворенія. На будущее время не остается средствъ и на удовлетвореніе вполнѣ основательныхъ просьбъ о пособіи. Быстро таявшія, начиная съ 1876 года, запасныя средства должны въ настоящее время совершенно исчезнуть.

Въ докладѣ Аткарской земской управы обстоятельно изложенъ историческій ходъ исчезанія запасныхъ продовольственныхъ средствъ, причемъ указано на начатки глубокаго зла внесеннаго въ нашъ народъ, въ которомъ уже укореняется привычка постоянно разчитывать на полученіе пособій. Это явленіе очень недавняго происхожденія. Въ 1876 году, въ уѣздѣ оказался неурожай, мало чѣмъ отличающійся по своимъ размѣрамъ отъ нынѣшняго. Въ зиму 1876 — 1877, въ управу поступило значительное число ходатайствъ отъ обществъ уѣзда о выдачѣ ссудъ какъ на продовольствіе, такъ и на обсѣмененіе. При достаточныхъ размѣрахъ тогдашняго запаса, помощь была оказана довольно щедро. Но, замѣчаетъ докладъ, мѣра эта (примѣнявшаяся въ сосѣднихъ мѣстностяхъ еще въ бо́льшихъ размѣрахъ и весьма неосмотрительно) оказала очень дурную услугу и земству раздающему пособія, и населенію получающему ссуду. Крестьяне, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, сообразили что есть такое благодѣтельное учрежденіе какъ продовольственный капиталъ, и увѣровали въ легкость полученія ссуды изъ этого капитала. Это убѣжденіе сказалось очень сильно въ послѣдствіи. Такъ, напримѣръ, въ 1879 году урожай въ Аткарскомъ уѣздѣ былъ средній, но при запасахъ хлѣба и средствъ прежнихъ лѣтъ населеніе легко могло обойтись безо всякихъ ссудъ. До начала января 1880 года и не поступало въ управу никакихъ ходатайствъ о пособіи. Но въ декабрѣ 1879 состоялось губернское земское собраніе которое разрѣшило выдачу изъ испрошеннаго государственнаго капитала ссудъ нуждавшимся Камышинскому и Царицынскому

уѣздамъ и кстати уѣздамъ Петровскому, Сердобскому и Балашовскому, которые хотя не нуждались, но просили ассигновать имъ довольно крупныя суммы на случай нужды. Слухъ что въ сосѣднихъ уѣздахъ выдаются пособія на продовольствіе и обсѣмененіе немедленно пронесся и среди населенія Аткарскаго уѣзда. Въ это время цѣны на всѣ хлѣба стояли высокія, и вотъ крестьяне немедленно начали продавать весь нужный и ненужный хлѣбъ, а продавъ его могли уже казаться нуждающимися и въ продовольствіи, и въ сѣменахъ для весенняго посѣва. Въ январѣ, февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ текущаго года начали затѣмъ поступать ходатайства о выдачѣ ссудъ для обѣихъ цѣлей. Требованія этихъ ссудъ были такъ преувеличены что управа, произведя дознанія, нашла справедливымъ удовлетворить ихъ лишь въ десятой, а частію даже въ двадцатой долѣ. При производствѣ дознаній на мѣстахъ, управа наталкивалась на чрезвычайно характеристическіе факты. Просили пособія цѣлыя общества, по достаточности своей нисколько въ немъ не нуждающіяся; просили пособія отдѣльные члены обществъ владѣющіе 8, 10, 15 и болѣе рабочими лошадьми, коровами, овцами, словомъ—большимъ количествомъ гулевой скотины; просили пособія даже тѣ у кого на гумнахъ стояли не обмолоченные одонья хлѣба. И, наоборотъ, изъ списковъ нуждающихся въ ссудѣ исключались бѣдняки обремененные семействами, не имѣющими никакихъ средствъ пропитанія. Подобною же преувеличенностью отличаются требованія пособій поступившія и поступающія въ Аткарскую управу нынѣшнею осенью.

Описанное въ докладѣ Аткарской уѣздной земской управы не есть явленіе мѣстное, обнаружившееся только въ этомъ уѣздѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ игра идетъ еще въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ, иногда вовсе не сдерживаемая столь осмотрительными какъ въ Аткарскомъ уѣздѣ провѣрками основательности просьбъ о продовольственныхъ ссудахъ. Между тѣмъ въ основѣ печатныхъ сужденій о размѣрахъ неурожая постигшаго въ нынѣшнемъ году нѣкоторыя мѣстности Россіи лежатъ главнымъ образомъ крупныя цифры пособій требуемыхъ для мѣстнаго продовольствія. Такъ, въ Саратовской губерніи, Царицынскій, Камышинскій, Саратовскій, Вольскій и Хвалынскій уѣзды просятъ каждый по милліону и болѣе рублей; значительныхъ суммъ требуютъ также Петровскій и Кузнецкій уѣзды. Даже Балашовскій уѣздъ, гдѣ, какъ слышно, урожай отличный, проситъ 300.000 пособія, а Сердобскій уѣздъ, гдѣ, какъ намъ пишутъ, урожай былъ очень порядочный, проситъ ссуды въ 1.700.000 рублей. Приведенные въ докладѣ Аткарской земской управы факты невольно заставляютъ усомниться, точно ли на дѣлѣ такъ велика народная нужда въ разныхъ мѣстностяхъ какъ говорятъ и пишутъ, и какъ можно было бы думать судя по цифрамъ просимыхъ ссудъ для ея удовлетворенія. Сомнѣнія въ этомъ отношеніи много подкрѣпляются еще тѣмъ обстоятельствомъ что въ мѣстностяхъ признанныхъ голодающими нужда въ продовольствіи не сокращаетъ потребленія спиртныхъ напитковъ. Акцизъ за вино, несмотря на неурожай, вносится въ казначейство заводчиками и складчиками не въ меньшемъ противъ прежняго размѣрѣ; кабаки благоденствуютъ и также бойко торгуютъ какъ и прежде въ урожайные годы.

Вотъ еще крупный знаменательный фактъ: въ голодные годы, въ постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностяхъ, цѣны на трудъ обыкновенно падаютъ, и падаютъ значительно, вслѣдствіе того что массы людей ищутъ работы и предложеніемъ своихъ услугъ сбиваютъ цѣны рабочей платы. Въ настоящемъ году происходитъ совершенно обратное. Напримѣръ, въ Аткарскомъ же уѣздѣ, въ послѣднія десять лѣтъ, цѣны поденной работы стояли слѣдующія: въ іюлѣ мужикъ отъ 30 до 40 коп., баба 20—30 коп.; позднѣе іюля мужикъ 25—35 коп., баба 15—25 коп. Въ нынѣшнемъ году: въ іюлѣ мужикъ 60—80 коп., баба 35—60 коп.; во всю осень мужикъ 45—60 к., баба 30—45 коп. за день. Говорятъ, въ Камышинѣ и Царицынѣ голодъ. Дѣйствительно, съ іюня мѣсяца Аткарскій уѣздъ былъ буквально наводненъ жителями этихъ уѣздовъ; они разъѣзжали въ фурахъ, съ семействами и со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, просили милостыни, будто искали работы, но не было примѣра чтобы хотя одинъ изъ нихъ нанялся работать. „Меня, пишетъ намъ мѣстный землевладѣлецъ, положительно одолѣли эти проходимцы; но не смотря на то что я ихъ нанималъ со своими харчами и давалъ высшія мѣстныя цѣны, никто не шелъ работать. Всѣ они, и преимущественно камышинскіе. Нѣмцы, находили болѣе выгод-

нымъ питаться подаяніемъ." Люди массами голодаютъ, а между тѣмъ г. Зызыбинъ въ Саратовѣ не можетъ собрать 10—15 тысячъ человѣкъ на Донскія каменно-угольныя копи за плату отъ 1 р. 25 к. до 1 р. 40 к. въ день, на хозяйскихъ харчахъ.

Это уклоненіе отъ всякой работы, это тунеядное праздношатаніе, вотъ фактъ заслуживающій серіознаго вниманія. Онъ едва ли не тревожнѣе той народной нужды какая причиняется недородомъ хлѣба Вотъ къ чему приводитъ та безтолковая система продовольственныхъ пособій которой держались у насъ въ послѣднее время. Собранный совсего народа въ прежнее время болѣе чѣмъ двадцатимилліонный продовольственный капиталъ исчезъ въ немного лѣтъ. Большая доля пособій изъ него попала, при этомъ, въ руки людей вовсе не нуждавшихся, частію пропивалась волостными начальствами, частію служила на спекуляціи сельскимъ кулакамъ. Неосмотрительною раздачей пособій поселяется въ населеніяхъ убѣжденіе что правительство при всякихъ невзгодахъ будетъ кормить ихъ. Едва ли чѣмъ сильнѣе можно поощрить беззаботность, лѣнь и тунеядство. Нельзя не подумать серіозно о тѣхъ опасныхъ послѣдствіяхъ къ какимъ могутъ повести подобныя поощренія.

Замѣчательно что преувеличенныя, фальшиво раздуваемыя жалобы на неурожаи, также какъ и раздача продовольственныхъ пособій особенно пошли въ ходъ начиная съ 1876 года. Необходимость этихъ пособій вдругъ стала усиленно пропагандироваться разными народолюбцами. Замѣчательно что эта пропаганда шла объ руку съ ревностными усиліями создать въ Россіи аграрный вопросъ. Возникла особая теорія о недостаточности крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ, которая отстаивалась и проповѣдывалась и во имя народнаго блага, и во имя науки. Статьи и книги въ которыхъ излагалась эта теорія настойчиво рекомендовались вниманію и публики, и правительственныхъ лицъ. Особенно превозносится вышедшая въ 1877 году книга профессора Петербургскаго Университета Ю. Э. Янсона *Опытъ статистическихъ изслѣдованій о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ*. Намъ случалось мимоходомъ упоминать объ этой тенденціозной книгѣ. Упоминаемъ о ней теперь въ виду замѣчательной изобличающей ее статьи Д. Ѳ. Самарина, появившейся въ № 1 новой еженедѣльной газеты *Русь*, которую мы отъ души привѣтствуемъ какъ отрадное явленіе среди нашей журнальной литературы.

№ 323.

Москва, 20-го ноября.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Бартелеми Сентъ-Илеръ, произнесъ вчера въ сенатѣ рѣчь, которая заключаетъ въ себѣ въ первый разъ изложенную публично программу иностранной политики кабинета смѣнившаго министерство Фрейсине. Телеграфъ передалъ намъ эту рѣчь лишь въ извлеченіи и, какъ кажется, значительно смягчилъ значеніе криковъ послѣдовавшихъ за министерскою рѣчью. Въ телеграммѣ упомянуто лишь вкратцѣ о возраженіи герцога Броля, который затронулъ самое больное мѣсто теперешняго положенія Франціи, бросивъ правительству упрекъ что не оно ведетъ дѣла, а г. Гамбетта, который однако скрывается въ тѣни и никакой формальной отвѣтственности предъ страною не несетъ. Указаніе вожака орлеанистской партіи было очень зло и не могло не ослабить увѣреній г. Бартелеми Сентъ-Илера что Франція усвоила себѣ въ международномъ дѣлѣ совсѣмъ ей непривычную роль миротворца. Графъ Брользамѣтилъ что этому трудно повѣрить, такъ какъ „надъ министрами есть *никто* распоряжающійся дипломатіей и дипломатствующій на банкетахъ купеческихъ прикащиковъ." Послѣдняя фраза касается преслонутой рѣчи г. Гамбетты въ Шербургѣ, уже надѣлавшей столько хлопотъ кабинету г. Фрейсине, а нынѣ вновь предъявляемая Французскому правительству какъ фактъ рѣзко противорѣчащій его миролюбивымъ завѣреніямъ. И нужно замѣтить что не одни внутренніе, парламентскіе враги республиканскаго правительства постоянно возвращаются къ шербургской рѣчи, она не забыта и въ Германіи. Тамошняя печать вспоминаетъ объ этой рѣчи каждый разъ когда приходится затронуть щекотливый вопросъ объ отношеніяхъ между Франціей и Германіей, нынѣ *повидимому* не оставляющихъ желать ничего лучшаго и особенно пріятныхъ для Германіи по вопросамъ касающимся Востока, въ коихъ Франція, какъ справедливо сознался г. Бартелеми Сентъ-Илеръ, „разыграла роль не блестящую, но полезную". — для по-

литики князя Бисмарка. Все это признаютъ германскія газеты и не скрываютъ своего удовольствія; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ постоянно задаются вопросомъ, на долго ли все это? Г. Гамбетта является каждый разъ угрожающимъ призракомъ будущаго, и притомъ близкаго будущаго. Законопроектъ, внесенный въ настоящую сессію французскаго законодательнаго собранія объ измѣненіи системы выборовъ въ томъ смыслѣ что голоса должны подаваться не по округамъ за каждаго кандидата въ отдѣльности, а за цѣлый списокъ кандидатовъ по всему департаменту (sckrutin de liste)—этотъ законопроектъ считается всѣми прямымъ шагомъ къ подготовленію плебисцита въ пользу г. Гамбетты, и если онъ будетъ принятъ (въ чемъ нѣтъ сомнѣнія), то выборы 1881 года будутъ имѣть своимъ результатомъ вознесеніе г. Гамбетты на самодержавное президентство республики. А въ предвидѣніи этого, какую цѣну имѣютъ теперешнія миролюбивыя завѣренія? Можно ли положиться на нихъ припоминая программу развитую въ Шербургѣ будущимъ президентомъ на банкетѣ commis voyageur'овъ? Такъ спрашиваютъ нѣмецкія газеты, вполнѣ сходясь въ этомъ пунктѣ съ герцогомъ де-Бролемъ.

Но на этомъ пунктѣ и кончается общность взглядовъ. Изъ того что Французскіе орлеанисты нападаютъ на г. Гамбетту за его рѣчь въ Шербургѣ (что впрочемъ дѣлаютъ и крайніе радикалы), вовсе не слѣдуетъ чтобы монархическія партіи были противниками идеи отместки и что еслибъ, вопреки ожиданіямъ, предстоящій во Франціи внутренній переворотъ окончился въ пользу монархіи, то это было бы большею гарантіей для мира чѣмъ торжество приверженцевъ Гамбетты.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія появившаяся на дняхъ въ Парижѣ политическая брошюра подъ заглавіемъ *Une interpellation nécessaire*, приписываемая общимъ голосомъ герцогу Деказу, который былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при министерствахъ Броль и Бюффе. Въ этой брошюрѣ, общее политическое положеніе Европы обсуждается не съ точки зрѣнія Восточнаго вопроса, какъ это дѣлается обыкновенно въ послѣдніе годы, со времени недавнихъ событій на Востокѣ, а съ точки зрѣнія антагонизма между Германіей и Франціей, и самыя событія на Востокѣ приводятся въ тѣсную связь съ франко-германскою взаимною враждой.

Авторъ брошюры доказываетъ, основываясь на фактахъ раскрывшихся въ процессѣ графа Арнима, что князь Бисмаркъ давно уже убѣдился что Франція была недостаточно обезсилена Германіей и рѣшилъ воспользоваться первымъ предлогомъ дабы довершить ударъ. Въ 1875 году новая война съ Франціей было уже для него дѣломъ рѣшеннымъ. Князь Гоэнлоэ получилъ предписаніе формально заявить Французскому правительству что „Германія не чувствуетъ себя въ безопасности и что вооруженія Франціи имѣютъ столь явную цѣль что Германіи необходимо принять мѣры для своего огражденія." Несомнѣнно что вслѣдъ за этимъ заявленіемъ Германія имѣла въ виду предъявить Франціи требованіе о сокращеніи ея военныхъ силъ, что неминуемо должно было повести за собою новую войну, которую князь Бисмаркъ и хотѣлъ вызвать. Но весь этотъ планъ, какъ извѣстно, разстроился вслѣдствіе энергическихъ представленій Россіи.

Тогда-то, доказываетъ далѣе герцогъ Деказъ, князь Бисмаркъ увидѣлъ необходимость предварительно осуществленія своихъ плановъ насчетъ Франціи разстроить тогдашнюю политическую комбинацію Европы, которая была благопріятна для Франціи, и вызвать на сцену такой вопросъ который давалъ бы пищу всякаго рода честолюбіямъ, и пробудивъ дремлющія страсти и соперничества, перепуталъ бы установившіяся отношенія, вызвалъ бы новые элементы взаимной вражды, но въ этомъ всеобщемъ столкновеніи интересовъ и новыхъ стремленій доставилъ бы просторъ прусской политикѣ. Вотъ какимъ образомъ, по словамъ автора брошюры, Восточный вопросъ выступилъ на сцену спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ дипломатическаго эпизода бывшаго весной 1875 года, и дѣло было ведено съ такимъ искусствомъ что всѣ усилія европейской дипломатіи потушить въ самомъ началѣ разгоравшійся пожаръ не достигли цѣли. Восточныя замѣшательства разгорались все сильнѣе и повели наконецъ къ великимъ событіямъ совершенно перемѣнившимъ взаимныя отношенія между державами и создавшимъ новое политическое соотношеніе несравненно болѣе выгодное для Германіи нежели то которое существовало въ 1875 году.

Для нашихъ читателей эти соображенія

не новость. Мы съ самаго начала постоянно твердили что событія на Востокѣ, начавшіяся съ ничтожныхъ смутъ въ Герцеговинѣ, были искусственно вызваны. Россія и славянскіе народы Балканскаго полуострова менѣе всего могли желать чтобы Восточный вопросъ былъ выдвинутъ именно въ то время и по поводу *Bischen Herzogovina*, какъ выразился съ напускнымъ пренебреженіемъ князь Бисмаркъ.

Но какъ бы то ни было, событія совершились, событія великія. Положеніе Европы стало совершенно инымъ. Мы много разъ указывали на связь между миротворнымъ дѣйствіемъ Россіи въ 1875 году и на послѣдовавшія затѣмъ вскорѣ смуты на Востокѣ. Не измѣнилась только та глубокая и затаенная вражда между Германіей и Франціей, которая лишь прикрыта, и то очень плохо, кажущимся единомыслiемъ между обѣими державами по тѣмъ вопросамъ международной политики которые нынѣ выдвинулись на передній планъ. Подобно вожаку французскихъ республиканцевъ, и орлеанисты вмѣстѣ съ прочими монархическими партіями чувствуютъ что ни Германія, ни Франція не въ состояніи предотвратить будущее столкновеніе, которое приближается съ роковою силой.

№ 325.

Москва, 22-го ноября.

Дороговизна жизненныхъ продуктовъ заставила публику обратить вниманіе, между прочимъ, на желѣзнодорожные порядки вообще и на провозные тарифы въ особенности, и выдвинула на первый планъ мысль о необходимости правительству взять желѣзнодорожные тарифы въ свои руки. Эта мысль, которая высказывалась уже много лѣтъ тому назадъ, очень не нравится представителямъ тѣхъ желѣзныхъ дорогъ II группы которыя не пользуются приплатой по гарантіи. Они стараются замять и затормозить этотъ вопросъ и отвлечь общее вниманіе въ другую сторону, какъ это явствуетъ изъ статей появляющихся въ послѣднее время въ одной московской газетѣ служащей имъ органомъ. Говорите о чемъ хотите, но не затрогивайте желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Вѣдь не эти тарифы были прямою причиной нынѣшняго подъема хлѣбныхъ цѣнъ; вѣдь реформа этихъ тарифовъ не дастъ сейчасъ же народу дешеваго хлѣба вмѣсто дорогаго: стало-быть и толковать объ этомъ не для чего. Конечно, въ ряду причинъ косвенно подготовлявшихъ дороговизну, „извѣстная доля вины падаетъ и на желѣзныя дороги“; этого отрицать нельзя. Но устраненіе такихъ причинъ можетъ де имѣть значеніе только предупредительной мѣры, а никакъ не помощи населенію уже постигнутому бѣдствіемъ, и трактовать о желѣзнодорожныхъ тарифахъ при нынѣшнихъ дѣлахъ то же де самое что говорить во время пожара о пользѣ несгараемыхъ построекъ, или о важности хорошей канализаціи въ разгаръ эпидеміи. Слѣдуетъ думать только объ удешевленіи хлѣба, но кто, въ связи съ нынѣшнею дороговизной его, вздумаетъ заговорить о реформѣ желѣзнодорожнаго дѣла, о преобразованіи кредита, о передѣлкѣ финансовой системы и тому подобныхъ вопросахъ, тотъ рискуетъ де „быть заподозрѣннымъ въ серіозномъ разстройствѣ мысли“.

Нѣтъ спора что во время пожара самою первою заботой должно быть тушеніе огня и огражденіе отъ него сосѣднихъ зданій; но когда одни тушатъ пожаръ, другимъ, не занятымъ этою работой, ничто не мѣшаетъ заниматься тоже не безполезною работой изслѣдованія причинъ пожара и его распространенія, въ видахъ указанія мѣръ предупрежденія истребительныхъ пожаровъ въ будущемъ. Указаніе такихъ мѣръ особенно важно именно въ то время когда бѣдствіе налицо, когда всѣ имъ заинтересованы. Пройдетъ оно, забудется, утратится къ нему всякій интересъ, и тогда указанія на причины зла и на мѣры противъ него потеряютъ практическое значеніе, самыя убѣдительныя рѣчи о нихъ будутъ пропускаться мимо ушей. Они будутъ имѣть только академическій характеръ. Никакого иного характера и не должны имѣть толки о желѣзнодорожныхъ тарифахъ, по понятіямъ заинтересованныхъ лицъ, поэтому-то и рекомендуется воздержаться отъ нихъ теперь, а заняться когда-нибудь послѣ въ досужее время.

Ошибочно, впрочемъ, было бы думать что немедленное измѣненіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ было бы только предупредительною мѣрой и осталось бы безъ вліянія на хлѣбныя цѣны. Конечно, измѣненіемъ этихъ тарифовъ не былъ бы устраненъ тотъ вредъ какой былъ причиненъ

жатвѣ неблагопріятною погодой, жучками и гессенскою мухой. Эта послѣдняя сдѣлала свое дѣло, и что она съѣла, то съѣла. Но строгое veto наложенное на такія мѣры какъ пониженіе Грязе-Царицынскою дорогой тарифа по перевозкѣ хлѣба въ Германію и Австрію, или какъ пониженіе на 50 рублей провозной платы съ вагона по пути изъ Ельца въ Кёнигсбергъ, все-таки не осталось бы безъ добрыхъ результатовъ. Эта послѣдняя скидка удешевляетъ цѣну русскаго хлѣба для Кёнигсберга (а пониженіе цѣнъ для заграничнаго спроса едва ли есть мѣра ведущая къ пониженію ихъ для спроса внутренняго) на $8^1/_2$ к. съ пуда; мѣра обратнаго свойства могла бы въ той же и даже въ двойной мѣрѣ удешевить хлѣбъ для русскихъ потребителей. Это немного, но и этимъ пренебрегать не слѣдуетъ. Въ интересахъ желѣзнодорожныхъ правленій теперь настойчиво доказывается что провозные тарифы ложатся на продажныя цѣны хлѣба не особенно высокимъ процентомъ, что разница между тарифами при провозѣ хлѣба, напримѣръ, съ одной стороны въ Москву, съ другой въ портовые города, не велика, какихъ-нибудь 20 — $25^1/_2$ процентовъ въ пользу иностранныхъ потребителей. Кому какъ, а многимъ такая разница не покажется ничтожною, и далеко не для всѣхъ покажется убѣдительнымъ приводимый въ оправданіе указанной разницы оригинальный аргументъ что „Москва не станетъ ѣсть меньше хлѣба оттого что провозъ обойдется вдвое дороже.“ Но разницей дѣло не ограничивается. Москва, какъ бы то ни было, пользуется все-таки выгодами относительно пониженныхъ тарифовъ прямаго сообщенія. Но при провозѣ хлѣба по обыкновеннымъ тарифамъ разница тарифныхъ ставокъ, къ невыгодѣ русскихъ потребителей, выражается уже не 20 и 25, а сотней процентовъ и болѣе. Да и не одна высота тарифа ложится при этомъ на продажныя цѣны хлѣба; на нихъ ложатся еще взимаемые на желѣзныхъ дорогахъ разные особые дополнительные сборы, исчисляемые въ помѣщаемомъ ниже письмѣ г. Александрова и увеличивающіе тарифную стоимость перевозки предметовъ первой необходимости, при неособенно большихъ разстояніяхъ, въ размѣрѣ отъ 38 до $232^0/_0$. Сдѣлавъ такую прибавку къ тарифнымъ нормамъ, пожалуй и нельзя будетъ утверждать что провозная плата лишь небольшими процентами ложится на цѣны хлѣба, и что обращать вниманіе на размѣры этой платы и разницу въ ней для разныхъ пунктовъ и направленій при настоящихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ. Намъ говорятъ что неравенство тарифовъ слабо отзывается въ Петербургѣ, пользующемся тарифною сбавкой наравнѣ съ иностранными покупщиками хлѣба, что Петербургъ, поэтому, мало можетъ выиграть отъ желаемыхъ перемѣнъ въ желѣзнодорожныхъ тарифахъ. Жителей Петербурга подобное соображеніе, пожалуй, можетъ убѣдить въ томъ что нѣтъ особенной надобности чтобы государство взяло въ свои руки распоряженіе желѣзнодорожными тарифами; но вѣдь не можетъ же государственная власть, въ направленіи своей экономической политики, руководиться только интересами Петербурга и немногихъ другихъ находящихся въ сходномъ съ нимъ положеніи городовъ.

Старалсь убѣдить что въ обстоятельствахъ настоящей дороговизны нѣтъ ничего почему слѣдовало бы настаивать на переходѣ управленія желѣзнодорожными тарифами изъ частныхъ рукъ къ государству, люди старающіеся замять это дѣло употребляютъ въ своихъ видахъ еще одинъ довольно ловкій пріемъ. Они не спорятъ противъ огромной пользы какую принесла бы государству эта непріятная имъ мѣра, они великодушно признаютъ и ея полезность и невыгоды существующаго порядка для страны. Какъ скоро выяснилось могущественное вліяніе желѣзнодорожныхъ тарифовъ на хозяйственную жизнь, говорятъ они, созрѣло и убѣжденіе въ необходимости регулировать это вліяніе соотвѣтственно съ видами цѣлаго государства. Отчего же не признать эту необходимость... въ принципѣ? Но обсуждать этотъ вопросъ, а тѣмъ паче настаивать на его разрѣшеніи при обстоятельствахъ которыя могутъ побудить серіозно заняться этимъ дѣломъ, не должно. Разъяснять эту тему нечего, ибо „необходимость реформировать существующіе тарифные порядки на желѣзныхъ дорогахъ вошла въ быстрое сознаніе и не нуждается въ новыхъ доказательствахъ.“ Практическое же рѣшеніе слѣдуетъ отложить до будущаго столѣтія, ибо желаемая перемѣна не можетъ де быть совершена безъ радикальнаго переворота во всемъ строѣ желѣзнодорожнаго дѣла. Однако почему бы намъ отступать предъ такимъ переворотомъ?

Главнымъ препятствіемъ выставляется трудность дѣла. Вполнѣ гарантировать осуществленіе плановъ государства въ области тарифовъ возможно только при переходѣ отъ системы частныхъ дорогъ къ системѣ дорогъ государственныхъ. Но такой переходъ есть дѣло требующее будто бы долгаго времени, огромныхъ финансовыхъ жертвъ, энергіи, искусства и подготовки, которыхъ, быть-можетъ, трудно ожидать при дѣйствующихъ у насъ порядкахъ. Жаль, что не объясняется наступленія какихъ порядковъ нужно ждать чтобы появились у насъ требуемыя энергія, искусство и подготовка. Ну, а если требуемая энергія окажется налицо: потребуется ли и тогда долгое время для приступа къ практическому рѣшенію задачи? Затрудненія въ финансовомъ отношеніи? Но выкупъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ у насъ легче чѣмъ гдѣ-либо. Въ суммѣ стоимости желѣзныхъ дорогъ, лишь небольшая доля приходится на долю частныхъ собственниковъ; онѣ построены преимущественно на казенныя деньги; кромѣ того, дороги предъ казной въ долгу какъ въ шелку, и стоимость ихъ акцій большею частію опредѣляются лишь размѣромъ платимой казной гарантіи, что весьма облегчаетъ замѣну такихъ акцій облигаціями. Гдѣ же непреодолимое препятствіе къ переходу желѣзныхъ дорогъ въ руки государства?

Концессіи выданныя желѣзнодорожнымъ компаніямъ, вотъ главный якорь спасенія за который держатся сторонники существующаго, ими самими признаннаго несостоятельнымъ порядка. Пусть этотъ порядокъ причиняетъ неисчислимый вредъ странѣ, разстраиваетъ всѣ отправленія ея экономическаго организма, ведетъ народъ къ разоренію. Все это надо терпѣть, ибо „когда государство выдавало концессіи желѣзнодорожнымъ компаніямъ съ правомъ свободно назначать провозную плату въ границахъ опредѣленныхъ уставами максимальныхъ тарифовъ, оно не могло не предвидѣть что многія изъ желѣзныхъ дорогъ воспользуются этимъ важнымъ полномочіемъ въ разрѣзъ съ интересами цѣлой страны.“ То-есть, сорвавъ голову, надъ волосами не плачутъ. Предъ силою концессій, предъ тѣми условіями какими обставленъ въ нихъ выкупъ желѣзныхъ дорогъ должно все преклониться.

Но какъ же, однако, справляются съ этимъ препятствіемъ къ выкупу дорогъ въ другихъ европейскихъ странахъ? Тамъ, кажется, государство тоже выдавало концессіи желѣзнодорожнымъ компаніямъ.

Выкупъ выкупомъ, но и до той поры пока онъ совершится, желѣзнодорожные тарифы не могутъ быть предоставлены на произволъ частныхъ компаній. Государство не можетъ допускать чтобы кто-либо дѣйствовалъ въ разрѣзъ съ его планами, въ подрывъ интересамъ цѣлой страны. Допуская это, государство раздѣлилось бы само въ себѣ...

№ 327.

Москва, 24-го ноября.

Новая льгота народу: вчера обнародованъ Высочайшій указъ объ отмѣнѣ съ предстоящаго 1 января соляного налога, издавна тяжкимъ гнетомъ лежавшаго на народѣ.

Вотъ истинно благодѣтельная и плодотворная льгота, какъ и всякая имѣющая своимъ предметомъ народное благосостояніе, а не поблажку пустымъ и фальшивымъ мнѣніямъ полуобразованной среды.

Неисчислимыя для народнаго хозяйства выгоды отмѣны соляного акциза сознавались давно. Эта мѣра имѣлась въ виду какъ весьма желательная, можно сказать, съ первыхъ лѣтъ нынѣшняго царствованія. Она обсуждалась почти съ первыхъ дней учрежденія коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ. Но финансовыя соображенія, опасенія нарушить бюджетное равновѣсіе, постоянно являлись препятствіями къ осуществленію этой мѣры. И въ публикѣ, и въ правительственныхъ сферахъ постоянно высказывалось и годъ отъ году укрѣплялось убѣжденіе что соляной налогъ есть одинъ изъ самыхъ тягостныхъ, неуравнительныхъ и стѣснительныхъ для населенія; желаніе избавить народъ отъ платежа акциза за соль было общимъ. Но рѣшимости отмѣнить этотъ акцизъ не было. Эта рѣшимость падала предъ мыслію о потерѣ казной нѣсколькихъ милліоновъ рублей получаемыхъ отъ соляного дохода. Такъ было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда разрабатывались проекты новой соляной системы; то же самое повторялось и въ послѣдствіи, при каждомъ случаѣ когда возникавшія въ разное время обстоятельства и ходатайства ука-

зывали на вредъ солянаго налога. Рѣшеніе вопроса постоянно отсрочивалось до первой возможности замѣны солянаго акциза иными источниками, которые бы менѣе вредно ложились на народное хозяйство. Впрочемъ, должно замѣтить что не у насъ однихъ финансовая администрація крѣпко держалась за соляной налогъ при всемъ сознаніи его вреда. Доходъ отъ соли съ давнихъ временъ принадлежитъ къ статьямъ государственнаго дохода наиболѣе распространеннымъ въ Европѣ, и мало государствъ находятъ возможнымъ послѣдовать примѣру Англіи, гдѣ соляной акцизъ былъ отмѣненъ въ 1825 году. Принимая нынѣ у себя эту мѣру, Россія не подражаетъ другимъ государствамъ, но идетъ впереди ихъ, и на ряду съ Англіей сама подаетъ имъ добрый примѣръ для подражанія.

Прежде всего, отмѣна солянаго налога является облегченіемъ лежащей на народѣ податной тягости. Относимый къ числу косвенныхъ, соляной акцизъ гораздо болѣе подходитъ къ прямымъ налогамъ, ибо соль не принадлежитъ къ продуктамъ потребленіе коихъ можетъ быть произвольно расширяемо или сокращаемо сообразно со средствами потребителей, а составляетъ естественную необходимую потребность каждаго человѣка. Налогъ этотъ падалъ, поэтому, на всѣхъ, и на богатаго и на бѣднаго, а по свойству пищи употребляемой людьми недостаточнаго состоянія, падалъ на бѣдныхъ даже въ большей мѣрѣ чѣмъ на богатыхъ. Въ домашней жизни состоятельныхъ классовъ удешевленіе соли, конечно, не можетъ имѣть значенія, но для бѣднѣйшихъ слоевъ населенія оно будетъ не малымъ благодѣяніемъ.

Особенно же благодѣтельна будетъ эта мѣра для скотоводства, земледѣлія, рыбныхъ промысловъ и многихъ отраслей фабричной и заводской промышленности. Важность удешевленія соли до предѣловъ при которыхъ она могла бы идти въ необходимомъ количествѣ на кормъ скоту, давно признана и никѣмъ не оспаривалась. Огромный вредъ причиняемый скотоводству, а стало-быть и земледѣлію, дороговизной соли постоянно побуждалъ и у насъ, и въ другихъ странахъ не считавшихъ возможнымъ отказаться отъ обложенія населеній солянымъ налогомъ, къ изысканію средствъ облегченія этого налога по крайней мѣрѣ въ пользу кормовой соли для скота. Одинъ за другимъ предлагались, обсуждались и испытывались различные способы денатурализаціи соли помощью разныхъ примѣсей которыя дѣлали бы ее негодною для употребленія въ пищу человѣку, но годною для дачи скоту. Но къ удовлетворительнымъ результатамъ подобныя мѣры не приводили. Или оказывалось что примѣсь, дѣлая соль негодною въ пищу человѣку, дѣлаетъ ее негодною и для скота, или, наоборотъ, примѣсь, не возбуждая въ скотѣ отвращенія, не достигала того чтобы сдѣлать ее негодною для человѣка, ибо открывались способы легко очищать соль отъ примѣсей. Денатурализація соли не имѣла у насъ хода. А между тѣмъ изслѣдованіе причинъ падежей скота, столь часто свирѣпствующихъ въ Россіи и подрывающихъ народное благосостояніе, показало что происходятъ они между прочимъ отъ того что скоту не дается въ пищу соль, вслѣдствіе ея дороговизны. Соляной акцизъ былъ какъ бы поголовнымъ налогомъ на скотъ, а неуплата этого налога, оставленіе скота безъ нужной ему соли, гибельно отзывалось на здоровьѣ скота, мѣшало скотоводству придти въ положеніе необходимое для успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства. Замѣчено, между прочимъ, что гулевой скотъ, въ мѣстахъ гдѣ онъ разводится, не подвергается тѣмъ болѣзнямъ отъ какихъ страдаетъ передвигаясь по скотопрогоннымъ трактатамъ, занося заразу въ сосѣднія мѣстности, и установлена связь этого факта съ тѣмъ обстоятельствомъ что скотъ на своей родинѣ привыкаетъ употреблять соль на солончакахъ, а затѣмъ не находитъ соли при прогонѣ по внутреннимъ губерніямъ. Удешевленіе соли дастъ возможность скотопромышленникамъ не лишать скотъ соли во время прогона, а уменьшеніе скотскихъ падежей должно будетъ выгодно отразиться и на цѣнахъ мяса.

Прошлогодняя ветлянская чума въ низовьяхъ Волги заставила обратить особенное вниманіе на тамошніе рыбные промыслы и рыбосоленіе, которому равнаго, по размѣрамъ производства, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, и которое крайне важно для населенія всей Россіи. Извѣстно сколько нареканій было брошено тогда на промышленниковъ за употребляемые ими способы соленія рыбы, за негодность тѣхъ разсоловъ въ которыхъ она солится. Но тогда же было разъяснено что бо́льшая часть дурныхъ сторонъ рыбосоленія составляютъ

прямой результатъ дороговизны соли причиняемой соляным акцизомъ. Въ интересахъ народнаго здоровья желательно чтобы рыбный товаръ заготовлялся въ прокъ удовлетворительнымъ способомъ, но это можетъ быть достигнуто лишь при удешевленіи соли. Отмѣна солянаго налога и избавленіе промышленниковъ отъ формальностей акцизнаго надзора устранитъ между прочимъ необходимость обращаться къ дурнымъ сортамъ соли, и возвыситъ достоинство рыбнаго товара къ обоюдной выгодѣ производителей и потребителей. Замѣтимъ при этомъ что для англійской морской рыбной ловли наступилъ періодъ процвѣтанія именно вслѣдъ за отмѣной солянаго акциза. Далѣе, все то что имѣетъ значеніе для соленія рыбы имѣетъ такое же значеніе и для заготовленія въ прокъ соленаго мяса.

Тяжело падая на скотоводство и рыбные промыслы, соляной акцизъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ большою, во многихъ случаяхъ неодолимою преградой развитію многихъ важныхъ отраслей промышленности. Это былъ налогъ падавшій на сырой продуктъ идущій въ обработку промышленными средствами, и не только на цѣну продукта, но и на свободу производства. Акцизъ служилъ одною изъ причинъ почему у насъ до сихъ поръ не могло водвориться имѣющее столь большую экономическую важность содовое производство. Спросъ на соду въ странѣ ростетъ, но за неимѣніемъ своей, мы ежегодно переплачиваемъ за нее милліоны иностранцамъ. При добываніи соды, приготовляемой изъ соли, получается въ видѣ отброса соляная кислота. Въ странахъ гдѣ развито содовое производство, напримѣръ въ Англіи и Франціи, соляная кислота цѣнится почти ни во что. Россія же, обладая большими соляными мѣсторожденіями и всѣми условіями для широкаго развитія производства какъ соды, такъ и соляной кислоты и всякихъ хлористыхъ веществъ нужныхъ для разныхъ фабрикъ, выписываетъ донынѣ все это изъза границы за непомѣрно высокія цѣны. Въ пользу содоваго и другихъ производствъ предоставлялись, правда, льготы, освобожденіе ихъ отъ уплаты акциза съ нужныхъ имъ количествъ соли. Но пользованіе этими льготами, по необходимости, обставлялось формальностями подрывавшими все ихъ значеніе, такъ что этими льготами почти не пользовались. Нынѣ, съ отмѣной акциза, создаются новыя, благопріятныя условія для всего химическаго производства, а также и для мыловаренныхъ, кожевенныхъ и стеклянныхъ заводовъ Не безъ результатовъ останется принятая мѣра и для многихъ фабрикъ, напримѣръ ситценабивныхъ, бѣльныхъ, писчебумажныхъ. Желательно лишь чтобы отмѣна солянаго акциза сопровождалась, въ интересахъ промышленности, подъемомъ крайне низкой у насъ пошлины съ привозной соды. Это едва ли не столь же необходимое дополненіе отмѣны солянаго акциза какъ и вызываемое ею пониженіе пошлины съ привозной соли.

Къ тому что выиграютъ населенія отъ удешевленія соли и вызываемаго имъ развитія разныхъ отраслей народнаго хозяйства должно присоединить несомнѣнно предстоящіе успѣхи самого соляного промысла. Чѣмъ дешевле будетъ соль, тѣмъ въ большемъ количествѣ пойдетъ она въ народное потребленіе, и стало-быть тѣмъ больше рабочихъ рукъ потребуется на выволочку и на развозъ соли. Отмѣна солянаго акциза есть вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшеніе путъ связывавшихъ нашъ соляной промыслъ и препятствовавшихъ свободному его развитію. Случаи подобные тому какой былъ при построеніи черезъ Сиваш дамбы для Лозово - Севастопольской дороги, — дамбы создавшей соляныя мѣсторожденія, противъ эксплуатаціи конхъ считалось необходимымъ принимать самыя энергическія мѣры,—подобные случаи становятся отнынѣ невозможными.

Добрыя послѣдствія отмѣны солянаго акциза будутъ тѣмъ важнѣе чѣмъ въ большей мѣрѣ подешевѣетъ соль. Подешевѣть она должна болѣе чѣмъ въ размѣрѣ снимаемаго съ нея налога. Кромѣ 30-копѣечнаго съ пуда акциза, на цѣны соли ложились донынѣ также разныя формальности, неудобства и стѣсненія акцизнаго надзора, которыя не дешево оцѣнивались солепромышленниками. Затѣмъ, къ постепенному удешевленію соли должна повести усиленная конкурренція солепромышленниковъ при ожидаемомъ широкомъ развитіи солянаго промысла. Недопущеніе на будущее время отчужденія изъ казны принадлежащихъ ей соляныхъ источниковъ служитъ при этомъ нѣкоторою гарантіей противъ монопольнаго ихъ захвата съ цѣлію подъема цѣнъ на соль. Но въ дополненіе ко всему сдѣланному въ видахъ удешевле-

ніи соли желательно еще возможно большее удешевленіе ея перевозки. Цѣны провозныя входятъ въ цѣнахъ соли часто большую роль чѣмъ самый акцизъ. Поэтому желательно возможно большее пониженіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ соли, со всѣми поднимающими высоту этихъ тарифовъ накладными расходами. Такое пониженіе, удешевляя соль, было бы выгодно для самихъ желѣзныхъ дорогъ, увеличивая массу грузовъ.

Дай Богъ, чтобы отмѣна солянаго налога была рѣшительнымъ шагомъ финансовой политики, полагающей главный интересъ фиска въ народномъ благосостояніи.

№ 328.

Москва, 25 го ноября.

Всѣ официальныя и официозныя увѣщанія по адресу Греціи, коими такъ изобиловали нѣсколько дни слѣдовавшіе за „благополучнымъ“ окончаніемъ европейскаго „дѣйствія“ относительно Дульциньйо, повидимому, имѣли весьма малый эффектъ. Греція готовится къ войнѣ съ Турціей, и готовится весьма дѣятельно. Объ этомъ свидѣтельствуетъ телеграфное сообщеніе о преніяхъ происходившихъ 4-го декабря (23-го ноября) въ Аѳинской палатѣ депутатовъ. Теперешній министръ президентъ Кумундуросъ заявилъ, въ весьма недвусмысленныхъ выраженіяхъ, что программой правительства будетъ политика дѣйствія, а не словъ: что Греція должна готовиться исполнить рѣшеніе Европы въ ея спорѣ съ Турціей, и что она сдѣлаетъ это хотя бы и безъ помощи Европы. Еще яснѣе говорятъ сами за себя цифры заявленныя въ томъ же засѣданіи греческой палаты: бюджетъ на 1881 годъ исчисленъ въ $51^1/_2$ милліоновъ доходовъ и 114 милліоновъ расходовъ, то-есть съ дефицитомъ въ $62^1/_2$ милліона. Греческая армія имѣетъ уже теперь подъ знаменами 80.000 человѣкъ, и правительство, по заявленію министровъ, намѣрено еще призвать національную гвардію.

Важную задачу беретъ на себя Греція и дорогою цѣной приходится ей расплачиваться за то что она, три года тому назадъ, отшатнулась отъ Россіи и не примкнула къ общему дѣлу единовѣрныхъ ей народовъ. Европа, которой она угождала, расплатилась съ нею кредитивомъ на Турцію. Но Турція отказала въ акцептѣ, и вотъ Грекамъ предстоитъ самимъ добиться удовлетворенія. Великихъ жертвъ потребуетъ это предпріятіе отъ маленькой страны. Но она не останавливается предъ жертвами и повидимому не намѣрена успокоиться на формальномъ документѣ которымъ ее снабдили, совѣтуя приберечь его до того дня когда будетъ открытъ конкурсъ надъ остатками турецкаго достоянія. Конкурсъ всегда кончается неполнымъ удовлетвореніемъ, и законные кредиторы большею частью бываютъ обездолены чрезъ обремененіе конкурсной массы фиктивными претензіями. Такихъ претензій на участіе въ будущемъ наслѣдіи Турціи уже теперь не мало, и Грецію имѣетъ достаточно указаній на то что европейская дипломатія вполнѣ усвоила себѣ въ этотъ случаѣ главные пріемы конкурснаго процесса.

Объ этомъ въ особенности свидѣтельствуютъ происходившія на дняхъ пренія по иностраннымъ дѣламъ во Французскомъ сенатѣ, и рѣчь произнесенная министромъ иностранныхъ дѣлъ г. Бартелеми Сентъ-Илеромъ, полный текстъ которой принесли намъ теперь французскія газеты. По этой рѣчи, Греки лучше всего могутъ судить чего имъ ожидать отъ Европы. Французскій министръ поспѣшилъ заявить что демонстраціи флотовъ въ пользу Греціи не будетъ. Для Грековъ въ этомъ еще мало бѣды, ибо повтореніе у береговъ Греціи неподвижнаго дѣйствія европейской эскадры могло бы развѣ только ободрить Турокъ и послужить для нихъ гарантіей что со стороны Европы имъ опасаться нечего. Но г. Бартелеми Сентъ-Илеръ, не довольствуясь этимъ, отрекся отъ самой мысли о томъ будто Франція желаетъ Греціи успѣха въ достиженіи ея національныхъ цѣлей. Онъ поспѣшилъ заявить что Берлинская конференція состоялась не по иниціативѣ Франціи, а по настоянію Англіи, какъ будто не все равно кому эта иниціатива принадлежитъ, такъ какъ конференція *единогласно* рѣшила дѣло въ пользу Греціи. Французскій министръ вернулъ, правда, фразу о „живѣйшей симпатіи“ Франціи къ греческимъ притязаніямъ; но насколько эта фраза лишена нынѣ содержанія и противорѣчитъ французскому заступничеству за Грецію на Берлинскомъ конгрессѣ, видно изъ того что г. Бартелеми Сентъ-Илеръ счелъ нужнымъ прибавить что „распаденіе Турціи было бы ужасною

катастрофой, которую слѣдуетъ предотвратить или по крайней мѣрѣ отсрочить "*Поэтому* всѣ единодушно совѣтуютъ де Греціи воздержаніе и терпѣніе. Но Греція требуетъ лишь того что̀ за нею признано какъ право не далѣе какъ полгода тому назадъ. Стало-быть одно изъ двухъ: либо во время Берлинской конференціи удовлетвореніе греческихъ притязаній не считалось актомъ приближающимъ эту ужасную катастрофу, либо Европа въ то время не находила самую катастрофу столь ужасною.

Трудно вообще увѣрить теперь кого-либо въ томъ что „катастрофа" въ самомъ дѣлѣ чревата ужасами. Ужасаются не всѣ разомъ, а поперемѣнно. Больше всѣхъ и прежде всѣхъ ужасалась Англія въ правленіе лорда Биконсфильда. Но съ перемѣной правительства, въ Англіи стали весьма хладнокровно разсуждать о неминуемомъ паденіи турецкаго владычества. Нынѣшній глава кабинета неоднократно высказывался въ томъ смыслѣ что настала пора спровадить Турокъ „со всѣмъ ихъ багажомъ" изъ предѣловъ Европы. Но какъ только измѣнилась англійская политика по отношенію къ Турціи, Германія съ Австріей объявили себя блюстителями „консервативной" политики по Восточному вопросу. А теперь ужь и Франція, въ сердечномъ согласіи съ Германіей (каково!) проповѣдуетъ необходимость предотвратить турецкую ликвидацію „въ интересахъ сохраненія мира."

Но развѣ миръ въ самомъ дѣлѣ обезпечивается въ большей мѣрѣ тѣмъ что такъ-называемая Европа обманываетъ законныя надежды и даже ею самою формально признанныя и утвержденныя требованія тѣхъ народностей которыя призваны исторіей наслѣдовать турецкое достояніе? Берлинскій трактатъ былъ придуманъ съ этою же цѣлью, и имъ замѣненъ Санъ-Стефанскій договоръ который Турціи не уничтожилъ, но далъ полную автономію Болгарскому народу. Расколотая на двое Болгарія, надъ которою, какъ вѣчная угроза, видитъ признанное за Турками право овладѣть линіей Балканъ, лучше ли гарантируетъ спокойствіе въ этомъ мѣстѣ Балканскаго полуострова? А самая уступка Ульцина, которой такъ долго добивалась Европа и лишь теперь вздохнула свободно, избавившись отъ этой опасности угрожавшей всеобщему миру, — развѣ не Берлинскій трактатъ породилъ все это дѣло, отнявъ сначала у Черногорцевъ то что̀ было ими добыто цѣною крови и безспорно утверждено за ними Санъ-Стефанскимъ договоромъ, дабы затѣмъ вознаградить ихъ „инымъ способомъ?"

Санъ-Стефанскій договоръ былъ естественною развязкой кроваваго столкновенія; онъ не уничтожилъ турецкаго владычества, а напротивъ вновь закрѣпилъ за Портой тѣ части ея владѣній которыя дѣйствительно не могли быть у нея отняты безъ того чтобы не потрясти всеобщаго мира и не вызвать преждевременно всемірнаго столкновенія. Берлинскій же трактатъ былъ искусственнымъ созданіемъ, отмѣнившимъ и опрокинувшимъ то что̀ являлось синтезомъ и необходимымъ послѣдствіемъ совершившихся событій. Какъ при всякой попыткѣ повернуть вспять историческое движеніе, неудача должна была неминуемо наступить съ того момента какъ рѣшалась комбинація при которой эта попытка была задумана и приведена въ дѣйствіе. Берлинскій трактатъ не могъ быть прочнымъ залогомъ мира, и мы это видимъ теперь на каждомъ шагу, а будущее не обѣщаетъ въ этомъ отношеніи никакихъ улучшеній. Греція дѣятельно готовится къ войнѣ, и трудно представить себѣ какимъ образомъ удастся Европѣ удержать Греческій народъ отъ охватившаго его порыва. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить чтобы дѣло дошло до европейскаго принужденія обращеннаго на Грецію. Быть-можетъ Греки потерпятъ на первыхъ порахъ неудачу; европейская дипломатія не мало сдѣлала съ своей стороны чтобы подготовить эту неудачу, ибо Турки не дремали послѣ Берлинской конференціи, а демонстрація флотовъ послужила лишь къ тому чтобъ осязательно доказать имъ что Портѣ нѣтъ никакого повода опасаться принужденія со стороны Европы и принимать какія-либо мѣры на этотъ случай. Турки хорошо укрѣпились теперь со стороны Греціи и сосредоточили тамъ массу войскъ. Албанцы, вновь явившіе такую покорность султану и добровольно уступившіе часть своей территоріи Черногорцамъ, тѣмъ съ бо́льшимъ ожесточеніемъ будутъ отстаивать другую часть оной отъ Грековъ.

Но если Грековъ постигнетъ на первыхъ порахъ неудача, то всѣ ли державы останутся безучастными зрителями борьбы? Кто возьметъ на себя удержать Болгаръ

Восточной Румеліи если они захотятъ воспользоваться благопріятною минутой? Населенія Македоніи, безъ сомнѣнія, примкнутъ къ своимъ соплеменникамъ.

Неужели можно искренно утверждать что Берлинскій трактатъ и весь созданный имъ порядокъ вещей сулятъ намъ миръ?

№ 329.

Москва, 26-го ноября.

На дняхъ вышла въ свѣтъ интересная брошюра г. Мартенса *Le conflit entre la Russie et la Chine*, заключающая въ себѣ историческій обзоръ нашихъ сношеній съ Китаемъ и изложеніе причинъ обусловившихъ нынѣшнее наше столкновеніе съ Небесною Имперіей.

Отношенія наши къ Китаю были искони мирныя и дружелюбныя. Въ теченіе двухсотъ лѣтъ слишкомъ Россія не имѣла войнъ съ Дайцинскою монархіей. Напротивъ, если въ чемъ и можно намъ упрекнуть себя относительно Китая, то развѣ въ излишней подъ часъ мягкости и уступчивости нашихъ дипломатовъ.

Китайцы, съ своей стороны, довѣряли Россіи предпочтительно предъ другими державами. Въ особенности въ послѣдніе 20—30 лѣтъ, послѣ того какъ Англія и Франція съ оружіемъ въ рукахъ открыли Китай для своей торговли, обаяніе Россіи было очень велико. Стóитъ только вспомнить что съ 1849 года по 1860 годъ мы заключили съ Китаемъ, мирнымъ путемъ переговоровъ, три важные трактата. По одному, Айгунскому, былъ присоединенъ къ Россіи Амурскій край; Тянъ-Тзинскимъ договоромъ установлены наши торговыя и дипломатическія отношенія; наконецъ, въ 1860 году, въ награду за услуги оказанныя нашимъ посредничествомъ Китаю во время войны съ Англіей и Франціей, правительство Богдыхана согласилось заключить съ Россіей извѣстный Пекинскій договоръ. И въ настоящемъ случаѣ по вопросу о Кульджѣ не могло бы, кажется, быть никакихъ серіозныхъ поводовъ къ столкновенію. Для переговоровъ о Кульджѣ былъ присланъ къ намъ именитый китайскій сановникъ, Чунъ-Хоу, который во все время переговоровъ получалъ инструкціи изъ Пекина; переговоры, какъ извѣстно, привели къ обоюдному соглашенію, послѣдствіемъ котораго былъ договоръ подписанный въ Ливадіи. Но вдругъ, въ Пекинѣ, отказались дать ратификацію этому договору, заключенному съ согласія Богдыхана его же уполномоченнымъ. Чунъ-Хоу былъ отозванъ и преданъ суду за измѣну; въ то же время начались въ Китаѣ спѣшныя приготовленія къ войнѣ съ Россіей. По извѣстіямъ дошедшимъ въ то время изъ Пекина, какъ свидѣтельствуетъ г. Мартенсъ, въ Китаѣ происходило сильное броженіе умовъ; чувства ненависти и негодованія вообще противъ всѣхъ иностранцевъ дошли до крайней степени возбужденія. И теперь военная партія требуетъ войны съ Россіей во что бы то ни стало, угрожая поголовнымъ возстаніемъ и низверженіемъ династіи. Чѣмъ же объясняется это раздраженіе Китайцевъ противъ насъ? Россіи достается похмѣлье въ чужомъ пиру. Г. Мартенсъ убѣдительно доказываетъ что раздраженіе національнаго чувства въ Китаѣ, причиненное другими, случайно обратилось на Россію и въ Кульджинскомъ вопросѣ нашло себѣ только предлогъ и исходъ. Мы не снаряжали подобно Англіи военныхъ экспедицій въ Китай, экспедицій, которыя сами Англичане заклеймили названіемъ plundering expeditions, грабительскія экспедиціи. Китайскіе храмы не подвергались поруганію отъ Русскихъ, какъ это было не разъ во время столкновеній Китая съ Англіей. Наконецъ, Русское правительство не распространяло въ Китайскомъ народѣ цивилизацію посредствомъ опіума. Наша православная миссія въ Китаѣ не возбуждала ни разу жалобъ Китайскаго правительства на обращеніе проповѣди христіанства въ орудіе политической интриги. Г. Мартенсъ указываетъ что торговая дѣятельность Англичанъ въ Китаѣ достигаетъ нынѣ колоссальной цифры 45 милл. фунт. стерлингъ ежегоднаго оборота; она убила торговлю въ Китаѣ другихъ націй и погубила въ зародышѣ промышленность и торговлю самаго Китая. Можно сказать что англійская торговля достигла нынѣ въ Китаѣ крайней степени своего развитія и дальше ей идти, казалось бы, некуда, ибо Китайцы уже не покупаютъ всей массы англійскихъ товаровъ наводняющихъ рынки ихъ. Но Англичане, повидимому, все еще недовольны. Фабриканты Манчестера, Шеффильда, Лидса требуютъ отъ Англійскаго правительства новой войны чтобы прину-

дить Китай къ открытію внутреннихъ рѣкъ для торговаго судоходства Англіи. Англійскіе резиденты въ Пекинѣ и консула оказываютъ давленіе на свое правительство въ томъ же смыслѣ.

Значительнѣйшую часть англійской торговли въ Китаѣ составляетъ ввозъ опіума, который начался съ 1834 и нынѣ узаконенъ Тянъ-Тзинскимъ трактатомъ 1858 года. Опіуму ввозится ежегодно 80 тыс. ящиковъ, на 12 милл. фунтовъ стерлингъ. Полагаютъ что число потребителей этого вредоноснаго курева доходитъ въ Китаѣ до 8 милл. человѣкъ, возрастая ежегодно. Послѣдствіемъ этой торговли является прогрессивно развивающееся обѣдненіе богатыхъ классовъ и подрывъ производительныхъ силъ страны въ самомъ корнѣ. „Прошу васъ, увезите съ собой опіумъ и вашихъ миссіонеровъ?“ сказалъ принцъ Кунгъ при прощаніи съ англійскимъ уполномоченнымъ, сэръ-Рутерфордомъ Алькомъ. Въ этихъ словахъ слышится безсильный вопль правительства, которое осуждено быть безучастнымъ зрителемъ отравленія своего народа, такъ какъ торговля опіемъ узаконена трактатами. Несмотря на часто раздававшіеся возгласы негодованія въ Европѣ противъ этой постыдной торговли, несмотря на протесты благомыслящихъ людей въ самой Англіи, правительство Великобританіи не перестаетъ покровительствовать этой гнусной торговлѣ.

По мнѣнію г. Мартенса, столкновеніе Россіи съ Китаемъ имѣетъ значеніе далеко не частнаго вопроса о Кульджѣ или русско-китайскаго недоразумѣнія, но значеніе всемірное. Возлагая отвѣтственность за нынѣшнее столкновеніе главнымъ образомъ на Англію, онъ полагаетъ что если война возгорится, то при малѣйшемъ успѣхѣ Китайцевъ она неизбѣжно приведетъ къ кризису въ отношеніяхъ Китая ко всей Европѣ. Россіи случайнымъ образомъ пришлось считаться съ положеніемъ дѣлъ въ Китаѣ не ею созданнымъ, съ чувствомъ вызваннымъ не ея образомъ дѣйствій.

Нельзя не согласиться съ этимъ выводомъ почтеннаго профессора. Мы желаемъ также раздѣлять его увѣренность что наши затрудненія съ Китаемъ разрѣшатся мирнымъ образомъ. Но, во всякомъ случаѣ, мы не будемъ жалѣть о тѣхъ, стоившихъ впрочемъ не дешево, приготовленіяхъ которыя наше правительство должно было дѣлать въ виду возможнаго столкновенія съ Китаемъ. Значительная русская эскадра собралась теперь въ нашихъ водахъ на дальнемъ Востокѣ. Не послужитъ ли это началомъ сосредоточенія нашихъ морскихъ силъ въ Тихомъ Океанѣ, гдѣ только и можетъ Россія стать морскою державой? Давно была высказана мысль объ этомъ, которая сначала казалась несбыточною фантазіей. Теперь эта мысль уже стала практическимъ вопросомъ, и не встрѣчаетъ серіозныхъ возраженій. Наконецъ, благодаря нашимъ приготовленіямъ на случай войны съ Китаемъ, мысль становится дѣломъ, которое, при дальнѣйшемъ развитіи, отзовется великими и плодотворными для страны нашей послѣдствіями.

№ 330.

Москва, 27-го ноября.

А.

На дняхъ, въ петербургскихъ газетахъ лаконически сообщалось что въ числѣ мѣръ, долженствующихъ содѣйствовать улучшенію нашихъ финансовъ уже „стоятъ на очереди вопросы объ уменьшеніи численности арміи въ мирное время.“

При общеобязательной воинской повинности, сокращеніе мирнаго состава арміи возможно только подъ однимъ изъ двухъ условій: или долженъ быть сокращенъ размѣръ ежегоднаго контингента, или же уменьшенъ срокъ пребыванія подъ знаменами. Но сокращеніе контингента ежегодно призываемыхъ на службу, при сохраненіи ея общаго срока, неминуемо ведетъ къ сокращенію численности не только мирнаго, но и военнаго состава арміи. При существующемъ въ настоящее время недостаткѣ людей запаса для укомплектованія арміи по штатамъ военнаго времени, обусловленномъ какъ недавними военными дѣйствіями, убылью людей, такъ и послѣдовавшими по окончаніи войны сформированіями новыхъ войсковыхъ частей, сокращеніе контингента призываемыхъ на службу является совершенною невозможностію. Итакъ, остается допустить второе, именно что уменьшеніе наличнаго состава арміи въ мирное время будетъ произведено посредствомъ сокращенія времени пребыванія на дѣйствительной службѣ, съ сохраненіемъ какъ общаго ея срока, такъ и размѣровъ ежегоднаго контингента.

Вопросъ о сокращеніи сроковъ службы, дѣйствительно, уже давно возбужденъ въ военномъ вѣдомствѣ, и еще въ прошломъ году объ этомъ заявлялось въ нашихъ официальныхъ военныхъ журналахъ, хотя поводомъ къ ихъ сокращенію выставлялась необходимость увеличить число людей состоящихъ въ запасѣ, а не уменьшеніе мирнаго состава. Если реформа пока не начата, то причиной тому затрудненія которыя военное вѣдомство предвидѣло въ ея осуществленіи, и прежде всего трудность, дѣйствительная или только кажущаяся, снабжать краткосрочную армію унтеръ-офицерами. Была рѣчь и объ учрежденіи у насъ, по примѣру Германіи, унтеръ-офицерскихъ школъ, и о мѣрахъ побудить унтеръ-офицеровъ оставаться на службѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ даже осуществились.

Независимо отъ всего этого, возникъ вопросъ о необходимости, при болѣе короткихъ срокахъ пребыванія подъ знаменами, увеличить время учебныхъ занятій войскъ, особенно такъ-называемыхъ „сборовъ.“ Единственнымъ способомъ къ такому увеличенію времени занятій представлялась отмѣна или сокращеніе отпуска „на вольныя работы,“ каникулъ даваемыхъ войскамъ по окончаніи лагернаго времени. Осуществленіе этой мѣры, весьма желательной для войскъ въ интересахъ службы, встрѣтило однако затрудненія въ необходимости вольныхъ работъ какъ подспорья въ войсковомъ и собственно солдатскомъ хозяйствѣ. Дѣйствительно, при существующихъ размѣрахъ и системѣ денежнаго и вещеваго довольствія войскъ, средствъ отпускаемыхъ казной обыкновенно оказывается недостаточно. Недостатокъ покрывается изъ денегъ получаемыхъ нижними чинами на вольныхъ работахъ.

Единственнымъ выходомъ изъ затрудненій представляется сокращеніе сроковъ службы уменьшающее численность арміи по мирному составу. Отъ такого сокращенія должно само собою образоваться большое сбереженіе государственныхъ расходовъ. Очень можетъ быть что именно этими соображеніями и вызывается „постановка на очередь“ вопроса о сокращеніи *мирнаго* состава арміи.

Но независимо отъ выгодъ арміи и сокращенія государственныхъ расходовъ, уменьшеніе сроковъ службы имѣетъ громадное значеніе для народнаго хозяйства, освобождая можетъ-быть сотни тысячъ рабочихъ рукъ. Осуществленіе такой мѣры конечно, всего, желательнѣе теперь, когда въ недалекомъ будущемъ предстоитъ усиленнымъ трудомъ покрыть прошлый недородъ хлѣба. Сокращеніе сроковъ службы подъ знаменами стало бы новою льготой для населенія.

Но сокращеніе наличнаго состава арміи въ мирное время, при сохраненіи прежнихъ штатовъ времени военнаго, представляетъ, какъ говорятъ, и нѣкоторыя невыгоды. Переходъ съ мирнаго положенія на военное неизбѣжно долженъ стать чувствительнѣе какъ для народа, такъ и для арміи, въ которую при мобилизаціи вступило бы гораздо большее число резервистовъ нежели теперь. Есть мнѣніе что слишкомъ рѣзкій переходъ отъ мирнаго времени къ военному и несоразмѣрно большое число резервистовъ вступающихъ въ ряды войскъ въ случаѣ войны должны понизить ихъ достоинство. Первое изъ возраженій имѣло бы конечно большое значеніе въ томъ случаѣ еслибы наша военная система была доведена до той степени развитія, или вѣрнѣе, до той степени напряженія какъ, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ изъ каждаго возраста берется гораздо большій процентъ людей нежели у насъ. Относительно втораго нужно еще многое доказать. До настоящаго времени штаты войсковыхъ частей въ мирное время и у насъ, и въ Германіи, почти одинаковы, а между тѣмъ у насъ люди запаса никогда не призывались къ повторительнымъ занятіямъ въ мирное время, какъ это дѣлалось и дѣлается въ Германіи, гдѣ съ прошлаго года рѣшено призывать къ упражненіямъ не только людей перечисленныхъ въ запасъ изъ войскъ, но и такъ-называемый „рекрутскій резервъ,“ т.-е. нашихъ ратниковъ высшаго разряда, призываемыхъ въ военное время въ случаѣ надобности на укомплектованіе дѣйствующихъ войскъ. Если такіе сборы у насъ до сихъ поръ не дѣлались вовсе, то не по той только причинѣ что они повлекли бы за собою нѣкоторые излишніе расходы, для которыхъ не предвидѣлось другаго источника кромѣ новыхъ бюджетныхъ ассигнованій, и не потому даже что при меньшей населенности и бо́льшихъ разстояніяхъ, такіе сборы у насъ обременительнѣе для призываемыхъ нежели въ Германіи.

Причину прежде всего слѣдуетъ искать

въ выводахъ изъ тѣхъ опытовъ сбора отпускныхъ нѣкоторыхъ губерній и уѣздовъ кои дѣлались у насъ не задолго предъ введеніемъ общеобязательной воинской повинности съ цѣлью фактической провѣрки установленной системы мобилизаціи и счисленія людей запаса. Призывавшіеся при этихъ опытахъ люди направлялись для укомплектованія ближайшихъ частей войскъ и проходили тамъ повторительный курсъ строевой службы, причемъ оказалось что послѣ нѣсколькихъ дней ученья они почти ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ людей, несмотря на то что обучались при условіяхъ сравнительно неблагопріятныхъ, когда въ арміи еще не было навыка учить въ короткій срокъ. Опытъ показалъ что въ такихъ частыхъ призывахъ какіе дѣлаются въ Германіи нѣтъ настоятельной надобности. Минувшая кампанія дала у всѣхъ на глазахъ тотъ же результатъ. Нѣтъ достаточнаго повода думать что въ будущемъ результатъ этотъ измѣнится къ худшему въ такой мѣрѣ которая могла бы парализовать очевидныя выгоды сокращенія срока службы въ мирное время. Если же необходимо принять особыя мѣры для поддержанія качества войскъ на прежней высотѣ, то это могло бы быть достигнуто ежегоднымъ поочереднымъ призывомъ къ упражненіямъ нѣкоторой части запаса.

Б.

Въ № 313 *Московскихъ Вѣдомостей* было напечатано заявленіе торговаго дома „Зворыкинъ и Маковскій въ Москвѣ“ о неудобствахъ возникшихъ для грузоотправителей вслѣдствіе перенесенія товарной станціи Московско-Брестской желѣзной дороги къ Ваганькову кладбищу, въ мѣстность не соединенную съ центромъ города мощеными путями, такъ что грузы приходится возить по „непролазной грязи.“ Къ этому въ заявленіи прибавлялись жалобы на задержки въ пріемѣ грузовъ и на проволочки въ выдачѣ квитанцій, и въ заключеніе выражалось желаніе чтобы приняты были мѣры къ устраненію неудобствъ причиняемыхъ публикѣ распоряженіями упомянутой дороги.

Это заявленіе вызвало отвѣтъ управляющаго Московско-Брестскою дорогой, который читатели найдутъ ниже. Факты, о которыхъ идетъ рѣчь, освѣщены такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ, какъ со стороны обвиненія, такъ и стороны защиты, и потому является возможность безпристрастнаго сужденія. Факты эти не представляютъ собою чего-нибудь особенно крупнаго въ области взаимныхъ отношеній публики и желѣзныхъ дорогъ; но какъ иллюстраціи къ общей ихъ характеристикѣ, они не лишены нѣкотораго значенія, и потому небезынтересно остановиться на нихъ. Интересъ заключается, впрочемъ, не столько въ фактахъ, сколько въ различіи взглядовъ на права и обязанности желѣзныхъ дорогъ.

Протестуя противъ „голословнаго обвиненія желѣзнодорожныхъ администрацій,“ управляющій Московско-Брестскою дорогой нисколько, однако, не опровергаетъ справедливости того что было сказано въ заявленіи гг. Зворыкина и Маковскаго. Улицы и дороги по которымъ приходится ѣздить къ новоустроенной товарной станціи дѣйствительно не мощены, и имъ лишь предположено вымостить современемъ; объ этомъ управленіе дороги вело переписку съ Городскою Думой, а затѣмъ рѣшило сдѣлать мостовую на свой счетъ когда будетъ можно. До тѣхъ же поръ, какъ минувшею осенью такъ и предстоящею весной, грузы должны переправляться чрезъ непролазную грязь. Привозъ грузовъ на новую товарную станцію дѣйствительно затруднителенъ, но „это не по винѣ Московско-Брестской желѣзной дороги.“ О томъ что и вести переписку, необходимой для товарнаго движенія мостовой, и сдѣлать самую мостовую можно было до перенесенія товарной станціи на новое мѣсто, нѣтъ и рѣчи.

Неудобства причиняемыя отправителямъ при пріемѣ товаровъ еще въ меньшей степени отрицаются управляющимъ Московско-Брестскою дорогой. Онъ признаетъ что существующіе на ней въ этомъ отношеніи порядки не безукоризненны, но заявляетъ что такими они останутся и впредь, что дорога „не можетъ измѣнить ихъ пока не измѣнятся условія при которыхъ порядки эти сложились.“ Почему? Потому что, администрація Московско-Брестской желѣзной дороги держится *порядковъ практикуемыхъ на всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ*. Заявивъ это, управляющій Московско-Брестскою дорогой не отрицаетъ и того что гг. Зворыкинъ и Маковскій могли встрѣтить при отправкѣ товара по этой дорогѣ и затрудненія не обычныя на другихъ дорогахъ, вслѣдствіе временнаго

на ней „неустройства," неизбѣжнаго де при переходѣ изъ стараго помѣщенія въ новое.

Въ чемъ же споръ, въ чемъ несогласіе между заявленіемъ гг. Зворыкина и Маковскаго и отвѣтомъ на него, когда сущность фактовъ одинаково подтверждается обѣими сторонами?

Встрѣтивъ затрудненія при отправкѣ товара, гг. Зворыкинъ и Маковскій заявили о нихъ публично, выразивъ желаніе чтобы лица коимъ о семъ вѣдать надлежитъ приняли мѣры къ облегченію публики. Этого, по заявленію управляющаго Московско-Брестскою дорогой, имъ не слѣдовало дѣлать. Это не тотъ путь какимъ „лица заинтересованныя въ устраненіи неправильныхъ дѣйствій желѣзнодорожныхъ агентовъ могутъ достигнуть цѣли." Такой путь только одинъ: обращаться съ заявленіями непосредственно къ управленію дороги. „Только такимъ путемъ" можно достигнуть того чтобъ управленіе дороги вошло въ интересы отправителей и оказало имъ содѣйствіе „въ предѣлахъ возможности" (порядки причиняющіе неудобства, какъ выше сказано, измѣнены быть не могутъ) для устраненія неудобствъ. Но чтобъ обращаемыя къ управленію дороги заявленія возымѣли такое дѣйствіе, нужно умѣть ихъ дѣлать, нужно знать въ какихъ выраженіяхъ обращаться. „Голословное же обвиненіе желѣз„нодорожныхъ администрацій, да притомъ „еще съ особеннымъ злорадствомъ или ѣдки„ми выраженіями подобными употребленъ„нымъ по отношенію къ Московско-Брест„ской желѣзной дорогѣ въ замѣткѣ тор„говаго дома Зворыкинъ и Маковскій,"— такъ заканчиваетъ свое письмо управляющій Московско-Брестскою дорогой,—„*при„водятъ только къ противоположнымъ „результатамъ.*"

Судя по этимъ послѣднимъ словамъ, торговый домъ „Зворыкинъ и Маковскій" своимъ заявленіемъ поставилъ себя въ такое положеніе что при отправкѣ товаровъ по Московско-Брестской дорогѣ долженъ ожидать не „устраненія неправильныхъ дѣйствій желѣзнодорожныхъ агентовъ," но „противоположныхъ результатовъ."

Если такъ, то нечего и удивляться что при разслѣдованіи на мѣстѣ существующихъ желѣзнодорожныхъ порядковъ особою коммиссіей графа Баранова и ея подкоммиссіями, грузоотправители затруднялись давать отвѣты на предлагаемые имъ вопросы, опасаясь что ихъ заявленія могутъ повести къ невыгоднымъ для нихъ практическимъ послѣдствіямъ. Надежда на добрые результаты правительственнаго разслѣдованія боролась въ нихъ со страхомъ кары съ другой стороны.

Такова неправильность постановки у насъ желѣзнодорожнаго дѣла какъ какого-то государства въ государствѣ. Помимо государственныхъ, надъ публикой стоятъ еще иныя власти, которыя издаютъ обязательные для нея законы, караютъ и милуютъ, признаютъ только себя самихъ судьями въ пререканіяхъ съ тѣми кто нуждается въ ихъ услугахъ, и наконецъ требуютъ особенно почтительнаго къ себѣ отношенія. Касательно этого послѣдняго пункта, требовательность ихъ строже и идетъ гораздо далѣе требованій предъявляемыхъ со стороны властей государственныхъ.

Не на всѣхъ дорогахъ, конечно, все идетъ одинаково дурно, хотя управляющій Московско-Брестскою дорогой и заявляетъ что на управляемой имъ дорогѣ придерживаются лишь порядковъ практикуемыхъ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, но, конечно, не совсѣмъ правы и гг. Зворыкинъ и Маковскій, полагающіе что, напримѣръ, Московско-Брестская дорога есть „единственная въ своемъ родѣ." Коренная причина всѣхъ недостатковъ въ нашихъ желѣзнодорожныхъ порядкахъ заключается не въ отдѣльныхъ качествахъ свойственныхъ той или другой дорогѣ, не въ личномъ составѣ ихъ управленій; она, по вѣрному замѣчанію управляющаго Московско-Брестскою дорогой, заключается въ условіяхъ при которыхъ сложились эти желѣзнодорожные порядки. Дѣло пойдетъ иначе лишь съ измѣненіемъ этихъ условій, а измѣнятся они лишь съ подчиненіемъ желѣзныхъ дорогъ государству, съ упраздненіемъ желѣзнодорожныхъ властей стоящихъ внѣ общей государственной администраціи.

№ 331.

Москва, 28-го ноября.

Извѣстіе о томъ, что соединенный флотъ разошелся во всѣ стороны изъ Адріатическаго моря и что коллективная демонстрація державъ нынѣ окончилась принято было въ Берлинѣ съ непомѣрнымъ лико-

ваніемъ. Берлинская печать на радостяхъ проговорилась гораздо болѣе чѣмъ подобаетъ ея обычно сдержанному и дисциплинированному тону когда рѣчь идетъ о дѣлахъ касающихся обще-европейской политики. Deus afflavit et dissipati sunt, восклицаетъ *Національная Газета* по поводу разошедшейся эскадры (среди которой были и нѣмецкія суда), припоминая надпись на медали, которую приказала выбить королева Елисавета въ ознаменованіе „Божьей кары" постигшей испанскую армаду высланную Филиппомъ II противъ Англіи. „Величайшая трагикомедія" окончена де, и „теперь миръ обезпеченъ." Спора нѣтъ что „грозная" демонстрація была въ сущности комедіей. Но кому же она обязана такимъ характеромъ? Почему комедія все-таки представляла такую угрозу сохраненію мира? А главное, почему миръ въ настоящее время представляется берлинской печати такъ обезпеченнымъ?

Все дѣло въ томъ что нѣтъ болѣе повода опасаться чтобы демонстрація была продолжена и по поводу греко-турецкой распри. Но Греки, повидимому, не особенно разчитывали на эту демонстрацію; они имѣли достаточно поводовъ убѣдиться въ ея безплодности и рѣшились дѣйствовать помимо Европы. Гдѣ же тутъ гарантія мира? Но о мирѣ берлинскія газеты толкуютъ лишь для формы. Въ сущности онѣ озабочены не этимъ. Да и почему бы слѣдовало опасаться за миръ еслибъ Европа въ самомъ дѣлѣ пожелала и сумѣла заставить Турцію исполнить то что вся Европа единогласно и торжественно рѣшила по дѣлу о разграниченіи между Турціей и Греціей? Никто не споритъ что не только во время Берлинской конференціи, но и при установленіи плана принудительныхъ мѣръ противъ Турціи, трое изъ участниковъ этихъ соглашеній относились къ дѣлу серіозно, и что играть комедію не входило въ ихъ разчеты. Не только Россія, но и Англія, кажется, не играла комедіи; Франція тоже дѣйствовала тогда *bona fide*. Въ числѣ обнародованныхъ теперь Французскимъ правительствомъ дипломатическихъ документовъ находится циркуляръ бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, г. Фрейсине, отъ 16-го іюля, изъ коего видно что Франція согласилась принять участіе въ демонстраціи въ пользу Черногоріи, подъ тѣмъ условіемъ чтобы „то же средство принужденія было употреблено и въ пользу Греціи." Теперь не подлежитъ сомнѣнію что Французское правительство отреклось отъ прежней точки зрѣнія, и въ трогательномъ согласіи съ берлинскою печатью толкуетъ также о необходимости добиться дипломатическимъ путемъ удовлетворенія Греціи, не прибѣгая ни къ какой демонстраціи. Но что именно побудило Французское правительство къ такому отреченію, это пока тайна, открытая лишь тѣмъ кто посвященъ въ содержаніе переговоровъ происходившихъ недавно во Фридрихруэ, куда ѣздилъ на нѣсколько дней г. Сенъ-Вальс, а также въ содержаніе интимной и продолжительной бесѣды которую имѣлъ князь Гоэнлоэ съ г. Гамбеттой тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Парижъ. Берлинская печать утверждаетъ, правда, что князь Бисмаркъ успѣлъ убѣдить Францію что онъ только о томъ и думаетъ какъ бы возвратить ей подобающее значеніе въ совѣтѣ европейскихъ державъ. Едва ли однако и берлинскія газеты надѣются чтобы во Франціи нашлось много людей готовыхъ въ этомъ убѣдиться. Самыя пренія происходившія на дняхъ въ обѣихъ французскихъ палатахъ по дѣламъ иностранной политики показали что, если Франція и отступила отъ прежнихъ своихъ взглядовъ на дѣло Греціи и какъ бы пошла на буксирѣ „консервативной" политики Германіи, то это во всякомъ случаѣ не по излишнему довѣрію къ Германіи, а развѣ наоборотъ. Г. де-Гонто-Бironъ, бывшій долгое время французскимъ посломъ въ Берлинѣ, указывалъ въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ сенатѣ, на „коварство" германской политики, и утверждалъ что князь Бисмаркъ поставилъ себѣ задачей запутать и уловить Францію въ свои сѣти. Республиканскіе ораторы, хотя и не упомянули ни однимъ словомъ о Германіи во время преній, но это умолчаніе понято и берлинскою печатью отнюдь не въ смыслѣ особеннаго доброжелательства. За то пренія по поводу генерала Сиссе и судебный процессъ возбужденный имъ противъ клеветниковъ, причемъ рѣчь шла о выкраденныхъ нѣмецкими шпіонами планахъ мобилизаціи французской арміи, ясно показали какъ еще глубоко гнѣздится во Французскомъ народѣ затаенное до поры до времени, но далеко не остывшее, чувство ненависти къ Германіи.

Впрочемъ, берлинская печать довольно

ствуется и тѣмъ что Франція, хотя наружно, находится пока въ „наилучшихъ отношеніяхъ“ къ Германіи, и что по дѣламъ Востока Франція направилась по пути, на который сумѣлъ ее толкнуть, способами ему одному извѣстными, князь Бисмаркъ.

Менѣе увѣрены берлинскія газеты относительно Англіи. Онѣ даже не вполнѣ убѣждены что Англія отказалась отъ мысли дѣятельно заступиться за Грецію. Эскадры, правда, разошлись въ разныя стороны. Но, по заявленію *Daily News*, эскадры разошлись, согласно предложенію Англіи, съ тѣмъ чтобъ извѣщать другъ друга о мѣстѣ своихъ стоянокъ. Значитъ, какъ бы допускается возможность что онѣ соберутся вновь. А еще хуже если Англія и Россія вздумаютъ дѣйствовать самостоятельно у береговъ Греціи. Опасеніе это высказываетъ вѣнскій корреспондентъ *Національной Газеты*, и понятно что оно-то всего болѣе пугаетъ берлинскихъ „ревнителей мира.“ Согласное дѣйствіе двухъ державъ, помимо концерта, пожалуй, приняло бы совсѣмъ иной характеръ нежели адріатическая комедія. Весьма вѣроятно что одной рѣшительной угрозы со стороны этихъ державъ было бы слишкомъ достаточно чтобы заставить Турцію исполнить рѣшеніе Берлинской конференціи. Этимъ была бы лучше всего предотвращена опасность войны между Греціей и Турціей, и миръ, о которомъ повидимому такъ хлопочутъ въ Берлинѣ, а въ послѣднее время и въ Парижѣ, былъ бы дѣйствительно обезпеченъ.

Но въ Берлинѣ утѣшаютъ себя тѣмъ что ирландскіе безпорядки разрастаются, и что кабинетъ Гладстона вынужденъ будетъ посвятить все свое вниманіе ирландскимъ дѣламъ. Что же касается Россіи, то въ Берлинѣ утѣшаются возникшими теперь у насъ затрудненіями по народному продовольствію. Кромѣ того, въ Петербургѣ слишкомъ де мало разчитываютъ на прочность Гладстонова кабинета чтобы пуститься съ нимъ въ совокупное предпріятіе. А въ добавокъ ко всему, г. Гладстонъ, по мнѣнію берлинской газеты, имѣетъ въ глазахъ Петербургскаго кабинета будто бы еще тотъ недостатокъ что онъ „черезчуръ панславистъ.“

Вся задача, повидимому, заключается въ томъ чтобы воспрепятствовать такой комбинаціи которая могла бы стать дѣятельнымъ противовѣсомъ австро-германскому соглашенію, направленному къ тому чтобъ удержать въ своихъ рукахъ будущую ликвидацію Турціи.

№ 332.

Москва, 29-го ноября.

Изо дня въ день газеты переполняются извѣстіями объ идущихъ со всѣхъ сторонъ изъявленіяхъ радости и благодарности по поводу состоявшейся отмѣны солянаго налога. Всѣ убѣждены въ важности благодѣтельныхъ послѣдствій принятой мѣры, въ томъ что съ удешевленіемъ соли она пойдетъ на многія полезныя употребленія на которыя не могла до сихъ поръ идти по своей дороговизнѣ.

Какихъ результатовъ слѣдуетъ ожидать отъ отмѣны солянаго акциза показываетъ примѣръ Англіи. Ежегодное внутреннее потребленіе тамъ соли, при существованіи акциза, немного превышало три милліона пудовъ; по отмѣнѣ акциза оно поднялось до 15, до 16, до 19 и болѣе милліоновъ пудовъ, быстро увеличившись въ пять и въ шесть разъ противъ прежняго. Во Франціи, въ первые годы послѣ пониженія тамъ солянаго акциза (въ декабрѣ 1848 года), правда, не было замѣчено ничего подобнаго такимъ результатамъ; усиленіе потребленія соли, вслѣдъ за ея удешевленіемъ, оказалось довольно слабое. Это не удивительно если принять во вниманіе что и пониженный акцизъ все еще превышалъ 40 копѣекъ съ пуда (10 сантимовъ съ килограмма). Тѣмъ не менѣе это обстоятельство вызвало въ 1851 году назначеніе особой парламентской коммиссіи для изслѣдованія дѣла. По окончаніи своего разслѣдованія, эта коммиссія пришла, однако, къ одобренію принятой въ 1848 году мѣры. Выяснивъ, между прочимъ, тотъ фактъ что потребленіе соли бѣдными классами и сельскимъ населеніемъ вдвое и втрое болѣе потребленія ея зажиточными и городскими классами, коммиссія высказала въ своемъ заключеніи что благодарность тридцати милліоновъ облагодѣтельствованнаго сельскаго населенія служитъ нравственнымъ вознагражденіемъ правительству за потерю двухъ третей прежняго солянаго налога. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тою же коммиссіей былъ выясненъ еще одинъ

интересный для насъ фактъ: въ болѣе богатыхъ департаментахъ, гдѣ средства населенія позволяли не стѣсняться дороговизной соли, удешевленіе ея не увеличило употребленія ея для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, на кормъ скоту; удешевленная соль шла на этотъ предметъ въ томъ же количествѣ какъ и дорогая. Но въ менѣе богатыхъ департаментахъ, съ удешевленіемъ соли, стали прибавлять ее въ кормъ скоту, чего прежде не дѣлали, и вслѣдствіе этого въ такихъ департаментахъ потребленіе соли, уже въ первые два, три года послѣ ея удешевленія, возросло на 10%, на 15%, на 30%, даже на двѣ пятыхъ противъ прежняго. Полагаемъ что въ Россіи касательно размѣровъ потребленія соли вслѣдъ за ея удешевленіемъ правильнѣе ожидать результатовъ не тѣхъ какіе оказались въ богатыхъ французскихъ департаментахъ, а какіе обнаружились въ департаментахъ относительно недостаточныхъ... Если дороговизна соли не дозволяла употреблять ее на кормъ скоту во многихъ французскихъ департаментахъ, хотя не столь богатыхъ какъ другіе, но во всякомъ случаѣ несравненно болѣе богатыхъ чѣмъ любая изъ нашихъ губерній, то какъ же должна была отзываться дороговизна соли на этихъ послѣднихъ?

Конечно, выгоды отъ отмѣны соляного налога не по всей странѣ распредѣлятся равномѣрно. При громадности разстояній по которымъ должна провозиться у насъ соль добываемая не на всемъ пространствѣ страны, а лишь на ея отдаленныхъ южныхъ, юго-восточныхъ и сѣверовосточныхъ окраинахъ, стоимость провоза, по мѣстамъ, играетъ въ цѣнахъ на соль еще бо́льшую роль чѣмъ акцизъ. Отмѣна соляного акциза несомнѣнно удешевитъ соль повсемѣстно, и притомъ вообще болѣе чѣмъ на 30 копѣекъ съ пуда, ибо вмѣстѣ съ упраздненіемъ акцизной системы отпадаетъ и масса вызванныхъ ею накладныхъ расходовъ. Тѣмъ не менѣе, въ мѣстностяхъ далекихъ отъ соляныхъ озеръ, копей и варницъ, удешевленіе соли не дойдетъ до желаемой степени если не будетъ принято еще другихъ мѣръ къ возможному уменьшенію стоимости провоза. На эту сторону дѣла слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Безъ удешевленія провоза, результаты жертвы которую принесла казна отказавшись отъ соляного дохода будутъ не полны. Чтобы цѣль была вполнѣ достигнута необходимы возможно большее пониженіе провозныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ и постройка желѣзнодорожныхъ вѣтвей къ важнѣйшимъ солеродымъ источникамъ, напримѣръ, къ крымскимъ и астраханскимъ соляным озерамъ, гдѣ соляной промыселъ очень затрудненъ отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія. Чѣмъ дешевле будетъ провозъ, тѣмъ равномѣрнѣе распредѣлятся по всей странѣ благодѣянія опубликованной мѣры.

Удешевленіе соли великое благо для народа, особенно же для сельскаго люда. Но чѣмъ болѣе поводовъ высоко цѣнить дарованное благо, тѣмъ большее значеніе получаютъ опасенія утратить его вполнѣ или частію вслѣдствіе какого-либо стеченія обстоятельствъ. А такія стеченія обстоятельствъ возможны, и нельзя не пожелать чтобы противъ нихъ заблаговременно приняты были надлежащія мѣры.

Прежде всего, результаты отмѣны соляного акциза находятся въ большой зависимости отъ того направленія какое приметъ по отношенію къ соли „тарифная политика“ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Хорошо если дороги понизятъ плату за провозъ соли. Этимъ онѣ усугубятъ пользу принятой мѣры. Но вмѣсто пониженія, онѣ могутъ повысить тарифъ, и повысить въ такой мѣрѣ что для обширныхъ полосъ Россіи все благодѣтельное значеніе указа 23 ноября можетъ быть парализовано, подобно тому какъ пониженіями тарифовъ желѣзныя дороги не однажды парализовали разныя другія мѣры которыя государственная власть устанавливала для блага страны. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ въ своемъ докладѣ о тарифахъ Рижско-Царицынская подкоммиссія желѣзнодорожнаго изслѣдованія, состоящая подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра финансовъ, г. Тернера:

„Правительство, поощряя нѣкоторыя отрасли внутренней промышленности, повышаетъ пошлину на ввозъ изъ-за границы издѣлій этой промышленности... но такая мѣра не достигаетъ цѣли при пониженіи тарифа на провозъ тѣхъ же издѣлій по желѣзнымъ дорогамъ. Примѣромъ можетъ служить повышеніе таможенной пошлины на чугунъ привозимый изъ Англіи и *почти одновременное* уменьшеніе платы за провозъ его изъ Риги по дорогамъ первой группы для заводовъ въ предѣлахъ Орловско-Витебской желѣзной дороги.“

Благодаря тарифной политикѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ явствуетъ изъ приведенной выписки, не достигаютъ цѣли многія мѣры принимаемыя для поощренія русской промышленности. Что если то же самое случится и съ мѣрой принимаемою нынѣ въ видахъ удешевленія соли? А на одной желѣзной дорогѣ, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, уже успѣли повысить таксу на провозъ соли какъ только слухи объ отмѣнѣ акциза перестали быть сомнительными. Мы не называемъ этой дороги, но назовемъ ее когда получимъ объ этомъ фактѣ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія.

Но не отъ одной тарифной политики грозитъ опасность что отмѣна акциза не поведетъ къ желаемому удешевленію соли. Едва ли не въ большей степени можетъ помѣшать такому удешевленію существующая система сдачи съ торговъ въ арендное содержаніе принадлежащихъ казнѣ соляныхъ озеръ, копей и варницъ. Эта система имѣетъ тѣмъ большее значеніе что никакой конкурренціи между частными и казенными соляными источниками нѣтъ, ибо соляныхъ источниковъ состоящихъ въ частномъ владѣніи очень немного, и весь итогъ соли какой они могутъ давать все равно что капля въ морѣ сравнительно съ массами соли какія извлекаются и могутъ быть извлекаемы изъ источниковъ казенныхъ. Нынѣшняя система сдачи ихъ въ арендное содержаніе установилась всего какихъ-нибудь восемь лѣтъ, но результаты ея уже начинаютъ сказываться не въ смыслѣ пониженія, а напротивъ въ смыслѣ подъема цѣнъ на соль. Кромѣ акциза и стоимости провоза, въ нынѣшнихъ цѣнахъ на соль играетъ уже не послѣднюю роль и попудная арендная плата. Вносится она нынѣ уже не въ однообразномъ скромномъ размѣрѣ одной копѣйки съ пуда добываемой соли какъ въ былое, недавнее еще время. Съ каждыми новыми торгами, конкурренція солепромышленниковъ все болѣе гонитъ въ гору арендную попудную плату. Теперь она съ одной копѣйки поднялась уже въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи до 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10 коп. съ пуда, а въ Сибири, на нѣкоторыхъ источникахъ, до 12, 16, даже до 40 коп. съ пуда. До какихъ предѣловъ можетъ дойти этотъ ростъ попудной арендной платы, и не пойдетъ ли онъ еще быстрѣе вслѣдъ за отмѣной акциза? Гдѣ гарантіи въ томъ что, постепенно возрастая, попудная арендная плата не дойдетъ до размѣровъ отмѣненнаго нынѣ акциза и даже не превыситъ ихъ? Но что же въ такомъ случаѣ вышло бы въ конечномъ результатѣ? Казна, положимъ, не осталась бы въ накладѣ. Что теряетъ она на соляномъ доходѣ, то было бы получено ею въ видѣ дохода съ государственныхъ имуществъ. Но населенія, вмѣсто дешевой соли, остались бы при столь же дорогой какъ и нынѣ, и единственнымъ для нихъ результатомъ отмѣны солянаго акциза оказались бы тѣ новые налоги какіе взамѣнъ его имѣютъ быть установлены.

Не такая перспектива, конечно, имѣется въ виду нынѣ, въ минуту отмѣны акциза, и тѣмъ необходимѣе принять мѣры къ тому чтобъ эта перспектива изъ области опасеній не перешла въ дѣйствительность.

Правда, ввозъ заграничной соли и ея конкурренція могутъ нѣсколько сдерживать усердіе солепромышленниковъ въ подъемѣ арендной попудной платы. Но не такое значеніе, конечно, должны имѣть таможенный тарифъ на соль и предстоящее пониженіе его. Онъ понижается въ видахъ удешевленія соли для окраинъ слишкомъ удаленныхъ отъ русскихъ соляныхъ мѣсторожденій, но онъ не отмѣняется, ибо долженъ служить поощреніемъ русской солепромышленности. Между тѣмъ все поощрительное значеніе его можетъ быть парализовано высокою попудною арендною платой. Постепенно повышаясь, она можетъ привести къ тому что только часть Россіи будетъ снабжаться русскою солью, тогда какъ другая часть будетъ выгоднымъ рынкомъ для иностранныхъ солепромышленниковъ. Печальный результатъ для страны которая могла бы снабжать своею солью всю Европу. Не мѣшаетъ подумать объ устраненіи возможности подобнаго результата, и подумать именно теперь когда соляное дѣло стало предметомъ общаго усиленнаго вниманія.

№ 334.

Москва, 1-го декабря.

Года полтора назадъ возникли толки о предстоящемъ преобразованіи Военнаго Министерства, или точнѣе, о раздѣленіи его на два совершенно самостоятель-

ныя главныя управленія. Затѣмъ толки эти нѣсколько притихли, но теперь возобновляются съ большею опредѣленностью. Такъ, по свѣдѣніямъ газеты *Новое Время* „рѣчь идетъ о полномъ отдѣленіи строевой части отъ административной," причемъ въ послѣдней будетъ сосредоточено все военное хозяйство, а къ первой отойдетъ исключительно такъ-называемое военное воспитаніе войскъ, ихъ обученіе и часть военно-ученая, вѣдомство генеральнаго штаба.

Мысль лежащая въ основѣ проекта далеко не новая и хорошо испытанная на дѣлѣ, такъ какъ совершенно подобное устройство военнаго вѣдомства существуетъ въ Пруссіи уже давно, со славою выдержавъ трудное боевое испытаніе. Генеральный штабъ въ Пруссіи не составляетъ части военнаго министерства, и выдѣленъ какъ совершенно самостоятельное учрежденіе, къ предметамъ занятій коего относится не только все что̀ касается обученія войскъ, но и дѣла относящіяся до расквартированія (дислокація) войскъ, передвиженія ихъ по желѣзнымъ и другимъ путямъ, составленіе плановъ мобилизаціи перевозки къ возможнымъ или вѣроятнымъ театрамъ военныхъ дѣйствій, благовременное составленіе плановъ кампаніи и собираніе свѣдѣній о боевомъ устройствѣ силъ сосѣднихъ странъ. На генеральномъ же штабѣ лежитъ и высшее руководство по вопросамъ о вооруженіи и боевомъ снаряженіи войскъ, о принятіи той или другой системы оружія и аммуниціи. Такимъ образомъ все что̀ касается тактики и стратегіи относится къ вѣдѣнію генеральнаго штаба, а на военномъ министерствѣ лежитъ только административное устройство войскъ, ихъ хозяйство и заготовленіе тѣхъ предметовъ артиллерійскаго снабженія которые ввести признано необходимымъ. Но и этотъ, все еще обширный, кругъ дѣятельности въ Пруссіи ограничивается выдѣленіемъ дѣлъ о назначеніяхъ на должности, чинопроизводствѣ и наградахъ, въ особое учрежденіе, извѣстное подъ именемъ „военнаго кабинета короля."

Развилось въ Германіи такое устройство постепенно, изъ организаціи весьма сходной съ недавно существовавшею и у насъ и обусловленною обычнымъ въ военное время раздѣленіемъ занятій въ штабахъ армій. До преобразованія 1865 года, у насъ существовала должность генералъ-квартирмейстера и особый департаментъ генеральнаго штаба, завѣдывавшаго всѣми тѣми дѣлами которыя теперь предположено выдѣлить въ составъ особаго управленія, съ тою только разницей что нашъ генеральный штабъ никогда не завѣдывалъ непосредственно обученіемъ войскъ и военными школами. Въ 1865 году, департаментъ генеральнаго штаба механически слился съ такъ-называемымъ инспекторскимъ департаментомъ, къ вѣдѣнію котораго относились собственно организація войскъ, ихъ комплектованіе и управленіе, касаясь отчасти даже хозяйства войскъ, составлявшаго особую отрасль военнаго управленія, часть интендантскую. Опытъ не замедлилъ показать невыгоды соединенія въ Главномъ Штабѣ множества самыхъ противоположныхъ и обширныхъ предметовъ, что̀ и вызвало постепенное расширеніе его образованіемъ при немъ чуть не цѣлыхъ вѣдомствъ. Независимо отъ того, обширность и разнородность занятій Главнаго Штаба повела къ образованію въ Военномъ Министерствѣ многихъ комитетовъ весьма спеціальнаго назначенія, въ числѣ коихъ позднѣйшій по времени учрежденія есть комитетъ по устройству и образованію войскъ, до извѣстной степени восполнившій собою важный пробѣлъ который оказывался въ нашей военной организаціи сравнительно съ германскою. Учрежденіе этого комитета было какъ бы первымъ шагомъ къ реформѣ которая замышляется въ настоящее время.

Войны послѣднихъ двадцати лѣтъ и множество военныхъ нововведеній совершенно измѣнили тактику войскъ. Арміи переоружились, переучиваются, иначе мобилизуются нежели прежде. На что̀ прежде употреблялись полугодія, то дѣлается въ нѣсколько дней. Вмѣстѣ съ этимъ, всѣ арміи организовались иначе перейдя ко всеобщей воинской повинности, давшей возможность значительно усилить ихъ личный составъ. Матеріальная часть войска стала несравненно сложнѣе, численная сила больше прежняго, и при этомъ „система" управленія выступаетъ естественнымъ образомъ на первый планъ, обусловливая раздѣленіе труда между спеціальными управленіями. Такъ постепенно сложились или преобразовались отдѣльныя учрежденія завѣдующія теперь дѣломъ строеваго и технически-спеціальнаго обученія войскъ, каковы управленіе артилле-

рійское, генералъ-инспектора кавалеріи, инспектора стрѣлковаго дѣла въ войскахъ.

Всѣ эти отдѣльныя части одного цѣлаго пока вовсе не объединяются, потому что входятъ въ прежнюю военную организацію какъ сторонніе наслоенія, вызванныя потребностями минуты. Объединить всѣ эти части, свести ихъ въ стройное цѣлое, такова очевидно задача предполагаемой реформы. Всѣ средства къ осуществленію этой реформы уже на лицо: остается только выдѣлить ихъ изъ состава терешняго военнаго министерства и подчинить другому лицу.

Строгое разграниченіе главныхъ отраслей военнаго управленія не замедлило бы конечно отозваться и на ихъ отправленіяхъ, всего болѣе на дѣятельности интендантства, преобразованіе котораго стало, по указаніямъ минувшей кампаніи, совершенною необходимостью. Дать хозяйственному управленію надлежащую самостоятельность и значеніе возможно не иначе какъ приведеніемъ его въ тѣсную связь съ частью административною, а это опять требуетъ раздѣленія Военнаго Министерства на два главныя самостоятельныя управленія, въ составъ коихъ теперешнія центральныя управленія различныхъ вѣдомствъ вошли бы лишь какъ исполнительные, второстепенные органы.

Несомнѣнно что улучшеніе въ ходѣ обученія войскъ и окончательное приведеніе его въ такую же стройную систему какова прусская, ставшая теперь обще-германскою, есть одно изъ условій облегчающихъ достиженіе важнѣйшей задачи военной организаціи, основанной на всеобщей повинности,—возможно бо́льшаго сокращенія сроковъ службы.

№ 335.

Москва, 2-го декабря.

Греческій вопросъ все болѣе выдвигается на порвый планъ, и старанія „консервативныхъ по отношенію къ Востоку“ политиковъ затушить разгорающуюся съ этой стороны искру, повидимому, не совсѣмъ достигаютъ цѣли, какъ ни усиливается офиціозная печать представить Грекамъ всю безнадежность ихъ воинственныхъ предпріятій. Да и что въ самомъ дѣлѣ можно сказать Грекамъ убѣдительнаго въ этомъ отношеніи? И какъ отвратить ихъ отъ попытки „исполнить рѣшеніе Европы?“ Телеграфъ изъ Константинополя усердно помогаетъ берлинскимъ и вѣнскимъ миротворцамъ: оттуда возвѣщается что турецкое министерство 8 декабря окончательно установило редакцію циркулярной ноты, въ которой Порта заявляетъ о своей готовности разрѣшить миролюбиво свой споръ съ Грецією, уступивъ ей ту границу о коей шла рѣчь въ турецкой нотѣ отъ 3 октября, то-есть съ исключеніемъ Ларисы, Мецова, Янины и Чемурли. Но въ своей нотѣ отъ 3 октября Порта *протестовала* противъ рѣшенія Европы постановленнаго противъ нея, и въ то время этотъ протестъ былъ признанъ всѣми дерзкимъ вызовомъ брошеннымъ Турціей всей Европѣ, вслѣдствіе котораго было признано необходимымъ принудить Порту подчиниться требованію Европы. Теперь же константинопольскій телеграфъ представляетъ дѣло такъ какъ будто Порта, предполагая въ Европѣ свою союзницу противъ Греціи и повторяя свои притязанія, опровергнутыя въ октябрѣ, не только не опасается принужденія со стороны международнаго трибунала, коего рѣшеніе вошло въ законную силу, но призываетъ его къ принудительнымъ дѣйствіямъ противъ Греціи. Порта *требуетъ* чтобы державы заставили Грецію прекратить вооруженія.

Съ формальной точки зрѣнія Греція имѣетъ подъ ногами твердую почву; она можетъ опровергнуть притязанія Порты и разсѣять всѣ обращаемыя къ ней миротворныя увѣщанія „Европы.“ Таковъ и былъ смыслъ офиціальной бесѣды которую имѣлъ король Георгъ 12 декабря при пріемѣ вновь прибывшаго въ Аѳины французскаго посланника г. Муи, о чемъ сообщилъ третьяго дня телеграфъ. Какъ лживы были любезности и дружескія увѣренія выраженныя Греціи отъ имени Франціи, и какъ неотразимо и прямодушно звучало возраженіе короля! Французскій представитель старался убѣдить греческаго монарха что стремленія Греціи, при разумной политикѣ, найдутъ осуществленіе не въ очень далекомъ будущемъ, такъ какъ Французское правительство „вѣритъ въ дѣйствительность мирныхъ средствъ.“ Франція употребитъ де свое вліяніе чтобы достичь этого добраго результата оставаясь вѣрною началамъ умѣренности. Легко представить себѣ съ какимъ довѣріемъ эти гладкія фразы бы-

ли приняты въ Греціи, которая тоже имѣла достаточно доказательствъ тому какъ „дѣйствительны мирныя средства“ по отношенію къ Турціи, и чего можно ей ожидать если она подчинится подаваемымъ ей „благимъ“ совѣтамъ и будетъ выжидать пока Франція и прочія державы употребятъ *все* свое вліяніе въ ея пользу. Послѣдняя турецкая нота, о которой въ это время уже знали въ Аѳинахъ, могла послужить лучшею иллюстраціей къ этимъ увѣщаніямъ. Король могъ совершенно свободно впасть въ тонъ своего собесѣдника, отнюдь не становясь въ противорѣчіе съ его внушеніями, но въ то же время указать съ твердостью что Греція, домогаясь своего, ищетъ только того чего Европа желаетъ. Король напомнилъ что Греція, повинуясь Европѣ, слѣдовалала „политикѣ спокойствія и умѣренности при всѣхъ перемѣнахъ которыми сопровождалось столь трудное для нея прошлое.“ „Она благодарна великимъ державамъ,“ продолжалъ король, „которая, въ заботѣ объ обезпеченіи мира на Востокѣ (сколько сарказма въ этихъ словахъ!), окончательно и безповоротно постановили новыя границы между Греціей и Турціей. Быстрое исполненіе этого рѣшенія будетъ, безъ сомнѣнія, самымъ надежнымъ средствомъ предотвратить новыя столкновенія на Востокѣ.“

Но о томъ чтобъ исполнить это рѣшеніе отъ имени и средствами Европы теперь никто уже не говоритъ, а толкуютъ о какомъ-то „посредничествѣ“ между Турціей и Греціей, какъ бы забывая что это посредничество уже состоялось, и что берлинская конференція была тѣмъ самымъ актомъ посредничества Европы между Греціей и Турціей который предусматривался Берлинскимъ трактатомъ. Чтобы побудить Грецію идти на новое посредничество, которое можетъ клониться лишь къ тому чтобъ отмѣнить „окончательное и безповоротное“ рѣшеніе Европы, нужно ей прежде всего доказать что это рѣшеніе не было рѣшеніемъ и никакой обязательной силы не имѣетъ. Но Греція, очевидно, не желаетъ такихъ доказательствъ. Она рѣшилась испытать жребій войны. Война можетъ принять несчастный для нея оборотъ, чего она не можетъ не принять въ разчетъ. За то возможенъ и успѣхъ который доставитъ ей бо́льшую выгоду нежели та которою она согласилась довольствоваться полагаясь на вердиктъ Европы. Но мыслимо ли чтобъ Европа положила свое *veto* на предстоящее единоборство между Турціей и Греціей и воспрепятствовала послѣдней добиваться силою оружія осуществленія признанныхъ за нею правъ?

Берлинская печать старается увѣрить что и это возможно. Въ послѣднее время тамъ особенно стараются доказать что ни Англія, ни Россія не рѣшатся дѣятельно поддержать Грецію, не рѣшатся потому что дипломатіи удалось разстроить возможность всякаго совокупнаго дѣйствія между этими двумя державами, какъ потому что обѣ онѣ слишкомъ обременены своими внутренними заботами (Англія—ирландскими дѣлами, а Россія—„голодомъ“ и финансовымъ разстройствомъ), такъ и потому что Россія будто бы вновь примкнула по дѣламъ Востока къ политикѣ Германіи и Австріи.

Послѣдній слухъ считается подкрѣпленнымъ на основаніи статьи появившейся недавно въ *Journal de St.-Pétersbourg*, въ которой проводится идея о „параллелограммѣ силъ“ по отношенію къ европейскому концерту. Въ началѣ преобладало до тяготѣніе къ рѣшительному и твердому дѣйствію; результатомъ чего была демонстрація флотовъ (и это будто бы рѣшительное и твердое дѣйствіе) и передача Дульциньйо. „Теперь же первенство получило мнѣніе тѣхъ державъ которыя проповѣдуютъ терпѣніе, благоразуміе и замедленіе, и державы настаивающія на необходимости, послѣдовательности и твердости въ европейскомъ дѣйствіи *преклоняются нынѣ въ свою очередь* предъ требованіемъ прочихъ.“

Заявленіе что предъ политикой бездѣйствія нынѣ всѣ „преклонились“ принято въ Берлинѣ какъ офиціозное подтвержденіе „отступленія“ Россіи.

№ 3306.

Москва, 3-го декабря.

Въ послѣднее время, одни за другими, приходятъ къ намъ свѣдѣнія побуждающія усомниться въ размѣрахъ бѣдствія причиненнаго недостаточнымъ обиліемъ послѣдняго урожая. Хлѣбъ вздорожалъ; дѣло серіозное, нельзя не озаботиться этимъ. Но отъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ и причиняемыхъ ими затрудненій до голода разстояніе огромное, а у насъ еще съ лѣта, если не съ весны, не прекращались гром-

кіе толки именно о предстоящемъ и даже наступившемъ голодѣ,—о голодѣ не только какъ о мѣстномъ, но какъ о всенародномъ бѣдствіи. Между тѣмъ, даже въ мѣстностяхъ входящихъ въ составъ голодающаго поволжскаго района, напримѣръ въ Саратовской губерніи, не оказывается тѣхъ признаковъ какими обыкновенно характеризуются голодные годы. Нужда не сокращаетъ потребленія водки, не побуждаетъ искать работы во что бы то ни стало. Напротивъ, цѣны поденной работы поднялись, и однако голодающіе жители Камышинскаго и Царицынскаго уѣздовъ нейдутъ работать и за повышенныя цѣны. Изъ Симбирска намъ пишутъ что извѣстія о размѣрахъ нужды въ Симбирскомъ, Сызранскомъ и Сенгилеевскомъ уѣздахъ крайне преувеличены. Тамъ дѣйствительно урожай былъ не такой какъ бываетъ въ хорошіе годы, но „полнаго неурожая, а тѣмъ паче голода", говоритъ нашъ корреспондентъ, „не было и нѣтъ." И здѣсь повторяется замѣченное выше явленіе: заработная плата стала гораздо дороже, но предлагающихъ свои услуги на поденную работу мало, гораздо меньше чѣмъ въ прежніе годы.

Подобные факты невольно наводятъ на мысль что толки о голодѣ имѣютъ отчасти тотъ же характеръ какимъ отличались прошлогодніе вопли о ветлянской чумѣ. Всѣмъ памятно какіе страхи тогда выдумывались, какъ встревожена была ими вся страна, и какія затрудненія, и внѣшнія и внутреннія, были дѣйствительно созданы призракомъ мнимаго народнаго бѣдствія. Всѣмъ памятно какъ ловко умѣли воспользоваться этимъ заграничные политики, какой дипломатическій походъ былъ предпринятъ противъ будто бы зачумленной Россіи, и какъ результатомъ этого похода было почти повсемѣстное принятіе стѣснительныхъ для нашей торговли карантинныхъ мѣръ, которыхъ между тѣмъ никто и не думалъ принимать для предупрежденія дѣйствительно опасной чумной заразы грозившей распространиться изъ азіятскихъ провинцій Турціи, а еще она сама вздумала ограждаться тогда отъ насъ карантинами... Толки о постигшемъ будто бы Россію голодѣ не даютъ, правда, повода къ такому же походу противъ нея какъ чума, но и они очень на руку зарубежнымъ политикамъ.

Преувеличенныя жалобы на неурожаи у насъ не новость. Стремленія придавать имъ характеръ не мѣстнаго только, а общенароднаго бѣдствія, ставящаго въ затрудненіе все государство, обозначились не въ первый разъ. Они, какъ намъ однажды уже случилось замѣтить, особенно пошли въ ходъ съ 1876 года. Съ этого года, стала усиленно практиковаться и неправильная система раздачи продовольственныхъ пособій, поощряющей беззаботность, лѣнь и тунеядство, и могущей, поэтому, повести къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ. Съ того же 1876 года усиленно пошли у насъ въ ходъ толки и о финансовомъ разстройствѣ, и о крайнемъ обѣднѣніи народа. Начиная съ этого же года, когда былъ возбужденъ Восточный вопросъ долженствовавшій создать для Россіи затрудненія и вовлечь ее въ войну при неблагопріятныхъ условіяхъ, сталъ принимать болѣе и болѣе мрачный видъ фантомъ нашего революціоннаго вопроса. Прежде относительно смирные, наши революціонеры вдругъ сдѣлались дерзки. Произошла безсмысленная демонстрація у Казанскаго собора, а затѣмъ мало-по-малу дошло до политическихъ убійствъ и покушеній. Въ это же время возникъ на нашемъ горизонтѣ призракъ аграрнаго вопроса.

Прежде объ этомъ вопросѣ никто и не думалъ, никто не подозрѣвалъ чтобы была ему возможность возникнуть у насъ послѣ того какъ поземельныя отношенія были опредѣлены Положеніемъ 19 февраля 1861. Послѣ того какъ это Положеніе было введено, и въ публикѣ, и въ печати перестали толковать о крестьянскомъ вопросѣ. Много лѣтъ о немъ почти не было и рѣчи. Вдругъ, откуда ни возьмись явился крестьянскій вопросъ, и съ тѣхъ поръ онъ не перестаетъ обсуждаться постоянно въ одномъ и томъ же направленіи. Ограниченность крестьянскаго землевладѣнія, недостаточность крестьянскихъ надѣловъ, чрезмѣрность падающихъ на крестьянъ платежей, превышающихъ доходъ съ данной имъ земли, обѣдненіе крестьянъ и упадокъ Россіи какъ результатъ освобожденія крестьянъ съ меньшимъ противъ необходимаго количествомъ земли,—вотъ тема безпрестанно развиваемая въ извѣстной части нашей печати въ послѣдніе три, четыре года. Необходимость увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, расширенія надѣловъ, безъ чего для Россіи нѣтъ спасенія, вотъ общая мысль всѣхъ проповѣдей по этому предмету. Явная и тайная агитація въ этомъ

направленіи, какъ извѣстно, не осталась безъ послѣдствій. Толки о дополнительныхъ надѣлахъ распространились и въ народѣ, такъ что въ минувшемъ году потребовалось объявлять повсемѣстно крестьянамъ что новыхъ надѣловъ не будетъ.

Проповѣдуемая, во имя народнаго блага, теорія о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ выдаетъ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, за послѣднее слово науки. Какъ нашлись медицинскіе авторитеты по части чумы, такъ не оказалось недостатка и въ ученыхъ авторитетахъ для теоріи о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ. Появился цѣлый рядъ „ученыхъ сочиненій“ въ которыхъ она доказывалась, и всѣ такія сочиненія настойчиво рекомендовались общему вниманію, въ особенности книга профессора Янсона—*Опытъ статистическихъ изслѣдованій о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ*. Книга эта сдѣлалась Кораномъ нашихъ либераловъ. Прошло три года съ тѣхъ поръ какъ она появилась въ свѣтъ, но ссылки на нее не прекращаются, и безпрерывно слышатся восторженные о ней отзывы. Такъ, еще недавно, въ газетѣ *Голосъ* торжественно объявлялось что въ трудѣ профессора Янсона изслѣдованіе и изложеніе экономическихъ недостатковъ крестьянской реформы „облечены въ строго научную форму и разработаны съ академическимъ безпристрастіемъ и точностью. Тутъ ужь не можетъ быть рѣчи о вѣрности или невѣрности данныхъ, правильности или неправильности ихъ освѣщенія: тутъ все научно, точно и вѣрно, и потому *обязательно для руководства*.“

Въ текущемъ году мы помѣстили въ *Русскомъ Вѣстникѣ* статью: „Подушная подать и обѣдненіе крестьянъ“ К. Ѳ. Головина и „Крестьянское дѣло и его современная постановка“ г. Д. В., въ которыхъ разъяснялись многіе вопросы затемненные тенденціозными, якобы научными сочиненіями. Теперь, Д. О. Самаринъ взялъ на себя трудъ подробнаго критическаго разбора самыхъ показаній и выводовъ профессора Янсона. Мы упоминали уже объ этомъ замѣчательномъ трудѣ который помѣщенъ въ трехъ вышедшихъ нумерахъ газеты *Русь*. Г. Самарину блистательно удалось обличить фальшивость того ореола научности, точности и безпристрастія какими окружили книгу г. Янсона и раскрыть тенденцію лежащую въ ея основѣ. По ученію г. Янсона, Положеніе 19 февраля будто бы несогласно съ основаніями на которыхъ должна была совершиться крестьянская реформа по мысли выраженной въ Высочайшемъ Рескриптѣ генералъ-адъютанту Назимову отъ 20 ноября 1857. Составители Положенія исказили де эту мысль, лишили крестьянъ того что̀ слѣдовало имъ дать, дали народу камень вмѣсто хлѣба. Слѣдовало де предоставить крестьянамъ „полевой надѣлъ, который бы, во 1-хъ, обезпечивалъ ихъ бытъ; во 2-хъ, кромѣ того, давалъ бы имъ возможность исполнять ихъ обязанности предъ правительствомъ и помѣщиками, то-есть платить налоги государственные и другіе, и выкупные платежи или оброки.“ На дѣлѣ же полевой надѣлъ не имѣетъ такихъ размѣровъ при которыхъ онъ соотвѣтствовалъ бы этимъ двумъ условіямъ, не заставляя крестьянъ прибѣгать къ сторонимъ заработкамъ и промысламъ. Обстоятельно и убѣдительно доказано г. Самаринымъ что мнимаго несогласія между Рескриптомъ и Положеніемъ нѣтъ; что никѣмъ и никогда не имѣлось въ виду придавать крестьянскимъ надѣламъ то значеніе какое хотѣли бы дать имъ гг. Янсонъ и К°, что надѣлить крестьянъ землей въ тѣхъ размѣрахъ какъ они требуютъ физически невозможно; что, напримѣръ, въ большей части нечерноземной полосы и въ центральной части черноземной, еслибы даже извести тамъ всѣ лѣса, превратить всѣ неудобныя земли въ удобныя, упразднить въ нихъ какъ частную такъ и казенную поземельную собственность, все-таки не оказалось бы достаточно земли чтобъ отвести на каждую мужскую душу крестьянскаго населенія minimum надѣла который, по „научнымъ“ исчисленіямъ г. Янсона, необходимъ крестьянамъ только для прокормленія ихъ семействъ; что рабочія силы крестьянскаго семейства оказались бы недостаточны для обработки всего того количества земли какимъ ихъ желаютъ надѣлить; что, наконецъ, еслибъ и было физически возможно довести размѣры крестьянскаго землевладѣнія до указанныхъ размѣровъ, никакъ нельзя считать идеаломъ *народнаго хозяйства* такое устройство быта при которомъ никто не имѣлъ бы возможности, не бросивъ земли, заниматься ничѣмъ другимъ кромѣ земледѣлія, такъ что всякіе промыслы, всякая иная экономическая дѣятельность должны были бы прекратиться. Доказавъ нелѣпость „научной“ теоріи, г. Са-

маринъ представилъ и обращики „научныхъ“ пріемовъ употребляемыхъ профессоромъ въ его книгѣ. Оказывается что г. Янсонъ, говоря объ одной и той же полосѣ Россіи считаетъ въ ней то 142, то 133, то 118 уѣздовъ, смотря по тому сколько и какихъ уѣздовъ удобно устранить изъ статистическаго вычисленія чтобы получить въ среднемъ выводѣ возможно меньшую цифру средняго крестьянскаго надѣла. Въ тѣхъ же видахъ, г. Янсонъ не только уѣзды, но даже цѣлыя губерніи съ надѣломъ въ $4^1/_2$, 5 и 6 десятинъ причисляетъ къ мѣстностямъ съ высшимъ надѣломъ въ $3^1/_2$ и 4 десятины, и т. д. Далѣе, критикъ уличаетъ г. Янсона въ противномъ истинѣ изложеніи обстоятельствъ при которыхъ многіе крестьяне получили такъ-называемые даровые или четвертные надѣлы. Извѣстно что положеніе такихъ крестьянъ большею частію самое затруднительное, и если кто нуждается въ увеличеніи земельнаго надѣла, то всѣхъ болѣе эта категорія крестьянъ. И объ этой-то категоріи крестьянъ въ книгѣ г. Янсона сообщаются самыя фантастическія свѣдѣнія. Въ особомъ ходу даровые надѣлы были во многоземельныхъ губерніяхъ на востокѣ и югѣ Россіи, и сравнительно немного оказывается ихъ въ черноземныхъ центральныхъ губерніяхъ; но у г. Янсона выходитъ наоборотъ. Бо́льшая часть даровыхъ надѣловъ произошла въ первые годы по освобожденіи, вслѣдствіе настойчиваго требованія крестьянъ чтобъ имъ была предоставлена „царская“ десятина, съ прекращеніемъ затѣмъ всякой барщины и оброка; г. Янсонъ приписываетъ даровые надѣлы своекорыстнымъ разчетамъ помѣщиковъ. Затѣмъ, уменьшеніе надѣла менѣе чѣмъ на половину высшаго, допущенное Положеніемъ при добровольномъ соглашеніи въ видѣ исключенія и, по замѣчанію г. Самарина, едва ли гдѣ-либо примѣненное къ дѣлу, выставлено г. Янсономъ не только какъ общій принципъ, но и какъ общій фактъ существующій въ дѣйствительности. Не останавливаемся на другихъ обращикахъ научныхъ пріемовъ употребленныхъ въ ученомъ изслѣдованіи профессора. Достаточно и приведеннаго чтобы видѣть какъ все въ этомъ изслѣдованіи „научно, точно и вѣрно, и потому обязательно для руководства.“

Но нельзя не остановиться на одномъ особенно замѣчательномъ характеристическомъ „научномъ“ пріемѣ. Г. Самаринъ сличилъ приводимыя въ книгѣ выписки изъ разныхъ правительственныхъ актовъ съ дѣйствительнымъ ихъ текстомъ и уличилъ апостола нашихъ либераловъ въ непозволительномъ дѣлѣ, въ опущеніи изъ правительственныхъ актовъ тѣхъ словъ которыми правительство считало нужнымъ, приступая къ освобожденію крестьянъ, подтвердить право собственности помѣщика на всю землю. Такъ, напримѣръ, въ выдержкѣ изъ письма министра Внутреннихъ Дѣлъ къ генералъ-адъютанту Игнатьеву: „Въ этихъ началахъ, то-есть въ обезпеченіи *помѣщикамъ поземельной ихъ собственности*, а крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей, заключается то незыблемое основаніе, на которомъ должно воздвигнуться предпринимаемое великое дѣло,“ слова напечатанныя курсивомъ г. Янсонъ пропускаетъ какъ будто бы ихъ вовсе не было. Точно также, изъ вышеупомянутаго Высочайшаго Рескрипта генералъ-адъютанту Назимову устраняются имъ, какъ ненужныя, слова: „помѣщикамъ сохраняется право собственности на землю.“

Г. Янсонъ — ординарный профессоръ политической экономіи и статистики, деканъ юридическаго факультета въ Петербургскомъ университетѣ. Должно полагать что изложенное въ его статистическихъ изслѣдованіяхъ входитъ и въ составъ читаемаго имъ студентамъ курса статистики. И все это учащіеся молодые люди *обязательно* должны усвоить, подъ страхомъ не полученія надлежащей отмѣтки на экзаменѣ, то-есть подъ страхомъ не полученія правъ государственной службы сопряженныхъ съ высшимъ образованіемъ...

№ 337.

Москва, 4-го декабря.

Высочайшимъ указомъ, постановившимъ отмѣну солянаго акциза и соразмѣрное уменьшеніе пошлины съ привозной соли, было между прочимъ возложено на министра финансовъ озаботиться одновременнымъ возмѣщеніемъ убыли въ государственныхъ доходахъ отъ сложенія солянаго сбора посредствомъ возвышенія нѣкоторыхъ изъ существующихъ налоговъ, при соблю-

деніи уравнительнаго ихъ распредѣленія. Пріисканіе источниковъ, откуда могли бы быть возмѣщены казнѣ суммы соляныхъ сборовъ, обыкновенно выставлялось главною, неодолимою трудностью при отмѣнѣ этихъ сборовъ. Но трудность эта всегда была только мнимою. Въ дѣйствительности никогда ея не было, не оказывается ея и въ настоящее время когда отмѣна соляныхъ сборовъ стала фактомъ, выйдя изъ безконечнаго канцелярскаго обсужденія въ несчастныхъ коммиссіяхъ. Какъ сообщено въ газетѣ *Новое Время*, предположенія министра финансовъ относительно замѣнительныхъ налоговъ уже одобрены въ Государственномъ Совѣтѣ. Предположено возвышеніе двухъ налоговъ: цѣны гильдейскихъ свидѣтельствъ, пока неизвѣстно въ какомъ размѣрѣ, и таможенныхъ пошлинъ, прибавкою къ нимъ, по извѣстію упомянутой газеты, десяти процентовъ.

Лучшій выборъ источниковъ замѣны соляпаго налога, кажется, трудно было бы представить себѣ. Министръ послѣдовалъ въ этомъ не мнѣніямъ кружковъ и партій, а голосу самого народа. На прошлогодней Нижегородской ярмаркѣ, 24 августа 1879, подавая графу Игнатьеву докладную записку съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ соляныхъ сборовъ, „ярмарочное нижегородское и всего Поволжья торговое купечество,“ никѣмъ къ тому не побуждаемое, имѣя въ виду единственно благо страны и народа, по собственному изволенію изъявляло готовность принять на себя большую долю тѣхъ жертвъ какія должны быть принесены для отмѣны солянаго налога. „Жертвовать на покрытіе солянаго налога,—было между прочимъ сказано въ запискѣ,—долженъ не тотъ кто отъ отмѣны его выигрываетъ въ содержаніи въ годъ 30 коп., и не тотъ кто извлекаетъ пользы 3 р. 5 к. и т. д., а тотъ для кого въ сказанномъ пожертвованіи нѣтъ въ сущности никакого риска или убытка, но кому выпадетъ наибольшая выгода,—именно богатые торговые и промышленные люди, пропорціонально числу людей и домашнихъ животныхъ, ихъ обогащающихъ... Сюда можно бы отнести торгующихъ и промышляющихъ по первой гильдіи, оплачивающихъ около 50.000 торговыхъ и промышленныхъ свидѣтельствъ высшаго класса, и по второй гильдіи, платящихъ по 80.000 свидѣтельствамъ, кромѣ платящихъ гильдію не производя торговли, а вообще всѣхъ тѣхъ чьи обороты превышаютъ 100.000 рублей въ годъ.“ Налогъ соотвѣтствующій соляному, „отнесенный прямымъ путемъ на зажиточные классы, къ которымъ и принадлежатъ преимущественно сами просители,“ — читаемъ въ другомъ мѣстѣ той же докладной записки, — „подобный налогъ, наисправедливѣйшій въ своей сущности, не имѣетъ въ дѣйствительности значенія налога понудительнаго, а есть добровольное самообложеніе или пожертвованіе зажиточнаго торговаго и промышленнаго сословія во имя блага и преуспѣянія отечества.“

Къ приведеннымъ словамъ, которыя были не только словами, но истинно доблестнымъ поступкомъ, прибавлять нечего, и государство не могло не принять этой добровольной жертвы своихъ торговыхъ и промышленныхъ людей, когда въ ней представилась надобность. Еще въ меньшей мѣрѣ могло оно не обратить вниманія на таможенные сборы. Практикой цѣлаго ряда лѣтъ и всѣмъ ходомъ нашего государственнаго хозяйства выяснена до очевидности необходимость подъема таможенныхъ сборовъ съ привозимыхъ товаровъ. Этотъ подъемъ требуется самыми существенными интересами страны; онъ былъ бы необходимъ, еслибъ и не предстояло надобности пріискивать источники замѣны солянаго дохода, еслибы бюджетный балансъ не требовалъ никакихъ новыхъ налоговъ. Возвышеніе таможенныхъ сборовъ нужно для поддержки нашей промышленности, для постановки всѣхъ ея отраслей въ условія при которыхъ она могла бы жить и развиваться, давая все бо́льшіе заработки все бо́льшимъ массамъ рабочаго люда, а не прозябать только и едва влачить свое существованіе, какъ это было донынѣ со многими важными отраслями производства лишенными таможеннаго покровительства и кромѣ того подрываемыми тарифною политикой желѣзныхъ дорогъ. Помимо оказанія покровительства національнымъ производствамъ, подъемъ таможенныхъ сборовъ есть положительная государственная необходимость какъ главное, если не единственное средство къ исправленію нашего разорительнаго международнаго разчетнаго баланса. Къ намъ слишкомъ много привозится иностранныхъ товаровъ, и расплаты за нихъ изъ году въ годъ усиливаютъ зависимость страны отъ чужезем-

ныхъ капиталистовъ, какъ должника отъ его кредиторовъ. Оставаясь при своемъ нынѣшнемъ таможенномъ тарифѣ, лучшія стороны коего парализуются притомъ тарифами желѣзнодорожными, страна еще надолго была бы осуждена, какъ выразился однажды князь Бисмаркъ говоря о Германіи, истекать кровью въ экономическомъ отношеніи. Безъ исправленія нашего международнаго разчетнаго баланса, безъ сокращенія привоза подъемомъ пошлинъ не можетъ быть создана твердая почва и для рѣшенія нашего денежнаго вопроса, не можетъ быть остановленъ безпрестанный отливъ золота, не могутъ быть упрочены валюта и вексельные курсы. Увеличеніе на 10% существующаго размѣра таможенныхъ пошлинъ, конечно, далеко не то что̀ требуется въ указанныхъ отношеніяхъ, но во всякомъ случаѣ это серіозный шагъ въ желаемомъ направленіи. Это есть замѣна несомнѣнно вреднаго налога подъемомъ налога не только, въ общемъ, не вреднаго, но положительно полезнаго для страны. Можно поэтому смѣло разчитывать что подъемъ пошлинъ будетъ встрѣченъ общимъ одобреніемъ и сочувствіемъ всѣхъ кому дороги національные интересы, а не безсмысленное поклоненіе мертвымъ доктринамъ.

Дастъ ли повышеніе гильдейскихъ и таможенныхъ сборовъ суммы достаточныя для возмѣщенія прежняго солянаго дѣла? Для отвѣта на такой вопросъ пока еще нѣтъ налицо необходимыхъ данныхъ. Но вообще суммы которыя должны быть возмѣщены далеко не такъ громадны чтобы въ этомъ можно было сомнѣваться. По бюджету на нынѣшній 1880 годъ, соляной доходъ былъ исчисленъ въ 11.350.000 руб. Но вовсе не требуется чтобы замѣняющіе его налоги дали всю эту сумму. Во-первыхъ, эта бюджетная цифра можетъ быть сокращена какъ превышающая размѣры дѣйствительнаго поступленія солянаго дохода въ 1877 и 1878 годахъ, послѣднихъ за которые имѣются контрольные отчеты, и въ которые соляной доходъ оказывался немногимъ болѣе десяти милліоновъ *). Во-вторыхъ, съ отмѣной акциза, часть солянаго дохода будетъ поступать въ казну попрежнему и, между прочимъ, постоянно возраставшіе сборы за право добычи соли изъ казенныхъ источниковъ будутъ расти въ несравненно высшей прогрессіи вслѣдствіе несомнѣннаго увеличенія потребленія, а стало-быть и добыванія соли. Опредѣляемая нынѣ сотнями тысячъ рублей, эта остающаяся за казной часть солянаго дохода въ непродолжительномъ времени перейдетъ за милліонъ и выше. Въ-третьихъ, сократятся расходы по надзору за соляною промышленностью и торговлей которые съ отмѣной акциза станутъ ненужными. Принимая все это во вниманіе, можно сказать что казна не встрѣтитъ затрудненій, если взамѣнъ отмѣненнаго акциза получитъ изъ другихъ источниковъ восемь или съ чѣмъ-нибудь восемь милліоновъ рублей (кредитныхъ). Правда, помимо того, требуется возмѣщеніе того ущерба который должна понести казна отъ одновременнаго съ отмѣной акциза пониженія пошлины на привозную соль. Но суммы которыя должны быть тутъ возмѣщены гораздо менѣе чѣмъ по внутреннему соляному налогу. Хотя привозная соль была обложена очень высокою пошлиной ($38^1/_2$ металлическихъ копѣекъ, кромѣ портовъ Архангельской губерніи, гдѣ она оплачивалась 22 копѣйками), болѣе высокою чѣмъ любой изъ другихъ привозныхъ товаровъ, такъ какъ тутъ взималось болѣе 60 металлическихъ копѣекъ съ кредитнаго рубля стоимости, то-есть почти рубль на рубль, тѣмъ не менѣе таможенныхъ сборовъ съ соли поступило всего:

Въ 1877 году . . .	2.355.653	руб.
„ 1878 „ . . .	3.836.870	„
„ 1879 „ . . .	3.791.816	„

Часть этого дохода будетъ поступать и впредь, ибо пошлина съ привозной соли не отмѣняется, а лишь понижается, и съ уменьшеніемъ пошлины слѣдуетъ ожидать увеличенія привоза, почему доходъ отъ привозной соли не сократится въ размѣрахъ пониженія тарифа. На сколько именно будетъ онъ пониженъ пока неизвѣстно. Иностранной соли имѣетъ быть дана льгота соразмѣрная льготѣ предоставленной для соли внутренняго производства. На какихъ основаніяхъ будетъ установлена эта соразмѣрность? Пониженіе пошлины съ $38^1/_2$ до $8^1/_2$ копѣекъ не было бы соразмѣрно снятію 30-копѣечнаго налога со внутренней соли. Иностранная соль выиграла бы тутъ въ полтора раза болѣе, ибо 1 металлическая копѣйка равна $1^1/_2$ кредитныхъ. Соразмѣрнымъ было бы пониженіе

*) Въ 1877 году 10.163.724 р.; къ 1878 году— 10.057.287 руб.

пошлины приблизительно на 20 металлическихъ копѣекъ, то-есть сокращеніе существующей пошлины на половину. Вся потеря казны отъ такого сокращенія едва ли много превыситъ полтора милліона металлическихъ рублей или два съ небольшимъ милліона рублей кредитныхъ. Въ общемъ итогѣ, десять или одиннадцать милліоновъ рублей кредитныхъ, вотъ все что должно дать общее повышеніе таможенныхъ и гильдейскихъ сборовъ. Девять или около девяти милліоновъ въ этомъ счетѣ имѣютъ быть получены отъ десятипроцентной прибавки къ нынѣшнимъ нормамъ таможеннаго обложенія, при которыхъ таможенные сборы дали въ 1879 г. 91.424.892 руб. кредитныхъ (считая по принятому въ бюджетѣ курсу, и значительно болѣе если считать по курсу дѣйствительному), и обѣщаютъ дать не менѣе, если не болѣе въ текущемъ 1880 году. Серіознаго сокращенія привоза отъ предположенной надбавки пошлинъ, такого сокращенія которое чувствительно понизило бы таможенный доходъ, ожидать нельзя; въ этомъ убѣждаетъ опытъ, именно результаты полученные отъ установленія съ 1877 года золотой пошлины; предположенная надбавка пошлинъ не сократитъ привоза въ желаемой степени, но окажется полезною тѣмъ что задержитъ его неуклонное до нынѣ возрастаніе. Такимъ образомъ, отъ повышенія налоговъ на право торговли потребуются какихъ-нибудь два или съ небольшимъ два милліона, то-есть надбавка къ этимъ налогамъ, среднимъ числомъ, менѣе 20%.

Вообще можно полагать что успѣхъ финансовыхъ мѣръ сопровождающихъ отмѣну солянаго налога обезпеченъ, и нельзя не привѣтствовать въ нихъ начало національной экономической политики. Будемъ ожидать дальнѣйшихъ мѣръ. Будемъ ожидать, между прочимъ, мѣръ которыя осуществили бы возложенное на министра Финансовъ вышеупомянутымъ Высочайшимъ указомъ 23 ноября соблюденіе *уравнительнаго* распредѣленія налоговъ повышаемыхъ для замѣны солянаго дохода. При одномъ процентномъ возвышеніи этихъ налоговъ, желательная уравнительность не достигается. Процентная надбавка только усиливаетъ существующую неуравнительность и можетъ быть допущена лишь какъ временная мѣра. Не мало слышится жалобъ на крайнюю неуравнительность гильдейскихъ сборовъ, съ указаніями на справедливость замѣны ихъ налогомъ соразмѣреннымъ съ цифрами торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ. Но еще неуравнительнѣе норма существующаго таможеннаго обложенія. Въ дѣйствующемъ тарифѣ, разница въ размѣрахъ пошлинъ большею частью ничѣмъ не можетъ быть объяснена кромѣ слѣпой случайности. Пропускаются безпошлинно или обложены ничтожною пошлиной товары, которые въ интересахъ страны должны бы платить высокую пошлину; наоборотъ, платятъ высокую пошлину продукты съ которыхъ слѣдовало бы брать возможно менѣе, если не пропускать безпошлинно. Эти несообразности тарифа станутъ еще чувствительнѣе послѣ огульнаго возвышенія пошлинъ на 10%, подобно тому какъ это обозначилось вслѣдъ за установленіемъ взиманія ихъ золотомъ. Давно признанный необходимымъ общій пересмотръ таможеннаго тарифа становится такимъ образомъ настоятельнѣйшею, неотложною потребностью. И приступъ къ нему, полагаемъ, при умѣ и характерѣ, не труднѣе отмѣны солянаго акциза.

№ 338.

Москва, 6-го декабря.

А.

Разсужденія газеты *Times*, переданныя вчера по телеграфу, по поводу Греческаго вопроса, показываютъ предъ какими трудностями вновь стоитъ европейская дипломатія, поставившая себѣ цѣлью предотвратить возможность новаго пожара на Востокѣ. Задача эта оказывается ей не по силамъ, ибо фальшива была исходная точка дипломатіи и фальшивы цѣли къ которой эти „благія“ усилія направлены. Лондонская руководящая газета служащая въ послѣднее время, какъ удостовѣряютъ лондонскіе корреспонденты, кабинету г. Гладстона органомъ по преимуществу для выраженія мѣняющихся настроеній правительства по вопросамъ иностранной политики, не думаетъ чтобы Греція могла согласиться на предложенія Турціи выраженныя въ ея послѣдней нотѣ. Но въ то же время *Times* полагаетъ что Греція, вмѣсто того чтобъ обнажать мечъ, могла бы возобновить переговоры, „если она увѣрена

въ дѣйствительной поддержкѣ Европы.“ Но увѣрена ли Грецiя въ этомъ? Можетъ ли она быть въ этомъ увѣрена? Не потому ли и приняла она отчаянное рѣшенiе попытать силу своего оружiя что она, напротивъ, убѣдилась что на поддержку Европы ей разчитывать нечего? Въ концѣ концовъ, англiйская газета сама приходитъ къ тому заключенiю что война между Турцiей и Грецiей неизбѣжна, хотя тутъ же прибавляетъ фразу лишенную смысла (если только тутъ нѣтъ искаженiя въ телеграфной передачѣ) что о войнѣ пока еще нечего думать.

Всего важнѣе оговорка, которую дѣлаетъ *Times*, что инiцiатива въ Греческомъ вопросѣ должна принадлежать не Англiи, а Францiи. А французскiй министръ иностранныхъ дѣлъ, во время недавнихъ преній въ сенатѣ, утверждалъ какъ разъ противное; онъ сказалъ что не Францiи, а Англiи принадлежитъ инiцiатива въ улаженiи греко-турецкой распри. Такимъ образомъ, если принять заявленiе газеты *Times* за правительственную манифестацiю, не остается сомнѣнiя что сладить вновь европейское соглашенiе для совокупнаго шага въ дѣлѣ Грецiи не удастся, и что стало-быть греко-турецкая война неизбѣжна.

Въ Германiи однако думаютъ иначе. Тамъ полагаютъ что князю Бисмарку, у котораго перебывали въ послѣднее время, въ его „лѣсномъ уединенiи,“ представители всѣхъ великихъ державъ, удалось какимъ то способомъ парализовать, съ одной стороны, дѣятельную политику г. Гладстона, которая ему пришлась особенно не по вкусу, положивъ преграду сближенiю англiйской политики съ русскою, а съ другой— установить какое-то весьма таинственное соглашенiе съ Францiей чтобъ она дѣйствовала заодно съ Германiей. Какимъ образомъ германскому канцлеру удалось послѣднее, это тайна которую тщетно стараются проникнуть досужiе политики.

Англiйская газета *Standard* сообщила „текстуально“ разговоръ который имѣлъ князь Бисмаркъ съ г. Сенъ-Валье во Фридрихсруэ, ручаясь что сообщенiе это, доставленное кельнскимъ корреспондентомъ, *дословно* вѣрно, и настаивая на этомъ утвержденiи несмотря на то что берлинскiя и французскiя официозныя газеты поспѣшили опровергнуть его. Воспроизводить этотъ разговоръ нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе что изложенiе его, несмотря на то что собесѣдники говорятъ въ первомъ лицѣ, не отличается ясностью. Содержанiе этого дiалога заслуживаетъ однако вниманiя, такъ какъ и берлинскiя газеты не отрицаютъ того что тутъ „можетъ быть“ частица правды.

Князь Бисмаркъ говоритъ со своимъ собесѣдникомъ въ такомъ тонѣ какъ будто бы между Францiей и Германiей все уже приведено къ полному соглашенiю, и что имъ остается лишь опредѣлить кто ихъ главнѣйшiе враги. Князь Бисмаркъ усматриваетъ таковаго прежде всего въ соцiалистахъ-революцiонерахъ, и предостерегаетъ Францiю противъ излишней снисходительности къ коммунарамъ, сожалѣя объ амнистiи осужденныхъ участниковъ Парижскаго возстанiя 1871 года: возвращенiе ихъ, по мнѣнiю германскаго канцлера, должно отозваться гибельными послѣдствiями вслѣдствiе пропаганды которая открыто ведется ими и проникаетъ даже въ ряды французской арми. Представитель Францiи старается разсѣять слишкомъ пессимистическiй взглядъ своего собесѣдника, увѣряя его что правительство во Францiи достаточно сильно, но князь Бисмаркъ увѣряетъ его что нельзя слишкомъ полагаться на буржуазiю и разчитывать на ея ненависть къ коммунистамъ. Затѣмъ разговоръ вдругъ перескакиваетъ на восточныя дѣла, и князь Бисмаркъ говоритъ: „Г. Гирсъ не могъ бы надѣяться парализовать насъ на Босфорѣ. Намъ нужно лишь осуществить то что̀ г. Веттендорфъ уже забралъ въ свои руки, и Востокъ принадлежитъ намъ безъ удара меча.“ Г. Веттендорфъ, это прусскiй чиновникъ приглашенный лѣтомъ этого года Турецкимъ султаномъ для приведенiя въ порядокъ турецкихъ финансовъ и уволенный для этого Прусскимъ правительствомъ съ сохраненiемъ всѣхъ правъ прусской службы. Въ какомъ отношенiи Францiя можетъ извлечь для себя какую-либо выгоду изъ дѣятельности прусскаго чиновника на турецкой службѣ и какъ предполагается раздѣлить его мирное завоеванiе между Германiей и Францiей, изъ сообщенiя англiйскаго корреспондента не видно. Германскiя газеты всегда старались доказать что правительство отнюдь не причастно миссiи г. Веттендорфа и другихъ нѣмецкихъ чиновниковъ и офицеровъ приглашенныхъ на службу султаномъ. Остается поэтому предположить что „частица истины,“ которую онѣ тѣмъ не менѣе усматри-

ваютъ въ сообщеніи газеты *Standard*, заключается не въ великихъ ожиданіяхъ возлагаемыхъ будто бы княземъ Бисмаркомъ на г. Веттендорфа, а въ томъ вѣроятно что Германія ставитъ для себя и для Франціи общею задачей борьбу противъ какихъ-то предполагаемыхъ замысловъ Россіи. Это однако не мѣшаетъ тѣмъ же газетамъ съ найсточивостью утверждать что политика Россіи, по отношенію къ Востоку, вступила теперь на путь, если не положительнаго, то отрицательнаго содѣйствія Германіи, — отрицательнаго въ томъ смыслѣ что Россія отступилась отъ всякаго совокупнаго съ Англіей дѣйствія.

Весьма трудно разобрать насколько явная ложь, заключающаяся во всѣхъ этихъ съ намѣреніемъ повторяемыхъ вѣстяхъ объ общности и солидарности интересовъ Франціи и Германіи, смѣшана съ истиной. Но если князь Бисмаркъ озабоченъ возрастающею съ каждымъ днемъ революціошною пропагандой во Франціи, то въ этомъ онъ не ошибся.

Партія коммунниковъ стала во Франціи дѣйствительною и грозною силой. Тамъ это не химера. Парижъ въ особенности ощущаетъ съ каждымъ днемъ возрастающій гнетъ этихъ заклятыхъ враговъ всякаго порядка, а Парижъ—это половина Франціи. Въ муниципальныхъ учрежденіяхъ Парижа коммунники заняли господствующее положеніе. На дняхъ только Рошфоръ и его клевреты внесли въ муниципальный совѣтъ предложеніе чтобы на одной изъ площадей Парижа былъ воздвигнутъ памятникъ гражданамъ казненнымъ во время возстанія 1871 года, и предложеніе это было отклонено лишь большинствомъ четырехъ голосовъ! Вообще коноводы этой партіи поставили себѣ задачей напоминать о себѣ постоянными скандалами, и въ этомъ отношеніи никакая партія съ ними соперничать не можетъ. Безчисленные органы коммунистической печати замѣчательно выдрессированы съ тою же цѣлью. Не успѣетъ окончиться одинъ скандалъ какъ уже начинается новый, усердно разжигаемый печатью, и пока не видно чтобы правительство обладало достаточными средствами, а главное и достаточною твердостью принциповъ чтобы положить конецъ опасной пропагандѣ когда революціонеры сочтутъ наступившимъ время перейти отъ скандаловъ и агитаціи словомъ къ открытому дѣйствію...

Общіе выборы, въ будущемъ году, должны показать насколько Франція способна устоять въ этой роковой внутренней борьбѣ. Тогда только опредѣлится настоящимъ образомъ положеніе Франціи въ Европѣ.

Б.

Въ старѣйшемъ русскомъ Университетѣ сегодня разыгралась сцена не виданная отъ его основанія. Въ стѣны его введена полицейская сила для арестованія расходившейся молодежи. Со времени поѣздки г. управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ Московскій учебный округъ,—когда лицу облеченному правительственнымъ авторитетомъ въ газетахъ безсовѣстно приписывались невѣроятныя рѣчи и намѣренія,—среди университетской молодежи началось броженіе. Оно выразилось извѣстными *петиціями*, немедленно обратившимися въ эпидемическое явленіе во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Движеніе въ Московскомъ Университетѣ нашло поощреніе въ университетскихъ властяхъ и въ газетахъ состоящихъ въ связи съ нѣкоторыми членами профессорской коллегіи. Студентамъ давались разныя обѣщанія. Газеты наполнены были описаніями какъ ректоръ принималъ депутатовъ отъ студентовъ, ходатайствовалъ предъ управляющимъ министерствомъ, получалъ ободрительныя обѣщанія, каковыя и передавались студентамъ нѣкоторыми изъ нихъ, выдававшими себя за уполномоченныхъ отъ ректора. Отъ имени ректора и нѣкоторыхъ профессоровъ назначались и собирались сходки. Когда появилась въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* извѣстная телеграмма отрицавшая принятіе управляющимъ министерствомъ студентской петиціи, врученной ректору, отъ имени послѣдняго собрана была громадная сходка. По рукамъ ходитъ списокъ рѣчи ректора къ студентамъ, въ которой онъ говоритъ о какихъ-то темныхъ силахъ дѣйствующихъ противъ него и мѣшающихъ все сдѣлать въ удовлетвореніе студентскихъ требованій. У студентовъ просили два мѣсяца спокойствія для исполненія программы которая была имъ навязана. Молодые люди, при столькихъ возбужденіяхъ, показали себя еще замѣчательно крѣпкими. Но мудрено ли что наконецъ головы у многихъ пошли кругомъ? Болѣе всѣхъ возбуждались и вол-

новались многолюдные первый и второй курсы медицинскаго факультета. Не успѣли молодые первокурсники явиться въ Университетъ, въ началѣ сентября, какъ ихъ уже охватила интрига: они еще не ознакомились между собою, не осмотрѣлись, не освоились со своимъ новымъ положеніемъ, какъ ужь имъ предложили на обсужденіе разныя программы требованій долженствовавшихъ стать предметомъ петиціи. Бѣдную молодежь ловили и употребляли въ видахъ какой-то „либеральной“ партіи. Ученье было забыто. Лекціи потеряли значеніе. Весь интересъ университетской жизни сосредоточился въ сходкахъ и вопросахъ концертныхъ, читальныхъ, кухмистерскихъ. Особенное ликованіе возбуждала фактическая отмѣна временныхъ правилъ касательно завѣдыванья дисциплинарною частью въ Университетѣ. Въ послѣднее время Московскій Университетъ былъ совсѣмъ изъятъ изъ управленія попечителя и переданъ, „во избѣжаніе двоевластія,“ въ завѣдываньe ректора. Наступили, казалось бы, блаженныя времена. Что же вышло на дѣлѣ? Юные медики считавшіе себя обманутыми продолжали волноваться. Ректоръ счелъ нужнымъ нѣкоторыхъ исключить и оповѣстилъ на нынѣшній день экстренное засѣданіе совѣта для сужденія о безпорядкахъ на первомъ курсѣ медицинскаго факультета. Разнесся слухъ что первый курсъ будетъ закрытъ. Студенты громадною толпой собрались на дворѣ стараго университетскаго зданія, предъ крыльцомъ ведущимъ въ правленіе, и требовали чтобы къ нимъ вышелъ ректоръ, который благоразумно уклонился отъ неожиданнаго призыва. Разказываютъ о происшедшихъ затѣмъ безпорядкахъ (еще ранѣе были безпорядочныя сцены на лекціи анатоміи). Засѣданіе совѣта, конечно, не состоялось. Самоуправленіе не самоуправилось. Пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію полиціи; сильный отрядъ пѣшихъ и конныхъ жандармовъ и городовыхъ вступилъ въ ограду храма наукъ, захватилъ всѣхъ попавшихся подъ руку, которыхъ и препроводили подъ конвоемъ въ мѣсто заключенія. Вмѣшательство полиціи было быть-можетъ и нелишнимъ для огражденія молодыхъ людей, въ виду громадной массы народа наполнявшей улицу и непріязненно смотрѣвшей на университетскую сцену. Десяткамъ, а съ закрытіемъ курсовъ и сотнямъ юношей грозитъ печальная судьба; множеству семей предстоитъ тяжкое огорченіе. Кто же истинные виновники печальнаго событія? Нѣтъ, не молодежь! Виновники вы, возбуждавшіе и обольщавшіе молодежь, вы, дѣлавшіе ее орудіемъ своихъ интригъ, игравшіе ею, вы ея губители...

№ 340.

Москва, 7-го декабря.

Газета служащая органомъ нынѣшнему ректору Московскаго Университета и его друзьямъ (*Русскія Вѣдомости*) высказалась вчера и сегодня о безпорядкахъ бывшихъ 5 декабря. Вчера она строго осуждала молодыхъ людей и великодушно слагала на нихъ *всю* вину печальнаго происшествія; сегодня она сердобольно предостерегаетъ ихъ отъ нашихъ сѣтей, выставляя насъ врагами учащейся молодежи.

Та же газета, за три недѣли предъ симъ, такъ поучала насъ: „Интеллигентная молодежь есть крупная общественная сила; „это будущіе общественные дѣятели. *Склонить такую силу на свою сторону составляетъ вѣнецъ желаній всякой политической партіи.*“ Другими словами, политическія партіи должны ловить въ свои сѣти будущихъ дѣятелей прежде чѣмъ они сформировались. Вотъ доктрина этихъ господъ! Они выдаютъ себя за какую-то партію, и стараются вовлечь въ свои интриги молодыхъ людей которые стекаются въ университетъ для научнаго образованія.

Однако, дозволительно ли, честно ли, разумно ли привлекать въ политическія партіи молодыхъ людей которые еще только готовятся быть дѣятелями, и превращать школу въ арену для борьбы партій?

Мы не знаемъ какую партію представляютъ собою эти господа; но при этой доктринѣ и при средствахъ которыя они считаютъ позволительными, это едва ли уважительная партія.

Что эти господа сами дѣлаютъ, то они приписываютъ и другимъ. По ихъ мнѣнію, и мы ловимъ молодежь въ сѣти. Но въ какія же сѣти? И почему мы враги молодежи? Въ учащейся молодежи находятся наши дѣти. Многія поколѣнія учащейся молодежи воспитались и теперь воспитываются въ основанномъ нами учебномъ заведеніи. Главною заботою нашей было, на-

противъ, ограждать ихъ отъ всякихъ партій. Мы требуемъ чтобъ учащаяся молодежь училась серіозно и правильно, чтобъ изъ нея вырабатывались способные, умные, честные общественные дѣятели, и предоставляемъ имъ самимъ, на высотѣ ихъ собственнаго развитія, избирать себѣ жизненный путь и трудъ. Вотъ наши сѣти. Какіе могутъ быть враги у учащейся молодежи? Другихъ не можетъ быть кромѣ людей которые видятъ въ ней не цѣль, а средство, эксплуатируя ее въ какихъ бы то ни было видахъ.

№ 341.

Москва, 8-го декабря.

У нашей учащейся молодежи есть много заботливыхъ друзей, которые не только выставляютъ ей на видъ свою къ ней любовь, но и воспламеняютъ ее противъ многочисленной партіи будто бы враждебно расположенныхъ къ ней людей. Кто же эти изверги которые могутъ относиться съ ненавистью къ учащимся юношамъ? Зачѣмъ и почему сталъ бы кто-нибудь питать къ нимъ вражескія чувства? Но учащаяся молодежь, какъ и все на свѣтѣ, можетъ имѣть истинныхъ друзей и друзей фальшивыхъ, которые видятъ въ ней не цѣль, а средство, какъ мы замѣтили вчера, и эксплуатируютъ ее въ своихъ видахъ.

Мы полагаемъ что истинные друзья учащагося юношества должны прежде всего заботиться о томъ чтобъ оно получало возможно лучшее образованіе, чтобъ оно имѣло къ тому всѣ способы, и чтобъ изъ него дѣйствительно выходили полезные люди.

Почти съ самаго начала сентября, въ Москвѣ заговорили о сходкахъ между университетскими студентами, о толкахъ между молодыми людьми преимущественно перваго курса для установленія программы требованій студентовъ, которыя имѣли быть предъявлены г. управляющему Министерствомъ, объѣзжавшему тогда учебный округъ. Въ разныхъ газетахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, появлялись болѣе или менѣе обширные бюллетени объ этихъ толкахъ какъ о дѣлѣ имѣющемъ особенную важность. Сколько намъ было извѣстно, ничего серіознаго между молодыми людьми не происходило. Въ помѣщеніяхъ Университета собирались кучки, выслушивали какого-нибудь оратора, и не рѣдко сгоняли его со стола на который онъ взбирался. Кучки расходились по первому требованію инспекціи, снова собирались и снова расходились. Ораторы предлагали для принятія разныя требованія, изъ которыхъ иныя сразу отметались слушателями и подвергали виновника осмѣянію. Въ Московскій Университетъ поступило въ нынѣшнемъ году около 900 молодыхъ людей; изъ нихъ болѣе 500 на одинъ медицинскій факультетъ. Страннымъ могло казаться какъ эти молодые люди, едва вступившіе въ Университетъ, едва прибывшіе въ Москву, еще не зная другъ друга въ лицо, еще вовсе незнакомые съ условіями и потребностями своего новаго быта, прежде чѣмъ установилось правильнымъ образомъ чтеніе лекцій, уже занялись обсужденіемъ программы *петиціи*, какъ говорилось въ газетахъ. Очевидно что это движеніе не могло родиться само собою. Но нельзя винить молодыхъ людей за то что они выслушивали разныхъ ораторовъ. Нельзя очень винить ихъ и за то что они пускались въ обсужденіе потребностей быта еще ими не испытаннаго, и вырабатывали декларацію своихъ правъ прежде чѣмъ освоились со своими обязанностями. Они только слѣдовали теченію времени. Тѣ же самыя газеты которыя извѣщали публику объ университетскихъ сходкахъ торжественно провозглашали о наступленіи новаго времени и сообщали текстуально, во вносныхъ знакахъ и въ первомъ лицѣ, рѣчи управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, будто бы сказанныя имъ во многихъ мѣстахъ при объѣздѣ округа. Эти рѣчи, которыя газетными репортерами влагались въ уста правительственному лицу, съ комментаріями, были явленіемъ небывалымъ. Выходило будто бы министръ взываль къ подчиненнымъ ему должностнымъ лицамъ и къ цѣлому обществу штурмовать позицію еще занимаемую правительствомъ. Если установленный порядокъ оказывается несостоятельнымъ или негоднымъ, то надобно отмѣнить его. Но зачѣмъ правительству убѣждать всѣхъ и каждаго чтобъ его принудили отмѣнить то что оно поддерживаетъ? Удивительное зрѣлище изображали газеты: правительство бунтующее противъ самого себя, вызывающее всѣхъ и каждаго протестовать противъ дѣйствующаго закона. Скажите какъ не заплясать подъ такую музыку? Но молодые люди на-

шего Университета всетаки плясать не пошли. Мало того, они значительно отрезвили ту программу требованій которую болѣе задорные изъ нихъ подвергали общему обсужденію.

Въ числѣ пунктовъ программы ходившей между студентами былъ одинъ очень задорный: право студентовъ выбирать профессоровъ. Пунктъ этотъ былъ благоразумно отброшенъ молодыми людьми, но онъ въ своей сущности вовсе не такъ нелѣпъ какъ можетъ съ перваго взгляда показаться. Говорятъ о самоуправленіи университетовъ, настаиваютъ на сохраненіи университетскаго устава 1863 года, которымъ якобы дарованно самоуправленіе этимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Это ошибка. Нынѣшнее положеніе университетовъ, на основаніи устава 1863 года, болѣе приближается къ типу крѣпостнаго права чѣмъ къ самоуправленію. Можно ли назвать самоуправленіемъ порядокъ въ силу котораго участь цѣлой массы людей, въ ихъ нравственныхъ, политическихъ и наконецъ матеріальныхъ интересахъ, находится въ безконтрольномъ распоряженіи нѣсколькихъ лицъ составляющихъ замкнутую, привилегированную и монопольную корпорацію, которая сама пополняется, сама выбираетъ, продвигаетъ и прогоняетъ своихъ членовъ? Если бы профессорскія коллегіи были только учеными обществами, то порядокъ въ нихъ установленный былъ бы конечно самымъ полнымъ, какого только можно пожелать, самоуправленіемъ. Ученое общество, само выбирая своихъ членовъ, распредѣляя свои занятія, назначая преміи, снаряжая экспедиціи и т. д., распоряжается своими дѣлами и управляется само собою. Въ такомъ положеніи находится, напримѣръ, Академія Наукъ. Но университеты существуютъ для юношества которое ищетъ въ нихъ высшаго образованія и съ тѣмъ вмѣстѣ правъ государственной службы. Профессорскія коллегіи служатъ исключительно для этой цѣли, и потому дѣятельность ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ назваться самоуправленіемъ, и слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не должна быть безконтрольная и независимая. Государство, учреждая разсадники высшаго образованія и привлекая къ нимъ отборныхъ молодыхъ людей изъ народа, съ тѣмъ чтобъ они потомъ становились его разумѣніемъ, его руководителями и наставниками, не можетъ, не отрекаясь отъ своихъ обязанностей, отдавать ихъ въ безконтрольное завѣдываніе замкнутой корпораціи. Студенты *обязываются* слушать по такому-то предмету такого-то профессора, *обязываются* усвоить себѣ то что онъ преподаетъ, будетъ ли то или не будетъ соотвѣтствовать требованіямъ науки, *обязываются* отдавать ему отчетъ въ томъ что имъ было преподано, и находятся въ полной зависимости отъ его оцѣнки. Между слушателемъ и преподавателемъ, при такомъ порядкѣ, сразу устанавливаются неправильныя отношенія. Студенту весьма естественно желать чтобы преподаваніе было менѣе серіозно и обширно. Профессоръ, никѣмъ не контролируемый, преподаетъ что хочетъ и сколько хочетъ, стѣсняемый только настроеніемъ слушателей *обязанныхъ* черпать свою мудрость въ его лекціяхъ. Интересъ науки меркнетъ; высшее образованіе, ради котораго привлекаются молодые люди въ университеты, брошено на произволъ случая. Вступаютъ въ дѣйствіе мотивы чуждые цѣлямъ для которыхъ университеты существуютъ. Либо простая школа служащая продолженіемъ гимназіи съ ея дисциплиной и бдительнымъ контролемъ правительства, либо университеты со свойственною имъ свободой преподаванія. Весьма естественно что молодые люди, которые еще учатся, не могутъ сами назначать профессоровъ, и студенты, повторимъ, поступили умно осмѣявъ и отбросивъ этотъ пунктъ предложеннаго имъ проекта петиціи. Но въ требованіи чтобы студенты сами выбирали профессоровъ сказался вѣрный инстинктъ который только не нашелъ себѣ правильнаго выраженія. При свободѣ высшаго преподаванія, студенты дѣйствительно получаютъ возможность выбирать себѣ руководителя который вѣрнѣе и лучше можетъ способствовать имъ въ достиженіи цѣли. Но свобода преподаванія возможна только при независимости слушателя отъ произвола преподавателя, а это достигается лишь отдѣленіемъ государственной части отъ части научной, экзамена дающаго права отъ преподаванія, долженствующаго только помогать учащимся въ пріобрѣтеніи необходимыхъ познаній. Отдѣленіе экзамена отъ преподаванія, какъ это установлено въ тѣхъ странахъ гдѣ университеты заслуживаютъ своего имени, только и можетъ поставить въ правильныя отношенія преподавателей къ слушателямъ, слушателей къ преподавателямъ. При осво-

божденіи профессорскихъ коллегій отъ несвойственной имъ функціи раздачи государственныхъ правъ, то-есть, при отдѣленіи экзаменовъ отъ преподаванія, сама собою должна установиться привать-доцентура. Всякій удовлетворяющій установленнымъ условіямъ можетъ получить право открывать при Университетѣ курсъ своей науки, и студентъ весьма естественно будетъ выбирать того кто вѣрнѣе можетъ пособить ему въ пріобрѣтеніи познаній въ той силѣ и въ тѣхъ размѣрахъ какіе установлены соотвѣтственно требованіямъ науки. Мы слышали много софизмовъ и кривыхъ толковъ оспаривающихъ этотъ необходимый прогрессъ, безъ котораго никогда не будетъ у насъ серіозной и достойной своего имени науки; но мы слышали еще болѣе озлобленныхъ возраженій противъ реформы освободившей массу нашего народа отъ крѣпостнаго права.

Въ настоящее время профессорскія коллегіи представляютъ принципъ не свободы, а власти, неправильно присвоенной имъ въ ущербъ науки, во вредъ учащемуся юношеству и странѣ которой оно должно быть украшеніемъ и силой. Эта неорганическая примѣсь политическаго элемента къ дѣлу науки составляетъ все зло нынѣшняго положенія, дающее себя разнообразно чувствовать. Изъять этотъ элементъ, освободить профессорскія коллегіи отъ несвойственнаго имъ политическаго принципа, возвратить имъ чисто научный характеръ, установить свободу преподаванія, — вотъ задача, рѣшеніе которой есть неотложная необходимость.

№ 342.

Москва, 9-го декабря.

А.

Недавно сообщалось въ газетахъ что „въ Морскомъ Министерствѣ поднятъ вопросъ о необходимости постройки цѣлой серіи быстроходныхъ военныхъ крейсеровъ,“ причемъ проектъ постройки громаднаго броненосца стоящаго десять милліоновъ „возвращенъ автору.“ Слѣдомъ за этимъ извѣстіемъ появилось другое относительно нашей Каспійской флотиліи уже давно ожидающей обновленія. Сообщается что Министерствомъ признано необходимымъ имѣть на Каспійскомъ морѣ, въ возможно скорѣйшемъ времени, три колесные парохода значительныхъ размѣровъ, съ тѣмъ чтобы каждый изъ нихъ, при скорости хода отъ 11 до 12 узловъ въ часъ, поднималъ не менѣе 500 человѣкъ. Пароходы эти предполагается вооружить легкою артиллеріей, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ нужды они могли замѣнить станціонеровъ. Къ постройкѣ предполагается приступить весной въ Баку.

Совпаденіе извѣстій не случайное. Очевидно дѣло идетъ о развитіи нашихъ военно-морскихъ средствъ вообще. О необходимости усилить и обновить нашу эскадру въ Каспійскомъ морѣ говорятъ уже нѣсколько лѣтъ; на слабость и недостаточную подъемную силу Каспійской флотиліи указала и прошлая Ахалъ-Текинская экспедиція. И это понятно. До послѣдняго времени, на обязанности флотиліи лежало исключительно только наблюденіе за судоходствомъ въ морѣ и надзоръ за его южными и восточными берегами. Теперь положеніе дѣлъ перемѣнилось: потребовалось содѣйствіе большому десанту и крупной сухопутной операціи въ Закаспійскомъ краѣ, къ чему флотъ вовсе не былъ готовъ. Однако перемѣна обстоятельствъ, случившаяся не вдругъ, не вызывала со стороны морскаго вѣдомства никакихъ, даже экстренныхъ, мѣропріятій, и еще недавно при постройкѣ Ахалъ-Текинской желѣзной дороги и другихъ военныхъ перевозкахъ встрѣтился недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ, который замедлилъ начатіе крайне необходимыхъ работъ. О необходимости развитія крейсерскаго флота идутъ толки тоже не со вчерашняго дня. Еще до войны 1877 года было указано на этотъ недостатокъ нашей военно-морской организаціи. Въ 1878 году обстоятельства вынудили морское вѣдомство экстренно купить за границей четыре крейсера, которыми, при содѣйствіи Добровольнаго Флота, и полагали обойтись. На этомъ дѣло въ морскомъ вѣдомствѣ и остановилось, хотя Добровольный Флотъ и продолжалъ усиливать свои средства, къ содѣйствію которыхъ опять пришлось прибѣгнуть въ видахъ возникшихъ было затрудненій съ Китаемъ.

Если эти затрудненія и необходимость прибѣгнуть къ помощи Добровольнаго Флота опять указали на недостаточность нашихъ военно-морскихъ средствъ, то не крейсеровъ только, а также и броненос-

ныхъ судовъ способныхъ къ дальнему плаванію. При тѣхъ задачахъ которыя могли предстоять нашему флоту на Востокѣ въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, тамъ нужны были не быстроходные только крейсеры, изъ которыхъ исключительно состоитъ эскадра адмирала Лесовскаго. Китайцы вовсе не имѣютъ торговаго флота, а военный находится только въ зародышѣ. Нашимъ судамъ предстояло поэтому не гоняться за „купцами," а блокировать гавани и дѣйствовать противъ прибрежныхъ укрѣпленій, изъ коихъ иные вооружены современною тяжелою береговою артиллеріей и могли бы оказать серіозное сопротивленіе даже броненосцамъ.

Военный флотъ не можетъ ограничиться какимъ-либо однимъ типомъ судовъ. Разные типы судовъ имѣютъ въ морѣ такое же значеніе какое въ сухопутныхъ войскахъ разные роды оружія: пѣхота, кавалерія, артиллерія. Какъ нельзя составить армію изъ одной конницы, такъ нельзя ограничиться только крейсерскимъ флотомъ, который можетъ оказаться безсильнымъ въ такую войну гдѣ придется развить значительныя средства береговой атаки и обороны и въ то же время содѣйствовать, въ виду непріятельскихъ броненосцевъ, своей сухопутной арміи вдоль берега. Въ Германіи, флотъ которой только что нараждается, хорошо понимаютъ это: согласно особо выработанному плану германскій флотъ строится цѣлыми серіями судовъ, въ числѣ которыхъ всегда есть и броненосцы, и крейсеры, хотя въ случаѣ надобности военно-морское вѣдомство Германіи всегда можетъ воспользоваться содѣйствіемъ значительнаго торговаго флота въ которомъ найдется не мало большихъ океанскихъ быстроходныхъ судовъ вполнѣ пригодныхъ для крейсерской службы. Теперь въ Германіи оканчивается уже постройка судовъ серіи подъ литерой Е, и такимъ образомъ въ скоромъ времени основный планъ созданія имперскаго флота будетъ оконченъ, и на Балтійскомъ морѣ рядомъ съ нашею появится уважительная морская сила, состоящая изъ судовъ всѣхъ ранговъ и назначеній. *Si vis pasem para bellum.* На эту нарождающуюся силу нельзя не обращать вниманія и не принимать мѣръ уравновѣсить ея значеніе. Если признается полезнымъ и необходимымъ заблаговременно укрѣплять сухопутныя границы и развивать военно-перевозочныя средства желѣзныхъ дорогъ, то можетъ быть еще нужнѣе заблаговременно развивать военно-морскія средства въ должномъ направленіи. Въ войнѣ сухопутной недостатокъ крѣпостей можетъ еще быть устраненъ возведеніемъ, во время самыхъ дѣйствій, обширныхъ крѣпостей-лагерей въ родѣ Плевны, а въ морѣ недостатокъ или отсутствіе броненоснаго флота не можетъ быть возмѣщенъ ничѣмъ и останется разчитывать только на ошибки противника. Въ Германіи настойчиво ведутся работы по сооруженію флота, и притомъ способнаго ко всякаго рода дѣйствіямъ: и къ оборонѣ береговъ, и къ активнымъ дѣйствіямъ противъ броненосныхъ эскадръ еслибы таковыя вновь появились у береговъ Германіи.

Броненосцы стóятъ, конечно, дорого. Вмѣсто одного броненосца всегда можно построить нѣсколько крейсеровъ, но они не замѣнятъ броненосца во всѣхъ случаяхъ. И въ Италіи, и въ Австріи, точно такъ же какъ и у насъ, раздаются голоса противъ этихъ дорого стóящихъ судовъ, но нигдѣ отъ постройки ихъ не отказываются. Китайское правительство годъ тому назадъ, заботясь о развитіи своихъ вооруженій, точно также купило въ Англіи броненосныя суда.

Если признается необходимымъ развить наши морскія вооруженія, то дѣло заключается не въ томъ чтобъ отказаться вовсе отъ какого-либо рода судовъ, а въ томъ чтобы вовремя располагать тѣмъ который необходимъ, чтобы при извѣстныхъ матеріальныхъ средствахъ прежде всего обзавестись достаточнымъ числомъ такихъ судовъ, въ коихъ можетъ встрѣтиться наибольшая надобность.

Намъ не разъ приходилось указывать на развитіе нашихъ морскихъ силъ въ водахъ дальняго Востока. Очень можетъ быть что послѣднія событія убѣдили, наконецъ, въ необходимости перенести главную морскую станцію и главную дѣятельность нашего флота въ открытое море, въ Тихій Океанъ. Флоту въ этихъ водахъ, конечно, всего болѣе, хотя все же не исключительно, могутъ понадобиться быстроходные крейсеры, и тогда предпочтеніе отдаваемое имъ въ настоящую минуту понятно, но если дѣло по прежнему идетъ только о Балтійскомъ флотѣ, то не предстоятъ ли ему задачи для которыхъ однихъ крейсеровъ будетъ недостаточно?

Б.

Въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* упрекаютъ насъ въ *антиправительственномъ* образѣ дѣйствій за то что мы напечатали объясненіе студентовъ по поводу происшедшей въ Университетѣ смуты. Но что же антиправительственнаго нашелъ почтенный редакторъ этой газеты въ этомъ откровенномъ объясненіи молодыхъ людей? Ихъ поступокъ, или проступокъ, со всѣми своими причинами теперь налицо, и всякій можетъ, по ихъ собственнымъ показаніямъ, видѣть въ какой мѣрѣ они виноваты или невиноваты.

Впрочемъ, обвиненіе въ антиправительственномъ образѣ дѣйствій для насъ не новость. Съ одной стороны, насъ злобно выставляютъ какъ ультра-правительственный органъ, а съ другой на насъ же изъ разныхъ лагерей то и дѣло сыплются обвиненія чуть не въ бунтѣ. Дѣло въ томъ что мы всегда стояли и неизмѣнно стоимъ за принципъ правительства и защищаемъ его сколько дозволяютъ наши слабыя силы. Съ колебаніемъ этого принципа, колеблется все, и все рушится. Всякій по мѣрѣ силъ долженъ блюсти его, и мы желали бы чтобы всѣ органы нашей печати, безъ различія оттѣнковъ мнѣнія, равно понимали важность этого принципа и охраняли бы его достоинство и силу. Мы желали бы еще болѣе чтобы всегда и всѣ правительственныя лица держали этотъ принципъ выше всякихъ партій и личныхъ разчетовъ и чтобъ они были вѣрными и разумными исполнителями его требованій. Въ какой мѣрѣ мы стоимъ за принципъ правительства, въ такой же мѣрѣ мы протестуемъ нелицепріятно противъ его органовъ когда мы убѣждаемся что они роняютъ власть или употребляютъ ее ошибочно.

Что же касается до университетской исторіи, то какъ могли бы мы промолчать? Насъ упрекаютъ теперь въ антиправительственномъ заявленіи, а недавно, въ разныхъ газетахъ, насъ же упрекали въ антиправительственномъ молчаніи.

Другая газета служащая органомъ для нѣкоторыхъ господъ профессоровъ сначала упрекала насъ въ желаніи ловить учащуюся молодежь и предостерегала ее отъ нашихъ сѣтей, а теперь приписываетъ принятое нами въ этомъ дѣлѣ положеніе враждѣ нашей къ нынѣшнему ректору. Смѣемъ увѣрить почтенную газету что мы точно также высказались бы если бы на мѣстѣ нынѣшняго ректора было всякое другое лицо. Мы не могли бы одобрить образа дѣйствій ректора хотя бы въ этомъ званіи состояло лицо наилучшимъ образомъ расположенное къ намъ, коль скоро оказалось бы что онъ въ то время когда инспекція надъ студентами была въ другихъ рукахъ возбуждалъ и поощрялъ тѣ самыя манифестаціи которыя пришлось преслѣдовать когда власть очутилась въ его рукахъ.

Никакой вражды къ г. Тихонравову мы никогда не обнаруживали. Никто не можетъ указать ни на одинъ фактъ нашей вражды къ нему. Мы знали г. Тихонравова когда онъ былъ еще студентомъ и скромно обращался къ намъ съ своими первыми маленькими литературными попытками. Въ послѣдствіи, когда онъ уже былъ профессоромъ, мы помѣщали его обширныя статьи въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Ни малѣйшаго повода къ какому-либо личному столкновенію у насъ не было. Но нельзя отрицать что вражда оказывается,—только не съ нашей стороны,—вражда обнаружившаяся цѣлымъ рядомъ дѣйствій противъ насъ изъ которыхъ ни на одно мы не отвѣчали соотвѣтственнымъ дѣйствіемъ. Говорили, будто мы навлекли на г. Тихонравова постигшій его года за два предъ симъ Высочайшій выговоръ, но въ этой нелѣпой молвѣ нѣтъ и тѣни правды. Выговору подвергся г. Тихонравовъ за дѣло которому мы совершенно не причастны и которое было на разсмотрѣніи Совѣта министра, гдѣ ректоръ признанъ заслужившимъ выговора *единогласно* всѣми членами Совѣта на которыхъ мы не могли имѣть никакого вліянія и большинства которыхъ мы даже не имѣемъ чести знать. Неблагорасположеніе же къ намъ со стороны нынѣшняго ректора Университета, ничѣмъ нами не вызванное, доходило до молочей и простиралось даже на тѣхъ кто находится съ нами въ какой-нибудь связи. Вотъ для примѣра два недавніе случая: Одинъ изъ студентовъ Лицея Цесаревича Николая не могъ, по болѣзни, явиться на экзаменъ въ маѣ мѣсяцѣ и просилъ допустить его къ испытанію въ августѣ, вмѣстѣ со студентами Университета отставшими по той же причинѣ. Студенту Лицея было отказано, и пришлось обращаться съ прошеніемъ по этому предмету къ г. управляющему Министерствомъ. Другой случай, тоже недавно бывшій: Одинъ изъ студентовъ Университета

пожелалъ перечислиться въ Лицей. Ректоръ отказалъ въ разрѣшеніи, такъ что и тутъ пришлось обращаться съ жалобой къ генералъ-губернатору. Это только смѣшно; но въ перечисленіе случаевъ болѣе серіознаго свойства мы не хотимъ вдаваться.

№ 343.

Москва, 10-го декабря.

Отчеты Государственнаго Контроля за послѣдніе годы, начиная съ 1875, отличаются особеннымъ интересомъ, но опубликованный на дняхъ отчетъ по исполненію государственной росписи доходовъ и расходовъ за 1879 годъ интереснѣе всѣхъ прежнихъ. Онъ разъясняетъ многое изъ того что въ общемъ финансовомъ положеніи страны могло до сихъ поръ казаться сомнительнымъ и своими цифрами какъ бы изрекаетъ приговоръ надъ многими воззрѣніями и мѣрами прежняго финансоваго управленія.

Государственная приходо-расходная роспись на 1879 годъ естественно должна была обратить на себя особенное вниманіе при самомъ своемъ появленіи. Это была первая роспись по окончаніи большой, дорого стоившей войны, и на ней само собою должны были отразиться созданныя войной финансовыя затрудненія. Это была вмѣстѣ съ тѣмъ первая роспись составленная министромъ оставившимъ нынѣ свой постъ, но въ ту пору впервые прилагавшимъ къ бюджетному дѣлу свои финансовыя воззрѣнія, послѣ исполненія имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ должности государственнаго контролера. Составлялась она въ періодъ господства самыхъ пессимистическихъ сужденій о финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи. Признавалось какъ бы не подлежащимъ спору что послѣдняя война нанесла Россіи страшный ударъ, отъ котораго ей долго не оправиться, что финансы ея разстроены, а экономическое благосостояніе подорвано и истощено въ своихъ источникахъ. Утверждалось что всѣ пружины государственной финансовой машины натянуты до послѣдней крайности и уже ничего болѣе извлечь не могутъ, что у насъ повсюду застой и спячка, что все народное хозяйство пришло въ крайнее разстройство, что всѣ его отрасли быстро падаютъ. Въ виду всего этого, стомилліонные хроническіе дефициты считались неизбѣжными.

Всѣми ожидалось установленіе новыхъ и возвышеніе прежнихъ налоговъ; въ необходимости ихъ не было сомнѣній; шли толки лишь о томъ къ какимъ налогамъ предпочтительнѣе прибѣгнуть и въ какихъ размѣрахъ должны быть они установлены. При этомъ возникали по этой части предположенія возможныя только относительно государствъ находящихся въ положеніи Турціи или Египта, напримѣръ, мысль о созданіи у насъ табачной монополіи съ отдачей ея на откупъ иностраннымъ капиталистамъ. Податною коммиссіей былъ выработанъ проектъ разряднаго налога или личнаго налога съ неподатныхъ сословій, и серіозно доказывалась необходимость его введенія. Проектировалось и обсуждалось не мало и другихъ налоговъ.

Составители государственной росписи на 1879 годъ признали необходимыми для сохраненія бюджетнаго равновѣсія пять новыхъ и дополнительныхъ налоговъ, а именно: 1) сборъ съ пассажировъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, 2) акцизъ съ водокъ выдѣлываемыхъ изъ спирта (уже оплаченнаго общимъ питейнымъ акцизомъ), 3) таможенную пошлину съ хлопка привозимаго чрезъ Европейскую границу, 4) возвышеніе пошлинъ за страхованіе имуществъ отъ огня и 5) возвышеніе гербоваго сбора и введеніе въ Привислинскихъ губерніяхъ вексельной бумаги установленной для прочихъ частей Имперіи. Ото всѣхъ этихъ пяти налоговъ вмѣстѣ взятыхъ ожидалось, по предположеніямъ, 18.157.000 рублей дохода, и лишь благодаря имъ выражалась составителями росписи надежда что бюджетное равновѣсіе въ 1879 году не будетъ нарушено, при условіи соблюденія бережливости, то-есть сокращенія расходовъ, каковое и ожидалось отъ дѣятельности Особой Высшей Коммиссіи, учрежденной за день до утвержденія бюджета.

Бездефицитное сведеніе росписи съ установленіемъ новыхъ налоговъ всего на 18 милліоновъ рублей въ такое время когда ожидались стомилліонные дефициты было событіемъ которому нельзя было не радоваться; эта радость омрачалась лишь мыслью, какъ бы не оказались правы тѣ пессимисты которые встрѣтили опубликованіе росписи замѣчаніемъ что бюджетное равновѣсіе существуетъ только на бумагѣ и едва ли окажется на дѣлѣ. Съ неудоб-

ствами и невыгодами новоустановленныхъ налоговъ публика на первыхъ порахъ готова была мириться, въ виду ихъ необходимости, въ коей никто не сомнѣвался. Но скоро эти неудобства и невыгоды дали серіозно себя почувствовать, и вызвали критику тѣхъ соображеній по которымъ составители бюджета избрали вышеозначенные, а не иные источники для полученія необходимыхъ казнѣ 18 милліоновъ. Выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ является ничѣмъ инымъ какъ простымъ подражаніемъ Франціи. Тамъ, по окончаніи несчастной войны съ Германіей, установили сборъ съ движенія по желѣзнымъ дорогамъ; и мы по окончаніи войны съ Турціей, спѣшимъ ввести у себя этотъ тяжелый и вредный налогъ. Тамъ необходимость расплаты съ Германіей побудила установить пошлины на привозное сырье; и мы, не задумываясь, вводимъ у себя пошлину на привозный хлопокъ. Особыхъ сѣтованій на эту пошлину отъ плательщиковъ ея, правда, не слышно; но страннымъ казалось что изо всѣхъ предметовъ ввоза избранъ только хлопокъ, когда въ ряду ихъ есть огромная масса статей по которымъ повышеніе таможеннаго тарифа было бы огромною выгодой для страны и дало бы казнѣ гораздо болѣе тѣхъ 18 милліоновъ ради которыхъ введены такіе отяготительные налоги какъ сборъ съ пассажировъ и товаровъ большой скорости; какъ водочный акцизъ, подвергнувшій серіозному кризису цѣлую отрасль промышленности; какъ высокія страховыя пошлины, побудившія многихъ пойти на рискъ и прекратить страхованіе отъ огня или уменьшить страховыя оцѣнки; какъ повышенныя гербовыя пошлины, не мало затрудняющія недостаточныхъ людей и поднявшія вмѣстѣ съ тѣмъ цѣну паспортовъ, которая и безъ того иногда представляется стѣснительною для рабочихъ классовъ. Объяснять выборъ налоговъ установленныхъ для поддержанія равновѣсія въ бюджетѣ 1879 года можно было развѣ только тѣмъ что не доставало времени обстоятельно обсудить дѣло.

И вотъ цифры контрольнаго отчета свидѣтельствуютъ что для поддержанія бюджетнаго равновѣсія не было ни малѣйшей надобности установлять какіе бы то ни было новые налоги. Ни одна копѣйка изъ суммъ полученныхъ отъ этихъ налоговъ не была въ 1879 году израсходована; всѣ эти суммы полностію остались про запасъ для будущаго времени. Неудобства и невыгоды какими сопровождались эти налоги публика несла не ради удовлетворенія настоятельныхъ государственныхъ нуждъ, а единственно для наполненія особой кошлки. Бюджетное равновѣсіе было поддержано единственно естественнымъ ростомъ доходовъ, вслѣдствіе развитія народнаго хозяйства и благосостоянія, помимо новыхъ налоговъ которые едва ли могли содѣйствовать его успѣхамъ. Это тѣмъ знаменательнѣе что въ цифрахъ контрольнаго отчета трудно также усмотрѣть признаки тѣхъ сбереженій, тѣхъ сокращеній въ расходахъ, на которыя возлагались упованія при сведеніи росписи. Наоборотъ, бросаются въ глаза признаки противоположнаго свойства. За все предшедшее пятилѣтіе, сверхсмѣтные расходы ни разу не поднимались до цифры какой достигли въ 1879 году (38.657.911 р.). Въ періодъ 1873 — 1878, сверхсмѣтные расходы составляли minimum $2^3/_4\%$, maximum $5^3/_4\%$ назначенія по росписи; въ 1879, это процентное отношеніе поднялось до $6^1/_4\%$. И не какими-нибудь экстренными, непредвидѣнными надобностями вызванъ такой усиленный ростъ сверхсмѣтныхъ расходовъ. Ветлянская чума, напримѣръ, тутъ ни при чемъ. Она стѣсняла ходъ экономической жизни, но казнѣ обошлась не особенно дорого. Вся сумма расходовъ вызванныхъ принятіемъ мѣръ противъ эпидеміи, какъ въ Астраханской губерніи такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, составляла 406.444 рублей, изъ коихъ на счетъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ приходится 378.444 руб. Точно также ни при чемъ въ ростѣ этихъ кредитовъ и Ахалъ-Текинская экспедиція, стоившая въ 1879 году 4.686.000 рублей; сумма эта покрыта не изъ обыкновенныхъ бюджетныхъ, а изъ тѣхъ же средствъ которыми покрываются чрезвычайныя потребности вызванныя Восточною войной. Правда, понадобилось сверхсмѣтное ассигнованіе 13.569.594 р. на расходы исчисляемые по смѣтамъ въ приблизительныхъ размѣрахъ, которые, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ и другихъ обстоятельствъ, оказались недостаточными; но въ 1877 году подобное ассигнованіе было чуть не въ полтора раза больше (18.302.228 руб.), и все же сверхсмѣтные расходы не доходили до такихъ размѣровъ какъ въ 1879.

Весь итогъ расходовъ исчисленныхъ по

бюджету составлялъ 610.715.991 руб., а съ присоединеніемъ къ нему 4 милл. на непредвидѣнные расходы, 614.715.991 р. Вотъ сумма которую должны были покрыть государственные доходы съ новыми налогами включительно. На дѣлѣ расходъ выросъ съ 614 до 643.892.258 рублей, и весь былъ покрытъ государственнымъ доходомъ помимо новыхъ налоговъ. Со включеніемъ же этихъ налоговъ, общая сумма доходовъ дошла до 661.954.191 р., такъ что за покрытіемъ расходовъ получился остатокъ свыше 20 милліоновъ (20.029.234 р.), не считая опредѣлившагося въ прошломъ же году свободнаго остатка въ 1 милл. руб. (1.019.630 р.) отъ росписей 1874 и 1875 годовъ. Этотъ остатокъ не былъ бы такъ великъ еслибы не было новыхъ налоговъ, но и не было никакой надобности добиваться его.

Замѣчательно что изъ новыхъ налоговъ нѣкоторые не дали тѣхъ суммъ какія отъ нихъ ожидались. Такъ, акцизъ съ водокъ, вмѣсто предположенныхъ 3½ милліоновъ, далъ только 2.107.700 р., слишкомъ на треть (на 1.392.292 р.) меньше. Возвышеніе пошлинъ на страхованіе отъ огня тоже не дало ожидавшейся суммы. Сборъ съ пассажировъ и товаровъ большой скорости, вмѣсто 7½ милліоновъ, доставилъ лишь 7.074.743 р. Это объясняется преимущественно тѣмъ что сборъ съ пассажировъ на пароходахъ, предположенный въ 1 милліонъ рублей, былъ пріостановленъ Высочайшимъ повелѣніемъ 23 февраля 1879. Но для оцѣнки этого сбора недостаточно брать во вниманіе одну валовую цифру даваемаго имъ дохода. Стѣснивъ всѣ тѣ производства которые нуждаются въ скорой перевозкѣ своихъ продуктовъ и сокративъ эту перевозку, заставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ многихъ пассажировъ ѣздившихъ прежде въ вагонахъ высшихъ кассовъ перебраться въ низшіе, этотъ сборъ понизилъ доходность многихъ дорогъ, что не могло не отозваться на бюджетѣ и должно быть вычтено изъ новаго налога какъ стоимость его взиманія. Изъ контрольнаго отчета видно что въ 1879 противъ 1878 года казенный доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ уменьшился на 3.866.616 руб., поступленія на платежи по желѣзнодорожнымъ облигаціямъ также уменьшились на 641.558 р., а казенныя приплаты по гарантіямъ одновременно возросли на 3.012.000 р. Въ общемъ получился противъ 1878 года недочетъ въ 7.520.174 р. и надо полагать что этотъ недочетъ былъ бы значительно меньше еслибы не семимилліонный сборъ съ пассажировъ и товаровъ большой скорости.

Контрольный отчетъ показываетъ что въ установленіи новыхъ налоговъ для поддержанія въ 1879 году бюджетнаго равновѣсія не было никакой надобности. Это оказалось, однако, post factum. Но можно ли было предполагать при составленіи бюджета что естественный ростъ доходовъ дастъ такіе удивительные результаты, которые дозволятъ обойтись безъ новыхъ налоговъ?

Внимательное разсмотрѣніе контрольныхъ отчетовъ за 1878 и 1879 годы даетъ основаніе сказать что такая возможность была, что къ вышеупомянутымъ налогамъ не было необходимости прибѣгать и при умѣренныхъ разчетахъ на естественный ростъ налоговъ.

Въ этомъ ростѣ могли сомнѣваться кабинетные финансисты, мало свѣдущіе въ финансовыхъ и экономическихъ дѣлахъ члены Податной Коммиссіи, составлявшіе проектъ разряднаго налога; могла сомнѣваться публика сбиваемая съ толку газетными крикунами твердившими что Россія въ финансовомъ отношеніи стоитъ на краю пропасти; но составителямъ бюджета 1879 года были извѣстны финансовые результаты 1878 года, если не въ точности и не вполнѣ, то приблизительно, и по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ. А результаты эти были таковы что побудили бывшаго министра финансовъ сразу отказаться отъ тѣхъ пессимистическихъ воззрѣній которыя онъ официально высказывалъ за два года предъ тѣмъ, въ 1876 году, въ бытность свою государственнымъ контролеромъ. Недавнее убѣжденіе что внѣшнія событія остановятъ ростъ государственныхъ доходовъ и что даже при устраненіи внѣшнихъ событій нельзя разчитывать на естественное возрастаніе ихъ въ размѣрахъ десятилѣтія 1866 — 1875, это убѣжденіе было имъ брошено. Послѣ внѣшнихъ событій онъ увѣровалъ въ несомнѣнное естественное возрастаніе доходовъ въ размѣрѣ вдвое большемъ средняго естественнаго ихъ роста за указанное десятилѣтіе. На этомъ было главнымъ образомъ основано достиженіе равновѣсія въ росписи на 1879 годъ. Отъ естественнаго роста доходовъ ожидались вдвое бо́льшія

суммы чѣмъ отъ новыхъ налоговъ. Имѣвшіеся въ виду финансовые результаты представляли данныя для болѣе благопріятныхъ сужденій, но составители бюджета, повидимому, не могли еще совершенно отрѣшиться отъ прежнихъ взглядовъ, не могли также не поддаться, въ извѣстной степени, общимъ пессимистическимъ толкамъ. Но и оставаясь при тѣхъ измѣненныхъ надеждахъ на естественный ростъ доходовъ какія были у составителей бюджета, все же не трудно было усмотрѣть что торопиться установленіемъ новыхъ налоговъ нѣтъ никакой надобности. Въ моментъ составленія росписи не могло быть сомнѣнія что за всѣми расходами 1878 года, отъ доходовъ его останется большой избытокъ. Если нельзя еще было опредѣлить его въ точности, если нельзя было знать что общій итогъ свободныхъ суммъ къ 1 января 1879 будетъ свыше $29^1/_2$ милліоновъ, то во всякомъ случаѣ можно было не сомнѣваться что онъ дойдетъ до 18—19 милліоновъ—суммы совершенно достаточной чтобъ избѣжать новыхъ налоговъ. Эти экстренные налоги были пересоломъ въ заботахъ о бюджетномъ равновѣсіи. Ихъ нельзя оправдать. Но нѣкоторые изъ нихъ, конечно, были бы встрѣчены полнымъ сочувствіемъ еслибы были введены съ иными цѣлями, еслибы напримѣръ гербовый сборъ былъ повышенъ ради отмѣны отяготительнаго для народа налога съ паспортовъ, то-есть еслибъ онъ игралъ ту же роль какую будутъ имѣть устанавляемые нынѣ, при отмѣнѣ солянаго дохода, замѣнительные налоги, или какъ тѣ налоги которыми было бы желательно замѣнить давно всѣми осужденный сборъ съ пассажировъ и товаровъ большой скорости перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ.

№ 344.

Москва, 11-го декабря.

А.

Вчера одновременно сошлись три крупныя извѣстія касающіяся нашихъ среднеазіятскихъ дѣлъ. Съ одной стороны, лордъ Дёфферинъ, получившій особыя полномочія для соглашенія между Россіей и Англіей по дѣламъ Средней Азіи, вошелъ уже по этому предмету въ сношенія съ нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ; съ другой стороны, изъ Перовска получены извѣстія о занятіяхъ правительственной экспедиціи изслѣдующей развѣтвленія стараго русла Аму-Дарьи близъ Хивинскихъ владѣній; наконецъ въ *Daily News* передаются любопытныя свѣдѣнія объ Ахалъ-Текинской экспедиціи.

Тотъ или другой результатъ переговоровъ начатыхъ лордомъ Дёффериномъ въ своихъ подробностяхъ несомнѣнно будетъ зависѣть отъ нашего положенія въ Средней Азіи, которое тѣсно связано съ исходомъ Ахалъ-Текинской экспедиціи и вопросомъ о возобновленіи стараго русла Аму.

Послѣднія извѣстія касавшіяся Ахалъ-Текинской экспедиціи относились къ мѣрамъ военнаго вѣдомства по снабженію отряда всѣмъ необходимымъ для предстоящей зимовки въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ были расположены войска ко времени окончанія активныхъ движеній, состоявшихъ этимъ лѣтомъ во многочисленныхъ рекогносцировкахъ. Сообщалось что въ Персіи закуплены значительные запасы продовольствія и что они подвозятся къ Чакишляру, и оттуда въ Бами, гдѣ расположенъ передовой отрядъ дѣйствующихъ войскъ. Въ то же время шла перевозка значительныхъ интендантскихъ и артиллерійскихъ транспортовъ по только что построенному участку Закаспійской желѣзной дороги и параллельно съ тѣмъ къ Кизылъ-Арвату и далѣе къ Бами. Недостатокъ морскихъ и сухопутныхъ перевозочныхъ средствъ давалъ поводъ опасаться что снабженіе отряда не будетъ окончено вовремя, и что такимъ образомъ, вслѣдствіе лишеній и трудовъ сопряженныхъ съ зимовкою въ степи, силы дѣйствующаго отряда будутъ ослаблены.

Опасенія не оправдались, и снабженіе отряда, какъ передаютъ въ *Daily News*, окончено. Собраны не только значительные запасы всего интендантскаго, но и артиллерійскаго довольствія. На каждое ружье въ отрядѣ имѣется по восьмисотъ патроновъ, а на каждую пушку тройной противъ положеннаго комплектъ снарядовъ, то-есть болѣе нежели нужно для самыхъ энергическихъ военныхъ предпріятій въ Азіи. Силы отряда доведены до двѣнадцати тысячъ, и слѣдовательно части войскъ надлежащимъ образомъ укомплектованы. Корреспондентъ передающій въ *Daily News* эти извѣстія высказываетъ предположеніе

что отрядъ „расположенный въ Бами вѣроятно въ непродолжительномъ времени" приступитъ къ военнымъ дѣйстіямъ. Предположеніе это, вѣрное или невѣрное, дастъ во всякомъ случаѣ понятіе объ обиліи средствъ, коими теперь располагаетъ дѣйствующій отрядъ, и тѣмъ самымъ удостовѣряетъ что операціи не встрѣтятъ весною никакой задержки и что онѣ могутъ принять обширные размѣры безо всякихъ опасеній за повтореніе случайностей помѣшавшихъ успѣху прошлой экспедиціи.

Обширныя средства которыми располагаетъ нынѣшняя экспедиція и настойчивость мѣръ принятыхъ для обезпеченія успѣха указываютъ на серіозность поставленной ей цѣли: дѣло идетъ не о томъ, какъ бывало прежде, чтобы „наказать" Текинцевъ, а о лишеніи ихъ всякой возможности причинять безпокойства.

При этомъ вопросъ о старомъ руслѣ Аму-Дарьи имѣетъ большое значеніе. Занимать Ахалъ-Текинскій оазисъ имѣющій значительное протяженіе къ юго-востоку при двухъ довольно длинныхъ путяхъ сообщенія, какъ показываетъ опытъ настоящаго года, дѣло очень трудное, требующее постояннаго напряженія силъ и средствъ; совсѣмъ иное въ томъ случаѣ если Аму потечетъ въ Каспій, транспортный путь отъ Михайловскаго залива сократится почти вдвое, такъ какъ по берегамъ Узбоя явятся осѣдлыя поселенія, вырастетъ новая военная линія, а вмѣстѣ съ этимъ утвердится наше торговое и политическое значеніе въ Закаспійскихъ степяхъ.

Но въ Азіи мы всегда встрѣчались съ ревнивою и враждебною политикой Англіи. Текинцы снабжались англійскими ружьями, порохомъ и патронами. Неудачу прошлой Текинской экспедиціи не безъ основанія приписывали отчасти также ревнивой политикѣ Англіи, благодаря которой Персія приняла относительно нашей экспедиціи двусмысленное положеніе и заговорила даже о своихъ правахъ на Мервъ. Шаху въ Тегеранѣ представлялась и была благосклонно принята имъ какая-то депутація Текинцевъ которые разчитывали, конечно, не на подданство Персіянамъ, но на поддержку отъ нихъ тайную или явную. Дѣйствительно, въ прошломъ году, мы не могли нанять въ Персіи верблюдаровъ и очутились почти безъ перевозочныхъ средствъ. За то теперь, при перемѣнѣ англійской политики, въ той же Персіи произведена нами закупка большихъ массъ провіанта для экспедиціи. Переговоры съ Англіей по средне-азіатскимъ дѣламъ и установленіе соглашеній дѣло не новое: не разъ устанавливалась даже такъ-называемая „сфера вліянія" той и другой державы, однако каждый разъ оказывалось что всѣ эти соглашенія вели только къ тому чтобы стѣснить и затруднить наши дѣйствія, между тѣмъ какъ Англія никогда не считала себя обязанною исполнять свои, всегда неопредѣленныя, обѣщанія. Теперь положеніе измѣнилось, и договорныя стороны могутъ уже вести рѣчь не о разграниченіи своихъ вліяній, а о достиженіи тѣхъ общихъ имъ цѣлей которыя рано или поздно должны привести ихъ къ соприкосновенію въ Средней Азіи. Только при этомъ становится понятною необходимость тѣхъ обширныхъ полномочій которыми, какъ утверждаютъ, снабженъ лордъ Дёфферинъ, быть-можетъ будущій вице-король Индіи, какъ можно заключить изъ переданнаго намъ сегодня отзыва газеты *Times*. Въ этихъ полномочіяхъ не было бы надобности еслибъ Англія имѣла въ виду что-либо подобное прежнимъ соглашеніямъ.

Б.

Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, за подписью: *студентъ V курса Н. Баженовъ*, появилось письмо изъявляющее негодованіе что нѣкоторые студенты обратились съ объясненіями въ нашу газету, и тѣмъ „отдѣлились отъ своихъ товарищей, измѣнили традиціямъ студенчества, пристали къ врагамъ." Это письмо доказываетъ только то что студентъ V курса (значитъ почти не студентъ) Н. Баженовъ былъ постояннымъ и усерднымъ читателемъ той газеты въ которой теперь пишетъ, и въ простотѣ сердца вѣрилъ всему что въ ней говорилось. Кончая курсъ и готовясь быть дѣйствительнымъ медикомъ, онъ долженъ былъ бы обнаружить бо́льшую самостоятельность сужденія, и еслибъ онъ провѣрилъ свои „традиціи," то убѣдился бы что слова его не имѣютъ ни смысла, ни основанія, и что онъ повторяетъ чужую ложь. Пусть же онъ спроситъ себя въ чемъ выразилась наша вражда къ учащемуся юношеству? Мы были, остаемся и всегда будемъ непримиримыми врагами эксплуататоровъ студенчества, которые, понимая

это, и стараются увѣрить молодыхъ людей въ своей солидарности съ ними. Вотъ что писали мы въ началѣ апрѣля 1878 года, послѣ печальной исторіи въ Охотномъ Ряду, которая вовсе не касалась студентовъ Московскаго Университета, но къ которой тѣмъ не менѣе эксплуататоры всячески старались пріурочить ихъ:

„Люди которые льстятъ молодежи и употребляютъ во зло ея великодушные порывы для своихъ темныхъ цѣлей, они влекутъ ее къ дѣламъ насилія и вызываютъ ихъ: это въ ихъ интересѣ, а не тѣхъ кто усиливается противодѣйствовать имъ. Говорятъ что званіе студента возбуждаетъ подозрѣнія въ народѣ. Но что же могло быть виною тому? Не тѣ ли должны были возбудить недовѣріе къ учащейся молодежи кто сбивалъ ее съ толку и увлекалъ ее на безразсудныя и часто столь гибельныя для ней выходки? Мы всегда надѣялись, и мы увѣрены что въ настоящее время университетская молодежь, въ общей сложности, выше тѣхъ обмановъ которые увлекали ее въ прежніе годы... Но мы знаемъ также что именно теперь употребляются особенныя усилія, чтобы возбудить смуты въ русской учащейся молодежи. Мы обращаемся къ лучшимъ и наиболѣе зрѣлымъ изъ молодыхъ людей университетскаго образованія: никто болѣе насъ не желаетъ имъ блага; никто болѣе насъ не сочувствуетъ имъ въ ихъ лучшихъ стремленіяхъ; никому такъ не дорогъ разцвѣтъ ихъ юныхъ силъ на пользу нашей родинѣ. Какой могли бы мы имѣть интересъ возбуждать противъ нихъ подозрѣнія и дурныя страсти съ какой бы то ни было стороны? Нѣтъ, не мы можемъ имѣть такія цѣли. Малѣйшій актъ собственнаго соображенія легко убѣдитъ ихъ въ томъ. Мы умоляемъ ихъ держаться крѣпко въ это трудное время. Если есть у нихъ какіе-либо вопросы и желанія лучшаго, если чувствуютъ они какое-либо несоотвѣтствіе между идеалами которые имъ предносятся и средой которая ихъ окружаетъ, мы убѣждаемъ ихъ воздерживаться теперь и давать рѣшительный и мужественный отпоръ всякой попыткѣ взволновать ихъ или вызвать на демонстраціи подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Послѣ они вполнѣ оцѣнятъ правду и искренность нашихъ словъ.“

Вотъ сѣти въ которыя мы ловили молодежь. Вскорѣ послѣ того, въ Московскомъ Университетѣ, при попыткахъ взволновать его студентовъ, они, по собственному побужденію, заявляли университетскому начальству свою готовность дать отпоръ агитаторамъ и содѣйствовать возстановленію замутившагося порядка. Тогда опять мы,—и только мы одни во всей печати,—искренно порадовались этимъ заявленіямъ которыя свидѣтельствовали объ умственной зрѣлости молодыхъ людей, между тѣмъ какъ фальшивые друзья ихъ либо молчали, либо сердились...

№ 345.

Москва, 12-го декабря.

Необходимость реформы желѣзнодорожныхъ тарифовъ сказывается все яснѣе и сильнѣе. Этой реформы требуетъ и интересъ государства, и развитіе торговли и промышленности. Правительство недавно даровало народу значительную льготу снявъ соляной акцизъ, но всѣ выгоды этой льготы, какъ мы уже замѣчали, могутъ быть тотчасъ же отняты желѣзными дорогами. Высказываемъ это не просто какъ предположеніе. Торговцы солью уже давно жалуются на желѣзнодорожные порядки, какъ это видно изъ отчетовъ коммиссіи графа Баранова. Соль идетъ по желѣзнымъ дорогамъ съ Волги внутрь Россіи и въ Западный край, то-есть въ направленіи наибольшаго движенія грузовъ, и потому желѣзныя дороги дѣлаютъ торговцамъ соли всякія притѣсненія. Со введеніемъ золотой пошлины началась подвозка соли съ приволжскихъ пристаней въ Сѣверо-Западный край. Управляющій акцизными сборами Виленской губерніи считаетъ что съ октября 1877 по начало 1879 русской соли привезено въ сѣверо-западныя губерніи до 10 милл. пудовъ, которые вытѣснили заграничную соль изъ губерній Минской и Витебской, а частію изъ Виленской и Гродненской и даже изъ Бѣлостокскаго и Брестскаго уѣздовъ, ближайшихъ къ галиційской соли. Торговля русскою солью въ этихъ мѣстностяхъ получила бы еще большее развитіе еслибы не желѣзнодорожные порядки. Вонервыхъ, тарифъ очень высокъ: желѣзныя дороги берутъ за перевозку русской соли по копѣйкѣ съ каждыхъ тридцати верстъ, въ то время какъ Ландварово-Витебская дорога согла-

шается возить иностранную соль по копѣйкѣ съ семидесяти верстъ. Вовторыхъ, русскую соль не хотятъ возить по правиламъ прямаго сообщенія какъ иностранную, вслѣдствіе чего ее надо перегружать при переходѣ съ одной дороги на другую (или, въ лучшемъ случаѣ, платить за перегрузку), надо содержать, агентовъ на перегрузочныхъ пунктахъ, такъ какъ иначе безъ особаго надзора пропадаетъ по сту пудовъ изъ вагона. Втретьихъ, при перевозкахъ по мѣстному сообщенію, очень велики переборы. Одинъ изъ торговцевъ солью въ Сѣверо-Западномъ краѣ, г. Манасѣвичъ, заявилъ Харьковской подкомиссіи графа Баранова что за перевозку вагона соли изъ Саратова въ Вильну съ него потребовали сперва 182 р., а потомъ брали отъ 195 р. до 227 р.

Общество для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ заявило подкомиссіи графа Баранова что за перевозку вагона соли со станціи Царицынъ въ Вильну взято въ прошломъ году.

5 апрѣля	268 р.	77 к.
9 „	242 „	17 „
8 „	235 „	20 „
13 „	227 „	93 „
14 „	231 „	11 „

По тарифу же плата за перевозку вагона соли изъ Царицына въ Вильну не должна превышать 200 р.!

На первое время послѣ указа объ отмѣнѣ солянаго акциза, желѣзныя дороги конечно воздержатся отъ повышенія тарифа и даже станутъ возить соль за плату указанную правительствомъ если такое указаніе было сдѣлано. Но въ такомъ подчиненіи нѣтъ еще гарантій для торговли. Пройдетъ еще не много времени, и директору желѣзнодорожнаго правленія стоитъ лишь дать депешу на линію, и грузъ ввезенный на станцію для отправки по одному тарифу пойдетъ по другому, возвышенному. Это случается у насъ безпрестанно и причиняетъ большіе убытки для торговли, которая такимъ образомъ не можетъ ни на что прочно разчитывать. Вотъ для примѣра свидѣтельство Харьковской подкомиссіи:

„Отправители жалуются на частое и несвоевременное измѣненіе тарифовъ. Результатомъ этого бываютъ большія потери при торговыхъ операціяхъ, особенно такихъ гдѣ сдѣлки заключаются за значительное время впередъ. Въ этомъ отношеніи характерно заявленіе поданное подкомиссіи въ Бобруйскѣ одиннадцатью хлѣбоотправителями (дѣло XXII стр. 453 и слѣд.). Они заявляютъ что въ этомъ году, какъ и въ предыдущіе годы, они скупили огромное количество хлѣба въ Кіевской и смежныхъ губерніяхъ, заблаговременно законтрактовали пароходы и суда для доставки его въ Бобруйскъ, для того чтобъ оттуда отправить его по желѣзной дорогѣ въ Либаву или Кенигсбергъ. Доставка хлѣба отъ Кіева до Бобруйска обходится среднимъ числомъ не менѣе 10 копѣекъ съ пуда. Но вдругъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1879 года, Курско-Кіевская желѣзная дорога понижаетъ тарифъ на хлѣбные грузы до того что провозъ пуда отъ Кіева до Бобруйска обходится не болѣе 3 к., слѣдовательно провозъ по желѣзной дорогѣ оказывается на 7 к. съ пуда дешевле отправки водой. Отправители опасаются отъ этой сильной конкурренціи огромныхъ для себя убытковъ, при покупкѣ на мѣстѣ и при продажѣ за границу. Потери неизбѣжны, говорятъ они, такъ какъ суда уже законтрактованы, а въ Бобруйскѣ невозможно продать хлѣбъ.“

Петербургскія газеты сообщаютъ что правительство озабочено теперь принятіемъ мѣръ касательно перевозки соли по желѣзнымъ дорогамъ. Если эти мѣры ограничатся опредѣленіемъ тарифа на перевозку, то онѣ много не сдѣлаютъ, такъ какъ тарифъ всегда можетъ быть измѣненъ компаніями или парализованъ косвенными мѣрами. Если же проектируемыя мѣры захватятъ всю тарифную политику желѣзныхъ дорогъ, то нельзя не спросить почему же они ограничатся одною солью и оставятъ всѣ прочіе товары на произволъ компаній? И возможно ли наконецъ принять какія-либо существенныя мѣры относительно перевозки соли, не затрогивая всего тарифнаго устройства желѣзныхъ дорогъ?

Нигдѣ въ мірѣ желѣзнодорожные тарифы не предоставлены такому полному произволу компаній какъ у насъ. Наши компаніи, внѣ всякаго контроля правительства, опредѣляютъ размѣры провозной платы; онѣ могутъ безпрестанно, чуть не каждый день, измѣнять тарифы; срокъ дѣйствія тарифовъ вполнѣ предоставленъ компаніямъ. Кромѣ того, онѣ самостоятельно распоряжаются дополнительными сборами, которые громадно измѣняютъ тарифъ и

совершенно убиваютъ мѣстное движеніе грузовъ. Эти сборы обращаются часто прямо въ налогъ. Большія суммы взыскиваются за нагрузку и выгрузку, хотя то и другое производится самими отправителями. И все это совершенно внѣ контроля правительства. Пересмотрѣвъ всѣ томы желѣзнодорожнаго изслѣдованія графа Баранова, мы не нашли примѣра отмѣны какого-либо тарифа Русскимъ правительствомъ, а встрѣчали лишь отмѣны сдѣланныя у насъ Германскимъ правительствомъ! Кіевская подкоммиссія изслѣдованія графа Баранова свидѣтельствуетъ:

„Замѣчателенъ также слѣдующій случай отмѣны тарифа, даже до вступленія его въ силу. 16 августа 1879 года Общество Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ опубликовало что съ 1 сентября вводится новый тарифъ прямаго сообщенія на хлѣбъ, пеньку, шерсть, желѣзо и проч., а 25 того же августа этотъ тарифъ отмѣняется по неутвержденію его Германскимъ правительствомъ. Участіе Германскаго правительства въ составленіи тарифовъ прямаго сообщенія между нашими и германскими дорогами имѣетъ не маловажное вліяніе на наши рельсовые пути, производство и торговлю.“

Невозможность подобныхъ порядковъ признается теперь всѣми, даже самими желѣзнодорожниками, даже дѣятелями тѣхъ желѣзныхъ дорогъ которыя не требуютъ приплатъ по гарантіи и потому наиболѣе заинтересованы въ сохраненіи теперешнихъ тарифныхъ порядковъ. Но, разумѣется, это признаніе ни мало не мѣшаетъ желѣзнодорожнымъ дѣятелямъ и связаннымъ съ ними крупнымъ торговцамъ всячески тормозить реформу. „Теперешніе порядки, говорятъ они, никуда не годятся, но вы дали концессіи желѣзнымъ дорогамъ и ничего уже сдѣлать не можете.“ Московскій желѣзнодорожный листокъ *(Русскія Вѣдомости)* поучаетъ насъ:

„Когда государство выдавало концессіи желѣзно-дорожнымъ компаніямъ съ правомъ свободно назначать провозную плату въ границахъ опредѣленныхъ уставами максимальныхъ тарифовъ, оно не могло не предвидѣть что многія изъ желѣзныхъ дорогъ воспользуются этимъ важнымъ полномочіемъ въ разрѣзъ съ интересами цѣлой страны. Но различныя соображенія, быть-можетъ даже предразсудки заставившіе въ свое время предпочесть систему частныхъ компаній системѣ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, необходимо вели къ предоставленію желѣзнодорожнымъ обществамъ помянутаго права.“

Право дѣйствовать въ разрѣзъ съ интересами страны—это не дурно. Желѣзнодорожный листокъ продолжаетъ:

„Какъ скоро выяснилось могущественное вліяніе желѣзнодорожныхъ тарифовъ на хозяйственную жизнь, и созрѣло убѣжденіе въ необходимости регулировать это вліяніе соотвѣтственно съ видами цѣлаго государства,—естественно явились попытки возвратиться къ системѣ правительственныхъ дорогъ, ибо только при этомъ условіи возможно вполнѣ гарантировать осуществленіе плановъ государства въ области тарифовъ.“

То-есть или полный желѣзнодорожный произволъ, или выкупъ дорогъ въ казну. Въ видѣ промежуточной мѣры допускаются лишь правила и сроки относительно порядка измѣненій въ тарифахъ и т. п.

Такъ ли это? Дѣйствительно ли концессіи даютъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ право на тарифный произволъ?

Наши концессіи — сколки съ французскихъ, а французскія компаніи не смѣютъ и помышлять о томъ тарифномъ произволѣ какой допускается у насъ. Измѣненія тарифовъ подлежатъ во Франціи разсмотрѣнію и утвержденію министра. Всякая станція между пунктами прямаго сообщенія можетъ требовать чтобъ и она была включена въ такое сообщеніе, что сразу уничтожаетъ возможность безобразій какія бываютъ у насъ и заставляютъ, напримѣръ, возить хлѣбъ изъ Саратова сперва въ Москву, а оттуда въ Коломну, а не прямо въ Коломну. Всякое измѣненіе въ тарифахъ должно быть не только опубликовано, но и заблаговременно сообщено всѣмъ мѣстнымъ властямъ близъ линіи желѣзной дороги. Словомъ, во Франціи дѣйствуетъ цѣлое законодательство о тарифахъ, и притомъ не со вчерашняго дня, а съ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. И никто никогда во Франціи не видѣлъ въ томъ нарушенія концессіи.

Не говоримъ уже о Германіи, гдѣ принимаются именно тѣ мѣры относительно тарифовъ какія всѣми ожидаются у насъ.

Желѣзнодорожный листокъ напрасно также пугаетъ публику трудностію выкупа желѣзныхъ дорогъ. Выкупить всю сѣть заразъ дѣйствительно очень трудно, но этого

вовсе не требуется. Надо выкупить главныя, командующія линіи, напримѣръ Московско-Рязанскую. Правительство можетъ также взять на себя эксплуатацію дорогъ построенныхъ частными обществами. Такъ изъ числа 2.585.980 метровъ желѣзныхъ дорогъ, эксплуатированныхъ въ Бельгіи казною въ 1879, значилось: дорогъ построенныхъ казною 980.323 метра, выкупленныхъ казной у частныхъ обществъ 1.276.534 и взятыхъ въ аренду 329.123. Аренда состояла или въ опредѣленной платѣ или въ дѣлежѣ дохода. Выкупъ частныхъ дорогъ продолжается въ Бельгіи преимущественно на средства получаемыя отъ самихъ дорогъ, на постоянно возрастающій доходъ отъ нихъ. Эти цифры мы беремъ изъ отчета министра публичныхъ работъ за 1879, обязательно сообщеннаго намъ г. министромъ.

Но и во Франціи, и въ Бельгіи, и въ Германіи, желѣзныя дороги находятся въ совершенно иномъ положеніи чѣмъ у насъ. Наши желѣзнодорожныя компаніи по уши въ долгу у правительства, а потому у насъ гораздо легче ввести лучшіе тарифные порядки.

№ 346.

Москва, 13-го декабря.

Въ № 343 *Московскихъ Вѣдомостей*, говоря объ *Отчетѣ Государственнаго Контроля за 1879 годъ*, мы останавливались преимущественно на финансовыхъ результатахъ одного этого года. Но 1879 годъ есть четвертый въ ряду тѣхъ лѣтъ въ которые къ финансовымъ средствамъ страны были предъявлены особыя, усиленныя требованія вызванныя послѣднею Восточною войной, и интересно подвести, на основаніи контрольныхъ отчетовъ, нѣкоторые общіе итоги за все четырехлѣтіе 1876—1879.

Полная сумма чрезвычайныхъ расходовъ вызванныхъ войной далеко еще не опредѣлилась. Хотя война давно кончилась, но многіе расходы на нее производились не только въ 1879, но и въ истекающемъ 1880 году, будутъ производиться и впредь, пока не будутъ окончательно провѣрены и сданы въ архивъ всѣ военные счеты и разчеты. Но главный итогъ военныхъ расходовъ нынѣ уже извѣстенъ; именно, на созданныя войной чрезвычайныя потребности было израсходовано:

въ 1876	году	50 998.114 р.
„ 1877	„	429 328 089 „
„ 1878	„	408.142.969 „
„ 1879	„	132.109.316 „
	Итого	1.020.578 490 р. *)

На покрытіе этихъ расходовъ, какъ извѣстно, сдѣлано было пять займовъ, четыре внутренніе и одинъ внѣшній, по которымъ въ общей сложности поступило въ казну 904.390.387 р. Не покрытая займами часть военныхъ расходовъ составляла такимъ образомъ къ 1 января 1880 всего 116.188.103 р. Но такъ какъ на покрытіе этой послѣдней суммы были обращены изъ обыкновенныхъ бюджетныхъ средствъ остатки отъ доходовъ 1878 и прежнихъ лѣтъ (болѣе 29½ милл. руб.) и могло быть обращено болѣе 20 милліоновъ оставшихся въ избыткѣ отъ доходовъ 1879 года, то весь выпускъ кредитныхъ билетовъ вызванный непосредственно военными надобностями опредѣляется къ 1 января 1880 скромною цифрой какихъ-нибудь 66½ милліоновъ рублей съ небольшимъ. На дѣлѣ временный выпускъ кредитныхъ билетовъ простирался 1 января до 446 милліоновъ, но былъ доведенъ до такихъ размѣровъ, очевидно въ силу иныхъ надобностей, не состоящихъ въ прямой связи съ военными расходами. Требовались бумажно-денежные выпуски на удовлетвореніе текущихъ нуждъ желѣзнодорожнаго хозяйства, требовались они ходомъ торговыхъ оборотовъ, и между прочимъ крупная сумма бумажныхъ денегъ была выпущена съ цѣлію оставленія въ рукахъ заграничныхъ банкировъ массы русскаго золота въ обезпеченіе уплаты процентовъ по нашимъ внѣшнимъ займамъ, ради успокоенія въ этомъ отношеніи иностранной публики. Всего золота числилось за иностранными банкирами къ 1 января 1880 г. болѣе 97½ милліоновъ рублей металлическихъ, чуть не полтораста милліоновъ рублей кредитныхъ.

Чрезвычайные военные расходы стоятъ внѣ обыкновеннаго бюджета и покрываются изъ особыхъ экстраординарныхъ источниковъ. Но и на обыкновенный бюджетъ военными обстоятельствами были наложены большія тягости, выражающіяся не одною

*) Въ дѣйствительности нѣсколько менѣе, ибо въ итогъ расходовъ бывшей войны включены, между прочимъ, и расходы по экспедиціи въ Текинскій оазисъ, на сумму 4.686.000 рублей.

только цифрой процентовъ по вызваннымъ войною займамъ. Многіе расходы возрасли вслѣдствіе пониженія курсовъ; многіе расходы были прямо вызваны военными обстоятельствами, хотя и не были отнесены въ разрядъ чрезвычайныхъ, а остались въ счету обыкновенныхъ. Нѣкоторые изъ доходовъ, въ тоже время, должны были понижаться, также вслѣдствіе исключительныхъ сопровождавшихъ войну обстоятельствъ. Какъ отозвалось все это на бюджетномъ равновѣсіи четырехлѣтія 1876—1879, какъ великъ дефицитъ которымъ оно завершилось?

Къ 1 января 1876 года оставалось свободныхъ суммъ отъ избытка доходовъ предшедшихъ лѣтъ болѣе 40½ милліоновъ рублей. Завершившіеся дефицитами 1876 и 1877 годы поглотили почти всю эту сумму; но слѣдующіе затѣмъ 1878 и 1879 годы представили такое превышеніе доходовъ надъ расходами что не только сполна наверстали оба упомянутые дефицита, но еще дали сверхъ того девятимилліонный избытокъ, такъ что итогъ свободныхъ остатковъ отъ обыкновенныхъ бюджетныхъ средствъ дошелъ бы къ 1 января 1880 до 49½ милліоновъ рублей слишкомъ, еслибы часть этихъ остатковъ не была отчислена на покрытіе чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ.

Этотъ благопріятный результатъ уже оцѣненъ должнымъ образомъ: на него сдѣлано прямое указаніе въ послѣднемъ контрольномъ отчетѣ. Правда, производимый имъ эффектъ нѣсколько ослабляется если принять въ соображеніе одновременное истощеніе особыхъ запасныхъ фондовъ Военнаго и Морскаго Министерствъ,—обстоятельство на которое въ контрольномъ отчетѣ не указывается. Въ оба эти фонда, въ четырехлѣтіе 1876—1879, было отчислено изъ государственныхъ доходовъ всего 7.058.721 р., между тѣмъ какъ расходовъ изъ означенныхъ фондовъ было произведено въ то же время на сумму 18.915.495 рублей, такъ что еслибы не было этихъ особыхъ фондовъ, еслибы числящіяся въ нихъ суммы оставались на общемъ счету, сорокамилліонный остатокъ къ 1 января 1876 года не увеличился бы къ 1 января 1880 на 9 милліоновъ, а напротивъ уменьшился бы на 2½ или на 3 милліона. Но общее благопріятное впечатлѣніе производимое финансовыми результатами послѣдняго четырехлѣтія нисколько отъ этого не страдаетъ. Какое значеніе могутъ имѣть какіе-нибудь два, три милліона въ виду того возрастанія расходовъ какимъ отличалось это четырехлѣтіе? А чтобы судить о степени этого возрастанія, достаточно сказать что расходы обыкновеннаго бюджета 1879 г. слишкомъ на сто милліоновъ превышаютъ расходы предшествовавшихъ восточнымъ замѣшательствамъ 1875 и 1874 годовъ.

Отъ свѣтлой стороны нашего финансоваго положенія обращаемся къ темной, о которой только и можно судить что по контрольнымъ отчетамъ, а никакъ не по бюджетамъ. Эту темную сторону представляютъ расходы изъ такъ-называемаго желѣзнодорожнаго фонда и вообще государственные расходы по нашему желѣзнодорожному хозяйству. По бюджету у насъ вообще трудно судить о дѣйствительныхъ расходахъ. При исполненіи, бюджетныя смѣты, особенно вслѣдствіе сверхсмѣтныхъ ассигнованій, всегда сильно измѣняются. Но измѣняются они все-таки не до неузнаваемости, какъ это обыкновенно бываетъ съ бюджетными смѣтами спеціальныхъ расходовъ изъ желѣзнодорожнаго фонда. Между бюджетными назначеніями и дѣйствительными расходами тутъ никогда не бываетъ ничего общаго, такъ что трудно даже объяснить себѣ зачѣмъ относящіяся къ этой статьѣ цифры, не имѣющія значенія, заносятся ежегодно въ государственную роспись доходовъ и расходовъ. Какой смыслъ имѣетъ занесеніе въ роспись предполагаемыхъ спеціальныхъ расходовъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и портовъ на сумму, напримѣръ, 2.886.092 рублей, когда на дѣлѣ этотъ расходъ имѣетъ увеличиться не на нѣсколько процентовъ, а въ 25 и болѣе разъ и дойти до 78.176.898 рублей? Эти цифры приведены изъ контрольнаго отчета за 1873 годъ; но этотъ годъ не составлялъ исключенія, какъ можно видѣть изъ слѣдующей сравнительной таблицы бюджетныхъ назначеній и дѣйствительныхъ расходовъ изъ желѣзнодорожнаго фонда:

Годы.	Назначено по бюджету.	Дѣйствительно израсходовано.
1871	10.347.581 р.	62.671.285 р.
1872	6.925.326 „	54.963.610 „
1873	2.866.092 „	78.176 898 „
1874 . . .	6.298.762 „	59.992.082 „
1875	8.190.780 „	65.266.989 „
1876	10.893.789 „	79.456.409 „
1877 . . .	10.072.579 „	79.955.379 „
1878	12.153.709 „	84.900.976 „
1879	9.367.766 „	42.103.163 „

Послѣдняя цифра расхода, относящаяся къ 1879 году, представляется впрочемъ нѣсколько сомнительною. „Расходы изъ особыхъ спеціальныхъ рессурсовъ назначенныхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ," читаемъ въ Отчетѣ Государственнаго Контроля, по государственной росписи 1879 года исчислялись въ... 9.367.766 р. *Дѣйствительная сумма расходовъ*, произведенныхъ въ теченіе смѣтнаго періода 1879 года и подлежащихъ къ отпуску по заключенію росписи, *составила всего 35.711.227 р. 72 к. Общая же сумма расходовъ* за счетъ желѣзнодорожнаго фонда въ теченіе 1879 года *простиралась до 42.103.163 р. 88 к.*" Какая цифра вѣрнѣе, дѣйствительная или общая? На которой изъ двухъ остановиться?

Еслибы дѣло шло о расходѣ по обыкновенному бюджету, не трудно было бы доискаться въ данныхъ контрольнаго отчета почему оказывается такая разница въ итогахъ; но разобраться въ путаницѣ счетовъ желѣзнодорожнаго фонда не всегда бываетъ подъ силу и самому Государственному Контролю. Еще въ отчетѣ Государственнаго Контроля за 1870 годъ было заявлено о затрудненіяхъ которыя онъ встрѣчаетъ при опредѣленіи состоянія суммъ желѣзнодорожнаго фонда, затрудненіяхъ происходящихъ преимущественно отъ того что бо́льшая часть затратъ на устройство желѣзныхъ дорогъ производятся непосредственно изъ означеннаго источника, безъ открытія кредитовъ въ установленномъ порядкѣ и безъ своевременнаго проведенія большей части этихъ расходовъ по счетамъ казначейства. Вслѣдъ затѣмъ была назначена особая коммиссія для точнаго опредѣленія суммъ которыя должны быть зачислены въ желѣзнодорожный фондъ, равно какъ и для установленія формы по какой должны составляться смѣты оборотовъ фонда. Въ виду этого, въ отчетѣ за 1871 годъ, Государственный Контроль выражалъ надежду что на будущее время онъ „получитъ средства къ болѣе ясному и отчетливому изложенію оборотовъ желѣзнодорожнаго фонда." Коммиссія сдѣлала свое дѣло, смѣтная форма была выработана и, въ отчетѣ за 1872 годъ (послѣднемъ въ бытность А. А. Абазы государственнымъ контролеромъ), Государственный Контроль заявлялъ уже увѣренность что на будущее время онъ „получитъ возможность излагать обороты желѣзнодорожнаго фонда по той же самой системѣ по какой излагается нынѣ движеніе доходовъ и расходовъ Государственнаго Казначейства. До тѣхъ же поръ, къ изложенію оборотовъ желѣзнодорожнаго фонда Государственный Контроль долженъ по необходимости примѣнять прежній, не вполнѣ удовлетворительный, способъ." Дальнѣйшіе контрольные отчеты не показываютъ, однако, чтобъ этотъ неудовлетворительный способъ былъ замѣненъ другимъ, улучшеннымъ. Можетъ-быть такой замѣнѣ помѣшали „крайне усложнившіеся въ настоящее время разчеты" какъ по тѣмъ суммамъ которыя слѣдовали къ выдачѣ желѣзнодорожнымъ обществамъ, такъ и по суммамъ причитавшимся и дѣйствительно поступившимъ отъ обществъ. Не этою ли, затруднительною для контроля, путаницей въ счетахъ и разчетахъ желѣзнодорожнаго фонда объясняются отчасти факты подобные тѣмъ о которыхъ бывшій управляющій Харьково-Николаевской желѣзной дороги, г. Губеръ, заявлялъ 26 ноября въ публичномъ собраніи Общества Содѣйствія Промышленности и Торговли? Совершенно излишніе расходы на дорогахъ, доходящіе ежегодно до десяти милліоновъ рублей; случаи ассигнованія совершенно излишнихъ денегъ на развитіе дорогъ, напримѣръ отпускъ Харьково-Николаевской дорогѣ 26 милліоновъ рублей на усиленіе провозной способности, когда на это дѣло требовалось не болѣе 8 милліоновъ: вотъ крупные факты, на которые было указано г. Губеромъ. Не путаницей ли въ счетахъ желѣзнодорожнаго фонда объясняется и тотъ неуклонный, быстрый ростъ долговъ и недоимокъ числящихся, по счетамъ Государственнаго Казначейства, за желѣзнодорожными обществами? Этихъ долговъ и недоимокъ, по выданнымъ имъ ссудамъ, числилось къ 1879 году безъ малаго 393 милліоновъ; въ 1879 году вновь прибавилось около 57¾ милл., и къ 1880 году состояло уже 450.706.800 рублей.

Какъ ничтожны, въ сравненіи съ этою цифрой, суммы податныхъ и выкупныхъ недоимокъ, которыя всѣхъ такъ заботятъ, ко взысканію конхъ ежегодно принимаются самыя энергическія мѣры! Вѣдь всѣ недоимки по всѣмъ окладнымъ сборамъ и по выкупнымъ платежамъ, вмѣстѣ взятымъ, составляли къ 1880 году всего 46.328.538 рублей. Какъ далеко этой цифрѣ до 450 милліоновъ!

Интересенъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ, заявленный въ послѣднемъ контрольномъ отчетѣ. Ссуды желѣзнымъ дорогамъ выдаются безпрестанно, ихъ итогъ все растетъ, а между тѣмъ по значительной части этихъ ссудъ вовсе не опредѣлены условія возврата разрѣшенныхъ къ отпуску суммъ. Не опредѣлены эти условія потому что большинство неокладныхъ ссудъ предположено къ обращенію въ облигаціонные капиталы обществъ; этимъ, по замѣчанію отчета, объясняется главнымъ образомъ и „постоянное возрастаніе долга по неокладнымъ ссудамъ, и крайне незначительное количество уплатъ."

Не менѣе интересны разчеты по заготовленію желѣзнодорожныхъ принадлежностей и по расходамъ на изысканія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, всѣхъ затратъ по однимъ этимъ предметамъ сдѣлано казной по 1 января 1880 года 92.072.064 р. А много ли за все это время, по то же число, поступило уплатъ въ счетъ этой суммы отъ желѣзнодорожныхъ обществъ? Только 14.206.189 р.

Не мудрено что при такихъ порядкахъ суммы желѣзнодорожнаго фонда таютъ гораздо быстрѣе чѣмъ бы слѣдовало. Но не на однихъ спеціальныхъ желѣзнодорожныхъ рессурсахъ отзывается существующій способъ распоряженія суммами этого фонда и поблажки неисправнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ, не подвергаемымъ надлежащему надзору. Они тяжело ложатся и на нормальный государственный бюджетъ. Не желѣзныя дороги, а народъ уплачиваетъ проценты по желѣзнодорожнымъ займамъ питающимъ фондъ, на который общества дорогъ смотрятъ какъ на дойную корову. Возьмемъ хоть одинъ отчетный 1879 г. Въ этомъ году, на уплату процентовъ по желѣзнодорожнымъ займамъ, поступило отъ желѣзныхъ дорогъ 17.182.628 р., но изъ этихъ денегъ пришлось въ томъ же году выдать 13.910.325 р. разнымъ обществамъ на уплату процентовъ и погашенія по ихъ акціямъ и облигаціямъ. Осталось въ рукахъ казны всего 3.272.303 руб. А уплатить по желѣзнодорожнымъ займамъ нужно было 40.826.840 рублей.

При составленіи бюджета на 1879 годъ, справедливо указывалось на необходимость сокращенія расходовъ для улучшенія финансовъ. Эти сокращенія,—и сокращенія въ значительныхъ размѣрахъ, — могутъ быть сдѣланы по многимъ вѣдомствамъ. Но первѣе всего должно быть обращено вниманіе на расходы желѣзнодорожнаго фонда и желѣзнодорожное хозяйство, которое ведется въ ущербъ и казнѣ, и всѣмъ экономическимъ интересамъ страны.

№ 348.

Москва, 16-го декабря.

Въ скоромъ времени, какъ увѣдомляетъ помѣщаемая ниже телеграмма, имѣютъ быть опубликованы протоколы особой коммиссіи по продовольственному вопросу, состоящей изъ четырехъ министровъ (Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ и Путей Сообщенія) и понынѣ еженедѣльно собирающейся на засѣданія. Эти протоколы, какъ можно надѣяться, прольютъ наконецъ свѣтъ на это дѣло, о которомъ, благодаря газетнымъ толкамъ, распространились въ публикѣ, да и не въ одной публикѣ, самыя невѣрныя понятія, не имѣющія почти ничего общаго съ дѣйствительностью. Тревога возбужденная этими газетными толками начала, впрочемъ, въ послѣднее время ослабѣвать, благодаря приходившимъ съ разныхъ сторонъ свѣдѣніямъ, опровергавшимъ ихъ основательность. Недочеты жатвы оказываются далеко не такими какъ ихъ представляли; вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе разъясняется искусственность той чрезмѣрной дороговизны хлѣба которая заставила было всѣхъ призадуматься. Повсемѣстнаго отсутствія хлѣбныхъ запасовъ, общей безхлѣбицы на дѣлѣ не оказывается. Подвозъ хлѣба на рынки все растетъ; хлѣбныя цѣны, которыя, ослибы было правдой все то что говорилось и печаталось о размѣрахъ урожая, должны были бы, попрежнему, идти въ гору, стали напротивъ быстро понижаться. Такой общій характеръ извѣстій получаемыхъ въ послѣднее время съ хлѣбныхъ рынковъ. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, напримѣръ изъ Николаева, пишутъ уже о накопленіи хлѣбныхъ грузовъ и объ одновременномъ уменьшеніи спроса на хлѣбъ, несмотря на пониженіе цѣнъ. Изъ Ельца тоже пишутъ что въ теченіе послѣдняго мѣсяца предложеніе постоянно превышало спросъ, почему слѣдуетъ ожидать дальнѣйшаго пониженія уже понизившихся цѣнъ, въ виду оказывающагося громаднаго избытка хлѣба, кото-

рый необходимо сбыть или на внутренніе рынки, или за границу. Состоявшіеся въ ноябрѣ торги на поставку въ будущемъ 1881 году муки для Кіевскаго окружнаго интендантства дали совершенно неожиданные результаты. Еще такъ недавно хлѣбные подрядчики этого интендантства, какъ извѣстно, отказались поставлять хлѣбъ на ноябрь и декабрь вслѣдствіе большой разницы между подрядными и торговыми цѣнами. На новыхъ торгахъ ожидался сильный подъемъ подрядныхъ цѣнъ; на дѣлѣ вышло что подрядъ на поставку муки взятъ по цѣнѣ немного превышающей прошлогоднюю. Но этого мало; подрядчики изъявили готовность начать снабженіе войскъ хлѣбомъ, не дожидаясь наступленія контрактнаго срока, такъ какъ оказалось что они имѣютъ въ запасѣ значительное количество провіанта. Сходные результаты, какъ слышно, получены и на торгахъ въ Московскомъ военномъ округѣ. Все это свидѣтельствуетъ что хлѣбная лихорадка близится къ своему концу, и что вызвавшая столько жалобъ дороговизна хлѣба имѣла своею главною причиной не недородъ хлѣба, а азартную игру на повышеніе цѣнъ, причемъ хлѣбные запасы временно притаились. Но какъ только стали измѣняться условія благопріятствовавшія этой игрѣ, началась реакція, и хлѣбныя цѣны стали понижаться. Онѣ держатся, правда, все еще на высокомъ уровнѣ, но это объясняется тѣмъ, какъ пишетъ намъ „Хлѣбный Торговецъ“ изъ Ельца, что большіе запасы относительно дешеваго хлѣба, которые еще съ осени сосредоточились въ сильныхъ рукахъ, вѣроятно останутся до весны непроданными, такъ какъ владѣльцы этихъ запасовъ не желаютъ пустить ихъ въ продажу по пониженнымъ цѣнамъ. Поэтому, прибавляетъ онъ, „большаго пониженія цѣнъ, повидимому, ранѣе весны ожидать нельзя.“ Но это ожидаемое къ веснѣ пониженіе цѣнъ всего лучше свидѣтельствуетъ объ искусственности ихъ подъема. При нормальномъ ходѣ дѣлъ, самыя низкія цѣны бываютъ осенью, самыя высокія весною. Между тѣмъ мы имѣемъ дѣло съ противоположнымъ явленіемъ, со вздорожаніемъ хлѣба когда онъ долженъ дешевѣть и съ удешевленіемъ его когда ему слѣдовало бы становиться дороже.

Измѣнившееся настроеніе хлѣбныхъ рынковъ много облегчаетъ для Продовольственной Коммиссіи изысканіе средствъ пособить мѣстностямъ гдѣ населеніе поставлено въ затруднительное положеніе неурожаемъ и недостаткомъ заработковъ. Притомъ самые размѣры задачи которую въ этомъ отношеніи предстоитъ рѣшить продовольственной коммиссіи оказываются далеко не такими какъ предполагалось недавно. Районъ постигнутый неурожаемъ не такъ обширенъ, и въ самомъ этомъ районѣ нужда не такъ повсемѣстна и велика какъ о томъ кричали. И изъ Симбирской, и изъ Саратовской губерній получались извѣстія что въ толкахъ о голодѣ почти столько же преувеличенія сколько его было въ прошлогднихъ вопляхъ о ветлянской чумѣ. Нашъ симбирскій корреспондентъ прямо заявлялъ что въ Симбирскомъ, Сызранскомъ и Сенгилеевскомъ уѣздахъ, которые были ославлены голодающими, „полнаго неурожая, а тѣмъ паче голода, не было и нѣтъ.“ Въ подтвержденіе приводился, между прочимъ, тотъ характеристическій фактъ, что несмотря на большое повышеніе заработной платы, желающихъ предложить свои услуги на поденную работу оказывается мало, меньше чѣмъ въ прежнее время, — фактъ идущій положительно въ разрѣзъ съ тѣмъ общимъ явленіемъ что въ голодные годы, въ постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностяхъ, цѣны на трудъ обыкновенно падаютъ, ибо голодъ заставляетъ массу людей искать работы во что бы ни стало и сбивать цѣны рабочей платы обильнымъ предложеніемъ услугъ. Подобные же факты, побуждавшіе усомниться въ размѣрахъ голодной нужды не только въ Симбирской, но и въ Саратовской губерніяхъ, сообщалъ намъ одинъ изъ аткарскихъ землевладѣльцевъ. И въ Саратовской губерніи, голодъ не побуждаетъ искать работы во что бы то ни стало, и не сокращаетъ потребленія водки. Но всѣ эти опроверженія преувеличенныхъ толковъ о размѣрахъ постигшаго приволжскій край бѣдствія могли казаться не убѣдительными. Теперь, какъ видно изъ помѣщаемой ниже телеграммы, имѣется налицо свидѣтельство рѣшающаго свойства. Въ числѣ матеріаловъ для трудовъ Продовольственной Коммиссіи находится чрезвычайно подробный и обстоятельный отчетъ объ экономическомъ положеніи Саратовской губерніи, доставленный ревизующимъ эту губернію сенаторомъ Шамшинымъ. „Этотъ отчетъ,“ какъ гласитъ телеграмма, „отрицаетъ вѣрность тѣхъ мрачныхъ картинъ

которыя не разъ появлялись на страницахъ газетъ. Сенаторъ извѣщаетъ что общаго недостатка въ хлѣбѣ не существуетъ, что рядомъ съ дѣйствительно голодающими селами одной волости всегда можно найти деревню или село съ довольно значительнымъ запасомъ стараго хлѣба."

Наряду съ отчетомъ сенатора Шамшина, въ числѣ матеріаловъ для своихъ трудовъ, Продовольственная Коммиссія имѣетъ еще массу свѣдѣній и отзывовъ доставленныхъ земствами разныхъ губерній. На серіозное значеніе подобнаго источника, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ когда органы земства относятся къ своему дѣлу лишь формально или увлекаются ходячими тенденціями, для сужденія о продовольственномъ вопросѣ мы имѣли уже случай указывать, между прочимъ, говоря о докладѣ Аткарской земской управы послѣднему мѣстному уѣздному земскому собранію. Этимъ докладомъ былъ между прочимъ какъ нельзя лучше разъясненъ вредъ причиняемый общею ошибочною постановкой и неправильнымъ веденіемъ дѣла обезпеченія народнаго продовольствія, особенно въ послѣдніе четыре года. Разъяснено какъ въ силу этой системы создалась постоянная чрезмѣрная преувеличенность требованій продовольственныхъ пособій, какъ развилась спекуляція на эти пособія, какъ испрашиваются они даже тѣми у кого на гумнахъ стоятъ не обмолоченныя одонья хлѣба, какъ многіе нарочно продаютъ и ненужный и нужный хлѣбъ, чтобы потомъ казаться нуждающимися и получить продовольственную ссуду, какъ устраняются отъ пользованія этими ссудами тѣ кто дѣйствительно въ нихъ нуждается, и какая дурная услуга оказывается народу неразборчивостью въ раздачѣ этихъ ссудъ.

Одною изъ задачъ продовольственной коммиссіи должно быть несомнѣнно устраненіе подобныхъ недостатковъ практиковавшейся донынѣ продовольственной системы. Добрымъ результатомъ ея занятій будетъ когда, вмѣсто огульной раздачи пособій всѣмъ безъ различія и разсужденія, будетъ оказана помощь лишь дѣйствительно нуждающимся, въ размѣрахъ дѣйствительной, а не мнимой нужды. Этимъ было бы пресѣчено пропиваніе испрошенныхъ пособій волостными начальствами, этимъ былъ бы положенъ конецъ развращающему дѣйствію этихъ пособій на цѣлыя населенія; этимъ, наконецъ, было бы сдѣлано благодѣяніе тѣмъ на чей счетъ эти пособія раздаются.

№ 349.

Москва, 16-го декабря.

Въ борьбѣ благоразуміе требуетъ скрывать свои планы и распоряженія отъ противника. Весьма естественно что предпринимая военныя дѣйствія полководецъ желаетъ предотвратить преждевременное оглашеніе фактовъ. Съ такою неоспоримо благоразумною цѣлію подвергались военной цензурѣ, въ прошлую турецкую кампанію, всѣ сообщенія въ русскія газеты съ театра военныхъ дѣйствій. Съ такою же цѣлію приняты еще болѣе рѣшительныя мѣры въ нынѣшнюю экспедицію противъ Текинцевъ, такъ какъ корреспонденты газетъ вовсе въ дѣйствующій отрядъ не допущены. Еще разъ, — мѣра какъ нельзя болѣе благоразумная. Въ военномъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, слово серебро, а молчаніе золото, по арабской пословицѣ. Говорятъ что благодаря обмолвкѣ одной изъ бельгійскихъ газетъ въ 1870 г., Мольтке разгадалъ весь планъ движенія Макъ-Магона на выручку Базена запертаго въ Мецѣ и успѣлъ предупредить Французовъ у Седана. Конечно, Ахалъ-Текинцы газетъ не читаютъ и непосредственно не имѣютъ возможности пользоваться ихъ извѣстіями, но извѣстія эти все-таки могутъ доходить и до нихъ, хоть бы тѣми же окольными путями какими они получаютъ европейскія ружья и порохъ,—а въ прошлую экспедицію, въ рядахъ Текинцевъ встрѣчались и люди въ европейскихъ мундирахъ.

Но вотъ бѣда: въ нынѣшнее время телеграфовъ и быстрыхъ сообщеній трудно имѣть успѣшный контроль надъ распространеніемъ свѣдѣній. Можно не допускать корреспондентовъ въ свою армію и принимать мѣры чтобы въ своей печати факты не оглашались преждевременно, но нельзя помѣшать иностранцамъ разглашать таковые. Въ нашемъ отрядѣ дѣйствующемъ противъ Текинцевъ нѣтъ корреспондентовъ, и отъ русской публики весьма тщательно укрываются дѣйствія отряда чтобъ о нихъ не знали иностранцы, а между тѣмъ, на границахъ Персіи пребываютъ корреспонденты англійской печати которые освѣдомляются о событіяхъ и немедленно разгла-

шаютъ о нихъ на цѣлый міръ. Если въ русскихъ газетахъ нѣтъ никакихъ извѣстій о нашихъ дѣлахъ въ Закаспійской степи, то о нихъ быстро и довольно обильно сообщаются свѣдѣнія, напримѣръ, въ *Daily News*, и весь міръ узнаетъ о нихъ прежде чѣмъ русская публика. Мы скрываемъ дѣло отъ своихъ чтобы другіе не знали, и именно отъ другихъ-то, отъ тѣхъ кому о нашихъ дѣлахъ знать преждевременно не подобаетъ, сами узнаемъ о нихъ впервые.

Еще съ осени англійская печать обратила усиленное вниманіе на положеніе Ахалъ-Текинскаго отряда, и какъ разъ именно въ ту пору когда у насъ извѣщалось что активныя движенія прекращены на зиму. Первоначально стали появляться извѣстія о ходѣ заготовленія разныхъ необходимыхъ для войскъ предметовъ, о закупкѣ провіанта въ Персіи; затѣмъ, на дняхъ, *Daily News* сообщила что снабженіе войскъ предметами интендантскаго и артиллерійскаго довольствія окончено съ успѣхомъ, что въ отрядѣ, который укомплектованъ и доведенъ до 12.000 имѣется по 800 патроновъ на ружье и по три комплекта зарядовъ на орудіе. Все это приводитъ корреспондента къ неожиданному заключенію что въ непродолжительномъ времени предстоитъ возобновленіе военныхъ дѣйствій въ обширныхъ размѣрахъ. Догадка высказанная англійскимъ корреспондентомъ проживающимъ въ Персіи противорѣчила офиціальному извѣстію что военныя дѣйствія на зиму прекращены; однако на войнѣ далеко не все зависитъ отъ воли и намѣреній одной стороны. Мѣры принимаемыя противникомъ могутъ вынудить перемѣны въ первоначальныхъ планахъ и предположеніяхъ. Это подтверждается послѣдними депешами въ *Daily News*, гдѣ отъ 14 декабря сообщалось что „все Ахалъ-Текинское населеніе призвано къ оружію для разъѣздовъ вдоль русскихъ линій," и что на подкрѣпленіе гарнизона въ Геокъ-Тепе спѣшатъ на верблюдахъ восемь тысячъ Мервъ-Текинцевъ. Два дня спустя, 16 декабря, тотъ же корреспондентъ передаетъ что Мервъ-Текинцы уже прошли, что при нихъ два орудія, что ихъ походъ вызванъ „убѣжденіемъ въ вѣроятности скораго нападенія со стороны Русскихъ." Активныя движенія Текинцевъ „вдоль линій" нашего расположенія, мелкія нападенія и поиски должны вызвать съ нашей стороны противодѣйствіе, характеръ и исходъ котораго въ началѣ было трудно предвидѣть. По послѣднимъ, только что полученнымъ извѣстіямъ изъ Лондона, эти дѣйствія Текинцевъ „вдоль нашихъ линій" принимали весьма обширные размѣры, причемъ сдѣлано даже нападеніе на строящуюся еще Закаспійскую желѣзную дорогу, слѣдовательно на одинъ изъ главнѣйшихъ путей сообщенія дѣйствующаго отряда.

Наконецъ, извѣстно что лѣтомъ и въ началѣ осени текинскій гарнизонъ Геокъ-Тепе весьма нуждался въ продовольствіи, вслѣдствіе энергическихъ мѣръ къ истребленію хлѣбныхъ запасовъ въ окрестныхъ селеніяхъ и жатвы на поляхъ. Зима могла довести Текинцевъ собравшихся въ большихъ массахъ въ Геокъ-Тепе до крайности и вынудить ихъ къ дѣйствію, на что повидимому и намекаетъ письмо Макдумкули-хана въ Деркевезъ, какъ о томъ упоминаетъ англійскій корреспондентъ. Едва ли было бы въ нашихъ интересахъ дать Текинцамъ возможность перебиться до весны, собирая продовольствіе во время дальнихъ разъѣздовъ. Весьма естественно ожидать что выходящаго изъ укрѣпленій непріятеля попросятъ возвратиться восвояси, а это разумѣется не можетъ обойтись безъ движенія впередъ съ нашей стороны и безъ схватокъ, о которыхъ сообщаютъ англійскіе корреспонденты. Недавно въ заграничныхъ газетахъ сообщалось о занятіи нами Ахалъ-Текинскаго города Карыза лежащаго всего въ одномъ небольшомъ переходѣ отъ Геокъ-Тепе. Сегодня извѣщаютъ объ обложеніи или даже осадѣ этого главнаго оплота Ахалъ-Текинцевъ, тщательная рекогносцировка котораго была сдѣлана еще лѣтомъ небольшимъ отрядомъ подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева.

Обиліе извѣстій и быстрое слѣдованіе однихъ за другими заставляютъ предполагать въ нихъ долю правды и ждать что вѣроятно на дняхъ, офиціальнымъ путемъ, мы узнаемъ наконецъ или о перемѣнѣ первоначальныхъ намѣреній съ нашей стороны или о такихъ пріемахъ которые должны парализовать замыслы Текинцевъ: извѣстія объ этихъ замыслахъ передаваемыя въ иностранной печати такъ подробны и правдоподобны что имъ трудно отказать въ извѣстной долѣ довѣрія.

Заслуживаетъ вниманія приходъ къ Геокъ-Тепе значительной партіи Мервъ-Те-

кинцевъ, по силѣ составляющей около половины прошлогодняго числа защитниковъ этого города. Лѣтомъ, во время рекогносцировки генерала Скобелева, Мервъ-Текинцевъ въ Геокъ-Тепе было очень немного. Люди эти были заняты дома полевыми работами. Весна и теперь конечно заставила бы ихъ вернуться во-свояси, и силы Ахалъ-Текинцевъ были бы такимъ образомъ ослаблены. Не удивительно если съ прибытіемъ этой помощи вожди племени рѣшаются на энергическій образъ дѣйствій. Ободренные прошлогодиею случайною удачей и прибытіемъ подкрѣпленій отъ родственнаго племени, они могутъ выше цѣнить свои силы. Съ другой стороны, можетъ казаться весьма удобнымъ нанести рѣшительный ударъ именно теперь чтобы разомъ сокрушить всѣ надежды Текинцевъ, разчитывавшихъ и этимъ лѣтомъ, какъ въ прошломъ году, въ случаѣ неудачи уйти въ Мервъ и такимъ образомъ избѣжать необходимости подчиниться волѣ противника. Серіозное пораженіе заставило бы вѣроятно и Мервъ-Текинцевъ понять что они не могутъ противустоять поступательному движенію силы которой дѣйствія такъ хорошо знакомы племенамъ Средней Азіи.

№ 350.

Москва, 17-го декабря.

Телеграфъ изъ Константинополя извѣщаетъ что 27-го (15-го) декабря Портѣ сообщено словесно предложеніе объ европейскомъ третейскомъ судѣ по дѣлу о размежеваніи греко-турецкихъ владѣній, на что, судя по возраженіямъ, которыя уже сдѣлалъ Сандъ-паша посламъ, слѣдуетъ ожидать что Порта отвѣтитъ отказомъ. Весьма естественно что Порта отвѣтитъ такимъ образомъ, и вообще нельзя не признать что во всей этой исторіи дипломатическихъ наступленій и отступленій со времени Берлинскаго конгресса, Порта дѣйствовала логично и послѣдовательно; съ формальной стороны она останется правою и на этотъ разъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли придавать какое-либо серіозное значеніе третейскому суду Европы по греко-турецкому пререканію, и какія могутъ быть отъ него послѣдствія? Въ международныхъ дѣлахъ есть одинъ только источникъ права, это война. Греція, какъ справедливо разсуждаетъ Порта, на *этомъ* основаніи не пріобрѣла никакихъ правъ на тѣ территоріальныя уступки коихъ она нынѣ домогается; она не участвовала въ войнѣ которую вела Россія въ пользу единовѣрныхъ племенъ и которая стала началомъ важныхъ перемѣнъ на Балканскомъ полуостровѣ. Греція не можетъ даже подкрѣплять свои притязанія ссылкой на недавно совершившуюся „мирную“ передачу Турціей части своей территоріи въ пользу Черногоріи, ибо право Черногоріи было также послѣдствіемъ войны; округъ Дульцинью былъ лишь замѣной, и притомъ менѣе выгодною, того что Черногорцы пріобрѣли силою оружія. Правда, Грецію потому устранилась отъ участія въ общемъ дѣлѣ что ее удержали европейскія державы, которыя обольщали ее обѣщаніями удовлетворить ея притязанія помимо войны; но что изъ этихъ обѣщаній вышло?

Въ Берлинскомъ трактатѣ права Греціи установлены были лишь въ весьма неопредѣленныхъ и общихъ выраженіяхъ, такъ что этотъ трактатъ, послуживший конечнымъ выводомъ послѣдней Восточной войны и подписанный Портой, отнюдь не обязываетъ ее отдать именно то что теперь отъ нея требуютъ: о Ларисѣ, Меновѣ и Янинѣ въ трактатѣ ни словомъ не упомянуто. Но затѣмъ Берлинская конференція присудила Греціи всѣ ея требованія, и на этомъ рѣшеніи Грецію теперь и стоитъ, отказываясь въ свою очередь отъ новыхъ предложеній и отъ какихъ бы то ни было уступокъ въ пользу Порты. Но если постановленіе Берлинской конференціи было дѣйствительнымъ рѣшеніемъ обязательнымъ для Турціи, то его и нужно исполнить. Если же оно не имѣетъ обязательной силы (а Турція именно это утверждаетъ, ссылаясь на тотъ вѣскій аргументъ что Берлинскій трактатъ не можетъ служить ему подкрѣпленіемъ, а сама она въ конференціи не участвовала и противъ ея постановленія протестовала), то въ силу чего *будущій* третейскій судъ возымѣетъ больший авторитетъ нежели прошедшій? Нравственный авторитетъ новаго приговора во всякомъ случаѣ не возрастетъ отъ того что Европа отступится отъ прежняго своего единогласнаго постановленія и измѣнитъ его въ пользу Турціи, а матеріальное принужденіе опять-таки приводитъ къ вопросу о

войнѣ, на которую Греція и рѣшилась скрѣпя сердце, сознавая теперь на опытѣ какъ тщетны были надежды возбужденныя обѣщаніями, которыми ее удержали отъ войны въ то время когда вѣроятія успѣха были для нея несравненно благопріятнѣе.

Итакъ, заинтересованныя стороны равно отвергаютъ навязываемое имъ новое посредничество Европы. Но допустимъ что обѣ стороны пожертвовали бы логикой своихъ аргументовъ соображеніямъ практической пользы, и приняли бы третейскій судъ. При опредѣленности притязаній истца и не менѣе опредѣленныхъ возраженіяхъ отвѣтчика, это рѣшеніе не можетъ удовлетворить обѣ стороны: одна непремѣнно сочтетъ себя обиженною, и кто же понудитъ ее подчиниться? Если недовольною останется Турція, то возьметъ ли на себя Европа силою заставить ее передать Греціи то что будетъ ей вторично присуждено? Опытъ недавней „демонстраціи“ показалъ съ достаточною ясностью какъ Европѣ, такъ и самой Турціи, насколько подобное предположеніе исполнимо. А если обиженною сочтетъ себя Греція (и она будетъ имѣть полное основаніе считать для себя обиднымъ всякое умаленіе того что Берлинская конференція ей присудила), то можно ли будетъ воспрепятствовать ей прибѣгнуть къ оружію и доказывать свое право чрезъ *ultima ratio regum*?

Итакъ, третейскій судъ, съ какой бы стороны на него не смотрѣть, является одною изъ тѣхъ хитроумныхъ выдумокъ, къ какимъ обычно прибѣгаетъ дипломатія не для того чтобы дѣйствительно устранить существующее затрудненіе, а чтобы въ виду ея неустранимости призвать на помощь могучаго союзника — время и удалить моментъ катастрофы, какъ скоро имѣется интересъ не допустить немедленнаго наступленія оной.

Очевидно что именно такова цѣль предложенія сдѣланнаго теперь Франціей. Но почему именно Франція взяла на себя иниціативу этого, повидимому, безнадежнаго предложенія? Слѣдуетъ думать что въ этомъ сказалось лишь продолженіе той странной политики которую усвоила себѣ Франція въ послѣднее время, рѣшившись слѣдовать на буксирѣ за Германіей, конечно не потому чтобы открылся путь къ дѣйствительной солидарности между политическими интересами этихъ двухъ странъ, а только потому что какимъ-то таинственнымъ образомъ она усвоила себѣ, или ей внушена была мысль, что, дѣйствуя съ Германіей совокупно по Восточнымъ дѣламъ, Франція тѣмъ вѣрнѣе обезпечиваетъ себѣ успѣхъ въ тотъ моментъ когда наступитъ время для ея собственнаго разчета съ Германіей, на что направлены помышленія всѣхъ государственныхъ людей Франціи безъ различія партій.

Въ объясненіи образа дѣйствій Франціи высказывалась еще та мысль что Европа вообще находится теперь въ переходномъ и выжидательномъ положеніи. Политика Англіи по Восточнымъ дѣламъ двойственна, — двойственна въ томъ смыслѣ что торіи и виги дѣйствуютъ по этимъ дѣламъ какъ двѣ державы, коихъ интересы противоположны, и если падетъ кабинетъ Гладстоновъ, то всѣ разчеты основанные на общемъ съ нею дѣйствіи или на противодѣйствіи ея, должны будутъ подвергнуться пересмотру. Положеніе Гладстонова кабинета, между тѣмъ, представляется сомнительнымъ въ виду возрастающихъ съ каждымъ днемъ затрудненій въ Ирландіи. Недѣли черезъ двѣ соберется Британскій парламентъ, и по дѣламъ Ирландіи будетъ внесено кабинетомъ предложеніе, принятіе или отклоненіе котораго рѣшитъ судьбу теперешняго правительства. Торіи рѣшились дать своимъ противникамъ генеральную битву на почвѣ внутренней политики въ противоположность вигамъ, побѣда коихъ въ прошедшемъ году одержана была въ области иностранной политики. Если побѣда останется за г. Гладстономъ, то это будетъ означать что страна такъ одобряетъ его иностранную политику или такъ опасается возвращенія къ „бойкой“ политикѣ Биконсфильда, что ирландскія неустройства не могли поколебать довѣрія къ нему страны. Въ этомъ случаѣ положеніе г. Гладстона значительно укрѣпится, и европейскимъ державамъ дана будетъ возможность считаться съ политикой Англіи какъ съ опредѣленною величиной. Но если кабинетъ Гладстона падетъ, что весьма возможно, то образъ дѣйствій Англіи по дѣламъ Востока радикально измѣнится, а съ тѣмъ вмѣстѣ должны измѣниться и всѣ теперешнія комбинаціи.

Вотъ чѣмъ, между прочимъ, объясняются усилія дипломатіи какъ бы затянуть вопросъ и выиграть время.

№ 351.

Москва, 18-го декабря.

За послѣднюю недѣлю въ газетахъ идутъ непрестанные толки о крупномъ дефицитѣ съ которымъ де имѣетъ быть сведена государственная роспись доходовъ и расходовъ на предстоящій 1881 годъ. Этотъ предполагаемый дефицитъ заранѣе объясняется, помимо увеличенія расходовъ, во-первыхъ, значительными недоимками въ доходахъ, ожидаемыми вслѣдствіе неурожая постигшаго нѣкоторыя мѣстности, вовторыхъ, невключеніемъ въ роспись новыхъ налоговъ, которые проектируются, но еще не будутъ введены ко времени утвержденія росписи. Этотъ предвидимый дефицитъ никого, впрочемъ, не пугаетъ,—не потому чтобы видѣли въ немъ временное, скоропреходящее явленіе, вызванное случайно неблагопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ,—а потому что въ бюджетахъ безъ дефицитовъ нѣкоторые изъ нашихъ финансистовъ усматривали какъ бы личное себѣ оскорбленіе, и крупный, напримѣръ стомилліонный, дефицитъ былъ бы для нихъ истиннымъ торжествомъ. Ихъ радуетъ что государственная смѣта не будетъ балансировать въ доходахъ и расходахъ, какъ это было въ послѣдніе четыре года. Бюджетное равновѣсіе этихъ лѣтъ выставляется ими чѣмъ-то въ родѣ публичнаго обмана, сокрытія истиннаго положенія дѣлъ посредствомъ шумныхъ фразъ и эффектныхъ туманныхъ картинъ. Этого равновѣсія вовсе де не было, а были взамѣнъ его дефициты въ сотни милліоновъ. Теперь же бюджетныя цифры будутъ де соотвѣтствовать дѣйствительному финансовому положенію страны, стѣсненность коего нечего скрывать. Безпокоитъ этихъ финансистовъ только то впечатлѣніе которое бюджетный дефицитъ можетъ произвести на биржахъ, особенно на заграничныхъ денежныхъ рынкахъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражается надежда что впечатлѣніе будетъ заглажено офиціальнымъ заявленіемъ о прекращеніи новыхъ бумажно-денежныхъ выпусковъ и о планѣ постепеннаго изъятія значительной части кредитныхъ билетовъ. О такомъ офиціальномъ заявленіи многіе говорятъ какъ о дѣлѣ уже рѣшенномъ, и опредѣляютъ самый ходъ изъятія четырехсотъ съ небольшимъ милліоновъ кредитныхъ рублей, мало-по-малу выпущенныхъ въ обращеніе со времени возникновенія восточныхъ замѣшательствъ. Полагается что эти четыреста милліоновъ будутъ изъяты въ теченіе десяти лѣтъ, по равной части, т.-е. по сорока милліоновъ въ годъ.

Что бюджетное равновѣсіе можетъ быть нарушено въ предстоящемъ 1881 году, противъ этого едва ли кто будетъ спорить, если примемъ во вниманіе экономическіе результаты недостаточнаго урожая, увеличеніе расходовъ по многимъ бюджетнымъ статьямъ и невключеніе въ роспись предполагаемыхъ новыхъ налоговъ. Но очень сомнительно чтобы дефицитъ принялъ тѣ размѣры какіе ему заранѣе приписываютъ. Усомниться въ этомъ заставляетъ уже одно то что предвидимый дефицитъ приравняется къ дефицитамъ послѣднихъ лѣтъ. Между тѣмъ, офиціальными контрольными отчетами засвидѣтельствовано что въ бюджетѣ обычныхъ доходовъ и расходовъ, ни въ 1878, ни въ 1879 году, никакого дефицита не было, а были напротивъ крупныя превышенія доходовъ надъ расходами, простиравшіяся въ одномъ году почти до 28 милл., въ другомъ до 20 слишкомъ милл. рублей. Сказать что оба эти года завершились дефицитами можно только при предположеніи что всѣ чрезвычайные военные и спеціальные желѣзнодорожные расходы должны быть покрываемы текущими государственными доходами. Но ни одинъ благоразумный человѣкъ не предъявляетъ подобныхъ требованій къ государственному бюджету, и признаетъ финансовое положеніе удовлетворительнымъ когда бюджетныхъ средствъ оказывается достаточно, помимо другихъ расходовъ, для уплаты всей суммы процентовъ и погашенія требуемой условіями военныхъ и желѣзнодорожныхъ займовъ. Такъ было въ 1878 и въ 1879 годахъ, и такъ будетъ и въ предстоящемъ году если его бюджетныхъ средствъ достанетъ для удовлетворенія нормальныхъ нуждъ, а дефицитъ окажется лишь вслѣдствіе включенія въ общую роспись издержекъ на желѣзнодорожную сѣть и оставшихся непокрытыми расходовъ минувшей войны. Не совсѣмъ удовлетворительнымъ бюджетъ могъ бы казаться лишь при отсутствіи равновѣсія между обыкновенными доходами и расходами. Окажется ли такой недочетъ въ предстоящемъ 1881 году, этого никто пока не знаетъ и знать не можетъ. Если онъ и будетъ вычисленъ по бюджету, разчетъ можетъ оказаться так-

же невѣрнымъ какъ и въ 1878 году, когда поступленіе доходовъ превысило бюджетныя ожиданія на $67^3/_4$ милліоновъ, и бюджетный недочетъ въ $27^1/_2$ милліоновъ рублей обратился на дѣлѣ въ 28 милліонный избытокъ доходовъ. Конечно, на бюджетѣ 1881 года, или точнѣе на первомъ его полугодіи, должны будутъ невыгодно отразиться недочеты послѣдней жатвы, но эти недочеты могутъ уравновѣситься результатами будущаго урожая. Послѣдствія недостаточно обильнаго урожая непоправимо отозвались лишь на исполненіи росписи текущаго года. Въ послѣдней его половинѣ, дѣйствительно, произошла заминка въ ходѣ многихъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, а равно могли оказаться недоимки и въ поступленіи нѣкоторыхъ податей и сборовъ; бюджетныя ожиданія могли быть, поэтому, обмануты, хотя этого и незамѣтно, напримѣръ, судя по публикуемымъ еженедѣльно свѣдѣніямъ о поступленіи таможенныхъ сборовъ. Того роста доходовъ какой обнаружился въ 1878 и 1879 можетъ не оказаться ни въ текущемъ 1880, ни въ 1881. Но тревожнаго въ этомъ обстоятельствѣ также мало какъ и въ недочетѣ доходовъ съ какимъ страна имѣла дѣло въ 1876 и 1877 годахъ, а финансовое управленіе заслуживаетъ глубокой благодарности если предвидя нѣкоторый недочетъ въ доходахъ не бьетъ въ набатъ, не смущается впечатлѣніемъ какое этотъ недочетъ можетъ произвести на заграничныхъ денежныхъ рынкахъ и не торопится наверстывать его новыми налогами. Боязнь дефицитовъ оказывается иногда вреднѣе самихъ дефицитовъ, какъ это у насъ и случалось довольно часто. Эта боязнь вела часто къ мѣрамъ которыя, смѣняя естественное развитіе народнаго хозяйства, мѣшали росту государственныхъ доходовъ который не замедлилъ бы въ слѣдующіе годы возмѣстить случайные недочеты годовъ предшедшихъ. Но всего вреднѣе боязнь впечатлѣнія которое дефицитъ въ нашемъ бюджетѣ могъ бы произвести на заграничныхъ денежныхъ рынкахъ. На эту боязнь смѣшно было бы обращать вниманіе еслибъ она часто не играла серіозной роли въ нашихъ финансовыхъ дѣлахъ. Этимъ дѣламъ, единственно изъ разчета произвести благопріятное впечатлѣніе за границей, у насъ не рѣдко давалось не то направленіе какое требуется интересами своей страны, а какое выгодно иностраннымъ банкирамъ.

Стремленіе дать такое направленіе нашимъ финансовымъ дѣламъ проглядываетъ и въ идущихъ нынѣ толкахъ о предполагаемомъ дефицитѣ, толкахъ приводимыхъ въ связь съ планомъ изъятія нашихъ кредитныхъ билетовъ, ради успокоенія заграничнаго денежнаго міра. Банкиры производящіе займы за счетъ Русскаго правительства, дѣйствительно, давно уже хлопочутъ о сокращеніи нашего бумажно-денежнаго обращенія, разчитывая что въ этомъ дѣлѣ мы не обойдемся безъ внѣшнихъ займовъ при ихъ содѣйствіи, за которое, какъ всегда, должно быть имъ щедро заплачено. До дѣйствительнаго положенія русскихъ финансовъ имъ вообще мало дѣла, но эксплуатировать его и сыграть между прочимъ на впечатлѣніе какое долженъ де произвести дефицитъ въ русскомъ бюджетѣ они конечно не прочь, и у насъ, по старымъ примѣрамъ, не оказывается недостатка въ финансистахъ готовыхъ помогать ихъ игрѣ своими криками.

Должно ли быть сокращено наше бумажно-денежное обращеніе, должна ли быть изъята часть кредитныхъ билетовъ, это вопросъ спорный, который можетъ быть рѣшенъ и такъ, и иначе. Но рѣшиться онъ долженъ не на основаніи чьихъ-либо впечатлѣній, и всего менѣе впечатлѣній заграничныхъ банкировъ, а вслѣдствіе изученія дѣйствительныхъ нуждъ и выгодъ своей страны. Вредитъ ли народному хозяйству то количество бумажныхъ денегъ какое обращается нынѣ въ народѣ, и выиграетъ ли оно если это количество уменьшится, вотъ вопросъ прежде всего требующій рѣшенія. Вредъ существующихъ размѣровъ денежнаго обращенія до сихъ поръ не доказанъ, и еще менѣе разъяснено какіе полезные результаты получатся отъ сокращенія этихъ размѣровъ. Налицо пока только огромная польза которая была принесена государству вызванными войной бумажно-денежными выпусками. Благодаря имъ, страна благополучно вышла изъ того общаго экономическаго кризиса который тяготѣлъ надъ нею предъ войной. Благодаря имъ, сдѣлалось возможно успѣшное заключеніе трехсотмилліонныхъ внутреннихъ займовъ, послѣ того какъ при сжатомъ денежномъ обращеніи не могъ быть своевременно покрытъ и стомилліонный. Благодаря имъ, западно-европейскій денежный міръ, отказавшій намъ въ деньгахъ въ самыя трудныя минуты, когда война

уже началась, былъ безсиленъ повредить русскимъ интересамъ. Благодаря имъ, усилился тотъ естественный ростъ государственныхъ доходовъ, который имѣлъ результатомъ что въ четырехлѣтіе 1876—1879 годовъ большое увеличеніе расходовъ не потребовало чрезвычайныхъ средствъ для уравновѣшенія нормальнаго бюджета.

Какъ на вредный результатъ сдѣланныхъ бумажно-денежныхъ выпусковъ указываютъ на возникшую дороговизну многихъ предметовъ. Но вздорожаніе этихъ предметовъ происшедшее вслѣдствіе не одной, а многихъ причинъ, можетъ быть приводимо въ зависимость отъ уровня вексельныхъ, а не отъ количества обращающихся бумажныхъ денегъ. Прямой причинной связи между этимъ количествомъ и курсами нѣтъ, какъ свидѣтельствуютъ неопровержимые факты на которые мы не разъ уже указывали. Не имѣется никакихъ данныхъ для расчета на подъемъ курсовъ и на удешевленіе разныхъ товаровъ вслѣдъ за изъятіемъ того или иного количества кредитныхъ билетовъ. Курсы зависятъ отъ недостатка у насъ золота и отъ большой потребности въ немъ для уплаты разницы по нашему международному расчетному балансу, крайне для насъ невыгодному. Внѣшніе займы съ цѣлію изъятія кредитныхъ билетовъ только усилятъ эту невыгодность, увеличивъ наши ежегодные заграничные платежи. Золото полученное путемъ этихъ займовъ въ короткое время уйдетъ на эти платежи и поднятые займами курсы не замедлятъ вслѣдъ затѣмъ упасть, можетъ-быть, ниже нынѣшняго ихъ уровня. Вмѣсто удешевленія, произойдетъ вздорожаніе. Бумажныя деньги будутъ изъяты, золотыя уйдутъ за границу. Съ чѣмъ же останется страна, и улучшится ли ея положеніе противъ нынѣшняго когда всякіе обороты и предпріятія будутъ затруднены безденежьемъ? Такой ли это результатъ чтобы ради его заключать займы и обременять бюджетъ уплатою по нимъ процентовъ? Объ этихъ результатахъ нельзя не подумать прежде чѣмъ приниматься за сокращеніе кредитно-денежнаго обращенія. Они неизмѣримо важнѣе для страны чѣмъ тѣ впечатлѣнія какія могутъ производить ея финансы на иностранныхъ банкировъ...

№ 352.

Москва, 13-го декабря.

Обнародованный недавно второй томъ французской *Желтой Книги* содержитъ въ себѣ нѣсколько документовъ официально подтверждающихъ что образъ дѣйствія Франціи по восточнымъ дѣламъ, въ послѣдніе мѣсяцы, вызывалъ сѣтованіе какъ въ Лондонѣ такъ и въ Петербургѣ; а между тѣмъ князь Бисмаркъ защищаетъ французскую политику въ своихъ объясненіяхъ съ англійскимъ посломъ пріѣзжавшимъ къ нему во Фридрихсруэ. Послѣднее удостовѣряется донесеніемъ французскаго посла при Берлинскомъ дворѣ отъ 22 октября 1880, въ коемъ переданно содержаніе разговора который имѣлъ лордъ Одо Россель съ княземъ Бисмаркомъ.

Однако, странное дѣло, по мѣрѣ того какъ „общность дѣйствія" между Франціей и Германіей становится несомнѣннымъ фактомъ, не только не замѣтно смягченія взаимной вражды между обѣими странами, но взаимное недовѣріе въ послѣднее время какъ бы еще усилилось. Крупный скандалъ по поводу бывшаго военнаго министра Сиссе, обвинявшагося въ томъ что онъ, попавъ въ сѣти нѣмецкой дамы, г-жи Кауллa, далъ возможность Германскому правительству добыть чрезъ послѣднюю секретные документы военной администраціи во Франціи, на дняхъ обогатился новымъ эпизодомъ, вслѣдствіе разбирательства въ Парижскомъ трибуналѣ исправительной полиціи процесса, возбужденнаго г-жою Кауллa противъ редакторовъ газетъ ее оклеветавшихъ. Обвиняемые, разумѣется, не „доказали" своихъ инсинуацій противъ г-жи Кауллa, и судъ призналъ ихъ виновными; но наказаніе къ коему приговорены большая часть ихъ (денежный штрафъ не превышающій 25 франковъ) равносиленъ оправданію и истолкованъ парижскою печатью какъ косвенное подтвержденіе, а не какъ опроверженіе „клеветы." Въ этомъ смыслѣ приговоръ понятъ и берлинскою печатью, которая разсматриваетъ въ немъ, равно какъ во всемъ что говорилось по этому поводу на судѣ и въ парижскихъ газетахъ, „зловѣщій признакъ того насколько затаенная ненависть къ Германіи продолжаетъ горѣть въ груди каждаго Француза."

Впрочемъ, официальная Франція, то-есть

теперешній кабинетъ и президентъ Греви, предполагаются берлинскою печатью дѣйствительно склонными если не къ установленію вполнѣ дружественныхъ отношеній съ Германіей, то по крайней мѣрѣ къ отсрочкѣ на долгое время борьбы за отнятыя у Франціи земли, а быть-можетъ и къ мирному вознагражденію въ иномъ мѣстѣ и съ помощью Германіи за потерю Альзасъ-Лотарингіи. По этому поводу мы узнаемъ объ интересномъ изреченіи князя Бисмарка которое, быть-можетъ, годится послужить комментаріемъ къ рѣзкой перемѣнѣ наступившей въ образѣ дѣйствій Франціи по Греческому вопросу. По словамъ берлинскихъ газетъ, князь Бисмаркъ выразился что было бы безумiемъ со стороны Германіи и Франціи еслибъ онѣ въ предстоящія тридцать лѣтъ стали проливать свою кровь изъ-за нѣсколькихъ квадратныхъ миль у своей границы въ то время какъ будетъ рѣшаться вопросъ о судьбѣ Азіи и Африки, то-есть о томъ какой изъ европейскихъ расъ тамъ господствовать. Франція, думаютъ берлинскія газеты, могла бы спокойно отложить надолго, если не навсегда, заботу объ Альзасъ-Лотарингіи и заняться „несравненно болѣе обширными задачами открывающимися для нея на Средиземномъ морѣ.“ Въ чемъ именно эти задачи заключаются, и какъ Германія предполагаетъ вознаградить Францію за потерянныя Альзасъ и Лотарингію Азіей и Африкой, берлинская печать точнѣе не опредѣляетъ. Но она не скрываетъ того что до сихъ поръ этими широкими планами не удалось соблазнить людей которые, за плечами официальной Франціи, управляютъ ея судьбой. Приверженцы Гамбетты прямо провозглашаются „партіей войны,“ и усматриваются новые признаки доказывающіе что борьба съ Германіей, а не совокупное съ нею осуществленіе широкихъ замысловъ, составляетъ программу этой партіи.

Нѣкто Жюль Жозефъ Reinach, молодой и даровитый писатель, находящійся въ близкихъ отношеніяхъ къ г. Гамбеттѣ, помѣстилъ недавно въ журналѣ *Revue Politique et Littéraire* статью подъ заглавіемъ: *Общественное мнѣніе во Франціи и иностранная политика*. Авторъ статьи рѣзко порицаетъ политику усвоенную Французскимъ правительствомъ въ послѣдніе мѣсяцы и называетъ людей ведущихъ эту политику „партіей трусовъ“ (parti des trembleurs). Къ этой партіи онъ причисляетъ, съ одной стороны, крайнихъ радикаловъ, а съ другой, консерватиовъ всѣхъ оттѣнковъ. Сверхъ того, онъ съ горестью подтверждаетъ что къ нимъ же должна быть причислена значительная часть французской буржуазіи, „которая дрожитъ за возможность пониженія французской ренты на нѣсколько сантимовъ при извѣстіи о болѣе энергическомъ образѣ дѣйствій Франціи по иностраннымъ дѣламъ и проникается совершенно неосновательными страхами за французскую армію, между тѣмъ какъ въ блаженныя времена выкупа отъ воинской повинности она спокойно допускала посылку французскихъ войскъ въ Мадридъ и Мексику.“ Къ этой партіи г. Рейнахъ причисляетъ самого президента Греви и г. Фрейсине, „который счелъ нужнымъ возражать противъ благородной рѣчи произнесенной въ Шербургѣ.“ Авторъ доказываетъ далѣе что настоящая, „вполнѣ достойная Франціи политика заключается въ возобновленіи традицій Лудовика XIV,“ и онъ надѣется что „и при господствѣ всеобщей подачи голосовъ возможенъ во Франціи государственный человѣкъ подобный кардиналу Ришелье;“ онъ гордится тѣмъ что его партія и человѣкъ стоящій во главѣ оной „одни держатъ знамя посвященное дорогимъ именамъ Страсбурга и Меца,“ о которыхъ, по слову г. Гамбетты, слѣдуетъ постоянно думать, но не говорить.

Не ускользнулъ отъ вниманія берлинской печати и другой фактъ, подтверждающій существованіе партіи войны во Франціи. На республиканскомъ банкетѣ, бывшемъ на дняхъ въ Ліонѣ, произнесъ рѣчь одинъ изъ самыхъ интимныхъ друзей г. Гамбетты, г. Спюллеръ, редакторъ газеты *République Française* и депутатъ законодательнаго собранія отъ Парижа. Онъ также коснулся иностранной политики Франціи и совершенно въ томъ же духѣ какъ г. Рейнахъ въ упомянутой статьѣ. Превознося заслуги республиканской партіи, г. Спюллеръ сказалъ между прочимъ: „Если рѣчь будетъ идти о томъ чтобы возстановить главныя воспоминанія и блестящія традиціи Франціи, то мы покажемъ всѣмъ мечтающимъ о возстановленіи монархіи, что мы сумѣемъ воскресить эти традиціи гораздо лучше нежели монархическія партіи. Когда мы окончательно привлечемъ на свою сторону всѣ умы во Франціи, тогда для насъ настанетъ новая задача. Мы озаботимся о томъ чтобы доставить демократической

Франціи то удовлетвореніе, на которое она имѣетъ право; истинные патріоты, сохранившіе воспоминаніе не только о постигшихъ насъ ударахъ, но и о старинной славѣ французской націи, припомнятъ тогда изреченіе одного изъ нашихъ великихъ предковъ что отечество нуждается не только въ благосостояніи, но и въ славѣ. Никто не посмѣетъ тогда оспаривать право нашего народа, которое есть право всякой націи сознающей свою силу и вѣрующей въ свою судьбу, — и ни одинъ изъ сыновъ Франціи не откажетъ тогда своему отечеству въ содѣйствіи, въ коемъ оно будетъ нуждаться." Рѣчь эта, окончившаяся тостомъ за „дражайшаго друга" оратора, г. Гамбетту, была встрѣчена съ неописаннымъ восторгомъ. Нѣмецкая печать принимаетъ оную къ свѣдѣнію, въ особенности потому что г. Спюллеръ рано или поздно займетъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ когда г. Гамбетта будетъ президентомъ республики.

Берлинскія газеты до такой степени придаютъ значеніе этимъ манифестаціямъ что начинаютъ и сами угрожать Франціи, чего онѣ давно уже не дѣлали, именно съ весны 1875 года, когда знаменитая статья газеты *Post*, *Война приближается*, произвела такой переполохъ въ Европѣ. Берлинскія газеты напоминаютъ теперь ораторамъ и публицистамъ изъ лагеря г. Гамбетты что лелѣемые ими планы возобновленія традицій старинной французской славы могутъ ихъ завлечь въ роковыя столкновенія скорѣе чѣмъ они сами предполагаютъ, и не въ то время которое они сочтутъ для себя удобнымъ.

Отъ этой войны на словахъ, конечно, еще весьма далеко до дѣла. Но нельзя не обратить вниманія на эти взаимныя манифестаціи, которыя опредѣляютъ цѣну официальнымъ завѣреніямъ объ „единомысліи между Германіей и Франціей," которымъ хотятъ быть-можетъ запугивать насъ.

№ 353.

Москва, 20-го декабря.

Послѣ отмѣны соляного акциза объявленной Высочайшимъ указомъ 23 ноября. публикѣ не пришлось долго оставаться въ невѣдѣніи о тѣхъ финансовыхъ мѣрахъ которыя доолжны быть послѣдствіемъ и дополненіемъ сказанной отмѣны. 16 декабря состоялся указъ о пониженіи таможенныхъ пошлинъ съ привозной соли и объ установленіи дополнительныхъ налоговъ имѣющихъ возмѣстить казнѣ тѣ суммы которыя получала она донынѣ въ видѣ соляного дохода. Излагать содержаніе указа нѣтъ надобности; онъ помѣщенъ въ полномъ объемѣ во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты.

Пониженіе пошлины съ привозной соли состоялось именно въ томъ размѣрѣ какъ слѣдовало ожидать, то-есть въ размѣрѣ отмѣненнаго акциза. Вмѣсто $38^1/_2$ коп. съ пуда, она будетъ оплачиваться только 20 копѣйками. Сбавка съ пошлины $18^1/_2$ металлическихъ копѣекъ представляетъ, правда, для иностранной соли нѣсколько меньшую льготу чѣмъ снятіе налога въ 30 кредитныхъ копѣекъ съ пуда внутренней соли, но это кажущееся неравенство въ льготахъ устраняется тѣмъ что на пошлину съ привозной соли не распространяется общее повышеніе таможенныхъ пошлинъ на десять процентовъ. При достигаемомъ этимъ равенствѣ льготъ, въ пользу внутренней солепромышленности остается, впрочемъ, та выгода какую дастъ ей отмѣна разныхъ формальностей и стѣсненій сопровождавшихъ акцизную систему. Это обстоятельство позволяетъ разчитывать на расширеніе внутри Россіи района сбыта своей соли и на значительное развитіе отечественной солепромышленности если только ея успѣхи не будутъ парализованы, съ одной стороны, желѣзнодорожными тарифами, которые не одинаковы по провозу своей и иностранной соли, съ другой — чрезмѣрнымъ подъемомъ попудной арендной платы за право добыванія соли изъ казенныхъ соляныхъ источниковъ. Въ менѣе выгодномъ чѣмъ прежде положеніи окажется соледобываніе только въ одной Архангельской губерніи. Иностранная соль привозимая къ портамъ этой губерніи получила гораздо бо́льшія льготы чѣмъ соль добываемая въ мѣстныхъ русскихъ варницахъ. Пошлина съ соли привозимой къ этимъ портамъ понижена съ 22 до 10 копѣекъ; эта 12 копѣечная сбавка превышаетъ почти вдвое акцизъ какой платили донынѣ архангельскія соляныя варницы, находившіяся въ привилегированномъ сравнительно съ другими положеніи. Но допущенная нынѣ тутъ преимущественная льгота для привозной соли

оправдывается серіозными соображеніями. Соляная промышленность въ Архангельской губерніи ничтожна и не имѣетъ для края даже малой доли того значенія какое несомнѣнно принадлежитъ мѣстнымъ рыбнымъ промысламъ, очень нуждающимся въ дешевой соли, все равно, своей или иностранной. Поддержка этихъ промысловъ гораздо важнѣе поощренія мѣстной солепромышленности, и пониженіе пошлины на привозную соль въ размѣрѣ превышающемъ высоту отмѣняемаго мѣстнаго соляного акциза, безъ сомнѣнія, будетъ привѣтствовано въ краѣ какъ мѣра благотворная, настоятельно требуемая промышленными интересами такого же свойства какъ и тѣ въ уваженіе коихъ уже прежде были предоставлены исключительныя льготы для иностранной соли привозимой на Мурманскій берегъ.

Дополнительные налоги вводимые съ цѣлію возмѣстить казнѣ ущербъ вслѣдствіе отмѣны соляного акциза установлены тѣ какіе ожидались: добавочные сборы съ торговыхъ документовъ и небольшое повышеніе таможенныхъ сборовъ. Тѣ и другіе, какъ справедливо выражено въ мотивахъ указа, не будутъ отяготительны, „тѣмъ болѣе что по самому свойству этихъ налоговъ, они падаютъ преимущественно на людей достаточныхъ и взимаются съ предметовъ не составляющихъ для потребителей дѣйствительной необходимости,“ въ прямую противоположность отмѣненному соляному налогу.

При опредѣленіи размѣра добавочныхъ сборовъ съ разныхъ торговыхъ документовъ, какъ видно изъ указа, финансовое вѣдомство руководилось желаніемъ соразмѣрить по возможности тягость налога со средствами плательщиковъ. Но достиженіе этой цѣли, при существующей системѣ этого рода сборовъ, кажется, положительно невозможно. Не принискою къ той или другой гильдіи и не мѣстомъ пребыванія торгующихъ опредѣляются размѣры ихъ оборотовъ. Измѣнить всю систему взиманія сборовъ съ торгующихъ и съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, основавъ ее на пропорціональности налога съ суммами торговыхъ оборотовъ, — вотъ задача, рѣшеніемъ которой была бы оказана должная справедливость всему торговому классу, въ которомъ нынѣ менѣе состоятельные обременены во много разъ болѣе чѣмъ богатые. Потребность въ установленіи должнаго соотвѣтствія между налогами и размѣрами оборотовъ чувствовалась постоянно; недостатокъ этой соразмѣрности будетъ ощущаться еще сильнѣе съ установленіемъ дополнительныхъ сборовъ. Устранить этотъ недостатокъ теперь же, при самомъ ихъ назначеніи, конечно, не было никакой возможности, ибо измѣненіе всей системы торговыхъ сборовъ требуетъ большой подготовительной работы, которая не можетъ быть скоро исполнена. Но тѣмъ необходимѣе безотлагательно приняться за эту работу, не довольствуясь тою попыткой ослабить существующую несоразмѣрность какая сдѣлана, между прочимъ, въ изданномъ нынѣ указѣ. Эта попытка заключается въ опредѣленіи числа торговыхъ и промышленныхъ заведеній которыя могутъ содержать купцы первой и второй гильдіи и мелочные торговцы, и въ установленіи впредь правила что при большемъ противъ нормы количествѣ заведеній, торгующіе обязаны брать не одно гильдейское свидѣтельство, а два или болѣе съ уплатой по каждому всѣхъ положенныхъ сборовъ. Эта мѣра, конечно, будетъ встрѣчена полнымъ одобреніемъ всего купечества. Но одной этой мѣры недостаточно для установленія въ падающихъ на него налогахъ желательной пропорціональности, отъ которой равно выиграли бы какъ интересы плательщиковъ, такъ и интересы казны.

Въ дѣлѣ возмѣщенія казнѣ суммъ, которыя она теряетъ вслѣдствіе отмѣны соляного налога, дополнительные сборы съ торговыхъ людей занимаютъ второе мѣсто; бо́льшую долю этихъ суммъ должна доставить дополнительная таможенная пошлина. Но въ процентномъ отношеніи жертва требуемая отъ русскихъ торговцевъ вдвое или втрое больше той какая ложится на потребителей иностранныхъ товаровъ. Существующія на нихъ пошлины повышаются только на десять процентовъ. Ни съ чьей стороны въ Россіи сѣтованій на такое повышеніе не слышно и не ожидается. Но этотъ небольшой подъемъ таможеннаго тарифа вызвалъ за то, чуть не цѣлую бурю въ сосѣдней Германіи. Измѣнивъ недавно свой тарифъ въ покровительственномъ смыслѣ, обложивъ при этомъ серіозными пошлинами главныя статьи нашего отпуска, наша добрая сосѣдка пришла въ негодованіе отъ предстоящаго небольшаго увеличенія нашихъ таможенныхъ пошлинъ. Берлинскія газеты, и между прочимъ газеты

офиціозныя, бьютъ тревогу. Требуется чтобы князь Бисмаркъ вступился за національное благосостояніе Германіи, которому де наносятъ ущербъ финансовыя мѣры Русскаго правительства. Германія можетъ измѣнять свой тарифъ какъ ей угодно, это ея дѣло, въ которое никто не смѣетъ вмѣшиваться. Но за Россіей такое же право, повидимому, не совсѣмъ признается. Ея тарифъ долженъ быть согласуемъ съ германскими интересами. Такой взглядъ утвердился въ Германіи уже давно и, къ сожалѣнію, должно признать что именно съ русской стороны въ теченіе долгаго времени дѣлалось многое что̀ свидѣтельствовало какъ бы о безмолвномъ признаніи его вѣрности. Мы всячески избѣгали въ нашей экономической политикѣ всего что̀ могло бы не понравиться въ Германіи, и такъ пріучили къ этому нашихъ сосѣдей что рѣшеніе повысить нашъ таможенный тарифъ кажется имъ нѣкотораго рода дерзостью. Прежде, говорятъ въ тамошнихъ газетахъ, Россія „не имѣла мужества“ принимать подобныя мѣры...

Можно подумать, судя по германскимъ отзывамъ о предстоящемъ повышеніи нашихъ таможенныхъ пошлинъ, что этою мѣрой будетъ въ самомъ дѣлѣ измѣненъ характеръ нашихъ торговыхъ сношеній съ Германіей, особенно для насъ невыгодный; что благодаря сказанной мѣрѣ сократится привозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ, измѣнится въ нашу пользу торговый балансъ, и процвѣтетъ въ Россіи производство тѣхъ продуктовъ которыми нынѣ преимущественно снабжаютъ насъ иностранцы, и особенно Германія. Все это, конечно, было бы очень желательно, но къ такимъ результатамъ установленные дополнительные таможенные сборы, къ сожалѣнію, повести не могутъ. Они не имѣютъ никакого иного значенія кромѣ фискальнаго. Со введеніемъ ихъ, всѣ слабыя стороны нашего тарифа, дающія заграничнымъ производителямъ широкій просторъ эксплуатировать обширные русскіе рынки и подрывать собственную нашу производительность, нисколько не устранятся. Десятипроцентный дополнительный сборъ нѣсколько ощутительно отзовется лишь на тѣхъ статьяхъ привоза которыя и прежде оплачивались высокою пошлиной, и падетъ лишь гомеопатическою дозой на огромныя массы товаровъ обложенныхъ крайне низкими пошлинами.

Устарѣлость нашего таможеннаго тарифа, отсутствіе разумныхъ основаній по которымъ можно было бы объяснить почему на одни товары пошлина высока, на другіе низка, вообще крайнее несоотвѣтствіе тарифа современнымъ условіямъ и нуждамъ народнаго хозяйства, давно всѣми признаны и стоятъ внѣ спора. Новые дополнительные таможенные сборы не только не исправляютъ дѣла, но, можно сказать, только ухудшаютъ его. Вслѣдствіе этихъ сборовъ, лишь увеличивается разница между несоразмѣрно высокими и несоразмѣрно низкими пошлинами. Постоянно бросавшіяся въ глаза тарифныя несообразности теперь будутъ выдаваться еще рѣзче. Самые уважительные интересы страны требуютъ общаго пересмотра нашего тарифа, полной его переработки, и эта переработка, давно необходимая, становится теперь, если возможно, еще болѣе настоятельною. Нашъ таможенный тарифъ, въ его нынѣшнемъ видѣ, можно съ увѣренностью сказать, причиняетъ народному хозяйству еще несравненно болѣе вреда чѣмъ отмѣняемый съ 1 января соляной акцизъ. Этотъ тарифъ парализуетъ у насъ почти всякую экономическую предпріимчивость.

№ 355.

Москва, 22-го декабря.

На дняхъ мы имѣли случай упомянуть о тревогѣ вызванной въ Германіи десятипроцентнымъ возвышеніемъ нашихъ пошлинъ. Близкая къ имперскому канцлеру, теперь непосредственно руководящему министерствомъ торговли и промышленности, берлинская газета *Post* первая заговорила о повышеніи русскаго тарифа и пригласила „заинтересованныя сферы Германіи поспѣшить высказаться по этому поводу, раскрывъ какой вредъ новая мѣра Русскаго правительства можетъ принести нѣмецкой торговлѣ и промышленности.“ Въ концѣ этого воззванія, подручный органъ князя Бисмарка какъ бы мимоходомъ замѣчаетъ: „любопытно бы знать какія средства полагаетъ принять имперское правительство чтобы парализовать вліяніе новаго русскаго тарифа на германскую промышленность.“

И воззваніе къ „заинтересованнымъ сферамъ,“ и мимолетный запросъ правитель-

ству сдѣланный въ официозномъ органѣ, какъ и слѣдовало ожидать, не прошли даромъ. Заинтересованныя сферы спѣшатъ высказаться, а въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, слышно, предстоятъ какія-то „совѣщанія“ о мѣрахъ противъ новаго самостоятельнаго шага Россіи.

Вѣроятно эти-то предстоящія „совѣщанія,“ обѣщающія можетъ-быть обратиться въ дипломатическія представленія, и внушили берлинскому корреспонденту *Кёльнской Газеты* тѣ замѣчанія которыя находимъ въ полученномъ сегодня нумерѣ, и которыя уже сами по себѣ заслуживаютъ вниманія, хотя и являются въ органѣ германскихъ фритредеровъ. Въ былые годы, говоритъ корреспондентъ, когда съ восточной границы доносились въ Берлинъ вопли о „печальныхъ послѣдствіяхъ“ торговой замкнутости русской границы, правительство и главнымъ образомъ самъ князь Бисмаркъ постоянно твердили что не располагаютъ де никакимъ инымъ средствомъ помочь горю какъ обративъ вниманіе Русскаго правительства на то что высокій покровительственный тарифъ вредитъ прежде всего и больше всего самой де Россіи. „Но это было время когда князь Бисмаркъ преклонялся предъ ученіемъ о свободной торговлѣ.“ Теперь не мыслимъ и такой пріемъ; „теперь Германія сама слѣдуетъ покровительственной системѣ и потому не можетъ заикнуться противъ Россіи повысившей свой тарифъ всего на 10 процентовъ вслѣдствіе отмѣны солянаго налога: Россія только послѣдовала примѣру Германіи,“ и потому Германія должна будетъ испытать и всѣ послѣдствія такого положенія дѣлъ. „Несомнѣнно что всего болѣе потерпитъ отъ повышенія русскихъ пошлинъ германская желѣзная промышленность,“ значительная часть продуктовъ который сбывается въ Россію. Промышленность эта, долго бывшая въ полномъ упадкѣ вслѣдствіе извѣстнаго краха, послѣдовавшаго вскорѣ послѣ франко-германской войны, только съ прошлаго года начала было опять подниматься. Конечно, ударъ которой наноситъ ей повышеніе русской пошлины тѣмъ чувствительнѣе и можетъ возбуждать тѣмъ бо́льшія сѣтованія; но виновато во всемъ де само Германское правительство: „Германія затрудняетъ привозъ и даже провозъ русской ржи, а Россія запирается отъ нѣмецкаго желѣза. Это съ покровительственной точки зрѣнія совершенно въ порядкѣ вещей и несомнѣнно будетъ имѣть и дальнѣйшія послѣдствія.“ Мемель и Кёнигсбергъ замѣтно падаютъ, заключаетъ корреспондентъ, давая сильнѣе понять необходимость для Германіи сдѣлать уступку и понизить свои боевыя пошлины.

Германскіе фритредеры пользуются всякимъ поводомъ чтобы доказать невыгодную сторону таможенной политики князя Бисмарка, и съ этой стороны замѣтка *Кёльнской Газеты* не представляетъ особаго интереса. Князь Бисмаркъ не послушаетъ нѣмецкихъ фритредеровъ, и всѣ представленія ихъ оставитъ точно также безъ послѣдствій, какъ оставилъ безъ вниманія ту ихъ агитацію которая вызвала въ парламентѣ бурныя и лично для князя Бисмарка непріятныя пренія по вопросу о включеніи части Гамбургской территоріи въ таможенную черту, или о торговомъ трактатѣ съ островами Самоа. Это видно уже теперь изъ предложеній которыя высказаны на собраніи берлинскихъ купцовъ и фабрикантовъ, гдѣ протекціонисты прямо предлагали ходатайствовать о новомъ повышеніи тарифа на лѣсъ, бойный скотъ и даже хлѣбъ идущій изъ Россіи... Замѣтка *Кёльнской Газеты* интересна какъ прямой и открытый протестъ противъ права Германіи претендовать на повышеніе русскихъ пошлинъ и дѣлать какія бы то ни было представленія по этому поводу въ Петербургѣ, которыя очевидно замышляются даже теперь когда Германія не можетъ прикрыть ихъ личиною заботъ о выгодахъ самой Россіи, чѣмъ, къ сожалѣнію для насъ, она столько разъ съ успѣхомъ пользовалась до сихъ поръ. Безъ этой личины всякія представленія могутъ быть мотивированы только крайнею ихъ невыгодностью для Германіи. Представленія въ такомъ видѣ газета, очевидно, находитъ оскорбительными для достоинства Россіи, и потому признаетъ что Германское правительство „не можетъ и заикнуться противъ Россіи.“

Но едва ли и эти разсужденія будутъ приняты къ свѣдѣнію германскими министерствами торговли и иностранныхъ дѣлъ, очевидно привыкшими къ нашей податливости въ подобныхъ случаяхъ и къ готовности на всякія уступки иностранному ходатайству, даже прямо для насъ невыгодному. Только этимъ и могутъ быть объяснены предстоящія „совѣщанія“ по названному дѣлу въ Германскомъ министерствѣ ино-

страныхъ дѣлъ хорошо понимающемъ неумѣстность подобныхъ представленій если-бы дѣло коснулось самой Германіи. Не далѣе полутора года тому назадъ, при обсужденіи новаго германскаго тарифа въ парламентѣ, князь Бисмаркъ, отвѣчая на доводы противъ его проектовъ, прямо заявилъ что не находитъ нужнымъ заботиться о выгодѣ сосѣдей и дѣлать уступки ведущія къ ихъ пользѣ, и что пусть они, эти сосѣди, а не Германія, будутъ вносить боевыя пошлины въ германское казначейство. Еще не минуло и года какъ имперскій канцлеръ отказалъ въ какихъ бы то ни было таможенныхъ уступкахъ той самой Австріи дружбой съ которою очевидно такъ дорожатъ въ Берлинѣ.

Или за Россіей не признается и въ этомъ случаѣ право дѣйствовать соображаясь только съ ея собственными интересами? Не потребуется ли чтобъ она согласовала свою торговую политику съ европейскимъ концертомъ? Дѣло въ томъ что если своимъ правомъ долго не пользоваться, то оно забывается и нарушается, и всякое потомъ дѣйствіе въ силу своего права вызываетъ неудовольствіе.

Россія желаетъ соблюденія добрыхъ отношеній къ Германіи и старается поддержать ихъ; но именно въ этихъ видахъ требуется слѣдовать опредѣленной и твердой финансовой и торговой политикѣ, способной разъ навсегда устранить самую возможность какихъ бы то ни было представленій по поводу той или другой принимаемой нами мѣры. Подобныя представленія, чтобы не быть оскорбительными, должны быть основаны на началахъ взаимности: уступки могутъ дѣлаться только въ томъ случаѣ если они сулятъ или равносильныя или даже большія выгоды.

Теперь въ Германіи обсуждается новый законъ о каботажномъ мореходствѣ: имѣется въ виду прямо воспретить его иностраннымъ судамъ. Не допускается тутъ даже и начала взаимности, на чемъ настаиваютъ именно заинтересованныя сферы Германіи, ссылаясь что гораздо большее число нѣмецкихъ судовъ занимается каботажнымъ промысломъ въ чужихъ водахъ. Германское правительство объявляетъ при этомъ что оно не прочь сдѣлать уступки „по своему усмотрѣнію и по мѣрѣ возможности,“ но не иначе какъ только въ видѣ *отплаты* за такую же точно концессію его подданнымъ. Таковы пріемы которымъ слѣдуетъ Германія, ограждая свои интересы дѣйствительные или мнимые, и только такіе же пріемы съ другой стороны могутъ быть ею вполнѣ поняты и истолкованы какъ актъ независимой національной политики. Всякія колебанія неизбѣжно ставятъ насъ въ ту зависимость отъ иностранныхъ рынковъ и биржъ, которая бываетъ главною причиной нашихъ финансовыхъ затрудненій и возбуждаетъ по временамъ то раздраженіе и недовольство которыя такъ явно высказываются теперь въ замѣчаніяхъ берлинской печати.

№ 356.

Москва, 23-го декабря.

А.

Нельзя не отмѣтить, въ добавленіе къ сказанному нами вчера, что по сознанію выдающихся органовъ германской печати, какъ-то газетъ *Національной* и *Кёльнской*, громкіе протесты и восклицанія раздающіеся нынѣ въ Германіи по поводу возвышенія нашего таможеннаго тарифа на 10 процентовъ, вызваны искусственно. Такими нескромными признаніями, очень рѣзкими со стороны осторожной нѣмецкой печати, мы обязаны лишь тому что упомянутые органы продолжаютъ находиться въ оппозиціи противъ экономической политики князя Бисмарка; но фактъ ими указанный отъ этого не теряетъ своей назидательности, тѣмъ болѣе что тѣ же газеты припоминаютъ какъ правительство отнеслось къ первому возвышенію русскаго таможеннаго тарифа, чрезъ введеніе оплаты пошлинъ золотомъ, четыре года тому назадъ. Въ то время партія прогрессистовъ, фритредеровъ по преимуществу, внесла запросъ въ рейхстагъ, намѣрено ли правительство предпринять что-либо по поводу „недружелюбнаго“ къ Германіи распоряженія Русскаго правительства. Князь Бисмаркъ былъ тогда крайне недоволенъ этимъ запросомъ, и отвѣчалъ съ рѣзкостью что Германія не можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла другаго государства и требовать въ своихъ интересахъ измѣненія финансовыхъ мѣръ которыя другое государство находитъ для себя полезными. Въ настоящее же время, въ берлинскихъ газетахъ появилась явно-офиціозная замѣтка

въ которой выражается желаніе чтобы всѣ заинтересованныя въ дѣлѣ сферы германской промышленности и торговли поспѣшили высказать свое сужденіе о новой мѣрѣ Русскаго правительства и о послѣдствіяхъ отъ нее ожидаемыхъ. „Но и помимо этого," прибавляетъ *Національная Газета*, „есть много указаній на то что правительство весьма желаетъ *усерднаго* и *настойчиваго* обсужденія этого вопроса въ печати." Что германская печать всѣхъ оттѣнковъ и лагерей будетъ только порицать нашу мѣру, въ этомъ никто не сомнѣвается, да иначе и быть не можетъ, ибо германская печать заступается за интересы германской промышленности, которой возвышеніе русскаго тарифа во всякомъ случаѣ не желательно. Стало-быть не мнѣніе нужно, которое напередъ извѣстно, а именно агитація, разчитанная отчасти на то чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на Россію, а отчасти для того чтобы подготовить почву для дальнѣйшаго возвышенія пошлинъ на хлѣбъ и сырье привозимые изъ Россіи. Такъ думаетъ и *Національная Газета*. Но статистическія данныя, тщательно собираемыя въ Германіи о послѣдствіяхъ тарифа на привозный хлѣбъ и сырье, равно какъ явный упадокъ прусскихъ балтійскихъ гаваней, вполнѣ уже доказали что эти „боевыя пошлины" противъ Россіи причинили гораздо больше вреда самой Германіи. Вотъ почему эти газеты съ большою тревогой ожидаютъ проектовъ дальнѣйшаго продолженія таможенной войны съ Россіей, и сами спѣшатъ раскрыть подготовленную съ этою цѣлью игру.

За то очень тревожны и мрачны размышленія высказываемыя къ концу года берлинскими газетами по поводу отношеній между Германіей и Франціей. Нѣмецкая печать приходитъ къ убѣжденію что ненависть Французовъ къ Германіи и жажда отмести не только не умаляются, но возрастаютъ съ каждымъ днемъ. Г. Гамбетта признается главою „партіи дѣйствія," существованіе которой во Франціи не подлежитъ де никакому сомнѣнію, а всѣ помышленія этой партіи, какъ бы они искусно прикрываемы ни были, сводятся де къ одному, къ подготовленію разчета съ Германіей. Даже политика Франціи по Восточнымъ дѣламъ и ея образъ дѣйствій по Греческому вопросу, по поводу чего германская печать еще недавно кичливо указывала на „единомысліе" между Германіей и Франціей, даже эта политика представляется теперь въ иномъ свѣтѣ. Въ ней также чуется скрытая опасность. Впрочемъ, опасность замѣчается не столько въ томъ что французское правительство дѣлаетъ, сколько въ томъ что оно должно бы дѣлать, по мнѣнію г. Гамбетты. А мнѣніе г. Гамбетты о роли которую призвана играть Франція въ Греческомъ вопросѣ изложено, какъ утверждаютъ берлинскія газеты, въ статьѣ г. Жозефа Рейнаха, появившейся въ *Revue Politique*, о которой мы уже имѣли случай на дняхъ упомянуть. Авторъ статьи настаиваетъ на томъ чтобы Франція выступила рѣшительнымъ образомъ въ пользу Греціи, мотивируя это указаніемъ на политику Кавура, который, замысливъ свой дальновидный планъ объединенія Италіи, послалъ въ 1855 году италіянскія войска въ Крымъ. Съ этого момента міръ узналъ что единство Италіи есть дѣло рѣшеное. Точно также „пробужденіе Франціи" стало де фактомъ съ той минуты какъ г. Ваддингтонъ выступилъ на Берлинскомъ конгрессѣ заступникомъ за Грецію. Авторъ французской статьи не вдается въ подробности, и читатель остается въ неизвѣстности въ чемъ собственно усматриваетъ онъ „возрожденіе самобытности французской политики," которая, въ сущности, была ничѣмъ инымъ какъ очень смиреннымъ слѣдованіемъ на буксирѣ Германіи. Точно также умалчивается и о томъ какъ по мысли г. Рейнаха и его покровителя г. Гамбетты должна будетъ Франція въ послѣдствіи дѣйствовать въ Греческомъ вопросѣ, дабы яснѣе обнаружить свою вѣрность традиціямъ герцога Ришелье и Лудовика XIV. Но догадываться о томъ какой смыслъ скрывается въ этихъ недомолвкахъ французскаго публициста едва ли интересно. Еслибы берлинская печать не занялась такъ усердно упомянутою статьей, то она по содержанію своему едва ли заслуживала бы особеннаго вниманія. Но берлинская печать толкуетъ эти недомолвки въ томъ смыслѣ что Грецію есть не болѣе какъ предлогъ, а все дѣло въ Альзасъ-Лотарингіи, о которой „слѣдуетъ постоянно думать, но не говорить," каковою фразой г. Рейнахъ и оканчиваетъ свою статью.

Но достигнетъ ли г. Гамбетта осуществленія своихъ надеждъ и будетъ ли онъ президентомъ республики? Вотъ вопросъ

комъ безпрестанно занимаются берлинскія газеты. Общіе выборы, предстоящіе лѣтомъ 1881 года, рѣшатъ судьбу бывшаго диктатора. Но уже 9 января ожидаются важные результаты, которые должны послужить знаменіемъ того что слѣдуетъ ожидать. Въ этотъ день произойдутъ выборы муниципальныхъ совѣтовъ по всей Франціи, а муниципальные совѣты играютъ важную роль въ тѣхъ избирательныхъ коллегіяхъ кои служатъ для избранія сенаторовъ. Вотъ почему политическія партіи во Франціи готовятся къ дѣятельной борьбѣ на этихъ выборахъ которые сами по себѣ политическаго значенія не имѣютъ. Приверженцы коммуны болѣе всего враждуютъ съ оппортунистами и надѣются одержать надъ ними верхъ въ муниципальныхъ выборахъ.

„Несговорчивые“ не ограничиваются, впрочемъ, этою легальною борьбой. Агитація ихъ въ странѣ все болѣе и болѣе принимаетъ революціонный характеръ, и дѣятели бывшей коммуны, которые нынѣ уже всѣ въ сборѣ, начинаютъ поговаривать о „химическихъ“ способахъ, то-есть о динамитѣ, который они грозятъ пустить въ ходъ противъ своихъ политическихъ противниковъ.

Само собою разумѣется что берлинская респектабельная печать относится съ явнымъ негодованіемъ къ французскимъ коммуникамъ, какъ и къ русскимъ нигилистамъ. Но подобно тому какъ наши революціонеры всегда выставляются какъ одинъ изъ аргументовъ противъ дѣятельной и стойкой политики Россіи по дѣламъ Востока, такъ и французскіе коммунары противопоставляются „патріотамъ“ изъ лагеря г. Гамбетты, и надежда на то что партія его провалится на выборахъ строится главнымъ образомъ на непримиримой враждѣ къ нему Рошфора, Клемансо, Луи-Блана и всей коммуны...

Б.

На этихъ дняхъ долженъ собраться Британскій парламентъ, и рѣшенія принятыя на совѣщаніяхъ кабинета относительно невыносимаго, какъ свидѣтельствуютъ англійскія газеты, положенія дѣлъ въ Ирландіи, будутъ внесены на разсмотрѣніе палатъ. Нѣтъ сомнѣнія что г. Гладстону и его товарищамъ предстоитъ выдержать трудную борьбу. Тяжкимъ бременемъ легло на ихъ плечи политическое наслѣдіе предмѣстника. Еслибы не страсть графа Биконсфильда къ „научнымъ границамъ,“ не было бы теперь никакого Афганскаго вопроса; еслибы бывшій премьеръ не выдумалъ присоединенія Трансваальской республики, въ Южной Африкѣ было бы теперь, вѣроятно, спокойно. Противники г. Гладстона приготовляются къ бою, и все что произошло со времени его вступленія въ должность послужитъ имъ вѣроятно обильною темой для осужденія дѣйствій его правительства. Кромѣ скорбныхъ для Англіи неудачъ въ Афганистанѣ, гдѣ насилу удалось наконецъ водворить призракъ порядка и гдѣ предстоитъ еще разрѣшить столько существенныхъ вопросовъ; кромѣ Восточнаго вопроса въ которомъ Англія задумавъ дѣйствовать въ Европейскомъ концертѣ, едва могла добиться уступки Дульцинью, послѣ неславной памяти морской демонстраціи; кромѣ чрезвычайно неблагопріятнаго положенія дѣлъ въ Южной Африкѣ, — надъ Англіей грозно нависъ ирландскій вопросъ, возбужденный, какъ утверждаютъ консерваливы, г. Гладстономъ. Всѣмъ этимъ воспользуются его противники. На это разчитываютъ и его недруги по сю сторону Канала, которымъ пришлась слишкомъ не по сердцу новая восточная политика Великобританіи. Въ самомъ дѣлѣ, перемѣна министерства въ Англіи отразилась бы неминуемо на всѣхъ международныхъ отношеніяхъ Европы.

Всего хуже и опаснѣе для Гладстонова кабинета положеніе Ирландіи. Предполагая начать врачеваніе этого края органическими мѣрами и приступить прямо къ поземельному вопросу, онъ не считалъ нужнымъ испрашивать у парламента продленія дѣйствія репрессивныхъ законовъ для Ирландіи, и внесъ было законодательную мѣру (биль о вознагражденіи сгоняемыхъ арендаторовъ); но палата лордовъ отвергла этотъ биль. Ирландскіе гомрулеры, сепаратисты и революціонеры воспользовались этимъ чтобы соединить свое дѣло съ интересами сельскаго люда. Они дѣйствовали такъ успѣшно что правительство очутилось не въ состояніи исполнить какъ слѣдуетъ свой первый долгъ“ охранять жизнь и имущество.“ Поднимался вопросъ о преждевременномъ созваніи парламента и принятіи репрессивныхъ мѣръ. Правительство медлило, желая одновременно съ мѣрами строгости внести на утвержденіе парламента болѣе или менѣе зрѣлый биль

въ интересахъ ирландскихъ фермеровъ. Но агитаторы не дремали, и недавнія депеши извѣщали насъ объ отсылкѣ новыхъ полковъ въ Ирландію, положеніе которой стало въ самомъ дѣлѣ анархическимъ. Подъ страхомъ смерти землевладѣльцы оставляютъ свои усадьбы; повѣренные ихъ не рѣшаются взыскивать платежи; полицейскіе боятся исполнять свои обязанности; исправные арендаторы опасаются платить; рабочіе не смѣютъ наниматься; судьи, присяжные и свидѣтели получаютъ угрожающія письма; виновники убійствъ и насилій оправдываются присяжными. Такое невыносимое положеніе не могло не вызвать реакціи, — и вотъ образовалось антиреволюціонное движеніе. Уже нѣсколько времени тому назадъ, оранжисты стали устраивать союзы рабочихъ для того чтобы выручать притѣсненныхъ помѣщиковъ. Теперь дѣло дошло уже до образованія карательнаго вольнаго судилища, Femgericht, которое грозитъ смертью не только агитаторамъ, но и министрамъ за ихъ бездѣйствіе.

Въ газетѣ *Birmingham Daily Post* напечатано угрожающее письмо къ г. Чамберлейну, которое, какъ сообщаетъ газета, есть только образчикъ весьма многихъ писемъ въ этомъ родѣ полученныхъ имъ въ послѣднее время. Г. Чамберлейну объявляютъ что онъ, г. Брайтъ и г. Гладстонъ виновники современныхъ ирландскихъ безпорядковъ и соучастники совершенныхъ убійствъ, и что они всѣ трое приговорены къ смерти „тайнымъ судилищемъ,“ и прежде всѣхъ онъ, Чамберлейнъ, какъ главный виновникъ. Жребій де уже брошенъ кому исполнить приговоръ, и потому если онъ вздумаетъ противиться принятію строгихъ мѣръ или же если по его вліянію парламентъ прибѣгнетъ къ слишкомъ мягкимъ и потому безполезнымъ мѣрамъ, то исполнители приговора переправятся черезъ проливъ и убьютъ его въ Лондонѣ или гдѣ найдутъ. Агитаторы Парнеллъ, Диллонъ, Давитъ и О'Коноръ также осуждены на смерть. Если же Чамберлейнъ, Брайтъ и самъ Гладстонъ желаютъ избѣжать смерти, то должны немедленно заявить въ печати что намѣрены дѣйствовать съ должною строгостью; тогда они получатъ проектъ репрессивнаго билля, равно какъ и аграрнаго, который долженъ быть приведенъ въ исполненіе по возстановленіи порядка въ странѣ. Въ концѣ письма поставлены слова „въ видѣ предупрежденія,“ и подпись: Джонъ Смитъ, администраторъ.

Вотъ до какой смуты дошло тамъ дѣло!

№ 357.

Москва, 24-го декабря.

Наглядный примѣръ той безукоризненной добросовѣстности, которою такъ отличаются нѣкоторыя газеты въ вопросахъ педагогическихъ, мы находимъ въ № 342 *Голоса* по поводу происходившихъ на дняхъ въ прусскомъ парламентѣ преній о бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Дѣло въ томъ что министръ народнаго просвѣщенія и исповѣданій, г. фонъ-Путткаммеръ, безо всякаго впрочемъ вызова со стороны кого-либо изъ депутатовъ, сообщилъ палатѣ результаты статистическихъ изслѣдованій предпринятыхъ министерствомъ по поводу одной брошюры доктора Гассе (Hasse), надѣлавшей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ много шуму во врачебномъ и педагогическомъ мірѣ. Докторъ Гассе, два года тому назадъ, получилъ мѣсто директора Брауншвейгскаго дома умалишенныхъ въ Кёнигслуттерѣ; слѣдя тамъ за поступавшими къ нему въ теченіе полутора года больными, онъ замѣтилъ что въ ихъ числѣ было *шесть* гимназистовъ; этого факта было для него совершенно достаточно чтобы сдѣлать „поразительное научное открытіе;“ исходя изъ этого факта, онъ развилъ цѣлую теорію о „вредномъ вліяніи гимназическаго ученія на умственное здоровье гимназистовъ,“ изложилъ эту теорію въ пространной статьѣ и прочелъ ее въ съѣздѣ нѣмецкихъ психіатровъ, собиравшемся прошлымъ лѣтомъ въ Эйзенахѣ. Несмотря на раздавшіеся на этомъ съѣздѣ сильные протесты со стороны спеціалистовъ, статья доктора Гассе была напечатана во многихъ медицинскихъ и педагогическихъ журналахъ, проникла и въ ежедневную политическую печать, и естественнымъ образомъ встревожила публику.

Для того чтобы фактически доказать неосновательность теоріи доктора Гассе и этимъ прекратить ложную тревогу поднятую его опрометчивыми заключеніями, министръ фонъ-Путткаммеръ прибѣгъ къ самому простому и вѣрному средству: онъ разослалъ циркуляръ ко всѣмъ директо-

рамъ прусскихъ лѣчебницъ для умалишенныхъ, съ просьбой провѣрить заключеніе Dr. Гассе посредствомъ ихъ собственныхъ практическихъ наблюденій. „Нельзя отрицать," говорилъ онъ между прочимъ въ этомъ циркулярѣ, „что случаи подмѣченные докторомъ Гассе имѣли бы важное значеніе еслибъ оказалось что они не единичны и не объясняются какими-нибудь другими, чуждыми школѣ причинами, а представляютъ собою примѣры дѣйствительно существующаго общаго положенія. Поэтому, не только для всей учебной администраціи, но и для всѣхъ семействъ тѣсно связанныхъ съ нашими гимназіями, въ высшей степени важно получить самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія о томъ насколько основательны опасенія высказанныя Dr. Гассе. Въ виду этого я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой сообщить мнѣ, встрѣчались ли въ кругу вашей врачебной практики такіе случаи въ которыхъ чрезмѣрныя учебныя занятія являлись единственною или существенною причиной умственнаго разстройства учениковъ, а если встрѣчались, то увеличивалось ли въ послѣднее время число подобныхъ случаевъ."

Отвѣты послѣдовавшіе на этотъ циркуляръ, изъ которыхъ многіе принадлежатъ первымъ авторитетамъ современной психіатріи, съ самою наглядною очевидностью доказали что заключенія доктора Гассе лишены всякихъ фактическихъ и научныхъ основаній, а что наоборотъ статистическія цифры приводятъ къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ о вліяніи гимназическаго ученія на здоровье учениковъ. Вотъ что сказано, напримѣръ, въ одномъ изъ этихъ отвѣтовъ: „Въ виду извѣстнаго предрасположенія мальчиковъ, находящихся въ періодѣ начинающейся возмужалости, къ заболѣванію нервной системы, можно придти къ результату діаметрально противоположному теоріи доктора Гассе, а именно къ тому что ученики высшихъ классовъ гимназій въ большей степени предохранены отъ разстройства чѣмъ молодые люди одинаковаго съ ними возраста не получающіе гимназическаго воспитанія."

Всѣ эти мнѣнія ученыхъ психіатровъ подкрѣплены подробнѣйшими статистическими данными изъ коихъ мы для примѣра сообщаемъ слѣдующія краснорѣчивыя цифры: въ одномъ домѣ умалишенныхъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, лѣчились только три гимназиста; въ другомъ заведеніи въ теченіе десяти лѣтъ принято 2.397 больныхъ мужскаго пола, но между ними было только 13 гимназистовъ и студентовъ; третья лѣчебница приняла въ теченіе четырнадцати лѣтъ 743 умалишенныхъ, изъ нихъ 47 было моложе 21 года и въ томъ числѣ только 5 гимназистовъ; въ четвертомъ заведеніи лѣчились въ теченіе тринадцати лѣтъ только два гимназиста; въ пятомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ находилось 22 мальчика отъ 9 до 19 лѣтъ, и изъ нихъ только одинъ ученикъ гимназіи. Но этого мало: всѣ упомянутые случаи перваго заболѣванія гимназистовъ объясняются одни—наслѣдственностью, другіе — половыми эксцессами, третьи—разными несчастными случаями, но *ни разу* нельзя было замѣтить заболѣванія отъ чрезмѣрной школьной работы. Даже изъ тѣхъ шести гимназистовъ которые лѣчились въ больницѣ доктора Гассе, трое захворали, по его же собственнымъ словамъ, по причинѣ наслѣдственнаго предрасположенія къ сумашествію, одинъ вслѣдствіе преждевременныхъ половыхъ злоупотребленій, а двое вслѣдствіе совершенно неключительныхъ психическихъ аномалій; и тутъ слѣдовательно нельзя было доказать вреднаго вліянія гимназическаго ученія. Въ виду всего этого одинъ изъ знаменитѣйшихъ психіатровъ Германіи пришелъ въ своемъ отвѣтѣ министру къ слѣдующему результату: „Я смѣло могу утверждать что если ли какой-нибудь ученый выводилъ когда-либо столь обширныя заключенія какія вывелъ докторъ Гассе изъ столь недостаточнаго научнаго матеріала."

Министръ фонъ-Путткаммеръ прочелъ въ палатѣ какъ свой циркуляръ, такъ и содержаніе присланныхъ ему отвѣтовъ, и всѣ до очевидности убѣдились что мнѣніе доктора Гассе о какомъ-то чрезмѣрномъ обремененіи гимназистовъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, и возбужденная имъ агитація привела къ результату совершенно противоположному тому какой имѣлъ въ виду ея виновникъ.

Какъ же отнеслась къ этому интересному факту петербургская газета, которая, какъ извѣстно, ратуетъ за возможно большее пониженіе русскаго образованія и съ этою цѣлью не пропускаетъ никакого случая чтобъ убѣдить своихъ читателей въ „ужасномъ вредѣ" серіознаго ученія. Вотъ какими словами *Голосъ* начинаетъ свою

статью объ упомянутыхъ преніяхъ прусскихъ депутатовъ:

„Происходившія на дняхъ въ Прусской палатѣ депутатовъ пренія по поводу обсужденія бюджета министерства народнаго просвѣщенія представляютъ не мало любопытнаго для русской публики. Въ этихъ преніяхъ были подняты вопросы въ высокой степени интересующіе наше общество и все еще ждущіе у насъ разрѣшенія. Таковъ прежде всего вопросъ о чрезмѣрномъ обремененіи работой воспитанниковъ гимназій и о вредныхъ послѣдствіяхъ происходящихъ отсюда для физическаго и нравственнаго состоянія какъ теперь вступающихъ въ жизнь, такъ и будущихъ поколѣній. Страшно сказать: положеніе школьнаго дѣла въ странѣ давшей образецъ для гимназической реформы графу Толстому стало до такой степени тревожнымъ что потребовалось со стороны правительства торжественное и обставленное всѣми возможными аргументами заявленіе что гимназическое ученіе не ведетъ къ увеличенію процента сумашедшихъ въ Пруссіи! Министру исповѣданій, г. Путткаммеру, предстояло опровергнуть обвиненіе противъ современнаго устройства школы, формулованное лицомъ компетентнымъ въ дѣлѣ психическихъ болѣзней, докторомъ Гассе, директоромъ одного изъ заведеній для умалишенныхъ. Уничтожить это обвиненіе простымъ отрицаніемъ было невозможно: требовались точныя статистическія данныя относительно сходящихъ съ ума гимназистовъ и свидѣтельства медицинскихъ авторитетовъ въ подтвержденіе того что случаи сумашествія между воспитанниками гимназій скорѣе вызываются другими причинами, какъ, напримѣръ, половыми злоупотребленіями, чѣмъ несоотвѣтствующими ихъ силамъ умственными занятіями. Но фактъ чрезмѣрнаго обремененія учащихся занятіями, несмотря на все усиліе министра успокоить палату и общество, остался не устраненнымъ (!), и возбужденныя имъ въ обществѣ опасенія остались неразсѣянными(!!!).“

Какъ вамъ нравится эта „либеральная“ увертка? Еслибы министръ не отнесся серіозно къ тому вздору какой написалъ докторъ Гассе, а захотѣлъ бы „уничтожить это обвиненіе простымъ отрицаніемъ,“ то на бѣднаго г. фонъ-Путткаммера посыпались бы громовыя статьи изъ редакцій петербургскихъ газетъ за то что онъ „такъ легкомысленно и небрежно отнесся къ такому вопіющему послѣдствію классическаго образованія и вздумалъ однимъ мановеніемъ уничтожить роковыя цифры научной статистики великаго спеціалиста;“ теперь же, когда министръ уничтожилъ теорію этого спеціалиста точными статистическими данными и свидѣтельствами другихъ спеціалистовъ, это уничтоженіе доказываетъ что „положеніе школьнаго дѣла въ Германіи стало до такой степени тревожнымъ что потребовалось со стороны правительства торжественное и обставленное всѣми возможными аргументами заявленіе и т. д.“ Нечего и говорить о томъ что цифры сообщенныя министромъ благоразумно утаиваются петербургскою офиціозною газетой для того чтобъ ея читатели воображали себѣ что въ Пруссіи гимназисты ежегодно сходятъ съ ума цѣлыми сотнями.

Но этимъ не ограничивается то „своеобразное освѣщеніе“ въ которомъ честная газета представила русской публикѣ пренія прусскаго ландтага. Вотъ что мы читаемъ дальше въ той же самой статьѣ:

„Мы не имѣемъ въ виду передавать здѣсь всего хода преній вызванныхъ вопросомъ объ обремененіи воспитанниковъ занятіями; но такъ какъ въ Пруссіи, какъ и у насъ, главный источникъ обремененія составляетъ тяжелое и неправильное изученіе древнихъ языковъ, то не считаемъ нужнымъ умолчать о заявленіи правительственнаго коммиссара по народному образованію, доктора Бонница, что правительство *приметъ мѣры* чтобы преподаваніе древнихъ языковъ не налегало слишкомъ на подробности и тонкости, а болѣе имѣло въ виду общее, главное и существенное. Необходимо замѣтить что такъ смотритъ на дѣло спеціалистъ, глубокій знатокъ древнихъ языковъ и несомнѣнный авторитетъ въ дѣлѣ средняго образованія.“

Изъ этихъ словъ читатель, конечно, долженъ вывести заключеніе что ораторы, говорившіе до Бонница, возставали „противъ тяжелаго и неправильнаго изученія древнихъ языковъ, составляющихъ главный источникъ обремененія учащихся,“ и что само правительство, въ лицѣ Бонница, признало справедливость этихъ упрековъ, покаялось въ своихъ грѣхахъ и обѣщало на будущее время принять мѣры чтобъ ослабить преподаваніе древнихъ языковъ и т. д. Представьте же себѣ,—ничего по

добнаго не было, а было нѣчто совсѣмъ противоположное.

До Боница говорили о классическихъ языкахъ только два депутата: о латинскомъ языкѣ говорилъ знаменитый медикъ и натуралистъ Вирховъ; но что онъ говорилъ объ этомъ языкѣ? Онъ сожалѣлъ объ его *упадкѣ* въ гимназіяхъ, обнаружившемся де въ томъ что студенты поступающіе на медицинскій факультетъ уже не пишутъ болѣе какъ въ прежнее время диссертаціи на латинскомъ языкѣ. О латинскомъ и греческомъ языкахъ депутатъ Экардштейнъ высказалъ мимоходомъ свое мнѣніе что „можетъ-быть въ старшихъ классахъ не слѣдовало бы ставить ученикамъ слишкомъ высокихъ требованій.“ Для избѣжанія этихъ требованій онъ совѣтовалъ возобновить министерскій циркуляръ 1875 года, въ которомъ регулировались число и объемъ гимназическихъ домашнихъ работъ. Затѣмъ, о древнихъ языкахъ не было ничего говорено. А что отвѣчалъ правительственный коммиссаръ, профессоръ Боницъ? Онъ только заявилъ что нѣтъ никакой надобности возобновлять циркуляръ 1875 года, такъ какъ никто его не забывалъ, и такъ какъ всюду какъ правительство, такъ и дирекціи гимназій тщательно заботятся объ его примѣненіи на практикѣ. Независимо отъ того министерство *постоянно* наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ гимназическаго ученія и за тѣмъ чтобъ учители не ставили непосильныхъ требованій ученикамъ; такъ напримѣръ администрація *постоянно* заботится о томъ чтобы въ латинской и греческой *грамматикѣ* ученики не углублялись въ слишкомъ мелкія спеціальности, а стремились къ *твердому знанію* и *вѣрному примѣненію* болѣе важныхъ правилъ. Итакъ, о какомъ бы то ни было сокращеніи курса древнихъ языковъ, на которое *Голосъ* намекаетъ въ своей статьѣ и которое онъ совѣтуетъ произвести въ нашихъ гимназіяхъ, въ Прусскомъ парламентѣ не было, да и не могло быть рѣчи. Такія фантастическія требованія могутъ только возникать въ головѣ людей не имѣющихъ понятія о гимназическомъ образованіи, къ какимъ, напримѣръ, принадлежитъ большинство нашихъ петербургскихъ педагоговъ. Прения въ Прусскомъ парламентѣ намъ ясно показали что если въ германскихъ гимназіяхъ, *при 128 урокахъ* посвящаемыхъ еженедѣльно древнимъ языкамъ, жалобы на обремененіе учениковъ лишены основанія, то уже совершенно нелѣпо говорить о какомъ-то обремененіи русскихъ гимназистовъ, такъ какъ въ нашихъ гимназіяхъ для этихъ языковъ опредѣлено не 128, а только 85 уроковъ. (Общее число уроковъ по всѣмъ предметамъ въ прусскихъ девятиклассныхъ гимназіяхъ — 268; изъ нихъ въ первыхъ 8 классахъ — 238; въ нашихъ восьмиклассныхъ гимназіяхъ—207).

Посмотримъ однако каковъ былъ, по изложенію *Голоса*, дальнѣйшій ходъ прений прусскихъ депутатовъ. Мы и тутъ найдемъ много поучительнаго относительно „добросовѣстности“ петербургскихъ ревнителей о пониженіи русскаго образованія.

„Еще болѣе продолжительныя разносторонніе прения (говорили два депутата и министръ, каждый по коротенькой рѣчи) были вызваны вопросомъ объ уравненіи правъ реальныхъ училищъ съ гимназіями и о допущеніи воспитанниковъ реальныхъ училищъ на медицинскіе факультеты университетовъ. И этотъ вопросъ для насъ имѣетъ существенное значеніе въ томъ смыслѣ что въ Германіи и въ частности въ Пруссіи, гдѣ такъ упорно и долго держалось мнѣніе объ исключительномъ правѣ доступа въ университетъ только для лицъ посвященныхъ въ оба древніе языка, теперь *считается* (кѣмъ?!) достаточнымъ для этой цѣли знаніе лишь одного латинскаго. Прусскій министръ народнаго просвѣщенія долженъ былъ торжественно (!) признать что таково дѣйствительно требованіе общественнаго мнѣнія (всего?), хотя и замѣтилъ что существуютъ авторитетные голоса стоящіе на другой точкѣ зрѣнія.“

Сравните же съ этимъ изложеніемъ подлинныя слова министра: „Въ реальныхъ „училищахъ латинскій языкъ преподается „по такой системѣ которая скорѣе похо„дитъ на постепенное уродованіе чѣмъ на „настоящее преподаваніе. Ученики стар„шаго класса этихъ училищъ хвалятся „тѣмъ что они читаютъ Ливія; но когда „въ такое заведеніе приходятъ шульраты „для испытанія, тогда оказывается что „эти молодые люди не имѣютъ ни малѣй„шаго понятія о *чтеніи* Ливія, а перево„дятъ его только наугадъ. Такое поло„женіе долѣе существовать не можетъ. „Нужно либо совершенно выбросить ла„тинскій языкъ, либо развить его препо-

„даваніе до такой степени чтобъ оно за„нимало пристойное мѣсто среди прочихъ „предметовъ преподаванія“ (а надо замѣтить что число уроковъ латинскаго языка въ прусскихъ реальныхъ училищахъ не много менѣе чѣмъ въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ). „Это однако потребо„вало бы значительнаго увеличенія рас„ходовъ, и переговоры которые я началъ „по этому поводу съ министромъ финан„совъ не пришли еще къ окончательному „результату. Относительно вопроса о рас„ширеніи правъ реальныхъ училищъ я „очень хорошо знаю что весьма дѣльные „учителя реальныхъ училищъ и значи„тельная часть общественнаго мнѣнія сто„ятъ за допущеніе учениковъ реальныхъ „училищъ съ *латинскимъ* языкомъ къ изу„ченію медицины. Но я не могу умолчать „что *противъ* этого допущенія высказаны „авторитетными лицами самыя вѣскія со„браженія, и что выдающіеся философ„скіе факультеты обратились ко мнѣ, по „собственному побужденію, съ заявленія„ми совершенно противоположнаго харак„тера. Во всякомъ случаѣ это весьма „трудный вопросъ который для меня еще „не ясенъ. Если мы въ этомъ вопросѣ „сдѣлаемъ хоть одинъ невѣрный шагъ, то „онъ повлечетъ за собою самыя важныя „послѣдствія для нашего будущаго обра„зованія, и я не желаю принять на себя „отвѣтственность за эти послѣдствія... Я „могу только замѣтить что по вопросу о „допущеніи молодыхъ людей въ медицин„скій факультетъ министерство по прежнему твердо держится того требованія „*чтобы подготовленіе медиковъ происхо„дило въ классической гимназіи.*“

Весь этотъ конецъ рѣчи министра переданъ въ *Голосѣ* въ слѣдующемъ видѣ: „Въ отвѣтъ на заявленіе многихъ (!!!) „ораторовъ о необходимости преобразо„ванія учебныхъ плановъ реальныхъ учи„лищъ, *какъ и гимназій* (!?), министръ „долженъ былъ признаться что настоящее „положеніе реальныхъ училищъ, по его „мнѣнію, несостоятельно, и что реформа „ихъ должна произойти *совмѣстно съ ре„формой гимназій (!).* Въ чемъ же долж„на состоять эта реформа? Вотъ вопросъ „который одинаково интересуетъ обще„ственное мнѣніе въ Германіи какъ и въ „Россіи.“

Вотъ тутъ именно и проглянула настоящая цѣль всей этой статьи *Голоса*. Нужно было вселить убѣжденіе въ русскихъ читателяхъ что въ Пруссіи министръ и парламентъ пришли къ тому убѣжденію что не только реальныя училища, *но и гимназіи* должны подлежать „радикальной реформѣ.“ Между тѣмъ, изъ хода упомянутыхъ преній Прусскаго ландтага выяснилось только, какъ мы видѣли, до полнѣйшей наглядности: 1) что упреки раздававшіеся въ послѣднее время противъ прусскихъ гимназій лишены всякаго основанія, и что 2) реальныя училища съ латинскимъ языкомъ никуда не годятся. Между тѣмъ въ эти-то признаваемыя негодными реальныя училища „съ умѣреннымъ классицизмомъ“ наши „либералы“ и хотятъ превратить существующія у насъ гимназіи. Если мы послушаемъ совѣтовъ *Голоса* и его друзей, т.-е. если мы, изгнавъ изъ гимназій греческій языкъ, сократимъ латинскіе уроки до того самаго числа которое у насъ когда-то существовало въ „классическихъ гимназіяхъ,“ то мы какъ разъ заведемъ у себя гораздо худшія школы чѣмъ тѣ отъ которыхъ Прусаки теперь не знаютъ какъ избавиться.

Нельзя не разсмѣяться послѣ всего этого читая слѣдующую эффектную фразу которою *Голосъ* оканчиваетъ свою статью о прусскихъ парламентскихъ преніяхъ подтверждающихъ пользу существующихъ у насъ классическихъ гимназій и осудившихъ реальныя училища съ латинскимъ языкомъ, которыхъ у насъ пока, слава Богу, нѣтъ. „Такимъ образомъ,“ резюмируетъ петербургская газета, „чѣмъ дальше, тѣмъ больше выясняется громадность ошибки сдѣланной у насъ десять лѣтъ тому назадъ въ пользу такого устройства средней школы которое въ самыхъ мѣстахъ своего происхожденія отживало уже послѣдніе годы и явно стремилось къ измѣненію.“ Какова правдивость и честность! Хорошъ органъ принимающій ужимки офиціознаго и заранѣе въ своихъ фельетонахъ намѣчающій въ министерствѣ лица подлежащія увольненію...

№ 361.

Москва, 29-го декабря.

Въ вышедшемъ недавно въ свѣтъ восьмомъ томѣ издаваемаго г. Безобразовымъ

Сборника Государственныхъ Знаній, обращаетъ на себя общее вниманіе статья напечатанная подъ скромнымъ заглавіемъ „Замѣтки о настоящемъ положеніи нашей денежной системы и средствахъ къ ея улучшенію.“ Въ кругахъ интересующихся экономическими вопросами, объ этой статьѣ шли толки еще задолго до ея появленія въ печати, такъ какъ многіе готовы принимать ее за правительственную финансовую программу, въ виду того что она принадлежитъ перу И. Х. Бунге, нынѣшняго товарища министра Финансовъ. Неизвѣстно въ какой мѣрѣ подобное мнѣніе можетъ быть признано основательнымъ. Статья появилась въ печати послѣ того какъ ея авторъ занялъ видный постъ въ финансовомъ управленіи, но писана она имъ въ Кіевѣ и помѣчена 1 іюня 1880 до назначенія.

Излагаемый въ статьѣ планъ исправленія нашей денежной системы существенно отличается отъ множества прежнихъ проектовъ этого рода. Въ немъ не видно обычной самонадѣянности теоретиковъ, онъ не основывается исключительно на финансовыхъ операціяхъ. Эти операціи имѣются въ виду и проектируются, но не въ тѣхъ чудовищныхъ размѣрахъ какъ прежде, и безъ прежнихъ преувеличенныхъ надеждъ на ихъ практическіе результаты. Исправленіе денежной системы ставится въ зависимость отъ улучшенія всей финансовой системы, въ видахъ не только усиленія источниковъ государственныхъ доходовъ, но и развитія всего народнаго хозяйства. Переложеніе подушной подати на другіе источники, отмѣна солянаго налога, нынѣ уже осуществившаяся, упраздненіе паспортной системы и пересмотръ таможеннаго тарифа, вотъ намѣченная въ статьѣ программа реформъ долженствующихъ подготовить условія при которыхъ стало бы возможно дѣйствительное исправленіе денежной системы. Эту программу нельзя не одобрить, особенно еслибъ она была дополнена принятіемъ мѣръ противъ кабаковъ, которые гораздо болѣе подушныхъ податей вредятъ народу и всякимъ хозяйственнымъ успѣхамъ въ странѣ. Не касаясь кабаковъ въ своей программѣ, г. Бунге дополняетъ ее однако указаніями на многія иныя мѣры, касающіяся переселенія крестьянъ, новаго положенія о трудѣ ремесленнаго, фабричнаго и вообще рабочаго населенія, пересмотра торговаго законодательства, новаго положенія объ акціонерныхъ компаніяхъ, установленія желѣзнодорожнаго права и т. д. Параллельно съ цѣлымъ рядомъ подобныхъ реформъ должно идти сокращеніе государственныхъ расходовъ, для достиженія чего требуется почти полное переустройство всей административной организаціи, въ особенности же внесеніе порядка, экономіи и контроля въ дѣло выдачи ссудъ, субсидій и гарантій разнымъ общеполезнымъ предпріятіямъ, въ особенности желѣзнымъ дорогамъ.

Такова обширная программа исполненіе которой должно предшествовать полному исправленію и преобразованію нашей денежной системы. Сущность этой программы такова что нельзя не пожелать чтобъ она была именно правительственною программой, а не теоретическимъ только проектомъ. Но впереди этой программы, въ планѣ г. Бунге все-таки стоятъ двѣ мѣры касающіяся непосредственно измѣненія размѣровъ и условій нашего нынѣшняго денежнаго обращенія, мѣры которыя едва ли могутъ быть приняты также безспорно какъ все то что относится къ улучшенію условій для развитія народнаго хозяйства. Одна изъ этихъ мѣръ—„приведеніе цифры выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ къ той нормѣ на которой она находилась предъ Восточною войной;“ другая—„возвращеніе монетѣ права служить орудіемъ обращенія,“ то-есть „разрѣшеніе совершать сдѣлки на монету и дозволеніе послѣдней обращаться съ лажемъ.“

Должно сказать, впрочемъ, что предлагаемый въ статьѣ г. Бунге способъ изъятія части обращающихся нынѣ кредитныхъ билетовъ не имѣетъ характера такой операціи которая насильственно сократила бы денежное обращеніе, истощила бы денежный рынокъ и могла бы вызвать денежный и промышленный кризисъ. Способъ изъятія предлагается такой что изъятыя бумажныя деньги могутъ и послѣ изъятія попрежнему остаться въ обращеніи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ казна выплачиваетъ Государственному Банку заимствованныя у него во время Восточной войны суммы; но Государственному Банку не вмѣняется въ обязанность сокращать итогъ обращающихся кредитныхъ билетовъ въ той же мѣрѣ въ какой будетъ уменьшаться числящійся по его книгамъ долгъ за Государственнымъ Казначействомъ. Временный выпускъ кредитныхъ билетовъ былъ рессурсомъ для покрытія чрезвычайныхъ потреб-

постой фиска; онъ, по проекту, долженъ утратить это значеніе, но можетъ превратиться въ ресурсъ Банка для развитія его коммерческихъ операцій. То количество бумажныхъ денегъ которое потребуется ходомъ этихъ операцій должно остаться въ обращеніи; дѣйствительно изъятымъ окажется при этомъ лишь та доля этихъ денегъ въ которой страна не нуждается. Въ принципѣ, указанный способъ изъятія бумажныхъ денегъ мало отличается отъ того способа регулировать денежное обращеніе который не разъ указывался нами и который съ успѣхомъ практиковался въ Россіи при существованіи прежнихъ государственныхъ кредитныхъ установленій до постигшей ихъ ломки. Достаточно высокій вкладной процентъ постоянно привлекалъ бы въ кассы Банка тѣ деньги которыя не находятъ въ странѣ желательнаго примѣненія и, оставаясь въ обращеніи, могли бы разстраивать правильный ходъ его; перевѣсъ вкладовъ надъ итогами ссудныхъ операцій былъ бы при этомъ именно изъятіемъ изъ обращенія излишка бумажныхъ денегъ. Роль какую исполнялъ бы тутъ притокъ вкладовъ могутъ, конечно, исполнить подписки на проектируемые государственные займы, которыми предполагаются добыть суммы нужныя для погашенія числящагося у Банка долга за казной. Изъятымъ изъ обращенія окажется, при этомъ, лишь количество бумажныхъ денегъ равное перевѣсу добытыхъ займомъ суммъ надъ итогами ссудныхъ операцій. Для этихъ операцій, конечно, все равно, пойдутъ ли на нихъ деньги доставленныя вкладчиками, или деньги внесенныя публикой по подпискамъ на займы. Форма дѣла иная, но сущность одна и та же. Которая же форма лучше? Намъ кажется что система вкладовъ была бы и для казны, и для страны выгоднѣе системы займовъ. Займы всегда вносятъ нѣкоторую пертурбацію въ денежные обороты, нарушаютъ ихъ обычный ходъ, отвлекаютъ деньги отъ тѣхъ путей по которымъ онѣ пошли бы еслибы не приманка выгодъ предоставляемыхъ подпищикамъ на займы; вносятся по займамъ не только деньги излишнія для текущихъ денежныхъ оборотовъ, но и тѣ которыя для этихъ оборотовъ нужны и которыя затѣмъ будутъ потребованы обратно въ формѣ банковыхъ ссудныхъ операцій. При системѣ вкладовъ, никакія подобныя подергиванія не имѣли бы мѣста. Избытокъ бумажныхъ денегъ выдѣлялся бы тутъ самъ собою, не нарушая естественнаго и спокойнаго хода денежныхъ оборотовъ.

Будетъ ли достигнуто указаннымъ способомъ изъятія кредитныхъ денегъ уменьшеніе ихъ количества до той цифры которою опредѣлялось наше бумажно-денежное обращеніе до послѣдней войны? Сомнительно. Казна рядомъ послѣдовательныхъ уплатъ уже сократила числившійся прежде на ней въ Банкѣ долгъ болѣе чѣмъ на двѣсти милліоновъ, но итогъ обращающихся въ странѣ денегъ уменьшился вслѣдствіе этого лишь съ небольшимъ на сто милліоновъ. При удачѣ займовыхъ операцій, казна можетъ уплатить Банку и остальные числящіеся за ней триста или болѣе милліоновъ; но большая часть этой суммы, если не вся сполна, возвратится въ публику также какъ и половина вышеупомянутыхъ двухсотъ милліоновъ уже уплаченныхъ казной Банку. Лишь отказъ Банка удовлетворять предъявляемый ему коммерческимъ міромъ спросъ на деньги могъ бы дѣйствительно сократить денежное обращеніе до указанныхъ размѣровъ. Но это было бы именно тѣмъ искусственнымъ стѣсненіемъ денежнаго рынка котораго самъ г. Бунге желаетъ избѣжать, чтобы не вызвать затрудненій въ коммерческихъ и промышленныхъ оборотахъ. Одно дѣло изъять избытокъ бумажныхъ денегъ, и иное дѣло причинить недостатокъ въ деньгахъ. Было бы слишкомъ неразчетливо, цѣной очень ощутительныхъ затрудненій, купить сокращеніе денежнаго обращенія, которое, по словамъ самого г. Бунге, не позволяетъ „разчитывать на немедленныя ощутительныя послѣдствія.“ Такъ на поправленіе вексельныхъ курсовъ онъ при этомъ вовсе не разчитываетъ; сомнительно даже уменьшится ли случайность пониженія курсовъ. Притомъ возвратъ къ положенію вещей бывшему у насъ предъ войной вовсе не желателенъ. Оно характеризовалось общимъ экономическимъ кризисомъ, изъ котораго страна благополучно вышла главнымъ образомъ благодаря именно выпускамъ бумажныхъ денегъ.

Еще болѣе сомнительною чѣмъ приведеніе цифры выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ къ нормѣ бывшей предъ Восточною войной представляется другая мѣра — „возвращеніе монетѣ права служить орудіемъ обращенія.“ Проектируется эта мѣра въ тѣхъ видахъ чтобы въ странѣ появилась

и пошла въ ходъ звонкая монета, которой теперь нѣтъ. Но появится ли она вслѣдствіе разрѣшенія совершать сдѣлки на монету и признанія за такими сдѣлками законной силы? Еслибы звонкая монета и появилась въ странѣ, развѣ она не ушла бы вскорѣ же за границу на приплаты по нашимъ хронически невыгоднымъ международнымъ разчетнымъ балансамъ? Удерживать же звонкую монету у себя во что бы то ни стало, публика не имѣла бы разчета и при предлагаемомъ узаконеніи сдѣлокъ на звонкую монету если при уплатахъ по такимъ сдѣлкамъ оставляется обязательнымъ пріемъ кредитныхъ билетовъ по курсу. Итакъ, полезное дѣйствіе предлагаемой мѣры представляется сомнительнымъ, а между тѣмъ есть серіозный поводъ опасаться отъ нея положительно вредныхъ результатовъ. Раздаются жалобы на неустойчивость нашей кредитной валюты, на измѣнчивость цѣнности нашего бумажнаго рубля. Но эта неустойчивость и измѣнчивость проявляются только при торговыхъ и иныхъ разчетахъ съ заграничнымъ міромъ и отзываются лишь на тѣхъ кто заинтересованъ въ этихъ разчетахъ. Въ несравненно обширнѣйшей сферѣ внутреннихъ сдѣлокъ, оборотовъ и разчетовъ, кредитный рубль стоитъ твердо. Цѣны иныхъ товаровъ могутъ дорожать подъ вліяніемъ колебаній вексельнаго курса, но рубль все-таки остается рублемъ. Измѣняется то что имъ измѣряется, но самая мѣрка остается все одна и та же. При узаконеніи же сдѣлокъ на монету, кредитный рубль во внутреннихъ оборотахъ сдѣлается такимъ же шаткимъ и измѣнчивымъ какимъ онъ оказывается при разчетахъ съ иностранцами. Недугъ, отъ котораго терпятъ немногія отправленія экономическаго организма, распространится по всему его составу. Будетъ ли это улучшеніемъ денежнаго обращенія?

Г. Бунге, повидимому, самъ сознаетъ неудобства проектируемой имъ системы, и находитъ нужнымъ оградить отъ этихъ неудобствъ крестьянъ и людей неграмотныхъ, предлагая запретить имъ закономъ заключеніе сдѣлокъ на звонкую монету. Такимъ образомъ въ Россіи были бы созданы какъ бы два вида денежнаго обращенія, одно простонародное — кредитное, другое для интеллигенціи — монетное. Но что дурно для крестьянъ, то едва ли окажется выгоднымъ и для большинства этой soi-disant интеллигенціи. Заемщики Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита уже испытали на себѣ результаты сдѣлокъ на монету.

Что же касается узаконенія лажа на монету, то желательно узаконеніе не колеблющагося и измѣнчиваго лажа, а прочнаго, то-есть установленіе нормы по которой всегда неизмѣнно производился бы обмѣнъ кредитныхъ рублей на монету и обратно. Узаконять же колебанія и вносить ихъ туда гдѣ ихъ нѣтъ, едва ли полезно.

№ 362.

Москва, 30-го декабря.

Явно искусственная агитація берлинской печати по поводу возвышенія русской таможенной пошлины продолжается съ прежнею силой, и телеграфъ отъ времени до времени передаетъ намъ „любезности“ офиціозной *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, которая стала во главѣ этой агитаціи. Все это, по сознанію самихъ берлинскихъ газетъ стоящихъ въ оппозиціи къ экономическимъ планамъ князя Бисмарка, имѣетъ цѣлью подготовить почву для демонстраціи еще болѣе внушительной, долженствующей разыграться на дняхъ въ Прусскомъ ландтагѣ. Прусскій ландтагъ, правда, не совсѣмъ подходящее мѣсто для преній о таможенныхъ вопросахъ, такъ какъ вся Германія имѣетъ одну таможенную границу и тарифъ входитъ въ компетенцію имперіи, стало-быть это есть дѣло рейхстага, который къ тому же въ скоромъ времени соберется. Но видно дѣло не терпитъ отлагательства, и возбѣщается о запросѣ который имѣетъ быть внесенъ на дняхъ съ консервативной стороны въ Прусскій ландтагъ, о томъ „что намѣрено предпринять правительство дабы оградить торговлю Пруссіи отъ ущербовъ кои уже причинены и еще грозятъ въ будущемъ, вслѣдствіе новаго возвышенія русской таможенной пошлины?“ Говорятъ что князь Бисмаркъ будетъ лично отвѣчать на этотъ вопросъ, и враждебныя Россіи газеты, особенно изъ партіи центра, которая, какъ извѣстно, поддерживаетъ князя Бисмарка въ его новой таможенной политикѣ, уже предсказываютъ что тонъ этого отвѣта будетъ совсѣмъ не такой какимъ былъ его же от-

вѣтъ на вопросъ такого же рода, предложенный 25 февраля 1878 года, по поводу установленной тогда въ Россіи „золотой“ пошлины. Отвѣтъ князя Бисмарка будетъ де служить подготовкой къ предложенію которое имѣетъ быть внесено въ рейхстагъ, о „реторсіонныхъ мѣрахъ“ направленныхъ спеціально противъ Россіи. Существующаго таможеннаго закона для этого недостаточно. Это признаютъ и консервативные органы, ибо новое возвышеніе русскаго таможеннаго тарифа есть, во-первыхъ, мѣра чисто-финансовая, а во-вторыхъ, она распространяется на весь привозъ идущій въ Россію съ запада, а по существующему германскому таможенному закону возможно было бы прибѣгнуть къ „реторсіямъ“ или къ отмескѣ лишь въ томъ случаѣ еслибы распоряженіе Русскаго правительства касалось исключительно привоза изъ Германіи. Имѣется поэтому въ виду возстановить то что по сему предмету было предложено въ проектѣ германскаго тарифа, но существенно измѣнено при утвержденіи онаго въ 1879 году рейхстагомъ. По проекту предполагалось предоставить правительству возвышать на 100% установленную пошлину на привозимыя въ Германію произведенія такихъ странъ гдѣ взимается съ иностранныхъ произведеній вообще значительно высшая пошлина въ сравненіи съ тою которую положено въ Германіи взимать съ иностранныхъ произведеній. Этотъ „боевой параграфъ“ германскаго тарифа въ окончательной его редакціи былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ что допускается возвышеніе и провознаго тарифа, и притомъ лишь на 50%, на произведенія такихъ странъ гдѣ *германскія* произведенія обложены болѣе высоко нежели произведенія прочихъ странъ. Отсюда ясно что мѣры возмездія возможны противъ Россіи лишь при возстановленіи указаннаго параграфа въ его первоначальной редакціи.

По всей вѣроятности, правительству не трудно будетъ добиться такого измѣненія таможеннаго закона, и едва ли необходимо „подготовлять для этого почву“ посредствомъ преній въ неподлежащемъ мѣстѣ, да еще съ участіемъ князя Бисмарка. Что Россію „необходимо прижать“ дабы заставить ее открыть свой рынокъ для германской торговли и промышленности, въ этомъ убѣждены не только германскіе протекціонисты, но и фритредеры. Вопросъ лишь въ томъ, возможно ли это? Протекціонисты утверждаютъ что возможно, противники же ихъ, напротивъ, доказываютъ что это невозможно и что обложеніе пошлиной произведеній идущихъ изъ Россіи, то-есть хлѣба, лѣса и сырья, ложится гораздо большимъ бременемъ на восточную Германію, и преимущественно на ея балтійское прибрежье, нежели на Россію. На этомъ настаивали противники таможенной реформы при обсужденіи новаго тарифа, указывая на то что русскія произведенія проходятъ чрезъ Германскую границу большею частью лишь транзитомъ въ другія страны, и что прусскіе балтійскіе порты, обязанные этому всѣмъ своимъ процвѣтаніемъ, придутъ въ упадокъ, а возвысятся на ихъ счетъ русскія балтійскія гавани, чрезъ которыя направится главнымъ образомъ русская отпускная торговля. Въ настоящее время представители торговыхъ классовъ Германіи еще болѣе настаиваютъ на своихъ аргументахъ, подкрѣпляя оные уже не апріорными только доводами, а указаніями на гибельныя послѣдствія которыми германскій тарифъ *уже* сопровождался для торговли Кенигсберга, Данцига и Штеттина и на видимо поднимающееся процвѣтаніе Либавы. Князь Бисмаркъ возразилъ въ 1879 году заступникамъ интересовъ названныхъ портовъ что русская отпускная торговля не имѣетъ возможности эмансипироваться отъ нѣмецкихъ капиталовъ, и что онъ совѣтуетъ прусскимъ торговцамъ прибрежныхъ городовъ перенести свои конторы въ Либаву и Ригу. Мы не имѣемъ свѣдѣній насколько этотъ совѣтъ былъ исполненъ. Но во всякомъ случаѣ торговые классы Прусскаго побережья не ожидаютъ ничего хорошаго для себя отъ предполагаемаго новаго возвышенія пошлинъ на русское сырье, и находятъ что это плохое средство принудить Россію раскрыть свою границу для германскихъ произведеній. Тѣ что настаиваютъ на такомъ возвышеніи едва ли впрочемъ думаютъ иначе. За обложеніе привознаго хлѣба и сырья ратуютъ въ Германіи консервативные классы, потому что германское землевладѣніе находящееся въ рукахъ высшаго дворянства крѣпко страдаетъ отъ конкурренціи русскихъ произведеній, и для него во всякомъ случаѣ выгодно избавиться отъ этой опасной конкурренціи. А такъ какъ консерваторы составляютъ теперь главную опору князя Бисмарка, и въ дѣлѣ экономическихъ реформъ

онъ имѣетъ на своей сторонѣ и партію центра, то нельзя сомнѣваться что всѣ проектируемыя мѣры „реторсіи“ противъ Россіи будутъ утверждены значительнымъ большинствомъ рейхстага.

Онѣ будутъ утверждены подъ предлогомъ „отместки,“ въ дѣйствительности же въ угоду интересамъ землевладѣльцевъ восточныхъ Прусскихъ провинцій. Для того же чтобы принудить Россію, какъ сознаются въ пылу спора органы противоположнаго лагеря, Германія не имѣетъ въ сущности никакихъ средствъ. Но чѣмъ менѣе у нея экономическихъ средствъ для борьбы, тѣмъ охотнѣе пускаются въ ходъ громкія слова. И вотъ чѣмъ объясняется главнымъ образомъ рѣзкій тонъ принятый въ послѣднее время берлинскою официозною печатью противъ Россіи. Въ Берлинѣ, повидимому, до сихъ поръ убѣждены что въ примѣненіи къ Россія такое средство не лишено дѣйствительности. Замѣчательно при этомъ что берлинской официозной печати приходится упрекать Россію за то самое что̀ относительно собственной страны признается этими же органами и проповѣдуется какъ единственно разумная экономическая политика. Съ другой стороны, та же официозная берлинская печать не можетъ, безъ явнаго противорѣчія, приписать таможенныя мѣры Русскаго правительства политической непріязни противъ Германіи, ибо доказательство противнаго налицо: постоянная торговая соперница Германіи, Австро-Венгрія, не только не ослабила своего таможеннаго обособленія относительно Германіи со времени установленія австро-германскаго союза, но напротивъ именно съ тѣхъ поръ ведетъ противъ Германіи самую ожесточенную таможенную войну, такъ какъ торговый трактатъ существовавшій прежде между этими странами потерялъ свою силу по истеченіи срока, новый же до сихъ поръ не заключенъ. Нужно ли болѣе ясное доказательство тому что таможенные вопросы стоятъ въ наше время внѣ связи съ политикой, и что политическое соглашеніе возможно рядомъ съ самою энергическою таможенною борьбой, если только можно назвать „борьбой“ заботу каждаго государства о своихъ экономическихъ интересахъ?

Но берлинская печать не хочетъ знать эти кидающіяся въ глаза противорѣчія, и продолжаетъ свои нерѣдко до неприличія доходящія выходки противъ Россіи.

Любопытно какъ выйдетъ князь Бисмаркъ изъ этого противорѣчія съ очевидными фактами и со своими собственными прежними заявленіями.

2007052001